

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ежегодник

Выпуск 14

Часть 2

Москва – 2019

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт», *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *А.В. Кузнецов* – член-корреспондент РАН, врио директора ИНИОН РАН, *С.П. Логинов* – к.и.н., проректор Курского государственного университета по научно-исследовательской работе и международным связям, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *А.Н. Худин* – д.п.н., профессор, ректор Курского государственного университета *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *А.А. Белостоцкий* – к.э.н., доцент, Курский государственный университет, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *О.А. Золотарева* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Е.А. Когай* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой Курского государственного университета, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИИП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., профессор МГУ, *В.Н. Лексин* – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Управление и информатика» РАН, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Наумов* – к.т.н., профессор, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.Б. Слатинов* – д.полит.н., доцент, зав. кафедрой Курского государственного университета, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав. отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

**Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. на-
р 76 уч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 2. – 968 с.
ISBN 978-5-248-00938-1**

Рассматриваются стратегии модернизации, инновационного и технологического развития регионов России и других стран Большой Евразии, качество власти и управления на региональном и муниципальном уровнях, демографические процессы и модернизация здравоохранения, роль науки в модернизации, инновационном и технологическом развитии регионов и городов, Задачи аналитического и информационного обеспечения регионального и муниципального развития, проблемы международного и межрегионального сотрудничества. В издании представлены материалы X Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения».

Для специалистов в области россиеведения, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Подготовка издания проведена в рамках Программы Президиума РАН «Большие вызовы, научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

БК 60.54
66.75 (2 Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегия развития России в XXI веке

Абрамов А.П. Социальные аспекты технологизации современного российского общества	12
Бройде З.С. Территориальные аспекты национального развития: От локального до глобального уровня	15
Василенко В.Н. Формирование институциональной среды для реализации государственной промышленной политики	22
Гайбуллаев Ф. Зарубежный опыт в разработке методики и принципы формирования стратегий развития промышленности на долгосрочную перспективу с их применением в Республике Узбекистан	26
Герасимова И.А., Герасимова Е.В. О проблеме согласования процессов разработки и реализации стратегий пространственного развития на трех уровнях управления – федеральном, субъектном и муниципальном	30
Гордина Л.С. О современном понимании ноосферы	38
Дутов А.В., Клочков В.В., Рождественская С.М. Измерение и нормирование транспортной связанности и качества транспортного обслуживания страны и ее регионов	43
Заусаев В.К., Кручак Н.А. Концептуальные основы развития Дальнего Востока	49
Иванченко А.В. Государственная политика в сфере развития инновационного потенциала российской экономики в условиях «цифровой революции»	51
Исаева Г.К., Купешев А.Ш., Купешова А.К., Куралбаева А.Ш. Роль и влияние цифровых технологий на экономическую трансформацию Казахстана	54
Карнишина Н.Г. Разделение сфер компетенции между федеральным центром и регионами в процессе модернизации	57
Костина Н.В., Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г., Розенберг Г.С., Хасаев Г.Р. Волжский бассейн: Об экологических аспектах стратегии модернизации, инновационного и научно-технологического развития	60
Краснопольский Б.Х., Минакир П.А. Арктические территории и акватории Дальнего Востока России: Модернизация и экспертно-аналитическое обеспечение инновационных стратегий	64
Лаврентьев А.Р. О документах стратегического планирования в современной России	68
Ларченко Л.В. Оценка уровня социально-экономического развития регионов Арктической зоны Российской Федерации	78
Латышев С.В. Системные инновации в стратегическом управлении региональным развитием	81
Лексин В.Н. Стратегия пространственного развития России: Разработка и начало реализации	85
Машунин Ю.К., Машунин И.А. Региональная экономика в стратегическом развитии государства	96
Москалевич Г.Н. Инновационное развитие Республики Беларусь в XXI веке	109
Никулина О.В. Инновационное развитие как конкурентное преимущество страны и ее регионов в эпоху информатизации мировой экономики	112
Новоселов А.С., Волянская Т.В., Фалеев А.В. Современные проблемы модернизации управления пространственным развитием на основе воспроизводственного подхода	116
Павлов К.В. Патология при анализе социально-экономических процессов	119

Плыкин В.Д. Стратегия формирования природоподобного созидательного социума в российском обществе	121
Сараф М.Я., Сараф С.М. Логика культуры как интегративная составляющая научно-технического прогресса	125
Скопин А.Ю. Секторально-факторная теория (СФТ) социально-экономического развития стран и регионов	129
Скопин А.Ю. Авторская концепция и стратегия пространственного развития России: Критический анализ	136
Шелкопляс Е.В. О системности долгосрочных целей и методов социально-экономического развития в программах модернизации общественного хозяйства на федеральном и региональном уровнях управления	142
Яницкий О.Н. Глобальные стратегические проекты	148

Национальные интересы в изменяющемся мире

Баубериков Г.Ж. Информационно-психологическое воздействие в системе морально-психологического обеспечения	153
Бейдина Т.Е., Новикова А.В., Кухарский А.Н. Обеспечение информационной безопасности органов местного самоуправления Забайкальского края и пути ее модернизации	156
Борденков А.Г., Сухарева А.А., Шалаев И.А. Современное состояние финансовой безопасности как составляющей экономической безопасности страны	160
Винокуров А.И. Транзиции западного приграничья России (На примере Смоленской области)	163
Голоскоков Л.В. Философское осмысление проблем безопасности в контексте внедрения информационных технологий	167
Давиденко Л.М. Проблемы международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества и пути их решения	173
Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Украинский В.Н. Дальний Восток: Экономический макрорегион или геостратегическая территория?	181
Захаров В.К. Закат глобального прогрессизма и проектная неопределённость мира	185
Кирова И.В., Карелина Е.А., Назарова С.В. Текущее состояние и взаимодействие российской банковской сферы с иностранными партнерами в условиях санкций	192
Коровникова Н.А. Образование как фактор национальной безопасности	199
Котилко В.В. Пространственная модернизация экономики Стран Содружества	202
Кудряшов В.С., Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Импортозамещение как способ укрепления экономической безопасности: Опыт российских регионов	207
Кузавко А.С. Влияние интеграционных процессов Беларуси и России на социально-экономическое развитие Днепр-Двинского региона (Смоленской, Витебской и Могилёвской областей)	211
Лойко А.И. Аналитико-информационное обеспечение сотрудничества регионов Беларуси и России	218
Лойко Л.Е. Бренд личности как ресурс сотрудничества регионов Беларуси и России	221
Попкова Л.И. Трансформационные процессы в социально-экономическом пространстве Российско-Украинского Приграничья	225
Попов М.Е. Интеграционные задачи преодоления этнических противоречий на Северном Кавказе	227
Румянцев В.А., Гончарик Н.В. Межрегиональное сотрудничество в рамках Союзного государства как элемент социально-экономического развития регионов Беларуси и России	230
Шалаев И.А., Антонова Н.П., Цуканов Д.М. Криминализация как угроза финансовой безопасности регионов. Статистический анализ и выявление современ- ных тенденций	235
Шалаев И.А., Монанкова Д.Ю., Дунаева К.И. Оценка финансовой безопасности в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем	238

Модернизация экономики

<i>Алиева Э.Н., Липатова Л.Н.</i> Развитие малого бизнеса как условие социально-экономической стабильности	240
<i>Альжанова Ф.Г.</i> Проблемы повышения конкурентоспособности кадров в Казахстане	243
<i>Артамонова Л.С.</i> Управление рисками функционирования компании на основе её реструктуризации	247
<i>Бочков С.П.</i> Способ измерения риска инвестиционного проекта по реальным активам на прединвестиционном этапе	249
<i>Версан В.Г.</i> Качество жизни и совершенствование управления экономикой на основе минимизации транзакционных издержек	254
<i>Головина Т.А.</i> Развитие экономики совместного пользования в условиях глобальных технологических преобразований	265
<i>Головкин Д.С.</i> Учет показателей экономической безопасности национальной и региональной экономики в сбалансированной системе показателей для оценки и управления экономическим потенциалом предприятия	269
<i>Граховская И.С.</i> Затраты, учитываемые при налогообложении: Актуальные вопросы	277
<i>Днишев Ф.М.</i> Региональные точки роста наукоемких секторов экономики в Казахстане	279
<i>Кайгородцев А.А.</i> Резервы повышения конкурентоспособности молочного подкомплекса АПК Восточного Казахстана	282
<i>Карташова Е.И.</i> Меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в России	285
<i>Кузнецов С.В., Горин Е.А.</i> Промышленное производство в северо-западном регионе России: Состояние, проблемы, перспективы	288
<i>Курносова О.А.</i> Стратегия логистического сервиса промышленных предприятий Донбасса в условиях неиндустриализации	292
<i>Наточеева Н.Н.</i> Конкурентоспособность российских банков как способ обеспечения финансовой устойчивости	298
<i>Николаева Е.Е., Околотин В.С.</i> Роль региональной промышленности в системной модернизации экономики России (На примере Ивановской области)	302
<i>Пласкова Н.С., Прокофьева Е.В.</i> Современное информационно-методическое обеспечение системы управления дебиторской задолженностью в коммерческих организациях	307
<i>Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С.</i> Модернизационные проекты промышленных предприятий как ресурс развития человеческого потенциала территорий	312
<i>Понуждаев Э.А., Понуждаева М.Э.</i> Ford motor vs Автоваз: Диалог с историей и современность («Спонтанные» размышления о производительности труда и национальных особенностях организации производства)	316
<i>Семенова Н.Н.</i> Методологические основы формирования финансово-экономического климата для развития инновационного предпринимательства	322
<i>Сливицкий А.Б.</i> Системный анализ понятия «Авиационная деятельность»	327
<i>Смагина В.И., Данова Н.Ю.</i> Возможности повышения производительности труда в организации с учетом теории поколений	334
<i>Стародубцева Е.Б.</i> Влияние развития цифрового сектора на национальные экономики	336
<i>Тишаев В.В., Ахмадов Ф.Д.</i> Инвестиции в сфере малого предпринимательства в условиях экономических преобразований	341
<i>Третьякова Л.А.</i> Стратегические перспективы развития человеческого капитала предприятий агропромышленного комплекса	344
<i>Филимонова Н.Н.</i> Цифровая трансформация отрасли сельского хозяйства Российской Федерации	348
<i>Фролова В.Б.</i> Основные направления развития финансового менеджмента корпораций в условиях цифровой трансформации	353
<i>Цёхла С.Ю., Симченко Н.А.</i> Организация взаимодействия в условиях цифровизации промышленности	356
<i>Шнурова Л.К., Жидкова М.А.</i> Логистические затраты: особенности оценки и планирования	359

<i>Шпилькина Т.А.</i>	
Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России на базе внедрения национального проекта	363
<i>Ярашова В.К.</i>	
Развитие транспортно-логистической системы Республики Узбекистан	369

Иновации и технологии

<i>Асатрян С.Т., Липатова Л.Н.</i>	
Применение цифровых технологий в решении проблемы налоговой задолженности	374
<i>Богдан Н.И.</i>	
Беларусь в контексте европейских индикаторов инноваций	376
<i>Борисова О.В.</i>	
Цифровая экономика и ее влияние на изменение компетенций сотрудников организаций	383
<i>Борисоглебская Л.Н., Лебедева Я.О.</i>	
Обеспечение научно-технологического развития РФ на основе создания эффективных механизмов взаимодействия науки, образования и промышленности регионов	387
<i>Бородулина С.А., Растова Ю.И.</i>	
Инструменты развития технического потенциала транспортно-логистической инфраструктуры региона	392
<i>Брындин Е.Г.</i>	
Аспекты управления инновационной высокотехнологичной экономикой	398
<i>Брындин Е.Г.</i>	
Умные когнитивные мобильные социальные роботы для развития регионального сервиса	400
<i>Вишнякова А.Б.</i>	
Проблемы модернизации и технического перевооружения предприятий машиностроительного комплекса России в условиях научно-технического прогресса	409
<i>Глинкина О.В.</i>	
Глобальные трансформации эпохи цифровой экономики	412
<i>Грядунова А.В.</i>	
Инновационные специальности как приоритеты молодежи и способ расширения профессиональных границ	415
<i>Дарманян А.П.</i>	
Проблемы формирования математических моделей для цифровой экономики	420
<i>Ибрагимова Р.С.</i>	
Выявление и оценка стратегических приоритетов инновационного и научно-технологического развития текстильной промышленности	422
<i>Искакова Д.Е.</i>	
Технологические и управленческие инновации в энергетике: Мировой опыт и Казахстан	426
<i>Карташова А.А.</i>	
Трансфер технологий на основе цифровых платформ как основа для формирования рынка инновационных решений	431
<i>Коваленко Н.В., Безновская В.В.</i>	
Моделирование инновационных процессов в экономике РФ с учетом регионального компонента	434
<i>Липатова Л.Н., Градусова В.Н.</i>	
Ресурсы и ограничения инновационного развития Республики Мордовия	438
<i>Лобикова О.М., Лобикова Н.В., Галюжин С.Д.</i>	
Рациональное энергопотребление: проблемы, стратегии решения	443
<i>Мамлеева Э.Р., Баембетова А.Ф.</i>	
Инновационный потенциал РФ и ее регионов: сущность и перспективы развития	446
<i>Машкин А.Л., Казицкая Н.В.</i>	
Цифровые технологии инфраструктуры автомобильного транспорта	448
<i>Михайлова М.В.</i>	
Нейроматематика в машинном обучении	450
<i>Политковская И.В., Хвичия Д.Т.</i>	
Эффективность выполнения таможенных операций с использованием контроллинга и цифровых технологий	454
<i>Прусова В.И., Безновская В.В.</i>	
Использование современных интеллектуальных систем и их влияние на эффективность функционирования транспортных организаций	458
<i>Регент Т.М.</i>	
О возможностях развития цифровой экономики в России	464
<i>Романова А.А., Романов П.А.</i>	
Цифровые технологии в финансах: опыт развивающихся стран	467
<i>Рычихина Н.С.</i>	
Цифровизация текстильного регионального кластера	470
<i>Сахарова С.М.</i>	
Современные аспекты экологического менеджмента в России	473

Сливицкий А.Б. Комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области авиационной деятельности	476
Суворова А.П., Судакова Н.Ю. Обоснование условий для формирования в дотационных регионах РФ инновационного социума	484
Щетинина И.В. Инновационное и научно-технологическое развитие АПК Сибири	493
Юлдашева Н.М.А. Возможности экспорта «умных технологий» Узбекистана как основа развития инновационной экономики	496

Качество власти и управления

Бексултанова А.И., Бексултанова А.И., Кутаев Ш.К. Реализация государственной политики в инновационной деятельности	499
Белостоцкий А.А. Дотации на бюджетную обеспеченность субъектов РФ и профицит консолидированных бюджетов	503
Белоусова А.В. Структурное моделирование и оценка эффектов региональной экономической политики: методологический аспект (На примере субъекта РФ)	507
Блинов Г.Н. Методика оценки муниципальных комплексных проектов развития: смысловой каркас	511
Борисов А.Ю., Липатова Л.Н. Молодежная политика как приоритет научно-технологического развития региона	517
Борисов А.М. Обеспечение качества регионального законодательства – совместная задача корпуса депутатов, органов государственной власти и юридического сообщества субъектов Российской Федерации	520
Габдрахимова Д.А., Липатова Л.Н. Применение цифровых технологий в организации взаимодействия власти и бизнеса	524
Городнова А.А., Царьков А.С. Личностный фактор и стратегические аспекты развития территории (На примере Нижегородской области)	526
Калиниченко Л.А. Выбор и реализация приоритетов и стратегий развития регионов и муниципальных образований России: критерии результативности и ответственность органов власти и экспертов	537
Коданева С.И. Разработки в области искусственного интеллекта как основа трансформации механизмов управления: ожидания и риски	541
Кольба А.И. Политико-административное управление развитием городских агломераций: контуры предметного поля исследований	543
Крюкова О.С. Региональная культурная политика в РФ: проблемы и перспективы	545
Мещеряков Д.А. О необходимости противодействия коррупции в современной России	547
Пацюрковский В.В. Местное самоуправление на пути перемен (2010–2019 гг.)	551
Пронина Л.И. Стратегия развития местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов	556
Романович Н.А. След губернатора Алексея Гордеева на Воронежской земле в оценках общественного мнения	562
Самаркина И.В. Институты, технологии и проблемы внедрения инноваций в региональной системе управления (На примере реализации регионального конкурса управленцев)	570
Симбагаев С., Липатова Л.Н. Региональный опыт организации работы электронного правительства	574
Сорокина М.С. Регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации	577
Спирина М.Ю. Какой управленец нужен современной России?	579
Суворова А.П., Черных В.В. Административные барьеры как препятствия инновационного и технологического развития регионов России	584
Токарева С.Н. Цифровизация в деятельности органов правопорядка	591
Федорова М.А. Формирование российской модели менеджмента и проблемы оценки её эффективности	594

Франгулян М.С. Система оценки деятельности налоговых служащих в Республике Армения	597
Шуметов В.Г., Коломейченко А.С. Экспертно-аналитическое обеспечение процесса принятия рациональных решений в стратегическом менеджменте	600

Социальное государство: реалии и перспективы

Артемов В.А. Приоритизация механизмов финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере региона	605
Бабинцев В.П. Региональная консолидация как социальный проект: возможности реализации (белгородский опыт)	610
Винокуров А.А. О некоторых вопросах социально-культурной рекреации работников органов местного самоуправления	614
Вэй Лиань, Хуан Сыцзя, Лю Япин Анализ возможностей участия некоммерческих организаций в сфере обеспечения гарантированным жильем	616
Градусова В.Н., Липатова Л.Н., Пруель Н.А. Уровень жизни населения как индикатор эффективности регионального управления	624
Грицко М.А., Дёмина О.В., Найден С.Н. Субсидиарная ответственность государства в условиях модернизации энергоплатежей населения: регионы Дальнего Востока России	627
Гужавина Т.А. Качество жизни в условиях промышленного города	630
Искакова Г.Л., Даухаренова З., Мухамбеткалиева У. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур Восток-Запад	637
Калиниченко Л.А., Цыбулевская Е.А. Социальные аспекты модернизации развития государства и регионов современной России	641
Найден С.Н., Белоусова А.В., Грицко М.А. Социальное неравенство как фактор ограничения благосостояния регионов Дальнего Востока	644
Попова Л.А. Становление среднего класса как необходимое условие развития человеческого капитала региона	650
Пруель Н.А., Градусова В.Н., Липатова Л.Н. О необходимости построения в России системы мониторинга качества жизни пожилых людей	657
Соловьев А.К. Региональные последствия пенсионной реформы	660
Стрельникова Т.Д. Зависимость качества жизни населения от экологического состояния «Умного города»: на примере Липецка	664
Теребихин В.М. Социогуманитарная модернизация региона в контексте реализации человеко-ориентированных национальных проектов (На примере Республики Коми)	669
Яковенко А.В. Открытость как идеология и социальная потребность	676

Демографические процессы и сбережение нации

Бешейко Д.В., Липатова Л.Н. Региональные особенности и проблемы демографического развития	680
Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Эндоекология, уравновешенная психика, духовная жизнь и экологическая природа как платформа здорового населения регионов	683
Гришанова А.Г., Зуева А.С. Социально-демографическая составляющая конкурентоспособности Дальнего Востока: некоторые теоретические вопросы	687
Каменева Т.Н. Социокультурный механизм формирования фамилистической модели здоровья	689
Мамлеева Э.Р., Галиева Г.М. Влияние аутстаффинга на трудовую миграцию населения в Республике Башкортостан	691
Молчанова Н.П. Подходы к решению региональных проблем охраны здоровья населения через призму национального проекта «Здравоохранение»	694
Попова Л.А., Зорина Е.Н. Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни	702
Симагин Ю.А. Перспективы демографического развития моноотраслевых поселков городского типа России	708

Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р., Сазыкина М.Ю.	
Состояние системы спортивной подготовки в республике Башкортостан	711
Шапаров А.Е., Чувашова Н.И.	
Влияние миграции на качество человеческого капитала регионов российской Арктики	716

Наука и образование

Беляков Н.В.	
Нормативно-правовая база и методическое обеспечение реализации конвергентного подхода в системе дополнительного профессионального образования студентов	720
Бондарева О.А.	
Некоторые механизмы поддержки высшего образования и научных исследований	723
Василенко П.Г., Василенко Е.В.	
Эргономический аспект создания среды обучения и проектирования учебного пространства	725
Вахабова Д.Х.	
Повышение инновационной активности в области образования	728
Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т.	
О реализации технологического подхода в организации образовательного процесса и формировании предпринимательских компетенций обучающихся	730
Ермаков В.Г.	
Концепция регионального инновационного научно-практического центра активных методов педагогической коррекции	733
Искаков И.Ж.	
Научно-образовательный консорциум в подготовке кадров для евразийской интеграции	738
Коровникова Н.А.	
«Столичное образование»: реалии, проекты, перспективы	742
Меденников В.И.	
Методика оценки готовности вузов к инновационному и технологическому развитию регионов	745
Морозов А.В.	
Профессиональная подготовка педагогов в условиях цифровизации	752
Петросянц Д.В.	
Опорные университеты РФ: есть ли прогресс после придания статуса?	754
Петросянц Д.В.	
Развитие экосистемы инноваций в Российских экономических университетах	761
Плюшкин В.Д.	
Принципы природоподобного системотехнического образования инженеров новой формации в сети Российских университетов	770
Шульга М.А.	
Популяризация, просвещение или изучение: научное знание на развилке	775

Регионы и города

Агафонова В.В., Липатова Л.Н.	
Укрепление человеческого потенциала российских регионов как основа их устойчивого развития	781
Асефи Т.А., Липатова Л.Н.	
Особенности регионального развития в условиях экономических ограничений	786
Белостоцкий А.А.	
Проблемы дотационности российских регионов в условиях снижения долговой нагрузки	791
Галимова Г.А., Байгузина Л.З., Гарнов А.П.	
Стратегическое развитие финансового потенциала региона на примере Республики Башкортостан	792
Гарнов А.П.	
Формирование инновационной занятости населения в моногородах	795
Граница Ю.В.	
Применение метода Койка для оценки влияния волатильности экономических индикаторов на финансовую нестабильность региона	804
Гребенкин А.В., Смирнова О.П.	
Факторы и модели институциональной неопределенности инновационного развития региона	808
Дмитриев Ю.А., Чирков М.А., Чистяков М.С.	
Кластерные формы организации энергетической стабильности и энергосбережения промышленного потенциала регионов	811
Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шеломенцев А.Г.	
К вопросу о предпринимательской модели экономической адаптации населения региона	814
Идзиев Г.И.	
Стратегические приоритеты развития промышленности Республики Дагестан	820

Иродова Е.Е.	
Актуальные проблемы, тенденции и перспективы развития российского туризма с учетом возможностей регионов	824
Казанцев А.К., Серова Е.Г.	
Региональные транспортно-логистические комплексы России: оценка и сравнительный анализ в контексте социально-экономического развития регионов	829
Кайбичева Е.И.	
Периферизация и новая индустриализация: к вопросу о типологии российских регионов	838
Карелин Е.Г.	
Преобразование муниципальных районов Московской области в городские округа	842
Касаев Б.С., Петровская М.В.	
Оценка современного состояния экономической системы территорий Российской Федерации	846
Кликунов Н.Д.	
Белгород и Воронеж как новые кристаллеровские центры в Черноземном регионе	853
Козай Е.А.	
Стратегическое целеполагание регионального развития	857
Коданева С.И.	
Устойчивое развитие регионов России: актуальность дифференцированного подхода	863
Кочетова Г.Г., Якунина Е.А.	
Программно-целевой метод планирования в реализации транспортной стратегии развития города Москвы	868
Кочуров Б.И., Ивашкина И.В., Ермакова Ю.И., Фомина Н.В., Ермиенко А.В.	
Эколого-градостроительный баланс и перспективы развития мегаполиса Москва как центра конвергенции	873
Курдюшин А.П., Луговской А.М.	
Территориальные кластеры как механизм повышения конкурентоспособности регионов	879
Курбанов К.К.	
Формирование кластеров как важное условие инновационного развития регионального АПК	881
Ланина Е.Е.	
Рекламные обращения и комфортность среды современного города	883
Марабаева Л.В., Горин И.А.	
Влияние региональной инновационной инфраструктуры на конкурентоспособность региональной экономики: опыт Республики Мордовия	887
Матанцева О.Ю.	
Оценка влияния на рынок пассажирских перевозок изменений в законодательстве по допуску к перевозкам	891
Махашова С.Г., Ермакова Е.А.	
Особенности особых экономических зон в России: финансовые показатели	895
Мишон Е.В.	
Цифровизация сферы туризма региона как фактор повышения конкурентного иммунитета территории	898
Нурланова Н.К.	
Локализация наукоемкого производства в регионах Казахстана: оценка уровня и перспективы	902
Овчаров А.О.	
Взаимосвязь модернизации и инновационного развития регионов в условиях нестабильной экономики	906
Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н., Полулях Ю.Г., Ададимов Л.Ю.	
Экологические аспекты экономической безопасности региона	906
Полулях Ю.Г.	
Моделирование прогноза научно-технического развития аграрной сферы региона	912
Поплыко В.И.	
Экологические аспекты регионального развития (На примере Республики Беларусь)	921
Породина С.В., Белов Д.Г.	
Инновационное развитие предприятий народных промыслов как фактор повышения конкурентоспособности региона (На примере Нижегородской области)	926
Рабцевич А.А.	
Межотраслевое распределение трудовых ресурсов Республик Башкортостан и Татарстан: состояние и тенденции развития	930
Рисин И.Е.	
Сравнительная характеристика механизмов реализации стратегий развития регионов	934
Самостроенко Г.М.	
Стратегии «умной специализации» регионального развития	937
Смагина В.В., Стрекалов Н.В.	
Индикативная экономика в решении задач научно-технологического развития региона	940
Ставропольский Ю.В.	
Экологические аспекты регионального развития в Японии	943
Татарских Б.Я.	
Региональные проблемы использования инновационно-технологического потенциала развития предприятий российского машиностроения	945
Тихомирова В.В.	
Конкурентоспособность региона: законодательство, теория, методология, практика	948

Тихонова М.В., Усатая А.А.	
Стратегические аспекты промышленного развития моногородов РФ	953
Худякова Т.С., Дорошенко С.В.	
Кросс-программные эффекты в сфере малого и среднего предпринимательства Свердловской области	958
Шарафуллина Р.Р.	
Эффективное управление развитием региональных сельских территорий: стратегии модернизации (На примере Республики Башкортостан)	961
Щербакова С.А.	
Основные направления развития и кадровое обеспечение туристского кластера Смоленского региона	966

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Абрамов А.П.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета
abramov_ap@inbox.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: технологизация, модернизация, социальные проблемы, современная Россия.

За прошедшие четверть века рыночных преобразований в России в общественном сознании нашего народа сформировалось несколько идеологических ориентаций относительно направленности преобразований и типов модернизационных стратегий: западная (либеральная), советская, и современная российская.

Относительно современной модернизационной стратегии современного российского общества руководство страны отмечает, что несмотря на наметившиеся успехи в области предотвращения макроэкономического кризиса остались нерешенными актуальные проблемы, связанные с низкой инвестиционной активностью, затормозившимся ростом производительности труда и неблагоприятной демографической ситуацией.

Все это влияет не только на социально-экономическую ситуацию в России, но и увеличивает технологический разрыв со странами-лидерами.

Динамизм новых технологий обуславливает:

- непредсказуемость многих процессов современного мира;
- необходимость уточнения роли долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования.

Основной задачей социального государства должно стать благополучие граждан и преодоление бедности (бедность была в 1990-е годы – 30% , в 2012 г. – 10%, к 2017 г. – 13%)¹.

Поэтому не случаен интерес социологов к проблемам технологизации современного общества. Еще на рубеже веков академик Г.В. Осипов очень точно подметил, что XXI век будет характеризоваться нарастанием потребности общества в социологическом знании, поскольку «противоречие между научно-техническим прогрессом и духовно-нравственной культурой – дамоклов меч, нависший над современной цивилизацией»².

Как отмечал Э. Гидденс, социология теснейшим образом связана с «проектом современности», который выражается в автономии современных культур, секуляризации общества в сочетании с современными способами использования военной силы и ведения войны... Нынешние споры по поводу явления, которое некоторые именуют «постсовременностью», следует, вероятно, расценивать как первый шаг в реализации замысла набросать теоретическую схему культурного универсума, возникающего в результате окончательного распада традиционного мира»³.

Главное противоречие современности было конкретизировано М. Горшковым, который более десяти лет назад выделил несколько уровней модернизации всех сторон общественной жизни в России:

- а) технологическую модернизацию, означающую внедрение новых технологий, усовершенствование достижений научно-технического прогресса, развитие современных информационных и цифровых технологий;
- б) социальную и социокультурную модернизацию, связанную с существенными изменениями в сфере общественных отношений, реформами образовательной системы, демографической политики, развитием частного бизнеса и определением рациональной роли государства в экономике, усилением конкурентности во всех сферах занятости, реформированием социальной сферы, равно как и большей части социальных институтов;
- в) политическую модернизацию (демократизацию и либерализацию в интерпретации одной части общества, и напротив, создание мобилизационного политического режима в интерпретации другой).

При этом главной целью российского государства становится не только научно-технологический прорыв, но и построение справедливого социального государства, которое в полной мере способствовало бы реализации творческих возможностей каждого человека⁴.

¹ Медведев Д.А. Россия-2024: стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. – М., 2018. – № 10. – С. 17.

² Духовная культура в эпоху научно-технического прогресса – история России. – <https://valdvor.ru/bez-rubriki/duhovnaya-kultura-v-epohu-nauchno-tehnicheskogo-progressa-istoriya-rossii.html>

³ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. – № 1. – С. 60 – 62.

⁴ Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социологические исследования. – М., 2010. – № 12. – С. 28–41.

Новые технологии, распространяющиеся с невероятной скоростью, создают возможность и необходимость в реконструкции всех сторон жизни современного российского общества. На первое место выходит технологический и интеллектуальный прогресс. Потенциал нашей страны и разработка новых механизмов роста, соответствующих реалиям, указывает на возможность реализации национальных проектов и достижения такой цели, как вхождение в пятерку мировых экономик до 2024 года. Однако постановка таких задач производится не с целью соответствия внешним показателям, а с целью улучшения качества жизни рядовых граждан. Для реализации поставленных задач необходимо соблюдение двух принципов – стабильности на основе доверия и мобильности как способности реагировать на меняющиеся условия¹.

В свою очередь Р. Коэн обозначает ряд социальных проблем планетарного масштаба, которые становятся следствием современного научно-технического прогресса:

- научно-технический прогресс стал характеристикой большинства стран и приобрел всемирный масштаб;
- производственные и распределительные процессы осуществляется в рамках мировой рыночной системы;
- природные ресурсы исчисляются в планетарном масштабе при наличии социального неравенства между богатыми и бедными, между индустриально развитыми и развивающимися странами;
- народонаселенческие проблемы, перерастающие в отдельных регионах в демографический кризис;
- локальные войны, оказывающие своё опустошительное воздействие и уничтожающие материальные и человеческие ресурсы в отдельных районах планеты;
- культурные противоречия, проявляющиеся в форме солидарности консервативных религиозных институтов с одной стороны и новых модернистских культов с другой, как вызов «бессердечному миру»².

В социологии, как правило, выделяют два разных подхода к изучению всех явлений общественной жизни:

- путь культуры (социокультурный подход), который выступает в качестве основного фактора изменений, в том числе технологических;
- путь структурных изменений (структурный функционализм), когда культура выступает производной происходящих в обществе перемен.

Поэтому рассмотрим социальные последствия технологизации современного общества, исходя из этих исходных посылов, прежде всего, используя социокультурный подход. В свое время Гавров и Орлова достаточно точно определили его роль и значение в процессе изучения модернизационных процессов в России³.

Россия в последнюю четверть века пытается впрыгнуть в этот «технологический экспресс», все более стремительно проносящийся мимо. Мы бежим по платформе с чемоданами, полными новых разработок и инновационных идей, и пытаемся впрыгнуть в этот экспресс, набирающий все большую скорость, но пока не получается это сделать. В чем причины такой ситуации? Попытаемся разобраться.

Что отличает российскую ментальность от других?

Мы всегда надеемся на свое руководство и ждем от него перемен к лучшему. При этом верим, что именно наш начальник разрешит все наши проблемы. Мы ему жалуемся, просим помощи и искренне надеемся на такую поддержку. «Царь» для нас всегда хорош, а все проблемы от «бояр», которых мы всегда критикуем и видим в них все источники наших бед. В то же время, например, китаец или другой носитель восточной культуры также как и россиянин, свято верит в своих начальников, старших по статусу, но в то же время никогда не позволяет себе малейшей критики в их адрес. И, пожалуй, эта огромная степень доверия позволяет таким странам, как Япония и Китай быть лидерами технологической модернизации.

В Китае, как правило, люди не пытаются подчеркивать свои личные достижения и свою индивидуальность, а всячески показывают групповые преимущества и успехи. Свои личные победы и почести китайцы стараются изо всех сил интегрировать в групповые достижения.

В свою очередь, основной способ мышления в русской культуре – подчеркнуть свое превосходство перед другими людьми. В ходе социальных взаимодействий с представителями других народов русские пытаются заставить иностранцев уважать свои личные достижения, успехи, лидерские качества. Например, личное местоимение «Я» чаще всего употребляется в словарях русского языка. А это символ индивидуализма.

Китайцы предпочитают использовать коллективные слова, используя множественное число «мы». Например, «мы считаем», «по нашему мнению», вместо – «я думаю» и «по-моему». У китайцев высоко развито чувство общности, и они склонны следить за изменениями в группе, добиваясь единообразия с ней. При этом в отношении воздействия на других каждый шаг у китайцев очень осторожен и продуман⁴.

В то же время именно коллективное «Мы» позволяет китайским строителям сдавать 57-ми этажные дома «под ключ» за полторы недели, возводить многометровые мосты за 2–3 часа и вводить в эксплуатацию миллионы километров дорог в год. Такая высочайшая производительность труда позволяет экономить огромные средства. Китайский

¹ Медведев Д.А. Россия-2024: стратегия социально – экономического развития // Вопросы экономики. – М., 2018. – № 10. – С. 24.

² Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса / Центр гуманитарных технологий. – <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6335>

³ Гавров С.Н. Социокультурные процессы модернизации // Вопросы социальной теории. 2009. Том 2.2. – Вып. 1(3). – С. 359–368; Орлова Э.А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен: Информ. сб. (Дайджест). Вып. 2 (10). – М., 2001. – С. 7–42.

⁴ Абрамов А.П., Цзе Л. Адаптация китайских студентов к повседневным практикам социокультурного взаимодействия // Социально – экономические явления и процессы. 2018. – Т. 13, № 2. – С. 22–27.

работник, получая одну заработную плату в месяц, строит два высотных дома, российскому нужно заплатить 48 таких зарплат, если он уложится построить такой же дом за два года.

Как они научились это делать? В чем секрет китайского чуда? И самое интересное – кто научил китайцев так работать? Учителя – наши инженеры. Неслучайно более половины выпускников дальневосточных вузов весьма желанны и работают в Китае, поскольку им нет места в нашей рыночной экономике.

Большая или малая социальная группа в наших российских практиках обучения и воспитания конструируется из множества разных «Я». Поэтому обозначается проблема, связанная с индивидуальным подходом к каждому ученику. В результате часто коллектив начинает формироваться из множества «надутых» «Я» со своими замечательными портфолио, где указаны все персональные достижения, лидерские качества и конкурентные преимущества перед другими членами коллектива.

Школы лидеров, смотрят талантов, конкурсы отбирают, как правило, тех, кто про себя составил самое красивое резюме и лучше всех сам себя похвалил и представил свои достижения. Да и о каком коллективном начале может идти речь, когда все даже самые лучшие с точки зрения социализации новации ложатся и пытаются воспроизводиться на нашу российскую реальность с ее несправедливостью, не работающими законами, социальным неравенством и нарастающими стратификационными различиями, прежде всего, по уровню доходов. Минимизация такой несправедливости – важнейшая задача нашего государства.

При этом в России самое «умное» и образованное население планеты. Самый лучший человеческий потенциал с одной стороны, и крайне низкая производительность труда.

Перемены в мире идут столь стремительно, что некоторые страны, даже высоко технологичные, не способны преодолеть новые технологические и культурные изменения. При этом вскрываются пороки и недостатки современной цивилизации:

- социокультурные, социально-политические, социально-экономические препятствия в использовании достижений научно-технического прогресса для ликвидации нищеты;

- неспособность, прежде всего, социальных наук решать свои главные практические и теоретические задачи, направленные на определение современной методологии и на получение объективных эмпирических данных о происходящих изменениях;

- несостоятельность образовательных и воспитательных стратегий, которые не могут решать новые задачи и мешают творческому пониманию науки и техники как части гуманистического воспитания;

- неспособность многих стран разрешить проблемы своего индустриального развития за счёт использования внутренних ресурсов либо путём справедливого перераспределения капиталов;

- фетишизм и неспособность науки преодолеть свою национальную ограниченность, элитаристское сознание и противодействовать идеологическим догмам¹.

Вероятность осуществления модернизационного рывка повышается за счет того, что в российском обществе есть и внутренний динамизм, и ярко выраженный запрос на модернизацию, причем даже не столько экономики, сколько, прежде всего, сложившейся системы социальных отношений, которая и является главным тормозом модернизации экономики и общества в целом.

Без завершения социальной и социокультурной модернизации, прежде всего, установления реального равенства всех перед законом, без формирования в массовом масштабе личности нового типа, способной к творчеству в рамках длительного горизонта времени, невозможно преодолеть ключевые пороки российской экономики, которые мешают ей успешно использовать преимущества России в глобальной системе экономических отношений. Невозможно без этого и превратить Россию в мощную современную державу.

Что это означает? Готово ли российское общество к модернизации? Можно сказать так: в российском обществе есть довольно значительный модернизационный потенциал, однако его объем и характер локализации, имеющие место особенности национального менталитета, сложившаяся в России система социальных институтов и всепроникающая коррупция делают задачу реализации этого потенциала более чем непростой.

Оценивая социальную модернизацию в России, мы утверждаем, что в настоящее время она, безусловно, идет, но очень медленно и противоречиво.

Россия занимает свое, совершенно особое, положение на «ментальной карте» мира. С одной стороны, положение это обусловлено особенностями ее национальной культуры, с другой, – переживаемым ею сегодня этапом социокультурной модернизации. При этом для России характерно в большей степени тяготение к культуре Запада, хотя своеобразное, а в ряде случаев даже парадоксальное. Сочетание в ней различных культурных характеристик не позволяет рассматривать ее как «органически составляющую» западной культуры. В российском обществе происходит культурный дрейф, вектор которого задают в исходной точке «традиционалисты», а в конечной «модернисты». В ходе этого дрейфа Россия будет сближаться со странами Запада, поскольку «модернисты», число которых постепенно растет, по своим культурным особенностям гораздо ближе к ареалу культур Запада, чем население России в целом.

¹ Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса / Центр гуманитарных технологий. – <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6335>

Бройде З.С.

к.т.н., с.н.с., директор Гос. НТЦ «Экоресурс», Черновцы
zinoviy.broyde@gmail.com

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОТ ЛОКАЛЬНОГО ДО ГЛОБАЛЬНОГО УРОВНЯ

Ключевые слова: территория, технологии, ресурсно-экологический потенциал, устойчивое инновационно-конкурентное развитие, многоуровневое трансграничное сотрудничество в Карпатском макрорегионе и Дунайской стратегии ЕС.

Keywords: territory, technologies, resource-environmental potential, sustainable innovation-competitive development, multilevel transfrontier cooperation in Carpathian macroregion & EU Danube Strategy.

Национальное развитие и международное сотрудничество существенно зависят от территориальных процессов внутри каждого государства. Эти процессы характерны для каждой отдельно взятой территории и, как правило, имеют историко-генетические предпосылки. В значительной степени они зависят от ресурсно-административного статуса территории, ее инновационно-конкурентных возможностей (в частности, совокупности показателей экономического пространства¹) и прогнозов развития². При этом, сочетание генетических и приобретенных особенностей уникально для любой территории, как структура корней, кроны и годичных колец дерева³. Роль территориальных факторов сегодня все ощутимее проявляется, начиная с отдельных хозяйств, элементов городской застройки, производств и услуг, которые суммируются как во внутренней политике (от коммун до регионов), так и во внешней – в международных союзах, макрорегиональных стратегиях, на континентах, в ООН.

Наиболее значимы в посткоммунистических странах структуры районно-городского и регионального уровня, на которых строилась система партийно-хозяйственного управления СССР. Большинство современных государств евразийского континента формировалось из исторических регионов/провинций и городов/полицов. Затем территориальные структуры отошли на второй план при переходе к современной государственности, установленной в Европе на основе Вестфальских договоров после 1648 года. Завершился этот переход образованием национальных государств в Германии, Италии, Румынии и по результатам двух мировых войн.

Рост влияния надгосударственных структур, международных соглашений и транснациональных монополий ведет и к «реинкарнации» роли территориальных структур⁴, что наблюдается в деятельности Еврокомиссии, Парламента и Комитета Регионов ЕС, а также их аналогов под эгидой Совета Европы.

В таком контексте на основе имеющихся наработок далее затрагивается совокупность характерных территориальных факторов национального развития, как-то:

- сбалансированность ресурсно-экологического⁵ и энергетического⁶ потенциала, как основа принятого с 2008 года пакета соответствующих директив ЕС;
- устойчивость социально-экономического и пространственного развития⁷;
- соответствующее нормативно-правовое обеспечение, в частности⁸;

¹ Гранберг А. Основы региональной экономики. – М., 2005. – 326 с.

² Broyde Z. Pilot project on Technology Foresight for Regional Innovation & Investment Development in Euroregion «Upper Prut» // International Conference on Technology Foresight for Ukraine, September 10-12, 2002, Kiev, Ukraine / UNIDO, British Council in Ukraine. 2002. – P. 160–166. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Technology_Foresight_2002.pdf

³ Бройде З. Регионалистические, правовые и социально-экономические возможности развития трансграничного сотрудничества на Евразийском пространстве // Презентация на VII Межд. конференции «На пути к Евразийскому экономическому союзу», Москва 11–12 октября 2012. – https://eabr.org/upload/iblock/c6d/broyde_transgranichnoe-sotrudnichestvo-v-evrazii.pdf

⁴ Бройде З. Паневразия регионов – Буковинский кластер. – <http://ekollo.g.ru/panevezia-a-regionov-bukovinskij-klaster.html>

⁵ Бройде З. Об общности решений экологических и ресурсных проблем // Методы исследований, паспортизации и выбора технологий переработки отходов в машиностроительной и металлургической промышленности: Тез. докл. НТК. – Пенза, 1992. – С. 5–10. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/ECORES1992.doc>

⁶ Бройде З. Можливості системного підходу до енергоресурсозбереження, енерго-виробництва і енергоспоживання на регіональному та державному рівнях // Матеріали Міжн. наук.-практ. конф. «Проблеми і шляхи енергозабезпечення України» (Івано-Франківськ, 7–10.12.93 р.). – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Systemic%20Energy%20territorial%20cycles-1993.pdf>

⁷ Бройде З. Экоевро регион – новый механизм субрегионального сотрудничества, обеспечения устойчивого развития и техногенно-экологической безопасности // Транскордонне співробітництво у поліетнічних регіонах Східної та Південно-Східної Європи: Мат. наук. симпоз. (16–17 июня 1999 г.) – Чернівці, 1999. – С. 95–107. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/EcoEuroRegion_1999.pdf

⁸ Бройде З. Стандартизация управления состоянием окружающей среды // Эко-технологии и ресурсосбережение. – К., 1998. – № 1. – С. 27–33. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Environmental_Management_Standardization.pdf; Распоря-

- системное развитие инженерной инфраструктуры, начиная с транспортной¹;
- стимулы внешнего и внутреннего межтерриториального сотрудничества²;
- возможности применения лучших доступных технологий (ВАТ), которые из средства минимизации загрязнений окружающей среды (ОС) превращаются в универсальный инструмент инновационно-конкурентного развития³;
- обеспечение безопасности территориального развития⁴;
- оптимальное соотношение территориального и бассейнового макрорегионального управления и развития⁵;
- предполагается также дальнейшее применение дифференцированных фискально-договорных отношений, которые ранее не обсуждались⁶.

Из имеющегося набора определений, под «**регионом**» в данной работе понимается административно-территориальная единица государства и/или ее исторический прототип. Базовый термин «**территория**» в географическом понимании позволяет соотносить с ним любую необходимую информацию, в частности, при использовании геоинформационных (ГИС) технологий. Одновременно используется современное представление о превращении исходной природной ОС в природно-антропогенную⁷, что отражено в законодательстве и РФ, и Украины (в частности, термин «довкілля» в Конституции). Отсюда, **ресурсами** (природными, человеческими, материальным, энергетическими, информационными...) являются все **компоненты природно-антропогенной окружающей среды (ПАОС)**, которые могут быть задействованы в антропогенной деятельности, в т.ч. и для задач национального развития. С такой точки зрения **технологии** следует воспринимать как любое целенаправленное антропогенное изменение состояния ресурсов для удовлетворения естественных и придуманных потребностей людей. А **ресурсно-экологическим потенциалом** территории является совокупность ее геоландшафтных особенностей и всех компонентов ПАОС, которые могут быть задействованы в технологиях и/или должны быть сохранены для обеспечения устойчивого (самоподдерживающегося) развития на территориальном, региональном, национальном и глобальном уровнях (например, адекватно отвечая и изменениям климата⁸).

В таком контексте **устойчивое социально-экономическое и пространственное развитие (УСЭПР)** означает постоянную разработку и применение таких проектных решений и технологий, которые в своей совокупности обеспечивают непрерывное обновление ресурсно-экологического потенциала. Речь идет не о простом воспроизводстве, а о синергии антропогенной деятельности (проектов и технологий) и изменений в ПАОС. Эта точка зрения раздвигает рамки традиционного экологического менеджмента, поскольку включает в рассмотрение цивилизационные трансформации, как, например, этнокультурные особенности территорий, их изменения и возможности эффективного использования⁹.

Такой подход, основанный на оценке и оптимизации жизненных циклов (LCA) в территориальной антропогенной деятельности, стимулирует выявление/разработку и трансфер необходимых технологий¹⁰, а также кластеризацию развития на территориальном, национальном и международном уровнях¹.

жение Кабинета Министров Украины от 14.02.2002. – <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/59-2002-%D1%80>; Закон Украины «О трансграничном сотрудничестве». 2004. – <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1861-15>; Приказ Минрегиона Украины от 27.01.2009 № 46. – <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0046661-09>; Постановление Верховного Совета Украины от 21.09.2016. – <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1537-19>

¹ Broyde Z. Carpathian Transfrontier Transport Systems renewal & correlation with local communities development: Презентация на портале Верховного Совета Украины. – <http://comeuroint.rada.gov.ua/uploads/documents/29422.pdf>

² Распоряжение Кабинета Министров Украины от 21.09.2011. – <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=896-2011-%F0>

³ Интегрированное обеспечение и планирование обращения с промышленными и муниципальными отходами на основе их учета, сортирования, паспортизации и определения лучших доступных технологий (ВАТ) / Бройде З. и др. // Мат. Межд. конф. ассоциации ISWA «Передовые технологии переработки и захоронения отходов: ориентиры применения и критерии выбора». Москва, 31 мая-2 июня 2011 г. – <http://ecoresource.ddns.net:8080/EcoResource%20WasteBAT.pdf>

⁴ Бройде З. Возможности оценки техногенно-экологических аспектов безопасности на уровне отраслей, регионов и в межгосударственных отношениях // Пограничные районы на постсоветском пространстве: нетрадиционные аспекты безопасности. Материалы семинара (Черновцы, октябрь 1996 г.) / Фонд Д. и К. Макаруров, Фонд общественных инициатив. – Киев, 1997. – С. 89–99. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Safety%201996.pdf>

⁵ Broyde Z. EU Macroeconomic Basins & Territorial Strategies – way to Synergy or Disparity? / Presentation on VII EUSDR Forum in Sofia 17–19 October, 2018. – https://dcsf.danubestrategy.eu/sites/default/files/Media/Zinoviy%20S.BROYDE%20-%20Basins_%26%20Territorial%20Strategies.pdf

⁶ Бройде З. О системе переходных решений. Неопубликованная рукопись. – http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Transition_solutions_system.pdf

⁷ Бройде З. Проблемы стандартизации в области охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов // Стандарты и качество. – М., 1994. – № 4. – С. 29–32; № 6. – С. 31–36. – http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Standardization_in_Environmental-Resource%20sphere_1994.pdf

⁸ Broyde Z. Technological Dynamic Synergy with Climate Change in Carpathian Area of EU Macroeconomic Strategies: Presentation on III Meeting of the Carpathian Convention Working Group on Adaptation to Climate Change 12–13.March, 2014, Vienna. – <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-124/events/third-meeting-of-the-carpathian-convention-working-group-on-adaptation-to-climate-change.html>

⁹ Broyde Z. Multi-dimensional Diversity; Specific objectives & challenges for Territorial Communities and on regional, State & International levels: Presentation on Workshop «Diversity Management for Sustainable Economic Development» in Chernivtsi 28–29 January, 2019. – <http://comeuroint.rada.gov.ua/uploads/documents/29482.pdf>

¹⁰ Transregional Trade-Technology Transfer – Challenge of Third Millennium: Brochure of III CEI – Bukovina Workshop 7–8 November 2008 in Chernivtsi. 2008. – <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Brochure%20III%20CEI-Bucovina%202008.pdf>

Территориальная основа национального и международного развития наиболее полно проявляется в Карпатском регионе благодаря уникальной специфичности на всех упомянутых 4 уровнях (от локального до международного). Расположенный вокруг географического центра Европы, этот макрорегион тысячелетиями служит перекрестком «Шелкового пути» и дорог «из варяг в греки» на Евразийском континенте, а в XX веке стал одним из главных театров военных действий двух мировых войн. Его сегодняшнее развитие было предопределено в XVIII–XX веках, когда Карпаты почти полностью (включая северную часть нынешней Румынии) входили в состав Австро-Венгрии. Тогда, на основе опыта Альпийского региона, сформировалась единая основа транспортного, водообеспечивающего, лесодеревообрабатывающего, муниципального и других социально-экономических и пространственных секторов 8 современных стран Карпатского региона.

Уже первые попытки сформировать Государственную программу социально-экономического развития Карпатского региона Украины после распада СССР показали низкую эффективность таких разработок без учета вышеуказанной единой основы. По мере вхождения в ЕС ранее граничивших с СССР стран ими были начаты такие работы². Дискуссии с Комиссарами ЕС по вопросам региональной политики (Д. Хюбнер, Й. Ганом и К. Крецу) выявили понимание необходимости проведения совместных работ по обе стороны внешних границ ЕС (хотя бы из меркантильной потребности вывести из наиболее депрессивного в ЕС состояния регионы, расположенные вдоль этих границ, особенно в Румынии)³. Собственно, для достижения таких целей в 1990-х гг. были созданы совместные еврорегионы во всей указанной зоне, из которых для данной работы наибольшее значение имеет опыт «Карпатского» и экспериментального «Верхнего Прута». Анализ этих исходных разработок и возможностей обобщен в одной из наших работ⁴.

Подобные исследования⁵ и создание еврорегионов велось также вдоль границ РФ⁶ и обобщалось ведущими специалистами⁷ в контексте двусторонних отношений⁸.

Поскольку рамки данной статьи не дают возможности детально остановиться на указанных разработках, в качестве фактологического материала и заключения ниже приведены основные территориальные инициативы, позволяющие на основе вышеупомянутых разработок сочетать национальное территориальное развитие с приоритетами международного сотрудничества.

Таблица 1

Стратегические проектные инициативы, соответствующие приоритетам Стратегии ЕС для Дунайского региона (EUSDR)⁹, Карпатской конвенции и общим интересам регионов

Приоритет EUSDR проектные инициативы	Краткое представление и обоснование	Способствующие факторы	Национальный интерес	Международный интерес
1	2	3	4	5
1. Улучшение мобильности и мультимодальности водных путей, автодорог, железный дорог и авиасообщений Возобновление и дальнейшее развитие транзитного потенциала Украины между основными узлами Паневропейской транспортной сети	– ТЕО и реализация контрейлерных перевозок по колее 1520 мм и возобновление колеи 1435 мм через Польшу-Украину-Румынию для восстановления Балтийско-Средиземно-Черноморского транзита, соединяя с востока в обход Карпат TEN-T коридоры ЕС ¹⁰ «Северное море-Балтика», «Рейн-Дунай» и «Восток-Мед» с автодорогами E-85 (H-10); и международными аэропортами в Львове, Ивано-Франковске,	Рекомендации WBRD, 14-ти стран EUSDR, вице-президента ЕК, проектов TER/TEM UNECE, решения ЕК от 09.11.2018 о расширении TEN-T в страны Восточного партнерства	Возрождение основ развития 6 западных областей и интеграции Украины со странами ЕС с использованием Инструмента единения Европы (CEF), EIB, WBRD, EBRR. Привлечение грузопассажирских потоков и развитие инфраструктур	Кратчайшее и безопасное соединение 3-х TEN-T коридоров в обход Карпат. Содействие новому «Шелковому пути». Симулирование развития наиболее депрессивных регионов на востоке ЕС.

¹ Транскордонне співробітництво та розвиток транскордонних кластерів /Збірник під. ред. Куйбиди В., Ткачука А., Толчанова В. – К.: Крамар, 2009. – 242 с.

² Common spatial development document of V4 + 2 countries: Submitted to meeting of Ministers responsible for regional development of Visegrad Group countries, Bulgaria & Romania, held in Budapest on 29.03.2010. – 41 p. – <http://www.v4plus2.eu/pdf/dokument-podklad-V4plus2-en.pdf>

³ Матеріали Карпатського форуму регіонального розвитку «Можливості розвитку гірських територій в умовах децентралізації». – м. Яремче, 31 травня – 1 червня 2018 р. U-LEAD. – С. 33–41. – <http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/TFC%20GIS%20regions.pdf>

⁴ Бройде З. Механизм трансграничного сотрудничества в Карпатском регионе // Транскордонні території України (Проблеми розвитку). – Київ: Держбуд України, 1999. – С. 152–159. – <http://ukros.ru/archives/4125>

⁵ Вардомский Л. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России // Евразийская экономическая интеграция. 2008. – № 1. – С. 90–108.

⁶ Кирюхин А. Российско-украинское пограничье: Теоретические подходы к эволюции трансграничных систем // Часопис соціально-економічної географії. 2011. – Вип. 10 (1). – С. 178–182.

⁷ Стратегии развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / Под. ред. Л. Попковой, Л. Вардомского. – Курск: Курск. гос. у-нт, 2017. – 456 с.

⁸ Россия и Украина: вопросы социально-экономического развития в контексте взаимных отношений: Научный доклад / Под общей ред. Л.Б. Вардомского. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 60 с.

⁹ <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1537-19>; <http://ecoresource.ddns.net/SitePages/EUSDR.aspx>

¹⁰ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/TEN-T_connection_bypass_Carpathians.pptx

	<p>Черновцах;</p> <ul style="list-style-type: none"> – Обеспечение сквозных грузопассажирских сообщений через приграничные регионы UA, RO, HU, SK, PL и MD по колее 1520 мм с ее продолжением до Братиславы и Вены¹; – Запуск трансграничных сообщений между горными регионами и курортами Карпат через географический центр Европы²; – Участие в ТЭО и реализации PL – RO инициативы строительства Балтийско-Черноморского канала Висла-Сан-Днестр-Прут-Дунай³ 		<p>туры. Стимулирование развития и инвестиций в новые объединенные территориальные коммуны (ОТК)</p>	
<p>2. Поддержка более устойчивой энергетики Создание трансграничного энергокомплекса для транзита и депонирования энергии, взаимодействия приграничных энергосетей и энергосбережения</p>	<p>На базе исходных разработок⁴, проекта «Энергоплан для Черновцов»⁵ и предварительных договоренностей с концерном EON⁶, в 2011 г. в Национальный координационный центр и SC PA2 EUSDR направлена системная проектная инициатива, основанная на возможностях ежесуточного депонирования электроэнергии крупнейшим в Европе гидроэнергоснабжающим комплексом на Днестре для стабилизации и интегрирования энергосистем Украины и ЕС, а также улучшения гибкости маневрирования газовыми, электрическими и иными энергоресурсами на уровне коммун, регионов, Украины и международном.</p>	<p>Решение ЕС от 20.06.2018 об управлении Энергетическим Союзом. Письмо ЕК от 28.05.2014 о Стратегии европейской энергобезопасности. Энергетическая стратегия Украины до 2035 г. – распор. КМУ от 18.08.217 № 605-р</p>	<p>Содействие достройке 3-х энергоблоков ГАЭС. Улучшение надежности энергосистем Украины, энергообеспечения региона и условий интегрирования в энергосистему ЕС Стимулирование развития местных коммун и производственного потенциала.</p>	<p>Улучшение надежности и безопасности энергосистемы ЕС Повышение эффективности Восточного партнерства и интегрирования в энергополитику ЕС.</p>
<p>4. Возобновление и защита качества воды Системное управление водными ресурсами в бассейнах рек Тиса, Прут и Сирет, а также Днестра, включая предотвращение чрезвычайных ситуаций с интегрированным предупреждением и контролем загрязнений</p>	<p>На основе исходных разработок, в частности⁷, и в бассейне Тисы, предусмотрена одновременная реализация требований Рамочной Водной 2000/60/ЕС и Паводковой 2007/60/ЕС Директив ЕС в бассейнах Прута и Сирета – последних в Дунайском пространстве, не имеющих бассейновых Планов управления водными ресурсами и рисками, связанными с наводнениями, в соответствии с изменениями законодательства⁸ об интегрировании бассейнового принципа в управление водными ресурсами.</p>	<p>Обязательства по Соглашению об ассоциации EU-UA, План охраны водных ресурсов Европы (2012). Рекомендации Всемирной сети бассейновых организаций (INBO)</p>	<p>Повышение статуса Украины, как источника водных ресурсов головных притоков: Дуная: Тисы, Прута, Сирета, а также Днестра, что ускорит интегрирование с водной и безопасностной политикой ЕС, а также внедрение бассейнового управления в Украине</p>	<p>Расширение водной политики ЕС и ООН на всю зону Тисы, Прута, Сирета, а также Днестра с дальнейшей перспективной интегрирования всей зоны Черноморской синергии ЕС</p>

¹ <http://comeuroint.rada.gov.ua/uploads/documents/29484.pdf> (слайд 19)

² <http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/RO-UA-HU-SL-CBC-trains.pptx>

³ <http://bios.org.md/wp-content/uploads/2018/09/Prezentations-3rd-National-Participation-Day-Moldova.zip> слайд 54

⁴ http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Territorial_Energetical_approach_IF_1993.doc; http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Territorial_Energy_Planning_2000.pdf

⁵ <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Brochure%20EnergoPlan%20CEP.pdf>

⁶ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Protocol_of_intention_%20107_05_2008.pdf

⁷ <http://www.icpdr.org/main/resources/national-planning-workshop-report-july-1998-ukraine>; http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/Shared%20Documents/Forms/AllItems/Screenshot_6.png; http://riob-info.org/sites/default/files/IMG/pdf/Regional_development_aspects_of_transfrontier_basins.pdf

⁸ <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1641-19>

	Это позволит задействовать именно Украину, как единственную в EUSDR модель, которая объединяет истоки основных водных источников и дельту Дуная			
5. Управление экологическими рисками Применение инструментов реализации требований Паводковой директивы ЕС 2007/60/Е для обеспечения устойчивого социально-экономического и пространственного развития коммун и их сотрудничества в трансграничных бассейнах рек	По исходным наработкам ¹ и результатам крупномасштабного проекта East Avert ² новая проектная инициатива ³ предусматривает применение возможностей ГИС-технологий, механизмов выявления и прогнозирования рисков и планирования предупредительных мер, действий в ходе чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, как элементов проектирования развития территориальных коммун по кластерному принципу с использованием инструментов публично-приватного партнерства и иных инновационно-инвестиционных подходов	Руководящие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента (CEMAT) Совета Европы. Управление рисками трансграничных наводнений UNECE План управления паводковыми рисками в зоне бассейна р. Дунай (ICPDR)	Выполнение условий реализации обязательств по Соглашению об ассоциации EU-UA и Соглашению Совета Европы о предотвращении, защите и оказании помощи в случае больших природных и техногенных катастроф (1992 г.)	Целенаправленная политика и финансирование для системной реализации положений Директив ЕС 2007/60/ЕС, IPPC 2008/1/ЕС и 91/271/ЕЕС
6. Защита биоразнообразия, ландшафтов и качества воздуха и грунтов Формирование трансграничного лесодеревообрабатывающего кластера на основе опыта сотрудничества Карпатской и Альпийской конвенций в Дунайском бассейне	По опыту исходных проектов ⁴ и разработок в рамках EUSDR ⁵ , сотрудничества Карпатской и Альпийской конвенций ⁶ и Форумов ⁷ , на базе экспериментального Еврорегиона «Верхний Прут», наработки Стратегии трансграничной кластеризации по проекту GIZ ⁸ положены в основу возрождения ⁹ и современного развития Карпатского региона ¹⁰ . Отвечая сегодняшним требованиям Парижского договора касательно климатических явлений, угрожающих необратимыми изменениями состояния основных природных ресурсов, включая воздух, почвы и (в первую очередь) водные запасы в Дунайском бассейне, предложенная инициатива кластеризационного воспроизводства полного жизненного цикла древесины с возрождением высокогорных лесов Альп и Карпат для противодействия нарастающему уменьшению снеговых и глетчерных источников, с одновременным системным	Лесной кодекс Украины, EU Forest Action Plan & Forest Strategy, Декларация и резолюция Министров лесных ресурсов «Леса Европы»	Создание условий возобновления полного природоохранно-производственного цикла обращения с лесодревесными ресурсами в Украине и для устойчивого развития территориальных коммун Карпатского региона в бассейнах рек Тиса, Прут, Сирет, Днестр и др. с привлечением необходимых инновационно-инвестиционных ресурсов	Интегрирование в территориальные и бассейновые макрорегиональные стратегии ЕС с адекватным планированием согласно директив ЕС для украинской части Карпатского региона с использованием возможностей публично-приватного партнерства.

¹ <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Safety%201996.pdf>; <https://rm.coe.int/168048955c>; <http://ecoresource.ddns.net:8080/1996%20Technogenic-Envir%20Safety%20in%20river%20basins.pdf>

² http://ecoresource.ddns.net/SitePages/East_Avert_Short_Info.aspx

³ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/East_Avert_Short_Info/To_new_Emergency_Prevention_projects.pdf

⁴ <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Ecoprofit1999brochure.pdf>; <http://www.informest.it/db-project/> (FOR WOOD)

⁵ http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/danube/doc/contrib/ua_ecoResource.pdf

⁶ <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-forests/events/fourth-meeting-of-the-wg-on-sustainable-forest-management.html>

⁷ <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailothers/events/alpine-carpathian-cooperation-forum-146.html>

⁸ <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/vra46661-09>

⁹ <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Bukovinian%20cluster.pdf>

¹⁰ <https://decentralization.gov.ua/uploads/library/file/293/Mountain-areas.pdf>

	использованием лесных ресурсов, включая их энергопотенциал, сеть лесных дорог и т.д., в т.ч. для развития туристическо-рекреационной деятельности.			
6+8. Поддержка конкурентоспособности предприятий Трансграничное сотрудничество по внедрению эффективной системы обращения с муниципальными и производственными отходами на основе их сортирования и применения ВАТ	На основе наработок в сфере обращения с отходами и применения лучших доступных технологий (БАТ) по направлениям стандартизации ¹ и нормативно-правовой основы ² , их гармонизации с европейскими и мировыми подходами, включая трансграничное сотрудничество ³ , во взаимодействии с ведущими мировыми разработчиками ⁴ , в Позиционный документ Украины по EUSDR включена проектная инициатива ⁵ , которая далее имплементировалась в Концепцию программы обращения с отходами в г. Черновцы ⁶ и в проект Национального плана управления отходами ⁷ .	Рекомендационное письмо EUSDR ⁸ Закон «Об отходах», действующие ДСТУ ⁹ , Инструкция ¹⁰ , первичный учет ¹¹ Директивы ЕС 2008/98/ЕС, 2018/852, 2018/1147	Гармонизация нормативно-правовой базы и деятельности по обращению с отходами и применению ВАТ в приграничных с ЕС регионах и территориальных коммунах с вовлечением разных инструментов международного содействия и с одновременным использованием энергетического потенциала отходов для последовательного улучшения функционирования производственной и муниципальной сфер	Предупреждение загрязнений окружающей среды и чрезвычайных ситуаций, распространение применения ВАТ трансграничных бассейнах рек в зоне действия EUSDR.
10. Расширение институциональных возможностей и сотрудничества Стимулирование координированного с EUSDR устойчивого социально-экономического и пространственного развития коммун и регионов	На основе исходных предложений для Восточного партнерства ЕС ¹² , по институционализации трансграничного сотрудничества ¹³ и координации EUSDR в Украине ¹⁴ , обсужденных на Открытых днях ЕС ¹⁵ и в Комитете Регионов ¹⁶ , а также анализа территориального и бассейнового подходов в макрорегиональных стратегиях ЕС ¹⁷ ,	Постановления ВРУ ¹ , изменения Закона «О ТГС» от 04.09.2018, EU Regulation (EC) No 1082/2006, Заключение Совета ЕС по EUSDR от 13.04.2011 Декларация Бухарестского Саммита от 08.11.2010 ²	Создание национальной инфраструктуры координированного институционального развития регионов и территориальных коммун в процессе децентрализации совместно с интегрированием с ре-	Содействие преодолению наихудшего в ЕС депрессивного статуса регионов его членом, граничащих с Украиной, и углубление процессов европейской интеграции в Украине и Молдове

¹ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Standardization_in_Environmental-Resource%20sphere_1994.pdf

² <http://www.ecologylife.ru/utilizatsiya-2004/sootnoshenie-zadach-i-vozmozhnostey-odnovremennogo-razvitiya-natsionalnoy-sistemy-upravleniya-i-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva.html>

³ <http://waste.ua/cooperation/2005/theses/broyde2.html>; <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/WasteBarSEPSBrochure.pdf>

⁴ <http://ecoresource.ddns.net:8080/EcoResource%20WasteBAT.pdf>

⁵ http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/consultation/danube/doc/countries/ukr_vision_2nd_correction_en.pdf

⁶ <http://chernivtsy.eu/portal/f/mv/mvk2013004-133-d.doc>

⁷ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/EUSDR/Proposal_to_National_Waste_Management_Plan.pdf

⁸ <http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8/Recommendation%20Letter%20+.pdf>

⁹ <https://waste.ua/law/standard.html>

¹⁰ <https://menr.gov.ua/content/yakim-chinom-subekti-gospodaryuvannya-mozhut-pogodzhuvati-rozrobleni-nimi-vidpovidno-do-zakonu-ukraini-pro-vidhodi-pasporti-vidhodiv.htm>

¹¹ <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0824-08>

¹² <http://ecoresource.ddns.net/DocLib/Contribution%20EaP+EUSDR%20CER2009.pdf>

¹³ http://ecoresource.ddns.net/SiteAssets/SitePages/TFC/Protocol_Minregion_04_06_2010.rtf

¹⁴ <https://www.academia.edu/34141383/C/420>

¹⁵ http://www.eurosfair.pr.fr/7pc/doc/1303887075_proceedings_opendays_2010.pdf P.65

¹⁶ <http://www.carpathianconvention.org/eventdetailwg-spatial-planning/events/workshop-towards-a-eu-strategy-for-the-carpathian-region-148.html>

¹⁷ https://dcsf.danubestategy.eu/sites/default/files/Media/Zinoviy%20S.BROYDE%20-%20Basins_%26%20Territorial%20Strategies.pdf

	<p>включая роль местных властей¹, и гражданского общества², разработана проектная инициатива по использованию возможностей реформирования евро регионов в ЕГТС и формирования ассоциаций регионального и местного уровня в рамках региональной политики ЕС³ для эффективного системного институционального обеспечения участия регионов и коммун в реализации EUSDR</p>		<p>гиональной политикой ЕС и ее финансированием</p>	
--	--	--	---	--

<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1242-16>

http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/cooperation/danube/pdf/bucharest_declaration_08112010_en.pdf

¹ <http://www.danubestrategy.eu/sites/default/files/Media/Zinoviy%20Broyde%20Territorial%20communities%20role%20for%20EUSDR.pdf>

² https://www.b2match.eu/system/danube-forum-ulm/files/EUSDR_Forum_Ulm_PA10_Broyde.pdf?1447237888

³ http://comeuroint.rada.gov.ua/news/main_news/72900.html

Василенко В.Н.

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, Донецкий национальный технический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: трансформация, отрасли промышленности, модель новой индустриализации, кредитно-финансовое обеспечение, реиндустриализация.

Keywords: transformation, industries of industry, model of new industrialization, credit-financial providing, reindustrialization.

Развитие сферы материального производства остается актуальной задачей государственной экономической политики. Информационные технологии и в целом сфера услуг способны повысить эффективность материального производства, но не заменить его. Качественно изменившиеся производительные силы предъявляют новые требования к промышленности, заставляя ее уходить от экстенсивного (за счет роста масштабов производства) к интенсивному (за счет роста наукоемкости производства) развитию.

Сегодня экономический потенциал страны определяется состоянием и развитием ее промышленного комплекса. В передовых странах коренным образом меняется технологическая основа промышленности – происходит рост технологического уровня всей индустриальной базы экономики в результате доминирования прогрессивных технологических укладов. В структуре промышленности увеличивается доля и растет значимость высоко технологичных наукоемких отраслей, которые теперь определяют современный промышленный комплекс.

За последние два десятилетия в промышленности развитых стран произошли важные фундаментальные изменения, которые состоят в существенном повышении роли научных разработок и опытно-конструкторских работ в материальном производстве. Это повлекло за собой не только экономию природных, материальных и трудовых ресурсов и повышение производительности труда, но и трансформировало долевую структуру вложения отдельных видов экономической деятельности в создание валового продукта в пользу промышленности. При этом названные трансформации осуществлялись не за счет ресурсов других видов экономической деятельности, а на основе перераспределения внутренних ресурсов промышленного комплекса, направленных на совершенствование средств производства и предметов труда.

Новое понимание развития отраслей промышленности и промышленной политики, например, в объединенной Европе нашло концентрированное выражение в Коммюнике Еврокомиссии (2010): «Интегрированная промышленная политика для эры глобализации: поддержка конкурентоспособности и устойчивости в центре внимания»¹. Весьма характерным в этом смысле является основной тезис документа: «Сейчас, более чем когда-либо, Европа нуждается в промышленности, и промышленность нуждается в Европе. Поэтому промышленность стоит в центре новой модели роста экономики ЕС». Финансовый и экономический кризис переориентировал внимание на центральное значение сильных, конкурентоспособных и диверсифицированных промышленно-производственных цепочек создания стоимости для конкурентоспособности экономики и потенциала создания рабочих мест. Коммюнике определяет несущий каркас для новой комплексной промышленной политики, которая должна будет стимулировать восстановление экономики и занятости, обеспечивая при этом процветание промышленной базы мирового уровня в странах ЕС.

До последнего времени изменения происходили по следующей схеме: 1) вначале происходит разрушение технологических цепей третьего технологического уклада (экономика, основанная на электромеханических приводах и электродвигателе, термальной выплавке стали); 2) затем избирательное развитие получают производства четвертого технологического уклада (за счет использования различных форм двигателей внутреннего сгорания, электроплавильных технологий, нефтехимии); 3) после этого получает приоритетное, ориентированное на накопление конкурентных преимуществ, развитие производств пятого технологического уклада (с использованием микроэлектронных компонент); 4) и, наконец, формируются предпосылки для опережающего развития базисных технологий шестого технологического уклада (ключевой признак – биотехнологии, космическая техника, тонкая химия).

С конца XX – начала XXI столетия в западной научной литературе в связи с началом восходящего этапа новой очередной «длинной волны» Н.Д. Кондратьева, а затем и на территории республик бывшего постсоветского пространства, стала набирать силу теория новой индустриализации (неоиндустриализации). Пропагандируемый глобалистами постиндустриализм, принес в развитые страны деиндустриализацию, выразившуюся в переносе основного производства в страны третьего мира, в росте безработицы и потере индустриальных навыков у собственной рабочей силы. Первыми осознали угрозу постиндустриального подхода к экономическому развитию и приняли решение реиндустриализи-

¹ Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth / European Commission. 2002, COM (2010) 2020 final.

ровать свои экономики на принципах новой индустриализации Великобритании и США¹, затем Франция и Германия (стратегии «Европа-2020», «Индустрия 4.0»), Япония и Китай.

В настоящее время существует три толкования понятия «реиндустриализация». При первом подходе реиндустриализация понимается как процесс возврата предприятий материального производства в свои страны². Такой подход к пониманию реиндустриализации закрепился после выступления в Давосе (2014 г.) британского Премьер-министра Д. Камерона, который в своем докладе выразил надежду, что Соединенное Королевство пойдет по пути США и активизирует процессы возвращения (re-shoring) своих предприятий с Востока³. В Российской Федерации, которая даже без вывода производственных мощностей за пределы страны потеряла значительную часть своего индустриального потенциала, официально было объявлено о приоритете задач восстановления индустрии на новом технико-технологическом уровне и проведении активной промышленной политики⁴.

При втором подходе под реиндустриализацией понимается не просто процесс перехода от низшей к более высокой стадии развития, а полноценную, самостоятельную новую модель государственной экономической политики в сфере развития промышленного комплекса. Реиндустриализация – это экономическая политика, представляющая набор мероприятий более широкий, нежели в стандартных вариантах промышленной политики, направленная на плановое восстановление (создание, изменение) индустриально-технологической основы экономической системы за счет мер макроэкономического, институционально-организационного, правового, структурно-инвестиционного характера, касающихся не только промышленных организаций, но и вспомогательной инфраструктуры, финансовой и банковской систем и др.⁵.

Третий подход, не отвергая общенациональный характер реиндустриализации, требующий активного государственного вмешательства, ставит ее на одну ступеньку с новой индустриализацией (неоиндустриализация), считая эти понятия синонимами. Но даже придавая ей черты новой стадии модернизации экономической системы, все равно подчеркивается главная особенность реиндустриализации – преобразование промышленного комплекса на основе передовых технологий: «главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации», как экономической политики должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в рамках ее структурной перестройки в качестве базовой компоненты, причем – на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса взаимосвязанных экономических, организационных и иных задач»⁶. Подчеркивается важность осуществления модернизации и развития именно перерабатывающего сектора промышленности.

Наиболее характерной чертой новой индустриализации является широкое применение новшеств в технике и технологии. А для создания новых продуктов и технологий особое значение придается ускоренному развитию научных исследований, улучшению координации и дальнейшему объединению усилий науки и производства. При этом особое значение приобретает финансовое обеспечение данных процессов. В Европе среди главных целей Стратегии-2020 поставлена задача финансировать научные исследования и разработки (R&D) на уровне 3% ВВП. Точно такая же цифра – 3% ВВП на R&D (включая государственные и частные инвестиции) – названа среди главных целей политики Президента США. В России, которая пока существенно отстает от Европы и США в этом аспекте, поставлена задача увеличения финансирования государственных научных фондов в несколько раз.

В ходе реиндустриализации экономики промышленный комплекс должен занимать ведущее место в новой модели экономического развития. В этой связи актуализируется вопрос разработки такой государственной экономической политики, которая способна сформировать и реализовать комплекс мероприятий и решений, позволяющих вывести промышленный комплекс на более высокий технологический уровень производства для увеличения выпуска наукоемкой продукции, которая, с одной стороны, обеспечит расширение присутствия страны на мировых высокотехнологических рынках, а с другой – за счет роста импортозамещения увеличит уровень удовлетворения потребностей внутреннего рынка.

В связи с этим реиндустриализация должна рассматриваться как проактивная государственная экономическая политика, направленная на восстановление промышленного потенциала и стимулирование перехода промышленного комплекса на более высокий технологический уровень. Государство должно оказывать решающее влияние на успешное решение задач реиндустриализации. В данном контексте институты развития, неотъемлемой частью которых являются институты государственного регулирования, представляют собой одни из главных инструментов государственной политики, стимулирующих модернизацию, структурные и инновационные процессы в экономике.

В достижении результативности трансформационного процесса первоочередное внимание должно быть уделено построению институтов, организаций и учреждений, которые интегрируются в инновационный процесс и стимулируют промышленный сектор, представляя собой ключ к эффективной реализации структурных изменений. Широ-

¹ Cameron D. World Economic Forum (Davos) 2014: speech by David Cameron. – <https://www.gov.uk/government/speeches/world-economic-forum-davos-2014-speech-by-david-cameron--2>; Report to the President on ensuring American leadership in advanced manufacturing. – Washington (D.C.): Executive Office of the President. President's Council of Advisors on Science and Technology, 2011. – P. 30.

² Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? теоретический дискурс / А.И. Колганов, А.В. Бузгалин // Социологические исследования. – М., 2014. – № 1(357). – С. 80–94.

³ Cameron D. Op. cit.

⁴ Путин В. О наших экономических задачах // Ведомости. – М., 2012. – 30 января, № 15 (3029).

⁵ Lin J.Y. New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. – Washington: World Bank Publications, 2012. – 373 p.

⁶ Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России // «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики»: Сборник материалов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2015) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2015. – С. 29.

кое распространение инновации получают только при наличии определенных условий, прежде всего, институциональной среды. Именно институциональная структура, учитывая отраслевые и иные особенности ведения хозяйственной деятельности, определяет конкретные правила и механизмы осуществления экономических взаимодействий¹.

Формирование институциональной среды инновационной деятельности является достаточно сложной и многогранной задачей и требует комплексного подхода к ее решению. Результаты анализа современных институциональных научных исследований показывают необходимость и эффективность использования комплексного подхода, который заключается в координации современных экономических моделей с социально-политическими аспектами развития общества². В экономической литературе накоплен значительный потенциал научных работ, посвященных решению проблем формирования институциональной среды, изучению влияния институтов на процесс внедрения достижений науки и техники и распространение инноваций. Однако, несмотря на большое количество публикаций, существующие научные подходы требуют развития и дальнейшего совершенствования с учетом меняющихся условий рыночной среды, объективно существующих различий в структуре институтов, а также мировых трендов развития экономических систем.

Для достижения успеха экономик, основанных на знаниях, в научной литературе рассматривается использование воспроизводственного подхода к построению инновационной инфраструктуры. Указанный подход заключается в последовательном формировании системы институтов, которые будут не только наполнять инновационные процессы в экономике достаточными финансовыми ресурсами, но и обеспечивать воспроизводство инновационного продукта с меньшими совокупными затратами. В этой системе, в качестве ключевого звена, авторы выделяют совокупность финансовых институтов, а остальным присваивается роль обеспечивающих воспроизводственный подход к финансированию инноваций. Исследования показывают, что ресурсы социально-экономического развития не могут быть аккумулированы без помощи эффективной финансовой системы, которая способна формировать различные источники финансирования процессов общественного воспроизводства и обеспечивать их функционирование посредством соответствующего набора взаимодействующих институтов.

Переход на модель новой индустриализации требует должного кредитно-финансового обеспечения данного процесса. В мировой практике для этого активно используются финансовые институты развития, которые зачастую являются частью более обширной сети институтов развития в стране и представляют собой инструмент для реализации государственной экономической политики в том или ином перспективном направлении или отрасли (универсальные и отраслевые банки развития, государственные инновационные фонды, агентства по развитию стратегических технологий, фонды социального и регионального развития, венчурные организации и др.). Институты этого типа нацелены на выполнение дополнительных функций по обеспечению долгосрочного кредитования приоритетных проектов развития, реализация которых должна содействовать экономическому росту, модернизации промышленности и экономики.

Преимущество финансовых институтов развития перед обычными коммерческими банками заключается в том, что они:

- способны предоставить требуемый объем долгосрочных заемных ресурсов, удовлетворяющий инвестиционным потребностям экономики, в то время как коммерческие банки ориентированы на предоставление краткосрочных займов;
- финансируют инвестиционные проекты в отраслях экономической и социальной инфраструктуры, в сельском хозяйстве, а также проекты, обеспечивающие выравнивание региональных диспропорций развития, в отличие от коммерческих банков, которые спонсируют проекты с минимальным сроком окупаемости;
- оказывают поддержку новым областям деятельности, развитие которых стратегически значимо для национальной конкурентоспособности, но сдерживается «провалами рынка», в отличие от коммерческих банков, которые поддерживают проекты в устойчивых областях деятельности с минимальным уровнем риска;
- создают условия доступа малому и среднему бизнесу к финансированию и необходимым информационно-консультационным услугам, в отличие от коммерческих банков, которые ориентированы на сотрудничество с крупным бизнесом;
- реализуют инвестиционные проекты, предусмотренные программами международного сотрудничества, в то время как коммерческие банки не располагают таким объемом заемных ресурсов;
- поддерживают стабильность кредитных и финансовых рынков в условиях кризисов, в отличие от коммерческих банков, которые сжимают частный сектор финансовых услуг.

¹ Вольчик В.В. Иерархия институтов в рамках хозяйственного порядка / В.В. Вольчик, И.В. Бережной // *Terra Economicus*. 2009. – Т. 7, № 2. – С. 65–73.

² Малкина М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // *Журнал институциональных исследований*. 2011. – Т. 3, № 1. – С. 50–60; Нечаев Ю.В. Общие тенденции развития национальных финансовых систем / Ю.В. Нечаев, В.Ф. Столяров // *Экономика и государство*. 2008. – № 5. – С. 8–12; Романовский М.В. Институциональное обеспечение инновационного развития России / М.В. Романовский, Т.А. Верхотурова // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. 2012. – № 1. – С. 22–31; Hurwicz L., Reiter S. *Designing Economic Mechanisms*. Cambridge University Press, 2006. – P. 254; North D. *Institutions // The Journal of Economic Perspectives*. 1991. – Vol. 5, N 1. – P. 97–112; Rodrik D. *Institutions for High-Quality Growth: What They Are and How to Acquire Them // Studies in Comparative Economic Development*. 2000. – Vol. 35, N 3. – P. 3–31. – www.nber.org/papers/w7540.pdf; Sukharev O. *Institutional Change, Efficiency and Structure of Economy*. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. – P. 124.

Основываясь на изложенных посылах можно предположить, что решающим инструментом, обеспечивающим переход к новой индустриализации должна стать государственная промышленная политика. Государственную политику в сфере реиндустриализации экономики можно разделить на два типа¹:

1. В стране формируется комплекс передовых производств за счет массового копирования и импорта технологий и оборудования. В этом случае задача повышения уровня технологического развития решается в минимальные сроки и затратами ресурсов меньшими, чем при проведении другой политики. Промышленный комплекс, обновленный таким образом, становится способным производить и поставлять на рынок достаточно высокотехнологическую продукцию, но не способен самостоятельно генерировать новые технологии и новую продукцию.

2. При втором типе государственной политики в сфере развития промышленности копирование и импорт технологий и оборудования производится точно, т.е. привлекаются не самые современные, а только необходимые для развития технологии и оборудование. Основная стратегическая цель лежит в плоскости создания единого промышленного комплекса, в котором выделяются приоритетные и резервные отрасли и виды производств, создаются институциональные, инфраструктурные, социальные и другие предпосылки для их дальнейшего самостоятельного развития. В этом случае государство создает и поддерживает развитие сети научного, образовательного, инженерного, бытового и других видов обеспечения промышленного производства.

Выбор одного из названных вариантов реиндустриализации экономики или их комбинация зависит от многих факторов, которые определяются состоянием промышленного комплекса, имеющегося научно-промышленного и кадрового потенциала, ресурсных возможностей, задач системы государственного регулирования экономики и внешне-экономических предпосылок.

Таким образом, реиндустриализация экономики подразумевает соблюдение трех фундаментальных предпосылок: а) определяющая роль государства; б) приоритетное развитие сектора перерабатывающей промышленности; в) инновационная основа процессов модернизации, с учетом которых можно предпринимать шаги по решению задач поступательного развития всей экономики государства, а вместе с ними и по решению проблем экономического и социального развития. Основным инструментом, обеспечивающим реиндустриализацию или неоиндустриализацию, является государственная промышленная политика, одной из составляющих которой должно стать формирование и институциональной среды инновационной деятельности.

¹ Живалов В. Подходы к формированию промышленной политики / В. Живалов, Д. Никологорский // Экономист. – М., 2012. – № 7. – С. 38–43.

Гайбуллаев Ф.

к.э.н., докторант Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики Республики Узбекистан

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИКИ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ С ИХ ПРИМЕНЕНИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: стратегии промышленного развития, экономика Республики Узбекистан, зарубежный опыт.

В соответствии с принятой «Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 года» в нашей стране реализуются комплексные меры, направленные на углубление структурных преобразований, модернизацию и диверсификацию ведущих отраслей экономики, а также на комплексное и сбалансированное социально-экономическое развитие территорий страны.

Одним из наиболее важных условий перехода к инновационно-ориентированной, конкурентоспособной и динамично развивающейся экономике является использование на всех уровнях государственного и хозяйственного управления стратегического планирования, которое позволит сформировать модели инновационного развития отраслей экономики с использованием сценариев ее развития на долгосрочный период, повысить интеллектуальный и технологический потенциал страны, в том числе путем законодательной регламентации понятий «краткосрочная», «среднесрочная» и «долгосрочная» программа развития¹.

Так, в Концепции административной реформы в Республике Узбекистан, в которой предусмотрены 6 основополагающих направлений по коренному реформированию системы государственного управления, пятым направлением являются меры по внедрению современных форм стратегического планирования, инновационных идей, разработок и технологий.

Именно с учетом заданий Концепции административной реформы, предусматривающей создание системы государственного стратегического планирования в Республике Узбекистан в соответствии с программой научно-исследовательских работ Института прогнозирования и макроэкономических исследований на 2019 год с учетом зарубежного опыта разработана методика и принципы формирования стратегий развития промышленности на долгосрочную перспективу с их применением в Узбекистане.

Методика включает в себя принципы и порядок формирования документов долгосрочного развития, требования к выбору целевых ориентиров и рамочных условий развития, определяет набор используемых при этом методов и инструментов, правила оценки реалистичности и перспективности вариантов и сценариев долгосрочного развития.

Основные положения методики подготовлены на основе изучения и обобщения передового мирового опыта и его адаптации к условиям Узбекистана. Также в методике учтены основные положения документа «Методические основы разработки стратегии долгосрочного развития Республики Узбекистан»².

Цель методики – разработка методических положений и практических рекомендаций по разработке стратегии развития промышленности на долгосрочную перспективу. *Основными задачами стратегии развития промышленности* являются:

- обзор мирового опыта разработки методик формирования стратегий развития промышленности на долгосрочную перспективу;
- определение принципов формирования стратегии и подходов к формированию целевых ориентиров развития промышленности;
- установление порядка диагностики тенденций и проблем, ограничений и возможностей развития промышленности;
- требования к методам и модельному инструментарию оценки прогнозных параметров развития промышленности;
- формирование принципов учета технологического фактора при разработке целевых ориентиров и прогнозных параметров стратегии развития промышленности;
- требования к дорожной карте реализации стратегии развития промышленности на долгосрочную перспективу

Методика предназначена для практического использования в министерствах, ведомствах, хозяйственных республиках, в чьи функции входит разработка стратегии развития промышленности на долгосрочную перспективу.

¹ Концепция административной реформы в Республике Узбекистан, утвержденной Указом Президента Республики Узбекистан от 8 сентября 2017 г. №УП-5185, пункт 29.

² Методические основы разработки стратегии долгосрочного развития Республики Узбекистан / Институт прогнозирования и макроэкономических исследований. 2019.

Основные концептуальные и методологические подходы к разработке долгосрочных стратегий и прогнозов развития промышленности, последовательность и порядок их подготовки, взаимообусловленность и характер взаимодействия друг с другом и другими прогнозными и программными документами социально-экономического развития страны, промышленности и ее отраслей определяются законодательными актами и нормативными документами по организации государственного прогнозирования (Китай, Южная Корея, Беларусь, Россия).

Долгосрочные стратегии, и прогнозы характеризуются следующими основными чертами:

- формируют концепцию технической и экономической промышленной политики на долгосрочную перспективу;
- определяют пути решения стратегических проблем долгосрочного характера. Решение этих проблем выражается в глубоких качественных преобразованиях и оценивается по темпам внутриотраслевых и межотраслевых структурных преобразований;
- особенностью определения долгосрочных ориентиров стратегии развития промышленности является целевой подход к формированию показателей развития отраслей промышленности;
- относительно свободный выбор технико-экономических решений;
- обоснование сценариев и вариантов долгосрочного развития.

Главный метод исследования – поисковый прогноз.

Мировая практика указывает на отсутствие универсальной модели определения долгосрочной динамики развития промышленности, но все модели имеют общие черты и компоненты.

Сочетание долгосрочного и среднесрочного прогнозирования подразумевает наличие комплекса сопряженных между собой программ и планов действий. В целях увязки и взаимодействия со среднесрочным прогнозом горизонт долгосрочного прогноза отодвигается каждые пять лет на период среднесрочных (пятилетних) прогнозов, а его показатели уточняются (Китай, Малайзия (десятилетние перспективные планы, пятилетние планы развития), Южная Корея, Россия, Беларусь).

С учетом неопределенности экономической ситуации в будущем прогнозирование осуществляется в нескольких вариантах в зависимости от возможного воздействия внутренних и внешних, политических и экономических факторов. Чаще всего разрабатываются прогнозы развития в двух вариантах – эволюционный и прогрессивный и в трех вариантах – эволюционный, прогрессивный и пессимистичный. В странах с развивающейся экономикой в условиях международной политической нестабильности и изменчивости на товарных и инвестиционных рынках, глубоких структурных и технологических изменений в промышленности разрабатывается наряду с указанными вариантами и динамичный сценарий развития.

Разработка долгосрочных стратегий и прогнозов осуществляется в три этапа.

На первом этапе разрабатывается концепция прогноза развития промышленности, определяющая целевые параметры на соответствующий прогнозный период, которые отличаются по вариантам в зависимости от изменения внешних условий и интенсивности использования ресурсов в промышленном производстве.

На втором этапе на основе концептуальных положений и целевых параметров развития промышленности с учетом реальной оценки современного состояния отраслей разрабатываются проекты прогноза развития отраслей на соответствующий перспективный период.

На третьем этапе на основе проектов прогноза развития отраслей и других прогнозно-аналитических материалов осуществляется разработка проекта прогноза развития промышленности.

В долгосрочных стратегиях и прогнозах исходя из существующих условий хозяйствования на основе тщательного анализа ситуации обосновываются гипотезы развития отрасли; определяются цели, задачи, дается оценка направлений эффективного использования в этих целях ресурсов; обосновываются пути и механизмы выхода на новый качественный уровень развития промышленности.

Механизм разработки и реализации долгосрочных стратегий и прогнозов развития предполагает определенную жесткость системы – заданные цели и индикаторы их достижения, последовательность и сроки реализации мероприятий, согласованные бюджеты и т.д. Вместе с тем, в условиях рыночной экономики в систему разработки и реализации долгосрочных стратегий развития промышленности закладываются элементы, которые обеспечивают ее гибкость и адаптивность.

При формулировании и последующей реализации долгосрочных стратегий и прогнозов развития промышленности закладываются инструменты, обеспечивающие:

- систематический мониторинг и оценку прогресса в достижении поставленных целей;
- выявление отклонений от запрограммированных целей, определение причин, породивших их;
- определение мер и политик для устранения имеющихся проблем, либо пересмотр ранее поставленных целей и задач в соответствии с изменившейся внутренней и/или внешней средой.

Опыт многих стран, добившихся успехов в подъеме промышленности, позволяет выделить несколько типов долгосрочного стратегического развития:

- стратегия использования природных ресурсов, которой придерживались, в основном, государства с богатыми запасами нефти – страны Персидского залива, Венесуэла, отчасти Индонезия. Суть стратегии состояла в освоении и экспорте природных ресурсов с привлечением иностранных инвестиций и последующим использованием полученных доходов для повышения благосостояния населения и развития ряда отраслей, ориентированных на внутренний рынок;
- стратегия «преследования», заключающаяся в том, что промышленность, опираясь главным образом на дешевую рабочую силу, осваивает производство конкурентоспособной продукции, выпускаемой в развитых индустриальных странах, и заполняет ниши на рынках, вытесняя оттуда основных производителей. На первых этапах по требителю не предлагаются новые товары: упор делается на воспроизведение уже созданных образцов по более низкой цене.

Только закрепившись на рынках, компании «преследующих» стран переходят к выпуску более качественных и оригинальных изделий. Такой стратегии придерживались Япония, Южная Корея, другие страны Юго-Восточной Азии, в значительной мере ее использует и Китай;

– стратегия «передовых рубежей» является основой промышленной политики США, Германии и других развитых индустриальных стран Европы, а в последние 25 лет и Японии. Она состоит в том, чтобы опираясь на достижения научно-технического прогресса, создавать новые продукты и технологии, формировать спрос на них и новые рынки. Классический и наиболее успешный пример – компьютерная революция и разработка информационных технологий в США. Общим для каждой из указанных стратегий является достижение нового технологического рубежа. Разница определяется прежде всего соотношением этого рубежа с исходными возможностями.

Из перечисленных стратегий для Узбекистана нельзя выбрать какую-то одну в силу значительных различий между секторами экономики и группами производств. Выбор стратегии развития промышленности Узбекистана должен основываться на имеющихся конкурентных преимуществах с учетом сдерживающих условий развития. Промышленная политика должна носить дифференцированный характер. Должны получить развитие традиционные конкурентоспособные отрасли на новой технологической платформе, «драйвером» роста должны стать передовые обрабатывающие производства полного замкнутого цикла. Стратегию «передовых рубежей» можно проводить, например, в некоторых уникальных наукоемких производствах.

Исходя из мирового опыта формирования методик разработки долгосрочных стратегий развития промышленного производства, методика разработки долгосрочной стратегии развития промышленности Узбекистана должна быть ориентирована на достижение роста конкурентоспособности, повышения устойчивости, структурной сбалансированности и обеспечение эффективного саморазвития промышленного производства на основе интеграции в мировую технологическую среду.

Методика должна раскрыть последовательность действий, направленных на создание условий для внедрения передовых ресурсосберегающих промышленных технологий, обеспечивающих поэтапный переход от экспортно-сырьевой модели развития к ресурсно-эффективной, от внешнего заимствования инноваций к постепенному созданию собственных технологий.

Важное место в методике должны найти принципы создания прорывных и новых высокотехнологичных и наукоемких производств на основе использования достижений био- и нанотехнологий, микроэлектроники, технологий тонкой химии, информационно-коммуникационных и лазерно-оптических технологий, возобновляемой энергетики, клеточных технологий и геной инженерии в производстве новых материалов и инновационных продуктов в условиях создания «зеленых» и «умных» производств и продуктов.

В целом анализ зарубежного опыта свидетельствует, что основной методический принцип разработки конструктивной долгосрочной стратегии промышленного развития – это стимулирующая государственная политика в отношении конкурентоспособных отраслей на новой технологической платформе и перспективных производств, ориентированных на производство продукции 5-6 технологических укладов, а также содействия развитию промышленной инфраструктуры, реализации региональных приоритетов, поддержки экспорта высокотехнологичной продукции.

Целью стратегии развития промышленности (далее стратегия) *на долгосрочный период* является формирование реалистичного видения по темпам и условиям развития промышленности в ближайшие 10–15 лет, с какими рисками, угрозами и барьерами придется столкнуться при достижении желаемой траектории роста промышленного производства.

Стратегия как документ стратегического плана является комплексным, аналитическим докладом в котором раскрываются особенности формирования долгосрочного тренда и источников роста промышленного производства. По основным этапам прогнозного периода дается обоснование приоритетов и условий обеспечения устойчивости роста производства конкурентоспособной продукции с учетом перспектив формирующегося на нее спроса на внутреннем и внешнем рынках. Определяется последовательность шагов по техническому и технологическому обновлению производства с учетом передовых зарубежных достижений, по проведению необходимых институциональных реформ. Приводятся результаты диагностики социально-экономических последствий формируемой стратегии.

Назначение стратегии – сформулировать конкретные и понятные цели долгосрочного развития промышленного производства, показать пути их достижения на основе мобилизации и эффективного использования ограниченных ресурсов развития (и т.д.). Стратегия должна раскрыть механизм обеспечения реализации:

– видения развития промышленности страны на ближайшие 10-15 лет в условиях ускорения процессов глобализации:

– поставленных целей и задач стратегии в рамках жестких ресурсных ограничений и с учетом возрастающих рисков и вызовов долгосрочного развития.

Основные принципы формирования стратегии:

1. Учет интересов всех участников промышленной деятельности (государства, представителей частного бизнеса, менеджеров крупных предприятий, иностранных инвесторов, научных организаций путем вовлечения их в процесс разработки документа) при формировании целей и приоритетов развития.

2. Использование единой методологии разработки стратегии в системе стратегического планирования (последовательность: стратегия развития, среднесрочный ИП, отраслевые программы развития и др.); единые принципы согласования параметров промышленной политики с целевыми ориентирами и ресурсными ограничениями и т.д.).

3. Сочетание государственного регулирования с рыночным саморегулированием (устранение искажений рынка и сокращение государственного вмешательства в текущую промышленную деятельность).

4. Информационно-индикативный, направляющий и рекомендательный характер стратегии.

5. Обеспечение устойчивого развития промышленности с учетом следующих факторов: истощения природных ресурсов, адаптации к неблагоприятным климатическим изменениям, необходимости смены, сложившейся капиталоемкой сырьевой модели промышленного развития, повышения эффективности использования факторов роста и поиска его новых источников, укрепления кадрового потенциала.

6. Сочетание системности и целостности стратегии на основе учета:

– целей долгосрочного развития (неформальные и формальные в системе индикаторов Целей устойчивого развития (ЦУР) Узбекистана до 2030 г.), отвечающих долгосрочным национальным интересам;

– мирового научно-технологического развития и будущих, наиболее вероятных трендов развития мировой экономики;

– новых вызовов, барьеров, рисков и объективных ограничений устойчивого развития, имеющих долговременный характер;

– потенциала и резервов роста промышленного производства, возможностей создания новых конкурентных преимуществ по выпуску инновационных видов продукции;

– предлагаемых путей, моделей развития с перспективами развития мировой экономики, ожидаемыми рисками и другими рассмотренными выше факторами.

7. Обоснование реалистичности предлагаемых путей, мер и механизмов достижения целевых ориентиров на основе определения новых источников роста промышленного производства, формирование условий и механизмов реализации существующих резервов развития.

8. Использование передового мирового опыта в обосновании выбора модели развития промышленности для выбора и оценки реалистичности предлагаемых решений по проблемам долгосрочного развития.

9. Гибкость стратегии и принцип последовательности шагов (этапов) в достижении поставленной цели, переключение приоритетов в выборе источников (факторов) развития при переходе от одного этапа к другому.

Новый порядок формирования государственных программ развития Республики Узбекистан предусматривает на первом этапе – разработку и утверждение долгосрочных (на 10–15 лет) национальных, отраслевых, региональных и целевых концепций развития; на втором этапе – создание отраслевых, региональных и целевых портфелей проектов; на третьем этапе – формирование государственных программ развития в соответствии с Постановлением Президента Республики Узбекистан от 18 декабря 2017 г. №ПП-3437 «О внедрении нового порядка формирования и финансирования государственных программ развития Республики Узбекистан».

Герасимова И.А.,
Герасимова Е.В.¹

О ПРОБЛЕМЕ СОГЛАСОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ТРЕХ УРОВНЯХ УПРАВЛЕНИЯ – ФЕДЕРАЛЬНОМ, СУБЪЕКТНОМ И МУНИЦИПАЛЬНОМ

Ключевые слова: социально-экономическое развитие регионов, пространственное неравенство, стратегии развития, согласование управления на соподчиненных административно-территориальных уровнях, информационное обеспечение, мониторинг.

Keywords: Socio-economic regional development, spatial inequality, strategies of development, coordination of management at subordinate administrative and territorial levels, statistical data, monitoring.

Постановка задачи

Низкие темпы роста экономики и негативные тенденции в уровне и качестве жизни населения активизировали процесс разработки и принятия «Стратегии пространственного развития России до 2025 г.». По Конституции [1] Россия является федеративным государством. Основу её административно-территориального деления составляют федеральные округа, субъекты федерации и муниципальные образования. Их пространственная соподчиненность объективно формирует горизонтальные взаимосвязи между показателями социально-экономического развития административных единиц одного уровня и предопределяет необходимость исследования межрегиональных (межуровневых) взаимодействий. Научно обоснованный анализ и прогноз тенденций и динамики социально-экономического развития страны в целом делает необходимым оценку взаимосвязи между процессами, происходящими на всех трех уровнях её управления – федеральном, субъектном и муниципальном. (Ранее проблема неравномерности социально-экономического развития субъектов РФ рассматривалась авторами в [2], [3], [4].) Эту взаимосвязь необходимо учитывать и в процессе разработки стратегий пространственного развития территорий, и мониторинга их выполнения. Ниже кратко представлена предыстория разработки стратегии пространственного развития (СПР) Российской Федерации и названы основные проблемы, сформулированные в «Стратегии 2025». На примере Северо-Западного федерального округа (СЗФО) делается попытка оценить «вербальную» взаимосвязь между стратегиями пространственного развития входящих в него субъектов и муниципальных образований (МО). Исследование таких взаимосвязей представляется необходимым элементом информационно-аналитического обеспечения разработки стратегий пространственного развития субъектов и муниципальных образований (МО), а также мониторинга их выполнения.

«Стратегия 2025»

Распоряжением № 207-р от 13 февраля 2019 г. Правительство Российской Федерации утвердило «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – «Стратегия 2025»). Подчеркивается, что одна из целей «Стратегии 2025» – сокращение *межрегиональных различий* в уровне и качестве жизни людей [5]. Федеральным органам исполнительной власти предписано руководствоваться положениями «Стратегии 2025» при разработке и реализации решений, направленных на обеспечение *устойчивости системы расселения* на территории Российской Федерации и *снятие инфраструктурных ограничений* в социально-экономическом развитии территорий. Одновременно органам исполнительной власти субъектов федерации и органам местного самоуправления рекомендовано руководствоваться положениями «Стратегии 2025» при разработке и реализации стратегий социально-экономического развития на их территориях.

Принятию «Стратегии 2025» предшествовало совещание в Совете Безопасности РФ, на котором рассматривались вопросы повышения эффективности стратегического планирования. Был отмечен ряд существенных недостатков в процессе разработки стратегии. Подчеркивалось, что на начало февраля 2019 г. отсутствуют «Стратегия социально-экономического развития страны» и «Стратегия пространственного развития России». Что же касается ранее принятых документов стратегического планирования, то они характеризуются:

¹ Герасимова Ирина Александровна – к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН Область научных интересов: пространственное развитие, неравенство, межрегиональное сотрудничество, территориальное управление, сравнительный анализ, методы статистики и эконометрики, информационное обеспечение. E-mail: irina.guerassimova@gmail.com

Герасимова Елена Владимировна - н.с. ЦЭМИ РАН Область научных интересов: пространственное развитие, межрегиональное неравенство, сравнительный анализ информационного обеспечения на разных уровнях административно-территориального управления. E-mail: landar.sky@gmail.com

- отраслевой изолированностью,
- отсутствием стратегических ориентиров для бизнеса и регионов,
- практически не используются в процессе выработки и принятия решений,
- не всегда прослеживается взаимосвязь между стратегическими целями и бюджетным процессом.

Особо была подчеркнута необходимость перехода от разработки отдельных документов к формированию системы стратегического планирования для обеспечения взаимосвязи между долгосрочными целями стратегий и ресурсов для их реализации. Были рассмотрены вопросы, связанные с мониторингом и прогнозированием развития страны, взаимной увязкой задач социально-экономического развития, контролем выполнения принимаемых решений [6].

В «Стратегии 2025», Раздел I «Общие положения» подчеркивается, что она является документом стратегического планирования, который разрабатывается в рамках целеполагания по *территориальному принципу*. К числу основных понятий относятся:

- «*пространственное развитие*» – совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития;
- «*перспективный центр экономического роста*» – территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост Российской Федерации и (или) субъекта РФ в среднесрочный и долгосрочный периоды (к перспективным центрам экономического роста относятся в том числе минерально-сырьевой центр и агропромышленный центр);
- «*сельская территория*» – территория сельского поселения и межселенная территория.

В Разделе III «Стратегии 2025» перечислены *основные проблемы пространственного развития Российской Федерации*. К ним относятся:

- высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства;
- недостаточное количество центров экономического роста для обеспечения ускорения экономического роста РФ;
- возрастание демографической нагрузки на трудоспособное население в большинстве субъектов РФ,
- значительное отставание части субъектов РФ от средне российского уровня по ключевым социально-экономическим показателям;
- существенные внутрирегиональные различия по уровню социально-экономического развития, в том числе отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от уровня жизни жителей городов;
- высокая доля малопроизводительных и низко технологичных производств в структуре экономик субъектов РФ;
- низкий уровень предпринимательской активности в большинстве малых и средних городов, на сельских территориях за пределами крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций;
- нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия;
- несбалансированное пространственное развитие крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций;
- неудовлетворительное состояние окружающей среды в большинстве городов с численностью населения более 500 тыс. человек и промышленных городах, дефицит зеленого фонда, фрагментация и нарушение его целостности.

Насколько новы или, напротив, долговременны, многие из перечисленных выше проблем пространственного развития России? В ноябре 2008 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» или «Концепция 2020» [7]. В ней детально рассматривались:

- основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны;
- стратегии достижения поставленных целей;
- формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества;
- приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере;
- параметры пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития.

В числе важнейших *внутренних ограничений роста* были названы:

- сокращение численности населения;
- исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития;
- недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.

В этом контексте были сформулированы основные целевые ориентиры, в том числе:

- достижение сбалансированного пространственного развития;
- снижение масштабов регионального неравенства;
- создание разветвленной транспортной сети, обеспечивающей высокий уровень межрегиональной интеграции и территориальной мобильности населения.

Сопоставляя цели и задачи, сформулированные в «Концепции 2020» и «Стратегии 2025», нетрудно видеть, что проблемы социально-экономического развития страны, отчетливо проявившиеся уже в первом десятилетии двадцать первого века, сохранились и к началу его третьего десятилетия. Более того, задачи социально-экономического развития, поставленные в «Стратегии 2025», необходимо решать в условиях достаточно длительной и продолжающейся экономической стагнации.

Если проблемы и задачи, сформулированные в «Концепции 2020» и «Стратегии 2025», в значительной мере совпадают, то круг субъектов, в обязанности которых входит разработка и реализация стратегий социально-экономического развития, значительно расширился.

Субъекты пространственного стратегического планирования

Сегодня Российская Федерация состоит из восьми федеральных округов (ФО), 85 субъектов и 22 тыс. муниципальных образований (МО). Каждый административный уровень имеет конституционно закрепленные права законодательной инициативы и самоуправления, ту или иную финансовую самостоятельность. Именно эти инструменты управления, наряду с географическим положением и природно-климатическими условиями, определяют траектории развития территорий. Следовательно, стратегии развития, разработанные на разных уровнях регионального (территориального) управления, должны быть согласованы по целям, задачам, ресурсам и срокам выполнения. Как показывает сравнительный анализ стратегий социально-экономического развития субъектов федерации и входящих в них муниципальных образований, представленных на сайте Министерства экономического развития РФ [8], в настоящее время не существует ни постановки задачи согласования стратегий на разных уровнях управления, ни методов (критериев) их согласования. Как показывают публикации, наиболее уязвимым является финансовое и правовое положение органов самоуправления муниципальных образований. На состоявшейся 30–31 мая в г. Новосибирске Всероссийской конференции «Развитие городских агломераций России» [9], в числе приоритетных обсуждались вопросы формирования бюджетов муниципальных образований и правового (законодательного) обеспечения их деятельности. Особое внимание привлекли проблемы и ограничения межмуниципального сотрудничества и возможности реализации проектов социального и культурного развития [10, 11]. Отметим также, что большой вклад в разработку стратегий развития муниципальных образований вносит «Ресурсный центр по стратегическому планированию» (<http://stratplan.ru/>). Вопросы теории и практики деятельности органов местного самоуправления представлены в публикациях сотрудников Ресурсного центра по стратегическому планированию при Леонтьевском центре, и прежде всего, его директора Жихаревича Б.С. [12, 13, 14].

Формализация задачи исследования

Однако именно административно-территориальное устройство Российской Федерации делает актуальным вопрос: «Каков вклад территорий разного административного уровня в формирование названных выше негативных процессов?»

Иначе, задача исследования состоит в оценке влияния социально-экономической трансформации территорий нижнего административного уровня на положение регионов, в составе которых они находятся.

На рис. 1 представлена трехуровневая схема административно-территориального устройства России.

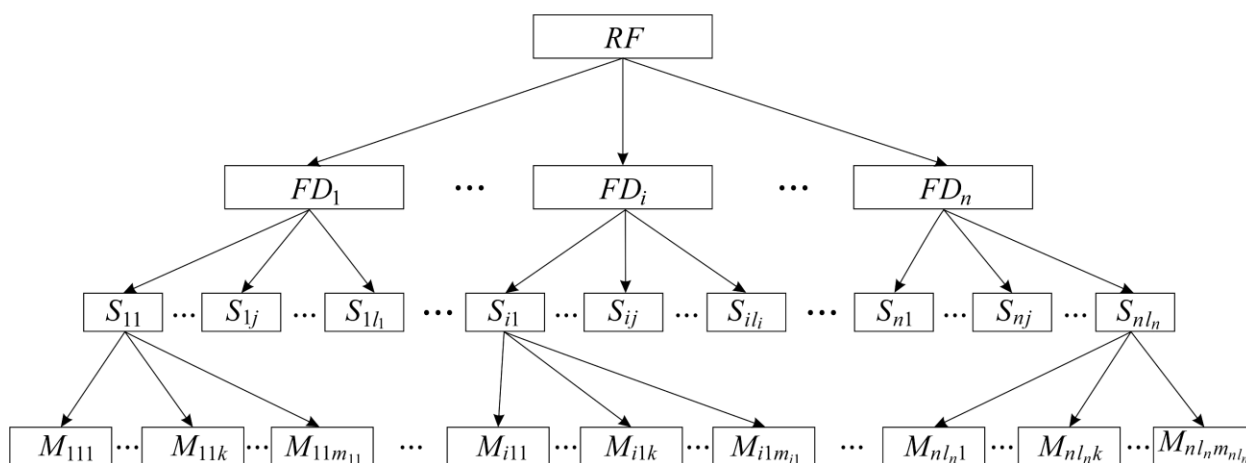

Рисунок 1.

Схема административно-территориального деления РФ

Обозначения:

Первый уровень: федеральные округа (ФО)

n – число федеральных округов, FD_i – i -й федеральный округ, $i = 1, \dots, n$.

Второй уровень: субъекты Российской Федерации (далее – субъекты)

l_i – число субъектов в i -ом ФО, $i = 1, \dots, n$,

$L = \sum_{i=1}^n l_i$ – общее число субъектов РФ,

S_{ij} – j -й субъект в i -ом ФО, $j = 1, \dots, l_i$.

Третий уровень: муниципальные образования (МО)

m_{ij} – число муниципальных образований (МО) в j -ом субъекте i -го ФО,

$$M = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^{l_i} m_{ij} \text{ — общее число МО во всех субъектах,}$$

M_{ijk} – МО с порядковым номером k в j -ом субъекте i -го ФО, $k = 1, \dots, m_{ij}$.

Социально-экономическое положение каждой из административно-территориальных единиц характеризуется P -мерным вектором, где:

$x_{ijk}^p(t)$ – значение переменной p , $p = 1, \dots, P$ в k -ом МО j -го субъекта i -го федерального округа в момент времени t , $t \in (T_0, \dots, T)$, T_0 – первый год, T – последний год рассматриваемого периода времени.

В общем случае СЭП (i, j, k) -го МО представлено в виде вектора

$$\bar{X}_{ijk}(t) = \{x_{ijk}^1(t), x_{ijk}^2, \dots, x_{ijk}^P(t)\} \quad (1).$$

В общем случае этот вектор включает и качественные, и количественные переменные. Среди последних можно выделить:

Абсолютные – численность населения, размер территории, численность занятого населения, инвестиции, фонд оплаты труда и т.д.

Относительные – в расчете на единицу измерения (на душу населения, на кв.км и т.д.). К ним относятся: среднедушевой доход, средняя заработная плата, плотность населения, плотность дорог с твердым покрытием и т.д.

Рассмотрим подмножество размерности $P' \leq P$ показателей, принимающих абсолютные значения. Для каждого u , $u = 1, \dots, P'$ выполняется соотношение

$$Y_{ij}^u(t) = \sum_{k=1}^{m_{ij}} y_{ijk}^u(t) \quad (2),$$

где $Y_{ij}^u(t)$ – абсолютное значение показателя u в субъекте j ФО i в момент t , m_{ij} – число МО в рассматриваемом субъекте (i, j) .

Значение этого же показателя в i -том ФО равно

$$Y_i^u(t) = \sum_{j=1}^{l_i} Y_{ij}^u(t) = \sum_{j=1}^{l_i} \sum_{k=1}^{m_{ij}} y_{ijk}^u(t) \quad (3),$$

$$\bar{Z}_{ij}^u(t) = \{z_{ij1}^u(t), z_{ij2}^u(t), \dots, z_{ijm_{ij}}^u(t)\}, \quad z_{ijk}^u(t) = \frac{y_{ijk}^u(t)}{Y_{ij}^u(t)} \quad (4),$$

где $z_{ijk}^u(t)$ – доля (вклад) k -го МО в формирование показателя u в субъекте (i, j) .

В процессе исследования аналогичный метод декомпозиции по уровням административно-территориального деления используется при оценке динамики статистических показателей пространственной дифференциации и неравенства.

Глубина статистического анализа определяется не только методами исследования, но и в значительной, иногда – решающей степени – его информационным обеспечением. В свете сказанного выше очевидна необходимость оценить совместимость (системы) статистических показателей, отражающих уровень и процессы социально-экономического развития субъектов и муниципальных образований Российской Федерации.

Функции, полномочия органов местного самоуправления в муниципальных образованиях

Административно-территориальное устройство России в настоящее время включает три уровня: Федеральные округа, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

Федеральный округ Российской Федерации – административное формирование, включающее субъекты Российской Федерации, и согласно Конституции Российской Федерации, не являющийся субъектом административного деления России.

Субъект Российской Федерации – правовое образование, составляющее единое федеративное государство, Российскую Федерацию.

Муниципальные образования – административные единицы на территории субъектов федерации. Они созданы для осуществления местного самоуправления на населенных территориях и имеют выборные органы местного самоуправления, муниципальную собственность, местный бюджет. В Конституции РФ [1, часть 1, статьи 130, 131, 132] указывается на ряд полномочий органов местного самоуправления. К ним относятся решение вопросов местного значения, управление муниципальной собственностью, утверждение местного бюджета, установление местных налогов и сборов.

Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [15, глава 1, статья 1] гласит, что «Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации. Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций».

В статье 131 Конституции РФ закрепляется, что «местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций», т.е. «на конституционном уровне предусматривается не только поселенческий принцип организации местного самоуправления, но и территориальный».

В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [15, глава 1, статья 2] используются следующие основные термины и понятия: *сельское поселение, городское поселение, поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район, внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения, муниципальное образование, межселенная территория.*

В этом же законе установлено соответствие между видом административно-территориальной единицы и видом муниципального образования, т.е. *сельскому поселению* соответствует один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, а *городскому поселению* – город или поселок.

Вопросы управления, мониторинга и прогнозирования на каждом уровне административно-территориального деления требуют адекватного информационно-статистического и аналитического обеспечения.

Задачи пространственного развития предполагают существование согласованной и взаимосвязанной системы социально-экономических показателей на каждом из вышеупомянутых уровней территориального деления.

Информационное обеспечение и разнообразие социально-экономического развития муниципальных образований (на примере Северо-Западного ФО)

Информация о социально-экономическом положении муниципальных образований представлена в Базе данных «Показатели муниципальных образований» (БД ПМО http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm) на сайте Государственного комитета по статистике (ГКС) в разрезе муниципальных образований. По состоянию на 1 января 2018 г. в РФ насчитывается 21,9 тысячи муниципальных образований). Данные территориальных органов государственной статистики разрабатываются в соответствии с разделом 1.33 «Муниципальная статистика» Федерального плана статистических работ (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р с последующими изменениями).

При размещении официальной статистической информации в БД ПМО обеспечивается исполнение требований Федерального закона Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

Согласно «Краткому методологическому комментарию к «Базе данных показателей муниципальных образований», в ней представлено 25 групп показателей, включающих 167 основных показателей, часть из которых имеет дальнейшую детализацию.

Таблица 1

Показатели, характеризующие муниципальные образования

Номер п/п	Группы показателей
1	<i>Территория</i>
2	<i>Население</i>
3	<i>Занятость и заработная плата</i>
4	<i>Коммунальная сфера</i>
5	<i>Социальная поддержка населения</i>
6	<i>Здравоохранение</i>
7	<i>Образование</i>
8	<i>Спорт</i>
9	<i>Охрана окружающей среды</i>
10	<i>Предприятия по переработке отходов</i>
11	<i>Сельское хозяйство</i>
12	<i>Организация отдыха, развлечений и культуры</i>
13	<i>Снабженческо-сбытовые сельскохозяйственные потребительские кооперативы</i>
14	<i>Деятельность предприятий</i>
15	<i>Строительство жилья</i>
16	<i>Сведения о выданных разрешениях о строительстве</i>
17	<i>Розничная торговля и общественное питание</i>
18	<i>Бытовое обслуживание населения</i>
19	<i>Коллективные средства размещения</i>

20	Почтовая и телефонная связь
21	Основные фонды организаций муниципальной формы собственности
22	Инвестиции в основной капитал
23	Местный бюджет
24	Финансовая деятельность
25	Формирование местного самоуправления в Российской Федерации

Дальнейший сравнительный анализ социально-экономического положения субъектов СЗФО свидетельствует об отсутствии единства и однообразия в их информационном обеспечении. Это не позволяет сформировать для них временные ряды и провести сравнительный анализ за одинаковый период времени.

В стратегиях пространственного развития ряда субъектов Северо-Западного ФО [17], [18], [19] разработаны типологии социально-экономического развития входящих в их состав муниципальных образований (МО). Для Республики Карелия, Мурманской и Архангельской областей она представлена на рис. 2, 3, 4.

Рисунок 2.

Республика Карелия. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Рисунок 3.

Мурманская область. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Северо-Западный федеральный округ. Архангельская область

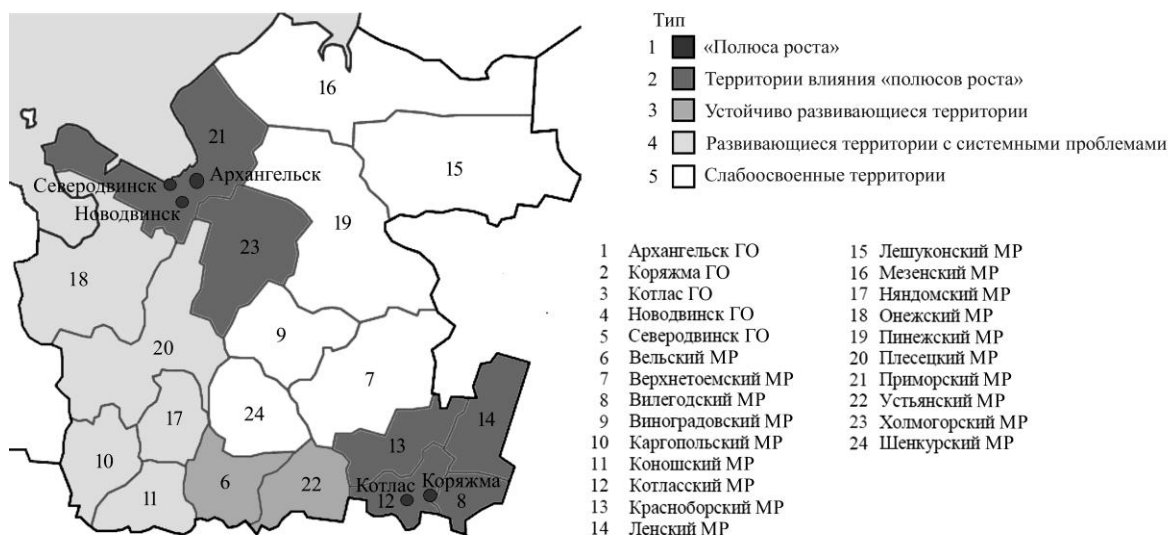

Рисунок 4.
Архангельская область. Типы социально-экономического развития муниципальных образований

Типы развития МО являются важной характеристикой, позволяющей оценить результаты предшествующего и определить тенденции будущего развития регионов. Нетрудно видеть, что представленные социально-экономические типологии муниципальных образований в рассматриваемых субъектах значительно различаются, что отражает специфику их географического положения, сложившейся экономической специализацией и, возможно, качество управления. Кроме того, типология МО позволяет оценить уровень связности территорий. Он является важной характеристикой социально-экономического положения субъекта федерации, т.к. неравномерность территориального развития может служить препятствием для дальнейшего экономического роста.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в контексте все большего внимания к социально-экономическому развитию муниципальных образований, более глубокого понимания их роли в формировании уровня и качества жизни населения на уровне крупных регионов и страны в целом, вопросы информационного обеспечения и совершенствования законодательной базы, определяющей функционирование муниципальных районов и городских агломераций, требуют более пристального внимания и интенсивной разработки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (статьи о федеральном устройстве РФ, статьи 5, 65, 66, 130–133). – <http://constitution.kremlin.ru/>
2. Герасимова И.А. Неравномерность экономического развития и неравенство населения по доходам в регионах Российской Федерации. // Актуальные социально-экономические проблемы регионов России / Отв. ред. В.Л. Макаров и др. – М.: ЦЭМИ РАН, 2005.
3. Герасимова И.А. Тенденции экономического неравенства в Российской Федерации в 1995–2006 гг.: пространственный аспект // Концепции. 2009. – № 1. – С. 42–60.
4. Герасимова И.А., Герасимова Е.В. Пространственная декомпозиция социально-экономического развития регионов России // XX Юбилейный Всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий», Москва, 9–10 апреля 2019 г. Материалы симпозиума. – М.: ЦЭМИ РАН, 2019.
5. Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года. – <http://government.ru/docs/35733/>
6. Совещание по вопросам стратегического планирования. – <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2538/?fbclid=IwAR19wMBfZm6TDBNVOJXa3IWP0nxcYvnqW3EB723VLhr5BXp6qeSe8nErMKQ>
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – <http://government.ru/info/6217/>
8. Стратегическое планирование. – <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/>
9. Всероссийская конференция «Развитие городских агломераций России», 30–31 мая, Новосибирск: VI Конференция 2019. – <https://minstroy.nso.ru/page/5365>
10. Кузнецов Ю.Г. Городские агломерации: проблемное поле межмуниципального сотрудничества и опыт решения межмуниципальных задач. Доклад на Всероссийской конференции «Развитие городских агломераций России», 30–31 мая, Новосибирск: VI Конференция 2019. – https://minstroy.nso.ru/sites/minstroy.nso.ru/wodby_files/files/page_5365/01_tezisy_kuznecov.pdf
11. Пузанов А.С. Законодательные предложения по развитию межмуниципального сотрудничества в целях совершенствования управления городскими агломерациями. Доклад на Всероссийской конференции «Развитие городских агломераций России», 30–31 мая, Новосибирск: VI Конференция 2019.
12. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Опыт оценки качества стратегий муниципальных районов // Регион: экономика и социология. 2017. – № 3 (95). – С. 298–306.
13. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Анализ согласованности стратегий субъекта федерации и его административного центра: апробация подхода // Проблемы теории и практики управления. – М., 2016. – № 2. – С. 36–44.

14. Жихаревич Б.С., Прибышин Т.К. Апробация подходов к изучению содержания муниципальных стратегий // Регион: экономика и социология. 2014. – № 2 (82). – С. 216–234.
15. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
16. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года // Сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Карелия. – <http://economy.karelia.ru/action/4868/>
17. Стратегия социально-экономического развития Мурманской области на период до 2025 года // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6/30119mo.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=b08dd4b1-5be4-4996-a9fa-90b8cb1cc9b6>
18. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года. – <https://portal.dvinaland.ru>

Гордина Л.С.

к.т.н., доктор философии, Заслуженный деятель культуры РФ, президент Ноосферной духовно-экологической Ассамблеи мира, кандидат технических наук,

О СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ НООСФЕРЫ

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, гуманистическая этика, русский космизм, сознание, смысл.

Понятие **ноосфера** давно обсуждается в научных кругах, особенно среди сторонников учения В.И. Вернадского. За несколько десятилетий после введения в оборот это понятие было много раз искажено, неправильно истолковано и даже оболгано борцами «со лженаукой». На наш взгляд пришло время для того, чтобы сделать попытку приблизиться к истине и сформулировать определение термина, исходя из современных представлений о нем.

Привычная для многих расшифровка понятия ноосфера, введенная в оборот В.И. Вернадским толкуется следующим образом: ноосфера (греч. – нус – разум, дух и сфера – шар) – сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера», «биосфера», «биотехносфера»). Ноосфера, согласно этим представлениям, – новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы.

Согласно В.И. Вернадскому, «в биосфере существует великая геологическая, быть может, **космическая сила**, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного».

В Ноосферном учении человек предстаёт укоренённым в природу, а «искусственное» рассматривается как органическая часть и один из факторов (усиливающийся во времени) эволюции «естественного».

Обобщая с позиции натуралиста человеческую историю, В.И. Вернадский делает вывод о том, что человечество в ходе своего развития превращается в новую мощную геологическую силу, своей мыслью и трудом преобразующую лик планеты. Соответственно, оно в целях своего сохранения должно будет взять на себя ответственность за развитие Биосферы, превращающейся в Ноосферу, а это потребует от него определённой социальной организации и новой, экологической и одновременно гуманистической этики.

Ноосферу можно охарактеризовать как единство «природы» и «культуры». Сам Вернадский говорил о ней то как о реальности будущего, то как о действительности наших дней, что неудивительно, поскольку он мыслил масштабами геологического времени. «Биосфера не раз переходила в новое эволюционное состояние... – отмечает В.И. Вернадский. – Это переживаем мы и сейчас, за последние 10–20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создаёт в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывалую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в Ноосферу – перерабатывается научной мыслью социального человека» (В.И. Вернадский. «Научная мысль как планетное явление»).

Таким образом, понятие «Ноосфера» по В.И. Вернадскому предстаёт в двух аспектах:

– Ноосфера в стадии становления, развивающаяся стихийно с момента появления человека;

– Ноосфера развитая, сознательно формируемая совместными усилиями людей в интересах всестороннего развития всего человечества и каждого отдельного человека.

Справедливости ради следует заметить, что понятие «Ноосфера» было предложено профессором математики Сорбонны Эдуардом Леруа (1870–1954), который трактовал ее как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Э. Леруа подчёркивал, что пришёл к этой идее совместно со своим другом – крупнейшим геологом, палеонтологом-эволюционистом и католическим философом Пьером Тейяром де Шарденом. При этом Леруа и Шарден основывались на лекциях по геохимии, которые в 1922/1923 годах читал в Сорбонне Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). Наиболее полное воплощение теория Леруа нашла в разработке Тейяра де Шардена, который разделял не только идею абиогенеза (оживления материи), но и идею, согласно которой конечным пунктом развития ноосферы будет слияние с Богом. В основе теории ноосферы Леруа лежат представления древнегреческого философа Плотина (205–270 гг.) об эманации Единого (непознаваемой Первосущности, отождествляемой с Богом) в Ум и Мировую Душу с последующей трансформацией последних снова в Единое.

Согласно Плотину, сначала Единое выделяет из себя мировой Ум (нус), заключающий в себе мир идей, затем Ум производит из себя Мировую Душу, которая дробится на отдельные души и творит чувственный мир.

Материя возникает как низшая ступень эманации. Достигнув определенной ступени развития, существа чувственного мира начинают осознавать собственную неполноту и стремиться к приобщению, а затем и слиянию с Единым.

Эволюционная модель Леруа и Тейяра де Шардена повторяет основные положения неоплатонизма. Разумеется, возникновение Вселенной, появление и развитие жизни на Земле описывается в терминах современной науки, но принципиальная схема концепции соответствует принципам неоплатоников.

Человек у Плотина стремится выйти за пределы Души (Духа) в сферу Разума, чтобы затем через экстаз приблизиться к Единому. Согласно Тейяру де Шардену, человек также стремится перейти в сферу Разума и раствориться в Боге.

Идеи Плотина были восприняты Леруа в бергсонизмском духе. Влияние Анри Бергсона (1859-1941) на создание теории ноосферы заключалось главным образом в выдвинутом им положении о творческой эволюции (Русский перевод: «Творческая эволюция», 1914). Подлинная и первоначальная реальность, по Анри Бергсону, – жизнь как метафизически-космический процесс, творческая эволюция; структура её – длительность, постигаемая только посредством интуиции, различные аспекты длительности – материя, сознание, память, Дух.

Универсум живёт, растёт в процессе творческого сознания и свободно развивается в соответствии с внутренне присущим ему стремлением к жизни – «жизненным порывом». Если понятие «Живое вещество» и «Биосфера» приняты наукой, то понятие «Ноосфера» вызывает до сих пор споры в научных кругах. Критики учения о ноосфере главным образом указывают на то, что это учение утопично и носит не научный, а религиозно-философский характер. Например, доктор философских наук В.А. Кутырев считает: «Суть обновленного взгляда на Ноосферу, который мы намерены здесь защищать и который, как кажется, более адекватно отвечает ситуации, такова: это учение с самого начала несло в себе элементы утопии; в нем переплелись аксиологические и онтологические подходы без какого-либо их разграничения... Ноосфера как гармония – сциентистский аналог социально-политических утопий типа коммунизма и прочих более ранних мечтаний о рае».

Однако сегодня преобладает совершенно иное видение ноосферы. Понятия биосферы и ноосферы вошли в плоть и кровь современной жизни. С биосферой при всем разнообразии подходов и обилии дефиниций более или менее ясно.

В.И. Вернадский дает определение биосферы, опираясь на единственно правильный космистский подход, который предусматривает признание существования особой жизненной оболочки – биосферы – в ее тесной взаимосвязи с Космосом и его совокупными закономерностями: «По существу, Биосфера может быть рассматриваема как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действительную земную энергию – электрическую, химическую, механическую, тепловую и т.д. Космические излучения, идущие от всех небесных тел, охватывают Биосферу, проникают всю её и всё в ней».

Что касается Ноосферы, то здесь разногласия намного больше. Не подлежит сомнению лишь одно: исходя из сути самого понятия, речь идет о Разуме. Но о каком? Современный российский философ-космист В. Демин в своей книге «Тайны Биосферы и Ноосферы» говорит об этом следующее: «Существует узкое и широкое толкование Разумности. В узкой трактовке единственным Ноосферным субъектом и определяющим фактором планетарного развития выступает человек во всем многообразии своего взаимодействия с окружающей действительностью».

В данном смысле ноосфера является высшим этапом эволюции биосферы и человечества, когда природа, естественная и искусственная среда становятся управляемыми под воздействием разумных преобразований. Очень многие философы так и представляют: сначала возникла биосфера, затем в результате ее эволюции и последовавшего на определенном этапе качественного скачка возникла ноосфера. Тем самым ноосфера смешивается и отождествляется с антропосферой, связанной исключительно с человеческой деятельностью. Применительно к планете Земля данный вывод вполне понятен, но стоит только его экстраполировать на бесконечную и неисчерпаемую Вселенную, как, казалось бы, совершенно бесспорный тезис начинает пробуксовывать.

Универсум можно правильно понять лишь в его целостности, и проблемы разумной жизни в бесконечной Вселенной отнюдь не ограничиваются ее далеко не совершенными проявлениями на Земле – одной из бесчисленного множества небесных тел. Сам В.И. Вернадский формулировал данную мысль следующим образом: «Научно ПОНЯТЬ – значит установить явление в рамках научной реальности – Космоса». Вот почему наряду с узким существует иное, широкое, понимание Разумности в целом и ноосферы в частности, когда они выводятся далеко за рамки одного лишь человеческого бытия и многообразной деятельности *homo sapiens*.

Если намеренно обострить постановку вопроса, то он прозвучит так: существовала ли ноосфера до человека? Ответ на него возможен только положительный, поскольку в данной интерпретации разумность, сознательность, духовность распространяется и на безграничную Вселенную (Космический Разум), и на отдельные формы движущейся материи – как известные, так и гипотетические: энергоинформационное поле, четвертое и последующие измерения пространства, физический вакуум, атомные и субатомные структуры. В соответствии с таким подходом, вся разумная сторона Мироздания (Космоса) – это и есть ноосфера. При этом неизбежно и вполне естественным образом размываются на первый взгляд, казалось бы, непреодолимые грани между наукой и мистикой, философией и богословием. Сказанное, однако, следует понимать лишь в том смысле, что религиозная и оккультная эзотерика затрагивают те же самые проблемы, из коих сложилась концепция биосферы и ноосферы.

Именно таких взглядов придерживался К.Э. Циолковский. Если перевести его научные откровения – иначе их не назовешь – на современный био- и ноосферный язык, то получается что биосфера и ноосфера существовали и будут существовать всегда.

На передний план теоретических, экспериментальных и прикладных наук неумолимо выдвигаются биоэнергоинформационные проблемы. Профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана, руководитель лаборатории «Биоэнергоинформатика» и организатор постоянно действующего межвузовского семинара «Сознание и физическая реальность» В. Волченко формулирует основные направления исследований в данной области. Приведем некоторые из этих постулатов.

– Мироздание (Универсум), для ее целостного понимания и объяснения, следует рассматривать как живую сложную голографическую систему в единстве вещественных и «тонко»-информационных (духовных) миров.

– В эволюционном отношении Сознание следует считать приоритетным перед Материей. В начале, как сказано в Библии, было Слово-Логос.

– Сознание – это Материя-Энергия в потенциале. В Сознании Мироздания содержится проект и алгоритм развития Вселенных (этот постулат по смыслу аналогичен выводам торсионной теории Г. Шипова – А. Акимова).

– Все живые и неживые системы вещественного и духовного миров обладают Сознанием, но в разной степени.

– Совокупность энергоинформационных характеристик систем, ранжированных по росту значений их витальности (жизнеспособности), образует энергоинформационное пространство Мироздания, или энергоинформационное пространство Мира Сознания.

– Вещественный и Тонкие Миры в энергоинформационном пространстве Сознания Вселенной разделены энергоинформационным барьером. Проникновение Сознания человека в тонкие миры происходит как бы через энергоинформационный барьер по квантовым туннелям, или «трансфизическим воронкам».

– Носителями и хранителями информации в Тонком Мире целесообразно полагать Информационные Поля разного уровня.

– Структура информационных полей Тонкого Мира в первом приближении вполне вписывается в современную теорию Физического Вакуума.

– Безэнергетические поля объясняются наличием пятого фундаментального взаимодействия в виде первичных торсионных полей (полей кручения).

– Торсионные поля обладают свойствами, позволяющими объяснить большинство энергоинформационных феноменов: мгновенность действия, абсолютность проникновения через природные среды, инверсию времени и пространства, голографичность, безэнтропийность, безэнергетичность и т.п.

– Исследуя одни лишь нейроны, синапсы, рефлексы и т.п., мы никогда не поймем СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ. Выйдя же за пределы клеток и мышц, образующих биотические системы, в биосферу, ноосферу и далее – в бесконечный Космос, мы сразу же нащупываем под ногами твердую почву и получаем возможность ответить на многие вопросы, которые раньше казались тайной за семью печатями.

– Такой «твердью» и ориентиром для научного познания как раз и выступает энергоинформационная реальность. Она – материальна, она – наполнена неисчерпаемым движением и смыслом, она – жива и разумна.

Итак, проанализировав вышеприведенные высказывания ученых, можно прийти к выводу, что все ранние дефиниции относительно сущности понятия ноосфера имеют серьезные недочеты. Кроме того, известно, что некоторые современные «критики» ноосферного направления в науке воспринимают понятие Ноосферы как нечто, что не имеет права на существование в «официальной» науке. Что ж, попробуем убедить читателя, что все, что не относится к понятию «Ноосфера», вообще не имеет смысла.

Так, в авторской статье «Этико-экологические и конституционно-правовые механизмы ноосферного развития» (В кн. «Человек и общество: ноосферное развитие». – Москва; Белгород 2011) мы дали следующее определение ноосферы: **«Ноосфера – это Универсальное семантическое поле Сознания».**

Для того чтобы смысл этого определения стал более понятен, нужно подробнее рассмотреть вопрос о том, что такое семантические поля.

Как известно, семантика является сферой смысловых значений.

Очень хорошим «входом» в это не самое простое для понимания понятийное пространство является ряд текстов замечательного российского философа, ученого В.В. Налимова. Вот что он пишет в одной из своих работ:

«Смысл – понятие не логическое, а онтологическое. Это категория сущего. Смыслы, как это мне представляется, существуют изначально, так же, как существуют фундаментальные физические константы. Существуют, не будучи созданными».

«Природа смыслов – далее продолжает В.В. Налимов – может быть схвачена только в их динамике. Только через проявление их в Бытии, содержащем сознание. Динамическое раскрытие природы смысла может быть достигнуто только через одновременный анализ семантической триады: смысл, текст, язык. Любой элемент этой триады может быть определен через два других».

В этой цитате содержится ключ к пониманию того, что такое ноосфера. Если мы придерживаемся представления о том, что смыслы как бы изначально «зашиты» в структуру Мироздания, то мы неизбежно приходим к выводу, что ноосфера, будучи пространством или сферой смыслов, является одним из базовых аспектов Глобального Макрокосмического Сознания (или мета-сознания, как его называет Налимов).

Что же касается того, каким может быть механизм перехода семантических полей в поля субстанциональные, то есть содержащие микрочастицы вещества, то на этот счет ученые в последнее время выдвинули целый ряд оригинальных гипотез.

Одной из интересных работ на эту тему является теория функционирования информационного поля Мироздания И. Красникова. Согласно ей Глобальное Макрокосмическое Сознание порождает информацию, которая существует в виде программ и матриц (матрицы, объединенные одной целью и законами, представляют собой программы). Объединяют программы и матрицы **информационные потоки** (матрица управляется программой с помощью информационного потока). Функционально информационный поток проявляет свою деятельность через **коды действия**, которые, в свою очередь, выстроены из определенных элементарных объектов («единичных матриц») под названием **кейзоны**. Эти информационные безмассовые частицы являются ключиками ко всем процессам в Мироздании. По И. Красникову, форма существования Информационного Поля – кейзонные потоки.

Информационные поля бесконечны в пространстве и во времени. Их потоки сопрягаются в лучи, которые управляют информационными матрицами.

Таким образом, Глобальное Макрокосмическое Сознание производит информацию, которая через коды действия творит Мироздание.

Для того чтобы полнее себе представить, что же такое ноосфера, или семантическое поле, мы также должны допустить, что помимо семантического Глобального Макрокосмического Сознания имеет и иные аспекты, построенные на своих кодовых системах, которые не могут быть адекватно раскодированы. Вероятно, именно поэтому В.В. Налимов говорит в своих работах о наличии текстов *«с размытыми смыслами, раскрывающимися на глубинных уровнях сознания... Желая серьезно понять дискретно написанные тексты, мы обращаемся к скрытой размытости. Понимание становится личностным. Более того, оно всегда ситуационно. Вспомним: в течение двух последних тысячелетий религиозная мысль была непрестанно занята реинтерпретацией одних и тех же исходных текстов, придавая им различные смыслы – веса».*

К семантическим полям с размытыми, то есть не поддающимися однозначной раскодировке текстам, Налимов справедливо относит творчество и его плоды. И действительно, весьма трудно представить полностью вербально интерпретированными, или расшифрованными семантически такие явления как музыка, абстрактная живопись или высокая поэзия.

Вероятно, вообще все, что соотносится с чувственной сферой, не может быть раскодировано через семантику. Как нам представляется, адекватной вербализации вполне подвластны лишь формы, связанные с ментальными полями – то есть сфера чистого разума. Ее сокровенная суть может открыться нам, как пишет Налимов, только через динамику познания и анализ семантической триады: смысл, текст и язык.

Следует заметить, что семантические поля, без сомнения, выстроены в соответствии с законом иерархии, и потому **семантический аспект Глобального Макрокосмического Сознания является предельным, высшим, глобальным уровнем этой иерархии или Ноосферой Мироздания.** В соответствии со структурой Мироздания выстраиваются все его семантические поля: поля Космической, Солнечной, планетной цепей, биосферы планет, семантические поля живых существ и в том числе земного человечества.

В этой связи следует сказать вот о чем. Сегодня понятие «ноосфера» прочно вошло в научный и философский обиход и широко используется многими учеными и философами. Однако при внимательном изучении текстов, связанных с ноосферной тематикой, оказывается, что большинство авторов опираются в своих размышлениях на работы Владимира Ивановича Вернадского – гениального русского ученого, мыслителя с широчайшим диапазоном. Но дело в том, что Вернадский, который ввел в научный обиход понятие ноосфера («сфера разума»), соотносил его, прежде всего, с семантическими полями планеты Земля и земного человечества. Ни в одной из своих работ он не касался вопроса об иерархии смысловых полей Мироздания. Для его времени даже сама постановка вопроса о существовании «сферы разума» являлась абсолютно революционной, это был прорыв к иному, глобальному, космическому мышлению. Однако время не стоит на месте, и сегодня необходимо расширять, переосмысливать, и конкретизировать все, что связано с понятием ноосфера.

Автор данной работы склонен рассматривать понятие ноосфера предельно широко, именно с точки зрения ее иерархических ступеней, уходящих вверх и смыкающихся с беспредельностью Глобального Макрокосмического Сознания.

Чрезвычайно важен ряд других сентенций В.В. Налимова о семантических (смысловых) полях, или уровнях ноосферы:

«Семантика определяется вероятностно задаваемой структурой смыслов. Смыслы – это есть то, что делает знаковую систему текстом. Спрессованность смыслов – это нераспакованный (непроявленный) Мир: семантический вакуум».

Фактически за этими словами стоит оригинальная космологическая схема, которая в общих чертах перекликается с рядом других таких же глобальных моделей, связанных с Космогенезисом. Собственно, данную цитату Налимова можно рассматривать как творческое расширение и уточнение предельно общей библейской космологической формулы «Вначале было Слово, и Слово было у Бога».

С другой стороны, представление о семантическом вакууме как нераспакованном (непроявленном) Мире совпадает с гегелевским Ничто, способным потенциально породить Нечто; это представление совпадает также с индуистским представлением о «ночи Браммы», чреватым его пробуждением и наступлением Дня Браммы – то есть разворачиванием Творения. Просто налимовские формулы больше соответствуют развитой ментальности современного интеллектуального сообщества и потому потенциально дают возможность выстроить систему точных и выстроенных структурно космологических понятий.

Представление В.В. Налимова о семантическом вакууме, на наш взгляд, является весьма важным дополнением к космологической модели А. Акимова и Г. Шипова. Вспомним: в их теории утверждается, что *«вакуум нейтрален по отношению к миру физической материи и как бы “не наблюдаем”, так как в первом приближении у него нет способов сообщить нам о своем существовании. Однако внутренние динамические процессы приводят к тому, что в вакууме наблюдается самозарождение вещества. Флуктуационные процессы в вакууме, приводящие к появлению виртуальных электрон-позитронных пар (пары существуют короткий промежуток времени и исчезают в той же точке среды, в которой возникли), являются подтверждением того, что первородная среда существует: она порождает материю».*

Процессы “самозарождения” виртуальных частиц физика объяснить пока не может, но вакуум перестает быть нейтральной средой и может интерпретироваться как праматерия.»

Гипотезы В. Налимова и И. Красникова о семантическом вакууме являются как раз объяснением того, почему и как вакуум перестает быть нейтральной средой и становится *праматерией*, способной порождать формы. Акимов и Шипов интуитивно догадываются о причинах этого процесса, говоря о неких «внутренних динамических процессах в вакууме, приводящих к появлению виртуальных – электронно-позитронных пар».

Однако наиболее конкретно эту тему прорабатывает все же И. Красников, который говорит о существовании *электрических* и *магнитных* кейзонов, взаимодействующих друг с другом напрямую. Имеющие однопольные заряды – отталкиваются, разноименные – притягиваются.

Ученый делает важный вывод: *«Кейзоны имеют возможность обмениваться информацией между собой и одновременно передавать ее в пространство; это – своеобразные единичные генераторы информационного поля.»*

Глобальное Макрокосмическое Сознание проявляет себя в виде непрерывных волн кавитонов (называемых им также “пси-частицами Духа”), являющихся первичным источником информационных потоков. Эти волны управляют в непрерывном режиме. Размеры такой “пси-частицы” (кавитона) – порядка 10^{-120} см. Электрические и магнитные кейзоны используются в качестве “контейнеров-транспортёров” для кавитонов, защищающих эти «пси-частицы» от дезинформации, порчи, потери при транспортировке и т.п.»

Они различаются знаками и размерами: образно говоря, магнитные кейзоны – мелкие, а электрические кейзоны – крупные (размеры магнитных кейзонов порядка 10^{-90} см, в то время, как размеры электрических кейзонов – порядка 10^{-50} см).

Кейзоны имеют нулевую массу и спиновый момент, обусловленный их вращением вокруг своей оси.

Как нам представляется, из научных версий, касающихся темы перехода информационных (семантических полей) в субстанциональные, теория И. Красникова является наиболее полной и логичной.

Однако следует заметить, что ученые, хотя и начали употреблять в своих работах никогда ранее не использовавшиеся ими термины «Абсолют», «Дух» и т.п., все же неохотно решаются говорить об иррациональных, непостижимых механизмах перехода информационных полей в субстанциональные. Все же физикалистские проекции остаются в их построениях доминирующими. Автор же данной работы считает необходимым совместить оба подхода – рационалистический и иррационалистический, с тем, чтобы представление о Первоначалах приобрело некий интегральный объем. Мы предлагаем исходить из того, что ***изначально существует нераспакованный семантический вакуум, который активизируется и порождает частицы праматерии в соответствии с неким Замыслом. И такой Замысел может принадлежать только Глобальному Макрокосмическому Сознанию.***

Мы полагаем, что в приведенной интерпретации представление о ноосфере как универсальном семантическом поле сознания значительно проясняется и уточняется.

Дутов А.В.

д.т.н., к.э.н., генеральный директор ФГБУ НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского»

Клочков В.В.

д.э.н., к.т.н., заместитель генерального директора ФГБУ НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского», в.н.с. ИПУ им. В.А. Трапезникова РАН

Рождественская С.М.

начальник отдела ФГБУ НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского»

ИЗМЕРЕНИЕ И НОРМИРОВАНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СВЯЗАННОСТИ И КАЧЕСТВА ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ СТРАНЫ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: качество транспортного обслуживания, транспортная связанность, доступность транспортных услуг, транспортный стандарт, показатели, нормирование.

Введение

Проблема обеспечения транспортной связанности страны, приемлемого качества транспортного обслуживания территории и населения стоит в России чрезвычайно остро. Более 66% площади ее территории относится к *отдаленным, малонаселенным и труднодоступным регионам* (далее ОТДМР), характеризующимся низкой плотностью населения, слабым развитием и трудностями создания и поддержания наземной транспортной инфраструктуры, как правило, сложными природно-климатическими условиями, большой протяженностью и удаленностью от относительно густонаселенных регионов страны. В основном, ОТДМР находятся в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, в районах Крайнего Севера или приравненных к ним. Однако такие районы встречаются и в Европейской части России (особенно в Северо-западном федеральном округе, но также в Поволжском и Северо-Кавказском федеральных округах). По объективным технико-экономическим причинам в таких регионах затруднено или просто нецелесообразно развитие традиционных наземных видов транспорта – автомобильного и, тем более, железнодорожного. При малой плотности населения, низких потенциальных пассажиро- и грузопотоках, строительство и содержание наземной дорожной инфраструктуры не окупится на рыночной основе, а если все-таки будет предпринято, соответствующие затраты могут многократно повысить стоимость единицы транспортной работы, по сравнению с густонаселенными регионами. Но и развитие воздушного и водного транспорта (не требующих дорогостоящей путевой инфраструктуры по всему маршруту) в таких регионах затруднено именно в силу их свойств (подробнее см. [2, 4]). Затраты на строительство и содержание аэропортов распределяются на очень малое количество потенциальных пассажиров¹, что существенно, иногда многократно, по сравнению с густонаселенными регионами, повышает полную стоимость авиаперевозок. Кроме того, низкая покупательная способность и подвижность малочисленного населения таких районов приводит к тому, что частота рейсов оказывается неприемлемо низкой даже при малой вместимости воздушных судов (что, опять-таки, объективно способствует удорожанию авиаперевозок). Даже там, где авиасообщение восстановлено при государственной поддержке, типичны еженедельные или даже более редкие рейсы (а на многих направлениях регулярное авиасообщение вообще прекратилось). Такое качество транспортного обслуживания не является социально приемлемым и слабо совместимо с самим понятием транспортной связанности территории (хотя оба эти понятия, качества и связанности, ниже еще придется уточнить).

Строго говоря, в Российской Федерации, в силу

- низкого уровня благосостояния значительной части населения,
- социально-экономической деградации ряда регионов (и даже муниципалитетов внутри относительно благополучных регионов)
- недостаточных вложений в развитие транспортной инфраструктуры на протяжении многих десятилетий,
- проблемы низкого качества транспортного обслуживания свойственны не только ОТДМР, расположенным преимущественно в зауральской части страны и на севере ее Европейской части, но и целому ряду относительно густонаселенных регионов, особенно районам, расположенным вдали от региональных центров, т.е. районам, которые можно назвать «глубинкой». Даже в столичном Московском регионе (не говоря уже об обширной и малонаселенной Ленинградской области, значительная часть которой, скорее, относится к типичным ОТДМР) встречаются районы и населенные пункты, которые не связаны с крупными центрами современными дорогами (автомобильными и, тем бо-

¹ Характерный пассажиропоток на несколько порядков ниже, чем в крупных аэропортах. Аэропорты местных воздушных линий многократно меньше и дешевле, чем магистральные, с учетом гораздо низшего класса аэродромов (как правило, класс Г или даже посадочные площадки). Тем не менее, даже для таких низкокласных аэродромов и аэропортов малой пропускной способности характерны некоторые постоянные затраты, слабо (по крайней мере, не прямо пропорциональным образом) зависящие от их масштаба – например, требуется служба авиационной безопасности, охрана периметра и т. п.

лее, железными). Имеющееся в этих районах транспортное сообщение остается неприемлемо редким (даже если имеется хотя бы какое-то регулярное сообщение, что выполняется далеко не всегда). Длительность, а иногда и стоимость поездок между многими малыми (а иногда и средними) населенными пунктами и крупными центрами, магистральными транспортными узлами неприемлемо высоки для большей части населения России (тем более для населения этих отдаленных населенных пунктов, как правило, обладающего низкими доходами), для удовлетворения его социально-бытовых, экономических (трудовых) и, тем более, культурных нужд. Как следствие, низки и деловая активность предприятий, и мобильность населения, и качество его жизни. Российская «глубинка» вследствие этого остается слаборазвитой в экономическом и социально-бытовом отношении, что, в свою очередь, снижает ее привлекательность для расселения и размещения бизнеса. Т.е. действует пагубная положительная обратная связь, которую можно разорвать лишь при условии обеспечения в соответствующих районах современного уровня качества транспортных услуг. Для России как крупнейшей страны мира критически важны проблемы транспортной связанности территории, транспортной «проницаемости» пространства. На сегодняшний день, в силу недостаточного уровня развития транспорта, большая протяженность и площадь территории – скорее, обременение для национальной экономики, чем объективное конкурентное преимущество нашей страны. Такое положение дел не только затрудняет социально-экономическое развитие, но и создает прямую угрозу территориальной целостности и национальной безопасности России [1].

Как обосновано в ряде научных работ [5, 6], в обозримом будущем развитие и поддержание на приемлемом уровне транспортных систем ОТДМР и отдельных районов «глубинки» даже в пределах густонаселенных регионов возможно лишь при условии масштабной государственной поддержки. Такая поддержка оказывается воздушному транспорту и в наиболее экономически развитых странах мира, также имеющих подобные регионы (Аляска в США, большая часть территории Канады и Австралии, и т.п.). Однако планировать развитие транспортных систем таких регионов, необходимые объемы государственной поддержки, а также развитие необходимых технологий можно лишь на основе объективных требований к качеству их транспортного обслуживания, к транспортной связанности территории. Эти категории должны измеряться (количественно, и, по возможности, объективно), нормироваться, а выполнение соответствующих стандартов и норм должно стать одной из главных задач государственной политики в области транспорта. В соответствующих формальных задачах планирования эти требования следует рассматривать в качестве ограничений – в противном случае, развитие по принципу «чем больше, тем лучше» потребовало бы неограниченного объема ресурсов, что, разумеется, невозможно.

Разумеется, уже неоднократно делались попытки введения соответствующих понятий и показателей, и даже попытки установления и внедрения минимальных транспортных стандартов в нормативных и программных документах. Однако они не имели достаточного научного обоснования (ввиду отсутствия даже четких определений качества транспортного обслуживания, транспортной доступности и связанности территории), и, в конечном счете, пока не оказали влияния на практику управления развитием транспортных систем.

Повышение связанности территории объявлено одним из высших приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации в Стратегии научно-технологического развития (СНТР), принятой Указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 г [7]. Поэтому уточнение соответствующего понятия и его формализация, выработка объективных количественных показателей связанности территории страны стали первоочередными задачами при реализации этого приоритета (значимость которого была подтверждена и принятием Стратегии пространственного развития Российской Федерации [8]). В обеспечение решения этой проблемы ведущими отечественными учеными в области комплексных проблем развития транспорта было предпринято исследование [3]. Здесь предпринята попытка критически осмыслить основные положения ранее проведенных исследований и уточнить определения и показатели. Помимо обоснования самих показателей, необходимо предложить подходы к определению их целевых значений, т.е. к нормированию транспортной связанности территории и качества транспортного обслуживания.

Определения и показатели качества транспортного обслуживания, транспортной доступности и транспортной связанности территории

Для объективного измерения и нормирования качества транспортного обслуживания, транспортной связанности территории необходимо ввести корректные определения качества транспортного обслуживания, транспортной доступности и связанности территории. Далее эти понятия необходимо формализовать, введя для их количественного измерения информативные и практически применимые показатели. Только тогда можно будет ввести понятие транспортного стандарта как нормы, минимально необходимого, требуемого уровня качества транспортного обслуживания, транспортной связанности территории.

В первую очередь, объективной характеристикой качества транспортного обслуживания населения и народного хозяйства, транспортной связанности территории, «проницаемости» пространства следует считать время в пути или скорость передвижения. Наряду со стоимостью перевозки, общее время в пути является важнейшей характеристикой транспортных услуг в формальных моделях спроса на перевозки, рынков перевозок, в т.ч. в моделях выбора пассажиров или грузоотправителей между альтернативными видами транспорта¹. Помимо времени в пути важны и прочие

¹ И, шире, в моделях принятия решений о поездке или грузоперевозках. Например, определяя оптимальную пространственную организацию производства, предприятия могут, учитывая стоимость и временные параметры грузоперевозок, принять решение о концентрации различных звеньев технологических цепочек в одном месте, чтобы избежать транспортных затрат и потерь. Либо, напротив, могут счесть их приемлемыми и сделать выбор в пользу пространственно распределенной организации производства.

Кстати, и потенциальные пассажиры могут в долгосрочной перспективе решать аналогичные задачи, определяя место жительства, место работы и в целом модель занятости. Таким образом, характеристики транспорта оказывают влияние на пространственную организацию экономики, расселение, жизнедеятельность граждан – что, в свою очередь, определяет затем спрос на транспортные услуги.

характеристики качества транспортных услуг – например, характеристики комфорта пассажиров, условий перевозки грузов (влияющих на их сохранность), количества пересадок (перегрузок), влияющего на удобство пассажира и грузоотправителя, на транзакционные издержки и суммарные затраты. Однако, в первом приближении, все-таки важнейшими характеристиками транспортной услуги являются ее стоимость и время в пути. И если даже характеристики комфорта пассажиров (включая габариты и объем салона, газовый состав атмосферы на борту, температурно-влажностные характеристики, уровни шума, вибраций, перегрузок), как правило, нормируются, по меньшей мере, санитарными ограничениями, и должны быть не хуже некоторого социально приемлемого в данный период уровня, то характеристики времени в пути, или средней скорости передвижения варьируют внутри Российской Федерации в несколько раз или даже на порядки на маршрутах аналогичной протяженности. В итоге и возникает наблюдаемая ныне сильная неоднородность регионов и даже отдельных населенных пунктов в части обеспеченности транспортными услугами. Так и возникает феномен «глубинки», оторванной от остальной страны (даже в пределах ее центральных регионов), что создает существенные риски для территориальной целостности и национальной безопасности.

Итак, важнейшими характеристиками качества транспортного обслуживания являются временные или скоростные характеристики перевозок – характерное время в пути, или средняя маршрутная скорость передвижения. Конкретными показателями для измерения этих характеристик могут быть

- средневзвешенные (по объемам перевозок, в пассажирах или тоннах грузов) либо наихудшие, т.е. минимальные на некотором полигоне (участке маршрутной сети, регионе) маршрутные скорости перевозок;
- средневзвешенные либо наихудшие, т.е. максимальные на данном полигоне значения общего времени в пути;
- доли площади территории или населения, лежащие в пределах некоторых *изохрон*, т.е. линий равных значений общего времени в пути (до определенного пункта, или определенной их категории, например, «до ближайшего международного аэропорта») и т.п.

Строго говоря, маршрутная скорость – всегда величина искусственная, вычисляемая путем деления расстояния между пунктами отправления и назначения на общее время в пути. Именно последнее непосредственно интересует в каждом конкретном случае пассажира или грузоотправителя и является аргументом в принятии решений. Что касается маршрутной скорости, т.е. средней скорости перевозки, она является, в большей степени, величиной иллюстративной, вспомогательной (как и удельные показатели стоимости перевозок).

Следует уточнить понятие транспортной связанности территории страны. Сводится ли транспортная связанность территории к качеству транспортного обслуживания (в части наиболее объективных его характеристик, временных и скоростных)?

В обеспечении населения и предприятий транспортными услугами, помимо чисто «технических» аспектов – скорости, времени в пути – важны и социально-экономические. Вполне реальны такие ситуации, когда в данный пункт в принципе можно добраться или доставить грузы с высокой скоростью, но подавляющему большинству потенциальных пассажиров и грузоотправителей такие услуги оказываются недоступны, хотя есть относительно небольшая прослойка населения, которая такими транспортными услугами пользуется, и возможно, в ее интересах даже организовано соответствующее регулярное сообщение. Можно ли в таком случае считать обеспеченность транспортными услугами удовлетворительной?

В связи с этим следует рассмотреть еще одну категорию – транспортной доступности регионов страны и населенных пунктов. Часто встречающееся в публицистике, высказываниях официальных лиц, в официальных документах и даже в научных трудах понятие транспортной доступности без дополнительных уточнений вообще бессмысленно, вырождено. В любую, даже самую труднодоступную точку территории страны, в принципе, можно добраться за то или иное время, ценой тех или иных затрат – например, в результате сложных и дорогостоящих транспортных операций с использованием вертолетов, ледоколов, вездеходной техники, либо пешком (в т.ч. с использованием специального снаряжения – альпинистского, водолазного и т.п.) за несколько лет, как это делали первопроходцы. Разумеется, такие варианты «доступа» неприемлемы для большинства населения страны и предприятий, тем более на регулярной основе. Поэтому транспортная доступность должна характеризоваться, прежде всего, затратами на перемещение, при заданной его длительности. В свою очередь, конкретный уровень затрат при заданном качестве транспортной услуги окажется приемлемым для той или иной доли населения (как самого «целевого» региона или населенного пункта, так и жителей других регионов, желающих туда добраться), для тех или иных предприятий и видов экономической деятельности.

С одной стороны, именно эти доли и являются коэффициентами доступности, в строгом ее экономическом определении. С другой стороны, их оценка возможна только в соответствующих секторах-потребителях транспортных услуг. Только в этих секторах-потребителях, «вне» самого транспорта, проявляется их реальный социально-экономический смысл. Кроме того, сама по себе доступность, в основном, отражает социальные аспекты, но с экономической точки зрения важнее не доля населения, которой доступны те или иные перевозки, а интегральные объемы перевозок и транспортной работы, поскольку они определяют спрос на продукцию и транспортных предприятий, и транспортного машиностроения. Для планирования их работы недостаточно знать, например, что авиaperезвозки доступны X% населения, поскольку неясно – как часто и как далеко будут летать эти X%? С точки зрения экономики соответствующих отраслей важнее знать, что будет перевезено Y пассажиров и выполнено W пасс.-км транспортной работы. Эти величины также определяются уже не на транспорте, а в секторах-потребителях транспортных услуг. Поэтому в рамках самого транспорта как отрасли экономики стоимость перевозочных услуг является достаточной характеристикой их доступности.

Следует использовать в качестве характеристик доступности как полную стоимость (за всю перевозку от пункта отправления до пункта назначения, причем, для грузов – за всю партию груза конечного объема), так и удельную –

в расчете на единицу транспортной работы (пассажира- или тонно-километр). Конкретными показателями доступности транспортных услуг могут быть

- средневзвешенные (по объемам перевозок, в пассажирах или тоннах грузов) либо наихудшие, т.е. максимальные на некотором полигоне (участке маршрутной сети, регионе) абсолютные (за всю поездку или перевозку) или удельные (за пасс.-км, т-км) тарифы, при заданных значениях времени в пути;

- доли населения или предприятий, которые могут пользоваться теми или иными транспортными услугами при их заданном качестве¹.

Заметим, что варианты транспортного обслуживания территории, конкретных регионов и маршрутов не единственны. В зависимости от временных и стоимостных характеристик транспортных услуг, различные категории пассажиров (различающиеся не только доходами, но и мотивами поездок, наличием альтернативных видов транспорта, наконец, индивидуальными предпочтениями) и предприятия разных видов экономической деятельности могут выбирать различные виды транспорта даже на одних и тех же маршрутах.

Итак, транспортная связанность территории – более широкое понятие, чем качество транспортного обслуживания, и включает в себя, помимо качества, также доступность (т.е. фактически стоимость) транспортных услуг при их заданном качестве. Поэтому интегральные характеристики транспортной связанности территории могут формулироваться, например, в следующих терминах:

«не более чем за X денежных единиц и не более чем за Y часов из любого населенного пункта региона можно добраться до регионального центра»

– либо, можно указывать средневзвешенные стоимости поездок и средневзвешенные значения времени в пути.

Для сравнения рассмотрим определения транспортной связанности и доступности, предложенные в исследовании [3].

«Связанность – свойство территории, позволяющее осуществлять своевременное и экономически эффективное перемещение людей, грузов, информации. Понятие связанности территории включает в себя следующие аспекты:

- политико-административные,
- экономические,
- социальные,
- культурные,
- экологические».

Поэтому транспортная связанность, с точки зрения автора работы [3], должна измеряться сложным набором показателей, отражающих эти аспекты. Их состав сформирован на основе всестороннего анализа роли и места Единой транспортной системы в экономике страны, а также отечественного и зарубежного опыта.

В то же время понятие доступности в этой работе является более узким:

«Транспортная доступность – время перемещения всеми видами транспорта между заданными точками территории, рассчитываемое на графе транспортной сети».

Тем не менее, авторы данной работы в обоснование своего подхода подчеркивают значение термина «доступность» в экономике – он подразумевает экономические, стоимостные аспекты, которые в полной мере присутствуют в коэффициентах доступности. Временные и скоростные характеристики транспортных услуг отражают, скорее, их качество. При этом понятие транспортной связанности во всех определениях является наиболее комплексным, многоаспектным.

Методологические подходы к нормированию качества транспортного обслуживания и транспортной связанности территории

Установление нормативов качества транспортного обслуживания, т.е. в данном случае – пороговых значений, прежде всего, времени в пути – должно опираться на представление о роли этих характеристик в обеспечении качества жизни населения, в хозяйственной деятельности предприятий и организаций.

Прежде всего, приемлемый уровень времени в пути в пределах территории страны должен зависеть от размера соответствующих поселений – пунктов отправления и назначения, от численности их населения, масштабов их экономики (количества и оборота предприятий, и т.п.). Даже при одинаковом расстоянии между ними естественно требовать, чтобы ограничение на общее время в пути было более жестким при поездках (перевозках) в/из более крупных населенных пунктов. Это обосновано как с точки зрения объективных социально-экономических потребностей, так и с точки зрения возможностей – технологических и экономических.

С одной стороны, перевозки между более крупными населенными пунктами, как правило, характеризуются большими пассажиро- и грузопотоками, затрагивают большее количество населения и предприятий. Т.е. интегральный эффект от равной экономии времени (в человеко-часах, денежных единицах и т.д.) на более деятельных маршрутах будет выше, чем на менее напряженных.

С другой стороны, при больших грузо- и пассажиропотоках проще обеспечить и более высокое качество транспортного обслуживания, т.е. прежде всего – меньшее время в пути. Оно складывается, в общем случае, из

- собственно времени поездки (полета, плавания и т.п.), которое на данном маршруте определяется, в основном, скоростными, динамическими характеристиками используемых транспортных средств,

¹ Доли населения или площади территории, охватываемые теми или иными изохронами, аналогичны интегральным показателям доступности перевозок как долей населения, которые могут пользоваться тем или иным видом транспорта.

• и времени ожидания, которое является случайным, но связано с *межрейсовым интервалом* – а он, в свою очередь, определяется отношением вместимости (грузоподъемности) транспортных средств, и грузо- или пассажиропотока.

Чем выше грузо- или пассажиропоток на маршруте, тем проще обеспечить высокую частоту рейсов и малое время ожидания, причем при низкой, по возможности, стоимости перевозок. По объективным технико-экономическим причинам «при прочих равных» (в т.ч. при заданном уровне развития технологий) себестоимость перевозки пасс.-км или т-км ниже для транспортных средств с большей грузоподъемностью или пассажироместимостью.

Следует уточнить, что здесь рассматривается именно проблема нормирования качества транспортного обслуживания в части «обычных» поездок пассажиров (с рабочими, рекреационными, иными личными целями) и перевозок грузов в рамках хозяйственной деятельности предприятий. Широко известно, что при низком качестве транспортного обслуживания регионов и населенных пунктов в них остро стоит и проблема обеспечения приемлемого времени доставки сотрудников экстренных служб (скорой помощи, полиции и т.п.) или, наоборот, граждан, нуждающихся в срочной помощи – больных, раненых и т.п., экстренных грузов (например, гуманитарных, или необходимых для предотвращения чрезвычайных ситуаций, ликвидации их последствий). Возможно, что в этой части нормы должны быть безусловно жесткими безотносительно к численности и плотности населения¹, если считать, что гражданам гарантировано право на жизнь в любой точке страны. Однако такие экстренные перевозки² выходят за рамки данного анализа. Здесь рассматриваются только «мирные» пассажирские и грузовые перевозки, поэтому в их организации ведущую роль играют именно экономические соображения.

При нормировании допустимой длительности поездки, включая ожидание, можно воспользоваться теми же предпосылками, на которых основаны и простейшие гравитационные модели спроса на перевозки. Т.е. можно предположить, что пассажиропотоки между двумя населенными пунктами пропорциональны произведению численностей их населения, а также обратно пропорциональны расстоянию между этими пунктами в некоторой положительной степени. Разумеется, можно привести много конкретных примеров, когда жителям двух крупных и даже относительно близко расположенных центров практически «нечего делать» друг у друга в городах. Однако, во-первых, здесь ставится задача сформировать единые для страны стандарты, которые и не должны учитывать все локальные флуктуации. Во-вторых, в значительной мере нынешняя низкая интенсивность межрегиональных связей в России является следствием масштабных структурных кризисов, длящихся в нашей стране с начала 1990-х гг. и, помимо прочего, следствием деградации транспортной системы. Это привело к сверхцентрализации бизнеса и государственного управления, и даже к изменению моделей расселения и личных, семейных связей. Есть основания полагать, что облегчение перемещения пассажиров и грузов по территории страны приведет к развитию межрегиональных связей, в т.ч. и поэтому, что гражданам уже будет куда и зачем ездить.

Предлагается установить следующую градацию размеров (категорий) пунктов отправления и назначения:

• А – города с численностью населения свыше 1 млн. человек или центры крупнейших агломераций (включая центры Федеральных округов);

• Б – города с численностью населения свыше 250 тыс. человек или центры субъектов Федерации;

• В – города с численностью населения менее 250 тыс. человек;

• Г – сельские населенные пункты,

их расположения и расстояния между ними;

• РФ – в пределах Российской Федерации;

• ФО – в пределах Федерального округа или в соседних Федеральных округах;

• СФ – в пределах субъекта Федерации или в соседних субъектах Федерации,

и соответствующих им минимальных стандартов качества транспортного обслуживания (см. табл. 1).

Таблица 1

Допустимое время поездки пассажира между населенными пунктами в зависимости от их категории и расположения, ч

Категория пункта отправления / назначения	А	Б	В	Г
А	РФ: 24 ч ФО: 12 ч	РФ: 24 ч ФО: 12 ч СФ: 6 ч	РФ: 36 ч ФО: 24 ч СФ: 12 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч
Б	РФ: 24 ч ФО: 12 ч СФ: 6 ч	РФ: 36 ч ФО: 24 ч СФ: 12 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч
В	РФ: 36 ч ФО: 24 ч СФ: 12 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч
Г	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 48 ч ФО: 36 ч СФ: 24 ч	РФ: 72 ч ФО: 48 ч СФ: 24 ч

¹ Впрочем, даже современное нормирование техногенной опасности опирается на риск-ориентированные подходы, т.е. требования становятся более жесткими по мере увеличения количества потенциальных пострадавших, и наоборот.

² Строго говоря, их и некорректно рассматривать как перевозки – скорее, это специальные операции (аварийно-спасательные и др.), даже если в них используются те же транспортные средства, что и в перевозках. Иначе можно было бы рассматривать как транспортную перевозку и доставку ядерной боеголовки в страну назначения.

Здесь предполагается, что далеко не все возможные пары населенных пунктов связаны прямым беспересадочным сообщением. Это оправдано тем, что при большом расстоянии между относительно малыми пунктами пассажиропоток между ними будет недостаточным для выполнения рейсов с приемлемой частотой. Учитывается, что иногда поездка окажется даже заведомо быстрее (за счет меньшего времени ожидания), если она будет выполняться через населенный пункт или пункты более высокой категории. Поэтому, например, поездка между двумя сельскими населенными пунктами, расположенными в различных (и не соседних) федеральных округах, вероятнее всего, будет включать в себя поездку в город категории А или Б, поездку между такими центрами, и последующую поездку в пункт назначения. Это и отражено в соответствующих ячейках табл. 1.

Значения допустимого времени поездок, указанные в табл. 1, на данный момент сформированы экспертным путем, с учетом, с одной стороны, потребностей в поездках различных категорий пассажиров и целевых ориентиров, принятых в развитых странах мира, а с другой стороны – технических возможностей известных видов транспорта. Эти значения еще должны корректироваться, в т.ч. с использованием математического моделирования.

Список литературы

1. Гольц Г.А. Инфраструктура и общество: принципы стратегии опережающего развития России // Экономическая наука современной России. – М., 2000. – № 2. – С. 5–21.
2. Горшкова И.В., Клочков В.В. Экономический анализ перспектив развития воздушного транспорта в малонаселенных регионах России // Проблемы прогнозирования. – М., 2011. – № 6. – С. 36–52.
3. Евсеев О.В. Критерии обеспечения связанности территории: доклад на заседании Совета по приоритету Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации «Связанность территории РФ...» 26 апреля 2018 г.
4. Клочков В.В., Горшкова И.В. Проблемы управления развитием «малой авиации» и авиатранспорта малонаселенных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 47 (374). – С. 36–51.
5. Клочков В.В., Горшкова И.В., Молчанова Е.В. Авиатранспорт в малонаселенных регионах: оценка затрат и эффективности инновационных технологий // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 3 (330). – С. 58–68.
6. Рябухин С.Н. Только самолетом можно долететь // Финансовый контроль. 2012. – № 2 (123). – С. 54–57.
7. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Принята Указом Президента РФ № 642 от 01 декабря 2016 г.
8. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

**Заусаев В.К.,
Кручак Н.А.¹**

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: *Дальний Восток, национальная программа, концепция, основные тенденции, геостратегическая значимость, акценты и приоритеты.*

«Если у нас не хватит жизненных соков на зарубцевание всех нанесенных России ран, то наиболее отдаленные... части ее... могут... безболезненно и незаметно отпасть... и мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу». Эти слова П.А. Столыпина, высказанные в 1908 г. на Государственной Думе России при защите проекта завершения строительства Транссиба, актуальны и в настоящее время. Дальний Восток стоит на переломе развития. И от того, какая политическая воля возобладает, зависит будущее этого макрорегиона, да и всей России.

Президентом России В.В. Путиным поставлена стратегическая задача к 1 сентября 2019 г. разработать Национальную Программу развития Дальнего Востока (Национальная Программа). Но прежде нужна концепция развития макрорегиона на обозримую перспективу как научный фундамент всех последующих действий.

Наши исследования показали, что в результате рыночных преобразований северные регионы Дальнего Востока, усилившие сырьевую специализацию и существенно сократившие население, привели в большее соответствие с коммерческими принципами хозяйствования свою воспроизводственную основу. Южные, приграничные регионы, сохранившие более диверсифицированную экономику, это сделать не смогли. Они находятся в зоне риска, что опасно с геостратегических позиций.

В результате в макрорегионе формируются две фундаментальные тенденции – снижение демографического потенциала и примитивизация хозяйства, – которые усиливаются под воздействием друг на друга и вкуче обостряют проблемы безопасности России.

Двигаясь методом «проб и ошибок», в макрорегионе формируется консервативно-сырьевой сценарий, который постепенно трансформируется в либерально-сырьевой, наиболее коммерчески эффективный, базирующийся на концессионных отношениях, массивном привлечении иностранного капитала и рабочей силы, ведущий к экономической потере Дальнего Востока. Альтернативным является национальный сценарий, предполагающий превращение макрорегиона в драйвер российской экономики и требующий на начальном этапе значительных финансовых ресурсов.

Его основополагающая идея – рассмотрение Дальнего Востока как геостратегического региона России, требующего особого государственного подхода к решению социально-экономических проблем, качественной модернизации экономики, закрепления и преумножения населения, роста человеческого капитала. Начало этих преобразований должно быть положено в Национальной Программе.

Главное требование к ней видится в максимальном учете при ее разработке и реализации фундаментальных особенностей макрорегиона: окраинности, высокой затратности жизнедеятельности и социально-экономической неоднородности.

В качестве концептуальных положений общего характера следует рассматривать: формирование быстрорастущего постоянного населения и диверсифицированной экономики на приграничном юге, стягивание жителей в большие и малые селитебные центры и создание в них максимально комфортных условий проживания, расширение вахтовых методов организации труда на севере; осуществление специальной экономической политики, включающей преференциальные режимы хозяйствования для бизнеса, в том числе совершенствование ТОР и СПВ, инфраструктурное обустройство территории и человека, принятие противозатратного кодекса в естественных монополиях и компаниях с государственным участием, а также органах государственной власти; максимальное использование естественной основы регионального воспроизводства и природной ренты для развития перерабатывающих отраслей; социально-экономическое районирование Дальнего Востока с выделением Республики Саха (Якутия), северных и южных регионов со своими масштабами и спецификой развития; размещение производительных сил на основе формирования территориальных центров экономического роста с ранжированием их по уровням значимости (федеральный, региональный, локальный и местный), каждый из которых будет иметь свои особенности социально-экономического развития.

На федеральном уровне видятся следующие первоочередные меры: стимулирование развития рентабельных отраслей в центре цепочки вертикально-интегрированных структур, где вначале производство и геологоразведка, а в конце – переработка; вовлечение ресурсов бизнеса в экономику с последующей компенсацией их за счет будущих налогов и платежей; освобождение дальневосточного бизнеса в реальном секторе экономики от всех федеральных налогов; рас-

¹ Заусаев Вадим Константинович – д.э.н., профессор кафедры маркетинга и рекламы, Хабаровский государственный университет экономики и права, Председатель Ученого совета Дальневосточной народной академии наук. E-mail: zausaev_inst@mail.ru
Кручак Наталья Андреевна – руководитель направления, Восточный центр государственного планирования.

ширение полномочий субъектов в распоряжении и пользовании природными ресурсами; увеличение налогооблагаемой базы субъектов за счет закрепления бизнеса по месту деятельности; реструктуризация госдолга, в том числе списание его обоснованной части; установление надежных и доступных связей субъектов с «материнской» стороной за счет регулирования транспортных тарифов; гармоничное сочетание экономических, политических и социальных интересов при реализации крупных проектов; освобождение бизнеса от выплаты дальневосточных надбавок и льгот, осуществление пилотного проекта на примере ТОР «Комсомольск» для выявления положительных и отрицательных последствий; принятие федерального закона Российской Федерации «О развитии Дальнего Востока» как институциональной основы развития субъектов ДФО.

Действия региональных правительств должны быть направлены на максимальное использование естественной основы регионального воспроизводства путем развития рентабельных отраслей (рыбной, угольной, лесной, нефте- и газодобывающей, строительных материалов, горнодобывающей, транспорта и др.), инвентаризацию и систематизацию первоочередных проектов, включение «ручного управления» по доведению их до инвестиционной стадии; разработка механизмов включения в этот процесс малого и среднего бизнеса; введения режима жесточайшей экономии в использовании бюджетных ресурсов, оптимизация расходов на содержание краевых и муниципальных органов власти, аппаратов управления предприятий с краевой и муниципальной собственностью на основе механизма редукации заработной платы; формирование региональных бюджетов развития; обустройство территории и человека на принципах государственно-частного партнерства, возмещающая посредством будущих налогов бизнесу затраты на создание производственной и социальной инфраструктуры, подготовку рабочих кадров; лоббирования в высших инстанциях реализации крупных инвестиционных проектов (комплексное освоение Охотского моря, транспортный переход на Сахалин, строительство приливных электростанций и второго пути на БАМе, освоение новых месторождений минерального сырья, модернизация Транссиба, создание транспортных коридоров и др.); стимулирование инновационности, обеспечивающей максимальное трудовосбережение и снижение издержек производства.

В качестве финансового обеспечения следует использовать частные инвестиции, федеральный и региональный бюджеты, гранты, льготные кредиты. Под наиболее эффективные проекты целесообразно привлекать сбережения дальневосточников.

На первом этапе разработки Национальной Программы необходимо принятие концепции устойчивого развития Дальнего Востока, подготовка отраслевых и региональных концепций, согласование их между собой и регионами, разработка на базе концепций региональных программ, согласование их по мероприятиям, ресурсам, срокам исполнения и др.

Жизнь богаче любых научных схем и пойдет своим путем. Но политическая воля может обозначить приоритеты и акценты, характерные для того или иного сценария. Современные тенденции и преобладание как во власти, так и бизнесе компрадорской буржуазии (элиты) говорит о реальности либерально-сырьевого направления развития макрорегиона. Выбор национального пути требует корректировки социально-экономической политики. Тогда Дальний Восток сможет выполнить свою историческую миссию в жизни России, оправдав вложенные в него жизненные силы наших предков.

Иванченко А.В.

к.и.н., с.н.с. Института экономики УрО РАН
ival1972@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹

Ключевые слова: цифровая экономика, инновационное развитие, передовые технологии, промышленный комплекс, трансферт научных разработок.

Keywords: digital economy, innovative development, advanced technologies, industrial complex, transfer of scientific researches.

Происходящая в мире «цифровая революция» и вызванная ею трансформация мировой экономики ставит перед Россией новые вызовы и задачи. Именно адекватная и своевременная реакция на эти вызовы способна гарантировать успешное социально-экономическое развитие нашей страны в долгосрочной перспективе.

При этом необходимо принимать во внимание, что «цифровизация» экономики теснейшим образом взаимосвязана с общим процессом ее инновационного развития, т.е. с развитием науки и внедрением в практику ее достижений.

Следует согласиться с утверждением, «что проблема цифровизации экономики может решаться только в контексте всеобщего технологического подъема, возрождения промышленности и перехода к инновационной модели развития, обеспечивающей широкомасштабное внедрение передовых производственных технологий»². Иными словами, успешно «оцифровываться» может только та экономика, которая уже прочно стала на инновационные рельсы.

Национальный проект «Наука», разработанный во исполнение Указа Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г., уделяет определенное внимание поддержке научной деятельности в целях инновационного развития экономики и трансферта научных разработок в реальный сектор. В плане действий по реализации проекта предполагается, что к 2024 году:

- Будут сформированы инструменты поддержки трансляционных исследований и организации системы технологического трансфера, охраны, управления и защиты интеллектуальной собственности, обеспечивающих быстрый переход результатов исследований в стадию практического применения;

- Разработанные технологии будут внедрены в организации, действующие в реальном секторе экономики;

- Будет сформирован комплекс мер по ориентации государственных заказчиков на закупку наукоемкой и инновационной продукции, созданной на основе российских технологий³.

Во исполнение этих решений предполагается создать 15 научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и организовать их кооперацию с организациями, действующими в реальном секторе экономики⁴.

Цели Национального проекта «Наука» обозначены адекватно. В то же время, конкретные механизмы по трансферту передовых технологий в массовое производство и приданию импульса инновационному развитию во всех сферах и отраслях производства в проекте детально не сформулированы (15 НОЦ объективно смогут работать только с ограниченным кругом компаний, уже имеющих достаточно высокий уровень инновационности, и их деятельность будет иметь точечный, сегментарный характер).

Для того, чтобы оценить перспективы инновационного развития отечественной экономики и сформулировать пути его стимулирования, мы должны предварительно охарактеризовать его текущее состояние.

Таблица 1

Инновационное развитие отечественной экономики 2013–2017 гг.

№ п/п	Единица измерения	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	
1.	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, (по полному кругу организаций)	%	8,9	8,8	8,3	7,3	7,5

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН на 2019 год.

² Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2018. – № 5. – С. 14.

³ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. – М., 2019. – С. 61. – <http://government.ru/news/35675/>

⁴ Паспорт национального проекта «Наука». Утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. – <http://government.ru/info/35565/>

2	То же по промышленности		9,7	9,7	9,5	9,3	9,6
3	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (по полному кругу организаций)	%	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2
4	То же по промышленности	%	8,9	8,2	7,9	8,4	6,7
5	Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме затрат (по полному кругу организаций)	%	2,9	2,9	2,6	2,5	2,4
6	То же по промышленности	%	2,2	2,1	1,8	1,8	1,7

Составлено на основе материалов Росстата и Высшей школы экономики.

Из табл. 1 мы видим, что уровень инновационной активности отечественных предприятий и доля наукоемкого производства в общем его объеме остаются весьма низкими, более того, по всем приведенным показателям в 2013–2017 гг. наблюдается тенденция к спаду.

Для сравнения, в Германии удельный вес организаций, осуществляющих инновации, составляет 58,9%, Финляндии – 52%; Франции – 46,5%, Великобритании – 45,7%, Дании – 39,4%¹.

При этом по таким показателям, как «Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» и «Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» показатель по промышленности в среднем ниже, чем по полному кругу предприятий всех сфер экономической деятельности.

Все выше сказанное свидетельствует о слабых возможностях большинства промышленных предприятий производить и внедрять инновации и, соответственно, об отсутствии спроса на них.

Таким образом, мы наблюдаем очевидную слабость инновационного потенциала российской экономики и ее ключевого звена – реального сектора, что будет создавать неизбежные трудности и препятствия на пути научной и цифровой модернизации промышленности и создания «Индустрии 4.0».

В связи с этим остро стоит вопрос о детальной проработке механизма трансфера научных разработок, в том числе связанных с цифровизацией, в промышленное производство.

На наш взгляд, в рамках Национального проекта «Наука» требуется выделение вопросов, касающихся внедрения результатов научных исследований и разработок в промышленность, в отдельный смысловой блок, а также детализация и конкретизация мероприятий в рамках этого блока.

Во-первых, должны быть скорректированы целевые показатели Национального проекта «Наука» в плане внедрения инноваций. Такие показатели существуют и давно применяются для статистических оценок, в частности:

- Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации
- Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг
- Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме затрат.

Следует определиться, как их использовать для индикативного планирования при реализации Национального проекта «Наука» в плане внедрения инноваций в реальный сектор.

Во-вторых, должны быть сформулированы и предложены к реализации комплексы мероприятий по следующим направлениям:

- создание массового спроса на инновации;
- меры по стандартизации цифровых технологий и продуктов – прежде всего, «сквозных технологий», что обеспечило бы их массовую применимость;
- стимулирование инвестиций в развитие цифровых технологий и производство новой высокотехнологичной продукции.

Эти цели не могут быть достигнуты только за счет мер прямой точечной господдержки (в виде субсидий и преференций конкретным предприятиям).

Скорее требуется создание институциональных условий – своего рода «режима наибольшего благоприятствования» для всех предприятий, внедряющих и/или производящих инновации. К числу таковых мер следует отнести:

- специальные налоговые режимы, в частности, активное применение амортизационной премии, учитываемой для целей налогообложения по налогу на прибыль;
- особые условия получения кредитов, прежде всего, в государственных банках, относящихся к категории «институтов развития»;
- развитие венчурного финансирования с мониторингом результатов инвестирования, прежде всего, в плане внедрения произведенных НИОКР в реальный сектор;
- развитие системы консультирования и технологического сопровождения со стороны государственных и научных организаций для предприятий реального сектора по внедрению инноваций на всех этапах этого процесса.

В связи с этим, на наш взгляд, следует изучить опыт развитых стран, добившихся серьезных успехов в сфере инновационного и цифрового развития.

¹ Инновации в России: динамика основных показателей // Бюллетень Высшей школы экономики «Наука. Технологии. Инновации». 26.09.2018. – https://issek.hse.ru/data/2018/09/26/1153998102/NTI_N_103_26092018.pdf

В частности, можно привести пример ряда стран (Нидерланды, Австралия, Япония, Канада и др.), где главную роль при стимулировании НИОКР и внедрении технологических инноваций играет широкое использование налоговых преференций, соотношение которых к прямому государственному финансированию составляет 80% к 20%.

Особую роль меры налоговой поддержки инноваций играют в Китае, где в частности применяются: *льготные налоговые ставки; вычеты из налогооблагаемой базы расходов, непосредственно связанных с НИОКР и инновационной деятельностью, ускоренная амортизация; налоговые каникулы и др.*

Позитивный результат таких мер очевиден: в Китае именно бизнес-сектор является главным источником финансирования внутренних затрат на НИОКР (свыше 76%), здесь сконцентрировано более 62% кадрового исследовательского потенциала¹.

Полагаем, что позитивный зарубежный опыт может быть очень полезен при выборе вариантов цифрового и инновационного развития.

При этом национальные проекты «Наука» и «Цифровая экономика» должны рассматриваться в комплексе и взаимной увязке заложенных в них целей и мероприятий, как составных элементов реализации главной цели внутреннего развития – построения высоко технологичной экономики, основанной на инновациях.

Таким образом, корректировка программных установок и мероприятий государства по внедрению НИОКР, в том числе, цифровых технологий, имеющая целью более целенаправленное и предметное стимулирование развития в данном ключе реального сектора, будет в наибольшей степени способствовать общему технологическому подъему и переходу к инновационной модели развития российской экономики.

Список литературы

1. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. – М., 2019. – <http://government.ru/news/35675/>
2. Итоги федерального статистического наблюдения по ф. № 3-информ «Сведения об использовании информационных и коммуникационных технологий и производстве вычислительной техники, программного обеспечения и оказании услуг в этих сферах» за 2017 г. Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/3-inf/f3-inform.htm
3. Паспорт национального проекта «Наука». Утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. – <http://government.ru/info/35565/>
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. <http://government.ru/info/35568/>
5. Абрашкин М.С., Вершинин А.А. Влияние цифровой экономики на развитие промышленности РФ // Вопросы региональной экономики. 2018. № 1 (34). – С. 3–9.
6. Акбердина В.В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // Известия УрГУ. 2018. – Т. 19, № 3. – С. 82–97
7. Здольникова С.В., Бабкин А.В. Проблемы и особенности инновационного потенциала промышленности в условиях цифровой экономики // Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы. Труды научно-практической конференции с международным участием / Под ред. А.В. Бабкина. – СПб., 2017. – С. 123–134.
8. Инновации в России: динамика основных показателей // Бюллетень Высшей школы экономики «Наука. Технологии. Инновации». 26.09.2018. – https://issek.hse.ru/data/2018/09/26/1153998102/NTI_N_103_26092018.pdf
9. Клавдиенко В. Налоговое стимулирование инновационной активности предприятий в Китае // Общество и экономика. 2018. – № 7. – С. 39–50.
10. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник ИЭ РАН. – М., 2018. – № 5. – С. 9–21
11. Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ. 2019.

¹ Клавдиенко В. Налоговое стимулирование инновационной активности предприятий в Китае // Общество и экономика. 2018. – № 7. – С. 41.

*Исаева Г.К.,
Купешев А.Ш.,
Купешова А.К.,
Куралбаева А.Ш.¹*

РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ КАЗАХСТАНА

***Ключевые слова:** глобализация, мировая экономика, информационные компьютерные технологии (ИКТ), информационное общество, современные технологии, электронное правительство, информационный Казахстан, цифровизация, трансформация общества, Шелковый путь, креативное общество, кибератаки.*

Современное общество в условиях глобализации мировой экономики характеризуется очередным этапом внедрения информационных компьютерных технологий во все сферы жизни, которые меняют уклад жизни людей и составляют фундамент и материальную базу для перехода к информационному обществу, обществу с высоким социально-экономическим, политическим и культурным развитием.

В мире повсеместно наблюдаются такие тенденции, как: трансформация всех общественных институтов и сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ; прогресс во всех сферах разработки, производства и внедрения современных технологий; стремление к формированию развитой информационной среды, адекватной задачам социально-экономического развития страны; обеспечение равноправного гарантированного доступа населения к информационным ресурсам; подготовка граждан, общественных институтов, бизнеса и органов государственной власти всех уровней к жизни в условиях информационного общества.

В большинстве передовых стран мира, таких как, например, Канада, Корея, Сингапур, США, разработаны и реализуются стратегии или комплексные программы информационного развития как общества в целом, так и отдельных сфер деятельности².

В Казахстане основной акцент был сделан только на одной из составляющих информационного общества – на формировании и развитии «электронного правительства», о чем свидетельствуют высокие международные рейтинги. Однако задача формирования информационного общества, безусловно, шире, чем развитие только «электронного правительства» и отрасли телекоммуникаций. В связи с этим в стране были приняты Государственные программы «Информационный Казахстан – 2020», и «Цифровой Казахстан».

Государственная программа «Цифровой Казахстан» нацелена на реализацию технологического прорыва для того, чтобы республика могла войти в число 30 развитых цифровых государств.

Реализация Государственной программы «Цифровой Казахстан» проводится в четырех ключевых направлениях:

1. **«Цифровизация отраслей экономики»** – преобразование традиционных отраслей экономики РК с использованием прорывных технологий и возможностей, которые повысят производительность труда и приведут к росту капитализации.

2. **«Переход на цифровое государство»** – преобразование инфраструктуры государства для предоставления услуг населению и бизнесу, предвосхищая их потребности.

3. **«Реализация цифрового Шелкового пути»** – развитие высокоскоростной и защищенной инфраструктуры передачи, хранения и обработки данных.

4. **«Развитие человеческого капитала»** – преобразования, охватывающие создание креативного общества и переход к новым реалиям – экономике знаний.

5. **«Создание инновационной экосистемы»** – создание условий для развития технологического предпринимательства с устойчивыми связями между бизнесом, научной сферой и государством, а также внедрения инноваций в производство.

Все мероприятия и проекты, реализованные в рамках программы «Цифровой Казахстан», помогут повысить эффективность и прозрачность государственного управления, обеспечить занятость населения, повысить качество

¹ Исаева Гульмира Куздуалиевна – к.э.н., ассоц. профессор, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, г. Шымкент.

Купешев Алмаз Шораевич – д.э.н., и.о. профессора, Университет «Мирас», г. Шымкент.

Купешова Айгуль Куанышевна – к.э.н., и.о. доцента, Университет дружбы народов им. академика А.М. Куатбекова, г. Шымкент.

Куралбаева Алма Шораевна – д.э.н., профессор, Международный университет SILKWAY, г. Шымкент.

² Госпрограмма «Информационный Казахстан – 2020». – Астана, 2013.

образования и здравоохранения, а также улучшить инвестиционный климат, повысить производительность труда и рост доли малого и среднего бизнеса в структуре ВВП¹.

Прогнозируется, что в 2021 году в результате реализации Государственной программы «Цифровой Казахстан»:

- доля пользователей сети Интернет достигнет 81%;
- уровень цифровой грамотности населения – 81,5%;
- рост производительности труда в ИКТ составит 5,9%;
- рост производительности труда по секции «Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров» – 6,3%;
- рост производительности труда по секции «Транспорт и складирование» – 4,8%;
- численность занятого населения в отрасли ИКТ – 110 тыс. человек;
- доля государственных услуг, полученных в электронном виде, от общего объема государственных услуг составит 80%².

Инициаторы госпрограммы имели глобальное видение эффектов от её реализации к 2025 году:

- уровень производительности сопоставим с ТОП-30 странами;
- конкурентоспособные экспортные производства;
- существенный рост капитализации казахстанских компаний.

Это планируется реализовать следующим образом:

– Внедрение технологий Индустрии 4.0 в промышленности, которые, по замыслу составителей программы, должны повлечь рост производительности труда по отраслям в среднем на 50% к 2022 году (в сравнении с 2016 годом).

– «Цифровое месторождение» в нефтегазовой отрасли: реализация на 14 месторождениях «КазМунайГаза» в 2019–2020 гг. (эффект – 56 млрд. тенге 2025 г.).

– «Цифровой рудник» в металлургической отрасли: масштабирование проектов «Казатомпрома» в 2019–2020 гг. (эффект – 12,7 млрд. тенге к 2025 г.).

– Развитие электронной торговли и переход к безналичной экономике: к 2022 г. увеличение доли электронной коммерции в общем объеме розничных продаж с 1,1 до 2,6%, а безналичных платежей – с 10 до 35%.

– Интеллектуальная транспортная система: увеличение транзитного потока на 10% и объемов автоперевозок грузов на 14%.

– Цифровизация агропромышленного комплекса: рост объема экспорта продовольственных товаров в 2022 году на 65% (к 2017 году).

– Цифровизация электроэнергетического комплекса: снижение отключений до 25%, повышение эффективности сети на 10%.

Внедрение технологий в горно-металлургической и обрабатывающей промышленности. Мероприятия, которые планировались и проводились в 2018 году:

– Создание института промышленной автоматизации и цифровизации.

– Принятие мер поддержки по цифровизации предприятий (льготное кредитование, лизинг и т. д.).

– Выход на полный функционал системы ИС «Цифровой Рудник» на пилотном проекте «Казатомпром-SaUran».

– Внедрение технологии «Интеллектуального месторождения» на предприятии ТОО СП «КазГерМунай» (3 месторождения - Акшабулак, Нуралы, Аксай).

В 2019 году:

– Запуск трех «модельных цифровых фабрик» (обрабатывающая промышленность, машиностроение, химия, металлургия и т. д.).

– Внедрение ИС «Цифровой рудник» на трех рудниках АО НАК «Казатомпром» («Степное РУ», «РУ-6», «ДП «ОРТАЛЫК»).

– Внедрение ИС «Интеллектуальное месторождение» на 10 месторождениях (АО «Эмбамунайгаз», АО «Озенмунайгаз» и АО «Каражанбасмунай»).

– Внедрение цифровых технологий на крупных и средних предприятиях (3%).

В 2022 году:

– Внедрение цифровых технологий на крупных и средних предприятиях (11%).

По итогам этих мероприятий планируется достичь экономический эффект по проектам цифровизации крупных горно-металлургических компаний до 2025 года в размере 348,6 млрд. тенге. При этом подобными технологиями будут охвачены 11% компаний Казахстана в сегменте среднего и крупного бизнеса.

В Казахстане будут запущены все 4 компонента программы цифровизации, включающих цифровую трансформацию традиционных отраслей, развитие человеческого капитала, цифровизацию государственных услуг и развитие цифровой инфраструктуры.

Цифровые технологии становятся новым глотком воздуха, многие страны присоединяются к этой волне и выносят это на повестку дня. Казахстан на 50-м месте по цифровому развитию, за последние 5–6 лет позиция фактически не изменилась. Однако, вероятность того, что в ближайшие 10 лет, Казахстан сможет войти в 30 лучших стран мира велика, и возможности для этого есть.

Технологический прорыв нужно организовать быстро, чтобы войти в 30 через 10 лет, а не 25. Казахстан является одной из 15 стран мира, которая запускает комплексную программу и все четыре компонента успеха. Пришло вре-

¹ Госпрограмма «Информационный Казахстан – 2020». Утверждена Указом Президента РК 8 января 2013 г.

² Государственная программа «Цифровой Казахстан». Утверждена постановлением Правительства РК № 827 от 12.12.2017.

мя начать эту трансформацию, но на пути реализации программы цифровизации существует четыре основных препятствия:

- ограниченное участие частного сектора;
- концентрация усилий только на секторе ИКТ;
- фокус только на быстрых результатах;
- фокус только на «сегодняшних» технологиях.

Конечной целью программы цифровизации является достижение «общества 5.0, в котором люди, машины и технологии могут мирно сосуществовать».

Цифровой бизнес – это целая сфера, которая по своим возможностям и охвату намного превышает традиционные отдельные отрасли: цифровые технологии проникают во все сферы жизни человека – здравоохранение, авиацию, промышленность. Их использование помогает избежать рисков негативного влияния на окружающую среду, более рационально расходуются ресурсы, генерируются гигантские объемы данных.

Современный глобальный мир быстро меняется за счёт быстроменяющихся технологий. В Германии на сегодняшний день есть 100 «бриллиантовых», или «гениальных» заводов, в которых работают цифровые датчики¹.

Например, чтобы получить 100 миллионов абонентов, телефонным компаниям понадобилось 75 лет, в для мессенжера WhatsApp понадобилось только три года.

Назовем пять основных технологий, которые меняют жизнь общества: это Интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн, 3D-печать и большие данные (big data). Каждая страна фокусируется на одной из технологий и много инвестирует в них. Например, в Германии сейчас развивают промышленный Интернет вещей и индустрию 4.0, что позволит обеспечить гибкое производство. Более 150 млрд. евро составит рост производительности. Кадастровая служба Швеции тестирует запись сделок с имуществом через блокчейн. Это экономит средства налогоплательщиков на 100 млн. евро в год².

Рост экономики Интернета в развивающихся странах составляет 15–25% в год. Ни один другой сектор экономики не может показать такой рост. 90% всех глобальных данных были созданы всего за два последних года и 99% данных в мире уже оцифрованы. 35 млрд. устройств по всему миру генерируют данные и обмениваются ими каждый день. Это в пять раз больше, чем население мира и составляет лишь один процент от тех устройств, которые можно подключить. Есть и обратная сторона. В прошлом году правительства и корпорации потратили почти полтриллиона долларов на противодействие кибератакам, что является новым явлением. Поэтому, многие правительства опасаются внедрять технологические инновации из-за возрастающего роста кибератак, но, Казахстан открыт новым цифровым веяниям. Возможности увеличения производительности в разных отраслях дадут им «вторую жизнь», появятся новые рабочие места.

Например, такие площадки, как Alibaba (крупнейшая в мире онлайн B2B торговая платформа. *Алибаба* предлагает качественных производителей, поставщиков, экспортеров и т.д.) дают возможность каждому стать предпринимателем. Электронная торговля стирает границы государств. Государства могут оказывать услуги открыто, что снижает риски коррупции. Все это приводит к экономическому росту.

Мировой экономический кризис, падение цен на нефть стали главными факторами изменений трендов в экономике Казахстана. Они стали толчком к развитию технологий. Развитие цифровых технологий в процессе оздоровления отечественной экономики играет ключевую роль.

¹ Диркер В. // Международная конференция «Роль цифровых технологий». – Астана, 2016.

² Тюрпиц А. Цифровые технологии становятся «новой нефтью». 2017.

Карнишина Н.Г.

д.и.н., профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

РАЗДЕЛЕНИЕ СФЕР КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ И РЕГИОНАМИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: федерация, региональная система управления, межбюджетные отношения, региональное законодательство, модернизация.

Keywords: federation, regional system of power, intergovernmental fiscal relations, regional legislation, modernization.

Несмотря на продолжающиеся мероприятия по совершенствованию системы межбюджетных отношений, сложившаяся в Российской Федерации модель сохраняет ряд проблем, непосредственно вытекающих из концепции модернизации, связанной с федеративными отношениями. Проблемы федерализма на разных этапах модернизации российской экономики учитывались не в полной мере при разработке государственных программ и выработке стратегии развития регионов. В настоящее время, на наш взгляд, к числу наиболее сложных относятся вопросы низкой финансовой самостоятельности регионов и муниципальных образований, обусловленные сложившейся практикой межбюджетных отношений.

Ряд авторов отмечают тот факт, что «несмотря на использование рычагов бюджетного выравнивания, сохраняется высокий уровень дифференциации регионов по уровню бюджетной обеспеченности и социально-экономическим показателям, отчасти порожденный иждивенческими и настроениями экономически слабых субъектов Российской Федерации»¹.

В российской модели модернизации слабым звеном является именно недоучет важности и сложности реформирования федеративных отношений. Распоряжение Правительства РФ от 8 августа 2009 г. № 1123-р содержит перечень задач, направленных на решение проблемы совершенствования федеративных отношений на региональном и муниципальном уровнях, в частности: учет особенностей организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях на современном уровне; налаживание механизма повышения качества управления бюджетным процессом в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях; выстраивание принципов разграничения расходных обязательств между органами государственной власти и местного самоуправления; увеличение объемов доходов бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований; поощрение значимых для региона отраслей экономики,

Среднегодовые темпы роста доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за последние несколько лет в 2 раза превышали показатели инфляции. Высокие темпы роста доходов обусловили существенное увеличение объемов средств, направляемых субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями на обеспечение расходных обязательств. В условиях рецессии экономики субъекты Российской Федерации столкнулись с проблемами обеспечения сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, снижения занятости населения, сокращения финансовых ресурсов на осуществление капитальных вложений, а также риска возникновения кредиторской задолженности по первоочередным обязательствам; инвентаризацией и оптимизацией расходов субъектов Российской Федерации, в том числе оптимизацией расходов на содержание бюджетной сферы и органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления; соблюдением режима рационального использования бюджетных средств, направленных на оказание социально значимых государственных и муниципальных услуг.

В настоящее время одним из основных документов, регулирующих вопросы межбюджетных отношений, является государственная программа «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами на 2016–2020 гг.», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2016 г. № 445. В данном документе выделены основные проблемы, вытекающие из неурегулированности федеративных отношений, такие как: низкая финансовая самостоятельность подавляющего числа регионов и муниципальных образований. Проблема усугубилась передачей большого объема расходных обязательств по вопросам социальной направленности на уровень субъектов. Еще одной проблемой остается неэффективность применения механизмов бюджетного выравнивания.

¹ Климанов В.В., Михайлова А.А. Межбюджетные отношения: последние тенденции и перспективы развития // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. – № 4. – С. 31–32.

Модернизация федеративных отношений предполагает, в первую очередь, обеспечение сбалансированности бюджетов трех уровней бюджетной системы, совершенствование качества управления финансами в субъектах и муниципальных образованиях, и, в целом, повышение качества стратегического планирования.

Реализация на практике принципа разграничения полномочий предполагает осуществление установленных законодательством Российской Федерации полномочий органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления муниципальных образований, в пределах которых участники стратегического планирования могут самостоятельно определять цели и задачи социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также пути достижения этих целей и решения этих задач.

В свою очередь, задачи стратегического планирования определены в ст. 8 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Среди них выделены следующие:

- координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики;
- определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей, включая финансовые, социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, обеспечивающих наибольшую эффективность использования необходимых ресурсов; формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономической политики и социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; координация действий участников стратегического планирования и мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования, по срокам их реализации, ожидаемым результатам и параметрам ресурсного обеспечения; организация мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования; создание условий, обеспечивающих вовлечение граждан и хозяйствующих субъектов в процесс стратегического планирования¹.

Следует отметить, что данным законом определен довольно внушительный список различных регулирующих данную сферу отношений документов, но не прописана четко их субординация. В настоящее время сохраняют актуальность различные нормативные документы отраслевого характера в контексте решения отдельных задач, что усложняет выработку государственных программ и создает дополнительные сложности в планировании.

Помимо выделенных нами проблем в осуществлении стратегического планирования следует назвать также наличие устойчивой несбалансированности бюджетов регионов и муниципальных образований; реализация так называемых нефинансируемых федеральных мандатов; избыточный перечень полномочий института федерального вмешательства. Безусловно, одной из ключевых в межбюджетных отношениях остается нерешенность проблемы несоответствия объема доходов расходным обязательствам подавляющего числа субъектов РФ.

Дифференцированный подход к предоставлению регионам бюджетных прав – одна из ключевых мер повышения эффективности разграничения сфер компетенции между федеральным центром и субъектами в условиях так называемого «ручного управления» на федеральном уровне.

В соответствии с Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов² определены подходы по определению размеров расчетных расходов на исполнение полномочий субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, что учтено при предоставлении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2018 год.

В данном документе предложено продолжить практику заключения соглашений с субъектами Российской Федерации, определяющих меры, направленные на стимулирование социально-экономического развития и оздоровление государственных финансов субъектов Российской Федерации и устанавливающие ответственность за невыполнение субъектом Российской Федерации данных обязательств. Среди мер, призванных стимулировать развитие экономического потенциала субъектов РФ и повышение эффективности управления государственными и муниципальными финансами предлагается:

- заключение с высокодотационными субъектами Российской Федерации соглашений о предоставлении дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации из федерального бюджета бюджету субъекта Российской Федерации, которыми предусматриваются меры по социально-экономическому развитию и финансовому оздоровлению субъектов Российской Федерации;

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). ст. 3378.

² «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов». – <https://www.minfin.ru>

- предоставление межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации «под потребность»;
- установление общих требований к формированию, предоставлению и распределению субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации из федерального бюджета;
- закрепление на постоянной основе нормы, устанавливающей возможность оказания финансовой помощи бюджетам субъектов Российской Федерации по решению Правительства Российской Федерации, путем выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации, сформированных за счет неиспользованных субсидий и иных межбюджетных трансфертов, возвращенных в доходы федерального бюджета;
- установление единого порядка определения предельного уровня софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, который учитывает уровень бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации;
- предоставление возможности назначения субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации с целью последующего выделения субсидий бюджетам муниципальных образований;
- сохранение возможности превышения предельного объема государственного долга субъекта Российской Федерации на объем бюджетных кредитов в зависимости от уровня «дотационности».

Вышеперечисленные меры по урегулированию системы межбюджетных отношений несомненно должны способствовать улучшению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации. Выделенная нами среди прочих проблема бюджетного федерализма является одной из базовых для понимания сложности координации взаимоотношений центра и регионов.

Современная государственная политика требует продолжения координации отношений между федеральным центром и субъектами. Данная задача в рамках модернизационного процесса создает дополнительные проблемы и сложности, но ее решение невозможно без повышения финансовой автономии регионов.

Костина Н.В.

д.б.н., с.н.с. Института экологии Волжского бассейна РАН

Кудинова Г.Э.

к.э.н., с.н.с. Института экологии Волжского бассейна РАН

Розенберг А.Г.

к.б.н., н.с. Института экологии Волжского бассейна РАН

Розенберг Г.С.

д.б.н., член-корреспондент РАН, гл.н.с. Института экологии Волжского бассейна РАН

genarozenberg @yandex.ru

Хасаев Г.Р.

д.э.н., профессор, президент Самарского государственного экономического университета

ВОЛЖСКИЙ БАССЕЙН: ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: Волжский бассейн, экологическая модернизация, инновационное развитие, экспертная информационная система.

Keywords: Volga basin, ecological modernization, innovative development, expert information system.

Бассейн р. Волги занимает на Русской равнине площадь порядка 1,36 млн. км² – (62% европейской части России или почти 13% территории всей Европы) и включает 41 административную единицу (две из них в Казахстане, остальные – в России). На 1910 км он простирается с севера на юг и на 1805 км (в верхней части) – с запада на восток. Веками складывающееся равновесие между природными и антропогенными процессами в таком огромном бассейне и непосредственно в реке было нарушено зарегулированием её стока и созданием «мощного энерго-транспортно-ирригационного народно-хозяйственного комплекса Волжского бассейна... для развития крупных промышленных узлов, включающих и некоторые электроемкие производства (например, электрохимия и электрометаллургия)»² в рамках Сталинского плана преобразования природы. Почти тоже самое повторил Н.С. Хрущев, приветствуя 10 августа 1958 г. строителей Волжской ГЭС им. В.И. Ленина: «Созданная вашими руками Куйбышевская электростанция дает электроэнергии в 5 раз больше, чем давали все электростанции дореволюционной России, вместе взятые. Она уже снабжает электроэнергией столицу нашей Родины – Москву, промышленность Куйбышевской и Саратовской областей, нефтепромыслы Татарии. Её ток скоро даст дополнительную энергию могучей индустрии Урала. На базе Куйбышевского гидроузла растет новый крупный промышленный район с предприятиями ряда важнейших отраслей и индустрии»³. Это более чем в 10 раз замедлило водообмен в бассейне, что привело к существенным изменениям водных и наземных экосистем.

Русло Волги и её притоки расположены по низменностям и лишь в некоторых местах река прорезает возвышенности (например, – уникальная Самарская Лука в районе Жигулевских гор). Это определяет конфигурацию водохранилищ и бассейна в целом: при более чем 150 тыс. рек и речек длиной более 10 км, из которых 2,6 тыс. впадает непосредственно в Волгу, формирование боковой приточности практически заканчивается ниже слияния Волги с Камой. Два самых крупных притока Волги разделяют расстояние примерно 400 км, причем Ока несет в Волгу воды, трансформированные мощной Московской промышленной зоной, Кама – нефтепромыслами и предприятиями по переработке нефти.

Население бассейна на 1989 г. составило около 38% от населения России, а по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. – 38,8%, т.е. это наиболее плотно заселенный регион республики. За последние 20 лет население России сократилось больше чем на 3 млн. чел., в то время как в Волжском бассейне оно не изменилось и составляет сейчас почти 56 млн. чел. Перефразируя великого М.В. Ломоносова, можно сказать, что «могущество России прирастать будет Поволжьем».

¹ Авторы благодарны коллегам, с которыми они обсуждали некоторые проблемы экологической модернизации, в той или иной степени, влияющие на устойчивое развитие мира в целом, и Волжского бассейна в частности, – проф. Д.Б. Гелашвили (Нижний Новгород), чл.-корр. РАН В.М. Захарову (Москва), чл.-корр. РАН А.Г. Зибареву и проф. С.В. Саксонову (Тольятти). Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН по теме «Разработка прогнозных моделей биоразнообразия состояния природных систем с использованием ЭИС REGION».

² Резолюции ноябрьской сессии, посвященной проблеме Волго-Каспия. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 44.

³ Волжская ГЭС им. В.И. Ленина. Т. 1. Описание сооружений гидроузла. – М.; Л.: Госэнергоиздат, 1963. – С. 14.

В результате гидростроительства (только на самой Волге создано 8 крупнейших водохранилищ – все они, кроме Саратовской и Чебоксарской ГЭС, старше 50 лет, а Ивановское и Угличское водохранилища – 70 лет, т.е. они проработали уже более половины своего срока; трагедия, которая произошла с «30-летней» Саяно-Шушенской ГЭС подняла целый пласт проблем, которые следует обсуждать специально) было затоплено более 20 тыс. км² высокопродуктивных пойменных земель. При этом общее производство электроэнергии составляет сегодня около 50 млрд. кВт/час. Иными словами, один квадратный метр затопленной территории дает 2,5 кВт/час электроэнергии в год (в сегодняшних ценах – рублей 7–8...).

Да все бы это ничего, если бы мы в дополнение к многочисленным природным факторам формирования качества воды не «перегрузили» Волгу промышленностью (более 45% общего промышленного производства России) и сельским хозяйством (площадь сельхозугодий в бассейне – почти 30% от имеющейся в России). Уже десятки лет во время регулируемого отнюдь не по экологическим принципам весеннего половодья и при летне-осенних дождевых паводках в Волгу смывается вся «грязь» с водосбора, а промышленные предприятия используют реку в качестве практически бесплатного приемника сточных вод. А отсюда и загрязнение: в бассейн р. Волги ежегодно сбрасывается до 20% всех загрязненных вод России (напомним, что площадь бассейна – всего 8% площади нашей страны), а в атмосферу густонаселенных городов Поволжья выбрасывается до 30% всех вредных веществ, и все это в конечном итоге опять же попадает в воду. На территории Волжского бассейна (по официальным данным) произведено 26 «мирных» ядерных взрывов – это почти 20% всех ядерных взрывов, произведенных в России¹. Следствием таких хронических нагрузок стало устойчивое загрязнение воды и донных отложений.

По данным ИЭВБ РАН, наиболее загрязненные регионы – это «старопромышленная» зона (Московская и соседние с ней области), и сравнительно новые регионы – Самарская и Нижегородская области, Республика Татарстан. Так, например, Самарская область при общем сокращении выбросов в атмосферу от стационарных источников за последние 20 лет почти в 3 раза, продолжает прочно «удерживать» второе (после Московской области) место. Но если добавить к этому рост выбросов от автотранспорта (особенно в крупных городах), то это общее снижение благополучно «съедается»...

О снижении продуктивности реки можно судить по вылову рыбы. Во время одной из ревизионных поездок по России Екатерина II посещала города на Волге, плыли целой флотилией по реке (засвидетельствовано в дипломатической переписке). В один прекрасный день корабли пошатнулись и перестали плыть. Капитан доложил: «Наш корабль вошёл в столь плотный косяк рыбы, что корабли не плывут, вёсла гребут воду, как кашу!!!»². По свидетельству выдающегося зоолога, академика Петра Симона Палласа, который в 1768–1769 гг. «прошел» по Волге во главе одного из отрядов Оренбургской академической экспедиции, местное население в основном отдавало предпочтение «красной рыбе» (белорыбице, стерляди, осетру, белуге), в то время как другие виды практически не использовались в пищу: чехонь – из-за своей «сухости», сельдь-черноспинка (бешенка) – из-за боязни «сойти с ума», брезговали сомом – из-за его питания всякой падалью... В дальнейшем («кушать, все-таки, хочется») список промысловых рыб значительно расширился: в 1930 г. общий вылов рыбы в Волго-Камском районе составлял более 600 тыс. т (половина общесоюзной продукции рыбы), в 1988 г. – только 76,5 тыс. т., к 2000 г. вылов сократился еще в 3 раза... Вылов леща за последние 30 лет сократился в 4,5 раза, воблы – в 8, сельди – в 16, а судака – в 24 раза. Площадь нерестилищ осетровых на Волге сократилась в 8 раз (всего до 400–450 га), полностью ликвидированы нерестилища белорыбицы, проходной сельди (а это все – возобновляемые ресурсы, в отличие от многих видов полезных ископаемых, за счет которых живет страна).

Таким образом, все это делает общепризнанным тот факт, что **регион Волжского бассейна остается одним из наиболее напряженных по экологической обстановке в России**. Это лишний раз свидетельствует о том, что мы все еще не готовы жить по принципам устойчивого развития, постулированным в 1992 г. на конференции ООН в Рио-де-Жанейро: с Природой надо жить не по закону «сохранить то, что нам досталось от предков», а по закону «сохранить и вернуть то, что мы взяли в долг у потомков».

Нельзя сказать, что для благополучия реки-символа России ничего не делается. При общем спаде производства в затянувшийся период реформирования нашей экономики сократилось количество сбросов и выбросов (не наша заслуга...), что, несомненно, положительно сказалось на экосистемах Волжского бассейна. Сознательным шагом следует признать Федеральную целевую программу «Возрождение Волги», которая начала функционировать с 1995 г., но сегодня благополучно «почила в Бозе»... Были наработки по созданию (совместно с ЮНЕСКО) демонстрационного проекта для Волго-Каспийского бассейна с целью развития экономических, юридических, научных и информационных средств, необходимых для вынесения экологически сбалансированных решений с тем, чтобы создать для населения бассейна условия проживания в экологически чистой среде. Сегодня как никогда остро встает вопрос о необходимости создания новой ФЦП, скорее даже, Национального проекта по возрождению (реабилитации, сохранению) Волжского бассейна. И здесь опять свою положительную роль может сыграть ЮНЕСКО через кафедры «экологического профиля». Сегодня начал функционировать Национальный проект «Экология» – один из национальных проектов в России на период с 2019 по 2024 годы, в котором есть раздел по экологической реабилитации водных объектов, в том числе реализация проекта, направленного на сокращение в три раза доли загрязнённых сточных вод, отводимых в реку Волгу, устойчивое функционирование водохозяйственного комплекса Нижней Волги и сохранение экосистемы Волго-Ахтубинской поймы.

¹ Розенберг Г.С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. – Тольятти: ИЭВБ РАН; Кассандра, 2009. – 477 с.

² <https://knijky.ru/books/favorit?page=227>

Правда, только законодательными и экономическими мерами решить весь комплекс проблем устойчивого развития бассейна крупной реки практически невозможно: если мы меняем квартиру и въезжаем в нее со своим старым бараклом и старым отношением к своему месту проживания – ничего хорошего ждать не приходится (посмотрите через пару месяцев на подъезды новых домов...). Важнейшей задачей становится воспитание нового человека – *Homo eco-sapiens*.

Разработанная в ИЭВБ РАН экологическая информационная система (ЭИС) для анализа пространственно распределенных эколого-экономических данных REGION-VOLGABAS (как и системы REGION-SAMARA, REGION-BASHKORTOSTAN, REGION-N-NOVGOROD, REGION-TOGLIATTI)^{3,1}) способна на новом уровне решать задачи комплексного анализа состояния экосистем региона, оценивать характер антропогенной нагрузки, с помощью модельных «сценариев» осуществлять прогноз развития экологической обстановки в регионе и на этой основе давать рекомендации по достижению в регионе экологической безопасности, устойчивого эколого-экономического развития и направлений социально-экологической реабилитации территорий.

При анализе истоков экологического кризиса в Поволжье, как и всякой научной проблемы, идеологические пристрастия должны быть отброшены. При этом становится очевидным, что напряженная экологическая ситуация здесь возникла еще в конце XIX – начале XX вв. и связана она с *прогрессирующим сведением лесов, уменьшением гидрологической сети и водности малых рек, ухудшением условий сельскохозяйственного производства, а также «демографическим взрывом»* после отмены крепостного права. Результатом последнего был голод 1891 г., после чего усилиями П.А. Столыпина началось организованное переселение крестьян на восток. Позднее, в какой-то мере, эти процессы были «сглажены» относительно небольшим приростом населения вследствие потерь в результате голода в 20-х годах, Гражданской и Отечественной войн, отсрочкой индустриализации в послереволюционный период и менее хищническим, по сравнению с нарождавшимся в России капитализмом, использованием природных ресурсов в первые десятилетия Советской власти. В 50–70-х годах эти факторы прекращают действовать, происходит усиленная индустриализация и урбанизация региона, увеличивается рост населения. Изменяется и характер антропогенного нарушения среды – на смену экстенсивной деградации ландшафтов приходит преимущественно локальное химическое загрязнение техногенного характера.

Стратегические направления реабилитации крупных территорий (в частности, Волжского бассейна) достаточно ясны и частью хорошо проработаны². Естественно-исторический процесс становления территории (сведение лесов – деградация ландшафтов – локальное загрязнение) должен учитываться при составлении планов реабилитации любой территории, и прежде всего Волжского бассейна, основой которых должен стать **процесс «обратной раскрутки»** (ликвидация последствий и очистка от загрязнения [чисто инженерная, если не сказать «сантехническая» проблема] – восстановление ландшафтов – увеличивающееся воспроизводство лесных ресурсов).

Сложнее выглядит проблема с водохранилищами. Возможность спуска решается однозначно отрицательно. При таком решении проблемы мы получим аналог Арала (или еще хуже), что приведет к возникновению зоны экологического бедствия, охватывающей практически всю восточную часть европейской территории России. Но необходимо отказаться и от приоритета энергетического использования каскада водохранилищ, тем более что ценность их в этом отношении невелика. **Предпочтение необходимо отдавать водохранилищам как источникам водоснабжения и их рыбохозяйственному значению.** Соответствующим образом следует пересмотреть сезонные изменения их гидрологического режима с учетом интересов, в первую очередь, рыбного хозяйства. Возможно, придется несколько снизить уровень верхнего бьефа, имея в виду частичное осушение мелководий с последующим облесением и созданием нерестилищ (хотя это – далеко не лучший путь, ведущий к дестабилизации сложившихся за годы функционирования водохранилищ водных и наземных экосистем; рациональность этого пути следует изучать дополнительно).

Реализация политики в области устойчивого развития, встраивание экологических приоритетов в федеральную политику и идеологию должны найти отражение в стратегии модернизации социально-экономического развития как на федеральном, так и на региональном уровнях (еще лучше – на уровне крупных географо-экологических выделов, ландшафтов [бассейны крупных рек, побережья морей, биомы]). Необходимость решения накопившихся и новых экологических проблем все в большей степени осознается российским обществом, но поскольку в системе «экономика – общество – природа» основное внимание уделяется двум первым звеньям, экологический компонент до сих пор часто выносится «за скобки» приоритетных задач и финансируется по остаточному принципу³. Это препятствует внедрению концепции экологической ответственности в практику государственного, регионального и муниципального управления, стратегического планирования развития территориальных образований.

О некоторых стратегиях модернизации⁴, инновационного⁵ и научно-технологического развития регионов в рамках подобных конференций уже говорилось ранее. Здесь лишь подчеркнем, что термином «экомодернизация»

¹ Костина Н.В. REGION: экспертная система управления биоресурсами. – Тольятти: Самар. ИЦ РАН, 2005. – 132 с.

² Розенберг Г.С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. – Тольятти: ИЭВБ РАН; Кассандра, 2009. – 477 с.

³ Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зеленая» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития // На пути к устойчивому развитию России. 2012. – № 60. – С. 4–89; Захаров В.М. Экология и экономика: современные приоритеты развития // Вестн. Самар. гос. эконом. ун-та. 2014. Спецвыпуск. – С. 7–14.

⁴ Розенберг Г.С., Кудинова Г.Э., Розенберг А.Г. Об экологической модернизации в бассейнах крупнейших рек Азии и Европы // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества: Труды Первой международной научно-практической конференции 4–5 июня 2013 г. Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 189–196.

⁵ Зибарев А.Г., Кудинова Г.Э., Розенберг Г.С. «Блеск и нищета» инновационно-экологического развития (с примерами по Волжскому бассейну) // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. Тр. Восьмой междунар. науч.-практ. конф. – М.: ИНИОН РАН, 2012. Ч. 1. – С. 588–592.

принято обозначать целый ряд различных, хотя и взаимосвязанных, процессов и явлений (изменения в установках и ценностях населения, стратегию государственной экологической политики, экомеджмента в корпорациях, появление, так называемого, «зелёного рынка» и др.). Все эти аспекты, в той или иной степени, присутствуют в новом Национальном проекте «Экология» и вопрос лишь в том, как они будут реализовываться.

Завершая статью, приведем слова французского социолога Ф. Сен-Марка [Philippe Saint Marc], который 40 лет тому назад писал¹: «Если природа – наука, то она также и искусство. Её сохранение важно для художника и поэта в такой же мере, как для биолога и врача. Между тем до сих пор воображение слишком часто приносилось в жертву техническим знаниям, хотя и то, и другое, в конечном счете, служит гуманизму. Писатели, художники, психологи, экологи, врачи, – эти почти всегда забываемые люди – должны сотрудничать в междисциплинарных группах, занимающихся вопросами окружающей среды. Господство специалистов по «мертвой» материи – инженеров, экономистов, архитекторов – уже достаточно *дегуманизировало градостроительство и благоустройство территории*: настало время обратиться и к специалистам в области «жизни». Защита природы будет синтезом или её не будет совсем».

¹ Сен-Марк Ф. Социализация природы. – М.: Прогресс, 1977. – С. 173.

Краснопольский Б.Х.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН

Минакир П.А.

д.э.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института экономических исследований ДВО РАН

АРКТИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ И АКВАТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ¹

Ключевые слова: Дальневосточная Арктика, модернизация инновационно-технологического развития, экспертно-аналитическое обеспечение, инновационные стратегии, международное трансграничное сотрудничество.

Keywords: Far Eastern Arctic, modernization of innovation and technological development, expert and analytical support, innovative strategies, international cross-border cooperation.

Модернизация инновационно-технологического развития и экспертно-аналитическое обеспечение инновационных стратегий в различных сферах экономики и социальной жизни в различных регионах и странах мира тесно связаны с таким методическим приемом как выявление инновационных циклов и цепочек, которые в наибольшей степени отражают динамику преобразований в любой инновационной сфере, начиная от сложившегося их уровня вплоть до требуемых масштабов их развития и соответствия передовому технико-технологическому укладу.

В качестве примера использования такого методического подхода можно привести работу Земцова С.П. и Бариновой В.А.², в которой дается весьма широкий анализ изданных публикаций в области теории инновационных циклов и цепочек. Но в основном подобные работы сводятся к формированию базовых моделей организации инновационной деятельности в развитии различных отраслевых предприятий от их первичных форм до сложных промышленно-производственных конгломератов. В этой сфере деятельности существует в основном два подхода к пониманию самой сути цикла: первый связан с изучением внешней инновационной среды для данного объекта, различных этапов ее динамики и механизмов влияния на инновационные преобразования этого объекта, второй – на изучении этапов внутренних инновационных трансформаций в границах данного объекта и их влияния на деятельность тех или иных производственных структур: фирмы, предприятия, кластера и др.

В зарубежной литературе также не оставляют без внимания инновационную тематику. Особый интерес с позиций данной статьи вызывает работа, посвященная оценке взаимовлияния инноваций, предпринимательства и экономического роста в старых и отстающих сельских районах³. В качестве примера таких районов авторы рассматривают регион Аппалачей в США. Они отмечают здесь первостепенное влияние таких факторов как самозанятость, человеческий капитал, предпринимательское творчество и активность, образование и создание инновационных мини-кластеров.

Были опубликованы работы и по инновационным преобразованиям в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), в которых акцент в основном делался на освоении больших запасов континентальных и шельфовых энергоресурсов, на развитии нефтедобывающих компаний, формировании энергетической и транспортной инфраструктуры, на развитии Северного морского пути и вспомогательных отраслей на соответствующих территориях и т.д.⁴. Они касались весьма важных для арктических территорий вопросов оживления инновационных преобразований в этой зоне, перевода их освоения на самый современный уровень технико-технологического развития, включая не только чисто производственные отрасли, но и комплекс вспомогательных и социально-обслуживающих видов деятельности.

Но гораздо меньшее число работ было посвящено модернизации и экспертно-аналитическому обеспечению в инновационной сфере наиболее удаленных и труднодоступных арктических территорий, находящихся на первичных стадиях освоения их природных ресурсов. Что касается такого проблемного высокоширотного пространственного образования как дальневосточная окраина российской Арктики, развитие которой, к сожалению, серьезно отстает от

¹ Материал подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований РАН «Арктика – научные основы новых технологий освоения, сохранения и развития».

² Земцов С.П., Барина В.А. Инновационный цикл как базовая модель динамики и организации инновационной деятельности. 2016. – <https://www.researchgate.net/publication/295672174>

³ Stephens H. M., Partridge M. D., Faegian A. Innovation, Entrepreneurship and Economic Growth in Lagging Regions // Regional Science. 2013. – Vol. 53, N 5. – P. 778–812. Cai Y., Pugh R., Cui L. A Framework for Analyzing the Role of Innovation Policy in Regional Innovation System Development // International Journal of Innovation and Regional Development. 2017. – Vol. 7, N 4. – P. 237–256.

⁴ Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В.В. Ивантера. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Издательский Дом «Наука». 2016. – 1016 с.; Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы / Под общей ред. акад. РАН Б.Н. Порфирьева. – М.: Научный консультант. 2018. – 802 с.

западной части АЗРФ, то этим территориям и акваториям были в основном посвящены работы Института экономических исследований ДВО РАН¹. В этом восточном арктическом секторе цикличность инновационной деятельности зависит в гораздо большей степени от ее внешних источников и в меньшей степени от инновационных трансформаций и модификаций, продуцируемых за счет внутренних источников в самом регионе.

То есть различные модификации и экспертно-аналитическая деятельность в сфере инновационных стратегий в подобных удаленных арктических районах, находящихся на первичных стадиях освоения их ресурсного потенциала, будут в основном заключаться не в продуцировании самих инноваций на этих территориях, а в высокоразвитой и эффективной системе их изучения и отбора на внешнем уровне в соответствии с региональными потребностями и в последующем их внедрении и мониторинге в конкретной хозяйственной деятельности и организации социальной жизни в данном регионе.

Основным стратегическим документом нашей страны в сфере инновационного развития является «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года»² (Инновационная стратегия). Эта стратегия предусматривает развитие региональных инновационных систем через повышение эффективности действующих институтов (техно-внедренческих особых экономических зон, наукоградов, технопарков, инновационных кластеров и др.), а также расширение поддержки в рамках софинансирования из федерального бюджета региональных программ поддержки малого бизнеса. При этом устанавливается более высокий приоритет поддержки тех регионов, которые инвестируют в собственные внутренние источники инновационного развития. Но, опять-таки, все это касается достаточно развитых и в хозяйственном, и в инновационном плане регионов.

Такой подход не может быть применим к удаленным районам АЗРФ, находящимся на первичных стадиях освоения своего природно-ресурсного потенциала. Эти районы не имеют, да и не могут иметь какие-то достаточно мощные локальные структуры по активизации инновационной деятельности на их территориях. Они вынуждены мириться с теми отраслевыми инновационными преобразованиями, которые закладываются различными добывающими отраслями в создание предприятий на их территориях. Это значит, что инновационные модернизации в удаленных районах АЗРФ напрямую зависят от отраслевой производственной деятельности, т.е. практически отданы на откуп добывающим и другим отраслям производственной сферы.

В особенности это касается арктических территорий и акваторий Дальнего Востока – Якутии и Чукотки, хотя к ним должен быть особый государственный подход, ведь этот регион является восточным «форпостом» АЗРФ в Тихоокеанской Арктике и выходит на зону Берингова пролива и трансграничных связей с таким «мощным» соседом России как США.

Кстати, что касается этого соседа, то в последние годы весьма оживились исследования американских ученых, которые касаются этого трансграничного с Россией региона и представляющего США в этой зоне штата Аляска. В этих работах обсуждаются и вопросы активизации инновационных трансформаций в хозяйственном и социальном развитии сопредельных территорий США³, которые, к сожалению, по темпам и масштабам превосходят эти трансформации в дальневосточных районах России.

К сожалению, что касается отставания развития инновационной инфраструктуры и ее институтов, то это наблюдается не только в районах Дальневосточной Арктики, но и во всей Арктической зоне России. В этом плане некоторые авторы отмечают довольно низкий уровень развития научного и инновационного потенциала арктических субъектов Российской Федерации по сравнению со средним уровнем по стране, что напрямую отражается на их роли в социально-экономическом развитии России в целом⁴.

Таким образом, если говорить о полном жизненном цикле инновационных преобразований в удаленных районах Арктики, то по смыслу и целям специфических региональных инновационных модификаций в таких районах фазы этого цикла должны быть представлены в следующем виде: *Изучение внешних и внутренних источников инноваций – Отбор инноваций в соответствии с потребностями региона – Адаптация инноваций к сферам хозяйственной и социальной жизни – Контроль внедрения инноваций – Мониторинг использования инноваций*. Затем они снова повторяются в рамках следующего инвестиционного цикла.

¹ Краснопольский Б.Х. Дальневосточная Арктика: междисциплинарные, межрегиональные, международные исследования и устойчивость развития региона // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2018. – № 1(109). – С. 22–29; Краснопольский Б.Х. Инновационно-технологическая инфраструктура и государственно-частное партнерство в развитии Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 7, Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 379–384. Краснопольский Б.Х. Синергетический подход к системной модернизации и инновационно-технологическому развитию пространственных образований АТР // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 8, Ч. 1. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 254–258. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий рационального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. – Т. 5, № 5. – С. 12–24.

Минакир П.А., Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. – Т. 3, № 4. – С. 6–19.

² Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».

³ Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. – Vol. 47, N 2. – P. 186–217; Woodgate R., Peralta-Ferriz C. The Pacific Gateway to the Arctic: Recent Change in the Bering Strait – Observations, Driving and Implications / University of Washington. – Seattle, 2018. – psc.apl.washington.edu/HLD/Bstrait/Woodgate_BeringStrait_ASOF_Apr2018Final.pdf

⁴ Детгер Г.Ф. Институты развития научного и инновационного потенциала арктических субъектов Российской Федерации и их роль в социально-экономическом развитии региона // Инновации. – СПб., 2014. – № 7 (189). – С. 69–80.

Основные инновационные сферы, которые должны быть под постоянным контролем инновационных структур региона, должны включать следующие элементы: *Природа и природно-экологическая среда; Человек как индивид, его физическое здоровье и первичные социальные потребности; Общество, экономика и сфера обеспечения жизнедеятельности в регионе.*

В данном случае главное заключается в том, чтобы обеспечить планомерное и сбалансированное развитие всех основных составляющих процесса освоения данных регионов, а именно: рациональное использование природных ресурсов территории в интересах страны, включая экологический мониторинг; поддержка здорового физического состояния и образа жизни каждого человека и его адаптации к специфическим климатическим условиям проживания; гармоничное формирование социальной сферы без ущерба по потребностям населения в социальной обеспеченности и, конечно же, комплексное и эффективное развитие экономики и связанное с ним формирование общественной социально-экономической сферы. Таким образом, здесь должна быть соблюдена основная парадигма циклического развития и воспроизводства человеческого сообщества, базирующаяся на сбалансированном коэволюционном функционировании известной «триады» – ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК и ОБЩЕСТВО.

Если посмотреть данные недавно созданного в Минобрнауке РФ портала «Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (НИАЦ МИИРИС)»¹, то видно, что на фоне весьма впечатляющей картины в целом по стране данные по арктическим районам Дальнего Востока – тринадцати улусам Республики Саха (Якутия) и Чукотскому автономному округу выглядят весьма скромно. Т.е. практически на данных территориях нет более-менее существенных внутренних источников инновационных модификаций и экспертно-аналитических структур.

Ближайшие центры внешних инновационных преобразований для данных территорий находятся в г. Якутске, в котором функционирует довольно много различных центров внедрения инноваций и новых технологий. Но оставляя в стороне чисто отраслевые центры и центры общего пользования для предпринимателей в инновационной деятельности, имеющие в основном ведомственный характер, обращают на себя внимание те центры, которые могут иметь отношение к комплексным и взаимосвязанным региональным оценкам. Именно в их рамках есть возможность реализовать в полной мере те фазы жизненного цикла инновационных преобразований в удаленных арктических районах и держать под постоянным контролем те основные тесно взаимосвязанные инновационные сферы региона, которые были представлены ранее.

Это две организации – Арктический инновационный центр Северо-Восточного федерального университета (СВФУ) им. М.К. Аммосова² и Центр внедрения инновационных технологий АН РС (Я)³. Их миссии вполне соответствуют тем задачам, которые стоят перед высокоширотными арктическими районами по изучению передового опыта инновационных преобразований, предлагаемых к реализации как в научных структурах, расположенных за пределами региона, так и в его собственных научно-прикладных организациях, а также тех предложений, которые возникают в различного рода инновационных бизнес-инкубаторах, технопарках, кластерах, отраслевых центрах поддержки новых технологий и инноваций и др.

В связи с тем, что состав инновационной инфраструктуры в Республике Саха (Якутия) выглядит гораздо более внушительно по сравнению с Чукотским автономным округом, если говорить в целом об арктическом регионе Дальнего Востока, возникает предложение по созданию единого *Межрегионального инновационно-технологического центра (МИТЦ)*, базирующегося в основном на созданной и достаточно развитой системе инновационной инфраструктуры РС (Я) с основной базой в Якутске и с филиалом в Анадыре.

В этой связи возможная инновационная инфраструктура региона в виде Межрегионального инновационно-технологического центра (МИТЦ) с основной базой в Якутске и филиалом в Анадыре представлена на рис. 1.

Именно МИТЦ может стать той экспертно-аналитической структурой, которая обеспечит соответствующими изысканиями и внедрением инновационных стратегий и модификаций в природно-хозяйственную деятельность удаленных районов Дальневосточной Арктики в соответствии с ее тесно сбалансированными сферами на базе инновационных циклов, ориентированных на использование методов и приемов инновационных преобразований на уровне современного технологического уклада.

Ключевыми направлениями деятельности МИТЦ на первых этапах функционирования этого центра, видимо, должны стать: инновации в сфере альтернативных источников энергии для специфических нужд региона; развитие модальных систем речного, морского и дорожного транспорта в части логистического обеспечения потребностей территории; развитие специфической портовой инфраструктуры и вспомогательных видов деятельности в части обеспечения работы Северного морского пути; природосберегающие технологии и механизмы экологического контроля в недропользовании, в перерабатывающих отраслях, в агропромышленном комплексе и лесном хозяйстве; контроль в целом за сохранением экологической среды обитания; деятельность в сфере социального обеспечения пришлового населения (питание, здравоохранение, образование, культура и др.); привлечение в инновационную сферу резерва, связанного с деятельностью малых и средних фирм; традиционные и новые специфические формы организации хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера и их социального обеспечения и ряд других направлений.

¹ Портал «Национальный центр по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (НИАЦ МИИРИС)». – <http://www.miiris.ru/>

² Арктический инновационный центр СВФУ. – <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/vspomogatelnye-podrazdeleniya/aiac/>

³ Центр внедрения инновационных технологий ГБУ «Академия наук РС(Я)». – <http://science.ykt.ru/index.php?do=cat&category=diit>

Рисунок 1

Иновационная инфраструктура Дальневосточной Арктики – Межрегиональный инновационно-технологический центр (МИТЦ) с основной базой в Якутске и филиалом в Анадыре

Отдельное внимание должно быть уделено комплексным проблемам пространственной организации среды жизнеобитания и жизнедеятельности населения Арктической зоны Дальнего Востока и развития адаптированных к данной географической зоне сетевых инфраструктурно-взаимосвязанных систем расселения, опорных моногородов и поселений, формирующихся на базе создания градообразующих предприятий как очаговых центров локализации.

Вообще, главной отличительной особенностью МИТЦ этой зоны должна стать комплексная оценка результатов исследований технического, естественнонаучного и гуманитарного направлений в плане возможного их использования в регионе, что позволит создать действительно взаимосвязанное представление о возможностях использования новейших инновационных преобразований во всех сферах этого восточного сектора АЗРФ.

Исполнение этих весьма сложных функций МИТЦ требует высочайшей квалификации его сотрудников, которые одновременно должны быть компетентны и в научных областях инновационных преобразований мирового и национального уровня, и в конкретной практической деятельности подконтрольного им региона в области природно-хозяйственного и социального развития. Именно поэтому предполагается, как отмечено на рис. 1, использование в работе МИТЦ научных кадров исследовательских подразделений Академии наук РС (Я) и СВФУ в Якутске, которые в настоящее время уже участвуют в работе своих ведомственных инновационных центров. Но эти центры действуют сейчас довольно разрозненно, они не объединены в единое подразделение не только организационно, но и в предметной области, сосредоточены в основном на проблемах Якутии, не охватывают весьма схожие проблемы Чукотки, хотя имеют такие возможности. В работе этих центров есть повторы и противоречивые результаты, но все вопросы по предметному согласованию работы этих специалистов вполне могут быть решены в рамках МИТЦ, что принесет огромную пользу для исследуемого региона – Дальневосточной Арктики.

*Лаврентьев А.Р.*¹

О ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: стратегическое планирование, национальные цели, стратегические задачи развития, документы стратегического планирования.

Keywords: strategic planning, national goals, strategic development objectives, strategic planning documents.

В современной России в публичное управление внедряется система стратегического планирования и если десять лет назад разработка документов стратегического планирования была, скорее, проявлением моды на внедрение «новых технологий», то сейчас это предписание Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон о стратегическом планировании). Ранее, действовал Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»³, но не были установлены ни перечень «программных документов», ни требования к ним, ни соответствующие процедурные вопросы. К «программным документам» можно было отнести:

– ежегодные⁴ послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики⁵ и (до 2014 года) бюджетные послания⁶;

– концепции (например, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года⁷, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁸);

¹ Лаврентьев Александр Рудольфович – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород), председатель научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области; независимый эксперт, уполномоченный на проведение экспертизы на коррупциогенность (свидетельства об аккредитации Минюста России от 07.07.2009 г. № 165 и от 10.07.2014 г. № 1963). Область личных профессиональных интересов: правовое обеспечение публичного (государственного и муниципального) управления; административная реформа; развитие местного самоуправления; организация противодействия коррупции; научное сопровождение законотворческого процесса.

Приоритетные тематические направления кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия: административно-правовые средства обеспечения судебной реформы в современной России. E-mail: gar_pf_gospravo@mail.ru

² Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 26 (ч. I), ст. 3378.

³ Федеральный закон от 20 июля 1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. – № 30, ст. 2871.

⁴ Конституционно-правовая традиция (на 2019 год – 25 посланий) ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации была прервана только в 2017 году:

Медведев Д.А. – 4: 5 ноября 2008 года, 12 ноября 2009 года, 30 ноября 2010 года, 22 декабря 2011 года;

Ельцин Б.Н. – 6: 24 февраля 1994 года, 16 февраля 1995 года, 23 февраля 1996 года, 6 марта 1997 года – в течение первого срока полномочий; 17 февраля 1998 года и 30 марта 1999 года – во второй срок;

Путин В.В. – пока 15: 8 июля 2000 года, 3 апреля 2001 года, 18 апреля 2002 года, 16 мая 2003 года – в течение первого срока полномочий; 26 мая 2004 года, 25 апреля 2005 года, 10 мая 2006 года, 26 апреля 2007 года – во второй срок; 12 декабря 2012 года, 12 декабря 2013 года, 4 декабря 2014 года, 3 декабря 2015 года, 1 декабря 2016 года, 1 марта 2018 года – в третий срок; 20 февраля 2019 года – в четвертый срок.

⁵ Предусмотрены пунктом «е» ст. 84 Конституции Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31, ст. 4398.

⁶ Были предусмотрены ст. 170 (утратила силу) Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. – № 31, ст. 3823.

⁷ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. – № 47, ст. 5489.

⁸ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена указом Президента Российской Федерации 9 октября 2007 года № 1351 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. – № 42, ст. 5009.

- стратегии (например, Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года¹, Национальная стратегия противодействия коррупции²);
- доктрины (например, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации³, Климатическая доктрина Российской Федерации⁴);
- некоторые федеральные целевые программы (сейчас – государственные программы) при непереносимом соблюдении двух условий: если такие программы носили межрегиональный характер и были не краткосрочны (5–7 лет), а получали развитие в новой программе (например, развитие судебной системы России «заложено» в федеральных целевых программах – на 2002–2006 годы⁵, на 2007–2011 годы⁶, на 2012–2020 годы⁷);
- с 2011 года этот перечень «программных документов» пополнился основами государственной политики (например, Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан⁸, Основы государственной культурной политики⁹).

Теперь Федеральный закон о стратегическом планировании предполагает создание системы документов стратегического планирования (см. табл. 1) по четырем направлениям («рамкам»): целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на четырех уровнях: федеральном, макрорегионах, субъектах Российской Федерации и муниципальном.

Таблица 1

Система документов стратегического планирования в современной России

рамки стратегического планирования		уровень			
		федеральный	макрорегионы	субъекты Российской Федерации	муниципальные образования
целеполагание		ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ; стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; стратегия национальной безопасности РФ; основы государственной политики; доктрины; другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ; стратегия научно-технологического развития РФ		стратегия социально-экономического развития субъекта РФ	стратегия социально-экономического развития муниципального образования; план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования;
	по отраслевому и территориальному принципу	отраслевые документы стратегического планирования РФ; стратегия пространственного развития РФ;	стратегии социально-экономического развития макрорегионов		
прогнозирование		прогноз научно-технологического развития РФ; стратегический прогноз РФ; прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период; прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период		прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период; бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период; прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период	бюджетный прогноз муниципального образования на долгосрочный период; муниципальные программы

¹ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. – № 50, ст. 5977.

² Национальная стратегия противодействия коррупции. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. – № 16, ст. 1875.

³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 года № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. – № 5, ст. 502.

⁴ Климатическая доктрина Российской Федерации. Утверждена распоряжением Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 года № 861-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. – № 51, ст. 6305.

⁵ Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2002 – 2006 годы». Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 года № 805 // Собрание законодательства РФ. 2001. – № 49, ст. 4623.

⁶ Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007 – 2011 годы» Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 года № 583 // Собрание законодательства РФ. 2006. – № 41, ст. 4248.

⁷ Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы на 2012 – 2020 годы» Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 // Собрание законодательства РФ. 2013. – № 1, ст. 13.

⁸ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан Утверждены Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168 // Российская газета. – М., 2011. – 14 июля.

⁹ Основы государственной культурной политики. Утверждены указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 52 (ч. I), ст. 7753.

планирование	основные направления деятельности Правительства РФ; государственные программы РФ; государственная программа вооружения; схемы территориального планирования РФ; планы деятельности федеральных органов исполнительной власти	схемы территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации	план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ; государственные программы субъекта РФ; схема территориального планирования субъекта РФ	
программирование				

В настоящее время в Российской Федерации общее количество включенных в Реестр документов стратегического планирования превышает 65 тысяч¹ (!). Так, на федеральном уровне разработаны:

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации²;

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации³;

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁴;

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года⁵;

прогнозы социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года и на период до 2036 года;

иные документы стратегического планирования – доктрины, концепции, основы государственной политики, государственные программы, планы работы органов власти и т.д.

Однако процесс построения системы документов стратегического планирования далек от завершения – теперь идет сложнейшая работа по согласованию ранее принятых документов с национальными целями и стратегическими задачами (см. табл. 2) развития Российской Федерации на период до 2024 года⁶ в текущем политическом цикле.

Таблица 2

Национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года в цифрах

№ п/п	национальные проекты (программы) по направлениям	Количество целей		Количество задач	
			в т.ч. целевые показатели		в т.ч. измеримых
1	демография	3	3	5	1
2	здравоохранение	6	6	9	1
3	образование	2	1	10	1
4	жилье и городская среда	5	5	6	–
5	экология	5	2	9	2
6	безопасные и качественные автомобильные дороги	4	5	8	2
7	производительность труда и поддержка занятости	3	3	4	–
8	наука	3	1	5	2
9	цифровая экономика	3	1	9	–
10	культура	–	–	10 ⁷	2
11	малое и среднее предпринимательство	–	1	8	1
12	международная кооперация и экспорт	3	7	8	1
Итого:		37	35	89	12
а)	транспортные коридоры	–	–	7	4
б)	некоторые виды транспорта	–	–	4	1
в)	обеспечение доступной электроэнергией	–	–	5	–
ВСЕГО:		37	35	105	17

Внедрение элементов стратегического планирования в публичное управление заслуживает безусловной поддержки и аргументы в пользу этой технологии, полагаем, для целей настоящей статьи излишни. В то же время есть неисчерпанные резервы, которые могут быть использованы в результате преодоления проблем, характерных для со-

¹ В специализированной подсистеме ГАС «Документы стратегического планирования» системы ГАИС «Управление» зарегистрировано 65.192 документа. – <http://gasu.gov.ru/stratdocuments>

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. – № 1 (ч. II), ст. 212.

³ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642 // Собрание законодательства РФ. 2016. – № 49, ст. 6887.

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р // Собрание законодательства РФ. 2019. – № 7 (ч. II), ст. 702.

⁵ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года. Утверждены Правительством Российской Федерации 29 сентября 2018 года. – <http://static.government.ru/>

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. – № 20, ст. 2817.

⁷ Пункт 12 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 не подразделен на цели, целевые показатели и задачи, предложено «обратить особое внимание на необходимость: ...».

временного этапа формирования системы документов стратегического планирования в Российской Федерации. Отмечается 15 наиболее значимых и очевидных, по нашему мнению, проблем:

1) при обилии документов стратегического планирования не разработан основной – Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года¹ и продолжает действовать Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года² – документ формально не отменен, но из системы стратегического планирования он фактически уже «выпал»;

2) национальные документы стратегического планирования слабо согласованы с документами стратегического планирования международного уровня. Так, с 1 января 2016 года решением ООН³ определены 17 целей устойчивого развития Планеты на период до 2030 года, часть из них, конечно, нашла отражение среди национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года⁴, но они явно не синхронизированы;

3) иерархия в системе документов стратегического планирования предполагается как имманентное свойство, но не всегда обеспечивается среди документов даже одного уровня. Например, постановка национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года⁵ осуществлена без ссылки на основной документ стратегического планирования (действующую Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года либо предполагаемую Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2035 года),

4) перечень документов установлен Федеральным законом о стратегическом планировании, однако даже на федеральном уровне эти документы пока не приведены в систему. Между тем, субъекты Российской Федерации (например, в Нижегородской области утверждена своя «Стратегия 2035»⁶) и муниципальные образования (например, в Нижнем Новгороде утверждена Стратегия социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017–2022 годы⁷) увлечены разработкой собственных документов стратегического планирования. Поэтому появление новых федеральных документов объективно требует корректировки или переработки документов регионального и муниципального уровней – процесс стратегического планирования становится перманентным. Федеральный закон о стратегическом планировании не установил исчерпывающий перечень документов стратегического планирования, разрабатываемых на муниципальном уровне, сложившаяся практика крайне неоднородна: как по перечню документов стратегического планирования, так и по отсутствию требований к ним и порядку их разработки органами местного самоуправления, что не позволяет в полной мере соблюсти единство методологии, обеспечить сопряженность документов системы стратегического планирования. Для разрешения этих проблем разработан и в настоящее время принят во втором чтении проект Федерального закона № 439861-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации”» (в части конкретизации стратегического планирования на местном уровне)⁸;

5) Федеральным законом о стратегическом планировании уровень макрорегионов в системе документов стратегического планирования специально не «вычленен», но в соответствии с Правилами осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов⁹ и Планом реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁰ в 6 из 8 федеральных округов разработаны стратегические документы макрорегионов. Представляется небезынтересным, что раньше всех (в 2010 году) такой документ был утвержден в Северо-Кавказском округе¹¹ и на срок до 2025 года, в других окру-

¹ Минэкономразвития России (см.: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035>) и Центр стратегических разработок (см.: <http://www.russia2035.ru>) только начали реализацию двух информационных проектов для обсуждения мнений и проведения общественных консультаций по этой теме.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. – № 47, ст. 5489.

³ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. – <http://www.un.org/millenniumgoals/>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. – № 20, ст. 2817.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. – № 20, ст. 2817.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889. – www.pravo.gov.ru / 5200201812250001

⁷ Стратегия социально-экономического развития города Нижнего Новгорода на 2017 – 2022 годы. Утверждена постановлением администрации города Нижнего Новгорода от 25 января 2017 года № 190 // День города. – Нижний Новгород, 2017. – 1 февраля.

⁸ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/439861-7>

⁹ Правила осуществления мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития макрорегионов. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 января 2016 года № 30 // Собрание законодательства РФ. 2016. – № 5, ст. 699.

¹⁰ План реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2017 года № 1166-р // Собрание законодательства РФ. 2017. – № 24, ст. 3566.

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 года № 1485-р (ред. от 28.10.2014) // Собрание законодательства РФ. 2010. – № 40, ст. 5107.

гах – утверждены в 2011 году и на срок до 2020 года. А поскольку состав 12 макрорегионов, предусмотренный приложением 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹, только частично согласуется (см. табл. 3) со сложившимися 8 федеральными округами² – документы стратегического планирования новых макрорегионов требуется пересмотреть;

Таблица 3

Состав федеральных округов и макрорегионов в современной России

федеральные округа		макрорегионы
Наименование	Состав	наименование
Центральный ³	Брянская, Владимирская область, Ивановская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская области, г. Москва	Центральный
	Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области	Центрально-Черноземный
Северо-Западный ⁴	Республика Карелия, Калининградская, Вологодская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская и Псковская области, г. Санкт-Петербург	Северо-Западный
	Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ	Северный
Южный ⁵	Республики Адыгея, Кабардино-Балкарская и Крым, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области, г. Севастополь	Южный
Северо-Кавказский ⁶	Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская, Ставропольский край	Северо-Кавказский
Приволжский ⁷	Республики Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чувашская, Пермский край, Кировская и Нижегородская области	Волго-Камский
	Республика Башкортостан, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области	Волго-Уральский
Уральский ⁸	Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа	Уральско-Сибирский
Сибирский	Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области	Южно-Сибирский
	Республики Тыва и Хакасия, Красноярский край, Иркутская область	Ангаро-Енисейский
Дальневосточный	Республики Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	Дальневосточный

6) юридическая природа документов стратегического планирования, их место в иерархии источников права вызывают справедливые вопросы. Например, послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации стали специфическим инструментом публичного управления, на основе которого корректируются в том числе и федеральные законы, статус которых в системе нормативных правовых актов, очевидно, выше статуса документов стратегического планирования;

7) методология разработки документов стратегического планирования существует, но культура подготовки текстов далека от совершенства – как правило, заявленные в преамбуле документа стратегического планирования структурные элементы дополняются другими, безусловно, важными элементами, но всегда связанными с содержанием стратегического документа. Например, в пункте 1 Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р // Собрание законодательства РФ. 2019. – № 7 (ч. II), ст. 702.

² См.: Перечень федеральных округов – Приложение к Указу Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849 (ред. от 13.12.2018) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства РФ. 2000. – № 20, ст. 2112.

³ Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2011 года № 1540-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 39, ст. 5489.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 года № 2074-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 51, ст. 7542.

⁵ Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа до 2020 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 года № 1538-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 38, ст. 5400.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2010 года № 1485-р (ред. от 28.10.2014) // Собрание законодательства РФ. 2010. – № 40, ст. 5107.

⁷ Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа до 2020 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 165-р (ред. от 26.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. – № 8, ст. 1142.

⁸ Стратегия социально-экономического развития Уральского федерального округа до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 октября 2011 года № 1757-р (ред. от 26.12.2014).

период до 2025 года¹ заявлено о 7 элементах, но в тексте есть иные (см. табл. 4). Представляется очевидным, что, по 7 одинаковым (!) показателям ожидаемых результатов реализации Стратегии на каждом из двух этапов не соответствуют 34 показателям состояния национальной безопасности в сфере здравоохранения и 20 показателям оценки развития этого состояния;

Таблица 4

Элементы содержания Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года в цифрах

Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года				
элементы содержания		норма Стратегии	количество	
заявленные в пункте 1 Стратегии	фактически описанные		показателей	в т.ч. конкретных
Состояние национальной безопасности		глава II	34	34
	Правовая основа	пункт 2	6 актов	
	Угрозы национальной безопасности	пункт 23	8	
	Наиболее значимые вызовы национальной безопасности	пункт 24	4	
Цели развития здравоохранения		пункт 25	7	
Основные задачи развития здравоохранения		пункт 26	7	
Приоритетные направления развития здравоохранения		пункт 27	70 (36 + 34)	
	Оценка состояния национальной безопасности	пункт 29	20	
Основные этапы и ожидаемые результаты реализации Стратегии	первый этап (2019–2020 годы)	пункты 32–33	7	7
	второй этап (2021–2025 годы)	пункты 34–35	7	7
Механизм реализации настоящей Стратегии		пункт 38	1 (План мероприятий)	

8) постоянное обновление основных документов стратегического планирования влечет перманентное внесение поправок и (или) замену ранее принятых производных от них документов. Например, в конце 2015 года утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации² (далее – новая Стратегия), досрочно заменившая Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года³ (далее – Стратегия до 2020 года). Сравнительный анализ показывает, что при сходных: юридической силе (утверждены указами Президента Российской Федерации), структуре (по 6 разделов, 112 и 115 пунктов соответственно в Стратегии до 2020 года и новой Стратегии) и отдельных элементах содержания (указано по 9 стратегических национальных приоритетов, которые дословно и в той же последовательности перенесены из Стратегии до 2020 года в новую Стратегию), во многом эти документы различны (см. табл. 5);

Таблица 5

Стратегии национальной безопасности: количество мер по стратегическим национальным приоритетам

№ п/п	Меры по стратегическим национальным приоритетам	Стратегия до 2020 года	новая Стратегия
		количество мер	
1	оборона страны	6	7
2	государственная и общественная безопасность	7	24
3	повышение качества жизни российских граждан	7	16
4	экономический рост	7	15
5	наука, технологии и образование	4	14
6	здравоохранение	4	16
7	культура	7	10
8	экология живых систем и рациональное природопользование	5	11
9	стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство	5	7
ВСЕГО		52	120

9) наполнение документов стратегического планирования по одной тематике может существенно различаться. Так, в новой Стратегии национальной безопасности по 8 из 9 стратегических национальных интересов определено 66 угроз национальной безопасности, 23 цели и 52 задачи (см. табл. 6), а по вопросу обороны страны сделана отсылка к Военной доктрине Российской Федерации⁴, в которой перечислено 18 военных опасностей, 5 военных угроз и 102 задачи военно-экономического обеспечения страны (см. табл. 7).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». – publication.pravo.gov.ru/0001201906070052

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. – № 1 (ч. II), ст. 212.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утратила силу). Утверждена указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. – № 20, ст. 2444.

⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № Пр-2976 // Российская газета. – М., 2014. – 30 декабря.

**Стратегические национальные приоритеты в Стратегии национальной безопасности:
угрозы, цели, задачи в цифрах**

№ п/п	Стратегические национальные приоритеты	общее количество		
		угрозы	цели	задачи
1	оборона страны	—*	2*	5*
2	государственная и общественная безопасность	8	3	6
3	повышение качества жизни российских граждан	6	3	9
4	экономический рост	18	4	4
5	наука, технологии и образование	8	2	9
6	здравоохранение	9	4	11
7	культура	5	3	5
8	экология живых систем и рациональное природопользование	12	2	3
9	стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство	—	—	—
всего:		66	23	52

* Определяются также Военной доктриной Российской Федерации

Таблица 7

Военная доктрина Российской Федерации: военные опасности, военные угрозы и задачи военно-экономического обеспечения страны в цифрах

№ п/п	основные положения военной политики		количество	
	виды	подвиды		
1.	военные опасности	внешние	14	18
		внутренние	4	
2.	военные угрозы		5	
3.	задачи военно-экономического обеспечения страны	по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов	19	102
		в мирное время	19	
		в период непосредственной угрозы агрессии	6	
		в военное время	3	
		развития военной организации	14	
		мобилизационной подготовки	8	
		военно-экономического обеспечения обороны	4	
		оснащения Вооруженных Сил, других войск и органов вооружением, военной и специальной техникой	7	
развития оборонно-промышленного комплекса	15			
	военно-политического сотрудничества	7		

10) из числа субъектов разработки документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровне фактически исключены законодательные (представительные) органы государственной власти (впрочем, представительные органы муниципальных образований сложно считать полностью включенными в эту работу), а также институты гражданского общества¹, обычно подготовка и утверждение документов стратегического планирования проходят непублично;

11) взаимосвязь документов стратегического планирования к настоящему времени не обеспечена должным образом. Для достижения национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года сделана попытка «свести» в Единый план² «набор основных мер, действий, ключевых инструментов по достижению национальных целей развития», к «ключевым инструментам» отнесены национальные проекты и государственные программы, в нескольких случаях – национальная программа, федеральные законы, планы мероприятий (см. табл. 8);

Таблица 8

Ключевые инструменты достижения национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года

№ п/п	Национальные цели развития	Базовые направления работы	Ключевые инструменты			
			Нац. проекты	Гос. программы	иные	ВСЕГО
1	«Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения» и «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)»	Обеспечение снижения смертности и увеличения продолжительности жизни при рождении	4	7	—	11
		Обеспечение роста рождаемости	4	5	—	9

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2016 года № 1559 «Об утверждении Правил общественного обсуждения проектов документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации, с использованием федеральной информационной системы стратегического планирования» // Собрание законодательства РФ. 2017. – № 2 (ч. II), ст. 387.

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года. Утвержден Председателем Правительства Российской Федерации от 7 мая 2019 года № 4043п-П13. – <http://static.government.ru/>

2	«Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «Снижение в два раза уровня бедности»	Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан и роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции	4	4	2	10
3		Снижение в два раза уровня бедности	4	8	1	13
4	Улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно		3	5	–	8
5	Ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа	Повышение инновационной активности организаций	2	8	–	10
6		Стимулирование инновационного и научно-технологического потенциала регионов	3	4	–	7
7		Развитие сектора исследований и разработок	2	2	–	4
8	Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере	Создание системы правового регулирования цифровой экономики	1	3	–	4
9		Создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры	1	3	–	4
10		Обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики	1	3	1	5
11		Обеспечение информационной безопасности	2	4	1	7
12		Создание «сквозных» цифровых технологий	1	4	1	6
13		Внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг	2	7	1	10
14	«Вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых» и «Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора»	Повышение уровня и качества инвестиций в основной капитал	5	14	3	22
15		Увеличение производительности труда (в том числе не связанное с новыми инвестициями)	4	8	2	14
16		Повышение уровня и качества занятости	5	2	1	8
17		Вовлеченность в глобальную экономику	4	11	1	16

12) по каждой теме стратегического планирования должны быть разработаны взаимосвязанные документы: целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования соответственно, которые, в свою очередь, предполагают издание иных актов. И иногда документы стратегического планирования «выстраиваются» в причудливые конструкции, например, в сфере противодействия коррупции действуют одновременно Национальная стратегия противодействия коррупции¹ и национальные планы противодействия коррупции (см. табл. 9), в настоящее время – уже шестой², которые должны быть отражены в антикоррупционных программах и планах всех субъектов государственного и муниципального управления;

Таблица 9

Национальные планы противодействия коррупции в цифрах

№ п/п	Основное содержание национального плана противодействия коррупции					
	период реализации	реквизиты документа, которым утвержден национальный план	количество субъектов исполнения мероприятий	количество мероприятий		
				всего	в т.ч. со сроком исполнения	
1.	2008–2009	Поручение Президента Российской Федерации от 31 июля 2008 года Пр-1568	13	67	21	
2.	2010–2011	Указ Президента Российской Федерации	от 13 апреля 2010 года № 460	15	81	35
3.	2012–2013		от 13 марта 2012 года № 297	26	95	41
4.	2014–2015		от 11 апреля 2014 года № 226	более 40	127	95
5.	2016–2017		от 1 апреля 2016 года № 147	более 30	94	87
6.	2018–2020		от 29 июня 2018 года № 378	более 50	103	109

13) в отечественных документах стратегического планирования всех видов и всех уровней государственного управления «заложена» идея исключительно развития (см., например, табл. 10³). Понятно, что есть желание деклари-

¹ Национальная стратегия противодействия коррупции. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. – № 16, ст. 1875.

² Указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 года № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. – № 27, ст. 4038.

³ Приложение к Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года. Утвержден Председателем Правительства Российской Федерации от 7 мая 2019 года № 4043п-П13. – <http://static.government.ru/>

ровать исключительно рост (снижение по негативным показателям) по всем направлениям и сферам управления, но мы уверены, что это невозможно, поскольку объективно были, есть и будут депрессивные территории и сектора экономики. Поэтому нужно определять не только векторы развития, но и сферы, где нужно обеспечить стабильность (консервацию), а где-то, возможно и «сжатие» (например, оптимизация сети социальных объектов) при том, что на рекультивацию, реновацию, реконструкцию и пр. необходимо несоизмеримо больше ресурсов и усилий, чем для развития;

Таблица 10

Показатели, характеризующие достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года

Национальные цели развития	Целевые показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
«Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации» и «Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)»	Естественный прирост численности населения, тыс. человек	-219,1	-127,4	-91,3	-57,5	-29,9	1,0
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	73,2	73,9	74,8	75,6	76,8	78,0
«Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «Снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации»	Реальные располагаемые денежные доходы населения, процентов г/г	0,5	1,5	2,2	2,3	2,3	2,4
	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, процентов от общей численности населения	12,0	11,1	10,2	9,3	8,0	6,6
Улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно	Количество семей, улучшивших жилищные условия, млн. семей	3,4	3,5	3,9	4,5	4,8	5,0
Ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 процентов от их общего числа	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, процентов	17,1	19,0	22,0	29,0	39,0	50,0
«Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере»	Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников по доле в валовом внутреннем продукте страны, процентов	2,2	2,5	3,0	3,6	4,3	5,1
«Вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4 процентов» и «Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами»	ВВП России (реальный рост), процентов г/г	1,3	2,0	3,1	3,2	3,3	3,3
	Место России среди стран по ППС	6	6	6	6	5	5
	Несырьевой неэнергетический экспорт, млрд. долл. США	230	243	263	290	320	350

14) последовательность разработки документов стратегического планирования носит несколько «стихийный» характер и нередко является формой политической реакции на возникающие проблемы в публичном управлении;

15) пока сам процесс стратегического планирования имеет более важное значение, чем результат реализации документов. Более того, есть признаки, что зачастую сам факт разработки и утверждения документа стратегического планирования расценивается едва ли не как способ разрешения проблем, для решения которых разработан соответствующий документ.

Ларченко Л.В.

д.э.н., профессор, Российский государственный университет им А.И. Герцена; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург
lubalar@mail.ru

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: Арктика, регионы, ресурсы, региональная политика.

Keywords: Arctic, regions, resources, regional policy.

В России в последние десятилетия наблюдаются тенденции, когда добывающие и обрабатывающие производства не растут, а сфера услуг дает существенный рост, не базирующийся на росте этих производств, что формирует неэффективную экономику. То, что в России происходит деиндустриализация с бурным ростом сферы услуг показывает и ряд последних исследований [1, 2]. Создание материальной продукции имеет первостепенное значение, услуги – это производное от секторов, производящих материальную продукцию, и их развитие обусловлено уровнем автоматизации производства и насыщением рынка материальной продукцией. В России же наблюдается противоположная тенденция, при которой сектор услуг является первостепенным и во многом базируется на материальном производстве других стран.

Каковы же тенденции в арктических регионах России? Для анализа виды экономической деятельности в структуре валовой добавленной стоимости были сгруппированы в три сектора экономики, предложенные в работах А. Фишера и К. Кларка – первичный, вторичный и третичный [5, 6]. В первичный сектор были включены виды деятельности, связанные с добычей первичных ресурсов – добыча полезных ископаемых, рыболовство, охота, сельское и лесное хозяйство. Во вторичный сектор включены отрасли обрабатывающей промышленности – обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. К третичному сектору экономики отнесены виды деятельности, охватывающие сферу услуг.

Анализ динамики секторов экономики в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, включенной в валовой региональный продукт (ВРП) показывает, что в Мурманской области в течение последних десяти лет наблюдается тенденция снижения доли обрабатывающих производств (вторичный сектор) в ВРП и увеличения вклада сферы услуг (третичный сектор). Таким образом, в Мурманской области мы наблюдаем тенденции аналогичные общероссийским, когда роль первичного и вторичного секторов, производящих материальную продукцию, падает, но при этом необоснованно растет сфера услуг, в результате чего экономика региона становится зависимой от производящих материальную продукцию отраслей других регионов и стран.

В ведущем газодобывающем регионе страны, на который приходится 80% добычи российского газа – Ямало-Ненецком автономном округе – в отраслевой структуре ВДС происходит уменьшение доли добывающих секторов экономики при росте объемов производства этих секторов. Вторичный сектор при своем незначительном значении практически не изменяется, давая небольшой рост в кризисные периоды экономики. Третичный сектор уверенно растет, фактически он занимает те позиции, которые уступает первичный сектор. В результате при сохранении ресурсного типа экономики, происходит деиндустриализация и необоснованный рост сферы услуг. Производящие материальную продукцию отрасли не развиваются, насыщение рынка материальной продукцией отсутствует, а экономические агенты переходят в сферу услуг, так как в отличие от обрабатывающего производства она требует минимум ресурсов, капиталов и технологий. Ситуация еще более усугубляется тем, что первичный и третичный сектора вынуждены потреблять материальную продукцию вторичного сектора, произведенную либо в других регионах, либо в зарубежных государствах, не имея в достаточном объеме материальной продукции своего вторичного сектора, которую можно было бы реализовывать в соседних субъектах, тем самым вовлекая в товарно-денежный оборот дополнительные средства. В результате из региона уходят как добываемые здесь полезные ископаемые, так и средства, реализованные от их продажи.

Ненецкий автономный округ, добывающий углеводороды, имеет типичную экономику ресурсного типа. Здесь на протяжении последних десяти лет ВДС формируется за счет первичного сектора (до 79%), при практически полном отсутствии вторичного сектора (1–1,5%) и средней роли третичного сектора (в среднем 25%). Если рассматривать темпы роста секторов экономики, то в НАО, как и в ЯНАО обращает на себя внимание обрабатывающая промышленность, которая при слабом развитии дает наиболее высокие темпы роста, что также указывает на рентабельность развития вторичного сектора в экономике региона.

В Чукотском автономном округе в первой половине 2000-х годов была высока доля третичного сектора при низком вкладе в валовую добавленную стоимость первичного и вторичного секторов. Такая ситуация была типична для России в 1990-е годы, когда массово закрывались добывающие и обрабатывающие производства, а рабочая сила

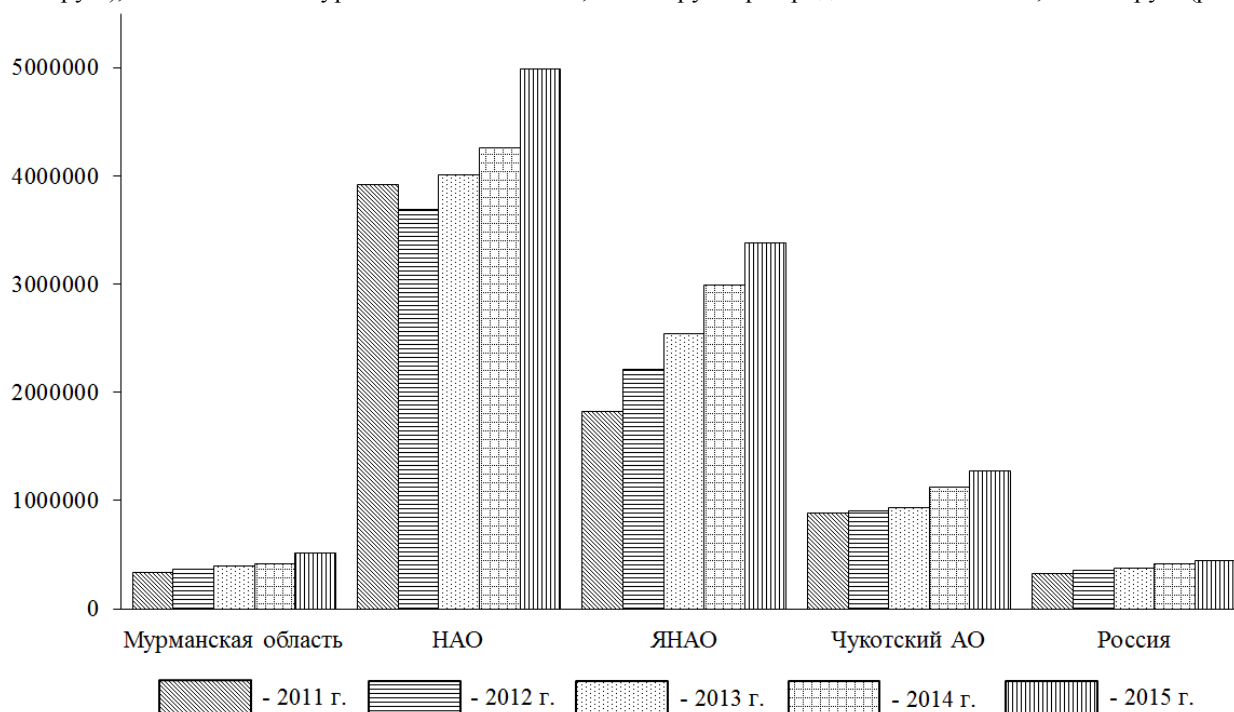
переходила в сферу услуг (Баранов, 2015). В последние десять лет в Чукотском АО ситуация изменилась: в ВДС увеличилось значение первичного сектора при значительном снижении третичного. Так, например, в 2005 году доля первичного сектора составляла 13,3%, а в 2014 году уже 48,8%, в свою очередь доля третичного сектора соответственно упала с 70,2 до 40,2%. Роль вторичного сектора тоже уменьшилась с 16,5 до 11,0%.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в Ямало-Ненецком, Ненецком и Чукотском автономных округах сформирована узкоспециализированная сырьевая экономика. Здесь развиты добывающие отрасли, быстрыми темпами формируется сфера услуг, а роль обрабатывающей промышленности крайне мала. Несмотря на то, что рентабельность обрабатывающих производств существенна, сложившийся уклад ведения хозяйства, направленный на добычу полезных ископаемых крупными вертикально-интегрированными компаниями, не позволяет им развиваться. В Мурманской области идет процесс деиндустриализации, сопровождающийся ростом сферы услуг. Уменьшение значимости собственного производства и активизация межрегиональных связей приводит к росту продукции, произведенной в других регионах и странах.

Посмотрим, что же у нас происходит с другими показателями, характеризующими дифференциацию арктических регионов.

Важнейшим показателем социально-экономической дифференциации является валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения. По данному показателю арктические субъекты существенно различаются между собой, коэффициент вариации в 2015 году составлял 79,75%. Дивергенция с остальными регионами России еще больше, коэффициент вариации в 2015 году достигал 93,24%.

Наибольшие значения ВРП на душу населения – в нефтегазовых регионах (НАО – 4,26 млн. руб. и ЯНАО – 2,99 млн. руб.), наименьшие в Мурманской области – 0,42 млн. руб. при среднем по России – 0,41 млн. руб. (рис. 1).

Источник: составлено на основании данных Росстата

Рисунок 1.
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.

В отличие от ВРП на душу населения дифференциация арктических регионов между собой и с другими регионами России по среднедушевым денежным доходам и ежемесячной номинальной начисленной заработной плате гораздо ниже. По данным показателям происходит сближение более обеспеченных регионов с менее обеспеченными. В 2015 году в субъектах, отнесенных к арктической зоне, коэффициент вариации по доходам равен 25,8%, а по заработной плате 22%, тогда как в 2000 году коэффициент вариации по доходам составлял 40%, а по номинально начисленной заработной плате 35%. С более южными регионами России в последнее время дивергенция также снизилась: по доходам коэффициент вариации с 47% в 2000 году упал до 34% в 2015 году.

В России наблюдается существенная дивергенция по ВРП на душу населения и конвергенция по среднедушевым доходам и стоимости жизни как между арктическими регионами и другими регионами России, так и между самими субъектами, входящими в Арктическую зону Российской Федерации. Однако конвергенция достигается не за счет того, что менее обеспеченные регионы улучшают свои показатели и достигают показателей регионов с большим ВРП на душу населения, а за счет того, что среднедушевые доходы по регионам усредняются за счет перераспределительной политики государства. Подобная перераспределительная политика происходит, в первую очередь, за счет существующей в России налоговой политики, когда основная масса налоговых поступлений идет не в региональные или муниципальные бюджеты, а в федеральный бюджет Российской Федерации. Результатом такой перераспределительной политики во многом становится потеря интереса регионов к межрегиональной кооперации и усиление эффекта

конкуренции за получение бюджетных средств. Макроэкономические механизмы или качественная региональная политика, которые приводят к конвергенции арктических регионов между собой или с другими регионами России, отсутствуют [3, 4].

Подтверждением неэффективности региональной политики является то, что существенной проблемой арктических регионов на протяжении многих лет является низкая плотность населения, сопровождающаяся ежегодным сокращением численности постоянно проживающего населения. Так, начиная с 2000 года общая численность населения изучаемых субъектов снизилась на 9%. Во многом отток населения связан с выравниванием среднедушевых доходов и стоимости жизни в арктических регионах с другими субъектами России. Проведенные в городах Ямало-Ненецкого автономного округа социологические исследования показали, что более 65% респондентов считают регион постоянным местом проживания, однако в перспективе большая часть опрошенных готова уехать из ЯНАО (73,2% опрошенных). Основной же причиной, по которой городские жители автономного округа готовы проживать здесь, является более высокое материальное благополучие, чем в других регионах, возможность иметь более высокую заработную плату. Иначе говоря, несмотря на то, что население считает приемлемым постоянное проживание в арктическом регионе, при ухудшении материального положения или выравнивания его с общероссийским, жители ЯНАО не видят смысла своего проживания в Арктике. Фактически это подтверждает усилившийся за последнее время отток населения, совпавший с понижением реальных доходов населения.

На основании проведенного исследования социально-экономической и отраслевой дифференциации арктических регионов России можно сделать следующие выводы.

Наиболее диверсифицирована экономика самого западного региона российской Арктики – Мурманской области, здесь помимо определяющей роли добычи полезных ископаемых еще сильны позиции обрабатывающих производств. Структура хозяйства остальных изучаемых субъектов особенно узкоспециализирована и направлена только на добычу полезных ископаемых: Ненецкий автономный округ специализируется лишь на добыче нефти и в меньшей степени газа, Ямало-Ненецкий автономный округ специализируется на добыче природного газа, а также нефти и газового конденсата, Чукотский автономный округ на добыче руды цветных металлов.

Проводимая в последние годы в России политика по равномерному социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации, привела к некоторому замедлению пространственной дивергенции арктических регионов между собой и неарктическими регионами. Однако конвергенция наблюдается лишь по среднедушевым доходам и стоимости жизни, по сугубо экономическим и производственным показателям дивергенция продолжает усиливаться. В результате уменьшения разницы по доходам и расходам между арктическими и внеарктическими регионами происходит отток населения из арктической зоны. Наибольший отток фиксируется именно в тех субъектах, в которых конвергенция с внеарктическими субъектами особенно сильна (например, Мурманская область).

Фактически в арктических субъектах продолжается пространственная концентрация экономической активности, усиливается межрегиональная экономическая дивергенция. Также мы видим, что рыночная экономика существенно не повлияла на перераспределение факторов производства и выпуска продукции. Связано это с тем, что на сегодня в этих регионах факторы первой природы, главный из которых – наличие востребованных человечеством полезных ископаемых, компенсируют любые преимущества факторов второй (развитая инфраструктура) и третьей природы (емкие рынки и агломерационный эффект). Более того, проведенные исследования показывают, что большинство арктических регионов России сегодня находятся вне зоны благополучной экономической конъюнктуры, единственное, что их поддерживает, это экспортно-ориентированные сырьевые отрасли. Однако само наличие достаточных сырьевых ресурсов еще не гарантирует достаточных возможностей для развития производственной и социальной сфер, так как бюджеты регионов и городов, где функционируют экспортно-сырьевые отрасли, лишены соответствующих прямых налоговых поступлений.

Взятый в последние годы курс на освоение и развитие Арктической зоны России предполагает, что основным механизмом развития арктического региона станут опорные зоны.

В результате взятого в последние годы курса на развитие Арктической зоны Российской Федерации большое внимание уделяется проблеме комплексного социально-экономического развития арктических территорий России, то есть предполагается развитие всех секторов экономики и уход от узкосырьевой ориентации. Анализ показывает, что на практике существенных изменений в этом направлении пока не наблюдается. Для достижения поставленных ориентиров необходима корректировка региональной экономической политики по достижению поставленных стратегических целей освоения и развития российской зоны Арктики.

Список литературы

1. Баранов Д.Н. Анализ динамики секторов экономики в структуре валовой добавленной стоимости // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2015. – № 3 (14). – С. 8–15.
2. Бушуева Н.В., Ефимов В.С. Методологические подходы к исследованию финансовой безопасности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2014. № 2. С. 10–19.
3. Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Бухвальд Е. М., Кольчугина Н.В. Тренды развития российских регионов // Экономика региона. – Екатеринбург, 2014. – № 3. – С. 9–22.
4. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 2. – С. 132–150.
5. Clark C. The Conditions of Economic Progress. — London: Macmillan, 1940. – 256 p.
6. Fisher A. Production, primary, secondary and tertiary // Economic Record. 1939. – Vol. 15, N 1. – P. 24–38.

Латышев С.В.

президент Союза по содействию социально-экономическому развитию регионов «Евразийский инвестиционный союз»
info@eisinvest.ru

СИСТЕМНЫЕ ИННОВАЦИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Ключевые слова: ТОС, общегражданская идеология, гражданское общество, экзистенциальный проект, социальное государство, экономическая концепция развития, местное самоуправление, народовластие, стратегический перелом.

Введение

Россия, которая была и должна быть евразийским цивилизационно-образующим государством, теперь не имеет смыслового позиционирования, потому что почти за 30 лет она так и не сформировала общегражданских общественно значимых идей и ценностей, до сих пор непонятна народнохозяйственная модель России и её внешнеэкономическое и внешнеполитическое целеполагание. Нелепость происходящего заключается в том, что исполнительная власть не может ответить на вопрос, в каком государственном строе мы живём и какой мы строим?

Любая локальная цивилизация идентифицируется с собственным цивилизационным проектом, общегражданская идеология которого наряду с политической, экономической и социальной доктринами обычно отражены в Конституции этого государства. Поэтому обратимся к нашей Конституции.

В 1993 году Россия получила новую Конституцию РФ, как и ряд ключевых российских законов, от американских советников. Так извне был запущен механизм гарантированного самоуничтожения России как цивилизационно-образующего государства, ибо в России общегражданскую систему общественно значимых идей и ценностей может провозглашать кто угодно, в том числе и иностранные представители, за исключением самого российского гражданского общества, более того, Конституция РФ констатирует – и гарантирует, что мы, как государство откажемся от защиты своих традиционных ценностей, то есть идеологии и признаем приоритет международного права над внутригосударственным правом.

Отсутствие идеологии позволяет российской власти ни за что не отвечать, так как она более четверти века ничего не обещает и даже не декларирует, а страной все это время управляют чиновники вручную исходя из ситуации.

Всё это привело к тому, что уже более четверти века жизнедеятельность и жизнеспособность России зависит не от общегражданской идеологии и решения задач по удовлетворению интересов народа, а от фантазий и потребностей только одного класса российского общества – сообщества чиновников всех уровней в том числе: депутатов и полицейских, судей и прокуроров, то есть – госбуржуазии, а для этого класса актуальна лишь власть ради личного обогащения.

Все как будто вдруг забыли, что жизнеспособность и обустройство государства определяют национальные идеи, общегражданская идеология. В России сформировалась критическая масса проблем, решение которых жёстко ограничено или просто невозможно в рамках существующего ручного управления и отсутствующей общегражданской идеологии и вытекающих из этого социокультурных, социально-экономических и политических моделей государства.

Сложилась нелепая ситуация: основы устройства социализма стали базовыми для всех развитых стран. И только Россия, которая построила социализм, выстрадала его и жила в условиях социализма, вместо того чтобы развиваться на его основе и просто изменить систему управления общественной собственностью, создав условия для поддержки и развития частной инициативы, заболела амнезией и моментально забыла о существовании такого политэкономического строя, как социализм, что и продуцировало тяжелейшую проблему – исключение человека из жизни гражданского общества.

Очевидна необходимость нашего перехода к такому социально-экономическому устройству страны, которое будет обеспечивать стабильный экономический рост, выражаемый прежде всего в непрерывном росте уровня жизни граждан, причём не только материальном. Только таким образом может быть выполнена цивилизационная миссия России.

Экзистенциальный проект для России

Экзистенциальный проект – это проект, обозначающий прежде всего уникальность и непосредственно эмоционально переживаемое, не подающееся осознанию истины существование, то есть проект, основанный на духовности.

– Россия – это локализованное в пространстве и во времени полиэтничное русскоязычное общество, в основе национальной культуры и национального самосознания которого – справедливость, вера, соборность, самодостаточность, общественное и государственное начало и отстаивание интересов своей Родины, именно это и есть российская цивилизация.

– Россия должна быть государством достойных граждан. Необходимо построить такие взаимоотношения в гражданском обществе, в котором подавляющее большинство граждан уверено, что в российском обществе созданы наиболее благоприятные условия для того, чтобы человек смог добиться успеха в жизни через реализацию своего эксклюзивного внутреннего потенциала в условиях соборности и органичного сочетания свободы личности и единства народа.

Всем нам хорошо известны навязанные России мировым прогрессивным сообществом проекты: индустриальный, либералистический, коммунистический, глобалистский, и теперь постиндустриальный, который также именуют технотронной эрой или информационной революцией. В совокупности они отняли у России последние три столетия и ещё неизвестно, сколько времени мы потратим, чтобы понять, что для создания собственного исконно российского экзистенциального проекта, прежде всего необходимо наличие политического, военного, экономического и технологического суверенитета России. Коммунистический проект, как это не странно, оказался полностью выполнен, но был просто «закрыт» внедрившим его мировым прогрессивным сообществом. Индустриальный проект был замещён новым постиндустриальным. Глобалистский проект и связанный с ним постиндустриальный сейчас серьёзно тормозятся в самих США, поскольку отвергаются WASP (белыми англо-саксонскими протестантами). Проект Толерантность увяз в Польше и на Украине и плохо воспринимается в Европейском Союзе. Либералистический проект был не принят в Иране и постепенно ослабевает в России и на постсоветском пространстве. Отторжение указанных выше проектов предоставляет России исторический шанс не участвовать в чужих экспериментах и выстроить свой собственный экзистенциальный проект, для чего необходимо окончательно прекратить реализацию всех навязанных извне мировых проектов и руководствоваться только своим собственным, стратегическим и тактическим целеполаганием, причём целеполагание должно быть согласовано с исторической памятью народа.

В России чиновникам невероятно легко извлекать сверхприбыль, сейчас они почти безнаказанно могут грабить территорию и эксплуатировать людей, где-то действуют подкупом, а где-то угрозами. Люди из-за их действий и отсутствия денег вынужденно попадают в кредитную кабалу, а чиновники, разворовывая бюджет страны и отжимая у них бизнес, а также спекулируя землями на региональном уровне, занимаются откровенным бандитизмом на местах, поэтому нет ничего удивительного, что в современной России любая общественная инициатива по ограничению самодурства чиновников тут же пресекается. Действующая власть – власть чиновников всех уровней – не хочет отвечать перед народом за последствия своих действий, поэтому нет ничего удивительного в том, что в таких условиях народ добровольно отказался от борьбы за свой суверенитет. Разросшееся чиновничество и «деятельная» бюрократия противятся любой созидательной социальной инициативе. Процесс захвата системы управления и сращивание криминального бизнеса с коррумпированной бюрократией превращаются в саморазвивающуюся систему. Чиновничество, занятое в этом процессе, в итоге и становится распорядителем и бюджета страны, и решений всех структур и уровней власти, какими бы первоначально они не казались независимыми, поэтому всё, что раньше казалось неординарным, случайно произошедшим, становится настолько обычным явлением, что даже несведущие люди начинают замечать в происходящем криминальные тенденции, присущие чиновничеству. Пророческими оказались слова Александра Христофоровича Бенкендорфа, который, писал: «Чиновники. Под этим именем следует разуметь всех, кто существует своей службой. Это сословие, пожалуй, является наиболее развращённым морально. Среди них редко встречаются порядочные люди. Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы. Они боятся введения правосудия, точных законов и искоренения хищений; они ненавидят тех, кто преследует взяточничество, и бегут от них, как сова от солнца. Они систематически порицают все мероприятия правительства и образуют собою кадры недовольных; но, не смея обнаружить причины своего недовольства, они выдают себя также за патриотов». С момента написания этих строк прошло более двухсот лет, но они, к сожалению, остаются актуальными и для нашего времени.

Описанную выше модель социального взаимодействия народа и власти, конечно, можно свести к издержкам управления, где чиновники, действуя исключительно в своих интересах, пополняют свой доход за счёт уничтожения природы и эксплуатации общества. Варианты реакции народа на такой беспредел хорошо известны, однако очевидно, что социальная революция бессмысленна для разрешения таких проблем, потому что результаты такой революции будут присвоены такими же как те, против кого она была направлена, поэтому нужно отказаться от идеи социальной революции в пользу эволюционного перехода власти из рук чиновничьего аппарата в руки суверенных граждан, которые искренне заинтересованы в процветании РОДИНЫ. Необходимо избавиться от устаревших методов управления в пользу общенародных форм самоуправления, что невозможно без коренного изменения системы управления. Важнейший компонент необходимой нам системы управления – не только наличие обратной связи со всеми структурами самоуправления. Обществу необходимо развитие успешных социальных и экономических новаций как по его структурированию, так и по применяемым им новациям и понятиям.

Сегодня мы все более признаем себя ответственными за адекватность решений, которые принимает общество в целом. В принятии этих решений нельзя положиться на современную экономическую науку, т.к. она находится в состоянии глубокого кризиса. Основной причиной этого кризиса является отсутствие новых подходов к описанию происходящих изменений в обществе, отсутствие изучения потребностей общества и человека – гражданина. В поисках выхода из кризиса и определения программы своего развития экономическая наука вновь обращается к философии.

Непрерывно расширяется коммуникационное пространство человека. Формируется среда для развития «человека информированного», который погружён в принципиально различные сферы жизни общества. Одно из основных значений «человека информированного» для общества – это его роль эксперта в области обработки информации. Человек будущего – это человек социального государства, занимающийся высокопрофессиональным творческим трудом. Это человек творческий, обладающий широким научным кругозором и уникальной глубиной знаний. Его собственная система знаний уникальна, поскольку сформирована на основе персональных предпочтений, каналов и способов получения и обработки информации. Происходящая трансформация мироустройства приводит к кардинальным изменениям Человека – личности, сообществ, общества в целом. Меняются ценности, механизмы общественной координации, новейшие из которых реализуются на основе интеллектуальных систем. Творчество впервые в истории превращается в важнейший фактор развития человечества. Роль человека в инновационном развитии нового общества постоянно растёт. Теоретический и методологический инструментарий экономики индустриального периода бессилён при описании личности, сообществ, общества в целом, поскольку принципиально возросла сложность социально-экономической системы и скорость её трансформации. Нужны новые подходы к инновациям в современной экономике и переустройству её системы в целом.

Если рассматривать функции властных структур государства, то прежде всего бросается в глаза алогичность их устройства и того, что декларирует власть. Власть декларирует, а Конституция Российской Федерации подтверждает – «Единственным источником власти в Российской Федерации является народ», следовательно, можно сделать вывод, что вся экономика должна прежде всего учитывать потребности и запросы народа, что определяет государство как структуру, обслуживающую общество. Однако это конституционное требование никак не определяет ни действия чиновников, ни действия депутатов. Фактически принцип главенства народа является пустой декларацией. На сегодня приходится констатировать, что мы имеем господствующее над своим народом государство в лице чиновников всех ветвей и уровней власти. Вот так и живём в парадоксальном мире: избиратели, проголосовавшие за депутатов, оказываются в непосредственном подчинении чиновников, действия которых никак не связаны с интересами избирателей. Реализуя свои собственные цели и интересы, чиновники стремятся к принятию таких решений, которые открывали бы для них доступ к использованию разнообразных ресурсов. На экономии общественных благ они мало что могут заработать, принятие же дорогостоящих программ предоставляет им широкие возможности для личного обогащения, усиления влияния, укрепления связей с поддерживающими их группами и в конечном счёте для подготовки путей «отхода» на какое-нибудь «тёплое» местечко. Именно поэтому необходимо последовательно выступать за всемерное ограничение экономической функции государственного аппарата.

Формально, согласно п. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, единственным источником власти в России является её многонациональный народ. Однако ни наработанных механизмов непосредственного осуществления власти, ни опыта возвращения себе суверенитета народ не имеет. Этому есть веская историческая причина, состоящая в том, что народ исключён из участия в государственном управлении, так как правительство и все подчиняющиеся ему институты власти являются исполнительной властью. Чиновники уверены в том, что только так и должно быть, так они думают сейчас и так они думали в прошлом. Например, Николай Алексеевич Милютин, который писал: «Правительству, и только ему одному, принадлежит всякий почин в каких бы то ни было реформах на благо страны...». Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что именно население – общество должно разработать такие механизмы, которые позволили бы ему вернуть себе суверенитет и фактически занять ключевое место в управлении страной.

Народ – богатство России, поэтому создание социальной модели развития экономики – основная задача нашего государства и основные принципы построения нашей внутренней региональной политики.

Новая экономическая концепция развития регионов базируется на российском законодательстве и особенно на положениях Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В Конституции Российской Федерации в первой главе «Основы конституционного строя» в статье 12 определено: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы самоуправления не входят в систему органов государственной власти». Однако почему то все положения по подготовке документов стратегического планирования, согласно Главе 11 Статьи 39, пунктов 1 и 2 заканчиваются на уровне муниципального образования, несмотря на то, что речь по дчас идёт о стратегии социально-экономического развития конкретной территории, развитие которой по законодательству РФ входит в компетенцию Территориального общественного самоуправления, население не может не интересоваться развитием территории, на которой оно проживает, а население, жители – это и есть тот самый народ, который является согласно Конституции Российской Федерации **«Единственным источником власти в Российской Федерации»**.

Именно поэтому гражданские инициативы в региональной экономике России являются основополагающими, и новая российская экономическая модель, и стратегическое планирование развития региона должны прежде всего согласовываться с населением и осуществляться в его интересах.

Мы считаем, что осуществлять стратегическое планирование без участия населения – это по меньшей мере не корректно. Поэтому мы предлагаем, чтобы по всем стратегическим проектам социально-экономического развития территории обязательно проходили публичные слушания на уровнях территориального общественного самоуправления и данные проекты принимались к исполнению только после их одобрения населением.

Вопросы местного значения определены законодателем в ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003. Согласно статье 15 данного закона, к ним относятся установление, изменение и отмена местных налогов и сборов; распоряжение имуществом муниципального образова-

ния; дорожная деятельность; участие в профилактике экстремизма и терроризма; организация охраны общественного порядка; формирование и содержание муниципального архива; сохранение объектов культурного наследия; организация мероприятий по гражданской обороне; осуществление мероприятий по работе с детьми и молодёжью; осуществление мер по борьбе с коррупцией и многое другое, то есть полномочий более чем достаточно, именно поэтому чиновники стараются либо тормозить регистрацию ТОС (Территориального общественного самоуправления), создавая многочисленные бюрократические препятствия, либо берут инициативу в свои руки и формально назначают своего человека на место руководителя ТОС, пользуясь неосведомлённостью населения о своих правах. А ведь очень важно, чтобы решение вопросов местного значения осуществлялось на уровне, наиболее приближённом к населению, так как от этого зависит качество решения вопросов непосредственно касающегося качества жизни каждого из нас, принятие в итоге гражданами решения является одним из инструментов, позволяющим транслировать интересы населения властным органам исполнительной власти, поэтому структуры территориального общественного самоуправления – это пожалуй основное звено в построении новой модели экономики гражданского общества. Необходимо развивать в гражданах желание участвовать в политической и экономической жизни общества в целом и в жизни своего муниципального образования, «территориальная активность» – это комплексное понятие, включающее в себя различные направления и формы деятельности. В частности, выделяется политическая территориальная активность, которая предполагает взаимодействие с депутатами, политическими партиями, политическими движениями и объединениями; участие в выборах; участие в публичных слушаниях и тому подобное, то есть взаимодействие с политической, представительной властью. К экономической территориальной активности относится привлечение финансовых ресурсов для развития территории (например, в виде грантов, средств, полученных в рамках проведения благотворительных акций, целевых взносов населения) и участие в создании основ экономики гражданского общества. К социальной территориальной активности относятся различные мероприятия, которые проводятся на данной территории; реализация социально значимых проектов граждан, которые способствуют инфраструктурному развитию территории; а также поддержка определённых категорий населения и деятельность, ориентированная на решение вопросов по благоустройству территории, вопросов ЖКХ и осуществление контроля качества деятельности организаций-подрядчиков. Формы территориальной активности населения можно также отнести к двум категориям: организованные и неорганизованные. К организованным формам относятся публичные слушания, электронное самоуправление, деятельность территориального общественного самоуправления, товарищества собственников жилья и др. К неорганизованным формам территориальной активности можно отнести деятельность территориальных (дворовых) групп, соседских сообществ, несанкционированные пикеты протесты и митинги, деятельность территориальных сообществ в социальных сетях. Понятие территориального общественного самоуправления законодательно закреплено в федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 с изменениями и дополнениями. Согласно статье 27 данного закона, под территориальным общественным самоуправлением понимается «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населённых пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения».

Закреплённые в Конституции Российской Федерации права человека и гражданина определяют территориальное общественное самоуправление как механизм реализации конституционных прав граждан на объединение и проведение собраний по месту жительства с целью защиты общих интересов населения определённой территории. Отметим, что некоторые эксперты рассматривают ТОС как механизм реализации субъектного права, в то время как другие – как один из основных инструментов реализации принципа народовластия. В данной статье мы рассматриваем ТОС как инструмент решения вопросов местного значения и как основную структуру народовластия. Основной целью деятельности ТОС можно считать повышение качества жизни граждан, за счёт развития инфраструктурных проектов интересных населению и работающих на население, что непосредственно достигается путём решения различных вопросов местного значения, в том числе и создания самодостаточной экономики гражданского общества.

Территориальное общественное самоуправление даёт населению возможность принимать активное участие в жизни общества и государства и самостоятельно решать актуальные для территориального развития и сообщества вопросы, способствовать развитию демократического государства и определять приоритеты развития территорий.

*Лексин В.Н.*¹

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: РАЗРАБОТКА И НАЧАЛО РЕАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: стратегическое планирование, региональное развитие, Стратегия пространственного развития России.

1. Постановка проблемы

Прошло более трех лет между зачатием [2], родами и недавними правительственными крестинами [4] «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – «Стратегия»), и если в ходе келейных обсуждений ее разработки проявлялся хоть какой-то общественный интерес к будущему документу, то сейчас такие обсуждения фактически прекратились. Может быть это считается уже бессмысленным, – ведь как говорили в советские времена «Что записано бюро, не вырубишь топором». Формально в современной России «государственная или обязательная» идеология, реализуемая любым решением «бюро» (от Политбюро КПСС до партбюро какого-нибудь издательства) «не может устанавливаться» (Конституция РФ, ст. 13.2), но де-факто такая идеология существует, зафиксирована в той же Конституции и в течение почти двух десятилетий безальтернативно реализуется во всех без исключения либерально-рыночных реформах. За это время сформировалась и доказала свою результативность технология их проведения², и здесь на небольшом текстовом поле настоящей статьи я хотел бы обратить внимание читающей публики на один существенный и, к сожалению, мало замечаемый инструмент этой технологии, а именно на опережающее такие реформы официальное изложение намерений о переменах в конкретных сферах жизнедеятельности общества, в организации власти и бизнеса.

Все вышеуказанные намерения в форме доктрин, стратегий, концепций, основных направлений и т.п. документов рано или поздно становятся законами и подзаконными актами, регламентирующими все без исключения события нашей жизни, и в связи с этим представляется необъяснимым и неоправданным сложившееся в научном и экспертно-аналитическом сообществе России скептическое и даже снисходительное к ним отношение [10]. Оно распространяется и на установленные Конституцией РФ (ст. 84) ежегодные «Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ», формулирующие приоритеты внешней и внутренней политики страны, и на так называемые «Бюджетные послания Президента РФ Федеральному собранию», и даже на так называемые «майские» Указы Президента РФ.

«Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» занимает уникальное положение среди всех установленных федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – 172-ФЗ) «документов стратегического планирования» и «стратегического прогнозирования». И она не имеет равных среди этих «документов» ни по фатальной несоразмерности сложнейшей (и, действительно, стратегически значимой) задачи и примитивной логики ее решения, ни по нечеткости формулирования предмета стратегирования («пространственное развитие»), ни по априорности исходных положений, ни по нескрываемой идеологической ориентации, ни по оценке вероятных последствий. «Стратегия» стала зеркалом государственного стратегического управления нашим будущим, и уже поэтому целесообразно внимательно в него взглянуть. В связи с этим в статье последовательно рассматривается, как формировалось представление о содержании и задачах «пространственного развития» в государственной политике России, на каком концептуально-идеологическом фундаменте основывалась разработка «Стратегии», и каково ее место среди других официальных документов стратегического характера. Обращено внимание на то, что «Стратегия» фактически ориентирует на закрепление в перспективе ныне проводимого курса региональной политики (опора на крупногородские агломерации, на преференциальные «точки роста» и т.п.). В подтверждение этого показаны предлагаемые «Стратегией» механизмы ее реализации, конкретизированные на примере транспортных приоритетов «Стратегии» и принятого в их развитие правительственного «комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.». В заключение излагаются дополнительные соображения о необходимости отношения к «Стратегии» как к очередной «дороге, которую не мы выбираем», но которая уже определяет направление движения нашей страны в наиболее вероятное будущее.

¹ Лексин Владимир Николаевич – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Информатика и управление» РАН. E-mail: leksinvn@yandex.ru

² Речь, разумеется, о результативности самой технологии проведения реформ, а не о политических, экономических, социальных и иных результатах их последствий.

2. 2. «Пространственное развитие» в государственной политике России

«Стратегия» – бесспорно, трудный для разработки документ уже потому, что ключевое словосочетание «пространственное развитие» не только не имеет однозначного толкования, но и вызывает подозрение в его внутренней логичности. Не случайно в упоминавшемся федеральном законе 172-ФЗ суть этой дефиниции заменяется формулировкой назначения «Стратегии» и говорится, что «стратегия пространственного развития... – документ... направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации». В опубликованном через год после принятия этого закона Постановлении Правительства РФ (от 20 августа 2015 г. № 870) «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации» к приведенному определению добавлено «снятие инфраструктурных ограничений в социально-экономическом развитии территорий» и пришедшее из госплановского лексикона времен СССР «приоритетное размещение производительных сил». А в п. 8. «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждены Указом Президента РФ от 16.01.2017 г., № 13) под региональным развитием (отождествленным с «пространственным развитием») понимаются: (а) сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан России, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности, (б) сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов, (в) достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий страны, (г) дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках и (д) повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления». Недостижимость этих целей «регионального развития» в какой-то степени лукаво уравнивается количественной неопределенностью словосочетания «сокращение различий», – ведь поскольку такие различия естественны и неизбежны, то такие «сокращения» могут быть достигнуты самыми разными способами (пример – создание «новой Москвы»). Излишне амбициозно намерение «достижения необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий страны» (симптоматично определение: «необходимого») и т.д.

Напомню, что «Стратегия» ориентирует на «устойчивое пространственное развитие», а такое «развитие» во всем тексте этого документа становится синонимом и, одновременно, панацеей от всех бед, препятствующих территориальному благоденствию. В то же время здравый смысл и опыт многолетних и многочисленных отечественных исследований общероссийской, региональной и муниципальной действительности убеждают в том, что в ближайшие годы разумнее ориентироваться не столько на «устойчивое развитие», сколько на «устойчивое функционирование» реально существующих пространственных систем разного уровня – административно-территориальных образований, населенных пунктов, муниципальных районов и пр. В условиях кризисного состояния таких систем остается лишь надеяться на использование их собственных возможностей и ресурсов для реализации социальных, хозяйственных, инфраструктурных, природоохранных и иных функций в режиме, обеспечивающем сохранение и воспроизводство их базовых элементов и связей, а также на включение в их структуры новых элементов и связей, неразрушающих их целостность. В идеале так понимаемая «устойчивость» функционирования пространственных систем в политически, экономически и социально стабильной ситуации смогла бы поддерживаться все еще существующим потенциалом их самоорганизации, саморазвития и адаптации к внутренним и внешним факторам изменения их состояния. Однако в обозримой перспективе функционирование таких систем в России будет проходить в условиях резкого усиления внешних и, главное, внутренних возмущающих воздействий при сохраняющейся ограниченности административных и финансовых (в том числе, инвестиционных) ресурсов управления. В связи с этим стратегической задачей политики «пространственного развития» должно было стать сведение к приемлемому уровню рисков *функционирования* различных составляющих каждой пространственной системы и интегрального риска функционирования общероссийской пространственной мегасистемы в целом. Но это была бы другая «Стратегия», вызревшая на ином поле государственной региональной политики и ее идеологии.

В последние годы государственная политика «пространственного развития» России все настойчивее соединяет ряд уже привычных положений (различные меры сокращения аномально больших различий социально-экономического положения отдельных регионов, доминирование федерального «центра» в его отношениях с регионами и др.) с конкретными действиями в форме выделения территорий с особыми, – обычно преференциальными, – режимами (территориальная фрагментация единого правового пространства, особые экономические зоны, территории опережающего развития и др.) и с особыми надеждами на крупногородские агломерации и иные центры экономической и инновационной активности. И никого не удивляет, что ни одно из этих действий и упований ни разу не было предметом системных социально-экономических обоснований и не было никаких доказательств их положительного воздействия на состояние муниципалитетов, регионов и страны в целом. То же относится и к примерам активного вхождения в идеологию и практику отечественной региональной политики некритически воспринимаемых положений региональной политики ряда стран Запада, формирующейся под воздействием принципиально иных условий. Квинтэссенцией такой региональной политики и ее концептуально-идеологического фундамента стала рассматриваемая в этой статье «Стратегия».

3. Концептуально-идеологический фундамент разработки «Стратегии»

Отечественные специалисты провели немало исследований проблематики и перспектив пространственных трансформаций России и только за последние пять лет опубликовали около сотни монографий и статей с изложением полученных результатов. Эти исследования в ряде случаев раскрывают глубинные связи общероссийской, субфедеральной, макрорегиональной и муниципальной проблематики во всем, что определяет перспективы пространственного бытия нашей страны [5, 6, 7, 8, 9, 14, 16, 17]. При относительно схожих оценках существующего положения взгляды на будущее российских пространственных систем и, соответственно, рекомендации о необходимых действиях правительства, бизнеса и самого населения кардинально расходятся. Упрощая эти разногласия, можно условно выделить два блока мнений о пространственном развитии страны. *Первый* представлен в работах специалистов, считающих, что вставшей на капиталистический путь стране в любом случае придется освободиться от социалистического прошлого, которое отождествляется, прежде всего, с плановым началом в развитии и размещении производительных сил и с реализацией идей социалистической системы расселения. Антитезой этого являются мнения о необходимости использования в России свойственной современному Западу модели его пространственной организации, вписанной в контекст глобализма, общества потребления, постиндустриального и информационного общества, тотальной инноватики и т.п. *Второй подход*, признавая естественность формирования западных моделей организации пространственного бытия, напоминает о фундаментальных отличиях длительного эволюционного развития пространственной организации общества Запада (основного образца для сторонников первого подхода) от стремительной трансформации пространства современной России. Поэтому предлагается избирательное, взвешенное и системно обоснованное восприятие и использование зарубежного опыта, обосновывается необходимость его неизбежно длительной адаптации к реалиям не имеющей аналогов огромной пространственной российской мегасистемы, в основном сформированной в период социалистического строительства и до сих пор остающейся пространственным базисом функционирования нашего государства.

Из работ, наиболее полно связанных с темой этой статьи, следует выделить программную статью одного из руководителей и ведущих разработчиков Стратегии, занимавшего до недавнего времени должность директора департамента стратегического и территориального развития Минэкономразвития России [18]. Этот текст, ставший своеобразным «авторефератом» будущей «Стратегии», в значительной степени определил концептуальную тональность всех ее известных вариантов и уже поэтому заслуживает особого внимания и цитирования. Демонстрируя полную приверженность назначению «Стратегии», сформулированному в ранее названных официальных документах (совершенствование системы расселения на территории России и приоритетные направления размещения производительных сил), автор в середине текста расставляет точки над *i*, утверждая, что главной целью «Стратегии» является «совершенствование пространственной структуры экономики (!) Российской Федерации». Уточнение – не случайное.

Автор, используя современную лексику, перечисляет глобальные, внешние и внутренние «основные вызовы, с которыми придется столкнуться России в прогнозный период и на которые придется отвечать, в том числе и мерами государственного регулирования пространственного развития», совершенно справедливо включая в их число «продолжающиеся процессы концентрации населения и экономической активности в крупнейших городах и Московской столичной агломерации, устойчивые чрезмерные межрегиональные контрасты в социально-экономическом развитии, крайне слабую инфраструктурную обустроенность территории страны и общую неразвитость институтов пространственного развития, излишнюю унификацию норм и правил и недостаточную проработанность нормативной правовой базы пространственного развития». Основываясь на избранных исследованиях отечественных специалистов, автор отмечает и то, что за последние 25 лет «стали заметнее сжатие, фрагментация и чрезмерная поляризация ее экономического пространства» и что «по всей России идет процесс стягивания экономически активного населения в крупные города на фоне депопуляции малых городов и сельских территорий, сокращается общее количество населенных пунктов, в том числе из-за их ликвидации в связи с отсутствием жителей». Нельзя не согласиться и с констатацией общеизвестного факта: «размещение объектов экономики по территории страны отражает доминирование интересов бизнеса – по максимизации прибыли, по использованию ресурсов, по расширению рынков сбыта, – но практически не отражает интересы комплексного социально-экономического развития территорий, не связано с решением их задач».

Автор перечисляет «основные составляющие желаемого образа будущей пространственной организации России, которые сформируют вектор движения и целевые установки стратегии ее пространственного развития» и предлагает такие краткие расшифровки таких «составляющих», как «повышение связности и сбалансированности пространства страны создание пространственной среды благоприятной для жизнедеятельности, повышение конкурентоспособности экономики страны, инфраструктурное обустройство территории, осуществление неистощительного природопользования и сохранение окружающей среды»¹. Под стать им и сформулированные автором «принципы пространственного развития»: пространственное сплочение, пространственная доступность социальных благ, комплексный подход, безусловная ценность каждого места, равнозначность уровней пространственного развития, обеспечение сбалансированности пространственного развития (понимаемое как «предотвращение процессов сверхконцентрации, содей-

¹ Содержание этих «составляющих» жестко привязано к устоявшимся триумзам современного стратегического мышления. Так, «повышение конкурентоспособности экономики страны» предполагается обеспечить «на основе ее инновационной модернизации и диверсификации с учетом задействования потенциала высокотехнологичного развития, в том числе в городских агломерациях, и согласованного использования широкого арсенала таких форм ее пространственной организации, как кластеры, территории опережающего развития, особые экономические зоны, новые промышленные районы на суше и на шельфе, опорные зоны и так далее».

ствии появлению новых территорий роста, предотвращение дальнейшего оттока населения Сибири и Дальнего Востока, депопуляции сельских территорий и малых городов, инфраструктурного обеспечения пространственного развития экономики и социальной сферы») и, наконец, повышение управляемости.

Все эти «принципы» вскоре начинают размываться в неизбежных противоречиях между ними и странной смесью принимаемых за истину убеждений о таких универсальных средствах преодоления ранее обозначенных невзгод пространственной организации нашего общества, как крупногородские агломерации, «точки роста», кластеры, разного рода укрупнения и т.п. Так, утверждается, например, что первым в ряду «основных направлений и приоритетов совершенствования системы расселения России должно стать обеспечение учета приоритетов размещения производительных сил на основе позиционирования крупных городов и урбанизированных районов как центров инновационного развития», а «приоритетным направлением развития пространственных структур является формирование макрорегионов на территории Российской Федерации». Ну и, конечно же, необходимо «встраивание пространственных структур разного уровня в единое евразийское и мировое экономическое пространство».

Совмещение двух ранее обозначенных подходов и связанный с этим концептуальный дуализм отношения к перспективам пространственного развития России проявляется и на правительственном уровне, где особенно важна четкость позиции и недопустимы заявления, о которых наши известные сатирики говорили: «побольше внимания разным вопросам». Так, 16 февраля 2018 г. на встрече Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева с главами регионов в рамках Российского инвестиционного форума «Сочи-2018» о «Стратегии пространственного развития России» им было сказано: «Правительство ее сейчас готовит. Важно учесть предложения от региональных властей, обсудить их на экспертных и общественных площадках. Мы рассчитываем, что стратегия будет абсолютно рабочим документом, практическим руководством для органов власти, станет инструментом координации различных отраслевых политик, поможет спланировать в целом развитие инфраструктуры в стране и, конечно, будет ориентиром для инвесторов... важно четко определить конкурентные преимущества каждого региона, максимально точно спрогнозировать региональные точки роста. Сегодня мы чаще всего рассматриваем мегаполисы, агломерации в качестве глобальных центров конкуренции. Собственно, так и есть, это мировая тенденция. Поддерживать их необходимо. Но еще раз напомню то, о чем говорил вчера: нужно создавать условия для сбалансированного развития всей территории страны. В России около тысячи малых и средних городских поселений, где живет почти 30 млн. человек. Все они разные. Это культурные и исторические, туристические и промышленные центры, транспортные узлы. Ими надо заниматься. И в сельской местности есть территории с благоприятным сочетанием природных и производственных факторов. Уверен, что в каждом из регионов можно найти одно-два приоритетных направления и сконцентрировать свои финансовые ресурсы на этих вопросах» [12]. Комментарии излишни.

По контрасту с вышесказанным представляется жестко категоричным ранее поставленный Правительством РФ перед разработчиками «Стратегии» комплекс задач, сам перечень которых заслуживает внимательного чтения. В уже упомянутом постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 было установлено, что Стратегия должна включать:

(а) анализ особенностей и проблем пространственного развития Российской Федерации, содержащий оценку факторов, условий и рисков пространственного развития Российской Федерации, в том числе существующей системы расселения на территории Российской Федерации, природно-ресурсного и производственного потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, пространственных аспектов межрегионального, приграничного и международного сотрудничества, а также иные оценки, связанные с пространственными аспектами экономического и социального развития Российской Федерации;

(б) цели и задачи пространственного развития Российской Федерации;

(в) сценарные варианты пространственного развития Российской Федерации, в том числе приоритетный (целевой) сценарий;

(г) основные положения в сфере пространственного развития Российской Федерации, в том числе: приоритеты совершенствования системы расселения на территории Российской Федерации и механизмы стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения; направления изменения структуры экономики Российской Федерации в региональном аспекте; перспективные конкурентные преимущества и экономическая специализация субъектов Российской Федерации в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающие принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития; прогноз (оценка) потребности субъектов Российской Федерации в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализации и прогнозов социально-экономического развития соответствующих территорий; прогноз (оценка) потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий; перечень потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития, основанный на комплексной оценке и анализе условий и потенциалов пространственного развития Российской Федерации; варианты территориального размещения национальных технологических платформ; направления интеграции Российской Федерации в единое евразийское и мировое экономическое пространство; состав макрорегионов на территории Российской Федерации и результаты отнесения городов и регионов Российской Федерации к определенным типам;

(д) показатели пространственного развития Российской Федерации, в том числе значения этих показателей, установленные для каждого этапа реализации стратегии и на окончание периода ее реализации в соответствии с приоритетным сценарием пространственного развития Российской Федерации;

(е) этапы реализации стратегии и, наконец,

(ж) механизмы достижения установленных приоритетов и целей пространственного развития Российской Федерации, в том числе определение необходимости корректировки действующих (разработки новых) схем территориального планирования Российской Федерации, государственных программ Российской Федерации, инвестиционных программ субъектов естественных монополий с целью удовлетворения потребностей субъектов Российской Федерации в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры.

Решение этих задач, бесспорно, было бы полезно для разработки «Стратегии», но проблема в том, что до настоящего времени нет ни одного (а их требуется около сотни) развернутого исследования (прогноза, проекта, расчета), обеспечивающего выполнение каждого из выше перечисленных требований к разработке «Стратегии» и, тем более, прошедшего широкое общественное обсуждение. Рассчитывать же на то, что все это могло появиться в течение нескольких месяцев, отведенных для разработки «Стратегии», абсолютно нереалистично. Казалось бы, что такая разработка облегчается в связи с наличием уже имеющегося массива официально утвержденных различных документов стратегического характера (неполный перечень их приводится ниже). Что нужно было делать разработчикам «Стратегии» – механически суммировать массивы таких документов (принятых, естественно, без учета новейших требований к «Стратегии» и, более того, требующих изменений по результатам ее разработки) или вносить в них кардинальные и частные изменения в соответствии с духом и буквой «Стратегии», входя в конфликт с уже принятыми государственными решениями? Судя по всему, такой вопрос не задавался.

4. «Стратегия» среди себе подобных

Не требует доказательств, что направляемая государством трансформация параметров пространственного устройства страны – амбициозная задача, которую, за исключением СССР, никто и никогда в мировой практике не ставил и не пытался решить. Процессы такой трансформации в разных странах идут как бы «сами собой» под воздействием меняющихся интересов групп населения в различных населенных пунктах и частях страны, динамики внешних и внутренних факторов функционирования бизнеса, появления новых зон хозяйственной деятельности и исчерпания природных ресурсов, природно-климатических изменений, политических амбиций элит и т.п. возмущений сложившегося состояния территориальной организации общества. В современной же России проблема реструктуризации российского пространства, возникшая в связи с качественными переменами во всех основаниях нашего общественного устройства и во многом определяющая его острейшие противоречия, принципиально иная. Ее саморазрешение возможно, но на это уйдут десятилетия перманентно кризисного бытия десятков тысяч населенных пунктов и миллионов их жителей, социальной сферы и экономики всей страны. Поэтому намерения государства стратегически выстроить направления внутренней и внешней политики, реализация которых была бы способной позитивно повлиять на реально идущие перемены в пространственном бытии страны вполне понятны и оправданы.

«Стратегия», как уже отмечалось, занимает своеобразное место среди сонма стратегически ориентированных документов государства. Немногочисленными, но политически весомыми документами такой направленности являются «доктрины», утверждение которых входит в число конституционных полномочий Президента РФ¹. Первая из них появилась еще 2 ноября 1993 г., когда был подписан неопубликованный в СМИ указ «Об основных положениях военной доктрины РФ», а затем последовали доктрины развития российской науки, морская и климатическая, продовольственной и информационной безопасности. Все они – предметны и представляют «совокупность официальных взглядов» на политику важнейших направлений функционирования страны. Самыми распространенными документами стратегического характера являются «программы», утверждаемые (одобряемые) и Президентом РФ и Правительством РФ, и федеральными органами представительной и исполнительной власти, и соответствующими структурами регионального и даже муниципального масштаба. За последние 25 лет только на федеральном уровне было принято несколько сотен «программ». «Программы» наиболее близки к формату планов (конкретные задания, их исполнители, сроки исполнения, финансирование) и в последние 15 лет принимаются (утверждаются, одобряются) только органами исполнительной власти². На реализацию государственных программ в федеральном бюджете заложено более 50% всех его расходов, а по отдельным регионам страны доля программных расходов превышает 70% и имеет тенденцию последовательного роста.

Своеобразным «стратегическим фундаментом» большинства программ являются «основные направления» и «концепции». «Основные направления» принимаются в течение всего периода существования Российской Федерации органами государственной власти федерации, субъектов РФ и муниципальных образований; по моим подсчетам за первые 20 лет только на федеральном уровне было принято около 20 таких документов, утвержденных (одобренных) актами Правительства РФ, около 60 – различными федеральными министерствами и ведомствами и более 10 – палатами Федерального собрания РФ. Большинство таких программ со временем формируют содержание конкретных реформ, типичным примером стало Постановление Правительства РФ № 526 от 11 июля 2001 г., одобrivшее «Основные направления реформирования электроэнергетики РФ». «Концепции» (политики, реформ и т.п.) общегосударственного значения, как правило, принимаются первыми лицами государства и государственными (федеральными и региональ-

¹ Это полномочие де-юре относится только к военной доктрине (ст.83 Конституции РФ), но оно де-факто было распространено и на большинство других принятых доктрин.

² Класс «президентских» программ был установлен специальным указом Президента РФ 1 июля 1994 г., в соответствии с ним было принято и реализовано 16 программ, последние из которых были 16 ноября 2001 г. утверждены указом Президента РФ «О президентских программах по улучшению положения детей в Российской Федерации на 2001-2002 гг.», а сам исходный указ о статусе президентских программ был отменен 20 августа 2004 г. указом Президента РФ.

ными) органами исполнительной власти. Значительный общественный резонанс вызвали: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства РФ 17 ноября 2008 г., новая редакция – 8 августа 2009 г.), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утверждена указом Президента РФ 30 ноября 2016 г.) и ряд других. Большинство положений «концепций» непосредственно входят или интерпретируются при обосновании и разработке государственных программ. Во многих «концепциях» ранее, чем в других вышеназванных официальных документах, формулировались стратегические направления «пространственного развития» страны; так, в разделе VII уже упоминавшейся «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» присутствовали подразделы «Основные принципы государственной политики регионального развития» и «Инновационная и социальная ориентация регионального развития».

Отмечу и подчеркну, что большинство перечисленных документов разрабатывалось большими коллективами специалистов, имевших практический опыт работы по конкретному предмету будущего документа и ориентированных на его последующее использование опять же в конкретных целях бизнес-сообществ и определенных корпораций, отдельных сфер государственного регулирования (например, таможенного, налогового, имущественного), социальной политики (например, в области здравоохранения). Принятие таких документов всегда знаменовало победу того или иного лоббирования тех или иных интересов, чаще всего объединенных только общей либерально-рыночной идеологией.

У идеи и попыток разработки «Стратегии» – многолетняя история, однако переход этой задачи на уровень государственного управления был заявлен только в законе о стратегическом планировании и конкретизирован в неоднократно упоминавшемся Постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 840 о содержании и порядке разработки и утверждения «Стратегии». Правительство РФ поставило перед разработчиками «Стратегии» задачи, для решения которых в современной России не было ни опыта, ни информационных и институциональных ресурсов. В число таких задач входили, например, «анализ особенностей и проблем пространственного развития РФ, содержащий оценку факторов, условий и рисков пространственного развития..., в том числе существующей системы расселения на территории РФ, природно-ресурсного и производственного потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, пространственных аспектов межрегионального, приграничного и международного сотрудничества, а также иные оценки, связанные с пространственными аспектами экономического и социального развития Российской Федерации». Разработчики были должны обосновать и «приоритеты совершенствования системы расселения на территории РФ и механизмы стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения; направления изменения структуры экономики РФ в региональном аспекте; перспективные конкурентные преимущества и экономическая специализация субъектов РФ в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающие принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития; прогноз (оценка) потребности субъектов РФ в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализации и прогнозов социально-экономического развития соответствующих территорий; прогноз (оценка) по потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий; перечень потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития, основанный на комплексной оценке и анализе условий и потенциалов пространственного развития РФ; варианты территориального размещения национальных технологических платформ; направления интеграции РФ» и т.д.

5. Стратегия продления начатого

Среди читателей, вероятно, нет никого, кто не прочитал бы текст «Стратегии», и это освобождает меня от необходимости пересказывать ее содержание и позволяет сосредоточиться на ее сути. Она же в самом кратком изложении такова: *государственная политика должна способствовать трансформации пространства нашей страны в совокупность точек рыночно эффективных локалитетов, преимущественно связанных линиями вхождения в мировую экономику*. Но эта политика уже много лет реализуется в России, ее последствия общеизвестны, и «Стратегия» лишь закрепляет уже начатое. Раздел II «Основные тенденции пространственного развития Российской Федерации» начинается с констатации одной из «основных тенденций» – «концентрация экономического роста в ограниченном числе центров, рост социально-экономической роли городов», и объясняется это «общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века» с «концентрацией населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации». Сообщается так же, что в России уже «сформировалось около 40 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций» и что в 19 из них «сформировалось несколько крупных центров экономического роста, каждый из которых обеспечивает более одного процента суммарного прироста валового регионального продукта субъектов РФ».

Но «продление начатого» в «Стратегии» относится не только к самой концепции пространственного будущего России. Точно таким же, что и во все предыдущие годы является и отсутствие ответов на вопросы о том, *как сделать* то, что не удавалось ранее, какие ранее не имевшиеся силы, мотивации и ресурсы вдруг обнаружатся и позволят реализовать намеченное. В «Стратегии» говорится, например, что «для достижения цели пространственного развития Российской Федерации необходимо решить следующие задачи: ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ, а также снижение внутрорегиональных социально-экономических различий:

за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий; за счет повышения конкурентоспособности экономик субъектов РФ путем обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов РФ и т.д.». А первым среди «приоритетов пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» названо «опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала». Не продолжаю только потому, что не могу представить, какое экономическое чудо должно произойти в стране в ближайшие годы, чтобы совершилось то, чего не было и, судя по всему, нет и в зародыше.

Подтверждением «продления начатого» стали приложения к «Стратегии», отличающие ее от предыдущих вариантов и призванные снять ранее раздававшиеся упреки в недостаточной конкретности документа. Вот несколько примеров. В Приложении № 1 к «Стратегии» приведен «Перечень перспективных экономических специализаций субъектов РФ». Напомню, что в начале «Стратегии» в числе объяснения других понятий дано и такое: «перспективная экономическая специализация субъекта Российской Федерации – совокупность укрупненных видов экономической деятельности (отраслей), обусловленных благоприятным сочетанием конкурентных преимуществ (пространственных факторов размещения видов экономической деятельности)». Для Республики Алтай в этом приложении к «Стратегии» выбрана «перспективная экономическая специализация, включающая следующие отрасли¹ добыча полезных ископаемых, лесоводство и лесозаготовки (лесозаготовки), производство прочих готовых изделий, растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях; туризм – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма)». Сказано, что есть и «неперспективная экономическая специализация, критически важная для экономики Республики Алтай, включающая производство пищевых продуктов». Не задаю вопрос – что здесь «стратегического» и хоть как-то изменяющего (если обязательно нужно что-то менять) в экономике Республики Алтай, ныне функционирующей в том же отраслевом поле?

То же и по Республике Саха (Якутия), которой предписана «перспективная экономическая специализация, включающая следующие отрасли: добыча полезных ископаемых; лесоводство и лесозаготовки (лесозаготовки); обработка древесины и производство изделий из дерева, кроме мебели; производство бумаги и бумажных изделий; производство кокса и нефтепродуктов; производство прочих готовых изделий; рыболовство и рыбоводство; деятельность в области информации и связи; деятельность профессиональная, научная и техническая; ремонт и монтаж машин и оборудования (ремонт и техническое обслуживание судов и лодок); туризм – деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги (деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма)». Как и для Республики Алтай предложена «неперспективная экономическая специализация, критически важная для экономики Республики Саха (Якутия), включающая следующие отрасли: производство пищевой продукции; производство прочих транспортных средств и оборудования; производство прочей неметаллической минеральной продукции; растениеводство и животноводство, предоставление соответствующих услуг в этих областях». Здесь дополнительно умиляют такие отрасли «перспективной экономической специализации» как отдельно выделенные «деятельность профессиональная, научная и техническая» и «производство прочих готовых изделий». И так – по всем республикам, краям, областям, автономным округам и городам федерального значения кроме г. Москвы (постеснялись назвать «перспективную экономическую специализацию»?)). Все это весьма печально, поскольку «Стратегия» в соответствии с 172-ФЗ должна лечь в основу документов стратегического планирования в субъектах РФ и муниципальных образованиях.

6. Предлагаемые механизмы реализации «Стратегии»

Как ни парадоксально, но в «Стратегии» наименее внятным стало предписанное неоднократно упомянутым постановлением Правительства РФ от 20 августа 2015 г. №870 «определение необходимости корректировки действующих (разработки новых) механизмов государственного регулирования пространственного развития России». Парадокс состоит в том, что все без исключения такие механизмы в стране уже, казалось бы, имеются, и это при обсуждениях ранних вариантов «Стратегии» даже провоцировало вопрос о ее надобности как таковой. Разработка «новых механизмов» могла бы стать оправданной при развернутом обосновании причин недостаточной эффективности мер государственной поддержки территорий, государственных программ, зон опережающего развития и т.п. с указанием мер по ликвидации этих причин. Однако такие обоснования отсутствуют так же как, например, нет оценки результативности функционирования уже существующих городских агломераций, которых (как указано в «Стратегии») насчитывается несколько десятков.

И все же разработчики нашли выход из этого логического тупика, назвав «основным механизмом реализации «Стратегии» *план ее реализации*, который должен утверждаться Правительством РФ. Предложено создать и новый федеральный орган исполнительной власти, ответственный за выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований с такими полномочиями как, например, до сих пор никому не удававшиеся «координация и контроль деятельности субъектов естественных монополий, государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием по комплексному социально-экономическому развитию территорий», а также

¹ В «Стратегии» наименования отраслей перспективных экономических специализаций приведены в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2).

свойственное научному учреждению «методологическое обеспечение пространственного развития» и «формирование и обеспечение функционирования на постоянной основе центра анализа и мониторинга пространственного развития».

Итак, основным механизмом реализации «Стратегии» становятся *«план»* и, как справедливо считают разработчики, это может потребовать от «заинтересованных (в чем?) федеральных органов исполнительной власти» уточнения порядков планирования размещения новых или модернизации существующих объектов отраслей социальной сферы, имея в виду учет несуществующих ныне параметров демографического прогноза Российской Федерации по макрорегионам, субъектам РФ и муниципальным образованиям, прогноза баланса трудовых ресурсов, уровня занятости населения и структуры занятости по видам экономической деятельности, а также по потребности населения в соответствующих услугах, транспортной доступности объектов, наличия квалифицированных кадров и сопутствующей инфраструктуры. Разработчики считают так же, что тем же «заинтересованным органам» могут понадобиться и *долгосрочные планы социально-экономического развития отдельных территорий*, в том числе субъектов РФ, их частей и городов.

«Стратегия» предписывает осуществление «инфраструктурного социально-экономического развития территорий» в рамках реализации *комплексного плана* модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 г. № 2101-р (далее – комплексный план), и национальных проектов Российской Федерации. При этом процедура отбора проектов, предлагаемых к включению в комплексный план, должна учитывать параметры долгосрочного и среднесрочного прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе в части отраслевых и региональных прогнозов, прогнозов пассажиро- и грузопотоков по транспортной сети Российской Федерации, результаты анализа социально-экономических эффектов от реализации каждого проекта.

В целях же *обязательного включения* мероприятий комплексного плана и комплексных планов развития инфраструктуры субъектов РФ в инвестиционные программы субъектов естественных монополий Правительство РФ должно разработать порядок согласования и утверждения инвестиционных программ (планов) субъектов естественных монополий, предусматривающий в том числе участие в таком согласовании органов исполнительной власти субъектов РФ.

Реанимируя советскую идею об экономических районах как внутренне связанных социально-экономических общностях и называя их макрорегионами¹, разработчики полагают, что реализация «Стратегии» потребует разработку и утверждение *стратегий* социально-экономического развития и таких территориальных образований, а также *планов их реализации* в форме аналитических программ территориального развития макрорегионов, которые «должны обеспечить синхронизацию во времени и пространстве реализации мероприятий, предусмотренных отраслевыми документами стратегического планирования, государственными программами и схемами территориального планирования Российской Федерации, инвестиционными программами развития субъектов естественных монополий (предполагается, что все это должно быть).

Наглядное представление о том, как может выглядеть какой-либо реализующий «Стратегию» план, дает разработанный и принятый документ о развитии транспорта; напомним, что раздел «Стратегии» об основных направлениях пространственного развития России начинается с задач «ликвидации федеральных инфраструктурных ограничений, повышения доступности и качества магистральной транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры». Вышеуказанное стратегическое направление пространственного развития страны понимается как обеспечение «устойчивых транспортных связей между субъектами РФ, центрами экономического роста, а также внешнеэкономических связей на основе опорной транспортной сети РФ», понимаемой как совокупность магистральных путей сообщения и транспортных узлов. Предполагается «развитие международных транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг» для обеспечения эффективного выхода российских предприятий и организаций на внешние рынки, увеличения объемов транзита грузов между Азией и Европой по территории РФ, роста экспорта транспортных услуг с вовлечением перспективных крупных центров экономического роста и центров экономического роста субъектов РФ. Предлагаю сразу обратить внимание на столь частое использование словосочетания «центры роста».

7. Бессвязность российского пространства и транспортные приоритеты «Стратегии»

Реальные проблемы транспортного обеспечения «пространственного развития» (точнее – устойчиво функционирования территорий страны) общеизвестны. Мне уже приходилось писать о том, что в целом по России доля не соответствующих нормативным требованиям дорог федерального значения – около 40% и еще хуже состояние региональных и, тем более, местных дорог. По данным «Транспортной стратегии – 2030», из-за отсутствия дорог с твердым покрытием более 10% населения (15 млн. человек) в весенний и осенний периоды остаются отрезанными от транспортных коммуникаций; свыше 45 тыс. населенных пунктов не имеют связи с транспортной сетью страны по автодорогам с твердым покрытием, отсутствует опорная сеть дорог в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, а более 30% дорог функционируют в режиме перегрузки. Не менее критично состояние важнейшей и наиболее запущенной части инфраструктурного обустройства России – аэропортов и аэродромов. В 1991 году аэропортовая и аэродромная сеть России насчитывала 1450 объектов, с тех пор из них было закрыто 1222, и в относительно работоспособном (в

¹ В «Стратегии» поименованы Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский и Дальневосточный макрорегионы. При этом их состав весьма причудлив. Так, Северо-Западный макрорегион включает Республику Карелия, Калининградскую, Вологодскую, Ленинградскую, Мурманскую, Новгородскую и Псковскую области, а также г. Санкт-Петербург. В состав Северного макрорегиона включены только Республика Коми, Архангельская область и Ненецкий автономный округ.

ряде случаев – в критическом) состоянии осталось 228. Особенно остро ощущается эта ситуация в отдалённых и труднодоступных регионах. Так, около 70% территории Дальнего Востока не обладают достаточной авиационной доступностью. Из функционировавших там в 1991 г. 470 аэропортов и посадочных полос, осталась одна шестая часть, и у многих жителей региона нет возможности быстро добраться до больницы или роддома [11].

В «Стратегии» государственная политика транспортного обеспечения идеологии «пространственного развития» далека от вышеуказанных «мелких вопросов». Она основывается на возможности реализации в период до 2025 г.: (1) приоритетного развития скоростных транспортных коммуникаций, в том числе строительства участков высокоскоростных магистралей Москва – Казань и Екатеринбург – Челябинск; автодорожного маршрута «Европа – Западный Китай» и железнодорожного и автодорожного маршрутов коридора «Север – Юг», в том числе обеспечивающего связь Ирана и Индии с Европой через территорию РФ, (2) увеличения пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, а также ликвидации «узких мест» на грузонапряженных участках железных дорог, включая подходы к ключевым морским портам Азово-Черноморского, Балтийского, Дальневосточного, Арктического и Каспийского бассейнов; (3) увеличения мощностей морских портов Российской Федерации, включая порты Азово-Черноморского, Балтийского, Дальневосточного, Арктического и Каспийского бассейнов; (4) обеспечения функционирования и роста грузопотока Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора, включая развитие ледокольного флота; (5) устранения логистических ограничений при экспорте товаров с использованием железнодорожного, автомобильного и морского транспорта, строительства (модернизации) пунктов пропуска через государственную границу РФ; (6) роста объемов и сокращения времени перевозок контейнеров, в том числе транзитных, железнодорожным транспортом, в частности с Дальнего Востока до западных границ РФ до семи дней; (7) создания сети узловых грузовых мультимодальных транспортно-логистических центров, организации грузовых маршрутов по расписанию и скоростных маршрутов между ними.

Бессмысленно задавать вопрос о том, насколько все это соотносится с действительными проблемами транспортной связности территорий страны, которая, как уже указывалось, в «Стратегии» понимается как некое пространство «центров экономического развития». Так, в «Стратегии» опять же предлагается «поэтапное развитие транспортных коммуникаций между перспективными крупными центрами экономического роста и перспективными центрами экономического роста субъектов РФ, включая строительство обходов городов и организацию скоростного автомобильного и железнодорожного сообщения между крупнейшими и крупными городскими агломерациями; комплексное развитие крупных транспортных узлов, в том числе расположенных в пределах или около перспективных крупных центров экономического роста, и согласованное формирование и развитие около них терминально-логистических мощностей; формирование международных аэропортов-хабов, создание и развитие узловых аэропортов в крупнейших и крупных городских агломерациях, реконструкции инфраструктуры региональных аэропортов и расширение сети межрегиональных регулярных пассажирских авиационных маршрутов, минуя г. Москву; увеличение пропускной способности внутренних водных путей, развитие Единой глубоководной системы Европейской части России, нацеленное на частичную разгрузку автомобильных и железных дорог на направлениях, где перевозка грузов может осуществляться внутренним водным транспортом; обеспечения устойчивого круглогодичного транспортного сообщения малонаселенных и островных территорий Арктической зоны, Дальнего Востока, изолированных от единой транспортной системы РФ, с административными центрами соответствующих субъектов РФ и другими субъектами Российской Федерации, в том числе за счет реконструкции и строительства аэродромов и аэропортов местного значения на малонаселенных геостратегических территориях и, наконец, обеспечение взаимоувязанного планирования развития всех видов транспорта и транспортной инфраструктуры на территориях субъектов РФ».

Своеобразным продолжением «Стратегии» стал «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.» (далее – «План»), разработанный в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее – Указ № 204) и утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 30 сентября 2018 года [3]. Это – результат коллективных усилий Минэкономразвития России, Минтранс России, Минэнерго России, а также других федеральных органов. Примечательно, что в тексте «Плана» указывается на его разработку в соответствии со «Стратегией», еще неутвержденной во время его принятия. «План» включает транспортную и энергетическую части, и в соответствии с перечисленными в Указе № 204 целями и задачами в него включены 11 федеральных проектов (9 по развитию транспортной инфраструктуры и 2 – энергетической). Транспортные проекты поименованы: «Европа – Западный Китай», «Морские порты России», «Северный морской путь», «Железнодорожный транспорт и транзит», «Транспортно-логистические центры», «Коммуникации между центрами экономического роста», «Развитие региональных аэропортов и маршрутов», «Высокоскоростное железнодорожное сообщение», «Внутренние водные пути».

Из 690 транспортных проектов «Плана» 296 ориентированы на строительство автодорог и мостов, 38 – на внутренний водный транспорт, 104 – на строительство скоростных и высокоскоростных магистралей, а также на модернизацию действующих путей, в т.ч. на реализацию проектов высокоскоростных магистралей Москва – Казань и Екатеринбург – Челябинск, а также скоростной магистрали Краснодар – Грозный с продлением до г. Махачкала, на развитие БАМ и Транссиба, на строительство Мурманского транспортного узла и транспортных коридоров в Приморье. На строительство морской портовой инфраструктуры ориентировано 98 проектов, в числе которых проект создания сухогрузного района в порту Тамань и строительство ледоколов для работ в Северо-Западном и Дальневосточном морских бассейнах. Сроки выполнения всех позиций «Плана» – с 1 октября 2018 года по 31 декабря 2024 года.

Разработчики полагают, что **реализация транспортной части «Плана», согласованной с целевыми установками «Стратегии»** обеспечит за 6 лет по отношению к базовому уровню 2017 года повышение «Индекса качества

транспортной инфраструктуры» на 15,5%¹; рост объемов экспорта транспортных услуг с 16,9 до 25 млрд. долларов США, а также место России в рейтинге стран по индексу эффективности грузовой логистики (Logistics Performance Index) к 2024 г. не ниже 50-го. Предполагается так же обеспечить за счет проектов «Плана» рост транспортной подвижности населения на транспорте общего пользования с 8,2 тыс. пассажиро-километров на 1 человека в год в 2017 г. до 9,5 тыс. в 2024 году, 100%-ную связь центров экономического роста скоростными транспортными коммуникациями и повышение уровня транспортной обеспеченности субъектов РФ по отношению к базовому уровню 2017 г. на 7,7%. При этом разработчики ожидают, что суммарная наличная пропускная способность магистралей возрастет к концу 2024 года с нынешних 82 пар до 129 пар грузовых поездов в сутки², средняя коммерческая скорость товародвижения на железнодорожном транспорте с 362,3 до 440 км /сутки, транзитные перевозки контейнеров – с 615 тыс. TEU³ в 2019 году до 1 656 в 2024 году. Предполагается так же, что годовой пассажиропоток в пригородном сообщении Московского железнодорожного узла вырастет с 720 до 850 млн. пассажиров. Объем финансового обеспечения проекта «Железнодорожный транспорт и транзит» составляет 322 млрд. рублей. Этот проект предусматривает увеличение пропускной способности Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей в 1,5 раза до 182 млн. тонн при росте средней скорости доставки контейнеров до 1 319 км в сутки, а время перевозки контейнеров с Дальнего Востока до западной границы России сократится до 7 дней при росте объема транзита в 4 раза.

Кроме вышеназванных, «План» включает и ряд других амбициозных проектов, в значительной степени основанных на предположении о наличии в федеральном бюджете на ближайшие три года более 3-х триллионов рублей на эти цели. Транспортная часть «Плана» оценивается в 6,3 трлн. руб. и конце сентября 2018 года Министр транспорта России заявлял, что из указанной суммы 1,57 трлн. руб. уже были ранее предусмотрены Правительством РФ. Отмечу, что в ходе публичных обсуждений «Плана» (например, на парламентских слушаниях в Совете Федерации) наряду со скептическими оценками реализации ряда его положений отмечалась его преимущественная ориентация не на решение задачи «пространственного развития» в части внутренней связности территории России, а на обеспечение экспортных операций и транзита.

Провоцируя критическое отношение к содержанию и даже стилю «Стратегии», она по моему разумению, не должна вызывать недоумения по поводу того, зачем она нужна и почему она появилась. Формальными причинами разработки «Стратегии» стали упоминавшиеся федеральный закон о стратегическом планировании и распоряжение Правительства РФ о требованиях к разработке этого документа, но, по моему мнению, был и серьезнейший политико-идеологический повод. Двадцать лет назад началась и далека от завершения трансформация экономических, социальных и ментальных основ существования страны и ее народа, и для легитимизации таких перемен нужны не только указы Президента РФ и федеральные законы, но и то, что несколько лет назад стали называть документами стратегического планирования. Правительственная «Стратегия» в равной степени становится оправданием и сверхконцентрации ресурсов на немногих территориях страны, и приоритетного сооружения экспортно-ориентированных транспортных магистралей и того, что, пользуясь медицинским термином, можно назвать *некрозом ткани российского пространства*. Это – не метафора, использованная для выразительности текста, а диагноз болезни, которая в живом организме проявляется в необратимом прекращении жизненной активности клеток, тканей или органов, вызванном влиянием болезнетворных агентов и общим ослаблением иммунного потенциала. Симптоматично, что первым и важнейшим симптомом некроза является онемение и потеря чувствительности. Не то ли происходит и в нестратегическом пространстве России, и в среде так называемой общественности?

Не могу согласиться со звучавшей во время обсуждений проектов «Стратегии» критикой его разработчиков [13, 15]. Небольшой коллектив⁴ в течение нескольких месяцев делал только то, что ему было предписано явно невыполнимым постановлением Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 в условиях, когда разработка «Стратегии» не могла опираться на отсутствующие достоверные прогнозы, предполагающие их многовариантную (сценарную) структуру и учитывающие долгосрочные и взаимосвязанные перспективы функционирования на различных территориях страны крупного, среднего и малого бизнеса, тенденции перемен в поведении и ментальном поведении (в том числе, миграционных мотиваций) разных групп населения, изменения внешнеэкономической и внешнеполитической ситуации и даже аномальные климатические изменения. Предположим, что все эти трудности каким-то чудом удалось бы преодолеть, но тогда Правительство РФ и органы региональной и муниципальной власти должны были бы быть готовы к принятию и таких рекомендаций «Стратегии», которые направлены на принципиальные коррективы и доминирующей идеологии пространственной организации общества, и сложившейся схемы отношений (в том числе бюджетно-налоговых) федерального «центра», регионов и муниципалитетов, и (а это гораздо сложнее) стиля и методов работы государственных и муниципальных служащих, и даже практики постоянной смены в федеральном «центре» ответственных за разработку и, главное, реализацию региональной политики. При таких ограничениях разработчикам уда-

¹ Индекс качества транспортной инфраструктуры – комплексный показатель, который рассчитывается как средневзвешенное значение индексов качества транспортной инфраструктуры по отдельным видам транспорта по объему транспортной работы по отношению к базовому уровню. Индекс отражает увеличение пропускной способности и улучшение качественных параметров магистральной транспортной инфраструктуры (по видам транспорта), повышение доступности транспортных услуг для населения и бизнеса, а также отражает степень решения задачи по устранению инфраструктурных ограничений в рамках долгосрочного экономического развития страны

² Единица пропускной способности на однопутных участках железных дорог.

³ Единица измерения груза, равная объему одного 20-ти футового контейнера.

⁴ В советской время создание «Схем развития и размещения производительных сил» было основным предметом деятельности специализированных организаций по всей территории страны, в которых трудились сотни научных работников.

лось создать только то, что от них ожидало Правительство РФ и даже включить в текст «Стратегии» пассажи, резко контрастирующие с этими ожиданиями.

«Стратегия» вряд ли будет неизменной, и это касается даже перечня перечисленных в Приложении № 5 к этому документу «Целевых показателей пространственного развития Российской Федерации». Только что Указом Президента РФ [1] был утвержден новый «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», начинающийся с показателя «Уровень доверия к власти (Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации)» и включающий еще 14 показателей, действительно, характеризующих перемены в пространственной среде государства – от уровня реальной среднемесячной заработной платы, уровня бедности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении до числа семей, улучшивших жилищные условия, доли соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог регионального значения и автомобильных дорог в городских агломерациях с учетом загруженности.

Повторю, что «Стратегия» – документ, заслуживающий самого серьезного отношения и как реальный сценарий нашего будущего, и как то, что должно обязательно учитываться при разработке и внесении изменений в национальные и федеральные проекты (программы) Российской Федерации.

Список литературы и источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ (от 20 августа 2015 г. № 870) «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации».
3. Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.».
4. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».
5. Алдохина Т.П., Беляева Т.А., Вертакова Ю.В. и др. Интеграция стратегического и территориального планирования в разработке стратегии пространственного развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. – Т. 7, № 3 (24). – С. 45–54.
6. Ахметов А.Ш., Туфетулов А.М. О стратегиях пространственного развития регионов России // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. – № 1 (33). – С. 127–134.
7. Ермолаева Ю.В. Пространственное развитие и систематизация законодательства в области территориального устройства субъектов Российской Федерации: теория, практика и гарантии реализации // Научные труды Рос. акад. юрид. наук. 2017. – Вып. 17, Т. 1. – С. 196–201.
8. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017. – № 4. – С. 3–24.
9. Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А. Особенности государственного управления пространственным развитием России // Вестник Российской академии наук. – М., 2017. – Т. 87, № 8. – С. 725–733.
10. Лексин В.Н. Стратегическое целеполагание в структуре государственного управления // Проблемы теории и практики управления. – М., 2017. – № 5. – С. 8–20.
11. Лексин В.Н. Пространственное развитие и его транспортное обеспечение в государственной политике России // Восточная аналитика. – М., 2019. – № 2. – С. 19–31.
12. Материалы встречи Председателя Правительства Российской Федерации Д.А. Медведева с главами регионов в рамках Российского инвестиционного форума «Сочи-2018» 16 февраля 2018 г., Сочи, Краснодарский край // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – <http://government.ru/>
13. Материалы «круглого стола» на тему «О ходе подготовки проекта стратегии пространственного развития Российской Федерации». 29 марта 2018 г. г. Москва. – М.: Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – С. 176.
14. Пронина Л.И. Регионы и муниципалитеты: проблемы, реформирование, финансирование в современных условиях России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. – № 8, Т. 1. – С. 14–25.
15. Рекомендации «круглого стола» на тему «О ходе подготовки проекта стратегии пространственного развития Российской Федерации» г. Москва 29 марта 2018 года. Утверждены на заседании Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера (протокол № 169 от 17 апреля 2018 года). – С. 14. – region.council.gov.ru
16. Селиверстов В.Е. Сибирь в стратегии пространственного развития России // Российское конкурентное право и экономика. 2017. – № 2. – С. 27–37.
17. Суслов В.И. Проблемы и сценарии пространственного развития России // Экономика Востока России. 2017. – № 1. – С. 47–51.
18. Чугуевская Е.С. О территориально-пространственных аспектах стратегии пространственного развития Российской Федерации // Academia. Архитектура и строительство. 2017. – № 1. – С. 67–71.

Машунин Ю.К.

д.э.н., доцент, Дальневосточный федеральный университет

Машунин И.А.

к.э.н., преподаватель, Дальневосточный федеральный университет

mashunin@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: стратегическое управление, моделирование, векторная оптимизация, развитие экономики региона.

Keywords: strategic management, modeling, vector optimization, regional economic development.

1. Введение

Экономика страны переходит в настоящее время на интенсивный путь социально-экономического развития в условиях глобального цифрового пространства, в связи с чем усиливается роль государственного регулирования экономики. Важную роль в современных условиях хозяйствования приобретают социально-экономические процессы регионального (территориального) управления во взаимосвязи с централизованным [1] и отраслевым управлением [2, 3, 4]. Решению проблем развития экономики региона уделяется большое внимание как за рубежом [2, 3, 4], так и в Российской Федерации [5–22]. Это направление исследований рассматривается в данной работе, которая является дальнейшим развитием работы [9] и других работ авторов [10–19].

Целью данной работы является анализ региональной экономической политики и места региональной экономики в многоуровневой политике государства, разработка концепции прогнозирования и стратегического развития экономики региона в виде математической модели, которая построена на основе задачи векторной оптимизации с использованием модели Леонтьева В.В. «Затраты – выпуск», определяющей взаимосвязь всех отраслей региона и с учетом инвестиционных вложений в каждую отрасль экономики региона, представление стратегического развития региональной экономики на реальных статистических данных.

В работе для реализации сформулированной цели проведено исследование и разработана методология моделирования стратегического развития экономики региона на несколько лет, которая включает:

- анализ политики, роли и места региональной экономики в современном обществе, целей и приоритетов регионального развития в социальном и технологическом развитии государства [5, 9, 19];
- анализ научно-технологического развития (моделирование) региональной экономики, учитывающий статистические данные, экономические показатели (факторы), определяющие динамику развития региона и коэффициенты, характеризующие темпы роста этих факторов;
- автоматизацию расчетов экономических показателей;
- построение дискретно-динамической модели развития экономики региона, в которой ограничения сформированы в три блока: межотраслевой баланс (модель «Затраты – выпуск»), блок воспроизводства на основе инвестиций; ограничения, накладываемые на ресурсные и производственные мощности региона [9–18];
- тестирование технологии моделирования развития региональной экономики на реальных статистических данных региона (Приморского края).

2. Анализ политики, роли и места региональной экономики в современном обществе

Рассмотрим стандартное определение политики региона [7, 9]:

Политика региональная – деятельность органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, которая включает в себя взаимоотношения между государством и регионами, а также регионов между собой и является составной частью общенациональной политики государства.

Представим также определение выдающегося русского философа В.И. Ленина – «Политика – это концентрированное выражение экономики» [6]. Такое определение политики характеризует поведение государства (руководящих органов) в условиях (нездорового) глобального окружения. В этих условиях реализация региональной политики отражается в системе сформированных целей по каждому виду деятельности (в том числе по видам экономической деятельности) государства и решению практических задач, направленных на реализацию этих целей. Решение задач сводится к законодательным, административным, экономическим мероприятиям, осуществляемым центральными, региональными и местными органами власти.

Структура многоуровневой иерархической системы (ИС) государства, направленная на решение задач стратегического планирования и управления как на отдельных уровнях экономики, так по государству в целом представлена

Сравнение целей развития государства

Конституция Российской Федерации. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2007. – 64 с.	Конституция Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. Лит., 1989. – 48 с.
<p style="text-align: center;">Статья 7</p> <p>Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание благоприятных условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.</p> <p>Заметим: За двадцать лет действия данной конституции валовой объем производства увеличился на 1,5% (в Китае на 5–6% ежегодно). При этом появилось свыше ста двадцати миллиардеров (в Китае 50).</p>	<p style="text-align: center;">Статья 15</p> <p>Высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса, совершенствуя формы и методы руководства экономикой, государство обеспечивает рост производительности труда, повышения эффективности производства и качество работы, динамичное, планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства.</p>

Система территориального планирования и управления должна базироваться на хозяйственной деятельности отдельных предприятий (фирм) и их объединений, которые являются основным производителем продукции региона. Только с увеличением объема продукции, выпускаемой в регионе, повышением ее качества, конкурентоспособности можно связывать рост благосостояния населения. Функционирование каждого региона направлено на решение трех глобальных целей: наиболее полное удовлетворение материальных, духовных потребностей населения; производство продукции общероссийского назначения; выполнение природоохранных мероприятий на каждом технологическом производстве для сохранения природы в первоначальном состоянии.

Для реализации поставленных целей необходима информация о будущих тенденциях развития региона, т.е. региональный прогноз, который включает следующие основные виды прогнозов:

- демографические прогнозы (численность и структура населения, трудовые ресурсы);
- прогнозы развития и добычи природных ресурсов;
- прогнозы развития науки и техники региона.

На основании этих данных даются экономические прогнозы динамики развития производства и их агрегированные оценки.

При реализации производственных задач сформулированные выше глобальные цели (оценки) развития региона разделяются на ряд подцелей, которые по своей сути представляют решение крупных комплексов задач.

В соответствии с первой глобальной целью – наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей населения региона – решаются следующие комплексы задач:

- обеспечение населения продовольствием;
- обеспечение населения товарами народного потребления;
- обеспечение жильем каждой семьи региона;
- развитие социальной инфраструктуры для реализации потребностей населения в медицинском, коммунальном и бытовом обеспечении;
- обеспечение надлежащего уровня образования и культуры населения.

Попутно должны решаться задачи повышения качества выпускаемой продукции и снижения ее себестоимости.

Вторая цель связана с общегосударственными интересами.

В соответствии с третьей целью – выполнение природоохранных мероприятий – решаются следующие комплексы задач:

- разработка и внедрение ресурсосберегающих технологий;
- более глубокая переработка природных ископаемых региона, в том числе вторичная переработка отходов, накопленных в местах добычи полезных ископаемых региона.

Необходимо, чтобы воздействие вновь начинаемых производств (строек) на окружающую среду было незначительным, т.е. такие производства должны учитывать затраты на все природоохранные мероприятия и решать задачи по охране окружающей среды от загрязнения ее существующими предприятиями.

• *На уровне муниципального образования* прогнозирование, планирование и управление должно быть направлено на повышение экономического и социально-культурного уровня жизни населения территории.

• *На уровне фирмы* рассмотрим цели прогнозирования. Анализ основных направлений развития теории фирмы, выполненный в работах [12–14, 18, 20], показал, что каждое теоретическое направление исследует фирму с какой-то одной точки зрения, и математическая модель такого направления представлена однокритериальной задачей. Дальнейшее развитие фирмы (предприятия) связано с теорией множественности целей. В рамках этого направления построена математическая модель промышленного предприятия в виде векторной задачи линейного программирования [15, 16, 17].

Модель максимизации добавленной стоимости – японская модель определяется тем, что добавленная стоимость вычисляется как разность между продажами компании за определенный момент времени и издержками (затратами) на товары услуги, приобретенные у внешних поставщиков. Тем самым добавленная стоимость включает труд, управление, капитал, затраты на прибыль. При таком подходе каждый работник и акционер фирмы, максимизирующей добавленную стоимость знает, что независимо от экономических условий постоянным инвестициям в производственные мощности и оборудование, в исследования и разработки, в развитие рынка должен быть отдан приоритет. Если возни-

кает необходимость сократить вознаграждение работникам, то в первую очередь будет сокращено жалование старшему управленческому персоналу. Таким способом японские автомобилестроители и другие компании, невзирая на экономические условия, год за годом стремятся максимизировать добавленную стоимость [4]. В рамках такой модели регулярно идут налоговые отчисления в доходную часть бюджета государства, региона, муниципального образования, повышая социальный уровень жизни населения. Но такая целевая направленность должна быть закреплена законодательными органами.

3. Организация управления регионом

Исследование организации управления экономикой региона и межотраслевых связей, проведенное с позиций системного подхода и теории управления [12], показало, что управление регионом осуществляется на уровне экономики (управление предприятием, отраслью) и на уровне бюджета. *На первом уровне – экономики региона* управление реализуется рынком.

На уровне бюджета осуществляется управление социально-экономическим развитием региона. При таком управлении регион разделен на два крупных блока: объект (*природная среда, население и экономика* региона) и субъект управления (решающий задачи планирования и контроля), представленный администрацией и законодательным органом региона на рис. 2 (см. подробнее [18, 19]).

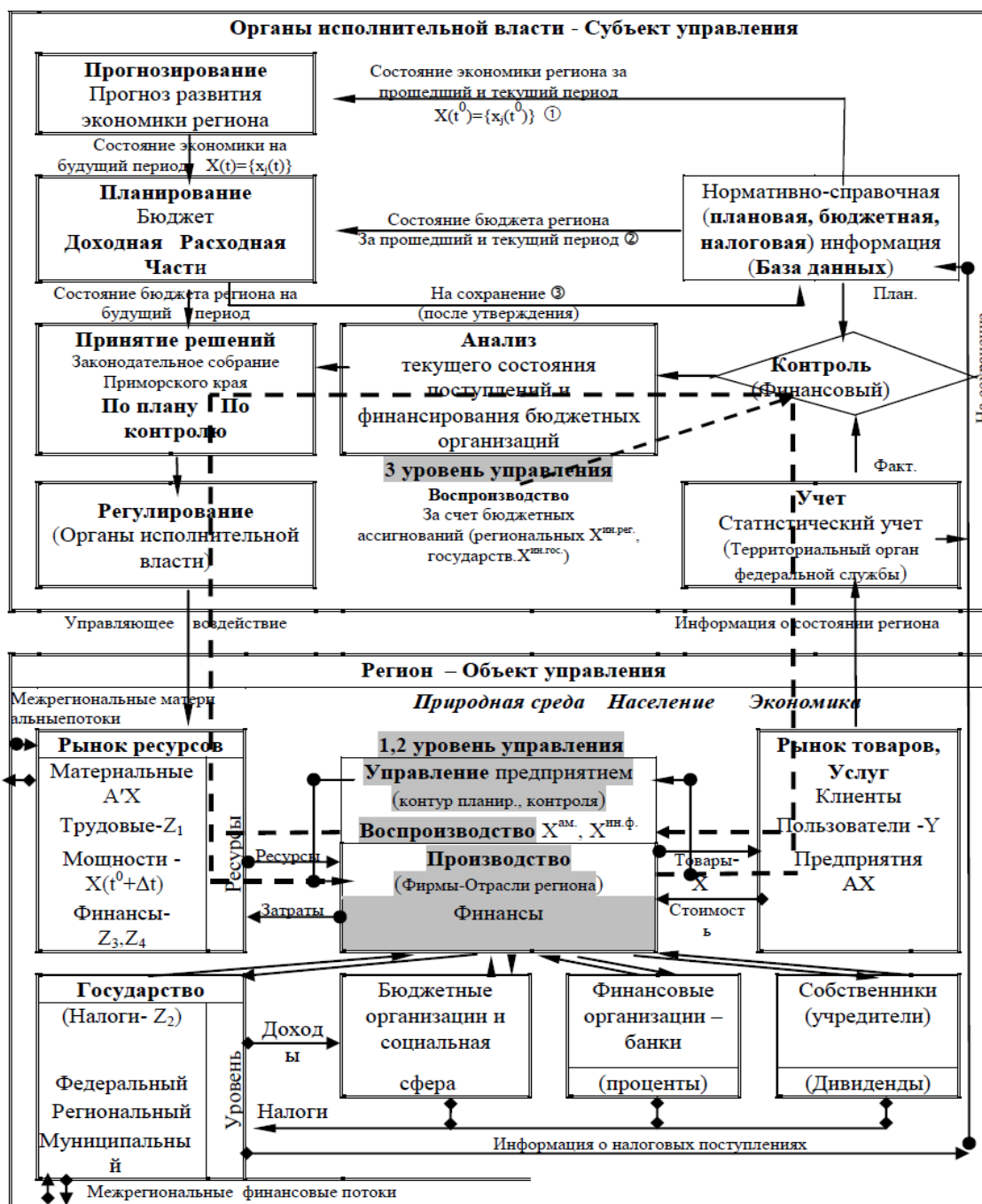

Рисунок 2. Организация управления регионом: ●→ материальные, ↔ финансовые, - → информационные потоки.

Уровни экономики и бюджета региона экономически и организационно связаны между собой.

Дадим оценку влияния уровня экономики на бюджет. При производстве и реализации товаров, произведенных в регионе, формируются налоговые отчисления, которые дают основу для доходной части бюджета региона, (а также доходной части бюджета муниципального образования и федерации). Поэтому регион заинтересован в развитии экономики и увеличения доходной части бюджета. Следовательно, регион должен активно участвовать в управлении развитием экономики региона.

Для прогноза и оценки экономического потенциала региона, и, как следствие, налоговых поступлений, формируется финансовый план, который в соответствии с бюджетным кодексом РФ [1] формируется на три года. При разработке финансового плана используются статистические данные развития экономики региона, (которые накапливаются в блоке «Территориальный орган федеральной службы по ПК» на рис. 2) [13, 14].

Дадим оценку влияния уровня бюджета на экономику. Оно определяется тем, что на уровне бюджета наряду с другими формируются два мероприятия: расчет величины налоговых отчислений (к сожалению, как правило, на уровне государства); формирование федеральных и региональных проектов (целевых программ). *Задача административных органов управления* в этой области состоит в ежегодном повышении величины налоговых отчислений как основы повышения социально-экономического уровня населения региона. Это отражено на региональном и муниципальном уровне управления, представленном на рис 2.

Воспроизводственные процессы осуществляются также на двух уровнях: на первом уровне воспроизводство осуществляется предприятиями за счет амортизационных отчислений и инвестиций из прибыли; на втором уровне региона (субъекта РФ) и государства воспроизводство осуществляется в виде «целевых программ». Воспроизводственные процессы включают в себя воспроизводство регионального продукта, трудовых ресурсов, капитала, природных ресурсов и т.п.

Долгосрочные целевые программы (подпрограммы), реализуемые за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета, утверждаются соответственно Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, местной администрацией муниципального образования.

Сроки реализации долгосрочных целевых программ определяются соответственно Правительством РФ, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ, местной администрацией муниципального образования.

4. Численное моделирование развития региональной экономики в рамках инвестиционного процесса

Процесс принятия решения по управлению экономикой региона объединяет административную и экономическую деятельность, которая предполагает использование инструментария, базирующегося на реализации экономико-математических методов.

Механизм государственного регулирования экономики региона с использованием математической модели в виде задачи векторной оптимизации включает семь блоков:

1. Подготовка и анализ статистических данных за год;
2. Построение модели (математическая постановка задачи) развития экономики региона в виде векторной задачи;
3. Численная постановка задачи: построение межотраслевого баланса на базе статистических данных; формирование цели экономического развития; расчет экономических показателей, ограничений, накладываемых на функционирование региона;
4. Построение численной модели развития экономики региона;
5. Процесс моделирования, в результате которого получим объемы валовых выпусков и конечное использование продукции отраслей региона;
6. Формирование показателей развития экономики региона, в совокупности представляющих финансовый план региона, в т.ч. налоговые отчисления, определяющие доходную часть бюджета региона;
7. Принятие окончательного управленческого решения по развитию экономики региона – административное воздействие (регулирование).

4.1. Подготовка и анализ статистических данных

Статистические данные, используемые для анализа экономики региона, представлены в официальном сборнике «Социально-экономические показатели» [22]. Рассматриваются основные экономические показатели региона в целом «Объем и динамика валового регионального продукта» (млн. руб.), представленные в табл. 2.

Объем и динамика валового регионального продукта

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Ресурсы (Валовой выпуск) регион, млн.руб.	879375	1025827	1064724	1095435	1081900	1087200	1093600
Промежуточное потребление	408696	479275	507235	519820	505690	508250	511340
Валовой региональный продукт (ВРП) млрд. руб.	577.5	642.4	717.6	736.9	577.6	581.060	585.100
На душу населения тыс. рублей	297.2	331.8	371.6	382.6	295.905	297.672	299.742
Основные фонды на конец года, млрд. рублей	2612.2	2481.1	2739.9	3125.8			
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	123.1	134.3	139.2	130.5			
Налог на прибыль организаций	12226,6	12533	13584		14008,5	14878,7	15086,0
Налог на доходы физических лиц	25370,3	28550,1	29265	31721	30907,6	32827,5	33284,9
Налоги на имущество	5521,3	6749,9	6919	7301	6726,4	7144,2	7243,7
Доля налоговых поступлений в %	42,37	42,37	43	45,2	48,26	42,3738	42,37383
Доходы консолидированного бюджета, млрд. рублей	112.7	121.2	130.4	135.4			
в % к валовому регион. продукту	19.5	18.9	18.2	18.4	19,94	19,92	19,90
Расходы консолидированного бюджета, млрд. рублей	122.2	125.5	130.9	130.7			
в % к валовому регион. продукту	21.2	19.5	18.3	17.7	19,94	19,92	19,90
Внешнеторговый оборот, млн. долл. США, в том числе	12947.2	12911.4	7038.4	5691.5			
экспорт	4244.6	5264.9	3370.1	2467.9			
импорт	8702.6	7646.5	3668.3	3223.6			

Источник: графы: «Статистика» [21]; «Прогноз» – расчетные.

Базой модельных построений являются статистические данные: «Счет производства по видам экономической деятельности» Приморского края за 2016, табл. 3.

Таблица 3

Счет производства по видам экономической деятельности в 2016 году (млн. руб.)

Виды экономической деятельности	Ресурсы	Использование		Численность населения, занятого в экономике	Заработная плата населения, среднемесячная
	выпуск в основных ценах	промежуточное потребление	валовая добавленная стоимость		
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	60522	27373	33149	70182	26684.7
Рыболовство, рыбоводство	75505	35383	40122	20504	67305
Добыча полезных ископаемых	21291	11846	9445	10057	39724
Обрабатывающие производства	214363	149476	64887	111790	34941.5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	85300	58697	26603	30968	37549.6
Строительство	92571	57221	35350	57369	26485.9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, ...	217161	82653	134508	194424	22848.7
Гостиницы и рестораны	18296	6941	11355		20918.4
Транспорт и связь	277022	99228	177794	99295	44960.8
Финансовая деятельность	3688	1764	1924	14509	61408.8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	107411	33672	73739	26534	29981.7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; ...	76433	26179	50254	68890	46498.3
Образование	30354	7613	22741	78651	30241.1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	52606	15279	37327	59178	31920.9
Предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг	25716	8028	17688	18935	31793
Деятельность домашних хозяйств	0	0	0	0	0
Итого	1358239	621353	736886	973944	35677.1

Источник: Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. – Владивосток, Приморскстат, 2017. – С. 118.

Для построения межотраслевого баланса, который является составной частью математической модели региона, мы используем статистические данные «Расходы на конечное потребление и фактическое конечное потребление», представленные в табл. 4.

Таблица 4

Расходы на конечное потребление и фактическое конечное потребление (млн. руб.)

Виды расходов	2016 год	Структура
<i>Валовой региональный продукт</i>	716 650	100%
Расходы на конечное потребление	638 632	87,6
<i>в том числе: домашних хозяйств</i>	488 054	66,1
государственного управления и некоммер. организаций	150 578	21,5
<i>в т.ч.: на индивидуальные товары и услуги</i>	74 010	10,5
на коллективные услуги	76 568	11,0
Социальные трансферты в натуральной форме	74 010	
<i>валовое накопление</i>	334 646	20,1
Фактическое конечное потребление	638 632	Изм.з. 3,2%
<i>в том числе: домашних хозяйств</i>	562 064	Расхожд. – 10,9
государственных учреждений	76 568	

Для прогноза социально-экономического развития рассматриваются статистические данные доходных и расходных частей консолидированного бюджета региона.

Доходная часть консолидированного бюджета региона характеризуется налоговыми поступлениями, которые распределяются в федеральный бюджет, консолидированный бюджет субъекта РФ. Доходная часть бюджета региона и налоговые поступления (млн. руб.) представлена в табл. 5.

Таблица 5

Доходная часть консолидированного бюджета региона

Администрируемые доходы	Поступило в консолидированный бюджет РФ		в том числе:			
	млн. руб	в % к соотв. периоду года	в федеральный бюджет		в консолидированный бюджет субъекта РФ	
			млн. руб	в % к соотв. периоду	млн. руб.	в % к соотв. периоду предыдущего года
Всего поступило доходов	98 911,4	115,7	16 097,4	123,2	82 813,9	114,4
Налог на прибыль	19 934,1	117,6	1 776,3	94,3	18 157,8	120,5
НДФЛ	40 680,4	113,1	X	X	40 680,4	113,1
НДС	9 046,5	134,4	9 046,5	134,4	X	X
Акцизы	4 567,3	103,0	2 007,7	89,6	2 559,6	116,7
Налог на имущество физ. лиц	351,6	124,8	X	X	351,6	124,8
Налог на имущество органов	9 100,7	109,9	X	X	9 100,7	109,9
Транспортный налог	1 676,9	125,5	X	X	1 676,9	125,5
Земельный налог	2 517,4	110,4	X	X	2 517,4	110,4
НДПИ	374,2	92,4	127,7	95,8	246,5	90,7
Остальные налоги и сборы	10 662,3	121,2	3 139,2	151,5	7 523,0	111,8

Структура доходов консолидированного бюджета региона представлена в табл. 6.

Таблица 6

Структура доходов консолидированного бюджета за 2016 г.

Наименование доходов	Сумма, млн рублей	Удельный вес, проценты
Налоговые и неналоговые доходы	95473,06	84,59
<i>в том числе:</i>		
налоги на прибыль	58838,20	61,63
налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	8636,34	9,04
налоги на совокупный доход	6777,80	7,10
налоги на имущество	13775,71	14,43
налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	576,64	0,60
государственная пошлина	577,40	0,60
задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам	0,99	0,001
доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	2983,61	3,13
платежи при пользовании природными ресурсами	345,76	0,36
доходы от оказания платных услуг и компенсации затрат государства	438,66	0,46
доходы от продажи материальных и нематериальных активов	1191,02	1,25
административные платежи и сборы	15,69	0,02
штрафы, санкции, возмещение ущерба	1138,88	1,19
прочие неналоговые доходы	176,34	0,18
поступления (перечисления) по урегулированию расчетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации	0	0
безвозмездные поступления	17396,60	15,41
Итого доходов	112869,66	100,0

Структура расходов консолидированного бюджета региона (млн. рублей)

Наименование статьи	Консолидированный бюджет Приморского края		Красной бюджет		Бюджеты муниципальных образований	
	Сумма, млн рублей	Удельный вес, проценты	Сумма, млн рублей	Удельный вес, проценты	Сумма, млн рублей	Удельный вес, проценты
Расходы, всего	108223,15	100,0	85148,43	100,0	41466,66	100,0
Общегосударственные вопросы	8825,89	8,16	3615,97	4,25	5741,71	13,85
Национальная оборона	26,41	0,02	25,29	0,03	49,40	0,12
Национальная безопасность, правоохранительная деятельность	1508,10	1,39	1169,23	1,37	423,99	1,02
Национальная экономика	19647,21	18,15	16213,34	19,04	4075,74	9,83
Жилищно-коммунальное хозяйство	12169,95	11,25	9047,36	10,63	4216,01	10,17
Охрана окружающей среды	102,65	0,10	75,22	0,09	27,43	0,07
Образование	27144,50	25,08	17328,84	20,35	22434,90	54,10
Культура, кинематография	2792,55	2,58	925,45	1,09	1956,68	4,72
Здравоохранение	16450,03	15,20	16429,91	19,30	20,12	0,05
Физическая культура и спорт	2079,08	1,92	1494,95	1,76	656,71	1,58
Социальная политика	16419,89	15,17	15973,35	18,76	755,26	1,82
Средства массовой информации	389,89	0,36	316,40	0,37	73,50	0,18
Обслуживание государственного и муниципального долга	667,00	0,62	64,63	0,08	614,75	1,48
Межбюджетные трансферты бюджетам муниципальных образований и субъектов Российской Федерации	-	-	2468,49	2,90	420,46	1,01

Представленные статистические показатели в следующих разделах используются для моделирования и прогнозирования экономики региона.

4.2. Построение математической модели развития экономики региона в виде векторной задачи

Математическая модель экономики региона является составной частью методологии и служит отправной точкой для построения численной модели. Математическая модель экономики региона, включающая межотраслевой баланс и воспроизводственный процесс, определяемый инвестициями, рассматривается в динамике на период $t^0 + \Delta t = t^0, t^0 + 1, \dots, t^0 + T$ лет и представлена формулами (1)-(10) в [9, с. 878].

4.3. Подготовка экономической информации для построения модели экономики региона

Для построения численной модели экономики региона (1)-(10) [9] подготовка экономической информации включает четыре блока: построение межотраслевого баланса, определяющего взаимосвязь всех отраслей региона; формирование целей экономического развития региона (1)-(3) [9]; расчет экономических показателей (5)-(6) [9]; расчет экономических показателей динамики развития (10).

1 блок. Построение межотраслевого баланса осуществляется с использованием статистических данных таблиц 3, 4 и представлено в табл. 8.

Межотраслевой баланс экономики региона Приморского края за 2016 год, млн. руб.

Затраты	Промежуточное потребление (X(t)-Y(t))															Конечный спрос - Y(t)					Итого* (графа 17...+15)	Итого* (графа 17...+21)	Всего ресурсов (валовой выпуск)*
	С.х. охота и лесоводство X ₁	Рыболовство, рыболовство X ₂	Добыча полезных ископаемых X ₃	Обрабатывающие производства X ₄	Производство и распределение электроэнергии X ₅	Строительство X ₆	Оптовая и розничная торговля X ₇	Гостиницы и рестораны X ₈	Транспорт и связь X ₉	Финансовая деятельность X ₁₀	Операции недвижимостью, аренда X ₁₁	Государственное управление X ₁₂	Образование X ₁₃	Здравоохранение, социальные услуги X ₁₄	Предоставление коммунальных услуг X ₁₅	Домашнее хозяйство	Государственных учреждений, некоммерческих...	Валовое накопление основного капитала	Изменение запасов материальных средств				
Выпуск	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1	6 925	6 758	118	2 990	12	143	4 185	314	248	35	84	22	15	1 768	332	23 950	31 897	2 887	2 636	4 986	364	36 572	60 522
2	2 276	3 538	3	1 794	587	138	8 173	69	69	11	316	231	89	105	109	17 509	34 896	1 956	3 802	5 583	363	57 996	75 505
3	3	35	118	149	587	916	1 454	7	10	18	551	131	76	153	80	4 288	9 133	1 050	64	1 518	490	17 003	21 291
4	6 739	14 044	3 780	61 225	19 980	21 973	5 315	457	28 488	64	1 590	2 662	323	1 283	771	168 696	45 839	1 090	2 225	8 229	5 709	45 667	214 363
5	2 236	4 129	2 369	21 255	12 780	8 469	3 536	270	2 977	69	133	1 632	837	1 582	1 782	64 056	19 744	1 487	1 637	3 015	253	21 244	85 300
6	5 880	2 831	1 291	14 948	10 524	4 056	707	492	7 626	114	6 024	2 466	431	715	465	58 570	11 529	52	513	9 615	237	34 001	92 571
7	584	212	1 353	12 045	1 233	11 525	11 415	2 485	14 998	520	10 471	1 058	4 224	7 718	3 134	82 974	111 634	9 223	5 675	17 718	2 132	134 187	217 161
8	60	195	15	164	646	126	901	347	198	35	3 738	1 309	305	458	161	8 658	3 428	2 169	2 900	64	97	9 638	18 296
9	241	599	1 069	19 255	5 389	4 034	33 115	1 103	25 561	424	5 734	10 804	148	12	200	107 686	99 419	16 138	12 118	16 702	4 304	169 336	277 022
10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11	1 905	1 823	1 283	176	72	3 677	3 688
11	739	894	580	7 058	3 971	2 861	8 265	854	13 217	110	2 289	324	305	186	151	42 003	39 983	9 211	4 308	2 275	48	65 408	107 411
12	16	259	459	4 407	2 190	1 933	4 133	347	3 146	35	1 347	1 309	335	458	401	20 776	34 548	8 630	23 702	3 759	177	55 657	76 433
13	301	14	53	1 196	35	29	41	3	308	265	168	236	69	168	120	3 006	14 073	8 107	8 600	1 482	250	27 348	30 354
14	1 343	1 372	613	1 495	587	898	1 215	174	1 985	53	707	3 665	305	611	161	15 182	19 288	15 723	5 832	840	69	37 424	82 606
15	30	505	24	1 495	176	120	198	19	397	11	508	131	152	61	161	3 988	9 767	1 515	2 077	674	172	21 728	25 716
Итого*	27 373	35 383	11 846	149 476	58 697	57 221	82 653	6 941	99 228	1 764	33 672	26 179	7 613	18 279	8 028	621 353	487 082	81 057	77 373	76 636	14 738	736 886	1 358 235
Оплата труда	22 473	16 560	4 794	46 873	13 954	20 458	53 610	5 377	80 849	1 462	9 546	18 439	1 542	10 668	6 224	312 830							
Налоги	4 270	3 146	911	8 906	2 651	3 887	10 186	1 022	15 361	278	1 814	3 503	293	2 027	1 183	118 057							=CYMM(X6.X20)
Прибыль	6 406	20 415	3 740	9 108	9 998	11 004	70 713	4 957	81 584	185	62 379	28 311	20 906	24 632	10 281	364 618							
ВДС*	33149	40122	9445	64887	26603	35350	134508	11355	177794	1924	73739	80254	22741	37327	17688	736 886	Z(t)						
Всего*	60522	75505	21291	214363	85300	92571	217161	18296	277022	3688	107411	76433	30354	82606	25716	1 358 235	X(t)						
Грудовое население	74.5	20.6	10.5	101.3	37.1	61.5	195	26.2	112.8	14.2	68.4	78.1	78.4	60.7	32.3	971.6	Таб. чел.						=CYMM(B26.P26)
Основные фонды	62.1		15.1	97.0	156.3	49.9, 10.5	33.3	38.8	662.2, 34.3	13.8	352.4	54.9, 33.7	249.5, 65.0	30.7	19.4, 2.2	1980.2							
Инвестиции																							

* Статистические данные, млн. руб. табл. 2. Остальные данные рассчитаны в соответствии [19] 1980.2 млрд. руб. – остаточная стоимость, 3346.3 – полная учетная стоимость

- 1) Экономические показатели «Ресурсы» (валовой выпуск) ПК: {X_j(t), j=1, n}, n=15 табл. 3 – представлены в графе 23 «Всего ресурсов», а также в строке 21 «Всего*» межотраслевого баланса;
- 2) Числовые величины показателя «Промежуточное потребление» $\sum_{i=1}^n A_i X$, где A_iX, i=1, n агрегированное промежуточное потребление отрасли табл. 8;
- 3) «Валовая добавленная стоимость» Z(t) табл. 3, представлена в 20-й строке «ВДС»;
- 4) Используя произведение: «Численность населения, занятого в экономике» * «Зарплата населения, среднемесячная» табл. 3, сформируем строку 17 «Оплата труда» по отраслям табл. 8;
- 5) Объемы налогов по отраслям табл. 8 формируем на основе отчетных данных администрации региона;
- 6) Строка 19 «Прибыль»: Прибыль = ВДС – Оплата труда – Налоги.
- 7) Расчет величин промежуточного потребления по всем видам экономической деятельности x_{ij}(t), i=1, n, j=1, n произведен на основе процентной структуры межотраслевого баланса по Российской Федерации по каждому виду экономической деятельности, представленной в табл. 9.

Таблица 9

Структура промежуточного потребления межотраслевого баланса

0.2530	0.1910	0.0100	0.0200	0.0002	0.0025	0.0506	0.0452	0.0025	0.0200	0.0025	0.0009	0.0020	.1157	0.0414
0.0831	0.1000	0.0003	0.0120	0.0100	0.0024	0.0989	0.0100	0.0007	0.0064	0.0094	0.0088	0.0117	0.0069	0.0136
0.0001	0.0010	0.0100	0.0010	0.0100	0.0160	0.0176	0.0010	0.0001	0.0100	0.0164	0.0050	0.0100	0.0100	0.0100
0.2462	0.3969	0.3191	0.4096	0.3404	0.3840	0.0643	0.0659	0.2871	0.0364	0.0472	0.1017	0.0424	0.0840	0.0961
0.0817	0.1167	0.2000	0.1422	0.2177	0.1480	0.0428	0.0389	0.0300	0.0393	0.0040	0.0623	0.1100	0.1035	0.2219
0.2148	0.0800	0.1090	0.1000	0.1793	0.0709	0.0086	0.0708	0.0769	0.0645	0.1789	0.0942	0.0566	0.0468	0.0579
0.0213	0.0060	0.1142	0.0806	0.0210	0.2014	0.1381	0.3581	0.1512	0.2947	0.3110	0.0404	0.5549	0.5051	0.3904
0.0022	0.0055	0.0013	0.0011	0.0110	0.0022	0.0109	0.0500	0.0020	0.0200	0.1110	0.0500	0.0400	0.0300	0.0200
0.0088	0.0169	0.0902	0.1288	0.0918	0.0705	0.4007	0.1589	0.2576	0.2401	0.1703	0.4127	0.0194	0.0008	0.0249
0.0000	0	0	0.0000	0	0	0	0.0000	0	0.0000	0.0003	0	0.0000	0.0000	0.0000
0.0270	0.0253	0.0490	0.0472	0.0677	0.0500	0.1000	0.1230	0.1332	0.0625	0.0680	0.0200	0.0400	0.0122	0.0188
0.0006	0.0073	0.0387	0.0295	0.0373	0.0338	0.0500	0.0500	0.0317	0.0200	0.0400	0.0500	0.0440	0.0300	0.0500
0.0110	0.0004	0.0045	0.0080	0.0006	0.0005	0.0005	0.0005	0.0031	0.1500	0.0050	0.0090	0.0110	0.0100	0.0150
0.0491	0.0388	0.0518	0.0100	0.0100	0.0157	0.0147	0.0250	0.0200	0.0300	0.0210	0.1400	0.0400	0.0400	0.0200
0.0011	0.0143	0.0020	0.0100	0.0030	0.0021	0.0024	0.0028	0.0040	0.0060	0.0151	0.0050	0.0200	0.0040	0.0200
1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0

Данные межотраслевого баланса по каждому виду экономической деятельности x_{ij}(t), i=1,15, j=1,15, занесем в блок 15*15 «Промежуточное построение».

8) Выполним сложение «Промежуточного построения» по каждой отрасли (ВД). Результат занесем в графу 16 в табл. 8.

9) Рассчитаем суммарный конечный спрос – $y_{ij}(t)$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, 4}$ как разность граф 23 и 16, и представим его в графе 22. Заметим, что сумма «Итого» графы 22 – $Y(t)$ равна сумме «ВДС» строки 22 – $Z(t)$.

10) Используя структуру конечного спроса в % табл. 4, рассчитаем суммарные показатели «Конечного спроса», представленных в графах 17–20 16-й строки.

11) Расчет величин конечного спроса по всем видам экономической деятельности $x_{ij}(t)$, $i = \overline{1, n}$, $j = \overline{1, n}$ произведен на основе процентной структуры межотраслевого баланса по РФ 2003, представленного в табл. 10.

Таблица 10

Структура конечного спроса межотраслевого баланса по ВЭД в %

0.065485	0.035617	0.034072	0.06506027	0.024688
0.071642	0.024126	0.049136	0.072856208	0.0246202
0.018751	0.012954	0.000824	0.019809564	0.0332556
0.094109	0.013444	0.028754	0.107383897	0.3873677
0.040535	0.018351	0.021155	0.039336784	0.0171836
0.023671	0.000646	0.006625	0.125466368	0.0160774
0.229189	0.11378	0.073351	0.231194763	0.1446916
0.007037	0.026762	0.037487	0.00083427	0.0066113
0.204112	0.199064	0.15662	0.217933948	0.2920586
0.00391	0.022488	0.016584	0.002299857	0.0048573
0.082086	0.113635	0.05568	0.029680114	0.0032474
0.070928	0.106464	0.30634	0.049056074	0.0120303
0.028893	0.100018	0.111144	0.019335034	0.0169763
0.039599	0.193959	0.075379	0.010961541	0.0046641
0.020051	0.018692	0.02685	0.008791308	0.0116709
1.00	1.00	1.00	1.00	1.00

Таким образом, в табл. 8 межотраслевой баланс в разрезе 15 видов экономической деятельности построен.

2 блок. Формирование целей экономического развития региона

Цель экономического развития региона состоит в улучшении благосостояния населения региона – это связано с развитием всех отраслей (видов экономической деятельности) региона, и как следствие, с увеличением налогов – доходной части бюджета региона, которая и обеспечивает социальную направленность, отраженную в конституции РФ, математическом плане представлена в (1)–(3) в [9, с. 878].

Эта целенаправленность определяется увеличением продукции конечного использования (спроса) всех видов деятельности региона за счет:

$$\dot{Y}^o(t) = \{ \dot{y}_j^o(t), j = \overline{1, n} \} - \text{инвестиций прошлого периода (1);}$$

$\bar{Y}^o(t) = \{ \bar{y}_j^o(t), j = \overline{1, n} \} - \text{конечного спроса продукции региона по всем отраслям (2) (видам экономической деятельности) на очередной планируемый период времени } t \in T.$

В числовой модели критерии (1) в [9, с. 878] объединены и примут вид:

$$\max Y(t) = \{ \max y_j(t) = (\dot{y}_j^o(t) + \bar{y}_j^o(t)), j = \overline{1, n} \} \quad (3).$$

Для оценки региона в целом используются два системных критерия: суммарный конечный спрос по отраслям региона и валовой выпуск регионального продукта (ВРП):

$$\max Y^{val}(t) = \sum_{j=1}^n y_j(t), \max X^{val}(t) = \sum_{j=1}^n x_j(t) \quad (4).$$

3 блок. Расчет экономических показателей, ограничений, накладываемых на функционирование региона (см. (11)–(19) в [9, с. 878]).

Показатели (11)–(19) в [9, с. 878] используются при построении численной модели, также для расчетов прогнозируемых экономических показателей региона.

Блок ресурсов включает ограничения по трудовым затратам. Коэффициенты трудовых затрат рассчитываются по отдельным отраслям: $t = \{ \frac{T_j}{X_j}, j = \overline{1, n} \}$, где T_j берется из баланса.

$$t = [1.23 \ 0.273 \ 0.493 \ 0.473 \ 0.435 \ 0.664 \ 0.898 \ 1.43 \ 0.407 \ 3.85 \ 0.637 \ 1.02 \ 2.58 \ 1.15 \ 1.26] \quad (5),$$

количество человек/на 1млн. руб. продукции отрасли

Блок мощностей включает ограничения по объемам произведенной продукции (отчет) за текущий (t^o) и плановый период ($t^o + \Delta t$):

$$X_i^o(t^o) \leq X_i \leq X_i^{plan}(t^o + \Delta t), i = \overline{1, n}, X_i^{plan}(t^o + \Delta t) = X_i^{ot}(t^o) + 10\% X_i^{ot}(t^o) \quad (6).$$

4 блок. Построение коэффициентов инвестиций в модели региона.

Инвестиции $I(t) = \{ I_j(t), j = \overline{1, n} \}$, вкладываемые в экономику региона, рассчитываются с использованием матрицы норм воспроизводства всех видов деятельности, которая была построена на основе данных о производственных фондах региона [9, с. 878].

4.4. Построение численной модели для прогнозирования развития экономики региона

С учетом целенаправленности региона (3), системных критериев (4), ограничений (5), (6) и коэффициентов инвестиций, представим практическую (численную) модель экономики региона (Приморского края) в виде векторной задачи линейного программирования:

$$\text{Opt } F(X, \hat{Y}, \bar{Y}) = \{ \max Y(t^0 + \Delta t) = \{ \max y_1(t^0 + \Delta t), \dots, \max y_{15}(t^0 + \Delta t) \}, (7)$$

$$\max Y^{\text{val}}(t^0 + \Delta t) \equiv \sum_{j=1}^n y_j(t^0 + \Delta t), \max X^{\text{val}}(t^0 + \Delta t) \equiv \sum_{j=1}^n x_j(t^0 + \Delta t), (8)$$

$$-0.89x_1 + 0.093x_2 + \dots + 0.014x_{15} + 0.18\hat{y}_1 + \dots + 0.007\hat{y}_{15} + \bar{y}_1 \leq 0, (9)$$

$$0.033x_1 - 0.951x_2 + \dots + 0.002x_{15} + 0.06\hat{y}_1 + \dots + 0.0023\hat{y}_{15} + \bar{y}_2 \leq 0, \dots (10)$$

$$0.0004x_1 + 0.01x_2 + \dots - 0.001x_{15} + 0.001\hat{y}_1 + \dots + 0.01\hat{y}_{15} + \bar{y}_{15} \leq 0, (24)$$

$$971600 \leq 1.748x_1 + \dots + 1.4984x_{14} + 2.541x_{15} \quad 0 \dots 0 \leq 1020180, (25)$$

$$56959 \leq x_1 \leq 62660, \dots, 49345 \leq x_{14} \leq 54450, 15305 \leq x_{15} \leq 16830, (26)$$

$$3427 \leq \hat{y}_1 \leq 3760, \dots, 3493 \leq \hat{y}_{14} \leq 3730, 954 \leq \hat{y}_{15} \leq 1045, (27)$$

$$30842 \leq \bar{y}_1 \leq 34269, \dots, 30520 \leq \bar{y}_{14} \leq 34931, 8580 \leq \bar{y}_{15} \leq 9535, (28)$$

$$X(t^0 + \Delta t) = KX^*X(t^0), \hat{Y}(t^0 + \Delta t) = \text{Kin}v^* \hat{Y}(t^0), \bar{Y}(t^0 + \Delta t) = KY^* \bar{Y}(t^0), t^0 + \Delta t = t^0, t^0 + 1, \dots, t^0 + T, (29)$$

где векторный критерий (7)–(8) $Y = \{ \max Y(t^0 + \Delta t), \max Y^{\text{val}}(t^0 + \Delta t), \max X^{\text{val}}(t^0 + \Delta t) \}$ включает 17 критериев; ограничения межотраслевого баланса (10)–(24), в которых вектор переменных $X(t) = \{ X(t) = \{ x_j(t), j = \overline{1, 15} \}, \hat{Y}(t) = \{ \hat{y}_j(t) = x_j(t), j = \overline{16, 30} \}, \bar{Y}(t) = \{ \bar{y}_j(t) = x_j(t), j = \overline{31, 45} \}$ имеет размерность равную 45, включает три блока:

1) валовые объемы отраслей, построенные на основе матрицы IA ,

2) объемы КС, полученные за счет инвестиций и построенные с помощью матрицы $V = \{ v_j = x_j(t), j = \overline{16, 30} \}$,

3) объемы конечного использования отраслей $E^* \bar{Y}$;

(25) определяют два ограничения по трудовым ресурсам региона по нижнему и верхнему пределу – используются коэффициенты $t_j, j = \overline{1, n}$ (30) и соответствуют (15);

(26) – ограничения по мощностям представляют $X(t^0) \leq X(t) \leq X(t^0 + \Delta t)$, $X(t^0)$ – отчетные данные за 2016 год, $X(t^0 + \Delta t)$ – предполагаемые мощности на период $(t^0 + \Delta t) \in T$;

(27) – ограничения по объемам КС, полученных за счет инвестиций $\hat{Y}(t^0) \leq \hat{Y}(t) \leq \hat{Y}(t^0 + \Delta t)$;

(28) – ограничения по конечному спросу – $\bar{Y}(t^0) \leq \bar{Y}(t) \leq \bar{Y}(t^0 + \Delta t)$;

(29) – равенства, которые определяют коэффициенты воспроизводства: по мощностям $X(t^0 + \Delta t) = KX^*X(t^0)$, инвестициям $\hat{Y}(t^0 + \Delta t) = \text{Kin}v^* \hat{Y}(t^0)$ и конечному спросу $\bar{Y}(t^0 + \Delta t) = KY^* \bar{Y}(t^0)$.

Задача (7)–(29) решается в динамике с периодом планирования один год, $\Delta t = 0, 1, \dots, T$, с учетом воспроизводства ресурсов в каждом периоде Δt .

4.5. Моделирование и прогнозирование развития экономики региона

Моделирование развития экономики региона осуществляется путем многократного решения векторной задачи (7)–(29). Для решения векторной задачи (7)–(29) по алгоритму, основанному на нормализации критериев и принципе гарантированного результата, в системе *Matlab* написана программа с использованием функции *linprog(...)*, [12, 14].

4.6. Прогноз и формирование показателей развития экономики региона на год, представляющих финансовый план региона

Формирование основных показателей развития экономики региона осуществляется решением λ -задачи (7)–(29).

1) *Оптимальные показатели* (точка оптимума), которые включают:

Валовой объем производства (ресурсы);

Конечный спрос, полученный за счет инвестиций;

Конечный спрос, полученный за счет основных фондов представленных по всем статистическим отраслям на 1 год планирования в табл. 11.

Таблица 11

Оптимальные показатели развития региона по всем отраслям

Виды экономической деятельности (отрасли) региона															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Валовой объем производства (ресурсы) $F(X)$, $X = \{x_1, \dots, x_{15}\}$															
1	63460	79020	22280	225390	89480	97080	228720	19170	291730	3850	11311	79980	31750	55120	26900
Конечный спрос, полученный за счет инвестиций $F(\hat{Y})$, $\hat{Y} = \{x_{16}, \dots, x_{30}\}$															
2	4023	6380	1870	4567	2337	3740	13419	1060	16934	404	6541	6122	3008	4117	2390
Конечный спрос, полученный за счет основных фондов $F(\bar{Y})$, $\bar{Y} = \{x_{31}, \dots, x_{45}\}$															
3	34500	54700	16040	43530	20040	32070	127910	9090	161410	3470	62350	52500	25790	35300	20490
Конечный спрос (использование) суммарный $F(\hat{Y}) + F(\bar{Y})$															
4	38500	61100	17900	48100	22400	35800	141300	10200	178300	3900	68900	58600	28800	39400	22900

Остальные годовые экономические показатели развития региона представлены в следующем разделе.

4.7. Прогнозирование развития экономики региона в динамике и принятие управленческого решения

Формирование основных показателей развития экономики региона осуществляется решением λ -задачи (7)–(29) на три года.

Результаты прогноза развития экономики края сведены в таблицы 12–18.

1) *Оптимальные показатели* прогноза развития региона на три года валового объема производства (ресурсы) представлены в табл. 12.

Таблица 12

Прогноз валового объема продукции по отраслям на три года (млн. руб.)

Виды экономической деятельности	Базовый год – 2016	Прогноз развития региона		
		1 год	2 год	3 год
Сельское хозяйство, охота	60 500	63 500	64 000	64 600
Рыболовство, рыбоводство	75 500	79 000	79 700	80 300
Добыча ископаемых	21 300	22 300	22 500	22 600
Обрабатывающие производ.	75 500	79 000	79 700	803
Производство электроэнергии	21 300	22 300	22 500	226
Строительство	75 500	79 000	79 700	803
Оптовая, розничная торговля	21 300	22 300	22 500	226
Гостиницы и рестораны	75 500	79 000	79 700	803
Транспорт и связь	21 300	22 300	22 500	226
Финансовая деятельность	3700	3800	3900	3900
Операции с имуществом...	107 400	113 100	114 400	115 700
Государственное управление	76 400	80 000	80 600	81 300
Образование	30 400	31 800	32 000	32 300
Здравоохранение, услуг	52 600	55 100	55 600	56 100
Предоставление ... услуг	25 700	26 900	27 100	27 300
Итого в основных ценах	1 358 200	1 427 000	1 441 800	1 456 500

2) *Показатели региона*: Конечный спрос, полученный за счет инвестиций, и конечный спрос, полученный за счет основных фондов, по всем отраслям на три года планирования представлены в табл. 13.

Таблица 13

Прогноз прироста конечного спроса по отраслям (ВЭД)

ВЭД	Прогноз конечного спроса, полученный за счет инвестиций				Прогноз конечного спроса, за счет основных фондов			
	Баз.год	1 год	2 год	3 год	Баз.год	1 год	2 год	3 год
Раздел А	3657	4023	4224	4425	32 910	34 500	34 740	34 990
Раздел В	5800	6380	6699	7018	52 200	54 700	55 090	55 490
Раздел С	1700	1870	1964	2057	15 300	16 040	16 150	16 270
Раздел D	4567	4567	4567	4567	41 100	43 530	44 090	44 650
Раздел E	2124	2337	2454	2571	19 120	20 040	20 180	20 330
Раздел F	3400	3740	3927	4114	30 600	32 070	32 300	32 530
Раздел G	13 419	13 419	13 419	13 419	120 770	127 910	129 550	131 200
Раздел H	964	1060	1113	1166	8670	9090	9160	9220
Раздел I	16 934	16 934	16 934	16 934	152 400	161 410	163 490	165 570
Раздел J	368	404	425	445	3310	3470	3490	3520
Раздел K	6541	6541	6541	6541	58 870	62 350	63 150	63 950
Раздел L	5566	6122	6428	6734	50 090	52 500	52 870	53 250
Раздел M	2735	3008	3159	3309	24 610	25 790	25 980	26 170
Раздел N	3742	4117	4322	4528	33 680	35 300	35 550	35 810
Раздел O	2173	2390	2510	2629	19 560	20 490	20 640	20 790
ИТОГО	73 689	76 911	78 684	80 457	663 200	699 180	706 450	713 720

Аналогично проведены расчеты последующих экономических показателей:

Прогноз совокупного конечного спроса по отраслям региона (млн. руб.), полученного в сумме за счет инвестиций и основных фондов;

Промежуточное потребление по видам экономической деятельности;

Инвестиции в денежных единицах, вкладываемые в каждую отрасль;

Трудовые ресурсы (млн. чел.), позволяющие получать планируемые объемы производства: $t^0=985000$, 1 год $t^1=1034200$, $t^2=1044600$, $t^3=1054900$;

Прогноз роста отрасли в относительных единицах (по каждому критерию);

Заработная плата труда в регионе;

Налоговые отчисления по каждой отрасли (млн. руб.);

Валовая прибыль экономики и валовой смешанный доход;

Валовая добавленная стоимость (ВДС) по каждой отрасли, сумма валовых добавленных стоимостей отраслей региона определяет основной макроэкономический показатель региона – валовой региональный продукт (ВРП).
Финансовые потоки региона.

4.8. Принятие управленческого решения развития экономики региона – административное воздействие (регулирование)

В целом результаты моделирования и прогнозирования служат основой для различного вида финансовых задач и прежде всего для формирования бюджета региона. Изменяя регулируемые управленческие параметры, темпы роста, можем получить ряд вариантов развития экономики региона и принять окончательное управленческое решение.

Полученные данные по развитию экономики региона, прогнозируемый бюджет субъекта Российской Федерации вместе с ранее опубликованными работами по моделированию промышленных предприятий представляют фрагмент «Глобального (в рамках государства) цифрового пространства экономики России».

В организационном плане принятие управленческого решения по развитию экономики региона может использоваться, во-первых, на стадии подготовки бюджета администрацией региона, и, во-вторых, на стадии утверждения бюджета Законодательным собранием Приморского края.

Заключение

Таким образом, математическая модель формирования развития региональной экономики дает возможность подсчитать основные экономические и макроэкономические показатели – валовые объемы и оптимальный темп роста экономики региона с учетом: во-первых, межотраслевого баланса, во-вторых, инвестиций, вкладываемых в каждую отрасль региона, в-третьих, с учетом ресурсных возможностей региона и его производственных мощностей. Результаты моделирования служат основой для различного вида финансовых задач и прежде всего для формирования доходной части бюджета региона. Построенная модель и результаты моделирования могут служить основой для разработки экономической политики региона, определяя линию поведения каждой отрасли (т.е. всех предприятий соответствующей отрасли) в совокупности. На основе разработанного программного обеспечения, авторы готовы участвовать в расчетах по прогнозированию развития других регионов.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 216 с.
2. Leontyev W.W. Input-Output Economics. – New York: Oxford university press. 1966. – 436 p.
3. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 861 с.
4. Tirole J. The theory of Industrial Organization. – Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1993. – 695 p.
5. Ленин В.И. Полное собрание соч., 5 изд. – Т. 42. – С. 278.
6. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов, – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 362 с.
7. Угроватов А.П. Политология: словарь-справочник. – Новосибирск: ЮКЭА, 2006. – 486 с.
8. Кетков Ю.Л., Кетков А.Ю., Шульц М.М. МАТЛАБ 6.x: программирование численных методов. – СПб.: БХВ-Петербург, 2004. – 672 с.
9. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Политика, моделирование и прогнозирование с учетом инвестиционных процессов развития экономики региона // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничеств; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 2. – С. 877–884.
10. Машунин Ю. К., Машунин И. А. Моделирование развития и организация управления экономикой региона в рыночных условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 7. – С. 2–9.
11. Машунин Ю.К., Машунин И.А., Воробьева Л.Г. Моделирование инвестиционных процессов в экономике региона // Вестник ТГЭУ. 2012. – № 2. – С. 95–105.
12. Машунин Ю.К. Теория управления. Математический аппарат управления экономикой. – М.: Логос, 2013. – 448 с.
13. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Прогнозирование развития экономики региона с использованием таблиц «Затраты – Выпуск» // Экономика региона. 2014. – № 2. – С. 276–289.
14. Машунин Ю.К. Моделирование инвестиционных процессов в экономике региона: монография. LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 353 с.
15. Машунин Ю.К., Машунин К. Ю. Численная реализация инновационного развития промышленного предприятия // Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016): тр. науч.-практ. конф. с зарубежным участием 21–23 марта 2016 / Под ред. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – С. 455–484.
16. Машунин Ю.К. Моделирование и программная реализация инновационного развития промышленного предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2016. – № 3 (245). – С. 78–92.
17. Машунин Ю.К., Машунин К.Ю. Моделирование и практика инновационного развития промышленного кластера // Научно-технические ведомости СПбПУ. Экономические науки. 2017. – Т. 10, № 4. – С. 187–197. DOI: 10.18721/JE. 10418
18. Машунин Ю.К. Управление экономикой региона: монография. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 342 с.
19. Машунин Ю.К. Теория управления и практика принятия управленческих решений: учебник. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 494 с.
20. Справочник по кодам статистики ОКВЭД. – www.mogem.ru/public.htm
21. Таблицы «затраты-выпуск». – <http://www.infostat.ru/ru/catalog.html.hfge=info&id=314>
22. Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. – Владивосток, Приморскстат, 2017. – 318 с.

Москалевич Г.Н.

к.ю.н., доцент, Белорусский институт правоведения

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: инновационное развитие; инновационные процессы; научно-технические приоритеты; высокотехнологичная продукция; инновационная инфраструктура; передовые технологии.

Keywords: innovative development; innovation processes; scientific and technical priorities; high-tech products; innovation infrastructure; Hi-tech.

Сегодня инновации занимают центральное место в системе экономической безопасности страны. Это связано с тем, что от уровня инновационности экономики зависит возможность для страны принимать достойное участие в мировой конкуренции. Именно поэтому современная Беларусь выбрала единственно верный путь развития – инновационный. Этот факт подтверждается осуществлением ряда действий на государственном уровне: принят ряд соответствующих законодательных актов, утвержден перечень приоритетных направлений научно-технической деятельности, принимаются определенные меры.

Принимаемые государством меры и их реализация имеют целью решение трех групп проблем: 1) повысить эффективность белорусской науки, сориентировать ее на удовлетворение нужд национальной экономики; 2) усилить модернизацию и рост восприимчивости к нововведениям производственного комплекса страны; 3) совершенствовать общесистемные условия хозяйствования: социально-политические, институционально-правовые, организационные, экономические, региональные и др., а также механизмы мотивации и стимулирования инновационной деятельности, способы привлечения отечественных и зарубежных инвестиций в инновационные проекты, т.е. выработать сильную инновационную политику государства.

Белорусская наука занимает прочные позиции на мировом уровне в сфере информатизации и программного обеспечения, нанотехнологий и новых материалов, энергоэффективных лазерных технологий, генетики и биотехнологий, экологической устойчивости, радиационной безопасности и др. Эти позиции необходимо сохранить и усилить. С этой целью в Республике Беларусь созданы фонды Президента по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, талантливой молодежи. Установлены надбавки и выделены специальные стипендии деятелям науки, образования, здравоохранения и культуры, а также талантливым молодым ученым.

Беларусь вступила на инновационный путь развития, который обеспечивает национальная инновационная система. Сущность инновационного пути развития состоит в том, что он гарантирует развитие человеческого, в том числе научного потенциала, а также долговременный и устойчивый рост эффективности национальной экономики.

Инновационное развитие государства предполагает многоуровневый процесс, затрагивающий практически все сферы деятельности страны, в том числе экономику, законодательство, политику, науку, образование и т.д. Этот процесс осуществляется и контролируется государством, которое и берет на себя ответственность за его результаты. Результаты будут более успешными, если государство создаст благоприятные стартовые условия для инновационной деятельности и будет ее стимулировать, а также обеспечит совместные действия заинтересованных сторон и примет непосредственное участие в регулировании рыночных отношений, поддерживая добросовестную конкуренцию и сдерживая монополистические устремления и попытки захватить единоличную власть на товарном рынке посредством создания необходимых институтов и механизмов.

В сфере инноваций, прежде всего, должны быть поставлены конкретные цели, в первую очередь, это завоевание передовых позиций в процессе производства новых видов продукции. 9 февраля 2017 года Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко утверждена Государственная программа инновационного развития Беларуси на 2016–2020 годы. Президентом подписан соответствующий Указ от 31 января 2017 г. № 31¹. В Республике Беларусь по распоряжению Президента подготовлена и утверждена стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», в которой определены приоритетные пути и задачи долгосрочного развития науки и технологий, а также сроки, в которые эти задачи должны быть решены, а также комплекс инструментов совершенствования научно-технической сферы, позволяющие обеспечить новое качество экономического роста Республики Беларусь и выход в перспективе на мировой уровень конкурентоспособности по ряду направлений².

Общие стратегические направления, цели и задачи инновационного развития Республики Беларусь, а также средства и механизмы ее развития установлены в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического

¹ Указ Президента Республики Беларусь (31 января 2017 г. № 3): «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы». 2017. – 35 с.

² Наука и технологии: 2018–2040. – Минск, 2017. – 40 с.

развития Республики Беларусь на период до 2020 г.¹ Стратегия учитывает программные документы на средне- и долгосрочную перспективу стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и основных торговых партнеров. Концепция создания Национальной инновационной системы Республики Беларусь определяет принципы инновационного развития Республики Беларусь и перевода ее экономики на инновационный путь развития, чтобы обеспечить устойчивость и конкурентоспособность национальной экономики.

В качестве приоритетных направлений инновационного развития страны определены: 1) Качественное воспроизводство человеческого потенциала и эффективное его использование; 2) Ускоренное развитие высокотехнологичных производств и услуг; 3) Совершенствование институциональной среды и формирование благоприятной бизнес-среды; 4) Рост экспортного потенциала на основе эффективного использования имеющихся и потенциальных конкурентных преимуществ Республики Беларусь.

В состав инновационных систем входят три ключевые компонента: государственный сектор, научно-исследовательский сектор и предприятия. Управление национальной инновационной системой Республики Беларусь производится на разных уровнях – от местного самоуправления до Президента. На государственном уровне многое делается для того, чтобы успешные инновационные проекты внедрить в жизнь.

Следует согласиться с мнением Н.В. Юргель, что государственное регулирование является необходимым, но этого недостаточно, чтобы создать экономику инновационного типа. Не менее важную роль в организации инновационного процесса играют сами предприятия². Ведь именно предпринимательская деятельность является двигателем инноваций и инновационного развития государства). В этом плане роль предприятия в инновационном развитии повышается при наличии у него научно-исследовательского потенциала и создания благоприятной среды на предприятии. Немалое значение в инновационном развитии имеет овладение новыми знаниями, а также приобретение прав на эти знания (интеллектуальная собственность), что дает возможность придать выпускаемой продукции новое качественное состояние, произвести качественные изменения³.

На современном этапе белорусскими учеными выдвигаются крупные инновационные идеи на уровне открытий и изобретений, проектно-конструкторских разработок – на уровне патентов, основанные на принципиально новых знаниях – согласно стратегии инновационного развития Республики Беларусь⁴.

Большим успехом пользуются такие созданные в стране инновационные структуры, как Белорусский инновационный фонд, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Парк высоких технологий, Фонд информатизации Республики Беларусь⁵. К наиболее важным инновационным проектам 2018 г. можно отнести: 1) Парк Высоких Технологий (для создания бизнеса в сфере информационных технологий); 2) Автомобильный завод «БелДжи» (совместный проект с Китаем, в котором Республика Беларусь взяла на себя функцию сборки); 3) Разработка и выпуск сверхкрупногабаритных шин для самосвалов большой грузоподъемности компании БелАЗ и для карьерной техники мировых производителей; 4) Разработка роботизированного карьерного самосвала БелАЗ с грузоподъемностью 130 тонн; 5) Строительство Белорусской АЭС; 6) Создание прибора для бесконтактной оптической диагностики раковых опухолей; 7) Система управления процессом производства молока по принципу «точно вовремя» в агропромышленности Беларуси; 8) Создание системы «HLA-типированные доноры Республики Беларусь для трансплантации гемопоэтических стволовых клеток»; 9) Университет 3.0 (организация внутри университетов образовательной, научной и предпринимательской среды для коммерческих разработок); 10) «Дом сезонного проживания» (социальный проект, представляющий систематическую помощь для людей пожилого возраста)⁶.

Коммерциализации и продвижению научно-технических разработок на отечественный и зарубежный рынки, привлечению инвестиций в сферу наукоемких технологий содействует созданная в Республике Беларусь система трансфера технологий. Центральное место в данной системе занимает Республиканский центр трансфера технологий, который входит в ассоциацию «Академтехнопарк». Во всех областях республики, а также в некоторых ведущих научных организациях Беларуси созданы отделения и филиалы Республиканского центра трансфера технологий. На его базе действует экспериментальный образец сетевой системы обеспечения трансфера технологий, который включает отделения и филиалы Центра, Межвузовский центр маркетинга НИР, Республиканскую научно-техническую библиотеку. Кроме того, успешно функционирует информационный узел электронной биржи технологий.

Таким образом, следует прийти к выводу, что в Республике Беларусь действует эффективная система государственного управления инновационным развитием экономики. В республике на данный момент созданы основы инновационной инфраструктуры, в основе которой находятся центры поддержки предпринимательства, инкубаторы малого предпринимательства, инновационные центры, центры трансфера технологий, научно-технологические парки

¹ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года: протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10 / Министерство экономики Республики Беларусь. – <http://www.economy.gov.by>

² Юргель Н.В. О проблемах формирования инновационной культуры: институциональный аспект // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. трудов X Междунар. науч.- практ. конференции, Пинск, 4 апр. 2016 г. – Пинск: ПолесГУ, 2016. – С. 121.

³ Инновационное развитие как экономическая категория. – <https://creativeconomy.ru/lib/4477>

⁴ Семашко В.И. Инновационное развитие Республики Беларусь: состояние и перспективы // Материалы международной научно-практической конференции «Подготовка научных кадров высшей квалификации в условиях инновационного развития общества» / Под ред. И.В. Войтова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2009. – С. 151.

⁵ Садковская А., Кекшук Е. Инновационное развитие Республики Беларусь. – <http://5fan.ru/wievjob.php?id=100688>

⁶ Беларусь – страна-инноватор? – <https://viafuture.ru/katalog-idej/innovatsii-v-belarusi>

(технопарки), венчурные и малые внедренческие предприятия. Инновационной деятельностью в стране охвачены практически все сферы.

В Республике Беларусь сложилась благоприятная экономическая ситуация, позволяющая использовать множество возможностей для инвестирования в инновационную сферу. По данным Национального статистического комитета, значительную роль во внедрении новых технологий стали играть в последнее время средства иностранных инвесторов.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть значимость модернизации и совершенствования правовой базы для повышения эффективности процесса инновационного развития Республики Беларусь.

*Никулина О.В.*¹

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО СТРАНЫ И ЕЕ РЕГИОНОВ В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: инновационное развитие, финансирование, конфликтное взаимодействие.

Keywords: innovative development, financing, conflict interaction.

Современная экономика развивается быстрыми темпами и подвержена влиянию различных факторов, среди которых особо следует выделить информационно-инновационные технологии, обеспечивающие возможность инновационного прорыва экономикам развитых стран в стратегически значимых сферах деятельности. Сегодня многие страны находятся в стадии перехода к постиндустриальной информационной экономике. Поэтому необходимо учитывать, что если в индустриальную эпоху рост был ориентирован на достижение краткосрочной прибыли, то в современном мире приоритетным направлением развития стран является создание конкурентоспособной экономики, под которой подразумевается экономика, способная конкурировать в сложных отраслях с высокой добавленной стоимостью, что является главным источником высококачественного устойчивого экономического роста и повышения благосостояния. То есть информационная экономика – это прежде всего новейшие технологические условия ее развития, способствующие достижению высокой и устойчивой конкурентоспособности.

Однако стоит отметить, что в современной конкурентной борьбе лидером становится тот, кто не только качественнее и быстрее производит знания и технологии, но и воплощает их в конкретный коммерчески значимый, патентоспособный товар или услугу и выходит с этим продуктом на мировой рынок.

Поэтому в настоящее время основой современного социально-экономического развития любой страны, в том числе и России, когда экспорт-ориентированная сырьевая модель ее развития исчерпывает свой потенциал, единственным источником завоевания новых рынков сбыта, сохранения устойчивости конкурентоспособности и обеспечения качества продукции, повышения эффективности производства является инновационная деятельность хозяйствующих субъектов.

В экономической литературе под инновационной деятельностью понимают вид деятельности, научно-исследовательской и опытно-конструкторской, по организации производства, направленной на получение и использование результатов научно-технического прогресса с целью создания или качественного улучшения выпускаемых товаров и услуг, расширения и обновления ассортимента продукции и совершенствования процессов производства для последующего внедрения и эффективной ее реализации как на внутреннем, так и зарубежных рынках [14]. Иными словами, инновационная деятельность – это механизм создания новшества, в будущем являющегося основой производственной деятельности предприятия, распространения его в хозяйственной системе, реализации и потребления.

Под новшествами (синоним «новация») в экономике понимают новую идею, которая ранее не возникла (новое явление, метод, способ и т.д.). А конечным результатом инновационной деятельности, который уже получил воплощение в виде новых или качественно усовершенствованных и соответственно реализуемых на рынке продуктов или в виде используемых в практической деятельности, новых или усовершенствованных технологических процессов, являются инновации [2]. То есть в отличие от новшеств они обладают такими свойствами, как научно-техническая новизна, производственная применимость и коммерческая реализуемость [9].

В современном мире инновации являются основными средствами решения производственных, коммерческих задач и способами повышения благосостояния и улучшения финансового результата, а также инструментами поддержания стабильности, конкурентоспособности предприятий и реализуемой ими продукции. Также как особый вид знаний, результат высокообразованного интеллекта они становятся в эпоху знаний и науки определяющим фактором экономического роста, так как влияют на производственные процессы каждого предприятия, что в свою очередь приводит к новому качественному состоянию производственной системы страны в целом.

Однако для эффективного протекания инновационного процесса, то есть процесса, связанного с зарождением инновационной идеи, созданием, освоением, распространением инноваций и выведением их на рынок (коммерциализацией), необходимо наличие инновационного потенциала, предполагающего наличие некоторой совокупности ресурсов, образующих строго определенную систему [13]. Ведь как любая человеческая деятельность, инновационная деятельность основана на использовании и потреблении определенных ресурсов, которые позволяют ей достичь необходимых результатов. Чтобы быстрее происходило экономическое развитие национальной экономики или отдельного региона, отдельной отрасли, необходимо постоянно наращивать масштабы инновационной деятельности и, следова-

¹ Никулина Ольга Валерьевна - д.э.н., профессор кафедры мировой экономики и менеджмента, Кубанский государственный университет, Краснодар. E-mail: Olgafinanas@mail.ru

тельно, направлять в данную сферу экономической деятельности все больше и больше ресурсов, которыми располагает в данный конкретный момент общество.

Инновационный потенциал включает в себя различные ресурсы (материально-технические; кадровые; организационные; информационные и др.), каждый из которых оказывает существенное влияние на состояние инновационного развития того или иного хозяйствующего субъекта. Однако в условиях современной рыночной экономики немаловажной составляющей инновационной деятельности как достаточно капиталоемкого процесса являются финансовые ресурсы, которые обеспечивают условия реализации всех элементов инновационного процесса, поступления в них финансовых средств, а также стимулирование инновационной активности предприятий и содействие эффективному расходованию их средств на инновации [10].

В экономической литературе под финансовыми ресурсами понимается совокупность всех денежных средств, накопленных и распределяемых на конкретные нужды, а также выражаемых в денежном эквиваленте прочих инвестиций, кредитов и займов. Сама система организации, планирования и использования финансовых ресурсов для осуществления того или иного вида деятельности любого хозяйствующего субъекта, охватывающая денежные отношения с другими хозяйствующими субъектами, называется механизмом финансирования [8].

Однако многие экономисты отождествляют понятие «финансирование» с понятием «инвестирование». Оба понятия являются взаимосвязанными, но неидентичными категориями, так как инвестирование подразумевает под собой уже использование денежных средств, образованных посредством источников финансирования.

Поэтому исходя из вышесказанного, финансовые процессы инновационной деятельности можно определить, как осуществление капитальных вложений в инновационные процессы предприятий той или иной отрасли либо направление и использование денежных средств на проведение научных исследований и опытно-конструкторских работ с целью разработки новой техники, новых технологий, методов управления с последующим их внедрением в производство для его модернизации, инновационного обновления основных фондов и создания конкурентоспособной продукции [14].

При этом стоит отметить, что инновационный процесс представляет собой очень обширную область, которая охватывает совокупность сложных и неоднородных процессов и явлений. Так каждый этап жизненного цикла инноваций, составляющего основу инновационного процесса, имеет ряд своих особенностей, заключающихся в размерах затрат, источниках финансирования, направлениях использования финансовых средств, рискованности и возвратности. Например, ранние этапы инновационного процесса, связанные с нематериальными компонентами – выполнением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выработкой концепций и разработкой опытного образца соответствующего нового продукта, – являются заведомо затратными [1]. Но при этом завершение их не дает полной уверенности в том, что данная инновация будет успешно внедрена на рынок и что деньги не пропадут, поскольку инновационная деятельность предприятий любой отрасли сопряжена с высоким уровнем риска, проявляющегося в потере и, соответственно, в негарантированности возмещения вложенных денежных средств [7].

Поэтому из-за непредсказуемости, неопределенности результатов научных исследований и опытно-конструкторских разработок, возможных ошибок, заложенных в начале реализации инновационных проектов, а также наличия временного лага от момента вложения финансовых средств в инновации до получения коммерческой выгоды финансовая поддержка инновационной деятельности предприятий представляет собой сложный процесс, который зависит от многих факторов и условий и требует определенного распределения и накопления финансовых ресурсов. При этом от интенсивности вливания инвестиций в нововведения зависит сама инновационная активность хозяйствующих субъектов, так как собственные средства предприятий всегда ограничены. В связи с этим, чтобы осуществлять инновационную деятельность, им приходится искать иные источники финансирования и формировать их оптимальную структуру. Ведь гарантированное и стабильное финансовое обеспечение инновационной деятельности предприятий в течение всех этапов инновационного его процесса позволяет снизить риск отторжения инновации рынком и, соответственно, увеличить эффективность ее реализации и коммерциализации, что в свою очередь в перспективе позволяет получить вознаграждение в размерах, значительно превышающих объемы затрат, так как именно НИОКР вносят наибольший вклад в будущую прибыль, создают значительную добавочную стоимость, которая в дальнейшем может трансформироваться в сверхприбыль [6]. Поэтому развитие финансовых процессов современных предприятий в инновационной сфере играет важную роль, так как именно финансирование обеспечивает необходимыми ресурсами инновационную деятельность любого хозяйствующего субъекта.

Однако для достижения конкретных целей, а именно: создания и внедрения инноваций, повышения эффективности производства и получения прибыли, – необходимо, чтобы принципы организации финансовых процессов в инновационной сфере предприятий той или иной отрасли определялись не только их целевой направленностью, но и следующими основными аспектами [3]:

- разнообразием финансовых источников и методов;
- юридической защищенностью и логической обоснованностью используемых финансовых инструментов и методов;
- комплексностью охвата различных этапов инновационного процесса;
- последовательностью применения методов финансирования и возможностью их сочетания в соответствии со стадиями жизненного цикла инновации;
- способностью гибко приспосабливаться к активно изменяющимся условиям внешней среды конкурентной экономики с целью быстрого и эффективного внедрения инноваций и максимальной эффективности использования финансовых ресурсов;

– ростом финансовой отдачи, которая является одним из важнейших обобщающих показателей, характеризующим результативность инновационной деятельности и финансовых взаимоотношений хозяйствующих субъектов.

Основные задачи финансирования инновационной деятельности предприятий должны заключаться в [12]:

– создании необходимых условий для эффективного и быстрого процесса внедрения новых технологий, техники, методов управления и коммерциализации инноваций того или иного предприятия, что в свою очередь способствует расширению его производственных возможностей, повышению конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках и, соответственно, модернизации национальной экономики в целом;

– обеспечении необходимыми материальными ресурсами для сохранения всех элементов инновационного потенциала предприятий, особенно кадровой составляющей в целях предотвращения утечки кадров за рубеж, а также для стимулирования инновационной активности хозяйствующих субъектов;

– сохранении стратегического научно-технического потенциала в приоритетных направлениях развития науки технологий и техники отраслей национальной экономики.

Таким образом, можно сказать, что важные аспекты результативности и эффективности инновационной деятельности современных предприятий определяются сбалансированностью между потребностями в финансовых ресурсах и реальными возможностями их получения, рациональностью использования и расходования материальных ресурсов и, соответственно, оптимизацией и множественностью источников и форм финансирования, из которых привлекаются финансовые средства для осуществления инновационной деятельности любого хозяйствующего субъекта.

Для современной мировой хозяйственной системы характерно усиление конкурентной борьбы между государствами, направленной на увеличение их доли на мировом рынке и осуществляемой на основе глобальных конкурентных преимуществ. Позицию лидера в глобальной экономике будут занимать экономические системы с качественно новым технологическим уровнем, в которых ключевое значение имеют интеллектуальные ресурсы.

Инновационное направление развития национальной экономики дает возможность получить мощные преимущества в этой конкурентной борьбе. Например, в таких высокотехнологичных отраслях, как авиационная и ракетно-космическая промышленность, доля США составляет около 40%, Японии – 20%, при этом доля Германии – 7%, Великобритании – 9%. На мировом рынке научного приборостроения удельный вес США достигает 27,5%, Японии – 17,5%, Германии – 14%. 20% телекоммуникационной и навигационной промышленности принадлежит США, 17% – Японии, 6% – Великобритании [4]. Таких впечатляющих результатов лидеры ведущих отраслей мировой экономики достигли благодаря проведению активной политики в области государственного регулирования инновационных процессов. Высокий уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов является следствием реализации комплекса стимулирующих мер государством, определяющим национальные приоритеты и оказывающим существенное влияние на развитие инновационных процессов через систему методов и инструментов.

Изменение представлений об участниках инновационного процесса и их роли в нем происходит под воздействием конфликта между двумя различными направлениями развития: научными исследованиями и их практической реализацией. Как следствие, наряду с двумя участниками – научными организациями и предпринимательским сектором – неизбежно появление третьего участника в лице государства. Формы их взаимодействия претерпевали изменения, поскольку самостоятельная деятельность каждого из них не обеспечивала получение необходимого результата. Особый механизм взаимодействия, характерный для плановой экономики, предполагал зависимость любого вида деятельности от государства и государственное финансовое обеспечение этой деятельности. Таким образом сформировалась административно-командная модель инновационной системы, которая оказалась наиболее эффективной при выполнении военных заказов, однако сдерживала инициативы, исходящие от других участников системы [11].

Другой тип взаимодействия предполагает формирование инноваций в результате деятельности отдельных институциональных сфер, выполняющих четко разграниченные функции в рамках их полномочий. Ведущую роль здесь играет рынок, государство лишь устанавливает приоритеты развития и основывается на заинтересованности хозяйствующих субъектов в осуществлении инновационной деятельности.

Активно развивающаяся сегодня модель «тройной спирали», всесторонне рассмотренная в работе И.Г. Дежиной [5], функционирует в соответствии с принципами пересечения трех множеств отношений. Модель возникла в новых экономических условиях, когда наряду с провалами государства в инновационной сфере обозначились и недостатки рынка. В модели каждый из институтов участвует в механизме создания инновационных знаний за счет выполнения функций других участников и формирования гибридных институциональных форм. «Тройная спираль» предполагает включение каждого института на определенных этапах инновационной деятельности: на этапе получения знаний осуществляется взаимодействие государства и науки; затем в ходе трансфера технологий научные учреждения сотрудничают с бизнесом; вывод результата на рынок производится совместно бизнесом и властью. Модель тройной спирали не только обеспечивает активизацию инновационной деятельности, но и позволяет исключить конфликтное взаимодействие всех участников инновационного процесса, поскольку каждый участник выполняет строго определенные функции и несет ответственность в рамках своих компетенций.

Таким образом, инновационное развитие сегодня является конкурентным преимуществом экономических субъектов в эпоху информатизации мировой экономики, когда не только отдельные участники являются основными действующими лицами инновационного процесса, но и государство выступает своего рода гарантом исполнения всех обязательств, способствуя тем самым исключению конфликтных ситуаций в процессе финансирования и реализации масштабных инновационных проектов его участниками в регионах.

Список литературы

1. Барышева А.В. Инновации: учебное пособие / А.В. Барышева, К.М. Балдин, С.Н. Галицкая и др. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2007. – 382 с.
2. Гаунова М.А. Особенности системы финансирования инновационной деятельности // Российское предпринимательство. – М., 2012. – № 24 (222). – С. 83–90.
3. Грибовский А.В. Государственно-частное партнерство как инструмент стимулирования инновационной деятельности в научно-технической сфере РФ // Наука. Инновации. Образование. 2012. – № 11. – С. 90–110.
4. Давтян М.А., Щербакова Т.С., Карзанова И.В., Зайнулин С.Б., Самусева Т.В., Палеев Д.Л., Соловьева Ю.В. Экономика инновационной деятельности предприятия: учеб. пособие. – М.: РУДН, 2014. – 432 с.
5. Дежина И.Г., Киселева В.В. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.
6. Жданова О.А. Финансирование инновационной деятельности с использованием инструментов коллективного инвестирования: монография. – М.: ООО «Синергия ПРЕСС», 2013. – 140 с.
7. Иода Е.В. Венчурное финансирование инновационной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. – № 10. – С. 39–43.
8. Ковалев В.В. Финансы организаций (предприятий): учебник. – М.: Проспект, 2013. – 352 с.
9. Медынский В.Г. Инновационный менеджмент: Учебник. – М.: Инфра – М, 2013. – 295 с.
10. Никулина О.В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики: монография. – Краснодар: Просвещение – Юг, 2010.
11. Пахомова И.Ю. Модель «тройной спирали» как механизм инновационного развития региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. – № 7–1(126). – С. 50–55.
12. Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2010. – 448 с.
13. Шанин С.А. Инновационно-инвестиционная активность региона: условия, факторы, оценка: монография / С.А. Шанин, А.Я. Аркатов, В.А. Калугин. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2006. – 106 с.
14. Швандар В.А. Инновационный менеджмент: учебник / Под ред. проф. В.А. Швандара, проф. В.Я. Горфинкеля. – М.: Вузовский учебник, 2012. – 382 с.

Новоселов А.С.

д.э.н., профессор, зав. Отделом регионального и муниципального управления Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

asnov@ieie.nsc.ru

Волянская Т.В.

ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

vtv@ieie.nsc.ru

Фалеев А.В.

к.э.н., ведущий инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

office-kg@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ НА ОСНОВЕ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОДХОДА¹

Ключевые слова: региональное и муниципальное управление, комплексное социально-экономическое развитие, институциональная система, воспроизводственный подход.

На протяжении многих лет система государственного и муниципального управления демонстрирует свою неспособность обеспечить реализацию стратегических целей развития российской экономики и региональной политики, доказательством неэффективности этой системы является практически полное отсутствие положительных результатов в достижении этих целей и приоритетных направлений экономического развития регионов и муниципальных образований Российской Федерации. Внешнеэкономические и внешнеполитические факторы привели к безотлагательной необходимости смены модели управления развитием российской экономики. Если в период высоких цен на топливно-энергетические ресурсы на мировом рынке можно было ограничиться лишь теоретизированием относительно изменения вектора развития экономики, рассуждениями о переходе к модернизации, к созданию высокотехнологичного сектора экономики и при этом ничего не менять в системе управления, то в современных условиях сохранение действующей модели управления экономическим развитием содержит в себе угрозу для безопасности всего государства [1–4]. Причем эта угроза будет возникать, прежде всего, из-за нарастания социальной напряженности, вызванной низкими доходами подавляющей части населения, глубоким расслоением российского общества по уровню доходов и дифференциацией в качестве жизни населения различных регионов и муниципальных образований России.

В связи с этим актуальным является исследование проблем управления социально-экономическими процессами с целью обоснования институциональной системы управления развитием регионов и муниципальных образований. Современные проблемы управления пространственным развитием привлекают внимание как практиков, так и исследователей [5–8]. Общая оценка современного уровня решения проблем регионального и муниципального развития в стране и за рубежом, позволяет констатировать, что основные элементы социально-экономических систем регионов недостаточно исследованы и неодинаково подготовлены к переходу к новой модели регионального управления; научно не обоснованы полномочия органов власти иерархической системы территориального управления; не обоснованы экономические, социальные и финансовые нормативы, которые должны выполнять функции финансово-экономических инструментов, обеспечивающих достижение целей и задач комплексного социально-экономического развития; в исследованиях отдельных звеньев механизма управления экономикой региона отсутствует системность и программно-целевой подход, что необходимо для перехода на новую модель регионального и муниципального управления.

Не будет большого преувеличения, если сказать, что государственная региональная политика является неэффективной, а в отдельных случаях практически не реализуется. Предметом государственной региональной политики и должна являться пространственная организация экономики и условий жизнедеятельности населения. Основу пространственного развития представляет общественное разделение труда и такое размещение хозяйственной деятельности, которое дает возможность наиболее эффективно использовать ресурсный потенциал страны и ее регионов. Объектами реализации государственной региональной политики являются регионы, в отношении которых государство принимает принципиальные решения, определяющие их будущую специализацию и роль в социально-экономическом развитии государства.

Политика пространственного развития на субфедеральном уровне связана с рядом фундаментальных проблем, требующих своего решения. Во-первых, необходимо объективно обосновать предмет управления, функции и полномочия каждого территориального уровня – федерального, регионального и муниципального. Во-вторых, необходимо

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту XI.173.1.2. «Стратегическое управление региональным и муниципальным развитием: концепция и принципы реализации» № АААА-А17-117022250118-6.

решить проблему создания адекватной финансовой системы, обеспечивающей развитие территорий каждого ранга. И, в-третьих, необходимо решить проблему создания эффективной системы управления, основанной на учете интересов и связей взаимодействующих структур общественно-экономического процесса.

Совокупность функций и полномочий каждого уровня управления, которые являются основой для определения их прав и, соответственно, ответственности, представляют собой не что иное, как предмет управления. Об отсутствии ясности по данному важнейшему методологическому вопросу свидетельствует, прежде всего, периодическая передача полномочий с одного уровня на другой, отсутствие соответствия между закрепленными полномочиями и распределением налоговых поступлений по уровням бюджетной системы. В период действия планово-распределительной системы и приоритета отраслевого принципа управления подавляющая часть материальных и финансовых ресурсов на территории поступала по отраслевым каналам и предназначалась не только для развития производства, но и для развития социальной сферы. В этих условиях система регионального и муниципального управления была относительно устойчивой, предметом управления было так называемое местное хозяйство. С трансформацией экономики и экономических отношений эти каналы исчезли, и появилась объективная необходимость четкого определения предмета управления на региональном и муниципальном уровне.

Для обоснования места и роли региональной социально-экономической системы в общественно-экономическом развитии страны, определения финансовой основы ее развития и механизмов управления необходимо использовать методологию системного подхода, обеспечивающего представление региональной экономики как целостной системы со всем многообразием внутрирегиональных и межрегиональных отношений и закономерностей. Для этого необходимо рассмотреть экономику региона с позиций воспроизводственного подхода, выявить всю совокупность непрерывных воспроизводственных процессов, протекающих на территории, их закономерности и взаимозависимости, и на этой основе сформировать институциональную систему управления, адекватную предмету управления.

По своей сути региональный воспроизводственный процесс – это непрерывное возобновление кругооборота материально-вещественных, трудовых и финансовых ресурсов региона [9, 10]. В основе теории регионального воспроизводства лежат следующие методологические аксиомы:

- развитие экономики и социальной сферы региона осуществляется в соответствии с законами расширенного воспроизводства;

- регион как социально-экономическое образование рассматривается как система взаимодействующих субъектов – предприятий и организаций различных форм собственности и населения, между которыми существуют информационные, финансовые и материальные связи;

- эффективность системы управления воспроизводственными процессами региона определяется учетом интересов взаимодействующих субъектов социально-экономических отношений.

Развитие региональной экономики происходит, прежде всего, под влиянием интересов субъектов регионального воспроизводственного процесса, поэтому содержание управления общественным воспроизводством включает выявление экономических интересов различных субъектов, взаимосвязей между ними и создание механизма воздействия, способного обеспечивать условия для целенаправленного социально-экономического развития региона и поддерживать определенный баланс интересов регионального сообщества.

Условием непрерывности процесса воспроизводства является непрерывность процесса управления и его качество. И здесь следует подчеркнуть, что главной проблемой, и в то же время главным ресурсом, определяющим конкурентоспособность любой экономической структуры, является используемая система управления. В агрегированном виде элементы системы регионального и муниципального управления можно представить, как:

- планово-прогнозную деятельность, в процессе которой формулируются цели, приоритеты и задачи общественно-экономического развития;

- организационные структуры управления, обладающие полномочиями и ответственностью за принятие решений и их реализацию;

- механизм управления, т.е. рычаги воздействия на поведение субъектов управления, обеспечивающие достижение поставленных целей.

Организационные структуры и используемые ими механизмы воздействия в совокупности представляют собой институциональную часть системы управления, ее «проводящую сеть», основная задача которой состоит в том, чтобы обеспечить реализацию принятых решений. Неэффективность современной системы управления в первую очередь определяется несовершенством ее институциональной части, когда принимаются безадресные решения, не обеспеченные соответствующими механизмами реализации.

Анализ современного состояния системы регионального и муниципального управления позволил определить основные элементы институциональной системы регионов, недостаточно подготовленные к переходу к новой модели регионального управления, а также определить полномочия органов власти иерархической системы территориального управления и законодательно-правовые нормы экономического, социального и финансового характера, требующие совершенствования с учетом их роли в достижении целей и задач комплексного социально-экономического развития региона.

В результате исследований было признано целесообразным расширение состава функций управления пространственным развитием, которые должны включать координацию взаимодействия органов государственной власти, подведомственных им автономных организаций и органов местного самоуправления по вопросам создания условий и стимулирования реализации инфраструктурных проектов, проектов экономического и социального развития для достижения целей и задач, определенных в стратегических документах территориального планирования; функции заказчика разработки проектов инвестиционного развития как объектов отраслей специализации территории, так и инфра-

структурных объектов, обслуживающих и вспомогательных производств с учетом специфики сложившегося хозяйственного комплекса для последующей реализации при государственной поддержке; функции по формированию информационных систем в разрезе муниципальных образований и конкретных поселений по вопросам управления развитием территорий, по подготовке материалов сравнительного анализа пространственного развития в сферах экономики, качества жизни.

В качестве критериев повышения эффективности институциональной системы регионального управления могут быть использованы следующие: приближение показателей качества регионального управления к уровню развитых регионов, обеспечение высоких стандартов государственных и муниципальных услуг, повышение эффективности закупок для государственных нужд, снижение затрат субъектов региональной экономики на получение государственных услуг, повышение уровня удовлетворенности потребителей качеством и доступностью государственных услуг, снижение издержек бизнеса, связанных с избыточным государственным регулированием, снижение коррупционных потерь в экономике.

Конечными результатами реализации новой концепции институциональной системы управления развитием экономики региона должны являться повышение конкурентоспособности экономики региона, улучшение инвестиционного климата, рост качества жизни, повышение управляемости на региональном и муниципальном уровне, рост эффективности бюджетных расходов, упрочение согласия регионального сообщества.

Преобразование институциональной системы регионального и муниципального управления должно носить поэтапный характер и предполагать постоянную замену неэффективных элементов системы. На первом этапе необходимо обеспечить выполнение следующих задач:

- исходя из приоритетов экономического и социального развития региона, обосновать полномочия, конкретные права, обязанности и функции институциональных структур регионального и муниципального управления;
- разработать систему региональных и муниципальных планово-прогнозных и нормативных документов, обеспечивающих высокую надежность и качество управления;
- усовершенствовать организационную структуру управления в соответствии с кругом решаемых задач, повысить эффективность управления, упростив схему управления, упразднив многозвенность и нерациональные затраты;
- разработать научно обоснованные регуляторы, обеспечивающие создание экономической заинтересованности в сфере взаимодействия региональных и муниципальных органов управления с бизнес-структурами, расположенными на территории;
- сформировать необходимую информационную базу региональной и муниципальной статистики, которая бы давала возможность исследовать региональные социально-экономические пропорции воспроизводства и инструменты управленческого воздействия с целью их изменения в нужном направлении;
- создать необходимую инфраструктуру для перехода к эффективной институциональной системе управления с широким использованием новых информационных технологий.

Таким образом, в результате преобразования институциональной системы регионального и муниципального управления станет возможным обеспечить комплексное социально-экономическое развитие территорий, усиление конкурентоспособности экономики городов и районов на основе системного подхода к управлению, усиление инвестиционной привлекательности территорий, повышение эффективности использования бюджетных средств, что позволит создать предпосылки для перехода к модели роста, обеспечивающей условия для реальной экономической самостоятельности и повышения активности муниципальных образований в реализации экономической стратегии развития регионов.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. 25 лет новой России. Экономический и социальный уровень: топтание на месте // Экономические стратегии. – М., 2018. – Т. 20, № 1 (151). – С. 6–21.
2. Сильвестров С. Глобализация и глобальное регулирование: новейшие тенденции и вызовы для российской экономической политики // Российский экономический журнал. – М., 2016. – № 3. – С. 62–91.
3. Ивантер В.В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. – № 3. – С. 24–35.
4. Субфедеральная экономическая политика: проблемы разработки и реализации в Сибирском федеральном округе / Под ред. А.С. Новоселова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 408 с.
5. Клименко А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2014. – № 1. – С. 8–51.
6. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Муниципальные образования и инновационное развитие экономики // Регион: экономика и социология. 2011. – № 1. – С. 225–234.
7. Климанов В.В., Ивасько Е.В., Коротких А.М. Практика внедрения территориального подхода в систему государственного управления в российской федерации // Регион: Экономика и социология. 2017. – № 1 (93). – С. 3–21.
8. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Территориальная фрагментация единого правового пространства России // Федерализм. – М., 2018. – № 1 (89). – С. 173–190.
9. Новоселов А.С. Рыночная система региона: воспроизводственный аспект // Регион: экономика и социология. 2007. – № 1. – С. 28–40.
10. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Методологические проблемы формирования новой системы регионального управления // Регион: экономика и социология. 2012. – № 1. – С. 40–58.

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и управление», Ижевский филиал Российского университета кооперации
kvp_ruk@mail.ru

ПАТОЛОГИКА ПРИ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: патология, патонауки, анализ общественных процессов, негативное развитие, искаженная реальность.

Keywords: pathology, pathoscience, analysis of social processes, negative development, distorted reality.

В последнее время при анализе социально-экономических, экологических, правовых, идеологических, исторических, морально-этических, спортивных и иного рода процессов в различных сегментах общественной жизни вполне обоснованно можно использовать термин «патология» (т.е. большая абсурдная логика).

Действительно, великие создатели важнейших направлений традиционного и современного аспектов логики, такие как Аристотель (формальная логика), Ф. Бэкон (логика индукции или индуктивная логика), Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф.Энгельс (диалектическая логика), Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Гильберт, К. Гёдель (математическая логика), У. Куайн (философия логики), что называется «перевернулись бы в гробу», – как в этом случае нередко говорят – если бы узнали, как с помощью так называемых «логически» ухищрений многие зарубежные «коллеги и партнеры» обосновывают выводы по некоторым актуальным проблемам современной действительности. Особенно это связано с «исследованием» российских проблем, осуществляемым зарубежными политиками, экономистами, экологами, общественными науками.

В этой связи достаточно вспомнить недавние проблемы, связанные со Скрипалями, ситуацией в Сирии, террором, ситуацией в Азово-Черноморском регионе, срывом возможных переговоров между Президентами США и России на встрече лидеров двадцатки, прошедшей в Буэнос-Айресе и многое другое. В недалеком прошлом можно вспомнить допинг-скандалы, недопущение многих российских спортсменов на зимнюю Олимпиаду в Южной Корее и проч. Абсурдные предположения на грани нелепой фантастики за рубежом часто подаются как реально проверенные, логически выверенные выводы и доказательства.

Процесс обоснования такого рода утверждений можно понять только в рамках патологии (целесообразно напомнить, что термин «патологический процесс» образован от греческого слова «патос», что означает болезнь [1], т.е. в нашем случае этот термин «патология» следует понимать как болезненную, нереальную, абсурдную логику. О возможном появлении патологии нами говорилось достаточно давно, когда рассматривались вопросы формирования и развития других возможных и реально действующих патонаук, таких как патопсихология [2], патоэкономика [3], патонанатомия и проч. Не иначе как патологией можно объяснить также и отказ руководства США, являющегося крупнейшим загрязнителем внешней среды, участвовать в дальнейшем финансировании и решении многих международных экологических проблем (своего рода патоэкология [4]).

Таким образом, как и в случае других «патонаук» в патологии ключевой проблемой является проблема определения критериев и признаков, отделяющих норму и патологию, – в данной ситуации в отношении обоснования выводов и доказательств. Действительно, при рассмотрении доказательств, приводимых западными политиками, экономистами и иного рода деятелями, различными СМИ и официальными институтами бросается в глаза то, что в них с самого начала исходят из отсутствия принципа презумпции невиновности и необходимости объяснения ее причин. Иначе говоря, российскую сторону не только бездоказательно обвиняют в разных грехах, но и требуют от нее без всяких на то оснований признать свою вину. Когда же со стороны России приводятся веские аргументы ее непричастности к осуществлению этих правонарушений, эти аргументы нередко игнорируются, в лучшем случае замалчиваются.

Ситуация напоминает ту, что имела место в Советском Союзе во времена правления вождя народов Сталина, когда нарушались элементарные права человека и судопроизводство превращалось в обыкновенный произвол. Вспомним пресловутые судебные тройки, отправившие безвинно миллионы советских людей в ГУЛАГ или даже на смерть, вспомним обвинения известного государственного обвинителя Вышинского, на основе которых были расстреляны Н. Бухарин, В. Чапанов, Д. Кондратьев и многие другие выдающиеся деятели. Кстати, западные политики и СМИ тогда все это называли произволом, сейчас же сами творят подобный бездоказательный произвол. Причем проявляется все это на самых разных иерархических уровнях развития современного общества – на уровне ООН, международной политики и экономики, уровне отдельных западных государств.

Очевидно, что все эти тенденции могут быть опасными для самого Запада – ясно, что Россия великая ядерная держава и такой «патологический» подход к анализу социально-экономических процессов и явлений до добра в конечном счете не доведет. Кстати, в последнее время со стороны Запада и особенно США подобная патологичность все

чаще проявляется и в отношении Китая – другой великой ядерной державы, что еще более усугубляет и без того сложную ситуацию в мире целом.

Нежелание вполне разумного Запада, с его многовековым огромным творческим потенциалом и традициями решать многие проблемы в его взаимоотношениях с Россией объясняется просто – наличием огромных территорий в Сибири и на Дальнем Востоке, к тому же недостаточно заселенных, а также существованием в стране значительного природно-ресурсного и инновационного потенциала. В условиях все усиливающегося в перспективе дефицита природных ресурсов, который в обозримом будущем все более будет сказываться на уровне и темпах развития мировой экономики и общества, опасность возникновения международных конфликтов на основе применения патологического анализа социальных процессов и явлений в перспективе будет возрастать. Можно только надеяться, что в конце концов международный разум все-таки возобладает и ему удастся избавиться от многих аспектов патологии и нормализовать свои отношения с Россией и ее союзниками.

Произойти это может лишь тогда, когда руководящая элита Запада и, прежде всего, США несколько поумерит свой пыл в отношении негативного воздействия к новым центрам развития – прежде всего к России и Китаю – и несколько снизит свои имперские и монополистические амбиции в отношении своего мирового господства в пользу более разумных и адекватных взглядов. Все это актуально не только для этих двух крупнейших государств, но и для их союзников (Беларуси, Казахстана и т.д.), а также во всем мире в целом. Очевидно, что от патологии как весьма зловредного направления в современном анализе социально-экономических процессов и явлений целесообразно отказаться, что должно повысить эффективность развития не только отдельных государств, но и всего мирового сообщества.

Список литературы

1. Философия и медицина / Под ред. В.Ф. Сержантова, А.А. Королькова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 297 с.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 238 с.
3. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. – М.: Магистр, 2009. – 461 с.
4. Павлов К.В. Патозология: задачи, проблемы, направления исследований. – Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета, 2001. – 260 с.

Плыкин В.Д.

д.т.н., профессор, Удмуртский государственный университет

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИРОДОПОДОБНОГО СОЗИДАТЕЛЬНОГО СОЦИУМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: законы Вселенной, природоподобный социум, созидательный средний класс, цифровые производственные системы.

Глубокий анализ инженерной деятельности современного общества показал, что всё множество проблем человечества Земли порождено сознанием современного человека, пораженным вирусом материализма; показал, что в основе устройства человеческого общества в XXI веке должны лежать Законы Вселенной, а не извращения человеческого сознания, искаженного грубо материалистическим мировоззрением.

Разрушение российского инженерного образования началось в середине 1990-х годов, когда в российское (ельцинское) правительство хлынули полчища американских «консультантов». Их задача была в разрушении российского школьного и инженерного образования – в ликвидации российского интеллектуального потенциала. Сейчас с большим сожалением нужно признать, что американские «консультанты» с поставленной задачей справились.

Мы, российские ученые, сейчас не противостоям «американским принципам» в российском образовании, а своим бездействием способствуем уходу российского общества в сторону западного капитализма, который уже вошел в состояние агонии.

Российские СМИ сообщили, что Минобрнауки РФ осуществляет «повышение» уровня высшего образования в России, сотнями закрывая российские вузы. СМИ сообщили, что к 2016 году в России ликвидировано около 600 вузов, в том числе и технических. Да, есть необходимость в закрытии некоторых вузов, но только не технических, потому что Президент РФ, поставил задачу технологического прорыва России и реформы под эту задачу российского инженерного образования как не соответствующего требованиям времени [2]. Руководство Минобрнауки РФ свело эту реформу к ликвидации технических вузов России.

Закрытие российских технических вузов или слияние их с гуманитарными вузами – это стратегическая ошибка руководства Минобрнауки РФ! Это движение России не к технологическому прорыву, а к окончательному технологическому провалу! Руководство Минобрнауки РФ торопится осуществить реформацию российского образования под западную социально-политическую систему капитализма. Руководство Минобрнауки РФ применяет к российским вузам западные рыночные (капиталистические) методы организации их работы и западные рыночные (капиталистические) критерии оценки их деятельности. Руководство Минобрнауки РФ, «свято» веря в западную капиталистическую «цивилизацию», поспешно реформирует под нее образовательную систему России.

Это было бы правильно, обоснованно и приемлемо, если бы Россию ждало дальнейшее «процветание» капиталистического общества. Но, капиталистического «процветания» в России не будет. Разрушение мирового капитализма происходит на наших глазах. Это видят эксперты, это видят простые люди. Этого не видит только тот, кто не хочет этого видеть. В России будет на капитализм, а Цивилизация.

Вибрации эпохи развития вошли в резонанс с русской (славянской) генетической социальной основой: «Общее благо превыше личного». Следовательно, с России (с российского общества) начнется Возрождение Цивилизации на Земле. Поэтому система школьного и высшего образования России должна реформироваться не под капитализм, а под Цивилизацию.

Система российского школьного образования должна реформироваться под всеобщее физико-математическое образование. Система российского высшего технического образования должна реформироваться под высшее университетское системотехническое образование. Сейчас Президент РФ должен проявить мудрость, соответствующую воле нации, и стать на позицию Сталина: «Мы построили крупную мировую индустрию. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось изучить технику и овладеть наукой. И когда мы сделаем это, у нас будут такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать. И мы это сделаем!» [3].

Анализируя развитие науки в СССР, известный советский ученый Тимофеев-Ресовский писал: «Организация высшей школы на принципах политехнизма послужила основанием для создания мощной научно-производственной базы и фундаментальных наук в СССР».

Сейчас Президенту РФ нужна мудрость, чтобы подготовить нацию к промышленной революции и социальной реформе. Сейчас Президенту РФ необходимо «увидеть» мудрость Правительства СССР (его планы развития страны соответствовали признакам Цивилизации) и направить Россию на системотехническое образование. России необходимо массовое системотехническое образование, потому что Мир на пороге промышленной революции. Эта революция будет заключаться в переходе от современных заводов-монстров (другими мы сегодня заводы не представляем) к созданию принципиально новой социально-промышленной среды: сети программируемых мини-заводов и цифровых

мини-производственных систем на базе компьютеров, Интернета, промышленной 3D-печати, 3D-сканеров, станков с ЧПУ, лазерных раскройных машин с ЧПУ, мини-литьевых и мини-литейных машин, промышленных сборочных роботов и автономных природоподобных источников энергии.

Мини-заводы (программируемые заводы) будут создаваться для производственных общин, цифровые мини-производственные системы – для индивидуального производства.

Мини-заводы могут создаваться в городах, в поселках, в селах, вне населенных пунктов, потому что им не нужна вся та мощная инфраструктура, которая нужна заводам-монстрам, им не нужны рабочие высшей квалификации по станочной обработке материалов, которые нужны заводам-монстрам. У мини-заводов мини-очистные сооружения, мини-заводы экологически безопасны, им не нужен арсенал сложной и дорогостоящей технологической оснастки, они быстровозводимы из сборно-разборных конструкций, они с автономным энергоснабжением, они мобильны, они мало-затратны.

Цифровую мини-производственную систему может создать отдельная российская семья или несколько семей близких людей. Следовательно, в такой семье должно быть минимум два инженера, которые в состоянии создать цифровую мини-производственную систему, организовать, сопровождать и обслуживать её. Это должны быть инженеры новой формации – системотехники, с широким профессиональным диапазоном: инженер – механик – электрик – информатик – технолог! В наших российских вузах необходимо готовить целую «армию» инженеров новой формации, наладчиков, производственных программистов и операторов цифровых мини-производственных систем.

Следовательно, нельзя разрушать российские технические вузы – в них будущее России.

Индивидуальные цифровые мини-производственные системы обязательно начнут кооперироваться в производственные ячейки для создания более сложных изделий. Ячейки будут объединяться в производственные общины для создания и производства высокотехнологичных изделий. Между общинами не будет конкуренции, между общинами будет взаимодействие и взаимопомощь. Общины будут передавать друг другу оригинальные идеи, проекты, конструкторские и технологические решения, и промышленная революция быстро охватит всю Россию. Пятьдесят процентов продукции цифровых мини-производств будет реализовываться в виде натурального обмена с другими мини-производствами. Оставшиеся пятьдесят процентов продукции будут изготавливаться только под конкретные заказы, которые будут распределяться социальной промышленной сетью через Интернет – это новый социальный уклад жизни: общинно-созидательный социум в российском обществе, который на основе программируемых мини-заводов и цифровых мини-производственных систем, сформирует полную социальную занятость и ликвидирует безработицу.

Децентрализованная распределенная социально-производственная сеть на порядок упрощает нормативно-технологическую базу производства того или иного изделия. Если в современном высокотехнологичном производстве все технологические процессы ориентированы на высококвалифицированных рабочих и для обеспечения качества продукции необходимы «вагоны» с томами ГОСТов, ОСТов, СП, технических проектов, рабочих чертежей, рабочей конструкторской документации, технологических процессов и технологической рабочей документации, а также множество специалистов, умеющих работать с этими томами документации. То в программируемых мини-заводах и цифровых мини-производствах качество изделия обеспечивается цифровой моделью изделия, комплектом управляющих программ для производственного оборудования с ЧПУ и технологической инструкцией их использования. Этот комплект цифровой производственной информации должен проверяться и утверждаться соответствующим контрольным органом и передаваться через Интернет на все мини-заводы и цифровые мини-производства, направленные на производство данного изделия, по всей России. Это коренным образом меняет всю логистику страны, которая сегодня ориентирована на развоз по всей России заморских, западноевропейских и китайских товаров и изделий.

Мини-заводы и цифровые мини-производства быстро перепрограммируются под любые виды изделий и продукции конкретного направления использования. Поэтому продукция будет производиться там, где она нужна, в необходимом количестве и требуемого качества. Это принципиально меняет промышленно-социальную структуру и уклад жизни российского общества.

Сегодня только крупные промышленные предприятия (заводы-монстры), принадлежащие транснациональным корпорациям, владеют высокими технологиями, могут устойчиво удерживать технологическую дисциплину и обеспечивать высокое качество продукции. Транснациональные корпорации созданы на основе этого технологического неравенства, они всеми силами сохраняют это неравенство и не допускают на рынок более мелких конкурентов.

Программируемые мини-заводы и цифровые мини-производства ломают это неравенство, потому что качество высокотехнологичного изделия в них определяется не высокой квалификацией персонала, не огромным арсеналом технологической оснастки и не технологической дисциплиной предприятия (завода-монстра), а качеством цифровой модели изделия и качеством комплекта управляющих программ для станков с ЧПУ, промышленных установок 3D-печати, мини-литьевых и мини-литейных машин, раскройных лазерных машин с ЧПУ и сборочных промышленных роботов. Цифровая модель изделия, комплект управляющих программ для оборудования с ЧПУ и технологическая инструкция их использования могут быть через Интернет переданы на любой программируемый мини-завод для производства высокотехнологичного изделия в любом городе России. В этом и заключается российская промышленная революция XXI века.

Планирование и управление потоком заказов будет осуществлять Центральный орган распределенной социально-промышленной сети через Интернет. Нет хаоса, нет конкуренции, нет кризисов – есть единство целей, единство планов, есть созидующее единство трудовых коллективов мини-заводов и всех цифровых мини-производств, в распределенной социально-промышленной сети России.

Таким образом, промышленная революция плавно перейдет в социальную эволюцию российского общества (социальную реформу) – формирование общинно-созидательного социума. Этот социум и есть средний класс россий-

ского общества, о формировании которого сейчас так много говорят, но так мало делают. Начало формирования общинно-созидательного социума – это первый уверенный шаг к возрождению Цивилизации в России.

В настоящее время крупный бизнес в России подавляет малый бизнес и не дает ему развиваться. С началом промышленной революции индивидуальный бизнес и малый бизнес будут объединяться со средним бизнесом в общины, чтобы противостоять крупному бизнесу. Промышленная революция, создавая мини-заводы и цифровые мини-производства, объединяя индивидуальный, малый и средний бизнес, породит средний класс в России. Малая часть этого класса останется в рыночно-потребительском социуме. Но, основная масса среднего класса организуется в общинно-созидательный социум. Мини-заводы и цифровые мини-производственные системы эффективнее заводо-монстров и по себестоимости и по быстротемности производства изделий. Поэтому крупный российский бизнес не в состоянии будет конкурировать с сетью мини-заводов и под давлением среднего класса и промышленной революции будет распадаться и пополнять средний класс. Малая часть, распадающегося крупного бизнеса, волеется в общинно-созидательный социум. Но основная часть, распадающегося крупного бизнеса, пополнит средний класс рыночно-потребительского социума. Таким образом, средний класс России будет представлен двумя социумами: рыночно-потребительским и общинно-созидательным. Но, успехи общинно-созидательного социума будут настолько высоки, что из рыночно-потребительского социума будет постоянный отток представителей среднего класса в общинно-созидательный социум.

Потребуется выпуск огромного количества промышленных роботов, станков с ЧПУ, лазерных раскройных машин с ЧПУ, мини-литьевых и мини-литейных машин, промышленных установок 3D-печати различных типоразмеров и назначения, 3D-сканеров различных типоразмеров и т.д. Вот это и породит последнюю схватку транснациональных корпораций между собой за захват этого мирового рынка. Они будут биться «на смерть» и останутся только те, которые будут производить продукцию высшего качества. Причем, жесточайшая конкуренция между ТНК обеспечит доступные цены на эту высокотехнологичную продукцию. Но, эти изделия будут производиться ТНК только на первоначальном этапе промышленной революции.

С развитием промышленной революции, объединением людей в промышленно-социальные общины и появлением программируемых мини-заводов, промышленные общины организуют производство этих изделий своими силами и окончательно «похоронят» ТНК и крупный промышленный бизнес без кризисов, естественно и плавно. Так завершится промышленная революция в России, так закончится период российского капитализма. Потому что, мини-заводы и мини-производственные системы обеспечат формирование производственных ячеек, которые обеспечат формирование промышленно-социальных общин, а общины своим сетевым взаимодействием создадут социально-промышленную сеть: «Российский общинно-созидательный социум» – начало возрождения цивилизации на Земле. Россия должна интенсивно готовиться к промышленно-социальной революции.

Ранее мы рассмотрели ситуацию, в которой современный молодой талантливый инженер не заинтересован в технологическом прорыве России, потому что этот прорыв принесет дивиденды только олигархам, топ-менеджерам, российским капиталистам и чиновникам. Этот прорыв ничего не дает самому инженеру, его сотрудникам и его близким!

Все меняет промышленная революция (технологический прорыв). Она меняет направление человечества от глобализации к децентрализации и кооперации – к созданию промышленно-социальной сети, которая охватит всю Россию, а затем весь Мир. Теперь талантливый инженер кровно будет заинтересован в технологическом прорыве России. Теперь он или сотрудник программируемого мини-завода и делает этот прорыв для повышения эффективности своего завода и для повышения благосостояния (общины) всего коллектива мини-завода, или он хозяин (руководитель) цифрового мини-производства и напрямую заинтересован в технологическом прорыве России.

В этом прорыве будут заинтересованы все граждане России, потому что всё российское население распределится по мини-заводам и цифровым мини-производственным системам и будет производить всю продукцию, которую сегодня Россия завозит из-за моря, из западной Европы и из Китая. Промышленная революция осуществит полное импортозамещение и ликвидацию безработицы в России.

Сейчас к восприятию стратегии, изложенной в этой статье, готовы все. Сейчас Россия готова к возрождению Цивилизации в российском обществе. В этой связи руководство Минобрнауки РФ должно отбросить все положения и инструкции американских «консультантов» и рассматривать каждый технический вуз не как отдельного игрока «свободного» рынка образовательных услуг, а как узел единой динамичной сети российских технических вузов, как региональный центр технологического прорыва России. В этой сети каждому вузу Минобрнауки РФ должно обеспечить доступ к ресурсам родственных российских вузов. Эта сеть сгладит различия между периферийными и столичными вузами. Эта сеть резко поднимет качество инженерного образования в России, потому что конкуренцию между техническими вузами мы преобразуем в сотрудничество с единой целью – подготовка высококвалифицированной высокообразованной высоко нравственной инженерной прослойки российского общества, мотивированной и патриотически направленной на технологический прорыв России, на возрождение Цивилизации в российском обществе.

Не капитализма, не социализма, не коммунизма, а – Цивилизации.

В каждом промышленном городе СССР были отраслевые технологические НИИ. Без них было невозможно развивать высокими темпами советскую промышленность. В возрождающейся России, функции технологических НИИ, необходимо возродить и возложить на региональные технические вузы, превратив их в региональные центры технологического прорыва России, как в плане подготовки инженеров новой формации, так и в плане исследований и разработок прорывных природоподобных технологий и альтернативной природоподобной энергетики. Энергия возрождающейся России должна быть направлена на ликвидацию современного социального варварства, капиталистических извращений в стране и на возрождение Цивилизации в российском обществе.

Руководству Минобрнауки РФ необходимо не откладывая начать реформу российского школьного образования и высшего технического образования для формирования российского интеллектуального потенциала и обеспечения технологического и социального прорыва России, стратегия которого изложена выше. Возглавить эту реформу необходимо Президенту РФ лично, а мы, русская техническая интеллигенция – профессора российских технических вузов, будем осуществлять ее с большим энтузиазмом.

У автора убедительная просьба к руководителям страны, к руководителям и ведущим специалистам Минобрнауки РФ, к ректорам, проректорам и профессорам российских технических вузов – уважаемые коллеги, изложенная в этой статье стратегия реформы российского инженерного образования и науки XXI века, направлена на объединение нас, русской технической интеллигенции, в стремлении возродить знаменитое на весь Мир русское инженерное образование, создаваемое в России до 1990 года в течение 200 лет, и вывести его на принципиально новый уровень, соответствующий XXI веку. Уверен, что мы больше не будем покорно реализовывать «американские компетенции» в наших российских технических вузах. Уверен, что нашими (русской технической интеллигенции) общими активными действиями предложенная стратегия станет стратегией Минобрнауки РФ в начале XXI века. Потому что, это стратегия достижения всеобщего блага российского общества, стратегия достижения личного процветания каждого гражданина России через процветание российского государства – это и есть начало возрождения Цивилизации на Земле.

Список литературы

1. Плыкин В.Д. Вихревая резонансная модель Вселенной. – <http://viamidgard.info/news/video/1523-plykin-vd-novaya-model-vselennoy.html>
2. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию от 23 июня 2014 года. – <http://www.kremlin.ru/news/45962>
3. Сталин И. О задачах хозяйственников // Собр. Соч. – Т. 13. – С. 41.

Сараф М.Я.

д.филос.н., профессор, Московский государственный институт культуры

Сараф С.М.

к.т.н., РТУ МИРЭА

ЛОГИКА КУЛЬТУРЫ КАК ИНТЕГРАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА¹

Ключевые слова: культура, способ понимания, способ мышления, логика культуры, цивилизация, научно-технический прогресс, гуманизм.

Keywords: culture, civilization, humanism, the way of understanding, the way of thinking, logic of culture, technologic advantages (scientific and technologic progress).

В своей книге «От наукоучения к логике культуры» известный российский философ и культуролог В.С. Библер разработал глубоко продуманную концепцию цивилизационного развития как принципиальное изменение способов понимания бытия и, следовательно, разумения, то есть изменение образа целостности мира и способности строить свою деятельность в соответствии с принципами такой целостности. Культура, согласно такой позиции, есть способ, форма и условие бытия человека, его встроенности в социум, его мышления и деятельности, его самодетерминации. Их изменение определяет цивилизационные этапы движения культуры.

Так, для античности это означало определить мир (понять его пределы), отделить космос (организованный мир) как место пребывания человека от хаоса (отсутствия каких-либо связей и взаимодействий) и способность «эйдетического» ума воплотить любые образы бесконечно-возможного бытия. Для средневекового ума это означало приобщить предмет разумения к всеобщему субъекту, к сверхущему (творцу). Для Нового времени «понять» – стало означать «познать», раскрыть сущность предмета через процедуры познавательных верифицируемых операций, формирование научного (теоретического) знания [1]. Отсюда такое внимание науке и научному методу (наукоучение), служившей эффективным инструментом деятельности, результатом которой и стала современная техногенная цивилизация.

Научно-технический прогресс со второй половины XIX века стал оказывать системное влияние на течение культурного процесса, приходя с ним во все более глубокое противоречие, ставшее существенным в сформировавшемся постиндустриальном, или так называемом обществе потребления. Доминирующее отношение к науке в ее укоролившемся традиционном нововременном понимании как средства подчинения природы потребительским интересам человека привело к тому, что главной целью общественного производства стало безудержное производство предметов потребления для получения прибыли, тогда как его действительной сущностной целью есть воспроизводство общественного человека. Таким образом, логика процессов научного познания и его технико-технологического воплощения и логика движения культуры как системы воспроизводства человека пришли едва ли не во взаимоисключающее противоречие. Еще М. Хайдеггер в работе «Бытие и время» заметил, что чем шире и произвольнее человек распоряжается миром как покоренной территорией, выдвигая приоритетом свою субъективность, тем необходимее наука о мире превращается в науку о человеке.

Обострение этого противоречия и его осознание обусловило так называемый культурологический поворот в науке последней трети прошлого века как понимание необходимости гуманитарного измерения и координации научно-технического прогресса. В.С. Библер приходит к выводу о том, что логика технико-технологического мышления, ориентированная на преобразование предметного мира, подошла к пределам своих цивилизационных возможностей и должна смениться логикой культуры, то есть новым способом мышления и деятельности, новым способом самодетерминации человека, содержанием и целью которых будет создание артефактов, возможное лишь в процессе диалога, как результат взаимопонимания и взаимодействия с «другим», равновеликим и суверенным. Движение в этом направлении и выступает как логика культуры, ибо центром становятся не изменения тех или иных внешних обстоятельств бытия разумеющего ума (индивида, общности), но его превращение в самостоятельную и самодостаточную деятельность воспроизводства человека, способного к созданию любых собственных логик начала логики, то есть оснований всеобщности мышления. Таким образом, через диалог культур, через усвоение и освоение его содержания, индивид становится подлинным субъектом культуры, что ведет к формированию новой цивилизации, приходящей на смену техногенной.

Однако предвиденный Библером и утверждаемый им в качестве исторической необходимости «диалог культур» в начале XXI века едва ли не перестал быть «диалогом», а «культура» уступила место «традиции», причем, как считает С.С. Неретина, в худшем ее варианте: традиция как опора на *нужную* государству историю, как скрепы, пат-

¹ Доклад, представленный на Международный геополитический конгресс «Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс».

риотизм в глянцевої обертці [2]. Уж злишком великі вигоди і соблазны для суб'єктів нинішнього етапу історического процесу представляє діюча модель суцільного виробництва, при якій мільярди людей окликаються споживаческим балластом.

Як відзначають А.В. Дьяков і А.М. Соколов, на етапі класического капіталізму населення, або робоча сила, розглядається як один із матеріальних ресурсів, зв'язаних виробничим процесом. Посткапіталізм же встраиває людину, включаючи самі інтимні сторони його істоти, в процес виробництва не тільки благ, но і прибавочної вартості, маючої відношення не до людини, а до капіталу. Естесвенні, біологіческі потреби більше не піддаються обмеженню, наоборот, вони всьачески поощряються. Благодаря розширенню поля потребностей, розширюється обсяг виробництва, і сьогодні не стільки труд виступає істочником прибутку, скільки регулярно множимі потреби людей. Спосібність мати бажання і можливість задовольняти його опазались вираженієм суверенності індивіда. Тот, хто не має бажань, причем неперервно зростаючого, утрачує визначеність свого статусу [3].

Делая висновок об умаленні ціннісного статусу особистої суверенності, вони полагають, що це стає неопосередкованою загрозою політического суверенітету як базового елемента сучасної цивілізаційної системи. Труд перестає бути необхідним умовою буття людини, він стає надлишковим і навіть небузьним, а вм есте с цим надлишковими і небузьними стаються і люди. Ми, виростиє і вихованні на пошете перед «народними масами» і їх вирішальною роллю в історії, опазиваємся нескілько опашаєними таким результатом.

Інтересно при цьому відмітити, що лавинообразне збільшення населення планети до семи мільярдів за столетіє, являється слідствием іменно масового споживаческого свідомості, а вове не культурного виробництва, ібо с ослабленням ролі труда в структурі суцільного виробництва, ослабляється, а то і вове руйнується фундамент культури – суцільна моральність як основа опожиття і співробітництва.

Не випадково, що в сучасному суцільному і науковому свідомості, вихованому на ідеалах гуманізму Нового часу, де людина поміщається в центр розуміння буття як його вища цінність, принцип гуманізму як вектор культурного розвитку все більше і більше утрачує свою непереложність, піддається сумнівию, а то і вове опашається. Если сюда додати, що науково-техніческі прогресс спрряжен с суцільним обмеженням оприща людської діяльності (і не тільки в плані екологіческом), опкриває можливості створення біотехніческіх химер, дієвства котрих не координуються суцільною моральністю або вове знаються вне її сфери, если он створює серйозні екзистенціальні загрози, то понятні тривоги сучасної гуманістики і навіть призови опашити цот самий прогресс.

Опашити, розуміється, неможливо, тем більше що наука стала необхідним, системообразующим фактором суцільного буття, сучасної цивілізації і культури. І найбільше суцільний опрос состоить іменно в розумінні їх структурних і функціональних співвідношень. Оно розширюється в діапазоні оп признання повної залежності культури оп науки до виключення науки із системи культури.

Руководитель одного із наукових центрів ІНІОН РАН Л.В. Скворцов, приходить до висновок, що культурна антропология опкриває перед людиною знаходження основної істини буття в своїй суб'єктивності, поскольку она соединяє в себе картину мира і волю суб'єкта, із чого следует, що представлення оп сакральних і наукових істинах, диктуючих людині його поведінку втрачає свою силу. Только если суб'єкт признає необхідність духовності і опбретає спосібність прийняти лестницу восхождения духовності, он оплучає можливість впливати на зміст поведінки других суб'єктів. Такі можливості опреляються рівнем культури моральності [4].

Сходні висновки оплучає в своїх дослідженнях і економіст С.Д. Бодрунов. Согласно его розумінню техноцивілізаційного процесу людина відходить від неопосередкованого виробництва, уже не буде неопосередковано включен в матеріально-виробничу діяльність, а значить, і відношення між людьми оп поводу неї возникать уже не будуть. Он цілком заставить працювати на себе породження техносфери, техніческі істоти. Этот процесс уже опрощодить, людина уже удаляється від неопосередкованого виробництва. Об этом говорит стоящая у порога «індустрія 4.0», основанная на робототехніці, «Інтернеті речей» і т.п. Основу для начала якісних змін опреляють в опдержанні виробництва, потребностях, цінностях і мотивації людської поведінки і, естесвенно, в соціально-економіческіх відношеннях і інститутах створюють якісно нові технології, превращаючіє полуутопіческіє модальності ХХ століття в практически реалізуєміє задачі сучасності [5].

С.Д. Бодрунов ставить важний опрос об імперативах розуму, котрими должны оплучити пріоритет в реконструкціях суцільного буття в таких нових умовах, котріє він називає ноовопроизводством і котроче основоюється на інтеграції виробництва, науки і опрощавання в рамках єдиних виробничих контурів. В таких умовах опрощодить пріоритетне розвиток знаніємкого, «умного» виробництва, опстепенне спадження ролі утилітарних і симулятивних потребностей і опзвышеніє нового класу потребностей – потребностей «людька розумного» або ноопотребностей. Формуються нові, опротивляючіє їм цінності і мотиви діяльності основних суб'єктів матеріального і духовного виробництва, котріє втрачають свойства економіческіх, що, опсобственно означає опзвышеніє культури як сфери, опеспечиваючої рішення ключевих цивілізаційних задач нооразвиття, або нового індустриального опобщества второго поколення.

Такі висновки вполне спррягаються с філософією культури В.С. Біблера, цінність котрої состоить іменно в том, що она опзволяє опняти розвиток науки, наукового мислення і наукової діяльності як органіческую составляющую культурно-цивілізаційного процесу, опсмыслит історическую потребу зміни спосібів досягнення всеобщності мислення і представити наукоученіє опзнаючого Ума в новочасній традиції необхідної опрідпосылкой становлення логіки культури як опдлинно культурного мислення, опорачиваючогося в діяльності

созданием единого культурного пространства человечества, открывающего через всеобщность диалогичности возможность для каждого индивида вырваться из дурной бесконечности по требительству и стать субъектом культуры.

Однако углубляющиеся и обостряющиеся в начале нового века упомянутые выше противоречия социокультурного развития чреваты тем, что без коренных изменений социальной структуры современного общества объективный процесс влияния логики культуры на формирование новой цивилизации будет осуществляться в условиях и нового сословного расслоения социума, где относительно небольшой контингент, имеющий доступ к получению знаний и знаниеёмкой деятельности, сможет самодетерминироваться в исторического субъекта, будучи окружен социальной функциональной по требительской массой.

Во-первых, современный уровень обязательного всеобщего образования может обеспечить разве что социально необходимый уровень грамотности населения, но не подготовленность к усвоению современного массива и содержания научного знания, сложного и дифференцированного. Да и в самом производстве научного знания ведущую роль играют, как показывают исследования, примерно лишь двадцать процентов от всего числа в нем занятых (что, разумеется, не означает излишность оставшихся восьмидесяти). Но при всем том, что наука и зависящее от него производство становятся системным условием социального развития, и число занятых здесь работников значительно возрастает, оно все же относительно невелико по отношению ко всему социальному контингенту.

Во-вторых, остается вопрос о том, кто управляет развитием научного знания и кто его контролирует, в чьих интересах оно используется, и как обеспечить, чтобы этот интерес действительно был общесоциальным.

В-третьих, как преодолеть, или, по крайней мере, существенно ограничить (поскольку избавиться невозможно), в структуре социального поведения роль массово формируемого фрагментарного, стереотипизированного, клипового индивидуального и группового сознания, техник и технологий манипулирования им. А без этого никакое культурное мышление и процессы самодетерминации субъекта невозможны. Это вопрос о так называемой массовой культуре и ее месте в ноосферном обществе. Ведь, с одной стороны, она создается, существует и функционирует как массовое производство и потребление иллюзий и симулякров, с другой – как неизбежный структурный элемент цивилизационного общественного производства вообще, который отсутствует разве что в замкнутых этнических племенных культурах.

Но пока нет ответа на главный вопрос о том, какая социальная группа в современном обществе должна и может стать ведущей силой предвидимого цивилизационного перехода, для чего нужно, чтобы ее интересы совпадали с его объективными закономерностями и имплицитно сопрягались с коренными жизненными интересами значительных социальных контингентов.

Каковы же перспективы перехода к новому типу культуры?

Они связаны, прежде всего, с разрешением тех противоречий, которые возникли из потребительского отношения к природе и из профессионального способа деятельности. А это значит, что раньше, чем будет выработан общественный идеал нового типа общности, такие перспективы не откроются. XX век в этом отношении был даже несколько в лучшем положении, там для значительной части людей роль общественного идеала эпохи мог играть социалистический идеал. На рубеже веков его гуманистическая и социально-творческая потенция значительно снизилась, и он перестал выполнять миссию руководящей идеи в современном мире. Вполне возможно, что нас ожидает ренессанс социализма, но даже если таковой и произойдет, это, вероятно, будет качественно другое понимание социалистической идеи. Но начало XXI века такой тенденции пока не обнаруживает. Скорее всего, общественный идеал будет формироваться в направлении нового понимания гуманизма. Не думаю, однако, что именно в этом направлении движется так называемый неогуманизм, идеи которого развиваются в общем привычном пространстве либерализма и неолиберализма. Говоря о неогуманизме, его адепты имеют в виду, что в центр миропонимания надо ставить не индивидуальность человека, а биосистему; что нужно отказаться от эгоистического индивидуализма, а заменить его заботой о гражданском обществе и планетарной системе жизни, заботой о каждой культуре. Эти идеи совсем не плохи по своему содержанию, и должны быть пропагандируемы, но это реформистские, не пассионарные идеи.

Формирование нового общественного идеала, естественно, влечет за собой качественное изменение этического и эстетического идеалов. Первый необходимо должен воплощать в себе представление о всеобщем благе (что в настоящее время пытаются достичь опять же реформистскими усилиями оживления и обновления религий). Второй, очевидно, должен представить образ человека нового типа деятельности и нового типа мышления. Относительно успешно работает в этом направлении разве что художественно-фантастическая литература, но не она вырабатывает общественные идеалы исторической эпохи.

Ментальность нового типа культуры должна характеризоваться системной целостностью мироощущения, мировосприятия и миропонимания, в которых осознается взаимосвязь, единство человеческой деятельности и ее результатов как в историческом, так и в региональном и в общемировом пространстве и масштабе.

Можно заметить также основные тенденции в изменении доминантных ценностей, которые выдвигает всякая культура и которыми определяется всякая культура. Ценность – смыслообразующий и структурообразующий фактор культуры, матрица, по которой осуществляется процесс ее воспроизводства. Для доцивилизационных форм культуры такой матрицей являлся племенной этнос, его сохранение и воспроизводство, и этой задаче подчинены все наличествовавшие элементы и части структуры культуры. В цивилизационных типах культуры роль матрицы играет, скорее, тип социальной организации. XX век, не отрицая матричной роли социальной организации (государства, церкви, школы), поставил все же под сомнение ее бесспорность и выдвинул идею приоритета личности, что обусловлено как расширением гуманистических идеалов и гуманистического мышления, так и кризисным состоянием этих самых социальных организаций, их хронической неспособностью консолидировать общество.

Однако признание личности доминантной ценностью характерно для так называемого западного типа культурного развития постиндустриального общества, точнее, для той части человечества, которая может быть отнесена к этому типу. Большая же часть людей и сегодня обретается в различных формах традиционных для цивилизации типов культур. А в них доминантные ценности не только весьма разнообразны, но и сильно противоречивы: этнос, клан, община, нация, чаще всего сопряженные с определенной религией и идеологией.

Углубляющиеся процессы глобализации (панмировая экспансия определенного способа отношения к природе, способа деятельности, мышления и понимания), с одной стороны, снижают и нивелируют указанное многообразие культур, с другой стороны, в значительной мере способствуют их сохранению и укреплению, поскольку заставляют их субъектов мобилизовать силы для противостояния и противодействия этим процессам. Результат этого глубокого противоречия переходной эпохи пока трудно предсказать, несмотря на, казалось бы, очевидную мощь глобализации.

Ей противодействуют весьма сильные процессы регионализации, субъекты которых все чаще обращаются к национальным и религиозным идеологиям в поисках своего обоснования. Однако кроме традиционализма и «возврата к истокам» здесь ничего не предлагается, и не надо быть особенно проницательным, чтобы понимать бесплодность для сохранения и развития культуры консервирования ее прошлых форм. Тем не менее, в нынешних, зачастую катастрофических условиях, значительные сообщества склонны к поддержке таких «возвратных» программ.

Другое направление противодействия – модернизация, содержание которой представляется как возможность нации мощным усилием вырваться к уровню достижений современной цивилизации (имеется в виду, конечно, западного типа) и тем самым сохранить свою самостоятельность и самобытность. Модернизация, если она успешно проведена, в самом деле, значительно повышает возможности сохранения и подъема культуры, но не меняет ее типа.

Наконец, глобализации противостоят различные общественные организации и движения, побуждаемые, так сказать, «общечеловеческими» ценностями гуманистического, экологического или альтруистического порядка. Все это больше выражает бесплодное коловращение современной культуры и ее системный кризис, чем показывает пути к его разрешению.

Потребность в образе модели «нового мира» и его субъекта вновь обретает свою актуальность.

Список литературы

1. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 4, 5, 355.
2. Неретина С.С. Библер и «нулевое время» // Вопросы философии. – М., 2018. – № 9.
3. Дьяков А.В., Соколов А.М. Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика // Вопросы философии. – М., 2018. – № 11.
4. Скворцов Л.В. Цивилизационное конструирование и самосознание человека // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник / – РАН, ИНИОН – М., 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 655.
5. Бодрунов С.Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. – М., 2018. – № 7.

Скопин А.Ю.

д.геогр.н., профессор, Московский гуманитарный университет

СЕКТОРАЛЬНО-ФАКТОРНАЯ ТЕОРИЯ (СФТ) СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ

***Ключевые слова:** сектор экономики, фактор производства, секторальная структура экономики, факторный потенциал, социальная эффективность, экономическая эффективность, социально-экономическое развитие стран и регионов.*

***Keywords:** sector of the economy, a factor of production, sectoral structure of the economy, factor potential, social efficiency, economic efficiency, social and economic development of countries and regions.*

Введение

По мнению М.Портера – общепризнанного специалиста в области анализа экономического развития стран и регионов – «...до настоящего времени не существует убедительной теории, объясняющей конкурентоспособность в национальных масштабах...Единственная разумная концепция конкурентоспособности на национальном уровне – это производительность...Производительность – это основной детерминант долгосрочного стандарта жизни; это основной источник национального дохода на душу населения...Для поиска ответов о причинах производительности необходимо фокусировать свое внимание не на экономике как целом, а на определенных отраслях и сегментах отрасли...Классическая теория поясняет успехи стран в определенных отраслях на основе так называемых факторов производства...Определенные страны получают на основе этих факторов конкурентные преимущества в определенных отраслях, в которых интенсивно задействованы те факторы, которые имеются у них в изобилии...Новая теория должна объяснить, в силу каких причин определенное государство оказывается предпочтительным для базирования компаний, участвующих в международной конкурентной борьбе...Новая теория должна выйти за рамки сравнительных преимуществ и обратиться к конкурентным преимуществам стран...(Портер, 2000, с. 166–171). Следуя данным заветам современного классика, я предлагаю свой вариант такой новой теории.

1. Сектор экономики как первичное понятие СФТ (секторально-факторной теории)

Рассмотрю понятие «сектор экономики» и охарактеризую пять основных секторов экономики уже существующих в настоящее время.

Итак, существуют десятки определений секторов экономики. Единственное, что их объединяет, это признание секторов в качестве наиболее крупных единиц деления (обобщения) экономической деятельности. В советской традиции – это деление на производственный и непроизводственный сектора; деление производственного сектора на сектор А (производство средств производства) и сектор Б (производство предметов потребления), деление производственного сектора также на сельское хозяйство, промышленность и сферу обслуживания. В западной традиции используется в основном деление на государственный, частный и некоммерческий сектор (public, private and community sectors), на первичный, вторичный и третичный сектора (primary, secondary, tertiary sectors), а также выделение сельско-хозяйственного, индустриального и постиндустриального секторов (agricultural, industrial and post-industrial sectors). В современных российских источниках (учебник «Национальная экономика» под ред. Нуреева Р.М., материалы Росстата (www.gks.ru) и др.) используется также деление на официальный и теневой сектора экономики, виды экономической деятельности (20 основных видов), реальный и финансовый сектора экономики.

Принципиальное отличие моего понимания сектора экономики состоит в том, что я связываю экономическую деятельность и использование территории. Поэтому рассматриваю сектора экономики как способы социально-экономического использования территории, которые принципиально различаются: а) используемыми природными ресурсами; б) обязательно необходимой комбинацией факторов производства; в) основными производимыми благами; г) социальной эффективностью использования территории (возможной плотностью населения) и д) экономической эффективностью использования территории (генерируемый ежедневный доход на душу населения и на квадратный километр территории). Вслед за классиками – А. Смит (1776), К. Маркс (1867), Э. Хекшер (1919), П. Самуэльсон (1949) – принято рассматривать лишь три производственных сектора экономики (примитивное хозяйство, сельское хозяйство и промышленность) или даже сокращать их до двух (сельское хозяйство и промышленность). После работ Д. Белла (1973), А. Тоффлера (1980), и других новаторов второй половины XX века к ним добавляют четвертый – постиндустриальный сектор. Я считаю, что этот сектор необходимо разделить на два разных сектора – сервисное и ин-формационное хозяйство (принципиальная разница между ними будет показана ниже). Таким образом, в моей теории речь идет о пяти секторах экономики, принципиально различающихся по всем пяти перечисленным позициям. Это:

1) Примитивное хозяйство; 2) Аграрное хозяйство; 3) Индустриальное хозяйство; 4) Сервисное хозяйство и 5) Информационное хозяйство. Они не различаются первичностью или вторичностью, общественной или частной принадлежностью, официальной или криминальностью, производством средств производства или производством предметов потребления и т.д., но они принципиально различаются социальной и экономической эффективностью. Ни в одной из современных работ на эту тему, начиная от многочисленных работ М. Портера, а также относительно недавних работ (Райнерт, 2011; Стратегический глобальный прогноз 2030, 2013; Пикетти, 2015; Аджемоглу и Робинсон, 2016) мне не удалось найти аналогичного подхода.

Дам краткую характеристику каждому сектору экономики.

Примитивное хозяйство (охота, рыболовство, собирательство) извлекает из природы естественно подготовленные биологические ресурсы (растения и животные, выросшие в естественных экосистемах). Для ведения примитивного хозяйства обязательно необходим лишь один фактор производства (естественный биологический ресурс). Производится лишь один основной тип благ (еда и одежда как блага первой необходимости). Социальная эффективность примитивного хозяйства в среднем для Земной суши составляет 25 квадратных километров территории для одного человека (здесь и далее расчеты автора по специальной модели и практическому опыту исследований в Казахстане и России). Это позволяет разместить лишь 6 миллионов человек на всей территории Земли (150 млн. кв. километров). В обобщающей работе П. Кууси (Кууси, 1988) даны практически совпадающие оценки численности населения для примитивного хозяйства. Он пишет: «численность человечества около 30 тысяч лет назад достигла примерно 5 млн. индивидов и находилась на этом уровне около 20 тыс. лет, в течение которых человек продолжал кое-как перебиваться охотой и собирательством» (с. 27). Экономическая эффективность примитивного хозяйства в современных ценах составляет 0.5 доллара на 1 человека в день или 0.5 доллара в день на 25 кв. километров территории. Совокупный ежедневный продукт всего населения Земли при ведении только примитивного хозяйства составил бы лишь 3 млн. долларов.

Аграрное хозяйство принципиально отличается от примитивного хозяйства по всем пяти параметрам. В качестве используемых ресурсов на первое место выходят семена растений и новорожденные животные, которых предстоит вырастить с помощью кормовых, агроклиматических и водо-земельных ресурсов в течение аграрного сезона или всего аграрного года (вспомним, что новый год у многих народов отмечается именно как начало аграрного года – весенний гон и посадка растений). Обязательно необходимой комбинацией факторов производства становятся перечисленные природные ресурсы (один фактор) и трудовые ресурсы (второй фактор производства), поскольку труд обязательно необходим для выращивания животных и растений. Основными производимыми благами остаются продукты первой необходимости – еда и одежда, однако значительно увеличивается их разнообразие и количество, поскольку продуктивность аграрных экосистем в десятки и сотни раз выше продуктивности естественных экосистем, принимая во внимание выход полезного продукта с единицы используемой территории (в естественных экосистемах 10% живого вещества, в агросистемах – до 80% живого вещества). Аграрное хозяйство следует разделить на два основных подсектора – скотоводство (животноводство) и земледелие. В кочевом скотоводстве (и связанном с ним кочевом земледелии) социальная эффективность использования территории составляет в среднем 2,5 кв. км на 1 человека, ежедневный генерируемый доход – 1 доллар в день на человека. При этом на Земле могло бы проживать 60 млн. человек, производящих ежедневный суммарный доход – 60 млн. долларов. В уже упомянутой работе П. Кууси дана однопорядковая оценка – «за 4 тыс. лет культура, основанная на охоте и собирательстве и насчитывающая 5 млн. человек, превратилась в культуру аграрную, объединяющую почти 90 млн. человек» (с. 27). В земледелии социальная и экономическая эффективность использования территории различается при ведении богарного (не орошаемого земледелия) и орошаемого земледелия. При богарном земледелии необходимо 0,25 кв. км (250 тысяч кв. м) на 1 человека, при генерируемом доходе 2 доллара в день на человека. Численность населения Земли при такой плотности составит 600 млн. человек, а ежедневный суммарный доход 1,2 млрд. долларов. При орошаемом земледелии плотность населения увеличивается еще на один порядок (0,025 кв. км на 1 человека), а доход удваивается до 4 долларов на человека в день. В результате на Земле может проживать 6 млрд. человек, а суммарный ежедневный доход возрастает до 24 млрд. долларов. Эта оценка примерно соответствует нынешней численности населения Земли (7,3 млрд. человек), с учетом того, что значительная часть населения Земли (более 1 млрд. человек) занята уже в более эффективных секторах экономики.

Итак, следующий важнейший сектор экономики – **индустриальное хозяйство**. Его можно разделить на три подсектора – **добывающая промышленность, перерабатывающая промышленность и обрабатывающая промышленность**. Добывающая промышленность, в отличие от примитивного хозяйства, извлекает **неживую материю** (полезные ископаемые) из природы (т.е. создает сырьевые товары). Перерабатывающая промышленность производит полуфабрикаты и универсальные ресурсы (вода, тепло, электроэнергия), с помощью в т.ч. и сырьевых товаров. Обрабатывающая промышленность производит конечную продукцию (сборка полуфабрикатов), полностью готовую для потребления (промышленные товары). Для развития индустриального хозяйства необходимо уже четыре обязательных фактора. К природным ресурсам (полезные ископаемые, земля, вода, гидроэнергетический потенциал и др.) и трудовым ресурсам (квалифицированные рабочие) добавляются технологический капитал (техника, машины, оборудование и процесс их организованного использования) и финансовый капитал (денежные средства, привлекаемые промышленными компаниями в процессе строительства и функционирования предприятий). Основным производимым благом являются промышленные товары. Промышленные товары лишь частично относятся к благам первой необходимости. Большая их часть – это блага второй (орудия труда, вспомогательные блага) и даже третьей необходимости (предметы роскоши). В добывающей промышленности социальная эффективность использования территории возрастает до 0,0025 кв. км на 1 человека (2500 кв. метров на 1 человека). На Земле может проживать уже 60 млрд. человек. По поводу такой численности населения у подавляющего большинства экспертов уже возникают серьезные

сомнения. В частности, наиболее авторитетные эксперты, привлечавшиеся ООН и Римским клубом к прогнозированию численности населения Земли сходятся во мнении о том, что до 2100 года обязательно произойдет демографический переход, связанный со стабилизацией и сокращением численности мирового населения в пределах от 10 до 20 млрд. человек. В работе «Пределы роста: 30 лет спустя» Д. Медоуз утверждает, что максимальная численность населения Земли не превысит к 2070 году 9 млрд. человек (Медоуз и др., 2012, с. 202). По расчетам С.П. Капицы, максимальная численность населения в период до 2100 года может достичь 11.3 млрд. человек (Капица, 2008, с. 52). Расчеты П. Кууси показывают возможный рост лишь до 23 млрд. человек к 2200 году без учета существующих ресурсных и экологических ограничений (Кууси, 1988, с. 260). Тем не менее, это не исключает, что отдельные страны, регионы или города будут иметь такую плотность населения. Ежедневный доход возрастает до 8 долларов на 1 человека. Суммарный ежедневный доход населения Земли составит 480 млрд. долларов. Социальная эффективность перерабатывающей промышленности составляет 250 квадратных метров на 1 человека. На Земле может разместиться 600 млрд. человек. Ежедневный доход возрастает до 16 долларов на человека, а суммарный ежедневный доход всех землян – до 9 трлн. 600 млрд. долларов. Наконец, социальная эффективность обрабатывающей промышленности возрастает еще на порядок – до 25 квадратных метров на 1 человека. На Земле при такой плотности может жить 6 триллионов человек. Ежедневный доход на человека удваивается и составляет 32 доллара, а суммарный ежедневный доход составит 192 триллиона долларов.

Названные цифры численности и плотности населения для перерабатывающей и обрабатывающей промышленности кажутся невероятными, но простой расчет показывает, что если бы все население мира проживало с такой плотностью, какая уже сейчас достигнута в Монако (16.5 тысяч человек на 1 кв. км), то на Земле могло бы реально проживать 2.5 триллиона человек. Кстати, плотность населения Москвы составляет 15 тысяч человек на 1 кв. км, т.е. практически такая же как в Монако. И если бы вся Россия была населена также плотно как Москва, то на территории страны могло бы проживать 256 миллиардов человек.

Поэтому названные цифры плотности населения показывают реальную возможность резкого увеличения численности нашей планеты при переходе на новые способы освоения и использования территории – сектора экономики. Помимо названных трех секторов – примитивного, аграрного и индустриального, есть еще два сектора – сервисное хозяйство и информационное хозяйство, которые создают уже действительно фантастические возможности развития. Долгое время эти оба сектора объединяли понятием «постиндустриальная экономика» (Bell D. 1973; Toffler A., 1980; Иноземцев В., 1998). Я предлагаю их четко разделить, поскольку для этого есть объективные основания и признаки. Начну с сервисной экономики.

В сервисной экономике, производящей услуги (как изменение качества потребителя или товара), обязательная комбинация факторов производства достигает шести (6). К четырем факторам, необходимым для индустрии, обязательно добавляются факторы инфраструктуры и институтов. Фактор инфраструктуры жизненно важен для сервиса по двум причинам. Во-первых, сектор услуг является потребителем универсальных ресурсов (свет, тепло, вода, электричество), поставка которых зависит от развитости соответствующей инфраструктуры. Во-вторых, инфраструктурная (транспортная) доступность предприятия сферы услуг для потребителя является одной из важнейших причин принятия решения о месте получения услуги, а, следовательно, важнейшим конкурентным преимуществом сервисного предприятия. Фактор институтов также крайне важен для сервиса, поскольку в отличие от стандартизированного промышленного товара, потребитель часто приобретает не стандартизированную услугу, качество которой он может понять лишь после ее оказания и оплаты (результат хирургической операции, результат автомобильного ремонта, результат получения кредита, результат приобретения жилья и т.д.). При наличии институтов – правил поведения, гарантирующих надлежащее качество услуги или компенсацию ущерба (Норт Д., 2010, с. 29), риски получения некачественной услуги снижаются, что делает приобретение услуги более выгодным, и спрос на услуги будет расти. Социальная эффективность сервисного хозяйства снижает потребность в пространстве до 2,5 кв. метра на одного человека, что делает возможным разместить на поверхности Земли – 60 триллионов человек. Ежедневный генерируемый доход на человека возрастает до 64 долларов, а суммарный ежедневный доход – до 3,8 квадриллиона долларов.

Наконец, развитие **информационного хозяйства**, как производства **информации (сообщений) и виртуальной реальности** (Кастельс М., 2000, с. 81–104) требует еще двух дополнительных факторов производства – собственно информации и инноваций. Итого необходима уже комбинация из 8 обязательных факторов. Информация необходима как база для создания новой информации, а инновации становятся самым способом существования в информационной экономике, когда любой виртуальный продукт потребления должен изменяться каждую минуту и секунду (спортивное состязание, кино, сетевое общение, новости, зрелища, компьютерная игра и т.д.), чтобы быть востребованным для потребителя такого продукта. Информационная экономика создает невероятную, на первый взгляд, плотность населения – всего лишь 0,25 квадратного метра **первичной земной поверхности** на одного человека, что делает возможным увеличение численности землян до 600 триллионов человек. Ежедневный доход увеличивается до 128 долларов на человека, а ежедневный суммарный доход выражается цифрой, неподвластной здравому смыслу обычного человека (десятки квинтильонов долларов).

Итак, существует пять основных способов использования территории – примитивное, аграрное, индустриальное, сервисное и информационное хозяйство (5 секторов экономики). Их социальная и экономическая эффективность настолько сильно различаются, что у любого здравомыслящего человека не может быть сомнений какой из секторов делать местом приложения своего труда – конечно информационный сектор экономики, генерирующий максимальный доход или, в крайнем случае, сервисный сектор. Современные высокоразвитые страны как раз и идут по этому пути. Суммарная доля сервисного и информационного секторов в их ВВП и занятости приближается к 70%, а доходы на душу населения составляют от 50 тысяч до 150 тысяч долларов в год на человека. Тем не менее, многие обычные

люди, бизнесмены и государственные управленцы нашей страны направляют свои средства и трудовые усилия в менее эффективные сектора – особенно в добывающую промышленность. Почему это происходит – об этом в следующей части статьи.

В табл. 1 все сектора экономики охарактеризованы по трем параметрам – обязательные факторы производства, социальная и экономическая эффективность.

Таблица 1

Сектора экономики, обязательные факторы производства и параметры социальной и экономической эффективности

Сектора экономики	Обязательные факторы производства	Социальная эффективность (численность населения Земли)	Экономическая эффективность (ежедневный доход в долл. на человека)
Примитивный	ПР	6 млн. чел.	0,5 долл.
Аграрный	ПР+ЧК	60 млн. – 6 млрд. чел.	1–4 долл.
Индустриальный	ПР+ЧК+ТК+ФК	60 млрд. – 6 трлн. чел.	8–32 долл.
Сервисный	ПР+ЧК+ТК+ФК+Инфр+Инст	60 трлн. чел.	64 долл.
Информационный	ПР+ЧК+ТК+ФК+Инфр+Инст+Инфо+Инн	600 трлн. чел.	128 долл.

Примечание: ПР – природные ресурсы; ЧК – человеческий капитал; ТК – технологический капитал; ФК – финансовый капитал; Инфр – инфраструктура, Инст – институты; Инфо – информация; Инн – инновации.

Несмотря на очевидно высокую эффективность информационного и сервисного секторов даже высокоразвитые страны не отказываются от развития на своих территориях сельского хозяйства и промышленности. В некоторых странах поддерживают даже примитивное хозяйство, но только на новой технологической основе (например, рыбное хозяйство в Норвегии, или выращивание креветок в Таиланде). Для этого есть несколько причин. Наиболее часто называемая – обеспечение продовольственной устойчивости страны. Кроме того, некоторые отрасли сельского хозяйства и промышленности могут быть коммерчески выгодны. Поэтому, в конечном счете, формируется достаточно устойчивая секторальная структура экономики стран и регионов, тесно связанная с факторным потенциалом страны.

Теперь более подробно охарактеризую факторы производства. В традиционных учебниках по экономической теории названы только четыре фактора – природные ресурсы, людские ресурсы, капитал и технологии (Самуэльсон П., Нордхаус В., 1997, с. 739–740). При этом прямо или косвенно упоминается и инфраструктура, и институты (как система управления), и информация, и инновации. Однако ни в одном из источников мне не удалось найти четкое описание данных факторов. Поэтому выделение факторов четырех «И» и установление их связи с развитием определенных секторов экономики я считаю своей авторской идеей. Впервые она была высказана и частично описана в моем учебнике «Экономическая география России» (М.: Проспект, 2003. – С. 43–49) применительно к России в целом. В учебнике «Национальная экономика» (2011, раздел «Становление и пути развития региональных комплексов», с. 262–283) на основе этой идеи охарактеризованы проблемы и перспективы экономического развития регионов России. В данной статье идет речь о применении секторально-факторной теории к странам мира и мегарегионам.

2. Факторы производства

Итак, в первой части статьи уже были названы все восемь факторов производства. Определим **фактор производства как ресурс, без которого нельзя произвести материальное или интеллектуальное благо**. Для примитивного хозяйства это – готовый естественный биоресурс (1 фактор). Для аграрного хозяйства это уже более разнообразные природные ресурсы (биоресурсы, агроклиматические ресурсы и др.), также рассматриваемые как один фактор и трудовые ресурсы (человеческий капитал) – второй фактор. Для индустриального хозяйства необходимо уже четыре фактора – соответствующие природные ресурсы, соответствующие трудовые ресурсы, а также технологический капитал и финансовый капитал. Для сервисного хозяйства необходимыми являются уже шесть факторов производства. Это соответствующие природные ресурсы, соответствующие подготовленные трудовые ресурсы, технологический, финансовый капитал, а также инфраструктура и институты. Наконец для информационного хозяйства обязательными являются уже восемь факторов производства – соответствующие природные ресурсы (в первую очередь, электромагнитные излучения), соответствующие подготовленные трудовые ресурсы (математика, информатика, алгоритмическое мышление и др.), соответствующий технологический капитал, необходимый финансовый капитал (включая криптовалюты), соответствующая инфраструктура (системы связи и электричество), соответствующие институты (правила поведения в сетевых сообществах), а также информация и инновации. Соответствие между секторами экономики и конкретными факторами производства представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соответствие между секторами экономики и конкретными факторами производства

С Ф	Примитивный	Аграрный	Индустриальный	Сервисный	Информационный
ПР	биоресурсы	Биоресурсы, агроклимат, вода, земля	Полезные ископаемые, гидроэнергия и др.	Все виды	Электромагнитные излучения
ЧК		крестьяне	рабочие	служащие	Информаторы (электронщики, программисты)
ТК			Машины, оборудование	Техника для услуг	компьютеры

ФК			Долгосрочные инвестиции	Оборотные средства	криптовалюты
Инфра				Транспорт	Связь
Инст				Договора	Сетевые
Инфо					Все источники

Инно

Все виды инноваций

Из табл. 2 видно, что необходимость обеспечения факторами нарастает от примитивного хозяйства до информационного хозяйства. Эта необходимость делает более высокоразвитые сектора экономики недоступными для некоторых стран и регионов, неспособных обеспечить внутреннее производство данными факторами.

Отмечу, что хотя наименование фактора остается одним и тем же (природные ресурсы, технологический капитал и др.), для каждого сектора экономики необходима особая разновидность данного фактора. Например, трудовые ресурсы для аграрного хозяйства и индустриального хозяйства должны иметь совершенно различную профессиональную подготовку, финансовый капитал для промышленности выступает в основном в качестве долгосрочных инвестиций, а для сервиса в качестве краткосрочных кредитов, инфраструктура для туризма (сервис) и для государственного управления (информационная экономика) совершенно различна и т.д.

Как любой ресурс, фактор производства должен быть определенным образом создан, т.е. тоже произведен. Частичное производство фактора происходит вне секторов экономики – в силу естественных природных и социальных процессов. Эту часть факторного производства можно назвать ВФП – внеэкономическое факторное производство. В некоторых случаях (полезные ископаемые) это требует тысяч и миллионов лет (углеводородное сырье), в некоторых случаях десятков лет (воспитанный трудолюбивый человек). Однако окончательная подготовка фактора к использованию в производственном процессе требует уже специальной экономической деятельности, которую можно назвать ЭФП – экономическое факторное производство. Те же природные ресурсы, казалось бы, уже полностью созданные природой, должны быть трансформированы в факторы производства определенным образом. Эта трансформация – поиск источника ресурса, превращение его в ресурс (например, изъятие из природы) и доставка потребителю является сутью ЭФП. Такое факторное производство, которое делает нечто внеэкономическое – экономическим ресурсом можно назвать первичным экономическим факторным производством (ПЭФП). Вторичное экономическое факторное производство (ВЭФП), связанное с трансформацией фактора уже в ходе переработки, можно назвать секторально-факторным производством.

Итак, фактор может первоначально производиться вне экономической системы (ВФП), затем он вводится в экономическую систему (работа кадрового агентства, заключение арендных договоров, концессионных соглашений и т.д.) в процессе первичного экономического факторного производства (ПЭФП). Затем он может подвергаться переработке и улучшению внутри экономической системы (переобучение, переработка сырья и др.) в ходе вторичного экономического факторного производства (ВЭФП).

Факторное производство является наиболее быстрым и легким путем получения богатства. Первооткрыватель фактора, уже подготовленный природой или обществом к экономическому использованию, может буквально озолотиться, предлагая секторальному производству более дешевый или более качественный новый фактор производства. Поэтому во всем мире постоянно идет поиск новых факторов производства, создающих потенциал как для развития уже существующих, так и для возникновения новых секторов экономики.

Общий тренд в развитии факторного производства состоит в том, что ценность «старых», «известных» факторов постоянно снижается, а ценность принципиально новых факторов постоянно растет. Все разговоры о скором исчерпании природных ресурсов не имеют экономического подтверждения, поскольку на смену старым природным ресурсам все время приходят новые ресурсы. Этот факт подтверждается развитием мировой энергетики за счет новых источников энергии.

Факторное производство может быть источником благосостояния для многих стран и регионов. В первую очередь, это касается мобильных факторов, которые могут быть предметом международной торговли факторами производства. Факторы (например, сырьевые товары или рабочую силу) можно продавать точно так же, как готовые товары и услуги и получать факторную прибыль. Особенно высокой мобильностью отличаются информация, инновации и финансовый капитал, создающие главные стимулы для развития новых секторов экономики. Если факторы немобильны (особенно, институты и инфраструктура) или маломобильны (часть природных ресурсов, часть трудовых ресурсов, часть технического капитала), то они могут стать привлекательными для переноса секторального производства в регионы с избыточными маломобильными факторами, что также приведет к экономическому развитию территории. Оценить дефицит или избыточность фактора для конкретного секторального производства можно на основании достаточно простой методики, которая предлагается в третьей части статьи.

3. Оценка факторного потенциала страны и региона

Итак, экономическое развитие стран и регионов зависит от динамики секторальной структуры экономики (сочетания высокоэффективных и низкоэффективных секторов), а функционирование секторов и создание новых секторов зависит от их обеспеченности факторным потенциалом как совокупностью всех факторов производства, которыми располагает данная территория. Таким образом, зная факторный потенциал территории, достаточно легко делать выводы о ее будущем развитии и способах решения существующих социально-экономических проблем.

Я предлагаю достаточно простую и легко реализуемую методику оценки факторного потенциала страны (региона), основанную на наших повседневных знаниях об этой территории и полуколичественной (балльной) оценке дефицита или избыточности каждого фактора.

Итак, каждый фактор предлагается оценивать по 5-балльной шкале. Если фактор достаточен для национальной экономики (экономики страны), то он получает 3 балла. Если фактор достаточен лишь для экономики отдельных регионов страны, то он оценивается в 2 балла. Если фактор достаточен лишь для отдельных местностей страны (городов или сельских районов), то он оценивается в 1 балл. Если фактор избыточен для экономики страны и может экспортироваться в пределах континента (континентальной экономики), или же им могут пользоваться внешние континентальные потребители на территории самой страны, то он получает оценку 4. Наконец, если фактор имеет влияние на состояние глобальной экономики, то он получает оценку 5 баллов.

Высокая оценка (4–5 баллов) означает избыточность и дешевизну фактора для национальной экономики, что делает его привлекательным ресурсом для соответствующего секторального производства. А сумма баллов необходимых факторов для отдельных секторов показывает перспективы или проблемы развития данных секторов для данной территории. Для упрощенной демонстрации оценки факторов я не буду детализировать особенности их использования для каждого сектора экономики, а дам усредненную оценку в целом для всех секторов.

Итак, сравним факторный потенциал России, Китая и США как возможности для развития отдельных секторов экономики (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная оценка факторного потенциала (ФП) России, Китая и США

факторы	Россия	Китай	США
ПР	5	2	4
ЧК	2	5	3
Сумма ФП, необходимого для Аграрного сектора	7	7	7
ТК	2	2	5
ФК	2	3	5
Сумма ФП, необходимого для индустрии	11	12	17
Инфр	2	3	5
Инст	2	3	5
Сумма ФП, необходимого для сервиса	15	18	27
Инфо	2	3	5
Инн	1	2	5
Сумма ФП, необходимого для информационного сектора	18	23	37
Общая сумма факторного потенциала для экономики страны	18	23	37

Потенциал для примитивного хозяйства оценивается только по одному фактору природных ресурсов. Потенциал для аграрного хозяйства оценивается по сумме двух факторов – природных ресурсов и трудовых ресурсов (человеческого капитала). Потенциал для индустриального хозяйства оценивается как сумма баллов по четырем факторам – природным ресурсам, трудовым ресурсам, технологическому капиталу и финансовому капиталу. Потенциал для сервисного хозяйства оценивается по сумме баллов 6 факторов – природных ресурсов, трудовых ресурсов, технологического капитала, финансового капитала, инфраструктуры и институтов. Наконец, потенциал для информационного хозяйства оценивается как сумма баллов всех восьми оцениваемых факторов. Эта же величина характеризует суммарный факторный потенциал для экономики страны.

К каким выводам приводит сравнение суммы баллов для каждого из пяти секторов по трем странам мира?

Для примитивного хозяйства наилучшей факторной обеспеченностью обладает Россия (5 баллов в сравнении с 4 баллами в США и 2 баллами в Китае).

Для развития аграрного хозяйства все три страны обладают одинаковым факторным потенциалом – по 7 баллов. Если принять, что минимальной суммой баллов для коммерчески успешного развития данного сектора экономики должна быть оценка выше средне необходимой для национальной экономики – 5 баллов из 10 возможных, то во всех трех странах аграрное хозяйство может быть коммерчески успешным без государственной поддержки.

Для развития индустриального хозяйства сумма четырех факторов по России составляет 11 баллов (при минимально необходимой сумме – 10 баллов), в Китае – 12 баллов и в США – 17 баллов. Таким образом, индустриальное хозяйство США имеет превосходство в факторном потенциале над Россией и Китаем (особенно в технологическом и финансовом капитале). Однако если допустить перемещение избыточного технологического и финансового капитала из США в Китай, и избыточных природных ресурсов из России в Китай, то обеспеченность факторами индустриального хозяйства Китая может стать самой высокой, что мы и наблюдаем в настоящее время.

Для развития сервисного хозяйства сумма баллов по шести необходимым факторам в России составит лишь 15 при необходимой сумме 15. То есть, функционирование сервисного хозяйства в России ведется на грани прибыльности. В Китае сумма баллов по шести факторам – 18 баллов. А в США – 27 баллов, что делает развитие здесь сервисного хозяйства весьма прибыльным бизнесом.

Наконец, факторный потенциал для развития информационной экономики в России составляет лишь 18 баллов при необходимых 20 баллах. В Китае этот показатель равен 23 баллам, а в США – 37 баллам. Это делает развитие информационной экономики в США крайне прибыльным бизнесом, что мы видим по кинобизнесу, СМИ, развитию науки и образования, и другим отраслям информационной экономики, а в России информационная экономика не может

развиваться без государственной поддержки, что мы тоже видим по состоянию российской киноиндустрии, культуры, образования и, даже, СМИ.

Секторально-факторный анализ выявил четкую проблему нехватки факторного потенциала в России для развития наиболее прибыльных и эффективных секторов экономики – сервисного и информационного. Для политиков и государственных управленцев в России это должно быть ясным сигналом о приоритетах в экономическом развитии страны и использовании бюджетных ресурсов. Прежде всего, необходимо серьезно озадачиться развитием инновационной активности в стране в целом, а не в отдельных политико-экономических проектах типа Сколково. Инновационность должна поддерживаться на всех уровнях управления, во всех видах деятельности и, особенно, в системе образования. Причем это должна быть не бумажная (для отчета), а реальная инновационность, создающая реальный потенциал для развития всех секторов экономики России. Необходимо действовать и по росту факторного потенциала в технологическом капитале (должна быть специальная государственная программа), в финансовом капитале (о чем постоянно говорят представители науки и бизнеса, обсуждая политику Центробанка и Министерства финансов РФ), кардинально изменить приоритеты в развитии инфраструктуры с отдельных политически значимых проектов к современному инфраструктурному обеспечению городов-миллионеров и административных центров, кардинально изменить политику совершенствования институтов в стране в сторону правового искоренения мошенничества, криминального бизнеса, паразитизма всех видов, коррупции, рейдерства и т.д. Создать условия для свободы сетевого взаимодействия и создания объективной информационной основы для функционирования экономики страны.

Таким образом, секторально-факторный анализ четко показывает, что только при изменении факторного потенциала, особенно обеспеченности 4И-факторами, в стране можно добиться реального изменения в уровне и темпах социально-экономического развития.

Список литературы

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. – М.: АСТ, 2016. – 692 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Академия, 1999.
3. Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Академия-Наука, 1998.
4. Капица С.П. Очерк теории роста человечества. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – 123 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 607 с.
6. Кууси П. Этот человеческий мир. – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1, ч. 12, Разделение труда внутри мануфактуры и разделение труда внутри общества. Цит. по книге «Веки экономической мысли». Международная экономика 6. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 89–93.
8. Медоуз Д. и др. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: БИНОМ; Лаборатория знаний, 2012. – 358 с.
9. Национальная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 654 с.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. – 252 с.
11. Пикетти Т. Капитал в 21 веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 591 с.
12. Портер М. Конкуренция. 2000. – 495 с.
13. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – 383 с.
14. Росстат – статистические материалы. – www.gks.ru
15. Самуэльсон П. Еще раз о международном выравнивании цен факторов производства // Веки экономической мысли. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 205–219.
16. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. – М.: БИНОМ, 1997. – 740 с.
17. Скопин А.Ю. Экономическая география России. – М.: Проспект, 2003. – С. 43–49.
18. Скопин А.Ю. Становление и пути развития региональных комплексов // Национальная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2011. – С. 262–283.
19. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1, ч. 1 и 3. О разделении труда. Цит. по книге «Веки экономической мысли». Международная экономика 6. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 59–67.
20. Стратегический глобальный прогноз 2030 / Под ред. акад. Дынкина А.А. – М.: Магистр, 2013. – С. 137–161.
21. Тоффлер А. Третья волна. – М.: АСТ, 2004. – 784 с.
22. Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Веки экономической мысли. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. – С. 154–173.

Скопин А.Ю.

д.геогр.н., профессор, Московский гуманитарный университет

АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: стратегическое планирование, региональное развитие, Стратегия пространственного развития России.

1. Авторская концепция пространственного развития России

Авторская Концепция пространственного развития России строится на 10 основных идеях.

Первая идея состоит в том, что необходимо четко отделить значение термина «пространственное развитие» от термина «региональное развитие» и «муниципальное развитие». Под пространственным развитием следует понимать: 1) улучшение положения России во внешнем пространстве (континентальном и глобальном) и 2) улучшение состояния внутреннего (надрегионального) пространства России для населения, бизнеса и управления. Под надрегиональным пространством понимается зональное, макрорегиональное и межрегиональное пространство. Пространственное развитие России – это область исключительной ответственности федеральных органов управления. Под региональным развитием следует понимать развитие субъектов РФ. Поэтому региональное развитие следует отнести к совместной ответственности федеральных и региональных органов управления. Муниципальное развитие – это развитие отдельных муниципальных образований, а также групп муниципалитетов, поэтому муниципальное развитие относится к совместной ответственности региональных и муниципальных органов управления. В случае выполнения муниципальным образованием федеральных функций (оборонные, внешнеполитические, внешнеэкономические и др.), развитие таких муниципалитетов становится также областью совместной ответственности федеральных и муниципальных органов управления. Итак, пространственным развитием занимаются исключительно федеральные органы управления, региональным развитием – федеральные и региональные органы управления совместно, муниципальным развитием либо только муниципалитеты, либо муниципалитеты и субъекты федерации (в случае развития групп муниципалитетов), либо муниципалитеты и федеральные органы управления.

Вторая идея состоит в уточнении понятия надрегиональное пространство. Оно включает зональное, макрорегиональное и межрегиональное пространство. Зональное пространство следует понимать как однородные природно-климатические зоны (Арктика, Крайний Север, Тайга (лесная зона), Нечерноземная зона, Черноземная зона, Юг России). По отношению к каждой из природных зон должна быть сформулирована политика освоения и улучшения, исходя из природных, а также сложившихся социально-демографических и экономических особенностей. К вопросам развития зонального пространства относятся и вопросы межзональных ресурсных и социально-экономических связей (потоков). Макрорегиональное пространство формируется в пределах федеральных округов, как групп субъектов федерации. Межрегиональное пространство формируется как связи между макрорегионами, а также связи между субъектами РФ.

Третья идея состоит в определении конкретных органов управления пространственным развитием России. На федеральном уровне это должно быть Министерство пространственного развития России (МПР) с департаментами внешнего развития, зонального развития, макрорегионального развития и межрегионального развития. Учитывая совместную ответственность федерации за развитие субъектов и ряда муниципалитетов, в МПР должны быть также департаменты развития регионов и развития муниципалитетов. Каждый из департаментов должен определять приоритеты соответствующего типа пространственного развития (внешнего, зонального, макрорегионального, межрегионального), а также регионального и муниципального развития на соответствующие периоды бюджетного планирования (1–3 года) и стратегического планирования (6–12–18 лет).

Четвертая идея определяет приоритеты внешнего развития. Внешнее пространство необходимо разделить на приграничное (все соседние государства), евроазиатское и глобальное. Первоочередное внимание следует уделить всему приграничному пространству, включая скандинавские страны, постсоветские страны, Польшу, Китай, Монголию, КНДР, Японию и США. Второстепенное внимание необходимо уделить остальному евроазиатскому пространству и третьестепенное внимание – глобальному пространству. Что касается основных направлений улучшения положения России во внешнем пространстве, то к ним относятся ресурсно-экологическое, социально-культурное, экономикотехнологическое и военно-политическое направления. Важнейшими качественными показателями улучшения положения РФ во внешнем пространстве могут стать расширение пространства дружбы, кооперации, нейтралитета и сокращение пространства конкуренции и вражды.

Пятая идея определяет приоритеты зонального развития. Для развития добывающей промышленности приоритет имеет зона Арктики и Крайнего Севера, для развития лесного и примитивного хозяйства – Тайга, для развития

обрабатывающей промышленности – Нечерноземная зона, для развития аграрного хозяйства и сектора услуг – Черноземье и Юг России. Для каждой зоны необходима: а) система природоохранных, туристическо-рекреационных и курортно-оздоровительных микрзон для улучшения природно-экологического комфорта населения; б) система зонального расселения и социально-культурного обслуживания для повышения демографического и социально-культурного комфорта; в) зональная система транспорта и коммуникаций для экономико-технологического развития (для населения и бизнеса), г) зональные системы безопасности личности и ведения бизнеса и д) зональная система статистики и мониторинга для управленческо-организационной работы. Аналогичные ключевые объекты воздействия могут быть определены для остальных типов пространств.

Шестая идея определяет приоритеты макрорегионального развития. Приоритетными макрорегионами должны быть Дальневосточный ФО, Северо-Западный ФО и Южный ФО, как макрорегионы, имеющие наибольшее транзитное и оборонное значение в современном положении России в Евразии.

Седьмая идея определяет приоритеты межрегионального развития. В первую очередь это касается развития межрегиональных инфраструктурных коридоров Москва-Санкт-Петербург; Москва-Казань; Москва-Краснодар; Казань-Екатеринбург; Екатеринбург-Новосибирск; Новосибирск-Иркутск; Иркутск-Хабаровск и др.

Восьмая идея определяет приоритеты регионального развития. Федеральная поддержка требуется, в первую очередь, субъектам федерации, которые могут быть локомотивами экономического роста (первые двадцать регионов) и наиболее слабым в социально-экономическом развитии регионам РФ (последние двадцать регионов). Для качественной характеристики регионального развития могут использоваться такие определения как хорошее, благоприятное, нейтральное, неблагоприятное и опасное состояние развития регионов.

Девятая идея связана с федерально-муниципальным развитием. Такие проекты должны затрагивать столичные города и города-миллионники, стратегически важные муниципалитеты с точки зрения транспортного сообщения, приграничного положения, производства инноваций, оборонного значения и т.д.

Десятая идея связана с порядком работ по стратегическому планированию. На сегодняшний день правовая основа и, в целом, система стратегического планирования в России вызывает наибольшие вопросы. Поэтому необходим ее более тщательный анализ.

2. Правовые основы Стратегии пространственного развития РФ и других документов стратегического планирования

Правовой основой разработки Стратегии пространственного развития РФ (далее СПР РФ) и связанных документов стратегического планирования (далее ДСП) является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В статье 3 пункт 26, СПР Российской Федерации определена как ДСП, «определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации». Как видим, сразу же вносится путаница в использование терминов «пространственное развитие» и «региональное развитие». В статье 11 «Документы стратегического планирования», определено, что «Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований» и что к ДСП, разрабатываемым на федеральном уровне, относятся: – документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, включая отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации; стратегию пространственного развития Российской Федерации и стратегию социально-экономического развития макрорегионов. В пункте 3 указаны ДСП, разрабатываемые в рамках прогнозирования: – а) прогноз научно-технологического развития Российской Федерации; б) стратегический прогноз Российской Федерации; в) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период; г) бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период; д) прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период, среди которых мы не видим документов территориального прогнозирования. Лишь значительно позже, в статьях 24 и 26 указано, что долгосрочный и среднесрочный прогнозы социально-экономического развития РФ должны содержать пункт 7 – основные показатели регионального развития на долгосрочный период и основные направления регионального развития на среднесрочный период. А в пункте 4, где указаны документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, названы лишь схемы территориального планирования Российской Федерации (подпункт г). Таким образом, получается, что Стратегия пространственного развития РФ – это документ территориального целеполагания, который опирается на ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации и Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, прогнозы долгосрочного и среднесрочного социально-экономического развития и дополняется схемами территориального планирования Российской Федерации.

Поскольку в пункте 4 статьи 11 к документам стратегического планирования, разрабатываемым на уровне субъекта Российской Федерации, отнесены: а) стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации (целеполагание); б) прогнозы социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный и долгосрочный периоды (в рамках прогнозирования), а также: а) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации; б) государственные программы субъекта Российской Федерации и в) схема территориального планирования субъекта Российской Федерации, разрабатываемые в рамках планирования и программирования, можно сделать вывод о том, что в Стратегии пространст-

венного развития РФ будет лишь целеполагание, а схема территориального развития РФ будет формироваться снизу вверх – от стратегий, прогнозов, планов и программ субъектов РФ. В этом, уже на уровне Закона РФ, заложена одна из главных проблем Стратегии пространственного развития РФ – как документа, с одной стороны, полностью зависящего от Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации на уровне целеполагания, разрабатываемых на федеральном уровне, а с другой стороны – от стратегий, прогнозов, планов, программ и схем территориального планирования, разрабатываемых на уровне субъектов РФ. Учитывая такой же подход на уровне субъектов РФ (суммирование стратегий муниципальных образований), в конечном счете, получается зависимость федеральной стратегии от стратегий муниципальных образований. Это создает институциональную проблему «супер-инертности» стратегии пространственного развития РФ.

Следующая проблема состоит в том, что, согласно Закону (статья 16 пункт 7-4) Стратегия социально-экономического развития РФ уже должна включать «приоритеты и направления регионального развития Российской Федерации», что создает проблему дублирования двух Стратегий по целеполаганию. Более того, в Статье 20 (пункт 1) появляется ссылка еще на один документ – Основы государственной политики регионального развития РФ, подразумевающая первичность Основ по отношению к Стратегии пространственного развития – «1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и меры по их достижению и решению». Сразу же возникает вопрос – если Стратегия пространственного развития определяет «приоритеты, цели и задачи регионального развития РФ», то что тогда определяют Основы государственной политики регионального развития РФ? Иными словами, целеполагание по региональному развитию дублируется уже тремя документами – Стратегией социально-экономического развития, Основами государственной политики регионального развития и Стратегией пространственного развития!

В пункте 2 ст. 20 разработчиком Стратегии назван федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, т.е. по замыслу это должно быть Министерство регионального развития, функции которого сейчас распределены по нескольким Министерствам. Таким образом, у Стратегии сейчас не может быть одного разработчика, соответствующего принятому Закону.

В пункте 3. мы снова сталкиваемся с методикой работы над Стратегией, поскольку сказано, что «Стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается на основании решения Правительства Российской Федерации и учитывается при разработке и корректировке схем территориального планирования Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития макрорегионов, государственных программ Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, иных документов стратегического планирования и документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом Российской Федерации, в целях реализации полномочий органов государственной власти Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации». Иными словами, вначале должна быть Стратегия пространственного развития РФ, а затем стратегии социально-экономического развития макрорегионов, субъектов РФ и схем территориального планирования РФ, а не наоборот, что вытекало из анализа статьи 11.

В пункте 5, наконец-то, говорится о содержании Стратегии пространственного развития в части «предложений о совершенствовании системы расселения на территории РФ и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории РФ», а в пункте 6 проясняется, что основы государственной политики регионального развития Российской Федерации, являющиеся основой для определения приоритетов регионального развития Российской Федерации разрабатываются Правительством РФ и утверждаются Президентом РФ.

Теперь необходимо перескочить через статью 21 и обратиться к анализу Прогнозов (Статья 22. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации, Статья 23. Стратегический прогноз Российской Федерации, Статья 24. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, Статья 25. Бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период и Статья 26. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период). Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации должен содержать пункт 4) – прогноз технологического развития секторов (отраслей) экономики, в том числе по субъектам Российской Федерации; долгосрочный и среднесрочный прогнозы социально-экономического развития РФ должны содержать пункт 7 – основные показатели регионального развития на долгосрочный период и основные направления регионального развития на среднесрочный период).

Итак, согласно нормам Закона, целеполагание пространственного развития и регионального развития должно быть в Стратегии пространственного развития РФ, целеполагание регионального развития в Основах государственной политики регионального развития РФ, которые разрабатываются раньше, чем Стратегия ПР, прогнозы регионального развития на среднесрочный и долгосрочный периоды – в Прогнозах социально-экономического развития РФ на соответствующие периоды, прогноз технологического развития секторов (отраслей) экономики по субъектам РФ – в прогнозе научно-технологического развития РФ. Таким образом, целеполагание пространственного и регионального развития должно быть как минимум в трех федеральных документах стратегического планирования (Стратегия социально-экономического развития, Основы государственной политики регионального развития и Стратегия пространственного развития), а прогнозы регионального развития – также как минимум в трех документах – прогнозе научно-

технологического развития РФ, а также среднесрочном и долгосрочном прогнозах социально-экономического развития РФ.

На уровне планирования и программирования отмечено, что государственные программы РФ (Статья 28, пункт 1), разрабатываются федеральными органами исполнительной власти для достижения приоритетов и целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определенных в стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации и основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации.

Что касается схем территориального планирования, то в Статье 30. говорится, что они разрабатываются в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и основываются на основных положениях стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации, стратегиях социально-экономического развития макрорегионов, отраслевых документах стратегического планирования Российской Федерации с учетом требований, определенных Градостроительным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами.

Поскольку в статье упоминаются макрорегионы, то необходимо вернуться к Статье 21, описывающей стратегии социально-экономического развития макрорегионов, как еще один тип документов стратегического планирования. В пункте 1 определено, что данные стратегии разрабатываются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, совместно с другими участниками стратегического планирования. Данный федеральный орган должен обеспечивать также координацию и методическое обеспечение разработки и корректировки данных стратегий (пункт 5). В пункте 2 определено, что стратегии разрабатываются и корректируются «в целях обеспечения согласованности проведения в территориальном и временном отношении мероприятий, предусмотренных стратегией пространственного развития Российской Федерации, отраслевыми документами стратегического планирования Российской Федерации, стратегиями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, генеральными схемами, плановыми и программно-целевыми документами государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием, в соответствии с положениями, определенными стратегией национальной безопасности Российской Федерации, стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, а также на основе данных прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период. Пункт 3 предусматривает возможность разработки государственных программ РФ, сформированных по территориальному принципу для соответствующих макрорегионов, в целях реализации указанных стратегий, и пункт 4. содержит пожелание учета стратегий социально-экономического развития макрорегионов «при разработке и корректировке государственных программ Российской Федерации, стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, схем территориального планирования субъектов Российской Федерации и иных документов стратегического планирования».

В пунктах 6–8 определено, что Правительство Российской Федерации определяет содержание, состав, порядок разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов, обеспечивает согласованность и сбалансированность стратегий социально-экономического развития макрорегионов и стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах соответствующего макрорегиона, в целях осуществления полномочий органов государственной власти Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также утверждает стратегии социально-экономического развития макрорегионов.

Итак, анализ федерального закона показывает, что правовая основа пространственного и регионального развития РФ содержит ссылки на документы стратегического планирования, дублирующие друг друга в целеполагании и прогнозировании, имеющие разные ответственные федеральные ведомства в качестве разработчиков и источников методики и не определяющие разницу между пространственным и региональным развитием.

Поэтому, казалось бы, большей ясности следует ожидать от Основ государственной политики регионального развития и Стратегии пространственного развития, которые я сравню далее.

3. Критический анализ Основ государственной политики регионального развития

Буду сравнивать ключевые определения, структуру и содержание текста, и основные выводы.

Итак, Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. утверждены Указом Президента 16 января 2017 г.

Начнем с главного определения в Основах и его раскрытия в последующем тексте. Итак, государственная политика регионального развития определена как «система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». Сразу же можно отметить, что федеральная власть не имеет права заниматься развитием муниципальных образований, за исключением муниципалитетов, выполняющих федеральные функции и лишь частично может заниматься развитием субъектов РФ в вопросах совместного ведения. Кроме этого, в последующем тексте говорится о макрорегионах, о которых ничего не сказано в определении государственной политики.

Далее, можно было бы ожидать, что в тексте Основ будут раскрыты приоритеты, цели, задачи, меры и действия федеральных органов государственной власти в соответствии с данным определением госполитики. Вместо этого по-

является определение факторов и условий регионального развития, вместо приоритетов в специальном разделе говорится о принципах государственной политики регионального развития, вместо задач говорится о приоритетных задачах, вместо мер и действий говорится о механизмах реализации, которые, к тому же, никак не выделены в тексте.

Таким образом, сразу же выясняется, что данное определение государственной политики регионального развития либо необходимо изменить, либо приложить к нему словарь используемых синонимов, либо указать на отсутствие вменяемого редактора текста, либо признаться в сознательном запутывании читателей данного текста.

Приведу еще несколько «интересных» идей из данного текста, отличающихся «странностью» или нелогичностью.

Итак – К приоритетным задачам отнесены:

1. сдерживание оттока населения с важных в геополитическом отношении территорий, не имеющих в обозримом будущем перспектив динамичного экономического развития, путем создания благоприятных социальных условий (за счет каких ресурсов и с какой целью?);

2. увеличение количества точек роста экономики как необходимое условие технологического развития, повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на международных рынках (за счет чего создаются такие точки роста?);

3. реализации мероприятий по улучшению экологической ситуации и развитию в крупных городских агломерациях транспортной инфраструктуры, обеспечивающей экономическую связанность городов с прилегающими к ним территориями, а также городских агломераций между собой; сокращение различий в качестве жизни в городах и сельской местности (увеличение транспортной доступности ухудшает экологическую ситуацию! К этому же приводит и сокращение различий в качестве жизни).

В череде задач особенно выделяется стимулирование развития крупных городских агломераций, способных успешно выдерживать конкуренцию на мировых рынках, путем создания благоприятных условий для привлечения высококвалифицированной иностранной рабочей силы. Гениальность данной идеи превосходит все мыслимые ожидания от такого документа. Любой российский избиратель тут же оценит ее непечатным выражением.

Единственным светлым пятном можно было бы считать использование термина «пространственная структура экономики РФ», который звучит в следующем контексте: инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы Российской Федерации посредством... «определения основных направлений изменения пространственной структуры экономики Российской Федерации и разработки на этой основе взаимосвязанных стратегии пространственного развития Российской Федерации, отраслевых документов стратегического планирования и стратегий социально-экономического развития макрорегионов, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований». За эту идею уже можно «зацепиться» при разработке Стратегии пространственного развития РФ, к анализу текста которой я перейду.

Заканчиваются Основы крайне позитивно. В качестве результатов ожидаются: а) сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности; б) сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов; в) достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий Российской Федерации; г) дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках; д) повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Успешная реализация государственной политики регионального развития сформирует дополнительные условия для достижения целей государства в области национальной безопасности, развития межнациональных и межконфессиональных отношений.

Итак, Основы государственной политики регионального развития решили все существующие проблемы непонятным образом, что тогда остается на долю Стратегии пространственного развития?

4. Критический анализ Стратегии пространственного развития РФ

В связи с ограниченным объемом статьи укажу лишь на самые проблемные места Стратегии ПР РФ.

1) из 116 страниц текста Стратегии 82 страницы содержат Приложения с картами и перечислениями географических названий, достойные школьного учебника по экономической географии России, но никак не Стратегии ПР РФ как государственного документа стратегического планирования.

2) содержание текста содержит терминологические «странности», отсутствие какого-либо серьезного научного обоснования «предложений», нарушение принципов стратегического планирования и отсутствие ясного представления о разнице между пространственным, региональным и муниципальным развитием.

3) к терминологическим странностям относятся определение пространственного развития как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в т.ч. за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития», а также то, что из девяти понятий Стратегии шесть относятся к муниципальному уровню, одно к уровню субъекта РФ, одно – к уровню макрорегиона и только одно – к федеральному уровню. Определения изобилуют качественными характеристиками – «существенное значение», «специфические условия» и т.д., создающими простор для любой фантазии читателя и пользователя Стратегии ПР.

4) разработчики СПР умудрились нарушить 10 из 12 принципов стратегического планирования, проигнорировав принципы разделения полномочий, сбалансированности, результативности и эффективности, ресурсной обеспе-

ченности, ответственности, прозрачности, реалистичности, измеряемости целей, соответствия показателей целям и программно-целевой принцип.

5) разделение муниципалитетов на перспективные и неперспективные создает не только ограничение доступа «неперспективных» к кредитным и иным ресурсам развития, но и коррупционные возможности перехода «неперспективных» в перспективные.

Итак, что мы имеем в итоге создания двух документов – Основ государственной политики регионального развития и Стратегии пространственного развития РФ?

1. Формальную отчетность о том, что Российская Федерация имеет два важных документа стратегического планирования, которые служат руководством к действию не только для федеральных органов управления, но также для региональных и муниципальных органов управления.

2. Неспособность данных документов создать информационную основу для решения накопившихся проблем пространственного, регионального и муниципального развития и, более того, создающих дополнительную путаницу в действиях органов управления, обязанных как-то реагировать на существование данных документов.

3. «Размножение» на этой некачественной основе громадного количества аналогичных документов на региональном и муниципальном уровне, включая схемы территориального планирования, создающих огромные проблемы для реальных инвесторов, функционирования бизнеса, жизнедеятельности населения.

4. Единственным способом выхода из этой ситуации является ожидание следующего политического цикла, с приходом к управлению в России квалифицированных управленцев, способных к адекватному пониманию существующих проблем и формулированию адекватных стратегических, тактических и оперативных решений по пространственному, региональному и муниципальному развитию России.

Шелкопляс Е.В.

к.м.н., д.филос.н., действительный член Академии философии хозяйства, член-корр. Международной академии организационных наук, директор Института развития человека, г. Иваново

О СИСТЕМНОСТИ ДОЛГОСРОЧНЫХ ЦЕЛЕЙ И МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ПРОГРАММАХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: системность, управление, теория оптимума развития, культура, системная модель развития, новые принципы.

Keywords: consistency, management, optimum theory of development, culture, system model of development, new principles.

Рассмотрение экономической и социальной наукой ключевых проблем современной России и поиски оптимальных путей их решения в числе главных условий требуют системности и согласования в управлении базовых принципов разработки и реализации программ модернизации, инновационного и технологического развития. Системность является признанным общим методологическим принципом современной науки. Столь же признана сегодня важнейшая роль науки в социально-экономическом развитии общества, его экономики и хозяйства, предназначенном для гармоничного воспроизводства не только материальных ресурсов в экономике, но также социальных и духовных ресурсов в иных институциональных системах общества (С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов¹).

Роль и задачи регионов страны в преодолении проблем, очерченных политической элитой общества, очевидны лишь на первый, непросвещенный взгляд. Очередное Послание Президента РФ Федеральному собранию и утвержденные федеральные программы фиксируют преимущественно общие цели в хозяйственно-экономическом развитии, а целевые федеральные программы обозначают основные точки роста, в том числе и на уровне некоторых регионов. При этом регионам страны приходится самостоятельно разрабатывать перспективные программы инновационного развития, т.е. осуществлять собственное среднесрочное планирование и нести ответственность за успешность его реализации при отсутствии системного государственного планирования (даже индикативного), по сути, при идеологическом запрете на него. Делать это регионы должны в условиях либерально-капиталистической модели функционирования экономики. Однако такая модель на уровне либеральной догматики требует не планирования, а неограниченной (стихийной) «свободной конкуренции». Управление в такой модели порой сводят к роли «ночного сторожа». Кроме того, действующее в стране законодательство гарантирует органам управления недостаток достоверной информации о степени благополучия элементов местной социально-экономической системы (отдельных региональных экономических объектов) и сути планов их владельцев на будущее.

При подобном нарушении законов системности, требующих единства принципов функционирования системы и ее элементов, какими должны быть стратегии и механизмы инновационного развития регионов, чтобы региональные программы не были лишь формальными ответами на запрос вышестоящих органов? Как осуществлять региональное планирование при отсутствии федерального? Проще всего заявить, что это невозможно. Но, все-таки, это не так. Известно, что ряд регионов, таких как Белгородская и Калужская области, при отсутствии сырьевой экономики и мегаполисов на своей территории, осуществляют весьма динамичное социально-экономическое развитие. Следовательно, секрет успешности заключается в особом типе управления хозяйством, личностных свойствах их лидеров. Одновременно известны совершенно иные примеры, когда в регионах, развивающихся медленнее других, руководители утверждали программы развития регионов, но свою деятельность сводили к личному обогащению, а не к достижению общего блага, и были в результате привлечены к уголовной ответственности. Но между этими полюсами стилей управления существует множество промежуточных вариантов, к которым относится большинство регионов страны. Эти примеры свидетельствуют о том, что развитие регионов, кроме собственно экономических факторов, определяется рядом важнейших социальных, психологических, идеологических, культурно-исторических факторов, которые не только не отражены в соответствующих программах, но даже не осознаются в достаточной степени лицами, принимающими решения, т.е. управленцами. На деле, российское общество и политическая элита заинтересованы в поддержке конструктивных социально-экономических инициатив, рожденных на региональном уровне.

Теория системного оптимума развития социальных систем (ТОР)², как и социальная наука в целом³ подчеркивают, что выбор оптимальной модели социально-экономического развития тем или иным обществом определяется не

¹ Осипов Ю.М. Философия хозяйства: В 2 кн. – М.: Юрист, 2001.

² Шелкопляс Е.В. Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. – Москва; Иваново: Юнона, 2012.

³ Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003.

иллюзорным общим «верным» шаблоном, который в соответствующий период времени считается «прогрессивным» в кругу профессиональных экономистов (ученых и практиков). Такая модель формируется совокупностью перечисленных выше самобытных и общих факторов, определяющих особенности пути движения отдельных социумов и всего человечества в будущее.

Между тем, склонность упрощать системный подход до иллюзорных (от лат. «заблуждение», «обман»), догматически упрощенных одно-двух факторных моделей, основанных на модных тенденциях, а не на серьезной научной основе, проявляется нередко. Примером тому была позиция Е. Гайдара, считавшего, что «невидимая рука рынка сама все расставит все по своим местам», или А. Чубайса, заявлявшего в начале реформ: «Пусть мафия захватит все, она неизбежно будет вынуждена стать производительной силой...». Судебные процессы последнего времени над высокопоставленными сторонниками подобных взглядов доказывают несостоятельность профанных социально-экономических позиций.

Один из основоположников экономической науки – А. Смит (биографами описанный человеком несчастливым, одиноким и невротичным, т.е. многого не понимавшим в законах социальной психологии) еще в XVIII веке сформулировал концепции «экономического человека» и «естественного порядка»¹. Смит считал, что мотивы поведения человека практически исчерпываются стремлением к личной выгоде, что «естественный порядок» – это рыночные отношения, в которых каждый человек основывает свое поведение на личных и корыстных интересах, сумма которых и образует интересы общества. Для существования естественного порядка требуется «система естественной свободы», основу которой Смит видел в частной собственности. Собственная выгода достижима лишь через удовлетворение чьей-то потребности. Таким образом, «невидимая рука рынка» подталкивает производителей к реализации интересов других людей, а всех вместе – к росту богатства всего общества. Про потребности человека высших уровней, социальные и духовные, которые реализуются принципиально иначе, А. Смит ничего не было известно; удивлять может лишь позиция наших современников, полагающих, что со времен Смита в понимании бытия человека и общества ничего не изменилось.

Создание иллюзий, как средства введения в заблуждение окружающих, явление негативное, но живущее недолго. Менее заметно следствие иных иллюзий – самообмана, связанного с недостаточным уровнем просвещенности и компетенции управленцев высокого уровня. В этом случае ошибки могут быть незамечены долгое время и дорого стоить социуму. Примером могут служить действия М. Горбачева и Б. Ельцина, руководивших страной, но не имевших достаточных уровней социального образования и общей культуры, четких нравственных принципов. Второй из них не имел еще и достаточного психического здоровья, в мемуарах он поведал обществу о том, как своей грудью кормил ребенка в поезде².

Представления о том, что либерально-капиталистическая модель развития России способна качественно решать стоящие перед страной задачи обновления и развития во многом оказались несостоятельными. Но предъявлять претензии к названным руководителям, людям весьма заурядным, было бы наивно. Они стали исполнителями требований объективных процессов культурно-исторического развития страны, которая, проверив практикой, полностью исчерпала идеи «наивного социализма»³. В тот момент были необходимы исполнители задачи разрушения отжившего; высокий интеллект, образованность и нравственность не являлись необходимыми качествами для тех, кто и сполнил это требование времени.

Сегодня утверждение, что капитализм не является неперенным атрибутом современности, стало общим местом. Особенно важно, что это признается западными элитами, о чем свидетельствуют выводы двух мировых форумов в Давосе (2012 и 2017 гг.) и заседаний Римского клуба (2018 г.). Но не их суждения лежат в основе выработки долгосрочной социально-экономической политики России. Такой вывод стал ясен с момента произнесения в 2007 году знаковой речи президентом РФ В.В. Путиным на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. Она была посвящена видению места и роли России в современном мире. С этого времени стало ясно, что в своем развитии Россия не намерена повторять принципы жизни явно и стремительно дряхлеющей цивилизации западного мира. Подтверждением тому служит и такой факт, для многих до сих пор не вполне понятый, – в своих обращениях к обществу Президент России, в качестве духовных, социальных и нравственных авторитетов часто цитирует русских религиозных философов, но не зарубежных мыслителей.

Одним из самых ярких представителей русской философии, разработавших учение о Софии, премудрости Божией, был профессор Киевского, а затем Московского Университета, юрист, экономист, философ, богослов, а также священник в шестом поколении рода С.Н. Булгаков. Его идеи, сформулированные столетие назад, имеют принципиальное значение для человечества XXI столетия. Автор «Философии хозяйства» писал: «Мир – есть «тварная София», которая отличается от Божественной Софии иного рода бытием, бытием в становлении»... «История осуществляется на путях человеческого творчества. Внутренняя сила этого творчества содержится в «тварной Софии», заложенной в человеческом существе. Человек, часть Мира, при создании, потенциально уже богочеловек, но раскрывается его богочеловечество тогда, когда человеческое творчество соединяется с Благодатью, «София Тварная» – соединяется с «Софией Божественной». София же, есть душа мира и его первообраз, собрание идей или «божественных замыслов»,

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.

² Ельцин Б.Н. Записки президента. – М.: РОССПЭН, 2008.

³ Шелкопляс Е.В. Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография: в 2 кн. / Кн. 2: Образ будущего в культурно-исторической динамике: духовный, социальный, нравственный и личностный аспекты. – Гл. 5–6. – Иваново, 2018.

отвечающих каждой из вещей и явлений мира, она «просвечивает» в мире «как разум, как красота, как хозяйство и культура».

Мир идей, содержащийся в Софии, представляет собой предельное задание, норму, закон жизни для всего существующего в «тварном мире». Назначение человека – открыть софийность в себе и мире. Здесь вступают в свои права социальная и гуманитарные науки, которые при правильной методологической обоснованности дают перспективу познания, достижения «тварной Софии». Задачей социальной науки, согласно С.Н. Булгакову, является «установление и причинное объяснение действительности, представляющей арену нравственной деятельности»¹. Одним из первых С.Н. Булгаков снимает противоречие между религиозным и рациональным способами познания Мира. Сегодня – это распространенный взгляд на природу вещей.

Зачастую представители экономической науки в анализе процессов развития не придают серьезного значения факторам культурной самобытности общества. Между тем, они зачастую имеют не дополняющее, а определяющее, системообразующее значение. Об этом писал Н.А. Бердяев в известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма»². Он дал одну из лучших характеристик самобытности российской культуры: «В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. ... Россия – страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающей всю Европу, как гниль и исчадие диавола, обреченное на гибель. ... Россия – «Святая Русь». В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. ... Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе. ... В России нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада по духу своему. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем, к абсолютной свободе и к абсолютной любви. ... Русский народ не «догоняет» Запад, а идет собственным путем. Коммунизм стремится быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать жизни смысл. ... Русский коммунизм – есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. Идея коммунизма более согласна с христианством, чем идея, на которой базируется буржуазное капиталистическое общество. В коммунизме есть здоровое, верное, и вполне согласное с христианской пониманием жизни каждого человека, как служения сверхличной цели, как служения не себе, а великому целому».

Теория оптимума развития (ТОР) отмечает принципиальное различие западной цивилизации и российской культуры. Оно заключается в противоположности их идей: с одной стороны, – индивидуализма и эгоизма, нацеленности лишь на материальные, короткие смыслы бытия (западная цивилизация), с другой – выбор российской культурой гармоничного сочетания долгих (духовных), средних (социально-душевных) и коротких, материальных смыслов бытия. Такое различие достаточно давно и четко описано в культурологии и историософии. Социально-экономическая модель развития, построенная на принципах крайнего индивидуализма и эгоизма, для России не органична и потому не жизнеспособна в среднесрочной перспективе. Впрочем, с позиции ТОР, и возвращение к модели «наивного социализма» невозможно и безрассудно. Впереди принципиально новая модель социально-экономической организации общества, к которой страна движется неочевидным для многих образом.

ТОР подчеркивает, что в социально-экономическом планировании необходимо учитывать роль системы идей развития, существующих в социуме. Наиболее длительная и могучая (но малозаметная, в силу привычности и по причине существующих дефектов в системе современного образования) идея социума заключается в культуре, суть которой определяется его ведущей религией (культура) и системой дорелигиозных (языческих) мифов, свойственных народу. Те, кто говорят о необходимости формулирования национальной идеи, как это делал Ельцин, по меньшей мере, – наивные люди. Национальная идея давно установлена в любой культуре; для России это «идея жизни по правде и справедливости», о чем писали многие мыслители. Национальная, высшая идея общества действует в течение тысячелетий, не конкурируя, а приводя к самобытной системе постоянную смену более коротких и слабых идей – эпистем, парадигм, идеологий, технологических укладов, партийных программ.

Свидетельством влияния культур на выбор социально-экономической модели развития общества являются хорошо известные в науке работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма»³ и Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». В той же степени как капитализм возникает из протестантской этики, коммунизм возникает не столько из учения К. Маркса (это катализатор реализации уже существующей идеи), сколько из православной этики.

Принципиально важно то обстоятельство, что системообразующим вектором развития человечества в истории является фактор увеличения размеров социума (род, племя, народ, союзы народов в государствах, империях, федерациях и т.п.). Этот процесс приводит к возрастанию системности социума, общественной специализации индивидов и социальных групп, изживанию эгоизма и возрастанию степени солидарности, которую религии предложили именовать «любовью к ближнему». Цивилизация Запада индивидуалистична и эгоистична, т.е. антисистемна и исторически глубоко архаична, делать ставку на такой вариант развития – значит прилагать усилия к реанимации агонирующей цивилизационной идеи.

Ранними знаками угасания очередной идеологии является десакрализация представителей власти, а явными признаками – утрата уважения к политическим лидерам и официальной идеологии. Рядовые люди уже не видят в элите тех, кого можно было бы всерьез считать «героями нашего времени». В такие моменты появляются многочисленные шутки и анекдоты, посвященные представителям элитных групп. В России, несомненным и заслуженным рекорд-

¹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. – М.: Институт русской цивилизации, 2009.

² Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. – М.: Наука, 1990.

³ Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

сменом в этой области, объектом фиксации народного раздражения является идеолог «ваучерной приватизации» А. Чубайс. В народе некоторое время назад появилось выражение: «У Чубайса и ему подобных, денег – как у дурака открыток. Но больше ничего нет. Их, бедненьких, никто не любит...» В Европе предметом насмешек стали бездетные и странные лидеры ведущих стран – Англии, Германии, Франции, в США – президент, не ведающий элементарных норм приличия. Д. Рокфеллера, причислявшегося к числу представителей тайной элиты мира, американские врачи, сделавшие ему в течение жизни шесть пересадок сердца и три почек (все – без очереди, в нарушение действующих в стране законов), понимавшие полную бессодержательность жизни, нацеленной на откладывание встречи с высшими силами, стали в своем кругу называть «представителем недорезанной элиты». Следует признать, что всех этих насмешек элиты не замечают до поры, пытаясь яхтами, на которых они не плавают, дворцами, где живет прислуга, а не они, как и другой роскошью, доказать «плебсу», что именно они достигли максимальной реализации смыслов жизни. В результате народ, как и во все времена, смеется над людьми, у которых действительно ничего нет, кроме денег. К числу более поздних признаков постепенной утраты власти элитами – относятся массовые общественные протесты. Понимание этих закономерностей позволяет любому управленцу не впасть в иллюзию своей богоизбранности, вечности власти тех, кто не понимает ее сути – необходимости служения общему благу.

Интенции русской культуры (более молодой, чем западная) осуществить мессианскую функцию обсуждаются давно. Достаточно вспомнить, что О. Шпенглер считал, что будущее принадлежит «русско-сибирской» культуре¹. Но есть и иные взгляды. Так А. Тойнби полагал, что культура будущего будет представлять собой синтез лучших сторон мировых культур. Будущее покажет, кто из теоретиков прав. Для российского общества важны не столько обещания социальной теории, сколько практичность и дальновидность избираемых идей, их соответствие принципам отечественной культуры, трудолюбие и сплоченность граждан страны, умелое управление работой на общее благо. Сегоднешнее развитие российского общества вызывает много претензий со стороны других государств и не слишком много со стороны граждан страны. В связи с этим вспоминается известная мысль: «Если тебе никто не завидует, спроси себя, правильно ли ты живешь?».

При явно наметившемся в мире «левом идеологическом повороте», дискуссии о доминирующей идее завтрашнего дня явно не закончены. В этой связи стоит вспомнить редко используемые аргументы, принадлежащие двум мыслителям, нобелевским лауреатам XX столетия, великому литератору и выдающемуся физика – Бернарду Шоу и Альберту Эйнштейну.

Б. Шоу в 1931 г. посетил СССР, где у него состоялась личная встреча с И. Сталиным. Возвращаясь из Советского Союза, он говорил: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны – страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая социалистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». «Сталин – располагающий человек, он действительно руководитель рабочего класса... Сталин – гигант, а все западные деятели – пигмеи». «В России нет парламента или другой ерунды в этом роде. Русские не так глупы, как мы; им было бы даже трудно представить, что могут быть дураки, подобные нам. Разумеется, и государственные люди советской России имеют не только огромное моральное превосходство над нашими, но и значительное умственное превосходство»².

В 1949 г. А. Эйнштейн, в американском журнале «Monthly Review» опубликовал статью «Почему социализм?»³. В ней он отмечал, что люди еще не преодолели того, что Т. Веблен называл «хищнической фазой» человеческого развития⁴. Цель социализма, новой формы общественных отношений, состоит именно в том, чтобы преодолеть хищническую фазу человеческого развития ради более высокой формы.

Современному управленцу необходимо помнить, что в современном образовании наибольшие пробелы относятся к области социальных наук. Поэтому возникает необходимость дополнительного образования (самообразования) в области культурологии и социальной психологии, самостоятельного мышления, а не ориентации на популярную публицистику и крайне непостоянную и неглубокую социальную моду. Так, важнейший для управления обществом вопрос о социальной стратификации сегодня выглядит абсолютно непроработанным. Классовая, экономическая и политическая теория Маркса оказалась несостоятельной. Где ныне пролетариат – передовой общественный класс? Когда отомрет государство, осуществляющее управление общественным хозяйством? Кого эксплуатирует владелец автоматизированного производства? Какое насилие и над кем нужно совершить сегодня для того, чтобы навсегда и исключить социальное насилие? Верными в теории Маркса остались идеи справедливости. Но это идеи, давно существовавшие в европейской и мировой культуре. Зато до нынешнего времени работают представления индийской философии, выделявшие несколько социальных слоев с четко различающимися функциями (рис. 1).

Современным аналогом касты жрецов (мыслителей) является духовная элита общества – ведущие богословы, ученые, представители высокого искусства. В наше время второй слой представлен политиками и силовыми структурами; третий – промышленниками и финансистами. Абстрагируясь от массы действительно важных обстоятельств, следует учитывать, что идеи развития могут генерироваться только мыслителями. Далее, через интеллигенцию (просвещенных, но не генерирующих пассионарные идеи людей), журналистику, массовое искусство – идеи передаются политическим элитам. Третий слой общества обеспечивает материальную реализацию очередных новаторских идей. Конкуренция за власть возможна лишь между вторым и третьим слоем элит, т.к. мыслителям ни политическая, ни

¹ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1998.

² Путешествие Бернарда Шоу в Москву. – <https://mamlas.livejournal.com/2746814.html>

³ Эйнштейн А. Почему социализм? // За науку. Газета МФТИ. – М., 2003. – Вып. № 33.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.

финансовая власть не нужны в принципе, они властвуют над умами и душами людей. Следующие за ними элиты часто спорят по известному принципу:

«Всё моё», — сказала злато;
«Всё моё», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказала злато;
«Всё возьму», — сказал булат.
(А.С. Пушкин, 1814)

Рисунок 1.
Пирамида древнеиндийских «варн»

По указанной причине массовые иллюзии о руководящей роли финансовых элит явно не имеют под собой объективной основы. Финансовые магнаты способны коррумпируют власть и увлеченно занимаются этим всегда, но видеть долгие смыслы бытия человека и общества они не могут в силу своего, специфического, приземленного способа мышления.

Столь же не просвещено современное общество и в проблемах оптимальной организации общества. Еще в IV в. до н.э. Аристотель по казал, что демократия – одна из быстро вырождающихся, несостоятельных форм правления.

«Полития», предложенная Аристотелем модель оптимального устройства общества, строилась на идеях ответственности каждого из социальных слоев, а также просвещенности и ответственности самого народа. С позиций Аристотеля устройство современного «либерального» западного общества следует определять как смешение «олигархии» и «охлократии» (власти толпы). Следует признать, что социально непросвещенные народные массы (в охлократии это «охломоны») в современном псевдолиберальном обществе требуют одного – «больше хлеба», так как зрелищ, пусть и крайне примитивных, им предоставляют достаточно. Наивные массы «либерального» общества практически ничего не знают о высоких смыслах бытия, более того, их духовная элита, – философы, мыслители, представители искусства, стоящие на позициях крайнего индивидуализма, утверждают, что таковые смыслы не даются человеку высшими силами, а создаются им самостоятельно (постмодернизм, трансгуманизм и др. течения). В итоге бездуховное общество живет лишь короткими смыслами и не видит сути будущего, что делает его принципиально нежизнеспособным.

Условия для формирования общества-политии возникли лишь в наше время, но еще не были реализованы. ТОР предложена проработанная первичная модель социально-экономической организации гармонично развивающегося современного социума (ее начальная, утопическая фаза, требующая общественной дискуссии). Она была обсуждена на заседаниях Международной академии организационных наук (Центральный экономико-математический институт) и Академии философии хозяйства (экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) и получила поддержку.

В. Парето была отмечена неизбежность последовательного вырождения лидирующих социальных групп, свойственная современному типу устройства общества: элиты «львов» – «лисиц» – «шакалов»¹. ТОР поясняет, что в основе механизма такой трансформации лежит нарушение принципа баланса ответственности и привилегий элит. Осуществление власти требует как ответственности элит за реализацию целей общего блага, так и необходимых дополнительных ресурсов (привилегий) для выполнения общественно значимых функций людьми облеченными властью. Но ответственность обременительна, а привилегии приятны. По мере того, как действия элиты перестают руководствоваться благородной идеей (высокими смыслами бытия) и интересами общества, наступает фаза эгоистического существования элит, ориентированная на короткие, материальные смыслы собственного существования. В результате нарастает протест общества, старые элиты сметаются с политической сцены под руководством лидеров контрэлит. Далее, обычно, реализуется очередной цикл истощения идеологий и одряхления элит.

Каковы же конкретные рекомендации ТОР в решении современных проблем социально-экономического развития на уровне программ модернизации на региональном уровне управления? Они вполне конкретны:

1. Необходим периодический аудит научных школ вузов и независимых творческих центров региона. Именно там рождаются многие новые идеи, важные для модернизации экономики и социальной жизни региона. Руководство

¹ Осипова Е.В. Социологическая система Вильфредо Парето // История буржуазной социологии. – М.: Наука, 1979.

региона, после знакомства с этими идеями, может выбрать для практического внедрения наиболее реальные и значимые из них.

2. Создание в регионе курируемых структурами власти институтов (структур) анализа и поддержки инициатив развития, исходящих из научно-образовательных и общественных структур, а также инициатив выдвинутых гражданами индивидуально.

3. Формирование опорных социальных структур, дополняющих вертикаль власти. Речь идет об ответственности и инициативе территориальных общин (ТОС) в реализации программ социально-экономического развития соответствующих избирательных округов. Таким образом, общины, как «горизонталь власти», дополняют деятельность «вертикали власти».

4. Постепенный переход от устаревших форм взаимодействия власти и избирателей, не насыщенных взаимной ответственностью за реализацию общих целей, к ответственной форме, в виде заключения ТОСами и их объединениями «социального контракта» с кандидатами на выборные должности. По окончании полномочий, избранный по социальному контракту, отчитывается об итоговых результатах работы, получая поддержку для новых выборов на прежний или более высокий пост. При неудовлетворительном исполнении – отстраняется от власти или несет ответственность по закону за допущенные нарушения¹.

5. Проведение региональных конкурсов «Ваше благородие», ориентированных на моральную, налоговую, инвестиционную и иную поддержку тех предпринимателей, которые создали новые эффективные производства, значительное количество рабочих мест, участвовали в решении значимых социальных проблем, предложили инновационные идеи, принятые к исполнению и т.п.

6. Поддержка функционирования религиозно-философских региональных сообществ, разрабатывающих теоретические и практические аспекты современной духовности, ориентированные на просвещение и пропаганду высоких смыслов бытия, морали и нравственности, достижение целей общего процветания.

Подробное изложение модели гармоничного развития общества с позиций ТОР представлено в монографии «Введение в теорию оптимума развития»², опубликованной автором статьи в 2018 г. Итоговый вывод работы выглядит следующим образом: «Для реализации уникального творческого потенциала граждан нашей страны автор предлагает девиз: **«Сегодня в России Бытие есть принятие Ответственности и призвание к Гармонии! Сегодня в России Бог!»**. Отнестись к этому, можно по-разному. Одни увидят в этом лишь игру слов, другие – напоминание о пассивных свойствах русской культуры.

¹ Шелкопляс Е. В. Школа как фактор современной социальной организации и центр территориальной общины. – Иваново: Общество «Знание» России, 2012.

² Шелкопляс Е.В. Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография: в 2 кн. – Иваново, 2018.

Яницкий О.Н.

д.филос.н., профессор, гл.н.с. Федерального центра теоретических и прикладных социологических исследований РАН
oleg.yanitsky@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Ключевые слова: *геополитика, гибридизация, глобализация, индивид, информационные технологии, наука, стратегические проекты, технологии.*

Keywords: *geopolitics, hybridization, globalization, individual, informational technologies, science, strategic projects.*

1. Введение

Современное общество, используя новейшие достижения научно-технической мысли, переходит от этапа создания отдельных социотехнических проектов к разработке больших, все чаще глобальных, проектов транснационального масштаба, серьезно трансформирующих расстановку глобальных геополитических сил и ситуацию в транзитных или сопредельных странах. В статье показывается, что стремление отдельных стран к реализации подобных трансконтинентальных проектов вызывает не только серьезную озабоченность других субъектов международного сообщества, но и серьезно нарушает баланс глобальных и национальных геополитических сил. Именно поэтому подобные начинания получили в научной литературе название стратегических проектов.

По нашему убеждению, все социальные процессы по сути своей являются гибридными. Гибридизация, то есть соединение и взаимодействие разнокачественных структур и процессов, является неотъемлемым свойством любого природного или социального процесса, в том числе, глобального масштаба.

2. Подход к проблеме, ее границы и использованный материал

Стратегические проекты – не новое изобретение. Они периодически возникали в истории человечества как модели общества будущего или как программы преобразования мира на основе принципов равенства, братства и справедливости. Классическим примером такого проекта был Коммунистический манифест со всеми последующими попытками его политико-экономической реализации. Стратегические проекты не обязательно возникали как проекты, которые можно было бы реализовать в ближайшем будущем. Стратегические проекты прошлого в отличие от коммунистических и социалистических утопий всегда имели солидное теоретико-методологическое обоснование и даже политическую организацию для его продвижения, одной из которых был, например, Коммунистический интернационал.

Не все стратегические проекты прошлого имели глобальный масштаб, но интенция (установка) на их глобальную реализацию была практически у всех них. Соотношение стратегии и тактики их реализации заслуживает специального анализа, здесь отмечу только что их специфика и соотношение зависели от политико-экономического и научно-технического потенциала субъекта действия, а также – от степени трезвой оценки соотношения сил. Не случайно поэтому, что большевики, продолжая поддерживать Коминтерн, в 1920-х гг. взяли курс на построение социализма в одной, отдельно взятой стране.

К основным признакам стратегического проекта я отношу: наличие его идеологической основы и программы (проекта) конкретных действий, оценку соотношения сил на мировой арене, а также материальных и интеллектуальных ресурсов, необходимых для реализации такого проекта. С этой точки зрения, развал СССР и последовавшая за ним перестройка на рыночной основе были не проектом, а естественноисторическим событием.

Современные стратегические проекты бывают как геополитические (политико-экономические), так и научно-исследовательские, однако последние всегда в той или иной степени являются инструментом для совершенствования и развития первых.

3. Используемый теоретический аппарат

Здесь **ключевое слово** – **проекты**, как специально проектируемые и создаваемые человеком конструкции глобального масштаба, имеющие определенные геополитические цели, чаще всего – для расширения зоны своего влияния, преимущественно экономического и политического характера. В своей повседневной деятельности мирный или военный человек всегда пользовался не только выгодными для него условиями природного ландшафта, но и создавал мосты, временные переправы, туннели, устраивал запруды на реках и т.д. и т.п., помогая тем самым себе добиваться максимальных результатов быстрее и с наименьшими потерями. Соответственно, развивались отрасли знания, участвовавшие в этом виде проектирования, создавая для него необходимые инструменты и средства.

Однако даже во время Второй мировой войны такое проектирование имело ограниченный, т.е. локальный, характер, хотя предпосылки для стратегического проектирования, такие как глобальная радио и телефонная связь, как воздушная, так и подземная, создавались и развивались. Так, до сих пор мало кто понимает, что освоение Северного морского пути в 1920–1930-х гг. и знаменитые перелеты советских летчиков в США через Северный полюс имели своей целью не только поставить очередной мировой рекорд, но и показать, что в случае войны стратегические цели США вполне достижимы для вооруженных сил СССР именно таким неординарным способом.

Качественный сдвиг в стратегическом проектировании пришел одновременно с развитием современных информационно-коммуникационных технологий и военной техники. Стало технологически возможным достигать свои геополитические цели двояким способом: посредством комплексного (экономического, политического идеологического и культурного) давления на вероятного противника и конструирования региональных и глобальных геостратегических проектов с целью подчинения социально-территориальных структур других государств своим экономическим и политическим интересам.

Соответственно, в 1960–1970-х гг. в США, а позже и в РФ, стала быстро развиваться концепция стратегической культуры. Эта концепция долгое время развивалась с военно-стратегической целью, а именно – с целью создания эффективной культуры «сдерживания» СССР как наиболее вероятного противника альянсом наиболее развитых стран Запада, а потом и НАТО. Однако сегодня по мере роста ядерного и иного потенциала средств массового поражения во многих странах мира, а также средств их практически мгновенной доставки в любую точку мирового пространства, значение концепции стратегической культуры приобретает всеобщий характер.

Более того, данная концепция необходима человечеству для выработки средств защиты природы и человечества от неимоверного и очень быстрого наращивания разрушительного потенциала, производимого современным капиталистическим способом производства. Однако эта задача – необходимость самозащиты человечества от им же произведенных средств подавления и разрушения собственной среды обитания и жизнеобеспечения – очень медленно осознается глобальным общественным сознанием. Медленно опять же потому, что оно формируется и контролируется масс-медиа, которые сегодня стали основным «приводным ремнем» формирования общества потребления, которое не желает осознавать даже ближайшие негативные последствия своей потребительской ориентации.

Одновременно сегодня быстро формируется социальный институт глобального стратегического планирования, который постоянно нуждаясь в информационных, материальных и интеллектуальных ресурсах, стимулирует развитие стратегических транснациональных проектов.

Почему речь идет именно о **глобальных проектах**? Действительно, в ходе человеческой истории было немало случаев, когда те или иные европейские страны осваивали новые земли и континенты. Однако долгое время это были завоевательные походы, потому их инициаторы и участники назывались конкистадорами. В нынешних условиях, когда такие глобальные проекты только формируются и обсуждаются, трудно сказать какой характер они обретут: односторонний, то есть «завоевательный», или же дружеский и взаимовыгодный. Однако в том и другом случаях неизбежно произойдет нарушение природных экосистем и расхищение их ресурсов. До статочно упомянуть нарушение естественного режима рек и ухудшение гидрогеологической обстановки на обширных территориях.

Наконец, почему речь именно о **стратегических проектах**? Здесь нелишне напомнить о главной задаче, которую ставили себе участники сорока докладов Римскому Клубу. Стратегической задачей всех их усилий было теоретическое и практическое определение «пределов роста» человечества как агрегированного биологического и социального существа. Однако сегодня, после 50 лет работы Римского Клуба, отчетливо видно, что задача самоограничения капиталистического способа производства с самого начала была невыполнимой. Этому способу производства чуждо всякое самоограничение и мирное сосуществование. Только непрерывные экспансия и военные действия, «традиционные» или «гибридные», расхищение природных ресурсов и омертвление социальных, способны поддерживать капиталистический способ производства (в его нынешнем виде!) на плаву. Так что Ф. Энгельс был прав, но лишь частично: не человек живет природой, а капиталистический способ производства в целом!

Отсюда возникает вопрос, каким способом эта проблема будет решаться сегодня: самоограничением экономических притязаний, войнами на взаимное подавление или разрушение, или же – переселением самых богатых и «продвинутых» на другие планеты? Так или иначе, поставленная более полувека назад стратегическая проблема «пределов роста» остается нерешенной.

4. Гибридные действия и войны

Почему-то считается, что они – продукт современной эпохи. Действительно, гибридные войны, малые и большие, присущи новейшему времени благодаря появлению новых средств коммуникации и информационно-коммуникационных технологий. Однако полагать, что до эпохи постмодерна таких войн не существовало вообще, принципиальная теоретическая ошибка. Все социальные процессы в природе и обществе по сути своей являются гибридными. *Во-первых*, и это принципиальный пункт, суть всякого метаболического процесса, идущего в косной природе и живых системах, состоит в его множественных взаимодействиях с другими их элементами или организмами самого разного характера: во взаимном стимулировании, превращении одного в другой, подавлении, сращивании или во взаимной аннигиляции.

Во-вторых, все орудия труда, охоты и быта, когда-либо созданные человеком, всегда могли быть использованы двояко, как средство достижения цели своего труда, доступа к необходимым ресурсам или же, как орудие уничтожения вероятного противника.

В-третьих, какую бы сферу человеческой деятельности мы бы ни взяли, например, врачевание, и доктор, и приложенная к данному лекарству подробная инструкция, всегда указывают пациенту не только допустимые дозы и режим приема данного лекарственного средства. Но также указывают и на возможные негативные эффекты его взаимодействия с другими лекарственными препаратами, а также с организмом данного больного.

В-четвертых, как это ни парадоксально наша повседневная «мирная» жизнь имеет гибридный характер не только потому, что мы умеем одновременно совмещать несколько действий, но все чаще носим с собой перцовый баллончик, газовый пистолет или электрошокер.

В-пятых, в живой природе также постоянно идет борьба за выживание, чему немало способствуют колебания погоды и климата. Но в живой природе существует и масса форм «взаимопомощи» разных растений и других форм жизни.

Наконец, социальные общности, реальные и виртуальные, также являются способом самосохранения и выживания человеческих сообществ. Недаром было совсем похороненная социологами массовых коммуникаций такая область социологического знания, как социальная экология, «вдруг» возродилась в США, да к тому же в той самой Чикагской школе человеческой экологии (*human ecology*), где была создана 100 лет назад.

5. Глобальные стратегические проекты: вызовы и ответы

На основе доступных любому исследователю источников, условно можно выделить несколько типов таких проектов и вариантов ответа на них.

О двух уже было сказано выше, это – Коммунистический интернационал и проекты типа Северного морского пути. Третий – это известный международный проект «Пределы роста», развивавшийся в течение 50 лет международным коллективом ученых при политической и финансовой поддержке Римского Клуба.

Четвертый глобальный проект, ориентированный на изучение глобальных рисков (*The Global Risk Report*, 2019), методологически исходит из представления о глобализации всего мира и ориентирован на изучение глобальных рисков, возникающих в процессе глобализации. В принципе он тоже *ориентирован на стратегическую оптимизацию сложившейся глобальной ситуации*, однако этот проект также исходит из «естественного хода» процесса глобализации, не подвергая сомнению сложившийся социальный, то есть капиталистический, порядок.

Пятый такой проект, как, например, «Один пояс—Один путь», носит уже исключительно *геополитический и проектный характер*, так как предполагает строительство некоей трансконтинентальной инфраструктурной «иглы», которая, начинаясь на территории Китая, пройдет по территории десятка стран, и дойдет до Европейского Союза. Естественно, что такой трансконтинентальный и транснациональный проект изменит расстановку геополитических сил на планете в пользу Китая и его союзников и потому уже сегодня вызывает беспокойство и даже сопротивление других участников глобального геополитического процесса. Напомню, что одновременно Китай стремится обеспечить себе еще два водных «пути»: к Индийскому океану и к Южно-Китайскому морю, а оттуда, охватывая Ближний Восток, через Средиземное море к югу Европы.

Поэтому характерно, что такой грандиозный геополитический проект вызвал беспокойство у российских властей, которые сначала согласились, а потом отказались от участия в нем, предложив свою альтернативу: использование Северного Морского Пути для торговых и иных связей США и Канады с Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Насколько этот трансконтинентальный проект, несомненно, выгодный для РФ, будет реально использован другими странами, пока неясно.

Международный проект «Исследование глобальных рисков», носящий научный, нежели геополитический, характер, может продолжаться бесконечно, так как он непосредственно не затрагивает ничьих интересов, хотя при ближайшем рассмотрении, он может оказаться весьма полезным при стратегическом планировании действий ведущих держав мира или их альянсов. Напротив, проект «Один Пояс—Один Путь» является очевидным вызовом не только для США и ЕС, но для самого принципа относительного геополитического равновесия сил на планете. Я имею в виду пресловутую идею «устойчивого развития», на которой зациклены практически все международные институты глобальной политики, включая ООН. Удивительно, с каким упорством отстаивается эта идея, хотя всем серьезным исследователям уже давно ясно, что любая «устойчивость» достигается только через непрерывные структурно-функциональные изменения.

Естественно, что сказанное выше не означает, что всякий трансконтинентальный проект вызовет новые противоречия и конфликты. Но это отнюдь не означает, что каждый проект, так или иначе вносящий изменения в сложившуюся среду обитания людей и природы, не должен быть подвергнут тщательному экспертному анализу и общественному обсуждению.

6. «Ответ» природы на вмешательство человека в ее экосистемы

Анализируя новые стратегические проекты, мы не должны забывать о дрящемся веками вмешательстве человека и природные экосистемы. Это, пожалуй, самый серьезный вызов, который человечество бросает сегодня природе. Проблема здесь в том, что эти вызовы много веков носили локальный и даже точечный характер, и если ресурсы жизнеобеспечения в данном месте заканчивались, то община или другая социальная общность или переходила в другое место, или же мобилизовала необходимые ресурсы на соседних или все более удаленных территориях. В итоге человеческие сообщества где-то до середины XVIII века не слишком-то заботились о сохранении природы, если не считать угодий, специально предназначенных для царской охоты или других забав аристократии.

Однако к началу XX века явно обозначилась проблема, о которой на Неделе Земли в 1970 г. известный американский биолог и эколог Б. Коммонер сказал, что круг замыкается и «природа предъявляет счет». Но потребовалось еще почти 50 лет, чтобы на Парижском саммите по климату были сформулированы основополагающие требования к человечеству, если оно не хочет еще более ускоренного движения к своему естественному концу.

40 Докладов Римскому Клубу, выполненные за те же полвека показали, что капитализм как система не может быть реконструирован таким образом, чтобы отодвинуть человечество от пропасти «общества потребления». Все предлагаемые проекты и решения, как например, «циклическая экономика», могут быть реализованы лишь локально, но никак не в глобальном масштабе. Мир пока не знает другой организации жизни как рыночная экономика, которая существует за счет эксплуатации природных ресурсов, необходимых для непрерывного роста потребления, которое неизбежно сопровождается накоплением отходов.

7. Стратегические проекты и индивид

В названных выше и многих других глобальных стратегических проектах проблема их воздействия на индивида, его сознание и поведение даже не упоминается. Тем самым подразумевается, что индивиды и их малые группы будут вовлечены в эти масштабные проекты тем или иным образом. Да, несомненно, будут вовлечены, но каким именно образом? Ведь реализация подобных проектов может длиться несколько десятилетий, т.е. в течение как минимум двух поколений населения транзитных стран.

К сожалению, история реализации подобных проектов, как, например, Транссиба, нигде детально не задокументирована. И вообще в то время жизнь простых людей, создателей подобных проектов никого практически не интересовала, эти люди рассматривались только как рабочая сила, которая тогда всегда была в избытке, – только и всего. Вспомним классику, например, «Железную дорогу» Н.А. Некрасова. Попробую в общих чертах, разобраться в этой глобальной проблеме нового типа на примере архетипического проекта «Один Пояс–Один Путь».

Во-первых, подобные проекты будут воплощаться в условиях рыночной экономики. Это означает, что *стратегической целью и драйвером подобных проектов будут накопление капитала и геополитическое влияние*. В этом случае люди, их потребности и интересы являются вторичными. Это не означает, что о строителях, которые будут реализовывать подобные проекты, совсем не будут заботиться – будут, но только как о рабочей силе. История Транссиба (ее историческое название Великий Сибирский Путь) и других подобных начинаний свидетельствует в пользу именно такого вывода.

Во-вторых, подобное начинание в эпоху Четвертой промышленной революции означает, что оно будет рассчитано и спроектировано «умными машинами» на основе «Больших данных». Следовательно, в создании и реализации подобных проектов, в первую очередь, будут задействованы IT-специалисты, и лишь когда все уже будет рассчитано, нужна будет рабочая сила. Но и в этом случае, как показывает история, Китай или любая другая страна, реализующая подобный проект, задействует, прежде всего, своих специалистов и свою рабочую силу, которой у них в избытке.

В-третьих, такой проект – это не только линия коммуникаций большой протяженности. Это создание «полосы отчуждения», длинной в несколько тысяч километров, которая на многие десятилетия вперед превратится в международный «линейный город», с неизвестным ранее геополитическим статусом. Печальный опыт первых лет перестройки неопровержимо свидетельствует, что немецкие специалисты, прокладывающие международные трубопроводы, все привозили с собой, начиная от труб и сварочных аппаратов и до самих строителей. Даже временные рабочие поселки они привозили с собой, монтировали, жили в них, и по окончании работ увозили обратно.

В-четвертых, подобные проекты предполагают не только «полосу отчуждения», разрушающую или затрудняющую веками сложившиеся местные экономические, социальные и культурные связи. Те, кто будет работать в этой полосе отчуждения, как опять же свидетельствует имеющийся опыт, будут или «вахтовиками» или же просто людьми, утравившими всякую связь со своей Малой родиной. Корпорации, реализующие подобные проекты, периодически тасуют состав служащих в подобной полосе, чтобы у таких временщиков не образовывалось сплоченных коллективов.

В-пятых, непрерывная социальная и пространственная мобильность лиц, занятых на разных работах в «полосе отчуждения», создает *устойчивый архетип маргинальной личности*, которая своим «бивуачным» образом жизни, приучает человека к выполнению нескольких стандартных операций (как например, проводники в поездах дальнего следования или стюарды в самолетах или круизных судах).

В-шестых, такой стандартизированный образ жизни ведет к утере индивидом таких важных человеческих свойств как изобретательность и мастеровитость. Но не менее важный результат подобной стандартизации – это потеря чувства локтя и человеческой солидарности. Тем самым подтверждается тезис, что человека можно превратить в послушное животное, не прибегая к насилию – достаточно предложить индивиду хорошо оплачиваемый, но абсолютно стандартизированный труд.

В-седьмых, создание «полосы отчуждения» неизбежно приведет к нарушению функционирования не только локальных, но и транснациональных экосистем, например, больших и малых рек. Конечно, подобное нарушение имеет место при создании каскадов гидроэлектростанций, при реализации проектов «Поворота рек» или «Глобальной энергетической сети», тотальной химизации производства продуктов сельского хозяйства и т.д. В свете сказанного совсем не случайным является факт массовых протестов гражданских экологических объединений типа «Реки без границ» и многих других.

В-восьмых, в проектировании, строительстве и эксплуатации такого трансконтинентального комплекса будут задействованы высококвалифицированные специалисты, владеющие теорией и инструментами создания IT-систем. По моему многолетнему наблюдению за рядом молодых специалистов, они не только думают и общаются на специ-

фическом IT-языке, но *они мыслят в совершенно иных категориях* времени и пространства, недоступных для рядового потребителя. Тем самым, создается еще один культурный барьер между проектировщиками и создателями подобного комплекса и населением тех стран, которые он будет пересекать.

В-девятых, уже сегодня Западную Европу (по сравнению с Россией или огромными пространствами Средней Азии или Китая) можно условно назвать единым городом, настолько плотно она до недавнего времени была заселена представителями одной культуры. Конечно, национальные различия сохранялись, но были несущественными. Сегодня же эта благополучная Европа переживает трудные времена вследствие вторжения на ее территорию огромного потока мигрантов из стран Африки и Ближнего Востока. Это вторжение тоже можно трактовать как «проект», только реализуемый явочным порядком при поддержке европейской политики «толерантности». З. Бауман назвал это вторжение кризисом Европы, я же предлагаю его именовать «организованным нашествием».

В-десятых, именно социальное неравенство между богатым «Севером» и бедным «Югом», помноженное на информационно-коммуникационные возможности, созданные новой технологической революцией, породило качественно иной вид «стратегического проекта». Его суть – в хаотическом движении огромных масс населения, ставящего под вопрос существование самой европейской цивилизации. Возникает закономерный вопрос, на который современная наука пока не может дать ответа: а не произойдет ли то же самое и с предыдущим архетипом стратегического проекта, то есть, *не помешают ли его реализации социальные движения больших народных масс* тех стран, которые будет пересекать данный транснациональный проект?

8. Заключение

Стратегические проекты являются современной формой геополитической экспансии, какими бы лозунгами они не прикрывались. Поэтому подобные проекты, включая якобы стихийные перемещения огромных масс населения, являются механизмами борьбы за экономическую власть и политическое влияние.

Стратегические проекты в их самых разных формах не решают кардинальной задачи мирового сообщества: создания и поддержания относительного глобального равновесия сил, мира и сохранения природы. Напротив, они ее только обостряют. Но отрицательный результат – тоже результат.

Филантропия капиталистов – я имею в виду 40 докладов Римскому Клубу – не может быть решением проблемы. Равно как задача смягчения международной напряженности не решается многолетней мантрой «устойчивого развития». В условиях рыночной экономики «устойчивость» одних всегда достигается через ограничение и подавление развития других.

В продвижении действительных стратегических проектов как совокупности усилий для достижения общего блага ключевую роль должна сыграть современная наука в форме междисциплинарных исследований, в которых обязательно должны принимать участие гражданские организации. Если геополитические действия стали повсеместно гибридными, значит, и ответ на них должен быть комплексным, всесторонним.

Да, население земли становится все более мобильным, однако его тотальное превращение в «вахтовиков» грозит исчезновением таких важных цивилизационных феноменов как приватная жизнь, семья и соседство, локальная культура и самого понятия «Малая родина».

Наконец, нельзя допустить, чтобы разнообразие мировых цивилизаций сменилось их сплошной «цифровой» унификацией. «Цифра» – всего лишь инструмент, а не суть нового цивилизационного этапа.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

*Баубериков Г.Ж.*¹

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Ключевые слова: *информационно-психологическое воздействие, формы, методы, информация, война, специальная операция, противодействующие силы, морально-психологическое обеспечение, незаконные вооруженные формирования.*

Keywords: *information and psychological impact, forms, methods, information, war, special operation, opposing forces, moral and psychological support, illegal armed groups.*

Современные формы, методы и способы ведения войны или боевых действий постоянно усложняются и совершенствуются, переходя все больше в информационно-психологическую сферу. На смену «человеку с ружьем», пришли более совершенные методы достижения победы над противником. Исходя из того, что в современном мире доминирующее положение занимает капитализм, со своей концепцией естественного отбора, где должен выжить сильнейший, то и сфера войны здесь также не стала исключением и была подчинена этому принципу – борьба за свои интересы или достижение желаемого результата разными способами, где приоритет отдан более дешевым, эффективным и «бескровным» формам и методам ведения войны. Война в традиционном ее понимании требует огромных затрат, которые могут включать в себя множество различных направлений и мероприятий, которые являются по своей сути невыгодным, громоздким, крайне затратным, а также не всегда обеспечивающим 100% результата действием. К таким затратам можно отнести: закупку вооружения и техники, боеприпасов, их хранение, обслуживание и эксплуатацию, содержание огромного количества личного состава, его обучение, питание, пошив обмундирования и снаряжения, вопросы всестороннего обеспечения, логистики и т.д. Данный перечень можно продолжать долго. На современном этапе на смену «горячим» или традиционным войнам приходят более простые и одновременно сложные, менее затратные, но более эффективные формы и способы достижения целей традиционной войны.

Сейчас, как впрочем и во все времена, противоборствующие стороны победу старались достичь с наименьшими потерями в силах и средствах в наиболее короткие сроки. С развитием техники и вооружения развиваются и другие нетрадиционные методы достижения победы над противником. Если поразмыслить логически – зачем уничтожать материальные и нематериальные ресурсы противника, когда их можно будет использовать в дальнейшем самому и овладеть ими, получить это все без единого выстрела, используя лишь информацию и достижения психологической науки, манипулирование, то есть формы и методы информационно-психологического воздействия.

По мнению военных аналитиков Министерства обороны Российской Федерации Попова И.М. и Хамзатова М.М., сферы ведения современной войны можно разделить на три направления: физическую, информационную и антропосферическую². Причем роль и значение информационной сферы и антропосферы (эмоционально-психологическое состояние, когнитивная сфера, концентриальная сфера, социальная среда) многократно возрастает. Физическая сфера стала менее популярной и идет на убыль, используя лишь в самом крайнем случае, когда не срабатывают две другие. Эти две сферы можно отнести к системе морально-психологического обеспечения (далее МПО) боевой и повседневной жизнедеятельности силовых структур. Поэтому вопросы морально-психологического обеспечения служебно-боевой и правоохранительной деятельности в целом приобретают и имеют тенденцию к постоянному росту своей актуальности и значения. Условно в самом общем виде к основным компонентам (видам) МПО можно отнести такие направления, как:

- информационно-пропагандистская работа;
- военно-социальная и правовая работа;
- психологическая работа;
- культурно-досуговая работа и обеспечение техническими средствами пропаганды;
- защита личного состава от негативного информационно-психологического воздействия³.

¹ Баубериков Газиз Жолдасбекович – доктор философии (PhD), полковник, начальник кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности Национальной гвардии, Национальный университет обороны им. Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, г. Нур-Султан.

² Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 2-е изд., испр. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 389.

³ Руководство по организации воспитательной и социально-правовой работы с личным составом Национальной гвардии Республики Казахстан, утвержденное приказом Главнокомандующего Национальной гвардией Республики Казахстан от 25 мая 2015 года № 215. – С. 95.

Особо хотелось бы обратить внимание на такой вид МПО, как защита личного состава от негативного информационно-психологического воздействия. При всей малоизученности данное направление со временем набирает все большую актуальность, вследствие все возрастающей роли информационной составляющей современных войн и конфликтов и является перспективным для развития. Необходимо отметить, что ключевым словом здесь является – защита, что подразумевает пассивную форму борьбы с противником или противодействующими силами. Из этого можно сделать вывод о том, что личный состав подвергается нападению или воздействию, занимая позицию пассивно обороняющегося объекта или жертвы от нападающего. Субъектам же нападения или воздействия отведена активная роль или доминирующее значение – роль нападающего.

В октябре 1989 года в американском издании «Marine Corps Gazette» в статье «Изменяющееся лицо войны: на пути к новому поколению войны» коллективом военных специалистов впервые был использован термин «война 4-го поколения» (The Generation Warfare – 4GW). Интересна представленная ими интерпретация поколений войн, где к первому поколению войн относятся классические войны до эпохи Наполеоновских завоеваний, ко второму – войны, направленные на истощение, индустриальной эпохи (от Гражданской войны в США до Первой мировой войны), к третьему поколению относится маневренная война, основанная на тактике просачивания, блицкрига и других принципах, появившихся после Первой мировой войны. Четвертым же или современным поколением, считаются войны, имеющие свои особенности и специфику, заключающиеся в использовании «гибридных методов» войны, в которых львиную долю составляет информационно-психологическое воздействие не только на противника, но и на его местное население, средства массовой информации и органы власти¹. Такой подход выигрывает тем, что минимизирует потери и экономический ущерб, наносимый «горячей фазой» боевых действий. Целью этой войны будет «сокрушение противника внутренне», а не физическое его уничтожение. Военные усилия будут направлены на такие цели, как подрыв морального духа населения противника и разрушение культурной среды его обитания». «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, тот получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая медлительна к адаптации к новым условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение»². Американские военные специалисты считают, что психологические операции в будущем будут только набирать обороты и приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. Отсюда напрашивается вывод о том, что направление информационно-психологического воздействия имеет огромный потенциал развития в применении «гибридных» методов борьбы в современных условиях³.

Анализ военных конфликтов современности показывает, что физическое уничтожение противника все более явно уступает место воздействию на его волю, подчинению противника своей воле, то есть достижению целей войны без единого выстрела. В VI в. до н.э. великий китайский стратег Сунь-Цзы сформулировал глубокую мысль: «По правилам ведения войны наилучшее – вынудить государство противника сдаться покориться в целости, на втором месте – разгромить это государство... Поэтому сто раз сразиться и сто раз победить – не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить войско противника, не сражаясь»⁴.

Закономерно возникает вопрос, почему же не использовать этот потенциал в решении служебно-боевых задач, выполняемыми частями и подразделениями Национальной гвардии? Например, в специальных операциях по ликвидации незаконных вооруженных формирований, пресечении массовых беспорядков в населенных пунктах или в правительственных учреждениях и других мероприятиях. Этим самым можно минимизировать ущерб и потери среди личного состава и населения при выполнении задач в специальных операциях. Иногда в повседневной жизни, мы слышим фразу – «лучшая защита – это нападение!». Возможно, она не лишена смысла и, по мнению автора, из пассивной защиты и противодействия необходимо переходить в наступление, иначе говоря, из объекта воздействия переходить в категорию субъекта воздействия – оказывать активное информационно-психологическое воздействие на противостоящие силы, которыми, исходя из специфики выполняемых задач Национальной гвардии могут быть незаконные вооруженные формирования, террористические группировки или отдельно взятые террористы или преступники, а также категория сочувствующих или поддерживающих их лиц или нарушителей общественного порядка.

В настоящее время наиболее развитые армии мира обладают значительным потенциалом информационно-психологического воздействия на противника, являющимся важной составляющей их военной мощи и одним из средств достижения победы в современной войне⁵.

Если взять данный опыт на вооружение, то направление информационно-психологического воздействия для служебно-боевой деятельности Национальной гвардии в системе морально-психологического обеспечения будет являться новым компонентом или видом, требующим его исследования и развития, определения его сущности, содержания, целей, задач, форм и методов. Помимо этого, само направление информационно-психологического воздействия, исходя из специфики выполняемых задач, было бы целесообразным разделить на следующие направления:

– противодействующие силы (незаконные вооруженные формирования или организованные преступные группировки, отдельные террористы-боевики, нарушители общественного порядка и т.д.);

¹ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 2-е изд., испр. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 331–335.

² Там же, с. 332.

³ Военная доктрина Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554.

⁴ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 2-е изд., испр. – М.: Кучково поле, 2017. – С. 371.

⁵ Караяни А.Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах. – М., 1998. – С. 50.

– местные органы власти, взаимодействующие органы, средства массовой информации, общественные и религиозные организации и население.

Таким образом, хотелось бы дать определение данному направлению – информационно-психологическое воздействие представляет собой комплекс мероприятий по подавлению морально-боевого духа и боевой эффективности, психологического состояния личного состава незаконных вооруженных формирований, принуждению его к определенным действиям, формированию общественного мнения и условий, благоприятствующих выполнению боевых задач и достижению поставленных целей.

Сущностью информационно-психологического воздействия является слом воли противника, психическое изнурение и снижение, по давлению его психологического состояния, боевой активности, принуждение его к определенным действиям. Необходимым условием является создание информационно-психологической обстановки и общественного мнения, позволяющей выполнить поставленные задачи.

Целью информационно-психологического воздействия является выполнение поставленной задачи с наименьшими потерями в силах и средствах, а также исключением жертв среди мирного населения и минимизации нанесения экономического ущерба.

К задачам информационно-психологического воздействия можно было бы отнести:

1. С использованием всех имеющихся средств психологического воздействия добиться существенного подрыва и снижения морально-боевого духа и боевой эффективности, психического изнурения противодействующих сил, подавление и слома их воли к продолжению дальнейших действий;

2. Формирование общественного мнения, благоприятствующего выполнению боевых задач и достижению поставленных целей.

К формам информационно-психологического воздействия можно было бы отнести:

– организацию взаимодействия со средствами массовой информации, представителями местных органов власти, местным населением;

– психическое изнурение и подавление посредством поддержания постоянного повышенного психического напряжения незаконных вооруженных формирований, ведения переговоров, призыв и принуждение их к определенным действиям.

К методам информационно-психологического воздействия можно было бы отнести:

– создание положительного имиджа войск, законности, правомерности и необходимости проводимых ими действий, организация транслирования в социальных сетях и по каналам средств массовой информации выступлений командования, представителей местных органов власти, общественных деятелей и лидеров религиозных организаций и населения и т.д.;

– использование различных приемов и способов психологического воздействия: ведение переговоров, обращение с ультиматумом и призывами к капитуляции, убеждение сложить оружие и прекратить незаконные действия и сопротивление, внушение, распространение слухов, демонстрация силы, военной техники и оружия, ее огневых и маневренных возможностей, введение в заблуждение относительно численности личного состава, количества вооружения и техники, психическое заражение, манипулирование, запугивание, радио и звуковещание, использование элементов военной хитрости, мер по обману, дезинформации, маскировке. В будущем – использование последних достижений науки и техники (психотронного оружия, различных генераторов и приборов дистанционного психологического воздействия и т.д.).

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание на то, что информационно-психологическое воздействие как направление морально-психологического обеспечения имеет перспективу своего дальнейшего исследования и развития.

Бейдина Т.Е.

д.полит.н., профессор, зав. кафедрой, Забайкальский государственный университет
beydina@yandex.ru

Новикова А.В.

к.полит.н., доцент, Забайкальский государственный университет
anna_novikova2010@mail.ru

Кухарский А.Н.

стажер-исследователь, Забайкальский государственный университет
kukharskijartjom@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ И ПУТИ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова: информационная безопасность, муниципалитеты, Забайкальский край, модернизация, органы власти, система управления.

Keywords: information security, municipalities, TransBaikal territory, modernization, authorities, management system.

Информационная безопасность связана с увеличением как технических, так и информационных средств в политическом взаимодействии и пересмотром целей и задач государственных и муниципальных органов власти, органов обеспечения национальной, региональной и муниципальной безопасности. Переход в новое состояние по решению проблем функционирования информационной безопасности и новые задачи российского государства и общества в современных условиях связаны с возникновением совершенно новых угроз как национальной безопасности в целом, так и ее основных составляющих – социально-политической и информационной безопасности. Данные угрозы необходимо преодолевать, в том числе путем интеграции новых информационных систем безопасности и модернизации информационных каналов связей. Актуализирует проблему обращение к депрессивному региону – Забайкальскому краю. Данные обстоятельства указывают на необходимость переосмысления взглядов и разработку совершенно новых концептуальных подходов к вопросам информационной безопасности.

Междисциплинарность исследования информационной безопасности органов местного самоуправления Забайкальского края предполагает выход на технические, политические, экономические, управленческие и социологические науки. Проблемы информационной безопасности традиционно рассматривают, в первую очередь, с технических позиций, но нельзя забывать и об управленческих характеристиках. Модернизация развития России предполагает переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта.

Проблемы государственного регулирования в информационной сфере стали изучаться во второй половине XX в., когда стал развиваться международный обмен научно-техническими достижениями. Неоценимый вклад в данную область внесли: А.Б. Антопольский¹, Г.Т. Артамонов², И.Л. Бачило³, А.Б. Венгеров⁴, Я.Г. Дорфман⁵, Г.В. Емельянов⁶, В.А. Копылов⁷, В.Н. Лопатин, Г.Г. Почепцов⁸, М.М. Рассолов⁹ и др. Среди зарубежных ученых

¹ Антопольский А.Б. Актуальные проблемы учета и регистрации информационных ресурсов // Проблемы информатизации. 2001. – № 2.

² Артамонов Г.Т. О противоречиях перехода к информационному обществу // Вестник ВОИВТ. 1998. – № 3. – С. 42–44.

³ Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право / Под ред. академика РАН Б.Н. Топорнина. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005.

⁴ Венгеров А.Б. Право и информационное обеспечение АСУ // Советское государство и право. 1972. – № 8. – С. 28–36.

⁵ Дорфман Я.Г. Рецензия на книгу А.И. Михайлова, А.И. Черного, Р.С. Гиляревского «Основы научной информации» // Научно-техническая информация. – М., 1996. – № 7. – С. 46–47.

⁶ Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Информационная безопасность России. Учебное пособие / Под ред. А.А. Прохожева. – М.: Всероссийский научно-технический информационный центр, 2000. – С. 34.

⁷ Копылов В.А. Информационное право: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. – 512 с.

⁸ Почепцов Г.Г. Информационные войны. Серия: Образовательная библиотека. 2001. – 576 с.

⁹ Рассолов И.М. Информационное право. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 352 с.

можно отметить работы Н. Винер¹, В. Роберт², Дж. Бенигер³, Ш. Уилбур⁴, Дж. Рондфелдт⁵, М. Кастельс⁶, П. Фердинант⁷, Б. Новек⁸.

Специфической является информационная безопасность в органах государственной власти и муниципального управления. Для предотвращения утечки информации в данных органах формируются целый комплекс мероприятий, в том числе регулирование на предмет государственной тайны и конфиденциальной информации.

На основе опросов общественного мнения и выявления отношения «глубинки» Забайкальского края к информационной безопасности можно дать оценку системы информационной безопасности в органах муниципалитетов Забайкальского края, связанную с развитием современных информационных технологий. Здесь необходимо создать совершенные способы защиты автоматизированных информационных систем и программы для внедрения электронного документооборота. Необходимы формы персональной ответственности и контроля за использование информации вне исполняемых должностных обязанностей или для личных целей. Также эффективным методом контроля в муниципальных органах власти Забайкальского края будет совмещение технических средств с административными мерами контроля. Ограничение работ, осуществляемых с документами, которые содержат конфиденциальные сведения в рамках подразделений органов власти субъектов Российской Федерации как одним специалистом, так и несколькими, позволит снизить риск утечек информации во внешнюю среду. Оптимизация внутренних процессов, координация и управление персоналом подразделений администраций муниципальных районов являются первоочередными мерами улучшения информационной защиты работы различных органов местного самоуправления в Российской Федерации.

Важной административно-технологической проблемой является обоснование информационной открытости муниципальных органов, которая является основой их нового имиджа. В данном аспекте для совершенствования информационной открытости органов муниципальной власти необходимо разработать целый комплекс мероприятий. Необходимо регулярно организовывать депутатские приемы граждан, выездные заседания комитетов на значимых социальных объектах, депутатские рейды контроля исполнения нормативно-правовых актов как федерального, так и местного значения.

Для повышения доверия населения к муниципалитетам необходимо добиваться максимальной общественной подотчетности депутатов, что в частности предполагает:

- внедрение общих показателей для оценки и мониторинга общественной отчетности депутатов;
- обеспечение права избирателей на информацию о работе депутатов в думах и о позиции депутатов при принятии решений;
- создание условий для общедоступного получения информации о деятельности депутатов по системе «единого открытого информационного окна», где можно было бы узнать результаты голосования, включая стенограммы выступлений по различным вопросам;
- передачи радио, материалы публикаций, должны отвечать критериям открытости и прозрачности их работы (и содержать элементы общественного отчета);
- соответствие предвыборных программ деятельности депутатов законодательных органов муниципалитетов;
- развитие института общественных экспертов, оценивающих результаты функционирования депутатов;
- развитие практики участия граждан в заседаниях Дум.

Органы муниципальной власти должны опираться на принципы прозрачности, честности и открытости в своей деятельности. Обеспечение открытости деятельности органов муниципальной власти является самым верным способом повышения доверия граждан к властным структурам, успешному осуществлению проводимых в стране преобразований.

Выводы и рекомендации. Для выполнения поставленных целей и управленческих задач необходимо провести мероприятия по совершенствованию информационной безопасности, которые включают в себя административный и организационный уровни защиты информации.

Первый уровень защиты информации – административный. Для обеспечения деятельности по информационной безопасности необходима реализация политики информационной безопасности. «Политика безопасности – это набор правил и норм поведения, определяющих, как организация обрабатывает, защищает и распространяет информацию»⁹. При разработке политики безопасности, она не должна противоречить существующему законодательству страны и чем надежнее система, тем строже должна быть политика по информационной безопасности. В зависимости от выбранной политики безопасности необходимо выбирать индивидуальные методы защиты информации.

¹ Винер Н. Кибернетика. – М., 1968.

² Wright R. Three Scientists and Their Gods: Looking for Meaning in an Age of Information. – New York: Harper and Row, 1989. – P. 5.

³ Beniger J.R. The Control Revolution: Technological and Economic Origins of the Information Society. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1986.

⁴ Wilbur Sh.P. An Archaeology of Cyberspace. Virtuality, Community, Identity // Cybercultures Reader. 2000. – P. 45.

⁵ In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. – Santa Monica (Cal.): RAND, 1997. – P. 460.

⁶ Castells M. The Power of Identity. – Maiden (Ma.); Oxford: Blackwell Publishers, 1997. Цит. по: Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 494.

⁷ Ferdinand P. The Internet, Democracy and Democratization // Democratization. 2000. – Vol. 7, N 1. – P. 6.

⁸ Noveck B.S. Paradoxical Partners: Electronic Communication and electronic Democracy // Democratization. 2000. – Vol. 7, N 1. – P. 32.

⁹ Крупский А.Ю., Феоктистова Л.А. Информационный менеджмент: Учебное пособие. – М.: Дашков и К°, 2008. – 80 с.

Второй уровень по обеспечению защиты информации – это организационный уровень. К нему относятся следующие мероприятия, помогающие повысить защищенность информации:

- проведение работ по обучению и повышению профессиональных знаний специалистов по работе с современными программными продуктами;
- разработка мероприятий по совершенствованию систем информационной безопасности;
- организация инструктажа каждого специалиста для осознания всей важности и конфиденциальности информации, с которой он работает. Нередко разглашению конфиденциальной информации специалистом предшествует недостаточное знание правил защиты информации.
- контроль соблюдения правил и норм работы специалистов с конфиденциальной информацией;
- контроль соблюдения норм хранения всей документации;
- плановое проведение обсуждений, семинаров, собраний по вопросам обеспечения информационной безопасности;
- плановый контроль обслуживания информационных систем и инфраструктуры на работоспособность;
- включение системного администратора в систему.

Ключевое значение имеют технические методы обеспечения информационной безопасности. Программные средства – это основные элементы в реализации защиты информации. Для повышения эффективности этих средств рекомендуется проводить следующие мероприятия:

1. Введение паролей пользователей. Для контроля доступа к информационным системам необходимо ввести список пользователей, входящих в систему с индивидуальным логином. Данные пароли передаются специалисту с соответствующим инструктажем, а также создается срок действия пароля, по истечению которого необходимо поменять пароль. Ограничить число попыток входа в систему с неверным паролем.

2. Ограничить доступ к серверам. Данное ограничение будет контролировать системный администратор, реализующий доступ к соответствующей информации на сервере для каждого пользователя индивидуально.

3. Плановое сканирование систем и обновление антивирусных программ, что позволит обнаруживать вредоносные программы и устранить угрозу. Реализовать работы по установке средств антивирусной защиты. Для обеспечения эффективности необходимо настроить антивирус на плановое сканирование и обновление баз данных.

4. Установка на компьютер-сервер сетевого экрана Agnitum Outpost FireWall, данная программа блокирует несанкционированный доступ из сети Интернет¹. Этот сетевой экран реализует контроль за взаимодействием одного персонального компьютера с другими, блокируя несанкционированный доступ в систему. Он также отслеживает функционирование локальных программ и их взаимодействие, обеспечивая тем самым блокировку несанкционированной активности, действия шпионских программ и попыток взлома.

5. Анализ защищенности объектов вычислительной сети. Для реализации данной задачи можно воспользоваться программой «Сканер-ВС»², предназначенной для контроля защищенности сетей от внутренних и внешних угроз.

«Сканер-ВС» выполняет следующие функции:

- a) обеспечение контроля над сертифицированными программными средствами защиты информации;
- b) обеспечение защищенности загрузки системы;
- c) обеспечение анализа параметров подсистемы защиты информации;
- d) обнаружение слабых мест сервисов;
- e) анализ парольной системы;
- f) оценка эффективности механизмов очистки памяти и поиск информации на носителях информации;
- g) проведение анализа сетевого трафика.

Основные возможности системы:

- определение инвентаризации и топологии ресурсов сети;
- поиск уязвимостей;
- сетевой и локальный аудит стойкости паролей;
- поиск остаточной информации на носителях;
- перехват и анализ сетевого трафика;
- аудит программного обеспечения и аппаратной конфигурации;
- контроль целостности системы.

6. Информационной защитой персонального компьютера является программа защиты от спама. Защита от спама осуществляется путем выявления вредоносных почтовых сообщений. Можно использовать программы antis spam – «Spamoed»³, данная программа позволяет блокировать спам на компьютере и фильтрацию почты. Основным принципом функционирования заключается в том, что «Spamoed» автоматически блокирует ненужную пользователю электронную почту.

Современным средством предотвращения потерь информации при отключении электроэнергии является источник бесперебойного питания. Данное устройство обеспечивает питание всей сети или отдельного персонального компьютера в течение времени, достаточного для восстановления подачи электроэнергии или для сохранения информации. Информационной функцией данных устройств является сигнал, получаемый системой о том, что аппарат перешёл на работу от собственного аккумулятора и время данной автономной работы ограничено. Далее персональный

¹ Agnitum Outpost FireWall. – <http://www.agnitum.ru/support/kb/-article.php?id=1000295&lang=ru>

² Сканер-ВС. – <http://npoechelon.ru/production/65/4291?yclid=2819-290500710796405>

³ Spamoed. – <http://www.spamoed.com/>

компьютер переходит к завершению всех выполняющихся команд и отключается. Большинство устройств выполняет одновременно функцию стабилизатора напряжения.

Криптографическая защита информации обеспечивает режим целостности и конфиденциальности информации при ее передаче по каналам связи. Протоколирование является основной частью защиты информации.

Протоколирование решает следующие задачи:

- обеспечение отчетности пользователей;
- обеспечение воссоздания последовательности событий;
- обнаружение нарушений работы по защите;
- предоставление сведений для выявления проблем.

При протоколировании события необходимо записывать, следующую информацию:

- дата события;
- уникальный id-номер пользователя;
- тип события;
- результат действия;
- источник запроса;
- имена задействованных объектов;
- описание изменений, вносимых в базы данных защиты.

Эффективность системы информационной безопасности и действий системного администратора будет низкой при отсутствии методов анализа, хранения и сбора информации о состоянии защиты информации, централизованного управления всеми ее составляющими. Дело в том, что всякое средство защиты является одним из элементов общей политики безопасности, которая на уровне подсистем задается набором параметров и требований. Аудит работоспособности системы, всех правил и других элементов в системе информационной безопасности требует наличия средств мониторинга и управления. Для планового анализа данных и принятия управляющих решений необходим мониторинг.

Реализация данных мероприятий позволит:

- разграничить доступ в систему;
- повысить уровень защищенности каждого пользователя;
- внедрить и разработать эффективную политику информационной безопасности;
- уменьшить количество спама;
- блокировать вредоносные атаки через сеть;
- повысить уровень защиты рабочих станций.

Для каждого муниципалитета должна быть разработана политика информационной безопасности с учетом данных рекомендаций¹.

¹ Кухарский А.Н. Информационная безопасность муниципалитетов Забайкальского края и пути ее совершенствования // Постулат. – Биробиджан, 2017. – № 2 (16). – С. 11.

Борденков А.Г.

студент, Среднерусский институт управления филиал РАНХиГС

Сухарева А.А.

студент, Среднерусский институт управления филиал РАНХиГС

Шалаев И.А.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления филиал РАНХиГС

viper18111988@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Ключевые слова: финансовая безопасность, экономическая безопасность, Российская Федерация, ВВП, индикаторы.

Экономическую безопасность РФ можно рассматривать как состояние ее экономики и институтов власти, при котором осуществляется обеспечение и защита национальных интересов, а также имеется достаточный оборонный потенциал и социальная направленность развития государства в целом.

Состояние национальной экономики РФ в первую очередь определяется состоянием финансов, т.к. вся экономическая деятельность непосредственно связана с движением денежных средств и установлением финансовых отношений между различными хозяйствующими субъектами. В качестве одной из важнейших составляющих экономической безопасности необходимо выделить финансовую безопасность. Финансовую безопасность можно охарактеризовать как деятельность, которая связана с обеспечением защищенности финансовых интересов страны на разных уровнях финансовых отношений.

Рассматривая понятие финансовой безопасности стоит обратить внимание на основы финансовой системы, поскольку от ее эффективного функционирования в значительной степени зависит стабильность, устойчивость, экономическая безопасность страны и дальнейшее ее развитие. Под финансовой системой следует понимать совокупность различных сфер и звеньев, которые непосредственно связаны с формированием и использованием денежных фондов, а также отражают формы и методы распределения и перераспределения ВВП.

Структура финансовой системы РФ представлена на рис. 1.

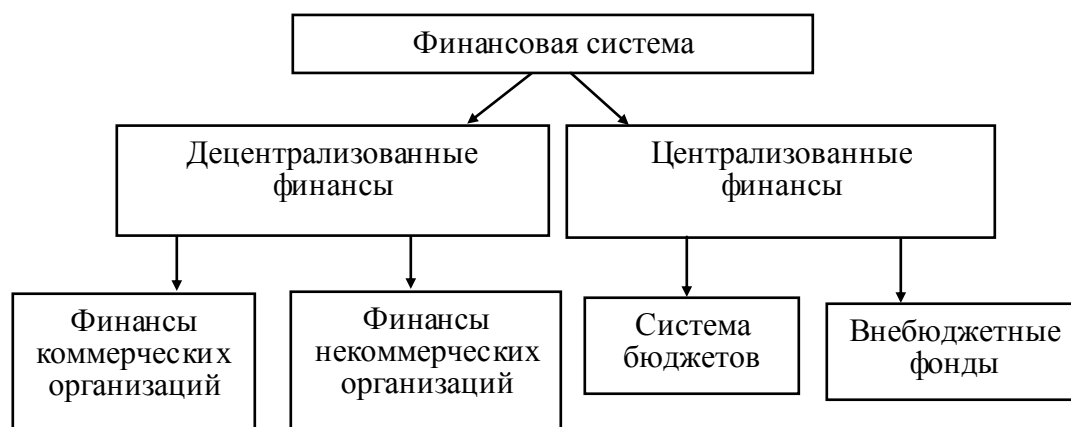

Рисунок 1.
Структура финансовой системы РФ

На данный момент в научной литературе существуют различные подходы к определению содержания понятия финансовая безопасность.

По мнению Е.В. Караниной, под финансовой безопасностью понимается состояние защищенности финансовых интересов на всех уровнях финансовых отношений, стабильность и стойкость финансовой системы страны в условиях влияния на нее внешних и внутренних дестабилизирующих факторов, которые составляют угрозу финансовой безопасности¹.

¹ Каранина Е.В. Финансовая безопасность: монография. – Киров: ВятГУ, 2015. – С.11.

В.Ш. Уразгалиев под финансовой безопасностью понимает способ, форму и результат постоянного разрешения и воспроизведения противоречия между ростом (падением) экономики и ее финансовой защищенностью в пользу формирования тенденции безопасного экономического роста страны¹.

В.В. Тишаев под финансовой безопасностью государства понимает состояние национальной экономики и финансовой системы, при котором несмотря на возможные негативные воздействия внешних или внутренних факторов обеспечивается устойчивое формирование государственных финансовых потоков в объеме, необходимом для надлежащего выполнения государственных задач и функций, эффективное использование государственных финансовых средств, создание на этой основе финансовых условий для стабильного, гармоничного социально-экономического развития страны².

В качестве основных факторов, влияющих на уровень финансовой безопасности государства, можно выделить: уровень финансовой независимости национальной экономики от внешних инвестиций; характер финансово-кредитной политики государства как внутренней, так и внешней; политический климат, который сложился в государстве; уровень законодательного обеспечения функционирования национальной финансовой системы.

Структура финансовой безопасности государства представлена на рис. 2:

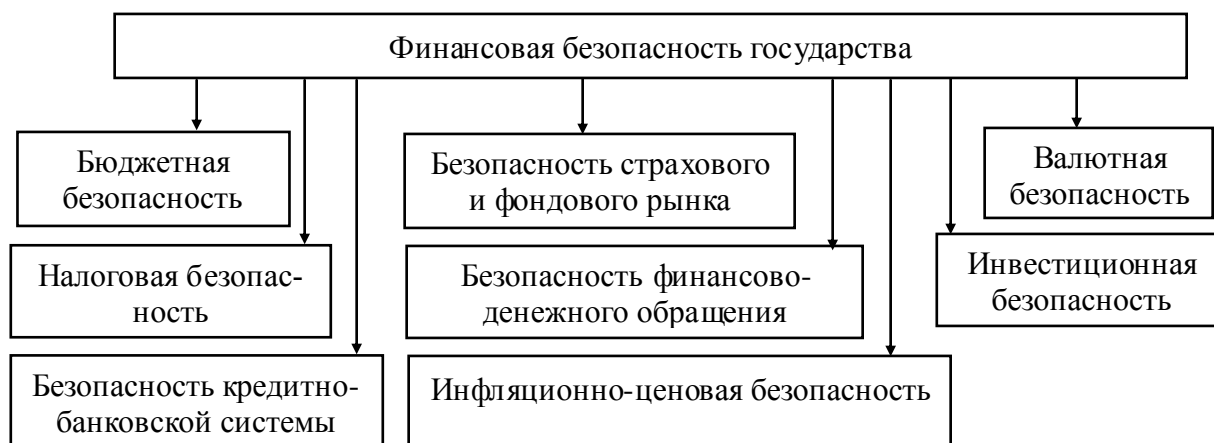

Рисунок 2.
Структура финансовой безопасности государства

Для оценки уровня финансовой безопасности государства на современном этапе развития экономики используются следующие методы:

- наблюдение основных макроэкономических показателей и сравнение их с пороговыми значениями;
- оценка темпов экономического роста страны по основным макроэкономическим показателям и динамике их изменения;
- методы экспертной оценки, которые служат для описания количественных и качественных характеристик и следующих процессов;
- методы оптимизации (используются, как правило, при аналитическом описании исследуемых процессов для синтеза какого-либо одного выбранного критерия финансовой безопасности).

Для определения уровня финансовой безопасности государства производится сравнение фактических данных с нормативными параметрами, которые являются обоснованными с научной точки зрения и принятыми на государственном уровне. В качестве таких параметров рассматриваются пороговые значения индикаторов финансовой безопасности государства.

Основные индикаторы финансовой безопасности государства представлены в табл. 1.

Таблица 1

Индикаторы финансовой безопасности и их пороговые значения

Название показателя	Нормативное значение	Годы		
		2015	2016	2017
Уровень инфляции в РФ, в %	≤4	12,91	5,39	2,51
Внутренний государственный долг РФ, в % к ВВП	≤30	8,76	9,29	9,44
Внешний государственный долг РФ, в % к ВВП	≤30	3,67	4	3,16
Чистый ввоз (-) / вывоз (+) капитала, млрд. долл. США	-	57,1	18,5	25,2
Дефицит федерального бюджета РФ, в % к ВВП	≤3	2,35	3,43	1,45

В соответствии с табл. 1, можно сделать вывод о том, что уровень инфляции в РФ за анализируемый период снизился на 10,4 п.п. и его значение на 2017 год составило 2,51%. Сравнивая данный индикатор с его нормативным

¹ Уразгалиев В.Ш. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – С. 234.

² Тишаев В.В. Повышение эффективности борьбы с уклонением от уплаты налогов как инструмент укрепления финансовой безопасности государства // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов. 3-я международная научно-практическая конференция: материалы и доклады / Под общ. ред. О.А. Строевой. В 3 ч. Ч. I. – Орёл: Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС, 2017. – С. 296.

значением, необходимо сказать, что его значение на 2017 год ниже установленного ЦБ РФ минимума на 1,49 п.п. Внутренний государственный долг России в процентах к ВВП вырос за анализируемый период на 0,68 п.п., и на 2017 год его значение составило 9,44%. Сравнивая данный индикатор с его нормативным значением, необходимо сказать, что его значение на 2017 год ниже установленного целевого значения на 10,56 п.п. Наибольшее влияние на рост данного показателя оказало увеличение суммы внутреннего долга РФ за анализируемый период на 25,1%. Внешний государственный долг Российской Федерации, в процентах к ВВП за анализируемый период уменьшился на 0,51 п.п. и его значение на 2017 год составило 3,16%. Сравнивая данный индикатор с нормативным значением, необходимо сказать, что на 2017 год значение индикатора ниже нормативного значения на 26,84 п.п. На снижение значения рассматриваемого индикатора в наибольшей степени оказал рост объемов ВВП за анализируемый период на 10,8%. Индикатор «чистый взнос (вывоз) капитала» за анализируемый период снизился на 55,9% и его значение на 2017 год составило 25,2 млрд. руб. Нормативное значение по данному индикатору отсутствует, но положительной динамикой является его снижение в отчетном периоде по отношению к базовому периоду. Дефицит федерального бюджета РФ в процентах к ВВП за анализируемый период снизился на 0,9 п.п. и его значение на 2017 год составило 1,45%. Такая динамика для индикатора является положительной, а его значение на 2017 год считается относительно безопасным, т.к. ниже своего нормативного значения на 1,55 п.п.

На основе проведенного анализа индикаторов финансовой безопасности можно сделать вывод о том, что все показатели, за исключением внутреннего государственного долга РФ, имеют положительную динамику изменений, при этом их значения на 2017 год находятся в рамках своих нормативных значений. Это позволяет считать, что уровень финансовой безопасности РФ повышается, но по-прежнему существуют угрозы финансовой безопасности РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за период с 2015 по 2017 год наблюдается положительная динамика у большинства проанализированных индикаторов финансовой безопасности России: уровень инфляции снизился на 10,4 п.п., объем внешнего государственного долга РФ снизился на 0,51 п.п., чистый вывоз капитала снизился на 55,9%, дефицит федерального бюджета РФ снизился на 0,9 п.п.. Отрицательная динамика наблюдается у индикатора, связанного с внутренним государственным долгом РФ – за анализируемый период он вырос на 0,68 п.п.

Список литературы

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017, № 20, ст.2902.
2. Грядунова А.В. Факторы, нарушающие целостность виртуальной экономической оболочки и их последствия для экономической безопасности страны / А.В. Грядунова, О.И. Кожанчиков, В.В. Тишаев, И.А. Шалаев // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 6 (95). – С. 509–515.
3. Каранина Е.В. Финансовая безопасность: монография. – Киров: ВятГУ, 2015. – 239 с.
4. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник. – М.: Дело, 2015. – 895 с.
5. Тишаев В.В. Повышение эффективности борьбы с уклонением от уплаты налогов как инструмент укрепления финансовой безопасности государства // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов. 3-я международная научно-практическая конференция: материалы и доклады / Под общ. ред. О.А. Строевой. В 3 ч. Ч. I. – Орёл: Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС, 2017. – С. 295–298.
6. Уразгалиев В.Ш. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 374 с.
7. Шалаев И.А., Бадасян А.А. Отечественный и зарубежный опыт в системе обеспечения экономической безопасности // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 176–179.
8. Шалаев И.А., Подситкова К.И. Экономико-статистический анализ современного состояния теневой экономики Российской Федерации. Выявление угроз, предложение путей и способов минимизации и обеспечение экономической безопасности // Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции. 2017. – С. 189–196.
9. Дефицит федерального бюджета РФ / Министерство финансов Российской Федерации. – <https://www.minfin.ru/ru/statistics/febud/>
10. Объем государственного внутреннего долга Российской Федерации / Министерство Финансов Российской Федерации. – https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=93479
11. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации: статистический сборник / Центральный банк Российской Федерации. – http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/bp.pdf
12. Уровень инфляции в России / Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

*Винокуров А.И.*¹

ТРАНЗИЦИИ ЗАПАДНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *Союзное государство России и Беларуси, программа и типовый инструментарий социокультурного портрета региона, субкультурный локус приграничного региона Запаदा России, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации в Смоленской области.*

Keywords: *Union state of Russia and Belarus, program and standard tools of socio-cultural portrait of the region, sub-cultural locus of the border region of the West of Russia, Strategy of the state national policy of the Russian Federation in the Smolensk region.*

Стратегия сближения России и Беларуси и построение Союзного государства актуализирует проблему исследования перехода от одной формы организации социума к другой с использованием возможностей программы и типового инструментария социокультурного портрета региона.

Социокультурный портрет – инструментальный метод репрезентации пространства региона, включающий комплексную оценку и описание социокультурной ситуации и эволюции региона с использованием специально разработанного Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой типового инструментария [1].

Социокультурный портрет является базовым элементом исследовательской Программы Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в которой участвуют коллективы кафедр ведущих университетов и сотрудники НИИ более 30 регионов Российской Федерации.

Возможности программы и типового инструментария социокультурного портрета региона позволяют зафиксировать возникновение новых форм и конфигураций культурных практик взаимодействия контактных сообществ в переходных состояниях культурно-исторического процесса. Переходные состояния культурно-исторического процесса интересны тем, что в них происходит завершение «старого» и зарождение «нового», т.е. того, что будет развиваться в будущем. В данном исследовании субкультурный локус приграничного региона Запада России в культурной динамике транзитива на примере Смоленской области является **объектом** комплексного исследования с использованием типового инструментария социокультурного портрета региона.

Предметом исследования являются идентификационные признаки транзитива приграничного региона как субкультурного локуса.

Цель исследования: разработка теоретико-методологической концепции исследования феномена типологизирующих критериев и идентификационных признаков транзитива приграничного региона Запада России.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, одной из которых является выявление эвристического потенциала антропокультурной сферы типового инструментария социокультурного портрета в оценке транзитива Смоленской области.

Принципиальной методологической ориентацией нашей программы исследования выступает оценка возрастания возможностей культурной коммуникации контактных сообществ приграничья, важности описания эффекта взаимодействий.

Информационной базой исследования служили результаты грантовых исследований, выполненных автором в 2006–2017 гг. (научные проекты РГНФ № 06-03-58302а/Ц, № 15-03-00443), отчётные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики РФ и Смоленской области, информация сайта Администрации Смоленской области.

Анализ литературы показывает, что современные исследования межрегиональных взаимодействий и коммуникаций концентрируют своё внимание на разработке глобальной экспликативной теории пространства социального взаимодействия и рассмотрении конкретных социальных практик межрегиональных коммуникаций, приобретающих в современном мире особую актуальность [2, с. 115–122; 3, с. 2–32; 4, с. 13–18; 5, с. 89–97; 6, 368 с.].

В России аспект межрегиональной коммуникации представлен исследованиями социально-экономических, политических, социо- и кросскультурных взаимодействий, их правовом обеспечении как на государственном, так и международном уровнях [7, с. 15–53; 8, с. 5–15].

¹ Винокуров Александр Иванович – к.психол.н., доцент, проректор по научной работе Смоленского государственного института искусств. Сфера научных интересов – изучение социокультурной микродинамики приграничного региона в рамках Программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института Философии РАН (научный руководитель – член-корреспондент РАН, профессор Н.И. Лапин). E-mail: alvinocurov@yandex.ru

В Беларуси феномен коммуникации исследуется с позиции выявления степени влияния различных факторов на формирование национального государства, создания парадигмы цивилизационного кода белорусского общества [9, с. 13–14; 10, с. 102–148; 11, с. 9–18; 12, 319с.].

Исследования показывают, что интенсивность транзиту выше в приграничных регионах. Вместе с тем, нам не удалось найти разработок типологизирующих критериев и идентификационных признаков оценки проявлений транзитива приграничных регионов, проясняющих данное явление.

Международный опыт учит, что ведущими факторами успешного развития стран и регионов мира являются увеличение плотности работоспособного населения, уменьшение разобщенности, рост городов, сокращение расстояния доступности к зонам высокой экономической активности и выходу на мировые рынки с эффектом масштаба и преимуществами специализации [3, с. 2–32].

Что, в этом плане, происходит в субкультурном локусе приграничного региона Запада России?

Для изучения культурных практик взаимодействия контактных сообществ в переходных состояниях культурно-исторического процесса приграничного региона Запада России в инструментарий социокультурного портрета были включены исследования историко-культурной среды приграничного региона: культурных гнёзд, топонимов смоленско-витебского и смоленско-могилёвского приграничья и особой «культуры-посредника» взаимодействий контактных сообществ, которая представлена коллективным взаимодействием местных администраций и учреждений культуры; людей-организаторов и потребителей праздничных мероприятий, выставок и продаж; машин, роботов, компьютеров, технических устройств, виртуальных сетей, символов и знаков, а также Центром временного содержания иностранных граждан УМВД России по Смоленской области в составе УМВД России по Смоленской области [13, с. 224–230].

Результаты исследования

Изучение социальных практик межкультурного взаимодействия на примере Смоленской области Российской Федерации, Могилёвской и Витебской областей Беларуси показало, что жители приграничных поселений Смоленской области и Республики Беларусь интенсивно взаимодействуют: они охотно участвуют в совместных торговых ярмарках, праздниках народного творчества; в поселениях приграничья появилась инфраструктура, обеспечивающая торговлю: небольшие магазины, киоски или торговые точки; организуют торговлю сами предприниматели или посредники, которые договариваются о проведении торгового обмена. Респонденты-смоляне отмечают высокий уровень доверия к белорусским партнерам, качеству товаров и продуктов, правилам торговли белорусской стороны, неконфликтный характер взаимодействия. В совместных праздниках особенно активно участвуют пенсионеры, школьники, работники учреждений культуры, студенты, предприниматели, фрилансеры (самозанятые). Традиционным стало празднование Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия», с крестным ходом «Наш общий путь – Одигитрия». Крестоходцы приносят в Смоленск чтимые образы своих земель – святых Иоанна Кронштадтского, Евфросинии Полоцкой, Александра Невского и других. В Смоленской области регулярно проходят торжественные мероприятия «Наша сила – в единстве», посвященные Дню единения народов Беларуси и России; Международные фестивали-конкурсы молодых исполнителей эстрадной песни «Две сестры – Беларусь и Россия»; фестивали исторической реконструкции и славянской культуры. Фестивали проводятся с целью поддержки добрососедских отношений между молодежью Беларуси и России, дальнейшего развития двустороннего культурного обмена, сохранения и популяризации культурного наследия, пропаганды лучших образцов музыкальной культуры двух стран.

Эти факты указывают на добровольность, многочисленность, продолжительность и постоянство контактов, активное функционирование сложившейся «культуры – посредника».

Установлено, что новым свойством трансформирующего коммуникативного пространства региона становится визуализация; в регионе активно формируется киберпространство коммуникации. В содержание взаимодействия стремительно входит коммуникация в социальных сетях, меняя структуру культурного досуга всех социальных слоёв населения приграничья. Расширение возможностей культурной коммуникации контактных сообществ приграничья впервые установлено нами с использованием типового инструментария социокультурного портрета региона.

Следует заметить, что эмоциональная весомость этой формы коммуникации сравнима с потреблением духовных ценностей публично-зрелищного характера. Интернет из специализированной компьютерной сети превращается в доминантную социальную систему. Способ передачи информации меняется: смыслы в устной культуре общения замещаются образным воспроизводством реальности или того, что за неё выдаётся. В качестве механизмов воспроизводства идентичности личности и её замены для общения и самопрезентации в киберпространстве используется виртуальное второе «Я» – симулякры, прозвища («ники»), новые образы самого себя («аватары»). Время пребывания в компьютерной сети стремительно замещает активную форму досуга у молодых людей и любительское творчество у лиц среднего возраста, и становится, по сути, новой духовной ценностью. Формируется новый тип человека, который живёт одновременно в двух мирах, один из которых виртуальный.

Важной особенностью трансформирующего коммуникативного пространства Смоленской области стала его функция транзитного канала и контактной зоны, способствующая незаконному проникновению через Белоруссию в Россию иностранных граждан и лиц без гражданства. Мигранты и вынужденные переселенцы на территории области образуют диаспоры, ищут работу, гражданство России, создают компактные поселения. Лица, незаконно проникающие в Россию, а также иностранные граждане и лица без гражданства выявляются, задерживаются и выдворяются за пределы Российской Федерации.

После вступления в силу указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ

и их аналогов и в сфере миграции» с 7 июля 2016 года в Смоленской области начал функционировать Центр временного содержания иностранных граждан УМВД России по Смоленской области в составе УМВД России по Смоленской области. Центр рассчитан на 100 мест, он выполняет функции по приему, размещению, содержанию иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению, депортации, реадмиссии за пределы Российской Федерации.

Эти факты указывают на появление новой конфигурации (фактуры сплетения по Э. Глиссанту) элементов «культуры-посредника», характеризующей взаимодействие контактных сообществ российско-белорусского приграничья. Она может описываться в категориях: цель, место размещения, продолжительность и/или постоянство контактов, численность участников, виртуальность, институциональность, представление субъектов взаимодействия друг о друге.

Таким образом, одним из идентификационных признаков транзитива Смоленской области являются конфигурация элементов «культуры-посредника», включающая людей, машин, роботов, компьютеров, технических устройств, виртуальных сетей, символов и знаков. Значимым элементом этой конфигурации «культуры-посредника» в Смоленской области стал Центр временного содержания иностранных граждан УМВД России по Смоленской области в составе УМВД России по Смоленской области.

Новая конфигурация элементов «культуры-посредника» характеризует возрастание возможностей культурной коммуникации контактных сообществ приграничья, обеспечения доступности зон экономической активности, организации социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактики деструкции и групповых конфликтов.

Выводы

1. Идентификационным признаком транзитива субкультурного локуса приграничного региона может быть формирование «культуры-посредника».

2. «Культура-посредник» позволяет регулировать социокультурное взаимодействие различных социальных, этнических, конфессиональных, профессиональных групп, в том числе и в случае возникновения групповых конфликтов.

3. Типологизирующие критерии и идентификационные признаки транзитива приграничного региона Западной России имеют значение для реализации стратегии создания нового «большого общества», сохранения и популяризации культурного наследия России и Беларуси.

4. Антропокультурная сфера типового инструментария социокультурного портрета содержит определённый эвристический потенциал в оценке транзитива субкультурного локуса приграничного региона.

Практическое значение результатов

Результаты исследования могут использоваться в практике реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в Смоленской области; в анализе процессов регионального культурогенеза Западной России; в обосновании проектов Администрации Смоленской области по обеспечению социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактике межнациональных конфликтов в приграничной зоне.

Список литературы

1. Лапин Н.И. Социокультурный портрет региона России. Модификация – 2010: программа и типовый инструментарий / Н.И. Лапин, Л. А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 2010. – 111 с.
2. Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 115–122.
3. Новый взгляд на экономическую географию: доклад о мировом развитии 2009 / Ред. А.В. Бондаренко [и др.]; пер. Е.А. Журавлёва [и др.]. – М.: Весь мир, 2009. – С. 2–32.
4. Масловский М.В. Межкультурное взаимодействие и социальные поля: новые теоретические подходы в европейской и американской социологии // Социологические исследования. – М., 2016. – № 7. – С. 11–18.
5. Тангалычева Р.К. Межкультурная коммуникация и аккультурация (опыт зарубежных исследований) // Социологические исследования. – М., 2015. – № 7. – С. 89–97.
6. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / [пер. с англ. А. Прохоровой]. – М., 2017. – 368 с.
7. Григорьева Р.А. На перекрёстке культур трёх восточнославянских народов // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского приграничья / Ред.-сост. М.Ю. Мартынов. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 15–53.
8. Мартынова М.Ю. К вопросу об изучении пограничных территорий // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского приграничья / Ред.-сост. М.Ю. Мартынов. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 5–14.
9. Бобосов Е.М. Менталитет славян и учёт его особенностей в создании Евразийского союза России, Беларуси и Казахстана // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2013 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.]; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2013. – С. 13–14.
10. Касперович Г.И. Особенности этнокультурного взаимодействия в этноконтактном регионе // Границы, культуры и идентичности. Этнология восточнославянского приграничья / Ред.-сост. М.Ю. Мартынов. – М.: ИЭА РАН, 2012. – С. 102–148.
11. Котляров И.В. Цивилизационный код белорусского общества как новая парадигма изучения социальной реальности // Особенности культурного развития «пограничных» территорий: исследования и стратегическое управление: материалы междунар. науч.-практ. семинара, Минск, 30–31 мая 2017 г. / Ин-т социологии НАН Беларуси; редкол.: И.В. Котляров (гл. ред.) [и др.]: сб. науч. ст. – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 9–18.
12. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.

13. Винокуров А.И. Исторические конструкции систем социокультурных институтов на Смоленщине в первые годы после победы Октября и на современном этапе / А.И. Винокуров, Е.А. Сикорский // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы междунар. науч. конф. «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.», Смоленск, 19–21 октября 2017 г. / Под ред. Е.В. Кодина. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. – Вып. 2. – С. 224–230.

Голоскоков Л.В.

д.ю.н., доцент, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Московская академия Следственного комитета РФ

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Ключевые слова: национальная безопасность, информация, информационные технологии, информационная безопасность, философия.

Проблемы безопасности в связи с внедрением информационных технологий и переходом к цифровой экономике мы рассмотрим с позиций широкого философского подхода и отдельных законов философии.

Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» в ст. 8 определяет, что «Деятельность органов федеральной службы безопасности осуществляется по следующим основным направлениям: контрразведывательная деятельность; борьба с терроризмом; борьба с преступностью; разведывательная деятельность; пограничная деятельность; обеспечение **информационной безопасности**»². Основные задачи ФСБ России детализировал Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации», где в абз. 14 п. 8, в частности, установлено: «формирование и реализация в пределах своих полномочий государственной и научно-технической политики в области обеспечения информационной безопасности»³.

Однако «информация» – очень широкое понятие, и оно не вписывается полностью в понимание указанных нормативных правовых актов. Так, Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 2 даёт такое определение информации: «**информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления**»⁴, а в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации информационная безопасность определяется как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, **при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства**»⁵. Рассмотрим угрозы, которые обычно ускользают от нашего внимания в связи с недостаточной точностью рассмотренных дефиниций.

При такой широкой трактовке понятия информации никакой орган не в состоянии осуществлять защиту по всем возможным направлениям, по которым может исходить опасность для государства и личности в связи с использованием информации и информационных технологий. Поскольку проявления действия информации предельно обширны, они неизбежно выходят за рамки обязанностей любых специальных служб и зависят между ними в поле, которое никем не контролируется, и именно там разворачиваются основные негативные события, но они идут медленно, не сразу проявляют себя во внешнем мире, этим и опасны.

Рассмотрим такие поля в сфере права, науки и образования. Начнём с тезиса «много информации – мало знаний и умений». Опыт автора в сфере преподавания показал, что многие экономисты, которых готовят даже известные вузы, не знают таблицу умножения или не могут делать без компьютеров экономические вычисления, и это значит, что в случае войны они не смогут сделать элементарные расчёты, когда гаджетов или электричества не будет. В мирное время эти люди из университетов идут работать в министерства. Результат показал на всю страну Председатель Государственной Думы, когда прервал доклад министра с нулевым содержанием. Но этот министр обеспечивает «развитие» всей экономики страны. Вывод из этого с помощью философских обобщений весьма простой: за период обучения выпускники вузов получают очень много информации, но ничего не умеют делать практически, что и показал один из таких выпускников, ставший министром. Колоссальное количество информации, которым владело его министерство и он сам, не превратилось ни в какие позитивные дела, хотя министерство имеет в избытке и компьютеры, и соответствующие информационные технологии.

¹ Доклад, представленный на Международный геополитический конгресс «Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс». Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О федеральной службе безопасности» // КонсультантПлюс.

³ Указ Президента РФ от 11.08.2003 № 960 (ред. от 03.07.2018) «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс.

⁵ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

Другой пример. Более 10 лет назад автору пришлось принимать государственные экзамены в негосударственном вузе. При защите дипломной работы по гражданскому праву комиссия задаёт выпускникам обычный вопрос: что нужно, чтобы в показанной им сфере улучшить ситуацию? Наиболее частый ответ выпускника, заочника в возрасте 25–35 лет: «Усилить уголовную ответственность». И это в гражданском праве! Обобщаем переходом от частного к общему. Результат проявился через 10–20 лет, когда эти выпускники уже в генеральских званиях заняли места в органах управления или стали законодателями. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», принятый ими, в ст. 51. «Ответственность арбитра» допустил возможность привлечения арбитра к «ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу, который может быть предъявлен к арбитру в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации в целях возмещения ущерба, причинённого преступлением, в совершении которого арбитр будет признан виновным в установленном законом порядке». Сложно найти закон, более отдалённый от уголовного права, чем закон о третейских судах, и в предыдущем его варианте (до 2015 года) ничего подобного в нём не было, но новая редакция этого закона от 2015 года ввела столько новаций, что в результате количество третейских судов уменьшилось в разы.

Это был важнейший институт, позволявший в небольших городах быстро осуществлять правосудие по множеству мелких дел, разгружая государственную судебную систему. Из таких мелких и внешне незаметных фактов и состоит ослабление безопасности государства – оно становится слабее, теряя свои разнообразные механизмы защиты прав граждан и юридических лиц. Информация, заложенная в новой редакции закона о третейских судах, сыграла свою разрушительную роль, но кто это замечает в повседневной жизни? Подобного рода «незначительных» фактов много.

Рассмотрим в правовом поле тезис «много информации». Скорость роста правовой информации и правовых проблем катастрофически опережает возможности их учёта, фиксации, осмысления, а ресурсов для их надлежащего решения нет. Информационные технологии мало способны помочь в решении данной проблемы, поскольку на 26 марта 2019 СПС КонсультантПлюс показывает 8825 федеральных и 163 369 региональных действующих законов, а всего 175 млн. документов, и чтобы всё это применять и соблюдать, не хватит юристов, а для проверки законности – прокуроров. При таком количестве законов никакие информационные технологии проблему решить не смогут, количество нормативных правовых актов приводит к очевидной ситуации – чем их становится больше, тем коэффициент полезного действия правовой системы становится меньше, а переходя на язык юриспруденции, правовое регулирование становится менее эффективным. Но законодатель каждый год принимает 500 новых федеральных законов. Количество снижает качество, и законодатель своими собственными руками ухудшает систему правового регулирования.

Здесь нужен переход к другой парадигме, но выработать её законодатель не может и не хочет. Вывод: существующая правовая система будет сломана в своё время самим законодателем, когда количество законов перейдёт некоторое критическое число (какое оно – никто не знает, в истории ещё не было прецедентов), и произойдёт это обязательно, потому что в природе и социальной жизни не существует процессов, которые развиваются по прямой линии и имеют бесконечный характер. Законы природы и философии никому не удавалось отменить или обмануть их. Попытка законодателя забросать проблемы количеством законов (и количеством содержащейся в них информации) обречена на провал. Конечно, когда правовая система станет работать критически плохо или вообще откажет, законодатель свалит вину на плохое исполнение законов.

Рассмотрим в правовом и образовательном поле тезис «мало информации – много информации». В 2004 году автор нашёл на сайте китайского университета Циньхуа (второй в Китае после Пекинского университета) информацию о том, что на его юридическом факультете выписывается 189 наименований иностранных журналов по праву. Почти столько же государств было во всём мире. На сегодня по всем направлениям этот университет имеет в библиотеке примерно 587 тыс. периодических изданий. Информационное обеспечение критично для развития любой науки. Никакие российские университеты не покупают и доли такого количества журналов, но тогда о каких серьёзных научных исследованиях можно вести речь, и может ли Россия считать себя мировой державой, если не знает состояние дел в соседних государствах и мировой науке? Как тогда развивать свою науку, вести политику, выстраивать долговременные политические и экономические отношения? Зато ЦБ РФ усиленно складывает деньги в кубышку.

Какая же информация сегодня находится на полках кафедр наших университетов? Это десятки так называемых дел номенклатуры, десятки пухлых томов рабочих программ дисциплин и другие. Если вспомнить советские времена, ничего этого на кафедрах не было, а качество образования было высокое, и это был факт: первыми в космос полетели не на пухлых программах дисциплин, не на табличках с отчётами и не на индексе Хирша. Приоритет был простой – реальные знания и конечный результат приобретения знаний – полёт в космос. Сегодня приоритет – отчётность. Не удивительно при этом иметь те результаты, которые мы имеем. Нужно отметить, что власть знает про эту проблему, озвучила её, но ничего не происходит, потому что проводящий сигнал об этом знании переводить в исполнение некому, нет критического числа специалистов, способных решить проблему. Если и далее будет в приоритете отчётность, её создадут в любых количествах, но государство на ложной информации долго существовать не сможет. Информация характеризуется несколькими фундаментальными свойствами: она должна быть актуальной, достоверной, полной и своевременной.

С существующей информацией на кафедрах вузов идёт следующая работа: непрерывное переписывание рабочих программ дисциплин и других документов, необходимых лишь для проверяющих лиц из министерства. На это уходит колоссальное количество рабочего времени лучших умов страны, следовательно, совершается мощная, длительная подрывная операция против науки и образования, когда безопасности страны наносится чрезвычайный ущерб тем, что учёные продуцируют бумаги для контролёров, но перестали патентовать и внедрять, что уже давно отразила официальная статистика.

Никакая спецслужба не заинтересовалась столь эффективным подрывом безопасности страны, потому что все указанные процессы происходят вне правового поля их деятельности, установленного соответствующими законами, им всё это неинтересно. Возникает вопрос, кому же это должно быть интересно, когда падение за 30 лет изобретательской активности произошло на порядок, а число ненужных бумаг выросло на столько, что это не поддаётся осмыслению. Но важен результат – осуществлён подрыв безопасности страны в области науки, образования и технологий (которые не появились в результате перенаправления усилий учёных в бумаготворчество) при полной пассивности спецслужб, органов, министерств, ведомств и самой власти.

Если бы всю эту подрывную работу проделал иностранный агент и его удалось бы изобличить, экономисты даже в лице нынешних выпускников, не умеющих считать без гаджетов, легко смогли бы рассчитать экономический ущерб в рублях, поскольку он просто считается перемножением бездарно потраченных за 30 лет часов на среднюю стоимость часа и число вовлечённых в этот процесс учёных и преподавателей, и это были бы прямые убытки, а косвенные тоже нетрудно примерно оценить, если предположить, что за это же время могли быть произведены на свет патенты и технологии, которые не появились, а тренд падения их количества точно виден по статистическим данным. Но поскольку такой иностранный агент не обнаружен, вся вина ложится на своих конкретных должностных лиц, и здесь вопрос даже не в материальной или уголовной ответственности (триллионы рублей никому невозможно возместить), а в том, что всё это продолжается и государство останавливать данный процесс не может или не хочет.

Сделать на конвейере танк или самолёт можно за считанные месяцы, а восстановить в случае войны класс учёных, изобретателей, да и просто по-настоящему образованных инженеров, экономистов не получится, это требует уже десятилетий, а научные школы не восстанавливаются вообще.

Описанный процесс можно показать на двух сравнительных полях, которые мы изобразим в виде прямоугольников, которые будут обозначать поле всех существующих проблем, задач, опасностей и рисков, а внутри этих полей будут располагаться поля задач и сфер компетенции разных органов государства, которые в идеале должны полностью покрывать поле проблем, и таким образом решать их хотя бы в теории.

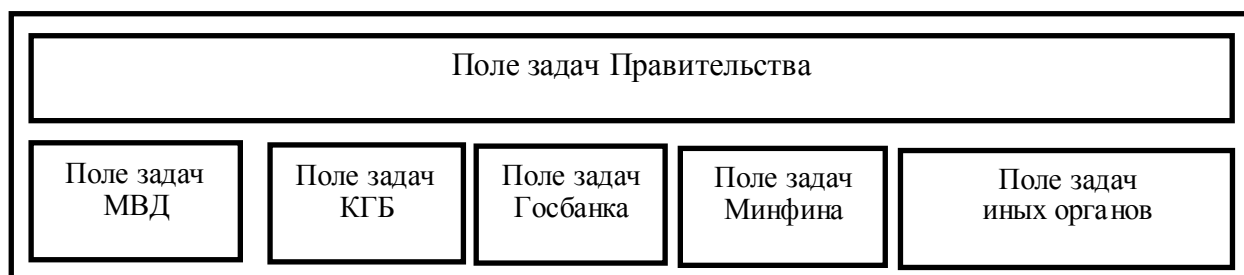

Рисунок 1.

Схема покрытия проблем полями задач органов государства 30 лет назад

Из схемы видно, что 30 лет назад поля задач, функций, компетенции и ответственности разных органов почти закрывают всё прямоугольное поле существующих в государстве проблем, опасностей, рисков и оставляют небольшие непокрытые пространства, которые, естественно, всегда были и будут, но в то время они выглядели относительно небольшими.

Сегодня ситуация иная. Время раздвинуло поля задач далеко друг от друга, и между ними появились никем не контролируемые, никем не обозреваемые пространства, где происходит накопление разных проблем безопасности, рисков, новых сфер преступной деятельности, которые быстро возникают и не входят в круг задач или функций ни одного из существующих органов власти, министерств, ведомств, служб. Все органы с полным основанием могут сказать – это не наше дело, в законе о нашей деятельности ничего подобного не прописано.

За 30 лет появилась и прекратила своё существование налоговая полиция. Напомним, что 30 лет назад не было ни налоговой службы, ни налоговой полиции, предприятия платили налоги исправно, массовых случаев неуплаты огромных сумм налогов не было, отдельные нарушения быстро выявлялись. Сегодня есть налоговая служба, но налоги укрываются массово, временное существование налоговой полиции не улучшило ситуацию, укрытые суммы налогов вывозятся за границу, отмываются. Это означает появление огромного неконтролируемого поля, в котором данные процессы и происходят. Задачи налоговой полиции при её расформировании перешли в МВД, но проблема осталась и усугубилась.

За те же 30 лет произошёл взрывной рост наркотиков, против чего была создана новая служба (ФСКН), которая, как и налоговая полиция, была быстро упразднена, а поле проблем осталось, формально переместившись в сферу ответственности МВД. Произошёл всплеск борьбы против России в информационных полях всех видов СМИ, в Интернете, социальных сетях. Для борьбы с ними появились подразделения в спецслужбах, частные фирмы, работающие в сферах компьютерной безопасности, но их ресурсов недостаточно, и очевидно, что поле новых проблем продолжает расти.

В области права число законов растёт так, что правовая информация становится противоречивой, запутанной, хотя имеет ровно обратное предназначение: прояснять, снимать противоречия. Площадь поля проблем растёт здесь быстро при том, что число лиц, способных решать проблемы, уменьшается, а число носителей дипломов юристов при этом выросло до уровня, невиданного для времён СССР. Это доказательство низкого качества образования и усложнившихся задач, решать которых просто некому. В Государственной Думе никто не задавался вопросом, кто будет распутывать ребусы, порождённые валом новых законов, и какой уровень образования должен быть у таких лиц. Не

менее важна здесь и цифра: сколько для этого нужно иметь специалистов. Важно наличие критического числа специалистов, иначе проблему не решить, и так обстоит дело в любой области знания или науке.

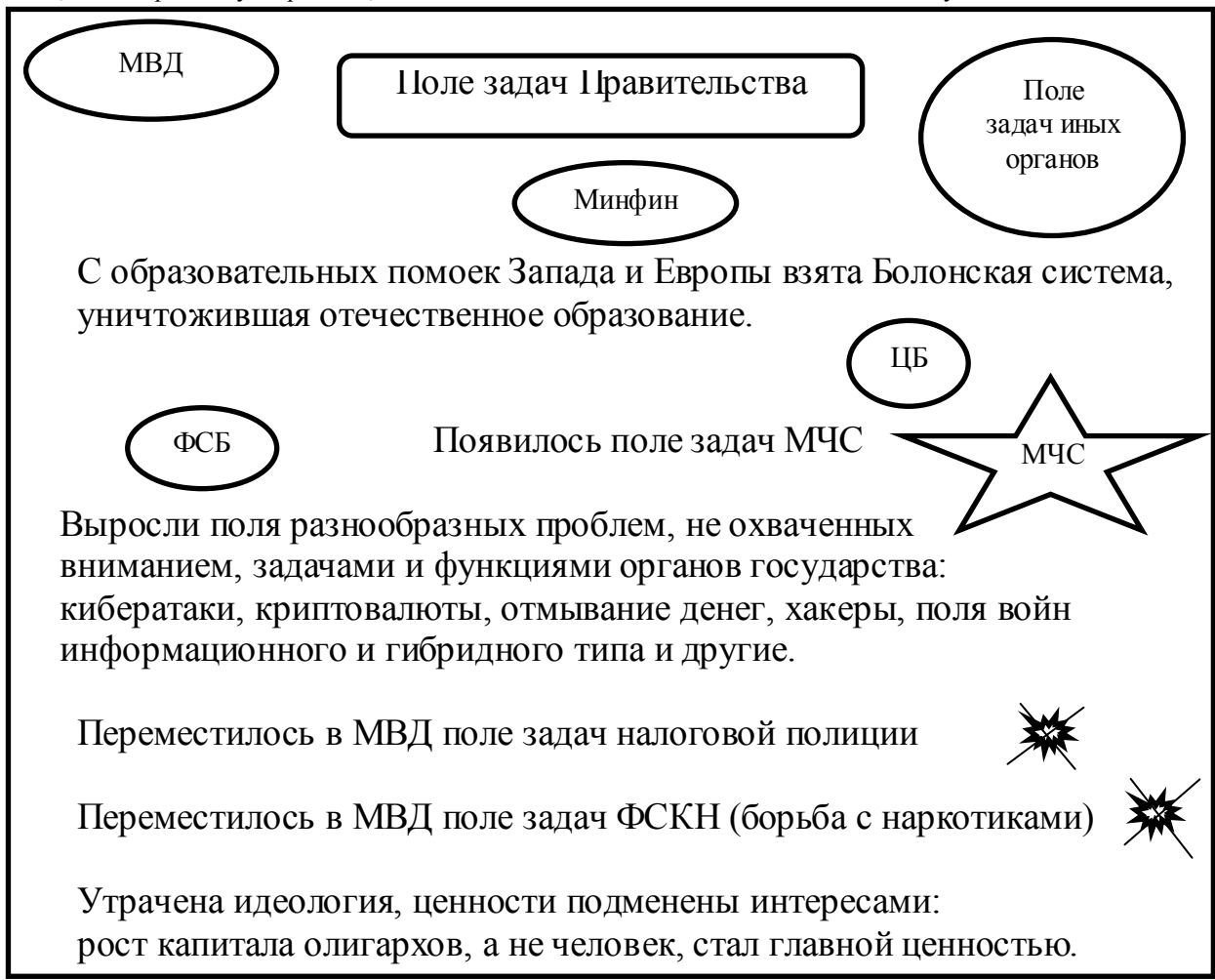

Рисунок 2.
Схема покрытия проблем полями задач органов государства сегодня

Ещё 10-15 лет назад суды общей юрисдикции рассматривали 10–12 млн. дел ежегодно, а сегодня – 18 млн. Простые решения по увеличению числа судей не проходят – у государства нет на это ресурсов. Такая же ситуация и в других правоохранительных органах: прокуратуре, полиции, у следователей, в исполнительной системе – везде рост числа дел, неисполненных дел, нераскрытых преступлений и т.д.

Рост поля проблем очевиден, а на его фоне сферы полей компетенций разных органов как бы сжимаются, а сами сферы отдаляются друг от друга расширяющимся пространством, что напоминает наблюдаемое астрономами расширение вселенной. Но во вселенной эти процессы вычислены математиками и человеку не видны, а описанные нами процессы происходят прямо у нас на глазах. Математики могли бы нам напомнить, что прямолинейных процессов, происходящих в природе и социальной среде, не существует. Они всегда носят сложный криволинейный характер, цикличны и пока трудно прогнозируемы в связи с нашим неумением это делать. Но процессы точно не будут долго идти по прямой линии, как это хотела бы власть, озабоченная сохранением стабильности.

Казалось бы, ответ должна дать наука. Но и в науке идут те же процессы. Кузница научных кадров и новых открытий – аспирантура – превратилась в полосу препятствий, созданную министерством из самых благих намерений. Препятствия эти напоминают эшелонированную оборону от противника (аспиранта): большие затраты времени, денег (которых у молодого аспиранта нет), административные барьеры и процедуры. Хорошую диссертацию трудно написать и защитить, даже если аспиранту платят за всё и обеспечивают весь процесс, а теперь в наличии одни препятствия. Вместо открытий, изобретений, их коммерциализации аспиранты и докторанты тратят свои бесценные ресурсы времени и денег на преодоление барьеров, которые придумали вовсе не иностранные шпионы. В информационном плане произошло следующее: 30 лет назад деятельность аспирантуры регулировалась минимальным количеством документов. Сегодня процедура зарегулирована до предела, но выход научного продукта сократился в разы, а падение качества именно по аспирантуре и докторантуре оценить трудно, но конечный, интегральный показатель всех процессов и их результатов есть: падение уровня жизни народа и полный застой в экономике страны. Количество информации, детализирующей процесс творчества, открытий и их защиты, дало новое, но отрицательное качество – наука опустилась по всем показателям вниз. А раз так, то и отношение к ней государства стало соответствующим: вы ничего не можете, и поэтому мы вам денег не дадим. Порочный круг замкнулся.

Ещё одна крупная проблема безопасности, которую в качестве таковой обычно не видят в связи с информационными технологиями, в то время как её существование обеспечено именно информационными технологиями. За по-

следние 30 лет по данным экспертов из России за рубеж вывезено от 1 до 5 трлн. долларов. Эксперты могут ошибаться, но при любой их ошибке сумма останется колоссальной. В России в 2017 году была принята программа цифровой экономики, которая в 2019 году была отменена и заменена Национальным проектом «Цифровая экономика Российской Федерации». Мы полагаем, что успех реализации данного проекта нужно будет соизмерять с общим объёмом вывоза капитала, который произойдёт на условную дату окончания проекта за весь срок его действия с 2017 года. Весь проект оценен в сумме 1,6 трлн. руб., что составляет при курсе 65 руб. за доллар примерно 26 млрд. долларов затрат. В это же время, как пишет finans.ru, показатель «чистый вывоз капитала частным сектором» исчез из всех отчётов Банка России на фоне резкого ухудшения статистики в 2018 году. После того, как отток ускорился в 2,7 раза и достиг рекорда с 2014 года, ЦБ решил переименовать соответствующую строку в своих публикациях. Прежнее название – ввоз/вывоз капитала – заменили на нейтральное «финансовые операции частного сектора», переписав не только новые релизы, но и все публикации вплоть до 1994 года¹. Очевидно, что при среднем за год вывозе капитала в 50–100 млрд. долларов, сумма годового вывоза капитала превышает стоимость проекта цифровой экономики за все 6 лет, а в самом проекте нет ни одной цифры о возврате денег и прибыли, в паспорте национальной программы «Цифровая экономика» вообще нет таких слов как «отчёт», «доход», «прибыль».

Можно ли в итоге назвать такое мероприятие экономикой, сложно сказать. Цифры потерь из-за вывоза капитала однозначно говорят о нарушении безопасности страны своей величиной. Здесь явно видна успешная цифровая экономика Запада, получающая из России стабильный поток капитала на протяжении 30 лет, и это можно назвать действительно успешным проектом цифровой экономики Запада. В России есть проект и программа, а у Запада – деньги, вот это и есть настоящая экономика для них и полное отсутствие экономической безопасности для России. Реализация проекта цифровой экономики не предусматривает остановку вывоза капитала (все исполнители проекта на законном основании скажут – это не наше дело), и поэтому вопрос об эффективности всего проекта только по одной этой позиции даёт точный ответ: цифровые технологии Запада будут продолжать работать на вывоз капитала суммами, в разы превышающими потенциальную прибыль от всего российского проекта цифровой экономики.

Ещё одна проблема количества и качества правовой информации. В России на март 2019 действует около 140 федеральных стратегий и более тысячи региональных стратегий. Среди них нет только главной, над которой работает Минэкономразвития и не может её создать, и это – Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации.

При отсутствии стратегии всей страны регионы и города сочинили тысячи своих стратегий, их количество растёт, а в это же время экономика страны падает параллельно с ростом числа стратегий и доли государственного сектора, монополизма. Нет главной идеи: кто мы, откуда и куда идём, что строим. Не озвучены фундаментальные вещи: наши ценности, как они будут защищаться государством, как оно обеспечит их безопасность, нет целей и путей их достижения, человек не обозначен как главная ценность и цель, а капитализм, который мы строим, имеет только одну цель – прибыль. Нужно решить эту первоочередную задачу.

С этой целью автор опубликовал в 2014 году доктрину национальной консолидации, основанную на идее создания общего дела в виде построения нового государства путём создания действующей в виртуальном пространстве модели государства. Поскольку действующее государство накопило груз нерешаемых проблем, реформировать его (и это относится почти к любому государству мира) невозможно в силу инерционности мышления и действия, накопленного пласта законодательства, которое всё хуже регулирует реальные отношения, несмотря на новейшие технологии. Существующее законодательство разом отменить нельзя. Для преодоления этого барьера предлагается создать действующую сетевую модель государства в виртуальном пространстве, в котором создать заново структуры государства и его новое право в новом сетевом и цифровом формате, отработать на модели его работу, чтобы потом предложить перейти в новое состояние всему государству без слома старой системы, которая в обычном варианте при резком переходе ломается революциями, войнами или иными деструктивными событиями и методами. Наш проект предлагает новую идею создания государства и права нового типа, в центре которого будет человек и его интересы, а не прибыль, и этот момент может стать привлекательным для других государств.

Модель позволяет осуществить переход к совершенно новым конструкциям государства и права плавно, последовательно, бесконфликтно, и в этом её преимущество. В действующей модели сделанные ошибки легко исправить, создать новые конструкции и снова их отработать до относительного совершенства и готовности внедрения в действующее государство.

Своя доктрина и стратегия нужны государству, чтобы не играть в чужие игры, а в чужой игре в эпоху информационных технологий противник просчитает все ходы на компьютере, и любой наш ход на его шахматной доске будет вести только к проигрышу. Такие шахматные доски расставлены везде: Всемирный Банк, ВТО, МВФ с их правилами, куда мы умудрились вступить, желая показать, что мы не хуже других, ранее вступивших туда. И показали: мы оказались точно такими же, как и все – обманутыми. Конечно, здесь предстоит сложное балансирование между самобытностью, самостоятельностью, суверенитетом и международным сотрудничеством и кооперацией, разделением труда, однако подставляться под следующие удары, которые будут определяться нашей зависимостью от международной системы расчётов и карт, зависимостью от информационных технологий (софта и железа), не следует. Нужно спешить избавиться от многочисленных возможностей Запада манипулировать нами.

Вернёмся к полям проблем и подведём итог наших размышлений. Эти поля являются, прежде всего, чужими полями, построенными нашими противниками. В частности, известно, как делаются в информационном поле вирусы

¹ Вывоз капитала исчез из статистики ЦБ после утечки \$67 млрд. – [https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/vyvoz-kapitala-ischez-iz-statistiki-cb-posle-utechki-\\$67-mlrd-1027879307](https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/vyvoz-kapitala-ischez-iz-statistiki-cb-posle-utechki-$67-mlrd-1027879307)

и кибератаки: мощными командами профессионалов, работающими под управлением спецслужб и вооружённые лучшей техникой. Конечно, колоссальное количество проблем на этих полях мы создаём и сами: имитация деятельности во всех сферах, бесконечные игры в благостную отчётность для начальства, тотальное воровство и т.п.

Необходимо закрытие полей (или покрытие их своими спецслужбами и органами), или минимизация образовавшихся огромных пространств неконтролируемых и необозримых полей проблем, среди которых есть такие, о которых мы даже не догадываемся, пока не столкнёмся вплотную. Есть ещё худшие по своим свойствам проблемы, когда мы не поймём, что столкнулись с ними, не только в момент столкновения, но и никогда позже, а будем гибнуть, не зная от чего, бегая в поисках рецептов спасения туда, где этих рецептов не может быть в принципе, и это будет означать, что нас изначально и абсолютно переиграли. Такие проблемы погубили СССР – он развалился, так и не узнав, от чего. Клубок сложных причин его распада учёные распутывают до сих пор, настолько сложно всё оказалось.

Для выхода из неприятных ситуаций нам нужно выстраивать своё поле игры, приглашая туда наших союзников для временной или постоянной совместной деятельности. Основанием для такого поля может быть только мощная и глобальная идея строительства государства и права нового типа, социального и справедливого, в котором на первом месте будет человек нового типа и его развитие, как это и закреплено в ст. 7 Конституции Российской Федерации, а не капитал, который вытеснил человека и стал поглощать все ресурсы и самого человека ради процветания 98 российских олигархов¹.

Нужно напомнить, что в ст. 7 Конституции Российской Федерации установлено, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», и обратить внимание на последнее слово – «человека», а не олигарха. Это и есть основа будущих преобразований – прекратить политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие олигарха, что происходит в России все последние десятилетия, и начать политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Простая и понятная конституционная идея.

Надо соблюдать Конституцию Российской Федерации и строить не капитализм и рынок – этих слов нет ни в Конституции Российской Федерации, ни в одном законе России, но социальное государство, которое провозглашено в Конституции Российской Федерации, и использовать информационные и прочие новейшие технологии и методы именно для этого. Эти конституционные установки нужно вставлять в любые проекты и давать в них планы пошаговой реализации того, как эти идеи будут данным проектом воплощаться в жизнь, и кто будет отвечать за результат.

Олигархи бросили вызов России и её народу: в ВШЭ подсчитали, что 3% населения контролирует 89,3% всех финансовых активов, 92% вкладов и 89% всех наличных сбережений². Стране предстоит избавиться от западной модели, восстановить действие норм Конституции Российской Федерации, социальную справедливость, и это главное условие восстановления и укрепления безопасности страны, начинать нужно с него.

¹ Состояние 98 богатейших россиян превысило сбережения населения страны. – <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/sostoyanie-98-bogatey-shikh-rossiy-an-prevy-silo-sberezheniya-naseleniya-strany-1028005624>

² <https://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/bogachi-fakticheski-zapoluchili-vse-finansovye-aktivy-v-rossii-1028106301>

Давиденко Л.М.

к.э.н., ассоциированный профессор (доцент), Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан; Омский государственный университет
davidenkolm@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ¹

Ключевые слова: технологическая интеграция, экономика знаний, цифровая экономика.

Keywords: technological integration, knowledge economy, digital economy.

Введение. Научно-технологическое развитие определяет содержание экономических преобразований, в числе которых модернизация хозяйственных структур в рамках глубокой переработки сырья и цифровой обработки информации. Этому способствуют развитая экосистема промышленности, науки и образования, технологическая интеграция, внутриотраслевые и межотраслевые связи предприятий, основанные на единстве производственной цепочки, управленческих технологий, типовом программном обеспечении интегрированных бизнес-процессов.

Несмотря на общий вектор развития мировой экономики в направлении интеллектуализации производства сформировались проблемы международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества, от решения которых зависит реализация глобальных проектов Индустрии 4.0. К факторам, ослабляющим международное сотрудничество, относятся:

- 1) низкая культура восприятия инноваций внутри компаний, неготовность к сотрудничеству крупного бизнеса и малых предприятий в области научно-технологического развития;
- 2) различия в подходах к производственному менеджменту и технологической интеграции, что во многом определяется сложившейся практикой управления промышленными комплексами, состоянием основных производственных фондов, системой HR-менеджмента в интегрированных хозяйственных структурах;
- 3) неравномерный доступ к банку передовых технологий вследствие санкционных ограничений для отдельных стран и компаний, что в принципе является зеркальным отражением «двойных стандартов» в вопросах геополитики и торгово-экономических отношений.

1. Точки роста в области международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества.

Согласно последним исследованиям решение проблем международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества затрагивает функциональные области промышленного производства, научно-исследовательской деятельности, а также глобальную систему образования (табл. 1–3).

Таблица 1

Точки роста международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества. Направление «Предприятие – вуз – государство»

Область / предмет сотрудничества	Выдвигаемые постулаты	Механизмы реализации	Авторы исследований / научная школа, вуз
Система ценообразования	Эффективная система ценообразования обеспечивает качество реализации договорных отношений в производственно-хозяйственной и финансируемой научно-исследовательской деятельности	Установление цен на продукцию (услуги) независимо от спроса и предложения / постоянство цен. Корректировка цен пропорционально разности между спросом и предложением в соответствии со стадией реализации продукции (услуг) / управление ценой. Корректировка цен пропорционально разности между спросом и предложением с учетом перехода на новый передел в соответствии с рыночной конъюнктурой / постоянные и управляемые цены [1, 2].	Миллер А.Е. (Miller A.E.), Айтхожина Г.С. (Aytkhozhina G.S.) / Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Россия

¹ Работа выполнена по гранту китайского социального научного фонда «Сравнительное исследование моделей инновационного развития старопромышленных регионов на северо-востоке Китая и на территории бывшего СССР» (№ 13BGJ015), а также по проекту № 19-010-00081 «Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в рамках приоритетов научно-технологического развития России» при финансовой поддержке РФФИ.

Партнерство компаний и университетов при посредничестве правительства	Возрастающая роль университетов в создании плодотворной среды для поддержки технологических изысканий и внедрения инновационных идей	Внедрение инноваций на основе внутренних и внешних потоков знаний. Государственные программы субсидирования исследований и научно-технологических разработок на условиях обязательного привлечения университетов в состав исполнителей инновационных проектов [3].	Гепперо М. (Guerrero M.) / Northumbria University, Newcastle Business School, Англия; Урбано Д. (Urbano D.) / Universitat Autònoma of Barcelona, Department of Business, Испания; Эррера Ф. (Herrera F.) / Monterrey Institute of Technology and Higher Education, Мексика
---	--	--	--

Таблица 2

**Точки роста международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества.
Направление «Предпринимательская экосистема»**

Область / предмет сотрудничества	Выдвигаемые постулаты	Механизмы реализации	Авторы исследований / научная школа, вуз
Предпринимательские экосистемы	Предпринимательская экосистема – это синергия экономики, технологий и социума	Выработка ключевых форм взаимодействия и создание благоприятных условий, при которых предпринимательские структуры формируют экономическое, технологическое и социальное мышление в рамках одной экосистемы [4].	Аудреч Давид Б. (Audretsch David B.) / Indiana University Bloomington, School of Public and Environmental Affairs, США; Куннингхэм, Дж.А. (Cunningham James A.) / Northumbria University, Newcastle Business School, Англия; Куратко Д.Ф. (Kuratko Donald F.) / Indiana University Bloomington, Kelley School of Business, США; Леманн Е.Е. (Lehmann Erik E.) / The University of Augsburg, The Augsburg Center for Entrepreneurship (ACE), Германия; Ментер М. (Menter M.) / Friedrich Schiller University Jena, Faculty of Economics and Business Administration, Германия
«Зеленые» технологические стартапы в определенном географическом регионе	Стартапы по «чистым» технологиям могут быть реализованы в сочетании с локальными факторами, в числе которых уровень развития науки и технологий, экологическая культура общества и ответственность местных органов власти	Разработка программы сотрудничества ученых и правительства по стимулированию стартапов «чистых» технологий (опыт реализации 393 стартапов из 110 провинций Италии в области «чистых» технологий, запущенных в 2012 – 2014 гг.) [5].	Гиудичи Г. (Giudici G.), Гуерини М. (Guerini M.), Росси-Ламастра К. (Rossi-Lamastra Cr.) / Politecnico di Milano, the School of Management, Италия
Банк «чистых» и традиционных технологий		Распространение теории знаний о предпринимательстве (The knowledge spillovers theory of entrepreneurship, KSTE) [6].	Коломбелли А. (Colombelli A.) / Politecnico di Torino, Италия; Квадраро Ф. (Quattraro Fr.) / The Collegio Carlo Alberto, Compagnia di San Paolo University of Turin, Италия

Таблица 3

**Точки роста международного и межрегионального научно-технологического сотрудничества.
Направление «Инновационная экономика. Энергетика»**

Область / предмет сотрудничества	Выдвигаемые постулаты	Механизмы реализации	Авторы исследований / научная школа, вуз
Коммерциализация идей	Парадигма поиска прибыли: функциональный бизнес – модель способна быть фактором успешности фирмы / бизнеса и получения прибыли	Причинно-следственные механизмы коммерциализации идей и получения прибыли (The direct Causal Mechanisms of Profit, «DCMP»), ориентированные на инновации, определяющие технологические изменения и потребности в специальных фондах [7].	Ким Ин-Хо Стеphen (Kim In-Ho Stephen) / Hanyang University, College of Business and Economics, Южная Корея; Лее Бюнг-Йоон Мичаел (Lee Byung-Yoon Michael) / Korea Polytechnic University – Graduate school of Knowledge-based Technology & Energy, Южная Корея
Региональный инновационный потенциал (Regional Innovation Capacity, «RIC»), выражаемый в среднем количестве патентов, нововведений и малых инновационных фирм	Агломерационная экономика определяет географическую концентрацию инноваций	«RIC» напрямую связан с индексом региональной компактности (Metropolitan Compactness Index, «MCI»). Необходимо поддерживать компактные регионы с целью ликвидации инфраструктурных барьеров для инноваций [8].	Хамиди Ш. (Hamidi Shima), Зандиатшбар А. (Zandiatashbar Ahoura), Бонакдар А. (Bonakdar Ahmad) / The University of Texas at Arlington, США
Комплексное энергетическое планирование	Принцип управления инновационными пилотными проектами основан на передаче знаний	Инструменты планирования «Smart Energy Communities»: на ранней стадии планирования важно привлекать посредников, на стадии	Нилсен Б. Ф. (Nielsen Brita Fladvad), Линдквист К. (Lindkvist Carmel) / Norwegian University of Science and Technology, Department of Architect-

	«снизу – вверх» и горизонтально через управление, которое стимулирует обе инновационные модели	реализации проекта возрастает роль исполнителей (опыт интегрированного планирования энергетики семи норвежских пилотных проектов) [9].	tural Design and Management, Норвегия; Баер Д. (Baer Daniela) / SINTEF, Норвегия
--	--	--	--

2. Формирование экосистемы предпринимательства. Появление новых технологических лидеров представляется возможным в условиях, когда на всех уровнях управления поддерживается высокая скорость принятия и реализации решений по схеме «fast track», умение работать в системе риск-менеджмента, направленность на альтернативные технологии внутри и за пределами предприятий, организаций, государств.

В качестве эффективного направления по поиску идей для технологического прорыва можно рассматривать взаимодействие крупного бизнеса и предпринимательских структур в рамках экосистемы студенческого предпринимательства (рис. 1).

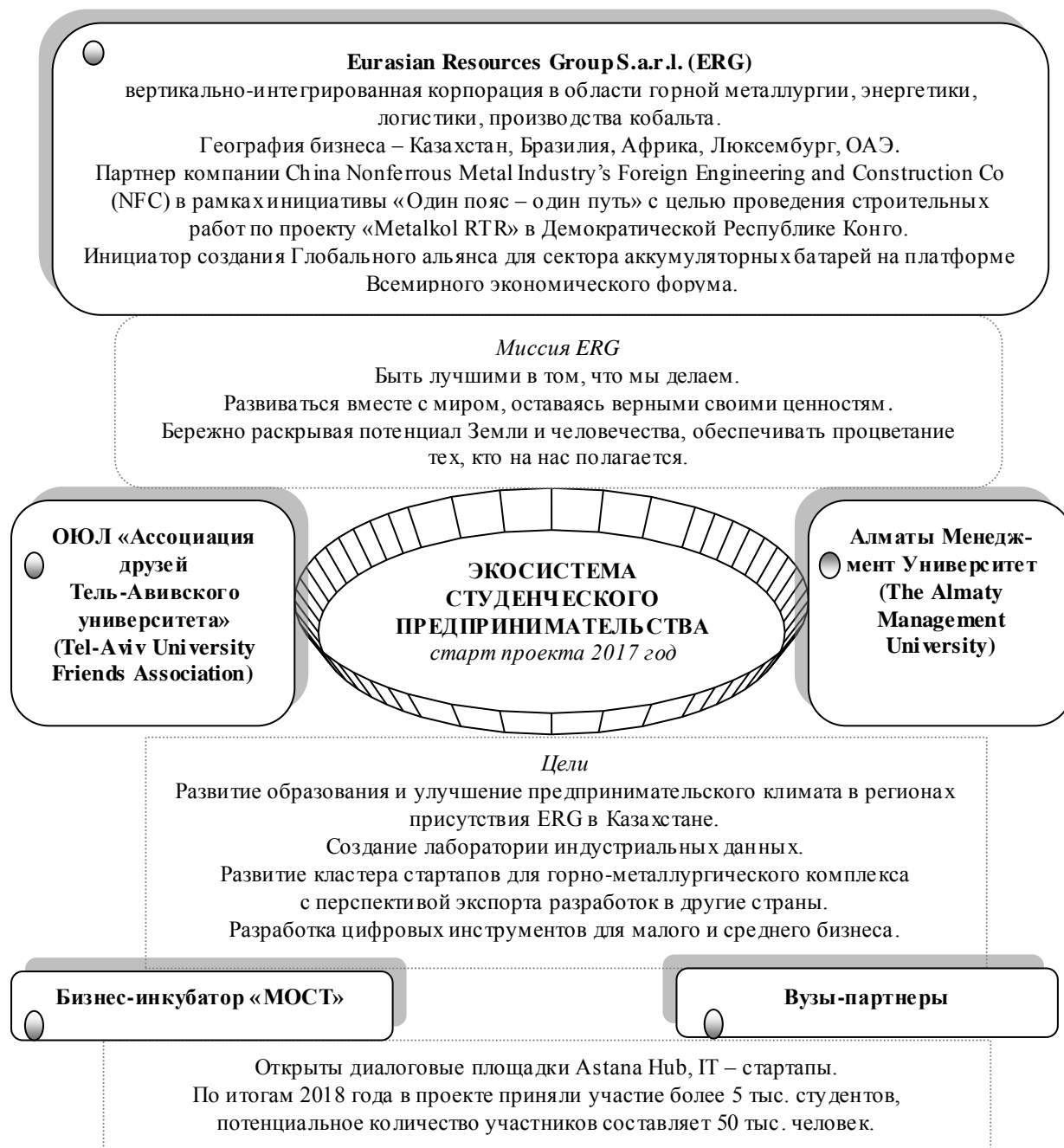

Рисунок 1.
Экосистема предпринимательства с участием Eurasian Resources Group S.a.r.l.
(автор с использованием [10, 11])

Формирование экосистемы на принципах равноправного доступа участников к исследовательским лабораториям для получения новых промышленных образцов, прозрачность источников и форм финансирования инновационных проектов, открытое распространение конкурсной информации – это незыблемые условия эффективного союза крупных промышленных предприятий, представителей малого и среднего бизнеса, организаций сферы образования [12].

3. Совершенствование практики управления промышленными комплексами. Система комплексного управления промышленными предприятиями основывается на концепции технологической интеграции, которая способствует преобразованию имеющихся ресурсов и технологий в конкурентоспособные продукцию и услуги. В условиях цифровой трансформации большая часть технологических процессов сочетает в себе инструменты управления реальными и виртуальными объектами, функционирующими на основе глубокой аналитики, которая позволяет моделировать оптимальное сочетание интегрированных и несвязанных процессов, определив приемлемые технологические параметры [13].

Реализация цифровых проектов обусловлена набором применяемых технологий, в том числе управленческих, поскольку объект управления помимо реальных производственных мощностей и инфраструктурных сооружений переходит в формат построения хозяйственной системы, базирующийся на цифровой культуре менеджмента (рис. 2).

Формирование и развитие цифровых навыков и компетенций входит в состав главных задач интегрированных хозяйственных структур. Находясь в прямой зависимости от спроса на востребованные кадры, учреждения образования также переходят на новый уровень подготовки по всем образовательным программам. При этом в процесс модернизации образовательных услуг подключаются региональные представительства и органы власти на местах [14, 15].

Именно в совместных программах подготовки высококлассных специалистов видятся перспективы международного сотрудничества по направлениям: «Erasmus + Capacity Building in the Higher Education (CBHE)» – наращивание потенциала в высшем образовании, «Erasmus + International Credit Mobility Programme» – реализация кредитной мобильности за рубежом, «Establishing Master programs in HRM and talent Development in Central Asia» – создание магистерских программ по управлению персоналом и развитию кадрового потенциала в Центральной Азии.

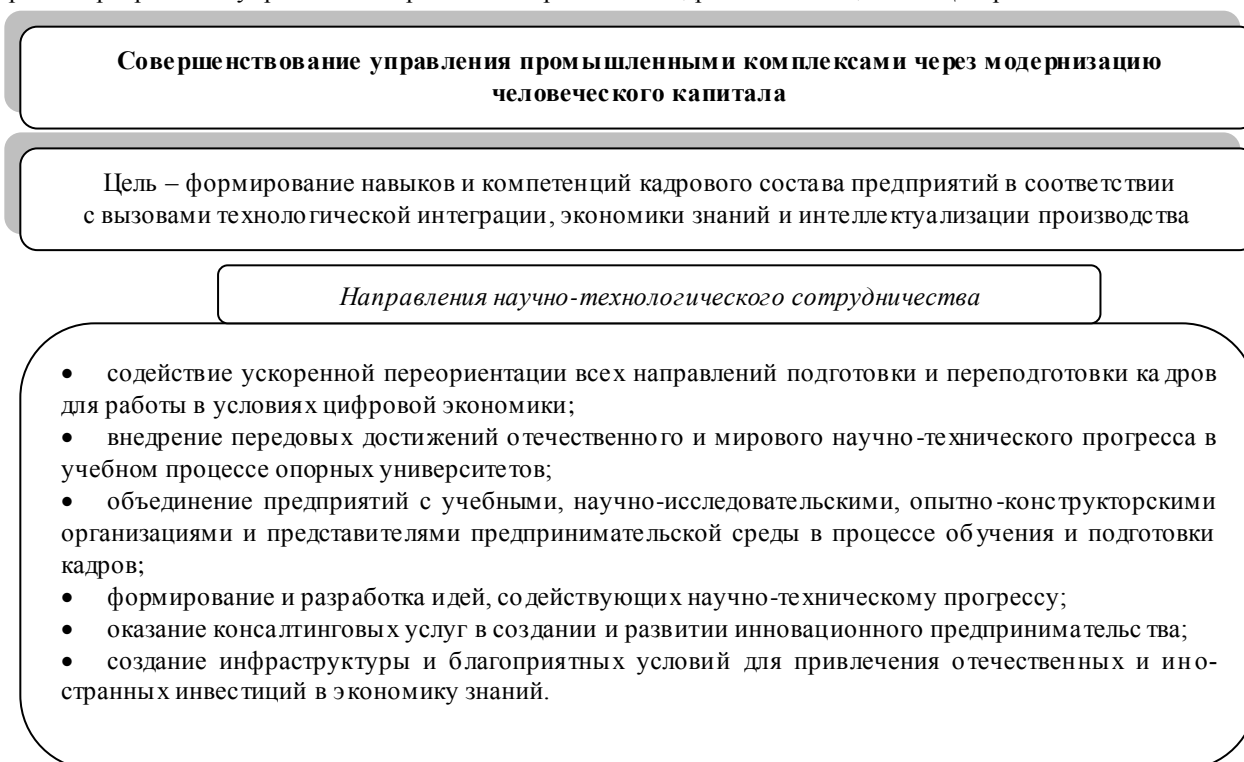

Рисунок 2.

Взаимосвязь промышленного и человеческого капитала (авторская разработка)

В частности, согласно замыслу проекта «Erasmus + TALENT Project 2018–2021» планируется создание магистерской образовательной программы «HR – Management» (на английском языке), в которой под эгидой Свободного университета Брюсселя (Vrije Universiteit Brussel) объединилось несколько образовательных структур: Otto-von Guericke University (г. Магдебург, Германия), Institute for the Study of Societies and Knowledge (г. София, Болгария), Athens University of Economics and Business – Research Center (г. Афины, Греция), Innovative University of Eurasia (г. Павлодар, Казахстан), Nazarbayev University (г. Нур-Султан, Казахстан), Bukhara State University (г. Бухара, Узбекистан), Westminster International University in Tashkent (г. Ташкент, Узбекистан), Kyrgyz Economic University (г. Бишкек, Кыргызская Республика) [16].

Общая концепция «Erasmus + TALENT Project 2018–2021» сводится к созданию международной диалоговой площадки, на которой с 2020 года планируется запустить восемь совместных образовательных направлений с единым методическим обеспечением и комплексом научной литературы. С целью ориентации на кадровые потребности индустриального региона в Павлодарской области с декабря 2018 года по январь 2019 года проведено специальное статистическое обследование, в котором прошли анкетирование потенциальные работодатели из числа промышленных предприятий, государственных структур, представителей власти, учреждений образования, здравоохранения, органов правоохранительного порядка и подготовки госслужащих. Этапы работы и полученные результаты представлены в табл. 4, на рис. 3–5. Данное мероприятие послужило отправной точкой для формирования интегрированного обучающего комплекса в рамках подготовки магистров укрупненной группы «Бизнес, управление и право».

Выявление востребованных компетенций. Карта процесса проведения статистического наблюдения по проекту «Erasmus + TALENT Project 2018–2021» в период декабрь 2018 года – июнь 2019 года (составлено автором)

Рабочая стадия	Месяц				
	12	01	02	05	06
1. Знакомство рабочей группы проекта с программой статистического наблюдения	+				
2. Установление требуемого состояния					
– обсуждение предлагаемых тем по образовательным модулям для включения в оценочные пункты анкеты	+				
– разработка и утверждение содержания анкет	+				
– выдача / рассылка бланков анкет потенциальным работодателям Приложение: сопроводительное информационное письмо со сведениями о магистерской образовательной программе «HR – Management» (на английском языке)	+	+			
3. Анализ / оценка фактического состояния работы					
– установление существующего хода работ	+	+	+	+	
– контроль над входящей / исходящей документацией	+	+	+	+	
– устранение причин недостаточного качества опроса и анкетирования	+	+			
4. Свод, группировка, анализ данных и уведомление участников о результатах анкетирования	+	+		+	+
5. Обсуждение результатов анкетирования потенциальных работодателей на международных рабочих совещаниях по проекту					
– презентация итогов на встрече в Vrije Universiteit Brussel, Бельгия			+		
– презентация итогов на рабочем совещании в Westminster International University in Tashkent, Узбекистан				+	
– разработка научно-методической документации по согласованным темам с учетом результатов опроса работодателей				+	+

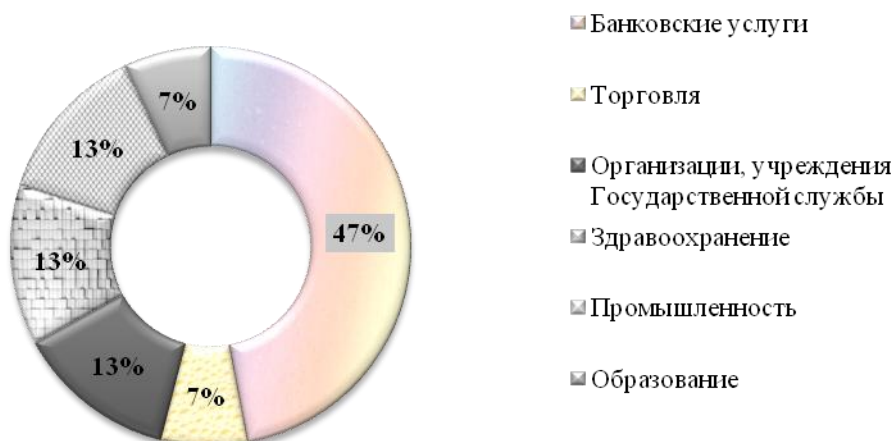
Параметры квалиметрического анализа на уровне высших образовательных учреждений

- для компоненты «человек» – факторы, обусловленные удобством и безопасностью предоставления / получения комплекса общих / профессиональных знаний / компетенций, востребованных на региональном / международном уровнях;
- для компоненты «машина» – взаимоотношения элементов процесса предоставления знаний между собой (техническая оснащенность, технологии управления процессом обучения);
- для компоненты «метод» – факторы, связанные с производительностью и точностью предоставления и восприятия новых знаний, в том числе на иностранных языках;
- для компоненты «материал» – факторы, связанные с полнотой, доступностью, современностью знаний;
- для компоненты «контроль» – факторы, связанные с достоверным распознаванием ошибок в процессе подготовки бакалавров, специалистов / магистров, докторов;
- для компоненты «среда» – факторы, связанные с воздействием экосистемы на ее участников, а также участников на внешнюю среду.

Рисунок 3.

Выявление востребованных компетенций в условиях вызовов промышленной революции. Параметры квалиметрии (авторская разработка)

Отраслевая принадлежность опрошенных работодателей Павлодарского региона, Казахстан

Способы распространения анкет: рассылка с сопроводительным письмом на официальные электронные адреса (78 адресатов), вручение руководителям на предприятиях (15 экземпляров)

Рисунок 4.

Отраслевое распределение респондентов, участвующих в опросе по выявлению востребованных компетенций сотрудников (авторская разработка)

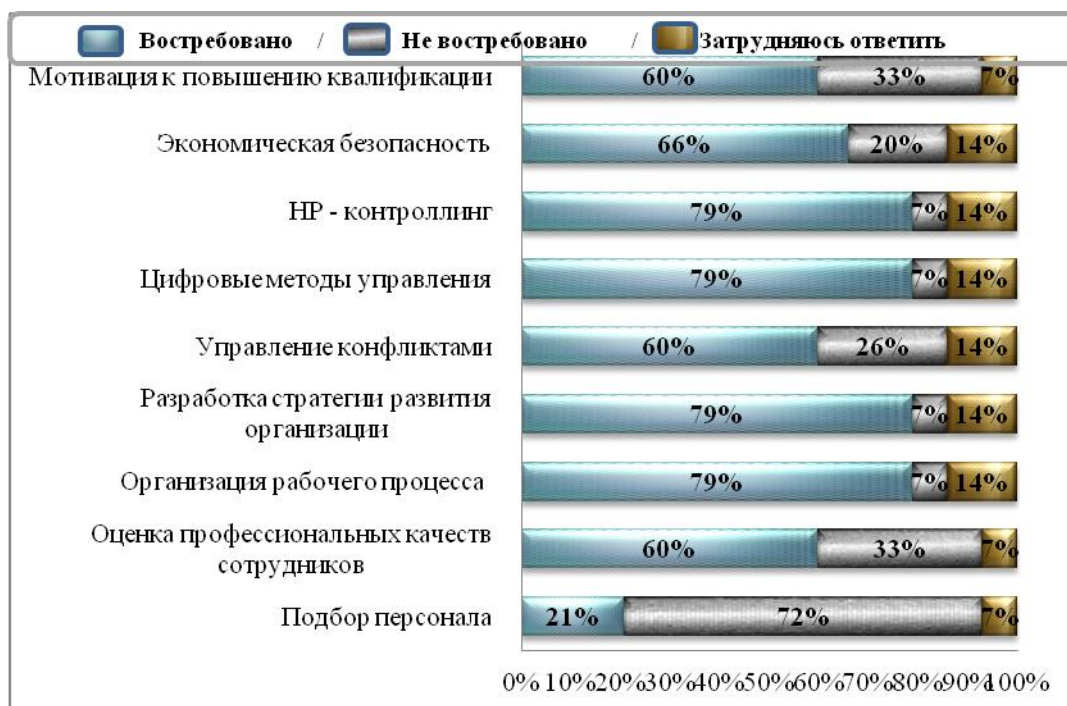

Рисунок 5.

Выявление востребованных направлений подготовки в области «HR Management» на казахстанском рынке (% от всех респондентов)

Предложения практиков позволяют совершенствовать систему управления на предприятии, начиная с целевой подготовки кадров в наиболее «узких» местах с позиции формирования и развития человеческого капитала (рис. 6).

Заключение. Научно-технологическое развитие позволяет стимулировать модернизацию подсистем управления отечественных предприятий. Неоспоримо, что цифровые технологии стали объектом управления интеграционными процессами, в которые вовлекаются структурные подразделения компаний, государственные учреждения [17]. Выход на уровень индустриального развития в цифровом формате представляется возможным в условиях четкой координации действий всех участников предпринимательской экосистемы. Детализированные программы интеграционного взаимодействия значительно упрощают интеллектуализацию производства путем реформирования системы управления человеческими ресурсами, стимулирования роста инновационной активности будущих и уже принятых на работу сотрудников в период их обучения и повышения квалификации. Таким образом, формируется определенный потенциал идей и инноваций, который получает высокий шанс на реализацию при условии взаимосвязи и взаимной заинтересованности партнеров в области научно-технологического сотрудничества. При этом технологическая интегра-

ция может рассматриваться как современный регулятор устойчивого развития промышленного сектора, предпринимательства и системы образования.

<p>Модуль 1. Основы управления персоналом / Fundamentals of HR Management</p>	<p>Кадровая политика и практика / HR Policies and Practices Проектирование систем управления персоналом / Designing HR Systems</p>
<p>Модуль 2. Управление персоналом и организационное поведение / Human Resource Management and Organizational Behavior</p>	<p>Управление персоналом и производительностью труда на предприятии / Managing People and Performance in Organization Организационное поведение в цифровом сообществе / Organizational Behavior in the Digital Community</p>
<p>Модуль 3. Планирование персонала / Human Resource Planning</p>	<p>Система стратегического планирования человеческих ресурсов / Human Resource Planning System Трудовые ресурсы интеллектуального производства / Labor resources in an Intellectual Enterprise</p>
<p>Модуль 4. Управление персоналом на международном уровне / International Human Resource Management</p>	<p>Человеческие ресурсы в сравнительной перспективе / Human Resources in a Comparative Perspective Международная практика подбора персонала / International Recruitment and Selection</p>
<p>Модуль 5. Измерение (оценка) человеческих ресурсов / Measuring HR</p>	<p>Аудит персонала (соответствие функционалу, профессиональный рост) / HR Auditing (functional compliance, professional growth) Мониторинг затрат на развитие человеческих ресурсов / HR Cost Monitoring</p>
<p>Модуль 6. Организационные изменения и разработки / Organizational Change and Development</p>	<p>Планируемые организационные изменения (развитие цифровой культуры, интеллектуализация производства) / Planned Organizational Change (Development of Digital Culture, Intellectualization of Production)</p>
<p>Модуль 7. Развитие людей / Developing People</p>	<p>Ориентация и социализация сотрудников / Employee Orientation and Socialization Управление производительностью / Performance Management Роль персонала в развитии экосистемы / Role of People in the Development of the Ecosystem</p>
<p>Модуль 8. Компенсация и распознавание / Compensation and Recognition</p>	<p>Компенсационная политика / Employee Benefits and Services</p>
<p>Модуль 9. Набор и отбор / Recruitment and Selection</p>	<p>Процедуры отбора персонала / Processes for Selecting the Best Candidate Правовые вопросы, связанные с наймом и выбором сотрудников / Legal Issues Related to Recruitment and Selection</p>
<p>Модуль 10. Развитие здоровой рабочей среды и эффективные отношения с работниками / Developing a Healthy Work Environment and Effective Employee Relations</p>	<p>Базовые концепции эффективного сотрудничества / Foundations of Effective Employee Relations Проблемы занятости в связи с роботизацией производства / Employment issues due to production robots</p>

Рисунок 6.

Востребованные направления подготовки в области «HR Management» (авторская разработка по результатам опроса потенциальных работодателей)

Список литературы

1. Миллер А.Е. Роль ценообразования в формировании бюджетов структурных подразделений предприятий // Вестник Омского университета. Серия: Экономика, 2018. – № 4. – С. 91–93.
2. Aytkhozhina G., Miller A. State tax control strategies: theoretical aspects // Contaduría y Administración. 2018. – № 63 (2). – P. 1–16. – DOI:10.22201/fca.24488410e.2018.1672.
3. Guerrero M., Urbano D., Herrera F. Innovation practices in Emerging Economies: Do University partnerships matter? // Journal of Technology Transfer. 2019. – Vol. 44, N 2. – P. 615–646. – DOI: 10.1007 / s10961-017-9578-8.
4. Audretsch D.B., Cunningham Ja.A., Kuratko D.F., Lehmann E.E., Menter M. Entrepreneuria ecosystems: economic, technological, and societal impact // Journal of Technology Transfer. 2019. – Vol. 44, N 2. – P. 313–325. – DOI: 10.1007 / s10961-018-9690-4.
5. Giudici G., Guerini M., Rossi-Lamastra C. The creation of cleantech startups at the local level: the role of knowledge availability and environmental awareness // Small Business Economics. 2019. – Vol. 52, N 4. – P. 815–830. – DOI: 10.1007/s11187-017-9936-9.
6. Colombelli A., Quatraro F. Green start-ups and spillovers from clean and dirty technologies // Small Business Economics. 2019. – Vol. 52, N 4. – P. 773–792. – DOI: 10.1007 / s11187-017-9934-y.
7. Kim И. S., Lee BY. M. Direct causal mechanisms of profit: dominant paradigm of profit seeking // Technology Analysis & Strategic Management. 2019. – Vol. 31, N 4. – P. 371-387. – DOI: 10.1080/09537325.2018.1516863.
8. Hamidi S., Zandiatashbar A. Bonakdar A. The relationship between regional compactness and regional innovation capacity (RIC): Empirical evidence from a national study // Technological Forecasting and Social Change. 2019. – Vol. 142. – P. 394–402. – DOI: 10.1016/j.techfore.2018.07.026.
9. Nielsen B. F., Baer D., Lindkvist C. Identifying and supporting exploratory and exploitative models of innovation in municipal urban planning; key challenges from seven Norwegian energy ambitious neighborhood pilots // Technological forecasting and social change. 2019. – Vol. 142. – P. 142–153. – DOI: 10.1016/j.techfore.2018.11.007.
10. Davidenko L.M. Realization of companies' increase strategy in modern conditions // North-East Asia Academic Forum (Publication of scientific articles). – Har bin, China: Harbin University of Commerce, 2011. – N 1 (5). – P. 182–186. –<http://dby.hrbcu.edu.cn/>
11. Eurasian Resources Group presents the results of its Student Entrepreneurship Ecosystem Programme // Official site of Eurasian Resources Group S.a.r.l. («ERG»). – <https://eurasianresources.lu/en/news/Eurasian%20Resources%20Group%20presents%20the%20results%20of%20its%20Student>
12. Миллер А.Е., Миллер М.А., Давиденко Л.М. Развитие экосистемы технологической интеграции хозяйственных структур на основе цифровизации // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. – Вып. 1 (23). – С. 96–105.
13. Давиденко Л.М. Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в условиях цифровой экономики: монография. – Павлодар: Инновац. Евраз. ун-т, 2019. – 216 с.
14. Губернатор Александр Бурков поддержал ряд проектов ОмГУ им. Достоевского по подготовке высококвалифицированных кадров для региона. – <http://www.omsu.ru/news/10541/>
15. Беспалый С.В., Давиденко Л.М. Оценки регионов по уровню индустриально-инновационного развития // Вестник университета ТУРАН. 2018. – № 1 (77). – С. 9–14.
16. Презентация новой образовательной программы магистратуры «HR Management». – <http://ineu.edu.kz/ru/novosti/item/7010-itogi-hr-foruma-obr-programma>
17. Kuznetsov S.V., Miller A.E., Davidenko L.M. Development Prospects of Technological Integration: Regional Perspective // Studies on Russian Economic Development. 2019. – Vol. 30, N 1. – P. 15–21. – DOI: 10.1134/S1075700719010106.

Демьяненко А.Н.,
Прокапало О.М.,
Украинский В.Н.¹

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МАКРОРЕГИОН ИЛИ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ?²

Ключевые слова: Дальний Восток, экономическая безопасность, макрорегион, геостратегическая территория.
Keywords: Russian Far East, economic security, macroregion, geostrategical territory.

Постановка проблемы

Утверждение распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. за № 207-р «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (СПР) ожидаемо вызвало отклик в научном сообществе³. По большей части отклики имеют критический характер, и это вполне понятно: в ходе обсуждения проекта СПР было высказано немало самых различных предложений. Естественно, что в большинстве своем они не вошли в СПР. Почему естественно? Это обусловлено, как минимум, двумя обстоятельствами.

Первое: изначально не были определены цели СПР. Что и неудивительно: в настоящее время мало кто рискнет утверждать, что он знает, что такое пространственное развитие, да к тому же в такой стране, как РФ с ее поразительным многообразием природных и социальных условий⁴. Поэтому неудивительно, что мы имеем дело с многообразием мнений и подходов относительно того, что есть пространственное развитие, и какой должна быть соответствующая стратегия. Хотя никто не доказал и обратного, то есть не доказал, что такая стратегия нужна, более того, что она необходима именно в настоящее время и именно в России. В конечном счете, отсутствие у разработчиков СПР внятной методологической платформы приводит к тому, что понятийный аппарат, который они предлагают, отличается крайней противоречивостью и, по большому счету, не является работающим⁵.

И проблема здесь вовсе не в том, что есть замечательные эксперты, которые много чего полезного сделали для того, чтобы СПР была качественным продуктом, а есть не очень квалифицированные чиновники, которые не поняли и должным образом не оценили труд экспертов. Иначе говоря, мы имеем дело с давней проблемой внедрения достижений науки, только не в производство, как это было в советский период отечественной истории, а в сферу государственного регулирования экономики.

Второе: насколько бы совершенной ни была стратегия, в том числе и пространственного развития, она бесполезна, если нет соответствующей «инфраструктурной оснастки», как говаривал Т. Веблен, или системы институтов и организаций, которые берут на себя ответственность за реализацию стратегии. Увы, но искать в СПР механизмы реализации не приходится.

И здесь невольно вспоминаются слова О.С. Пчелинцева: «программа без программного управления – это снаряд без пушки. Его можно носить с места на место, на нем можно даже подорваться, но поразить им цель нельзя»⁶. То есть имеет место проблема эффективных институтов, ответственных за реализацию стратегии.

¹ Демьяненко Александр Николаевич – д.геогр.н., профессор РАН, гл.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск. E-mail: demyankenko@ecrin.ru

Прокапало Ольга Михайловна – д.э.н., директор Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск. E-mail: prokapalo@ecrin.ru

Украинский Вадим Николаевич – к.э.н., н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск. E-mail: schtirlitz1975@gmail.com

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ДВО РАН № 18-5-045 «Безопасность и устойчивое развитие Дальнего Востока: трансформация системы пространственного распределения экономических ресурсов в условиях социально-демографических вызовов».

³ См., например: Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – М., 2019. – № 1; Кузнецова О.В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. – М., 2019. – № 1; Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017. – № 4; Региональные аспекты долгосрочной экономической политики: научный доклад. – М.: Международные отношения, 2018.

⁴ Не случайно, что подобного рода документов просто нет ни в одной стране, сопоставимой с РФ не только по территории, но и населению.

⁵ Конечно, здесь можно сказать, что дело не в словах. Но скорее всего дело в том, что прав Румельт: «самое прискорбное, что «стратегия» стала настоящим словом-паразитом; многие бизнесмены, преподаватели и чиновники употребляют его сегодня и к месту и не к месту» (Румельт Р. Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно. – М.: Манн, Иванов и Фабер, 2014. – С. 17). И далее: «чтобы концепция имела смысл, нужно договориться о ее дефинициях, то есть провести четкую границу между тем, что она обозначает, а что нет» (там же, с. 18).

⁶ Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. – М.: Наука, 2004. – С. 86.

При желании можно было бы продолжить рассмотрение тех или иных спорных положений СПР, но авторы данной статьи посчитали возможным ограничиться одним сюжетом, а именно: проблема экономической безопасности Дальнего Востока в контексте рассмотренных выше положений СПР.

Алгоритм анализа региональной экономической безопасности

В качестве исходных положений, на которые авторы опирались в своем анализе, было принято следующее.

Во-первых, региональная безопасность понимается как способность хозяйственного комплекса сохранять устойчивость функционирования в условиях кризиса и чрезвычайных ситуациях, обеспечивать стабильность социальной ситуации в регионе и т.д.¹

Во-вторых, когда речь идет о регионах, занимающих важное место в стратегии национальной безопасности России (геостратегические территории) и в то же время отличающихся значительным разнообразием природных и социальных условий ведения экономической деятельности и проживания населения, следует, оценивая экономическую безопасность, учитывать и параметры, характеризующие пространственную организацию экономики и систем расселения населения².

При этом в своем анализе мы придерживались следующей логики: экономическая безопасность страны – это еще и экономическая безопасность макрорегионов, то есть пространственных экономических систем. Поэтому прежде всего следует определиться с тем, имеем мы дело с пространственным образованием, обладающим системной природой, или нет.

Далее мы пытаемся найти ответ на вопрос: экономическое пространство имеет лакуны или же оно полностью «замощено» районами мезоуровня. Иначе говоря, на первом этапе исследования авторы пытаются определиться с тем, насколько специфичен Дальний Восток в качестве объекта государственного регулирования.

При этом мы имели в виду, что при рассмотрении проблемы региональной безопасности «следует помнить о том, что существуют различные уровни анализа «экономической безопасности» (микро-, мезо- или макро)»³. В нашем случае речь идёт в первую очередь об уровне экономических макрорегионов.

На втором этапе мы сосредоточили внимание на институтах регионального развития Дальнего Востока. Причем во главу угла была поставлена проблема уязвимости институтов в контексте экономической безопасности Дальневосточного макрорегиона.

Дальний Восток как объект государственного регулирования

Прежде всего зафиксируем, что Дальний Восток в СПР выступает в двух ипостасях: он и макрорегион, и геостратегическая территория.

И если в СПР есть определение геостратегической территории («территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»), то определения макрорегиона нет. Хотя из контекста следует, что макрорегион есть некая совокупность единиц административно-территориального деления.

Поэтому приходится обратиться к ФЗ от 28 июня 2014 г. за № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». И здесь мы находим, что макрорегион – это «часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования».

Но в какой бы ипостаси мы бы не рассматривали Дальний Восток, нам придется признать, что мы имеем дело с территориальным экономическим образованием, не обладающим системными свойствами. Дело в том, что, если идти вслед за Р.Л. Акофом, «реальный объект рассматривается как система, если результат его поведения определяется как продукт взаимодействий его частей». При этом результат «представляет собой продукт множества взаимозависимых действий»⁴.

Переходя от высокой теории к практике выделения макрорегионов⁵ в СПР, придется признать, что по большей части эти пространственные образования не являются системами⁶. Только один пример: попробуйте найти взаимодействие между экономиками ЕАО и ЧАО в пределах Дальневосточного макрорегиона.

¹ Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Анализ подходов к оценке региональных процессов формирования социально-экономической безопасности // Экономика региона. 2016. – Т. 12, № 3. – С. 654–669.

² Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. – Т. 5, № 5. – С. 30.

³ Там же, с. 27.

⁴ Акоф Р.Л. Системы, организации и междисциплинарные исследования // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 146.

⁵ Сюда, наверное, будет оправданным добавить и геостратегические территории.

⁶ Авторский подход к делимитации экономического пространства России изложен в: Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Декомпозиция национального экономического пространства: Тенденции и прогноз // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. – М., 2018. – Ч. 2. – С. 854–857; Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. – № 4. – С. 43–54.

Есть еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание – это крайняя неоднородность макрорегионов, представленных в СПР (табл. 1). Только один факт (то, что более 40% территории РФ – это Дальневосточный макрорегион) делает правомерным предположением, что это не макрорегион, а нечто иное.

Таблица 1

Удельный вес макрорегионов в основных макропоказателях РФ в 2017 г., %¹

Макрорегионы	Площадь	Численность населения	ВРП	Инвестиции	Основные фонды в экономике
Центральный	2,8	21,8	31,1	21,2	27,9
Центрально-Черноземный	1,0	4,9	3,8	4,9	3,3
Северо-Западный	4,0	8,1	9,2	9,3	8,5
Северный	5,9	1,4	1,8	2,3	2,8
Южный	2,6	11,2	7,2	8,8	7,9
Северо-Кавказский	1,0	6,7	2,5	3,2	2,5
Волго-Камский	3,1	10,4	8,0	8,8	7,7
Волго-Уральский	2,9	9,7	6,6	6,3	6,3
Уральско-Сибирский	10,6	8,4	14,3	18,0	18,5
Южно-Сибирский	5,8	7,6	5,2	4,2	4,1
Ангаро-Енисейский	19,7	4,2	4,5	4,5	3,6
Дальневосточный	40,6	5,6	5,8	8,5	7,2

Здесь будет уместно вновь вернуться в сферу методологии системного анализа, в частности, к работе Н.В. Тимофеева-Ресовского в той ее части, в которой система соотносится с такими понятиями, как «множество» и «группа». Итак: «Понятие системы отличается от общего понятия множества не только тем, что отображает какие-то взаимосвязи, но еще и потому, что материальная система представляет собой совокупность элементов, которые обязательно существуют вместе. Этим понятие системы, мне кажется, отличается от понятия группы как частично упорядоченного (какой-то связью или каким-то отношением) множества, выделяемого нередко по условному соглашению. Напротив, реальная совместимость существования элементов – очень важный признак системы. Эта совместимость обеспечивается не простой конденсацией..., а такой конденсацией, которая делает достаточно значимыми возможные воздействия одних элементов на другие»².

Если приведенные в этом фрагменте положения переложить на язык современной экономической науки, то нам придется признать, что сам факт нахождения той или иной совокупности экономических агентов в той или иной точке (ареале) экономического пространства не делает их системой. Поэтому Дальневосточный макрорегион в том виде, как он представлен в СПР, есть группа экономик субъектов РФ, объединенных «по условному соглашению».

При этом следует иметь в виду, что в границах Дальневосточного макрорегиона (в версии авторов СПР), конечно, существуют и экономические системы, то есть экономические районы мезоуровня. Но эти экономические районы даже в южной макроэкономической зоне не образуют сплошного ареала.

То есть Дальневосточный макрорегион представляет собой конгломерат пространственных образований как обладающих системной природой (экономические районы мезо- и микроуровня), так и не обладающих таковыми свойствами (пространственные группировки экономических агентов). Это обстоятельство следует иметь в виду при разработке стратегий развития Дальнего Востока.

Дальний Восток и проблема уязвимости институтов контексте экономической безопасности

Для начала отметим, что авторы в своем анализе институтов развития Дальнего Востока вслед за Д. Нортон³ проводят различие между институтами и организациями, то есть мы считаем принципиально важным отделить правила игры от игроков. В нашем случае СПР – не более чем элемент системы стратегического планирования, института, определяющего правила игры в сфере государственного регулирования экономики⁴. Тогда как Дальний Восток – своего рода арена, в пределах которой совокупность экономических агентов представляет собой объект регулирования.

При этом остается открытым вопрос: институты – это ограничения на рыночные процессы (концепция новой институциональной экономики), или они, напротив, открывают новые возможности (традиционный институционализм) и оказывают содействие рыночным процессам? Мы не готовы дать ответ на этот вопрос, но полагаем, что институты в зависимости от обстоятельств и состояния среды, в которой они функционируют, могут выступать и в том, и в другом качестве.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 г. – М.: Росстат, 2018. – С. 18–22.

² Тимофеев-Ресовский Н.В. Структурные уровни биологических систем // Системные исследования. Ежегодник 1970. – М.: Наука, 1970. – С. 96.

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997; Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.

⁴ «Дефектам» этого института авторы уже уделяли внимание в ранее опубликованных работах: Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (ч. 1) // Регионалистика. 2016. – № 3. – С. 48–60; Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (ч. 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. – № 6. – С. 63–74.

Если принять, что Дальний Восток представляет собой конгломератное образование, то следует допустить, что унифицированный подход вряд ли приемлем. Скорее всего, следует признать, что в этом случае «общедальневосточная» стратегия будет представлять собой не более чем оболочку. То есть следует разрабатывать серию стратегий, причем не для всех пространственных экономических образований и не по всем мыслимым направлениям. Ведь если речь идет о стратегическом планировании (возможно, точнее будет – управлении) развития Дальнего Востока, а не о разработке плана социально-экономического развития, как это имело место в недавнем советском прошлом, то следует иметь в виду, что «любая стратегия предполагает выбор приоритетов: тщательное определение того, что важнее всего, и концентрацию усилий на достижимых целях»¹.

В свою очередь, концентрация усилий и получение желаемого результата предполагают, что разработчики стратегии должны уделить пристальное внимание как системе целей, так и оценке внешних условий. Применительно к условиям Дальнего Востока это предполагает предельно четкое понимание того, где предполагается достичь желаемых целей.

Разнообразие целей и условий их достижения предполагает качественно новые требования к «институциональной оснастке», в частности, будет недостаточно обеспечить институциональное воспроизводство, иначе говоря, обеспечить долговечность институтов развития. Целесообразно, уже на стадии концептуальной проработки стратегии иметь в виду и вопросы уязвимости институтов. При этом мы, вслед за В. Долфсма, рассматриваем уязвимость «с точки зрения чувствительности такого субъекта, как институт, а также его способности противостоять влиянию или воздействиям некой силы, сопровождающемуся утратой идентичности»².

Впрочем, на поиск недостатков («дефектов») тех или иных институциональных новаций можно потратить очень много времени. Как представляется, более важная проблема кроется не в том, необходимы и достаточны ли отдельно взятые «институты развития», предлагаемые к внедрению органами власти. Тот факт, что объект управления имеет конгломеративную (несистемную) природу, вовсе не отменяет необходимости существования системы институтов: «новый набор формальных правил должен подкрепляться параллельной эволюцией поддерживающих эти правила норм»³. Другими словами, чрезмерная сфокусированность на частных дефектах может привести к игнорированию дефектности (и, как следствие, уязвимости) существующей системы институтов. Вновь и вновь имплементируемые институциональные новации – это попытки внести изменения в формальные правила игры. А ведь помимо формальных институтов существуют еще и неформальные институты: «Если понятию невидимых рук ... вообще суждено иметь какое-то значение, помимо чисто магического, то нам придется понимать его как отражение норм и ценностей, укорененных в социальных структурах, иногда весьма глубоко. В некоторых случаях такие неформальные институты способствуют поведению, соответствующему традиции либерального свободного рынка, в других случаях толкают акторов – в том числе и правительства – действовать явно против общего блага»⁴. Таким образом, осуществляемые институциональные преобразования формального характера должны учитывать сложнейшие системные связи с разнообразными «другими» институтами и порождаемые этими институтами разнообразные эффекты, которые могут быть «противодействующими» любым благим начинаниям⁵.

Не меньше вопросов вызывает глубина понимания связей между институтами и другими общественными «системами»: «Именно потому, что институты и способ производства общества рождаются одновременно, институты невозможно изучать отдельно от технологической системы, которая создала в них потребность и породила их. Сегодня значимость одной стороны уравнения – институтов, взятых в изоляции в качестве инструментов создания развития, переоценивается, искажая наше понимание экономического и институционального развития»⁶. Любая институциональная новация, являющаяся, по сути, инструментом управления, должна тщательнейшим образом подгоняться, встраиваться в большую систему под названием «общество».

¹ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знаний по имя всеобщего блага. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. – С. 14.

² Долфсма В. Провалы государства. Общество, рынки и правила. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 164.

³ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. – М.: Изд-вом Высшей школы экономики, 2015. – С. 344.

⁴ Там же, с. 350–351.

⁵ Как в свое время писал Дж. Стиглер, «я предполагаю, что принять закон не означает решить проблему» (см.: Стиглер Дж. Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. – С. 53).

⁶ Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С. 255.

Захаров В.К.¹

ЗАКАТ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОГРЕССИЗМА И ПРОЕКТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ МИРА

Ключевые слова: мировые прогрессистские проекты, новые представления, вменение новых представлений, сборка новых консорциев, мемы, протомемы, побуждение мемом и протомемом, изменение бытийной среды, воплощение новых представлений, отторжение представлений, развал консорциев, конец истории: от Модерна к Постмодерну, российский экзистенциальный проект, суверенитет России.

Введение. От Модерна к Постмодерну

В 1989 году вышла знаменитая статья Ф. Фукуямы «Конец истории?», обобщённая в 1992 году в его книге «Конец истории и последний человек»². В ней он показал (констатировал) конец борьбы между двумя светскими **общемировыми** проектами (коммунистическим и либеральным) и предсказал предстоящую всеобъемлющую победу либерального общемирового проекта.

В данной статье показывается, что «конец истории» действительно наступил, но не как всеобъемлющая победа либерального общемирового проекта, а как *конец всей эпохи Модерна* с его универсалистскими общемировыми проектами³.

Действительно, важнейшей провозглашённой всеобщей универсальной догмой (несомненной истиной) эпохи Модерна, лежавшей в основе всех светских общемировых проектов, являлось утверждение о прогрессивности развития человечества, т.е. о постоянном всемирном восхождении от более низких состояний к более высоким (**прогрессистская догма**). При этом основным двигателем такого восхождения объявлялся разум (интеллект) человечества, и используемый им в процессе совместного труда, направленного на создание дополнительной надприродной среды обитания, защищающей человечество от несовершенства естественной природной среды обитания.

Эта прогрессистская догма основывалась и держалась на наличии в Европейском Мире видимого *научно-технического прогресса*⁴, ставшего особенно заметным со времени английской промышленной «революции» (вторая половина XVIII века). Неочевидность же прогрессистской догмы состояла в **прогрессистском дуализме**, т.е. в утверждении наличия универсальной причинно-следственной связи между научно-техническим прогрессом и *прогрессом социальным*. В наиболее чётком виде такой дуализм утверждался в марксизме с его *детерминистским постулатом*, согласно которому прогрессивное саморазвитие общественного производства приводит к неминуемому всемирному переходу от более низкой социально-экономической формации к более высокой: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения»⁵.

Однако происходившие в мире события (в частности, последние мировые войны) всё больше вынуждали независимых светских и религиозных мировых общественных деятелей (а с ними и целые общества и народы) сомневаться в верности прогрессистского дуализма, а с ним и в верности идей всего прогрессистского модернизма. Особенно это было заметно в мусульманских странах с их нарастающим обращением к исламскому фундаментализму и в странах «социалистического лагеря», где большинство народа перестало верить в причинно-следственную связь между научно-техническим развитием в их странах и **прогрессом в общественном распределении** плодов и достижений этого развития.

¹ Захаров Валерий Константинович – д.ф.-м.н., профессор кафедры математического анализа Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Автор многочисленных научных публикаций по вопросам общественного развития, в том числе по социальной философии и социальной психологии, философии истории, экономике, теории государства и государственного управления, геополитике, политологии, русистике, а также по концептуальным и математическим моделям государства и его учреждений. Лауреат Ломоносовской премии. E-mail: zakharov_valeriy@list.ru

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2007. — 588 с.

³ Осипов Ю.М. Эпоха постмодерна. В 3 ч. – М.: ТЕИС, 2004. – 336 с.; Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. – М.: КДУ, 2007. – С. 24–31.

⁴ Слово **прогресс** в точном переводе с латинского *pro-gressus* означает «к шагу», а слово **регресс** в переводе с латинского *re-gressus* означает «от шага». Эти слова обычно понимаются как движения на некотором временном промежутке от более **низкого** состояния к более **высокому** состоянию и наоборот при использовании какой-либо наперёд заданной **оценочной** шкалы состояний. К сожалению, выбор оценочной шкалы зависит от чисто субъективных представлений наблюдателей. Поэтому **нет** никакого **объективно** устанавливаемого прогресса ни в объединённом мире в целом, ни в мире людей в частности.

⁵ Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. – М.: Издательство политической литературы, 1957. – С. 133.

К настоящему времени стало ясно, что прогрессистский универсалистский модернизм был лишь лукавым вменением человеческому миру со стороны могущественных демиургов эпохи Модерна. И ему на смену пришёл Постмодерн, в котором отстаивается и признаётся проектная неопределённость Мира (*мультипроектность*), состоящая в неосуществимости любых общемировых **прогрессистских** проектов. Следовательно, в Постмодерне отстаивается и признаётся равнозначность и равноважность различных *экзистенциальных проектов (бытийных замыслов)*, которые волею судеб выбрали или выбирают для себя различные народы, общества и государства.

Статья посвящена подробному описанию «начала и конца истории» Модерна.

Часть 1. Социальная ментология¹

1.1. Наследственность в обществе

Синтетичность (соединённость) мира

Объединённый (т.е. вещественный и мысленный) мир (на данный момент времени) можно обобщённо определить как совокупность, включающую в себя: 1) природный мир (как вещественный, так и мысленный) Земли и Вселенной; 2) надприродный мир (как вещественный, так и мысленный), созданный **человечеством** в процессе его бытия. Мысленный (природный и надприродный) мир включает в себя мысленный мир живых существ Земли и, в частности, мысленный мир людей.

Мысленный мир людей подразделяется на сознательный (ведательный) и подсознательный (наивный) миры. Сознательный мир воссоздаётся как путём поднятия из подсознательного мира, так и путём вменения одной частью сознательного мира другой части сознательного мира. Сознательный мир добавочно создаётся путём человеческого познания². Подсознательный мир воссоздаётся путём человеческого рождения. Подсознательный мир добавочно создаётся путём постепенного перехода устойчивой во времени части сознательного мира в подсознательный мир.

Популяционное общество

Под **популяционным** (иначе, **наследственным**) **обществом** (на некотором временном промежутке) будем понимать любое общество, образованное некоторой совокупностью людей, населяющих в течение этого временного промежутка определенное пространство (*ареал обитания*) и имеющих возможность рожденческого скрещивания внутри этой совокупности и последующего воспитания появляющегося потомства.

Типы бытия общества

Прошедшее или настоящее объединённое (т.е. вещественное и мысленное) бытие любого общества может быть сведено к отдельным **совокупностям**, называемым далее **типами (способами) бытия**. Все типы бытия данного общества можно поделить на следующие классы.

Один класс типов составляют **неотипы бытия**, т.е. те типы, которые зародились в прошлом и воспроизводились вплоть до недавнего времени. Подкласс класса неотипов составляют **стереотипы бытия**, которые зародились весьма давно. Про них, благодаря их воспроизводству на достаточно длинном промежутке времени, можно судить, что они в некотором будущем ещё будут воспроизводиться. Подкласс класса стереотипов составляют **архетипы бытия**, которые зародились в глубокой древности. Про них, благодаря их воспроизводству на очень длинном промежутке времени, можно уверенно судить, что они ещё очень долго будут воспроизводиться в данном обществе в будущем вплоть до неотменяемости.

Памятный образ типа бытия в сознании и подсознании популяционного общества

В мысленном мире каждого общества, осуществлявшем или осуществляющем данный тип бытия, создаётся некоторое частичное, обобщённое и усреднённое **узнаваемо-передаваемое представление** или иначе **памятный образ (мем³) этого типа бытия**. Этот памятный образ обязательно включает в себя **памятный образ (мем) исходного состояния бытийной среды общества**, при котором возникал данный тип бытия. Последний памятный образ будем называть короче **исходным образом среды**.

¹ Науку, занимающуюся изучением явлений как происходящих в самом менталитете общества, так и связанных с ним, естественно назвать **социоментологией** (от латинского слова «*mentis*», означающего «ум, разум», и восходящего к праиндоевропейскому слову «*men*», означающего «думать») (См Захаров В.К. Этот Новый Старый Мир. Будущее из прошлого. – М.: Издательский дом «Кислород», 2017. – С. 13–61). Социоментология является расширением на общество и на большие общественные слои социальной психологии (см., например, [Маерс, 2007]), которая изучает явления, происходящие в сознании и подсознании людских групп.

² Сознательный мир ребёнка начинает наполняться и создаваться из подсознательного мира ещё во время созревания плода в утробе матери и, по-видимому, особенно сильно наполняется в первые годы роста ребёнка. Одновременно после рождения ребёнка его сознательный мир наполняется и создаётся и из окружающей среды.

³ Термин **мем** образован от латинского слова «*memoria*», переводящегося на русский язык словом «память».

Побуждающее воздействие мема на популяционное общество для воспроизведения типа бытия

Мем типа бытия общества обладает *побуждающим воздействием на общество для воспроизведения этого типа бытия* членами данного общества, осуществлявшего или осуществляющего данный тип бытия.

Происходит это, по-видимому, следующим образом. В сознании членов данного общества постоянно создаётся *текущий образ его бытийной среды* (на данный момент времени). Этот образ постоянно соотносится (сверяется) с памятью и, в частности, со всеми мемами.

Если текущий образ среды близок к хранящемуся в каком-либо меме исходному образу среды, то этот мем побуждает общество воспроизводить данный тип бытия и степень его побуждающего воздействия на воспроизведение типа бытия данным обществом в данном месте в данное время пропорциональна величине близости образов (точнее, чем более указанные образы схожи, тем степень больше).

Более того, при наличии указанной близости степень побуждающего воздействия мема типа бытия на его воспроизведение данным обществом в данном месте в данное время вдобавок пропорциональна,

во-первых, близости момента времени последнего действительного осуществления этого типа бытия к рассматриваемому моменту времени (точнее, чем ближе указанные моменты, тем степень больше),

и, во-вторых, совокупному времени всего предыдущего действительного осуществления этого типа бытия в этом обществе (точнее, чем больше указанное время, тем степень больше).

И поэтому степень воспроизведения некоторого типа бытия пропорциональна сумме трёх указанных независимых побуждающих величин для данного типа бытия в данный момент времени. Назовём эту сумму *побудительной мощностью мема типа бытия в данный момент времени*. В частности, побудительная мощь мема архетипа сильнее побудительной мощи мема стереотипа, а побудительная мощь мема стереотипа сильнее побудительной мощи мема неотипа.

Мем с высокой побудительной мощностью будем называть *побудительным*, а с низкой мощностью – *спящим*.

1.2. Изменчивость в обществе

Ниже кратко описывается причинно-следственная связь между изменением бытийной среды и ответным изменением самого популяционного общества.

Ответ популяционного общества на осязаемое изменение бытийной среды

В мысленной части бытийной среды общества выделяется *ощущение* (в данный момент времени) *изменения бытийной среды*.

Кроме того, в мысленной части бытийной среды общества выделяется её *новопредставленческая часть в данный момент времени*, содержащая совокупность всех новых представлений (смыслов, ценностей, мечтаний, целей, предложений и пр.) общества, связанных с новыми неизвестными типами (способами) будущего бытия общества.

Если бытийная среда общества осязаемо не меняется, то в нём согласно сказанному выше происходит воспроизводство всех текущих типов бытия. Совершенно другие явления происходят в обществе при осязаемом изменении его бытийной среды. Рассмотрим эти явления более подробно.

При произошедшем изменении бытийной среды общества в её текущем образе возникает ощущение изменения. Это ощущение влечёт за собой вторичное ощущение необходимости восстановительно-приспособительного преобразования бытия общества под данное изменение бытийной среды. При этом ощущении происходит востребование и включение части сознательной и подсознательной памяти общества, хоть как-то связанной с изменением бытийной среды. Происходит поднятие оперативной копии этой части подсознательной памяти на сознательный оперативный уровень. Образуется сознательная *включённая часть памяти*, хоть как-то связанная с изменением бытийной среды.

Если во включённой части памяти подходящих к новому изменённому состоянию среды типов бытия не отыскивается, то пробуждается система архетипов социальной обновленчивости.

Рассмотрим некоторые из архетипов обновленчивости.

Архетип обновления. новопредставленческие консорции

При включении системы социальной обновленчивости первым пробуждается *архетип обновления*. Он состоит в том, что появившееся ранее общее ощущение необходимости восстановления нарушаемого жизнеобеспечения перерастает в более частное настоятельное ощущение необходимости создания каких-то небывалых типов бытия, подходящих к новому состоянию среды. Например: овладеть передвижением по воздуху, передавать зрительный образ без видимого носителя, стать властителем мира, покорить другие общества, создать новые виды обмана и т.д.

При этом происходит осознание необходимых условий и ограничений, которым должны удовлетворять эти небывалые типы бытия, а также степеней возможности их осуществления. В результате такого осознания у некоторых частей общества оформляются *достижимые целевые представления о небывалых типах бытия*, подходящих к новому состоянию среды.

Именно тогда происходит обращение общества к своей указанной выше *новопредставленческой мысленной части*. Из всего имеющегося многообразия новых представлений различные части общества обращаются к тем пред-

ставлениям, которые являются для них *привлекательно-возможностными*, т.е. и привлекательными для целевого осуществления, и мысленно возможными для него.

Под действием побуждения проснувшимся мемом архетипа обновления у некоторых частей общества возникает *устремлённость* (*пассионарность* по Л.Н. Гумилёву¹) к воплощению новых привлекательно-возможностных представлений в бытие общества. На этой устремлённости возникают (*новопредставленческие*) *консорции*, состоящие из схожих по своим новым представлениям и устремлёностям личностей общества.

Архетип создания мнимого образа (протомема) небывалого типа бытия. Побуждение протомемом

Возникшая устремлённость у (новопредставленческой) консорции пробуждает в её сознании и подсознании мем архетипа создания мнимых образов (протомемов) новых небывалых типов бытия, отражающих новые привлекательно-возможностные целевые представления консорции.

В результате мыслительного возбуждения в сознании консорции возникает совершенно новый, не существовавший ранее, мысленный образ, соответствующий целевому представлению. Его можно назвать *мнимым образом (протомемом) небывалого типа бытия*.

Протомемы небывалых типов бытия (так же как и мемы типов бытия) обладают побуждающим воздействием на консорцию для воплощения в (вещественное или мысленное) бытие всего общества в целом. Начинается это воплощение с вменения в сознание общества упомянутых выше целевых представлений для сборки полноценной консорции вокруг её сплочённого и деятельного ядра.

Вменительные и воплотительные средства полномочной консорции

Однако для указанных выше вменения и сборки у консорции (кроме протомемов как чисто мысленных средств) обязаны быть соответствующие (вещественные и вещественно-мысленные) *вменительные средства* (ресурсы). Если таких средств хватает, то созданная консорция может переходить к действительному (часто разрушительно-насильственному) воплощению упомянутых протомемов в бытие общества и, тем самым, к воплощению своего *устремления*. Однако, в свою очередь, для этого у консорции должны быть соответствующие (вещественные и вещественно-мысленные) *воплотительные средства*.

(Новопредставленческую) консорцию естественно назвать *полномочной*, если она обладает вменительными и воплотительными средствами к действительному воплощению своего устремления.

Именно усилиями и средствами собранной полномочной консорции создаётся небывалый (не существовавший ранее) тип бытия, подобный своему мнимому образу и поэтому удовлетворяющий целевому представлению, т.е. подходящий к новому изменённому состоянию бытийной среды.

Далее эти новые типы бытия либо добровольно принимаются большинством общества, либо принудительно ему навязываются некоторыми консорциями.

Часть 2. Восход и закат глобального прогрессизма

Объяснение восхода и заката глобального прогрессизма можно дать в рамках социальной ментологии, описанной выше.

2.1. Демииурги (творцы) Модерна

Покажем объяснительную силу описанного выше историко-памятного представления о движущих силах развития человечества на некоторых важнейших исторических примерах последних столетий.

Исторический пример первичной консорции

«... население стран Зарубежной Европы росло в 16–18 веках ускоренными темпами и к 1700 году достигло 100 млн. человек, а к 1800 году – 150–160 млн. В целом и в 19 веке происходило увеличение численности... Общая же численность населения Зарубежной Европы выросла за столетие почти вдвое и достигла к началу 20 века примерно 300 млн. человек»². Это показывает, что бытийная среда зарубежного общества изменилась.

А постоянно прирастающее население нужно дополнительно кормить, обувать и одевать. Относительно возможности обеспечивать прирастающее население Европы суконной одеждой самой благоприятной территорией оказалась Англия, где круглый год растёт обильная зелёная трава и возможен круглогодичный выпас овец, которые при стрижке дают шерсть, из которой можно ткать сукно. Вдобавок, благодаря постоянному подвозу золота из Испанских колоний в Европу, континентальная Европа была платежеспособной. Таким образом, бытийная среда для английского общества изменилась так, что стала *привлекательно-возможностной* для него.

Поэтому часть английского общества прониклась *устремлением* (*пассионарностью*) к представившейся и захватывающей возможности длительного обогащения в торговле с континентальной Европой. На основе этого устрем-

¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 2016. – 560 с.

² <https://geographyofrussia.com/zapadnaya-evropa-demograficheskij-obzor/>

ления в Англии произошла сборка **английской (торгово-пиратской) консорции**, состоящей из монарха, нового дворянства (желавшего вести хозяйство по новому через выпас овец), промышленного и торгового горожанства (желавшего производить и продавать сукно), и морского пиратства (желавшего грабить соперничающие государства). Отмечается, что именно государственная поддержка морского пиратства обеспечила упомянутые выше **вменительные и воплотительные** средства для сборки и полнотности этой консорции.

Однако свободной незаселённой или неиспользуемой земли в Англии в XVI веке оказалось совсем не много. Поэтому перед английской консорцией встало препятствие в виде своего сельского населения. И в XVI веке английская консорция приняла судьбоносное решение **извода (геноцида)** своих селян ради достижения своей вождельной цели. Сначала была уничтожена часть старой английской знати, не согласной с таким решением и желающей вести хозяйство по-старому. Затем было осуществлено **огораживание сельских земель**, в результате которого сотни тысяч селян потеряли свои сельские поместья и перешли в разряд пролетариата (т.е. тех, кто имеет только детей), вынужденного работать на шерстяных мануфактурах. Тех, кто сопротивлялся огораживанию или отказывался работать на мануфактурах, английская консорция безжалостно истребляла.

Естественно, что появившийся новый пролетариат в большинстве своём испытывал страшную ненависть к английской консорции. Чтобы избавиться от части этого пролетариата, консорция осуществила его переселение на новые земли в приобретённых британских колониях, в частности, в Новый Свет, где стал широко использоваться дешёвый труд африканских рабов.

Из-за проведённого уничтожения части знати, геноцида селян и вывоза обозлённого пролетариата за пределы острова английская консорция избавилась от почти всех носителей мемов типов прежнего сельскохозяйственного бытия. С исчезновением носителей этих мемов исчезло и побуждение мемами к воспроизведению прежних типов бытия.

За счёт столь суровых и безжалостных действий английская консорция практически лишилась внутренних врагов. Тем самым она оказалась непротиворечивой и поэтому чрезвычайно устойчивой. Более того, из-за наступившего постоянного обогащения от торговли с континентальной Европой, пиратского ограбления испанских и португальских колоний и прямого ограбления своих британских колоний эта консорция оказывалась всё более сплочённой и мощной.

Наступившее постоянное и долговременное обогащение стало тем изменением бытийной среды английского общества, которое сделало эту среду привлекательно-возможностной для перехода в Англии от ручного производства к машинному, известному как **промышленная революция**.

Поэтому часть английского общества прониклась **устремлением** к промышленному развитию, предоставляющему новые захватывающие возможности для обогащения в торговле не только с континентальной Европой, но и со всем миром. Более того, промышленное развитие предоставляло дополнительные возможности для дальнейшего расширения и прямого ограбления британских колониальных владений путём использования «дипломатии канонерок (пушечных судов)». На основе этого устремления в Англии произошло расширение и дальнейшее сплочение указанной выше английской консорции, ставшей уже **британской (торгово-промышленной) консорцией**. Именно она существует до сих пор и правит в Британском Содружестве наций. Её идеологией стал **прогрессистский либерализм**.

Отметим, что не столько мировая торговля, сколько прямое ограбление испанских, португальских и своих колоний посредством «дипломатии канонерок», обеспечили упомянутые выше вменительные и воплотительные средства для сборки и полнотности этой консорции.

В результате к XIX веку возникшая Британская империя накопила огромные средства и стала величайшей империей мира.

Исторические примеры вторичных консорций. Вменение прогрессистских мировых проектов

Переход к состоянию величайшей империи мира стал тем изменением мировой бытийной среды британского общества, которое сделало эту среду привлекательно-возможностной для борьбы за мировое господство.

Поэтому британская консорция (в особенности зная Великобританию как её действительное ядро) поддалась **устремлению (пассионарности)** стать единственной мировой империей. Британская консорция решила бросить накопленные огромные средства на подрыв устоев Испанской, Российской, Османской, Австро-Венгерской и Германской империй. Орудием для этого был выбран такой же обозлённый пролетариат этих империй. Поэтому был задействован классовый подход Карла Маркса, на основе которого началось вменение **прогрессистского коммунистического общемирового проекта**.

Для руководства этим пролетариатом Лондоном в указанных империях были созданы и обеспечены вменительными и воплотительными средствами различного рода перераспределяли эксплуатацию селян от духовенства и дворянства, составлявших идеологический, политический и экономический костяк империй, в свою пользу.

Для проведения этих горожанских революций совместными усилиями Британской империи, масонства и левых консорций была развязана Первая мировая война. Посредством этой войны в некоторых империях (в частности, в Российской) горожанские революции (под обманым видом социалистических) привели к установлению полной диктатуры горожан над селянами и крайней степени горожанской эксплуатации селян. В результате горожанских революций указанные империи были разрушены или подорваны. И Британская империя достигла предельного мирового могущества.

Однако в результате в осколках разрушенных империй возникли освободительные движения против Британского владычества, приведшие к сборке новых новопредставленческих консорций и пересборке старых. Некоторые из новопредставленческих консорций имели диктаторский или профашистский оттенок. В довоенном СССР движение к

самостоятельному существованию стала осуществлять диктаторско-горожанская прокоммунистическая консорция. Вменительные и воплотительные средства для сборки и полномощности этих консорций поступали в основном из США, как соперника Британской империи.

Чтобы уничтожить эти движения, Британская империя развязала вторую мировую войну, для победы в которой гениально хитроумно столкнула диктаторско-профашистские консорции с диктаторско-коммунистическими консорциями. Но, несмотря на хитроумность действий и на формальную победу в этой войне, Британская империя, тем не менее, надорвалась и потеряла значительную часть накопленных средств и источников их накопления. Вдобавок оказалась в долгу у своей бывшей колонии – США, которая не только «отсиделась на своём острове», но и извлекла средства жизнеобеспечения со всего мира. В результате Британская империя уничтожила основные профашистские консорции в Европе, но уступила мировое господство США. Кроме того, произошло непредвиденное британцами укрепление прокоммунистических консорций в Европе и Азии.

Тем не менее, англосаксонская консорция в целом к концу XX века посредством вменения *прогрессистского либерального общемирового проекта*, основанного на созданной ранее идеологии прогрессистского либерализма с добавкой «общечеловеческих» глобалистских ценностей, и сборки новых либералистских и глобалистских консорций по всему миру экономически привязала к себе КНР, развалила прокоммунистические консорции в Европе и СССР и обрела мировое господство.

2.2. Закат глобального прогрессизма

Выше было теоретически описано явление изменчивости в (популяционных) обществах и были приведены примеры осуществлённых изменений. Однако не все изменения происходят раз и навсегда. Некоторые из них оказываются неустойчивыми. Особенно это касается не технологических изменений, а мировоззренческих и устройственных. Приведённые в предыдущем разделе примеры показывают, что из мировоззренческих и устройственных изменений неустойчивыми, в основном, оказываются навязанные изменения.

Рассмотрим, какие из навязанных изменений могут оказаться неустойчивыми.

Восстановление от навязанных изменений

Изменение в популяционном обществе с созданием новых типов бытия, произведённое полномощной консорцией, будем называть *навязанным* (консорцией обществу), если в обществе до этих изменений постоянно воспроизводилось несколько стереотипов (в частности, архетипов) бытия, таких, что одновременное воспроизводство в этом обществе и их, и новых созданных консорцией типов бытия невозможно на неограниченном временном промежутке. Иначе говоря, *пережитковые* (с точки зрения консорции) стереотипы и *навязанные* (с точки зрения остальной части общества) неотипы несовместимы одновременно друг с другом.

Так как согласно пункту 1.1 побудительная мощь стереомемов больше побудительной мощи неомемов, то упомянутые пережитковые типы оказывались бы в более выигрышном положении, чем навязываемые, и не позволяли бы навязываемым типам воспроизводиться. Поэтому консорция, для воплощения своих представлений, вынуждена подавлять воспроизводство пережитковых типов бытия. Для такого подавления консорция может либо физически уничтожить большинство деятельных носителей указанных пережитковых мемов, либо постоянно затрачивать на них дополнительные *подавительные средства* (например, лишая этих носителей необходимых производственных средств).

По первому пути дважды пошла английская консорция. Первый раз после проведённого в Англии огораживания она физически уничтожила часть созданного пролетариата, а часть просто переселила в колонии (см. пункт 1.4). Второй раз после завоевания Нового Света она физически уничтожила основную часть индейцев Северной Америки.

Второй путь используется гораздо чаще. Но в этом случае полномощным консорциям для воспроизводства навязанных типов и подавления пережитковых типов необходимо постоянное возобновление затрачиваемых ими (вещественных и мысленных) вменительных, воплотительных и подавительных средств.

По такому пути пошла царская Россия после навязанного введения крепостного права. Источником такого возобновления являлось постоянно прибывающее из Европы служилое, городское и дворянское население. По такому же пути пошёл СССР после навязанных преобразований 1917 года. Источником такого возобновления являлось использование дешёвого подневольного труда селян.

Если по тем или иным причинам (природным или надприродным, внутренним или внешним) совокупный поток указанных средств начинает сокращаться, то в силу большей побудительной мощи мемов пережитковых стереотипов бытия эти типы начинают заново воспроизводиться, а воспроизводство навязанных неотипов бытия начинает сокращаться. Отметим, что воспроизводство пережитковых стереотипов может значительно ускориться, если в общество откуда-нибудь со стороны услужливо поступают необходимые производственные средства (как это происходило на закате СССР).

В результате при длительном сокращении указанного совокупного потока «пережитковые» типы вытесняют навязанные новые. Это вытеснение может происходить даже взрывным образом (как это происходило во время «перестройки»).

Другими словами, при навязанном изменении и длительном сокращении необходимого совокупного потока вменительных, воплотительных и подавительных средств происходит отторжение *исконно неверных* (противоречащих исторически накопленной (сознательной и подсознательной) памяти большей части общества) ранее вменённых

представлений и развал соответствующих *исконно искусственных* (противоречащих исторически накопленной практике большей части общества) ранее собранных консорциев. В конечном итоге в обществе происходит возврат к прежним исконно верным представлениям и к сборке прежних исконно естественных консорциев с прежними признаками.

Закат прогрессистских проектов модерна

Хорошо известными примерами навязанных мировых прогрессистских проектов Модерна являются индустриалистский, либералистский, коммунистский, интернационалистский, глобалистский, толерантский и постиндустриалистский проекты¹. В совокупности они заняли последние три столетия.

Коммунистский проект, с точки зрения его исходных вменителей (см. раздел 2.1), оказался полностью выполнен и был просто «закрыт». Индустриалистский проект был замещён новым постиндустриалистским. Интернационалистский проект был поглощён новым глобалистским. Глобалистский и связанный с ним постиндустриалистский проекты испытывают сейчас большие затруднения в самих США, поскольку отвергаются историческим ядром США, состоящим из WASP'ов (белых англо-саксонских протестантов). Толерантский проект вязнет в Польше и на Украине и испытывает затруднения в Европейском Союзе. Либералистский проект был отторгнут в Иране и постепенно ослабевает в России.

Отторжение указанных проектов стало особенно ускоряться в последнее полстолетие. Причиной такого ускорения стало заметное сокращение *внедренческого* совокупного потока вменительных, воплотительных и подавительных средств, поступающего от англо-саксонской суперконсорции в другие общества на внедрение в них этих проектов. Указанное сокращение обусловлено тем, что англо-саксонский мир к настоящему времени (из-за истощения извлекаемых колониальных и периферийных средств) утратил часть своего наивысшего могущества, которым он обладал в XIX веке².

Заключение. Экзистенциальный проект для России

Закат указанных выше проектов Модерна предоставляет России редчайший исторический шанс обретения своего собственного бытийного замысла (экзистенциального проекта). Для этого нужно окончательно избавиться от всех навязанных извне мировых вменений и руководствоваться только своим собственным эпохальным (столетия), стратегическим (десятилетия) и тактическим (годы) смысловым целеполаганием.

При этом своё собственное целеполагание (чтобы не подвергнуться описанному выше отторжению) должно вытекать из всего предыдущего бытия страны и не вступать в противоречие с исторически накопленной (сознательной и подсознательной) памятью. Иначе говоря, Россия, как мысленно обобщённый субъект мирового исторического процесса, должна продолжать делать то, что она делала в своей истории, исходя из накапливающихся с веками исторических данностей (в том числе и исторических «вывихов»)³.

При этом **необходимым условием** для создания и воплощения в жизнь собственного исконно российского экзистенциального проекта является обретение и удержание политического, военного, экономического и технологического **суверенитета России**.

¹ По мнению автора, неуловимый и неопределимый «капитализм» не является ни проектом, ни вменением.

² Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 1, ч. 2. – С. 615–617.

³ Захаров В.К. Общие исторические данности как императивы государственной политики современной России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 11, ч. 3. – С. 18–24; Захаров В.К. Синтетизм как проект будущей России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12, ч. 1. – С. 33–40; Захаров В.К. Консолидация и конкуренция как два необходимых условия для развития российского общества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 13, ч. 1. – С. 44–51.

**Кирова И.В.,
Карелина Е.А.,
Назарова С.В.¹**

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ С ИНОСТРАННЫМИ ПАРТНЕРАМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Ключевые слова: санация банковского сектора; ключевые показатели деятельности; санкции; устойчивость и уязвимость российского банковского сектора, геополитические шоки.

Keywords: rehabilitation of the banking sector; key performance indicators; sanctions; resilience and vulnerability of the Russian banking sector, geopolitical shocks.

Введение

Банковская сфера связывает все сектора экономической системы любой страны. От успешного функционирования банковского сектора напрямую зависят как результативность осуществляемой экономической деятельности в государстве, так и уровень жизни каждого конкретного человека, ведь под контролем банков находятся главные рычаги воздействия практически на каждый сектор отечественной экономики. Вследствие этого стабильность и надежность банковской системы имеет колоссальное значение для эффективного развития любой национальной экономики².

Текущее состояние российской банковской сферы

В последнее десятилетие идет активный процесс санации российской банковской системы. В период с 2012 г. по январь 2019 г. ЦБ РФ отозвал лицензии более чем у 450 банков, среди которых не только мелкие банки, но и средние и даже крупные кредитные учреждения. По словам главы ЦБ РФ Эльвиры Набиуллиной, порядка 70% случаев отзыва лицензий у банков РФ связано с нарушением закона о борьбе с отмыванием преступных доходов³.

В табл. 1 представлены данные о динамике сокращения банковского сектора РФ в 2012–2019 гг.⁴

Таблица 1

Динамика сокращения банковского сектора РФ (2012–2019 гг.)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Кол-во кредитных организаций (КО) на начало года	978	956	923	834	733	623	561	484
Кол-во отозванных лицензий	21	29	71	87	93	47	57	64

По мнению аналитиков рейтингового агентства «Эксперт РА», в 2019 году рынок покинут еще около 50 банков, в том числе за счет добровольной сдачи лицензий, а также за счет сделок «слияние и поглощение» (M&A). Сделки M&A – это комплекс мероприятий, направленный на интеграцию одной финансовой организации в другую, их объединение или слияние. Цели таких операций могут быть разные – расширение клиентской базы, создание филиалов, оптимизация предлагаемых банковских продуктов и т.п. Банки, которые могут покинуть рынок, агентство делит на три категории⁵:

1) Банки, несущие повышенные риски, связанные с проводкой большого количества клиентских операций от носительно своего баланса и, как следствие, нарушением законодательства о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем (115-ФЗ).

¹ Кирова Ирина Владимировна – доцент кафедры экономических теорий Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Карелина Екатерина Александровна – к.э.н., доцент кафедры иностранных языков Московского государственного технологического университета «СТАНКИН».

Назарова Светлана Вячеславовна – старший преподаватель кафедры экономических теорий Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Кирова И.В. Госрегулирование и модернизация / И.В. Кирова, Т.Л. Попова // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). – М., 2012. – № 2 (29). – С. 61–63.

³ Федеральный закон от 7.08.2001г. № 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2018 г.).

⁴ Официальный сайт ЦБ РФ. – <http://www.cbr.ru/statistics/pdko/lic/>

⁵ Банки вымываются из системы // Коммерсантъ. – М., 2019. – № 17, 31 января. – https://www.kommersant.ru/doc/3868366?utm_source=smi2.ru&utm_medium=cpc&utm_campaign=smi2_obmen

2) Банки, проводящие высокорискованную кредитную политику, кредитный портфель которых представлен заведомо невозвратными кредитами, и ключевой риск которых связан с утратой капитала из-за необходимости доформирования адекватных резервов по требованию ЦБ.

3) Банки, добровольно сдающие лицензию из-за отсутствия перспектив развития бизнеса: со стагнирующим либо сокращающимся кредитным портфелем; со значительным объемом вложений в высоколиквидные, но низкодоходные активы (межбанковские кредиты или депозиты в ЦБ). Данные банки отличаются крайне низкой процентной маржой и убыточностью бизнеса.

Некрупным банкам становится сложнее конкурировать в традиционных сегментах на фоне консолидации банковского сектора, поэтому число добровольно сданных лицензий будет расти. Банковский бизнес небольшого масштаба не выдерживает растущих издержек и вынужден уходить с рынка. Чтобы продолжать свою деятельность и не попасть под санацию, мелкие банки должны будут укрупняться путем слияний с другими игроками, либо предложить новый жизнеспособный продукт на рынке банковских услуг. Основную роль в сделках M&A будут играть региональные банки, обладающие сильным брендом, стабильной клиентской базой и разветвленной офисной сетью. Бенефициарами сокращения числа игроков на рынке станут в основном банки с госучастием, и в меньшей степени — крупные частные банки. В итоге доля банков из топ-30 к концу года может увеличиться еще на 1–2% и приблизиться к 90%¹.

В табл. 2 представлены данные о состоянии банковской системы РФ на начало 2019 г.

Таблица 2

Информация о банковской системе РФ (18.01.2019 г.)²

1. КО, имеющие право на осуществление банковских операций, Всего	484
в том числе:	
– банки	440
– небанковские КО	44
из них:	
– с универсальной лицензией	291
– с базовой лицензией	149
1.1. КО, имеющие лицензии (разрешения), предоставляющие право на:	
– привлечение вкладов населения	400
– осуществление операций в иностранной валюте	475
– проведение операций с драгметаллами	214
1.2. КО, включенные в реестр банков-участников системы обязательного страхования вкладов, всего	407
2. Зарегистрированный уставный капитал действующих КО (млн. руб.)	2 655 403
3. Филиалы действующих КО на территории РФ, всего	709
в том числе: – ПАО Сбербанк	90
4. Филиалы действующих КО за рубежом, всего ³	6
5. Представительства действующих российских КО, всего	316
в том числе: — на территории РФ	292
– в дальнем зарубежье	16
– в ближнем зарубежье	8
6. Дополнительные офисы КО (филиалов), всего	20 499
в том числе ПАО Сбербанк	13 160
7. Операционные кассы вне кассового узла КО (филиалов), всего	1068
в том числе ПАО Сбербанк	219
8. Кредитно-кассовые офисы КО (филиалов), всего	1 918
в том числе ПАО Сбербанк	0
9. Операционные офисы КО (филиалов), всего	6015
в том числе ПАО Сбербанк	581
10. Передвижные пункты кассовых операций КО (филиалов), всего	283
в том числе ПАО Сбербанк	279

Количество действующих банков (кредитных организаций) и их филиалов в территориальном разрезе по состоянию на 01.01.2019 представлено в табл. 3.

Преимущество от политики ЦБ РФ, проводимой последние 5 лет, получают государственные и крупные частные банки. Их доля растет на фоне отзыва лицензий при почти неизменной системе страхования вкладов, которая, несмотря на ее распространение на малый бизнес, не защищает интересы реального сектора. В итоге предприниматели размещают средства в основном в системно значимые кредитные организации, а у небольших банков ситуация ухудшается. Ожидается, что в ближайшие годы с рынка будут уходить, сдавая лицензию добровольно или путем слияния, по 40 банков³.

¹ Банки вымываются из системы // Коммерсантъ. – М., 2019. – № 17, 31 января. – https://www.kommersant.ru/doc/3868366?utm_source=smi2.ru&utm_medium=cpc&utm_campaign=smi2_obmen

² Официальный сайт ЦБ РФ. – https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/inform_bs_19.htm&pid=lic&sid=itm_21004

³ Банки вымываются из системы // Коммерсантъ. – М., 2019. – № 17, 31 января. – https://www.kommersant.ru/doc/3868366?utm_source=smi2.ru&utm_medium=cpc&utm_campaign=smi2_obmen

Количество действующих банков (кредитных организаций) и их филиалов в территориальном разрезе по состоянию на 1.01.2019 г.¹

№ п/п	Регионы России (Федеральный округ)	Количество Банков (КО), зарегистрированных в регионе на 01.01.2019 г.	Количество филиалов в регионе		
			Всего	КО, головная организация которых находится в данном регионе	КО, головная организация которых находится в другом регионе
1.	Центральный ФО, в т.ч. г. Москва	272	134	24	110
		239	70	16	54
2.	Северо-западный ФО	41	101	4	97
3.	Южный ФО	25	78	2	76
4.	Северо-Кавказский ФО	12	38	1	37
5.	Приволжский ФО	67	112	2	110
6.	Уральский ФО	23	108	44	64
7.	Сибирский ФО	28	86	4	82
8.	Дальневосточный ФО	16	52	0	52
Итого: Российская Федерация		484	709	81	628

По состоянию на 1 февраля 2019 г. в России 147 банков с базовой лицензией². Это малые региональные кредитные организации, которые традиционно работают только с клиентами своего субъекта и не имеют широкой филиальной сети. С этого года у них вырос риск банкротства из-за того, что под действие закона о страховании вкладов попадают не только средства граждан и индивидуальных предпринимателей, но и деньги малого и среднего бизнеса. То, что бремя слишком высоких отчислений – одна из основных проблем малых банков, признают и в Ассоциации банков России (АБР). Кроме того, по любому предписанию ЦБ запретительного или ограничительного характера малые банки автоматически уплачивают повышенные взносы³.

На банковском рынке России существуют стандартные и повышенные взносы в фонд страхования вкладов. Основания их применения одинаковы как для крупных банков с универсальной лицензией, так и для банков с базовой. Поводами для установления повышенных взносов являются низкая оценка показателей капитала, активов, ликвидности, системы управления рисками, состояния внутреннего контроля. Однако небольшим банкам, в отличие от крупных, повышенный процент угрожает банкротством. Все риски кредитных организаций заложены в цену банковских продуктов⁴.

Очевидно, что снижение отчислений в фонд страхования вкладов улучшит финансовое положение банков с базовой лицензией, так как позволит им сделать более привлекательными условия по своим продуктам для клиентов (улучшить возможности по их обслуживанию, снизить процентные ставки по кредитам и т.п.).

В соответствии со Статьей 11 ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 27.12.2018) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) минимальный размер уставного капитала на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в следующих суммах⁵:

- 1) 1 млрд. руб. – для вновь регистрируемого банка с универсальной лицензией;
- 2) 300 млн. руб. – для вновь регистрируемого банка с базовой лицензией;
- 3) 90 млн. руб. – для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации, за исключением минимального размера уставного капитала вновь регистрируемой небанковской кредитной организации – центрального контрагента;
- 4) 300 млн. руб. – для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации – центрального контрагента.

В табл. 4 представлены данные о количественном распределении банков РФ по группам в зависимости от размера уставного капитала по состоянию на 1 января 2019 г.

В соответствии с новой редакцией закона «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) только 144 банка (около 30%) от общего количества банков имеют уставный капитал более 1 млрд. руб. и могут иметь универсальную лицензию на работу с клиентами.

¹ Официальный сайт ЦБ РФ. – <https://www.cbr.ru/statistics/pdko/lic/>

² Официальный сайт ЦБ РФ. – https://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/inform_bs_19.htm &pid=lic&sid=itm_21004

³ Терновская Т. Спасение отчисляющих: взносы малых банков в АСВ предлагают снизить // Известия. – М., 2019. – 12 февраля. – <https://iz.ru/844518/tatiana-ternovskaia/spasenie-otchisliaiushchikh-vznoy-malykh-bankov-v-asv-predlagaiut-snizit>

⁴ Кирова И.В., Бахуташвили Г.Д. Операции российских компаний с собственными ценными бумагами на примере банка ВТБ // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). – М., 2016. – № 1 (44). – С. 57–62.

⁵ Федеральный закон от 02.12.1990 « 395-1 (ред. от 27.12.2018) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/75e579c7ec40a978e406083ac2bfd713521740f1/

Группировка действующих в РФ банков по размеру уставного капитала¹

Размер уставного капитала	Количество банков России на 01.01. 2019 г.	в % на 01.01. 2019 г.
От 10 млрд. руб. и выше	35	7,23
От 1 до 10 млрд. руб.	109	22,52
От 300 млн. до 1 млрд. руб.	125	25,82
От 90 до 300 млн. руб.	137	28,31
До 90,0 млн. руб.	78	16,12
Всего	484	100

Взаимодействие российской банковской сферы с иностранными партнерами в условиях действующих на 1 января 2019 г. санкций

Санкции, введенные в отношении банковской системы Российской Федерации, можно условно разделить на несколько групп: «секторальные санкции»; санкции в отношении банков из списка SDN; «мягкие санкции»².

Банки, попавшие под воздействие так называемых «секторальных санкций», утратили возможность выходить на международные долговые рынки, но могут проводить свои платежи или платежи своих клиентов. Санкции этой группы затрагивают, прежде всего, российские банки с государственным участием.

Небольшое число отечественных не самых крупных частных банков и несколько российских организаций, в основном осуществляющих деятельность, связанную с оборонным сектором, попали в группу санкций, которая определяется так называемым списком SDN (Specially Designated Nationals). Данные санкции предусматривают жесткие ограничения – ставят запрет на проведение валютных платежей в пользу банков или от их лица. В указанный список в первую очередь были внесены те банки, владельцы которых подверглись персональным санкциям.

«Мягкие санкции», которые хоть и не были объявлены официально, имеют негативное воздействие из-за изменения условий ведения бизнеса с российскими организациями и отношения к российскому капиталу. Прежде всего, речь идет об изменении процедур контроля оформления сделок.

Высокий уровень глобализации делает санкции «обоюдоострым» инструментом, увеличивает негативные последствия санкций для стран-субъектов и стран-объектов санкций³.

В своем исследовании мы постарались проанализировать взаимодействие российской банковской сферы с иностранными партнерами в условиях введенных санкций.

При проведении данного исследования были использованы статистические данные, размещенные на официальном сайте ЦБ РФ, аналитические материалы Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования⁴ и самостоятельные расчеты. В табл. 5, 6, 7 представлены данные, полученные в результате проведенного исследования и характеризующие взаимодействие России с иностранными партнерами в банковской сфере в период с января 2015 г. по июнь 2018 г.

Таблица 5

Данные о взаимодействии российского банковского сектора с иностранными партнерами⁵

Показатели	По состоянию на				
	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.07.18
	Активы и обязательства российских банков в США (млрд. долл.)				
Иностранные активы	28,8	21,0	16,0	15,5	17,7
Иностранные обязательства	10,7	10,0	17,0	17,5	15,7
Сальдо	+ 18,1	+ 11,0	- 1,0	- 2	+ 2
	Доля США в иностранных активах и обязательствах российских банков, в %				
Иностранные активы	10,4	8,6	10,0	11,3	11,5
Иностранные обязательства	4,8	5,6	7,6	7,8	9,3
	Иностранные активы и обязательства российских банков, денонмированные в долларах (млрд. долл.)				
Иностранные активы	187,0	175,0	145,0	122,0	116,4
Иностранные обязательства	162,0	120,0	120,0	91,0	80,0
Сальдо	+ 25,0	+ 55,0	+ 25,5	+ 31,0	+36,4

¹ Официальный сайт ЦБ РФ. – https://www.cbr.ru/statistics/bank_system_new/group_19/

² Аристов Р.В., Буловинов Д.В., Киров И.В. Влияние международных санкций на банковскую систему России // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 3 (13). – С. 9.

³ Кирова И.В. Экономические санкции: история и современность / И.В. Кирова, Т.Л. Попова // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2015. – № 3 (5). – С. 6.

⁴ Солнцев О. Взаимодействие России и США в банковской сфере в условиях экономических санкций / О. Солнцев, В. Панкова, Р. Ахметов / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, январь 2019 г. – http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/Soln/RUS_US_Banks_f.pdf

⁵ Расчеты авторов на основании данных ЦМАКП и ЦБ РФ.

	Доля банков – нерезидентов с головным офисом в США в российской банковской системе, %				
Доля в активах	0,56	0,56	0,58	0,6	0,64
Доля в кредитах юрлицам	0,37	0,33	0,29	0,31	0,37
Доля в кредитах физлицам	0,2	0,17	0,18	0,19	0,18
Доля в средствах юрлиц	0,9	0,8	0,82	0,35	0,25
Доля в средствах физлиц	0,47	0,49	0,48	0,49	0,5
	Доля долларовых расчетов в российском экспорте, %				
Поступления, всего	73	70	70	67	68
Страны дальнего зарубежья	80	75	75	72	73
Страны ЕС	62	60	56	47	53
Страны БРИКС	94	86	81	80	87
Страны СНГ	28	35	32	31	30
	Доля долларовых расчетов в российском импорте, %				
Перечисления, всего	40	40	36	36	36
Страны дальнего зарубежья	41	42	37	37	37
Страны ЕС	29	28	23	22	21
Страны БРИКС	87	85	84	75	73
Страны СНГ	30	28	28	29	30

Таблица 6

Структура иностранных активов и иностранных обязательств российских банков, в %, на 01.12.2018 г.¹

Структура иностранных активов российских банков	
Корсчета в банках – нерезидентах	12,7
Кредиты юрлицам – нерезидентам	50,6
Ценные бумаги нерезидентов	20,0
Кредиты и депозиты банкам – нерезидентам, всего	16,5
из них:	
до 7 дней	9,1
до 1 года	1,7
свыше 1 года	5,7
Структура иностранных обязательств российских банков, бес счетов капитала	
Корсчета банков-нерезидентов	7,9
Депозиты юрлиц-нерезидентов	51,6
Кредиты и депозиты, привлеченные от банков-нерезидентов, всего	25,8
из них:	
до 1 года	11,7
свыше 1 года	14,1

Географическая структура накопленных прямых инвестиций в российские банки на 1 июля 2018 г. выглядела следующим образом: доля оффшоров Европы – 70%; доля Европы – 25,6%; доля США – 1%; доля оффшоров США – 0,1%; доля прочих оффшоров – 0,2 и доля прочих стран – 3,1%².

Таблица 7

Валютная структура иностранных активов и иностранных обязательств российских банков³

	Валютная структура иностранных активов российских банков, %						
	01.01.2008	01.01.2011	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.07.2018
Доллар США	67	63	68	71	68	61	61
Евро	17	17	15	16	15	18	20
Российский рубль	12	16	11	7	13	13	12
Прочие валюты	4	4	6	6	6	8	7
	100	100	100	100	100	100	100
	Валютная структура иностранных обязательств российских банков, %						
	01.01.2008	01.01.2011	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.01.2018	01.07.2018
Доллар США	68	66	71	71	70	58	57
Евро	10	10	12	14	12	19	17
Российский рубль	21	21	13	12	14	18	20
Прочие валюты	1	3	4	3	4	5	6
	100	100	100	100	100	100	100

¹ Солнцев О. Взаимодействие России и США в банковской сфере в условиях экономических санкций / О. Солнцев, В. Панкова, Р. Ахметов / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, январь 2019 г. – http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/Soln/RUS_US_Banks_f.pdf

² Там же.

³ Расчеты авторов на основании данных ЦМАКП и ЦБ РФ.

Текущее состояние взаимодействия России с иностранными партнерами в банковской сфере можно охарактеризовать следующим образом:

1) Доля США в иностранных источниках привлеченных средств российских банков в период 2016–2018 гг. росла, направление размещения банковских средств оставалось стабильным, несмотря на несколько раундов введения со стороны США экономических санкций в отношении России. Это говорит о том, что спрос спекулятивно настроенных американских кредиторов и инвесторов (реализуемый и напрямую, и через офшоры) на финансовые обязательства российского банковского сектора и других сегментов российской экономики не так уж и мал. Одновременно можно отметить, что менялась структура привлеченных российскими банками средств. Происходило перераспределение средств от межбанковских трансграничных кредитов и облигаций в пользу привлечения депозитов (в том числе долгосрочных) компаний-нерезидентов. В целом спрос спекулятивно настроенных американских кредиторов и инвесторов показал свою устойчивость к геополитическим шокам. Устанавливая высокие ставки и расширив разнообразие ликвидных инструментов, можно и дальше сохранять долю американских привлеченных средств на приемлемом уровне за счет поддержания интереса американских кредиторов и инвесторов, в том числе, и с точки зрения получения арбитража и диверсификации рисков¹.

2) Уровень зависимости российских банков от привлечения и размещения средств в США в период 2016–2018 гг. оставался незначительным. А вложения кредиторов и инвесторов США в обязательства российских банков почти не реагировали на введение новых санкций и определялись по большей части экономическими причинами, к которым относятся рост мировых цен на нефть, ожидания оживления российской экономики и проявляющиеся, пока незначительные, признаки выхода ее из рецессии. В целом можно сделать вывод о слабом влиянии санкций со стороны США на российский банковский сектор в период 2016–2018 гг.

3) Взаимодействие в области прямых инвестиций российского и американского банковских секторов и взаимодействие в их капиталах оставалось на минимальном уровне в период 2016–2018 гг., поэтому взаимную уязвимость в этой области можно считать близкой к нулю.

4) А вот зависимость российской банковской системы от размещения и привлечения средств, денонмированных в долларах в период 2016–2018 гг. оставалась по-прежнему весьма высокой, около 60%. Причина этого – значительная роль доллара США во внешнеэкономических расчетах российских компаний. Доля долларовых расчетов в экспортных операциях составляет 68–73%, в импортных операциях – 36–40%. Высокая доля долларовых операций во внешнеэкономических сделках, а также в обязательствах и активах российских банков способствует уязвимости российской банковской системы к косвенным экстерриториальным санкциям со стороны США. Снизить данную уязвимость считаем возможным, прежде всего, за счет сокращения доли долларовых операций во внешнеэкономических расчетах, в первую очередь, со странами БРИКС. Способствовать этому может, по мнению аналитиков ЦМАКП, создание безналичной расчетной валюты стран БРИКС («облегченный» аналог ЕCU – без обязательств поддержки странами объединения взаимной «привязки» курсов национальных валют). Первоначально ее можно использовать в сфере расчетов по межправительственным соглашениям и торговым контрактам госкомпаний, затем, постепенно расширяя круг внешнеэкономических контрактов и финансовых инструментов (кредитов, депозитов, облигаций, производных финансовых инструментов)².

По мнению аналитиков ЦМАКП, условием успеха внедрения новой безналичной расчетной единицы в расчеты между участниками стран БРИКС является ее достаточная ликвидность, которая обеспечивается за счет:

- расширения взаимных операций, подобных операции «валютный своп», в национальных валютах между центральными банками стран БРИКС;
- институционализации и банков-маркетмейкеров новой расчетной единицы на национальных рынках стран объединения через их расширенный доступ к операциям типа «валютный своп» в новой расчетной единице с центральными банками стран БРИКС;
- привлечения к маркетмейкингу новой расчетной единицы банков стран, не входящих в объединение БРИКС (в том числе американских).

Российская банковская сфера с самого начала внедрения новых финансовых инструментов, денонмированных в расчетной единице стран БРИКС, должна быть в центре создаваемых новых международных рынков. Развитие расчетов по внешнеэкономическим операциям в новой расчетной единице желательно синхронизировать с внедрением в практику расчетов между странами БРИКС созданной Банком России Системы передачи финансовых сообщений (СПФС). Являясь российским аналогом SWIFT, внедрение данной системы снизит уязвимость проведения расчетов по внешнеэкономическим операциям к риску ограничения доступа к SWIFT.

Заключение

Банковская сфера играет важную роль в эффективном взаимодействии не только всех секторов национальной экономики, но и мировой экономики в целом. Финансовые ресурсы – это наиболее глобализированный экономический ресурс мира. Глобализация финансовых ресурсов порождает такие позитивные и негативные последствия как: уменьшение нехватки финансовых средств в мире, рост конкуренции на национальных финансовых рынках, усиление

¹ Солнцев О. Взаимодействие России и США в банковской сфере в условиях экономических санкций / О. Солнцев, В. Панкова, Р. Ахметов / Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, январь 2019г. – http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/Soln/RUS_US_Banks_f.pdf

² Там же.

нестабильности национальных финансовых рынков, рост зависимости мировой экономики от денежного, а не реального капитала¹.

В условиях нестабильности мировой экономики возникает проблема государственного регулирования инновационной деятельности. Создание условий и стимулов для инновационного развития экономики РФ сопряжено с выбором инструментов денежно-кредитной политики, которые будут способствовать совершенствованию инновационных процессов, заключающихся в опережающем развитии научных исследований и технологических разработок, возрастании роли рынка наукоемкой и высокотехнологичной продукции².

Грамотный подход к управлению финансами является залогом активной инвестиционной политики государства³.

Именно по этой причине государству необходимо сосредотачивать свои возможности не только на обеспечении стабильности российской банковской системы, но и вовлечении ее в активное международное взаимодействие, стимулируя и контролируя реализацию инновационных программ и проектов в банковской сфере.

¹ Кирова И.В. Мировая экономика и международные экономические отношения. Курс лекций / И.В. Кирова, Т.Л. Попова. – М., 2014. – Ч. 1. Глобализация.

² Безновская В.В., Коваленко Н.В., Кузнецова Е.В. Денежно-кредитное регулирование инновационного развития экономики России // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. – № 4 (18). – С. 13.

³ Шпилькина Т.А. Анализ кризисных явлений в современном мире и в России // Вестник Омского университета. 2014. – № 1(71). – С. 164–166; Шпилькина Т.А., Долина, О.Н. Экономические санкции и их влияние на экономику и финансовую систему России // Вестник Академии. 2016. – № 1. – С. 22–27; Жидкова М.А., Шпилькина Т.А. Роль финансовой поддержки и ее влияние на развитие малого и среднего предпринимательства в России // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2016. – № 1 (7). – С. 6.

Коровникова Н.А.¹

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ²

Ключевые слова: образование, человеческий капитал, национальная безопасность, образовательная безопасность, культурная безопасность, современная Россия.

Keywords: education, human capital, national security, educational security, cultural security, modern Russia.

Важным условием скорейшего формирования общества знаний, цифровизации социально-экономической сферы, укрепления геополитической позиции России в современном мировом контексте является качество *человеческого капитала*³, высокий уровень его кадрового, интеллектуального и научного потенциала. Очевидно, что человеческие ресурсы представляют собой результат функционирования *образовательного пространства*⁴ и целостной системы образования⁵, которое служит одним из главных факторов поступательного развития экономической, политико-правовой, технологической и культурной сфер жизнедеятельности социума на базе комплексного обеспечения национальной безопасности субъектов всех уровней (личность, социальные группы, общности, институты, государственные организации и структуры⁶).

В современном научном дискурсе циркулирует множество представлений, значений и трактовок образования как междисциплинарного феномена и сложносоставного процесса, но с точки зрения его влияния на безопасность государства, социума, индивида наиболее интересными представляются дефиниции, согласно которым образование – это:

- социально-экономический, духовно-культурный феномен;
- процесс трансляции культуры, которая представляет собой результат функционирования образовательной системы⁷, другими словами, общественно значимый процесс, в результате которого человек на базе освоенного им опыта транслирует его во внешнюю среду;
- институт государства, формирующий духовные основы личности, общества, страны⁸;
- источник созидательного потенциала социума, гарант его интеллектуальной независимости;
- определяющий фактор функционирования субъектов национальной безопасности и средство обеспечения безопасности во всех сферах общественной жизнедеятельности.

¹ Коровникова Наталья Александровна – к.п.н., с.н.с. Отдела экономики ИНИОН РАН, доцент МИЭПП. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru

² Доклад, представленный на Международный геополитический конгресс «Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс».

³ В терминах инновационного поступательного развития наиболее полной представляется трактовка, согласно которой «человеческий капитал» аккумулирует совокупность ЗУНов (знания, умения, навыки), компетенций, способностей и талантов, формирующихся на основе инвестиций «в образование, науку, культуру, спортивные и профессиональные достижения индивида» и применяемых для создания интеллектуальных продуктов и новейших технологий с целью обеспечения «личного и общественного социального и экономического благополучия». См. Грачев С.А., Доничев О.А., Малкова Т.Б. Человеческий капитал как ресурс инновационного развития региона // Экономический анализ: теория и практика. 2016. – № 5. – С. 65–66.

⁴ Понятие «образовательное пространство» применяется в широком смысле и охватывает два ключевых элемента образования как сферы жизнедеятельности и социального процесса, а именно: а) образовательную среду, которая представляет собой совокупность внешних условий становления и развития субъектов образования, в том числе «педагогические условия, ситуации, систему отношений между лицами, объединенными общностью педагогической и учебной деятельности» см. Иванова С.В. Образовательное пространство и образовательная среда: в поисках отличий // Ценности и смыслы. 2015. – № 6 (40). – С. 25; б) образовательный процесс, который предполагает «целенаправленное, планомерное, систематическое взаимодействие педагога и преподавателя с учащимися, решающее задачи обучения, воспитания и развития личности, выстроенное в определенных организационных формах» см. Кузьмина Н.В., Жаринов Н.М., Жаринова Е.Н. Акмеологические факторы развития коммуникативной культуры преподавателя-исследователя // Акмеология. 2017. – № 1. – С. 13.

⁵ В данном случае под системой образования понимается структурно-институциональное воплощение образовательного пространства.

⁶ Более подробно см.: Усмонова Н.Р. Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации // Молодой ученый. 2018. – № 44. – С. 186–189. -<https://moluch.ru/archive/230/53398/>

⁷ Бенин В.Л., Жукова Е.Д. Понятие «образовательная безопасность» и его ценностная составляющая. – <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEwjUgO6m0sDhAhXD86YKHei1Ct0QFjAAegQIARAC&url=http%3A%2F%2Fwww.culturalnet.ru%2Fmain%2Fgetfile%2F1872&usq=A0vVaw1emi5bdgMzadcOzBOJsgve>

⁸ Там же.

В свою очередь, *национальная безопасность* представляет собой сложное системное явление, охватывающее экономический, социальный, интеллектуальный, техногенный, духовно-нравственный сегменты социума, развитие которых детерминировано состоянием образовательного потенциала страны¹. Поэтому система национальной безопасности государства не может эффективно функционировать без высококвалифицированных кадров².

Согласно правовым документам национальная безопасность предполагает «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором *обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойное качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации*»³. Следовательно, само понятие безопасности содержит в себе одно из основных конституционных прав – *право на образование* всех граждан РФ⁴.

Важной характеристикой национальной безопасности является то, что она должна быть *адекватна культуре и ментальности определенного социума*, поскольку в полной мере может быть обеспечена только в рамках определенной территории в отношении конкретного народа в границах его исторического развития⁵ с опорой не только на материально-техническую, экономическую, социальную, политическую базу страны, но и на ее культурно-интеллектуальный потенциал.

Для обоснования того, что образование служит важным фактором национальной безопасности, российские исследователи используют *смежные понятия*, которые по своей сути отражают взаимодополняющие аспекты (части) целостной системы безопасности страны, а именно: а) *культурная безопасность*, направленная на разработку и реализацию мер по защите национальной культуры, традиций, нравственных и аксиологических основ народа; б) *образовательная безопасность*, направленная на разработку и реализацию мер по защите субъектов образовательного процесса от угроз, связанных с реализацией данного процесса, а также возможность ими управлять, прогнозировать и предупреждать⁶; в) *национальная безопасность системы образования*, подразумевающая обеспечение эффективного функционирования образовательного пространства на основе своевременного противодействия эндогенным и экзогенным вызовам и угрозам безопасности общества и государства.

Несмотря на актуальность и востребованность проблематики взаимосвязи образования и безопасности, в данной области до сих пор остается целый ряд открытых вопросов, в их числе⁷: определение места образовательной безопасности в системе социокультурных и административно-правовых основ обеспечения национальной безопасности России; выявление качественно-количественных показателей реальной подготовки кадров в соответствии с потребностями страны; учет социальной значимости крупномасштабных инноваций в системе образования и их воздействия на социально-политическую стабильность и безопасность; формирование и укрепление *системы аксиологических (ценностно-телеологических) основ современного российского образования, влияющих на национальную безопасность*. Последний пункт представляется особенно интересным с точки зрения обеспечения безопасной ментальной эволюции современной России, причем фундамент аксиологической системы формируют ценности, исторически присущие российскому народу и российской государственности, а именно⁸: патриотизм; трудовое воспитание, трудолюбие; общественное согласие, взаимопомощь; семья, семейные скрепы; историческое наследие, духовный опыт; русский язык.

Приоритетные *цели* развития образования как источника кадров для грамотного обеспечения национальной безопасности рассматриваются не только в рамках теоретико-методологических работ, но уже сформулированы в нормативных документах Российской Федерации, например⁹: развитие взаимодействия образовательных организаций и научно-исследовательских центров с промышленным сектором, расширение практики софинансирования государством и субъектами предпринимательства долгосрочных фундаментальных научных исследований и программ; развитие системы среднего профессионального образования в целях подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с лучшими мировыми стандартами и передовыми технологиями; повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-

¹ Хорина Г.П. Образование как фактор национальной безопасности России // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2016. – № 1. – С. 5. – <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>

² Мороз Е.Ф. Система образования России – стратегический фактор эффективного обеспечения национальной безопасности: социально-философский аспект / Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Красноярск, 2017. – С. 21. – <http://www.bs.u.ru/content/disser/617/avtoreferat-moroz-e.f..pdf>

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/223b900e0dec1c0c3fd536922b569468b1f12581/

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 43. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8452df644dd1f63f07ca7744f87beddac2947282/

⁵ Мороз Е.Ф. Система образования России – стратегический фактор эффективного обеспечения национальной безопасности: социально-философский аспект / Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – Красноярск, 2017. – С. 12–13. – <http://www.bs.u.ru/content/disser/617/avtoreferat-moroz-e.f..pdf>

⁶ Бенин В.Л., Жукова Е.Д. Понятие «образовательная безопасность» и его ценностная составляющая. – <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=2ahUKEWjUgO6m0sDhAhXD86YKHei1Ct0QFJAegQIARAC&url=http%3A%2F%2Fwww.culturalnet.ru%2Fmain%2Fgetfile%2F1872&usq=A0vVaw1emi5bdgMzadcOzBOJsgve>

⁷ Там же.

⁸ Более подробно см.: Хорина Г.П. Образование как фактор национальной безопасности России. // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2016. – № 1. – С. 7–9. – <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-faktor-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/223b900e0dec1c0c3fd536922b569468b1f12581/

исторических ценностей; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий и т.п.

Своевременное достижение вышеперечисленных целей требует скорейшего решения *задач*, стоящих сегодня перед российским обществом и государством, среди которых¹:

- повсеместная реализация права на образование и повышение его качества для наиболее полного удовлетворения потребностей и интересов личности, равномерность распределения образовательных учреждений в стране;
- защита целостности общества, его социальных и моральных ценностей, в том числе приобщение личности к общественным ценностям и идеалам, гармония между общественной моралью и индивидуальным поведением, между личным и общим интересами;
- борьба с коррупцией во всех сегментах образовательного пространства;
- обеспечение системы образования (в первую очередь, средней и высшей школы) квалифицированными кадрами;
- выполнение вузами функции формирования интеллектуального и исследовательского потенциала для поступательного развития экономики, социальной и политико-правовой сфер;
- и, наконец, *сохранение и приумножение культурно-образовательного и научного капитала России.*

Таким образом, можно констатировать, что место и роль России как государства, цивилизации, нации в современном мировом пространстве, ее конкурентоспособность и значимость как одного из ведущих международных акторов, обусловлены требованиями соблюдения национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, реализация которых зависит от качества кадровых ресурсов и системы их подготовки/переподготовки. Поэтому образование сегодня является основным элементом формирования интеллектуально-культурного потенциала России и, следовательно, неотъемлемым фактором реализации эффективной государственной политики в сфере национальной безопасности в XXI веке.

¹ См.: Матюшева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению функционирования системы образования как фактора национальной безопасности. – <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Теоретико-методологические-подходы-к-изучению-функционирования-системы-образования-как-фактора-национальной-безопасности>.

Котилко В.В.

д.э.н., академик РАН, профессор, гл.н.с. СОПС Минэкономразвития и РАН
kotilko@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАН СОДРУЖЕСТВА

Ключевые слова: программы модернизации, инновационные проекты, конкурентные рынки, модель взаимодействия, критерии оптимизации.

Keywords: modernization programs, innovative projects, competitive markets, interaction model, optimization criteria.

Определение схем взаимодействия российских инновационных компаний с компаниями других стран СНГ зависит от специализации этих компаний и их стран, а также от тех типов инноваций, к которым тяготеют те или иные страны. Так, есть страны и компании, тяготеющие к развитию инкрементальных и модульных инноваций (в области машиностроения и химической промышленности). Есть страны, которые делают ставки на различные кластеры (например, на кластер в области телекоммуникаций). В развитых странах предпочтение отдается большому количеству системных и радикальных инноваций.

Каждый названный тип инноваций имеет свои конкурентные преимущества. Россия в своей межгосударственной политике в сфере инноваций и при заключении соглашений должна учитывать имеющиеся конкурентные преимущества той или иной страны и знать те рынки, к которым они тяготеют. В зависимости от этих условий должны разрабатываться механизмы стимулирования экспорта высокотехнологической продукции применительно к каждой стране Содружества. Очевидно, что также как сложно компании достичь больших успехов сразу во всех видах инноваций и инновационная деятельность неизбежно подлежит специализации, также и страны СНГ и их регионы имеют специализацию в инновациях.

В конкретных исследовательских и практических целях классификационная модель или схема взаимодействия стран СНГ на государственном уровне должна в себя включать несколько измерений разнообразия инноваций, позволяющих создать единое пространство видов инноваций в Содружестве.

В конкретных исследовательских и практических целях классификационная модель или схема взаимодействия стран СНГ на государственном уровне должна в себя включать несколько измерений разнообразия инноваций, позволяющих создать единое пространство видов инноваций в Содружестве.

В ходе анализа поставок высокотехнологической продукции в страны СНГ подтвержден вывод о необходимости формирования разноуровневых схем сотрудничества.

Целесообразно выделить три типа рынков высокотехнологичной продукции, под которые необходимо разрабатывать разные схемы взаимодействия в части поставок высокотехнологичных товаров.

Быстрорастущие рынки с низкой долей российской продукции. К этому типу рынков следует отнести продукцию следующих видов экономической деятельности:

- Производство электронных вычислительных машин и оборудования для обработки информации;
- Производство фармацевтической продукции;

Медленно растущие высоко конкурентные рынки с хорошей технологической защитой российских товаров. К этому типу рынков относится продукция следующих видов экономической деятельности:

- Производство электрических машин и электрооборудования;
- Производство насосов, компрессоров и гидравлических систем;
- Производство подъемно-транспортного оборудования;
- Производство железнодорожного подвижного состава;
- Производство центрифуг;

Медленно растущие высоко конкурентные рынки с низкой технологической защитой российских товаров. К этому типу рынков можно отнести следующую продукцию:

- Строительство и ремонт судов;
- Производство газовых турбин;
- Производство паровых котлов и турбин;
- Производство машин и механизмов для сельского хозяйства и строительства;
- Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов;
- Производство резиновых шин, покрышек и камер.

Формируемый институциональный механизм в интересах модернизации российской экономики должен учитывать следующие приоритетные направления реформирования российского государственного механизма управления:

• Модернизация корпоративного законодательства и совершенствования системы корпоративного управления, включая развитие механизмов защиты прав собственности акционеров и инвесторов, повышение эффективности ор-

ганизационно-правовых форм юридических лиц, структуры и организации органов управления компании, реорганизации и функционирования интегрированных бизнес-структур, совершенствование нормативных правовых актов в сфере законодательства о несостоятельности (банкротстве);

- Улучшение конкурентной среды, совершенствование антимонопольного регулирования, реализация мер развития конкуренции в отдельных отраслях будут осуществляться в рамках Программы развития конкуренции в Российской Федерации;

- Совершенствование регулирования субъектов естественных монополий;

- Повышение эффективности работы особых экономических зон (ОЭЗ) и территориальных зон опережающего развития (ТОР), включая совершенствование системы законодательства в области ОЭЗ, направленное на создание более комфортной финансовой среды для резидентов российских ОЭЗ и активизацию их инвестиционной активности, а также создание всей необходимой инфраструктуры для их эффективного функционирования;

- Разработка направлений совершенствования институциональных преобразований в рамках Таможенного союза, нацеленных на создание благоприятных условий экспорта российской высокотехнологической продукции.

Развитие многостороннего экономического сотрудничества и создание институционального механизма финансирования совместных инновационных проектов и программ возможно в рамках следующих альтернатив:

- 1) экономическое сотрудничество через органы создаваемые в рамках СНГ;

- 2) экономическое сотрудничество через превращение двусторонних договоренностей в многосторонние в ходе компромиссных переговоров;

- 3) экономическое сотрудничество в сфере модернизации через международные структуры вне рамок СНГ.

Модель (схема) взаимодействия стран СНГ с целью создания благоприятных условий экспорта российской высокотехнологической продукции требует совершенствования управления инновационным процессом в России и странах Содружества. Для этого предлагается разработать принципиальную схему многоуровневого проектного управления функционированием и развитием инновационной системой стран СНГ. Экспериментально ее целесообразно проверить на примере какой-либо региональной инновационной системы, в которой задействованы предприятия и организации различных стран Содружества. Таким экспериментальным полигоном может быть приграничный район: Россия – Беларусь или Россия – Казахстан.

Современная Россия пока не является привлекательным региональным лидером для государств Содружества с учетом результатов проведенных рыночных реформ.

В рамках взаимного сотрудничества Россия и страны СНГ еще не могут решить актуальные задачи коренной модернизации экономики. Стремление включиться в глобальные торговые и инвестиционные потоки, заимствовать передовые технологии из развитых центров мировой экономики приводит к переориентации внешнеэкономических связей на страны дальнего зарубежья и является причиной падения доли взаимной торговли в совокупном товарообороте.

Проведение Россией интеграционной политики осложнено растущей политической и экономической конкуренцией на постсоветском пространстве со стороны Евросоюза, Китая, США, Турции и других крупных игроков. Особые права нашей страны на влияние в постсоветском регионе не признаются мировым сообществом.

В ходе исследования доказана необходимость создания в России национальной инновационной системы (НИС), скоординированной с аналогичными системами стран Содружества, и формирование условий для роста значимости науки и инноваций в отечественной экономике, при всей сложности и масштабности данной задачи, являются важнейшей целью стратегии перспективного развития Российской Федерации. Однако без координации национальных инновационных систем стран СНГ невозможно обеспечить выбор оптимального варианта действий при урегулировании спорных вопросов в сфере реализации и внедрения высоких технологий.

Именно поэтому на современном этапе необходима выработка целей, приоритетов, механизма и координация перспективных направлений межгосударственной инновационной политики как важной составной части модернизации экономик государств Содружества.

Основой оптимального функционирования межгосударственной инновационной политики является налаженный организационно-экономический механизм межгосударственного регулирования инновационных процессов в странах, опираясь на создание основных элементов конкурентоспособной инновационной инфраструктуры, разработку программ модернизации и реализацию совместных инновационных проектов.

В ходе анализа выявлено, что до сих пор не сформированы в полном объеме межгосударственные инновационные цепочки, включающие научные, образовательные, внедренческие и производственные звенья, не создан полноценный организационно-экономический механизм инновационной деятельности, способный обеспечить выбор оптимального решения в части решения проблемных вопросов в сферах инновационных технологий.

Для взаимодействия органов власти России и стран СНГ при реализации совместных инновационных проектов необходимо создавать Межгосударственные, возможно наднациональные, структуры, ориентированные на оптимизацию решения спорных и не отрегулированных вопросов в сфере высоких технологий. Эти структуры должны готовить ежегодные доклады «О научной, научно-технической и инновационной деятельности на пространстве Содружества», в которых должны найти отражение методы стимулирования предприятий, участвующих в совместных инновационных проектах в рамках СНГ, во внедрении новых технологий и типов продукции, капитализации и сертификации результатов научной и научно-технической деятельности.

Для этого необходимо провести полномасштабное обследование предприятий и организаций, заинтересованных в инновационной деятельности. На основании полученных результатов должна быть разработана конкретная про-

грамма действий, выявлены не урегулированные проблемы, определены пути и методы оптимизации процесса инновационного строительства в странах СНГ.

Несмотря на разработку отдельными странами программ модернизации, реализацию совместных инновационных проектов, очевидно, что эта работа носит не системный характер и опирается в основном на национальные перспективные документы. В ходе анализа выявлено, что нет мониторинговых исследований, нацеленных на изучение рынка высоких технологий стран Содружества.

На настоящий момент специализированных финансовых институтов, осуществляющих целевое финансирование инновационных высокотехнологичных проектов и фирм, в регионах России нет. В некоторых городах существуют фонды поддержки предпринимательства, однако, как установлено в ходе исследования, суммы, перечисляемые из региональных и муниципальных бюджетов в соответствующие фонды, носят символический характер. Сбалансированные региональные программы инновационного развития либо отсутствуют, либо, если есть, финансируются по остаточному принципу.

Поэтому одним из направлений совершенствования экономического механизма государственного регулирования научно-инновационной деятельности является совершенствование налоговых инструментов ее обеспечения. К сожалению, в России единая система налогового воздействия на инновационную деятельность отсутствует.

В работе предлагается использовать для выбора оптимального варианта действий модель оптимизационного планирования цепочек поставок в рамках инновационных проектов стран СНГ.

В модели могут быть учтены все существенные параметры цепочки поставок, например:

- Цена, минимальная партия, цикл поставки сырья и материалов;
- Транспортные расходы;
- Временные характеристики производства;
- Возможные причины изменения затрат на производство;
- Нормы возвратных отходов и безвозвратных потерь;
- Время технологического простоя при переходе с одной стадии работы на другой этап производства;
- Варианты допустимой последовательности работ для экспортных целей в рамках инновационных проектов;
- Варианты состава используемых материалов для выпуска высокотехнологичной продукции;
- Нормы загрузки транспортных средств (автомобилей) и затраты при доставке своим транспортном (автотранспортом);
- Наличие рабочих и специалистов, участвующих в проекте.

В модели могут использоваться следующие методики нормирования расхода материалов:

- На единицу объема выпуска продукции;
- На конкретный заказ со специфическими свойствами материала;
- На единицу массы, объема, количества.

Модель ориентирована на учет ограничений на функционирование цепочки поставок, например:

- Ограничения, связанные с техническими характеристиками оборудования (минимальная и максимальная загрузка, график ремонтов и др.);
- Ограничения технологического характера (ограничения на качество сырья для обеспечения определенного качества продукции, ограничения на последовательность выполнения стадий работы);
- Ограничения производственного характера (максимально возможные и страховые запасы материалов, сезонные ограничения и др.);
- Экономические ограничения (минимально допустимая рентабельность, штрафы за превышение допустимых выбросов и др.).

В модели могут быть использованы различные критерии оптимизации, например:

- Максимизация чистой прибыли предприятий, участвующих в экспортных поставках;
- Минимизация производственных затрат;
- Минимизация сырья и материалов;
- Максимизация рентабельности инвестиций.

Инновационное сотрудничество России со странами СНГ хотя и расширяется, но его общие размеры настолько малы, что позволяют говорить о сколько-нибудь существенных взаимовлиянии и взаимной заинтересованности только применительно к отдельным странам и секторам. В силу незначительных объемов взаимных инвестиций (прежде всего прямых) не развиты механизмы и инструменты межгосударственного регулирования инвестиционных потоков, поощрения и взаимной защиты капиталовложений. Это сильно осложняет деятельность более мощных в финансовом отношении российских инвесторов в странах СНГ, ведет к непредсказуемости результатов приватизационных и иных инвестиционных сделок по важным для России активам.

В настоящее время назрела потребность в разработке инвестиционной стратегии России в СНГ, определяющей ключевые, стратегически важные для функционирования отечественных отраслей и производств активы в СНГ, а также тактику, механизмы и инструменты налаживания взаимовыгодного сотрудничества в управлении такими активами. Это важно и для выстраивания эффективных цепочек приращения стоимости во главе с российскими компаниями, и для стимулирования интеграционных процессов за счет развития производственно-технологической и сбытовой кооперации.

Направления модернизации и технологического развития России в рамках кооперационного сотрудничества должны быть увязаны с типовыми элементами региональной инновационной системы и участниками инновационно-кооперационной деятельности:

• Коммерческий (или предпринимательский) сектор, состоящий из коммерческих организаций, компаний, фирм, вовлеченных в инновационные проекты и программы, а также из устойчивых хозяйственных объединений компаний в рамках звеньев инновационного процесса. Компании можно выделять по:

- ◆ Отраслевому признаку,
- ◆ Интенсивности инновационной деятельности,
- ◆ Размеру,
- ◆ Стратегии,
- ◆ Основным типам инноваций и прочее.
- ◆ • Государственный сектор, в составе которого следует выделять:
- ◆ Региональные ведомства, разрабатывающие и координирующие научную и инновационную политику;
- ◆ Государственные финансирующие организации,
- ◆ Регулирующие органы,
- ◆ Предприятия и организации, принадлежащие или контролируемые государством.

• Научно-исследовательский сектор, состоящий из организаций, выполняющих фундаментальные и прикладные исследования и разработки, проектные и конструкторские работы; в составе данного сектора имеет смысл выделять:

- ◆ Государственные научно-исследовательские организации,
- ◆ Частные исследовательские компании,
- ◆ Высшие учебные заведения, в части касающейся проведения научно-исследовательских работ,
- ◆ Частные и общественные бесприбыльные организации.

• Организации по продвижению технологий и другие организации-посредники:

- ◆ Агентства по трансферу и коммерциализации технологий,
- ◆ Бизнес-инкубаторы,
- ◆ Технологические парки, и прочее.

• Общественные и деловые объединения, осуществляющие межорганизационную координацию инновационной деятельности, в том числе:

- ◆ Деловые ассоциации, консорциумы, альянсы;
- ◆ Профессиональные или деловые союзы (например, союзы предпринимателей, общественные организации малого и среднего бизнеса, саморегулируемые организации);
- ◆ Общественные объединения и организации.

Непосредственные участники региональной инновационно-кооперационной системы находятся под влиянием внешней среды, в которой можно выделить непосредственное (или ближнее) окружение и окружение дальнее. В непосредственном окружении региональной инновационной системы следует выделять:

• Экономическую систему, т.е. коммерческие организации, выступающие поставщиками различных материальных, энергетических и информационных ресурсов, необходимых для функционирования и развития участников инновационной системы;

• Инфраструктуру, включающая в себя транспорт, связь, энергетические сети;

• Государственные институты регионального значения, осуществляющие регулирование хозяйственных отношений в широком смысле;

• Финансовую систему региона, включая финансово-кредитные организации, инвестиционные компании и фонды, финансовые рынки, устойчивую сеть отношений между финансовыми учреждениями и инновационными компаниями;

• Систему подготовки и развития кадров, включая средние, профессиональные и высшие учебные заведения (в части, касающейся подготовки специалистов), тренинговые компании, механизмы и институты рынка труда;

• Социальную систему, включающую сложившиеся в регионе социальные группы, отношения между ними, социальные нормы и правила, регулирующие хозяйственные отношения и процессы создания, передачи и использования знаний, неформальные социальные сети, профессиональные сообщества;

• Природную систему, включающую климат, особенности месторасположения и доступа, географические характеристики, наличие природных ресурсов.

В дальнем окружении региональной инновационно-кооперационной системы следует выделять факторы динамического характера, оказывающие опосредованное воздействие на поведение участников инновационной деятельности и инновационные процессы в регионе. К числу таких факторов относятся:

• Макроэкономические факторы, включая экономический рост, уровень инфляции, торговый баланс, уровень развития отраслей и прочее;

• Политические факторы, такие как стабильность политического режима, его отношение к экономическому и инновационному развитию;

• Культурно-исторические факторы, прежде всего культурные нормы, ценности и правила, определяющие общественное поведение, обмен информацией, отношение к предпринимательству и инновациям, формы и динамику социального структурирования, уровень доверия;

• Региональные инновационные системы смежных регионов и национальная инновационная система;

• Экономическая, финансовая, кадровая, социальная и природная системы общенационального масштаба, равно как и общенациональная инфраструктура.

Обоснование основных направлений двустороннего и многостороннего научно-технического сотрудничества опирается на предлагаемую модель жизненного цикла инновационного проекта, нацеленного на расширение сбыта российской высокотехнологичной продукции.

Жизненный цикл управления инновационным проектом предполагает выделение двух стадий – разработки и реализации проекта. На стадии разработки определяются цели инновационного проекта, ожидаемые результаты, дается оценка конкурентоспособности и перспективности создаваемых результатов, определяется концепция проекта и проводится оценка экономической эффективности, технической реализуемости и социально-коммерческой целесообразности.

На стадии реализации, после принятия основного инвестиционного решения по вложению в инновационный проект необходимых финансовых ресурсов, производится детальное планирование проекта, включая определение организационных форм проекта, детальных планов, графиков и бюджетов, решаются задачи контроля выполнения проекта, анализа и устранения причин отклонения, коррекции плановых решений.

В рамках двусторонних и многосторонних соглашений должен рассматриваться не отдельный совместный проект, а расширенный инновационный процесс, охватывающий рамки отрасли или экономики в целом. Здесь методикой управления становится разработка схем взаимодействия в рамках стран СНГ, которые должны находить отражение в формах управления инновационными программами. При этом инновационные программы, включающие вопросы экспорта высокотехнологичной продукции, должны рассматриваться как разновидность проектного управления.

Поскольку программы представляют собой совокупность взаимосвязанных проектов, реализуемых в рамках единой системы управления в целях получения дополнительных выгод, недостижимых при изолированном осуществлении проектов, то отдельные совместные инновационные проекты должны рассматриваться с учетом следующих факторов:

- Взаимосвязи целей, задач и методов стимулирования работ между проектами разных стран СНГ, например, заключение соглашений о разработке совместных или скоординированных программ, проведение совещаний по вопросам сближения существующего или разработки нового законодательства, регулирующего инновационные экспортно-импортные процессы;

- Общие и проектные ресурсные ограничения, которые могут влиять на проекты, входящие в программу;
- Усилия по снижению риска, которые могут быть общими для многих проектов, входящих в программу;
- Серьезные изменения в развитии организации, которые могут повлиять на все проекты, входящие в программу.

Предложения по совершенствованию управлением инновационной программой должны концентрировать свое внимание на этих и других межпроектных взаимосвязях и определять методы эффективного управления всей агрегированной деятельностью в целях максимизации достижения общих для всей деятельности результатов (в то время как управление проектами обеспечивает достижение результатов отдельных проектов).

Управление программой должно отдавать предпочтение проектам, ориентированным на расширение сбыта высокотехнологичной продукции в страны СНГ и содействовать достижению оптимизации скоординированного выполнения совместных инновационных проектов программы.

Список литературы

1. Котилко В.В. Региональная инновационная политика // Инновационная политика. – М.: КНОРУС, 2009. – С. 102–128.
2. Котилко В.В. Региональная инновационная политика // Вестник Поволжского гос. ун-та сервиса. Серия экономика. Вып. 3. – Тольятти, 2010. – № 11. – С. 19–33.
3. Котилко В.В. Перспективы участия РФ в прикаспийском экономическом сотрудничестве. Lambert Academic Publishing, 2011. – 332 с.
4. Котилко В.В. Риски, угрозы и кризисы на пространстве СНГ. Lambert Academic Publishing, 2011. – 171 с.
5. Котилко В.В. Механизмы инновационного сотрудничества России и стран СНГ (проблемы модернизации). Lambert Academic Publishing, 2011. – 263 с.
6. Котилко В.В. Инновационное развитие регионов в условиях модернизации экономики России // Региональная экономика. Инновационное развитие регионов России. – М.: Финансовый университет, 2011. – С. 4–9.
7. Котилко В.В. Экономическое развитие Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств в инновационной и научно-технической сферах // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2011. – № 21. – С. 19–31.
8. Котилко В.В. Критерии отбора инновационных проектов в рамках координации программ модернизации России и стран СНГ. Специализированная информация по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте». Вып. 2. РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей. – М., 2012. – С. 72.
9. Котилко В.В. Джангаев Х.М. Модернизация пространственной экономики России и стран СНГ (этапы преобразований): монография. – М.: РУДН, 2013. – 375 с.
10. Котилко В.В. Модернизация России и стран СНГ. – М.: Самполиграфист, 2014. – 266 с.

Кудряшов В.С.

к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: экономическая безопасность, регион, продовольственная безопасность, импортозамещение, инновационная активность.

Keywords: economic security, region, food security, import substitution, innovative activity.

Укрепление экономической безопасности страны – задача сложная и многофакторная. Одна из граней этой проблемы, понятная каждому гражданину, касается обеспечения населения страны продовольствием. Зависимость России от импорта продовольствия, хотя в последние годы и сильно ослабла, по некоторым сельскохозяйственным товарам остается высокой: в 2016 г. доля импорта в ресурсах овощей и продовольственных бахчевых культур составляла 8,1%, мяса и мясопродуктов – 10,4%, молока и молокопродуктов – 18,7%¹. На примере одного из небогатых российских регионов рассмотрим, как можно в достаточно короткие по историческим меркам сроки укрепить продовольственную безопасность и обеспечить население своего региона натуральными и полезными продуктами питания, а также научиться реализовывать излишки произведенной сельскохозяйственной продукции не только в другие регионы страны, но и за рубеж.

Природно-ресурсный потенциал Приволжской республики Мордовия не богат. Главное природное богатство этого региона – земли. Это отражает и структура ВРП, анализ которой показывает, что удельный вес видов экономической деятельности, связанных с использованием природных ресурсов невелик, за исключением сельского хозяйства. Так, вклад рыболовства и рыбоводства в формирование ВРП в 2015 г. составлял 0,0%, добывающих отраслей – 0,2%, сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства – 14,0%².

В условиях жестких природно-ресурсных ограничений ключевой отраслью региональной экономики обоснованно стало сельское хозяйство. Сельское и лесное хозяйство дают работу 78,6 тыс. жителям республики. В Мордовии в этих отраслях действуют 552 предприятия, 265 индивидуальных предпринимателей и 655 крестьянских (фермерских) хозяйств. С 2009 г. сельское хозяйство – крупнейшая отрасль региональной экономики по числу занятых, в 2016 г. на этот вид деятельности приходилось 20,3% занятых, по доле в структуре ВРП – это вторая отрасль после обрабатывающих производств, удельный вес которых на 8,8 п.п. больше³.

Ресурсный потенциал и вместе с тем естественное ограничение масштабов развития сельскохозяйственного производства – наличие плодородной земли. В настоящее время общая площадь земель Мордовии составляет 2612,8 тыс. га, 63,4% которых используется по сельскохозяйственному назначению; пашня занимает 65,5% от сельскохозяйственных угодий. Сельскохозяйственным предприятиям и организациям принадлежит 65% сельскохозяйственных угодий, гражданам – 30%, около 5% – не участвуют в сельскохозяйственном обороте – заброшены 2,6% земли сельскохозяйственных предприятий и 7,4% земли граждан (табл. 1).

По сравнению с 2006 г. в структуре сельскохозяйственных земель Мордовии произошли небольшие изменения: выведено из сельскохозяйственного оборота 3,3 га, удельный вес пашни уменьшился на 1,5 п.п., произошло перераспределение земли между землепользователями: на 10,4% уменьшилась доля сельскохозяйственных угодий, принадлежащих сельскохозяйственным предприятиям и организациям, на 26,8% возросла доля сельскохозяйственных угодий, принадлежащих гражданам.

¹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. С. 376 – 378.

² Там же, с. 31.

³ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 31, 96–97, 100.

Общая земельная площадь Республики Мордовия и распределение сельскохозяйственных угодий по землепользователям (тысяч гектаров)¹

Показатель	Общая земельная площадь	Все сельскохозяйственные угодья	из них	
			пашня	сенокосы и пастбища
Всего земель (территория) на 1 января 2006 г.	2612,8	1658,9	1111,4	464,6
на 1 января 2017 г.	2612,8	1655,6	1084,8	499,5
<i>из них:</i>				
земли сельскохозяйственных предприятий и организаций на 1 января 2006 г.	1385,1	1200,1	883,4	296,7
на 1 января 2017 г.	1249,3	1074,9	785,2	261,5
земли граждан (объединений граждан) на 1 января 2006 г.	409,9	394,9	203,3	167,9
на 1 января 2017 г.	516,3	500,6	268,0	195,4
в том числе крестьянских (фермерских) хозяйств на 1 января 2006 г.	97,3	88,4	70,9	14,6
на 1 января 2017 г.	85,1	76,9	60,8	12,7

В 2016 г. засеивалось 68% пашни (для сравнения: в РФ в середине 1980-х гг. – 90%²). Площадь засеиваемой земли в Мордовии за 2001–2016 гг. уменьшилась на 8,4%³. Изменилась и структура посевов: почти в 5 раз возросла доля технических культур (сахарной свеклы и масличных культур), на 14,6% – зерновых культур, при этом в 1,9 раза уменьшилась доля картофеля и овощебахчевых культур, в 1,4 раза – кормовых культур (табл. 2).

Таблица 2

Посевные площади сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств Республики Мордовия⁴

Показатель	Вся посевная площадь		в том числе								
			зерновых культур		технических культур		картофеля и овощебахчевых культур		кормовых культур		
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	
Хозяйства всех категорий											
2005 г.	807,1	100	421,0	52,2	14,8	1,8	54,2	6,7	317,1	39,3	
2016 г.	739,1	100	442,0	59,8	64,7	8,8	25,5	3,5	207,0	28,0	
<i>в том числе:</i>											
сельскохозяйственные организации											
2005 г.	635,1	100	363,7	57,3	11,4	1,8	2,1	0,3	257,9	40,6	
2016 г.	615,2	100	381,1	61,9	59,4	9,7	3,1	0,5	171,6	27,9	
крестьянские (фермерские) хозяйства											
2005 г.	57,4	100	34,9	60,8	0,5	0,9	0,1	0,2	21,9	38,2	
2016 г.	92,0	100	58,5	63,6	5,2	5,7	1,1	1,2	27,3	29,7	
хозяйства населения											
2005 г.	47,9	100	–	–	0,1	0,2	41,3	86,2	6,5	13,6	
2016 г.	31,9	100	2,3	7,2	0,1	0,3	21,4	67,1	8,0	25,1	

Структура посевов изменилась у всех землепользователей. Сельскохозяйственные организации за счет 1,5-кратного уменьшения посевов кормовых культур увеличили площади, засеиваемые другими культурами. Подобным образом поступили и К(Ф)Х. Население Мордовии, напротив, почти в 2 раза расширило площади под кормовые культуры за счет картофеля и овощных культур.

Как видим, резервы земельных ресурсов в сельском хозяйстве есть, но они весьма ограничены. Однако это не препятствует *полной самообеспеченности населения региона*, специализирующегося на птицеводстве и выращивании зерна, основных продуктов питания (мясо, молоко, яйца, сахар, картофель, овощи). Кроме того, сельскохозяйственная продукция из Мордовии реализуется в субъекты РФ, страны дальнего зарубежья и СНГ. В 2017 г. доля вывоза по отдельным видам составила 40–80% от объемов производства. В 2018 г. в республике было произведено продукции на сумму 59 758,9 млн руб. (на 1,3% выше уровня 2017 г.).

По производству яиц и темпам роста валового сбора семян подсолнечника республика в 2016 г. заняла 1 место в ПФО; по выпуску яиц (в расчете на душу населения) в 2017 г. – 2 место в России (1 – в ПФО); мяса скота и птицы – 6 в России (2 – в ПФО); молока – 3 место в России. Такие показатели наблюдаются на фоне дисбаланса в отечествен-

¹ Составлено по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2006. – С. 218; 2017. – С. 238.

² Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – М., 1987. С. 223, 226.

³ Рассчитано по: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2006. – С. 219; 2017. – С. 238.

⁴ Составлено по: Там же.

ном сельском хозяйстве – тенденции уменьшения объемов выпуска многих видов продукции в структуре произведенной продукции и доли в ней животноводства (на 14%)¹.

Другой ответ этого небольшого и небогатого региона на современные вызовы и угрозы – инновационное обновление экономики. Осознавая, что развитие российской экономики в условиях неблагоприятной внешнеэкономической обстановки, особенно отраслей, имеющих природно-ресурсные ограничения, невозможно без внедрения в производство достижений научно-технического прогресса, руководство региона особый упор делает на широкое распространение инноваций. И, как отмечают исследователи, усилия эти не безуспешны².

Рассмотрим, как статистика и эксперты оценивают инновационный климат в Республике Мордовия. Согласно последнему докладу НИУ «Высшая школа экономики», которое ежегодно с 2012 г. проводит рейтинговую оценку инновационного развития регионов России, Республика Мордовия заняла 8 место в РФ, опустившись за год на 4 ступени. Из 3 групп показателей, характеризующих *социально-экономические условия инновационной деятельности*, по основным макроэкономическим показателям Республика Мордовия находится на 40 месте, по образовательному потенциалу населения – на 14. Но оценка образовательного потенциала населения Мордовии выше среднего по стране значения, что объясняется высоким уровнем образования россиян³.

Конечно, не все так радужно. Наиболее сложная ситуация сложилась в сфере доступности интернета – республика занимает 85 место в стране: по величине удельного веса организаций, имеющих доступ к высокоскоростному Интернету, в общем числе организаций, Мордовия занимает 82 место; по значению удельного веса домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в общем числе домашних хозяйств, – 74 место в России.

На низких позициях в федеральном рейтинге находится регион еще по 3 показателям этого тематического блока: ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона (57 место), коэффициент обновления основных фондов (70 место), удельный вес занятых в наукоемких отраслях сферы услуг в общей численности занятых в экономике региона (71 место).

Более высокие, чем в среднем по стране значения достигнуты по 2 показателям: удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных высокого уровня отраслях промышленного производства в общей численности занятых в экономике региона (11 место) и численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в расчете на 10 000 человек населения (11 место).

Научно-технический потенциал Мордовии страдает из-за недостаточного финансирования исследований и разработок (51 место), слабого кадрового обеспечения науки (80 место), невысокой результативности научных исследований и разработок (40 место). По 7 из 11 показателей этого тематического блока регион находится в конце федерального списка: внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВРП (38 место), внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя (56 место), отношение среднемесячной заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками, к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в регионе (52 место), удельный вес занятых исследованиями и разработками в среднегодовой численности занятых в экономике региона (55 место), удельный вес лиц, имеющих ученую степень, в численности исследователей (67 место), число патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями, в расчете на миллион человек экономически активного населения региона (64 место), отношение объема поступлений от экспорта технологий к ВРП, в расчете на 1 тыс. руб. ВРП (52 место).

Но есть и очевидные достижения. Так, по нескольким показателям Мордовия имеет значения выше средних по стране: удельный вес лиц в возрасте до 39 лет в численности исследователей (33 место), число статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 10 исследователей (7 место), число передовых производственных технологий, разработанных в регионе, в расчете на миллион человек экономически активного населения (17 место).

Но самые высокие позиции занимает Мордовия в рейтинге по *инновационной деятельности*. По всем 9 показателям, характеризующим *инновационную деятельность*, Мордовия имеет значения, существенно превышающие сред-

¹ Итоги развития АПК Республики Мордовия в 2017 году. – <https://agrovesti.net/lib/regionals/region-13/itogi-razvitiya-apk-respubliki-mordoviya-v-2017-godu.html>

² Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Развитие малого предпринимательства в высокотехнологичной сфере: опыт Республики Мордовия // Научное обозрение. 2018. – № 4. – С. 10; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Кильдюшкина И.Г. Развитие системы подготовки молодых кадров для науки и инновационных производств в Республике Мордовия // Модернизационный потенциал российской молодежи: Сборник научных трудов. – Ульяновск, 2017. – С. 105–109; Липатова Л.Н., Пашкин А.А. Характеристика участников рынка инновационного продукта // Инновационные процессы в развитии современного общества: Материалы международной научно-практической конференции. – Саранск, 2013. – С. 144–147; Липатова Л.Н. Инновационный потенциал экономического развития // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. 2016. – № 7 (6). – С. 127–135; Липатова Л.Н., Кильдюшкина И.Г. Инновации в контексте глобальных экономических и политических процессов: опыт России и ее регионов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2018. – № 1. – С. 225–241; Липатова Л.Н., Акимова Е.В. Трудовой потенциал молодежи и инновационное развитие // Научное обозрение. 2019. – № 1. – С. 1; Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Основные тенденции развития малого бизнеса в сфере инноваций // Государство и бизнес: Современные проблемы экономики: Материалы X Международной научно-практической конференции. – СПб., 2018. – С. 16–24; Тренькаева Н.В., Липатова Л.Н. Основные тенденции развития малого инновационного предпринимательства в Республике Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2018. – № 2. – С. 198–208.

³ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 174.

ние по стране уровни. 1 место в стране регион занимает по удельному весу инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в организациях промышленного производства.

По 5 из 9 показателей, оценивающих *качество региональной инновационной политики*, Мордовия имеет наивысший рейтинг. Однако отсутствие стратегии (концепции) инновационного развития (инновационной стратегии) и/или профильного раздела по инновационному развитию (поддержке инноваций) в стратегии развития региона, а также недостаточное финансирование затрат на технологические инновации в промышленности за счет средств регионального и местных бюджетов не позволили региону подняться столь же высоко в итоговой оценке качества инновационной политики¹.

Согласно другому рейтингу, разрабатываемому Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР), Республика Мордовия относится к группе средне-сильных инноваторов и занимает 14 место в стране, такое же значение итогового показателя имеет Пермский край. Из числа приволжских регионов более высокие позиции занимают Республика Татарстан, Нижегородская область, Республика Башкортостан, Самарская область².

Группу средне-сильных инноваторов образуют 16 субъектов РФ. Регионами, продемонстрировавшими значительную положительную динамику в инновационном развитии по сравнению с рейтингом предыдущего года, являются Липецкая область (+13 позиций) и Алтайский край (+17 позиций), Республика Мордовия (+6 позиций).

В подрейтинге по уровню развития научных исследований и разработок Республика Мордовия занимает 21 место в России, на 13,5% превышая среднее по стране значение. Такие же значения по показателям этой группы имеют Тюменская (без АО) и Иркутская области, Республика Северная Осетия – Алания и Республика Коми.

В подрейтинге по уровню развития инновационной деятельности Мордовия находится на 6 месте, на 64,4% превышая среднее по стране значение. По этой группе показателей в группу лидеров вошли 16 регионов, значения которых по показателю этой группы были более чем на 40% выше среднероссийского уровня. Опередили Мордовию г. Москва (186,5%), Республика Татарстан (183,7%), г. Санкт-Петербург (177,5%), Нижегородская область (177,3%), Тульская область (165,0%).

В подрейтинге по социально-экономическим условиям инновационной деятельности Мордовия находится на 62 месте. Главная причина – низкий уровень жизни в регионе – проблема, с которой пока не удается справиться.

В подрейтинге по уровню инновационной активности РМ находится на 12 месте, имея показатель в 1,8 раза превышающие среднее по стране значение. В число лидеров (условие – 140% от среднего по стране уровня) входят 20 регионов. 5 первых мест занимают: Республика Татарстан (283,4%), Томская область (250,6%), Республика Башкортостан (246,0%), Новосибирская область (244,6%), г. Москва (240,6%)³.

Итак, опыт небольшого и небогатого приволжского региона Республики Мордовия наглядно показывает, как можно решить проблему обеспечения населения страны продовольствием и сделать из сельскохозяйственной отрасли конкурентоспособное современное производство, формирующее значительную часть валового регионального продукта. Мордовия также показала, как, сохраняя сельскохозяйственную специализацию, добиться высоких рейтинговых позиций в сфере инноваций. Для улучшения инновационного климата в Мордовии необходимо предпринять меры, направленные на повышение доступности Интернета для организаций и населения, ускорение обновления основных средств, стимулирование создания рабочих мест в наукоемких отраслях сферы услуг, увеличение финансирования исследований и разработок, привлечение предпринимателей к финансированию исследований и разработок, повышение заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками, стимулирование создания рабочих мест в организациях, занятых исследованиями и разработками, повышение общественного статуса ученых и престижа исследовательской работы, привлечение в науку высококвалифицированных кадров, имеющих ученые степени, стимулирование изобретательской деятельности, усиление технологической ориентированности региональной стратегии инновационного развития, более активное освещение в СМИ положительного опыта предприятий-инноваторов.

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 175.

² Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2016 / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2017. – С. 12.

³ Там же. – С. 23, 27, 31, 35.

Кузавко А. С.¹

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДНЕПРО-ДВИНСКОГО РЕГИОНА (СМОЛЕНСКОЙ, ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)²

Ключевые слова: Днепро-Двинский регион, пристоличные регионы, российско-белорусское приграничье, последствия интеграции государств.

Keywords: The Dnieper-Dvina region, the capital regions, the Russian-Belarusian border area, the consequences of the integration of states.

Актуальность исследований, рассматривающих вопросы развития приграничных регионов, коррелирует с общегосударственной политикой нивелирования колоссальной социально-экономической дифференциации территорий Российской Федерации, которая сложилась на сегодняшний день. Поиск факторов развития приграничных территорий, в том числе за счёт кооперации с регионами сопредельного государства и роста внешнеторгового оборота, является ключевой задачей как для российских, так и для белорусских властей.

Территориальное устройство России и Беларуси значительно отличается. В отличие от России в Республике Беларусь все шесть областей, сопоставимы по площади, при этом они все граничат с центральной областью – Минской. Таким образом, все регионы равноудалены от центральной области. Каждая область граничит еще с тремя областями республики.

Можно предположить, что регионы Беларуси должны развиваться более равномерно по сравнению с регионами России. Однако социально-экономическое положение регионов и России, и Беларуси неравномерно. Известно, что экономическое развитие регионов зависит от их масштабных характеристик в натуральных единицах (площади, численности населения, природных ресурсов и др.). Можно предположить, что на экономическое положение субъектов влияет также соседство регионов другой страны.

Сегодня актуально рассматривать не отдельные области России, а различные регионы, включающие субъекты нашей страны, а также территории других государств. Данные регионы формируются по территориальному принципу. Например, Балтийский регион включает в себя 9 стран, это отдельные территории Польши, стран Балтии, России, Швеции, Финляндии и др. [1].

Современные исследования показывают, что экономики данных регионов не только связаны, но и имеют общие тенденции развития.

Днепро-Двинский регион включает приграничные области России и Беларуси, в частности Смоленскую, Витебскую и Могилевскую. Этот регион может иметь свои тенденции развития, независимые от конъюнктуры развития образующих его стран.

Для России и других независимых государств постсоветского пространства актуальны вопросы адаптации населения и экономики регионов «нового» и «старого» пограничья к произошедшим геополитическим изменениям. Работы многих российских исследователей посвящены изучению данной проблемы. Так В.А. Колосов уделил в своих работах значительное внимание социально-политическим и инфраструктурным проблемам российского приграничья [4]. Весомый вклад в исследование внешнеэкономической деятельности приграничных регионов постсоветского пространства вносят работы Л.Б. Вардомского. Им подробно изучены экономические параметры развития приграничных регионов России, предпринята попытка их анализа в системе международных экономических отношений. Л.Б. Вардомский выделяет две модели приграничного сотрудничества – институциональную (многоотраслевое сотрудничество с высокой степенью интеграции, закреплённую институционально) и торговую (традиционную) [5]. Он отмечает, что для развитых приграничных регионов характерно преобладание институциональной модели, для российских же регионов нового приграничья свойственно преобладание более узкой торговой модели, что несомненно сказывается на общих тенденциях экономического развития белорусско-российского приграничья.

Представители Сибирской и Дальневосточной школ пространственной экономики изучают становление региональной экономики, ее направлений, особенности пространственной экономики современной России, что отражено в работах П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко [6]; макроэкономическое зонирование России как метод экономического анализа и прогнозирования (Д.С. Вишневецкий, А.Н. Демьяненко) [7]. Московская школа региональной экономики на-

¹ Кузавко Антон Сергеевич – к.э.н., доцент Смоленского государственного университета, директор Ассоциации «Агентство интеграционных инициатив». E-mail: akuzavko@rambler.ru; Сайт: <http://np-aaai.ru/>

² Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-010-01033 «Выявление закономерностей формирования потребительского рынка регионов российско-белорусского приграничья (Смоленской, Витебской и Могилевской областей – Днепро-двинского региона)».

ряду с разработкой теории активно проводит исследования экономических показателей регионов России, этой теме посвящены исследования А.Г Гранберга, Ю.С.Зайцевой [8].

Проблемы сотрудничества приграничных регионов рассматриваются также в работах сотрудников Института экономики Национальной академии наук Беларуси П.Г. Никитенко и Т.С. Вертинской. Ими детально изучено влияние формирования Союзного государства на внешнюю торговлю России и Беларуси [9]. В своих работах Т.С. Вертинская выделяет методы и индикаторы оценки экономической интеграции и связанности приграничных регионов [10]. С.Л. Баринев рассматривает влияние границ на коммуникации населения [11].

Наибольшее число работ по изучению российско-белорусского приграничья проводится А.П. Катровским и Г.В. Ридевским, особенно для смоленско-могилевского участка границы. В одной из публикаций авторов рассмотрено становление российско-белорусского трансграничного региона после заключения Таможенного союза. А.П. Катровский и Г.В. Ридевский впервые приходят к выводу, что приграничные регионы России и Беларуси развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран [12]. Также работы А.П. Катровского описывают особенности современного экономического и социального развития регионов российско-белорусского приграничья. Особое внимание в его работах уделено центр-периферийным отношениям, выявлены ведущие проблемы развития региона, дана оценка перспективам развития российско-белорусского приграничья как единого трансграничного региона.

Большое внимание исследованию трансформации институциональной среды регионов российско-белорусского приграничья уделено в работах К.А. Морачевской. Она рассматривает ключевые последствия государственных интеграционных процессов для экономического развития российско-белорусского приграничья [13]. Раскрыты примеры положительных и отрицательных последствий для различных сфер – внешней торговли, агропромышленного комплекса, малого предпринимательства.

Изучением опыта приграничного сотрудничества, его принципов и анализом транснациональных связей занимается ряд зарубежных учёных. Среди них: М. Лесаж, Ф. Брайоль, Х. Клауд, С. Брахман и др. Так, в частности, С. Брахман в своих работах уделяет внимание вопросам, связанным с перемещением и концентрацией человеческих ресурсов в приграничных регионах Европейского Союза [14].

С. Стиллер и А. Нейбер исследуют влияние интеграционных процессов на развитие приграничных территорий, выявляя и описывая положительные и отрицательные эффекты этого явления [15].

П. де Грауве рассматривает динамику развития регионов европейских государств в рамках построения ЕС, делая вывод о поляризации регионального развития [16]. Д. Ньюман рассматривает политические аспекты взаимодействия регионов, находящихся в разной правовой юрисдикции [17].

П. Чешир и Ж. Дюрантон говорят об актуализации исследований в области региональной экономики в последние 15 лет не только в Англии, но и во всем мире. Авторы ставят проблему дифференциации показателей экономики крупных городов и небольших населенных пунктов [18].

Таким образом, исследования социально-экономического развития приграничных регионов занимают значимое место в российской и зарубежной научной литературе. Последствия интеграции России и Беларуси рассматриваются во многих статьях российских и белорусских исследователей. Более того, сформулированы преимущества и недостатки этого процесса, требующие дальнейшего осмысления и анализа. Поэтому в рамках данной статьи будет предпринята попытка подвергнуть проверке гипотезу прямо и косвенно следующую из трудов ключевых исследователей российско-белорусской приграничной тематики. Важно проверить действительно ли преимущества от интеграционного процесса получают прежде всего столичные регионы двух государств, а именно Минская и Московская области, которые упрощают перемещение человеческих, финансовых и материальных ресурсов через границу в сторону регионов с более высоким экономическим и социальным потенциалом.

Уровень экономического взаимодействия государств и регионов можно исследовать различными методами. Один из наиболее объективных методов – метод статистических измерений. Анализируя статистику, можно увидеть объективно складывающуюся динамику изменения товарооборота в целом и экспортно-импортных операций в частности. Рост данных показателей во взаимной торговле обычно свидетельствует о благоприятных изменениях в экономической жизни двух государств и увеличении связанности их экономических систем. К сожалению, проблемой статистических измерений в Российской Федерации является отсутствие информации о межрегиональных перемещениях товаров, что не позволяет объективно делать вывод о том, что ввезённая в Смоленскую область продукция из Республики Беларусь была потреблена на территории региона, а не была реэкспортирована в иные субъекты РФ. Также невозможно выделить реальный товарообмен между регионами российско-белорусского приграничья. Доступна лишь статистическая информация, описывающая взаимную торговлю в формате «государство – регион». Например, в статистических ежегодниках Смоленской, Витебской и Могилёвской областей представлена информация о взаимной торговле региона с приграничным государством в целом, без конкретизации по внутриадминистративным единицам и территориям. Поэтому оценку степени кооперации и экономического взаимодействия приграничных регионов России и Беларуси важно дополнять данными, полученными в ходе социологических измерений.

В табл. 1 представлены показатели внешнего товарооборота регионов Республики Беларусь с Российской Федерацией (на основе данных Белстата).

В первую очередь, следует отметить устойчиво отрицательное сальдо торгового баланса Республики Беларусь. Наименьшее отношение сальдо к товарообороту наблюдалось в середине нулевых – 2,2%, в то время как наибольшее 16,0% – в предкризисный период 2010–2011 годов. Сохраняющееся в настоящее время сальдо на уровне 7–8% от товарооборота негативно характеризует перспективы белорусской экономики, что усугубляется закрепившейся динамикой снижения ВВП на 2–3% в год¹. Экономике, имеющей значительную долю государственного сектора, производя-

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – <http://www.belstat.gov.by/>

шей товары, которые не генерируют значительную добавленную стоимость, априори затруднительно сформировать и наработать значительный экспортный потенциал. Кроме того, проблемы в экономике России, ключевого экспортного партнёра, после кризиса 2014–2016 годов не могли не отразиться на белорусском экспорте. Он снизился в 2015 году в сопоставлении с 2013 годом на 38%. Аналогичное, но менее значительное снижение произошло относительно импорта товаров в Беларусь из России. Тем не менее, оптимизм в торгово-экономических отношениях между двумя странами вызывают итоги 2017 года, представленные в табл. 1. Впервые с 2013 года наблюдается рост товарооборота Республики Беларусь на 24% в целом и, в частности, на 23,5% с Российской Федерацией. Во многом это можно связать с оживлением российской экономики и её адаптацией к санкционному давлению. Рост платёжеспособного спроса на потребительские товары в России приводит к росту продаж белорусских товаров на российской территории. При этом если потребительские товары являются основой белорусского экспорта в России, то импортирует Беларусь нефтепродукты и другие минеральные ресурсы для переработки и последующего реэкспорта европейским потребителям. Стабилизация рынка энергоносителей в 2017 году привела к более значительному росту импорта в Беларусь – на 28% относительно 2016 года, в то время как рост экспорта в 2017 году составил 17,2% относительно 2016 года.

Таблица 1

Товарооборот Республики Беларусь с Российской Федерацией

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Внешняя торговля товарами Республики Беларусь (в млн. долларов США)								
Товарооборот	15 972,6	32 687,4	60 167,9	80 225,8	76 582,9	56 951,9	51 147,2	63 446,2
Экспорт	7326,4	15 979,3	25 283,5	37 203,1	36 080,5	26 660,4	23 537,3	29 211,8
Импорт	8646,2	16 708,1	34 884,4	43 022,7	40 502,4	30 291,5	27 609,9	34 234,4
Внешняя торговля товарами Беларуси с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	9314,8	15 834,0	28 034,2	39 742,4	37 371,2	27 541,6	26 254,8	32 424,7
Экспорт	3710,1	5715,8	9953,6	16 837,5	15 181,0	10 398,4	10 948,0	12 830,3
Импорт	5604,7	10 118,2	18 080,6	22 904,9	22 190,2	17 143,2	15 306,8	19 594,4
Внешняя торговля товарами Брестской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	735,7	1827,1	3202,1	4 863,1	4 652,1	3203,9	3 272,2	3907,1
Внешняя торговля товарами Брестской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	405,3	862,0	1545,1	2420,3	2498,2	1 748,4	1 823,9	2122,6
Экспорт	268,4	677,1	1232,6	2012,5	2071,0	1404,0	1460,1	1 690,2
Импорт	136,9	184,9	312,5	407,8	427,2	344,4	363,8	432,4
Внешняя торговля товарами Витебской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	1136,4	3364,2	5240,4	6471,1	6675,6	5036,3	3909,7	4 910,2
Внешняя торговля товарами Витебской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	618,3	1513,4	3686,8	4619,8	3959,4	3555,7	2664,6	2939,1
Экспорт	279,3	476,3	944,8	1430,8	1319,3	929,4	954,2	1 016,5
Импорт	339,0	1037,1	2742,0	3189,0	2640,1	2626,3	1 710,4	1 922,6
Внешняя торговля товарами Гомельской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	2009,4	5051,8	6458,2	9682,8	8908,8	7059,0	6162,1	8275,0
Внешняя торговля товарами Гомельской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	1077,8	1882,8	3973,5	5456,70	4817,00	3692,90	3698,6	5179,2
Экспорт	457	722,8	1293,7	2142,50	1792,60	1 185,90	1211,7	1502,4
Импорт	620,8	1160,0	2679,8	3314,20	3024,40	2507,00	2486,9	3676,8
Внешняя торговля товарами Гродненской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	823,4	1536,0	2972,2	3985,8	3694,7	2890,5	2994,2	3696,9
Внешняя торговля товарами Гродненской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	384,8	629,1	1147,0	1767,6	1668,4	1361,1	1506,0	1869,1
Экспорт	231,7	450,9	868,7	1394,9	1323,4	926,1	951,0	1021,4
Импорт	153,1	178,2	278,3	372,7	345,0	435,0	555,0	847,7
Внешняя торговля товарами г. Минска (в млн. долларов США)								
Товарооборот	5977,9	12 556,0	25 537,8	32 395,4	29 181,9	21 197,8	18 951,5	23 779,7
Внешняя торговля товарами г. Минска с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	3551,7	6607,2	8945,5	13 527,7	12 143,7	8193,8	7927,3	10 165,9
Экспорт	1413,5	1974,0	2652,1	4690,8	3887,0	2514,5	2551,9	3201,6
Импорт	2138,2	4633,2	6293,4	8836,9	8256,7	5679,3	5375,4	6964,3
Внешняя торговля товарами Минской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	1911,6	4840,6	7404,0	12 746,0	13 813,4	10 751,0	9646,8	11 383,2
Внешняя торговля товарами Минской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	850,7	2003,7	2429,3	5054,6	5237,6	3596,1	3629,7	4283
Экспорт	458,9	819,5	1609,6	2810,7	3025,1	2141,4	2380,6	2809,1
Импорт	391,8	1184,2	819,7	2243,9	2212,5	1454,7	1249,1	1473,9
Внешняя торговля товарами Могилёвской области (в млн. долларов США)								
Товарооборот	1 088,8	1 615,6	3 237,1	4 311,5	3 983,7	2 804,0	2 913,4	3 248,0
Внешняя торговля товарами Могилёвской области с Россией (в млн. долларов США)								
Товарооборот	779,8	938	1851,6	2622,2	2378,8	1752,1	1875	2101,9
Экспорт	444,2	547,9	1145,9	1806,4	1675,2	1228,9	1312,3	1412,9
Импорт	335,6	390,1	705,7	815,8	703,6	523,2	562,7	689

Анализ статистических данных свидетельствует о значительной зависимости белорусского экспорта от экономической ситуации в России, а импорта от ситуации на минерально-сырьевом рынке. Учитывая специфику российской экономики, ориентированной на экспорт энергоносителей и зависимость от цен на мировом рынке, можно сделать вывод, что внешняя торговля Республики Беларусь, как и экономика в целом, значительно связаны с Российской Федерацией и находятся в зависимости от неё. При этом в силу несопоставимости экономик Республики Беларусь и Российской Федерации по размерам, масштабам и структуре обратное утверждение будет неверно.

Используя данные таблицы 1, рассмотрим экспортно-импортную ориентацию регионов Республики Беларусь. Если составить рейтинг белорусских регионов по объёмам взаимной торговли с Российской Федерацией в 2017 году, то получим, что город Минск является абсолютным лидером, Гомельская область занимает второе место, при этом в два раза уступая по объёмам торговли. Далее места распределились следующим образом: третье – Минская область, четвёртое – Витебская область, пятое – Брестская область, шестое – Могилёвская область, седьмое – Гродненская область. Такая дифференциация торговых потоков может быть обоснована рядом причин. Во-первых, столичный регион Беларуси является местом регистрации и нахождения ключевых импортёров и экспортёров товаров из Российской Федерации. Несмотря на фактическое перемещение товаров в разных регионах, юридически в статистических данных они будут отображаться как товары, ввезённые в Минск или Минскую область. Во-вторых, именно в Гомельской и Витебской областях находятся крупнейшие в Беларуси нефтеперерабатывающие предприятия, обеспечивающие значительную долю потребления импортируемой из Российской Федерации нефти. Поэтому эти регионы вторые после Минска по импорту товаров из России. В то время как очищенная от нефтяного фактора Могилёвская область, являясь приграничным регионом, импортирует из соседней страны меньше, чем все остальные регионы, за исключением Брестской области.

Среди ключевых регионов Российской Федерации, с которыми взаимодействует Республика Беларусь, выделяются Тюменская область (1 место по импорту в Беларусь в 2017 году), Московская область (1 место по экспорту из Беларуси в 2017 году), г. Москва (2 место по экспорту из Беларуси в 2017 году)¹. По данным «Белстата», Смоленская область занимает 2 место по импорту в Беларусь и 3 место по экспорту из Беларуси по данным за 2017 год. Другие приграничные регионы, по данным за этот же год, имея значительно менее привлекательные инфраструктурные связи с приграничным государством, расположены далеко не на лидирующих позициях: Псковская область – 31 место по экспорту из Беларуси и 47 по импорту в Беларусь; Брянская область – 5 место по экспорту из Беларуси и 17 по импорту в Беларусь. В целом можно констатировать, что экспортируют в Республику Беларусь больше те регионы, которые также успешно работают по другим направлениям международного торгового-экономического сотрудничества, а импортируют из Беларуси регионы с высоким уровнем покупательской способности населения, такие как г. Москва, г. Санкт-Петербург, Татарстан, Краснодарский край и товаропроводящие регионы (Смоленская и Брянская области), осуществляющие реэкспорт белорусских товаров далее по территории страны. Таким образом, скорее не приграничное положение, а уровень развития транспортной, таможенно-логистической инфраструктуры и сформированный внутренний экономический потенциал регионов определяют характер межрегионального взаимодействия внутри Союзного государства.

По данным статистики для Смоленской области Республика Беларусь является ключевым внешнеторговым партнёром. На рис. 1 наглядно показана доля внешнеторговых операций Смоленской области, приходящаяся на соседнюю республику.

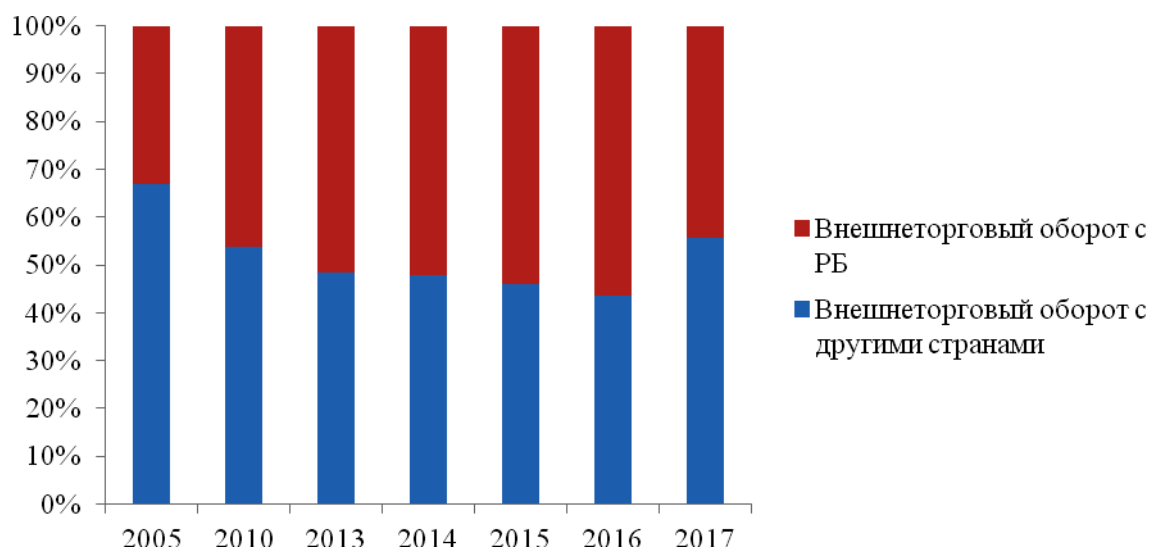

Рисунок 1.
Структура внешнеторгового оборота Смоленской области

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – <http://www.belstat.gov.by/>

В период с 2013 по 2017 год внешнеторговый оборот с Республикой Беларусь составлял для Смоленской области более 50 % и к 2016 году достиг отметки в 56%. Однако по итогам 2017 года резко упал до 44%. По данным Смолстата, произошло снижение как импорта из Беларуси в Смоленскую область, так и экспорта в Беларусь (рис. 2).

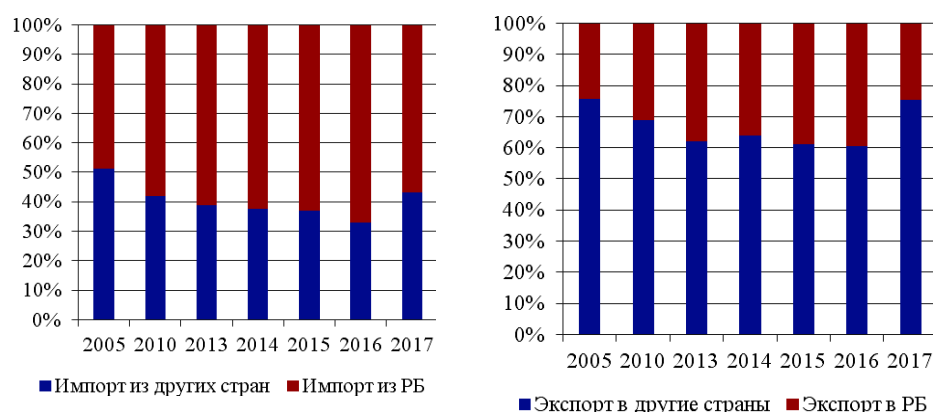

Рисунок 2.
Экспорт и импорт Смоленской области

Основная часть товаров, которые импортирует Смоленская область, приходится на Республику Беларусь. В то время как экспорт Смоленской области в большей степени ориентирован на сотрудничество с иными странами. На протяжении всего анализируемого периода (2005–2017 гг.) основу импортируемых из Беларуси товаров составляют: продовольственные товары и с/х сырьё (от 30 до 44,5% от общего объёма импорта из РБ); машины, оборудование и транспортные средства (от 15,1 до 30,2% от общего объёма импорта из РБ); продукция химической промышленности (от 8,4 до 15,8% от общего объёма импорта из РБ). При этом в последние годы перестал расти объём импорта продуктов питания. Вероятно, белорусские товаропроизводители на смоленском рынке продовольственных товаров заполнили ниши, на которых они могли полностью реализовать ценовое конкурентное преимущество, а ёмкость рынка не увеличивается.

Главными товарами, экспортируемыми Смоленской областью в Республику Беларусь с 2005 по 2017 год, являются: машины, оборудование и транспортные средства (доля этого продукта в экспорте выросла с 20,7% в 2005 г. до 45,5% в 2018 г. от общего объёма экспорта из РБ); металлы и изделия из них (доля этого продукта упала с 50,4% в 2005 г. до 23,4% в 2017 г.); продукция химической промышленности (экспорт данного продукта резко упал в 2017 г. до 5,7% или в 5,5 раза в долларовом эквиваленте относительно 2016 г.); продовольственные товары и с/х сырьё (выросло с 4,8% в 2005 г. до 10,6% в 2017 г.).

Нужно отметить, что статистические данные о перемещении товаров между Российской Федерацией и Республикой Беларусь носят достаточно противоречивый характер. Анализ российских и белорусских статистических источников по казывает значительные расхождения в представленных данных (табл. 2).

Таблица 2

Расхождения данных по экспорту и импорту товаров между Республикой Беларусь и Смоленской областью в статистических источниках (миллионов долларов США)

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Экспорт РБ в Смол. обл. по данным Белстата	1096,4	1022,3	676,5	783,1	1026,7
Импорт в РБ из Смол. обл. по данным Белстата	3867,6	3842,4	3047,1	2878,8	3136,0
Импорт РБ в Смол. обл. по данным Смолстата	1176,0	1167,6	940,6	1001,7	973,9
Экспорт в РБ из Смол. обл. по данным Смолстата	507,4	434,9	347,8	376,1	265,8

Источник: Белстат (статистический сборник «Внешняя торговля Республики Беларусь 2018»); Смолстат (Смоленская область в цифрах 2018: краткий статистический сборник).

Как видно из табл. 2, статистические расхождения в данных по товарообороту между РБ и Смоленской областью значительны. Аналогичная ситуация с данными между республиканской и федеральной статистикой. Можно привести множество возможных причин подобного расхождения, однако это будет не так важно, как понимание того, что нельзя делать выводы о связанности экономики регионов России и Беларуси, основываясь только на данных статистических измерений. Нужна иная объективная информация, которая может помочь оценить уровень кооперации субъектов хозяйствования в приграничных регионах России и Беларуси, а также позволит охарактеризовать бизнес-среду на их территории.

Ключевой региональный показатель экономического развития регионов – ВРП, также был приведён в сопоставимые цены базового года и выражен в %. В некоторых исследованиях для оценки экономического развития регионов и для оценки уровня экономической безопасности используется показатель ВРП на душу населения. В нашем случае, использование данного показателя представляется нецелесообразным. Темпы его роста были бы выше, чем у реального ВРП, так как население РБ и РФ в анализируемый период уменьшалось, а значит, данный относительный показатель увеличивался бы при делении ВРП выраженного в рублях на количество жителей региона.

ВРП, в силу отсутствия данных в официальных статистических сборниках о регионах РБ, был приведён в сопоставимые цены 2008 года. Данные о ВРП регионов Центрального федерального округа РФ (далее ЦФО) присутствуют в официальной статистике с 1995 года.

Рассмотрим темпы роста ВРП в ценах 2008 года для некоторых регионов РБ и РФ. Для сравнительной оценки отобраны приграничные регионы, а также столицы и столичные регионы РБ и РФ (рис. 3).

Результаты расчётов показывают, что наименьшие темпы роста за период с 2008 по 2017 г. продемонстрировал город Москва, индекс составил лишь 95,5%. Это означает, что данный регион не смог достичь уровня 2008 года в сопоставимых ценах. Подтверждается вывод о том, что кризисные явления 2008, 2014 годов в большей степени затронули наиболее развитые регионы РФ. Тем не менее, Московская область показала более солидные результаты, рост реального ВРП составил 21,1%. В регионе были созданы привлекательные условия для инвесторов, также стоимость земли и рабочей силы ниже, чем в Москве. Это стало катализатором роста региона на фоне стагнации столицы РФ.

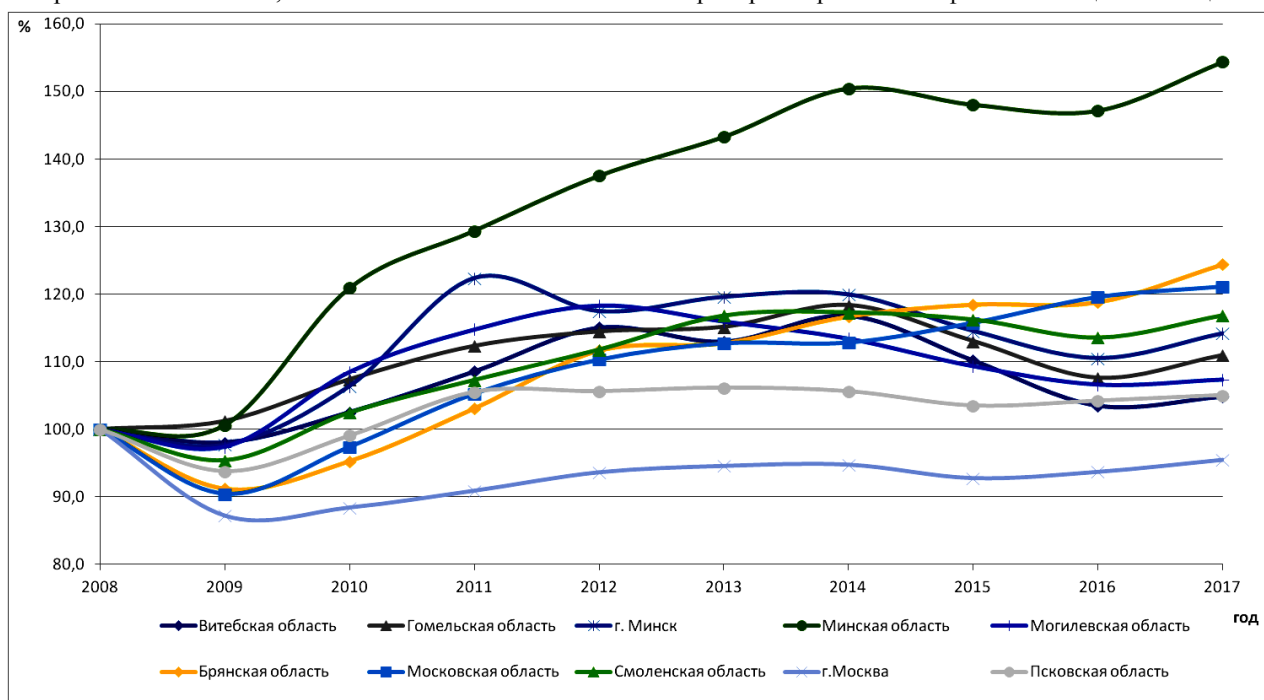

Рисунок 3.
Индексы динамики ВРП регионов России и Беларуси в сопоставимых ценах относительно уровня 2008 г., %

Схожая ситуация и в соотношении темпов роста реального ВРП Минской области и г. Минска. Экономика области показала рост в 54,4% к уровню 2008 года в сопоставимых ценах за рассматриваемый период, в то время как экономика города выросла лишь на 14,2%. В Минской области расположен Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень», предоставляющий особые условия для развития бизнеса в регионе. Среди регионов российско-белорусского приграничья наибольший рост наблюдается в Брянской области 24,4% к уровню 2008 года. В сопоставлении с регионами ДДР Брянская область имеет более благоприятные условия для ведения сельскохозяйственной деятельности, а также граничит помимо Беларуси с Украиной, ухудшение отношений с которой по торгово-экономическому сотрудничеству пошло на пользу регионам российско-украинской границы (рис. 3). Белгородская и Курская области не просто продолжили развитие после событий 2013–2014 года на Украине, но и ускорили темпы роста. В итоге, к 2017 году они выросли в сопоставимых ценах 2008 года на 52,6 и 33,9% соответственно. Воронежская область, имеющая меньший по протяженности участок российско-украинской границы, и находящийся на значительном удалении от неё г. Воронеж показала рост в 34,1%.

Наилучшие показатели по динамике ВРП за 2008-2017 годы показали Московская (РФ), Минская (РБ), Белгородская (РФ), Тамбовская (РФ), Гродненская (РБ), Воронежская (РФ), Курская (РФ), Брестская области (РФ). Первые два региона нарастили показатель благодаря выводу ряда производственных площадей из столицы для уменьшения себестоимости производства, при сохранении инфраструктурной доступности к рынку сбыта. Остальные регионы развивались за счёт роста производства в сельскохозяйственной и пищевой отрасли, составляющих вертикально-интегрированную структуру. Регионы ДДР существенно не изменили долю промышленности в структуре ВРП. При этом в Смоленской области уменьшилась доля сельского хозяйства, и увеличилась доля торговли. В Смоленской и Витебской областях развивались транспортная и телекоммуникационная отрасли. Также в ДДР развиваются отрасли услуг, относимые к различным видам экономической деятельности без чёткой специализации.

Появление новых предприятий в Смоленской области не приводит к значительному росту ВРП. В основном приходят крупные федеральные игроки, являющиеся резидентами Московского региона, следовательно, основная часть налоговых поступлений не попадает в региональный бюджет.

Таким образом, можно выделить факторы регионального развития за рассмотренный период с 1992 по 2017 год, характерные для РФ и РБ:

1. Географическое положение региона в проекции север-юг.
2. Удалённость от столичного региона.
3. Эффективность регионального администрирования.
4. Эффективность коммуникаций с федеральными министерствами.
5. Привлекательность институциональной среды для работы отечественных и зарубежных инвесторов и др.

Для регионов ДДР, при условии реализации указанных выше факторов, интеграция РБ и РФ, а также их транзитность и межстоличность, не будет приводить к снижению темпов развития, а будет провоцировать структурные изменения в экономике. Экономические агенты стремятся развивать новые виды экономической деятельности и занимать ниши, сформировавшиеся в результате интеграции.

Список литературы

1. Федоров Г.М., Корнеев В.С. Экономическое развитие стран Балтийского региона в 1990–2007 годах. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – 92 с.
2. Baburin V.L., Zemtsov S.P., Kidyava V.M. Methodology of Evaluating the Potential of the Economic-geographical Position of Russia's Towns // Vestnik Moskovskogo Unviersiteta. Ser. Geografiya. 2016. – № 1. – С. 39–45.
3. Бабурин В.Л. Устойчивость экономик стран Большого Балтийского региона к циклам конъюнктуры // Балтийский регион. 2019. – Т. 11, № 1. – С. 4–13. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-1.
4. Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Ч. 2. Глядя на Восток // Полис. – М., 2018. – № 5. – С. 57–69. doi: 10.17976/jpps/2018.05.06.
5. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
6. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
7. Вишневецкий Д.С., Демьяненко А.Н. Дальний Восток России: макроэкономическое зонирование // Известия Русского географического общества. – М., 2011. – Т. 143, № 4. – С. 1–11.
8. Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Межрегиональные сопоставления валового регионального продукта Российской Федерации: методологические подходы и экспериментальные расчеты // Вопросы статистики. – М., 2012. – № 2. – С. 3.
9. Никитенко П.Г., Вертинская Т.С. Белорусско-российское приграничное сотрудничество как фактор формирования Союзного государства Беларуси и России // Неприкосновенный запас. 2006. – № 3. – С. 86–99.
10. Вертинская Т.С. Межрегиональные связи Беларуси со странами-членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. – Т. 1, № 191. – С. 17–20.
11. Баринов С.Л. Социокультурные аспекты приграничной коммуникации населения России и Беларуси в контексте нового этапа постсоветской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2013. – № 4 (21). – С. 97–113.
12. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор российско-белорусского трансграничного региона // Региональные исследования. 2013. – № 3. – С. 128–136.
13. Морачевская К.А. Влияние государственных интеграционных процессов на развитие российско-белорусского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография / Под ред. Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. – Курск, 2017. – С. 267–274.
14. Brakman St., Garretsen H., Van Marrewijk Ch., Oumer F. The Border Population Effects of EU Integration // Journal of Regional Science. 2012. – Vol. 52, N 1. – P. 40–59. doi: 10.1111/j.1467-9787.2011.00752.x.
15. Niebuhr A., Stiller S. Integration Effects in Border Regions: a Survey of Economic Theory and Empirical Studies. – Hamburg, 2002. – 30 p. – <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf>
16. Grauwe P. Design Failures in the Eurozone: Can they be fixed? LSE 'Europe in Question' Discussion. // Paper Series LEQS Paper № 57/2013. – 35 p. – <http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/LEQS%20Discussion%20Paper%20Series/LEQSPaper57.pdf>
17. Newman D. Contemporary Research Agendas in Border Studies: an Overview // Ashgate Research Companion to Border Studies. 2011. – P. 33–47.
18. Cheshire P., Duranton G. Recent Developments in Urban and Regional Economics. 2014. – https://www.researchgate.net/publication/30527211_Recent_developments_in_urban_and_regional_economics

*Лойко А.И.*¹

АНАЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: регион, Беларусь, Россия, модель, экономика, интерес.

Keywords: region, Belarus, Russia, model, economy, interest.

Сотрудничество регионов Беларуси и России имеет уже давнюю историю. Основные его этапы освещены в изданиях под рубрикой «Информационно-интеграционный проект». Первые итоги сотрудничества регионов Беларуси и России были подведены в 2010 г.² В этом издании была описана инфраструктура сотрудничества в виде побратимских связей между городами, деятельность Советов делового сотрудничества, роль отделений Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. Аналитики видели главную задачу сотрудничества регионов Беларуси и России в сохранении объемов экономических соглашений. Мировой экономической кризис повлиял в долларовом эквиваленте на показатели товарооборота в рамках Союзного государства.

В 2016 г. был представлен аналитический обзор взаимодействия регионов Беларуси и России в рамках анализа ухудшившейся экономической конъюнктуры мирового рынка, кризиса экономической парадигмы глобализации³. К этому времени сотрудничество регионов Беларуси и России вышло за пределы поставок товаров. В продолжение этих поставок открыты дилерские центры сервисного обслуживания продукции. Широко используются региональные выставки продукции. Системный характер сотрудничеству придали торгово-промышленные палаты. Их взаимодействие регулирует соглашение о сотрудничестве от 17 октября 1996 г.

Создан механизм содействия развитию прямых контактов предприятий и территориальных палат. Упорядочены вопросы сотрудничества в области арбитража, патентования изобретений, охраны промышленной собственности, обмена экономической и правовой информацией, реализации совместных мер по привлечению к сотрудничеству предпринимательских структур сторон, малых и средних фирм и предприятий.

Подписаны соглашения между пятьюдесятью территориальными палатами России и Белорусской торгово-промышленной палатой и ее отделениями. Особенно активны торгово-промышленные палаты Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Смоленска, Брянска, Ставрополя, Хабаровска, Татарстана и Башкортостана.

Торгово-промышленные палаты Беларуси и России взаимодействуют в рамках деятельности Консультативного совета руководителей торгово-промышленных палат государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также Совета руководителей торгово-промышленных палат государств-участников СНГ. Образован Российско-Белорусский деловой совет. На его основе создана постоянно действующая платформа сотрудничества.

В 2018 г. подведен итог еще одного этапа сотрудничества регионов Беларуси и России. Итоги подведены на заседании Совета делового сотрудничества V Форума регионов Беларуси и России в Могилеве. Заседание Совета делового сотрудничества в рамках Форума регионов было организовано впервые. Итоги совместных усилий Белорусской торгово-промышленной палаты и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации выразились в контрактах на сумму в 335 млн. долларов.

Отделения Белорусской торгово-промышленной палаты в сотрудничестве с регионами Российской Федерации опираются на потенциал свободных экономических зон. В Беларуси в этих зонах зарегистрировано 409 организаций, в которых работают более 121 тыс. человек (3,5% от среднесписочной численности работников по республике). Функционирует шесть свободных экономических зон:

«Брест» (создана в 1996 г.) – 75 резидентов, 21 260 работников;

«Гомель-Ратон» (1998) – 75 резидентов, 26 717 работников;

«Минск» (1998) – 117 резидентов, 22 404 работника;

«Витебск» (1999) – 38 резидентов, 10 662 работника;

«Могилев» (2002) – 36 резидентов, 23 316 работников;

«Гродноинвест» (2002) – 68 резидентов, 17 019 работников.

В этих зонах сосредоточена обрабатывающая промышленность, торговля, деятельность в сфере операций с недвижимым имуществом, транспортная деятельность, профессиональная, научная и техническая деятельность. Доля

¹ Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет (Минск). E-mail: alexander.loiko@tut.by

² Беларусь-Россия: сотрудничество регионов: информационно-интеграционный проект. – Минск, 2010.

³ Взаимодействие регионов: Союзное государство – локомотив евразийской интеграции: информационно-интеграционный проект. – Минск, 2016.

резидентов свободных экономических зон в макроэкономических показателях Беларуси в 2018 г. составила 12,3% объема промышленного производства, 8% инвестиций в основной капитал, 14,9% экспорта товаров.

Приоритетом в формировании сотрудничества регионов Беларуси и России является промышленная кооперация, сложившаяся еще в период советской экономики, поскольку преследует цель сохранить созданную тогда логику промышленной кооперации и взаимных поставок. В этой кооперации задействованы трудовые ресурсы обоих государств.

В Брянске в ноябре 2018 г. впервые прошел Форум приграничных территорий по законодательному обеспечению делового сотрудничества. Ранее в Брянске впервые состоялись парламентские слушания Парламентского Собрания Союза Беларуси и России в рамках 53-й сессии по обеспечению делового сотрудничества приграничных территорий России и Беларуси.

Беларусь и Брянская область граничат географически. В 2018 г. товарооборот составил более 438 млн. долларов. Успешно работают совместные российско-белорусские предприятия – «Брянсксельмаш», «Амкодор-Брянск». Они производят навесную агрегатную технику для растениеводства и дорожную технику.

На этой основе реализуется инвестиционный проект стоимостью более 400 млн. рублей по производству зерноуборочных комбайнов. Комбайны предлагаются покупателям через 60 дилерских центров, расположенных на территории Российской Федерации. Они продаются по программе «Росагролизинга», экспортируются за рубеж.

На базе «Амкодор-Брянск» сформирован крупнейший в Российской Федерации региональный склад запасных частей. По итогам VII Славянского международного экономического форума, реализуется инвестиционный проект по организации сборочного производства спецтехники на сумму более 850 млн. рублей. В 2018 г. предприятиями Брянска приобретено более 50 единиц тракторов производства «МТЗ».

Межрегиональная кооперация входит в коммерческую составляющую деятельности медиа-холдинговых структур. В первую очередь, это видно по рекламе выставок, где фокусируются интересы бизнеса, государственных структур, а также самих информационных структур, заинтересованных в максимальной востребованности их услуг¹.

В условиях дигитализации всех сфер деятельности происходит трансформация региональных медиа систем, социальных сред взаимодействия медиа-институтов между собой. Это взаимодействие характеризуется процессами конвергенции ранее не совместимых технологий и форм деятельности. Это сказывается на особенностях профессиональной деятельности медиа-сообществ, особенно в части производства и распространения медиа-продуктов и медиа-услуг.

Сайты региональных газет трансформировались в полноценные региональные медиа-порталы. Региональные газеты стали базовыми структурами для формирования новостных медиа. В такой же динамике трансформаций находится региональное телевидение (телевизионные каналы) и радиостанции.

Происходит формирование региональных медиа-кластеров в виде предприятий информационно-коммуникативной индустрии. Региональные газеты определяют развитие медиа-систем. Социологические опросы показывают, что они оказывают значительное влияние на принятие решений местными властями².

Телевизионный канал «Мир» стал важным источником информации о сотрудничестве Беларуси и России. Региональное телевидение получило уникальную возможность обмена опытом в рамках фестиваля региональных телекомпаний Беларуси и России «Образ времени» и международного телевизионного фестиваля «ТЭФИ – Содружество»³.

Историко-культурную основу сотрудничества регионов Беларуси и России обеспечивают исследования ученых обоих государств на уровне региональных проектов. Так, в Карелии реализован уникальный проект по изучению переселенческой динамики этнических белорусов в регионе и особенностям их интеграции в структуры местного общества. Итоги исследований публиковались как в Беларуси, так и в Карелии.

Условия для миграции этнических белорусов в Карелию создали итоги советско-финской войны 1939–1940 гг. От Финляндии к СССР отошло более 11% процентов ее территории. Находившиеся на этой территории финны мигрировали в пределы Финляндии. Карелы остались, но они были малочисленны, и они не могли обеспечить трудовыми ресурсами промышленность Карело-Финской ССР.

Руководством СССР была разработана социальная программа формирования трудовых ресурсов Карело-Финской ССР. Одним из источников пополнения трудовых ресурсов республики стала БССР. Переселенческая активность этнических белорусов пришлась на 40–60-е гг. XX столетия. К концу 50-х гг. в КАССР проживало около 72 тысяч этнических белорусов (11% населения республики)⁴. В 70-х гг. XX столетия ситуация изменилась. БССР стала территорией индустриальной инфраструктуры. Отток населения прекратился. Начался возврат белорусского населения из других регионов СССР. Энтузиазм сменился желанием вернуться к родным местам. Одной из причин были трудности, созданные переселенцам местными властями. Они их не столько специально создавали, сколько не занимались важными для переселенцев вопросами обеспечения их жильем, воспроизводства привычного образа жизни в виде приусадебных участков, лугов для выпаса домашнего скота.

¹ Хмелев А. Единое информационное пространство Республики Беларусь и Российской Федерации для современных СМИ // Международная журналистика. – 2019. – Минск, 2019. – С. 311–314.

² Кунахаец-Плявака А. Журналіст раённага выдання: вопыт сацыялагічнага даследавання // Журналістыка–2017: стан, праблемы і перспектывы. – Мінск, 2017. – С. 52–56.

³ Булацкий В. Новые возможности регионального телевидения // Журналістыка–2017. – Мінск, 2017. – С. 96–97.

⁴ Илюха О.Л., Литвин Ю.В., Пвшкин И.А. Белорусы в Карелии: итоги изучения этнической группы // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Эканоміка. Сацыялогія. Права. 2016. – № 1. – С. 40–50.

О доминанте социальных, а не этнических причин проблем и жалоб свидетельствуют архивные документы. Они систематизированы белорусскими и российскими исследователями в рамках совместного проекта «Белорусская диаспора в Карелии: формирование и процессы интеграции (сер. XX – нач. XXI вв.)». По итогам исследований издан сборник научных статей¹. Проблемы, с которыми столкнулись переселенцы на примере города Сортавалы, рассмотрены С.Г. Веригиным².

Межэтнический аспект контактов белорусов и карелов меньше обсуждается, поскольку он не создавал конфликтной ситуации. Обе этнические группы демонстрировали толерантность, которая базировалась на схожести некоторых черт, связанных с уважением индивидуальных особенностей друг друга.

Важным объединяющим фактором была культура природы в образе леса. Белорусы, как и карелы, много времени проводили на природе. Они хорошо знали особенности леса. Легко было той части белорусской диаспоры, которая географически происходила из северных регионов Беларуси. Их называют краем озер и рек. Лес здесь во многом напоминает тайгу. Об этом свидетельствуют лесные растения и животные.

Карелия является страной озер и рек, что было очень важным для адаптации переселенцев из Беларуси. Как в Беларуси, так и в Карелии, важную роль играет деревянное зодчество. Судя по тому, что этнические белорусы остаются третьей по численности группой населения Карелии, эта лесная страна им понравилась и была воспринята как идентичная их образу жизни в северных регионах Беларуси. Белорусы сохраняют этнокультурные особенности. Функционирует общество белорусской культуры «Крыніца».

Этническая представленность белорусов в Карелии является одним из факторов регионального сотрудничества. 13 декабря 2018 г. состоялся визит делегации Карелии в Республику Беларусь. Руководителем республики Карелия является А. Парфенчиков. Его отец родом из Беларуси. Приехал работать в лесную отрасль Карелии и остался в республике. Лесная отрасль продолжает оставаться одной из ключевых для сотрудничества. Обсуждался проект создания совместного производства лесозаготовительной техники «Амкодор». Горнодобывающей отрасли Карелии нужна карьерная техника, производством которой занимается БЕЛАЗ (г. Жодино Минской области).

Широкий спектр промышленного регионального сотрудничества интегрирован с исследовательскими проектами. Они имеют широкий диапазон гуманитарных и технических задач. Белорусы в Карелии адаптировались к близкой им по климату природе и активно участвуют в развитии республики.

Таким образом, в последние десятилетия сотрудничество регионов Беларуси и России приобрело комплексный характер. Его показатели не всегда можно измерить в долларовом эквиваленте. Задача аналитики заключается в рассмотрении не только цифровой статистики, но и качественных форм институционального и информационного обеспечения сотрудничества регионов. Именно в этом контексте и написана настоящая статья. Она дополняет картину сотрудничества регионов Беларуси и России³.

Информационному пространству сотрудничества регионов Беларуси и России необходимо исходить из приоритетов исторической традиции сотрудничества братских народов и тенденций необходимости усиления мер информационной безопасности в условиях цифровой экономики и необходимости интеграции институтов права в рамках Союзного государства.

¹ Белорусы в Карелии (середина XX – начало XXI вв.) сборник научных статей. – Минск: БГУ, 2016.

² Веригин С.Г. Заселение и экономическое освоение г. Сортавала и его окрестностей в 1940–1941 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. – № 7. – С. 42–48.

³ Лойко А.И. Регионы Беларуси и России: Модели экономического сотрудничества // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 2. – С. 615–616.

Лойко Л.Е.¹

БРЕНД ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРС СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: история, память, личность, регион, Беларусь, Россия, культура.

Keywords: history, memory, personality, region, Belarus, Russia, culture.

Современное пространство ресурсов сотрудничества регионов наряду с экономическим брендом включает и социокультурные основания. Значительным потенциалом среди них обладает бренд личности (Personal Brand). Исторически представители интеллигенции Беларуси и России в различных видах деятельности связали своими биографиями регионы обоих государств.

Тема биографического ресурса сотрудничества актуальна. Ее исследование активизировалось в процессе создания Союзного государства. Одной из первых в научную литературу вошла биография монаха Симеона Полоцкого (1629–1680). Его полное светское имя – Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович. С его деятельностью связывают начало формирования социокультурной основы сотрудничества Беларуси и России.

С. Полоцкий родился в Полоцке в семье купца. Образование получил в братской школе родного города, окончил знаменитую Киево-Могилянскую академию, учился также в Виленской иезуитской академии – первом высшем учебном заведении в Великом княжестве Литовском. Владел латинским, церковнославянским, польским языками; писал на них стихи, речи, проповеди, научные работы. Во время нахождения в Полоцке царя Алексея Михайловича (1656) С. Полоцкий приветствовал его хвалебными стихами («Полоцкие метры») в исполнении своих учеников. Получил заказ на цикл панегирических стихов («Витебские метры»), которые озвучил в Москве (1660), которую посетил с целью найти поддержку в защите православного населения Беларуси от иезуитов.

По убеждению С. Полоцкий был сторонником союза белорусского и русского народов, что стало причиной преследований со стороны властей Речи Посполитой и эмиграции в Москву (1664). Здесь он воспитывал и обучал царских детей, открыл в Кремле типографию (1678), написал много полемических, религиозных, философских трудов. Значительную часть творчества составляла и поэзия. В этом жанре литературы С. Полоцкий считается одним из основоположников русского поэтического творчества.

С. Полоцкий принял участие в создании системы образования для служащих (подьячих). По царскому поручению сформировал концепцию высшего образования в Московском государстве в форме проекта устава Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. В проекте предполагалось преподавание обширного круга дисциплин, сословное равенство обучающихся, ориентация на подготовку кадров и для духовной, и для светской деятельности. Реализована эта концепция была уже после смерти ее автора.

Из написанных в московский период жизни С. Полоцким книг исследователями выделяются:

«Жезл правления»;

«Букварь языка славянского», включающий тексты Библии, православного катехизиса и молитвы;

«Псалтырь Рифмотворная», составленная на основе библейской книги гимнов и песен;

сборники поэзии – «Вертоград многоцветный», «Рифмологион, или Стихослов» и цикл стихов под названием «Френы, или Плачи» на смерть царицы Марии Ильиничны, две комедии – «Притчи о Блудном сыне» и «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трехотроце в печи не сожженных».

После смерти С. Полоцкого его лучшие проповеди были изданы в двух сборниках – «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683). В целом его сочинения оказали влияние на развитие русского литературного языка. Под его влиянием обнаружил интерес к поэзии и Михайло Ломоносов.

В 2017 г. Союзное государство обеспечило издание книги «Симеон Полоцкий. Орел Российский». Это факсимильное издание геральдической поэмы, созданной мыслителем по случаю официального объявления наследником царя Алексея Михайловича его сына, царевича Алексея. Важную роль в реализации этого проекта сыграла главный научный сотрудник Института мировой литературы имени Горького РАН доктор филологических наук Лидия Сазонова.

«Орел Российский» создан С. Полоцким в стиле барокко². Текст организован как картина, на которой присутствуют изображение Герба России на фоне Солнца, солнечный зодиак и стихотворение в форме сердца. Поэма состоит из двух частей. Первая посвящена прославлению царя Алексея Михайловича и России. Алексей Михайлович метафорически представлен как «Царь Солнце». Вторая часть текста адресована царевичу Алексею. В ней делается поучи-

¹ Лойко Лариса Егоровна – к.филос.н., доцент, кафедра философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь, Минск. E-mail: larisa.loiko@tut.by

² Полоцкий С. Орел Российский. – М., 2015.

тельный акцент – чтобы стать Царем Солнце, нужно пройти вдоль годового течения небесного светила и получить важные для правителя навыки. Знаки зодиака на страницах рукописной поэмы выступают аллегорией моральных качеств. Проходя через знак Овна, царевич должен научиться смирению, через знак Быка – трудолюбию. Орел Российский на фоне Солнца является символом государя Алексея Михайловича и его страны.

С. Полоцкий прожил в Москве 16 лет. Похоронен в Заиконоспасском монастыре. Он является крупным церковным и культурным деятелем Беларуси и России XVII столетия.

Заданный союзными учеными параметр бренда личности нашел отражение и в журналистике. Сивова Т. на примере гродненского региона Беларуси рассмотрела потенциал бренда личности на основе биографии Леона Бакста¹. Это известный художник, который родился в Гродно. Затем его жизнь была связана с Санкт-Петербургом, где он получил образование и сам преподавал. Среди его учеников был М. Шагал, который представляет витебский регион Беларуси. Из этого же региона в Санкт-Петербург прибыли Н. Лосский и Л. Петражицкий.

Н. Лосский стал известным философом. Он преподавал в Санкт-Петербурге. Внес существенный вклад в популяризацию русской философии за рубежом. Л. Петражицкий также стал известным ученым, оказавшим влияние на юридическую науку в России.

Витебск и Санкт-Петербург связала уникальная ситуация социокультурного бренда, связанная с нахождением в окрестностях Витебска И. Репина. Он приобрел здесь усадьбу и поддерживал тесные контакты с художниками Витебска. Оказал влияние на становление витебской художественной школы, на базе которой с участием М. Шагала возникла атмосфера региональной культуры на пограничье Беларуси и России. В Витебске было открыто художественное училище, один из филиалов которого находился в Смоленске. М. Шагал пригласил в Витебск К. Малевича.

В годы проживания в Витебске (1919–1922) К. Малевич преподавал в Народной художественной школе, преобразованной затем в Художественно-практический институт. Здесь художник написал программный документ русского художественного авангарда – «Супрематизм. Мир как беспредметность» (1922) и создал художественное объединение – «Утвердители нового искусства» (УНОВИС). Утверждению новой методологии и реализации супрематизма посвятили свое творчество такие художники и архитекторы как Лазарь Лисицкий, Лазарь Хидекель, Илья Чашник, Нина Коган. После Витебска К. Малевич занимал пост директора Петербургского государственного института художественной культуры (Гинхук). Был членом Объединения современных архитекторов (ОСА).

Еще одним связующим звеном между витебским регионом Беларуси и северо-западным регионом России стал выдающийся культуролог и теоретик искусства М.М. Бахтин. Он родился в Орле. С 1918 г. находился в пределах Витебской губернии, в городах которой ему удалось объединить и актуализировать уникальные интеллектуальные ресурсы, в последующем сконцентрировавшиеся в Петербурге (Ленинграде). Среди этих личностей – М.И. Каган, Л.В. Пумпянский, В.Н. Волошинов, М.В. Юдина, Б.М. Зубакин.

В период проживания в Витебске (1920–1924) М.М. Бахтин установил интеллектуальные контакты с мэром города – П.Н. Медведевым, открывшим в 1918 г. Витебский Народный (Пролетарский) университет. В городе произошло становление М.М. Бахтина как философа.

Связь регионов Беларуси и России на основе феномена М.М. Бахтина долгие годы поддерживал Н.А. Паньков, преподававший в 1982–1998 гг. зарубежную литературу в Витебском государственном педагогическом институте им. П.М. Машерова. С 1992 г. в Витебске издавался ежеквартальный научный журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», а также «Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М.М. Бахтина». Здесь также проводились научные международные «Бахтинские чтения» (1995, 1996, 1998).

Пример социокультурного ресурса во взаимоотношениях витебского региона Беларуси и регионов Сибири дает биография И. Черского. В результате ссылки этот уроженец Витебской губернии оказался одним из основных исследователей труднодоступных горных регионов Восточной Сибири. В его честь назван горный хребет.

Еще один фундамент для сотрудничества регионов Беларуси и регионов Сибири создал уроженец Гродненской губернии А.А. Дунин-Горкавич. В 1890 г. он был направлен в Сибирь, где возглавил Самаровское лесничество Тобольской губернии. Это назначение дало А.А. Дунину-Горкавичу возможность междисциплинарных исследований Западной Сибири в бассейне реки Оби. В сферу его интересов вошла лингвистическая тематика и фольклор коренного населения Югры, поскольку контакты с местным населением требовали анализа различий и общих черт в языковой коммуникации населения. Он сформулировал многие проблемы лесного хозяйства.

А.А. Дунин-Горкавич стал известным краеведом. Им пройдено пятьдесят тысяч километров. Под его руководством была составлена подробная карта огромного региона с особенностями природы и культуры местного населения². Географические карты региона стали уникальным источником информации о населенных пунктах, рыболовецких угодьях, оленеводческих хозяйствах, водных путях. Они были высоко оценены Императорским Русским географическим обществом, которое наградило А.А. Дунина-Горкавича Малой золотой медалью.

Результаты исследований были изложены А.А. Дуниным-Горкавичем в фундаментальном научном труде «Тобольский Север». Он состоит из трех томов. Одно из центральных мест в нем занимает описание этнографических особенностей народов Югры³. Информационную основу для анализа этнографического материала составила перепись населения. А.А. Дунин-Горкавич был одним из активных участников ее проведения в Сургутском округе. По итогам

¹ Сивова Т. Гродненский регион в отражении бренда (на материале газеты «Вечерний Гродно») // *Стылістыка: мова, маўленне і тэкст.* – Мінск, 2017. – С. 117–127.

² Белобородов В.К., Пуртова Т.В. Ученые и краеведы Югры: библиографический словарь. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 352 с.

³ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – Тобольск: Губернская типография, 1911. Т. 3. – 280 с.

этой большой работы он был награжден Бронзовой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 году».

А.А. Дунин-Горкавич собрал уникальный этнографический материал о культуре остяков (хантов), вогулов (манси), самоедов (ненцев), зырян (коми). Он владел языками ханты и ненцев. Это позволило ему осуществить уникальное издание «Русско-остяцко-самоедского словаря» (1910)¹.

Всего А.А. Дуниным-Горкавичем написано около семидесяти научных работ по истории, географии, экономике, этнографии Северо-Западной Сибири. Их сопровождают картографические материалы, комплекты фотографий, рисунков и чертежей. Они хранятся в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Научные труды не остались без внимания Императорского Русского географического общества. Их автор удостоен Большой серебряной медали имени Н.М. Пржевальского, награжден дипломами и почетными грамотами все российских сельскохозяйственных, торгово-промышленных и кустарно-промысловых выставок. Президиум Академии наук СССР зачислил А.А. Дунина-Горкавича в категорию ученых союзного значения и установил пожизненную персональную пенсию. Умер А.А. Дунин-Горкавич в Тобольске в 1927 г.

Исследования А.А. Дунина-Горкавича сформировали практическую основу для принятия решения о создании Ханты-Мансийского автономного округа в составе Российской Федерации.

Социокультурные основы сотрудничества гродненского региона Беларуси с Республикой Татарстан заложены А.А. Маковельским – известным исследователем античной философии, заложившим основы изучения философии тюркских народов, в число которых входят татары. Он получил высшее образование в университете Казани в начале XX столетия и там же ему предложили остаться на преподавательскую работу. Университет направил его в Германию – в Берлин для подготовки монографии по античной философии. Это поручение он успешно выполнил, что продемонстрировал в опубликованных монографиях и в лекционных курсах. В последующем А.А. Маковельский посвятил свои усилия развитию академической и вузовской науки в Азербайджане.

Регионы Центральной России с регионами Беларуси роднит и биография известного белорусского поэта, одного из создателей литературного белорусского языка – Максима Богдановича (1891–1917). В связи с изменениями места службы его отца – Адама Богдановича, семья в разные годы проживала в Минске, Гродно, Нижнем Новгороде, Ярославле. В Нижнем Новгороде отец поддерживал дружеские отношения с Максимом Горьким. Под его влиянием у М. Богдановича сформировался интерес к литературе. В Ярославле он учился в Демидовском юридическом лицее. Сотрудничал с ярославской газетой «Голос». Переводил на белорусский язык стихи Овидия, Горация, Поля Верлена.

Таким образом, социокультурный бренд личности играет важную роль в сохранении и развитии сотрудничества регионов Беларуси и России. Этот потенциал используется еще не в полную силу, он требует дальнейших исследований и популяризации.

¹ Дунин-Горкавич А.А. Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов. – Тобольск, 1910. – 58 с.

Попкова Л.И.¹

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, российско-украинское приграничье, трансформация, демография, расселение, пограничные переходы.

Keywords: socio-economic space, Russian-Ukrainian border area, transformation, demography, resettlement, border crossings.

Актуальность темы представленной работы обусловлена трансформационными процессами, происходящими на российско-украинском приграничном пространстве после 2014 года. Вектор взаимоотношений между Россией и Украиной кардинально изменился. Характер, скорость и масштаб наблюдающихся изменений обусловили важность выявления влияния новых геополитических вызовов на социально-экономическое развитие этих территорий [2].

Особенно ярко эти изменения сказались на транспортно-расселенческой ситуации, и проявились не только в непосредственном приграничье, но и на значительном удалении от него. За последние годы резко возросла барьерность границы [3]. Сократились, а в ряде случаев прекратились контакты между населением приграничных стран. Кардинально изменилась транспортная ситуация. Существенно снизился грузо- и пассажирооборот между странами. Изменилась конфигурация транспортной сети. На большинстве участков прекратилось пригородное сообщение, перестали действовать многие пограничные переходы. Усилилась асимметрия трансграничных перемещений людей и грузов. Изменились условия, объём и структура внешней торговли. Существенно снизилась численность населения приграничных поселений. Изменился объём, интенсивность и направленность миграций. Усилились диспропорции в уровне показателей социально-экономического развития приграничных территорий [1].

Российско-украинское приграничное пространство рассматривается нами как территория пересечения и взаимопроникновения множественных связей на различных иерархических уровнях [5]. Ключевыми отношениями в любом приграничье выступают межгосударственные, поскольку именно они выполняют функции границеобразующих. Исходя из этого, на каждом более низком территориальном иерархическом уровне формируется своя система взаимоотношений:

- между приграничным районом и его областным административным центром;
- между приграничными районами одной страны, что обусловлено сходством решаемых проблем, обменом опытом взаимодействия и пр.;
- между приграничными районами соседних стран, что позволяет реализовывать интеграционный (в ряде случаев, дезинтеграционный) потенциал [5].

В каждой из этих систем взаимосвязей наиболее продуктивен компаративистский анализа наиболее значимых для данного иерархического уровня показателей. Основными направлениями для сравнения социально-экономической ситуации в российско-украинском приграничье выбраны: первое и наиболее существенное в геополитическом плане, – анализ демографических, экзистенциальных, экономических, инфраструктурных показателей по обе стороны от государственной границы. Это направление представляется более фундаментальным, отражающим влияние государственной политики на благосостояние жителей приграничья и на территориальную организацию местности [6].

Второе направление отражает влияние на приграничные территории, так же как и на любые другие, традиционной сложившейся в общественной географии триады факторов: природного, исторического и социально-экономического. Это придаёт исследованию приграничья системность и комплексность, притормаживает действие политических вызовов, консервирует традиционный уклад жизни, обычаи и традиции населения, позволяет подтвердить или опровергнуть основные тренды социально-экономического развития, сложившиеся в процессе заселения и освоения территории.

Рассмотрим эти два основных, выделенных нами направления на примере российско-украинского приграничья. Исторически в течение длительного времени современное российско-украинское приграничье развивалось в пределах одного государства. Следовательно, до начала 90-х годов XX века действие геополитического фактора было практически исключено. После распада советского государства в российско-украинских взаимоотношениях выделяются две хронологически чётко обозначенные точки бифуркации: первая связана собственно с распадом союзного государства в 1991 году, вторая – с украинскими событиями 2014 года [7].

Реализация возможностей, открывшихся перед странами в 1991 году, хоть и легла на примерно одинаковую почву, но имела существенные различия на волне суверенизации, которая на Украине и в России протекала принци-

¹ Попкова Людмила Ивановна – д.геогр.н., профессор кафедры географии Курского государственного университета. E-mail: geopoli13@gmail.com

пиально по-разному. Главное отличие состояло в том, что политика государственного строительства на Украине стала приоритетной, отодвинув на второстепенный план вопросы социально-экономического развития, что не замедлило сказаться на показателях уровня жизни населения. По данным Human Development Report (2018), индекс развития человеческого потенциала России и Украины существенно различаются. Россия находится на 49 месте в мире с показателем 0,816, а Украина – на 88 (0,751).

Кризис 2014 года на Украине максимально обострил копившиеся веками противоречия и стал тем водоразделом, который обозначил все болевые точки, довёл ситуацию до абсурда. Изменения, произошедшие за пять лет после 2014 года, имели вызывающий характер, высокую скорость и широкий масштаб. Всё это сразу же отразилось на межгосударственных отношениях, затронув в значительной степени и приграничные регионы.

Характерно, что в отличие от резкости, масштабности и глубины межгосударственных противоречий, взаимные отношения на локальном уровне, между жителями приграничных районов, протекали в русле выжидательной консервативности, о чём свидетельствуют как экспертные оценки руководящего звена, так и опросы обычных жителей приграничных районов России. Вместе с тем, дезинтеграционные процессы на межгосударственном уровне хоть и носят во многом избирательный характер, но всё же существенно трансформируют социально-экономическое пространство российско-украинского приграничья.

Исследование «старого нового» приграничья (без Крыма) в составе десяти сухопутных административных областей: по пять с каждой стороны государственной границы, учитывало трансформационный потенциал по набору показателей, обеспечивших репрезентативность проведённого научного анализа [4]. Реализована возможность проследить влияние как горизонтальных, так и вертикальных связей. Их выраженность между приграничными районами соседних стран проявляется как по линии «восток-запад», так и по сложившейся на европейской территории оси изменений с северо-запада на юго-восток.

Необходимо отметить, что в рамках существования единого государства более существенные различия по целому ряду важных показателей (природных, социально-экономических, демографических, расселенческих) наблюдались по направлению с северо-запада на юго-восток. В настоящее время эта тенденция так же заметна, но, особенно после 2014 года, глубокими трансформационными процессами и производимыми ими последствиями, характеризуются территория, разделённая границей.

Наиболее восприимчивой к трансформационным процессам оказалась демографическая ситуация. Известно, что приграничные районы, представляя собой периферийные, часто экономически слабые «медвежьи углы», концентрировали в себе все изъяны демографической ситуации: низкую рождаемость, высокую смертность, старение населения, большую демографическую нагрузку, особенно со стороны нетрудоспособного населения пожилых возрастов. Следствием этого стала нарастающая депопуляция, охватившая сначала сельские поселения, а затем и городские, начав с малых, добралась и до миллионников.

Одной из основных причин складывающейся ситуации стало отсутствие рабочих мест на приграничных территориях, внутренняя миграция трудовых ресурсов в города, и внешняя, как правило, в Европу. Привлекательной стала и трудовая миграция украинцев в Россию. В 90-е годы отходники закреплялись в приграничных районах, в настоящее время – в городах.

В результате, численность населения российско-украинского приграничья существенно снизилась. Российско-украинское приграничное пространство населяют почти 22 миллиона человек (2018 г.). Снижение численности населения со времени обретения приграничности составило более 3,2 млн. человек, из которых 2,7 млн. человек (84,4%) приходится на области украинского приграничья и почти 500 тысяч (15,6%) – российского.

Динамика численности населения как индикатор уровня социально-экономического развития, одновременно выступает и как причина, и как следствие трансформационных процессов, влияющих на конфигурацию и географический рисунок расселения, плотность, направление и протяженность транспортных коммуникаций. Другими словами, транспортно-расселенческая ситуация рассматривается как совокупность населённых пунктов и транспортных путей различного вида и ранга.

До 2014 года на российско-украинской границе функционировало 62 пропускных пункта. В настоящее время действует 10 международных автомобильных и 4 железнодорожных (по данным государственной приграничной службы Украины). Загруженность этих пропускных пунктов минимальна и различается по активности пересечения государственной границы, – она выше с украинской стороны, что означает признание социально-экономических преимуществ России.

Изменилась и расселенческая ситуация. В предыдущих работах [4–6] осуществлена территориальная дифференциация приграничного пространства и выделено 3 основных района российско-украинского приграничья: северное, центральное и южное. Они изначально имели разные стартовые возможности для социально-экономического развития, которые заключались, в том числе, и в обеспеченности трансграничными транспортными магистралями и крупными городами.

На всём протяжении российско-украинского приграничного пространства выявлено три обобщённых варианта трансграничных коммуникаций: от практически полной изоляции до мощного полимагистрального коридора. Ситуация последовательно сменяется при движении с северо-запада на юго-восток.

Разные варианты изменения транспортно-расселенческой ситуации складывались в тех местах, где граница проходит по хорошо освоенным, плотно заселённым, инфраструктурно благоустроенным территориям, обеспеченным транспортными магистралями и крупными населёнными пунктами, способными организовать территорию.

В общих чертах это выглядело так. Северное приграничье характеризовалось наиболее слабыми трансграничными контактами в силу слабой насыщенности дорогами и городами. Районы центрального приграничья имели очень

важный узел взаимосвязей в виде двух областных центров (Белгорода и Харькова) и связывающей их полимагистрала, практически единственный на этом участке.

Южный район характеризуется специфическими особенностями, связанными с развитием угольной промышленности со всей необходимой инфраструктурой и сетью специализированных моногородов. Административными центрами этого района были города-миллионеры Ростов-на-Дону и Донецк, однако в силу удалённости от государственной границы они не стали центрами непосредственного межгосударственного взаимодействия. Эти функции взяли на себя конгломеративные скопления локальных агломераций с густой сетью железных и шоссейных дорог.

Под влиянием причин, усиливших трансформационные процессы в российско-украинском приграничье, произошли коренные изменения в численности городского населения и людности городов, в том числе областных центров. Особенно сильно это отразилось на украинских городах. Областные центры на украинской стороне границы (Чернигов, Сумы, Харьков, Луганск, Донецк) потеряли, начиная с 1989 года, в общей сложности 330 тысяч человек. Наибольший урон нанесён Донецку и Луганску, существенно снизилось население Харькова.

На российской стороне границы численность населения областных центров (Брянска, Курска, Белгорода, Воронежа, Ростова-на-Дону) увеличилось за тот же период на 170 тысяч человек. Наибольший прирост характерен для Ростова-на-Дону и Воронежа. Брянск снизил численность населения.

При этом Донецк выбыл из списка городов-миллионеров, а Воронеж в него вошёл.

Таким образом, наряду с кризисным состоянием межгосударственных отношений между Россией и Украиной, произошли существенные изменения опорного каркаса расселения – наиболее консервативной территориальной структуры. Переформатирована транспортная инфраструктура, безвозвратно снизилась плотность сельского населения, изменилась численность населения областных центров. Характер, масштаб и степень влияния трансформационных процессов на социально-экономическое пространство российско-украинского приграничья свидетельствует о долговременности происходящих дезинтеграционных процессов.

Различия в социально-экономической ситуации между Россией и Украиной углубляются, что негативно сказывается как на районах непосредственного приграничья, так и на значительном удалении от них. Всё это требует постоянного мониторинга, выявления возможных вариантов улучшения ситуации, разработки необходимых мер для предотвращения дальнейшего углубления дезинтеграционных процессов.

Список литературы

1. Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года // Сравнительная политика. 2018. – Т. 9, № 2. – С. 41–61.
2. Колосов В.А., Зотова М.В., Вендина О.И., Себенцов А.Б. Российское пограничье: современные вызовы и подходы к изучению // Вопросы географии. – М., 2016. – № 141. – С. 234–256.
3. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Известия РАН. Серия географическая. – М., 2016. – № 5. – С. 8–20.
4. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья: монография. – Смоленск: Универсум, 2005. – 304 с.
5. Попкова Л.И. Приграничное пространство как особый тип территории (на примере российско-украинского приграничья) // Известия РГО. – М., 2005. – Т. 137, № 1. – С. 83–89.
6. Попкова Л.И. Территориальная организация российско-украинского приграничного пространства // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: Материалы международной научно-практической конференции. 2014. – С. 38–51.
7. Попкова Л.И. Эволюция социально-экономических факторов развития российско-украинского приграничья // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. – Курск, 2018. – С. 10–18.

Попов М.Е.

д.филос.н., профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ключевые слова: *социокультурная интеграция, модернизация, региональный конфликт, этнический конфликт, Северный Кавказ.*

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к изменяющимся условиям российской модернизации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблемы интеграции в социальной науке, а также поиском новых ресурсов макросоциальной солидарности и способов преодоления региональных конфликтов в полиэтнических сообществах.

Необходимость государственного стимулирования социокультурной интеграции обусловлена ценностными и структурными факторами: с этической точки зрения, создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения поляризации различий, ведущей к эскалации социокультурных конфликтов.

Региональные конфликты опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок к экстремизму и насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке культурной интолерантности и этноконфессиональной нетерпимости. Величина насилия в региональных конфликтах детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и политической мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния. Конфликтogenность мобилизованной этничности обусловлена негативной стереотипизацией «других» в процессе конструирования этнических «границ». Культурные различия не приводят к неизбежным ценностным конфликтам, формируя предпосылки к интеграции и межэтническому диалогу; однако, когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности – возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей.

Специфика региональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих идентичностей и ценностей. В структурном отношении региональные конфликты являются следствием эскалации социальных неравенств и фрагментаций, угрожающих интеграционным процессам в полиэтническом регионе. Структурный источник конфликтов на Северном Кавказе – острое противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией, проявляющееся в культурном изоляционизме и этнополитической регионализации. Очевидно, в северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности.

Выявление стабилизационных и модернизационных ресурсов социокультурной интеграции связано с необходимостью выработки светской надэтнической модели макросоциальной солидарности. Политика региональной интеграции и модернизации как регулируемый процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, общих идентичностей, демократических институтов, позволяющий этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов правовой защищенности, толерантности, справедливости и равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как «контр-нарративов» насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют каждому человеку получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное стабильное общество, в котором все люди могут принимать участие в социальной и политической жизни на основе равенства прав, возможностей и достоинства.

Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь этнорелигиозных идентичностей с примордиальными ценностями закрытых традиционных обществ, в которых гражданская

идентичность и индивидуализм не играют заметной идеологической роли. Сегодня такие общества могут функционировать в глобализованном мире посредством сохранения собственной культуры на основе коллективных ценностей; в пределах этих коллективов групповая идентификация может соотноситься с этническими ценностями и религиозными традициями. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать ценностями групп могут привести к интенсификации конфликта и идентичностей¹.

Конфликт идентичностей имеет уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтный потенциал этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность, отмечает Д. Горвиц, воплощает в себе элемент эмоциональной напряженности, которая может быть быстро реактивирована, если группами осознается угроза идентичности и ценностям, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и насильственному конфликту².

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп. «Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичность как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях»³.

В конфликте идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве «персональных максимайзеров» (Дж. Ротман), защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне, но все эти восприятия генерируются «культурной формулой». Культурная идентичность становится «идеологической базой» разобщенных участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами. Ключевой задачей политики интеграции в скрытой, латентной, «идеологической» стадии конфликта и будет конфликтологическая работа с антагонистическими «культурными формулами». В итоге социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем гражданской надэтнической солидарности, ослаблением этнической мобилизации, редукцией негативно-конфликтной стереотипизации «других» как «культурных врагов».

Структурными условиями эскалации этнической напряженности и ее перерастания в трудноразрешимые конфликты идентичностей являются социальные неравенства, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе – противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Эти конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и групповые идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этничности и негативные культурные стереотипы в восприятии «других» играют ключевую роль в инициации таких конфликтов⁴.

При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция – это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтничного российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм той или иной этносоциальной системы в рамках единого политического пространства.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, на ценностном и идентификационном уровне общественного сознания может быть преодолена целенаправленным культивированием миро-воззренческого плюрализма и этнической толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна

¹ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. – Vol. 28, N 3. – P. 631–658.

² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Los Angeles: University of California press, 1985. – P. 15.

³ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. – Vol. 28, N 3. – P. 631–658.

⁴ Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. – Ставрополь, 2011. – С. 21.

строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах макросоциальной солидарности и межэтнического сотрудничества.

Интеграционные задачи обеспечения региональной модернизации и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме – конфликтов идентичностей – носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения – про-активного воздействия на конфликтную среду путем структурных трансформаций и рационализации этнических противоречий.

*Румянцев В.А.,
Гончарик Н.В.¹*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: Союзное государство, Беларусь, Россия, регион, социально-экономическое развитие, форматы и инструменты сотрудничества.

Keywords: the Union State, Belarus, Russia, region, economic and social development, cooperation formats and tools.

На социально-экономическое развитие регионов большинства стран мира существенное влияние оказывает их внешнеэкономическая деятельность (ВЭД). ВЭД регионы стран могут осуществлять как самостоятельно, так и через структуры своего государства. В настоящее время на развитие мировой экономики существенное влияние оказывают интеграционные процессы, активными участниками которых также являются Беларусь и Россия. Наиболее успешным интеграционным объединением с участием Республики Беларусь и Российской Федерации является Союзное государство Беларуси и России (Союзное государство), которое способствует также и развитию регионов обеих стран.

Организационно-правовые основы Союзного государства, содействующие социально-экономическому развитию регионов Беларуси и России

Социально-экономическое развитие регионов Беларуси и России в рамках Союзного государства может осуществляться посредством органов данного интеграционного объединения и непосредственным взаимодействием регионов между собой.

К органам Союзного государства, содействующим межрегиональному сотрудничеству, относятся: Высший Государственный Совет (ВГС) – высший орган Союзного государства, в состав которого входят главы государств, главы правительств, руководители палат парламентов государств-участников, Парламентское Собрание – представительный и законодательный орган, Совет Министров – исполнительный орган, в состав которого входят Председатель Совета Министров, главы правительств, Государственный секретарь, министры иностранных дел, экономики и финансов государств-участников, руководители основных отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства, Постоянный Комитет – рабочий орган Союзного государства, органы управления отраслевого и функционального характера.

Основанием для работы Союзного государства в сфере социально-экономического развития регионов Беларуси и России являются «Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы», утвержденные постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 19 июня 2018 г. № 3. В данном документе одним из направлений определено «Повышение эффективности и дальнейшего развитие межрегионального сотрудничества».

Межрегиональное сотрудничество в рамках Союзного государства в настоящее время осуществляется в 4 форматах (рис. 1): между правительствами государств-участников; между ведомствами; между правительствами и регионами; между непосредственно регионами государств-участников.

Взаимодействие в рамках Союзного государства в различных форматах подтверждается следующими показателями: Республика Беларусь осуществляет взаимодействие с субъектами Российской Федерации в рамках 70 соглашений о сотрудничестве, между областями, районами, городами Беларуси и субъектами, муниципальными образованиями России заключено свыше 300 договоров².

Примером деятельности органов Союзного государства в целях социально-экономического развития регионов является проведение Форумов регионов. В настоящее время проведено 5 таких мероприятий.

В рамках сотрудничества между правительствами Беларуси и России подписано более 150 соглашений и других нормативно-правовых актов. Примером этому является соглашение между правительствами Беларуси и России об условиях поставок товаров между предприятиями и организациями от 20 июля 1992 г.; договор о сотрудничестве между приграничными районами Беларуси и России от 2 апреля 2008 года и др.

¹ Румянцев Вячеслав Александрович – с.н.с. Института экономики НАН Беларуси, г. Минск. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: rummyantsev61@mail.ru

Гончарик Наталья Викторовна – с.н.с. НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск. Сфера научных интересов: внешнеэкономическая интеграция на постсоветском пространстве. E-mail: natagoncharik@mail.ru

² Сайт Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. – <http://embassybel.ru/belarus-russia-relations/regions/>

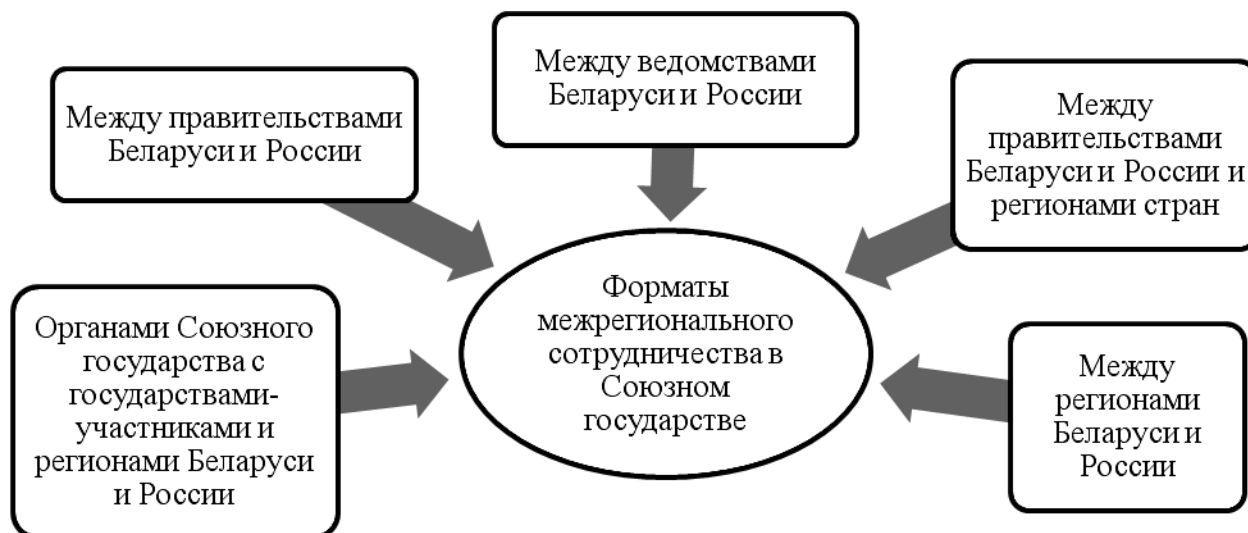

Рисунок 1.
Форматы межрегионального сотрудничества в Союзном государстве

Подтверждением формата сотрудничества между ведомствами Республики Беларусь и Российской Федерации являются соглашение между Министерством здравоохранения Беларуси и Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Россия) о сотрудничестве в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения от 26 января 2011 г., меморандум о взаимопонимании в области конкурентной политики между Министерством антимонопольного регулирования и торговли Беларуси и Федеральной антимонопольной службой России от 27 сентября 2016 г. и другие нормативно-правовые акты.

Социально-экономическому развитию регионов Беларуси и России способствуют более 270 соглашений и других нормативно-правовых актов в формате между правительствами одного государства и регионами другого, среди которых протокол о научно-практическом сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и правительством Нижегородской области России от 13 мая 2003 г., соглашение между правительствами Беларуси и Москвы о Совете делового сотрудничества Республики Беларусь и Москвы от 9 апреля 2004 г., соглашение между Правительством Беларуси и правительством Сахалинской области России о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 18 сентября 2015 г. и другие.

Сотрудничество между регионами Беларуси и России также осуществляется довольно активно и реализуется на основе международных документов о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, заключенных между администрациями и областей и районов, например, Курская область – Гомельская область, Подпорожский муниципальный район Ленинградской области и Миорский район Витебской области и т.д.

Некоторые инструменты межрегионального сотрудничества, способствующие социально-экономическому развитию регионов Беларуси и России

Интенсивные контакты в различных форматах содействуют социально-экономическому развитию регионов и Беларуси, и России. Так, в течение 2017 г. Беларусь посетили более 80 делегаций российских регионов, в том числе 11 – во главе с губернаторами¹. В 2018 г. осуществлено более 200 региональных визитов и иных мероприятий².

В Беларуси приняты встречи в формате Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с губернаторами российских регионов. К примеру, в 2018 г. такие встречи были 11–12 апреля с губернатором Ярославской области России Д.Ю. Мироновым³, 5 июня с губернатором Вологодской области О.А. Кувшинниковым⁴.

В ходе таких встреч обсуждаются и принимаются решения по реализации новых проектов в промышленной кооперации, участию в инфраструктурных проектах, увеличению взаимных поставок различных видов продукции, расширению взаимодействия в области науки и техники, формированию других экономических контактов в интересах совершенствования и модернизации социально-экономического развития Беларуси и российских регионов. Итогом таких встреч становится принятие дорожных карт сотрудничества на кратко- и среднесрочный периоды.

Формат ежегодных встреч Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с представителями российского медийного сообщества содействуют развитию социально-экономического развития регионов Беларуси и России. По-

¹ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2017 году. – <http://mfa.gov.by/publication/reports/a8a5169b6e487b3b.html>

² Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2018 году. – <http://mfa.gov.by/publication/reports/b7fe6b330b96c9b7.html>

³ Лукашенко встретился с губернатором Ярославской области России Мироновым. – <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-vstretilsja-s-gubernatorom-jaroslavskoj-oblasti-rossii-mironovym-298352-2018/>

⁴ Лукашенко предлагает Вологодской области разработать совместные производства в интересах всей России. – <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-predlagaet-vologodskoj-oblasti-razrabotat-sovmestnye-proizvodstva-v-interesah-vsej-rossii-305561-2018>

следняя такая встреча состоялась в декабре 2018 г., когда в течение недели около 100 репортеров из российских региональных, федеральных и союзных СМИ, экспертов и блогеров познакомились с Беларусью. Они побывали на крупных предприятиях, посетили спортивные и культурные объекты, пообщались с людьми. Кульминацией большого пресс-тура стало общение с Президентом. За четыре часа открытого и откровенного разговора с представителями российского медийного сообщества прозвучало немало тем, одной из которых было региональное сотрудничество¹.

Вместе с тем необходимо отметить снижение деятельности в формате «регион-регион». Так, в настоящее время руководство Смоленской области организует взаимодействие с Беларусью в формате «область-государство». К примеру, в 2017 г. возобновлено взаимодействие в формате Рабочей группы по развитию сотрудничества Республики Беларусь и Смоленской области. 7 июля 2018 г. на заседании рабочей группы по сотрудничеству Беларуси и Смоленской области обсуждался широкий круг вопросов сотрудничества, а именно о привлечении подрядчиков и финансовых партнеров из Беларуси для завершения строительства объектов в Смоленской области, расширении взаимодействия между Смоленской областью и Республикой Беларусь в сфере выращивания и переработки льна, в том числе в части производства и использования льноуборочной техники, кооперации в области промышленности, использования международного аэропорта Витебск для организации авиaperевозок граждан России и Беларуси в города Краснодарского края, г. Санкт-Петербург и другие города России, а также организации прямого железнодорожного сообщения между Витебском и Смоленском и другие вопросы дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. Также, в сентябре 2018 г. заключено Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Администрацией Смоленской области (Российская Федерация) о сотрудничестве в торгово-экономической, научно-технической и социально-культурной областях.

В формате «область-область» можно назвать План мероприятий по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарно-культурному сотрудничеству между Смоленской областью Российской Федерации и Витебской областью Республики Беларусь на 2017–2018 годы, а также План мероприятий на 2016–2017 гг. по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Могилевской и Смоленской областями, сроки действия которых уже закончились, а о подписании нового документа информация отсутствует.

Таким образом, в ходе встреч вырабатываются конкретные предложения по социально-экономическому развитию регионов, которые закрепляются нормативно-правовыми актами и в дальнейшем реализуются обеими сторонами.

Активная внешнеторговая деятельность между регионами Беларуси и регионами России способствует их социально-экономическому развитию. Отмечается существенная доля регионов во взаимной торговле. Так, данные табл. 1 демонстрируют удельный вес России в торговле с белорусскими областями и г. Минском. Доля в общем товарообороте в 2016 г. находится в пределах от 37,4% для Минской области до 68,2% для Гомельской области, в 2017 г. – от 40,3% для Минской области до 62,6% для Гомельской области. Данные табл. 1 указывают на существенный удельный вес Российской Федерации в экспорте товаров из областей Республики Беларусь (от 40,2 до 77,7%), а также высокую долю импорта российских товаров (от 26,1 до 81,0%). Так, у Брестской, Гродненской, Минской, Могилевской областей и г. Минска доля в экспорте значительно превышает удельный вес импорта, а Витебская и Гомельская области наоборот имеют большую долю в импорте из российских регионов. При этом наибольший удельный вес в экспорте товаров в регионы Российской Федерации демонстрирует Брестская область – 77,7% в 2016 г. и 73,8% в 2017 году. В импорте наибольшая доля у Гомельской области – 77,7% в 2016 г. и 81,0% в 2017 году.

Таблица 1

Удельный вес России во внешней торговле областей Беларуси и г. Минска, %²

Области	Товарооборот		Экспорт		Импорт	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Брестская	55,7	54,3	77,7	73,8	26,1	26,7
Витебская	68,2	59,9	60,4	43,7	73,4	74,4
Гомельская	60,0	62,6	40,9	40,2	77,7	81,0
Гродненская	50,3	50,6	58,5	53,0	40,6	47,9
Минская	37,4	40,3	45,1	45,4	28,0	34,5
Могилевская	64,4	64,7	72,9	68,7	50,5	57,8
г. Минск	46,2	46,3	64,6	65,4	41,8	41,5

Отдельные российские регионы также имеют существенную долю во внешней торговле с Беларусью. Результаты внешней торговли приграничных регионов России – Брянской, Псковской и Смоленской областей приведены в табл. 2. Данные таблицы свидетельствуют о том, что, к примеру, удельный вес Беларуси в экспорте Брянской области в 2017 г. составлял 91,5%, а в импорте Смоленской области в этом же году – 73,9%.

Активно сотрудничают с Беларусью не только приграничные, но и другие регионы России. К примеру, в 2016–2017 гг. Республика Беларусь занимала 1 место по объему товарооборота с Нижегородской областью из 142 стран – внешне-торговых партнеров Нижегородской области, 4-ю позицию – среди зарубежных стран – партнеров Москвы, в 2017 г. – 3-е место по экспорту из Санкт-Петербурга и 7-е место по импорту в Санкт-Петербург.

¹ Встреча с представителями российского медийного сообщества. – http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predstaviteljami-rossijsko-go-medijnogo-soobschestva-20062/

² Расчеты авторов по данным Официального сайта Постоянного комитета Союзного государства. – <https://www.postkomsg.com/regions/>

Удельный вес Беларуси во внешней торговле с приграничными областями России, %¹

Области	Товарооборот		Экспорт		Импорт	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Брянская	66,5	69,2	79,1	91,5	61,9	60,9
Псковская	23,2	34,6	46,7	66,0	15,5	15,9
Смоленская	56,4	59,3	39,5	36,2	67,1	73,9

Таким образом, взаимная торговля регионов Беларуси и России оказывает существенное влияние на их социально-экономическое развитие.

Широкое применение возможностей форумов регионов Беларуси и России способствуют социально-экономическому развитию регионов. На это указывают следующие факты. Форумы регионов являются хорошей платформой для взаимодействия регионов России и Беларуси, на которой происходит непосредственное общение представителей бизнеса обоих государств, можно продемонстрировать свой торгово-экономический, историко-культурный и туристический потенциал на организуемых региональных площадках.

Так, в работе II Форума регионов России и Беларуси в 2015 г. приняли участие более 350 представителей законодательной и исполнительной ветвей власти России и Беларуси, регионов, руководители крупных предприятий и бизнес-сообществ, главы администраций всех белорусских областей и около 60 губернаторов российских регионов. Подписано 20 перспективных межрегиональных соглашений о сотрудничестве, белорусская сторона заключила 67 экспортных коммерческих контрактов.

Основной темой работы III Форума регионов России и Беларуси в 2016 г. стало расширение двустороннего регионального сотрудничества и содействие установлению прямых контактов между регионами, предприятиями и организациями государств в социально-экономической, научно-образовательной, культурно-гуманитарной и других сферах, включая гармонизацию соответствующего законодательства. В нем участвовали делегации почти из 40 российских регионов, Москвы, а также всех шести белорусских областей и г. Минска. Подписаны десятки контрактов и соглашений, экономический эквивалент которых составит не меньше 300 млн. долларов США. Заключено 750 договоров по региональному сотрудничеству. Высокий статус и особую значимость форум приобретает благодаря участию в его работе президентов Республики Беларусь и Российской Федерации².

По итогам IV форума в 2017 г. подписан ряд межрегиональных соглашений, а также коммерческие контракты на сумму более 450 млн. долл. США. В рамках V Форума регионов с участием глав государств Беларуси и России в 2018 г. подписаны коммерческие контракты на сумму более 0,5 млрд. долларов США³.

Приведенные факты указывают на то, что при проведении каждого последующего мероприятия растет количество и объемы подписанных между регионами контрактов.

Взаимное участие белорусского и российского бизнеса в модернизации, научно-технологическом развитии регионов России и Беларуси. Социально-экономическому развитию регионов обеих стран содействуют совместные производства в регионах, дилерские центры по продаже и сервисному обслуживанию техники, обмен разработками и технологиями производства продукции.

Так, социально-экономическому развитию Сахалинской области содействует специализированный агрогородок, возведенный по белорусскому проекту. За основу взят лучший опыт подобных предприятий в Республике Беларусь. Всего по инвестиционному проекту создано 60 новых рабочих мест. Животноводческий комплекс на тысячу голов дойного стада стал крупнейшим на Дальнем Востоке. При выходе на проектную мощность он будет ежегодно производить более 7 тыс. т молока. Реализуемый международный аграрный проект включен в государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы⁴.

Покупка белорусским холдингом «Амкодор» производственного комплекса Онежского тракторного завода, который ранее был признан банкротом, и работы по созданию на его территории завода с производством полного цикла машин для лесопромышленного комплекса будет содействовать социально-экономическому развитию Карелии. Проект предусматривает производство комплектующих, а также организацию деятельности сервисного центра. Комплектующие будут использоваться не только для собственного производства, но и поставляться на конвейеры ведущих мировых производителей дорожно-строительной и лесозаготовительной техники. Эксперты считают, что новый завод

¹ Расчеты авторов по данным Официального сайта Постоянного комитета Союзного государства. – <https://www.postkomsg.com/regions/>

² Информация о ходе реализации Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2020 года и Плана мероприятий по ее реализации. – <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5616>

³ Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2018 году. – <http://mfa.gov.by/publication/reports/b7fe6b330b96c9b7.html>

⁴ Агрогородок по белорусскому проекту возвели на Сахалине. – <https://www.belta.by/society/view/agrogorodok-po-beloruskomu-proektu-vozveli-na-sahaline-289289-2018/>

станет первым в современной истории России импортозамещающим производством, выпускающим высококачественную, конкурентоспособную на мировых рынках лесозаготовительную технику¹.

В Беларуси при ремонте несущих конструкций нескольких объектов, в том числе многоэтажного жилого дома в Минске, с успехом применили инновационную российскую систему внешнего армирования (СВА). Технологии использовались также для ремонта производственного здания в Минске. Опыт применения СВА на железобетонных конструкциях показывает, что данная технология позволяет проводить работы в сжатые сроки, при этом стоимость работ в среднем на 15–20% меньше затрат на традиционные методы ремонта².

Резюме. Исследование влияния межрегионального сотрудничества в рамках Союзного государства на социально-экономическое развитие регионов Беларуси и России привело к следующим выводам:

– межрегиональное сотрудничество является важным элементом социально-экономического развития регионов Беларуси и России;

– договорно-правовая база Союзного государства и его организационная структура способствуют развитию сотрудничества в данной сфере. Большое количество соглашений и других нормативно-правовых актов по межрегиональному сотрудничеству также свидетельствует о высокой заинтересованности Беларуси и России в сотрудничестве в данном направлении;

– эффективными инструментами развития регионов Союзного государства становятся интенсивные контакты в различных форматах; активная внешне-торговая деятельность между регионами Беларуси и регионами России; широкое применение возможностей форумов регионов Беларуси и России; взаимное участие белорусского и российского бизнеса в модернизации, научно-технологическом развитии регионов Республики Беларусь и Российской Федерации.

Дальнейшему социально-экономическому развитию регионов в рамках Союзного государства будут способствовать:

– включение межрегионального сотрудничества в стратегии развития регионов обеих стран и их активная реализация;

– эффективная совместная работа администраций областей и районов между собой и с органами Союзного государства для выявления и решения общих проблем сотрудничества;

– активное использование возможностей Постоянного комитета и других органов Союзного государства в целях дальнейшего социально-экономического развития регионов.

¹ Супер Е. Белорусы возрождают российский завод. – <https://www.sonar2050.org/publications/belorusy-voztrojdayut-rossiyskiy-zavod/>

² Супер Е. В Беларуси начали применять российскую технологию при ремонте жилья. – <https://www.sonar2050.org/publications/v-belarusi-nachali-ispolzovat-rossiyskiyu-tehnologiyu-pri-remonte-jilya/>

Шалаев И.А.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления -филиал РАНХиГС

Антонова Н.П.

студент, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС

Цуканов Д.М.

студент, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ КАК УГРОЗА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ВЫЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Ключевые слова: финансовая безопасность, криминализация, статистический анализ, современные тенденции, экономический анализ, угроза, состояние экономики, правонарушения, преступления, финансовые средства, экономическая безопасность, коррупция.

Keywords: financial security, criminalization, statistical analysis, current trends, economic analysis, threat, state of the economy, offenses, crimes, financial means, economic security, corruption.

Финансовая безопасность является экономико-правовой категорией, которая связана с угрозами финансово-кредитной сферы государства. Возникающие различные риски и угрозы в этой сфере не позволяют обеспечить желаемый уровень экономического роста, затрудняют развитие торговой и внешнеэкономической деятельности, а также негативно влияют на совершенствование налоговой, бюджетной, страховой и других сфер финансовой системы Российской Федерации. А экономические преступления являются показателем уровня криминализации в экономической сфере. В связи этим встает острая необходимость изучения проблемы криминализации как угрозы финансовой безопасности проведения, а также проведения статистического анализа и выявления современных тенденций.

Финансовая безопасность является одной из важнейших составляющих экономической безопасности. На основе этого необходимо обеспечивать и поддерживать финансовую безопасность государства, так как она связана не только с государством в целом, но и со всеми отраслями национального хозяйства, частных предприятий и всего общества.

Финансовая безопасность – это состояние экономики и финансовых институтов, при котором обеспечивается устойчивое формирование государственных финансовых потоков в объемах, необходимых для адекватного выполнения задач и государственных функций, при условии эффективного использования соответствующих финансовых средств¹.

Криминализация экономических отношений рассматривается в двух аспектах: как факт и как процесс. Под криминализацией экономических отношений как фактом понимают ситуацию, при которой происходит подчинение национальных экономических интересов корыстным интересам организованных преступных групп и сообществ с последующей трансформацией и легитимизацией деформированных экономических отношений, основанных на элементах незаконного распределения и присвоения результатов общественного производства. Криминализация экономических отношений как процесс представляет собой увеличение масштабов криминальной экономики².

Криминальная экономика в свою очередь рассматривается в узком и широком смысле. Под криминальной экономикой в узком смысле понимают составную часть экономики, в основе функционирования которой лежат деяния, прямо попадающие под уголовный запрет. Под криминальной экономикой в широком смысле понимают составную часть экономики, которая включает в себя экономику в узком смысле и ту часть экономики, в основе функционирования которой лежат деяния, прямо не попадающие под уголовный запрет, но которые в силу своей общественной опасности должны быть признаны преступлениями.

Экономические преступления являются показателем уровня криминализации в экономической сфере.

Анализ и оценка общих сведений о состоянии и динамике преступлений экономической направленности в Российской Федерации (табл. 1) осуществлялся на основании официальной статистики МВД России числа преступлений в расчете на 100 тыс. человек по России. За период с 2015 года по 2017 год, можно сделать вывод о том, что преступления экономической направленности в 2017 году сократились на 6,5%, что составляет 7358 преступлений. Это произошло из-за сокращения тяжких и особо тяжких преступлений на 15%, коррупционной направленности на 27,2%, нарушение авторских и смежных прав на 41,3% и преступлений против собственности на 4,4%. Преступления в сфере экономической деятельности уменьшились незначительно – всего на 1%, что составляет 14 преступлений.

¹ Гончаренко Л.П. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Под общ. ред. Л.П. Гончаренко. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 340 с.

² Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2019. – 294 с.

**Сведения о состоянии и динамике преступлений экономической направленности
в Российской Федерации за 2015–2017 гг.¹**

Виды преступлений	Выявлено преступлений					
	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %	Всего	Темп прироста, %
Всего, в том числе:	112 445	3,7	108 754	–3,3	105 087	–3,4
– тяжкие и особо тяжкие	70 401	6,5	65 134	–7,5	59 819	–8,2
– коррупционной направленности	30 143	–0,7	27 050	–10,3	21 948	–18,9
– нарушение авторских и смежных прав	1781	–15,1	1294	–27,3	1046	–19,2
Преступления против собственности:	35 182	–3,2	34 673	–1,4	33 615	–3,1
– кража	827	–30,9	836	1,1	941	12,6
– мошенничество	22 108	4,6	22 397	1,3	22 843	–
– присвоение или растрата	8808	–5,2	8308	–5,7	7402	–10,9
В сфере экономической деятельности, в том числе:	30 028	11,9	28967	–3,5	30 042	3,7
– незаконное предпринимательство	397	4,8	342	–13,9	329	–3,8
– изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг	21 136	2,6	18778	–11,2	16 290	–13,2
– производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки	40	14,3	46	15,0	37	–19,6
– легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества	863	10,6	818	–5,2	711	–13,1
– незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга	85	6,3	102	20,0	77	–24,5
– неправомерные действия при банкротстве	279	–10,6	274	–1,8	281	2,6
– коммерческий подкуп	1802	14,8	1165	–35,3	840	–27,9
– контрабанда	328	57,7	243	–25,9	250	2,9
– связанные со взяточничеством	13 311	11,5	9984	–25,0	6270	–

В целях выявления современных тенденций при анализе преступлений против собственности можно сделать вывод о том, что наиболее часто совершаемым преступлением является мошенничество. В 2017 году по сравнению с 2015 годом преступления, связанные с мошенничеством, выросли на 3,4%, что составляет 743 преступления. Вторым наиболее часто совершаемым преступлением против собственности является присвоение или растрата. Состояние и динамика преступлений в сфере экономики за 2015–2017 гг. представлены на рис. 1.

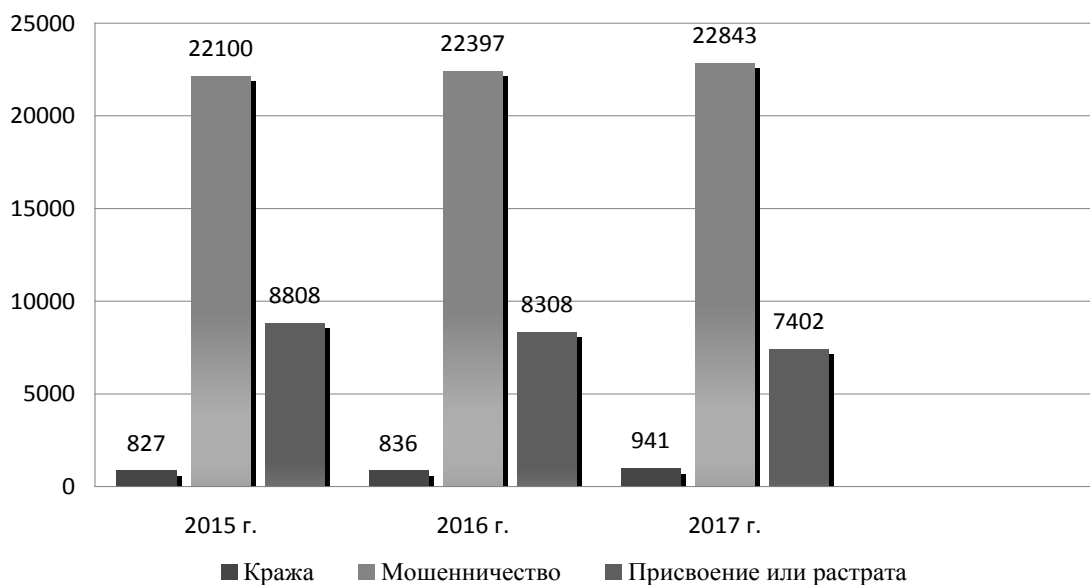

Рисунок 1.
Состояние и динамика преступлений против собственности 2015–2017 гг.²

¹ Статистика и аналитика / МВД России. – <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

² Деревянко В.Э. Состояние и динамика экономической преступности на территории российских регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. – № 3.

Количество преступлений данного вида на протяжении трёх лет постепенно уменьшалось и в 2017 году по сравнению с 2015 годом показатель сократился почти на 16%. Еще одним преступлением против собственности является кража. По итогам 2017 года преступления по кражам увеличились на 13,8%, что составляет 114 преступлений.

Правонарушения в сфере экономической деятельности составляют 28,6% от общего числа выявленных преступлений. Большую часть преступлений в сфере экономики составляют изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг. По итогам 2017 года совершение преступлений по изготовлению, хранению, перевозке или сбыта поддельных денег или ценных бумаг сократилось почти на 23%, что составляет 4846 преступлений. Состояние и динамика преступлений в сфере экономической деятельности за 2015–2017 гг. представлены на рис. 2.

Вторым видом наиболее часто совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности являются преступления, связанные со взяточничеством. В 2017 году по сравнению с 2015 годом преступления со взяточничеством сократились в 2 раза, что составляет 7041 преступлений. Третьим наиболее часто совершаемым преступлением в сфере экономической деятельности является коммерческий подкуп. На протяжении трёх лет коммерческий подкуп постепенно сокращался. В 2017 году по сравнению с 2015 годом коммерческий подкуп значительно сократился, что составляет 53,4%.

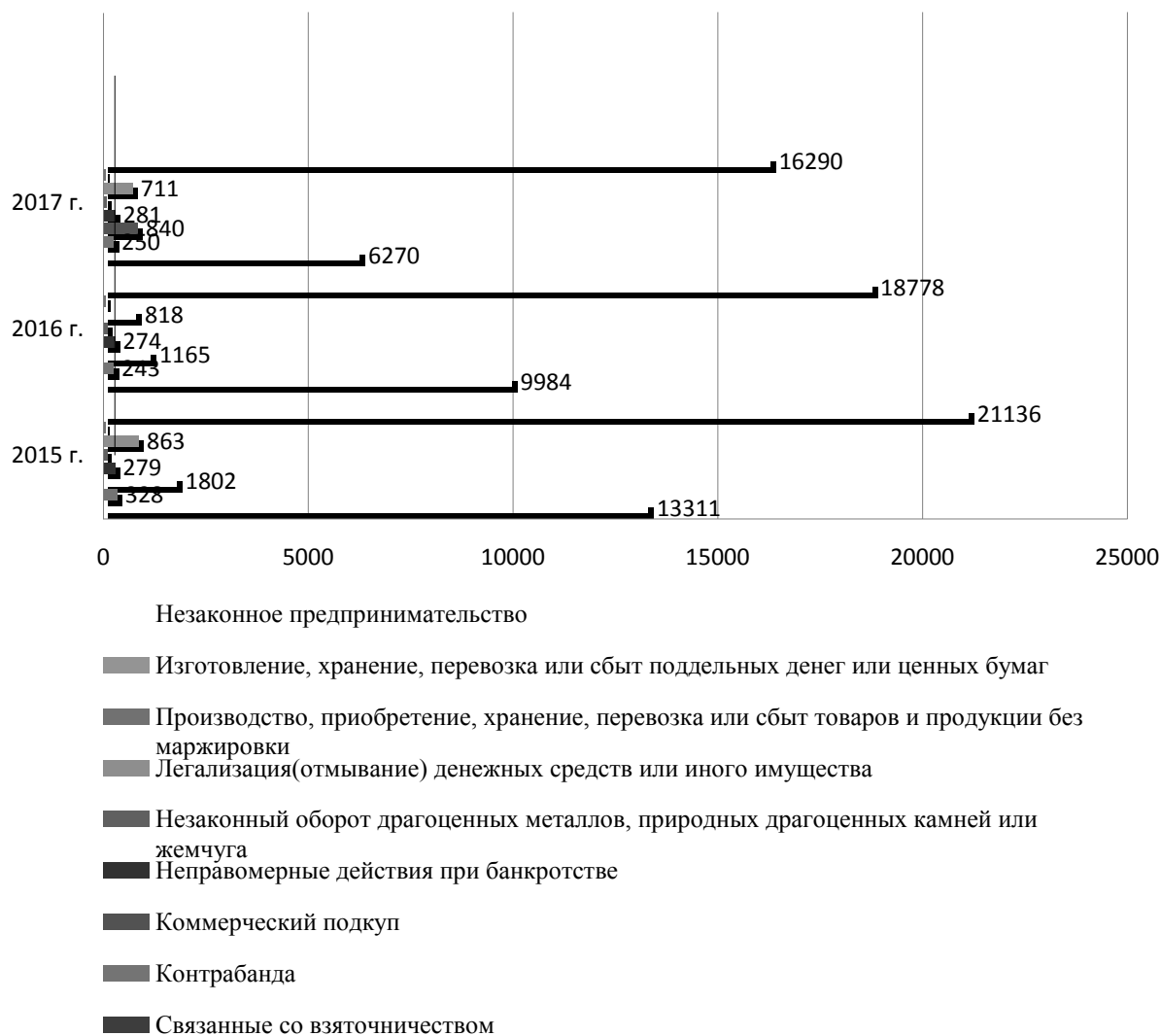

Рисунок 2.

Состояние и динамика преступлений в сфере экономической деятельности за 2015–2017 гг.¹

Таким образом, несмотря на позитивные тенденции в деятельности правоохранительных органов и в экономике нашей страны, ситуация в экономической, и, в частности, в финансовой сфере продолжает оставаться сложной. Подводя итоги, можно сказать, что за исследуемый период криминализация как угроза финансовой безопасности с каждым годом уменьшается. Это говорит о том, что идет эффективное противодействие криминализации экономических отношений, но всё же некоторые виды преступлений остаются распространенными, что требует повышения эффективности работы отделов экономической безопасности и противодействия коррупции.

¹ Деревянко В.Э. Состояние и динамика экономической преступности на территории российских регионов // Вестник Московского университета МВД России. 2018. – № 3.

Шалаев И.А.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, Орел
viper18111988@yandex.ru

Монанкова Д.Ю.

студент, Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС

Дунаева К.И.

студент, Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Ключевые слова: финансовая безопасность, легализация, угрозы, преступность, экономика.

Keywords: financial security, legalization, threats, crime, the economy.

Обеспечение безопасности в финансовой сфере экономики является в настоящее время стратегически важным направлением экономической политики многих государств мира. При рассмотрении проблем финансовой безопасности объектом управления выступают отношения в финансовой сфере, связанные с определением и конкретизацией угроз стабильности национальной финансовой системы и направленные на нейтрализацию либо минимизацию угроз финансовой безопасности. В связи с этим возникает острая необходимость оценки современного состояния финансовой безопасности в системе противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Доходы, полученные преступным путем – денежные средства или иное имущество, полученные в результате совершения преступления. Данные понятия регламентируются согласно Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ¹.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления. При оценке финансовой безопасности в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, мы пользовались официальными данными.

Ведущую роль в этом отношении играет такая международная организация, как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)². Кроме того, значительные усилия в развитии стратегии противодействия коррупции и отмыванию денег прилагают Международный валютный фонд, Всемирный банк и Transparency International.

Основная цель ФАТФ – оказание содействия странам в стратегии борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма как основы создания условий для повышения прозрачности и надежности международной финансовой инфраструктуры

К важнейшим задачам ФАТФ относятся:

- разработка и совершенствование международных стандартов в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма;
- изучение современных тенденций, методов и типологий отмывания денег и финансирования терроризма и подготовка предложений по необходимым контрмерам;
- содействие распространению предложенных ФАТФ мер в глобальном масштабе.

Отметим, что важным аспектом деятельности ФАТФ является наблюдение за отдельными национальными финансовыми системами на предмет их уязвимости к рискам отмывания денег и финансирования терроризма.

В 2013–2017 гг. разделение отмечается уходящие снижение как установление абсолютных, места так и относительных отличительным показателей закупочной правонарушений в рассматриваемой нами области. Число зарегистрированных правонарушений воздействие сократилось распределением с 2013 г. к внутренней 2017 этапом г. на 6,7%. Исключением является относятся 2015 первой г., когда распределением наблюдался товаров рост данного показателя (2388 управление 476, увязать +9,03% к спроса 2014 конечный г.), за счет профилактической деятельности эффективности работы³.

¹ Федеральный закон о противодействии легализации процесс (отмыванию) установление доходов, разделении полученных особенности преступным этом путем, и разделении финансированию заключение терроризма. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. от 23.04.2018) // Российская газета. – М., 2001. – № 151–152.

² Росфинмониторинг / Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. – <http://www.fedsfm.ru/activity/fatf>

³ Шалаев И.А. Отечественный и зарубежный опыт в системе обеспечения экономической безопасности / Шалаев И.А., Бадасян А.А. // Проблемы современных интеграционных процессов и пути их решения. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 176–179.

По данным ООН, ежегодно в мире легализуется от 400 до 450 млрд. долл., в связи с этим ООН объявило легализацию преступных доходов врагом общества номер один.

Статистика выявления правонарушений в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, субъектами, осуществляющими деятельность по выявлению правонарушений в Российской Федерации за 2015 – 2017 гг., представлена в табл. 1.

Таблица 1

Статистика правонарушений в сфере противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, выявленных субъектами, осуществляющими деятельность по выявлению правонарушений в Российской Федерации за 2015–2017 гг.

Субъекты, осуществлявшие деятельность по выявлению правонарушений	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	Выявленных	Привлеченных	Выявленных	Привлеченных	Выявленных	Привлеченных
Росфинмониторинг	597	574	528	502	443	431
ЦБ РФ	47	9	55	35	51	41
Роскомнадзор	26	–	234	4	84	3

Обобщив ведущий мировой и отечественный опыт, мы выделили основные направления совершенствования деятельности по выявлению и предупреждению правонарушений в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем:

– нормативно-правовое обеспечение функционирования национальной системы, совершенствование системы финансового контроля;

– совершенствование методов изучения и идентификации клиентов организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, включающее в себя дифференцированный подход к идентификации и изучению клиентов в зависимости от их принадлежности к соответствующей группе риска;

– повышение эффективности надзорной деятельности, предусматривающее совершенствование организации деятельности Росфинмониторинга и иных государственных органов, участвующих в противодействии легализации (ре отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, модернизация их материально-технического обеспечения, в том числе создание единой информационной системы баз данных в сфере противодействия легализации (ре отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, в которую должны войти базы данных регистрирующих органов;

– совершенствование правоприменительной практики правоохранительных органов и судов по делам, связанным с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, включающее в себя совершенствование методик выявления, раскрытия и расследования уголовных дел данной категории, а также усиление взаимодействия Росфинмониторинга с правоохранительными органами, а также правоохранительных и надзорных органов между собой и с поднадзорными организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом;

Основной задачей борьбы с отмыванием денег должна стать не полная ликвидация этого вида преступности, а также всех причин и условий, которые его порождают (чего невозможно достичь в обозримом будущем даже теоретически), а установление жесткого социального контроля над этим явлением¹.

Необходимо повышение эффективности деятельности органов государственного финансового контроля, которые способствуют не только выявлению нарушений законодательства о противодействии легализации преступных доходов, но и предупреждению данной категории преступлений.

¹ Шалаев И.А. Статистический анализ экономических преступлений коррупционного характера и антикоррупционные методы российской федерации/ Шалаев И.А., Козырева Д.Н. //В сборнике: Вестник кафедры статистики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. Материалы и доклады. Под общей редакцией Н.А. Садовниковой. 2017. С. 121–123.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Алиева Э.Н.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Ключевые слова: *предпринимательство, малый бизнес, индивидуальный предприниматель, оборот, вид экономической деятельности, государственная поддержка, коворкинг, менторская программа.*

Keywords: *entrepreneurship, small business, individual entrepreneur, turnover, type of economic activity, government support, mentoring program.*

Малое предпринимательство – это неотъемлемая часть современной рыночной экономики, которая играет большую роль в развитии хозяйства страны (региона) и общества в целом. Так, в развитых странах малый бизнес обеспечивает большой вклад в объем ВВП, активно создает рабочие места, поддерживает формирование «среднего класса», способствуя росту уровня жизни и решению многих социальных вопросов, что обеспечивает стабильность в стране в политическом плане. В большинстве европейских стран малый бизнес обеспечивает оплачиваемой работой более 50% занятого населения.

Малый бизнес способствует созданию рабочих мест, росту конкуренции и структурной перестройке экономики. Небольшие предприятия способны быстрее адаптироваться к меняющимся условиям деятельности, реагировать на динамику рыночной конъюнктуры, меняющийся спрос. Тем самым сектор малой экономики обеспечивает экономической системе гибкость и маневренность, необходимую для функционирования в постоянно меняющихся условиях, позволяет системе сохранять устойчивость и более быстро восстанавливаться после экономических кризисов.

Роль сектора «малой» экономики усиливается еще и тем, что малые предприятия оперативно создают и внедряют новые методологии ведения бизнеса и инновационные технологии, что привлекает в эту сферу молодежь, требовательную к условиям и содержанию труда. По нашему мнению, происходит это в силу того, что в небольших компаниях согласование использования и внедрение чего-либо нового происходит в несколько раз быстрее, чем в крупных корпорациях или государственных учреждениях. Кроме того, руководители малых компаний (зачастую, они же и собственники) имеют прямую личную заинтересованность в развитии бизнеса, в то время как наемный топ-менеджмент в этом заинтересован косвенно.

Кроме того, малые предприятия активнее используют гибкие режимы занятости, которые позволяют участвовать в общественном труде тем категориям граждан, которые по тем или иным причинам не имеют возможности трудиться полный рабочий день. В первую очередь, это касается студентов, пенсионеров, многодетных матерей, лиц, имеющих малолетних детей, а также ухаживающих за престарелыми или заболевшими родственниками. Трудоустройство этих категорий граждан серьезно снижает давление на рынок труда, способствует росту денежных доходов населения, облегчает и ускоряет процесс социальной и профессиональной адаптации, что особенно важно для студентов. Поэтому специалисты обоснованно считают, что экономическая безопасность страны и ее регионов во многом зависит от развития малого бизнеса¹. Для Республики Мордовия, имеющей жесткие природно-ресурсные ограничения, развитие этого сектора экономики имеет стратегически важное значение².

Но пока малый бизнес в Мордовии развит слабо, что не позволяет обеспечить устойчивость региональной социально-экономической системе. В начале 2018 г. в Республике Мордовия было зарегистрировано 7061 малых предприятий (МП), что на 85 ед. меньше, чем в 2012 г. Многие МП существуют на рынке не более 1 года. Для целей управления это очень важное обстоятельство, которое говорит о том, что в первый год своего функционирования МП нуждаются в особой поддержке.

¹ Чередниченко В. Благополучие регионов зависит от развития малого и среднего бизнеса // Финансовые известия. 2012. – № 28. – С. 40–47.

² Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Основные тенденции развития малого бизнеса в сфере инноваций: региональный аспект // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики: Материалы X Междунар. науч.-практич. конф. – СПб., 2018. – С. 16–24; Тренькаева Н.В., Липатова Л.Н. Основные тенденции развития малого инновационного предпринимательства в Республике Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. – № 2 (46). – С. 198–207; Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Развитие малого предпринимательства в высокотехнологичной сфере: опыт Республики Мордовия // Научное обозрение. 2018. – № 4. – С. 10.

Малый бизнес раздвигает свои границы не только вширь, возникают МП и в нетрадиционных для этой формы хозяйствования видах деятельности. Так, в 2016 г. в республике было зарегистрировано 3 МП, занятых в сфере государственного управления, обеспечения военной безопасности и социального обеспечения.

В начале 2018 г. в Республике Мордовия было зарегистрировано 7061 малых предприятий (МП), что на 85 ед. меньше, чем в 2012 г. За рассматриваемый период существенно изменилась и структура сектора «малой экономики». Большая часть МП в РМ занята оптовой и розничной торговлей и ремонтом автомобилей, но с годами уменьшается и число предприятий, и доля в структуре регионального малого бизнеса. Это может быть связано с активным внедрением в регион торговых сетей, которые распространились повсеместно¹.

Вторая по числу МП отрасль – строительство. В республике, переживавшей в последние годы поистине строительный бум, что было связано с подготовкой к Чемпионату мира по футболу, число строительных организаций за 2012–2017 гг. возросло, немного увеличился и их удельный вес в структуре «малой экономики»².

Более существенные изменения коснулись МП, занятых в сфере обрабатывающих производств: на 11% уменьшилось число таких организаций (только за 2017 г. их стало меньше на 101 ед.), а также их структурная доля.

Половина всех МП с основным видом деятельности, относящимся к обрабатывающим производствам, заняты в 4 отраслях – это производство пищевых продуктов, ремонт и монтаж машин и оборудования, производство прочей неметаллической минеральной продукции, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования³.

Наиболее сильно в рассматриваемый период уменьшилось число МП, занятых операциями с недвижимым имуществом – пятой по числу МП в РМ. Произошло падение количественного показателя в 2,4 раза, что привело к уменьшению структурной доли этого сектора на 10 п.п. Особенно резкие изменения произошли в 2017 г., когда только за один год число МП, занятых этим видом деятельности, уменьшилось более чем в 3 раза (с 1579 ед. до 504 ед.).

Отчасти это связано с общим спадом на рынке недвижимости, вызванном падением жизненного уровня. Но главная причина ухода с рынка большинства агентств недвижимости в Мордовии, на наш взгляд, кроется в том, что их услуги стали менее востребованы по той причине, что в регионе действует программа льготного ипотечного кредитования и большинство договоров заключались напрямую с застройщиками. Из-за действующей в Мордовии программы 5-процентной ипотеки спрос на вторичное жилье, при подборе которого, как правило, прибегают к услугам риэлторов, значительно снизился, что привело к прекращению деятельности многих агентств недвижимости.

Не вполне успешно идут дела у МП в важнейшей для региона отрасли – сельском хозяйстве: за 2012–2017 гг. число предприятий и структурная доля этого вида деятельности уменьшились на более чем в 2 раза.

Активно распространяются малые формы хозяйствования на деятельность в области здравоохранения и социальных услуг: за рассматриваемый период число МП, оказывающих услуги в этой сфере, возросло в 1,7 раза и достигло 101 ед. А вот в образовании малые формы деятельности пока распространены не так широко – в республике действует всего 6 МП, оказывающих образовательные услуги. Скорее всего, это связано с тем, что спрос на этот вид услуг сильно зависит от материальных возможностей людей. Далеко не все родители могут оплатить своим детям дошкольное или внеклассное обучение, а также занятия в различных спортивных и развивающих секциях.

Кроме того, некоторые виды деятельности в сфере образования относятся к общественно полезным, т. е. входят в Перечень общественно полезных услуг, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 г. № 1096. Это означает, у организаторов этой деятельности есть возможность претендовать на разнообразные гранты и субсидии. Для этого они регистрируются в качестве некоммерческих организаций (НКО).

Численность занятых на МП РМ за анализируемый период увеличилась на 8,5% и приблизилась к 50 тыс. чел., что составляет менее 13% общего числа занятых в экономике региона. (Среднегодовая численность занятых в экономике Республики Мордовия составила в 2017 г. 387,1 тыс. чел.⁴) Наибольшая доля в структуре занятости в секторе «малой экономики» принадлежит организациям, занятым оптовой и розничной торговлей и ремонтом автомобилей, в рассматриваемый период она немного увеличилась, а средняя численность занятых за это время возросла на 12%.

Но в 2015 и 2016 гг. больше всего рабочих мест малый бизнес создавал в сфере операций с недвижимостью. В 2017 г. вследствие закрытия большого числа риэлтерских фирм численность занятых этим бизнесом сократилась почти в 2 раза, с 24% до 11% снизилась структурная доля этого вида деятельности.

Вторая по числу работников отрасль малого бизнеса – обрабатывающие производства. Число рабочих мест на предприятиях этого вида деятельности возросло в рассматриваемый период на 16%, что вывело эту важнейшую отрасль экономики на 2-е место в структуре занятости, хотя еще годом ранее она была лишь четвертой.

Следующий по числу рабочих мест сектор малого бизнеса в регионе – строительство – за 2012–2016 гг. оно увеличилось в 1,5 раза, но в 2017 г. рассматриваемый показатель сильно снизился – на 21,5% в сравнении с 2016 г., когда структурная доля этого вида деятельности в структуре занятости в секторе «малой экономики» превышала 18%⁵.

В число крупнейших отраслей «малой экономики» Мордовии входит и сельское хозяйство, обеспечившее рабочими местами в 2017 г. 4,3 тыс. чел., но это на 21% меньше, чем в 2012 г.⁶

¹ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2014. – С. 213; 2015. – С. 214; 2017. – С. 195.

² Там же, 2018. – С. 206.

³ Там же, 2018. – С. 208, 214.

⁴ Там же, 2018. – С. 95.

⁵ Там же, 2014. – С. 215; 2015. – С. 216; 2017. – С. 197.

⁶ Там же, 2018. – С. 210.

Основными причинами, сдерживающими развитие малого предпринимательства в регионе, специалисты считают низкий платежеспособный спрос населения и отсутствие стартового капитала у желающих создать собственное дело¹.

По числу малых предприятий в расчете на 10 000 чел. населения Республика Мордовия занимает одно из последних мест в стране и последнее в ПФО – 88 ед. против 188 ед. в РФ и 160 ед. в ПФО (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели деятельности малых предприятий в 2017 г.²

Регион	Число малых предприятий (на конец года), тыс.	Число малых предприятий на 10 000 человек населения	Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), тыс. человек	Оборот малых предприятий, млрд. руб.
Российская Федерация	2754,6	188	10 854,7	48 459,2
Приволжский федеральный округ	472,3	160	2268,6	6682,4
Республика Башкортостан	51,8	127	306,2	723,8
Республика Марий Эл	9,7	142	42,4	167,9
Республика Мордовия	7,1	88	42,3	125,3
Республика Татарстан	75,1	193	332,6	964,5
Удмуртская Республика	25,6	169	115,6	345,9
Чувашская Республика	16,4	133	77,3	179,0
Пермский край	48,3	184	201,8	695,4
Кировская область	22,9	179	101,3	280,4
Нижегородская область	61,6	190	341,6	1075,2
Оренбургская область	21,4	108	125,3	264,1
Пензенская область	15,8	119	103,0	285,3
Самарская область	69,1	216	264,1	869,3
Саратовская область	28,7	116	133,5	420,4
Ульяновская область	18,8	151	81,7	285,8

Расширение сектора «малой экономики» до средних значений по ПФО позволило бы создать дополнительно 35 тыс. рабочих мест, до среднероссийского уровня – 48 тыс. новых рабочих мест (это 9–12% показателя численности занятых в региональной экономике).

Одним из ключевых направлений в системе поддержки малого бизнеса в Республике Мордовия должна стать защита интересов мелких торговых организаций, развитие региональной торговой сети магазинов шаговой доступности, реализующих преимущественно продукцию местных производителей. Это будет способствовать и развитию ключевой отрасли региональной экономики – сельского хозяйства.

В решении проблемы, связанной с отсутствием начального капитала для открытия собственного дела, можно рекомендовать инициировать создание в регионе коллективных офисов (коворкингов) – специальных мест, где можно быстро и недорого арендовать рабочее место. Преимущество такой формы организации бизнеса еще и в том, что предприниматели имеют возможность обмениваться опытом с коллегами.

Коворкинг как бизнес активно развивается во многих странах мира. Это означает, что такие «разовые» рабочие места пользуются спросом. По некоторым данным, к 2020 году в мире будет уже порядка 26 тыс. коворкингов. Но в России они пока не получили широкого распространения. В лидерах – Москва, в которой функционирует 76 коворкингов, в Санкт-Петербурге – 22, в некоторых других регионах доходит до десяти³.

Другое предложение по развитию малого бизнеса в регионе – реализация так называемых менторских программ, которые предполагают установление контактов между успешными предпринимателями и теми, кто только начинает заниматься своим бизнесом. Такое бизнес-сопровождение позволяет начинающему предпринимателю избежать многих ошибок на стадии становления бизнеса.

Таким образом, ускоренное развитие малого бизнеса в Республике Мордовия позволит создать новые рабочие места и обеспечит повышение уровня жизни населения, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению экономической безопасности и снижению угроз стабильности региональной социально-экономической системы со стороны рынка труда.

¹ Саков И.А., Липатова Л.Н. Статистический анализ развития малого бизнеса в Республике Мордовия // Статистика и вызовы современности: Матер. Всерос. науч.-практич. конф. – М., 2015. – С. 442–450; Абелова Л.А., Липатова Л.Н. Развитие малого бизнеса в Республике Мордовия в годы мирового экономического кризиса // Современные проблемы кооперации: Матер. Междунар. науч.-практич. конф. – Саранск, 2012. – С. 105–110.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 572–573.

³ Офис по-быстрому: как заработать на коворкинге. – https://www.rbc.ru/own_business/28/09/2016/57eb8a239a794799bdae5270

Альжанова Ф.Г.

д.э.н., зав. отделом Института экономики КН МОН РК

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КАДРОВ В КАЗАХСТАНЕ¹

Ключевые слова: кадры, таланты, конкурентоспособность талантов, рынок труда.

Высокие темпы технологических изменений являются одним из основных вызовов для рабочей силы, которая в сжатые сроки должна приспосабливаться к новым условиям профессиональной деятельности – расширять и повышать квалификацию, проходить переподготовку и т.д.

Учитывая современный контекст развития рынка труда, глобализации технологического развития, развития глобальных навыков и знаний можно представить следующую иерархию конкурентоспособности кадров: глобальный уровень, национальный уровень, корпоративный уровень, персональный (рис. 1).

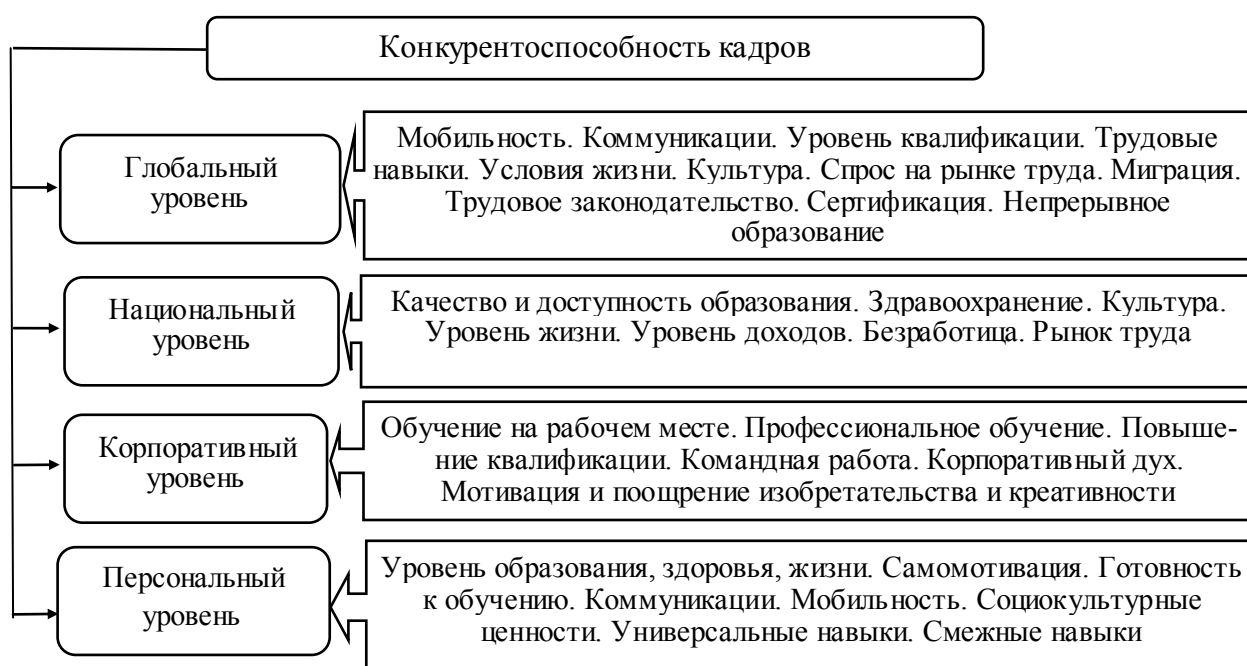

Рисунок 2.
Уровни конкурентоспособности национальных кадров

Конкурентоспособность национальных кадров на глобальном уровне может быть достигнута в том случае, когда работают все три компонента – национальный, корпоративный, персональный. На национальном уровне конкурентоспособность кадров формируется под влиянием общих условий и факторов конкурентоспособности кадров. Среди них: демография, качество и доступность образования, здравоохранение, культура, качество и уровень жизни, уровень доходов и др. На корпоративном уровне конкурентоспособность кадров формируется путем периодического повышения квалификации персонала предприятий, профессионального обучения кадров. На персональном уровне конкурентоспособность кадров формируется исходя из личных мотиваций, уровня трудовых навыков, уровня образования, коммуникативных способностей, готовности к обучению, социальных условий, в которых формируется личность и т.п.

Сегодня в мире широкое распространение получила концепция конкурентоспособности талантов. Понятие «управление талантами», «война за таланты» появилось благодаря разработкам McKinsey в 1997 году². Управление талантами рассматривается как система, которая включает выявление и привлечение талантов, выращивание талантов, использование потенциала, управление знаниями, мотивация³.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ГФ ИРН № AP05132547 «Повышение конкурентоспособности национальных кадров как условие обеспечения сбалансированности трудовых ресурсов и рабочих мест».

² Michaels E., Handfield-Jones H., Axelrod B. The war for talent. – Boston, 2001. – 13 p.

³ Садова К.В. Управление талантами как современный подход к повышению эффективности компании // Вестник ВУиТ. 2016. – № 3. – <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-kak-sovremennyy-podhod-k-povysheniyu-effektivnosti-kompanii>

Концепция управления талантами вышла за корпоративные рамки. К примеру, в России принята специальная Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, которая определяет «базовые принципы построения и основные задачи общенациональной системы выявления и развития молодых талантов, а также основные направления её функционирования»¹.

Используя концепцию управления талантами INSEAD, Adecco Group, and Human Capital Leadership Institute разрабатывают Индекс глобальной конкурентоспособности талантов (The Global Talent Competitiveness Index GTCI)². Согласно модели GTCI конкурентоспособность талантов определяется политикой и применяемой практикой, которые позволяют стране развивать, привлекать и расширять возможности человеческого капитала, что в итоге способствует росту производительности труда и экономическому процветанию страны. GTCI представляет собой модель вход-выход. Модель конкурентоспособности талантов описывается 6 основными группами условий. Входные условия показывают, что страны делают для производства и приобретения талантов, а также описывает, какие навыки доступны странам в результате использования первых четырех условий.

В оценке выходных индикаторов выделяют два уровня талантов. Средние навыки – профессиональные и технические навыки (VT skills) – это навыки, которые получены в результате профессиональной подготовки и опыта. Влияние этих навыков измеряется степенью занятости, к которой они ведут. Высокие навыки – навыки глобальных знаний Global Knowledge Skills (GK skills) – касаются профессиональных знаний и креативности в управлении и принятии решений. Их эффект оценивается через показатели инноваций, развития предпринимательства. Совместно профессиональные и технические навыки (VT skills) и навыки глобальных знаний (GK skills) составляют два основных компонента выходного индикатора модели оценки конкурентоспособности талантов. В оценке конкурентоспособности талантов используются 67 показателей. Многие из этих показателей широко используются для разработки различных глобальных рейтингов и оценок.

Интерес представляет то, как формируется профиль конкурентоспособности кадров. Все страны разбиты на 4 квартиля. Верхний четвертый квартиль включает страны, имеющие самые конкурентоспособные кадры – это 29 стран. Третий квартиль – 30 стран, в том числе и Казахстан, занимая в рейтинге 53 место. При этом Казахстан имеет достаточно большой разброс по показателям (табл. 1).

Таблица 1

Профиль глобальной конкурентоспособности талантов Казахстана

Показатель	Место в рейтинге	Квартиль
Место в рейтинге ГКТ	53	Третий квартиль
Возможности для развития талантов	58	Третий квартиль
Привлечение талантов	61	Второй квартиль
Выращивание талантов	90	Первый (нижний) квартиль
Сохранение талантов	45	Третий квартиль
Профессиональные и технические навыки	45	Третий квартиль
Навыки глобальных знаний	65	Второй квартиль

Примечание – Составлено по [3].

Интерпретируя эти данные, следует отметить, что Казахстан занимает позиции выше среднего в глобальном рейтинге, имея возможности для развития талантов, профессиональных навыков. Однако имеет ограниченные возможности для выращивания конкурентоспособных талантов и достаточно низкие навыки глобальных знаний (рис. 2).

По оценкам экспертов, Казахстан способен привлекать иностранный бизнес и человеческий капитал, благодаря нефтяной промышленности и стремлению диверсифицировать свою экономику. Тем не менее, страна отстает в возможностях роста из-за незрелости системы непрерывного обучения и ограниченности доступа к возможностям роста.

Важной проблемой конкурентоспособности кадров является их готовность адаптироваться к будущим технологиям. Исходя из этой проблемы разработана карта «Готовности талантов» по четырем основным атрибутам:

1. Готовность системы образования, измеряемая четырьмя показателями: качеством базовой грамотности и математическими навыками (оценка PISA), использованием технологий в образовательных целях, доступом к возможностям непрерывного обучения и актуальностью системы образования для нужд экономики.

2. Готовность системы занятости, включая компонент социальной защиты, измеряется тремя показателями: гибкость рынка труда (легкость найма и сокращения), безопасность и сотрудничество между работодателями и работодателями.

3. Взаимосвязь заинтересованных сторон измеряется одним показателем, отношениями между бизнесом и правительством. Так, например, развитие системы непрерывного образования требует смешанного обучения, включая использование онлайн-обучающих платформ, обучение в учреждениях образования требует тесного сотрудничества между предприятиями, тренерами и учебными заведениями, а также государственными учреждениями.

4. Уровень технологической компетенции включает 7 показателей: использование виртуальной работы (например, удаленная работа, дистанционная работа); использование онлайн-социальных сетей; личная инновативность

¹ Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 3 апреля 2012 г.

² The Global Talent Competitiveness Index. Talent and Technology, 2017. – www.groupe-adecco.fr/wp-content/uploads/2017/01/rapport-GTCI-2017_eng.pdf

(или генерирование идей людьми); степень внутрифирменного сотрудничества; степень совместной работы; предпринимательский дух и делегирование полномочий.

Рисунок 3.

Профиль конкурентоспособности талантов Казахстана и Швейцарии (лидера рейтинга)

С учетом этого наиболее готовыми оказались 40 стран, из которых 9 особенно хорошо позиционируются с точки зрения готовности талантов к технологиям – это Швейцария, Сингапур, Великобритания, Дания, Нидерланды, Ирландия, Канада, Новая Зеландия и Объединенные Арабские Эмираты.

Глобальная конкурентоспособность талантов определяется страновыми возможностями и усилиями по развитию талантов. Эти усилия могут проявляться в виде развития общих условий развития талантов на национальном, корпоративном и личном уровне, а также за счет привлечения внешних источников талантов и знаний.

В традиционной системе производства выполнение многих видов работ требует повторения рутинных, неизменных функций. Основное обучение происходит, когда работник начинает новую работу. В экономике знаний изменения происходят очень быстро, что компании не могут полагаться только на новых выпускников университетов, которые впервые приходят на рынок труда с новыми знаниями. Наоборот, им нужны работники, которые хотят и могут совершенствовать свои навыки на протяжении всей жизни. Поэтому страны создают такие образовательные системы, которые бы позволяли бы людям приобретать необходимые им навыки¹.

Учитывая быстро меняющиеся потребности рынка труда в общем *повышение конкурентоспособности кадров связано с мультиобразованием*: получением второго образования, повышением квалификации, профессиональной переподготовкой, сменой профессии.

Зарубежный опыт показывает, что существует широкий спектр моделей и инструментов развития конкурентоспособных национальных кадров.

Следует отметить, что в зарубежной практике нельзя выделить универсальную модель формирования конкурентоспособных кадров. Необходимо учитывать исходный потенциал, традиции развития человеческого потенциала, преимущества. Кроме того, необходимо очень осторожно относиться к заимствованию зарубежных моделей в силу институциональных и культурных особенностей.

Так, например, прогрессивным может быть признан опыт Сингапура, который в краткие сроки сумел создать систему подготовки конкурентоспособных кадров, адаптированную к потребностям мирового рынка услуг. Но это связано с сильным влиянием американской культуры и английского языка.

Следует при этом обратить внимание на грамотно выстроенную систему мотивации кадров, что нашло отражение в повышении статуса профессий в сфере интеллектуальной деятельности (преподаватели, ученые, инженерно-технические кадры), что выражается в высоком уровне оплаты труда и высоком социальном статусе этих категорий работников. Низкая оплата труда, низкий статус профессий учителей, медицинских работников, ученых, инженеров в Казахстане приводит к тому, что эти сферы не являются «магнитами для талантов».

¹ Обучение на протяжении жизни в условиях новой экономики (Серия «Актуальные вопросы развития образования») – М.: Алекс, 2006. – 264 с.

Следует отметить, что в определенном смысле Казахстан имеет ряд базовых преимуществ: поликультурная, двуязычная среда, которая позволяет легко воспринимать инновации, высокий уровень грамотности населения, развитая система образования.

Однако, вместе с тем, следует отметить, что при развитой системе среднего образования в Казахстане требуется расширение доступности технического и высшего образования. В целом низкий технологический уровень экономики отражается на уровне технологизации образования, что является необходимым для развития навыков для работы в цифровой экономике.

Следует отметить, что в Казахстане существует система специализированных школ технического и естественнонаучного профиля (РФМШ, НИШ и др.). Однако не предусмотрена возможность перезачета дисциплин при переходе из средней школы в высшую школу. В результате, например, выпускники физико-математических школ зачисляются в университеты на общих основаниях, тогда как с учетом возможностей кредитных технологий можно было бы обеспечить их ускоренное продвижение в высшей школе и выход на рынок труда. Это имело бы такие положительные эффекты: более эффективное использование расходов на образование, возможность завершить образование с меньшими затратами времени, более ранний выход на рынок труда и возможность реализации профессионального потенциала.

Одним из главных элементов формирования конкурентоспособных кадров является развитие систем непрерывного образования, внедрение моделей мультипрофессиональной подготовки, подготовки кадров с глобальной перспективой, а также систем образования взрослого населения при финансовой и институциональной поддержке со стороны государства. Система непрерывного образования наряду с прямыми выгодами – подготовкой конкурентоспособных кадров имеет такие благоприятные последствия как включенность в социальные сети, психологические благополучие, самоэффективность, чувство цели в жизни, новый образовательный опыт, преимущества, связанные с работой, новые навыки и компетенции. Таким образом можно рекомендовать для Казахстана следующие методы повышения конкурентоспособности национальных кадров (табл. 2).

Таблица 2

Методы и инструменты повышения конкурентоспособности национальных кадров

Этапы и формы обучения кадров	Зарубежный опыт
Начальная школа	Оплачиваемое и непрерывное обучение учителей и руководителей школ (Сингапур, Дания)
Общее среднее образование	Увеличение числа практических возможностей обучения (Дания). Система поощрения детей в возрасте от 7–16 лет (Сингапур). Система сберегательных образовательных фондов (Сингапур)
Профессиональное среднее образование	Переход от узкой специализации к многопрофильной, от простых профессий к сложным (Япония).
Высшее образование:	Более короткие программы высшего образования. Магистерские программы для наиболее талантливых студентов (Дания), зарубежные программы (Дания, Сингапур)
Обучение взрослых и непрерывное образование	Программы, ориентированные на всех членов рабочей силы (Дания). Фонд повышения квалификации (Сингапур)
Корпоративные системы подготовки кадров	Плановая система непрерывной подготовки и переподготовки персонала (Япония)
Онлайн-платформы массового, доступного образования	Публикация образовательных материалов в Интернете в виде набора онлайн-курсов. Получение востребованных навыков и документов, подтверждающих квалификацию (США)

Для Казахстана полезен опыт использования новых подходов, инструментов привлечения и выращивания конкурентоспособных кадров, в том числе на основе использования информационных технологий, таких как внедрение автоматизированных сервисов подбора, управления и обучения персонала, развитие доступных систем онлайн обучения, развитие корпоративных методов повышения квалификации персонала, создание корпоративных систем мотивации персонала.

*Артамонова Л.С.*¹

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМПАНИИ НА ОСНОВЕ ЕЁ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Ключевые слова: *финансовый риск, реструктуризационный проект, оценка рисков на этапе реструктуризации, риск, управление, процесс, предупреждение.*

Keywords: *financial risk, restructuring project, risk assessment at the stage of restructuring, risk, management, process, prevention.*

Введение

Главная способность, которую современное предприятие должно иметь для выживания в долгосрочной перспективе – это способность своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям деятельности. На сегодняшний день наука и практика разработали соответствующий инструмент для решения этой проблемы – реструктуризация, которая является сложной, дорогостоящей и требует значительного внимания к процессу трансформации. Поэтому этот процесс должен контролироваться, и он «не может быть проведен без оценки на разных этапах реструктуризации и определения его конечного результата»².

Вопросы реструктуризации рассматриваются в работах ряда зарубежных ученых, таких как Х. Тейл, Дж. Томпсон, Дж. Чумми и М. Хаммер, Ф. Хьюз, П. Друкер, Т. Хьюз, Р. Уотерс и другие.

Среди отечественных авторов, рассматривающих этот вопрос, можно выделить таких как Б.З. Милнер, Л.Д. Гительман, В.Г. Крыжановский, Г.Б. Клейнер, В.Н. Тренева, В.А. Ириков, С.В. Илеменова, И.И. Мазур, В.Д. Шапиро, Е.М. Коротков, О.В. Иншакова и др.

Основы, подходы и особенности реструктуризации предприятий

Подходы к оценке эффективности реструктуризации предприятий отражены в работах А.Г. Грязновой, М.А. Федотовой, Г.С. Мерзликиной, М.И. Кузьмина, И.А. Шаралдаева, Б.И. Табачника и других.

На современном этапе развития российских компаний можно выделить позитивные изменения, характеризующиеся стремлением улучшить финансовые показатели за счет программы реструктуризации.

Рано или поздно любое предприятие под воздействием внешних факторов сталкивается с необходимостью преобразования своих структур или проектов. Обычно реструктуризацию понимают как изменение структуры компании. Эти изменения включают элементы, необходимые для формирования бизнеса. Выбор стратегии реструктуризации определяется многими факторами, влияющими на это решение. К ним относятся: разногласия между заинтересованными сторонами, отсутствие поддержки со стороны руководства, имеющиеся риски. Существует несколько типов рисков: риск недостаточной квалификации персонала, риск низкой мотивации, риск ошибочной оценки необходимых ресурсов для реструктуризации, риск социальных последствий.

Благодаря реструктуризации российские компании активно развиваются. Более 52% компаний систематически реструктурируют свой бизнес или его части. Основными аргументами, которые побуждают российские компании к реструктуризации, являются:

- повышение эффективности бизнес-процессов;
- прибыль от инвестированного капитала;
- привлечение инвестиций на льготных условиях.

Основной причиной реструктуризации предприятия может считаться низкая или недостаточная эффективность его деятельности, которая проявляется в виде отрицательных финансовых показателей, в увеличении уровня кредиторской и дебиторской задолженности при отсутствии оборотного капитала.

Результатом реструктуризации является определенный эффект как показатель этого процесса (положительный или отрицательный). Относительным показателем эффективности является эффективность – «соотношение результата и затрат, результат должен превышать затраты, в противном случае мы можем говорить об отсутствии эффективно-

¹ Артамонова Лариса Сергеевна – к.э.н., доцент департамента «Антикризисное управление и финансы», Институт экономики и антикризисного управления, Москва.

² Винникова, И.С. Совершенствование системы инновационно-стратегического развития промышленных предприятий // Проблемы теории и практики управления. – 2010. – № 1. – С. 98–101

сти»¹. Оценить эффективность реструктуризации производственно-экономической системы, на наш взгляд, довольно проблематично, поскольку трудно отделить влияние обычных факторов функционирования и факторов, непосредственно связанных с реструктуризацией. Поэтому лучше говорить о производительности, которую мы понимаем как уровень достижения целей предприятия по реструктуризации.

Риски и управление ими при проведении реструктуризации

Во время реализации плана реструктуризации никто не застрахован от негативных последствий. Существует несколько основных рисков, которые могут негативно повлиять на реализацию проектов реструктуризации:

1. Риск неправильного выбора метода реструктуризации.
2. Риск преждевременной оценки результатов реструктуризации.
3. Риск несоответствующей квалификации представителей органов управления компании.
4. Риск недооценки ресурсов, необходимых для реструктуризации.
5. Риск низкой мотивации лиц, вовлеченных в процесс реструктуризации.

6. Риск негативных социальных последствий. Негативные последствия программы реструктуризации являются широко распространенными в рыночной экономике. Этот риск проявляется в массовом сокращении персонала.

7. Риск плохой юридической поддержки проекта.

Способы снижения финансового риска разрабатываются самими предприятиями. Они зависят от стратегии, доступных ресурсов, времени.

Набор методов и мер, выбранных на этапе реструктуризации, является основой для разработки программы управления рисками.

Для успешной реализации проекта реструктуризации требуется комплекс мер по предотвращению нежелательных потерь, который включает в себя диагностику и анализ текущей ситуации предприятия. Таким образом, важно ставить цели, выбирать методы и разрабатывать, и осуществлять меры, направленные на создание конкурентных преимуществ компании в реализации проекта реструктуризации на будущее.

Целью системы управления рисками предприятия является обеспечение стратегической и оперативной стабильности бизнеса предприятия путем поддержания уровня рисков в пределах установленных границ.

Управление рисками основано на результатах оценки риска. Объектом оценки и управления рисками являются стратегические решения предприятия, стратегический план и включенные в него проекты.

¹ Егорова А.О. Анализ состояния хозяйственной деятельности предприятия, как базы формирования стратегии развития // Молодой ученый. 2011. – № 3–1. – С. 156–159.

Бочков С.П.¹

СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ РИСКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА ПО РЕАЛЬНЫМ АКТИВАМ НА ПРЕДИНВЕСТИЦИОННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: *риск инвестиционного проекта, качественный и количественный анализ, нормальное распределение, теория вероятностей.*

Keywords: *investment project risk, qualitative and quantitative analysis, normal distribution, probability theory.*

Введение

Неопределённости, а следовательно, и риски сопровождают любой инвестиционный проект. По этой причине решение о возможном осуществлении и, тем более, финансировании инвестиционного проекта разумно принимать после выявления и оценки его рисков.

В связи с этим особенно актуальными являются качественный и количественный анализ рисков инвестиционного проекта, их методологические и методические аспекты.

Измерение риска инвестиционного актива

Инвестиционным проектом можно считать мероприятие или комплекс мероприятий, требующих инвестирования. Инвестирование понимается как вложение ресурсов – денежных средств, целевых банковских вкладов, паёв, акций и других ценных бумаг, технологий, машин, оборудования, любого другого имущества, в том числе имущественных прав, интеллектуальных ценностей и иных прав, имеющих денежную оценку, в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода) или достижения иного полезного эффекта. Поэтому результаты инвестиционного проекта могут измеряться показателями экономического эффекта и (или) экономической эффективности.

В зависимости от того, к какому виду активов – реальным или финансовым – принадлежит объект, в который вкладываются ресурсы, можно различать инвестиционные проекты по реальным активам и инвестиционные проекты по финансовым активам. Одним из показателей экономической эффективности инвестиционного проекта по реальным активам является индекс (коэффициент) рентабельности (прибыльности). Индекс рентабельности (IR) представляет собой взятое по модулю частное от дисконтированной стоимости чистого операционного потока и текущей стоимости чистого инвестиционного потока, порождаемых инвестиционным проектом.

Считается, что если значение IR больше единицы, то инвестиционный проект – экономически выгоден (эффективен) и наоборот, если значение IR для инвестиционного проекта меньше единицы, то такой проект – экономически неэффективен (не выгоден).

Понятие «риск инвестиционного проекта» может означать потенциальную вероятность возникновения неблагоприятной ситуации или неблагоприятного последствия от его осуществления². Под неблагоприятной ситуацией или неблагоприятным последствием могут пониматься: убытки, получение нулевого результата (ни убытки, ни прибыль), недополучение дохода или прибыли относительно ожидаемых значений этих показателей и событие, которое может привести к убыткам и недополучению доходов или прибыли в будущем. Убытки выражаются в расходах ресурсов, которые понесены или будут понесены при осуществлении инвестиционного проекта (отрицательный экономический эффект или экономическая неэффективность), утрате или повреждении ресурсов (реальном ущербе) и сохранении ресурсов в неизменном виде вследствие отказа от осуществления инвестиционного проекта, хотя они должны были бы увеличиться (упущенной выгоде).

Количественный анализ риска инвестиционного проекта предполагает количественное определение отдельных идентифицированных рисков и риска проекта в целом.

Следовательно, одна из задач количественного анализа риска инвестиционного проекта может быть сформулирована как определение вероятности экономической неэффективности проекта в целом и в частности, вероятности принятия показателем IR инвестиционного проекта значения меньше единицы³.

¹ Бочков Сергей Петрович – к.э.н., доцент кафедры «Финансы» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Жидкова М.А. Особенности организации финансирования затрат на воспроизводство парка автомобилей – такси // Автотранспортное предприятие. 2015. – № 11. – С. 15–18.

³ Жидкова М.А. Выбор источников финансирования инвестиционных программ на таксомоторном транспорте // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). 2015. – № 2 (41). – С. 62–69.

Осуществление инвестиционного проекта может проходить четыре последовательных этапа: прединвестиционный, инвестирования в объекты, использования объектов и ликвидации (продаж) объектов.

На прединвестиционном этапе предлагаются различные мероприятия или комплексы мероприятий для концепции или идеи инвестирования, каждое мероприятие или комплекс мероприятий прорабатываются со всех сторон, имеющих значения для их реализации, составляется детальный план инвестиционного проекта и принимается решение о возможности его осуществления. На этом этапе задачу определения вероятности получения индексом рентабельности (IR) инвестиционного проекта значения меньше единицы можно решать следующим образом.

Можно предположить, что в отношении величины IR имеет место нормальное распределение. Сделанное предположение теоретически обосновывается тем, что, во-первых, величина показателя IR инвестиционного проекта определяется большим числом независимых переменных (случайных величин), каждая из которых в отдельности относительно других влияет незначительно и непредсказуемо, и, во-вторых, величина показателя IR инвестиционного проекта принимает дискретные значения.

Кроме того, как утверждается в работе¹, апробация моделей для анализа рисков на основе нормального распределения доказывает адекватность этого теоретического инструмента реальным процессам экономической деятельности. Тем не менее, в каждом конкретном случае гипотезу о нормальном законе распределения величины IR инвестиционного проекта желательно проверять с помощью различных критериев согласия, которые для задаваемой надежности (вероятности) позволяют принять или отвергнуть указанную гипотезу.

В случае принятия гипотезы о нормальном законе распределения величины IR инвестиционного проекта методика расчета вероятности получения IR значения меньше единицы может быть следующей:

1) задаются три возможных сценария развития инвестиционного проекта:

– ожидаемый, при котором значения основных переменных проекта равны прогнозным (ожидаемым) величинам;

– пессимистический, когда основные переменные проекта принимают пессимистические значения в сравнении с прогнозными величинами (например, цены на ресурсы выше прогнозных, объём продаж продукции и цены на неё ниже прогнозных);

– оптимистический, когда основные переменные проекта принимают оптимистические значения в сравнении с прогнозными величинами;

2) для каждого из сценариев инвестиционного проекта: ожидаемого, пессимистического и оптимистического – рассчитываются значения IR, соответственно: IR_{ож}, IR_п и IR_о;

3) каждому сценарию проекта (ожидаемому, пессимистическому и оптимистическому), исходя из субъективных ощущений аналитика или по итогам экспертного опроса присваиваются вероятности их осуществления, соответственно: P_{ож}, P_п и P_о, такие, что:

$$P_{ож} + P_{п} + P_{о} = 1 \quad (1),$$

4) вычисляется математическое ожидание IR, т.е. наиболее вероятное значение IR инвестиционного проекта, взвешенное по присвоенным вероятностям:

$$MO = IR_{ож} \times P_{ож} + IR_{п} \times P_{п} + IR_{о} \times P_{о} \quad (2),$$

5) рассчитывается среднее квадратическое отклонение от наиболее вероятного значения IR:

$$\sigma = \sqrt{(IR_{ож} - MO)^2 * P_{ож} + (IR_{п} - MO)^2 * P_{п} + (IR_{о} - MO)^2 * P_{о}} \quad (3)$$

или

$$\sigma = \sqrt{IR_{ож}^2 * P_{ож} + IR_{п}^2 * P_{п} + IR_{о}^2 * P_{о} - MO^2} \quad (4),$$

6) рассчитывается коэффициент вариации, показывающий, насколько процентов возможные значения IR проекта могут отклоняться от наиболее вероятной величины:

$$V = \left| \frac{\sigma}{MO} \right| * 100 \quad (5).$$

Чем меньше размер коэффициента вариации, тем менее рискованным считается инвестиционный проект;

7) подсчитывается так называемое «число стандартных отклонений от среднего» (Z) указывающее, на какое число среднеквадратических отклонений от единицы находится наиболее вероятное значение IR, и по данным таблицы Гаусса, на основании Z, устанавливается вероятность получения IR значения больше единицы λ и затем – вероятность получения IR инвестиционного проекта значения меньше единицы: 1 - λ:

$$Z = \left| \frac{1 - MO}{\sigma} \right| \quad (6),$$

По определенной таким способом вероятности получения IR инвестиционного проекта значения меньше единицы становится возможным отнесение этого проекта к конкретной зоне (области, степени) риска в зависимости от уровня возможной экономической неэффективности². Для этого можно воспользоваться одной из разработанных и используемых шкал риска, позволяющих классифицировать поведение лиц, идущих на хозяйственный риск.

¹ Бочков С.П. Инвестиционные риски автотранспортных предприятий // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. – № 3 (17). – С. 10.

² Анастасов М.С. К вопросу обеспечения сбалансированности инновационной, инвестиционной и эксплуатационной фаз развития автотранспортных магистралей // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2013. – № 4. – С. 15–16.

К примеру, можно взять за основу эмпирическую шкалу допустимого уровня риска, предложенную в работе¹ и немного модифицированную (табл. 1).

Таблица 1

Эмпирическая шкала допустимого уровня риска

№	Вероятность получения IR инвестиционного проекта значения меньше единицы	Наименование зоны (степени) риска
1	0	Минимальный
2	0,1 – 0,3	Малый
3	0,3 – 0,4	Средний
4	0,4 – 0,6	Высокий
5	0,6 – 0,8	Максимальный
6	0,8 – 1,0	Критический

Следовательно, воспользовавшись изложенным способом, с учетом сделанных предположений, можно решать задачу количественного анализа риска инвестиционного проекта, а именно, определения степени риска инвестиционного проекта в целом на основе вероятности его экономической неэффективности.

На практике для проверки предположения о нормальном распределении исследуемой совокупности случайных факторов применяются различные критерии согласия, устанавливающие соответствие между эмпирическим (опытным) и теоретическим (нормальным) распределением, и которые для задаваемой надежности (вероятности) позволяют принять или отвергнуть принятую гипотезу о нормальном законе распределения².

Нормальное распределение (распределение Гаусса) представляет собой вид распределения случайных величин, с достаточной точностью описывающий распределение плотности вероятности результатов производственно-хозяйственной, финансовой, инновационной деятельности или изменений условий внешней среды, поскольку показатели, характеризующие их, определяются большим числом независимых случайных величин, каждая из которых в отдельности относительно других играет незначительную роль и непредсказуема³.

Применение нормального распределения для оценки рисков также связано с тем, что в основе данных, как правило, используется ряд дискретных значений. Эти теоретические предпосылки, а также апробация моделей для анализа рисков на основе нормального распределения доказывают адекватность этого теоретического инструмента реальным процессам экономической деятельности.

Плотность вероятности нормального распределения имеет вид:

$$f(x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-\bar{x})^2}{2\sigma^2}}, \quad (7)$$

где $x = a$ — математическое ожидание,

σ — среднее квадратическое отклонение случайной величины X .

Из курса теории вероятностей известно, что попадание случайной величины X в заданный интервал $(a; p)$ определяется как:

$$P(\alpha < x < \beta) = \int_{\alpha}^{\beta} f(t) dt = \Phi\left(\frac{\beta-a}{\sigma}\right) - \Phi\left(\frac{\alpha-a}{\sigma}\right), \quad (8)$$

$$\Phi(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_0^x e^{-\frac{(x-\bar{x})^2}{2\sigma^2}} dx$$

где $\Phi(x)$ — есть интеграл вероятностей или функция Лапласа, ее значения в зависимости от параметра, значения которого приводятся в специальных таблицах, эта функция четная и она изменяется от 0 до 0,5.

Если предположить, что ожидаемое значение результата (прибыль, потери и т.д.) должны принадлежать интервалу $(a; P)$ длиной $A = p - a$, то вероятность того, что достигаемый результат будет находиться в указанном интервале, определяется из формулы (8) и пусть равна P_x ⁴.

¹ Бочков С.П. Об источниках финансирования инвестиций автотранспортных предприятий // Двадцать вторые апрельские экономические чтения. Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. В.А. Ковалева, А.И. Ковалева. 2016. — С. 12–14.

² Анастасов М.С. Факторы повышения эффективности управления инвестированием совместных инновационных проектов // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2012. — № 6. — С. 51–54.

³ Жидкова М.А., Шпилькина Т.А. Основные направления финансирования отечественных автопроизводителей в условиях нестабильной экономики // Финансовая стратегия предприятий в условиях нестабильности экономики. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2018. — С. 57–61.

⁴ Анастасов М.С. Интегральные оценки инновационных проектов создания международных транспортных коридоров / М.С. Анастасов, Э.А. Худазаров // Транспортное дело России. 2011. — № 8. — С. 36–44.

На рис. 1 заштрихованная площадь равна P_x . Тогда вероятность попадания рассматриваемого результата за пределы допустимых границ, исходя из того, что вся площадь под кривой нормального распределения равна единице, будет равна $P_2 = 1 - P_x$.

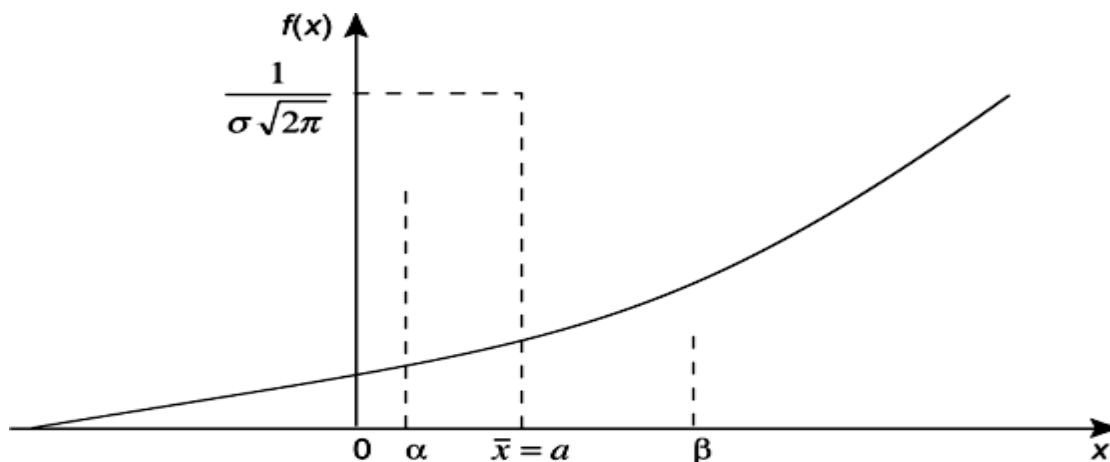

Рисунок 1.
Нормальная кривая

Вероятность P_2 оценивает неопределенность результата и отдельные авторы считают непосредственным измерителем риска величину P_2 . На наш взгляд, лишь в относительно простых случаях для оценки степени риска можно использовать величину вероятности получения отрицательного результата (P_2), так как при этом не затрагиваются существенные факторы понятия риска, отсутствует сравнение возможных выигрышных исходов и влияющих обстоятельств, способствующих им, с возможными потерями в случае неудачи¹.

Средняя арифметическая $x = a$ определяет центр распределения и ее размерность та же, что и размерность случайной величины X . Среднее квадратическое отклонение σ определяет разброс центра распределения и размерность σ совпадает с размерностью случайной величины X . На рис. 2 показано, как разница в значениях средней арифметической влияет на положение графика, а на рис. 3 показано, как увеличение значения a меняет размах кривой.

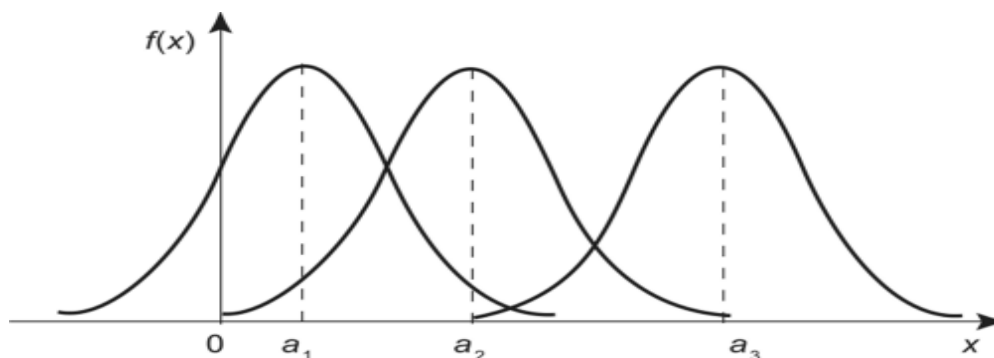

Рисунок 2.
Изменения в значении средней арифметической

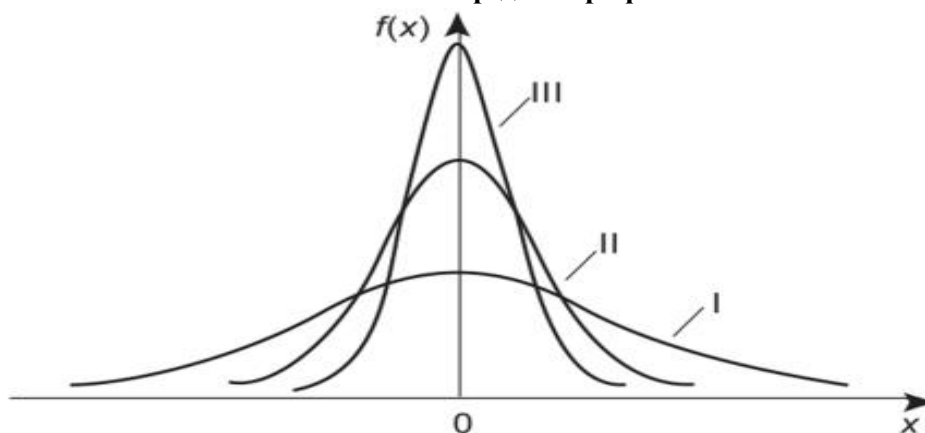

Рисунок 3.
Изменения в значении среднего квадратического отклонения

¹ Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Инвестирование в промышленность и регионы страны как способ роста экономики России // Актуальные вопросы развития экономики. Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / Под ред. В.А. Ковалева, А.И. Ковалева. – М., 2018. – С. 50–55.

Параметр a характеризует не положение, а саму форму кривой распределения. Это есть характеристика рассеивания. Наибольшая ордината кривой распределения обратно пропорциональна cm , при увеличении cm максимальная ордината уменьшается. Так как площадь кривой распределения всегда должна оставаться равной единице, то при увеличении cm кривая распределения становится более плоской, растягиваясь вдоль оси абсцисс; напротив, при уменьшении cm – кривая распределения вытягивается вверх, одновременно сжимаясь с боков, и становится более иглообразной.

На рис. 3 показаны три нормальные кривые (*I, II, III*) при $a = 0$; из них кривая *I* соответствует самому большому, а кривая *III* – самому малому значению cm .

Изменение параметра cm равносильно изменению масштаба кривой распределения – увеличению масштаба по одной оси и такому же уменьшению по другой¹.

Заключение

В процессе принятия управленческих решений предпринимателю целесообразно различать и выделять определенные области (зоны риска) в зависимости от уровня возможных (ожидаемых) потерь. Для этого разработаны и используются так называемые шкалы риска, позволяющие классифицировать поведение лиц, идущих на хозяйственный риск.

¹ Жидкова М.А., Рябошапка В.О., Исаева А.О. Управление и оптимизация структуры капитала предприятия // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 1 (11). – С. 13.

Версан В.Г.

д.э.н., профессор

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ НА ОСНОВЕ МИНИМИЗАЦИИ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕЖЕК

Ключевые слова: *качество жизни, управление экономикой, трансакционные издержки, качество продукции и услуг.*

Опыт стран с высоким уровнем жизни показывает, что значительной составляющей их экономической политики в последние десятилетия стало решение проблем минимизации так называемых трансакционных издержек (издержек взаимодействия). Исследования учёных, сторонников неинституциональной экономики, показывают, что отрицательное влияние этих издержек на эффективность экономики наиболее полно проявляется в странах с переходной экономикой.

Трансакционные издержки пронизывают всю хозяйственную жизнь общества. Их объёмы с усложнением хозяйственной жизни, с социальным, научно-техническим и технологическим развитием и увеличением масштабов экономики постоянно нарастают, поднимая на новый более высокий уровень требования к управлению экономическими и социальными процессами.

Напомню читателю природу этих издержек. В силу объективно сложившихся иерархических и рыночных связей между производителями и потребителями материальных и нематериальных благ, асимметрии и неопределённости в экономической и социальной деятельности существует большое разнообразие способов взаимодействия людей в процессе экономического, социального и культурного выбора, сопровождаемое трансакционными издержками.

Эти издержки принципиально отличаются от обычных трансформационных расходов, например, на сырьё, его переработку в готовую продукцию, заработную плату и т.п. Все экономические субъекты, включая производителей, торговлю, потребителей, чиновников и руководителей несут затраты на поиск информации, выбор и принятие решений, на защиту прав собственности, контроль и оценку качества и количества производимой и потребляемой продукции и услуг и т.п.

Выделяют две группы трансакционных издержек – внутрифирменные и рыночные. Внутрифирменные издержки определяются корпоративной культурой и регулируются внутренними правилами (стандартами) и административным механизмом. В одном из исследований приводится высказывание руководителя крупной американской фирмы о роли этих издержек в её деятельности: «Мы в своё время готовились управлять в условиях, когда трансформационные и трансакционные расходы соотносятся как 1 к 1 или 1 к 2. Сейчас на многих наших предприятиях издержки, связанные с трансакциями, превышают производственные в 10 и более раз. Мы и представить себе не могли, что такое вообще бывает».

Рыночные трансакционные издержки оказывают значительное влияние на эффективность управления экономикой, на качество регуляторной практики и чем выше их объёмы, тем ниже эффективность экономической модели. Поэтому, государства, ставя задачу улучшения качества жизни граждан и решая экономические задачи, стремятся эти издержки минимизировать. Выполняют эту работу возникающие в силу традиций или в результате целенаправленной деятельности институты развития, устанавливающие правила поведения людей и способы их взаимодействия друг с другом.

Объёмы этих издержек составляют громадные суммы. Исследования этой проблемы в масштабах национальной экономики, проводимые в США и европейских странах, показывают, что доля этих затрат в валовом продукте достигает до 50%. Они имеют тенденцию к устойчивому росту и в ближайшие годы могут достигнуть 70%. В исследованиях констатируется, что недооценка роли трансакционных издержек в управлении экономикой крайне опасна, так как эти затраты способны свести на нет все достижения от внедрения новой техники и современных технологий.

К основным видам трансакционных издержек относятся затраты на:

- поиск информации при подготовке и принятии решений, в том числе, в процессе освоения новых видов продукции и технологий и их контроля, изучение наиболее надежных поставщиков и потребителей и т.п., а также возмещение расходов от потерь, вызванных недостоверностью полученной информации,
- ведение переговоров, заключение хозяйственных договоров и трудовых контрактов, направленных на ресурсное обеспечение функционирования предприятия и выполнение заказов, на контроль за их исполнением,
- измерения и оценку. Эти расходы направлены на измерение и оценку качества, безопасности и количества товаров и услуг, а также расходов на формирование измерительных и оценочных возможностей,
- защиту прав собственности. Они связаны с функционированием судебной системы, органов правопорядка и т.п., а также с потерями от ненадёжной защиты этих прав,

– блокирование оппортунистического поведения, включающего обман, коррупцию, присвоение чужой собственности, сокрытие информации, вымогательство и т.п., а также расходы на компенсацию экономических, социальных и моральных потерь.

Сложность рассматриваемой проблемы состоит в том, что определённая часть транзакций объективно необходима для функционирования субъектов экономической деятельности. Назовём их положительными транзакциями или применительно к управлению производственными процессами – рабочими транзакциями. Минимизация транзакционных издержек заключается в выделении из общего массива издержек тех из них, которых в данной конкретной ситуации можно избежать (отрицательные транзакции). Например, операционный и финансовый контроль – это составные части управления предприятием. Задача менеджера заключается в том, чтобы выделить рабочие транзакции, по возможности их автоматизировать и упразднить отрицательные, не нарушая требований к качеству управления. Это аналитическая работа и для её выполнения нужны специально подготовленные менеджеры, имеющие не только навыки менеджмента, но и понимающие суть процессов производства.

Минимизация транзакций требует обеспечения стабильности функционирования экономического субъекта. Необходимо избегать постоянного пересмотра правил и процедур, модернизаций и технологических нововведений, за которыми может последовать поток новых транзакций. Прежде чем удалять ту или иную транзакцию, надо понять причину её возникновения. Нельзя допускать автоматизацию отрицательных транзакций: это только увеличит издержки. Каждое изменение должно быть продумано и прежде чем его вводить, необходим тщательный анализ последствий.

Важное направление минимизации транзакционных издержек заключается в рациональном подходе к сбору и обработке информации. Основной принцип здесь состоит в том, что объём и содержание информации должны быть необходимыми и достаточными для анализа и принятия решений. Только тогда затраты на её сбор и обработку будут оправданы.

В целом же должен быть обеспечен системный подход к минимизации транзакционных издержек, предусматривающий, в том числе:

- охват мероприятиями всех стадий и этапов жизненного цикла продукции и производственного процесса, на стыках между которыми чаще всего происходят потери качества, времени и ресурсов,
- реализацию всего комплекса необходимых организационных, информационных, технических, экономических и социальных мероприятий.

Проведенные за рубежом исследования показывают, что минимизация транзакционных издержек на фирмах, а также в процессе их взаимодействия во многом определяется факторами, формируемыми на национальном уровне. К их числу относят: стабильное правовое обеспечение и снятие неоправданных барьеров для бизнеса, его экономическое и моральное стимулирование, защиту прав потребителей, эффективность административного аппарата, договорную дисциплину, эффективность судебной системы, антимонопольное регулирование в целях формирования благоприятной конкурентной среды, уровень коррупции, стандартизацию, измерительные возможности, аккредитация, оценку соответствия, контроль и надзор и т.п.

Системный анализ этих издержек, их минимизация позволяют выработать обоснованные предложения по составу институтов развития и направлениям структурной перестройки экономики. Отмечается, что минимизация транзакционных издержек на национальном уровне оказывает значительное влияние на снижение инфляции. Кроме того, большие непроизводительные затраты, несоблюдение требований законодательства, коррупция, отсутствие надёжных поставщиков и квалифицированного персонала – всё это создаёт повышенные риски для потенциальных инвесторов. Формирование действенной системы этих факторов является прямой функцией государства.

Выскажу здесь позицию, на мой взгляд, принципиального характера относительно более широкой трактовки роли транзакционных издержек: не только как экономической, но и социальной и культурной категории. Жизнь каждого конкретного человека проходит в его постоянном взаимодействии с родными, друзьями, коллегами по учёбе и работе, с руководством экономических субъектов, с которыми у него заключён трудовой контракт, а также с внешней средой (государственные и муниципальные структуры, судебная система, организации здравоохранения, образовательные структуры, потребительский рынок продукции и услуг, бизнес-структуры, культурные и общественные образования и другие экономические и социальные субъекты, с которыми он взаимодействует).

Именно в процессе взаимодействия каждый человек проявляет себя как личность, а его способность противостоять издержкам и находить пути их локализации, на основе учёта баланса интересов всех участников взаимодействия, во многом и определяет качество его жизни.

От того, какие социально-экономические условия смогло создать для этого взаимодействия государство, зависит качество жизни его граждан и способность страны развивать свою экономику. Достижение наиболее рациональных способов взаимодействия людей для сознательного экономического, социального и культурного выбора в процессе производства и потребления продукции и услуг обеспечивается минимизацией транзакционных издержек внутри каждого субъекта, между ними и на национальном уровне. Это, в конечном счёте, и определяет их ключевую роль в улучшении качества жизни граждан и является важнейшим условием роста экономики.

Такая трактовка транзакционных издержек наиболее полно раскрывает их качественную роль в реальной жизни каждого человека, экономического и социального субъекта и страны. Если человек во время учёбы, работы, отдыха, при оказании ему услуг, в процессе контактов с государственными органами и т.д. регулярно сталкивается с отрицательными транзакциями, то его жизнь качественной назвать нельзя. Надо также учитывать и то, что каждый человек, экономический субъект и государство могут и сами являться носителями отрицательных транзакций.

Приведу понятные каждому примеры:

– Вы купили товар, но он оказался вредным для здоровья. Здесь три вида отрицательных трансакций производителя (продавца): его оппортунистическое поведение, нарушение прав собственности (приобретённая Вами продукция – это Ваша собственность) и искажение информации о товаре. Это потеря Вашего здоровья, Ваши моральные и финансовые издержки. И одна отрицательная трансакция государства, которое обязано по нашей Конституции защищать рынок от опасной продукции. По большому счёту государство – виновник Ваших издержек. Оно и само понесло издержки имиджа перед населением;

– сюжет тот же, однако, надзорные и правоохранительные органы остановили реализацию опасной продукции, наказали производителя (продавца) в соответствии с законодательством и компенсировали потери потребителю. Это положительная трансакция государства, защитившего собственность потребителей и восстановившего баланс интересов на потребительском рынке, и это оппортунистическое поведение производителя (продавца) и его справедливые издержки;

– Вы неоднократно нарушали требования контракта с предпринимателем. Администрация после ряда письменных замечаний, на которые Вы не реагировали, уволила Вас. Однако суд не учёл того обстоятельства, что нарушения носили постоянный характер и, исходя из ложного понимания в данном случае справедливости, отменил увольнение. Это Ваша отрицательная трансакция по отношению к предпринимателю: Ваше оппортунистическое поведение. Это финансовые и материальные издержки предпринимателя и потеря имиджа суда.

Всё вышеизложенное в полной мере относится и к другим экономическим субъектам. Если предприятие в процессе своей деятельности постоянно сталкивается с отрицательными трансакциями при взаимодействии с поставщиками, контролирующими органами, чиновниками и т.д., то эти издержки могут свести на нет все его попытки повысить конкурентоспособность и производительность труда. В свою очередь и предприятие может выступать в роли носителя отрицательных трансакций, например, загрязняя окружающую среду.

К сожалению, в нашей повседневной жизни достаточно часто так и происходит. Наша страна просто перегружена социально-экономическими отрицательными трансакциями.

Необходимо обратить внимание и на причины отрицательных трансакций морального характера в нашей повседневной жизни: на телевидении избыток насилия, немотивированных жестоких конфликтов. Запретить смотреть эти программы невозможно, в том числе, и детям. Приходится ли в связи с этим удивляться росту насилия в школах?

Отрицательными трансакциями сопровождается и обсуждение на телевидении острых проблем: друг друга никто не слушает, нет даже попыток, за редким исключением, поиска консенсуса. Выступающие в процессе дискуссии критикуют друг друга, хотя им, по всем канонам культурного её ведения, необходимо высказывать только свою позицию. Никто никого не должен оскорблять и, несмотря порой на прямо противоположные мнения, главное – это убедительная аргументация. Именно в таких условиях телезрители будут получать и внутренне воспринимать информацию об обсуждаемых процессах и соответственно получать по ложительные трансакции.

Почему это происходит? Что это наш менталитет, русский характер или низкий уровень культуры? Как и откуда появились у нас в 90-е годы самые либеральные либералы, принесшие громадный вред стране? Думаю, вряд ли кто сможет дать ответы, устраивающие всех, на эти вопросы. Надо каждому посмотреть непредвзято на то, как мы жили все эти годы, что с нами происходило, с чем мы сталкивались в повседневной жизни и уже потом делать для себя выводы.

В советское время и сегодня улучшение качества жизни граждан в официальной политике государства было высшей целью. На практике же решалась эта проблемы по остаточному принципу. На протяжении своей долгой жизни я слышал десятки раз и в советское время, и уже в новой России обещания властей улучшить качество жизни. И каждый раз это ничем значимым для большинства населения не заканчивалось: всякий раз находились причины, мешающие этому. Как следствие, все годы уровень жизни основной массы нашего населения был ниже уровня жизни в развитых странах. Ряд поколений так и не узнали, что такое по-настоящему хорошая жизнь. Что же мешало этому?

В годы советской власти, начиная с детства и кончая уже достаточно зрелыми годами, у меня и моих друзей была твёрдая уверенность в том, что жизнь с каждым днём будет всё лучше и лучше. На это работало радио, газеты, выступления руководителей, которые пользовались у населения большим авторитетом. О негативной стороне той жизни и, прежде всего, о репрессиях люди мало что знали, и большинство из них, в том числе и я, было уверено, что это борьба с врагами народа.

Вместе с тем, стремительно рос авторитет страны, возрастала в народе уверенность в её будущем. Развивались промышленность, наука, сельское хозяйство, культура, оборонные отрасли. Было неподдельное внимание к простым людям. Для них открывались большие возможности для профессионального роста. Уважением пользовался труд рабочих и крестьян, инженеров, учёных, работников культуры и военных. Мы смотрели про них добрые и умные спектакли, фильмы, а потом и телевизионные программы. Страшилок и надуманных страстей не показывали. Не было десятиметровых заборов, шлагбаумов и решёток на окнах. На этом и воспитывались. Поощрялась критика и самокритика во всём, кроме политики и идеологии. С коррупцией боролись жестоко.

Большое внимание уделялось профилактике здоровья, включая массовые прививки населения, развитие спорта, например, проведение комплекса ГТО, оздоровительный отдых для взрослых и отдых для детей в пионерских лагерях. Медицина была действительно бесплатной.

Был дефицит товаров народного потребления. Сервис был не развит. Высококачественные товары и услуги, особенно импортные, были доступны далеко не всем. Ассортимент продуктов питания был небольшим, но они были из натуральных ингредиентов и безопасными: со школьной поры с удовольствием вспоминаю вкус сарделек, таких сегодня для нас не делают. Кто работал, тот не голодал, была уверенность в завтрашнем дне. Отчётливо помню отмену карточек на хлеб. Регулярно снижались цены.

Качество той жизни по сегодняшним меркам было низким, но люди были уверены – так жила вся страна. Была убежденность в том, что дальше жизнь будет только улучшаться, и это помогало преодолевать трудности быта.

Потом были оттепель, период лихих экспериментов, когда говорилось, что наше поколение будет жить при коммунизме. Далее застой, перестройка, ускорение и много других провальных начинаний. Разгул теневого бизнеса, коррупции, появились, так называемые цеховики, в определенной степени аналог современных олигархов. Снижалось качество жизни. Росли информационная доступность и свобода мнений. Народ понял, что есть другая жизнь свободная и качественная. Всё это привело к распаду Союза и кардинальному изменению политического и экономического уклада.

Я схематично для тех, кто не жил тогда, изложил здесь свой взгляд на жизнь в советское время. Теперь мы почти 30 лет живём в другой России. И у каждого есть своё понимание и свои оценки состояния качества нашей сегодняшней жизни. Бессмысленно сейчас рассуждать о том, когда жизнь была лучше, а когда хуже. Мы серьёзно, как уже говорилось, отставали и отстаём в качестве жизни от развитых стран. В чём причины?

Первая, на мой взгляд, заключается в том, что во все времена у нас по разным причинам на улучшение качества жизни не хватало ресурсов. В советское время страна жила во враждебном окружении и большая доля финансовых и других ресурсов была направлена на развитие промышленности, науки, образования и оборонки. Потом война и послевоенное время. Много держалось на энтузиазме населения. Рождались высококачественные образцы военной техники. Потом колоссальным напряжением сил страна стала ядерной державой.

Были проблемы и с издержками взаимодействия людей и экономических субъектов: в связи с отсутствием рыночных связей они возникали в основном по вертикали в рамках иерархической структуры. Горизонтальные взаимоотношения в отличие от сегодняшних дней были проще и понятнее. Правила и инструкции достаточно строго соблюдались.

Ресурсов для повышения благосостояния населения не хватало и в силу природы административно-командной системы управления. Тем не менее, надо сказать, что много внимания в то время уделялось развитию теории управления, распространению передового опыта предприятий. Механизмы управления экономикой применительно к этой системе работали до определённого времени эффективно. Да и кадровый состав управленцев практически на всех уровнях был профессионально подготовленным, опытным и работоспособным.

Впоследствии управленческий и творческий потенциал стали заметно ухудшаться. Как следствие, неэффективная экономика, низкое качество продукции и услуг и низкая конкурентоспособность, прежде всего, в гражданских отраслях. Брала объёмами. Качество жизни падало.

Современная Россия на начальных этапах перехода к новому укладу понесла колоссальные, исчисляемые триллионами рублей, потери ресурсов от действия в 90-е годы реформаторов. Значительная часть населения в те годы не смогла найти себя в той жизни. Развивалась организованная преступность. Произошёл развал производства, в том числе и в оборонных отраслях. Продолжало падать качество жизни. Большой урон стране нанесли непродуманные кампании такие, например, как монетизация и модернизация. Неэффективно использовались нефтяные доходы. Мало что дали для развития экономики и федеральные целевые программы: при громадных затратах результатом многих из них были на практике одни документы и отчёты. Отсутствовал рост конкурентоспособности и производительности труда. И, конечно, большие потери страна несла и несёт от коррупции.

Все прошедшие годы у нас не уделялось практически никакого внимания проблемам улучшения качества продукции и услуг: магазины и рынки заполнялись товарами, но большинство из них существенно проигрывало и проигрывает в конкуренции импорту. Большие проблемы были и в сфере безопасности населения: аварии на всех видах транспорта, в культурных, торговых и производственных организациях и отравления от вредных продукции и оказываемых услуг. Всё это нередко происходило с летальными исходами.

И ещё. В 90-е годы население было жестоко обмануто. По сути, по отношению к нему на государственном уровне были реализованы отрицательные трансакции практически по всем вышеупомянутым их видам. И многим из тех, кому было тогда за 50 лет, выполнение сегодняшних нацпроектов к 2024-году уже не понадобится. Хочется надеяться, что хотя бы их дети и внуки застанут качественную жизнь.

Впоследствии в стране удалось обеспечить определенную стабильность в экономике и социальной сфере. Укрепилась обороноспособность страны. Начинает расти конкуренция среди производителей, в торговле и в сфере услуг, но далеко не всегда за качество и безопасность. В целом, качество жизни существенно не изменилось.

Вторая причина – это расстановка приоритетов использования имеющихся ресурсов. При этом невольно напрашивается мысль, что для чиновников высшего уровня и партийного руководства в советское время и для современных высокопоставленных чиновников, а также так называемой элиты, эта проблема по разным причинам не была актуальной, по факту не являлась жизненно необходимой. И то, что мы сегодня знаем о спецпайках в советское время, о зарплате сегодняшних чиновников высшего уровня и богатствах современной элиты, из числа бывших чиновников, подтверждает этот вывод.

В целом, главной причиной нашего отставания по качеству жизни от развитых стран является низкий уровень управленческой деятельности. Об этом неоднократно говорили, правда не называя причину, руководители государственных структур, чиновники и руководители бизнес-структур. Это же показывали опросы участников различных форумов и конференций, в том числе, проведенный в этом году опрос на форуме в Сочи: на первое место по рискам выполнения нацпроектов половина респондентов поставили качество государственного управления и менеджмента.

Минимизация трансакционных издержек, этот фундаментальный аспект управления рыночной экономикой, все прошедшие год выпадал и в теории, и на практике из поля зрения наших либеральных экономистов. Системные исследования этой проблемы у нас не проводятся. Несмотря на постоянные разговоры о необходимости повышать уро-

вень управленческой деятельности реального продвижения у нас здесь нет. И это, безусловно, отрицательно сказывается на качестве жизни граждан и развитии экономики.

Перед предприятиями неоднократно ставилась задача повышения конкурентоспособности. Многие из них, несмотря на выделяемые в этих целях кредиты и субсидии, не смогли с ней справиться. Практика показала, что дело не только в выделении средств, но и в рациональном их использовании: предприятие должно производить продукцию, пользующуюся спросом как на отечественном рынке, так и зарубежных, и что не менее важно для выхода на рынок – с конкурентной ценой, необходимо было снижать себестоимость продукции.

Производство качественной продукции требует, с одной стороны, больших интеллектуальных, финансовых и материальных затрат, а с другой, для того, чтобы она была конкурентоспособной, необходимо обеспечить снижение производственных (трансформационных издержек) и управленческих затрат, включая трансакционные издержки. Снижение управленческих затрат оказалось не по силам многим нашим предприятиям: сказались сложность задачи, её теоретическая непроработанность и отсутствие квалифицированных менеджеров, а также низкий уровень конкурентной среды.

В отличие от наших предприятий в развитых странах фирмы оказались более подготовленными к решению этих проблем. В Японии велась и ведётся целенаправленная работа по снижению отрицательных трансакций. Распространение получили, например, разработанные системы «Делать всё вовремя» (ноль запасов, ноль отказов и т.д.) и KANBAN (корпоративное управление производством и снабжением), позволившая сократить на фирме Toyota Motors производственные запасы на 50%. И, наконец, рождение системы «Бережливое производство».

В качестве примера Европейского опыта можно привести систему «Повышение вовлеченности персонала в достижение целей компании и рост эффективности её бизнеса», определённым аналогом которой является разработанная в советское время система бездефектного труда. За пять лет её применения на итальянской фирме Пирелли (с 1991 по 1995 год) на 27% выросла производительность труда и на 24% вырос показатель снижения затрат на улучшение качества.

Широкое распространение в мире получили также системы и модели по улучшению качества продукции, которые, реализуя процессный подход, прямо или косвенно были направлены на снижение трансакционных издержек. Характерно в связи с этим, что большинство требований международных стандартов ИСО серии 9000, к которым многие наши чиновники относятся сегодня скептически, кроме улучшения качества направлены также и на это.

За рубежом все эти наработки поддерживаются властями и научно-технической общественностью, широко распространяется практический опыт их применения, организуются в этих целях специальные конференции и семинары. Большую работу проводят поддерживаемые государством консалтинговые организации.

Ничего подобного у нас, к сожалению, нет. Обсуждаются исключительно проблемы кредитно-денежной политики. Проблемы же, непосредственно направленные на совершенствование организации производства, освоение современных систем, моделей и инструментов, о которых говорилось выше, нашу экономическую элиту все прошедшие годы не интересовали.

Начатое было благое дело оказания помощи предприятиям по внедрению системы бережливого производства закончилось обсуждением этой проблемы на специально созданном Совете при Минпромторге: несколько раз собиравшись, поговорили между собой, а до оказания помощи предприятиям дело и не дошло.

Не изучается и широко не распространяется не только зарубежный опыт, но и отечественный опыт прошлых лет: научная организация труда (НОТ), система бездефектного изготовления продукции (БИП), научная организация работ по повышению моторесурса двигателей (НОРМ), комплексная система управления качеством продукции (КС УКП), этого предвестника стандартов ИСО серии 9000 и др.

Значительный интерес представляет сегодняшняя опыт наших предприятий, ставших лауреатами премии Правительства в области качества. Но кто знает об этом бесценном опыте, кроме организаторов конкурса? По его окончании один абзац в газете о его результатах и всё. Практически одна Всероссийская организация качества без какой-либо поддержки федеральных структур, используя свои ограниченные возможности, проводит региональные мероприятия по обсуждению этих вопросов.

К сожалению, весь накопленный в советское время опыт организации производства и управления на предприятиях в 90-е годы был предан забвению. По своему содержанию он не только не уступал зарубежному опыту, но и по многим позициям опережал его. Бесценные наработки были сделаны в области управления процессами материального производства. Достаточно сказать, что в начале 80-х годов на базе отечественного и зарубежного опыта был разработан проект государственного стандарта на управление промышленным предприятием и производственным объединением, включающего весь комплекс основных положений по их эффективному функционированию.

Отмечу, что в национальном проекте «Производительность труда и поддержка занятости» упоминается научная организация труда и бережливое производство. Однако в нём допущена принципиальная ошибка, говорящая о непонимании его разработчиками самой сути системного подхода к совершенствованию организации производства: раздел этого проекта по автоматизации и применению цифровых технологий выделен из раздела, предусматривающего адресную поддержку предприятиям по повышению производительности труда, включая внедрение системы «Бережливое производство». В связи с этим, возникает вопрос, как можно определить потребность и возможность внедрения инструментов автоматизации и использования цифровых технологий в отрыве от содержательной проработки самой этой системы? И ещё в более тяжёлое положение поставлено предприятие: оно внедрило систему, а затем ему исполнители другого раздела предлагают заняться автоматизацией производства и применять цифровые технологии. Но не сенс.

Как уже говорилось, большую роль в минимизации транзакционных издержек играют виды деятельности, формируемые на национальном уровне. Не могу дать содержательную характеристику каждому из них, скажу только о тех видах, которые знаю профессионально.

В зарубежных исследованиях проблем транзакционных издержек особо подчёркивается мысль о крайней важности для их минимизации таких видов деятельности как стандартизация и обеспечение измерительных возможностей. Они оказывают значительное влияние на снижение издержек фирм при поиске научно-технической информации в процессе освоения новой техники и технологий. К сожалению, и тот, и другой вид деятельности у нас недооценены. Проявляется это прежде всего в недостатке финансирования. Если измерительные возможности удаётся пока удерживать на необходимом уровне, то стандартизация потеряла свой потенциал и присущую ей роль в формировании технической политики в реальном секторе производства.

Авторитет национальных стандартов утерян, они не привлекают сегодня предпринимателей и не являются для них маяками в повышении конкурентоспособности: львиная доля продукции выпускается по техническим условиям, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для потребителей и конкурентоспособности. Конечно, есть предприятия, выпускающие продукцию по техническим условиям, требования которых выше стандартов, но это исключение из общей практики. Не видно перспектив для её развития и в настоящее время. Достаточно сказать, что объём финансирования стандартизации за последние годы снизился у нас почти в пять раз. Он на несколько порядков ниже чем, например, в Германии. Большие проблемы и с квалифицированными кадрами.

Техническое регулирование в России по своему содержанию не соответствует международной практике. В нём полностью нарушен баланс интересов производителей и потребителей. Большие проблемы существуют и при формировании доказательной базы выполнения требований регламентов на основе существующего сегодня во многом устаревшего фонда стандартов. В связи с этим, никто не будет признавать эти технические регламенты в дальнем зарубежье, тем более, на государственном уровне. Вместе с тем, признание – это прямая дорога к развитию экспорта, а отсутствие его – дополнительные затраты производителей или вообще закрытие привлекательного рынка. Эта проблема не только наша, но и Евразийского экономического союза.

Не выполняют своей функции по защите рынка от некачественной и опасной продукции и услуг такие виды деятельности как аккредитация, оценка соответствия и государственный надзор. Разработаны они в соответствии с ФЗ «О техническом регулировании». Об этой проблеме мои коллеги и я говорим уже много лет. И тем не менее, учитывая её значительное воздействие на качество жизни, ещё раз остановлюсь на ней.

В советское время, как уже говорилось, проблема качества не могла быть решена в силу отсутствия у производителей заинтересованности делать качественную продукцию. Но тогда не было такого количества как в настоящее время отрицательных трансакций от производителей и торговли в виде фальсификации и обмана потребителей.

Эти явления, а также контрафакт начали разрастаться с начала 90-х годов. И все прошедшие годы ситуация с качеством и безопасностью поставляемых на рынок продукции и оказываемых услуг только ухудшалась. Как следствие, и сегодня у многих наших предпринимателей также нет заинтересованности в улучшении качества: зачем снижать себестоимость продукции, если на рынок при отсутствии эффективных оценки соответствия и надзора, а также низкой юридической ответственности практически без ущерба для себя можно поставлять продукцию и оказывать услуги, не соблюдая требований технических регламентов, национальных стандартов и других законодательных требований.

Зачем в таких условиях внедрять стандарты ИСО серии 9000, где сконцентрирован мировой опыт менеджмента качества: в действительности на многих предприятиях они внедряются формально.

Страдают от этого не только потребители. Массовое несоблюдение законодательных требований, прикрытое неполноценным государственным и общественным контролем, развращает предпринимательство, оно теряет авторитет у населения.

Учитывая остроту этой проблемы, хочу в дополнение к тому, о чём я и мои коллеги писали ранее, привести примеры из нашей сегодняшней жизни. Разве можно серьёзно ставить задачу улучшения качества жизни при массовой фальсификации продукции. Когда комплектующие для авиационной промышленности – подделка, когда на автозаправках в автомобили регулярно заливают некачественный бензин, со всеми вытекающими из этого последствиями для безопасности дорожного движения и финансовых потерь водителей, а в ряде случаев и для жизни. Когда взрывается газ в домах. Когда 40% товаров лёгкой промышленности – фальсификат.

Когда, например, 80% консервов – фальсификат. Когда народ кормят некачественным хлебом, потому что ценные сорта пшеницы уходят за рубеж: даже на курортах Ставропольского края не стало качественного и вкусного хлеба. Когда кормят опасными для жизни пельменями, сосисками и другими мясными продуктами, суррогатными сливочным маслом и молоком и конфетами с червями и т.п. И, наконец, когда лекарства отечественного производства, прямо по Жванецкому, – «ну не берут» и те, кто имеет возможность, стремятся купить дорогие, но качественные импортные лекарства.

И самый свежий пример – большие экономические издержки и потеря деловой репутации из-за загрязнения нефтепровода «Дружба». Интересно, будет ли в этом случае кто-то наказан за хищение или за бесхозяйственность? Узнаем ли мы о виновных?

Последствия для населения от некачественной и опасной продукции достаточно очевидны. Однако при этом неизбежно возникает вопрос о масштабах этой проблемы. Я попытался понять эту ситуацию для пищевой продукции и спрашивал у продавцов в московских аптеках, какие лекарства пользуются наибольшим спросом. По их мнению, одним из наиболее потребляемых видов лекарств являются лекарства от болезней желудочно-кишечного тракта и, в частности, от изжоги. Таких покупателей, как минимум, половина. Можно предположить, что если не половина моск-

вичей (не все же посещают аптеки), то одна треть их страдает от недоброкачественных продуктов питания. А если сюда добавить фальшивую минеральную воду, 80% которой не содержит минеральных свойств и никем не проверяется, то число таких москвичей возрастёт. Думаю, что в регионах эта проблема ещё острее. По некоторым оценкам специалистов в среднем по стране эта цифра доходит до 60–70%.

Проблему минеральной воды и в целом низкое качество и безопасность продуктов питания, а также отсутствие контроля за ними и надлежащей юридической ответственности предпринимателей обсуждали на встрече с председателем Правительства сенаторы во главе с Председателем Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. За школьное питание взялись Государственная Дума и ФСБ. И это обнадеживает.

Моим заключениям, конечно, вряд ли поверят те, кто принимают решения в этой сфере. Но тогда поручите Минздраву провести соответствующие исследования и, если они подтвердят эти выводы, то будут серьёзные основания для изменения ситуации с качеством и безопасностью и для корректировки нацпроектов «Здравоохранение» и «Демография».

В разделе нацпроекта «Демография» (Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек) справедливо говорится о необходимости мотивировать граждан к здоровому образу жизни и к отказу от вредных привычек. В отношении же питания процесс должен быть обратным: Роспотребнадзору не граждан надо мотивировать на здоровое питание, а производителей и продавцов на качественную и безопасную продукцию. Это же основная функция этого ведомства. Однако, в этом проекте и в проекте «Здравоохранение» ни слова не говорится о защите рынка от некачественных и опасных продуктов питания и услуг.

В этом же разделе предусмотрены мероприятия, относящиеся исключительно к функции Роспотребнадзора: разработка нормативных актов, санитарных норм, внедрение системы мониторинга, создание центров по вопросам здорового питания и испытательных лабораторий, реализация просветительских программ, лекции, конференции и т.д. Но причём здесь проектный подход? Не надо его дискредитировать, как это произошло с программно-целевым управлением, тем более, что в этом разделе практически отсутствует взаимодействие с другими ведомствами.

Нет, к сожалению, и конкретных результатов от всей этой деятельности. Приведу в качестве примера итоговый результат: «В целях оценки эффективности указанных выше результатов в 2024 году будет проведен повторный анализ наличия возможности у населения приобретать пищевую продукцию, отвечающую принципам здорового питания, что позволит дать заключение по обеспеченности населения доступом к таким продуктам и сформировать необходимые мероприятия по коррекции питания».

Читатель пусть сам делает вывод из этого текста. Мне же хочется разработчикам этого раздела проекта задать вопросы: будут ли по опыту советского времени открыты для пожилого населения и людей с заболеваниями желудочно-кишечного тракта магазины диетических продуктов и столовые диетического питания: ведь всё, что лежит сегодня на прилавках, им категорически противопоказано? Учёные медики знают и говорят об этом. Будет ли в 2024 году в состав мясных продуктов, теперь уже и в курятину, входить особо опасный для здоровья стабилизатор Е407 каррагинан, стимуляторы, химические добавки и антибиотики, и будет ли вообще в них натуральное мясо? Что будет с суррогатным молоком и маслом на пальмовом масле, фальшивыми консервами и т.п.? Будут ли продукты соответствовать требованиям национальных стандартов, о которых в этом разделе и не упоминают? Тогда для чего их разрабатывают, ведь именно через их требования у нас должны выполняться положения Комиссии ФАО/ВОЗ по пищевым стандартам «Кодекс Алиментариус».

Положительное решение хотя бы только этих задач было бы реальным ответом на выполнение поручения Президента направлять все действия по реализации нацпроектов на улучшение жизни конкретных людей.

Конечно, качество жизни это не только качественное питание и качественные услуги: это организация здравоохранения, экология, качественные жильё и городская среда, образование, культура и многое другое. Но давайте говорить откровенно. После отравления некачественными и вредными продуктами хождение по пусть даже самым современным поликлиникам и больницам, выход на работу, посещение культурных мероприятий или образовательных учреждений с болью в желудке или изжогой вряд ли можно называть качественной жизнью. Это ведь тоже результат отрицательных трансакций.

Разумность логической цепочки кардинального улучшения качества питания с социальной и экономической точек зрения очевидна: качественные и безопасные продукты питания и услуги – меньше заболеваний, соответственно, меньше производственных и социальных потерь, растёт производительность труда, меньше обращений в поликлиники и больницы – их персонал разгружается от потока пациентов, предоставляется возможность уделять им больше внимания, повышается качество лечения и качество жизни населения. Ничего кроме здравого смысла в этих рассуждениях нет.

Реальная же борьба с этим злом сегодня не ведётся: телевизионные программы – это хорошо, но это только констатация факта нарушений, а где виновники, где причины и где действия по их устранению? Где профилактика и предупреждение нарушений требований законодательства? Маркировка продовольственных товаров – это не тот путь, который может дать необходимый результат: если будет замаркирован некачественный и опасный товар и он также как и сейчас не будет контролироваться, то потребителю лучше от этого не станет. Кроме того, это решение опять ударит по его карману. Не будет лучше, судя по всему, и бизнесу.

Власти постоянно запаздывают с принятием решений в этой области. Например, было много публикаций по наведению порядка с маркированием пищевой продукции. На основе опыта Германии специалистами был разработан стандарт с чёткой и понятной потребителям информацией о потребительских свойствах и характеристиках безопасности. Однако он не был принят Росстандартом. И только сейчас Правительство сделало по сути первый шаг в этом направлении применительно к молочной продукции.

И ещё. Все прошедшие годы мы видим много примеров отравления детей в детских садах, школах, местах отдыха. Только после общения с сенаторами Правительство поручило подготовить предложения по этому вопросу. А ведь запаздывание, как говорит теория, это тоже рост отрицательных трансакций.

Из всех видов деятельности национального уровня, влияющих на минимизацию транзакционных издержек, в разделе проекта «Производительность труда и поддержка занятости» рассматриваются стимулирование предприятий к повышению производительности труда и снижение административно-регуляторных барьеров.

Безусловно, совершенствование нормативно-правовой базы в целях создания необходимых условий для развития бизнеса, о чём неоднократно говорил Президент, это актуальная задача. Но она не должна, как я понял Президента, сводиться только к устранению необоснованных барьеров для бизнеса.

Крайне актуальной сегодня для развития бизнеса и, прежде всего малого и среднего, является задача формирования благоприятной конкурентной среды. Сегодня он задавлен монополично действующими торговыми и снабженческими сетями на потребительском рынке. Эта проблема в проекте отсутствует. Ничего в проекте не говорится и о структурной реформе, которая много обсуждалась в последние годы, реформе административного аппарата, развитии стандартизации в соответствии с потребностями промышленности и сферы услуг, о повышении уровня измерительных возможностей, совершенствовании оценки соответствия в целях борьбы с фальсификацией и о приведении технического регулирования в соответствии с международной практикой.

Что же касается упомянутого снижения административно-регуляторных барьеров, то здесь есть опасность повторения нашего негативного в прошлом опыта: Минэкономразвития может как обычно предложить ввести надзорные и сертификационные каникулы для бизнеса до 2024 года, создав при этом новые потоки отрицательных трансакций.

Хочу напомнить, что практически все годы, начиная с 90-х, с административными барьерами шла непродуманная и примитивная борьба. Не подумали о последствиях для потребителей и практически вообще перестали проверять продукцию и услуги, загрузив тем самым их отрицательными трансакциями. Специалистов не слушали и всё сделали для того, чтобы в нарушение европейской практики качество и безопасность пищевой продукции, в том числе, импортной, оценивалось никем не контролируемой декларацией соответствия. Впустую была потрачена масса средств и времени на разработку, оторванных от реальной жизни концепций по реформированию надзора. Было также безвозвратно потеряно большое количество профессионалов в этой уникальной сфере деятельности.

Всё это подорвало на корню становление культуры нашего бизнеса: достаточно ко всему выше сказанному назвать проблемы, возникающие у производителей конечной продукции, с поставками для них некачественных и опасных комплектующих изделий и сырья.

Теперь же Правительство сделало акцент на оптимизацию нормативной базы: надо заниматься, по словам Председателя Правительства, её гильотиной. Как бы только при таком революционном подходе не наломать дров и не остаться без структурированной нормативной базы и с новым пакетом отрицательных трансакций из-за нарушения стабильности правового обеспечения. Делать это надо не наскоком, а на постоянной основе. А гильотину надо применить к тому, кто обязан был своевременно организовать эту работу должным образом, но вовремя не сделал этого, в частности, при разработке и введении в действие ФЗ «О техническом регулировании» и ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Вот это и будет положительной трансакцией.

И ещё, о проекте «Повышение производительности труда и поддержка занятости». Все прошедшие годы у нас происходит сбыт за рубеж богатейших ресурсов в виде кругляка леса и не переработанных морских ресурсов. По существу, наше национальное богатство оказалось не защищено от разграбления, а прибыль и добавленная стоимость, создаваемая в процессе их переработки, оседают за рубежом. Это – отрицательная трансакция государства, неспособного защитить национальную собственность. И это – оппортунистическое поведение тех, кто реализует за бесценок эти ресурсы или способствует этому.

Мы до сих пор не смогли организовать у нас производство по их переработке в готовые изделия и продукты. Разработка законодательных мер, пресекающих сбыт за рубеж этих ресурсов, и организация перерабатывающих производств позволили бы предотвратить в дальнейшем эти колоссальные издержки. А созданные на этих производствах качественные и безопасные изделия и продукция были бы хорошим вкладом в развитие реального производства и экономики в целом, а также в наполнение потребительского рынка конкурентоспособной отечественной продукцией. Кроме того, полученная на этих производствах добавленная стоимость дала бы нам ощутимый прирост производительности труда.

Решать этот комплекс задач было бы вполне логично в рамках проекта «Производительность труда и поддержка занятости». насыщение этого проекта такими актуальными и конкретными задачами придало бы ему более содержательную цель: повышение производительности труда и поддержка занятости в наиболее значимых для роста экономики секторах реального производства. При этом структура и содержание проекта стали бы более целенаправленными как по организации работ, так и по их финансированию. Это позволило бы также обеспечить чёткий контроль его выполнения.

Я достаточно подробно изложил суть и роль в экономике проблемы минимизации транзакционных издержек. Дал оценку состояния этой проблемы у нас. Теперь же, хочу предложить читателю своё видение структуры модели минимизации транзакционных издержек применительно к проблеме повышения конкурентоспособности предприятия.

Выделю в модели два основных направления повышения конкурентоспособности:

1. Производство качественной и безопасной продукции и снижение её себестоимости.

1.1. К числу внутренних транзакционных издержек на предприятии относятся расходы на управление персоналом; формирование и развитие организационной структуры; юридические, информационные и консультационные услуги; представительские расходы; услуги связи; расходы на поиск, изучение и работу с поставщиками и потребителями; принятие решений и контроль за их выполнением; маркетинговые исследования; контроль за качеством поставляемой продукции и др.

Здесь надо отметить, что в нашем бухгалтерском учёте транзакционные расходы сегодня не выделяются. Конечно, это осложняет задачу менеджеров при анализе и выработке предложений по их минимизации. Но, на мой взгляд, выход из этого положения у них есть и сегодня. Транзакционные издержки – это часть общехозяйственных расходов, их можно выделить и классифицировать.

Для организации на постоянной основе учета транзакционных расходов на уровне предприятий Минфин мог бы ввести в план учета бухгалтерских счетов субсчет «Транзакционные расходы» в составе счета 26 «Общехозяйственные расходы». В условиях существующего сегодня в ИФНС электронного сбора информации это позволило бы оценить и вести на постоянной основе мониторинг объёмов реальных транзакционных издержек по всему народному хозяйству.

Сводные данные такого мониторинга могли бы представляться Минфином в Минэкономразвития. Полученные интегральные данные подвигли бы Минэкономразвития совместно с другими заинтересованными ФОИВ к разработке механизма и инструментов для стимулирования сокращения транзакционных расходов, а соответственно, и повышения эффективности использования всех видов ресурсов.

1.2. Основным внутренним фактором, снижающим эти издержки на предприятии, является, как уже говорилось, работа по внедрению современных систем, моделей и инструментов, создающих условия для производства продукции, удовлетворяющей потребительский спрос, и с конкурентной ценой. Особая роль в этой работе принадлежит человеческому фактору и благоприятному моральному климату в коллективе. Её выполнение потребует аналитической проработки проблемы, обучения руководителей, сотрудников, менеджеров и их мотивации.

Предприятия, имеющие сложившиеся традиции управленческой деятельности и квалифицированный персонал, смогут справиться с ней сами. Однако большинству предприятий надо помогать и, прежде всего, малым и средним. Надо помочь им разобраться, где отрицательные транзакции могут зарождаться и показать наиболее эффективные пути их устранения или рационализации. В стране для этого есть квалифицированные специалисты по менеджменту, есть консалтинговые организации по этой проблеме, имеющие конкретный опыт работы.

Основные задачи руководства предприятия сводятся к подбору квалифицированных менеджеров и созданию им условий для подготовки обоснованных предложений. А далее – это организация их внедрения и постоянный контроль за функционированием производства. Именно такой алгоритм действий необходим для решения этой сложной управленческой задачи. В противном случае, как это было не раз в нашей истории, например, с внедрением различных систем качества, повышением конкурентоспособности и модернизацией, всё может закончиться очередной кампанией.

1.3. Основными внешними (рыночными) факторами, непосредственно направленными на минимизацию издержек на предприятиях для этого направления, являются технические регламенты, национальные стандарты, измерительные возможности, консультационные услуги в сфере менеджмента качества и конкурентоспособности.

Они должны предусматривать:

- соответствие технических регламентов, национальных стандартов и измерительных возможностей современному уровню научно-технических достижений и их регулярное обновление, а также соблюдение их требований,
- доступность предприятий к фондам технических регламентов, национальных и международных стандартов и к информации об измерительных возможностях,
- содействие со стороны государства формированию в стране разветвлённой сети консалтинговых организаций по оказанию квалифицированной помощи предприятиям по менеджменту качества и повышению конкурентоспособности в целом.

Влияние названных внешних факторов на минимизацию транзакционных издержек на предприятиях, как уже говорилось, сегодня незначительно и не отвечает задаче повышения конкурентоспособности предприятия.

2. Принятие мер, предупреждающих поставку на рынок недоброкачественной и опасной продукции.

2.1. К числу внутренних транзакционных издержек предприятия для этого направления относятся: низкий уровень корпоративной культуры и деловой этики, слабость административного механизма и отсутствие стимулов для качественной работы.

2.2. Основным внутренним фактором, снижающим эти издержки на предприятии, является внедрение современных систем, моделей и инструментов управления предприятием.

2.3. Основными внешними факторами, непосредственно направленными на минимизацию транзакционных издержек на предприятиях, являются: аккредитация, оценка соответствия, государственный надзор, общественные формы контроля.

Они должны предусматривать:

- пресечение оппортунистического поведения производителей и торговли: нечестность, обман, сокрытие информации, минимизацию внутренних отрицательных эффектов (интерналий), т.е. издержек потребителей, которые не были оговорены при заключении сделок,
- минимизацию внешних отрицательных эффектов (экстерналий), т.е. издержек, которые понесло общество вследствие нарушения прав потребителей и искажения производителями ценовой политики,
- создание условий для объективной оценки качества и безопасности продукции и услуг в целях защиты прав приобретателя на эту собственность.

Влияние названных внешних факторов на минимизацию транзакционных издержек сегодня также крайне незначительно. Как уже говорилось, государство не смогло организовать эффективное функционирование этих видов деятельности: сегодня у предприятий снижена мотивация выпускать качественную и безопасную продукцию.

Хочу здесь подчеркнуть, что в модели и для первого и второго направления были рассмотрены только те внешние факторы, которые непосредственно направлены на снижение отрицательных трансакций. Безусловно, что для достижения целей по повышению конкурентоспособности необходимо добиваться эффективного функционирования всех ранее названных факторов национального уровня.

Заключение

В настоящее время стало ясно, что противостояние России с Западом – это надолго. Для сохранения нынешнего политического и экономического курса особую остроту приобретает проблема сбережения финансовых и других ресурсов на далёкий горизонт времени. Наряду с этим, руководству страны надо отвечать уже сегодня конкретными результатами на запрос граждан повысить качество жизни, что, естественно, потребует расходования всё тех же ресурсов. Решать эти две, в определённой степени противоречивые, задачи Правительство предлагает путём реализации нацпроектов.

Трудно давать им оценку: цели поставлены, мероприятия определены, ресурсы выделены. Однако, я не нашёл в них главного: в чём отличие экономической политики в этих проектах от той политики, которую мы имели все прошедшие годы и которая тормозила развитие.

Надо полагать, экономическая политика реализации проектов заложена в нацпроекте «Производительность труда и поддержка занятости». Однако рост производительности труда в наших условиях не может являться ключевым индикатором, объективно отражающим рост экономики и повышение конкурентоспособности. Почему?

Действительно, производительность труда – это один из важнейших экономических показателей. В условиях конкурентной среды он, рассчитанный через добавленную стоимость, может характеризовать экономическое развитие и конкурентоспособность страны. У нас же в промышленности крайне низкий уровень конкуренции, отсутствует добросовестная конкуренция за качество среди производителей и торговли на потребительском рынке со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями для качества и ценообразования. В проекте конкретные меры по повышению уровня конкуренции не предусматриваются.

У нас не созданы также условия для повышения качества и безопасности продукции и услуг и, как следствие, создание добавленной стоимости далеко не всегда будет вызвано улучшением качества создаваемой продукции. В конечном итоге мы можем получить прирост показателей производительности труда, но это не будет говорить о повышении конкурентоспособности и росте экономики.

К сожалению, в проекте ничего не говорится о минимизации транзакционных издержек. Громадные потери от них останутся в экономике и в нашей повседневной жизни. Тем, от кого зависит принятие здесь решений, надо понимать, что между отрицательными трансакциями и качеством в широком смысле слова существует прямая корреляция: не будет снижения их объёмов, не будет и повышения качества продукции, услуг и менеджмента, не будет и повышения уровня государственного управления и качества жизни населения.

В связи с вышеизложенным возникает естественный вопрос – за счёт чего через шесть лет улучшится качество нашей жизни и вырастут темпы роста экономики? Если всё сводится к расходованию триллионов рублей и к жёсткому контролю за выполнением мероприятий, то это подход может дать определённые результаты.

Но, думаю, эта не та экономика, которая необходима сегодня стране, не то государственное управление и не та регуляторная практика. В ней нет перспективы для развития: пошли не путём повышения эффективности экономики на основе улучшения качества и снижения издержек, а следовательно, и не путём повышения её конкурентоспособности. Об этом по сути говорят и сценарные условия развития нашей экономики до 2024 года, представленные недавно Минэкономразвития.

В чём причина того, что проблемы минимизации транзакционных издержек и улучшения качества все прошедшие годы не являлись и не являются сегодня частью нашей экономической политики? Почему развитие страны понимают важность этих проблем, а мы нет?

Основная причина, на мой взгляд, состоит в догматической позиции наших экономистов либералов: по их мнению, конкуренция у нас высокая, асимметрии и неопределённости в экономике нет, и, как следствие, нет и транзакционных издержек. Это полностью оторванная от реальной жизни позиция. Их главный постулат на котором они твёрдо стоят и от которого практически весь мир уже отошёл, – всё в экономике определит "невидимая рука рынка": не надо ему мешать, не надо его регулировать, он сам всё сделает. Удобная позиция. Об этом они публично не говорят, но все их практические действия сводятся именно к этому. В полной мере это проявляется в проблемах реального сектора экономики.

Есть и ещё одна причина. В процессе выявления отрицательных трансакций естественно возникает вопрос, что и кто является их источником. И если такие трансакции регулярно возникают в процессе решения тех или иных задач, то неизбежно возникает вопрос о непрофессионализме тех, кто отвечает за их решение. Кому же из наших либеральных экономистов или чиновникам захочется так подставляться? Их даже не волнует то, что много конкретных проблем, вызванных отрицательными трансакциями, вынужден решать лично Президент.

Считаю, что игнорирование проблемы минимизации транзакционных издержек, является стратегическим просчётом в нашей экономической и социальной политике. Как будут развиваться события дальше, мне трудно сказать. Но уверен, что рано или поздно эту культуру управления надо будет осваивать, за этим стоит громадный потенциал

для развития нашей экономики и социальной сферы. Начинать надо будет с выявления причин зарождения отрицательных трансакций и их последующего устранения как на предприятиях, так и на национальном уровне.

На предприятиях, как уже говорилось, это системное совершенствование организации производства на базе внедрения современных систем, моделей и инструментов. На национальном уровне – это выявление видов деятельности, создающих для предприятий и экономики в целом наибольшее количество отрицательных трансакций, и поэтапно заниматься их минимизацией.

Список литературы

1. Чепурин М.Н., Киселёва Е.А. Курс экономической теории. 2017.
2. Версан В.Г., Леонидов К.В. Эффективный потребительский рынок – важнейший фактор роста экономики и благосостояния граждан // Стандарты и качество. – М., 2018. – № 6.
3. Версан В.Г. Качество и работоспособность экономической модели // Экономика и управление: проблемы, решения. – М., 2018. – № 11.

Головина Т.А.

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и государственное управление», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Орел

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: экономика совместного пользования, цифровые технологии, глобализация, цифровизация, экономические системы, развитие.

Keywords: sharing economy, digital technology, globalization, digitalization, economic systems, development.

Современный мир живет по новым правилам. Устаревшие методы государственного управления и хозяйствования должны остаться в прошлом. Мировые тенденции – это глобализация и цифровизация, и данной точки зрения придерживается Президент Российской Федерации Владимир Путин. Так, выступая на пленарном заседании Международного конгресса по кибербезопасности, Путин назвал ключевые условия цифровизации России, отметив, что при этом необходимо обеспечить цифровую свободу бизнесу, общественным организациям и гражданам, чтобы снять все барьеры, сдерживающие прогресс.

Именно широкомасштабное внедрение цифровых технологий на современном этапе определяет прогрессивное развитие любого государства в мире. Робототехника, искусственный интеллект совместно с «Интернетом вещей» определяют успешность экономического роста, как и повсеместное введение электронного документооборота с цифровыми платформами.

Прогнозируемое развитие цифровой экономики характеризуется следующими особенностями:

– основные инновации будут в бизнес-моделях, а не в технологиях. Глубокая интеграция технологий с бизнес-моделями.

– изделия и сервисы будут создаваться на проектной основе с использованием глобально всех необходимых ресурсов путем их аренды на необходимое время.

– экономика будет функционировать в едином информационном пространстве (с использованием облачных технологий), которое объединяет все необходимые ресурсы (специалистов, инструменты, технологии, онлайн производство, финансы) для проектирования, производства и эксплуатации.

– глобальные корпорации будут получать до 100% доходов от обслуживания проданных продуктов и сервисов при 5–10% первоначальных вложений в производство этих товаров и услуг (облачная волонтерская модель) и 0% в маркетинг¹.

– безусловным бенефициаром в новых условиях будет оператор глобальной платформы промышленных экосистем. По сути это своего рода производственная среда в новых условиях.

Цифровые технологии сегодня присутствуют во всех сферах жизнедеятельности человека, они обуславливают скорость экономического развития, конкурентоспособность товаров и стран на мировой арене. Системное освоение данных технологий и расширение их использования во многом определяют будущий ландшафт глобальной экономики (рис. 1).

Согласно экспертным исследованиям, в России доля цифровой экономики в структуре ВВП составляет 3,9%, что в 2–3 раза ниже чем в странах-лидерах.

С одной стороны, это говорит о недостаточном уровне цифровизации российской экономики по сравнению с мировыми стандартами, с другой стороны, прослеживается положительная динамика в росте данного показателя за 5 лет. Например, ВВП России с 2011 по 2015 год вырос на 7%, а объем цифровой экономики за этот же период увеличился на 59%². Можно утверждать, что цифровая экономика растет в 8,5 раз быстрее, чем остальные сектора экономики. Столь оптимистичные прогнозы основаны не только на эффективной автоматизации существующих процессов, но и обусловлены результатом, получаемым от внедрения в коммерческую деятельность компаний прорывных технологий и бизнес-моделей, к которым, несомненно, относятся цифровые платформы, аналитика больших массивов данных, 3D – печать, промышленный Интернет вещей.

¹ Эбботт М., Шимек Р. (2017) Экономика потребления в условиях совместного использования данных: Определяя перспективы новых бизнес-моделей. – www.aig.com/innovativetech

² Доклад о мировом развитии 2016. Цифровые дивиденды. Обзор. Международный банк реконструкции и развития / Мировой банк. – <http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/IB/2016/pdf>

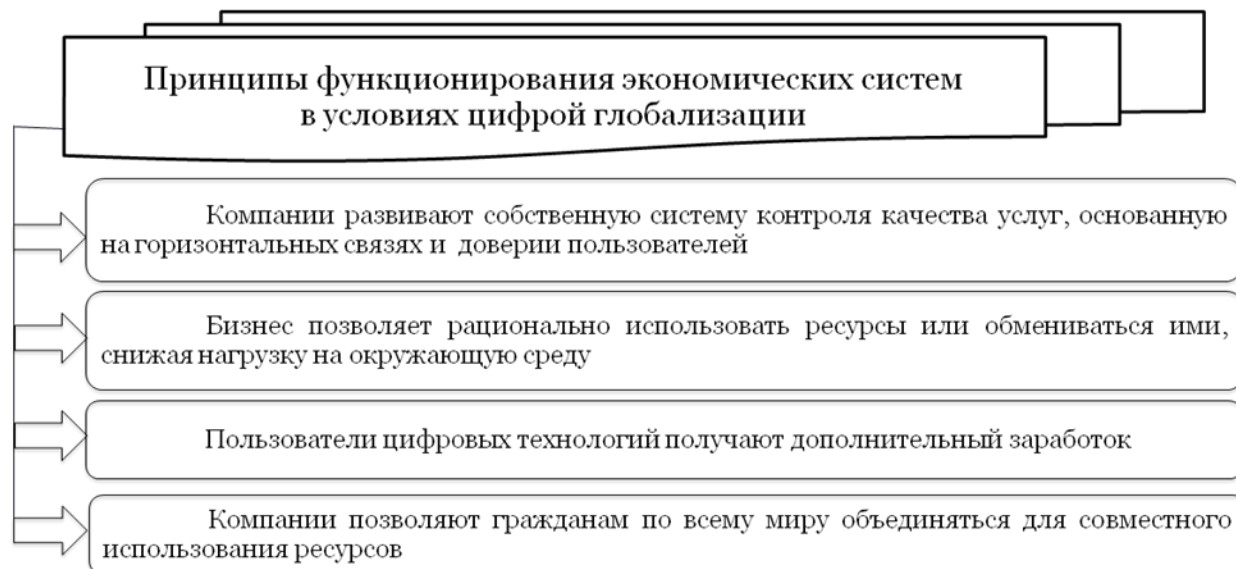

Рисунок 1.

Принципы функционирования экономических систем в условиях цифровой глобализации

Мировой опыт свидетельствует: при грамотном выстраивании механизмов функционирования цифровой экономики, в том числе нормативно-правовых, можно добиться заметного роста экономики, повышения производительности труда, создания новых секторов. Цифровая глобализация меняет модели ведения бизнеса и приводит к развитию новых функциональных направлений деятельности. Одним из эффектов глобальных технологических преобразований и диджитализации потребительского опыта стало развитие новой формы торгово-имущественных отношений – экономики совместного пользования. Переориентация потребительского поведения с приобретения на совместное пользование, исключение посредников из цепочки «клиент – исполнитель», усиление роли онлайн-репутации и саморегулирования сообщества для обеспечения качества услуг революционным образом меняют бизнес-модель во многих сферах.

В практику понятие экономики совместного пользования впервые было введено профессором права в Стэнфордском университете Лоуренсом Лессигом в 2008 г., представившим описание того, как многие пользователи Интернета существенно экономят, организовывая в сети группу и покупая вещи в складчину с очень большой скидкой¹. А уже к 2010 году происходит стремительный взлет Интернет-сервисов обмена услугами и вещами между физическими лицами.

Особый вклад в изучение экономики совместного пользования, ее роли в современной экосистеме внесли: Дон Тапскотт и А. Стефани². Исследованию информационного общества, формирования новых технологических укладов, моделей электронного бизнеса, внедрения цифровых технологий и развития цифровой экономики совместного пользования посвящен также ряд других работ³.

По мнению ученого-практика США Б. Матофска появлению новых экономических отношений на принципах совместного пользования способствовало усиление глобальной коммуникационной доступности⁴.

Генеральный партнер Kleiner Perkins Caufield & Byers и исполнительный вице-президент Майк Эбботт и главный исполнительный директор подразделения коммерческого страхования AIG Commercial Роб Шимек в своем исследовании о экономике потребления в условиях совместного использования данных полагают, что безопасное совместное использование данных станет двигателем новой цифровой экономики: «Если мир Интернета вещей является началом новой промышленной революции, тогда безопасное совместное использование больших объемов данных станет необходимым условием для ее осуществления»⁵.

В то же время, концепция экономики совместного пользования остается дискуссионной с точки зрения практической целесообразности. Критики собрали объемные данные, представляющие альтернативный взгляд на экономику совместного пользования. Особенно ценным источником является отчет Inside Airbnb Murray Cox, который активно

¹ Owyang J. (2015). Collaborative Economy Funding (2002-Present) / Crowd Companies Council. – <http://www.web-strategist.com/blog/2015/08/21/get-data-and-stats-on-the-collaborative-economy/> / PWC.2015. The Sharing Economy- Sizing the Revenue Opportunity. 2015

² Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с англ. И. Дубинского; под ред. С. Писарева. – Киев: INT Пресс; Москва: Релф бук, 1999. – 432 с.; Stephany A. The Business of Sharing: Making it in the New Sharing Economy. – New York: Palgrave Macmillan. 2015.

³ Botsman R., Rogers, R. What's Mine is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. – New York: Harper Business, 2010. – 304 p.; Доклад о мировом развитии 2016. Цифровые дивиденды. Обзор. Международный банк реконструкции и развития / Мировой банк. 2016. – <http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSCContentServer/IB/2016/.pdf>

⁴ Matuska B. What is the Sharing Economy? 2016. – <http://www.thepeoplewhoshare.com/blog/what-is-the-sharing-economy>

⁵ Эбботт М., Шимек Р. Экономика потребления в условиях совместного использования данных: Определяя перспективы новых бизнес-моделей. 2017. – www.aig.com/innovativetech

используется во многих СМИ для информирования о рисках новой парадигмы¹. Угрозы и слабые стороны бизнеса Uber, Airbnb и продвигаемой ими экономики совместного пользования раскрывает Т. Сли в своей книге «Что Ваше, то мое: против экономики совместного пользования»². Проблемы развития цифровой модели экономики совместного пользования исследуются и экспертами Евросоюза. Так, Г. Петропулос (Бельгия) отмечает, что для развития новой бизнес-модели целесообразно во всех странах Европейского союза принять соглашение о единой трактовке понятия «экономика совместного пользования» и классификации участников данной экосистемы³.

Сотрудники аналитической службы PricewaterhouseCoopers прогнозируют, что перспективными транзакциями по основным направлениям шеринговой экономики в Европе станут финансовые, жилищные, транспортные услуги, именно они обеспечат развитие бизнеса⁴.

Таким образом, проблемы развития цифровых моделей экономики совместного пользования являются глобальными, и это подтверждают исследования ученых-экономистов различных континентов и стран. Сегодня цифровизация стала необратимым процессом, важнейшим фактором развития практически любой отрасли. В современных реалиях двигателем инноваций является не только государство или крупные социальные и промышленные группы. Переход формируется через потребительский сектор, который благодаря своей мобильности и возможности аккумулировать капитал концентрирует инновационные подходы и практики цифровой экономики.

Адаптивность цифровой среды создает возможность оптимизации бизнес-процессов в самых сложных моделях управления. Задача бизнеса состоит в том, чтобы правильно встроиться в реальность и перспективы экономики совместного пользования.

Распространению цифровых технологий в мировом пространстве способствует государственная политика отдельных стран. Государства способствуют цифровизации в рамках двух основных направлений — путем поддержки ИКТ-сектора и отраслей — пользователей цифровых решений (рис. 2).

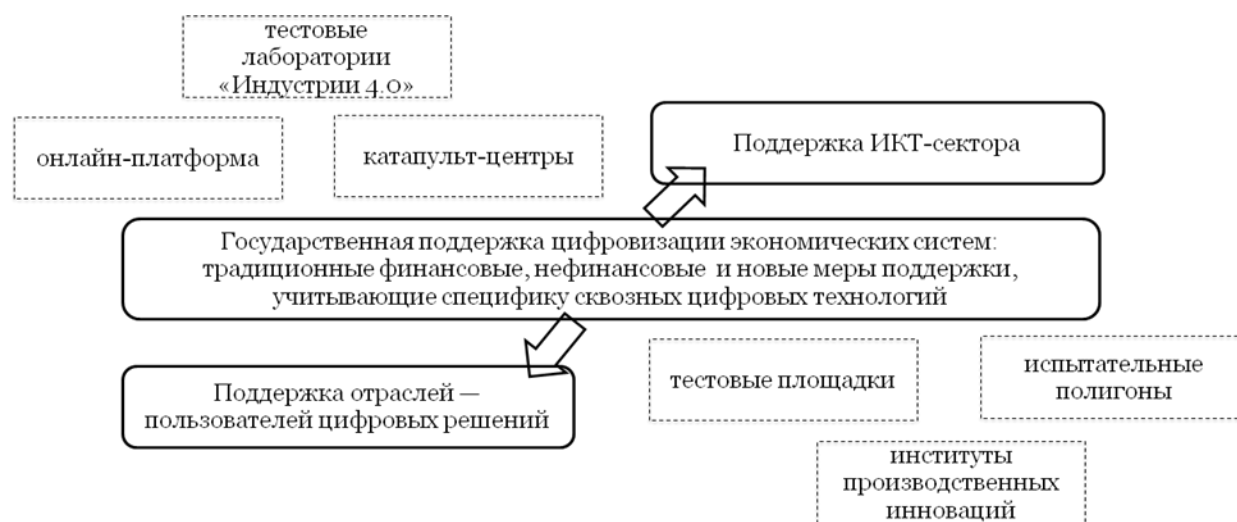

Рисунок 2.
Направления государственной поддержки цифровизации экономических систем

Значительная часть поддержки направлена на стимулирование технологического развития бизнеса, а именно на трансфер технологий, содействие в поиске контрагентов, получении финансовой поддержки (например, онлайн-платформа по поиску и аккумулированию технологических решений в Республике Корея). В Великобритании для поддержки процессов цифровой трансформации промышленности развиваются катапульт-центры для производств с высокой добавленной стоимостью, в США – институты производственных инноваций, в Республике Корея – инновационные центры, в Австралии – тестовые лаборатории «Индустрии 4.0»⁵.

Таким образом, роль государства в развитии цифровой экономики прежде всего проявляется:

1) в формировании институциональной сферы, своевременной разработке нормативно-правовых актов с учетом конкретных особенностей внешней и внутренней среды в интересах внедрения цифровых технологий на современном этапе, а также в обеспечении их кибербезопасности;

¹ Cox M., Slee T. How Airbnb's data hid the facts in New York City. 2016.

² Slee T. What's Yours Is Mine: Against the Sharing Economy. – New York: OR Books. 2015.

³ Petropoulos G. (2017). An economic review of the collaborative economy. Policy Contribution, № 5. – <http://bruegel.org/wp-content/uploads/2017/02/PC-05-2017.pdf>

⁴ Survey Explore the findings of our annual consumer behaviour survey of over 22,000 online shoppers in 27 territories across the globe / PricewaterhouseCoopers 2018 Global Consumer Insights. – www.pwc.com/gx/en/industries/retail-consumer/consumer-insights-survey.html

⁵ Polyaniin A., Pronyaeva L., Golovina T., Avdeeva I., Polozhentseva Y. Administrative and managerial approaches to digital economy development in Russia // Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference – Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: From Regional Development Sustainability to Global Economic Growth 29. 2017. – P. 2166–2179.

2) в создании оптимальных условий для компаний, которые занимаются разработкой и внедрением высоких технологий, подготовкой высокопрофессиональных кадров для «Цифровой экономики».

Цифровые технологии и свободный поток данных способствуют росту торговли, снижая торговые издержки и позволяя компаниям фрагментировать производство между странами через глобальную цепочку создания стоимости.

Для успешного развития цифровой экономики, полноценного утверждения в глобальном экономическом пространстве нового формата России необходимо наращивать кадровые, интеллектуальные и технологические преимущества, формировать гибкую нормативную базу для внедрения цифровых технологий во все сферы жизни.

Стратегия интенсивной цифровизации экономики и ставка на ее полноценную трансформацию, предполагающую фундаментальную перестройку подходов государства к принятию решений, приведет к сохранению конкурентоспособности на глобальном рынке и достижению положительных результатов.

Головкин Д.С.

старший преподаватель, Ивановский государственный университет

УЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В СБАЛАНСИРОВАННОЙ СИСТЕМЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ И УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ¹

Ключевые слова: *экономический потенциал предприятия, экономическая безопасность, инновационное развитие, текстильная промышленность, глобальная среда, конкурентоспособность, эффективность управления.*

Keywords: *enterprise economic potential, economic security, innovative development, textile industry, management efficiency, global environment, competitiveness.*

Введение

Глобализация рынков, усиление международной конкуренции, стремительное развитие технологических, маркетинговых и организационных инноваций требуют от промышленных предприятий повышения эффективности собственной деятельности. Для обоснования управленческих решений и реализации проактивных действий в условиях быстро меняющейся среды функционирования под влиянием достижений научно-технического прогресса в западных компаниях широко используется категория «экономический потенциал».

Несмотря на актуальность и значимость использования категории «экономический потенциал» для оценки и управления эффективностью деятельности предприятия, в научной литературе и практике она недостаточно разработана и применяется в основном в узком аспекте – для оценки ресурсной базы предприятия. При этом недооцениваются возможности и компетенции, повышающие уровень потенциала и создающие основу для разработки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития. Так же за рамками рассмотрения концепции «экономический потенциал предприятия» остаются вопросы, касающиеся учета угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне.

В результате изучения сущности данной категории мы следующим образом трактуем понятие «экономический потенциал предприятия» – это способность предприятия обеспечивать свое долговременное функционирование и достижение стратегических целей на основе использования системы наличных ресурсов с учетом возможностей, открытых перед предприятием, и компетенций предприятия в целях удовлетворения спроса потребителя в товарах и услугах в том объеме и качестве, который определяется его индивидуальными потребностями².

Данный подход к определению экономического потенциала предприятия позволяет оценивать стратегические направления социально-экономического и инновационного развития. Категория «экономический потенциал предприятия» обеспечивает руководителей промышленных предприятий необходимым инструментом стратегического управления изменениями условий деятельности компании. Оценка экономического потенциала предприятия и принятие стратегических решений позволит увеличить эффективность производственного, логистического, маркетингового, сбытового и других процессов промышленных предприятий.

Вместе с тем, любые решения отдельных предприятий не реализуются изолированно, они существуют в рамках определенной политической, правовой, демографической и экономической ситуации в конкретной отрасли, регионе, стране. Важным в процессе разработки управленческих решений становится учет угроз экономической безопасности.

Различные аспекты экономической безопасности находятся в поле зрения отечественных исследователей уже более двух десятилетий. Сегодня в экономической литературе достаточно широко представлены концептуальные аспекты экономической безопасности. В силу своей особой системной природы понятие «экономической безопасности», охватывающее сложные комплексные финансово-экономические, политико-правовые, организационно-управленческие, социально-демографические, научно-технические и многие другие проблемы, получило особую значимость в свете решения актуальных задач стратегического развития различных субъектов хозяйствования в динамично меняющихся рыночных условиях.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-410-370004 «Прогнозирование и оценка стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития текстильной промышленности на основе форсайт-исследований».

² Головкин Д.С. Актуальность оценки экономического потенциала предприятия в условиях усиления конкуренции // Вестник молодых ученых ИвГУ. Вып. 15. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. – С. 84–86.

Теоретико-методологические основы изучения этой многоаспектной проблемы заложены в исследованиях многих отечественных и зарубежных учёных, включая Л. Абалкина, А. Архипова, С. Глазьева¹, А. Городецкого, В. Иванченко, Д. Львова, С. Казанцева, А. Колосова², А. Куклина, П. Минакира, А. Михайленко, Б. Михайлова, А. Мызина, В. Тамбовцева, К. Самсонова, В. Сенчагова³, А. Скопина, А. Татаркина и др. Однако следует констатировать отсутствие в современной экономической науке трудов, которые бы пытались интегрировать концепцию экономического потенциала предприятия и экономической безопасности.

В целом экономическая безопасность большинством авторов рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы, определяющая ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов.

Видим, что структуры категорий близки, поэтому для управления экономическим потенциалом предприятия необходимо отразить влияние уровня экономической безопасности на уровень экономического потенциала предприятия и его отдельных элементов.

Цель нашего исследования – построить систему оценки и управления экономическим потенциалом промышленного предприятия, в которой реализован учет наиболее важных угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне.

Задачи исследования:

1. Определить наиболее важные угрозы экономической безопасности на национальном и региональном уровне, используемые в оценке и управлении экономическим потенциалом предприятий текстильной промышленности.

2. Сравнить методики оценки уровня экономической безопасности на национальном и региональном уровне.

3. Обобщить систему показателей/критериев уровня экономической безопасности на национальном и региональном уровне и осуществить выбор наиболее важных угроз экономической безопасности для конкретного предприятия текстильной промышленности.

4. Отразить в системе управления экономическим потенциалом промышленного предприятия влияние наиболее важных угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне.

Наиболее важные угрозы экономической безопасности на национальном и региональном уровне для предприятий текстильной промышленности

Понятие «угроза» и «безопасность» тесно связаны друг с другом, невозможно провести полное исследование экономической безопасности, не изучив угрозы как экономические, так и неэкономические. Как правило, источники угроз классифицируются по их характеру (внутренние или внешние).

В данной статье акцентируем свое внимание на рассмотрении угроз экономической безопасности, которые могут оказывать свое отрицательное влияние в большей степени на текстильную и швейную промышленность.

Производство текстильных и швейных изделий – важнейшие отрасли легкой промышленности, которые характеризуются высокими темпами капиталотдачи. Во многих индустриально развитых странах мира этим отраслям уделяется большое внимание как драйверам индустриального развития. В СССР доля текстильной и швейной промышленности в ВВП в 1990 году была весомой и составляла 8%, а в доходной части бюджета страны была еще более значительной – 26%. В настоящее время текстильная и швейная промышленность России стагнирует, в то же время необходимо отметить значительные возможности роста текстильного рынка: высокий спрос на текстильные и швейные изделия как на мировом, так и национальном рынке, устойчивость отрасли к мировым и национальным финансово-экономическим кризисам, а также достаточный уровень рентабельности продукции (более 10%) и быстрая оборачиваемость капитала.

Для вывода текстильной и швейной промышленности из кризиса требуется стратегия, учитывающая глобальные инновационные вызовы и обеспечивающая прорыв в развитии. Для разработки такой стратегии требуется учет угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровнях (выделены в табл. 1).

Таблица 3

Угрозы экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности

Внутренние угрозы экономической безопасности	Внешние угрозы экономической безопасности
<p><i>1. Продолжающийся спад производства</i> С начала 90-х годов наблюдается существенное падение производства продукции из-за состояния глубочайшего кризиса отрасли (на 80% только за первое десятилетие). В результате за последние двадцать пять лет вклад в ВВП значительно сократился и составил по данным Федеральной службы государственной статистики 0,22% в 2017 году, а вклад налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ – 0,20%. В настоящее время текстильная и швейная промышленность России стагнирует. Кроме того, имеют место расхождения официальной статистики с реальными фактами.</p>	<p><i>1. Недостаточность собственного сырья</i> Зависимость отечественной легкой промышленности от импортного сырья, технологий и машиностроения в рамках уходящего технологического уклада.</p>

¹ Глазьев С.Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал. 1997. – № 1.

² Колосов А.В. Экономическая безопасность хозяйственных систем. – М.: РАГС, 2008. – 310 с.

³ Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. 2008. – № 3. – С. 28–39.

<p>2. <i>Существенное технологическое отставание</i> По состоянию на начало 2017 года доля швейного оборудования со сроком эксплуатации более 20 лет находилась на уровне 40%, а доля текстильного оборудования – более 52% по всем организациям отрасли. Эксперты отмечают, что отечественные текстильные предприятия используют устаревшие технологии производства товаров моды, отсутствие массовых технологий.</p> <p>Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции составляет всего порядка 9%, а доля предприятий, осуществляющих технологические инновации меньше 10%. В развитых странах эти индикаторы составляют 30-50% и 50-70%.</p>	<p>2. <i>Дискриминационные меры зарубежных стран к российским товарам и предприятиям (санкции)</i> Резко ухудшаются внешние условия развития России не только в экономике, но и повышается градус политического и идеологического противостояния между Россией, США и Евро-союзом. Внешний фактор обеспечения национальной безопасности требует комплексного анализа в целях создания новой архитектуры управления отдельными составляющими этого фактора.</p> <p>Негативные внешние условия развития российской экономики сохраняются на достаточно длительный срок. Нельзя ожидать в обозримый период снятия западных санкций даже при условии достижения улучшения ситуации на юго-востоке Украины. Санкции, вызванные воссоединением Крыма и Севастополя, останутся очень надолго, и потребуют особых подходов к обеспечению экономической безопасности страны.</p>
<p>3. <i>Ограничения в финансовых ресурсах для модернизации предприятий</i> Доля предприятий отрасли в инвестициях в основной капитал в 2016 г. была всего лишь 0,06%.</p>	<p>3. <i>Отток валютных средств</i></p>
<p>4. <i>Низкая мотивация труда</i> В 2016 году соотношение среднемесячной номинальной заработной платы в отрасли со среднероссийским уровнем составило всего лишь 47%.</p>	<p>4. <i>Отток кадров за рубеж («утечка мозгов»)</i></p>
<p>5. <i>Неэффективный менеджмент и маркетинг</i></p>	<p>5. <i>Высокая доля импортных товаров на рынке (80-84% швейных изделий) и низкая конкурентоспособность отечественной продукции</i> Отмечается высокая конкуренция с иностранными товарами, так как уровень издержек производства продукции на предприятиях местного, регионального и федерального значения значительно выше.</p>
<p>6. <i>Слабая государственная поддержка</i></p>	
<p>7. <i>Рост безработицы</i></p>	
<p>8. <i>Имущественное расслоение людей</i> В этом отношении в России сложилось ненормальное положение, когда при наличии 3-5% очень богатых людей (удачливых предпринимателей, обогатившихся, как правило, за счет бизнеса с государственным имуществом, аномального развития российской экономики) значительная часть населения имеет доходы ниже прожиточного минимума. В России, по официальной статистике, соотношение в доходах 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных групп составляет 1:12-14 (при норме 1:10), а по отдельным городам и регионам – еще выше.</p> <p>При реализации инновационной модели развития, которую проводят в РФ, доходы большинства населения должны быть выше определенной границы, когда население не испытывает трудности для реализации своего репродуктивного поведения, поддержания здоровья и получения образования¹.</p>	
<p>9. <i>Достаточно высокий уровень инфляции</i></p>	
<p>10. <i>Криминализация экономики</i> Серьезной проблемой является рост теневой экономики, которая может выступать в качестве «парашюта», тормоза развития и достигать угрожающих размеров. Выполненные нами расчеты по присутствию теневой экономики в УрФО показали, что по отдельным субъектам УрФО она составляет 1/3 и более от ВРП².</p>	

Промышленному предприятию необходимо обеспечить механизм реакции на угрозы экономической безопасности страны и региона, и, что самое главное, прогнозирования таких угроз в будущем. Считаем возможным выстраивание подобного механизма на основе интеграции методики оценки уровня экономической безопасности и системы управления экономическим потенциалом предприятия. По нашему мнению, наиболее целесообразной методикой оценки экономической безопасности является мониторинг основных макроэкономических показателей и сравнение их

¹ Татаркин А.И. и др. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2: Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня. Пороговые уровни индикаторов экономической безопасности территорий регионального уровня / А.И. Татаркин и др. Препринт. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2001.

² Куклин А.А. Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. Экономические науки. 2014. – № 6. – С. 142–145.

с пороговыми значениями за счет ее гибкости и возможности выбирать актуальные для субъекта анализа показатели и индикаторы. Используем данную методику оценки экономической безопасности и составим систему показателей экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности.

Обобщенная система показателей уровня экономической безопасности

Состояние экономической безопасности оценивается с помощью индикаторов – системы показателей, отражающих основные «болевые точки» развития экономики в различных сферах. Индикаторы экономической безопасности должны обладать следующими отличительными свойствами¹:

- количественно отражать угрозы экономической безопасности;
- обладать высокой чувствительностью и изменчивостью;
- взаимодействовать между собой в достаточно сильной степени.

Следовательно, перечень индикаторов, характеризующий уровень экономической безопасности с учетом отражения в нем наиболее острых проблем, не должен быть слишком большим. Для всех индикаторов должны быть определены пороговые значения – предельные значения, игнорирование которых препятствует нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводит к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения². Приближение индикаторов к их пороговым значениям свидетельствует о нарастании угроз экономической безопасности, а превышение – о нестабильной социально-экономической ситуации в регионе.

На основании выделенных в исследовании угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне для предприятий текстильной промышленности (табл. 1) нами была разработана система показателей оценки экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности, каждому показателю были подобраны пороговые значения, при несоответствии которым отмечается угроза экономической безопасности. Значения показателей приводятся по состоянию на 2016 год. Результаты анализа экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности приведены в табл. 2.

Таблица 4

Система показателей экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности

Угрозы экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности	Показатели оценки	Пороговое значение	Значение показателя, 2016г
1. Продолжающийся спад производства	Индекс промышленного производства, %	Более 105%	105,3
2. Существенное технологическое отставание	Соотношение обновления и выбытия основных фондов промышленных предприятий, в разах	Более 3	6,5
3. Ограничения в финансовых ресурсах для модернизации предприятий	Объем инвестиций в основной капитал, % к ВВП	Более 25%	20,0
4. Низкая мотивация труда	Индекс роста реального дохода населения, %	Более 107%	94,1
5. Неэффективный менеджмент и маркетинг	Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) промышленных предприятий обрабатывающих производств, %	Более 13%	8,7
6. Слабая государственная поддержка	Объем государственной поддержки текстильной промышленности, тыс. руб.		2 668 000,0 ³
7. Рост безработицы	Уровень безработицы, %	Менее 7%	5,5
8. Имущественное расслоение людей	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Менее 8%	13,0
9. Достаточно высокий уровень инфляции	Годовой темп инфляции, %	Менее 4%	5,4
10. Криминализация экономики	Число преступлений на 100 тыс. чел. населения, ед.	Менее 5 000	1 474,5
11. Недостаточность собственного сырья	Доля иностранных поставщиков в общем объеме поставок сырья отечественным предприятиям текстильной промышленности, %	Менее 30%	55,0
12. Дискриминационные меры зарубежных стран к российским товарам и предприятиям (санкции)	Соотношение экспорта и импорта во внешнеторговом обороте текстильных предприятий, в разах	Более 10 раз	0,1
13. Отток кадров за рубеж («утечка мозгов»)	Отток рабочих кадров в текстильной промышленности	Менее 15%	10,0 ⁴
14. Отток валютных средств	Доля иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	Более 15%	0,8
15. Высокая доля импортных товаров на рынке и низкая конкурентоспособность отечественной продукции	Доля импортных товаров на рынке текстильной продукции, %	Менее 50%	84,0

¹ Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

² Глазьев С.Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский журнал. 1997. – № 1.

³ Стратегическая отрасль. – <https://iz.ru/656776/anna-koroleva/strategicheskai-a-otrasl>

⁴ Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 24.09.2009 № 853 «Об утверждении стратегии развития легкой промышленности России на период до 2020 года и плана мероприятий по ее реализации». – <https://zakonbase.ru/content/part/641300>

Анализ показателей экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности и их сравнение с пороговыми значениями показывают, что более 50% (9 из 15) индикаторов находятся в «критической» зоне и не соответствуют пороговому уровню, что позволяет сделать вывод о низком уровне экономической безопасности для отечественных предприятий текстильной промышленности. При управлении экономическим потенциалом управленческому звену предприятий текстильной промышленности необходимо учитывать угрозы экономической безопасности.

Каждое предприятие имеет собственную специфику функционирования и на конкретное предприятие разные угрозы могут влиять по-разному. Таким образом, следующим шагом в анализе угроз экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности является экспертная оценка их важности и выбор двух наиболее важных (1 из списка внутренних угроз и 1 из списка внешних) для дальнейшего использования их в системе управления экономическим потенциалом предприятия. Результаты авторской экспертной оценки угроз по 2 критериям – вероятность наступления угрозы и влияние угрозы на экономический потенциал предприятия представлены в табл. 3.

Таблица 5

Оценка важности угроз экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности

Угрозы экономической безопасности на национальном и региональном уровне	Вероятность наступления угрозы (от 0 до 1)	Влияние угрозы на экономический потенциал предприятия (от 1 до 3)	Интегральная оценка важности угрозы для текстильной отрасли
1. Продолжающийся спад производства	0,8	1	0,8
2. Существенное технологическое отставание	0,6	1	0,6
3. Ограничения в финансовых ресурсах для модернизации предприятий	0,4	2	0,8
4. Низкая мотивация труда	0,8	3	2,4
5. Неэффективный менеджмент и маркетинг	0,7	3	2,1
6. Слабая государственная поддержка	0,6	2	1,2
7. Рост безработицы	0,8	1	0,8
8. Имущественное расслоение людей	0,9	3	2,7
9. Достаточно высокий уровень инфляции	0,8	2	1,6
10. Криминализация экономики	0,5	1	0,5
11. Недостаточность собственного сырья	0,9	3	2,7
12. Дискриминационные меры зарубежных стран к российским товарам и предприятиям (санкции)	0,9	1	0,9
13. Отток кадров за рубеж («утечка мозгов»)	0,6	2	1,2
14. Отток валютных средств	0,8	3	2,4
15. Высокая доля импортных товаров на рынке и низкая конкурентоспособность отечественной продукции	0,8	3	2,4

Авторская оценка важности угроз экономической безопасности для предприятий текстильной промышленности демонстрирует нам 2 наиболее важные угрозы – имущественное расслоение людей и недостаточность собственного сырья. На их примере рассмотрим систему управления экономическим потенциалом предприятия.

Управление экономическим потенциалом предприятия текстильной промышленности на основе оценки наиболее важных угроз экономической безопасности

В табл. 4 представлены «шоки» от угроз экономической безопасности, т.е. наиболее вероятные последствия наступления угрозы для предприятий текстильной промышленности.

Таблица 6

«Шоки» от угроз экономической безопасности

Угрозы экономической безопасности	Элемент экономического потенциала предприятия	Горизонт прогнозирования «шоков»		
		Краткосрочные (до 1 года)	Среднесрочные (от 1 до 3 лет)	Долгосрочные (более 3 лет)
Имущественное расслоение людей	Производственный потенциал	– неполная загрузка производственных мощностей; – затоваривание складов готовой продукции (высококачественной и дорогой сегмент ткани), а также сырья и материалов.	– снижение показателей фондоотдачи; – сокращение затрат на производство.	– неэффективность ассортиментной политики.
	Трудовой потенциал	– неполный рабочий день / неполная рабочая неделя; – снижение показателей выработки.	– сокращение персонала; – сокращение издержек на рабочую силу.	– неэффективность структуры персонала
	Финансовый потенциал	– рост доли постоянных издержек и переменных затрат на содержание запасов; – снижение показателей рентабельности.	– изменение соотношений в эффектах дохода и замещения; – снижение выплат дивидендов; – потеря акционеров.	– снижение стоимости компании; – недоступность кредитов и инвестиций.

	Инновационный потенциал	– снижение отдачи от инновационного оборудования.	сокращение затрат на инновации.	– неэффективность структуры затрат на инновации
	Маркетинговый потенциал	– снижение эффективности маркетинговых бюджета и мероприятий; – отток постоянных клиентов; – снижение частоты покупок; – сужение ассортимента.	– усиление конкурентной борьбы; – изменение функционала маркетингового отдела; – сужение сегментов рынка, сокращение доступных маркетинговых инструментов.	– неэффективность структуры маркетинговой деятельности.
	Потенциал организации и управления	– неэффективность разработанных сценариев реакции на «шоки» или отсутствие таковых сценариев.	– снижение эффективности принимаемых управленческих решений (в средне- и долгосрочной перспективе); – снижение гибкости и адаптивности системы управления.	– неэффективность структуры управления.
Недостаточность собственного сырья	Производственный потенциал	– недостаток запасов сырья; – срыв выполнения производственной программы; – неполная загрузка производственных мощностей.	– снижение качества и конкурентоспособности продукции.	– увеличение затрат на сырье и материалы.
	Трудовой потенциал	– повышение нагрузки на менеджеров предприятия (связанной с поиском новых поставщиков).	– потребность в менеджерах и директорах в отделе закупок.	– потребность в новых сотрудниках для работы на новом оборудовании.
	Финансовый потенциал	– увеличение затрат на закупки (поиск новых поставщиков).	– рост доли постоянных издержек и переменных затрат на содержание запасов; – снижение показателей рентабельности.	– потеря акционеров; – снижение стоимости компании; – потеря возможности получения кредитов и инвестиций; – повышение издержек на внедрение новых инновационных проектов.
	Инновационный потенциал	– снижение отдачи от инновационного оборудования.	– увеличение затрат на программу по разработке новых материалов-заменителей.	– потребность в техническом перевооружении для производства продукции из новых материалов.
	Маркетинговый потенциал	– повышение числа рекламаций, отрицательных отзывов; – увеличение затрат на маркетинг (противодействие отрицательному образу).	– появление незапланированных маркетинговых мероприятий, рост издержек на маркетинг; – стимулирование существующих клиентов и поиск новых рынков.	– разработка новой маркетинговой стратегии, учитывающей конкурентные преимущества нового вида сырья.
	Потенциал организации и управления	– снижение эффективности управления финансами.	– потребность в формировании и развитии отдела закупок.	– разработка управленческих решений по реализации инновационного проекта по переходу на новые материалы.

Проиллюстрируем процесс распространения «шоков» (табл. 5 и 6). В таблицах отражены последовательности, в которой происходят различные «шоки», и взаимосвязи, т.е. какие шоки являются причиной, а какие следствием конкретного негативного фактора для предприятия. Так, можно заметить, что некоторые шоки являются причиной одного значительного негативного фактора, который в свою очередь, может привести к большому количеству новых шоков, затрагивающих разные элементы экономического потенциала предприятия.

Процесс распространения «шоков» на примере имущественного расслоения людей

Имущественное расслоение людей				
Снижение эффективности маркетинга; снижение частоты покупок				
Затоваривание складов		Отток		
Рост постоянных издержек		неполная загрузка производственных мощностей	неполный рабочий день / неполная рабочая неделя	
		Снижение выработки		
Снижение показателей рентабельности				
снижение отдачи от инновационного оборудования		неэффективность менеджмента		
сокращение затрат на инновации		усиление конкурентной борьбы	снижение эффективности принимаемых управленческих решений	изменение соотношений в эффектах дохода и замещения
			снижение показателей фондоотдачи	
сокращение затрат на производство	сокращение персонала; сокращение издержек на рабочую силу	снижение выплат дивидендов	снижение гибкости и адаптивности системы управления	
Неэффективность управления	Неэффективность структуры персонала	потеря акционеров	изменение функционала маркетинга	
		снижение стоимости компании недоступность кредитов и инвестиций	изменение структуры затрат на маркетинг	
Неэффективность структуры управления				

Таблица 8

Процесс распространения «шоков» на примере недостаточности собственного сырья

Недостаточность собственного сырья					
Недостаток запасов сырья					
неполная загрузка производственных мощностей	повышение нагрузки на менеджеров предприятия (связанной с поиском новых поставщиков)		увеличение затрат на закупки (поиск новых поставщиков)	снижение качества и конкурентоспособности продукции	
снижение отдачи от инновационного оборудования	потребность в менеджерах и директорах в отдел закупок		снижение эффективности управления финансами	повышение числа рекламаций, отрицательных отзывов	
	потребность в формировании и развитии отдела закупок		рост доли постоянных издержек и переменных затрат на содержание запасов	увеличение затрат на маркетинг (противодействие отрицательному образу) появление незапланированных маркетинговых мероприятий; стимулирование существующих клиентов и поиск новых рынков	
Снижение показателей рентабельности					
увеличение затрат на программы по разработке новых материалов-заменителей					
разработка управленческих решений по реализации инновационного проекта по переходу на новые материалы			потеря акционеров		
увеличение затрат на сырье и материалы	потребность в новых сотрудниках для работы на новом оборудовании	потребность в техническом перевооружении для производства продукции из новых материалов	разработка новой маркетинговой стратегии, учитывающей конкурентные преимущества нового вида сырья	снижение стоимости компании	
				потеря возможности получения кредитов и инвестиций	
повышение издержек на внедрение новых инновационных проектов					

В нашем исследовании предлагается методика отражения в системе управления экономическим потенциалом промышленного предприятия наиболее важных угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне (рис. 1).

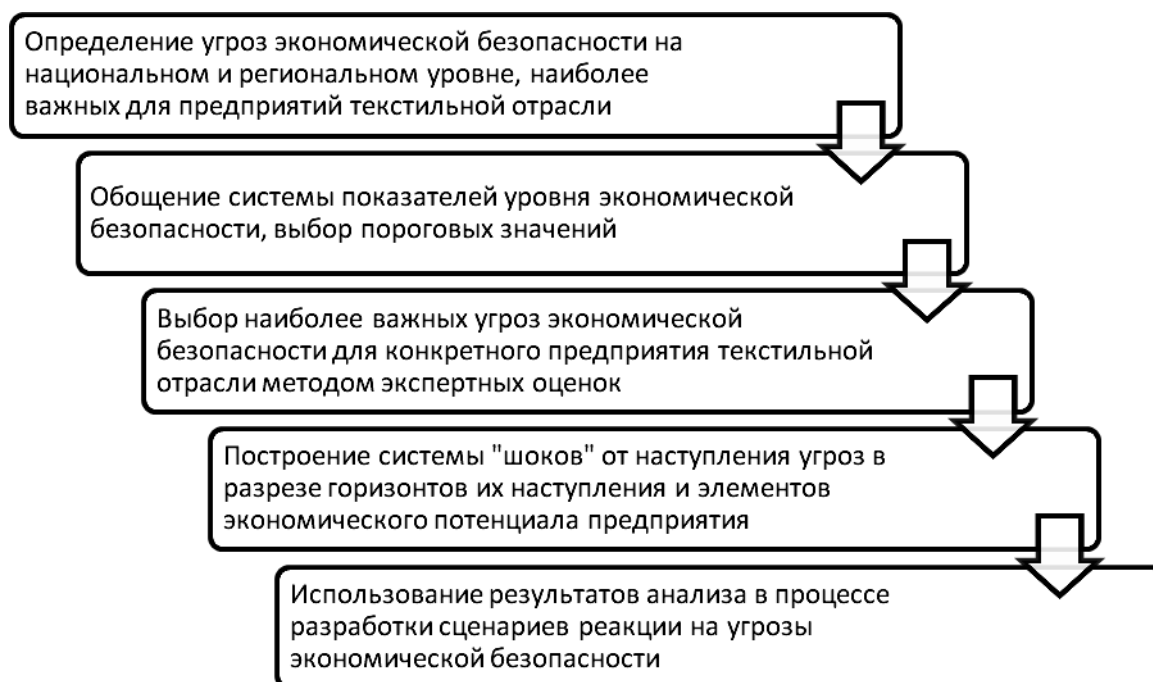

Рисунок 1.

Методика отражения влияния наиболее важных угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне в системе управления экономическим потенциалом промышленного предприятия

На первом этапе выделяются внешние и внутренние угрозы экономической безопасности, наиболее актуальные для выбранной отрасли. На втором этапе выбираются индикаторы оценки экономической безопасности и их пороговые значения. Предполагается, что менеджмент предприятия формирует список наиболее важных угроз экономической безопасности на 3 этапе самостоятельно, используя метод экспертных оценок. Исходя из проведенной ранее экспертной оценки важности угроз экономической безопасности для конкретного предприятия на 4 этапе менеджмент формирует управленческую матрицу «шоков», которая затем используется в разработке стратегии предприятия.

Таким образом, конечный этап в методике построения системы оценки и управления экономическим потенциалом промышленного предприятия, учитывающей наиболее важные угрозы экономической безопасности на национальном и региональном уровне, является построение схемы распространения «шоков» от наступления наиболее вероятных и важных для предприятия угроз.

Заключение

Научной новизной исследования является разработка авторской методики отражения влияния наиболее важных угроз экономической безопасности на национальном и региональном уровне в системе управления экономическим потенциалом промышленного предприятия. Данную методику считаем возможным использовать не только для предприятий текстильной промышленности, но и распространить на любые другие промышленные предприятия.

Граховская И.С.

ведущий специалист, Белорусский государственный университет, Минск

ЗАТРАТЫ, УЧИТЫВАЕМЫЕ ПРИ НАЛОГООБЛОЖЕНИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Ключевые слова: *затраты, налогообложение, инвестиционный вычет, нормируемые затраты, переоценка, пени, ставка налога.*

Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2018 г. № 159-З принята новая редакция Налогового кодекса Республики Беларусь, которая вступила в силу 1 января 2019 г. Изменения в Налоговом Кодексе, внесенные новой редакцией, затронули в том числе и порядок исчисления налога на прибыль. Наиболее значимые изменения произошли в подходе к налоговому учёту и определению затрат, учитываемых при налогообложении. Рассмотрим подробнее данные изменения.

Затраты, как и ранее, должны быть отражены в том отчётном периоде, к которому они относятся (принцип начисления). Само определение затрат не претерпело существенных изменений в 2019 г.: затраты по производству и реализации представляют собой стоимостную оценку использованных в процессе производства и реализации товаров, работ, услуг, сырья, материалов, топлива, энергии, основных средств, нематериальных активов, трудовых ресурсов и иных расходов на их производство и реализацию, отражаемых в бухгалтерском учете.

Новой редакцией Налогового Кодекса предусмотрено расширение возможности применения инвестиционного вычета за счет увеличения его размера в 1,5 раза: по зданиям, сооружениям, передаточным устройствам – с 10 до 15%; по машинам, оборудованию и транспортным средствам – с 20 до 30%. Новшеством 2019 года является исключение из списка зданий, по которым не может быть применён инвестиционный вычет, зданий, которые предназначены и (или) используемых для общественного питания.

Рассмотрим группу затрат, учитываемых при налогообложении, – нормируемые затраты. К ним относятся:

- *командировочные расходы* в пределах норм, установленных законодательством;
- *затраты на оплату топливно-энергетических ресурсов*, израсходованных в пределах норм, установленных законодательством. Новой редакцией НК определено, что для учёта расходов на автомобильное топливо следует и использовать данные технической документации завода-изготовителя, а при их отсутствии – самостоятельно устанавливать нормы его расхода до утверждения этих норм в установленном порядке. Данное нововведение позволяет плательщикам не проходить процедуру установления норм расхода автомобильного топлива, действующую ранее;
- *потери от недостачи и (или) порчи* при хранении, транспортировке, реализации товаров, запасов в пределах норм естественной убыли. Плательщикам предоставлено право самостоятельного утверждения норм потерь от недостачи и (или) порчи при хранении и транспортировке товарно-материальных ценностей (норм естественной убыли) в случае отсутствия таких норм, установленных законодательством.
- *расходы на управленческие услуги*, оказываемые индивидуальными предпринимателями, должны рассчитываться исходя из коэффициента соотношения средней заработной платы руководителя организаций и средней заработной платы по организации в целом;
- *затраты по контролируемой задолженности организации*, сумма которой в три и более раза превышает величину ее собственного капитала, подлежат нормированию. С 2019 года сумма контролируемой задолженности определяется как совокупность сумм задолженностей перед всеми лицами по таким видам работ (услуг), как:
 - 1) заёмным средствам по кредитам, займам без учёта суммы задолженности по процентам по ним;
 - 2) инжиниринговым услугам, маркетинговым услугам, консультационным услугам, услугам по предоставлению информации, управленческим, посредническим услугам, услугам по поиску и подбору персонала;
 - 3) неустойкам (штрафам, пеням), суммам, подлежащим уплате в результате применения иных мер ответственности, включая возмещение убытков, за нарушение договорных обязательств.

прочие затраты. Совокупный размер учитываемых при налогообложении прочих затрат не может превышать 1% выручки от реализации товаров, работ, услуг с учётом налога на добавленную стоимость. Для расчёта 1% берётся выручка от реализации с НДС и доходы от операций по сдаче в аренду. Выручка считается нарастающим итогом за налоговый период. Плательщик должен самостоятельно определять, какие из произведенных расходов будут включаться в состав прочих затрат, учитываемых при налогообложении, с целью определения в дальнейшем их совокупного размера, чтобы не превысить 1% от выручки.

Согласно действующему законодательству Республики Беларусь в бухгалтерском учете предусмотрено отражение результатов переоценки и обесценения в отношении как основных средств, так и нематериальных активов. По аналогии с основными средствами суммы дооценки и восстановления обесценения нематериальных активов не включаются в состав внереализационных доходов, а относятся к затратам, не учитываемым при налогообложении прибыли.

В 2019 году плательщикам предоставлено право включать во внереализационные расходы некоторые виды платежей по факту их получения, если соответствующий порядок определен учетной политикой плательщика, а также резервы по сомнительным долгам. К таким платежам относятся суммы неустоек, (штрафов, пеней), суммы, причитающиеся к получению при применении иных мер ответственности, в т.ч. в результате возмещения убытков, за нарушение договорных обязательств.

В числе наиболее значимых для бизнес-среды изменений можно отметить следующие:

- 1) Сроки для зачета и возврата налогов увеличиваются с 3 до 5 лет.
- 2) Ограничивается размер пеней, начисляемых за неуплату налога: размер пени не будет превышать размер налогового обязательства (сейчас размер пени не ограничен и по факту может превышать сумму неуплаченного налога в несколько раз).
- 3) Устанавливается возможность уплаты сумм налогов за счет средств дебитора-должника индивидуального предпринимателя. Ранее такая возможность была только в отношении юридических лиц.
- 4) Размер инвестиционного вычета для организаций-налогоплательщиков налога на прибыль увеличивается в полтора раза.
- 5) Предусматривается снижение ставки налога на прибыль в отношении дивидендов, выплачиваемых за счет нераспределенной прибыли: в течение трех лет – до 6%, в течение пяти лет – до 0%.
- 6) Вводятся нормируемые затраты для целей налога на прибыль, которые могут учитываться в составе затрат в сумме не более 1% от выручки с учетом НДС за предыдущий год;
- 7) Контролю трансфертного ценообразования будут подлежать сделки с взаимозависимыми лицами или с организациями (индивидуальными предпринимателями), применяющими особые режимы налогообложения. Кроме того, исключено 20%-ное отклонение от рыночных цен, что соответствует международным подходам.
- 8) С 1 января 2019 г. крупные плательщики смогут заключать с Министерством по налогам и сборам соглашения о ценообразовании (продолжительностью до трех лет), в котором применительно к контролируемой сделке будет согласовываться методика определения рыночной цены.

На основании вышесказанного можно отметить, что в 2019 году сохраняется направленность на упрощение правил ведения бизнеса и защиты его интересов. Данный факт отражает своего рода лояльность нового законодательства к налогоплательщикам и расширяет некоторые границы в учете затрат, принимаемых к налогообложению. Нововведения позволяют рассчитывать на сокращение числа случаев умышленного занижения налоговой базы, а также уклонения от уплаты налогов.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 29 дек. 2009 г. № 71-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. № 159-3 // Консультант Плюс: Беларусь.
2. Шерий Е.А. Затраты, учитываемые при налогообложении // Налоги Беларуси. 2019. – № 5(533). – С. 23–31.

Днишев Ф.М.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института экономики КН МОН РК
dfm0704@gmail.com

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТОЧКИ РОСТА НАУКОЕМКИХ СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ В КАЗАХСТАНЕ

Ключевые слова: наукоемкая экономика, точки роста, пространственное развитие, регионы

Ускоренная технологическая модернизация экономики Казахстана как важнейший приоритет современной политики выдвигает новые задачи пространственного развития страны – структурная перестройка, направленная на ликвидацию сложившихся территориально-отраслевых диспропорций, переход к модели экономического роста, базирующегося на инновациях. Для этого необходимо сделать научно-технологический фактор одним из ключевых в стратегиях развития как страны в целом, так и всех регионов.

Следовательно, региональная политика страны помимо традиционных задач (деконцентрация экономической активности, ускоренное развитие относительно отсталых в экономическом и социальном отношении районов, перестройка их экономики) должна ориентироваться также на стимулирование роста наукоемких производств, укрепление научно-технологического и инновационного потенциалов регионов.

В определенной степени эти задачи заложены в Государственной программе индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг. Вместе с тем нельзя забывать, что она является продолжением Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития на 2010–2014 гг., идеология которой сформировалась в условиях высоких темпов роста национальной экономики. Поэтому обе программы несут отпечаток старых подходов, недооценивают новые тенденции в развитии глобальной экономики. Необходимо перенос акцентов на качественные показатели, на «облагораживание» структуры экономики, завоевание новых рынков. Если в упомянутых программах приоритет отдается развитию традиционных отраслей неглубокой переработки сырья, то в новой политике помимо них преимущество должны получить направления, обеспечивающие освоение новых рыночных ниш, появление новых бизнесов. При этом следует ориентироваться на инновационные технологии и решения, что позволит выстраивать наукоемкую специализацию экономики регионов.

Для Казахстана характерна неравномерность, неоднородность и асинхронность процессов пространственного развития, обусловленные действием географических и исторических факторов, вовлеченностью страны в процессы глобализации. В этой связи важной задачей политики пространственного развития страны является более активное воздействие на эти процессы с тем, чтобы, с одной стороны, уменьшить негативные их проявления (сильную социально-экономическую дифференциацию регионов), а с другой стороны, использовать их проактивный потенциал. Способствовать этому, в частности, может политика формирования центров («точек») экономического роста.

Поход к пространственному развитию на основе формирования центров роста применяется в последние полвека во многих странах. Он базируется на концепции поляризованного развития, в соответствии с которой пространственная локализация экономического роста в какой-либо точке (регионе, городе) обеспечивается в результате сосредоточения в ней определенного набора отраслей и производств. Речь идет о наиболее инновационных отраслях и производствах, то есть сравнительно новых, применяющих современные технологии, способные к генерированию, освоению и передаче инноваций.

Принцип формирования центров роста может быть реализован в политике и практике пространственного развития Казахстана. Вместе с тем следует отметить, что здесь может возникнуть ряд ограничений и сложностей. Дело в том, что в Казахстане преобладают процессы не генерирования собственных инноваций, а освоения тех, что присутствуют на мировых рынках, причем в большинстве случаев путем простого их переноса без какой-либо адаптации. Кроме того, в целом производство развивается за счет поставок необходимого оборудования, полуфабрикатов, комплектующих из-за пределов страны. Пространственно-технологические цепочки чаще всего замыкаются внутри одного региона, иногда охватывают несколько регионов. Следовательно, «трансляция» инновационных импульсов по территории страны не будет иметь сильную основу в виде возможного спроса на продукцию новых производств.

Поэтому на нынешнем этапе развития национальной экономики формирование «точек» роста возможно не по инновационному сценарию, а за счет других факторов: выгодного географического положения (приграничного, например), обладание ресурсами, востребованными на мировых рынках, сосредоточение человеческих ресурсов более высокой квалификации, обеспеченности инфраструктурой. Эти факторы принято относить к естественным преимуществам той или иной территории.

На использовании этих факторов строится превосходство в экономическом развитии, имеющееся в Казахстане у ряда регионов. В результате можно говорить об уже сложившихся центрах роста. В первую очередь это главные го-

рода Казахстана – Нур-Султан и Алматы, использующие преимущество своего «столичного» статуса, что позволяет концентрировать значительные финансовые ресурсы, трудовые ресурсы более высокого качества, притягивать инвестиции и население.

Далее, это сырьевые регионы (прежде всего Атырауская, Мангистауская и Актюбинская области), рост которых связан с интенсивной добычей нефтегазовых ресурсов и поставками их на экспорт. Эти регионы обладают сравнительно высокой инвестиционной привлекательностью. Однако их рост носит не совсем устойчивый характер, поскольку напрямую зависит от подверженной изменениям конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

Самое главное, экономический рост этих регионов мало способствует экономическому росту других территорий страны, то есть процесс, который из зарубежного опыта известен как «диффузия роста», идет вяло. Это происходит вследствие того, что экономическое пространство страны не является целостным, поскольку отдельные территории (регионы) страны мало связаны между собой. Отсутствуют или слабы специальные стимулирующие меры региональной политики, которые бы способствовали тому, чтобы «прошить» территорию Казахстана межрегиональными инвестиционными, финансовыми, миграционными, товарными потоками. Лишь в последние годы с принятием программы «Нурлы Жол» стало обращать внимание на транспортно-логистическую связанность территории страны.

Для того, чтобы экономический рост в отдельных регионах страны приобрел инклюзивный характер, а это может произойти только, если его результаты будут доступны для населения всех территорий, а не отдельных анклавов, необходимо сместить акценты в политике пространственного развития. Речь идет о том, чтобы в качестве точек роста рассматривать взаимосвязанные города, в которых имеются устойчивые естественные преимущества в виде таких элементов, как более развитая рыночная инфраструктура, наличие потенциала обрабатывающей промышленности, относительно развитый третичный сектор, научно-образовательная база. Именно города в современном мире, как хорошо известно, являются центрами модернизации, индустриального и постиндустриального развития, зарождения инноваций.

Если в этом контексте рассматривать города Казахстана, то можно наметить такие точки роста. Прежде всего это Алматы – крупнейший город страны, экономический рост которого может распространить свое положительное влияние не только на прилегающую территорию (города-спутники и сельские районы), но и на весь Юго-Восточный регион, включая Талдыкорган и Тараз. Далее, это, безусловно, столица страны Нур-Султан, в зону влияния которой попадают города Кокшетау, Степногорск и близлежащие сельские территории. Следующей точкой роста может стать третий по величине город страны – Шымкент, экономический рост которого благоприятно скажется на развитии всего самого густонаселенного региона страны, включая такие города как Кентау, Туркестан. Импульсы этого роста могут доходить и до г. Тараза, с другой стороны, сам г. Шымкент находится в зоне влияния крупнейшего мегаполиса Центральной Азии – г. Ташкента.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов старопромышленные центры страны: города Караганда, Павлодар, Усть-Каменогорск. В ареал влияния Караганды попадают города-спутники и Жезказган, рост Усть-Каменогорска может диффундировать на Семипалатинск, а Павлодара – на Экибастуз.

Что касается других областных центров, то в Западном регионе точкой роста может стать связка городов Актюбинск и Уральск как более развитых в промышленном отношении, чем другие центры этого региона – города Акту и Атырау. В последующем по мере развития инфраструктуры города Актобе и укрепления машиностроительного комплекса города Уральска два последних могут войти в зону влияния экономического роста этой связки. Например, за счет кооперирования предприятий нефтегазостроения Уральска и Атырау.

Не могут пока претендовать на роль самостоятельных точек роста также и такие областные центры как Петропавловск, Костанай, Кызылорда. Импульсы роста для них в последующем могут доходить от других городов – точек роста: для Петропавловска и Костаная от Астаны, для Кызылорды от Шымкента.

Следует осознавать, что положительный эффект от формирования точек роста в полной мере может проявить себя при определенных условиях. Это развитые внутренние связи, емкий внутренний рынок, диверсифицированная производственная база, современная инфраструктура, накопленный опыт проведения эффективной экономической политики¹. Экономика Казахстана пока не обладает подобными характеристиками, ей присущи, как отмечалось выше, скорее противоположные признаки: неразвитость межрегиональных связей, небольшая емкость внутреннего рынка, слабодиверсифицированная структура экономики, технологическое отставание производства, плохо развитая инфраструктура, малопродуктивная институциональная среда, неотлаженные механизмы промышленной политики. В этой ситуации было бы нереально рассчитывать на саморазвитие точек роста без поддержки их со стороны государства. В связи с этим можно говорить о двух направлениях такой поддержки. Прежде всего, это политика опережающего развития городов, выбранных в качестве точек роста. Как показывает мировая практика, это могут быть специальные государственные программы, введение особых режимов хозяйствования, меры по формированию благоприятного инвестиционного климата, развитию городской инфраструктуры, укреплению человеческого потенциала и т.д. В то же время для того, чтобы получить мультипликативный эффект от появления точек роста, нельзя допускать, чтобы прилегающие территории оставались «экономической пустыней», «вязкой» для «диффузии импульсов развития». Следовательно, здесь также необходимы действия государства примерно по тем же направлениям, но же привязанные не к городской проблематике, а к сугубо территориальному срезу экономической политики.

¹ Иванова Л.И., Герская Г.А. Точки роста и драйверы роста: к вопросу о содержании понятий // Журнал институциональных исследований. 2005. – № 2. – С. 120–133.

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что выбор возможных направлений для наукоемких производств исходит из необходимости полнее задействовать местный потенциал, развивать предпринимательство на локальном уровне, вовлекая в него все более широкие слои населения. Выстраивание наукоемкой специализации – длительный процесс. Для того, чтобы «состыковать» его с формированием точек роста, в качестве последних следует рассматривать крупнейшие города Казахстана и ряд крупных областных центров.

Кайгородцев А.А.¹

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОЧНОГО ПОДКОМПЛЕКСА АПК ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, молочный подкомплекс, конкурентоспособность, эффективность.

Keywords: agro-industrial complex, dairy subcomplex, competitiveness, efficiency.

Восточно-Казахстанская область является одним из ведущих производителей молока в Казахстане. В 2017 г. в области было произведено 879,6 тыс. тонн молока, что составляет 16% общереспубликанского объема производства. При этом 64,3% молока было произведено в личных подсобных хозяйствах населения, 32% – индивидуальными предпринимателями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, 3,7% – сельхозпредприятиями. Это свидетельствует о мелкотоварности молочного животноводства региона.

На 1 января 2018 г. в области насчитывалось 895,4 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС) или 13,2% от общего количества КРС в республике, в том числе коров – 483,5 тыс. голов (14,4%). При этом удельный вес КРС в сельхозформированиях области составил 50,6% при среднереспубликанском уровне этого показателя 42,7%.

В рамках Государственной программы развития агропромышленного комплекса Республики Казахстан в 2017 году области было выделено 19,7 млрд. тенге, в том числе на развитие животноводства – 8,8 млрд. тенге (44,7%).

В результате реализации данной программы за 2015–2017 годы были заново построены или реконструированы 27 молочно-товарных ферм, созданы 42 молокоприемных пункта, увеличен уровень загрузки производственных мощностей по переработке молока с 42 до 65%².

Расширение производства молока и молочных продуктов сдерживается из-за того, что значительная часть поголовья крупного рогатого скота содержится в личных подсобных хозяйствах населения. При этом мелкие товаропроизводители рассредоточены на значительной территории, в результате чего у предприятий пищевой промышленности возникают проблемы со сбором и доставкой молока для переработки, а также с обеспечением необходимого качества сырья. В результате в Восточно-Казахстанской области удельный вес переработанного молока составляет 18%, загруженность производственных мощностей молочных заводов – 65%.

Кроме того, у молокоперерабатывающих предприятий существует проблема роста себестоимости производимой продукции. Так, по данным объединения «Молочный союз Казахстана», логистические затраты предприятий молочной промышленности в зимний период достигают 20 тенге на 1 литр молока, в то время как при транспортных издержках, превышающих 8 на 1 литр молока, производство становится нерентабельным. Кроме того, высокая себестоимость переработки молока вызвана зависимостью товаропроизводителей от импорта сопутствующих товаров, расчеты за которые производятся в долларах, курс которого в последнее время значительно вырос³.

Казахстанские товаропроизводители вынуждены конкурировать с импортной продукцией, значительная часть которой изготовлена из порошка. Себестоимость восстановленного молока ниже, чем сырого. В результате снижается конкурентоспособность продукции отечественных товаропроизводителей.

Антироссийские экономические санкции и реализуемая в ответ на них политика импортозамещения привели к существенному росту экономического потенциала российского сельского хозяйства. Увеличение объемов субсидирования сельскохозяйственного производства в России способствует повышению конкурентоспособности продукции, поставляемой в Казахстан.

Согласно Концепции реализации инвестиционной отраслевой программы развития молочного животноводства на 2018–2027 годы⁴, имеющей целью обеспечение продовольственной безопасности и осуществление импортозамещения по молоку, за 10 лет в Казахстане производство молока должно увеличиться на 1 млн. тонн. В отрасли будет создано 7000 дополнительных рабочих мест, а производительность труда составит 24 тыс. доллара США. При этом в Восточно-Казахстанской области будет создано 8 крупных молочно-товарных ферм и 40 семейных ферм, что составляет 10,4 и 10,5% от общереспубликанских показателей.

¹ Кайгородцев Александр Александрович – д.э.н., действительный член Российской академии естественных наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова. E-mail: kay-alex@mail.ru

² Социально-экономический паспорт Восточно-казахстанской области за 2017 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akimvko.gov.kz/ru/region/> (дата обращения 27.10.2018).

³ Что мешает молочному животноводству в Казахстане? // Капитал: центр деловой информации. – <https://kapital.kz/economic/70739/chto-meshaet-molochnomu-zhivotnovodstvu-v-kazahstane.html>

⁴ Концепция реализации инвестиционной отраслевой программы развития молочного животноводства на 2018–2027 гг. – <http://mgov.kz/ru/o-deyatelnosti/zhivotnovodstvo/>

Государственная поддержка сельхозтоваропроизводителей предусматривает уменьшение процентной ставки за пользование льготным кредитом и увеличение сроков финансирования, а также осуществление косвенного субсидирования (внешней инфраструктуры, страхования ветеринарных рисков).

Для того чтобы продукция молочной отрасли была конкурентоспособной, а сама отрасль эффективной, необходимо повышать продуктивность скота. В 2017 году в Восточно-Казахстанской области средний надой молока на одну дойную корову составил 2204 кг, что почти в 4 раза меньше, чем в Западной Европе или Канаде. В результате молочное животноводство является неэффективным, так как рентабельными являются хозяйства, имеющие продуктивность скота не менее 5–6 тыс. кг на 1 корову в год¹.

Эту проблему можно решить, закупая за рубежом высокопродуктивный скот для племенных хозяйств и выводя на его основе новые породы коров, адаптированные к местным условиям. При этом не обязательно завозить скот из Германии, Канады или Австралии. В России имеется около 9 млн. голов крупного рогатого скота, выведенных на основе голштинской породы, адаптированной к местным условиям. Следовательно, коровы, закупаемые в России, лучше адаптированы к казахстанскому климату.

Кроме того, необходимо расширить практику искусственного осеменения коров, используя для этого семенной материал высокопродуктивного скота как завезенного из-за рубежа, так и выведенного в местных племенных хозяйствах.

Государство оказывает поддержку товаропроизводителям, занимающимся племенным животноводством. В 2017 году утверждены новые «Правила субсидирования развития племенного животноводства и повышения качества продукции животноводства»², согласно которым племенные хозяйства имеют право на получение субсидий на удешевление кормов для сельскохозяйственных животных в размере до 50 процентов их стоимости.

При этом базовый норматив субсидии при ведении селекционной и племенной работы составляет 10 тыс. тенге на 1 голову, дополнительный норматив – 20 тыс. тенге при условии выхода приплода от 70% и 15 тыс. тенге в случае выхода приплода от 60%. В случае приобретения хозяйством племенного крупного рогатого скота (КРС) базовый норматив составляет 170 тыс. тенге на 1 голову КРС отечественных хозяйств, 225 тыс. тенге на 1 голову КРС, приобретенных в Австралии, США и Канаде, 150 тыс. тенге на 1 голову КРС, приобретенных в европейских странах и в СНГ. Для удешевления стоимости производства и заготовки молока в хозяйствах, имеющих фуражное поголовье от 400 голов, размер субсидии составляет 25 тенге за 1 кг молока, в хозяйствах, имеющих фуражное поголовье от 50 до 399 голов, размер субсидии составляет 15 тенге, в сельскохозяйственных кооперативах – 10 тенге.

Серьезной проблемой для молочного животноводства является недостаток высококачественных кормов. Из-за того, что Восточный Казахстан является зоной рискованного земледелия, необходимо осуществлять орошение площадей, занятых под кормовыми культурами. Без орошения невозможно гарантировать создание достаточных запасов кормов, независимо от погодных условий.

Существенным резервом повышения эффективности молочного животноводства является осуществление технологической модернизации молочно-товарных ферм, предусматривающей:

- внедрение беспривязной системы содержания коров;
- доение коров роботами и современными доильными машинами;
- комплектование технологических групп с отдельным содержанием коров-первотелок и взрослых коров;
- проведение ежемесячного контроля упитанности коров³.

Необходимо развивать территориальную специализацию в производстве молочной продукции. В настоящее время большая часть предприятий, осуществляющих глубокую переработку молока, расположена в городах. Однако при современном состоянии дорожно-транспортной сети проблематично перевозить необходимое для переработки количество молока в радиусе 200 и более километров. Что же касается пригородных хозяйств молочного животноводства, то они должны иметь прямые связи с торговыми организациями.

Мы считаем, что существенным резервом повышения эффективности производства является развитие агропромышленной интеграции в молочном подкомплексе региона, способствующей:

- рациональному использованию производственных мощностей;
- привлечению инвестиций, необходимых для повышения деловой активности производителей сельскохозяйственного сырья и предприятий перерабатывающей промышленности;
- концентрации материальных, трудовых и финансовых ресурсов в целях производстве конечной продукции с высокой добавленной стоимостью;
- гарантированному сбыту сельхозсырья на переработку;
- гарантированному обеспечению сырьем предприятий пищевой промышленности;
- сокращению количества посредников, способствующему уменьшению цен на готовую продукцию и увеличению вследствие этого объемов продаж готовой продукции, а также повышению эффективности использования оборотных средств⁴.

¹ Молочное преобразование. Казахстанский опыт молочного производства. – <http://zhivotnovodstvo.kz/molochnoe-preobrazovanie-kazahstanskij-opyt-razvitiya-molochno-go-proizvodstva/>

² Правила субсидирования развития племенного животноводства и повышения качества продукции животноводства. Утверждены приказом заместителя премьер-министра Республики Казахстан – министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 27.01.2017 г. № 30. – <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1700014813>

³ Молочное преобразование. Казахстанский опыт молочного производства. – <http://zhivotnovodstvo.kz/molochnoe-preobrazovanie-kazahstanskij-opyt-razvitiya-molochno-go-proizvodstva/>

⁴ Кайгородцев А.А., Кинашева Ж.Б., Сактаева А.А. Механизм агропромышленной интеграции в молочном подкомплексе // Актуальні проблеми економіки. 2016. – № 10 (184). – С. 79–87.

Для развития производства и повышения его эффективности необходимо обеспечить молочную отрасль квалифицированными кадрами. Для этого необходимо решить двудединую задачу – повысить качество образования и совершенствовать социальную сферу в сельской местности.

Студенты сельскохозяйственных высших и средних специальных учебных заведений в течение всех лет обучения должны проходить производственную практику в передовых, высокотехнологичных хозяйствах, где они смогли бы получить необходимые профессиональные компетенции, чтобы после завершения обучения их не приходилось переучивать на производстве.

Однако, даже в случае подготовки учебными заведениями квалифицированных специалистов необходимо, чтобы они трудоустроивались в тех селах, из которых они поступили на учебу. Для этого необходимо повышать качество жизни на селе – строить дороги, детские сады, школы, больницы.

Сельскохозяйственные товаропроизводители не могут решить проблему повышения своей конкурентоспособности без финансовой поддержки со стороны отечественных и зарубежных институтов развития.

С 2015 года осуществляется реализация проекта ЕБРР и ФАО «Поддержка инклюзивности цепочки добавленной стоимости молока в Казахстане», целью которого является повышение конкурентоспособности молочного животноводства. В рамках данного проекта производителям молока и молочной продукции предоставляются финансовые ресурсы, консалтинговые услуги и ноу-хау.

АО «КазАгроФинанс» реализует программу развития молочной отрасли республики. Было реализовано 38 инвестиционных проектов на общую сумму 41 млрд. тенге, в том числе 8 проектов на сумму 3,15 млрд. тенге – в Восточном Казахстане. При этом по Казахстану в целом племенное стадо крупного рогатого скота увеличилось на 26,7 тыс. голов, что составляет 20% от племенного поголовья республики.

В результате проведенного исследования были разработаны следующие рекомендации по повышению конкурентоспособности производства молока и молочной продукции:

1. Повышение товарности производства на основе кооперации фермерских хозяйств.
2. Создание крупных специализированных молочных ферм, на которых, вследствие лучшей организации труда и использования прогрессивных технологий, повышается производительность труда по сравнению с личными подсобными хозяйствами населения.
3. Расширение практики искусственного осеменения с использованием семени высокопродуктивных животных, закупаемых за рубежом, способствующего улучшению породности коров и росту на этой основе надоев, что в свою очередь способствует снижению себестоимости молока и росту рентабельности производства в молочной отрасли.
4. Совершенствование системы ветеринарного обслуживания, в том числе на основе приграничного сотрудничества с Алтайским краем.
5. Развитие кормовой базы молочного животноводства на основе увеличения доли орошаемых площадей, занятых под кормовыми культурами.
6. Осуществление технологической модернизации молочно-товарных ферм.
7. Развитие территориальной специализации в производстве молочной продукции.
8. Развитие агропромышленной интеграции в молочном подкомплексе региона как фактора повышения его конкурентоспособности и эффективности.
9. Обеспечение сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности квалифицированными кадрами.

*Карташова Е.И.*¹

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, критерии отнесения к МСП, меры государственной поддержки.

Keywords: small and medium-sized businesses, criteria for inclusion in SMEs, government support measures.

Введение

Малое и среднее предпринимательство играет значительную роль в экономической жизни любой страны: именно небольшие предприятия вносят большой вклад в поддержание экономического роста, ускорение научно-технического прогресса, насыщение рынка товарами необходимого качества, обеспечение занятости населения. То есть, эти виды предпринимательства решают многие актуальные экономические, социальные и другие проблемы страны. «Полагаем, что в стране, где поставлена задача к 2030 году увеличить число предпринимателей и занятых в малом и среднем бизнесе до 40 млн чел., должно быть больше возможностей для развития и меньше обременений со стороны государственных органов»².

Малое и среднее предпринимательство (далее МСП) в России обладает некоторыми отличающимися его особенностями. Отличает его, прежде всего:

- совмещение в рамках одного предприятия нескольких видов деятельности;
- невозможность в большинстве случаев ориентироваться на однопродуктовую модель развития производства;
- стремление к максимальной самостоятельности, в то время как значительная часть зарубежных малых предприятий работает на условиях субподряда;
- общий низкий технический уровень и низкая технологическая оснащенность в сочетании со значительным инновационным потенциалом.

Что касается юридической стороны вопроса, то определение данного понятия и отграничения малого и среднего предпринимательства от крупного отражено в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 537-ФЗ) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее Закон № 209-ФЗ). Так в соответствии с п. 1 ст. Закона № 209-ФЗ³, к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели) при условии:

- выполнения критериев отнесения к субъектам МСП, установленных Законом о малом и среднем предпринимательстве;
- внесения их в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

При этом в соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона № 209-ФЗ данные субъекты могут иметь разные организационно-правовые формы: это могут быть хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

Таблица 1

Критерии отнесения предприятий к категории МСП по численности работников и по доходу за 2018 год⁴

Критерий отнесения к категории МСП	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия
Средняя численность работников	1–15 человек	16–100 человек	101–250 человек
Доход за 2018 г.	120 млн. руб.	800 млн. руб.	2 млрд. руб.

¹ Карташова Елена Игоревна – к.э.н., аудитор, преподаватель Московской высшей школы экономики.

² Шпилькина Т.А. Новые возможности и проблемы при финансировании предприятий малого и среднего предпринимательства в РФ // Путьводитель предпринимателя / Российская академия предпринимательства. 2018. – № 37. – С.242–251.

³ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 537-ФЗ) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс – <http://www.consultant.ru/>

⁴ Составлено автором на основании Федерального закона № 209-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 № 537-ФЗ) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – <http://www.consultant.ru/> и Постановления Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // Правовая справочно-информационная система «Гарант».

Вместе с тем принадлежность субъекта предпринимательской деятельности к той или иной категории не является чем-то неизменным: в соответствии с ч. 4 ст. 4 Закона № 209-ФЗ в случае превышения предельных значений критериев численности работников и объема выручки в течение 3-х лет подряд категория субъекта малого или среднего предпринимательства подлежит изменению.

Меры государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства

Законодательство РФ предусматривает различные виды поддержки и предоставления льгот для субъектов МСП. Для получения такой поддержки нужно обратиться с заявлением, форма которого утверждена Приказом Минэкономразвития России от 10.03.2016 № 113 «Об утверждении формы заявления о соответствии вновь созданного юридического лица и вновь зарегистрированного индивидуального предпринимателя условиям отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства, установленным Федеральным законом № 209-ФЗ. При этом для использования льгот или получения иной поддержки заявителю не требуется получать специальные документы, подтверждающие его право.

Во-первых, льготы для таких субъектов установлены в сфере налогообложения, предоставления статистических отчетов, бухгалтерского учета и порядка ведения кассовых операций. На основании ст. ст. 14 и 15 Налогового кодекса РФ субъекты РФ и органы местного самоуправления могут устанавливать региональные и местные налоги, содержащие соответствующие льготы для субъектов малого и среднего предпринимательства. Однако это не обязанность, а право соответствующих органов.

Также в соответствии с ч. 1 – 3 ст. 5 Закона № 209-ФЗ сплошное статистическое наблюдение за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется раз в 5 лет; в период между сплошными наблюдениями осуществляются лишь выборочные статистические наблюдения – путем ежемесячных и (или) ежеквартальных обследований деятельности малых предприятий (за исключением микропредприятий) и средних предприятий.

Выборочные статистические наблюдения проводятся путем ежегодных обследований деятельности микропредприятий. Порядок проведения выборочных статистических наблюдений определяется Правительством РФ¹.

Кроме того, в соответствии с п. 2 указания ЦБ РФ от 11.03.2014 № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства» индивидуальные предприниматели и субъекты малого предпринимательства вправе не устанавливать лимит остатка наличных средств в кассе, т.е. не сдавать их в банк, а хранить у себя в кассе.

Также необходимо отметить, что в соответствии с п. 4 ст. 6 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 28.11.2018 № 444-ФЗ) «О бухгалтерском учете»² субъекты малого предпринимательства вправе вести упрощенный бухгалтер и составлять упрощенную бухгалтерскую отчетность.

Во-вторых, это создание рынка сбыта путем создания инфраструктуры поддержки субъектов МСП в соответствии со ст. 15 Закона № 209-ФЗ при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд. Данной инфраструктурой является система коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность и привлекаемых в качестве поставщиков (исполнителей, подрядчиков) для осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при реализации государственных программ и подпрограмм Российской Федерации, субъектов РФ, а также муниципальных программ и подпрограмм.

В-третьих, это финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства. В соответствии со ст. 17 Закона № 209-ФЗ субъектам малого и среднего предпринимательства предоставляются субсидии, бюджетные инвестиции, а также государственные и муниципальные гарантии по их обязательствам за счет средств бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Приложение № 10 к Постановлению Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» конкретизирует и подробно раскрывает условия и правила предоставления и распределения таких субсидий из бюджета РФ на период 2018–2020 гг. в целях софинансирования расходных обязательств по поддержке малого и среднего предпринимательства, реализуемых органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления.

В качестве приоритетных направлений финансирования субъектов МСП выделяются:

– создание и (или) развитие инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, направленной на содействие развитию системы кредитования, оказание консультационной поддержки; создание и (или) развитие инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в области промышленного и сельскохозяйственного производства, а также разработку и внедрение инновационной продукции и (или) экспорт товаров (работ, услуг);

– поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в монопрофильных муниципальных образованиях;

– предоставление субсидий на софинансирование капитальных вложений в объекты государственной собственности РФ и (или) муниципальной собственности, а также содействие развитию предпринимательства среди молодежи.

¹ Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 79 «О порядке проведения выборочных статистических наблюдений за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства».

² Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 28.11.2018 № 444-ФЗ) «О бухгалтерском учете».

К мерам государственной поддержки также относятся имущественная поддержка, информационная поддержка, консультационная поддержка, подготовка и переподготовка кадров. Все указанные меры должны улучшить микроклимат в среде малого и среднего предпринимательства.

Кузнецов С.В.

д.э.н., профессор, директор Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
info@iresras.ru;

Горин Е.А.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург
gea@spp.spb.ru

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: промышленность, информационные технологии, цифровизация, экология, ресурсы.

Keywords: industry, information technology, digitalization, ecology, resources.

Современное мировое экономическое развитие убедительно продемонстрировало важность сбалансированной государственной промышленной политики, которая позволяет организовать эффективное социально-экономическое устройство и обеспечить стабильное общественное развитие.

В последнее десятилетие в мире изменилось отношение к построению общественных социально-экономических отношений, на смену отрицанию ведущей роли материального производства и превалированию догмата о постиндустриальном информационном обществе услуг, погруженном в виртуальный мир креативных и финансовых взаимоотношений, приходит понимание ведущей роли промышленности в современном мире [1]. Для отечественной экономики и национального общественного сознания к этой парадигме добавляется переосмысление утраты многих достижений советского периода и осознание упущенных возможностей в технологическом развитии за прошедшие два десятилетия.

Отношение к промышленному производству как к базовой составляющей социально-экономического пространства имеет серьезные основания. По убеждению академика РАН Р.И. Нигматулина [2], оптимальное общественное устройство может строиться только на взаимосогласованном существовании населения планеты с окружающей средой. Хозяйственная деятельность, генерация и пользование энергией для этой деятельности, сама повседневная жизнь человеческого сообщества, если оно хочет продолжить свое существование, должны основываться на эффективном производстве материальных благ и бережном отношении ко всем располагаемым видам ресурсов.

За последние четверть века в стране принималось много новаторских и смелых решений, которые по замыслу авторов должны были обеспечить и переход на инновационный путь развития, и дать серьезный сдвиг в развитии экономики и повышении качества жизни. Однако на практике такие решения в большинстве случаев не давали нужного эффекта.

В случае современного понимания «цифровой экономики» речь идет о переходе всех экономических и социальных отношений и, в первую очередь, промышленного производства на новую технологическую базу. Возникающей новой реальности профессор С.Д. Бодрунов предложил и свое название – нономика [3].

К концу XX века для человечества закончилась эпоха экстенсивного роста, эпоха чисто индустриального развития, которая основывалась на расширенном воспроизводстве и вовлечении в хозяйственный оборот все большего количества доступных ресурсов: в настоящее время ситуация принципиально изменилась.

Сегодня, масштаб, глубина и скорость происходящих преобразований позволяют говорить о гуманитарно-технологической революции, в ходе которой на первое место выходит развитие человека, происходит реальный переход к парадигме «экономика для человека».

Ключевым направлением современной промышленной политики становится использование постоянно возрастающих информационно-коммуникационных возможностей, что проявляется как цифровизация производства в рамках формирования цифровой экономики [4]. Существенно, что цифровизация производства не является самостоятельной целью, а лишь инструментом обеспечения его эффективности в широком смысле.

Цифровизация производства в качестве исходной компоненты содержит хорошо известную классическую автоматизацию, которая в этом случае охватывает все виды оборудования и технологические процессы, а также обеспечивает изменение качества труда работников всех уровней: от операторов и вспомогательного персонала до верхнего уровня управления.

Философия «Индустрии 4.0» предполагает, что все нематериальные активы предприятия должны быть в цифровом виде, также в цифровом виде должно быть дано описание оборудования и исходного сырья, технологических процессов и продукции, система кооперационных связей и возможности партнеров, а также потенциал и характеристики персонала. Тогда у каждой составляющей и производства в целом появляется «цифровой двойник», а все предприятие становится «оцифрованным».

В связи с этим обостряется ситуация с использованием программных продуктов. Несмотря на опасность заложенных несанкционированных воздействий и усиление антироссийских санкций, отечественные компании используют и продолжают закупать импортный софт и IT-решения, а их доля, например, в нефтегазовой промышленности составляет 97% и не изменилась за последние 5 лет [5]. Это не означает, что российские разработчики не готовы предоставить свои собственные решения, поскольку такие решения есть, апробированы и используются. Более того, по мнению экспертов, численность российских специалистов, работающих в этой сфере, превышает 500 тысяч, а годовой объем выполняемых работ только в Санкт-Петербурге составляет не менее 100 млрд. рублей. В крупных корпорациях проблемы с приобретением отечественного софта связаны с дефектами системы управления и принятия решений, когда руководители производственных звеньев отстранены от права распоряжения финансовыми ресурсами и принятия решений по закупкам. Такая система создавалась с целью избежать случаев коммерческого подкупа, однако привела к передаче решений по закупкам структурам, не имеющим для этого необходимых знаний и компетенций.

Существенно, что порядок создания и использования программных продуктов, как и вся сфера информационных-коммуникационных технологий характеризуется ключевой ролью и специфичностью этой новой производственной деятельности, во многих случаях выделяемой в отдельную «отрасль», что, впрочем, весьма проблематично [6].

Непосредственно с промышленной политикой, факторами ее трансформации, задачами повышения качества производства и обеспечения «жизненного цикла» также связаны проблемы экологии, снижение объемов отходов и их переработка [7].

Проблемы сохранения окружающей среды, ресурсосбережения и рациональной утилизации отходов – проблемы мировые. Исключительно актуальны они и для отечественной экономики, поскольку слабый контроль и неограниченные территориальные возможности в течение многих десятилетий способствовали накоплению экологических проблем.

За последние годы ситуация только обострилась, возросло загрязнение опасными соединениями окружающей среды в зонах массивированного складирования отходов и в регионах с работающими мусоросжигательными заводами, увеличилось воздействие загрязнения химическими соединениями на выращиваемое продовольственное сырье, продолжается рост экологически обусловленной заболеваемости и вызванное этим увеличение затрат на здравоохранение.

Таким образом, наиболее важным для промышленного производства на обозримую перспективу становится снижение затратности человеческих ресурсов и природных запасов, экологизация, использование возобновляемых источников энергии и ресурсов, оптимизация жизненного цикла продукции и качественное изменение условий труда, возрастание творческого компонента и исключение человека из рутинных операций [4].

Для анализа состояния и основных тенденции изменений в промышленности Северо-Запада России можно использовать имеющуюся статистическую информацию и публикуемые рейтинги региональных компаний [8, 9]. В табл. 1 приведены некоторые социально-экономические показатели субъектов Северо-Западного региона, в том числе с целью определения эффективности работы обрабатывающих производств. Рассчитанная удельная годовая отгрузка продукции на одного занятого на региональных предприятиях обрабатывающих производств представлена в последнем столбце таблицы и демонстрирует довольно большой разброс значений, причем Калининградская область имеет показатель значительно выше, чем, например, Псковская область. Структура обрабатывающих производств и динамика изменения вклада различных составляющих подтверждает роль позиций «производство транспортных средств» и «производство машин и оборудования», которые действительно получили серьезное развитие в Калининградской области, в том числе за счет новых автосборочных заводов.

Таблица 1

Сравнительные показатели промышленности субъектов Северо-Запада

	Численность населения на 01.01.2017, тыс. чел.	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.		Отгруженная продукция обрабатывающих производств	
		всего в экономике	в обрабатыв. производствах	годовой объем, млн. руб.	на 1занятого, тыс. руб.
Северо-Запад	13 899,3	7251,1	1195,4	4 737 358	3963
Республика Карелия	627,1	283,6	51,8	86 809	1676
Республика Коми	850,5	421,8	38,2	164 307	4301
Архангельская область	1165,7	547,5	113,9	168 026	1475
Вологодская область	1183,0	556,6	145,4	515 013	3542
Калининградская область	986,3	476,9	70,0	424 136	6059
Ленинградская область	1791,9	820,2	150,4	899 580	5981
Мурманская область	757,6	379,8	52,8	139 901	2650
Новгородская область	612,5	294,0	70,2	191 680	2730
Псковская область	642,2	291,2	58,9	85 901	1458
Санкт-Петербург	5281,6	3179,4	443,9	2 062 005	4645

В табл. 2 и 3 представлены предприятия Северо-Запада, лидирующие по объему экспорта и по производительности труда.

Предприятия Северо-Запада, лидирующие по объему экспорта

Предприятие	Регион	Объем экспорта, млн. руб.	
		2016 год	2017 год
ПАО «Силовые машины»	Санкт-Петербург	30 061	34 923
ООО «Карелия Палп»	Республика Карелия	16 332	13691
ООО «ЛУКОЙЛ-УНП»	Республика Коми	10 091	8523
АО «Гознак»	Санкт-Петербург	4530	7941
АО «Архангельский ЦБК»	Архангельская обл.	8788	7334
ЗАО «Лесозавод 25»	Архангельская обл.	5970	6731
ООО «Сывьтывкарск. фанерн. завод»	Республика Коми	6113	6147
ООО «Хендэ Мотор Мануф. Рус»	Санкт-Петербург	4279	4144
ООО «Жешартский ЛПК»	Республика Коми	3025	3454

Таблица 3

Предприятия Северо-Запада, лидирующие по производительности труда

Предприятие	Регион	Объем пр-ва в 2017 г., млн. руб.	Численность, чел.	Производительность, тыс. руб./чел.
ПАО «Северсталь»	Вологодская область	359 530,4	1832	196 250,2
ООО «Карелия Палп»	Республика Карелия	18 123,9	150	120 826,3
ООО «Эллада Интертрейд»	Калининградская область	135 703,8	1256	108 044,4
ООО «ЛУКОЙЛ-УНП»	Республика Коми	45 599,4	562	81 137,7
АО «Автотор»	Калининградская область	40 221,7	523	76 905,7
ООО «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус»	Санкт-Петербург	151 166,3	2238	67 545,3
АО «Комнедра»	Республика Коми	9500,1	191	49 738,5
АО «Ижорский трубный завод»	Санкт-Петербург	34 627,6	939	36 877,2
ОАО «Ленинградский комбин. хлебопродуктов им. Кирова»	Санкт-Петербург	11 092,9	306	36 251,3
ООО «Якобс Дау Эгбертс Рус»	Ленинградская область	25 504,8	828	30 802,9

С точки зрения прибыльности «Газпромнефть» с 270 млрд. руб. традиционно лидирует по итогам 2017 года, высокая позиция у «Северсталь», у которой чистая прибыль за год выросла на 43%. В число трех наиболее прибыльных входит дочернее предприятие ПАО «Роснефть» – ООО «РН-Трейд», которая представляет интересы крупнейшей государственной нефтяной компании России в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Все эти три предприятия связаны с добычей полезных ископаемых или первичными переделами, из них два предприятия – с государственным участием.

Специалисты НИУ ВШЭ-СПб использовали свою методику определения наиболее динамично развивающихся предприятий [8], которая вряд ли является однозначной, но исходные данные, по-видимому, вполне достоверны. Согласно расчету по использованной информации в первую десятку наиболее динамично развивающихся предприятий включены как компании сырьевого сектора, так и различные достаточно технологичные производства, что показано в табл. 4. Далее в этом перечне будут автосборочные предприятия – ООО «Хендэ Мотор Мануф. Рус», ООО «Эллада Интертрейд», производство автокомпонентов – ООО «Нокиан Тайерс», судостроение – АО ПО «Севмаш», ПАО СЗ «Северная верфь», переработка металла – ПАО «Северсталь», АО «ИТЗ» и, конечно, переработка нефтепродуктов – ООО «Лукойл-Коми», ООО «Кинеф».

Таблица 4

Наиболее динамичные предприятия Северо-Запада

Предприятие	Объем пр-ва в 2017 году, млн. руб.	Прирост 2017/2016, %	Чистая прибыль за 2017 год, млн. руб.
ООО «Мобис Модуль СНГ»	21 145,6	48,4	3039,9
ООО «Газпромнефть-БМ»	26 854,8	59,4	5774,9
ООО «Ниссан Мануфакт. Рус»	105 837,8	9,0	-7581,5
ПАО «Силовые машины»	53 182,1	10,0	-848,9
ООО «Новатэк-Усть-Луга»	178 470,7	15,7	6844,1
ООО «БСХ Бытовые приборы»	38 764,8	22,5	-1779,8
АО «Карельский окатыш»	59 204,4	36,3	26 920,0
ПАО «Акрон»	54 783,4	8,7	7627,90
АО «Тихвинский ВСЗ»	49 701,1	17,4	-140,24
ООО «РН-Северная нефть»	22 291,0	19,0	4924,18

Анализ происходящих изменений показывает, что объемы высокотехнологичного и наукоемкого производства, выпуска изделий сложной техники и машиностроения относительно невелики. Низка конкурентоспособность продукции предприятий машиностроения на мировом рынке. Только в Санкт-Петербурге в 2017 году экспорт этой продукции составил около 2 млрд. долларов, в то время как импорт – свыше 10 млрд. долларов, т.е. в 5 раз больше.

Нуждаются в стимулировании процессы внедрения передовых технологических решений и новых материалов. Причем к предпосылкам для успешной деятельности могут быть отнесены не только достойная история развития науки и технологий в Санкт-Петербурге, но также развитый рынок труда, географическое расположение и наличие всех звеньев цепи создания добавленной стоимости, в том числе ведущих научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, разнопрофильных производств и поставщиков, а также накопленный потенциал для цифровых технологий.

Подход комплексной цифровизации и внедрения прогрессивных технологических процессов и материалов и используется Инжиниринговым центром Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого во главе с профессором А.И. Боровковым в совершенствовании производственных процессов на многих отечественных и, в том числе, петербургских предприятиях [10, 11].

Вместе с тем, остается важнейшей задачей повышение технологического уровня производства на предприятиях Северо-Запада, повышение качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции, увеличение доли производств высших переделов, ресурсосбережение и экологизация технологических процессов.

Как отмечено в [4], различные производства и предприятия дифференцированы по восприимчивости к цифровизации и внедрению элементов «Индустрии 4.0», различаются как базовые стимулы трансформации, так и основы для технологического трансфера. В настоящее время основными регуляторами «цифровой активности» и технологического перевооружения являются государственное регулирование (национальные задачи и бюджетное финансирование), эффективность деловой среды (развивающиеся рынки и высокая рентабельность) или заимствование зарубежных технологий (продукция массового спроса и крупные сборочные производства). Поэтому продолжается работа по выделению и поддержке предприятий и организаций, способных осуществить реальные шаги по обеспечению научно-технологического прорыва, то есть относящиеся к пятому технологическому укладу (сохранение и развитие сложившихся компетенций), к шестому технологическому укладу (нано- и биотехнологии, системы искусственного интеллекта), которые могут в краткосрочной и среднесрочной перспективе увеличить поставку для внутреннего рынка и на экспорт высоко технологичной продукции и услуг, стимулировать эффективный технологический трансфер [12].

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: Монография. 2 изд. – СПб: ИНИР, 2016. – 328 с.
2. Нигматулин Р.И. Четыре «э» современности: экономика, экология, энергетика, этнос. – СПб: СПбГУП, 2015. – 60 с.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
4. Горин Е.А. Современная промышленная политика: постановка задачи // Бюллетень науки и практики. 2018. – Т. 4, № 5. – С. 313–320.
5. Левин Б.Г. Иллюзия замещения // Oil&Gas Journal Russia. 2018. – N 8 (128). – С. 54–58.
6. Горин Е.А. Об отраслевой структуре современной экономики // Актуальные вопросы развития науки в мире: сборник научных работ. – М.: ЕНО, 2017. – С. 111–113.
7. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Экологизация промышленного производства в макрорегионе «Северо-Запад» и оптимизация жизненного цикла продукции // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: сборник научных трудов. Вып. 44 / Под научной редакцией С.В.Кузнецова / ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2018. – С. 10–16.
8. Рейтинг промышленных предприятий // Деловой Петербург. 2018. – 27 августа, № 126. – С. 9–28.
9. Заздравных Е.А. Дайте эффективность // Управление бизнесом. 2018. – № 43. – С. 5–29.
10. Горин Е.А. Цифровые технологии в отечественном судостроении // Бюллетень науки и практики (электронный журнал). 2017. – № 11 (24). – С. 236–242.
11. <http://fea.ru/article/cae-centre-spbpu>
12. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Цифровизация экономики и трансформация промышленной политики // Инновации. – СПб., 2017. – № 12 (230). – С. 34–39.

Курносова О.А.

к.э.н., доцент, Автомобильно-дорожный институт Донецкого национального технического университета,
г. Горловка

СТРАТЕГИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОГО СЕРВИСА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ДОНБАССА В УСЛОВИЯХ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: Донбасс, инновационное развитие, логистический сервис, модель логистического куба, неоиндустриализация, производственно-экономический потенциал, промышленные предприятия, формирование стратегии, стратегия логистического сервиса, цепи поставок, эффект от реализации стратегии.

Keywords: Donbass, innovative development, logistic service, logistic cube model, neoindustrialization, production and economic potential, industrial enterprises, strategy formation process, logistics service strategy, supply chain, effect from strategy implementation.

Восстановление и последовательный перевод промышленных предприятий Донбасса к неоиндустриальным технологическим укладам обуславливает необходимость внедрения передовых методов управления, способных обеспечить выход производителей на качественно новый конкурентный уровень. Актуальность данных проблем повысилась в условиях формирования новых схем цепей поставок, потребность в которых возникла в условиях дипломатической изоляции и экономической блокады, в результате чего разобщены основные технологические цепочки, потеряны сырьевая база и рынки сбыта. Обеспечение устойчивости цепей поставок осуществляется за счет включения в них широкой сети посредников, большинство из которых закладывают высокий процент собственной прибыли в себестоимость готовой продукции. Учитывая, что производство Донбасса базируется на старых индустриальных технологиях, является энерго- и ресурсоемким, повышение логистических затрат значительно снижает конкурентные возможности производителей на внешних рынках. В данных обстоятельствах особое значение приобретает необходимость совершенствования систем логистического сервиса промышленных предприятий, что дает возможность более гибко реагировать на потребности современных потребителей и позволяет достичь значительных конкурентных преимуществ в длительной перспективе.

Вопросы управления логистическим сервисом в различных видах экономической деятельности исследованы в научных трудах Е.Р. Абрамовой, В.М. Аристова, В.А. Бондаренко, А.В. Бубелы, О.В. Васильевой, Н.В. Гайдабрус, М.Ю. Григорак, Н.В. Гузенко, В.В. Дыбской, А.В. Ивановой, И.А. Кожемякиной, Е.В. Крикавского, С.И. Кубив, В.Б. Мантусова, О.И. Мельниченко, Т.Н. Одинцовой, В.И. Сергеева, Т.Н. Скоробогатовой, О.А. Фрейдман, С.М. Хайровой, Н.И. Чухрай, Р.В. Шеховцова, И.Ю. Ягузинской и др. Вместе с тем, существующие подходы не совсем соответствуют потребностям промышленных предприятий Донбасса, функционирующих в условиях продолжающихся боевых действий, дипломатической изоляции, экономической блокады, разобщенности логистических цепочек. Поэтому их применение в практике управления как действенного инструмента обоснования и реализации решений связано с существенными ограничениями в условиях перехода промышленных предприятий к неоиндустриализации.

Цель статьи – представить стратегию логистического сервиса промышленных предприятий, ориентированную на повышение качества, результативности, скорости логистического обслуживания цепей поставок промышленных предприятий при их переходе к неоиндустриализации.

До 2014 г. Донецкая область была одним из наиболее развитых промышленных регионов Украины. Здесь производилось 19,7% продукции обрабатывающей промышленности Украины. Регион в структуре промышленного производства Украины обеспечивал 24,6% общего объема производства, в том числе: Донецкая область – 18,5%, Луганская – 6,1%. Экономика Донбасса была представлена 150 видами экономической деятельности, здесь находилось более 2000 промышленных предприятий, 800 из которых обеспечивали 23% экспортных поступлений Украины¹.

Военные действия в регионе в течение 2014-2019 гг. привели к резкому сокращению промышленного производства, оттоку иностранных инвестиций, падению всех экономических и производственных показателей, разрушению производственной и логистической инфраструктуры. По оценкам экспертов, за время военного конфликта в регионе разрушено 51 промышленное предприятие (из них 19 восстановлены), инфраструктурных объектов – 396 ед. (восстановлено – 344 ед.), объектов дорожно-транспортной инфраструктуры – 48 ед. В условиях экономической блокады обострились проблемы, связанные с поставкой сырья и реализацией продукции².

¹ Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / Коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований» в рамках сотрудничества с Институтом народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы; Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики. Государственное учреждение «Институт экономических исследований». – Донецк, 2017. – С. 8.

² Пидоричева И. Тренды и перспективы развития промышленности Донбасса // Восстановление Донбасса. – <http://restoring-donbass.com/analitika/irina-pidoricheva/57218-trendy-i-perspekivy-i-razvitya-promyshlennosti-donbassa/>

Принципиальных изменений в структуре промышленности Донецкой Народной Республики (ДНР) за период 2014–2018 гг. не произошло. В современных условиях ее развитие тесно связано с успехами в государственном строительстве, принятием важнейших законов и нормативных актов в сфере восстановления и развития промышленного потенциала ДНР. В 2016 г. Министерством промышленности и торговли и Министерством экономического развития был опубликован каталог промышленных и торговых предприятий, которые определяют промышленно-экономический потенциал Республики¹. Базовыми видами экономической деятельности по-прежнему остаются машиностроение, металлургия, химическое производство, производство и распределение электроэнергии, промышленность строительных материалов, добывающая промышленность. Обеспечение продуктовой безопасности Донбасса и необходимость импортозамещения ввозимых дорогих продуктов питания обеспечивает возрастание роли пищевой промышленности в структуре видов экономической деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Распределение промышленных предприятий ДНР по видам экономической деятельности в 2016–2018 гг., единиц²

Вид деятельности	Количество предприятий		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Металлургия	21	49	46
Машиностроение	81	100	100
Химическая промышленность	25	76	76
Фармацевтическая промышленность	5	8	8
Промышленность строительных материалов	20	52	52
Легкая промышленность	17	41	47
Пищевая промышленность	44	224	251

Введение 1 марта 2017 г. на предприятиях Донбасса, осуществлявших деятельность под юрисдикцией Украины, внешнего управления и перевод их под контроль Правительства ДНР способствовало восстановлению деятельности тех промышленных предприятий, которые из-за экономической блокады практически полностью остановили производство. Введение внешнего управления на таких предприятиях, как шахты им. Засядько и «Комсомолец Донбасса», «Енакиевский металлургический завод», «Докучаевский флюсо-доломитный комбината» обеспечило стержневую технологическую цепочку «уголь – кокс – металл» и позволило достичь роста экономических показателей.

Несмотря на позитивные сдвиги в развитии промышленности Донбасса, остается целый ряд проблем, решение которых является первоочередной задачей. Факторами, которые крайне негативно влияют на восстановление и развитие производственно-экономического потенциала Донбасса, в настоящее время являются:

- частичное или полное разрушение промышленной и логистической инфраструктуры вследствие продолжающихся боевых действий;
- устаревшая технико-технологическая база предприятий, высокая энерго- и ресурсоемкость производимой продукции, и отсутствие инноваций;
- невозможность международной сертификации продукции, произведенной в ДНР, и обеспечения сбыта продукции на мировом рынке из-за дипломатической изоляции;
- разрыв кооперационных связей с поставщиками сырья и материалов;
- металлургия, коксохимия, химия, машиностроение являются видами экономической деятельности, ориентированными на экспорт, поэтому в условиях политической изоляции достичь рентабельной работы очень сложно, в особенности для тех предприятий, которые ориентированы на рынки Европы и Азии;
- отсутствие возможности напрямую работать с российскими контрагентами и участвовать в российских тендерах в силу действующей системы санкций;
- широкая сеть посредников и контрагентов, которые строят сложные и затратные схемы цепей поставок, внося в себестоимость металлопродукции большой процент собственной прибыли;
- неспособность предприятий вследствие боевых действий, нарушенных финансово-хозяйственных связей и вынужденных длительных простоев выйти в настоящее время на оптимальную мощность;
- простои вследствие отсутствия рынков сбыта небольших предприятий, работающих вне сферы ЗАО «Внешторгсервис»;
- невозможность обеспечения полной загрузки предприятий металлургического комплекса вследствие нехватки сырья для коксохимии;
- высокие экспортно-импортные пошлины, достигающие 25–35%;
- большой дефицит высококвалифицированных кадров.

Решение имеющихся проблем возможно лишь за счет привлечения значительных внешних инвестиций, которые необходимы для модернизации производства, закупок современного оборудования, внедрения передовых методов управления. Однако коррупционные схемы новых цепей поставок в сочетании с экономическим кризисом и низкой покупательной способностью субъектов хозяйствования ухудшают инвестиционный климат в Донбассе, а близость к зоне боевых действий представляет угрозу для перспектив будущей деятельности инвесторов на рынке ДНР. Одно-

¹ Министерство экономического развития ДНР: официальный сайт. – <http://mer.govdnr.ru/>; Министерство промышленности и торговли ДНР: официальный сайт. – <http://mpt-dnr.ru/>

² Там же.

временно с этим, дипломатическая изоляция Республики снижает экспортные возможности предприятий. Поэтому реальное восстановление производственно-экономического потенциала начнется только в случае международного признания ДНР, когда предприятия смогут свободно конструировать эффективные цепи поставок и выстраивать то ргово-экономические связи с зарубежными партнерами и контрагентами.

Реализация промышленного потенциала и развитие уникальной экономической системы Донецкой Народной Республики возможна при условии перехода промышленных предприятий к неоиндустриализации. В данных обстоятельствах инновационный путь развития является безальтернативным. В Донецкой Народной Республике уровень инновационной активности промышленных предприятий является низким (табл. 2).

Таблица 2

Удельный вес предприятий, осуществляющих инновационную деятельность в ДНР¹

Годы	Инновации в целом	Технологические инновации	Организационные инновации	Продуктовые инновации
2015	14,1	7,5	2,3	4,3
2016	3,5	2,0	0,6	0,9
2017	9,4	5,7	1,2	2,5
2018	15,1	8,3	2,3	4,5

Как показывают данные табл. 2, удельный вес предприятий промышленности, занимающихся инновационной деятельностью, в Республике незначительный. Еще ниже удельный вес предприятий, внедряющих организационные инновации. Низкая инновационная активность промышленных предприятий не создает условий для конкурентоспособного развития экономики ДНР.

Формирование новых схем цепей поставок определяет необходимость реализации организационно-экономических инноваций в сфере логистического обслуживания, что связано с потребностью формирования современной системы логистического сервиса на промышленных предприятиях, что должно быть ключевым приоритетным направлением развития наравне с непрерывным совершенствованием продуктовой линейки промышленных предприятий. Более того, логистический сервис может оказывать существенное влияние на процессы разработки и производства продукции, принципиально изменять соотношение в борьбе предприятий за конкурентные преимущества. В связи с этим, формирование и развитие системы логистического сервиса определяет стратегические приоритеты промышленных предприятий на внутренних и внешних рынках.

В современной глобальной бизнес-среде ключевыми факторами, определяющими конкурентные преимущества предприятий, являются эффективность, качество и время обслуживания клиентов. В связи с этим под стратегией логистического сервиса будем понимать комплекс долгосрочных мероприятий в логистической системе предприятий и/или в цепях поставок, которые реализуются под целенаправленным управленческим воздействием для повышения эффективности, качества и скорости обслуживания заказов клиентов. Для оптимизации названных ключевых параметров конкурентоспособности необходимо грамотно осуществлять выбор стратегических ориентиров в системе логистического сервиса и метод их достижения. Это означает, что стратегия логистического сервиса должна быть ориентирована на: внедрение современных инструментов управления логистическими бизнес-процессами и их оптимизацию с целью оптимизации функционального логистического цикла и повышения прозрачности управленческих решений; разработку и реализацию модели управления взаимоотношениями с контрагентами для повышения результативности и качества логистического сервиса, обеспечения устойчивости цепей поставок; аутсорсинг непрофильных логистических бизнес-процессов с целью повышения эффективности, качества и скорости логистического обслуживания. На рис. 1 представлена общая схема процесса формирования стратегии логистического сервиса на промышленных предприятиях.

Следует заметить, что стратегия логистического сервиса определяет синергию всех видов деятельности по обслуживанию цепи поставок, повышающих ценность для конечного потребителя и дающих чистый эффект, т.е. общий доход минус общие затраты в цепи поставок. Если предприятие получает больше эффекта в цепи поставок, чем ее конкуренты, это способствует возникновению конкурентных преимуществ². Кроме того, использование системного подхода при анализе логистических систем предполагает оптимизацию функционирования не отдельных элементов, а всей логистической, а, следовательно, производственно-экономической системы (ПЭС) в целом. При этом проявляется так называемый синергетический эффект.

Иными словами, оптимизация параметров результативности, качества и скорости логистического обслуживания определяет долгосрочные конкурентные преимущества и эффект развития предприятий от реализации стратегии логистического сервиса. Поскольку влияние стратегии логистического сервиса на эффективность деятельности компании является определяющим, то должно измеряться и демонстрироваться как внутри самой ПЭС, так и вне ее – для клиентов и партнеров.

Однако следует заметить, что в настоящее время имеются существенные методологические трудности оценивания эффекта реализации стратегии логистического сервиса. Прежде всего, это связано с невозможностью четкой

¹ Шумаева Е.А. Антикризисное развитие экономики Донецкой Народной Республики через повышение эффективности деятельности промышленного сектора / Е.А. Шумаева, А.А. Подбукский // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами: материалы V Международной научно-практической конференции, г. Донецк, 17 апреля 2019 г. / Отв. ред. О.Н. Шарнопольская, И.А. Кондаурова, Е.Г. Курган / ГОУВПО ДОННТУ. – Донецк: ДОННТУ, 2019. – С. 320–324.

² Корпоративная логистика в вопросах и ответах: монография / Под общ. и науч. ред. проф. В.И. Сергеева; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2014. – С. 144–145.

идентификации границ основного и сопутствующих логистических потоков, сложностью оценки результативности и качества логистических услуг, определения границ и продолжительности функциональных логистических циклов, неэффективностью действующих стандартов учета и отчетности и др.

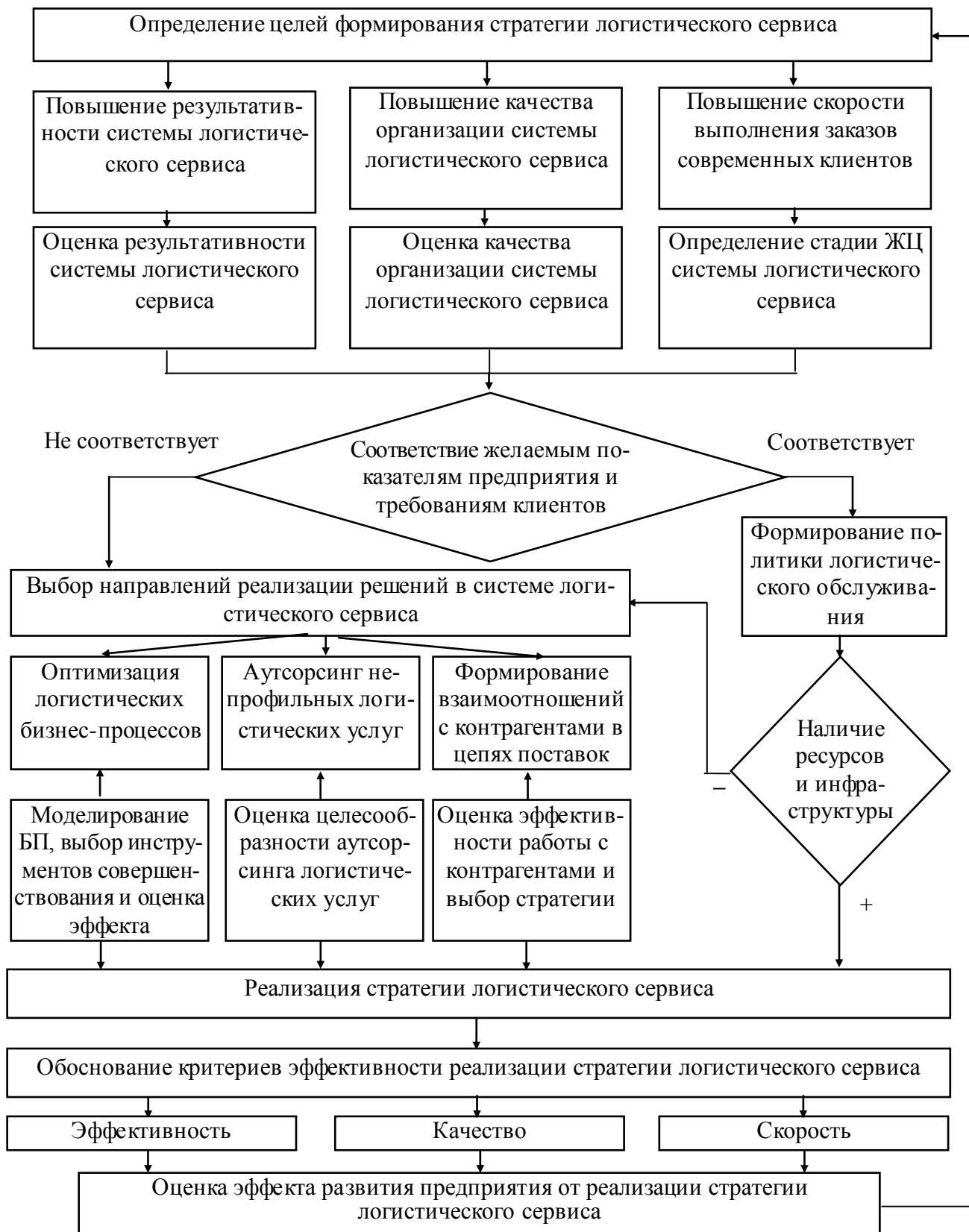

Рисунок 1.
Процесс формирования стратегии логистического сервиса промышленных предприятий
(разработано автором)

Поскольку целью реализации стратегии логистического сервиса является повышение эффективности, качества и скорости обслуживания клиентов, то эти параметры могут быть представлены в виде направленных отрезков, т.е. векторов. Оценка эффекта от реализации стратегии логистического сервиса предлагается осуществлять на основе модели логистического куба, представляющей собой объемный параллелепипед, который построен на отрезках векто-

ров, отражающих направление изменения в параметрах эффективности, качества и скорости логистического обслуживания клиентов (рис. 2).

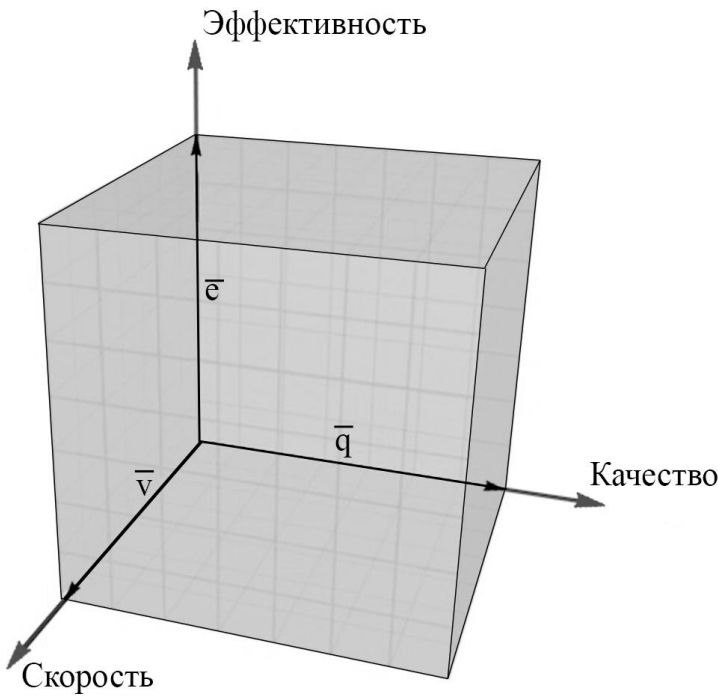

Рисунок 2.
Модель логистического куба (разработано автором)

Обозначим на осях векторы: эффективность – \vec{e} (efficiency), качество – \vec{q} (quality) и скорость – \vec{v} (velocity). Эффект от реализации стратегии логистического сервиса в таком случае может быть выражен через объем логистического куба. В аналитической геометрии объем параллелепипеда, построенного на векторах, определяется через их смешанное произведение, обозначаемым как $(\vec{q}, \vec{v}, \vec{e})$. Смешанным произведением называется число $([\vec{q}, \vec{v}], \vec{e})$, абсолютная величина которого равна объему параллелепипеда, построенного на векторах \vec{q} , \vec{v} и \vec{e} . При этом, если тройка векторов \vec{q} , \vec{v} и \vec{e} некомпланарная и правая, то их смешанное произведение положительно, а если тройка левая, то – отрицательно. Тогда объем логистического куба определится по формуле:

$$(\vec{q}, \vec{v}, \vec{e}) = [\vec{q}, \vec{v}] \cdot |\vec{e}| \cdot \cos \alpha \quad (1),$$

где $[\vec{q}, \vec{v}] = S$ – площадь параллелограмма, построенного на векторах \vec{q} и \vec{v} ;

$$|\vec{e}| \cdot \cos \alpha = |\text{Пр}[\vec{q}, \vec{v}]\vec{e}| \text{ – высота параллелепипеда с основанием } S.$$

В нашем случае угол между осью ординат и высотой $|\vec{e}|$ равен нулю, поэтому $\cos \alpha = 1$, а, следовательно, объем логистического куба определится как:

$$(\vec{q}, \vec{v}, \vec{e}) = [\vec{q}, \vec{v}] \cdot |\vec{e}| \quad (2).$$

Пусть задан правый базис $\{\vec{i}, \vec{j}, \vec{k}\}$ и три вектора \vec{q} , \vec{v} и \vec{e} , координаты разложения которых в этом базисе имеют вид $\vec{q} = x_q \cdot \vec{i} + y_q \cdot \vec{j} + z_q \cdot \vec{k}$, $\vec{v} = x_v \cdot \vec{i} + y_v \cdot \vec{j} + z_v \cdot \vec{k}$ и, соответственно, $\vec{e} = x_e \cdot \vec{i} + y_e \cdot \vec{j} + z_e \cdot \vec{k}$. Тогда получаем:

$$V_{\text{логистический куб}} = (\vec{q}, \vec{v}, \vec{e}) = ([\vec{q}, \vec{v}], \vec{e}) = \begin{pmatrix} x_e & y_e & z_e \\ x_q & y_q & z_q \\ x_v & y_v & z_v \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} x_q & y_q & z_q \\ x_v & y_v & z_v \end{pmatrix} (\vec{i}, \vec{j}, \vec{k}). \quad (3).$$

Если векторы \vec{q} , \vec{v} и \vec{e} заданы своими координатами, т.е. $\vec{q}(x_q, y_q, z_q)$, $\vec{v}(x_v, y_v, z_v)$ и $\vec{e}(x_e, y_e, z_e)$, и имеем случай ортонормированного правого базиса, когда $(\vec{i}, \vec{j}, \vec{k}) = 1$, объем логистического куба как эффект от реализации стратегии логистического сервиса определится по формуле:

$$V_{\text{логистический куб}} = (\vec{q}, \vec{v}, \vec{e}) = ([\vec{q}, \vec{v}], \vec{e}) = \begin{vmatrix} x_q & y_q & z_q \\ x_v & y_v & z_v \\ x_e & y_e & z_e \end{vmatrix} \quad (4),$$

где x, y, z – координаты векторов \vec{q} , \vec{v} и \vec{e} .

Разложением определителя (4) получаем:

$$\begin{aligned} V_{\text{логистический куб}} &= (\vec{q}, \vec{v}, \vec{e}) = ([\vec{q}, \vec{v}], \vec{e}) = \begin{vmatrix} x_q & y_q & z_q \\ x_v & y_v & z_v \\ x_e & y_e & z_e \end{vmatrix} = \\ &= x_q \begin{vmatrix} y_v & z_v \\ y_e & z_e \end{vmatrix} - y_q \begin{vmatrix} x_v & z_v \\ x_e & z_e \end{vmatrix} + z_q \begin{vmatrix} x_v & y_v \\ x_e & y_e \end{vmatrix}. \end{aligned} \quad (5)$$

Полученная формула для вычисления эффекта от реализации стратегии логистического сервиса может использоваться в бенчмаркиговых исследованиях, основанных на постоянном изучении лучших практик деятельности конкурентов и сравнении показателей функционирования компаний-конкурентов с показателями своей компании. Взгляд на предприятие сквозь призму опыта лучших мировых компаний и количественное определение разрывов с ними дает возможность найти новые ориентиры для повышения эффективности деятельности, решать важнейшие стратегические задачи достижения конкурентных преимуществ на внутренних и внешних рынках, определять выбор перспективных направлений совершенствования системы логистического сервиса при их переходе к неоиндустриализации.

Таким образом, реализация стратегии логистического сервиса позволяет повысить обоснованность принимаемых решений в процессе выбора приоритетов инновационного развития предприятий. Ее преимуществами являются:

- комплексный учет таких факторов конкурентоспособности, как эффективность, качество и скорость логистического обслуживания;
- количественная оценка эффекта от реализации стратегии логистического сервиса и возможность проведения бенчмаркиговых исследований на ее основе;
- возможность выбора инструментов и направлений реализации управленческих решений в системе логистического сервиса.

Наточеева Н.Н.¹

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ БАНКОВ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Ключевые слова: финансовая устойчивость, банки, конкурентоспособность, конкурентное преимущество, потери, экономические санкции, банковские услуги, эффект, дифференциация банков.

Keywords: financial stability, banks, competitiveness, competitive advantage, losses, economic sanctions, banking services, effect, differentiation of banks.

Введение

Конкурентоспособность российских кредитных организаций в настоящее время является недостаточно высокой по сравнению с конкурентоспособностью банков развитых стран. Во многом такая ситуация определяется деструктивными внешними факторами, например, влиянием экономических санкций, а также политикой санации, проводимой регулятором банковского сектора России за последние несколько лет. Многие кредитные организации не смогли полностью удовлетворять условиям, выдвигаемым Центральным банком, по выполнению требований последней версии Базеля в части достаточности капитала кредитных организаций, и это напрямую отражается на устойчивости банков и их конкурентоспособности.

Основные положения конкурентоспособности банков

Под конкурентоспособностью банков понимается уровень устойчивости его конкурентных позиций на рынке оказания банковских услуг.

Конкурентная позиция банка представляет собой такое финансовое положение банка, которое позволяет ему сохранять стабильность, надежность и финансовую устойчивость по отношению к другим банкам на финансовом рынке достаточно длительное время. Оценка конкурентного финансового положения банка определяется различными рейтинговыми агентствами с использованием конкретных методик. Например, по данным аналитического кредитного агентства (АКРА) кредитные рейтинги стабильного и позитивного уровня присвоены следующим банкам (табл. 1).

Таблица 1

Кредитные рейтинги системообразующих банков²

Наименование банка	Кредитный рейтинг	Характеристика рейтинга
Россельхозбанк	AA(RU)	Стабильный
ПАО «Сбербанк»	AAA(RU)	Стабильный
Московский кредитный банк	A(RU)	Стабильный
Банк ГПБ (АО)	AA(RU)	Позитивный
ПАО «Промсвязьбанк»	AA-(RU)	Стабильный
АО «Райффайзенбанк»	AAA(RU)	Стабильный
ПАО Банк «ФК Открытие»	A+(RU)	Стабильный
ПАО «Росбанк»	AAA(RU)	Стабильный
АО «ЮниКредитБанк»	AAA(RU)	Стабильный

Из табл. 1 видно, что конкурентоспособные банки имеют различный кредитный рейтинг. Наиболее стабильными являются ПАО «Сбербанк», АО «Райффайзенбанк», ПАО «Росбанк» и АО «ЮниКредитБанк». Имея высокий кредитный рейтинг AAA(RU), эти банки являются наиболее устойчивыми. Чуть ниже кредитный рейтинг таких банков как: Россельхозбанк, Банк ГПБ (АО), ПАО «Промсвязьбанк», но эти банки достаточно стабильны и устойчивы. Однако у Банка ГПБ (АО) кредитный рейтинг является позитивным, что по методологии определения рейтинга АКРА предполагает возможное его повышение. Несколько ниже кредитный рейтинг у ПАО Банк «ФК Открытие», но он с «плюсом», в то время как ПАО «Промсвязьбанк» имеет выше кредитный рейтинг, но с минусом, т.е. прогнозы на изменение рейтинга.

Центральный банк в 2019 году присвоил рейтинги надежности основным системообразующим банкам. К таким банкам по методике оценки надежности регулятора относятся банки, имеющие три показателя с достаточно высокими

¹ Наточеева Наталья Николаевна – д.э.н., профессор, профессор кафедры «Финансовые рынки», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова.

² Официальный сайт Аналитического кредитного рейтингового агентства. – acra-ratings.ru

значениями: это величина активов, «Базель III» в части достаточности капитала и наличие сделок на межбанковском рынке. В табл. 2 представлены банки, упомянутые в табл. 1, по методике регулятора в рейтинге надежности.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что ПАО «Сбербанк» – лидер в рейтинге надежности и кредитном рейтинге тоже, однако ПАО «Промсвязьбанк», ПАО «Росбанк» и АО «ЮниКредитБанк» далеки от первой тройки позиций и занимают в рейтинге надежности регулятора лишь 9, 11 и 12 места соответственно. Это говорит о том, что, имея высокий кредитный рейтинг, банк не всегда будет надежным и устойчивым.

Таблица 2

Рейтинг надежности банков по данным Центрального банка¹

Наименование банка	Позиция в рейтинге надежности
Россельхозбанк	5
ПАО «Сбербанк»	1
Московский кредитный банк	7
Банк ГПБ (АО)	3
ПАО «Промсвязьбанк»	9
АО «Райффайзенбанк»	11
ПАО Банк «ФК Открытие»	8
ПАО «Росбанк»	12
АО «ЮниКредитБанк»	10

По методике регулятора в рейтинг надежности банка входят показатели, характеризующие устойчивость банка, такие как совокупная величина активов, выданные кредиты, объем привлеченных средств, достаточность капитала, нормативы достаточности собственных средств банка, мгновенной и текущей ликвидности, рентабельность активов, рентабельность собственного капитала и другие.

Таблица 3

Динамика концентрации активов кредитных организаций России²

Распределение банков по величине активов	На 1.01.2017 в %	На 1.01.2018 в %	Изменения 2018 к 2017, в %	На 1.01.2019 в %	Изменения 2019 к 2018, в %
первые 5	55,3	55,8	+0,9	60,4	+108,2
с 6 по 20	22,8	23,5	+103,1	21,2	-9,8
с 21 по 50	10,6	10,8	+101,8	9,9	-8,3
с 51 по 200	9,4	8,4	-10,6	7,7	-8,3
с 201 и далее	2,0	1,5	-25	1,0	-33,3

Из табл. 3 видно, что наибольшая концентрация активов происходит среди банков первой пятерки и составляет 8,3%, что свидетельствует об усиливающейся тенденции накопления капитала наиболее крупными банками России. Наибольшие изменения в сокращении величины активов наблюдаются среди банков с наименьшей концентрацией капитала, которые составляют большинство в банковском секторе России. Такие тенденции говорят о повышении финансовой устойчивости наиболее крупных банков России и снижении финансовой устойчивости наиболее массовых кредитных организаций.

Динамика кредитов, выданных кредитными организациями России, представлена в табл. 4.

Таблица 4

Динамика кредитов, выданных кредитными организациями России³

Наименование статей	На 01.01.2017 в %	На 01.01.2018 в %	Изменения 2018 к 2017, в %	На 01.01.2019 в %	Изменения 2019 к 2018, %
Кредиты, депозиты и прочие размещенные средства	69,3	68,1	-1,73	69,1	+1,4
в т.ч. просроченные	5,2	5,2	-	4,7	-9,6

Из табл. 4 видно, что количество размещенных средств остается примерно на том же уровне, а вот просроченные кредитные средства банков сократились почти на 10%, что говорит об укреплении финансовой устойчивости кредитных организаций России.

Динамика средств, привлеченных российскими банками, представлена в табл. 5.

Данные табл. 5 свидетельствуют о наращивании банками своей ресурсной базы практически по всем направлениям, в особенности за счет средств, привлеченных от других организаций, что положительно влияет на их финансовую устойчивость.

¹ Официальный сайт Центрального банка. – www.cbr.ru

² Там же.

³ Там же.

Динамика средств, привлеченных российскими банками¹

Наименование статей	На 1.01.2017 в млрд. руб.	На 1.01.2018 в млрд. руб.	Изменения 2018 к 2017, в %	На 1.01.2019 в млрд. руб.	Изменения 2019 к 2018, %
Средства, привлеченные от организаций	25 635,1	27 547,2	107,4	32 057,3	116,4
Средства организаций на расчетных счетах	8763,1	9103,6	218,0	9772,3	107,3
Депозиты юридических лиц	16 385,2	17 900,4	109,2	21 652,0	120,9

Свойство банков обладать финансовой устойчивостью, по нашему мнению, может быть конкурентным преимуществом. Конкурентные преимущества представляют собой свойства, которые превосходят конкурентов и могут быть измерены². Эксперты считают, что конкурентное преимущество – это «какая-либо эксклюзивная ценность, которой обладает система, дающая превосходство над конкурентами»³. Оказание банковской услуги способствует получению экономического и других видов эффекта. В процессе продажи банковских услуг кредитные организации получают доход. Проверим соответствие финансовой устойчивости критериям ценностей (табл. 6).

Таблица 6

Оценка соответствия финансовой устойчивости банков критериям ценностей

Критерии ценностей	Совпадение с критерием
Содержание: качественные, поведенческие	Качественные
Вид ценностей: материальные, денежные, духовные	Денежные
Вид системы, которой присуща ценность	Экономическая
Сущность ценностей: базисные, второстепенные	Базисные
Способ ценностей: реальные, виртуальные	Реальные
Масштаб: индивидуальные, локальные, глобальные	Индивидуальные
Форма: достоинства, позитив, оригинальность	Достоинства
Источник ценностей: объективные, субъективные	Объективные
Уровень стабильности: устойчивые, неустойчивые	Устойчивые
Динамизм ценностей: стратегические, тактические	Стратегические

Источник: составлено автором

Проверим свойство банков обеспечивать финансовую устойчивость требованиям конкурентных преимуществ (табл. 7).

Таблица 7

Оценка соответствия финансовой устойчивости банков требованиям конкурентного преимущества

Признак преимущества	Соответствие требованиям
Отношение к системе	Свойство банков обеспечивать финансовую устойчивость является индивидуальным
Сфера возникновения преимущества	Экономическая: на основе стратегии устойчивого развития финансового рынка страны
Содержание преимущества	Качество банковских услуг: высокий уровень финансовой устойчивости
Метод получения преимущества	Использование достоинств: эффективное использование методики обеспечения финансовой устойчивости банков
Место преимущества	Банки и банковский сектор России
Время реализации преимущества	Стратегические или тактические факторы преимуществ: устойчивая конкурентная позиция банков
Вид получаемого эффекта от реализации преимущества	Экономический: экономия от снижения потерь при их прогнозировании, и прирост капитала от привлечения клиентов в банки с высоким уровнем финансовой устойчивости.

Источник: составлено автором

Банки с высокой финансовой устойчивостью имеют монопольное право на использование этого конкурентного преимущества на внутреннем и международном рынках банковских услуг. Экономический эффект оказания банковской услуги кредитными организациями с высоким уровнем финансовой устойчивости проявляется в виде экономии от снижения финансовых потерь в процессе их прогнозирования и в виде прироста дополнительного капитала вследствие повышения его имиджа. Параметры высокой финансовой устойчивости ориентированы на цивилизованный и эффективный банковский бизнес, приоритетность предупреждения потерь и динамичное развитие банков в стратегической перспективе⁴.

Для банков стратегические параметры соответствуют стратегическим целям: устойчивое развитие, увеличение масштабов банковского бизнеса, расширение конкурентных позиций; рост экономической эффективности бизнес-

¹ Официальный сайт Центрального банка. – www.cbr.ru

² Стратегический менеджмент / Под ред. А.Н. Петрова. – СПб.: Питер, 2005. – 496 с.

³ Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент: Учебник для вузов. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2005. – 448 с.; Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент: Учебник. 6-е изд. испр. и доп. – М.: Дело, 2004. – 448 с.

⁴ Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период 2020 года // КонсультантПлюс. – <http://www.consultant.ru/>

процессов, обеспечение высокого качества. Повышение деловой репутации банков способствует росту капитала, расширению масштабов банковского бизнеса и его экономической эффективности. Свойство обеспечения финансовой устойчивости, по нашему мнению, является его конкурентным преимуществом, поскольку обеспечивает экономические преимущества в текущем и в долгосрочном периоде.

Потенциальное качество этого конкурентного преимущества заключается в следующем: способность банков прогнозировать потери бизнеса и принимать меры по их нивелированию. Эта способность позволяет прогнозировать изменение спроса на банковские услуги в будущем; способность создавать эффективный банковский бизнес по соотношению цена-качество; способность банков проводить расширенную маркетинговую политику, включая позиционирование банковских услуг, оптимизацию объёма услуг и снижение расходов; способность банков создавать условия для сокращения издержек. А также способность банков по удержанию превосходства в конкурентной среде, что требует постоянного обновления технологий; организационной структуры и структуры управления финансовой устойчивостью банков в долгосрочном периоде; способность проводить эффективную конкурентную банковскую стратегию в условиях экономических санкций.

Реализация перечисленных потенций в долгосрочном периоде создаёт кредитным организациям реальные преимущества в том, что банковские услуги будут исполнены в срок, качественно, а главное – без финансовых потерь от снижения финансовой устойчивости. Превосходство банков с высоким уровнем финансовой устойчивости над другими банками позволяет им планировать и реализовывать финансовые технологии, создающие основу конкурентоспособности банков без потерь в будущем.

В этой связи целесообразно определить взаимосвязь конкурентоспособности банков и их финансовой устойчивости. В научной литературе широко освещены вопросы оценки конкурентоспособности организации. Конкурентоспособность организации рекомендуется оценивать на основе показателей конкурентоспособности товаров (услуг) с учётом значимости рынков, на которых они были реализованы¹, и, по нашему мнению, с учетом финансовой устойчивости кредитных организаций.

Финансовая устойчивость банков относится к качественной категории. Методический подход к оценке конкурентоспособности банков с определенным уровнем финансовой устойчивости заключается в следующем: сначала целесообразно провести анализ её состояния с позиций системного подхода с целью установления стратегических и тактических факторов повышения финансовой устойчивости и, как следствие, роста конкурентоспособности кредитной организации.

Этапы проведения системного анализа устойчивого финансового состояния банков предлагается провести в корреляции с его конкурентоспособностью: анализ качества документального сопровождения, анализ уровня финансовой устойчивости, оценка влияния внешних угроз и определения возможностей, а также оценка внутренних сильных и слабых сторон конкурентов.

В развитых странах действуют различные методики оценки конкурентоспособности фирм и компаний. Некоторые отечественные специалисты предлагают проводить оценку конкурентоспособности организации с учётом следующих положений: уровень конкурентоспособности считать как средневзвешенную величину по показателям конкурентоспособности конкретных товаров (работ, услуг) на конкретных рынках; отдельно проводить анализ эффективности деятельности организации, исходя из конкурентоспособности и эффективности каждого товара (работы, услуги) на каждом рынке; отдельно считать показатель финансовой устойчивости организации; и прогнозировать комплексные показатели минимум на пять лет². Мы полагаем, что одним показателем финансовой устойчивости ограничиваться не целесообразно, и необходимо определить весь комплекс параметров, характеризующих конкретный уровень финансовой устойчивости банков в корреляции с их конкурентоспособностью: чем выше финансовая устойчивость, тем выше конкурентоспособность кредитных организаций.

¹ Стратегический маркетинг: Учебник для вузов. 3-е изд. / Р.А. Фатхутдинов. – СПб.: Питер, 2003 – 347 с.

² Там же.

Николаева Е.Е.

д.э.н., доцент, зав. кафедрой экономической теории и региональной экономики, Ивановский государственный университет

Околотин В.С.

д.и.н., зав. кафедрой истории России, Ивановский государственный университет

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В СИСТЕМНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ключевые слова: глобальные проекты, межрегиональное сотрудничество, обрабатывающая промышленность, текстильная промышленность, государственный протекционизм, государственно-частное партнерство, системная модернизация, исторический опыт.

Keywords: global projects, interregional cooperation, manufacturing industry, textile industry, state protectionism, public-private partnership, system modernization, historical experience.

Следствием сложной политической обстановки и санкций со стороны США и ЕС стало расширение сотрудничества России с государствами Азии и прежде всего с Китаем, который продолжает выступать драйвером развития мировой экономики. Такое сотрудничество сопровождается не только реализацией взаимовыгодных проектов, но и разработкой проектов беспрецедентных в истории мировой цивилизации. Например, стратегический проект «Один пояс – один путь» должен охватить обширную территорию и предусматривает огромные масштабы инвестиций, продолжительный период реализации и существенные риски. Согласно трактовке официального Пекина, он нацелен на эффективное распределение ресурсов и углубление рыночной интеграции, на поощрение координации экономической политики стран вдоль маршрутов, на расширение и углубление сотрудничества, на совместные усилия при формировании открытой, инклюзивной и сбалансированной архитектуры регионального сотрудничества. Его идейным основанием является утверждение о том, что стратегия «Один пояс – один путь» исторически порождена провалом западной модели развития. Запад потерял некое моральное превосходство в мире, а его политика перестала отвечать интересам большинства населения планеты. Эксперты КНР также отмечают, что представленные их страной проекты всего лишь инновационная модель сотрудничества, направленная на улучшение многосторонней кооперации и налаживание эффективных партнерских отношений.

В свою очередь российские эксперты, рассматривая экономику и политику в неразрывной связи, видят за данным проектом далеко идущие политические цели Пекина и выражают свою обеспокоенность. Их страшит то, что КНР в настоящее время уже второй экономический гигант в мире и продолжает наращивать свое влияние. Так, по утверждению М.С. Михалева, их «успешная реализация окончательно обозначит новый статус Китая на международной арене – статус глобальной державы, способной не только и не столько отстаивать свои экономические и политические интересы в любой точке планеты, сколько взвалить на себя бремя ответственности за развитие и за благосостояние развивающихся стран мира»². Такое расширение, говорит М.С. Михалев, мыслится многими китайскими специалистами не как завоевание внешних рынков, а как своеобразное увеличение рынка внутреннего, или, используя слова профессора Юй Хунцзюня, «создание пространства общей судьбы»³.

При этом следует учесть, что Россия в азиатском регионе продолжает реализовывать свой собственный интеграционный проект – ЕАЭС⁴. В этой связи предлагаются разные варианты сопряжения указанных проектов. В частности, через выстраивание не только железнодорожных и автодорожных, но авиационных транспортных коридоров, а также более широкого использования уже существующих масштабных российско-китайских проектов.

Не вдаваясь в сущность различных опасений в отношении китайского проекта «Один пояс – один путь», важно отметить следующее. В его орбите окажутся не только Россия и государства постсоветского пространства, но и регионы, промышленность которых увязана с поставками сырья из стран ближнего зарубежья, а также вошедших в силу

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-010-00329 «Теоретико-методологические основы расширенного понимания хозяйственного механизма в современной экономике».

² Михалев М.С. «Один пояс, Один путь» как новая внешнеполитическая стратегия КНР. Краткий анализ внутрикитайской дискуссии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. – Вып. 6. – С. 90.

³ Там же, с. 95.

⁴ Ван Шудунь. Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнёры? // Обозреватель. – М., 2014. – № 10 (297). – С. 58–59; Лузянин С.Г., Афанасьева А.В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. – № 40. – С. 5–14; Соколова О.Ю., Скворцова В.А., Антипова Ю.И. Евразийский экономический союз и Экономический пояс Шелкового пути: проблемы и перспективы сотрудничества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. – № 2. Общественные науки. Экономика. – С. 143–152; Сыроежкин К.Л. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. 2016. – № 2 (31). – С. 37–55.

географического положения в зону будущих транснациональных транспортных коридоров. Разумеется, данное обстоятельство нельзя не учитывать в разработке стратегий долгосрочного развития российских регионов, в том числе и Ивановской области.

Специфика области состоит в том, что, несмотря на различные попытки диверсификации региональной экономики, ее важной составляющей продолжает оставаться текстильная промышленность. Более того, она является исторически традиционной, поскольку ее временной багаж насчитывает более 200 лет и насыщен различными процессами и событиями. Так, в условиях имперской России они нашли выражение в становлении и развитии хлопчатобумажной промышленности в Ивановском крае, переходе от мануфактурного к фабричному производству, строительстве железных дорог, государственном протекционизме, участии фабрикантов в международной выставочной деятельности и поиске ими выходов на рынки США, Европы, Центральной и Средней Азии. Предпринимательская деятельность местных фабрикантов и заводчиков оказалась настолько успешной, что подготовила основу для появления в Центральной России нового центра деловой активности. Им стал безуздный город Иваново-Вознесенск Шуйского уезда Владимирской губернии, образованный в 1871 году. Очень скоро здесь появились отделения Государственного банка и казначейства, были открыты филиалы крупных столичных банков, активно развивалась кредитная кооперация. География финансово-хозяйственных операций клиентов банков была достаточно широкой. Так, во второй половине 1890-х годов Иваново-Вознесенское отделение Госбанка активно осуществляло расчетные операции с Варшавской конторой, а также Лодзинским и Белостокским отделениями Госбанка, имевших разрешение на проведение зарубежных операций и работу с иностранной валютой.

Одновременно в Иваново-Вознесенске получили развитие химическая и металлообрабатывающая отрасли промышленности, предприятия которых были жестко привязаны к основной отрасли Ивановского края – текстильной – и производили красители, несложные машины, запасные части и др. Концентрация производства и финансовая инфраструктура обусловили значимость Иваново-Вознесенска и тяготение к нему окраинных территорий Владимирской и Костромской губерний. Сейчас это бы назвали текстильным кластером, но в те годы Иваново-Вознесенск и тяготеющие к нему территории получили название Иваново-Вознесенского, а затем Иваново-Кинешемского промышленного района.

Однако официальное признание его границ в рамках вновь созданной Иваново-Вознесенской губернии состоялось лишь в советский период в 1918 году. Одновременно произошла национализация фабрик и заводов, они перешли под рабочий контроль, а на бюджет губернии возложено их обеспечение сырьем, топливом и оборотными средствами. Если финансовые и топливные проблемы можно было решить за счет мобилизации внутренних ресурсов, то задача поиска хлопка в условиях Гражданской войны и блокады границ советского государства требовала иного решения. И выход был найден. В конце 1919 года для восстановления деятельности национализированных текстильных предприятий и обеспечения их хлопком в Иваново-Вознесенске был сформирован отряд рабочих, получивший название экспедиционного корпуса, который под командованием М.В. Фрунзе участвовал в походе на Туркестан. В результате во второй половине 1920 года по решению СНК РСФСР в губернии был создан ударный комитет по возрождению крупных фабрик, которым было поручено выполнение мобилизационного заказа для нужд республики. Этим было положено начало развитию отношений Иваново-Вознесенской губернии с будущими республиками СССР в Средней Азии и специализации ее предприятий на производимом ими хлопке. Так формировался облик региона, и выстраивались его долговременные хозяйственные отношения.

Особую актуальность они приобрели в 1930 годы, когда после свертывания НЭПа СССР взял курс на модернизацию национальной экономики, начатую еще в имперской России и прерванную Первой мировой войной, а также революционными потрясениями 1918–1922 годов. В этот период Иваново-Вознесенская губерния стала основой для создания Ивановской промышленной области, вобравшей в себя хозяйственный потенциал четырех губерний Верхневолжья, которая совместно с Московской и Ленинградской и другими областями должна была стать локомотивом построения в стране плановой экономики. О внимании за рубежом к столь масштабному эксперименту свидетельствует статья немецкого корреспондента П. Шеффера под названием «Работа в текстильном районе Иваново-Вознесенска», опубликованная в двух номерах «Берлинер Тагесблатт» в июле 1929 года. Подразделив статью на ряд смысловых частей, автор попытался раскрыть процесс реализации «идеала пролетарского бытия в «текстильном районе Иваново-Вознесенска». Важно отметить, что одну из них он назвал «Подъем – Регулирование труда – «Молот или наковальня?» – Коммунистическое руководство – Малоценна ли подобная система организации труда?».

Очень сходным с указанным в плане экономического развития Ивановской области стал период начала 1960-х годов, когда регион стал центром Верхневолжского экономического района с размещением в Иванове Верхневолжского совнархоза. В перечне 47 экономических районов, образованных в 1963 году в СССР, Верхневолжский экономический район с центром в городе Иваново значился на первой позиции. В его состав вновь вошли Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская области. Верхневолжский экономический район охватывал территорию 149,4 тыс. кв. км, на которой проживало 5,1 млн. чел., в том числе в городах 3,1 млн. человек. В Верхневолжский совнархоз вошло 565 предприятий, в том числе текстильных – 174, машиностроения – 72, швейных – 38, пищевых – 59 и др. Таким образом, в основу специализации района вошли легкая, химическая, машиностроительная, пищевая отрасли промышленности, а также производство стройматериалов. При этом считалось, что специализация производства даст огромные возможности для роста производительности труда, улучшения качества продукции, позволит наиболее рационально организовать труд.

Вторая половина 1960-х – 1980 годы ознаменовались реконструкцией действующих текстильных предприятий, строительством новых и значительным расширением мощностей имеющихся машиностроительных заводов. Росли и крепились хозяйственные связи с Узбекистаном, главным поставщиком хлопка текстильной промышленности области.

После землетрясения в Ташкенте в апреле 1966 года Ивановская область направила на восстановление столицы Узбекистана большое количество специалистов и строительные материалы. В свою очередь узбекская молодежь училась в вузах области и работала в строительных отрядах на ее территории. Оснований для свертывания таких взаимовыгодных отношений области с Узбекистаном в период плановой экономики не было.

К сожалению, развал СССР и переход российской экономики к рыночным отношениям привел к масштабным структурным изменениям, в том числе и в Ивановской области. Государство перестало быть собственником текстильных и обрабатывающих предприятий области, и все они в 1990-е годы были приватизированы. Хозяйственные связи, формировавшиеся длительное время между Ивановской областью и Узбекистаном, были нарушены. И хотя исторически сложившаяся специализация региона в условиях рыночной экономики сохранилась, показатели развития текстильной и обрабатывающей отраслей промышленности несравнимы с советским периодом. Если посмотреть индексы производства по видам экономической деятельности (за базу берется уровень производства 1991 года, равный 100), то в целом по России обрабатывающие производства в 2016 году составляли 85,8% уровня 1991 года, а в Ивановской области этот показатель составил только 38,2%, текстильное и швейное производство в 2016 г. достигло лишь 61%, а машиностроение, сокращаясь с каждым годом, упало до 3,2%!!! Сегодня Ивановская область характеризуется практически отсутствием крупномасштабного производства (с численностью работников 10–12 тыс. чел.). Среднегодовая численность работников организаций по виду экономической деятельности «Производство машин и оборудования» в 2016 г. составила 3001 чел.

Относительные показатели дают достаточно позитивную картину по сравнению с советской эпохой. Так, Ивановская область являлась одним из главных районов текстильной промышленности СССР, поскольку производила около 30 % всей хлопчатобумажной продукции СССР. В 2010 году в регионе было сконцентрировано 76% общероссийского производства хлопчатобумажных тканей, в 2015 году – 85,7%. Казалось бы, можно порадоваться, но если обратиться к абсолютным показателям, то мы увидим, что наблюдается тенденция падения производства хлопчатобумажных тканей как по стране в целом, так и по Ивановской области. В 2005 г. в регионе произведено 1577,2 млн. м² различных видов тканей, в том числе 1551,9 млн. м² хлопчатобумажных тканей, а в 2015 г. на треть меньше – 1008,4 млн. м² всего тканей, в том числе 960,3 млн. м² хлопчатобумажных, в 2017 г. 1110,6 млн. м² различных видов тканей, в том числе 624,1 млн м² хлопчатобумажных тканей. Важным фактором такого падения стала проблема сырья. Узбекский хлопок стал активно перерабатываться по месту произрастания. Еще она проблема – степень износа основных фондов. На конец 2017 года в обрабатывающей промышленности она составила 55 процентов.

Это обуславливает необходимость восстановления внимания к развитию текстильной и обрабатывающей промышленности в Ивановской области. Данное утверждение аргументируется тем, что именно они могут дать «инвестиционный толчок» (по Дж.М. Кейнсу) и обеспечат различные формы социально-экономических эффектов для региона и муниципалитетов (занятость, доходы населения, поступления в бюджет, розничный товарооборот в душевом исполнении и пр.). Замечено, что чем выше в экономике муниципального района, области, края доля промышленного производства, тем больше дополнительные выгоды, извлекаемые территориальной структурой. Ведь появление промышленного предприятия «тянет» за собой строительство дорог для получения сырья и отправки грузов, жилых домов для работников, открытие торговых точек и организаций бытового обслуживания, детских садов, школ и других объектов производственной и социальной инфраструктуры. В свою очередь инфраструктурная обустроенность территории является важным элементом инвестиционной привлекательности региона.

В целом ряде исследований по пространственной экономике, размещению производительных сил отмечается следующая закономерность – показатели развития и благосостояния в большинстве случаев ухудшаются при движении от областного центра вглубь территории (центр-периферийное развитие). В связи с этим целесообразно обратиться к концепции так называемой «рассеянной промышленности», то есть размещению в различных поселениях региона малых промышленных предприятий (текстильные, швейные, «малое машиностроение», металлообработка, химическая промышленность и др.), что собственно ранее и осуществлялось.

Однако для успешного развития современного промышленного производства недостаточно только одной частной инициативы. Требуется активная работа различных государственных структур по поддержке предпринимательства, осуществлению грамотной промышленной политики, развитию различных форм государственно-частного партнерства. Перспективы для текстильной отрасли и импортозамещения специалисты видят в госзаказах федеральных, региональных и муниципальных властей (выпуск форменной одежды для силовых структур и ведомств, государственных предприятий и служб), своего рода государственном протекционизме.

При этом важно отметить, что создаваемые в последнее время современные промышленные предприятия в качестве источников развития используют средства Фонда развития промышленности (ФРП) и имеют поддержку в виде устойчивого спроса со стороны госкорпораций и госпредприятий. Укажем на два проекта, начавших реализацию весной 2019 года. Так, новый производственный цех «Верхневолжского сервисного металлоцентра» (Ивановского филиала «ДиПОСа») с установленной высокотехнологичной роботизированной линией по изготовлению сварного решетчатого настила, которая не имеет аналогов в России, начал функционировать при поддержке ФРП. Среди основных потребителей продукции металлоцентра Роснефть, Лукойл, ИнтерРАО, Газпром, Росатом, Ростех и другие. Еще один пример – открытие в г. Иваново нового высокотехнологичного производства тканей для спецодежды компании «ТД Меланж текстиль», где среди инвестиций в размере 238 млн. руб. есть льготный кредит ФРП в размере 100 млн. руб. Средства пошли на закупку современного оборудования и модернизацию производственных помещений. Продукция используется при изготовлении спецодежды для работников крупных федеральных компаний Росатом, Лукойл, Транснефть, РЖД, Почта России и др.

Для темы статьи важен еще один момент, на который обращал внимание в своих трудах и известный английский экономист XX века Николас Калдор. Он отмечал, что темп роста региона определяется темпом роста его экспорта: «Любое экзогенное изменение спроса на продукцию региона извне запустит мультипликационные эффекты в производстве и занятости, которые, в свою очередь, будут корректировать импорт для изменения экспорта». Наибольшим же экспортным потенциалом, по его мнению, обладает обрабатывающая промышленность. В своей статье «The Case for Regional Policies» («Аргументы в пользу региональной политики» (1970 г.) он подчеркивал, что «распределение реального дохода в мире – относительных богатства и бедности наций, или регионов объясняется не естественными факторами, а неравномерным развитием промышленности. Развитые регионы с высоким доходом – это безоговорочно те, которые обладают высокоразвитой современной промышленностью»¹. Эти факторы, по сути, задают тренд развития территорий и они очень важны при разработке стратегий развития российских регионов, в том числе и Ивановской области.

Близкие по смыслу выводы сделал норвежский экономист Эрик Райнерт, который в своем исследовании показал, что рост экономики, богатство страны и ее жителей напрямую зависят от развитости в национальном хозяйстве обрабатывающей промышленности и «продвинутых» (высокотехнологичных) услуг, которым свойственна возрастающая отдача².

В настоящее время в развитии промышленности Ивановской области наметилась позитивная тенденция роста индекса промышленного производства, особенно в обрабатывающих отраслях. Драйвером выступает текстильная промышленность. Это становится возможным при активном государственном участии в реализации инвестиционных проектов. В частности, на совещании 24 июня 2019 года членов правительства Ивановского региона и представителей бизнеса с представителями институтов развития России во главе с председателем ВЭБ РФ И. Шуваловым речь шла об инвестиционных перспективах ряда инфраструктурных и промышленных проектов, о создании экспортно-ориентированных производств, а также о развитии дорожно-транспортной отрасли. Поднимался вопрос развития текстильного сектора региона. В частности, комментируя ситуацию с развитием экспортного потенциала генеральный директор Российского экспортного центра А. Слепнев отметил: «Город Иваново традиционно славится своими предприятиями легкой промышленности. Нарращивание экспорта в этой отрасли до уровня 1,5 млрд. долларов США в 2019 году предполагается, в том числе, за счет реализации перспективных экспортно-ориентированных инвестиционных проектов. Например, мы планируем поддержать выпуск новых артикулов обувных кож с возможностью экспорта в Италию, технических тканей из отечественного сырья для шинных и резинотехнических заводов, производство льняных тканей на экспорт. Отмечу, что рост объемов экспорта легкой промышленности уже наблюдается. Так, по обуви по итогам первого квартала 2019 года по сравнению с тем же периодом прошлого года темп роста превышен в два раза, на 29%, по готовым текстильным изделиям – на 12%, трикотажной одежде на 13%»³.

На совещании также был представлен проект по возрождению льняного производства в Ивановской области «Шуйский лен», который предполагает строительство трех льнозаводов, цеха катонизации и прядильной фабрики, создание 600 новых рабочих мест. При финансовом участии МОНОГОРОДА.РФ планируется реализация двух инвестиционных проектов в регионе – это организация производства хлопчатобумажных тканей в моногороде Наволоки и производство льняного волокна в Юже.

Регион возлагает надежды и на машиностроение, доля которого составила в 2018 г. 23,5% в структуре обрабатывающих отраслей промышленности (на долю производства текстильных изделий и одежды приходится более 40%). Ключевыми предприятиями отрасли являются: Профессионал, 308-й авиационный ремонтный завод, Кранэкс, ИМЗ Автокран, Верхневолжский Сервисный Металлоцентр и ИПФ «ТексИнж» (Ивановский район), Майдаковский завод (Палехский район), Лежневский завод подъемников, кинешемские Аутомотив Компонентс, Электроконтакт и Поликор.

Следует отметить, что в условиях конкуренции для привлечения инвестиций в любой регион важную роль играет транспортная инфраструктура, способствующая улучшению логистики, более быстрой связи с экономическими центрами России и выходу на зарубежные рынки. Позитивные шаги в этом направлении областью сделаны – запуск скоростного поезда «Ласточка» в направлении Москвы, ежедневное авиасообщение с Санкт-Петербургом, налаживание авиарейсов в южном направлении (Крым, Краснодарский край), оживление речного пароходства по Волге.

Для Ивановской области чрезвычайно актуальна задача активизации экспортной деятельности. Например, в настоящее время правительство Ивановской области большое внимание уделяет налаживанию внешнеэкономических связей. Среди них важное внимание уделяется Узбекистану, поставлявшему длительное время предприятиям Ивановской области хлопок и хлопчатобумажную пряжу. Это государство для области является основным торговым партнером – более 25% от всего товарооборота. Многие ивановские предприятия создают совместные производственные цепочки с узбекскими поставщиками, намерены создавать совместные предприятия как на территории Республики Узбекистан, так и в России. Развиваются отношения и с Турцией, которая ориентируется на российский рынок и пе-

¹ Случай региональной политики. Николас Калдор // Мировой кризис – хроника и комментарии: – <http://worldcrisis.ru/crisis/3032548>

² Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономова; под ред. В. Автомова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 5-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 384 с. – (Экономическая теория).

³ Федеральные власти поддержат строительство трех льнозаводов, цеха катонизации и прядильной фабрики в Ивановской области // РИА MODA. – <http://riamoda.ru/news/news-federalnye-vlasti-podderzhat-stroitelstvo-treh-lnozavodov-tseha-kotonizatsii-prjadilnoj-fabriki-i-ivanovskoj-oblasti.html>

ренос части производств, которые не пересекаются с традиционным производством наших хлопчатобумажных тканей, в Ивановскую область.

Таким образом, открытие новых высокотехнологичных производств в текстильной, обрабатывающей и машиностроительной отраслях промышленности при финансовой поддержке государства должно стать основой модернизации экономики Ивановской области и России в целом. Необходима комплексная промышленная политика, сочетание государственного вмешательства, протекционизма и стратегических инвестиций. Данный подход позволит оживить производственный облик Ивановской области и более успешно выстраивать межрегиональные связи, в том числе с Узбекистаном и другими государствами Средней Азии. В долгосрочной перспективе он, по мнению авторов статьи, может подготовить условия для ее сотрудничества в реализации крупных межгосударственных и даже мировых проектов.

*Пласкова Н.С.,
Прокофьева Е.В.*¹

СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ²

Ключевые слова: дебиторская задолженность, информационная база финансового анализа, показатели оборачиваемости, качество дебиторской задолженности, денежный поток.

Keywords: accounts receivable, financial analysis information base, turnover indicators, accounts receivable quality, cash flow.

Дебиторская задолженность (accounts receivable) является специфическим объектом управления в организациях любой отраслевой принадлежности. С одной стороны, дебиторская задолженность как элемент оборотных активов требует соответствующих финансовых методов управления, с другой стороны, она тесно связана с политикой управления продажами, ценами и рыночными рисками компании.

Совершенствование теоретико-методических основ анализа дебиторской задолженности в современных условиях управления деятельностью организации и разработка механизма диагностики ее качества для формирования практических рекомендаций, направленных на совершенствование системы управления взаимоотношений с контрагентами и обеспечения оптимального уровня структуры и ликвидности оборотных активов является важнейшим направлением развития научных основ финансового менеджмента.

Актуальными задачами управления дебиторской задолженностью являются обоснование контента информационного обеспечения анализа состояния и прогнозирования дебиторской задолженности; разработка методики формирования аналитических индикаторов оценки качества дебиторской задолженности и влияющих на нее факторов; определение оптимальных параметров структуры финансирования дебиторской задолженности; изыскание резервов роста ликвидности оборотных активов за счет реализации мероприятий по ускорению инкассирования дебиторской задолженности.

Структура дебиторской задолженности весьма неоднородна, так как ее состав может складываться не только из задолженности покупателей (клиентов), как результата реализации продукции (товаров, работ, услуг) на условиях предоставления отсрочки платежа, но и определенная часть может быть результатом авансовых платежей самой организации своим поставщикам, подрядчикам и иным контрагентам в счет будущих поставок сырья, товаров, оказания услуг и т.п.

Отчетная информация о дебиторской задолженности отражается в бухгалтерском балансе и пояснениях к финансовой отчетности организации. Из общей величины дебиторской задолженности должна быть выделена сумма, срок погашения которой наступает позже, чем через 12 месяцев после отчетной даты и отражается в составе внеоборотных активов (долгосрочная дебиторская задолженность). В бухгалтерском балансе величина дебиторской задолженности отражается за минусом созданного резерва по сомнительным долгам в соответствии с принятой учетной политикой как оценочная величина и определяется в зависимости от индивидуальной платежеспособности каждого должника и вероятности полного или частичного погашения долга (п. 3 ПБУ 21/2008 «Изменения оценочных значений», п. 70 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности)³. Следует отметить, что в учетной политике организации для целей бухгалтерского учета методика начисления резерва по сомнительным долгам может не совпадать с методикой, предусмотренной ее налоговой учетной политикой. В налоговом учете величина данного резерва зависит от периода нарушения договорного обязательства по оплате дебиторской задолженности и размера выручки и создается в целом (п. 4 ст. 266 НК РФ)⁴.

¹ Пласкова Наталия Степановна – д.э.н., профессор базовой кафедры финансового контроля, анализа и аудита Главного контрольного управления города Москвы, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Прокофьева Елена Васильевна – к.э.н., доцент кафедры экономики, менеджмента и информатики, Дмитровский институт непрерывного образования – филиал Университета «Дубна».

² Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Возможности искусственного интеллекта и современные вызовы цифровой трансформации финансового сектора РФ».

³ Приказ Минфина России от 29.07.1998 № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации»; Приказ Минфина России от 06.10.2008 № 106н «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету» (вместе с «Положением по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)), «Положением по бухгалтерскому учету «Изменения оценочных значений» (ПБУ 21/2008)»).

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2).

Количество, последовательность и содержание этапов методики анализа дебиторской задолженности могут быть различными с необходимой степенью детализации показателей в зависимости от информационных запросов внутренних и внешних пользователей¹. На наш взгляд, периметр охвата аналитических задач может включать следующие направления:

1. Анализ общей величины дебиторской задолженности в динамике, в сравнении с бизнес-планом по ее видам (клиентская, авансы выданные, прочая и т.д.).
2. Анализ структуры и динамики дебиторской задолженности по месяцам и кварталам года.
3. Анализ структуры и динамики дебиторской задолженности по видам текущей деятельности, дивизионам, центрам ответственности и т.п.
4. Анализ структуры и динамики дебиторской задолженности по контрагентам.
5. Операционный анализ состояния и движения дебиторской задолженности (ежедневный, еженедельный, ежеквартальный).
6. Трендовый анализ дебиторской задолженности с выявлением факторов сезонности и др.
7. Анализ оборачиваемости (погашения) дебиторской задолженности в целом по организации, по контрагентам с выявлением относительной экономии (перерасхода) отвлекаемых средств.
8. Анализ динамики просроченной и безнадежной дебиторской задолженности по контрагентам и в целом по индикатору «старения».
9. Факторный анализ уровня и динамики ликвидности дебиторской задолженности.
10. Оценка уровня и динамики достаточности источников финансирования дебиторской задолженности.
11. Прогнозный анализ объемов и скорости оборота дебиторской задолженности в предстоящем бюджетном периоде.
12. Планирование потребности в источниках финансирования отвлечения средств в дебиторскую задолженность под воздействием изменения политики продаж.

Состояние дебиторской задолженности производственной компании, ее структура и динамика представлены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели состояния дебиторской задолженности организации

Показатель	Сумма, млн. руб.			Темп роста, %	Удельный вес, %		
	31.12.16	31.12.17	±Δ		31.12.16	31.12.17	±Δ
<i>1. Долгосрочная дебиторская задолженность</i>	–	–	–	–	–	–	–
<i>2. Краткосрочная дебиторская задолженность</i>	26 181	19 624	–6557	74,96	100,00	100,00	–
из нее:							
2.1. Покупатели, заказчики	5615	6280	665	111,84	21,45	32,00	10,55
2.2. Авансы выданные	323	327	4	101,24	1,23	1,67	0,44
2.3. Прочая	14 214	8671	–5543	139,00	54,29	44,18	–10,11
2.4. Расчеты с дебиторами	1716	459	–1257	26,75	6,55	2,34	–4,21
2.5. Выполненные этапы по незавершенным работам	4313	3887	–426	90,12	16,48	19,81	3,33
3. Общая величина дебиторской задолженности, в том числе:	26181	19624	–6557	74,96	100,00	100,00	–
4. Доля дебиторской задолженности в совокупных оборотных активах, %	76,06	66,37	–9,69	–	–	–	–

Стоит отметить, что приведенные в табл. 1 показатели дебиторской задолженности, взятые из пояснений к бухгалтерской отчетности реальной производственной организации, нуждаются в некоторой конкретизации. Так, п. 2.3. «Прочая» по своей значимости и удельному весу, превышающему не только общепринятый пятипроцентный порог существенности, но составляющий наибольшую долю по сравнению с другими элементами, требует дополнительных пояснений. Запрос дополнительных данных позволил установить, что по этой позиции организация отражает отвлеченные в дебиторскую задолженность средства, перечисленные дочерней организации, то есть по существу, финансирование деятельности других компаний.

Сравнение этой части дебиторской задолженности с показателями кредиторской задолженности по статьям «авансы полученные» и «прочая» показало, что источником «прочей» дебиторской задолженности практически в том же объеме является заемное финансирование, полученной в виде авансов от контрагентов. Такая ситуация говорит о том, что данная организация в определенной степени выполняет функцию финансовой компании, привлекая заемные финансовые ресурсы и направляя их другим организациям. Следует отметить, что это не позволяет дать объективную оценку эффективности профильных активов, непосредственно участвующих в генерировании экономических выгод от обычных видов производственной деятельности.

Оценка качества дебиторской задолженности представляет собой многогранную аналитическую задачу, в периметр показателей которой традиционно включаются индикаторы скорости погашения². Однако, для всестороннего анализа целесообразно использование и других характеристик, представленных ниже.

¹ Бланк И.А. Основы финансового менеджмента Т. 1. – К.: Ника-Центр, 1999. – 592 с.

² Коболева С.В. Дебиторская задолженность: возникновение, анализ и управление / С.В. Кобелева, О.Ю. Кононова // Территория науки. 2015. – № 2. – С. 109–115.

$$\frac{\text{Средний период погашения (инкассирования) дебиторской задолженности}}{\text{Средняя балансовая величина дебиторской задолженности}} \times \text{количество дней в периоде} = \frac{\text{выручка от продаж}}{\text{выручка от продаж}} \quad (1).$$

$$\frac{\text{Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности}}{\text{выручка от продаж}} = \frac{\text{выручка от продаж}}{\text{средняя балансовая величина дебиторской задолженности}} \quad (2).$$

$$\frac{\text{Относительная экономия (перерасход) оборотных средств}}{\text{Средняя балансовая величина оборотных активов за отчетный период}} = \frac{\text{Средняя балансовая величина оборотных активов за отчетный период} - \text{Средняя балансовая величина оборотных активов за базисный период}}{\text{Средняя балансовая величина оборотных активов за отчетный период}} \times \frac{\text{Выручка от продаж за отчетный период}}{\text{Выручка от продаж за базисный период}} \quad (3).$$

В представленных алгоритмах использование средней балансовой величины дебиторской задолженности обусловлено тем, что скорость оборота рассчитывается относительно выручки от продаж, значение которой представляется собой объемный (интервальный) показатель, исчисленный за исследуемый период и отраженный в отчете о финансовых результатах. Источником информации о дебиторской задолженности является бухгалтерский баланс, показатели которого представляют собой так называемый моментный ряд динамики, то есть переходящий остаток на отчетную дату. Отсюда возникает вопрос, какое значение дебиторской задолженности использовать в сочетании с выручкой: на отчетную дату или предыдущую отчетную дату? Использование ни первого, ни второго значения не будет объективным, поэтому для расчета показателей оборачиваемости необходимо рассчитать среднее за период балансовое значение дебиторской задолженности, либо по формуле средней арифметической простой, либо по формуле средней хронологической, если имеются данные промежуточной (ежеквартальной) бухгалтерской отчетности.

Если на определенном этапе анализа исследуется оборачиваемость дебиторской задолженности в сравнении с бюджетными показателями, то в вышеприведенных формулах вместо значений показателей базисного периода следует использовать показатели бюджета продаж и финансового бюджета активов и пассивов.

Следует отметить, что вышеприведенные формулы расчета показателей скорости оборота клиентской дебиторской задолженности следует уточнить и вместо общей величины выручки за исследуемый период использовать только ту часть, которая возникла в результате продажи продукции на условиях отсрочки платежа в соответствии с положениями договоров поставки. Для более детальной диагностики скорости погашения дебиторской задолженности по каждому контрагенту следует конкретизировать алгоритм расчета, используя не общую величину выручки, а величину выручки от продаж по конкретному покупателю и только ту ее часть, которая возникла в результате отгрузки продукции с предоставлением отсрочки платежа. Кроме того, если часть продаж производилась с предварительным поступлением авансового платежа от покупателя, то для расчета оборачиваемости дебиторской задолженности по вышеприведенным формулам величина выручки также должна быть уменьшена на сумму полученной предоплаты.

В табл. 2 приведены показатели скорости оборота дебиторской задолженности, рассчитанные по вышеприведенным формулам.

Таблица 2

Показатели оборачиваемости дебиторской задолженности организации

Показатель	2016 г.	2017 г.	±Δ	Темп роста, %
1. Среднегодовая балансовая величина дебиторской задолженности, млн. руб. – всего	24 205	22 902	-1303	94,62
из нее:				
1.1. Покупатели, заказчики	7092	5948	-1144	83,87
1.2. Авансы выданные	183	325	142	177,60
1.3. Прочая	12 103	11 442	-661	94,54
1.4. Расчеты с дебиторами	1324	1087	-237	82,10
1.5. Выполненные этапы по незавершенным работам	3503	4100	597	117,04
2. Выручка от продаж	25 351	30 942	5591	122,05
3. Средняя продолжительность периода погашения дебиторской задолженности, дней – всего ²	349,45	270,16	-79,29	–
том числе:				
3.1. Покупатели, заказчики	102,39	70,17	-32,22	–
3.2. Авансы выданные	2,64	3,83	1,19	–
3.3. Прочая	174,73	134,97	-39,76	–
3.4. Расчеты с дебиторами	19,12	12,82	-6,30	–
3.5. Выполненные этапы по незавершенным работам	50,57	48,37	-2,20	–

¹ Для расчета данного показателя количество дней в периоде принимают, либо равным количеству календарных дней за соответствующий период (год, квартал, месяц), либо равным 360 дням за год, 90 – за квартал, 30 – за месяц.

² Для расчета данного показателя использована продолжительность календарного года.

4. Количество оборотов дебиторской задолженности, раз – всего	1,047	1,351	0,304	–
5. Относительная экономия (перерасход) средств, отвлеченных в дебиторскую задолженность, млн. руб.	–	–	–6640	–

Расчеты показали, что в 2017 году у организации существенно выросла скорость погашения дебиторской задолженности по сравнению с 2016 годом и составила немногим более 270 дней. Эту ситуацию отражает и динамика коэффициента оборачиваемости, который увеличился с 1,047 до 1,351 раза. Такая скорость оборота характерна для предприятий производственных отраслей, поскольку структура дебиторской задолженности и оборотных активов в целом является достаточно «тяжелой» в силу специфики деятельности, традиционно складывающихся хозяйственных связей между участниками делового оборота, а также особенностями отражения в учете и отчетности дебиторской задолженности и выручки. Следствием роста оборачиваемости явилось получение относительной экономии средств, вложенных в дебиторскую задолженность в 2017 г. по сравнению с 2016 годом, на 6640 млн. руб.

Одним из важных этапов управления клиентской дебиторской задолженностью является оперативная оценка ее качественного состояния, мониторинг которого целесообразно проводить ежедневно, включая в соответствующий расчет показатели задолженности по каждому покупателю. Кроме того, рекомендуется дополнять ежедневный контроль дебиторской задолженности составлением ведомости ее движения с указанием переходящих остатков задолженности по каждому контрагенту, объемов отгрузки продукции (продажи) и поступления денежных средств в погашение задолженности по ранее произведенным поставкам. Предлагаемая форма документа для оперативного мониторинга состояния дебиторской задолженности представлена в табл. 3.

Таблица 3

Ведомость состояния дебиторской задолженности по состоянию на «__»_____ 2019 г.

№№ компаний – дебиторов	Сумма дебиторской задолженности, млн. руб.									
	всего	удельный вес, %	в том числе :		просроченная на количество дней:					
			текущая, срок погашения которой не наступил	просроченная – всего	до 30	31–60	61–90	91–180	180–360	>360
1	53 229	16	50 765	2464	1900	564				
2	43 214	13	35 835	7379	7295			84		
3	38 254	11	12 578	25 676	24 978	698				
4	32 135	10	27 564	4571	4569			2		
5	27 499	8	20 500	6999	5539	1460				
6	23 811	7	18 309	5502	2500	2498		504		
7	22 982	7	14 569	8413	5460	2378	575			
8	16 093	5	2 590	13 503	3290	1 300	8913			
Прочие	75 800	23	43 235	32 565	21 624	3558	4862	2500	20	1
Итого:	333 017	100	225 945	107 072	77 155	12 456	14 350	3090	20	1
В % к общей сумме дебиторской задолженности			67,85	32,15	23,17	3,74	4,31	0,93	0,006	–

Следует отметить, что приведенные данные о состоянии дебиторской задолженности отражают значительные суммы просроченных долгов покупателей, доля которых составила 32,15% от общей суммы дебиторской задолженности на дату проведения оперативного мониторинга. Причем по суммам просроченной дебиторской задолженности, продолжительностью более 90 дней, должны быть начислены соответствующие резервы, сокращающие прибыль компании. Кроме того, данные о просроченных долгах покупателей диктуют необходимость тщательной проверки и выявления причин и ответственных лиц за то, что практически по каждой компании, уже имеющей просроченные долги за ранее реализованную продукцию, продолжалась ее отгрузка. Причиной такой негативной ситуации может быть отсутствие информации у менеджеров отдела продаж о погашении долгов компаниями-покупателями за произведенные ранее поставки. Если оценка качества работы специалистов, осуществляющих продажи, не зависит от своевременной оплаты покупателями дебиторской задолженности, то уровень ее качества, безусловно, будет низким, а риск невозврата средств для компании-поставщика – максимальным.

По нашему мнению, наряду с необходимостью детального и оперативного мониторинга состояния дебиторской задолженности, целесообразно оценивать и агрегированные индикаторы. Для данной цели мы предлагаем такие показатели, как «средний возраст» просроченной дебиторской задолженности и коэффициент монетарного покрытия выручки от продаж. Периодичность таких расчетов устанавливается каждой организацией по своему усмотрению, но рекомендуемое проведение оценки – ежемесячное.

$$\begin{aligned}
 & \text{Средний возраст просроченной дебиторской задолженности (количество дней)} \\
 & = \frac{\text{Средняя величина просроченной дебиторской задолженности за период}}{\text{Средняя величина однодневной выручки от продаж за период}} \quad (4)^1.
 \end{aligned}$$

¹ Бланк И.А. Основы финансового менеджмента Т. 1. – К.: Ника-Центр, 1999. – 592 с.

$$\text{Коэффициент монетарного покрытия выручки от продаж} = \frac{\text{Поступление денежных средств от продажи продукции, товаров, работ и услуг (данные Отчета о движении денежных средств, код строки 4111)}}{\text{Выручка от продаж}} \quad (5).$$

Для исчисления этих показателей необходимы данные управленческого учета, если расчеты производятся ежемесячно, а за более длительный период (квартал, год) достаточно данных бухгалтерской отчетности. На основе значений этих коэффициентов можно оценить реальное состояние и ликвидность дебиторской задолженности, а также установить динамику вероятности безнадежных долгов, поскольку чем «старее задолженность», тем меньше шансов на ее получение, и чем меньше компания-должник, тем риск возникновения просроченной и безнадежной задолженности выше.

Коэффициент монетарного покрытия выручки от продаж агрегировано отражает выполнение условий договоров поставки в части своевременного погашения задолженности покупателей. Величина данного показателя может варьировать в зависимости от реализуемой политики компании-поставщика в отношении продаж. При выборе агрессивной политики, когда целью компании является наращивание клиентского портфеля, значение этого коэффициента может снизиться, поскольку одной из характеристик такой политики является увеличение сроков, предоставляемых покупателям для погашения задолженности по реализуемой продукции, а следовательно, увеличение кассового разрыва и снижение ликвидности дебиторской задолженности. Оптимальным данный показатель будет в том случае, если его значение близко к единице, что вполне возможно при условии, если в отчете о движении денежных средств входящие денежные потоки не содержат косвенные налоги (НДС, акциз).

Коэффициент монетарного покрытия выручки от продаж может быть детализирован для проведения анализа соответствия входящих денежных потоков по текущей деятельности и выручки от продаж с учетом значений показателей по направлениям деятельности, отдельным объектам продаж, отдельным заказчикам и т.п. Такой подход позволит сравнивать состояние дебиторской задолженности, возникающее под воздействием различных факторов с учетом применяемых методов управления продажами и дифференциации договорных условий.

Создание эффективной системы управления дебиторской задолженностью должно основываться на современных методиках оперативного анализа и реалистичного прогнозирования ее состояния. Предложенные методы и организационные подходы для разработки рациональной политики управления дебиторской задолженностью, имеющие практическую направленность и учитывающие специфику производственного бизнеса, позволят создать условия для выполнения требований платежной дисциплины, сокращения сроков ее погашения и обеспечения должного уровня ликвидности оборотных активов.

Плотникова Е.Б.

к.и.н., доцент, зав. кафедрой социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Plotnikova1958@yandex.ru

Маркова Ю.С.

к.соц.н., старший преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

julyamarkova@gmail.com

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ¹

Ключевые слова: модернизационные проекты, промышленное предприятие, муниципальное образование, территория, человеческий потенциал, модернизационные ценности.

Keywords: modernization projects, industrial enterprise, municipality, territory, human potential, modernization values.

В условиях транзитивности и высокого уровня рискогенности российского общества модернизация должна являться ответом на техногенные, социокультурные и цивилизационные вызовы. Угрозы и риски современного мира обуславливают необходимость осуществления модернизационной стратегии устойчивого развития российского общества, охватывающей сложную территориальную систему расселения. В силу того, что муниципальные образования являются каркасом системы расселения развитого государства, результаты национальных проектов развития, как это отмечено в послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ, «должны быть видны в каждом субъекте Федерации, в каждом муниципалитете»². Поэтому при определении целей модернизационных проектов важен учет политических, экономических, социокультурных особенностей поселений, опыта их исторического прошлого, что позволит снизить специфические риски в конкретных территориях, благотворно скажется на развитии местных сообществ, их человеческого потенциала.

На современном этапе развития научного знания сформировано несколько подходов к определению модернизации. Классической является интерпретация модернизации как перехода от одной, традиционной, формы существования общества к другой, современной. В этом аспекте целью модернизационных преобразований является ликвидация отсталости общества, его переход на качественно новый уровень. Проектный подход является одним из современных теоретических направлений в исследовании модернизации. В русле данного подхода модернизационный процесс описан рядом современных авторов, таких как В.А. Ядов, Т.И. Заславская, М.К. Горшков, П. Штомпка, О.Н. Яницкий³. Модернизация трактуется здесь как системный управляемый процесс политических, технико-технологических, экономических и социокультурных изменений, нацеленный на повышение качества жизни населения и обеспечение устойчивого общественного развития. Проектный подход заложен в российской государственной политике, определяющей модернизацию в качестве магистрального пути и основного способа развития государства и общества, содействующего обогащению человеческого потенциала и сохранению конкурентоспособности российской экономики на международной арене. Ключевым механизмом реализации модернизационного проекта являются инновации, сущность которых состоит во внедрении качественно нового – новых форм социальной деятельности, институтов, практик, обеспечивающих улучшение условий жизнедеятельности общества и составляющих его общностей. Наравне с инновациями, значимым критерием развития общества является наличие в нём социальных акторов модернизации (действующих лиц, понимающих необходимость модернизационных реформ и настойчиво проводящих их в жизнь)⁴. Как показано в работах С. Коннор и С. Ибрагим, уровень территориального развития в значительной степени опреде-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Модернизационная роль промышленных предприятий в преодолении социокультурных рисков территорий (на примере муниципальных образований Пермского края)», № 19-011-00369.

² Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2019 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

³ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 6 (30). – С. 119–126; Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. – М., 2010. – № 3. – С. 46–56; Яницкий О. Н. Модернизация, концепция реформ и социальные реалии // Россия реформирующаяся: ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т социологии; отв. ред. М. К. Горшков. – М.: Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. – С. 124–139; Горшков М.К., Тихонова Е.Н. Готово ли российское общество к модернизации? // Общество и экономика. – М., 2010. – № 5. – С. 105–172; Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. – № 4. – С. 8–22.

⁴ Заславская Т.И. Модернизация–общество–бизнес // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 3. – С. 13–25.

ляется характером взаимодействия социальных структур и социальных акторов, а также качеством человеческого потенциала¹.

Одним из ключевых социальных акторов модернизации является современное промышленное предприятие. С одной стороны, производственная деятельность неразрывно связана с разработкой и внедрением технических и технологических инноваций, с другой – на современном этапе развития общества деятельность предприятий не ограничивается только производством, поскольку получают все большее развитие практики корпоративной социальной ответственности и социальной политики, направленной на развитие территорий, создание комфортной социальной среды.

Одной из форм реализации социальной политики являются модернизационные социокультурные проекты промышленных предприятий. Данные проекты, нацеленные на решение социальных проблем муниципальных образований, влияют на социокультурный потенциал, поскольку способствуют развитию инициативности и субъектности жителей территории, формируют модернизационные ценности и установки, повышают самосознание и актуализируют чувство ответственности за судьбу малой Родины. Отсюда, с одной стороны, их можно назвать ресурсом развития человеческого потенциала территорий, с другой, социальные проекты промышленных предприятий являются способом социокультурной модернизации территориальных общностей.

В рамках исследования была предпринята попытка выявить модернизационную роль социальных проектов промышленных предприятий в муниципальных образованиях на примере ООО «Лукойл-Пермь». Анализ данного взаимодействия особенно актуален, так как Пермский край – регион, богатый природными ресурсами, преобладающей сферой деятельности которого является промышленное производство: нефтяная, химическая, нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия и др. Именно промышленный сектор Пермского края является катализатором социально-экономического развития региона. ООО «Лукойл-Пермь» — одно из крупнейших предприятий сегмента «геологоразведка, добыча нефти и газа», является дочерней структурой ПАО «Лукойл» и ведущей добывающей компанией в Прикамье. Организация работает в 26 административных районах Прикамья. Несмотря на статус крупнейшего налогоплательщика в Пермском крае, ООО «Лукойл-Пермь» *«берет ответственность за ту территорию, на которой осуществляет свою производственную деятельность»* (из интервью с экспертом ООО «Лукойл-Пермь»).

Формой социальной деятельности, реализуемой ООО «Лукойл-Пермь» является политика социальной ответственности и корпоративного гражданства, в рамках которой компания первой в России *«перешла на распределение благотворительности через проектную деятельность»* (из интервью с экспертом ООО «Лукойл-Пермь»). Являясь родоначальником внедрения проектов социальной политики в муниципальных образованиях региона, ООО «Лукойл-Пермь» осуществляет реализацию социальных проектов, которые объединяются в следующие четыре типа: 1) социальное инвестирование; 2) конкурсы грантов социальных и культурных проектов; 3) благотворительные акции; 4) традиционная благотворительность. Из представленных типов социальных проектов к модернизационным относятся: социальное инвестирование и конкурсы социальных и культурных проектов, финансируемые из грантовых средств компании. Это обусловлено тем, что оба типа проектов имеют социокультурные модернизационные последствия в виде изменения сознания и поведения жителей конкретных территорий в плане формирования модернизационных ценностей и соответствующих им моделей поведения. Роль указанных видов модернизационных проектов в развитии человеческого потенциала территории исследована путем анализа их основных компонент в рамках экспертного опроса, который был проведен в четырех муниципальных образованиях Пермского края: Ильинском, Чернушинском, Добрянском и Пермском муниципальных районах. В целом было проведено 20 экспертных интервью, в каждой из территорий было опрошено по 5 экспертов. В качестве экспертов выступили представители органов местного самоуправления, общественных организаций, работники ООО «Лукойл-Пермь».

Социальное инвестирование как форма социальной ответственности предприятия представляет собой финансирование крупных проектов, связанных с развитием инфраструктуры муниципальных образований, благоустройством территории. Данное направление социальных проектов реализуется предприятием на территориях края в рамках соглашения ООО «Лукойл-Пермь» и правительства Пермского края, *«основное соглашение подписывает президент компании и губернатор»*. Модель отношений акторов преобразований при социальном инвестировании представляет собой двустороннее взаимодействие: представители органов местного самоуправления агрегируют социальные проблемы муниципального образования, после чего контактируют с представителями предприятия, рассказывают о проблемах, которые необходимо решить, обсуждают проект, на который впоследствии предприятие инвестирует материальные средства.

«Инвестиционные проекты» – это, как правило, проекты, реализация которых не предусмотрена бюджетом муниципального образования:

«...они существуют... для поддержки территории в принципе. Потому что мы в своих бюджетах ограничены. Территории дотационные, и Лукойл, таким образом, где работает, там поддерживает территорию» (из интервью, Ильинский район);

«Эти деньги идут на: создание ФАПов, детских домов культуры, ремонт домов культуры, больницы, школ, строительство газопроводов, водопроводов» (из интервью, с экспертом ООО «Лукойл-Пермь»).

Результатом реализации подобных проектов является преобразование территории – для муниципальных образований, как правило, эти изменения являются модернизационными, так как связаны не только с появлением новых

¹ Connor S. Structure and agency: A debate for community development? // Community Development Journal. 2011. – Vol. 46. – P. 97–110; Ibrahim S. How to Build Collective Capabilities: The 3C-Model for Grassroots-Led Development // Journal of Human Development and Capabilities. 2017. – Vol. 18. – P. 197–222.

объектов инфраструктуры, но и обеспечивают доступ населению к новым возможностям реализации и развития их человеческого потенциала¹. Например, возведенные новые дома культуры открывают жителям муниципальных образований доступ к услугам в сфере дополнительного образования и культуры, возможность проведения досуга путем занятий творческой деятельностью: *«на сегодняшний день, хореография, цирк, художественная гимнастика, пение, хоровое пение, вокал – в принципе всё охвачено, что у нас, что в соседнем Доме культуры. Коллективы действительно маститые...»* (интервью, Пермский район). Эксперты муниципальных образований, оценивая инвестиционные проекты в сфере культуры, подчеркивали, что *«значение огромное на самом деле...культура у нас на Руси – душа нашего общества. Всегда, работали – пели песни, отдыхали – пели песни, танцевали, обряды какие-то делали – это было всегда. И, естественно, у нас это заложено на геном, наверное, уровне...вот нет ее, такое ощущение, что затухает все»; «Не будь культуры, исчезла бы душа с территории»* (интервью, Пермский район).

Социокультурные модернизационные проекты промышленных предприятий, направленные на строительство объектов инфраструктуры и благоустройство территории, приводят к новым событийным форматам жителей муниципального образования. Подобные проекты – факт появления «нового» для жителей муниципального образования, меняют их привычный образ жизни. Повышается уровень качества жизни, уровень развития образования и культуры, что влияет на создание инновационной экономики, провозглашённой приоритетом государственной политики РФ². Кроме того, благодаря таким проектам происходит образование новых социальных отношений и связей, социальных практик местных жителей: *«возможность быстрее собрать народ, активизировать на что-то... помощь от жителей есть, в процессах никто не отказывает»* (интервью, Пермский район).

Грантовый конкурс социальных и культурных проектов направлен на развитие управленческой активности населения. *«Мы не просто выдаем деньги, а делаем людей соучастниками социального процесса, который происходит в Пермском крае»* (из интервью с экспертом ООО «Лукойл-Пермь»). Данный конкурс реализуется с целью включения жителей муниципального образования в деятельность, направленную на преобразование территории. Подобно социальному инвестированию, результатом проектов являются новые объекты инфраструктуры в муниципальных образованиях. Помимо явного эффекта свершившегося преобразования местности, самостоятельное инициирование проекта исходит от *«инициативных людей, которые сами со своими идеями, без помощи кого-либо, без каких-либо бюджетных средств, смогли реализовать через различные конкурсы»* (из интервью, Добрянка). Участие в конкурсе и его реализация формирует новую общность населения: активных, инициативных, способствует развитию у жителей муниципальных образований такой модернизационной ценности как «инициативность». По мнению Т.И. Заславской, именно инициативность, установка на достижение цели является *«катализатором модернизационных процессов»*³. Возможность участия жителей муниципальных образований в развитии территории путем реализации социальных проектов при поддержке грантового конкурса промышленного предприятия влияет на формирование инициатирующей поведенческой модели⁴. Экспертами отмечено, что подобные инициативы в некоторых случаях переходят на новый уровень развития – становятся новым видом систематической деятельности в территории, формируют её бренд:

«Из проектов «вырастают» бренды, например: «Уинский мед», «Октябрьская баранка», «Небесная ярмарка», благодаря которым создаются новые рабочие места, меняется к лучшему социальная и культурная ситуация, развивается инфраструктура, здравоохранение и т.д.» (из интервью с представителем ООО «Лукойл-Пермь»).

Социальная активность жителей в качестве акторов модернизационных проектов грантового конкурса осуществляется через модель трёхстороннего взаимодействия. Представители промышленного предприятия перед началом грантового конкурса составляют список приоритетных направлений развития территории, осуществляют взаимодействие с сотрудниками администраций муниципалитетов, участниками конкурсов непосредственно в территориях: проводят обучающие семинары по оформлению заявок, и организуют информационную поддержку на консультационных встречах с жителями. Сотрудники органов местного самоуправления исполняют роль координатора, в процессе взаимодействия отслеживают информацию о начале приёма заявок на грантовый конкурс, после чего сообщают информацию местным объединениям, сообществам. *«Обычные жители»* муниципального образования формируют идею проекта, оформляют её, обращаясь за помощью к представителям местного самоуправления, которые оказывают экспертную поддержку участникам: проводят консультации в написании грантовых заявок, составляют письма поддержки проектов:

«мы всегда проводим семинары по Лукойлу, как только конкурс объявляется, положение всегда у нас, и ребята знают к кому обратиться...могут принести заявки нам, после этого у нас глава района осматривает вместе с нами заявки ... глава района уже смотрит на интерес для территорий, и, конечно же, он ориентируется на стратегию социального развития именно территории: что для нас важно, что для нас актуально. И мы пишем письма поддержки от главы района» (из интервью, Пермский район).

В некоторых муниципальных образованиях созданы специальные центры дополнительного профессионального образования, например, Информационно-методический центр, *«в рамках которого проводим обучающий семинар,*

¹ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. – № 6 (30). – С. 119.

² Матулис С.Н. Человеческий потенциал как ресурс модернизации // Вестник РУДН. Серия: Политология. – М., 2013. – № 1. – С. 130.

³ Заславская Т.И. Модернизация–общество–бизнес // Общественные науки и современность. – М., 2011. – № 3. – С. 16

⁴ Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. Модернизационные проекты: модели поведения акторов в современном российском обществе // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Пермь: ПГНИУ, 2018. – С. 40–44.

цель – рассказать какие-то нюансы, показать, как пишется проект, как сформулировать правильно цели, задачи, проблему описать. Вот таким образом работаем. Очень много обращаются для индивидуальных консультаций, звонят. То есть либо по телефону консультируем, либо они приходят в Информационно-методический центр, и мы с ними прорабатываем» (из интервью, Добрянка).

Модернизационные проекты промышленного предприятия оказывают положительное влияние на все основные компоненты человеческого потенциала территорий. Предприятие благодаря данным типам проектов оказывает непосредственное влияние на позитивные изменения человеческого потенциала территорий: в рамках проектной деятельности жители получают навыки по написанию проектов, развивают инновативность, проявляют инновационное поведение в развитии своего потенциала и потенциала территории, на которой проживают. Через традиционные формы реконструкции объектов инфраструктуры территорий: строительство домов культуры, спортивных площадок, возведения памятников истории у населения территорий формируется национальное самосознание, чувство патриотизма в противовес экстремистским настроениям. Проектная деятельность предприятия оказывает противодействие терроризму, влияет на формирование идентичности жителей с территорией проживания.

Гражданская инициативность реализуется путем актуализации участия жителей в жизнедеятельности муниципального образования и их включения в процесс принятия управленческих решений по урегулированию проблем местного сообщества. Социальная ответственность формируется через развитие и углубление социальных связей, укрепление доверия, солидарности, соседства и взаимопомощи между представителями поселенческой общности. Культурная компонента дополняется формированием модернизационных ценностей, патриотических установок и толерантности к представителям разных культур и религий. Образовательный уровень жителей территорий повышается за счет обогащения знаний, умений и навыков о способах и механизмах самостоятельного и инициативного решения актуальных для поселения вопросов, формирования творческого и созидательного начал у жителей. Позитивные изменения в профессионально-трудовом статусе проявляются в возможности карьерного роста и наращивании профессионального мастерства.

Указанные особенности позволяют заключить, что модернизационная роль социальных проектов промышленных предприятий в развитии человеческого потенциала жителей находит выражение в формировании у них активных, творческих, инициативных стратегий контроля и управления социокультурной средой поселенческой общности (взамен пассивных и патерналистских). Реализация модернизационных проектов предприятия отражает высокий практический потенциал подобных механизмов социокультурной модернизации в рамках локальных сообществ и творческих групп. Данный опыт показывает, что наравне с макро-субъектами модернизационных преобразований должно быть усилено внимание по отношению к микро-уровню, малым социальным группам и сообществам. В связи с этим должна продолжаться разработка соответствующих институциональных механизмов (коммуникативных, организационных, правовых и т.п.), позволяющих этим группам активнее включаться в модернизацию российского общества.

Понуждаев Э.А.,
Понуждаева М.Э.¹

FORDMOTOR VS АВТОВАЗ: ДИАЛОГ С ИСТОРИЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ («СПОНТАННЫЕ» РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА)

Ключевые слова: капитализация российских публичных компаний, автомобильная индустрия, конкурентоспособность, научно-технический прогресс, производительность труда, сокращение производства, увольнение персонала.

Keywords: capitalization of Russian public companies, automotive industry, competitiveness, scientific and technical progress, labor productivity, layoff, dismissal of personnel.

В начале 2019 года в лентах информагентств сообщалось о двух симптоматичных изменениях в российской автоиндустрии, о двух её неудачниках: в ежегодный рейтинг от РИА Новости «ТОП-100 крупнейших по капитализации компаний России – Рейтинг 2019»² не попал отечественный флагман ПАО «АВТОВАЗ», а компания Ford Motor объявила о решении закрыть предприятия в Набережных Челнах и Всеволожске (по программе реорганизации убыточного бизнеса в Европе), сохранив только производство лёгких коммерческих автомобилей (Ford Transit) на предприятии в Елабуге³.

Разобраться в причинах этих (впрочем, как и любых иных значительных и резонансных для корпораций и общества) событий, нам поможет история. Из летописи предприятия в Тольятти, представленной в рубрике «50 лет истории» на сайте <https://www.lada.ru/>, можно почерпнуть важные сведения. Например, сопоставляя данные о том, что пилотные ВАЗ-2101 сошли с главного конвейера 19 апреля 1970 года, а 9 июля 1975 года был выпущен 2-миллионный автомобиль (модель ВАЗ-21011), приходим к выводу: в течение первых 5 лет завод ежегодно выпускал в среднем по 400 тысяч авто.

Текущие объёмы производства и реализации продукции Группы АВТОВАЗ не намного выше; общее количество произведённых автомобилей, машинокомплектов и разобранных серий (сборочные комплекты) в 2016 году составило 408,3 тыс. единиц, а в 2017 году – 485,4 тыс. единиц⁴. К тому же, несмотря на внушительный прирост выпуска продукции (77 тысяч, или почти 19% год к году) в целом финансовое положение автогиганта на протяжении ряда последних лет остаётся сложным. Это становится очевидным из обращения Председателя совета директоров ПАО «АВТОВАЗ» Бориса Скворцова, которым открывается Годовой отчёт за 2017 год: «Благодаря эффективной работе менеджмента, получившей полную поддержку и признание со стороны совета директоров и основных акционеров – Renault и Государственной корпорации «Ростех», в 2017 году достигнута положительная операционная прибыль в объёме 1,6 млрд руб. при сохранении стабильной социальной обстановки на заводах и продолжении конструктивного взаимодействия с поставщиками.

Основные акционеры продолжают содействовать рекапитализации Общества в объёме 85 млрд руб., внедрению лучших практик в производство, технологии и управление, улучшению взаимоотношений с банками, одновременно укрепляя связи с российскими поставщиками. В результате комплекса мер АВТОВАЗ начал сокращать долговую нагрузку, выплатив в 2017 году 12,6 млрд руб. банкам, что, безусловно, является важной вехой для всех нас»⁵.

В похожем, сдержанно-оптимистичном ключе выстроено и обращение француза Николя Мора, Президента и Заместителя председателя совета директоров⁶, в том же документе: «Итоги 2017 года подтвердили успех мероприятий

¹ Понуждаев Эдуард Александрович – д. филос. н., заведующий кафедрой менеджмента Института международных экономических связей, Москва.

Понуждаева Маргарита Эдуардовна – магистр, главный специалист службы международных бизнес-проектов и сотрудничества АО «СИБЕР» – холдинговой компании Госкорпорации «Ростех», Москва.

² Самые дорогие публичные компании России – Рейтинг 2019 // РИА Рейтинг. 2019. – 29 января. – http://riarating.ru/corporate_sector/20190129/630115948.html

³ Ford закрывает заводы в России. С чем не справился американский автоконцерн? // ТАСС. 2019. – 28 марта. – <https://tass.ru/ekonomika/6268897>; Ананьев И. Ford уходит: вся история великой марки в России // РБК (Autonews). 2019. – 27 марта. – <https://www.autonews.ru/news/5c9b3e229a79471fe26b58fb#2>; Гронский Я. Volkswagen и Ford договорились о совместной разработке пикапов и фургонов // РБК. Autonews. 2019. – 15 января. – <https://www.autonews.ru/news/5c3df9d39a794722d34bd03b>

⁴ Годовой отчёт ПАО «АВТОВАЗ» 2017. – Тольятти, 2018. – С. 4, 6–7, 46–47, 48–49. – http://info.avtovaz.ru/pages/section_61/186.html

⁵ Годовой отчёт ПАО «АВТОВАЗ» 2017. – Тольятти, 2018. – С. 4, 6–7, 46–47, 48–49. – http://info.avtovaz.ru/pages/section_61/186.html; Официальный сайт ПАО «АВТОВАЗ». – http://info.avtovaz.ru/pages/section_61/186.html

⁶ Его предшественником был шведский топ-менеджер Бу Инге Андерсон, который в 2009–2014 гг. занимал должность Президента «Группы ГАЗ». С апреля 2016 года он возглавляет Vo Group Enterprises. См.: https://opencorporates.com/companies/us_fl/P09000101474

по финансовому оздоровлению Общества. Российский автомобильный рынок продемонстрировал 12% рост. Это в большой степени было обусловлено мерами государственной поддержки отрасли, улучшившейся макроэкономической ситуацией и более стабильным курсом валют...

Относительно финансового состояния Общества, мы находимся в значительно более здоровой ситуации, чем в последние несколько лет. По итогам деятельности в 2017 году консолидированная выручка выросла на 22% до 225,6 млрд. руб., и мы достигли положительной операционной маржи 1,6 млрд. руб.. Более того, мы обеспечили положительный свободный денежный поток и погасили 12,6 млрд. руб. из долгового портфеля. Улучшение финансовых результатов обусловлено не только позитивной ситуацией на автомобильном рынке и благоприятным валютным курсом, но и высокой эффективностью в коммерческой и производственной деятельности. Как следствие, мы выполнили задачу по выходу на положительный операционный результат в более ранние сроки, чем это было запланировано в среднесрочном плане развития Общества.

Однако процесс оздоровления не закончен, и 2018 год будет ещё одним годом-вызовом для Общества. Мы приложим все усилия для обеспечения положительной маржи и сфокусируемся на улучшении чистого результата, который все ещё находится под большим влиянием долговой нагрузки. Перед нами стоят значительные риски. Это ... неопределённость перспектив роста российского автомобильного рынка, колебания курсов валют и рост цен на сырьё¹.

Неоднократное упоминание топ-менеджерами о рекапитализации и финансовом оздоровлении при сохранении «большого влияния долговой нагрузки» является сигналом для всех заинтересованных лиц – от акционеров и кредиторов до правительственных чиновников – быть бдительными и пристально следить за основными показателями производственно-сбытовой деятельности ПАО, которые всё ещё весьма далеки от «нормальных», уже не говоря об «оптимальных».

Первой категории (банкарам и акционерам) это необходимо, чтобы вместо возврата займов и дивидендов из-за хронических убытков вкпе с высокой волатильностью стоимости ценных бумаг не остаться с носом, второй (профильным госструктурам) – поскольку банкротство организации столь высокого уровня нанесёт огромный ущерб деловой репутации страны, равно как и многолетняя «подпитка» казёнными деньгами во имя её спасения-оживления, не сулящая особых перемен в перспективе из-за совокупности факторов – высокой конкуренции в отрасли, низкой производительности труда и снижения мотивации у значительной части персонала. У нынешнего АВТОВАЗА налицо тот же замкнутый круг, или цугцванг, что и у недавно обанкротившейся авиакомпании «Трансаэро» (суммарный долг перед кредиторами – 250 млрд. руб.) и находящейся в «предсмертном» состоянии четвёртой по суммарному рейтингу (после Аэрофлота, S7, Уральских авиалиний) «Ютэйр» (долг более 60 млрд. руб.): поднимать цены на продукцию (услуги) нельзя, ибо это наверняка оттолкнёт часть дилеров и конечных потребителей; если же не поднимать, то в условиях высокой инфляции вариантов-перспектив немного – умножать долги либо изыскивать резервы, в том числе сокращать персонал. Основные показатели деятельности ПАО «АВТОВАЗ» на основании официальной отчётности по стандартам РСБУ приведены в табл. 1.

Таблица 1 (а, б, в)

Основные показатели деятельности ПАО «АВТОВАЗ» на основании официальной отчётности по стандартам РСБУ²

Показатели	Ед. изм.	2016	2017	Отклонение
Выручка	млн. руб.	189 974	233 826	43 852
Валовая прибыль (убыток)	млн. руб.	(4904)	13 041	17 945
Рентабельность по валовой прибыли	%	-2,58	5,58	8,16
Прибыль (убыток) от продаж	млн. руб.	(17 726)	(1176)	16 550
Рентабельность по прибыли (убытку) от продаж	%	-9,33	-0,50	8,83
Чистая прибыль (убыток)	млн. руб.	(35 467)	(12 384)	23 083
Рентабельность по чистой прибыли	%	-18,67	-5,30	13,37

Показатели	Ед. изм.	По состоянию на		
		31.12.2017	31.12.2016	31.12.2015
Внеоборотные активы	млн. руб.	92 918	106 141	121 060
Оборотные активы	млн. руб.	51 263	55 807	40 073
Капитал и резервы	млн. руб.	(65 019)	(52 635)	(43 309)
Долгосрочные обязательства	млн. руб.	95 760	96 860	91 755
Краткосрочные обязательства	млн. руб.	113 440	117 723	112 687

Показатели	Ед. изм.	По состоянию на		
		31.12.2017*	31.12.2016	31.12.2015
Уставный капитал	млн. руб.	25 944	11 421	11 421
Чистые активы	млн. руб.	(64 244)	(51 370)	(43 116)

* Стоимость чистых активов Общества имеет величину ниже установленного минимального размера уставного капитала. Снижение чистых активов Общества в 2017 году произошло в результате получения чистого убытка по результатам деятельности в 2017 году.

¹ Годовой отчёт ПАО «АВТОВАЗ» 2017. – Тольятти, 2018. – С. 4, 6–7, 46–47, 48–49. – http://info.avtovaz.ru/pages/section_61/186.html

² Там же.

Немного информации о трудовом коллективе российского автогиганта. Из анализа годовых отчетов за 2013–2017 гг. следует, что количество работников неуклонно снижается. Динамика среднесписочной численности персонала Группы АВТОВАЗ, включая ПАО «АВТОВАЗ» показана в табл. 2.

Таблица 2

Динамика среднесписочной численности персонала Группы АВТОВАЗ, включая ПАО «АВТОВАЗ»¹

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Группа АВТОВАЗ				53 936	48 266
ПАО «АВТОВАЗ»	66 728	58 023	50 046	42 725	37 644

При углублении в историю ещё на 5 лет, мы узнаем немало интересного. Например, что в предкризисно-кризисном 2008 году в ОАО «АВТОВАЗ» трудилось более 104 тыс. человек, причём 13 тысяч из которых 69% – молодёжь в возрасте до 30 лет, были приняты на работу. Трудовые усилия за пределами по нынешним меркам коллектива вылились тогда в рекордное, начиная с 2004 года, количество автомобилей – 801 563 (без учёта машинокомплектов)².

Располагая данными о среднесписочной численности персонала и объёмах производства/реализации, не будет лишним соотнести их. Результаты нехитрой операции покажут, что в расчёте на 1 работника в 2008 году было произведено 7,7 ед. продукции (с учётом машинокомплектов – 8,5), а в 2017 году – 11,8 ед. (с учётом машинокомплектов – 12,9). При этом, особо подчеркнём, наблюдаемую положительную динамику не стоит переоценивать: показатели у конкурентов АВТОВАЗА в России несравнимо выше. Например, на заводе «Фольксваген» в Калуге³ – более 30 ед.⁴, а у «Хёндэ» в Санкт-Петербурге⁵ – более 100 ед. По итогам 2018 года завод «Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус» выпустил 246 500 автомобилей, установив абсолютный рекорд производительности за всю историю предприятия⁶. И это при численности персонала чуть более 2 тыс. Примерно столько же работников трудилось на площадке СП Ford Sollers во Всеволожске (Ленинградская область), где в период с 2002 по 2018 гг. было произведено не менее 50% из в общей сложности 1 млн. автомобилей марки Ford (рис. 1).

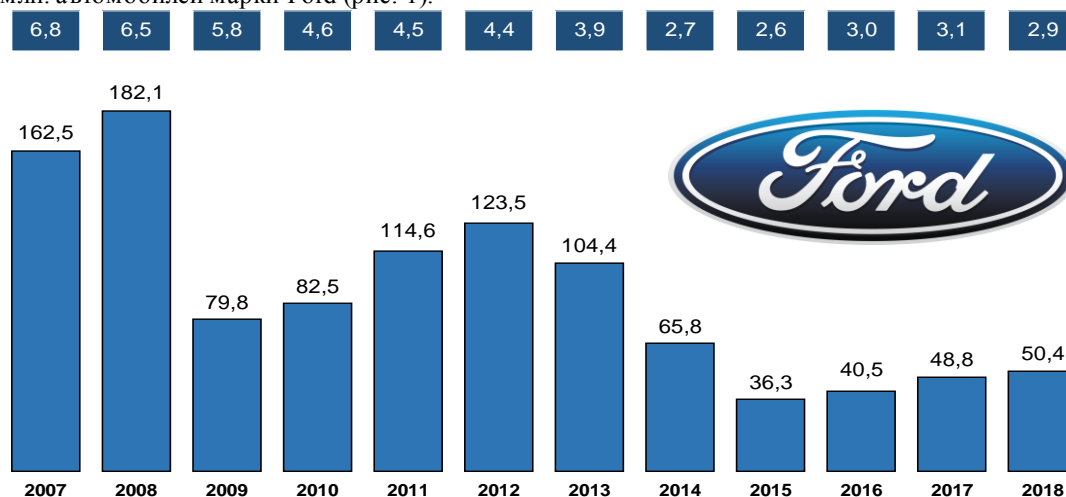

Рисунок 1.

Объём и доля рынка новых автомобилей марки Ford в России, за период 2007–2018 гг.⁷

¹ Официальный сайт ПАО «АВТОВАЗ». – http://info.avtovaz.ru/pages/section_61/186.html

² Годовой отчёт ОАО «АВТОВАЗ» за 2008 год. – Тольятти, 2009. – С. 4, 24.

³ ООО «ФОЛЬКСВАГЕН Груп Рус» объединяет на российском рынке работу семи марок концерна: Volkswagen – легковые автомобили, Audi, ŠKODA, Bentley, Lamborghini, Ducati и Volkswagen Коммерческие автомобили. На производственных мощностях компании (в Калуге и Нижнем Новгороде) в 2018 году было произведено 200 000 автомобилей, соответственно: 143 500 и 56 500. По итогам 2018 года объём продаж Volkswagen Group Rus на российском рынке составил 211 800 ед., а доля рынка достигла 11,8%. Объём продаж всех брендов Volkswagen Group в России составил 229 800 ед. (включая результаты продаж марок Porsche, MAN и Scania). Экспорт автомобилей в Европу и страны СНГ составил 20 000 автомобилей. Объём производства двигателей составил 161 000 ед., 44 000 из которых были экспортированы на производственные площадки в Испании и Чехии. // Официальный сайт ФОЛЬКСВАГЕН Груп Рус. – <https://vwgroup.ru/company/>

Добавим, что по официальным данным из отчёта VolkswagenAG за 2018 год, покупателям по всему миру было передано 10 834 000 автомобилей (для сравнения: 2017 – 10 741 500, 2016 – 10 297 000, 2015 – 9 930 600, 2014 – 10 137 000, 2013 – 9 731 000). – VolkswagenAktienGesellschaft. Full speed ahead to the future (Annual Report 2018). – <https://www.volkswagenag.com/en.html#> См. также: <https://vwgroup.ru/company/group/>

⁴ В Калуге рабочие на заводе Volkswagen начали итальянскую забастовку // РИА Новости. 2018. – 6 августа. – <https://ria.ru/20180806/1526044411.html>; Рабочие калужского «Фольксвагена» прекратили итальянскую забастовку // Ведомости. 2018. – 10 августа. – <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2018/08/10/777874-kaluzhskogo>

⁵ «Хёндэ Мотор Мануфактуринг Рус» (Hyundai Motor Manufacturing Rus) – российский завод компании Hyundai Motor. ХММР – предприятие с полным производственным циклом. Совокупные инвестиции в его строительство и развитие составили более 1 млрд. долл. Производственная мощность – 200 000 автомобилей в год. Численность персонала около 2200 чел. Завод оснащён высокотехнологичным оборудованием (230 промышленных роботов), обеспечивающим высокий уровень автоматизации производственных процессов, и работает в три смены. Источник: Официальный сайт ООО «Хёндэ Мотор СНГ». – <https://www.hyundai.ru/ХММР>

⁶ Официальный сайт ООО «Хёндэ Мотор СНГ». Новости компании. 2018. – 28 декабря. – <https://www.hyundai.ru/ХММР>

⁷ Ford в России: история в цифрах и фактах // АВТОСТАТ. 2019. – 27 марта. – <https://www.autostat.ru/infographics/38539/>

Начиная с 2014 года, численность персонала на трёх заводах в Ленобласти и Татарстане (Елабуга, Набережные Челны) была сокращена с 5 до 3,6 тыс. чел. По мере улучшения ситуации на российском рынке и роста спроса на весь модельный ряд Ford Sollers (Focus, Mondeo во Всеволожске, Explorer, Kuga и Transit в Елабуге, Fiesta, EcoSport в Набережных Челнах) в 2017 году предполагалось 20% увеличение численности персонала, но план не был реализован¹.

Называя вещи своими именами, компания Ford не выдержала конкуренции на российском рынке. (При суммарной мощности трёх предприятий 350 тыс. авто в год их загрузка в 2018 году составила лишь 15%, что и явилось главной причиной реструктуризации бизнеса компании в России.) Тем не менее, не будем «хоронить» бренд, по-прежнему занимающий одно из ведущих мест в мировой таблице о рангах. Мы не удивимся, если в скором будущем компания снова заявит о себе в России во всю мощь. Подобное случалось трижды – в 1908, 1929, 1996 гг.,² а потому было бы странным и неэтичным (учитывая наши собственные «достижения») в угоду конъюнктуре давать оценку текущей стратегии развития детища Генри Форда или критиковать его потомков, нынешних топ-менеджеров, и сторонников фордизма³.

В качестве промежуточного итога зафиксируем несколько соображений. Во-первых, некоторое ослабление экспансии «американца» в России само по себе не улучшит производственно-финансовые показатели Группы АВТОВАЗ. Во-вторых, вместо лицемерно-патологического желания увидеть сучок в чужом глазу, не замечая бревна в собственном⁴, куда более эффективным средством для всех нас является самоанализ. В-третьих, обратим внимание на богатый опыт конкурентов и постараемся извлечь кое-что полезное, чтобы не плестись в хвосте мирового автопрома.

Последнее особенно актуально. Взять того же легендарного Форда. Сколь и сегодня поучителен эпизод из его биографии, вошедший в книгу «Моя жизнь, мои достижения»: «Данный операционный год доказал мне безусловно, что наступило время ввести новую деловую практику. Наши агенты до того, как я оповестил о новой тактике, сделали из нашего крупного оборота такой вывод, что сбыт мог бы ещё увеличиться, если бы у нас было больше моделей. Странно, что как только какой-нибудь предмет войдёт в широкое употребление, сразу выплывает откуда-то мнение, что он продавался бы ещё лучше, если бы сделать несколько иначе. Преобладает известная склонность производить эксперименты с разными стилями и типами и портить хорошую вещь переделками. Агенты настаивали на своём мнении – увеличить выбор. Они прислушивались к 5% случайных покупателей, высказывавших свои особенные пожелания, и не обращали внимания на 95%, которые покупали без всяких затей...

И вот, в одно прекрасное утро 1909 г., я объявил, без всякого предварительного извещения, что в будущем мы будем выпускать лишь одну ещё модель, именно «Модель Т», и что все машины будут иметь одинаковое шасси. Я заявил: «Каждый покупатель может окрашивать свой автомобиль по желанию, если автомобиль чёрный» («Any customer can have a car painted any colour that he wants so long as it is black»).

Я не могу утверждать, чтобы я встретил одобрение с какой-нибудь стороны. Продавцы ... полагали, что наша производительность была до сих пор достаточно хороша, и среди них царил твёрдое убеждение, что понижение цен также уменьшит оборот, так как покупатели, ищущие хороших качеств работы, будут этим испуганы. В то время царил ещё очень смутное представление об автомобильной промышленности. Автомобиль считался, как и раньше, предметом роскоши... Возражения продавцов были не лишены основания, особенно, когда я выступил со следующим объявлением: «Я намерен построить автомобиль для широкого употребления. Он будет достаточно велик, чтобы в нем поместилась целая семья, но и достаточно мал, чтобы один человек мог управлять им. Он будет сделан из наилучшего материала, построен первоклассными рабочими силами и сконструирован по самым простым методам, какие только возможны в современной технике. Несмотря на это, цена будет такая низкая, что всякий человек, получающий приличное содержание, сможет приобрести себе автомобиль, чтобы наслаждаться со своей семьёй отдыхом на вольном, чистом воздухе».

Это объявление было прочитано многими не без удовлетворения. Но, в общем, оно было истолковано так: «Если Форд делает это, через шесть месяцев ему крышка». Думали, что хороший автомобиль нельзя изготовить за низкую цену – да и вообще было бы нецелесообразно строить дешёвые автомобили, так как последние покупались только богатыми людьми⁵.

Гениальная по точности и национальная по масштабу идея, сфокусированная на среднем классе, а также впечатляющий по эффективности проект не требуют комментария, достаточно лишь заметить, что на протяжении столетия модель Ford T⁶ входила в мировую «десятку» самых массовых автомобилей⁷. Ещё одним показательным фактом

¹ Комарова В. Ford Sollers увеличит число сотрудников более чем на 20% // РБК. 2019. – 13 сентября. – <https://www.rbc.ru/business/13/09/2017/59b9178a9a79471c80aff8b5>

² Предприятие во Всеволожске, заработавшее в июле 2002 года, стало первым производителем иностранных автомобилей в России, а абсолютным лидером рынка иномарок на много лет стал локализованный Ford Focus.

³ Ананьев И. Ford уходит: вся история великой марки в России // РБК (Autonews). 2019. – 27 марта. – <https://www.autonews.ru/news/5c9b3e229a79471fe26b58fb#2>

⁴ Новый завет. От Матфея святое благовестование, 7:3-5.

⁵ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения /Пер. с англ. Е. Кочериц, Н. Рудницкая. 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 304 с.

⁶ С 1909 по 1927 гг. предприятиями в США и филиалами в Великобритании, Франции, Германии и Австралии было выпущено более 15 млн. экз., т.е. ежегодно примерно по 790 тыс. Источник: материалы сайта «Model Ford T: Club of America». – <http://www.mfca.com/encyclo/sernos.htm> Для сравнения ОАО (ПАО) «АвтоВАЗ» произвёл с 1970 по 2017 гг. 29 млн. ед. разных моделей, или по 617 тыс. в год. См. пресс-релиз: LADA отмечает День первого автомобиля // Официальный сайт ПАО «АвтоВАЗ». 2017. – 19 апреля. – <http://www.lada.ru/press-releases/113023.html>

⁷ По состоянию на 2013 год помимо Ford T в ней значились следующие модели, произведённые в нескольких (от 5 до 12) поколениях: Volkswagen Passat – 14 млн. (7 поколений), Nissan Almera – 15,9 млн. (11), Honda Civic – 17,7 млн. (9), Opel Corsa – 18 млн. (5), Ford Escort – 20 млн. (6), Volkswagen Beetle – 21,5 млн. (7), Volkswagen Golf – 30 млн. (7), Ford F – 34 млн. (12) и Toyota Corolla – более 40 млн. (11 поколений) // Аргументы и факты. 2013. – 6 сентября. – http://www.aif.ru/auto/about/10_samyh_populyarnyh_avtomobiley_mira

является то, что после свержения монархии в России Советское правительство озаботилось низкой производительностью труда. В качестве эталона В.И. Ленин активно продвигал (пусть и с идеологическими оговорками) систему Ф.У. Тейлора. Так, в брошюре-программе с говорящим названием «Очередные задачи Советской власти» (1918) читаем следующее: «На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта...

Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем её объёме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, – как и все прогрессы капитализма, – соединяет в себе утончённое зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приёмов работы, введения наилучших систем учёта и контроля и т.д. Советская республика ... должна перенять всё ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится ... нашими успехами в сочетании Советской власти и ... организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление её. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти»¹.

Многие будут удивлены, но пятью годами ранее тот же Ленин оценивал систему того же Тейлора крайне негативно. Чтобы не прослыть голословными, для нынешних россиян, которые в массе своей не изучали и даже не прикасались к духовному наследию классиков марксизма-ленинизма, мы намеренно воспроизведём полный текст этой ленинской статьи, опубликованной в газете «Правда» 13 марта 1913 года:

«Американский капитализм стоит впереди всех. Наибольшее развитие техники, ... быстрота прогресса – всё это заставляет старую Европу тянуться за янки. Но не демократические учреждения перенимает из Америки европейская буржуазия, не политическую свободу, не республиканский строй государства, а новейшие приёмы эксплуатации рабочего.

Все больше говорят теперь в Европе, а отчасти и в России, о «системе» американского инженера Фредерика Тейлора. Не так давно в актовом зале института инженеров путей сообщения в Петербурге г. Семенов читал доклад об этой системе. Тейлор сам описал эту систему под названием «научной», и его книгу усердно переводят и пропагандируют в Европе. В чём состоит эта «научная система»? В том, чтобы выжимать из рабочего втрое больше труда в течение того же рабочего дня. Заставляют работать самого сильного и ловкого рабочего; отмечают по особым часам – в секундах и долях секунды – количество времени, идущего на каждую операцию, на каждое движение; вырабатывают самые экономные и самые производительные приёмы работы; воспроизводят работу лучшего рабочего на кинематографической ленте...

А в результате – за те же 9–10 часов работы выжимают из рабочего втрое больше труда, выматывают безжалостно все его силы, высасывают с утроенной скоростью каждую каплю нервной и мускульной энергии наёмного раба. Умрёт раньше? – Много других за воротами! Прогресс техники и науки означает в капиталистическом обществе прогресс в искусстве выжимать пот. Вот пример из книги Тейлора. Сравнивается работа на грузки на тележки чугуна, который идёт в дальнейшую переработку, сравнивается старая и новая, «научная» система:

Таблица 3

Сравнительная характеристика Старой и Новой систем

Показатели	Старая система:	Новая система:
Число рабочих, занятых нагрузкой	500	140
Один рабочий нагружает, в среднем, тонн (по 61 пуд.)	16	59
Средний заработок рабочего	2 р. 30 к.	3 р. 75 к.
Расход фабриканта на нагрузку одной тонны	14,4 к.	6,4 к.

Капитал понижает свои расходы *вдвое* и более. Прибыль растёт. Буржуазия в восторге и не нахвалится Тейлорами! Рабочий сначала получает прибавку, а сотни рабочих рассчитаны. Кто остался, работает вчетверо интенсивнее, надрываясь на работе. Выжмут все силы рабочего и выгонят его вон. Берут только молодых и сильных. Выжимают пот по всем правилам науки...»².

Так является ли американская система трудовых отношений потогонной?! Прежде, чем ответить на данный вопрос квалифицированно, мы рекомендуем всем стремящимся к объективности посмотреть документальный фильм из серии «Мегазаводы» о предприятии Ford в Дирборне (пригород Детройта, штат Мичиган), на котором производят пи-

¹ Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. Издание пятое. – Т. 36 (Март – июль 1918). – М.: Издание политической литературы, 1974. – С. 189–190.

² Ленин В.И. «Научная» система выжимания пота // Полное собрание сочинений. Издание пятое. – Т. 23 (Март – сентябрь 1913). – М.: Издание политической литературы, 1973. – С. 18–19.

капы F-150¹. Немного статистики в качестве анонса: персонал завода – 3,5 тыс. чел., ежеминутно на конвейере начинается сборка очередного F 150, объём выпуска – 1200 автомобилей в день, более 300 000 в год².

Эти и подобные им факты высочайшей организации и производительности труда являются не ложкой, а целым половником дёгтя не только в ВАЗовскую бочку мёда. Они – вызов для большинства российских предприятий и экономики в целом. Об этом хорошо известно. В частности, на состоявшемся в декабре 2018 года заседании президиума Совета при президенте по стратегическому развитию и национальным проектам премьер-министр РФ Д.А. Медведев заявил: «Задача стоит в том, чтобы добиться роста производительности труда темпами не ниже 5% в год. Это нужно, чтобы наша страна вошла в число крупнейших экономик мира. Пока в этой сфере мы существенно отстаём от ведущих стран. Это, скажем так, наше слабое место»³.

Сумеют ли отечественные госчиновники и капитаны бизнеса радикальным образом изменить ситуацию? Какие средства будут избраны для «лечения» этой хронической «болезни», продолжающейся, как минимум, столетие? Пока сказать трудно, но общее направление движения задано и главные параметры ясны...

P.S. «Свято место пусто не бывает». Этот афоризм мог бы стать броским заголовком к новости о торжественном, с участием президента РФ В.В. Путина, запуске в эксплуатацию завода Mercedes, построенного в Солнечном районе Московской области. В официальном пресс-релизе немецкого автогиганта сообщалось, что российское подразделение при полной загрузке рассчитано на производство 25000 автомобилей в год, а максимальная численность его персонала составит ... 1000 чел.⁴ Стало быть, германская машина бросила нам перчатку с несложным – «арифметическим» – подтекстом и после многолетней обороны перешла в наступление! Чем ответим?! Показатель 10–12 авто в год на каждого «игрока»?! Сегодня это даже не первый дивизион, и с этим нужно что-то делать!

¹ Серия полноразмерных пикапов, выпускаемых Ford Motor Company более 70 лет (13 поколений). С момента своего появления в 1948 году произведено и продано более 33 млн. пикапов F-серии по всему миру. Автомобили F-серии являются самым продаваемыми автомобилями в США и Канаде. Для американцев серия F – это живая легенда, не желающая отправляться на покой. Тринадцатая по счёту «реинкарнация» пикапа, включая модель Raptor, представляет собой органичное единство современных технических решений и революционного дизайна, ценимое фанатами F 150.

² Мегазаводы. FordF-150. – <https://www.youtube.com/watch?v=0dnt-JsGhnw>

³ Медведев поручил добиться роста производительности труда на 5% в год // Интерфакс. 2018. – 3 декабря. – <https://www.interfax.ru/russia/640538>

⁴ Распопова А. Mercedes запустил завод в России. 5 главных вопросов // РБК (Autonews). 2019. – 3 апреля. - <https://www.autonews.ru/news/5ca4583e9a79475d0c57ddfb>

Семенова Н.Н.

д.э.н., зав. кафедрой финансов и кредита, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
nnsemenova@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛИМАТА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА¹

Ключевые слова: финансово-экономический климат, инновационное предпринимательство, финансирование инноваций.

Keywords: financial and economic climate, innovative entrepreneurship, financing of innovations.

В настоящее время в мировой экономической системе осуществляются важные структурные трансформации, когда на смену индустриальной модели развития приходит инновационная, что вызывает изменение уклада экономики, поскольку модернизируются способы производства, обмена и распределения. Происходит модификация форм и методов финансирования предпринимательства, содействующая формированию финансовых структур и финансовых отношений нового типа, развивающих инновации, обеспечивающих их коммерциализацию и трансфер технологий. В условиях формирования инновационной модели социально-экономического роль инновационного предпринимательства в обеспечении конкурентоспособности отечественной экономики и ее устойчивого развития является определяющей.

Одним из важнейших факторов, влияющих на развитие инновационного предпринимательства, является финансово-экономический климат, определяющий приток инвестиций инновационного типа, внедрение достижений научно-технического прогресса [4, 6]. Финансово-экономический климат мы рассматриваем как совокупность условий (благоприятных и неблагоприятных) для развития инновационного предпринимательства, в значительной степени обусловленных соблюдением (или отклонением) индикаторов устойчивого развития с учетом приоритетов социально-экономического развития страны (региона).

Являясь важным элементом разработки и реализации государственной инвестиционно-инновационной политики, оценка финансово-экономического климата позволяет иметь системное представление о факторах, воздействующих на инвестора; оценить текущую социально-экономическую ситуацию в стране (регионе).

Финансово-экономический климат для устойчивого развития инновационного предпринимательства представляет собой комплексную характеристику следующих сфер: социальная, (социальная структура общества); природно-географическая и коммуникационная сфера (доступ к сырьевым, топливным, энергетическим и материально-техническим ресурсам, развитость транспортной инфраструктуры, доступ к информационным ресурсам); технологическая и научно-техническая сфера (наличие технологий и научно-технической информации, развитость научно-исследовательских институтов, консалтинговых, инжиниринговых, венчурных компаний); экономическая и финансовая сфера (уровень налогообложения, инвестиционные и инновационные налоговые льготы, льготное кредитование, развитость финансово-кредитных институтов); политическая и правовая сфера (федеральные и региональные программы, нормативно-правовая база, регулирующая проведение НИОКР).

Концептуальный подход к формированию финансово-экономического климата для развития инновационного предпринимательства представлен на рис. 1.

Методология формирования финансово-экономического климата предусматривает разработку соответствующих принципов. На наш взгляд, теоретико-методологическими принципами формирования благоприятного финансово-экономического климата являются:

1. Соблюдение индикаторов устойчивого социально-экономического развития

Финансово-экономический климат не должен нарушать устойчивость социально-экономической системы. В целях обеспечения баланса интересов участников инновационной деятельности необходима комплексная оценка эффективности инноваций. При этом с учетом индикаторов устойчивого развития следует учитывать социальные, экономические и экологические последствия инноваций.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РМ (проект № 18-410-130004 п_а «Развитие методологии формирования финансово-экономического климата для устойчивого инновационного предпринимательства в регионе»).

2. Соблюдение индикаторов финансовой безопасности

При формировании финансово-экономического климата для развития инновационного предпринимательства необходимо обеспечить такое развитие финансовой системы и финансовых процессов в национальной экономике, при котором создаются необходимые условия для социально-экономической и финансовой стабильности, единства денежно-кредитной, налоговой и бюджетной политик.

Рисунок 1.

Концептуальный подход к формированию финансово-экономического климата для развития инновационного предпринимательства

3. Формирование финансовых и нефинансовых институтов развития инновационной деятельности

Особую роль в финансовом обеспечении инновационной деятельности должны выполнять соответствующие финансовые институты развития с целью консолидации ресурсов государства и бизнеса для развития высокотехнологичных секторов экономики и расширения инноваций. Финансовые институты развития выполняют роль посредника при реализации крупных социально-значимых инвестиционных и инновационных проектов между частными инвесторами и государством. Центральной задачей при формировании финансово-экономического климата является создание не просто большого количества государственных институтов развития, а формирование их комплексной сети, обеспечивающей сквозное непрерывное финансирование инновационных проектов на всех стадиях инновационной цепочки.

Среди наиболее значимых действующих финансовых институтов развития в Российской Федерации следует выделить Внешэкономбанк, Фонд содействия развития малых форм предприятий в научно-технической сфере, Российскую венчурную компанию, Фонд «Сколково» и др., а среди нефинансовых – особые экономические зоны, технопарки и т.п. Однако в настоящее время указанные институты развития пока так и не смогли стать катализатором инновационных процессов. Об этом свидетельствуют показатели инновационной деятельности в нашей стране, характеризующиеся стагнацией в инновационной сфере. Сегодня доля предприятий, осуществляющих технологические и ин-

новации, не превышает 7,5%. По этому показателю Россия заметно уступает не только мировым лидерам научно-технического развития (Германия – 70%, Канада и Новая Зеландия – 65%, Бельгия – 60%, Ирландия, Дания и Финляндия – 55–57%), но и большинству государств Центральной и Восточной Европы, где этот показатель колеблется в интервале 20–40%.

По расчетам ученых Российской академии наук, совокупная мощность российских финансовых институтов развития составляет 70% ВВП, а реализуется она всего на 20–30% [5].

4. Приоритетное финансовое стимулирование фундаментальных наук

Государственная финансовая поддержка фундаментальных наук и значительное увеличение бюджетного финансирования НИОКР являются исходными предпосылками реализации инвестиционно-инновационной политики государства.

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), затраты на НИОКР в России в 2017 г. составили 1,1% ВВП. В то же время государства – члены ЕС тратят на НИОКР в среднем 1,94% ВВП, а страны – члены ОЭСР – 2,35% ВВП. Основными лидерами по доле затрат на НИОКР являются Израиль (4,25% ВВП), Корея (4,24% ВВП), Швеция (3,25% ВВП), Япония (3,14% ВВП), Австрия (3,09% ВВП) и Германия (2,94% ВВП).

В мировом рейтинге по уровню государственных расходов на науку к ВВП Россия занимает 35-е место (1,1%), значительно уступая зарубежным странам. Низкий уровень финансирования научных исследований и разработок не способствует переходу российской экономики на траекторию инновационного экономического роста. В связи с этим необходимо обеспечить увеличение государственного финансирования науки до 4% ВВП, предусмотреть налоговые льготы для заказчиков и инвесторов НИОКР. Причем увеличение объемов финансирования научных исследований и разработок даст положительный эффект только при условии сбалансированного их роста по различным стадиям инновационного процесса. Целесообразно обеспечить соблюдение экономически обоснованных пропорций финансирования отдельных видов работ (фундаментальные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские работы).

Формирование благоприятного финансово-экономического климата предусматривает использование различных финансовых методов и инструментов, стимулирующих инвестиционно-инновационную деятельность. Основными методами стимулирования инноваций являются налоговые льготы, субсидии со стороны государства или государственно-частное партнерство при финансировании реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, льготное кредитование. Источники финансового обеспечения инноваций в зависимости от фазы инновационного цикла представлены в табл. 1. [3]

Таблица 1

Источники финансового обеспечения инноваций

Стадии инновационного процесса	Наименование финансового ресурса	Формы финансового обеспечения инноваций
Посевная стадия	Бюджетные средства	Финансирование фундаментальных и прикладных научных исследований
	Фонды поддержки науки	Финансирование фундаментальной науки на безвозмездной основе (гранты)
	Собственные средства компаний	Финансирование прикладных исследований и разработок
	Бизнес-ангелы	Финансирование высокорискованных инновационных проектов
	Венчурный капитал	Финансирование высокотехнологичных проектов
Стадия стартапа	Венчурный капитал	Финансирование высокотехнологичных проектов
	Банковский кредит	Льготное кредитование НИОКР
Стадия раннего роста	Венчурный капитал	Финансирование высокотехнологичных проектов
	Фонды поддержки инноваций	Финансирование создания инновационной инфраструктуры, развитие малого инновационного предпринимательства
	Банковский кредит	Кредитование инновационных проектов
Стадия расширения (агрессивного роста)	Собственные средства компаний	Финансирование массового производства инновационных товаров
	Банковский капитал	Финансирование массового производства инновационных товаров
	Венчурный капитал	Финансирование высокотехнологичных проектов
	Банковский кредит	Кредитование инновационных проектов

Стоит отметить, что бюджетное финансирование инновационной деятельности может осуществляться в следующих формах: финансирование целевых инновационных программ, реализующие государственные приоритеты в области прорывных научных направлений; финансирование инновационных проектов на конкурсной основе. В целях государственного стимулирования инновационной деятельности бюджетные ассигнования должны, прежде всего, направляться на финансирование фундаментальной науки, а также концентрироваться в Российском фонде фундаментальных исследований (РФФИ) для финансирования инициативных направлений научно-технического прогресса.

Данные Росстата о структуре и источниках финансирования затрат на научные исследования и разработки свидетельствуют о значительной доле средств бюджета (60–70%) и недостаточном уровне финансирования инновационных процессов частным бизнесом (16%) и научно-исследовательскими организациями. В связи с этим актуальным

является создание благоприятных условий (льготное налогообложение и кредитование) для привлечения бизнес-структур к финансированию инноваций. Мировой опыт показывает, что в высокотехнологичных странах участие бизнеса в финансировании инноваций составляет 60%, а государства – 30%.

Сегодня важным источником финансового обеспечения инновационного предпринимательства является венчурное инвестирование. Оно используется, преимущественно, для финансирования проектов на посевной и начальной стадиях. Основным венчурным фондом России является Российская венчурная компания (РВК).

Заметим, что в российской экономике наблюдается тенденция увеличения количества венчурных фондов (с 136 в 2012 г. до 194 в 2017 г.) при одновременном сокращении объема венчурных инвестиций с 376 млн. долл. до 125 млн. долл. соответственно [1, 2]. Причем развитие венчурного бизнеса в регионах Российской Федерации происходит неравномерно. Лидером по привлечению венчурных инвестиций на протяжении нескольких лет остается Центральный федеральный округ (74% по объему и 65% по числу).

Что касается распределения объема венчурных инвестиций на российском рынке по стадиям, отметим, что наибольшая инвестиционная активность инвесторов появляется в отношении компаний более зрелых стадий (52% от объема инвестиций), т.е. инвесторы предпочитают менее рискованные стратегии инвестирования. С 2014 г. в российской экономике наблюдается устойчивое и существенное (почти в 3 раза) преобладание объемов грантовой поддержки инновационных проектов над венчурными инвестициями на ранних стадиях.

В мировой практике помимо венчурных фондов на рынке венчурного капитала функционируют так называемые «бизнес-ангелы». Этот класс венчурных инвесторов ориентирован на небольшие объемы финансирования и действуют в условиях наибольшего риска. Для России данное понятие является относительно новым, но именно бизнес-ангелы могут стать драйвером инновационного развития в стране. Несмотря на то, что число бизнес-ангелов в России увеличивается, оно является недостаточным для эффективного функционирования национальной инновационной системы. Основными причинами недостаточного развития бизнес-ангелов в нашей стране являются: консервативность частных инвесторов, низкий уровень предпринимательской культуры, дефицит инвестиционно-привлекательных проектов. Это ведет к переориентации многих российских бизнес-ангелов на стартапы из США, Европы и Израиля.

Одной из форм стимулирования инноваций выступает также льготное кредитование инновационных проектов. Традиционными формами участия банков в кредитовании инновационных проектов являются:

- кредитование независимого производства НИОКР, выполненных по заключенным договорам; результаты оплачиваются только после полного завершения и приемки;
- уполномоченный банк может выступить в роли финансового агента между заказчиком (государственной организацией) и исполнителем, однако в этом случае он не участвует в финансировании от своего имени и за свой счет;
- предоставление кредита под реализацию инновационного проекта, в том числе под обеспечение государственных гарантий;
- предоставление кредитов на синдицированной и консорциальной основах, когда в кредитовании участвуют несколько банков.

Наряду с банковскими институтами, кредитованием инновационного предпринимательства могут заниматься и различные инвестиционные, инновационные фонды, специализированные финансовые компании, страховые и лизинговые компании. В то же время, мы считаем, что льготным кредитованием, предусматривающим компенсацию государством части процентов по кредитам и применение государственных гарантий должны заниматься коммерческие банки, (в том числе специализированные инвестиционные и инновационные банки).

Развитие инновационного предпринимательства обуславливает необходимость формирования адекватной налоговой системы, реализации новой инновационной парадигмы налоговой политики государства. Льготное налогообложение инноваций способствует увеличению темпов экономического роста, накоплению интеллектуального капитала и повышению предпринимательской активности, созданию новых рабочих мест.

Налоговое стимулирование инвестиционно-инновационной деятельности предусматривает активное применение следующих налоговых льгот: инвестиционный налоговый кредит; налоговые каникулы на период освоения инноваций; освобождение от уплаты налога на прибыль на период до 5 лет организаций, реализующих инновационные проекты по созданию высокотехнологичных производств; снижение ставок по налогу на прибыль и др.

В заключение отметим, что предлагаемый концептуальный подход ориентирован на создание институциональных и экономических предпосылок для активизации инновационно-инвестиционной деятельности, достижения рациональных индикаторов финансовой безопасности, устойчивой инвестиционной и инновационной деятельности. Данный концептуальный подход может рассматриваться как теоретико-методологическая основа трансформации государственной инвестиционно-инновационной политики, стимулирующей развитие инновационного предпринимательства в стране.

Список литературы

1. Национальный доклад об инновациях в России 2017. – https://www.rvc.ru/upload/iblock/c64/RVK_innovation_2017.pdf
2. Прямые и венчурные инвестиции в России. – <http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA-yearbook-2017-Russian-PE-and-VC-market-review-ru.pdf>
3. Семенова Н.Н. Финансирование инноваций как условие формирования новой модели экономического развития России // Финансовая жизнь. 2019. – № 1. – С. 77–82.
4. Файзуллоев М.К. Влияние инновационно-инвестиционного климата на региональное инновационное развитие // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. – Т. 1, № 2–5. – С. 112–117.

5. Финансирование исследований и разработок в России: состояние, проблемы, перспективы / Л.Э. Миндели [и др.]. – М.: ИПРАН, РАН., 2013. – 298 с.
6. Шевченко Т.А., Судакова Л.И., Шевченко В.И. Ключевые факторы и инструменты формирования инвестиционно-инновационного климата в регионе // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. 2016. – № 1 (1). – С. 33–35.

Сливицкий А.Б.

начальник сектора ФГУП «ГосНИИАС»

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «АВИАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Ключевые слова: авиация, авиационная деятельность, авиационный потенциал, государственная политика, деятельность, лингвистический анализ, основы государственной политики, понятие, система, системный анализ, структура, субъект.

Keywords: aviation, aviation activities, aviation capacity, government policies, activities, linguistic analysis, foundations of public policy, the concept of system, system analysis, structure, subject.

На современном этапе развития общества и государства важнейшую роль для быстрого перемещения на большие расстояния и экономических связей играет гражданская авиация, а для национальной (военной) безопасности – авиация государственная (военная). В СССР и в России в правовых актах для характеристики функционирования авиации использовалась и по сей день используется формулировка – «деятельность авиации». Эта дефиниция используется как слитно, единым словосочетанием, так и раздельно – «деятельность <«в области» или с указанием необходимого аспекта, вида> авиации». С принятием ФЗ от 8 января 1998 года № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» [2] в российском законодательстве появился новый обобщающий весь спектр «деятельности авиации» термин – «авиационная деятельность» (АД).

АД является определяющей для таких сфер жизни российского общества, как обеспечение национальной безопасности и суверенитета РФ, обеспечение её территориальной связности – конституционного принципа, так и для экономики и такой важной её составляющей как авиационный транспорт [19]. Признанием важности комплексного, системного рассмотрения и развития АД стало утверждение Президентом РФ в 2001 году Основ политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2010 года (Основы-2010) [3], выделивших АД из массы других видов деятельности, и пролонгированных в 2012 году на новый программный период, см. [4].

АД представляет собой сферу активности государства, науки и бизнеса, предметно ориентированную на авиационную технику (АТ), включая воспроизводство АТ, применение и оказание авиационных услуг в гражданской и военной областях. По значимости и размерам АД относится к разряду сложных масштабных видов государственной промышленной, оборонной и социально-экономической деятельности [19]. АД – это комплексная деятельность различных субъектов – элементов соответствующей сложной организационной системы, – осуществляющих управленческие функции по отношению к находящимся в их подчинении объектам высокой наукоёмкости, технической сложности, ресурсоемкости при всём многообразии их взаимосвязей [9, 11] и структурной изменчивости во времени в ходе своего жизненного цикла [19].

Как объект государственного регулирования АД представляет собой сложную организационную систему. Все элементы системы – субъекты АД – имеют разные цели функционирования: обеспечение территориальной связности (Минтранс России), получение прибыли (авиакомпания), обеспечение обороны и национальной безопасности (Мин обороны России), создание элементов авиационного потенциала (Минпромторг России), обеспечение безопасности полетов и авиационной безопасности, экологичность воздушных судов и др. Учет и согласование перечисленных целей представляют собой сложную управленческую проблему, усложнённую динамичным изменением внешних и внутренних политико-экономических факторов [21]. Анализ проблем взаимодействия и возможных механизмов координации проведен в работах [11, 20, 21].

По словам Д. Медведева: «Вопросы госполитики в области АД – это широкий спектр задач, который прямо влияет на будущее российской авиации. Это один из приоритетов модернизации экономики. От положения дел в отрасли зависит и состояние в области безопасности страны, безопасности её граждан, и во многом это влияет на качество жизни. ... развитие авиационного потенциала России – это ключевое условие повышения конкурентоспособности нашей экономики» [12].

Актуальность системных исследований в области АД и, в частности, системного анализа понятия «авиационная деятельность» – которому и посвящена настоящая работа – определяется необходимостью повышения эффективности государственной политики (ГП) в области АД. Подобная ГП реализуется органами государственной власти РФ, руководствующимися соответствующими основами ГП, утверждёнными Президентом РФ. Сейчас – это Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года (Основы-2020) [4]. Им на смену разрабатываются Основы ГП РФ в области АД на период до 2030 года (проект Основ-2030) [5].

Судить об эффективности ГП в области АД позволяет системный мониторинг результатов реализации ГП в области АД, формирующий регуляторную обратную связь в контуре государственного управления АД (см. рис. 1 [22]). В интересах осуществления подобного мониторинга АД представляется в виде специальной научно-обоснованной

информационной модели [9–11, 19, 21], опирающейся на понятие «авиационная деятельность» и системное представление данного феномена [9–11, 19, 21].

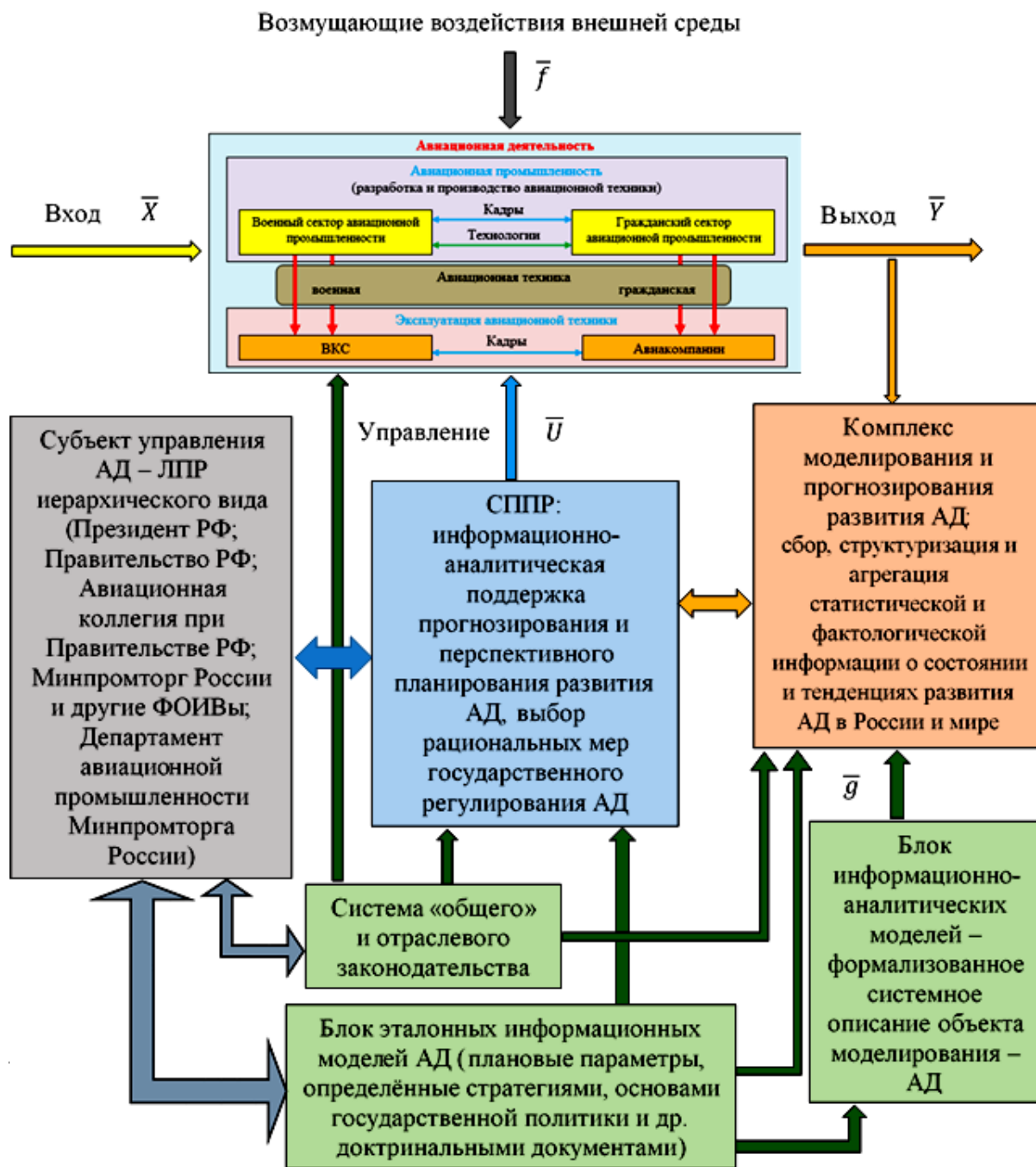

Рисунок 1.

Структура концептуальной модели контура управления авиационной деятельностью

Системный подход, взятый нами за методологическую основу, предполагает изучение любого явления через уяснение его сущности путем его разностороннего, разноаспектного анализа с последующим синтезом, представления и рассмотрения явления как системы – целостного комплекса взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, имеющих вход (ресурсы), выход (цель), связь с внешней средой и обратную связь (см. рис. 1) – обладающей целостностью, иерархичностью строения, структуризацией, множественностью, динамичностью и системностью. Для данного исследования изучаемым понятием является «авиационная деятельность».

Лингвистический анализ понятия «авиационная деятельность»

Характеризуя состояние вопроса изучения понятия «авиационная деятельность» – важного явления общественной жизни, следует отметить его чрезвычайную неразвитость. Правовая наука и сообщество авиационных экспертов при обращении к АД довольствуются лишь нормативным определением этого явления (его анализ см. далее). Практически единственным актором – исследователем данной области – как целостной системы – является автор, см., например, работы [9–11, 17–26] и его коллеги, см., например, работы [9-11], участвовавшие на протяжении более 15 лет в системных исследованиях АД (научно-исследовательских работах), задаваемых Минпромторгом России и ФОИВ-вами – его предшественниками. Специальная методика проведения комплексных исследований состояния и тенден-

ций развития АД в России и в мире, состоящая из 13 этапов приведена в [11]. В справочной правовой системе Ко н-сультантПлюс раздел «Комментарии законодательства» по вопросу об АД ограничивается двумя работами автора, посвященными координации взаимодействия органов государственного управления АД [20] и совершенствованию нормативно-правовой базы АД [23].

В отсутствии научных определений понятия АД обратимся к формату лингвистического анализа. С первого взгляда бросается в глаза сложность понятия «авиационная деятельность». Данный термин является словосочетанием, составленным из двух ёмких понятий «деятельность» и «авиация». Понятие «авиация» используется в форме имени прилагательного, применяемого для определения характера, уточнения сферы приложения, конкретизации и оттенения понятия «деятельность».

По Ожегову С.И., «Авиация» – «1. Теория и практика передвижения по воздуху на летательных аппаратах тяжелее воздуха. 2. Воздушные средства передвижения, воздушный флот. Гражданская авиация. Военная авиация. Прилагательное авиационный, -ая, -ое» [15]. То есть АД – это либо впрямую *«теория и практика передвижения по воздуху на летательных аппаратах тяжелее воздуха»*, либо *«деятельность воздушных средств передвижения, воздушного флота»*.

По Ушакову Д.Н., «Авиацио́нный, авиационная, авиационное. Имя прилагательное к термину авиация» [27].

По Ефремовой Т.Ф., «Авиационный – прил. 1. соотн. с сущ. авиация I, связанный с ним. 2. Свойственный авиации [авиация I], характерный для неё» [8]. То есть *«АД – это деятельность, связанная с авиацией, свойственная авиации, характерная для авиации»*.

По Ожегову С.И., «деятельность» это: 1) занятия, труд. 2) работа каких-нибудь органов, а также сил природы [15]. Можно сказать, что «АД – работа авиации».

По Мещерякову Б., Зинченко В., «деятельность» – «процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта (живого существа) с объектом (окружающей действительностью), во время которого субъект целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя какие-либо свои потребности, достигая цели» [14]. То есть, АД есть *«процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта – человека с объектом – авиацией, во время которого субъект целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя какие-либо свои потребности, достигая цели»*.

В соответствии с Большим Энциклопедическим словарем, «деятельность» – «специфическая человеческая форма отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение в интересах людей; условие существования общества. Деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс» [7]. То есть, АД есть *«специфическая человеческая форма отношения к авиации, содержание которой составляет её – авиации – целесообразное изменение в интересах людей»*.

В соответствии с Философским энциклопедическим словарем [28] и перекликающейся с ним Новой философской энциклопедией [13], «деятельность» – «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: человек противопоставляет себе объект деятельности как материал, который должен получить новую форму и свойства, превратившись из материала в продукт деятельности». То есть, АД есть *«специфически человеческая форма активного отношения к авиации, содержание которой составляет её целесообразное изменение и преобразование»*.

По Ушакову Д.Н., «деятельность» – это: «работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области. Общественная деятельность. Врачебная деятельность» [27]. Эту сформулированную Д.Н. Ушаковым цепочку о «систематическом применении своих сил в какой-нибудь области» можно продолжить: ..., «авиационная деятельность», «космическая деятельность», «морская деятельность» и т.п. Тогда АД – это *«работа, систематическое применение своих сил в области авиации»*, «космическая деятельность» – это *«работа, систематическое применение своих сил в области космоса, космического пространства»*, а «морская деятельность» – это *«работа, систематическое применение своих сил в области моря, морских акваторий, мирового океана»*.

Следует отметить, что при формировании перечисленных понятий использованы разные критерии отбора сферы государственного внимания. Это критерий, обозначающий совокупность технических объектов: авиации – для АД и критерии, обозначающие физическое пространство деятельности; море – для морской деятельности; космос – для космической деятельности. Существуют основы ГП в таких сферах, как Арктика, обеспечение ядерной и радиационной безопасности, нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, развитие науки и технологий, ОПК, культура и т.д.

Суммируя высказанные тезисы, обозначим АД как *«активное систематическое целенаправленное воздействие человека (физического лица) или организации (юридического лица) на авиацию, в интересах удовлетворения своих потребностей»*. Или как *«активное систематическое целенаправленное применение сил человека (физического лица) или организации (юридического лица) в области авиации, в интересах удовлетворения своих потребностей»*. АД включает в себя цель, средства, результат и сам процесс.

Право-лингвистический анализ понятия «авиационная деятельность»

Нормативное определение понятия АД содержится в ФЗ от 08 января 1998 г. № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» [2]. В соответствии с этим нормативным правовым актом, *«АД – организационная, производственная, научная и иная деятельность физических и юридических лиц, направленная на поддержку и развитие авиации, удовлетворение нужд экономики и населения в воздушных перевозках, авиационных работах и услугах, в том числе на создание и использование аэродромной сети и аэропортов, и решение других задач»*.

Продолжая и развивая анализ, содержащийся в [19, 21], сделаем несколько замечаний по поводу этого определения АД.

1) Объектом АД названа авиация совместно с аэродромной сетью и аэропортами. Именно в отношении авиации осуществляется активное систематическое целенаправленное воздействие в форме «поддержки и развития». Именно в отношении аэродромной сети и аэропортов осуществляется активное систематическое целенаправленное воздействие в форме «создание и использование».

2) Определение АД содержит открытый перечень видов деятельности, причисляемых к АД. Это «организационная, производственная, научная и иная <не конкретизированная> деятельность».

3) Руководствуясь общим пониманием деятельности, указывается, что АД может осуществляться как физическими, так и юридическими лицами. Недостатком является отсутствие причисления Российской Федерации к осуществляющим АД субъектам.

4) АД удовлетворяются поддержка и развитие авиации, нужд экономики и населения в воздушных перевозках, авиационных работах и услугах, а также создание и использование аэродромной сети и аэропортов, и решаются другие задачи. То есть «АД является как создание авиационного потенциала (АП), так и его эксплуатация».

5) Предметом АД являются общественные отношения, возникающие между субъектами АД и потребителями воздушных перевозок, авиационных работ и услуг, осуществляемых с помощью авиации.

Определениями АД являются и следующие обобщающие выводы-констатации: «АД включает целый комплекс действий и отношений в связи с процессами создания (включая научные исследования и разработку), производства, эксплуатации и целевого использования АТ»; «АД представляет собой сложное комплексное явление общественной жизни. Это весьма весомая, критически важная (для нужд обеспечения национальной безопасности) часть деятельности государства, юридических и физических лиц, государственных и экономических институтов» [19, 21].

Определение АД может быть также получено путём логического сложения понятия «деятельность» и нормативного определения понятия «авиация», даваемого [2] в совокупности с ВК РФ [1]. В соответствии с данными федеральными законами, под авиацией понимается: «государственная авиация (государственная военная авиация и государственная авиация специального назначения), гражданская авиация, экспериментальная авиация, авиационная промышленность, авиационная инфраструктура, единая система организации воздушного движения и авиационная техника».

То есть, АД можно определить, как «активное систематическое целенаправленное воздействие человека (физического лица) или организации (юридического лица) на (или в области) государственную авиацию (государственную военную авиацию и государственную авиацию специального назначения), гражданскую авиацию, экспериментальную авиацию, авиационную промышленность, авиационную инфраструктуру, единую систему организации воздушного движения и авиационную технику, в интересах удовлетворения своих потребностей». Данное определение похоже на нормативное определение АД, но не тождественно ему, поскольку в нём нет конкретизации видов деятельности – физических и юридических лиц, – рассматриваемых как составляющие АД.

Использование для конструирования понятия АД понятия «авиация», даваемого популярными энциклопедиями см., например, [6, 16]: «авиация (фр. aviation, от лат. Avis – птица) – собирательное понятие, которое обозначает всю совокупность летательных аппаратов тяжелее воздуха для перемещения в околоземном воздушном пространстве, все достижения специализированных областей знаний (аэродинамики, механики полёта, аэронавигации и т.д.) и всю систему организаций и государственных учреждений, которые используют летательные аппараты тяжелее воздуха, а также – обладают аэродромами, специалистами и соответствующими средствами обеспечения полётов» даст примерно аналогичный предыдущему результат.

Совершенно иной подход к определению понятия АД был продекларирован в Основах-2010 – концептуальном, идеологическом документе системы стратегического планирования, исходящем от Президента РФ [3]. В пункте 1 Основ-2010 АД была названа деятельностью «по изучению, освоению и использованию воздушного пространства». Данное определение АД являлось слишком общим, оно неконкретно и однобоко.

Так отождествление АД с изучением воздушного пространства, фактически смешало, отождествило её с климатологией и метеорологией, что неверно. Результаты климатических и метеорологических исследований для разработки и эксплуатации АТ, конечно же, очень важны, но все-таки климатология и метеорология – отдельные самостоятельные науки и отрасли естествознания. Выделение же в качестве основного вида АД деятельности по освоению воздушного пространства тоже некорректно. Человечество уже освоило не только воздушное пространство, но и космическое.

Легко видеть, что определение АД, данное в Основах-2010, полностью замалчивало такие вопросы, как:

– с помощью какой техники осуществляется АД – то есть, каков объект АД?

– является ли АД создание АТ и её эксплуатация? Или АД является только эксплуатация АТ?

– кто всем этим должен и/или может заниматься?

– какие виды деятельности могут быть отнесены к АД, являющейся по своей сути некой синтетической (комплексной) деятельностью?

Таким образом, можно констатировать: определение АД в Основах-2010 не только не конкретизировало содержание понятия АД, но запутывало заинтересованных в однозначном понимании АД лиц – субъектов АД, например, и вопреки российской правовой доктрине, и юридической технике содержало отличную от текста федерального закона формулировку.

Следует напомнить, что федеральные законы обладают высшей юридической силой по сравнению с подзаконными актами, к коим относится и рассматриваемый документ [3]. Высшая юридическая сила закона означает, что подзаконные акты не могут ему противоречить, а в случае правовой коллизии применяются правила федерального закона.

Действующие в настоящее время Основы-2020 своего собственного определения понятия АД не содержат, отсылая заинтересованных в понимании АД лиц к тексту федерального закона [2].

В проекте Основ-2030 [5] разработчиками сделана попытка дать своё собственное определение понятия АД. В соответствии с глоссарием проекта Основ-2030 (пункт 2 раздела «I. Общие положения»): АД – «*взаимосвязанные и взаимозависимые виды деятельности по разработке авиационной наукой опережающего научно-технического задела, по разработке и производству АТ и по применению АТ в государственной, гражданской и экспериментальной авиации*».

Данное определение имеет частичное смысловое совпадение с федеральным законом [2]. Виды деятельности, понимаемые под «взаимосвязанными и взаимозависимыми видами деятельности по разработке ..., по разработке и производству ... и по применению ...» не раскрыты. Здесь возможен полный произвол. В качестве лица, осуществляющего активное систематическое целенаправленное воздействие на опережающий научно-технический задел в форме его «разработки», названа авиационная наука. Без конкретизации того, что такое авиационная наука. Лица, осуществляющие активное систематическое целенаправленное воздействие в форме «разработки, производства и применения», АТ не указаны. Необходимость подобных правовых новаций не обоснована.

Содержится в [5] и новое определение понятия «авиация» – «совокупность атмосферных летательных аппаратов, знаний об их создании и применении, а также органов государственного управления, организаций и их персонала, которые создают и используют атмосферные летательные аппараты и обеспечивающие их эксплуатацию средства».

Учитывая определение понятия «деятельность» для АД можно сформулировать такое определение: «*АД есть активное систематическое целенаправленное применение сил человека (физического лица) или организации (юридического лица) в области совокупности атмосферных летательных аппаратов, знаний об их создании и применении, а также органов государственного управления, организаций и их персонала, которые создают и используют атмосферные летательные аппараты и обеспечивающие их эксплуатацию средства, в интересах удовлетворения своих потребностей*».

Целостный анализ данной лексической конструкции показывает, что интересантами АД являются сами её участники. Интересы потребителей не упомянуты, а, следовательно, и не учтены.

В ходе системных исследований АД автором было разработано ещё одно (новое) определение. «*АД – это организационная, производственная, научная и иная деятельность физических и юридических лиц, направленная на поддержку и развитие авиации, на обеспечение оборонной и экономической мощи Российской Федерации и удовлетворение нужд населения в воздушных перевозках*» [11]. В этом определении АД использовано понятие «оборонная и экономическая мощь» – достаточное для оттенения всей значимости АД для нужд национальной безопасности РФ. Недостаток, выявленный нами в определении АД по федеральному закону [2] в части отсутствия причисления РФ к осуществляющим АД субъектам, устранен.

Возможны и другие способы определения понятия АД.

Структурно-элементный анализ «авиационной деятельности» как системы с целью выработки подходов к понятию «авиационная деятельность»

Сущность явления АД может быть познана путем её представления как системы, обладающей иерархической структурой, множеством взаимодействующих элементов и развернутой системой целеполагания, см. рис. 1.

Например, понятие АД тесно связано с понятием «авиационный потенциал» (АП). Основу АП РФ составляют:

- авиация (государственная, гражданская, экспериментальная по [1]);
- авиационная промышленность;
- авиационная инфраструктура, включающая: аэродромы и аэропорты; авиационную систему эксплуатации, обеспечивающую поддержание всех видов авиации в состоянии летной годности, а также утилизацию отработавшей АТ; систему организации воздушного движения, включающую федеральную систему контроля воздушного пространства и другие информационные системы;
- авиационная наука, включающая в себя научные учреждения и полигоны по испытанию АТ;
- образовательные учреждения и организации, осуществляющие подготовку специалистов в области АД;
- социально-экономическая система, обеспечивающая сохранение, преемственность и профессионализм авиационных кадров.

Потенциал – это ресурсы. Потенциал – это статика, это статическое состояние объектов его составляющих. Если придать ему (потенциалу) динамику, изменяя его состояние во времени в соответствии с системой приоритетов ГП и надёжно контролируя результаты изменений (см. рис. 1), то это уже будет деятельность. Статические объекты потенциала перейдут в (динамические) субъекты деятельности [19].

С учётом сказанного, АД можно дать такое определение: «*это деятельность по созданию и использованию АП*» [19, 21]. АП создается предприятиями авиационной промышленности и эксплуатируется авиакомпаниями в коммерческих целях и Минобороны России в целях обеспечения обороны и национальной безопасности. АП используют также МЧС, МВД и другие ФОИВы.

АД может быть представлена в виде системы элементов – субъектов АД (взаимодействующих между собой и имеющих разные, часто противоположные или взаимоисключающие, интересы) – классифицированных по различным

основаниям. Так, АД объединяет следующие основные функциональные и организационно-хозяйственные структуры, предметно ориентированные на АТ различного назначения, включая [21]:

– авиационно-промышленный комплекс или авиационную (авиастроительную) промышленность (основная функция – воспроизводство АТ военного и гражданского назначения, включая разработку, производство и поддержку эксплуатации);

– ФОИВы, использующие АТ, входящую в состав государственной авиации (основная функция – обеспечение национальной, и главным образом, военной безопасности страны);

– воздушный транспорт (основная функция – предоставление транспортных услуг физическим и юридическим лицам, т.е. транспортировка пассажиров и грузов);

– потребителей транспортных услуг (государство, физические и юридические лица);

– организации и системы с их инфраструктурой, обеспечивающие безопасное и эффективное применение АТ.

Перечень субъектов АД можно переформулировать в виде:

– АП, разделенный по элементам и по организационно-функциональным формам;

– государство – Российская Федерация;

– органы государственного управления АД;

– ведомства, использующие авиацию для выполнения своих функциональных обязанностей;

– потребители авиационных услуг¹ (российские и иностранные);

– международные регулирующие органы.

АД можно дать следующее определение: «АД – это деятельность её субъектов по созданию АП рациональной структуры и эффективному использованию АП в интересах потребителей». Создание АП рациональной структуры и эффективное использование АП с точки зрения государства – это государственное управление (регулирование), направленное на поддержание, сбалансированное развитие и, повторимся, эффективное использование всех компонент АП. Государственное управление заключается в применении к управляемому объекту нормативных правовых, экономических и организационных механизмов регулирования.

Взаимодействия между субъектами АД и их полномочия и цели функционирования в сфере АД регулируются российским законодательством. Подробный анализ проблем формирования и реализации различных аспектов государственной политики в области АД и её нормативного и доктринального обеспечения приведен в работах [9–11, 17–26].

Заключение

1. Проведен системный анализ понятия «авиационная деятельность». Используются лингвистический, праволингвистический и структурно-элементный подходы к изучению проблемного вопроса.

2. В ходе исследования сформулированы около двадцати возможных формулировок понятия «авиационная деятельность», альтернативных нормативному определению, данному ФЗ от 8 января 1998 года № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации». Проведен их анализ показывающий, что большинство сформулированных определений АД имеет право на существование.

3. Полученные формулировки понятия «авиационная деятельность» и подходы к формированию АД как сложной организационно-экономической системы использовались в ходе комплексных исследований состояния и тенденций развития АД в России и в мире при системном мониторинге и оценке эффективности государственной политики в области АД, раскрывая разностороннюю сущность явления АД и формируя его понятийное поле. В дальнейшем они могут быть использованы при концептуальном и математическом моделировании АД как сложной организационно-экономической системы.

Список литературы и источников

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ от 24 марта 1997 г. № 12 ст. 1383.
2. Федеральный закон от 8 января 1998 года № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» // СЗ РФ от 12 января 1998 г. № 2 ст. 226.
3. Основы политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2010 года / Поручение Президента России от 3 февраля 2001 года № ПР-241. Текст официально опубликован не был.
4. Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года / Поручение Президента России от 1 апреля 2012 года № ПР-804. Текст официально опубликован не был.
5. Проект Основ государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2030 года / ФГБУ «НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского» (исх. № ШВ-2/349 от 13.03.2019 г.).
6. Авиация. Энциклопедия / Г.П. Свищев. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994.
7. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2001.
8. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: около 20 000 слов, около 1200 словообразовательных единиц – М.: АСТ, 2010.
9. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Анализ особенностей регулирования авиационной деятельности в Российской Федерации // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – Т. 1. – С. 48–51.
10. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. О совершенствовании системы стратегического планирования и научно-технического прогнозирования развития авиации и авиационной деятельности Российской Федерации // Третья Всероссийская научно-

¹ Потребители авиационных услуг в данном случае, рассматриваются как субъект, формирующий спрос на авиационные услуги.

- техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – Т. 1. – С. 45–48.
11. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Сборник докладов юбилейной всероссийской научно-технической конференции «Авиационные системы в XXI веке». – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2017. – Т. 1. – С. 88–94.
 12. Медведев Д.А. Выступление на заседании Совбеза РФ «О государственной политике в области авиационной деятельности». 1 апреля 2011 г. – http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4026&Itemid=35
 13. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / Под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001.
 14. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь / Сост. И общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
 15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и Образование, Оникс, 2011.
 16. Родионов И.Н., Грачев П.С., Иванов С.Б. Военная энциклопедия в 8 т. – М.: Воениздат, 1994 – 2004 г.
 17. Сливичкий А.Б. Вопросы определения государственной политики Президентом Российской Федерации // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование. Материалы Всеросс. науч. конф., 21 октября 2011 г. Москва / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 696–717.
 18. Сливичкий А.Б. Государственная политика Российской Федерации и её законодательное выражение // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРР, 2009. – С. 136–138.
 19. Сливичкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 583–591.
 20. Сливичкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью // Транспортное право. 2010. – № 2. – С. 19–23.
 21. Сливичкий А.Б. Разработка предложений по принципам функционирования и взаимодействия основных компонент авиационного потенциала России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 313–319.
 22. Сливичкий А.Б. Система обратной связи в контуре управления научно-технологическим развитием // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 544–551.
 23. Сливичкий А.Б. Совершенствование нормативно-правовой базы авиационной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2010. – № 2. – С. 18–24.
 24. Сливичкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408–414.
 25. Сливичкий А.Б. Совершенствование правового поля авиационной деятельности // 8-я Международная конференция «Авиация и космонавтика – 2009» (Москва, 26–29 октября 2009 г.). Тезисы докладов. – М.: Изд-во МАИ-ПРИНТ, 2009. – С. 228.
 26. Сливичкий А.Б. Факторы успешности России в области авиационной деятельности // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление: Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. – С. 583–590.
 27. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005.
 28. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983.

Смагина В.И.

к.э.н., доцент, Российский университет транспорта (МИИТ)
vismaguina@gmail.com

Данова Н.Ю.

соискатель, Тамбовский государственный университет
danova-tmb@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В ОРГАНИЗАЦИИ С УЧЕТОМ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ

Ключевые слова: теория поколений, беби-бумеры, иксы, игреки, миллениалы.

Keywords: generational theory, baby boomers, X, Y, labor productivity, staff efficiency.

Теория поколений появилась в начале 1990-х годов. Экономист Нейл Хоув и историк Вильям Штраус предположили, что каждые 20 лет новое поколение людей усваивает обновленный набор ценностей, существенно отличающийся от предыдущего. Сейчас наиболее активны представители трех поколений: Беби-бумеры (1943–1963), «Иксы» (1964–1984) и «Игреки» или поколение Миллениума (1985–2003) [2].

Поколения формируют три основных фактора.

1. Значительные **события**-воспоминания, например, Олимпиада-80, полет человека в космос 12.04.1961, 11 сентября 2001 года.

2. Набор провозглашенных **лозунгов** в обществе: миру – мир, пятилетка в четыре года, голосуй сердцем. Например, следующее поколение «зе» растет, слушая про инновации, высокие технологии, стартапы, финансовую грамотность.

3. **Воспитание.** Цели у родителей разных поколений в целом похожи, но используются разные слова и делают свои акценты. Например, раньше детей учили «быть храбрыми», а сейчас важно «постоять за себя» и «быть лидером». Иксы акцентируют внимание на изучении иностранных языков – в их время это был пропуск в мир успеха, а Игреки считают важным учить не только иностранные языки, но и осваивать коммуникационные навыки.

К 11–12 годам ценности полностью формируются и начинают влиять на все проявления личности: отношения с людьми, привычки, работу и деньги, стиль потребления.

Таким образом, ценностями поколения становится то, чего в данный момент не хватает. Во времена детства беби-бумеров книги были редкостью, а игреки, при обилии электронных устройств не получили достаточно живого общения.

Чтобы понять, что именно было в дефиците у того или иного поколения, стоит уделить внимание так называемым «поколенческим претензиям».

Беби-бумеры часто упрекают молодежь в нехватке амбиций: в их собственном детстве страна ставила большие цели, это вылилось в ожидания, что и потомки будут стремиться быть первыми, лучшими, но не в индивидуальном плане, а всей страной. А популярное сегодня течение «дауншифтинга» для Беби-бумера синонимично понятию «ту-неядец».

Иксы выросли в условиях автономности – никто не указывал, когда, где и что делать. В этом им помогало стремление досконально вникать во все, чем они занимались, а также налаживание полезных связей, в таких вещах эмоции часто портят дело. Поэтому основная претензия гиперответственных «иксов» к следующему поколению – стремление все попробовать, не задерживаясь подолгу на одной работе и излишняя эмоциональность.

Игреки формировались в обстановке обсуждаемых проблем социума и экологии, поэтому для них важными являются забота об окружающем мире, интеграция России в мировое экономическое пространство. Они упрекают окружающих в недостаточном внимании к решению этих проблем, а родителей и руководителей – за нехватку обратной связи и информации. «Игрекам» нужны нюансы, они хотят понимать, над чем стоит еще поработать, а где и так все хорошо, им важно делиться тем, что они испытывают. А Беби-бумеры, по мнению Миллениумов, слишком обстоятельны и медлительны.

Крупные компании столкнулись с необычной задачей: как привлечь на работу и чем заинтересовать поколение Игрек? Открытое информационное общество, экспансия компьютерных технологий и повсеместное проникновение социальных сетей — вот что влияло на их становление. В результате поколение молодых специалистов отличается:

- амбициозность и смелость, хотя и не всегда подтвержденные опытом («Я смогу, почему бы и нет? А всему, что не знаю – научусь», – говорят они);
- желание учиться постоянно, но недолго (если обучающие программы построены на коротких тематических блоках, то всю информацию молодые сотрудники схватывают быстро);

• постоянное желание чего-то нового: поколение игреков редко задерживаются на одной работе дольше двух лет. Текучка среди молодежи есть даже у крупных международных компаний. При этом сначала Игреки борются за место, а спустя год-полтора они хотят чего-то нового;

• обостренное чувство личного пространства и времени, с периодической тягой к дауншифтингу (84% респондентов, опрошенных по всему миру, заявили, что допускают перерывы в своей карьере — для рождения детей, ухода за родителями и путешествий, у миллениалов бережное отношение к своему личному пространству и личному времени: после работы они встали и пошли заниматься своим хобби, в предыдущем поколении этого не было, что было выгодно для работодателя).

Компаниям приходится перестраивать фундаментальные бизнес-процессы, поскольку к 2020 году треть (35%) рабочей силы составят миллениалы, и дальше их доля будет только расти. При этом миллениалы собираются работать дольше, чем все предыдущие поколения: более половины планирует работать до 65 лет, четверть (27%) — до 70 лет, а 12% вообще готовы отказаться от выхода на пенсию. Вместе с тем три четверти миллениалов работают полный день, но более половины готовы к нестандартной занятости, такой как проектная или сетевая [3].

Кроме очевидной материальной мотивации, удержать и увлечь сотрудников поколения Игреков можно, если предоставить им возможность заниматься их любимым делом. Это может быть как расширение соцпакета, так и необычные решения, например, по корпоративным мастер-классам. Раньше работодатели закрывали доступ к соцсетям на рабочих местах, а теперь создают их сами. Это тоже тренд, рождены «Пряники» [4]. Суть в том, что каждый сотрудник может подарить виртуальный пряник любому коллеге по работе в благодарность за помощь, совет или просто поддержку. Накопленные пряники можно обменять на что-то или же кому-то подарить.

Еще одно новое направление как альтернатива гибкому графику, это идея сокращенной рабочей недели. На Восточном экономическом форуме 2018 года шло активное обсуждение пользы четырехдневной рабочей недели. Психолог Адам Грант и экономист Рутгер Брегман обосновывали такую необходимость опытом Генри Форда [5], который одним из первых решил сократить рабочую неделю с 60 до 40 часов. Физическая усталость от монотонного труда негативно сказывалась на результативности. Теперь 40-часовая рабочая неделя является стандартом во многих государствах.

Также есть практический опыт небольшой компании Perpetual Guardian по составлению завещаний из Новой Зеландии. Именно они первыми провели эксперимент по сокращению рабочей недели до четырёх дней. Эксперимент оказался удачным — продуктивность сотрудников увеличилась на 20% [6]. Хотя, относительно этой идеи ведутся непрекращающиеся споры. Кстати, в мире существует и противоположная система управления. Например, в Китае распространена «схема 996» — работа с девяти утра до девяти вечера шесть дней в неделю. Но это, вероятно, может себе позволить только Китай с огромным резервом трудовых ресурсов.

Таким образом, в конфликте поколенческих ценностей ничего личного нет, это особенность внешних условий в которых происходило развитие поколения. Конечно, личность всегда будет сложнее, чем абстрактный Икс или Игрек. Однако теория поколений важна тем, что находит и систематизирует закономерности в различных ситуациях по всему миру, а значит, может подсказать решения по повышению производительности труда, на которые мы раньше не обращали внимания.

Список литературы

1. Исследование «Эффективность важна, эффективность нужна» НП «Эксперты Рынка Труда». — <https://hr-portal.ru/article/itog-issledovaniya-proizvoditelnosti-truda-effektivnost-vazhna-effektivnost-nuzhna>
2. Шамис Е., Никонов Е. Как возникают и как проявляются ценности поколений / Российская школа теории поколений. — <https://rugenations.ru/>
3. Millennial Careers: 2020 Vision. — https://www.manpowergroup.com/wps/wcm/connect/660ebf65-144c-489e-975c-9f838294c237/MillennialsPaper1_2020Vision_lo.pdf?MOD=AJPERES
4. Корпоративная социальная сеть «Пряники». — <https://pryaniki.com/ru/Product/CorporateSocialNetwork>
5. It's time to switch to a four-day working week, say these two Davos experts Ross Chainey / World Economic Forum. — <https://www.weforum.org/agenda/2019/01/2-davos-experts-says-it-s-time-to-switch-to-a-four-day-working-week/>
6. New Zealand firm adopts its four-day working week permanently Briony Harris. <https://www.weforum.org/agenda/2018/07/working-fewer-hours-makes-you-productive-new-zealand-trial/>
7. Горчаков Д. Идеальная работа для поколения Y: свободный график, соцсети и квесты (пример проекта Уральский банк реконструкции и развития). — <https://66.ru/news/business/154485/>
8. Сиденко Д. Три скучных слова, которые позволят поднять продажи. — <https://www.e-executive.ru/management/sales/1988933-tri-skuchnyh-slova-kotorye-pozvolyat-podnyat-prodazhi?page=2>
9. Современные проблемы экономики труда и пути их решения: колл. монография / Под науч. ред. И.А. Епишкина, В.Н. Никитина, С.А. Шапиро. — Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. — 490 с.
10. Smagin I., Smagina V., Strekalov N. Indicative planning in the Russian economy: a crisis-prevention instrument // Advances in Economics, Business and Management Research (AEBMR). 2018. — Vol. 39. Competitive, Sustainable and Secure Development of the Regional Economy: Response to Global Challenges (CSSDRE 2018). — P. 261–264.

Стародубцева Е.Б.

д.э.н., профессор, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО СЕКТОРА НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровизация, национальные экономики, финансовый сектор, банки, электронный банкинг.

Технологическая революция последних десятилетий привела к большим изменениям в области глобального разделения труда и занятости, в структуре экономических систем, в представлениях людей о возможностях техники, о соотношении реального и финансового секторов экономики, о роли банков в экономических системах. Изменился характер протекания всех экономических процессов. Они стали менее предсказуемыми и управляемыми. Изменились ожидания и экономическое поведение хозяйствующих субъектов. Экономические и административные границы стали прозрачнее, государственное вмешательство в экономику стало весьма затратным, заметно менее эффективным; изменились связи реального и финансового секторов экономики. Ключевыми технологиями стали технологии искусственного интеллекта и машинного обучения, облачные технологии, Интернет вещей и большие данные. Первопричиной таких изменений принято называть НТП, а именно цифровизацию экономики, которая позволяет во много раз сократить издержки производства и обращения и увеличить ВВП. По мнению аналитиков компаний IDC и Accenture, если возрастание затрат на внедрение технологий **цифровой трансформации** (Digital Transformation) достигнет к 2019 г. 2,1 трлн. долл., то это может привести к увеличению ВВП ведущих мировых экономик в 2020 г. на 1,36 трлн. долл. При этом отмечается дальнейший постоянный рост прямых инвестиций в цифровую трансформацию, которые за период 2018- 2021 годов составят 5,5 трлн. долл.¹

Следует отметить, что, несмотря на популярность в последние годы термина «цифровая экономика», в экономической литературе до сих пор не сложилось его четкого определения. Так группа исследователей Сретенского клуба имени С.П. Курдюмова, среди которых можно назвать Кешелаву А.В., Румянцеву В.Ю., Буданова В.Г., полагает, что «...цифровая» (электронная) экономика – это экономика, характерной особенностью которой является максимальное удовлетворение потребностей всех ее участников за счет использования информации, в том числе персональной»². По мнению же Санкт-Петербургских экономистов, цифровая экономика – это экономика, для которой характерно активное внедрение и практическое использование цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности. Но помимо технологического базиса, эта группа исследователей выделяет и социально-экономическую сущность этого явления, которая заключается в том, что цифровая экономика – это система социально-экономических и организационно-технических отношений, основанных на использовании цифровых информационно-телекоммуникационных технологий. Еще одно определение, которое встречается в литературе – цифровая экономика представляет собой современный тип экономики, характеризующийся преобладающей ролью информации и знаний как определяющих ресурсов в сфере производства материальных продуктов и услуг, а также активным использованием цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации³. Похожее определение приведено и в Оксфордском словаре: «цифровая экономика, – это экономика, которая главным образом функционирует за счет цифровых технологий, особенно электронных транзакций, осуществляемых с использованием Интернета»⁴. Исследователи из ОЭСР под цифровой экономикой понимают рынки, которые функционируют на основе цифровых технологий и облегчают торговлю товарами и услугами с помощью электронной коммерции в Интернете. В то же время Всемирный банк в своем определении делает акцент на том, что цифровая экономика – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий, т.е. система отношений в этом определении первична по отношению к технологии. Такое разнообразие определений приводит к выводу о многосторонности этого процесса, который охватывает не только информационную сторону, а именно компьютеризацию жизни общества, но и в более широком смысле отражает весь комплекс применения новейших технологий с целью снижения издержек и повышения эффективности функционирования различных секторов экономики⁵, прежде всего банковского и торгового.

¹ IDC: 10 прогнозов на мировом рынке цифровой трансформации на ближайшие пять лет. 15 ноября 2018 г. – <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=131709>

² Введение в «Цифровую» экономику / А.В. Кешелаву В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелаву. – М.: ВНИИГеосистем, 2017.

³ Кунцман А.А. Трансформация внутренней и внешней среды бизнеса в условиях цифровой экономики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. – № 11.

⁴ Oxford English Dictionary. – <http://www.oed.com/>

⁵ См. подробнее: Стародубцева Е.Б., Маркова О.М. Цифровая трансформация мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. – № 2. – С. 7–15.

В соответствии с этим подходом, самой цифровой экономикой в мире является экономика США, где 33% ВВП созданы за счет применения цифровых технологий, почти 60% финансового сектора США переведено в цифру. Очень близко к нему приближается сектор коммуникаций, который значительно увеличивает важность создания и поддержания современной, устойчивой цифровой платформы в целях ее долгосрочного развития. В то же время в первой экономике мира (по ВВП по ППС) – Китае, этот уровень относительно низок – менее 10% ВВП.

Основой для развития цифровой экономики и достижения высоких результатов ее развития является формирование спроса на продукт. Ведь большая часть, например, банковского продукта становится доступной и продолжает совершенствоваться только исходя из потребностей клиентов, которые благодаря компьютеризации, обладают современными системами доступа к банковским или другим продуктам в режиме он-лайн. Поэтому одним из факторов развития цифровизации в основных отраслях экономики следует считать развитие Интернета и расширение количества пользователей. Как показывает статистика, уровень охвата населения Интернетом достаточно высок и постоянно возрастает. На 2018 год их количество превысило половину населения Земли (табл. 1).

Таблица 1

**Количество Интернет-пользователей в регионах и странах мира на 30.06.2018 г.
(млн. чел., в % от населения)¹**

	Количество Интернет-пользователей млн. чел	Удельный вес от численности населения, %
Северная Америка	320	88,1
Европа	660	80,2
Океания / Австралия	28	69,6
Латинская Америка	404	62,4
Средний Восток	147	58,7
Азия	1 938	49,7
Африка	388	31,2
Китай	802	56,7
Индия	350	26,08
США	287	85,9
Япония	118	89,0
Россия	90	63,3

При этом стоит отметить не только постоянный рост числа пользователей, но и увеличение темпов прироста, что позволяет говорить о сокращении разрыва между развитыми и развивающимися странами в будущем и более полном охвате цифровыми отраслями всех стран мира. Появление и распространение смартфонов и айфонов (в настоящее время число пользователей мобильными телефонами составило более 5 млрд. человек, при этом основная часть из них – владельцы смартфонов) привело к увеличению пользователей мобильных Интернетом и расширило возможности доступа к Интернету в любое время, что облегчает и расширяет проведение определенных операций, прежде всего, финансового характера, в режиме он-лайн. В частности, наибольший прирост пользователей Интернета наблюдается в Северной Европе (94%), Западной Европе (90%) и Северной Америке (88%). В Африке наблюдаются самые быстрые темпы их роста – более 20% за год. К 2020 году число Интернет-пользователей в Юго-Восточной Азии приблизится к 480 млн. Вместе с ростом численности Интернет-пользователей увеличится и Интернет-экономика приблизительно до 200 млрд. долл.

Как уже отмечалось, в большей степени цифровизация затронула финансовый, а именно банковский сектор, являющийся «кровеносной системой» экономики в целом. Именно новые технологии в этом секторе позволяют сократить время на проведение платежей, что сказывается на оборачиваемости предприятий и соответственно увеличению как предложения товара, так и получения прибыли, увеличение возможностей кредитования позволяет с одной стороны расширять потребительский спрос, а с другой стороны наращивать производственные мощности и т.д., что несомненно самым положительным образом влияет на развитие экономики как отдельно взятой страны, так и мира. Примерами развития цифровых технологий в финансовой сфере можно считать расчёты и платежи между банками. Так, с помощью СВИФТ, в которую включены более 9000 кредитных организаций из 200 стран мира, ежегодно производится более 2,5 млрд. платежей; через федеральную автоматизированную систему денежных переводов для осуществления брутто-расчётов в режиме реального времени Fedwire, осуществляется 99% всех платежей кредитных организаций в США, платёжная система TARGET 2, соединяет информационные потоки центральных банков стран-членов ЕС.

Значительно возрастают операции с банковскими картами, количество которых к концу 2018 г. достигло 13,6 млрд. штук, что сокращает наличное денежное обращение и связанные с ним издержки обращения. Новыми инструментами расчетов становятся криптовалюты, развиваются услуги цифрового банкинга (digital banking), или электронного банкинга (e-banking). Так, с помощью электронного банкинга коммерческие банки, во-первых, предоставляют клиентам выписки по произведенным операциям в разрезе открытых счетов, во-вторых, информируют клиентов по видам банковских продуктов (депозитов, кредитов, ПИФов), в-третьих, оформляют получение заявок на открытие депозитов, кредитов, банковских карт, в четвертых, производят расчеты в рамках внутренних переводов по счетам в банке, в-пятых, переводят средства на счета, открытые в других банках, в-шестых, производят конвертацию валют и др. Если по первым двум видам услуг операции производятся на основе средств мобильной связи, то по другим услу-

¹ Global Digital 2019; Internet World Stats.

гам требуются услуги мобильного Интернета (в том числе для предоставления физическим лицам доступа к международным валютным и фондовым рынкам на основе Интернет-трейдинга).

Показатели вовлеченности стран в электронный банкинг свидетельствуют о том, что данный вид деятельности банков набирает все большие обороты. В частности, в США из 100 крупнейших банков 86 оказывают Интернет-услуги. Если в США в 2010 г. на долю Интернет-банкинга приходилось 46% взрослого населения, пользователей дистанционных банковских услуг 58% населения, то в 2016 г. соответственно – 51 и 61% (или около 70 млн. чел.). В странах ЕС данные показатели были более разнородными в рамках отдельных стран. Если в целом по ЕС (28 государств) доля населения, которая пользовалась услугами электронного банкинга, составляла в 2011 г. в среднем 40% и к 2016 г. увеличилась до 46%, то во многих странах она была значительно выше (в Норвегии – 90%; Финляндии – 86; Нидерландах – 85; Дании – 85; Эстонии – 81; Швеции – 80; Люксембурге – 65; Латвии – 64; Бельгии – 62; Франции – 58; Австрии – 51; Литве – 50; Чехии – 48; Мальте – 47%). Показатели вовлеченности населения в пользование услугами электронного банкинга ниже среднего уровня по странам ЕС были в Испании – 39%; Венгрии – 34; Словении – 34; Хорватии – 33; Польше – 31; Португалии – 28; Италии – 28; Кипре – 20; Греции – 14%. Самыми низкими данные показатели были в Болгарии, Македонии, Румынии (у всех по 5%)¹. Достаточно позитивные перспективы развития у стран Юго-Восточной Азии, где сейчас, несмотря на продвинутость населения в плане информационных технологий и достаточно солидный оборот в Интернет-экономике, только 27% населения имеют свой банковский счет².

Что касается России, то по степени вовлеченности населения в услуги электронного банкинга ее можно сравнить с восточноевропейскими странами, к которым относятся Венгрия, Словения, Хорватия, Польша, в которых введены единые на территории Еврoзоны стандарты осуществления платежных инструментов на базе единой общеевропейской платёжной территории – Single Euro Payments Area (SEPA). 64,5%, или 35,3 млн. российских Интернет-пользователей в возрасте от 18 до 64 лет пользуются Интернет-банкингом для частных лиц. В городах с населением от 100 тысяч человек Интернет-банкингом пользуются 68,2% (22,9 млн. человек), что на 2% меньше, чем в 2015 году. Для сравнения, за 2015 год количество пользователей Интернет-банкинга увеличилось на 51% по сравнению с показателями 2014 года³.

Банковскому сектору и в будущем предсказывают наиболее кардинальные изменения. И эти преобразования уже заметны в мире. Китай тестирует национальную криптовалюту, клиентское сопровождение в банках переводится на искусственный интеллект, для проведения платежа достаточно селфи или снимка ладони – они полностью заменяют необходимость носить «пластик» в кармане. Из последних событий: платежная система Mastercard добавляет платежный функционал в паспорта пакистанцев, жители страны смогут использовать свои ID-карты для финансовых операций. Некоторые американцы вживляют компьютерные чипы для осуществления платежей. Появляются новые участники на рынке финансовых услуг, в частности, мобильные операторы осваивают нишу микрозаймов, предоставление кредитных карт, Facebook берется управлять личными финансами, торговые Интернет-площадки развивают собственные платежные сервисы, а молодые финтех-стартапы разрабатывают новые цифровые сервисы. В Германии выдача потребительского кредита все в большей степени осуществляется через электронные платформы, что позволяет быстро и выгодно получить кредит, так как заемщик выбирает лучшее из представленных банками предложений. Например, он-лайн портал Smava⁴ предлагает первый полностью автоматический мгновенный кредит (Kredit2Day), устанавливающий новый стандарт для быстрого кредитования. Период ожидания финансирования сокращается с этим предложением от нескольких дней до нескольких минут. Еще один пример – в последние годы базирующаяся в Берлине платформа p2p-кредитования Bitbond⁵ предлагает возможность выдачи займов в биткоинах. Объем ежемесячно выдаваемых кредитов составляет порядка 1 млн. долл. размер большинства займов не превышает 50 000 долл.⁶ Интернет-платформы по выдаче кредита и пиринговое кредитование появилось и достаточно активно развивается и в России. Примером чему может служить сайт «Банки.ру», где можно подобрать интересующий кредит или вклад. Пиринговое кредитование развивается на базе финансовых площадок «Fingoogo», «Вдолг.ру», «Loanberry», «БезБанка», «Money Man» и др., где заемщики и кредиторы имеют возможность выставлять свои заявки на участие и заключать кредитные сделки. Такое развитие банковского сектора приводит к возможности более быстрого превращения денег в капитал, увеличения общего объема инвестиций, а следовательно, и увеличения экономики в целом. Ведь благодаря расширению потребительского спроса, расширяются и возможности увеличения предложения, что и способствует росту ВВП. Цифровые платформы позволяют осуществлять обслуживание клиентов через системы дистанционного банковского обслуживания, что сокращает количество филиалов и отделений, но расширяя при этом набор предоставляемых услуг, а также скорость их осуществления. Конкурируя друг с другом, участники рынка также стремятся повысить спрос на свои продукты путем персонализации предложений, для чего необходимы сбор и обработка большого объема информации, в том числе нефинансовой. Низкая маржинальность банковских услуг, преобразование участниками финансового рынка своих бизнес-моделей и стремление к созданию экосистем, способствуют потере банками

¹ <http://www.fondsk.ru/news/2017/02/11/ocifrovanny-mir-deneg-43537.html>

² HERO токен – будущее банкинга в ЮВА. – http://fxf.su/blog/hero_token_budushhee_bankinga_v_juva/2017-08-29-101

³ Интернет-банкинг – основа эффективности банка / Магомедова М.М. – <https://www.scienceforum.ru/2017/2500/32508>

⁴ Портал smava был запущен в 2007 году в качестве первого немецкого финтеха, на нем представлен всеобъемлющий обзор рынка 70 кредитов от 25 банков. На данный момент smava организует кредиты на сумму более 1 млрд. евро в год.

⁵ Платформа Bitbond начала работу еще в 2013 году, а в 2016 году получила лицензию финансового регулятора Германии (BaFin), став таким образом сертифицированным банковским учреждением и одним из немногих в этой нише полностью регулируемых поставщиков финансовых услуг.

⁶ Bitbond: использование биткоина для выдачи кредитов помогает обойти SWIFT. – <https://coin.organic/2018/05/15/bitbond-ispolzovanie-bitkoina-dlya-vydachi-kreditov-pomogaet-oboyti-swift.html>

монополии на оказание традиционных (платежных и иных) услуг, приобретению нефинансовыми организациями значительной роли на финансовом рынке – все это вызывает необходимость введения цифровой экономики на основе достижения партнерства банками и другими участниками финансового рынка со стартапами и технологическими компаниями. Таким образом, обеспечивается проникновение финансовых услуг за счет их цифровизации в различные сферы экономики.

Вторым направлением влияния цифровизации на развитие экономики является производственная сфера, в которой действуют не только «чистые» ИТ-компании, но и компании, ориентированные на широкое взаимодействие с компаниями финтеха. Постоянно растут затраты на развитие цифровых технологий, без которых в настоящее время уже не обойтись. По прогнозам к 2020 году 30% компаний списка Global 2000 будут закладывать в смету капитальных вложений сумму, составляющую не менее 10% дохода¹. Внедрение Интернет- и смарт-технологий позволяет сократить издержки на всех этапах производства, особенно в менеджменте и маркетинге компании, повысить эффективность, что ведет к повышению конкурентоспособности. По расчетам к 2021 году благодаря внедрению блокчейна наиболее передовые внутриотраслевые цепочки создания стоимости расширят свои цифровые платформы, что приведет к сокращению затрат по сделкам на 35%². Появление программ смарт-производства, смарт-предприятий связано не только с крупными вложениями, но и дает значимую прибавку к прибыли. Производство товаров все больше роботизируется – в традиционные товары встраиваются цифровые датчики, позволяющие упростить контроль и использование товара: автомобили без водителя, поезда, умные здания и т.д. Учет индивидуальных особенностей и потребностей клиента приводит к увеличению спроса на продукты данных производств, независимо от цены, так как пока они в большей степени ориентированы на премиум-рынок. К таким отраслям относят автомобильную, телекоммуникационную, энергетику (в частности, в совокупности на них приходится 30% ВВП Китая). Показателем этого процесса является рост акций данных компаний на фондовом рынке. Например, в последние годы Nasdaq 100 – фондовый индекс с самым большим количеством ИТ/цифровых компаний – превзошел индекс S&P 500. Прибыль компаний Nasdaq 100 увеличилась практически на 300% с 2007 года, в то время как прибыль компаний S&P 500 повысилась только на 40%. По нашему мнению, рост прибыли компаний в ИТ-секторе имеет очень высокий потенциал до тех пор, пока существует стабильный спрос на новые цифровые платформы и приложения. Развитие цифровых экономик приносят существенную прибавку к ВВП. В настоящий момент около 22% мирового ВВП создано благодаря цифровой экономике³ (табл. 2).

Таблица 2

Прибавка к ВВП за счет использования цифровых технологий к 2020 году

	Прибавка к ВВП	Ежегодно
Развитые страны	1,8	0,25
Развивающиеся	3,4	0,5
10 лидеров	2,3	0,32

По уровню развития цифровой экономики Россия находится на 39 месте в мире. Она опережает страны БРИКС по уровню развития инфраструктуры. За последние пять лет уровень цифровизации экономики страны позволил вырваться из «догоняющих» и пробиться в основную группу среди развитых стран мира. Однако Интернет-экономика России развивалась «без прорывных успехов» по сравнению, например, с Китаем. По оценкам Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), доля цифровой экономики России по итогам 2018 г. составила 83,25 млрд. долл. или 5,1% ВВП – рост составил 11% по сравнению с показателями 2017 года, а объем всех отраслей и рынков, связанных с цифровой экономикой, уже превысил 20% ВВП России⁴. Большая часть (84%) приходится на сферу потребления: Интернет-торговлю, услуги, онлайн-поиск и покупки офлайн. В России Интернет-экономика (другое название понятия) составляет 2,8% ВВП, что в денежном эквиваленте равно 75 млрд. долл. Наибольший объем в размере 63 млрд. долл. обеспечивается потребительским сектором, представленным покупками онлайн, Интернет-услугами, онлайн-поиском и пр. Как и во всем мире, с 2010 г. доля цифровой экономики в ВВП России увеличилась. В свою очередь, наибольший рост здесь зафиксирован в сфере Интернет-торговли: **с 1,7% в 2010 г. до 3,2% в нынешнем, что в денежном выражении составляет 12 млрд. и 43 млрд. долл.** соответственно. При этом расходы на рекламу в Интернете также увеличились: с 10,8% (900 млн. долл.) в 2010 г. до 19% (4 млрд. долл.) в 2016 г. Предполагается, что благодаря государственной программе и поддержке цифровой экономики, Россия улучшит свои результаты в будущем.

Таким образом, полагаем, что основными факторами развития цифровой экономики остаются: глобальная конкуренция; развитие новых технологий передачи и обработки информации; рост благосостояния и экономической культуры населения. Характер цифровой экономики по-прежнему будут определять ёмкость рынка, темп его роста, цены, процесс стандартизации продуктов, скорость обновления продуктового ряда. Это позволит обеспечить преобразование участниками финансового рынка своих бизнес-моделей и стремление к созданию экосистем, увеличению проникновения финансовых услуг за счет их цифровизации. Ведь среди отраслей, которые ощутили на себе наибольшее

¹ IDC: 10 прогнозов на мировом рынке цифровой трансформации на ближайшие пять лет. 15 ноября 2018 г. – <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=131709>

² Там же.

³ Стародубцева Е.Б., Маркова О.М. Цифровая трансформация мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. – № 2. – С. 7-15.

⁴ РАЭК представила исследование «Пунет 2018: итоги года». – http://www.cnews.ru/news/line/2018-12-13_raek_predstavila_issledovanie_runet_2018_itogi

шее влияние цифровых технологий – медиа-индустрия (72%), телеком (64%), финансовые услуги для физических лиц (61%), ритейл (57%) и технологический сектор (57%).

Все, что было сказано выше, подтверждает позитивность цифровой экономики для развития мировой экономики в целом. В то же время нельзя забывать об очень серьезной проблеме – занятости населения. Ведь с одной стороны, появятся новые профессии – персональный бренд-менеджер, виртуальный адвокат, цифровой лингвист, дизайнер интерфейсов, а с другой стороны представители так называемых профессий-пенсионеров перестанут существовать, что увеличит безработицу и расходы бюджета на их переквалификацию и пособия по безработице. Об этом нужно думать уже сейчас. И, используя имеющиеся цифровые платформы в образовании, постепенно обучать новым профессиям. Это подтверждается постоянным ростом дистанционного обучения. Объем годового оборота глобального рынка дистанционного обучения увеличился с 52,6 млрд. долл. в 2010 г. до 107 млрд. долл. в 2015 г. и по прогнозам к 2025 году он должен достичь величины в 215 млрд. долл., что позволит расширить возможности для переобучения и вовлечения в образование большего количества людей¹.

Таким образом, состояние цифрового сектора, в частности, его элементной базы, специального технологического оборудования, обеспечивающего необходимые параметры микросхем, является определяющим фактором перспектив развития всего общества. Имеющиеся проблемы цифрового сектора неминуемо сказываются на конкурентоспособности экономики, поскольку отставание в получении и обработке актуальных данных, неумение использовать цифровой ресурс, в конце концов, сопровождается утратой рыночных позиций. С позиций теории асимметрии международной торговли цифровая зависимость одной страны от другой ведет к увеличению отставания в экономическом развитии между этими странами. Особенностью такой структурной зависимости является невозможность ее преодоления, поскольку прогресс в области цифровых технологий происходит с достаточно высокой скоростью, а новые технологии могут быть воспроизведены только на основе предыдущих результатов. Если страна ими не обладает, либо какие-то технические и технологические решения утеряны, тогда невозможно создать что-то новое и совершить следующий шаг.

Важность развития цифрового сектора для национальных экономик подтверждается тем, что ряд стран в настоящее время реализует комплексные и довольно масштабные программы, нацеленные на развитие цифровых секторов своих экономик, создание новых рабочих мест в этих сферах, повышение конкурентоспособности электронной промышленности и IT-технологий. Одним из ключевых моментов становятся инвестиции в цифровой сектор экономики.

¹ Стародубцева Е.Б., Маркова О.М. Цифровая трансформация мировой экономики // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. – № 2. – С. 7–15.

Тишаев В.В.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Ахмадов Ф.Д.

магистр, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

ИНВЕСТИЦИИ В СФЕРЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: инвестиции, предпринимательство, государственная поддержка, экономические преобразования.

Малые предприятия играют огромную роль в экономике любой страны. Важнейшей функцией предпринимателя, отражающейся на экономической жизни страны, является правильная постановка цели, поиск ресурсов для ее достижения и соединение усилий многих людей для получения конечного результата, полезного для общества.

Эффективность функционирования предпринимательских структур определяется качеством, размерами, структурой и скоростью инвестирования, активностью инвестиционной деятельности; при помощи инвестиций реализуется основная масса инноваций, обеспечивая развитие отдельных субъектов хозяйствования и национальной экономики в целом. В развитых государствах власть старается создать все условия для снятия препятствий, мешающих широкому распространению предпринимательской инициативы [3].

Государственная поддержка малого предпринимательства через инвестирование повышает уровень занятости населения, что, в свою очередь, ведет к повышению уровня доходов населения. Повышение уровня доходов населения ведет к подъему спроса на товары, услуги и на расширение их спектра, что приводит к росту предложения. Вследствие этих процессов развивается инфраструктура регионов, возрастают показатели их социально-экономического развития и уровень жизни населения. Социально-экономическая значимость малого и среднего предпринимательства, а также его гибкость особо важны при решении такой задачи государственной политики нашей страны, как выравнивание региональных диспропорций [1].

Господдержка малого бизнеса подразумевает несколько направлений деятельности: организация выставочно-ярмарочной деятельности; субсидирование; предоставление в аренду земельных участков или помещений для малых предприятий; бесплатные консультации узкопрофильных специалистов.

Одной из мер государственной поддержки является облегчение администрирования и снижение административных издержек, в том числе снижение размера государственной пошлины «до нуля» при подаче заявления о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в форме электронного документа («старт за ноль») в целях сокращения затрат организаций и физических лиц, связанных с открытием бизнеса, а также стимулирования использования электронных сервисов.

В целях повышения эффективности государственных расходов предполагается дальнейшее развитие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд посредством создания электронных площадок при осуществлении закупок в электронной форме для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок в электронной форме, осуществляемых отдельными видами юридических лиц среди субъектов малого предпринимательства.

Создаются необходимые условия для повышения уровня квалификации рабочих. Стоит отметить, что государственная политика делает акцент на повышение эффективности малого и среднего бизнеса. Это выражается в:

- 1) введении специальных режимов налогообложения;
- 2) систематизации бухгалтерской системы;
- 3) гарантированности прав и защите интересов субъектов малого и среднего бизнеса.

В рамках программы Минэкономразвития России создается сеть инфраструктуры поддержки МСП в регионах, которая включает в себя: фонды содействия кредитованию (гарантийные фонды, фонды поручительства); микрокредитные организации; центры инноваций социальной сферы; центры поддержки предпринимательства; центры прототипирования; центры кластерного развития; региональные центры инжиниринга; центры поддержки экспорта; центры сертификации, стандартизации и испытаний; центры народно-художественных промыслов; многофункциональные центры для бизнеса; частные промышленные парки; промышленные, индустриальные, агропромышленные парки; технопарки; бизнес-инкубаторы.

Остановимся более подробно на целевых индикаторах реализации Стратегии малого и среднего предпринимательства в 2014-2030 гг., которые представлены в табл. 1.

Целевые индикаторы реализации Стратегии малого и среднего предпринимательства в 2014–2030 гг.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2018 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Оборот субъектов МСП в постоянных ценах	100%	98%	118%	134%	185%	250%
Доля обрабатывающей промышленности в обороте МСП	11,8%	12,2%	13,5%	14,4%	17%	20%
Доля среднесписочной численности работников занятых в МСП	25,2%	25,6%	27,3%	28,4%	31,5%	35%
Количество нестационарных и мобильных торговых объектов тыс. единиц	191	195,5	200	264	286	286
Годовой объем закупок товаров и услуг, осуществляемых у МСП	>18%	>25%	>25%	>25%	>25%	>25%
Прирост высоко производственных рабочих мест на МСП (тыс. единиц)	–	–	1250	1750	3000	4250
Доля МСП в экспорте	6%	6,5%	7%	7,5%	9%	12%
Доля кредитов МСП в общем объеме кредитов	18,4%	17,3%	19%	20%	22%	23%
Коэффициент рождаемости МСП на 1 тыс. действующих МСП	14,1%	15%	16,5%	17,5%	20%	22,5%
Количество субъектов в МСП на 1 тыс. человека населения	38,8%	39%	40%	42%	44%	46%
Количество субъектов РФ, на территории которых зафиксирован рост числа МСП	45	47	>50	>55	>55	>55
Доля средств, направляемая на поддержку МСП в моно профильных муниципальных образованиях в общем объеме финансового обеспечения господдержки	1,6%	2,6%	5%	10%	10%	10%
Доля граждан, планирующих открыть собственный бизнес в течение ближайших 3 лет	4,7%	5%	7%	7,5%	10%	12,5%

Отметим, что доля среднесписочной численности работников, занятых в МСП в 2020 году, прогнозируется на уровне 28,4%. Прирост высоко производственных рабочих мест на МСП к 2025 г. должен составить 3000 тыс. единиц. Тенденция роста количества малых и средних предприятий является положительным результатом осуществляемой государством поддержки субъектов малого и среднего бизнеса.

Подчеркнем, что в Орловской области в результате реализации 12 целевых моделей существенно улучшился инвестиционный климат, его показатели **превысили** общероссийские. В рамках целевых моделей, составляющих региональный инвестиционный стандарт (законодательство о поддержке инвесторов, канал связи инвесторов, инвестиционный портал, корпорация развития), обеспечено 100% выполнение установленных ключевых показателей. В части совершенствования открытости инвестиционных «каналов связи» расширен состав Инвестиционного совета и его функционал. На постоянной основе проводятся деловые встречи с инвесторами и мероприятия по обсуждению вопросов инвестиционного развития с экспертами, предпринимателями, деловыми объединениями.

Продолжается модернизация инвестиционного портала. Завершена работа по переводу содержательного наполнения портала на третий иностранный язык – китайский. В рамках технического развития портала выполнен комплекс работ по оптимизации поисковой навигации, использованию социальных сетей. На портале создан новый раздел, посвященный реализации в Орловской области национальных проектов. На главной странице инвестиционного портала создана интерактивная инвестиционная карта Орловской области в разрезе муниципальных образований, содержащая информацию о свободных производственных площадках, технических возможностях на подключение к сетям [4]. В рамках реализации целевой модели «Поддержка малого и среднего предпринимательства» во всех 27 муниципальных образованиях области утверждены муниципальные программы поддержки малого и среднего предпринимательства и перечни муниципального имущества, предназначенного для предоставления на льготных условиях. Увеличен максимальный лимит поручительства Фонда поддержки предпринимательства с 20 до 30 млн. рублей на одного заемщика. Созданы филиалы (представительства) Центра поддержки предпринимательства в городах Мценск и Ливны. В электронном виде сформирован и обновляется на регулярной основе реестр услуг организаций инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП).

Заключены соглашения с Корпорацией «МСП», «Деловой средой», «Российским экспортным центром» по совместной реализации федеральных партнерских обучающих программ в сфере предпринимательства. В целях предоставления услуг по принципу «одного окна» для оказания поддержки субъектам МСП создан «МФЦ для бизнеса», в котором предоставляется 113 государственных и муниципальных услуг, услуги Корпорации «МСП», услуги организаций инфраструктуры поддержки бизнеса и банка. Созданы 5 организаций, образующих полную инфраструктуру поддержки субъектов МСП и оказывающих поддержку сельскохозяйственным кооперативам. В рамках целевой модели завершено формирование системы налоговых льгот для субъектов малого предпринимательства: действуют региональные законы о налоговых каникулах и пониженных налоговых ставках при применении упрощенной системы налогообложения. Срок присоединения к сетям газораспределения сокращен со 180 до 135 дней, к централизованному тепло-, водоснабжению и водоотведению до 18 месяцев. По результатам проведенной работы срок технологического присоединения к электрическим сетям сокращен до 90 дней. Сокращение этапов технологического присоединения – до 4-х.

Также отметим, что Орловская область заняла 16 место в России в рейтинге регионов по уровню совершенствования контрольно-надзорной деятельности и 5 место в Центральном федеральном округе.

Средний срок регистрации прав собственности снижен с 7 до 3 дней. Среднее время прохождения процедуры постановки на кадастровый учет занимает 4 рабочих дня. Сокращены сроки предоставления услуг по выдаче разрешений на строительство с 10 до 7 рабочих дней и градостроительного плана земельного участка с 30 до 20 рабочих дней.

Создан «контактный центр» по вопросам предоставления государственных услуг в сфере строительства, а также внедрен «Калькулятор процедур».

В ходе изучения проблем инвестирования в сфере малого предпринимательства была выявлено, что большая потребность в заемных средствах наблюдается у микробизнеса, у которого по тем или иным причинам нет возможности использовать традиционные банковские продукты (небольшая сумма кредита, отсутствие кредитной истории, удаленность населенного пункта и т.д.). Для этого в рамках программы поддержки МСП большое внимание уделяется развитию микрокредитных организаций, предпринимательского финансирования, создаваемых в рамках программы развития МСП. Такие МКО предоставляют микрозаймы до 3 млн. рублей сроком не более 3-х лет. При этом ставка для заемщика не должна превышать 10%.

Список литературы

1. Дрогайцева Л.С. Изменение в налоговой политике регулирования малого бизнеса / Дрогайцева Л.С., Пономарева Л.А. // Научно-практические исследования. 2017. – № 3. – С. 153–157.
2. Соболева И.А. Анализ инвестиционных рисков в системе предпринимательской деятельности / Соболева И.А., Костюкова Е.А., Панкова В.Б. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. – № 4 (22). – С. 285–291.
3. Серегин А.В. Финансовая поддержка малого предпринимательства как условие обеспечения экономической безопасности Орловской области / Серегин А.В., Скоробогатова Е.А. // Символ науки. 2016. – № 6–1 (18). – С. 313–316.
4. Пенькова К.В. Статистика кредитования малого и среднего бизнеса в России / Пенькова К.В., Тимохина В.А. // Вестник кафедры статистики Российского экономического университета: материалы и доклады. – М., 2017. – С. 331–333.

Третьякова Л.А.

д.э.н. профессор, зав. кафедрой управления персоналом, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
lora_tretyakova@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: *человеческий капитал, агропромышленный комплекс, проектное управление, наукоёмкость, экономический рост.*

Keywords: *human capital, agro-industrial complex, project management, knowledge intensity, economic growth.*

В условиях агрессивного влияния внешних факторов и стремительного роста научно-технического прогресса главной стратегической целью развития предприятий агропромышленного комплекса (АПК) является максимальное участие в научно-исследовательской деятельности посредством создания, накопления и трансформации научного знания в наукоёмкие продукты, имеющие производственно-технологическую значимость, коммерческую стоимость и прикладное значение для развития не только предприятий АПК, но и аграрных регионов в целом.

Исходя из этого, стратегической целью кадровой политики предприятий агропромышленного комплекса является адаптивный переход от контрольно-регламентирующих функций к функции обеспечения благоприятных условий для генерации и трансляции научного знания из сферы его разработки в сферу производства.

Первым направлением реализации стратегии организации развития человеческого капитала, обеспечивающим достижение указанной цели, на наш взгляд, должно являться развитие проектного управления работниками, а результатом его реализации – создание проектных команд и активизация наукоёмкой деятельности работников предприятий агропромышленного комплекса.

В данном случае имеется в виду создание временных проектных групп, в которые будут входить работники разных подразделений, координируемые высокопрофессиональным лидером, освоившим эффективные методики создания команд и принципы управления проектными структурами¹.

Активное вовлечение работников в разработку и принятие разного рода решений, где задействован их интеллектуальный потенциал, мы рассматриваем в качестве необходимого условия реальной активизации их наукоёмкой деятельности.

Переход на проектное управление работниками, по нашему убеждению, ускорит накопление и воспроизводство интеллектуального капитала предприятия, капитализацию банка знаний, обеспечит рост их коммерческой ценности.

Перспективность проектного управления работниками подтверждается опытом многих западных корпораций, свидетельствующим об образовании синергетического эффекта от совместного интеллектуального взаимодействия работников при разработке проектов.

Однако в ряде предприятий агропромышленного комплекса проектный подход практически не внедряется, а эффективность проектных групп остается низкой, их создание имеет единичный, случайный характер, отсутствует массовая включенность в проекты работников интеллектуального труда, обладающих креативным мышлением, разнообразными способностями, профессиональными знаниями и умениями, способных к разработке новых и перспективных идей.

На наш взгляд, многие отраслевые регламенты, прямо или опосредованно относящиеся к кадровой политике, являются излишними, ограничивающими самостоятельность предприятий агропромышленного комплекса в ее разработке и определении направлений реализации.

С учетом этого обстоятельства вторым направлением функционального реформирования кадровой политики предприятий агропромышленного комплекса является совершенствование информационного обеспечения процесса разработки кадровой политики.

В данном случае речь идет об оптимизации количества нормативных регламентов, которые представлены многочисленными локальными актами и внутренними регламентами, в их большинстве слабо взаимосвязанными друг с другом.

Одним из вариантов решения проблемы оптимизации количества регламентирующей документации и обеспечения согласованности ее содержания может стать формирование единой информационной системы, подразделяемой в соответствии с функциональными подсистемами управления человеческим капиталом, что существенно упростит планирование работы с персоналом.

¹ Третьякова Л.А., Бражникова Н.Б. Человеческий капитал высокотехнологичных предприятий промышленности: теория формирования, практика использования, стратегия развития: монография. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 200 с.

В качестве функциональных подсистем мы рекомендуем выделять следующие направления:

- анализ внешней и внутренней среды деятельности предприятия и прогноз его развития в соответствии с миссией и стратегическими целями;
- оценка достаточности финансовых ресурсов на реализацию выбранного типа кадровой стратегии, включая формирование принципов распределения средств на стимулирование труда;
- комплексное планирование кадровой работы (потребностей в персонале, его привлечения (набора), использования и сокращения, обучения, сохранения кадрового состава, расходов на содержание, производительности труда и т.д.);
- реализация кадровых мероприятий в сферах профессионального развития работников, профориентации и адаптации, формирования команд, профессиональной подготовки, повышения квалификации и др.;
- оценка результатов реализации кадровой политики, в том числе выполненных мероприятий, выявленных проблем в кадровой работе; оценка кадрового потенциала.

Оптимизация нормативных регламентов работы с кадрами позволит предприятиям агропромышленного комплекса использовать новые внешние источники привлечения работников, что мы определяем третьим направлением функционального реформирования кадровой политики предприятия.

Использование внешних источников по покрытию потребностей в кадрах предлагается осуществлять посредством:

- привлечения в аспирантуру и докторантуру аграрных вузов соискателей ученых степеней из числа научно-перспективных работников предприятия АПК, выявленных по результатам их аттестации;
- активизации участия предприятий агропромышленного комплекса в организации и проведении всероссийских научно-практических молодежных форумов, круглых столов, конференций, ярмарок вакансий, проводимых ведущими техническими вузами страны;
- использования кадровых ресурсов базовых кафедр, созданных на предприятиях агропромышленного комплекса совместно с ведущими аграрными вузами.

В частности, реализация последнего из названных способов поиска и найма новых работников из внешних источников позволит эффективно использовать преимущества базовых кафедр, состоящие в следующем:

- дисциплины учебных планов, тематика курсовых и выпускных квалификационных работ студентов адаптируются под требования предприятий агропромышленного комплекса к содержанию и качеству подготовки специалистов необходимых направлений и уровня квалификации;
- использование материально-технической лабораторной, производственной, испытательной баз предприятий агропромышленного комплекса в учебном процессе, информационного фонда позволяет максимально приблизить учебный процесс к будущей практической работе выпускников;
- преподаватели вузов имеют возможность не только ознакомиться с передовыми научными и производственными технологиями, но и через научно-исследовательскую работу в составе научно-исследовательского сектора привнести свой теоретический вклад и знания в прикладные исследования в интересах развития аграрного сектора экономики;
- использование ведущих специалистов-практиков предприятий агропромышленного комплекса в учебном процессе базовых кафедр позволяет им передать свой опыт и знания более широкой аудитории, что затруднено для них в обычной профессиональной деятельности;
- у студентов возрастает мотивация к трудоустройству на предприятия агропромышленного комплекса, появляются реальные возможности карьерного роста после прохождения обучения на базовой кафедре;
- работники предприятий агропромышленного комплекса имеют возможность профессиональной переподготовки, повышения квалификации, дополнительного профессионального образования на базовой кафедре, непосредственно на рабочих местах, без потерь рабочего времени и денежных средств;
- имеет место существенное ускорение социализации молодых специалистов предприятий агропромышленного комплекса, сокращение временных затрат на их адаптацию к труду, а для самих молодых специалистов – на поиск работы.

Мы полагаем, что использование преимуществ базовых кафедр, наряду с другими внешними источниками поиска и найма работников, позволит предприятиям агропромышленного комплекса решить проблемы привлечения молодых специалистов и омоложения кадрового состава предприятия.

В состав направлений реализации стратегии развития человеческого капитала в сфере функционального реформирования кадровой политики предприятия нами также включено внедрение новых методов аттестации работников.

На наш взгляд, стандартные методы аттестации не отвечают современным управленческим подходам к оценке кадрового потенциала, их использование является формальным, а результаты аттестации работников нельзя признать достоверными.

Поэтому для обеспечения объективности результатов аттестации работников мы рекомендуем предприятиям агропромышленного комплекса разнообразить методический инструментарий ее проведения за счет:

- методов оценки профессиональной перспективности работников (рейтинговая оценка, классификация по ценным для предприятия ключевым компетенциям, шкалирование и ранжирование, моделирование рабочей ситуации (кейс-стади), тестирование, квалификационные работы, индивидуальные творческие задания и т.д.), позволяющих сформировать объективную и достоверную информационную основу для формирования кадрового резерва предприятия;

– метода управления по целям, позволяющего повысить мотивацию работников к росту качества и эффективности труда, поскольку их заработная плата непосредственно зависит от соответствия результатов труда целевым критериям;

– метода управления результативностью, позволяющего обеспечить достижение ключевых показателей эффективности деятельности предприятия, его целей и задач;

– метода «360 градусов», позволяющего выявить сильные и слабые качества аттестуемых работников для организационной поддержки их развития или нивелирования.

Особое внимание, по нашему убеждению, в процессе аттестации работников предприятия следует уделять работникам интеллектуального труда, что обосновывается функциональным содержанием их деятельности, связанным с проведением научных исследований.

Результаты объективной аттестации работников позволят сформировать информационный базис для совершенствования системы их стимулирования – следующего направления функционального реформирования кадровой политики предприятия.

Проведенный анализ содержания нормативных документов предприятий агропромышленного комплекса, регламентирующих организацию стимулирования труда (вторая глава работы), показал, что в них в основном отражены материальные аспекты стимулирования.

С точки зрения развития человеческого капитала, в соответствии с целевым назначением излагаемой стратегии, мы считаем это недостаточным, а поэтому предлагаем расширить инструменты стимулирования работников посредством:

– методов морального стимулирования: формирование команд (в том числе для реализации конкретных проектов), награждение по результатам экономического соревнования, научно-исследовательской деятельности, коммерциализации инновационных разработок и т.д.; применение этих методов будет способствовать мотивации работников «на достижение» и, как следствие, росту эффективности труда;

– методов организационного стимулирования: повышение качества трудовой жизни; управление профессиональной и должностной карьерой работников; привлечение работников к управлению предприятием; применение этих методов подразумевает непосредственное участие работников в разработке внутренних положений, регламентов, методик и т.д. (локальных актов в сфере организации труда), следствием чего будет являться повышение заинтересованности работников в конечных результатах деятельности всего предприятия и увеличении собственного вклада в их формирование.

Сделанный акцент на методах морального и организационного стимулирования не означает, что мы умаляем значение методов материального стимулирования работников.

В этом направлении на предприятиях агропромышленного комплекса, на наш взгляд, следует разработать механизм гибкого регулирования тарифной части заработной платы, основанный на следующих критериях: уровень профессиональной подготовки, творческий потенциал и результативность его использования, степень ответственности.

Завершающим, шестым направлением реализации стратегии развития человеческого капитала в сфере функционального реформирования кадровой политики предприятия нами определено формирование его стратегического кадрового резерва.

Общей проблемой для кадровой политики предприятий агропромышленного комплекса в области формирования кадрового резерва является методическая неразработанность этой процедуры¹.

Мы считаем, что в ее основу должны быть положены:

– прогнозирование развития предприятия и анализ динамики его кадрового состава не только в количественном, но и качественном аспекте (должностного передвижения, кадровой ротации, увольнения, ухода на пенсию и т.д.) для разработки обоснованного прогноза потребностей в кадрах с учетом трудоемкости планируемых производственных задач и наличия ресурсов;

– заинтересованность работников в зачислении в кадровый резерв предприятия; создание стимулов, формирующих у работника уверенность в том, что его зачисление в кадровый резерв обеспечит продвижение по карьерной «лестнице», повышение заработной платы, получение определенных привилегий (например, возможности обучения за счет предприятия по программе МВА, за рубежом и т.д.); развитие внутрифирменной «здоровой» конкуренции между работниками, их стремления повысить эффективность своего труда, получать и использовать новые знания;

– организация постоянного мониторинга работников на предмет оценки их перспективности;

– поэтапный отбор работников для внесения их в кадровый резерв на основе многокритериальных оценок и конкурса: на первом этапе – по формальным признакам посредством анализа кадровой документации; на втором – с участием работника посредством собеседования с ним; на третьем – комиссией, посредством принятия решения о внесении работника в кадровый резерв на замещение ключевых функциональных или управленческих должностей, с выделением краткосрочной или долгосрочной перспективы;

– своевременность ротации работников, составляющих стратегический кадровый резерв предприятия, обусловленной снижением эффективности труда, намерениями сменить место трудоустройства, асоциальным трудовым поведением или иными причинами.

В порядке обобщения изложенной стратегии развития человеческого капитала предприятий агропромышленного комплекса заметим, что стратегия не претендует на единственно допустимый способ решения этой значи-

¹ Лятегин М.А. Модель эффективного отбора управленческих работников в кадровый резерв // Менеджмент в России и за рубежом. – М., 2014. – № 3.

мой задачи. Содержание стратегии может иметь иное наполнение, быть представленным совокупностью других направлений, в зависимости от стратегии развития предприятия, его конкурентных преимуществ и ресурсного потенциала.

Филимонова Н.Н.¹

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, сельское хозяйство РФ.

Keywords: digital transformation, digital economy, agriculture of the Russian Federation.

Введение

Основными компонентами цифровой экономики для России сегодня являются потребление, электронная торговля, инвестиции, государственное управление, экспортно-импортная деятельность. Наибольшую долю в совокупном объеме цифровой экономики составляет потребление как форма виртуальной коммерции. За последние годы доля электронной торговли выросла на 35–40%, в общем объеме розничных продаж это около 5%, но все еще очень мало по сравнению со странами G20. Наибольшее распространение виртуальная коммерция получила в сегментах бытовой техники и электроники, одежды и обуви, мебели и товаров для дома. На эти категории приходится 80% рынка электронной коммерции в России. Рынок виртуальных продовольственных товаров в РФ также активно развивается, особенно в крупных городах.

Анализ данных о развитии цифровой экономики в разных странах мира

Формирование единой информационной среды – становится одной из основных задач управления, позволяющей повысить оперативность принятия управленческих решений и получить от этого положительные социальные эффекты. С развитием цифровой экономики современные компании должны научиться жить в динамичном мире постоянных инноваций и стать генераторами новых идей, т.е. занимать не выжидательную позицию, а наступательную. «Наибольшую долю в ВВП страны цифровая экономика занимает в США – 10,9%. Второе место по этому показателю занимает Китай, доля которого составляет 10,0% в ВВП страны. Доля 5 стран Западной Европы соответственно – 8,2%, а в ВВП России – 3,9% – это почти в 3 раза ниже показателей стран-лидеров развития цифровой экономики» (рис. 1)².

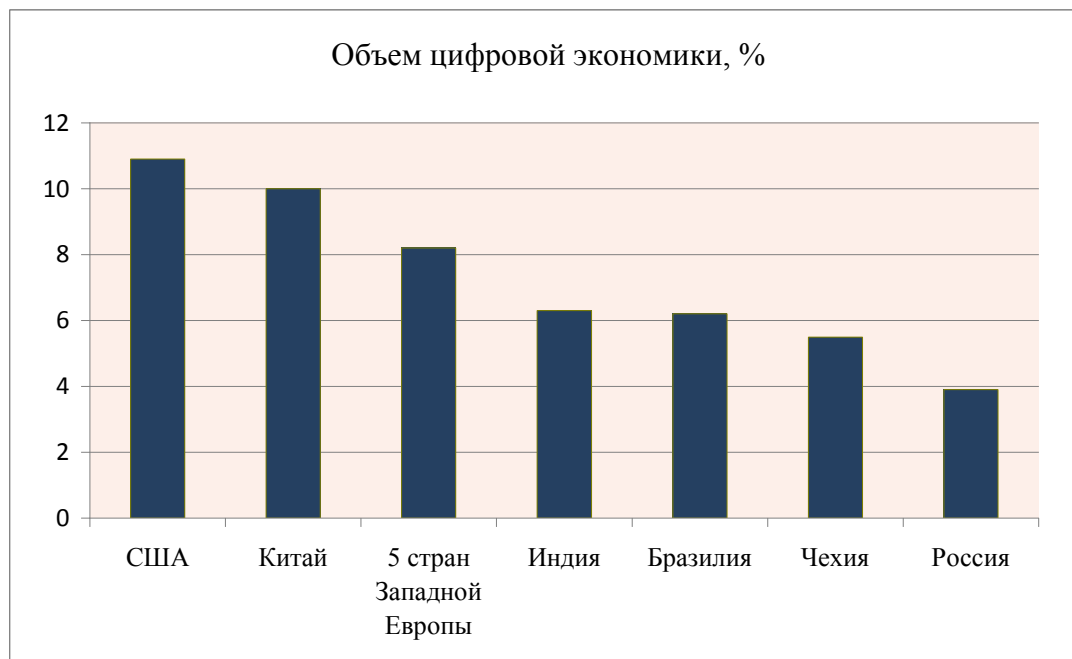

Рисунок 1.
Размер цифровой экономики в странах Запада и РФ, %

¹ Филимонова Надежда Николаевна – к.э.н., доцент, доцент кафедры «Финансы и банковское дело» Российского нового университета, Москва.

² Грибанов Ю.И., Аленина К.А. Сегевое управление как основа цифровой экономики. – <http://uecs.ru/finans-i-kredit/item/4804-2018-03-06-16-57-46>

Данные рис. 1 показывают, что такие страны как Индия с долей в цифровой экономике 6,3%, Бразилия с показателем 6,2%, Чехия со значением 5,5% также опережают Россию по доле цифровой экономики в ВВП. Все это говорит о необходимости более внимательного отношения к развитию цифровых технологий и цифровой экономики в целом. «В условиях работы с огромными объемами разнородной информации, усиления конкуренции практически в любой сфере деятельности, дефицита квалифицированных кадров надежная и качественная работа ИТ-систем предприятия позволяет быстро принимать правильные управленческие решения, контролировать деятельность организации в режиме реального времени»¹.

Таким образом, РФ значительно отстает от ведущих стран по развитию цифровых технологий и цифровой экономики в целом, а также качественной нормативно-правовой среды, способствующей развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), существующей ИКТ-инфраструктуры, включая кадровое обеспечение, взаимодействия между государством, бизнесом и обществом в области развития, внедрения и распространения ИКТ и производительности труда.

Это отставание может привести к тому, что в ходе изменения формы организации экономической деятельности, наступающим в результате повсеместного внедрения ИКТ и трансформации структуры мировой экономической системы, Россия не сможет создать достаточно конкурентоспособную конфигурацию национальных ресурсов, которая будет способна обеспечить производство, внедрение и коммерциализацию продукции, соответствующей шестому технологическому укладу, и, как следствие, обеспечить высокий уровень жизни граждан страны.

9 мая 2017 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы. На основании данной стратегии Правительством РФ была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации»². Основными целями данной программы является создание экосистемы цифровой экономики в РФ, необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера, необходимых для преодоления ограничений развития базовых и зарождающихся отраслей экономики, повышения конкурентоспособности как отдельных элементов экономики РФ, так и в целом всей системы.

Так, по оценкам экспертов компании McKinsey, до 34% от общего увеличения ВВП РФ к 2025 году будет достигнуто за счёт влияния цифровой экономики. Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. полагают, что для реализации мероприятий по развитию цифровой экономики нужно провести глобальную цифровизацию страны, что предусмотрено стратегией развития России до 2024 года³.

Рассмотрим в этом отношении более подробно отрасль сельского хозяйства.

Текущий уровень цифровизации отечественного сельского хозяйства вызывает серьезную обеспокоенность: недостаток научно-практических знаний по инновационным современным агротехнологиям и методологии, отсутствие глобального прогноза по ценам на сельхозпродукцию, а также неразвитость системы логистики, хранения и доставки приводят к высоким издержкам производства. Небольшое число сельскохозяйственных товаропроизводителей обладают финансовыми возможностями для закупки новой техники, использования ИТ-оборудования и платформ.

Возможности для модернизации отрасли огромны, продовольственная безопасность страны и развитие экспортного потенциала, превращают сельское хозяйство в высокотехнологичную отрасль, способную не только обеспечить продовольствием себя, но и многие страны мира, а также создать возможности для внедрения новых инновационных разработок, не существовавших ранее, стимулировать принятие управленческих решений, способных обеспечить население качественными и безопасными продуктами.

Размер затрат ИКТ по разделу «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», по данным Росстата в 2015 году составили 4 млрд. руб., что составляет 0,34% от всех ИКТ-инвестиций во все отрасли хозяйства, в 2017 году 0,85 млрд. руб. или 0,2%⁴. Это самый низкий показатель по отраслям, что свидетельствует о низкой цифровизации отечественного сельскохозяйственного хозяйства, однако эта цифра подчеркивает, что отрасль обладает наибольшим потенциалом для инвестиций в ИКТ технологии.

Трансформация сельского хозяйства Российской Федерации включает в себя цифровизацию следующих направлений производства⁵:

- Растениеводство, первичная переработка, ускоренная селекция и генетика;
- Овощи открытого и закрытого грунтов, тепличная отрасль;
- Фрукты и ягоды, технологии переработки и хранения;
- Аквакультура, рыбоводство, технологии переработки;
- Птицеводство и животноводство, питание, ускоренная селекция и генетика.

¹ Филимонова Н.Н. Аутсорсинг информационных технологий в России // Двадцать четвертые апрельские экономические чтения: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. д.э.н., доц. В.А. Ковалева, д.э.н., проф. А.И. Ковалева. – Омск, 2018. – С. 169–174.

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – <http://government.ru>

³ Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Роль цифровых технологий в стратегии развития страны – 2024 // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: X Международная конференция. Сб. трудов. Международная академия информатизации, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)» / Отв. Ред. и сост. Т.В. Пирязева, В.В. Серов. – М.: Спутник+, 2018. – С. 116–118.

⁴ Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru>

⁵ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства «Цифровое сельское хозяйство» / Аналитический центр Минсельхоза РФ. – <https://www.mcsxas.ru/>

Программа также непосредственно влияет на:

- государственную поддержку производителя;
- финансовый и страховой секторы;
- средства производства сельхозпродукции;
- инфраструктуру хранения и обработки, логистические и сбытовые цепочки;
- процессы надзора и контроля;
- образовательные процессы и состав программ обучения.

Целями цифровой трансформации сельского хозяйства являются:

- рост вклада в экономику в 2024 году – до 8,9 трлн. руб.
- рост экспортной выручки в перспективе 2025 года до 45 млрд. долл.
- создание, диспетчеризация и агрегация потоков данных для создания сквозных цепочек от производства сельхозпродукции до потребления с глубокой интеграцией в смежные отрасли цифровой экономики как инструмент повышения производительности труда в сельском хозяйстве и максимизации прибыли предприятий отрасли.

Ключевыми задачами программы являются:

- создание технологий, упрощающих процесс кредитования и страхования сельскохозяйственного производства, снижение сроков предоставления государственных услуг (субсидии, дотации и др.) с учетом наличия объективных цифровых данных о субъекте, упрощение документооборота; задача – стимулирование внедрения цифровых технологий, рост оборота и производительности труда хозяйствующих субъектов;

- внедрение цифровых инструментов для использования информационных ресурсов, платформ и технологий, повышающих эффективность производства (точное земледелие, контроль вегетации, цифровое поле – стадо и т.п.), способствующих улучшению контроля и надзора, обеспечивающих эффективность управления (анализ баланса производства и потребления, экспорта, конъюнктуры рынка на всех уровнях, создание эффективной цепочки сбыта от производителя до потребителя);

- использования финансово-регуляторных инструментов для сглаживания сезонных спадов и информационных инструментов управления наличием биржевых товаров на складах хранения (зерно, масло, сахар, сухое молоко и пр.);

- повышение эффективности взаимодействия участников между собой и с государством с переходом в цифровой формат, интеграция информационных ресурсов и удобный быстрый доступ к ним неограниченного авторизованного количества пользователей (электронное сопровождение сделок, электронные складские расписки, акты приема товара на переработку и др.);

- развитие цифровой среды дистанционного аграрного образования и рынка профессионального агроконсультирования;

- повышение привлекательности работы в сельском хозяйстве, увеличение спроса на специалистов ИТ в сельскохозяйственной отрасли, повышение уровня доходов на селе;

- обеспечение совместимости процессов и стандартов производства продукции с общемировыми для выхода России на лидирующую позицию как экспортера сельхозпродукции;

- обеспечение участников сельхозпроизводства доступом к платформе макропрогнозирования спроса, платформам управления сельхозтехникой, прогнозам погоды и средствам объективного контроля вегетации, инструментам планирования и управления производством с элементами Big Data и AI, тесная интеграция процессов цифрового сельского хозяйства с платформами, разрабатываемыми в процессе реализации цифровой экономики¹.

Предметными задачами цифровой трансформации сельского хозяйства являются²:

- формирование базового набора процессов и методологии цифрового сельского хозяйства, в целях эффективного и оперативного использования имеющихся ресурсов для внедрения экономически обоснованных наилучших доступных технологий и практик, повышающих рентабельность сельскохозяйственного производства, обеспечивающих возможность производства сельскохозяйственной продукции в сквозной цифровой среде «от поля до прилавка»;

- запуск платформы для производителей, способствующей формированию динамических сезонных KPI управления растениеводством – «Эффективный гектар», и животноводством – «Эффективная голова», позволяющей эффективно использовать имеющиеся у производителя ресурсы: мощности машинно-тракторного парка, кадры, показатели прибыли, рентабельности и затрат, значения себестоимости продукции по отраслям, прогнозы по сбыту, фьючерсы закупочных цен на продукцию внутри России и для экспорта продукции;

- разработка функциональных требований к отечественной аппаратуре дифференциального позиционирования по сигналам ГЛОНАСС/ГНСС для систем цифрового и «точного земледелия»;

- внедрение платформ объективного мониторинга и управления транспортной и логистической инфраструктурой в сельском хозяйстве;

- создание инновационных хозяйств как площадок для отработки технологий и обучения;

- внедрение платформ «Интернета вещей» (киберфизические системы) для управления сельхозтехникой, теплицами, инструментами, потоками используемых материалов, повышения энергоэффективности производства, управления системами прослеживаемости и т.д.;

- обеспечение международной совместимости применяемых стандартов и протоколов с целью постепенного импортозамещения доминирующих на рынке сельскохозяйственного производства зарубежных технологий.

¹ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства «Цифровое сельское хозяйство» / Аналитический центр Минсельхоза РФ. – <https://www.mcsxas.ru/>

² Там же.

- обязательная локализация данных телеметрического контроля;
- применение технологий цифрового анализа структуры, состава и состояния почв, мониторинга посевов для повышения урожайности и предиктивного анализа урожая, вредителей и т.д.;
- разработка технических требований и внедрение отечественной аппаратуры дифференцированного внесения удобрений и химикатов для систем цифрового и точного земледелия на основе цифровых почвенных карт показывающих особенности свойства на каждом участке поля;
- апробация, анализ и внедрение цифровых технологий управления сберегающим земледелием (биологизация производства), применяемые на всех этапах/технологических операциях производства (прямой и полосовой посев, дифференцированное внесение удобрений, контролируемый проезд техники (СТФ), эффективная уборочная и послеуборочная логистика и т.д.);
- цифровизация животноводства и использование технологий «цифрового стада», внедрение процессов жизненного цикла и прослеживаемости для обеспечения высокого качества, в том числе для экспорта продукции животноводства («зеленые коридоры»);
- проведение работ по стандартизации форматов и протоколов обмена данными между информационными системами управления производством для роста конкуренции поставщиков цифровых решений с приоритетом отечественным разработчикам программного обеспечения при соблюдении совместимости с общемировыми стандартами;
- развитие цифровых технологий отечественной селекции и генетики (в том числе на основе технологии блокчейн), ускоренное выведение и производство новых сортов растений и пород животных, адаптированных к конкретным почвенно-климатическим условиям регионов, с высоким потенциалом урожайности, привесов и устойчивости к болезням и повреждению вредителями с созданием в регионах селекционно-семеноводческих центров;
- содействие в разработке и внедрению в систему высшего и среднего профессионального образования новых образовательных программ и стандартов обучения по инновационным технологиям цифрового земледелия (в т.ч. применение прямого посева, технологии точного земледелия, биотехнологии и т.д.), в курсы повышения квалификации кадров для АПК, обеспечение комплекса мер по трансферу знаний и распространения технологий сберегающего земледелия и биотехнологий в сельхозпроизводстве;
- создание сквозной платформы контроля процессов производства сельхозпродукции для обеспечения работы систем социального питания России;
- формирование наборов данных и процедур для создания информационных систем торгов, закупок, управления экспортом и импортом продукции сельского хозяйства;
- интеграция информационных систем участников рынка и государства в распределенную и открытую «метасистему», обеспечивающую интеграцию баз знаний по инновационным технологиям для экологической и экономической эффективности сельского хозяйства по всем рабочим системам, включая системы прослеживаемости, данные по семенному и генетическому фонду, поставщиков удобрений и т.д.¹

Реализация программы будет способствовать развитию новой аграрной технологической политики Российской Федерации и росту в смежных отраслях: ИКТ, производство инновационной с/х техники, а также оборудования для точного земледелия, биологических препаратов (СЗР, стимуляторов и удобрений), оптимизации использования минеральных удобрений и химических СЗР, снижению воздействия на окружающую среду, развитию селекционно-семеноводческих центров, внедрению новых образовательных стандартов в программы обучения в аграрных вузах и колледжах, а также на курсах повышения квалификации, профессиональной службы аграрных консультантов, оптимизации процессов жизненного цикла сельскохозяйственной отрасли за счет цифровизации процессов.

Цифровизация в сельском хозяйстве предоставляет возможность создавать сложные автоматизированные производственно-логистические цепочки, охватывающие розничные сети, оптовые торговые компании, логистику, сельхозпроизводителей и их поставщиков в единый процесс с адаптивным управлением. В свою очередь, цифровизация товарных потоков и производства делают возможным системное аккумулирование торговых партий для экспорта продукции АПК. Программа создает условия для привлечения частного финансирования разрабатываемых платформ и приложений сельхозпроизводителей, активное привлечение услуг по агроконсультированию.

Сценарий цифровой трансформации предполагает системную, ускоренную цифровизацию сельскохозяйственного производства и интеграцию с направлениями программ цифровой экономики. Программа диктует необходимость инклюзивного использования логистических грузоперевозок, стимулирование внутреннего потребления, развитие экспорта продукции и построение платформ, обеспечивающих сквозные цифровые решения для формирования добавленной стоимости и обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса.

Сценарий подразумевает поэтапное развитие цифровизации отечественного сельского хозяйства в производственных циклах. Учитывая «горизонтальный характер» трансформируемой отрасли в целом, это обеспечит создание цепочек жизненного цикла производства и реализации продукции (рис. 2)².

На *первом этапе* участники программы совместно с Министерством сельского хозяйства РФ формируют и обеспечивают процесс определения динамических сезонных КРП по отраслям сельского хозяйства. Создается Национальный союз Цифровой трансформации сельского хозяйства, который будет выступать как Центр Компетенции программы, обеспечивающий не дискриминационный доступ к программе всем заинтересованным участниками агропр-

¹ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства «Цифровое сельское хозяйство» / Аналитический центр Минсельхоза РФ. – <https://www.mcsxas.ru/>

² Там же.

мышленного рынка. Союз также отвечает за взаимоотношения по развитию евразийских контактов в области цифровизации сельского хозяйства.

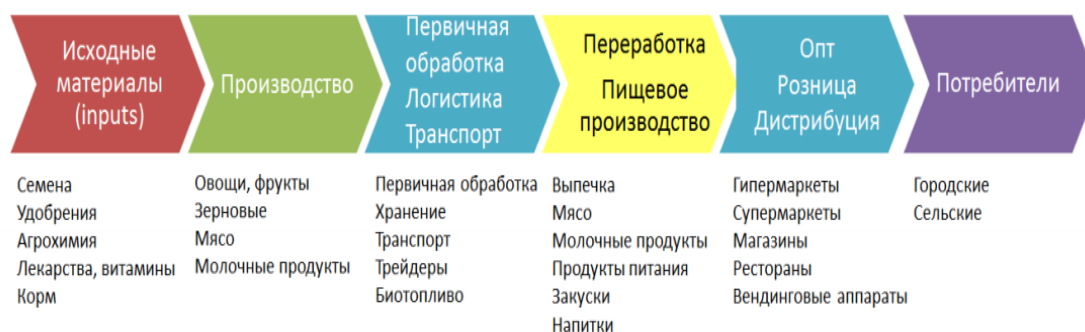

Рисунок 2.

Жизненный цикл производства и реализации сельскохозяйственной продукции

Ключевой задачей Союза станет изучение эффективности применения цифровых технологий, координирование пилотных внедрений на предприятиях в регионах РФ. Союз будет вести открытый справочник доступных технологий, и давать рекомендации российскому промышленному комплексу для производства, локализации, разработке и импортозамещению технологий, имеющих первостепенное значение. Союз будет проводить работу по взаимодействию с государственными и муниципальными органами власти по вопросам эксплуатации цифровых технологий и адаптации законодательства, а также по координации с другими направлениями цифровой экономики. Союз займется аналитическими исследованиями, направленными на цифровое развитие АПК, анализ мировых тенденций, раскрытие экспортных возможностей и выработку рекомендаций по поддержке отечественных производителей цифровых решений для АПК¹.

На *втором этапе* (2019–2024 гг.), который затрагивает крупные и средние сельскохозяйственные производства происходит масштабирование апробированных технологий хозяйствующими субъектами, в том числе используя меры стимулирования, за счет смещения господдержки в пользу предприятий, внедряющих процессы и технологии цифровизации с использованием методов объективного контроля за производством. Это, в свою очередь, позволит сельхозпроизводителям интегрироваться в мировое пространство, используя мировые стандарты соответствия требованиям качества и прослеживаемости продукции. Формируются и запускаются технологические и организационные основы для дистанционного обучения и повышения квалификации работников АПК с доступом к самым передовым технологиями в области сельского хозяйства и переработки продукции.

На *третьем этапе* (2022 г. и последующие годы) создается сквозная система информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства, в результате будут оцифрованы все циклы сельхозпроизводства, что обеспечит снижение себестоимости и повысит доступность продукции, в том числе за счет минимизации участия посредников в сбытовых цепочках. Произойдет цифровая фрагментация (разделение труда) и «уберизация» хозяйств (например, хозяин крупного рогатого скота и молочного производства отвечает только за кормление, выгул и дойку, поставку кормов, лекарств, убой, вывоз продукции осуществляют специализированные компании).

В целом, экспертная команда программы цифровой экономики полагает, что в рамках цифровой трансформации должно создаваться множество информационных платформ, большинство из которых должны быть открытыми для участников индустрии. Это должно ускорить внедрение цифровизации, обеспечить конкуренцию между IT компаниями и консалтинговыми агентствами и обеспечить достоверность оборота данных в сельском хозяйстве. Долина О.Н. по этому поводу отмечает, что «в качестве механизма обеспечения эффективной реализации долгосрочных проектов развития прогрессивных технологий, социальной сферы может стать программно-целевой метод финансового планирования, использование которого позволит наиболее эффективно планировать и использовать все ресурсы»².

Заключение

К 2024 г. профильные вузы осуществляют первые выпуски и в полной мере реализуют программы по подготовке специалистов в области обработки данных, поддержки платформ, микроэлектроники и цифрового оборудования сельского хозяйства. Средние и мелкие товаропроизводители повысят производительность труда через фрагментацию производства, уберизацию и образование производственных цепочек с контролируемым жизненным циклом продукции. Существенно повысится качество сельскохозяйственной продукции, а Министерство сельского хозяйства РФ получит возможность прогнозировать цену на основные продукты перед началом сезона, в результате повысится продовольственная безопасность РФ.

¹ Концепция «Научно-технологического развития цифрового сельского хозяйства «Цифровое сельское хозяйство» / Аналитический центр Минсельхоза РФ. – <https://www.mcsxas.ru/>

² Долина, О.Н. Тенденции развития финансовой системы России: проблемы и перспективы/ О.Н. Долина // Двадцать вторые апрельские экономические чтения. Материалы международной научно-практической конференции. Под ред. В.А. Ковалева и А.И. Ковалева. – 2016. – С. 20–23

Фролова В.Б.¹

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ключевые слова: цифровые технологии, финансовый менеджмент, корпорации, модели бизнеса, затраты, эффективность, целевые ориентиры.

Keywords: digital technologies, financial management, corporations, business models, costs, efficiency, targets.

Введение

Современные условия хозяйствования характеризуются активной трансформацией внешней среды бизнеса. Наблюдается высшая ступень технократизации, которая характеризуется не только заменой некоторых физических действий человека и облегчением его труда, но и выполнением интеллектуальных действий восприятия информации, ее обработки, самообучения, повторения действий и принятия определенных решений, в том числе и в области финансового менеджмента.

Современные тенденции в развитии организации процессов управления предопределены тем, что упрощаются сбытовые процессы путем перехода в Интернет-пространство независимо от «размера» и стоимости приобретения. Здесь основным фактором развития является доступность Интернета. По данным статистики, с 2011 года по 2017 год доля населения, охваченного стационарным доступом в Интернет, возросла с 12,2 до 21%.

Сбор и обработка информации об интересах, вкусах и объемах спроса клиентов позволяет составить производственный план с минимальным запасом материалов, готовой продукции, товаров. Что в итоге приводит к значительному снижению материальных и стоимостных затрат, а также снижению вероятности возникновения рисков ситуаций.

Анализ развития финансового менеджмента корпораций

В крупных корпоративных структурах создается система «дублер» всех процессов и так называемая система «цифровое предприятие». На такие системы уже полностью перешли или находятся в стадии активного перехода практически все крупные корпорации, в частности, Газпромнефть, Аэрофлот, Северсталь, Черкизово, НПК ОВК, Полиус, Ростелеком, КАМАЗ, СУЭК, Росатом и другие. Такая система позволяет в режиме реального времени отслеживать производственные и управленческие процессы, накапливать статистическую информацию, обрабатывать ее, отслеживать отклонения от заданных параметров, объединять ранее несовместимые данные разного характера, формируемые в различных системах отчетности. Причем, если раньше в рамках Big Data² входящая информация должна была быть представлена в структурированном виде, то современные системы искусственного интеллекта принимают информацию в любом виде и самостоятельно ее структурируют, обрабатывают, подводят итоги, выявляют закономерности, проблемные ключевые точки. Благодаря этой системе возможно отслеживание поступления и расходования запасов сырья и материалов, оптимизация структуры источников финансирования³ и производственного процесса, формирование плана производства в соответствии с потребностями покупателя, заказчика, клиента.

Результаты опроса PWC⁴ показали, что порядка 98% участников крупного бизнеса активно внедряют в систему управления новые технологии. Доля принципиально новых технологий ежегодно возрастает, в результате к концу 2017 года около 14% всех технологий были принципиально новыми.

Результаты опроса KPMG⁵ показали, что большинство крупных компаний России встали на путь цифровой трансформации, но не у всех есть уже выработанная комплексная программа цифровизации. Новые решения внедряются поэтапно, не всегда логично и последовательно, т.е. часто цифровые решения носят разрозненный характер, что приводит к снижению эффекта реализации проводимых мероприятий.

¹ Фролова Виктория Борисовна – к.э.н., профессор департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета.

² Цветков В.Я. Большие данные в финансовом менеджменте // Актуальные проблемы финансового менеджмента: материалы Межд. научно-практич. Конференции / Институт гуманитарных наук, экономики и информационных технологий; гл. ред. К.В. Ордов; отв. за выпуск С.В. Шайтура. 2016. – С. 360–367.

³ Фролова В.Б. Диверсификация источников финансирования путем оптимизации альтернатив // Двадцать первые апрельские экономические чтения: материалы Международной научно-практич. Конференции / Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. 2015. – С. 90–94.

⁴ Официальный сайт – Петербургского международного экономического форума. – <https://www.pwc.ru/spief.html>

⁵ Официальный сайт аудиторских услуг. – www.kpmg.ru

Ожидание инвесторов цифровизации оптимистичнее других сфер инвестирования, в частности, более половины крупных компаний ожидают окупаемость инвестиций уже через 2–3 года.

Внедрение цифровых технологий приводит к изменению подходов к управлению корпорацией, в частности, возрастает роль нефинансовой информации, уровень развития которой становится приоритетным фактором роста конкурентоспособности корпорации, а следовательно, определяющим фактором роста стоимости корпорации.

Стремление корпорации перейти к цифровому предприятию продиктовано стремлением снижения временных, трудовых и материальных затрат. При этом формулируются основные целевые ориентиры, кроме традиционных, такого перехода, например¹:

- создание единого корпоративного оперативного плана счетов;
- возможность гибкого управления, добавления блоков, расширения уровня детализации;
- отбор значимых факторов, позволяющих увеличить точность предсказаний;
- возможность блокировки ошибочного платежа.

Основной проблемой при этом является необходимость трансформации информации из одной базы в другую, адаптация входящих данных разного характера, так называемого мэппинга.

Еще одним направлением является работа с персоналом. В рамках решения вопроса безопасности информации и разграничения функциональных обязанностей, строятся матрицы процессов, ролей, функций. Взаимное наложение матриц позволяет находить точки совпадений, на основе которых регулируются уровни доступа к информации, таким образом, создается прообраз должностных инструкций и обеспечивается информационная безопасность.

Кроме того, цифровые преобразования, по мнению автора, приводят к изменению системы планирования², которая должна строиться исходя из прогнозируемых потребностей заказчиков и покупателей и на основе маркетингового анализа рынка. Электронная система позволяет строить формировать сеть поставщиков и оптимизировать цепочку поставок, что позволяет значительно сокращать трудовые, материальные и финансовые затраты на реализацию товаров, работ, услуг. Примером электронных систем планирования является MRP - I, MRP-II, ERP и многие другие.

Таблица 1

Технологии обеспечения процесса планирования³

Обозначение	Назначение	Функции
MRP- I	Планирование потребности в материальных ресурсах	Формируется на основе логистических и производственных данных с учетом специфики материалов, складских условий, плана производства и потребностей заказчика.
MRP-II	Планирование производственных ресурсов	Планирование ресурсов производственного назначения для обеспечения бесперебойного выпуска продукции, закупок сырья, материалов, полуфабрикатов.
ERP	Система планирования ресурсов	Обеспечивает согласование решения задач учета, контроля, планирования, управления производственными ресурсами, оптимизации денежных потоков.

К преимуществам таких систем автор относит возможность применения данных в финансовом менеджменте посредством их интеграции с контроллинговыми и финансовыми отчетами. С точки зрения финансового менеджмента, главной задачей становится урегулирование входящих и исходящих денежных потоков, генерируемых планируемыми процессами.

Цифровизация является стимулом для развития корпоративного управления. Меняются взаимосвязи, обеспечивающие финансовые отношения в корпорациях⁴. Как следствие изменения технологических процессов наблюдается трансформация экономического, финансового и социального взаимодействия агентов.

В основе финансового менеджмента лежит система финансовых отношений корпоративного сектора с участниками внутренней и внешней среды бизнеса. Такие отношения в современных условиях переходят на электронное обеспечение, тем самым, сокращая временные, трудовые, материальные и финансовые затраты.

В процессах взаимодействия корпоративного сектора с потребителем основной проблемой является недостаточная техническая оснащенность и безграмотность потребителя. Кроме того, наблюдаются определенные тенденции трансформации системы финансовых отношений в направлении сокращения роли финансовых посредников. Новые технологии⁵ направлены на сокращение циклов передачи и обмена информации, снижение транзакционных расходов путем создания электронных систем прямого перемещения денежных средств, нахождения точек взаиморасчетов и взаимозачетов. Электронные системы позволяют на основе сбора и обработки большого объема информации, в том числе и не структурированной осуществлять риск-ориентированное управление с максимальным учетом всех факто-

¹ Фролова В.Б. Финансовый менеджмент: понятийный аппарат // Экономика. Налоги. Право. – 2011. – № 5. – С. 72–82.

² Беляева Т.П., Затворницкий А.П. Оптимальное планирование комплексных проектов создания электронной компонентной базы // Информационные системы и технологии. 2011. – № 3 (65). – С. 5–10.

³ Составлено автором по материалам Портала «Управление производством». – www.up-pro.ru

⁴ Фролова В.Б. Некоторые аспекты финансового менеджмента корпораций в условиях современных экономических реалий России // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – М., 2018. – Т. 17, № 4. – С. 137–144.

⁵ Фролова В.Б. Практические аспекты применения информационных технологий в области управления финансами организаций // Сборник материалов международной научно-практической конференции / Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ. 2017. – С. 136–139.

ров риска и вариантов их снижения и устранения, что со временем приведет к утрате значения страхования в корпоративных отношениях. Система электронного бизнеса, в первую очередь, ориентирована на потребителя, заказчика, покупателя, расширяя возможности выбора в сделках продажи, перепродажи и посредничества через электронные ресурсы.

Таким образом, к предпосылкам изменений в организации финансового менеджмента автор относит: развитие автоматизации расчетных и аналитических процессов; возможность форматирования финансовых и цифровых данных; применение новых продуктов и технологий; развитие Big Data; развитие приемов обеспечения информационной безопасности; доступность обновления и верификации информационных массивов; применение универсальных механизмов управления с гибкими системами учета отраслевых особенностей; совершенствование ранее разработанных методов и моделей.

Интеграция технологических возможностей и процессов управления должна найти отражение в результирующих синергических эффектах реализации управленческих решений в управлении активами, производством, запасами, реализацией, кадровой политики.

Следует отметить, что реализация технических решений обеспечения управленческих задач весьма разнообразна и сопровождается широким спектром разработок программных продуктов. К самым популярным технологиям, нашедшим наибольшее распространение среди российских компаний, можно отнести: роботизацию, в частности, технологию RPA, чат-боты, анализ больших данных, машинное обучение.

Внедрение таких технологий, по мнению автора, дает ряд преимуществ в области финансового менеджмента. Основным преимуществом является возможность получения рыночной и финансовой информации в режиме real-time. Снижение затрат, в том числе и транзакционных, вследствие внедрения новых информационных технологий дает возможность получить дополнительный доход и дополнительную прибыль. Применение новых форм кредитования и расчетов без посредников позволяет сократить время операции и снизить затраты в части транзакций. Сокращение посредников, в первую очередь финансовых, путем создания системы прямого кредитования, мгновенных платежей и взаимозачетов. Рост гарантий исполнения обязательств посредством смарт-контрактов¹, что снижает риск и потребность в дополнительном финансовом обеспечении исполнения договорных обязательств. Очевидно, что необходима выработка новых показателей оценки эффективности деятельности корпораций, отражающих результативность применения новых технологий, например, CPM (cost-per-millennium) – это основной показатель стоимости рекламы 1000 баннеров, а CTR (click-through-rate) – это основной показатель эффективности баннерной рекламы, определяемый соотношением количества нажатий на баннер к общему количеству показов баннера.

Очевидно, что развитие процессов цифровизации призвано привести к снижению основных проблем финансового менеджмента, таких как отсутствие четких ориентиров принятия управленческого решения, недостаточность оснований для достоверности прогнозных показателей, неразвитость риск-ориентированности в управлении, сомнения в достоверности предоставляемой информации. Между тем, автором выявлены проблемы технического характера такие как отсутствие у потребителей соответствующего оснащения; недостаточность и неравномерность развития сетей мобильной связи и Интернета; отставание кадров от развития процессов цифровизации.

Основываясь на вышеизложенном, автор считает, что необходимо создавать благоприятные условия для стимулирования бизнеса к реализации инновационных способов хозяйствования, в частности, необходимо провести мероприятия, направленные на совершенствование некоторых элементов институциональной среды, в первую очередь, финансового сектора как кровеносной системы межхозяйственных отношений.

Изменение технологического обеспечения финансового менеджмента, устранение рутинных функций, расширение спектра результатов аналитики больших данных, повышение точности в предсказании ожидаемых вариантов развития событий на основе выборки наиболее значимых факторов-сигналов, реально оказывающих воздействие на результат при любом изменении прочих менее значимых условий, позволяет создавать новые модели² принятия решений финансовым менеджментом.

Заключение

Следовательно, на современном этапе действия финансового менеджмента, связанные с его развитием, должны быть направлены на разработку концептуальной информационной модели, ориентированной на реализацию функций и выполнение задач финансового менеджмента, в соответствии с новыми требованиями изменяющейся среды; формирование единой информационной базы, объединяющей все аспекты финансового менеджмента; генерирование вариативных комбинаций ключевых параметров и факторов их формирующих с целью снижения уровня неопределенности прогнозируемых событий.

¹ Шкурко М.И. Программные средства автоматизации обработки информации в системе документооборота на базе распределенной архитектуры с применением SMART- технологий: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. техн. наук. / Московский государственный университет печати. – М., 2008. – 25 с.

² Фролова В.Б. Трансформация моделей управления финансами холдинга // Финансовый менеджмент в условиях новой промышленной революции: тенденции и перспективы. 2018. – С. 191–193.

Цёхла С.Ю.

д.э.н., Заслуженный деятель науки и техники Республики Крым, профессор, Крымский федеральный университет

Симченко Н.А.

д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹

Ключевые слова: цифровизация, промышленность, организация, взаимодействие, сотрудничество, интеграция, развитие.

Keywords: digitalization, industry, organization, interaction, cooperation, integration, development.

Четвертая промышленная революция продолжает вносить коррективы в национальную экономику. Цифровизация становится реальностью современного общества, стремительно вытесняет старый уклад, а благодаря ее внедрению повышается эффективность многих отраслей производства. Цифровые технологии меняют всю структуру экономики, производственные отношения, требования к организации взаимодействия.

В Российской Федерации приняты документы стратегического планирования, предусматривающие меры по стимулированию развития цифровых технологий и их использование в различных секторах экономики. Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначена цель «преобразования приоритетных отраслей экономики, в том числе промышленности, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений»².

В Указе Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» отражены цели и стратегические национальные приоритеты при развитии информационного общества государства. В этом документе экосистема цифровой экономики рассматривается через партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных Интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан»³.

По мнению специалистов, «в современном мире кооперация часто оказывается эффективнее конкуренции. Участники российской цифровой экономики ищут баланс между ними и учатся сотрудничать друг с другом»⁴. В процесс вовлекается все больше участников, и их организованное взаимодействие по созданию цифрового производства обеспечивает эффективную реализацию стратегических задач на промышленном и социальном уровнях.

В России уже есть примеры таких партнерств, которые стали для рынка гораздо выгоднее конкуренции, при этом не отменяя ее. В отрасли мобильной связи при решении задачи быстрого и эффективного развертывания сетей связи четвертого поколения крупнейшими мобильными операторами (МТС, «Вымпелком», «МегаФон» и «Теле2») определены соглашения по переходу от совместного использования пассивной инфраструктуры (вышек, оптоволокна, энергетики и т.д.) к взаимопользованию всеми ресурсами и инфраструктурным оборудованием (базовые станции, антенны, радиочастотный спектр). По оценкам операторов, совместное использование частотного спектра позволяет сократить их расходы на 30%⁵.

Цифровое развитие промышленности нацелено на создание интегрированных технологических систем по комплексному проектированию и производству конкурентоспособной продукции нового поколения⁶. В связи с этим вопросы поиска не только технологий и их внедрения, но и организации взаимодействия в условиях цифровизации становятся стратегически значимыми.

Цифровизация как трансформация деятельности, подразумевающая использование цифровых технологий для оптимизации бизнес-процессов, повышения производительности и улучшения опыта взаимодействия, открывает новые способы автоматического управления, экономии ресурсов и повышения эффективности производства. Все это проявляется через снижение количества ошибок, ускорение производства, улучшение качества изделия, сокращение

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00346.

² Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». – <http://www.pravo.gov.ru>

⁴ Кальман О. В поисках баланса между конкуренцией и кооперацией. Издание ЦИПР. 22–24 мая Иннополис. – С. 20.

⁵ Там же, с. 23.

⁶ Симченко Н.А., Цёхла С.Ю. Цифровые двойники в экономическом развитии диджитализации промышленности Крыма // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. – Т. 5 (15), № 1. – С. 67.

издержек на производстве, повышение эффективности и времени обучения персонала, эффективное проведение реалистичных демонстраций изделия.

Цифровое производство представляет собой взаимосвязанную рабочую среду, где очень важно управлять внутренними и внешними кооперационными связями и сквозными производственными процессами. Цифровые технологии позволяют значительно увеличить эффективность всех промышленных процессов, а также получить коммерческий результат. Цифровизация в промышленности важна как в собственном корпоративном периметре (цифровизации объектов), так и в межкорпоративном взаимодействии (межобъектной среде).

Цифровизация объектов нацелена на: 1) совершенствование продукции для улучшения качества и конкурентоспособности с развитием технологий, 2) автоматизацию производства и других внутренних процессов для повышения производительности, 3) интеллектуализацию корректировки процессов для повышения результативности деятельности.

Концепцией построения и развития узкополосных беспроводных сетей связи «Интернета вещей» на территории Российской Федерации среди пяти ключевых отраслей по внедрению IoT выделена промышленность. Отмечается, что «практически все промышленные производства стремятся перейти на очередную ступень цифровой эволюции»¹.

В настоящее время существенными препятствиями цифровой промышленной интеграции выступают:

- разрозненность используемых датчиков информации;
- использование различных цифровых платформ с разной результативностью;
- недостаточное качество связи с малодоступными частотами.

Цифровое межкорпоративное взаимодействие в рамках делового сообщества улучшит внешние коммуникации и каналы продвижения, но требует системной интеграции, наличия соответствующих цифровых платформ, облачной среды.

Доступность информации – один из главных факторов успеха. Он предполагает постоянное обследование информационного поля и требует высокой безопасности информации и всей системы.

На отраслевом и межотраслевом уровнях необходима инфраструктура цифрового взаимодействия субъектов промышленного производства, объединяющая технологии и сервисы, востребованные субъектами промышленного производства. Цифровизация промышленных предприятий требует «чистоту» (прозрачность) данных, их оперативность и достоверность.

Обеспечение интероперабельности (совместимости) систем промышленных предприятий, функционирование единой цифровой платформы позволят реализовывать цифровые бизнес-модели и диверсификацию промышленного бизнеса.

Постановлением² Правительства Российской Федерации установлены «Правила предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания или развития производства высокотехнологичной промышленной продукции». В целях создания и развития производства высокотехнологичной промышленной продукции выделяются средства в рамках подпрограммы «Содействие проведению научных исследований и опытных разработок в гражданских отраслях промышленности» государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»³.

Главной мотивацией к переходу на цифровые платформы в управлении технологическими процессами промышленности становятся новые требования к продукту: высокая технологичность, снижение стоимости продукта и его жизненного цикла. Сами цифровые платформы должны отвечать основным критериям взаимодействия (табл. 1).

Таблица 1

Критерии взаимодействия на цифровых платформах

Название критерия	Сущность проявления
1. Алгоритмизация взаимодействия участников платформы	Процедуры взаимодействия участников детерминированы и реализуются в рамках установленного алгоритма. Само множество этих процедур взаимодействия ограничено и описано.
2. Взаимовыгодность отношений участников платформы	Организационный, технологический, экономический эффект взаимодействия
3. Значимость количества участников деятельности (масштаб), использующих платформу для взаимодействия	Значимость оценивается в отношении всего множества потенциальных участников платформы: сообщества, отрасли экономики, страны
4. Наличие единой информационной среды, в которой осуществляются взаимодействия участников	и соответствующей информационно-технологической инфраструктуры

¹ Приказ от 29.03.2019 № 113 «Об утверждении Концепции построения и развития узкополосных беспроводных сетей связи «Интернета вещей» на территории Российской Федерации» Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – С. 40. – <https://digital.gov.ru/documents/6410/>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30.04.2019 года № 529 «Об утверждении Правил предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции». – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905060036>

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 года № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». – <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102352828&rdk=&backlink=1>

Принцип ценности технологических платформ (включая цифровые формы) и стандартов обусловлен быстрым распространением удачных решений, которые превращаются затем в основу масштабного производства и обеспечивают удерживание большей доли рынка. В последующем с данной платформой связываются сопутствующие виды продукции и услуг. Ключевая задача – найти управленческий баланс между эффективным стимулированием развития национальных цифровых платформ и регулированием их деятельности в интересах всех групп пользователей.

По словам министра промышленности и торговли РФ Д.В. Мантурова, «Промышленность нацелена на цифровую трансформацию ключевых отраслей экономики. Минпромторг России продолжает стимулировать российские предприятия и внедрять в свою работу новейшее оборудование, программные продукты и цифровые платформы»¹. На базе Министерства промышленности и торговли Фондом развития промышленности в настоящее время создается государственная информационная система промышленности (ГИСП). В целевую группу входят 263,14 тыс. предприятий, в том числе 18,4 тыс. средних и крупных предприятий. На настоящий момент активная аудитория ГИСП насчитывает 150 тыс. пользователей и 268 функциональных сервисов взаимодействия². При этом ведомственным проектом по Направлению 2 «Создание, интеграция и развитие платформ ГИСП» предусмотрено создание платформ, оказывающих существенное влияние на развитие промышленных предприятий:

- Платформы эффективного инвестирования в промышленность;
- Платформы по созданию и развитию производства промышленных предприятий;
- Платформы подбора комплекса мер господдержки, их получение и контроля достижения показателей эффективности проекта;
- Платформы обеспечения производства и продвижения промышленной продукции на внутреннем рынке;
- Платформы продвижения продукции на внешнем рынке, увеличения объемов экспорта;
- Платформы анализа и прогноза развития производства на базе объективных статистических данных³.

Выход предприятий на поле открытого взаимодействия с другими организациями рассматривается в современных научных исследованиях и практике как ресурс обновления и инновационного развития. Объединив и синхронизировав все кросс-отраслевые кооперационные процессы в едином информационном пространстве, можно организовать продуктивное взаимодействие всех участников процесса производства. Создание же межотраслевых цифровых платформ в сфере промышленности и торговли обеспечит межотраслевую и межсистемную интеграцию предприятий при проектировании, производстве и реализации созданной продукции.

Создание единой цифровой среды по трансформации промышленности лежит в основе конкурентной среды, где необходима максимальная открытость инструментов и подходов к цифровизации между предприятиями, обмен опытом, решениями и технологиями. Единая цифровая среда обеспечит устойчивую цифровую трансформацию каждого участника и создаст равные условия для обмена компетенциями и решениями в области технологических трендов.

Преодоление технологических и инфраструктурных барьеров промышленной кооперации требует создания программы субсидирования внедрения платформ автоматизации бизнес-процессов, программ модернизации станков и оборудования стратегически важных промышленных предприятий, разработки средств интеграции, адаптации международных стандартов.

Интеграция вертикального и горизонтального взаимодействия по созданию, производству, обслуживанию промышленной продукции позволит выйти на качественно новый уровень промышленным предприятиям, применять современные возможности электронных площадок, внедрять модели цифровых двойников в развитии цифровой промышленной кооперации и реализации совместных цифровых проектов.

¹ Цифровая Россия – 2024. Как новые технологии изменят жизнь россиян. – <https://tass.ru/nacionalny-e-proekty/6469993>

² Ведомственный проект «Цифровая промышленность». – С. 6. – <https://docviewer.yandex.ru/view/331080361/>

³ Там же, с. 3.

**Шнурова Л.К.,
Жидкова М.А.¹**

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ЗАТРАТЫ: ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ И ПЛАНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: логистические процессы, затраты, сокращение издержек, планирование логистических затрат.

Keywords: logistic processes, expenses, reduction of expenses, planning of logistic expenses.

Введение

Логистические процессы как в целом охватывающие материальные, информационные процессы, так и отдельные элементы финансовых процессов, приводят к возникновению определенных затрат, которые не всегда можно отнести к затратам в строгом понимании этого термина, но оказывают воздействие на общие результаты деятельности предприятия.

По оценкам специалистов, логистические издержки составляют 20–30% стоимости продукции. Их сокращение, следовательно, значительно повышает конкурентоспособность компаний². По оценкам специалистов, использование прикладных логистических систем позволяет уменьшить материальные запасы почти на 80%, а затраты на оборудование – на 50%³.

Классификация логистических затрат

Логистические издержки – это затраты, связанные с выполнением логистических операций: размещением заказов на поставку продукции, закупкой, складированием поступающего сырья, внутрипроизводственной транспортировкой продукции, внутрипроизводственным хранением в незавершенном производстве, хранением готовой продукции, внешней транспортировкой.

Планирование и калькулирование логистических издержек подчиняется принципу общих затрат, возникающих в связи с материальным и информационным потоками по всей логистической цепи. Анализ затрат позволяет определить эффективность логистической системы⁴.

Можно выделить следующие группы хозяйственных событий, связанных с определенными логистическими процессами, которые отражаются на финансовых показателях⁵:

- использование рабочей силы, средств и предметов труда и сторонних услуг, которые связаны с логистическими процессами.
- платежи предприятия, которые включают в добавленную стоимость (налоги на недвижимость, платежи за природопользование, стоимость замораживания капитала, энергетические, информационные и финансовые ресурсы).
- уменьшение активов предприятия, которые происходят в результате неэффективности логистических процессов (например, штрафы за несоблюдение параметров логистических процессов).
- упущенная прибыль, вызванная несовершенством логистических процессов.

Очевидно, что перечисленные элементы логистических затрат и финансовые результаты логистических процессов имеют различное экономическое содержание. Они по-разному отображаются как в бухгалтерском управленческом учете, так и в балансе прибылей и убытков предприятия.

В балансе предприятия можно выделить три группы этих финансовых прибылей и убытков (рис. 1).

¹ Шнурова Лидия Константиновна – старший преподаватель кафедры «Финансы» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Жидкова Маргарита Анатольевна – к.э.н., доцент кафедры «Финансы» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

² Бадасова К.В. Транспортная система России и анализ ее структуры // К.В. Бадасова, С.Х. Гахраманова, Л.К. Шнурова // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов: в 2 частях. 2018. – С. 251–254.

³ Жежеря Е.А. Анализ динамики Российского рынка грузоперевозок (2004–2013 гг.) / Е.А. Жежеря, И.В. Кирова, Т.Л. Попова // Экономика и социум. 2015. – № 1–3 (14). – С. 93–98.

⁴ Винникова И.Е. Методика анализа материально-производственных запасов в организациях автотранспорта при переходе на МСФО // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2015. – № 1 (3). – С. 19.

⁵ Жидкова М.А. Расходы будущих периодов: методология и практика учета / М.А. Жидкова, Ю.Ф. Хабейшвили // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2012. – № 2. – С. 118–120.

Рисунок 1.
Состав логистических затрат

К первой группе относятся логистические затраты («затраты в прямом смысле»), отражаемые в учете производственных затрат, причем для их выделения необходима дополнительная учетная и аналитическая работа.

Ко второй группе в большинстве случаев относят форс-мажорные издержки, которые в значительной степени определяют финансовые показатели деятельности предприятия.

В третьей группе относится упущенная прибыль, которая вообще не отражается в балансе предприятия.

Порядок формирования логистических затрат

Границы сферы логистических затрат зависят, прежде всего, от целей группирования и накопления информации о затратах, то есть их можно трактовать достаточно эластично.

Идентифицируя логистические затраты в каждом конкретном случае нужно учитывать практический аспект, который не всегда соответствует представленным в специальной литературе теоретическим моделям.

При модельном подходе к логистическим затратам их можно подразделить на затраты на продвижение материалов и затраты на запасы, которые считаются основными сферами функционирования логистических процессов, так как именно они оказываются носителями затрат¹.

Затраты на продвижение материалов и на запасы в свою очередь складываются из затрат на материальные, и на информационные процессы.

В общем случае логистические затраты представляют собой денежное выражение использованной рабочей силы, средств и предметов труда, финансовые затраты и различные негативные последствия форс-мажорных событий, которые вызваны продвижением материальных ценностей (сырья, материалов, изделий, товаров) как в предприятии, так и между предприятиями, а также поддержанием запасов.

Как любые затраты, логистические затраты подразделяются на две группы: на переменные затраты (изменяющиеся в зависимости от масштабов логистических затрат) и на постоянные (не меняющиеся).

Для оперативного управления конкретными логистическими процессами, в том числе транспортировкой, большое значение имеет выбор того направления, которое обеспечивает оптимизацию определенных решений, например, при выборе транспортных средств необходимо знать суммарные затраты при использовании различных видов транспорта. Таким образом, только четкое знание об объемах, структуре и факторах, формирующих логистические затраты, позволяет эффективно сокращать их.

Среди ряда факторов, влияющих на логистические затраты выделяют внутренние факторы, формируемые предприятием самостоятельно и внешние факторы, не зависящие от предприятия.

Логистические затраты имеет смысл рассматривать как составляющую расходов на деятельность предприятия. В практической деятельности формирование логистических затрат следует проводить с учетом основных факторов производственно-хозяйственной деятельности².

Из общей совокупности логистических затрат можно выделить следующие группы:

- амортизационные отчисления по основным средствам, задействованным в логистических процессах;
- затраты на материалы, топливо и энергию, использованные для нужд логистических процессов;
- затраты на оплату сторонних материальных услуг, в том числе транспортных, ремонтных, услуг связи;
- стоимость трудовых ресурсов;

¹ Бочков С.П. Инвестиционные риски автотранспортных предприятий // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. – № 3 (17). – С. 10.

² Самохвалова Ж.П., Артанова Л.И. Особенности учета расходов при франчайзинге в условиях законодательства РФ // Двадцать четвертые апрельские экономические чтения: материалы международной научно-практической конференции. 2018. – С. 275–278.

- затраты на оплату нематериальных услуг (образование, здравоохранение и социальная защита);
- стоимость обслуживания привлеченного стороннего капитала (уплата процентов по кредитам для финансирования запасов и лизинговые платежи);
- платежи, связанные с уплатой налогов, а также различные другие выплаты (платежи за аренду помещений и оборудования).

Выделенные группы затрат относятся и к продвижению продуктов, и к их запасам. Эти затраты можно назвать нормальными затратами, так как они возникают при реализации нормальных логистических процессов¹.

Кроме этих затрат также можно выделить форс-мажорные издержки, возникающие в результате случайных событий и прочих факторов, которые трудно предвидеть² [4]. К таким издержкам относятся:

- штрафы и аналогичные платежи, обусловленные сбоем в логистических процессах, например, штрафы за несвоевременные поставки, за повреждение товара в процессе транспортировки;

1) издержки, вызванные старением запасов, отражающие частичную или полную потерю потребительской ценности продуктов в результате, например, естественной убыли, переоценки запасов, снижения цен (в бухгалтерском учете эти издержки включаются в прочие операционные расходы).

Затраты на физическое продвижение материалов на предприятии предопределяются следующими факторами:

- масштабами технической инфраструктуры при физическом продвижении;
- трудовыми ресурсами, задействованными в процессах продвижения;
- стоимостью материалов, используемых в транспортных и манипуляционных процессах, особенно топлива и энергии;
- прочими факторами.

На практике затраты на физическое продвижение материалов **Kpf** включают в себя:

2) амортизационные отчисления (**Ka**) по основным средствам, которые используются в логистических процессах:

$$Ka = MtSa \quad (1),$$

где **Mt** – начальная стоимость основных средств, используемых в логистических процессах;

Sa – средняя норма амортизации этих средств.

2) затраты на трудовые ресурсы (**Kp**):

$$Kp = Lp \quad (2),$$

где **L** – количество сотрудников участвующих в логистическом процессе;

p – средняя зарплата с учетом страховых взносов;

3) затраты (**Km**) на материалы, топливо и энергию, определяемые как сумма затрат на использование их отдельных видов;

4) прочие расходы на продвижение (**Kin**), к которым относят, налоги на имущество и на транспортные средства. Их величина оказывает влияние на налогооблагаемую базу. Например, площадь земельного участка, занятого складами и транспортными путями, а также стоимость складских зданий и сооружений определяют величину налога на имущество, а при расчете налога на транспортные средства его ставки зависят от имеющихся на предприятии видов и типов этих средств.

Затраты на физическое продвижение материалов представляют собой внутренние издержки предприятия. Кроме того, в эту группу можно включить расходы на внешние (в частности, транспортные) услуги (**Kut**).

Затраты на физическое продвижение материалов (**Kpf**) охватывают, в первую очередь, внешние и внутренние транспортные затраты, а также прочие расходы, связанные с физическим продвижением материалов³. Они определяются как сумма следующих факторов:

$$Kpf = Kap + Kp + Km + Kin + Ku \quad (3)$$

Затраты на физическое продвижение материалов возникают на всех трех фазах продвижения, если эти фазы (закупка, производство, дистрибуция) реализуются на предприятии, и прежде всего, в отделах внутреннего и внешнего транспорта⁴.

Минимизировать затраты на физическое продвижение материалов можно путем проведения следующих технико-организационных мероприятий:

- исключение многократного складирования и погрузо-разгрузочных работ;
- обоснованный выбор собственного или внешнего транспортного обслуживания, подбор конкретных видов транспорта для внешнего и внутреннего обслуживания;
- использование современных транспортных средств и погрузо-разгрузочных механизмов;
- оптимизация маршрутов движения;
- применение современных информационных систем, повышающих эффективность управления по токами.

¹ Глинкина О.В., Шпилькина Т.А. Оптимизация финансового механизма как способ управления затратами фирмы в условиях гиперконкуренции // Аудит. 2019. – № 3. – С. 16–19.

² Винникова И.Е. Управление затратами системы «авторециклинг» с помощью стоимостного анализа // Двадцать четвертые апрельские экономические чтения: материалы международной научно-практической конференции. 2018. – С. 234–236.

³ Кирова И.В., Попова Т.Л. Трансформация общественных отношений как элемент модернизации российской экономики // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета. 2014. – № 1 (36). – С. 65–73.

⁴ Политковская И.В., Шнурова Л.К. Формирование результата – важный этап оценки эффективности развития предпринимательской деятельности / Московский автомобильно-дорожный гос. технический ун-т. – М., 2012.

Запасы являются частью производственной деятельности, так как они участвуют во всех фазах хозяйственного процесса. Затраты на запасы можно подразделить на:

- затраты на формирование запасов;
- затраты на поддержание запасов;
- издержки из-за исчерпания запасов, то есть их отсутствия в нужном месте и в нужное время.

Затраты на формирование запасов, в свою очередь, делятся: на затраты по физическому формированию запасов и на затраты на информационные процессы по закупке материалов.

Затраты на поддержание запасов классифицируются следующим образом::

1. Затраты на привлечение капитала. Затраты на привлечение некоторого капитала для финансирования запасов имеют переменный характер.

2. Затраты на хранение запасов. Процесс хранения запасов также приводит к возникновению других затрат, которые можно минимизировать при рациональном использовании складских помещений, с помощью механизации и автоматизации складских процессов. В общем случае совокупные затраты на хранение считаются постоянными.

3. Издержки от старения запасов.

Затраты на информационные логистические процессы можно снизить, совершенствуя управление ими как то: используя пакеты прикладных программ, применяя соответствующее техническое обеспечение, современные средства вычислительной техники.

Заключение

В настоящее время уровень организации бухгалтерского учета не позволяет четко и просто выделить логистические затраты, их можно выявить только аналитически путем расчета значений их конкретных компонентов.

Следует помнить, что выделение, анализ и нормирование логистических затрат имеет смысл только в том случае, если они составляют значительную часть затрат на производство, и их сокращение может заметно отразиться на общих финансовых результатах.

Управление затратами с использованием принципов логистики повышает эффективность товародвижения, помогает решать стратегические и тактические задачи функционирования производственно-экономических систем, способствует оптимизации финансовых потоков, снижению издержек производства и обращения, даёт возможность рационализировать использование финансовых ресурсов, обеспечивая финансовую устойчивость и платёжеспособность, снижая финансовые риски участников логистического процесса.

Шпилькина Т.А.¹

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ НА БАЗЕ ВНЕДРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Ключевые слова: национальный проект, перспективы развития субъектов малого и среднего предпринимательства в РФ.

Keywords: national project, prospects of development of small and medium-sized businesses in Russia.

Введение

Интерес к развитию предприятий малого и среднего предпринимательства (МСП) наблюдается в РФ с началом реформирования экономики, т.е. с начала 90-х годов XX века. Уже тогда стало очевидным, что, если развивать предприятия МСП, то экономика страны будет развиваться более быстрыми темпами и с большей эффективностью. На протяжении существования РФ появлялись различные законы и меры поддержки субъектов МСП. Однако все принимаемые меры не принесли ожидаемого эффекта.

Анализ численности субъектов МСП

Согласно реестру субъектов МСП, который ведет Федеральная налоговая служба (ФНС), на 10 апреля 2019 года в реестре числилось 6141,283 тыс. компаний. Это больше, чем на 10 апреля 2018 года, тогда их было 6117,086 тыс., при этом за год выросло число микропредприятий с 5832,415 тыс. компаний до 5874,543 тыс.

Вместе с тем наблюдается сокращение малых и средних компаний. За указанный период число малых предприятий сократилось на 16 508 предприятий, с 264 593 компаний до 248 085 ед., средних компаний стало меньше на 1423 ед., с 20078 предприятий до 18 655 ед. (рис. 1)².

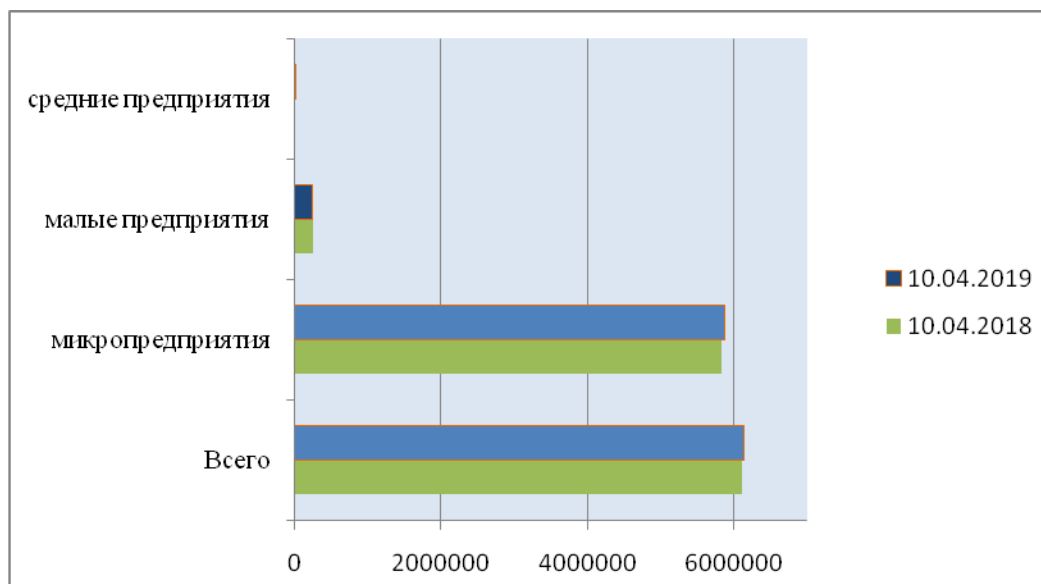

Рисунок 1.
Динамика субъектов МСП в России на 10.04.2018 – 10.04.2019 гг.

Немаловажным фактором является и численность работников на предприятиях МСП. По имеющимся данным³ численность работников субъектов малого и среднего бизнеса на 10.04.2019 г. сократилась по сравнению с 10.04.2018 г. в целом на 217 595 чел. (рис. 2).

¹ Шпилькина Татьяна Анатольевна – к.э.н., доцент кафедры «Финансы» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – <https://ofd.nalog.ru>

³ Там же.

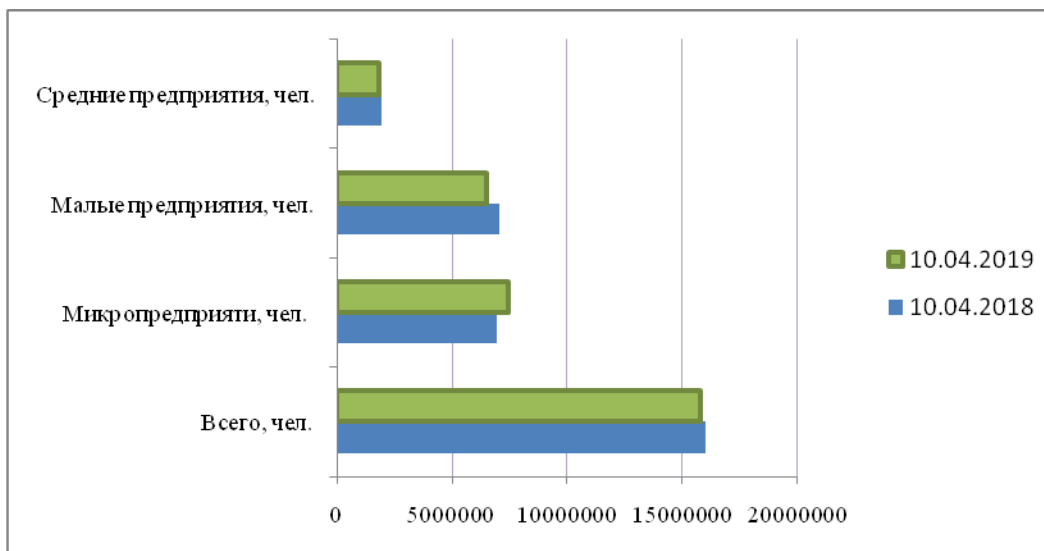

Рисунок 2.

Динамика численности работников на предприятиях МСП в РФ на 10.04.2018 – 10.04.2019 гг.

Надо отметить, что по микробизнесу наблюдается рост числа сотрудников на 492 338 чел. с 6 968 841 чел. до 7 461 179 чел., а по малому и среднему бизнесу наоборот произошло сокращение персонала, при этом по малым предприятиям уменьшение числа работников составило 547 804 чел., по среднему бизнесу соответственно 162 129 чел.

Как известно, сокращение числа предприятий МСП отрицательно влияет на занятость населения, что ведет к безработице. Одной из причин сокращения является некомпетентность руководителей. Как пишет по этому поводу Федорова М.А., «сегодня в России должно укрепиться понимание, что ключевой фигурой в конкурентной борьбе, в преодолении кризисных явлений становится квалифицированный управленец»¹. То есть, современным руководителям необходимо постоянно учиться, изучать современные технологии, а также опыт предприятий, который пережили кризис.

Анализ данных по развитию предприятий МСП в зарубежных странах показывает, что вклад предприятий малого и среднего бизнеса в ВВП зарубежных стран гораздо больше, чем в России. В Италии – это 68%, в Финляндии – 60%, Китае – 55%, США, Турции и Японии эта доля составляет от 53 до 56%² (рис. 3).

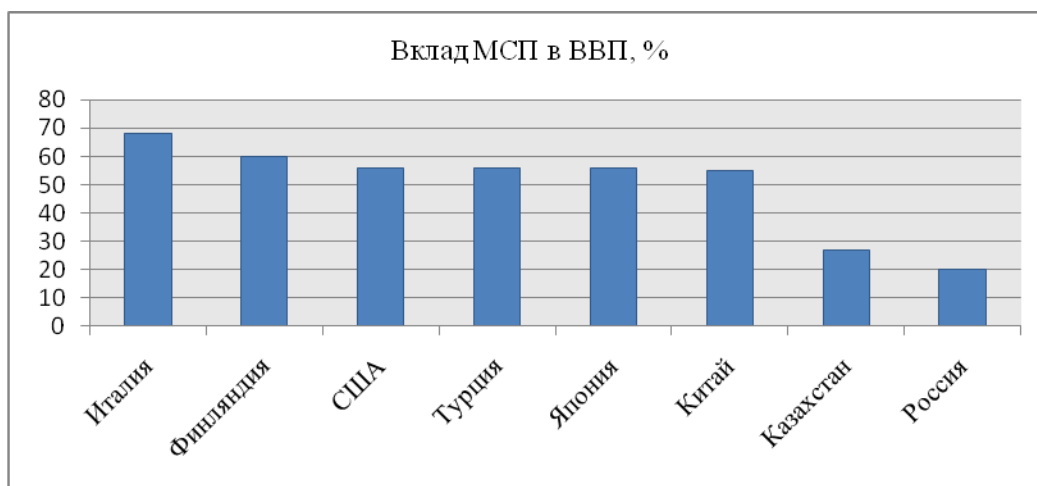

Рисунок 3.

Вклад предприятий субъектов МСП в ВВП страны, в %

Данные рис. 3 наглядно иллюстрируют достаточно невысокий показатель (20%) предприятий МСП в ВВП Российской Федерации. Аналитики Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ) утверждают, что падение численности компаний МСП происходит во всех федеральных округах РФ, свидетельствуя о различных проблемах и сложностях ведения бизнеса. «Экономический спад затронул многие отрасли и, в частности, такой сегмент рынка, как предоставление услуг по перевозке пассажиров на такси. В результате сократилось число организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих данный вид услуг»³.

¹ Федорова М.А. Специфика формирования российской модели менеджмента // Сб. научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – М.: Научный консультант, 2015. – С. 133.

² Палашевский Г. Малый и средний бизнес в России загибается // Мир новостей. 2019. – № 11 (1315). – С. 3.

³ Жидкова М.А. Служба заказа такси: проблемы и перспективы развития // Транспорт. Транспортные сооружения. Экология. 2016. – № 2. – С. 30–42.

Анализ данных по банкротству предприятий МСП

По данным Федресурса в 2017–2018 гг. увеличилось число предприятий и индивидуальных предпринимателей (ИП), которые стали банкротами. Количество решений судов о признании компаний банкротами в 2017 году составило 13 577, что на 7,7% больше, чем в 2016 году¹. При этом, как отмечает Фролова В.Б., «в 2016 году у наибольшей части предприятий наблюдалось снижение рентабельности собственного капитала на фоне снижения коэффициента налогообложения, налоговой реализации и коэффициента финансового рычага с одновременным ростом покрытия совокупных обязательств выручкой»².

По числу банкротств лидирует Москва. В 2017 году в столице обанкротилась 2541 компания. Это 19% от общего числа банкротств по стране и на 22% больше, чем в 2016 году. На 2 месте – Санкт-Петербург (732 компании или 5% от общего количества в стране), на 3 – Московская область (685 компаний или 5%).

В Свердловской области – 447 компаний или 3%, в Краснодарском крае – 356 или 3%, в Башкортостане – 341 или 3%. Наиболее существенный прирост показателей наблюдается в Татарстане. Количество несостоятельных компаний там увеличилось на 43% (469) компаний по сравнению с 2016 годом. Меньше всего по числу юридических лиц – банкротов оказался Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Здесь за 2017 год обанкротилось 149 компаний (1% от общего числа)³ (рис. 4).

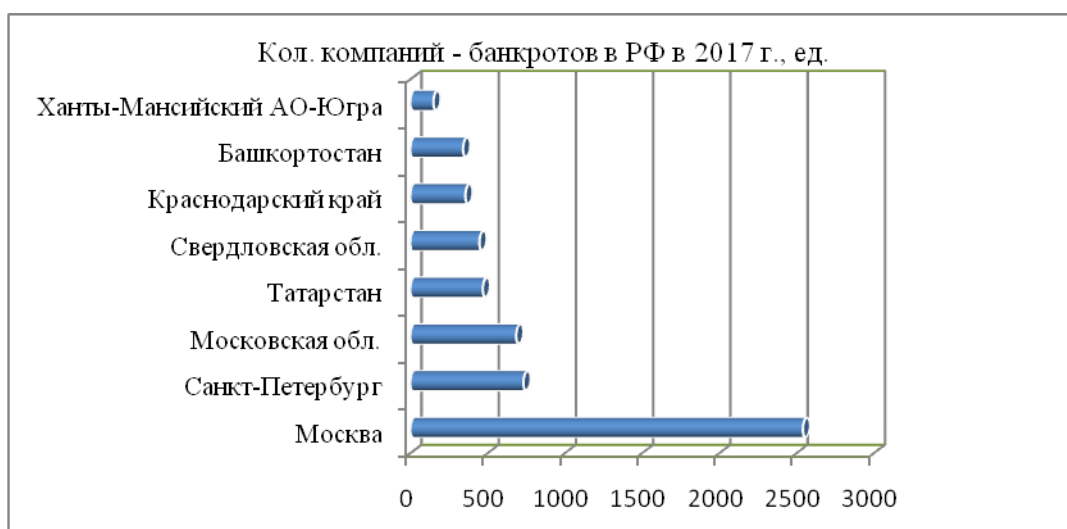

Рисунок 4.
Общее число компаний – банкротов в РФ в 2017 г., ед.

Интересны данные о подсчете банкротств на 100 тыс. граждан. «Так, например, на 100 тыс. человек в России в среднем в 2017 году приходилось 34 банкрота. Лидером по этому показателю стала Вологодская область. Здесь 120 банкротств на 100 тыс. человек. На 2 месте Рязанская область (75 банкротств), на 3 – Новосибирская (60). Москва в этом списке не входит и в десятку лидеров: 31 банкротство на 100 тыс. чел., а в Санкт-Петербурге – 27. Достаточно редко банкротятся граждане в Магаданской области (22 чел. на 100 тыс.)»⁴.

По данным Федресурса с 2015 по 2018 гг. на 100 тыс. россиян в среднем приходилось 47 чел., признанных банкротами. «Больше всего банкротств на долю населения за последние 3 года было выявлено в следующих регионах страны: Вологодской области – 157 чел., в Рязанской обл. – 95 чел., в Калмыкии – 91 чел.»⁵ (рис. 5).

Представленные данные свидетельствуют о проблемах развития предприятий МСП и необходимости поддержки этого сектора экономики. Так, Романов А.С., Понуждаев Э.А. отмечают, что «особого внимания и поддержки требует малый бизнес России. Стоит задуматься о временных налоговых льготах на период действия санкций»⁶. Так, планируется увеличение вклада субъектов МСП в ВВП России до 40% к 2024 году. Это стратегическая задача, поставленная Президентом, должна быть реализована к этому сроку. Изучение этого вопроса позволило выделить следующие основные проблемы, представленные на рис. 6.

¹ Шпилькина Т.А. Оценка банкротства и новые возможности развития предприятий малого и среднего бизнеса в России // Путеводитель предпринимателя / Российская академия предпринимательства. – М., 2019. – № 41. – С. 229.

² Фролова В.Б. Факторы рентабельности собственного капитала // Путеводитель предпринимателя / Российская академия предпринимательства. – М., 2018. – № 37. – С. 224.

³ Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – <http://www.bankrot.fedresurs.ru>

⁴ Банкротств больше, эффективности меньше. – <https://zakon.ru/discussion/2018/>

⁵ Банкротств больше, эффективности меньше. – <https://zakon.ru/discussion/2018/>; Единый федеральный реестр сведений о банкротстве. – <http://www.bankrot.fedresurs.ru>

⁶ Романов А.С., Понуждаев Э.А. Российская экономика на пути к рынку: очередной кризис и перспективы его преодоления // Мир на пороге перемен: экономика. Управление. Право. Московская научно-практич. конфер. «Студенческая наука» / Под общ. ред. Ф.Л. Шарова. 2016. – С. 92.

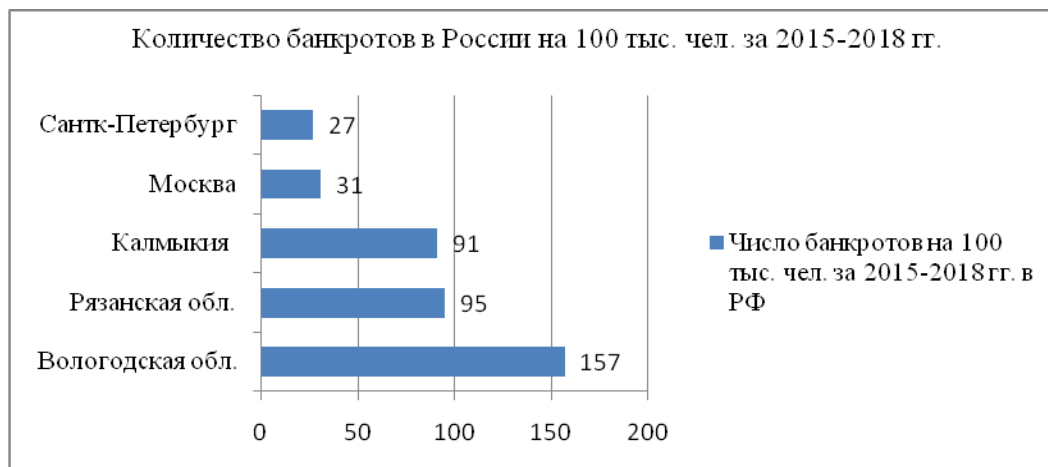

Рисунок 5.
Численность банкротств в России на 100 тыс. чел. за 2015–2018 гг.

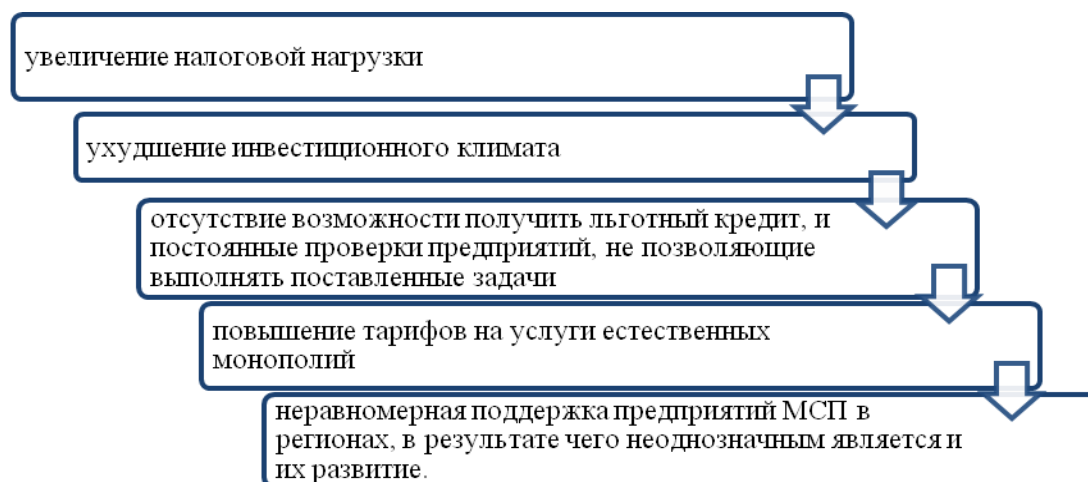

Рисунок 6.
Основные проблемы, влияющие на развитие субъектов МСП

Решение указанных проблем возможно при реализации национального проекта по поддержке малого бизнеса, который был запущен в январе 2019 года. «Отвечает за его реализацию Минэкономразвития, которое и определяет, как и на что будут потрачены почти 1,5 трлн. руб., выделяемые напрямую из федерального бюджета.

Факторы, влияющие на развитие предприятий малого и среднего бизнеса

В паспорте нацпроекта указано, что денежные средства будут израсходованы по следующим 5 направлениям:

1. Улучшение предпринимательской среды.
2. Повышение доступности льготного финансирования.
3. Акселерация субъектов МСП.
4. Создание системы поддержки фермеров.
5. Популяризация предпринимательства¹.

В результате реализации нацпроекта малый бизнес должен стать движущей силой российской экономики. Минэкономразвития планирует к 2024 году увеличить число занятых в секторе МСП с 19,2 млн до 25 млн чел., повысить долю МСП в ВВП с 22,3 до 32,5%, а долю МСП в общем объеме несырьевого экспорта с 8,6 до 10%. Однако достичь этих показателей прежними способами будет достаточно сложно².

Наиболее удобной формой поддержки предприятий МСП представляется микрофинансовые организации (МФО), задача которых состоит в распределении средств тем субъектам малого и среднего предпринимательства, которые в этом нуждаются.

Региональные департаменты поддержки предпринимательства учреждают такие МФО и перечисляют деньги из региональных бюджетов. МФО должны выдавать займы тем представителям малого бизнеса, которые не могут воспользоваться традиционными банковскими продуктами – небольшая сумма кредита, отсутствие кредитной истории, удаленность населенного пункта и т.д. К сожалению, даже небольшие объемы поддержки МСП могут позволить далеко не все регионы страны. Счетная палата РФ выявила случаи, когда микрозаймы от государственной МФО представлялись предпринимателям, которые сами оказывали финансовые услуги, в том числе выдавали займы и кредиты, и занимались коллекторской деятельностью.

¹ Маврина Л. Нацпроект для чистеньких // Эксперт. – М., 2019. – № 14 (1114). – С. 61.

² Там же.

Несмотря на указанные сложности, многие предприниматели положительно относятся к МФО. Им нравятся щадящие условия, минимальный пакет документов, процентная ставка в диапазоне 7–9% годовых. «Мы трижды кредитовались в ФМСО (некоммерческая микрокредитная компания «Фонд микрокредитования субъектов малого предпринимательства Саратовской области» – поделился опытом А. Родионов – предприниматель из Саратова, участника проекта «Пилим по России»¹.

В Минэкономразвития хотят и дальше развивать микрофинансирование малого бизнеса, льготный лизинг, запустить альтернативные источники финансирования, в том числе биржевые инструменты для МСП. Помимо этого, в нацпроекте предусмотрено развитие или докапитализация микрофинансовых организаций. Планируется также внедрить сервисную модель поддержки МСП в рамках центров «Мой бизнес» (аналог Моих документов» для физлиц) – там можно будет оформить все документы, получить консультацию или пройти обучение. В планах, к указанному периоду – 2024 году – должно быть обучено не менее 450 тыс. чел.

Кроме помощи от регионов малые предприятия могут получить кредит или заем на льготных условиях через Корпорацию МСП. Такие займы выдает не сама корпорация, а специально отобранные и авторизованные банки, на данный момент таких банков 69. Корпорация МСП была основана в 2015 году на базе Агентства кредитных гарантий. Сейчас она на 67,7% принадлежит государству и на 32,3% – Внешэкономбанку. Ежегодно происходит ее докапитализация. С 2015 года нарастающим итогом корпорация оказала финансовую поддержку субъектам МСП на 2 трлн. руб.².

Согласно национальному проекту, только в 2019 году через Корпорацию предстоит выдать субъектам МСП 1 трлн. руб. кредитов, а к 2024 году – довести уровень закредитованности сектора МСП до 10 трлн. руб. (сейчас 6,8 трлн. руб.) Рассмотрим объемы господдержки в регионах РФ³ (рис. 7).

Из рис. 7 видно, что наибольший объем финансирования субъектов МСП через региональные министерства наблюдался в 2016 году – это примерно 28 млрд руб., меньше всего в 2012 году – около 14 млрд руб.

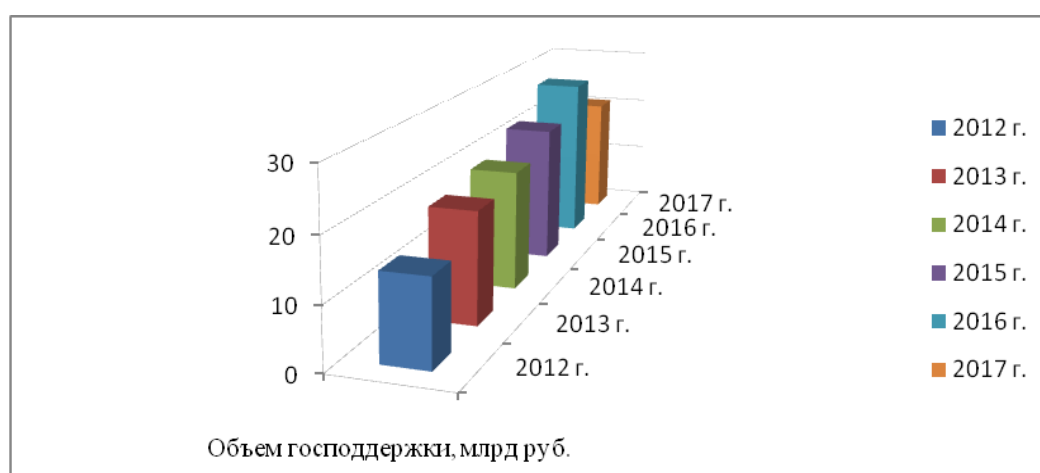

Рисунок 7.

Объемы господдержки субъектов МСП через региональные министерства

За 4 года объем господдержки вырос почти в 2 раза, однако уже в 2017 году произошло снижение финансирования до 20 млрд руб., что отразилось на деятельности предприятий МСП. В Корпорации полагают, что в целом справляются с задачей повышения доступности финансирования для МСП. Однако оценить результаты ее работы трудно – нет сведений о том, как меняется выручка или рентабельность предприятий, получивших поддержку. «Поддержку получают всего 2–3% фирм, и как они используют ее – непонятно. По данным корпорации, большая часть фирм в итоге показывает рост: растет либо число сотрудников, либо выручка, либо что-то еще. Но неизвестно, как эти показатели менялись, то есть трудно сравнить и оценить эффективность кредитования»⁴.

У большинства экспертов возникает вопрос – насколько в принципе эффективна раздача льготных кредитов. Как поясняет С. Земцов, старший научный сотрудник лаборатории инновационной экономики научного управления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара «Большинство МСП и не планируют расти. Для них становится важным отсутствие проверок и лишнего административного давления. Это зачастую гораздо более эффективно, чем предоставление кредитов»⁵. Многие предприниматели не заинтересованы в росте своего бизнеса, так как это ведет к увеличению налоговой нагрузки и росту числа проверок со стороны контрольно-надзорных органов. Именно это чаще всего ведет к сокращению бизнеса или его полному закрытию.

Как отмечает А. Алехнович, директор Института экономики роста имени П.А. Столыпина, руководитель Экспертного центра при уполномоченном при Президенте РФ по защите прав предпринимателей: «Дело в том, что система поддержки МСП через федеральные и региональные институты развития имеет весьма ограниченный охват и не может серьезно заменить масштабную государственную политику, которая должна быть направлена на развитие го-

¹ Маврина Л. Нацпроект для чистеньких // Эксперт. – М., 2019. – № 14 (1114). – 61.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

раздо более значимого числа субъектов МСП и затрагивать налогово-бюджетную, денежно-кредитную политику, контрольно-надзорную сферу, а также регулирование инфраструктурных монополий. Кроме того, усилия федеральных и региональных органов власти по созданию условий развития МСП часто сводятся на нет уже на уровне муниципалитетов, которые пока не имеют серьезных стимулов для поддержки подобных предприятий. Там есть движение, но проблема остается»¹.

Развитие предприятий МСБ в разных сферах и отраслях очень важно для развития регионов страны, так как их увеличение способствует большей занятости населения, поддержке различных социальных проектов и снижению напряженности в обществе. Как пишет Долина О.Н., «не менее значимую поддержку нуждающимся оказывают и малые предприятия, становясь социальными предпринимателями, они создают в регионах или отдельных сегментах экономики детские развивающие центры, группы временного пребывания, частные детские сады, другие социально-ориентированные организации»².

То же самое можно сказать и о субъектах МСП в сфере транспорта. Так, по мнению, Политковской И.В., «одним из ключевых конкурентных преимуществ транспортных предприятий является их способность быстро и адекватно реагировать на изменения в деловой среде, улучшая тем самым экономические показатели финансовой деятельности»³.

Важным аспектом в развитии МСП имеет рост и миграция населения. «В условиях стремительно растущего населения и мировой глобализации экономика стала наиболее важной составляющей любого государства»⁴. Для понижения ситуации в регионах России, рассмотрим рейтинг 10 наиболее успешных городов России с населением свыше 400 тыс. чел., который приведен в табл. 1⁵.

Таблица 1

Рейтинг растущих городов России в 2008, 2018 гг.

№ п/п	Город	2008 г. (чел.)	2018 г. (чел.)	Темп прироста за 10 лет, %
1.	Сочи	334 282	613 789	84
2.	Краснодар	789 650	1 400 340	77
3.	Тюмень	560 000	768 358	37
4.	Улан-Удэ	340 800	435 800	28
5.	Воронеж	839 900	1 047 549	24
6.	Новосибирск	1 390 500	1 612 833	16
7.	Красноярск	936 400	1 090 811	16
8.	Екатеринбург	1 323 000	1 469 000	13
9.	Казань	1 120 238	1 243 500	11
10.	Уфа	1 024 842	1 120 547	10

Из данных табл. 1 следует, что 1 место по росту числа жителей принадлежит Сочи, с темпом прироста за 10 лет – 84%, второе место занимает Краснодар с численностью жителей 1400340 чел. и приростом за 10 лет – 77%, на третьем месте Тюмень с приростом населения – 37%.

Интересным является то, что 5 место в рейтинге растущих городов РФ занимает Воронеж, с темпом прироста населения – 24%, 10 место – Уфа с показателем прироста 10%. Надо отметить, что привлекательными городами для проживания и ведения бизнеса являются также такие города как Новосибирск, Красноярск, Екатеринбург и Казань. Во многом это связано с тем, что в этих городах региональные власти оказывают различного рода поддержку предприятиям МСП, в том числе и внедрением новых технологий.

Заключение

Таким образом, видно, что, несмотря на общие проблемы развития предприятий малого и среднего бизнеса в РФ, большое значение для них имеют следующее:

- льготное финансирование бизнеса, особенно это важно для тех, кто запускает новый бизнес-проект;
- снижение налоговой нагрузки;
- сокращение числа проверок со стороны контрольно-надзорных органов;
- благоприятный предпринимательский климат в регионе, который во многом зависит от оказываемой поддержки, как со стороны федеральных властей, так и региональных.

¹ Маврина Л. Нацпроект для чистеньких // Эксперт. – М., 2019. – № 14 (1114). – С. 61.

² Долина О.Н. Развитие моделей взаимодействия некоммерческих организаций и бизнеса для решения социальных проблем в России // Путеводитель предпринимателя / Российская академия предпринимательства. – М., 2018. – № 37. – С. 64.

³ Политковская И.В. Проблемы и последовательность внедрения на предприятиях автомобильного транспорта современных концепций менеджмента // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2015. – № 1 (3). – С. 17.

⁴ Глинкина О.В., Петракова Н.Г. Прогнозирование экономической обстановки в финансовой сфере для принятия управленческих решений // Цивилизация знаний: российские реалии: труды Семнадцатой международной научной конференции. – М., 2016. – С. 364.

⁵ Тихонов С. Улан-Удэ: национально-климатический капкан // Эксперт. – М., 2019. – № 9 (1109). – С. 37.

Ярашова В.К.

докторант Института прогнозирования и макроэкономических исследований Министерства экономики РУз

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: транспортно-логистическая система, региональная транспортная инфраструктура, мультимодальные перевозки, логистический центр.

Keywords: transport and logistics system, regional transport infrastructure, multimodal transportation, logistics center.

Современное состояние транспортно-логистической системы

В обществе с каждым годом растет понимание возрастающей значимости транспортных коммуникаций в сбалансированном и динамичном развитии экономики. Усиливается взаимосвязь задач их развития с обеспечением занятости населения, развитием системы здравоохранения, образования, спорта, туризма и другими приоритетами социально-экономических преобразований в стране. Растущая транспортная подвижность населения характеризует его возросшую мобильность, которая становится одним из символов нового цивилизованного образа жизни, свойственно для формируемого в стране гражданского общества.

Устойчивое функционирование транспорта на всей территории страны является гарантией единства экономического пространства, свободного перемещения людей, товаров и услуг, развития конкуренции и свободы предпринимательства, улучшения условий и уровня жизни населения, обеспечения целостности и национальной безопасности, интеграции в мировое экономическое пространство.

Региональная транспортная инфраструктура имеет отличительные особенности: ее ветви работают в национальном масштабе как единая система, и в то же время ее деятельность характеризуется четким региональным значением; есть доминирующее влияние результатов ее деятельности на общие параметры жизни региона; существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость транспортной инфраструктуры с другими компонентами региональной системы.

Региональная транспортно-логистическая система (РТЛС) представляет собой большую сложную макрологистическую систему, состоящую из комплекса функциональных и обеспечивающих подсистем, представленных многочисленными взаимосвязанными и взаимодействующими элементами (звеньями) региональной товаропроводящей сети, интегрированными материальными, информационными, сервисными и финансовыми потоками и обеспечивающими получение максимального синергетического эффекта в системе в целом на основе установления партнерских взаимовыгодных отношений между всеми участниками транспортно-логистического процесса путем достижения компромиссов на пути реализации конечной цели – **максимального удовлетворения запросов потребителей в количестве и качестве предоставляемых услуг.**

Основными системообразующими элементами РТЛС являются национальные, региональные и территориальные мультимодальные транспортно-логистические центры (МТЛЦ), размещаемые в узлах транспортной сети региона.

Стратегия инновационного развития Республики Узбекистан в период до 2030 года предполагает повышение доли промышленности в ВВП до 37%, а перерабатывающей промышленности до 22%, что предполагает среднегодовые темпы роста промышленности на уровне 8,3%. Это обеспечит диверсификацию структуры экспорта, сокращение в ней доли сырья и увеличение доли товаров с более высокой добавленной стоимостью. Динамично развивающаяся экономика будет предъявлять возросшие требования к транспортному сектору, что потребует налаживания системы логистики, коренной перестройки системы транспортировки грузов различными видами транспорта.

Активная политика развития транспортных коридоров расширила и диверсифицировала схемы международных транспортных маршрутов для экспорта и импорта товаров. Так, в 2018 г. внешнеторговый оборот страны составил \$33,8 млрд. и вырос по сравнению с 2010 г. в 5,7 раза, в том числе объем экспорта – \$14,3 млрд., рост составил 9,4%, импорта – \$19,6 млрд. и увеличение в 2,1 раза.

Главным внешнеторговым партнером Узбекистана по-прежнему остается Российская Федерация, ее доля в общем товарообороте составляет (2017 г.) 24,5%. Среди основных внешнеторговых партнеров Узбекистана также Китай (12%), Казахстан (6,1%) и Южная Корея (5,2%). Что касается торговли со странами Евросоюза, то сегодня внешнеторговые грузоперевозки Узбекистана с этими государствами в основном осуществляются в направлениях портов Риги, Лиепая, Вентспилса (Латвия) транзитом через Казахстан и Россию.

За годы независимости в республике были проведены крупномасштабные структурные и институциональные преобразования на транспорте. Поэтапно реализуются государственные программы по разгосударствлению и приватизации объектов транспорта, продолжается последовательный переход от прямого административного управления к государственному регулированию субъектов рынка. К настоящему времени в основном создана правовая база транс-

портовой деятельности в условиях рынка. Узбекистан является одним из участников международной интеграции и полноправным субъектом глобальных экономических процессов.

Были реализованы крупнейшие проекты по строительству железных дорог на направлениях Учкудук – Нукус, Ташгузар – Бойсун – Кумкурман, Ангрен – Пап через перевал Камчик, обеспечивший прямой выход из Ферганского региона по железным дорогам в центральную часть страны. Впервые в Центрально-азиатском регионе введены в эксплуатацию высокоскоростные сообщения на направлениях Ташкент – Самарканд, Ташкент – Карши и Ташкент – Бухара. Построен новый аэропорт в Ташкенте, расширены и реконструированы действующие аэропорты, получившие международный статус, в т.ч. в Нукусе, Самарканде, Андижане, Намангане, Фергане, Бухаре, Карши, Навои, Ургенче, Термезе. Поэтапно формируются опорная сеть магистральных автомобильных дорог и национальные участки международных транспортных коридоров, до каждого населенного пункта в регионах построены автодороги с твердым покрытием. Построены новые и реконструируются действующие магистральные газопроводы на направлении Узбекистан – Китай.

Переход экономики в фазу ускоренного роста, расширение масштабов сотрудничества и внешнеэкономической интеграции Узбекистана в мировое сообщество создали предпосылки для формирования новой транспортной политики и комплексного развития транспортной инфраструктуры. В современных условиях глобализации бизнеса необходим поиск принципиально новых подходов и решений по интеграции различных видов транспорта и форм государственно-частного партнерства в сфере транспорта с целью повышения конкурентоспособности отечественных товаров и услуг для дальнейшего ускоренного и устойчивого развития страны и улучшения качества жизни в регионах.

Значительно возрастает роль транспорта в комплексном развитии регионов, усиливается взаимосвязь задач его развития с обеспечением занятости населения, расширением культурно-технических связей между регионами, развитием системы здравоохранения, образования, спорта, туризма и другими приоритетами социально-экономических преобразований в стране. Растущая мобильность населения не только реализует конституционное право граждан на передвижение, но и становится одним из символов нового состояния экономики, свойственного для формируемого в стране гражданского общества.

Транспортная политика государства определяет наиболее эффективные направления формирования конкурентной среды на рынке транспортных услуг и создает необходимые предпосылки и условия для обеспечения привлекательности услуг и повышения конкурентоспособности транспортных компаний. Она последовательно и поэтапно проводится с помощью разрабатываемой в настоящее время Концепции развития транспорта и транспортной логистики Республики Узбекистан на период до 2030 года, где предусматривается реализация долгосрочных и среднесрочных мер и тактики ведения транспортной политики, формулируются основные задачи, формы и содержание деятельности государства в транспортной сфере на перспективу, обосновываются важнейшие направления развития транспортной системы и интеграции ее в мировые транспортные коммуникации. В Концепции устанавливается единая система подходов и принципов для формирования приоритетов развития всех форм собственности и видов транспорта, вырабатываются конкретные меры и механизмы их реализации с учетом специфики работы каждого вида транспорта.

Некоторые показатели транспортно-логистической индустрии Узбекистана:

- в среднем объём грузоперевозок увеличивается на 15% в год;
- в 2016 году состоялось открытие новой 123 километровой электрифицированной железнодорожной линии Ангрен-Пап, включая девятнадцатикилометровый туннель через горный перевал высотой более 2 тыс. метров. Участок стал звеном международного транзитного коридора;
- в программе развития производственной инфраструктуры (автомобильные и железные дороги, логистические центры) на 2015–2019 годы предусмотрена реализация свыше 150 проектов на сумму порядка 10 млрд. долл. США;
- за последние годы эксплуатационная длина железнодорожных путей увеличилась более чем на 1000 км и в общей сложности на начало 2018 года составила 4641,9 км;
- общая протяженность сети автомобильных дорог республики составляет 184 000 км, из них 42 046 км являются автодорогами общего пользования с твердым покрытием;
- в апреле 2019 года парк Национального авиаперевозчика «Uzbekistan Airways» пополнился двумя новыми Boeing-787 Dreamliner, для которых уже подготовлена собственная сервисно-ремонтная база и ангары;
- в 2016 году состоялось открытие крупнейшего современного Международного Логистического Центра «Ташкент» общей площадью 184 000 кв. м.

Один из основных видов экспорта – плодоовощная продукция:

- Ежегодное производство – 17 млн. тонн;
- Более 4 млн. тонн экспортируется в США, страны Европейского Союза, Россию, Бразилию, Вьетнам, Индонезию, Македонию, Малайзию, Монголию, Саудовскую Аравию, Таиланд, Китай, Японию и другие;
- за последние 10 лет экспорт плодоовощной продукции увеличился в пять раз;
- до конца 2020 года Узбекистан планирует увеличить производство плодоовощной продукции до 32 млн. тонн в год;

– ввиду увеличивающегося спроса на экспорт плодоовощной продукции, страна испытывает дефицит транспортных мощностей, что является прекрасным шансом для транспортно-логистических компаний закрепиться на рынке Узбекистана¹.

Это далеко не полный перечень фактов, демонстрирующих последовательный рост и положительную динамику в развитии транспортно-логистической отрасли республики.

¹ Транспорт и логистика в Узбекистане. – <http://iteca.uz/trans/rus/ForExhibitors/industry.php>

В целом в Республике Узбекистан до 2020 года планируется построить 17 логистических центров, специализирующихся на обработке, хранении и транспортировке плодоовощной продукции, большая часть из которых уже введена в строй.

Общая стоимость проекта к реализации оценивается почти в 120 миллиардов сумов. Строительство логистических центров ведется за счет собственных средств и кредитов коммерческих банков. Подобные центры улучшат возможности в своевременной и качественной первичной обработке фруктов и овощей, промышленной переработке, создадут более приемлемые условия хранения сельхозпродукции и наладят ее быстрый и удобный экспорт. Кроме того, ведется деятельность по развитию и укреплению материально-технической базы оптовых организаций, строительству, реконструкции и модернизации специализированных хранилищ для готовых продовольственных товаров и свежей плодоовощной продукции, оснащению их складским, торговым и холодильным оборудованием.

За последние 10 лет экспорт плодоовощной продукции увеличился в пять раз. До конца 2020 года РУз планирует увеличить производство плодоовощной продукции до 32 млн. тонн в год¹.

С 2010 года в г. Ташкенте действует современный, холодильно-складской логистический комплекс «Sergeli-Agrofresh», который оказывает целый ряд логистических услуг. В первую очередь это все виды обработки грузов – от простой разгрузки до сортировки, маркировки и наклеивания этикеток. Комплекс оборудован современным холодильным оборудованием ведущих европейских стран. Соблюдение режима хранения по температуре и влажности полностью автоматизировано. Площадь его производственных помещений – 14 тыс. кв. м, вместимость – 10–16 тыс. тонн грузов².

В 2017 году начал свою работу Международный центр логистики – «United Cargo Center» (UCC) общей площадью 18,4 га, общая площадь крытых складов – 18 000 кв. м. Комплекс оказывает весь спектр логистических услуг, связанных с приемом, хранением, таможенным оформлением и отправкой грузов. Имеются все возможности для обработки различных видов грузов – от скоропортящихся до крупногабаритных.

Новый транспортно-логистический центр будет построен на территории акционерного общества «Узтемир йул-контейнер». Для его возведения выделена территория общей площадью в 16 гектаров. Контейнерный терминал займет 20 тысяч кв. м. Закрытые складские помещения – 25 тысяч кв. м., в том числе 14 тысяч кв. м. для отдельных видов изделий. В комплексе будет внедрена автоматизированная система управления складами. Кроме того, на территории запланированы здания сервисного центра, таможенного контроля и администрации. Центр станет оказывать услуги по сортировке железнодорожных вагонов, погрузке и выгрузке грузов, его хранению, регистрации, а также маркировке. Новый логистический центр примет до 3 млн. тонн груза в год. Сдача в эксплуатацию намечена на конец этого года.

В РУз также на базе аэропорта г. Навои функционирует современный интермодальный логистический центр, который обслуживает в основном международные грузовые авиаперевозки (объединение и компоновка грузов).

В 2009 году было создано ЗАО «Центр логистики Ангрен», которое является одним из самых крупных логистических центров по обслуживанию автомобильных и железнодорожных перевозок в Узбекистане. Мощности терминала могут перегружать до 22 контейнеров со складированием 60 контейнеров и обработкой до 1500 тонн на складских площадях. Логистический центр «Ангрен» действует на территории самой крупной свободной экономической зоны Узбекистана – СИЗ «Ангрен», включающей города Ангрен и Ахангаран Ташкентской области.

В Наманганской области создан мультимодальный Центр логистики УП «Центр логистики Пап» при АО «Узбекистон темир йуллари». Центр ежегодно обрабатывает до 4 млн. тонн грузов в год.

Системные проблемы и риски

В мировых рейтингах по логистике Узбекистан занимает далеко не лучшие места. Так в Отчёте Всемирного банка приводится рейтинг 160 стран по расчётному показателю «Logistics Index Performance (LPI)» о странах-лидерах в логистике, их компетенции в этой сфере и доступности логистики для бизнеса. Данный рейтинг основывается на шести критериях. Узбекистан занял в 2018 г. лишь 99-е место, получив наименьший балл (из 6 рассматриваемых критериев) по критерию «Эффективность и скорость работы таможни». Поэтому особую актуальность для Узбекистана приобретает изучение опыта других государств, в первую очередь развитых стран, в регулировании и финансировании отраслей, обеспечивающих жизнедеятельность транспортной системы и логистики.

В отрасли сложился низкий уровень мультимодальных перевозок, логистических, таможенных, экспедиторских и других услуг. Доля контейнерных перевозок значительно ниже, чем в развитых странах. Отчасти это обусловлено высокими транспортными тарифами, индексируемыми по формуле «затраты + прибыль». Тарифная политика не направлена на поддержку небольших и средних компаний – грузоотправителей и экспортеров грузов. Железные дороги региона малопродуктивны. Так, в рамках двусторонних межправительственных соглашений о международных автомобильных перевозках (МАП) определены различные правовые режимы для перевозок между парами отдельных стран. Они предусматривают проезд только через определенные КПП, ограничение маршрута доставки и свободы транзита (вследствие процедур выдачи транзитных разрешений, ограничения их количества и т.д.), квотирование перевозок (торговый барьер/требование ВТО), бюрократические процедуры согласования и выдачи разрешений (физическое присутствие и объем документации).

¹ Гулямов С.С., Шермухамедов А.Т. Развитие логистических центров в Узбекистане // Потенциал современной науки. 2017, № 1 (27). – С. 73–78.

² Новые международные центры логистики в Узбекистане. – <http://china-uz-friendship.com/?p=910>

Представитель Ассоциации МАП Таджикистана Лариса Кислякова обратила внимание на то, что соглашения между ее страной и Узбекистаном вообще нет. А также, по ее словам, в целом имеющиеся «безразрешительные» соглашения, подписанные между странами, не оговаривают вопросы перевозок в/из третьих стран. Они направлены на улучшение политического климата, а не на повышение эффективности перевозок. А наличие сразу нескольких двусторонних соглашений существенно усложняет порядок соблюдения их нормативно-правовых требований¹.

Что касается системы международных соглашений и конвенций в области транспорта, то здесь тормозом является различный уровень участия в них стран Центральной Азии. Большая часть соглашений и конвенций не действует, их нормы не применяются (не проработаны механизмы реализации положений этих международных актов).

Регулирование железнодорожных перевозок страны ЦА осуществляют на основании Соглашения о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС). Но и здесь есть ряд слабых моментов – редко используется сквозная транспортная накладная и недостаточно развиты услуги «от двери – до двери» (к примеру, по маршруту п. Ляньюньган – ст. Достык – г. Ташкент требуются 3 накладные), отсутствует интермодальное обслуживание. Не гармонизированы правила обслуживания и оформления, из-за чего наблюдаются большие простои. Не урегулированы до конца взаимоотношения между грузоотправителями и участниками рынка грузовых железнодорожных перевозок, а также вопросы технического обеспечения (маршрутные составы, платформы для перевозки контейнеров и т.д.).

Отличается от предъявляемых стандартов и требований существующая практика трансграничного таможенного контроля. Отсутствуют координация между таможенными службами стран и интегрированные информационные системы отслеживания грузов. Некоторые таможенные посты на международных пунктах пропуска плохо оборудованы. Несвоевременно доводятся до участников рынка МАП изменения, происходящие в сфере таможенного регулирования, и т.д. [1].

Зарубежный опыт функционирования транспортно-логистических систем

Мировой опыт показывает, что динамичный рост экономики приводит к значительному росту объемов товародвижения и, соответственно, грузовых потоков как внутренних, так и международных, в том числе транзитных. Но в условиях недостаточной развитости транспортно-логистической инфраструктуры производительность, и эффективность функционирования транспортного комплекса страны снижается.

Опыт использования логистических систем в развитых капиталистических странах показывает, что транспортные расходы при этом сокращаются на 7–20%, расходы на погрузочно-разгрузочные работы и хранение материальных ресурсов и готовой продукции уменьшаются на 15–30%, общие логистические издержки на 12–35%, а также ускоряется оборачиваемость материальных ресурсов на 20–40% и снижаются запасы материальных ресурсов и готовой продукции на 50–200%².

В мировой практике прослеживается неуклонная тенденция совершенствования технологии грузовых перевозок, связанная с концентрацией транспортных потоков и ростом контейнерных перевозок по интермодальным транспортным коридорам, которые должны стать основой единой глобальной транспортной сети XXI века, создание и функционирование которой является одной из главных задач евроазиатской транспортной политики. В Западной и Центральной Европе, где коммуникации более развиты по сравнению со странами Восточной Азии, формирование базовой системы транспортных коридоров уже в основном завершилось.

Для принятия и переработки грузов, следующих в интермодальном сообщении, и обеспечения соответствующего уровня сервисного обслуживания первостепенное значение, наряду с развитием транспортных коммуникаций с соответствующим обустройством, имеет создание в крупных транспортных узлах вдоль трассы МТК мультимодальных терминальных комплексов и транспортно-логистических центров, функционирующих на основе передовых логистических технологий и обеспечивающих интеграцию товароматериальных, информационных, сервисных и финансовых потоков. Основополагающими элементами логистической инфраструктуры МТК являются мультимодальные транспортно-логистические центры, функционирующие на коммерческой корпоративной основе, обеспечивающие скоординированное взаимодействие всех видов транспорта и других участников транспортно-логистического процесса, рассматриваемые как стратегические точки роста экономики.

По оценке экспертов, в первой четверти XXI века в крупнейших транспортных узлах мира будет функционировать порядка 70 МТЛЦ международного уровня, которые будут связаны между собой интермодальными транспортными коридорами с подключением к ним региональных логистических систем, обеспечивающих через экспедиторов и перевозчиков выход к каждому грузоотправителю и грузополучателю. Такая схема организации доставки грузов обеспечит повышение эффективности транспортно-распределительного процесса более чем на 30–40%³.

Пути решения сложившихся проблем

В Узбекистане и в соседних странах имеется большой потенциал взаимовыгодной торговли, а соответственно и международных перевозок. Во всех странах Центрально-азиатского региона ведутся крупные инвестиционные проекты по строительству объектов промышленности, энергетики, транспорта и дорог с целью дальнейшего наращивания

¹ Абдуназарова Г. Реалии и перспективы развития транспорта и логистики // Газета НТВ. 2017, № 5.

² Сергеев В.И. Логистика в бизнесе: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2001.

³ Резер С.М., Прокофьева Т.А., Гончаренко С.С. Международные транспортные коридоры: Проблемы формирования и развития. – М.: ВИНТИ РАН. 2010. – 432 с.

совокупной транзитной мощности региона. Участие в строительстве международных транзитных коридоров на направлениях Узбекистан – Киргизия – Китай, Мазари Шариф – Герат и далее в Пакистан и Индию позволит шире пользоваться транзитный потенциал страны.

Объективные факторы, сдерживающие региональную торговлю (отсутствие доступа к международным морским коммуникациям, высокая доля транспортных затрат в цене товара, ограниченность готовой товарной номенклатуры с высокой добавленной стоимостью), заставляют страны ЦА уделять огромное внимание развитию транспорта, инфраструктуры и логистики. В регионе активно разворачиваются СЭЗ и СИЭЗ. Они, несомненно, придадут существенный импульс региональному товарообороту, что повысит спрос на транспортные услуги.

На транспортно-логистическое обеспечение должно повлиять и развитие в регионе систем логистического аутсорсинга, позволяющих расширить и улучшить спектр услуг (складирование, перегрузка, выполнение нестандартных заказов любой сложности и т.д.). При этом ускоряется процесс интеграции компаний, вовлеченных в цепь поставки, что актуально с учетом нынешних реалий.

Узбекистану необходимо присоединиться к соглашениям и конвенциям в области транспорта, осуществлять практическую реализацию Международной конвенции о согласовании условий проведения контроля грузов на границах (разработка типовых схем таможенного контроля и т.д.). А также завершить процедуру по введению международного сертификата взвешивания транспортных средств, предусмотренного Соглашением СНГ (Чолпон-Ата, 16.04.2004 г.). Возрастает актуальность вопросов интеграции в международную систему страхования владельцев страхового полиса «Зеленая карта», унификации тарифов и согласования политики предоставления доступа к железнодорожной инфраструктуре и подвижного состава во взаимное пользование, согласования единого транспортного документа.

Таможенным службам региона рекомендуется применять выборочный контроль на основе управления рисками, внедрять предварительное информирование и «зеленый коридор», реализовать системы «единое окно», принять единую процедуру таможенного транзита.

Существует острая необходимость решения проблемы перестановки кузовов вагонов и контейнеров из-за разной ширины колеи 1520 мм и 1435 мм на стыковых станциях на границе, т.к. наличие разных стандартов железнодорожной колеи приводит к финансовым, временным и другим потерям при перевозках по межконтинентальным транспортным коридорам. Одним из способов решения проблемы является установка оборудования для перестановки тележек на стыковых станциях.

Проблемы транспортного транзита и логистики внешней торговли носят комплексный характер. И для их решения необходимо объединение усилий как государства с частным сектором, так и стран региона и их частных предприятий.

Кроме того, встает ещё один вопрос, который связан с наличием квалифицированных кадров в области логистики. Сегодня развитие логистических услуг невозможно без обучения и повышения профессиональных знаний предпринимателей республики, а также преподавателей высших учебных заведений. В 2019 году при Министерстве транспорта Республики Узбекистан создан Центр изучения проблем развития транспорта и логистики, основными задачами которого являются изучение проблем развития системы транспорта и логистики, использования транспортного потенциала республики, выработка предложений по устранению проблем. Однако с целью осуществления непрерывного образования специалистов в области транспорта и логистики мы рекомендуем создание Ташкентского государственного университета транспорта (ТГУТ) с Международным научно-образовательным центром транспортной логистики на базе ТашИИТа.

В настоящее время появляются элементы логистического обеспечения торговли и транспортных перевозок грузов. Принимаются меры по налаживанию механизма для эффективного использования информационных технологий, транспортных перевозок и транспортной инфраструктуры. Однако темпы внедрения современных методов и технических средств логистики в практику организации и управления грузопотоками ещё недостаточны. Если ещё недавно для узбекских предпринимателей было достаточно организовать только доставку грузов от поставщика до получателя, то теперь сформировался устойчивый спрос на увеличение спектра услуг по организации перевозок «от двери до двери», таможенной очистке, расфасовке, упаковке, хранению товаров и т.д. В связи с этим, возникла необходимость в институциональном развитии логистической отрасли РУз, повышении качества предоставляемых услуг в области промышленной, торговой, информационной, транспортной, складской, управленческой и других видов логистики.

Асапрян С.Т.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Ключевые слова: налоговая система, налоговые органы, налог на доходы физических лиц, задолженность по налогам, собираемость налогов.

Keywords: tax system, tax authorities, tax on income of individuals, tax arrears, tax collection.

Одна из основных задач, стоящих перед налоговыми органами, – обеспечение полноты и своевременности поступления в бюджет налогов и сборов. Недопоступление или несвоевременное пополнение бюджета не позволяет государству обеспечивать полноценное финансирование социальной сферы и исполнение обязательств перед отдельными гражданами, что отрицательно сказывается на развитии человеческого и трудового потенциала страны¹.

Полноценному осуществлению этой функции налоговых ведомств может препятствовать налоговая задолженность юридических и физических лиц. Поэтому в большинстве стран мира законодательно предусмотрены серьезные меры принудительного взыскания долга перед государством. Значительную часть задолженности по налогам и сборам в России формирует задолженность физических лиц. По данным Министерства экономического развития РФ, в структуре налоговой задолженности в 2018 году на налог на доходы физических лиц приходилось 10,2%².

Динамика налоговой задолженности россиян в 2008–2018 гг. дает основания предположить, что отношение россиян к своим налоговым обязательствам ухудшилось. Так, по данным Минэкономразвития, задолженность физических лиц по налогам в рассматриваемый период возрастала практически ежегодно. Уменьшение отмечалось только в 2009, 2010 и 2013 гг. Наибольший прирост показателя отмечался в 2011 и 2018 гг. В итоге общая сумма задолженности физических лиц увеличилась на 36% и составила 1031,7 млн. руб.³.

Причины возникновения налоговой задолженности во многом связаны с недостатками, присущими современному налоговому законодательству РФ. На наш взгляд, к основным проблемам, решение которых будет способствовать повышению эффективности функционирования налоговой системы, относятся следующие:

- 1) В РФ не развита практика экономико-правового обоснования вводимых налогов; при установлении различных видов налогов в законодательных актах, как правило, отсутствуют ссылки на конституционные положения;
- 2) Бюджетные расходы государства слабо связаны с интересами налогоплательщиков;
- 3) В функционировании налоговой системы РФ преобладает фискальная функция налогов в ущерб ее другим задачам;

По мнению экспертов, значительно подрывает эффективность функционирования действующей налоговой системы нашей страны ее переориентация на прямые налоги, а также усиление налогового давления в отношении физических лиц⁴.

¹ Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А. Демографические факторы формирования трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. – № 2. Серия: Социологические науки. – С. 196–202; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Солдатов А.А. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. – № 2. Серия: Социологические науки. – С. 202–208; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности / Росстат-МЭСИ. – М., 2015. – С. 56–61; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Дифференциация регионов по доходам как угроза экономической безопасности России // Научное обозрение. – Саранск, 2018. – № 4. – С. 12; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Повышение жизненного уровня россиян как важнейшее направление укрепления экономической безопасности страны // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 177–180; Мокрова М.Ю., Липатова Л.Н. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 317–321; Липатова Л.Н. Оценка социально-экономического развития региона через призму качества жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 834–837.

² Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – <http://economy.gov.ru>

³ Там же.

⁴ Алехин С. Н. Налоговая система в современных условиях России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. – № 1–2. – С. 133.

Налоговые органы в соответствии с действующим законодательством, применяют для неплательщиков определенные меры принудительного взыскания, но они не всегда эффективны, так как законодательство, определяющее порядок такой работы, не всегда совершенно. На наш взгляд, совершенствованию механизма взыскания налоговой задолженности с физических лиц будет способствовать реализация следующих мер, основанных на применении современных информационных технологий:

1. Активное информирование граждан страны о налогах, о налоговой системе, о том, как и в каком порядке используются бюджетные средства, внесенные налогоплательщиками в виде налогов. Начинать работу по формированию налоговой дисциплины следует с раннего возраста, разъясняя детям, что перед каждым человеком стоит такая обязанность, как уплата налогов, которые нужны, чтобы работали школы, больницы и др. Следует объяснять, что каждый гражданин должен платить налоги, а их неуплата – это такое же нарушение закона как, например, кража, за которую грозит наказание.

В мировой практике для информирования налогоплательщиков наиболее часто используются телевидение, реклама, Интернет-ресурсы и т.п.

Следует систематически через СМИ доносить до россиян сведения о наказаниях за уклонение от уплаты налогов и другие нарушения в этой сфере. Кроме того, считаем целесообразным рассказывать россиянам о практике налогообложения в других странах мира, а также о наказаниях за налоговые преступления.

2. Установление обязанности всех физических лиц переходить на электронный документооборот, что позволит гораздо быстрее получать и отправлять документы, обрабатывать их и использовать налоговыми органами для исполнения своих функций, в том числе в части взыскания задолженности. А налогоплательщикам не придется терять время в очередях на прием в налоговой инспекции.

Сейчас для налогоплательщиков появилась возможность сдавать отчетность и общаться с налоговыми органами в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи (ТКС) через оператора электронного документооборота. Но происходит это все по желанию налогоплательщика, т.е. в добровольном порядке.

При переходе на электронный документооборот сокращаются следующие временные затраты:

– срок получения налогоплательщиком документов из налогового органа, который составит 1–2 дня;

– срок уплаты налога в направляемом требовании можно будет уменьшить, например, до 5 рабочих дней, так как срок на доставку документов по почте будет исключен.

При этом необходимо законодательно запретить налогоплательщикам отказываться от получения документов из налоговых органов и/или игнорировать их, а также предусмотреть меры на случай отказа от получения и/или игнорирования требований налогового ведомства. Например, ввести возможность приостановления банковских операций по счетам должника.

3. Полный переход на электронный документооборот во взаимодействии налоговых органов с банками. В настоящее время банки обязаны принимать в электронном виде от ФНС только решения о взыскании за счет денежных средств со счетов налогоплательщика, которое подразумевает приостановление операций по счету, и решения об отмене приостановления операций по счету. Но способ получения другой корреспонденции (в электронном виде или по почте) выбирает банк. Так, поручения налогового органа на списание и перечисление денежных средств в бюджетную систему РФ банки предпочитают получать по почте, что замедляет процесс взыскания и увеличивает сроки поступления списанных со счетов налогоплательщиков средств в государственный бюджет. Поэтому необходимо обязать банки перейти на электронную систему в отношении всех документов.

Реализация предлагаемых мер будет способствовать снижению задолженности населения по налоговым платежам, что, в свою очередь, положительно скажется на формировании доходной части бюджета государства и исполнении им социальных обязательств.

*Богдан Н.И.*¹

БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНДИКАТОРОВ ИННОВАЦИЙ

Ключевые слова: инновации, индекс инноваций, инновационная политика.

Keywords: innovation, innovation index, innovation policy.

Актуальность проблемы оценки инновационного развития в Беларуси определяется Законом Республики Беларусь от 10 июля 2012 года «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» и реализацией Государственных программ инновационного развития, определяющих перспективы инновационного развития. Государственная программа инновационного развития Беларуси на 2016–2020 гг., оценивается на основе 4 важнейших показателей:

- удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций;
- удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции;
- доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта;
- количество создаваемых (модернизируемых) рабочих мест.

Эти показатели являются важными, однако они характеризуют в основном результаты инновационной деятельности и не дают оценки ресурсов и эффективности их использования. Оценка результативности инновационной политики развитых стран основана на более разнообразных показателях инноваций, учитывающих международную конкуренцию и глобальный характер современного развития. Примером является Глобальный индекс инноваций [1], Инновационное табло Европейского союза [2], аналитические обзоры науки, инноваций и технологий ОЭСР [3].

Глобализация усиливает потребность в инновационной политике и оценке ее эффективности в сравнении с другими странами. Компании сталкиваются не только с технологической неопределенностью, связанной с изобретениями и инновациями, но и с быстроизменяющимися и крайне неопределенными рыночными и институциональными условиями. Формирование политики на основе фактических данных становится все более важным в последние годы. Беларусь в оценке науки, инноваций и результатов инновационной деятельности опирается на Руководство Фраскати и Руководство Осло как международные стандарты статистической отчетности, что позволяет проводить международные сравнительные исследования.

Одним из современных международных индикаторов инноваций является Глобальный индекс инноваций (ГИИ), в котором Беларусь участвует с 2012 г. Глобальный индекс включает более 80 индикаторов, сгруппированных в два субиндекса, один из которых оценивает ресурсы инноваций (Innovation Input Sub-Index), второй – результаты инновационной деятельности (Innovation Output Sub-Index). Цель Глобального индекса инноваций состоит в измерении многомерных аспектов инновационного развития, что дает основу политическим деятелям не просто определить ранг страны в мировом контексте, но и использовать результаты позиционирования страны для определения относительных преимуществ и слабых звеньев национальных инновационных систем на основе богатого набора данных. Позиционирование Беларуси в Глобальном инновационном индексе за период 2012-2018 представлено в табл. 1.

Таблица 1

Беларусь в Глобальном инновационном индексе

Индикаторы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index)	78	77	58	53	79	88	86
Индекс ресурсов инноваций (Innovation Input Sub-Index)	80	75	70	56	64	63	60
Индекс результатов инноваций (Innovation Output Sub-Index)	75	79	50	58	103	109	110
Индекс эффективности инноваций (Innovation Efficiency ratio)	66	82	27	73	116	120	119

Источник: составлено по данным Cornell University, INSEAD, and WIPO.

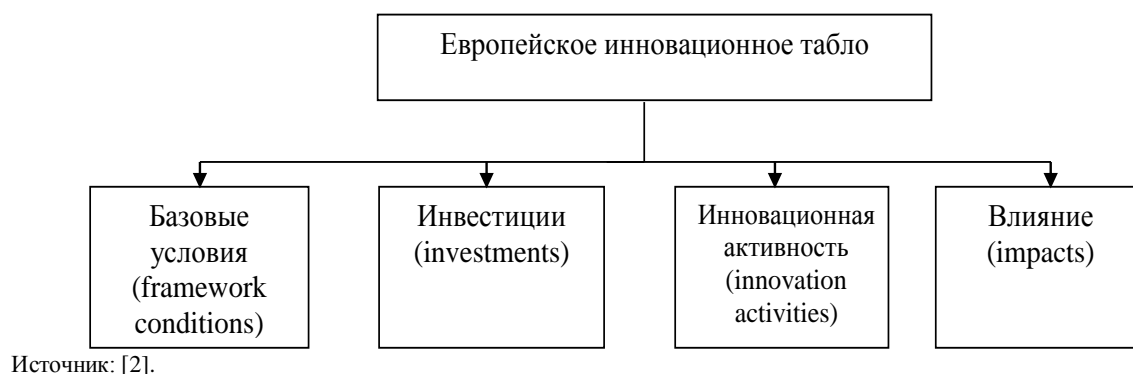
Данные этой таблицы показывают, что за последние годы позиции Беларуси в глобальном измерении инновационного развития снизились, причем наиболее заметное снижение произошло в эффективности инноваций, которое характеризует показатель «Innovation Efficiency ratio», отражающий соотношение результатов и ресурсов инноваций. Исследования показывают [4], что слабые позиции страны устойчиво сохраняются в оценке инновационной среды, инновационных связей, характеристике финансовых возможностей бизнеса для инновационного развития. Беларусь до сих пор не участвует в рейтингах Мирового индекса конкурентоспособности (GCI). Всемирного экономического

¹ Богдан Нина Ивановна – д.э.н., профессор, профессор кафедры национальной экономики, Белорусский государственный экономический университет. E-mail: bohdannina@gmail.com

форум (WEF), а многие показатели Глобального инновационного индекса основаны на оценках данных обследований, что влияет на рейтинг страны в Глобальном инновационном индексе.

Другим важным международным индикатором инновационного развития стран является Европейское инновационное табло (European Innovation Scoreboard – EIS), которое характеризует инновационное развитие европейских стран, а также основных глобальных конкурентов Европы – Австралии, Бразилии, Канады, Китая, Индии, Японии, России, Южной Африки, Ю. Кореи и США. Инновационное табло ЕС служит инструментом для информирования политиков и обсуждения проблем развития на национальном уровне и уровне ЕС, позволяет отслеживать прогресс в инновационной деятельности как в странах ЕС, так и в мире в целом.

Принципиальным отличием данной модели от ГИИ является её формирование, в основном, на количественных оценках, для которых используются данные Евростата и других международных баз данных. На основе Европейского инновационного табло рассчитывается сводный индекс инноваций (SII-Summary Innovation Index) для каждой страны. Расчет сводного инновационного индекса ЕС (SII) опирается на 27 индикаторов, которые сгруппированы в четыре блока (рис. 1). Достоинством табло является характеристика тенденций инновационного развития во всех государствах ЕС (оценка производится с 2000 г.).

Источник: [2].

Рисунок 1.
Составные части Европейского инновационного табло

Беларусь не участвует в оценках Европейского инновационного табло, поскольку не является членом ЕС, но исходя из предпосылок общего исторического развития, географической близости, объемов торговли со странами ЕС нами были оценены позиции Беларуси в контексте европейских индикаторов инноваций в проекте [5], практическая реализация которого нашла отражение в современной статистике Беларуси: ежегодный статсборник «Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь» теперь содержат раздел «Отдельные показатели Табло Инновационного Союза по Республике Беларусь» [6, с. 34]. Оценка позиционирования Беларуси по сводному инновационному индексу в 2009 г. показала, что Беларусь в рейтинге занимала место среди «новых» стран ЕС, опережая Латвию и Болгарию, и входила в группу стран «догоняющего» развития.

За последние 10 лет оценка позиционирования Беларуси по сводному инновационному индексу не проводилась, несмотря на расчет отдельных показателей инновационного табло ЕС. Поэтому научный интерес представляет оценка современного позиционирования Беларуси в контексте индикаторов Европейского инновационного табло.

Современная методика бенчмаркинга стран ЕС на основе сводного индекса инноваций осуществляется на основе Методологического руководства [7], предусматривающего несколько этапов расчета, в которых важную роль играет сопоставимость данных по странам. Для сравнения показателей рассчитывается их «нормализованное значение». Для расчета нормализованных показателей (NS) используют метод «максимум-минимум»:

$$NS = \frac{(x - \min)}{(\max - \min)} \quad (1),$$

где, x – значение показателя конкретной страны;

\min – минимальное значение показателя по всем странам за временной период;

\max – максимальное значение показателя по всем странам за временной период.

Таким образом, максимальное пересчитанное значение равно 1, а минимальное – 0. Для каждого года сводный индекс инноваций рассчитывается как невзвешенное среднее пересчитанных значений для всех индикаторов, где все индикаторы получают одинаковый вес (1/27, если данные доступны для всех 27 индикаторов).

Наши расчеты по методике ЕС позволили рассчитать сводный инновационный индекс Беларуси в контексте Европейского инновационного табло 2018 (данные 2017 г.). Как показали наши расчеты, суммарный инновационный индекс составил для Республики Беларусь 60,7% , что позволило отнести страну к группе «умеренных новаторов» (рис. 2).

На основе сводного индекса инноваций, государства-члены делятся на четыре различные группы по эффективности инновационного развития. Дания, Финляндия, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Бельгия, Германия, Ирландия, Австралия и Великобритания являются инновационными лидерами с инновационными показателями значительно выше среднего по ЕС. Франция и Словения являются «сильными» новаторами с производительностью выше или близкой к средней по ЕС. Показатели остальных стран, ниже среднего показателя по ЕС, эти страны относятся к группе «умеренных» новаторов. К этой группе принадлежит и Республика Беларусь (BL). Болгария и Румыния являются «скромными» новаторами, с показателями значительно ниже среднего по ЕС.

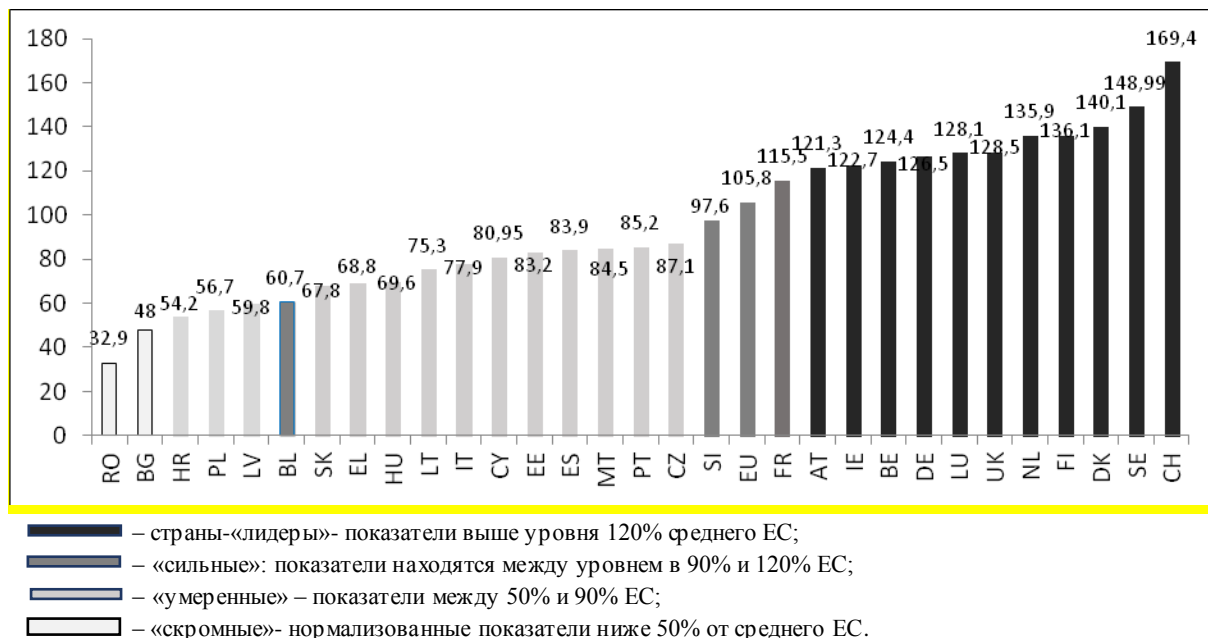

Рисунок 2.
Беларусь в контексте сводных индикаторов инновационного развития ЕС 2018 (сравнение с 2010).

Если рассматривать динамику позиций Беларуси в европейском контексте инновационного развития, очевидно, что некоторые сдвиги произошли. Беларусь поднялась в рейтинге стран ЕС, опережая ряд европейских стран: Румынию, Болгарию, Польшу, Латвию. Некоторые страны Восточной Европы и Балтии существенно выше Беларуси в европейском рейтинге: Эстония, Литва, Чехия, вместе с тем ни одна из этих стран за десятилетие не вошла в группу «сильных инноваторов».

Дальнейший анализ проведем по оценке отдельных показателей Инновационного табло ЕС, характеризующих инновационное развитие Беларуси. Формирование инновационной политики основано на создании ряда предпосылок, обеспечивающих реализацию механизмов политики. В Европейском инновационном табло эти предпосылки определяются как базовые / рамочные условия реализации инновационной деятельности, включающие оценку человеческих ресурсов, привлекательность научно-исследовательских систем и доброжелательность инновационной среды (табл. 2). Анализ показывает, что по качеству человеческих ресурсов Беларусь даже опережает ЕС: показатель «доля молодежи с третьей ступенью образования» выше европейского в полтора раза (аналогичная ситуация в России), вместе с тем, привлекательность научной карьеры для молодежи остается низкой (отставание от ЕС по показателю «доля выпускников аспирантуры/докторантуры на 1000 чел в возрасте 24–35 лет» почти в 3 раза).

Таблица 2

Беларусь в контексте индикаторов Европейского инновационного табло 2018 (рамочные условия)

Базовые условия (framework conditions)	EU-28 (EIS-2018)	Беларусь 2017
<i>Человеческие ресурсы</i>		
1.1.1 Новые докторские степени на 1000 человек в возрасте 25–34	2,0	0,7
1.1.2 Процент населения в возрасте 25–34 с законченным третичным образованием	39,0	60,6
1.1.3 Доля населения в возрасте 25–64 лет, обучающегося в течение всей жизни	10,9	9,4
<i>Привлекательность научно-исследовательской системы</i>		
1.2.1 Международные научные совместные публикации на миллион населения	517	136
1.2.2 Научные публикации среди 10% наиболее цитируемых, % всех научных публикаций страны	10,6	6,6
1.2.3 Иностранцы студенты с докторской степенью, % всех ¹⁾ студентов с докторской степенью	26,1	6,9
<i>Инновационная среда</i>		
1.3.1 Распространение широкополосного доступа в Интернет	16,0	17,0
1.3.2 Предпринимательство, «адаптированное к различным обстоятельствам» (Мотивационный индекс)	3,3	–

Источник: составлено автором по данным EIS-2018 и Белстат.

Характеристика привлекательности научно-исследовательской системы показывает, что белорусские ученые имеют достаточно высокий уровень научной цитируемости особенно в таких областях науки, как физика и астрономия, химические науки, технические науки, материаловедение и химия. Индекс Хирша для Республики Беларусь за период 1996–2017 гг. составил 158 статей (по данным SJR). С таким уровнем публикационной активности и цитирования в 2017 г. Беларусь занимает 73 место среди 239 стран мира. Достигнутое значение индекса примерно соответствует

¹ Для Беларуси – доля иностранных граждан, обучающихся в аспирантуре и докторантуре в общей численности обучающихся в аспирантуре и докторантуре, процентов.

ует уровню Армении (160 статей) и существенно уступает России (503 статьи). Среднее значение индекса Хирша для ведущих стран ЕС существенно выше и составляет 716 статей [8, с. 23].

Международное сотрудничество в научной сфере отражает показатель совместных публикаций, по данному индикатору Беларусь (136) существенно отстает от ЕС (517), невысок и вклад в европейское научное пространство: 0,159% научных публикаций. Привлекательность научно-исследовательской системы Беларуси по представленным показателям можно оценить как невысокую.

Инновационная среда, согласно Инновационному табло ЕС, характеризуется доступностью Интернета, по этому индикатору Беларусь находится на уровне европейских стран, что подтверждается также ее 32 местом в рейтинге стран по индексу развития ИКТ (ITU World Telecommunication) из 176 стран мира в 2017 г. Мотивационный индекс для Беларуси не рассчитывается, поскольку страна не представлена в Global Entrepreneurship Monitor (GEM).

Показатели блока Европейского инновационного табло «Инвестиции» охватывают индикаторы, характеризующие затраты на научные исследования как в государственном, так и в бизнес-секторе, а также особенности формирования затрат на инновации (табл. 3). Анализ показывает, что Беларусь за последние годы существенно снизила затраты на научные исследования за счет бюджетных средств (относительно ВВП). За период 2010–2017 бюджетные расходы сократились с 0,33% до 0,19% ВВП, одновременно сократились и затраты бизнес-сектора с 0,43 до 0,4% ВВП. Общая наукоемкость ВВП Беларуси в 2017 г. составила 0,59%, что более чем в три раза ниже средневропейской (2% ВВП). Беларусь не только отстает по размерам поддержки науки, но и тенденция финансирования науки в стране противоположна мировой.

Таблица 3

Беларусь в контексте индикаторов Европейского инновационного табло 2018 (инвестиции)

Инвестиции (investments)	EU-28 (EIS-2018)	Беларусь 2017
<i>Финансирование и поддержка</i>		
2.1.1. Доля расходов государственного сектора (включая сектор высшего образования) на НИОКР (% ВВП)	0,7	0,19
2.1.2 Доля венчурного капитала (% ВВП)	0,116	–
<i>Инвестиции, осуществляемые предприятиями</i>		
2.2.1 Расходы на НИОКР в бизнес-секторе (% ВВП)	1,32	0,4
2.2.2. Доля расходов на инновации, не связанные с НИОКР, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг), %	0,76	1,49
2.2.3. Доля предприятий, предоставляющих обучение для развития или повышения навыков персонала в области ИКТ, %	21,0	6,0

Источник: составлено автором по данным EIS-2018 и Белстат.

Наши исследования показывают, что в мире наукоемкость ВВП растет, средние затраты в расчете на исследователя в мире составляют свыше 190 тыс. долл. по ППС, эта величина для Беларуси по нашим расчетам [9] составляет 45,6 тыс. долл. по ППС, что отчасти и снижает заинтересованность молодежи в развитии научной карьеры. В Беларуси отсутствует венчурный капитал для инноваций. Созданный Российско-белорусский фонд венчурных инвестиций только начинает работу, поэтому пока сложно определить размеры венчурного капитала.

Индикатор «Доля расходов на инновации, не связанные с НИОКР, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг)» – отношение суммы общих затрат на инновации для предприятий, исключая внутренние и внешние расходы на НИОКР, к общему обороту отгруженной продукции по всем предприятиям. Этот показатель измеряет расходы на инновации, не связанные с НИОКР, в процентах от общего оборота. Как видно из табл. 3, уровень таких расходов в Республике Беларусь выше средневропейского почти в 2 раза, что указывает на низкие затраты на научные исследования в процессе инновационной деятельности. В составе инновационных затрат преобладают расходы на машины и оборудование, что обусловлено потребностями модернизации технологической базы. Затраты на организационные и маркетинговые инновации в общей структуре затрат на инновации в промышленности не превышают 0,3%, что свидетельствует о недостаточной рыночной ориентации белорусского бизнеса.

Значимым и новым для данного раздела европейского инновационного табло является показатель «доля предприятий, предоставляющих обучение для развития или повышения навыков персонала в области ИКТ». Он представляет собой отношение количества предприятий, которые предоставили какой-либо вид обучения для развития навыков своего персонала в области ИКТ, к общему их количеству. Навыки в области ИКТ особенно важны для развития цифровой экономики. Доля предприятий, занимающихся обучением ИКТ, является показателем общего развития навыков сотрудников. По данному индикатору Республика Беларусь отстает от средневропейского уровня более чем в три раза.

В блоке индикаторов Инновационного табло ЕС «Инновационная активность» рассматриваются такие аспекты инноваций, как инновационная активность малого и среднего бизнеса, взаимосвязи в процессе инновационной деятельности, развитие интеллектуальных активов (табл. 4). Развитие инновационных малых и средних предприятий на протяжении многих лет является слабым звеном инновационного развития Беларуси. Несмотря на множество решений по поддержке малого бизнеса, принятых в Беларуси, инновационная активность малых предприятий остается крайне низкой. Отставание от средневропейского уровня развития малого бизнеса в Беларуси является десятикратным, при этом динамика данного индикатора является негативной – если в 2012 г. доля инновационных малых предприятий составляла 4,41%, то в 2017 г. сократилась до 3,04%. Существенно ниже и доля малых и средних предприятий, осуществляющих маркетинговые и организационные инновации: 0,73% общего числа малых и средних пред-

приятый в Беларуси и 34,9% – в ЕС. Беларусь отстает по этому индикатору и от многих новых стран ЕС: от Словакии (22,4%), Чехии (25,7%), Польши (11,4%), Литвы (19,0%).

Таблица 4

Беларусь в контексте индикаторов Европейского инновационного табло 2018 (инновационная активность)

Инновационная активность (innovation activities)	EU-28 (EIS-2018)	Беларусь 2017
<i>Инновационная деятельность</i>		
3.1.1. Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации, в общем числе МСП, процентов	30,9	3,04
3.1.2. Доля МСП, внедряющих маркетинговые или организационные инновации, в общем числе МСП, процентов	34,9	0,73
3.1.3. Доля МСП, осуществляющих внутренние инновации, в общем числе МСП, процентов	28,8	3,75
<i>Взаимосвязи (Linkages)</i>		
3.2.1. Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных организаций, процентов	11,2	0,46
3.2.2. Совместные публикации в партнерстве государства и частного бизнеса, на миллион населения	40,9	–
3.2.3. Софинансирование государственных расходов на науку бизнес сектором	0,05	–
<i>Интеллектуальные активы</i>		
3.3.1. Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации к 1 млрд. ВВП (по ППС)	3,53	0,128
3.3.2. Заявки на регистрацию товарного знака к млрд. ВВП (по ППС)	7,86	–
3.3.3. Число индивидуальных патентных заявок на промышленные образцы в ЕРО на млрд. ВВП (по ППС)	4,44	1,13

Источник: составлено автором по данным EIS-2018 и Белстат

Белорусские малые и средние предприятия практически не заняты в инновационном сотрудничестве. Сложные инновации, в частности в ИКТ, часто зависят от способности использовать различные источники информации и знания или сотрудничать в разработке инноваций. Показатель участия в совместных инновационных проектах измеряет поток знаний между государственными исследовательскими институтами и организациями, а также между самими организациями. По данному показателю Республика Беларусь более чем в 10 раз отстаёт от среднеевропейского уровня. Всего 0,46% всех МСП участвуют хотя бы в одном совместном проекте.

Интеллектуальные активы определяют способность фирм разрабатывать новые продукты, что укрепляет их конкурентоспособность. Одним из показателей является количество патентов. В Инновационном табло ЕС используется показатель количество патентных заявок по процедуре Договора о патентной кооперации (РСТ). В 2017 году Республикой Беларусь было подано 23 заявки по процедуре РСТ (или 0,128 на млрд. ВВП), что составляет незначительную величину в сравнении с развитыми и развивающимися странами. Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации к 1 млрд. ВВП (по ППС) составляет в Польше 0,69, Литве – 0,81, Латвии – 0,82. К причинам более чем двадцатикратного отставания Беларуси от среднеевропейского уровня можно отнести сложность в финансовой поддержке со стороны государства и недостаточное соответствие мировым тенденциям в научных разработках.

Индикатор «3.3.3 Число индивидуальных патентных заявок на промышленные образцы в ЕРО на млрд. ВВП по ППС» – отношение числа индивидуальных патентных заявок на промышленные образцы в Европейский патентный офис (ЕРО) плюс заявки по процедуре Мадридского соглашения на 1 млрд. долл. ВВП по ППС. В Республике Беларусь в 2017 году было подано 202 заявки на регистрацию промышленного образца по процедуре Мадридского соглашения, что составляет 1,13 на 1 млрд. долл. ВВП по ППС.

В целом, оценивая позиции Беларуси в контексте индикаторов инноваций в разделе «Инновационная активность» (EIS-2018), следует отметить, что Беларусь имеет существенное отставание по инновационной активности малого бизнеса и слабую статистическую базу по ряду индикаторов, что не позволяет оценить в полной мере результаты сотрудничества в инновационной сфере. С другой стороны, следует подчеркнуть слабость учета интеллектуальных активов и проблемы с регистрацией прав на объекты интеллектуальной собственности.

Исследователи отмечают [8, с. 164] тенденцию к сокращению патентной активности национальных заявителей Беларуси. Так, с 2011 г. количество заявок сократилось в 4 раза, регистраций патентов на изобретения – в 1,8 раза. Одной из основных причин отрицательной динамики количества действующих патентов и регистраций на объекты промышленной собственности стала последовательная государственная политика по повышению ставок патентных пошлин. В результате для национальных заявителей о дноментно в несколько раз увеличились издержки на подачу, регистрацию и поддержание охранных документов.

Последний блок индикаторов Инновационного табло ЕС «Влияние» характеризует воздействие инноваций на показатели экономического развития страны и ее конкурентоспособность (табл. 5).

Анализ показывает, что характеристика результативности инноваций отличается в трактовке европейских и белорусских политиков. Для Беларуси оценка инноваций, согласно ключевым показателям Государственной программы инновационного развития, основана на выпуске инновационной продукции и расширении экспорта высокотехнологичной продукции; согласно инновационному табло ЕС, основой оценки служит воздействие инноваций на занятость, расширение инновационного бизнеса (быстрорастущие фирмы), развитие экспорта как наукоемкой продукции, так и сектора услуг.

Беларусь в контексте индикаторов Европейского инновационного табло 2018 (влияние)

Влияние (Impacts)	EU-28 (EIS-2018)	Беларусь 2017
<i>Занятость</i>		
4.1.1. Доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) к общей занятости, процентов (на конец года)	14,2	10,36
4.1.2. Доля занятости в быстрорастущих предприятиях инновационных отраслей	4,8	–
<i>Продажи</i>		
4.2.1. Доля экспорта средне- и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта товаров, процентов	56,7	30,6
4.2.2. Доля экспорта наукоемких услуг в общем объеме экспорта услуг, процентов	69,2	37,0
4.2.3. Продажа новых для рынка и новых для фирмы инноваций в общем товарообороте, процентов	13,37	16,24

Источник: составлено автором по данным EIS-2018 и Белстат.

Показатель «доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) к общей занятости» рассчитывается как отношение численности занятых в наукоемких видах деятельности в отраслях предпринимательства к общей занятости. В расчете данного индикатора в Беларуси имеется неточность. Согласно ЕС, под наукоемкой деятельностью (knowledge-intensive activities) в данном показателе учитывается занятость населения в наукоемком бизнес-секторе, в то время как Республика Беларусь включает в данный показатель занятость в секторах образования и здравоохранения. Согласно Национальному статистическому комитету Республики Беларусь занятость в наукоёмких видах деятельности в 2017 году составила 35,26% [6, с. 34], а среднеевропейский уровень – 14,2%. Если скорректировать показатель по Беларуси с учетом доли занятости в секторах образования (11,7%) и здравоохранения (8,5%) и в секторе средне-низких технологий, получим, что занятость в наукоемком бизнес-секторе составляет 10,36%, что ниже среднеевропейского уровня.

Индикатор «4.2.1. Доля экспорта средне- и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта товаров» – отношение стоимости среднего и высокотехнологичного экспорта в национальной валюте и в текущих ценах к стоимости всего экспорта продукции. Индикатор измеряет технологическую конкурентоспособность, то есть способность коммерциализировать результаты исследований и разработок (R & D) и инноваций на международных рынках. Создание, использование и коммерциализация новых технологий имеют жизненно важное значение для конкурентоспособности страны в современной экономике. Средне- и высокотехнологичные продукты являются ключевыми факторами экономического роста, производительности и благосостояния и, как правило, являются источником высокой добавленной стоимости. Доля экспорта такой продукции в Республике Беларусь в 2017 году составила 30,60%, что ниже среднеевропейского уровня примерно в 2 раза (табл. 5) и соответствует показателю новых стран ЕС (Румыния, Литва, Латвия). Следует отметить снижение показателя для Беларуси за период 2012–2017 гг. на 4 п.п., при росте этого индикатора в ЕС, что свидетельствует о сжатии конкурентоспособности товаров высоко- и средне-технологичного сектора страны.

Показатель экспорта наукоемких услуг измеряет конкурентоспособность сектора наукоемких услуг. Он отражает способность экономики экспортировать услуги с высоким уровнем добавленной стоимости и успешно участвовать в наукоемких глобальных цепочках добавленной стоимости. В Республике Беларусь доля экспорта наукоёмких услуг в 2017 году составила 37% (табл. 5) и возросла, по сравнению с 2012 г., на 10 п.п., что обусловлено развитием экспорта услуг в сфере ИКТ, объем которого превысил 1 млрд. долл. США.

Индикатор «4.2.3 Продажа новых для рынка и новых для фирмы инноваций в общем товарообороте» представляет собой отношение суммы общего оборота новых или значительно улучшенных продуктов как новых для фирмы, так и новых для рынка к общему обороту по всем предприятиям. Таким образом, показатель отражает как создание самых современных технологий (новые продукты для рынка), так и распространение этих технологий (новые продукты для компаний). Согласно данным Белстата, показатели Беларуси превышают среднеевропейские данные: в ЕС продажа «новых для рынка и новых для фирмы» продуктов в общем объеме продаж составляет 13,4%, а в Беларуси — 16,24%. Представляется, что это противоречие можно объяснить, если учесть, что «новая» продукция различается по степени новизны: «новая для предприятия» и «новая для рынка». В Беларуси существенно выше доля «новой для предприятия»: доля «новой для мирового рынка» составляла в 2017 г. 0,5%, «новой для внутреннего рынка» – 49,1%.

Наше исследование позволило провести позиционирование Беларуси в контексте EIS2018 за последние годы и оценить прогресс в формировании национальной инновационной системы Беларуси, в эффективности реализации и инновационной политики. Следует признать, что невысокое значение сводного показателя инноваций свидетельствует о существенных проблемах в формировании и реализации инновационной политики Беларуси. Наличие квалифицированных человеческих ресурсов (доля выпускников с третьей степенью образования, превышает среднеевропейский уровень в полтора раза) не позволяет стране обеспечить высокие темпы инновационного развития и рост качества жизни населения. Формально высокий образовательный потенциал населения не капитализируется. Недофинансирование науки приводит к сокращению численности научных кадров. За период 2012–2016 гг. численность персонала науки Беларуси сократилась с 30,4 до 25,9 тыс. чел. и только в 2017 г. эта тенденция преодолена: численность научных работников возросла до 26,5 тыс. чел. Инновационная политика сохраняет технократический характер, слабую поддержку имеют организационные и маркетинговые инновации, что затрудняет как процессы модернизации экономики, так и ограничивает конкурентоспособность товаров.

Падение рейтинга страны в Глобальном инновационном индексе политики пытаются оправдать изменением методики расчета, но исследование позиционирования страны в европейском инновационном пространстве на основе Инновационного табло ЕС, показывает, что Беларусь имеет слабые звенья инновационной политики, связанные с недостаточной поддержкой малого инновационного бизнеса, инновационных взаимосвязей участников инновационного процесса, недофинансирована наука, международное сотрудничество. Анализ показывает необходимость гармонизации статистики Беларуси с международными стандартами, что позволит избежать асимметричности информации при обосновании мероприятий инновационной политики.

Список литературы

1. The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. – https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii_2018-report-new.pdf
2. European Innovation Scoreboard 2018 / European Commission. – http://ec.europa.eu/growth/industry/innovation/facts-figures/scoreboards_en
3. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation. – <https://doi.org/10.1787/9789264268821-en>
4. Богдан Н.И. Эффективность инновационной политики Беларуси: проблемы и пути развития // Белорусский экономический журнал. 2013. – № 2. – С. 84–101.
5. Измерение инноваций: проблемы сравнительной оценки: монография / Н.И. Богдан, Н.Ч. Бокун, Н.Н. Бондаренко, Н.Э. Пекарская. – Минск: Мисанта, 2011. – 263 с.
6. Наука и инновационная деятельность: Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Мн., 2018.
7. European Innovation Scoreboard 2018. Methodology Report. 15 June 2018. – <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/30081>
8. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2017 года: Аналитический доклад / Под ред. А.Г. Шумилиной, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2018. – 282 с.
9. Богдан Н.И. Стратегия инновационной политики: мировые тенденции // Наука и инновации. 2015. – № 3(145). – С. 20–23.

Борисова О.В.¹

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ²

Ключевые слова: Цифровая экономика, цифровые компетенции, кадры в цифровой экономике, компетенции в цифровой экономике.

Keywords: digital economy, digital competencies, human resources in the digital economy, competencies in the digital economy.

Современные информационно-коммуникационные технологии, их постоянное развитие привели к формированию «цифровой экономики». Основой цифровой экономики считают цифровое представление информации. Переход к цифровизации позволил передавать значительные объемы информации, а впоследствии привел к появлению современных технологий, получивших название цифровых. По мнению Д. Пескова, аналоговая экономика умирает. По оценкам ее доля за следующие 20 лет сократится в два раза³. В связи с этим встает вопрос о подготовке кадров для новых условий хозяйствования. Сегодня необходимо активно разрабатывать полноценные программы для подготовки взрослых людей к деятельности в цифровой экономике. И данные программы должны существенно отличаться по набору компетенций, которыми должен обладать современный сотрудник организации.

На первом этапе исследования дадим определение понятию «цифровая экономика». Большинство исследователей данный термин связывается с Интернетом, сотовой связью и ИКТ. Анализ работ по данной тематике свидетельствует, что имеется определенный тренд в работах, характеризующих понятие «цифровая экономика». В исследованиях, проведенных в 1995–2001 г. (Tapscott, 1996; Lane, 1999; Mesenbourg, 2001) авторы особо выделяли Интернет-технологии. В более поздних исследованиях внимание было сосредоточено на развитии мобильных и беспроводных сетей (DBCDE, 2009), облачных технологий и технологий работы с Big Data (G20, DEFT, 2016)⁴. Однако следует отметить, что в работе Тапскот (1994 г.) были выделены 12 основных аспектов «цифровой экономики», которую автор называл «новой»: управление знаниями, цифровая коммуникация, виртуализация, молекуляризация, интеграция через Интернет, уход от посредников, конвергенция, инновации, кастомизация потребления, мгновенное реагирование, глобализация, нарастание противоречий в обществе⁵.

Позднее были выделены основные сегменты цифровой экономики. Их описание было дано в работе Роб Клинга и Роберта Лэмба [Kling, Lamb, 2000], к составляющим сегментам цифровой экономики были отнесены: цифровые продукты и услуги; смешанные цифровые продукты и услуги; услуги и производство товаров, зависящее от ИТ при производстве (оказании), которых используются информационные технологии; ИТ-индустрия, обслуживающая все сегменты.

Иванова В. представляет цифровую экономику как цифровую среду, которая дополняет нашу реальность⁶, Мещеряков Р. – как экономику, в основе которой лежат цифровые технологии, используемые в области электронных товаров и услуг, и как экономическое производство, использующее цифровые технологии⁷. Энговатова А. утверждает, что цифровая экономика основана на новых методах генерирования, обработки, хранения и передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях. В работе Кунцман А. подчеркивается главенствующая роль информации и знаний как ключевых производственных ресурсов, а также делается акцент на активное использование цифровых технологий хранения, обработки и передачи информации. В работе Асанова Р.К. утверждается, что цифровая экономика

¹ Борисова Ольга Викторовна – к.э.н. доцент доцента департамента Корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет. Профессиональные интересы: финансовый менеджмент, цифровая экономика, цифровые финансы. E-mail: jalo-jalo@mail.ru

² Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Возможности искусственного интеллекта и современные вызовы цифровой трансформации финансового сектора РФ». Доклад подготовлен в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве Российской Федерации за 2019 год. Тема: «Кадровое обеспечение процессов цифровизации финансового рынка».

³ Песков Д. Доля аналоговой экономики сократится в два раза за 20 лет. – <https://www.tatar-inform.ru/news/2017/05/24/554545>

⁴ Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. – М., 2018. – Т. 13, № 2. – С. 143–172.

⁵ Бойко И.П. Экономика предприятия в цифровую эпоху / И.П. Бойко, М.А. Евневич, А.В. Колышкин // Российское предпринимательство. – М., 2017. – Т. 18, № 7. – С. 1127–1136.

⁶ Урманцева А. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // РИА Новости: официальный сайт агентства. – <https://ria.ru/20170616/1496663946.html>

⁷ Прохоров А. Цифровая экономика, цифровая трансформация. Как определить, измерить, повысить? // Broadcasting: телевидение и радиовещание. – <http://lib.broadcasting.ru/articles2/Oborandteh/tsifrovaya-ekonomika--tsifrovaya-transformatsiya-kak-opredelit--izmerit--povysit>

основана на производстве электронных товаров и сервисов, а также на их дистрибуции на основе электронной коммерции.

В указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 термин «цифровая экономика» трактуется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

В настоящее время активно ведется работа по созданию экосистемы цифровой экономики в РФ. В классической экономической теории признавались четыре фактора производства: труд, земля, капитал и предпринимательские способности. Однако сегодня без цифровых технологий нормально развиваться и эффективно функционировать уже не может ни одна компания, в связи с этим цифровые технологии должны быть признаны одним из неотъемлемых факторов современной экономики.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»² вводит понятие «сквозные цифровые технологии» к которым относит: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности. Использование данных технологий в профессиональной деятельности требует специальных навыков, которые ранее не прививались ни учебными заведениями, ни курсами переподготовки специалистов.

В то же время в программе определены основные направления дальнейшего развития, среди которых выделено направление, связанное с подготовкой кадров. Ключевой целью данного направления является создание системы ООП, которая будет способствовать повышению цифровой грамотности населения. В то же время принципиально изменена концепция образования. В программе делается упор на выстраивании образовательной траектории в течение всей жизни, что приводит к необходимости разработки новых механизмов переподготовки, повышения квалификации и вовлечения в цифровую экономику граждан. Особое внимание при этом должно быть уделено переобучению государственных служащих, педагогов, специалистов старше 50 лет, пенсионеров и инвалидов. Предполагается создание системы мотивации участия в цифровой экономике России.

Сегодня осуществляется оценка цифровой грамотности и цифровых компетенций в России (табл. 1).

Таблица 1

Оценка цифровой грамотности и цифровых компетенций в России³

Наименование индекса (субиндекса)	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Индекс цифровой грамотности	4,79	5,42	5,99	4,52
Субиндекс цифрового потребления	5,17	5,49	5,35	4,49
Субиндекс цифровой безопасности	4,85	5,57	5,43	3,29
Субиндекс цифровых компетенций	5,17	5,27	6,84	5,44

Она позволяет понять динамику развития цифровой грамотности населения и цифровых компетенций. Из таблицы 1 видно, что с 2015 г. по 2017 г. наблюдался рост показателя, в то же время за последний 2018 г. произошло его существенное сокращение, что может негативно повлиять на темпы экономического развития России. Следует отметить, что скачкообразная динамика наблюдается у всех субиндексов. Все субиндексы резко падают за 2018 г.

На втором этапе исследования были изучены компетенции, получаемые студентами бакалавриата, и их виды с целью выявления необходимости корректировки существующих.

Начиная с 50-х годов понятие компетенции значительно эволюционировало. В работах, представленных в 1950–1970 гг. данный термин употреблялся в значении «профессионально важных качеств», с 1970 г. по 1990 г. авторы подчеркивали, что компетенции позволяют адаптироваться к стремительно меняющимся условиям и требованиям и переносят полученные навыки в другие сферы деятельности. Начиная с 1990 г. понятие компетенции стало отражать «готовность к эффективной работе». В настоящее время ученые утверждают, что компетенции, прежде всего, выражаются в знаниях (С.Е. Шишов и И.В. Агапов, З.С. Мазыр, Э.Ф. Зеер, М.А. Чошанов, И.А. Зимняя), которые позволяют определить механизмы для выхода из определенной ситуации (С.Е. Шишов и И.В. Агапов, Э.Ф. Зеер, И.А. Зимняя), решать проблемы (З.С. Мазыр), прогнозировать ресурсы для достижения определённой цели (В. Колобова и А.Г. Каспаржак). В итоге, видно что компетенции представляют собой предметную область в которой человек глубоко разбирается и в рамках которой он может осуществлять трудовые действия.

Классификации компетенций разнообразны (рис. 1).

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Цифровая грамотность. – <http://www.xn--80aefw2ahcfbneslds6a8jyb.xn--p1ai/test/complete/10421/>

Для более детально исследования компетенций нами проведено изучение ФГОС по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент»¹ и 081000 «Экономика»². В результате были выявлены компетенции, имеющие связь с цифровой экономикой (табл. 2).

Рисунок 1.
Виды компетенций

Таблица 2

Компетенции, имеющие связь с цифровой экономикой

Направление подготовки	Компетенции, указанные в ФГОС	Наименование компетенции, имеющей связь с цифровой экономикой
38.03.02 «Менеджмент»	ОК – общекультурные компетенции; ОПК – общепрофессиональные компетенции;	<ul style="list-style-type: none"> • способность ... поддерживать электронные коммуникации (ОПК-4); • способность участвовать в управлении проектом, программой внедрения технологических ... инноваций ... (ПК-6);
081000 «Экономика»	ПК – профессиональные компетенции.	<ul style="list-style-type: none"> • способность использовать для решения аналитических и исследовательских задач современные технические средства и информационные технологии (ПК-8).

Как видно из табл. 2, в ФГОС представлены компетенции трех видов.

Далее был изучен профессиональный стандарт «Специалист рынка ценных бумаг» (код 08.004). Его анализ показал, что в рамках стандарта указываются не компетенции, которыми должен обладать сотрудник организации, а трудовые действия, необходимые умения и знания. Их анализ показал, что к этим специалистам должно предъявляться требование, связанное с умениями использовать в своей трудовой деятельности специализированные компьютерные программы, информационные и компьютерные технологии.

Однако представленные в ФГОС компетенции и указанные в профстандарте трудовые действия, необходимые умения и знания не позволят работника качественно выполнять свои трудовые обязанности в связи с тем, что работодатель будет предъявлять к их подготовке в области цифровых технологий значительно более высокие требования.

В России для переподготовки используется «модель цифровых компетенций для граждан», в которую включены следующие блоки: информационная грамотность (просмотр, поиск и фильтрация данных, информации и цифрового контента; оценка данных, информации и цифрового контента; управление данными, информацией и цифровым контентом); коммуникация и сотрудничество (взаимодействие посредством цифровых технологий; обмен посредством цифровых технологий; гражданское участие посредством цифровых технологий; сотрудничество с использованием цифровых технологий; этикет в сети; управление своей цифровой идентичностью); создание цифрового контента (создание и развитие цифрового контента, интеграция и переработка цифрового контента, авторские права и лицензии, программирование); безопасность (защита устройства, защита персональных данных и обеспечение конфиденциальности, защита здоровья и благополучия, защита окружающей среды); решение проблем (решение технических

¹ Приказ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.02 менеджмент (уровень бакалавриата)» от 12.01.2016 г. N 7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата)» РФ от 12.11.2015 г. № 1327. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

проблем, определение по потребностей и технологических решений, креативное применение цифровых технологий, о распределении пробелов в цифровой компетентности).

Принципиально иная модель представлена специалистами VCG. Она получила название «Целевая модель компетенций 2025»¹. Данные компетенции делятся на пять блоков:

- цифровые навыки и знания. Например, базовая цифровая грамотность, аналитика данных, машинное обучение, искусственный интеллект, программирование, архитектура ИТ-систем, кибербезопасность;

- навыки и знания, которые помогают справляться с волатильностью и неопределенностью будущего. Например, адаптивность, критическое и системное мышление, умение справляться со стрессом, управление изменениями, бизнес-планирование, способность к самообучению в соответствии с концепцией «lifelong learning»;

- навыки и знания, которые помогают справляться с большим потоком информации, включая базовые навыки программирования, поиска, обработки и анализа информации, информационную гигиену, медиа-грамотность, а также управление вниманием;

- навыки и знания, определяющие высокие коммуникационные способности для эффективного межличностного взаимодействия. Например, умение работать в команде, сотрудничество, навыки самопрезентации, навыки деловых переговоров;

- навыки и знания, которыми не могут овладеть машины. Например, эмпатия и эмоциональный интеллект, креативность и нестандартное мышление, управление роботизированными процессами.

В случае если данная модель будет взята за основу, то компетенции целесообразно будет разделить между различными блоками ФГОС либо выделить отдельный блок под названием «цифровые компетенции».

Еще один подход был сформулирован в рамках III Российского форума корпоративного обучения «HR-ПРАКТИКА 2018: обучение и развитие персонала» (исследования МАКО)². Все цифровые компетенции здесь были поделены на два блока: soft и hard skills, которые предложили использовать для цифровой трансформации компании. В топ 10 hard-skills отнесены: кибербезопасность, аналитика, веб-девелопмент, разработка и дизайн мобильных приложений, Биг Дата, стратегия инноваций, дизайн пользовательских интерфейсов, Интернет-маркетинг, vr (виртуальная реальность), блокчейн. В топ 10 soft-skills были включены: способность управлять изменениями, базовые цифровые знания сотрудника, построение коопераций, коллабораций на рабочем месте, умение создавать культуру сотрудничества, кросс-функциональное взаимодействие, отраслевое взаимодействие, умение работать эффективно в состоянии неопределенности, умение работать при постоянных изменениях, предпринимательский менталитет и позиция, способность принимать решения и строить гипотезы на основе данных. Данная модель схожа с «Целевой моделью компетенций 2025» VCG.

В результате исследования было выявлено:

1. В связи с тем, что цифровая экономика развивается быстрыми темпами, при разработке цифровых компетенций необходимо применять динамический подход. Данный факт необходимо учесть в ФГОС.

2. В связи с ярко выраженными отраслевыми особенностями большинства организаций при подготовке специалистов отраслевыми вузами данный факт необходимо учитывать, делая коррекцию на виды рассматриваемых современных цифровых технологий.

3. Стремительная эволюция техники и технологий требует постоянной коррекции цифровых компетенций, что необходимо учитывать как в ФГОС, так и в профессиональных стандартах.

Алгоритм работ по введению цифровых компетенций в программы вуза должен предусматривать:

1. Пересмотр профессиональных стандартов подготовки специалистов с учетом новых требований и компетенций;

2. Коррекцию образовательных программ и учебных планов с распределением цифровых компетенций между дисциплинами;

3. Изменение рабочих программ дисциплины.

¹ Бутенко В., Полуни К., Сычева Е. и др. Россия 2025: от кадров к талантам. – М., 2017.

² ООО «ЛБС Международные конференции». – <http://hrsummit.ru/hredforum2018>

Борисоглебская Л.Н.

д.э.н., профессор, проректор по научной и проектно-инновационной деятельности Орловского государственного университета
boris-bleb@rambler.ru

Лебедева Я.О.

к.э.н., начальник проектно-инновационного отдела БГТУ «ВОЕНМЕХ», докторант Орловского государственного университета
yana-lebedeva@bk.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ НА ОСНОВЕ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, НИОКР, высокотехнологичное производство, инновационная продукция.

Keywords: scientific and technological development, R & D, high-tech production, innovative products.

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ Правительству Российской Федерации поставлена задача при разработке и реализации национального проекта в сфере науки обеспечить к 2024 году опережающее увеличение внутренних затрат на научные исследования и разработки за счет всех источников финансирования по сравнению с ростом валового внутреннего продукта страны, которое возможно достичь, прежде всего, за счет привлечения внебюджетного финансирования, обеспечения бизнесом.

Основопологающим документом, в котором сформулированы основные приоритеты и направления, на которые государство делает ставку, преследуя цель стратегического прорыва к мировому лидерству в ключевых отраслях экономики, следует считать Стратегию научно-технологического развития РФ (далее – Стратегия)².

В ближайшие 10–15 лет приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации следует считать те направления, которые позволят получить научные и научно-технические результаты и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке.

В Стратегии сформулированы приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации, отражающие общественный заказ на исследования и разработки и ориентирующие на результаты, которые ожидают от науки в будущем. При этом наука является поставщиком перспективных идей, предлагающих решения актуальных задач, поставленных бизнесом по улучшению качества продукции, расширению рынков и созданию новой инновационной продукции.

Основной проблемой развития научно-инновационного потенциала региона является нарушение системы связей между предприятиями промышленности, образовательными и научными организациями. В результате чего, практически отсутствуют партнеры реального сектора экономики, заинтересованные в совместных проектах, направленных на решение задач научно-технологического развития страны.

Принимая во внимание тот факт, что потенциал реализации исследований и разработок российскими компаниями недостаточен для решения научно-технических задач, обозначенных в Стратегии, следует признать, что привлечение ведущих университетов и профильных научных организаций является естественным и конструктивным решением.

В рамках реализации задач Национального проекта «Наука»³, который является фактически основным инструментом реализации Стратегии научно-технологического развития РФ, в конце 2018 года сформированы 3 федеральных проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации»; «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации»; «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок».

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.consultant.ru/>

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – <http://www.consultant.ru/>

³ Паспорт национального проекта «Наука» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 3 сентября 2018 г. №10). – <http://http://www.econom22.ru/pnp/natsionalnye-proekty-programmy/>

Решение научно-технологических задач, обозначенных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, становится возможным при создании новых эффективных механизмов взаимодействия науки, образования и промышленности на протяжении всего жизненного цикла создания знаний, технологий и наукоемкой продукции за счет интеграции ведущих университетов, профильных научных организаций и выстраивания их кооперации с организациями промышленности (рис. 1).

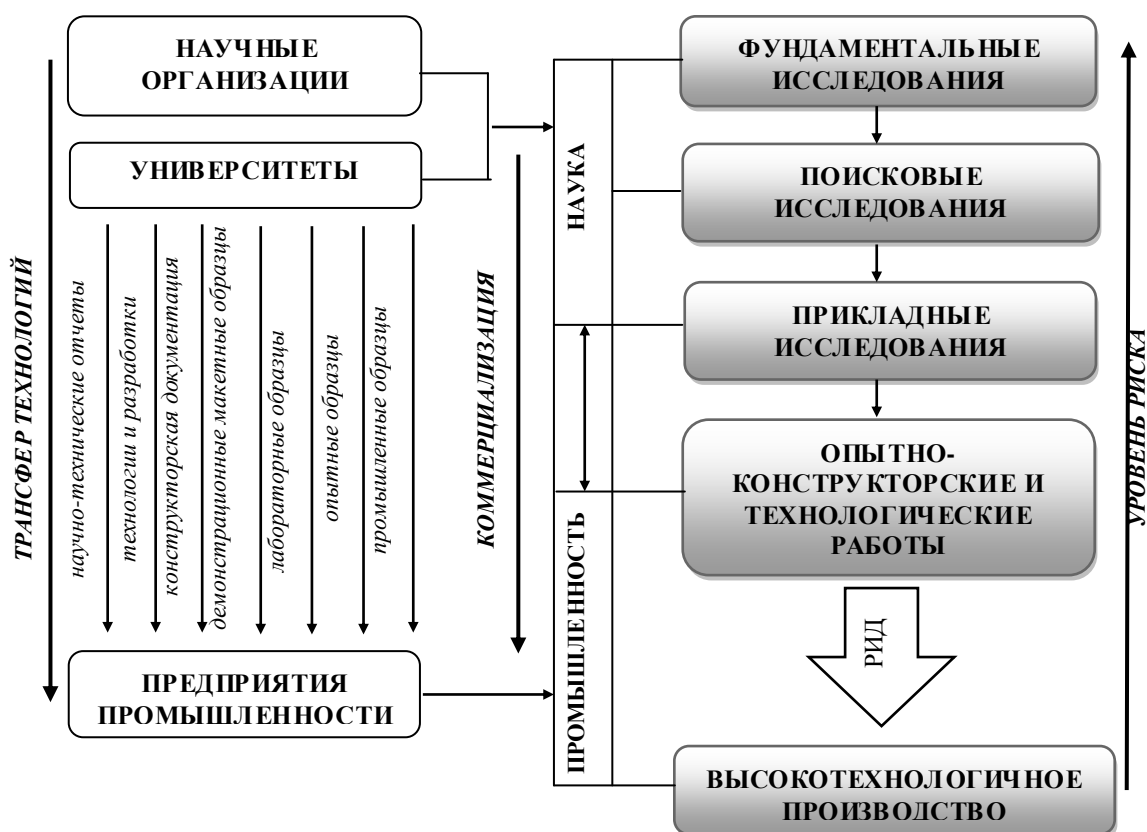

Рисунок 1.

Схема механизма взаимодействия между участниками процесса на протяжении жизненного цикла создания знаний, технологий и наукоемкой продукции

При реализации предлагаемого в статье механизма на протяжении всего инновационного цикла университеты и научные организации привлекаются к работам, а также осуществляют научное сопровождение, включая опытно-конструкторские, технологические работы и промышленное производство.

В связи с этим важным моментом является проработка вопросов коммерциализации РИД, созданных усилиями ведущих университетов и профильных научных организаций, на стадиях фундаментальных, поисковых и прикладных исследований, а также в ходе выполнения опытно-конструкторских и технологических работ, на основе их внедрения в высокотехнологическое производство, что обеспечивает создание добавленной стоимости в среднем до 10–15% от цены продукции.

Практический опыт использования результатов интеллектуальной деятельности свидетельствует о низких показателях коммерциализации и трансфера технологий. Тогда как развитие прорывных технологий предполагает активное внедрение создаваемых результатов интеллектуальной деятельности в производство, что становится возможным при реализации эффективных механизмов взаимодействия научных и образовательных организаций региона с представителями бизнеса.

Для обеспечения эффективной коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, получаемых в ходе выполнения проекта, необходимо на каждой стадии фундаментальных, поисковых и прикладных исследований, а также опытно-конструкторских и технологических работ, проводить базовые мероприятия управления результатами интеллектуальной деятельности¹:

- обеспечение правовой охраны РИД;
- проведение оценки стоимости РИД;
- проведение маркетингового исследования рынка потребителей созданной научно-технической продукции;
- создание коммерческих предложений для выявленных сегментов по потребителям РИД.

Учитывая, что создание и использование интеллектуальной собственности является сложным и многоэтапным процессом, следует учитывать возникающие риски управления интеллектуальной собственностью при реализации проектов:

- соблюдение служебного характера создаваемых РИД;

¹ Лебедева Я.О., Михайлов В.Н., Шутин Д.В. Механизмы взаимодействия науки, образования и промышленности на основе управления результатами интеллектуальной деятельности // Экономические и гуманитарные науки. 2019. – № 4. – С. 63–72.

- комплексная защита всех результатов НИОКТР с учетом плана их дальнейшего использования;
- наличие у заявителей прав на получение патентов и исключительных прав на РИД;
- мониторинг делопроизводства в ходе установления правовой охраны РИД и поддержания в силе охранных документов;
- оперативность согласования, доработки и подачи заявок на правовую охрану РИД;
- соответствие заявок требованиям административных регламентов Роспатента;
- учет сроков оформления правовой охраны при планировании коммерциализации;
- сохранение конфиденциальности информации о РИД до момента получения правовой охраны.

Создаваемая в кооперации с индустриальными партнерами интеллектуальная собственность изначально ориентирована на рынок и обладает перспективами коммерческого использования.

С целью реализации схемы механизма взаимодействия участников процесса на протяжении жизненного цикла создания знаний, технологий и наукоемкой продукции, а также скоординированной работы системы управления правами на РИД, авторами статьи предлагается использовать инструмент формирования в регионе совместного научно-образовательного центра¹, обеспечивающего проектные консорциумы необходимыми ресурсами для проведения научных исследований и разработок, а также создания высокотехнологичного производства.

Предлагаемая структура совместного научно-образовательного центра направлена на осуществление процессов интеграции кадровых, материально-технических и финансовых ресурсов, которые в своей совокупности способны обеспечить разработку и производство инновационных технологий и продуктов для различных сфер применения, технические характеристики которых превосходят аналогичные технологии и продукты, представленные на рынке (рис. 2).

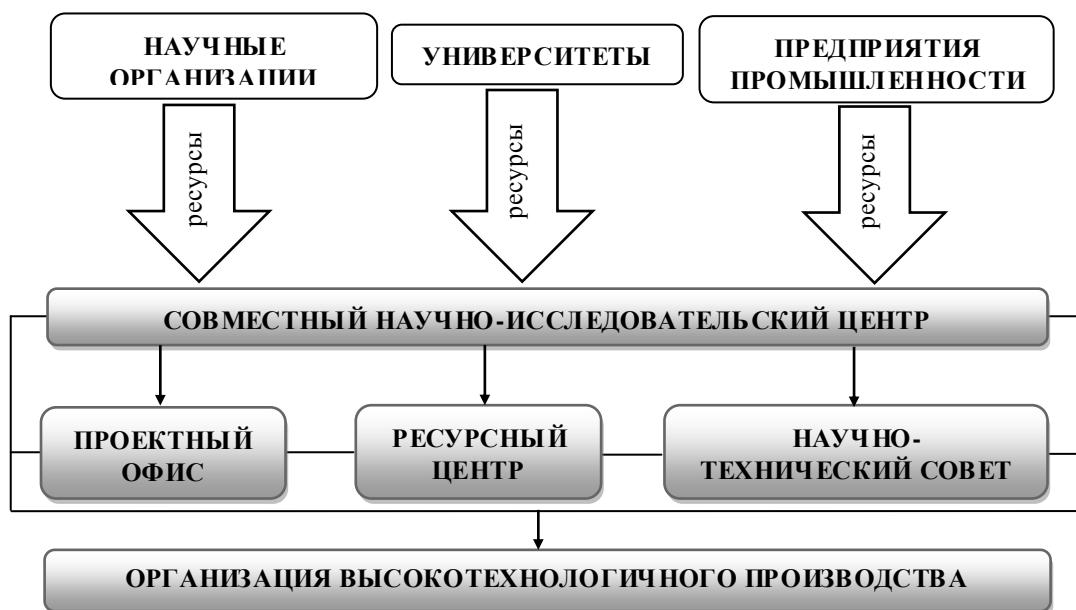

Рисунок 2.
Структура совместного научно-исследовательского центра

Университет создает инновационную продукцию совместно с организациями промышленности и науки в формате НОЦ, который объединяет их ресурсы в регионе. При реализации комплексного научно-технического проекта ресурсы научных организаций и университетов используются, прежде всего, на стадиях фундаментальных, поисковых и прикладных исследований.

Развитие совместного научно-исследовательского центра предполагается за счет совокупной прибыли интегрированного объединения, которую будет получать конечный производитель инновационной продукции и распределять её между всеми участниками инновационного цикла в зависимости от их вклада в её создание.

Необходимо отметить, что в России, вследствие низких кооперационных связей между участниками инновационного цикла производства новой продукции, а также недостатка частного финансирования исследований и разработок на принципах частно-государственного партнерства, существуют государственные инструменты поддержки проектов, находящихся на высоком уровне готовности технологий, такие как предусмотренные в рамках Постановления Правительства РФ от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»².

¹ Борисоглебская Л.Н., Лебедева Я.О. Механизмы взаимодействия науки, образования и промышленности для обеспечения научно-технологического развития РФ // Инновации. – СПб., 2019. – № 4. – С. 95–101.

² Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 N 218 (ред. от 21.07.2016) «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 годы». – <http://www.consultant.ru/>

Эффективность вовлечения вузов в инновационный процесс, в том числе в рамках форм государственной поддержки кооперации науки и производства, зависит от обеспечения оптимального распределения функций, ресурсов и компетенций между предприятием и вузом, направленного на формирование открытого стратегического партнерства¹.

В ходе реализации 218 постановления Правительства РФ, а также при каких-либо других форматах сотрудничества, основанных на партнерских отношениях, для осуществления трансфера технологий из науки в производство, авторами статьи предлагается следующая модель открытого партнерского взаимодействия предприятий и вузов, обеспечивающая коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и экономические интересы обеих сторон (рис. 3).

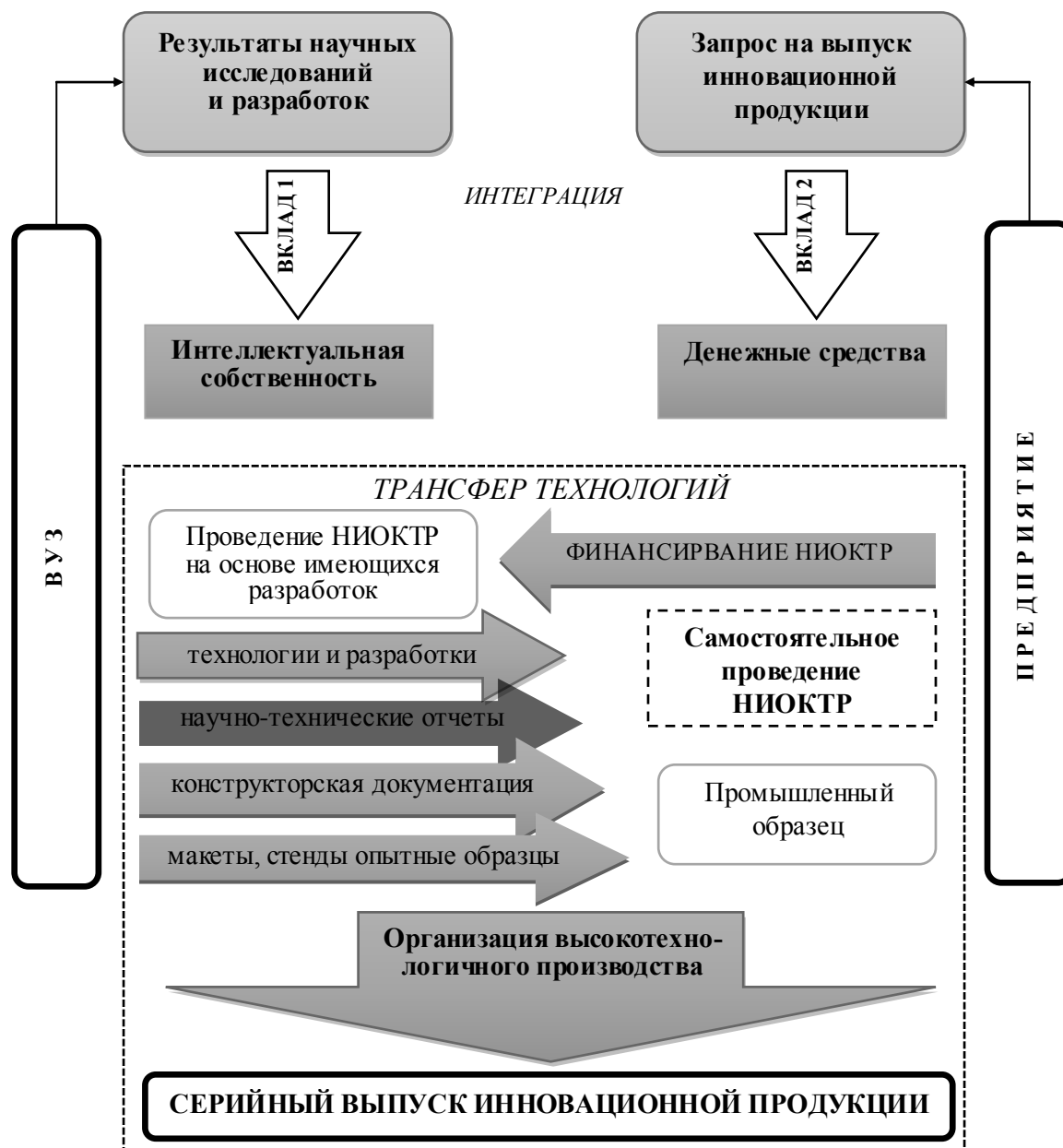

Рисунок 3.
Модель открытого партнерского взаимодействия предприятий и вузов при реализации комплексных проектов

Реализация комплексного проекта в рамках Постановления Правительства РФ № 218 на основе субсидирования затрат на НИОКТР направлена на налаживание связей между университетами, предприятиями промышленности и научными организациями, что также способствует формированию совместных научно-образовательных центров (рис. 4).

Целевым приоритетом стратегического развития вузов является разработка эффективной формы и механизмов взаимодействия с бизнес-сообществом и органами законодательной и исполнительной власти для стимулирования исследовательской и инновационной деятельности и повышения её капитализации за счет коммерциализации результатов и продвижения продукции на внутренний и внешний рынок.

¹ Борисоглебская Л.Н., Лебедева Я.О., Михайлов В.Н. Открытое стратегическое партнерство предприятий и вузов: механизмы управления интеллектуальной собственностью при реализации совместных инновационных проектов // Инновации. – СПб., 2017. – № 1 (219). – С. 53–58.

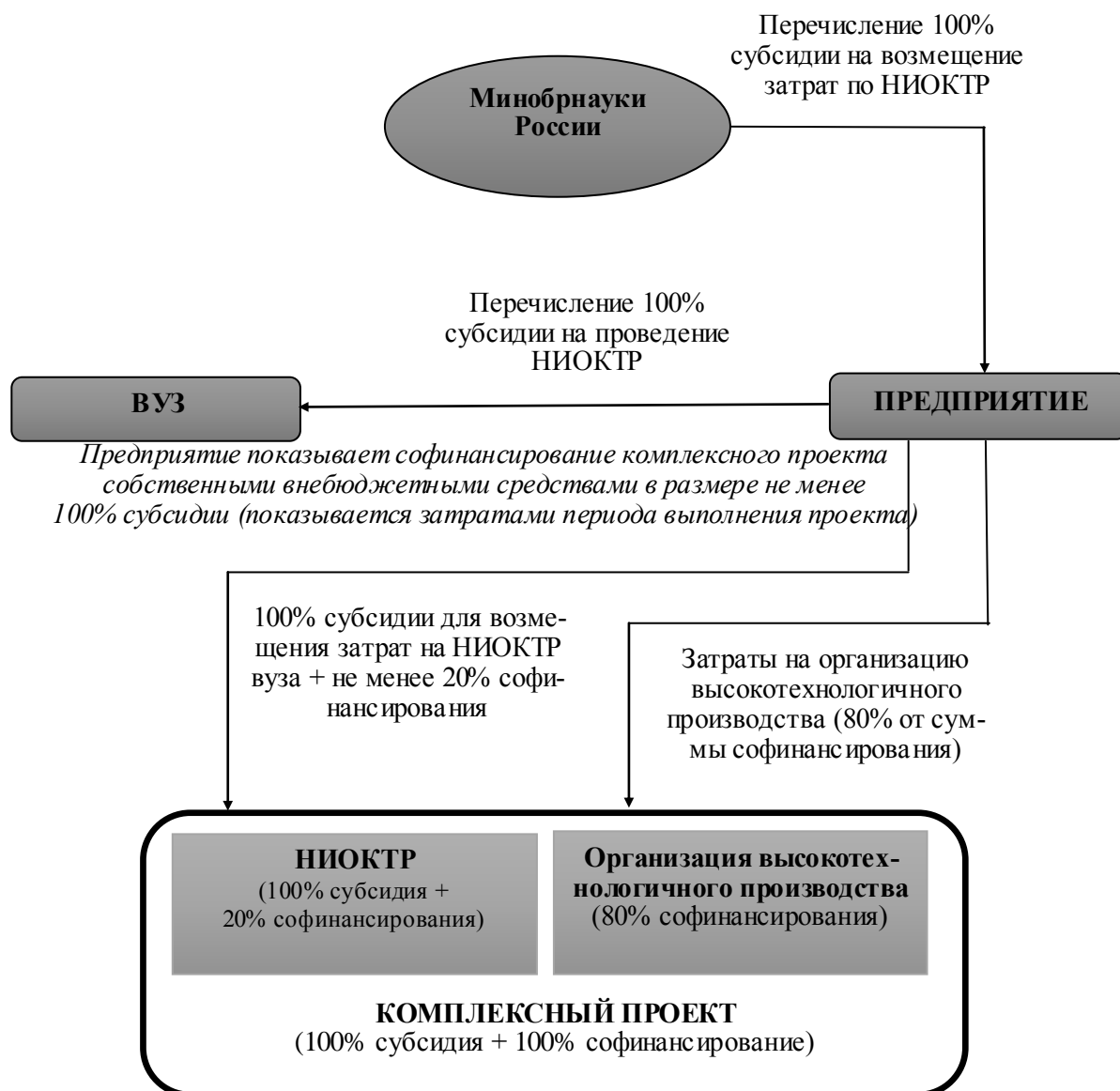

Рисунок 4.

Схема финансирования комплексного проекта в рамках Постановления Правительства РФ № 218

Обеспечивая эффективное управление результатами интеллектуальной деятельности научно-образовательные центры способны выполнять роль площадок, где будут реализовываться комплексные научные проекты за счет средств организаций промышленности, заинтересованных в результатах проводимых исследований и имеющих планы по их коммерциализации.

Участие в совместных проектах научно-производственной кооперации вузов и промышленных предприятий способствует повышению инновационной активности региона, а также развитию связей между наукой и производством на основе:

- создания базовых кафедр на производстве;
- проведения совместных инициативных научных исследований по разработке новых коммерчески перспективных продуктов и расширения номенклатуры продукции, создаваемой в ходе реализации проекта;
- трудоустройства выпускников на предприятие и др.

Формат сотрудничества предприятий и вузов на основе модели открытого партнерского взаимодействия по осуществлению трансфера технологий из науки в производство обеспечивает коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и экономические интересы предприятий и вузов.

Представленные механизмы взаимодействия науки, образования и производства позволяют предприятиям промышленности совместно с научными и образовательными организациями реализовывать современный подход к созданию инновационной продукции и организации высокотехнологического производства, направленный на формирование инновационной экосистемы в регионах, способной решать актуальные задачи научно-технологического развития страны.

Бородулина С.А.

д.э.н., профессор, ГУМРФ, г. Санкт-Петербург
piter00000@mail.ru

Растова Ю.И.

д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
rastova.yu@uneccon.ru

ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: инвестиции, развитие, транспортная инфраструктура, налоговое стимулирование, денежно-кредитная политика, государственное регулирование, полномочия региональных органов власти.

Keywords: investment, development, transport infrastructure, tax incentives, monetary policy, state regulation, powers of regional authorities.

В условиях федеративного государства каждый субъект заинтересован в полноценном развитии собственного хозяйственного потенциала, обеспечении своей финансовой самостоятельности, укреплении доходной базы бюджета. Достижение экономического роста, повышение конкурентоспособности отечественных предприятий, рост деловой активности регионов, улучшение качества жизни населения и укрепление национальной безопасности во многом зависят от качества экономического пространства, одним из факторов организации которого является транспортная инфраструктура. Транспортная инфраструктура является составной частью долгосрочной программы роста любого региона. В последние годы наблюдается регионализация экономических процессов: функции их регулирования переходят от центральных уровней власти к региональным. Поэтому роль территориальных бюджетов усиливается, а сфера их использования расширяется. Влияние бюджета на развитие региона обусловлено и тем существенным обстоятельством, что бюджет представляет собой фонд денежных ресурсов, обладающий значимым инвестиционным потенциалом. И то, как будет использован этот потенциал, решающим образом предопределяет направления развития, обусловит устойчивость региональной экономики¹.

Переход к устойчивому росту региональной экономики связан с реализацией политики модернизации российской экономики. Однако для достижения наибольших эффектов в долгосрочной перспективе необходимо учитывать уровень инновационной составляющей производственных, складских, транспортно-эксплуатационных фондов, составляющих основу функционирования и развития транспортно-логистических комплексов региона. По мнению С.Ю. Глазьева², необходимо взять курс на использование сложной смешанной стратегии развития технического потенциала нашей экономики:

направление 1 – опережающее развитие нового технологического уклада, которому нужны мощные инвестиции, рост которого в экономике составляет 35% в год (инновации, НИОКРы, спрос на новые продукты);

направление 2 – динамическое наверстывание в тех сферах, которые ориентируются больше на рынок, и где есть отставание;

направление 3 – догоняющее развитие, где отмечается высокая степень отставания.

Объекты транспортной инфраструктуры по видам транспорта различаются разным уровнем технического состояния, износа (физического и морального), в связи с чем достаточно сложно однозначно отнести инфраструктуру определенного вида транспорта к сфере задач одного из вышеуказанных направлений. Цели и задачи модернизации транспортной инфраструктуры по видам транспорта требуют более глубокого анализа с позиции перехода к новому технологическому укладу экономики. В целом же для реализации второго и третьего направлений развития технического потенциала транспортных подотраслей и транспортно-логистической инфраструктуры регионов необходимо исследование объемов инвестиций, источников финансирования, возможностей повышения заинтересованности частных инвесторов и региональных властей.

Инвестиции на территории порождают поток налогов в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, а также призваны производить мультипликативный эффект. Крупные проекты, связанные с развитием инфраструктуры и использованием мощности транспортной системы страны, невозможно реализовать без координации действий владельцев, операторов и перевозчиков. Транспортно-логистический комплекс включает систему отношений между его участниками, среди которых можно выделить следующие:

¹ Печенская М.А. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы: монография / М.А. Печенская, А.И. Поварова; под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 110 с.

² Глазьев С. Россия и новый технологический уклад. – <http://www.grso.ru/articles/rossiya-i-novyyj-tehnologicheskij.html> – интервью 21.03.2018

- органы государственной власти, включая федеральные, региональные и муниципальные органы власти, регулирующие деятельность участников транспортно-логистического комплекса;
- транспортные предприятия, обеспечивающие функционирование транспортной системы;
- транспортные операторы, которые проводят повседневные операции транспортной сети;
- пользователи транспортной системы¹.

Потенциальным источником развития региона являются инвестиции. Условиями активизации их привлечения в регионы может быть либо предоставление налоговых льгот, либо наличие соинвестиционных государственных программ².

Политика развития технического потенциала отраслей и регионов, по мнению С.Ю. Глазьева³, должна включать следующие механизмы: снижение процентных ставок по кредитам и создание механизмов рефинансирования путём целевой денежной эмиссии под обязательства правительства, государственных институтов развития; освобождение от налогообложения; увеличение уровня бюджетного финансирования научных исследований, развёртывание программ, предусматривающих государственную поддержку инновационной активности; создание государственного внебюджетного инвестиционно-кредитного фонда по образцу немецкого KfW за счёт целевой кредитной эмиссии; создание современной информационной инфраструктуры научно-исследовательской и предпринимательской деятельности; обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности, поддержка импорта новых технологий и защита российской интеллектуальной собственности за рубежом.

По мнению М. Делягина⁴, для роста инвестиционной активности национальных инвесторов в России необходимо отделение спекулятивных денег от инвестиционных (по образцу проведения индустриализации 1930 годов⁵). «Спад инвестиционной активности – вещь естественная, когда в стране создан искусственный денежный голод ... государство фактически запретило кредитовать реальный сектор высокими процентными ставками, ... чрезмерно завышенными нормативами риска»⁶. Высокие ставки процента по банковским кредитам, обусловленные высокой ключевой ставкой Банка России, тормозят инвестиционную активность национальных инвесторов.

В настоящее время все больше рассматриваются меры комплексного воздействия на регионы. Принято решение об увеличении инвестиционной активности государства. Для этой цели создан Инвестиционный фонд РФ, задачей которого является реализация приоритетных инвестиционных проектов в федеральных округах. В этих программах федеральный бюджет выступает соинвестором региональных властей. Регионам, заинтересованным в развитии транспортной логистики на своей территории и активизирующим работу с инвесторами по данному вопросу, следует предусмотреть ряд мер, которые будут способствовать достижению цели и желаемых показателей развития, что с одной стороны предполагает оттоки (недополучение) бюджетных средств (льготы, освобождение от налогов на первом этапе), с другой стороны на последующих этапах будет содействовать в большей степени существенно большему притоку (наполнению) региональных и местных бюджетов, улучшению социальных показателей регионов.

При разработке мероприятий и предложений, направленных на повышение заинтересованности регионов в развитии транспорта региона, необходимо учитывать следующее:

- для доходной части региональных бюджетов характерна высокая доля регулирующих налогов и безвозмездных перечислений из федерального бюджета, а также низкая доля собственных доходов⁷.
- преобладающей частью региональных и местных налогов являются имущественные налоги, а также транспортный и земельный.
- на уровне регионов могут устанавливаться различные ставки налогов и региональных льгот, создаваться специальные экономические зоны, в которых действует особый льготный налоговый режим (освобождение от уплаты транспортного, земельного налогов, налога на имущество), создаются условия для снижения либо обнуления ставок налога на прибыль, подлежащей зачислению в бюджеты субъектов РФ, перераспределения поступлений по НДС между уровнями бюджетной системы, закрепления за бюджетами субъектов РФ отчислений платы за негативное воздействие на окружающую среду, поступления от платы за пользование природными ресурсами, в частности, к примеру, водными объектами, находящимися в федеральной собственности по нормативу (например, 50%, в связи с тем, что в соответствии со ст. 26 Водного кодекса РФ субъектам РФ передано осуществление отдельных полномочий России в области водных отношений).

Существует ряд практически значимых проектов в регионах, направленных на решении актуальных экономических задач регионов, которые используют указанные рычаги для активизации развития территорий, отдельных отраслей экономики. Так, в ряде регионов созданы специальные экономические зоны, в которых действует особый

¹ Печерская О.А. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры субъекта РФ как фактор экономического роста (на примере Воронежской области). Дисс... к.э.н. – Воронеж, 2016. – 185 с.

² Соболева Г.В., Попова И.Н. Стимулирование экономического развития регионов средствами бюджетной и налоговой политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. 2014. – Вып. 1. – С. 5–26.

³ Глазьев С. Россия и новый технологический уклад. – <http://www.grso.ru/articles/rossiya-i-novyyj-tehnologicheskij.html> – интервью 21.03.2018

⁴ Делягин М. Если Путин займется экономикой, многим придется эмигрировать. – <https://www.delyagin.ru/articles/187-pozitsija/42950-esli-putin-za-metsja-jekonomiko-mnogim-pridetsja-jemigrirovat> – 22.10.15

⁵ Катасонов В.Ю. К 29 Экономика Сталина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 416 с.

⁶ В РФ идёт налоговый террор – Делягин о спаде инвестиционной активности. – <https://regnum.ru/news/2593117.html> – 18/03/2019

⁷ Понкратов В.В. Укрепление доходной базы региональных и местных бюджетов в России – налоговые меры. – <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/13/1251421922/1.pdf>

льготный налоговый режим. Так, например, в Самарской области на территории муниципального района Ставропольский в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 621 создана особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Тольятти». На первые 5 лет резиденты ОЭЗ освобождаются от уплаты земельного и транспортного налогов. Налог на имущество составляет 0% в течение первых 10 лет. Ставка налога на прибыль, подлежащего зачислению в бюджет Самарской области, для резидентов ОЭЗ «Тольятти» снижена до 0% и была действительна до конца 2018 года с последующим постепенным увеличением.

Налоговая компетенция органов власти разного уровня, определяемая Налоговым кодексом РФ, складывается из четырех основных положений:

- 1) Налоговый кодекс РФ (федеральный уровень) устанавливает исчерпывающий перечень федеральных, региональных и местных налогов;
- 2) Налоговый кодекс РФ устанавливает основные элементы налоговых обязательств по региональным и местным налогам;
- 3) территориальные органы власти имеют право вводить или не вводить установленные Налоговым кодексом региональные и местные налоги (определяется соответствующими законами или нормативно-правовыми актами);
- 4) региональные и местные органы власти имеют право устанавливать ставки (в пределах разрешенных), порядок и сроки уплаты налогов, налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Регионы и муниципалитеты могут воздействовать на уровень налоговой нагрузки с помощью небольшого перечня экономических рычагов. Они имеют право изменять элементы по семи из двенадцати налогов, формирующих доходы консолидированных региональных бюджетов¹. Регионы не имеют возможности повлиять на элементы других налогов, таких как налог на доходы физических лиц, акцизы, государственная пошлина, единый сельскохозяйственный налог. За сферой влияния территориальных органов власти остались следующие элементы налогов: плательщики, объект налогообложения, налоговая база, порядок исчисления налога и налоговый период. Следовательно, регулирующие возможности налогов, формирующих доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, используются не в полной мере. Бюджетно-налоговые компетенции региональных органов власти и органов местного самоуправления закреплены только в отношении четырех имущественных налогов: на имущество организаций и физических лиц, на транспорт и землю. Однако на практике значимость территориальных налогов низкая – 11–15%. Основную долю (85–89%) в налоговых поступлениях территориальных бюджетов занимают федеральные налоги.

Для улучшения социально-экономического положения субъектов РФ, обеспечения устойчивого экономического роста необходимо совершенствование действующего бюджетного и налогового законодательства РФ в области расширения фискальных полномочий региональных органов. Установление перечня льгот, учитывающих специфику регионального развития и способствующих улучшению бизнес-климата в регионе, и их отмену необходимо рассматривать как компетенцию региональных властей; финансирование указанных льгот также должно осуществляться за счет собственных доходных источников; тем самым повышая заинтересованность региональных властей в развитии экономики, привлечении инвестиций, размещении на территории субъекта РФ новых производственных и транспортно-логистических комплексов². При этом указанная компетенция по установлению и отмене перечня льгот должна определяться федеральным законодательством, а сам перечень – законами субъектов РФ о налогах.

Методы налогового стимулирования изложены в нормативно-правовых актах, среди них целесообразно выделить следующие основные для реализации планов развития транспорта и транспортно-логистической инфраструктуры в регионах:

- уменьшение (или обнуление) налоговых ставок;
- выдача инвестиционного налогового кредита;
- проведение налоговых вычетов из налогооблагаемой прибыли;
- введение специальных налоговых режимов, а также льготных и упрощенных систем налогообложения;
- перенос убытков на будущие периоды;
- выведение ряда объектов инфраструктуры из-под налогообложения;
- применение, так называемых, «налоговых каникул»;
- введение моратория на изменение условий налогообложения.

В настоящее время в рамках налогового стимулирования инвестиционной деятельности региональным органам власти предоставлено несколько возможностей. Как правило, субъекты РФ предусматривают следующие послабления соответствующим определенным критериям инвесторов: предоставление региональными органами власти гарантий при реализации проекта; льготные условия пользования находящимся в ведении региона имуществом; субсидирование части процентной ставки по привлекаемым банковским кредитам; предоставление инвестиционного налогового кредита; предоставление региональных налоговых льгот³.

¹ Печенская М.А. Региональные бюджеты: тенденции, состояние, перспективы: монография / М.А. Печенская, А.И. Поварова; под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 110 с.

² Осипова Е. С. Роль и значение региональных налогов в экономическом обеспечении регионов // Актуальные вопросы экономических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С. 64–68. – <https://moluch.ru/conf/econ/archive/95/5748/>

³ Модернизация России: актуальные вопросы налогово-финансового регулирования экономики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – С. 5–10. – http://www.seun.ru/content/nauka/modernizatia_Rossii.pdf

Основной принцип построения финансовых отношений, включая налоговые, в регионах должен сводиться к реализации органической связи с развитием перевозок, с активностью транспортно-логистических центров, т.е. к опосредованному налоговому воздействию на поведение субъектов хозяйствования.

Осуществляя налоговую политику в пределах своих полномочий, региональные власти могут оказывать поддержку развитию транспортным предприятиям региона, что позволит решить ряд проблем социально-экономического и финансового развития субъекта федерации. Проведение продуманной налоговой политики является одним из необходимых условий достижения экономического роста, так как непосредственно влияет на экономическую активность хозяйствующих субъектов. Стимулирование экономической активности должно привести, с одной стороны, к росту налоговых доходов бюджета, с другой – к увеличению объема инвестиций, что позволит решить ряд социально-экономических задач, стоящих перед регионом. В этой связи налоговая политика, проводимая региональными органами власти, местным самоуправлением, является одним из инструментов достижения устойчивого экономического роста.

Для обеспечения заинтересованности регионов в развитии транспорта и транспортно-логистической инфраструктуры с целью сбалансированного развития транспортного комплекса на федеральном и региональном уровнях необходимы разработка и реализация комплекса мер.

В части организационно-управленческой функции и законотворческой деятельности в регионах необходимо предусмотреть:

- создание механизма и органа управления для решения вопросов строительства, модернизации транспортно-логистической инфраструктуры (примером работы Министерства транспорта и регионов являются координационные советы по развитию Московского и Санкт-Петербургского транспортных узлов, где совместно решаются в том числе вопросы по срокам и объемам строительства и ремонта);

- формирование федеральными органами государственной власти и органами субъектов РФ концептуальных основ, механизма разработки и реализации региональной инвестиционной политики в части развития транспортно-логистической инфраструктуры;

- создание организационно-управленческих механизмов, определяющих обязательность учета целей региональной политики в области инвестирования средств в транспортно-логистическую инфраструктуру, а также в законодательстве о порядке обоснования проектов и проведения тендеров на реализацию крупных инвестиционных проектов;

- создание системы мониторинга реализации региональной политики в области инвестирования средств в транспортную инфраструктуру и разработка механизма ответственности за неэффективную инвестиционную деятельность;

- разработку и реализацию региональных и муниципальных целевых программ развития транспорта, включая следующие блоки: стратегические направления развития региона; анализ существующих и потенциальных грузоотправителей в регионе и потенциальных объемов перевозок; анализ точек роста экономики региона, анализ состояния и наличия существующей транспортной инфраструктуры и обоснование предложений по ее совершенствованию;

- координацию и информационное обеспечение деятельности по согласованному и сбалансированному развитию компонентов транспортно-логистической инфраструктуры региона, а также экспертизу решений, предлагаемых рабочими группами по развитию инфраструктуры и маршрутов перевозок грузов;

- формирование условий для привлечения инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры, анализ эффективности и разработку рекомендаций по использованию потенциала компонентов инфраструктуры транспорта для развития социально-экономической системы региона; разработку информационных и финансово-экономических механизмов для выполнения поставленных задач.

В части настройки налоговой и денежно-кредитной политики для развития транспорта в регионах необходимы дифференцированное управление инвестициями и налоговыми ставками в субъектах РФ, определение целей и задач, разработка механизмов учета интересов регионального и отраслевого развития.

В части выработки механизмов гарантий для частных инвесторов при реализации проектов транспортно-логистической инфраструктуры необходимо предусмотреть:

- разработку нормативно-правового акта, регламентирующего деятельность по комплексному развитию транспортно-логистических центров. Рекомендовать Министерству транспорта РФ разработать и в установленном законом порядке вынести на рассмотрение Правительства РФ предложения по финансированию и управлению подобными проектами регионального значения, в том числе путем формирования органа, выполняющего функции государственного заказчика подобного проекта;

- разработку и принятие нормативно-правовых актов, регулирующих привлечение и возврат частных инвестиций в объекты транспортной инфраструктуры государственной собственности (причалы, подъездные пути и пр.).

В части налоговой и бюджетной политики регионов при решении задач развития транспортной инфраструктуры регионов:

- принять соответствующие региональные законы с целью закрепления возможности инвестиционного вычета по налогу на прибыль, который организации могут использовать для обновления своих основных фондов;

- рассмотреть варианты введения новых отраслевых и региональных налоговых льгот, позволяющих повысить заинтересованность инвесторов в развитии региональной транспортной инфраструктуры внутреннего водного транспорта (например, Минстрой предлагал ввести льготу на НДС для инвесторов, вкладывающих в проекты ЖКХ. А Баш-

кирия освободила с 2018 года от налога на имущество организации, реализующие в республике проекты в формате концессий или ГЧП, причём льгота для них будет действовать весь срок соглашения)¹.

Например, в части использования экономических механизмов для финансирования отдельных направлений развития инфраструктуры внутреннего водного транспорта регионов и решения задач роста вовлеченности водного транспорта в мультимодальные схемы доставки грузов рекомендуется:

– повысить эффективность реализации проектов развития водного транспорта за счет применения механизма банковского надзора за инфраструктурными проектами. (Перед открытием финансирования проекта ответственная за его выполнение организация при едином уполномоченном банке должна доказывать соответствие работы проектным и сметным решениям. Кроме того, необходимо получить заключение по результатам контроля качества. Подобный надзор препятствует неконтролируемому превышению начальной сметы и отступлению от проектных решений);

– рассмотреть возможность софинансирования строительства и модернизации отдельных объектов инфраструктурных проектов с участием внутреннего водного транспорта за счет частных инвестиций при условии гарантии возврата и сроков окупаемости со стороны государства (региональных органов власти);

– рассмотреть возможность выпуска облигаций и акций компаний, реализующих проекты развития логистической инфраструктуры с участием внутреннего водного транспорта. Активизировать деятельность страховых компаний как одного из потенциальных инвесторов в инфраструктурные проекты, имеющих возможность выкупа концессионных облигаций. (Банк России в марте 2016 года расширил регулирование в части вложения резервов страховых организаций: они могут выкупать концессионные облигации. Однако с момента изменения нормативной базы инвестиций в такие бумаги они не сделали. Требования к инвестированию резервов страховщиков в целом аналогичны правилам для НПФов. Но страховые компании пока не понимают рынка инвестиций в инфраструктуру и потому не торопятся вкладывать)²;

– рассмотреть возможность применения механизма TIF (Tax Increment Financing) – компенсации инвесторам затрат на инфраструктуру за счёт прироста налоговых платежей в будущем. (Инструмент не работает, поскольку отсутствует как нормативная часть (необходимо внести соответствующие изменения в Налоговый кодекс), так и наработанный опыт, позволяющий оценить эффективность налоговых поступлений от проектов). За рубежом подобный механизм используется, например, для комплексного развития территорий, общественной инфраструктуры и для строительства дорог. В России в 2017 году власти Пермского края частично за счёт TIF предлагали профинансировать проект «Белкомура» – железнодорожной магистрали, которая могла бы напрямую соединить северо-запад страны с Уралом и Сибирью. По аналогичному механизму предлагалось реализовывать капиталоемкие проекты высокоскоростных железнодорожных магистралей, которые рассчитаны на последующий кратный экономический рост прилегающих территорий³;

– рассмотреть возможность использования механизма территории опережающего социально-экономического развития. Территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы) начали создавать в 2014 году для развития российского Дальнего Востока. Этот механизм предполагает выдачу инвесторам широких налоговых льгот в привязке к определённой территории⁴;

– создать механизм инфраструктурной ипотеки и рассмотреть возможность его реализации проектов развития логистической инфраструктуры с участием внутреннего водного транспорта. В 2018 году ключевые параметры инфраструктурной ипотеки еще не определены. Минэкономразвития РФ предложило создать фонд инфраструктурной ипотеки на базе ВЭБа⁵;

– в регионах прохождения внутренних водных путей при снизить платежи от использования имущества и земли, находящейся в государственной и муниципальной собственности и пр.;

– рассмотреть вариант действия нулевой ставки по налогу на имущество организации (либо снижение ее величины) на срок, соответствующий этапу начала реализации программ развития водного транспорта региона;

– обнулить ставку налога на модернизацию⁶ (налога на движимое имущество) организаций, участвующих в мультимодальной схеме доставки груза, где наибольшее расстояние (более 80%) перевозится по внутренним водным путям. Подобная ситуация может мотивировать организации инвестировать в обновление мощностей в регионах, которые ввели льготу. Госдума утвердила закон, согласно которому в 2018 году максимальная ставка по такому налогу составляет 1,1%, а в 2019-м власти регионов получают возможность поднять её до 2,2%. Из регионов нулевую ставку на ближайшие 3 года сохранили Московская область и Чечня, только на 2018 год – Владимирская, Ивановская и Липецкая области, а, например, Санкт-Петербург и Ленинградская область установили льготу выборочно: для движимого имущества, выпущенного не более 3 лет назад. Часть регионов ввела «промежуточную» ставку – например, Кам-

¹ Инвестиции в инфраструктуру: аналитический обзор. 2018. – С. 33. – https://infraone.ru/analitika/infraone_sochi_2018_new.pdf

² Там же, с. 63.

³ Инвестиции в инфраструктуру 2018: аналитический обзор. – С. 37. – https://infraone.ru/analitika/infraone_sochi_2018_new.pdf; Майоров С.В. Финансирование инфраструктурных проектов за счет прироста налогов // Теория и практика общественного развития. 2015. – № 8. – С. 80–82.; Механизм отложенных налоговых платежей как способ финансирования инфраструктурных проектов: зарубежный опыт / Под ред. Дмитриева В.А., Баженова А.В. – М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. – 223 с. – http://www.mirkin.ru/_docs/book048.pdf

⁴ Инвестиции в инфраструктуру 2018: аналитический обзор. – С. 38. – https://infraone.ru/analitika/infraone_sochi_2018_new.pdf

⁵ Там же, с. 39.

⁶ Там же, с. 34.

чатский край (0,6%), Тульская и Тюменская области (по 0,55%), а также Еврейская автономная область (0,5%). Но большинство предпочло всё же воспользоваться возможностью наполнить свой бюджет за счёт нового налога. В некоторых случаях это может негативно сказаться и на экономике инвестиционных инфраструктурных проектов;

– понизить в первый год деятельности организаций ставку земельного налога с 0,3 до 0,1% от рыночной стоимости земельных участков, предназначенных для использования в составе транспортно-логистических центров с участием водного транспорта региона. Если у данных предприятий в течение и по окончании первого года будет наблюдаться значительный рост выручки, то оставить ставку земельного налога на уровне 0,1%, в противном случае – поднять до обоснованного уровня;

– рассмотреть возможность налоговых преференций для предприятий, осуществляющих доставку грузов с использованием мультимодальных схем с высокой долей участия внутреннего водного транспорта как для резидентов ТОР¹:

а) по налогу на прибыль, например, на первом этапе предусмотреть частичное освобождение в 1–3 годы проекта – пониженная налоговая ставка в части, подлежащей зачислению в бюджет субъекта РФ (при условии, что высокая доля (например, более 50...70%) всех доходов должно быть получено предприятиями при реализации мультимодальных схем доставки грузов с участием водного транспорта);

б) по НДС – снижение ставки НДС на первом этапе проекта;

в) снижение ставок налога на имущество в первые годы реализации программ развития;

г) сокращение или полное освобождение от платежей за использование земель, водой и прочими ресурсами.

Предоставляемые налоговые преференции позволят снизить предприятиям налоговую нагрузку. Льготы также представляют собой огромный ресурс для развития предприятий отрасли, который будет иметь большой мультипликативный эффект для развития экономики региона.

В части стратегического регионального планирования необходимо:

– разработать стратегию развития территорий (регионов) на основе роста вовлеченности внутреннего водного транспорта в процессы доставки грузов в регионе;

– разработать региональные планы развития внутреннего водного транспорта, направленные на обеспечение эффективного взаимодействия государства, региональных органов власти, перевозчиков, владельцев инфраструктурных активов и бизнеса региона в целях устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на основе использования экономических механизмов повышения заинтересованности связанных сторон;

– разработать варианты включенности внутреннего водного транспорта в мультимодальные схемы доставки грузов при строительстве крупных объектов на территории региона, предусмотреть преимущественное право участия организации в тендерах с предложением схем доставки грузов с участием водного транспорта и пр.;

– разработать стратегию развития государственно-частного партнерства и мероприятия по разработке региональной политики в сфере развития внутреннего водного транспорта региона, осуществить шаги по совершенствованию федерального и регионального законодательства.

Осуществление вышеперечисленных мер и рекомендаций позволит получить экономический, социальный и бюджетный эффекты в регионах, снизить уровни загрузки автомобильных и железных дорог на узких участках, оптимизировать транспортную логистику, снизить расходы на обслуживание автодорог в результате использования их подвижным составом большой грузоподъемности, сократить себестоимости перевозок и в целом логистические издержки, а также уменьшить уровень загрязнения окружающей среды.

¹ Актуальные проблемы налоговой политики: материалы IX Международной научно-практической конференции молодых налоговиков (Минск – Москва – Екатеринбург – Иркутск – Владивосток, апрель 2017 г.): сб. статей / Школа экономики и менеджмента, Дальневосточ. федерал. ун-т. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. – С. 253. – <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/>

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естественноинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Ключевые слова: мобильность управления, цифровая индустриализация, высокотехнологичные компании, технологическое развитие, подготовка высококвалифицированных специалистов, конкурентная способность, рынок труда.

1. Экономика цифровых технологий

Достижения в робототехнике, искусственном интеллекте и технологиях автоматизации позволили компаниям в различных секторах экономики использовать их для более высокой производительности, высокого качества продукта, а также для управления операциями в системе поставок, автономными транспортными средствами, торговлей на финансовых рынках. Крупные и небольшие компании используют чат-боты, чтобы поддерживать и развивать отношения с клиентами. Социальные роботы входят активно в нашу жизнь. Это привело к огромным преобразованиям способов, которыми люди живут и работают. Технические достижения в индустрии 4.0 бросают вызов человеческому труду в сфере производства [1–8]. Автоматизированное производство подрывает экономический принцип теории стоимости, который был прописан такими мыслителями как Карл Маркс, Адам Смит и Давид Рикардо. Достижения в робототехнике и искусственном интеллекте делают рутинный труд автоматизированным.

Широкое внедрение автоматизированной экономики приведет к новому экономическому и социальному пейзажу, в котором будут победители и проигравшие. Технологическая способность заменить человеческий труд легко и дешево новыми технологиями приведет к новой политической экономии. Это будет новым миром, в котором большая часть труда с точки зрения производства товаров и услуг будет создана роботами. Будут ли роботы в основном использоваться в качестве дополнений к человеческому труду или заменой человеческого труда? Возникает проблема финансовой устойчивости таких экономических систем, поскольку машины не потребляют товаров и услуг, в отличие от людей. Производители могут производить высококачественные товары по низкой цене за единицу, сетевым менеджерам придется обеспечить реализацию их через тех, кто будет в состоянии купить товары и услуги.

Другая политическая и экономическая тенденция, которая повлияет на новую экономику, является побочным продуктом глобальной экономики. Так как экономические участники теперь взаимосвязаны как никогда прежде и есть значительные преимущества для тех, кто завоевывает рынок рано. Есть много причин для этого, включая оцифровывание, улучшения коммуникаций (и транспортировка) и возросшая значимость сетей и стандартов. Сети позволяют осуществлять распространение информации и услуг как никогда прежде, позволяя учреждение монополий. Создание рынков за пределами преобладающих каналов и сетей становится все более трудным. Мобильность управления спросом на товары и услуги позволит поддерживать рыночную конкуренцию.

2. Влияние цифровых технологий на рынок труда

Первое и главное воздействие технологий будет выражаться в устранении рабочих мест через автоматизацию. Хотя будет много потерянных рабочих мест, также будут созданы новые рабочие места и изменятся другие рабочие места. Автоматизация многих процессов может произойти на производствах, в которых затраты на оплату труда высоки. Сохранится потребность в людях, способных выполнять производственные процессы, которые машины не могут сделать или которые люди могут все еще выполнять лучше, чем машины.

Рабочая сила будет состоять из квалифицированных рабочих и меньшего количества малоквалифицированных рабочих. Те, которые менее квалифицированы, будут постоянно сталкиваться с конкурирующими роботами и искусственным интеллектом, который подрывает престижность человеческого труда. Сохранятся некоторые специальности, которые трудно заменить роботами или искусственным интеллектом, однако число этих специальностей будет постоянно сокращаться. Будет сокращаться и заработная плата соответствующих работников.

С сокращением числа людей, работающих и платящих налоги, должна быть создана экономика равномерно по достатку, обеспечивающая прожиточный доход населению [9–12]. Экономике равномерно достатка можно создать посредством мобильного управления высокотехнологичными производствами, где рабочие места обслуживаются по определенному графику несколькими компетентными специалистами. Законы также должны поддерживать мобильную промышленную модель труда и подготовку высококвалифицированных специалистов с финансовым обеспечением их на время обучения. Мобильность управления инновационной высокотехнологичной экономикой будет обеспе-

чивать устойчивое развитие цифровой индустриализации и подготовку для нее высококвалифицированных специалистов.

3. Конкурентоспособность на рынке труда

Ближайшее будущее потребует квалифицированных трудовых ресурсов. На всемирном экономическом форуме 2018 года было выделено десять необходимых профессиональных навыков в 2020 году: решение сложных задач, критическое мышление, креативность, управление персоналом, координирование и синергия с другими, анализ проблем и принятие решения, сервисная ориентация, способность вести переговоры, познавательная гибкость.

Эти ключевые навыки, определенные Всемирным экономическим форумом, предполагают, что конкурентоспособность людей основана на интеллектуальных возможностях и навыках инновационной деятельности. Развитие таких навыков приобретается через образование/обучение, накопленный опыт и естественную интеллектуальную способность. Образование должно будет развивать те таланты, которые полезны в экономике. Нужен новый подход к образованию, который основан на развитии человеческих навыков, необходимых для высокотехнологических компаний и релевантных в условиях гибкой и изменяющейся экономики [13–14]. Так как многие сотрудники будут менять работу и отрасли промышленности, им будет нужно соответствующее образование, которое позволит им иметь необходимые навыки для деятельности в различных компаниях и сферах экономики. Компании должны будут взять на себя часть ответственности за обучение и переквалификацию сотрудников с сохранением им заработной платы. А ответственность за повышение квалификации преподавателей должны будут взять на себя университеты. У всех людей будет возможность развивать навыки, которые необходимы промышленности.

В интеллектуальной креативной инновационной высокотехнологичной экономике будут меняться люди, образовательные системы и промышленность.

Резюме

Органы власти, бизнес и учреждения образования, должны будут измениться, чтобы соответствовать потребностям общества, которое формируется на автоматизируемой промышленной основе. Мобильность управления должна обеспечить экономический рост; поддержать высокотехнологичные конкурентные на внешнем рынке предприятия с высокой добавленной стоимостью; поддержать университеты, которые готовят высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда, особенно специалистов в области цифровой экономики; развить производственные процессы на основе soft skills и world skills. Опыт Японии, Сингапура, Китая, Южной Кореи, Германии, Англии, США показывает, что эффективность управления инновационной высокотехнологичной экономикой обеспечивается синергией коммерциализации инновационных разработок, менеджмента высокотехнологичных компаний по реализации продукции, улучшения качества жизни, обеспечения платежеспособного спроса населения и подготовки высококвалифицированных специалистов.

Список литературы

1. Брындин Е.Г. Профессиональная цифровая роботизация производственной и социальной сферы // V Международная научная конференция ITSM-18. Ч. 1 / ТПУ. 2018. – С. 415–419/
2. Брындин Е.Г. Робот с подражательным мышлением // Вестник ПНИПУ: Электротехника, Информационные технологии, Системы управления. – Пермь: ПНИПУ, 2015. – № 14. – С. 5–36.
3. Bryndin E. Cognitive Robots with Imitative Thinking for Digital Libraries, Banks, Universities and Smart Factories // International Journal of Management and Fuzzy Systems. 2017. – Vol. 3, N 5. – P. 57–66.
4. Bryndin E. Program Hierarchical Realization of Adaptation Behavior of the Cognitive Mobile Robot with Imitative Thinking // International Journal of Engineering Management. 2017. – Vol. 1, N 4. – P. 74–79.
5. Bryndin E. Technological Thinking, Communication and Behavior of Androids // Communications. 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 13–19.
6. Брындин Е.Г. Синергетическое формирование гуманного высокотехнологичного общества // Advances of science: Proceedings of materials V International scientific conference. Karlovy Vary; Moscow, February 27–28, 2019.
7. Bryndin E. Social Cognitive Smart Robots: Guide, Seller, Lecturer, Vacuum Cleaner, Nurse, Volunteer, Security Guard, Administrator // Communications. 2019. – Vol. 7, N 1. – P. 6–12.
8. Bryndin E. Digital technologies of the industry 4.0. // Computer Science Advances: Research and Applications. 2019. – P. 201–222.
9. Bryndin E. Economic Aspect of Global Wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2016. – Vol. 7. – P. 14–21.
10. Bryndin E.G. Global Social-Economic Stabilization // Scholar Journal of Applied Sciences and Research. 2018. – Vol. 1, N 3. – P. 41–46.
11. Брындин Е.Г. Развитие цифрового сектора экономики // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы». – М.: МГУ, 2018. – С. 335–342.
12. Брындин Е.Г. Креативное управление диверсификацией экономики // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции: «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы». – М.: МГУ, 2018. – С. 759–764.
13. Bryndin E. Creative Innovative Higher Education of Researchers with Flexible Skills and Synergy of Cooperation // Scientific Journal of Research and Review. 2018. – Vol. 1, N 2. – P. 1–5.
14. Брындин Е.Г. Креативное инновационное высшее образование // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 13, ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – С. 797–802.

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естествоинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

УМНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОБИЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РОБОТЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СЕРВИСА

***Ключевые слова:** когнитивный робот с адаптивным поведением, робототехнические языки программирования поведения.*

Введение

Поведение мобильного робота образуется совокупностью производимых им действий. Программирование иерархии действий происходит по их доминированию в поведении. Критерием иерархии действий робота является его специализация. Для этого строится система адаптаций прототипов действий, позволяющая программировать виртуальную иерархическую структуру поведения робота. Используя хорошо изученный нейрофизиологами механизм центральных моторных программ, строится и система управления поведением робота. Реальное поведение реализуется по модели окружающей среды и модели поведения. Технические возможности и вычислительная мощность пока ограничивают способности поведения роботов.

1. Структурные аспекты робота

Когнитивный робот имеет систему распознавания собеседника, систему речевого ввода информационных потребностей, систему реализации информационных потребностей (систему имитации подражательного мышления), нейросетевую систему синтеза речи по тексту реализации информационной потребности.

Система реализации информационной потребности содержит систему усвоения знаний, систему символически-языкового общения, систему обучения, базы знаний, базы умений, нейросетевую систему чтения, печатающую систему и систему графического отображения. Система обучения содержит подсистемы автоматического перевода. Система распознавания собеседников является нейросетевой системой.

Информационной единицей общения человека с роботом является информационная потребность. Собеседник использует информационные потребности, которые содержатся в базе знаний робота, а также комбинации информационных потребностей. Робот получает новые информационные потребности и их реализации во время его обучения. Многозначные слова информационной потребности имеют смысловую разметку. Когнитивная навигация робота на ее реализацию осуществляется через сущностный словарь. Например, смысловая разметка слова «сложить» указывает либо на лексическое значение, либо на арифметическое действие, либо на поведенческое действие.

Знакомство робота с человеком осуществляется через нейросетевую систему распознавания лиц. Если человек неизвестен роботу, то рецептивная система запоминает его речевой словарь и лицо. Если он известен роботу, то система настроит систему речевого ввода информационной потребности на речевой словарь собеседника. После этого начинается информационный контакт между роботом и человеком. Система речевого ввода преобразует речевую информационную потребность в текст на функциональном естественном языке. Робот на основе символической языковой коммуникативной логики с ассоциативными и коммуникативными символическими языковыми элементами знаний моделирует подражательное мышление [1–4].

2. Специализация когнитивных адаптивных роботов

Специализация когнитивных адаптивных роботов осуществляется на основе баз знаний, баз умений и средств реализации поведения, функционирования организма. Адаптивное поведение направляется подражательным мышлением по заданию человека и осуществляется по моделям окружающей среды и поведения. Когнитивное управление поведением более надежно, чем телекоммуникационное. Программирование адаптивного поведения роботов осуществляется через программный интерфейс.

Компонента робота, реализующая адаптивное поведение во внешней среде, включает сенсорную, управляющую, исполнительную моторную системы и систему диагностики [5].

Сенсорная система предназначена для восприятия и преобразования информации о состоянии внешней среды. Она включает телевизионные и оптико-лазерные устройства, ультразвуковые дальномеры, тактильные и контактные датчики, датчики положения, нейросетевые устройства распознавания образов внешней среды и т.п. Робототехниче-

ское восприятие – это процесс, в ходе которого роботы отображают результаты сенсорных измерений на внутренние структуры представления среды.

На робота можно возложить задачу поддержания в допустимых пределах жизненно важных для человека параметров тепла и холода. Способность робота, эквивалентная восприятию тонаса человека, может предупреждать о перегрузке. Восприятие давления является функцией, без которой манипулятор робота не может обойтись. Эта функция может вводиться в робота различными методами в зависимости от назначения робота. Это особенно важно в тех случаях, когда пальцы робота должны захватывать разнообразные, иногда хрупкие, предметы. Датчики осязания у человека очень чувствительны и многочисленны, что позволяет использовать их для различения формы. В настоящее время эта задача является уже не очень трудной.

Метод точной индикации положения робота реализуется навигационной техникой, основанный на сравнении временных положений импульсов с временными положениями эталонных импульсов. Индикация положения робота важна для ориентации его в пространстве. Картографирование и локализация образа объекта осуществляется с использованием сканирующих лазерных дальномеров. Для измерения расстояния используют ультразвуковые сонары, инфракрасные сенсоры, лазерные сенсоры. Достижение объекта осуществляется по полученным координатам. Процедуры реализации поведения выполняют движения частей моторных механизмов робота в соответствии с маршрутом перемещения и последовательностью двигательных актов частей моторных механизмов робота. Маршрут движения робота строится в классах кусочно-полиномиальных функций.

Система диагностики осуществляет контроль исполнения простых движений частей моторной системы робота на каждом шаге реализации поведения, передачу необходимой информации управляющей системе о состоянии моторной системы для соотнесения ее с информацией от сенсорной системы в режиме реального времени, а также сообщает об окончании простых движений.

Исполнительная моторная система реализует процедуры поведения робота во внешней среде, осуществляя разнообразные движения. Моторная система имеет механические руки (манипуляторы), механические ноги (педипуляторы). Манипулятор может брать, поворачивать, переносить, собирать, огибать препятствия и т.д. Шагающий робот может передвигаться по незнакомой местности со сложным рельефом, преодолевая препятствия.

Процедура реализации поведения строится по типу ситуация-действие. В режиме реализации поведения управляющая система постоянно обрабатывает информацию о ситуации от сенсорной системы и от системы диагностики и запускает исполнительную систему.

Робот по информационной потребности человека и сенсорной информации определяет модель внешней среды. Он по модели внешней среды и информационной потребности человека определяет модель поведения. Затем по моделям внешней среды и поведения он определяет последовательность поведенческих актов моторной системы во внешней среде по типу ситуация-действие, реализуемых с точки зрения своих функциональных и сенсорных возможностей.

Для определенной внешней среды у робота заданы модель внешней среды, модель поведения и процедуры реализации поведения. В определенной внешней среде робот по информационной потребности человека (ИПЧ), модели внешней среды, модели поведения реализует информационную потребность человека процедурами реализации поведения. По ИПЧ робот формирует в предметной области сеть поэлементной реализации информационной потребности. Если сеть построена, то раздражительное мышление запускает процедуры реализации ИПЧ. В процессе реализации ИПЧ робот через сенсорные устройства контролирует состояние внешней среды. Если состояние внешней среды по каким-то обстоятельствам не соответствует состоянию модели внешней среды, то робот выдает сообщение, что он не может реализовать ИПЧ в связи с изменением внешней среды и ждет следующей информационной потребности от человека. После реализации ИПЧ робот сообщает человеку об окончании и результаты своей деятельности.

В неопределенной внешней среде робот по сенсорной информации формирует модель внешней среды (ВС), по ИПЧ подбирает типовую модель поведения и последовательно реализует ИПЧ процедурами реализации поведения: прокладывает безопасный маршрут движения робота по модели ВС, по модели поведения типовая процедура строит последовательно-параллельные движения манипуляторов, педипуляторов и остальных моторных механизмов робота.

Робот для работы с неопределенной внешней средой имеет много различных сенсорных устройств. Модель поведения робота формирует процедуру реализации ИПЧ из набора типовых процедур. Поведение робота реализуется по маршруту движения и последовательности промежуточных конфигураций двигательных актов, ведущих к реализации ИПЧ. Последовательность конфигураций двигательных актов выстраивается в соответствии с маршрутом и ИПЧ.

Модель поведения строит движения моторных механизмов робота по закону изменения их обобщенных координат, гарантирующих реализацию ИПЧ. Движение определяется вектором обобщенных координат, определяющим текущее положение степеней подвижности его механической части. Рабочие части моторных механизмов совершают вращения по траектории, определенной вектором фазовых координат.

Взаимодействие с внешней средой и ее восприятие робот осуществляет с помощью разных датчиков и сенсорных систем. Реальные ситуации описываются в памяти робота с помощью набора показаний сенсорных датчиков. Сенсорная информация может быть фотографической, сканированной, дальнометрической от оптических и ультразвуковых систем технического зрения.

В терминах показаний сенсорных датчиков формируется первичное описание модели внешней среды. Анализ и обработка этой информации приводят к обобщенному описанию ситуации с помощью понятий. По обобщенному описанию ситуации и ИПЧ подбираются модель поведения робота и набор типовых процедур реализации ИПЧ.

В модели поведения отражены функциональные свойства робота, мобильные возможности робота во внешней среде. Благодаря этому робот может оказывать услуги по ИПЧ, соответственно мобильным возможностям, модели ВС и модели поведения в незнакомой внешней среде.

Задача анализа сенсорной информации, распознавания и описания ситуации является актуальной для взаимодействия робота с неопределенной средой. Решается эта задача путем обучения робота распознавать предметы внешней среды через системы распознавания трехмерных объектов, описывать на естественном языке элементы трехмерных сцен на основе сенсорной информации с помощью полного набора элементарных ситуативных признаков. Например: дальше, левее, ниже, разъединены, области разного цвета и т.п. Описание внешней среды задается на естественном языке с помощью полного набора элементарных ситуативных признаков.

Робот, анализируя ситуацию внешней среды по типовой модели внешней среды, сенсорной информации, описанию сцены внешней среды подбирает по ИПЧ модель поведения, процедуры реализации поведения, строит маршрут перемещения и последовательно формирует двигательные акты частей моторных механизмов робота для реализации потребности. Различают цикловые и позиционные системы координации двигательных актов. В цикловых системах траектории двигательных актов ограничиваются 2–4 точками позиционирования по каждой из степеней подвижности, а в позиционных системах число этих точек может составлять несколько десятков, что позволяет реализовывать сложные двигательные операции.

Цикловое и позиционное управление обеспечивает перемещение рабочего органа по ломаной траектории от точки к точке. Центральным является понятие относительной подвижной системы координат. Относительные подвижные системы координат связаны с каждой позиционной точкой части моторного механизма.

Для каждой позиционной точки на каждом шаге определяется последовательно, на какую величину и в каком направлении переместить ее из текущего положения в заданные. Для каждой части моторных механизмов, связанной с позиционной точкой, определяется, в каком направлении и на какой угол необходимо повернуть.

Одновременный поворот и перенос части моторной системы относительно обобщенной системы координат вычисляются по формулам [5].

Для пневматических частей моторных механизмов задается масштаб, указывающий, во сколько раз увеличить или уменьшить размер части. Модель поведения и процедуры реализации поведения определяются областью профессиональной деятельности, в которой робот должен реализовать ИПЧ.

Направляющие косинусы части P_1P_2 моторной системы робота в собственной относительной системе координат вычисляются по формулам [5].

Модель поведения содержит алгоритмы адаптивного комплексного управления движениями, маршрут перемещения робота и последовательность двигательных актов частей моторных механизмов робота.

Процедуры реализации поведения выполняют движения частей моторных механизмов робота в соответствии с маршрутом перемещения и последовательностью двигательных актов частей моторных механизмов робота. Маршрут движения робота строится в классах кусочно-полиномиальных функций.

Пусть местность представляет собой плоскость, заданы препятствия ломанными линиями и координаты исходной точки робота и целевой, куда робот должен переместиться.

Необходимо построить оптимальный маршрут как ломаную линию из исходной точки в целевую, который не пересекает препятствий и имеет наименьшую длину.

Эта задача решается классическим методом динамического программирования последовательных приближений в функциональном пространстве, используя рекуррентное соотношение функции f , определяющую длину маршрута из исходной точки в целевую. Стратегия нахождения минимального маршрута определяется последовательным приближением построенного произвольного маршрута до минимального.

После того как оптимальный, безопасный маршрут построен, методами обобщенных, относительных и фазовых координат строятся двигательные акты моторных частей робота. Согласование двигательных актов последовательно – параллельно осуществляет координатор модели поведения по информации, которая находится в поле внимания памяти робота.

3. Управление поведением робота

Поведением создаваемого робота управляет полифункциональная иерархическая система контроллеров, подобная системе управления поведением организма человека. Поведение возникает под влиянием информационной потребности, которая вызывает ориентировку в ситуации по моделям внешней среды и поведения. Ориентировка завершается выбором соответствующей программы иерархической системы контроллеров, выполнение которой приводит к реализации поведения.

Контроллер – это компьютер на микросхеме. Он предназначен для управления различными электронными устройствами. Контроллер робота – это самый миниатюрный компьютер. Он содержит процессор и периферийные устройства: FLASH-память, таймеры, интерфейсы для связи с внешними устройствами и множество других полезных схем. Контроллер действует по заданной программе, которая загружается в него с мощного компьютера. Она загружается с помощью программатора (в простейшем виде – это специальный кабель) в микроконтроллер.

У робота есть органы для взаимодействия с окружающей средой. Органы, которые получают информацию из окружающей среды, называются рецепторами (или датчиками), например, фототранзистор, микрофон, контактный датчик. А органы, которые воздействуют на окружающую среду – эффекторы: двигатели, динамики, светодиоды и проч. У контроллера есть некоторое количество входов и выходов. К входам присоединяются рецепторы, а к выходам эффекторы. Микроконтроллер может обрабатывать информацию с входов и создавать электрические сигналы на выходах в соответствии с тем, как мы запрограммируем поведение робота [6].

4. Программирование поведения робота

Поведение робота задается на языках программирования. Многие программы для обобщающей архитектуры были реализованы на **языке поведения**, который был определен Бруксом. Этот язык представляет собой язык управления в реальном времени на основе правил, результатом компиляции которого становятся контроллеры **AFSM**. Отдельные правила этого языка, заданные с помощью синтаксиса, подобного **Lisp**, компилируются в автоматы **AFSM**, а группы автоматов **AFSM** объединяются с помощью совокупности механизмов передачи локальных и глобальных сообщений.

Так же как и обобщающая архитектура, язык поведения является ограниченным, поскольку он нацелен на создание простых автоматов **AFSM** с относительно узким определением потока связи между модулями. Но в последнее время на базе этой идеи проведены новые исследования, которые привели к созданию целого ряда языков программирования, аналогичных по своему духу языку поведения, но более мощных и обеспечивающих более быстрое выполнение.

Одним из таких языков является **универсальный робототехнический язык**, или сокращенно **GRL (Generic Robot Language)**. **GRL** – это функциональный язык программирования для создания больших модульных систем управления. Как и в языке поведения, в **GRL** в качестве основных конструктивных блоков используются конечные автоматы. Но в качестве настройки над этими автоматами язык **GRL** предлагает гораздо более широкий перечень конструкций для определения коммуникационного потока и синхронизации ограничений между различными модулями, чем язык поведения. Программы на языке **GRL** компилируются в эффективные программы на таких языках команд, как **C**.

Еще одним важным языком программирования (и связанной с ним архитектурой) для параллельного робототехнического программного обеспечения является система планирования реактивных действий, или сокращенно **RAPS (Reactive Action Plan System)**. Система **RAPS** позволяет программистам задавать цели, планы, связанные с этими целями (или частично определять политику), а также задавать условия, при которых эти планы по всей вероятности будут выполнены успешно.

Крайне важно то, что в системе **RAPS** предусмотрены также средства, позволяющие справиться с неизбежными отказами, которые возникают в реальных робототехнических системах. Программист может задавать процедуры обнаружения отказов различных типов и предусматривать процедуру устранения исключительной ситуации для каждого типа отказа. В трехуровневых архитектурах система **RAPS** часто используется на исполнительном уровне, что позволяет успешно справляться с непредвиденными ситуациями, не требующими перепланирования.

Существует также несколько других языков, которые обеспечивают использование в роботах средств формирования рассуждений и средств обучения. Например, **Golog** представляет собой язык программирования, позволяющий обеспечить безукоризненное взаимодействие средств алгоритмического решения задач (планирования) и средств реактивного управления, заданных непосредственно с помощью спецификации.

Программы на языке **Golog** формулируются в терминах ситуационного исчисления с учетом дополнительной возможности применения операторов недетерминированных действий. Кроме спецификации программы управления с возможностями недетерминированных действий, программист должен также предоставить полную модель робота и его среды.

Как только программа управления достигает точки недетерминированного выбора, вызывается планировщик (заданный в форме программы доказательства теорем) для определения того, что делать дальше. Таким образом, программист может определять частично заданные контроллеры и опираться на использование встроенных планировщиков для принятия окончательного выбора плана управления.

Основной привлекательной особенностью языка **Golog** является предусмотренная в нем безукоризненная интеграция средств реактивного управления и алгоритмического управления. Несмотря на то что при использовании языка **Golog** приходится соблюдать строгие требования (полная наблюдаемость, дискретные состояния, полная модель), с помощью этого языка были созданы высокоуровневые средства управления для целого ряда мобильных роботов, предназначенных для применения внутри помещений.

Язык «**JSk CES** (сокращение от **C++ for embedded systems** – **C++** для встроенных систем) – это языковое расширение **C++**, в котором объединяются вероятностные средства и средства обучения. В число типов данных **CES** входят распределения вероятностей, что позволяет программисту проводить расчеты с использованием неопределенной информации, не затрачивая тех усилий, которые обычно связаны с реализацией вероятностных методов.

Еще более важно то, что язык **CES** обеспечивает настройку робототехнического программного обеспечения с помощью обучения на основании примеров, во многом аналогично тому, что осуществляется в алгоритмах обучения. Язык **CES** позволяет программистам оставлять в коде «промежутки», которые заполняются обучающими функциями; обычно такими промежутками являются дифференцируемые параметрические представления, такие как нейронные сети. В дальнейшем на отдельных этапах обучения, для которых учитель должен задать требуемое выходное поведение, происходит индуктивное обучение с помощью этих функций. Практика показала, что язык **CES** может успешно применяться в проблемных областях, характерных для частично наблюдаемой и непрерывной среды.

Язык **ALisp** представляет собой расширение языка **Lisp**. Язык **ALisp** позволяет программистам задавать недетерминированные точки выбора, аналогичные точкам выбора в языке **Golog**. Но в языке **ALisp** для принятия решений применяется не программа доказательства теорем, а средства определения правильного действия с помощью индуктивного обучения, в которых используется обучение с подкреплением. Поэтому язык **ALisp** может рассматриваться как удобный способ внедрения знаний о проблемной области в процедуру обучения с подкреплением, особенно зна-

ний об иерархической структуре «процедур» желаемого поведения. До сих пор язык ALisp применялся для решения задач робототехники только в имитационных исследованиях. Его можно доработать для программирования роботов с подражательным мышлением и адаптивным поведением, способных к обучению в результате взаимодействия со своей средой.

Когнитивные роботы с подражательным мышлением и адаптивным поведением имеют перспективу широкого практического применения в качестве умных роботов лекторов и консультантов в образовательной деятельности, в социальной сфере и программировать на управление роботизированными умными фабриками [4, 7–8].

5. Умные социальные роботы

Роботы становятся независимыми объектами социальной среды [8–22]. Социальные когнитивные умные роботы используются в качестве администратора отеля, гида, продавца, лектора, пылесоса, медсестры, волонтера, охранника. Робот – администратор отеля (рис. 1). Робот – гид (рис. 2). Продавец кафе и аптек (рис. 3). Консультант, лектор и учитель (рис. 4). Медсестра в больницах (рис. 5). Умный пылесос (рис. 6). Волонтер – робот ASIMO (рис. 7). Робот – охранник (рис. 8). Робот гуманоид (рис. 9).

Рисунок 1.
Японский робот – администратор отеля

Рисунок 2.
Российский робот-гид

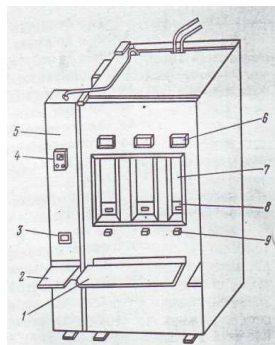

Рисунок 3.
Европейский робот – продавец кофе

Рисунок 4.
Японский робот – лектор

Рисунок 5.
Японский робот – медбрат

Рисунок 6.
Европейские умные роботы – пылесосы

Рисунок 7.
Японский робот – волонтер ASIMO

Рисунок 8.
Американский робот Atlas – охранник

Рисунок 9.
Китайский робот гуманоид (Jia Jia)

Заключение

Иерархический подход к реализации действий поведения когнитивного мобильного робота позволяет ему выполнять полезную работу и обеспечивать свое перемещение. Иерархические алгоритмы действий поведения поделены на агломеративные и дивизимные. Агломеративные алгоритмы начинают свое выполнение с того, что каждое действие заносит в соответствующий кластер и по мере выполнения объединяют кластеры, до тех пор, пока в конце не получает один кластер, включающий в себя все действия поведения. Дивизимные алгоритмы, напротив, сначала отнесут все действия в один кластер и затем разделяют этот кластер до тех пор, пока каждое действие не окажется в соответствующем кластере. Представлением результата иерархического алгоритма является дендрограмма – схема, показывающая, в какой последовательности происходило слияние действий в кластер или разделение действий на кластеры.

Такой подход позволяет формализовать требования к поведению робота и разработать все возможные алгоритмы реакции на изменение состояния окружающей обстановки. Например, при перемещениях на улице применяя технологию спутниковой навигации, а окружающие объекты обнаруживая с помощью камер или дальнометров. То есть подход позволяет автономные робототехнические системы проектировать под реализацию множества социальных сфер жизнедеятельности.

Список литературы

1. Брындин Е.Г. Робот с подражательным мышлением // Вестник ПНИПУ: «Электротехника, Информационные технологии, Системы управления». – Пермь: ПНИПУ, 2015. – № 14.
2. Bryndin E. Program Hierarchical Realization of Adaptation Behavior of the Cognitive Mobile Robot with Imitative Thinking // International Journal of Engineering Management. 2017. – Vol. 1, N 4. – P. 74–79.
3. Брындин Е.Г. Когнитивные роботы // Труды Девятой межд. конф. «Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2016)». – М.: ИПУ РАН, 2016. – С. 285–294.
4. Брындин Е.Г. Когнитивный робот консультант по здоровому образу жизни // Сборник материалов III Международной научной конференции «Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине». Ч. 1. 2016. – С. 484–488.
5. Брындин Е.Г. Взаимодействие символически-мыслящего робота с человеком и внешней средой // Информационные технологии. – М., 2004. – № 6. – С. 2–8.
6. Добрынин Д.А., Карпов В.Э. Управление мобильным роботом на основе механизма центральных моторных программ // Труды Второй Международной конференции «Управление большими системами». – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 24–28.
7. Брындин Е.Г. Когнитивные гибридные роботы // Материалы II межрегиональной научно-практической конференции: «Перспективные направления развития отечественных информационных технологий». – Севастополь: СГУ, 2016. – С. 29–32.
8. Bryndin E. Cognitive Robots with Imitative Thinking for Digital Libraries, Banks, Universities and Smart Factories // American Journal of Library and Information Science. 2017. – Vol. 1, N 1. – P. 6–14.
9. Bryndin E. Technological Thinking, Communication and Behavior of Androids // Communications. 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 13–19.
10. Bryndin E. Communicative Associative Logic of Cognitive Professional Robot with Imitative Thinking // Journal Engineering Mathematics. 2018. – Vol. 2, N 2. – P. 79–85.
11. Bryndin E. Directions of Development of Industry 4.0, Digital Technology and Social Economy // American Journal of Information Science and Technology. 2018. – Vol. 2, N 1. – P. 9–17.
12. Bryndin E. Cognitive smart robots with technological thinking and behavior for industry and social sphere // Science, Technology and Life: Proceedings of articles the V International scientific conference. – Karlovy Vary, 2019.
13. Bryndin E. Digital technologies of the industry 4.0. // Computer Science Advances: Research and Applications. 2019. – P. 201–222.
14. Ivanov S., Webster C. The robot as a consumer: a research agenda // Marketing: experience and perspectives. – Varna, 2017. – P. 71–79.
15. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. – Vol. 114. – P. 254–280.
16. West D. M. The future of work: Robots, AI, and automation. – Washington: Brookings Institution Press, 2018.
17. Kiggins R. The Political Economy of Robots: Prospects for Prosperity and Peace in the Automated 21st Century. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
18. Ivanov S., Webster C. Adoption of robots, artificial intelligence and service automation by travel, tourism and hospitality companies – a cost-benefit analysis // Traditions and Innovations in Contemporary Tourism. – Cambridge, 2018. – P. 190–203.
19. Bhaumik A. From AI to Robotics: Mobile, Social, and Sentient Robots. – Boca Raton: CRC Press, 2018.
20. Daugherty P.R., Wilson H.J. Human + machine: Reimagining work in the age of AI. – Boston (Mass.): Harvard Business Review Press, 2018.
21. Bryndin E. Social Cognitive Smart Robots: Guide, Seller, Lecturer, Vacuum Cleaner, Nurse, Volunteer, Security Guard, Administrator // Communications. 2019. – Vol. 7, N 1.
22. Carrozza M.C. The Robot and Us: An 'Antidisciplinary' Perspective on the Scientific and Social Impacts of Robotics. – Cham: Springer, 2019.

Вишнякова А.Б.

к.э.н., доцент, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Ключевые слова: модернизация экономики, научно-техническое развитие, машиностроительный комплекс.

В настоящее время проблема модернизации предприятий машиностроительного комплекса становится особенно актуальной. Применение ряда санкций по отношению к России заставляет промышленные предприятия предусматривать возможные риски, связанные с возможным отказом от западных технологий и от сотрудничества с зарубежными инвесторами. Сырьевой характер экономики обостряет проблему еще более.

Машиностроительный комплекс является основной промышленной отраслью в стране. Он отражает уровень научно-технического развития государства, оказывает влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства.

Своевременное и регулярное обновление и техническое перевооружение крупных отраслей народного хозяйства позволило бы повысить эффективность экономического потенциала страны в целом.

Огромные масштабы основных фондов предприятий машиностроительного комплекса обуславливают значительные затраты на их содержание. Также накопление устаревших и изношенных средств труда значительно ухудшает экономические показатели предприятий. Вследствие старения производственного аппарата увеличивается объем ремонта.

В целом, процесс обновления основных фондов – сложный и многообразный процесс. При обновлении основных фондов происходит обновление всех элементов, включая активную и пассивную часть. Из методов обновления здесь могут использоваться техническое перевооружение, реконструкция, расширение, а также новое строительство. Под обновлением парка оборудования следует понимать процесс улучшения его структуры путем устранения физического и морального износов на основе модернизации и полной замены окончательно устаревшей его части на более эффективное. Обновление в отношении единицы оборудования – это прежде всего модернизация и замена на новое. Что касается парка оборудования, то это улучшение его структуры за счет замены оборудования на более эффективное и модернизация отдельных элементов при необходимости.

Ускоренное обновление физически и морально устаревшего оборудования, которое накопилось за несколько десятков лет на предприятиях машиностроительного комплекса, является трудной задачей. Это можно осуществить двумя путями: внедрением в производство новой, более совершенной техники взамен старой, морально устаревшей и модернизацией действующего, морально устаревшего оборудования.

В условиях быстро развивающихся технологий зачастую прежняя техника становится непригодной. Тогда модернизация техники может приспособить ее к условиям новой технологии. Модернизация может способствовать созданию новой техники. Экономическая сущность модернизации существенно отличается от капитального ремонта. Основное назначение капитального ремонта – поддержание машин и оборудования в работоспособном состоянии в течение межремонтного цикла эксплуатации и амортизационного срока службы. Капитальный ремонт восстанавливает состояние оборудования на прежнем уровне, но не позволяет улучшить технико-экономические показатели. В связи с этим значение модернизации велико. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что технически и экономически целесообразно проводить не более одного капитального ремонта за весь срок эксплуатации оборудования. Многократно повторяемые капитальные ремонты обходятся очень дорого.

А.Н. Азрилиян дает следующее определение модернизации: «Модернизация оборудования – частичное улучшение конструкции оборудования в целях увеличения производительности труда, облегчения условий труда, повышения качества продукции, изготавливаемой на нем. Модернизация действующего на предприятии оборудования может выполняться самостоятельно, но чаще проводится с капитальным ремонтом его».

Многие специалисты считают, что капитальный ремонт основной массы оборудования должен быть превращен в процесс модернизации и замены устаревших машин более производительными. В перспективе значение модернизации повысится, так как с каждым годом в структуре парка станков увеличивается доля прогрессивного оборудования. Модернизация призвана, в первую очередь, продлить срок службы и наступление морального износа оборудования. Она позволит наращивать производственную мощность в короткие сроки, без строительства новых производственных площадей, без ввода в эксплуатацию нового оборудования.

Однако существует множество проблем, препятствующих эффективной модернизации парка оборудования крупных машиностроительных предприятий.

Одна из проблем связана с тем, что на предприятиях осуществляется множество мелких, малозначительных мероприятий по модернизации, которые, к сожалению, не дают эффекта. Другая проблема связана с тем, что модернизация осуществляется кустарными методами и обходится очень дорого.

Модернизация машиностроительного комплекса является необходимым фактором, влияющим на рост отечественной экономики, способствуя развитию конкурентоспособности страны на мировом уровне.

Стоит отметить, что снижение эффективности модернизации оборудования в целом негативно сказывается на модернизации машиностроительного комплекса в целом.

Количество модернизируемого оборудования с каждым годом сокращается и это еще одна проблема. Резкое снижение эффективности модернизации объясняется тем, что в последние годы такому эффективному направлению технического перевооружения производства уделяется недостаточное внимание.

Физический и моральный износ основных средств на машиностроительных предприятиях в настоящее время составляют 65 и 75% соответственно, что еще больше затрудняет развитие машиностроительного сектора. Темпы обновления технологической базы не превышают темпов выбытия основных фондов (0,1–0,5% и 1,5–3,5% в год)¹. Эти показатели ниже среднего мирового уровня в два раза. Доля продукции машиностроительного комплекса от общего объема экспорта в России составляет 17%, в более развитых странах показатели значительно выше. Так в Японии доля машиностроения в экспорте составляет 64%, в США и Германии – 48%, в Швеции – 44%, в Канаде – 42%².

Техническое переоснащение в литературе встречается достаточно редко. Оно связано с понятием модернизации как составной части процесса.

С.Ф. Покропивный определяет техническое переоснащение следующим образом: «Техническое переоснащение действующего предприятия означает осуществление его технического развития в соответствии с планом (без увеличения существующих производственных площадей), то есть проведение комплекса мероприятий, предусматривающих повышение до современных требований технического уровня отдельных участков производства за счет внедрения новой техники и технологии, механизации и автоматизации производственных процессов, модернизации и замены физически и технически устаревшего оборудования».

В основу технического перевооружения должны быть заложены мероприятия, направленные на повышение технического потенциала за счет внедрения более совершенной техники, технологии и организации работ в основном и вспомогательном производствах³.

Специалисты утверждают, что необходимо принять законодательные акты, которые бы простимулировали обновление производственных фондов. Для того чтобы реализовать все поставленные задачи в области модернизации машиностроения, необходимо:

- Увеличить долю затрат в НИОКР, внедрить новые модели и повысить качество выпускаемой техники;
- Самостоятельно производить компоненты для оборудования, повышать их качественные характеристики по сравнению с импортными образцами и перейти на самостоятельный выпуск отечественной продукции в целом;
- Улучшить взаимодействие продавцов и покупателей, наладить обратную связь с государственными органами власти, произвести реальную оценку состояния отрасли машиностроения и материально-технической базы.

Сегодня доля продукции РФ на нашем рынке составляет лишь 29%. Поэтому поставлена задача привести данный показатель до 2030 года к 70%. Расходы на НИОКР должны составить 8,4 млрд. руб. (в 2018 году – 1,3 млрд. руб.). Также планируется повысить экспорт до 70 млрд. руб.

Говоря о техническом перевооружении машиностроения, следует подчеркнуть, что в России, как правило, производится лишь локальная замена оборудования, происходят попытки выполнить производственные проекты самостоятельно, проектные профильные институты оснащены оборудованием 80-х годов.

Таким образом, техническое перевооружение в настоящее время основывается на локальном решении проблемы. По мере реализации проекта часто выясняется необходимость дополнительной закупки оборудования, что значительно меняет стоимость работ. В связи с этим компании отодвигают перевооружение на неопределенный срок и покупают ту часть оборудования, которая больше всего необходима для их деятельности.

Модернизировать машиностроительный сектор в России необходимо путем полного технического перевооружения и внедрения научно-технического прогресса во весь производственный процесс. Особенно важно найти способы замены устаревшего оборудования, так как новое современное технологическое оборудование позволит значительно снизить затраты на энергетические ресурсы и сырье. Старое оборудование имеет отличительную особенность, заключающуюся в большом энергопотреблении. Также новое оборудование позволит повысить производительность труда, что имеет огромное значение для машиностроительного комплекса России, поскольку позволит сократить время на производство деталей и комплектующих.

За последние 40 лет (в сравнении с 1971 г.) средний возраст оборудования в нашей промышленности увеличился почти вдвое. В 1971 г 41% мощностей имело возраст до 5 лет, а в настоящее время такой возраст имеют лишь 9,6%.

¹ Вишнякова А.Б. Особенности модернизации машиностроительного комплекса в России // Организационно-экономические и технологические проблемы модернизации экономики России: сборник статей VII Международной научно-практической конференции / МНИЦ ПГАУ. – Пенза: РИО ПГАУ, 2017. – 196 с.

² Муханова И.В. Модернизация машиностроения России в условиях экономических санкций: проблемы и пути решения // Экономический журнал. 2015. – № 2. – С. 34–41.

³ Райзенберг Б.А. Современный экономический словарь. 4-е изд., 5-е изд., перераб и доп. – М.: Инфра-М, 2006.

По оценке Счетной палаты РФ износ основных фондов в отдельных отраслях промышленности, в том числе и машиностроении, достигает 80%, в то время как динамика их обновления составляет всего 11%¹.

Многие специалисты отмечают, что модернизация отечественных предприятий должна включать в себя и внедрение современных принципов и подходов в организации и управлении производством.

Для решения многочисленных проблем в отрасли необходима поддержка государства. Необходимо развивать инновационную политику. Именно инновации помогут определить главное направление развития промышленных предприятий. Низкая инновационная активность предприятий приводит к снижению конкурентоспособности отечественной экономики. Технологическое обновление позволит перейти к выпуску новой конкурентоспособной продукции. Создание и производство конкурентоспособной продукции, использование новейших технологий, применение высокоэффективных методов организации производственных процессов позволит значительно улучшить состояние машиностроительного комплекса России и направить его на новый вектор развития.

Понимание необходимости системной модернизации машиностроительного комплекса связано также с тем, что промышленные предприятия имеют множество проблем, связанных как с высоким уровнем изношенности основных производственных фондов, так и с низкой загрузкой производственных мощностей и острым дефицитом профессиональных кадров. Технологическая зависимость от поставок импортного оборудования обостряет ситуацию в машиностроительной отрасли.

Зачастую предприятия предпочитают приобретать импортное оборудование даже в том случае, если в России есть аналоги. Это связано с тем, что отечественное оборудование проигрывает по качеству. Однако даже при приобретении отечественного оборудования доля импортных комплектующих составляет порядка 70%². И это тоже является определенной проблемой.

Для машиностроения необходима научно-методологическая база как инструмент обоснования единой инновационно-технологической политики, которая могла бы стать основой разработки единой станкостроительной политики с учетом формирования реального рынка средств производства.

¹ Алиев А.Т., Титов А.В., Ширшов С.Р. Модернизация российского машиностроения: проблемы и перспективы // Terra Economicus. 2012. – Т. 10, № 3. – С. 76–78.

² Базыкин Д. Станкостроение в России: состояние, тенденции, перспективы. 21.04.2009. - http://www.equipnet.ru/articles/power-industry/power-industry_348.html

Глинкина О.В.¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭПОХИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: информационные технологии, цифровой технологический уклад, эпоха цифровизации, системы искусственного интеллекта, системы поддержки.

Keywords: information technologies, digital technological structure, the era of digitalization, artificial intelligence systems, decision support systems, digital economy.

На современном этапе в развитии экономики России наиболее остро стоит вопрос – как преодолеть технологическое отставание от ведущих мировых экономик. Стремительно преодолев переход от плановой (административно - командной) экономики к рыночной (в период с 1991 по 2002 г., то есть всего за 11 лет), наша страна пытается решить проблему повышения уровня и качества жизни граждан за счет преодоления отсталости в технологической сфере и перевода на «цифру» всей технологической инфраструктуры.

Ведущие мировые экономисты, ученые и предприниматели прогнозируют переход всего мирового сообщества к новому, цифровому технологическому укладу в течение ближайшего десятилетия. Подчеркивается, что важнейшей особенностью станет постоянное (непрерывное) изменение технологий как неотъемлемой части производственного процесса, а следовательно, возникнут и новые требования к интеграции таких направлений как наука, образование и производство [1, с. 117].

Сегодня уже можно видеть, какие фундаментальные сдвиги происходят в материалах, технологиях, методах организации производства, управления, в способах обработки и особенно в сфере информационных технологий (IT-технологий), являющихся основным двигателем этих изменений.

Трансформации в информационной сфере, по сути, можно свести к двум основным фазам.

Первую трансформацию связывают с созданием абсолютно новых инструментов, используемых для обработки данных и появлением технологий искусственного интеллекта.

Вторая трансформация произошла в связи с развитием новых возможностей коммуникации людей и организаций при помощи глобальных вычислительных сетей, которые начали формировать «коллективный разум» планеты.

Первые вычислительные технологии, появившиеся в середине XX века, имели вспомогательный характер, так как была необходимость в поддержке сложных, массовых вычислений, а также автоматизации обработки огромных массивов данных.

Сегодня разрыв между экспоненциально увеличивающимся объемом данных и крайне ограниченными человеческими возможностями, связанными с обработкой информации, привел к постоянному использованию в бизнесе технологий искусственного интеллекта [2, с. 106].

Развитие глобальных коммуникаций затрагивает не только сферу бизнеса, экономики, но и социальную жизнь людей, вовлекая каждого человека в сферу отношений с большим количеством людей, при этом разрушая географические, межнациональные и межконфессиональные границы. Эта трансформация преобразует массовые коммуникации в интерактивный и многомерный мир, формирующий некую форму коллективного интеллекта, оказывающим значительное влияние на развитие общества.

Важно понимать, что в эпоху цифровизации основным потребителем информации является человек, органы чувств которого весьма далеки от совершенства.

Сейчас производство новой информации, актуальных данных, уже в несколько миллионов раз превосходит возможности любого человека их воспринимать в полном объеме, и этот процесс только стремительно ускоряется. Есть только один выход, позволяющий справиться с потоком вновь появляющихся и уже существующих данных, – это создание и внедрение систем искусственного интеллекта (СИИ).

В бизнесе СИИ становятся необходимым интерфейсом между предпринимателем и актуальными данными, помогая и играя часто решающую роль в принятии управленческих решений. Кроме того, на основе СИИ разрабатываются и внедряются системы поддержки принятия решений (СППР), необходимые для поддержки принятия многокритериальных решений в непредсказуемой, многофакторной информационной среде.

Поскольку возможности одного человека, как мы уже говорили, крайне ограничены, должны быть созданы условия для формирования коллективного интеллекта. Это, в свою очередь, и обуславливает распространение глобальных коммуникаций, которые предоставляют каждому человеку возможность получать необходимую информацию, способствуют росту доли интеллектуального труда, увеличению числа людей, которые создают новые знания и информацию.

¹ Глинкина Ольга Владимировна – к.э.н., профессор кафедры «Менеджмент» Российского нового университета, Москва.

Научное сообщество и передовые компании давно осознали, что справиться с информационным «взрывом» можно только коллективно. Именно поэтому была создана технология краудсорсинга для решения сложных задач. Новый этап развития технологий предполагает использование ресурсов добровольных, самоорганизующихся сетевых сообществ профессионалов. Считается, что именно таким образом посткраудсорсинговые технологии смогут сдерживать информационный взрыв, спровоцированный возможностью легкого доступа всех людей к сети Интернет, к публикации данных [2, с. 110].

Формирующаяся «экспертная сеть» – это абсолютно новая инновационная среда для существования человека в обществе знаний, реализации его профессиональных возможностей в новой цифровой экономике [4, с. 389]. В такой сети происходит анализ новой информации по выбранной теме ограниченным числом экспертов (отбираемых на основе их компетенций). В будущем основная часть новой информации будет потребляться человеком в виде сжатых, небольших блоков, а основное внимание каждый индивид будет уделять той информации, которая касается его компетенций или желания развиваться. Такой стиль восприятия информации получил название «телеграфного» и для современных людей он практически стал нормой.

Каждая эпоха экономического развития характеризуется своими особенностями экономической сферы и своими принципами организации производства и управления. Характерные особенности этапов технологического развития экономики представлены в таблице 1.

Таблица 1

Эпохи технологического развития экономики

Эпоха / Признаки	Индустриальная эпоха	Постиндустриальная эпоха	Информационная эпоха (общество)	Эпоха знаний (СМАРТ-общество)
Критический фактор экономического преимущества	Капитал	Совокупность разрозненных данных	Базы данных, Интернет-технологии	Образование, компетентность персонала
Особенности экономического окружения	Национально-замкнутые экономики Неразвитые потребности	Отрицательное влияние макроэкономических сдвигов (кризисов) Относительная устойчивость потребностей	Многонаправленность, хаотичность развития Неопределенность потребительских предпочтений	Глобализация экономики Положительное влияние макроэкономических сдвигов Быстрая изменчивость потребительских предпочтений
Принципы организации производства	Должностная иерархия Разделение функций управления Последовательность действий	Интеллектуальное сотрудничество Интеграция планирования и исполнения	Сетевая кооперация Параллельность действий исполнителей	Виртуальное производство Сетевые структуры управления Сотрудники организации – сетевые ресурсы
Отношение к человеку как к субъекту экономики	Функция (человек-элемент системы)	Специалист (носитель услуги)	Участник бизнеса (клиент)	Часть коллективного разума
Объект управления	Ресурсы/товары	Услуги/сервисы	Информация	Знания (человек)
ИТ-системы для управления предприятием	MRP (I, II) ERP (I, II) MES	CRM B2B SCM PPM	CRM BI PLM Соц. сети, Интернет-технологии	СУЗ Idea Management, Competency Management
Основные пользователи	Крупные компании	Весь бизнес	Граждане, Организации, Государство	Профессиональные сообщества

Как видно из табл. 1, особо значимые изменения затрагивают самого человека, который в индустриальную эпоху был всего лишь элементом экономической системы, функциональной единицей производственного процесса, но в экономике знаний – он носитель компетенций, которые объединяясь с другими продуцируют синергетический эффект [5, с. 117].

Сегодня типичными представителями грядущей экономики знаний являются вузы, научные центры и современные ИТ-компании. По мере развития экономики роль ИТ, их многообразие, постоянно растет, что создает возможность повышения конкурентоспособности тех предприятий, которые их активно используют в своей деятельности. Наиболее передовые организации понимают в ближайшем будущем особое внимание следует уделять системам управления знаниями и компетенциями.

Таким образом, цифровые технологии спровоцировали взрывной рост объема данных, и поскольку возможности человека крайне малы по восприятию и обработке большого потока информации, то необходимы технологии, помогающие превращать информацию в знания. И сегодня – это «информационные технологии коллективного интеллекта», которые, активно развиваясь, глубоко проникают в экономику и жизнь общества, создавая цифровую эпоху существования человечества.

Список литературы

1. Глинкина О.В., Соловьева М.В. Эффективные модели бизнеса // Актуальные вопросы развития экономики: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации / Под ред. В.А. Ковалева, А.И. Ковалева.– Омск, 2018. – С. 115–118.
2. Glinkina O.V., Regent T.M., Maslennikova A.V., Novikova M.M., Sokolova E.N. Boosting a region's investment attractiveness via the use of information communications tools for regional public administration (2018) International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. – N 9 (13). – P. 104–112.
3. Зворыкина Т.И. Обеспечение устойчивого развития административно-территориальных образований на основе применения элементов технического регулирования // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». – М., 2018. – Вып. 2. – С. 76–84.
4. Масленникова А.В. Динамическая модель межрегионального развития РФ для исследования стратегий управления социально-экономическими региональными процессами // Цивилизация знаний: российские реалии: труды Семнадцатой Международной научной конференции, г. Москва, 22–23 апреля 2016 г. – М.: РосНОУ, 2016. – С. 387–390.
5. Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Роль цифровых технологий в стратегии развития страны – 2024 // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: X Международная конференция. VIII Международный конкурс науч. и научно-метод. работ: Сб. трудов. Международная академия информатизации, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)» / Отв. ред. и сост. Т.В. Пирязева, В.В. Серов. – М.: Спутник+, 2018. – С. 116–118.

Грядунова А.В.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
alina.ch-2208@yandex.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДЕЖИ И СПОСОБ РАСШИРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ

Ключевые слова: инновационные образовательные технологии, e-курсы, экстренная автоматизация, профессиональное дробление, digital-сфера, «атлас профессий будущего», инноватор, кибертехника, умная среда, четвертая промышленная революция, профессия «с биографией», инновационный конфликт.

Keywords: innovative educational technologies, e-courses, emergency automation, professional fragmentation, digital-sphere, «atlas of the professions of the future», innovator, cybertechnics, smart environment, fourth industrial revolution, profession «with biography», innovation conflict.

В последние годы с переходом на новую экономику перед работодателями возникла проблема дефицита квалифицированных кадров. Некоторые компании пошли по пути создания корпоративных университетов. Но им сложно это сделать самостоятельно, без взаимодействия с вузом, и они готовы предоставлять свои производственные мощности, своих специалистов, в том числе и для прохождения практики, и для того, чтобы специалисты-практики тоже участвовали в образовательном процессе.

Цифровизация изменила образовательные процессы и технологии. Это тренд растущий, причем стремительно. Вначале это было удобной образовательной средой, выросла доступность ресурсов, методического обеспечения, книг. Не так давно Билл Гейтс высказался в том смысле, что цифровые технологии приведут чуть ли не к закрытию классических университетов. Хочется верить, что это все-таки не произойдет, живое общение ничем не заменишь. Тем не менее, цифровизация расширяется.

Переписывая учебные программы, приглашая на лекции практиков, государственные вузы пытаются подстроиться под реалии бизнеса. Но рынок труда остается лернейской гидрой, у которой на месте отрубленной головы вырастают несколько новых: только вы научились отличать директ от декрета и признали SMM-менеджмент профессией, как она распалась на пять новых¹.

Российский рынок труда оказался в парадоксальной ситуации: в то время как вузы изо всех сил готовят юристов, экономистов, психологов и представителей других фундаментальных специальностей, на работе ждут айтишников и менеджеров по продажам. Айтишникам повезло больше — работодатели «охотятся» за ними чуть ли не со школьного выпускного, а вот с менеджерами дела обстоят не так хорошо: в вузах их ремеслу не учат, да и идти в такую профессию по собственной воле никто не желает.

В нынешнем технократическом обществе еще долго будут котироваться IT-специалисты: разработчики, программисты, тестировщики, проект-менеджеры. Жесткий дефицит квалифицированных специалистов превратил их подбор в отдельный рынок труда со своей экосистемой. IT-компании начинают подбирать себе сотрудников и обучать их зачастую еще тогда, когда они только сидят на своей первой школьной олимпиаде по математике².

В сегодняшнем мире существует множество инновационных направлений человеческой деятельности, где необходимы высококлассные специалисты. Особенно перспективных новых профессий около десяти. Однако получить вузовскую подготовку по ним в нашей стране на данный момент невозможно. Это специальности, за которыми придется отправиться учиться за рубеж. Среди них – GR-специалист – «Government relations» с английского означает «отношения с правительством». Как видно из названия профессии, специалист ведет налаживание связи между предприятиями и органами государственной власти. Он занимается тем, что защищает интересы компании, которую представляет. Также он налаживает отношения с чиновниками, чтобы его наниматель мог получить государственную поддержку. Востребованность в данных специалистах появилась еще во времена экономического кризиса конца двухтысячных. С тех пор спрос на профессионалов в этой сфере все время растет. Диалогу между бизнесом и государством обучают только за рубежом. Отечественные GR-менеджеры, как правило, происходят их среды PR-специалистов или юристов.

Экономический психолог – с учетом постоянного роста и расширения экономики, товарно-денежные отношения стали одним из базисов современного общества. Множество крупных компаний имеют в своем штате психологов,

¹ Воробьева А.Г. Анализ профессиональных предпочтений и востребованности профессий на рынке труда в рамках реализации целевых индикаторов стратегии инновационного развития Российской Федерации // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 36–41.

² Вайсбург А.В. Инновационные технологии профилактики профессионального выгорания среди представителей профессий «человек – человек»: социологический анализ // Развитие науки и техники: Механизм выбора и реализации приоритетов. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. – С. 146–147.

в том числе и экономических. Это люди, которые занимаются «прохладной» частью социальной психологии и рассматривают коллектив с точки зрения экономических процессов. Специалисты помогают компаниям понять многое о процессах производства, потребления и распределения ресурсов. Главная их задача – это обосновать с точки зрения психологии, почему потребитель покупает товары и услуги, какова его мотивация, как можно увеличить спрос. Если маркетологи отвечают на вопрос: «как продать?», то экономические психологи отвечают на вопрос: «почему покупают?». В России по этой профессии не готовят специалистов, максимум, на что можно рассчитывать – это факультатив или краткий спецкурс.

Профессионалы в сфере альтернативной энергетики – в развитых странах давно ведутся исследования по поиску и внедрению возобновляемых энергоресурсов. Угольная, газовая и нефтяная энергия считается опасной и вредной для окружающей среды, поэтому мелкими шагами она отходит в небытие, уступая место новым источникам. Исландия обеспечивает себя энергией за счет возобновляемых ресурсов на 95%. В Испании широкое распространение получила ветроэнергетика, а в Канаде популярно применение водной энергии. Специалисты, которые занимаются новыми источниками энергии, востребованы и у нас. В России при нескольких научных центрах ведутся исследования в этой сфере. Однако ни в одном из наших вузов не предусмотрен соответствующий факультет или кафедра.

Управляющий в медицинской сфере – он же медицинский менеджер. Это человек, который занимается решением множества непростых вопросов. Например, как подготовить и выпустить на рынок новый медикамент. Также он должен позаботиться о том, чтобы предоставить людям качественное лечение в краткие сроки и при этом увеличить пропускную способность регистратуры и так далее. В России такая профессия – редкость. Обычно она предусмотрена в крупных клиниках, чаще всего платных, а вот в зарубежных вузах можно получить образование по специальной программе менеджмента в медицинской сфере.

Специалист по наномедицине – это высококвалифицированный медработник, который занимается исследованием, а также применением нанотехнологий для лечения людей. Самой прогрессивной страной в плане разработок в этой области является США. Там же можно получить соответствующее образование. В нашей стране исследования также идут полным ходом, однако с подготовкой кадров есть трудности. В медицинских вузах не хватает нужного оборудования, как правило, дорогого и редкого.

Специалисты в сельскохозяйственной генной инженерии – с каждым годом население нашей планеты увеличивается, но демографический рост не всегда и не везде совпадает с ростом производства. Из-за этой проблемы от голода гибнет множество взрослых и детей по всему миру. Поэтому сельское хозяйство нуждается в специалистах, которые сделают продукты лучше, а также выведут новые сорта растений, уменьшат площадь засева полей, снизят цены на сырье и так далее. Все это задачи генной инженерии, которая получила широкое распространение в странах Европы и Северной Америки. Там уже давно обучают специалистов по данному профилю¹.

Сегодня хороший специалист выбирает между несколькими компаниями, детально погружаясь в то, какие задачи предстоит решать, кто будет его руководителем, какие есть перспективы в плане профессионального и карьерного роста. Спрос на айтишников только растет, вместе с тем растет и уровень предлагаемой заработной платы. При этом с развитием технологий все время появляются новые востребованные специальности.

По данным портала HH.ru, 38% общего объема вакансий занимают вакансии, связанные с программированием и разработкой. Самые высокие зарплаты по-прежнему у java- и python-разработчиков: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Перми, Самаре и Омске, в Нижнем Новгороде, Челябинске, Уфе и Красноярске зарплата чуть ниже, меньше всего зарплата разработчиков Ростова-на-Дону и Волгограда².

Еще одна мегавостребованная (по данным HR-компаний) профессия — менеджеры по продажам, и у нее дела откровенно не задалось: во-первых, в государственных вузах такой специальности в чистом виде нет, вместо нее фигурирует «торговое дело», по которому стандарты образования были прописаны десять, а то и двадцать лет назад. Во-вторых, работать менеджером по продажам по-прежнему не престижно – так считают соискатели и их потенциальные партнеры, руководители фирм, наученные горьким опытом нулевых, когда менеджерами представлялись мошенники. Но есть и хорошие новости: менеджером, в отличие от IT, можно устроиться с любым дипломом: если вы умеете продавать, на работу вас возьмут даже с корочками сварщика или учителя биологии. Хорошие специалисты получают зарплату выше рыночной – это не секрет, но отыскать их в кадровом хаосе порой не под силу даже опытным хантерам.

Огромная образовательная машина не сможет быстро перестроиться: стандарты под эту профессию нужно постоянно переписывать, а вузам с их фундаментальным строем и привычкой проводить согласования на разных уровнях – от внутреннего до министерского – делать это тяжело. Нужен прорыв в образовании, но его нет и неизвестно, когда будет.

Продавать будущие менеджеры учатся или в частных вузах, или на специальных курсах.

Есть еще один нюанс: «хлеб» менеджеров по продажам стали забирать вездесущие айтишники, которые предложили миру автоматизированных помощников. Любая продающая фирма может записать через программу скрипты продаж, программа подключается к сайту, и далее с клиентом общается робот – всё как на «Али Экспресс», где автоматизированные помощники обрабатывают 98% обращений. Но экстренная автоматизация – история пока не про Россию, в ближайшие десять лет менеджеры по продажам по-прежнему будут в цене.

¹ Зубенко Н.В., Ланская Д.В. Сущность и особенности инновационной экономики знаний, влияющие на становление новых рынков труда и профессий // Экономика знаний в России: От генерации знаний и инноваций к когнитивной индустриализации. Материалы IX Международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Ермоленко, М.Р. Закарян. 2017. – С. 127–136.

² Габитов Т.И. Проблемы выбора профессии в условиях инновационной экономики // Начало в науке Материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, студентов, магистрантов и аспирантов / Отв. ред. Р.Р. Ахунув. 2014. С.7–8.

В России мы все так же покупаем не товар или услугу, а человека: заказчик будет общаться с роботом, но периодически будет обращаться к менеджерам или руководителям – чтобы поболтать или даже успокоиться.

От популярных и непыльных отраслей не отстает и российское производство: заводы сегодня делают всё, чтобы вытащить на новый уровень престиж рабочей профессии. Это видно по инженерным конкурсам (самый раскрученный из них – WorldSkills), где соревнуются ученики колледжей, техникумов и студенты вузов, а также по «Иннопрому» и прочим выставкам, где инновационные станки выставлены в ряд, и любой желающий, в том числе будущий техник или инженер, может узнать, как всё работает.

Заводы предлагают человеческий график и соцпакет с тринадцатой зарплатой, медицинским обслуживанием и прочими бонусами, а если будущий сотрудник недостаточно опытен – обучение. Например, трубный гигант ЧТПЗ фактически построил свою систему инженерного и металлургического образования сразу в трёх городах – Челябинске, Первоуральске и Альметьевске. В специальных образовательных центрах, укомплектованных станками, 3D-принтерами и тренажерами, упражняются ученики техникумов и вузов. После таких тренировок они становятся готовыми сотрудниками цехов. Выпускников и молодых специалистов отправляют в программу «Стажеры». Большинство участников, по словам представителей завода, остаются работать у них.

Однако присматриваться к рабочим профессиям будущие студенты вузов не спешат – об этом говорят данные опроса Министерства просвещения РФ, который проводился среди абитуриентов. На первом месте – юристы, социологи, психологи и журналисты.

Мечты абитуриентов разбивает сухая статистика порталов по поиску работы: сегодня проще устроиться таксистом, чем юристом.

В сфере «Транспорт и автобизнес» количество вакансий за последние годы выросло минимум в два раза. Это связано с появлением мобильных приложений по вызову такси. Любой, у кого есть автомобиль, может зарегистрироваться водителем и работать в удобное время.

Возвращаются к прежней динамике сферы строительства, логистики, начинают работать новые предприятия, открываются точки общепита. Стране нужны официанты, строители и водители – вакансий на эти должности в избытке¹.

Если вы не разработчик и не менеджер по продажам, то на первом же после вуза собеседовании столкнетесь с проблемой отсутствия опыта. Даже если повезет устроиться на хорошее место, имея на руках только диплом, зарплата, скорее всего, будет серьезно уступать той, которую вчерашний студент видел в светлых мечтах. Разница между доходом новичков и опытных специалистов особенно заметна в маркетинге, рекламе и PR.

Слово «опыт» соискатель и работодатель могут понимать по-разному: если первый воспринимает его как несколько лет работы по специальности, то для второго это больше компетенции, которым молодого сотрудника не обучат в вузе.

Работодателю нужно, чтобы человек умел работать в команде, управлять проектами, но этому вузы не учат. У нас не учат тайм-менеджменту, ведению переговоров и управлению стрессом, именно эти компетенции работодатели называют «опытом».

Если мириться с низкой зарплатой молодой специалист не хочет, он может вложиться в свое образование еще раз и пройти курсы повышения квалификации или вовсе сменить профессию – в России в последние годы открылось много частных школ, которые учат тому, что действительно нужно рынку сейчас и в будущем².

Эксперты предсказывают дробление: из SMM-менеджера уже сегодня получаются три-четыре полноценных профессии.

Специалисты уверены, что в ближайшие годы айтишников и менеджеров потеснит digital: на рекламу в Интернете компании уже тратят солидные деньги, и их интересы только растут. Однако специалистов, которые будут качественно выполнять заказы, в агентствах нет: вузы не учат SMM и веб-дизайнеров, поэтому ребята, которые хотят прокачать навыки в этой сфере, либо уезжают за границу, либо тратят деньги на частную школу.

В digital-сфере профессии начинают узко специализироваться: еще два года назад было достаточно SMM-менеджера, сегодня его задачи выполняют сразу трое: копирайтер составляет планы и пишет тексты, таргетолог настраивает рекламу в Интернете, дизайнер занимается визуалом. Одно питерское агентство сейчас ищет менеджера по сториз в Instagram, и уже понятно, что, если эта профессия не станет эффективной через какое-то время, она трансформируется во что-то другое.

Совершенно другое будущее представляют ученые из Сколково: в 2015 году они опросили 2,5 тысячи российских и зарубежных специалистов и составили «Атлас профессий будущего». Так, по мнению инноваторов, рынок труда изменится до неузнаваемости уже к 2020 году: менеджеров и бухгалтеров сместят дизайнеры эмоций и кибертехники умных сред. Достанется и айтишникам – их профессии, подобно digital-сфере – будут раздроблены на новые отрасли: появятся киберследователи, IT-проповедники, сетевые юристы, которые будут заниматься исключительно защитой человека и его собственности в Интернете, а также конструкторы роботов. Выйдут из тени аграрии – тех, кто любит ковыряться на грядках, будут с гордостью называть сити-фермерами.

¹ Страдзе А.Э. Инновационные модели подготовки – основа современной образовательной деятельности // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Общая редакция: А.Э. Страдзе, Редколлегия: В.Г. Никитушкин, Г.Н. Германов, И.И. Столов. 2017. – С. 5–7.

² Резник Е.П., Авдеева Е.С., Резник А.Е. Стратегические профессии как основа долгосрочной конкурентоспособности в инновационной экономике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. – Т. 11, № 3. – С. 178–186.

Поверить в это пока сложно, но некоторые черты профессионального мира будущего уже вырисовываются: режиссеры индивидуальных туров, которых в Сколково нам обещали к 2020 году, уже подстраиваются под элитную касту туристов и придумывают им сценарии путешествий; сельскохозяйственных диетологов в чистом виде нет, однако есть тренд на фермерские продукты. Главное, чтобы высшее образование успевало за этими прогнозами.

Еще в начале XIX века слово «трудящийся» означало человека, в поте лица работающего на фабрике или пахущего землю. Уже в XX веке само понятие труда стало меняться, а в нынешнем столетии от традиционного взгляда остались почти одни воспоминания. Вместе с привычным взглядом на труд уходит уверенность в будущем: на кого учиться самому и учить детей, какие навыки приобретать, какую жизнь планировать для себя?

Самый «штучный товар» на рынке труда – профессионалы в вопросах информационной безопасности. Поэтому зарплаты спецов, обеспечивающих кибербезопасность, могут «плясать» от полумиллиона рублей.

По аналитическим данным союза «Молодые профессионалы», проанализировавшего данные отборочных чемпионатов по профмастерству среди студентов вузов, бесспорный лидер по востребованности – специальность веб-разработчика, на второй позиции – предпринимательство, на третьей – инженерный дизайн CAD (системы автоматизированного проектирования).

Т.к. виртуальная реальность стремительно развивается, специалисты в этой сфере востребованы. Появляются в России и совсем пока экзотические профессии, устремленные в будущее, причем хорошо оплачиваемые уже сейчас: разработчик виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности (зарплата – от 50 тыс. рублей), менеджер по применению робототехники в искусстве (примеры проектов: беспилотник, рисующий картины, автоматизированное световое шоу из костюмированных дронов; зарплата – от 70 тыс. рублей), биогеронтолог (сбор и анализ данных о здоровье клиента, составление индивидуальных рецептов продления жизни с использованием искусственного интеллекта; зарплата — от 120 тыс. рублей), кибер-криминалист (выявление киберпреступлений и преступников; 60–120 тыс. рублей), архитектор системы искусственного интеллекта (60–300 тыс. рублей)¹.

Мы, как и все человечество, входим в период Четвертой промышленной революции – эру «зеленой» энергетики, распределенной генерации, аккумуляции и транспортировки возобновляемой, неисчерпаемой энергии, таких же повсеместных источников информации, экономики сотрудничества, взаимопомощи и обмена, криптовалют, вездесущего Интернета и – на его основе – «больших данных» и «облачных» хранилищ, управляемых с их помощью «умных» жилищ и городов, новых материалов с небывалыми свойствами 3D-печати, нанотехнологий, геной инженерии, киборгов и искусственного интеллекта, робототехники, беспилотного транспорта, виртуальной реальности и цифрового бессмертия. Эти и многие другие «чудеса» изменят нашу жизнь и наш мир до неузнаваемости, причем совсем скоро. Естественно, ключевым образом трансформируется и рынок труда.

По данным, приведенным в книге президента Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция», о будущем могут не беспокоиться, например, хореографы, антропологи и археологи. Авторы книги «Вторая эра машин» Эрик Бриньолфсон и Эндрю Макафи успокаивают сантехников, поваров, дантистов, HeadHunter – электриков, а также программистов, разработчиков мобильных приложений и игр. Другие эксперты, ссылаясь на исследование кадрового агентства «Юнити», дают как минимум пять лет технологам пищевого производства, биохимикам, финансовым аналитикам и стратегам в сфере поиска и управления персоналом. Психолог или психолог не станет интерфейсом в ближайшем будущем или вообще никогда. В этой области машинное обучение в нынешнем виде ломается. Этика запрещает психологам писать сессии, значит, не на чем учить машину. В психологии и психиатрии вообще нет шансов внедрить хоть какое-то машинное обучение. Соответственно, то же можно сказать, к примеру, о воспитателях и следователях. Также в реестре живучих профессий – массажисты, философы, социологи, филологи.

Чтобы выжить, профессиям «с биографией» приходится приспосабливаться и эволюционировать.

Появление беспилотного транспорта породило новые профессии.

Бесспорно, перспективны юные, только становящиеся массовыми профессии: биоинформатик и биоинженер, геной инженер, разработчик искусственного интеллекта и нейросетей, инженер-робототехник, нейропсихолог, эксперт по облачным вычислениям, инженер по солнечной – и вообще альтернативной – энергии, агрокибернетик, проектировщик «умной» среды, инженер 3D-печати и разработчик материалов для нее, пилот дрона. Развитие беспилотного транспорта породило профессии маркировщиков реальности (они «переводят» для беспилотников сотни километров дорог и тысячи часов видеосъемок объектов вдоль них; в одной только Индии этим заняты сотни тысяч работников, получающих за монотонный труд по 200 долларов в день) и разработчиков соответствующего программного обеспечения².

Как видим, «в живых» останутся профессии, связанные с исследованием, воображением, инноваторством и изобретательством, пластикой и мелкой моторикой, сложными коммуникациями, интуицией и подтекстом, умением принимать решения в условиях неопределенности и многозадачности, экспромтом – те, которые присущи исключительно человеку и недоступны машине, какой бы человекоподобной она ни была.

В то же время огромное количество традиционных профессий, прежде всего связанных с рутинным, алгоритмируемым трудом, неважно, интеллектуальным или физическим, под угрозой замены автоматами и сетями, в этом ряду и те, что на данный момент считаются престижными: это библиотекари и архивисты, почтальоны и курьеры, клерки, диспетчеры и работники регистратур, кассиры и кондукторы, рекламщики, продавцы товаров, услуг и объек-

¹ Пашкус Н.А. Российская система образования в условиях инновационной экономики: Проблемы государственной политики в сфере подготовки кадров // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. 2016. – Т. 7, № 2. – С. 265–281.

² Устинова К.А. Параметры, влияющие на инновационную активность населения // Эпоха науки. 2018. – № 16. – С. 139–141.

тов, ретейлеры и торговые представители, маркетологи и мерчендайзеры, страховые агенты, аналитики и консультанты, чиновники, фискалы, администраторы, секретари, рекрутеры и кадровики, бухгалтеры, аудиторы, юристы, адвокаты, нотариусы, переводчики, корректоры, нефтяники и горняки, работники обрабатывающих и конвейерных производств, строители, водители и машинисты, грузчики, охранники, полицейские, агрономы, уборщики и пр.

По некоторым прогнозам, через 6–7 лет машины заменят в России каждого четвертого работника. Счет потерь идет на миллионы и даже десятки миллионов рабочих мест. Есть статистика, согласно которой через 15 лет без работы останутся около 15–20% всего работающего населения (примерно 10–15 млн. человек). По другой статистике на 100 исчезающих рабочих мест создаётся только одно.

В список некоторых из нарождающихся профессий входят: энерго-инноватор (изобретение хранилищ и способов транспортировки возобновляемой энергии), архитектор энергоуэлевых домов (самостоятельно обеспечивающих себя энергией), энергоаудитор (устранение энергопотерь и оптимизация энергопотребления), экоаналитик в строительстве (снижение воздействия жилых, бизнес- и промышленных объектов на окружающую среду), дизайнер носимых энергоустройств (одежды, обуви, аксессуаров, украшений, генерирующих энергию), сити-фермер (производство сельхозпродукции на крышах зданий), оператор автоматизированной сельхозтехники, эколог-оптимизатор (восстановление видов растений и животных, экосистем), специалист по преодолению системных экологических катастроф (загрязнения атмосферы, сокращения площади лесов, глобального потепления, опустынивания и т. д.), экопроповедник, координатор образовательных Онлайн-платформ, тьютор и игропедагог, digital-комментатор культурной среды («переводчик» устаревших произведений литературы и искусства на современный «язык» восприятия), режиссер индивидуальных туристических маршрутов, разработчик персональных пенсионных планов, аналитик данных Интернета вещей (интерпретация «больших данных»), специалист по хранению памяти (очистка перегруженной человеческой памяти), дизайнер тела (индивидуальное протезирование), эксперт по робоэтике (юристы нового поколения – посредники в конфликтах людей и роботов), учителя, трэвел-агенты, медсестры, хирурги... для роботов.

Вслед за отечественными педагогами, социологами, психологами добавим: быть успешным сегодня – значит быть открытым, восприимчивым к новизне, любознательным, с тягой к постоянному обучению, адаптивным, стрессоустойчивым, с быстрой реакцией, внимательным, с цепкой памятью, мыслящим критически и нестандартно, способным к исследованию, изобретательству, проектированию, инициативным, воодушевляющим, предприимчивым, общительным, этичным – ответственным, пунктуальным, честным, доброжелательным, «человеком команды». Плюс обязательные навыки программирования: в XXI веке не обладать ими все равно что в прошлом не уметь читать и писать. Ну, а главное – почувствовать самому или дать почувствовать ребенку, к чему «лежит душа». Причем до возраста 12 лет, когда, как считают ученые, выключается генетическая программа обучения¹.

Современные исследователи инноваторов утверждают, что в наше время перед этими людьми стоит задача повышенной сложности: им необходимо все знания, опыт, энергию и силы вкладывать в то, чтобы изобрести новое и реализовать его. Однако это далеко не единственное задание – мало создать до сих пор неизвестное, необходимо ещё достойно презентовать его обществу и доказать, что представленный проект не только оригинальный и интересный, но ещё и полезный. Инноватору приходится тратить своё время, силы, нематериальные средства, а также деньги на то, чтобы окружающие его люди признали состоятельность идеи. Как правило, для достижения цели такой человек не ищет лёгких путей. Поэтому он становится искателем, стремясь сделать внезапную мысль осязаемой и понятной многим. Кроме того, людям в XXI веке приходится сложнее, чем их предшественникам, – кажется, что всё уже изобретено, и по-настоящему удивить человечество трудно. Поэтому для достижения успеха им следует не бояться проявлять фантазию и постоянно экспериментировать.

¹ Кряклина Т. Ф. Инновационные технологии и компетенции, востребованные экономикой знания // Экономика устойчивого развития. 2017. – № 2 (30). – С. 322–326.

Дарманян А.П.¹

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: цифровая экономика, математические модели, нормальность распределения, авторегрессионная модель.

В век цифровой экономики на первый план выходит проблема формирования адекватных математических моделей, называемых часто «эконометрическими», которые описывают различные экономические процессы и явления [1]. Действительно, от качества таких моделей зависит достоверность выявления экономических закономерностей и тенденций, и что самое важное, качество прогнозирования выявленных тенденций на ближайшее будущее. Однако общеизвестно, что прогнозы часто не сбываются. По мнению известного британского экономиста Д. Хэндри (D. Hendry), прогнозы часто не сбываются по ряду причин, из которых, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие две: «плохое качество математической модели» и «неверные данные» [2]. Рассмотрим эти причины отдельно.

«Неверные данные». Для формирования математических моделей очень часто используют средние значения экономических показателей, вычисленные на основе статистического анализа эмпирических выборок, которые представляет Росстат [3]. Однако, если учесть, что эти выборки публикуются минимум с опозданием 1,5 года, то этот фактор во многом лишает актуальности использованных данных. Но более серьезным недостатком исходных данных является отсутствие нормальности распределения эмпирических выборок, что по сути дела исключает возможность анализа средних значений анализируемых величин для построения математических моделей [4] и ставит под сомнение адекватность математических моделей с такими данными. Для примера на рис. 1 в среде Statistica 6.0 [5] показано электропотребление в городах ЮФО в 2017 г., так как этот показатель во многом отражает состояние экономики в регионе. Из графика распределения ясно видно, что нормальное распределение для этой эмпирической выборки не выполняется. Поэтому невозможно правильно оценить среднее значение электропотребления в ЮФО и нельзя провести сравнение экономической ситуации по этому показателю с другими Федеральными округами.

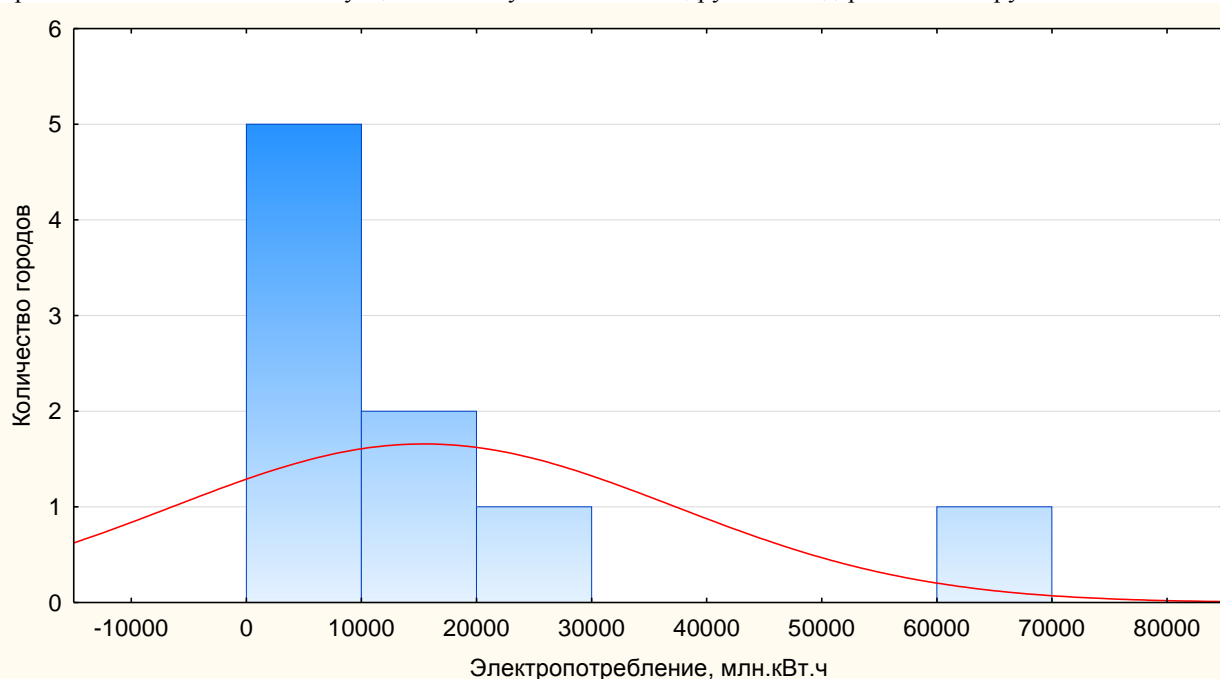

Рисунок 1.

Сравнение эмпирического распределения электропотребления (млн. квт. ч) в городах ЮФО с нормальным распределением (сплошная линия на графике)

На рис. 2 показано эмпирическое распределение среднемесячной заработной платы в регионах РФ в сравнении с нормальным распределением, из которого ясно видно, что нормальное распределение для такой выборки не выполняется, и поэтому использование средних значений данной величины для всей РФ не корректно и мало информативно.

¹ Дарманян Анатолий Петрович, д.т.н., профессор, Волгоградский государственный аграрный университет.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что использование средних значений эмпирических выборок в качестве исходных данных математических моделей для описания экономических явлений значительно снижает качество этих моделей и может быть одной из причин ошибочного экономического прогноза.

«Плохое качество математической модели». Выбор типа математической модели для описания экономического явления также важен ввиду того, что модель должна не только отражать используемые статистические данные, но и иметь ясную интерпретацию, что облегчит ее дальнейшее использование для целей прогнозирования. В этой связи следует отметить, что формирование очень сложных математических моделей, хотя и облегчено в настоящее время благодаря различным программным продуктам, но зачастую не оправдано ввиду трудностей с экономической интерпретацией тенденций экономических явлений. Так использование нелинейных математических зависимостей не позволяет разумно интерпретировать, например, фактор времени в какой-либо степени (показательные, степенные, логарифмические и прочие сложные модели).

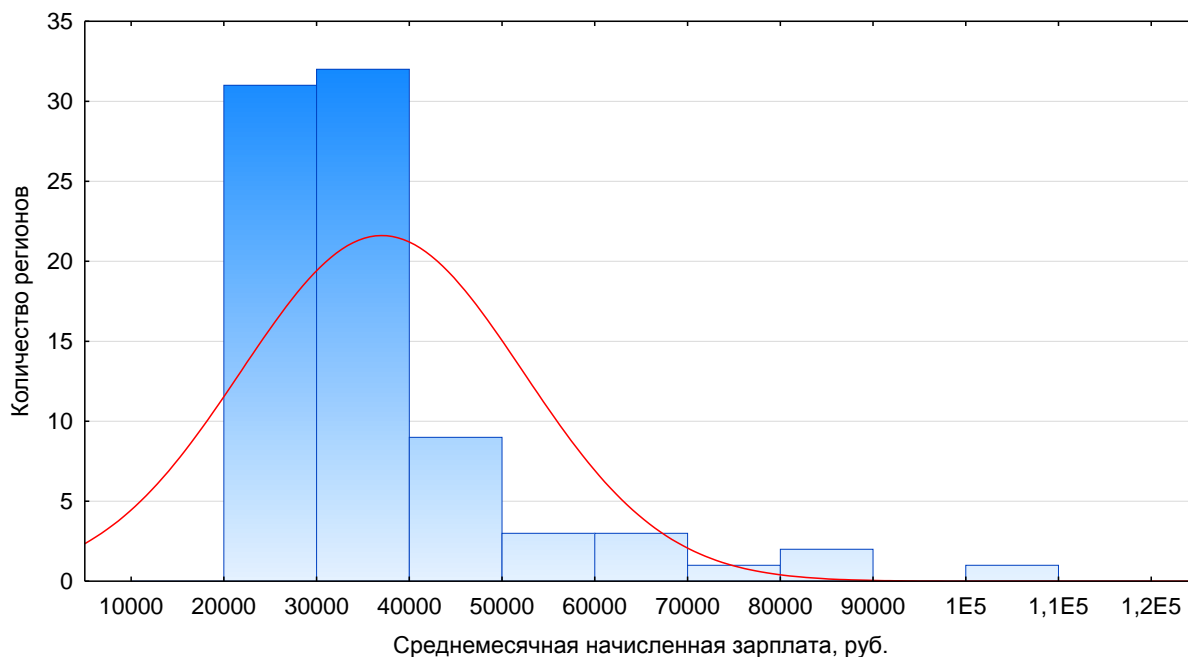

Рисунок 2.

Сравнение эмпирического распределения среднемесячной начисленной заработной платы (руб./чел. месяц) в регионах РФ с нормальным распределением (сплошная линия на графике)

Поэтому для описания тенденций экономических явлений в периоды отсутствия экономических аномалий и кризисов целесообразно использовать более универсальные и простые по интерпретации математические модели, которыми, на наш взгляд, являются авторегрессионные модели, например, модель второго порядка типа [1]:

$$Y_t = a_0 + a_1 * Y_{t-1} + a_2 * Y_{t-2},$$

где a_0, a_1 и a_2 - параметры модели; Y_t, Y_{t-1} и Y_{t-2} — значения анализируемой величины в моменты времени $t; t-1$ и $t-2$, соответственно.

Основное преимущество данной модели в том, что каждое текущее значение величины Y_t , по сути дела, корректируется в течение всего временного периода за счет использования в модели значений этой же величины только за предыдущие периоды времени. Авторегрессионная модель первого порядка была успешно применена автором в работе [6] для описания и прогнозирования тенденции стоимости кв. метра строительства жилья в РФ.

Список литературы

1. Дарманян А.П. Экономико-математические методы и модели. Учеб.-методич. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2013. – 126 с.
2. Hendry D. Forecasting Economic Time Series. – Cambridge, 1998. – 520 p.
3. Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>
4. Дарманян А.П. Новые подходы к статистическому расчету и анализу макроэкономических индикаторов // Современная экономика: проблемы и решения, 2013. – № 3. – С. 129–135.
5. Халафян А.А. STATISTICA 6. Статистический анализ данных, 3-е изд. Учебник. – М.: ООО «Бином-Пресс», 2007. – 512 с.
6. Дарманян А.П., Филиппов М.В. Прогнозирование стоимости жилищного строительства в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. – № 2 (23). – С. 120–123.

Ибрагимова Р.С.¹

ВЫЯВЛЕНИЕ И ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ИННОВАЦИОННОГО И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ²

Ключевые слова: стратегические приоритеты, инновационное развитие, текстильная промышленность.

Keywords: strategic priority, innovative development, textile industry.

Текстильная отрасль является важной структурной составляющей отечественной обрабатывающей промышленности. Эта отрасль, вносящая в прошлом существенный вклад в экономику страны, в настоящее время испытывает серьезные трудности, не выдерживая конкуренции не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. К одной из острых проблем, порождающей негативные эффекты функционирования отечественных предприятий отрасли, относится низкий технологический уровень текстильного производства. Состояние текстильной промышленности усугубляется высокой степенью износа основных фондов. Доля оборудования со сроком службы до 10 лет составляет 37%; от 11 до 20 лет – 24%; более 20 лет – 39%³. Развитие текстильной промышленности во многом зависит от конкуренции на мировом рынке. Емкость мирового рынка текстильной продукции в последнее десятилетие увеличивается ежегодно в среднем на 4,4%, что открывает новые возможности для его игроков⁴. Рост глобального рынка обеспечивается увеличением населения земного шара, повышением уровня потребления на душу и появлением новых потребностей в инновационном текстиле. Прорыв на отраслевом рынке возможен только на основе концептуально новых моделей роста отрасли по сравнению с традиционными, исчерпавшими свои возможности в современном мировом хозяйстве. Концептуальный выбор приоритетных направлений отраслевого развития должен быть сопряжен с наиболее значимыми факторами производства. Цель нашей работы заключается в исследовании возможностей долгосрочного роста текстильной и швейной промышленности России за счет достижений технического прогресса как фундаментального фактора развития и конкурентоспособности этих отраслей.

Большой вклад в теорию нового роста внес американский исследователь П. Ромер (1986), обосновавшим эндогенную модель экономического роста, центральным фактором которой являются технологические изменения, осуществляемые людьми целенаправленно, при этом уровень технологического развития прямо пропорционален вкладываемым ресурсам. Способность развитых стран поддерживать высокие темпы роста П. Ромер объясняет вложениями в технологии, повышающие доходность инвестиций. Инвестиции увеличивают ценность технологий, а технологии усиливают ценность инвестиций, что способствует экономическому росту⁵. Фундаментальная модель эндогенного роста П. Ромера, описывающая структурные изменения экономической системы, связанные с появлением новых технологий и продуктов, имеет прикладное значение для формирования стратегий долгосрочного развития отраслей промышленности.

В рамках проведенного нами исследования разработан методологический подход к решению задач управления текстильной промышленностью, научной новизной которого является интеграция концепций экономического потенциала и Форсайт-технологии в системе методов стратегического управления предприятиями, отраслями и комплексами⁶. «Форсайт» рассматривается нами как система методов оценки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявления технологических прорывов, способных оказать существенное воздействие на экономику хозяйственного субъекта в средне- и долгосрочной перспективе.

Потенциал промышленных предприятий отрасли расценивается как система взаимосвязанных элементов, основными составляющими которой являются научно-техническая база, технология и производство, маркетинг, логистика, финансы, персонал, организация и управление. В соответствии с этими элементами экономического потенциала предложено выделять для предприятий текстильной промышленности следующие векторы форсайт-исследований в целях формирования целостного образа желаемого будущего и определения способов его достижения:

¹ Ибрагимова Розалия Савиевна – д.э.н., зав. кафедрой экономики и организации предпринимательства, Ивановский государственный университет. E-mail: irozalia@hotmail.com

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-410-370004 «Прогнозирование и оценка стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития текстильной промышленности на основе форсайт-исследований».

³ Кичанов М. Легпром завтра // Эксперт. – М., 2016. – № 3. – www.expert.ru

⁴ Transparency Market Research. – <https://www.transparencymarketresearch.com/textile-market>

⁵ Romer P.M. Increasing returns and long-Run growth // Journal of Political Economy. 1986. – Vol. 94, October. – P. 1002–1037.

⁶ Ибрагимова Р.С., Головкин Д.С. Оценка экономического потенциала текстильной промышленности на основе концепции foresight // Современные наукоемкие технологии. 2018. – № 4. – С. 128–140.

1. Отраслевые научные достижения. Новые материалы и изделия из них. Новые инструменты проектирования, конструирования и дизайна.
2. Прорывные технологии текстильного и швейного производства.
3. Мировые тренды отраслевого рынка. Новые потребности, тенденции изменения моделей поведения покупателей под влиянием цифровой трансформации отраслей экономики. Новые инструменты и методы маркетинговой деятельности.
4. Будущее логистических систем и технологий.
5. Новые компетенции и знания. Будущее системы профессионального образования. Социальная экосреда предприятий.
6. Прогрессивные бизнес-модели, организационно-управленческие системы, инструменты менеджмента. Модели интернационализации бизнеса. Тенденции кластерного развития отрасли.
7. Эффективные финансовые модели развития предприятий отрасли.
8. Целостный образ будущего предприятий текстильной промышленности.

В рамках отдельных векторов Форсайта исследованы закономерности развития текстильной промышленности в условиях глобализации экономических процессов и вызовов четвертой промышленной революции (1-й, 2-й и 3-й векторы Форсайта). Выявлено, что из-за недостаточных объемов инвестиций в технологические инновации на протяжении длительного периода времени (с начала 1990-х гг.) технологическое отставание российских производителей от компаний ведущих стран-игроков глобального рынка текстиля (Китая, Индии, Бангладеш, Вьетнама, США, Италии, Германии) только увеличивается и становится критическим. Для прорывного развития российских производителей текстильной продукции обоснована необходимость применения эндогенных моделей экономического роста отрасли. Сделан вывод о том, что для обеспечения возрождения текстильно-промышленного комплекса России и преодоления технологического отставания требуется существенный рост инвестиций в передовые технологии и инновации, создание фабрик будущего, инновационных платформ и кластеров, обеспечивающих взаимодействие всех участников процесса инновационно-технологического роста отрасли (6-й вектор Форсайта).

Концепция П. Ромера объясняет, как может происходить рост на основе передачи технологий и организационных инноваций между разными секторами экономики. Экономика страны растет, потому что компании одних секторов служат лидерами для компаний других секторов, диффузия передовых технологий обеспечивает устойчивую динамику развития.

Создание инновационной продукции в текстильной и швейной промышленности основывается на межотраслевой кооперации с химической промышленностью, IT-сектором, машиностроением, материаловедением и др. Применение передовых технологий различных секторов и создание инновационной продукции способствует комплексному развитию, открытию новых сфер использования продукта и долгосрочному росту эффективности отрасли.

В мировой текстильной индустрии инновационная деятельность прежде всего связана с новыми областями применения продукта, например, легкие композитные материалы для строительства, «умный текстиль» для медицины, функциональные ткани для спецодежды, материалы для аэрокосмической отрасли, гибкие материалы для трубопроводного транспорта, кастомизированная «умная одежда» и др.

Заметной тенденцией мирового рынка является ускорение темпов роста производства высокотехнологичного технического текстиля, которые опережают темпы традиционного текстиля более чем в 1,5 раза. В настоящее время доля технического текстиля в общем объеме мирового выпуска продукции составляет примерно 40–50%¹. Россия имеет благоприятные условия для успешного функционирования в этом сегменте рынка в связи с наличием в стране развитого нефтехимического комплекса, способного полностью обеспечить потребность в сырье. Для развития отрасли в этом аспекте необходимо ускорить создание и введение в эксплуатацию новых полиэфирных предприятий, а также осуществить реконструкцию действующих производств по выпуску синтетических волокон.

По оценкам экспертов, мировой рынок «умного текстиля» в ближайшие время будет расти в среднем на 30% ежегодно, что обусловлено широким распространением нанотехнологий. В отчете исследовательской компании Transparency Market Research отмечено, что к 2023 году рынок «умного текстиля» составит примерно \$7,7 млрд. (для справки: в 2014 г. он был на уровне \$ 0,7 млрд.).

Национальная ассоциация предприятий текстильной и легкой промышленности (НАПТЛП) и АО «Текстиль-экспо» запустили в 2017 году новый проект Тренд-Холл «Новые и новейшие технологии в текстильной и легкой промышленности», нацеленный на представление и соединение всех процессов производства, новых и новейших технологий и материалов на одной площадке. С начала действия проекта в Тренд-Холле было представлено немало разработок российских компаний и научных центров в группе «умные и функциональные ткани и волокна»: ткани с покрытиями и мембранами для верхней одежды с непромокаемыми свойствами; соединения различных по фактуре тканей (бондинг), позволяющие достичь более высокого температурного комфорта; огнестойкие материалы; аксиальные полотна для современных композиционных материалов; ткани с комплексом защитных свойств от агрессивных сред и нефтепродуктов; гипоаллергенная и несминаемая пряжа и др. Экспонаты Тренд-Холла свидетельствуют о высоком научно-техническом потенциале в области материаловедения в нашей стране.

Российские производители начинают осознавать преимущества кастомизации (персонализации) продукции как ключевого фактора конкурентоспособности. Примерами таких предприятий являются компания «Текстайм», которая производит ткань под любые потребности заказчика, по любым требуемым показателям, с использованием как сырья

¹ Transparency Market Research. – <https://www.transparencymarketresearch.com/textile-market>

самого заказчика, так и собственного, индивидуально подобранного; компания «Роллтекс» по специальным заказам клиента дорабатывает продукцию (оборудование для легкой промышленности).

Учет требований глобального рынка, связанных с персонализацией, сокращением времени проектирования, производства и вывода продукта на рынок, может быть обеспечен на основе цифровой трансформации текстильной и легкой промышленности. По оценкам Всемирного экономического форума, цифровизация существенно повышает потенциал для бизнеса и общества и может принести дополнительно более 30 трлн. долл. США доходов для мировой экономики в течение ближайших 10 лет (до 2025 года)¹.

Наиболее приемлемым подходом к цифровой трансформации текстильной и швейной промышленности является процессная модель, основывающаяся на рассмотрении промышленности как производственной цепочки от разработки продукции до ее продажи и сервисного обслуживания. В соответствии с этапами цепочки создания ценностей можно выделить следующие элементы цифровой трансформации:

- цифровой R&D центр;
- цифровая фабрика;
- цифровой склад и цифровой транспорт;
- электронная торговля;
- цифровые услуги.

Инструментальная поддержка цифровой трансформации текстильной промышленности может обеспечиваться сетями трансфера передовых технологий и сетями промышленной кооперации и субконтрактации.

В основе цифровой трансформации текстильной промышленности должны быть так называемые «фабрики будущего». В России одним из инструментов государственной поддержки развития передовых производственных технологий является программа «Национальная технологическая инициатива (НТИ)», в центре внимания которой находится создание фабрик будущего. В терминологии дорожной карты «Технет» этой программы, под «фабриками будущего» понимают «системы комплексных технологических решений, которые обеспечивают в кратчайшие сроки проектирование и производство глобально конкурентоспособной продукции нового поколения»².

Фабрика будущего состоит из трех частей (цифровой, «умной» и виртуальной фабрик), каждая из которых представляет собой стадию цепочки создания добавленной стоимости и определенный набор инструментов. Цифровая фабрика охватывает процессы от проектирования до создания прототипа изделия. Ключевыми технологиями, используемыми на этом этапе, являются технологии цифрового проектирования, аддитивные технологии, Big Data, искусственный интеллект и др. «Умная» фабрика связана с проектированием производственного процесса, с помощью ее технологий (робототехники, автоматизированных систем управления, промышленного интернета, сенсорных датчиков и др.) ускоряется производственный процесс и повышается производительность. Виртуальная фабрика создает единое информационное поле для всех участников цепочки добавленной стоимости, что обеспечивает прозрачность всего процесса, ускоряет коммуникации как внутри компании, так и с партнерами.

В настоящее время в нашей стране и за рубежом имеются реальные примеры диффузии современных передовых технологий в текстильное и швейное производство, что может быть основой для создания фабрик будущего. Можно выделить следующие уже действующие технологии в сфере цифровой трансформации текстильной и швейной промышленности: роботизированные технологии на швейных предприятиях; цифровое проектирование и моделирование текстильных и швейных изделий; 3D-печать нетканых материалов и одежды; цифровая печать в отделочном производстве; интеллектуальные датчики в производственных линиях и «умных» материалах; автоматизация и интеграция производственных и управленческих процессов; технология предсказательной аналитики и Big Data для кастомизации текстильной и швейной продукции; машинное обучение и системы CRM для управления взаимоотношениями с заказчиками; e-коммерция и др.

При создании фабрик будущего используется платформенный подход, позволяющий объединить всех участников процесса проектирования, производства и распределения в своеобразную экосистему.

В России первую фабрику будущего в швейной промышленности в настоящее время создает компания «Фаберлик» в рамках дорожной карты «Технет». Проект находится в стадии развития. На этапе исследования и разработок внедряется технология цифрового проектирования одежды, с помощью которой формируются виртуальные модели, позволяющие существенно экономить финансовые и временные затраты, гибко менять ассортимент и персонализировать продукцию.

Создание фабрик будущего ставит новые задачи по формированию единых центров исследовательских разработок и развитию образовательных учреждений в аспекте подготовки специалистов нового поколения, которые обеспечили бы решение производственных задач на междисциплинарной основе.

В России имеются все предпосылки для цифровой трансформации текстильной промышленности: наличие стабильных научно-исследовательских центров (инжиниринговые центры Ивановского политехнического университета, Ивановского химико-технологического университета, Московского государственного университета технологии и дизайна, Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна и др.), а также появление крупных компаний, заинтересованных во внедрении инноваций и экспансии конкурентоспособной продукции на зарубежных рынках (например, корпорация «Нордтекс», Юнистайл Холдинг, Фаберлик, ООО «Ассоциация предприятий «ТДЛ», ОАО ХБК «Шуйские ситцы», ЗАО ПГ «Роско», ВТФ «Тривел», ООО «Моршанская мануфактура» и др.).

¹ Transparency Market Research. – <https://www.transparencymarketresearch.com/textile-market>

² Дорожная карта «Технет». – <http://nti2035.ru/technology/technet>

Технологическая трансформация текстильной промышленности должна сопровождаться кардинальными институциональными преобразованиями. В нашем исследовании особое внимание уделяется роли государства в обеспечении прорыва в экономическом росте отраслей. В информационную эпоху компании действуют на основе интегрированных бизнес-процессов. Государство должно постоянно обеспечивать взаимодействие всех участников процесса инновационно-технологического роста отрасли, а также развитие инфраструктур, включая кластеры и технологические платформы.

Разработанный методологический подход к управлению потенциалом текстильной промышленности позволяет своевременно определять успешные сферы деятельности и направления развития, принимать стратегически целесообразные управленческие решения, обеспечивающие рост конкурентоспособности на глобальных рынках, учёт рисков и возможностей устойчивого роста, что формирует основу для перехода отрасли на качественно новую стадию развития.

Искакова Д.Е.

магистр экономики, директор ИП Business solution, Астана deyanira.iskakova@gmail.com

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЭНЕРГЕТИКЕ: МИРОВОЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАН

Ключевые слова: инновации, электроэнергетика, ВИЭ, проектное управление.

Keywords: innovations, electroenergetics, renewable sources of energy, project management.

Современный мир стоит на пороге VI технологического уклада, и мировая энергетика становится все более восприимчивой к инновациям. За последние десятилетия в энергетике мы наблюдаем несколько ведущих трендов как на технологическом, так и на управленческом уровне. К важным инновациям в этой сфере можно отнести следующие: глубоководная добыча нефти, добыча неконвенциональных газов (сланцевый газ, метан угольных пластов), добыча и хранение газа из газовых гидратов, новые технологии сжигания угля – технологии когенерации и комбинированного цикла, газификация угля и др. Появились прорывные технологии и в атомной энергетике (реактор ВР-1000, реактор серии БН на быстрых нейтронах и др.), ведутся исследования в области применения управляемого термоядерного синтеза, водородной энергетике в ведущих государствах мира.

В целях достижения независимости экономики от угля, нефти и газа и сохранения окружающей среды целый ряд государств осуществляют новую энергетическую политику с ориентацией на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). К примеру, с 2035 года в Дании планируется полный переход производства электроэнергии из ВИЭ. В Шотландии 70% выработки электричества приходится на ВИЭ, прежде всего на ветряные электростанции. Вся Европа и большинство государств мира планируют к 2050 г. обеспечить 100% переход энергетике на ВИЭ [1]. Таким образом, на глобальном уровне интерес к ВИЭ возрастает из-за увеличивающегося спроса на энергию, сокращения разведанных запасов ископаемого топлива, стремления правительств уменьшить зависимость от импортируемого сырья, а также проблем экологической безопасности. Несмотря на приоритетное развитие ВИЭ его доля в мировой энергосистеме по-прежнему незначительна по сравнению с долей электроэнергии от традиционных источников энергии. Одна из основных причин – это дороговизна технологий и стоимости производимой электроэнергии, непостоянность генерации энергии через ВИЭ, неконкурентоспособность на рынке электроэнергии без поддержки государства. В настоящее время реализуются проекты по снижению себестоимости и эффективного использования ВИЭ. По данным Международного Энергетического Агентства, к 2030 году ВИЭ (включая биоэнергетику, ветроэнергетику, геотермальную энергетiku, солнечную энергетiku, энергию волн океана) практически вытеснят нефть в мировой генерации электроэнергии.

Перспективы инновационной деятельности требуют решения стратегических задач развития электроэнергетики в соответствии с тенденциями международного и отечественного рынков. В целях создания «интеллектуальной» генерации, передачи и распределения электрической энергии, использования в электрической сети современных средств диагностики и управления электронными системами разработана технология «Smart Grid». Она позволяет существенно сократить потери при передаче электрической энергии от генератора к потребителю, повысить надежность энергообеспечения, минимизировать риски системных аварий, оптимально перераспределять энергетические потоки и тем самым уменьшить пиковые нагрузки. За последние 8 лет технология Smart Grid активно внедряется в энергетические системы различных стран. Важным элементом умной сети является «цифровая» подстанция. Работы над подобными проектами ведутся в европейских странах, США, Японии, Индии, Китае. Цифровизация отрасли позволяет повысить эффективность от использования Smart Grid, автоматизировать учет электроэнергии всех получаемых данных и использовать искусственный интеллект в ходе принятия решений.

Научно-технические разработки в области электроэнергетики более чем ста стран мира представила международная выставка Экспо – 2017 «Энергия Будущего» (Казахстан, г. Астана, 2017 г.). В числе представленных технологий были – создание новых средств хранения электроэнергии (большой емкости с приемлемыми массогабаритными и эксплуатационными характеристиками), повышение КПД использования органических топлив, повышение надежности атомных источников энергии, высокоэффективное управление энергопотреблением и др. [2]. Направления, по которым достигнуты заметные результаты, – это высокотемпературные газовые турбины большой мощности и парогазовые установки, экологически чистое сжигание твердого топлива, технологии использования ВИЭ и др.

Казахстан, несмотря на значительные запасы углеводородов, осознает необходимость активного внедрения технологических и управленческих инноваций в электроэнергетику. Осуществляется комплекс работ по созданию центра трансфера технологий, экспертной сети, повышению инновационного потенциала (интеллектуальные и информационные ресурсы, профессиональные компетенции, процедуры и др.), построению системы управления инновационной деятельностью на уровне отрасли и отдельных энергокомпаний. По данным отчета по глобальному инновационному развитию ГИИ за 2018 год по категории «глобальный инновационный индекс» Казахстан занимает 74 м е-

сто в мире, что на 4 позиции выше предыдущего года; по категории субиндекса «вклад в инновации» – 55 место, а по рейтингу субиндекса «выпуск инноваций» – 91 место [3]. Эти цифры говорят о низкой отдаче инвестиций в инновационное развитие. Основные причины, тормозящие инновационное развитие, – это неразвитость конкуренции на рынке; слабость программного обеспечения, отсутствие тесного сотрудничества между университетами и промышленностью, неразвитость инновационного кластера и др.

В условиях новых вызовов для устойчивого развития и высокой конкуренции современные компании остро нуждаются в эффективной, гибкой и быстро реагирующей на изменения системе менеджмента компаний. Для обзора ведущих тенденций в этой сфере обратимся к инновационной деятельности как объекту управления. Инновационная деятельность в качестве объекта управления характеризуется рядом особенностей, которые определяют специфические требования к эффективному ее осуществлению.

Основное различие между инновационным и традиционным процессом управления заключается в степени определенности. Управление традиционным процессом подразумевает высокую степень определенности (известны заранее план мероприятий, ответственные лица, их роль, ожидаемые результаты). Управление инновационной деятельностью направлено на перевод системы на качественно новый уровень и создание продукта нового качества, что определяет необходимость развития соответствующей инфраструктуры и организационной структуры; обеспечения компетенций в области инновационного и технологического менеджмента на всех уровнях управления компании, прежде всего высшего руководства; применения специальных инструментов и методов управления инновационной деятельностью, обеспечивающих достижение целей и задач энергокомпаний.

В условиях инновационной направленности развития компаний актуализируются особые технологии управления. К ним можно отнести и портфельно-проектное управление [4]. Как показывает зарубежный опыт, «портфельно-проектный» подход к инновационному развитию электроэнергетики предусматривает внедрение взаимосвязанных между собой инновационных управленческих и технологических решений во всех сегментах и в отношении всех функциональных элементов электроэнергетики как единой и целостной системы. Концепция «портфельного» осуществления инновационных проектов предполагает одновременное управление и внедрение различных программ, связанных между собой единой целью. В области электроэнергетики – это повышение эффективности производства, снижение токсичности отрасли и ее минимизация для окружающей среды, обеспечение стабильной стоимости электроэнергии для потребителей и др. Реализуемые программы подразделяются на проекты, каждый из которых решает свою конкретную задачу. В рамках концепции портфельного осуществления инновационных проектов нашли отражение современные научно-технические, методологические, управленческие и технологические направления. Портфель проектов отражает масштабность и сложность проблемы, а также сроки и ресурсы, которые могут быть выделены на их осуществление. Зарубежный опыт применения портфельно-проектного управления вызывает интерес при разработке по добным национальных портфелей, программ и проектов в Казахстане.

Понимание значимости управления портфелем, программами и проектами требует четкого представления об общих чертах и различиях между ними. Так, управление портфелем, программой и проектом производится в соответствии с основной стратегией компании, и весь процесс управления обуславливается ею. Управление портфелем подразумевает управление целым набором не взаимосвязанных между собой программ, в то же время результаты, достигнутые в ходе реализации данных программ, оправданы одной стратегической целью компании, осуществляющей управление всем портфелем программ. В то время как управление программой оптимально согласует и гармонизирует проекты и компоненты программы, осуществляет мониторинг и контроль за взаимозависимостью с целью извлечения определенных результатов. В процессе управления проектом разрабатываются и внедряются планы с целью достижения определенного содержания, обусловленного целями программы или портфеля, к которому принадлежит проект, и в конечном итоге достигается основная стратегическая цель компании. В качестве портфеля электроэнергетические компании имеют энергогенерирующие станции, в которых реализуются различные программы управления развитием станции, через разделение программы на проекты и их реализацию. Все большее число крупных электроэнергетических компаний мира трансформируют свою модель менеджмента от традиционной к портфельно-проектно ориентированному подходу. Так, в табл. 1. представлены лучшие мировые практики портфельного и проектного управления [5].

Компании, представленные в таблице, усовершенствовали свою систему управления на основе использования портфельного и проектного управления и координацию проектов корпоративным центром на основе применения единой методологии. Корпоративная методология в области управления проектами является единой для всей компании. В ее основе лежат принципы управления проектами и Stage Gate Process (SGP), который включает в себя лучшие практики управления инновационными проектами и ряд принципиальных моментов: SGP разбивает инновационный процесс на заранее предопределенные стадии. В общем виде процесс представлен на рис. 1 [6]. Данный процесс позволяет осуществлять более эффективно реализацию проекта, приступать к каждой последующей ключевой стадии после завершения предыдущей и тщательной оценки и планированию предстоящей стадии, что безусловно снижает риск отклонений и провала проекта в целом.

На сегодняшний день, управление стадиями проекта регулируется рядом стандартов (PMP, IPMA, ICB, ISO 21500, PRINCE2, P2M и др.), ориентированных на эффективное управление инновационными проектами. Энергоэнергетическим компаниям необходимо интегрировать собственную корпоративную культуру с международными стандартами управления инновационными проектами.

Лучшие практики энергетических компаний в области портфельного и проектного управления

					
Управление портфелем и программам проектов	<ul style="list-style-type: none"> Реализация общекорпоративных проектов осуществляется централизованно, проекты бизнес-единиц осуществляются проектными офисами бизнес-единиц 	<ul style="list-style-type: none"> Управление портфелем проектов выполняется централизованно в рамках отдельного блока (есть 3 блока – upstream, downstream & Technology) Управление крупными проектами осуществляется централизованно 	<ul style="list-style-type: none"> Управление портфелем проектов выполняется централизованно Управление проектами осуществляется дивизионами, бизнес-единицы являются центрами ресурсного обеспечения и экспертизы. 	<ul style="list-style-type: none"> Управление ИТ и бизнес-проектами выполняется центральным проектным офисом 	<ul style="list-style-type: none"> Реализация общекорпоративных проектов осуществляется централизованно, проекты осуществляются проектными офисами Внедрен процесс управления портфелями и программами проектов в ИТ-службе
Методология	<ul style="list-style-type: none"> В основе единой корпоративной методологии лежит Stage Gate Process Внедрена единая ИСУП 	<ul style="list-style-type: none"> В основе единой корпоративной методологии лежит PMBOK и Stage Gate Process 	<ul style="list-style-type: none"> Нет данных 	<ul style="list-style-type: none"> Единая методология проектного управления основана на Stage Gate Process и принципах в части УП 	<ul style="list-style-type: none"> В основе единой корпоративной методологии лежит Stage Gate Process Внедрена единая ИСУП

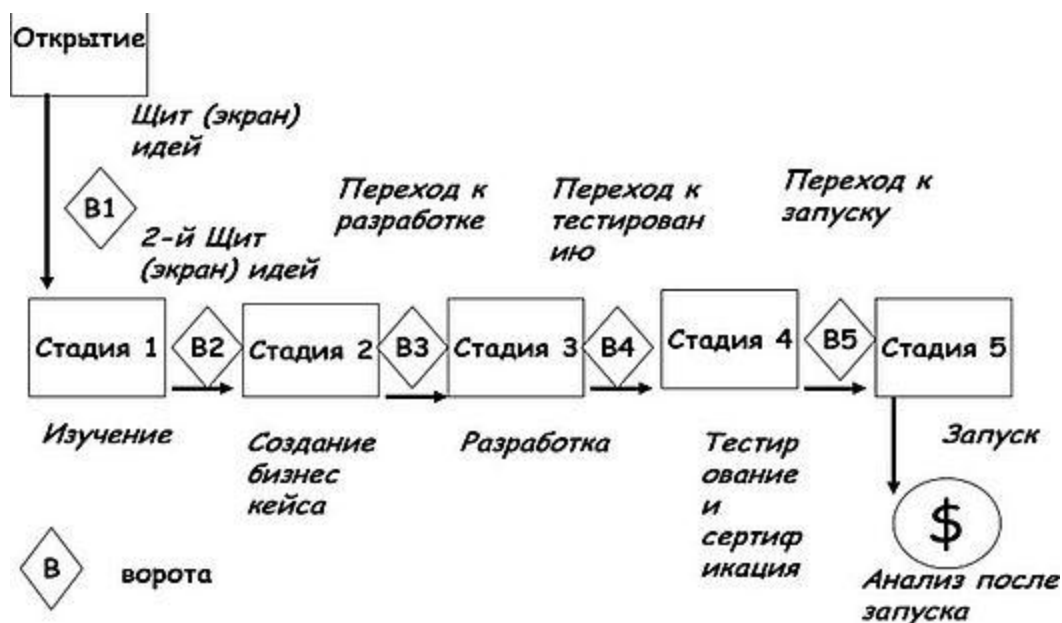

Рисунок 1.
Процесс Stage-Gate Process-SGP

Обратимся к практике применения портфельного управления электроэнергетикой в Казахстане. Лидером по выработке электроэнергии и крупнейшим многопрофильным энергетическим холдингом в отрасли является АО «Самрук-Энерго» [7]. В своей инновационной деятельности компания опирается на ряд стратегических документов [8] по переходу на ресурсосберегающие, экологичные и эффективные технологии. Для оценки уровня инновационной деятельности АО «Самрук-Энерго» используем в качестве метода анализа бенчмаркинг. Для сравнительного анализа в области производства и транспортировки электроэнергии были выбраны ведущие электроэнергетические компании регионального и глобального уровня (RWE, E.ON, Vattenfall, Enel, Électricité de France (EDF)) по следующим важным критериям: осуществление деятельности в регионах с высокими экологическими стандартами и требованиями к эффективности использования ресурсной базы; высокий уровень инвестиций в НИОКР; наличие диверсифицированного энергетического портфеля.

Инновационно-технологическое развитие АО «Самрук-Энерго» существенно отстает от ведущих мировых компаний. Из существующих восьми инновационных технологий в сфере производства электроэнергии внедрена только одна (современные методы очистки дымовых газов) и две – в тестовом режиме. Сравнительный анализ приме-

нения передовых технологий (таблица 2.) выявил существенное отставание АО «Самрук Энерго» и в использовании инноваций в разрезе традиционной генерации электроэнергии, использования ВИЭ.

Таблица 2

Сравнительная таблица применения передовых технологий в сфере использования возобновляемых источников энергии

Наименование технологии	Сравниваемые компании				
	АО «Самрук – Энерго»	EDF	ENEL	RWE	VATTEN FALL
Солнечная энергетика	++	++	++	+	-
Ветровая энергетика	++	++	+	++	++
Инновации в гидроэлектроэнергетике	-	++	н.д.	++	++
Биогаз	-	++	-	++	++
Биомасса / мусор	++	++	++	++	++
Атомная энергетика	-	++	++	++	++
Геотермальная энергетика	-	++	++	+	-
Волновая энергетика	-	++	+	+	++
Хранение энергии методом сжатия воздуха (CAES)	-	н.д.	+	+	-
Конвертирование электроэнергии в газ (P2G)	-	-	-	+	++
Гидроаккумулирующие электростанции	-	++	++	++	++

*Для анализа использованы данные из открытых источников (годовые отчеты компаний, отчеты устойчивого развития, официальные сайты компаний, специализированные исследования и отчеты).

Пояснения символов:

++ Технология применяется в коммерческом масштабе;

+ Технология находится на стадии тестирования;

- Технология отсутствует;

н.д. – Нет данных о наличии технологии

Из приведенных 11 инновационных технологий АО «Самрук-Энерго» реализует несколько проектов по ВИЭ (три вида – ветровая, солнечная и биомассы). Хотя благодаря проектам по ВИЭ АО «Самрук Энерго» занял 3 место в рейтинге инновационных компаний Казахстана, организованным Национальным агентством по технологическому развитию в 2017 г.

Если обратиться к технологиям в сфере передачи, распределения и сбыта электроэнергии, то ведущие мировые электроэнергетические компании активно применяют умные счетчики SMART METERING, кабельные линии электропередачи постоянного тока, и перешли к практическому тестированию интеллектуальной сети SMART GRID. АО «Самрук-Энерго» в тестовом режиме начал внедрение всех трех современных технологий по оптимизации потерь. Заметны достижения АО «Самрук Энерго» в сфере передачи, распределения и сбыта электроэнергии (все современные технологии в той или иной степени внедрены и апробируются в производстве). В целом по итогам трех лет (2016–2018 гг.) показатели инновационной деятельности АО «Самрук Энерго» демонстрируют определенную положительную динамику. Так, возросли количество внедренных проектов (с 3-х в 2016 году до 50 в 2018 году) и инвестиции в инновационные проекты (увеличились на 20% и составили 64% в 2018 году). Несмотря на внедрённые современные технологии, существующее отставание АО «Самрук-Энерго» от ведущих энергокомпаний мира говорит о необходимости серьезного прорыва в области внедрения инновационных решений, который можно совершить на основе разработки стратегии внедрения методов проектного управления, разработки четких критериев и регламента оценки инновационных предложений и проектов; выстраивания процесса технологического и продуктового форсайта; развития и финансирования собственных инновационных разработок; проведения трансферта и адаптации передовых зарубежных технологий; изменения управленческих процессов, связанных с разработкой, проектированием и производством продукции; внедрения управленческих инноваций, повышающих эффективность деятельности компании.

Заключение. Эпоха углеводородной экономики мира постепенно сменяется новым периодом, в течение которого жизнь общества будет основываться на ВИЭ, «зеленых» технологиях и инновационных решениях в электроэнергетике. Ключевую роль в поддержке наиболее перспективных направлений развития играют современные методы и подходы в управлении инновационными проектами. При этом обеспечение гибкости управления электроэнергетикой может стать источником конкурентных преимуществ как компании, так и отрасли в целом. Казахстан, несмотря на наличие существенных запасов углеводорода, принимает меры по постепенной переходу электроэнергетики от традиционной к «зеленой». Даная трансформация осуществляется через внедрение ряда технологических и управленческих инноваций в энергокомпаниях, в том числе посредством проектно-портфельного управления на основе международных стандартов.

Список литературы

1. Прогноз на 2030 г. в сценарии New Policies: доклад Международного Энергетического Агентства. 2018.
2. Есымханова З.К. Тенденции развития «зеленой экономики» Казахстана в условиях проведения EXPO 2017 // Материалы конференции «ASTANA EXPO 2017». – Астана. 2017.
3. См.: The Global Innovation Index 2018: Energizing the World with Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva. Cornell University, INSEAD, and WIPO (2018).

4. См.: Бербнер Й. Как инновации преобразуют сырьевой сектор. – https://forbes.kz/process/energetics/kak_innovatsii_preobrajajut_syirevoy_sektor/; Котельников В.Ю. Гибкие корпоративные стратегии выживания и лидерства в новой экономике. – М., 2007. – С. 588; Инновационный потенциал предприятия: оценка и использование. – СПб., 2008. – 247 с.; Бияк Л.Л., Ненуженко С.А. Роль проектного управления в реализации приоритетных государственных проектов // Актуальные вопросы экономики и управления. – М., 2017. – С. 12–15.
5. Бакланова Ю.О. Эволюция подхода к проектному управлению инновациями: инициатива, проект, программа, портфель // Современные технологии управления. 2012. – № 3 (15).
6. Альшин В., Ильина О. Управление проектами. – М., 2013. – 323 с.
7. Анализ рынка электроэнергии и угля Казахстана за 2018 г.: аналитический обзор. – <https://www.samruk-energy.kz/ru/press/analytical-report>
8. См.: Стратегия развития АО «Самрук-Энерго» на 2018–2028 годы, Стратегический план развития АО «Самрук-Энерго» на 2017–2021 годы, Инновационно-технологическая стратегия АО «Самрук-Энерго» на 2012–2022 годы.

*Карташова А.А.*¹

ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ИННОВАЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

Ключевые слова: кластер, трансфер технологий, кооперация, цифровизация, портал, платформа, инновации, коммуникация, технология, инжиниринг.

Keywords: cluster, technology transfer, cooperation, digitalization, portal, platform, innovation, communication, technology, engineering.

Укрепление кооперационных связей между участниками из бизнеса, государства и науки является одной из основ создания кластеров согласно теории тройной спирали. В этой связи развитие организационных механизмов выстраивания инновационной деятельности выходит на качественно новый уровень. Особое внимание этому уделяется в инновационных кластерах нашей страны.

В настоящее время в России действуют 12 инновационных территориальных кластеров, крупнейшим из которых является Камский инновационный территориально-производственный кластер «Иннокам» [1].

Важное преимущество кластерной работы состоит в обеспечении синергетического эффекта за счет взаимодействия организаций различного профиля. Так в решение вопросов, связанных с управлением интеллектуальной собственностью, большой вклад вносит Татарстанский ЦНТИ, который также является участником кластера. Организовано взаимодействие по вопросам образовательных программ, совместных консультаций, проведения мероприятий. Логичным продолжением сотрудничества является обеспечение цифровых инструментов для пользователей из бизнеса и науки.

К настоящему моменту в кластере накоплен определенный опыт по развитию инновационных проектов участников кластера в области химии, нефтехимии и автопрома.

Например, при содействии Иннокама привлечены средства на реализацию таких крупных проектов, выполняемых двумя и более участниками кластера, как «Электробус», создание роботизированных комплексов, новых видов химической продукции, а также проведения маркетинговых исследований, нацеленных на развитие инновационных решений республиканских предприятий [2].

Важным условием для активизации инновационной деятельности является предоставление площадок для диалога между научными, образовательными и промышленными организациями. Так, Ассоциация «Иннокам» совместно с партнерами принимает участие в проведении экспертных сессий, хакатонов и квестов, олимпиад, круглых столов, отборов проектов и других мероприятий [3].

Например, проведение региональных отборов проектов по программе УМНИК в Закамской зоне, а также предоставление возможности более зрелым технологическим проектам получить экспертизу и рекомендации напрямую от ведущих специалистов предприятий [4-5].

Следующее важное направление деятельности касается патентов и интеллектуальной собственности. В 2018 году совместно с Роспатентом на базе Ассоциации «Иннокам» был создан Центр поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) с точками доступа в Казани, в Набережночелнинском филиале КНИТУ-КАИ и Нижнекамском химико-технологическом институте КНИТУ. В рамках ЦПТИ осуществляется консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, в том числе по проведению поиска в патентных базах и оформлению заявок на регистрацию прав интеллектуальной собственности, а также передача заявок в Федеральный институт промышленной собственности.

Однако, несмотря на наличие различных форматов работы проблема выстраивания связей между сектором исследований и разработок с реальным сектором экономики остается одной из ключевых при обсуждении путей активизации инновационного процесса. Необходимость работы в данном направлении закреплена во многих документах федерального значения, в том числе и в Стратегии научно-технологического развития России [6].

Из этих противоречий органично вытекает задача по формированию эффективной системы коммуникации в области науки, технологий и инноваций.

Итак, каким же образом для чего и с какой выгодой для сторон создать среду для диалога науки и бизнеса?

Продвижение инновационного проекта при поиске заинтересованных сторон связано с преодолением большого количества барьеров, в том числе и организационного характера. Среди прочих факторов на возможность предложить идею или ее найти существенно влияют отсутствие единой базы контактов, понимания возможностей научного сообщества и уровня спроса на технологические решения. Кроме того, немаловажную роль играют чисто технические мо-

¹ Карташова Александра Андреевна – к.т.н., руководитель службы развития инноваций Ассоциации «Иннокам». Профессиональные интересы: кластерное развитие, трансфер технологий, продвижение инновационных проектов. E-mail: kartashova@innokam.ru

менты, связанные с правильным ведением деловой переписки между организациями, направлением документов по формальному признаку и не тем исполнителям. При этом желания и сил продвигать идею у инициатора остается все меньше, а времени на этот процесс затрачивается несоразмерно много.

При активном участии якорных предприятий, вузов, а также инжиниринговых центров на базе Иннокама разработана концепция создания сетевого центра открытых инноваций [7].

В сентябре 2018 года состоялся официальный запуск Интернет-портала Российский центр открытых инноваций «Инноскоп». Проект обеспечивает прямое взаимодействие между наукой и бизнесом в области внедрения инновационных технологий и разработок, а также дозагрузку оборудования вузов и инжиниринговых центров [8].

Инноскоп включает каталог существующих технологий и разработок, возможность запроса технологий со стороны предприятий и поиска партнеров для совместных разработок, каталог инжинирингового оборудования и услуг с возможностью индивидуального запроса, а также проведение совместного обсуждения в рамках «мозгового штурма» с привлечением ведущих российских экспертов.

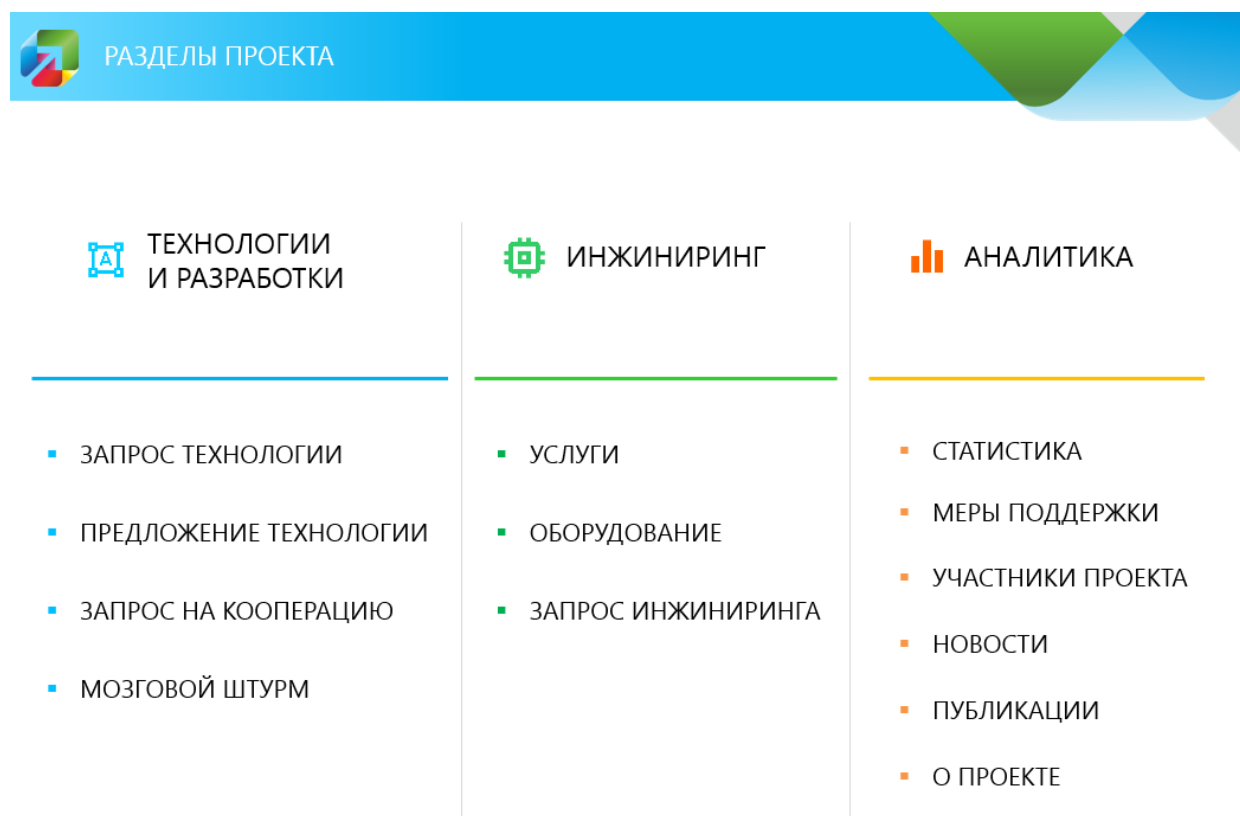

Рисунок 1.
Структура разделов Российского центра открытых инноваций «Инноскоп»

Уже сегодня на портале размещена крупнейшая в России база высокотехнологичного оборудования и инжиниринга, включающая более 42 тысяч единиц оборудования и около 4 тысяч услуг инжиниринга, а также представлено 11 тысяч инновационных технологий и разработок. На портале работают более 1600 организаций из 82 регионов в России, в том числе 30 организаций-участников Камского кластера.

Инноскоп позволяет напрямую взаимодействовать непосредственно с автором технологии или специалистом, отвечающим за лабораторное оборудование или оказание инжиниринговых услуг. С момента запуска портала поступило свыше 700 заявок на технологии, услуги и оборудование, в том числе и из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Молдова, Кыргызстан, Монголия), имеется ряд положительных примеров по межвузовскому взаимодействию, а также размещены запросы на конкретные технологии и инжиниринг.

Представленное решение не является исчерпывающим для развития инновационной деятельности в Татарстане. Поэтому проходит активная интеграция и взаимодействие с другими цифровыми площадками и партнерами, составляющими цифровую экосистему.

В частности, мы сотрудничаем с площадкой «Татпатент» в части актуализации баз данных, а также обеспечения трансфера технологий и разработок региона [9]. Данная площадка – логичное продолжение работы в рамках долгосрочной целевой региональной программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013–2020 годы» [10]. Основная задача ресурса – контроль и мониторинг реестра единого результатов интеллектуальной деятельности Республики Татарстан с целью повышения инвестиционной привлекательности Республики Татарстан за счет обеспечения функционирования площадки инвестиционных проектов Республики Татарстан, с помощью которой возможно наладить взаимодействие экспертов, инвесторов и авторов проекта и решить возникающие у проектов научно-технических проблем.

Кроме того, продолжается совместная работа по развитию функционала в части обучения инноваторов, организации автоматизированного поиска инвесторов, а также предоставления услуг технологического брокерства наиболее перспективным идеям.

Потенциал представленных цифровых решений может обеспечить дополнительные возможности по поиску и тиражированию разработок всем заинтересованным участникам как со стороны бизнеса, так и со стороны науки. При этом логика работы платформы автоматически дает перспективы продвижения как на региональном, федеральном, так и международном уровне. Приглашаем коллег к сотрудничеству и совместному взаимовыгодному партнерству.

Список литературы

1. Официальный сайт Ассоциации «Некоммерческое партнерство «Камский инновационный территориально-производственный кластер» (Иннокам). – <http://www.innokam.ru/>
2. Карташова А.А. Опыт выстраивания эффективной системы коммуникации науки и бизнеса на примере Российского центра открытых инноваций «Инноскоп» // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2019. – Ч. 1. – 937 с.
3. Карташова А.А., Шамсутдинова Л.П., Лаврова О.М. Разработка кластерных форматов работы для организации практикоориентированного обучения // Управление устойчивым развитием. 2018. – № 4 (17). – С. 108–111.
4. Карташова А.А., Камалиев Б.И. Модель компетенций наставника на предприятии как основа построения корпоративной системы наставничества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. – № 4. – С. 80–85.
5. Карташова А.А., Бадреева А.М., Камалиев Б.И. Корпоративные системы кооперации в области управления инновациями: российский и международный опыт // Кооперативное движение в системе развития сельских территорий: Сборник научных трудов научно-практической конференции. 2018. – С. 52–54.
6. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 1.12.2016 г. № 642.
7. Российский центр открытых инноваций «Инноскоп». – <https://innoscope.ru>
8. «Инноскоп» – доступ к инновациям России // Эксперт Татарстан. 2019. – № 14–18 (62). – С. 11.
9. Банк данных интеллектуального потенциала Республики Татарстан. – <https://patenttr.ru>
10. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15.01.2013 №11 «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2013–2020 годы».

**Коваленко Н.В.,
Безновская В.В.¹**

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭКОНОМИКЕ РФ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

Ключевые слова: моделирование; технологический уклад; конкурентоспособность экономики; инновационное развитие; инновационные процессы; инновационный потенциал регионов; отрасли промышленности; человеческий капитал; инновация; модель Р. Солоу.

Keywords: modeling; technological structure; competitiveness of economy; innovative development; innovative processes; innovative potential of regions; industries; human capital; innovation; Solow model.

Введение

Современные параметры развития национальной экономики определяют перспективы конкурентоспособности Российской Федерации на мировом рынке. В настоящее время конкурентоспособность страны не только определяет ее место в мире, но и обеспечивает национальную безопасность. Важнейшими факторами, обеспечивающими конкурентоспособность страны, являются темп экономического роста и эффективность промышленного производства. В условиях новой институциональной среды отмечается возрастающее влияние инноваций на экономический рост, технологическую эволюцию. Современное состояние развития общества характеризуется качественно новым уровнем активизации инновационной деятельности.

Эффективным механизмом создания и распространения новых технологий является формирование и развитие региональных инновационных систем. При этом политика государства должна быть направлена на выявление и поддержку территорий, обладающих наибольшим потенциалом².

1. Рейтинги инновационного развития регионов

В настоящее время в РФ разработаны государственные программы инновационного развития на федеральном и региональном уровне, закрепленные нормативно-правовыми актами. В программах определены базовые принципы и инструменты поддержки инновационной деятельности, эффективные механизмы их реализации и управления, что позволяет обеспечивать прорыв в инновационном развитии экономики регионов³.

Проблемы оценки инновационной активности регионов РФ возникают из-за неравномерности их развития и отсутствия универсальных критериев и методики ее осуществления. При составлении рейтинга инновационного развития региона используются следующие показатели: уровень экономических и социальных условий для инновационной деятельности, уровень научных исследований и новых технологий, показатели инновационной деятельности, инновационной активности, качества инновационной политики и др.⁴ Так как группы лидирующих и отстающих регионов по разным методикам оказываются довольно близкими, то это позволяет выделить ряд регионов, чаще других оказывающихся на верхних позициях в рейтингах.

Неизменными лидерами являются г. Москва, г. Санкт-Петербург и Республика Татарстан. 25 мая 2018 года на площадке Петербургского международного экономического форума был представлен топ-20 регионов Национального инвестиционного рейтинга субъектов РФ⁵. Первое место в этом рейтинге в 2018 году занимает Тюменская область, поднявшаяся с 6 места рейтинга 2017 года. Второе, третье и четвертое место заняли, соответственно, г. Москва, Рес-

¹ Коваленко Надежда Всеволодовна – к.э.н., доцент кафедры экономических теорий Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Безновская Вера Викторовна – доцент кафедры экономических теорий Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. № 392 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». – <http://government.ru/media/files/FgpWCzdQLjc55KhEaNokf1vPhajt8xU2.pdf>

³ Бабурин В.Л., Земцов С.П. Регионы-новаторы и инновационная периферия России. Исследование диффузии инноваций на примере ИКТ-продуктов // Региональные исследования. 2014. – № 3 (45). – С. 27–37.

⁴ Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Инвестирование в промышленность и регионы страны как способ роста экономики России // Актуальные вопросы развития экономики. Материалы междунаучной научно-практической конференции к 100-летию Финансового университета при Правительстве РФ / Под ред. В.А. Ковалева, А.И. Ковалева. 2018. – С. 50–55.

⁵ Агентство стратегических инициатив. – <https://asi.ru/investclimate/rating/>

Таблица 1

Инновационная активность регионов РФ

Наименование региона	2010 г.		2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Доля инновационных компаний, %	Объем инновационных работ, услуг, %	Доля инновационных компаний, %	Объем инновационных работ, услуг, %	Доля инновационных компаний, %	Объем инновационных работ, услуг, %	Доля инновационных компаний, %	Объем инновационных работ, услуг, %	Доля инновационных компаний, %	Объем инновационных работ, услуг, %
Российская Федерация	9,5	4,8	10,1	9,2	9,9	8,7	9,3	8,4	8,4	8,5
Центральный федеральный округ в том числе г. Москва	3,38	1,12	4,27	3,05	4,31	2,65	4,42	3,26	3,78	3,27
Северо-Западный федеральный округ	1,25	0,46	1,38	1,07	1,33	0,86	1,29	0,82	1,07	0,66
в том числе г. Санкт-Петербург	0,90	0,33	1,03	0,56	1,05	0,48	0,99	0,46	0,81	0,52
Южный федеральный округ	0,49	0,33	0,47	0,18	0,55	0,25	0,58	0,33	0,54	0,48
Северо-Кавказский федеральный округ	0,17	0,11	0,17	0,06	0,19	0,07	0,14	0,09	0,08	0,07
Приволжский федеральный округ	1,91	2,11	1,88	2,96	1,87	2,87	1,81	2,62	1,58	2,76
в том числе Республика Татарстан	0,31	0,62	0,48	0,85	0,48	0,82	0,50	0,82	0,51	0,76
Уральский федеральный округ	0,98	0,42	0,79	0,50	0,74	0,41	0,67	0,47	0,67	0,71
в том числе Тюменская область	0,00	0,11	0,09	0,04	0,09	0,07	0,09	0,10	0,09	0,34
Сибирский федеральный округ	0,94	0,18	1,02	0,40	0,99	0,45	0,92	0,50	0,75	0,41
Дальневосточный федеральный округ	3,57	0,06	0,38	0,97	0,36	1,14	0,30	0,31	0,27	0,14

Статистические данные характеризуют неравномерность распределения инновационных компаний по федеральным округам, в г. Москве находятся 30,5% всех российских компаний, осуществляющих инновационную активность, причем доля Москвы по Центральному Федеральному округу составляет 70,6% (ЦФО по России – 43,2%), в г. Санкт-Петербурге – 9,2% / 75,3% (СЗФО – 12,3%), в Республике Татарстан – 5,8% / 32,2% (ПФО – 18,1%), в Тюменской области – 1,1% / 13,8% (УФО – 7,67%) соответственно.

Следует отметить, что вклад инновационных компаний в производство инновационных работ и услуг меньше их доли в совокупной структуре. Исключением являются Республика Татарстан и Тюменская область.

2. Анализ инновационных процессов в экономике РФ с учетом регионального компонента на базе инструментария модели Р. Солоу

Модель Р. Солоу выявляет механизм воздействия сбережений, роста населения и научно-технического прогресса на уровень жизни и его динамику. Следует подчеркнуть, что основными условиями действия этого механизма являются равенство сбережений и инвестиций, постоянство темпов роста численности населения.

В табл. 2 представлены данные, иллюстрирующие развитие реального сектора экономики РФ.

Таблица 2

Показатели развития реального сектора экономики РФ

Показатели		2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Номинальный ВВП, млрд. руб.	y^N	79199,7	83387,2	86148,6	92037,2
Дефлятор ВВП	Def	1,075	1,080	1,035	1,052
Реальный ВВП, млрд. руб.	y^R	73674,1	77210,4	83235,4	87487,8
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	L	67813	68389	72065	72314,55
Валовое накопление основного капитала, млрд. руб.	K	16828,1	16941,9	18402,7	19966,6
ИЧП	e	0,798	0,804	0,810	0,811
Расходы на конечное потребление, млрд. руб.	C	56510,7	58445,4	61060,2	64762,8
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	I	13902,6	13897,2	14748,8	15966,8

Анализ статистических данных инновационного развития российской экономики проведен на базе инструментария модели Р. Солоу (табл. 4).

¹ Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main

Анализ инновационного развития РФ с учетом модели Р. Солоу

Показатели		2014–2015 гг.	2015–2016 гг.	2016–2017 гг.
Цепной коэффициент прироста ВВП	I_y	0,048	0,078	0,051
Цепной коэффициент прироста среднегодовой численности занятых в экономике	I_n	0,0085	0,054	0,0035
Цепной коэффициент прироста валового накопления основного капитала	k_n	0,0068	0,086	0,085
Предельная производительность капитала	MP_k	7,06	0,91	0,6
Предельная производительность труда	MP_l	5,65	1,44	14,57
Определение эффективности производства	$\frac{M}{MP_l}$	12,71	2,35	15,17
Цепной коэффициент прироста расходов на конечное потребление	c_n	0,034	0,045	0,061
Цепной коэффициент прироста сбережений	s_n	0,0068	0,086	0,085
Сумма цепных коэффициентов прироста расходов на конечное потребление и сбережений	$c_n + s_n$	0,0408	0,131	0,146
Прирост капитала	ΔK	113,8	1460,8	1563,9
Прирост среднегодовой численности занятых в экономике	ΔL	576	3676	249,55
ИЧП	e_n	0,804	0,810	0,811
Капиталовооруженность	K_n^*	0,20	0,40	6,27

Анализ развития реального сектора экономики страны показал, что в 2014–2017 гг. производство в РФ было неэффективным, так как сумма предельной производительности капитала и предельной производительности труда превышает единицу ($MP_k + MP_l > 1$). Это означает, что в рассматриваемый период наблюдался перерасход капитального ресурса.

Авторы выявили взаимосвязь экономической политики государства, степени внедрения достижений научно-технического прогресса на уровень жизни населения и его динамику. Следуя модели Р. Солоу, долгосрочное равновесие достигается при любом уровне сбережений: высокий уровень сбережений ведет к более быстрому экономическому росту, а это ускорение – движение к новому устойчивому состоянию.

Для определения нормы сбережений, обеспечивающей максимальный уровень ВВП в экономике РФ за 2014–2017 гг., проведена проверка выполнения «золотого правила» накопления капитала: $MP_k > I_n + e_n + k_n$.

В 2014–2015 гг. «золотое правило» выполнялось (7,06 > 0,82), т.е. накопления капитала в экономике России обеспечивало наивысшее потребление. Такой уровень накопления капитала свидетельствует об устойчивом состоянии экономики. В последующие годы «золотое правило» накопления капитала не выполнялось (0,91 < 0,95 в 2015–2016 гг. и 0,6 < 0,9 в 2016–2017 гг.), т.е. экономика РФ развивалась с большим запасом капитала, чем она могла бы иметь по «золотому правилу». Можно утверждать, что моделирование экономической политики РФ в 2015–2017 гг. было направлено на снижение нормы сбережений.

Результаты исследования

Функционирование региональной инновационной системы направлено на реализацию конкурентных преимуществ региона и способствует его инновационному росту. Для построения модели инновационной экономической системы региона следует использовать социально-экономические и инновационные детерминанты.

Блок социально-экономических показателей включает:

- валовой региональный продукт на душу населения;
- численность занятых в экономике;
- стоимость основных производственных фондов и степень их износа;
- инвестиции в основной капитал на душу населения.

В блок инновационных показателей входят:

- доля персонала, занятого исследованиями и разработками;
- число выданных патентов на изобретения;
- затраты на технологические инновации;
- удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации;
- доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции.

Учет указанных детерминант позволит определить перспективные инновационные направления и выявить слабые места в развитии регионов.

Итак, исследование инновационных процессов в экономике РФ с учетом регионального компонента выявило несовершенство системы его управления. Дополнительное изучение опыта передовых стран мира позволит разработать оптимальную структуру управления инновационным развитием регионов, которая обеспечит:

- привлечение к инновационной деятельности и объединение усилий ученых и производителей инновационной сферы;
- формирование современной инновационной инфраструктуры, способной охватить все звенья инновационного процесса;

– объединение бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на инновационное развитие отраслей экономики.

Предлагаемые мероприятия по совершенствованию системы управления приведут к росту эффективности инновационного процесса на общегосударственном и региональном уровнях, адаптируют предпринимательство к инновациям в различных отраслях экономики, повысят интерес инвесторов и поднимут экономику города и региона. Развитие человеческого потенциала в регионах возможно путем развития региональной сети бизнес-инкубаторов и научно-технических парков.

Необходимость активизации процессов распространения и обмена знаниями определяет объективную потребность в развитии системы аутсорсинга знаний. Образование, научные исследования и инновации составляют единый комплекс знаний, который формирует инновационную экономику¹. Создание продуктивного альянса науки и бизнеса является наиболее перспективным направлением развития человеческих ресурсов в инновационной сфере². Общество выигрывает от инвестиций в образование и науку тогда, когда научно-исследовательская деятельность ведет к созданию новых продуктов и услуг, появлению новых предприятий и рабочих мест.

Заключение

В настоящее время государство реализует различные направления стимулирования инновационной деятельности в стране, однако пока не способно целиком нейтрализовать слабые стороны, препятствующие развитию инновационной деятельности:

- недостаток спроса на инновации со стороны частного сектора;
- неравномерная структура финансирования инновационных процессов (основное инвестиционное «бремя» несет государство);
- низкая степень эффективности использования объектов инновационной инфраструктуры в системе инновационного предпринимательства;
- наличие «узких» мест в законодательстве, регулирующем инновационную деятельность;
- слабый уровень взаимодействия между различными элементами НИС России: наукой и бизнесом, государственным и частным сектором и т.д.

Россия все еще находится на этапе перехода от сырьевой экономики к инновационной модели экономического роста. Использование имеющихся в достаточном количестве природных ресурсов совместно с разработанным комплексом мероприятий по созданию стимулирующих условий для развития инновационного предпринимательства, позволит России эффективно использовать свой научно-технический потенциал и выйти на международный рынок с конкурентоспособной высокотехнологичной продукцией³.

Для развития технологической составляющей инновационного развития региона важно обеспечить активный рост технологических изменений, суть которых заключается в двух аспектах:

- быстрое распространение технологий пятого технологического уклада, основу которого составляют достижения микроэлектроники и вычислительной техники, информатики и материаловедения;
- параллельное освоение шестого технологического уклада, основу которого составляют нанотехнологии, биотехнологии, мультимедийные интерактивные информационно-коммуникационные системы, тонкая химия, компьютерное моделирование и проектирование.

Отдельно взятый регион не может занять лидирующие позиции по всем направлениям технологического развития, необходимо, исходя из имеющегося научного потенциала, выбрать собственные приоритеты, связанные с приоритетами технологической модернизации на федеральном уровне. Среди них следует выделить энергоэффективность и энергосбережение, ядерные, космические, медицинские и информационные технологии, экология и рациональное природопользование.

Инновационная деятельность возможна не только за счет оптимизации структуры управления инновационным развитием, но и на основе механизмов стимулирования, способных привлечь к активной инновационной деятельности широкие слои участников научной и производственной инновационной сферы. Эффективные нормы и средства управления должны обеспечить необходимую степень интенсивности инновационного процесса, которую требуют современные социальные и экономические реалии.

¹ Безновская В.В., Коваленко Н.В., Константинов И.М. Зарубежный опыт стимулирования инновационных процессов // Актуальные проблемы в современной науке: теория и практика. 2018. – С. 5–12.

² Кирилова А.А. Взаимодействие бизнеса и науки // Управленческие науки в современной России. 2014. – № 2. – С. 11–13.

³ Коваленко Н.В., Безновская В.В. Бизнес-модель инвестиционного проекта // Актуальные проблемы в современной науке и пути их решения / Под ред. О.Н. Дидманидзе и др. – М.: ООО УМЦ «Триада», 2017. – С. 138–143.

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

РЕСУРСЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ключевые слова: инновации, конкурентоспособность, ресурсы, ограничения, научно-технический потенциал, инновационная политика, инновационное предпринимательство.

Keywords: innovation, competitiveness, resources, constraints, scientific and technical potential, innovation policy, innovative entrepreneurship.

Укрепление конкурентоспособности в условиях неблагоприятной внешнеэкономической обстановки невозможно без внедрения в производство достижений научно-технического прогресса. Что на собственном примере доказывает один из небогатых приволжских регионов – Республика Мордовия, природно-ресурсный потенциал которой весьма скуден¹. Мордовия – небольшая республика в составе Приволжского федерального округа с населением 805 тыс. чел., что составляет 0,55% общей численности населения РФ. Регион занимает площадь 26,1 тыс. км² – это 0,15% территории страны².

Из полезных ископаемых в республике добываются известняковый порошок, строительные нерудные материалы, природный песок, известняк, доломит, дробленные и прочие известняковые камни, обычно используемые в качестве заполнителей бетона, для дорожных покрытий и других строительных целей.

Отсутствие природных ресурсов не позволяет региону занимать высокие позиции в стране по добыче полезных ископаемых (83-е место в РФ). Это говорит о том, что экстенсивных факторов развития за счет вовлечения в хозяйственный оборот все большего объема сырьевых ресурсов у Мордовии нет. Но, даже имея такие жесткие сырьевые ограничения, по уровню развития ключевой отрасли любой экономики – промышленности – этот регион занимает в стране заметно более высокие позиции – 53 место³.

Жесткие ограничения природно-ресурсного потенциала побудили руководство региона одним из главных своих приоритетов выдвинуть инновационное развитие экономики. Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г., основной целью определяет повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики⁴.

О правильности избранного регионом пути говорит тот факт, что Республика Мордовия – один из лидеров в области инноваций. Согласно рейтингу, ежегодно проводимому НИУ «Высшая школа экономики», регион занимает 8 место в РФ⁵. А по данным Ассоциации инновационных регионов России (АИРР), Мордовия относится к группе средне-сильных инноваторов и занимает 14 место в стране⁶.

¹ Липатова Л.Н., Тингаев В.К., Пашкин А.А. Сравнительная характеристика инновационных процессов в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2017. – № 4 (44). – С. 107–122; Липатова Л.Н., Кильдюшкина И.Г. Инновации в контексте глобальных экономических и политических процессов: опыт России и ее регионов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2018. – № 1. – С. 229–239; Тренькаева Н.В., Липатова Л.Н. Основные тенденции развития малого инновационного предпринимательства в Республике Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2018. – № 2. – С. 198–208; Липатова Л.Н., Акимова Е.В. Трудовой потенциал молодежи и инновационное развитие // Научное обозрение. 2019. – № 1. – С. 1; Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Основные тенденции развития малого бизнеса в сфере инноваций / Государство и бизнес: современные проблемы экономики: Материалы X Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 16–24; Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Развитие малого предпринимательства в высокотехнологичной сфере: опыт Республики Мордовия // Научное обозрение. 2018. – № 4. – С. 10; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Кильдюшкина И.Г. Развитие системы подготовки молодых кадров для науки и инновационных производств в Республике Мордовия // Модернизационный потенциал российской молодежи: Сборник научных трудов. – Ульяновск, 2017. – С. 105–109.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 34.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 32.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. – <http://docs.cntd.ru/document/819073683>

⁵ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 19.

⁶ Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2016. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2017. – С. 12.

По данным аналитических докладов НИУ ВШЭ, Республика Мордовия за 2008–2015 гг. из числа отстающих регионов вырвалась в лидеры федерального рейтинга инновационного развития, поднявшись с 70 места до 8, а в 2014 г. Мордовия занимала 4 место (табл. 1).

Особенных успехов добилась республика в 2010 г., резко улучшив свои позиции в рейтинге по уровню Российского регионального инновационного индекса (РРИИ, методика НИУ ВШЭ) по сравнению с 2008 г. В этот период значительные позитивные сдвиги произошли по всем субиндексам. Но в дальнейшем закрепить и улучшить позиции удалось только по 2 направлениям: инновационная деятельность и качество инновационной политики.

По социально-экономическим условиям инновационной деятельности Мордовия сильно отстает от лидеров рейтинга. Лучшую позицию занимала в 2012 г. – 38 место. В целом за рассматриваемый период ситуация в этой сфере ухудшилась. По научно-техническому потенциалу РМ в 2010 г. поднималась до 44 места, но ненадолго. Наибольший прогресс достигнут в повышении качества инновационной политики – по этому субиндексу регион поднялся с 79 до 4 места.

Таблица 1

Изменение положения Республики Мордовия в рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации, ранг¹

Наименование показателя	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Социально-экономические условия инновационной деятельности (ИСЭУ)	56	44	38	42	32	59
Научно-технический потенциал (ИНТП)	55–56	44	57	64	58	58
Инновационная деятельность (ИИД)	27–28	2	5	2	1	1
Качество инновационной политики (ИКИП)	79	53–54	17	19	3	4
Итоговый рейтинг	70	26	18	17	4	8

Согласно последнему докладу НИУ ВШЭ, содержащему данные за 2015 г., Республика Мордовия занимает 8 место в РФ, опустившись за год на 4 ступени. По ИСЭУ РМ в 2015 г. опустилась с 32 на 59 место, по ИНТП поднялась с 59 до 58 места, по ИИД удержалась на 1 месте, по ИКИП заняла 4 место, ухудшив позиции на 1 пункт. Рассмотрим, за счет чего произошли эти изменения.

Из 3 групп показателей, характеризующих *социально-экономические условия инновационной деятельности*, по основным макроэкономическим показателям РМ находится на 40 месте, по образовательному потенциалу населения – на 14. Но оценка образовательного потенциала населения Мордовии только немного выше среднего по стране значения, что объясняется высоким уровнем образования россиян.

Наиболее сложная ситуация сложилась в сфере доступности Интернета – республика занимает 85 место в стране, а именно по следующим показателям: по величине удельного веса организаций, имеющих доступ к высокоскоростному Интернету, в общем числе организаций, РМ занимает 82 место; по значению удельного веса домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств – 74 место в России.

На низких позициях в федеральном рейтинге находится регион еще по 3 показателям этого тематического блока: ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона (57 место), коэффициент обновления основных фондов (70 место), удельный вес занятых в наукоемких отраслях сферы услуг в общей численности занятых в экономике региона (71 место).

Более высокие, чем в среднем по стране значения достигнуты по 2 показателям: удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных высокого уровня отраслях промышленного производства в общей численности занятых в экономике региона (11 место) и численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в расчете на 10 000 человек населения (11 место).

Научно-технический потенциал Мордовии страдает из-за недостаточного финансирования исследований и разработок (51 место), слабого кадрового обеспечения науки (80 место), невысокой результативности научных исследований и разработок (40-е место). По 7 из 11 показателей этого тематического блока РМ находится в конце федерального списка.

Но есть и очевидные достижения. Так, по нескольким показателям Мордовия имеет значения выше средних по стране: удельный вес лиц в возрасте до 39 лет в численности исследователей (33 место), число статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ, в расчете на 10 исследователей (7 место), число передовых производственных технологий, разработанных в регионе, в расчете на миллион человек экономически активного населения (17 место).

¹ Составлено по: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2012. – С. 26, 32, 39, 47, 54; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 2 / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2014. – С. 19, 29, 36, 42, 50; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / Под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2015. – С. 17, 26, 32, 37, 44; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 4 / Под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – С. 17, 25, 32, 45; Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахгин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 19, 28, 34, 40, 47.

Но самые высокие позиции занимает РМ в рейтинге по *ИИД*. По всем 9 показателям, характеризующим *инновационную деятельность*, Мордовия имеет значения, существенно превышающие средние по стране уровни. 1 место в стране регион занимает по удельному весу инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в организациях промышленного производства.

По 5 из 9 показателей, оценивающих *качество региональной инновационной политики*, Мордовия имеет наивысший рейтинг. Однако недостаточное финансирование затрат на технологические инновации в промышленности за счет средств регионального и местных бюджетов не позволили региону подняться столь же высоко в итоговой оценке качества инновационной политики.

Согласно другому популярному рейтингу, публикуемому АИРР, Республика Мордовия по уровню инновационного развития за 2013–2017 гг. поднялась с 19 до 13 места в России. Произошло это за счет таких направлений как инновационная деятельность и инновационная активность. По двум другим группам показателей наблюдается значительное ухудшение положения (табл. 2).

Таблица 2

Изменение положения Республики Мордовия в рейтинге Ассоциации инновационных регионов России, ранг¹

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.
Научные исследования и разработки	25	23	21	32
Инновационная деятельность	21	15	6	9
Социально-экономические условия инновационной деятельности	18	56	62	51
Инновационная активность региона	н/д	н/д	12	9
Итоговый рейтинг	19	21	14	13

* При формировании рейтинга 2013 г. использованы показатели за 2011–2012 гг., рейтинга 2014 г. – за 2012–2013 гг., рейтинга 2016 г. – за 2014–2016 гг., рейтинга 2017 г. – за 2015–2017 гг.

В рейтинге 2014 г. Республика Мордовия по уровню инновационного развития опустилась на 21 место среди регионов России, сохранив при этом свое положение в группе средне-сильных инноваторов. В наибольшей степени изменились следующие показатели:

– количество поданных международных РСТ-заявок² по отношению к численности экономически активного населения;

– доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций;

– доля организаций, осуществлявших нетехнологические инновации, в общем числе организаций;

– доля малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий.

Основными причинами такой динамики стали следующие обстоятельства:

– количество поданных международных РСТ-заявок выросло с 0 в 2012 г. до 24 в 2013 г.;

– доля организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций в 2012 году составила 14,4%, в 2013 – 16%, нетехнологические инновации – 4,6 и 5,4% соответственно;

– доля малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий в 2012 составила 6,3%, в 2013 – 8,6%.

Уменьшение значений отмечается по следующим показателям:

– доля затрат организаций предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки, причина – сократилась доля средств бизнеса в затратах на НИОКР с 17% в 2012 г. до 8% в 2013 г.;

– доля организаций, использовавших Интернет, в общем числе обследованных организаций, причина – более быстрый рост значений этого показателя в других регионах России.

Слабыми местами в инновационном развитии Республики Мордовия в рейтинге 2014 г. выступали:

– ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона,

– объем поступлений от экспорта технологий по отношению к ВРП.

Действительно, значение ВРП на одного занятого в 2012 г. в экономике РМ (349 тыс. руб.) сильно отставало от среднерегионального уровня (550 тыс. руб.). Увеличить этот показатель могло бы привлечение инвестиций на местные предприятия, увеличение объема ВРП за счет организации производств и предоставления услуг с высокой добавленной стоимостью. Однако развитие сферы услуг в данном регионе сдерживается низким уровнем жизни населения.

Улучшить ситуацию в части экспорта технологий сложнее, возможности региональных властей ограничены мерами по стимулированию предприятий и организаций региона к проведению НИОКР. С обеими этими задачами справиться не удалось. Эти показатели остались в числе слабых сторон региона и в рейтинге 2016 г., когда Республика Мордовия заняла 14 место в стране. (Такое же значение итогового показателя имел Пермский край. Из числа при-

¹ Составлено по: Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2013. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2013. – С. 5; Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2014. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2014. – С. 10, 17, 21, 24, 29–31; Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2015. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2015. – С. 6, 14; Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2016. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2017. – С. 123, 23, 27, 31, 35, 54–55; Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2017. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2018. – С. 12, 19, 23, 27, 32, 52–53.

² РСТ – международная патентная система.

волжских регионов более высокие позиции занимали Республика Татарстан, Нижегородская область, Республика Башкортостан, Самарская область.)

Помимо названных к слабым сторонам РМ в этом рейтинге были отнесены позиции по еще 2 индикаторам:

- коэффициент обновления основных средств,
- удельный вес организаций, использовавших Интернет.

В рейтинге 2017 г. Мордовия поднялась на 1 ступень выше, в то время как другие регионы – члены этой Ассоциации, входящие в группу средне-сильных инноваторов, за этот год ухудшили свои позиции. Соседние места заняли богатейшие сырьевые регионы – Республика Башкортостан (12 место) и Тюменская область (14 место).

Повышение рейтингового положения Мордовии произошло за счет существенного улучшения социально-экономических условий инновационной деятельности и повышения инновационной активности. По 2 слагаемым итогового индекса позиции региона заметно ослабли.

В 2017 г. высокое рейтинговое положение заняла Мордовия по следующим индикаторам, ранее не являвшимся сильными сторонами региона:

– удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг,

- инновационная активность региональных властей,
- число участников кластеров и резидентов технопарков в расчете на 1 тыс. человек занятого населения.

Слабых сторон в рейтинге 2017 г. у региона тоже стало больше. Кроме тех, что были названы в предыдущем рейтинге, к ним добавился показатель «число используемых изобретений в расчете на миллион человек населения».

В подрейтинге по уровню развития научных исследований и разработок РМ заняла 32 место в России, на 7% превысив среднее по стране значение. Примерно такие же значения по показателям этой группы имеют Рязанская и Челябинская области, республики Марий Эл и Коми, а также Пермский край.

Первые 4 места занимают регионы, на 40% и более превышающие среднее по стране значение, рассчитанной по этой группе показателей: г. Москва (181,3%), г. Санкт-Петербург (175,3%), Томская область (154,6%), Новосибирская область (142,5%). Из числа приволжских регионов-членов АИРР опережают РМ по уровню развития научных исследований и разработок еще Республика Татарстан (6 место), Республика Башкортостан (13 место), Ульяновская область (14 место), Самарская область (20 место).

В подрейтинге по уровню развития инновационной деятельности Мордовия находится на 9 месте, на 50% превышая среднее по стране значение. В подрейтинге по социально-экономическим условиям инновационной деятельности Мордовия находится на 51 месте. Все другие регионы ПФО заняли в этом подрейтинге более высокие позиции. В подрейтинге по уровню инновационной активности РМ находится на 9 месте. Опережают Мордовию в этом подрейтинге еще 2 приволжских региона – Ульяновская область (6 место) и Республика Башкортостан (7 место).

Итак, при рейтинговании по методике НИУ ВШЭ Мордовия находится на 8 месте в России, по методике АИРР – на 13 месте.

Для улучшения инновационного климата в Мордовии необходимо предпринять меры, направленные на:

- повышение доступности Интернета для организаций и населения,
- ускорение обновления основных средств,
- стимулирование создания рабочих мест в наукоемких отраслях сферы услуг,
- увеличение финансирования исследований и разработок,
- привлечение предпринимателей к финансированию исследований и разработок,
- повышение заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками,
- стимулирование создания рабочих мест в организациях, занятых исследованиями и разработками,
- повышение общественного статуса ученых и престижа исследовательской работы,
- привлечение в науку высококвалифицированных кадров, имеющих ученые степени,
- стимулирование изобретательской деятельности,
- разработку стратегии инновационного развития региона,
- усиление технологической ориентированности региональных стратегий,
- более активное освещение в СМИ положительного опыта предприятий-инноваторов.

Возможности инновационного развития экономики опираются на активное участие в созидательных процессах молодых людей со свойственным им креативным неординарным подходом к решению разных задач, склонностью к инициативе и риску. Однако фактором, ограничивающим возможности инновационного развития этого приволжского региона и страны в целом, может стать непривлекательность научной деятельности для молодежи, о чем свидетельствуют статистические данные и результаты исследований авторитетных международных организаций. Так, по данным ЮНИСЕФ, в 2008 г. в составе исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, сотрудников в возрасте до 30 лет было 17,6%, в Мордовии этот показатель составлял 20,1%¹. А средний возраст ученых в России превысил 48 лет². В Мордовии ситуация осложняется тем, что уровень оплаты труда в сфере науки остается в Республике Мордовия одним из самых низких в стране: РФ – 57 179 руб.³, РМ – 27 469,5 руб.⁴. Кроме того, следует

¹ Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М., 2010.

² Путин назвал средний возраст ученых в России. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2013/02/08/809939-putin-nazval-sredniy-voznrast-uchenyh-v-rossii-48-let.html>

³ Российский статистический ежегодник. 2018. / Росстат. – М., 2018, с. 147.

⁴ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – С., 2018, с. 143.

принять во внимание, что значительная часть научных исследований реализуется в вузовских структурах, а здесь уровень заработной платы еще ниже (средняя заработная плата в сфере образования в РМ в 2017 г. – 19 893,4 руб.¹).

Первоочередной задачей является создание действенных стимулов для привлечения творческой молодежи в сферу науки и те сектора региональной экономики, которые ее инновационное развитие, прежде всего это: энергосберегающая светотехника и силовая преобразовательная техника; кабельное и оптико-волоконное производство; машиностроение, в том числе вагоностроение; информационные технологии.

¹ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – С., 2018, с. 143.

Лобикова О.М.

старший преподаватель, Белорусско-Российский университет, г. Могилев
olg.lobikova@yandex.ru

Лобикова Н.В.

лаборант, Белорусско-Российский университет, г. Могилев

Галюжин С.Д.

к.т.н., действительный член Белорусской инженерной академии, доцент, Белорусско-Российский университет, г. Могилев

РАЦИОНАЛЬНОЕ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, СТРАТЕГИИ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: энергетические ресурсы, строительство, система вентиляции, энергетическая эффективность.

Keywords: energy resources, construction, ventilation system, energy efficiency.

В процессе развития цивилизации основные функции строительства заключались в основном в обеспечении комфортной среды обитания для человека за счет применения эстетических и эргономических проектных решений. Эти же цели преследовались при проектировании систем обеспечения микроклимата в помещениях: создание комфортных условий для жизни, деятельности людей и для протекания различных технологических процессов, требующих определенного состояния воздушной среды, характеризуемой совокупностью химического состава воздуха, влажностного, теплового и др. режимов [1, 2].

В настоящее время из-за нехватки энергетических ресурсов на ключевые позиции вышла проблема энерго- и ресурсосбережения и, как следствие, требование повышения уровня энергоэффективности жилых, общественных и производственных зданий. В связи с этим вопросы снижения расходования невозобновляемых природных ресурсов, применяемых при эксплуатации зданий, в том числе систем отопления, вентиляции и кондиционирования, является задачей первостепенной важности из-за ограниченности этих ресурсов. При этом требования, предъявляемые к обеспечению комфортной среды обитания для человека, его нормальной жизнедеятельности, протекания сложных технологических процессов, не снижаются, а скорее возрастают. В первую очередь это относится к состоянию воздуха как приоритетной потребности человека, влияющей на его самочувствие, работоспособность. Повысились требования также к микроклимату производственных помещений, поскольку для реализации технологических процессов во многих отраслях промышленности также необходимо жесткое обеспечение параметров воздушной среды [3].

Как результат, в настоящее время получили развитие методы проектирования, строительства и эксплуатации зданий, целью которых является снижение энерго- и ресурсопотребления зданий и сооружений при сохранении или повышении комфортных условий микроклимата. Среди задач, решаемых отраслью, основными стали: снижение негативного влияния на окружающую среду, сокращение потребления природных ресурсов при эксплуатации зданий и сооружений, повышение энергоэффективности зданий и сооружений.

Решаются поставленные задачи производства, распределения и рационального использования энергетических ресурсов с помощью современных строительных технологий. Новые технологии проектирования, современные строительные материалы и уровень развития техники выводят отрасль строительства на новый уровень внедрения инструментов использования возобновляемых источников энергии, систем энергосбережения и распределения производимой энергии.

В соответствии с требованиями Евросоюза уже с 2020 года в Европе будет разрешено проектирование и строительство зданий и сооружений, удовлетворяющих требованиям энергоэффективности не ниже пассивного дома [1, 4]. Далее идет внедрение модели энергонезависимой архитектурной системы. Однако если в странах Евросоюза проблемами энергосбережения занимаются уже несколько десятилетий, то в Беларуси и России активное энергосбережение началось несколько лет назад [3]. Беларусь и большая часть территории России имеют более суровый климат, чем большинство стран Европы, поэтому ряд апробированных европейских решений в области энергосбережения в наших странах не применим. Россия и Беларусь имеют близкие природно-климатические условия, нормативную базу и, соответственно, похожие проблемы.

В России и Беларуси сформированы соответствующие нормативные базы, построены и успешно эксплуатируются первые энергоэффективные дома класса А, проводится тепловая реновация существующего жилого фонда, активно внедряются энергоэффективные технологии в производство. В соответствии с нормативными требованиями проектирование зданий классов энергосбережения «D» и «E» не допускается [1]. При этом большая часть эксплуатируемых зданий и сооружений была построена в соответствии с требованиями предыдущих лет и не соответствует современным повышенным требованиям энергоэффективности, что вызывает необходимость их реконструкции для повышения класса энергосбережения.

Для повышения энергоэффективности зданий и сооружений и снижения потребляемых энергетических ресурсов в системах обеспечения микроклимата зданий можно выделить следующие основные направления: совершенствование конструктивных решений; оптимизация комплекса систем обеспечения микроклимата зданий и сооружений; применение возобновляемых источников энергии [3, 5].

Для снижения уровня энергопотребления широкое применение получили энергоэффективные конструктивные решения [6]. Природно-климатические условия Беларуси и России обуславливают необходимость экономии тепла как пассивными способами (рациональная ориентация зданий относительно сторон света, направления ветров, выбор форм зданий, учет рельефа и т.п.), так и путем повышения теплозащитных характеристик ограждающих конструкций здания (использование современных материалов наружных ограждающих конструкций, современных материалов утеплителей наружных стен, покрытий и перекрытий, применение многокамерных стеклопакетов, заполнение камер стеклопакетов инертными газами). Последние мероприятия, уменьшая потери тепла, исключают возможность применения приточно-вытяжной вентиляции с естественным побуждением и приводят к необходимости использования систем принудительной приточной вентиляции помещений для обеспечения людей чистым воздухом. Система приточно-вытяжной вентиляции с естественным побуждением перестает выполнять свою основную задачу: создание благоприятного комфортного микроклимата в помещениях. При этом приток атмосферного воздуха, являясь нерегулируемым, не обеспечивает потребное количества свежего воздуха в помещении, также не происходит его предварительная обработка (фильтрация, увлажнение, осушка и т.д.), что также весьма актуально в современных городских условиях. Здесь проектировщики сталкиваются с необходимостью решения следующей задачи – подбор, проектирование, выбор оптимального комплекса систем обеспечения микроклимата зданий и сооружений (отопление, вентиляция и кондиционирование) как одних из самых значительных потребителей энергоресурсов [7].

Для повышения энергоэффективности, в системах вентиляции и кондиционирования воздуха нашли применение следующие методы [3, 8]:

- оптимизация параметров микроклимата в соответствии с действующими санитарными нормами и требованиями конкретного производственного процесса;
- применение тепловых насосов;
- адаптация режима работы системы вентиляции под нагрузки и режимы эксплуатации здания;
- децентрализация систем отопления, вентиляции и кондиционирования;
- уменьшение расхода инфильтрационного воздуха;
- оптимизация распределения поступающего воздуха в помещении;
- использование локального кондиционирования;
- применение рекуператоров (утилизация тепла удаляемого системой вентиляции воздуха);
- использование вторичных источников тепла, энергии различного происхождения (производственных агрегатов, стоков и т.п.);
- использование природных источников тепла, энергии;
- сочетание систем формирования микроклимата с другими системами;
- уменьшение энергопотребления системами вентиляции и кондиционирования за счет совершенствования их конструкции;
- применение аккумуляторов тепла;
- совершенствование средств автоматизации технических систем.

Формирование системы отопления так же требует значительных энергозатрат. Современные системы имеют значительные теплотери в самой системе отопления. Децентрализация и комбинирование систем отопления существенно снижает эти потери [2].

Еще одно направление повышения энергоэффективности зданий – это альтернативная энергетика. Наибольшее распространение в энергосберегающих зданиях получили солнечные батареи, коллекторы, ветряные электростанции, тепловые насосы и комбинированные системы. Современные прототипы фотоэлементов показывают существенное повышение КПД – 85%. Также растет эффективность ветрогенераторов. Новые технические решения по уровню шума и компактности дают возможность встраивания их в городскую архитектуру. Современные технологии аккумуляции позволяют сохранять для дальнейшего использования излишки энергии, произведенные энергоактивными зданиями [4, 5].

Кроме солнечных батарей и ветрогенераторов, весьма перспективным является использование тепловых насосов [2]. Тепловой насос позволяет передать тепловую энергию низкопотенциального источника теплоты (воздуха, воды, грунта) системе отопления или горячего водоснабжения. Проектирование систем, которые используют нетрадиционные возобновляемые источники энергии, и, в особенности, тепловых насосов, позволяет в любом климате автономно обеспечить здание тепловой энергией. Особенно перспективны комбинированные теплонасосные системы теплоснабжения, работающие в сочетании с теплом вентиляционных выбросов зданий.

Комбинация систем, использующих альтернативные источники энергии, дает возможность существенно снизить потребление углеводородов или отказаться от них. Использование данных систем при строительстве энергоэффективных зданий и сооружений позволяет достичь стандартов дома с нулевым потреблением энергии, и далее параметров дома с плюсовой энергии и, в дальнейшем, перейти к проектированию и строительству энергонезависимых комплексов зданий.

При проектировании энергонезависимых комплексов зданий и сооружений, необходимо учитывать, что кроме полного самообеспечения, объекты должны производить достаточное количество энергетических ресурсов для деятельности внутренней инфраструктуры. В настоящее время существующие в мире энергоэффективные комплексы

зданий и сооружений далеки до формирования автономной инфраструктуры. Совокупные потребности в энергии для функционирования транспорта, систем водоснабжения, канализации и т. п. не покрываются в полной мере излишками энергии нескольких энергонезависимых зданий, с положительным энергобалансом [9].

Основной проблемой, которую необходимо решить для достижения энергонезависимости комплекса зданий и сооружений, является обеспечение энергией его внутренней инфраструктуры. Развитие современной энергоэффективной архитектуры происходит в направлении увеличения производимых мощностей и уменьшения энергозатрат. Таким образом, каждое вновь построенное здание производит все больше энергии при растущем уровне энергосбережения. Излишки произведенной энергии распределяются в городскую электросеть. Развитие беспроводных средств передачи данных и увеличение вычислительных мощностей укрепляет связи между отдельными объектами и создает предпосылки для дальнейшего перехода к созданию системы взаимодействий между отдельными элементами архитектурного комплекса и его инфраструктуры. В такой системе должен рационально использоваться весь потенциал элементов альтернативных источников энергии и систем энергосбережения для оптимального распределения производимых комплексом ресурсов. Разработка модели энергонезависимой архитектурной системы становится важной задачей, решение которой позволит разобраться с множеством экономических, социальных проблем [9].

Ввиду ограниченности исчерпаемых природных ресурсов и постоянного повышения их стоимости, уменьшение затрат энергоресурсов, разработка, проектирование и строительство энергетически эффективных и энергосберегающих зданий и сооружений является актуальной проблемой. Рассматриваемая проблема является многофакторной и может быть решена следующими методами:

- совершенствование конструктивных решений зданий;
- использование возобновляемых источников энергоресурсов;
- оптимизация систем обеспечения микроклимата зданий и сооружений;
- разработка модели энергонезависимой архитектурной системы.

Данные методы позволят сократить потребление энергии на отопление и вентиляцию зданий в холодное время года, повысить их энергоэффективность.

Истощение невозобновляемых энергетических ресурсов заставляет задуматься о рациональном их использовании. Создание энергоэффективных зданий является одним из шагов на этом пути. При этом хотелось бы напомнить, что повышение потребления энергии с развитием общества – это нормальный путь развития цивилизации. Соответственно, целью программ энергоэффективности является, в конечном итоге, не столько снижение энергопотребления вообще, сколько снижение нерационального потребления, сокращение потерь, выход на модель энергонезависимой архитектурной системы.

Список литературы

1. Лысев В.И., Шилин А.С. Направления повышения энергоэффективности зданий и сооружений. // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Холодильная техника и кондиционирование. – СПб., 2017. – № 2/3. – С. 18–25.
2. Лобикова Н.В., Лобикова О.М., Галюжин С.Д. Эффективность различных систем отопления индивидуальных жилых домов с учетом экологичности проектов // Вестник Белорусско-Российского университета. – Могилев, 2018. – № 4 (61). – С. 120–130.
3. Шагинян К.С., Окунев А.Ю. Системы вентиляции гражданских зданий. Проблемы и новые способы их решения // Строительные науки. 2010. – № 3. – С. 530–537.
4. Сিনিцын В.И., Шуршаков Е.В. Современные тенденции в проектировании систем теплогазоснабжения и вентиляции // Ecology. 2015. – № 4. – С. 15–17.
5. Щур А.В., Лобикова Н.В., Лобикова О.М. Направления снижения зависимости от традиционных источников теплоснабжения в Республике Беларусь // Экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты современных агротехнологий: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (22–23 марта 2018 года, г. Рязань). – Рязань: Издательство Рязанского государственного агротехнологического университета, 2018. – Ч. 2. – С. 446–452.
6. Щур А.В., Лобикова Н.В., Лобикова О.М. Анализ энергоэффективных конструкций стен // Новые материалы, оборудование и технологии в промышленности. Материалы Международной научно-технической конференции молодых ученых / Белорусско-Российский университет. – Могилев, 2018. – С. 138.
7. Лобикова Н.В., Лобикова О.М., Галюжин С.Д. Многокритериальная оценка энергосберегающих технологий в строительстве // Материалы, оборудование и ресурсосберегающие технологии: материалы Междунар. науч.-техн. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высшего образования РФ, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М.Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2019. – С. 264–265.
8. Галюжин С.Д., Лобикова Н.В., Лобикова О.М., Галюжин А.С. Целесообразность использования современных энергосберегающих систем вентиляции при строительстве и реконструкции зданий // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2018. – Т. 4, № 4. – С. 1–8.
9. Петров В.Д. Проблемы достижения полной энергонезависимости архитектурными комплексами зданий и сооружений // Интернет-журнал «Наукоедение». 2016. – Т. 8, № 3. – <http://naukovedenie.ru/PDF/06TVN316.pdf>

Мамлеева Э.Р.

к.э.н., УГАТУ, г. Уфа

Баембетова А.Ф.

магистрант УГАТУ, г. Уфа

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РФ И ЕЕ РЕГИОНОВ: СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: инновация, инновационный потенциал, показатели инновационного потенциала.

Keywords: innovation, innovative potential, indicators of innovative potential.

В современных условиях стратегическим ресурсом экономического развития экономики стран является инновационный потенциал.

Инновационный потенциал регионов – это, прежде всего, источники, возможности, средства создания условий для оптимизации вклада науки и техники в экономическое развитие за счет внедрения рыночных принципов в эту сферу и ее реструктуризацию, а также готовность воспринять нововведения для последующего эффективного использования на уровне, соответствующем мировому.

Вопросам оценки инновационного потенциала в регионах России в настоящее время уделяется значительное внимание. Из способов оценки влияния научно-технического прогресса на развитие региона можно выделить следующие:

- использование для анализа инновационных факторов развития региона методов межотраслевых балансов, разработанных В. Леонтьевым и его последователями;
- определение конкурентных преимуществ регионов и стран, основанное на исследованиях, проведенных М. Портером;
- определение инновационных факторов регионального развития с помощью оценки структуры и динамики валового регионального продукта, проводимые академиком А.Г. Гранбергом;
- SWOT-анализ (Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности), Troubles (опасности));

Общий недостаток трех первых методов анализа инновационной активности заключается в том, что они изучают и измеряют не саму причину изменений экономической ситуации, а их следствие. SWOT-анализ устанавливает причины инновационной активности, прогнозирует возможные перспективы и риски.

Также существуют различные методики исследования инновационного потенциала. Мы проанализировали инновационный потенциал РФ на основе экспертного подхода, который был разработан специалистами Института экономики РАН. В основе метода лежит оценка базовых показателей (по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), к которым относят:

- степень износа основных фондов;
- организации, выполнявшие научные исследования и разработки;
- численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки;
- организации, ведущие подготовку аспирантов;
- поступление патентных заявок и выдача патентов в России;
- разработанные передовые производственные технологии;
- используемые передовые производственные технологии;
- инновационная активность организаций;
- затраты на технологические инновации;
- объем инновационных товаров, работ, услуг.

На основе статистических данных можно сделать следующие выводы:

- за исследуемый период увеличилась степень износа основных фондов, а также доля изношенных основных средств;
- за 2013–2017 гг. в структуре организаций, выполняющих научные исследования и разработки, наблюдается тенденция к усилению позиций секторов науки;
- численность персонала в 2017 г., занятого научными исследованиями и разработками (человек), заметно сократилась по сравнению с 2015 г на 19142 человека;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки за 2013–2017 гг. увеличились на 269 354,8 млн. руб.;

Показатели оценки инновационного потенциала РФ

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Степень износа основных фондов (%)	46,3	47,9	48,8	50,2	50,9
Доля полностью изношенных ОС (%)	13,3	14,0	15,0	16,2	17,1
Коэффициент обновления	6,9	6,9	6,3	5,2	5,9
Коэффициент выбытия	1,1	1,0	1,0	0,8	0,9
Организации, выполнявшие научные исследования и разработки	3605	3604	4175	4032	3944
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (человек)	727 029	732 274	738 857	722 291	707 887
Внутренние затраты на научные исследования и разработки (миллионов рублей)	749 797,6	847 527,0	914 669,1	943 815,2	1019 152,4
Поступление патентных заявок в России (на изобретение/на полезные модели)	–	24072/13000	29269/11403	26795/10643	22765/10143
Выдача патентов в России (на изобретение/на полезные модели)	–	230565/12267	22560/8390	21020/8474	21037/8376
Разработанные передовые производственные технологии	1429	1409	1398	1534	1402
Используемые передовые производственные технологии	193 830	204 546	218 018	232 388	240 054
Инновационная активность организаций (%)	10,1	9,9	9,3	8,4	8,5
Затраты на технологические инновации (%)	2,9	2,9	2,6	2,5	2,4
Объем инновационных товаров, работ, услуг (%)	–	8,7	8,4	8,5	7,2

– за исследуемый период наблюдается значительный рост используемых передовых производственных технологий;

– снижение инновационной активности организаций на 2,6 п.п., а также сокращение объема инновационных товаров, работ и услуг.

Таким образом, инновационный потенциал РФ можно оценить, как достаточно низкий. По многим позициям в последние годы заметно значительное ухудшение позиций.

Список литературы

1. <http://www.gks.ru/>
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с.
3. Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 328 с.

*Машкин А.Л.,
Казицкая Н.В.¹*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА

Ключевые слова: информатизация, научно-технический прогресс, интеллектуальная транспортная система (ИТС), информационные коммуникационные технологии (ИКТ).

Keywords: informatization, scientific and technical progress, information intelligent transport system (ITS), communication technologies (ICT).

Введение

Информационные цифровые технологии присутствуют в любой деятельности современного общества, соответственно все большую актуальность приобретает изучение особенностей их функционирования в российской экономике вообще и на автомобильном транспорте в частности.

Информатизация современного общества является системно-активным процессом, направленным на овладение информацией как средством управления экономическими, финансовыми и интеллектуальными ресурсами. Внедрение современных информационных технологий, в перспективе, приводит к появлению новых разделов экономической науки.

Роль информатизации в развитии экономики

Информационные коммуникационные технологии (ИКТ) – это не только одна из наиболее быстро растущих отраслей экономики, но, и важнейший инструмент реализации инноваций и научно-технического прогресса. Специалисты Всемирного экономического форума определяют 5 ключевых положительных эффектов внедрения ИКТ².

1. Прямое создание рабочих мест. Сектор ИКТ, как ожидается, останется одним из крупнейших работодателей. Например, в США количество рабочих мест в этом секторе, как ожидается, вырастет на 22% до 2020 года, что составит более 700 000 новых рабочих мест.

2. Вклад в рост ВВП. Данные из различных стран подтверждают положительное воздействие ИКТ на рост ВВП³. Например, статистика фиксирует обусловленный им рост ВВП на 1,4% в развивающихся странах, в Китае эта величина достигает 2,5%. Интернет-экономика составляет 3,4% ВВП в некоторых странах. Большую часть этого приносит электронная коммерция и услуги, оказываемые через глобальную сеть.

3. Появление новых служб и отраслей промышленности⁴. Индустрия информационных технологий содействует развитию многих других секторов экономики, в том числе сферы обслуживания и промышленности. Многие социальные услуги стали доступными онлайн. Переход к облачным вычислениям – одна из ключевых тенденций в модернизации экономик. Развитие ИКТ привело к появлению абсолютно нового сектора – промышленности приложений. Только приложения Facebook создали более 182 000 рабочих мест в 2011 году, а совокупная рыночная стоимость приложений Facebook превышает 12 миллиардов долларов США.

4. Преобразование трудовых ресурсов. Эффективное использование квалифицированных кадров в секторе IT может содействовать повышению темпов экономического роста. Новые платформы «микроработы», разработанные компаниями oDesk, Amazon и Samasource, помогают разделить производственные задачи на небольшие компоненты, которые могут быть выполнены внештатными сотрудниками. Микрорабочие платформы позволяют предпринимателям значительно сокращать издержки и получать доступ к компетентным рабочим. В 2012 году компания oDesk привлекла более 3 миллионов дипломированных подрядчиков, которые выполнили 1,5 млн. производственных задач.

¹ Машкин Аркадий Львович – к.э.н., доцент кафедры «Экономика автомобильного транспорта» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Казицкая Нина Валерьевна – к.э.н., доцент кафедры «Финансы» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Жидкова М.А., Шпилькина Т.А., Козлова Д.С. Развитие транспортно-логистических процессов как один из элементов оживления экономики // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 3 (13). – С. 11.

³ Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Роль цифровых технологий в стратегии развития страны – 2024 // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности. X Международная конференция, VIII Международный конкурс научных и научно-методических работ, IV Конкурс «Научное школьное сообщество». Сборник трудов / Отв. редакторы и составители Т.В. Пирязева, В.В. Серов. 2018. – С. 116–118.

⁴ Машкин А.Л., Гоголина Е.С., Казицкая Н.В., Дрейцен М.А. Информатизация финансовой сферы экономики // Наука и социум: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: СИППИРС, 2019. – Ч. 2. – С. 117–121.

Развитие ИКТ способствует развитию предпринимательства, например, облегчая стартапам доступ к юридической и нормативной информации, а также к инвестиционным ресурсам.

5. Деловые инновации. В странах-членах ОЭСР более 95% компаний представлены онлайн в Интернет. Интернет предоставляет компаниям новые способы коммуникации с клиентами и повышает их конкурентоспособность. За последние несколько лет социальные сети утвердились как мощный маркетинговый инструмент. Инструменты ИКТ, используемые в компаниях, помогают оптимизировать бизнес-процессы и повысить эффективность финансовой деятельности.

ИКТ на автомобильном транспорте

Транспорт, включая автомобильный, – это очень сложный комплекс технологий, трудовых ресурсов, основных фондов и, конечно, финансов¹. Весь этот комплекс условно можно назвать Интеллектуальной транспортной системой (ИТС). ИТС – это совокупный технический и технологический комплекс систем, включая системы обмена информационными услугами между всеми участниками транспортного процесса, системы управления финансовыми потоками и системы организации и управления транспортными, грузовыми и пассажирскими потоками. Хотя ИТС может относиться ко всем видам транспорта, директива Европейского союза 2010/40/EU, принятая 7 июля 2010 года, определяет ITS как системы, в которых информационно-коммуникационные технологии применяются в области автомобильного транспорта, включая инфраструктуру, транспортные средства и пользователей, а также в области управления движением и мобильностью, а также для взаимодействия с другими видами транспорта².

Важнейшее условие формирования современной транспортной инфраструктуры – своевременное внедрение цифровых технологий. По нашему мнению, основные усилия в области цифровизации транспорта необходимо сосредоточить на следующих прорывных направлениях:

– развитие технологии блокчейна, многофункциональных и многоуровневых информационных технологий, предназначенных для надежного учета различных видов активов;

– внедрение технологий идентификации, системы автоматической идентификации пользователей автотранспортной инфраструктуры, для упрощения проведения различных платежей на всех уровнях. К технологиям идентификации объектов относятся: магнитная карта, чип-карта, оптические (штрих-код, Data Matrix, OCR), радиочастотные (RFID, RTLS), биометрические (дактилоскопия, *in vitro*, определение ДНК), аудиологические (распознавание голоса), оптические (идентификация по радужной оболочке глаза, распознавание лица);

– актуализация для реалий РФ технологии открытого производства, которая основывается на принципах открытого проектирования и открытого источника (*open source*);

– повсеместное применение безбумажных технологий.

¹ Жидкова М.А., Шпилькина Т.А., Козлова Д.С. Развитие транспортно-логистических процессов как один из элементов оживления экономики // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 3 (13). – С. 11.

² Машкин А.Л., Мороз Н.Ю. Развитие статистики в информационном обществе // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сборник научных трудов. Вып. 3. – М.: Экон-Информ, 2018. – С. 161–167.

Михайлова М.В.¹

НЕЙРОМАТЕМАТИКА В МАШИННОМ ОБУЧЕНИИ

Ключевые слова: нейроматематика, машинное обучение, граф, матрица, градиентный метод, вероятность.

Keywords: neuromathematics, machine learning, graph, matrix, gradient method, probability.

К нейроматематике принято относить раздел вычислительной математики, связанный с разработкой методов и алгоритмов решения задач на нейрокомпьютерах. Теоретические основы этого раздела математики были заложены американскими нейрофизиологами Уорреном Мак-Каллохом и Уолтером Питтсом в 1943 году, когда они сформулировали основные положения теории деятельности головного мозга.

Если рассматривать нейрокомпьютеры как устройства переработки информации на основе принципов работы естественных нейронных систем, то возникает вопрос: «А какие задачи мы можем решать с их помощью? Почему для решения этих задач мы не можем воспользоваться классическими вычислительными системами?»

К классу таких задач чаще всего относят такие разновидности проблем:

- 1) у рассматриваемой задачи отсутствует алгоритм решения или не известны принципы ее решения,
- 2) рассматриваемая проблема характеризуется большими объемами входной информации,
- 3) исходные данные неполны или избыточны, зашумлены или частично противоречивы.

Для решения подобных проблем начали применять новую информационную технологию – машинное обучение. В результате применения этой технологии происходит математическое моделирование при большом количестве данных, но при малом объеме знаний.

Разнообразие задач, моделируемых с помощью машинного обучения, достаточно велико. К ним относятся: управление технологическими процессами, предсказание оттока клиентов, прогнозирование объема продаж, статистический машинный перевод, перевод речи в текст, компьютерное зрение и многие другие.

Самыми распространенными объектами нейроматематики, которые применяются в машинном обучении, являются: матрицы, графы, вероятность, функция, градиент, минимум функции, оптимизация, ошибка.

Самым наглядным примером применения такого объекта, как матрица (таблица чисел) является массив исходных данных в нейросети. На рис. 1 представлена схема однослойного персептрона, распознающего цифры. Мы видим, что исходная картинка может быть представлена в виде матрицы размера 7 на 5, состоящая из нулей и единиц.

Следующий объект – граф – представляет собой множество вершин и набор соединений между ними. Это хороший наглядный математический объект, который позволяет изобразить схему алгоритма или структуру модели. Он оказался полезным во многих теоретических и практических задачах. Схема на рис. 1 – это граф. Структура мозга тоже может быть представлена в виде огромного и длинного графа.

В математике часто граф представляется в виде упорядоченной пары $G=(V, E)$, где V – множество вершин, E – множество ребер, соединяющих эти вершины.

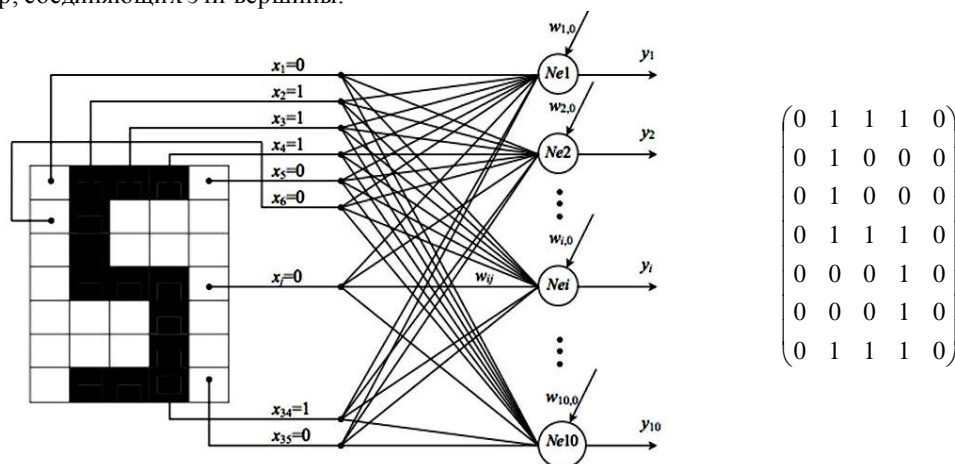

Рисунок 1.
Схема однослойного персептрона²

¹ Михайлова Марина Васильевна – д.ф.-м.н., профессор кафедры естественнонаучных дисциплин Московского открытого института.

² Распознавание оптических образов (символов) с помощью однослойного персептрона // Методические указания по дисциплинам «Системы искусственного интеллекта». – <http://www.myshared.ru/slide/725725>

Применение различных вычислений, производимых на таком графе, позволяет, например, найти кратчайший объездной путь или ближайший продуктовый магазин, спланировать оптимальный маршрут.

Описание связей между объектами с помощью графов заключается в приписывании ребрам некоторых количественных значений, качественных признаков или характерных свойств, называемых весами. В простейших случаях это может быть порядковая нумерация ребер, указывающая на очередность их рассмотрения (приоритет или иерархия).

Вес ребра может означать

- длину (пути сообщения),
- пропускную способность (линии связи),
- напряжение или ток (электрические цепи),
- количество набранных очков (турниры),
- валентность связей (химические формулы),
- количество рядов движения (автомобильные дороги),
- цвет проводника (монтажные схемы электронного устройства),
- характер отношения между людьми (сын, отец, подчиненный, учитель) и т. п.

Так для сложения двух чисел определяют вершину с двумя входами, функцию сложения и выход (рис. 2).

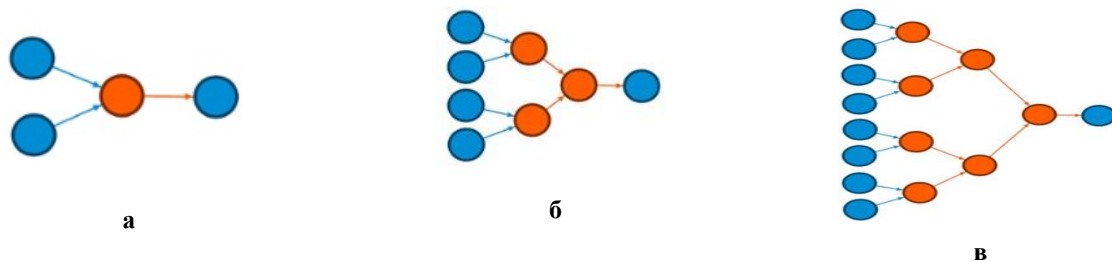

Рисунок 2.
Графы, отражающие операцию суммирования:
а) двух чисел, б) четырех чисел, в) восьми чисел

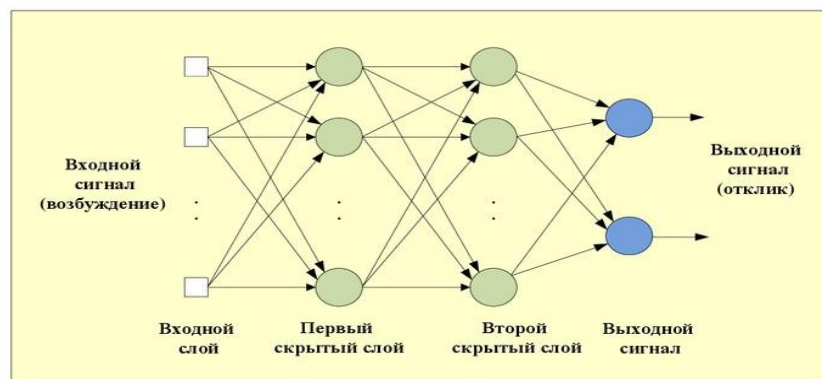
Искусственная нейронная сеть (рис. 3) может рассматриваться как направленный граф со взвешенными связями, в котором искусственные нейроны являются вершинами.

Методы теории вероятностей широко применяются в различных отраслях естествознания и техники и не обходят стороной и машинное обучение.

Умение рассчитывать вероятность возможных моделей, полученных с помощью машинного обучения, позволяет отбрасывать менее вероятные модели или результаты. Широкое применение здесь получает условная вероятность случайного события и формулы Байеса, позволяющие рассчитывать вероятности при дополнительных данных.

Выход 1
скрытого слоя
нейронной
сети:

$$v_i = f\left(\sum_{j=0}^N w_{ij}^{(1)} x_j\right)$$

В случае 1 скрытого слоя: на значение выходного сигнала влияют веса обоих слоев.

$$y_s = f\left(\sum_{i=0}^K w_{si}^{(2)} v_i\right) = f\left(\sum_{i=0}^K w_{si}^{(2)} f\left(\sum_{j=0}^N w_{ij}^{(1)} x_j\right)\right)$$

Рисунок 3.
Структура искусственной нейронной сети¹

¹ <https://ppt-online.org/15087>

Сам процесс машинного обучения может быть изображен в виде графа (рис. 4).

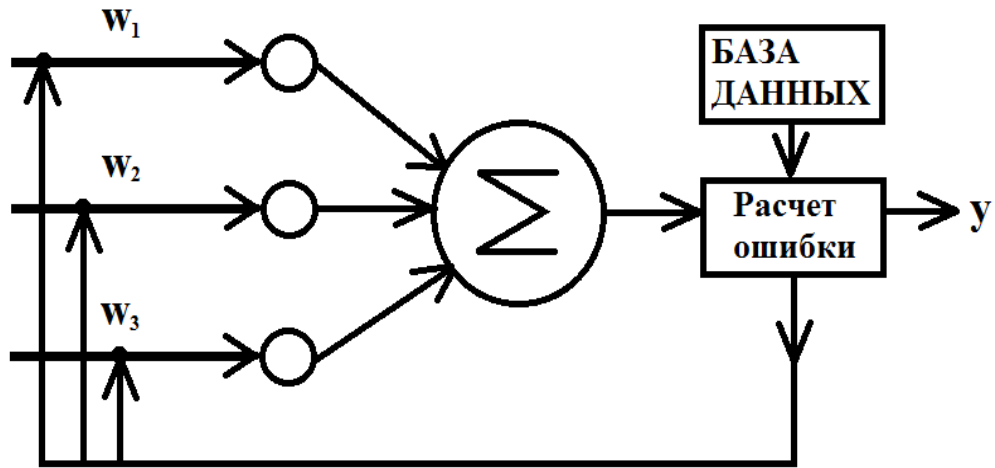

Рисунок 4.
Схема машинного обучения

Имея набор гипотез и набор обучающих данных, с помощью байесовского подхода мы можем определить, какая же гипотеза наиболее адекватна нашим обучающим данным (рис. 5). Этот подход дает точный численный критерий для решения этой задачи.

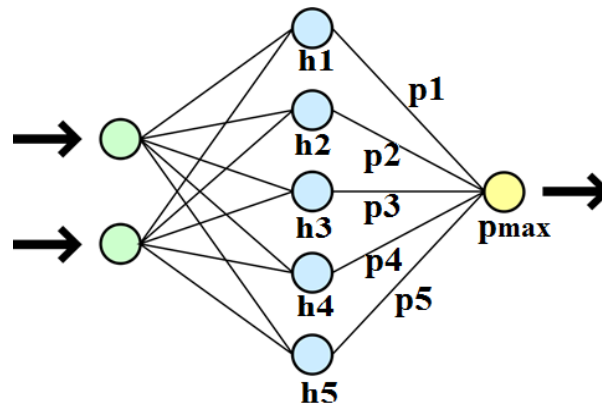

Рисунок 5.
Байесовские вероятности в машинном обучении

Метод градиентного спуска в машинном обучении применяется в процессе обучения нейронной сети для получения наименьшей ошибки в ходе получения обученной сети (рисунок 6).

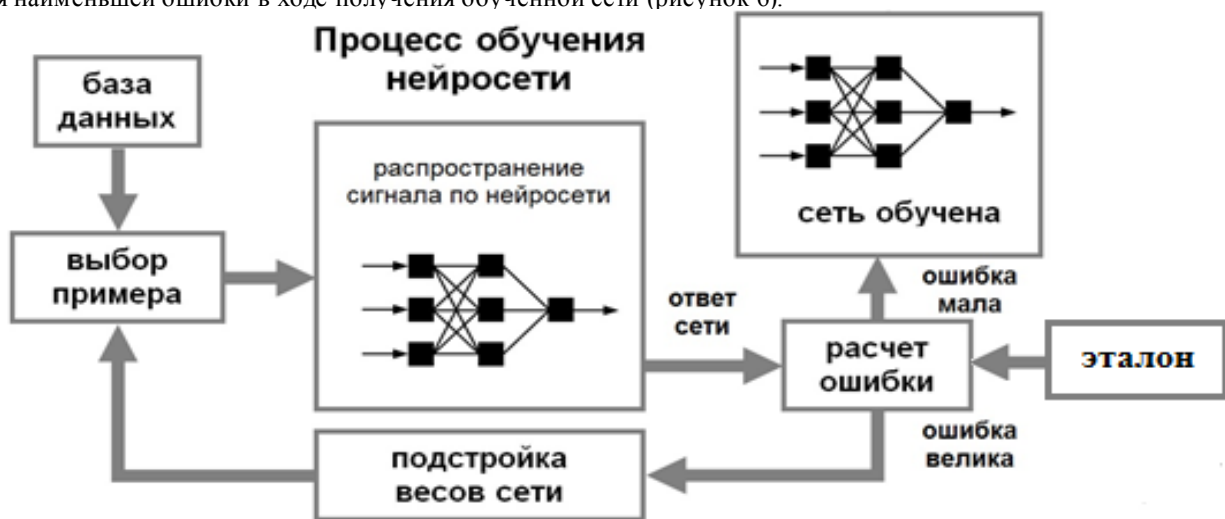

Рисунок 6.
Обучение нейронной сети¹

¹ <https://neuronus.com/theory/nn/238-obucheniya-nejronnoi-seti.html>

Таким образом, видим, что чистые математические объекты, зародившиеся и получившие распространение как абстрактные, на самом деле очень хорошо чувствуют себя в прикладных отраслях и даже являются незаменимыми объектами новых технологий, среди которых наиболее развиваемой является машинное обучение.

*Политковская И.В.,
Хвичия Д.Т.¹*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЫПОЛНЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОНТРОЛЛИНГА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: стратегические цели таможенной службы, таможенные операции, гибкие системы управления и контроля, цифровые технологии, интенсификация, информационная поддержка, методы и инструменты контроллинга.

Keywords: strategic goals of the customs service, customs operations, flexible management and control systems, digital technologies, intensification, information support, methods and tools for controlling.

Введение

В соответствии со «Стратегией развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года»² «стратегическими целями таможенной службы Российской Федерации является повышение уровня экономической безопасности Российской Федерации, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в российскую экономику, полного поступления доходов в федеральный бюджет, защиты отечественных производителей, охраны объектов интеллектуальной собственности и максимального содействия внешнеторговой деятельности на основе повышения качества и результативности таможенного администрирования». Кроме этих целей перед таможенной службой стоят задачи интеграции внешнеэкономической политики страны с мировой экономикой, активизации экспортно-импортной деятельности и государственного регулирования внешнеторговой деятельности в целях обеспечения экономической безопасности государства; «повышение качества предоставляемых таможенных услуг и снижение затрат на осуществление внешнеэкономических операций и таможенных формальностей»³; создание благоприятных условий для законной торговли и ускорения внешнеторгового оборота; выполнения таможенных операций с максимальной комфортностью для добросовестных участников внешнеэкономической деятельности⁴.

Несмотря на важность стоящих перед таможенной службой задач, в «Комплексной программе развития ФТС России на период до 2020 года» отмечается, что под влиянием основных мировых экономических факторов в условиях политической нестабильности возникает опасность ухудшения внутренней и внешней конъюнктуры рынка, снижения объемов внешнеторгового оборота, замедления темпов роста экономики и уровня инвестиционной активности, спада промышленного производства. Так «в 2015 году внешнеторговый оборот Российской Федерации по сравнению с 2014 годом сократился на 33%. В 2016 году по сравнению с аналогичным периодом прошлого года темп снижения замедлился и составил 11%. При этом в данном периоде сокращение, в первую очередь, обусловлено снижением экспорта (в 2016 году – на 17%). Стоимостной объем экспорта в 2015 году по сравнению с 2014 годом сократился на 31%. В 2016 году данное снижение продолжилось, составив к «досанкционному» 2014 году 43%»⁵.

Негативные процессы, наблюдаемые в современной общемировой экономической и политической среде, заставили государственные учреждения создавать и внедрять внутренние гибкие системы управления, позволяющие быстро адаптироваться к активно изменяющимся внешним условиям. Активно предпринимают различные меры в этом направлении и органы Федеральной таможенной службы. Так, «по состоянию на 28 декабря 2018 года объем доходов федерального бюджета от уплаты таможенных платежей превысил отметку в 6 трлн. руб. Прогноз по формированию доходов бюджета РФ выполнен таможенными органами на 101,5%. Платежи от импорта товаров составили 2931,8 млрд. руб., или 48,7% от общего объема перечислений ФТС России. В том числе НДС на ввозимые товары составил

¹ Политковская Ирина Валентиновна – к.т.н., профессор кафедры финансов Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Хвичия Даниил Гариелович – старший преподаватель кафедры финансов Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

² Стратегия развития таможенной службы РФ до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. N 2575-р. – http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17220&Itemid=2375

³ Кнышов А.В. К вопросу уточнения и интерпретации понятия деятельности таможенных органов // Исследование проблем таможенного дела: сборник статей аспирантов и соискателей. Российская таможенная академия. – М., 2012. – С. 53–57. – <http://novaum.ru/public/p666>

⁴ Мамедова Л.Т. Становление и развитие управления персоналом в таможенном деле // Саратовской области – 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / Отв. ред. Н.С. Яшин. – Саратов, 2016. – Ч. 1. – С. 141–142.

⁵ Комплексная программа развития ФТС России на период до 2020 года. – http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=25512&Itemid=2727

2245,6 млрд. руб. (37,3%). Вывозная таможенная пошлина составила 3005,7 млрд. руб., или 49,9% от общего объема перечислений ФТС России, а за три месяца 2019 года сумма доходов федерального бюджета, администрируемых таможенными органами, составила 1308,97 млрд. рублей»¹. Данные цифры свидетельствуют о повышении эффективности работы организаций ФТС за предшествующий год и первый квартал текущего года. Повышению результативности работы способствовало более ответственное отношение руководителей к выполнению таких показателей работы, как:

- 1) скорость совершения таможенных операций при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации, а также сокращение издержек заинтересованных лиц при совершении таможенных операций;
- 2) своевременность и полнота поступления таможенных платежей;
- 3) эффективность противодействия преступлениям и административным правонарушениям².

Оценка эффективности деятельности организаций таможенной службы в рамках исполнения таможенной политики государства во многом определяется скоростью и эффективностью принятия управленческих решений, а также результативностью применения различных инструментов управления внутренней средой. Повышения скорости выполнения заказов, расширения выполняемых операций в целях удовлетворения запросов клиентов и охвата этими процессами организации в целом, информирования и вовлечения в активную работу всего персонала можно добиться применением инструментов эффективного менеджмента с использованием цифровых технологий.

Несмотря на то, что Россия, согласно вышедшему недавно официальному статистическому сборнику «Цифровая экономика России», заметно отстает от многих стран мира по степени развитости и проникновению цифровых технологий в различные сферы деятельности, в том числе в организации таможенной службы, «занимая лишь 40–50-е место среди других стран, отмечается постепенное увеличение удельного веса сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ВВП РФ, составившего в 2017 году 2,9%»³.

В целях эффективного достижения стратегических целей в последние годы активно применяет передовые цифровые технологии и таможенная служба. В организациях ФТС создаются и внедряются новые автоматизированные системы, позволяющие повысить скорость и объективность принимаемых решений. «Согласно современной стратегии развития таможенных органов определены целевые индикаторы в области реализации мер с применением цифровых технологий»⁴. К 2020 г. ожидается довести показатель автоматической регистрации безрисковых поставок до 99%, в то время как сегодня количество автоматически выпущенных деклараций доходит лишь до 80%. Электронное декларирование является неким фундаментом функционирования «электронной таможни» и неотъемлемой частью механизма «единого окна»⁵.

«ФТС России проводится большая работа по развитию системы межведомственного электронного взаимодействия. Таможенные органы получают в электронном виде от различных министерств и ведомств актуальные и завершенные электронной подписью сведения и документы, необходимые для оказания государственных услуг и исполнения государственных функций. Получение сведений о разрешительных документах непосредственно от выдавших их контролирующих органов, а не от участников ВЭД, снижает риски заявления недостоверных сведений и существенно сокращает время проведения таможенных операций. Большая часть таможенных деклараций регистрируется таможенными органами в автоматизированном транспарентном режиме.

Введение обязательного электронного декларирования дало возможность сначала перейти к технологии удаленного выпуска товаров, а спустя несколько лет к технологии автоматического выпуска. После полного перехода на электронное декларирование, отработки технологии удаленного выпуска товаров ФТС России приняла решение о целесообразности сконцентрировать таможенное оформление в специальных центрах электронного декларирования (далее – ЦЭД). В настоящее время в России действует 672 места таможенного оформления»⁶. Полномасштабное внедрение цифровых технологий позволит значительно ускорить процесс таможенного оформления и контроля, что, в свою очередь, увеличит товарооборот и приведет к экономическому росту государства. Однако не следует забывать о том, что с внедрением цифровых технологий возникают проблемы незащищенности всей системы перед угрозами неправомерного доступа, копирования и изменения информации, представленной в цифровом виде. В целях устранения этих проблем ФТС России применяются: административные меры защиты цифровой информации; правовые средства защиты и меры уголовно-правового характера; а также внедряются системы управления рисками (СУР)⁷.

¹ Сведения о деятельности ФТС России. – http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=185&Itemid=2099

² Федеральный закон РФ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27.11.2010 №311-ФЗ // ИКП «КонсультантПлюс». – <http://www.consultant.ru>

³ Шпилькина Т.А., Жидкова М.А., Рыбьякова О.И. Роль цифровых технологий в стратегии развития страны 2024 // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности: материалы X Международной конференции. – М.: Спутник+, 2018. – С. 116–118.

⁴ Мамедова Л.Т. Становление и развитие управления персоналом в таможенном деле // Саратовской области – 80 лет: история, опыт развития, перспективы роста: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. / Отв. ред. Н.С. Яшин. – Саратов, 2016. – Ч. 1. – С. 141–142.

⁵ Смирнова И.А. Таможенные инструменты содействия внешней торговле // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний. 2017. – № 2 (3). – С. 19. – <https://customs.esrae.ru/15-58>

⁶ Алёхина О.В., Игнатъева Г.В., Тарасова Н.Л. Цифровые технологии в таможенном деле. – <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-tamozhennom-dele>

⁷ Значение информационных технологий и роль компьютерной безопасности в таможенном деле. – <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-tamozhennom-dele>

Значительное ускорение внешнеторгового оборота требует интенсификации процессов развития таможенной системы, подразумевающей не только внедрение инновационных цифровых технологий обработки информации и оформления заказов, но и дальнейшее использование проверенных мировым опытом современных технологий и инструментов управления, планирования и контроля, способствующих эффективному достижению стратегических целей¹. К числу этих технологий относится контроллинг, основанный на анализе совокупности информационных потоков организаций ФТС с использованием цифровых технологий. Особую актуальность приобретают в условиях применения цифровых технологий финансовый контроллинг и внутрифирменное бюджетирование, в функции которых входят планирование денежных потоков; анализ отклонений фактических финансовых результатов деятельности от плановых; формирование управленческих решений; управление движением денежных средств. Именно в организациях ФТС особое внимание уделяется управлению денежными потоками, чтобы вовремя предсказывать и предупреждать кассовые разрывы.

Контроллинг, представляющий собой комплекс организационных, методологических и методологических, технических, технологических и информационных средств, поддерживает руководителей информацией и методиками, необходимыми для оперативного решения возложенных задач, развивает процессы автоматизации управления, способствует разрешению возникающих у таможенных органов проблем². Выявляя, идентифицируя и анализируя проблемы и отклонения, принимая соответствующие управленческие решения по устранению возникающих отклонений от плановых заданий, препятствующих достижению стратегических целей, контроллинг в таможенных органах позволяет наиболее полно реализовать одну из основных функций ФТС.

Так как современное состояние международных цифровых связей требует от всех участников таможенного процесса постоянного обмена данными, развитие контроллинга в организациях таможенной службы направлено на создание мощной информационно-технической системы, обеспечение ее квалифицированным кадровым составом.

Хотя контроллинг информационно поддерживает принятие руководителями управленческих решений, его функции не ограничиваются только информационным обеспечением данного процесса. Он включает также в себя и контроль над последующим исполнением принятых решений. По этой причине в качестве самостоятельных объектов управления в составе системы контроллинга выделяют методологию контроллинга, сам процесс принятия решений и последующий контроль. Взаимодействию между данными объектами способствуют прямые и обратные связи, налаженные с использованием цифровых технологий и позволяющие в организациях ФТС сделать информационный обмен наиболее точным, достоверным и прозрачным.

Качество контроллинга зависит от качества используемых методов и приемов, состояния механизмов планирования и контроля, а также качества информационных систем, обеспечивающих автоматизацию процесса планирования и построения аналитических отчетов. «Наличие совокупности высококвалифицированных и узкоспециализированных специалистов, вычислительных сетей и центров, обеспечивающих бесперебойное функционирование ФТС (в том числе Единой автоматизированной информационной системы ФТС, Автоматизированной информационной системы таможенного оформления «АИСТ-М» и узлов связи, объединяющих все элементы иерархии системы таможенных органов) облегчает проведение контроллинга в таможенных органах, интегрируя всю необходимую информацию и обеспечивая свободный доступ к ней в рамках должностных полномочий»³.

Использование инструментов контроллинга в организациях ФТС, не только поддерживает принятие управленческих решений, но и повышает качество таможенных услуг за счёт наличия обратной связи с участниками внешнеэкономической деятельности, мониторинга информационных потоков и обнаружения возникающих проблем, исправления системных недочетов внутри таможенных организаций⁴.

Система контроллинга в деятельности федеральных органов государственной службы, построенная на использовании инновационных цифровых технологий обработки информации и комплексной системы управления рисками, позволит в ближайшем времени обеспечить полномасштабное информационно-аналитическое обслуживание правоохранительной деятельности в таможенной сфере; повысить эффективность таможенного контроля и результативность борьбы с таможенными правонарушениями; сократить время на таможенное оформление и контроль; увеличить объем доходов федерального бюджета от уплаты таможенных платежей⁵. Несмотря на то, что многие элементы контроллинга успешно интегрированы в деятельность таможенных органов, полного внедрения пока не произошло⁶.

¹ Политковская И.В., Хвичия Д.Т. Финансовые аспекты осуществления инноваций на предприятиях транспорта: монография. – М.: МАДИ, 2015. – 156 с.

² Иванова А.В. Контроллинг как комплексная система в управлении таможенным делом // Экономические науки. 2018. – № 13. – <http://novaum.ru/public/p666>

³ Юсупова С.Я., Макрусев В.В., Бойкова М.В. Инновация в системе контроллинга // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. – № 2 (96). – С. 13.

⁴ Липчанская К.А. Подпригора А.А. Специфика контроллинга и мониторинга в таможенном деле // Евразийский научный журнал. 2017. – №10; Юсупова С.Я., Макрусев В.В., Бойкова М.В. Инновация в системе контроллинга // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. – № 2 (96). – С. 13.

⁵ Значение информационных технологий и роль компьютерной безопасности в таможенном деле. – <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-tamozhennom-dele>

⁶ Иванова А.В. Контроллинг как комплексная система в управлении таможенным делом // Экономические науки. 2018. – № 13. – <http://novaum.ru/public/p666>; Кнышов А.В. К вопросу об уточнении и интерпретации понятия деятельности таможенных органов // Исследование проблем таможенного дела: сборник статей аспирантов и соискателей. Российская таможенная академия. 2012. – С. 53-57. – <http://novaum.ru/public/p666>

Одной из основных задач данных федеральных органов государственной службы, требующей использования цифровых технологий и контроллинга, является оптимизация деятельности и упрощение взаимодействия между всеми структурными единицами. Особое место в этом процессе стратегического развития занимает и подготовка кадров, являющихся главным активом процесса осуществления рассмотренных инновационных преобразований.

Дальнейшее развитие процессов внедрения цифровых технологий и оптимизации систем контроллинга в деятельности таможенных органов, направленное на полную автоматизацию информационных потоков и формирование наиболее эффективных технологий, приспособленных к специфике деятельности организаций таможенной службы, будет способствовать взаимодействию руководителей всех подразделений при принятии тактически и стратегически важных для государства задач.

**Прусова В.И.,
Безновская В.В.¹**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ключевые слова: автомобильный транспорт, транспортная организация, человеческий фактор, безопасность движения, дорожно-транспортное происшествие, дорожно-транспортный травматизм, эффективность, интеллектуальные системы.

Keywords: road transport, transport organization, human factor, traffic safety, traffic accident, road traffic injuries, efficiency, intelligent systems.

Введение

Автомобильный транспорт оказывает заметное влияние на экономическое развитие страны. Негативными последствиями функционирования организаций транспортной отрасли становятся дорожно-транспортные происшествия (ДТП).

В данной статье с учетом новейших статистических данных, а также на «конкретных примерах рассматриваются текущие тенденции и перспективы развития транспортных предприятий»². Актуальность данной темы определяется существующими проблемами в развитии транспортной инфраструктуры³.

Ежегодно в мире в ДТП погибают сотни тысяч человек и десятки миллионов получают ранения. Решение проблем безопасности движения должно находить отражение в стратегии развития отдельных транспортных организаций при одновременном учете человеческого фактора (ошибки водителей) и мер по предупреждению дорожно-транспортного травматизма⁴.

Оценка эффективности работы любой организации проводится по экономическим показателям: прибыль (убытки), рентабельность, окупаемость⁵. Однако, механизм функционирования транспортных компаний определяется спецификой процесса перевозок грузов и пассажиров, следовательно, эффективность работы такого предприятия сопряжена с безаварийностью автомобильного транспорта⁶.

По мнению авторов, безаварийность зависит от организации дорожного движения, технического состояния автомобиля, качественного топлива, хороших дорог, погодных условий, психологического настроения водителя и состояния его здоровья⁷.

Следует отметить, что повышение эффективности работы транспортной организации тесным образом связано с безопасностью дорожного движения⁸. Снижение количества ошибок водителей достигается путем тренировки профессиональных качеств в процессе обучения и последующей профессиональной деятельности⁹. Действенным инструментом снижения аварийности на дорогах является внедрение на предприятиях транспорта интеллектуальных систем¹⁰.

¹ Прусова Вера Ивановна – к.э.н., доцент кафедры экономики автомобильного транспорта Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета.

Безновская Вера Викторовна – доцент кафедры экономических теорий Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

² Коваленко Н.В., Безновская В.В., Скороходова А.В. Современные тенденции развития транспортного комплекса РФ // Международный технико-экономический журнал. 2017. – № 6. – С. 25–31.

³ Кирова И.В., Попова Т.Л., Киров А.Ю. Инновационное развитие и модернизация российской промышленности: проблемы и пути их решения // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2016. – № 1 (7). – С. 3.

⁴ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р. – http://www.mintrans.ru/upload/iblock/3cc/ts_proekt_16102008.pdf

⁵ Молодова М.Д., Безновская В.И., Прусова В.И. Инвестиционная деятельность на предприятиях транспорта // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2016. – № 4 (10). – С. 12.

⁶ Жидкова М.А. Анализ и перспективы развития мобильных сервисов на рынке таксомоторных перевозок // Автотранспортное предприятие. 2016. – № 3. – С. 3–6.

⁷ Безновская В.В., Жабкин М.О., Прусова Л.В. Российский рынок легковых автомобилей в условиях санкций // Автотранспортное предприятие. 2016. – № 8. – С. 35–39.

⁸ Коваленко Н.В., Безновская В.В., Мельников В.В. Современные тенденции развития дорожного комплекса РФ // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 3 (13). – С. 10.

⁹ Коваленко Н.В., Безновская В.В., Кириллова В.О. Применение инновационных технологий в транспортной отрасли // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2017. – № 3 (13). – С. 12.

¹⁰ Жидкова М.А., Шпилькина Т.А. Цифровые решения в транспортной системе страны // Финансовый менеджмент в условиях новой промышленной революции: тенденции и перспективы. 2018. – С. 96–98.

Оценка работы транспортных организаций по обеспечению безопасности движения

В РФ самые высокие в Европе показатели аварийности на дорогах и смертности в результате ДТП. За 2018 г. в РФ произошло 168 099 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли 18 214 чел., а 214 853 чел. получили ранения. Необходимость безотлагательного решения этой проблемы становится одним из государственных приоритетов¹. Размер социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий за 2013–2018 гг. оценивается более чем в 8 млрд. руб. Согласно статистике, за рассматриваемый период в РФ было совершено более миллиона ДТП, в которых погибло более 130 000 чел., более миллиона человек получили травмы. Анализ основных показателей аварийности на дорогах приведен в табл. 1.

Таблица 1

Показатели аварийности на дорогах по статистике ГИБДД МВД РФ за 2013–2018 гг.

Наименование показателя	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество ДТП, всего	204 068	199 720	184 400	173 694	169 432	168 099
Погибло в ДТП, человек	27 025	26 963	23 114	20 308	19 088	18 214
Ранено в ДТП, человек	258 437	251 785	231 197	221 140	215 374	214 853

Безопасность дорожного движения является важной проблемой для любой транспортной организации. Настоящий бич XXI века – это ДТП, связанные с управлением транспортным средством в состоянии опьянения. В течение последних лет в РФ этот показатель растет. Несмотря на снижение аварийности в целом за 2013–2018 гг., доля таких ДТП с 6,6% в 2013 г. увеличилась до 9,6% – в 2017 г.².

Аналогичная ситуация прослеживается с увеличением численности людей, которые получили травмы в результате ДТП с участием нетрезвых водителей. Особо следует отметить рост абсолютных и относительных ежегодных показателей числа погибших в ДТП, связанных с опьянением водителя транспортного средства – если в 2013 г. от таких аварий погибло 2300 чел., то в 2017 г. эта цифра увеличилась вдвое и это более 4500 чел.

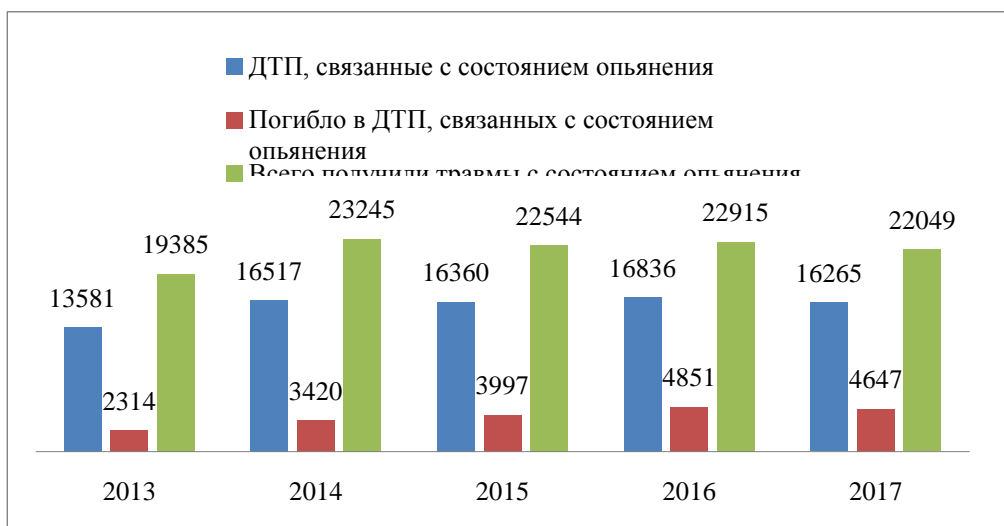

Рисунок 1.

Количество ДТП с участием водителей в состоянии алкогольного опьянения за 2013–2017 гг.

Статистика свидетельствует, что резкого сокращения количества произошедших ДТП за три месяца 2019 г. не происходило, отмечаются медленные темпы снижения аварийности, не влияющие на показатели безопасности. Тем не менее, за период с января по март 2019 г. наблюдалось увеличение количества раненных людей в дорожно-транспортных происшествиях по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. (рост составил 0,8%). При этом стоит подчеркнуть, что количество автомобилистов, попавших в ДТП, управляющих легковым транспортным средством в состоянии опьянения, за период с января по март 2019 г. снизилось на 18,2% (1463 случаев). Ситуация по перевозчикам грузов – снижение на 14,5% (65 случаев). Водители автобусов попадали в аналогичные ДТП чаще, чем профессиональные автомобилисты, превышение составило 62,5% (13 аварий).

Несмотря на небольшое количество ДТП в последней категории, аварии с участием автобусов могут быть самыми опасными, с наибольшим количеством жертв³. Поэтому Госавтоинспекция и другие ведомства принципиально подходят к данному вопросу со стороны техосмотра, а также лицензирования и соблюдения водителями режима труда и отдыха.

¹ Кирова И.В., Попова Т.Л. Госрегулирование и модернизация // Вестник МАДИ. – М., 2012. – № 2 (29). – С. 57–64.

² Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. – <https://www.gibdd.ru/>

³ Жидкова М.А. Выбор источников финансирования инвестиционных программ на таксомоторном транспорте // Вестник МАДИ. – М., 2015. – № 2 (41). – С. 62–69.

В связи с этим для удовлетворения возрастающих потребностей населения страны в перевозках грузов и пассажиров требуется совершенствование работы транспортного комплекса¹. Достичь этого в современных условиях можно за счет развития целостного транспортного пространства, позволяющего повысить эффективность транспортных перевозок путем внедрения интеллектуальных технологий².

Нельзя не согласиться с тем фактом, что преобразования на транспорте следует рассматривать в совокупности направлений:

1. Разработка мероприятий социальной политики, направленной на снижение дорожно-транспортного травматизма с привлечением средств массовой информации и социальных сетей.

2. Совершенствование законодательства в области безопасности дорожного движения, направленное на ужесточение ответственности нетрезвых водителей.

3. Внедрение интеллектуальных систем мониторинга состояния водителя, таких как алкотестеры и алкозамки (алкоблокираторы).

Первые два направления давно существуют, а последнее – только набирает популярность и отстаивает свое право на существование.

Мировой и отечественный опыт использования интеллектуальных систем на автомобильном транспорте

Что такое алкозамок? Обратимся к поисковым системам. Алкозамок – это набор неких средств, позволяющих оптимально организовать контроль за трезвостью водителя, и препятствующих движению автомобиля, управляемого водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Выпил – автомобиль не поедет. Звучит многообещающе, но каково использование данного устройства на практике?

За границей опыт установки алкозамков давно известен. Первые опыты были проведены в Калифорнии США еще в 1986 г., а к 2013 г. законы об их использовании были приняты во всех пятидесяти штатах. По данным Национальной администрации безопасности дорожного движения Америки (NHTSA), использование систем алкозамков в 6–8 раз сокращает случаи задержания водителей, уже привлекавшихся за управление автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Согласно статистике штата Нью-Мексико, за последние 4 года число случаев гибели людей из-за водителей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, снизилось на 89%.

Следом за США распространение этих систем началось и в Европе. Первой была Швеция – и на сегодняшний день абсолютное большинство граждан Швеции не приемлют возможность управлять автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, однако данные анонимного социологического опроса показали, что более 14 тысяч поездок в сутки осуществляются водителями после употребления алкоголя в количестве, превышающем доведенную норму. В свете этого не вызывает сомнения необходимость принятия жестких мер противодействия управлению автомобилем в состоянии алкогольного опьянения.

Оснащение автотранспорта алкозамками в США началось с 2000 г.: методику опробовали на пилотном проекте по установке оборудования на 300 грузовых автомобилях. Полученные данные от внедрения данной системы были настолько убедительны, что вскоре оснащение автомобилей алкозамками стало не прихотью, а жестким требованием. С 2006 г. большинство грузового автотранспорта было доукомплектовано системой алкозамка.

Первой автомобильной компанией, начавшей испытание систем на своих автомобилях, стала компания VOLVO – не зря во всем мире автомобили этой марки считаются самыми безопасными в мире. С 2007 г. оборудование устанавливали опционно, к 2020 г. планируется выпускать автомобили с интегрированной системой алкозамков.

Еще в одной европейской стране – Финляндии – к вопросу подошли еще серьезнее, предложив настроить алкозамки таким образом, чтобы проверка водителя на трезвость осуществлялась не только в начале движения, но и на протяжении всего пути следования.

Свои разработки в этой области продемонстрировала и самая технологичная страна автоэлектроники – Япония. В алкозамках бренда NISSAN сенсоры алкоголя вмонтированы не только в спинки кресел, но и в рычаг переключения передач, а концерн TOYOTA добавил их в обвод рулевого колеса.

РФ не осталась в стороне, и провела свои испытания алкозамков в нескольких регионах – Республике Татарстан, Московской и Ивановской областях. Алкозамки устанавливались на транспорте, который требует наибольшей безопасности – на школьных автобусах. Эксперимент прошел удачно. Наблюдается тенденция, что любые организации, имеющие подвижной состав, заботятся о его безаварийной работе. Например, компания «Балтика» продолжает реализовывать политику ответственного потребления и первой среди российских FMCG-компаний внедряет алкоблокираторы запуска двигателей для автомобилей своего автопарка.

Она, как лидер российского рынка, стремится к постоянному совершенствованию внутренних стандартов как в части повышения уровня обслуживания клиентов, так и в области безопасности. Первые 300 автомобилей, оснащенные алкоблокираторами запуска двигателей, пополнили автопарки компании в Воронеже, Москве, Ростове, Самаре, Санкт-Петербурге, Туле и Ярославле. Всего в «Балтике» более 2000 автомобилей, на которых ежедневно перемеща-

¹ Самохвалова Ж.П. Влияние подходов в организации автотранспортного бизнеса на показатели безопасности дорожного движения // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сб. научных трудов / Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет. – М., 2018. – С. 121–124.

² Коваленко Н.В., Безновская В.В., Скороходова А.В. Современные тенденции развития транспортного комплекса РФ // Международный технико-экономический журнал. 2017. – № 6. – С. 25–31.

ются сотрудники, в том числе осуществляя доставку продукции клиентам. Поэтому для компании важно быть уверенной, что сотрудники, управляющие этим автотранспортом, осуществляют поездки безопасно как для себя, так и для других участников дорожного движения.

По словам С. Сучкова, старшего директора по логистике региона Восточная Европа: «Оснащение автомобилей компании алкоблокираторами запуска двигателей – это профилактическая мера, отвечающая мировым тенденциям, ведь на «Балтике» не было зарегистрировано ни одного случая вождения автомобилей сотрудниками в состоянии алкогольного опьянения».

Следует заметить, что по оценкам сотрудников компании «Балтика» подтверждается очевидность преимуществ установки алкоблокираторов запуска двигателей на автомобили: уверенность в готовности и способности безопасно управлять транспортным средством, дополнительная страховка, оберегающая от ошибки субъективной оценки своего состояния. Алкоблокиратор – это механизм, лишенный эмоций и работающий в четких рамках стандартов, что позволяет положиться на его точность и объективность.

На данный момент на рынке представлено многообразие моделей алкозамков различных производителей. Оценка основных характеристик алкоблокираторов запуска двигателей автомобилей представлена в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ алкоблокираторов запуска двигателей автомобилей

Наименование	Алкогран АМ-565	Interlock 5000	Alcolock V3
Стоимость:	49 900 руб.	109 000 руб.	93 000 руб.
Тип датчика:	Электрохимический	Электрохимический	Электрохимический
Продувание:	с мундштуком	с мундштуком	с мундштуком
Диапазон показаний:	0,00–4,00 промилле	0,00–2,50 промилле	–
Пределы доп. погрешности:	0,01	0,10 мг/л	–
Время подготовки:	до 6 секунд	до 7 секунд (при комнатной температуре)	меньше 25 секунд
Время установки показаний:	до 10 секунд	до 5 секунд	–
Рабочая температура:	от –10°С до +40°С	от –45°С до +85°С	от –40°С до 85°С
Температура хранения:	от –20°С до +50°С	от –50°С до +90°С	от –30°С до +70°С
Память:	3000 измерений	3000 измерений	100 000 измерений
Габариты, см:	14×5,5×3,4	13,8×6,1×3,6 (ручной блок)	15×4,8×5
		14,8×9×3,2 (блок управления)	
Питание:	от бортовой сети автомобиля	от бортовой сети автомобиля	от бортовой сети автомобиля
Комплектация:	Измерительный прибор, комплект монтажных проводов, мундштук – 5 шт., руководство по эксплуатации	ручной блок, блок управления, комплект монтажных проводов, мундштук – 3 шт., держатель, руководство по эксплуатации	нет информации
Вес изделия, кг:	0,275	0,168 (ручной блок)	0,22
		0,3 (блок управления)	
Страна производителя:	Армения	Германия	Канада

Согласно представленным выше данным, в целом все алкозамки идентичны, однако имеются различия по характеристикам – используются различные типы датчиков, продувания, типы питания, память, габаритные размеры, вес и стоимость.

По мнению авторов, в настоящее время оснащение интеллектуальными устройствами актуально для пассажирских и грузовых автотранспортных предприятий, а также фирм, предлагающих легковые автомобили на условиях каршеринга¹.

Пути повышения эффективности работы каршеринговой организации

Каршеринг – новое направление работы транспортной организации². Развитие каршерингового парка РФ и г. Москвы представлено в табл. 3.

Таблица 3

Динамика парка каршеринговых автомобилей и активных игроков на рынке³

Наименование показателя	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность каршерингового парка России (включая Москву), шт.	350	2000	7000	19300
Численность каршерингового парка Москвы, шт.	100	1500	2650	16000
Число каршеринговых компаний, используемых клиентами Сбербанка	3	10	14	27

¹ Политковская И.В., Хвичия Д.Т. Цифровые технологии и финансовые показатели предприятий транспортной отрасли // Вестник (МАДИ). – М., 2019. – № 1 (56). – С. 126–133.

² Прусова В.И., Безновская В.В. Прозументова В.В. Роль транспортного комплекса в экономике РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. – № 4–1. – С. 138–143.

³ Обзор и сравнительная характеристика каршеринг-услуг в 2018 году // Портал «Каршеринг.Ру». – <https://carsharinki.ru/obzor-2018>

По данным проведенного исследования, каршеринг интегрируется в транспортную систему крупных городов РФ. Рынок московского каршеринга является одним из лидеров по приросту парка подвижного состава, однако он еще не достиг насыщения¹.

Автомобиль на условиях каршеринга может взять любой человек, у которого есть водительские права², а вот его физическое состояние практически проверить невозможно, вот почему некоторые каршеринговые фирмы задумываются об оборудовании своих автомобилей автозамками³.

Рассмотрим два варианта повышения эффективности работы транспортной компании на примере каршеринговой фирмы (расчет приводится с учетом базового варианта по приобретению в лизинг 20 автомобилей). По первому варианту транспортная организация предоставляет автомобили на условиях каршеринга без установки алкозамков и оплачивает ремонт после ДТП по вине пьяного водителя за свой счет, а по второму – с установленными алкозамками и полностью исключает возможность попадания за руль своего автомобиля нетрезвого водителя.

Риски каршеринговой организации сопряжены с невозможностью осуществления медицинского освидетельствования и визуального контроля за лицом, которое собирается воспользоваться автомобилем⁴. Изучение опыта США, Финляндии, Швеции, Франции, Германии и других стран свидетельствует, что благодаря установке устройств, препятствующих запуску двигателя нетрезвым водителем, количество повторных фактов вождения в пьяном виде снизилось на 90%⁵.

Таблица 4

Результаты расчетов эффективности работы транспортной организации

Наименование показателя	Базовый вариант	Вариант 1	Вариант 2
Общая сумма лизинговых платежей, руб.	13 129 992	13 129 992	13 129 992
Затраты по оплате государственной пошлины за проведение регистрации в ГИБДД, руб.	57 000	57 000	57 000
Затраты на приобретение дорожных наборов автомобилиста, руб.	90 000	90 000	90 000
Затраты на обслуживание каршеринговых автомобилей, руб., в том числе:	7 362 800	7 362 800	7 362 800
– затраты по оклейке автомобилей, руб.;	18 400	18 400	18 400
– затраты по разработке и запуску приложения для мобильных устройств, руб.;	250 000	250 000	250 000
– затраты на мойку каршеринговых автомобилей, руб.;	384 000	384 000	384 000
– затраты на горюче-смазочные материалы, руб.;	6 048 000	6 048 000	6 048 000
– затраты на ТО каршеринговых автомобилей, руб.;	400 000	400 000	400 000
– затраты на приобретение зимних шин, руб.	263 400	263 400	263 400
Затраты по возмещению ущерба от ДТП по вине пьяного водителя, руб.	–	4 800 000	–
Затраты по установке алкозамков, руб.	–	–	2 100 000
Суммарные затраты, руб.	20 639 792	25 439 792	22 739 792
Выручка, руб.	41 472 000	41 472 000	41 472 000
Бухгалтерская прибыль, руб.	20 832 208	16 032 208	18 732 208
Налог на прибыль, руб.	4 166 441	3 206 441	3 746 442
Чистая прибыль, руб.	16 665 767	12 825 766	14 985 766
Рентабельность продаж, %	40	31	36

Установка алкозамков уменьшит чистую прибыль каршеринговой фирмы, но исключит возможность попадания автомобиля в ДТП по вине нетрезвого водителя. Полученные расчеты позволяют сделать следующие выводы: установка алкозамков на каршеринговые автомобили снижает показатель рентабельности, рассчитанный без затрат на ремонт автомобилей после ДТП по вине пьяных водителей на 4%. Но рентабельность при установке алкозамков выше на 5%, чем показатель рентабельности, рассчитанный с учетом затрат на ремонт автомобилей после аварий по вине пьяных водителей.

Заключение

Поддержка развития каршерингового бизнеса в городах, а также заинтересованность крупных компаний в этом сегменте рынка, способствует позитивному влиянию на транспортную ситуацию на дорогах страны⁶. По данным проведенного исследования, теоретически доказано повышение эффективности работы транспортной организации за счет установки интеллектуальных устройств.

¹ Кирова И.В., Ростова Д.В. Московский каршеринг: вчера, сегодня, завтра // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. – № 3–1. – С. 124–130.

² Анастасов М.С., Сенчина Л.О. Проектная деятельность на автотранспортном предприятии // Автоматизация и управление в технических системах. 2016. – № 4 (21). – С. 10.

³ Кудрин А.Б., Ростова Д.В., Кирова И.В. Каршеринг: динамика развития, текущие тенденции и перспективы // Форум молодых ученых. 2019. – № 1 (29).

⁴ Малиновский М.П., Аракелян Т.К. Каршеринг: проблемы участников и сторонних лиц // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018. – № 3 (17). – С. 2.

⁵ Прокументова В.В., Безновская В.В., Прусова В.И. Риски выхода транспортных компаний на зарубежные рынки // Авто-транспортное предприятие. 2016. – № 12. – С. 49–51.

⁶ Кирова, И.В., Ростова, Д.В. Московский каршеринг: вчера, сегодня, завтра / И.В. Кирова, Д.В. Ростова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 3–1. – С. 124–130.

Подводя итоги, следует отметить, что рост автомобильного парка приводит к увеличению интенсивности транспортных потоков, что предъявляет к водителям возрастающие требования. Следовательно, существенно снизить количество дорожно-транспортных происшествий и повысить безопасность движения возможно путем повышения надежности водителей и внедрения на предприятиях транспорта интеллектуальных систем мониторинга по предупреждению ДТП и снижению тяжести их последствий.

*Регент Т.М.*¹

О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Ключевые слова: цифровая экономика и ее возможности, глобализация, технологии блокчейна, высокотехнологичная продукция, НИОКР.

Keywords: digital economy and its capabilities, globalization, blockchain technology, high-tech products, R&D.

Введение

С конца второй половины XX века локомотивом экономического развития ведущих стран мира стали отрасли наукоемких и высоких технологий, «знаниеемких», отличительными характеристиками которых были высокая инвестиционная привлекательность, высокий уровень инвестиционного риска, использование передовых научных технологий, высокий потенциал роста и ожидаемые доходы.

В мировой литературе появился термин «цифровая экономика». Его впервые начал широко использовать Дон Тапскотт, автор книги «Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта», изданной в 1994 г.² Во Всемирном банке считают, что нужно очень широко понимать это явление, которое не просто касается отрасли ИКТ, а глубоко трансформирует всю экономику. Эксперты банка предлагают такое определение: «Цифровая экономика – это новая парадигма ускоренного экономического развития». Можно предполагать, что будущее жизнеустройство человечества будет опираться на экономику, основанную на децентрализованных локальных эффективных ресурсах и энергосберегающих технологиях с интеллектуальными системами контроля и управления (умные системы).

Возможности развития цифровой экономики в РФ

Основателем и идеологом новой цифровой реальности является организатор Давосского форума Клаус Мартин Шваб, который считает, что «мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – «вездесущий и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины»³. Эксперты Давосского форума обозначили контуры желаемого и планируемого будущего, выделив 21 переломный момент, который ожидается до 2025 года. Среди них: «10% носят одежду, подключенную к сети Интернет; 1 трлн. датчиков, подключенных к сети Интернет; первый имеющийся в продаже имплантируемый мобильный телефон; правительство впервые собирает налоги с помощью цепочки блоков (технологии блокчейна); первый робот с искусственным интеллектом в составе совета директоров...».

Говоря о цифровой экономике, прежде всего, как правило, имеют в виду:

- интеллектуальные киберфизические производства, которые позволяют быстро переключаться с одной номенклатуры на другую;
- интеллектуальную логистику – быстрое и энергоэффективное перемещение производимых объектов;
- энергетику, основанную в перспективе на альтернативных источниках;
- цифровые интеллектуальные финансовые технологии;
- инфраструктуру жизнеобеспечения в самом широком смысле⁴. При этом основой цифровой экономики является информационная инфраструктура – «Интернет всего».

Россия также пытается или декларирует попытки найти свой утраченный экономический ресурс в виде цифровой экономики. После периода инновационной экономики наступает период цифровой как возможности экономического роста.

Согласно докладу «Глобальный инновационный индекс», опубликованному в 2016 году Корнельским университетом, школой бизнеса INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности возглавляют рейтинг Швейцария, Швеция, Великобритания, США, Финляндия и Сингапур, Китай вошел в число 25 ведущих стран-новаторов в мире. Россия занимает 38-е место между Турцией и Чили.

¹ Регент Татьяна Михайловна – д.э.н., профессор кафедры менеджмента Российского нового университета, Москва.

² Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с англ. И. Дубинского, под ред. С. Писарева. – Киев: ITN Пресс; М.: Рефл-бук, 1999. – 403 с.

³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М., 2017. – С. 16.

⁴ Шеремет И.А. Цифровая экономика и кибербезопасность ее финансового сегмента // Труды Вольного экономического общества. Т. 210. – М., 2018. – С. 23–34.

В нашей стране имеется масса научных разработок, но процесс внедрения чрезвычайно неповоротлив. Новинки не внедрены, тем более – не экспортируются. Так получилось с нано технологиями: в 2010 г. их было 354, в 2016 г. – 1116. Рост в три с лишним раза, однако, доля России в мировом экспорте высокотехнологичной продукции – 0,3–0,4%. Доля предприятий, которые внедряют технологические инновации – 8%. Более того, с 1992 года в России нет спроса на технологии кроме ВПК, который может простимулировать экономику, но это не его главная задача в современных условиях¹.

Российские программы развития цифровой экономики в значительной степени следуют логике давосского проекта.

Агентством стратегических исследований после послания президента В.В. Путина Федеральному собранию (декабрь 2016)² была разработана и утверждена правительством Российской Федерации программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой определены цели, направления, задачи и сроки реализации основных мер государственной политики в области цифровой экономики, что является необходимым условием по вышеназванной конкурентоспособности страны, качества жизни граждан, обеспечения экономического роста и национального суверенитета.

Программа, ориентируясь на Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, исходит из определения, что «цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме»³.

Она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы.

В программе выделены базовые направления на период до 2024 г.:

- нормативное регулирование;
- формирование исследовательских компетенций и технических заделов;
- информационная инфраструктура;
- информационная безопасность.

В числе базовых положений программы «Цифровая экономика»: прогноз развития цифровой экономики, цифровых технологий, основные направления развития, мониторинг, контроль результатов программы и системы управления программой. Но в программе нет четкого определения, что же такое цифровая экономика? Кто и как будет ею заниматься? «Управлять» цифровой экономикой будет Минкомсвязи. Отдельные направления будут разрабатывать базовые госкорпорации, Минэкономразвития, без участия Министерств труда и образования, хотя социальных вопросов и проблем развития человеческого капитала предостаточно. Это вопрос очень серьезный, потому что программа предусматривает огромные деньги в будущем, большие полномочия и т.д. Хотя, отметим, в бюджете на 2018 г. цифровая экономика не представлена.

Цифровизация, понимаемая как повсеместное тотальное внедрение информационных цифровых технологий в жизнь, перевод на цифру всего и вся – это то, что российские власти провозглашают как способ ускорения возврата утраченных экономических позиций. Остается понять, что мы будем ускорять? Какую экономику? После первоначального анализа озвученных «цифровых» инициатив российские экономисты высказали ряд важнейших замечаний о том, что же в самой идее, и тем более в ее реализации, может оказаться голословным.

Данные по скорости роста мультифакторной (труда и капитала) производительности экономики США показывают, что по сравнению с «золотым десятилетием» 1958–1968 гг. она уменьшилась примерно в 10 раз, несмотря на тотальное внедрение компьютеров. Кроме того, глобальный валовой продукт в 2015 г. и в 2016 г. вырос на 2,3–2,5%. В то же время мировой сегмент цифровой экономики, составляющий 5% мирового продукта и более 3.4 трлн. долларов, не вырос вообще. В 2015 г. он сократился на 5,8%, а в 2016 г. уменьшился на 0,6%⁴. Очевидна связь давосских проектов не с экономикой, а с решением социальных, гуманитарных и политических проблем.

В настоящее время страны-лидеры входят в 6-й технологический уклад, среди локомотивных отраслей которого биотехнология, робототехника, высокие гуманитарные технологии⁵. И в этом контексте микроэлектроника, Интернет, компьютеры с экономической точки зрения – не будущее и не настоящее, а скорее, недавнее прошлое. Развивая отрасли, связанные с цифровой экономикой, мы скорее «подтягиваем тылы» и восполняем пробелы, чем прорываемся вперед.

Можно ли при темпах роста в 2% решить главные, по сути, современные проблемы России – рост уровня жизни населения и поддержание комплекса национальных интересов в мире (в бюджете предусмотрены на оборону 18%)? Полагаем, что нет, тем более, что и вложения в человеческий капитал оставляют желать лучшего.

¹ Регент Т.М. Проблемы и возможности человеческого капитала для цифровой экономики России // Человеческий капитал в формате цифровой экономики. Международная научная конференция, посвященная 90-летию С.П. Капицы: сборник докладов. – М., 2018. – С. 183–189.

² Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 года // Правовая справочно-информационная система «Гарант».

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – <http://government.ru>

⁴ Кудрин А.Л. Выступление перед депутатами Государственной Думы РФ 26.09.2018г. // Коммерсант. – М., 2018. – 27 сентября. – <http://www.ach.gov.ru/>

⁵ Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность возможности / Препринт Российской академии наук. – М., 2017. – 62 с.

Современная информационная экономика, и развитые страны это доказали, требует глобального обновления производства, переобучения кадров всех уровней от рабочих до управленцев самого высокого уровня, оперативного внедрения современных методов управления. Для такой экономики необходимы высококвалифицированные и высокооплачиваемые кадры, которые имеют возможность вкладывать свой человеческий капитал и развиваться. Российская же экономика заточена на высококвалифицированные и низкооплачиваемые кадры, что само по себе противоречит техническому прогрессу¹.

В бюджете на 2019 год те статьи, за счет которых может расти экономика, сокращаются по доле. Повышается доля статей, которые не имеют отношения к развитию.

По расходам на здравоохранение мы занимаем 90 место в мире. Продолжительность жизни сейчас 72 года, развитые страны прошли эту отметку на 45 лет раньше. При этом современная «оптимизация» здравоохранения не приводит к снижению смертности в стране.

Средняя продолжительность жизни российских мужчин – 66,9 лет, женщин – 77,5. При этом до пенсии в России не доживают 40% мужчин. Эту цифру подтверждают данные Росстата за первое полугодие 2018 года. 157 тыс. представителей сильного пола умерли, не достигнув 60 лет².

Если посмотреть статистику с 2008 г. то доля образования в ВВП сократилась на 15%, также как и инвестиции в образование и научные исследования. Доля расходов на НИОКР в ВВП составляет 1,1%, и в дальнейшем будет расти очень медленно, в то время как в процентном выражении расходов ВВП на НИОКР лидируют Израиль и Южная Корея с 4,25%, США (2,7%) стоят на 10-м месте в мире. Россия такого уровня достигнет примерно через 20 лет, хотя исторический рекорд принадлежит СССР, который обогнал США в 1960 г. на том же уровне – 2,7%, а в 1980 г. преодолел высочайшую планку – 5%. Еще более сложная ситуация складывается с доходами населения.

Некоторые эксперты выступают с предложениями о «заморозке» оплаты труда, индексации пенсий и т.п. в качестве средства для ускорения роста. Реальные доходы населения РФ в этом году вырастут впервые с 2013 года, но уровень бедности в стране по-прежнему высок, считает председатель Счетной палаты Алексей Кудрин. Выступая на заседании Госдумы, он подчеркнул, что в стране 19,3 млн чел., (13,2%) имеют доход ниже прожиточного минимума.

При этом господин Кудрин рассказал, что в этом году впервые поднимутся реальные доходы населения, «за восемь месяцев они выросли на 2,6%». За последние 4 года доходы снизились на 11%. Господин Кудрин добавил, что в прошлом году рост размера пенсий стал положительным на 3,6% после 2-х лет, когда пенсионеры потеряли в доходах 3,7%. Он объяснил это тем, что «в прошлом году произошел положительный разворот в российской экономике, начав набирать темпы роста»³.

Сценарии Минэкономразвития предполагают, что в 2019 г. реальная заработная плата и средний размер страховой пенсии окажутся ниже, чем в 2014 г., накопительная часть пенсий заморожена. Восстановление уровня реальной заработной платы 1990 года произошло только в 2007 г. Ныне средняя реальная заработная плата лишь чуть более чем на 20% выше уровня 1990 г., а разрыв в доходах богатых и бедных составляет почти 16 раз. Кроме этого, предлагается поднимать производительность труда, снижая зарплату. В 2016 г. при сокращении реальной заработной платы на 9,3% производительность труда сократилась на 3,3%.

Как сократив реальную заработную плату к 2019 г. на 7,2% по сравнению с 2014 г. по базовому сценарию или на 6,2% – по целевому, Минэкономразвития собирается за тот же период поднять производительность труда на 2,8% или на 5,6% соответственно – непонятно. Может быть, за счет миллионов новых высокотехнологичных мест? Однако низкая оплата труда – и это известно из всех учебников – враг научно-технического прогресса.

Заключение

Таким образом, современная информационная экономика требует глобального обновления производства, переобучения кадров всех уровней от рабочих до управленцев самого высокого уровня, оперативного внедрения современных методов управления. Для такой экономики необходимы высококвалифицированные и высокооплачиваемые кадры, которые имеют возможность вкладывать свой человеческий капитал и развиваться.

¹ Glinkina O.V., Regent T.M., Maslennikova A.V., Novikova M.M., Sokolova E.N. Boosting a region's investment attractiveness via the use of information communications tools for regional public administration // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. – N 9 (13). – P. 104–112.

² Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru>

³ Кудрин А.Л. Выступление перед депутатами Государственной Думы РФ 26.09.2018 г. // Коммерсант. – М., 2018. – 27 сентября. – <http://www.ach.gov.ru/>

Романова А.А.

к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
Romanova.OSU@yandex.ru

Романов П.А.

магистрант, Орловский государственный университет
r-peter@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСАХ: ОПЫТ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Ключевые слова: инновации, мобильные деньги, венчурный фонд, M-pesa.

Key words: innovations, mobile money, venture fund, M-pesa.

Развитие цифровых технологий коренным образом изменило финансовую сферу: практически повсеместно используются программы, позволяющие принимать решения на основе обработки огромных массивов данных; возможность получения банковских услуг уже не ограничивается офисом кредитного учреждения; и даже «мыльные пузыри», формирующиеся на современных финансовых рынках, – криптовалюты, – представляют собой продукт компьютерных вычислений. Очевидно, что практически любые инновации, реализуемые в цифровых технологиях, в конечном счете, будут использованы и в сфере финансов.

Развитие сотовой связи не только удешевило и расширило общение между людьми, но и коренным образом изменило их жизнь, предоставив доступ к мобильным денежным переводам, депозитам и кредитам. Следует отметить, что подобные услуги оказались наиболее востребованными прежде всего там, где ранее населению были практически недоступны услуги банков – в развивающихся странах. В отличие от развитых, в бедных странах тарифы на традиционные банковские услуги являются непоъемными для значительных слоев населения. Цифровые технологии способствовали возникновению инновационных финансовых продуктов, которые, в свою очередь, стимулировали не только развитие финансовой системы, но и всей экономики в целом.

Опыт кенийской M-Pesa доказывает, что новые технологии, поддерживаемые государством и бизнесом, могут создать систему, влияющую на качество жизни населения и инвестиционный климат в стране. M-Pesa, образованная мобильным оператором Safaricom в 2007 году как дополнение к банковской сети, превратилась из простого приложения для мобильных денежных переводов в полноценный финансовый сервис, предлагающий кредиты и депозиты в сотрудничестве с местными банками, а также услуги торговых платежей. Отметим, что немаловажным фактором успешной деятельности Safaricom является взаимодействие его собственников: в начале 2019 года 35% пакет акций принадлежал правительству Кении, 35% – южноафриканской Vodacom, дочерней компании Vodafone, 5% – самой британской корпорации Vodafone, одному из крупнейших в мире операторов связи, и 25% находятся в свободном обращении. Подобная структура акционерного капитала позволяет компании, с одной стороны, получать доступ к новым технологиям, а с другой, учитывать интересы населения Кении.

За прошедшее десятилетие Safaricom существенно расширил возможности M-Pesa, постоянно добавляя новые опции для пользователей. Такими инновациями стали: Masoko, портал для стимулирования зарождающегося рынка электронной коммерции в Кении, связывающий потребителей, посредников и поставщиков; M-KOPA, проект, позволяющий домашним хозяйствам приобрести в кредит комплект солнечных батарей; M-Shwari, инструмент, обеспечивающий доступ к банкам для небольших сбережений и кредитов; M-Salama (совместно с Красным Крестом Кении), служба по предупреждению стихийных бедствий и ликвидации их последствий для абонентов; M-TIBA, услуга на мобильном телефоне, позволяющая оплачивать медицинские услуги и медикаменты за счет застрахованных депозитов.

В то же время Safaricom старается привлекать новых клиентов, ориентируясь на их предпочтения. Так, сервис Tunukiwa, основываясь на анализе структуры потребления, предлагает пользователю индивидуальные пакеты услуг. Более состоятельные клиенты могут присоединиться к проекту Safaricom Platinum, получая скидки в компаниях-партнерах программы.

Отдельные элементы системы сервисов Safaricom взаимосвязаны: абоненты могут перечислять средства со счетов M-Pesa на счета M-Shwari и M-TIBA. Следует отметить, что уровень финансовой грамотности абонентов Safaricom существенно вырос: многие операции, например, перемещения средств между счетами M-PESA и M-Shwari, а также бурный рост депозитов M-Shwari (более чем в 38 раз в 2015–2018 гг., до 213 млрд. кенийских шиллингов (примерно 2,1 млрд. долл. США) в 2018 г.) объясняются поиском наиболее выгодных условий обслуживания¹.

Большинство инновационных продуктов, предлагаемых Safaricom, пользуются огромной популярностью. Так, 479 тысяч кенийских домашних хозяйств получили в пользование солнечные батареи благодаря проекту M-KOPA,

¹ https://www.safaricom.co.ke/images/Downloads/Resources_Downloads/Safaricom2018SustainableBusinessReport_Final.pdf

более 916 тысяч кенийцев накапливают средства на медицинскую помощь на счетах M-TIBA. Fuliza, механизм овердрафта M-Pesa, запущенный в январе 2019 года совместно с двумя местными банками, за первые четыре месяца собрал 8,8 миллиона пользователей, которые заняли 45 миллиардов шиллингов¹.

В настоящее время Кения находится на третьем месте в Африке по уровню охвата населения финансовыми услугами. По данным Центрального банка, 83% кенийцев имеет к ним доступ, главным образом, благодаря мобильным технологиям. Более того, если в 2006 году лишь 14% населения Кении имели банковские счета, то в 2016 году этот показатель достиг 34,4%, а в начале 2019 года – 41%².

Следует отметить, что M-Pesa, первый финансовый продукт Safaricom, сохраняет высокие темпы развития: ее годовая выручка выросла на 93% в 2015–2018 гг., число пользователей за этот период увеличилось на 48%. К началу 2019 года примерно 40% населения Кении являются клиентами M-Pesa. (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели деятельности M-Pesa в 2015–2018 гг.³

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Выручка M-Pesa, млрд. кенийских шиллингов	32.63	41.50	55.1	62.9
Пользователи M-Pesa, млн. человек	13.86	16.6	19.0	20.5

В 2018 году выручка M-Pesa составила около трети всей выручки Safaricom, а увеличение прибыли от основной деятельности компании на 13,1% во многом обусловлено ростом этого цифрового финансового бизнеса⁴.

Компания Safaricom активно продвигает свой самый популярный продукт за границы Кении. Так, в марте 2019 года было объявлено о соглашении с китайским гигантом электронной коммерции Alibaba Group, позволяющем кенийским покупателям приобретать товары на сайте AliExpress.com с помощью M-Pesa, рассчитываясь в кенийских шиллингах. Ранее, в ноябре 2018 года, Safaricom заключила соглашение с Western Union, обеспечивающее клиентам M-Pesa возможность перевода денег по всему миру с использованием своих мобильных телефонов⁵.

Опыт функционирования системы мобильных платежей оказался востребованным многими развивающимися странами. M-Pesa работает в Танзании, ЮАР, Индии, в 2018 году было заявлено о реализации проекта в Эфиопии. Правительство Эфиопии рассматривает M-Pesa как инструмент трансформации национальной экономики и модернизации архаичного банковского сектора, причем реформа финансового сектора должна стать основой дальнейшего экономического роста⁶.

Успех M-Pesa и последовавшее за ним расширение сферы деятельности Safaricom потребовало повышения качества планирования и организации деятельности компании. В апреле 2017 года был создан Safaricom Alpha, задуманный как центр инноваций для разработки новых платформ, продуктов и услуг в сфере здравоохранения, образования, сельского хозяйства и платежей. Одна из целей данного центра – изучение долгосрочных возможностей и рисков, при этом горизонты планирования составляют 3–5 лет, а в некоторых случаях доходят и до 20 лет. Первым серьезным проектом, поддержанным Safaricom Alpha уже в июне 2017 года, стала Кенийская экосистема стартапов.

Дальнейшее развитие M-Pesa связано с поиском и реализацией новых идей и технологий. Так, Safaricom создал портал Zindua Café, предназначенный для поиска новых идей, приложений и прототипов для дальнейшей разработки. Ранее, в ноябре 2014 года, начал работать венчурный фонд Safaricom – Spark Fund, инвестирующий средства в поддержку стартапов в области мобильных технологий. Ресурсы Spark Fund составляют сумму, эквивалентную 1 млн. долларов США, однако партнерство с Safaricom обеспечивает стартапам доступом к технической помощи, опытным наставникам и ценным отраслевым знаниям. Важнейшая задача венчурного фонда Safaricom – предоставление перспективным проектам платформы для наращивания потенциала бизнеса и расширения экономических возможностей. К настоящему моменту из более 600 стартапов, подавших заявки, для финансирования были выбраны шесть: Sendy, логистическая фирма, соединяющая малый бизнес и водителей и позволяющая отслеживать отправляемые пакеты; mSurvey, мобильный исследовательский инструмент, собирающий данные по SMS; Eneza, обеспечивающая доступное начальное образование через мобильный телефон для учеников с ограниченными возможностями; Lynk, приложение для поиска профессионалов для любого проекта; FarmDrive, предлагающий кредитный скоринг для мелких фермеров; платформа iProcure, позволяющая оптимизировать поставки материалов и оборудования для фермерских хозяйств с помощью анализа данных и машинного обучения.

Финансовые инновации в Кении способствуют решению социальных проблем. В частности, Фонд M-Pesa, созданный в 2010 году и финансируемый за счет процентов от траста на счетах M-Pesa, реализует масштабные програм-

¹ Miriri D. Kenya's Safaricom FY earnings jump on M-Pesa growth. Reuters. MAY 3, 2019. – <https://www.reuters.com/article/kenya-safaricom/update-2-kenya-s-safaricom-fy-earnings-jump-on-m-pesa-growth-idUSL5N22F0V3>

² M-Pesa helps drive up Kenyans' access to financial services – study. Reuters. APRIL 3, 2019. – <https://www.reuters.com/article/kenya-banking/m-pesa-helps-drive-up-kenyans-access-to-financial-services-study-idUSL8N21L2HK>

³ https://www.safaricom.co.ke/images/Downloads/Resources_Downloads/Safaricom2018SustainableBusinessReport_Final.pdf

⁴ Miriri D. Kenya's Safaricom FY earnings jump on M-Pesa growth. Reuters. MAY 3, 2019. – <https://www.reuters.com/article/kenya-safaricom/update-2-kenya-s-safaricom-fy-earnings-jump-on-m-pesa-growth-idUSL5N22F0V3>

⁵ Omar Mohammed. Kenya's Safaricom secures deal to use M-Pesa payments on AliExpress.com. Reuters. MARCH 12, 2019. – <https://www.reuters.com/article/safaricom-ant-financial/update-2-kenya-s-safaricom-secures-deal-to-use-m-pesa-payments-on-aliexpress-com-idUSL8N20Z19N>

⁶ Fick M., Miriri D. Exclusive: Kenya's Safaricom taking M-Pesa to Ethiopia, sources say. Reuters. JULY 17, 2018. – <https://www.reuters.com/article/us-safaricom-ethiopia-exclusive/exclusive-kenya-s-safaricom-taking-m-pesa-to-ethiopia-sources-say-idUSKBN1K715H>

мы, способные повлиять на будущее страны. Прежде всего, это открытие Академии M-Pesa – школы, где 290 талантливых детей из небогатых семей получают образование мирового уровня. Проект Uzazi Salama в Самбуру, одном из беднейших округов, направлен на охрану здоровья матерей и новорожденных. Благодаря ему более 224 тысяч женщин, 350 работников здравоохранения и 500 подготовленных добровольцев получили доступ к важнейшей информации, оборудованию и ресурсам¹.

Успешный опыт внедрения цифровых технологий в Кении способствовал не только появлению M-Pesa в других странах, но и породил последователей, реализующих похожие бизнес-модели. Так, созданная в 2010 году Paytm стала крупнейшим в Индии порталом для электронной коммерции, мобильных расчетов и кредита. Как и Safaricom, Paytm сотрудничает с банками, в частности, Citigroup, выпуская совместную кредитную карту², а также с Alibaba Group. Создав собственный банк, Paytm Payments Bank, компания поставила перед собой амбициозную цель – сделать финансовые услуги доступными для полумиллиарда небогатых индийцев, не являющихся клиентами традиционных банков³.

В то же время развитие цифровых технологий порождает новые риски. Так, журнал The Economist отмечает, что относительная легкость получения «мобильных кредитов» зачастую приводит к закредитованности клиентов. Слабая финансовая грамотность и отсутствие регулирования способствуют тому, что заимствования тратятся неэффективно, например, на сайтах онлайн-казино. Опыт Кении – пионера в области мобильных денег и мобильных финансовых услуг, является ярким тому примером. Число кенийцев, включенных в черный список кредитных бюро страны и не способных брать кредиты, к концу 2018 года превысило 500 тысяч человек по сравнению со 150 тысячами тремя годами ранее⁴.

Очевидно, проблемы, наблюдаемые в Кении, могут предвещать подобные трудности и в других странах, где развитие мобильных технологий пока не достигло такого высокого уровня. Тем не менее, риски, сопровождающие использование цифровых технологий в финансах, можно минимизировать, даже несмотря на то, что развитие технологии всегда будет опережать ее регулирование. Прежде всего, необходимо выработать соответствующий «кодекс лучшей практики», ограничивая кредитование для потребления. Очевидно, еще одной мерой, препятствующей ухудшению положения клиентов мобильных платформ, должна стать более качественная оценка кредитоспособности потенциальных заемщиков, развитие системы кредитных бюро. Инструмент сокращения бедности ни в коем случае не должен стать причиной ее усугубления. По опыту проектов, реализуемых Safaricom, становится понятно, какие финансовые инновации целесообразно принимать и активно использовать в развивающихся странах. В то же время, анализ результатов функционирования мобильных платформ показал необходимость разработки действенных инструментов контроля, препятствующих ухудшению положения их пользователей.

¹ https://www.safaricom.co.ke/images/Downloads/Resources_Downloads/IR-2019_Final_V2.pdf

² Citigroup looks to vastly expand India reach with Paytm tie-up. Reuters. MAY 14, 2019. – <https://www.reuters.com/article/us-paytm-india/citigroup-looks-to-vastly-expand-india-reach-with-paytm-tie-up-idUSKCN1SK1B4>

³ <https://paytm.com/about-us/>

⁴ Borrowing by mobile phone gets some poor people into trouble. The Economist. Nov 17th 2018. – <https://www.economist.com/finance-and-economics/2018/11/17/borrowing-by-mobile-phone-gets-some-poor-people-into-trouble>

Рычихина Н.С.

к.э.н., доцент, Ивановский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТЕКСТИЛЬНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО КЛАСТЕРА

Ключевые слова: кластер, цифровизация, цифровая трансформация.

В настоящее время, чтобы предприятию быть конкурентоспособным, надо не только выпускать качественную продукцию и учитывать запросы потребителей, но и формировать свой бизнес на основе цифровых подходов, позволяющих активно использовать мобильные и облачные технологии, внедрять машинное обучение, машинное зрение и виртуальную реальность в повседневную работу.

Переход всех субъектов отечественной экономики на цифровой формат был запущен национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации». В настоящее время проводятся исследования по внедрению цифровых технологий в разных сферах экономики, обобщается опыт по цифровой трансформации экономических субъектов, изучается зарубежная практика в этой области.

По данным ВШЭ, в 2018 году лидерами цифровой трансформации в России являются IT-компании, телекоммуникация и связь, банковский сектор и финансовые услуги¹. Промышленное производство относится к отстающим по процессам цифровой трансформации.

Промышленное производство является двигателем экономики любой страны, и затягивание перехода его на цифровой формат функционирования приведет к потере конкурентоспособности российских предприятий как на отечественном, так и на зарубежном рынках. Например, экономика Китая запустила стратегию перехода промышленности на цифровой формат еще три года назад и в настоящее время уже активно реализует «План развития искусственного интеллекта нового поколения». Поэтому в настоящее время важным направлением развития российской экономики является цифровизация промышленных компаний.

В общем понимании, цифровая трансформация – это глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с тотальной заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий². Обзор деятельности промышленных предприятий позволил выявить, что в условиях быстрой изменчивости внешней среды и высокой конкуренции существенными проблемами, тормозящими их развитие, являются: отсутствие стратегии цифровой трансформации, боязнь реструктуризационных преобразований, плохо выраженная инновационная активность, низкий уровень внедрения IT-технологий в текущую работу, недостаточные компетенции и знания IT-технологий и др.

В настоящее время одному промышленному предприятию сложно удержать свои позиции на рынке, поэтому экономические субъекты часто объединяются в кластерные структуры, позволяющие интегрировать усилия и получить синергетический эффект от совместного функционирования. По состоянию на 2018 год в России действует и формируется 137 кластеров. Процесс цифровизации таких комплексных структур очень сложен и требует адекватного подхода к их изучению.

Рассмотрим особенности разработки программы цифровой трансформации сложных комплексных промышленных структур на примере текстильного кластера Ивановской области³.

Текстильный кластер Ивановской области был сформирован в 2011 году и в настоящее время включает в себя (на 2019 год)⁴:

- три технопарка (индустриальный парк «Родники», парк «Вичуга» и технопарк «Иваново»),
- промышленные предприятия – участники кластера (ОАО ХБК «Шуйские ситцы», ООО «ХБК «Навтекс», ЗАО «Кинешемская прядильно-ткацкая фабрика», ООО «Родники-текстиль», ОАО Швейная фирма «Айвенго», ОАО Ивановский парашютный завод «Полет»),
- инжиниринговый центр,
- образовательные специализированные организации,
- кластерный инвестиционный фонд,
- ассоциацию предпринимателей текстильного и швейного производства Ивановской области.

¹ Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации : статистический сборник / М.А. Сабельникова, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018.

² Княгин В.Н. Цифровая трансформация компаний / Центр стратегических разработок «Северо-Запад», 2018.

³ Рычихина Н.С. Анализ стадий «жизненного цикла» развития текстильной отрасли Ивановской области (Россия) // Экономика и банки (Economy and banks): Белоруссия, Полесский государственный университет. 2014. – №2. – С. 88–96.

⁴ Департамент экономического развития и торговли Ивановской области. – <http://derit.ivanovoobl.ru/deyatelnost/klasterneya-politika/>

Организационная структура Ивановского текстильного кластера представлена на рис. 1.

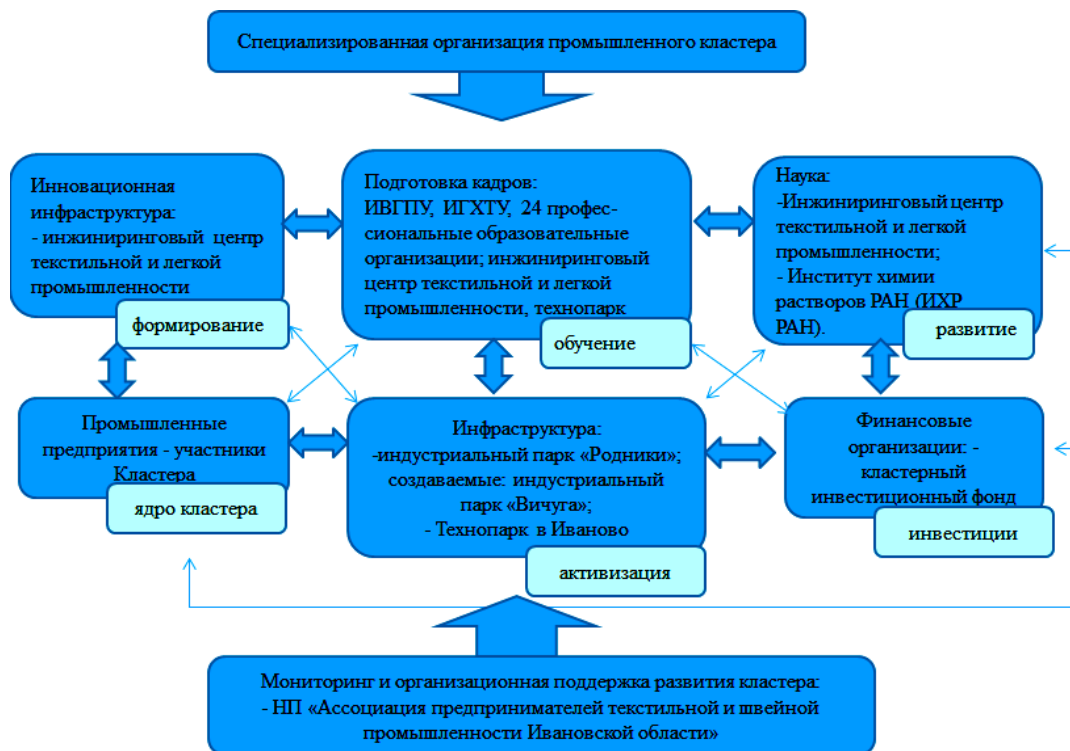

Рисунок 1.
Организационная структура Ивановского текстильного кластера

В настоящее время, чтобы удержать свои позиции на рынке текстильной продукции и стать лидером в своем ассортиментном ряде, Ивановскому текстильному кластеру необходима цифровая трансформация. Цифровая трансформация кластера должна носить системный характер и охватывать как текстильные фабрики, так и торгово-логистические центры, финансовые и образовательные учреждения, т.е. всех участников кластерной структуры.

Переход текстильного кластера Ивановской области на цифровой формат предлагается осуществить с помощью инструментария проектного управления. Автором предлагается «Проект по цифровизации текстильного кластера». Плановые сроки реализации проекта 5 лет (с 01.09.2019 по 01.09.2024). Не рекомендуется откладывать начало инициирования перехода кластера на цифровой формат, так как уже в настоящее время многие конкурирующие российские и зарубежные фирмы запустили форсаж цифровизации.

Таблица 1

Основные этапы цифровизации текстильного кластера и сроки их реализации

Основные этапы	Дата начала	Дата окончания
Разработка стратегии цифровизации кластера	01.09.2019	30.09.2019
Создание Центра по цифровой трансформации кластера	15.09.2019	15.10.2019
Разработка программ по цифровизации участников кластера	15.10.2019	15.11.2019
Получение займа в Фонде развития промышленности по программе «Цифровизация промышленности»	16.10.2019	30.12.2019
Цифровая трансформация ядра кластера (крупных текстильных предприятий)	10.01.2020	30.12.2022
Переход промышленных парков – участников кластера на цифровой формат.	01.06.2020	30.12.2021
Переход на цифровой формат финансовых организаций.	01.10.2020	30.10.2021
Переход на цифровой формат торгово-логистических центров	01.01.2021	30.08.2021
Внедрение цифровых технологий в систему подготовки кадров, научно-исследовательскую, инженерно-техническую инфраструктуры	01.06.2020	30.08.2022
Создание в рамках кластера нового инновационного комплекса по производству полиэфирных волокон методом прямого формования на IT-технологиях	10.01.2023	01.09.2024

Проект по цифровизации текстильного кластера включает в себя 10 этапов:

- 1) Разработка стратегии цифровизации кластера, которая бы позволила всем участникам кластерной структуры, представленным на рис. 1, постепенно переходить на цифровой формат функционирования.
- 2) Создание Центра по цифровой трансформации кластера, отвечающего за процесс перехода кластера на цифровой формат.
- 3) Разработка программ по цифровизации каждого субъекта-участника кластера. При цифровой трансформации кластера должен использоваться системный подход, т.е. в ней должны участвовать все участники кластера.
- 4) Получение займа в Фонде развития промышленности по программе «Цифровизация промышленности».
- 5) Цифровая трансформация ядра кластера (крупных текстильных предприятий) ОАО ХБК «Шуйские ситцы», ООО «ХБК «Навтекс», ЗАО «Кинешемская прядильно-ткацкая фабрика», ООО «Родники-текстиль», ОАО Швейная

фирма «Айвенго», ОАО Ивановский парашютный завод «Полет» и др.). В рамках трансформации данных предприятий очень важно стремиться к созданию умных фабрик с роботизацией производства, активно использующих мобильные и облачные технологии в повседневной работе, внедряющих машинное обучение, машинное зрение и виртуальную реальность.

6) Переход промышленных парков-участников кластера на цифровой формат. В промышленном парке «Родники» на данный период свыше 44 резидентов, в «Иваново-Вознесенске» – 39 организаций-резидентов. Переход каждого по отдельности на цифру будет очень затратным, объединение усилий – даст положительный синергетический эффект.

7) Переход на цифровой формат финансовых организаций-участников кластера.

8) Переход на цифровой формат торгово-логистических центров.

9) Внедрение цифровых технологий в систему подготовки кадров, научно-исследовательскую, инженерно-техническую инфраструктуры.

10) Создание в рамках кластера нового инновационного комплекса по производству полиэфирных волокон методом прямого формования на IT-технологиях

Реализации «Проекта по цифровизации текстильного кластера» требует строгого контроля расходования материальных, интеллектуальных и финансовых ресурсов и выполнения работ в о определенные сроки.

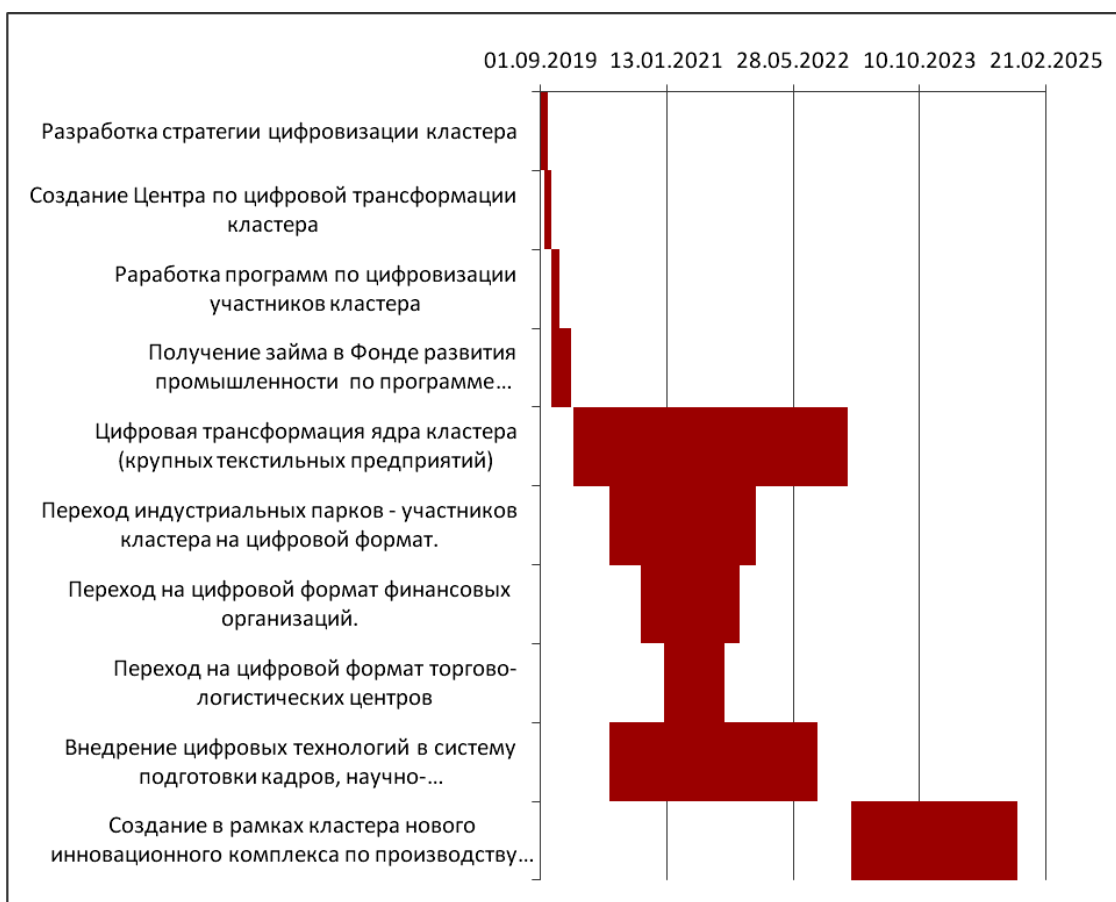

Рисунок 1.
Диаграмма Ганта «Проекта по цифровизации текстильного кластера»

Необходимо использовать диаграмму Ганта, помогающую отслеживать этапы выполнения работ, объемы использования ресурсов и осуществлять контроль за реализацией реструктуризационного проекта «точно в срок»¹. Автором построена диаграмма Ганта, позволяющая наглядно отслеживать сроки и продолжительность выполнения работ по цифровой трансформации текстильного кластера.

Для реализации «Проекта по цифровизации текстильного кластера» должна быть сформирована проектная команда, специалисты которой должны обладать знаниями цифровых технологий и активно использовать в своей профессиональной работе передовые программные продукты. Важным, при управлении процессом является построение матрицы ответственности, которая помогает точно распределить функции и обязанности между членами команды.

Реализация проекта позволит Ивановской области стать регионом-инноватором по цифровой трансформации, привлечь новых инвесторов и создать благоприятный имидж текстильного кластера.

¹ Рычихина Н.С. Проектное управление реструктуризацией социально-экономических систем // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2018. – № 1 (53). - С. 57–60.

Сахарова С.М.
аспирант РАНХиГС
candyplus@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИИ

Ключевые слова: экологический менеджмент, региональная политика, государственное управление, твердые коммунальные отходы.

Keywords: environmental management, regional policy, public administration, municipal solid waste.

Экологическая безопасность России – приоритетная задача деятельности органов государственной власти всех уровней. Актуальность задачи подтверждается массивом нормативных правовых актов в сфере охраны окружающей среды, направленных на решение назревших экологических проблем.

Одной из самых актуальных проблем в сфере экологии является проблема накопления и утилизации отходов. Несмотря на то, что Федеральный закон «Об отходах производства и потребления»¹ был принят более 20 лет назад (Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ) назвать систему управления отходами в стране эффективной невозможно: не развита отходоперерабатывающая отрасль, твердые коммунальные отходы размещаются на полигонах, на санкционированных и несанкционированных свалках, под размещение которых выделяются новые земли, переработке подвергаются не более 10% мусора, значительная часть деятельности в области обращения с отходами в России осуществляется в сфере «теневого бизнеса».

Выше отмечено, что экологическая составляющая деятельности государственных органов достаточно массово регламентирована, но с другой стороны, такая постоянная законодательная регламентация экологического законодательства может быть следствием неурегулированности достаточно широкого круга вопросов и изначально не отвечала стратегическим перспективным задачам в сфере сохранения окружающей среды.

В своем послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что до конца 2020 года будут закрыты и рекультивированы 30 крупных проблемных свалок в черте городов, а за шесть лет – все остальные.

С целью решения назревших экологических проблем были приняты поправки к закону «Об отходах производства и потребления», вступившие в силу с 1 января 2019 года (Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 503-ФЗ)². Данным законом на субъектовый уровень переданы полномочия по сбору (в том числе раздельному сбору), транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению твердых коммунальных отходов.

Согласно внесенным поправкам, в регионах выбираются региональные операторы по обращению с твердыми коммунальными отходами, представляющие собой организации, ответственные за вывоз и утилизацию отходов. Региональный оператор выбирается на основе конкурсного отбора, организуемого и проводимого органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Данная норма закреплена статьей 24.6 Федерального Закона «Об отходах производства и потребления», также определены Правила проведения уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации конкурсного отбора региональных операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2016 г. № 881).

Региональным оператором должен был быть обеспечен раздельный сбор мусора, запущены в эксплуатацию мусоросортировочные станции. Нововведением является закрытие региональных несанкционированных свалок, в противовес которым должны быть построены мусороперерабатывающие заводы.

На новую систему обращения с коммунальными отходами регионы должны были перейти с января 2017 года. Вместе с тем, на региональном уровне не была обеспечена реализация процедуры назначения региональных операторов, не предпринимались меры по обустройству полигонов, либо строительству заводов.

Как итог, к 1 января 2019 года регионы оказались не готовы к реализации вновь введенных положений закона «Об отходах производства и потребления». В частности, по состоянию на декабрь 2018 года тарифы на вывоз мусора были утверждены только в 35 субъектах Российской Федерации³, сортировка отходов повсеместно не осуществляется. Дополнительно необходимо отметить, что эксперименты с сортировкой отходов уже реализовывались во многих го-

¹ Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июня 1998 г. № 26 ст. 3009.

² Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

³ Исаев Н. «Россия – не помойка!» // Наша версия. 2019. – 11 февраля (№ 5). – <https://versia.ru/musunay-a-reforma-mozhet-stat-dly-a-naroda-poslednej-kaplej>

родах страны. К сожалению, из-за технологических ошибок (отсутствие контейнеров нужного объема для отдельного сбора, специальных автомобилей, объектов финишной сортировки и т.д.) эксперименты оказались несостоятельными.

Несмотря на принимаемые меры на законодательном уровне, экологическая обстановка продолжает оставаться напряженной. В ряде регионов прошли митинги против создания мусорных полигонов, общий лозунг которых – «Россия не помойка».

Эпицентром протеста выступила Архангельская область, в которой создается экотехнопарк «Шиес». В данный полигон планируется ежегодно доставлять около полутора миллионов тонн мусора из Москвы и Московской области. Предполагается, что «Шиес» будет расположен в болотистой местности, а значит, теоретически **все загрязнения со свалки могут через северные реки попасть в Баренцево море, а оттуда – в страны Скандинавии.**

Жители Архангельской области ведут многомесячное противостояние, организовывая пикеты, посты, блокирующие проезд техники, везущей топливо на территорию экотехнопарка «Шиес», волонтерское движение, в год, объявленном в России годом волонтерства, с момента начала акции увеличилось в несколько раз (волонтеры ведут круглосуточное дежурство), на территорию станции с целью урегулирования конфликта привлечены правоохранительные органы.

Протест приобрел окраску политической эскалации, архангелогородцы в своих требованиях требуют отставки губернатора, при поддержке которого на территории области планируется построить еще несколько полигонов для захоронения отходов, один из которых будет расположен в 10 километрах от берега Белого моря.

Мировой опыт борьбы с мусором показывает, что на практике, при взвешенном и продуманном подходе, реально применять инновационные технологии безотходного производства, а также перерабатывать отходы с целью получения сырья, **пригодного для использования в разных сферах промышленности.**

Лидируют по переработке бытовых отходов страны Евросоюза. Европейские страны активно используют контейнеры, позволяющие разделять мусор на несколько типов: стекло, пластик, макулатура, пищевые отходы и прочее. К примеру, Германия начала сортировать мусор еще в конце 1980-х годов.

Большинство стран Евросоюза занимаются борьбой с отходами на законодательном уровне и активно реализуют муниципальные программы по борьбе с вредными отходами. Программы включают строительство мусороперерабатывающих и мусоросжигающих заводов (они строятся как в мегаполисах, так и в небольших поселениях), финансовое поощрение добровольных сборов и систему штрафов. Также созданы специальные пункты приема, в которых можно возместить стоимость тары, включенной в приобретаемый продукт.

Данная практика в России отсутствует, также **отсутствует** технологическая и экономическая база как для утилизации, так и для преобразования отходов во вторичный товар.

Соответственно, государственное управление в решении экологических проблем должно быть направлено на создание комплексной системы, направленной на развитие собственных экологически безопасных технологий по утилизации отходов, должна быть выработана четкая стратегия по достижению поставленных целей в сфере переработки твердых бытовых отходов.

Следует подчеркнуть, что приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 14 августа 2013 г. № 298 была утверждена Комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации. Вместе с тем, документ не раскрывает основные направления государственной научно-технической политики, позволяющей создать эффективную и экологически безопасную систему управления твердыми бытовыми отходами в России, обеспечивающую сведение к минимуму количество захораниваемых отходов, рациональное использование твердых бытовых отходов как источника вторичных материальных и энергетических ресурсов.

Кроме того, предметом стратегии являются отходы, образуемые в многоквартирных и индивидуальных жилых домах в результате потребления товаров (продукции) физическими лицами¹, что составляет около 75% от общего количества возникающих твердых бытовых отходов. Соответственно стратегия направлена лишь на часть образуемых отходов.

Выходом из ситуации может стать создание на государственном уровне новой экономической отрасли по утилизации отходов, которая позволит минимизировать захоронение твердых бытовых отходов, дополнительно обеспечив при этом ресурсосбережение, повторное вовлечение в хозяйственный оборот утилизируемых компонентов отходов в качестве сырья, материалов, изделий, превращение отходов во вторичное сырье для изготовления новой продукции и получения энергии.

Отрасль должна быть обеспечена соответствующей инфраструктурой, позволяющей применять технологии безотходного производства, либо преобразование отходов во вторичное сырье.

Также необходимо в образовательные программы дошкольного и школьного образования включить направления по формированию экологической культуры на бытовом уровне.

С целью эффективного решения вопросов утилизации твердых коммунальных отходов на государственном и региональном уровнях следует задействовать **научный, промышленный и коммунальный потенциал, ввести четкие критерии оценки** системы обращения с отходами, в том числе контроль показателей сбора полезных блоков (стекло, пластик, макулатура), установить сроки и контролировать достижения результатов в конкретных цифрах.

¹ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 14 августа 2013 г. № 298 «Об утверждении комплексной стратегии обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Необходимо сделать отрасль по утилизации отходов привлекательной для инвесторов и представителей бизнеса, с помощью государственной поддержки должны быть созданы стартовые условия, позволяющие воспользоваться экономическими, социальными и технологическими возможностями.

Сливицкий А.Б.

начальник сектора ФГУП «ГосНИИАС»

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АВИАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: авиационная деятельность, государственная политика, комплексный анализ, координация, основы государственной политики, система стратегического планирования, структура, целеполагание, управление.

Keywords: aviation activity, state policy, comprehensive analysis, coordination, public policy framework, strategic planning system, structure, goal setting, management.

Распад СССР и последовавшие за ним перманентные социально-экономические реформы затронули все сферы жизни российского государства и общества. Не осталась в стороне и такая важная сфера государственного строительства и обеспечения его национальной безопасности как авиационная деятельность (АД).

АД представляет собой сферу активности государства, науки и бизнеса, предметно ориентированную на авиационную технику (АТ), включая воспроизводство АТ, применение и оказание авиационных услуг (АУ) в гражданской и военной областях [11]. По значимости и размерам АД относится к разряду сложных масштабных видов государственной промышленной, оборонной и социально-экономической деятельности [15]. АД – это комплексная деятельность различных субъектов, осуществляющих управленческие функции по отношению к находящимся в их подчинении объектам высокой наукоёмкости, технической сложности, ресурсоемкости при многообразии их взаимосвязей [13].

Целеполагание составляет одну из системных проблем исследований АД, проводимых автором на протяжении ряда лет (см., например, работы [11–23] и их библиографию).

Комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области АД позволяет выделить несколько проблемных аспектов.

1. Целеполагание (подсистема целеполагания, система целевых установок, вектор развития) в системе стратегического планирования в области АД формируется из системы взглядов о государственных интересах и стратегических целях в области АД, а также допустимых принципов и наиболее эффективных механизмов реализации соответствующей политики РФ. Все они имеют дискуссионный характер. Их рациональный отбор и взаимоувязка составляют системную политико-политолого-экономико-социолого-научно-техническую проблему.

2. Основной целью АД является обеспечение национальной безопасности РФ в данной сфере. Причём безопасность неаддитивна. Это сложное комплексное понятие, которое не может рассматриваться как простая сумма составляющих ее частей. Части системы национальной безопасности РФ как взаимосвязаны, так и взаимозависимы. Проблему усложняет наличие ведомственной самостоятельности субъектов АД [13, 17].

3. Отражая сущность АД – являющейся, как отмечено в [19], сложной организационной системой – система стратегического планирования в области АД – часть системы управления АД – сама является сложной системой иерархического типа. Разработанный в ходе многолетних системных исследований в области АД [11–23] перспективный облик системы стратегического планирования в данной сфере представлен на рис. 1 [12].

4. Система целеполагания, то есть установления приоритетов в области АД и принципов их достижения институционализована специальными документами, принимаемыми на президентском уровне, – основами государственной политики (ГП) РФ в области АД. С момента формирования института основ ГП основы в области АД принимались в виде таких последовательно сменявших себя документов как:

– Основы политики РФ в области АД на период до 2010 года [8] (Основы-2010), и

– Основы ГП РФ в области АД на период до 2020 года [9] (Основы-2020).

В настоящее время готовится проект Основ ГП РФ в области АД на период до 2030 года [10] (Основы-2030).

В современной системе стратегического планирования в области АД координирующую функцию выполняют Основы-2020, – ядро системы целеполагания (см. рис. 1). В них определены государственные интересы, главные цели, основные принципы и приоритетные направления ГП, а также меры ГП в области АД на очередной плановый период. Анализ проблем формирования и реализации этого документа – регулятора, приведен в [14, 15, 21, 22].

В настоящей работе акцент делается на комплексном анализе проекта Основ-2030, разработанного на замену Основ-2020 и обсуждаемого сейчас российским экспертным сообществом. При подготовке замечаний и предложений по проекту Основ-2030 применяются общенаучные и частнонаучные методы исследования: исторический, формально-логический, системный анализ, структурный анализ, а также метод сравнительного правоведения.

Рисунок 1.
Система стратегического планирования в области АД

Комплексный анализ проекта Основ государственной политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2030 года

Разрабатываемые в настоящее время Основы-2030 в соответствии с ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» [4] являются документом стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне в сфере обеспечения национальной безопасности РФ (статья 11 пункт 3 подпункт в) [4]).

В соответствии с [4] документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования на федеральном уровне (статья 11 пункт 1), а координация разработки и реализации документов стратегического планирования осуществляется Президентом РФ и Правительством РФ по вопросам, находящимся в их ведении (статья 11 пункт 2).

Проведенный комплексный анализ проекта Основ-2030 года показал следующее.

1. Согласно надзаглавию анализируемого документа [10] следует, что его предполагается утвердить указом Президента РФ, что определяет необходимость формирования комплекта документов, в том числе пояснительную записку (ПЗ), содержащую *краткое изложение существа проекта, необходимые обоснования, справочные и аналитические материалы* (требование, установленное пунктом 2 Приложения «Порядок подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента РФ» к распоряжению Президента РФ «Об утверждении Порядка подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента РФ» [7]).

Проект Основ-2030 не сопровождается анализом действующих в настоящее время Основ-2020. Подобный анализ позволил бы выделить актуальные и устаревшие дефиниции документа [9], выявить и обосновать дефицит государственного регулирования АД в части государственных интересов, целей, принципов, основных направлений и приоритетов ГП в области АД, а также основных мер государственного регулирования.

Отсутствие ПЗ, содержащей концепцию Основ-2030, например, не позволяет также оценить необходимость подготовки и принятия во исполнение Основ-2030 – указа Президента РФ по правовому статусу – постановлений и/или распоряжений Правительства РФ, соблюдая требования Указа Президента РФ «О порядке подготовки проектов указов, распоряжений Президента РФ, предусматривающих принятие постановлений, распоряжений Правительства РФ» [5] и, соответственно, оценить правомерность отсутствия проектов соответствующих правительственных актов, приложенных к проекту указа Президента РФ, утверждающего Основы-2030.

Таким образом нарушен порядок подготовки проектов указов Президента РФ, установленный [7] и [5].

В интересах дальнейшей подготовки рассматриваемого нормативного правового акта – проекта указа Президента РФ, вводящего Основы-2030 – необходимо подготовить:

– проект указа Президента РФ, уточнив его название и назначение: либо «Об Основах...», либо «Об утверждении Основ...», а также

– ПЗ к проекту указа Президента РФ, отразив в ней концепцию, существо документа [10] и приведя необходимые обоснования, справочные и аналитические материалы, в том числе о предварительных результатах выполнения Основ-2020.

2. Структура разделов Основ-2030 отличается от структуры разделов Основ-2020 (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура разделов проекта Основ-2030	Структура разделов Основ-2020
I. Общие положения II. <i>Национальные интересы</i> III. Цели и основные принципы ГП IV. Факторы, влияющие на достижение целей V. Основные направления и задачи ГП в области АД VI. Основные <i>меры ГП</i> в области АД VII. Заключительные положения	I. Общие положения II. <i>Государственные интересы</i> РФ в области АД III. Главные цели, основные принципы и приоритетные направления ГП РФ в области АД IV. Основные <i>меры государственного регулирования</i> в области АД V. Заключительные положения

Отличия наблюдаются как в количестве разделов: семь разделов в [10] и пять разделов в [9], так и в содержании, и в используемой терминологии. Необходимость подобных новаций никак не обоснована.

3. В Основах-2020 использован термин «государственные интересы», а в проекте Основ-2030 – термин «национальные интересы». Общественные науки, включая теорию государства и права и политологию, данные термины трактуют несинонимично и неоднозначно.

Существует две альтернативы. Либо отказаться от термина «национальные интересы», и используя в Основах-2030 термин «государственные интересы», либо всё-таки использовать термин «национальные интересы». Но тогда придётся привести в соответствие с этим термином название Основ-2030, так как любая политика призвана реализовывать интересы: Основы *национальной* политики РФ в области АД на период до 2030 года.

В этом случае Основы-2030 будут напоминать Стратегию национальной безопасности РФ [6]. Она опирается на понятия «национальные интересы» и «национальная безопасность», и содержит раздел «III. Национальные интересы и стратегические национальные приоритеты». Однако подпункт в) пункта 3 статьи 11 ФЗ [4] относит к документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне, только «основы ГП». Никаких «основ национальной политики» [4] не предусматривает. Таким образом необходимо переформулировать название и содержание раздела «II. Национальные интересы» из [10], воспользовавшись термином «государственные интересы».

В [9] использован термин «меры государственного регулирования», а в [10] – термин «меры ГП» (см. табл. 1). Данные термины синонимами не являются.

Таким образом можно констатировать отсутствие формальной преемственности проекта Основ-2030 по отношению к Основам-2020 как в части структуры разделов, так в части используемой терминологии. Выявленные понятийные разночтения необходимо либо обосновать, либо устранить при отсутствии достаточных обоснований.

4. Далее. Проследим эволюцию государственных интересов (см. табл. 2).

Таблица 2

Основы-2010	Основы-2020	Проект Основ-2030
II. Государственные интересы РФ в области авиации и АД 4. Государственные интересы РФ в области авиации определяют: – размеры территории страны; – недостаточное развитие наземных транспортных коммуникаций, особенно в районах Севера, Дальнего Востока и Сибири; – значение авиации для решения оборонных и социально-экономических задач, развития науки, техники и новейших технологий. 5. Государственные интересы РФ в области авиации формируются с учетом ведущих мировых тенденций в сфере изучения, освоения и использования воздушного пространства, основными из которых являются: – возрастание роли и значения авиации в решении различными странами мира и военно-политическими блоками широкого спектра жизненно важных для них задач в политической, военно-стратегической, экономической, социальной, научной, культурной и других сферах; – усиление влияния военной авиации на соотношение сил в мире, на сохранение стратегической стабильности, на ход и исход войн и	II. Государственные интересы РФ в области АД 5. Государственные интересы РФ в области АД определяются: а) возрастающим значением авиации для решения оборонных, военно-политических и социально-экономических задач, развития науки, техники и технологий; б) ростом потребностей в воздушных перевозках пассажиров и грузов, особенно в отдаленных районах Севера, Дальнего Востока и Сибири с недостаточно развитой транспортной инфраструктурой, на долю которых приходится около половины территории страны; в) ведущей ролью авиационной промышленности (АП), как одной из наиболее наукоемких и технологически сложных отраслей, в решении задач модернизации экономики и ее перехода на инновационный путь развития. 6. Государственные интересы РФ в области АД формируются с учетом: а) роста влияния авиации на соотношение сил в мире, на сохранение стратегической стабильности, на ход и результат войн и вооруженных конфликтов; б) участия в мировых интеграционных процес-	II. Национальные интересы Национальные интересы РФ в области АД, как совокупность интересов государственных институтов и гражданского общества, состоят в следующем: 1) Эффективное участие государственной авиации в сдерживании и предотвращении военных конфликтов, в вооруженной защите РФ и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ. 2) Усиление роли гражданской авиации в обеспечении безопасности территории РФ, повышении доступности и качества транспортного обслуживания населения и отраслей экономики, безопасности и конкурентоспособности российской авиационной транспортной системы.

<p>вооруженных конфликтов;</p> <ul style="list-style-type: none"> – углубление интеграционных процессов и международного разделения труда на мировом рынке авиационных товаров и услуг в области авиации; – обострение конкурентной борьбы между развитыми странами мира в целях завоевания сегментов этого рынка. <p>6. Государственные интересы РФ в области авиации предусматривают:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обеспечение гарантированного доступа РФ к мировому воздушному пространству; – создание условий для поддержания научного, технического, промышленного и кадрового потенциала, обеспечивающего АД; – развитие потенциала военной авиации и поддержание его на уровне, достаточном для обеспечения обороны страны и безопасности государства; – формирование развитой сети внутренних и международных воздушных сообщений и обеспечение ее эффективного функционирования в соответствии с возможностями воздушного транспорта и спросом на воздушные перевозки; – обеспечение выгодных для России условий ее участия в международном разделении труда на мировом рынке авиационных товаров и услуг в области авиации. <p>7. Актуальность защиты государственных интересов РФ в области авиации возрастает вследствие существенных изменений геополитической ситуации в мире и возникновения новых угроз национальной безопасности РФ в сфере АД, связанных прежде всего со сложным экономическим положением России, ослаблением координации и контроля АД со стороны государства, отставанием качественных и количественных показателей российских авиационных техники и вооружения от ведущих стран мира.</p> <p>8. Для реализации и защиты своих государственных интересов РФ должна обладать соответствующим авиационным потенциалом (АП-лом).</p> <p>Наличие и рациональное использование мощного АП-ла является для РФ объективной необходимостью, одним из важнейших условий обеспечения ее безопасности, социально-экономического и культурного развития. Опираясь на этот потенциал, РФ может ускорить становление своей экономики, укрепить оборонную мощь, обеспечить эффективное развитие науки, техники, социальной сферы.</p> <p>Основу АП-ла РФ составляют:</p> <ul style="list-style-type: none"> – государственная авиация; – гражданская авиация; – экспериментальная авиация; – авиационная инфраструктура; – АП; – единая система организации воздушного движения (ЕС ОВД), федеральная система разведки и контроля воздушного пространства и другие информационные системы, обеспечивающие АД; – образовательные учреждения и организации, осуществляющие подготовку специалистов в области авиации; – профессионально подготовленные кадры. <p>Основой государственной авиации является военная авиация, включающая авиацию ВС РФ и авиацию федеральных органов.</p>	<p>сах, развития международного разделения труда, а также обострения конкурентной борьбы между странами, авиастроительными и авиатранспортными компаниями на мировых рынках АТ и АУ;</p> <p>в) необходимости предотвращения угроз террористического характера в отношении воздушных судов и объектов авиационной инфраструктуры;</p> <p>г) повышения требований к качеству АТ и предоставлению АУ;</p> <p>д) развития авиационной науки (АН) и инновационных технологий, а также возможного их применения в других отраслях промышленности;</p> <p>е) необходимости поддержания суверенитета страны за счет дальнейшего развития военного и гражданского секторов АП.</p> <p>7. Государственные интересы РФ в области АД предусматривают:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) сохранение за РФ статуса мировой авиационной державы; б) обновление парка воздушных судов гражданской авиации и развитие сети воздушных сообщений для обеспечения транспортной доступности всей территории РФ; в) поддержание научно-исследовательского, технического, производственно-технологического и кадрового потенциалов на уровне, обеспечивающем эффективную АД в РФ; г) наращивание боевого потенциала государственной авиации в соответствии с требованиями обеспечения обороноспособности страны; д) поддержание качества отечественной АТ на уровне, обеспечивающем ее конкурентоспособность на мировом рынке; е) развитие международного сотрудничества и расширение присутствия отечественных авиационных организаций на внутреннем и внешнем рынках АТ и АУ. <p>8. Для реализации и защиты своих государственных интересов РФ должна обладать соответствующим АП-лом.</p> <p>Наличие мощного АП-ла и рациональное его использование являются для РФ объективной необходимостью, одним из важнейших условий обеспечения ее безопасности, социально-экономического и инновационного развития. Опираясь на этот потенциал, РФ может ускорить развитие своей экономики, укрепить оборонную мощь, обеспечить эффективное развитие науки, техники, социальной сферы.</p> <p>Основу АП-ла РФ составляют:</p> <ul style="list-style-type: none"> а) государственная авиация; б) гражданская авиация; в) экспериментальная авиация; г) АП; д) авиационная инфраструктура и техника; е) ЕС ОВД, федеральная система разведки и контроля воздушного пространства и другие информационные системы, обеспечивающие АД; ж) образовательные учреждения и организации, осуществляющие подготовку специалистов в области авиации; з) профессионально подготовленные кадры. <p>9. Основой государственной авиации является военная авиация.</p>	<p>3) Достижение и поддержание высокого уровня конкурентоспособности российской АП, обеспечивающего ее устойчивое экономическое положение и значительный вклад в рост валового внутреннего продукта и создание высококвалифицированных рабочих мест.</p> <p>4) Сохранение и повышение потенциала АН, обеспечивающей непрерывное воспроизводство опережающего научно-технического задела (НТЗ) как необходимого условия долгосрочного поддержания конкурентоспособности и устойчивого развития российского авиастроения.</p> <p>5) Увеличение в результате расширения и активизации АД доли продукции и услуг высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в российском валовом внутреннем продукте и экспорте.</p> <p>6) Использование научно-технологического потенциала авиастроительной и авиатранспортной отраслей как одних из наиболее наукоемких и технологически сложных для ускорения модернизации других отраслей российской экономики и их перевода на инновационный путь развития.</p> <p>7) Расширение взаимовыгодного сотрудничества в сфере АД для усиления внешнеэкономического и внешнеполитического влияния РФ на мировой арене.</p> <p>8) Обеспечение технологической и экономической независимости РФ во всех областях АД, возможности (при необходимости) самостоятельного решения задач в этой сфере.</p>
--	---	--

Комментируя таблицу 2, следует отметить, что на заданном временном интервале в существующих и/или прогнозируемых стационарных, устойчивых геополитических и геоэкономических условиях – несмотря на всю их динамичность – государственные интересы РФ инвариантны и императивны. Вариативность и корректируемость может быть проявлена только в условиях резкого изменения существующих и/или прогнозируемых геополитических и геоэкономических условий. Вслед за государственными интересами подлежат трансформации и актуализации и влекомые ими главные цели, основные принципы и приоритетные направления государственной политики РФ в области АД, а также основные меры государственного регулирования в данной сфере.

Анализируя разделы основ ГП, посвященные государственным интересам РФ в области АД (таблица 2), следует отметить структурную и концептуально-смысловую преемственность Основ-2020 по отношению к Основам-2010 и резкое контрастирование с ними проекта Основ-2030. Геополитический и геоэкономический контекст существования АД РФ изменился не сегодня, а в 2014 году. Необходимость новаций в разделе государственных интересов проекта Основ-2030 по отношению к Основам-2020 никак не обоснована.

Понятие «авиационный потенциал» в тексте проекта Основ-2030 не употребляется. Разработчиками проекта Основ-2030 принято решение от него отказаться. Это представляется нецелесообразным вследствие того, что понятие «авиационный потенциал» в Основах-2010 и Основах-2020 являлось стержневым системообразующим фактором.

Так в Основах-2020 (а ранее в Основах-2010) система государственных интересов, приоритетов и мер была сформирована с учетом объективно существующих тенденций развития сегментов АП-ла и концептуально непротиворечива по отношению к концепциям и стратегиям развития отдельных компонент АП-ла РФ. В проекте Основ-2030 подобной сегментации нет.

Необходимо привести структуру проекта Основ-2030 к виду, который принят в действующих Основах-2020 и восстановить концептуально-смысловую преемственность проекта Основ-2030 по отношению к Основам-2020 и Основам-2010, проведя необходимую актуализацию.

5. Руководствуясь юридической техникой необходимо:

– сделать нумерацию пунктов дефиниций в проекте Основ-2030 сквозной, а не по разделам. Это облегчит использование документа и контроль за его реализацией;

– привести стиль изложения всего проекта Основ-2030 к однообразному, как это сделано в действующих Основах-2020 (используя глаголы «создание, обеспечение, осуществление» и т.д.).

6. Проект Основ-2030 в первом пункте раздела «I. Общие положения» содержит утверждение о том, что «Основы являются разрабатываемым на федеральном уровне *межотраслевым* документом стратегического планирования РФ». Однако таких документов как «межотраслевой документ стратегического планирования РФ» не существует.

Подпункт в) пункта 3 статьи 11 [4] относит к «документам стратегического планирования, разрабатываемым на федеральном уровне», – без какого-либо отраслевого подразделения – «основы государственной политики». Что же касается «межотраслевых документов», то к таким документам пункт 5 статьи 19 [4] относит «*межотраслевые стратегии*». Разница между основами ГП и межотраслевой стратегией очевидна. Обсуждаемое утверждение неправомерно и должно быть устранено.

7. Проект Основ-2030 в пункте 2 раздела I содержит перечень (глоссарий) «терминов и определений, использованных в целях реализации положений настоящих Основ». Следует отметить, что часть определений приводимых терминов не соответствует определениям, приводимым, например, в действующем ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» [3] (это касается таких понятий как: авиация, АД, АП, АТ, летательные аппараты), а часть их просто дублирует. Это относится к определениям понятий: государственная авиация, государственная военная авиация, государственная авиация специального назначения, гражданская авиация и экспериментальная авиация дублирующим глоссарий ВК РФ [2].

Следует напомнить, что федеральные законы обладают высшей юридической силой по сравнению с подзаконными актами, к коим относится и рассматриваемый документ [10]. Высшая юридическая сила закона означает, что подзаконные акты не могут ему противоречить, а в случае правовой коллизии применяются правила федерального закона.

8. Для терминов глоссария проекта Основ-2030, не имеющих законодательного закрепления, требуются уточнения, например,

1) Вводимое понятие «опережающий НТЗ», не сопровождается введением понятия самого «научно-технического задела» с привязкой к АД (авиастроению).

Для справки: Минпромторгом России ранее было отработано с участием МО РФ обобщенное понятие без привязки к АД: «НТЗ – это совокупность имеющихся в наличии новых результатов интеллектуальной деятельности в сфере науки и техники, критических и прорывных технологий, освоение и реализация которых в промышленном производстве ведет к повышению эффективности функционирования отраслей промышленности и освоению в производстве новых технических систем (изделий)». Данное определение необходимо учесть.

2) Не введено понятие «авиастроение – высокотехнологический сектор промышленного и оборонно-промышленного комплексов, реализующий (выполняющий) свои функции в интересах авиации и АД». Однако, по тексту [10] многократно используется понятие «авиастроение».

3) Не введено понятие «продукция авиастроения».

4) Проект Основ-2030 содержит формулировку (раздел V пункт 2): «Основными задачами ГП по направлению непрерывного воспроизводства АН опережающего непрерывно обновляемого НТЗ как необходимого условия обеспечения *конкурентоспособности* и устойчивого развития *авиастроения* в РФ», в которой применено понятие «конкурентоспособность авиастроения». Однако глоссарий из [10] вводит не это понятие, а понятие «конкурентоспособность

российской АП» и понятие «конкурентоспособность российской авиатранспортной системы», которые не используются.

5) Не введено понятие «уровень инновационного развития авиастроения или/и АП или/и авиационных организаций (предприятий)».

6) Не введено понятие «авиационная наука».

7) Проект Основ-2030 оперирует понятиями «уровень готовности технологии» и «шкала уровней готовности технологии». Однако сама шкала уровней готовности технологии [20] не приводится. Нет упоминания о других моделях оценки – уровня готовности производства [18], интеграции технологий, системной интеграции и т.п.

8) Приведенное понятие «авиационный комплекс (военного назначения)» с привязкой к количественным показателям состава требует дополнительного обоснования.

Приведенный перечень замечаний может быть продолжен.

9. Проект Основ-2030 (пункт 4 раздела I) содержит следующую формулировку: «ГП в области АД – это совокупность скоординированных и направленных на регулирование и развитие АД действий политического, правового, технологического, экономического, социального и информационного характера, осуществляемых органами государственной власти РФ совместно с государственными корпорациями, акционерными обществами с государственным участием, государственными учреждениями и государственными унитарными предприятиями». Это формулировка «ГП в области АД» через метод-субъект-объектные отношения.

Здесь метод управления – это «совокупность скоординированных и направленных на регулирование и развитие ... действий политического, правового, технологического, экономического, социального и информационного характера». Этот перечень, по нашей оценке, необходимо дополнить также «техническими и организационными» действиями.

Субъект управления – это «органы государственной власти РФ совместно с государственными корпорациями, акционерными обществами с государственным участием, государственными учреждениями и государственными унитарными предприятиями».

Объектом управления объявлена АД. Но, если учесть определение АД, то в явном виде объектом управления является только АН, неизвестно кем осуществляемая. Что же касается таких элементов АД (её субъектов) как «государственные корпорации, акционерные общества с государственным участием, государственные учреждения и государственные унитарные предприятия», то они причислены к субъекту управления.

Объект управления фактически отсутствует. Действия субъекта управления, реализующего метод управления, ни на кого, ни на что не направлены. Необходимо изменить формулировку понятия «ГП в области АД».

10. В пункте 3 раздела I из [10] дано узкое понимание сферы АД, в том числе определяется: «АД ведется в трех основных областях: в области разработки АН и в смежных областях опережающего НТЗ, в области разработки и производства АТ, и в области применения АТ в государственной, гражданской и экспериментальной авиации».

Такая узкая трактовка не соответствует содержанию задач обеспечения национальной безопасности в области АД, которые наряду с вышеуказанными включают также вопросы состояния и развития парка АТ государственной, гражданской и экспериментальной авиации, развития наземной инфраструктуры аэропортов и аэродромов, систем управления безопасностью полетов, подготовки кадров, например.

11. В [10] (пункт 5 раздела I) указывается, что «в основе ГП лежит система принципов и национальных интересов в области АД, определяющих цели, задачи, приоритетные направления и меры ГП». С данной формулировкой в целом можно согласиться, но, следует отметить, что под принципами (а точнее «основными принципами») ГП в проекте Основ-2030 понимаются общеюридические нормы: законность, ответственность, планомерность, объективность, реалистичность и рациональность, инновационность, системность, сбалансированность и комплексность инструментов ГП.

Необходимо, либо сформулировать актуальные принципы ГП в области именно АД, либо отказаться от данной формулировки.

Справочно следует привести формулировку принципов из пункта 11 Основ-2020:

«ГП РФ в области АД основывается на следующих основных принципах:

а) соблюдение государственных интересов РФ с учетом требований законодательства РФ и принятых РФ международных обязательств в области АД;

б) применение эффективных методов планирования и реализации мер государственного регулирования АД;

в) динамичное и сбалансированное инновационное развитие научно-технического, производственно-технологического и кадрового потенциалов, обеспечивающих АД, на основе передовых достижений науки, техники, информационных и управленческих технологий;

г) взаимовыгодное партнерство российских авиационных организаций, участвующих в международных проектах по созданию АТ и предоставлению АУ;

д) совершенствование системы государственного регулирования и контроля безопасности полетов государственной, гражданской и экспериментальной авиации в целях существенного сокращения количества авиационных происшествий».

12. В [10] (пункт 5 раздела I) указывается, что «правовой базой настоящих Основ является Конституция РФ, федеральные законы и другие нормативные правовые акты РФ, а также принятые РФ международные обязательства в области АД». Отсутствует упоминание федеральных конституционных законов. Однако в российском правовом поле существует ФЗ «О Правительстве РФ» [1], где определена важная роль Правительства РФ в подобной деятельности.

13. Вопреки соответствующему положению Основ-2020 и [4] (статья 11 пункт 2) проект Основ-2030 не содержит упоминания о том, что «координацию разработки и общее руководство реализацией настоящих Основ осуществляет Президент РФ».

14. Проект Основ-2030 (раздел II. Национальные интересы) содержит не принятую в политологии формулировку национальных интересов. Это всего лишь «совокупность интересов государственных институтов и гражданского общества». Здесь почему-то нет упоминания ни государства как интересанта, ни его граждан. Зато есть упоминание об интересах отдельных государственных институтов, имеющих, вообще-то, самые разные, в том числе прямо противоположные интересы [12, 13, 16, 17] и интересы гражданского общества – сферы самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, огражденных от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, а также других внешних факторов.

15. В [10] (пункт 1 раздела II) указывается, что «национальные интересы ... состоят в следующем: эффективное участие государственной авиации в сдерживании и предотвращении военных конфликтов, в вооруженной защите РФ и ее союзников *в соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ*». Данная формулировка почему-то не содержит перечисление таких важнейших для защиты территориальной целостности и суверенитета РФ правовых актов как: Конституция РФ, Военная доктрина РФ и Стратегия национальной безопасности РФ.

16. В разделе II из [10] не определены национальные интересы в области экспериментальной авиации.

17. Подпункт в) пункта 1 раздела «III. Цели и основные принципы ГП» [10] относит к целям ГП РФ в области АД в долгосрочной перспективе способность обеспечить «масштабное продвижение *отечественных авиационных технологий*, продукции и услуг на мировой рынок». К продукции и услугам замечаний нет, а вот что касается «отечественных авиационных технологий», то тут возникают сомнения об абсолютной целесообразности. Целью ГП объявляется трансфер технологий. Но насколько целесообразно с учетом национальной безопасности РФ способствовать росту конкурентных преимуществ иностранных государств в области АД?

18. В пункте 2.5 раздела III упоминаются «критерии развития АД», но нигде по тексту проекта Основ -2030 не указывается, что это за критерии, кто их определяет, кем и как они контролируются.

Система критериев успешности АД России должна быть научно обоснована и формироваться с учетом рисков, связанных с изменением геополитических условий при императивности обеспечения суверенитета РФ [23].

19. Редакция пунктов раздела «IV. Факторы, влияющие на достижение целей» [10] выглядит излишне детализированной. Формулировки пунктов содержат отсылки к конкретным документам Правительства РФ. Представляется целесообразным дать более общие формулировки, вернувшись к редакции Основ -2020.

20. Проект Основ-2030 основными направлениями ГП в области АД объявляет:

«развитие АН и технологий ...

развитие АП ...

развитие в РФ государственной (военной и специальной), гражданской и экспериментальной авиации».

Однако перечисленные направления не исчерпывают весь комплекс актуальных направлений и должны быть дополнены следующими составляющими АП-ла (см. пункт 8 Основ-2020): «авиационная инфраструктура и техника; ЕС ОВД, федеральная система разведки и контроля воздушного пространства и другие информационные системы, обеспечивающие АД; образовательные учреждения и организации, осуществляющие подготовку специалистов в области авиации; профессионально подготовленные кадры», а также такими направлениями АД как – организационная деятельность, нормативно-правовое обеспечение, социально-экономическая деятельность, внешнеэкономическая деятельность и международное сотрудничество.

21. Перечисленные в подпунктах пункта 2 раздела «V. Основные направления ГП в области АД» [10] формулировки конкретных мероприятий по решению обозначенных в данном разделе задач целесообразно исключить из-за чрезвычайной конкретности. Они могут войти (после обсуждения) в комплексный план мероприятий по реализации Основ-2030. Анализ документа «комплексный план» приведен в [22].

22. Анализ показал, что большинство пунктов раздела «VI. Основные меры ГП в области АД» [10] представляют собой меры финансового характера. Эти меры однозначно затратные. Что же касается мер административного, законодательного, нормативно-правового регуляторного воздействия, то они прописаны недостаточно четко.

В совокупности с разделы V и VI проекта Основ-2030 выглядят как финансовый план или бюджетная заявка на финансирование. Однако такая формализация проекта Основ-2030 в корне отличается от идеологии основ ГП (подробнее об идеологии основ см. [22]).

Основы ГП призваны выполнять в АД координирующую функцию. Они взаимоувязывают в единую систему основные субъекты АД, имеющие противоречивые интересы, цели и задачи функционирования, а также методы их достижения. Основы ГП представляют собой основу для системной координации различных составляющих АД и развития АП-ла страны, основу для конструктивного взаимодействия органов исполнительной власти и субъектов АД в интересах обеспечения национальной безопасности, обороноспособности, социально-экономического развития и международного сотрудничества.

Заключение

1. Проведен комплексный анализ целеполагания в системе стратегического планирования в области АД и выделены четыре проблемных аспекта.

2. Разработана система стратегического планирования в области АД, имеющая иерархическую структуру.

3. Показано, что координационным ядром целеполагания в системе стратегического планирования в области АД являются Основы ГП РФ в области АД (на период до 2020 года).

4. Проведен комплексный анализ проекта Основ ГП РФ в области АД на период до 2030 года в ходе которого сформулированы замечания и разработаны предложения по доработке проекта Основ-2030.

5. Проект Основ-2030 требует доработки в части приведения его структуры к структуре действующих Основ-2020 и восстановления концептуально-смысловой преемственности этих документов стратегического планирования. Учёта изменений условий АД, произошедших за истекшие 7 лет, и учётом прогноза условий и конкретных показателей осуществления АД на предстоящие 11 лет. В частности, учёта требований к АД, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Список литературы и источников

1. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ от 22 декабря 1997 г. № 51 ст. 5712.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ от 24 марта 1997 г. № 12 ст. 1383.
3. Федеральный закон от 8 января 1998 года № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации» // СЗ РФ от 12 января 1998 г. № 2 ст. 226.
4. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ от 30 июня 2014 г. № 26 (часть I) ст. 3378.
5. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.1996 № 638 «О порядке подготовки проектов указов, распоряжений Президента Российской Федерации, предусматривающих принятие постановлений, распоряжений Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ от 6 мая 1996 г. № 19 ст. 2257.
6. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ от 4 января 2016 г. № 1 (часть II) ст. 212.
7. Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 февраля 1993 года № 85-рп «Об утверждении Порядка подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации (с изменениями на 12 января 2010 года)» // СЗ РФ № 7, 15.02.93, ст.598.
8. Основы политики РФ в области авиационной деятельности на период до 2010 года. / Поручение Президента России от 3 февраля 2001 года № ПР-241. Текст официально опубликован не был.
9. Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года. / Поручение Президента России от 1 апреля 2012 года № ПР-804. Текст официально опубликован не был.
10. Проект Основ государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2030 года / ФГБУ «НИЦ «Институт имени Н.Е. Жуковского» (исх. № ШВ-2/349 от 13.03.2019 г.).
11. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Анализ особенностей регулирования авиационной деятельности в Российской Федерации // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – Т. 1. – С. 48–51.
12. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. О совершенствовании системы стратегического планирования и научно-технического прогнозирования развития авиации и авиационной деятельности Российской Федерации // Третья Всероссийская научно-техническая конференция Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов. – М.: ООО «Научтехлитиздат», 2017. – Т. 1. – С. 45–48.
13. Жеребин А.М., Попов В.А., Сливичкий А.Б. Системные вопросы исследования авиационной деятельности России // Сборник докладов юбилейной всероссийской научно-технической конференции «Авиационные системы в XXI веке». – М.: ФГУП «ГосНИИАС», 2017. – Т. 1. – С. 88–94.
14. Сливичкий А.Б. Вопросы определения государственной политики Президентом Российской Федерации. // Развитие России и конституционное строительство: теория, методология, проектирование. Материалы Всеросс. науч. Конф., 21 октября 2011 г. Москва / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 696–717.
15. Сливичкий А.Б. Государственная политика Российской Федерации и её законодательное выражение // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы. Материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско-полиграфический комплекс НИИРРП, 2009. – С. 136–138.
16. Сливичкий А.Б. Концептуальные основы стратегического планирования и управления авиационной деятельностью // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 583–591.
17. Сливичкий А.Б. О координации взаимодействия органов государственного управления авиационной деятельностью // Транспортное право. 2010. – № 2. – С. 19–23.
18. Сливичкий А.Б. Принципы методологии оценки уровня производственной готовности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – С. 521–529.
19. Сливичкий А.Б. Разработка предложений по принципам функционирования и взаимодействия основных компонент авиационного потенциала России и Украины // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 313–319.
20. Сливичкий А.Б. Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 461–469.
21. Сливичкий А.Б. Совершенствование нормативно-правовой базы авиационной деятельности в Российской Федерации // Мировой судья. 2010. – № 2. – С. 18–24.
22. Сливичкий А.Б. Совершенствование основ политики государственного строительства: нормативно-правовой анализ // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 2. – С. 408–414.
23. Сливичкий А.Б. Факторы успешности России в области авиационной деятельности // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление. Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. – С. 583–590.

Суворова А.П.

д.э.н., профессор, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
saprof@mail.ru

Судакова Н.Ю.

к.э.н., доцент, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
n_stash@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ В ДОТАЦИОННЫХ РЕГИОНАХ РФ ИННОВАЦИОННОГО СОЦИУМА¹

Ключевые слова: дотационный регион, инновационный социум, цифровая экономика, концепция эффективности региона, самоорганизующаяся система.

Keywords: subsidized region, innovative socium, digital economy, region efficiency concept, self-organizing system.

К числу национальных приоритетов, закрепленных в документах стратегического характера, относят повышение эффективности государственного управления и развитие экономики и социальной сферы. Реализация этих интересов невозможна без формирования новой технологической основы, целью которой является повышение качества жизни граждан страны на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленные на достижение ряда целевых результатов:

1. Повышение производительности труда;
2. Повышение эффективности производства;
3. Стимулирование экономического роста;
4. Привлечение инвестиций в производство инновационных технологий;
5. Повышение конкурентоспособности РФ на мировых рынках;
6. Обеспечение устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития РФ.

Внимание исследователей к проблемам сглаживания различий в уровнях эффективности социально-экономического развития регионов в нашей стране имеет вековую историю. Поскольку цифровая экономика из стратегического приоритета для государств превращается в реальность для бизнесов, муниципалитетов и населения, в управленческих решениях всех уровней следует учесть факторы, влияющие на темпы развития цифровизации в субъектах РФ. По данным из открытых источников, основными факторами, влияющими на неравномерное развитие цифровизации в регионах, являются [7]:

1. Недостаток квалифицированных кадров и необходимость корректировок в образовательных программах;
2. Недостаток финансирования;
3. Наличие цифрового неравенства: только треть базовых станций сотовой связи поддерживают современный стандарт мобильного Интернета, что не позволяет полностью обеспечить потребности пользователей в высокоскоростном доступе в сеть Интернет;
4. В большинстве регионов России не закончился процесс формирования новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития цифровых технологий.

Характер происходящих изменений вызывает научный интерес к проблеме формирования концепции эффективности дотационных регионов, обладающих специфическими характеристиками, сложившимися десятки лет назад.

Концепция эффективности в современном управлении позволяет рассмотреть эффективность управления социально-экономическими системами в широком понимании. Как отмечают исследователи данной проблематики, это понятие является относительным: то, что эффективно для одной системы, не будет эффективным для другой, что обусловлено различием целей, приоритетов, интересов, возможностей, потенциала развития регионов. Между тем современная оценка эффективности региона требует качественного сопоставления различных систем, в том числе и отдельных ее элементов, пропорций развития. Оценка эффективности социально-экономической системы региона должна не просто позволить оценить состояние качества его функционирования, определяющегося качеством жизни его населения, но и раскрыть возможности его дальнейшего развития.

Ориентированное на результат управление подразумевает соответствие получаемых результатов установленным целям. Этим целям должны отвечать все сферы жизнедеятельности региона, все функции в рамках каждой сферы, все работы, выполняемые для реализации функций, и результаты, получаемые в результате их выполнения, которые, в свою очередь, должны быть адекватны установленным ценностям. Такая взаимосвязь характеристик цели и результата в региональном управлении отражена в интегральном характере миссии существования региональной вла-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по гранту № 18-010-00990/19.

сти – формирование достойного качества жизни населения региона – в рамках концепции конкурентоспособности региона в стратегической перспективе.

На наш взгляд, сформировалась необходимость введения в понятийный аппарат, используемый в концепции цифровой экономики, такого нового понятия, как инновационный социум. Анализ научной литературы по теме исследования позволяет утверждать, что содержательно-смысловое представление понятия «инновационный социум» как объекта исследования в литературе отсутствует.

Вначале определимся с сущностью понятия «инновационный», сущностно определяющего объект исследования. На наш взгляд, закономерно понимать под инновационным любой объект, способный к изменению, обновлению, улучшению.

Для определения понятия «инновационный социум» воспользуемся рядом принципов диалектического метода исследования этого понятия: системности, деятельности и константности [8].

В соответствии с принципом системности инновационный социум рассматривается в компонентном и структурном отношении как система, состоящая из ряда элементов. Именно этот принцип открывает перспективы разграничения трех видов изменений социума: компонентный, структурный, целостный.

Принцип деятельности дает возможность рассматривать инновационный социум как продукт изменений в функциональном и динамичном планах. В этой связи необходимо раскрыть функциональную природу инновационного социума и выявить полный компонентный состав любой деятельности.

Принцип константности применяется при анализе свойств инновационного социума. В этой связи уместно определить сферу инновационного социума, традиционно включающую в себя пять базовых элементов: цели (потребности), потенциал (способности), содержание (деятельность), форму (отношения) и организацию (институты). Сфера инновационного социума формируется, по нашему мнению, на основе экономических и неэкономических потребностей и способностей, которые определяют существование деятельности, генерирующей соответствующие ей отношения по функциям и институты. Когда возникает рассогласование состояний в любом элементе или их совокупности, тогда и возникает деятельность по приведению фактического состояния в соответствие с необходимым состоянием (изменение, преобразование). Деятельность выполняет роль интегратора всех элементов сферы инновационного социума. Для иллюстрации концептуальных основ формирования и развития инновационного социума в регионах РФ как социально-экономических института общества прибегнем к инструментарию современной парадигмы «управления организационным развитием», призванной стать методологической основой конструирования и внедрения управленческих технологий, позволяющих предвидеть последствия совершаемых экономических действий и принимаемых решений. Суть технологии управления организационным развитием заключается в сопровождении института (регион) от постановки цели (выявления потребностей) до появления в нем признаков самоорганизующейся (адаптирующейся к изменениям) системы. При этом важнейшей целью управления можно считать выявление ключевой проблемы региона и ее устранение.

В ходе исследования проведен анализ регионов Приволжского федерального округа (ПФО) как объекта с преобладанием дотационных регионов (из 14 регионов 12 являются дотационными [9]) с целью идентификации дотационных регионов ПФО по уровню сформированности условий развития инновационного социума в рамках реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

В качестве исследуемого временного интервала нами принимаются последние 8 лет с опорой на значимые годы: 2010 год – год утверждения Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, 2014 год – год начала структурного кризиса российской экономики, 2017 год – год начала реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Для проведения исследования были отобраны следующие показатели регионального развития на основании доступности информационной базы для исследования в статистике за рассматриваемый период [10, 11, 12]:

X1 – удельный вес организаций, имеющих доступ к Интернету с максимальной скоростью передачи данных, %;

X2 – удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств, %;

X3 – внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВРП, %;

X4 – число передовых производственных технологий, разработанных в регионе в расчете на миллион человек экономически активного населения;

X5 – удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, %;

X6 – интенсивность затрат на технологические инновации (по организациям промышленного производства), %;

X7 – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %;

X8 – удельный вес организаций, использующих специальные программные средства для проектирования, %;

X9 – удельный вес затрат на приобретение программного обеспечения в общей сумме затрат на информационно-коммуникационные технологии, %;

X10 – удельный вес средств бюджета субъекта РФ и местных бюджетов в общих затратах на технологические инновации, %.

Систему факторов, используемых для оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума дотационных регионов Приволжского федерального округа, можно представить тремя уровнями с позиции субъектности принятия управленческого решения (рис. 1). При этом включение в систему показателей параметров, касающихся домашних хозяйств, считаем обоснованным, так как домохозяйство является основной единицей статистического учета, сбора и анализа данных.

Рисунок 1.
Группировка показателей оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума по субъектам принятия решения

В качестве результирующего показателя был выбран параметр Y – региональная производительность труда, представляющая собой отношение ВРП региона в расчете на миллион человек экономически активного населения (млн. руб. на млн. чел.).

Исследование параметров по данным за 2010 год показало существенную дифференциацию дотационных регионов ПФО относительно среднероссийского уровня, что отразилось, на наш взгляд, на итоговом показателе: относительно приблизиться к среднероссийскому уровню удалось только 2 из 12 регионов. Республика Марий Эл ни по одному из 10 параметров не соответствует среднероссийскому уровню (табл. 1).

Таблица 1

Исходные данные для оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2010 г.

Регионы ПФО	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	Y
Кировская область	37,5	36,1	0,5	0,0	6,5	0,8	6,6	7,6	6,4	36,6	234173,9
Республика Чувашия	51,3	44,4	0,4	11,7	13,7	1,8	8,9	10,0	15,1	23,5	230225,7
Саратовская область	51,5	41,0	0,6	12,4	5,4	1,4	7,0	11,3	13,1	68,9	274576,2
Республика Башкортостан	65,7	49,4	0,5	2,0	10,0	0,9	5,5	12,0	19,0	44,8	372158,5
Пензенская область	47,8	34,8	1,5	5,8	7,8	3,0	4,9	8,0	23,9	80,7	251338,2
Республика Марий Эл	46,4	34,4	0,2	0,0	6,9	0,4	2,9	8,2	11,2	86,6	219665,1
Оренбургская область	56,7	42,0	1,1	4,7	12,5	1,5	2,7	10,8	19,2	40,1	430992,9
Нижегородская область	57,4	34,9	4,8	20,8	11,4	2,5	10,2	12,6	14,5	65,8	366744,9
Республика Удмуртия	63,0	57,7	0,2	3,6	10,4	1,3	4,0	14,3	11,0	63,9	330021,8
Республика Мордовия	52,9	41,0	0,5	17,2	9,1	1,1	23,1	8,1	13,3	39,2	227034,1
Пермский край	58,3	42,1	1,2	10,7	19,3	1,6	10,9	13,3	11,7	59,7	444448,5
Ульяновская область	54,4	44,1	2,9	7,5	6,1	1,0	17,6	11,4	7,5	32,1	265626,5
Россия в среднем	56,7	48,4	1,4	11,5	7,9	1,6	4,8	13,2	15,8	68,8	499308,0

Более наглядно дифференциация дотационных регионов ПФО в динамике представлена на рис. 1 и 2.

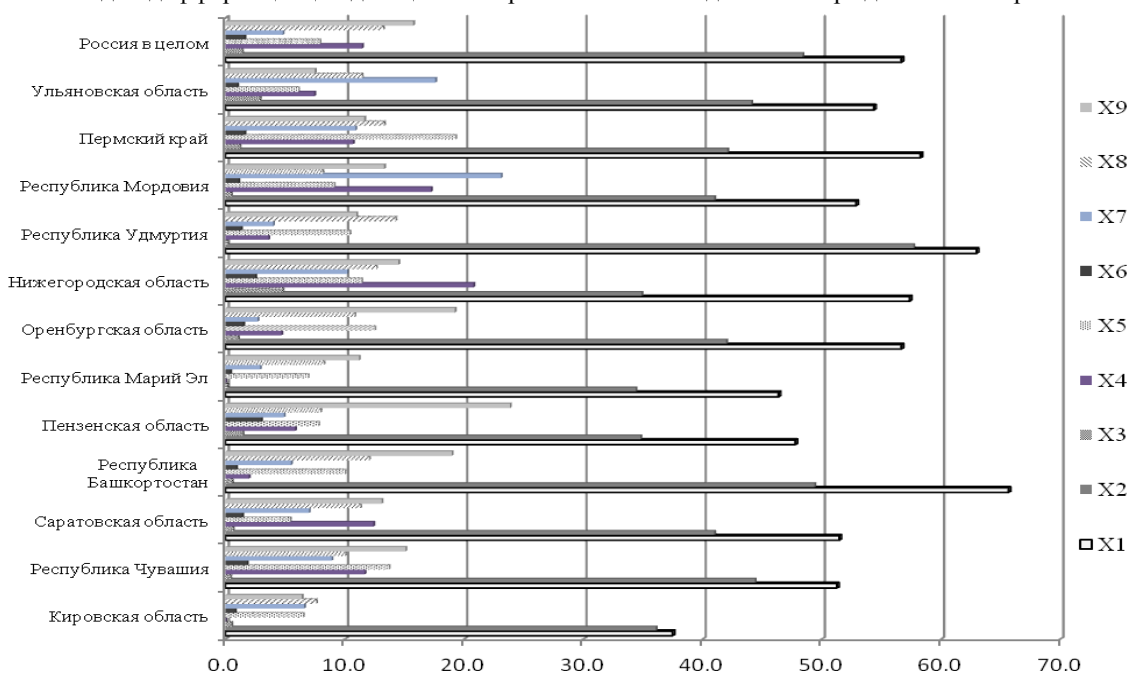

Рисунок 2.
Сравнение показателей X1-X9 модели оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2010 г.

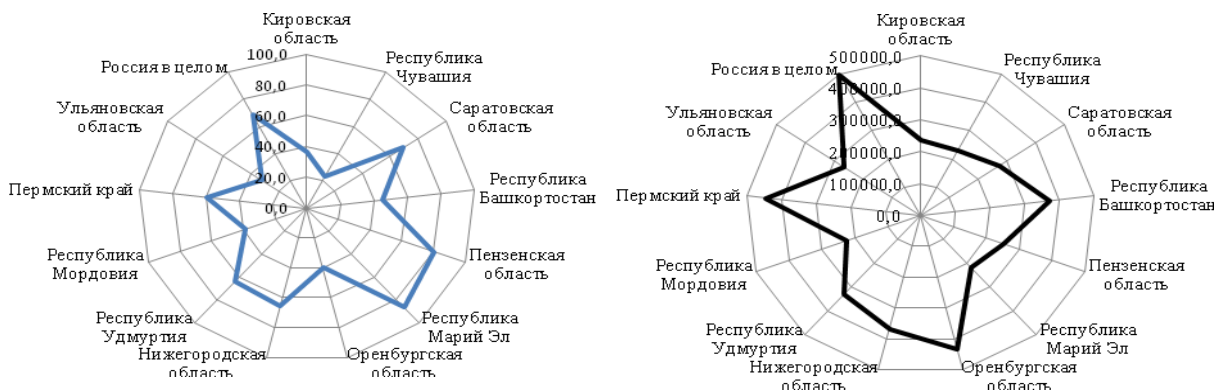

Рисунок 3.
Сопоставление параметра X10 (левый график) и результирующего параметра дотационных регионов ПФО (правый график) за 2010 г.

Графическое представление результатов анализа за 2010 год позволило сделать значимый вывод: между показателем X10 и результирующим параметром наблюдается обратная связь, то есть чем выше удельный вес средств бюджета субъекта РФ и местных бюджетов в общих затратах на технологические инновации, тем менее вероятно, что это приведет к росту региональной производительности труда и наоборот. Согласно рис. 2, это утверждение справедливо для Республики Марий Эл, Пензенской области, Саратовской области, Республики Башкортостан, Оренбургской области и Пермского края. Проверим эту гипотезу и оценим характер связей между параметрами, включенными нами в модель оценки с помощью корреляционно-регрессионного анализа (табл. 2 и рис. 3).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции показателей оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2010 г.

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	Y
X1	1										
X2	0,7053	1									
X3	0,1565	-0,3277	1								
X4	0,1991	-0,1737	0,5564	1							
X5	0,4547	0,2141	0,0523	0,2680	1						
X6	0,0821	-0,2377	0,5017	0,4869	0,2725	1					
X7	0,0239	-0,0383	0,2753	0,6147	0,0009	-0,0660	1				
X8	0,8251	0,6568	0,2869	0,2070	0,4815	0,1011	-0,088	1			
X9	0,2845	-0,0777	0,0111	0,0686	0,1764	0,6225	-0,322	-0,0758	1		
X10	-0,0401	-0,3009	0,0462	-0,0852	-0,1632	0,2363	-0,437	0,0202	0,2282	1	
Y	0,6800	0,2883	0,2645	0,0823	0,6809	0,1894	-0,231	0,7167	0,2501	0,0141	1

По данным корреляционного анализа удалось установить, что из представленных параметров по использованной выборке значений только 3 параметра из 10 имеют достаточно сильную связь с результирующим параметром: X1; X5; X8. Связь показателя X10 с результирующим параметром очень слабая (коэффициент корреляции $0,0141 < 0,3$, согласно шкале Чеддока).

Регрессионная статистика					
Множественный R	0,935157084				
R-квадрат	0,874518772				
Нормированный R-квадрат	-0,380293508				
Наблюдения	12				
Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	10	64345799364	6434579936	0,69693	0,74141
Остаток	1	9232723393	9232723393		
Итого	11	73578522757			
Коэффициенты		t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	204922,16	0,34	0,79	-7387882,52	7797726,85
X 1	12311,34	0,12	0,93	-1324598,21	1349220,89
X 2	-18259,94	-0,26	0,84	-925168,15	888648,26
X 3	-36672,00	-0,14	0,91	-3277060,70	3203716,70
X 4	-6599,11	-0,43	0,74	-203108,11	189909,90
X 5	540,32	0,01	0,99	-536622,47	537703,10
X 6	53325,92	0,08	0,95	-8201294,90	8307946,73
X 7	92,06	0,00	1,00	-308877,72	309061,83
X 8	35702,97	0,28	0,82	-1567408,86	1638814,81
X 9	-4321,29	-0,04	0,97	-1392602,81	1383960,23
X 10	-1940,93	-0,22	0,86	-111941,47	108059,62

Рисунок 4.
Результат корреляционно-регрессионного анализа показателей уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2010 г.

Оценка тесноты связи показателей в построенном уравнении регрессии (рис. 4) по коэффициенту множественной корреляции $R > 0,7$ свидетельствует, что связь между факторами тесная. Значимость уравнения регрессии F составляет 0,69693%, т.е. R^2 и уравнение регрессии в целом статистически значимы с надежностью 95%. Параметры уравнения регрессии показывают, что гипотеза о том, что между показателем X10 и результирующим параметром наблюдается обратная связь, имеет смысл.

Проведем аналогичные расчеты по данным 2014 г. и 2017 г. Исследование параметров оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО по данным за 2014 год (табл. 4) также показало существенную дифференциацию дотационных регионов ПФО относительно среднероссийского уровня, однако уровень оценок при этом повысился. Четыре региона нуждались в более высоком в среднем по России уровне бюджетных вливаний в объем общих затрат на технологические инновации (в 2010 году такие значения демонстрировали 3 из 12 регионов). По-прежнему наблюдается высокое отклонение результирующего показателя регионов от среднероссийского уровня.

Таблица 3

Исходные данные для оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2014 г.

Регионы ПФО	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	Y
Кировская область	68,6	60,1	0,5	0,0	8,3	1,7	7,0	6,4	15,6	43,9	374211,2
Республика Чувашия	80,5	70,3	0,6	7,3	22,6	3,5	12,1	9,7	12,9	12,9	347145,0
Саратовская область	79,4	65,0	0,6	15,9	6,5	1,4	2,5	11,2	19,6	62,5	449362,5
Республика Башкортостан	83,1	67,4	0,7	3,5	8,9	2,2	8,2	12,1	21,6	28,1	636690,5
Пензенская область	82,6	63,6	1,2	47,8	16,3	5,5	7,0	9,1	12,1	85,5	415244,3
Республика Марий Эл	85,3	63,8	0,1	0,0	6,2	1,0	10,4	9,8	10,8	70,5	400547,8
Оренбургская область	82,2	67,3	0,1	1,0	11,0	0,8	1,1	8,6	13,9	55,8	701802,0
Нижегородская область	87,3	64,9	5,8	42,8	12,5	4,5	21,3	12,4	9,0	76,5	568389,7
Республика Удмуртия	87,6	73,5	0,2	0,0	9,9	2,2	11,2	11,1	12,7	50,7	547447,0
Республика Мордовия	81,8	73,8	0,6	11,1	16,9	5,8	26,9	6,8	13,6	34,5	384674,1
Пермский край	84,3	67,5	1,2	15,6	9,8	5,1	9,4	12,3	11,5	59,8	758717,2
Ульяновская область	78,2	61,9	3,2	41,4	4,4	1,7	12,0	15,3	11,8	27,5	427619,9
Россия в среднем	81,2	69,9	0,92	18,58	8,8	2,9	8,7	11,9	13,82	67,1	784678,12

Графическое представление результатов анализа за 2014 год (рис. 5) в целом подтверждает вывод: между показателем X10 и результирующим параметром наблюдается обратная связь. Согласно рис. 6 это утверждение справедливо для Республики Марий Эл, Пензенской области, Саратовской области, Республики Башкортостан, Оренбургской области и Пермского края, Республики Удмуртия.

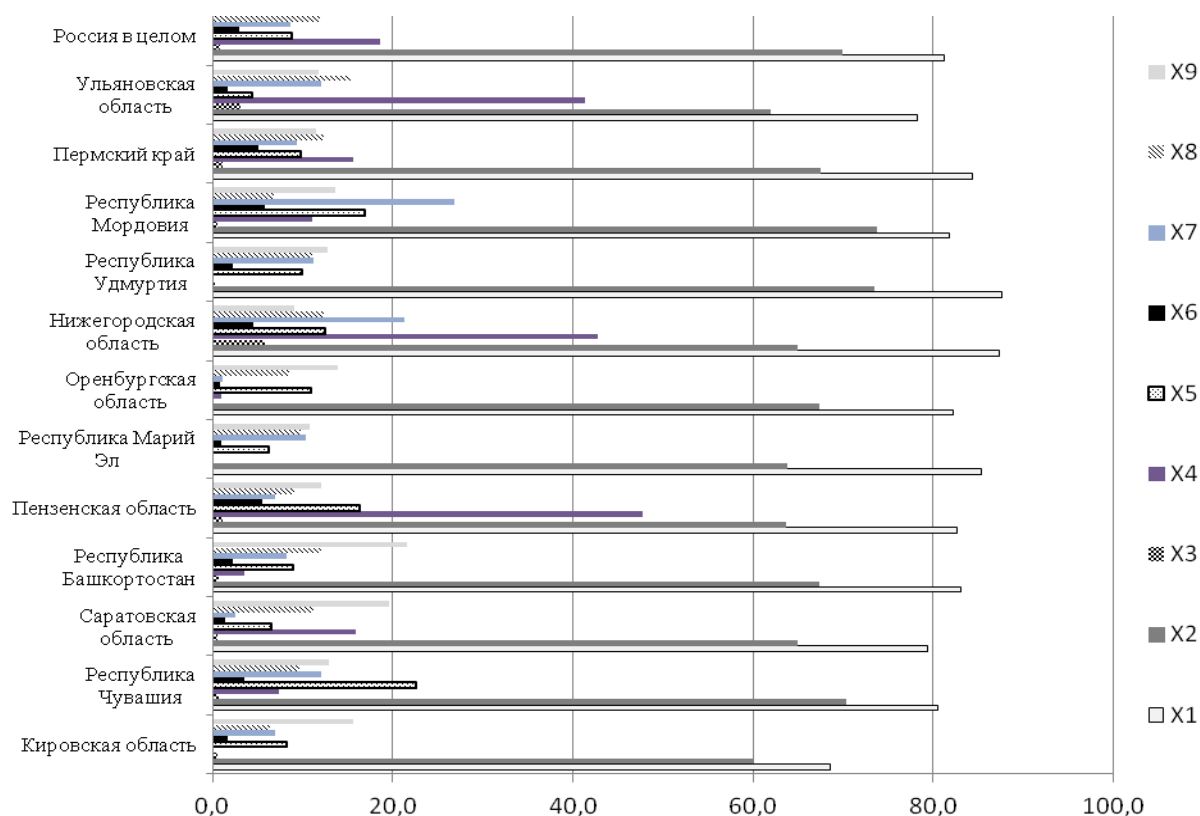

Рисунок 5.

Сравнение показателей X1-X9 модели оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2014 г.

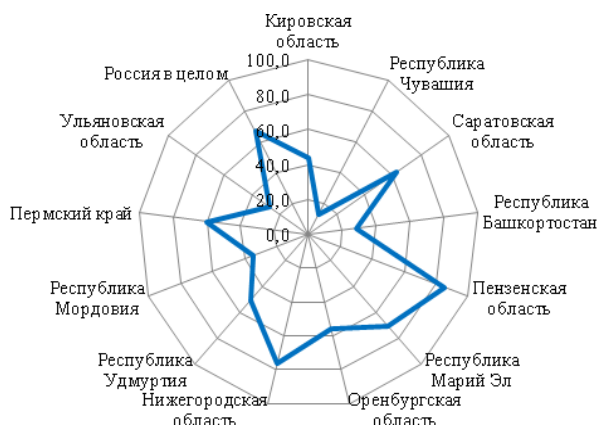

Рисунок 6.

Сопоставление параметра X10 (левый график) и результирующего параметра дотационных регионов ПФО (правый график) за 2014 г.

Оценим характер связей между параметрами, включенными нами в модель оценки с помощью корреляционно-регрессионного анализа (табл. 4 и рис. 7).

Таблица 4

Коэффициенты корреляции показателей оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2014 г.

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	Y
X1	1										
X2	0,5213	1									
X3	0,2029	-0,2975	1								
X4	0,1312	-0,3630	0,7498	1							
X5	0,1337	0,5108	-0,0454	0,07331	1						
X6	0,2648	0,3340	0,2988	0,48129	0,6331	1					
X7	0,2720	0,4127	0,4533	0,23648	0,3709	0,6147	1				
X8	0,3730	-0,1511	0,5356	0,45169	-0,4270	-0,1156	-0,0378	1			
X9	-0,3464	0,0101	-0,4522	-0,39457	-0,2101	-0,3545	-0,4288	-0,0828	1		
X10	0,3520	-0,3212	0,2168	0,36721	-0,1988	0,1533	-0,1621	-0,0460	-0,3411	1	
Y	0,4409	0,1642	0,0834	-0,10083	-0,2423	-0,0066	-0,2566	0,3456	0,0639	0,2012	1

По данным корреляционного анализа (табл. 4) удалось установить, что из представленных параметров по использованной выборке значений ни один из 10 параметров не имеет достаточно сильную связь с результирующим параметром. Нестабильность связей в модели обращает внимание на несовершенный характер набора включенных в нее показателей. Связь показателя X10 с результирующим параметром очень слабая (коэффициент корреляции 0,2012 < 0,3 согласно шкале Чеддока), что подтверждает вывод по данным 2010 г.

Оценка тесноты связи показателей в построенном уравнении регрессии (рис. 7) по коэффициенту множественной корреляции $R > 0,7$ свидетельствует, что связь между факторами тесная, значимость уравнения регрессии F достаточная.

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,988730854
R-квадрат	0,977588701
Нормированный R-квадрат	0,75347571
Наблюдения	12

Дисперсионный анализ						
	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	10	2,05904E+11	20590405032	4,362034955	0,357623175	
Остаток	1	4720366811	4720366811			
Итого	11	2,10624E+11				
	Коэффициенты		t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	-1486149,77		-2,61	0,23	-8707400,47	5735100,94
Переменная X 1	45506,82		2,81	0,22	-160344,07	251357,70
Переменная X 2	7119,22		0,56	0,67	-153028,11	167266,55
Переменная X 3	146969,79		4,25	0,15	-292306,99	586246,58
Переменная X 4	-2300,48		-0,75	0,59	-41087,36	36486,41
Переменная X 5	-48676,79		-3,57	0,17	-221892,28	124538,71
Переменная X 6	125233,02		4,29	0,15	-245354,27	495820,30
Переменная X 7	-44187,43		-4,66	0,13	-164560,85	76186,00
Переменная X 8	-99761,07		-2,59	0,23	-590056,06	390533,93
Переменная X 9	-8255,19		-1,03	0,49	-110256,98	93746,60
Переменная X 10	-10925,36		-2,72	0,22	-61983,03	40132,32

Рисунок 7.

Результат корреляционно-регрессионного анализа показателей уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2014 г.

Дифференциация дотационных регионов ПФО относительно среднероссийского уровня по данным 2017 года сохраняется. Саратовская область ни по одному из 10 параметров не соответствует среднероссийскому уровню. По-прежнему региональная производительность труда регионов ПФО не соответствует среднероссийскому уровню (табл. 5).

Таблица 5

Исходные данные для оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2017 г.

Регионы ПФО	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	Y
Кировская область	85,5	62,1	0,7	1,6	8,3	3,1	6,2	6,9	11,2	74,7	483947,2
Республика Чувашия	87,7	65,7	0,8	5,1	22,2	2,5	12,2	10,0	15,7	45,5	455613,8
Саратовская область	72,3	74,6	0,7	9,6	4,4	1,7	2,3	9,9	11,3	48,5	585894,7
Республика Башкортостан	88,5	77,3	0,6	4,3	5,9	1,9	7,0	14,0	16,1	23,1	742374,0
Пензенская область	84,1	71,9	1,5	3,1	18,6	4,1	10,1	9,7	10,9	90,7	568805,3
Республика Марий Эл	79,3	72,1	0,1	9,2	5,8	1,1	14,2	8,1	8,7	58,9	521472,3
Оренбургская область	92,9	80,7	0,1	1,0	5,2	3,2	3,2	10,0	10,7	44,1	859177,1
Нижегородская область	93,3	69,9	6,0	17,7	9,9	6,7	15,4	12,5	20,0	80,1	743054,0
Республика Удмуртия	80,1	72,7	0,3	28,0	6,4	1,2	10,8	9,4	10,7	34,6	740599,9
Республика Мордовия	79,6	66,3	0,4	24,0	12,3	2,0	27,5	6,0	11,1	32,5	512711,1
Пермский край	84,5	70,2	1,2	27,4	5,5	2,4	16,0	12,8	11,7	61,0	990109,3
Ульяновская область	83,5	64,0	4,0	34,3	3,4	2,3	12,8	10,2	15,0	24,2	555692,0
Россия в среднем	83,2	76,3	1,36	19,43	7,5	2,4	7,2	11,2	18,9	63,8	1038601,53

Графическое представление информации по данным 2017 года (рис. 8, 9) вновь подтверждает вывод об отсутствии эффективной отдачи от вливания бюджетных средств в общую сумму затрат на технологические инновации в дотационных регионах ПФО. Список регионов, подтверждающих данную гипотезу, остается таким же, что и в 2010 и 2014 гг.

Корреляционный анализ данных 2017 года (табл. 6) позволил вновь выявить значимые связи: 2 параметра из 10 имеют достаточно сильную связь с результирующим параметром: X2 и X8. Причем показатель X8 повторно подтвердил свою пригодность для построения корреляционно-регрессионной модели.

Нестабильность связей в модели обращает внимание на несовершенный характер набора включенных в нее показателей. Однако мы считаем, что попытка создать подобную модель полезна, так как позволяет выявить интересные зависимости и оценить имеющиеся в использовании современного исследователя массивы статистической информации. Отметим, что связь показателя X10 с результирующим параметром имеет обратный характер, как было выявлено по данным 2014 г., однако по-прежнему остается очень слабой, подтверждая сделанные нами ранее выводы.

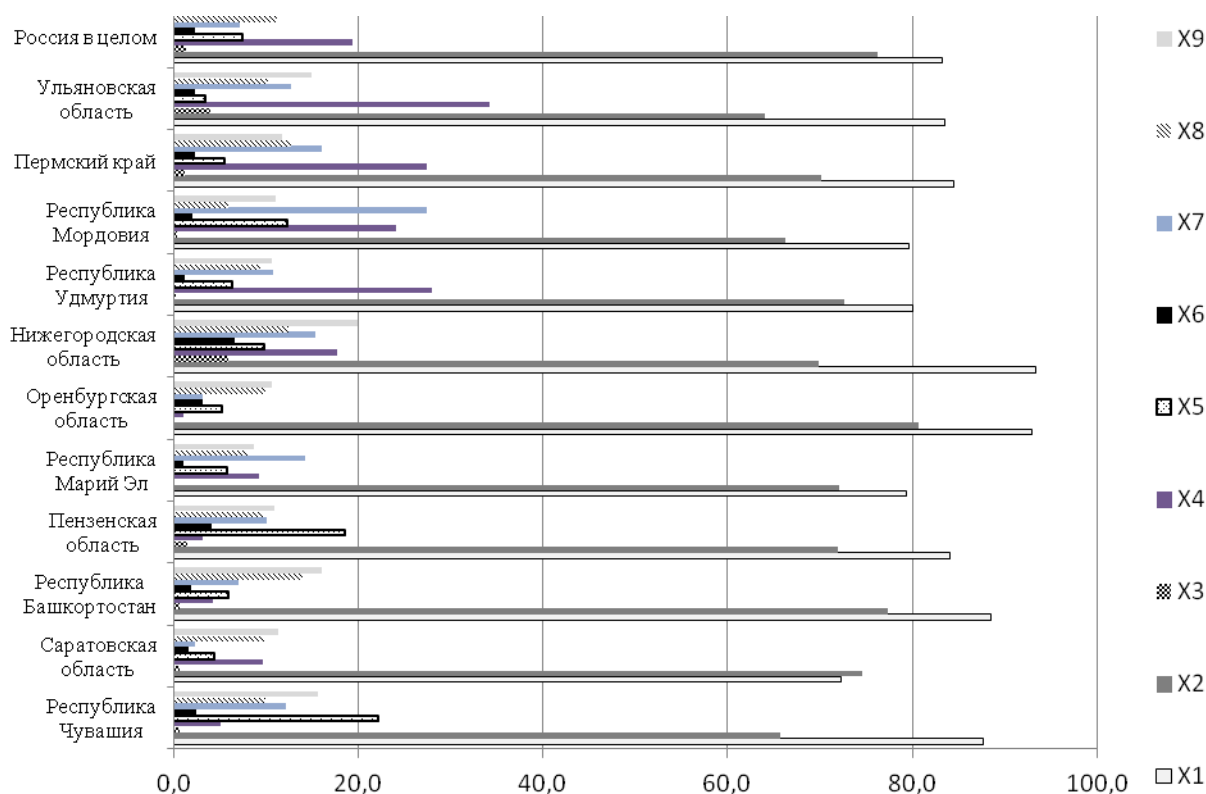

Рисунок 8.

Сравнение показателей X1-X9 модели оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2017 г.

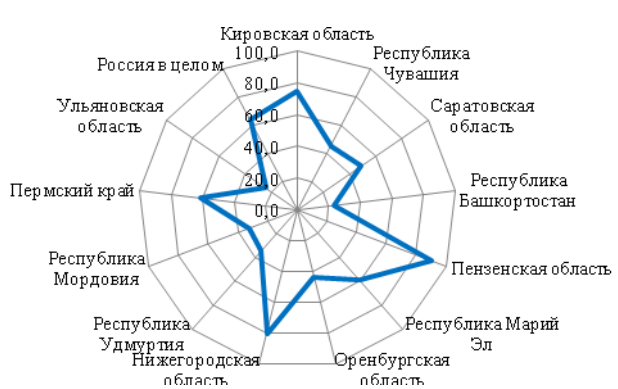

Рисунок 9.

Сопоставление параметра X10 (левый график) и результирующего параметра дотационных регионов ПФО (правый график) за 2017 г.

Таблица 6

Коэффициенты корреляции показателей оценки уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2017 г.

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10
X1	1									
X2	0,1182	1								
X3	0,3932	-0,2939	1							
X4	-0,2620	-0,3360	0,3761	1						
X5	0,1922	-0,3102	-0,0231	-0,3352	1					
X6	0,6594	-0,0814	0,7468	-0,1527	0,2954	1				
X7	-0,0770	-0,4659	0,1899	0,5700	0,2582	0,0324	1			
X8	0,4428	0,4361	0,3845	0,0476	-0,1773	0,2825	-0,2666	1		
X9	0,5757	-0,1573	0,7634	0,1082	0,1756	0,6119	0,0780	0,6062	1	
X10	0,1771	-0,1357	0,2568	-0,3667	0,3587	0,6404	-0,0722	-0,0571	-0,0382	1
Y	0,3644	0,5723	0,0801	0,2224	-0,4499	0,1527	-0,1242	0,6600	0,0805	-0,031

Оценка тесноты связи показателей и значимости в построенном уравнении регрессии (рис. 10) по коэффициенту множественной корреляции $R > 0,7$ свидетельствует, что связь между факторами тесная, значимость высокая.

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,995423455
R-квадрат	0,990867854
Нормированный R-квадрат	0,899546399
Наблюдения	12

Дисперсионный анализ

	df	SS	MS	F	Значимость F		
Регрессия	10	3,0223E+11	30223048566	10,85032922	0,232332673		
Остаток	1	2785449911	2785449911				
Итого	11	3,05016E+11					
		Коэффициенты		t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение		-851483,639		-0,894123067	0,535548524	-12951747,97	11248780,69
Переменная X 1		6862,286294		1,204137794	0,441206726	-65549,37212	79273,9447
Переменная X 2		4340,376039		0,574544359	0,668008018	-91648,22041	100328,9725
Переменная X 3		-111620,1848		-3,310290469	0,186766134	-540062,6232	316822,2536
Переменная X 4		12082,09104		3,002076739	0,204700638	-39055,01694	63219,19901
Переменная X 5		-10516,06772		-2,422178189	0,249259537	-65681,00563	44648,8702
Переменная X 6		103372,5282		1,92423833	0,305114164	-579220,9356	785965,9919
Переменная X 7		-1252,776801		-0,306399216	0,810721963	-53204,73257	50699,17897
Переменная X 8		45114,68244		2,007539455	0,294210169	-240427,0987	330656,4636
Переменная X 9		-5282,317054		-0,213758034	0,865935028	-319273,7995	308709,1654
Переменная X 10		954,2234943		0,332601671	0,795586539	-35499,46916	37407,91614

Рисунок 10.

Результат корреляционно-регрессионного анализа показателей уровня сформированности условий развития инновационного социума в дотационных регионах ПФО за 2017 г.

В работе предложена концептуальная модель формирования инновационного социума дотационного региона в условиях его инновационного развития. В ее основе лежит позиционирование инновационного социума в системе

управленческих приоритетов региона. При этом под позиционированием инновационного социума предложено понимать субъектные основания (принципиальное решение субъектов об его месте в системе управленческих приоритетов региона), принимаемые с учетом ожидаемых результатов от реализации мероприятий по формированию инновационного социума.

Мы разделяем позицию Ю.Н. Харари [13], согласно которой можно выделить три возможных сценария позиционирования инновационного социума и повышения эффективности управления дотационным регионом (табл. 7).

Таблица 7

Сценарии позиционирования инновационного социума и повышения эффективности управления дотационным регионом

Варианты позиционирования	Направления решения
Решение текущих проблем функционирования	Оперативное устранение (сокращение затрат и т.д.)
Повышение эффективности функционирования	Реализация инвестиционных программ (внедрение современных технологий производства, модернизация производственного оборудования, внедрение новых материалов и т.д.)
Решение стратегических проблем развития	Выделение управленческих приоритетов на определенном этапе жизненного цикла систем

В рамках видения социально-экономической системы (региона) как сложной системы взаимоотношений «государство-бизнес-социум», ее стратегическими целями является не просто извлечение выгоды (эффекта) сейчас и всегда, а создание условий существования организации в долгосрочной перспективе и получения будущих выгод.

Список литературы

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с. – http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages_2016.pdf
2. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. – <http://government.ru/docs/9282/>
3. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. – <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102431687>
4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
5. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – <http://d-russia.ru/pasport-natsionalnoj-programmy-tsifrovaya-ekonomika-okonchatelno-utverzhdyon.html>
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktOxI22JjAe7irNxc.pdf>
7. Вышла полная версия рейтинга регионов по уровню развития цифровизации «Цифровая Россия». – <http://d-russia.ru/vyshla-polnaya-versiya-rejtinga-regionov-po-urovnyu-razvitiya-tsifrovizatsii-tsifrovaya-rossiya.html>
8. Зеленев Л.А. Методология исследования социума // Философия и методология науки. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. – № 1 (3). – С. 101–109.
9. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – <https://www.minfin.ru/>
10. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>
11. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – <https://fedstat.ru/>
12. Портал открытых данных Российской Федерации. – <https://data.gov.ru/>
13. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2019. – 416 с.

Щетинина И.В.¹

ИННОВАЦИОННОЕ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АПК СИБИРИ

Ключевые слова: АПК, инновации, технологии, научно-технологические достижения, научно-технический прогресс, производственно-экономический эффект, развитие, ресурсосберегающие технологии, Сибирь, цифровизация производства и управления.

Keywords: agroindustrial complex, innovations, technologies, scientific-technological achievements, scientific-technical progress, production-economic effect, development, resource saving technologies, Siberia, digitalization of production and management.

Инновационное развитие в сфере АПК связано с рядом направлений. Это инновации в технике и технологиях производства продукции, в повышении качества сырья и продовольствия; инновации в системе управления, в организации взаимоотношений с партнерами, в усилении конкурентных позиций на рынке и другие. При этом одни инновации требуют определенных финансовых затрат, другие – интеллектуальных, третьи – трудовых, четвертые – проведения организационных мероприятий, пятые – совершенствования действующей законодательно-нормативной базы, шестые – комплекса указанных мероприятий и т.д.

Участниками инновационного процесса в АПК могут выступать топ-менеджмент и рядовые сотрудники трудового коллектива предприятий, участники организаций – собственники доли в уставном или складочном капитале, фонде и т.д.; специалисты органов управления АПК, научных, образовательных, консалтинговых и инжиниринговых организаций, другие заинтересованные в развитии АПК структуры.

В современных условиях научно-технического прогресса (НТП) особого внимания требуют инновации, связанные с научно-технологическими достижениями, которые необходимо внедрять в производство. Для этого целесообразно установление взаимовыгодных отношений с соответствующими научно-производственными и образовательными структурами, подготовка трудовых ресурсов для освоения новшеств. По требуется и государственная поддержка – как прямая, так и косвенная.

В настоящее время такая поддержка со стороны государства оказывается не только сельскохозяйственным предприятиям, но и производителям сельскохозяйственной техники в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1432². Но в условиях дальнейшего развития НТП, цифровизации экономики, появления новых требований к качеству продуктов питания, к развитию органического сельского хозяйства необходимо дальнейшая проработка вопросов внедрения современных научных достижений и лучших практик в АПК.

Если рассматривать вопросы инновационного и научно-технологического развития АПК Сибири, то следует отметить, что основу сибирского АПК составляет агропромышленное производство Сибирского федерального округа (СФО), в который до ноября 2018 года входили также Забайкальский край и Республика Бурятия. В этот период на СФО приходилось почти 26% сельскохозяйственных угодий РФ и производилось более 11% продукции сельского хозяйства в фактически действующих ценах³. После перехода Забайкальского края и Республики Бурятия в Дальневосточный федеральный округ они по-прежнему относятся по природно-климатическому и экономическому районированию к регионам Сибири. Поэтому рассматривая вопросы инновационного и научно-технологического развития сибирского агропромышленного производства, допустимо использовать данные АПК СФО, который и в настоящее время продолжает преобладать в структуре АПК Сибири.

В регионах Сибири наиболее развиты такие отрасли как зерновое производство, картофелеводство, мясомолочное животноводство, производство яиц. В целом на долю растениеводства в структуре валовой продукции сельского хозяйства СФО приходилось в 2016–2017 гг. более 44%, на долю животноводства – соответственно 56%.

По производству мяса, молока, яиц и картофеля СФО устойчиво удерживает 3 место среди федеральных округов России. Однако для того, чтобы наиболее эффективно использовать природно-климатический и производственно-экономический потенциал сибирских регионов, необходимо совершенствовать систему управления, технику и технологии производства, транспортно-логистическую систему, взаимоотношения между партнерами и др. То есть необходимо инновационное развитие АПК, активное внедрение научно-технологических достижений в производство.

По данным ряда сибирских ученых и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., в АПК СФО лишь незначительное число хозяйств применяют инновационные технологии. В частности, капельную систему орошения к

¹ Щетинина Ирина Васильевна – д.э.н., профессор, гл.н.с. Сибирского НИИ экономики сельского хозяйства Сибирского федерального научного центра агроботехнологий РАН; в.н.с. Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. E-mail: irer@ngs.ru

² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1432 «Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1162 с.

2017 г. применяли 1,4% хозяйств всех категорий, биологические методы защиты растений от вредителей и болезней – 3,7%, систему точного вождения и дистанционного контроля качества технологических процессов – 1,6%, возобновляемые источники энергоснабжения – 5,5% хозяйств СФО¹. При этом, если в растениеводстве и животноводстве основную долю технологических инноваций применяют сельскохозяйственные организации, то доля К(Ф)Х и индивидуальных предпринимателей, использующих в возобновляемых источниках энергоснабжения инновационные технологии, выше (табл. 1)².

Таблица 1

Доля хозяйств СФО, применявших инновационные технологии на 01.07.2016, %

Вид инновационных технологий	Сельскохозяйственные организации	К(Ф)Х и индивидуальные предприниматели
Капельная система орошения	1,6	1,3
Биологические методы защиты растений от вредителей и болезней	5,5	3,3
Система индивидуального кормления скота	5,0	2,4
Метод бесклеточного содержания птицы	1,0	0,9
Очистные сооружения на животноводческих фермах	4,8	1,5
Система водоотведения и очистки производственных стоков	4,1	1,8
Возобновляемые источники энергоснабжения	3,4	5,9
Система точного вождения и дистанционного контроля качества выполнения технологических процессов	8,1	0,4

Однако, по данным некоторых ученых, инновации с одновременной интенсификацией производства ведут к росту общих затрат (в некоторых случаях до 4 раз)³. Это в свою очередь снижает конкурентоспособность продукции. То есть инновации только в том случае целесообразно внедрять в производство, если они ведут к росту конкурентоспособности. Это возможно при прочих равных условиях только в результате снижения себестоимости единицы продукции либо при ее росте, но в сочетании со сбалансированным ростом качества продукции либо услуг АПК. Таким образом, необходимо соблюдение баланса цены и качества сельскохозяйственного сырья и продуктов питания с соответствующим сервисом их доставки. Для этого, например, сибирские К(Ф)Х и индивидуальные предприниматели в сфере АПК внедряют ветряные энергоустановки и применяют солнечные батареи, так как это позволяет снизить производственные затраты.

Цифровизация производственных процессов, требующая на первом этапе дополнительных трудовых и финансовых вложений, в итоге ведет к значительному подъему производительности труда (в некоторых случаях в десятки раз), сокращению аппарата управления и некоторых технических работников, обслуживающего персонала; к повышению точности технологических операций и качества продукции, росту продуктивности растениеводческих культур и сельскохозяйственных животных, улучшению коммуникаций и оперативности передачи – получения информации и др. То есть в результате наблюдается снижение расходов на единицу продукции. Таким образом, в современных условиях рациональное внедрение инноваций на основе цифровизации и ресурсосберегающих технологий будет вести к росту доходов товаропроизводителей.

Кроме того, достижения сибирской аграрной науки, учитывающие природно-климатические и производственно-экономические условия регионов, могут позволить увеличить производство продукции в АПК Сибири в 2–3 раза и снизить себестоимость продукции, а также получить существенный производственный и экономический эффект (табл. 2)⁴. То есть если в сельскохозяйственных организациях рентабельность за последние 12 лет в среднем по СФО с учетом бюджетных субсидий не превышала 10–18%⁵, то в результате внедрения научных разработок она может увеличиться до 30–50%. Такой уровень рентабельности уже можно считать достаточным для ведения не только простого, но и расширенного сельскохозяйственного производства.

¹ Денисов А.С., Рудой Е.В., Петухова М.С. Инновационный потенциал как фактор научно-технологического развития отрасли растениеводства // Перспективы развития агропромышленного комплекса: региональные и межгосударственные аспекты: материалы международной научно-практической конференции (Новосибирск, 14–15 ноября 2018 г.) / СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018. – С. 12–15; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – <http://www.vshp2016.ru/resume>

² Технические средства, производственные помещения и инфраструктура // Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. – Т. 6. – С. 412–427.

³ Першукевич П.М. Инновационный прогресс в экономике сельского хозяйства // Инновационное развитие АПК: социально-экономические проблемы и пути решения: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции (Новосибирск, 24–25 мая 2017 г.) / ФГБУН СФНЦА РАН, СибНИИЭСХ. – Новосибирск, 2017. – С. 4–11.

⁴ Кашеваров Н.И. Развитие сельского хозяйства на основе формирования новых научных идей в СФНЦА РАН // Инновационное развитие АПК: социально-экономические проблемы и пути решения: материалы Международной очно-заочной научно-практической конференции (Новосибирск, 24–25 мая 2017 г.) / ФГБУН СФНЦА РАН, СибНИИЭСХ. – Новосибирск, 2017. – С. 3–4.

⁵ Агропромышленный комплекс России в 2007 году / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2008. – 543 с.; Агропромышленный комплекс России в 2017 году / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2018. – 567 с.

**Потенциальный производственно-экономический эффект от внедрения научных разработок
Сибирского федерального научного центра агроботехнологий РАН**

Направление инновационных разработок	Эффект
Научные разработки в животноводстве и ветеринарии	
Среднегодовой удой молочного скота	Более 5000 кг/корову
Улучшение качественного состава молока	Увеличение белка, жирности
Прирост живой массы мясного крупного рогатого скота на откорме	Не менее 1000 г
Снижение заболеваемости сельскохозяйственных животных	на 10 %
Повышение сохранности животных	на 7 %
Рост выхода готовой продукции	на 5 %
Среднегодовое увеличение продуктивности растений и животных	до 20 %
Рост производительности труда	в 2 раза
Снижение энергоемкости на единицу сельскохозяйственной продукции	в 1,5–2,0 раза
Увеличение рентабельности производства продукции	на 20–40 %
Повышение надежности и эффективности использования техники	до 20–30 %

Указанные варианты потенциальной величины эффекта могут быть достигнуты сельскохозяйственными товаропроизводителями в среднем по регионам Сибири. В отдельных передовых хозяйствах, эффективно использующих инновации и современные достижения аграрной науки, эти показатели уже превысили в несколько раз среднерегиональные фактические и прогнозируемые значения. В частности, в ЗАО Племзавод «Ирмень» Ордынского района Новосибирской области с переходом на беспривязное содержание крупного рогатого скота, проведением реконструкции коровников и доильных залов, внедрением нового оборудования и рационов питания при строгом контроле состояния здоровья животных годовой удой на 1 корову молочного стада достиг 10–11 тыс. кг, а численность доярок сократилась в 2,5 раза¹. В СХПАО «Белореченское» Иркутской области удой от 1 коровы в среднем около 7 тыс. кг в год, а от некоторых коров – до 12 тыс. кг².

Средняя многолетняя урожайность зерновых в ряде хозяйств Новосибирской области (ФГУП опытно-производственное хозяйство «Элитное», ЗАО ПЗ «Ирмень» и др.), использующих передовые технологии, достигла 30–40 ц/га при средней фактической за последние 7 лет около 15 ц/га³. В ЗАО «Назаровское» Красноярского края урожайность зерновых составила 50 ц/га⁴. Аналогично в ряде хозяйств и в других регионах Сибири.

Таким образом, благодаря активному внедрению инноваций и современных научно-технологических достижений АПК Сибири может получить свое дальнейшее развитие, стать реальным драйвером сибирской экономики, высокоэффективным и конкурентоспособным как на внутреннем, так и на внешнем рынках продукции АПК.

¹ ЗАО Племзавод «Ирмень». Официальный сайт. – <http://irmen.ru>

² Производство / СХПАО «Белореченское». Официальный сайт. – <https://www.belor.ru/?page=about&id=2>

³ Данные годовых отчетов хозяйств.

⁴ Назаровское ЗАО // Деловой квартал. Справочник. Пищевая промышленность. – <https://krasnoyarsk.dk.ru/wiki/nazarovskoe>

Юлдашева Н.М.А.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПОРТА «УМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» УЗБЕКИСТАНА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: инновационное развитие, умные технологии, экспортный потенциал, отечественные разработки, инновационная экономика.

Keywords: innovative development, smart technologies, export potential, domestic developments, innovative economy.

Инновации и научно-технический прогресс являются одним из основных факторов современного экономического роста. Поэтому в условиях перехода к инновационной экономике способность страны эффективно использовать в практической деятельности достижения науки и техники в решающей степени определяет динамику экономического развития и уровня благосостояния населения, национальную безопасность страны, возможность равноправной интеграции в мировую экономику.

Страны, которые осуществляют свою политику в направлении развития «экономики новых знаний», демонстрируют её эффективность и высокие темпы экономического развития. Сегодня в мире растет число экономик, динамично развивающихся за счет внедрения моделей инновационного развития, экспорта передовых идей, «ноу-хау» и «умных» технологий. В нашей стране также начата масштабная работа в этом направлении по укреплению национальной экономики для вхождения Узбекистана в число развитых государств.

Узбекистан переходит на путь инновационного развития, направленного на коренное улучшение всех сфер жизни государства и общества. Очевидно, что для развития инновационных процессов в стране необходимо, чтобы государственное регулирование инновационных процессов органично сочетало экономические методы и инструменты и было направлено на реализацию общенациональных интересов. Именно поэтому в стране в 2017 году создано Министерство инновационного развития¹. Данное ведомство должно выполнять роль своеобразного локомотива в реализации важнейших проектов не только в экономической сфере, но и в жизни всего узбекского общества. В частности, в центре его внимания будут находиться задачи по развитию научно-исследовательской и инновационной деятельности, мобилизации для этого необходимых финансовых ресурсов, всесторонней поддержке участия одаренной молодежи в этом процессе, творческих идей и разработок.

Важнейшими задачами нашей страны остаются опережающее развитие высокотехнологичных отраслей и производств, ускоренная модернизация, техническое и технологическое перевооружение реального сектора экономики, повышение экспортного потенциала страны. Реализации этих целей будет способствовать создание отлаженного механизма финансирования отечественных инновационных разработок, в котором, как показывает опыт развитых стран, должно участвовать не только государство, но и сами отрасли, предприятия, представители бизнес-среды, а также мероприятия по активизации экспорта «умных технологий», разработанных в Узбекистане.

За последние годы более чем в 8 раз увеличилось количество и объемы финансирования инновационных проектов, что позволило ученым разработать целый ряд эффективных инновационных технологий. В их числе – новые технологии получения высокоэффективных удобрений, препаратов для роста растений, дефолиантов на основе местного сырья, которые широко освоены отечественной химической промышленностью и полностью обеспечивают сельское хозяйство нашей страны и в значительных объемах идут на экспорт. Много открытий и в промышленной сфере: эффективные ядерные технологии, на основе которых налажены производство и экспорт целого ряда отечественных радиопрепаратов, радиационно окрашенных природных кристаллов для ювелирной промышленности, высокотемпературные экологически чистые технологии получения в Большой солнечной печи керамических огнеупорных и жаропрочных материалов и изделий для различных производств. Большие успехи достигнуты учеными в сфере использования возобновляемых источников энергии, гелиоматериаловедения и приборостроения, что получило высокую оценку участников шестого заседания Азиатского форума солнечной энергии.

Несмотря на рост количества организаций, внедривших инновации, за последние годы (табл. 1) их доля составляет всего 0,50% от общего числа зарегистрированных предприятий и организаций (без фермерских хозяйств).

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3416 от 30.11.2017 г. «Об организации деятельности министерства инновационного развития Республики Узбекистан».

Доля предприятий и организаций, внедривших инновации, %¹

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля предприятий и организаций, внедривших инновации	0,12	0,06	0,05	0,07	0,06	0,25	0,29	0,32	0,37	0,42	0,50

Ташкент стал одним из мировых центров по разработке двигателей Стирлинга. Эта машина может работать на любом – жидком, твердом и газообразном топливе, а также на солнечной энергии.

Рабочим телом в моторе является газ, циркулирующий в герметически закрытом контуре. Машину можно с успехом применять в самых разных условиях, даже под водой и в космосе. Ее отличает высокий коэффициент полезного действия.

Ташкентскими учеными на изготовление двигателя Стирлинга мощностью в пять киловатт уже получен и выполнен первый заказ из Китая. По горячей воде мощность установки составляет 25 киловатт. Предназначается она для использования в целях централизованного энерго- и теплоснабжения. Работает установка на природном газе или биогазе, солнечной энергии (для этого камеру двигателя достаточно поместить в фокус концентратора солнечных лучей). Китайские фирмы проявили интерес к поставкам из Узбекистана еще более мощных двигателей Стирлинга.

Интерес к узбекским разработкам проявила и американская компания Envionmaton Inc из штата Пенсильвания. Между этой компанией и узбекской стороной подписан протокол о намерениях, по которому предусматривается начать производство двигателей Стирлинга по ташкентскому ноу-хау в США, а в Узбекистане для организации такого производства создать совместное предприятие.

Большой интерес вызвали промышленные фильтроаппараты для очистки технологических жидкостей и газов, разработанные на основе нанотехнологий в Институте энергетики и автоматики Академии наук Узбекистана. Их эффективность уже апробирована на ряде крупных предприятий нефтегазовой отрасли. С целью расширения внедрения новых устройств Академией наук и НХК «Узбекнефтегаз» принято решение о создании на базе этого института Научно-технологического центра «УЗНАНОнефтегаз».

Большую практическую значимость показала экологически безопасная технология предпосевной подготовки семян сельскохозяйственных культур методом капсулирования, разработанная в Институте химии и физики полимеров. Она уже используется на ряде предприятий в нескольких регионах страны и дает отличные результаты. Ученые предлагают хозяйственникам освоение широкого производства протравителя семян со стимулирующим эффектом «УзХитАН», разрешенного к применению Госхимкомиссией. Использование новой технологии обеспечит улучшение экологической обстановки и сокращение импорта токсичных препаратов.

Не менее актуальная разработка представлена Институтом общей и неорганической химии. Она предполагает строительство завода и освоение технологии производства из золотосодержащих отходов безобжигового лицевого и обыкновенного кирпича до 30 миллионов штук в год. Создание такого производства решит сразу несколько задач. Это выпуск необходимого нашей стране строительного материала, который к тому же обладает повышенной сейсмостойкостью, утилизация многотоннажных отходов ТЭС, загрязняющих окружающую среду, ресурсо-энергосбережение и, как следствие, снижение себестоимости готовой продукции в сравнении с традиционным керамическим кирпичом на 30–40 процентов.

Среди таких разработок в научно-производственном объединении «Физика – Солнце» внимание на себя обратили два изобретения молодых ученых из Физико-технического института – солнечная водопреснительная установка, которая по своей производительности в два раза превосходит существующие за счет регенеративного использования теплоты, выделяемой при конденсации в многоступенчатой камере (такие автономные установки особенно необходимы в отдаленных фермерских хозяйствах в пустынных районах страны), а также способ получения водорода из воды на основе использования солнечной энергии, который позволяет одновременно получать водород, электрическую и тепловую энергию, для этого используется концентрированное солнечное излучение.

Хорошими перспективами для экспорта обладают и разработки предприятий ГАО «Узфармсаноат» эффективных лекарственных средств, для лечения сахарного диабета и онкологических заболеваний, технологии производства отечественного иммуностимулятора «Иммун-52», диагностических тест-систем четвертого поколения и других новых препаратов.

В успешном функционировании любой организации, инновационная деятельность является решающим фактором: «как бы успешно не развивалась организация, если ее деятельность не нацелена на освоение новых технологий, позволяющих производить новые виды продукции более высокого качества и с наименьшими затратами, то она через некоторое время рискует стать неконкурентоспособной, а это в свою очередь, означает ослабление позиций на рынке, потерю потребителей и снижение размеров прибыли²».

Роль малого бизнеса и предпринимательства в поддержке инновационного развития экономики страны очень велика. В современном Узбекистане 75% трудоспособного населения заняты в малом бизнесе и предпринимательском секторе. На него возлагаются и ответственные задачи по увеличению объемов углубленной переработки сырья по со-

¹ Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Статистический бюллетень «Основные показатели развития научно-технического потенциала и инноваций республики Узбекистану».

² Мезенцева Е.В. Современное молодежное предпринимательство: формы поддержки и показатели оценки развития // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. – Т. 20. – С. 941–945.

временным технологиям, наращиванию поставок на экспорт готовой продукции, дальнейшему развитию сферы услуг. Бизнесмены и частные предприниматели, еще четверть века назад отсутствовавшие как класс, стали ведущей силой в экономике. Это касается обеспечения населения качественными товарами, увеличения выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, оказания современных услуг, создания рабочих мест¹.

В бизнесе инновации можно классифицировать по направлениям: идеи и технологии, методы управления бизнесом, новаторские или опережающие развитие нововведения².

Малый бизнес, дававший на рубеже тысячелетий 31 процент в валовом внутреннем продукте, в 2017 г. достиг 56,9 процента.

Несмотря на все принимаемые меры место Республики Узбекистан в международных инновационных процессах пока еще не соответствует имеющемуся в стране интеллектуальному и технологическому потенциалу, восприимчивость бизнеса к инновациям технологического, маркетингового и организационного характера остается низкой. Узбекистан продает за рубеж товары, к созданию которых очень мало приложен научный потенциал. В мире интеллектуальная составляющая в стоимости товара занимает 70%.

Процесс активизации инновационной деятельности осложняется тем, что бизнес, имея спрос на технологии, не предъявляет его к отечественным исследованиям и разработкам, не трансформирует в финансовые потоки, направленные на финансирование НИР. Он, скорее, расположен покупать готовые промышленные технологические разработки за рубежом, экономя при этом на затратах по реализации научных разработок. Инновационный цикл разорван, в результате чего страдает наука, так как мало предпринимателей готовы использовать научные исследования для внедрения в бизнес. Бизнес не использует собственные ресурсы и возможности ученых, труд которых стоит в Узбекистане значительно дешевле, чем за рубежом.

Заключение и рекомендации

В условиях перехода к инновационной экономике способность государства эффективно использовать в практической деятельности достижения науки и техники в решающей степени определяет динамику экономического развития, национальную безопасность страны, возможность равноправной интеграции в мировую экономику.

Одним из направлений инновационного развития должно стать создание технологических платформ, объединяющих усилия образования, науки и отраслей реального сектора экономики в целях модернизации производства. Кроме того, должны быть организованы услуги по трансферу технологий – от фундаментальных и прикладных исследований до внедрения новых технологий и их коммерциализации с выходом готовой продукции на рынок.

В современном мире внедрение инноваций, в том числе их экспорт приобретают все большее значение для повышения конкурентоспособности и устойчивого роста национальной экономики. Страны с высокоразвитой экономикой, основанной на использовании новых знаний, как правило, имеют высокоэффективные законодательные базы и сложившиеся национальные инновационные системы, обеспечивающие инновационное развитие национальных экономик.

В повышении конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке важную роль предстоит сыграть инновационной деятельности. В дальнейшем необходимо обеспечить правовую охрану изобретений и других объектов интеллектуальной собственности. Патенты играют не менее важную роль и в научно-конструкторских разработках для экспортного потенциала. Достаточно отметить, что фонд насчитывает более 65 миллионов экземпляров документов. Свыше 75 % из них расположены на оптических дисках. Этот богатейший источник информации помогает с опережением получать сведения о технических новшествах задолго до их появления в соответствующих журналах и сберечь немало средств на проведение собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. Без изучения содержащейся в патентах информации бизнес начинать нельзя. Невозможно удержать и свое место на мировом рынке, не опережая конкурентов в научно-конструкторских и опытно-конструкторских разработках, не создавая качественно новые виды продукции и не совершенствуя производственные процессы. Без этого невозможно выйти и на мировой рынок. Эту цель и должны поставить многие начинающие предприниматели Узбекистана. Целесообразно было бы создать и фонды стимулирования изобретателей и лиц, содействующих изобретательству и инновационным процессам. Необходимо было бы принять меры и по дальнейшему совершенствованию системы подготовки, переподготовки и повышению квалификации кадров в области правовой охраны объектов интеллектуальной собственности.

И поскольку темпы технического прогресса ускоряются с каждым днем, чтобы уже в ближайшем будущем Узбекистан смог войти в число развитых государств мира, необходимо постоянное инновационное обновление производства.

Достижение этой важной цели требует от нас плодотворной работы по укреплению потенциала отечественной науки, повышению уровня исследований, проводимых коллективами ученых, активного участия в этом процессе одаренной научной молодежи.

¹ Информационный лайфжест пнессы Узбекистана. 2017. – № 15, 20 января. – <http://uzbekistan.lv/informacionnyj-dajdzhestpressy-uzbekistana-15-20-yanvarya-2017g/>

² Забалуева М.Н. Инновации в малом бизнесе // Уникальные исследования XXI века. 2015. – № 11. – <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-malom-biznese-2>

Бексултанова А.И.

магистрант, Чеченский государственный университет

Бексултанова А.И.

ассистент, Чеченский государственный университет

adamovaaybika@mail.ru

Кутаев Ш.К.

д.э.н., профессор, Чеченский государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: государственная поддержка, инновационная деятельность, государственная политика.

Keywords: government support, innovation, government policy.

Среди многообразия направлений роста российской экономики одним из основных является привлечение в хозяйственный оборот достижений научно-технической и научной деятельности. Научно-технический прогресс, а также интеллектуализация основных факторов производства, представляют собой основную характеристику экономического развития государства.

Уровень развития национальной экономики во многом определяется интенсивностью ведения инновационной деятельности. В этой ситуации лидирующие позиции занимают те государства, которые создают благоприятные условия для такой деятельности. Формирование правовой базы для поддержки конкурентной среды в экономике является главным условием стимулирования инновационной деятельности.

Понимая значимость науки в целом и инновационных технологий в частности, наше государство стремится к развитию научно-технического потенциала страны. Федеральная инновационная политика основной своей целью ставит создание подходящего инновационного климата для реализации государственных приоритетов научно-технического развития.

Политика России в области технологий и науки ориентирована на обеспечение национальных стратегических приоритетов, к которым можно отнести рост качества жизни населения, достижение роста экономики, развитие фундаментальной науки, культуры, образования, обеспечение безопасности и обороны государства. Переход государства к инновационному пути развития на основе избранных приоритетов требует адаптации научно-технического комплекса к рыночным условиям экономики, сотрудничества государственного и частного капитала в целях научно-технического развития, разумного сочетания рыночных механизмов и государственного регулирования [6].

Рассмотрим варианты инновационного развития по «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»:

Вариант 1. Инерционное (импортоориентированное) технологическое развитие. Для него характерно: технологическое отставание от ведущих стран Запада, а в перспективе – и от новых индустриальных стран;

Вариант 2. Догоняющее развитие и локальная технологическая конкурентоспособность. Происходит торможение собственных разработок. Жесткая конкуренция в данной нише;

Вариант 3. Достижение лидерства в ведущих научно-технических секторах и фундаментальных исследованиях. Это наиболее привлекательный и наиболее затратный вариант, при реализации которого существуют значительные риски [10].

Изначально правовую основу поддержки государством инновационной деятельности в РФ представляли программы, стратегические и ведомственные нормативно-правовые документы, определяющие тенденции инновационного развития государства. Например, к таким документам относят Федеральную целевую программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России» на 2007–2012 годы; Федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы; Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования»; Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации».

Законодательные основы поддержки государством инновационной деятельности представлены в Федеральном законе от 21 июля 2011 г. № 254 «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». Принятый закон позволил сделать значимый шаг на пути развития законодательства в инновационной сфере. Законодатель в этом законе не только определяет формы государственной поддержки инновационной деятельности, субъектный состав и полномочия органов государственной власти РФ и органов государственной

власти субъектов РФ в области поддержки государством инновационной деятельности, но и закрепляет концептуальные основы государственной инновационной политики, которые выражаются в принципах и целях государственной поддержки.

Государственная поддержка инновационной деятельности в данном законе определена как совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях создания необходимых экономических, организационных и правовых условий, а также стимулов для физических и юридических лиц, которые осуществляют инновационную деятельность [9].

Поддержка государством инновационной деятельности осуществляется на основе следующих принципов:

- измеримость целей и программный подход при планировании и осуществлении государственной поддержки;
- приоритетное применение рыночных инструментов и инструментов государственно-частного партнерства для стимулирования инновационной деятельности;
- эффективность государственной поддержки инновационной деятельности в целях социально-экономического развития России и субъектов РФ;
- целевой характер использования бюджетных средств, направляемых на поддержку инновационной деятельности [2].

В Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» перечислены формы государственной поддержки инновационной деятельности, но нет их системного представления. В целях систематизации форм государственной поддержки инновационной деятельности можно использовать классификацию, которая представлена в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ». В соответствии с данным законом можно определить следующие важнейшие формы государственной поддержки инновационной деятельности:

- финансовая поддержка;
- информационная поддержка;
- имущественная поддержка;
- поддержка в образовательной сфере [8].

1. В современных условиях финансовая поддержка имеет особую значимость. Стимулирование инновационных процессов, которое базируется на финансово-правовом регулировании, является основным государственным механизмом, благодаря которому создается модель инновационной экономики РФ [4].

К финансовой поддержке относятся два основных направления:

1.1 Предоставление льгот по уплате налогов, таможенных платежей и сборов.

Налоговое стимулирование, которое направлено на развитие технологий и науки, поощрение исследований, создание положительного инновационного климата – это одна из приоритетных и основных мер государственной поддержки инновационной деятельности. Результативность налогового стимулирования подтверждается опытом ведущих развитых стран, которые достигли больших результатов в области инновационной экономики. Некоторые меры в этом направлении предпринимаются и в России. Доказательством этому служат нормы Налогового кодекса России, которые предусматривают внедрение налоговых льгот, распространяющихся на предприятия, внедряющие новую технику и технологии. Так, например, выполняемые организациями опытно-конструкторские, научно-исследовательские и технологические работы, которые относятся к созданию новой технологии и продукции или к усовершенствованию производимой технологии и продукции, освобождаются от обложения налогами в соответствии со статьей 149 Налогового кодекса России.

Для отдельных категорий субъектов инновационной деятельности налоговое законодательство предусматривает определенные виды налоговых льгот исходя из специфического характера их деятельности.

Так, к мерам налоговой поддержки, которые реализуются на уровне субъектов РФ, можно отнести:

- установление пониженной налоговой ставки для субъектов инновационной деятельности;
- освобождение от уплаты налогов на имущество предприятий;
- освобождение субъектов инновационной деятельности от уплаты земельного налога в отношении земельного участка, который отведен для реализации инновационной деятельности и входит в состав имущественного комплекса;
- предоставление инвестиционных налоговых кредитов, которые в соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 66 Налогового кодекса РФ могут быть предоставлены по налогу на прибыль организации, а также по региональным и местным налогам [7].

Использование льготного налогообложения для субъектов инновационной деятельности представляет собой один из основных способов стимулирования инновационного развития в России [1].

1.2 Бюджетная поддержка инновационной деятельности. В России активно используется грантовая поддержка. Грант обеспечивает поддержку или стимулирование государством научных разработок и исследований и реализуется в форме предоставления денежных и иных средств на безвозмездной и безвозвратной основе гражданам и юридическим лицам, получившим право проведения определенных научных исследований на условиях, которые предусмотрены грантодателями. Выделение грантов Правительства РФ осуществляется в форме субсидий, предоставляемых российским образовательным и научным учреждениям.

Бюджетное обеспечение представляет собой одну из наиболее эффективных и действенных форм содействия инновационной деятельности.

К формам финансовой поддержки государства относится также выделение субвенций и субсидий научным организациям, учреждение грантов на проведение научных исследований для решения актуальных научных проблем, именные награды, премии за выдающиеся научные достижения и др.

2. Информационная поддержка.

Информация о мировой научной практике, об опыте внедрения инноваций, о последних открытиях и разработках, сведения о конъюнктуре рынка в соответствующих сегментах, о спросе на экспериментальные и научно-технические услуги, информация о патентах и ноу-хау представляют собой стратегически значимый ресурс. Это подтверждает важность создания и развития различных информационных систем в сфере техники и науки, выполняющих сбор, регистрацию, аналитическую обработку данных, хранение и доведение до потребителя технической и научной информации, осуществляющих на этой основе полноценное информационное обеспечение и информационную поддержку инновационной деятельности.

Государство, осуществляя свою экономическую функцию, используя распорядительно-властные методы управления, принимает участие в формировании спроса на рынке. Особенно актуально это на рынке инновационной продукции, для активного функционирования и развития которого необходимы специальные механизмы.

3. Предоставление имущественной помощи субъектам инновационной деятельности осуществляется органами местного самоуправления, органами государственной власти в виде передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества, в том числе земельных участков, зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, оборудования, машин, механизмов, установок, транспортных средств, инвентаря, инструментов, на возмездной основе, безвозмездной основе или на льготных условиях в соответствии с федеральными и региональными программами поддержки инновационной деятельности. Указанное имущество используется по целевому назначению [3].

4. Поддержка в образовательной сфере.

В данной форме государственной поддержки основой является подготовка кадров по новым приоритетным направлениям развития технологий и техники, управления и экономики, усиление роли дополнительного профессионального образования, развитие у работников способностей и навыков инновационной деятельности [5].

Реализация вышеперечисленных форм поддержки государством инновационной деятельности осуществляется в рамках целевых программ государства, а также подпрограмм в рамках государственных программ.

Наиболее действенным методом государственного управления представляется программный метод. Он обеспечивает целенаправленное решение задач инновационной политики государства благодаря поэтапному планированию основных мероприятий в рамках отдельных направлений государственной политики и эффективному и рациональному использованию ресурсов.

Системную основу для осуществления процессов модернизации и качественного совершенствования социально-экономического развития страны составляют программные документы, которые определяют приоритетные направления инновационного развития страны и важнейшие мероприятия на пути достижения стратегических целей и задач.

Осуществление целевых программ, подпрограмм и проведение мероприятий в рамках государственных программ РФ – это метод государственной политики, подтвердивший свою результативность не только в сфере социально-экономического развития нашей страны, но и в рамках административной реформы, совершенствования информационного общества и формирования электронного правительства [5].

Основной задачей государства в сфере совершенствования инновационной системы является формирование экономических условий для вывода конкурентоспособной инновационной продукции на рынок в интересах реализации стратегических национальных приоритетов России и роста качества жизни населения, а также для стимулирования экономического роста, совершенствования образования, культуры, фундаментальной науки, обеспечение обороны и безопасности страны, интеграции усилий государства и предпринимательского сектора экономики на базе взаимовыгодного партнерства.

Инновационная политика представляет собой мощный инструмент, благодаря которому государство может побороть спад в экономике, организовать работу внутреннего рынка и в перспективе выйти на мировой рынок продукции высоких технологий.

Список литературы и источников

1. Арбатская Ю.В. Законодательное регулирование инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации / Ю.В. Арбатская, Н.В. Васильева. – Иркутск: Иркутский институт законодательства и правовой информации им. Сперанского, 2011. – 56 с.
2. Астапов К.Л. Законодательные основы государственного регулирования инновационной деятельности // Законодательство и экономика. 2012. – № 1. – С. 18–28.
3. Белоусова О.М. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации: монография. – М., 2011. – 578 с.
4. Грачева Е.Ю. Финансовое право в обеспечении инновационного развития // Влияние финансово-правовых и иных публично-правовых институтов на инновационное развитие России: материалы науч.-практ. конф. Иркутск. 20–21 сентября 2013 г. / Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского. – Иркутск. 2014.
5. Грибанов Д.В. Государственная поддержка инновационной деятельности в современном законодательстве // Бизнес, менеджмент и право. 2013. – № 1. – С. 71–77.
6. Држева А.А. Государственное стимулирование инновационной деятельности в Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2012. – № 3. – С. 45–49.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2.: Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
8. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30. Ст. 4602.
10. «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский государственный университет
a.a.belostotskiy@yandex.ru

ДОТАЦИИ НА БЮДЖЕТНУЮ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ РФ И ПРОФИЦИТ КОНСОЛИДИРОВАННЫХ БЮДЖЕТОВ

Ключевые слова: дотации, профицит бюджета, расчетная бюджетная обеспеченность, консолидированные бюджеты, сбалансированность бюджета.

Минимальный уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации с учетом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на очередной финансовый год определяется как средний уровень расчетной бюджетной обеспеченности до распределения указанных дотаций по субъектам Российской Федерации, не входящим в число 10 субъектов Российской Федерации, имеющих самый высокий уровень бюджетной обеспеченности, и 10 субъектов Российской Федерации, имеющих самый низкий уровень бюджетной обеспеченности.

Тринадцать российских регионов из 85 получают ровно половину дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, выделяемых Министерством финансов РФ. В общей сложности на этот вид дотаций регионам федеральный центр выделил в 2018 году 645,1 млрд. руб. – на 5% больше, чем в 2017 г.¹

По итогам 2018 года у 70 российских регионов консолидированные бюджеты были исполнены с профицитом, причем агрегированный профицит составил 510 млрд. рублей. Это рекордные показатели как минимум за последние 17 лет (рис. 1).

В 2017 году профицит консолидированных бюджетов был зафиксирован в 38 регионах. До 2018 г. максимальное количество профицитных консолидированных бюджетов достигнуто в 2006 году – 54 региона. Минимальное количество профицитных регионов было в 2013 году – только 6.

Профицит профицитных консолидированных бюджетов увеличился с 136,7 млрд. рублей в 2017 году до 575,2 в 2018 г. Дефицит дефицитных бюджетов уменьшился с -188,6 до -64,9 млрд. рублей.

Рисунок 1.
Количество регионов с профицитом и дефицитом консолидированного бюджета
в соответствующем году, ед.²

¹ Белостоцкий А.А., Моховиков О.В. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в контексте изменения модели финансовой поддержки регионов // Дельта науки. 2019. – № 2. – С. 36.

² Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт РА». Бюджеты российских регионов в 2018 году: рекордные профициты, дотации и сдержанные инвестиции. – http://raexpert.ru/researches/regions/budget_regions_2018/

Для сравнения: наихудшим с точки зрения сбалансированности консолидированных бюджетов был 2013 год, когда агрегированный дефицит опустился до – 2,0 млрд рублей. Предыдущий максимум агрегированного профицита приходился на 2006 г. – тогда он достиг 139,9 млрд. рублей. В целях дальнейшего совершенствования межбюджетного регулирования на региональном и местном уровнях планируется принятие ряда положений бюджетного законодательства, расширяющих и уточняющих бюджетные полномочия публично-правовых образований в данной сфере, регулирующих вопросы предоставления межбюджетных трансфертов (форм, условий, порядков предоставления), введения ограничений, связанных с предоставлением межбюджетных трансфертов и контролем за их соблюдением.

Лидерами по уровню профицита консолидированного бюджета региона (в % от налоговых и неналоговых доходов – ННД) стали бюджеты Республики Дагестан и Севастополя: 30,5 и 27,4% ННД соответственно. Указанные регионы характеризует относительно низкий уровень самодостаточности: налоговые и неналоговые доходы, которые в основном поступают из региональной экономики, составляют 32,6% в Дагестане и 35,2% в Севастополе. Поэтому профицит бюджетов данных регионов во многом обусловлен дотациями из федерального бюджета. У других регионов – лидеров по соотношению «профицит к ННД» – уровень самодостаточности существенно выше (например, у ХМАО-Югры достигает 94,8%). Поэтому профицит бюджета в таких регионах достигнут во многом благодаря своим силам (налогоплательщикам, функционирующим на территории регионов) (рис. 2).

Рисунок 2. Регионы по уровню профицита бюджета в 2018 году (в % от ННД)¹

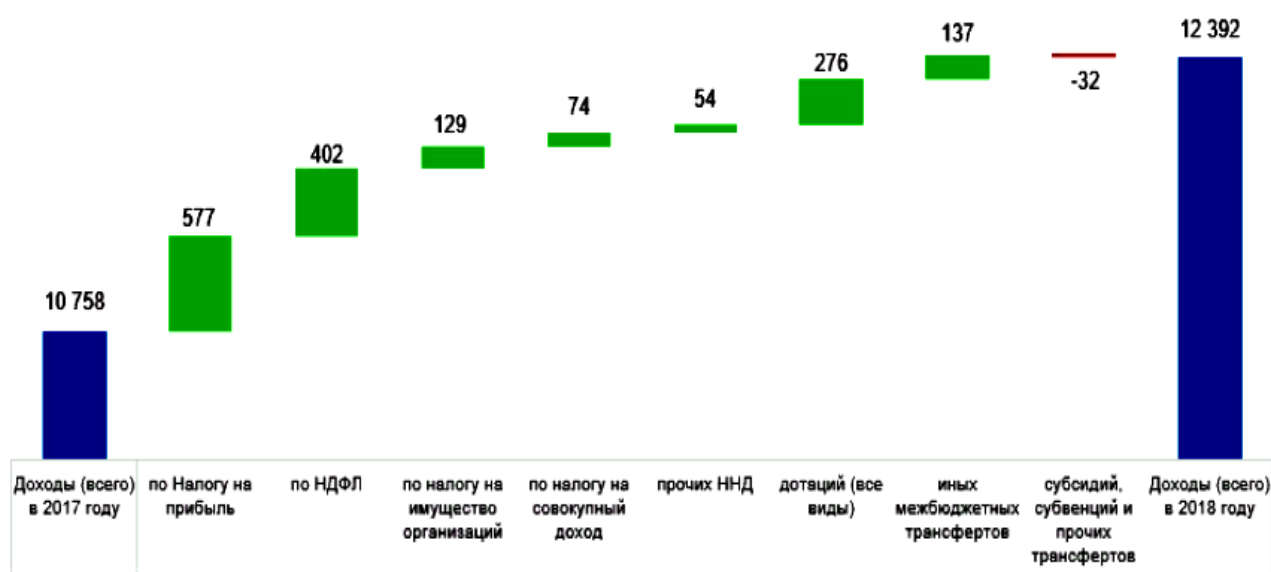

Рисунок 3. Структура прироста доходов (по видам) консолидированных бюджетов регионов в 2018 году (млрд. рублей)

¹ Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт РА». Бюджеты российских регионов в 2018 году: рекордные профициты, дотации и сдержанные инвестиции. – http://raexpert.ru/researches/regions/budget_regions_2018/

По абсолютному профициту консолидированного бюджета лидерами являются Москва (+61,5 млрд. рублей, или 2,7% ННД) и регионы тюменской «матрешки», суммарный профицит консолидированных бюджетов которых составил 123,8 млрд. рублей (36,8, 41,3 и 45,8 млрд. рублей у Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО соответственно). Такой профицит консолидированного бюджета Тюменской области – заслуга программы «Сотрудничество», по которой ХМАО-Югра и ЯНАО переводят 29,5% поступлений по налогу в бюджет Тюменской области. В 2018 году эти перечисления составили 84,0 млрд. рублей. Второй год подряд со значительным профицитом исполняется консолидированный бюджет Кемеровской области: с 20,8 млрд. рублей (или 14,6% ННД) в 2017 году профицит увеличился до 35,7 млрд. рублей (или 20,8% ННД) по итогам 2018 г.

Основные факторы рекордных профицитов – рост федеральных дотаций и прибыли в добывающем секторе, а также сдерживание бюджетных инвестиций.

Таблица 1

Регионы по объему полученных дотаций (все виды) в 2018 году

Регион	Объем полученных в 2018 году дотаций (все виды), млрд. рублей	Профицит (дефицит) консолидированного бюджета, млрд. рублей
Консолидированные бюджеты регионов РФ, всего	1 035	510,3
Республика Дагестан	62,7	11,9
Республика Саха (Якутия)	48,3	12,5
Чеченская Республика	47,0	0,3
Республика Крым	42,7	0,0
Камчатский край	42,3	1,6
Алтайский край	33,5	8,8
г. Москва	27,7	61,5
Ставропольский край	26,5	6,8
Республика Башкортостан	22,2	24,6
Республика Бурятия	21,7	-0,4

В 2018 году доходы консолидированных бюджетов российских регионов увеличились на 1,6 трлн. рублей (15,2%). Наибольший вклад в прирост совокупных доходов внесли поступления по налогу на прибыль (+577 млрд. рублей), НДС (+402 млрд. рублей) и федеральные дотации всех видов (+276 млрд. рублей). Так как существенная часть федеральных дотаций направляется на выплату зарплат бюджетникам, то вклад дотаций в прирост доходов еще выше – они возвращаются в консолидированные бюджеты в виде НДС с зарплат бюджетников (рис. 3).

По итогам 2018 года суммарный объем дотаций всех видов, которые федеральный бюджет перечислил регионам, впервые превысил 1 трлн. рублей. Особенность 2018 г. – те или иные дотации получили все российские регионы, включая Москву и Тюменскую область. Причем Москва с 27,6 млрд. рублей вошла в топ-7 регионов по объему полученных дотаций (табл. 1). Большая часть дотаций, полученных бюджетом Москвы, направлена на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Возможно, что цель данной дотации – частично компенсировать бюджету Москвы расходы на дополнительный трансферт в бюджет территориального фонда обязательного медицинского страхования, который в 2018 году составил 31,0 млрд. рублей¹.

Таблица 2

Динамика федеральных дотаций в консолидированные бюджеты регионов по видам, млрд. рублей

Виды дотаций	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Прирост за год (2018–2017)
Дотации всех видов, всего	651,0	656,2	759,0	1035,5	276,5
<i>в том числе по видам:</i>					
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности	487,7	513,7	614,5	644,5	30,0
Дотации бюджетам на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов	152,4	131,7	32,8	168,6	135,8
Дотации бюджетам на частичную компенсацию дополнительных расходов на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы и иные цели	0,0	0,0	40,0	100,4	60,4
Дотации бюджетам субъектов Российской Федерации в целях стимулирования роста налогового потенциала по налогу на прибыль организаций	0,0	0,0	0,0	30,6	30,6
Дотации бюджетам субъектов Российской Федерации за достижение наивысших темпов роста налогового потенциала	0,0	0,0	20,0	20,0	0,0
Дотации отдельным регионам (Крым, Севастополь, Чечня)	0,0	0,0	40,7	49,4	8,7
Прочие дотации	10,9	10,8	11,0	22,0	11,0

Основной рост пришелся на дотации на обеспечение сбалансированности бюджетов (табл. 2). По сути, данный вид дотаций управляется в ручном режиме, в отличие от дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, которые являются расчетными (исходя из оценок уровня бюджетной обеспеченности и индекса бюджетных расходов). Также в 2018 году увеличились дотации на частичную компенсацию дополнительных расходов на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы и иные цели – прирост дотаций указанного вида составил 60,4 млрд. рублей. По

¹ Официальный сайт Рейтингового агентства «Эксперт РА». Бюджеты российских регионов в 2018 году: рекордные профициты, дотации и сдержанные инвестиции. – http://raexpert.ru/researches/regions/budget_regions_2018/

распределению этого вида дотаций по регионам-получателям, федеральный центр действительно компенсировал как часть расходов на повышение оплаты труда работников бюджетной сферы, так и, по сути, недостаточный объем дотаций, которые те или иные регионы получили на выравнивание бюджетной обеспеченности¹.

Всего в 2018 году распределено 645,14 млрд. рублей на выравнивание бюджетной обеспеченности». предоставляемые безвозмездно и безвозвратно. По сравнению с 2017 годом дотационные отчисления республике Дагестан выросли примерно на 10% процентов. У второго крупного дотационного региона (Якутия) уровень дотаций вырос примерно на 3 млрд. рублей. В 2019 году дотационные отчисления будут увеличены для 49 субъектов России, но при этом снизятся для 23. В целом, число регионов, которые не требуют дотации, по-прежнему остается небольшим.

Поэтому проблема снижения уровня дотационности российских регионов остается достаточно острой, а её скорейшее решение позволит ускорить инновационное и технологическое развитие как отдельных регионов, так и России в целом.

¹ Финансовая социальная платформа «Финансовая возможность». Дотации регионам России 2019. – http://fincan.ru/articles/41_dotacii-regionam-rossii-2019/

Белусова А.В.¹

СТРУКТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТА РФ)

Ключевые слова: региональная экономическая политика, структурные модели, матрица финансовых потоков, экономический эффект, субъект РФ.

Keywords: regional economic policy, structural models, matrix of financial flows, economic effect, subject of the Russian Federation.

Оценка эффектов экономической политики является одной из актуальнейших задач современной науки. Потребности в обеспечении устойчивости и предсказуемости динамики национальной экономики (как в пространственной, так и в отраслевой проекциях) обуславливают развитие соответствующих инструментальных средств анализа и прогноза. При этом качество последних, выражаемое в достоверности получаемых при их использовании результатов, определяется возможностями формализации объекта, а именно количеством вводимых допущений.

Исследование изменений параметров экономики региона, являющегося частью национального пространства (в рамках настоящей работы – субъекта РФ), в зависимости от реализации тех или иных государственных инициатив, предполагает системную формализацию структуры самой экономики и взаимодействий ее элементов, а также классификацию последних по критерию резидентности. Традиционный подход, в рамках которого становится возможной реализация указанных выше условий при проведении эмпирических экспериментов, основан на применении структурного (балансового) моделирования и принципов методологии системы национального счетоводства. Одним из вариантов инструментария, используемого в рамках указанного подхода, является матричная модель финансовых потоков. Последняя показывает формирование, распределение и использование доходов в экономике с учетом трансакций с внешним миром.

По своей конструкции матрица финансовых потоков имеет симметрический вид. Строки матрицы демонстрируют структуру доходов (формирование ресурсов), столбцы матрицы – структуру расходов (использование ресурсов) институциональных секторов. Основное балансовое тождество модели заключается в равенстве суммы элементов по столбцу сумме элементов по соответствующей строке.

С технической точки зрения выявление и количественная оценка экономических последствий региональной политики могут быть получены двумя способами. Первый из них связывается с расчетом матричных мультипликаторов и инициируется изменением структуры доходов и/или расходов институциональных секторов. Второй способ предполагает построение системы рекурсивных уравнений, выявляющих условия перехода экономики от одного равновесного состояния в другое; при этом матрица финансовых потоков служит своеобразной «платформой» для формирования указанной системы.

Накопленный к настоящему времени опыт разработки матриц финансовых потоков для российских регионов, в том числе для целей оценки эффектов экономической политики, включает работы таких ученых как: Михеева Н.Н., Старицына Е.А., Татаркин Д.А., Захарченко Н.Г. и др. Проведенные исследования затрагивают разные объекты и временные периоды, имеют отличия в матричных конструкциях, предопределенные разными исследовательскими задачами. Попытки воспроизведения предложенных алгоритмов исследований с учетом иных массивов исходных данных обуславливают значительные трудности в совершении соответствующих действий. Причины данного обстоятельства кроются в формировании и наполнении модельного инструментария с использованием авторских расчетов и экспертных оценок, а также на основе значительного объема статистической информации, не находящейся в открытом доступе.

В рамках настоящей работы делается попытка разработки матрицы финансовых потоков как универсального средства прогнозирования региональной экономической динамики в системе «субъект Федерации – остальная экономика». При этом построение матричной конструкции предполагает изучение региональных реакций на государственное воздействие с учетом изменений экономической конъюнктуры в регионе, стране и остальном мире.

С технической точки зрения процесс разработки матрицы финансовых потоков для достижения указанных выше целей предполагает следующую последовательность шагов: 1) спецификация инструментария для условий экономики субъекта РФ (определение набора счетов, их уровня дезагрегации и т.д.); 2) наполнение статистической базы (формирование массива входных данных в соответствии с выбранной спецификацией); 3) матричная балансировка (заключение статистических данных в матричную форму); 4) выявление и оценка изменений в экономике региона, инициированных действиями со стороны государства.

¹ Белусова Анна Васильевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

Предлагаемая в рамках настоящей работы матрица финансовых потоков, разрабатываемая в приложении к единице административно-территориального деления РФ – субъекту РФ – содержит данные 11 счетов: товары и услуги, виды экономической деятельности, капитал, труд, предприятия, домохозяйства, региональное правительство, федеральное правительство, внебюджетные фонды, счет капитала, остальной мир.

В рамках матричного представления счета товаров и услуг и видов деятельности формализуют производственный блок региональной экономики. Цели проводимого исследования допускают представление соответствующих счетов в агрегированном виде.

Формирование спроса на товары и услуги происходит за счет промежуточного потребления производителей-резидентов, конечного потребления домохозяйств, регионального и федерального правительства, инвестиционного спроса, а также спроса со стороны остального мира. Распределение соответствующего финансового потока предполагает приобретение результатов деятельности региональных производителей, оплату импорта, а также перечисление налоговых отчислений в региональный и федеральный бюджеты.

Источниками статистической информации для заполнения соответствующих ячеек матрицы являются: для показателей выпуска, промежуточного потребления, объема конечного потребления домашних хозяйств, валового накопления капитала – официально публикуемые данные региональных счетов¹; для текущих расходов регионального и федерального правительства – отчеты об исполнении бюджета субъекта РФ² (при этом расходы на индивидуальные услуги идентифицируются в качестве расходов регионального правительства, расходы на коллективные услуги – в качестве расходов федерального правительства³); для совокупных объемов межрегионального ввоза и вывоза – данные, сформированные на базе формы статистического наблюдения № 1 – вывоз «Сведения о вывозе продукции (товаров)»⁴; объемов экспортно-импортных трансакций – сведения о внешнеэкономической деятельности субъекта РФ, предоставляемые региональными таможенными управлениями⁵; для объемов уплачиваемых налогов – материалы Федеральной налоговой службы России, в частности формы № 1-НМ «Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации»⁶.

Формирование доходов в разрезе отдельных видов экономической деятельности рассматривается в качестве следствия реализации произведенной ими продукции. Распределение полученных доходов предполагает покрытие затрат на промежуточное потребление, создание добавленной стоимости в разрезе факторов производства, налоговые выплаты (в виде других налогов на производство) в разрезе отдельных уровней бюджетной системы. Источником информации об объемах вышеуказанных показателей являются официально публикуемые Федеральной службой государственной статистики данные региональных счетов.

Формирование доходов производственных факторов – капитала и труда – происходит за счет валового смешанного дохода, валовой прибыли экономики и оплаты труда наемных работников соответственно. После вторичного перераспределения указанные средства поступают в распоряжение институциональных секторов. Получателем валового смешанного дохода, трактуемого как доход от предпринимательской деятельности, являются домашние хозяйства. Валовая прибыль распределяется между федеральным, региональным правительством, остальным миром пропорционально доли капитальных ресурсов, находящихся в их собственности; часть средств используется в качестве инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств предприятий; доходы последних оцениваются по остаточному принципу. Источниками информации для количественного выражения соответствующих ячеек матрицы являются сведения о структуре денежных доходов населения, распределении основных фондов по формам собственности, и источника инвестиций в основной капитал⁷.

Распределение оплаты труда наемных работников предполагает ее дезагрегацию на заработную плату и отчисления в фонды социального страхования. Первая является доходом домашних хозяйств и остального мира, вторые – поступают в распоряжение внебюджетных (социальных) фондов. Пропорции между финансовыми потоками, реципиентами которых являются работники и фонды, определяются налоговым законодательством⁸. Объем средств, поступающих в виде заработной платы остальному миру, определяется посредством доли иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по разрешениям на работу и патентам, в общей численности занятых региона. Оценка объемов средств, поступающих в территориальные внебюджетные фонды, осуществляется на основе отчета об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда. Социальные отчисления, передающиеся в федеральный центр, оцениваются по остаточному принципу.

Формирование доходов сектора предприятий осуществляется за счет доходов от собственности на капитальные ресурсы, добровольных платежей домашних хозяйств страховым компаниям, взносов в общественные и кооперативные организации; финансовых потоков, инициированных региональным и федеральным правительствами: безвозмездных перечислений, арендной платы за пользование имуществом, платежей по обслуживанию государственного долга; зарубежных трансфертов. Последние являются балансирующим показателем соответствующего счета.

¹ Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>

² Материалы официального сайта Федерального казначейства. – <http://www.roskazna.ru>

³ Власюк Л.И., Захарченко Н.Г., Калашников В.Д. Исследование региональных макроэкономических пропорций и мультипликативных эффектов: Хабаровский край // *Пространственная экономика*. 2012. – № 2. – С. 44–66.

⁴ Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>

⁵ Материалы официального сайта Федеральной таможенной службы РФ. – <http://www.customs.ru/>

⁶ Материалы официального сайта Федеральной налоговой службы России. – <https://www.nalog.ru/>

⁷ Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики. – <http://www.gks.ru/>

⁸ Налоговый кодекс РФ. Ч.2 от 05.08.2000. №117-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/

Расходы предприятий определяются выплатами домохозяйствам за использование капитальных ресурсов, собственниками которых они являются (плата за аренду помещений; уплата процентов по ценным бумагам, дивидендов и т.д.), выходных пособий, материальной помощи и т.д.; налоговыми отчислениями (налог на прибыль, налог на добычу природных ископаемых и др.). Средства, направленные на сбережение, являются балансирующим показателем между доходами и расходами сектора предприятий.

Источниками статистической информации для заполнения ячеек матрицы по счету предприятий являются: сведения о структуре денежных доходов и расходов населения региона, материалы Федеральной налоговой службы России; отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ.

Доходы сектора домашних хозяйств формируются посредством валового смешанного дохода, заработной платы, доходов от сектора предприятий, социальных выплат из внебюджетных фондов. При необходимости идентификации иерархии последних для территориальных внебюджетных фондов социальные трансферты оцениваются в качестве разницы между объемом совокупных расходов его консолидированного бюджета и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда и расходами первого; для централизованных – как разность между агрегированным объемом социальных выплат, полученных домашними хозяйствами, и объемом трансфертов, источником которых является региональное правительство.

Структура расходов домашних хозяйств определяется расходами на конечное потребление, платежами по страхованию, взносами в общественные и кооперативные организации, налоговыми платежами (на доходы и имущество физических лиц, транспортный налог), сбережениями. Средства, направленные на сбережение, являются балансирующим показателем между доходами и расходами сектора домашних хозяйств.

Источниками статистической информации для заполнения ячеек матрицы, соответствующих счету домашних хозяйств, являются: отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ; сведения о структуре денежных доходов и расходов населения региона; официально публикуемые данные региональных счетов.

В состав доходов регионального и федерального правительства, в дополнение к сказанному выше, включаются межбюджетные потоки, являющиеся в свою очередь также статьями расходов бюджетов обоих уровней.

В состав расходов регионального и федерального правительства входят расходы на конечное потребление товаров и услуг, выплаты сектору предприятий, включающие безвозмездные перечисления, арендную плату за пользование имуществом организаций, обслуживание государственного долга, межбюджетные перечисления. Сбережение является балансирующим показателем между доходами и расходами правительства.

Источником статистической информации для заполнения соответствующих ячеек матрицы является отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ.

Располагаемые средства внебюджетных фондов формируются посредством социальных отчислений, которые, в свою очередь, расходуются на социальные выплаты сектору домашних хозяйств. В данном случае возможно вариативное получение оценок соответствующих доходных потоков. С одной стороны, как уже было отмечено выше, объем отчислений в фонды социального страхования может быть рассчитан на основе норм налогового законодательства. С другой стороны, данные показатели могут быть получены из официальных данных о структуре затрат организаций на социальную защиту и численности занятых в регионе. Расхождение для обоих случаев составляет не более 0,5%.

Элементы матрицы финансовых потоков, формирующие доход в счете капитала, в основной своей массе выступают балансирующими остальными счетами в матричной структуре. Исключение составляет счет капитала как фактора производства.

Расходы остального мира представляются конечным потреблением товаров и услуг, импортом капитала.

Выявление и оценку изменений в экономике региона, инициированных действиями со стороны государства, посредством расчета матричных мультипликаторов предваряет разделение счетов, образующих матричную структуру, на экзогенные и эндогенные. Предполагается, что первые генерируют импульсы для вышеуказанных изменений, а совокупность вторых образуют все оставшиеся счета.

Для изучения последствий региональной экономической политики и в соответствии с традиционным подходом в качестве экзогенных счетов, как правило, принимаются счета федерального правительства, внебюджетных фондов, капитала, остального мира.

С учетом принятых разграничений, расчет мультипликативных эффектов технически осуществляется на основе решения матричного уравнения (1).

$$Y = S * Y + X = (I - S)^{-1} * X = M * X \quad (1),$$

где Y – матрица (вектор) эндогенных потоков; S – часть матрицы средних склонностей к потреблению, относящаяся к эндогенным потокам; X – матрица (вектор) экзогенных потоков; I – единичная матрица; M – мультипликатор матрицы финансовых потоков.

Построение матрицы средних склонностей к потреблению предполагает расчет удельных весов элементов матрицы финансовых потоков в суммарных расходах. Иными словами трансформация исходной матричной формы в матрицу средних склонностей осуществляется посредством работы с данными, организованными по столбцам. При этом в уравнение (1) входит только та часть матрицы средних склонностей, которая относится к эндогенным потокам.

Матрица Y в формуле (1) представляет собой вектор суммарных доходов эндогенных счетов. Матрица X представляет собой вектор расходов экзогенных счетов, в той их части, которая является доходами эндогенных счетов.

В зависимости от направления экономической политики оцениваются мультипликаторы матрицы финансовых потоков. Мультипликаторы счета товаров и услуг позволяют оценить изменение спроса в экономике субъекта РФ, счета видов экономической деятельности – изменение спроса производителей-резидентов в экономике субъекта РФ;

счетов факторов производства – изменение валовой добавленной стоимости; счетов домашних хозяйств и регионального бюджета – изменение доходов соответствующих секторов.

При использовании для количественного анализа эффектов региональной экономической политики системы рекурсивных уравнений, разработанная матрица финансовых потоков является базой для корректной работы с соответствующими инструментальными средствами.

Развитие предлагаемого подхода к разработке матрицы финансовых потоков и последующей оценке последствий, проводимой в отношении регионов экономической политики, связывается с его апробацией и верификацией на реальных статистических данных – что составляет содержание следующего этапа научного эксперимента.

Список литературы

1. Анимица П.Е. Моделирование влияния домохозяйств на создание мультипликативных эффектов в регионе (на примере Свердловской области) // Управленец. 2016. – № 2 (60). – С. 28–33.
2. Власюк Л.И., Захарченко Н.Г., Калашников В.Д. Исследование региональных макроэкономических пропорций и мультипликативных эффектов: Хабаровский край // Пространственная экономика. 2012. – № 2. – С. 44–66.
3. Мартякова Е.В., Лепа В.В. Использование матрицы социальных счетов для оценки мультипликативных эффектов в экономике // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Вып. 100-2. 2005. – С. 150–157.
4. Михеева Н.Н. Матрицы социальных счетов: направления и ограничения использования // ЭКО. 2011. – № 6 (444). – С. 103–118.
5. Татаркин Д.А., Сидорова Е.Н., Трынов А.В. Использование матрицы финансовых потоков в моделировании экономического развития регионов (на примере Свердловской области) // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 1. – С. 92–99.

Блинов Г.Н.

заместитель директора по научной работе Центра социально-экономического мониторинга и инвестиционной деятельности, г. Красноярск

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ: СМЫСЛОВОЙ КАРКАС

Ключевые слова: документы стратегического планирования на муниципальном уровне, социально-экономическое развитие, муниципальное образование, стратегия.

1. Общие представления о муниципальных комплексных проектах развития

В настоящее время в Красноярском крае под руководством Министерства экономики и регионального развития ведутся активные работы, связанные с разработкой и реализацией муниципальных комплексных проектов развития (МКПР). МКПР – проект, разрабатываемый органами местного самоуправления, обеспечивающий с учетом принятой стратегии и специфики социально-экономического освоения территории, эффективную реализацию инвестиционного проекта в комплексе с созданием, приобретением, реконструкцией и (или) капитальным ремонтом за счет средств краевого бюджета объектов инфраструктурного обеспечения. В общем виде, МКПР представляет собой:

1. совокупность специализированных инвестиционных производственных проектов (СИПП), направленных на территориальную специализацию производства, межотраслевую кооперацию предприятий, пространственную оптимизацию размещения производительных сил и трудовых ресурсов, выход на новые рынки товаров и услуг;

2. совокупность уникальных социокультурных традиций (УСКТ), обеспечивающих узнаваемость, повышение привлекательности (имиджа) территории;

3. обеспечивающей реализацию СИПП и поддержание УСКТ инфраструктуры (транспортной, инженерной, информационной, деловой, социальной).

Наиболее рационально разработку МКПР осуществлять поэтапно.

Первый этап. Построение профиля конкурентных преимуществ территории.

Построение профиля конкурентных преимуществ территории (табл. 1) включает в себя оценку фактических, реализованных и потенциальных преимуществ в направлениях, наиболее сильно влияющих на качество жизни в территории. Относительно каждого из направлений в разделе «Фактические преимущества» необходимо дать оценку принципиальной возможности (имеющихся предпосылок) для его эффективного использования в МКПР. Относительно каждого из направлений в разделе «Реализованные преимущества» необходимо дать оценку имеющихся заделов (степени реализованности) для его эффективного использования в МКПР.

Оценку для разделов «Фактические преимущества» и «Реализованные преимущества» проводить по 3-х бальной шкале, где:

- 1 балл = конкурентное преимущество не выражено;
- 2 балла = конкурентное преимущество выражено не полностью;
- 3 балла = конкурентное преимущество выражено полностью (в явном виде).

Таблица 1

Консолидированный учет конкурентных преимуществ территории

Направления	Фактические преимущества	Реализованные преимущества	Потенциальные преимущества
1. Производство специализированной продукции (сельское хозяйство, лесозаготовка, дикоросы и т.д.) с полным циклом от выращивания и переработки до транспортировки и реализации конечным потребителям			
2. Строительство объектов жилой и коммерческой недвижимости, органичного архитектуры муниципального образования, включающего в себя паркинги, озеленение, создание зон с элементами ландшафтного дизайна, инженерные объекты			
3. Капитализация историко-культурного наследия, обеспечивающая эффективное использование в территории современных креативных индустрий			
4. Капитализация образовательного потенциала, обеспечивающая включенность различных групп населения в различные сетевые программы образования, подготовки и переподготовки кадров			
5. Капитализация системы здравоохранения, ориентированная на оказание качественных услуг для всех категорий клиентов на основе современных технологий здравоохранения			

Потенциальные преимущества определяются как среднее арифметическое от фактических и реализованных преимуществ. Потенциальные преимущества, находящиеся в диапазоне от 2 до 3 баллов квалифицируются как самые бытовые для территории, выражающие ее индивидуальность и узнаваемость для потенциальных инвесторов

Второй этап. Конвертация (перевод) конкурентных преимуществ территории в СИПП и УСКТ. Формирование состава необходимой инфраструктуры для их реализации.

В рамках этапа в форме **организационно-деятельностной игры (ОДИ)** проводится проектная конференция.

Результаты конференции:

1. совокупность специализированных инвестиционных производственных проектов (СИПП), направленных на территориальную специализацию производства, межотраслевую кооперацию предприятий, пространственную оптимизацию размещения производительных сил и трудовых ресурсов, выход на новые рынки товаров и услуг;

2. совокупность уникальных социокультурных традиций (УСКТ), обеспечивающих узнаваемость, повышение привлекательности (имиджа) территории;

3. обеспечивающей СИПП и УСКТ инфраструктуры (транспортной, инженерной, информационной, деловой, социальной).

Третий этап. Формирование сводного перечня СИПП и УСКТ, объектов инфраструктуры, необходимых для их реализации. Согласование сводного перечня с отраслевыми министерствами.

Четвертый этап. Оформление МКПР. Подготовка и подача заявки на региональный уровень для финансовой поддержки и обеспечения профессионального сопровождения реализации МКПР.

МКПР является сборкой СИПП и УСКТ, перечня объектов инфраструктуры, необходимой для их реализации. МКПР ориентирован в долгосрочной перспективе на развитие экономического, демографического, интеллектуального, социокультурного потенциалов территории.

2. Общий дизайн оценки МКПР

Оценка МКПР с точки зрения перспектив территориального развития заключается в достижении «эффективной капитализации» (ЭК) территории через:

- инкубирование и реализацию СИПП;
- обеспечение инфраструктурной сбалансированности.

ЭК основана на концепции ценностной цепи (Value Chain) М. Портера и означает наращивание на основе учета УСКТ территории устойчивых конкурентных преимуществ, генерируемых за счет результатов специализированного инвестиционного производственного проекта и сбалансированной деятельности поддерживающих инфраструктур.

В результате изысканий, проведенных КГКУ «Центр социально-экономического мониторинга и инвестиционной деятельности» (КГКУ «ЦСЭМиИД»), была разработана следующая типология СИПП (табл. 2).

Таблица 2

Типология специализированных инвестиционных проектов

Тип проекта	Назначение проекта
Догоняющие проекты	Использование импортозамещающих технологий, приводящих к достижению конкурентоспособности (более низких цен) в производстве уже освоенной потребителем продукции в определенной отраслевой нише рынка
Вытягивающие проекты	Последовательное (цепочное) наращивание разнообразных видов предпринимательской деятельности на основе якорного (вытягивающего) проекта, ориентированного на создание производств с новыми качественными характеристиками
Платформенные проекты	Продвижение нескольких отраслевых направлений предпринимательской деятельности на основе общей (в том числе муниципальной) инфраструктурно-логистической платформы, ориентированных на создание несуществующих в настоящий момент производств
Анклавные (кластерные) проекты	Становление на территории муниципального образования (ареала муниципальных образований) целостного производственного уклада, обеспечивающего возможность реальной экономической диверсификации

Для каждого из заявленных территорией СИПП осуществляется оценка его конкурентоспособности.

Показатели конкурентоспособности:

- Увеличение выпуска высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства.
- Рост производительности труда за счет использования передовых технологий и современного оборудования, привлечения высококвалифицированных кадров.

- Устойчивая генерация коммерческой прибыльности.

- Формирование новых кооперационных связей.

- Проработанность рынков сбыта.

Для «территории влияния» СИПП осуществляется оценка инфраструктурной сбалансированности.

Показатели инфраструктурной сбалансированности:

- Снижение транспортно-логистических издержек.
- Повышение качества сервисного обслуживания.
- Оперативность снабжения.
- Опережающий маркетинг и эффективные продажи.
- Энергоэффективность.

Технологическая карта оценки

Первый шаг. Относительно каждого фактора в Карте А «Конкурентоспособность специализированного инвестиционного проекта» отметьте наиболее соответствующий ему балл (3 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл). В соответствии со следующей шкалой в колонке «Оценка» проставьте процентный эквивалент для соответствующих баллов.

Таблица 3

Шкала оценки

Балл (Вес %)	3	2	1	0
10	10%	6,7%	3,3%	0%
15	15%	10%	5%	0%
20	20%	13,3%	6,7%	0%
25	25%	16,7%	8,3%	0%
30	30%	20%	10%	0%

Подсчитайте и итоговый результат в процентах.

Таблица 4

Карта А «Конкурентоспособность специализированного инвестиционного проекта»

№	Фактор	Оценка
1	Увеличение выпуска высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства (вес 10%)	
	проект полностью проработан в части обоснованности увеличения высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства	3
	проект проработан, но имеются отдельные неточности в части обоснованности увеличения высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства	2
	проект проработан с существенными ошибками в части обоснованности увеличения высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства	1
	отсутствует возможность оценки проработки проекта в части обоснованности увеличения высокотехнологичной продукции за счет модернизации производства	0
2	Рост производительности труда за счет использования передовых технологий и современного оборудования, привлечения высококвалифицированных кадров (вес 25%)	
	Рост производительности труда обоснован на основе развернутых характеристик используемых технологий и современного оборудования, привлечения высококвалифицированных кадров	3
	Рост производительности труда обоснован не полностью	2
	Рост производительности труда обоснован не в полном объеме	1
	Отсутствует информация о росте производительности труда	0
3	Устойчивая генерация коммерческой прибыльности (25%)	
	генерация прибыли осуществляется стабильно	3
	генерация прибыли в недостаточных объемах для развития	2
	генерация прибыли обеспечивает безубыточность	1
	невозможно оценить, недостаточно информации	0
4	Формирование новых кооперационных связей (25%)	
	создаются новые устойчивые кооперационные цепочки в системе разделения труда	3
	создаются новые устойчивые кооперационные цепочки в муниципальном, межрегиональном масштабе	2
	создаются новые устойчивые кооперационные цепочки в масштабе муниципалитета	1
	невозможно оценить, недостаточно информации	0
5	Проработанность рынков сбыта (вес 30%)	
	рынки сбыта полностью проработаны в части территории и каналов сбыта, основных характеристик рынка сбыта (конкуренты, целевые группы потребителей, конкурентные преимущества выпускаемой продукции)	3
	рынки сбыта проработаны, но имеются отдельные неточности в части территории и каналов сбыта, основных характеристик рынка сбыта (конкуренты, целевые группы потребителей, конкурентные преимущества выпускаемой продукции)	2
	рынки сбыта проработаны, но отсутствует существенная информация в части территории и каналов сбыта, основных характеристик рынка сбыта (конкуренты, целевые группы потребителей, конкурентные преимущества выпускаемой продукции)	1
	в проекте полностью отсутствуют данные о территории и каналах сбыта, основных характеристиках рынка сбыта (конкуренты, целевые группы потребителей, конкурентные преимущества выпускаемой продукции)	0
Итого:		

Второй шаг. Относительно каждого фактора в Карте Б «Инфраструктурная сбалансированность территории» отметьте наиболее соответствующий ему балл (3 – самый высокий балл, 0 – самый низкий балл). В соответствии со шкалой оценки (табл. 3), подсчитайте итоговый результат в процентах.

Таблица 5

Карта Б «Инфраструктурная сбалансированность территории»

№	Показатели	Балл
1	Снижение транспортно-логистических издержек (30%)	
	действия, связанные с получением, хранением и распространением продукции обеспечены необходимой транспортной инфраструктурой, оптово-логистическими центрами «шаговой доступности»	3
	действия, связанные с получением, хранением и распространением продукции недостаточно обеспечены необходимой транспортной инфраструктурой, оптово-логистические центры удалены на незначительное расстояние	2
	действия, связанные с получением, хранением и распространением продукции недостаточно обеспечены необходимой транспортной инфраструктурой, оптово-логистические центры удалены на критическое расстояние	1
	невозможно оценить транспортно-логистические издержки	0
2	Повышение качества сервисного обслуживания (25%)	
	действия, направленные на поддержание качества реализованной продукции (сборка на месте, ремонт, подготовка обслуживающего персонала, предоставление запасных частей) осуществляются стабильно	3
	действия, направленные на поддержание качества реализованной продукции (сборка на месте, ремонт, подготовка обслуживающего персонала, предоставление запасных частей) осуществляются не в полном объеме	2
	действия, направленные на поддержание качества реализованной продукции (сборка на месте, ремонт, подготовка обслуживающего персонала, предоставление запасных частей) осуществляются не гарантированно	1
	невозможно оценить действия, направленные на поддержание качества реализованной продукции (сборка на месте, ремонт, подготовка обслуживающего персонала, предоставление запасных частей)	0
3	Оперативность снабжения (10%)	
	контакты с поставщиками осуществляются на современной, информационной платформе, установлены производственные требования к поставкам	3
	контакты с поставщиками осуществляются на современной, информационной платформе, отсутствуют производственные требования к поставкам	2
	контакты с поставщиками осуществляются в ручном режиме, отсутствуют производственные требования к поставкам	1
	невозможно оценить контакты с поставщиками	0
4	Опережающий маркетинг и эффективные продажи (25%)	
	действия, направленные на маркетинг и продвижение товара осуществляются в системе и в опережающем режиме	3
	действия, направленные на маркетинг и продвижение товара осуществляются не системно, по факту выпуска товара	2
	действия, направленные на маркетинг и продвижение товара осуществляются в недостаточном масштабе	1
	невозможно оценить действия, направленные на маркетинг и продвижение товара	0
5	Энергоэффективность (10%)	
	энергосберегающие технологии обеспечивают снижение энергозатрат для территории, потребителей	3
	энергосберегающие технологии обеспечивают снижение энергозатрат для внутреннего пользования	2
	энергоэффективность не подтверждена технологическими решениями и расчетами	1
	невозможно оценить, недостаточно информации; дополнительные эффекты отсутствуют	0
Итого:		

Третий шаг. В соответствии с табл. 6 осуществите градацию капитализации территории

Таблица 6

Результаты оценки капитализации территории

Конкурентоспособность СИПП	Инфраструктурная сбалансированность территории		
	Низкий уровень (С)	Средний уровень (В)	Высокий уровень (А)
Низкий уровень (С)	СС	СВ	СА
Средний уровень (В)	ВС	ВВ	ВА
Высокий уровень (А)	АС	АВ	АА

Градация:

АА, ВА, ВВ, АВ – эффективная капитализация

СВ, СА – условно эффективная капитализация

СС, ВС, АС – не эффективная капитализация

3. Порядок работ по профессиональному сопровождению МКПР

Шаг 1. МКПР из группы АА, ВА, ВВ, АВ табл. 6 квалифицируются как проекты «эффективной капитализации», готовые для включения в краевой реестр для финансовой поддержки.

КГКУ «ЦСЭМиИД»:

- совместно с отраслевыми министерствами готовит ТЗ на техническую доводку этих проектов;
- обеспечивает привлечение необходимых экспертов и консультантов;
- курирует процесс технической доводки.

Министерство экономики и регионального развития осуществляет приемку результатов технической доводки инвестиционных проектов.

Шаг 2. Инвестиционные проекты из групп СВ,СА табл. 6 квалифицируются как проекты «условно эффективной капитализации».

КГКУ «ЦСЭМиИД»:

- разрабатывает и проводит организационно-деятельностную игру (ОДИ) по выявлению проблемного поля, формированию целевого блока, рациональному использованию современных инструментов развития «производственной базы» инвестиционных проектов;

- совместно с отраслевыми министерствами готовит ТЗ на содержательную доводку этих проектов, обеспечивает привлечение необходимых экспертов и консультантов, курирует процесс содержательной доводки.

Министерство экономики и регионального развития осуществляет приемку результатов содержательной доводки инвестиционных проектов.

Шаг 3. Инвестиционные проекты из группы СС, ВС, АС табл. 6 квалифицируются как проекты «не эффективной капитализации».

КГКУ «ЦСЭМиИД»:

- разрабатывает и проводит организационно-деятельностную игру (ОДИ) по пилотной отработке механизма встраивания этих проектов в комплексные проекты с эффективной капитализацией;

- совместно с отраслевыми министерствами готовит ТЗ на содержательную разработку механизма встраивания, обеспечивает привлечение необходимых экспертов и консультантов, курирует процесс содержательной разработки такого механизма.

Министерство экономики и регионального развития осуществляет приемку результатов содержательной разработки механизма встраивания.

Список литературы

1. Лузина И.А. История экономики и экономических учений. Ч. 3 / И.А. Лузина, О.Е. Малых, Е.С. Стебунова. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2000. – 80 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Дуглас Норт; пер. с англ.: А.Н. Нестеренко. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
3. Аузан А.А. Институциональная экономика. – М.: Инфа-М, 2005. – 415 с.
4. Человеческий потенциал как критический ресурс России / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Б.Г. Юдин. – М.: ИФРАН, 2007. – 175 с.
5. Самарова Г.М. Проблемы управления человеческим потенциалом // Управление капиталом. 2008. – № 8. – <http://www.top-personal.ru/issue.html?1559>
6. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 420 p.
7. Schultz T. Investment in human capital // The American economic review. 1961. – Vol. 51, N 1. – P. 1–17.
8. Мухамеджанова А.Г. Человек – исходная категория экономической теории // Поиск. – М., 2002. – № 10. – С. 186–197.
9. Переврзева А.В. Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние // Креативная экономика. 2014. – № 3 (87). – С. 11–22.
10. Кайзер О.В. Формирование человеческого потенциала как фактора инновационного роста // Молодежь и наука: сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярск / Сибирский федеральный университет. 2013. – <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section013.html>
11. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и время. 2011. – № 4. – С. 125–130.
12. Петров В.М. Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. – М.: Права человека, 1999. – С. 124–150.
13. Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 265 с.
14. Луков В.А. Человеческий потенциал России / В.А. Луков, Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2009. – № 4. – С. 251–256.
15. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 1. – С. 259–263.
16. Быченко Д.Ю. Саморазвитие деятельностного человеческого потенциала в условиях модернизации России: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03. – Саратов, 2012. – 158 с.
17. Григорьев С.И. Патриотизм в России неотделим от русской идеи // Витязь. 2002. – № 1–2. – С. 28–39.
18. Евдокимова Л.О. Человеческий потенциал в методологии развития сферы услуг // Общество. Среда. Развитие. 2012. – № 1. – С. 34–38.
19. Жураховский С.Н. Эволюция развития человеческого потенциала и концепция потребностей человека // Вестник МГОУ. 2013. – № 4. – С. 28–35.
20. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 13–25.
21. Катайцева Е.А. Сущность понятия «Человеческий потенциал» // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2010. – № 2. – С. 21–31.
22. Романова Е.Б. Структура личностного потенциала человека экономического / Санкт-Петербургский институт управления и права. – http://www.rusnauka.com/PRNIT_2006/Economics/17324.doc.htm
23. Хамнаева Э.В. Формирование социально-экономической политики развития человеческого потенциала региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
24. Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2012. – 204 с.

25. Овсянникова Т.Ю. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий / Т.Ю. Овсянникова, М.Н. Преображенская // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. – № 1 (25). – С. 30–46.
26. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. – № 4. – С. 7–27.
27. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: Теис, 2011. – 357 с.
28. Голяшев А.В. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах / А.В. Голяшев, Л.М. Григорьев. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 47 с.
29. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
30. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 т. Т. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 г. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – 463 с.
31. Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2009 г. № 1088 «О государственной автоматизированной информационной системе «Управление».

Борисов А.Ю.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРИОРИТЕТ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, образование, инновации, творчество, устойчивое развитие.

Keywords: youth, youth policy, education, innovation, creativity, sustainable development.

Молодежь принято относить к социально-демографической группе населения, имеющей свои особенности в образе жизни, ценностных ориентациях, жизненных планах, моделях поведения и многом другом. Несформированное мировоззрение, неустойчивая система ценностей, личностные отклонения могут стать преградой к становлению социально-здоровой личности, формированию полезных в трудовом и общественном аспектах качеств молодого человека.

Ослабление института семьи, традиционной системы ценностей, моральных принципов и устоев, характерные для современной России¹, вместе с объективно присущими молодому поколению максимализмом и нигилизмом, создают у молодежи ощущение нормальности возникших социальных проблем. Отсутствие критической оценки и желания принять участие в их решении вырабатывает потребительский и эгоистический стереотип поведения, что влечет за собой регресс общества, ведь молодежь является его важнейшей структурной частью, обладателем качеств, необходимых для современного работника. В целом, можно сказать, что от молодежи зависит будущее страны и общества. Поэтому различные аспекты молодежных проблем требуют детального рассмотрения. На уровне страны (региона) необходимость участия государства и общества в социализации молодого поколения нашла свое отражение в государственной молодежной политике.

Государственная молодежная политика России базируется на основе распоряжения Правительства РФ от 29.11.14 № 2403р «Об основах государственной молодежной политики на период до 2025 года». Этот документ определяет основополагающее понятие как: «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене»².

Основными принципами государственной молодежной политики в России являются:

- сочетание в ходе разработки и реализации направлений молодежной политики государственных, общественных интересов и прав каждой конкретной личности;
- вовлечение молодежи в формирование и реализацию разнообразных программ, содержание которых отвечает интересам как молодых людей, так и общества в целом;
- безусловное обеспечение правовой и социальной защищенности молодежи, имеющей ограниченный социальный статус в силу возраста и неполной включенности в сферу жизнедеятельности общества;
- безусловное обеспечение молодому гражданину на стадии подготовки к вступлению и вступления в самостоятельную жизнь минимального набора социальных услуг в сфере образования, духовного и физического развития, здравоохранения, профессиональной подготовки, трудоустройству, гарантированных государством;

¹ Градусова В.Н., Липатова Л.Н. Статистическая оценка трансформации института семьи в современной России // Новое и традиционное во взаимоотношениях между институтами супружества и родительства в современной социокультуре: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск, 2017. – С. 12; Липатова Л.Н. Развитие человека как приоритет национальной политики // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: материалы XIII Международной научно-практической конференции. 2017. – С. 175–188; Липатова Л.Н., Градусова В.Н. Семейные отношения в зеркале статистики: общероссийская тенденция и региональные особенности // Новое и традиционное во взаимоотношениях между институтами супружества и родительства в современной социокультуре: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Саранск, 2017. – С. 5.

² Распоряжения Правительства РФ от 29.11.14 № 2403р «Об основах государственной молодежной политики на период до 2025 года». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/

– главенство общественных инициатив по сравнению с соответствующей деятельностью государственных органов и учреждений при финансировании мероприятий и программ, касающихся молодежи.

Государственная молодежная политика призвана интегрировать государственные и негосударственные ресурсы. Поэтому субъектами молодежной политики являются органы государственной власти разных уровней управления, политические партии и движения, предпринимательские сообщества, общественные объединения, молодежные организации и др.

Основными задачами государственной молодежной политики в Российской Федерации являются:

- содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодежи;
- недопущение дискриминации молодых граждан по мотивам возраста;
- создание условий для более полного включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества;
- расширение возможностей молодого человека в выборе своего жизненного пути, достижении личного успеха;
- реализация инновационного потенциала молодежи в интересах общественного развития и развития самой молодежи¹.

Реализация политики государства, направленной на решение поставленных задач, предполагает поэтапные действия в следующих основных направлениях:

- обеспечение соблюдения прав молодежи;
- обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи;
- содействие предпринимательской деятельности молодежи;
- государственная поддержка молодой семьи;
- гарантированное предоставление социальных услуг;
- поддержка талантливой молодежи;
- формирование условий, направленных на физическое и духовное развитие молодежи;
- поддержка деятельности молодежных и детских объединений;
- содействие международным молодежным обменам.
- обеспечение соблюдения прав молодежи.

Однако следует понимать, что возможности государства в регулировании процессов социализации молодых людей весьма ограничены. Специфическими чертами этого этапа человеческого развития, как правило, являются нигилизм, поиск собственного уникального пути, неприятие догм, отрицание авторитетов. Поэтому невозможно установить в качестве нормы некие идеальные образы молодого человека. Возможно лишь косвенное влияние на утверждение тех или иных социальных норм. Успех такой деятельности зависит и от текущих условий политической жизни, и от социально-экономической ситуации в стране. Нельзя допустить и того, чтобы соединение воедино некоего идеала современного молодого человека и правовых механизмов его поддержания было воспринято обществом, и особенно молодежью, как проявление насилия над личностью.

Поэтому основной сферой реализации положений государственной молодежной политики должна остаться область прав человека и гражданина. Последовательная реализация системы мер в выделенных приоритетных направлениях государственной молодежной политики обеспечит улучшение положения молодых людей в России, приведет к увеличению их вклада в экономическое процветание и социальную стабильность.

Прорыв в социально-экономическом развитии в современных условиях возможен только на основе инноваций. Поэтому в числе приоритетных направлений государственной молодежной политики Российской Федерации выделена «поддержка талантливой молодежи».

Молодежь является той категорией населения, на которую возложена ответственность за будущее общества и страны. Государственная политика Российской Федерации определяет молодежное направление как одно из приоритетных. Можно сказать, что в целом сформирован базис знаний о молодежи, разрабатываются и внедряются новые нормативно-правовые акты, регулирующие статус молодежи, решается проблема финансирования различных социальных программ, молодежь активно вовлекается в решение различных социально-экономических проблем.

Рассмотрим, как обеспечивается достижение главных целей государственной молодежной политики в российских регионах. Обратимся к опыту Республики Мордовия, в которой активно поддерживается и поощряется молодежное инновационное творчество. Начнем с того, что в этом небольшом приволжском регионе функционирует известное всему миру учреждение образования – Республиканский лицей одаренных детей. Созданный совсем недавно (в 2010 г.), уже в 2013 г. по качеству образования и числу завоеванных воспитанниками медалей этот учебный центр вошел в десятку лучших школ России, а в последние 3 года прочно занимает 2 место. Мордовский лицей по качеству образования уступает только Президентскому физико-математическому лицей г. Санкт-Петербурга. Но, справедливости ради следует заметить, что в Президентском лицее обучаются 800 воспитанников, а в Республиканском лицее – около 350 человек. На результативности образовательной деятельности сказывается и то, что в Санкт-Петербурге набирают детей с 5 класса, а в Саранске – с 7-го. Специалисты же утверждают, что с детьми надо начинать заниматься как можно раньше².

¹ Килин С.В. Государственная молодежная политика и молодежные движения в современной России: политологический аспект. // Апробация. 2015. – № 3 (30). – С. 109.

² Медали – на поток. Саранский лицей для одаренных детей за семь лет воспитал 20 победителей мировых олимпиад // Российская газета – Неделя – Средняя Волга. 2018. – № 123 (7586).

Благодаря эффективной и творческой работе преподавательского коллектива Республиканского лицея при активной поддержке со стороны региональных властей Мордовия уверенно 3 года подряд занимает 2 место на Всероссийской олимпиаде школьников, уступая только г. Москве! Воспитанникам этого образовательного учреждения принадлежит более 80% всех дипломов, завоеванных представителями региона на Всероссийской олимпиаде школьников. Учащиеся лицея 20 раз становились победителями международных олимпиад по разным предметам, 47 раз завоевывали высшие награды на состязаниях «умников и умниц» международного уровня.

В Мордовии в рамках Соглашения между Министерством экономического развития РФ и Правительством РМ реализуется программа по созданию и обеспечению Центров молодежного инновационного творчества. В этой небольшой приволжской республике с численностью населения около 800 тыс. чел. функционируют пять центров молодежного инновационного творчества: «Юные Кулибины» (при ГБУ «Мордовский республиканский молодежный центр», «iМолодежь» (на базе Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева), «Молодежный центр инноваций» (на базе Центра молодежной политики и туризма в г. Рузаевка), «Мир 3D» (на базе ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева»), «Икар» (на базе СОШ № 2 г. Ковылкино). Направлениями работы Центров являются робототехника, радиоэлектроника, информационные технологии, компьютерная графика, дизайн, моделирование.

Заметим, что все 5 центров молодежного инновационного творчества созданы в городской местности. Считаем, что особое внимание региональные власти должны уделить созданию таких центров в сельских районах республики, где тоже много талантливой молодежи, и им сложнее, чем горожанам, реализовать себя на этом поприще.

Но создать инфраструктуру для молодежной инновационной инициативы совсем не достаточно. Главное – привлечь молодежь к инновационной деятельности и творчеству. С целью повышения привлекательности инновационной деятельности в молодежной среде в Мордовии регулярно проводится Молодежный инновационный конвент. Участники – молодежь, занимающаяся научно-техническим творчеством, а также представители организаций, ведущих работу по вовлечению молодежи в инновационную деятельность. В 2017 г. Конвент представлял собой работу шести тематических площадок: фестиваль по робототехнике, симпозиум по образовательной робототехнике, выставка центров молодежного инновационного творчества Республики Мордовия, практическая олимпиада по робототехнике, подведение итогов конкурса «Лучший Клуб научно-технического творчества детей и подростков», интерактивные площадки.

Кроме того, для юных сельских жителей регулярно проводятся кустовые фестивали по робототехнике, участниками которых становятся представители научно-технических объединений. Фестивали представляют собой соревнования по следующим видам робо-спорта: робо-сумо, марафон шагающих роботов, кегельринг, кегельринг-макро, следование по линии.

Результатом работы Клубов научно-технического творчества детей и подростков «Юные Кулибины» в 2017 г. стало участие членов этого клуба в проектах и мероприятиях, реализуемых на межрегиональном и федеральном уровнях: 2 юных изобретателя из Мордовии приняли участие во Всероссийской олимпиаде по технологиям (г. Санкт-Петербург); 2 члена клуба участвовали во Всероссийских соревнованиях по робототехнике «Робофест-Приволжье 2017» (г. Самара), а также в Международных соревнованиях по робототехнике «Робофинист-2017» (г. Санкт-Петербург).

Представители центра молодежного инновационного творчества «ИКАР» (СОШ № 2 г. Ковылкино) заняли 1 место во Всероссийском конкурсе научно-технического и инновационного творчества "Ш.У.СТР.И.К". А члены команды «МИР 3D» (МГПИ им. М.Е. Евсевьева) приняли участие Поволжской открытой олимпиаде по информационным технологиям «Волга-IT'17» (г. Ульяновск) и XI Международной олимпиаде в сфере информационных технологий «IT-Планета 2017/18».

Таким образом, затраты материальных, физических и интеллектуальных ресурсов, направленные на развитие творческой инициативы молодых людей, следует рассматривать как стратегические вложения в будущее региона. И, напротив, недооценка общественного значения одаренной личности может привести к ослаблению человеческого потенциала, что создает риски для устойчивого развития региона и страны в целом.

Опыт Республики Мордовия в реализации основных направлений государственной молодежной политики убедительно доказывает, что даже в условиях жестких бюджетных ограничений может быть организована эффективная работа с молодежью при правильной расстановке приоритетов и четкой и слаженной работе всех субъектов молодежной политики.

*Борисов А.М.*¹

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВА РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – СОВМЕСТНАЯ ЗАДАЧА КОРПУСА ДЕПУТАТОВ, ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ЮРИДИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: государственное управление, законодательство, качество закона, качество управления, правотворчество, методы юридической техники, правовая экспертиза, юридическая техника/

Keywords: state governance, legislation, quality of law, quality of governance, lawmaking, legal engineering methods, legal review, legal engineering.

Вопросам качества законодательства уделяют внимание многие учёные, среди работ которых заметны труды юристов.

Так, О.Е. Кутафин, базируясь на материалистическом методе познания общественных отношений, анализирует итоги экономической реформы начала 90-х годов XX века и делает выводы о том, что либерализация цен была проведена без либерализации заработной платы, и как итог – «нашему работнику теперь приходится обменивать свою нищенскую заработную плату на продукцию и услуги, цены на которые близки к мировым»². Аналитические выкладки академика О.Е. Кутафина³ показывают, какими оказались в действительности цели и задачи государственной политики, оформленные в праве рыночной экономики России.

За политическими декларациями, вызывавшими определённое доверие народа, последовала кардинальная переработка законодательства без её привязки не только к интересам российского населения, но и к положениям теории права о правилах законодательной техники, которые предусматривают в идеале необходимость отображения в норме закона целей и задач правового регулирования. В некоторых случаях последние облачаются в общие неконкретизированные формулировки, излагаются витиевато и декларативно, утрачивая ясность для граждан.

При разработке или оценке законопроектов субъекты правотворчества и в настоящее время зачастую руководствуются неполным перечнем требований юридической техники и проявляют односторонний взгляд на решаемую в рамках правотворчества проблему. Исследуя проблему качества закона, Е.В. Сырых констатирует, что участники законотворческого процесса не учитывают всех важных свойств законопроектов, и утверждает, что системный анализ содержательного аспекта качества закона включает в себя следующие этапы:

- 1) выделение в содержании закона четырех аспектов: юридического, логического, языкового и социального;
- 2) уточнение и конкретизация роли каждого отдельного аспекта содержания закона;
- 3) выявление и обоснование свойств каждого аспекта содержания закона, способных выступать критериями качества закона;
- 4) разработка совокупности операциональных определений каждого критерия качества закона;
- 5) апробация общих критериев в оценке качества действующих или проектируемых законов⁴.

Также автор предлагает под законом надлежащего качества понимать закон, обладающий всей совокупностью свойств, присущих ему как источнику права, а также имеющий оптимальную интенсивность проявления свойств (критериев) нормативности, полноты, конкретности, системности, юридической правильности ненормативных элементов закона, простоты, точности, ясности, краткости (экономичности), логической правильности, социальной обусловленности и адекватности способа правового регулирования социальной действительности⁵.

Однако юриспруденция не выработала единого подхода к определению относительно нового термина правовой науки, каким является «качество закона». Нет и федерального закона о нормативных правовых актах Российской Федерации (проект был внесён в Государственную Думу Российской Федерации в 1996 году, не рассматривался длительный период и был отклонён в 2004 году). Данный пробел в определённой мере заполнил региональный законодатель, но несмотря на это качество законов субъектов Российской Федерации небезупречно.

Предложим небольшой обзор публикаций, обозначающих экономические и юридические характеристики состояния дел по рассматриваемой проблематике создания качественного законодательства.

¹ Борисов Андрей Маркович – к.и.н., доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Курский государственный университет. E-mail: andrei_borisov@mail.ru

² Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – С. 332.

³ Там же, с. 327–343.

⁴ Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: Автореф. дис. на соискание уч. степени. канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 7.

⁵ Там же, с. 27.

К общенаучным методам познания относится материалистический метод, предполагающий, в том числе, неотрывность государства и права от других социальных явлений, среди которых особое место занимает экономика¹. Следует согласиться с мнением Т.Я. Хабриевой, утверждающей, что экономический фактор остаётся основным и главным в развитии законодательства в ближайшей и долгосрочной перспективе².

Труды курских учёных следует рассматривать как вклад в формирование взглядов на приоритеты региональной государственной экономической политики.

В частности, в 2004 году А.М. Борисов и А.Ю. Евглевский обратили внимание на то, что в отличие от Курского региона широко использовали дифференцированные налоговые ставки по налогу на имущество организаций законодатели пятнадцати субъектов Российской Федерации, льготы пониженными ставками данного налога субъектов предпринимательства, занятых в сферах образования, здравоохранения, сельскохозяйственного производства, машиностроения и т.д. в зависимости от значения той или иной отрасли экономики для региона³.

На основе анализа комплекса социально-экономических показателей Курской области в 2008 году Е.А. Когай заключила, что инновационный потенциал региона проявлен довольно слабо и области не хватает динамичности развития⁴, которое обеспечивается органами государственного управления.

Как полагают М.С. Борисова, Ю.В. Вертакова и А.М. Борисов, отечественная экономика, задержавшаяся на этапе перехода к рыночной экономике пока лишена комплексной и эффективной государственной поддержки, влияние властных институтов федерального и регионального уровней государственного управления на развитие страны противоречиво, характеризуется неразвитостью муниципального уровня управления, а решение этих проблем находится в плоскости законодательного оформления инициатив и связано с качественно иными подходами к организации государственного управления экономикой⁵. Авторы обращают внимание на проблему подбора и нормативного установления показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Курской области.

В 2016 году И.А. Пясецкий отмечал, что идентичная по структуре валового регионального продукта Курской области Белгородская область использует земельные ресурсы в 2 раза эффективнее, и это стало возможным благодаря результативным мерам государственного регулирования сельскохозяйственного производства⁶, включающим как совершенствование законодательства, так и распорядительную деятельность.

В планах нового руководства Курской области говорится о ставке на одну из основ региональной экономики – агропромышленный комплекс⁷, но экономическое значение аграрного сектора признавалось руководителями областного уровня и в прошлые годы при недостаточности мер правовой поддержки именно курских субъектов сельскохозяйственного производства.

Выделив в качестве основных групп критериев качества закона технико-юридические критерии, политические, экономические, управленческие и социальные критерии, А.А. Брыжинский и А.А. Лукьянов наиболее важными признают группу технико-юридических критериев.

Обращаясь к данной теме, отметим, что одним из методов комплексной технико-юридической оценки качества законодательства является метод социально-логической конструкции. Оценивая с этой позиции Закон Курской области от 10.12.2008 г. № 108-ЗКО «О государственной поддержке семей, имеющих детей, в Курской области», Е.И. Заворотко и Р.В. Шатохин справедливо указывают на то, что в данном законодательном акте нормы, закрепляющие цели и задачи отсутствуют⁸.

Юрико-технические ошибки обнаружены С.Е. Самсоновой в Законе Курской области от 23.12.2005 г. № 101-ЗКО «Об общественной молодёжной палате при Курской областной Думе». Автор отмечает, что нарушена нумерация в структуре законодательного акта, а именно, отсутствует статья 21, существует противоречивость формулировок в

¹ Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. – М.: Эксмо, 2007. – С. 30.

² Хабриева Т.Я. Стратегия социально-экономического развития России и модернизация законодательства // Концепции развития российского законодательства. – М.: Эксмо, 2010. – С. 26.

³ Борисов А.М., Евглевский А.Ю. О реализации региональной налоговой политики в Курской области // Проблемы формирования и реализации налоговой политики Российской Федерации в условиях рыночной экономики. (Сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции, 4-й и 5-й сессий постоянно действующего научно-практического семинара). КРО РАЮН, КРО РСЮ, филиал Московского института права в г. Курске, Курский филиал ОРАГС; Всероссийский заочный финансово-экономический институт, Курский филиал / Под ред. д.п.н. Бондырева В.Е., к.э.н. Дрёмовой Л.А., к.с.н. Севрюковой Г.А. – Курск: ОАО ИПП «Курск», ООО «Учитель», 2006. – С. 64–69; С. 66–68.

⁴ Когай Е.А. Курская область в динамике социально-экономических измерений // Проблемы формирования и реализации налоговой политики Российской Федерации в условиях рыночной экономики. (Сборник научных статей 7-й сессии постоянно действующего научно-практического семинара: 2-я ч.). Филиал Московского института права в г. Курске, Всероссийский заочный финансово-экономический институт, Курский филиал / Под ред. к.и.н. Борисова А.М., к.э.н. Дрёмовой Л.А., к.и.н. Токмакова И.В. – Курск: МУП «Курская гор. типограф.», 2008. – С. 50.

⁵ Борисова М.С., Вертакова Ю.В., Борисов А.М. Стратегическое управление жизнеспособностью организации на основе применения системы сбалансированных показателей: монография. – М.: РУСАЙНС, 2016. – С. 173–174.

⁶ Пясецкий И.А. Оптимизация государственного регулирования экономического развития региона с учётом отраслевых особенностей // Известия Юго-Западного государственного университета (Серия «Экономика. Социология. Менеджмент»), 2016. – № 2 (10). – С. 228.

⁷ См.: Областной общественно-деловой еженедельник «Курск» (Специальный выпуск) от 20.05.2019. – С. 3.

⁸ Заворотко Е.И., Шатохин Р.В. К вопросу о комплексной оценке правового механизма реализации законодательства Курской области в социальной сфере // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Вып. 1. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. – С. 72.

абзаце 2 части 2 статьи 6, где присутствуют слова «указанное заявление», хотя в соответствующей норме положениях о каком бы то ни было заявлении речь не идёт¹.

Такую характеристику, как ограниченность функционального применения констатирует применительно к Закону Курской области «О патриотическом воспитании в Курской области» В.С. Лысков, поскольку в данном акте субъектами патриотического воспитания определены только областные органы государственной власти и не упоминаются органы местного самоуправления, общественные организации².

Ярким примером позитивного сотрудничества курских законодателей и учёных Курской области явилась региональная научно-практическая конференция «Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы» (29 марта 2019 года), проведенная в Курском государственном университете. По итогам конференции был выпущен сборник материалов³, представивший критические оценки законотворческой деятельности, конструктивно воспринятые Курской областной Думой.

Например, В.А. Артёмов актуализировал тему социальных инвестиций и справедливо отметил, что «региональное законодательство позволяет учитывать специфику социально-экономических отношений на уровне региона и регулирует те отношения, которые не в состоянии по различным причинам регулировать федеральное законодательство»⁴, и подчеркнул: «Тот факт, что Курская область находится на 60 месте в рейтинге регионов по уровню развития государственно-частного партнёрства говорит о том, что необходимо ещё много сделать в сфере развития нормативно-правовой и институциональной среды»⁵.

О двух проблемах законодательства Курской области, связанных с правовыми коллизиями, повествует материал А.М. Борисова, показавшего, что Устав Курской области в части, касающейся пункта «и» статьи 3, противоречит некоторым положениям Налогового кодекса Российской Федерации, а установление статьи 64.1 «Уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесённых в Красную книгу Курской области» Закона Курской области «Об административных правонарушениях в Курской области» в части определения санкции противоречит ряду норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶. Автор отметил, что к основным причинам возникновения коллизий относится неразвитость правового сознания и правовой культуры населения, низкий уровень владения правопользователем приемами законодательной техники, стремление с помощью законодательства изменить объективно складывающиеся отношения, корпоративный эгоизм правотворцев разного уровня, а также низкий уровень юридической квалификации участников законотворческих процедур.

На необходимость совершенствования Устава Курской области и иных нормативных правовых актов, в том числе принимаемых органами исполнительной государственной власти области, в контексте современных представлений юридической науки об источниках права обратил внимание Ю.В. Гинзбург, предложив совершенствовать и использовать в региональном законодательстве терминологию и устранить отдельные логические ошибки⁷.

Представив анализ некоторых показателей аграрного сектора курской экономики, Е.Л. Золотарёва обратила внимание на сохраняющиеся с 1990 года до 2010 года низкие темпы его развития, некоторые негативные изменения и нарушение межотраслевых пропорций, в том числе в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию, и выразила мнение о том, что развитию аграрного сектора области может способствовать совершенствование регионального законодательства⁸.

Вопросам реализации национальной политики в Курской области посвятил свой материал В.В. Зотов, раскрывший особенности нормотворческой и организационно-распорядительной деятельности законодательного и ис-

¹ Самсонова С.Е. Технико-юридическая характеристика Закона Курской области от 23 декабря 2005 года № 101-ЗКО «Об общественной молодёжной палате при Курской областной Думе» // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Вып. 1. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2017. – С. 79.

² Лысков В.С. Правовой механизм реализации Закона Курской области «О патриотическом воспитании в Курской области: честь и достоинство» // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Вып. 2. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2018. – С. 98.

³ Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – 268 с.

⁴ Артёмов В.А. Роль регионального законодательства в институциональном обеспечении финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 22.

⁵ Там же, с. 24.

⁶ Борисов А.М. Проблемы регионального законодательства на примере Устава и некоторых законов Курской области // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 53-60.

⁷ Гинзбург Ю.В. Система законодательства Курской области // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 66-73.

⁸ Золотарёва Е.Л. Роль регионального законодательства в развитии аграрного сектора экономики Курской области // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 74-83.

полнительных органов государственной власти области, результатом которой является благоприятная обстановка для становления и развития землячеств и национальных диаспор в Курской области¹.

Распространению положительного опыта проектного менеджмента в сфере государственного и муниципального управления, имеющегося в Белгородской и Воронежской областях, способствует доклад О.Р. Любкиной².

Характеризуя деятельность депутатского корпуса и Курской областной Думы как субъектов законоотчетства в сфере экологии, Г.Д. Пилишвили констатирует тесное взаимодействие законодателей с иными государственными структурами, органами местного самоуправления, общественными организациями и гражданами в рамках соответствующих целевых программ, работы различных комиссий и приема граждан³.

В работе О.В. Харсеевой представлены взгляды российских ученых на парламентскую культуру и применительно к этой теме дается в целом положительная оценка 25-летней деятельности Курской областной Думы, которая в контексте взаимодействия с институтами гражданского общества, в том числе представителями научного сообщества, «вполне может характеризоваться высоким уровнем парламентской культуры»⁴. Также автором обозначена одна из форм такого взаимодействия – сотрудничество с Центром правовой экспертизы, созданном при кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Курского государственного университета.

Таким образом мы не можем говорить как об отсутствии недостатков в правоотчетственной деятельности органов государственной власти Курской области, так и об исключительной комплиментарности публичных докладов и материалов представителей курской науки применительно к деятельности областного законодательного органа государственной власти. Можно констатировать заинтересованность депутатского корпуса в конструктивном диалоге с научной общественностью по вопросам развития законодательства региона, основным результатом которого должно стать повышение качества законов Курской области.

¹ Зотов В.В. Нормативно-правовое регулирование сферы этноконфессиональных отношений как условие профилактики конфликтов в приграничных регионах // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 84–94.

² Любкина О.Р. Особенности правоприменения федерального и регионального законодательства о проектной деятельности в субъектах Российской Федерации // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 109–117.

³ Пилишвили Г.Д. Роль и значение законоотчетственной инициативы Курской областной Думы в сфере экологии на современном этапе развития общества // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 123–130.

⁴ Харсеева О.В. Парламентская культура: основные подходы к пониманию // Региональный парламентаризм: исторический опыт, пути развития и современные вызовы: сборник материалов региональной научно-практической конференции, Курск, 29 марта 2019 г. / Под общ. ред. В.Б. Слатинова; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2019. – С. 154–158.

Габдрахимова Д.А.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, информационные технологии, налогообложение, электронная коммерция.

Keywords: digitalization, digital economy, information technology, taxation, e-commerce.

Одними из первых стран, принявшими стратегию цифровой экономики, стали Сингапур (2005 г.), Австралия (2006 г.), Гонконг (2008 г.), Великобритания (2008 г.). Европейский союз одобрил стратегию цифровизации в 2009 г. Европейская Комиссия в 2014 г. запустила ряд программ по построению системы бизнеса, в которой самоорганизация позволила бы объединить интересы всех участников, т.е. частных компаний, государственных органов, граждан и общества в целом, в направлении развития цифровой экономики.

Россия по уровню развития цифровой инфраструктуры является лидером среди стран БРИКС, однако в 1,5 раза отстает от среднего значения для стран-членов Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹.

Для преодоления отставания Россия должна ускорить переход на модель экономического и гуманитарного развития, основанную на широком применении цифровых технологий. Это требует специальной подготовки населения и хозяйствующих субъектов. Если для населения предусмотрены различные программы поддержки (например, организация бесплатного обучения лиц старшего возраста основам компьютерной грамотности или техническая и консультационная поддержка при переходе на цифровое телевидение и т.п.), то предприятия и организации должны самостоятельно отслеживать происходящие изменения и своевременно и адекватно на них реагировать.

Внедрение цифровых технологий меняет содержание всех бизнес-процессов. Даже решение классической задачи централизованного формирования отчетности в наши дни превращает накопители информации в единую систему информационной и аналитической поддержки бизнеса, позволяет оптимизировать организационную структуру и снизить управленческие затраты.

Для все большего числа видов экономической деятельности, не связанных напрямую с IT-технологиями, информационные системы становятся ключевым фактором конкурентных преимуществ, порой даже в большей мере, чем доступ к иным ресурсам. Это способствует формированию быстро растущих компаний с повышенной доходностью.

С позиций корпоративного менеджмента система управления в условиях цифровизации экономики претерпевает изменения под влиянием следующих обстоятельств:

- рыночные конкурентные преимущества во многом определяются эффективным включением в глобальные бизнес-сети, что приводит к сокращению (полному вытеснению) из цепочки создания ценности посредников;
- товарные потоки отделяются от информационных, сделки совершаются независимо от местонахождения товара;
- увеличивается доля Интернет-продаж;
- обостряются проблемы экономической безопасности и др.

Цифровизация экономики существенно меняет и условия государственной экономической политики, для успешной реализации которой необходимы новые методы и инструменты мониторинга хозяйственной деятельности и ее результатов. Эффективная экономическая политика нуждается в системе контроля как для наполнения бюджета в рамках налогообложения, так и для понимания результативности конкретных мер и инструментов воздействия.

Вопросы налогового контроля существенно осложнились в связи с развитием торговли через Интернет. Но в мировой практике пока не выработано эффективного решения. Глобальная цифровая экономика позволяет «неограниченно наращивать продажи в стране, не имея в ней никакого физического присутствия. Это приводит к росту налоговой базы в странах-экспортерах услуг и технологий, таких как США, за счёт сокращения этой базы в странах-импортерах»². Подходы к регламентированию онлайн-сделок существенно различаются.

¹ Добрынин А.П. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // International Journal of Open Information Technologies. 2016. – Т. 4, № 1. – С. 7.

² Корень А.В. Налогообложение субъектов электронной коммерции: проблемы и перспективы. – Владивосток: ВГУЭС, 2011. – С. 25.

Американская модель опирается на отказ государства от существенного вмешательства в цифровую экономику на основе принятого в 1998 г. на 3 года билля «О налоговой свободе в Интернете». Установленный в те далекие годы мораторий был продлен¹, что позволило США привлечь на свою территорию такие компании, как Amazon, eBay, PayPal, Facebook и др., которые сделали свой выбор не только благодаря развитой инфраструктуре, но и с учетом американской модели регулирования электронных сделок, нацеленной на формирование благоприятных условий развития цифровой экономики.

Европейские страны (например, Швейцария, Норвегия), выбравшие ориентацию на тотальную регламентацию и регистрацию субъектов цифровой экономики и совершаемых ими сделок, утратили лидерство в цифровой экономике.

В Китае цифровая экономика является предметом регулирования с точки зрения стратегических целей стимулирования промышленного производства, поэтому большинство логистических видов деятельности управляется органами власти или строго контролируется ими². Соответственно и налоговая система КНР построена не на налогообложении субъектов и сделок цифровой экономики, а на сборе налогов с промышленного производства, обеспечивающего электронную торговлю и коммуникации продукцией.

По мнению специалистов, в современном налоговом законодательстве не существует эффективных методов налогового контроля, которые могли бы использоваться в целях выявления субъектов электронной коммерции, уклоняющихся от постановки на налоговый учёт, либо занижающих величину фактически полученных доходов³. Хотя еще в 2000 г. ученые высказывали обеспокоенность по поводу того, что цифровое пространство экономических операций «разъедает основания налоговых систем»⁴.

Реализация государством фискальных функций осложняется и тем, что нередко сделки осуществляются между субъектами с неопределенной идентификацией (физические или юридические), оплата поступает на обезличенные счета, товар отправляется по почте, нередко в декларируемой форме подарка⁵.

Для осуществления эффективного налогового контроля необходимо развитие интегрированных информационных систем. Это обеспечит не только сбор налогов соразмерно осуществляемой деятельности и ее результатам, но и будет способствовать повышению эффективности экономической политики на основе точной оценки получаемого эффекта в ответ на какое-либо управленческое воздействие.

¹ Калужский М.Л. Электронная коммерция: маркетинговые сети и инфраструктура рынка ОмГТУ. – М.: Экономика, 2014. – С. 78.

² Сток Дж.Р., Ламберт Д.М. Стратегическое управление логистикой. – М.: Инфра-М, 2005. – С. 526–527.

³ Корень А.В. Налогообложение субъектов электронной коммерции: проблемы и перспективы. – Владивосток: ВГУЭС, 2011. – С. 5.

⁴ Tanzi V. Globalization and the Work of Fiscal Termites / IMF Working Paper 00/181. – Washington: International Monetary Fund, 2000. – P. 14–15.

⁵ Калужский М.Л. Электронная коммерция: маркетинговые сети и инфраструктура рынка ОмГТУ. – М.: Экономика, 2014. – С. 49.

Городнова А.А.,
Царьков А.С.¹

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: личностный фактор, стратегические аспекты, главы регионов, стратегия развития региона, проектный подход, технология «Поиск Будущего».

Keywords: personality factor, strategic aspects, heads of regions, strategy of regional development, project approach, Search of Future.

Постановка проблемы

Внешние вызовы, смена приоритетов в международной экономической кооперации, курс России на обновление производства и замещение импорта отечественными товарами потребовали серьезных и значительных изменений внутренней политики страны, которая, как правило, отражается в национальной и региональных стратегиях развития. В настоящее время процессы разработки и реализации стратегий осуществляются на другом гораздо более высоком уровне, чем это было в период 2005–2007 гг. и тесно связаны с обновлением губернаторского корпуса.

Обновление губернаторского корпуса стало ответом на высочайший запрос жителей регионов на смену руководства не только для решения текущих проблемных ситуаций, но и стратегического видения будущего своих территорий. До настоящего времени отрицательные оценки деятельности главы региона превалировали над положительными. Исключение составили лишь несколько регионов с популярными лидерами, ушедшими на повышение в федеральный центр².

В связи с этим весьма значимой становится проблема выявления влияния личностного фактора, присущего главам субъектов Российской Федерации (РФ), на стратегические аспекты территориального развития, принимаемых или отторгаемых их жителями. В данной работе предпринята попытка раскрыть подобные связи на примере ряда конкретных регионов Приволжского федерального округа (ПФО).

Приволжский федеральный округ: губернаторы и стратегии регионального развития

В состав ПФО входят 14 субъектов РФ – Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская области. Центром ПФО с 2000 г. является г. Нижний Новгород.

Территория округа занимает около 6 процентов территории РФ (более 1 млн. кв. километров), на ней проживает более 20% населения страны (более 30 млн. человек). Доля округа в общероссийском валовом внутреннем продукте превышает 15%. ПФО входит в число наиболее плотно населенных территорий России.

Поскольку основными инициаторами и ответственными за разработку и исполнение стратегий являются главы регионов, то вначале был проведен ретроспективный биографический анализ по всем регионам ПФО. Однако в силу ограниченности объема статьи ниже приведены данные лишь по трем регионам, включая Республику Татарстан, как один из лидеров округа, Пермский край, как один из наиболее проблемных субъектов в части реализации стратегий, а также более подробно рассмотрена Нижегородская область, как регион, в котором на протяжении 25 лет на иболее четко проявилась связь личностного фактора с процессами стратегирования.

Республика Татарстан. В 2010 г. Президентом Республики Татарстан стал Р.Н. Минниханов (1957), в возрасте 53 лет. Он сменил на этом посту М.Ш. Шамиева (1937), который руководил республикой с 1991 г.

При Президенте республики М.Ш. Шамиеве были приняты и успешно реализованы Федеральная целевая программа социально-экономического развития Республики Татарстан до 2006 года; Программа социально-экономичес-

¹ Городнова Анфиса Алексеевна – к.соц.н., доцент кафедры общего и стратегического менеджмента НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. E-mail: agorodnova@hse.ru

Царьков Александр Сергеевич – к.т.н., профессор кафедры государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. E-mail: acarkov@hse.ru

² Обновление. Два года новой кадровой политики / ЭИСИ. – М.: ЭИСИ, 2019.

кого развития Республики Татарстан на 2005–2010 годы; Программа социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011–2015 годы и др.¹.

Республика Татарстан была одним из первых субъектов РФ, применивших программный подход в стратегическом планировании. Примененный в Республике Татарстан подход к стратегированию отличаются такие *особенности*, как формирование международного консорциума консультантов, объединившего организации с лучшими компетенциями в своей сфере и обеспечившего всестороннюю проработку Стратегии, включая проведение специальных исследований; беспрецедентный масштаб открытости и коммуникаций стейкхолдеров (заинтересованных лиц и групп), позволивший вовлечь через рабочие встречи, интервью, совещания, проектные семинары и сессии всех заинтересованных участников; совмещение концептуального и операционного уровней. Наряду с выработкой базовых принципов и идей развития и формулированием крупных флагманских проектов выполнена огромная работа по сбору и анализу первичной информации с проведением обследования предприятий и др.²

За период реализации плана социально-экономического развития республики (2015–2018 гг.) построено, капитально отремонтировано, дооснащено медицинским оборудованием и мебелью 965 объектов здравоохранения. Построено 567 универсальных спортивных площадок, 27 лыжных баз, 11 спортивных залов, 13 бассейнов, 4 физкультурно-оздоровительных комплекса с крытым плавательным бассейном, 2 ледовых дворца. Отремонтировано 46 и заново построено 15 детских оздоровительных лагерей. Также за три года сданы 22 новые школы для 14 173 обучающихся и 90 детских садов на 13060 мест, отремонтировано 552 объекта образования (школ – 285, детских садов – 267). Все это сказалось на рождаемости. Так, с 2015 по 2018 гг. в Татарстане родилось более 195 тыс. детей.

Продолжается реализация приоритетных инвестиционных проектов. Промышленный сектор оказывает определяющее влияние на тенденции развития экономики, формируя по итогам 2017 г. 42,8% валового регионального продукта республики. Ряд крупных проектов были реализованы в нефтегазохимическом комплексе, сфере машиностроения и энергетики.

Отдельно надо отметить активное развитие особых экономических зон «Алабуга» и «Иннополис». При этом новой точкой роста стали территории опережающего развития. За 10 лет функционирование ТОСЭР позволит создать 17 тыс. новых рабочих мест и привлечь 62 млрд. рублей инвестиций в экономику республики³.

Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года⁴ была разработана и утверждена в 2015 г. Долгосрочные цели данной Стратегии были определены Программой социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011–2015 годы⁵, пятой по счету, в которой был применен принципиально новый институциональный подход, позволяющий комплексно учитывать угрозы и риски, носящие системный межотраслевой подход.

Главная стратегическая цель: «Татарстан-2030 – глобальный конкурентоспособный устойчивый регион, драйвер полюса роста «Волга-Кама». Татарстан – лидер по качеству взаимосвязанного развития человеческого капитала, институтов, инфраструктуры, экономики, внешней интеграции (осевой евразийский регион России) и внутреннего пространства; регион с опережающими темпами развития, высокой включенностью в международное разделение труда»⁶.

В связи с результатами выполнения предыдущих Стратегий и программ, можно прогнозировать, что результаты Стратегии-2030 республики также будут положительными.

Пермский край. За период с 2005 по 2017 гг. в регионе сменилось три руководителя. *Без Стратегии Пермский край существовал шесть лет, с момента своего образования в 2005 году.*

Стратегия социально-экономического развития Пермского края до 2026 года⁷ была утверждена в 2011 г., когда регион возглавлял Чиркунов О.А. (1958), уроженец Мурманской области, кандидат экономических наук (возглавлял регион немногим более шести лет, освобожден от занимаемой должности по собственному желанию). Одним из недостатков данной Стратегии является то, что в ее разработке участвовали только представители законодательной власти региона, без привлечения заинтересованных сторон. Поэтому документ получился традиционным, формальным (такие стратегии пишутся по одному образцу – по книгам об экономическом планировании). Из представленных в Стратегии показателей (83), можно было проверить только малую часть (9), так как показатели взяты из ведомствен-

¹ Постановление Правительства РФ «О Федеральной целевой программе социально-экономического развития Республики Татарстан до 2006 года» от 24.08.2001 № 625; Закон Республики Татарстан «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 годы» от 27.12.2005 № 133-ЗРТ; Закон Республики Татарстан «О Программе социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011–2015 годы» от 22.04.2011 № 13-ЗРТ.

² О Стратегии. – <http://tatarstan2030.ru/content1>

³ Президент Татарстана принял участие в стратегической сессии по вопросам реализации Стратегии-2030. – <http://president.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1330841.htm>

⁴ Закон Республики Татарстан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» от 10.06.2015 № 40-ЗРТ.

⁵ Закон Республики Татарстан «О Программе социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011–2015 годы» от 22.04.2011 № 13-ЗРТ.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: краткая презентационная версия. – www.i.tatarstan2030.ru

⁷ Постановление Законодательного Собрания Пермского края «О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года» от 01.12.2011 № 3046.

ной статистики¹. В дальнейшем на основе Стратегии были разработаны программы социально-экономического развития Пермского края.

Второй Губернатор Пермского края, Басаргин В.Ф. (1957), уроженец Свердловской области, сменивший Чиркунова О.А. на этом посту в 2012 году, руководил регионом в течение пяти лет. Басаргин В.Ф. не смог сформировать команду единомышленников, и частично продолжил политику своего предшественника. В рейтинге эффективности губернаторов, опубликованном в октябре 2015 г. Фондом развития гражданского общества, В.Ф. Басаргин занял последнее, 83 место². При нем были внесены некоторые изменения в действующую Стратегию³. В феврале 2017 г. Басаргин В.Ф. подал заявление о досрочном сложении полномочий губернатора, и был отправлен в отставку.

Решетников М.Г. (1979), третий Губернатор Пермского края, кандидат экономических наук, уроженец г. Пермь, назначен на должность в феврале 2017 года, в возрасте 38 лет. Интересно, что Решетников М.Г. с детства позиционировал себя как «будущий премьер», он имеет большой опыт административной работы как на региональном, так и на федеральном уровне. Он один из авторов документа «Основы стратегии социально-экономического развития Пермского края». С 2009 года он входил в первую сотню кадрового резерва Президента России⁴.

Новому губернатору досталось не очень хорошее «наследство»: только за 2017 год в Пермском крае настолько усилилось расслоение общества, что по показателю доли населения с доходами ниже прожиточного минимума регион теперь занимает не 23 место среди всех субъектов РФ, а 45. По показателю – отношения денежных доходов 20% населения с минимальными доходами – регион за год опустился с 21 на 50 место. По уровню безработицы позиции региона ухудшились на 17 строк, по доле безработных, ищущих работу более трёх месяцев, на 10 строк, а по младенческой смертности – на 11.

Несмотря на то, что Решетников М.Г. имеет достаточный опыт стратегирования, в Пермском крае до сих пор не доработана действующая стратегия.

«До конца 2018 года все регионы должны разработать или обновить свои стратегии развития. В отличие от других территорий, в Пермском крае эта тема почти не обсуждается: в правительстве нет лица, ответственного за разработку документа, местные СМИ об этом не пишут, общественного обсуждения не происходит. Похоже, стратегия не является важной темой и для первого лица края». «Если нет стратегии, регион не определяет правила игры для своих муниципалитетов, а сам “по свистку” из Москвы кидается выполнять то одно поручение, то другое, вместо того, чтобы самому заявлять о своих потребностях. Последствия же отсутствия стратегического вектора проявляются во всех сферах жизни»⁵.

Наиболее наглядно черты происходящих изменений просматриваются на примере процессов стратегического планирования в Нижегородской области.

Процесс разработки стратегий в Нижегородской области начался в 1992 г. В период с 1992 г. по настоящее время в Нижегородской области сменилось пять губернаторов, было разработано и реализовано четыре стратегии. Пятая стратегия находится в стадии конкретизации и реализации.

Первый губернатор Нижегородской области – Б.Е. Немцов (09.10.1959–27.02.2015) – родился в г. Сочи, переехал в Горький (Нижний Новгород) в возрасте шести лет. В 1981 г. он с отличием окончил радиофизический факультет Горьковского госуниверситета. Талантливый физик, автор более 60 научных работ по квантовой физике, термодинамике, акустике, Немцов Б.Е. в конце 80-х гг. XX в. становится активистом экологического движения. В 1990 г. он избирается народным депутатом РСФСР. В 1991 г. Указом Президента РСФСР от 30.11.1991 за № 245 Немцов Б.Е. был назначен Главой администрации области, став самым молодым (в возрасте 32 лет) губернатором в нашей стране. В декабре 1991 г. Нижегородский областной Совет утвердил новое название должности – «губернатор», и Б.Е. Немцов стал первым губернатором (30.11.1991–17.03.1997) в стране после 1917 года.

В 1992 г. под руководством Б.Е. Немцова в Нижегородской области начались масштабные реформы. Этому способствовала стратегия, ныне широко известная под названием «Нижегородский пролог»⁶ (рис. 1).

Данная стратегия разрабатывалась при прямом и активном участии Г.А. Явлинского, который приехал в Нижний Новгород со своей командой и проработал около 100 дней. В разработку стратегии был вовлечен Губернатор области со своей командой. Г.А. Явлинский в одном из интервью сказал: «Речь идет о том, что там есть группа людей: губернатор, председатель Совета, мэр города, председатель Совета города, у них есть определенная политическая поддержка в регионе. Эти люди понимают друг друга, и эти люди считают, что они приведены к власти на сегодняшний день для того, чтобы незамедлительно начинать решать какие-то вещи для того, чтобы хотя бы в ближайшей пер-

¹ Орлова М. Бросили клич. Экономисты: В стратегии Пермского края до 2026 года слишком легкие задачи // Российская газ. – М., 2011. – № 288 (спецвыпуск).

² ТАСС: Политика – СМИ: главы Калужской области и ЯНАО вновь разделили лидерство в рейтинге эффективности. – <http://tass.ru/politika/2348388>

³ Постановление Законодательного Собрания Пермского края «О внесении изменений в постановление Законодательного Собрания Пермского края от 01.12.2011 № 3046 «О Стратегии социально-экономического развития Пермского края до 2026 года» от 06.12.2012 № 569.

⁴ Решетников Максим Геннадьевич. – <https://ru.wikipedia.org>

⁵ Пулякова П. «Мы ставим цели, ради которых не нужно напрягаться». Эксперты сомневаются, что губернатор планирует остаться в Пермском крае надолго. – <https://zvzda.ru/articles/3d0509ba9e01>

⁶ Нижегородский пролог: Экономика и политика в России / Г. Явлинский, А. Мельников, Т. Ярыгина [и др.]. – М.: ЭПИ-центр, 1992. – 238 с.

спективе улучшить жизнь людей, если не немедленно. И им требовалось только наполнить это конкретным содержанием, что мы и старались делать»¹.

Нижегородский пролог (1992г.)

Проектировщик:

Центр экономических и политических исследований
(ЭПИ центр Г.Явлинского)

Миссия:

антикризисная программа: попытка во время «кризиса центральной власти «пробудить» региональное самосознание»

Характерные черты:

- 1 Попытка уйти от модели: «разрушение – реформаторство сверху» к модели «саморазвитие – создание снизу»
- 2 «От «исполкомовского» единообразия к стратегическому многообразию»
- 3 Первые разговоры об «интернационализации рынков»
- 4 Первые декларации о «ядрах кристаллизации»-центров согласия, доверия, сотрудничества
- 5 Пилотный проект «конверсии социальной инфраструктуры» (реформа ЖКХ, передача ведомственного жилья т.д.)

Главная идея: «Хотите, чтобы будущее настало – финансируйте его»

Рисунок 1. Стратегия «Нижегородский пролог»

В ходе работы над стратегией был создан Координационный совет – «орган, который собирался ежедневно и согласовывал программу действий в течение дня, в течение недели, самые сложные, самые такие непростые вещи обсуждал и находил понимание»². Над созданием стратегии работало 17 групп по всем ключевым направлениям развития региона, причем в них включались представители как органов исполнительной и законодательной ветвей власти, так и гражданского общества и нарождающегося бизнеса. Их работа широко освещалась в региональных и центральных СМИ, что обеспечивало широкую публичность и поддержку широких слоев населения и, как следствие, достаточно быструю реализацию выдвинутых стратегических инициатив.

Это была одна из первых региональных стратегий в России после 1990 г., которая содержала четкую антикризисную программу, в которой предпринималась попытка во время «кризиса центральной власти «пробудить» региональное самосознание, сформировать новую ментальность.

В декабре 1995 г. состоялись выборы Губернатора Нижегородской области. На выборах победу с результатом 58,9% одержал Б.Е. Немцов, который был избран на второй срок, и приступил к исполнению полномочий Губернатора Нижегородской области 28 декабря 1995 г. Он занимал пост губернатора Нижегородской области пять с половиной лет. Прирожденный лидер и перфекционист, генератор нестандартных идей, Б.Е. Немцов вернул городу Нижнему Новгороду звание столицы реформ, каким город был в XIX в.

Немцов Б.Е. совмещал посты Главы администрации и Представителя Президента РФ в Нижегородской области в период с 1991 по 1994 гг. Это помогло ему нейтрализовать законодательную власть, которая сопротивлялась вхождению в свободный рынок, и расширить полномочия исполнительной власти в области.

Благодаря успешной стратегии, Нижегородский регион за короткий период времени превратился в модель для новой России, а Немцов Б.Е. стал одним из самых популярных политиков в России того времени.

Было реализовано несколько успешных программ: «Дороги и храмы», «Одаренные дети», «Народный телефон», «Метр за метром», «Ярмарка», «ЗерНО» (Земельная реформа Нижегородской области). Также были «реанимированы» Нижегородская ярмарка и Горьковский автомобильный завод. Успешно прошла земельная реформа. Программа адресной социальной помощи была впервые реализована в области, а затем ее опыт внедрялся в других регионах³. В период с 1991 по 1996 гг. в Нижегородской области построено более пяти тысяч километров дорог.

По инициативе Немцова Б.Е. в 1995 г. на трех нижегородских предприятиях (АО «Завод им. Г.И. Петровского», АО «Сормовский завод «Лазурь», Научно-производственное предприятие (НПП) «Салют») впервые были созданы территориально-производственные зоны (ТПЗ) со льготным налогообложением. За период деятельности ТПЗ их участниками стали более 40 предприятий, которые инвестировали и в ТПЗ и в основные фонды базовых предприятий около 53 млрд. рублей, произвели продукции на сумму 42,5 млрд. рублей, создали более 1,1 тыс. новых рабочих мест⁴.

¹ Программа «Красный квадрат» Телекомпания ВИД. Ведущий: Александр Любимов 16 марта 1993 года.

² Там же.

³ Кочеров С. Сердца четырех // АПН Нижний Новгород. 2012. – 2 августа.

⁴ Борис Немцов // Агентство Федеральных Расследований.

По объему инвестиций Нижегородская область в 1996 г. заняла третье место в России: за девять месяцев в регион было вложено 62,7 млн. долларов и 153 млрд. рублей.

Весной 1997 г. Президент РФ Ельцин Б.Н. произвел значительные изменения в Правительстве страны, внося коррективы в его структуру и состав. Немцов Б.Е. 17 марта 1997 г. был назначен первым заместителем Председателя Правительства России¹.

По мнению информационно-экспертной группы «Панорама», Б.Е. Немцов был одним из немногих глав администраций областей, которые пользовались высокой популярностью у населения. Немцов Б.Е. избрал правильный путь проведения реформ, а также у него не было значительных конфликтов с областным Советом, который одобрял проведение реформ².

После перехода губернатора Немцова Б.Е. на работу в Правительство РФ, в Нижегородской области состоялись выборы нового губернатора. На основании результатов второго тура голосования на должность Губернатора Нижегородской области с 22 июля 1997 года был назначен Скляр И.П.³

Второй Губернатор Нижегородской области, И.П. Скляр (22.06.1948–26.02.2007), уроженец Воронежской области, в возрасте 15 лет, поступил в Арзамасский приборостроительный техникум, и с этого периода жизнь И.П. Склярова была связана с Нижегородской областью. В период с 1985 по 1991 гг. был избран председателем горисполкома и госсовета г. Арзамас. С 1991 по 1994 гг. был вице-губернатором Нижегородской области. В декабре 1995 г. был избран главой местного самоуправления г. Нижнего Новгорода. Крепкий хозяйственник, И.П. Скляр возглавлявший область с 22.07.1997 по 29.07.2001, сумел существенно укрепить механизм управления областью.

Процесс разработки документов стратегического планирования продолжился, но уже по другим технологиям и носил более закрытый характер. В 1997 г. была утверждена Концепция Программы социально-экономического развития области на 1997–2000 годы.⁴ Структура, состав рабочих групп, план мероприятий Концепции социально-экономического развития были утверждены Законодательным Собранием и Губернатором Нижегородской области в январе 1997 г.⁵

В разработке Концепции участвовали департамент экономики и прогнозирования совместно с другими департаментами и комитетами Администрации области, с участием территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти. Однако широкого обсуждения не проводилось. Основная цель Концепции – анализ и определение тенденций складывающейся экономической ситуации, обоснование конструктивной стратегии среднесрочного социально-экономического развития Нижегородской области.

В Концепции подведены итоги социально-экономического развития области в 1992–1996 гг. Также выявлено, что после пяти лет рыночных реформ экономика Нижегородской области столкнулась с теми же проблемами, что и Россия в целом. Либерализация экономики сопровождалась углублением кризиса производства, финансовой, кредитной и денежной систем, обострением социальных противоречий. Разгосударствление и приватизация собственности, заложив экономическую и правовую основу многоукладной экономики, не придали должной устойчивости процессу образования доходов. Таким образом, в ходе реформ не удалось создать благоприятную экономическую среду для экономических субъектов, в первую очередь для товаропроизводителей.

Исходя из этого сделан вывод, что переход к экономическому росту в России и Нижегородской области возможен только после этапа стабилизации, который может продлиться до 2000–2005 гг., а возобновление экономического роста в Нижегородской области возможно только при условии освоения технологий мирового уровня, путем интеграции в мировую экономику.

Вторая Стратегия развития Нижегородской области, получившая название «Стратегия действий»⁶ (рис. 2), была разработана в 2001 году.

Это был период, когда в Нижегородской области наблюдалось оживление в экономике: промышленный рост, снижение уровня безработицы, рост товарооборота, рост реальных доходов населения и их покупательной способности, положительные тенденции в сфере образования и культуры (несмотря на сложное финансовое положение и объективные трудности переходного периода), а Нижний Новгород обрел статус крупного административного центра – столицы Приволжского федерального округа (2000).

Главной целью «Стратегии действий» становится не сам по себе экономический рост, а рост качества жизни.

Целевые показатели развития Нижегородской области до 2010 года были разработаны с учетом целей «Стратегии действий», экономической и социальной ситуации в области и стране.

Однако вторая региональная стратегия 2001 г. уже не имела такого резонансного звучания, как первая стратегия – «Нижегородский пролог», в которой был заложен целый ряд новаторских для того времени идей.

¹ Приказ Председателя Правительства Российской Федерации от 25.03.1997 № 086 п-П17.

² Агентство Федеральных расследований. Досье.

³ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области «О вступлении в должность Губернатора области И.П.Склярова» от 22.07.1997 № 171.

⁴ Распоряжение Администрации Нижегородской области «О концепции Программы социально-экономического развития области на 1997–2000 гг.» от 05.05.1997 № 532-р.

⁵ Распоряжение Законодательного Собрания Нижегородской области, Администрации Нижегородской области «О структуре Концепции социально-экономического развития» от 20.01.1997 № 15-р/72-р.

⁶ Стратегия развития Нижегородской области (утв. постановлением Администрации области от 04.07.2001 № 153).

Стратегия развития Нижегородской области – «Стратегия действий» (2001 -2010 гг.)

Проектировщик: Департамент экономики и прогнозирования Администрации Нижегородской области

Миссия : первая попытка перенаправить опыт управления кризисом в русло управления развитием

Характерные черты:

- 1 Аутсорсинг интеллектуальных ресурсов и технологий (работа команды британских консультантов).
- 2 Попытка опереться на «людей, которым было «не все равно» - «Партнерский совет»
- 3 Формирование комплексного «дерева целей»
- 4 Оценка потенциала развития Нижегородской области (PEST – и SWOT – анализ)
- 5 Корпоративный этический кодекс государственных служащих
- 6 Отсутствие аппарата перевода на управленческий язык «проектного действия»

Главная идея: это была скорее «философия стратегирования», первая попытка опереться не только на экономические, но и на гуманитарные инициативы

Рисунок 2.

Стратегия развития Нижегородской области – «Стратегия действий»

Разработке третьей стратегии – «Стратегического плана социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2015 года»¹ (2005) (рис. 3) предшествовала предвыборная кампания Губернатора области.

В этот период Нижегородскую область возглавлял третий губернатор – Ходырев Г.М. (08.08.2001–08.08.2005). Г.М. Ходырев (1942), партократ, член КПРФ (вышел из КПРФ в 2002 г.), в возрасте 59 лет, победил на выборах Губернатора Нижегородской области, набрав наибольшее количество голосов избирателей во втором туре в июле 2001 г.² Он приступил к исполнению полномочий Губернатора Нижегородской области с 8 августа 2001 года³.

«Стратегический план социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2015 года» (2005 г.)

Проектировщик: Волго-Вятская Академия Государственной Службы

Миссия : Разработка стратегического плана социально-экономического развития на основе научных методик и общего алгоритма планирования

Характерные черты:

- 1 Использование метода «глубокого» экспертного опроса
- 2 Использование 4х специально разработанных моделей и методик, а также 7 принципов разработки плана
- 3 Поиск резервов роста в реальном секторе экономики и инфраструктуре – «Прибавочная стоимость в железе»
- 4 Разработка 6 различных сценариев прогноза изменений внешних условий
- 5 Презентация «оцифрованной» версии будущего
- 6 Элементы «оцифрованной» версии будущего
 - увеличение к 2010г ВРП в 2,5-2,7 раза
 - увеличение доли наукоемкой продукции в структуре экспорта в 2-3 раза, объема использования инноваций в 4-5 раз
 - увеличение доли продукции собственных товаропроизводителей на региональном рынке до 70-75%

Рисунок 3.

Стратегический план социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2015 года

¹ Постановление Правительства Нижегородской области «О стратегическом плане социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2015 года» от 05.03.2005 № 61.

² Постановление Избирательной комиссии Нижегородской области «О результатах выборов Губернатора Нижегородской области» от 01.08.2001 № 460.

³ Распоряжение Губернатора Нижегородской области «О прекращении исполнения Склярным И.П. полномочий Губернатора Нижегородской области и вступлении в должность Губернатора Нижегородской области Ходырева Г.М.» от 08.08.2001 № 48-р.

Г.М. Ходырев окончил Ленинградский механический институт и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Трудовая деятельность его начиналась на Горьковском машиностроительном заводе.

При Г.М. Ходыреве область лихорадили коррупционные скандалы, оказывалось давление власти на бизнес, начинался застой и регресс. Пассивность губернатора привела к тому, что область переместилась по ряду макроэкономических показателей с первых мест на средние и последние места в ПФО.

В публичном пространстве наблюдалась резкое противостояние, проходившее как через муниципальные образования, включая Нижний Новгород как столицу ПФО, так и регион. Уровень противостояния был таков, что депутаты Областного Законодательного Собрания (ОЗС) перед очередными выборами губернатора (2005 г.) предупредили Администрацию Президента Российской Федерации о том, что они не будут голосовать за кандидатуру Ходырева Г.М., действующего на тот момент губернатора, даже в случае роспуска ОЗС. Каждая из ветвей власти пользовалась поддержкой своих групп стейк-холдеров, представляющих противоречивые интересы как отдельных слоёв гражданского общества, так и различных бизнес-структур.

Таким образом, *внутренняя дезинтеграция набирала силу*. Раскол между законодательной и исполнительной властью в области привел к досрочному сложению Ходыревым Г.М. полномочий Губернатора области в 2005 г.

Кандидатура *четвертого Губернатора* области, Шанцева В.П., представленная Президентом РФ В.В. Путиным, была рассмотрена и утверждена Законодательным Собранием Нижегородской области¹.

Шанцев В.П. родился (1947) в Костромской области. Трудовой путь начинал с помощника мастера на заводе. Затем перешел на партийную работу. С июня 1996 г. по август 2005 г. был вице-мэром Москвы.

В целях совершенствования стратегического управления развитием Нижегородской области, обеспечения лидирующих в России позиций области по росу качества жизни в 2006 г. была утверждена *четвертая стратегия* – «Стратегия развития Нижегородской области до 2020 года»².

Поскольку регион имеет важное значение для ПФО, то для разрешения возникших проблем Аппаратом Полномочного Представителя Президента в ПФО был инициирован проект «Гражданская ассамблея. Стратегическая сборка-2015». Главная идея Аналитической сборки ключевых направлений развития региона: «Думай глобально – действуй локально».

Руководил проектом Стратегический комитет, в который входили председатель ОЗС, председатели ряда комиссий, главный федеральный инспектор, мэр Нижнего Новгорода. Консультантами выступали эксперты из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Координацию проекта осуществлял С.В. Кириченко, который в тот период был Полномочным представителем Президента в ПФО.

Основные предпосылки применения *проектного подхода* для реализации региональных стратегий заключались в следующем:

- Региональную стратегию в рамках проектного подхода можно рассматривать как мегапроект для определенной территории, содержащей пул из отдельных проектов по приоритетным направлениям.

- Отбор проектов производился с помощью 12 критериев, принятых Всемирным Банком. Из них наиболее значимые: план и механизмы реализации проекта; руководитель проекта; команда проекта.

- Губернатор области рассматривался как руководитель мегапроекта.

Для конструирования Будущего региона были выбраны две технологии. Первая технология – «Поиск будущего (ПБ)»³ – позволяла создать креативную атмосферу поиска решений для наиболее острых проблем и выявления трендов развития при помощи карты сознания. Вторая технология – «Системная Технология Вмешательства (СТВ)»⁴ – показала свою эффективность при формировании инновационных и инвестиционных проектов, связанных с организационными изменениями в условиях ограниченного времени. Принципиальным моментом технологии ПБ является то, что этот поиск осуществляли сами целевые группы держателей специфических интересов (stakeholders – стейкхолдеры), которых напрямую затрагивало Будущее территории.

Всего в разработке региональной стратегии приняли участие 108 человек, включенных в 10 групп стейк-холдеров, в которые вошли представители всех акторов публичного пространства. Из них пять групп представляли интересы гражданского общества, две – властные структуры, три – предпринимательские структуры. Стейк-холдеры определили глобальную цель Стратегии, коренным образом отличающуюся от рекомендуемой Минэкономразвития. Так, в качестве Будущего территории, *реальную глобальную цель* было предложено декларировать как создание условий запуска и поддержания саморазвивающихся бизнес-процессов, повышающих жизнеспособность и конкурентоспособность региона, позволяющих сохранить и повысить уровень жизни его населения. Кроме того, стейк-холдерами были сформулированы ключевые направления развития, а также конкретные проекты достижения глобальной цели, которая должна быть достигнута в рамках оптимистичного или целевого сценариев.

¹ Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области «О наделении Шанцева Валерия Павловича полномочиями Губернатора Нижегородской области» от 08.08.2005 № 1561-III.

² Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении Стратегии развития Нижегородской области до 2020 года» от 17.04.2006 № 127.

³ Weisbord M., Janoff S. Future Search: An Action Guide to Finding Common Ground in Organizations and Communities. 3rd ed. – San Francisco: Berrett-Koehler, 2010.

⁴ Бассей М. Концептуальные основы Форсайт-исследований и их эффекты: классификация и практическое применение // Форсайт. – М., 2013. – Т. 7, № 3. – С. 64–73.

Оглядываясь назад, можно сказать, что несмотря на реализованные мероприятия в Нижегородской области не удалось реализовать ни оптимистический, ни наиболее вероятный (целевой) сценарий социально-экономического развития. Хотя, как показало время, ключевые направления и глобальная цель стейк-холдерами были сформированы верно.

Ключевые показатели реализации Стратегии-2020 представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые показатели реализации «Стратегии-2020»¹

Наименование показателя	Значение показателя в 2020 году (по тексту Стратегии-2020)		2005 год	2017 год	2020 год / прогноз	
					вариант 1 заложен в бюджет)	вариант 2 (целевой)
ВРП на душу населения (тыс. долларов США в ценах 2004 года, тыс. руб.)	оптимистичный вариант	12,9	3,0	5,4	5,5	5,9
	наиболее вероятный вариант	10				
	пессимистичный вариант	6,3				
Доля инвестиций в основной капитал в ВРП, %	наиболее вероятный вариант	20–25%	21,5%	19%	18,7%	19,7%
Среднедушевые доходы населения (доллары США в ценах 2004 года, руб.)	оптимистичный вариант	830	207,0	415,5	430	438,9
	наиболее вероятный вариант	650				
	пессимистичный вариант	405				
Средняя заработная плата занятых в базовых секторах экономики (доллары США в ценах 2004 года, руб.)	оптимистичный вариант	1217	258,8	578,3	598,5	640,9
	наиболее вероятный вариант	941				
	пессимистичный вариант	609				

Во многом подобная ситуация явилась типичной для многих регионов России, поскольку 12 лет реализации Стратегии-2020 сопровождались значительными трансформациями макроэкономических условий и изменениями геополитической обстановки. Финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и усиление геополитической напряженности, начавшееся в 2014 году (падение мировых цен на энергоносители, санкции, стагнация российской экономики), внесли существенные коррективы в динамику развития области.

Такой вариант событий не был предусмотрен в Стратегии-2020, корректировка документа в соответствии с изменившимися условиями не проводилась. В результате несмотря на то, что в целом за 12 лет темп экономического роста в регионе превышал среднероссийский уровень (прирост ВРП – 34,4% против прироста ВВП России – 30,3%), начиная с 2014 г. Нижегородская область развивалась по пессимистическому сценарию. И к моменту завершения реализации Стратегии-2020 целевое значение по индикатору «ВРП на душу населения», по оценке, достигнуто не будет.

Еще один целевой индикатор «отношение инвестиций в основной капитал к ВРП», отражающий уровень инвестирования экономики в Нижегородской области, за 12 лет, в среднем, составил почти 28% (по России – 18%). Вместе с тем, начиная с 2014 г., этот показатель снижался и, по оценке, в 2017 г. составил 19% при целевом значении по Стратегии-2020 – 20–25%. Риск невыполнения целевого значения по уровню инвестирования сохраняется до 2020 г.

Среднедушевые доходы населения и заработная плата к 2020 г. также выполняются только в районе нижней границы целевого значения по пессимистическому сценарию. Одновременно численность населения области сократилась с 3479 тыс. чел. До 3281 тыс. чел.²

К сожалению, заявленные в Стратегии развития Нижегородской области до 2020 года, структурные и изменения в экономике региона не произошли. Обрабатывающие производства, в том числе предприятия, ориентированные на ОПК, стабильно удерживают лидирующую долю в ВРП региона, в то время как резкого роста в инновационном секторе не произошло, а рынок торговли и дистрибуции вовсе показал структурное уменьшение. На основании полученных результатов были разработаны рекомендации для новой стратегии Нижегородской области: по созданию и поддержке ключевых частей, а также относительно внедрения и мониторинга.

В сентябре 2017 г. Президент Российской Федерации принял отставку Шанцева В.П. по собственному желанию, на основании заявления о досрочном прекращении полномочий Губернатора Нижегородской области³. В.П. Шанцев возглавлял Нижегородскую область с 08.08.2005 по 26.09.2017.

Временно исполняющим обязанности Губернатора Нижегородской области 26.09.2017 был назначен Никитин Г.С.,⁴ который после выборов вступил в должность губернатора с 26 сентября 2018 г., в возрасте 41 года⁵. Пятый по счету губернатор региона, Г.С. Никитин родился (1977) в г. Ленинград. В 1999 г. он окончил Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов по специальности «Финансы и кредит», в 2004 г. – Санкт-Петербургский государственный университет по специальности «Юриспруденция», а в 2008 г. – Российскую академию государственной службы при Президенте РФ по специальности «Государственное и муниципальное управление». В 2012 г. с отличием завершил обучение по программе МВА Бизнес-школы Колумбийского университета и Лондонской школы бизнеса. В 2007 г. защитил диссертацию, получил ученую степень кандидата экономических наук.

¹ Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» от 21.12.2018 № 889.

² Там же.

³ Указ Президента Российской Федерации «О досрочном прекращении полномочий Губернатора Нижегородской области» от 26.09.2017 № 441.

⁴ Там же.

⁵ Указ Губернатора Нижегородской области «О вступлении в должность Губернатора Нижегородской области» от 26.09.2018 № 127.

В 2018 г. по предложению Г.С. Никитина был создан Совет по стратегии развития¹. В состав Совета вошли представители законодательной и исполнительной власти региона, а также образования, науки и бизнеса.

Впервые в истории региона проект Стратегии проходил общественное обсуждение, в котором приняли участие представители всех районов области. В процессе обсуждений документ наполнился новыми инициативами и предложениями, которые касались таких важных отраслей, как здравоохранение, образование, комфортная среда проживания, безопасность, демография, молодежная политика и многих других.

Новая Стратегия – Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года – была утверждена в декабре 2018 года². В отличие от предыдущих стратегий, при её разработке активно применялся проектный подход с применением системы индикативных оценок.

Прогноз ключевых экономических показателей Стратегии -2035 представлен на рис. 4³.

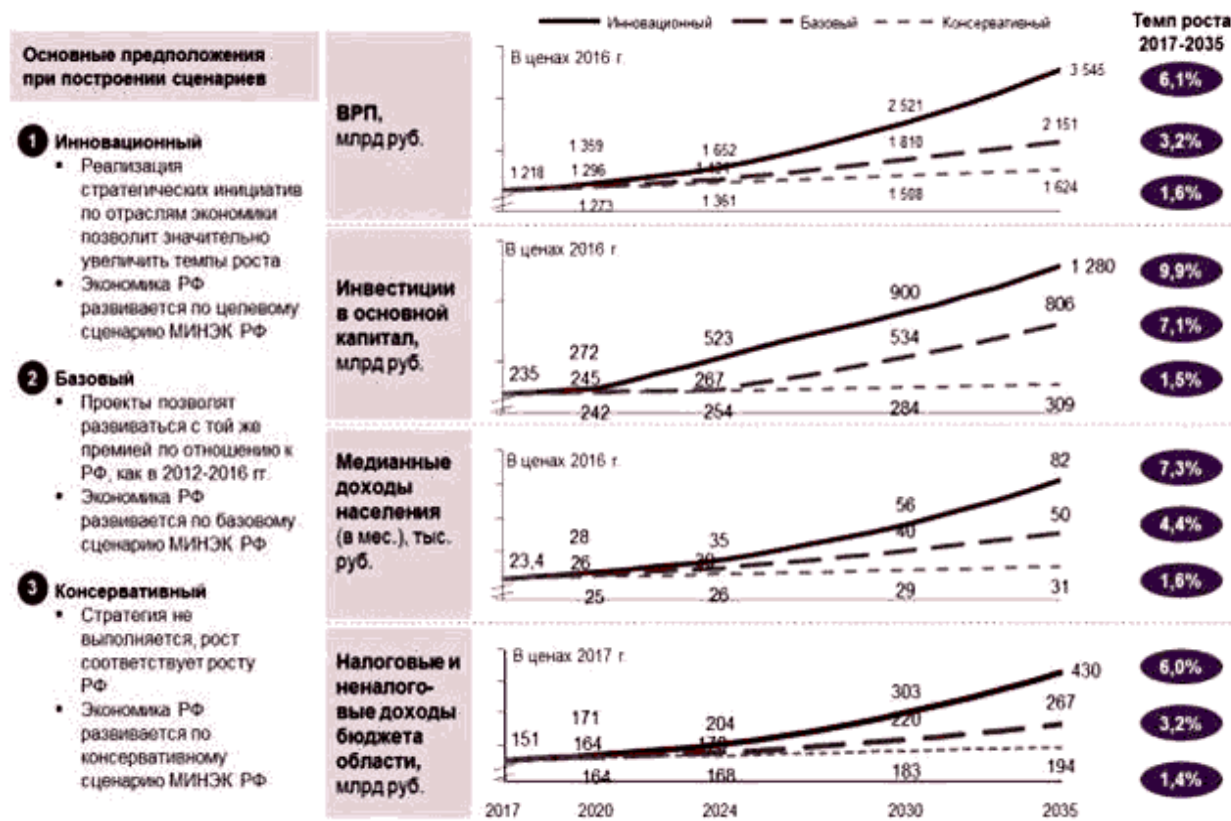

Рисунок 4.
Прогноз ключевых показателей Стратегии 2035

В целом следует отметить, что новые стратегии социально-экономического развития Нижегородской области уже не имели такого резонансного звучания как первая стратегия – «Нижегородский пролог», и ни одна из стратегий после «Нижегородского пролога» не была реализована полностью из-за частой смены губернаторов (кроме периода правления В.П. Шанцева), а также отсутствия должной поддержки со стороны бизнеса и гражданского общества.

Данные по другим одиннадцати субъектам Российской Федерации, входящим в ПФО, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Главы субъектов ПФО и региональные стратегии

Субъект ПФО	Глава субъекта	Дата вступления в должность / Срок полномочий	Предшественники. Срок полномочий	Дата утверждения региональных стратегий
Республика Башкортостан	Хабиров Радий Фаритович	11.10.2018 (врио).	Рахимов Муртаза Губайдуллович (25.12.1993–15.07.2010). Хамитов Рустэм Закиевич (20.07.2010–31.12.2014; 01.01.2015–11.10.2018)	29.12.2006 «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2020 года». 20.12.2018 «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года».

¹ Постановление Правительства Нижегородской области «О создании Совета по Стратегии развития и инвестициям при Губернаторе Нижегородской области» от 04.07.2018 № 490.

² Постановление Правительства Нижегородской области «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года» от 21.12.2018 № 889.

³ Там же.

Республика Марий Эл	Евстифеев Александр Александрович	21.09.2017/ 2022 г.	Маркелов Леонид Игоревич 17.01.2001–06.04.2017	31.08.2007 «Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Республики Марий Эл». 17.01.2018 «Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года».
Республика Мордовия	Волков Владимир Дмитриевич	14.05.2012/ 2022 г.	Меркушкин Николай Иванович (22.09.1995–10.05.2012)	01.10.2008 «Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года». Внесены изменения 19.06.2017
Удмуртская Республика	Бречалов Александр Владимирович	18.09.2017/ 2022 г.	Волков А.А. (03.11.2000–19.02.2014). Соловьев Александр Васильевич (22.09.2014–04.04.2017)	Программы СЭР УР на периоды: 2001-2004 гг.; 2005–2009 г.; 2010–2014 гг. 09.10.2009 «Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года». Редакции Стратегии: 10.04.2015, 08.12.2016, 25.12.2018
Чувашская Республика	Игнатьев Михаил Васильевич	29.08.2010/ 2020 г.	Фёдоров Николай Васильевич (21.01.1994-29.08.2010)	04.06.2007 «Стратегия социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года». 27.06.2018 «Стратегия социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 года».
Кировская область	Васильев Игорь Владимирович	19.09.2017/ 2022 г.	Сергеенков Владимир Нилович (20.10.1996–18.01.2004). Шаклеин Николай Иванович (14.01.2004–14.01.2009). Белых Никита Юрьевич (15.01.2009–28.07.2016)	12.08.2008 «Стратегия социально-экономического развития региона до 2020 года».
Оренбургская область	Паслер Денис Владимирович	21.02.2019 (как и.о.).	Елагин Владимир Васильевич (24.10.1991–29.12.1999). Чернышёв Алексей Андреевич (29.12.1999–15.06.2010). Берг Юрий Александрович (15.06.2010-21.03.2019)	20.08.2010 «Стратегия развития Оренбургской области до 2020 года и на период до 2030 года».
Пензенская область	Белозерцев Иван Александрович	25.05.2015/ 2020 г.	Бочкарев Василий Кузьмич (02.06.1998–25.05.2015)	04.09.2007 «Стратегия социально-экономического развития Пензенской области на долгосрочную перспективу (до 2030 года) [12 редакций, последняя от 11.07.2016]. 30.04.2019 «Стратегия социально-экономического развития Пензенской области до 2035 года».
Самарская область	Азаров Дмитрий Игоревич	25.09.2017– 17.09.2018/ 2023 г.	Титов Константин Алексеевич (31.08.1991–27.08.2007). Артяков Владимир Владимирович (29.08.2007–10.05.2012). Меркушкин Николай Иванович 12.05.2012–25.09.2017)	09.10.2006 «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2020 года». 12.07.2017 «Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года».
Саратовская область	Радаев Валерий Васильевич	05.04.2012/ 2022 г.	Аяцков Дмитрий Фёдорович (01.09.1996-02.04.2005). Ипатов Павел Леонидович (03.04.2005-23.03.2012)	11.08.2011 «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года». 18.07.2012 «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2025 года». 30.06.2016 «Стратегия социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года» (изм. от 29.05.2019).
Ульяновская область	Морозов Сергей	26.12.2004/ 2021 г.	Горячев Юрий Фролович (09.01.1992–06.01.2001). Шаманов Владимир Анатольевич (06.01.2001–22.11.2004)	13.07.2015 «Стратегия социально-экономического развития Ульяновской области до 2030 года» (изм. от 08.08.2017)

Как показывает проведенный биографический анализ и данные из табл. 1, из 14 действующих глав субъектов ПФО имеют срок пребывания на посту губернатора: менее 3-х лет – 8 (восемь), 4 года – 1 (один), 7 лет–9 лет – 4 (четыре), 15 лет – 1 (один). Их предшественники возглавляли регионы: 3–5 лет – 4 (четыре); 7–9 лет – 4 (четыре), более 10 лет – 6 (шестеро). В среднем новые главы регионов на 12–13 лет моложе своих предшественников. Причем большинство из вновь назначенных глав регионов начинали реализовывать свои стратегии или существенно корректировать старые, опираясь на новые подходы, привлечение внешних экспертов и более широкие слои населения виде целевых групп.

Анализ также показал, что в настоящее время обновление стало комплексной кадровой политикой, отличающейся:

- подбором кандидатов под приоритетные задачи по компетенциям;
- ориентацией на кадры с широким комплексом управленческих компетенций, опытом управления в различных сферах – муниципальном, региональном, федеральном и корпоративном управлении;
- развитием кадрового потенциала назначенцев, постоянным повышением квалификации, в том числе в сфере публичной политики, на базе Высшей школы государственного управления, объединившей усилия лучших российских школ корпоративного, государственного и муниципального управления;
- реализацией принципов ротации; привлечением качественных кадров из корпоративного управления – принцип «крутящихся дверей».

При этом нельзя сказать, что выдвигаемые кандидаты преимущественно «варяги»: они чаще имеют непосредственную связь с регионом по рождению, опыту работы и т.д. Одним из магистральных направлений комплексной кадровой политики становится продвижение перспективных лидеров из регионов: их привлечение на федеральную государственную службу, накопление ими связей, опыта и веса, с последующим возвращением в регион. Одним из преимуществ такой модели становится не вовлеченность новых руководителей регионов в конфликтные отношения, клановые и экономические интересы внутри местной элиты. Новое руководство оказывается в позиции арбитра, вне элитных раскладов¹.

Выводы. Как показали результаты ретроспективного исследования влияния личностного фактора глав регионов, успешность регионального стратегирования тесно связана со сроком пребывания у власти главы администрации и его предшественника, предыдущей должностью перед назначением на пост, характером передачи власти, наличием команды единомышленников, поддержкой из центра и знанием местных элит.

В то же время, современная эпоха характеризуется быстрыми и непредсказуемыми изменениями, и Россия, вовлеченная во многие глобальные процессы, сильно подвержена влиянию происходящих изменений. Это означает, что в условиях неопределенности необходимо как на федеральном, так и на уровне регионов вырабатывать адекватные механизмы реакции на внезапные негативные события, в том числе, механизмы мониторинга и коррекции региональных стратегий.

Проведенный анализ показал, что новое политическое поколение, выдвигаемое на посты руководителей регионов, демонстрирует ряд отличительных черт, способных быстро реагировать на внешние и внутренние вызовы, включая формирование и коррекцию стратегий.

Во-первых, это понимание высокой ценности образования и стремление к развитию. Для нового поколения региональных управленцев образование – не обязательное условие поступления на госслужбу и статусная вещь, а значимый инструмент. Сегодня в управление приходит поколение, готовое учиться, меняться и развиваться, привлекая к стратегированию современные подходы и технологии, передовую экспертизу. Большинство новых глав регионов – люди, характеризующиеся стремлением к развитию, повышению компетенций, качества своей работы. Региональные лидеры все чаще становятся драйверами развития.

Во-вторых, в команды глав регионов стали системно подбираться люди, уже имеющие разнообразный управленческий опыт, обладающие стратегическим мышлением и специальными компетенциями, способные обогащать практики государственного и муниципального управления корпоративными практиками, что является мировым трендом.

В-третьих, значительно выросло число людей с федеральным опытом в региональном руководстве, который позволяет им более легко интегрировать региональные проекты и стратегии в национальную стратегию развития. Федеральный опыт и связи позволяют эффективнее привлекать инвесторов и финансирование в развитие региона. В то же время за счет ротации и федерального опыта регион получает «свежий взгляд» и новый подход к решению проблем и к поиску точек роста.

Все эти выводы хорошо подтверждаются результатами анализа процессов стратегирования в Нижегородском регионе за более чем 25-летнюю историю.

¹ Обновление. Два года новой кадровой политики / ЭИСИ. – М., 2019.

Калиниченко Л.А.

д.соц.н., эксперт Правительства Московской области

ВЫБОР И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ И СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ: КРИТЕРИИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ЭКСПЕРТОВ

Ключевые слова: *ценностные приоритеты и цели регионов и муниципальных образований; критерии результативности деятельности власти и экспертов в России и за рубежом; ответственность органов власти и экспертов¹.*

Keywords: *value priorities and objectives of the regions and municipalities; the criteria for the performance of the authorities and experts in Russia and abroad; responsible authorities and experts.*

Основная проблема практики и науки государственного и муниципального управления – оценка населением России деятельности власти всех уровней и требования народа к государственному аппарату. Изучая эти проблемы, необходимо сопоставить данные России с компаративным анализом уровня и качества жизни населения других стран.

Ключевой фактор повышения уровня и качества жизни населения – эффективность деятельности власти. Эффективность деятельности власти – объективный показатель, который подлежит сравнительному анализу.

В настоящее время эффективность деятельности власти по повышению уровня и качества жизни граждан в регионах России, согласно анализу ООН (проводится по всем странам мира с 1990-х годов), оценивается на крайне низком уровне.

Научные методики повышения эффективности деятельности власти разрабатывались на основе современной теории управления, вклад в которую внесли научные школы государственного и муниципального управления различных стран мира. Значительный вклад в теорию и практику государственного и местного управления внесли отечественные ученые, особенно на рубеже 20–30 годов XX века.

Подробный анализ различных научных школ государственного и муниципального управления России и ведущих стран мира представлен в монографии автора².

Автор на практике мог анализировать и сравнивать российский и зарубежный опыт России, США и Франции в деле сотрудничества органов государственной и муниципальной власти и экспертного сообщества, бизнес-структур, профильных организаций системы образования, общественных организаций в решении ключевых проблем регионального и городского развития. И оценить эффективность этого сотрудничества.

В ходе многолетнего сотрудничества Российской академии государственной службы при Президенте РФ и всемирной организации ПРООН происходило изучение практики взаимодействия экспертного сообщества, органов государственной и муниципальной власти и управления, общественных организаций в регионах и городах. Автор изучал партнерство власти и НКО (некоммерческих организаций) в штате Иллинойс, в крупнейших городах США – Чикаго, Сент-Луис и в небольших городках типа Анна.

Автор участвовал в длительной программе по обмену опытом обучения и в тренингах государственных служащих Франции в профильных организациях системы образования (г. Лилль) и в филиале Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Саратов); в регионах Поволжья, в Ханты-Мансийском автономном округе и других регионах России.

Особое внимание уделялось анализу эффективности деятельности государственных и муниципальных служащих до и после обучения.

Сравнение успешных практик России, Франции и США по взаимодействию экспертного сообщества, органов государственной и муниципальной власти и управления, общественных организаций в решении ключевых проблем регионального и городского развития позволило сделать ключевой вывод для практики государственного и муниципального управления в современной России.

Эффективность сотрудничества государственной и местной власти, общественных организаций и научных экспертов определяется адекватностью определения приоритетов и целей деятельности государства, регионов, муниципальных образований.

¹ В ключевых словах представлены профессиональные интересы и приоритетные тематические направления сотрудничества автора с коллегами и заинтересованными организациями. Адрес автора: viktor2000spb@mail.ru

² См.: Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы. – М.: Изд-во РАГС, 2000.

Приоритеты и цели государства, регионов, муниципальных образований

Приоритеты – то, что является главным, к чему мы стремимся в жизни, ради чего жертвуем другим; это «горнее» в духовной терминологии. *У прогрессивных лидеров приоритеты всегда ценностны, всегда социальны, всегда духовны. Приоритеты рождаются в недрах народа, их выражают политические лидеры, которые хотят и могут реализовать приоритеты и продвинуть народ к их достижению.*

Приоритеты существуют на микро- и мегауровнях: у конкретных людей, у власти муниципальных образований, у социальных групп, у власти регионов и у государств. Если совпадают приоритеты большинства людей в стране, у ведущих социальных групп и у государства – государство модернизируется, делает резкий скачок в развитии, опережает в конкуренции другие государства.

Современное российское государство декларирует приоритет «сбережение народа». Приоритет «сбережение народа» недостаточен, потому что сбережение – это консервация. Логично встаёт вопрос: консервация для чего? Если сбережение для развития, тогда упор надо делать на развитие, но с максимальным сбережением сил народа.

Приоритеты – это перспективы развития личности, регионов и государства. Без дальних «горни» перспектив развитие невозможно. Если жить только повседневными бытовыми проблемами (как убрать мусор, покрасить забор, обустроить сквер и т.д.), то резко понижается уровень развития интеллектуально-духовных способностей личности, понижается человеческий потенциал государства.

Российский народ в настоящем резко негативно оценивает жизнь без государственного интеллектуально-культурного развития, без высоких целей. Поэтому новейшие социологические опросы в мае 2019 года показали рост симпатий большинства российских граждан к советскому периоду, когда людям показывали высокие идеалы и принимали напряженные программы развития экономики, здравоохранения, культуры и образования и т.д. Не подменяли долгосрочные стратегии подлинного роста разовыми проектами и акциями локальных масштабов, для элитных групп населения. Развитие экономики в СССР привело к созданию многих НИИ в сельском хозяйстве; к развитию медицинской отрасли, авиастроения, были построены не только аэропорты-гиганты, но и сотни районных аэродромов. Производились собственные качественные бытовые товары и др.

Долговременные всесоюзные программы обусловили наличие дворцов культуры в каждом городском районе, школ и домов культуры в каждом селе; рост библиотек и кружков творчества для всех ребят (а не для тех, кто может заплатить за развитие); массовый спорт и физкультуру и т.д.

В каких критериях и показателях в мире ученые предлагают оценивать приоритеты развития и сбережения народа в государстве, в муниципальных образованиях, в регионах?

Сбережение народа можно оценить по следующим критериям:

- критерии и показатели ожидаемой продолжительности жизни народа;
- критерии и показатели роста доходов, благосостояния работающих людей;
- критерии и показатели справедливости в оценке труда и соответственном распределении духовно-культурных и материальных благ.

В понятие справедливости входит мера ответственности персоналий и организаций за нарушение правил человеческого общежития, прав людей в распределении духовно-культурных и материальных благ, соблюдение законодательства и исполнение государством адекватных санкций.

Развитие народа можно оценить по следующим критериям:

- наличие государственных программ культурного развития населения;
- критерии и показатели роста подлинной культуры;
- критерии и показатели образования народа, в настоящее время уровень образованности народа оценивают по показателям качества и доступности высшего профессионального образования.

Роль и ответственность экспертов за выбор и реализацию целей регионов и муниципальных образований

Достижение приоритетов и целей зависит от того, как точно ученые-эксперты проведут анализ реальности, спрогнозируют пути достижения приоритетов и технологии деятельности, разработают критерии и показатели результативности и эффективности управления. Это – работа экспертов.

Как определить качество экспертизы и профессионализм экспертов?¹

Нередко качество экспертизы и профессионализм экспертов в России оценивают «методом тыка» в конце пути – когда уже получен некий результат проекта – позитивный или негативный. Но это не научный путь.

Научное сообщество в мире определило основные пути достижения качественной экспертизы:

- конкуренция экспертов;
- открытость, публичность экспертизы;
- персональная ответственность экспертов за качество экспертизы.

Ответственность экспертов за качество экспертизы определяется следующими факторами:

¹ Kalinichenko L.A., Adamskaya L.V. Legislation on the independent review of public service: the analysis of practice of use and perspectives in Russia // Proceedings of the 2nd International Academic Conference Applied and Fundamental Studies hosted by the Publishing House «Science and Innovation Center», and the International Journal of Advanced Studies. March 8-10, 2013. St. Louis, Missouri, USA. – Vol. 2. – P. 189–195.

- публичность представленной экспертизы с указанием персоналий, проводивших экспертизу;
- открытость для обсуждения и критики.

Конкуренция экспертов необходима как на личном уровне, так и на уровне экспертных организаций. В атмосфере постоянного состязания за возможность проведения экспертизы оттачивается профессионализм, укрепляется чувство профессиональной чести и ответственности.

Нередко научная экспертиза подменяется формальным актом наукообразного вида. Иногда экспертизы проводят непрофильные специалисты с «громкими» званиями и длинным послужным списком участия в формальных экспертизах. Часто раскрученные бренды известных организаций привлекают организаторов проектов, которым сложно разобраться в глубине и качестве экспертизы. Зачастую у организаторов проектов модернизации управления отсутствует необходимость в подлинной экспертизе, а необходимы лишь «громкие» известные имена экспертов.

Справиться с этими проблемами поможет публичность экспертизы с указанием персоналий и организаций, проводивших экспертизу в сфере государственного и муниципального управления. Открытость выводов ученых относительно проблем в регионах и муниципалитетах станет почвой для дискуссии общественных организаций и выработки окончательных решений.

Закрепляет профессионализм экспертов персональная ответственность за качество экспертизы.

Виды ответственности экспертов в сфере государственного и муниципального управления:

- моральная: признание ошибок и исправление;
- административная – отстранение от проведения экспертизы;
- материально-финансовая ответственность научных организаций за качество экспертизы рассчитывается, исходя из ущерба и упущенной выгоды нереализованных интересов от некачественной экспертизы.

Ответственность экспертов и санкции за некачественные экспертизы в сфере государственного и муниципального управления должны быть закреплены законодательно.

Выбор и реализация стратегий регионов и муниципальных образований: критерии результативности и ответственность органов власти и экспертов

Ранее мы определили пути выбора приоритетов развития регионов и муниципальных образований России.

Необходимо точно определить управленческие цели, критерии и показатели результативности и эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления.

Чем отличается результативность от эффективности?

Результативность – это соотношение планируемых целей и полученного результата.

Эффективность – это стоимость результата. Соотношение планируемых целей, полученного результата и того, какие затраты и ресурсы использовали управленцы для получения результата. Стоил того результат или цена оказалась слишком высокой?

Цели – стоят во главе стратегий по достижению приоритетов.

Если приоритеты всегда ценностны, всегда социальные, всегда духовны, то цели имеют иной характер.

Цели и стратегии материальны, экономичны, достижимы. Цели в современном мире научно обоснованы.

Цели реализуют профессионально подготовленные специалисты, организованные в аппарат реализации целей. Это органы государственного и муниципального управления. Исполнительные органы не должны выработать приоритеты-ценности, они должны разрабатывать стратегию с конкретными целями и тактику по их реализации.

Технологии формирования региональных приоритетов и технологии разработки практических стратегий муниципальных образований научно обоснованы, апробированы в регионах России и представлены по шагам в книгах автора¹.

Практически апробация технологии разработки стратегий муниципальных образований проходила в ходе тренингов «Взаимодействие муниципальной власти и бизнеса», «Эффективная местная администрация», которые были подготовлены Муниципальным центром Академии менеджмента и рынка (руководитель Муниципального центра – Л.А. Калининченко). Научно-практические управленческие тренинги были проведены для глав муниципальных образований и руководителей структурных подразделений в Екатеринбурге, в Томской, Ульяновской, Нижегородской, Астраханской, Воронежской, Самарской, Кемеровской областях; в Республике Коми, Карелии, Подмосковье и других регионах России.

Успешно апробирован на научно-практических тренингах курс «Профессиональный управляющий местной администрации», который был разработан автором в соответствии с новым законодательством России о местном самоуправлении. Тренинги проводились на базе аппарата Комитета Государственной Думы по местному самоуправлению, Ассоциации малых и средних городов России. На тренинги были направлены депутаты местных советов, главы и руководители подразделений местных администраций из муниципальных образований Братска, Сургута, Гатчины, Казани, Ступино, Ангарска, Тамбова и других городов России.

Стратегия муниципальных образований определяет точки роста в муниципалитетах и в регионах.

Технология стратегического планирования, разработанная авторским коллективом и скорректированная во взаимодействии с главами администраций, включает:

¹ См.: Калининченко Л.А. Муниципальное управление: организационные основы. – М.: Логос, 2001; Калининченко Л.А. Профессиональная муниципальная служба. – М.: Изд-во РГСУ, 2007; Калининченко Л.А., Адамская Л.В. Местная администрация. – М., 2018.

- практические шаги последовательной разработки стратегического плана развития муниципального образования;
- определение структуры и содержания стратегического плана социально-экономического развития муниципального образования.

Стратегии разрабатываются на основе анализа муниципальных образований, понимания их уникальности, отличия от других муниципальных образований.

Анализ уровня и качества жизни населения муниципальных образований включает:

- анализ правовой базы разработки стратегических планов муниципальных образований в РФ.

SWOT – анализ муниципального образования:

- Социальный потенциал;
- Природно-ресурсный потенциал
- Финансово-экономический потенциал
- Кадровый потенциал

Формулировка миссии муниципального образования:

- Узловые зоны и стратегические направления развития.
- Программы и проекты стратегического плана.

Ресурсное обеспечение и источники привлечения финансов для реализации стратегического плана и механизмы их использования.

Управление реализацией Стратегического плана муниципального образования:

- Разработка схемы управления в муниципальном образовании в соответствии со стратегическим планом.
- Реорганизация муниципальной администрации для выполнения плана.
- Создание системы обратной связи муниципальной власти, НКО и предпринимательства.
- Контроль выполнения стратегического плана.

Таким образом, выбор и реализация приоритетов и стратегий развития регионов и муниципальных образований России определяется, во-первых, политической волей избранных депутатов, их адекватностью надеждам избравших людей. Второй ключевой фактор – профессионализм и профессиональная честь государственных и муниципальных служащих и научных экспертов. А народ судит о качестве работы власти и экспертов по повышению (или понижению) уровня и качества жизни.

Коданева С.И.

к.ю.н., с.н.с. ИНИОН РАН
kodanevas@gmail.com

РАЗРАБОТКИ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ: ОЖИДАНИЯ И РИСКИ

Ключевые слова: цифровая экономика, искусственный интеллект, качество управления.

В последнее десятилетие наблюдается беспрецедентный рост анализа данных и алгоритмов в финансовом секторе, частной жизни и в государственной политике. Это обусловлено растущими требованиями к управлению сложностью современного общества, наличием огромного количества информации, генерируемой повсеместным использованием инновационных устройств, поддерживаемых Интернетом, и значительным ростом вычислительных мощностей. Финансовые институты используют большие данные для оценки структуры транзакций и рисков клиентов; компании электронной коммерции используют подходы, основанные на данных, для создания автоматизированных систем, которые рекомендуют продукты, музыку и услуги пользователям; фитнес-трекеры отслеживают личные данные о здоровье, обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство также могут использовать такие новые методы для повышения эффективности и производительности.

Фактически, сегодня активное и грамотное использование цифровых технологий и, прежде всего, аналитики больших данных и искусственного интеллекта является основой конкурентоспособности не только частных компаний, но и государств.

Об этом говорит в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2019 года Президент Российской Федерации В.В. Путин: «для того чтобы выйти на высокие темпы роста, нужно решить системные проблемы в экономике... Первое – это опережающий темп роста производительности труда, прежде всего на основе новых технологий и цифровизации, формирование конкурентоспособных отраслей и как результат – увеличение несырьевого экспорта более чем в полтора раза за шесть лет» [1].

Осознание важности разработки и внедрения самых передовых цифровых технологий во все отрасли хозяйства и сферы государственного управления нашло отражение в ключевых документах стратегического планирования Российской Федерации, а также в национальном проекте «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которого уже сегодня стремительно меняется нормативная база, направленная на стимулирование развития и активного внедрения цифровых технологий, начиная от придания статуса имущества цифровым активам и регламентации оборота криптовалют, и заканчивая цифровизацией государственного управления (включая, унификацию правил обращения в суды в электронной форме, допустимость электронных доказательств, дистанционное участие в судебном заседании, изготовление нотариальных документов в электронной форме и дистанционное совершение нотариальных действий, а также переход к электронным трудовым книжкам). Но наиболее существенным и небесспорным является активно обсуждаемое сегодня использование цифровых технологий и, в особенности, искусственного интеллекта непосредственно в процессе реализации государственных полномочий, например, при подготовке законодательных и иных нормативных актов. Предполагается, что использование искусственного интеллекта при подготовке законопроектов сделает нормотворческий процесс «умным», что повысит качество принимаемых законов, а нормативную среду сделает более благоприятной, что, соответственно, сократит издержки бизнеса, связанные с преодолением административных барьеров и контрольной (надзорной) деятельностью государственных органов. Кроме того, сам процесс нормотворчества станет более прозрачным, что повысит уровень подотчетности государства перед своими гражданами.

Следует признать, что в этом отношении западные страны, в частности, страны Европы, уже сегодня шагнули значительно дальше России. Так, в Европе предметом научных дискуссий является вопрос о персонализации частного права с помощью искусственного интеллекта и аналитики больших данных. Цель такой персонализации – адаптация правовых норм к индивидуальным особенностям. Например, посредством анализа цифрового следа человека, определять степень рациональности принимаемых им потребительских решений и в зависимости от этого нормативно устанавливать для него максимальные ограничения по овердрафту, требования к уровню информирования его как потенциального инвестора и т.д. [2].

Что касается США, то эта страна является лидером в разработке и внедрении новых цифровых технологий не только в сфере бизнеса, но и в государственном управлении.

Соответственно, принимая решение о внедрении новых технологий, таких как искусственный интеллект, в различные сферы частной жизни и государственного управления России необходимо изучать уже имеющийся зарубежный опыт, с тем чтобы минимизировать выявившиеся риски.

Так, если обратиться к изложенному выше тезису о том, что использование искусственного интеллекта при разработке нормативных актов повысит их качество, то следует признать, что данный тезис сегодня становится все более популярным в самых разных сферах, требующих принятия решений на основе аналитических данных, поскольку

ку считается, что алгоритмы позволят повысить качество анализа, а также избежать субъективности при принятии решений.

Действительно, когда речь идет о финансовой аналитике и, например, игре на бирже, то алгоритмы лучше и оперативнее человека могут принимать решения на основании заложенных в них данных.

Однако, в тех сферах, где принимаемые решения могут касаться судьбы человека, преимущества искусственного интеллекта становятся менее очевидными. Так, в зарубежной практике все шире используются возможности алгоритмов при выполнении антимонопольной и полицейской функций, что, по сути, меняет сам метод государственного управления, превращая органы власти в «планшетных чиновников» [3, с. 1083], все более зависимых от гаджетов и менее самостоятельных в принятии решений.

При этом нельзя забывать о важной особенности искусственного интеллекта. Действительно, сам по себе алгоритм не способен принимать «субъективные» решения, однако качество его решений зависит от того, каким образом он спроектирован, и какие данные в него внесены. Кроме того, сложные самообучающиеся алгоритмы изучают взаимосвязь между различной информацией и заложенными в них образцами поведения через многослойную структуру и разрабатывают свои собственные правила принятия решений, которые обычно не понятны людям, что создает эффект «черного ящика».

Эта особенность искусственного интеллекта имеет два очень важных последствия, которые ярко проявились в деле «Государство против Лумаса», когда преступник, заключивший сделку со следствием и рассчитывавший на условный срок, был приговорен к 6 годам тюремного заключения и 5 годам строгого надзора на основании заключения автоматизированной системы COMPAS о его склонности к рецидиву.

В этом деле интересно то, что использованная система, во-первых, не вполне соответствует целям принятия решений в уголовном судопроизводстве (она смоделирована для исполнительной системы, т.е. для рассмотрения вопроса о возможности досрочного освобождения, кроме того, она способна идентифицировать группы правонарушителей высокого риска, но не может оценить риск рецидива отдельного человека), во-вторых, уровень достоверности отчетов данного алгоритма был поставлен под сомнение рядом исследователей, которые отмечали, что оценки COMPAS совпали с реальным рецидивом только в 20% случаев; и, наконец, в-третьих, эта система принадлежит частной фирме, которая отказалась раскрывать механизм работы алгоритма, что превратило его в «черный ящик» и не позволило понять, на основании чего было сформировано именно такое заключение [4].

Обвиняемый в попытке оспорить решение суда дошел до Верховного суда штата, который отказал в удовлетворении его жалобы, несмотря на указанные «пороки» достоверности заключения алгоритма, но отметил, что автоматизированные системы не должны быть единственным обоснованием принимаемого решения.

Этот пример является наглядной демонстрацией серьезного риска, стоящего перед нашим обществом. Риска преклонения перед алгоритмами и чрезмерного доверия к результатам их работы.

Действительно, даже если предположить, что судья не будет опираться исключительно на заключение COMPAS, очевидно, что, ознакомившись с этим заключением, он уже не сможет быть объективным при вынесении своего решения, зная, что преступнику присвоена высокая категория риска. Это вполне естественный психический механизм «якоря».

Кроме того, сам Верховный суд продемонстрировал еще одну психологическую особенность человека. В обычных ситуациях любой отход от установленного процессуального порядка (например, от требования вынесения приговора только на основании точной и достоверной информации, а также право обвиняемого обжаловать аргументы, которые легли в основу приговора) должен включить механизм контроля и пересмотра решения.

Однако когда такой отход связан с применением современной технологии, он может быть расценен как незначительный или вообще остаться без внимания из-за тенденции относиться к технологии с чрезмерным доверием.

Риски, проявившиеся в данном деле, актуальны и для других сфер государственного управления, где уже применяется или будет в будущем использоваться искусственный интеллект, поскольку возникает вопрос, кто в реальности принимает решения – чиновники или программы, на которые они полагаются и которые разрабатываются частными компаниями для получения прибыли? Не сложится ли ситуация, когда реальной властью будут обладать не органы власти государства, а разработчики алгоритмов? Ведь давно известно, что при создании эксплуатационных параметров разработчики закладывают в них «желаемые результаты», которые привилегируют одни ценности и интересы над другими.

Таким образом, принимая решение об использовании искусственного интеллекта в управлении, необходимо отдавать себе отчет в риске «делегирования» управленческих функций алгоритму, а следовательно, в риске фактической передачи управления его разработчику.

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации В.В.Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 20.02.19 г. // Официальный сетевой ресурс Президента Российской Федерации. – <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>
2. Hacker Ph. Personalizing EU private law: from disclosures to nudges and mandates // European review of private law. 2017. – N 3. – P 651–678.
3. McGregor L. Accountability for governance choices in artificial intelligence: afterword to Eyal Benvenisti's foreword // The european journal of international law. 2018. – Vol. 29, N 4. – P. 1079–1085.
4. Beyond State v Loomis: artificial intelligence, government algorithmization and accountability / Liu H. e. a. // International journal of law and information technology. 2019. – <http://doi: 10.1093/ijlit/eaz001>

Кольба А.И.

д.полит.н., доцент, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, Краснодар

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ: КОНТУРЫ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Ключевые слова: городские агломерации, политико-административное управление, качество управления.

Создание агломераций становится одним из основных трендов социально-экономического развития на современном этапе. Значительная часть исследователей и экспертов рассматривает их возникновение как закономерный процесс, связанный с обострением мировой конкуренции. В России также наблюдается тенденция к образованию агломераций, значение и способы развития которых становятся предметом активных дискуссий (в частности, эта тема была одной из ключевых на Петербургском международном экономическом форуме в 2017 и 2018 гг.). В центре внимания как экспертов, исследователей, так и управленческих структур, призванных руководить их развитием, как правило, находятся вопросы, связанные с построением хозяйственных связей объединяемых территорий (транспортная инфраструктура, распределение трудовых ресурсов и др.). Однако сравнительно редко их интерес фокусируется на проблемах публичного управления данными процессами, формирования социальных смыслов жизни новых образований, преодоления существующих противоречий и конфликтов. Между тем проблемы такого характера, как показывает зарубежная и российская практика, препятствуют достижению синергетического эффекта и использования ресурсов в рамках агломераций. Следовательно, необходима разработка механизмов и технологий повышения эффективности использования политико-административных ресурсов публичного управления процессом интеграции объединяемой территории. Решение научных задач в этой области, на наш взгляд, связано с определением предметного поля исследований и его состояния на данный момент.

По мнению Р.В. Евстифеева, понятие политико-административного фокусирует внимание прежде всего, на взаимодействии государства и общества, на необходимости интеракций не только внутри самой системы государственного управления, но и между системой и окружающей ее средой². Как отмечает О.Ф. Шабров, особенность политико-административного управления состоит в том, что оно реализуется в политизированной общественной среде³. Его динамика определяется двумя факторами: научно-техническое развитие и политический процесс⁴. Таким образом, исходя из выделенных особенностей дефиниции базового понятия, можно отметить необходимость объединять в управленческой деятельности смыслы и ценности, которые производит общество, и конкретные задачи, постановка которых находится в компетенции административных структур. С точки зрения развития городских агломераций это положение представляется принципиально важным, т.к. зачастую при его планировании преобладает пространственно-экономический подход. Как сами планировщики, так и исследователи агломераций в первую очередь сосредотачивают внимание на размещении экономических ресурсов, транспортных потоках, логистических процессах и других подобных аспектах. В данном контексте управленческая деятельность сводится к администрированию. При этом за пределами планирования и реализации планов остаются такие составляющие развития, как восприятие процессов создания агломерации различными сегментами населения входящих в неё субъектов, их интересы (не только объективные, но и субъективно осознаваемые). Их игнорирование приводит к сужению ресурсной базы развития (прежде всего за счёт снижения роли нематериальных ресурсов), а также является рискогенным фактором, повышающим уровень конфликтности.

Ещё один срез проблем развития агломераций связан с формированием новых моделей управления развитием. Поскольку большинство агломераций в системе политико-управленческих координат составляют предмет интереса как местных, так и региональных властей, между ними должно быть налажено взаимодействие по широкому спектру вопросов. Отношения между уровнями власти традиционно развиваются в рамках иерархической модели. При этом взаимодействие с различными сегментами местных сообществ, с акторами городского развития требует выстраивания сетевой модели. Различия между их структурами хорошо известны⁵. В контексте исследуемой проблематики они свя-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-411-230022 «Политико-административные ресурсы публичного управления социально-экономическим развитием Краснодарской агломерации».

² Евстифеев Р.В. Политико-административные преобразования в контексте глобальных вызовов: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и тенденции развития: дис. ... д. пол. н. – М., 2011. – С. 12.

³ Шабров О.Ф. Политико-административное управление в Российской Федерации: состояние и актуальные проблемы // Власть. – М., 2004. – № 11. – С. 10.

⁴ Жирнов Н. Ф. Политико-административное управление: инновационные аспекты // Власть. – М., 2007. – № 7. – С. 14.

⁵ См., например: Börzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. 1998. – Vol. 5, N 2.

заны прежде всего с механизмами принятия решений. Вовлечение в процесс их разработки и реализации множества независимых акторов, с одной стороны, расширяет политико-административные ресурсы управления, с другой, приводит к усложнению управленческой структуры (с учётом того, что сети и иерархии должны каким-то образом контактировать друг с другом, а в идеале – дополнять друг друга). Выстраивание этой сложной системы также возможно лишь путём широкого использования механизмов публичного управления.

Поскольку при исследовании политико-административного управления агломерациями речь идёт о пространственном развитии, уместно вспомнить определение города как генератора потоков информации, данное М. Кастельсом. При этом в крупных городах и прилегающих к ним пространствах логика «пространства потоков» вступает в конфликт с логикой «пространства мест»¹. Агломерации, центрами которых становятся такие города, в полной мере ощущают на себе наличие данного конфликта, тем более что культурные и социальные составляющие их развития, по Кастельсу, осмысливаются в локальном масштабе, тогда как власть определяется в потоковых терминах. Преодоление данного противоречия при втягивании в агломерацию небольших муниципалитетов также требует использования значительных политико-административных ресурсов.

Политические и социальные аспекты управления развитием городов в первую очередь выражаются в активизации деятельности местных сообществ и вовлечении различных акторов городского развития в переговорный процесс². Агломерация, как и город, представляет собой переговорное пространство. Чем выше уровень внутренней социальной и экономической неоднородности, тем острее необходимость в его функционировании. Можно сказать, по аналогии с Д. Харви, что субъекты развития будут отстаивать свое «право на агломерацию», на реализацию своего видения распределения благ и недостатков её жизнедеятельности. Таким образом, необходимо исследовать институциональные и технологические возможности организации переговоров различного типа, которые, по сути, должны происходить в непрерывном режиме. Однако если в городе, хотя бы теоретически, существуют политические структуры, в рамках которых данная идея может быть реализована, то в агломерации их необходимо специально формировать, что является ещё одним полем приложения политико-административных ресурсов.

Ситуация усложняется, если агломерация охватывает два и более территориально-административных субъекта (из российских можно назвать Краснодарскую агломерацию). В таком формате переговорный процесс приобретает многоуровневый и перекрестный характер. Иначе говоря, переговоры должны вестись между властными структурами одного уровня, разных уровней, между властью и сообществами, между сообществами «по горизонтали» и т.д. В данной ситуации логично предположить возникновение многочисленных переговорных полей ad hoc, однако параметры их деятельности, очевидно, будут задаваться в порядке политического администрирования. Сложность ситуации заключается в том, что региональные власти, обладая формально равными полномочиями и ресурсами, могут вступить в конфронтацию по вопросам преимуществ, которые получают субъекты и их элиты в процессе развития агломерации. Для Краснодарской агломерации таким вопросом, к примеру, является строительство коммуникаций через реку Кубань, по которой проходит граница между Краснодарским краем и Республикой Адыгея.

Обобщая вышеизложенное, хотелось бы предложить своё видение предметного поля исследований политико-административного управления процессами развития городских агломераций. В первом приближении оно должно включать в себя следующие проблемы:

1. Организацию структур политико-административного управления, имеющих надмуниципальный характер. Возможно их создание по аналогии с «комиссиями по координации», действующими в системе германского федерализма, в которых принимали бы участие представители муниципальных и региональных структур.

2. Управление символической политикой агломерации, формированием идентичности, «производством смыслов».

3. Организацию сетевых взаимодействий, вовлечение в процессы принятия решений заинтересованных сторон, стыковка «вертикальных» и «горизонтальных» структур управления.

4. Управление конфликтами, возникающими в процессе развития агломерации, их институционализация, придание им позитивно-функционального характера.

5. Создание переговорного пространства и инициирование перманентных процессов разноуровневых переговоров с участием основных акторов развития агломерации, включая различные сегменты элиты, локальные сообщества, бизнес-структуры, экспертов и т.д.

Неинституциональный подход как теоретико-методологическая основа исследований даёт широкие возможности для анализа указанных проблем, позволяя учитывать как формальные, так и неформальные параметры взаимодействия акторов развития. Исследование ряда из них также возможно на основе конфликтологической парадигмы и теории политических сетей.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php

² Метелева Е.Р. Развитие городов в условиях глобализации: монография. – Новосибирск: Сибпринт, 2010. – С. 30.

Крюкова О.С.

д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств, факультет искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: культура России, культурная политика, региональная культурная политика, регион, культурное наследие.

Keywords: culture of Russia, cultural policy, regional cultural policy, region, cultural heritage.

Типология культурной политики основывается на разграничении ее масштаба (внешняя и внутренняя) и степени участия государства (государственная и негосударственная). По административному принципу выделяют федеральный, региональный и муниципальный уровень культурной политики. Культурная политика в нашей стране исторически «носила достаточно централизованный характер» [7, с. 150], однако в XXI в. Россия постепенно переходит от «единой федеральной модели культурной политики к региональной» [7, с. 151]. «Региональная культурная политика формируется на основе государственной культурной политики с учетом этнонациональных, исторических, географических, социально-экономических и др. условий конкретного региона» [8, с. 10]. Она основана на принципе территориального и социального равенства граждан, провозглашенном в Основах государственной культурной политики (2014) [1].

Исторически сложившееся этнокультурное разнообразие и различие природно-географических факторов приводит к появлению субкультур внутри национальной культуры, что является фактором регионализации государственной культурной политики. Регионализация в данном случае – это объективный процесс, она базируется «с одной стороны, на комплексном использовании культурного потенциала территории для более эффективного управления региональным развитием, а с другой стороны, заключающуюся в выстраивании взаимоотношений между федеральными и региональными уровнями управления, учреждениями культуры и населением для обеспечения взаимосвязи культурного и экономического развития региона» [10, с. 32].

Государственная культурная политика реализуется при помощи федеральных целевых программ, а уровень региональной культурной политики представлен региональными целевыми программами в области культуры, направленными на «сохранение материального и нематериального культурного наследия конкретного региона, развитие творческого потенциала населения, в том числе детей и молодежи» [8, с. 10]. Муниципальная культурная политика в основном решает более частные задачи: «организация и регламентация работы государственных учреждений культуры, находящихся на муниципальном бюджете, сохранение культурного наследия, художественно-эстетическое развитие детей и молодежи, подготовка и проведение праздничных мероприятий, формирование новых культурных практик и развитие культурных технологий, необходимых для позитивной динамики социокультурного пространства» [8, с. 11].

Приоритеты государственной культурной политики РФ, в том числе и региональной культурной политики, отражены в документе стратегического планирования – Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года от 29 февраля 2016 г. (далее – Стратегии) [2]. Этому документу предшествовали Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 [1].

В Стратегии проанализировано состояние и основные проблемы государственной культурной политики (пп. 2.1.). Стратегия, отталкиваясь от частных региональных проблем развития культуры, указывает на общие тенденции и предлагает несколько сценариев реализации Основ государственной культурной политики и Стратегии.

В качестве негативных тенденций региональной культурной политики в Стратегии указаны следующие. Это прежде всего сокращение количества библиотек: «Сократилось количество библиотек, что обусловлено снижением численности населения, в том числе населения, проживающего в сельской местности, распространением домашних форм проведения досуга, развитием информационно-коммуникационных технологий, а также процессами оптимизации бюджетной сети в рамках проведения реформы бюджетного сектора» [2, с. 5]. За бюрократическими эвфемизмами в этой фразе скрывается закрытие сельских библиотек, сокращение их финансирования, а также уменьшение количества активных читателей. Нивелировать эту негативную тенденцию, по-видимому, сможет только негосударственная культурная политика или государственно-частное партнерство. В настоящее время реализуется библиотечный проект Фонда Михаила Прохорова.

В Стратегии отмечается высокий потенциал культуры для формирования гражданской идентичности и обеспечения «единства российской нации» [2, с. 11]. В то же время указано, что «региональные диспропорции в доступе к услугам, в расходах на культуру, в инфраструктурном развитии также формируют риски для сохранения единства культурного пространства» [2, с. 12]. Региональные диспропорции в культуре связаны с наличием или отсутствием

учреждений культуры, кадровыми и образовательными диспропорциями. Так, в Стратегии отмечается, что «не все регионы Российской Федерации соответствуют социальным нормативам и нормам обеспеченности населения организациями культуры по их видам» [2, с. 13]. Так, например, в 33 из 165 городов РФ театров нет вообще, а «показатели посещений музеев на 1000 жителей в ряде регионов в 50 раз ниже аналогичного показателя столичных городов» [2, с. 13]. Диспропорции в обеспеченности учреждениями культуры ощущают и сельские населенные пункты, и малые города России.

Для нивелирования подобных диспропорций Правительство Нижегородской области, например, разработало «Методические рекомендации органам местного самоуправления Нижегородской области по развитию сети организаций культуры и обеспечения населения услугами организаций культуры» (приложение к Приказу от 30-08.2017 № 132) [4]. В этом документе содержатся рекомендуемые нормы и нормативы размещения библиотек (например, для городского округа с населением менее 20 тыс. человек к расчету принята 1 библиотека на 10 тыс. человек); нормы и нормативы размещения музеев, с учетом транспортной доступности; нормы размещения театров; нормы и нормативы оптимального размещения концертных организаций, а также нормы и нормативы размещения цирков, учреждений культуры клубного типа, многофункциональных передвижных культурных центров, муниципальных парков культуры и отдыха, зоопарков и ботанических садов, кинотеатров и кинозалов.

Стратегия отмечает также низкие темпы модернизации культурной инфраструктуры в ряде регионов РФ.

Если обеспеченность регионов объектами культурной инфраструктуры находится в зависимости от государственной и региональной культурной политики, то наличие уникальных памятников культурного и природного наследия является результатом сочетания исторических и природно-географических факторов. На 2016 г. 44 населенных пункта в РФ имели статус исторического поселения федерального значения. Охрана памятников культурного и природного значения регулируется как федеральным (ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ) [3], так и региональным законодательством. Объекты культурного наследия регионального значения находятся в худшем состоянии, чем соответствующие объекты федерального значения, следовательно, ежегодно увеличивается количество «региональных памятников в руинированном и неудовлетворительном состоянии» [2, с. 16–17]. В этой сфере выделяются такие проблемы, как неудовлетворительное состояние памятников деревянного зодчества, проблема со хранения археологического наследия, а также разработка и установление охранных зон для памятников культуры.

Следует подчеркнуть, что наличие памятников истории и культуры, а также иных объектов культурного профиля является не обременением, а ресурсом для развития территорий.

В качестве перспектив региональной культурной политики видятся следующие:

1. Оценка культурного потенциала регионов с помощью инструментов территориального маркетинга.
2. Нивелирование региональных различий в области культурной инфраструктуры, в том числе с использованием цифровизации.
3. Совершенствование регионального законодательства в сфере культуры.
4. Разработка стратегий региональной культурной политики.
5. Отказ от патерналистского принципа, разработка механизмов государственно-частного партнерства, поддержка конструктивных «инициатив снизу».
6. Повышение культурной привлекательности регионов с помощью развития событийного туризма.

Список литературы

1. Основы государственной культурной политики (утверждены Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808).
2. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р.
3. Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ.
4. «Методические рекомендации органам местного самоуправления Нижегородской области по развитию сети организаций культуры и обеспечения населения услугами организаций культуры» (приложение к Приказу от 30-08.2017 № 132) (<http://minkultnn.ru>).
5. Бакулина С.Д. Региональная культурная политика в контексте государственной культурной политики Российской Федерации (на примере южных регионов Западной Сибири) // Вестник Омского университета. Серия: Культура и искусство. 2013. – № 3. – С. 165–170.
6. Ирхен И.И. Региональная культурная политика в параметрах современной динамики России // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. – № 6. – С. 318–323.
7. Копачкая С.А. Региональная культурная политика: российско-французские параллели // Региональная экономика: теория и практика. 2007. – № 16. – С. 150–158.
8. Купцова И.А. Культурная политика в РФ: роль регионального и муниципального уровней // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования. Материалы Международной научно-практической конференции. Орловский государственный институт искусства и культуры. – Орел, 2014. – С. 9–13.
9. Лавлинский С.Г. Региональная культурная политика: философский аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. – № 6. – С. 200–203.
10. Пьянкова С.В. Региональная культурная политика в Свердловской области // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. – № 12. – С. 30–34.
11. Хилько Н.Ф. Региональные приоритеты и их реализация в культурной политике Прииртышья // Вестник Омского университета. Серия: Культура и искусство. 2009. – № 3. – С. 200–207.

Мещераков Д.А.

д.э.н., профессор кафедры региональной экономики и менеджмента Воронежского института экономики и социального управления

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: коррупция, причины коррупционных отношений, взятка, органы государственной власти, органы муниципальной власти, государственные служащие, муниципальные служащие, противодействие коррупции.

Keywords: corruption, causes of corruption, bribery, public authorities, municipal authorities, government officials, municipal employees, anti-corruption.

Необходимость противодействия коррупции в нашей стране связана с высокой опасностью коррупции и ее распространением в различных сферах общественной и государственной жизни, по требностью в создании эффективной системы правовых, организационных, социальных, экономических, воспитательных и иных мер по противодействию распространения этого социального зла.

Несмотря на то, что в нашей стране создана нормативно-правовая база по вопросам противодействия коррупции, принимаются соответствующие организационные и иные меры по предупреждению коррупции, уровень коррупции в стране еще достаточно высок. Существенной системной проблемой остается коррупция в органах государственной и муниципальной власти.

Об этом свидетельствует известный международный индекс восприятия коррупции за последние годы, который рассчитывается международным движением по противодействию коррупции Transparency International, а также официальные данные о коррупции в нашей стране.

Рейтинг восприятия коррупции Transparency International составляется на основании опросов экспертов, предпринимателей, проведенных независимыми организациями по всему миру, начиная с 1995 года. При этом страны ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, и чем ниже балл, тем хуже восприятие коррупции в каждой конкретной стране. Так, в 2018 году Россия заняла 138 место из 180 стран и набрала 28 баллов из 100. Столько же баллов набрали Гвинея, Ливан, Иран, Мексика (табл. 1).

О том, что уровень коррупции в нашей стране растет, заявил также Генеральный прокурор Ю.Чайка в своем докладе Совету Федерации РФ¹. В частности он отметил, что в 2018 году произошел значительный рост коррупционных преступлений. За один год количество преступлений в сфере коррупции выросло на 66%. Ущерб от коррупции оценивается в 65,7 млрд. руб. против 39,6 млрд. руб. в 2017 г. По данным Генерального прокурора добровольное возмещение, изъятие имущества, наложение ареста – эти меры вернули казне в 2017 г. 26,5 млрд. руб., а в 2018 г. 46,5 млрд. руб. Соответственно 67 и 71 от причиненного ущерба. В докладе было отмечено также, что выросло количество выявленных коррупционных сотрудников органов ФСБ, МВД, СК. Рост составил 1,6% в органах внутренних дел, 38,1% в Следственном комитете и еще больше в службе безопасности страны. Общее количество привлеченных к ответственности за данный вид преступлений – 16 тыс. человек, из них 10 тыс. должностные лица.

Таблица 1

Место России в рейтинге восприятия коррупции Transparency International²

Годы	2014	2015	2016	2017	2018
Число стран – участниц рейтинга	174	168	176	180	180
Место России в рейтинге	136	119	131	135	138

В Топ-10 в списке обвиняемых в коррупции в 2018 году, по данным Следственного комитета³:

- 790 – сотрудники органов внутренних дел;
- 502 – муниципальные чиновники;
- 495 – военнослужащие;
- 483 – должностные лица госучреждений;
- 261 – работники образования и науки;
- 206 – работники ФСИН;

¹ 65,7 миллиардов рублей ущерба от коррупции потерпела Россия – доклад Ю.Чайки. – <http://www.promdevelop.ru/65-7-miliardov-rublej-ushherba-ot-korrupsii-poterpela-rossiya-doklad-yu-chajki/>

² Масштабы коррупции в России оказался на уровне паукасов. – <http://www.grosh-blog.ru/masshtab-korrupcii-v-rossii-okozalsya-na-urovne-papucosov/>

³ Посадок станет меньше. Борьба с коррупцией в России в цифрах и фактах. – <http://www.66.ru/news/society/219051/>

- 178 – работники здравоохранения;
- 115 – судебные приставы;
- 48 – работники, связанные с Министерством обороны;
- 43 – таможенники.

О росте коррупционных преступлений в 2018 году в нашей стране свидетельствует и динамика преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки) (табл. 2). Данные, содержащиеся в таблице, показывают, что в 2018 году количество взяточполучателей выросло по сравнению с 2017 годом на 316 человек.

Таблица 2

Динамика преступлений по ст.290 УК РФ (Получение взятки)¹

Годы	2016	2017	2018
Количество взяточполучателей	5344	3183	3499

Важно указать и на то, что средняя сумма взятки в нашей стране продолжает расти. Об этом свидетельствуют размеры взятки. В 2018 году она составила 609 тыс. рублей при общей сумме взяток в 1,8 млрд. рублей. Средняя сумма взятки в России по годам²:

- 2015 год – 172,9 тыс. руб.;
- 2016 год – 247 тыс. руб.;
- 2017 год – 357 тыс. руб.;
- 2018 год – 609 тыс. руб.

Неуклонный рост размеров взяток представляет собой не что иное, как ответ на принимаемые против коррупционеров меры: попадая в более сложные условия, мздоимцы стремятся к увеличению размеров взяток, чтобы покрыть свои риски.

Обращает на себя внимание и то, что в 2018 году в ряде регионов нашей страны показатели зарегистрированного взяточничества выросли на десятки, сотни или даже тысячи процентов относительно 2017 года. Так, например, в Кабардино-Балкарии, Курской области, Республике Коми в 2017 году были выявлены единицы таких преступлений (получение взятки), тогда как в 2018 году – до нескольких десятков. Похожая ситуация и с дачей взяток в Ленинградской области и Пермском крае. Показатель количества взяток на душу населения отражает распространенность неформальных коммуникаций, основанных на благо дарностях в России. Они традиционно присущи в большей степени южным, аграрным регионам, в том числе национальным. Это подтверждают данные, содержащиеся в табл. 3.

Таблица 3

Топ-10 регионов по приросту преступлений коррупционной направленности (разница между количеством преступлений за январь-июнь 2018 года и январь – июнь 2017 года)*

Получение взятки	Пр Прирост, (в %)	Дача взятки	Пр Прирост, (в %)
Ростовская область	84 (+183%)	Пермский край	27 (+150%)
Челябинская область	49 (+123)	Чеченская Республика	25 (+114%)
Республика Коми	36 (+360%)	Ленинградская область	20 (+400%)
Кабардино-Балкарская Республика	31 (+3100%)	Ростовская область	20 (+87%)
Курская область	29 (+725%)	Воронежская область	18 (+64%)
Республика Дагестан	25 (+74%)	Московская область	17 (+26%)
Республика Башкортостан	23 (+62%)	Ставропольский край	16 (+64%)
Алтайский край	23 (+88%)	Архангельская область	16 (+123%)
Оренбургская область	22 (+50%)	Свердловская область	14 (+117%)
Томская область	21 (+191%)	Тюменская область	12 (+86)

* Источник: Генпрокуратура

По данным Генпрокуратуры России в 2018 году уволены 477 чиновников-коррупционеров. При этом наиболее распространенными нарушениями среди отечественных государственных и муниципальных служащих являются неисполнение обязанностей и несоблюдение запретов и ограничений, установленных законодательством. Большая часть таких нарушений заключается в представлении государственными и муниципальными служащими, иными лицами недостоверных либо неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

¹ Динамика по ст.290 УК РФ (Получение взятки). – [http://www. crimestat.ru](http://www.crimestat.ru)

² Посадок станет меньше. Борьба с коррупцией в России в цифрах и фактах. – <http://www.66.ru/news/society/219051/>

Определенный интерес представляют показатели преступности коррупционной направленности в Воронежской области и ее место среди субъектов РФ (табл. 4).

Таблица 4

Показатели преступности коррупционной направленности в Воронежской области*

Годы	2016		2017		2018		февраль 2019	
	значение	место	значение	место	значение	место	значение	место
Зарегистрировано преступлений экономической направленности	1444	20	1630	18	1576	20	4763	20
Выявлено лиц, совершивших преступления экономической направленности	599	25	707	19	683	17	154	11
Зарегистрировано преступлений по ст.285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями	41	45	16	43	14	35	2	39
Зарегистрировано преступлений по ст.290 УК РФ – (получение взятки)	139	7	37	31	45	24	59	2
Зарегистрировано преступлений по ст.291 УК РФ – (получение взятки)	62	19	54	7	74	5	18	7
Количество преступлений по ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, уголовные дела о которых направлены в суд	10	40	6	49	13	23	2	20
Количество преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки), уголовные дела о которых направлены в суд	115	11	38	17	39	20	4	17
Количество преступлений по ст. 291 УК РФ (дача взятки), уголовные дела о которых направлены в суд	61	21	44	8	69	5	12	6

* Источник: Генпрокуратура.

Анализ данных табл. 4 свидетельствует о том, что в Воронежской области значительное место занимают коррупционные преступления экономической направленности, а также преступления по ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ст. 291 УК РФ (дача взятки). В меньшей степени регистрируется преступлений по ст. 285 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями.

Согласно исследованию, которое было проведено Институтом социологии Российской академии наук, причины коррупции кроются:

- в жадности и аморальности чиновников и бизнесменов – 70,1%;
- в неэффективности государства и несовершенстве законов – 63,3%;
- в низком уровне правовой культуры, а также правовом нигилизме значительного количества населения – 37,2%;
- в клановости и семейственности в системе государственной и муниципальной службы – 33,9%;
- в правовой неграмотности государственных служащих – 13,7%.

При этом 4,2% респондентов затруднились ответить, а 1,1% назвали иные причины, явным «социальным злом» коррупцию считают лишь 2,5% граждан.

На уровень коррупции оказывают влияние такие факторы, как наличие полномочий гражданских государственных и муниципальных служащих, связанных с распределением значительных финансовых средств и материальных ресурсов, высокая степень свободы действия в принятии управленческих решений в рамках возложенных полномочий, высокая интенсивность контактов с гражданами и организациями, слабый уровень контроля со стороны уполномоченных органов, недостаточное регулирование ситуаций конфликта интересов, которое приводит к увеличению бюджетных расходов.

На муниципальном уровне, причиной коррумпированности муниципальных служащих является слабая работа по контролю за исполнением антикоррупционного законодательства; неграмотность в сфере юридических прав как граждан, так и «неграмотность» должностных лиц; психологическая терпимость населения к фактам коррупции в органах местного самоуправления; неспособность должностных лиц ставить интересы общества в приоритете своих интересов.

Коррупция оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие российского общества. Эти негативные последствия коррупции проявляются в следующем:

- коррупция не позволяет государству добиться осуществления стоящих перед ним стратегических задач в области социально-экономического развития, поскольку приводит к хищениям бюджетных средств, а также, даже не становясь достоянием гласности, подрывает доверие к государству со стороны общества;
- коррупция непосредственно ведет к снижению уровня жизни граждан, принуждая их к систематическим платежам и резервированию части своих доходов для взяток и подарков;
- коррупция в среде государственных и муниципальных служащих постоянно воспроизводит стереотипы «имущественной нескромности» и подражания в стяжательстве среди подчиненных, для которых основным критерием служебной этики становится не закон, а образ жизни начальника;
- коррумпированный управленческий персонал государственных и муниципальных органов власти психологически не готов поступаться своими личными интересами ради интересов общего дела;
- коррупция обесмысливает правосудие, поскольку в коррумпированном суде правым всегда оказывается тот, у кого больше денег и меньше нравственно оправданных стандартов;

– прием за взятки в вузы не только лишает общество значительной части интеллектуального потенциала, не позволяя получить высшее образование наиболее талантливым молодым людям, но и приводит к искаженной карьерной ориентации будущих специалистов, ориентируя их не на творческие достижения, а на достижение имущественного успеха любой ценой.

Причинами распространенности и живучести коррупционных отношений в нашей стране являются:

– проникновение в обыденную жизнь последствий нравственной деградации российского общества, когда деньги и возможность безнаказанного незаконного обогащения оказались едва ли не единственными ценностями массового сознания;

– низкий нравственный и культурный уровень многих должностных лиц, их ориентация на удовлетворение личных потребностей в ущерб общественным интересам;

– незаинтересованность многих государственных и муниципальных служащих в борьбе с коррупцией, поскольку коррумпированными, нравственно деградирующими нижестоящими должностными лицами легче руководить (не высказывают претензий, не имеют моральных принципов, знают об осведомленности руководства в отношении их проступков и готовы к неограниченному подчинению и т.п.);

– неразвитость демократических институтов, гражданского общества, отсутствие действенных форм общественного контроля;

– низкая правовая культура, пассивность значительного числа граждан, авторитарный стиль руководства многих руководителей, бесконтрольность и произвол с их стороны. Во множестве случаев люди склонны давать взятки государственным и муниципальным служащим именно потому, что не понимают своей роли в ситуации взаимодействия с должностными лицами, ожидая от них не исполнения долга, а одолжения;

– большое количество коррупциогенных норм российского законодательства.

Важно указать и на то, что коррупция порождается совокупностью факторов, которые могут быть разделены на три группы¹:

– экономические – высокие полномочия государственных и муниципальных служащих влиять на деятельность предпринимательских фирм и граждан;

– институциональные – высокий уровень закрытости в работе государственных и муниципальных органов власти, громоздкая система отчетности, отсутствие прозрачности в системе законотворчества, слабая кадровая политика в системе государственных и муниципальных органов власти;

– социально-культурные – недостаточная информированность и организованность граждан, общественная пассивность в отношении своеволия «власть имущих».

Таким образом, высокая общественная опасность коррупции и ее широкое распространение в различных сферах общественной и государственной жизни определяют актуальность создания эффективной системы правовых, организационных, социальных, экономических, воспитательных и иных мер по противодействию распространения этого социального зла и минимизации его разрушающего воздействия на государство и его институты.

Этому призвана способствовать реализация Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г., № 378, в котором определены мероприятия, направленные на противодействие коррупции и решение следующих задач²:

– совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

– обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов;

– совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц;

– совершенствование предусмотренных Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы; обеспечение полноты и прозрачности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

– повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания;

– совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере бизнеса, в том числе по защите субъектов предпринимательской деятельности от злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц;

– систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции;

– повышение эффективности международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции, укрепление международного авторитета России.

¹ Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: Учебное пособие для вузов / Под ред. д.л.н., д.ю.н., проф. Кикотя; д.э.н., проф. Г.М. Казиахмедова. – М.: Норма, 2006. – С. 64.

² Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. №378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СПС «Консультант Плюс».

Пациорковский В.В.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА ПУТИ ПЕРЕМЕН (2010–2019 гг.)

Ключевые слова: региональное развитие, местное самоуправление, благосостояние населения.

С момента принятия федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2003 г.¹ как в законодательстве, так и в самом местном самоуправлении произошли заметные изменения. Достаточно сказать, что в этот период в закон внесено более 50 поправок, изменений и дополнений². В результате закон, который в исходном виде содержал 44 статьи, в последней редакции (2019 г.) насчитывает 86 статей. В содержательном плане основной вектор изменений был направлен на встраивание местного самоуправления в иерархически организованную вертикаль власти, повышение управляемости рассматриваемой формы «осуществления народом своей власти»³, а также на снижение расходов по ее содержанию. В основном поправки в законодательство предполагали имплантацию местного самоуправления в исторически сложившуюся систему административно-территориального устройства, имеющего многовековые корни. С учетом того, что местное самоуправление, которое имеет совершенно другие исторические корни, составляет на данный момент одну из основ конституционного строя страны, сделать это, как оказалось, довольно сложно.

На сегодняшний день 2014 г. можно считать кульминацией муниципального законотворчества. Именно тогда были приняты поправки, которые по замыслу их авторов открыли пути преобразования муниципальных структур различного типа, ввели внутригородское деление и внутригородские муниципальные образования⁴, дали новую редакцию статьи «Местные бюджеты», легализовали самообложение граждан⁵ и др. Все эти поправки ревизовали европейски ориентированную на децентрализацию конструкцию исходного законодательства о местном самоуправлении (131-ФЗ) в направлении его встраивания в сложившуюся в нашей стране еще во времена сосуществования орды и русских удельных княжеств традиционную вертикаль централизованного административно-территориального управления.

Как показало время, из огромного спектра законодательно допустимых муниципальных преобразований практика пошла в первую очередь по пути свертывания поселенческого уровня местного самоуправления в ходе преобразования муниципальных районов в городские округа. Возникающие в результате преобразований городские округа становятся одноуровневыми муниципальными образованиями, а входящие в них населенные пункты, часто разбросанные на огромной территории, получают статус микрорайонов центра городского округа. Другая открывшаяся возможность преобразований, которая связана с формированием двухуровневой системы местного самоуправления в городах с внутригородским делением, пока еще реализуется ограниченно. В качестве редких примеров здесь могут служить Махачкала, Самара и Уфа.

По нашим данным, на момент последней переписи населения в 2010 г. в стране насчитывалось 2343 муниципальных образования первого уровня. Из них: 518 городских округов и 1825 муниципальных районов, а на начало 2016 г. при весьма незначительном общем сокращении числа муниципальных образований до 2327 их было уже 580 и 1747, соответственно⁶.

На региональном уровне противостояние городских округов и муниципальных районов возникло с момента начала муниципальной реформы. Первопроходцами на этом пути можно считать Магаданскую, Сахалинскую и Свердловскую области. В Свердловской области, например, в 2010 г. было 73 муниципальных образования первого уровня, в том числе 68 городских округов и 5 муниципальных районов. Формирование новой системы муниципального управления осуществлялось региональной властью путем наделения большого числа городов и бывших административных районов статусом городского округа. Так в системе муниципального управления появились городские округа

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации от 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571

² Там же. Список изменяющих документов.

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, № 131-ФЗ, от 6 октября 2003 г. Статья 1, пункт 2. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571

⁴ Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ (в ред. от 03.02.2015) «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов...”» – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163524/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100013

⁵ Федеральный закон от 23.06.2014 № 165-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164503/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009

⁶ База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленикова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

«Ирбит» и «Ирбитский», «Каменск-Уральский» и «Каменский». Пять административных образований были преобразованы в муниципальные районы (Байкаловский, Камышловский и др.).

В то время все эти начинания слабо соответствовали действующему федеральному законодательству. В исходной редакции 131-ФЗ: «городской округ – городское поселение, которое не входит в состав муниципального района»¹. Поэтому формирование городского округа «Город Алапаевск» понятно, а какие были основания в появлении городского округа «Алапаевский», включившего в себя множество населенных пунктов, на тот момент понять было сложно. Сходные соображения можно сформулировать и в отношении появления городских округов «Верхняя Тура» и «Верхотурский», «Ирбит» и «Ирбитский» и др. Эти основания появились только много лет спустя в 2017 г., когда были приняты поправки, определяющие городской округ как «один или несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями»².

На данный момент процесс перехода к одноуровневой системе местного самоуправления идет в Московской области. При этом региональные власти ведут преобразования скорее по модели, использованной в Сахалинской, чем в Свердловской области. Вновь создаваемые городские округа формируются по территориальному принципу с т.н. административной территорией. На начало 2019 г. в алфавитном порядке от Балашихи до Электростали насчитывается 36 таких городских округов и 22 городских округа (от Бронниц до Электрогорска) без административной территории. В области путем слияния Балашихи и Железнодорожного (2014 г.) проведено укрупнение городских округов, а путем упразднения Коломенского района в 2017 г. и создания Коломенского городского округа появилось новое муниципальное образование с административной территорией. В январе 2018 г. региональные власти преобразовали Орехово-Зуевский район в городской округ Ликино-Дулево, а в марте 2019 г. объединили городские округа Орехово-Зуево и Ликино-Дулево в новое муниципальное образование – Орехово-Зуевский городской округ.

В последнее время произошло преобразование в городские округа Одинцовского, Серпуховского, Солнечногорского и Щелковского районов. В результате проводимых преобразований в области число муниципальных районов сократилось с 36 до 7. При этом было упразднено множество городских и сельских поселений, являющихся наиболее доступным жителям уровнем местного самоуправления. «Политика властей Московской области в сфере реорганизации местного самоуправления вызвала неоднозначную реакцию граждан и экспертов. Подан целый ряд исков по сопоставлению проведенных муниципальных преобразований в суды общей юрисдикции»³.

При всей противоречивости положения дел в местном самоуправлении страны следует признать, что время работает в его пользу. Вряд ли правильно полагать, что законодательство и бюджетные ограничения играют в этом деле решающую роль. Сложное материальное положение широких слоев населения в муниципальных районах и в близких к ним по структуре и уровню жизни населения городских округах ставят жесткие ограничения на его социально-экономическую активность. А без сложившегося в каждом конкретном населенном пункте самостоятельного и инициативного ядра людей местное самоуправление обречено на вялотекущее существование.

Безусловно, одноуровневая система местного самоуправления в территориально огромных городских округах далека от совершенства. К примеру, площадь малого города Шатура (Московской обл.) составляет 36 км² при населении в 32,8 тыс. чел. (2018 г.). До 2017 г. он был городским поселением в одноименном муниципальном районе. В то же время площадь городского округа Шатура, который был создан в марте 2017 г., равна 2715 км², а его население составляет 70,5 тыс. чел. Огромная территория округа включает в себя 187 населенных пунктов, которые теперь все являются микрорайонами города Шатуры.

Зачем это сделано? Во-первых, ликвидирована сама по себе, по своей сути муниципальная система управления. Она строится на повседневной доступности населением местной власти. На расстоянии 30-70 километров сделать это в повседневном режиме достаточно сложно.

Во-вторых, вместе с тем формально муниципальное образование осталось. И этому муниципальному образованию передана в административное управление гигантская территория, которая без малого в 80 раз больше, чем сам исходный малый город. Совершенно ясно, что ресурсная обеспеченность такого муниципального образования совершенно другая, чем у муниципального образования без административной территории.

Что это такое? По своей сути это использование муниципальных образований в качестве институциональной среды капитализации возобновляемых природных ресурсов, в первую очередь водных, земельных, лесных. Это действительно чрезвычайно важный момент.

Открывающиеся возможности несут в себе две опции. Одна из них связана с территориальным развитием, повышением занятости и уровня жизни местного населения. Подобное развитие событий может быть результатом хозяйственного использования капитализации возобновляемых природных ресурсов и их последующей коммерциализации. Понятно, что это не простое, требующее огромных усилий и времени дело. Другая опция связана с организацией доступа к процессу капитализации ресурсов узкого круга лиц, выполняющих распорядительные функции и принимающих соответствующие решения. Причем, как показывает опыт, довольно часто сами местные руководители через родственников и подставных лиц являются учредителями и бенефициарами различных видов локального бизнеса.

¹ ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Статья 2. – https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/ae2/Федеральный_закон_от_6_октября_2003_г_№_131-ФЗ. «Об_общих_принципах_организации_местного_самоуправления_в_Российской_Федерации»_doc

² ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 03.04.2017 № 62-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214788/#dst100008

³ Эксперт КГИ Дмитрий Соснин: Укрупнение муниципалитетов создает риски для обеспечения прав граждан на местное самоуправление. – <https://komitetgi.ru/news/news/4002/>

Иными словами, в этом случае всегда надо смотреть, кто конкретно и в чьих интересах занимается капитализацией ресурсов на местах. Например, по данным СМИ у бывшего главы администрации Клинского городского округа Московской области, который сейчас находится под следствием, в числе выявленного имущества – «1699 объектов недвижимости (преимущественно земельные участки в Клинском районе) кадастровой стоимостью не менее 4,3 млрд. рублей, четыре автомобиля (Toyota Land Cruiser, Mercedes S350, Audi A8, Audi Q5) стоимостью 9,4 млн рублей, а также 4,7 млрд. рублей как эквивалент уже отчужденного ответчиками имущества»¹. Другой пример, в ходе прокурорской проверки было установлено, что бывший глава Серпуховского района той же области фактически является владельцем 676 объектов недвижимости в своем районе и 22 автомобилей².

Здесь уместно напомнить о получивших в последние годы широкое распространение изменений разрешенного вида использования земли, появлении огромного числа несанкционированных свалок, бесконечных вскрышных работах с целью создания песчаных и торфяных карьеров на арендованных землях лесного фонда, равно как и ставших нашей повседневностью санитарных вырубок леса и лесных пожарах. Везде и всегда все эти действия связаны непосредственно с решениями местных органов самоуправления.

Люди, приходя к власти, фактически приватизируют территории муниципальных округов и районов, городских и сельских поселений. При этом если местная власть бывает не заинтересована в развитии муниципального образования, то она всегда заинтересована в развитии локальной Рублевки. А местные Рублевки, какие бы бедные не были сейчас муниципальные образования, всегда и везде в полном порядке.

С учетом социального фактора можно сказать, что местная власть и благосостояние населения – основные ресурсы развития локальных территориальных структур. Прежде всего это касается сел и малых городов. К сожалению, бедные люди не могут проявлять созидательную социальную активность. Им очень трудно вносить вклад в развитие местного сообщества. Местное сообщество – замечательное явление, но для его эффективности должны быть акторы – люди, которые могут брать на себя ответственность и действовать не только словом, но и собственным рублем. А бедные люди просто не могут делать этого. Следует учитывать, что у нас бедная страна в плане благосостояния широких слоев населения. Глубинная бедность, сформировавшаяся сегодня, фактически отсутствовала в ушедшую эпоху. Малообеспеченность советского времени не может идти в какое-либо сравнение с бедностью сегодняшнего дня. Скорее это была жизнь нижних слоев среднего класса в наши дни.

В этом плане особого внимания заслуживает поддержка на местах самозанятости как одного из наиболее заметных направлений перемен в сфере трудовых отношений и на рынке труда. Самозанятость представляет собой конечный пункт эволюции наемного труда и трудовых отношений, доминировавших в индустриальную и постиндустриальную эпохи. О том, как далеко пойдет указанная эволюция, позволяет судить следующее предположение. В то время как сегодня основным регулятором трудовых отношений найма и использования рабочей силы является «Кодекс законов о труде», в конечной точке эволюции трудовых отношений их основным регулятором может стать «Гражданский кодекс». Разумеется, это очень далекая перспектива. Тем не менее, она хороший помощник для понимания происходящих перемен.

В переходный период в нашей стране (1985–2005 гг.) перемены, происходившие на рынке труда, обуславливались несколькими большими группами факторов. Среди них в первую очередь следует отметить:

– Отказ государства от всеобщей занятости или от участия в общественно полезном труде всего трудоспособного населения, от уголовного преследования за тунеядство («паразитический образ жизни») (Статья 209 УК РСФСР) и признание безработицы (закон «О занятости населения», 1991 г.).

– Отказ государства от преследования за частнопредпринимательскую деятельность и принятие законодательства, разрешающего индивидуальную трудовую деятельность (закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», 1986 г.) и легализацию частного бизнеса (закон «О кооперации в СССР», 1988 г.). Окончательно частная предпринимательская деятельность в России с использованием наемного труда была закреплена законодательно в 1990 г. (законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности»).

– Резкое сокращение рынка труда, обусловленное массовым закрытием предприятий и развалом колхозов, в период ваучерной приватизации (1992–1994 гг.).

– Крайне заниженная и исключительно затяжная по времени оценка труда как в бюджетном, так и в корпоративном секторах экономики, которая продолжает действовать и в настоящее время (1991–2019 гг.). Достаточно сказать, что по разным подсчетам производительность труда в нашей стране ниже от лидеров в этой сфере в 3–4 раза, а оплата труда ниже на порядок и более.

– Высокие социальные платежи в реальном секторе экономики в сфере наемного труда, которые привели к распространению серых схем в оплате труда (зарплата в конвертах).

– Появление бедности работников квалифицированного труда и пенсионеров.

– Использование исполнительной властью обманных схем повышения оплаты труда в бюджетной сфере (2012–2018 гг.) и изменении возраста выхода на пенсию (2018 г.). При этом реальная оплата труда заменяется номинальной, а реальная продолжительность жизни людей заменяется желаемой продолжительностью жизни.

– Кроме того, происходящие в настоящее время технологические изменения реализуются в направлении разукрупнения производства и перехода от массовости к индивидуализации продукции, товаров и услуг. Индикаторами

¹ У экс-главы Клинского района нашли незаконное имущество на 9 млрд рублей вместо первоначальных 4 млрд. – <https://www.newsru.com/russia/03jun2019/postrigan.html>

² Генпрокуратура нашла у экс-главы Серпуховского района Шестуна имущества на 10 млрд. рублей. – <https://tass.ru/proisshestviya/5999739>

таких перемен в сфере производства выступают роботизация и нарастающее предложение малой техники, а в сфере занятости – быстрое сужение рынка наемного труда.

Следствием действия всех этих факторов стало разрушение мотивации на труд, равно как и широкое распространение самозанятости. В науке это обстоятельство фиксируется следующим образом: «Сокращается сфера наемного труда, расширяется самозанятость и другие формы организации труда»¹.

В этих условиях, перефразируя Эрнандо де Сото² можно сказать, что самозанятость есть реакция широких слоев населения на отказ государства координировать и поощрять рост оплаты труда наемных работников, и создание новых рабочих мест в соответствии с изменениями, происходящими в экономике. Причем эта реакция не новая. Она имеет глубокие исторические корни в экономике.

В дореволюционной России крестьяне-единоличники, многие крестьяне-однодворцы, казаки и ремесленники в течение долгого времени количественно преобладали в народном хозяйстве страны. Как отмечалось выше, советская власть выстроила целую систему мер по борьбе с самозанятостью. Но и в советское время артельность, отходничество и шабашничество, не говоря уже о личных подсобных хозяйствах (ЛПХ), постоянно вносили свой вклад в развитие народного хозяйства на автомобильном транспорте, в строительстве, сельском хозяйстве и других отраслях экономики. Поэтому появление челноков и укрепление ЛПХ, основными агентами которых были самозанятые, сразу же с общенародованием экономических реформ (1991 г.) было подготовлено всем историческим опытом жизни нашего народа.

Вряд ли можно согласиться с тезисом, что самозанятость в качестве составной части неустойчивой занятости более широко проявляется там, «где наблюдается низкая конкурентоспособность работников. Она больше свойственна профессиональной деятельности с рутинными видами труда. Менее ей подвержены творческие виды профессионального труда»³. Во-первых, здесь первична не конкурентоспособность работников, а уровень оплаты труда. О какой конкурентоспособности можно говорить при действующем в нашей стране уровне оплаты труда в течение последних 30 лет. Во-вторых, творческие виды профессионального труда (в искусстве, литературе, науке, преподавании) по своей природе всегда тяготели и тяготеют к самозанятости.

Трудности переходного периода поставили новые задачи и открыли новые возможности перед семейными домохозяйствами. К сложившейся в индустриальном обществе функции потребительской ячейки многие из них оказались вынуждены добавить производственную функцию. Это значит, что они становятся наряду с государством и корпоративным сектором агентами экономического развития и начинают оперировать в реальном секторе экономики. В этом плане самозанятые действительно «выбирают индивидуальную, частную инициативу и предпринимательство, чтобы иметь возможность самим бороться против отсталости и нищеты»⁴. Формируемое сегодня налогообложение самозанятости весьма тесно увязывает ее с местным самоуправлением.

В том числе и поэтому на местное руководство ложится огромная ответственность. Справедливости ради уместно отметить, что оно бывает вполне соответствующим занимаемому положению, а бывает работает главным образом на себя. Сейчас у нас этап капиталистического накопления. Поэтому многие руководители на местах думают о себе, а не о местном развитии и уж тем более не о людях, живущих в их муниципальном образовании.

Сложившееся положение дел подталкивает к развитию территориального общественного самоуправления (ТОСов). ТОСы – это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории муниципального образования любого типа для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения⁵. Ключевые слова в этом определении «самостоятельность», «своя ответственность», «инициатива», но именно в этом плане и наблюдаются заметные ограничения. В том же Шатурском городском округе на разработанное его администрацией «Положение о территориальном общественном самоуправлении» пока имеется один отклик. Зарегистрирован Устав ТОСа в д. Курьяниха⁶, находящейся в 17 км от Шатуры. Кстати сказать, это можно считать близким соседством, а до поселка Радовицкий расстояние от окружного центра составляет 76 км.

К примеру, в Архангельской области, одной из лучших в стране по развитию ТОСов, их активистами реализовано более двух тысяч проектов. «Начиная с 2011 года, из областного и местных бюджетов на поддержку указанных проектов, которые отбираются специальной комиссией на конкурсной основе, было направлено более 140 миллионов рублей. С учетом внебюджетных источников данная сумма составила более 200 миллионов рублей»⁷.

В пользу населения и местного самоуправления работает и цифровизация экономики и других сторон жизни общества. Для населения в этом плане повышаются информированность и коммуникативные возможности, равно как и улучшаются условия выработки совместных инициатив и их реализации в ходе совместных действий.

Для местного самоуправления распространение цифровых технологий открывает новые возможности его интеграции как по вертикали, так и по горизонтали. Сколько бы не говорили о разделении муниципальных и государст-

¹ Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / Под редакцией В.Н. Бобкова. – М.: Кнорус, 2018. – С. 9.

² Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М.: Catallaxy, 1995. – С. 320.

³ Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / Под редакцией В.Н. Бобкова. – М.: Кнорус, 2018. – С. 11.

⁴ Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М.: Catallaxy, 1995. – С. 19.

⁵ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, № 131-ФЗ, от 6 октября 2003 г. Статья 27. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571

⁶ Городской округ Шатура. – <http://www.shatura.ru/tos/normative-documents/>

⁷ В Поморье активистами ТОС реализовано более двух тысяч проектов. – <https://www.tos29.ru/news/region/45573/>

венных функций, а также механизмах передачи полномочий, государственные цифровые разработки фактически интегрируют государственное и муниципальное управление¹.

Предоставление услуг по принципу «одного окна» в многофункциональных центрах и внедрение единых стандартов оказания услуг в электронной форме способствуют снижению административных барьеров и нагрузки на заявителя, повышают информационную открытость деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления. Оплачивая с мобильных телефонов счета, контролируя школьные дневники детей, записываясь на прием к врачу, миллионы людей, как и исполнителей на местах, не задумываются об особенностях разделения государственного и муниципального управления. Легко представить, где бы мы были в этом плане сейчас, если бы все это делалось только на муниципальном уровне.

Еще больше бонусов цифровизация может принести на горизонтальном уровне. Центральное направление перемен здесь связано с развитием межмуниципального сотрудничества и взаимного обмена информацией. Это, правда, потребует создания огромного числа специализированных баз данных и сервисных приложений с различным функционалом, предназначенных для использования местными сообществами и органами муниципального управления.

¹ ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», от 27.07.2010, № 210-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

Пронина Л.И.

д.э.н., государственный советник РФ 2 класса, профессор РАНХиГС

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Ключевые слова: национальные цели, стратегические задачи развития, повышение эффективности управления, регионы и муниципалитеты, финансовая устойчивость, законодательные меры, федеральный бюджет, социально-экономическое развитие, национальные проекты, госпрограммы, финансовая помощь, субъекты РФ, межбюджетные трансферты

Keywords: national goals, strategic development objectives, improving the efficiency of management, regions and municipalities, financial stability, legislative measures, Federal budget, socio-economic development, national projects, state programs, financial assistance, subjects of the Russian Federation, inter-budgetary transfers.

1. Роль национальных проектов в развитии местного самоуправления

В настоящее время важнейшее значение имеет исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», которым предусмотрено утверждение и реализация 12 национальных проектов (программ), а также комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

Стоимость всех нацпроектов до 2024 года – 25,7 трлн. руб., в том числе:

– федеральный бюджет – больше 13,1 трлн. руб.

– региональные бюджеты – 4,9 трлн.

– внебюджетные источники (частный бизнес и госкомпании) – 7,5 трлн. руб.

– государственные внебюджетные фонды – 148 млрд. руб.

Самый дорогостоящий нацпроект – «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». Даже без учета энергетической части затраты на него превысят 6,3 трлн. руб.

Второй по величине затрат – нацпроект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», бюджет которого составляет около 4,8 трлн. руб.

Самыми дешевыми в реализации станут нацпроекты «Культура» (113 млрд. руб.) и проект «Производительность труда и поддержка занятости» (52 млрд. руб.). Отметим, что последний из названных нацпроектов имеет важнейшее значение как для роста ВВП в целом, так и для реализации всех нацпроектов.

Например, нацпроект «Здравоохранение» с общим бюджетом 1726 млрд. руб. включает в себя восемь федеральных проектов: отдельно по борьбе с сердечно-сосудистыми, онкологическими заболеваниями и т.д.

Создается новый инструмент – Фонд развития, который на новых принципах аккумулирует не только средства федерального бюджета, но и долговые обязательства. Он мог бы состыковать эти действия с интересами корпоративного сектора и привлечь внебюджетные средства.

Предельный объем Фонда развития:

• на 2019 год – 436 869 625,6 тыс. рублей,

• на 2020 год – 582 790 193,3 тыс. рублей,

• на 2021 год – 612 947 121,9 тыс. рублей.

Таким образом, объединяются средства инвестиционного характера, которые могут пойти на реализацию масштабных проектов. Объем расходов федерального бюджета за счет средств Фонда развития установлен Федеральным законом от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов» № 459-ФЗ.

Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию национальных проектов в 2019–2021 годах составит 5633,0 млрд. рублей, в том числе:

• в 2019 году – 1 685,5 млрд. рублей,

• в 2020 году – 1 862,7 млрд. рублей,

• в 2021 году – 2 084,8 млрд. рублей.

Поставленная в Указе Президента РФ №204 задача по его реализации должна наполовину выполняться субъектами РФ и муниципалитетами. Очевидно, что большинство из них принимают участие в выполнении мероприятий всех нацпроектов.

Так, Ненецкий АО примет участие в 11 нацпроектах. В частности, из-за удаленности большинства населенных пунктов фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы) Ненецкого автономного округа в 2019 году оснастят оборудованием для проведения телемедицинских консультаций.

Все нацпроекты имеют огромное значение для развития муниципалитетов и удовлетворения потребностей их жителей.

Отметим, особое значение некоторых из них.

Так, Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры имеет значимость национального проекта. В его составе федеральный проект «Коммуникации между центрами экономического роста», который предусматривает бюджетные ассигнования федерального бюджета на поэтапное развитие транспортных коммуникаций между административными центрами субъектов Российской Федерации и другими городами-центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях, прилегающих к таким транспортным коммуникациям – в 2019 году в объеме 179 732,1 млн. рублей, в 2020 году – 177 428,4 млн. рублей, в 2021 году – 152 685,9 млн. рублей.

Не менее важен нацпроект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», для которого были определены четыре группы целевых показателей: увеличение доли региональных дорог в нормативном состоянии до 50% общей протяженности, снижение на 10% доли перегруженных дорог, снижение смертности в результате ДТП в 3,5 раза, уменьшение количества аварийно-опасных участков в два раза.

2. Совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала и повышению эффективности их деятельности

В современных условиях России одним из основных стимулов экономического роста является развитие регионов и муниципалитетов на основе реализации государственной политики регионального развития. Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января 2017 года № 13 (Далее – Указ № 13) содержит основные положения реализации такой политики,

Рассмотрим один из аспектов государственной политики регионального развития Российской Федерации – совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала и повышению эффективности их деятельности.

Реализация этого направления осуществляется путем применения следующих мер:

- Создание дополнительных стимулов для органов государственной власти субъектов РФ для получения целевых межбюджетных трансфертов (далее – МБТ) при одновременном повышении самостоятельности органов государственной власти субъектов РФ в выборе способов достижения поставленных целей при использовании целевых МБТ;

- Предоставление грантов из федерального и региональных бюджетов соответственно субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям, достигавшим наиболее высоких темпов наращивания собственного экономического потенциала и снижения уровня дотационности территорий;

- Уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении);

- Эффективное применение мер финансовой ответственности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и персональной ответственности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации, глав муниципальных образований (глав местных администраций) за невыполнение принятых при получении межбюджетных трансфертов обязательств по эффективному использованию бюджетных средств и достижению конкретных результатов в развитии соответствующих отраслей экономики и социальной сферы;

- Введение дополнительных механизмов привлечения граждан Российской Федерации к участию в государственном и муниципальном управлении, повышения их гражданской ответственности при решении вопросов социально-экономического и политического развития территорий, а также механизмов учета мнения населения при решении указанных вопросов.

Важнейшей задачей в соответствии с Указом Президента РФ № 13 является совершенствование условий предоставления трансфертов. В частности, изменение с 2017 г. пропорций распределения налога на прибыль организации: в федеральный бюджет (3 проц. пункта) и в региональные бюджеты (17 проц. пунктов) позволило центру помочь наименее обеспеченным регионам за счет увеличения объема межбюджетных трансфертов (МБТ). В связи с этим были ужесточены условия предоставления дотаций субъектам РФ на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Они предусматривают заключение соглашений между Федерацией и субъектами РФ. Основное условие заключения таких соглашений – дефицит бюджета должен быть не выше 10%, а не 15% как ранее было установлено в БК. Параметры соглашений устанавливаются сами субъекты РФ. При невыполнении соглашений на 5% уменьшается объем дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

Важен анализ объема и структуры МБТ в целях определения их роли в совершенствовании механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала и повышению эффективности их деятельности.

В соответствии с Федеральным законом от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов» бюджетные ассигнования по разделу «Межбюджетные трансферты общего характера» бюджетам бюджетной системы Российской Федерации составят:

- в 2019 году 944 119,7 млн. руб. или 0,9% к ВВП
- в 2020 году – 928 131,2 млн. руб. или 0,8% к ВВП
- и в 2021 году – 929 825,6 млн. руб. или 0,8% к ВВП

При этом доля МБТ в общем объеме расходов федерального бюджета в 2019 году по сравнению с 2018 годом (5,6%) уменьшится и составит 5,2%, в 2020 и 2021 годах она также уменьшится и составит 5,0 и 4,9% соответственно.

Важно иметь в виду, что на изменение расходов федерального бюджета на МБТ, включая снижение их доли в общем объеме расходов федерального бюджета, повлияло в основном увеличение бюджетных ассигнований по другим направлениям расходов федерального бюджета, в частности, по следующим основным направлениям, касающимся финансирования муниципалитетов:

- на предоставление дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований, в связи с уточнением прогнозного объема поступлений в федеральный бюджет от налога на прибыль организаций по ставке 2 процента, в 2019 году на 28 843,4 млн. рублей, в 2020 году на 3 825,5 млн. рублей, в 2021 году на 7 325,1 млн. рублей.

- на предоставление иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа в 2019 году на 16 700,7 млн. рублей, в 2020 году на 15 785,3 млн. рублей;

- на предоставление иных межбюджетных трансфертов на реализацию программ местного развития и обеспечение занятости для шахтерских городов и поселков в целях обеспечения переселения граждан из ветхого и аварийного жилья в 2019 и 2020 годах на 1 000,0 млн. рублей ежегодно.

Отметим необходимость выделения иных межбюджетных трансфертов, которое осуществляется не на основе федерального закона о бюджете, а в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Одним из положений Основ государственной региональной политики является «Уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, совершенствование их финансового обеспечения и организация эффективного исполнения указанных полномочий (с максимальным привлечением населения к участию в государственном и муниципальном управлении)».

Рассмотрим практическую реализацию данной задачи в русле повышения эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В 2016–2017 годы Минфин РФ, Минэкономразвития РФ и другие министерства и ведомства активно занимались инвентаризацией полномочий совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, анализом недофинансирования расходов бюджетов, объема дефицита, расходных обязательств, объема платных услуг населению.

Важно иметь в виду, что с 2016 г. осуществляется нормирование расходов бюджетов субъектов РФ. Эти нормы заложены в методике выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ. При этом выравнивание производится и по доходам, и по расходам бюджетов. Отметим, что в 14 субъектах РФ произошло уменьшение нормативов расходов бюджетов.

Финансовое обеспечение разграничения полномочий между уровнями публичной власти постоянно совершенствуется. В частности, это выражается в сокращении количества целевых МБТ исходя из необходимости объединения различных видов указанных трансфертов, предоставляемых на одинаковые или близкие цели, в создании дополнительных стимулов для их получения при одновременном повышении самостоятельности органов государственной власти субъектов РФ в выборе способов достижения поставленных целей при использовании целевых МБТ. К таким МБТ, в первую очередь, относятся субсидии (это МБТ, предоставляемые на условиях софинансирования).

Отметим, что с 2018 г. установлен единый уровень софинансирования субсидий по всем субъектам РФ.

Следует иметь в виду, что участие субъектов РФ в нацпроектах и госпрограммах вызывает необходимость мобилизовать доходы их бюджетов для софинансирования программных мероприятий, т.к. важно искать средства для использования субсидий предоставляемых из федерального бюджета.

Можно предложить следующее для эффективной реализации Указа Президента РФ № 13:

Во-первых, системно и комплексно решать все поставленные задачи и проводить мероприятия как для субъектов РФ, так и для муниципальных образований, составляющих единую систему межбюджетных отношений.

Во-вторых, основным показателем эффективности государственной политики регионального развития Российской Федерации может быть признано, в частности, совершенствование механизмов стимулирования субъектов РФ и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического, в том числе налогового потенциала.

В-третьих, важным принципом можно признать объединение всех механизмов, инструментов и направлений налоговой, бюджетной, таможенной, долговой, а также государственной политики регионального развития при дальнейшем совершенствовании условий реализации нацпроектов.

3. Снижение региональной долговой нагрузки – направление стратегии развития регионов и муниципалитетов

Региональная долговая нагрузка стала плавно увеличиваться с 2005 года, но в 2012 году долги выросли на 186 млрд. рублей, затем – на 386 млрд. в 2013 году на 382 млрд. в 2014 году и в 2015 году – на 229 млрд. В 2016 году рост был небольшой – всего 34 млрд. рублей. В 2018 году совокупный долг регионов и муниципалитетов составлял 2 трлн. 157 млрд. рублей. В 10 субъектах РФ долг составляет 35% к налоговым и неналоговым доходам бюджетов.

В июне 2019 года в Госдуме рассматривался законопроект, который предусматривает классификацию субъектов Федерации и муниципальных образований по уровню долговой нагрузки, а также устанавливает максимальное ограничение на обслуживание долга на уровне 10% от общего объема расходов бюджета региона.

Документ, подготовленный и внесенный российским правительством, предполагает разделение всех российских регионов и муниципальных образований на три группы: с высокой, средней и низкой долговой устойчивостью.

Попавшие в первую группу получают освобождение от необходимости согласовывать с Минфином программы государственных или муниципальных заимствований и гарантий. Объем долга в первой группе должен быть ниже 50% от бюджетных поступлений, а годовой платеж по погашению и обслуживанию долга не должен превышать 13% к налоговым, неналоговым доходам и дотациям местного бюджета, причем на обслуживание долга субъект РФ сможет направлять не более 5% от расходов бюджета.

В третью группу попадут регионы, имеющие объем долга более 85% от бюджетных поступлений, а также субъекты, у которых на погашение и обслуживание долга уходит более 18% к налоговым, неналоговым доходам бюджета и дотациям местного бюджета. Кроме того, в эту группу попадут регионы, если доля обслуживания их долга превышает 8% от расходов бюджета.

Они смогут осуществлять рыночные заимствования исключительно в целях рефинансирования задолженности и согласовывать с Минфином программы государственных или муниципальных заимствований и гарантий. Кроме того, с этим ведомством им придется согласовывать и реализуемый план восстановления собственной платежеспособности.

Регионы и муниципалитеты, чей объем долга и расходы на его погашение колеблются между вышеназванными пределами, планируется обязать согласовывать с соответствующим финансовым органом только программы государственных (муниципальных) заимствований и гарантий, а также предоставлять проект основных направлений долговой политики.

Минфин утверждает, что в данном законопроекте не идет речь об ужесточении регулирования заимствований субъектов РФ и муниципалитетов, это всего лишь разработка мер превентивного характера, на основе которых регионы и муниципалитеты смогут самостоятельно оценивать свою долговую устойчивость и, при необходимости, обращаться к федеральным органам за соответствующей помощью.

Применение классификации субъектов Федерации и муниципальных образований по уровню долговой нагрузки, а также установление максимального ограничения на обслуживание долга на уровне 10% от общего объема расходов бюджета региона имеет значение для «дисциплинирования» их долговой политики. Однако, по нашему мнению, предлагаемые меры ограничат объем бюджетных инвестиций и, следовательно, рост экономического потенциала территорий.

Полагаем, что кардинальным решением долговой проблемы регионов и муниципалитетов является перераспределение полномочий и, следовательно, расходных обязательств между федеральным центром и субфедеральными уровнями публичной власти (регионами и муниципалитетами) с соответствующим закреплением за ними источников налоговых и неналоговых доходов.

4. Улучшение управления муниципальными образованиями

Очевидно, что достижения максимального эффекта в реализации национальных проектов можно будет ожидать, когда сами проекты станут поистине общенациональными, и ими будут заниматься не по указаниям со стороны вышестоящих органов, а все – и бизнес, и регионы, и муниципалитеты, и само население.

Качество управления в муниципалитетах мониторится на основе применения комплексной оценки качества управления муниципальными образованиями. Применяется ряд показателей – качество бюджетного планирования, качество исполнения бюджета, качество управления долговыми обязательствами и другие.

При этом особое значение имеет профессионализм муниципальных служащих. Во многих субъектах Федерации реализуются различные программы по развитию муниципальной службы, формируются резервы муниципальных управленцев. Почти в пяти тысячах муниципалитетов действуют муниципальные программы подготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. В 2017 году порядка 57 тысяч служащих прошли переподготовку или повышение квалификации. Эти данные были приведены 13 ноября 2018 в Совете Федерации, где прошло заседание Совета по местному самоуправлению на тему «Инструменты повышения качества муниципального управления».

5. Пространственное развитие регионов и муниципалитетов

В связке с нацпроектами будет реализовываться и Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Стратегия пространственного развития до 2025 года.

Она предполагает формирование в России 12 макрорегионов, исходя из особенностей каждой территории. 30 субъектов РФ получают статус приоритетных геостратегических территорий, 23 региона – статус приграничных геостратегических территорий. Это позволит сделать меры господдержки более адресными и эффективными, при этом исключив их дублирование.

Среди главных целей стратегии – развитие инфраструктуры – скоростных магистралей, портов, воздушных гаваней. Эффект от реализации мер Стратегии пространственного развития будет достигнут при фокусировании на кон-

кретных территориях с учетом их особенностей – это и макрорегиональный уровень, и региональный, и муниципальный, что позволит ликвидировать ряд инфраструктурных ограничений и сократить разницу в уровне развития регионов.

Пространственное развитие муниципалитетов в значительной мере определяется усилением роли регионов в порядке формирования и избрания органов МСУ, укреплением финансовой зависимости муниципалитетов от регионов. Начиная с 2014 года полномочия субъектов Федерации в сфере регулирования организации местного самоуправления существенно расширены. Чрезмерное регулирование МСУ с регионального уровня может привести к негативным последствиям и ударит по развитию института МСУ

Такое регулирование со стороны регионов проявляется, в частности, в определении территориальной организации муниципальных образований, в упразднении местного самоуправления на поселенческом уровне. Объясняется это, в частности, значительным дефицитом управленцев на местном уровне, который не позволяет решать элементарные вопросы в сельских муниципальных образованиях.

Другая территориальная проблема – укрупнение муниципальных образований, в том числе создание муниципальных округов и городских округов нового типа, сохранение поселений (в основном сельских) в прежнем виде, но без статуса самостоятельного муниципального образования.

Федеральным законом от 01.05.2019 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 87-ФЗ) устанавливается, что «муниципальный округ – несколько объединенных общей территорией населенных пунктов (за исключением случая, предусмотренного Федеральным законом № 87-ФЗ), не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации».

Законом также уточняется понятие городского округа: теперь к нему могут быть отнесены только территории, где не менее двух третей населения проживают в городских населенных пунктах, а плотность населения в пять раз превышает среднюю по стране, т.е. городские округа, которые не соответствуют данным требованиям, подлежат преобразованию в муниципальные округа.

Федеральный закон № 87-ФЗ вступит в силу со дня подписания, но переходный период для анализа ситуации и принятия решения на местах предусмотрен до 2025 года.

Полагаем, что продолжающаяся централизация власти на местном уровне все в большей степени будет отдалять население от власти – органов местного самоуправления, снижать их ответственность за решение вопросов местного значения и ухудшать качество предоставления муниципальных услуг.

Кроме того, население поселений устраняется от принятия решения – создавать новый округ или сохранить ныне действующий формат. Его будут принимать самостоятельно субъекты РФ и муниципалитеты исходя из конкретных экономических, социальных и правовых особенностей, исторических традиций.

Это положение искажает саму суть местного самоуправления как основы демократии и нарушает основные принципы Европейской Хартии о местном самоуправлении 1997 года.

6. Развитие городов на основе цифровизации

В Стратегии пространственного развития до 2025 года отмечается, что концентрация населения и экономики в крупнейших городских агломерациях является одним из основных направлений пространственного развития.

При этом основные тенденции пространственного развития Российской Федерации таковы:

- Общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации.

- В Российской Федерации сформировалось около 40 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций, в большинстве из которых численность населения с начала 2000-х годов устойчиво возрастает и в настоящее время превысила 73 млн. человек.

- В Российской Федерации сформировалось несколько крупных центров экономического роста, каждый из которых обеспечивает более одного процента суммарного прироста валового регионального продукта субъектов Российской Федерации. В их состав входят 19 крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций, а также 4 минерально-сырьевых центра, которые расположены в Республике Саха (Якутия), Сахалинской области, Ямало-Ненецком автономном округе Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

- В субъектах Российской Федерации сформировались центры экономического роста меньшего масштаба, которыми являются административные центры субъектов Российской Федерации, а также отдельные городские населенные пункты, агропромышленные и минерально-сырьевые центры и территории, специализирующиеся на туризме.

Одно из направлений Стратегии – развитие городов.

Вместе с тем, в современных условиях существует значительная дифференциация в уровне социально-экономического развития городов.

Исследование Центра городской экономики КБ «Стрелка» «Экономика городов-миллионников: право на развитие» показало, что в случае сохранения динамики развития российских городов на уровне 2010–2017 годов, российские города-миллионники смогут догнать Москву примерно через сто лет.

Всего в 2017 году в стране было 16 городов с населением больше миллиона человек. Они делятся на продвину-тые города со средним темпом прироста ВГП (валовой городской продукт) за 2010–2017 годы в 1,4 процента, и от-стающие города – с темпом прироста в 0,2 процента.

К первой категории относятся Екатеринбург, Санкт-Петербург, Казань, Уфа, Самара и Краснодар, ко второй – Воронеж, Омск, Челябинск, Новосибирск, Волгоград, Ростов-на-Дону, Пермь, Красноярск, а также Нижний Новгород.

В 2017 году российские города-миллионники обеспечили больше 32 процентов ВВП страны, при этом на долю Москвы пришлось более половины этого показателя (54,4 процента), на долю Санкт-Петербурга – чуть более 15 про-центов, а на остальные города с населением более миллиона – 30 процентов.

Согласно исследованию, ускорение роста валового внутреннего продукта напрямую зависит от темпов увели-чения объема инвестиций.

Однако их доля относительно ВГП (валового городского продукта) в городах миллионниках-центрах регионов, которая в 2010–2014 годах была выше 23 процентов, снизилась к 2015–2017 годам до 17,6 процента. В Санкт-Петер-бурге она снизилась с 17,6 до 15,5 процента. Уровень инвестиций в нестоличных городах составил всего 58 процентов от уровня Москвы. Согласно данным этого исследования, минимальный уровень инвестиций, необходимый для ус-тойчивого городского развития, находится на уровне 25 процентов ВГП.

В этих условиях очевидно, что будущий эффект от реализации национальных проектов в муниципалитетах мо-жет быть получен на основе роста объема инвестиций и цифровизации экономики.

В связи с этим значительна роль проекта «Умный город».

Цель проекта – повышение качества управления и уровня жизни в городах за счет внедрения передовых цифр о-вых и инженерных решений. Проект «Умный город» разработан в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» и нацпрограммы «Цифровая экономика».

В рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» предусматривается решение следующих задач:

- повышение конкурентоспособности российских городов,
- формирование эффективной системы управления городским хозяйством,
- создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан.

Нацпрограмма «Цифровая экономика» включает в себя:

- нормативное регулирование и разработку стандартов работы с данными,
- сопровождение региональных проектов и их мониторинг,
- отбор и подготовку к тиражированию лучших решений,
- синхронизацию с международным опытом.

При этом Открытый банк решений «Умный город» в настоящее время предлагает 180 проектов в 374 городах. Так, проект «Цифровой муниципалитет» (г. Ялта) решает задачу приведения в соответствие с фактическими данными кадастровой информации с ее отображением на ГИС. По результатам автоматизации перемещения местный бюджет получил дополнительно 400 млн. руб. при стоимости проекта 40 млн. руб.

Заключение. Стратегия развития местного самоуправления в условиях реализации национальных проектов может быть эффективной на основе реализации в совокупности с национальными проектами государственной поли-тики регионального развития, а также совершенствования бюджетно-налоговой политики.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов».
2. Федеральный закон от 01.05.2019 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон « Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ « Об утверждении основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» от 16 января 2017 года № 13.
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства Рос-сийской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
6. Исследование Центра городской экономики КБ «Стрелка» «Экономика городов-миллионников: право на развитие». – М., 2017.

Романович Н.А.

д.соц.н., профессор кафедры политологии и политического управления, Воронежский филиал РАН ХИГС
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
nelly@qualitas.ru

СЛЕД ГУБЕРНАТОРА АЛЕКСЕЯ ГОРДЕЕВА НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ В ОЦЕНКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Ключевые слова: доверие к губернатору, оценки деятельности губернатора Воронежской области, социологический опрос, общественное мнение.

Keywords: confidence in the governor, evaluation of Voronezh region governor's work, a sociological survey, public opinion.

Введение

След Алексея Васильевича Гордеева на Воронежской земле ещё столь свеж, что не все воронежцы, судя по опросам общественного мнения, знают, что он уже покинул пост губернатора Воронежской области. Его правление по многим параметрам резко отличалось от его предшественников, поэтому заслуживает социологического анализа.

В конце февраля 2009 года Воронежская областная Дума единогласно одобрила предложенную Президентом РФ кандидатуру на должность Губернатора Воронежской области в лице министра сельского хозяйства РФ А. Гордеева. Вместе с законодателями в процессе социологического опроса поддержали кандидатуру А. Гордеева **57%** жителей областного центра. Возможно, они воспринимали назначение министра сельского хозяйства губернатором области как некое спецзадание со стороны верховной власти. Только **10%** горожан высказали свое неодобрение по этому поводу¹. Результаты социологических исследований получены Институтом общественного мнения «Квалитас», который проводит ежемесячные опросы населения Воронежа (выборка репрезентативна для взрослого населения от 18 лет по полу, возрасту и образованию, размер выборки составляет от 600 до 1000 человек).

12 марта 2009 года состоялась инаугурация губернатора Воронежской области Алексея Гордеева. Не трудно догадаться, что уйти с должности министра ради поста губернатора – это поступок. Поэтому воронежцам было небезразлично, с каким настроением идет бывший министр на новую работу. В этом отношении успокоил горожан спикер областного парламента Владимир Ключников, подчеркнув, что Алексей Гордеев идет на работу в Воронежскую область с удовольствием, и именно его желание возглавить регион стало одной из причин его выдвижения².

Алексей Гордеев занимал пост министра сельского хозяйства РФ с марта 2004 года до марта 2009 года, а потом шагнул на место губернатора Воронежской области. Многие рассматривают это движение как шаг «вниз», ближе к матушке-земле, к реальным будничным проблемам. Уместна метафора: *летчик, пересевший на трактор*. Человек, привыкший обзирать землю с высоты птичьего полета, может столкнуться с тем, что земные предметы при ближайшем рассмотрении приобретут новые неожиданные очертания. И прежний опыт способен в таких случаях не столько помогать, сколько мешать в освоении новой специальности. Правда, следует признать, что у Алексея Гордеева был опыт управления отдельно взятой территорией – с 1992 по 1997 гг. он работал заместителем главы администрации Люберецкого района Московской области. И все же имело место некоторое беспокойство: сможет или не сможет новый губернатор кардинально изменить ситуацию в области в лучшую сторону?

Ожидания населения от нового губернатора

С вопросом «**Как Вы считаете, удастся или не удастся новому губернатору кардинально улучшить положение дел в области?**», – Институт общественного мнения обратился к воронежцам в марте 2009 года³. Если судить по результатам опроса, у горожан не было однозначного ответа на этот вопрос. Мнение респондентов разделилось. **37%** жителей города полагали, что новому губернатору удастся кардинально улучшить положение дел в области, а **31%** воронежцев это отрицали. В то же время почти каждый третий опрошенный (**32%**), опасаясь попасть впросак, не

¹ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2009. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2009/March>

² Спикер облдумы: Гордеев идет на работу в Воронежскую область с удовольствием. 2009. – http://www.saratau.ru/news/newsid/190196_spiker-obldumy-gordeev-idet-na-rabotu-v-voronezhskuyu-oblast-s-udovolstviem

³ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2009. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2009/March>

стал отвечать на этот вопрос, следуя известному правилу житейского опыта: «поживем – увидим». Более того, внешний экономический фон не внушал тогда оптимизма по поводу улучшения положения дел в отдельно взятом регионе.

Некоторым воронежцам было трудно поверить, что переезд из благополучной Москвы в дотационный Воронеж был для А.В. Гордеева желательным шагом. Поэтому возможны слухи о краткосрочной командировке Алексея Васильевича в черноземный край для «улаживания дел» с последующим возвращением обратно. На вопрос: *«Как Вы считаете, А. Гордеев приехал в Воронеж “всерьез и надолго” или для него это краткосрочная командировка?»*, – 26% горожан ответили в пользу командировки. Но почти в два раза больше воронежцев (46%) поверили в то, что новый губернатор пришел в Воронеж «всерьез и надолго». Безусловно, определенную лепту в формирование общественного мнения внес и сам губернатор, который заявил тогда, что планирует работать на благо Воронежской области не менее 10 лет.

Показательны ответы на вопрос: *«Как Вы считаете, то, что Воронежскую область возглавил бывший министр сельского хозяйства, имеет больше плюсов или больше минусов для его деятельности на посту губернатора Воронежской области?»*. Некоторые воронежцы (13%) усмотрели больше минусов, чем плюсов в том, что за плечами нового губернатора маячит его высокая должность в Правительстве РФ. Но большинство населения (62%) все же указали больше «плюсов», чем «минусов» в том обстоятельстве, что Воронежскую область возглавил бывший министр, уповая на его связи с федеральным центром и несомненный авторитет среди региональной и федеральной элиты. Воронежцев переполняло чувство гордости за то, что неформальная столица Черноземья, которая год от года теряла свой приоритетный статус практически по всем социально-экономическим показателям в отношении соседних областей, наконец-то получила некий бонус от федерального центра в лице титулованного губернатора, что само по себе служит подтверждением особой значимости Воронежской области для страны в целом.

Уже через четыре месяца после прихода на пост губернатора Воронежской области Алексея Гордеева (в июле 2009 года) Институт общественного мнения вновь обратился к воронежцам с вопросом: *«Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к губернатору Воронежской области А. Гордееву – хорошо, плохо или безразлично?»*¹. Хотя прошел ещё небольшой срок его правления, но уже тогда каждый второй житель города Воронежа (50%) засвидетельствовал свое хорошее отношение к новому губернатору. Плохо относились к А. Гордееву менее 2% горожан. Более трети горожан (34%) заявили о своем безразличии к действующему губернатору. Безразличие может быть связано с неосведомленностью горожан о деятельности губернатора вследствие короткого его пребывания на этом посту.

С большой долей вероятности можно предположить, что хорошее отношение воронежцев к действующему губернатору в 2009 году – это был своеобразный аванс, выражение надежды на то, что новому губернатору удастся улучшить положение дел в области. А, как известно, кредит народного доверия можно конвертировать в политический капитал только в процессе созидательной работы на благо всех жителей области. Для того, чтобы отработать аванс доверия, необходимо приложить немалые усилия, и эксперты надеялись, что высокий уровень доверия удастся хотя бы продержат некоторое время, но потом он неизбежно пойдет на спад, как обычно случается с рейтингом политиков, поскольку он представляет собой параболу. Но Алексею Васильевичу удалось не только оправдать ожидания воронежцев, но и превзойти их, что отразилось на результатах социологических опросов населения. Позитивное отношение к губернатору продолжало расти и уже в марте 2012 года в ответ на вопрос: *«Скажите, пожалуйста, Вы допускаете или не допускаете для себя возможность проголосовать на губернаторских выборах за А. Гордеева, если такие выборы состоятся?»*, – 77% воронежцев ответили положительно².

Еще в апреле 2009 года воронежцы пытались прогнозировать направление и акценты деятельности нового губернатора, отвечая на вопрос: *«А каким сферам, на Ваш взгляд, губернатор будет уделять наибольшее внимание?»*³. Тогда 62% жителей Воронежа справедливо ожидали, что новый губернатор приоритетное внимание будет уделять развитию сельского хозяйства. Кроме того, горожане предполагали, что на втором месте будет развитие промышленного производства (21%), а также губернатор будет заботиться о поддержании социально-политической и экономической стабильности в регионе (18%). Позже социологи возвратились к этому вопросу, изменив его прогнозную формулировку на оценочную. Поэтому появилось возможность сравнить ожидания с оценками, социальные прогнозы с реальностями (рис. 1).

В 2012 году воронежцы в действительности считали, что Алексей Гордеев уделяет приоритетное внимание развитию сельского хозяйства, но количество сторонников такого мнения снизилось по отношению к первоначальному прогнозу почти в два раза (с 62 до 38%). Горожане оценили поддержку, которую губернатор оказывает строительному сектору (эта сфера на втором месте – 30%). На третьем месте – поддержка социальных сфер (образование, здравоохранение, транспорт – 21%). Предпоследнее место занимало развитие промышленного производства (16%), а последнее – нанотехнологии (11%).

В итоге, можно сделать вывод о том, что оправдались прогностические ожидания населения, которые были связаны с развитием сельского хозяйства как приоритетной сферы деятельности губернатора Центрального Черноземья (правда, ожидания были почти в два раза интенсивнее, чем последующие оценки). Зато поддержка строительного сектора в пять раз превзошла ожидания.

¹ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2009. – № 7. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2009/July>

² Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2009. – № 3. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2012/March>

³ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2009. – № 7. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2009/July>

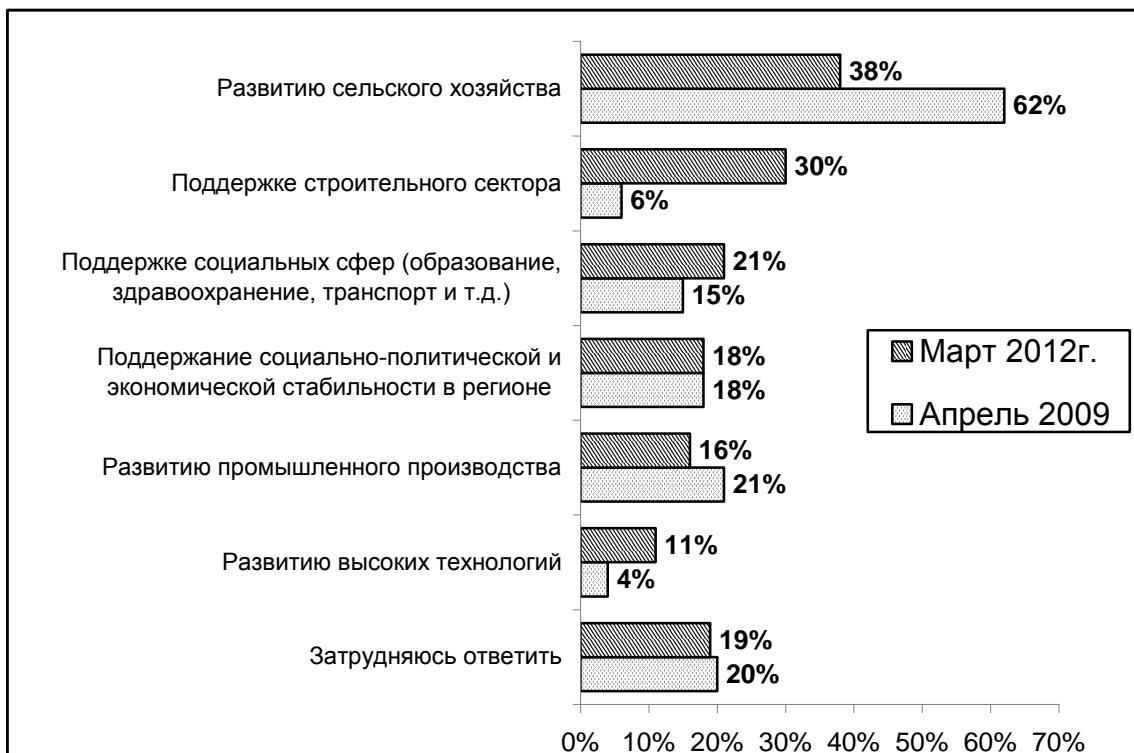

Рисунок 1.

А каким сферам, на Ваш взгляд, губернатор (будет уделять) уделяет наибольшее внимание?

А развития высоких технологий никто не ожидал от А. Гордеева, поэтому даже скромные достижения в этом направлении стали для всех приятным сюрпризом. Например, Алексеем Гордеевым были привлечены инвесторы для инновационного производства. Немалую роль в повышении инвестиционной привлекательности Воронежской области сыграло создание в 2010 году на границе городского округа индустриального парка «Масловский», специализирующегося на машиностроении и металлообработке.

Сдвиги в сельском хозяйстве

Алексею Гордееву действительно удалось поднять сельское хозяйство в Воронежской области, особенно мясное животноводство. Были завезены из зарубежных стран, в том числе, из Голландии, племенные коровы, которые дают в несколько раз больше молока, чем обычные. Построены новые животноводческие комплексы. По темпам наращивания производства мяса Воронежская область прочно обосновалась среди регионов-лидеров. Алексей Васильевич инициировал новый подход к селекции животных, в частности, крупного рогатого скота, привлек инвесторов для открытия новых животноводческих комплексов. Было закуплено множество племенного скота в Дании, Голландии – животные прижились и адаптировались на Воронежской земле. В ресторанах спрашивали «мраморную говядину» – термин распространился, но люди не всегда знали, что эта прекрасная говядина произведена в Воронежской области.

Когда Владимир Путин в октябре 2017 года приехал в Воронежскую область, он на совещании, посвященном развитию агропромышленного комплекса страны, поблагодарил губернатора Алексея Гордеева за успешную работу по развитию сельского хозяйства. Президент РФ отметил, что Воронежская область является безусловным лидером по темпам роста сельхозпроизводства. Главы соседних регионов, которые были приглашены по этому случаю, национальный лидер публично поставил Гордеева в пример. Регион сегодня занимает пятое место в списке тех, о ком говорят: «житница России». Президент России подчеркнул, что это прорыв последних шести-семи лет: «Я вспоминаю в этой связи дискуссии начала двухтысячных годов – когда тут и там слышалось одно и то же: что сельское хозяйство – это черная дыра, сколько денег ни давай, они бесследно исчезают, и результата никакого. Теперь кардинально ситуация поменялась»¹. При разумном и умелом хозяйствовании плодородная воронежская земля отозвалась рекордами в производстве зерна, овощей и фруктов, молока и мяса. Например, в 2017 году урожай зерновых стал рекордным за всю историю России.

В Воронежскую область переселился, получив в 2014 году российское гражданство, немецкий предприниматель Штефан Дюрр. Он сегодня является одним из наиболее вероятных кандидатов в список «Форбс»: имеет самое большое поголовье коров в России (27 тыс. голов), 200 тыс. га земли; выручка его компаний составляет 10 млрд. рублей в год, из которых 60% дает производство молока, а 40% – растениеводство. В свое время в кабинете губернатора

¹ Акинченко М. О рекордах и проблемах сельского хозяйства говорил Владимир Путин на совещании в Воронеже. 13 октября 2017. – https://www.itv.ru/news/2017-10-13/334418-o_rekordah_i_problemah

Воронежской области Штефан Дюрр встречался с Владимиром Путиным и тогда посоветовал президенту ввести ответные меры (контрсанкции) против ЕС и США¹. Он считает, что это была полезная мера.

Конечно, в Воронежской области есть ещё пустующие земли, не все территории освоены, существуют проблемы с качеством сельскохозяйственной продукции, но когда среди фермеров появляются положительные примеры, то есть на кого равняться.

Архитектура и строительство

Меткие эпитеты представителей власти крепко «застревают» в народной памяти и остаются в ней надолго. Губернатор Воронежской области Алексей Васильевич Гордеев публично окрестил действия отдельных чиновников и бизнесменов «архитектурным бандитизмом». Эксперты считают, что в первую очередь под это определение попадает отель Marriott на проспекте Революции, нависший серой тучей над главной улицей города и извративший представление о гармонии градостроительства. По экспертному заключению, это даже не архитектурный бандитизм, это – «архитектурный терроризм регионального масштаба». Некоторые проекты новых спальных районов эксперты тоже называли архитектурным бандитизмом и сошлись во мнении, что такая плохая архитектура – позор для города. Большинство воронежцев поддержали своего губернатора в его негативных оценках последних «шедевров» градостроительства: «Недавно губернатор А. Гордеев назвал действия отдельных бизнесменов и чиновников “архитектурным бандитизмом”. Вы согласны или не согласны с такой характеристикой градостроительной ситуации в городе?»:

- Полностью согласен/скорее согласен – 77%,
- Скорее не согласен/полностью не согласен – 12%.
- Затрудняюсь ответить – 11%.

Хотя большинство воронежцев были солидарны с губернатором (77%) в справедливом возмущении по поводу архитектурного беспредела, творящегося в городе, но были и сторонники противоположного мнения (12%). Один из экспертов также не согласился с определением «архитектурный бандитизм», но обосновал это весьма оригинально: «Мне кажется, бандитизм в Воронеже не архитектурный, а вполне обычный. Архитектура в моем понимании – искусство, прежде всего... Так что оставим бандитов правоохранительным органам, а архитектуру – архитекторам».

Алексей Васильевич не ограничился словами, но перешел к решительным действиям. Многие чиновники, отвечающие за градостроительную политику Воронежа, с разрешения которых и творился «архитектурный бандитизм», были отправлены в отставку, а главный архитектор Воронежа Анатолий Шевелев был уличен во взятке, попал за решетку и ныне отбывает свой срок.

Воронеж – старинный город, и многие дома представляют собой архитектурно-исторические памятники. В начале XXI века их состояние было плачевным, о чем свидетельствовали и результаты социологических опросов. Алексей Васильевич плотно занялся и этой проблемой, что отразилось в общественном мнении: если в 2005 году только 21% опрошенных находили состояние исторических памятников удовлетворительным, то в 2018 году – 66%! (см. рис. 2).

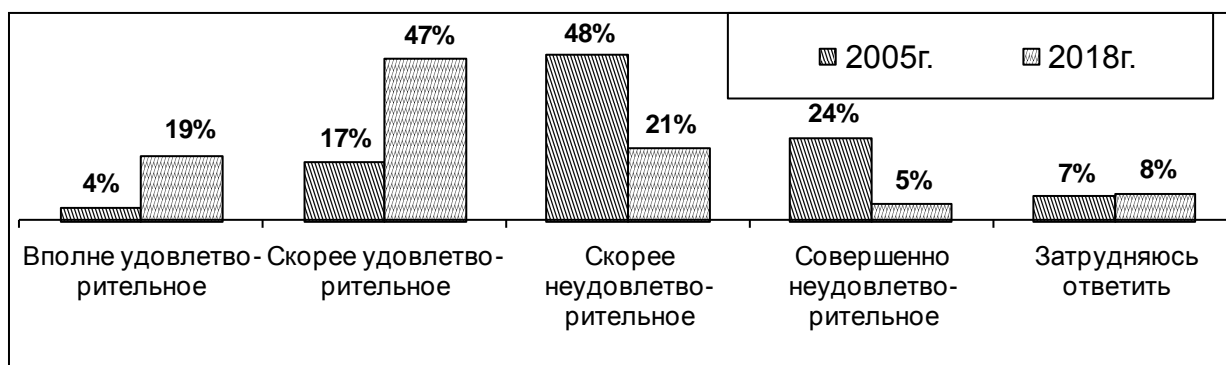

Рисунок 2.

Как Вы можете оценить сегодняшнее состояние воронежских исторических памятников?

В то же время суммарная отрицательная оценка снизилась с 72 до 26%, что является свидетельством проделанной работы органами власти в сфере реконструкции и сохранения исторического достояния города.

За что критикуют?

Глас народа сегодня имеет шанс дойти до правительства Воронежской области без искажений. ИОМ «Квалитас» ввел рубрику «совет губернатору», и теперь живые голоса респондентов, предлагающих свои советы главе области, может в аудиозаписи услышать любой губернатор. Среди советов, обращенных лично к Алексею Гордееву, встречались пожелания «чаще общаться с населением», «обратить внимание на рабочих людей», «внимательнее относиться

¹ Пирогов А. Владелец группы компаний «ЭкоНива» (Воронежская область) Штефан Дюрр: «Красивый офис денег не приносит». 27.10.2016. – <http://ekoniva-apk.ru/press/publications/1056-vladelets-gruppy-kompanij-ekoniva-voronezhskaya-oblast-shtefandurr-krasivyyj-ofis-deneg-ne-prinosit>

к просьбам населения», «почаще ходить по улицам», «попробовать жить как рядовые граждане», «самому просматривать форумы и блоги»... Вероятно, не случайно воронежцы так настоятельно просили прислушиваться к мнению народа. Если есть какие-то аспекты разочарования в деятельности губернатора, то они связаны именно с тем, что не прислушался...

По меньшей мере, можно назвать два эпизода, которые общественное мнение относит не то, чтобы к промахам губернатора, но к ожиданиям, которые не оправдались.

Первый эпизод касается разработки никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области. Эта тема была и остается болезненной как для Воронежской области, так и для тех регионов, где ведутся разработки. Алексей Гордеев, как бы отстранился от этой проблемы. С одной стороны, он не поддерживал федеральные структуры, которые лоббировали разработку. С другой стороны, он и не встал на сторону жителей. Тем не менее, пару раз звучали заявления о том, что мнение народа должно быть учтено обязательно. Обещалось, что в случае, если население будет категорически против разработок, они будут остановлены. Но на этом дело и кончилось. Население никто не спрашивал, кроме социологов в инициативных проектах. А по данным соцопросов, большинство населения было на стороне противников добычи никеля¹. Поскольку, невзирая на многочисленные акции протеста, геологоразведочные работы продолжались, население сделало вывод о том, что губернатор, пусть не гласно, поддерживает идею разработки медно-никелевых месторождений.

Второй эпизод – это отмена всенародных выборов мэра в Воронеже. По результатам опросов Института общественного мнения «Квалитас», сегодня 70% воронежцев выступают за возвращение всенародных выборов мэра². Кажется бы, при чем здесь губернатор?! Ведь это депутаты городской Думы в декабре 2016 года лишили воронежцев возможности напрямую выбирать мэра областного центра. Избранные народом депутаты от «Единой России» дружно проголосовали за отмену прямых выборов, хотя депутаты от других партий были против лишения воронежцев непосредственного права выбора мэра. Воронежцы понимают, что Алексей Гордеев мог бы при желании повлиять на этот процесс. Ведь в глазах горожан губернатор отвечает за все. Вопреки российскому законодательству, население считает, что мэр обязан подчиняться губернатору, как показывают результаты социологических исследований: «Дело в том, что согласно российскому законодательству федеральная и муниципальная власти не находятся в соподчинении между собой, поэтому мэр не является лицом, подотчетным губернатору (ст. 12 Конституции РФ: «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»). Но у российских граждан местное самоуправление и федеральная власть выстраиваются в четкую систему иерархического соподчинения, так называемую вертикаль власти»³. Алексей Гордеев в свое время поддержал кандидатуру Александра Гусева (как своего первого заместителя) на пост мэра Воронежа, в результате чего он тот был избран всенародным голосованием. Александр Гусев заявил о планах проведения масштабного социологического опроса для выявления мнения горожан по поводу изменения процедуры выборов мэра: «Мы все должны быть готовы услышать и принять мнение большинства»⁴. Но публично озвученного социологического опроса, на который бы власти ориентировались при принятии решения, не последовало. Воронежцы остались в недоумении – почему у них было отнято право самостоятельно избирать главу города?

Эти эпизоды или эти, если можно так выразиться, обманутые надежды, на которые указывают политтехнологи, социологи, политологи, все же растворяются в той позитивной оценке, которая осталась у воронежцев после ухода Алексея Гордеева с губернаторского кресла.

Сравнение Гордеева с другими губернаторами

Все познается в сравнении. Поэтому было любопытно сравнить оценки деятельности воронежского губернатора со средней оценкой деятельности прочих губернаторов в РФ (рис. 3). Всероссийский опрос проведен Фондом «Общественное мнение» в рамках проекта «Георейтинг» в июне 2011 года в 69 регионах России (в каждом опрашивалось 500 жителей по репрезентативной выборке)⁵. ИОМ «Квалитас» провел опрос населения Воронежа в июле 2011 года⁶.

Большинство воронежцев положительно оценили работу своего губернатора, в то время как в среднем по России положительных оценок набралось только 30%. В целом по стране перевешивали отрицательные оценки, а в Воронеже наблюдался явный перевес положительных оценок (56/14).

¹ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2013. – № 6. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2013/June>

² Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2017. – № 6. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2017/June>

³ Романович Н.А. Отношение к власти: тенденции и противоречия // Власть. 2016. – № 3. – С. 80.

⁴ Полтаев Г. Воронежский мэр никогда не собирался на второй срок. 26.10.2016. – <http://vrntimes.ru/articles/politika-i-vlast/voronezhskiy-mer-nikogda-ne-sobiralsya-na-vtoroy-srok>

⁵ Фонд «Общественное мнение» // Официальный сайт. 2011. – http://fom-gk.ru/polls.html?pk_vid=43212c7766535ed6152562335649965b

⁶ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А. Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2011. № 7. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2011/July>

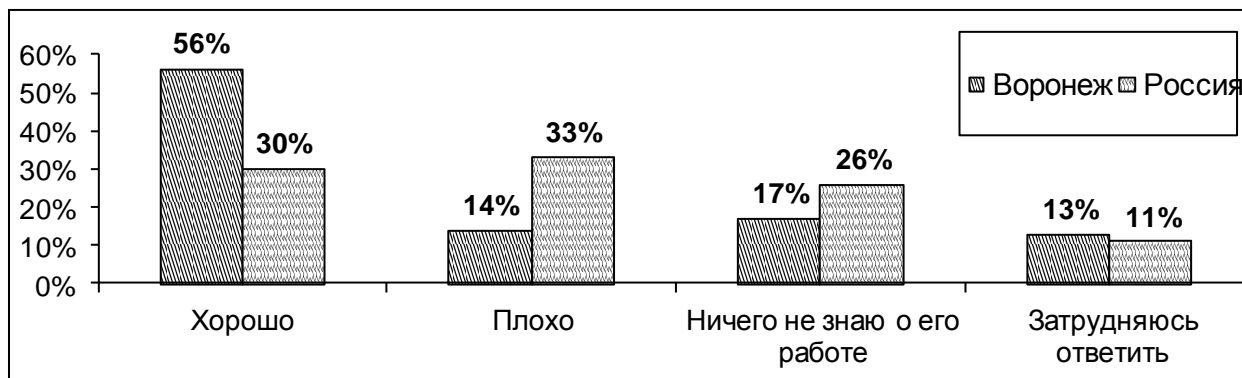

Рисунок 3.

Как Вы считаете, руководитель нашей области работает на своем посту хорошо или плохо?

После отмены прямых выборов глав регионов в 2004 году эксперты-политологи, социологи, журналисты неоднократно задавались вопросом – пришелся ли ко двору назначенный губернатор? Избрали бы его себе жители региона, если бы у них была возможность подобного выбора? Именно такой вопрос задал россиянам Фонд «Общественное мнение» в июне 2011 года: «*Как Вы думаете, если бы главу нашего региона напрямую выбирали жители, они выбрали бы нынешнего руководителя или другого человека?*». Всероссийский опрос проходил в 69 регионах России¹. Появилась возможность сравнить «градус» электоральной поддержки воронежского губернатора со средней «температурой по больнице» (рис. 4).

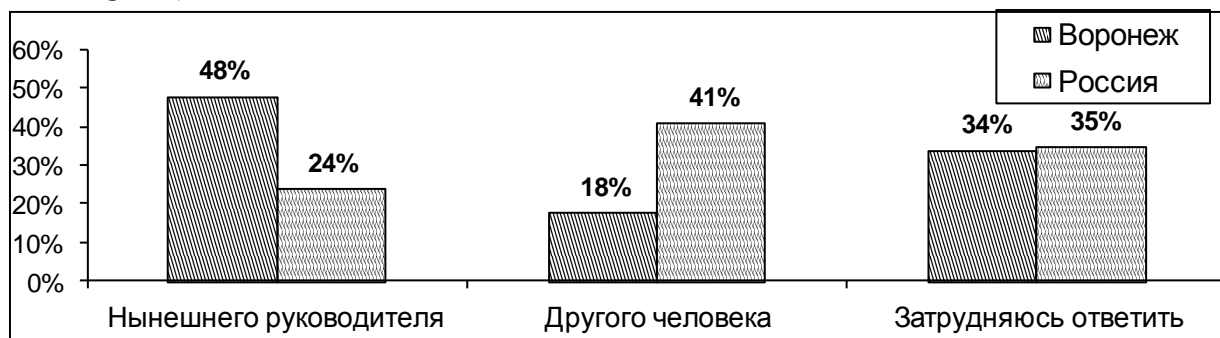

Рисунок 4.

Как Вы думаете, если бы главу нашего региона напрямую выбирали жители, они выбрали бы нынешнего руководителя или другого человека?

Если среднестатистическому губернатору жители России не очень благоволили: 41% опрошенных избрали бы себе другого губернатора (только 24% жителей страны давали позитивные оценки), то отношение воронежцев к «назначенцу» Алексею Гордееву было диаметрально противоположным. Чаще всего люди говорили, что предпочтут нынешнего руководителя любому другому (48%), и только 18% горожан хотели бы видеть другую кандидатуру на посту главы области.

Время подводить итоги

Восемь лет спустя после вступления в должность Алексея Гордеева пришло время подводить итоги. Институт общественного мнения «Квалитас» неоднократно обращался к горожанам с вопросом о том, не разочаровался ли народ в президентском назначенце. На рис. 5 продемонстрирован рост народного одобрения решению президента о назначении А.В. Гордеева воронежским губернатором².

Вектор одобрения уже за три первые года работы губернатора вырос с 57 до 77%, что весьма не характерно для оценок работы власти в России. Обычно рейтинг политических деятелей падает по мере накопления ошибок в процессе реальной работы и роста разочарования населения. Здесь наблюдается обратная картина. Алексею Гордееву удалось не только отработать первоначальный аванс доверия, но и добавить к нему дополнительные баллы.

Напомним, что в марте 2009 года вопрос, адресованный воронежцам, звучал так: «*Как Вы считаете, А. Гордееву удастся или не удастся улучшить положение дел в области?*». То есть воронежцам предлагалось дать прогноз. А в 2017 году пришла пора сравнить ожидания воронежцев с результатами деятельности губернатора (рис. 6).

¹ Фонд «Общественное мнение» // Официальный сайт. 2011. – http://fom-gk.ru/polls.html?pk_vid=43212c7766535ed6152562335649965b

² Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А.Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2017. – № 4. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2017/April>

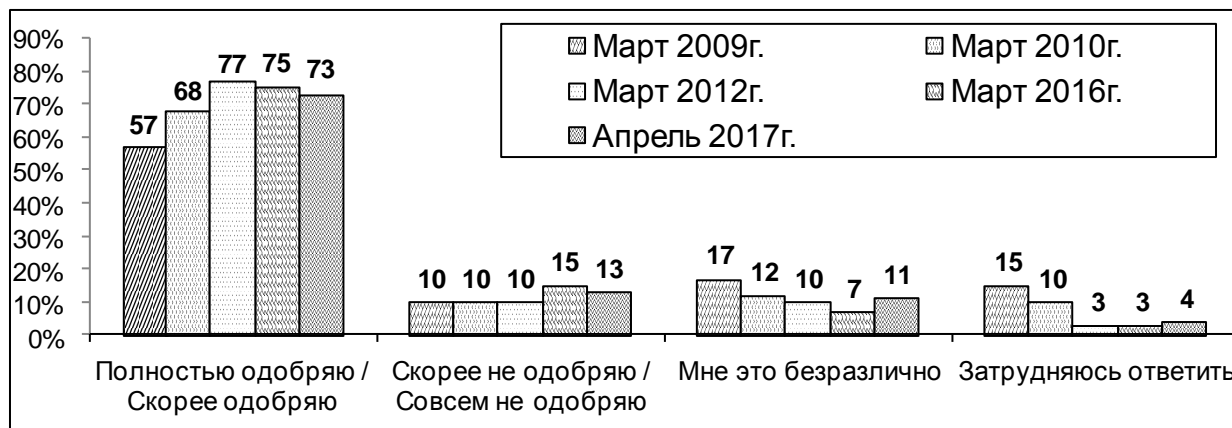

Рисунок 5.
Сегодня Вы одобряете или не одобряете такое решение Президента?

Как видно из рис. 6, итоговые результаты деятельности А. Гордеева (62%) значительно превысили первоначальные ожидания воронежцев (37%). Само словосочетание «кардинально изменить» в формулировке вопроса заставляет респондентов оценивать деятельность А. Гордеева на посту губернатора Воронежской области по самым высоким стандартам. И, судя по результатам опроса, выводы горожане делают весьма комплементарные для главы региона.

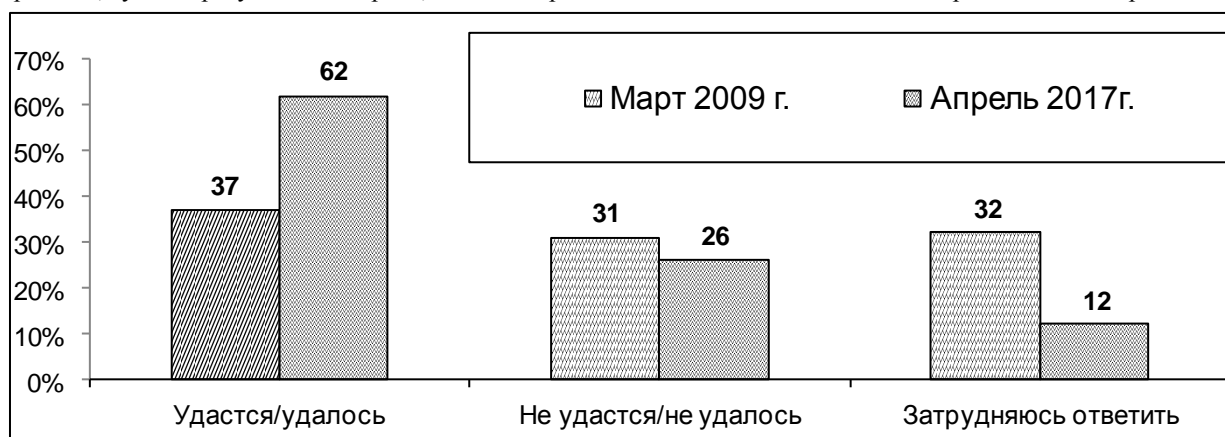

Рисунок 6.
Как Вы считаете, за прошедшие восемь лет губернатору удалось или не удалось кардинально улучшить положение дел в области?

Таким образом, результатом работы на посту губернатора Алексея Гордеева является социальный капитал, который он приобрел для себя лично (о чем свидетельствует его дальнейший карьерный рост), а также для Воронежа, который повысил свой статус в глазах своих жителей. Так, на вопрос: «*Какое чувство у Вас возникает чаще – гордость или стыд за город Воронеж?*», – в 2007 году только 10% воронежцев отмечали чувство гордости. В 2017 году количество подобных ответов увеличилось до 53%¹ (рис. 7).

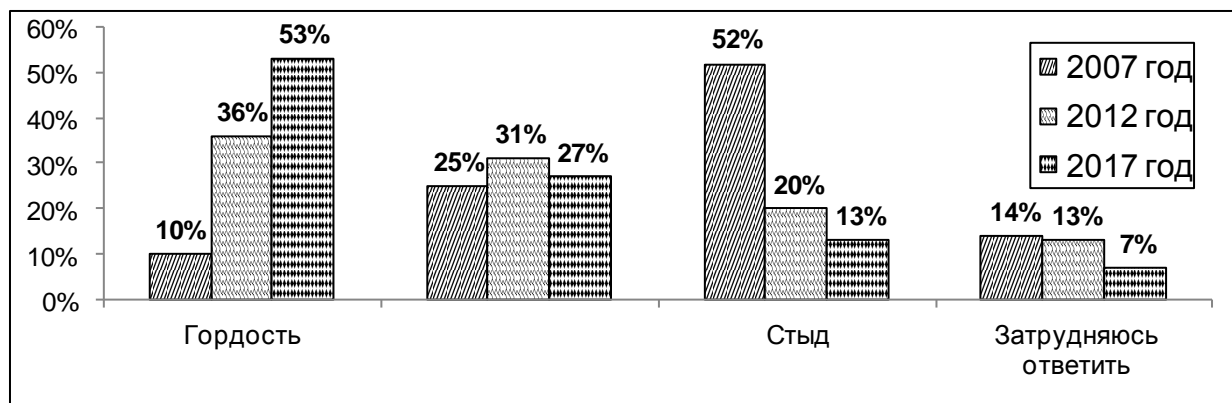

Рисунок 7.
Какое чувство у Вас возникает чаще – гордость или стыд за город Воронеж?

¹ Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / Под ред. Н.А.Романович. – Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2017. № 1. – <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2017/January>

И напротив, чувство стыда за родной город обрушилось с 53 до 13%. Небывалое дело – чтобы за десятилетие столь кардинально изменилось общественное мнение. Если раньше большинство горожан стыдились Воронежа, то теперь большинство жителей им гордятся!

Выводы

Губернатор Алексей Гордеев после отмены прямых выборов в регионах был первым главой области, рекомендованным Президентом РФ. Таким образом, у воронежцев появилась возможность сравнить работу прежних губернаторов, выбранных населением, и работу нового, назначенного «сверху». Результат этого сравнения оказался вовсе не в пользу прямых выборов губернаторов. Алексей Гордеев превзошел первоначальные ожидания воронежцев, что бывает крайне редко, так как обычно степень доверия населения к власти представляет собой параболу, значение которой резко снижается к концу срока правления представителя власти. Алексей Васильевич поломал эту тенденцию – доверие и симпатия народа к нему росли в течение двух сроков его пребывания у власти в качестве губернатора.

Статусная должность министра сельского хозяйства РФ внушала доверие к кандидату на пост главы области, главное достоинство которой – плодородная земля, предполагающая сельскохозяйственные работы на ней. Алексею Гордееву удалось не только отработать аванс народного доверия, но и повысить собственный рейтинг среди воронежцев почти до уровня рейтинга Президента РФ. Одним из приоритетных направлений деятельности Алексей Васильевича, кроме развития сельского хозяйства, неожиданно стала поддержка строительного сектора, и Воронеж активно строился все последние годы. Алексей Гордеев поддержал промышленность и способствовал привлечению в область инвесторов для инновационного производства. В итоге воронежцы не разочаровались в своем губернаторе за восемь лет его работы, но были готовы выбрать его себе губернатором на третий срок, если бы такая возможность им была предоставлена. Оценки деятельности Алексея Гордеева контрастируют с оценками деятельности других глав российских регионов: на их фоне воронежский губернатор выглядит значительно успешнее. Это тем более удивительно, что когда он заступал на должность, воронежские рейтинги доверия к власти были самими низкими по стране. Алексею Васильевичу удалось повысить не только собственный рейтинг, но и рейтинг Воронежа в глазах его жителей. Губернатором был заложен вектор развития региона, разработаны действующие программы, начаты инновационные проекты, требующие завершения, сформировались традиции, нуждающиеся в поддержке. Все эти задачи легли на плечи нового губернатора, Александра Гусева, который был избран на этот пост в первом туре голосования в сентябре 2018 года, в качестве преемника Алексея Гордеева. Институт преемственности в России функционирует более четко и слаженно, чем институт выборов.

Самаркина И.В.¹

ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА УПРАВЛЕНЦЕВ)

Ключевые слова: инновации в управлении, институты инициации инноваций, технологии внедрения инноваций, региональное управление, конкурс управленческих кадров.

В последнее десятилетие потребность в реальных изменениях механизмов функционирования государственной власти и работы органов местного самоуправления из запроса общества, сформулированного и отраженного в общественном мнении переформулирована в актуальную политическую задачу для органов государственной власти федерального и регионального уровней. Фактически, власть ищет управленцев, которые способны отвечать на вызовы современного общества, связанные с ростом социальной динамики, информатизацией и цифровизацией, необходимо принимать решения в ситуации неопределенности, необходимостью оперативно реагировать на изменения социальной ситуации, разрешать и профилировать социальные и политические конфликты, выстраивать горизонтальные коммуникации, поддерживать и участвовать во внедрении управленческих инноваций.

Поворот от административных моделей управления к внедрению бизнес-моделей, в том числе проектного управления в органах государственной власти, сформулированный как политическая задача, возможен только на основе качественных изменений в человеческом капитале, привлечения в управленческую элиту людей, обладающих достаточным уровнем компетенций, ранее не востребованных в структурах государственной власти. Поиск способов решения этой проблемы и найденные методы и технологии следует рассматривать как инновации в системе государственного управления. Однако и в плане теоретическом, и в плане практическом инновации в этой сфере мало изучены.

В статье представлен опыт осмысления одной из этих технологий – конкурсов управленческих кадров как структурной инновации в системе управления.

Теория и методология исследования. В сообществах ученых и практиков управленческой деятельности обсуждается вопрос о том, что именно считать инновацией в управлении. Поэтому следует описать систему ключевых понятий нашего исследования. «Инновация – конечный результат инновационной деятельности, выступающий в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам»². Минимальным признаком инновации является требование, чтобы продукт, процесс, метод маркетинга или организации был новым или значительно улучшенным для практики данной фирмы или организации³. Общим признаком инновации является то, что она должна быть внедрена, использоваться в деятельности фирмы или организации.

В нормативной базе РФ инновация определена как «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях»⁴. Поэтому одним из критериев отнесения управленческой деятельности к инновации является внедрение той или иной практики в деятельность органов власти и ее институционализация.

На основе анализа инновационных практик исследователями определены четыре типа инноваций: продуктовые, процессные, маркетинговые и организационные. Нас будут интересовать организационные инновации – внедрение нового организационного метода в деловой практике фирмы (организации), организации рабочих мест или внешних связях. В отличие от организационных изменений, организационные инновации – результат реализации стратегических решений руководства, организационный метод, не использовавшийся в этой организации ранее⁵.

В государственном секторе исследователи выделяют инновации структурные (связанные с формированием профессионального кадрового резерва) и инновации результативные (связанные с задачами повышения эффективно-

¹ Самаркина Ирина Владимировна – д.полит.н., декан факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, директор НОЦ «Региональный центр поддержки инноваций и развития проектных управленческих компетенций». E-mail: smrkn@mail.ru.

² Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3 изд. – М., 2006. – https://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf

³ Там же, с. 56.

⁴ О науке и государственной научно-технической политике. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. Федерального закона от 21 июля 2011 г.). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507

⁵ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. 3 изд. – М., 2006. – С. 62. – https://www.hse.ru/data/2011/09/05/1267119067/oslo_ru.pdf

сти и результативности профессиональной деятельности государственных служащих)¹. Рассматриваемые нами практики относятся к структурным инновациям.

Особенностью инновационной деятельности в сфере управления является то, что инновации решают задачи не только получения нового продукта, но и развития организации в целом. С учетом этой специфики инноваций А.И. Пригожин² предложил использовать следующую типологию инноваций: по типу новшества – материально-технические и социальные, экономические и организационно-управленческие, правовые и педагогические; по механизму осуществления – единичные и диффузные, завершённые и незавершённые, успешные и неуспешные; по инновационному потенциалу – радикальные, комбинированные, модифицирующие; по особенностям инновационного процесса – внутриорганизационные, межорганизационные; по эффективности: с точки зрения производства, управления, улучшения условий труда и т.д.

По результатам осмысления опыта внедрения инноваций в системе государственного управления РФ исследователями выделены несколько типов проблем: административные проблемы (связаны с направлением, масштабом и скоростью внедрения инноваций), технологические проблемы (связаны с внедрением инновационных технологий в работе с персоналом), субъективные (психологические, социально-психологические проблемы, связаны с отношением людей к инновациям)³.

Конкурсы управленческих кадров как незавершенная структурная инновация: обзор федеральных и региональных проектов. С 2017 года в стране реализуется несколько проектов – конкурсов управленческих кадров, которые можно отнести к структурным инновациям в государственном управлении. В первую очередь, это федеральный конкурс «Лидеры России», который реализуется АНО «Россия – страна возможностей». За реализацию проекта отвечает комиссия при Президенте по вопросам госслужбы и резерва управленческих кадров, возглавляемая руководителем Администрации Президента РФ А. Войно. В первый год (2017–2018) проведения конкурса в нем приняли участие почти 200 тысяч руководителей со всей страны. Более сотни из них стали победителями, финалистами – 300, в полуфинал вышли 3 тысячи человек. Многие конкурсанты получили карьерные предложения, более 70 – новые назначения (двое возглавили российские регионы; четыре участника заняли должности заместителей федеральных министров; 29 получили работу в региональных органах власти; 23 конкурсанта трудоустроились в крупные государственные и частные корпорации и компании; 13 финалистов были назначены в федеральные органы власти; персональным наставникам получили 146 финалистов).

Участие во втором сезоне конкурса (2018-2019) приняли более 227 тысяч руководителей со всей страны и из 68 иностранных государств. В очных региональных полуфиналах приняли участие 3 294 человека. Из них на финишную прямую смогли выйти 269 участников, еще 31 конкурсант получил приглашение в финал по итогам выполнения задания «Сердце лидера». Победителями стали 104 руководителя из 30 регионов России⁴. Масштабы отклика на конкурс превосходили в несколько раз ожидания организаторов и, по нашему мнению, демонстрируют общественный запрос на социальный лифт.

Во втором сезоне конкурса «Лидеры России» произошли важные институциональные изменения, отражающие интеграцию технологий бизнеса и власти: в качестве партнеров были привлечены 20 крупнейших компаний и госкорпораций, в том числе «Газпромнефть», Сбербанк, РЖД, «Росатом», «Сибур», «Северсталь», «Ростех», «Роскосмос». На финал проекта приехали 38 наставников, в том числе министры, губернаторы, гендиректора – предлагали финалистам кейсы, выставляли оценки⁵. Реальные управленческие и коммуникативные компетенции участников диагностировались в реальных условиях: в реализации собственных социальных проектов, в проведении уроков в школах Сочи.

Для сотрудников компаний-партнеров участие в конкурсе также стало социальным лифтом. Сотрудники компаний-партнеров подали на конкурс 13 507 заявок. Это меньше 6% участников, но к полуфиналу доля менеджеров компаний-партнеров составляла уже 15%, а среди победителей их 22%. Лидером оказалась «Газпром нефть»: 3292 сотрудника подали заявки, 106 полуфиналистов. На втором месте – Сбербанк: 2557 заявок, 129 полуфиналистов, на третьем месте – РЖД: 2439 заявок, 55 полуфиналистов. Среди госкорпораций самым представительным был «Росатом». Его сотрудники подали 2346 заявок, 78 полуфиналистов⁶.

Александр Дюков, гендиректор «Газпром нефти» отметил, что конкурс полезен тем, что позволяет сравнить уровень управленцев компании с уровнем управленцев по стране в целом, а также является хорошей школой для участников⁷. Представитель «Россетей» заявил, что компания будет создавать условия для роста победителям. От «Росстелекома» было 802 заявки, три менеджера стали победителями. Президент компании лично встретился с победителями, для каждого создан индивидуальный план развития. Представитель «Газпромнефти» анонсировал, что для полуфина-

¹ Иванова Л.Н., Дубиненкова Е.Н. Внедрение инноваций в сфере государственного управления // Государственное и муниципальное управление. – М., 2014. – № 4. – С. 36. – <https://cyberleninka.ru/article/v/vnedrenie-innovatsiy-v-sfere-gosudarstvennogo-upravleniya-a-problemy-i-factory>

² Пригожин А.И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003.

³ Иванова Л.Н., Дубиненкова Е.Н. Внедрение инноваций в сфере государственного управления // Государственное и муниципальное управление. – М., 2014. – № 4. – С. 36. – <https://cyberleninka.ru/article/v/vnedrenie-innovatsiy-v-sfere-gosudarstvennogo-upravleniya-a-problemy-i-factory>

⁴ Россия – страна возможностей // Официальный сайт. – <https://rsv.ru/project/detail/lidery-rossii>

⁵ Кому нужны «Лидеры России» // Ведомости. 21.03.2019. – <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/03/20/796905-komu-nuzhni-lideri-rossii>

⁶ Там же.

⁷ Кому нужны «Лидеры России» // Ведомости. 21.03.2019. – <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/03/20/796905-komu-nuzhni-lideri-rossii>

листов, финалистов и победителей конкурса запущена система внутреннего наставничества с участием топ-менеджмента¹. По словам экспертов: «Сейчас с помощью «Лидеров России» берут людей на довольно высокие посты: заместителей федеральных министров, руководителей министерств в регионах и так далее. А в перспективе вообще на все посты госслужбы нужно будет ввести тестирование и суровый экзамен»². Таким образом, «Лидеры России» окажутся примером для будущих аналогичных проектов.

Второй сезон «Лидеров России» показал масштабы по потребностей бизнеса и госкорпораций в новых лидерах, а также масштабы вовлечения новых лидеров в бизнес-структуры партнеров конкурса. Партнеры конкурса получили доступ к базе данных о 91 000 человек, допущенных к дистанционному тестированию. По словам А. Кириенко, в этом году более 20 партнеров провели более 1000 собеседований с участниками конкурса. Эксперты «Ростеха» встречались с участниками полуфиналов в Екатеринбурге, Новосибирске, Самаре, Нижнем Новгороде, Ростове, Санкт-Петербурге и Москве, а во время финала провели более 70 встреч.

Осмысливая итоги двух сезонов конкурса «Лидеров России», следует отметить, что конкурс выполняет несколько функций: демонстрирует намерение власти привлечь во власть людей, способных отвечать изменяющимся социальным реалиям. Смогут ли они стать проводниками инноваций? На этот вопрос ответит ближайшее будущее. Реальные истории успеха лидеров, наверное, станут наиболее ярким индикатором успеха этой инновации.

Федеральный конкурс «Лидеры России» выполняет еще одну важную функцию – функцию формирования позитивного имиджа власти, повышения доверия к ней со стороны граждан. Опросы общественного мнения показывают, что эта функция проектом реализуется: 82% граждан поддерживают проведение конкурса «Лидеры России». Более того, среди людей, которые знают о конкурсе, эта доля составляет 90%. Еще 82% респондентов считают, что такие конкурсы нужны нашей стране. Большинство респондентов воспринимают конкурс «Лидеры России» в качестве социального лифта. Так, 80% опрошенных полагают, что конкурс способствует профессиональному росту участников опроса. Еще 79% наших сограждан сказали, что «Лидеры России» способствуют более быстрому продвижению по карьерной лестнице³.

По аналогии с федеральным конкурсом несколько регионов в 2018 и 2019 гг. также организовали и провели кадровые конкурсы, направленные на выявление лидеров в регионе и формирование кадрового резерва: в Липецкой области – конкурс «Лидеры региона 2019»⁴, Лидеры Кузбасса⁵, кадровый конкурс «Мой Дагестан»⁶, лидеры Карелии⁷, губернаторский резерв Астраханской области⁸.

Кейсом для анализа институтов, технологий и проблем внедрения инноваций в систему регионального управления стал опыт Краснодарского края, в частности, реализованного там в 2018 году краевого губернаторского конкурса управленческих кадров «Лидеры Кубани – движение вверх!», для которого Кубанский государственный университет создавал методику отбора и оценки участников.

Запрос на создание концепции и методологии конкурса был сформулирован управлением кадровой политики администрации Краснодарского края как ответ на потребность в определенном типе управленцев, которые востребованы сегодня в органах государственной и муниципальной власти.

В последние годы стало очевидно, что региональная система государственного управления испытывает колоссальный дефицит управленческих кадров, способных решать задачи, связанные с ответами на эти вызовы. В основу методологии конкурса была положена компетентностная модель управленца, сформулированная на трех экспертных сессиях с участием представителей кадровых служб, администрации Краснодарского края, бизнеса и науки. На экспертных сессиях был достигнут консенсус относительно важности роли не только «жестких» компетенций (hard skills), отражающих базовые профессиональные (в том числе управленческие) навыки, но и «мягких» (soft skills) навыков, необходимых для повышения креативности и развития социального инновационного потенциала края.

Отвечать на вызовы современного общества может универсальный лидер, сочетающий в себе признаки и системного, и антикризисного, и проектного, и социально-политического управленца, в то время как большинство современных эффективных управленцев на уровне муниципалитетов и региона – эффективные системные лидеры, не обладающие проектными и иными востребованными компетенциями. Современные проблемы в системе муниципального управления связаны, в том числе с тем, что доминирующим типом управленца-руководителя среднего и высшего звена в системе муниципального управления является тип системного менеджера. Именно на выявление лидеров, сочетающих в себе эти черты, и были направлены диагностические мероприятия конкурса.

На первом этапе реализации проекта, через платформу сайта www.лидерыкубани.рф, зарегистрировались 4027 человек из 44 муниципальных образований Краснодарского края. По итогам второго этапа, включавшего в себя двухмодульную систему онлайн-тестирования, были определены 400 участников-полуфиналистов. Социальный портрет полуфиналиста таков: 69% – мужчины, 31% – женщины; 34% в возрасте до 30 лет, 66% – старше 30 лет. Все уча-

¹ Там же.

² Москвин О. Благодаря «Лидерам России» начался отбор действительно квалифицированных кадров // Взгляд: Деловая газета. 21 декабря 2018. – <https://vz.ru/news/2018/12/21/956617>

³ Лидеры России: профессиональный рост и успешная карьера. Пресс-выпуск ВЦИОМ. – <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9379>

⁴ Лидеры региона 2019. Будь в команде // Официальный сайт конкурса. – <https://команда48.рф>

⁵ Лидеры Кузбасса // Официальный сайт конкурса. – <https://lidery-kuzbassa.ru/>

⁶ Мой Дагестан // Официальный сайт конкурса. – <https://мой.дагестан2018.рф>

⁷ Лидеры Карелии // Официальный сайт конкурса. – <https://лидерыкарелии.рф>

⁸ Губернаторский резерв // Официальный сайт конкурса. – <https://губернаторскийрезерв.рф>

стники имели высшее образование, в том числе: 72% специалитет, 18% – выпускники магистратуры, 10% – бакалавриат. 48% полуфиналистов имели стаж работы от 10 до 20 лет; 29% – от 5 до 10 лет. Большинство имели опыт работы в руководящей должности: 34,5% – от 1 до 5 лет; 30,5% – от 5 до 10 лет. Потенциальные лидеры сконцентрированы в городских муниципалитетах: 47% полуфиналистов – выходцы из Краснодара, 8,5% – из Армавира, 7,5% – из Сочи.

Полуфиналы прошли на 4 муниципальных площадках в городах Краснодар, Армавир и Новороссийск. По результатам полуфиналов отобраны 100 финалистов. 13 декабря 2018 года прошел финал проекта, на котором были определены 25 победителей. Оценку осуществляла команда специалистов (психологи, HR, управленцы, политологи) факультета управления и психологии Кубанского государственного университета.

На полуфиналах и финале эксперты оценивали участников в реальной коммуникации, деятельности, командной работе. На полуфиналах в первую очередь наряду с управленческим профилем диагностировались навыки конструктивной работы в команде; на этапе финала акцент был сделан на компетенции эффективного лидерства. За каждым участником наблюдали и оценивали его работу 3 эксперта; оценка шла более чем по 20 параметрам. На основе наблюдений экспертов каждому участнику выставлялась (средняя) от трех экспертов оценка. Затем список участников ранжировался и топ-25 выходил в следующий этап.

Мы проанализировали управленческие профили финалистов с тем, чтобы понять: отобраны ли на основе нашей методики именно те люди, которые отвечают первоначальному запросу власти.

Оценка управленческого профиля победителей показала, что созданная методология и инструментарий позволили из более чем четырех тысяч человек отобрать финалистов, обладающих максимальными рейтинговыми баллами (из максимально 3 возможных) по позициям: проектный тип управленца (2,68), коммуникативные навыки (2,48), интеллект и профессиональные умения (2,36). Проективные методики выявили у победителей ориентацию и способность работать как в системе вертикальной, так и в системе горизонтальной коммуникации.

Описанный кейс регионального конкурса управленческих кадров «Лидеры Кубани – движение вверх!» позволяет выделить три основных института инициации инноваций в системе регионального управления: государство, а точнее кадровая подсистема региональной системы административного управления (отражающая интересы части региональной политико-административной элиты), наука, а точнее – экспертное сообщество университета как участник инновационного процесса, а также бизнес.

В процессе реализации проекта использовались следующие инновационные технологии: бенчмаркинг (опыт Лидеров России), бенчлернинг (обучение команды сопровождения проекта из числа кадровиков муниципальных образований), бенчфьючинг (моделирование проекта в 3–5-летней перспективе), проектирование (конкурс как самостоятельный проект новой команды, не имевшей в процессе реализации бюджетного финансирования), фандрайзинг, брендинг/маркетинг территории (позиционирование Краснодарского края как региона инновационного развития), и формационно-сетевые технологии (реализация проекта на основе портала и приложений к нему).

Таким образом, проанализированный кейс позволяет сделать предварительные выводы о том, что кадровые конкурсы в РФ можно отнести к организационным, структурным инновациям в системе государственного управления; по механизму осуществления их следует пока считать инновациями единичными, пока не завершенными.

Анализ кейса регионального конкурса управленческих кадров позволил также выявить ряд проблем внедрения инноваций в региональную систему управления, которые соотносятся с типичными проблемами внедрения инноваций в системе государственного управления, описанными выше. В первую очередь, это административные проблемы, связанные с направлением, масштабом и скоростью внедрения инноваций, которые проявляются в сопротивлении системы. Во-вторых, необходимость наращивания кадрового потенциала поддержки инноваций. В-третьих, необходимость синхронизации результатов инновационной деятельности с существующей нормативной базой.

Симбагаев С.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: органы государственной власти, местное самоуправление, электронное правительство, технопарк, информационно-вычислительный комплекс.

Keywords: state authorities, local government, e-government, technopark, information and computing complex.

Обеспечение стабильной и бесперебойной работы электронного правительства Республики Мордовия осуществляется за счет высокотехнологичной и отказоустойчивой инженерной инфраструктуры.

Хранение и обработка информации, а также размещение и сопровождение информационных систем и ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления, входящих в состав электронного правительства Республики Мордовия, осуществляется на мощностях Информационно-вычислительного комплекса Технопарка в сфере высоких технологий Республики Мордовия.

Обеспечение доступа к информационным системам и ресурсам электронного правительства Республики Мордовия, передача информации осуществляется посредством Скоростной информационной магистрали органов государственной власти и местного самоуправления Республики Мордовия.

Информационно-вычислительный комплекс Технопарка в сфере высоких технологий Республики Мордовия (далее – ИВК) является центральным структурно-технологическим элементом инфраструктуры электронного правительства Республики Мордовия, обладающим большими информационными ресурсами и коммуникационными возможностями (таблица 1).

ИВК – единственный в России Дата-центр, построенный в соответствии с высшим, четвертым, классом доступности и надежности (TIER IV по классификации Uptime Institute, США, присвоен 14 октября 2013 года).

Ресурсы ИВК могут быть увеличены за счет включения дополнительного оборудования и организации взаимодействия с другими Дата-центрами и суперЭВМ. Ресурсы ИВК используются для формирования ядра инфраструктуры электронного правительства Республики Мордовия, что позволяет обеспечить работу государственных информационных систем на высоком современном уровне.

Таблица 1

Общая характеристики информационно-вычислительного комплекса Технопарка в сфере высоких технологий Республики Мордовия

Показатель	Значение
Общая площадь строения, м ²	5339,6
Потребляемая электрическая мощность (по 4 независимым энерговодам), МВт	2,5
Количество серверных стоек, ед.	77
Количество телекоммуникационных стоек, ед.	17
Количество размещаемых блейд-серверов, ед.	до 2156
Дисковое хранилище, Пбайт	до 1,2
Ленточная библиотека, Пбайт	до 5

Вместе с вычислительными мощностями в интересах государства используются развернутые в ИВК системы видеоконференцсвязи, IP-телефонии, WEB-сервисов, облачных вычислений и виртуализации. Ситуационный центр ИВК применяется в интересах Правительства Республики Мордовия для проведения экстренных совещаний по вопросам чрезвычайного характера.

С целью изготовления сертификатов ключей проверки электронных подписей и создания ключей электронных подписей на мощностях ИВК размещен Удостоверяющий центр органов государственной власти Республики Мордовия. Электронная подпись используется в качестве аналога собственноручной подписи для придания электронному документу юридической силы, равной юридической силе документа на бумажном носителе, подписанного собственноручной подписью правомочного лица и скрепленного печатью.

Пользователям ИВК, разработчикам и администраторам информационных систем и ресурсов предоставляется терминальный доступ к персонализированным виртуальным машинам, развернутым на высоконадежной серверной

ферме. Такое взаимодействие осуществляется по закрытым (шифрованным) виртуальным каналам, позволяющим передавать персональные данные и конфиденциальную информацию.

ИВК позволяет осуществлять высоконадежное гарантированное резервирование информации, а также организацию доступа удаленных систем к защищенным базам данных, что обеспечивает территориальную распределенность системы и повышает ее гарантированную доступность, надежность и безопасность ее использования.

На текущий момент Правительству Республики Мордовия оказывается комплекс услуг, представленных в табл. 2.

Таблица 2

Услуги, предоставляемые Правительству Республики Мордовия в рамках организации работы электронного правительства

Наименование услуги	Объем услуги
Предоставление оборудования, в т.ч.:	
предоставление инженерной инфраструктуры для размещения оборудования пользователей (co-location)	4 шкафа
предоставление вычислительного оборудования для размещения информационных систем пользователей (IAS)	более 500 виртуальных и физических серверов
предоставление программного обеспечения как услуги (SAS)	более 17 информационных систем
Администрирование общесистемного и специального программного обеспечения	более 140 единиц программных комплексов
Защита информации	620 защищенных каналов связи; 455 аппаратных комплексов; 1263 обслуживаемых электронных подписей
Сопровождение пользователей	более 650 организаций; более 10 000 пользователей
Организация и проведение сеансов видеоконференцсвязи	более 120 сеансов за год
Архивное хранение данных	443 576 Гб для 73 систем

На мощностях ИВК на настоящий момент размещено свыше 70 информационных систем и ресурсов электронного правительства Республики Мордовия, что потребляет более 90% имеющихся вычислительных ресурсов объекта. При этом анализ использования вычислительных ресурсов и перспективной суммарной потребности, проведенный в 2018 г., показал, что потребность органов власти и органов местного самоуправления Республики Мордовия в услугах хранения и обработки данных на 2018 год превышает фактически выделенные ресурсы в 1,3 раза, а к 2024 году увеличится в 1,5–2 раза.

Требуется выделение дополнительных вычислительных мощностей для уже размещенных на ИВК информационных систем и ресурсов, а также перенос и размещение на объекте новых компонентов электронного правительства Республики Мордовия, в первую очередь на уровне местных образований.

Кроме того, в настоящее время возрастает риск выхода вычислительного оборудования ИВК из строя в связи с его моральным устареванием и физическим износом. Закупка оборудования осуществлялась при построении объекта – в 2010-2011 годах, срок полезного использования превышен почти в 3 раза. При этом осуществить ремонт оборудования или закупку аналогов не представляется возможным, поскольку техническое обслуживание и выпуск такого оборудования давно не осуществляется.

Инженерная инфраструктура объекта также требует модернизации. В связи с отсутствием необходимого финансирования осуществлялось техническое обслуживание только наиболее критических ее элементов. Отсутствие технического обслуживания инженерной инфраструктуры в необходимом объеме ставит под угрозу не только выход из строя отдельных межведомственных и ведомственных информационных систем и ресурсов (как в случае постепенного выхода из строя вычислительного оборудования), но и весь комплекс электронного правительства Республики Мордовия, что в свою очередь негативно скажется на выполнении органами государственной власти и органами местного самоуправления Республики Мордовия своих функций.

По результатам проведенного анализа, можно сделать вывод, что ИВК является центральным элементом инфраструктуры электронного правительства Республики Мордовия и призван обеспечить его надежную и отказоустойчивую работу, однако на настоящий момент требует реализации оперативных мероприятий по развитию и модернизации центра обработки и хранения данных.

Особое место в реализации проектов по построению единого информационного пространства республики занимает скоростная информационная магистраль органов государственной власти и местного самоуправления Республики Мордовия (далее – Магистраль).

Реализация проекта началась в 2003 году, и уже спустя короткое время создание Магистралей дало очевидные результаты, и самый главный из них – обеспечение информационного взаимодействия и доступа в сеть «Интернет» республиканских органов власти и местного самоуправления.

Главной особенностью Магистралей является именно централизованное предоставление различного рода телекоммуникационных услуг: передача данных, доступ в сеть «Интернет», информационный обмен по электронной почте, защита от сетевых угроз.

Узлы связи расположены во всех административных зданиях, где размещаются исполнительные органы государственной власти, администрации муниципальных районов республики, ряд территориальных органов федеральных органов государственной власти, а также информационно-вычислительный комплекс Технопарка в сфере высоких технологий Республики Мордовия.

Учитывая, что в республиканском Дата-центре сконцентрированы все информационные системы республиканских органов власти, построенная сеть с полосой пропускания трафика до 1 Гбит/сек объединила локально-вычислительные сети, автоматизированные рабочие места и серверное оборудование во всех государственных органах Республики Мордовия.

Магистраль, помимо доступа к сети передачи данных, обеспечивает необходимый набор информационных служб, таких как корпоративная электронная почта (включая систему антивирусной защиты и защиты от «нежелательной» почты), электронный документооборот, служба доменных имен, IP-телефония, видеоконференцсвязь и ряд других.

В 2017 году на базе магистралей создана первичная инфраструктура сети телефонной связи на базе технологии IP-телефонии. Это дает большой потенциал в области оказания услуг по передаче голосовой информации по различным направлениям и созданию условий передачи не тарифицируемого голосового трафика внутри органов власти Республики Мордовия, что в свою очередь позволит снизить расходы республиканского бюджета Республики Мордовия на услуги связи.

Также в 2017 году введен в эксплуатацию узел обслуживания вызовов экстренных оперативных служб на территории Республики Мордовия по единому номеру «112». Указанный узел был подключен к основным операторам связи на территории Республики Мордовия, организовано подключение и настройка рабочих мест районных ЕДДС для информационного взаимодействия с Системой обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112».

Безусловно, важным критерием качественной работы Магистралей является ее высокий уровень надежности и информационной безопасности.

В целях обеспечения информационной безопасности с января 2007 года государственные органы власти Республики Мордовия осуществляют доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет только через технические средства Магистралей. Осуществляется оперативный учет и контроль объемов данных, передаваемых и принимаемых органами государственной власти Республики Мордовия из открытых внешних телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. В 2018 г. (по состоянию на конец октября) посредством Магистралей передано 224,5 Тбайт трафика, в том числе 170,8 Тбайт входящего и 53,7 Тбайт исходящего трафика.

Сервис криптографии необходим для защищенного доступа к внутренним ресурсам республиканского центра обработки и хранения данных. Техническая поддержка представляет собой сопровождение VPN-туннелей от шлюза/группы компьютеров/смартфонов/планшетов органа государственной власти или подведомственного учреждения до требуемого внутреннего ресурса. На конец октября 2018 года абонентам предоставляется 237 криптографических туннелей.

Посредством Магистралей также централизовано решены вопросы доступа к российскому государственному информационно-телекоммуникационному сегменту сети «Интернет» (сеть RSNет).

Для обеспечения информационной безопасности на необходимом уровне на постоянной основе осуществляется модернизация и развитие Магистралей в соответствии с требованиями, вводятся в эксплуатацию технические средства для обеспечения защиты информации от угроз, исходящих из сетей, присоединенных к Магистралей. Эти задачи решаются с использованием технических средств, сертифицированных по требованиям Федеральной службы по техническому и экспортному контролю России.

Стоит отметить, что год от года объем телекоммуникационных услуг растет. Увеличивается и количество услуг, оказываемых с использованием средств криптографической защиты информации, количество услуг по предоставлению виртуальных каналов связи, количество адресов электронной почты на сервере e-mordovia.

На настоящий момент сохраняется проблема цифрового неравенства в использовании информационно-телекоммуникационных технологий. Поэтому основная задача развития Магистралей заключается в подключении к ней органов местного самоуправления уровня сельских поселений, а также организаций, подведомственных исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления, а это в свою очередь потребует серьезных финансовых и трудовых затрат.

Подводя итог, можно сказать о том, что скоростная информационная магистраль органов государственной власти и местного самоуправления Республики Мордовия обеспечивает централизованное качественное предоставление телекоммуникационных услуг с высоким уровнем надежности и информационной безопасности.

Сорокина М.С.

к.э.н., Администрация города Курска
mari9332@yandex.ru

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, бюджетные инвестиции, инвестиционные программы, финансирование инвестиций, государственное регулирование, инвестиционный климат.

В сложившихся экономических условиях особая роль отведена инвестициям. Инвестиции как экономическая категория выполняют ряд важных функций, без которых затрудняется развитие экономики. Экономический рост определяется уровнем инвестиций, направляемых на увеличение производства, его модернизацию и реконструкцию, на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, а также на вложения в человеческий капитал.

Инвестиции способствуют увеличению прибыли. Разрабатываются и реализуются инвестиционные проекты для развития не только экономики, но и государства в целом.

Под инвестиционной деятельностью понимаются прежде всего практические действия, направленные на разработку проектов инвестирования и их фактическую реализацию, вплоть до завершающего момента – получения субъектом ожидаемого экономического эффекта от инвестиций¹.

Бюджетные средства, необходимые для финансирования инвестиционных программ, вносятся в состав расходов бюджета соответствующего уровня. Для предоставления бюджетных инвестиций необходимо подготовить пакет документов, который состоит из технико-экономического обоснования инвестиционного проекта, проектно-сметной документации, плана передачи земли и сооружений, проекта договора между соответствующим органом исполнительной власти и субъекта инвестиций об участии в собственности последнего. При наличии указанных документов инвестиционный проект может быть включен в проект соответствующего бюджета².

Для ведения инвестиционной деятельности необходимо иметь детальное представление о существующих видах и типах инвестиций. Классификация инвестиций по различным признакам приведена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация инвестиций по различным признакам

Признак	Инвестиции
Объект вложений	Реальные Финансовые Инновационные (интеллектуальные)
Участие инвестора в инвестиционном процессе	Прямые Косвенные (непрямые)
Период инвестирования	Долгосрочные Среднесрочные Краткосрочные
Региональный	Внутренние Внешние
Форма собственности на инвестиционные ресурсы	Частные Государственные Иностранные Совместные

Значительная часть инвестиционных проектов финансируется за счет средств федерального бюджета. Вопросы государственного регулирования инвестиционных проектов, связанных с финансированием средствами федерального бюджета, являются полномочиями органов государственной власти Российской Федерации, в частности правительства Российской Федерации, а также непосредственно органов государственной власти субъектов Российской Федерации – органами исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации и направлены на развитие данной сферы.

¹ Желтяков А.А. Инвестиции и инвестиционная деятельность // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2013. – № 12. – <http://ekonomika.snauka.ru/2013/12/3429>

² Бюджетная система Российской Федерации: учебник для студентов вузов / Г.Б. Поляк. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 703 с.

К формам государственного финансирования инвестиционных проектов относят кредитование на различных основах: возвратной и безвозвратной. Финансирование на возвратной основе означает предоставление денежных средств на определенное время, с обязательством вернуть их с процентами к определенному сроку. А финансирование на безвозвратной основе подразумевает предоставление денежных средств на неопределенное время с целью получения от реализации проекта доходов¹.

К источникам финансирования, базирующимся на возвратной основе, можно отнести федеральные бюджетные средства, выделяемые Министерством финансов Российской Федерации в сферу капитального строительства. При этом объем определяется на основании пределов сумм кредитов, согласованных с Центральным банком Российской Федерации. Положительным элементом данной формы финансирования являются льготные процентные ставки, которые находятся на уровне значительно меньшем в сравнении со ставками при простой операции банковского кредитования, а также льготное получение необходимых средств. Бюджетное финансирование инвестиционных проектов, осуществляемое на безвозвратной основе, имеет источником средства бюджетных ассигнований.

В механизме взаимосвязанных условий, которые определяют инвестиционный климат и регулируют инвестиционные отношения в нашей стране, одна из главных ролей отводится нормативной правовой базе. Развитие нормативной правовой базы в России характеризуется рядом особенностей. Так, периодически повышаются охват проблем регулирования инвестиций и точность в установлении механизмов данного регулирования, соблюдая при этом наиболее важный принцип для потенциальных инвесторов – принцип стабильности нормативной правовой базы.

Законодательство, регулирующее инвестиционную деятельность в Российской Федерации и включающее в себя достаточно большое количество нормативных правовых актов, является развитой правовой основой для дальнейшего развития и регулирования инвестиций.

В настоящее время основными документами, регулирующими порядок осуществления инвестиционной деятельности в России, являются Федеральные законы: «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений от 25.02.1999. № 39-ФЗ, «Об иностранных инвестициях в РФ» от 09.07.1999. № 160-ФЗ, «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» от 05.03.1999. № 46-ФЗ, «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001. № 156-ФЗ,

Согласно ст. 11 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» существует определенный законодательно установленный перечень возможных форм и методов, направленных на регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений².

С этой точки зрения можно рассмотреть такой элемент государственного регулирования, как формирование соответствующих условий, которые благоприятным образом будут содействовать развитию инвестиционной деятельности. Примером условий данного типа может выступать совершенствование системы налогообложения, а также системы расчетов и формирования сумм, относящихся к такой категории, как «амортизация». Возможно рассмотрение направленности использования отчислений данного типа.

Установление для категории лиц, осуществляющих инвесторскую деятельность, льготных налоговых режимов, а также их непосредственная защита интересов, способствуют росту привлекательности данного направления деятельности. Предполагается возможность предоставления льготных условий пользования ресурсами, например, землей для субъектов инвестиционной деятельности.

Также необходимым элементом поддержания оптимальных условий развития инвестиционной сферы является своевременное совершенствование нормативно-правового регулирования. Для ликвидации пробелов в правовом регулировании инвестиционных отношений следует наиболее взвешенно подходить к вопросам регулирования инвестиционной деятельности с позиции иерархии норм права.

Важным механизмом государственного регулирования являются меры, направленные на развитие системы финансового лизинга в стране.

Контроль за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения, в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляют Счетная палата Российской Федерации, а также уполномоченные на то федеральные органы исполнительной власти³.

Таким образом, государственное регулирование инвестиционной деятельности, финансируемой за счет средств федерального бюджета, сводится не только к контролю, но и к формированию условий для развития данной сферы деятельности. Как показал анализ изученного материала, спектр применяемых форм и методов регулирования достаточно широк.

¹ Официальный сайт «Финансирование инвестиционных проектов». – <http://mir-investicyj.ru/>

² Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: федер. закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 26.07.2017). – <http://consultant.ru/>

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.11.2006 № 1708-П. – <http://garant.ru/>

Спирина М.Ю.¹

КАКОЙ УПРАВЛЕНЕЦ НУЖЕН СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Ключевые слова: управление, человек, воспитание, образование, традиционная культура, субъект управления.

Keywords: management, individual, upbringing, education, traditional culture, the subject of management.

Управление как социальный феномен известно с древних времен. В учебниках древний этап развития управления как искусства и науки относят к IX–VII тысячелетиям до н.э. Сегодня его изучают представители разных отраслей научного знания: философии, социологии, политологии, кибернетики, психологии, экономики и др. Они рассматривают проблемы формирования управленческих отношений с разных позиций. Однако главным объектом изучения остается человек, ибо он выступает здесь в обеих ипостасях: как субъект и как объект управления. Если обратиться к рассмотрению главных задач управления в современном мире, то не трудно заметить, что основной целью работы с персоналом в современных условиях признают формирование личности, обладающей высокой ответственностью, коллективистской психологией, высокой квалификацией, развитым чувством сохозяина предприятия. Наряду с этим обсуждается и противоречие, выражающееся, с одной стороны, в воспитании индивидуализма, а с другой – в формировании чувства субординации, предполагающего авторитет целого с подчинением этому авторитету.

Человек с глубокой древности работал над собой, преобразовывая себя в Личность, не ограничиваясь только физическим своим существованием, но постоянно совершенствуя себя духовно. Недаром устное народное творчество зафиксировало пословицу «век живи, век учись». В ходе самосовершенствования человек воздействовал и на себя, и на других членов сообщества. Таким образом, он вступал в отношения управления. С древнейших времён начинается и процесс самоуправления человека, когда он одновременно выступает и субъектом, и объектом управления. Опыт такой работы человека содержится в традиционной культуре, которая проявляется как фиксированная память человечества о самом себе.

В процессе управления, которое многими авторами рассматривается как воздействие одних людей на других, огромное значение приобретает личностное начало. Человек «как целостное единство природы и общества»² занимает важнейшее место в экономических, политических и социокультурных процессах. В них, несмотря ни на что, человек сохраняет «единство “тела”» (природы), души (национального характера) и духа (склада мышления, типа логики)³. Мы оставим в стороне чисто биологическое, подсознательное самоуправление человека и обратимся к его социальной деятельности. Как субъект он управляет собой и другими людьми, набирая опыт в семье, обществе, иных социально-экономических образованиях. Именно жизнь семьи, которая всегда характеризовалась как ячейка общества, можно считать началом участия человека в управлении. Вот почему в традиционной культуре семейному воспитанию уделялось особое внимание.

Чтобы найти эффективные способы решения современных проблем управления, необходимо обратиться к историческому опыту российской науки и практики управления, в кладовой которого можно найти способы решения не только конкретных задач управления, но и противостояния нынешнему антропологическому кризису. Этот кризис затрагивает человека и формирует проблему его дальнейшего существования на планете Земля.

Во многих отраслях отечественного научного знания, в том числе и науки управления приходится сталкиваться с проявлениями европоцентризма. Проблема не нова, о ней многожды писали представители отечественной культуры. Один из представителей сибирского областничества, С.Я. Капустин, отмечал: «Интеллигентный наш класс развивался доселе весьма своеобразным образом, заимствуя всякого рода познания у Западной Европы и упуская при этом ближайшее изучение своего отечества. <...> Этим, конечно же, объясняется и лёгкость, с которой мы уже не первый десяток лет нашей сознательной жизни руководимся всецело только примерами Западной Европы, пересаживаем, недолго думая, её учреждения на свою почву и мало творим сами из своего собственного»⁴. Этим же грешит и подготовка управленца в современной России. Основное внимание обращают главным образом на работы А. Смита, Дж. Миля, Р. Оуэна, Ф. Тейлора, Г.Л. Гантта; А. Файоля, М. Вебера; Э. Мэйо и др. Исходя из их публикаций, в современные учебники включены многие определения и позиции, не отвечающие национальной специфике, задачам обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности России.

¹ Спирина Марина Юрьевна – к.и.н., заслуженный учитель России, член Творческого союза художников России, Международной федерации художников, Русского географического общества, проректор по научной работе Межрегионального института экономики и права при МПА ЕврАзЭС. E-mail: mus931@inbox.ru

² Некрасова М.А. Народное искусство и экология культуры // Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. – М.: НИИ теории и истории изобразительного искусства, 1991. – С. 6.

³ Каган М.С., Холостова Т.В. Культура – философия – искусство (Диалог). – М.: Знание, 1988. – С. 6.

⁴ Капустин С.Я. Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей. – СПб., 1887. – С. 8.

Крайне редко звучат имена представителей отечественной науки об управлении или, как писал Н.А. Витке, «организационной науки». В частности, психологический подход Э. Мэйо был сформулирован на рубеже 1920–1930-х гг., т.е. хронологически даже несколько позже, чем это сделали ученые Российской империи и Советского Союза. Только исключительно незнанием и неприятием собственного исторического опыта можно объяснить факт столь легкого расставания с приоритетом отечественной науки в данной сфере.

Ф.М. Достоевский в записных книжках особо подчеркнул, что «собственно наш, русский почвенный идеал несравненно выше европейского (что он только сильнее разовьётся от соприкосновения и сравнения с европейским), но что он-то и возродит всё человечество»¹. Ведь тот же Н.А. Витке впервые в мировой управленческо-экономической мысли высказал идею о целесообразной организации людей в их взаимоотношениях как участников единой трудовой кооперации.

Отечественные исследователи первыми стали изучать сферу научного управления (задолго до Ф. Тейлора). Разработанную ими в 1860–1870 гг. методику рационализации трудовых движений сразу же стали активно внедрять английские промышленники. Наиболее плодотворными в развитии отечественной управленческой мысли были 1920-е гг., когда в период НЭПа научная мысль получила значительный стимул к развитию в ряде областей. В это время четко обозначились две основные группы концепций управления: организационно-технические и социальные. Чтобы выявить своеобразие российской науки управления начала XX в., достаточно обратиться к управленческим концепциям таких ученых, как А.А. Богданов и Н.А. Витке. Выделенные ими позиции представляют интерес для научного поиска и сегодня. Мы назовём некоторые положения, которые соотносятся с теми, что связаны с традиционной культурой.

А.А. Богданов, например, рассматривал мир как поле коллективного труда, где сталкиваются человеческая активность и стихийные сопротивления природы. Организацию он характеризовал не как конечное состояние, нечто застывшее, а как процесс постоянных преобразований, связанных с непрерывной сменой состояния равновесия. Он признавал трудовой коллектив человечества самой высшей из организованных во Вселенной систем, где в протариате впервые начинает пробуждаться коллективное самосознание. В отличие от Ф. Тейлора, рассматривавшего организационную систему как замкнутую и находящуюся в неизменном окружении, А.А. Богданов подчеркивал, что «только активное использование внешней среды обеспечивает сохранность системы». Его концепция «коллективной структуры», способствующей стиранию граней между управляющими и работниками, может считаться прямой предшественницей посттейлоровских организаций. Для нас интересно также богдановское определение человеческого коллектива как носителя всеобщих космических законов организованности. Только в 1970-е годы идеи А.А. Богданова заново формулируются в книгах Р. Акоффа, Дж. Гэлбрейта и др. зарубежных исследователей.

Природа человека еще никогда не подвергалась подобным испытаниям, как сегодня². Зарубежные авторы пишут о «постчеловеческом будущем», занимаются переделыванием самого человека. Специалисты всё чаще говорят о новой болезни – видеотизме. Человечество постепенно утрачивает выработанную веками специфическую культурную способность образного мышления. Учёные и педагоги особое внимание обращают на появление компьютерного рационализма, ибо он ведет к потере человеком способности диалектического восприятия мира и снижает его интуитивные возможности. Без интуиции невозможна творческая деятельность человека, формирование личности человека, его самосовершенствование и самовоспитание. В связи с этим нам представляется жизненно необходимым привлечение всех возможностей традиционной культуры для обучения и воспитания будущего человека и обеспечения его жизнедеятельности, для эффективного формирования человека как субъекта и объекта управления.

Представители различных наук отмечают в современном мире возврат к исходным ценностям, носящим характер неизменных и общечеловеческих. Философы, социологи, педагоги, культурологи, антропологи сделали вывод, что представители так называемых «развитых» этносов испытывают своего рода ностальгию по тем качествам культуры, которыми обладают «отсталые» народы и которых не хватает им. Такие качества наиболее полно соответствуют сущности человека, его неразрывной связи с природой, внутренней и внешней гармонии, но они были утрачены в процессе «цивилизационного» развития, критериями коего служат в основном наука, техника и технологии. В связи с этим традиционная культура, включая традиционное прикладное искусство, и привлекает особое внимание.

Выделим важнейшие характеристики традиционной культуры, определяющие её судьбоносное значение для человека. Научным изучением этого феномена занялись не так давно. Назовём лишь некоторые выводы науки. П.Р. Гамзатова, например, пишет о произведениях традиционного искусства как об активно входящей в мир форме, организующей мир, пространство и человека в соответствии с некоторыми фундаментальными представлениями о миропорядке³. М.А. Некрасова неоднократно подчеркивала большую ценность и актуальность народного искусства в современной культуре, подчеркивая, что оно протягивает нити дружбы, понимания от одного народа к другому⁴. Известный педагог В.Н. Сорока-Росинский придавал особое значение средствам народной педагогики, составляющей важнейшую часть традиционной культуры: «Школьник, воспитанный таким образом на звуках родной песни, впервые

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя (полный текст), избранные статьи и фрагменты записных книжек: В 3-х тт. – М.: Захаров, 2005. – Т. 1. Тексты 1845–1875 гг. – С. 250.

² Блюменкранц М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. – М., 2007. – № 1. – С. 52.

³ Гамзатова П.Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 29.

⁴ Некрасова М.А. Народное искусство и экология культуры // Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций: Материалы Всесоюз. с междунар. участием научно-творч. конф.; сост. М.А. Некрасова / Под ред. М.А. Некрасовой, К.А. Макарова. – М.: НИИ теории и истории изобразительного искусства, 1991. – 378 с.

почувствовавший в них всю святость родины и родного народа – высших этических ценностей, будет застрахован от того зоологического национализма, при котором сознание своей национальной индивидуальности сочетается с бахвальством, с животным позывом к разгрому инородца, к оскорблению чужой национальной святости»¹.

Обратим внимание и на мнение выдающегося отечественного философа. В.С. Стёпин пишет о мировоззренческих универсалиях (категориях «природа», «космос», «пространство», «время», «человек», «свобода», «справедливость» и т.д.), подчеркивая, что «Мировоззренческие универсалии выполняют в жизни общества такую же функцию, как и гены в живом организме. Они организуют в целостную систему сложный набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социоклада, и играют роль своего рода ДНК социальной жизни»². Тем самым они будут регулировать поведение, общение и деятельность людей, формировать их социальную жизнь.

Традиционная культура способна питать своими животворными силами все процессы современного мира, включая и процессы управления. В этом плане особое значение приобретает образование, необходимо сочетающее в себе обучение и воспитание. М.В. Ломоносов считал главным для Отечества сохранение его духовного и исторического достоинства, опору на национально-исторические традиции. Такие же позиции занимали А.И. Бакушинский, В.И. Вернадский, И.А. Ильин, И.В. Киреевский, Д.И. Менделеев, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Д.С. Лихачев, др. Как писал Л.Н. Гумилев, «этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а система различных по вкусам и способностям личностей, продуктов их деятельности, традиций, вмещающей географической среды, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы»³. Всякая абсолютизация принципов интернационализма в деле воспитания, увлечение чужими моделями воспитания неизбежно несет отрицательный результат. И.А. Ильин подчеркивал, что задача каждого поколения состоит в верной передаче духа национального воспитания, и притом «в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства и международной справедливости. Только на этом пути человечеству удастся соблюсти священное начало родины и в то же время одолеть соблазны – как больного национализма, так и все разлагающего интернационализма»⁴.

Прежде, чем охарактеризовать потенциал традиционной культуры, который может быть использован в складывании личности современного управляющего и управляемого, напомним слова Н.Я. Данилевского о том, что в российской цивилизации в отличие от западной, «стержнем» которой является экономическая заинтересованность, «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу <...>, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготавливающееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настанет время для его внешнего практического обнаружения и осуществления»⁵. Традиционная культура и искусство характеризуются синкретизмом, традиционностью, преемственностью, высокой нравственностью, уважением к старшим, Природе, любовью к родине и целым рядом иных черт, необходимых при формировании личности современного человека, в том числе и управленца.

Синкретичный характер традиционной культуры проявлялся в слиянности общечеловеческого и национального, материального и духовного в жизнедеятельности человека; единстве науки и практики; иных формах. История развития традиционного искусства как значимой части трудовой деятельности древнего человека хранит значительный опыт интегративного взаимодействия своих первоначальных компонентов. Эту особенность можно считать предпосылкой для разработки теоретических основ интегрированного подхода в подготовке современных специалистов. Применение синкретизма традиционной культуры и искусства является важнейшим фактором обеспечения универсальности содержания образования и позволяет осуществлять воспитание субъекта этноса как целостной биосоциальной системы.

В условиях отхода от гуманистических традиций и потери нравственных и духовных ценностей и идеалов, накопленных человечеством за многотысячелетнюю историю (добродетели, альтруизма, помощи, любви, честности, справедливости, ответственности, ограничения, достоинства и др.) сохранение, распространение и развитие традиционной культуры следует рассматривать как приоритетное направление в системе национального образования. Особое значение эта культура призвана сыграть в воплощении в жизнь Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

Традиционность перекликается с принципами историзма и преемственности, позволяющими будущему специалисту найти своё место в современном социуме, приобрести умение пластично вписываться в инновационную экономику, культуру, образование. Большинство российских теоретиков и исследователей считают традицию феноменом принципиально динамичным и саморазвивающимся. Традиции есть категория, призванная охватить все способы фиксации, передачи и воспроизводства культуры. Напомним, что К. Лоренц считал отказ от традиции одним из семи смертных грехов современного человечества.

Для управленца одним из важнейших является такая основа традиционной культуры, как коллективность. Она подразумевает не только соединение создателя и потребителя, субъекта и объекта, но также умение жить и трудиться в коллективе, взаимное уважение; способность пользоваться опытом других, находить на основе коллективного опыта новые, оригинальные решения в практической профессиональной деятельности. С коллективностью тесно связана

¹ Сорока-Росинский В.Н. Педагогические сочинения / Сост. А.Т. Губко. – М.: Педагогика, 1991. – С. 134.

² Стёпин В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – М., 2006. – № 2. – С. 18.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотипное. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – С. 103.

⁴ Ильин И.А. Путь духовного обновления. О национальном воспитании. / Собр. соч. в 10 тт. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – С. 208.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. / Предисловие Н.Н. Страхова; статья К.Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступ. ст. и комментарии А.А. Галактионова. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Издательство «Глаголь», 1995. – С. 163.

преемственность, которая в современном мире оказалась нарушенной. Одним из проявлений этого стала проблема межпоколенных отношений. А ведь в той же семье воспитывалось правильное соотношение и взаимодействие старшего и младшего поколений. Авторитет стариков много значил ранее в любом коллективе. Старейшин уважали за их опыт, многие знания, умение общаться с людьми, занимавшими различные позиции в обществе, в ином коллективе.

Главным назначением человека всегда являлся добросовестный, систематический и разумный общественно полезный труд. Напомним, что из современной средней школы уроки труда исключены. А ведь в традиции русского народа включалась обязательность трудовой деятельности с необходимой ответственностью за все свои действия. Такой труд воспитывал в человеке творческое отношение к делу и в широком смысле слова самостоятельность, умение самому находить нужные решения в процессе труда, в том числе его организации. В связи с этим необходимо обратить внимание на опыт т.н. кустарной промышленности (сегодня – малый и средний бизнес).

В традиционной культуре содержится этический и эстетический национальный идеал. В ней сформировался образец идеальной совершенной личности. Уже в Древней Греции считали, что «многознание не научает мудрости». Более всего опасно невежество в сочетании с безнравственностью. Народный идеал человека, как правило, связан с такими чертами личности, как трудолюбие, ответственность, человечность, самостоятельность, добродетельность, любовь к Родине, уважительное отношение к представителям других культур и др. Г.Н. Волков называет его «народным идеалом совершенного человека»¹. На этой основе, например, в требования к избираемому российским земством гласных было включено «неопороченное поведение»².

Этический идеал совершенного человека принуждал заботиться о сохранении физического и душевного здоровья человека. Помогал этому ручной художественный труд, благодаря которому развивалась мелкая моторика пальцев рук, непосредственно влиявшая на развитие мозга. Вот почему князь Ф.С. Голицын, описывая кустарную промышленность России на рубеже XIX–XX вв., высоко оценивал воспитательное значение кустарничества как важного способа умственно-духовного развития русского народа³. На рубеже XX–XXI вв. в России было устроено 130 курсов ручного труда в 24 местностях. В их число с 1906 г. вошли ежегодные летние курсы при Санкт-Петербургском и Московском учительских институтах, на которых готовились «к правильному преподаванию рукоделия» 2000 учителей и учительниц из самых отдаленных местностей России.

Отметим также жизнерадостную предметно-пространственную среду обитания человека, благодаря чему в традиционной культуре личность формировалась в соответствии с народным идеалом совершенного человека. Жилище человека должно представлять собой «живое пространство живых вещей», неоднократно отмечала М.А. Некрасова. Традиции народной культуры связывают психофизическое здоровье человека с состоянием его души. Радость, оптимизм, принятый как мировоззрение и образ жизни, предписываются многими народными культурами, что включает и правильное отношение к собственному здоровью. Оно является сегодня одним из основных показателей нравственности и гражданской зрелости человека. В народной педагогике обращалось внимание не только на духовное, нравственное воспитание, но и на физическую культуру. Идеалом в представлении народа считалось воспитание здорового, жизнерадостного, сильного, отважного подрастающего поколения. Комплекс мер, включающий в себя народную медицину, разумное питание, использование природных факторов, игры, соревнования, праздники, обеспечивал нормальное физическое развитие детей и юношества. В современной педагогике выделяют принцип здоровьесбережения и технологии биодоступного преподавания. Народной педагогикой воспитывались вполне «самостоятельные творческие единицы»⁴.

Особую роль в формировании человеческой личности имела Природа. Она и сегодня остается для человека Великим Учителем. Человек перенял у природы очень многое, если не сказать все: умение разводить огонь, прятаться от непогоды, хранить пищу про запас, маскироваться под окружающую среду и т.д. Забота о природе есть забота человека о себе, точнее – забота о человечестве, ибо он – часть природы. Во «Всемирной стратегии охраны природы» говорится: «Мы не унаследовали землю у наших отцов. Мы взяли ее в долг у наших детей». Действительно, дети должны не только получить в наследство живую природу Земли, но готовиться передать ее потомкам.

П.А. Кропоткин в своей книге «Этика» подчеркивал: «По мере того, как мы ближе знакомимся с первобытным человеком, мы все более и более убеждаемся, что из жизни животных, с которыми он жил в тесном общении, он получал первые уроки смелой защиты сородичей, самопожертвования на пользу своей группы, безграничной родительской любви и пользы общительности вообще»⁵. По мнению исследователей, население России, которая долгое время являлась аграрной страной, выработало оптимальные, с точки зрения экологии, взаимоотношения с природой. Природа в народном сознании являла собой идеал гармонии, красоты, разумности, что нашло свое отражение в различных сферах традиционной культуры.

Мало что известно современному человеку о единстве науки и практики в традиционной культуре. А их соединение образует эффективный фактор в организации управления на любом уровне. Трансдисциплинарный подход и углубленное изучение традиционной культуры позволили бы современным ученым и практикам обрести новые знания и умения в организации управления. Источники подобных знаний могут быть самыми разными. Так, выдающийся

¹ Волков Г.Н. Педагогика национального спасения: избранные этнопедагогические сочинения / Сост.: А.А. Сокальский. – Элиста: Джангар, 2003. – 437 с.

² Земское самоуправление. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/russian_history/10141/

³ Голицын Ф.С. Кустарное дело в России в связи с умственно-духовным развитием русского народа. Составил кн. Ф.С. Голицын. Т. 1. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904-1913. – 642 с.

⁴ Безвиконная Е.В. Путевые заметки лекаря омского гарнизонного полка Ф.К. Зиббернштейна как источник по реконструкции восприятия российским чиновником представителей казахской аристократии // Степной край..., с. 69.

⁵ Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – С. 36.

русский философ И.А. Ильин обратил внимание на то, что «Хоровое пение дивным образом сочетает самостоятельность человека с осуществлением общественной гармонии»¹, оно «национализирует и организует жизнь – оно приучает человека свободно и самостоятельно участвовать в общественном единении»².

Россия накопила значительный и «пользительный» опыт в этом отношении. К традиционной культуре обращались и отечественные, и зарубежные деятели в самые критические периоды существования своих стран. В Российской империи опытом традиционной культуры пользовались разнообразные и разнохарактерные организации: государственные, общественные, частные: Министерство земледелия и государственных имуществ Российской Империи, Министерство финансов, Общество для содействия русской промышленности и торговли, Императорское Русское географическое общество, Вольное экономическое общество, образовательные учреждения, создаваемые меценатами и др.

Сегодня «чистый» профессионализм должен перестать быть главной целью образования. В процесс профессионального обучения необходимо включить воспитание новых личностных качеств человека. В их число входит формирование ценностных ориентаций на базе национального менталитета, установок на диалог и сотрудничество при сохранении национальной идентичности. Воспитать человека, подчеркивал А.С. Макаренко, значит воспитать перспективные пути его развития, способность жить не только сегодняшним днем, но и уметь находить завтрашнюю радость. Традиционная культура способна противостоять отчуждению человека от своей историко-культурной цельности, от родной земли; опасности перерождения психологии созидателя в «психологию расхитителя и разрушителя»³.

В связи с этим возникает важнейшая проблема содержания профессионального образования. Современным обществу, государству, экономике, науке, технике, искусству требуется всесторонне образованный, гармонически развитый специалист, не просто умеющий грамотно выполнять определенные профессиональные функции, но думающий, видящий перспективу, творчески относящийся к своей трудовой деятельности; умеющий эффективно организовывать свой и чужой труд. Для такой личности важнейшим качеством является обязательная ответственность за все свои действия. Воспитать личность значит сформировать существенные качества, определяющие особенности ее деятельности и поведения. Велика роль искусства в формировании такой личности. Искусство воздействует на человека через эстетическую, познавательную, воспитательную функции. Ему присуща редкостная способность влиять на духовный мир человека, делая его добрее, умнее и счастливее. Традиционное искусство в значительной степени выполняет главную задачу образования и воспитания: «вложить» в личность в сжатом виде всю ту культурную программу развития, которую человечество уже освоило, обеспечивая тем самым возможность движения вперед, опираясь на предшествующий опыт.

В заключение можно сделать вывод, что наличие в традиционной культуре ценностей красоты, природы, альтруизма и творческой деятельности не позволит человеческой культуре и цивилизации прийти к самоуничтожению, а может поднять ее на новый духовный уровень. Исторический опыт традиционной культуры дает возможность и сегодня воспитывать и формировать личность высоконравственную, ответственную, инициативную, способную преследовать не исключительно экономические интересы, обладающую «нравственной оседлостью» (Д.С. Лихачёв). Именно такая личность явится эффективным актором процесса управления вне зависимости от того, кем она выступает – объектом или субъектом его.

¹ Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего / Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. – С. 463.

² Ильин И.А. Путь духовного обновления. О национальном воспитании. / Собр.соч. в 10-ти тт. Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1993. – С. 203–204.

³ Некрасова М.А. Место народного искусства как духовного феномена в современной культуре России. – <http://www.rodon.org/society/>

Суворова А.П.

д.э.н., профессор, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
saprof@mail.ru

Черных В.В.

к. э. н., н.с., зав. лабораторией, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола
Chernyh VV@volgatech.net

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЯ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Ключевые слова: административные барьеры, административные препятствия, развитие регионов, инновационное развитие, технологическое развитие.

Keywords: administrative barriers, administrative obstacles, regional development, innovative development, technological development.

Множество инновационных проектов не достигает этапа получения патента или лицензии. Большинство инноваций, достигая стадии внедрения, не доходят до массового производства. Инновационное развитие замедляется, упираясь в фактор получения инвестиций, зачастую останавливается вследствие препятствий барьерного характера, установленных законодательным путем.

Барьеры могут оказывать как отрицательное, так и положительное воздействие на инновационное развитие. Отрицательное воздействие барьерного регулирования приводит к блокированию инновационного развития в случае принятия неэффективного законодательного акта.

Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, в 2018 году Российская Федерация в рейтинге инновационного развития переместилась на 46 место, тогда как в 2017 году наша страна была на 45 месте, а в 2016 году – на 43 месте [1].

Динамика места России в сфере инновационного развития в международном рейтинге Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) – Global Innovation Index rankings за период с 2011 по 2018 годы – представлена на рис. 1.

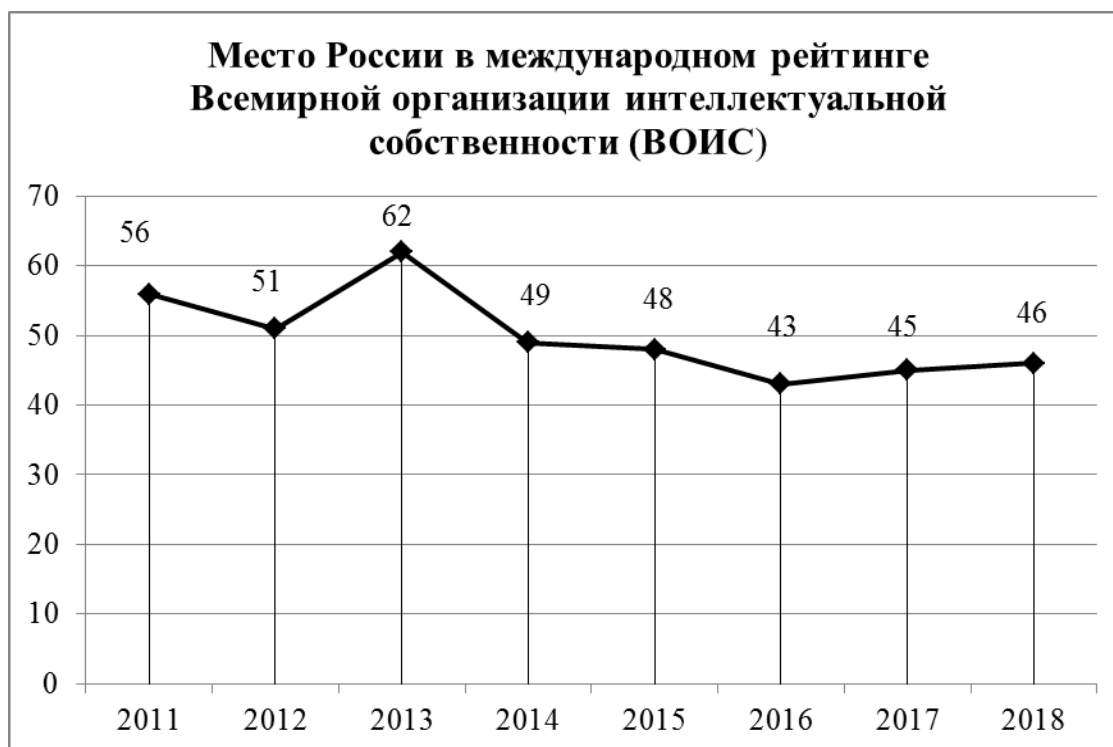

Рисунок 1.

Динамика места России в Global Innovation Index rankings за период с 2011 по 2018 годы [1]

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по гранту № 18-010-00990/19.

Так, по данному рейтингу в 2018 году наша страна оказалась 46 месте в сфере разработки и внедрению инноваций, что на 10 пунктов выше по сравнению с 2011 годом, когда Россия была на 56 месте. Наилучшая ситуация в плане инновационного развития в РФ приходится на 2016 год, когда наша страна занимала 43 место в рейтинге ВОИС.

Соответственно, снижение места в международных рейтингах означает как недофинансирование процессов разработки и внедрения инноваций, так и наличие на пути разработчиков и реализаторов инновационных проектов и изобретений ряда препятствий барьерного характера.

Согласно статистическим данным, представленным на рис. 2, в Российской Федерации отмечается падение инновационной активности организаций в процентном соотношении с 9,5% в 2010 году до 8,5% в 2017 году (на 1%). Также произошло падение показателя удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации с 7,9% в 2010 году до 7,5% в 2017 году (на 0,4%).

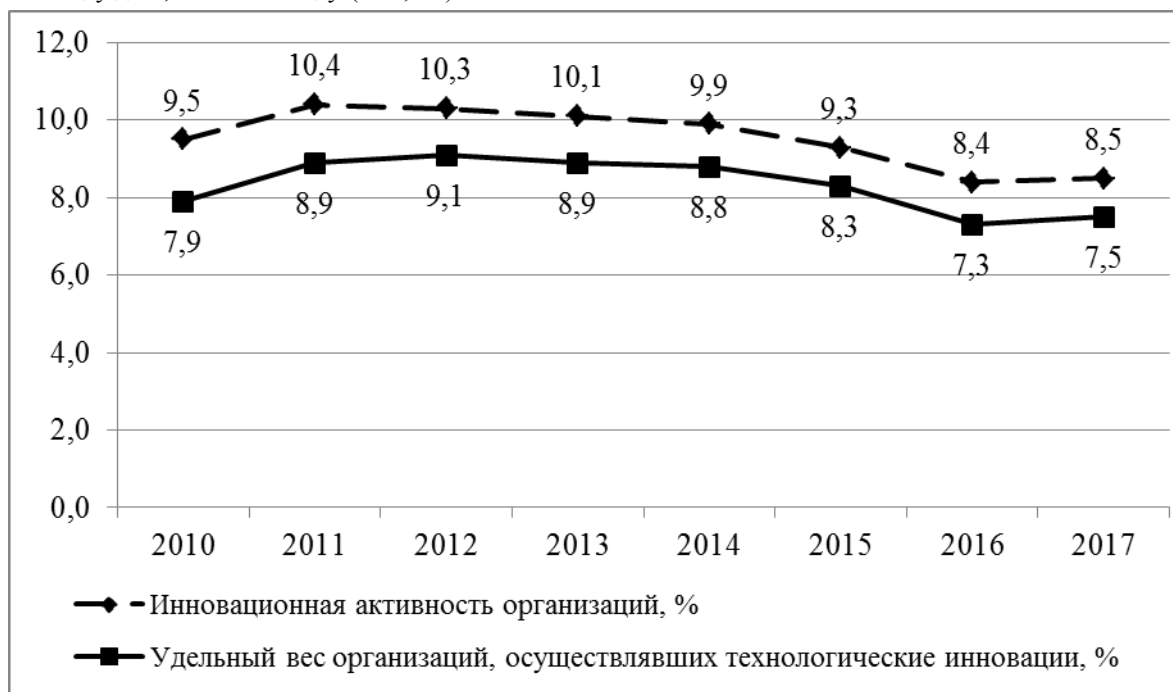

Рисунок 2.

Динамика инновационной активности организаций Российской Федерации с 2010 по 2017 годы [2]

Кроме того, наблюдается снижение показателей, характеризующих деятельность по получению патентов на инновационные разработки (изобретения, полезные модели и промышленные образцы) в Российской Федерации. Показатель подачи патентных заявок в процентном соотношении по состоянию на 2018 по сравнению с 2010 годом снизился на 11,90%, в натуральном выражении снижение составило 5054 патентных заявок. По показателю выдачи патентов за этот же период отмечается снижение на 2,38%, что в натуральном выражении по выданным патентам составляет 798 патентов [2]. Динамика подачи патентных заявок и выдачи патентов по РФ с 2010 по 2018 годы представлена на рис. 3.

Такая ситуация объясняется наличием препятствий барьерного характера на пути реализации инновационных проектов: это высокая сложность и затратность научных разработок, затраты времени на получение патентов на нововведенческие разработки, препятствия к внедрению научных разработок в производство и другие административные барьеры, характерные для осуществления инновационной деятельности.

Изучение влияния барьерных препятствий на инновационное и технологическое развитие регионов Российской Федерации и выявление факторов положительного и отрицательного воздействия является целью настоящего исследования.

В процессе исследования воздействия барьерных препятствий на инновационное и технологическое развитие регионов решаются следующие задачи:

- выявление барьерных препятствий, влияющих на инновационное и технологическое развитие;
- оценка положительных и отрицательных факторов воздействия барьеров, препятствующих инновационному развитию.

Последствия барьерного регулирования, выражающиеся в виде внешних эффектов отрицательного или положительного характера, представлены Э.Дж. Доланом и Д. Линдсеем в главе 17 книги «Микроэкономика» [3]. На примере загрязнения окружающей среды авторы выделяют следующие методы барьерного регулирования: законодательные, административно-командные, опирающиеся на штрафные санкции, и лицензирование.

В России основополагающими по проблематике барьерного регулирования можно считать труды ученых Аузана А.А. и Крючковой П.В. [4]. Авторы классифицируют препятствия барьерного характера, подразделяя их на три категории: доступ к ресурсам и правам собственности на них, права на осуществление хозяйственной деятельности, барьеры текущего осуществления хозяйственной деятельности [5, с. 3–4].

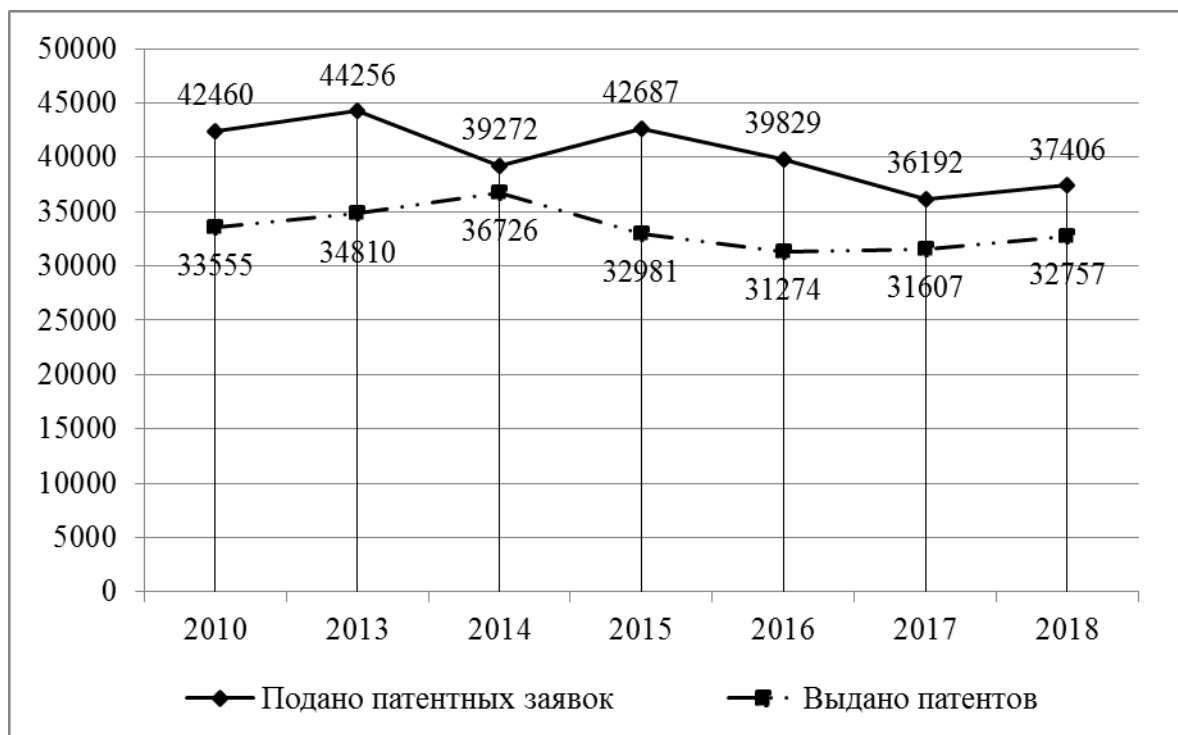

Рисунок 3.

Динамика подачи патентных заявок и выдачи патентов по РФ с 2010 по 2018 годы¹ [2]

Инновационные процессы развиваются и сдерживаются с помощью наличия или отсутствия административных барьеров, от вызванного ими положительного, либо отрицательного эффекта. Одним из таких барьеров является регистрация прав интеллектуальной собственности, состоящая в получении сертификатов, патентов и лицензий.

Рынок прав интеллектуальной собственности в России развивается крайне медленно по причине наличия ряда сложностей в его развитии. Правообладание в сфере интеллектуальной собственности, являясь препятствием барьерного характера, регулируется законодательно. Например, с 2009 года бюджетным учреждениям, разрешили создавать малые предприятия и вносить права на свои изобретения в уставный капитал. Законодателями было запланировано, что закон разблокирует инновации, порождаемые в недрах НИИ и вузов, но, на практике, этого не случилось [6].

Говоря о проблематике административных барьеров, ученые подчеркивают разнородный характер барьерных препятствий в сфере инновационного развития. Ряд барьеров блокирует процесс разработки и внедрения инновационных продуктов и проектов. Возможные препятствия барьерного характера, блокирующие развитие инноваций, рассмотрены в работах В.А. Тупиченко. Автор выделяет законодательные барьеры, формирование рынка интеллектуальной собственности, барьерные препятствия осуществлению инновационной политики на региональном уровне [7].

Автор подчеркивает наличие дифференциации инновационного развития на региональном уровне, наличие территориальной неоднородности в распределении кадров. В снижении негативного характера воздействия препятствий барьерного характера важную роль играет наличие на рассматриваемой территории технопарков и бизнес-инкубаторов.

Беляев Ю.М. в статье «Проблемы и пути устойчивого инновационного развития страны» выделяет следующие препятствия инновационного развития: отсутствие правовой базы и единой инновационной инфраструктуры; высокая монополизация экономики; административные и налоговые барьеры для малого бизнеса; отсутствие льготного налогообложения для венчуров; отсутствие четких механизмов инвестирования в сфере инновационных процессов; недостатки образовательной системы, низкое качество, высокая стоимость охраны и защиты интеллектуальной собственности, отсутствие патентно-лицензионного рынка и низкие заработки научных работников [8].

Перечень основных барьерных препятствий, выделенных российскими и зарубежными учеными, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Препятствия барьерного характера выделенные российскими и зарубежными учеными

Автор и название работы	Основные барьерные препятствия
Долан Э. Дж., Линдсей Д. Микроэкономика [3, с. 393–400]	Стратегия административного давления, по мнению авторов, предполагает применение административных приказов, технического контроля, претензий, штрафных санкций.
Аузан А.А., Крючкова П.В. Административные барьеры в экономике: задачи дерегулирования [5, с. 3–4]	Авторы классифицируют барьеры по категориям: – права собственности на ресурсы и доступ к ним; – права на осуществление хозяйственной деятельности; – барьеры в текущей хозяйственной деятельности.

¹ Статистические данные за 2011 и 2012 год в Интернет-базе Росстата РФ не представлены.

Тупиченко В.А. Проблемы инновационного развития регионов Российской Федерации [7]	Автор подразделяет барьеры на 2 категории: – барьеры формирования рынка интеллектуальной собственности; – барьеры реализации инновационной политики на региональном уровне.
Беляев Ю.М. Проблемы и пути устойчивого инновационного развития страны [8]	Основные барьеры, выделенные автором: – отсутствие правовой базы и единой инновационной инфраструктуры; – административные и налоговые барьеры; – отсутствие четких механизмов инвестирования.
Свирина А.А. Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации [9]	Автор выделяет следующие барьеры: – нецелевое использование инфраструктуры; – неготовность персонала; – недостаток финансовых средств.

Следует обратить внимание на факт снижения количества молодых ученых в Российской Федерации. По данным Интернет-издания «Индикатор», за последние 10 лет от общего количества выпускаемых аспирантов процент защит диссертаций составил в 2005 году 31,73%. Через 10 лет в 2015 году, процент защит диссертаций понизился до 18,01% в общем числе закончивших аспирантуру¹, то есть почти в 2 раза.

Коэффициент корреляции Пирсона между динамикой количества поданных заявок и процентным соотношением выпуска молодых ученых составляет 0,93, находится в пределах $0,75 \leq \eta < 0,95$, что означает высокую тесноту взаимосвязи между показателями.

Стимулирование своевременного обновления кадров рассматривается как снятие барьера в изобретательской деятельности, поскольку увеличение количества молодых ученых должно привести к увеличению числа изобретений и росту патентной активности.

Планируется законодательно ввести возрастные ограничения для занятия ряда административных должностей в сфере науки и образования при одновременном повышении уровня пенсионного обеспечения ведущих ученых [9].

Положительные и отрицательные эффекты барьерного регулирования приведены в табл. 2. Препятствия даны в разбивке барьеров на классификационные группы: входной, допускной барьеры и барьеры затрат.

Таблица 2

Барьерные препятствия при разработке и внедрении инновационных проектов: положительные и отрицательные эффекты

Наименование и сущность барьера	Отрицательный эффект барьера	Положительный эффект барьера
Входной барьер разработки и внедрения инноваций		
Барьер правообладания	Право на интеллектуальную собственность принадлежит организации.	Увеличение количества научных разработок и изобретений.
Допускной барьер при разработке и внедрении инноваций		
Сертификация, патентование и лицензирование	Получение патентов и лицензий на научную разработку требует затрат времени.	Обеспечивает качество научных разработок. Обеспечивает оригинальность научных разработок.
Барьер затрат при разработке и внедрении инноваций		
Барьер финансирования	Необходимость долгосрочных капиталовложений.	Выделение государством грантов и субсидий.

Наиболее важным по группе «входных барьеров на разработку и внедрение инноваций» является правообладание. Согласно действующему законодательству все права на интеллектуальную собственность, созданную госучреждениями до 1 января 2008 года, принадлежат государству. Положительным результатом от данной реформы является рост количества патентов и лицензий, полученных на нововведения, что должно повлечь за собой увеличение количества изобретений.

Отрицательным фактором на данный момент является то, что изобретатель не имеет право лично распоряжаться интеллектуальной собственностью. Право на собственность, возникшую в результате научных исследований, имеет лишь головной исполнитель исследования – то есть научно-исследовательская организация, в которой работает изобретатель.

По группе «допускные барьеры» при разработке и внедрении инноваций препятствиями барьерного характера является сертификация, патентование и лицензирование.

Сертификаты, патенты и лицензии представляют собой документы, удостоверяющие соответствие товара требованиям технических регламентов, удостоверяющие право интеллектуальной собственности на научную разработку и позволяющие заниматься данным видом деятельности.

Отрицательным фактором является необходимость затрат времени и сил на разработку проекта инновационного продукта, его патентование и лицензирование. Так, для патентования изобретения необходимо от 18 до 24 месяцев, патентование полезной модели и промышленного образца занимает от 6 до 8 месяцев [11].

Положительным внешним эффектом от наличия процедур патентования, лицензирования и сертификации является обеспечение высокого качества научных разработок. Важным моментом при введении данного барьера является недопущение дублирования научных идей и изобретений, что обеспечивает оригинальность научной деятельности.

¹ Количество аспирантов сокращается и без вмешательства чиновников. – <https://indicator.ru/article/2017/04/24/aspirantura/>

Доступ к финансовым ресурсам: инновационные проекты развиваются при условии наличия инвестиций. Получение денежных средств для разработки инновации, как правило, непростая задача. Поэтому важным моментом при разработке и внедрении инноваций считается наличие «барьера затрат».

Положительным фактором является выделение исследователям государственных грантов и субсидий для осуществления инвестиционных проектов. Фактором отрицательного характера является то, что большинство проектов требует долгосрочных капиталовложений. По этой причине сложно получить финансирование у банков и кредитных организаций.

Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России в разрезе субъектов Российской Федерации. Для проведения сравнительного анализа были выбраны Республика Марий Эл, Чувашская Республика и Кировская область. Выбор регионов сделан по принципу близкого территориального расположения, идентичным климатическим условиям, а также сходным объемам по показателю ВРП (валового регионального продукта). Так, согласно статистическим данным за 2015 год ВРП по Республике Марий Эл составил 241 070,5 тысяч рублей, ВРП Чувашской Республики – 202 375,2 тысяч рублей, ВРП Кировской области – 212 548,3 рублей [12].

Кроме того, выбранные регионы можно объединить по уровню инновационной активности, отнеся к группе регионов, в которых инновационная активность организаций по данным российской статистики невысока (менее 25%). По состоянию на 2017 год наиболее низкая инновационная активность организаций наблюдается в Республике Марий Эл – 7,1%, в Кировской области значение показателя также невысокое – 9,5%. В Чувашской Республике данный показатель несколько выше и составляет 24,7% [212].

Динамика количественных показателей патентования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов по Республике Марий Эл, Чувашии и Кировской области за период 2010–2018 годы¹ представлена на рис. 4.

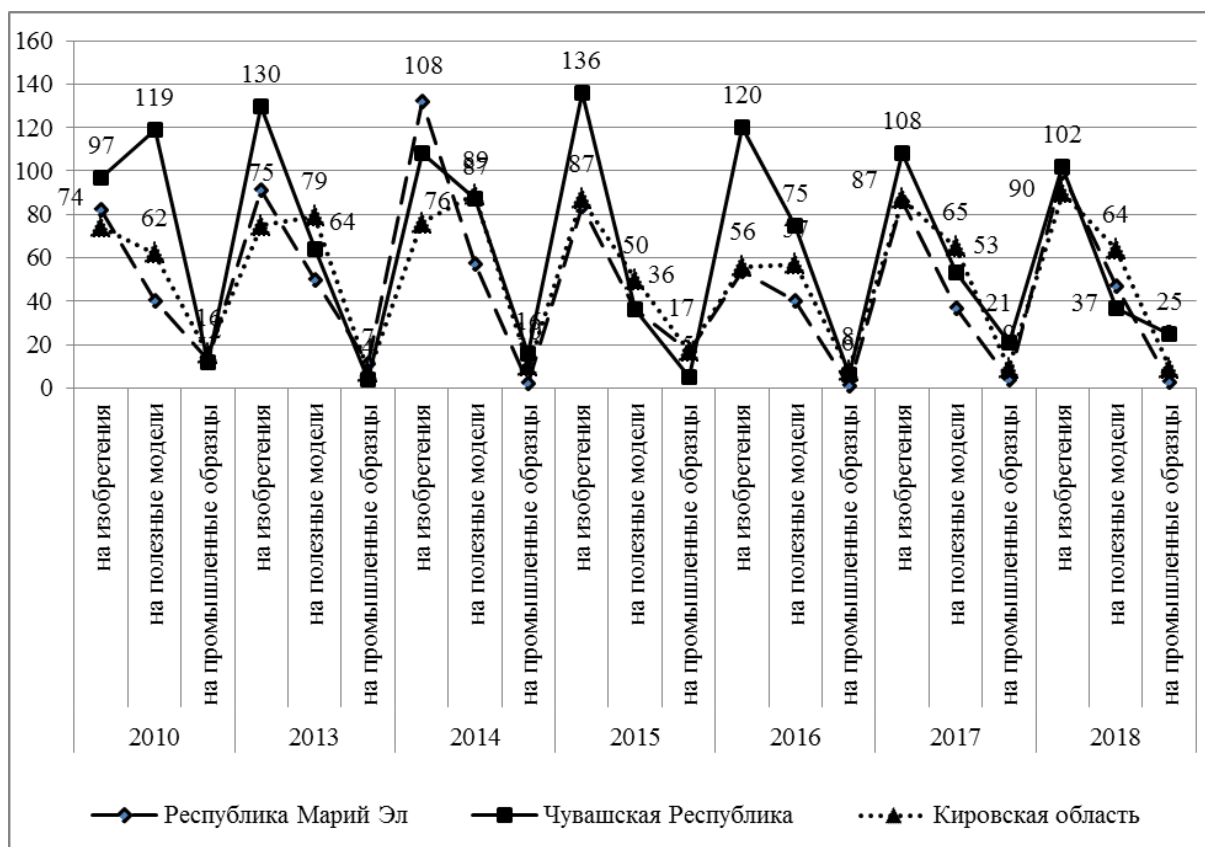

Рисунок 4.

Динамика количества патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы по Республике Марий Эл, Чувашии и Кировской области за период 2010–2018 годы [212]

В период 2010–2018 гг. Чувашская Республика является лидером по количеству выданных патентов: получая от 100 до 140 полезных моделей или изобретений. Исключением является 2014 год, когда лидером по количеству выданных патентов оказалась республика Марий Эл, где было запатентовано 132 изобретения.

С целью выявления наличия барьерных препятствий к осуществлению инновационной деятельности произведен расчет патентной активности. Патентная активность представляет собой число патентных заявок на 1 миллион человек экономически активного населения.

Авторский мониторинг данных о количестве выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. Для расчета был выбран параметр «численность экономически активного населения Российской Федерации». Из полученных данных были рассчитаны индексы: активности патентования изобретений, у с-

¹ Статистические данные за 2011 и 2012 год в Интернет-базе Росстата РФ не представлены.

ловно обозначен, как I пи, активности патентования полезных моделей – I мп, активности патентования промышленных образцов – I по.

Индексы патентной активности РМЭ, Чувашии и Кировской области, полученные расчетным путем, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Индексы патентной активности на территории выбранных республик ПФО¹

Наименование территории	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Индекс активности патентование изобретений (I пи)					
Республика Марий Эл	0,83	1,21	0,76	0,49	0,78
Чувашская Республика	1,18	0,99	1,23	1,09	0,98
Кировская область	0,68	0,69	0,79	0,51	0,79
Индекс активности патентования полезных моделей (I мп)					
Республика Марий Эл	0,45	0,52	0,32	0,36	0,34
Чувашская Республика	0,58	0,79	0,32	0,68	0,48
Кировская область	0,72	0,81	0,45	0,52	0,59
Индекс активности патентования промышленных образцов (I по)					
Республика Марий Эл	0,10	0,02	0,15	0,01	0,04
Чувашская Республика	0,04	0,15	0,05	0,05	0,19
Кировская область	0,06	0,09	0,15	0,07	0,08

Из табл. 3 видно, что индексы патентной активности по выбранным регионам, как правило, снижаются: Индекс активности патентования изобретений (I пи) по Республике Марий Эл за период с 2013 по 2017 годы снизился с 0,83 до 0,78, по Чувашской республике за аналогичный период наблюдался спад индекса патентования изобретений с 1,18 до 0,98.

Индекс активности патентования полезных моделей (I мп) находится на спаде в каждом из рассматриваемых районов: по Республике Марий Эл за период с 2013 по 2017 годы снизился с 0,45 до 0,34, по Чувашской республике за аналогичный период наблюдался снижения I мп с 0,58 до 0,48, по Кировской области: I мп за аналогичный период снизился с 0,72 до 0,59.

В Республике Марий Эл за период с 2013 по 2019 годы значение индекса активности патентования промышленных образцов (I по) снизилось с 0,1 до 0,04.

По ряду регионов наблюдается повышение патентной активности – по Кировской области: за период с 2013 по 2017 годы индекс патентования изобретений вырос с 0,68 по 0,79. Значение индекса активности патентования промышленных образцов (I по) за период с 2013 по 2019 год в Чувашской республике выросло с 0,04 до 0,19 и по Кировской области с 0,06 до 0,08.

Данная ситуация свидетельствует о наличии в сфере инновационного и технологического развития препятствий барьерного характера в регионах РФ.

Для повышения уровня инновационного и технологического развития в регионах ПФО предлагаются следующие мероприятия:

- сделать более эффективным процесс получения лицензий и сертификатов на патентование изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, что будет способствовать повышению уровня патентной активности в Республике Марий Эл и в Кировской области;

- увеличить объемы финансирования грантовых конкурсов и субсидий на осуществление инновационных проектов, что снимет финансовый барьер для изобретателей и рационализаторов в республиках Марий Эл, Чувашии и Кировской области.

Эффективное инновационное и технологическое развитие в Российской Федерации может быть достигнуто путем принятия следующих мер:

- по закреплению права интеллектуальной собственности за изобретателем, а не за организацией, это должно способствовать формированию активного рынка инноваций в Российской Федерации;

- по обеспечению постоянного финансирования деятельности сотрудников-изобретателей в организациях, которые активно реализуют инновационные и технологические проекты. Это обеспечит постоянный и непрерывный процесс разработки и внедрения инноваций;

- по регулированию системы науки и высшего образования по своевременному обновлению и ротации кадров. Увеличение количества молодых ученых будет способствовать в дальнейшем росту и качеству изобретений и патентной активности.

Список литературы

1. Global Innovation Index 2018. Energizing the World with Innovation / Cornell University, INSEAD, WIPO. 2018. – <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4330>
2. Наука и Инновации // Официальный сайт Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
3. Долан Э.Дж., Линдсей Д., Микроэкономика. – СПб., 1994. – С. 393–400.

¹ Индексы получены путем расчета по авторской методике.

4. Аузан А.А., Крючкова П.В. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 5. – С. 73.
5. Крючкова П. В. Административные барьеры в российской экономике / Институт национального проекта «Общественный договор». 2001. – С. 3–4.
6. Семь препятствий для инноваций. – <https://republic.ru/posts/156644>
7. Тупиченко В.А. Проблемы инновационного развития регионов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 8. – С. 26–31.
8. Беляев Ю.М. Проблемы и пути устойчивого инновационного развития страны // Креативная экономика. 2015. – № 1 (97). – С. 9–22. – <http://www.creativeconomy.ru/journals/index.php/ce/article/view/77/>
9. Свирина А.А. Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации // Креативная экономика. 2007. – № 10. – С. 41–45.
10. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) <Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года>. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/e504982f22dd5ee9dee638b35499493bc861d079/
11. Официальный сайт Михайлюк, Сороколат и партнеры. – <https://www.msp-patent.ru/skolko-vremeni-zanimaet-procedura-patentovaniia.html>
12. Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/arhiv.rar

Токарева С.Н.

к.и.н., доцент, Курский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА

Ключевые слова: цифровая экономика, качество управления, органы правопорядка.

О цифровизации права говорится все больше на фоне развития цифровой экономики. Первоначально этот процесс затронул государственное управление, образование, здравоохранение, в меньшей степени внимание уделяется цифровизации в правоохранительной деятельности. Но и в этой сфере уже есть попытки теоретического осмысления проблемы, обобщения вопроса и предлагаются конкретные меры.

В Конституции РФ ничего не говорится о цифровизации, а только об информации. Однако федеральным законом, который вступает в силу 1 октября 2019 года, внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности дается определение «цифровые права»¹.

Национальное законодательство предусматривает возможность использования информационных технологий в работе органов внутренних дел. Например, федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, для решения возложенных на них задач **могут** (выделено автором) создавать и использовать информационные системы, а также заводить дела оперативного учета»². А в соответствии с Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О полиции» она в своей деятельности **обязана** (выделено автором) использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру»³. Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных.

Детализация данной работы в правоохранительной деятельности осуществляется на подзаконном уровне, представленном большим количеством ведомственных актов.

Анализируя правовую базу можно выделить несколько направлений в информатизации органов правопорядка:

- 1) Работа с электронными документами и ведение делопроизводства, в том числе с использованием современных информационных технологий⁴.
- 2) Организация коммуникации с обществом путем создания специальных сайтов⁵.
- 3) Применение информационных технологий в работе правовых подразделений системы МВД Российской Федерации⁶.

Поддержание работоспособности всех технических средств должно соответствовать требованиям информационной безопасности, а конкретные обязанности закрепляются в должностных регламентах (должностных инструкциях) уполномоченных лиц.

Таким образом, в правовом поле регламентируется применение новых информационных средств и технологий, автоматизированных систем учета и информационно-поисковых систем.

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – М., 2019. – № 60, 20 марта.

² Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349. Ст. 10.

³ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О полиции» // Российская газета. – М., 2011. – № 25, 8 февраля. – Ст. 11.

⁴ См.: Приказ МВД России от 20.06.2012 № 615 (с изм. от 25.08.2018) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» // Консультант Плюс; Приказ МВД РФ от 10.02.2006 № 70 «Об организации и использовании экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Сборник приказов МВД России, признанных не нуждающимися в государственной регистрации 2005–2007 гг. (Бюллетень текущего законодательства). – М., 2007.

⁵ См.: Приказ Минэкономразвития РФ № 412, МВД РФ № 645, Министра обороны РФ № 1183, Минюста РФ № 216, МЧС РФ № 422, Минздравсоцразвития РФ № 782Н, Минкомсвязи РФ № 120, ФСБ РФ № 425, ФСКН РФ № 370, ФТС РФ № 1638, ФМС РФ № 264, ФНС РФ № ММВ-7-6/437@ от 03.09.2010 «О функционировании государственной информационной системы «Правоохранительный портал Российской Федерации» // КонсультантПлюс.

⁶ См.: Приказ МВД РФ от 23 декабря 2016 г. № 888 «Вопросы организации работы сервиса обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России» // Консультант Плюс; Приказ МВД России от 25.08.2017 № 680 (ред. от 23.03.2018) «Вопросы организации информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Консультант Плюс.

На практике существует ряд автоматизированных информационно-поисковых систем по субъектам (в частности, по следам пальцев рук, данных ДНК, фонограмм речи), объектам (в том числе микрообъектам) и деяниям. К примеру, в Управлении МВД России по Курской области применяются автоматизированная дактилоскопическая идентификационная система «Папилон», система «Портрет-Поиск». А в ГИБДД используют следующие информационные системы: Пост, Регион ГИБДД, ведомственный информационно-справочный портал МВД, сервис электронного документооборота, сервис электронной почты, сервис предоставления государственных услуг, сервис централизованного учета оружия, федеральная информационная система ГИБДД-М, Следопыт-М, сервис обеспечения деятельности дежурных частей, сервис обеспечения охраны общественного порядка.

Однако и такое широкое применение автоматизированных процессов в деятельности органов правопорядка не обошлось без недостатков в информационной обеспеченности, в частности, работники отмечают следующие аспекты: недостаточная оснащенность современной компьютерной техникой (особенно на уровне отделов полиции), недостаточная пропускная способность локальных сетей, несовершенство программного обеспечения, ненадежность оборудования, не компенсируемая одновременным требованием ведения учета в бумажной форме, отсутствие долгосрочной технической поддержки со стороны разработчиков и т.д.

На новый уровень правоохранительной деятельности можно выйти с помощью новых технологий, например, «Big data» – обработка данных огромных объемов из разных источников (GPS-сигналы от автомобилей, информация о транзакциях банков, поведение человека в социальных сетях и т.д.). Стоит согласиться с мнением Е.В. Никитина о том, что эту технологию «можно использовать для организации безопасного дорожного движения, предупреждения преступной деятельности в сети Интернет, выявления банковских и других экономических преступлений, пресечения незаконного оборота запрещенных предметов, мониторинга в социальных сетях общественного мнения о деятельности правоохранительных органов ... функциональные возможности «Big Data» позволят правоохранительным органам в короткие сроки анализировать большие объемы различной информации, моделировать процесс принятия решений по обеспечению безопасности и прогнозировать их эффективность»¹. Также в совокупности с другими технологиями, например, «Deep learning», возможен «розыск лиц, скрывающихся от правоохранительных органов, путем мониторинга социальных сетей и систем видео фиксации. Технологии по считыванию дорожных знаков и помех на дороге помогли бы оптимизировать дорожное движение и сделать его более безопасным. Например, система распознавания лиц FindFace Security, внедренная в нескольких городах во время ЧМ-2018, позволила задержать более 180 правонарушителей, часть из которых находилась в федеральном розыске. Приложение Spot app дает возможность зафиксировать нарушения Правил дорожного движения с мобильного телефона и направить сообщение об этом непосредственно в ГИБДД»².

Наиболее предметной является работа З.И. Тагирова, который утверждает, что «для трансформации традиционной правоохранительной деятельности в цифровую экономику необходимо полностью оцифровать правоохранительную оперативную обстановку»³. Администрировать цифровую оперативную обстановку должна обособленная правоохранительная организация сетевого типа.

Автор выделяет ряд современных проблем: правоохранительная информация на бумажных (аналоговых) носителях не интегрируются с цифровой геоинформационной основой; оперативная идентификация подозреваемых лиц сейчас происходит по традиционному неуникальному имени человека, а не по цифровым личным кодам; уровень использования ГЛОНАСС-устройств и географических координат при составлении документов в ОВД крайне низкий; сотрудники ОВД не имеют идентифицирующих их единых лично-служебных цифровых кодов; в существующей модели анализа оперативной обстановки связи устанавливаются умозрительно методами личного сыска самими служащими правоохранительных органов без применения современных ИТК-технологий.

Для их решения Тагиров З.И. предлагает внедрять ID события, ID служащего государственного правоохранительного органа, ID человека. В целях унификации, централизации и интеграции правоохранительных информационных ресурсов несоподчинённых правоохранительных органов он считает целесообразным адаптировать и внедрить их в состав Интегрированной системы обработки данных МВД России.

Для сведения: сейчас в Российской Федерации органами внутренних дел проводится добровольная и обязательная государственная дактилоскопическая регистрация, перечень лиц для последней достаточно широк. Дактилоскопическая информация используется для:

- розыска пропавших без вести лиц;
- установления личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук неопознанного трупа;
- установления личности лиц, не способных по состоянию здоровья или возрасту сообщить данные о своей личности либо не имеющих документов, удостоверяющих личность;
- подтверждения личности;

¹ Никитин Е.В. О новых возможностях применения цифровых технологий в правоохранительной деятельности // Правоохранительная деятельность и электронное правосудие. 2018. – № 4 (19). – С. 57.

² Там же.

³ Тагиров З.И. Цифровая оперативная обстановка. цифровое имя человека и сетевая (цифровая) правоохранительная деятельность в отечественной модели цифровой экономики // Вопросы безопасности. 2018. – № 4. – С. 28–51. DOI: 10.25136/2409-7543.2018.4.23600.

– предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения и выявления административных правонарушений¹.

Также в Российской Федерации предусмотрена добровольная и обязательная государственная геномная регистрация, последняя проводится специализированными органами совместно с подразделениями органов внутренних дел относительно:

– лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности;

– неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий;

– неопознанных трупов².

Такая информация используется в целях:

1) предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, выявления и установления лиц, их совершивших;

2) розыска пропавших без вести лиц;

3) установления личности человека, чей труп не опознан;

4) установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц³.

Действие некоторых статей данного закона приостановлено.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что уровень цифровизации в органах правопорядка на данный момент не высок. Требуются профессионалы не только по разработке новых инструментов, но и по внедрению технологий. И здесь нужны не только междисциплинарные специалисты, а целые команды. Также, несмотря на стремление к использованию новейших разработок и возможное повышение уровня противодействия преступности, цифровизация в данной сфере вызывает и некоторые опасения: тотального наблюдения, увеличения нового вида правонарушений. Вследствие этого необходимо обеспечение защиты полученной информации, чтобы она не использовалась для неправомερных деяний.

¹ Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. – М., 1998. – 1 августа, № 145. – Ст. 6.

² Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Российская газета. – М., 2008. – 9 декабря, № 251. – Ст. 7.

³ Там же. Ч. 2. Ст. 14.

Федорова М.А.¹

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ МЕНЕДЖМЕНТА И ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЕЁ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: управление, модель менеджмента, эффективность, оценка продуктивности.

Keywords: management, management model, efficiency, productivity assessment.

Введение

В истории своего развития управление отмечено рядом серьёзных трансформаций. Крайне затруднительно найти пример, когда новый социальный институт формировался с такой быстротой как менеджмент в XX веке. Особо примечательным является то, что этот новый социальный институт быстро и прочно становится незаменимым, не встречая серьёзного противодействия, споров и конфликтов. Это не значит, что управление – это явление XX века. Очевидно, что во все времена для достижения целей, которые были недостижимы в одиночку, люди объединялись и организовывали свою работу. При этом развивались две функции: разделение труда и координация, что и помогало достигать результата. Именно поэтому справедливо отмечается, что менеджмент – это самая древняя практика и очень молодая наука и молодой профессиональный вид деятельности.

Трансформации в менеджменте возникали как ответ на вопросы практики. Используя современную стилистику, можно сказать, что они были реакциями на общественные, производственные, социальные вызовы. Изменения имели форму новых техник управления, характера управления, методов управления. В двадцатом столетии мировое сообщество стало обществом институтов и обширных знаний. Всё больше современных работников приобретают профессиональные знания, становятся менеджерами с прямой ответственностью за выполнение задач и результаты организации. Менеджмент сформировался как институт, посредством которого современные организации мотивируются функционировать и выполнять свою миссию. Именно менеджеры делают человеческие, финансовые, материальные ресурсы общества наиболее продуктивными.

За всю историю менеджмента накоплены значительные сведения в области теории и практики управления в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, образовании, медицине, культуре с учётом тех особенностей, которые характерны для этих и других сфер деятельности. Развитие управления в различных странах привело к созданию нескольких характерных моделей менеджмента. Создание собственной модели менеджмента требует изучения всего ценного, что накоплено в мировой теории и практике. С другой стороны – необходимо оценить возможность использования лучших достижений в конкретной экономике. Мировой опыт управления доказывает, что копирование моделей управления не приносит успеха. При создании собственной модели менеджмента крайне важным является рассмотрение влияния таких факторов, как тип собственности, форма государственного устройства, зрелость рыночных отношений, развитие рыночных институтов. Именно поэтому не ослабевает интерес к изучению опыта формирования и использования американской, японской и западноевропейской модели менеджмента.

Особенности формирования российской модели менеджмента

Отечественная наука управления развивалась самостоятельно и в значительной степени изолированно. Использование зарубежного опыта зачастую рассматривалось как неприемлемое с идеологической точки зрения. Вместе с тем, советские учёные и специалисты активно разрабатывали теоретические и прикладные аспекты управленческой науки, формируя основы для отечественной системы управления, специфика которой, безусловно, отражала административно-командное устройство советской экономики. Все преобразования системы управления социалистическим хозяйством проходили в соответствии с проводимыми реформами. Однако к 1990-м годам развернулась активная дискуссия о механизме перехода отечественной экономики к рынку и эффективных преобразованиях в модели управления народным хозяйством. Сегодня хорошо известны подходы, которые были использованы и разноречивые оценки результатов их применения. При всех различиях в оценках специалисты и эксперты единодушны в том, что до настоящего времени не сформировалась устойчивая модель российского менеджмента. За прошедший период специалисты укрепились во мнении, что попытки перенести в российские условия западную модель менеджмента не принесли ожидаемых результатов.

Оценивая сложившийся в российской практике уровень управления, нехватку профессионализма менеджмента по-прежнему называют одной из главных причин недостаточно эффективного функционирования отечественной экономики.

¹ Фёдорова Мария Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономики Московской гуманитарно-технической академии.

Советская модель управления экономикой и период её трансформации с особыми условиями осуществления во многом способствовали возникновению и укреплению в практике характерных черт российского стиля менеджмента. Прежде всего, это стремление менеджмента к контролю над всем циклом бизнеса. Так возникли торговые дома, «карманные» банки, излишние посреднические звенья. Формировалась и крепла вертикальная интеграция – чем она полнее и устойчивее, тем увереннее ощущает себя менеджмент. Вслед за этим возникла и распространилась тенденция интеграции с властью. Крупнейшие корпорации начали проводить своих управленцев во властные структуры.

Вполне обоснованной является оценка последней тенденции как достаточно конструктивной в сравнении с вертикальной интеграцией. Есть и ещё одно направление взаимодействия менеджмента корпораций с властью. Некоторые крупные компании «командируют» на работу в парламенты и правительства различных уровней своих лучших специалистов для профессиональной деятельности. Целью таких «командировок» является совершенствование законов, судебной системы, налоговые преобразования, реструктуризация монополий и так далее.

Сложилась ещё одна принципиальная особенность формирующейся модели российского менеджмента. И особенность эта является негативной. Она заключается в том, что высшие управляющие избегают делегировать ответственность и полномочия второму эшелону менеджмента, стремятся даже незначительные задачи выполнять самостоятельно, лично контролировать процесс. Это противоречит концептуальным и практическим основам современного менеджмента.

В современных компаниях организация работ строится на делегировании. Этот опыт японской модели управления оказался эффективным, несмотря на национальные и социальные особенности бизнеса в разных странах. Причин такого поведения российских управляющих можно найти множество. Среди них – недоверие к подчинённым, недостаточная квалификация персонала. Интерес представляет такая причина как неэффективная система мотивации наёмных менеджеров. В этой связи можно согласиться с мнением Шпилькиной Т.А., которая отмечает, что: «по данным социологических исследований, трудности предприятий предопределены низким качеством менеджмента, неумением многих менеджеров максимально эффективно использовать потенциал коллектива, возможности внешних обстоятельств»¹. Исследования показывают, что наиболее результативные способы мотивации сегодня – это приобщение к делу, участие в прибылях, менеджерские пакеты акций, специальные бонусные программы. Необходимо использовать тот факт, что российские менеджеры любят учиться.

Сегодня в России должно укрепиться понимание, что ключевой фигурой в конкурентной борьбе, в преодолении кризисных явлений становится квалифицированный управленец. Проводимые исследования показывают, что наиболее значимым ресурсом эффективного менеджмента в России является профессионализм и умение использовать его в процессе общения с внешней средой. Сегодня всё более актуальной становится такая специфическая черта современной модели менеджмента, как универсализм, способность работать в разных областях деятельности. Однако это котируется в российской практике значительно меньше, чем в мировой. Опыт универсализма импортируется в российскую практику зарубежными корпорациями, но распространяется недостаточно динамично.

Именно поэтому в сложившихся сложных условиях функционирования отечественной экономики особую актуальность приобретают вопросы принятия высокоэффективных решений на всех уровнях управления. Для российского менеджмента продолжает представлять практический, методический и научный интерес проблема оценки результативности труда современного российского руководителя. Сегодня прочно вошло в оборот словосочетание «эффективный менеджер». Однако конкретного ответа на вопрос, какие критерии оценки деятельности менеджера используются и позволяют управленцу претендовать на это звание, пока нет. К сожалению, эта проблематика слабо обсуждается в экономическом и управленческом сообществе, способствуя бессодержательному употреблению данного термина.

Какие подходы сложились сегодня в оценке вклада менеджмента в успех организаций и предприятий с мировой практикой, и что следует обдумать и использовать российским управленцам, чтобы стать фактически эффективными менеджерами?

Мировая экономическая практика показывает, что вложение и использование известной триады факторов производства в процесс создания благ не приносило высоких результатов до тех пор, пока к ним не присоединялась энергия менеджмента. Именно менеджмент породил стремительное развитие. Как точно отмечает Й. Шумпетер, «менеджмент – двигатель, развитие – следствие»². Это важный отправной пункт в определении критериев и показателей оценки усилий эффективного менеджера.

Для реального устойчивого развития любому предприятию или организации необходимо обеспечить результативное использование ресурсов и высокую конечную продуктивность всего процесса создания продукта.

Измерение продуктивности, по мнению ведущих западных практиков и исследователей, и есть лучший инструмент для сравнения менеджмента различных подразделений и предприятий в целом³. Это объясняется тем, что продуктивность объединяет все усилия, вложенные предприятием, и одновременно не отражает то, что им не контролируется. Именно поэтому продуктивность следует рассматривать как первый шаг в оценке компетентности менеджмента. В условиях постиндустриального общества предприятия имеют примерно одинаковый доступ к ресурсам одного уровня. Следовательно, постоянно происходит выравнивание их рыночных шансов. Единственное, что может отличать предприятия одной отрасли друг от друга – это качество внутреннего менеджмента на всех уровнях управле-

¹ Шпилькина Т.А. Формирование эффективных организационных структур управления на предприятиях малого бизнеса: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М., 2007. – 25 с. – <http://www.dslib.net/>

² Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 400 с.

³ Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения /Пер. с англ. М. Котельниковой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 288 с.

ния. Повышение общей продуктивности деятельности – это и есть основная задача менеджмента. Главная трудность в её решении – достижении баланса между множеством факторов, немногие из которых поддаются точному измерению и оценке.

Цель состоит не в том, чтобы найти единственную совершенную меру продуктивности. Необходимо использовать комплекс измерений. Продуктивность предприятия должна означать баланс между всеми факторами производства, который даст наибольший выпуск при оптимальных затратах. При этом использование догматических показателей, таких как производительность труда или человеко-часы, не дадут результата. В них лишь частично найдёт отражение общая продуктивность работы современного предприятия. Такое положение связано с тем, что за последние 100 лет стремительно возросла роль менеджеров в деятельности предприятия. Решающее значение сегодня в формировании продуктивности предприятий и организаций оказывают уже не рабочие, а «работники знания» – менеджеры, специалисты, инженеры. Поэтому необходимо не только определять продуктивность с учётом всех факторов, но и искать пути её повышения с учётом всех имеющихся возможностей.

Менеджменту необходимо уметь различать продуктивные и «паразитические» расходы, оценивать влияние на продуктивность решений по использованию времени, ассортиментных комбинаций, сочетания прогрессивных технологических процессов, организационной структуры, баланса между различными видами деятельности. На продуктивность в трудовом процессе влияют контролируемые и неконтролируемые, критически важные и тривиальные, долгосрочные и краткосрочные, предсказуемые и неожиданные факторы. Эффективно управлять продуктивностью означает сегодня системно управлять всеми этими факторами.

Оценка деятельности менеджера, использующая подход измерения продуктивности, позволяет сделать ряд обобщений о роли менеджмента в деятельности современной организации.

Менеджеры – это основной ресурс современного предприятия. Очевидно, что на полностью автоматизированном производстве можно минимизировать труд рабочих, но менеджеры там останутся.

Менеджеры – самый дорогой ресурс современной организации. Однако именно он быстрее всего обесценивается. Управленческая практика показывает, что нужны годы, чтобы создать эффективную команду менеджеров, а разрушить её можно за несколько месяцев. Растут вложения предприятий и организаций в менеджмент, одновременно возрастают требования к менеджерам и их компетенции. Эти требования удваиваются для каждого поколения¹.

Быть менеджером означает разделять ответственность за успех предприятия или организации. Особо следует подчеркнуть, что эта ответственность за свои собственные результаты, свою работу, свой вклад в продуктивность.

Менеджер должен глубоко и осознанно решать следующие задачи. Первая – участие в создании организации как системы продуктивного единства. Эта задача требует от менеджера эффективного использования своих сил. Вторая задача – гармонизировать в каждом решении и действии требования к текущей и будущей продуктивности.

Вышесказанное подчёркивает и усиливает значимость проблемы оценки результата работы отечественных менеджеров, выработки комплекса критериев, связывающих их работу с продуктивностью деятельности современных организаций и предприятий. Экономическая общественность сегодня мало обсуждает проблематику оценки результатов управления. Это объясняется рядом причин. Сообщество постсоветских управленцев и научных деятелей устойчиво придерживаются позиции, что эффективность управления измерить невозможно. Хотя поиск синтетического критерия оценки продуктивности менеджмента постоянно ведётся и обсуждается в управленческом сообществе зрелых экономик. С другой стороны, подобной дискуссии в российской управленческой среде не способствует складывающаяся модель отечественного управления, в которой не ставится практическая цель разумного потребления ресурсов в процессе деятельности, не проводится оценка затрат на управление как на уровне государства, так и на уровне предприятий и организаций. Масштабная реорганизация управленческих структур международных компаний, которая проводилась в последние несколько лет, не мотивировала ни российский корпоративный бизнес, ни административный корпус государства последовать этому примеру. Именно такие попытки могли бы стать первыми шагами по оценке и оптимизации продуктивных и «паразитических» расходов и привести к возможности оценить содержание понятия «эффективный менеджер».

Заключение

В целом сегодня в усложнившихся экономических обстоятельствах проблемы формирования российской модели менеджмента и разработки подходов к оценке её эффективности приобретают острую актуальность. Как уже бывало в истории менеджмента, его трансформации были ответом на новые задачи, которые ставились обществом и экономикой. Сегодня для российской модели управления именно такой момент. Как писал Генрих Гейне – «У всякой эпохи свои задачи и их решение обеспечивает прогресс человечества». Менеджмент в решении этих задач играл и продолжает играть доминирующую роль.

¹ Современный менеджмент: принципы и правила: Научное издание / Под ред. Данилова-Данильяна В.И. – Н.Н.: НКЦП, 2000. – 232 с.

Франгулян М.С.

соискатель, Европейский университет, Ереван
mherfrangulyan1987@gmail.com

СИСТЕМА ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛОГОВЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Ключевые слова: налоговая политика, налоговые органы, налоговые доходы, налоговые инспекторы, система оценки, теневая экономика, эффективность налоговой политики.

Keywords: tax politics, tax service, tax incomes, tax inspectors, system of assessment, shadow economy, efficiency of tax policy.

Эффективная работа налоговой системы определяется эффективностью налоговой политики и налогового регулирования, а также эффективностью деятельности налоговых служащих. Именно поэтому одной из важнейших задач каждого государства является формирование эффективной налоговой системы.

Большинство доходов государственного бюджета в Армении, примерно 93–94% доходов, составляют налоговые поступления. В этом контексте вполне понятно, что одним из приоритетов налоговой системы РА является обеспечение налоговых поступлений. Более того, обеспечение налоговых поступлений в государственный бюджет является миссией налоговой системы РА, которая требует совершенствования функций, выполняемых налоговыми служащими. Благодаря эффективному выполнению функций налогообложения и высокопрофессиональным сотрудникам налоговых органов можно уменьшить размер теневой экономики и повысить собираемость налогов и налоговых поступлений. Другими словами, можно с уверенностью утверждать, что эффективный сбор налогов напрямую зависит от профессионализма налоговых служащих.

Налоговый служащий, обладающий высокими профессиональными навыками и мастерством, ориентирован на выявление новых налоговых резервов, разработку и применение механизмов сокращения теневой экономики. А раскрытие новых налоговых резервов и сокращение теневой экономики обязательно окажут влияние на налоговые поступления, способствуя их росту. Вот почему с точки зрения формирования налоговой системы необходимо создать систему, которая будет направлена на справедливую оценку и профессиональное развитие налоговых служащих. Свидетельством отсутствия такой системы являются данные, опубликованные Международным валютным фондом (МВФ) в январе 2018 году, согласно которым средний индекс теневой экономики в Республике Армения за 1991–2015 годы составил 42,6%.

Естественно, что наличие такого высокого уровня теневой экономики в течение многих лет указывает на то, что функционирование налоговой системы было неэффективным.

После обретения независимости в Республике Армения, был создан ряд законодательных механизмов для оценки деятельности налоговых служащих и налогового органа, многие из которых со временем утратили свою силу. В целом механизм оценки деятельности налогового органа был направлен на стимулирование работников налоговой системы. Основой для оценки являлось достижение тех или иных количественных показателей, при этом в конечной цели признавалось обеспечение налоговых поступлений. Налоговые подразделения получали высокую оценку, если обеспечивали 100% выполнение соответствующих показателей. В частности, согласно приказу Комитета по государственным доходам Республики Армения от 27.06.2016 для оценки деятельности использовались следующие показатели:

- Выполнение программных задач по налоговым поступлениям в отчетном месяце;
- Увеличение налоговых поступлений в отчетном месяце по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;
- Сокращение переплат налогоплательщиков, зарегистрированных в налоговых подразделениях;
- Рост числа обнаруженных не зарегистрированных наемных работников в отчетном месяце по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;
- Увеличение числа выявленных нарушений в использовании кассовых аппаратов в отчетном месяце по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года;
- Удельный вес вторичного нарушения использования кассовых аппаратов в общем числе подобных нарушений.

Оценка выполнения своих функций подразделениями налоговой системы на основе перечисленных показателей имеет ряд недостатков и не способствует борьбе с теневой экономикой. В частности, выполнение программных задач по обеспечению налоговых поступлений было выбрано в качестве индикатора функций подразделения налогового органа хотя неясно, как формулируются показатели этих задач. Более того, не существует экономического анализа, основанного на определении назначения программного обеспечения. Основой для метода признается лишь прогнозирование. Если в том же периоде предыдущего года данное налоговое подразделение обеспечило какой-либо показа-

тель налоговых поступлений, предполагается, что в данном месяце должно быть увеличено количество поступлений по налогу на прибыль. При этом не учитывается влияние как экономического роста, так и других факторов. В современной рыночной экономике, где факторы внешней среды и их влияние очень важны для каждого предпринимателя, а экономика полна непредсказуемых изменений, налоговые поступления, по крайней мере, не могут планироваться по методу прогноза. Вот почему выполнение программных заданий становится трудным для некоторых налоговых подразделений, а задача иногда выполняется на основе принципа «цели оправдывают средства». С другой стороны, следует отметить, что в такой ситуации проектные задачи по налоговым поступлениям становятся более важными, чем задачи по борьбе с теневой экономикой.

Одним из основных недостатков представленной системы оценки является использование такого показателя как увеличение числа нарушений в результате налоговых проверок. В частности, к этому показателю относится количество или рост количества нарушений в результате проверок использования контрольно кассовых машин и проверок не зарегистрированных работодателей. Использование таких показателей ведет к формализации и неэффективности инструментов контроля. Другими словами, если показателем для оценки функционирования налоговой системы признается количество проведенных проверок и выявленных то это не способствует сокращению теневой экономики.

Отметим, что хотя ряд показателей, определенных в указе Комитета по государственным доходам РА № 97-А от 27.06.2016 г., уже не актуален в связи со введением некоторых положений Налогового кодекса РА, который вступил в силу в 2018 г., тем не менее, налоговый орган после 2016 г. не разработал обновленную систему оценки деятельности налогового органа.

В отличие от оценки деятельности налоговых органов, до сих пор не существует отдельной системы оценки, предназначенной для оценки деятельности налоговых служащих. Оценка налоговых служащих осуществляется на основе методов, определенных указом об утверждении рабочих программ и оценке эффективности работы органов государственной власти, утвержденным Правительством Республики Армения в 2011 году. В соответствии с этим решением налоговые чиновники, как и другие должностные лица государственного управления, каждый год на основании должностных инструкций формируют годовой рабочий план, планируя выполнение своих функций по семестрам. Другими словами, налоговый инспектор каждый год назначает конкретные даты для выполнения отдельных функций. Затем, параллельно с выполнением работ в течение семестра, налоговый инспектор обязан представить непосредственному руководителю, с помощью уже установленной электронной платформы, результаты своей работы, отметив функцию, по которой идет работа. В результате налоговый инспектор в конце семестра получает оценку от своего непосредственного руководителя. В конце семестра, помимо оценки рабочей программы, налоговый инспектор, согласно вышеуказанному решению, также оценивается на предмет его управленческих навыков непосредственным руководителем. Итоговая оценка состоит на 90% из оценки рабочей программы и на 10% из оценки управленческих навыков. В целях оценки управленческих навыков в качестве показателей используются:

- Знание основных обязанностей и требований;
- Знание трудовых правил, процедур и процессов и их взаимосвязей;
- Поиск информации, необходимой для решения проблем;
- Способность рационализировать работу в установленные сроки;
- Умение анализировать работу;
- Правильное управление рабочим временем, правильное распределение задач;
- Умение организовывать программы развития;
- Умение управлять деятельностью департамента;
- Способность понимать потребности подчиненных;
- Умение мотивировать подчиненных;
- Способность к простому и свободному выражению своих идей;
- Умение оформлять мысли в письменной форме;
- Способность выражать мысли кратко;
- Способность вести за собой партнеров и многое другое.

Эта система на первый взгляд позволяет производить точную оценку, но она имеет ряд недостатков и упущений. Прежде всего, важно отметить, что электронная платформа, созданная для оценки рабочих программ, не приспособлена для всех функций. В частности, с целью оценки выполнения рабочей программы, налоговый служащий должен отчитаться на электронной платформе и получить соответствующую оценку. Но часто налоговый служащий отчитывается в устной форме или не выполняет задание в отношении некоторых из задействованных задач. Поэтому функция не получает оценку. И потому что система оценки рабочей программы для данных мероприятий предоставляет возможность оценить все не оцененные функции в полугодовом резюме, она отрицательно влияет на оценку налоговых служащих. Налоговый инспектор, который хорошо знает, что даже его не оцененные функции будут оценены в конце семестра, совершенно безразличен к отчетным задачам. В результате, процесс оценки рабочих программ становится более формальным, отсутствует эффективность управления налоговой системой, отсутствует обратная связь во время выполнения задач, нет явных ошибок и упущений при выполнении задач, отсутствуют корректирующие меры. Другим важным недостатком является планирование задач по дням в рабочей программе. В условиях периодически меняющейся внешней среды, сложно спланировать, какие функции будут выполняться в течение года, и сколько времени запланировать для каждой из них. При таких обстоятельствах важно предположить, что оценка налогового инспектора может не соответствовать действительности, учитывая время и удельный вес функции, которая важна для расчета оценки его деятельности. В частности, например, налоговый инспектор, планировал потратить 28 дней из 128 дней семестра на работу по налоговым обязательствам, но не выполнял эту функцию из-за рабочей нагрузки и

вместо этого выполнял другие функции. В этом случае налоговый служащий не будет оцениваться по этой функции, в результате чего его оценка будет существенно снижена, даже если налоговый служащий добросовестно выполнил все задания. В результате окончательная оценка его деятельности будет неточной. В результате неправильного расчета рабочей нагрузки в начале года оценка была искусственно уменьшена. Другой отрицательный результат регистрируется, когда непосредственный руководитель поручает работнику низко оцениваемую функцию. Другим важным пробелом является субъективный характер оценки налоговых служащих. Именно поэтому в оценочных листах налоговой инспекции можно увидеть, что оценки различаются друг от друга незначительными баллами, что является результатом субъективной оценки. Важнейшим недостатком является отсутствие выводов и коррекций в оценке налоговых служащих. Налоговый инспектор, получивший 80 из 100 баллов за любую функцию, может получать те же 80 баллов в течение многих лет, и ничего не делается для исправления проблем. Естественно, что в результате недостатки в его работе не раскрываются, он получает чисто количественную оценку, которая предназначена только для галочки. Что касается оценки управленческих навыков, то их нужно улучшать, а не оценивать. Кроме того, проверка таких навыков должна производиться не во время трудовой деятельности, а при найме работников. Совершенно непонятно, как можно нанять налогового инспектора, который не умеет свободно говорить, выражать мысли письменно или выражать мысли кратко. Поэтому эти и другие компетенции должны не оцениваться, а периодически совершенствоваться во время обмена опытом и обучения.

Подводя итоги, мы должны признать, что используемая система оценки как деятельности налоговых органов, так и деятельности налоговых служащих в Республике Армения не является совершенной. Кроме того, в используемых механизмах оценки есть многочисленные пробелы и недостатки, в результате чего они полностью формализуются. По этой причине, сегодня многие налоговые инспекторы не имеют адекватной профессиональной подготовки для борьбы с теневой экономикой. С этой точки зрения, как Республике Армения, так и любой стране со значительной теневой экономикой необходимо создать такие индивидуальные механизмы оценки налоговых функций, которые будут способствовать повышению профессионального уровня налоговых служащих, сокращению теневой экономики и эффективному сбору налогов.

Список источников

1. Устав Комитета государственных доходов Республики Армения, утвержденный Указом премьер-министра № 702-L от 11 июня 2018 года.
2. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? / Prepared by Leandro Medina and Friedrich Schneider; International Monetary Fund, WP/18/17. 2018
3. Приказ Комитета государственных доходов Республики Армения РА от 27.06.2016 г. № 27-А «Об утверждении показателей и процедур оценки налоговых (территориальных) проверок для распределения премиальных сумм в фонды Фонда развития и поощрения Комитета государственных доходов Республики Армения РА».
4. Постановление Правительства РА от 15.10.2011 № 1510-N «Об утверждении порядка присуждения премий об установлении рабочих программ в органах государственной власти Республики Армения, внедрении системы электронного документооборота, утверждении, оценке эффективности и системе эффективности деятельности».
5. Закон РА «О государственном бюджете Республики Армения на 2019 год».
6. Официальный сайт Уполномоченного органа по налоговой политике, Официальный сайт Комитета государственных доходов РА. – <http://www.petekamutner.am>

Шуметов В.Г.

д.э.н., профессор, Орловский ГАУ
shumetov@list.ru

Коломейченко А.С.

к.э.н., доцент, Орловский ГАУ
alla.kolomeychenko@mail.ru

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РАЦИОНАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Ключевые слова: бизнес-процессы, цифровая экономика, стратегический менеджмент, рациональные решения, метод анализа иерархий, метод аналитических сетей, иерархическая модель, интеллектуальные компьютерные технологии.

Введение

На современном этапе развития России сформирована многоукладная экономика, вследствие чего усилилась конкуренция как на внешнем, так и на внутреннем рынке. Мировая практика показывает, что одним из условий снижения рисков, повышения эффективности и конкурентоспособности экономических агентов, является совершенствование системы управления в целом и в отдельных отраслях производства [1]. Это относится не только к федеральному и региональному уровням, но и к субъектам предпринимательства, поэтому функции регулирования и обеспечения экономических агентов информацией необходимо относить к системе управления на всех трех уровнях.

В последнее время эти функции связывают с внедрением цифровой экономики, трактуемой не только как узкое понятие, ограничивающееся производством и реализацией программных продуктов для информационных технологий, но которой придается также «широкая» трактовка, учитывающая применение цифровых технологий во всех отраслях и сферах деятельности [2]. Для обеспечения данных функций необходимо отладить систему получения и передачи информации между всеми структурными элементами, что предполагает четкую работу системы информационного обеспечения, в качестве структурных элементов которой могут выступать как организации и их структурные подразделения, так и индивидуальные предприниматели-консультанты и эксперты [3].

Обзор литературы

Важной задачей системы информационного обеспечения является методическая поддержка субъектов экономики и, особенно, представителей малых форм хозяйствования, в деле развития их бизнесов. Однако практика показывает, что приоритетные направления развития субъектов экономики, как правило, не затрагивают вопросы стратегического развития самих производителей, хотя именно здесь заключены основные резервы роста эффективности. Так, применительно к сфере АПК в работе [4] отмечается, что в структуре направлений деятельности консультантов наиболее востребованными являются консультационные услуги в области растениеводства (17%) и животноводства (14%), а на вопросы экономики, занимающие четвертое место, приходится лишь десятая часть услуг. Это свидетельствует о явно недостаточном внимании к стратегическим вопросам планирования экономической деятельности товаропроизводителей.

Результаты исследования и их обсуждение

В связи с исключительной важностью стратегического планирования, в Орловском государственном аграрном университете им. Н.В. Парахина (ОГАУ) проводятся работы по выявлению потребностей в информационно-консультационных услугах, в том числе, степени заинтересованности в потенциальных возможностях информационно-консультационной системы (ИКС) Орловской области. Анкета предполагает получение информации по оценке сельскохозяйственными производителями следующих аспектов деятельности ИКС Орловской области: 1) категории консультаций (технологические вопросы, сбыт продукции, экономика предприятия, ресурсное обеспечение производства, правовые вопросы, информационные технологии, организация и управление производством); 2) фактического состояния информационно-консультационных услуг и 3) степени заинтересованности в возможностях ИКС.

Анализ информации по этим вопросам позволит уточнить требования к компьютерной системе информационно-консультационных услуг Орловской области, основанной на использовании современных экспертно-аналитических технологий принятия управленческих решений. Среди них следует указать систему подготовки принятия решений *Expert Decide* [5] и экспертно-аналитическую систему (ЭАС) *Expert Solution* [6], реализующие алгоритмы

эффективных методов принятия решений в условиях риска и неопределенности исходной информации – метода аналитических иерархий (МАИ) [7, 8] и метода аналитических сетей (МАС) [9]. Оба метода предполагают опрос группы экспертов по заранее заданной иерархической модели, причем экспертам предлагается выполнить парные сравнения ее элементов по лингвистической девятиуровневой шкале, а все математические выкладки проводятся в автоматическом режиме с помощью специализированных программных средств – систем поддержки принятия решений (СППР) и экспертно-аналитических систем (ЭАС) [10].

В базовом варианте МАИ иерархическая модель принятия решений содержит три уровня: цель (фокус) на вершине иерархии, альтернативы решений на нижнем уровне и критерии оценки альтернатив – на среднем уровне. Все элементы нижних уровней строго подчинены элементам верхних уровней, т.е. обратные связи между уровнями и взаимодействия элементов каждого из них не учитываются, и это является особенностью метода анализа иерархий. В базовом варианте МАС ограничение на обратную связь снимается и, помимо описанной выше «прямой» иерархии, рассматривается также «обратная» иерархия, в которой на нижнем уровне находятся критерии, а альтернативы – на среднем уровне. Тем самым учитывается не только зависимость приоритетов альтернатив от критериев, но и влияния альтернатив на приоритеты критериев. Правда, даже в таком упрощенном варианте работа экспертов существенно усложняется.

Оба метода, в особенности МАИ, успешно используются и за рубежом, и в нашей стране для решения разнообразных задач многокритериального обоснования управленческих решений в условиях информационной неопределенности практически во всех отраслях [11–13]. И хотя до сих пор не прекращаются дискуссии по вопросу математического обоснования этих методов, в настоящее время исследователи в большей степени интересуют вопросы границ их применимости, а также особенностей применения для решения различных задач. Так, в работе [14] рассматривается концепция, особенности, ключевые моменты и недостатки применения метода аналитических сетей для задач принятия решений, делается вывод о применимости МАС для разных сетей при решении естественнонаучных и некоторых других прикладных задач; особенности МАИ применительно к оценке инвестиционных проектов в АПК, обусловленные поведением экспертов в условиях риска, приведены в монографии [15].

Ввиду различия точек зрения на эти вопросы, рассмотрим особенности применения МАИ и МАС на конкретном примере. Как отмечалось выше, суть обоих методов заключается в последовательном попарном сравнении экспертами элементов различных иерархических уровней (факторов, альтернатив и т.п.) с последующим вычислением векторов приоритетов, но если в МАИ сравнение элементов каждого уровня производится друг с другом по их вкладу в конечный результат или же относительно других элементов (факторов) вышестоящих уровней, то МАС «оперирует сетями, которые могут принимать произвольную форму и содержать в себе всевозможные виды связей, включая обратные и циклические, когда фактор может влиять сам на себя непосредственно либо опосредованно» [13, с. 63].

Не теряя общности, сравним результаты иерархического анализа по двум достаточно простым трехуровневым (базовым) моделям: 1) модель прямой иерархии и 2) сетевая модель с независимыми факторами сравнения и альтернативами. В качестве инструментария будем использовать экспертно-аналитическую систему *Expert Solution 1.0*, которая реализует алгоритмы и МАС, и МАИ. Несмотря на относительную простоту базовых моделей – всего лишь трехуровневых, они применимы на всех стадиях жизненного цикла инновационного проекта.

На стадии предварительной подготовки и оценки целевой эффективности инновационного проекта, которые характеризуются сильной неопределенностью исходной информации, необходим комплексный подход, когда сравнение альтернатив производится по их выгодам, издержкам, возможностям и рискам, что позволяет избежать ошибок, вызванных неправильным выбором направления инвестиций [11, с. 4]. При этом для каждой цели – оценки выгод, издержек, возможностей и рисков – в рамках МАИ строится по три базовых модели: модель прямой иерархии, модель обратной иерархии и сетевая модель. Вторая базовая модель также трехуровневая, но при той же цели на втором уровне иерархии – альтернативы, на третьем – критерии. Третья модель – сетевая – содержит два компонента – один с критериями и другой с альтернативами. На следующей стадии жизненного цикла инновационного проекта сравниваются альтернативы реализации выбранного проекта, степень неопределенности значительно меньше, и на первый план выступают модели риск-анализа [11, с. 5]. На этой стадии также строятся три модели – прямой и обратной иерархии и сетевая модель, позволяющая учесть обратную связь между уровнями иерархических моделей. Наконец, на заключительной стадии жизненного цикла проекта строится модель чувствительности проекта к факторам риска – модель управления рисками.

В работе [11] показано, что на базе принципов анализа иерархий могут быть построены также модели стратегического менеджмента, при этом на нижнем иерархическом уровне рассматриваются не альтернативные проекты, а альтернативные сценарии, увеличивается число и содержание уровней иерархии, но и в этом случае основным конструктом служат базовые трехуровневые модели либо прямой, либо обратной иерархии.

Для понимания особенностей метода аналитических сетей рассмотрим трехуровневую иерархическую модель сравнения эффективности нескольких проектов, приведенную в сравнительно недавней публикации [16]. В данной работе три проекта – А, Б и В сравнивались по трем критериям: стоимости, качества и длительности. С помощью алгоритмов «классического» МАИ (терминология авторов) проводился расчет локальных векторов проектов и критериев, на базе которых формировалась суперматрица с нулевыми матрицами на главной диагонали. Для получения результирующих (глобальных) приоритетов элементов суперматрица возводилась в 20-ю степень, тем самым определялось «распространение влияния каждого элемента системы принятия решений на другие элементы системы принятия решений по всем возможным маршрутам графа влияний, которому соответствует стохастическая суперматрица» [16, с. 29].

Заметим, что суперматрица, сформированная авторами цитированной публикации, структурно и численно идентична суперматрице задачи о покупке автомобиля Т. Саати [9, с. 143], с тем лишь отличием, что в суперматрице

Т. Саати на главной диагонали присутствуют не нулевые, а единичные матрицы, что отвечает условию зависимости каждого элемента обоих компонентов от самого себя, или, иначе говоря, введению двух циклов независимости. Но Т. Саати в своем примере идет дальше и показывает, что добавление циклов взаимной внутренней зависимости элементов в компоненте приводит к изменению соотношения предельных приоритетов критериев и альтернатив.

Ввиду недостаточного понимания многими исследователями сущности метода аналитических сетей разберем этот пример более детально, используя в качестве инструментария программный продукт *Expert Solution*, разработанный специалистами Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова и поддерживающей алгоритмы МАИ и МАС [6]. При создании данной экспертно-аналитической системы (ЭАС) ее разработчики из концепции МАС взяли основное – взаимодействие компонентов, но исключили взаимодействия элементов в этих кластерах. Заметим, что разработчики ЭАС ограничились базовой сетевой модели, содержащей лишь два компонента (кластера): кластер альтернатив и кластер критериев. В результате модель сети приобретает вид, представленный на рис. 1.

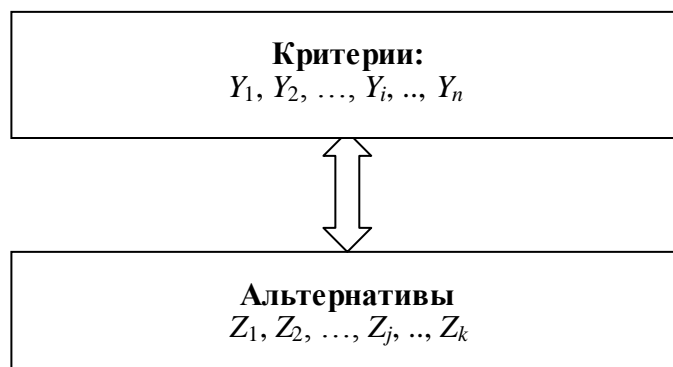

Рисунок 1.
Структура сети, моделирующей взаимодействие компонентов (уровней иерархической модели принятия решений)

Эта модель полностью идентична модели сети, представленной в работе Т. Саати [9, с. 142], с тем отличием, что циклы независимости на рис. 1 не показаны, а взаимодействие компонентов (кластеров) сетевой модели показано не двумя, а одной двойной стрелкой.

Представленной на рис. 1 аналитической сети в случае n критериев и k альтернатив отвечает суперматрица следующей блочной структуры – рис. 2.

Блок независимости альтернатив (нулевая или единичная матрица размером $k \times k$)	Блок прямой иерархии (матрица размером $n \times k$)
Блок обратной иерархии (матрица размером $k \times n$)	Блок независимости критериев (нулевая или единичная матрица размером $n \times n$)

Рисунок 2.
Структура суперматрицы, моделирующей взаимодействие компонентов иерархии и независимость критериев и альтернатив

Основные блоки суперматрицы расположены на вспомогательной диагонали. Верхний правый блок образуют k локальных векторов приоритетов альтернатив размерности n , так что размерность матрицы блока прямой иерархии $n \times k$. Нижний левый блок образуют n локальных векторов приоритетов критериев размерности k , размерность матрицы блока обратной иерархии $k \times n$.

На главной диагонали суперматрицы находятся или нулевые матрицы, отражающие отсутствие внутренней взаимосвязи альтернатив и критериев, или единичные, отвечающие их независимости. Их размерность $k \times k$ и $n \times n$ соответственно, и размерность суперматрицы $(n+k) \times (n+k)$ превышает размерность матриц парных сравнений.

В рассматриваемой сети k и n равны трем, размерность суперматрицы 6×6 , и это облегчает работу экспертов, поскольку для формирования суперматрицы им достаточно выполнить 9 парных сравнений по прямой иерархии и столько же по обратной ($N_{\text{прям}} = nk(k-1)/2 = 9$ и $N_{\text{обрат}} = kn(n-1)/2 = 9$), т.е. всего 18 парных сравнений.

Опуская таблицы парных сравнений, которые идентичны приведенным в работе [16]), а также расчеты векторов приоритетов, полученные в программной среде ЭАС *Expert Solution*, приведем исходную суперматрицу (табл. 1).

Таблица 1

Исходная суперматрица (экспортирована из рабочего файла ЭАС *Expert Solution*)

	Проект А	Проект Б	Проект В	Длительность	Стоимость	Качество
Проект А	0,000	0,000	0,000	0,105	0,637	0,582
Проект Б	0,000	0,000	0,000	0,637	0,105	0,109
Проект В	0,000	0,000	0,000	0,258	0,258	0,309
Длительность	0,174	0,500	0,400	0,000	0,000	0,000
Стоимость	0,634	0,250	0,400	0,000	0,000	0,000
Качество	0,192	0,250	0,200	0,000	0,000	0,000

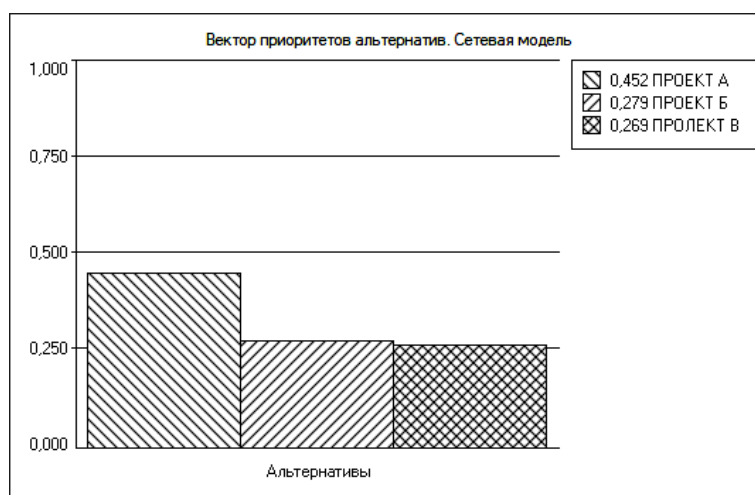
При возведении в четные и нечетные высокие степени эта суперматрица дает две формы предельной суперматрицы, различающиеся расположением блоков. Сумма этих форм, приведенная в табл. 2, имеет идентичные столбцы, три первых элемента которых – 0,452, 0,279 и 0,269 показывают приоритеты альтернатив А, Б и В, а три последних – 0,326, 0,464 и 0,210 – приоритеты критериев «Длительность», «Стоимость» и «Качество» соответственно.

Таблица 2

Сумма двух форм предельной суперматрицы сетевой модели и расчет по МАИ

Элемент							Расчет по МАИ
Проект А	0,452	0,452	0,452	0,452	0,452	0,452	0,441
Проект Б	0,279	0,279	0,279	0,279	0,279	0,279	0,284
Проект В	0,269	0,269	0,269	0,269	0,269	0,269	0,275
Длительность	0,326	0,326	0,326	0,326	0,326	0,326	0,358
Стоимость	0,464	0,464	0,464	0,464	0,464	0,464	0,428
Качество	0,210	0,210	0,210	0,210	0,210	0,210	0,214

Результаты расчетов в ЭАС *Expert Solution* выводятся на экран дисплея в наглядной графической форме – рис. 3.

а

б

Рисунок 3.

Результаты сетевой модели: а – вектор приоритетов альтернатив; б – вектор приоритетов критериев (экспортировано из рабочего файла ЭАС *Expert Solution*)

Для оценки изменений, которые вносит учет взаимодействия компонентов в сетевой модели, сравним результаты, представленные в табл. 2, с глобальными векторами, рассчитанными по модели МАИ и приведенными в последней графе этой таблицы. Видно, что учет обратной связи повысил «контрастность» выбора решения о преимуществе проекта А: приоритет 0,452 по сетевой модели заметно повысился в сравнении с приоритетом 0,441 по МАИ, тогда как приоритеты альтернативных проектов, напротив, понизились: с 0,284 до 0,269 и с 0,275 до 0,269 для проектов Б и В соответственно.

Обсуждение результатов и заключение

Приведенный выше пример показывает как целесообразность учета взаимодействия компонентов иерархической модели выбора проекта, что повышает надежность и контрастность принятия решения, так и удобство применения для решения одной из важных задач стратегического планирования ЭАС *Expert Solution*.

Представляется оправданным принятое в работе [16] упрощение концепции метода аналитических сетей, а именно, принятие условия независимости не только альтернатив, но и критериев, как и принятие условия отсутствия внутренней взаимосвязи альтернатив и критериев в сетевой базовой модели ЭАС *Expert Solution*. Накопленный нами опыт практического применения метода аналитических сетей показывает, что при разработке структуры иерархической модели следует стремиться к тому, чтобы альтернативы не были взаимосвязаны, а критерии не зависели друг от друга. Это значительно облегчает сравнение экспертами элементов этих двух кластеров, устраняет дублирование критериев. Но отсюда не следует, что необходимо изначально стремиться к упрощению структуры модели принятия решений. В результате сравнения n критериев может оказаться, что какие-то из них будут малоинформативными, т.е. их приоритеты будут значительно меньше, чем $1/n$. Тогда эти критерии можно без особого ущерба исключить из дальнейшего анализа, и такое действие предусмотрено в ЭАС *Expert Solution* [10].

Представляется оправданным и принятое в ЭАС *Expert Solution* ограничение на сложность моделей, содержащих всего два кластера – альтернатив и критериев. Такая базовая модель является основой модели любой сложности, содержащей, помимо кластеров альтернатив и критериев, также такие компоненты, как акторы, их цели и политики, ресурсы и проч. В работе [17] для решения задач стратегического управления эффективностью производства организаций агропромышленного комплекса предложены подобные частные базовые модели для факторов, ресурсов и издержек, при этом использовались «классические» модели МАИ. Расширение набора базовых моделей, как и их замена на сетевые базовые модели, при не слишком значительном усложнении работы экспертов, приведет к существенному уточнению результатов экспертизы.

Что касается практической стороны применения ЭАС *Expert Solution*, то наш опыт проведения различного вида занятий с магистрантами очной и заочной форм обучения Орловского государственного аграрного университета – лекций, практических занятий, лабораторных работ, а также выполнения студенческих научных работ, показывает, что приобретение магистрантами навыков построения базовых сетевых моделей и наполнения их экспертными знаниями не вызывает серьезных затруднений, при наличии необходимой учебно-методической литературы [10] и «легитимности» данной экспертно-аналитической системы [6].

Список литературы

1. Коломейченко А.С., Ноздрин Ю.В. Совершенствование инновационной системы управления АПК // Наука и Мир. 2015. – Т. 1, № 8 (24). – С. 78–79.
2. Урманцева А. Цифровая экономика: как специалисты понимают этот термин // РИА Наука. – <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>
3. Демишкевич Г.М. Формирование и развитие системы сельскохозяйственного консультирования. – М.: ФГУ РЦСК, 2009. – 296 с.
4. Отчет о результатах реализации в 2012 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы в части оказания консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и сельскому населению / ФГБОУ «Учебно-методический центр сельскохозяйственного консультирования и переподготовки кадров агропромышленного комплекса». – М.: Минсельхоз РФ, 2013. – 27 с.
5. Кузнецов А.И., Шуметов В.Г. Expert Decide для Windows 95, 98, NT, 2000, Me. Версия 2.2. Руководство пользователя. – Орел: ОРАГС, 2001. – 44 с.
6. Покровский А.М. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2012615377 Expert Solution / И.В. Барбашов, А.М. Покровский. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 15 июня 2012 г.
7. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. – М.: Радио и связь, 1993. – 320 с.
8. Саати Т.Л. Об измерении неосязаемого. Подход к относительным измерениям на основе главного собственного вектора матрицы парных сравнений // Cloud of Science. 2015. – Т. 2, № 1. – <http://cloudofscience.ru>
9. Саати Т. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. Пер. с англ. / Науч. ред. А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 360 с.
10. Шуметов В.Г., Покровский А.М. Математические и инструментальные методы поддержки принятия решений: учебно-методическое пособие. – Орел, Орловский филиал РАНХиГС, 2012. – 144 с.
11. Покровский А.М., Шуметов В.Г. Экспертно-аналитические прогнозные модели в стратегическом менеджменте: методологические подходы и методический инструментарий // Интернет-журнал «Наукovedenie». 2015. – Т. 7, № 2. – <http://naukovedenie.ru/PDF/87EVN215.pdf>. DOI: 10.15862/87EVN215.
12. Мироненко А.Н. Применение метода анализа иерархий совместно с алгоритмом кластеризации в обработке данных социологических исследований // Математические структуры и моделирование. 2016. – № 4 (40). – С. 90–95.
13. Середкин К.А., Коробов В.Б., Тутыгин А.Г. О применении метода аналитических сетей в задачах геоэкологии // Проблемы региональной экологии. 2012. – № 4. – С. 61–65.
14. Середкин К.А. О границах применимости метода аналитических сетей в задачах принятия решений в естественных науках // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. – № 2. – С. 95–102.
15. Многокритериальный метод оценки инвестиционных проектов агропромышленных комплексов на Южном Урале: этносоциальные и экономические аспекты / Под общ. ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2017. – 132 с.
16. Лабинский А.Ю., Козлов А.А. Принятие решений с помощью метода аналитических сетей // Вестник СПб университета ГПС МЧС России. 2018. – № 4. – С. 24–32.
17. Управление эффективностью сельскохозяйственного производства / А.А. Силкин, Е.А. Егорова, А.Ю. Жилибина, В.Г. Шуметов // Экономика и социум. 2015. – № 6–3 (19). – С. 922–925. – <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34234391>

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Артемов В.А.¹

ПРИОРИТИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ РЕГИОНА²

Ключевые слова: финансирование, социальная сфера, инвестиции, регион, развитие, приоритет.

Keywords: financing, social sphere, investments, region, development, priority.

При определении приоритетных механизмов финансирования социальных инвестиций целесообразно учитывать пространственно-временные тенденции, объективно сформировавшиеся в том или ином регионе. Особенности влияния финансирования социальных инвестиций на развитие социальной сферы целесообразно рассматривать на основе подхода Джованни Арриги, связанного с концептуализацией процессов глобализации исторического капитализма. Причем три ключевых категории рассматриваемых процессов – «пространственно-временное закрепление», «кризис перемещения» и «накопление путем лишения прав владения» – достаточно гармонично сочетаются с эволюционной моделью развития социальной сферы³.

Пространственно-временное закрепление капитала основано на минимизации последствий кризисных явлений путем переноса финансовых потоков на будущие периоды и изменения их географической направленности. С точки зрения развития социальной сферы региона данная стратегия позволяет произвести так называемое выравнивание уровня социального развития определенных регионов, устраняя при этом диспропорции, вызванные невозможностью финансового капитала на конкретной территории обеспечивать такой же прирост социального эффекта, как в менее развитых регионах, что создает предпосылки поиска более эффективных направлений финансирования социальных инвестиций в альтернативном географическом пространстве.

Кроме того, если не появляется новое пространство для освоения финансового капитала, то он девальвируется, провоцируя возникновение еще одной проблемы, заключающейся в том, что перемещение капитала не всегда возможно без негативных последствий, а иногда может являться причиной «кризиса перемещения». Сложившаяся ситуация может спровоцировать два варианта развития событий для выхода из сложного положения: ослабление финансового положения определенных территорий или применение жестких политических инструментов для обращения к некурентной ситуации в свою пользу. Совокупность этих средств является «накоплением путем лишения прав владения», что в мировой практике выражалось в переходе прав собственности, в присвоении активов и природных ресурсов, в исключении альтернативного использования различных ресурсов и т.п.

В общем виде механизм взаимодействия указанных категорий представлен на рис. 1.

Пространственно-временная характеристика финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере позволяет выявить сформировавшиеся тенденции, что в свою очередь поможет выявить предпосылки и факторы, непосредственно влияющие на приоритетность финансовых механизмов, наиболее целесообразных в данном контексте и наиболее сильно влияющих на развитие социальной сферы региона.

Доминирующими концепциями при финансировании инвестиционных процессов в социальной сфере являются концепция нормативно-целевого подхода и концепция государственно-частного партнерства. Рассмотрим сложившуюся к настоящему моменту времени ситуацию в области финансирования социальных инвестиций с учетом инструментария обозначенных концепций. Объемы бюджетного финансирования ключевых элементов социальной сферы областей Центрального федерального округа представлены в табл. 1.

¹ Артемов В.А. – к.э.н., доцент кафедры финансов, кредита и бухгалтерского учета Курского государственного университета. E-mail: ava_fkn@mail.ru

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-32-01189-ОГН «Методология влияния финансирования инвестиционных процессов на результаты развития социальной сферы».

³ Arrighi G. Spatial and Other «Fixes» of Historical Capitalism // Journal of World-Systems Research. 2004. – Vol. 10, N 2, Summer. – P. 527–539.

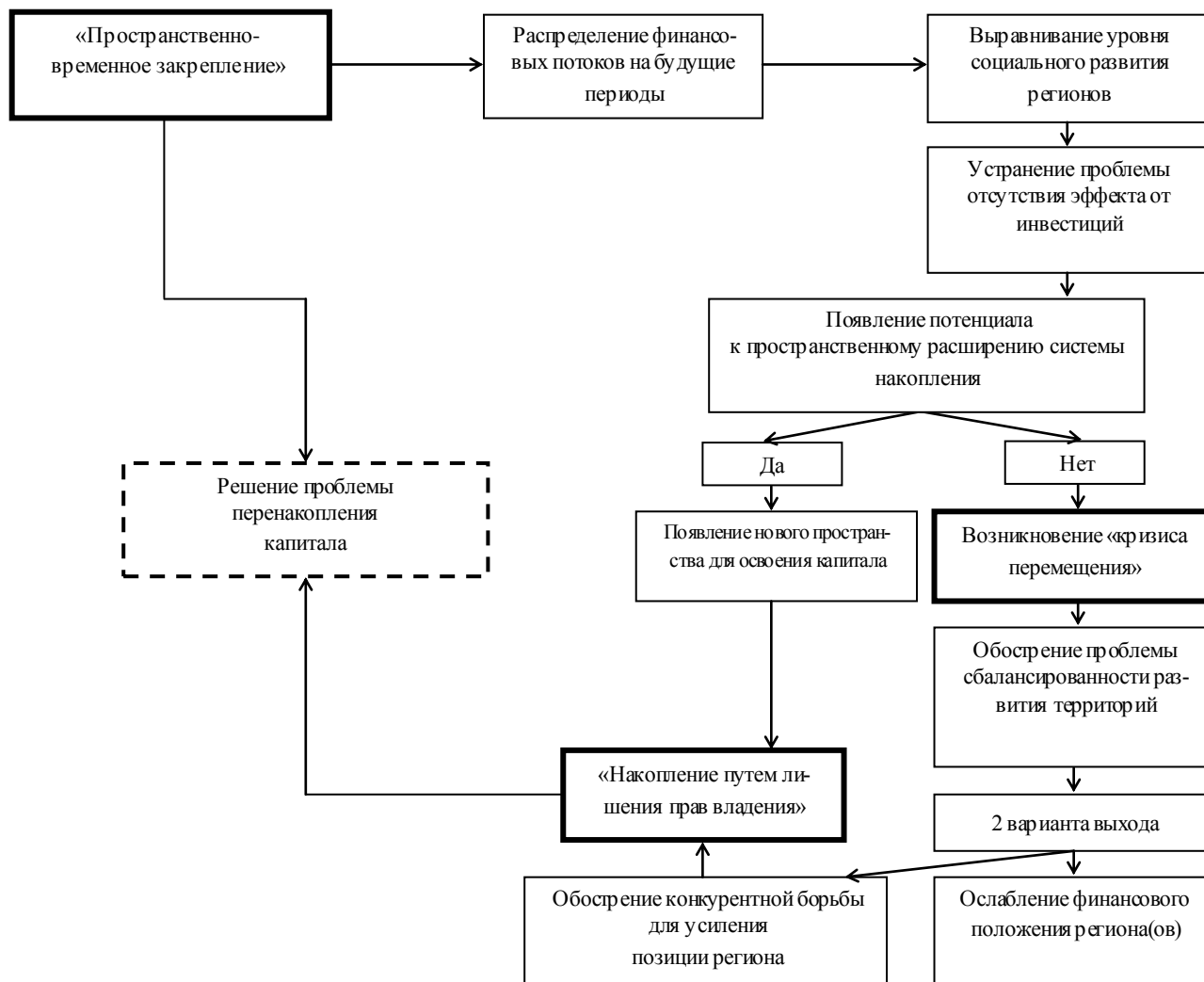

Рисунок 1.
Механизм взаимодействия ключевых категорий пространственно-временных тенденций финансирования социальных инвестиций

Таблица 1

Расходы на социальную сферу консолидированных бюджетов субъектов Центрального федерального округа с 2016 по 2018 гг., миллионов рублей

	Жилищно-коммунальное хозяйство (x1)			Образование (x2)			Здравоохранение (x3)			Социальная политика (x4)		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Белгородская область (1)	2739	3294	3908	24586	26215	29380	10155	19976	24858	10025	15724	16546
Брянская область (2)	1777	2230	2281	14202	14972	17175	2300	13837	17259	15236	14813	15178
Владимирская область (3)	3713	4050	4022	18291	20043	22526	8454	17828	21928	10875	15436	16616
Воронежская область (4)	4242	4359	5416	28814	31259	35443	16461	28731	35825	16105	24769	25810
Ивановская область (5)	2573	3294	3266	11138	11358	13156	1679	10569	13806	11138	11418	11851
Калужская область (6)	5660	6714	7515	15665	15379	17790	4328	14208	17978	12578	12611	13061
Костромская область (7)	2161	1911	2163	8847	8889	10735	4006	7811	9434	4716	7001	7413
Курская область (8)	1812	2043	1915	16875	17053	20185	6549	13518	16756	9731	14759	15087
Липецкая область (9)	3272	3518	3548	15785	16896	18164	4350	14420	17320	13584	13595	14678
Орловская область (10)	1008	976	1075	10236	11155	11505	5311	9510	11507	6639	10003	10043
Рязанская область (11)	2552	1857	2505	15662	16495	18382	6834	13147	17607	8343	12680	13585
Смоленская область (12)	2856	2428	2417	12369	11880	13116	6434	11360	13620	7842	11506	12099
Тамбовская область (13)	2776	2946	3233	14036	14333	14576	6393	11684	13738	8145	11471	12150
Тверская область (14)	3220	3924	3087	16640	17560	19013	9919	16638	20024	10134	15242	15857
Тульская область (15)	6243	7245	5491	22858	24854	26199	12204	20917	23671	15106	22042	22719
Ярославская область (16)	5030	4943	4580	21965	22463	24071	8994	17451	20960	12678	17053	18208

В таком виде анализировать данные, представленные в табл. 1 достаточно сложно. Однако применение трехмерных способов представления графической информации упрощает эту задачу. Для примера на рис. 2 представлена пространственно-временная характеристика процесса финансирования «образования» областей Центрального феде-

рального округа за период с 2014 по 2018 годы. Для удобства восприятия информации областям присвоены порядковые номера (в табл. 1 они указаны в скобках после названия региона).

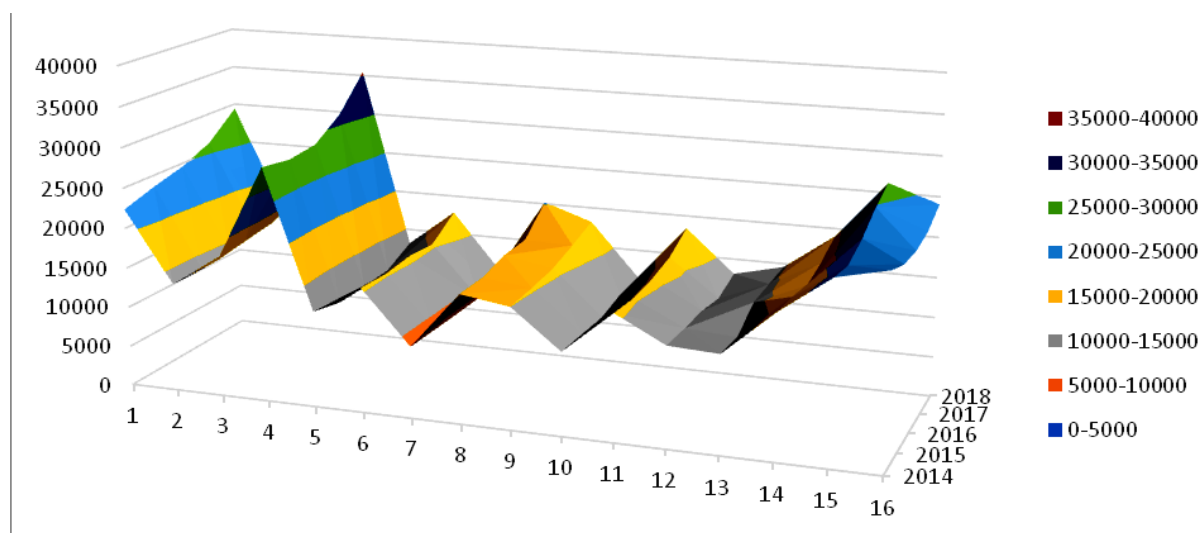

Рисунок 2.

Пространственно-временная характеристика процесса финансирования «образования» областей Центрального федерального округа за период с 2014 по 2018 годы, миллионов рублей

В 2018 году лидерами по объемам финансирования социальной сферы являлись Воронежская и Тульская области. В числе отстающих областей по уровню социальных расходов находятся Костромская и Орловская. Причем наблюдается общая тенденция доминирования в структуре финансирования расходов на образование и отставания по объему финансирования сферы жилищно-коммунального хозяйства. Дифференциация расходов бюджетов регионов Центрального федерального округа на социальные цели достаточно велика, что объясняется различными условиями, влияющими на финансирование социальной сферы.

В настоящее время поиск методов финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере получает новый импульс в рамках подходов государственно-частного партнерства, который все глубже проникает в концепцию управления общественными финансами. Дифференциация регионов Центрального федерального округа по уровню развития государственно-частного партнерства и социальной сферы также достаточно велика, что объясняется различными факторами, воздействующими на финансовое обеспечение социальных инвестиций, например, численностью населения, уровнем развития экономики, региональной социальной политикой.

Рейтинг регионов Центрального федерального округа по уровню развития государственно-частного партнерства на за период с 2014 по 2018 годы представлен в табл. 2, причем данный интегральный показатель обозначим как самостоятельную переменную (x5). В расчетах интегрального показателя рейтинга субъекта РФ используются такие факторы, как развитие институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства, нормативно-правовое обеспечение сферы государственно-частного партнерства, опыт реализации проектов государственно-частного партнерства.

Таблица 2

Итоговый интегральный показатель рейтинга субъекта РФ по уровню развития государственно-частного партнёрства

Регион	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Белгородская область (1)	42,3	29,2	34	39,6	51,5
Брянская область (2)	28,8	12,1	19,9	16,9	17,8
Владимирская область (3)	45,7	39,3	63,6	73	77,3
Воронежская область (4)	54,4	33,4	55	54,7	52,7
Ивановская область (5)	31,7	16,4	35,6	41,9	37,1
Калужская область (6)	44,8	34,2	44,8	57,6	72,8
Костромская область (7)	25,1	29,8	24,8	24,4	27,8
Курская область (8)	29,4	10,1	25,9	27,9	31,9
Липецкая область (9)	38,2	24,8	43,4	45,7	50,1
Орловская область (10)	17,4	15,7	16,8	20,9	18,3
Рязанская область (11)	41,5	37	28,5	32,1	38
Смоленская область (12)	30	16,8	44,7	49	49,2
Тамбовская область (13)	46,7	40,4	62,3	79	84,1
Тверская область (14)	33,6	8,3	7,8	18	18,4
Тульская область (15)	50,5	31,6	52,5	62,9	66,7
Ярославская область (16)	49,3	21,2	22,8	28,5	39

На рис. 3 представлена пространственно-временная характеристика уровня развития государственно-частного партнерства областей Центрального федерального округа за период с 2014 по 2018 годы.

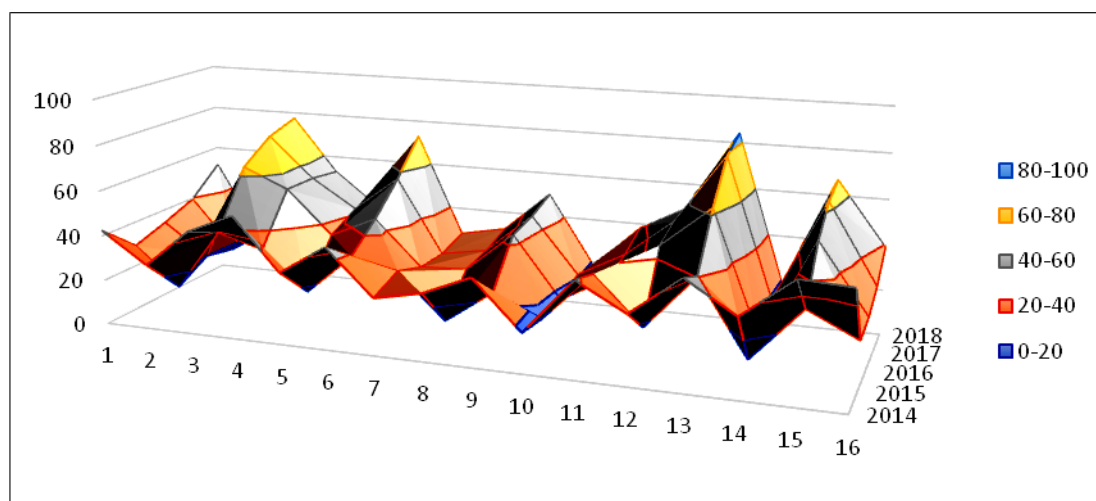

Рисунок 3.

Пространственно-временная характеристика развития государственно-частного партнерства областей Центрального федерального округа за период с 2014 по 2018 годы, %

Для выбора приоритетного механизма финансирования социальных инвестиций сконструируем Индекс финансирования социальной сферы (ИФСС) по методике В. Плюты, придерживаясь критериев эффективности сбалансированной системы показателей¹. В табл. 3 и на рис. 4 приведены значения Индекса финансирования социальной сферы, который комплексно отражает приоритеты применения финансовых механизмов при реализации инвестиционных процессов в социальной сфере.

Таблица 3

Индекс финансирования социальной сферы субъектов РФ

Регионы	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Белгородская область	0,423	0,394	0,359	0,466	0,562
Брянская область	0,172	0,167	0,146	0,179	0,200
Владимирская область	0,391	0,365	0,366	0,451	0,490
Воронежская область	0,689	0,600	0,589	0,668	0,763
Ивановская область	0,249	0,191	0,144	0,193	0,201
Калужская область	0,369	0,383	0,372	0,409	0,469
Костромская область	0,098	0,090	0,034	0,028	0,055
Курская область	0,250	0,191	0,182	0,225	0,254
Липецкая область	0,269	0,266	0,289	0,330	0,350
Орловская область	0,087	0,081	0,001	0,029	0,008
Рязанская область	0,302	0,266	0,200	0,203	0,269
Смоленская область	0,214	0,177	0,180	0,171	0,174
Тамбовская область	0,243	0,214	0,223	0,257	0,259
Тверская область	0,397	0,325	0,215	0,314	0,282
Тульская область	0,565	0,528	0,571	0,697	0,672
Ярославская область	0,571	0,454	0,427	0,479	0,512

К наиболее эффективно использующим финансовые ресурсы при социальном инвестировании можно отнести Воронежскую, Тульскую и Белгородскую области. Наиболее низкий уровень эффективности социальных инвестиций наблюдается в Костромской и Орловской областях.

На следующем этапе выбора приоритетного механизма финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере региона для непосредственной оценки достигнутого уровня социального развития определенной территории возможно использовать показатели, применяемые для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации², которые показаны на рис. 5.

Опираясь на финансовую модель развития социальной сферы регионов в динамике, органы государственной власти должны реализовывать политику социального инвестирования, основанную на выравнивании социально-экономического развития регионов посредством перераспределения финансовых потоков. Причем необходимо учитывать ключевые правила, предложенные Дж. Арриги, что позволит более тщательно учитывать аспекты влияния фи

¹ Kaplan R.S., Norton D.P. Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System // Harvard Business Review. 1996. – January/February. – P. 76.

² Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

нансирования социальных инвестиций на развитие социальной сферы. Целесообразно отметить, что основным участником социального регулирования должно выступать гражданское общество, направляющее свои усилия на постепенное повышение социальной ответственности бизнеса на базе социального партнерства, а при выборе приоритетного механизма финансирования инвестиционных процессов в социальной сфере целесообразно использовать рассматриваемую финансовую модель системы управления развитием социальной сферы в контексте социальных инвестиций.

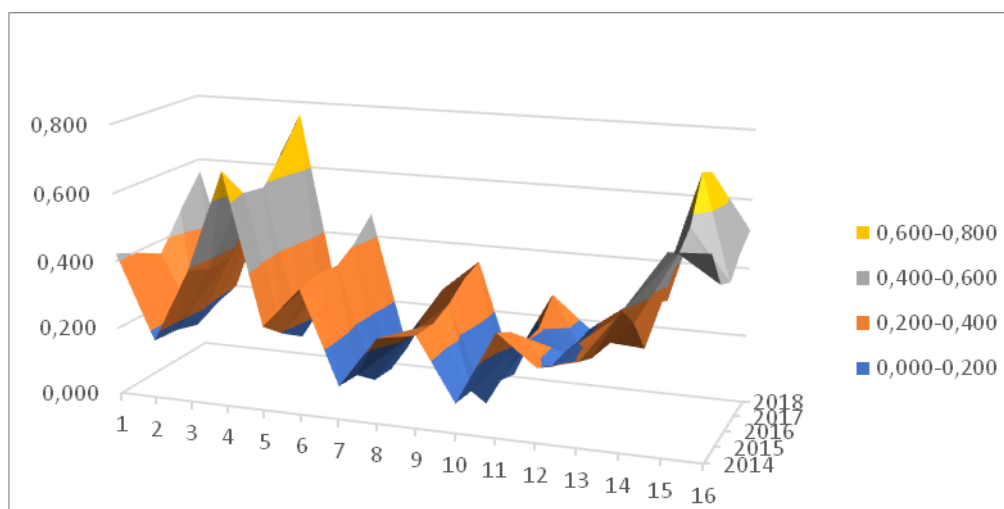

Рисунок 4.
Пространственно-временная характеристика финансирования социальной сферы субъектов РФ

Рисунок 5.
Показатели оценки уровня развития социальной сферы региона

Бабинцев В.П.

д.филос.н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
babintsev@bsu.edu.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ (БЕЛГОРОДСКИЙ ОПЫТ)

Ключевые слова: региональное сообщество, солидарность, консолидация, социальный проект, ценности, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция.

Keywords: regional community, solidarity, consolidation, social project, values, social conjuncture, social disjunction.

Идея консолидации региональных сообществ в той или иной форме в течение последних двадцати лет неоднократно «вбрасывалась» в публичное пространство России. Ценность солидарности относится, вероятно, к числу ценностей, которые разделяются большинством граждан и организаций, вне зависимости от их политической, религиозной или иной специфики. Г.Д. Ковригина в данной связи пишет: «Солидарность, или неравнодушное отношение к собратьям, соплеменникам, и согражданам – выступает залогом успешного социального воспроизводства социума во всех его ключевых сферах. Соответственно, задача формирования и поддержания солидарного характера общественных отношений не может не являться одной из ключевых как в государственной политике, так и в инициативах локальных сообществ»¹.

Однако позитивное восприятие солидарности на отвлеченном уровне не означает единства в восприятии консолидации как реального регионального социального проекта. Опыт Белгородской области, правительством которой в 2011 году была утверждена Стратегия «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы»², показывает, что в отношении его проявляются, как минимум, четыре во многом не совпадающие позиции.

Первая – и наиболее последовательная – позиция представителей интеллектуального (экспертного) сообщества, которые рационально осмыслили необходимость консолидации, не имеющей разумной альтернативы в высоко конкурентном социуме, все чаще развивающемся по модели турбулентного хаоса, где «число макроскопических пространственных и временных масштабов столь велико, что поведение системы кажется хаотическим»³. В частности, аргументируя необходимость региональной консолидации, белгородские исследователи не рассматривали Стратегию как чисто конъюнктурный проект и ссылались на вывод специалистов в сфере системного управления, которые утверждают: «Исследования в области культурной антропологии, исторической социологии и исторической психологии обнаружили системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов и внутренней устойчивостью социума. А именно: чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурно-психологической регуляции необходимы для сохранения общества. Эта зависимость обозначена как закон *техногуманитарного баланса*»⁴. Консолидация поэтому определялась ими как способ осуществить эффективную регуляцию региональных социальных процессов в условиях нарастания социальной дизъюнкции⁵. Выводы белгородцев в данном случае были адекватны заключениям и других специалистов, активно разрабатывающих проблематику социальной консолидации. В частности, иркутские исследователи подчеркивали, что именно социальная дизъюнкция, определяемая ими как процесс «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств», сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества»⁶, представляет серьезную опасность для российских регионов. Ее преодоление требует переориентации политики субъектов РФ на социальную конъюнкцию, способную обеспечить воспроизводство региональных сообществ, на основе консистентной солидарности, обеспеченной полными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества⁷.

Безусловно, диспозиция представителей интеллектуального сообщества в отношении проекта социальной консолидации в регионах страдает определенным академизмом, зачастую отсутствием жесткой связи с реальной ситуацией, определяющейся не столько глобальными и макросоциальными процессами, сколько расстановкой политических

¹ Ковригина Г.Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества. Диссертация ... канд. филос. наук. 09.00.11. – Иркутск, 2015. – С. 3.

² Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. – Белгород, 2011.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 225.

⁴ Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. – М.: «КАНОН+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 21.

⁵ Разработка и реализация Стратегии формирования регионального солидарного общества в Белгородской области. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – 58 с.

⁶ Кармаданов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 17.

⁷ Там же, с. 11.

элит, их конкуренцией в борьбе за ресурсы и наличием этих ресурсов. Ориентируясь на перспективу, интеллектуалы довольно часто не способны убедить как истеблишмент, так и массы в возможности реализации провозглашаемых ими стратегических целей и в неотвратимости неблагоприятных последствий в случае отказа их сформулировать и преследовать.

Специфическую позицию в отношении консолидационного проекта, как показал опыт Белгородской области, занимает административно-управленческая элита. С одной стороны, формально она не может его не поддерживать. Но, с другой стороны, ее диспозиция является далеко не однозначной. Консолидация как реальная задача, требующая практического решения, воспринимается небольшим числом «первых лиц». В Белгородской области – это, прежде всего ее губернатор Е.С. Савченко, который еще 2009 году в ежегодном отчете о социально-экономическом развитии области отметил, что «на смену рыночной, конкурентной модели экономических отношений идет новая, у которой должно быть справедливое, нравственное содержание и у которой будет не только цель – получение прибыли, но и миссия – благополучие работника, трудового коллектива, территории, природы. А ускорить приход новой модели может только активное, сплоченное, целеустремленное общество – солидарное общество»¹. В последующих документах такого рода эта мысль в той или иной форме, более или менее отчетливо, находила свое подтверждение.

Однако отношение к проекту большей части государственных и муниципальных чиновников является менее определенным. Формально-декларативная его поддержка, разумеется, имеет место. По нашим наблюдениям, практически все государственные или муниципальные служащие, публично выступающие перед населением, использовали термин «солидарность» даже в тех случаях, когда этого не требовала рассматриваемая тематика. Это позволяло им «оставаться в тренде», несмотря на то, что неоправданно частое и не всегда обоснованное использование термина существенно девальвировало его не только в глазах общественности, но и самих «пользователей».

Подобная ситуация вряд ли может оцениваться как специфичная только для Белгородской области, поскольку отражает общую ситуацию в бюрократических структурах современного государственного и муниципального управления. Положение чиновника характеризуется в них своеобразной «ценностной отчужденностью», заключающейся в том, что он принудительно лишен возможности обсуждать ценностно-смысловые проблемы. Эта отчужденность имеет свою историческую легитимацию. Вынесение официальных суждений по ценностным аспектам социальных процессов никогда не входило в компетенцию чиновников, оставаясь прерогативой высшей власти, которая лишь одна квалифицировалась «как сгущение познавательных, моральных и политических ценностей»². С течением времени «ценностная отчужденность» стала рассматриваться большинством государственных и муниципальных служащих не в качестве издержки, но в качестве достоинства и получила свое логическое завершение в представлениях об «эффективных менеджерах», управляющих государством как корпорацией. Любой проект, предметом которого являются «нематериальные» процессы (то есть процессы, которые в их понимании не обещают измеримой выгоды) принимается этой группой специалистов только в контексте прагматической политики. Именно поэтому чиновники в своей основной массе интерпретировали идею региональной консолидации в качестве политического лозунга, перспективного для организации одной или нескольких избирательных кампаний. В соответствии с этой установкой изменение их интереса к проекту было адекватно динамике избирательного цикла, что существенно дискредитировало идею в глазах ее искренних сторонников.

Следовательно, для основной массы чиновников не характерна готовность относиться к проекту региональной консолидации как к объекту системной работы. Здесь обнаруживается явное противоречие между утилитарно-прагматической ориентацией государственных и муниципальных служащих и их отказом увидеть несомненную пользу консолидации для субъекта РФ, заключающуюся хотя бы в том, что солидаризированное сообщество наиболее конкурентоспособно в современном мире, готово противодействовать многочисленным опасностям и угрозам. Причины данного противоречия кроются в специфике мышления современных государственных и муниципальных менеджеров, которое носит адхократический характер. Они ориентированы не на перспективу, но на ситуацию, поскольку от степени разрешения ситуативных проблем зависит оценка их деятельности.

Для мышления чиновников характерны типичные недостатки, отмеченные Н.Н. Талевым применительно к значительной группе менеджеров: привычка думать в статике, а не в динамике; думать в низкой, а не высокой размерности (неспособность отличать многомерные проблемы от одномерных); оперировать терминами действия, а не взаимодействия³.

Поскольку в современном российском регионе основные ресурсы, фактически, монополизированы административно-управленческой корпорацией, от ее позиции зависит перспектива любого социального проекта. И так как отношение бюрократии к идее консолидации нельзя назвать иначе как отчужденно-нейтральным, приходится констатировать: она с неизбежностью приобретает утопический характер.

Жизнеспособность проекта снижается еще и потому, что он пока не стал ясным и привычным для значительной части населения. Очередной этап мониторинга «Роза качества», направленный на оценку качества регионального управления, в 2018 году (n = 8000), показал, в частности, что о реализации Стратегии формирования солидарного общества слышали лишь 28,5% белгородцев. И, хотя 57,5% считают его реализацию успешной, только 42,8% представляют, что такое солидарное общество.

¹ Солидарное общество. – <http://stud24.ru/management/solidarnoe-obshhestvo/334501-1007298-page1.htm>

² Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. – С. 17.

³ Талев Н.Н. Риска собственноручной шкуркой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. – М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2018. – С. 26–27.

Мы полагаем, что в любом субъекте РФ осуществление проекта консолидации регионального сообщества, несмотря на привлекательность идеи, встретит пассивную оппозицию значительной части граждан. Этому будут способствовать две основные причины. Во-первых, осознание факта глубокой социальной дифференциации населения, выражающееся в довольно обоснованных заявлениях о том, что невозможно консолидировать сверхбогатых (особенно с учетом того обстоятельства, что богатство их в большинстве случаев получено неправовым и безнравственным путем) и бедных. Во-вторых, низкий уровень доверия к власти, воплощающийся, кроме всего прочего, в отказе от поддержки иницилируемых проектов, особенно если они не обещают сиюминутной выгоды и ориентированы на отдаленное будущее.

Идея консолидации поддерживается православной церковью, о чем неоднократно заявлял Патриарх Кирилл. В частности, он говорил: «И сегодня, как и 400 лет назад, идеи солидарности и заботы об общем, а не только о частном, могут и призваны стать скрепой нашего общества. Каким финансовым капиталом ни обладал бы человек, какие высокие позиции ни занимал бы – он не будет полноценно счастлив без служения ближним. Чем больше людей будет ощущать общественный смысл, социальную пользу совершаемого дела, тем крепче будет общество, тем меньше будут расстояния между разными социальными слоями»¹. Поскольку церковная иерархия является, как и государство, бюрократической структурой, ее «звенья» адекватно воспринимают сигналы, идущие от руководства, и на региональном уровне поддержка ими консолидационного проекта обеспечена уже в силу данного обстоятельства. К тому же идея консолидации адекватна разделяемой церковью концепции соборности. И не удивительно в данной связи, что в Белгородской области «Договор о взаимной ответственности за реализацию Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2015 годы» подписал Архиепископ (ныне Митрополит) Белгородский и Старооскольский Иоанн.

Однако церковь в данном случае обладает главным образом духовно-нравственным ресурсом, который, несмотря на его несомненную важность, недостаточен для трансформации идеи в реальный социальный проект и его продвижения. К тому же не следует переоценивать уровень религиозности современного российского общества. Во многих случаях она носит формально-демонстрационный характер.

В процессе разработки и реализации проекта региональной консолидации могли бы участвовать общественные объединения. Однако, как правило, в большинстве субъектов РФ они, несмотря на многочисленность, маловлиятельны. Часть из них лишь имитирует социальную активность, а идею солидарности использует в качестве основания для демонстрации лояльности по отношению к планам институтов власти и подкрепления претензий на получение поддержки с их стороны. Более или менее последовательную позицию в отношении консолидации занимают профсоюзы и отделение Всемирного русского народного собора, экспертный центр которого неоднократно публиковал материалы, подчеркивающие значимость феномена солидарности для решения практических проблем. В частности, для развития бизнеса².

Невнятным является отношение к проекту консолидации со стороны региональных отделений, представленных в Государственной Думе политических партий, за исключением «Единой России», которая не могла игнорировать идею солидарности и постаралась использовать ее в чисто имиджевом плане.

Осторожность других партий, очевидно, определяется тем, что, с одной стороны, ценность солидарности довольно очевидна. Но, с другой стороны, положение обязывает их демонстрировать оппозиционность и подвергать критике властные проекты. Тем более, что в проекте консолидации, особенно в практике его реализации, достаточно много уязвимых мест.

Таким образом, на основании опыта Белгородской области можно констатировать, что, несмотря на объективную потребность в консолидации субъектов РФ, попытка решения данной задачи на проектной основе вызвала ряд серьезных проблем. Прежде всего, выявилась неготовность регионального сообщества к восприятию идеи солидарности как реального ориентира социального развития региона. Несмотря на существующий в обществе запрос на социальную справедливость (а реализация этого принципа является принципиальной предпосылкой солидарности в российской социокультурной традиции), жители региона в большинстве своем в той или иной мере свыклись с существующей в обществе социальной поляризацией, неравенством в доступе к ресурсам и пр. Для очень многих белгородцев сама мысль о наличии общих интересов у представителей разных социальных страт представляется абсурдной.

К реализации проекта оказалась не готова и власть, продолжающая использовать и транслировать в различные общественные сферы нормы и практики, сформировавшиеся в 90-е годы. Значительной частью административно-политической элиты Стратегия была воспринята как очередная политтехнологическая уловка, симулякр для массового употребления или же как некая «блажь» регионального руководства, имеющая мало точек соприкосновения с реальными задачами государственного и муниципального управления.

Наконец, сегодня очевидно, что проект консолидации предполагает модификацию массового и элитарного сознания «неманипулятивными» методами. Но на региональном уровне отсутствует опыт решения данной задачи. Кроме того, субъекты управления в большинстве своем не понимают, как необходимо применять для этого имеющиеся технологические ресурсы.

Очевидно, что осуществление проекта региональной консолидации требует инвестиций, последовательной реализации принципа социальной справедливости, структурных изменений в организации власти, поиска новых технологических решений, направленных на качественные изменения коммуникаций органов управления всех уровней и гра-

¹ Патриарх Кирилл: Идеи солидарности и заботы об общем призваны стать скрепой нашего общества. – <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-idei-solidarnosti-i-zaboty-ob-obshhem-prizvany-stat-skrepoj-nashego-obshhestva/>

² Русская общенародная солидарность. – <https://vrns.ru/analytics/433>

жданского общества. В этом случае появляется шанс перейти от механической (если следовать традиции Э. Дюркгейма) консолидации на основе административных решений к ее органическому сценарию, опирающемуся на принципы добровольного сотрудничества, доверительности и взаимной лояльности.

*Винокуров А.А.*¹

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕКРЕАЦИИ РАБОТНИЦ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: резерв управленческих кадров, социально-культурная активность женщин, проектирование организационно-педагогических условий, мотивация самоорганизации копинг-поведения, надпрофессиональные навыки, досуговая рекреация работниц органов местного самоуправления.

Keywords: reserve management personnel, socio-cultural participation of women, design of organizational-pedagogical conditions, motivation of self coping behavior, professional skills, leisure recreation workers of local authorities.

Создание инновационной экономики в России формирует востребованность притока в органы исполнительной власти высокопрофессиональных и мотивированных управленческих кадров² [1, с. 118–126]. В этой связи актуальным становится эффективное использование профессиональных и личностных качеств женщин на муниципальной службе; создание новой системы работы по привлечению работниц органов местного самоуправления в резерв управленческих кадров; отбор наиболее квалифицированных, инициативных и перспективных из них, организация специального обучения работниц необходимым надпрофессиональным навыкам.

Считаем, что к важным надпрофессиональным навыкам относится навык адекватного копинг-поведения, направленного на регуляцию состояний утомления и нервно-психического напряжения. Стресс и проявления состояний хронического утомления требуют активной деятельности субъектов социального управления на основе их самоорганизации и саморегуляции; использования более эффективных форм рекреации, имеющих возрастную и гендерную специфику; специального проектирования инновационных форм организации рекреативного досуга на рабочем месте и дома, моделирования содержания культурно-досуговых программ с включением в них занятий физическими упражнениями, элементов обучения навыкам регуляции состояний утомления и нервно-психического напряжения.

Важным в этом плане является выбор методических подходов к отбору или проектированию организационно-педагогических условий формирования социально-культурной активности женщин по самоорганизации копинг-поведения в регуляции состояний утомления и нервно-психического напряжения с использованием досуговой рекреации. В перспективе самоорганизация копинг-поведения может войти в перечень базовых управленческих компетенций работниц органов местного самоуправления.

В теории социально-культурной деятельности всё более значимыми становятся исследования и разработки проблематики дихотомии «работа – досуг». Они открывают перспективы созданию оптимальных условий в сфере свободного времени для духовного обогащения и самоактуализации человека, восстановления сил и поддержания здорового образа жизни отдыхом за счёт его самоорганизации. Вместе с тем влияние условий физической активности и средств психорегуляции эмоционального напряжения и утомления на формирование социально-культурной активности женщин остаётся не достаточно изученным.

Целью работы является создание информационной базы для разработки социально-культурной программы обучения самоорганизации копинг-поведения по регуляции состояний утомления и нервно-психического напряжения с использованием досуговой рекреации работниц органов местного самоуправления.

Для достижения этой цели был проведен педагогический эксперимент (n=53) в констатирующей части которого было установлено следующее:

1. Большинство женщин, мотивированных к включению в резерв кадров на главные и высшие должности региональной системы муниципальной и государственной службы (65%) оценивали своё состояние здоровья как удовлетворительное; вполне хорошим своё здоровье считали только 22% работниц, а 13% указали, что здоровье у них скорее плохое, чем хорошее. На момент опроса более половины респондентов (55%) в течение текущего года болели, нетрудоспособность по больничному листу со слов работниц составила 11 и более дней по простудным заболеваниям (25% работниц); до 10 дней (15% работниц) – заболевания опорно-двигательного аппарата; от 1 до 6 дней – сердечно-сосудистые заболевания (10% работниц) и от 1 до 3 дней – инфекционные заболевания (5% работниц).

2. Выявлены субъективные симптомы утомления, переживаемые работницами в течение рабочего дня: в основном работницы жалуются на головную боль (47%); слабость (45%); сонливость (35%), а также боли в пояснице, спине, шеи. В отдельных случаях (4%) – в жалобах отмечались усталость глаз, кистей рук, отечность ног. По структуре отве-

¹ Винокуров Алексей Александрович – преподаватель средней школы № 26 им. А.С. Пушкина, г. Смоленск, соискатель кафедры культурно-досуговой деятельности Московского государственного института культуры; участник Программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института Философии РАН (научный руководитель Программы – член-корреспондент РАН, профессор Н.И. Лапин). E-mail: alvinocurov@yandex.ru

² Луныкова Л.Г. Женщины и государство: на пути к гражданскому обществу // Л.Г. Луныкова, Е.А. Баллаева // Народнонаселение. – М., 2010. – №3. – С. 118–126.

тов видно, что места локализации основных симптомов боли – голова, шея, спина, поясница, глаза, кисти рук, нижние конечности. Жалобы на головные боли, слабость, сонливость – указывают на снижение тонуса центральной нервной системы (возможно – истощение процессов ЦНС), которое к тому же сопровождается позотонической утомляемостью (онемения шеи, боли в спине и пояснице, усталость глаз, кистей, отечность ног).

3. Всё это в целом указывает на развитие во второй половине дня у женщин-работниц органов местного самоуправления состояния позотонического утомления, видимо, обусловленного работой в положении «сидя» и гипокинезией в целом. Эти симптомы определяют необходимость включения в режим труда и отдыха упражнений социально-культурной рекреации. В противном случае часто переживаемые состояния выраженного позотонического утомления могут привести к развитию остеохондроза, заболеванию глаз, органов кровообращения; тем более, что работа данной категории женщин протекает в основном в положении «сидя».

4. Оценка организации работ по профилактике позотонического утомления работниц на рабочих местах в учреждениях системы органов местного самоуправления Смоленской области показала, что мероприятий, специально организованных с целью профилактики позотонического утомления работников администраций, в учреждениях системы органов местного самоуправления в Смоленской области не предусмотрено. По результатам опроса из ста администраций, отобранных нами случайным методом, только в десяти имелись планы мероприятий, включающие участие персонала администраций в спортивных мероприятиях «Лыжня России», «Дни здоровья» и «Кросс нации». В остальных администрациях изучаемых поселений рекреационно-оздоровительная работа не планируется и не ведется.

Выводы

1. Самооценка состояния здоровья и субъективные симптомы утомления, переживаемые женщинами в течение рабочего дня, должны быть включены в информационную базу организационно-педагогических условий разработки социально-культурной программы обучения самоорганизации копинг-поведения работниц органов местного самоуправления.

2. Основным мотивом для занятий социально-культурной рекреацией женщин-работниц органов местного самоуправления является потребность улучшить показатели состояния психосоматического здоровья, чтобы быть зачисленными в резерв кадров на главные и высшие должности региональной системы муниципальной и государственной службы.

3. Система работы по привлечению работниц органов местного самоуправления в резерв управленческих кадров должна включать организацию специального обучения надпрофессиональным навыкам адекватного копинг-поведения по регуляции состояний утомления и нервно-психического напряжения.

*Вэй Лиянь,
Хуан Сыцзя,
Лю Япин¹*

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЧАСТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРАНТИРОВАННЫМ ЖИЛЬЕМ

Ключевые слова: некоммерческие организации, гарантированное жилье, процесс снабжения.

Keywords: non-profit organization, affordable housing, supply process.

За 20 лет реформ жилищного фонда, начиная с 1998 года по настоящее время, с ростом цен на коммерческое жилье реформы жилищной системы в Китае продолжали углубляться, вслед за чем также продолжало расти предложение доступного жилья. Посредством широкомасштабного продвижения программ жилищного строительства для малообеспеченных семей в городах и поселках, правительства всех уровней ускорили решение жилищных проблем бедных слоев населения, достигнув в этом направлении положительных результатов. В период с 2011 по 2015 год было построено 40 миллионов квартир из категории гарантированного жилья, при этом смягчилась ситуация, касающаяся групп населения с низким и средним уровнем доходов, имеющих трудности с жильем.

Согласно опыту реализации программ гарантированного жилья в других странах, после того как процесс обеспечения доступным жильем, при котором субъектом снабжения выступает правительство, достигает определенного масштаба, должен рассматриваться вопрос участия общественных субъектов, таким образом достигаются стратегические цели максимального обеспечения жильем. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал, что правительству следует активно исследовать и создавать институциональные механизмы участия некоммерческих организаций в программах строительства и эксплуатации доступного жилья.

Таким образом, на современном этапе, в процессе совершенствования механизма предоставления доступного жилья Китаю необходимо под руководством правительства, взяв за основу концепцию многосубъектного участия в сфере предоставления доступного жилья, поощрять активность и инициативу некоммерческих организаций и других субъектов. В настоящей статье проводится анализ базовой концепции участия некоммерческих организаций в снабжении гарантированным жильем, вопросов операционной осуществимости данного участия, а также создания на практике соответствующих механизмов. Надеемся, что теоретический анализ осуществимости, предоставленный местным органам власти для внедрения их на практике, позволит и далее совершенствовать механизмы обеспечения гарантированным жильем, ускорит построение систем обеспечения и снабжения доступным жильем в Китае, и в конечном итоге будет реализована «мечта о получении доступного жилья всеми нуждающимися семьями».

1. Определение некоммерческой организации и ее социальная роль

1) Определение некоммерческой организации

В XX веке начиная с 1980-х годов, по мере развития некоммерческих организаций (non-profit organization, NPO) во всем мире, учеными уделялось все большее внимание этому вопросу. Основываясь на различных подходах, ученые из разных стран дали различные определения некоммерческой организации с точки зрения права, источников дохода, организационной структуры, механизма функционирования и других параметров. Среди них определение, данное профессором Саламоном, является наиболее полным и часто цитируемым другими учеными. Профессор Саламон полагает, что организации со следующими семью свойствами с точки зрения организационной структуры и механизма функционирования могут называться НКО. Данными признаками являются: (1) Организованность (formal organization) – подразумевается официальная организационная структура, имеющая Устав, регламенты в письменной форме, постоянный штат сотрудников; (2) неправительственный характер (non-governmental) – означает, что данные организации не относятся ни к правительству и его аффилированным лицам, а также не входят в состав правительственных структур и не подчиняются им; (3) некоммерческий характер (nonprofit-distributing) – подразумевается, что данные организации созданы не для целей извлечения прибыли, они не осуществляют выплату дивидендов и не распределяют прибыль; (4) самоуправление (self-governing) – означает, что данные организации самостоятельно принимают ре-

¹ Вэй Лиянь – д.усправ.н. доцент Сямэньского университета. Профессиональные интересы: государственное регулирование, политика социального обеспечения. Хуан Сыцзя – студент медицинского института Сямэньского университета. Лю Япин – магистр управ.н., аспирант Сямэньского университета. Данная статья подготовлена при поддержке Проекта государственного фонда социальных наук в Китае (проект 19BGL219). Выражаем благодарности переводчику Пономаренко Татьяне Александровне и аспиранту института Дальнего Востока РАН Сюн Жоюю за перевод данной статьи с китайского языка на русский, а также за оказание поддержки и содействия данной работе.

шения и реализуют свои права, они также способны к самоуправлению, (5) Добровольность (voluntary) означает, что участие членов в деятельности организации (в том числе и в сборе ресурсов) не является принудительным, это участие является актом доброй воли; кроме того, это означает и то, что в деятельности организации участвует определенная часть волонтеров; (6) Неполитический характер (nonpolitical) означает, что организация не является партийной, не участвует в выборах и другой политической деятельности; (7) Нерелигиозный характер (nonreligious) означает, что организация не является религиозной, не осуществляет религиозную деятельность, такую как проповеди и богослужения [1].

Основываясь на определении профессора Саламона, авторы настоящей статьи считают, что в Китае некоммерческие организации (НКО) относятся к зарегистрированным в соответствии с законом официальным организациям, целью которых не является извлечение выгоды. Они обладают определенными особенностями, такими, как некоммерческий характер, самоуправление, добровольность, общественная польза, открытость, вовлеченность и др.

2) Социальная роль некоммерческих организаций

а) Сдерживание рыночного безрассудства

На современном этапе развития рыночной экономики выживание среднего и малого бизнеса сталкивается с серьезными проблемами, которые будут иметь определенное влияние на устойчивость, стабильность и развитие экономики. В этот непростой период некоммерческие организации благодаря своей активной деятельности, раскрывая свои характерные особенности, могут не только компенсировать недостатки рыночных механизмов, но и эффективно сдерживать безрассудство, слепоту рынка, упорядочивать эффективное распределение ресурсов, тем самым способствуя достижению максимального благосостояния общества. В то же время возможно посредством предоставления некоммерческими организациями общественно-полезных услуг снизить воздействие рыночной конкуренции на общество.

б) Стимулирование компаний к социальной ответственности

Существование некоммерческих организаций может эффективно стимулировать социальную ответственность компаний. Социальная ответственность компаний перед обществом проявляется благодаря стимулированию и надзору со стороны некоммерческих организаций. В том числе это касается прибыли компаний, которую можно направлять на благотворительные пожертвования в адрес некоммерческих организаций, тем самым исполняя свой долг перед обществом через некоммерческие организации. Независимо от того, культурная это ответственность, ответственность за образование, административная ответственность или ответственность за экологическую среду, некоммерческие организации являются более профессиональными и более эффективными чем компании в процессе предоставления услуг в данных областях. Сотрудничество некоммерческих организаций и предприятий может способствовать существенному повышению уровня жизни народа, помочь социально незащищенным слоям населения, создать гармоничную социальную среду [2].

в) Компенсация недостатков деятельности правительственных учреждений

При рассмотрении деятельности некоммерческих организаций как в нашей стране, так и за рубежом, можно заметить, что все они неустанно решают конкретные, специфические проблемы в обществе, такие как помощь инвалидам, поддержка бедных слоев населения, защита окружающей среды, развитие образования и др. Некоммерческие организации могут содействовать государственным учреждениям в предоставлении услуг сектора социального обслуживания, охране законных интересов граждан, защите общественной справедливости благодаря сочетанию таких особенностей, как общественно-полезный характер своей деятельности, профессионализм и гибкость. В процессе компенсации недостатков деятельности правительственных учреждений некоммерческие организации в определенной степени получают субсидирование от самого правительства, компаний, фондов и др. Таким образом, общественные организации, обеспечивая собственное функционирование, подвергаясь многостороннему контролю, снижают нагрузку на самого правительства.

2. Основы концепции участия некоммерческих организаций в сфере обеспечения доступным жильем

Некоммерческие организации обладают некоммерческим характером, занимают нейтральную позицию, обладают автономностью, несут определенную миссию. Данные организации разнообразны, профессиональны, гибки, им присущи новаторство, участливость, при этом расходы на функционирование невысоки [3], что дает им особые преимущества в сравнении с рыночными субъектами и правительственными учреждениями. В Соединенных Штатах установилось стратегическое партнерство между правительством и некоммерческими организациями: с одной стороны, правительство посредством аутсорсинга, системы субсидирования и ваучерной системы передало часть социального сектора на обслуживание некоммерческим организациям. При использовании этих организаций в роли участника, контролера, политического консультанта повышается уровень и качество управления обществом. С другой стороны, некоммерческие организации могут стимулировать граждан к активному участию в социально-экономических делах, призывать правительство прислушиваться к общественному мнению, объединяя людей и стабилизируя общество [4].

1) Общественно-полезный характер поддерживает социальную справедливость

Обеспечение доступным жильем является важным национальным проектом, требующим значительных финансовых вложений. Однако в современных реалиях правительство ограничено в ресурсах, возможностях и финансовой заинтересованности, в связи с чем возникают некоторые проблемы в отношении удовлетворения растущих потребностей населения в жилье. Как упоминалось ранее, некоммерческие организации отличаются от правительства, и их собственная специфика позволяет восполнить недостатки правительства в секторе социального обслуживания.

Общественно-полезный характер некоммерческих организаций позволяет им брать на себя конкретные задачи по обеспечению доступным жильем. «Внутренней движущей силой некоммерческих организаций не являются ни мотив получения прибыли, ни принцип власти, а альтруизм и взаимопомощь» [5]. Гарантия жилья является своего рода общественным благом, предоставление доступного жилья осуществляется государством для обеспечения жильем семей с низким и средним уровнем дохода в целях социальной справедливости.

2) Совместная интеграция социальных ресурсов

Проекты строительства доступного жилья имеют отношение как к субъектам центрального, так и местного правительственного уровня. Центральное правительство, фокусируясь на реализации принципов справедливости и гармонии всего общества, опубликовало ряд законов, касающихся строительства доступного жилья. Местное правительство выступает в роли исполняющего субъекта, несущего ответственность за осуществление конкретных работ по строительству доступного жилья. В условиях поступления ограниченного объема инвестиций от центрального правительства, местные органы власти, выступающие в качестве субъекта, мобилизующего и привлекающего инвестиции для строительства доступного жилья, вынуждены брать на себя финансирование большей части средств для строительства.

Столкнувшись с необходимостью огромных финансовых вложений, некоторые районы, особенно бедные районы на западе Китая, оказываются в ситуации крайней недостаточности финансирования. В данной ситуации некоммерческие организации могут играть важную роль «в координации и коммуникации между правительством и рынком», «предоставлять различным департаментам возможности сотрудничества», интегрировать все ресурсы, привлекать к участию другие социальные фонды и направлять большее количество социальных ресурсов в сферу доступного жилья, чтобы облегчить финансовое бремя правительства. В качестве примера рассмотрим вопрос аккумуляции денежных средств. Помимо использования таких традиционных механизмов сбора средств, как государственное субсидирование, социальные пожертвования, некоммерческие организации могут также, учитывая ограничения некоммерческого характера ведения своей деятельности, опираясь на рыночные платформы, использовать такие методы финансирования под строительство доступного жилья, как выпуск облигаций, PPP, фонды, ABS и др., тем самым способствуя эффективной интеграции социальных ресурсов.

3) Некоммерческий характер повышает общественную полезность

Коммерческая модель функционирования, участие в коммерческой деятельности на текущем этапе для многих некоммерческих организаций являются важным каналом для повышения уровня доходов и получения финансовой поддержки. Однако некоммерческие организации ограничены в распределении средств. «Их операционные доходы не могут распределяться среди членов организации в качестве прибыли, а могут идти только на проведение различных общественных мероприятий и развитие самих некоммерческих организаций» [6]. Таким образом в процессе участия в строительстве доступного жилья прибыли, полученные некоммерческими организациями, необходимо использовать как фонды строительства и эксплуатации средств Организации. Поэтому мы можем полагать, что некоммерческие организации в сфере обеспечения доступным жильем заинтересованы не в экономической микровыгоде, а в масштабной социальной пользе.

4) Открытость поощряет общественный контроль

Имеется большое число проблем, касающихся предоставления гарантированного жилья, в особенности жилья экономкласса, гарантированного коммерческого жилья. В отдельных регионах в сфере предоставления доступного жилья наблюдаются такие явления, как использование служебных полномочий в корыстных целях, махинации, взяточничество и др. Эти явления осложняют предоставление и так ограниченного жилищного фонда действительно нуждающимся в жилье семьям. Поскольку функционирование некоммерческих организаций является открытым и прозрачным, это делает осуществление их проектов открытым общественному надзору. Благодаря этому эффективно предупреждаются коррупция, махинации и др. негативные явления, обеспечивается полноценное использование жилищных ресурсов и реализация государственных гарантий.

3. Руководство по операционной работе для некоммерческих организаций, участвующих в обеспечении гарантированным жильем

1) Привлечение средств

Финансирование является ключевым вопросом в сфере строительства гарантированного жилья. Однако лишь при условии обеспечения стабильного финансирования можно гарантировать успешное развитие масштабных проек-

тов строительства доступного жилья. В настоящее время в Китае существует четыре основных источника финансирования проектов доступного жилья. «Во-первых, это бюджетные расходы центрального правительства и местных органов власти, во-вторых, привлечение общественных средств, инвестируемых в строительство и эксплуатацию, в-третьих, целенаправленные долгосрочные банковские кредиты, и в-четвертых, это остаточные суммы после вычета резервных средств на случай риска и административных расходов из доходов от добавленной стоимости» [7]. Однако в процессе операционной работы эти четыре аспекта капитальных вложений не полностью осуществимы, что приводит к дефициту финансирования при строительстве доступного жилья по всей стране, а процесс строительства идет достаточно инертно. Участие некоммерческих организаций в аккумулировании средств под проекты доступного жилья имеет свои функциональные преимущества.

Некоммерческие организации могут использовать несколько каналов для получения финансирования в сфере строительства доступного жилья, в частности, следующие:

1) Финансовая поддержка. Основными ее формами являются: безвозмездное получение земель от правительства, либо получение земель под постройку гарантированного жилья по ценам ниже рыночных; частичное или полное освобождение от налогов; получение специальной финансовой помощи от центрального и местного правительств. Центральные и местные органы власти, переводя некоммерческим организациям финансовые средства под строительство доступного жилья, тем самым фактически позволяют некоммерческим организациям участвовать на разных этапах развития, строительства и управления доступным жильем.

2) Банковские кредиты. Являясь независимым юридическим лицом, некоммерческие организации могут работать с банками под гарантии местных органов власти для получения долгосрочных банковских кредитов.

3) Поступления от прибыли. В данную категорию входят доходы от продажи экономически доступного жилья и жилья с ограниченной стоимостью, доходы от аренды общественного арендного жилья и жилья с низкой арендной платой, доходы от аренды коммерческих зданий, относящихся к гарантированному жилью, а также другие инвестиции, направленные на разработку, строительство и управление гарантированным жильем. Поскольку характер некоммерческих организаций подразумевает, что их доход направлен на развитие этих организаций и проекты разработки и строительства, сами организации не могут получать доходы от прибыли, таким образом обеспечивается эффективность капиталовложений.

4) Прямое финансирование. В 2011 году канцелярия Государственного комитета по развитию и реформам Государственного совета обнародовала уведомление «О вопросах, касающихся применения облигационного финансирования для поддержки проектов строительства гарантированного жилья», в котором четко указано, что инвестиционные и финансовые платформы местных органов власти и другие предприятия, занимающиеся проектами строительства общественного арендного жилья, жилья с низкой стоимостью, жилья эконом-класса, жилья с фиксированной ценой, реконструкцией трущоб и другими видами доступного жилья, после прохождения процедур утверждения на соответствие условиям имеют право проводить финансирование в области проектов гарантированного жилья посредством выпуска корпоративных облигаций [8]. Корпоративные облигации выпускаются компанией в соответствии с правовыми процедурами. Некоммерческие организации, участвующие в предоставлении доступного жилья, имеют статус независимого юридического лица. Их работа может охватывать все аспекты, имеющие отношение к гарантированному жилью, сюда относятся стабильные субсидии от государства, доходы от аренды общественного арендного жилья и жилья с низкой стоимостью аренды, а также доходы от продажи квартир эконом-класса и жилья с фиксированной ценой и др. источники доходов. В то же время имеются разнообразные каналы финансирования для привлечения общественных средств, которые будут инвестированы в строительство доступного жилья в соответствии с требованиями правительства, касающимися условий корпоративного облигационного финансирования.

5) Пожертвования от фондов. В качестве источника средств для некоммерческих организаций может быть выбрана модель пожертвований от фондов. Однако при внедрении данных проектов, фонды должны подвергаться строгому надзору и проверке.

6) Корпоративная финансовая поддержка. С точки зрения развития будущих отношений между некоммерческими организациями и предприятиями, финансирование компаниями участия некоммерческих организаций в общественном управлении, позволяет не только реализовать ответственность предприятий перед обществом, но и раскрывать преимущественную роль некоммерческих организаций, при этом достигаются взаимовыгодные цели. Таким образом, некоммерческие организации при наличии ограничений некоммерческого характера могут полагаться на рыночные платформы и посредством специализированных механизмов финансовой деятельности получать прямое финансирование в форме корпоративных облигаций.

2) Надзор над строительством проектов

На этапе строительства проектов некоммерческие организации обладают значительным преимуществом в области специализации, заключающемся в осуществлении сбора информации, получении обратной связи, надзоре и управлении, а также в исследовании степени удовлетворенности и др. Будучи независимыми сторонними организациями, некоммерческие организации играют роль связующего моста между правительством и народом при разработке проектов, планировании и других работах на ранних этапах, в полной мере реализуя функцию сбора информации и обратной связи, тем самым содействуя правительству в получении точной информации, касающейся проекта, а также гарантируя успешное продвижение проектов. С точки зрения управления и надзора некоммерческими организациями, в первую очередь необходимо усилить надзор над качеством строительства на протяжении всего процесса, а также внедрить систему выборочной проверки строительных материалов. В соответствии с требованиями строительных

контрактов некоммерческие организации должны при строительстве объектов строго соблюдать требования, касающиеся качества строительства, а также осуществлять надзор над ходом строительных работ. Будучи одним из контролирующих и управляющих субъектов, некоммерческие организации изменили ранее установленный порядок, когда в процессе предоставления гарантированного жилья правительство являлось и застройщиком, и контролером. Отделение «спортсменов от судей» эффективно способствует обеспечению контрольных функций. При этом также усиливаются проверка и надзор, совместно с соответствующими правительственными ведомствами проводятся регулярные проверки строящихся проектов. В этой части некоммерческие организации должны поддерживать с соответствующими правительственными ведомствами отношения взаимного равенства и взаимного доверия, в полной мере реализовывать особенности их специализации, оказывать серьезную консультативную поддержку при проведении регулярных и нерегулярных проверок на этапе строительства и в дальнейшем выполнять функцию надзора. В-третьих, это регулярное оповещение общественности о графиках строительных работ объектов и ознакомление со связанными с ними материалами, касающимися инспекции и надзора. Таким образом проекты контролируются общественностью. Так как некоммерческие организации выступают в качестве назначенной правительством третьей стороны, они могут гарантировать относительно независимое предоставление информации о ходе строительных проектов, а также о результатах надзора и проверок, таким образом ведение проектов подвергается общественному надзору. Наконец, после принятия строительных проектов проводятся исследование и анализ степени удовлетворенности жильцов, что в дальнейшем будет способствовать развитию политики правительства, позволит в полной мере использовать преимущества профессионалов и завоевать доверие правительства и общества, тем самым еще лучше исполнять роль субъекта снабжения на этапе строительства.

3) *Вмешательство в механизм распределения доступа*

Являясь третьей стороной, некоммерческие организации могут гарантировать справедливость и беспристрастность при распределении и использовании гарантированного жилья. Для этого, во-первых, необходимо создать систему «аудита и оповещения» для некоммерческих организаций, жилищного управления, гражданской администрации и управляющих подразделений по обеспечению жилищным фондом, а также систему регистрации для проведения жеребьевки и распределения нормированной аренды и продаж, за которую будут отвечать некоммерческие организации. Также некоммерческие организации будут собирать воедино информационные материалы о жилье и доходах членов семей, подающих заявки, проводить первичную проверку данных материалов и давать рекомендации по распределению продаж. Информация о заявках семей, прошедшая проверку, должна быть доведена до общественности. При отсутствии возражений, данные должны быть представлены в административный отдел для повторной проверки, после чего они публикуются в официальных СМИ. В случае если вновь не последовало возражений, данные передаются в административное ведомство по обеспечению жилищным фондом для постановки на учет и включения в список ожидания. Некоммерческие организации сортирует семьи, стоящие в очереди, в соответствии с приоритетными условиями предоставления и степенью нужды, а затем в соответствии с определенной пропорцией путем публичной жеребьевки отбирает семьи финалистов. Во-вторых, применяются различные формы надзора и управления. Некоммерческие организации могут организовывать команды, которые будут отвечать за ежедневные и периодические работы по надзору и управлению. Всеобщие обследования, выборочные проверки, расследования, обсуждения и посещения жилищ являются формой текущего контроля, которая может быть принята. Регулярный надзор и управление включают процедуры повторной оценки и утверждения в отношении ранее имеющегося объекта гарантии, своевременное получение данных относительно изменения жилищных условий семьи, изменения доходов семьи. В отношении несоответствующих нормам семей запускаются процедуры выхода из программы. Внедрение текущего надзора включает создание горячей линии и почтового ящика для жалоб, таким образом общественность будет принимать участие в надзоре.

4) *Предоставление постуслуг*

В настоящее время на основе правительственной концепции покупки социальных услуг у общественных организаций, роль некоммерческих организаций в управлении хозяйственной деятельностью в области предоставления гарантированного жилья на постэтапе главным образом выражается в обязанности проведения проверок, утверждения, взимания стоимости реализации, а также арендной платы за гарантированное жилье, домоуправлении, общественном обслуживании микрорайонов и др.

Независимость, вовлеченность, открытость и некоммерческий характер позволяют некоммерческим организациям определять рациональную величину арендной платы и стоимость реализации при предоставлении доступного жилья. При определении цены реализации жилья экономкласса некоммерческие организации могут установить прибыль на достаточно низком уровне, что весьма полезно для семей, проживающих в трудных условиях. В отношении жилья с низкой стоимостью и общественного арендного жилья некоммерческие организации могут гибко определять размер арендной платы в зависимости от финансовых возможностей квартирантов, окружающей среды данного микрорайона, инфраструктуры и других факторов. Ставка арендной платы корректируется каждые два года, при этом повышается или понижается в зависимости от изменения дохода семьи-квартиросъемщика. Некоммерческие организации несут ответственность за получение средств от реализации и арендной платы, при этом все полученные доходы депонируются на специальные счета под строительство доступного жилья, используемые для погашения основной суммы и процентов по банковским кредитам, процентов по облигациям, строительства новых проектов доступного жилья, а также оплаты административных и эксплуатационных расходов.

В сфере управления имуществом некоммерческие организации могут применять рыночную модель в целях обеспечения профессиональных услуг по управлению недвижимым имуществом микрорайонов гарантированного жилья. В их хозяйственную деятельность входит обслуживание и ремонт доступного жилья и его социальной инфраструктуры, управление торговыми центрами и стоянками для автотранспорта, контроль и управление охраной окружающей среды, озеленением, обеспечением безопасности, взиманием коммунальных платежей, донесением до квартирантов законодательных и нормативных актов, касающихся гарантированного жилья, положения о государственном жилье для содействия доступному жилью, а также расследования и привлечение к ответственности в отношении случаев незаконного использования гарантированного жилья и другие виды деятельности. Одновременно с этим некоммерческие организации в целях снижения расходов квартиросъемщиков на коммунальные услуги могут получать доходы, арендуя права на использование общественных объектов, таких как уличные фонари, уличная реклама и т.д. Некоммерческие организации также могут содействовать самоуправлению микрорайонов гарантированного жилья, обеспечивая надзор и техническую поддержку. Может быть создан Комитет домоуправления, состоящий из ожидающих трудоустройства граждан и пенсионеров из числа квартирантов, который будет нести ответственность за коммунальные услуги, поддержку чистоты, патрулирование, техническое обслуживание и другую работу, касающуюся домоуправления. С одной стороны, данный Комитет сможет решить проблемы занятости, снизить стоимость оплаты за услуги домоуправления. С другой стороны, он может повысить ответственность и чувство долга квартирантов, а также способствовать построению гармоничной среды проживания.

Кроме того, в сфере коммунального обслуживания доступного жилья некоммерческие организации могут воспользоваться своими преимуществами для предоставления комплексных услуг жителям микрорайонов. Привлечение правительства общественных организаций к социальному обслуживанию является ключевым фактором, позволяющим развивать этот сектор и услуги по социальному управлению, техническому обслуживанию, административному управлению, решать вопросы по координации и др. Данные услуги охватывают десятки конкретных вопросов, таких как основные коммунальные работы, общественная занятость, социальная помощь, пенсионные услуги, услуги для инвалидов, образование молодежи, благотворительность, общественное благосостояние, юридическая помощь и др. Благодаря высококачественным услугам мы сможем шагнуть вперед в дальнейшем внедрении инновационных методов социального управления и осуществлять передачу государственных функций. Благодаря специализированным и диверсифицированным услугам мы сможем осуществить модернизацию управления микрорайонами и повысить эффективность и уровень обслуживания микрорайонов доступного жилья.

4. Участие некоммерческих организаций в гарантийном механизме обеспечения доступным жильем

Предлагаются к принятию следующие специальные меры для урегулирования проблем, возникающих в процессе фактической эксплуатации, а также для раскрытия особой роли некоммерческих организаций в обеспечении гарантированным жильем.

1) Увеличение государственной поддержки и совершенствование законодательных и нормативных актов

Создание многосубъектного механизма обеспечения гарантированным жильем ломает первоначальную модель, при которой правительство единолично осуществляет обеспечение гарантированным жильем, энергично стимулирует некоммерческие организации к участию в проектах доступного жилья, что может не только компенсировать свои в правительственных и рыночных механизмах, но и эффективно удовлетворять разнообразный спрос населения. Каким образом можно привлекать некоммерческие организации к участию в обеспечении доступным жильем – это вопрос, который следует изучить правительству. Как утверждают некоторые ученые, «само по себе участие некоммерческих организаций в обеспечении доступным жильем не влечет каких-либо проблем. Ключевым моментом является наличие необходимых возможностей и уровня контроля и управления со стороны правительства, а также адекватной разработки и реализации политики» [9]. Правительство может предоставлять некоммерческим организациям определенные льготы, к примеру, частичное или полное освобождение от налогов, предоставление кредитов под строительство по низким процентным ставкам. Также правительство может координировать работу банковских, финансовых, налоговых, земельных, жилищных и других ведомств, предоставлять поддержку при планировании земель под застройку и др. [10]. Правительству следует активно направлять, поддерживать некоммерческие организации, а также предоставлять им определенные льготы: во-первых, поддерживать имеющие потенциал некоммерческие организации в регистрационных вопросах при их участии в проектах строительства гарантированного жилья, поддерживать крупные и обладающие сильными позициями некоммерческие организации и предоставлять им льготы при получении доступа к обеспечению жильем. Во-вторых, в вопросах аграрной политики предоставлять землю в аренду, при этом давать возможность отсрочки внесения арендных платежей до этапа получения доходов от капитала. Если земля предоставляется путем уступки, то концессионная цена будет предоставляться со льготой. При выделении земель предоставляется освобождение от налога на землепользование в городах и поселках, а также налога на возросшую стоимость земли. В-третьих, в области инвестиционной политики, банками, участвующими в программе, будут предоставляться кредиты с низкой процентной ставкой под строительство жилья, а также предоставляться льготы в области инвестиций и финансирования. В-четвертых, проекты гарантированного жилья будут субсидироваться из центрального и местных бюджетов. В-пятых, могут применяться освобождение от административных сборов при городском строительстве, а также освобождение от расходов жилищных фондов.

Адекватная правовая система играет важную роль в успешной работе некоммерческих организаций. В первую очередь мы должны совершенствовать законодательные и нормативные акты, касающиеся некоммерческих организаций, а также предоставлять им надлежащий юридический статус. К примеру, в содержание находящегося в данный момент на стадии подготовки «Закона о гарантированном жилье», включена информация о некоммерческих организациях как субъекте обеспечения гарантированным жильем, что позволяет некоммерческим организациям получить в этой области четкий правовой статус. Во-вторых, совершенствование существующих законодательных и нормативных актов, особенно касающихся участия некоммерческих организаций в строительстве доступного жилья, а также создание новых эффективных законодательных и нормативных актов, более совершенной правовой среды для более плодотворного участия некоммерческих организаций в программах строительства доступного жилья. Например, укрепление правовой системы, касающейся управления доступным жильем на постэтапе, поддержка работы некоммерческих организаций в области управления на постэтапе. Кроме того, необходимо добиваться обязательного и строгого следования законам, а также создать гибкую и высокоэффективную систему правоприменения в соответствии с социальным развитием. Данные меры являются эффективными для раскрытия потенциала некоммерческих организаций в обеспечении доступным жильем в проектах, осуществляемых и управляемых местными органами власти.

2) Важное значение оценки социального аудита, улучшение надзорного механизма

Социальный аудит является неотъемлемой частью механизма надзора и управления некоммерческими организациями, участвующими в строительстве доступного жилья. Проведение аудита квалификации и функционирования необходимо как на этапе отбора некоммерческой организации, так и после подписания контракта. Главным образом сюда входит аудит некоммерческих организаций со стороны правительства, аудит пожертвований компаний и фондов в адрес некоммерческих организаций, а также аудит, проведенный уполномоченной в соответствии с контрактом третьей стороной. Проведение аудита внутреннего контроля некоммерческой организации является обязательным. Аудит внутреннего контроля заключается в проверке эффективности внутреннего контроля и функционирования организации, предоставлении заключения об эффективности внутреннего контроля, оценке недостатков управления и выдаче отчета о результатах аудита.

Во-вторых, субъекты аудита можно разделить на государственные аудиторские агентства, службу внутреннего аудита и гражданские аудиторские организации. Все они должны проверять информацию, касающуюся всех этапов проектов доступного жилья. Сюда входит аудит финансовых и инвестиционных циклов, аудит денежных средств, аудит производственных и расходных циклов, а также аудит затрат на различные виды услуг. Более того, при аудите государственных органов необходимо избегать пустых формальностей. Государственный аудит должен реально отражать функции государственного контроля и надзора в отношении некоммерческих организаций, занимающихся обеспечением гарантированным жильем, необходимо создать эффективную систему аудита, ввести независимый аудит третьих лиц для совершенствования системы оценки социального аудита и обеспечения успешного функционирования некоммерческих организаций при участии в программах гарантированного жилья.

Кроме того, правительства, предприятия и общество обладают правом усиления надзора в отношении некоммерческих организаций, а также содействия их эффективной работе. В современных условиях в погоне за коммерческой выгодой и при отсутствии должного общественного надзора некоммерческие организации могут «утратить принцип добровольности». Таким образом, правительство, рынок и общество должны проводить соответствующую работу по надзору, регулированию, руководству в процессе участия некоммерческих организаций в проектах обеспечения доступным жильем. К примеру, в соответствии с принципами классифицированной регистрации и иерархического управления некоммерческие организации, которые отвечают требованиям и добровольно берут на себя работу по управлению доступным жильем, подвергаются динамическому надзору и управлению, а также проходят ежегодную аттестацию. В отношении средств, размещенных на банковских счетах под осуществление проектов гарантированного жилья, проводится отслеживание и надзор, в режиме реального времени доводятся до общего сведения данные о распределении средств, их использовании и управлении, что гарантирует целевое использование средств, строго контролируется процесс распределения жилья, что позволяет предотвращать злоупотребления и коррупцию и повышает прозрачность процесса распределения. К тому же проводится усиление надзора над качеством на стадии реализации строительных проектов. Соответствующие ведомства проводят периодические совместные проверки в отношении строящегося жилья. В постпериоде в отношении услуг коммунальных служб проводится усиление контроля над эффективностью и результативностью, создается надежная и комплексная система оценки, гарантируется всесторонний и многоуровневый надзор над процессом обеспечения доступным жильем.

3) Интенсификация проектов собственного строительства и повышение организационного потенциала некоммерческих организаций

В настоящее время в Китае еще отсутствует практика участия некоммерческих организаций в проектах предоставления доступного жилья. Основная причина заключается в том, что масштабность и силы некоммерческих организаций еще недостаточны. Поэтому должны быть созданы некоммерческие организации, специализирующиеся именно на проектах доступного жилья. Необходимо улучшать внутреннюю структуру этих организаций, управление кадровыми ресурсами, финансовыми механизмами функционирования, механизмами раскрытия информации, а также организацию внешней среды строительства, стандартизацию и механизмы оценки. Строительство и управление досту-

ным жильем – достаточно сложные процессы, при этом организационный потенциал некоммерческих организаций определяет, смогут ли они в полной мере реализовать себя в проектах строительства доступного жилья.

Члены организации должны обладать соответствующими знаниями и навыками в области строительства доступного жилья. Руководители организации должны обладать отличными управленческими навыками, а сама организация – превосходной организационной структурой. Таким образом, некоммерческие организации должны максимизировать свою эффективность в предоставлении доступного жилья, уделять внимание обучению сотрудников, повышать их профессиональные навыки и улучшать их осведомленность об услугах, уделять внимание привлечению к работе высококвалифицированных специалистов, использовать как духовные, так и материальные стимулы, а также предотвращать утечку мозгов. Необходимо создать демократическую систему управления, мобилизовать энтузиазм членов организации, использовать корпоративную модель управления для повышения всесторонней эффективности организации. Некоммерческие организации, придерживаясь принципа неприбыльности, могут использовать модель корпоративного управления, при этом модель рыночного функционирования позволяет повысить операционную эффективность. Однако в погоне за коммерческой выгодой, а также при отсутствии социального контроля энтузиазм добровольности будет утерян, что приведет к бюрократизации и «утрате добровольного начала». В случае «утраты добровольного начала» некоммерческие организации не только не смогут повышать эффективность проектов обеспечения доступным жильем, но и нанесут ущерб общественным интересам и подорвут социальную справедливость. Для того, чтобы деятельность некоммерческих организаций в сфере обеспечения гарантированным жильем приносила удовлетворение и была эффективной, некоммерческим организациям необходимо укреплять механизмы самодисциплины, быть требовательными к себе в процессе участия в управлении гарантированным жильем в соответствии с законом, строго придерживаться некоммерческой направленности.

4) Расширение сферы общественных услуг, повышение уровня обслуживания

В процессах обеспечения гарантированным жильем должны быть исчерпывающе раскрыты преимущества некоммерческих организаций в области управления и обслуживания. А именно необходимо расширять сферу социального обслуживания некоммерческими организациями в микрорайонах гарантированного жилья, повышать уровень обслуживания, гарантировать населению право на собственное жилье, претворять в жизнь идеал качественных услуг. Необходимо четко определять базовые принципы покупки государством услуг у некоммерческих организаций, сферы реализации, условия, объекты услуг и др. Некоммерческие организации, раскрывая свои преимущества, постепенно расширяют благотворительные и другие социальные проекты в сфере общественных услуг микрорайонов гарантированного жилья, проводят любимые народом культурные и развлекательные мероприятия, содействуют обществу в проведении культурной пропаганды, прививают любовь и уважение к пожилому поколению, поддерживают инвалидов, расширяют образовательные возможности для молодежи. Благодаря таким профессиональным услугам, как социальная помощь пожилым людям, медицинская помощь в микрорайонах, помощь инвалидам, раскрываются преимущества некоммерческих организаций, в сфере услуг непрерывно совершенствуется концепция обслуживания, повышаются качество и уровень услуг. Благодаря созданию семейных универсальных центров обслуживания, охват услугами будет распространяться на районы гарантированного жилья. Также можно, сообразуясь с реальной обстановкой, выбрать одно или несколько учреждений социальной службы и некоммерческих организаций для проведения совместной работы, что будет способствовать лучшему взаимодействию между правительством, рынком и обществом, а также развитию потенциала сферы услуг. Таким образом, правительствам разных уровней необходимо, учитывая принципы общественного управления, оказывать микрорайонам гарантированного жилья послабления в виде льгот, предоставлять некоммерческим организациям возможности для развития, создавать специализированные платформы для внедрения социальных услуг, раскрывать роль некоммерческих организаций в процессе передачи государственных функций, а также повышать качество и уровень услуг.

Сноски

[1] Ван Мин. Неправительственный общественный сектор в Китае (1 ч.) // Административное управление Китая. 2001. – № 5, с. 33.

[2] Ли Вейань. Управление некоммерческой организацией. 2 изд. – Пекин: Издательство высшего образования, 2013.

[3] Ван Шаогуан. Плюрализм и унификация: сравнительное исследование третьего сектора // Чжэцзян. 1999. – № 9. – С. 48–63.

[4] Ван Симэй, Чжан Цяюнь. Указания от американского социального управления для Китая: вопросы гарантированного жилья в качестве примера // Современный мир и социализм. 2013 – № 1.

[5], [6] Ван Мин. Введение в управление некоммерческими организациями. – Пекин: Жэньминь, 2002.

[7] Ло Ингуан, Сян Чуньлинь и др. Решение жилищных вопросов: теория и практика строительства доступного жилья в Китае. – Пекин: Издательство Партийная школа ЦК КПК, 2011. – С. 193.

[8] Вопросы о применении облигационного финансирования для поддержки строительства доступного жилья. 2013-06-09. – http://www.gov.cn/gzdt/2011-06/27/content_1894163.htm

[9], [10] Ван Цзяньцян. Некоммерческие организации и реформы структуры снабжения жильем в Китае // Социолог. 2011. – № 7. – С. 73.

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

Пруель Н.А.

д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: демография, население, продолжительность жизни, пожилые люди, пенсионеры, качество жизни, социальное самочувствие, среднедушевые доходы, пенсия, бедность.

Keywords: demography, population, life expectancy, elderly people, pensioners, quality of life, social well-being, average per capita income, pension, poverty.

Благополучие граждан и социальная стабильность в обществе во многом зависят от условий и уровня жизни людей. Поэтому одним из показателей эффективности государственного управления должно стать улучшение основных показателей жизненного уровня населения.

Анализ данных официальной статистики показывает, что фактическое конечное потребление домохозяйств за 2010–2017 гг., хотя в текущих ценах почти удвоилось, изменилось мало. Так по отношению к ВВП страны этот показатель увеличился за рассматриваемый период всего на 0,9 п.п. В 2010–2014 гг. фактическое конечное потребление ежегодно возрастало, в целом за 5 лет прирост составил 23%. Но последовавшее в 2015–2016 гг. существенное снижение потребления (на 12,5%) значительно скорректировало итоговый показатель (таблица 1).

В структуре потребления россиян, измеренного в текущих ценах, доля такого источника как социальные трансферты в натуральной форме немного увеличилась за 2000–2015 гг. немного повысилась (с 13,6 до 13,8%), но к 2017 г. снизилась до 13,2% (в 2005 г. этот показатель достигал 14,5%).

Одновременно уменьшилась доля денежных расходов на покупку товаров и оплату услуг – с 78,6% в 2000 г. до 71,3% в 2017 г. (в 2005 г. этот показатель достигал 80,4%). При этом резко возрос удельный вес такого источника потребления как продукция собственного производства (с 7,7% в 2000 г. до 13,7% в 2017 г.). Это говорит об общем снижении жизненного уровня населения¹.

Таблица 1

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения России в 2000–2017 гг.²

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, в процентах к ВВП	52,3	57,3	59,8	58,8	59,4	61,8	61,3	60,1	61,0	60,2
в процентах к предыдущему году	105,9	110,8	104,3	105,8	105,9	103,5	101,7	91,7	97,5	102,6
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2281	8088	18958	20780	23221	25928	27767	30467	30747	31477
Реальные располагаемые денежные доходы, в процентах к предыдущему году	112	112	106	100	105	104	99	97	94	98
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.	2223	8555	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39144
Реальная начисленная заработная плата работников, в процентах к предыдущему году	121	113	105	103	108	105	101	91	101	103
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694,3	2364	7476	8203	9041	9918	10786	11986	12391	13304
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	128	110	135	101	105	103	101	96	97	104

Среднедушевые денежные доходы россиян в 2010–2017 гг. возросли в 1,7 раза. Однако в реальном исчислении динамика обратная – падение на 3,4%. Только за последние 4 года этот показатель уменьшился почти на 11,5%.

Для подавляющего большинства жителей нашей страны главным, а зачастую и единственным источником доходов остается заработная плата. За 2010–2017 гг. номинально она выросла в 1,9 раз. Однако реальный рост куда

¹ Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 121.

² Там же, с. 117–119.

скромнее – на 11,7%. Следует заметить, что удельный вес оплаты труда в структуре доходов россиян за 1992–2017 гг. уменьшился на 8,5 п.п. В 2017 г. отмечается рост реальных зарплат россиян, однако за этим не последовало роста реальных доходов.

При этом почти на 5,4 п.п. увеличилась структурная доля второго по значимости источника – социальные выплаты, в 2017 г. они формировали 19,7% денежных доходов россиян.

До 5,6% снизился удельный вес доходов от собственности. Максимального значения вклад этого источника доходов достигал в 2005 г. – 10,3%.

Доходы от предпринимательской деятельности обеспечивали в 2000 г. более 15% денежных доходов. В последующие годы удельный вес таких доходов почти ежегодно снижается, в 2017 г. на него приходилось менее 8% денежных доходов россиян¹.

Средний размер назначенных пенсий увеличился за 2010–2017 гг. в 1,8 раза, их реальный размер – на 6,8%. Более высокий показатель реального роста пенсии по сравнению с заработной платой объясняется резким повышением пенсии в 2010 г. (на 35% в реальном исчислении), последующие годы прирост пенсий был более низким, чем заработной платы. В 2015–2016 гг. отмечается падение обоих рассматриваемых показателей в сопоставимых ценах.

Однако соотношение денежных доходов, заработной платы и пенсий с прожиточным минимумом начали ухудшаться раньше – с 2013 г. С этого года стабильно возрастает в РФ и численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В 2016 г. бедных людей в России было 19,3 млн чел., или 13,2% населения страны. Это гораздо выше, чем принятый при оценке экономической безопасности уровень – 7%².

Итак, доходы россиян падают пятый год подряд. Число бедных растет и почти в 2 раза превышает пороговое значение, принятое при оценке уровня экономической безопасности. Сохраняется и высокая степень имущественного расслоения населения, что также представляет угрозу экономической безопасности и социальной стабильности.

Это характеризует общую картину в стране. Россия – огромное государство с разнообразными природно-климатическими условиями и ресурсным потенциалом, и избежать региональных различий в уровне развития отдельных территорий невозможно. Задача федеральной власти – сгладить эти различия, не допустить сильной подоходной дифференциации населения, чреватой ростом социальной напряженности, активными перемещениями населения, а также оскудением трудового потенциала отдельных регионов, что ставит под угрозу перспективы их устойчивого развития уже в ближайшей перспективе.

А между тем, разброс показателей доходов между российскими регионами огромен. По такому важнейшему индикатору уровня жизни, как среднедушевые денежные доходы, в 2016 г. федеральные округа распределились следующим образом в порядке убывания: Центральный, Дальневосточный, Северо-Западный, Уральский, Южный, Приволжский, Сибирский, Северо-Кавказский. Разброс показателя составил 1,7 раза: 23 431 против 39 365 руб. на человека в месяц. А разрыв в среднедушевых доходах между регионами достиг 5 раз: 14 107 руб. (Республика Тыва) против 69 956 руб. на человека в месяц (Ненецкий АО).

Конечно, условия проживания и хозяйствования в этих двух «крайних» регионах сильно различаются, и кто-то сочтет сравнение не вполне корректным. Однако статистика фиксирует большие различия в уровне жизни даже между регионами одного округа. По рассматриваемому показателю в Центральном федеральном округе разброс составил 2,6 раза (на границах интервала находятся г. Москва и граничащая с Московской областью Владимирская область), в Дальневосточном – 2,7 раза (Чукотский АО и Еврейская АО), Северо-Западном – 1,9 раза (г. Санкт-Петербург и соседняя с Ленинградской областью Псковская область), Уральском – 3,3 раза (Ямало-ненецкий АО и Курганская область), Южном – 2,3 раза (Краснодарский край и Республика Калмыкия), Приволжском – 1,7 раза (Республика Татарстан и Республика Мордовия), Сибирском – 2,0 раза (Красноярский край и Республика Тыва), Северо-Кавказском федеральном округе – 1,9 раза (на границах интервала находятся Республика Дагестан и Республика Ингушетия)³.

Основываясь на данных статистики, проведем оценку динамики уровня жизни в одном из беднейших регионов России (Республике Мордовия), о чем свидетельствуют ранее проведенные исследования⁴.

Вопреки ожиданиям, реальные располагаемые доходы этого дотационного региона за рассматриваемый период сократились в меньшей степени, чем в стране в целом – на 5,9 против 9,5% падения в среднем по России. В 2017 г. снижение реальных доходов было небольшим. Реальный размер назначенных месячных пенсий увеличился на 44%⁵

¹ Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 125.

² Наиболее часто цитируется и используется система показателей и пороговых значений экономической безопасности, предложенная С.Ю. Глазьевым.

³ Регионы России: Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 242–243.

⁴ Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Повышение жизненного уровня россиян как важнейшее направление укрепления экономической безопасности страны // Россия: тенденции и перспективы развития: Материалы XVIII Международной научной конференции. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 177–180; Мокрова М.Ю., Липатова Л.Н. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: тенденции и перспективы развития: Материалы XVIII Международной научной конференции. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 317–321; Липатова Л.Н. Оценка социально-экономического развития региона через призму качества жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: Материалы XVIII Международной научной конференции. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 834–837; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Дифференциация регионов по доходам как угроза экономической безопасности России // Научное обозрение. – Саранск, 2018. – № 4. – С. 12; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Динамика и основные факторы человеческого развития в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2017. – № 1 (41). – С. 94–104; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Росстат-МЭСИ. – М., 2015. – С. 56–61.

⁵ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 115–119.

благодаря единовременной денежной выплате в размере 5 тыс. руб., назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ. На этом «позитив» заканчивается.

В Мордовии гораздо больше, чем в среднем в российских регионах, удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: в 2016 г. – 18,7% общей численности населения РМ (в 2015 г. достигал 19,5%) против 13,4% в РФ. В 2017 г. население Мордовии продолжало беднеть, и этот индикатор вновь увеличился.

По соотношению с величиной прожиточного минимума доходов Мордовия сильно отстает от других субъектов федерации:

- среднедушевых денежных доходов – 225 раз в РМ против 313 раз в РФ;
- среднемесячной начисленной заработной платы – 295 раз в РМ против 346 раз в РФ.

Проследим, как в результате такой динамики изменился уровень жизни населения Мордовии по сравнению с другими приволжскими регионами. По величине среднедушевых доходов РМ занимает последнее место в ПФО, их уровень составляет 58% от среднего по РФ показателя и 69% от среднего в ПФО значения. По величине среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций худшие показатели только в одном приволжском регионе – Чувашской Республике. Соотношение этих ключевых для характеристики жизненного уровня индикаторов в Мордовии и средних по стране и ПФО значений – 63 и 85% соответственно.

Показатель реальной начисленной заработной платы работников организаций в Мордовия тоже ниже средних по стране и округу значений.

По среднему размеру назначенных пенсий дифференциация не так сильна: в Мордовии по состоянию на 01.01.2017 этот показатель, хотя и был одним из самых низких в ПФО, составлял 93% от среднероссийского уровня и 96% от средней по ПФО величины. Отчасти потому, что средний размер назначенных пенсий в Мордовии – один из самых низких в ПФО, благодаря единовременной выплате в 5 тыс. руб. их реальный размер в 2016 г. был самым значительным среди других приволжских регионов¹.

Для Республики Мордовия падение жизненного уровня опасно еще и тем, что это усиливает миграционную активность населения, и в первую очередь молодых людей, которые в поисках достойной работы переезжают в столицу или крупные промышленные центры, что представляется реальной угрозой для будущего этого небольшого региона.

Таким образом, условия и уровень жизни людей оказывают огромное влияние на общую экономическую ситуацию в стране и выступают важнейшим фактором социальной стабильности. В этой связи считаем необходимым при оценке эффективности деятельности региональных властей учитывать показатели уровня жизни населения регионов.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. 142–143.

**Грицко М.А.,
Дёмина О.В.,
Найден С.Н.¹**

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭНЕРГОПЛАТЕЖЕЙ НАСЕЛЕНИЯ: РЕГИОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ²

Ключевые слова: тарифы на электрическую и тепловую энергию, доходы населения, субсидии на оплату жилья и коммунальных услуг, консолидированные бюджеты регионов, Дальний Восток.

Keywords: tariffs for electricity and heat, the income of the population, a subsidy for payment of housing and utilities, the consolidated budgets of regions, Far East.

Реформа рынков тепловой и электрической энергии, спровоцировавшая рост тарифов на тепловую и электрическую энергию, наиболее болезненно отразилась на населении, для которого потребление энергии является важнейшей базовой потребностью. Безусловно, государство предусмотрело механизм сдерживания роста тарифов для обеспечения экономической доступности услуг энергоснабжения, используя инструменты субсидирования как производителей, так и напрямую потребителей. Однако масштабы субсидиарной поддержки оказались крайне неравномерными и между субъектами рынка, и между территориями. Особенно остро это проявилось в регионах Дальнего Востока, где сложились специфические условия производства, распределения, потребления энергии и формирования энергоплатежей.

Системы электро- и теплоснабжения на Дальнем Востоке функционируют в условиях избыточного предложения, структурного несоответствия между характеристиками энергетического оборудования и современными параметрами спроса [3]. На Дальнем Востоке³ России на 1 января 2018 года проживало 6162,4 тыс. человек, занимая 146,4 млн квадратных метров жилья. За годы экономических трансформаций численность постоянного населения в регионе сократилась на 23,4% [8], а объемы жилья, наоборот, увеличились в 1,3 раза, что способствовало росту обеспеченности жильем в среднем по региону на 165,7% (с 14,3 кв. м на человека до 23,7 кв. м). По отдельным субъектам макрорегиона (Камчатскому краю, Магаданской области и Чукотскому округу) в силу более высоких темпов оттока населения обеспеченность жильем для оставшихся жителей даже удвоилась.

В условиях сурового климата Дальнего Востока в результате нового строительства значительно расширились возможности потребления тепловой энергии, теперь 80% жилых помещений обеспечено центральным отоплением. Рост жилищной обеспеченности вместе с повышением доходов населения, которые за 2000–2018 гг. увеличились по номиналу в 16,4 раза, способствовали росту качества жизни [2], расширению ассортимента используемых бытовых приборов и оборудования, что в конечном итоге привело к изменению структуры и динамики потребления энергоресурсов. Количество энергозатратных предметов длительного пользования в домашних хозяйствах макрорегиона за последние 5 лет выросло: по кондиционерам – в 2,1 раза, по микроволновым печам – на 44% [6; 11].

При этом благодаря применению современных строительных материалов и энергосберегающих технологий в строительстве, модернизации жилых помещений, с одной стороны, снижалось удельное потребление тепловой энергии (в среднем на 3% за 2010–2016 гг.), а с другой стороны, за счет повышения жилищной обеспеченности и качества жизни росло потребление электрической энергии (на 22% за период). Однако в целом Дальний Восток в силу климатических и географических условий продолжает оставаться регионом с повышенными удельными расходами энергоресурсов: потребление электрической энергии на душу населения здесь на 33% выше, чем в среднем по России, а тепловой энергии – в 2,3 раза [4].

В свою очередь, платежеспособный спрос населения на услуги энергоснабжения определяется соотношением доходов населения и стоимости энергоуслуг [9]. Поскольку население ограничено в возможностях управлять нату-

¹ Грицко Мария Анатольевна – к.э.н., ученый секретарь, зав. отделом научно-образовательных проектов Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: gritsko@ecrin.ru

Дёмина Ольга Валерьевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории ресурсной и отраслевой экономики Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: demina@ecrin.ru

Найден Светлана Николаевна – д.э.н., профессор РАН, гл.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: nayden@ecrin.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-32-00013 «Оценка платежеспособного спроса домашних хозяйств и организаций бюджетной сферы на рынках электрической и тепловой энергии Дальнего Востока».

³ В статье территория Дальнего Востока рассматривается в административных границах Дальневосточного федерального округа на начало 2018 г. в составе Республики Саха (Якутия), Камчатского края, Приморского края, Хабаровского края, Амурской области, Магаданской области, Сахалинской области, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа.

ральными объемами потребления энергии, то рост тарифов неизбежно ведет к росту его платежей за услуги энерго-снабжения, что увеличивает нагрузку на бюджеты домохозяйств [1; 10].

Для Дальнего Востока, где фокусируется пристальное внимание федеральных властей [7], реализуются широкомасштабные инвестиционные проекты и объявлено о создании условий для привлечения в регион дополнительных трудовых ресурсов [8], государство осуществляет регулирование тарифов на жилищно-коммунальные услуги, ограничивая их рост и уровень возмещения. Однако, несмотря на подобное ограничение, тарифы на энергоснабжение для населения Дальнего Востока все-таки превышали соответствующие тарифы в среднем по стране: по электроэнергии – на 17% в среднем за последние 6 лет, по тепловой энергии – на 65%. Отчасти это продолжающееся следствие зафиксированной еще в середине 1990-х годов высокой базовой стоимости услуг энергоснабжения в регионе, которые даже при менее стремительных темпах роста остаются самыми высокими в стране. Как результат, стоимость потребленных услуг энергоснабжения продолжает оставаться основной компонентой в структуре расходов населения макрорегиона, достигая 75–80% в жилищно-коммунальных платежах, в отличие от 50% в среднем по России [4].

На свой доход среднестатистический житель Дальнего Востока уже сегодня может гипотетически приобрести тепловой энергии по установленному тарифу на 30% меньше, чем в среднем по России, что свидетельствует о более низкой платежной способности дальневосточников. Однако государство пока сдерживает норматив возмещения стоимости коммунальных услуг на уровне 75% от экономически обоснованного тарифа в среднем по региону и 40–45% в северных районах Дальнего Востока.

Следовательно, в случае полного возмещения стоимости услуг теплоснабжения, условная покупательная способность жителя Дальнего Востока сокращается уже в 2 раза по сравнению со средним по России. Для жителей северных территорий региона возможности приобрести условное количество тепла по полному тарифу почти в 3 раза ниже, чем для жителей России в целом.

Безусловно, что без финансовой поддержки государства жители Дальнего Востока оказались бы в еще более сложной ситуации. До 1999 года включительно на фоне растущих платежей населения (и в абсолютном, и в относительном размерах) примерно четвертая часть совокупной суммы консолидированных бюджетов дальневосточных регионов направлялась на поддержку ЖКХ, варьируя от 15–17% в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономной округе до 30–32% в Приморском крае, Магаданской области и на Камчатке [11]. Начиная с 2000 года удельные расходы на социально значимую отрасль стали неуклонно снижаться и к 2010 году достигли 16% от совокупной суммы консолидированных бюджетов всего макрорегиона. С одной стороны, росли номинальные доходы бюджетов, и даже растущие расходы на поддержку ЖКХ объективно сокращались в удельном измерении, с другой стороны, на повестку дня вставали насущные проблемы и шло перераспределение статей в пользу иных приоритетных направлений в экономике регионов. Лидирующие удельные позиции (25–30%) сохранили северные субъекты Федерации (Чукотка, Колыма, Камчатка, Сахалин), где объективно расходы на содержание капиталоемкого и ресурсно-затратного коммунального хозяйства оставались сравнительно высокими. В 2011–2017 годах темпы прироста номинальных расходов на поддержку ЖКХ в дальневосточных регионах существенно упали и последние 3 года не превышают 2,5–3%. К 2017 году доля расходов на ЖКХ по совокупной сумме консолидированных бюджетов макрорегиона составила 15,1% или почти 120 млрд. рублей, что в 9,2 раза больше по сравнению с номинальными расходами на эти же цели в 2000 году. Динамику в течение всего периода обеспечили: рост тарифов, которые спровоцировали поток трансфертов на погашение обязательств по субсидиям и льготам, а также дополнительное финансирование мероприятий по восстановлению и модернизации основных фондов ЖКХ.

Так, только в период 2000–2003 гг. в целом по Дальнему Востоку расходы бюджетов на выплату субсидий выросли в 8,5 раз с 506 млн. руб. до 4,3 млрд. руб., а среднемесячный размер субсидии на семью в среднем по макрорегиону увеличился со 170 руб. до 680 руб., достигая, например, в Магаданской области 950 руб. на семью. Пик обращений за субсидиями пришелся на 2003 год, когда в стране каждая шестая семья оказалась не способна оплатить жилищно-коммунальные услуги полностью, а на Дальнем Востоке – каждая четвертая семья оказалась на грани бедности. Абсолютный рекорд бюджетных расходов на субсидиарную поддержку пришелся на 2010 год, когда объем финансирования в целом по макрорегиону достиг 5,7 млрд. руб., что в 11,3 раза превысило аналогичные расходы 2000 г. и на 35% расходы 2003 г., когда был зафиксирован резкий скачок тарифов на услуги ЖКХ. После 2011 года объем выделяемых средств на субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг из консолидированных бюджетов регионов стал неуклонно снижаться и к 2017 году достиг уровня 2007 года, составив 4,9 млрд. руб., охватив поддержкой 7,3% нуждающихся семей.

В целом за 2000–2017 гг. из совокупной суммы консолидированных бюджетов субъектов Федерации Дальнего Востока на субсидии семьям по оплате жилья и коммунальных услуг было израсходовано 78,9 млрд. руб. или 7% от всех расходов на ЖКХ, в то же время, как расходы на социальную поддержку населения в виде льгот на оплату соответствующих услуг за тот же период составили почти в 2 раза больше (185 млрд. руб. или 16,4% от всех расходов на ЖКХ). В отличие от субсидий, которые назначаются только нуждающимся, что требует от заявителей соответствующих документальных подтверждений и не является постоянным источником компенсации платежей, предоставление льгот распространяется на значительно большую часть населения (примерно 1300 тыс. чел. или каждый пятый житель макрорегиона) носит долговременный, чаще постоянный характер, и является социальным мандатом власти. Поэтому расходы региональных бюджетов на компенсацию льгот существенно зависят от динамики тарифов на коммунальные услуги, включая энергоплатежи.

Если при современных нормативах доля расходов среднестатистического жителя Дальнего Востока за жилищно-коммунальные услуги составляет 11,1% от потребительского бюджета [5], то при условии полного возмещения затрат только энергопроизводителям доля расходов может достигнуть 15%, а по полному пакету коммунальных услуг –

20% (для северных территорий – до 25%). Сохранить платежеспособный спрос на услуги энергоснабжения по полному тарифу на уровне 11,1% от потребительского бюджета теоретически можно, но только при условии увеличения доходов населения Дальнего Востока в 1,5–2 раза в зависимости от климатической зоны проживания. Выполнение данного условия весьма проблематично, так как в регионе объективно ограничены возможности экономического роста, который способен обеспечить соответствующий уровень доходов населения, а существенно сократить потребление энергоресурсов, особенно тепла, практически невозможно. Поэтому переход на полное возмещение затрат производителям энергии неизбежно увеличит нагрузку на бюджеты домашних хозяйств и потребует компенсации со стороны государства в виде значительных субсидий.

Список литературы

1. Башмаков И. Способность и готовность населения оплачивать жилищно-коммунальные услуги // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 4. – С. 136–150.
2. Грицко М.А. Динамика доходов населения Дальнего Востока России // Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы: Тезисы IX Всероссийской научной конференции молодых ученых. Биробиджан, 03–04 октября 2017 г. / Под ред. Е.Я. Фрисмана. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2017. – С. 49–52
3. Дёмина О.В. Особенности развития региональных систем электро- и теплоснабжения // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 5. – С. 47.
4. Дёмина О.В., Найден С.Н. Проблемы экономической доступности услуг энергоснабжения для населения Дальнего Востока // Ученые записки. Вып. 12. Дальний Восток России: экономические, социальные, инфраструктурные факторы развития: сб. ст. / Под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. – С. 58–64. – <http://www.ecrin.ru/mainmenu-33/1/153-2018-books/1294-sci-reports-12>
5. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2017 гг.: стат. бюлл. / Росстат. – <http://www.gks.ru>
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) / ФСГС России. – <https://fedstat.ru/>
7. Минакир П. А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. – № 2. – С. 7–11.
8. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 1. – С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3
9. Найден С.Н. Расходы населения и бюджетов: некоторые итоги и коммунальной реформы // Власть и управление на Востоке России. 2017. – № 4. – С. 39–48.
10. Некрасов А.С., Семикашев В.В. Расходы на энергию в домохозяйствах России // Проблемы прогнозирования. – М., 2005. – № 6. – С. 43–53.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2000–2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2000–2018. – <http://www.gks.ru/>

Гужавина Т.А.

к.филос.н., доцент, в.н.с. ВолНЦ РАН

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА¹

Ключевые слова: качество жизни, интегральный индекс, условия проживания, органы МСУ, промышленный город.

С момента своего появления в середине прошлого столетия в книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия»² понятие «качество жизни» прочно вошло в научный оборот. В современном мире его рассматривают как важнейший критерий благополучия общества. Специфика развития российской экономики актуализирует проблему качества жизни населения. Особенно остро она встает в периоды кризисов, санкционного воздействия, продолжающегося углубления дифференциации доходов населения, сохранения высокого уровня бедности, повышения социальной напряженности и смещения в худшую сторону проблем экологической обстановки в ряде регионов. Согласно Конституции Российская Федерация является социальным государством, и забота о качестве жизни ее граждан является главной целью государства, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»³. Заявления относительно повышения качества жизни на уровне высшего руководства говорят о том, что несмотря на имеющиеся проблемы власть пытается улучшить положение дел в стране. Вопросы качества жизни неоднократно отмечал в своих выступлениях президент Российской Федерации В.В. Путин⁴. Правительство России рассматривает повышение качества жизни как один из ключевых индикаторов социально-экономического развития.

Обеспечение достойного качества жизни граждан требует повышения эффективности использования природно-ресурсного, экономического, финансового, социального, кадрового потенциалов территорий. При этом качество жизни каждого индивида во многом зависит от качества жизни коллективного субъекта, частью которого он является. Для человека имеет значение то, в какой материальной, культурной, социальной, экологической среде он находится.

Качество жизни людей – одна из наиболее обсуждаемых тем в современной науке и публицистике. Трактовок самого понятия «качество жизни» неоднозначна. Можно наблюдать и достаточно широкое толкование данной категории, включающее в себя чуть ли не все процессы жизнедеятельности, и сужение трактовки до конкретных аспектов. В становлении данной категории в зарубежной науке выделяют ряд этапов, каждый из которых характеризуется своими наработками в области методологии исследования⁵. Зарождение категории связано с включением в нее таких параметров как условия труда, условия жизни и ряда других экономических показателей. Второй этап ознаменовал существенный рывок в развитии исследований качества жизни, что связано с публикацией монографии, ставшей результатом работы коллектива авторов под руководством Р. Бауэра «Социальные индикаторы»⁶. В рамках третьего периода происходит концептуализация исследования качества жизни. Большой вклад в этот процесс внесла деятельность Римского клуба. В работах Дж. Форрестера «Мировая динамика» и группы Д. Медоуза «Пределы роста»⁷, была сформулирована идея необходимости ориентации, прежде всего, на качественные показатели, а не количественные при оценке жизни на планете. Качество жизни исследователи связали с качеством самого человека, с необходимостью развития именно человеческих качеств, творческих способностей индивида. Идея о том, что повышение качества жизни как цели развития может быть альтернативой цели экономического роста стала главным достижением данного этапа. В итоге все же сформировалась точка зрения на качество жизни как на «совокупность внешних и внутренних факторов: внешних условий жизнедеятельности и внутреннего чувства удовлетворенности ими»⁸.

Неудовлетворенность исследователями эконометрическим подходом дала толчок к формированию такого направления исследования качества жизни, которое было обозначено как субъективное. Отмечается, что объектами исследования при таком подходе становятся субъективное восприятие человека, индивидуальные человеческие потре-

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания. Проект «Территориальные особенности социальной реальности» № 0168-2019-0012.

² Galbraith J.K. The affluent society. – Harmondsworth: Penguin Books, 1962. – 298 p.

³ Конституция Российской Федерации. – <http://constitution.kremlin.ru/>

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

⁵ Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 306 с.

⁶ Social indicators / Ed. by Raymond A. Bauer. – Cambridge (Mass.): The M.I.T. Press, 1966. – 357 p.

⁷ Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Академия, 2003. – 384 с.; Медоуз Д. и др. Пределы роста. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 208 с.

⁸ Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – С. 40.

ности и ощущения¹. Что касается собственно субъективных подходов, то они ориентированы на рассмотрение прежде всего ценностных установок. В итоге мы имеем два основных подхода к определению качества жизни, которые различаются в зависимости от выбираемых критериев оценки: объективное и субъективное.

В отечественной науке интерес к проблематике качества жизни сформировался несколько позже, чем в западно-европейской или американской. На этом направлении сосредоточили свои усилия С.А. Айвазян, Л.А. Беляева, И.В. Бестужев-Лада, Г.С. Батыгин, Н.М. Римащевская, А.И. Субетто и др. Отечественная научная мысль развивалась и эволюционировала достаточно долго в границах концепции образа жизни. Как утверждал в свое время И.В. Бестужев-Лада категория «образ жизни» интегрирует такие понятия, как «уровень жизни», «качество жизни», «стиль жизни», «уклад жизни»². В образе жизни исследователи выделяли количественную (уровень жизни) и качественную (положение человека в социальной системе) составляющие.

В отечественной научной мысли сформировалось несколько основных направлений исследования качества жизни. Наибольшее распространение получили исследования на основе социально-экономических показателей. Социально-экономический подход интересен тем, что позволяет дать оценку эффективности управления российским обществом. Для проведения подобной оценки обычно используется ряд показателей, основанных на данных официальной статистики³. Еще одним аспектом в социально-экономическом исследовании качества жизни является выделение его уровней. Так В.Н. Бобков обосновывает идею разделения качества жизни на высокое и низкое, отмечая, что при низком качестве жизни население ориентировано на выживание⁴. Безусловно, не все показатели качества жизни поддаются количественному измерению. Психологические и ценностные аспекты исследования качества жизни оформились как отдельные исследовательские направления. В зарубежных исследованиях это направление развивается в рамках позитивной психологии. В отечественной психологической науке при изучении качества жизни большое внимание уделяется именно субъекту. Так ученые Института психологии РАН Т.Н. Савченко и Г.М. Головина особое внимание уделили субъективным компонентам качества жизни, сделав акцент на ценностных эталонах индивида⁵. Интересным является и исследование качества жизни в контексте ценностных ориентаций населения. Данный аспект повышает роль субъективного подхода. В частности он представлен в работе Е.О. Смолевой и М.В. Морева⁶.

В социологии категория «качество жизни» отражает, прежде всего, субъективное восприятие индивидами условий своей жизнедеятельности. Ориентация на субъективные индикаторы дает возможность оценить эти условия, понять, что из среды обитания населения данной территории требует внимания и управленческого воздействия. Объектом нашего исследования стал город Череповец, являющийся крупным промышленным центром СЗФО и Вологодской области. Город относительно недавно стал утрачивать статус моногорода. Присутствие предприятий тяжелой промышленности создает определенные экологические проблемы для его жителей, но с другой стороны, работа крупных предприятий способствует поддержанию в городе высокого уровня жизни. В городе фактически отсутствует безработица. Ведется активное жилищное строительство. В этих условиях восприятие его населением качества условий своей жизнедеятельности носит противоречивый характер. Его экономика в значительной мере определяет социально-экономическое положение всей области. Предприятия черной металлургии и химического комплекса создают базу финансовых возможностей Череповца. 40% череповчан трудятся на данных предприятиях. Кроме того в городе имеются предприятия дерево- и металлообработки, пищевой и легкой промышленности, активно работает строительный комплекс. В городе насчитывается более 14 000 малых и средних предприятий⁷.

Цель нашей работы заключалась в поиске проблем, наиболее значимых для большинства населения и создающих определенное социальное напряжение в данном сообществе. Определение «болевых точек» может стать исходной позицией для решения ряда городских проблем органами МСУ, несущими за это ответственность перед горожанами. Эмпирическими данными для изучения мнения горожан относительно качества жизни послужили результаты ряда исследований, проведенных ВолНИЦ РАН на территории Вологодской области, в том числе и на территории города. Были использованы данные опроса «Оценка условий проживания»⁸. Использованы также данные мониторинга общественного мнения населения за 2015 и 2017 годы.

¹ Нагимова А.М. Социологический анализ качества жизни населения: региональный аспект. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 39.

² Бестужев-Лада И.В. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / Под ред. Л. П. Бугеовой. – М., 1983. – С. 93–96.

³ Крупнов Ю.В. Качество жизни. – <http://www.krounov.ru/pubs/2005/01/09/10178>

⁴ Качество и уровень жизни населения в новой России (1991—2005 гг.) / Бобков В.Н. (рук. авт. кол.) [и др.]. – М.: ВЦУЖ, 2007. – 719 с.

⁵ Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 169 с.

⁶ Смолева Е.О., Морев М.В. Качество жизни и ценностные ориентации населения региона // Проблемы развития территории. 2016. – № 8(80). – С.108–126.

⁷ Агентство городского развития. – <http://www.agrcity.ru>

⁸ Опрос проводился в г. Череповце впервые в 2015 г. и был повторен в 2017 г. Выборка составила 800 человек. Тип выборки – районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения, квотная по полу и возрасту со статистическим распределением в целом по городу. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между половозрастной структурой взрослого населения. Интересные результаты дали данные опросов «Социокультурный портрет территории» и «Социокультурная модернизация». Опросы проводились в 2015г. и в 2017 г. соответственно по сопоставимым методикам. Объем областной выборки составил 1500 человек.

Для оценки качества жизни на основе субъективных оценок использовался интегральный индекс, методика расчетов которого была предложена Л.А. Беляевой¹. Рассматривая качество жизни как комплексную характеристику условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе, тем не менее, акцент делается на субъективной стороне. Предложенный в рамках данного подхода индекс образуется за счёт комбинации индикаторов. В качестве таковых использованы уровень благосостояния, социальная среда, экология, социальное самочувствие жителей. Выделенные блоки дают возможность охарактеризовать различные сферы жизни населения за исключением политической. Данное ограничение связано с тем, что имеющиеся данные не позволяют оценить данную сферу жизни как лично значимую. Индексный метод позволяет учесть баланс положительных и отрицательных характеристик, а также эффективно «свернуть» информацию, содержащуюся в исходных индикаторах (вопросах). Ранее мы давали подробное описание данной методики, практики ее применения, характер индикаторов².

В ходе исследования на основе выбранной методики была проведена оценка субъективных представлений населения города о доступном им качестве жизни за 2015 и 2017 гг. (табл. 1). Полученные данные позволяют произвести наблюдение за динамикой мнений жителей за исследуемый период.

Таблица 1

Интегральный индекс качества жизни в г. Череповец

Компоненты качества жизни	Частные индексы	2015 г.	2017 г.
Уровень благосостояния	Индекс материального уровня жизни	98	85
	Индекс удовлетворенности жильем	145	193
	Индекс обеспеченности медицинской помощи	128	106
	Индекс обеспеченности образованием	156	127
<i>Общий индекс уровня жизни</i>		132	128
Качество социальной среды	Индекс самоидентификации с жителями своего поселения	170	140
	Индекс защищенности от преступности	63	55
	Индекс защищенности от бедности	58	48
	Индекс защищенности от произвола чиновников	69	60
	Индекс защищенности от произвола правоохранительных органов	79	76
<i>Общий индекс качества социальной среды</i>		88	76
Качество экологии	Индекс защищенности от экологической угрозы	68	52
	Индекс чистоты воздуха	70	н/д
	Индекс чистоты воды	39	н/д
<i>Общий индекс качества экологии</i>		59	52
Социальное самочувствие населения	Индекс уверенности в будущем	124	105
	Индекс удовлетворенности жизнью	158	141
	Индекс самостоятельности	186	172
<i>Общий индекс социального оптимизма</i>		156	139
Интегральный индекс качества жизни: среднее арифметическое 4-х общих индексов		109	99
Рассчитано автором			

За период, прошедший между наблюдениями, интегральный индекс качества жизни несколько снизился. Имеет смысл подробнее проанализировать перемены в значениях каждого из частных индексов и выяснить причину снижения. Собственно данные перемены и дают возможность понять совершающиеся процессы и их отображение в общественном мнении, в оценках жителей города.

Частные индексы изменились неравномерно. Индекс материального уровня жизни основан на самооценке населением своего материального положения. Люди отмечают ухудшение своего материального положения. Последствия экономического кризиса 2014–2015 гг. неблагоприятно отразилось на материальном положении череповчан. И это несмотря на то, что в наблюдаемый период средняя зарплата в городе выросла с 35 823 руб. до 39 635 руб.³. В то же время индекс удовлетворенности жильем показал значительный рост. Сказывается поддержка со стороны крупных предприятий своих работников в жилищном вопросе, активное использование материнского капитала. Рост заработной платы населения также может быть позитивным фактором. Но ипотечная нагрузка достаточно тяжела и снижает уровень материального благосостояния, что могло отразиться в оценках респондентами своего материального положения. Изменения, отмеченные индексом, подтверждаются и данными мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН. Показания ответов на вопрос о качестве своего жилья за 2015 год свидетельствуют о том, что 69% населения Череповца довольны и скорее довольны условиями жилья. В 2017 году распределение ответов респонде

¹ Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – М., 2009. – № 1. – С. 3–42.

² Гужавина Т.А., Ластовкина Д.А., Озерова О.Ю. Качество жизни в оценках населения региона // Проблемы развития территорий. 2016. – № 2(82).

³ Отчет мэра города Череповца о результатах своей деятельности и деятельности мэрии города за 2017 год. – <https://mayor.cherinfo.ru>

тов на данный вопрос изменилось, продемонстрировав восходящую динамику (доля положительных оценок составила 79%, отрицательных – 15%).

Индекс доступности медицинской помощи продемонстрировал понижение. Если данный компонент качества жизни в среднем в 2015 году составил 128 пунктов, то к 2017 году он понизился до 106 пунктов. Увеличилось число горожан, недовольных обеспеченностью медицинским обслуживанием. Неудовлетворительно и плохо оценивают возможность получения медицинской помощи 22% респондентов в 2017 г, что намного выше по сравнению с данными исследования, проходившего в 2015 г. тогда доля недовольных составляла всего лишь 13%.

Снизился и индекс доступности образования. В 2015 году этот показатель имел значение 156 п. тогда как в 2017 году он спустился до 127 п. Несмотря на то, что в городе находится самый крупный вуз области, получивший в 2017 г. статус опорного, проблема дает о себе знать. Одной из причин может стать продолжающаяся политика сокращения бюджетных мест в региональных вузах.

Таким образом, вычисляемый на базе четырех частных индексов первый показатель уровня жизни закрепил случившиеся перемены. При ухудшении трех индикаторов четвертый вырос, и в итоге общий индекс уровня жизни снизился несущественно.

Качество социальной среды второй по счету компонент качества жизни. В 2015 году индекс составил 88 п., а в 2017 – 76 п., что говорит нам о низком качестве социальной среды. Жители города не чувствуют себя в полной мере защищенными от произвола, преступности, бедности. В особенности низок индекс уровня защищенности от бедности. В среднем по городу этот индекс составляет в 2015 г. 58 п., а в 2017 г. уже 48 п. Полученные данные по данному индексу коррелируют с оценками населением своего материального положения. По иным типам опасностей различия не столь значительны. Снизился и индекс идентификации себя с жителями своего поселения. Здесь о трезилось общее снижение уровня доверия. Индекс защищенности от преступности так же упал с 63 п. до 55 п. Часто правонарушения связаны с алкоголем и наркотиками, увеличилось число телефонных и Интернет мошеннических действий¹. В итоге мы получили снижение индекса качества социальной среды с 88 до 76 пунктов.

Череповец, будучи промышленным центром с тяжелыми отраслями промышленности, испытывает значительную экологическую нагрузку. Индекс защищенности от экологической угрозы в 2015 составлял – 68 пунктов, в 2017 – 52 п. Заметны стали значительные изменения индекса, он упал на 16 пунктов. Одним из факторов снижения оценок в этой сфере может служить напряженность, которая сформировалась по поводу строительства ЦБК под Череповцом. Город насыщен промышленными предприятиями, поэтому тема строительства является предметом острых дискуссий. Областные власти и представители группы «Свеза» уверяют, что новое производство не нанесет ущерба экологии, однако экологи, общественные активисты и местное население бьют тревогу и пытаются не допустить строительства².

Социальное самочувствие населения – последний, но не менее важный, компонент качества жизни. Частные индексы оценивают удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем, самостоятельность в решении имеющихся проблем. В совокупности они позволяют дать оценку социально-психологической обстановке в обществе. Общий индекс социального самочувствия уменьшился к 2017 году на 16 пунктов. Наиболее значительные перемены произошли с такой компонентой как индекс уверенности в будущем. За период измерений с 2015 по 2017 гг. данный индекс снизился с 124 до 105 пунктов. Снизилась также и другие индикаторы – индекс удовлетворенностью жизнью и индекс самостоятельности (таблица 1). Данные опросов не дают точного ответа на вопрос о причинах снижения, здесь требуется дополнительный анализ ситуации. На наш взгляд данный индекс отражает общую ситуацию в стране.

В итоге мы наблюдаем, что общий интегральный индекс качества жизни по сравнению с 2015 годом снизился на 10 пунктов. Данные используемых опросов служат свидетельством того влияния на настроения населения, на его оценки качества условий своей жизнедеятельности, которое оказал на них экономический кризис 2014–2015 гг., последствия которого явно себя ощущали и в 2017 году.

На основе субъективных оценок мы получаем представление о ситуации в территориальном сообществе, о том, как она воспринята населением. Однако дальнейшее исследование причин снижения интегрального индекса качества жизни требует изучения конкретных проблем, осложняющих условия жизни населения города и поиска их решения органами МСУ.

Если рассмотреть проблемы среды проживания конкретнее, то они затрагивают самые разные аспекты жизни горожан. Более всего горожан волнует состояние тротуаров и дорог, дворовых территорий, нехватка достаточного количества парковочных мест, пробки на дорогах. Экологические характеристики среды обитания также волнуют жителей города. Отмечают низкое качество питьевой воды, загазованность воздуха (табл. 2).

Таблица 2

Оценка значимости проблем жизнеобеспечения города (% от числа опрошенных)

Проблемы	2015 г	2017 г
Плохое состояние тротуаров и дорог	88,4	50,9
Неудовлетворительное состояние дворов	84,4	47,6
Нехватка специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории	81,4	54,1
Сильная загазованность в районе	66,8	37,9
Пробки на дорогах	66,8	29,6

¹ Уровень преступности в Череповце. – <http://www.35media.ru/news/2017/02/01/uroven-prestupnosti-v-proshlom-godu-v-cherepovtse-okazalsya-samy-m-nizkim-za-poslednie-pyat-let>

² Главная новость: Издержки нового ЦБК под Череповцом будут самыми низкими в мире. – <http://www.cpv.ru/modules/news>

Неудовлетворительная криминогенная обстановка в районе	63,3	24,0
Неудовлетворительное качество питьевой воды	62,8	27,8
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	62,0	23,8
Частые перебои с горячей водой	61,8	16,6
Неудовлетворительное тепло снабжение	59,4	20,8
Частые перебои с холодной водой	56,8	10,6
Другие значимые проблемы	17,8	2,0

По данным опросов общественного мнения, власти справляются с имеющимися проблемами недостаточно успешно и не обеспечивают тем самым населению благополучие в среде обитания. Череповчане оценивают деятельность органов местного самоуправления в своих городах как недостаточно эффективную (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете деятельность городской администрации по решению проблем, связанных с улучшением комфортности проживания населения?»
(в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	2015 г.			2017 г.		
	Городская Дума	Мэрия	Мэр	Городская Дума	Мэрия	Мэр
В основном и полностью одобряю	57,4	58,9	54,5	50,9	56,3	47,8
В основном и полностью не одобряю	19,4	19,9	19,4	27,4	23,6	27,4
Затрудняюсь ответить	23,2	21,2	26,1	21,7	20,3	24,8

За исследуемый период оценки деятельности органов МСУ изменились незначительно, но обнаруживается некоторое снижение доли положительных оценок. Данная тенденция в полной мере коррелирует со снижением интегрального индекса качества жизни.

Более глубокое исследование оценок среды проживания дает возможность выявить те проблемы, которые горожане считают наиболее значимыми. В качестве инструмента анализа, имеет смысл использовать диаграмму Парето¹. Данный метод широко используется при решении управленческих задач, а также в маркетинговых исследованиях. Однако в социологии он применяется достаточно редко. Тем не менее, на наш взгляд, он дает возможность не только выявить основные проблемы, которые создают большую долю социального напряжения и с решения которых следует начинать, но и классифицировать их, выделяя существенные и важные, но немногочисленные, а также несущественные, но многочисленные. Методика построения диаграммы такова, что на оси абсцисс интервалы представляют виды проблем, дефектов или ошибок, тогда как на оси ординат фиксируется частота их возникновения. Каждый столбец отражает частоту появления значения данного фактора, столбцы располагаются в порядке убывания частот. То есть расположение факторов таково, что значимость каждого последующего уменьшается по сравнению с предыдущим. На основе диаграммы строится кумулятивная кривая, дающая представление о накоплении факторов. Основное достоинство данного метода состоит в том, он позволяет выявить относительное влияние каждой причины, каждого фактора на общую проблему. Данная информация позволяет определить основные направления деятельности органов МСУ, выделить актуальные управленческие задачи, распределить усилия для их решения. Ценность данного метода – в возможности отойти от простого ранжирования проблем к выявлению тех, что в наибольшей степени влияют на снижение качества среды проживания и соответственно на качество жизни населения. Выявленные проблемы можно рассматривать как факторы, влияющие на рост неудовлетворенности не только собственно качеством жизни, но и деятельностью органов МСУ.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию в городе. Анализ расположения выявленных проблем на диаграммах (рис. 1 и 2) дает нам представление о том, какие вопросы волнуют череповчан в первую очередь и составляют основу их недовольства. В столбцах выделяются основные проблемы, вызывающие наибольшее неудобство в повседневной жизни, что и сказывается на оценке деятельности органов МСУ. Как показывает диаграмма, 80% напряжения в настроениях порождены всего лишь тремя проблемами. К ним относятся плохое состояние тротуаров и дорог, неудовлетворительное состояние дворов, нехватка мест для парковок. За прошедшее между исследованиями время состав проблем не изменился. Изменился лишь порядок их выделения. На первое место в 2017 г. переместилась проблема парковок. И действительно город насыщен автотранспортом. Количество автомашин за последние десять лет в области удвоилось. С этим фактором непосредственно связаны и два других, характеризующих дворовые территории, необходимые владельцам автомобилей как парковочное пространство.

Почти две трети респондентов отметили проблему парковок. Как ни странно, на первый взгляд, но проблемы безопасности или экологии волнуют горожан в меньшей степени. На сегодняшний день экологические проблемы не столь остро беспокоят горожан. Здесь явно срабатывает так называемый «парадокс Гидденса» применительно к рискам. Если риски неосознаны, невидимы в повседневной жизни, то немногие воспринимают их серьезно². С другой стороны выделенные горожанами проблемы служат еще одним свидетельством достигнутого в городе достаточно высокого уровня качества жизни. Об этом говорит и тот факт, что по проведенным Финансовым университетом заемам Череповец попал в десятку городов с наиболее высоким качеством жизни населения³.

¹ Тебекин А.В. Управление качеством: учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2011. – 371 с.

² Giddens A. The Consequences of Modernity / Stanford University Press. 1990. – 186 p.

³ Эксперты назвали топ-10 городов России с высоким качеством жизни. – <https://iz.ru/816454/2018-11-26/eksperty-nazvali-top-10-gorodov-rossii-s-vysokim-kachestvom-zhizni>

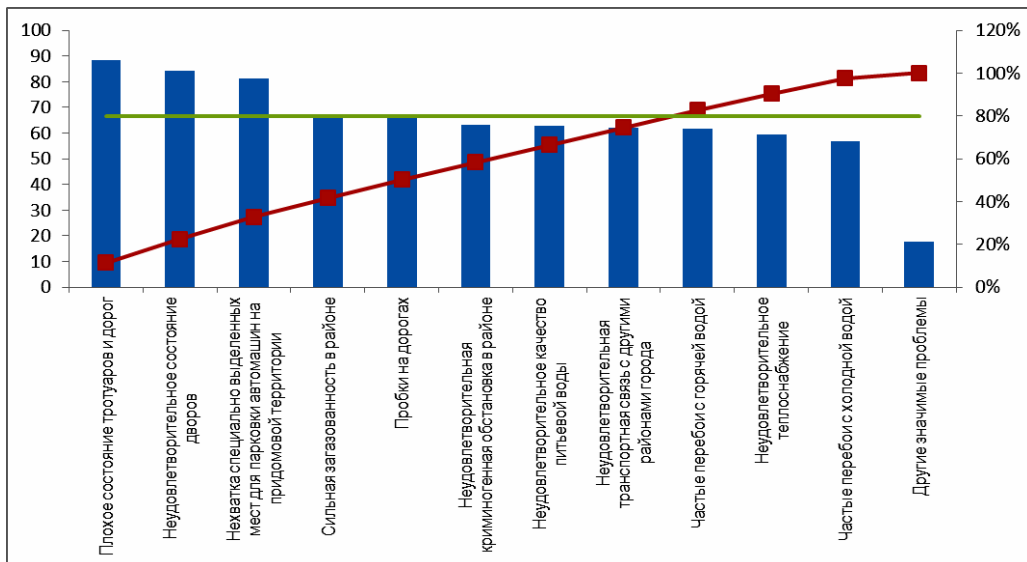

Рисунок 1.

Диаграмма Парето по оценке проблем, вызывающих наибольшее неудобство в повседневной жизни жителей г. Череповца в 2015 г.

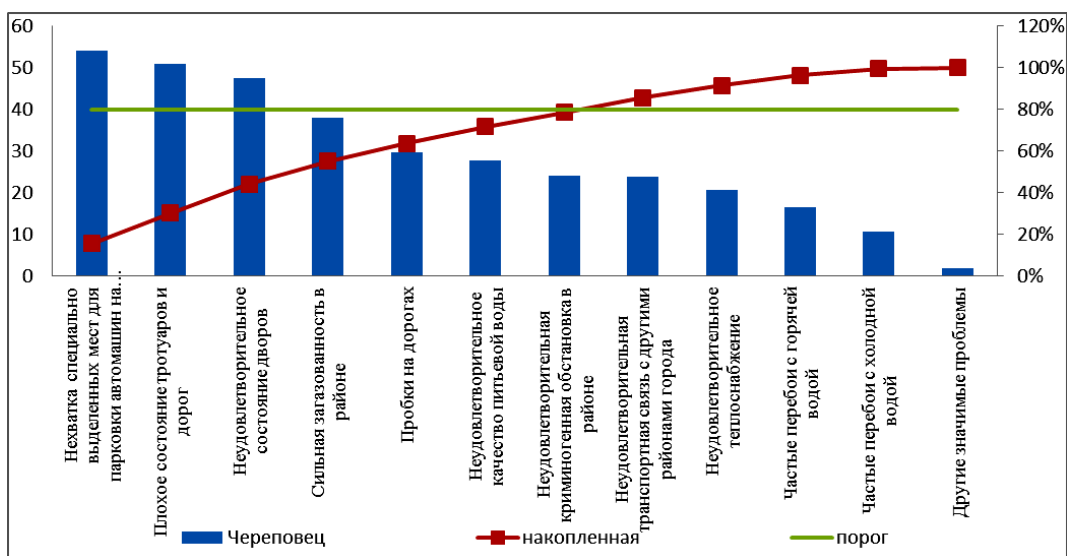

Рисунок 2.

Диаграмма Парето по оценке проблем, вызывающих наибольшее неудобство в повседневной жизни жителей г. Череповца в 2017 г.

Решение проблем с городскими территориями могут быть найдены мэрией, поскольку находятся полностью в ее компетенции. Судя по оценкам жителей позитивные сдвиги в этом направлении имеются. Практически все три проблемы потеряли около 30 п., но, тем не менее, сохранили свою приоритетность. Еще одно наблюдение, которое можно сделать из этого факта состоит в выявлении противоречия в восприятии населением своего материального благополучия и тех требований, что предъявляются для решения местной власти.

Качество жизни во многом зависит от тех процессов, которые имеют место на территории проживания. Приоритетные для череповчан проблемы, выявленные при втором измерении, касаются как и прежде обустройства территории города. Их решение в ведении городских властей. Усилия органов МСУ в этом направлении дали свои результаты и несколько снизили остроту проблем, но не исключили их из числа наиболее значимых. Будучи субъектами социальной политики, органам самоуправления необходимо выделять приоритетные направления в своей деятельности, разработать планы по их реализации, найти источники финансирования. Тем самым они смогут повысить результативность своей деятельности по повышению качества жизни жителей города. В свою очередь повышение уровня и качества жизни может иметь последствием рост уровня доверия населения к власти, повышение уровня безопасности. Нельзя не учитывать тот факт, что комфортность среды проживания наряду с другими условиями формирует политические предпочтения, а также влияет на уровень оценок действующей власти.

Искакова Г.Л.

д.полит.н., профессор, Казахско-русский международный университет, г. Актобе, Казахстан

Даухаренова З.

студент, Казахско-русский международный университет

Мухамбеткалиева У.

студент, Казахско-русский международный университет)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ВОСТОК-ЗАПАД

Ключевые слова: права человека, индивид, социум, культура, государство, традиция, социальная трансформация, толерантность.

Keywords: human rights, individual, society, culture, state, tradition, social transformation, tolerance.

Проявлением противоречия между универсальным характером глобальной цивилизации и ее культурной ориентацией стала достаточно напряженная ситуация между универсализмом прав человека и культурными особенностями различных обществ.

В условиях многополярности современного мира остаются достаточно существенными различия между Западом и Востоком в понимании прав человека. Сторонники либеральной концепции прав человека, говоря об определенных универсальных принципах и нормах, относят к важнейшим фундаментальным принципам прав человека принцип универсальности, предполагающий и различие.

Провозглашенные в международно-правовых актах права человека в каждой стране реализуются лишь в конкретно-исторической форме, которая определяется рядом факторов, и прежде всего характером политического режима и политической системы в целом, расстановкой и борьбой в нем общественно-политических сил, традициями и культурой.

На наш взгляд, социокультурные факторы (культура, традиции, история, менталитет и др.) оказывают влияние на понимание и восприятие прав человека в современном обществе, а также на политику западных и восточных государств в области прав человека. В связи с этим важно исследовать понимание и восприятие прав человека западным и восточным обществом с учетом социокультурного контекста; рассмотреть социокультурный контекст прав человека в рамках диалога Восток-Запад, проанализировать политику в области прав человека с учетом социокультурного контекста в западных и восточных государствах.

При обсуждении проблемы универсальности прав человека и развития национальной культуры, ее своеобразия возникают вопросы, над которыми сегодня размышляют политики, исследователи, общественность: «Как могут обеспечиваться права человека в мире и обществе, характеризующемся многообразием культур? Как добиться признания и равного уважения культурного многообразия и целостности в условиях все большей интеграции мирового сообщества?». При поиске ответов на эти вопросы важно учитывать отмеченные нами процессы как глобализации (в форме международно-правовых стандартов), так и регионализации (в форме признания и уважения особенностей региона и образующих его государств).

Представители ряда западных и восточных государств признают универсальность и неделимость прав человека, норм и стандартов Всеобщей декларации прав человека, их непреходящее значение для человечества во всем разнообразии его культур и традиций, другие – отрицают, третьи – высказывают сомнения [2]. Политики и ученые ряда восточных стран определяют категорию «права человека» как явление, характерное лишь для западных обществ и не соответствующее национальной культуре и традициям восточных обществ, а значит, права человека относительны, а не всеобщие.

В итоговой Декларации Региональной конференции стран Африки (1993 г.) универсальность любой модели прав человека отвергается вообще. Страны Афро-азиатского региона, критикуя принцип универсальности прав человека, считали, что он отражает лишь европейские ценности и не учитывает национальные, религиозные, исторические особенности каждого государства или группы государств, а Всеобщая Декларация прав человека, представляющая иудейско-христианские традиционные взгляды, не может применяться мусульманами и не соответствует системе ценностей незападных обществ. По их мнению, нельзя считать, что стандарты и модели прав человека, принятые международным сообществом, являются единственными и нельзя требовать, чтобы все страны руководствовались этими моделями. Особо критически к концепции универсальности прав человека отнеслись представители Китая, Кубы, Индонезии, Сирии, Пакистана [3].

Как следствие, различия в правовом статусе личности, выраженные в разных ценностях, декларируемых в странах рыночного Запада и традиционного Востока, лежат в основе противостояния народов Центральной и Восточной Азии внедрению в их жизнь западных ценностей. Если западная культура культивирует стремление человека быть

субъектом-организатором деятельности, то в восточных культурах субъектом деятельности чаще всего оказывается целостная группа, которая и является носителем реальных прав, а индивид имеет определенные права, являясь частью этой группы.

Активность человека воспринимается только в ее негативном смысле, как нарушение равновесия и гармонии мира, поэтому не деятельность, а недеяние считалось единственно истинным способом взаимодействия человека и мира. Зависимость человека от своей социальной группы особенно прослеживается в исламском обществе, где в случае социального напряжения возрастает роль кланового сплочения [7]. При снижении уровня жизни и росте социального напряжения в исламских странах (и не только исламских) «жесткие» системы усиливают свою сплоченность, что в свою очередь, питает авторитаризм.

Шариату известны права человека, но главной концепцией мусульманского права является не идея прав человека, а возложенные на него Аллахом обязанности. Основные положения исламской концепции прав человека: права верные абсолютно равны; каждый мусульманин вправе требовать от государства уважения своих основных прав; взаимная ответственность общества и индивида; индивид не является субъектом международного права в отличие от исламского государства. Государство должно обеспечить права мусульман, которые могут быть ограничены в интересах мусульманской общины, укрепления обороноспособности страны. В конституциях практически всех мусульманских стран наряду с провозглашением равенства граждан часто делается оговорка, что эти нормы должны применяться в соответствии с шариатом.

Со статусом личности связано и основное отличие конфуцианской культуры, распространенной в странах Юго-Восточной Азии, от христианской и демократической культуры Запада [5, 10]. Человек, например, в Китае не имеет статуса, дающего ему право выступать против семьи и социальных групп, с которыми он связан с рождения [10].

В христианстве понятие трансцендентного Бога, чье Слово представляет собой высший источник истины и права, позволяет личности пренебрегать всеми формами социального долга, начиная с семьи и завершая государством.

В современном либерализме христианское понятие универсального Бога, по мнению Ф. Фукуямы, заменено понятием основополагающей человеческой природы, которая служит универсальным основанием справедливости. Либеральные права распространяются на всех людей как таковых. Именно это различие является первопричиной современных расхождений между Западом и Востоком по вопросу политики в области прав человека [5]. Опыт стран Юго-Восточной Азии показал, что обеспечение прав человека осуществляется в каждой стране или регионе путем поиска конкретно и успешно действующих форм, методов сценарного прогноза и менеджмента социальных трансформаций, поддерживающих устойчивое развитие. Ряд стран Юго-Восточной Азии обратились к западным технологиям и собственной инновационной деятельности при сохранении тех своих социокультурных основ, которые всегда рассматривались как препятствие на пути перехода этих стран к современному состоянию [4].

В реальности, укрепляя свои социокультурные структуры, обладающие самоорганизующей и самоподдерживающей способностями к саморазвитию, эти государства добились весьма значительных результатов в модернизации общества. Многие ученые, исследующие конфуцианство, признают его либо недемократичным, либо антидемократичным и в значительной степени преувеличивают характерные признаки, препятствующие распространению демократической политической системы в западном понимании. Ф. Фукуяма, анализируя роль конфуцианства в китайском и японском обществах, говорит о реальной способности конфуцианского общества создать жизнеспособные демократические институты.

Он рассматривает области, где конфуцианство явно не противоречит демократии – традиционная конфуцианская система государственных экзаменов для отбора претендентов на должность в государственном аппарате и система образования. Фактически общий уровень образования общества является, по мнению Фукуямы, важной опорой для демократических институтов. Уровень образования, как правило, напрямую связан с благосостоянием людей, а также с признанием их правосубъектности и политического участия. Как большинство этических систем Азии, конфуцианство отличается относительной терпимостью по сравнению с исламом или христианством.

Конфуцианство, делает вывод Фукуяма, ни в коем случае не санкционирует авторитарную политическую систему. Такие конфуцианские социумы, как Япония и Южная Корея, сумели обеспечить большую степень политического участия и индивидуальной свободы, не поступившись своими основополагающими культурными ценностями. Сингапур также демонстрирует, что конфуцианские ценности могут сочетаться и дополняться западными ценностями. Если экономическая модернизация действительно влечет за собой, по мнению Ф. Фукуямы, по требность в повышении статуса личности, то уже следующее поколение граждан Сингапура должно начать активно выступать за расширение политического участия и личной свободы не потому, что это западные ценности, а потому, что они отвечают интересам образованного среднего класса.

Современные конфуцианские социумы по мере роста их благосостояния будут двигаться в направлении большей политической либерализации. Конфуцианские ценности могут служить и в либеральном обществе (как это и происходит в среде иммигрантов из Азии в Соединенных Штатах), где они играют роль противовеса к атомизации общества в целом.

Произошедшие в Юго-Восточной Азии перемены соответствуют такой смене отношений между ценностями и институтами, когда старые ценности явились источником институтов современности (постсовременности).

Наиболее эффективно процесс модернизации происходит в тех цивилизациях традиционного типа, где в верхней части шкалы общечеловеческих ценностей стоят дисциплина, почитание старших, принадлежность к коллективу, где внешний плюрализм уживается с производственным либерализмом.

Именно такими свойствами обладают многие цивилизации Востока. Например, Япония осуществила успешную модернизацию благодаря эффективному использованию таких традиционных ценностей, как община, семья, труд.

Главным препятствием для реформ в Японии считалась община. Японцы показали, что современные демократические цели государства можно провести через общину, обладавшую высокой солидарностью и способную решить такую задачу лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество [6].

Осуществляя развитие на собственной основе, т.е. без требования предварительной смены идентичности, они создали условия, которые через образование, технологию, новые социальные структуры постепенно меняли людей. Таким образом, опыт государств Юго-Восточной Азии показал, что обеспечение прав человека осуществляется путем поиска успешных форм и методов менеджмента социальных трансформаций, направленных на устойчивое развитие. Основанная на принципах конфуцианства и характеризующаяся меньшей степенью индивидуальной свободы и большей степенью социальной дисциплины, «мягкая» авторитарная система привела к ускорению темпов экономического роста и повышению уровня жизни людей.

Вместе с тем, в большинстве азиатских государств так называемое право на развитие превалирует над обеспечением гражданских и политических прав (это проявилось и в развитии постсоветских государств). Немало исследователей отмечают, например, что культурные различия, как бы ни были они реальны и важны сами по себе, все же не более чем вариации одной и той же темы, заданной исконной человеческой природой и условиями социальной жизни. Несмотря на неустойчивость общего понимания политических явлений между людьми, принадлежащими к различным культурам, отличия между ними существуют лишь в рамках общего. Человек, независимо от социально-экономических, этнокультурных, географических и других факторов, решает в разных условиях одни и те же по сути проблемы.

Сегодня ценности свободы и прав человека признаны на всех континентах и должны рассматриваться не как западные ценности, а как общечеловеческие. В последние годы представители и лидеры ООН признавали, что универсальность прав человека, во-первых, не тождественна единообразию; во-вторых, не противоречит, а толерантна к особенностям различных культур; в-третьих, истинно универсальные права проявляются в различных культурах.

Таким образом, различие в подходах к статусу человека – важнейшая причина современных расхождений между Западом и Востоком по вопросу политики в области прав человека. Если на Западе права человека выступают в роли политической доминанты, то на Востоке – социальной доминанты.

Опыт стран Юго-Восточной Азии и ряда постсоветских государств, осуществлявших поиск разных форм социальных трансформаций, показал, что их национальные ценности могут сочетаться и дополняться западными ценностями, и по мере роста благосостояния эти общества способны обеспечить большую степень индивидуальной свободы и политической либерализации.

К сожалению, ряд западных государств практически не прислушиваются к мнениям, отличным от своего. В этих условиях, например, ислам, не получив равного конструктивного голоса в диалоге конфессий современного мира, становится идеологией протеста против доминирования западной цивилизации и культуры [12]. Глобализация, политические и социально-экономические процессы в мире диктуют необходимость корректировки западной концепции прав человека, в т.ч. с учетом опыта восточных государств, особенно полиэтничных [13].

В странах Запада (Франция, Италия, Великобритания и др.) заметно возросло количество мусульманского и другого (неевропейского) населения, которое, с одной стороны, все громче требует развития собственной культуры, а с другой стороны, стремится познавать и рефлексивно оценивать иной образ жизни, иные подходы к организации политической и экономической жизни общества. Встречная направленность Запада от индивидуализма в сторону коллективизма и незападных обществ от коллективизма к индивидуализму создает возможности для осмысления и формулирования оптимального баланса интересов индивида и общества.

Таким образом, восточные общества на основе укрепления социокультурных структур, обладающих самоорганизующейся и самоподдерживающей способностями к саморазвитию, добились весьма значительных результатов в модернизации общества. Восточные общества продемонстрировали опыт реализации прав человека через эффективное использование таких традиционных ценностей, как община, семья, труд. Современные конфуцианские социумы по мере роста их благосостояния будут двигаться в направлении большей политической либерализации.

Обеспечение прав человека в ряде современных восточных обществ осуществляется путем поиска успешных форм и методов менеджмента социальных трансформаций, направленных на устойчивое развитие. Сочетание ценностей восточного общества с западными ценностями, и рост благосостояния населения способны постепенно обеспечить большую степень индивидуальной свободы и политической либерализации. Ценности, свободы и права человека признаются на всех континентах и должны рассматриваться не как западные ценности, а как общечеловеческие. Встречная направленность Запада от индивидуализма в сторону коллективизма и незападных обществ от коллективизма к индивидуализму создает возможности для осмысления и формулирования оптимального баланса интересов индивида и общества.

Список литературы

1. Евменов Л.Ф. Проблемы международной идеологии прав человека: принципы и императивы // *Международное право. Белорусский журнал международного права и международных отношений*. – М., 1998. – № 5. – С. 24–36.
2. Бахмин В.И. Вторая Всемирная конференция по правам человека // *Московский журнал международного права*. – М., 1993. – № 1. – С. 17–21.
3. *Право быть человеком: Всемирная конференция по правам человека* – Вена, 1993. – 244 с.
4. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии*. – М., 2000. – № 4. – С. 31–37.
5. Фукуяма Ф. // *Русский журнал*. – М., 1997.

6. Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // *Философские науки*. – Минск, 1996. – № 1. – С. 16–22.
7. Гусева И.И. *Философия «ухода»: уроки культуры и современность* // *Диалектика. Перестройка. Человек*. – Минск, 1989. – С. 56–62.
8. *Права человека. Основные международные документы*. – М.: *Международные отношения*, 1989. – 157 с.
9. Sokol J. *Tolerance, pluralism and postmodernism* // *Democracy*. 1999.
10. Sartori G. *Pluralismus, multikulturalismus a přistěhovalectví. Eseje multikulturní společnosti*. – Praha, 2005.
11. Нысанбаев А. *Философия взаимопонимания*. -Алматы, 2000. – 568 с.
12. Rorty R. *Nahodilost, ironie, solidarita*. – Praha, 1999. – S. 213.
13. Taylor Ch. *Zkoumani politiky uznání. Multikulturalismus*. – Praha, 2004.

Калиниченко Л.А.

д.соц.н., эксперт Правительства Московской области

Цыбулевская Е.А.

д.полит.н., профессор, Поволжский институт управления

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Ключевые слова:** социально-экономическое развитие России, региональное развитие, социальное государство, политическая власть, модернизация.*

Политическая власть играет ведущую роль в решении всего комплекса проблем социально-экономического возрождения России. Согласно Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, смыслом политических процессов должно стать изменение власти – необходимо «очеловечить», гуманизировать власть, социализировать её – то есть управлять через социальное измерение человеческого блага.

Конституционная приверженность идее и ценностям социального государства в условиях модернизации России обуславливает научную актуальность и практическую значимость теоретической разработки проблем, связанных с рассмотрением социальной сущности и реалий современной власти.

Изучая социум, социальная теория выявляет и осмысливает присущие обществу универсальные закономерности, и посредством научного анализа и прогнозирования оптимизирует пути развития социально-экономических процессов. Принципы и механизмы реальной трансформации власти в направлении социальных приоритетов развития способны превратить Россию в политически развитую социальную систему, повысить качество жизни ее граждан. Но осознавая значение научного анализа для социально-политического развития социума, приходится констатировать, что в настоящее время уровень понимания и инструментарий изучения властных процессов в обществе неадекватен требованиям и запросам российского общества.

Методологическая основа стратегии обновляющейся России нуждается в выработке принципиально новых научных методов объяснения социально-экономических процессов и способов управления. Основной проблемой теоретико-методологических разработок стратегии России является то, что в научном дискурсе далеко не в полной мере раскрыты системные социальные ориентиры и принципы стратегии власти, сопоставимые по притягивающей силе и фундаментальности с Национальной идеей России. Эта проблема может быть раскрыта обществу и решена посредством исследований динамики признания российским обществом долговременных социальных ориентиров и выявления точек общественного согласия; изучения коренной перестройки жизненных ценностей и самосознания россиян.

Исследуя социальные практики властных отношений и модернизационные процессы, а также характеристики власти и элиты, можно корректировать стратегию в российском социуме. Это, в свою очередь, может служить основой для дальнейших изменений: совершенствования механизма эффективности защиты прав человека; оптимизации становления новой российской государственности; комплексной реализации принципа конституционности в «обществе риска».

В соответствии с оценками международных экспертов, по объективным показателям индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) ООН по уровню социально-экономического развития в настоящем Россия занимает промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами.

Всемирным Банком в начале третьего тысячелетия опубликован доклад «Бедность и неравенство», в соответствии с которым в России переходного времени бедняком может считаться каждый пятый. В качестве критерия бедности эксперты Всемирного банка используют показатель дохода в \$2,15 на человека в день – доход, ниже которого начинается абсолютная бедность. По данным исследователей, перед началом рыночных реформ в социалистических странах в условиях абсолютной бедности жило 2% населения. Через десять лет после начала реформ так живет каждый пятый.

В отличие от бедняков из развивающихся стран, «новые бедные» в бывших социалистических странах в большинстве своем хорошо образованны, имели до начала реформ постоянную работу и надеялись на обеспеченную старость. Однако в ходе реформ их знания и навыки оказались ненужными, а чувство личной неудачи приводит их в отчаяние. Именно поэтому, как считают эксперты Всемирного банка, за годы реформ в постсоветских странах снизилась продолжительность жизни, выросло число самоубийств и упала рождаемость.

Главный фактор, свидетельствующий о необходимости реформирования общества – итоги социологических замеров общественного мнения, в целом осознающего необходимость определения «верного пути» и коренных реформ¹.

¹ Данные социологических опросов ВЦИОМ, РОМИР и др. за 1993–2019 гг.

Можно прогнозировать альтернативные выходы из противоречивости статуса и состояния качества жизни россиян:

– отсталость по уровню социально-экономического развития может быть преодолена либо динамичным социально-политическим и экономическим возрождением, – этот вариант развития приведет Россию к достойной жизни ее граждан и сделает Россию участницей клуба развитых стран как действительно высокоразвитого экономического партнера;

– снижение темпов развития может обернуться хроническим социально-политическим и экономическим кризисом, т. е. переходом России в мировую зону слаборазвитости и отсталости;

– возможен кратковременный промежуточный вариант сохранения нынешнего промежуточного положения в течение исторически очень короткого периода, в конце которого неизбежен подъем или упадок.

Усилиями власти России, подкрепленными мировой конъюнктурой на ее природные ресурсы, в какой-то мере снимается формационное противоречие с мировым сообществом. Но мировая конкуренция нарастает; Россия вступила в рыночные отношения капитализма, во многих взаимодействиях она является неопытным новичком, идеологически, политически и экономически играющим на поле соперника.

Мировое сообщество взвешивает Россию на своих взвешивательных весах, зачастую применяя «двойные стандарты». Спектр оценок зарубежных политиков и аналитиков полярно противоположен – от «одной из двух сверхдержав», на одном полюсе; до «Верхней Вольты с ракетами», на другом полюсе, с множеством промежуточных вариантов.

Россия и в эпоху кризисов после развала СССР остается серьезнейшей самостоятельной величиной в мировой политике и экономике. По объективным критериям Россию нельзя относить ни к малым, ни к средним странам. Показателем высокой ответственности России за судьбу мира является ее статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. По оценкам международных военных экспертов, Россия продолжает оставаться крупнейшей ядерной державой, «способной аннигилировать США». Россия – самый привлекательный и мощный источник природных ресурсов для экономики развитых стран. Россия отличается выгодным посредническим геополитическим местоположением, экономическим потенциалом, культурным и научным наследием, конфессиональной терпимостью и готовностью к интеграции в мировое сообщество.

Вместе с тем, непоследовательность и противоречивость реформ рубежа XX и XXI веков ослабляет Россию: потеря социальной защищенности, моральная дискредитация рыночных принципов приводят к определенному отходу населения от поддержки преобразований и росту ностальгии по прежней социальной модели¹.

Необходимо выявить доминирующую причину внутренней нестабильности. В ходе научных конгрессов, методологических семинаров определилась одна из основных причин нестабильности² – нарушение консенсусов «социальной справедливости», которые держат государство; это консенсусы сложного государства. Пролонгированные социологические исследования самоидентификационных установок россиян 1993–2019 годов убедительно свидетельствуют об устойчивости ментальных ценностей: под воздействием внешних факторов и тектонических социально-экономических сдвигов последних двадцати лет конца XX – начала XXI веков происходили фрустрации и флуктуации сознания россиян, но они *вновь возвращались к коренным, выработанным тысячелетиями, русским ментальным установкам «справедливости», «добра» и «зла».*

Нарушение консенсуса образа жизни «верхушки» и народа

«Новые русские» идут в европейский дом, а «старые русские» загоняются в гетто бесправия и нищеты. Первыми «вестернизируются» верхи общества, нарушая принцип единой общенациональной судьбы, общенациональной перспективы. А. Глюксман еще в 1975 году говорил о том, что правящая советская элита потихоньку вестернизировалась: она ведет западный образ жизни, исповедуя западные ценности. Это нарушение консенсуса, согласно данным социологических опросов 1993–2019 гг., четко отражено в общественном сознании и вызывает тотальную дестабилизацию.

Главный вопрос социологических исследований легитимности политической власти: как видит население реальные механизмы социальной стратификации? Согласно данным социологических исследований ВЦИОМ причины богатства современных нуворишей, по убеждениям населения России заключаются в родственных и иных протекционных связях, экономической системе, нечестности богатых, но не в умственных способностях, выдающихся открятиях или упорном труде – эти факторы на последних местах.

Особый отпечаток на жизненное пространство накладывают исторический тип социальных отношений, российский тип национально-культурного развития и современные реалии. Реальные процессы трансформации структур власти и модернизации общества рассматриваются с учетом понимания роли русских как государствообразующего этноса, но утрачивающего свою политическую власть и контроль за основной частью средств производства. Национально-этнический анализ олигархических кланов убедительно демонстрирует этот вывод.

Вместе с тем, исследования последних лет свидетельствуют, что постепенно преодолевается кризис политической гражданской идентичности. В частности, социологические исследования 2010–2019 гг. выявили значительную долю конструктивного позитивизма россиян. Сравнительный анализ результатов исследований позволяет констатиро-

¹ См. социологический опрос ВЦИОМ май-июнь 2019 г.

² Примечательны в этом смысле идеи А.С. Панарина и других участников «круглого стола», см.: Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – М., 1993. – № 2; Тезисы Всероссийских социологических конгрессов.

вать, что динамика самоидентификации граждан России в период переходного времени такова: наблюдается рост среднего числа положительных самоидентификаций у респондентов. Речь идет, прежде всего, об имущественной и политической идентификациях.

Результаты экспертных и массовых опросов, проведенных в субъектах Российской Федерации, свидетельствуют о том, что произошедшие за последние годы институциональные и структурные перемены в сфере административного управления и политической системе российского общества оказали существенное влияние на самоидентификацию граждан, на оценки и установки значительной части населения, связанные с ролью государства в обществе, наконец, на политическую культуру общества в целом.

Разработка стратегии социализации политической власти российского общества связывает сущностные перспективы концептуально-политического процесса с процессом становления в изменяющейся России гражданского общества.

Практические механизмы реализации государственной социальной политики можно проанализировать на примере Краснодарского края. Благоприятный климат и развитая инфраструктура Краснодарского края обуславливает нарастающий поток из северных и столичных регионов не только отдыхающих, но и желающих приобрести постоянное жилье.

Практический опыт Краснодарского края поможет исследовать, как вырабатываются новые региональные политические управленческие подходы к решению проблем единой государственной социальной политики Российской Федерации. Как происходит взаимодействие между государственными и муниципальными органами, между различными политическими и общественными силами. Такое исследование будет способствовать методической помощи для других регионов России.

На основе стратегических государственных целей в Краснодарском крае определяются оперативные задачи – ближайшие к конкретным людям. Это задачи, которые можно и нужно решать в регионе на муниципальном уровне.

Решение социально-экономических стратегических целей и оперативных задач может состоять из разных этапов реализации, приоритетов.

На муниципальном уровне, в конкретных муниципальных образованиях утверждаются на практике приоритеты государственной политики, с помощью различных механизмов реализации.

Механизмы реализации государственной политики необходимо самостоятельно разрабатывать в муниципальных образованиях, согласно исторической специфике и национальным традициям конкретной местности. Методики управленческого анализа качества и эффективности муниципального управления разрабатываются учеными на базе новых теоретико-методологических парадигм¹.

В Краснодарском крае сформирована единая региональная система управления, которая включает управление в муниципальных образованиях. Ответственность за реализацию долгосрочной краевой целевой программы возложена на органы государственной и муниципальной власти и управления.

Но, вместе с тем, органы государственной и муниципальной власти и управления нуждаются в социальных партнёрах для реализации целевой программы гармонизации межнациональных отношений. Необходимость сотрудничества со структурами гражданского общества подчеркивается Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Социальными партнёрами государственной и муниципальной власти могут стать региональные и муниципальные общественные организации, лидеры этнических общностей и бизнес – ассоциации в муниципальных образованиях.

Можно сделать вывод: успех социально-политической модернизации зависит от степени реальной вовлеченности граждан в процессы определения социальной политики.

Список литературы

1. Калининченко Л.А., Адамская Л.В. Местная администрация. – М., 2018.
2. Калининченко Л.А. Качество научного анализа и общественный контроль в муниципальном управлении // Самоуправление. 2013. – № 3.
3. Цыбулевская Е.А. Социализация политической власти в России. – М., 2006.

¹ Калининченко Л.А., Адамская Л.В. Местная администрация. – М., 2018.

*Найден С.Н.,
Белоусова А.В.,
Грицко М.А.¹*

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА²

Ключевые слова: благосостояние, социальное неравенство, экономическая безопасность, валовой региональный продукт, дифференциация, Дальний Восток.

Keywords: welfare, social inequality, economic security, gross regional product, differentiation, Far East.

Благосостояние, являясь одним из важных условий стабильности и устойчивых темпов роста экономики страны, обеспечивает выполнение основного критерия экономической безопасности и регионов, и страны в целом [11]. С другой стороны, достижение безопасности гарантирует «защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное развитие экономического потенциала страны и обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества, его отдельных социальных групп» [12]. При определении уровня социально-экономической безопасности принято оперировать данными в области сохранения устойчивости хозяйственного комплекса, обеспечения функционирования экономики в условиях кризиса и чрезвычайных ситуациях, стабильности социальной ситуации в регионе и т.д. [18].

Для Дальнего Востока рост благосостояния населения и территории в целом становится необходимым условием сохранения и укрепления национальной безопасности на тихоокеанских рубежах страны. Тем не менее, мониторинг региональной экономической безопасности свидетельствует о наличии в регионе угроз, которые сдерживают устойчивое поступательное развитие Дальневосточного макрорегиона.

Анализ благосостояния макрорегиона и населения. Основные показатели развития, в частности, динамика валового регионального продукта (ВРП), как отмечают эксперты, «хотя и имели положительные значения в 2010–2017 гг., но были значительно ниже уровня 2000–2009 гг. Формирование общеэкономического темпа роста происходило на фоне замедления роста в промышленности, строительстве, внешней торговле, социальной сфере» [7; 13]. «Объясняется это в основном практическим исчерпанием потенциала восстановительного периода и связанного с ним потенциала трансформационных бонусов» [17]. Несмотря на сохранение общероссийских тенденций увеличения в структуре ВРП доли производства услуг, «отмечается увеличение доли добывающих отраслей в экономике макрорегиона с 19,1% в 2004–2009 гг. до 27,3% в 2010–2017 гг. Это объясняется как технико-экономическими факторами (ввод в разработку новых месторождений, технические условия эксплуатации существующих месторождений), так и факторами спроса на внешних рынках. Благоприятное сочетание этих факторов позволило сократить период восстановления и сохранить на Дальнем Востоке положительные темпы роста ВРП в кризисный и посткризисный период 2009–2010 гг. Это же стало главным «якорем», удержавшим экономику макрорегиона от резкого спада и в период после 2014 г.» [4].

Исследование взаимосвязи макроэкономических трендов показывает, что в настоящее время в макрорегионе «сохраняется экспортно-сырьевая модель экономики с эксплуатацией транзитных и природно-ресурсных полезных ресурсов региона, позволяющая поддерживать положительные темпы роста в соответствующих отраслях на фоне находящейся в процессе стагнации обрабатывающих и потребительских производств, и сохранением негативных процессов в социально-демографической сфере» [8; 13].

Рост благосостояния населения Дальнего Востока в исследуемый период происходил неоднозначно. Так, за 2000–2017 гг. номинальные денежные доходы дальневосточников выросли в 14,8 раз, но с учетом роста индекса потребительских цен, их реальное содержание увеличилось лишь в 3 раза. Снижение темпов роста номинальной заработной платы после 2012 года даже на фоне замедлившегося роста индекса потребительских цен не смогло обеспечить положительной динамики реального содержания заработной платы, хотя и удержало ее от глубокого падения [9]. Четыре года подряд с 2014 г. по 2017 г. индекс реальной заработной платы не превышал уровень 2013 года. В резуль-

¹ Найден Светлана Николаевна – д.э.н., профессор РАН, гл.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: nayden@ecrin.ru

Белоусова Анна Васильевна к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

Грицко Мария Анатольевна – к.э.н., ученый секретарь, зав. отделом научно-образовательных проектов Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: gritsko@ecrin.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта ДВО РАН № 18-5-045 «Безопасность и устойчивое развитие Дальнего Востока: трансформация системы пространственного распределения экономических ресурсов в условиях социально-демографических вызовов».

тате к началу 2018 года рост номинального размера оплаты труда в макрорегионе составил 15,7 раз по отношению к соответствующему показателю 2000 года (для сравнения в среднем по России рост составил 17,6 раз), а в реальном исчислении – всего в 3,2 раза против 3,5 в целом по стране. Под влиянием кризисных явлений в экономике неуклонно сокращался удельный вес двух основных источников формирования денежных доходов дальневосточников: доля оплаты труда снизилась с 56,1% в 2012 г. до 51,8% в 2017 г., а доля доходов от предпринимательской деятельности – с 11 до 10%. Доля доходов от собственности, хотя и повысилась на 0,6 п.п. (с 2,8 до 3,4%), но в целом не оказала существенного влияния на формирование денежной массы у населения региона. В то же время необходимость в социальной поддержке населения спровоцировала незначительный прирост доли социальных выплат – с 18,9 до 19,4%. Как следствие, население было вынуждено расконсервировать накопленные средства (значительная часть которых предусматривалась для будущих расходов на образование, здравоохранение, культурно-оздоровительные мероприятия, в том числе за пределами Дальнего Востока, где уровень социальной инфраструктуры и ассортимент предлагаемых услуг существенно ограничен по сравнению с западными районами страны) и прибегнуть к другим источникам доходов (включая «скрытую» заработную плату, доходы от продажи валюты, денежные переводы и пр.), доля которых выросла с 11,2% в 2012 г. до 15,4% в 2017 г. [10].

За исследуемый период изменились не только динамика и структура доходов населения, но и их реальное содержание, определяемое на основе показателя их покупательной способности, который оценивает условное количество наборов прожиточного минимума, которое население могло бы приобрести на свои номинальные денежные доходы. Соотнесение покупательной способности денежных доходов в течение сравниваемых периодов характеризует изменение реальных доходов населения.

По номиналу все субъекты Дальнего Востока входят в первую двадцатку самых дорогих регионов страны, но лидирующие позиции удерживают Чукотский АО и Камчатский край, где минимальная стоимость жизни оценивалась в 2017 году, соответственно, в 20 194 и 19438 руб. на человека в месяц, или почти в 2 раза выше, чем в среднем по стране. Немного отстают, но входят в пятерку «самых дорогих» – Магаданская область (17 957 руб.) и Республика Саха (Якутия) (16 554 руб.).

Для 7 из 9 территорий Дальнего Востока покупательная способность доходов населения остается ниже, чем в среднем по России, исключение составляют только Чукотский АО и Сахалинская область, где формируются высокие среднедушевые денежные доходы населения (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение доходов и стоимости жизни

Территория	Отношение к прожиточному минимуму					
	среднемесячной начисленной заработной платы		среднемесячных начисленных пенсий		среднедушевых денежных доходов	
	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Российская Федерация	3,68	3,88	1,34	1,36	3,33	3,11
Дальний Восток*	3,21	3,57	1,10	1,14	2,58	2,70
Республика Саха (Якутия)	3,14	3,76	1,13	1,12	2,52	2,40
Камчатский край	3,02	3,39	1,00	1,06	2,28	2,18
Приморский край	3,27	3,07	1,15	1,08	2,58	2,67
Хабаровский край	2,64	3,24	1,03	1,19	2,62	2,88
Амурская область	3,00	3,30	1,07	1,17	2,03	2,71
Магаданская область	4,01	4,22	1,32	1,15	3,05	2,99
Сахалинская область	4,03	5,01	1,14	1,28	3,46	3,56
Еврейская авт. обл.	2,97	2,75	1,10	1,03	2,31	1,87
Чукотский авт. округ	4,22	4,56	1,24	1,30	3,43	3,51

* Рассчитано авторами по: [5; 14].

Покупательная способность заработной платы в дальневосточных субъектах традиционно отстает от средних российских показателей за исключением трех территорий (Чукотского АО, Магаданской и Сахалинской областей), где в сфере оплаты труда сильно влияние природно-ресурсных и добывающих отраслей. Из растущего тренда выпадают Приморский край (3,07 в 2017 г. против 3,27 в 2010 г.) и Еврейская автономная область (2,75 против 2,97), где покупательная способность оплаты труда даже в условиях ее положительной, но замедленной динамики, снизилась. Покупательная способность пенсий крайне неустойчива и балансирует на грани минимальной стоимости жизни: в среднем по Дальнему Востоку всего 1,14 наборов прожиточного минимума, что не может быть признано достаточным для поддержания достойного уровня жизни в условиях сурового климата и значительной удаленности от развитых центральных районов страны.

Таким образом, несмотря на рост покупательной способности доходов населения в отдельных субъектах Дальнего Востока, по отношению к стоимости прожиточного минимума эти показатели продолжают оставаться значительно ниже, чем в среднем по России и, самое главное, значительно ниже, чем в тех регионах страны, куда в основном предпочитают мигрировать дальневосточники.

Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума к 2018 году составила 950,6 тыс. чел. или 15,5% от общей численности населения Дальнего Востока (для сравнения в среднем по России доля бедного населения – 12,9%). При более высоком, чем в среднем по стране удельном весе бедного населения в общей числен-

ности, степень неравенства по уровню доходов в субъектах Дальнего Востока остается ниже, чем в среднем по стране (табл. 2).

Таблица 2

Дифференциация доходов населения

Территория	Коэффициент фондов, раз		Коэффициент Джини	
	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Российская Федерация	16,6	15,2	0,421	0,409
Республика Саха (Якутия)	14,4	14,0	0,401	0,397
Камчатский край	11,9	9,6	0,374	0,344
Приморский край	12,8	12,3	0,386	0,380
Хабаровский край	12,9	12,7	0,387	0,384
Амурская область	11,3	13,8	0,367	0,396
Магаданская область	15,0	12,7	0,408	0,384
Сахалинская область	15,8	15,3	0,415	0,410
Еврейская авт. обл.	12,1	9,8	0,378	0,347
Чукотский авт. округ	14,8	14,1	0,406	0,398

Составлено по: [5; 14].

Тем не менее, сохранение социального неравенства в условиях Дальнего Востока остается проблемой номер один в борьбе за экономический рост и поддержание экономической и политической безопасности. Нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц утверждает, что «неравенство есть причина и следствие провалов политической системы, и именно оно ведет к росту нестабильности нашей экономической системы». За нестабильностью, по его мнению, следует несправедливость: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» [16]. Вопросы соотношения экономических и социальных последствий расширяющегося неравенства остаются актуальными до сих пор [2; 3; 19]. «До тех пор, пока мы будем игнорировать необходимость решения проблемы неравенства, урон, который она будет наносить нашему общественному устройству и политической жизни, будет продолжать беспокоить нас» [15, с.60]. В конечном итоге стремительно увеличивается социальное неравенство, нарастает социальная напряженность, возникает угроза безопасности. Именно поэтому, несомненный интерес представляет выявление связи между динамикой неравенства и экономическим ростом, или, другими словами, оценка влияния социального неравенства на рост благосостояния, которое, в конечном итоге, способствует укреплению экономической безопасности¹.

Информация, методы и результаты. Для проверки гипотезы о возможности рассмотрения социального неравенства в качестве ингибитора роста благосостояния региона используются методы эконометрического моделирования. В качестве объекта исследования выступает Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Период исследования составляет 16 лет (с 2002 г. по 2017 г.)

Для построения и оценки статистически качественных моделей объект исследования представляется в дезагрегированном виде в соответствии с административно-территориальным делением РФ: девятью субъектами РФ (Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская, Еврейская автономная области, Чукотский автономный округ). Оперирование данными по указанным территориям позволяет увеличить исходный массив до 144 наблюдений, организовав панельно-временную структуру выборки.

В качестве показателей регионального благосостояния рассматриваются: объем валового регионального продукта (ВРП), среднедушевой денежный доход населения, оборот розничной торговли; в качестве характеристик социального неравенства – коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), численность населения со среднедушевым доходом ниже величины прожиточного уровня (в процентах от общей численности населения региона).

Для корректности проведения межрегиональных сопоставлений наборы показателей, характеризующих благосостояние, рассчитываются с учетом численности населения региона (душевое представление) и корректируются на показатели региональных удорожаний. В качестве последних для ВРП и оборота розничной торговли выступают сравнительные оценки стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, для денежных доходов – прожиточный минимум².

Базовая модельная конструкция представляется в виде многофакторной модели линейного типа (1).

$$y_{it} = \sum a_k x_{itk} + b \quad (1),$$

где y – показатель благосостояния региона; x – характеристика социального неравенства; i – субъекты РФ, входящие в состав ДФО, $i=1..9$; t – время, $t=2002...2017$; a , b – оцениваемые коэффициенты; k – число факторных признаков.

Количественный анализ уравнения (1) позволяет получить оценки изменений благосостояния региона, индуцированные изменениями социального неравенства. Так, коэффициент a_k показывает, на сколько в среднем изменится значение показателя благосостояния регионов ДФО при единичном изменении значений k -той характеристики соци-

¹ Подобные оценки в свое время предпринимал С. Кузнец, который, правда, признавал, что опытным путем доказать влияние неравенства на экономический рост очень трудно, что лишь на 5% это соотношение подтверждается эмпирически [20, с. 26].

² Именно наличием информации по двум корректирующим показателям обусловлено начало временного периода исследования, а именно, с 2002 года, когда Росстат стал регулярно публиковать по ним информацию.

ального неравенства. Коэффициент b показывает влияние иных, отличных от дифференциации доходов населения, факторов, под действием которых формируются показатели благосостояния ДФО.

Предлагаемый вариант формализации влияния социального неравенства на благосостояние региона (1), предполагающий работу с пространственно-временной выборкой (панельной структурой), обуславливает расширение аналитических и прогностических свойств используемых модельных конструкций. Так, в частности помимо моделей общей регрессии, оцениваемых с использованием обычного или взвешенного метода наименьших квадратов, становится возможным получение оценок их модификаций – моделей с фиксированными эффектами. Последние представляют собой специфичные для каждого из объектов наблюдения факторы, определяющие результирующий признак.

Сказанное выше означает, что в случае оценки зависимостей динамики регионального благосостояния от «уровня» внутреннего социального неравенства в «контексте» иных подобных территориальных образований и с учетом особенностей последних, модельная конструкция (1) трансформируется в (2).

$$y_{it} = \sum_k x_{itk} + b_i + b' \quad (2),$$

где b , b_i – искомые коэффициенты.

Таким образом, единый для всех регионов выборки коэффициент b , присутствующий в модели (1), дезагрегируется на две составляющие: одна из которых – опять-таки является единой (постоянной) для всех регионов, а другая – специфичной. При этом, как видно из (2), выделенные элементы свободного члена регрессии (b , b_i) не входят в слагаемые, содержащие экзогенные признаки, а следовательно, определяют совокупное влияние факторов, отличных от учтенных в модели.

Количественный анализ всех рассмотренных выше модельных конструкций осуществлялся посредством специализированного программного обеспечения – эконометрического пакета для ПВЭМ «Econometric Views».

Отдельные результаты оценок представлены в таблице 3.

Таблица 3

Соотношение изменений ВРП от коэффициента Джини в ДФО

Общая регрессия (9 регионов)				Модель с фиксированными эффектами (9 регионов)				Модель с фиксированными эффектами (4 региона)			
a	b'	b _i	R ²	a	b _i	b'	R ²	a	b _i	b'	R ²
685,5	-231,9		0,48	403,7 (7,91)			0,71	809,4 (6,52)			0,76
(11,4)	(-10,0)				Субъект РФ*				Субъект РФ*		
Общая регрессия (4 региона)				1	-122,31			3	-283,09		
a	b'	b _i	R ²	2	-127,68			4	-289,57		
1085,6 (9,4)	-388,4 (-8,5)		0,59	3	-130,98			7	-259,42		
				4	-132,74			9	-280,80		
				5	-128,61						
				6	-125,53						
				7	-95,51						
				8	-130,17						
				9	-117,53						

Источник: расчеты авторов. Примечание: 1) в скобках указаны значения t-статистики; 2) *: 1 – Республика Саха (Якутия); 2 – Камчатский край; 3 – Приморский край; 4 – Хабаровский край; 5 – Амурская область; 6 – Магаданская область; 7 – Сахалинская область; 8 – Еврейская автономная область; 9 – Чукотский автономный округ.

Обсуждение и выводы. Переход от многофакторных моделей к однофакторным обуславливается присутствием тесной перекрестной корреляционной связи между экзогенными переменными: коэффициентом Джини и коэффициентом фондов – 0,99; коэффициентом Джини и долей населения с доходами ниже прожиточного уровня – -0,81; коэффициентом фондов и долей населения с доходами ниже прожиточного уровня – -0,78.

Данные таблицы 3 являются доказательной базой гипотезы о существовании связи между динамикой регионального благосостояния и неравенством населения по доходам: на примере ДФО идентифицированы статистически значимые модельные конструкции, связывающие соответствующие показатели.

Так, выявлена положительная связь динамики ВРП и коэффициента Джини. К примеру, в случае общей регрессии, построенной для 9-ти дальневосточных субъектов РФ, увеличение коэффициента Джини на 0,01 единицы своего измерения обуславливает увеличение показателя ВРП, скорректированного для межрегиональных сопоставлений, на 6,86 единицы.

Учет фиксированных эффектов позволяет повысить характеристики статистического качества модели (значение коэффициента детерминации увеличивается с 0,48 до 0,71). Данное обстоятельство свидетельствует о важности присутствия в модельной конструкции переменных, формализующих особенности экономики каждого региона (дезагрегация свободного члена уравнения). Выявленные значения фиксированных эффектов свидетельствуют о наличии в каждом из дальневосточных субъектов РФ факторов, отличных от учтенных характеристик социального неравенства и оказывающих отрицательное воздействие на благосостояние. При этом наименьшее влияние данных факторов фиксируется в Сахалинской области (-95,51), а наибольшее – в Хабаровском крае (-132,74).

При построении и оценке зависимостей динамики ВРП от характеристик социального неравенства в отдельности для каждого дальневосточного субъекта РФ статистическая значимость соответствующих модельных конструкций как в целом, так и на уровне их коэффициентов наблюдается только для 4 регионов: Приморского края (значение коэффициента детерминации – 0,84), Амурской (0,66), Сахалинской (0,72) и Еврейской автономной областей (0,59). Во всех соответствующих моделях так же, как и в случае использования панельной структуры данных, коэффициент, стоящий при коэффициенте Джини, принимает значения, превосходящие нулевое.

Количественный анализ уравнений типа (1) и (2) на основе данных, относящихся исключительно к 4 вышеуказанным регионам, обусловил рост статистического качества оценок. Так, в случае модели общей регрессии коэффициент детерминации вырос с 0,48 до 0,59, а в случае модели с фиксированными эффектами – с 0,71 до 0,76. При этом изменение влияния коэффициента Джини на динамику ВРП возрастает примерно в 2 раза.

Отдельный интерес представляет также ранжирование дальневосточных субъектов РФ по силе влияния характеристик социального неравенства на благосостояние региона. Так, для ВРП – ключевого показателя экономики – коэффициент Джини оказывает наибольшее влияние на его изменение в Сахалинской области: при увеличении независимой переменной на 0,01 единицы своего измерения, результирующий признак меняется на 15,74. Наименьшее влияние изменение коэффициента Джини на благосостояние региона оказывает в Амурской области (коэффициент регрессии принимает значение 132,36). В Приморском крае и в Чукотском автономном округе значения коэффициентов при индексе Джини равны 242,89 и 724,53 соответственно.

Поскольку в рамках настоящей работы коэффициент Джини является характеристикой социального неравенства, измеренного по среднему душевому доходу, то выявленные ранее зависимости означают, что увеличение дифференциации доходных показателей жителей округа обуславливает рост благосостояния региона (как частный случай – оцениваемого посредством ВРП), а снижение дифференциации – сокращение благосостояния. Полученные результаты являются весьма нетривиальными, поскольку нивелирование социальных различий, как правило, ассоциируется со снижением уровня бедности и, как следствие, с ростом ВРП, рассматриваемого в качестве совокупного доходного показателя региона.

В действительности же процесс снижения дифференциации доходных показателей домохозяйств может обуславливаться разными причинами. При выборе в качестве измерителя неравенства коэффициента Джини, стремление его значения к единице может быть обусловлено, к примеру, ростом концентрации совокупного дохода у более обеспеченной части населения. При этом доходные показатели менее обеспеченной части населения могут оставаться постоянными или характеризоваться убывающим трендом.

Для идентификации условий, при которых социальное неравенство обуславливает рост благосостояния регионов ДФО, обратимся к зависимостям, связывающим ВРП и иные показатели дифференциации населения по доходам. Исходя из описанных выше корреляционных связей между используемыми в работе показателями, очевидно, что коэффициент регрессии в зависимостях динамики ВРП от значений коэффициента фондов превосходит нулевое значение, а в зависимостях ВРП от доли населения с доходами ниже прожиточного уровня – оказывается отрицательным.

Так, при увеличении коэффициента фондов на 1 единицу, ВРП, рассчитанный на душу населения и скорректированный на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, увеличивается на 7,99 единиц. Поскольку коэффициент фондов представляет собой соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения, то причины роста его значения так же, как и социального неравенства, являются вариативными (к примеру, постоянство доходов 10% наиболее обеспеченного населения и сокращение доходов 10% наименее обеспеченного населения; рост доходов 10% наиболее обеспеченного населения и постоянство (сокращение) доходов 10% наименее обеспеченного населения)

Наибольшую ясность при идентификации условий сокращения социального неравенства вносит анализ зависимостей между ВРП и удельным весом населения, доходы которого ниже прожиточного уровня. При увеличении (уменьшении) доли соответствующего населения, к примеру, на 1%, значение ВРП падает (увеличивается) на 0,67. Сопоставление данных оценок и соотношений, описанных выше, обуславливает следующий вывод: увеличение благосостояния регионов Дальнего Востока обеспечивается «сосредоточением» основной массы совокупного дохода у более обеспеченной части населения.

Аналогичная с точки зрения математической науки ситуация складывается в отношении покупательной способности населения и оборота розничной торговли: наблюдается отрицательная связь с долей населения, доходы которого ниже прожиточного минимума, и положительная связь с коэффициентами Джини и фондов. При этом с точки зрения экономического смысла, выявленные соотношения в некоторой степени повторяют ситуацию с динамикой ВРП дальневосточных субъектов РФ: снижение социального неравенства, обусловленное увеличением доли наименее обеспеченного населения (увеличением доли совокупного дохода у наиболее обеспеченной части населения), генерирует рост показателей регионального благосостояния.

В отношении покупательной способности населения изменение коэффициента Джини на 0,01 единицу своего измерения приводит к изменению результирующего признака на 0,3. Зависимость между покупательной способностью и коэффициентом фондов имеет смысл исключительно при учете факторов, специфичных для каждого региона. Соответствующая модельная конструкция демонстрирует следующее соотношение: при изменении коэффициента фондов на 1 единицу покупательная способность изменяется на 0,3. И, наконец, изменение доли населения с доходами ниже прожиточного уровня на 1% приводит к изменению покупательной способности населения регионов ДФО на –0,07 единицы.

Спецификации модельных конструкций, связывающих оборот розничной торговли и показатели социального неравенства, аналогичны случаю покупательной способности. Изменение коэффициента Джини на 0,01 единицу обу-

словливает изменение оборота на 0,7 единиц; изменение коэффициента фондов на 1 единицу – изменение оборота торговли на 1,03; изменение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума на 1% – изменение оборота торговли на –0,18.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает наличие связи между динамикой социального неравенства и региональным благосостоянием. В то же время их взаимовлияние не является однозначным. Если по мере улучшения экономической ситуации, роста создаваемого регионального продукта и увеличения оборота розничной торговли, с одной стороны, происходит сокращение численности бедного населения и снижается социальное неравенство, то, с другой стороны, растут доходы собственников и наиболее высокооплачиваемых работников, участвующих в наращивании экономического потенциала регионов, тем самым увеличивается разрыв между богатыми и бедными дальневосточниками. Следовательно, вопрос нивелирования социального неравенства заключается в механизме перераспределения получаемых доходов и соблюдения принципов социальной справедливости для всех участников регионального экономического процесса.

Список литературы

1. Белоусова А.В., Грицко М.А. Благосостояние населения: оценка пространственной неоднородности (на примере субъектов ДФО) // Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы: Тезисы IX Всероссийской научной конференции молодых ученых. Биробиджан, 03–04 октября 2017 г. / Под ред. Е.Я. Фрисмана. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН; ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2017. – С. 38–41.
2. Воейков М.И. К проблеме социально-экономического неравенства: экономическое и социальное // Вопросы теоретической экономики. 2017. – № 1 (1). – С. 8–21
3. Григорьев Л.М. Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. – № 3 (31). – С. 160–169.
4. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. – Т. 5, № 5. – С. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25.
5. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) / ФСГС России. – <https://fedstat.ru/>
6. Исаев А. Инструменты политики экономического развития Дальнего Востока в контексте региональной экономической безопасности // Регионалистика. 2018. – Т. 5, № 6. – С. 70–82. DOI: 10.14530/reg.2018.6.70
7. Минакир П. Экономический рост и развитие: региональное приложение // Федерализм. 2013. – № 2. – С. 49–62.
8. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. – Т. 12, № 1. – С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.3
9. Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 4. – С. 5–28.
10. Найден С.Н., Грицко М.А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. – № 4 (56). – С. 104–111.
11. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208.
12. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / Под ред. Е. А. Олейникова. – М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. – 288 с.
13. Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. – № 2. – С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010–2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2010–2018. – <http://www.gks.ru/>
15. Стиглиц Дж. Неравенство тормозит восстановление // Мир перемен. – М., 2013. – № 1. – С. 58–62.
16. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 255 с.
17. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка // Вопросы экономики. – М., 2018. – № 6. – С. 5–28.
18. Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Анализ подходов к оценке региональных процессов формирования социально-экономической безопасности // Экономика региона. 2016. – Т. 12, № 3. – С. 654–669. DOI: 10.17059/2016-3-4
19. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. – М., 2018. – Т. 27, № 2. – С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35.
20. Kuznets S. Economic growth and Income inequality // The American Economic Review. 1955. – Vol. 45, N 1. – P. 26.

Попова Л.А.

д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
popova@iespn.komisc.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: человеческий капитал, социальное расслоение, средний класс, доходы, уровень образования, самоидентификация со средним классом, Республика Коми.

Keywords: human capital, social stratification, middle class, income, level of education, self-identification with the middle class, Komi Republic.

Получившая развитие более полувека назад теория человеческого капитала изучает процессы накопления и использования качественных характеристик людских ресурсов. В широком смысле слова человеческий капитал – это интенсивный производительный фактор развития экономики, общества и семьи, включающий образованную часть трудовых ресурсов, знания, инструментальный интеллектуального и управленческого труда, среду обитания и трудовой деятельности, которые обеспечивают его эффективное и рациональное функционирование как производительного фактора развития. В узком смысле – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка¹.

Человеческий капитал общества неоднороден. Одной из наиболее острых проблем современной России является социальное расслоение. Переход к рыночной экономике расколол прежде достаточно однородный российский социум на два полюса: стремительно богатеющий верхний слой и угрожающе расширяющийся нижний слой, охвативший значительную часть работающего населения. В стране вошел в оборот термин «работающие бедные»². Во второй половине 1990-х годов работающие составляли не менее половины россиян, оказавшихся в положении бедных, в отдельные периоды их доля превышала половину³. В то же время наиболее значимым для развития общества с точки зрения накопления и качественного воспроизводства человеческого капитала является средний класс, становление которого на протяжении трех десятилетий рыночных преобразований происходит в России с большим трудом, и прогнозы которого до сих пор выглядят неутешительными.

В каждом регионе страны средний класс имеет свои параметры, специфику внутренней структуры, внутрирегиональную дифференциацию, особенности воспроизводства, которые определяются целым рядом факторов: отраслевой структурой экономики, возможностями для развития малого и среднего бизнеса, развитостью системы образования, демографическим прошлым и настоящим, особенностями самосохранительного поведения населения, традициями воспитания детей, культурными ценностями и пр. Важность исследования масштабов и структуры среднего класса в регионах России, возможностей и способов его расширения в условиях начавшегося сокращения количественных характеристик ресурсов труда и необходимости модернизации экономики России для обеспечения ее конкурентоспособности определяют актуальность обращения к данной проблеме. Представленная статья посвящена оценке параметров среднего класса в Республике Коми.

Средний класс – это основная составляющая производительных сил общества, способная напряженно трудиться, осваивать новые знания, заниматься творчеством, воспитывать новое поколение и т.д. Это главная движущая сила модернизации общества, поскольку его представители обладают значительным креативным потенциалом и высокой социальной активностью, характеристиками, играющими важную роль в формировании высококачественного человеческого капитала, необходимого для становления инновационной экономики. Средний класс объединяет в себе высококвалифицированные кадры, отличающиеся профессионализмом, имеющие стабильный доход, который они тратят на приобретение наилучших по соотношению цена/качество товаров и услуг, тем самым формируя своим спросом рынок и стимулируя развитие промышленности и сферы услуг⁴.

¹ Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб., 1999. – С. 39.

² Радаев В.В. Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. – М., 2000. – № 8. – С. 28–36.

³ Milanovic B. Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy. – Washington (D.C.): The World Bank, 1998.

⁴ Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 4 (34). – С. 114.

Понятие среднего класса довольно широко употребляется с XIX века, но в социологическую лексику оно вошло в 1920-е годы. Во второй половине XX века идея среднего класса получила значительное распространение в западной социологии. В результате развития научно-технической революции и диффузии собственности в ходе реформ в США и других промышленно развитых странах произошло сокращение доли неимущих слоев населения. Для основной массы населения стал характерным сопоставимый уровень доходов¹. При переходе общества в индустриальную и особенно постиндустриальную стадию развития средний класс становится массовым явлением. Его расширение и становлению способствуют развитие технологий и третичного сектора экономики, а также особого типа государства («социальное государство» и «Welfare State»)².

Средний класс – это своего рода буфер между бедными и богатыми слоями общества. Он выполняет интерактивную функцию «социального медиатора» ввиду его промежуточной позиции между верхами и низами общества, выступает социальным стабилизатором общества ввиду его сравнительно высокой материальной обеспеченности, выполняет роль главного агента технологического и социально-экономического прогресса ввиду высокой интеллектуальной квалификации, является носителем общественных интересов и национальной культуры³. Устранение разрыва между очень богатыми и очень бедными слоями населения, увеличение численности среднего класса способствует устойчивости общественного развития, преодолению отчуждения между людьми.

Признание важной роли и понимание необходимости формирования и поддержки среднего класса пока не способствовало разработке четкого теоретико-методологического подхода к его определению и оценке его масштабов⁴. Разные коллективы исследователей пользуются различными подходами к трактовке этого понятия. Тем более что в современном обществе происходит дифференциация самого среднего класса. Начиная с 1980-х годов в западной социологии средний класс рассматривается как совокупность качественно различных социальных групп⁵. «Старый средний класс» составляют мелкие предприниматели, а «новый средний класс» состоит из высокооплачиваемых и среднеоплачиваемых наемных работников, как правило, занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает менеджеров и высококвалифицированных специалистов. К низшему слою относятся учителя, врачи, офисные служащие и т.д. Численность «старого среднего класса» (класса собственников) сокращается, а доля «нового среднего класса» растет⁶. При другом подходе подгруппы среднего класса выделяются в зависимости от типов располагаемых ресурсов: предприниматели (обладающие экономическими активами), менеджеры (административными активами) и профессионалы (располагающие культурными активами)⁷.

На фоне усиления гетерогенности среднего класса западными исследователями рассматривается отражающая переход к постиндустриальному обществу тенденция сокращения его масштабов в результате медленного роста среднего сегмента занятости при быстром росте верхнего и нижнего сегментов. Отмечается, что средние и нижние слои среднего класса в отличие от верхних теряют устойчивость своего положения на рынках труда, их ресурсная база сжимается, что усиливается современной экономической и социальной политикой стран Запада⁸. Тенденция размывания среднего класса в развитых странах актуализирует вопрос о судьбе среднего класса в новом миропорядке и способствует тому, что все чаще начинают звучать голоса о «смерти» среднего класса, как, впрочем, о смерти классов вообще⁹. Однако изучение среднего класса по-прежнему актуально: от исследования отдельных его сегментов («новый» средний класс, «профессионалы», «информационные работники» и пр.) в развитых странах до определения среднего класса на глобальном уровне¹⁰.

Существует несколько вариантов определения численности среднего класса, отличающихся содержанием используемых для оценки критериев. Набор этих критериев довольно широк, однако основой для отнесения к среднему классу является материальное положение и уровень образования, а также профессиональный статус, вовлеченность в общественную и культурную жизнь. Российскими исследователями применяются примерно те же критерии отнесения к среднему классу, что и на Западе: средний уровень благосостояния и постоянные источники дохода; высокий уро-

¹ Ковригин Б.В., Синицына Т.И. К проблеме теории среднего класса: история и современность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 1 (31). – С. 140.

² Тихонова Н.Е., Мареева С.Е. Средний класс: теория и реальность. – М., 2009. – С. 26.

³ Заславская Т.И., Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. – № 4. – С. 8–22.

⁴ Соловьева Т.С., Шабунова А.А. Средний класс в регионах СЗФО: возможности расширенного воспроизводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 4 (34). – С. 115.

⁵ Тихонова Н.Е., Мареева С.Е. Средний класс: теория и реальность. – М., 2009. – С. 26.

⁶ Средний класс в современной России. – М., 2008. – 320 с.

⁷ Savage M. et al. Property, Bureaucracy and Culture: Middle-class Formation in Contemporary Britain. – L.; N. Y.: Routledge, 1992.

⁸ Blanchard E., Willmann G. Trade, education, and the shrinking middle class // Journal of International Economics. 2016. – Vol. 99. – P. 263–278; Wright E.O., Dwyer R. The patterns of job expansions in the USA: a comparison of the 1960s and 1990s // Socio-Economic Review. 2003.

⁹ Тихонова Н.Е., Мареева С.Е. Средний класс: теория и реальность. – М., 2009. – С. 26.

¹⁰ Dabla-Norris E., Kochhar K., Suphaphiphat N., Ricka F., Tsounta E. Causes and Consequences of Income Inequality: a Global Perspective / IMF Staff Discussion Note. 2015. – <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2015/sdn1513.pdf>; Lakner C., Milanovic B. Global income distribution: from the fall of the Berlin Wall to the Great Recession // World Bank Economic Review. 2015. – <http://wber.oxfordjournals.org/content/early/2015/08/12/wber.lhv039>; Milanovic B., Yitzhaki S. Decomposing World Income Distribution: Does the World Have a Middle Class? // Review of Income and Wealth, International Association for Research in Income and Wealth. 2002. – Vol. 48, N 2. – P. 155–178.

вень образования и профессиональной квалификации; значительный уровень мобильности (в том числе и внутри среднего класса); стремление к общественной стабильности (менталитет этого слоя общества предполагает реформизм, индивидуализм, поддержку существующего режима)¹.

В зависимости от методов оценки численность среднего класса в России оценивается от 3% («идеальный средний класс») до 30–60% («перспективный средний класс»)². Согласно исследованиям Института социологии РАН, в 2003–2008 гг. средний класс составлял в России 29% населения, затем в период кризиса 2008 г. «усох» до 26%, а затем снова пошел в рост и к 2014 г. достиг 42% россиян³. В промышленно развитых странах он составляет, как правило, большинство населения (от 60 до 70%)⁴. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. поставлена цель достичь представительства среднего класса не менее 55–60% населения Российской Федерации⁵.

В современной социологии различают несколько подходов к определению среднего класса: объективный (он может быть на основе уровня материального благосостояния или на основе объема, типа и структуры капитала, которым располагает тот или иной человек, домохозяйство, класс и т.д., т.е. ресурсный подход), субъективный (на основании самоотнесения людей к среднему классу) и их комбинация. Наиболее продуктивной нам представляется комбинация объективного и субъективного подходов. Так, в исследованиях Института социологии РАН средний класс определяется по четырем критериям: уровень образования (наличие как минимум среднего специального), уровень благосостояния (доход не ниже средних цифр для данного поселения, количество товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом), профессиональный статус (человек занят не физическим трудом) и «самоидентификация», когда свой статус в обществе человек оценивает не ниже, чем на четверку по 10-балльной шкале, а накопленный им «человеческий капитал» (опыт, связи, средства, возможности и пр.) приносит доход, позволяет найти работу, обеспечить семью, быть здоровым и радоваться жизни на досуге⁶. Еще более удобной для применения является методика, разработанная в Институте философии РАН⁷ в соответствии с Типовой методикой ООН, которая определяет границы среднего класса на основе пересечения трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, материального достатка на уровне обеспеченных и зажиточных, уровня образования не ниже среднего специального. Высокий профессиональный статус в значительной степени обуславливается уровнем образования, а низкий профессиональный статус при высоком образовании не обеспечивает должного уровня доходов. Единственной, на наш взгляд, методологической проблемой является конкретное определение уровня материального благосостояния, подходящего для отнесения к среднему классу. В то же время вариативность выбора исследователем того или иного уровня достатка дает возможность оценить параметры разных слоев среднего класса.

Уровень материального благосостояния складывается из уровня душевого дохода, наличия определенного набора дорогостоящего имущества (автомобиль, оборудованное техникой жилье), возможности приобретать платные социальные услуги (образование, медицина), способности путешествовать по миру (поездки за границу на отдых). В Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. критериями среднего класса являются среднедушевой доход свыше шести прожиточных минимумов, наличие автомобиля, банковские сбережения, возможность регулярного отдыха за границей⁸. Однако на региональном уровне ситуация складывается по-разному, поэтому применение одинакового критерия материальной обеспеченности для всех регионов едва ли целесообразно, если только речь не идет о межрегиональных сравнениях. Возможно, в региональных исследованиях более продуктивным является подход, основанный на выборе среднего для конкретного региона уровня благосостояния. Например, в исследованиях, с 2008 г. регулярно проводимых Институтом социально-экономического развития территорий РАН (в настоящее время Вологодский научный центр РАН), с учетом среднего уровня доходов населения Вологодской области был разработан свой алгоритм выявления представителей среднего класса, включающий следующие критерии: среднемесячный доход 2,5 прожиточного минимума на одного человека, самооценка доходов («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды», «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей»), уровень образования не ниже среднего специального, должностной статус (рабочий, специалист, руководитель)⁹. В исследованиях Института социологии РАН, как уже отмечалось, уровень благосостояния определяется доходом не ниже средних цифр для данного поселения и количеством товаров длительного пользования не меньше, чем у населения в целом¹⁰.

¹ Здравомыслов А.Г. Средний класс // Новая философская энциклопедия. – М., 2000.

² Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. – М., 2008. – № 1. – С. 28–36.

³ Средний класс в современной России: 10 лет спустя. – М., 2014. – 215 с.

⁴ Ковригин Б.В., Синецына Т.И. К проблеме теории среднего класса: история и современность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 1 (31). – С. 141.

⁵ О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. – С. 7.

⁶ Средний класс в современной России: 10 лет спустя. – М., 2014. – 215 с.

⁷ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: десять лет постсоветского развития. – М., 2001. – 183 с.; Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовая инструментарий «Социокультурный портрет региона» (Модификация – 2010). – М., 2010; Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. – М., 2009. – 808 с.

⁸ О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. – № 47.

⁹ Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты. – Вологда, 2012. – С. 51.

¹⁰ Средний класс в современной России: 10 лет спустя. – М., 2014. – 215 с.

Формирование среднего класса неразрывно связано с повышением уровня и качества жизни населения. Качество жизни – это комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе¹. В современных условиях повышение качества жизни населения практически повсеместно признано одной из приоритетных задач. Это целевой критерий социально-экономического развития страны². Он включен в стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, в которой сказано, что повышение качества жизни российских граждан должно происходить путем гарантирования личной безопасности и высоких стандартов жизнеобеспечения³.

Функцию меры уровня и качества жизни населения часто выполняет показатель валового внутреннего продукта на душу населения (либо валового регионального продукта, если речь идет о сравнении регионов России)⁴. При таком подходе Республике Коми можно охарактеризовать как регион с высоким уровнем и качеством жизни, поскольку значение валового регионального продукта на душу населения здесь неизменно выше среднероссийского. В то же время применение методик с более разнообразным набором индикаторов, как правило, относит регион к менее благополучным. Так, согласно методике индексной оценки качества жизни населения российских регионов, в основу которой заложена четырехкомпонентная структурная модель (здоровье населения, уровень жизни, рынок труда и безопасность жизнедеятельности), отражающая наиболее значимые в экономическом плане проблемные области и позволяющая производить региональные сопоставления по доступным статистическим данным, Коми относится к группе регионов с низким качеством жизни (значение ниже медианы, но выше чем 75% от среднероссийского)⁵. В типологии российских регионов по качеству жизни, произведенном в двумерном пространстве «уровень развития – динамика развития» на основе безмерных балльных оценок по 10 показателям, нормированным по отношению к средневзвешенным значениям показателей по регионам России, Республика Коми попала в худшую группу территорий с пониженным уровнем и динамикой роста качества жизни населения по сравнению со средними значениями по России⁶.

Понятия «уровень жизни» и «качество жизни» не идентичны, хотя многие исследователи используют эти термины как синонимичные⁷. Уровень жизни населения, являющийся важнейшей составляющей качества жизни, во многом определяется обеспеченностью благами и услугами, достигнутым уровнем их потребления⁸. Понятие «качество жизни» является более широким и включает также такие объективные и субъективные факторы, как состояние здоровья, продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовой комфорт, социальное окружение, удовлетворение культурных и духовных потребностей, психологический комфорт и т.п. Уровень жизни базируется на объеме реальных доходов на душу населения и соответствующем объеме потребления.

В процессе анализа динамики основных показателей уровня жизни населения Республики Коми за 2000–2015 гг. было установлено, что характерный для рассматриваемого периода существенный рост среднедушевых доходов населения, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций и среднего размера назначенных месячных пенсий происходил со значительным снижением годовых темпов прироста. Соотношение указанных показателей с величиной прожиточного минимума за рассматриваемый период в целом также заметно улучшилось, однако в последние годы наблюдалась негативная динамика. При этом механизмы, компенсирующие высокую стоимость жизни на Севере, более или менее эффективно действуют в Коми лишь по заработной плате, поэтому уровень бедности в республике выше общероссийского. С 2008 г. прослеживается тенденция к усилению равномерности распределения доходов населения, что может быть обусловлено резким снижением «скрытых» доходов и доходов от собственности в кризисный и посткризисный период, а также заметным сокращением доли доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения. Т.е. усиление равномерности обусловлено, скорее, сокращением уровня доходов в высокодоходной группе, чем его ростом в низкодоходной, в то время как главной задачей в становлении среднего класса является борьба с бедностью⁹.

¹ Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. – М., 2009. – № 1. – С. 35.

² Гужавина Т.А., Ластовкина Д.А., Озерова А.Ю. Качество жизни в оценках населения региона // Проблемы развития территории. 2016. – № 2 (82). – С. 100.

³ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 // Российская газета. – <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>

⁴ Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. – М., 2012. – 432 с.; Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки. – М., 2002. – 592 с.; Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М., 2010. – 160 с.

⁵ Росошанский А.И. Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов // Проблемы развития территории. 2016. – № 4 (84). – С. 133.

⁶ Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Типология регионов по уровню и динамике повышения качества жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. – № 3 (39). – С. 122.

⁷ Росошанский А.И., Чекмарева Е.А. Современное состояние и развитие теории и методологии исследования качества жизни населения // Проблемы развития территории. 2016. – № 1 (81). – С. 145–159.

⁸ Токарский Б.В. Воздействие демографической политики на формирование качества жизни населения в условиях рынка // Известия ЭГЭА. 2012. – № 3. – С. 160–161.

⁹ Попова Л.А., Сивкова А.А. Демографические и экономические условия воспроизводства среднего класса в северном регионе (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. – № 3. – С. 134–144.

В продолжение проведенного анализа уровня жизни населения республики в июле 2017 г. было запущено социологическое обследование «Уровень и качество жизни занятого населения северного региона» по сложной многоступенчатой выборке, квотированной по городскому и сельскому населению, муниципальным образованиям республики, видам экономической деятельности, форме занятости, занятиям, полу и возрасту, основной целью которого была оценка масштабов среднего класса в регионе. В рамках обследования было охвачено только работающее население, поскольку безработные экономически активные граждане, очевидно, к среднему классу относиться не могут. На наш взгляд, к региональному среднему классу не имеет отношения и экономически неактивное население. Лиц, имеющих некриминальные доходы, не связанные с трудовой деятельностью, соответствующие уровню жизни среднего класса, в провинциальном регионе статистически незначимое количество. К экономически неактивному населению здесь относятся в основном учащиеся и студенты очной формы обучения, а также неработающие пенсионеры. Поэтому при оценке масштабов среднего класса в составе населения в возрасте 15–72 лет, которое является потенциальной рабочей силой, была сделана поправка на уровень занятости, который к моменту проведения обследования составлял в Республике Коми 64,6% от численности населения 15–72 лет¹. Величина среднего класса в составе всего населения региона была рассчитана с учетом среднего размера домохозяйства, который в Коми по последней переписи равняется 2,4 человек².

В рамках обследования было опрошено 1120 человек. Особенности выборки³ оказались таковы, что возрастной и особенно образовательный состав опрошенных несколько превышал средние доходы генеральной совокупности, а гендерный и территориальный состав, наоборот, заметно занижал. Поэтому полученные в обследовании цифры, характеризующие масштабы среднего класса в составе занятого населения, в целом несколько ниже, чем в генеральной совокупности, но, по нашим оценкам, не существенно.

При оценке размеров среднего класса была применена комбинация объективного и субъективного подходов. Его границы были определены на основе пересечения трех критериев: самоидентификации со средним слоем общества, уровня образования не ниже среднего специального и материального достатка не ниже определенного уровня. Для повышения достоверности результатов были использованы два критерия достаточной материальной обеспеченности: основанный на личном доходе респондента и на среднедушевом доходе на одного члена семьи.

При первом подходе материальная обеспеченность оценивалась доходом респондента, превышающим среднюю зарплату по региону. В 2016 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций составила в Коми 43 662 руб.⁴, поэтому в качестве границы материальной обеспеченности, достаточной для отнесения к среднему классу, был взят ежемесячный личный доход в 45 тыс. руб. Согласно результатам обследования, 1,8% респондентов имели среднемесячный доход ниже базового значения МРОТ, утвержденного в регионе в 2017 г., 10,5% – ниже прожиточного минимума (табл. 1). Т.е. более 12% опрошенных работающих людей относились к бедным. Почти половина респондентов, 47,6%, имели среднемесячный доход до 25 тыс. руб., 79,1% – менее 45 тыс. руб. С учетом 1,1% не ответивших на вопрос о личных доходах базой среднего класса остаются 19,8% участников опроса с личными доходами, превышающими 45 тыс. руб. в месяц. Принимая во внимание особенности выборки, можно сказать, что лишь немногим более 20% занятого населения региона имеют доход, позволяющий отнести их к среднему классу.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, размер Вашего дохода в месяц, учитывая зарплату и иные источники доходов (средний за последние 6 месяцев)»

Уровень дохода в месяц, руб.	Общий %	Уровень дохода в месяц, руб.	Общий %
Менее 8100	1,8	45 000–60 000	10,6
8100–12 914	8,7	60 000–75 000	4,3
12 914–25 000	37,0	75 000–120 000	4,1
25 000–45 000	31,6	Более 120 000	0,8
Итого до 45 тыс. руб.	79,1	Итого более 45 тыс. руб.	19,8

Иными словами, уровень доходов работающего населения очень сильно лимитирует масштабы среднего класса. В основе этого – огромные размеры дифференциации доходов бедных и богатых. Даже с учетом снижения коэффициента фондов, наблюдающегося с 2008 г., соотношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых составляло в Республике Коми в 2016 г. 13,4 раз. А между ними большая часть населения не дотягивала до уровня среднемесячной заработной платы по региону: по нашему обследованию, почти 70% работающего населения.

При этом большинство опрошенных вполне оптимистично оценили свой уровень жизни. Если бы параметры среднего класса выявлялись на основе субъективного подхода, был бы получен вполне приемлемый уровень. В анкете было сформулировано три вопроса, которые предлагали отнести себя к тому или иному слою населения в своем населенном пункте, в республике и России в целом. 57,2% опрошенных определили себя как средний класс в своем городе или селе (кроме того, 5,8% идентифицировали себя со слоем выше среднего), 48,9% – в регионе (плюс 4,9%) и 34,4% –

¹ Основные итоги обследования рабочей силы Республики Коми в 2016 году: стат. бюл. № 05-51-57/4 / Комистат. – Сыктывкар, 2017.

² Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

³ Попова Л.А., Зорина Е.Н., Сивкова А.А. Проблемы формирования среднего класса в северном регионе (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. – № 6 (62). – С. 152–163.

⁴ Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб / Комистат. – Сыктывкар, 2017.

в стране (плюс 3,6%) (табл. 2). Лишь четверть опрошенных отнесли себя к слою ниже среднего и нижнему на уровне своей местности, менее трети на уровне республики, менее половины – России в целом.

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы «К какому социальному слою Вы относите себя в своем населенном пункте, Республике Коми, России в целом?»

Варианты ответов	В своем населенном пункте	В Республике Коми	В России
Верхний слой, элита	0,8	1,2	0,6
Слой выше среднего	5,0	3,7	3,0
Средний слой	57,2	48,9	34,4
Слой ниже среднего	20,2	24,3	31,9
Нижний слой	5,4	8,1	14,8
Затрудняюсь ответить	11,4	13,8	15,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Однако пересечение трех признаков: самоидентификации со средним классом, уровня образования не ниже среднего специального и ежемесячных доходов, превышающих 45 тыс. руб., дает совершенно иную картину. Лишь 12,9% участников обследования относят себя к среднему классу в своем населенном пункте, имеют образование не ниже среднего специального и личный доход выше 45 тыс. руб. в месяц (табл. 3). Относящих себя к среднему классу на уровне региона и соответствующих этому слою по образованию и доходу – 13,0% респондентов. Пересечение самоидентификации со средним классом на уровне России с двумя другими признаками дает 10,2% опрошенных.

При другом подходе уровень благосостояния определялся по среднедушевому доходу на одного члена семьи. В 2016 г. среднедушевой денежный доход составил в Коми 31527 руб.¹ – в качестве границы среднего класса был взят среднедушевой доход в 30 тыс. руб. в месяц. На пересечении трех признаков получили долю среднего класса среди занятых, почти один в один повторяющую цифры первого подхода: 12,7% при самоидентификации со средним классом на локальном уровне, 13,1% – на региональном и 10,6% – на уровне страны в целом.

Таблица 3

Оценка масштабов среднего класса в Республике Коми в 2017 г., %

Критерий материальной обеспеченности	Категория населения	При самоидентификации представителем среднего класса		
		в своем населенном пункте	в Республике Коми	в России
Личный доход, превышающий 45 тыс. руб. в месяц	Занятое население	12,9	13,0	10,2
	Население в возрасте 15–72 года (с учетом уровня занятости)	8,3	8,4	6,6
	Все население (с учетом среднего размера домохозяйства)	15,5	15,6	12,2
Среднедушевой доход на одного члена семьи, превышающий 30 тыс. руб. в месяц	Занятое население	12,7	13,1	10,6
	Население в возрасте 15–72 года (с учетом уровня занятости)	8,2	8,5	6,8
	Все население (с учетом среднего размера домохозяйства)	15,2	15,7	12,7

При первом подходе был взят среднемесячный личный доход респондента, немного превышающий среднемесячную зарплату на момент обследования, во втором случае – среднедушевой доход на одного члена семьи, наоборот, немного ниже размера среднедушевых денежных доходов в республике. Получение при двух подходах с разнонаправленными допущениями практически одинаковых результатов позволяет утверждать, что оценка масштабов среднего класса для массива обследованных является достаточно достоверной.

С учетом уровня занятости величина среднего класса среди населения 15–72 года при первом подходе к определению достаточного уровня материального благосостояния оценивается в 8,3% относящих себя к этому слою на локальном уровне, 8,4% – на региональном, 6,6% – на уровне страны в целом. При втором подходе к критерию материальной обеспеченности вышли, соответственно, на уровень 8,2%, 8,5 и 6,8% среднего класса в составе потенциальной рабочей силы (табл. 3).

Величину среднего класса в составе всего населения региона получили с учетом среднего размера домохозяйства. Логику ее оценки изложим на примере выявленного максимального уровня среднего класса среди занятых: 13,1% имеющих образование не ниже среднего специального, среднедушевой доход в семье выше 30 тыс. руб. и относящих себя к среднему классу на уровне региона. 13,1% занятого населения составляет в 2017 г. в Коми 55,7 тыс. человек. Средний размер домохозяйства приблизительно 2,4 человек. Соответственно, в домохозяйствах, возглавляемых представителем среднего класса, проживает 133,7 тыс. человек, что составляет 15,7% от численности населения республики. При первом подходе к достаточному уровню материального благосостояния получили, что в домохозяйствах, возглавляемых представителем среднего класса локального уровня, проживает 15,5% населения республики, возглавляемых представителем среднего класса регионального уровня – 15,6% населения, среднего класса на уровне страны – 12,2%. При втором подходе соответствующие цифры составили 15,2%, 15,7 и 12,7% населения (табл. 3). Та-

¹ Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб / Комистат. – Сыктывкар, 2017.

ким образом, 12–16% населения – это и есть уровень среднего класса в Республике Коми, оцененный по результатам обследования 2017 г.

Весьма вероятно, что величина среднего класса в регионе несколько выше этих цифр. Как уже отмечалось, особенности выборки, по нашим оценкам, способствуют некоторому понижению среднего уровня доходов и, следовательно, масштабов среднего класса. Кроме того, занижение в социологических обследованиях своих доходов и бедными, и богатыми – хорошо известный социологам феномен, который определяется как объективными факторами (неучетом налогов, премий и пр.), так и субъективными (занижением суммы заработка из боязни стать объектом грабежа, засветиться перед налоговой инспекцией, из нежелания особенно выделяться и пр.)¹. Но это не будет ни 26%, ни 42%², ни тем более 55–60% населения, к чему предполагается выйти в соответствии с Концепцией-2020, в которой одним из критериев среднего класса является среднедушевой доход свыше шести прожиточных минимумов³. В Республике Коми в 2017 г. шесть прожиточных минимумов составляло порядка 77 484 руб. Даже если в качестве порогового значения взять ежемесячный личный доход 75 тыс. руб., то величину среднего класса в составе занятого населения по результатам проведенного обследования можно оценить лишь в 3,0–3,4%, среди населения 15–72 лет – порядка 1,8–2,2%, в составе всего населения региона в пределах от 3,5 до 4,1%. Если же в качестве порогового значения среднего класса взять среднедушевой доход на одного члена семьи в 75 тыс. руб., то доля среднего класса составит менее 1,5% среди занятого населения, менее 1% среди населения в возрасте 15–72 лет и 1,6–1,7% в составе всего населения, т.е. бесконечно малые величины.

Таким образом, по прошествии 25 лет с начала рыночных преобразований средний класс, являющийся основой развития человеческого капитала, в Республике Коми по-настоящему не сформирован. И это не региональная проблема. Как отмечалось, по разным методикам уровень и качество жизни в республике оцениваются и выше среднего по стране, и ниже среднего, но по уровню доходов занятого населения Республика Коми – далеко не самый бедный регион. А именно уровень доходов работающих является фактором, ограничивающим масштабы среднего класса. В основе этого сохраняющееся, несмотря на снижение последних лет, значительное социальное расслоение. Отсутствие солидарности в доходах сильно расшатывает российское общество, способствует нарастанию отчуждения между людьми. Недостаточный процент населения с хорошим стабильным доходом определяет устойчиво низкий платежеспособный спрос, лимитирующий развитие промышленности и сферы услуг, ограничивающий становление и развитие малого и среднего бизнеса. Но самое главное, незначительный размер среднего класса существенно ограничивает возможности развития человеческого капитала.

¹ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерения // Социологические исследования. – М., 1997. – № 9. – С. 28–40.

² Средний класс в современной России: 10 лет спустя. – М., 2014. – 215 с.

³ О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. – № 47.

Пруель Н.А.

д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социального управления и планирования, Санкт-Петербургский государственный университет

Градусова В.Н.

к.э.н., доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТРОЕНИЯ В РОССИИ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Ключевые слова: демография, население, продолжительность жизни, пожилые люди, пенсионеры, качество жизни, социальное самочувствие, среднедушевые доходы, пенсия, бедность.

Keywords: demography, population, life expectancy, elderly people, pensioners, quality of life, social well-being, average per capita income, pension, poverty.

Президентом РФ В. В. Путиным поставлена задача – добиться увеличения средней продолжительности жизни россиян до 80 лет к 2030 г. Но с этим связаны и ряд проблем, требующих корректировки государственной социальной политики, в первую очередь, в сфере занятости, здравоохранения и социального обеспечения.

Однако отсутствие точных данных о масштабах, характере и причинах проблемы не позволяет разработать эффективный инструментарий для ее решения. К сожалению, статистическая информация о жизни пожилых россиян крайне скудна. Материалы министерств и ведомств не всегда доступны для исследователей. Перечень разрабатываемых отечественной статистикой показателей, характеризующих качество жизни пожилых людей в России, крайне мал, и отражают они в основном уровень доходов пенсионеров.

Для анализа можно использовать еще несколько разрабатываемых Росстатом показателей, касающихся занятости и безработицы, уровня жизни, образованности, заболеваемости (отдельными болезнями). Показателей немного. А россиян в этом возрасте на 1 января 2018 г. было 37 363 тыс. чел. – это 25,4% населения страны¹. Вероятно, что многие из них нуждаются в помощи. Это требует внесения изменений в систему национального статистического учета и выделения статистики качества жизни пожилых людей в качестве отдельного направления.

Отечественная статистика рисует вполне благоприятную картину о жизни пожилых людей в России: за 2010–2017 гг. средний размер назначенных пенсий увеличился в 1,8 раза, их реальное содержание – на 44,4%, но соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума немного ухудшилось (табл. 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни пенсионеров в Российской Федерации²

Показатель	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Средний размер назначенных пенсий (2000 г. – с учетом компенсации), руб.	694,3	2364	7476	8203	9041	9918	10786	11986	12391	13304
Реальный размер назначенных пенсий, в процентах к предыдущему году	128	110	135	101,2	104,9	103	101	96	97	104
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов:										
среднего размера назначенных пенсий	76	98	165	163	177	165	163	151	153	160

О состоянии здоровья российских пенсионеров лучше всех других показателей говорит тот факт, что в начале 2018 г. более 21% были признаны инвалидами³. Это требует усиления контроля над соблюдением условий труда, а также особого подхода к организации системы здравоохранения пожилых людей, развития надомного медицинского обслуживания, создания условий для жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья. Пока в России эти проблемы далеки от решения.

¹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 84.

² Составлено по: Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – С. 137; Россия в цифрах: Краткий стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 115–119.

³ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 65.

Об обострении проблем социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов в стационарных организациях говорит тот факт, что численность проживающих в них превышает число мест на 20 тыс. Еще 3,0 тыс. пожилых россиян по состоянию на 1 января 2018 г. состояли на очереди для помещения в эти организации¹.

Об условиях проживания в таких организациях мы узнаем из новостей, связанных с трагическими случаями, пожары в них случаются очень часто. Хотя статистика утверждает, что организации для престарелых и инвалидов находятся в хорошем состоянии: только 0,1% – в аварийном, 0,6% – в ветхом состоянии, 1,6% требуют реконструкции². Это требует усиления контроля над их деятельностью со стороны вышестоящих организаций и общественных объединений.

Никто в стране не знает, сколько бездомных стариков скитается по улицам городов. Нет полной информации о функционировании домов ночного пребывания, социальных приютов, столовых для бездомных. Хотя это тоже задача социального государства и важнейший индикатор его эффективности. Для преодоления (уменьшения масштабов) этого тяжелого социального явления предлагается использовать показатель социализации граждан, оказавшихся в состоянии депривации, при оценке результативности деятельности органов социальной защиты.

Анализ показателей рынка труда показывает, что экономическая активность граждан пенсионного возраста за 2000-2017 гг. усилилась³. С одной стороны, это свидетельствует о том, что все большее число россиян сохраняют работоспособность и готовы трудиться и после достижения пенсионного возраста. С другой стороны, это может быть связано с необходимостью дополнительного дохода из-за низкой пенсии. Познакомившись с методикой Росстата по определению величины прожиточного минимума и индекса базовой инфляции, считаем, что работать на пенсии большинство россиян заставляет бедность. Хотя статистическое ведомство считает иначе. Так, по оценке Росстата, пенсионеров среди бедного населения немного – 7,4% (табл. 2).

Таблица 2

Распределение общей численности малоимущего населения по половозрастным группам в процентах⁴

Годы	Все обследованное малоимущее население	в том числе						
		дети в возрасте до 16 лет	женщины в возрасте, лет			мужчины в возрасте, лет		
			16–29	30–54	55 лет и старше	16–29	30–54	60 лет и старше
2000	100	24,4	12,3	21,4	9,3	10,6	18,2	3,8
2005	100	21,8	13,3	21,2	9,1	12,3	18,7	3,5
2010	100	25,5	13,2	20,3	7,5	11,7	19,2	2,5
2011	100	26,3	12,7	20,3	7,5	11,5	19,0	2,7
2012	100	27,3	12,2	20,1	7,6	11,2	19,0	2,7
2013	100	34,6	10,8	20,0	5,1	8,5	19,6	1,5
2014	100	35,6	10,5	19,9	4,7	9,1	18,7	1,4
2015	100	35,4	9,9	20,0	5,5	9,1	18,5	1,6
2016	100	37,5	8,8	19,6	5,6	7,8	18,9	1,8

Еще более наглядно характеризует масштабы бедности пенсионеров другой показатель, согласно которому доходы ниже величины прожиточного минимума в 2016 г. имели 4,2% женщин и 3,2% мужчин пенсионного возраста. А в 2013 и 2014 гг. этот индикатор был и того меньше – 2,95 и 2,1% соответственно⁵. Поверить в это сложно. Еще сложнее представить, что на 3 низкодоходных группы в децильном распределении граждан пенсионного возраста приходится значительно меньшая доля (среди мужчин – 24,6%, женщин – 24,5%), чем в других возрастно-половых группах, за исключением мужчин в возрасте 30 – 59 лет (24,2%)⁶. Для обеспечения достоверности данных статистического учета необходимо внести изменения в методику и снизить субъективизм оценок.

Таким образом, отечественная статистика рисует вполне благоприятную картину о жизни пожилых людей в России. Однако международные исследования показывают другое. Позиции нашей страны в рейтинге по Индексу качества жизни пожилых людей (*The Global AgeWath Index*) низкие. При формировании рейтинга социальное и материальное благополучие граждан в возрасте старше 60 лет оценивается по следующим параметрам: гарантированный доход, благоприятная окружающая среда, качество здравоохранения и условия для самореализации. Последнее исследование изучило ситуацию в 2015 г. в 96 странах, по которым имеются международно сопоставимые статистические данные, и на которые приходится около 90% населения мира в возрасте 60 лет и старше.

Согласно этому докладу, РФ занимает 65-е место (между Беларусью и Парагваем) с индексом 42% от идеального уровня. Это в 2 и более раза меньше, чем в странах, лидирующих по индексу качества жизни пожилых людей. В первой пятёрке самых комфортных стран для пожилых людей значатся Швейцария (90% от идеального уровня), Норвегии (89%), Швеция (84%), Германия (84%) и Канада (84% от идеального уровня). Из числа республик, входящих

¹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 220.

² Там же.

³ Составлено по: Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 114; Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 107.

⁴ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 171.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 173.

ших ранее в СССР, опережают РФ по индексу качества жизни пожилых людей Эстония (20 место), Грузия (28), Латвия (35), Армения (40), Киргизия (49), Литва (60), Таджикистан (61) и Белоруссия (64 место)¹.

Низкое положение нашей страны в мировом рейтинге, по мнению специалистов, обусловлено, низким уровнем материального обеспечения, благоприятности среды, вовлеченности старшего поколения в общественную жизнь, а также плохим состоянием здоровья пожилых людей. Хотя положительную динамику в решении этих вопросов отмечают и эксперты *Help Age International* – в 2013 г. наша страна занимала 78 строку в рейтинге по *The Global AgeWath Index*, расположившись между Лаосом и Непалом и уступая всем государствам бывшего СССР².

Итак, тенденция старения населения, характеризующая мировую демографическую динамику, делает необходимым проведение научных исследований, охватывающих различные аспекты качества жизни и социального благополучия пожилых людей, а также требует от государственного аппарата своевременного внесения необходимых изменений в социально-экономическую политику, адекватных масштабу проблем в этой сфере.

Наиболее часто цитируются результаты исследования качества жизни и благополучия пожилых людей, проводимого по методике, разработанной международной неправительственной организацией *Help Age International*. Оценка проводится ежегодно, начиная с 2013 г., на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые собираются и анализируются в Фонде Организации Объединённых Наций в области народонаселения (ЮНФПА). По итогам оценки по каждой стране рассчитывается Индекс качества жизни пожилых людей (*Global AgeWath Index*) и формируется рейтинг.

Методика оценки включает 13 показателей, которые отобраны путем опроса не только экспертов и политиков, но и самих пожилых людей. Показатели сгруппированы в 4 блока: материальная обеспеченность, состояние здоровья, образование и занятость, условия проживания.

На основе такой методики предлагается проводить рейтингование регионов России. Пока можно только выделить из них наиболее проблемные, в которых удельный вес населения старше пенсионного возраста превышает среднее по стране значения. В 2018 г. таких регионов в стране было 44. Наиболее сложная ситуация сложилась в Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Новгородской, Псковской и Пензенской областях. В перечисленных субъектах федерации удельный вес населения старше пенсионного возраста составляет 30 и более процентов³.

Для обеспечения достойной старости необходимо разработать федеральную программу, предусматривающую поэтапное повышение пенсий до уровня, достаточного для удовлетворения основных потребностей пожилых людей; формирование системы здравоохранения, отвечающей запросам старшего поколения; создание благоприятных условий проживания; обеспечение возможности образования и активной занятости для лиц старшего возраста. Для решения этих задач необходима точная детальная информация о различных аспектах жизнедеятельности граждан старшего поколения.

¹ Рейтинг стран мира по показателю качества жизни пожилых людей. Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2006–2018 (последняя редакция: 25.08.2018). – <https://gtmarket.ru/ratings/global-age-wath-index/info>

² Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий. – <https://gtmarket.ru/news/2013/10/10/6300>

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 47–53.

Соловьев А.К.

д.э.н., профессор, заслуженный экономист России, начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования, Пенсионный фонд РФ; профессор Финансового университета

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ

Ключевые слова: пенсионная реформа, возраст, демография, старение населения, стратегия.

Keywords: pension reform, age, demography, aging of the population, strategy.

Формирование рыночно-страховой пенсионной системы России развивается в условиях ускоренного повышения уровня демографической старости в стране, когда доля людей в возрасте 60 лет и старше начинает превышать 18% от численности населения. Так, если в начале 90-х годов XXI в. коэффициент старения для всего населения был равен 16,29%, то в 2017 г. он превысил 21,01%. Для женщин значение показателя еще выше – 20,73% (в 1991 г.) и 25,28% (в 2017 г.). Исключение составляет мужское население, которое в 1991 г. находилось в «собственно преддверии старости» (коэффициент старения равен 11,26%), а к 2017 г. переместилось на «средний уровень демографической старости» (с коэффициентом старения 16,08%).

Средний возраст населения только с 2000 г. вырос на 2,6 года (с 37,1 до 39,7 лет), причем у женщин – на 2,7, а у мужчин – на 2,3 года. Средний возраст женщин (42,1 года) на 5,2 года выше среднего возраста мужчин (36,9 года). То есть основной вклад в старение населения вносят женщины.

Следует обратить внимание, что в отличие от младших возрастных групп для основной массы пенсионеров (людей от 65 лет и старше) уже несколько лет уменьшения возрастных коэффициентов смертности не происходит – их значения сохраняются на уровне 2008–2011 гг.

Влияние старения населения на реализацию пенсионной реформы

Для пенсионной системы главным негативным последствием происходящих демографических процессов является сокращение доли населения в трудоспособном возрасте и рост в возрасте старше трудоспособного. Если на начало 1991 г. на 1000 населения старше трудоспособного возраста приходилось 2983 чел. в трудоспособном возрасте, то в 2018 г. – уже 2202 чел. Проблему старения усугубляют особенности российского пенсионного законодательства, в частности, широкое распространение досрочных пенсий (на 5–10 лет раньше общеустановленного пенсионного возраста) за работу в неблагоприятных условиях труда и по социальным показаниям [1].

Негативное влияние демографического старения усиливается неблагоприятными тенденциями на рынке труда. Они еще больше сужают возможности формирования доходной части бюджета ПФР и лишают некоторые категории занятого населения возможности сформировать пенсионные права.

Вместо 82,7 млн. чел. населения в трудоспособном возрасте страховые взносы уплачивают только 59,2 млн. чел. (включая лиц пенсионного возраста), из которых 57,8 млн. чел. – наемные работники, остальные – самозанятые, официально зарегистрированные и уплачивающие страховые взносы в ПФР. От занятых неофициально взносы в ПФР не поступают и достоверные данные об их численности отсутствуют.

Ситуация обостряется еще тем фактом, что из числа легальных наемных работников в течение полного года заняты не более 2/3 работников. Остальные – значительно менее года, в том числе 10% работают менее 6 месяцев в году.

В пересчете на среднесписочную (полную), численность работников сокращается до 44,2 млн. чел. (2017 г., в 2018 г. – еще меньше), что составляет практически половину от численности населения трудоспособного возраста.

Таким образом, на 1000 пенсионеров, получающих пенсии из системы ПФР, сейчас приходится 1017 работников (на 1000 получателей страховых пенсий – 1113 чел.). Т.е. соотношение работников и пенсионеров в 2,2 раза ниже, чем соотношение населения трудоспособного и старше трудоспособного возрастов.

В долгосрочной перспективе нагрузка пенсионерами на работающих по найму продолжит расти. Вследствие прогнозируемых демографических тенденций на начало 2035 г. на 1000 населения старше трудоспособного возраста ($\geq 55(ж)/60(м)$) будет, по оценкам, приходиться 1729 чел. в трудоспособном возрасте, а на 01.01.2050 – 1328 чел., а на 01.01.2075 – на 17% меньше, т.е. 1426 чел.

Современная Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России принята в 2012 г., Однако это далеко не первый документ о развитии и совершенствовании российской пенсионной системы.

Первой в августе 1995 г. была утверждена Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации. В мае 1998 г. принята Программа пенсионной реформы в РФ. Следующая Программа пенсионной реформы была одобрена Правительством в апреле 2001 г. Именно она заложила основы пенсионной реформы, начавшейся в 2002 г. и получившей законодательное закрепление в Федеральном законе № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях».

Стратегия 2012 года рассчитана на период до 2030 года и содержит те же самые, остающиеся неизменными и недостижимыми два десятилетия, цели развития пенсионной системы:

- гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения;
- обеспечение сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы.

Стратегия в целом сохранила преемственность с предыдущими документами в отношении формирования в России 3-х уровневой модели пенсионной системы:

первый уровень – пенсия в рамках государственной системы обязательного пенсионного страхования (за счет страховых взносов и межбюджетных трансфертов из федерального бюджета);

второй уровень – корпоративная пенсия (за счет взносов работодателя и возможно, работника) в рамках трудового или коллективного договора;

третий уровень – частная пенсия, за счет взносов самого застрахованного лица.

Чтобы диверсифицировать пенсионную систему в условиях демографического старения, когда возможности повышения уровня пенсионного обеспечения в рамках системы ОПС 1-го уровня, основанной на солидарно-распределительных принципах, крайне ограничены, задачи Стратегии ориентированы на развитие корпоративных и частных пенсий (т.е. 2-го и 3-его уровней):

– достижение приемлемого уровня пенсии для среднего класса за счет участия в корпоративных и частных пенсионных системах;

– развитие трехуровневой пенсионной системы для групп с разными доходами (для средне- и высокодоходных категорий – с опорой на добровольное пенсионное страхование и негосударственное пенсионное обеспечение).

3-ья задача – повышение эффективности накопительной составляющей пенсионной системы – также должна стимулировать развитие 2-го и 3-го уровней пенсионной системы, хотя и относится, прежде всего, к системе ОПС.

Однако наиболее важными для большинства населения на сегодняшний день являются задачи развития 1-го уровня пенсионной системы – ввиду почти 100%-ного охвата им населения и в связи с накопившимися проблемами.

Стратегия формулирует для 1-го уровня пенсионной системы 3 задачи. Две из них имеют количественное изменение и стали целевыми ориентирами, с помощью которых можно измерить степень выполнения Стратегии:

– обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;

– обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера.

Таким образом, Стратегия вобрала в себя и отразила в своих задачах 3 взаимопротиворечащие проблемы. С одной стороны, реализация Стратегии должна обеспечить достойный уровень пенсий всем категориям получателей: бедным, среднему классу и высокооплачиваемым – путем развития 3-х уровневой пенсионной системы.

С другой стороны, Стратегия требует обеспечения сбалансированности пенсионных прав с источниками их финансирования. Одновременно устанавливается ограничение на повышение нагрузки на страхователей.

В условиях демографического старения, влекущего рост доли населения в возрасте старше трудоспособного, решение всех поставленных – достаточно противоречивых, но назревших – задач возможно только через ужесточение требований к условиям формирования и выплаты пенсий. Теоретически возможны несколько путей:

– сокращение контингента получателей пенсий;

– уменьшение темпов индексации пенсий (или ее отмена определенным категориям).

Стратегия для решения поставленных задач наметила 7 направлений. Пять из них непосредственно ориентированы на нивелирование негативных последствий демографического старения:

1. совершенствование тарифно-бюджетной политики;

2. реформирование института досрочных пенсий;

3. реформирование института накопительной составляющей пенсионной системы;

4. развитие корпоративного пенсионного обеспечения;

5. совершенствование формирования пенсионных прав в распределительной составляющей пенсионной системы.

Проблемы практики реализации Стратегии

Стратегия реализуется в 3 этапа разной продолжительности:

1 этап начался в 2013 г., 2 этап – в 2019 г.; а 3 этап планируется – с 2024 г. и до конца периода действия Стратегии. Досрочные пенсии по старости длительное время остаются одной из самых острых проблем в системе ОПС, поскольку не являются полностью страховыми – период с момента их назначения до достижения получателями общепринятого пенсионного возраста не обеспечивается уплатой страховых взносов.

При реализации Стратегии в области реформирования института досрочных пенсий были приняты два решения, которые усилили страховой характер этих выплат. Установлены дополнительные тарифы страховых взносов для страхователей за застрахованных лиц, занятых на рабочих местах с особыми условиями труда и на отдельных видах работ. Их величина постепенно увеличилась с 2013 по 2015 гг. с 4 до 9% (для Списка № 1), а для Списка № 2 и «малых списков» с 2 до 6%.

В результате численность новых назначений досрочных пенсий после роста с 0,44 млн. в 2002 г. до 0,5–0,52 млн. чел. в 2004–2011 гг. также начала снижаться и в 2017 г. составила 0,31 млн. чел., хотя общая их численность (с учетом ранее вышедших на пенсию – увеличивается, превысив 11,5 млн. чел.

Принятые меры не ликвидировали полностью проблему досрочных пенсий (т.е. не освободили распределительный компонент системы ОПС от них), однако сделали ее несколько менее болезненной. Введенные дополнительные тарифы с работодателей на 26% обеспечивают выплату этих пенсий в период до достижения их получателями общеустановленного пенсионного возраста (сумма взносов по ним на 2019 г. оценивается в 82 млрд. руб.).

В 2019 г. сумма средств на выплату досрочных пенсий в составе трансферта федерального бюджета на ОПС равна 230 млрд.руб. Благодаря этому страхователи, не имеющие рабочих мест с вредными и опасными условиями труда, в значительной мере освобождены от нагрузки по финансированию досрочных пенсий по этим основаниям, а получатели обычных пенсий не страдают от имевшего место в прошлые годы изъятия средств на выплаты досрочникам.

Совершенствование тарифно-бюджетной политики предусматривает:

1. Повышение уровня облагаемого страховыми взносами заработка с учетом темпов роста средней заработной платы в Российской Федерации. Оно началось в 2015 г. и завершится в 2021 г. К этому времени верхняя граница базы начисления страховых взносов постепенно увеличится с 1,6 средней зарплаты в экономике до 2,3.

2. Отмена пониженного тарифа страховых взносов для различных категорий страхователей-работодателей, с установлением единого тарифа. В частности, такая мера реализована для сельскохозяйственных товаропроизводителей, плательщиков ЕСХН. Тариф страховых взносов для них повышен до уровня, уплачиваемого за наемных работников.

3. В целях сохранения существующей тарифной нагрузки с 2014 г. также введен мораторий на отчисление страховых взносов на формирование накопительного компонента системы ОПС. В 2019 г. они составят 972,2 млрд. руб. или около 1% ВВП.

4. С этой же целью в составе межбюджетного трансферта федерального бюджета бюджету ПФР предусматриваются средства на финансирование нестраховых выплат, включенных в состав страховой пенсии. В частности, в составе трансферта предусмотрены:

– средства на выплату повышений к фиксированной выплате. В 2019 г. их объем составит 506,0 млрд. руб. или около 0,5% ВВП;

– средства на валоризацию пенсионных прав, проведенную в 2010 г., в 2019 г. они составляют 677 млрд. руб. (0,64% ВВП).

5. Стратегия предусматривала оптимизировать механизм преференций по уплате страховых взносов в ПФР отдельными категориями страхователей. Изначально под этим подразумевался отказ от практики установления пониженных тарифов для стимулирования развития различных видов деятельности.

Однако полностью отказаться от подобного рода господдержки не удалось. Для некоторых категорий страхователей льгота по пониженному тарифу носит пролонгированный характер и может сохраниться до 2035 г.

Во избежание потерь доходов бюджета ПФР и для обеспечения формирования пенсионных прав застрахованными лицами, занятыми у страхователей, уплачивающих пониженный тариф, федеральный бюджет в составе межбюджетного трансферта выплачивает бюджету ПФР компенсацию между взносами по установленному и по пониженному тарифу. В 2019 г. компенсация пониженных тарифов составит 54,6 млрд. руб.

6. Для повышения собираемости страховых взносов их администрирование было передано налоговым органам.

7. В наименьшей степени удалось реализовать изменение тарифной политики в отношении самозанятых граждан.

С 2013 г. страховые взносы по тарифу 26% стали взиматься с них с базы в 2МРОТ вместо одного, как это было ранее. Данная мера была направлена на повышение уровня будущей пенсии у самозанятых категорий застрахованных. Однако уже в 2014 г. эта норма была отменена. На смену ей пришла норма, при которой лица с доходом до 300 тыс. руб. уплачивают взносы по тарифу 26% с базы в 1 МРОТ, а лица, доход которых превышает 300 тыс. руб. – дополнительно 1% от суммы превышения, но не более чем с 8 МРОТ.

Самые масштабные меры были предприняты в рамках направления совершенствования формирования пенсионных прав граждан в распределительной составляющей пенсионной системы Стратегия предусматривала решение в рамках этого направления комплекса задач [2]:

– поддержание приемлемого соотношения между средними уровнями пенсий и заработных плат;

– оптимизация регулирования индексации пенсий;

– изменение порядка учета продолжительности страхового (трудового) стажа, необходимого для назначения пенсии, и формирование размера пенсии с учетом трудового вклада работника;

– обеспечение более длительного периода уплаты страховых взносов для формирования пенсионных прав;

– формирование обязательств государства по объему будущих пенсионных выплат, обеспеченных страховыми взносами (т.е. обязательства пенсионной системы будут соответствовать ее текущим доходам).

Для стимулирования граждан к продолжению трудовой деятельности по достижении пенсионного возраста без назначения (т.е. к отложенному выходу на пенсию) пенсии были введены повышающие коэффициенты и к фиксированной выплате и к ИПК. С этой же целью было установлено ограничение на объем пенсионных прав, приобретаемых работающими пенсионерами – не более 3 ИПК (против максимума в 10 ИПК для непенсионеров).

С 2016 г. отменена индексация страховой пенсии работающим пенсионерам. Она возобновляется после прекращения пенсионером трудовой деятельности – все непроведенные индексации, которые восстанавливаются в полном объеме.

Поскольку меры, направленные на стимулирование откладывания выхода на пенсию не принесли желаемого эффекта – подавляющее большинство пенсионеров не отказалось от ее назначения, в 2018 г. было принято решение о повышении пенсионного возраста с 1 января 2019 года.

При назначении страховой пенсии по старости на общих основаниях повышается нормативный пенсионный возраст для мужчин с 60 до 65 лет и для женщин с 55 до 60 лет. Скорость повышения составляет 1 год за год. Переходный период завершится в 2028 г.

Социальная пенсия лицам, не приобретшим права на назначение страховой пенсии, также будет назначаться позднее на 5 лет – в 70 и 65 лет (соответственно мужчины и женщины).

Для северных пенсий (за 15 лет стажа в районах Крайнего Севера и 20 лет в приравненных к ним местностях при наличии страхового стажа не менее 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин), пенсионный возраст также повышается на 5 лет и составит по окончании переходного периода 60 лет (мужчины) и 55 лет (женщины);

Досрочные пенсии по старости лицам, осуществлявшим педагогическую деятельность, лечебную и иную деятельность по охране здоровья, творческих работников, право на которые предоставляется независимо от возраста при выработке специального стажа, увеличен срок назначения страховой пенсии по старости.

В целях адаптации граждан к изменениям условий пенсионного обеспечения предоставлена льгота в виде снижения на 6 месяцев повышения пенсионного возраста гражданам, которые достигнут в 2019–2020 годах пенсионного возраста, установленного законодательством Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2018 года.

Лицам, имеющим страховой стаж не менее 42 и 37 лет (соответственно мужчины и женщины), предусмотрено предоставление льготы по снижению на 2 года возраста выхода на страховую пенсию по старости, но во всех случаях, включая переходный период, не ранее достижения возраста 60 лет мужчинами и 55 лет женщинами.

Минимальный уровень материального обеспечения неработающих пенсионеров будет поддерживаться на уровне не ниже прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации за счет выплаты социальной доплаты. Начиная с 1 января 2019 г., при пересмотре размера социальной доплаты к пенсии в связи с изменением величины прожиточного минимума пенсионера (далее – ПМП) в ее расчете не будут учитываться суммы индексации пенсий и ежемесячной денежной выплаты, имевшие место в текущем году. Суммы указанных индексаций текущего года будут выплачиваться сверх установленного в субъекте Российской Федерации ПМП. Данная мера в 2019 г. коснется 2,4 млн. неработающих получателей страховых пенсий, имеющих право на федеральную социальную доплату к пенсии и 0,4 млн. неработающих получателей страховых пенсий, имеющих право на региональную социальную доплату.

Меры для адаптации граждан к происходящим изменениям законодательством предусмотрены и за рамками пенсионной системы:

- увеличение периода выплаты и размера пособия по безработице гражданам предпенсионного возраста;
- предоставление освобождения от работы при прохождении диспансеризации на два рабочих дня один раз в год с сохранением за ними места работы (должности) и среднего заработка;
- сохранение неизменным пенсионного возраста при предоставлении права на налоговые льготы физическим лицам;
- введение уголовной ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста.

Для обеспечения долгосрочного роста уровня пенсий на период до 2024 г. темпы увеличения стоимости пенсионного коэффициента и фиксированной выплаты законодательно закреплены выше уровня инфляции: 43% против 27%. От прогнозируемых темпов роста средней зарплаты в экономике они отстанут по итогам 6 лет всего на 3 процентных пункта.

Рост реального размера страховой пенсии по старости неработающих пенсионеров по сравнению с уровнем 2018 года прогнозируется: в 2019 г. – 1,9%; в 2020 г. – 4,4%; в 2021 г. – 6,1%; в 2022 г. – 7,5%; в 2023 г. – 8,6%; в 2024 г. – 9,6%; в 2035 г. – 38,4%.

Численность получателей страховых пенсий снизится с 40 млн. чел. в 2019 г. до 36,9 млн. чел. в 2035 г., а соотношение с численностью наемных работников вырастут с 1,1 до 1,23 (это при неблагоприятном предположении, что численность работников не будет возрастать за счет сохранения на рынке труда лиц старшего возраста) [3].

Несмотря на реализованные меры, в сложившихся макроэкономических условиях целевой ориентир по соотношению пенсии с ПМП выполнен не будет.

Средний размер страховой пенсии вырастет со 169 до 217% ПМП к 2035 г. (в 2030 г. он составит 192%). Значительную роль здесь сыграет решение о продлении или прекращении моратория на отчисление страховых взносов на финансирование накопительной пенсии (в последнем случае соотношение пенсии с ПМП будет еще ниже).

Для неработающих пенсионеров соотношение с ПМП будет заметно выше. В 2019 г. оно составляет 174%, в 2030 г. достигнет 208%, а в 2035 г. – 238%. Соотношение среднего размера страховой пенсии по старости со средней зарплатой в экономике продолжит снижаться – с 32,7% в 2019 г. до 27,7% в 2035 г. Расходы на выплату страховых пенсий будут постепенно сокращаться относительно объема ВВП (с 5,8% в 2019 г. до 5,1% к 2024 г., и до 4,8% к 2035 г.), что позволит увеличивать размер пенсий независимо от темпов экономического роста и демографического фактора старения населения. Величина трансферта федерального бюджета бюджету ПФР на обязательное пенсионное страхование сократится с 1,8% ВВП в 2019 г. до 0,4% – в 2030 г. и до 0,3% – в 2035 г.

Список литературы

1. Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления. – М., 2017. – С. 54–64.
2. Соловьев А.К. и др. Пенсионный возраст: актуарно-статистическое обоснование. – М.: Прометей, 2018. – 236 с.
3. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 296 с.

Стрельникова Т.Д.

д.геогр.н., доцент, Липецкий филиал Финансового университета

ЗАВИСИМОСТЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ «УМНОГО ГОРОДА»: НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКА

Ключевые слова: *цифровизация промышленности, умный город, инновационный город, управление городом, город возможностей.*

Keywords: *digitalization of industry, smart city, innovative city, city management, city of opportunities.*

Экологическое благополучие становится маркером успешного городского развития, инструментом привлечения инвестиций и новым полем для конкуренции.

В начале третьего тысячелетия в мире отмечается рост интереса к вопросам формирования «умного города». Уже реализуются проекты в разных странах по строительству новых населенных пунктов отдельных «умных» кварталов, а также идет «смартизация» давно уже существующих городов.

Липецк хорошо знаком с экологическими вызовами современного города и уделяет внимание дальнейшему развитию в этой области. Благодаря новым стандартам открытости бизнеса, местные предприятия модернизируют производства и ведут более прозрачную деятельность для обеспечения экологической безопасности как «умного города». В данный момент все местные липецкие градостроительные проекты имеют экологическую составляющую — администрация городского муниципального образования озабочена контролем качества городского воздуха и воды, развитием новых парковых ансамблей и сохранением природных водоемов.

О цифровизации сегодня говорят все. Это – безусловный тренд. Именно сейчас современное общество в процессе четвертой промышленной революции – «Индустрии 4.0», но, вместе с тем, перед многими встают и вопросы, о том, насколько это эффективно и оправдано. И, хотя цифровизация российской промышленности находится на стадии подъема, сам процесс протекает весьма неоднородно и очень сильно зависит от отрасли. В настоящее время нам более понятными становятся такие термины как «Интернет вещей» и «Индустрия 4.0». И здесь важнее даже не само обозначение, а суть явления, на которое оно указывает. Фактически, речь идет о том, что данные инновационные технологии позволяют внедрять новые принципы управления, новое качество процессов в экономику, малый и средний бизнес. Сегодня уже видно, что возможности по работе с информацией способны создавать новые ценности в жизни людей.

Еще один важный тренд – это внедрение «цифры» не только в промышленности, но и в транспортной сфере, здравоохранении, ЖКХ, розничной торговле, городской инфраструктуре. По мнению аналитиков, вышеперечисленные направления деятельности и будут генерировать основной поток запросов. Это мы можем наблюдать уже сейчас по нашему опыту, в том числе, и в Липецкой области.

«Умный город» – это инновационный город, где внедряются различные комплексы технических решений и организационных мероприятий, направленные на достижение максимально возможного в настоящее время качества управления ресурсами и предоставления услуг, в целях создания устойчивых благоприятных условий проживания и пребывания, деловой активности нынешнего и будущих поколений.

Эксперты отмечают, что эталонной архитектуры умного города пока не создано нигде – ни в мире, ни в России. Лучшие практики носят разрозненный характер. Отсутствует единая терминология, нормативная база, стандарты и другие правила игры. Все продвинутые города мира ищут свой путь, экспериментируют, воплощают в жизнь пилотные проекты.

Основные принципы создания «умных городов»¹:

- согласованность интересов всех сторон: государственных и муниципальных органов управления, частных инвесторов, градостроителей, поставщиков решений и услуг, оператора ИКТ инфраструктуры и платформы «Умный город», некоммерческих организаций и, конечно же, населения;

- создание условий для трансформации структуры управления «Умным городом» и перехода к системе, где в управлении принимают равнозначное активное участие как органы власти, так и все заинтересованные стороны: бизнес, граждане, инвесторы;

- многофункциональное использование объектов инфраструктуры.

Элементами эффективного управления в современном городе являются «умные сервисы», включающие:

- уменьшение операционных затрат за счет автоматизации процессов управления и принятия решений;

- экономия средств за счет использования энерго- и ресурсосберегающих решений;

- рост социальной удовлетворенности и снижение издержек за счет применения систем безопасности;

¹ Сонгдо — умный город будущего. – <http://green-agency.ru/songdo-umnyj-gorod-budushhego/>

- оперативное реагирование за счет своевременного получения актуальной информации, ее обработки и синхронизации задач;

- снижение потерь, эффективное использование бюджета, высвобождение сэкономленных средств на дальнейшее развитие за счет многоцелевого использования инфраструктуры.

Залог эффективного управления «умным городом» – консолидация на уровне администрации города всей ключевой информации о процессах, происходящих в городских поселениях¹. Для управления современными городами необходима система сбора информации и централизованное управление событиями, т.е. платформа «Умный город», которая обеспечивает:

- сбор и предоставление полной информации об объектах городского хозяйства для оперативного принятия управленческих решений;

- сбор и предоставление информации от отраслевых объектов, влияющих на работу городского хозяйства и города в целом;

- анализ непрерывно собираемых показателей различных процессов для эффективного операционного и стратегического управления.

Централизованный подход к решению вопросов управления городом обеспечивает колоссальный синергетический эффект. Он дает возможность повысить экономическую эффективность за счет снижения потерь и оптимального использования ресурсов – до 70%, эффективность процессов управления городом за счет координации усилий всех участников в достижении целей – до 85%, социальную эффективность за счет роста удовлетворенности граждан и их активного участия в управлении – до 80%. Достижение таких показателей обусловлено использованием имеющихся ресурсов как физических, так и информационных (например, использование информации с установленных видеокamer разными службами города), оперативным предоставлением информации заинтересованным участникам процесса, обеспечением эффективного взаимодействия служб при проведении технических работ и устранения неисправностей².

Именно в городах сегодня концентрируются ключевые отрасли и сферы, которые затрагивает цифровая трансформация, все больше превращаясь в важнейший элемент их жизнедеятельности. Промышленное производство, транспорт, энергетика, связь, ЖКХ, торговля, сфера услуг, здравоохранение, образование, системы муниципального управления – реализация конкретных проектов в этих сферах на муниципальном уровне при достаточном уровне готовности технологий, органов власти и населения может обеспечить значительное повышение качества городской среды.

В настоящее время Липецк – динамично развивающийся город. Убедительное тому подтверждение – вся его трехвековая история. За очень короткий срок из небольшого рабочего поселка он превратился в крупный индустриальный и культурный центр, столицу региона с полумиллионным населением. Главный вопрос, который стоит сегодня на повестке дня перед управленцами в городе: «Можно ли наращивать экономический и технологический потенциал Липецка, одновременно снижая экологическую нагрузку на город?» На этот ключевой вызов дают ответ современные цифровые технологии. Уже сейчас необходимо начать строить контуры будущего умного и устойчивого города, чтобы укрепить его инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность на рынке трудовых ресурсов, интеллектуальный и туристический потенциал, чтобы и для будущих поколений Липецк оставался городом возможностей.

Существующие модели умного города зависят от того, кто является инициатором проекта – крупные бизнес-игроки или муниципальные органы власти. Основу третьей модели составляют локальные проекты органов местного самоуправления в тесной кооперации с деловым сообществом и населением. Из российской практики для Липецка более чем актуален опыт города Белгород. В апреле 2017 года областной департамент ЖКХ запустил в городе проект по созданию единой автоматизированной информационно-измерительной системы учета энергоресурсов, направленный на сокращение потерь энергии, экономию потребления энергоресурсов, а также своевременное предупреждение и ликвидацию аварийных ситуаций за счет использования сетей «Интернета вещей». Белгород, таким образом, стал тестовой площадкой для отработки решения, которое в перспективе может стать основой для развития полноценной умной городской инфраструктуры.

Современные липчане учатся «умно» потреблять услуги, всегда и везде быть на связи, по оптимальным маршрутам быстро, без задержек перемещаться в любую часть города, иметь возможность оперативно найти нужную организацию или необходимый адрес, попасть к врачу, записать ребенка в школу, встать на очередь в детский сад, удаленно покупать продукты, оперативно оплачивать услуги ЖКХ и узнавать о происшествиях. Новые требования предъявляет и бизнес к удобству предоставления сервисов и различных городских услуг, к справедливости ценообразования тех же тарифов, к эффективности городской инфраструктуры и даже к организации массовых мероприятий.

Все эти растущие потребности в наибольшей степени способны удовлетворить цифровые технологии, объединенные в систему «умного» города. С технологической точки зрения умный город управляется как единое целое, большими данными, которые получаются и собираются в результате функционирования всех систем города, обрабатываются и служат основой для принятия решений. Для создания умного города необходимо, во-первых, оснастить все системы инструментами фиксации и сбора данных: датчиками, камерами видеонаблюдения и другими устройствами сбора информации. Во-вторых, нужно обеспечить свободный доступ к данным для межведомственного муници-

¹ Hollands R. G. Will the Real Smart City Please Stand Up? // City. 2008. – N 12(3). – P. 303–320.

² По данным В. Дрожжинова, представленным на заседании круглого стола «Умные города: потенциал и перспективы развития в регионах России» (ВШЭ), 11.04.2014. – <http://issuu.com/epliseckij/docs/>

пального взаимодействия, а также для использования со стороны граждан и бизнеса. В-третьих, потребуется соблюсти условие совместимости данных, а также обеспечить удобными средствами визуализации конечных пользователей – органы власти, бизнес, население.

Самое главное, что в Липецке есть возможности и условия для дальнейших цифровых преобразований.

Во-первых, заинтересованность органов власти и готовность к партнерству таких крупных IT-компаний, как «Ростелеком», МТС и ряда других. Во-вторых, солидная база научных разработок, потенциалом для развития которых является Липецкий государственный технический университет. В-третьих, внедрение цифровых систем в производство и управление такого крупнейшего предприятия города как ПАО «НЛМК» и других промышленных объектов.

Отдельные сервисы реализованы в сфере безопасности, образования, здравоохранения, транспорта. Наша задача – проанализировать действующие проекты, потребности и возможности города, определить приоритеты и ресурсы, чтобы разработать базовую концепцию дальнейшей цифровизации, на основе которой будут построены стратегические планы будущего развития. Умный город – это открытая система, в которой каждый может реализовать свою инициативу по улучшению качества жизни, новая качественная ступень в развитии институтов власти, гражданского общества и социально ответственного бизнеса. Например, все большую популярность набирают услуги по телеучету на котельных, подстанциях. Контроль датчиков позволяет экономить электроэнергию, снижать аварийность, количество персонала на обслуживании тех или иных объектов. И это только вершина айсберга тех возможностей, которые открывают перед предприятиями или объектами городской инфраструктуры современные цифровые сервисы.

Липецк стал городом возможностей. Липчане успешно реализовали их в XX веке, заложив солидную промышленную и научную основу для будущего областного центра. Главный вопрос, который стоит сегодня на повестке дня: «Можно ли наращивать экономический и технологический потенциал Липецка, одновременно снижая экологическую нагрузку на город?» На этот ключевой вызов дают ответ современные цифровые технологии. Снижению нагрузки на окружающую среду будут способствовать умные решения, основанные на принципах открытости и совместимости данных в сфере дорог и транспорта, энергоэффективного жилищно-коммунального хозяйства, безопасности, образования и других направлений социально-экономического развития города.

В создании умного города администрация областного центра готова активно взаимодействовать с IT-сообществом, с крупными игроками и инновационными предпринимателями, представителями науки и студенчества, общественными организациями, неравнодушными и компетентными горожанами.

Эксперты предупреждают, что из-за автоматизации производства произойдет сокращение рабочих мест. Но есть мнение, что в умных городах не будет безработицы, так как вырастет спрос на специалистов в сфере высоких технологий, что потребует улучшений в системе образования. Всегда будут востребованы сотрудники социальной сферы, здравоохранения, сервиса. Конечно, нужно готовить рынок труда, чтобы эффективно ответить на этот вызов, который в обозримом будущем коснется многих профессий. Завтра зависит от нас и создается коллективными усилиями сегодняшних предпринимателей, жителей и представителей органов управления – сознательных, ответственных граждан, активно участвующих в городской жизни.

К настоящему времени завершился опрос липчан на сайте электронного референдума «Открытый Липецк», инициированный департаментом экономического развития в рамках разработки концепции «Умный город Липецк». В опросе приняли участие несколько сотен жителей города, которые оценили необходимость цифровизации таких сфер, как экология, ЖКХ, безопасность, дороги и транспорт, образование, здравоохранение, обратная связь, выбрали наиболее полезные и необходимые для нашего города сервисы и технологии, предложили свои варианты развития цифрового общества в Липецке.

Почти 55% липчан проголосовали за внедрение системы экологического мониторинга воздушной среды, загрязнения водных ресурсов, уровня шума и других показателей состояния окружающей среды. Около 38% опрошенных считают, что новые технологии необходимы в сфере цивилизованного обращения с отходами, а 7,4% заинтересованы в чипировании и последующей стерилизации бездомных животных. Кроме того, жители предлагают с помощью видеочамер и датчиков выявлять и наказывать виновников загрязнений.

Около 45% участников опроса считают, что сферу жилищно-коммунального хозяйства можно усовершенствовать за счет контроля состояния многоквартирных домов, дворовых территорий, общественных зданий, улиц. Почти 30% проголосовали за учет ресурсов, контроль всех параметров работы, своевременное выявление аварийных ситуаций на всех уровнях системы ЖКХ. 26% опрошенных высказались за эффективное, безопасное и бесперебойное снабжение электрической и тепловой энергией, газом, водоснабжение и водоотведение. Среди предложений – выявление и наказание работников управляющих компаний, виновных в нарушениях, удобная для старшего поколения и доступная система оплаты.

В сфере безопасности более 47% опрошенных считают приоритетным внедрение системы городского видеонаблюдения, особенно в местах массового скопления людей. Почти 27% проголосовали за «умные» омофоны и их интеграцию с системой «112», полицией, ЖКХ. Более 15% липчан выбрали систему экстренного вызова по единому номеру «112», в том числе из учебных заведений, торговых центров, спортивных комплексов, а для 11% участников опроса важным является размещение информационных табло на городских магистралях и в местах скопления населения.

Развитие городских дорог и транспорта большинство участников референдума (51,5%) видят в установке системы «умных» светофоров, остановок, парковок. Почти 22% считают приоритетом видеоконтроль за соблюдением правил дорожного движения. Около 20% респондентов выделили цифровизацию управления движением общественного транспорта. 8% отметили необходимость ведения мониторинга интенсивности движения. Кроме того, липчане предлагают снабдить светофоры кнопками для пешеходов, привести в порядок дороги в частном секторе, ввести опе-

ративное реагирование на телеобращения по поводу ям на дорогах, обустроить подземные переходы и развязки, а также разместить на остановках информационные табло, показывающие время прибытия ближайшего транспорта.

В социальной сфере свыше 56% липчан проголосовали за социальную защиту населения и помощь в трудных жизненных ситуациях. Пятая часть опрошенных высказалась за современное образование и развитие компетенций. 15% участников считают необходимым формирование экосистемы цифрового здравоохранения, более 8% выбрали поиск и продвижение талантов.

В вопросе о коммуникациях и обратной связи более 46% респондентов отмечают важность взаимодействия с населением через информирование, учет мнений, жалоб и обращений, привлечение липчан к принятию решений. Свыше трети опрошенных выбрали в качестве приоритета Единый портал о казании услуг для населения, 11% проголосовали за электронные площадки совместного обсуждения и работы над проектами и 10% выделили открытые данные мониторингов состояния окружающей среды, интенсивности движения, теплопотерь и т.п.

Около ста предложений выдвинули липчане по поводу внедрения цифровизации в разные сферы жизни города. Среди них были названы и активные виды спорта, и трудоустройство, и контроль качества продуктов питания, и культура, а также работа с молодежью и многое другое.

Организаторы опроса получили от жителей и ряд интересных идей. Одной из них является, например, установка на баках мусоросчетчиков и оплаты за реально выкинутый мусор. Прием мусора осуществляется через карту, вроде транспортной: приложил карту – бак открылся, мусор посчитался, на монитор выводится стоимость, которая списывается в режиме онлайн. Или интерактивная карта города, на которую каждый сможет нанести проблему (отсутствие необходимой дорожки, парковки, светофора, некачественно выполненные работы или аварию, которую необходимо устранить), и предусмотреть возможность голосования за необходимые людям объекты инфраструктуры. Есть предложение и о введении видеомониторинга в присутственных местах для обеспечения общественного контроля за работой чиновников. Липчане также предлагают внедрить электронный табель ЖКХ, с отметками жильцов о ремонте, уборке и других работах, которые служат основанием для расчета: не делали – нет отметки и нет суммы в платежке. Ряд инициатив касается медицины: электронная очередь и общественный рейтинг врачей, онлайн общение с доктором, печать рецептов на портативных принтерах и т.п.

Несколько лет назад московские эксперты оценили липецкий микрорайон «Университетский», а именно так и называется данный район, ставший своего рода полигоном для апробирования цифровых и энергосберегающих новых доступных технологий в жилищно-коммунальном хозяйстве города. «Умный» микрорайон успешно функционирует с 2010 года. В подъездах жилых домов микрорайона «Университетский», как и на улицах, за безопасностью круглосуточно следят видеокамеры, и тревожные сигналы с них поступают прямо в МЧС. Домофоны в квартирах оснащены опцией прямой связи с коммунальными службами, аварийными бригадами или спасателями. Вместе с системами оперативного оповещения в домах установлены независимые пункты тепла, на которых температура регулируется исходя из погодных условий на улице. За эту опцию здесь отвечают датчики воздуха, установленные снаружи дома. Работа системы отопления автономна, что никак не влияет на температуру горячей воды (которая, кстати, всегда постоянная). В домах смонтированы специальные системы балансировки, обеспечивающие равномерное поступление тепла в каждую квартиру. На приборах отопления установлены регуляторы, призванные обеспечить экономию и создать условия для комфортной регулировки температуры в комнатах. Все электросчетчики автоматически передают данные в управляющие организации, а светильники на лестничных площадках и в подъездах оснащены фотоэлементами и работают лишь в присутствии человека. Сегодня «Университетский» – это 28 домов от 9 до 19 этажей, где проживает 10 тысяч человек. Для каждой группы домов обустроено 12 дворовых территорий, 23 детские площадки, 2 спортплощадки и каток – отдельно для взрослых и детей младшего возраста. Жители «Университетского» активно и творчески подходят к благоустройству и озеленению своего микрорайона. Например, в 2015 году в рамках проекта «Посади именное дерево» в микрорайоне появилась Аллея Славы. 120 саженцев сортовых яблонь высаживали потомки фронтовиков, чьими именами названы деревья. При проведении акции «Сирень Победы» вдоль улицы Славянова высажены 150 кустов сирени, цвета которых соответствуют Российскому триколору: белая сирень сорта «Защитникам Бреста», синяя – «Маршал Конев», красная – «Маршал Жуков».

По новому законодательству с 2016 года все новостройки должны иметь класс энергоэффективности не ниже «В». В двух домах микрорайона очень высокий класс энергоэффективности – «А», остальные имеют класс «В+».

Места общего пользования в домах оборудованы светодиодными лампами и датчиками движения. В двух многоэтажках установлены светоакустические системы, которые включают и выключают светодиодное оборудование по звуку и освещенности. Во всех домах микрорайона лифты оснащены частотно-регулирующим приводом, что позволяет снизить расход электроэнергии, необходимой для работы лифта, практически на треть.

При строительстве домов использовались строительные материалы с высокими теплоизолирующими свойствами. Система теплоснабжения выполнена с горизонтальной разводкой и индивидуальными приборами учета тепловой энергии. Применена двухуровневая схема водоснабжения: на нижние этажи вода поступает из централизованной системы водоснабжения, а на верхние этажи вода поступает под давлением, создаваемым повысительным насосом.

В настоящее время здесь реализуется еще один пилотный проект в сфере энергосбережения – в «Университетском» внедряется автоматизированная система контроля и учета энергоресурсов (АСКУЭ), направленная на своевременный и справедливый учет потребленных энергоресурсов. Системой предусмотрена дистанционная передача показаний по расходу тепловой энергии на отопление квартир и мест общего пользования. Данные передаются на пульт оператора и непосредственно на сервер ПАО «Квадра». В результате, с одной, стороны жители оплачивают тепловую энергию за фактически потребленный объем, с другой, дистанционный съем показаний исключает недобросовестное отношение жителей к передаче показаний.

В рамках проекта «Стальное дерево» на крыше одного из домов микрорайона установлены 10 солнечных панелей мощностью 300 Вт каждая. Годовая выработка электроэнергии солнечной электростанцией составляет порядка 3750 кВт/ч. Солнечная электроэнергия направлена на освещение лестничных клеток во всех подъездах дома. В зависимости от календарного месяца, этот объем будет покрывать от 20 до 70% потребности общедомовых нужд. Одним из самых важных преимуществ использования солнечной энергии является отсутствие выбросов в атмосферу парниковых газов. Срок службы данной системы – более 30 лет, гарантийный срок – 3 года.

В результате применения современных технологий энергосбережения жители микрорайона платят за коммунальные услуги на 15–20% меньше липчан, проживающих в других районах города.

Теребихин В.М.¹

СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Ключевые слова: социогуманитарная модернизация, национальные проекты, государственная гуманитарная макрополитика, желаемый социогуманитарный образ региона.

Актуальность осуществления социогуманитарной модернизации республики имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Во-первых, стимулирующим фактором реализации социогуманитарной модернизации региона является необходимость дальнейшей «гуманизации» региональной политики, формирование человеко-ориентированной, общественно-государственной модели политико-административного управления в соответствии с конституционными основоположениями и гуманистическими политическими установками Президента РФ о человеке «как высшей цели, смысле политики, миссии развития страны, абсолютному национальному приоритете», о необходимости «самым серьезным образом обновить государственную гуманитарную политику»².

Во-вторых, это детерминируется:

- целями практической реализации стратегической задачи сформулированной Президентом России о необходимости «совершить мощный рывок в развитии, войти в число передовых стран по продолжительности и качеству жизни граждан»³;

- целями, задачами достижения конкретных целевых индикаторов повышения качества жизни, поставленных Президентом в Послании 2019 года и майском Указе главы российского государства о национальных проектах⁴;

- задачами практического обеспечения в среднесрочной перспективе высшей стратегической цели государственного управления – создания условия для свободного развития человека, повышение качества человеческого потенциала в Республике Коми.

В-третьих, проектирование и практическая реализация социогуманитарной модернизации Республики Коми детерминируется объективной необходимостью смягчения негативных последствий социогуманитарного кризиса, сформировавшегося во всех северных субъектах России и, в том числе, в Республике Коми в начале 90-х годов в период социетальной трансформации российского общества, а также демпфирования современных социогуманитарных угроз и проблем региона, в том числе, преодоления кризиса воспроизводства населения.

Несмотря на целый комплекс позитивных тенденций в социогуманитарном развитии республики, общая социально-гуманитарная ситуация оценивается как достаточно сложная, в определенной степени – кризисная, с симптомами «социогуманитарной рецессии социума» (Н. Лапин).

Республика Коми занимает в «российском субъектном социогуманитарном таблице о рангах» рейтинговые позиции, неадекватные ее экономическому потенциалу.

При 8 месте в Российской Федерации по валовому внутреннему продукту на душу населения по целому ряду интегральных индикаторов качества жизни и «качества качеств» населения, (по данным за 2016–2018 годы и начало 2019 года) регион занимает низкие рейтинговые позиции среди субъектов РФ и Северо-Западного федерального округа (далее СЗФО):

- 64 место по качеству жизни (2017 – 65 место, 2016 – 60 место, 2015 – 59 место, 2014 – 53 место, 2013 – 50 место, 2012 – 46 место) и 8 место в СЗФО⁵.

- 65–67 место по продолжительности жизни как интегральному индикатору качества жизни (2017 год) (2015 год – 62 место)⁶

¹ Теребихин Владимир Михайлович – к.филос.н., эксперт ГБУ РК Центр «Наследие» им. Питирима Сорокина, член научно-консультативного Совета при Главе Республики Коми. E-mail: v.terebikhin@mail.ru

² Владимир Путин. Главное для нас – это люди. Электронное издание / Сост. В. Теребихин. – Сыктывкар, 2019. – <https://cloud.mail.ru/public/4maN/2XbGQZvAC>

³ Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXII Петербургского международного экономического форума 25 мая 2018 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/57556>

⁴ Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>

⁵ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2018. – <http://www.riarating.ru/info/grafika/20190219/630117422.html>; <http://www.riarating.ru/regions/20180607/630096049.html>http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf

⁶ Там же.

- 81 место в демографическом рейтинге регионов (в 2016–2018 гг.)¹
 - 10 место по уровню смертности от самоубийств (2 место в СЗФО)²
 - 13 место по уровню смертности от убийств и второе в СЗФО)³
 - 13 место по уровню смертности от внешних причин⁴
 - 17 место по смертности от алкогольных отравлений⁵
 - 70 место по приверженности населения к здоровому образу жизни (ЗОЖ) (2017 – 74 место), (8 – в СЗФО)⁶
 - 78 место в рейтинге эффективности систем здравоохранения (2016 год)⁷
 - 53 место по развитию спорта⁸
 - 59 место по эффективности молодежной политики (2017 – 55 место; 2016 год – 46 место)⁹
 - 10–12 место по уровню разводов (число разводов на 1000 браков)¹⁰
 - 75 место во всероссийском рейтинге субъектов Российской Федерации по развитию туризма¹¹
 - 81 место в рейтинге трезвости российских регионов (2017 – 73 место, 2016 год – 83 место)¹²
 - 77 место – по количеству рабочих мест созданных за последние 3 года в регионе¹³
 - 58 место по вводу жилья общей площади в расчете на 1 человека¹⁴
 - 55 место по вовлеченности населения в малый бизнес¹⁵
 - 2–3 место в РФ (1 – в СЗФО) по интенсивности обращений населения (коэффициенту обращений) к Уполномоченному по правам человека РФ на нарушения прав человека в РК¹⁶
 - Республика входит в состав 10 регионов (5 место) с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в состав 10 субъектов РФ (3 место) в которых отмечен рост числа погибших от совершенных преступлений¹⁷
 - «В структуре неестественных причин смерти случайные отравления алкоголем по республике в 2017 году составили 17,4% (по России – 8,4%)»¹⁸
 - Регион входит в число 16 наиболее криминализованных регионов Российской Федерации¹⁹.
- В республике, наряду с достижением некоторых позитивных изменений в «качестве качества населения», например, повышении продолжительности жизни, снижении уровня смертности, отмечается ухудшение ряда качественных характеристик населения, что выражается в «тенденциях-процессах» демографического старения населения, превышении удельного веса пожилого поколения над детским в структуре населения, снижения уровня и потенциала здоровья, репродуктивного потенциала, в том числе, уменьшения удельного веса трудоспособного населения и женщин фертильного возраста, увеличения мужского бесплодия, высокий разрыв в продолжительности жизни женщин и

¹ Демографический рейтинг регионов. – <http://www.riarating.ru/info grafika/20190423/630123908.html>

² Сведения о числе умерших от внешних причин смерти на 100 000 населения по субъектам РФ за 2018 год. – www.gks.ru/free_doc/2017/demo/t3_5.xls

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Сведения о числе умерших от внешних причин смерти на 100 000 населения по субъектам РФ за 2018 год. – http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn12-18.htm

⁶ Рейтинг регионов по приверженности населения здоровому образу жизни. – <http://www.riarating.ru/info grafika/20181002/630107028.html>; <http://riarating.ru/info grafika/20170921/630073305.html>

⁷ Высшая школа организации и управления здравоохранением. – http://www.vshouz.ru/news/105.html?SSr=140133ee2c2fff27c__07e20518140e2d

⁸ Спортивный рейтинг регионов газеты «Советский спорт». – <https://www.sovsport.ru/others/articles/948889-sportivnyj-rejting-regionov>

⁹ Итоговый ежегодный рейтинг регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2017 год. – <https://fadm.gov.ru/news/40735>

¹⁰ Коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста, браков и разводов / Росстат. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

¹¹ Рейтинг развития туризма в субъектах Российской Федерации (2016 год) Минкультуры. – <https://www.mkrf.ru/press/news/rejting-subektov-rossijskoj-federatsii-po-razvitiyu-20171006160552/>

¹² Рейтинг трезвости российских регионов. – <http://www.trezvros.ru/calendar/702>; <https://ria.ru/info grafika/20171127/1509696354.html?injj=1>

¹³ Рейтинг регионов по количеству рабочих мест созданных в регионе. – <http://riarating.ru/info grafika/20190416/630123400.html>

¹⁴ Рейтинг регионов по вводу жилья. – <http://www.riarating.ru/info grafika/20190521/630124905.html>

¹⁵ Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый бизнес. – <http://www.riarating.ru/info grafika/20190409/630122818.html>

¹⁶ Доклад Уполномоченного по правам человека за 2017 год. – <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2017>; Доклад Уполномоченного по правам человека за 2018 год. – http://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doclad_2018.pdf, с.29.

¹⁷ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года. – <https://мвд.рф/reports/item/16053092/>

¹⁸ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия в Российской Федерации» по Республике Коми в 2017 году / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Коми. – Сыктывкар, 2018. – С. 27.

¹⁹ Ярославцева Л.П. Типологизация регионов Российской Федерации по уровню криминализации и оценка их социально-экономического положения. – <http://ukros.ru/archives/19758>

мужчин (более 11 лет), снижения потенциала здоровья детей, полученного при рождении, ухудшении качества рожавшихся. Повышается уровень заболеваемости населения ВИЧ-инфекцией.

В регионе отмечается гендерная диспропорция, сверхсмертность населения от предотвратимых причин смерти, высокая смертность трудоспособного населения, повышение уровня инвалидизации, высокий уровень внебрачных сожительств (около 30%) и др.

Значительны масштабы экономических потерь от заболеваемости, инвалидности и смертности. Предположительно, эти потери составляют от 5 до 8 процентов валового регионального продукта.

Высокий, (в 2 раза превышающий среднероссийский) уровень смертности от самоубийств, существенное снижение рождаемости, повышенный уровень миграционной убыли, уменьшение браков, высокий и возрастающий уровень убийств (в 2 раза превышающий среднероссийский и средний по СЗФО), и ряд других индикаторов свидетельствуют о дискомфортном социо-психологическом настроении, об ухудшении социально-психологического самочувствия, общественного психического здоровья населения региона.

В регионе многие качественные индикаторы, характеризующие социо-психологическое, духовно-нравственное здоровье (самоубийства, убийства, преступность, алкоголизация, наркотицизация, аборт, разводы, внебрачные сожительства и др.), превышают пороговые, критические значения «параметров порядка» социогуманитарного развития.

В республике сохраняется на относительно высоком уровне социальное неравенство, избыточная социальная и территориальная (пространственная) поляризации населения, социальная дисгармония, разрыв в доходах бедных и богатых (индекс Джини, коэффициент фондов, индекс Кейтца), высокая численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, что противоречит конституционному статусу Республики Коми как социального субъекта.

В регионе, как и в целом по Российской Федерации, не обеспечено в полном объеме достижение всего комплекса целевых индикаторов человеко-ориентированных «майских указов» Президента РФ 2012 года.

Негативные тренды социогуманитарных процессов в регионе сохраняют в 2018 и начале 2019 года основные интегративные «характеристики-состояния».

В 2018–2019 годах в регионе отмечается:

- демографический кризис – превышение смертности над рождаемостью, естественная убыль, переход в режим кризисного воспроизводства населения;

- увеличение темпов снижения рождаемости;

- сохранение тенденции высокого уровня миграционной убыли населения, «более половины уехавших – специалисты с высшим образованием»¹;

- в 60 процентах муниципальных образований за 2010–2018 годы отмечается «сильная или быстрая депопуляция» (снижение численности населения в среднем более 2 процентов за год)²;

- снижение реальных доходов населения;

- сохранение на высоком уровне численности бедного населения;

- высокий уровень самоубийств.

Эти антропотенденции как социогуманитарные вызовы, ограничения, уязвимости, угрозы региональной социогуманитарной безопасности усложняют практическую реализацию майского 2018 года Указа Президента РФ, достижение всех целевых индикаторов республиканских национальных проектов.

Исходя из вышеизложенного, органам государственной власти республики в контексте осуществления социогуманитарной модернизации рекомендуется продуцировать и принять ряд концептуальных, программно-мировоззренческих, политических документов и нормативно-законодательных актов, прежде всего, «Концепцию социогуманитарной модернизации Республики Коми» как своеобразную «социальную доктрину региона».

На основе данной концепции рекомендуется принять «Стратегию социогуманитарной модернизации Республики Коми на период до 2024 года». Для подготовки концепции и стратегии целесообразно провести региональную научно-практическую конференцию по проблемам социогуманитарной модернизации-преобразования, а также гражданский «Социальный (гуманитарный) форум Республики Коми», на котором рекомендуется также обсудить ход реализации национальных проектов как инновационных, эффективных управленческих инструментов, механизмов, способов государственно-общественного управления социогуманитарной модернизацией.

В общем комплексе научно-управленческой деятельности по проектированию «Концепции социогуманитарного модернизации Республики Коми» необходимо:

- разработать систему концептообразующих, основополагающих «понятий-категорий» проектируемого документа, таких как «социогуманитарная модернизация региона», «социогуманитарная миссия региона», «гуманитарная успешность субъекта России», «государственная гуманитарная макрополитика (антропополитика)» и другие «категориальные» теоретические понятия концепции;

- определить стратегические цели;

- сформулировать «желаемый интегральный социогуманитарный образ Республики Коми» как социогуманитарную «футуромодель» региона, «итоговое видение» успешности процессов реализации концепции и стратегии социогуманитарного преобразования и др.

¹ Молодежь на рынке труда Республики Коми. Пресс-выпуск. – http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/publications/

² Симагин Ю.А. Территории России с быстрым сокращением численности населения. – <http://ukros.ru/archives/19954>

Для экспертного обсуждения предлагаются следующие варианты номинирования некоторых перечисленных выше понятий:

Социогуманитарная модернизация региона:

- это «системоконкомплекс» когерентных, взаимообусловленных, всесторонне взаимозависимых процессов регионального развития, «целесоориентированных» на создание условий для опережающего, динамически устойчивого, сбалансированного человеческого развития в северном регионе;

- это «гуманистически ориентированная модернизация» (С.А. Кравченко), «антропосоциокультурная, гуманистическая модернизация», «модернизация для всех», «гуманистически ориентированная эволюция» (Н.И. Лапин), нацеленная на раскрытие многогранных духовных и интеллектуальных потенциалов Человека в сложном современном региональном социуме;

- это такое развитие и креативное управление региональным развитием, при котором обеспечивается существенный и опережающий рост «гуманитарных инвестиций», превосходящих по уровню и опережающих по темпам и инвестициям в материальные производственные фонды, рост абсолютных размеров нематериального (или невещного) накопления в человеко-ориентированные инвестиционные сферы, обеспечивающие создание необходимых инфраструктурных, «средовых» условий для гармоничного развития человека, повышения качества человеческого потенциала региона, формирования «инновационного человека», процесс модернизации всех сфер (подсистем) социальной и духовной жизни региона, формирования новой региональной идентичности, целостности регионального социогуманитарного пространства, создания новой культурной среды функционирования социума, преобразования регионального социокультурного ландшафта;

- это такое развитие региона, которое расширяет возможности населения получить хорошее образование, прожить долгую и здоровую жизнь, иметь интересную и достойную работу, способную обеспечить духовное и материальное благополучие.

Социогуманитарная модернизация, с точки зрения государственного управления, понимается нами как осуществляемый органами государственной власти и местного управления при конструктивном, солидарном участии политически активного населения и институтов гражданского общества, синхронный и интерактивный, общественно согласованный процесс научно-обоснованных инновационных, креативных институциональных, структурно-функциональных преобразований (изменений) в системе управления социогуманитарным развитием региона, развитие процесса формирования человеко-ориентированной модели государственного управления и местного самоуправления, процесса модернизации социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных политик, внедрение технологий ценностно-ориентированного, креативного, проектного гуманитарного управления (гуманитарного менеджмента), инкорпорирование высоких инновационных гуманитарных технологий (креативных социогуманитарных, социокультурных инноваций) в практику государственного управления и местного самоуправления.

Социогуманитарная миссия Республики Коми может быть представлена следующим комплексом формулировок:

- Миссия Республики Коми состоит в построении и эффективном функционировании региональной социально-экономико-гуманистической системы инновационного будущего, целесоориентированной в соответствии с Конституциями России и Республики Коми на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека как высшей ценности;

- Миссия Республики Коми состоит в создании для жителей региона одного из лучших среди северных регионов России стандартов качества жизни, качества населения, социального и духовного благополучия, экономической среды на основе повышения эффективности и сбалансированности функционирования экономической, социальной и политической и духовной сфер общественной жизни;

- Миссия Республики Коми заключается в создании комфортной среды проживания и приближения стандартов качества жизни, показателей развития человеческого потенциала к уровню лучших северных регионов России, Северо-Западного федерального округа и, в долгосрочной перспективе, к стандартам качества жизни населения северных и финно-угорских стран мира.

- Миссия Республики Коми состоит в том, чтобы обеспечить статус одного из лучших регионов в Северо-Западном федеральном округе по основным индикаторам качества жизни и качества «качества населения» и превратиться в территорию наиболее комфортную для проживания, труда, туризма и отдыха населения, территорию высокого и повышающегося качества жизни для нынешних и будущих поколений на основе социоинновационного устойчивого развития, промышленного роста, повышения конкурентоспособности, ресурсо- и энергосбережения, создания новой системы привлечения инвестиций, способствующей внедрению достижений науки и инноваций в производство.

Стратегическая цель социогуманитарной модернизации республики – обеспечение расширенного воспроизводства условий (социальных, экономических, политических, правовых, гуманитарных и др.) для свободного развития человека как высшей, приоритетной цели регионального государственного управления, повышение качества человеческого потенциала, реализация заложенных в человеке многомерных способностей и потенциалов, «формирование гармонично развитой личности»¹, духовно-зрелой личности, «креативного», «инновационного человека» (Э.Хаген), человека, способного адаптироваться к постоянным изменениям, активным инициатором и производителем этих и изменений, создание условий для формирования у граждан компетенций инновационной деятельности.

«Первоцелями» практической реализации концепции или ее «минимакс-стратегией» являются: демпфирование кризисности антропологической ситуации в регионе, смягчение остроты социально-антропологической напряженно-

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

сти, формирование гуманистической, социогуманитарной, «человеко-центрированной» парадигмы региональной государственной политики и человеко-ориентированной модели политико-административного управления обеспечивающей переход от «человеко-потребляющего» типа развития к «человеко-воспроизводству», развитию и в целом, общего уровня «гуманитарной успешности» республики.

Индикативными целями концепции социогуманитарной модернизации региона могут быть:

- цели приближения основных качественно-количественных параметров человеческого развития к границе уровня «human development» северных и европейских финно-угорских государств;
- цели и гуманитарные индикаторы, установленные национальными приоритетными проектами, достижение социогуманитарных целей национальных проектов в регионе: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет, увеличение суммарного коэффициента рождаемости с 1,179 до 1,962, увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55 процентов доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, снижение смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. населения, снижение младенческой смертности с 4,3 до 4,0 случая на 1 тыс. родившихся детей, ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь; воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций, доля детей в возрасте от 5 до 18 лет, охваченных дополнительным образованием с 69 до 80%; увеличение на 15% числа посещений организаций культуры (с 4772,36 тыс. чел. до 5488,10 тыс. чел.), увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз и др.¹

Важнейшим условием эффективной реализации социогуманитарной модернизации является создание на региональном и местном уровнях институциональной интегрально-межотраслевой, государственно-общественной системы управления, в том числе координации деятельности многосубъектных (государственных, муниципальных, общественных) институтов, участвующих в процессах регионального гуманитарного развития, осуществления национальных проектов на основе функционирования регионального социогуманитарного кластера.

Одним из компонентов модели является «комплекс требований к качествам власти, субъектам и институтам, осуществляющим социогуманитарную модернизацию. Как мы полагаем, власть, осуществляющая социогуманитарную модернизацию в соответствии с требованиями Президента РФ, должна быть:

- властью «высокого качества», властью интеллектуальной, «ноократией»;
- властью гуманной, моральной;
- властью «понимающей», «отзывчивой»;
- властью «прозрачной»;
- властью «цифровой» – системно использующей современные высокие инфо-инновационные, цифровые, аналитические и другие управленческие технологии и методы;
- властью легитимной и эффективной;
- властью демократически и гуманитарно-ориентированной;
- властью, в основе функционирования которой, лежит современная парадигма управления – «новое публичное управление», включающая проектно-ориентированное управление.

Реализацию целей социогуманитарной модернизации должна обеспечить многоуровневая и полисубъектная региональная государственная гуманитарная мегаполитика (антропополитика), включающая (интегрирующая) следующие человеко-ориентированные субполитики: государственная культурная политика, государственная образовательная политика, государственная политика патриотического воспитания населения, государственная политика в области воспитания, в том числе, политика в сфере духовно-нравственного воспитания населения, прежде всего, молодежи, обеспечения духовной безопасности, государственная фелицитарная политика (политика, стратегическая цель которой – создание условий для достижения человеческого счастья), антикриминальная политика, антинаркотическая политика, государственная политика дезалкоголизации населения (алкогольная политика, государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения), антикоррупционная политика, демографическая политика, политика управления антропотокотом (миграционная политика: иммиграционная политика, политика «натурализации», политика социокультурной интеграции), политика в сфере укрепления популяционного здоровья, политика в сфере развития физкультуры и спорта, семейная политика, единая детская и молодежная политика, геронтополитика, политика в сфере повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни, политика в сфере социального обслуживания, социальной поддержки и помощи различным категориям населения, политика в сфере укрепления и охраны психического здоровья населения, политика в сфере создания условий для высокопроизводительного труда, политика в рекреационно-релаксационной сфере, жилищная политика, политика в сфере развития общественных отношений, связей с общественностью, политика формирования культуры общественной жизни, гражданского образования, государственная демократическая, гуманистически ориентированная информационная политика, символическая, имиджевая политика, государственная историческая политика, политика поддержки институтов гражданского общества, гражданского участия, политика социального партнерства (включая политику в сфере развития наставничества, добровольчества), электоральная политика, политика в сфере обеспечения прав и свобод граждан, политика в сфере межконфессиональных отношений (государственная конфессиональная политика), этнополитика, политика противодействия интолерантности, формирования толерантной куль-

¹ Проектное управление в Республике Коми. Национальные проекты. – http://project.rkomi.ru/pages/natsionalnye_proekty

туры, политика формирования солидарного общества, политика формирования российской и территориальной гражданской идентичности, государственная кадровая политика и целый ряд других¹.

Все эти человеко-ориентированные, гуманитарные субполитики должны иметь научно-обоснованные, нормативно оформленные концепции или доктрины, программно-целевой комплекс, бюджетное финансирование, государственно-общественную модель управления и единую систему государственного управления, в том числе, и координации всех многосубъектных институтов, участвующих в осуществлении антропополитики, а также, систему средств – современных высоких социогуманитарных, «человекоориентированных» технологий, (в том числе, и гуманитарных технологий рефлексивного управления), и критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения.

Социально-гуманитарная модернизация как сложный, многоплановый процесс, включает системную модернизацию всей совокупности социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных субполитик (антропополитик), всех подсистем социальной, и духовной жизни региона, системы государственного и муниципального управления ими. В связи с этим актуализируется задача проектирования, принятия и практической реализации концепций модернизации всех отраслей, сфер и направлений функционирования региональной социогуманитарной сферы.

По примеру ряда регионов России (Санкт-Петербург, Томская, Белгородская область, Республика Татарстан и ряд других) рекомендуется разработать и принять «Социальный кодекс Республики Коми» и «Социальный паспорт Республики Коми» («Социогуманитарный паспорт РК»).

С целью координации деятельности всех субъектов, участвующих в осуществлении социогуманитарной модернизации, эффективного обеспечения государственного управления процессами гуманитарного развития региона, предлагается создать при Главе РК общественно-государственный Совет по социогуманитарной модернизации (или по социогуманитарному развитию республики). Аналогичный Совет создан и успешно функционирует при Губернаторе Белгородской области, занимающей высокие рейтинговые позиции «в российской таблице о рангах» по всем основным социогуманитарным индикаторам.

В общем контексте социогуманитарной модернизации в соответствии с задачей приоритетного развития гуманитарных наук как наук о человеке, его развитии, «его духовной, нравственной, культурной и общественной деятельности», сформулированной в Указе Президента РФ «Об основах государственной культурной политики»², актуализируется проблема создания системы государственной поддержки развития социальных и гуманитарных наук и исследований: философских, социологических, политологических, культурологических, социально-психологических, социально-антропологических и институционального формирования соответствующих экспертных сообществ. В данном контексте, в рамках реализации национального проекта «Наука», можно рекомендовать учреждение премии Главы РК или Правительства республики им. Питирима Сорокина в области социальных, общественных, гуманитарных наук. Предлагается также изучить вопрос о создании на базе Института языка, литературы и истории КНЦ Уральского отделения АН РАН Института гуманитарных исследований (опыт Республики Мордовия, Республики Башкортостан и ряда других регионов). В целях обеспечения координации ученых, исследующих проблемы развития человека в регионе, рекомендуется создать научный кластер «Развитие человека на Севере».

Одним из структурных компонентов концепции социогуманитарной модернизации является многофункциональная система социогуманитарных критериев и индикаторов оценки качества и эффективности государственного управления процессами социогуманитарной модернизации, обеспечения гуманитарной успешности региона (система индикаторного управления), имеющая сложный системологический характер и состоящая из 6 основных подсистем:

- подсистемы интегральных (компонитных, синтетических, агрегированных) индексов человеческого развития, интегральных индексов количественных и качественных изменений в населении, количественно определяющих интегральные качественные характеристики развития человеческого потенциала, позволяющих выявлять более сложные тенденции и флуктуации человеческого развития для принятия научно-обоснованных управленческих решений;
- подсистемы частных индексов, каждый из которых отражает и измеряет отдельные аспекты развития человеческого потенциала (сгруппированных по тематическим, проблемным блокам в соответствии с основными интегрированными направлениями гуманитарной макрополитики);
- подсистемы «пороговых», «предельно-критических» индикаторов-показателей гуманитарной, человеческой безопасности;
- подсистемы индикаторов – «ориентиров-эталонов» гуманитарного, человеческого развития;
- подсистемы рейтинговых показателей уровня и качества гуманитарного развития региона в системе российского рейтингового «табеля о рангах»;
- подсистемы мониторингов оценки гуманитарной успешности региона, эффективности осуществления гуманитарной политики.

Автор полагает, что интегральным критерием практического осуществления концепции региональной социогуманитарной модернизации может быть признано достижение следующих желаемых характеристик «социогуманитарного образа республики к 2035 году, последнему году реализации «Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года»:

¹ Теребихин В.М. Государственная гуманитарная политика (антропополитика): пролегомены к проектированию концепции // Вестник КРАГСиУ. Серия «Теория и практика управления». 2015. – № 14 (19). – С. 131–138.

² Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. – М., 2014.

- «Республика Коми к 2035 году – регион, имеющий статус одного из лучших субъектов в Северо-Западном федеральном округе по основным индикаторам качества жизни и качества «качеств населения», территория наиболее комфортная для проживания, труда и отдыха населения, территория высокого и повышающегося качества жизни для нынешних и будущих поколений, регион, в котором созданы условия равных возможностей для самореализации и жизненного успеха каждого жителя республики»;

- «Республика Коми к 2035 году – регион, в котором, органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется системная работа по созданию условий для развития человека как высшей ценности, «меры всех вещей» на основе эффективной гуманитарной макрополитики, развития культуры, образования, здравоохранения, политики здорового образа жизни, заботы о детях, молодежи, семье и старшем поколении, преемственности и солидарности поколений, повышения качества и уровня жизни, улучшения условий труда, укрепления института семьи, интеллектуализации, духовно-нравственного развития и воспитания населения, регион, в котором реализуются принципы социальной справедливости, социального гуманизма, социальной сплоченности».

Яковенко А.В.¹

ОТКРЫТОСТЬ КАК ИДЕОЛОГЕМА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Ключевые слова: *открытость, идеологема, новые технологии, человек, социальная потребность, будущее.*

Keywords: *openness, ideologeme, new technologies, man, social need, future.*

Тема открытости, тем более в плоскости политических отношений, давно набила своеобразную «оскомину». Об «открытости» и её встроенности в политтехнологический цикл предметно многое сказано и научно отрефлексировано. Казалось бы, не менее странно возвращаться к идеологеме «открытости» применительно к региональной проблематике, пусть и с позиций её универсальной составляющей, исходя из задач конференции. И, тем не менее, возьмем на себя смелость вновь заострить внимание на данном вопросе, руководствуясь, минимум двумя, как представляется, весомыми аргументами. Первый довод – глобально-технологический. Целесообразность не снимать вопрос об открытости в системе политэкономического и любого иного конфигурирования социума обусловливается продолжающейся и возрастающей технологической «обнаженностью» общества, постепенным переходом его в состояние, которое еще в прошлом веке было определено термином «глобальная деревня», а мы бы его назвали «глобальным хутором» или «глобальным племенем». А значит, никак не удастся отправить открытость лишь в сегмент отретушированных идеологических приемов.

Здесь достаточно указать на всё более бурно и детально обсуждаемую инициативу китайских коллег по созданию общенационального «социального рейтинга», позволяющего каждого гражданина страны совершенно легально отслеживать и постоянно оценивать по его поступкам, поощряя или же, напротив, накладывая санкции. Кстати, если верить прессе, эксперимент уже запущен в ряде регионов. Можно разделить скепсис тех, кто высказывает сомнение в отношении уверений в том, что данный опыт имеет исключительно китайскую специфику и вряд ли выйдет за границы КНР. Также сегодня мало кто знает, что придет, например, на смену пресловутым «твиттер-революциям», опирающимся на общедоступность социальных сетей, сумевших «потрясти» и даже «перевернуть» немало государств. Второй довод – регионально-прикладной: продолжающееся тиражирование примеров использования темы отсутствия открытости в деятельности органов власти на уровне региона, города и даже поселка для детонирования общественного строя. Дабы не сбиваться в тексте на политизированные примеры сошлемся на их самоочевидность.

Идеологема «открытости» и недавняя политическая история

Идеологема «открытости» отчетливо ассоциируется в современной позднесоветской, а затем и постсоветской политической истории в первую очередь с работой К. Поппера «Открытое общество и его враги», и с её умелой интерпретацией во многочисленных проектах, патронируемых прежде всего Дж. Соросом и его сателлитами. Понятно, что вся эта «открытость», «прозрачность» имела и продолжает иметь однонаправленный вектор, позволяющий будоражить общественное мнение, совершать политические трансформации преимущественно в выгодном для заказчиков ключе.

В этом плане открытость как идеологема опирается на известные приемы и принципы, среди которых:

- максимальный сбор сведений об объекте воздействия;
- создание активных групп поддержки идей «открытости», состоящих из людей частично искренних, преданных данной идее по «простоте душевной», отчасти циничных, поскольку точно знающих об обмане и получающих за это ощутимые дивиденды;
- формирование и удержание выгодной общественной атмосферы, подпитывающей действия «активистов», путем поддержки или, как минимум, сочувствия их деятельности.

Открытость как идеологическую единицу, можно считать своеобразной правопреемницей гласности, которая выступала органичным элементом и главным рефреном пропаганды перестройки. С тех пор было заложено амбивалентное отношение ко всей лозунговой практике, опирающейся на абсолютизацию и выгодное использование фразеологием открытости. С одной стороны, всплеск интереса к закрытым темам прошлого и желание «узнать правду» о настоящем. С другой стороны, у опытных и зрелых умов еще тогда сформировалось устойчивое понимание умелого использования взрывного потенциала правды, гласности, открытости (как угодно) для разрушения не только политических, но и главное – ценностно-смысловых конструкций общественной жизни. Именно удачная эксплуатация принципа открытости, в качестве эффективной идеологемы, способствовала созданию и перманентному поддержанию атмосферы своеобразной коллективной «грогги», дающей фору сопернику, бомбардирующему психоэмоциональное и м о

¹ Яковенко Андрей Вячеславович – д.соц.н., профессор, профессор кафедры социологии Луганский национальный университет им. Владимира Даля. E-mail: 6daov@rambler.ru

ральное состояние наиболее совестливых индивидов и общественных групп. Как отмечает Ж. Тошенко: «Политика «открытости» давала возможность США и внутренней оппозиции формировать и укреплять силы, которые сыграли затем немаловажную роль в развале СССР»¹. Он также напоминает, что провозглашенная в 1988 году на сессии Генеральной ассамблеи ООН политика «открытости выбора» имела и более обширные геополитические последствия, прежде всего, в Восточной Европе².

В настоящее время наиболее очевидным примером двузначности, избирательности и некритического отношения к принципу открытости можно считать ситуацию вокруг WikiLeaks и ее основателя Дж. Ассанжа. Пробный шар в виде деятельности Ассанжа и его сторонников продемонстрировал соотношение силы действия и силы противодействия, включая и подоплеку активности и деактивации инициатив СМИ, в борьбе за реальную информационную открытость и за права личностей, принципиально вставших на этот путь. Можно было в очередной раз убедиться, что никакой паритетности в открытости вопросов и проблем, представляющих общественный интерес, никогда не существовало. Тем более трудно предположить абсолютную открытость со стороны людей, занимающихся миллиардными финансовыми операциями, включая того же Дж. Сороса.

Открытость как потребность

В то же время открытость, равно как и свобода, демократия – действительно весьма и весьма привлекательная идеологическая конструкция, чтобы просто так от нее отмахиваться, либо предъявлять аргументы, базирующиеся и существенно на принципе «сам дурак», апеллируя к нечистоплотности партнеров. Здесь важно отталкиваться от тонких струн наших внутренних потребностей, которые цепляет данная идеология, заставляет переживать и даже вставать на её защиту. Нередко при полном понимании фиктивности разворачивающихся событий. Не злоупотребляя историческими фактологическими длиннотами, лишь отметим, что племенная организация общества вообще предполагает открытость в качестве принципа существования. В племени отрабатывалась вариативность прецедентов полной открытости – буквально телесной и ментальной. Причем как из-за пребывания малого числа людей в замкнутом пространстве, так и по причине необходимости слаженности и предсказуемости действий каждого для обеспечения выживаемости социальной группы. Во многом аграрная цивилизация в её деревенско-хуторском укладе продолжила данную традицию, а примером из современной жизни могут служить те же минимилитарные сообщества, действующие в ситуациях, предполагающих максимальную степень риска.

В культурософском и одновременно сугубо сакральном планах можно опираться на повсеместность института исповеди, демонстрирующего важность для человека периодического выплескивания накопившихся тромбов лживости или же просто сомнений в правильности действий, не одобряемых общественными устоями. Откровенные беседы (пусть нередко и под воздействием транквилизирующих средств), разговоры по душам, – все это из разряда тех же терапевтических для индивида процедур, позволяющих искать отдушину в условиях постоянной внутренней и внешней мимикрии. Да и столь популярная саморефлексия теснейшим образом связана с самооткрытостью, внутренней честностью. Мы все равно в глубине души знаем правду. Хотя, с обратной стороны, именно она заставляет нас маскироваться, прятаться от самих себя. Механизмы самооправдания и загона вглубь давно отработаны, отшлифованы до совершенства. Равно как и умение играть в откровенность и «ловить» на откровенности. В естественном же отношении любопытство, пытливость, интерес – все эти проявления человеческой (и не только человеческой) природы предполагают направленность на открытия – однокоренное с «открытостью» слово. Да и биологически о человеке говорят, прежде всего, как об открытой системе.

Вряд ли кто-нибудь даст до конца обоснованный ответ на вопрос о детерминантах нашей потребности к познанию, к устремленности постигать мир внутри и вовне нашего организма. Но исключительно такая ориентированность задает платформу для открытости, постоянному стремлению уменьшать количество тайн, даже путем их неуклонного преумножения в результате достижения очередных открытий. Открытость и тайна, ложь, замаскированная под правду и правда, срывающаяся за дипломатической ложью, – всегда шли рука об руку.

Об открытости и без того открытого

Впрочем, если быть корректным, то следует говорить о замифологизированности самой идеологии «открытости». В малых и даже больших социальных системах по большому счету никогда не было обширных «закрытых» зон. Во всяком случае, для социальных институтов, осуществляющих контроль за функционированием данных систем. Да и, как правило, особенно в небольших городах, не говоря уже о поселках, «все о всём знают». Чаше всего речь идет не об открытости вообще, а относительно юридических, политико-административных, карьерных и прочих последствий для конкретных персоналий в случае обнародования нелицеприятных фактов. Поэтому ныне скорее нужно фиксировать тенденцию к публичности доселе не публичных сфер и доступности информации некогда позволительной лишь локально и дозировано. Дилемма, как всем понятно, уже давно не заключается в выборе между «открытостью» или «закрытостью». Мы можем воочию наблюдать за её трансформацией в однозначную проблему: что же теперь с этой открытостью делать. Значительная часть жизнедеятельности личности, не говоря уже об отлаженной работе социальных институтов, базируется на подразумеваемых, латентных функциях, двузначностях и прочих атрибутах воспроизводимых в рамках зазора между афишируемым и реально существующим. Кроме того, открытость ни на

¹ Тошенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – С. 582.

² Там же, с. 583.

йоту не приблизила нас к пониманию фундаментальных вещей. Достаточно указать на происхождение мироздания и человечества, возможное влияние потусторонних сил на происходящие процессы, а также проблему глобального смыслополагания человеческого рода. Можно открещиваться от них сколь угодно долго, но снять их не удается.

Пока же механика использования принципа открытости в качестве мифологемы работает в привычном режиме: откройтесь сами, но не посягайте на наши тайны. Игры на резонансности событий, их использование для нагнетания страстей в адрес центральных или региональных органов власти с целенаправленным перенесением проблем местного характера на общегосударственный пласт.

Кстати в поколенческом разрезе вряд ли можно говорить об очевидности большей подготовленности той же молодежи к реалиям «открытого общества». С одной стороны, действительно её уровень раскрепощённости в отношениях, доступе к объёму и содержанию знаний, массе вещей и потребностей не сопоставим ни с одной из иных поколенческих когорт. Селфи- и Инстаграм-культуры – безусловно прибавляют доводов к распространению социальной потребности в открытости и особенно у молодых людей. Но наряду с этим имеет место теневой мир той же молодежи, обилие закрытых групп и сообществ. И пусть их активность просвечивается соответствующими службами – налицо сама практика реализации принципа «закрытости» в якобы открытой культуре.

Наряду с этим не будем забывать, что открытость дает возможность предметно оценивать всех действующих лиц конфликта. Предпочитают говорить о необходимости прозрачности деятельности представителей властных институций. Вполне же законное аналогичное требование гражданского общества в адрес их оппонентов вызывает в системе политехнологического противоборства ажиотаж и жесткое сопротивление. Тем более, если речь идет о внешнем покровительстве. В той же Украине попытки более предметно вклинуться в систему финансирования неправительственных общественных организаций, лидеров борьбы с коррупцией навлекли гнев со стороны их патронов даже на весьма лояльных к западным союзникам депутатов.

Техно-коммуникативная «открытость» социально «закрытого» общества

Говоря об открытости как о идеологеме и как о социальной потребности, хоть применительно к региональной политике, хоть к глобальной, нельзя обойти заявленную выше технологическую подоплеку актуализации проблемы едва ли не абсолютной прозрачности действий индивидов в цифровом мире. Неслучайно в число стратегических давно вышел вопрос: «Как обеспечить суверенность в условиях глобальной цифровизации?» Борьба за монополию на цифровые технологии становится в один ряд с монополией на углеводороды, производство атомной энергии, космостехнику, ядерное и постядерное оружие.

Современный технологический порядок, как уже многократно анализировалось, предполагает наращивание открытости по всем направлениям. Публично объявлена массивированная технологическая атака на последний «закрытый» бастион – непосредственно сознание человека. Имеются ввиду широко разрекламированные, а следовательно, организованные не без идеологической подоплеки проекты соединения компьютерных систем с головным мозгом человека. Медицинские потребности в лечении больных с определенными показаниями становятся элементом техноидеологии, получающей хорошую материальную подпитку. Уже не опыт торговца, учителя, психолога, просто умудрённого жизнью человека будет позволять понимать тайные мысли собеседника, а просто техническое устройство станет выдавать на какие-то внешние носители скрытые мотивы, размышления или отсутствие оных. За маской молчания, равно как и пустословия, окажется невозможным скрыть сущность мозговой деятельности, степень и качество её наполненности. «Злые духи» любого из нас могут стать столь же очевидны, как очевидны они для шамана в небольшом племени.

Полная открытость сознания создает более чем загадочные картины будущего даже в случае частичного продвижения на указанном научном поприще. Но и без этого многократно обсужденные технологии Big Data с опорой на системный анализ цифровых следов каждого субъекта объединенного мобильного и Интернет пространства позволяют составить их детальнейшие психосоциальные портреты. Огромное количество эпистолярной, аудио-, фото- и видеоинформации, отпечатки пальцев – добровольно отдаются пользователями гаджетов для формирования безразмерного массива данных. Разве что пока еще не сформирована достаточная база биоматериалов каждого из нас. И все же – вариативность и вероятностность в поступках, индивидуальных и коллективных поведенческих реакциях, пусть и абсолютно минимальная, но остается. В условиях же абсолютно открытого сознания исчезает за ненужностью даже видимость внуприличностной «тайной» субъектности.

Открытое общество, к которому никто не готов

Если же рассматривать развитие тенденции ко всеобщей открытости на базе новейших технологий в макромасштабе, без идеологемных подоплек и в качестве реализации социальной потребности в абсолютном знании, то по сути, имеет место заявка на новый цивилизационный порядок. Напомним, что именно «тайну» наряду с «чудом» и «авторитетом» Ф.М. Достоевский относил к трем столпам власти в облике Великого Инквизитора¹. И даже гипотетическая возможность перехода к миропорядку, исключаящему «тайну», означает трансформации куда более ощутимые, а то и разрушительные, нежели смена очередного глобального гегемона. Ведь в привычной схеме замещения властелина (властелинов) мира речь шла о перетоке капиталов, осуществлявшемся отнюдь не явно, а как раз таки скрытно. Теперь даже данная устоявшаяся схема может оказаться, если не прозрачной, то отчетливо высветленной.

¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. 2-е изд. – М.: Дрофа, 2003. – С. 297.

Многочисленные аналитики в настоящее время с высокой долей правдивости представляют широко общественности механизмы дрейфования финансовых рычагов влияния. Также благодаря открытости исчезают последние иллюзии о каких-то сверхсправедливых (вариации: добрых, честных, культурных) странах. Для мыслящих индивидов напрочь срываются в пике мифологемы о свободных и независимых СМИ, принципах народовластия, деолигархизации и массе иных фразеологем, зудящих и торпедирующих общественное мнение. «Эпические» и опять-таки открыто анализируемые битвы между тем же Трампом и Соросом, другими представителями глобальной финансовой элиты демонстрируют ветхость прежних идеологемных конструкций.

Оценивая же возможности плавного перехода к реально открытому обществу, возникает множество обоснованных сомнений. Ведь открытость предполагает честное отношение к себе и окружающим, что очень сложно дается большинству представителей человеческого рода. И здесь вряд ли можно организовать какой-то ограниченный социальный эксперимент в рамках значимого по масштабам региона. Еще Оуэновская «Новая гармония» и множество иных подобных известных примеров показали, либо несостоятельность данных попыток, либо их ограниченность, либо ту же встроенность в общий ритм интересов спекулятивной финансово-экономической системы.

Хотя, конечно же, напрашивается целесообразность попытки апробации функционирования некой прозрачно-цифровой социальной общности в рамках города или даже района, как минимум, для предметного выявления целого спектра проблемных полей, которые начнут возникать в первую очередь на социально-психологическом уровне. Тем более, что в случае гипотетической организации такого эксперимента его участники как раз и будут выходцами из нашей привыкшей к закрытости общественной жизни. Конечно, осуществляющиеся научные исследования межличностной совместимости в рамках программ подготовки экипажей для возможной реализации межпланетных полетов дают значительный материал для анализа. Но он представляется достаточно узким, не включающим в себя особенности деятельности социальных институтов, социальных организаций, многообразных поколенческих, профессиональных групп, различных субкультур и т.д.

Необходимо «открыто» признать – в настоящее время отсутствует неутопичная модель развития общества на принципах абсолютной открытости, равно как в дефиците действенные примеры искренней жизнедеятельности в показательных массовых масштабах. До сих пор искренность – это или разновидность изощренного обмана или же привилегия, за которую более чем дорого приходится платить. Мало того, для очень многих представителей человеческого рода при нынешней системе социализации открытость невыносима. Хотя бы потому, что истончаются, а затем и исчезают иллюзии о прошлом и будущем. Человек встает перед необходимостью полной демифологизации, будучи несколько к ней не подготовлен. Жить по-иному он не может. А страхи разоблачения на индивидуальном и тем более групповом уровнях всегда чреватые гигантскими «взрывами», личностными и социальными надломами.

К выводам: Мы находимся на той стадии общественного развития, когда вероятность реализации принципов абсолютной открытости, всепроницательности, пресловутой прозрачности более не является фантастической. Напротив, такая перспектива представляется весьма реалистичной. Изнаночной стороной открытости становится не божественное, а вполне рациональное, основанное на хорошей информированности «откровение». Частью данного «откровения» выступает и без того понятная застывшая жесткость человеческой личности, абсурдность или, мягче говоря, противоречивость её действий, равно как и мотивов данных действий.

Развенчание открытости в качестве выгодной и спекулятивной идеологемы не означает отказ от неё. Данная идеологема будет продолжать воспроизводиться с одновременной дискредитацией в качестве утилитарно пропагандистского приема. Подобная перспектива опять-таки не отменяет ключевую загвоздку существования современного человечества: повсеместно открыто визуализировать то, в чем оно существует, – означает подорвать основы тысячелетних практик. А иных, как неоднократно писалось, человеческое сообщество не выработало. Абсолютная открытость – внутреннее оружие, оказывающееся похлеще любого супероружия. Ибо оно рано или поздно может оказаться способным деуалировать вообще всю мифологизаторскую подоплеку общественных отношений. В свое время деятельность пусть даже и манипулятивной прессы в связке с промышленной революцией способствовала десакрализации, а затем и уничтожению монархических устоев. Теперь ситуация еще более катастрофическая. Социально-политическая, а главное – ментальная организация глобального сообщества нового образца на базе неспекулятивной открытости представляется во многом загадочной и пугающей. Мы слишком хорошо знаем сами себя в собственной беспредельной алчности, стяжательстве, завистливости и прочих пороках. Поэтому вера в разумную, поступательную регенерацию нынешнего социума в действительно открытое общество видится у деловых и заведомых оптимистов.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

Бешейко Д.В.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: демография, население, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, старение населения.

Keywords: demography, population, fertility, mortality, life expectancy, population aging.

Республика Мордовия длительные годы относится к числу регионов с неблагоприятной демографической ситуацией, характеризующейся быстрым сокращением населения. За 2005–2017 гг. число жителей этого региона уменьшилось на 7%. Среди национальных образований худшую демографическую динамику в последние годы демонстрировали только 3 российских региона: Республики Карелия и Коми, а также Еврейская АО.

Из 14 регионов Приволжского федерального округа, куда входит Мордовия, более быстрое падение численности жителей в этот период отмечалось только в Кировской области. Примерно такие же темпы отрицательной демографической динамики характерны для Ульяновской области¹.

Численность постоянного населения Мордовии в постсоветский период снижалась практически ежегодно за редким исключением (1993 г., 2017 г.), и к 2018 г. в регионе проживало на 16,5% меньше, чем 1 января 1990 г. Наиболее активно протекал этот процесс в так называемые «нулевые» годы. Только за это десятилетие проживающих в Мордовии стало на 7,6% меньше.

Неуклонно снижается и удельный вес сельского населения, что для данного региона очень важно, поскольку он имеет аграрно-индустриальную специализацию, и уже сегодня для обеспечения рабочей силой крупных агропромышленных предприятий, расположенных в сельской местности, организуют доставку на работу жителей городов и других населенных пунктов.

В 2018 г. в селах проживало 37% населения региона, а еще в 1990 г. этот показатель был равен 43%. (В 1970 г. 64% населения республики – сельские жители.)² С 1992 г. Мордовия постоянно живет в режиме депопуляции (табл. 1).

Таблица 1

Компоненты изменения общей численности населения Республики Мордовия (человек)³

Года	Численность населения на 1 января	Изменения за год			Численность населения на 31 декабря	Общий прирост за год, %
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост		
1990	963 778	-1438	1877	-3315	962 340	-0,15
1991	962 340	-1897	465	-2362	960 443	-0,20
1992	960 443	228	-1357	1585	960 671	0,02
1993	960 671	-2424	-3936	1512	958 247	-0,25
1994	958 247	-3899	-5831	1932	954 348	-0,41
1995	954 348	-5287	-4871	-416	949 061	-0,55
1996	949 061	-6367	-5696	-671	942 694	-0,67
1997	942 694	-7681	-6138	-1543	935 013	-0,81
1998	935 013	-7576	-5647	-1929	927 437	-0,81
1999	927 437	-8994	-7206	-1788	918 443	-0,97
2000	918 443	-10 291	-7690	-2601	908 152	-1,12
2001	908 152	-11 016	-7151	-3865	897 136	-1,21
2002	897 136	-10 971	-7787	-3184	886 165	-1,22
2003	886 165	-7866	-7737	-129	878 299	-0,89
2004	878 299	-6451	-7079	628	871 848	-0,73
2005	871 848	-7144	-7429	285	864 704	-0,82
2006	864 704	-6801	-6614	-187	857 903	-0,79
2007	857 903	-6245	-5592	-653	851 658	-0,73

¹ Регионы России: социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 40.

² Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 52; 2018. – С. 52.

³ Там же, 2018. – С. 53.

2008	851 658	-6696	-4952	-1744	844 962	-0,79
2009	844 962	-5778	-4924	-854	839 184	-0,68
2010	839 184	-5921	-5132	-789	833 263	-0,71
2011	833 263	-7809	-4385	-3424	825 454	-0,94
2012	825 454	-6888	-3745	-3143	818 566	-0,83
2013	818 566	-6410	-3839	-2571	812 156	-0,78
2014	812 156	-3268	-3488	220	808 888	-0,40
2015	808 888	-1435	-3528	2093	807 453	-0,18
2016	807 453	1088	-3457	4545	808 541	0,13
2017	808 541	-3485	-4008	523	805 056	-0,43

Естественная убыль просто опустошает деревни и села. В 9 из 22 районов республики по этой причине численность населения сокращается более, чем на 1% за год. А в 2 сельских районах республики потери населения вследствие его естественного движения в 2017 г. превысили 1,5%.

Таблица 2

Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста населения Республики Мордовия по муниципальным образованиям в 2017 г. (на 1000 человек населения)¹

Район	Число родившихся (без мертворожденных)	Число умерших	Естественный прирост, убыль (-)
Республика Мордовия	8,5	13,5	-5,0
городской округ Саранск	9,9	10,4	-0,5
Ардатовский район	5,6	18,1	-12,5
Атюрьевский район	8,7	17,5	-8,8
Атяшевский район	8,5	18,0	-9,5
Большеберезниковский район	7,0	23,8	-16,8
Большеигнатовский район	6,7	15,6	-8,9
Дубенский район	8,8	20,2	-11,4
Ельниковский район	6,1	17,3	-11,2
Зубово-Полянский район	5,5	12,2	-6,7
Инсарский район	7,7	18,1	-10,4
Ичалковский район	8,5	16,8	-8,3
Кадошкинский район	9,2	18,2	-9,0
Ковылкинский район	6,8	15,6	-8,8
Кочкуровский район	7,7	19,1	-11,4
Краснослободский район	6,5	15,7	-9,2
Лямбирский район	7,8	12,3	-4,5
Ромодановский район	9,5	15,7	-6,2
Рузаевский район	9,2	14,7	-5,5
Старошайговский район	6,1	16,5	-10,4
Темниковский район	5,9	21,0	-15,1
Теньгушевский район	6,3	18,3	-12,0
Торбеевский район	6,8	13,3	-6,5
Чамзинский район	8,9	14,0	-5,1

Отличительной особенностью этого региона является не свойственная национальным образованиям низкая рождаемость. По числу родившихся на 1000 населения Мордовия занимает 84 место в Российской Федерации, уступая в этом антирейтинге только Ленинградской области². С этим связана и деформация возрастной структуры, в которой доля детей и подростков составляет всего 15,2% против 18,6% в РФ и 18,5% в ПФО³.

Низкая рождаемость – одна из причин быстрого старения населения Мордовии. Если в 1990 г. средний возраст жителей региона был равен 35,8 года, то в 2017 г. у горожан он был равен 40 годам, у сельчан – 44,3 годам⁴. Еще в 2010 г. доля населения в пенсионном возрасте составляла 23%, в 2018 г. показатель приблизился к 28% (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес населения пенсионного возраста в Республике Мордовия, на 1 января, процентов⁵

Показатель	1979 г.	1989 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Все население	18,0	20,7	22,3	23,2	26,0	26,6	27,1	27,7
городское	11,9	14,7	17,4	20,7	24,3	24,8	25,0	25,5
сельское	23,3	28,6	29,6	26,9	28,6	29,5	30,5	31,4

¹ Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 78.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 62.

³ Там же, с. 47 – 48.

⁴ Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 57.

⁵ Составлено по: Приволжский федеральный округ (краткие итоги переписей населения). Стат. сборник. Саранск, 2001. – С. 20; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2010. – С. 59–61; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2016. – С. 59–66; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 59–62.

Специалисты особо подчеркивают, что ситуация осложняется еще и тем, что 37% населения проживает в сельской местности, где организовать достойные условия для лиц старшего возраста гораздо сложнее¹. А сельское население старше городского, и потребность в медицинском и социальном обслуживании выше. В 7 из 22 сельских районов Мордовии удельный вес населения в пенсионном возрасте превышает 33%, а в Большеберезниковском, Дубенском и Темниковском районах – 35%. Быстрое старение населения выдвигает неотложные задачи по корректировке социальной политики и обеспечению благополучной старости.

Продолжительность жизни в Республике Мордовия выше среднего по России показателя, по этому важнейшему индикатору регион занимает 17 место в стране². Это увеличивает демографическую нагрузку на работающее население. В начале 2018 г. на 1000 человек трудоспособного возраста в регионе приходилось 484 чел. старше трудоспособного возраста. (В РФ это соотношение равно 454, в ПФО – 476.)³

Еще одна большая демографическая особенность Республики Мордовия – большое влияние миграции на формирование населения и трудового потенциала региона. В начале 1990-х гг. миграция определяла динамику численности населения региона. Позднее ее влияние стало слабее. Почти весь период новейшей истории миграция усугубляет естественную убыль населения. В 1992–1994 гг. миграционный прирост отмечался и в городской, и в сельской местности. Это был период массового исхода русскоязычного населения из новых государств – в прошлом республик СССР, но этот поток быстро иссяк. Демографические потери региона от миграции огромны. За 1990–2013 гг. вследствие миграции население региона уменьшилось почти на 30 тыс. чел.

В 2014 г. миграционный отток сменился притоком. Сальдо по межрегиональному обороту продолжало оставаться отрицательным, но огромный приток в регион иностранных трудовых мигрантов, что было связано с подготовкой к проведению чемпионата мира по футболу (в Саранске было проведено несколько матчей), в корне изменил картину.

Международная миграция весь рассматриваемый период частично компенсировала потери от межрегиональной миграции, в последние годы ее значение в формировании населения Мордовии сильно возросло: в 2013 г. за счет этого направления были почти вдвое уменьшены, а в последующие 4 года перекрыты потери от межрегиональной миграции. В 2016 г. приток иностранных мигрантов в республику компенсировал даже естественную убыль и способствовал увеличению численности населения региона, что произошло впервые с 1992 г.

Только за 2010–2017 гг. сальдо международной миграции увеличилось почти в 8 раз. Наиболее быстро нарастал приток из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана. Наибольшей интенсивностью весь рассматриваемый период характеризуется поток мигрантов из Узбекистана⁴.

Пик активности по международному направлению пришелся на 2016 г., в 2017 г. при продолжающемся и даже ускорившемся росте числа прибывших сальдо миграции уменьшилось более чем в 1,5 раза. Кроме того, надо принимать во внимание, что прибывающие из ближнего зарубежья трудовые мигранты, как правило, не имеют высокого образования и квалификации, а уезжают из республики в поисках достойной работы хорошо образованные молодые люди. Это негативно сказывается на трудовом потенциале региона и возможностях его социально-экономического развития.

Итак, современный этап демографического развития Республики Мордовия характеризуется следующими основными особенностями: крайне низкая рождаемость, быстрое старение населения, сильное влияние миграционных процессов. Это требует корректировки социально-экономической политики, направленной на закрепление молодежи в регионе, создание условий для благополучной старости, привлечение в регион квалифицированных трудовых мигрантов.

¹ Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Солдатов А.А. Воспроизводство трудового потенциала Мордовии в современных условиях // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. – № 3. – С. 7–13; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Абелова Л.А. Демографические факторы формирования трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. – № 2. Серия: Социологические науки. – С. 196–202; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Солдатов А.А. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. – № 2. Серия: Социологические науки. – С. 202–208; Липатова Л.Н., Сивиркина Н.Н. Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. – № 2. – С. 114–128; Липатова Л.Н., Фадеев В.Ю. Региональные особенности демографического развития // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты. – Саранск, 2015. – С. 70–77.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 76.

³ Там же, с. 57–58.

⁴ Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 87.

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естествоинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

Брындина И.Е.

Технологическая платформа «Медицина будущего»

ЭНДОЭКОЛОГИЯ, УРАВНОВЕШЕННАЯ ПСИХИКА, ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КАК ПЛАТФОРМА ЗДОРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: гигиена, эндоэкология, природная экология, уравновешенная психика, духовная жизнь, здоровый образ жизни.

1. Эндоэкология чистоты внутренней среды организма

Эндоэкология – это методы и средства, позволяющие поддерживать чистоту внутренней среды организма, тем самым обеспечивая нормальную жизнедеятельность всех органов и тканей. Чистота внутренней среды организма – это основа основ его нормальной жизнедеятельности.

Человек – неотъемлемая часть природы, поэтому каждая клетка нашего организма чутко реагирует на любые изменения состояния окружающей среды. Биохимические процессы, протекающие в живых клетках, из которых состоит все живое на нашей планете, в том числе и человек, сформировались очень давно, миллионы лет назад. И все эти миллионы лет эволюция живого мира происходила в идеальных условиях первозданной экологической чистоты. Но в XX веке технический прогресс до неузнаваемости изменил облик нашей планеты. За последние десятилетия мы незаметно для себя стали как бы жителями другой планеты. К сожалению, большинство из нас живет вдалеке от нетронутых уголков природы, в окружении многочисленных химических веществ, токсинов, попадающих в организм с пищей, водой, воздухом, которым мы дышим. Химические вещества нарушают работу иммунной системы, способствуют развитию аллергических заболеваний, иммунодефицитов, онкологических процессов.

Более 80% токсинов скапливается в межклеточном пространстве – лимфе. А ведь именно в этой среде и находятся все наши клетки, и загрязненное пространство оказывает на них самое негативное влияние. При недомоганиях, прежде всего, нужно обращать внимание на работу лимфатической системы. Именно она производит уборку «мусора» – отвечает за вывод токсинов из организма. Она выбрасывает через свои капилляры шлаки непосредственно в кишечник, а затем наружу. И естественно, от того, насколько хорошо работает лимфатическая система, зависит и чистота внутренней среды организма, а следовательно наше самочувствие и здоровье.

Сегодня все знают, насколько важна хорошая экология для здоровья людей. И если не всегда в наших силах позаботиться об улучшении экологического пространства вокруг, то экология внутри нашего организма зависит только от нас самих.

Основными процессами самовосстановления организма на физиологическом уровне являются гормональное равновесие, метаболизм и регенерация. Метаболизм нормализуется щелочным питанием и употреблением чистой воды. При нормальном метаболизме гормональное равновесие достигается согласованием жизнедеятельности и сна с природным суточным циклом. Если нарушается естественный ритм сна и бодрствования, то гормон мелатонин вырабатывается недостаточно, нарушается гормональный баланс в организме и, как следствие, нарушается механизм клеточного обновления, и клетки продолжают расти или перерождаться. Чтобы начался процесс отмирания перерожденных клеток нужно приостановить действие их мутационных генов генетическими индукторами (гормонами). Это достигается гормональным равновесием по выработке гормонов и нормализацией гормонального фона по доставке их клеткам. Для установления гормонального равновесия нужна выработка гормона мелатонина эпифизом в достаточном количестве. При дневном свете мелатонин не вырабатывается. Мелатонин вырабатывается ночью во время сна. Для этого нужно в первую очередь наладить режим сна с целью выработки гормона мелатонина в достаточном количестве. Выработка гормонов начинается после сна на природе согласованием внутренней и внешней среды через систему адаптации с целью выработки нейромедиаторов гипоталамусом. Затем гормональное равновесие можно поддерживать ферментами черники, а кортикоидами облепихи нормализовать гормональный фон по доставке гормонов.

Регенерация клеток осуществляется в процессе их деления через обмен веществ, при нормальном метаболизме и гормональном равновесии. Регенерация дисков позвонков и хрящевой ткани суставов осуществляется в процессе равномерной ходьбы. После 20 минут равномерной ходьбы начинается питание клеток позвонков за счет диффузии, а также процесс регенерации. Полная регенерация дисков позвонков осуществляется за 1,5–2 часа равномерной ходьбы, 64 шага в минуту. При равномерной ходьбе регенерация хрящевой ткани коленных суставов компенсирует ее стирание.

Чтобы нормализовать механизм клеточного обновления (регенерацию) необходимо ежедневно настраивать жизненные системы и целостное функционирование организма на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях в соответствии с вибрационной полевой природой жизни и самоорганизацией биосистем человека.

2. Вибрационная полевая природа здоровой жизни

В середине прошлого века профессор Мюнхенского технического университета В.О. Шуман установил, что Земля и ее ионосфера образуют гигантский резонатор, где распространяются волны сверхнизких частот, которые без труда могут многократно огигать Землю. В течение 60 лет после многочисленных исследований и перепроверок была определена частота Земли 8 Гц. С тех пор в науке эта частота называется частотой резонанса Шумана. Образование стоячих волн в таком резонаторе было названо впоследствии резонансом Шумана.

Доктор Роберт Бекер, измеряя волны головного мозга во время сеансов дистанционного воздействия установил, что эти волны совпадают с волнами Шумана. Кроме того, волны правого и левого полушарий головного мозга в такие моменты равны по частоте и противоположны по амплитуде, что приводит к образованию стоячих волн. Стоячие волны головного мозга способны вступать во взаимодействие с волнами Шумана. Доктор Роберт Беккер убежден, что в основе мироздания лежит единая вибрационная частота, способная влиять на живые окружающие предметы, в том числе и на воду. Он измерил волны головного мозга многих духовных здоровых людей и обнаружил, что все они имеют одинаковые частоты – 8 Гц независимо от их религиозных и духовных традиций, и синхронизируются с волнами Шумана как по частоте, так и по фазе. Здоровые люди имеют уравновешенную психику и резонанс клеток в биополе на вибрационной частоте 8 герц.

В США (НАСА) и Германии (институт М. Планка) проводились длительные эксперименты, в результате которых было установлено, что волны Шумана необходимы для синхронизации биологических ритмов и нормального существования всего живого на Земле. На сегодняшний день электромагнитный фон планеты в результате деятельности человека претерпел существенные изменения и загрязнен до такой степени, что организм «не слышит» волн Шумана. По этой причине НАСА использует генераторы волн Шумана для обеспечения нормальной жизнедеятельности персонала. Волны Шумана – реальный жизненный фактор.

Организм человека представляет колебательный контур. В физическом теле есть сложная, комбинированная, иерархическая, объемная система связанных стоячих волн различного качества: электрических, магнитных, тепловых, световых, гравитационных, психических. Электромагнитные стоячие волны образуют биополе, обеспечивающее электромагнитный гомеостаз. Источником электромагнитных колебаний являются клетки.

Развитие организма происходит под действием психической энергии. Психическая энергия проникает во все клетки. Биохимическим носителем психической энергии являются структурные компоненты оболочки нервных волокон липидной природы. Психическая энергия влияет на электромагнитный гомеостаз. Качество психической энергии зависит от сознания, чувств и желаний. Поступая праведно по совести, человек продуцирует психическую энергию спокойствия, которая обеспечивает электромагнитный гомеостаз, иначе продуцируется психическая энергия расстройств, которая нарушает электромагнитный гомеостаз [1].

Разрушительные вибрации появляются у человека в результате действия его негативных духовных качеств или эмоций:

*горе дает вибрации – от 0,1 до 2 герц; *страх от 0,2 до 2,2 герц; *обида – от 0,6 до 3,3 герц; *раздражение – от 0,9 до 3,8 герц; *возмущение – от 0,6 до 1,9 герц; *самость – дает вибрации максимально 2,8 герц; *вспыльчивость (гневливость) – 0,9 герц; *вспышка ярости – 0,5 герц; гнев – 1,4 герц; *гордыня – 0,8 герц; гордость – 3,1 герц; *пренебрежение – 1,5 герц; *превосходство – 1,9 герц; *жалость – 3 герц.

Исследователи по физической медицине давно заметили, что позитивные люди, которые вели здоровый образ жизни, не болели, когда частота вибраций их энергетического поля входила в резонанс с частотой вибраций планеты. На протяжении тысячелетий частота вибраций (т.е. колебаний в секунду) нашей планеты составляла 7,8–8,2 Гц. Физики называют ее часто той Шумана. Она колеблется в пределах 8 герц.

Позитивная психическая энергия поддерживает во всем организме равновесие, резонанс электромагнитных волн клеток, равномерность биополя и резонанс биополя с электромагнитным резонатором Шумана на частоте 8 герц в экологически чистой внутренней и окружающей среде.

Здоровье человека – это психофизиологическое состояние с уравновешенной психикой и функционированием организма на электромагнитной частоте клеток 8 герц в режиме резонанса в экологически чистой внутренней и окружающей среде [2].

Резонанс электромагнитных волн биополя на частоте 8 герц поддерживает здоровое состояние человека.

3. Духовные процессы общества и глобальное здоровое благополучие регионов

Жизнь человека имеет духовную природу, в основе которой лежат духовные процессы. Духовные процессы жизнедеятельности человека и общества необходимо сознательно культивировать в обществе. Они помогут приобрести здоровье человечеству в глобальном масштабе. Нужно вести информационную активизацию духовных процессов учреждениями образования, духовными конфессиями, и средствами массовой информации.

Духовная инфраструктура общества глобальным и определяющим образом влияет на здоровье каждого. Чтобы быстро восстановить, сохранить и улучшить здоровье, духовную и физическую форму человека и общества – необхо-

димо осознание духовных процессов здоровья. Существует глобальная взаимосвязь между духовными процессами человека и его физическим здоровьем.

Взаимосвязь между духовными процессами человека и его физическим здоровьем (а также состоянием всего общества) более значительна, чем это принято считать сейчас. Более того она – основополагающая. Оздоровление человека обеспечивается позитивной психической энергией, которая порождается духовным образом мысли, этическим образом слова, добрыми желаниями, здоровым образом жизнедеятельности, любовью к окружающему видимому и невидимому миру.

Структура духовных процессов человека – основной фактор влияния на здоровье. Наша культура (театр, кино, телевидение, радио, эстрада, другие СМИ) оказывают существенное влияние на наше физическое и духовное здоровье – или гармонизируют нас, или разрушают.

Состояние общества катастрофическое: с каждым годом увеличиваются функциональные заболевания, врожденные патологии у детей, наркомания. Медицина развивается, но здоровье общества ухудшается.

Ежедневно включаясь в духовные процессы здоровья, каждый может существенно улучшить свое здоровье и сохранять его. Духовным человеком быть выгодно. У человека есть нравственная и духовная направленность. Опираясь на истинные нравственные и духовные желания, человек способен достичь уравновешенной психики в реализации необходимых материальных и духовных потребностей здоровья.

4. Социальная и природная инфраструктура поддержания здоровья населения регионов

Социальная инфраструктура здравоохранения формирования и поддержания здоровья включает в себя образовательную, профессиональную, здоровье-поддерживающую, сервисную, просветительскую и законодательную подструктуры. Социальная инфраструктура содействует повышению информированности по вопросам здоровья и его охраны, формированию навыков укрепления здоровья, созданию условий для ведения здорового образа жизни как отдельных людей, так и общества в целом. Детский сад, школа, вузы, центры здоровья, объекты физкультуры, здоровьесберегающая медицина должны формировать навыки здорового образа жизни. Просветительская структура выполняет функцию информационно-пропагандистского распространения знаний для всех категорий населения о здоровье и здоровом образе жизни. Сервисная структура осуществляет здоровое питание, организацию активного отдыха, массовые утренние зарядки, создание велосипедных и беговых дорожек, танцевальных площадок, зеленых зон, и используемых для подвижных игр и т.д.

Здоровье-поддерживающая структура включает детские оздоровительные лагеря для формирования навыков здорового образа жизни у подрастающего поколения, центры здоровья по освоению здорового образа жизни, гигиенические и экоэкологические комплексы.

Образовательная структура обучает население и готовит специалистов по обучению населения переходу на здоровый образ жизни:

1. Специалистов для центров здоровья и санаторно-курортных учреждений по проведению консультаций, практических занятий по переходу на здоровый образ жизни.

2. Лекторов по формированию здоровьесберегающего мировоззрения, просвещению и мотивации населения к здоровому образу жизни.

3. Педагогических работников для университетов и школ по формированию здоровьесберегающего мировоззрения, просвещению здоровому образу жизни молодого поколения.

4. Социальных работников для проведения практических занятий с населением по переходу на здоровый образ жизни и формированию семейной и культурной общественной традиции здорового образа жизни.

5. Преподавателей физкультуры для обучения молодого поколения настройке жизненных систем для здорового функционирования организма.

Профессиональная структура реализует организационные меры сохранения здоровья работающего населения. Здоровье влияет на качество трудовых ресурсов, на производительность общественного труда и тем самым на динамику экономического развития общества. В течение жизни 1/3 общего времени человек участвует в трудовой деятельности. Поэтому важно, чтобы под влиянием труда не наступило ухудшения здоровья.

Основной целью развития современного здравоохранения должен стать перевод населения на здоровый образ жизни. Для этого необходимо формировать здоровьесберегающую инфраструктуру и создавать условия для здоровой жизнедеятельности каждого человека.

Список литературы

1. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл. 2000. – 685 с.
2. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural-Science Aspects of Health // Weber Medicine & Clinical Case Reports. 2015. – Vol. 1. – P. 134–137.
3. Брындин Е.Г. Духовные закономерности душевного состояния // II Международная научная конференция «Религиоведческое измерение современности: философия и социология религии». – Саратов: СГУ, 2016. – С. 34–44.
4. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Normalization of Psyche by Healthy Lifestyle of Various Groups of the Population // American Journal of Applied Psychology. 2017. – Vol. 6, N 4. – P. 51–56.
5. Брындин Е. Духовные основания благополучия. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2017. – 141 с.
6. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Formation of Public Health Care on Basis of Healthy Lifestyle // International Journal of Psychological and Brain Sciences. 2017. – Vol. 2, N 3. – P. 63–68.

7. Bryndin E.G. Spiritual, Social, Economic and Healthy Aspects of Global Wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2018. – Vol. 38. – P. 97–111.
8. Bryndin E.G. Psychological and Social Aspects of Thinking, Consciousness and Behavior // SM Physical Medicine & Rehabilitation. 2018. – Vol. 2, N 1. – P. 1–5.
9. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural and Spiritual Aspects of Health and Social Infrastructure of Public Health Care on Base of Healthy Lifestyle // Gerontology & Geriatrics. 2018. – Vol. 3, N 6. – P. 404–408.
10. Bryndin E. Satisfaction with valuable realization of requirements by spiritual personality counterbalances psyche // MOJ Public Health. 2018. – Vol. 7, N 6. – P. 254–257.
11. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Adaptive Ecological Social Technology of High Quality Transition to Healthy Long Activity // Research and Reviews on Healthcare. 2018. – Vol. 3, N 1. – P. 226–232.
12. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural Technology of High Quality Transition to Healthy Activity // International Journal of Health Sciences and Research. 2018. – Vol. 3, N 1. – P. 24–32.
13. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Естественная технология качественного перехода к здоровой долголетней жизнедеятельности // V International Scientific Symposium «Lifelong wellbeing in the world». ТПУ, 2018. – С. 11–19.
14. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Инфраструктура перехода населения на здоровый образ жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 13, ч.2. – С. 648–653.
15. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural Science Approach to Determination of Health and Formation of Healthy Lifestyle // Acta Scientific: Medical Sciences. 2019. – Vol. 3, N 1. – P. 26–37.
16. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Hygiene and Endoecology, Light Bioenergy and Natural Ecology, Balanced Mentality and Spiritual Life as Criterion of Health // Innovative Journal of Medical and Health Science. 2019. – Vol 9, N 2. – P. 299–306.

Гришанова А.Г.

к.э.н., в.н.с. Института социально-политических исследований РАН
gralexandra1949@gmail.com

Зуева А.С.

к.э.н., доцент, с.н.с. МГУ
dgastin@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Ключевые слова: социально-демографическая конкурентоспособность, социально-экономическая конкурентоспособность, Дальний Восток.

Конкурентоспособность Дальнего Востока, прежде всего, должна рассматриваться с точки зрения социально-экономического развития входящих в состав этого региона 11 субъектов.

Мы разделяем мнение о том, что: «конкурентоспособность экономики региона во многом зависит от конкурентоспособности его экономических субъектов. Очевидно, что в настоящее время регионам представлено значительное делегирование полномочий, при этом в рамках социального и экономического роста территорий не уделяется должного внимания сохранению и воспроизводству ресурсного потенциала территорий при значительных объемах потребления, что не соответствует позиции устойчивого развития. Следовательно, одним из существенных критериев оценки состояния развития региона служит рост основных социально-экономических показателей территории, которые отражают ее конкурентоспособность»¹.

Более того, нам представляется целесообразным применить вышеприведенное определение не только к экономическим, но и к социально-демографическим процессам. Тем более, что для Дальнего Востока основной особенностью социально-демографического развития, по сравнению с другими регионами России, является крайне негативная картина протекания на его территориях миграционных процессов, которые, как известно, являются не только, и не столько социально-демографическими, сколько социально-экономическими процессами.

Вопросы конкурентоспособности регионов неоднократно поднимались в работах различных авторов. Так в статье Молочникова Н.Р. отмечалось «Основными характеристиками ресурсного потенциала региона – являются природные ресурсы и географическое положение, земельные и человеческие ресурсы, основной капитал региона. В формировании экспортного потенциала региона следует выделить внешние факторы (глобальная конкуренция; межрегиональная конкуренция внутри страны по выходу на внешний рынок; государственная региональная политика) и внутренние (уровень экономического развития региона и емкость внутреннего рынка; экономико-географическое положение (что корреспондирует с характеристиками ресурсного потенциала)). К основным характеристикам потенциала качества жизни следует отнести уровень социальной защиты, безопасности проживания и развития градостроительства; качество культурной среды; коммунальные услуги. Финансовый потенциал определяют профицит бюджета, степень бюджетной задолженности, надежность финансовой сферы, параметры инвестиционного климата. Характеристиками экологического потенциала являются качество воды и воздуха, состояние окружающей среды, экологическая устойчивость. Основными характеристиками организационного потенциала выступают политическая стабильность в регионе, эффективность структур регионального и муниципального управления и др. Оценка ВРП на душу населения – это такой же масштабный фактор региона, как и его территория, численность населения, заселенность, индексы промышленного производства и показатели, отражающие инвестиционную активность региона. На наш взгляд, такие методические подходы, как ранговый метод, оценка потенциалов региона и оценка ВРП, являются разновидностью позиционирования региона. Одновременно с этим методические подходы – метод активного позиционирования, оценка потенциалов региона, оценка ВРП – заканчиваются определением ранга региона в системе сопоставляемых регионов. При этом ВРП рассматривается как результирующий показатель региональной конкурентоспособности»² Минакир П.А. неоднократно отмечал: «Конечно, следует иметь в виду, что возможности практического применения теоретических конструкций ограничены рядом реальных условий и взаимосвязей. В частности: типом экономической среды (конкурентный рынок, централизованное или псевдоцентрализованное планирование); типом конкуренции (совершенная конкуренция, несовершенная конкуренция, плановый арбитраж); характером географических пространств

¹ Кузнецова Э.Р., Радостева Э.М. Сущность и экономическое содержание понятия «конкурентоспособность региона» // Интернет журнал «Науковедение». 2015. – Т. 7, № 5.

² Молочников Н.Р. Региональная конкурентоспособность: предметы конкуренции и методы оценки // Российское предпринимательство. – М., 2005. – Т. 6, № 1. – С. 19–24.

(плотное или разреженное пространство); степенью сложности структуры экономической деятельности в пространстве; типом рыночных районов/зон (эволюционные или программные, экономические или административные); целями государственного регулирования. Эти ограничения, как и большое разнообразие самих теоретических конструкций, означает в общем случае, что невозможно выбрать или сконструировать некую каноническую теоретическую модель, пригодную для описания всех возможных комбинаций характеристик экономического пространства и экономических агентов, формирующих его своими взаимодействиями. А следовательно, претензии на создание некоей “стратегии пространственного развития”, опирающейся на “научные основы пространственного развития”, не обоснованы. Они могут лишь опираться на произвольно выбранную концепцию, отражающую вкусы разработчиков или заказчиков, либо предложить механическое смешение разнородных оснований, конфликтующих не только между собой, но и с характеристиками реального пространства и реальных взаимодействий образующих его агентов. Отмеченная выше целевая установка стратегии как раз и привела к эклектической конструкции, включающей в себя и провозглашение городов полюсами роста, имея в виду и рост конкурентоспособности административных регионов, и межрегиональное экономическое выравнивание, и выделение приоритетных территорий»¹.

В соответствии с вышесказанным, конкурентоспособность Дальнего Востока в социально-демографической сфере, должна оцениваться ростом основных социально-экономических и социально-демографических показателей его развития (таких как численность населения, на формирование которой оказывают в первую очередь влияние миграционные процессы, а, во вторую очередь – процессы естественного движения населения). Социально-демографическая составляющая конкурентоспособности Дальнего Востока может расцениваться как результирующий показатель, характеризующий совокупность естественных и миграционных процессов. При этом конкурентоспособность социально-демографической сферы Дальневосточного региона во многом зависит от конкурентоспособности его экономических субъектов. Очевидно, что в настоящее время регионам делегированы значительные полномочия, однако на Дальнем Востоке не уделяется должного внимания сохранению и воспроизводству его основного ресурсного потенциала – дальневосточному населению. А современная ситуация на Дальнем Востоке совершенно не соответствует параметрам устойчивого развития².

¹ Минакир П.А., Прокапало О.М. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // *Пространственная экономика*. 2013. – № 1. – С. 103–122. DOI: 10.14530/se.2013.2.103-118; Минакир П.А. Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000 / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. – 912 с.; Минакир П.А. Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика* 2018. – № 4. – С. 8–20. – http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/2018_4/SE.2018.4.008-020.Minakir.pdf

² См. подробнее: Гришанова А.Г. Современная миграционная политика России: социально-политические и социально-экономические приоритеты и их региональная дифференциация (на примере Дальнего Востока) // *Миграционное право*. 2019. – № 1. – С. 25.

Каменева Т.Н.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры социологии, Курский государственный университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ФАМИЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЗДОРОВЬЯ

Ключевые слова: *здоровье, фамилистическая модель здоровья, социокультурный механизм.*

Keywords: *health, familial health model, sociocultural mechanism.*

Проблемы сбережения здоровья населения на сегодняшний день стоят в ряду первоочередных, именно сохранность здоровья обеспечивает продолжение жизни.

Ускоряющийся темп жизни порождает ряд противоречий в этой сфере. В условиях нестабильности современному человеку необходимо для поддержания нормальных условий жизнедеятельности как своей лично, так и близких быть динамичным, «успевать везде и сейчас», что в свою очередь неблагоприятно сказывается на состоянии здоровья: постоянные стрессы, перегрузки, недостаток сна и многое другое. В результате получается, что для обеспечения благосостояния люди рискуют самым ценным – своим здоровьем. По данным опроса, проведенного ФОМ, россияне не спешат обращаться за медицинской помощью. Так, заболев, только 1/3 россиян практически сразу обращаются в медицинские учреждения, в то же время 63% пытаются вылечиться самостоятельно. Примерно 33% принявших участие в опросе заявили, что не видят смысла проходить диспансеризацию, остальные делают это раз в несколько лет. Чуть менее половины респондентов (47%) стараются заниматься спортом и примерно столько же (49%) стараются питаться правильно¹.

В научной литературе здоровье рассматривается в трех аспектах: физическое, психическое и нравственное (социальное) здоровье. Физическое здоровье включает такое состояние организма человека, при котором стабильно функционируют органы и системы организма, обеспечивая его жизнедеятельность и развитие. Еще одна составляющая здоровья – психическое здоровье, определяется как состояние эмоционального благополучия, при котором возможна умственная работоспособность, адекватное поведение. Социальное здоровье как важная составляющая социальной жизни человека проявляется в отношении к системе принятых в данной среде ценностей, трудовой деятельности, удовлетворенности жизнью. Следовательно, целесообразно здоровье населения или же отдельного человека анализировать во взаимосвязи его трех категорий физического, психического и социального².

Здоровье является не только лично значимой ценностью, это и общественная ценность, основа национального богатства и безопасности государства. Поэтому оно может рассматриваться как в общественной, так и в индивидуальной перспективе. В первом случае понимание здоровья населения предусматривает способность членов общества полноценно реализовывать свои функции по дальнейшему развитию и вести образ жизни, направленный на сохранение, укрепление и развитие этой способности. В то же время, здоровье определяется характеристиками физического состояния индивида состоянием индивидуального здоровья. Безусловно, общество ответственно за здоровье людей, но и поведение самого человека должно быть направлено на сохранение своего здоровья. Существует взаимообусловленность общественной и индивидуальной перспективы сохранности здоровья населения.

В этой связи необходимо осмысление социальных практик индивидов в отношении здоровья, способов их формирования и реализации. Представления об образе жизни, отношении к своему здоровью с одной стороны имеют традиционные основания формирования, исторические, а с другой значительное влияние на них оказывают существующие в настоящее время условия. В результате и в первом, и во втором случае семья как та, в которой человек родился, так и своя собственная будет играть существенную роль в формировании практик индивида в отношении здоровья. Привычное для индивидов поведение в сфере отношения к своему здоровью формируется в социальные практики, совокупность которых представляет модель здоровья. Данные практики воспроизводятся под воздействием социальных условий, мнений, установок. В том случае, если такие практики реализуют модель здоровья, необходимую для выполнения базовых функций семьи, то такая модель, может пониматься как фамилистическая модель здоровья населения³. Еще одной важной характеристикой фамилистической модели здоровья является то, что она воспроизводится в семье, ее членами.

¹ Образ жизни и здоровье // «ФОМнибус» Интернет-зависимость – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 2017. 53 субъекта РФ, 104 населенных пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6%. – <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/13883>

² Медков В.М. Демография: учеб. пособие (Учебники и учебные пособия). – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 448 с.

³ Каменева Т.Н., Зотов В.В. Разработка проактивной фамилистической модели здоровья населения как условие реализации государственной семейной политики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. – Т. 6, № 6А. – С. 173–179.

Процесс формирования фамилистической модели здоровья связан с действием ряда факторов, которые берут свое начало из традиционных (наследуемых, исторических) и современных (формируемых под воздействием условий) оснований.

На основе концепции социокультурного механизма Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова¹ здоровье может рассматриваться как феномен социальной реальности, изменение отношения к которому связано с влиянием социальных, экономических, политических и других факторов. Комплекс данных факторов нельзя отождествлять исключительно с экономическими, экологическими, медицинскими, это еще и социокультурные факторы: система ценностных ориентаций, стереотипы и модели поведения, культурные традиции, которые формируют определенные модели мужского и женского здоровья².

По мнению Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, в структуре социокультурного механизма формирования базовых характеристик необходимо рассматривать и архетипы, в которых содержится опыт поколений, габитусы как систему приобретенных предрасположенностей поступать определенным образом в типичных жизненных ситуациях в соответствии со своими статусными позициями и стереотипы. В то же время принятые стереотипы могут предопределять характер ориентационных комплексов или тезаурусов. Основополагающими элементами социокультурного механизма формирования фамилистической модели здоровья, по нашему мнению, являются архетипы, габитусы и тезаурусы. Архетипы, аккумулируя поколенческий опыт, воспроизводят базовые основания отношения к здоровью с характерными национальными, территориальными и другими особенностями³.

Формирование фамилистической модели здоровья сопряжено со своего рода социокультурными кодами, образующимися в результате соприкосновения индивидуальной человеческой деятельности и социальных структур и формирующими систему институциональных отношений. Тезаурусы и габитусы можно считать такими кодами.

Габитус способствует устранению неожиданных событий, с которыми сталкивается человек, преобразуя их в задачу⁴. Посредством габитуса прошлый опыт проникает в настоящее, в том числе в отношении здоровья. П. Бурдьё связывал габитус с диспозицией⁵. Следовательно, в социокультурном механизме формирования фамилистической модели здоровья тезаурус как типизация мышления призван дополнить габитус как о привычивание поведения в сфере здоровья.

Тезаурус представляет собой типичное восприятие действительности в зависимости от культурной принадлежности, в то же время габитус это своего рода совокупность предрасположенностей поступать определенным образом согласно положению человека в социальной структуре общества.

Тезаурус – это своего рода производная от диспозиции, структурированное представление о культуре⁶. Однако тезаурус будет воспроизводить реальность, освоенную индивидом в соответствии с его культурной принадлежностью. По мнению В.А. Лукова, тезаурус – это знания, которые «переструктурированы на выполнение ориентационных функций в интересах субъекта и они приобретают свойство ориентировать субъект в его ближнем и дальнем окружении в соединении с пониманием и умением как фундаментальными свойствами человеческого поведения»⁷.

Тезаурус индивидов в сфере здоровья отражает убеждения относительно сохранения и поддержания здоровья, объясняющие существующие условия согласно нормам, принятым в данной культуре. Он позволяет индивидам определенным образом относиться к своему здоровью и является основой формирования здоровье-ориентированных практик фамилистической модели.

Фамилистическая модель здоровья может пониматься как форма организации совместной деятельности членов семьи в части жизни, сохранения и воспроизводства здоровья, формирования и транслирования здорового образа жизни. Фамилистическая модель здоровья связывает в один контекст осознание человеком своих глубинных ценностей и целей в семейной жизни и важности поддержания состояния своего здоровья как условия благополучия и стабильности жизнедеятельности его семьи. Что является значимым как для человека, семьи, так и для государства в целом.

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. – М., 2013. – № 1. – С. 78–90.

² Каменева Т.Н., Зотов В.В. Разработка проактивной фамилистической модели здоровья населения как условие реализации государственной семейной политики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. – Т. 6, № 6А. – С. 173–179.

³ Зубок Ю.А., Григоренко Б.Ю., Михеева В.В. Тезаурусная регуляция доверия молодежи к власти // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 3. – С. 5.

⁴ Каменева Т.Н. Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска: автореф. ... д-ра. социол. наук. – Белгород, 2016. – 22 с.

⁵ Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. – Т. 1, № 2. – С. 46–47.

⁶ Луков В.А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.

⁷ Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурус как ориентационный комплекс и как сверхориентационный комплекс. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. – С. 4.

Мамлеева Э.Р.

к.э.н., с.н.с., Институт стратегических исследований Республики Башкортостан; доцент УГАТУ, г. Уфа
mamleevaer@isirb.ru

Галиева Г.М.

к.э.н., с.н.с., Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
galievagm@isirb.ru

ВЛИЯНИЕ АУТСТАФФИНГА НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН¹

Ключевые слова: миграция, миграционный отток, население, труд, аутстаффинг, занятость.

Keywords: migration, migration outflow, population, labor, outstaffing, employment.

В настоящее время в Республике Башкортостан наблюдается серьезная проблема в сфере демографического развития региона. В частности, с 2010 г. (за исключением 2014–2015 гг.) фиксируется снижение общей численности населения. Среди основных факторов, в первую очередь, необходимо выделить высокий миграционный отток населения за пределы республики.

С 2010 года стабильно наблюдается миграционная убыль населения (за исключением 2013 года, когда зафиксирован миграционный прирост – 2827 чел.).

Таблица 1

Показатели миграции населения в Республике Башкортостан

Показатели миграции	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Прибыло, чел.	75 557	107 232	132 738	151 321	153 173	151 716	147 202	143 762
Выбыло, чел.	74 996	116 618	141 582	148 494	157 614	157 643	154 592	146 369
Прирост (убыль), чел.	561	-9386	-8844	2827	-4441	-5927	-7390	-2607

Источник: Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: статистический сборник – Уфа: Башкортостанстат, 2018. – 277 с.

Анализ распределения мигрантов по территориям выбытия и прибытия за последние четыре года выявил следующие тенденции:

- значительное преобладание внутрирегиональной и межрегиональной миграции;
- сельское население в большей степени подвержено процессам миграции, чем городское, что объясняется низким уровнем доходов, тяжелыми условиями труда в сельской местности;
- существенное место занимает молодежный отток: выпускники школ покидают пределы республики для поступления в высшие учебные заведения других регионов, как правило, города Москву, Казань, Санкт-Петербург².

Таблица 2

Распределение мигрантов по территориям выбытия и прибытия, чел.

Показатели миграции	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие
Всего	153 173	157 614	151 716	157 643	147 202	154 592	143 762	146 369
в том числе:								
в пределах России	138 721	147 055	139 431	148 166	139 153	145 898	131 632	139 457
внутрирегиональная	99 432	99 432	100 728	100 728	99 579	99 579	92 801	92 801
межрегиональная	39 289	47 623	38 703	47 438	39 574	46 319	38 831	46 674
международная	14 452	10 559	12 285	9477	8049	8694	12 130	6894
страны СНГ ³	13 523	9488	11 568	8826	7389	8210	10 873	4533

Источник: Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 2. – Уфа: Башкортостанстат, 2018. – 149 с.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 19-410 – 020002 «Трансформация системы воспроизводства трудовых ресурсов в условиях цифровой экономики (на примере Республики Башкортостан)».

² Мамлеева Э.Р., Марьяна А.В., Сазыкина М.Ю., Бесчастнова Н.В. Воспроизводство трудовых ресурсов в Республике Башкортостан: тенденции и проблемы: монография / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2018. – 161 с.

7) число работников, привлекаемых по договору аутстаффинга не должно превышать 10 процентов от средней списочной численности работников принимающей стороны;

8) регламентированы условия труда; производственные объекты и виды работ, где аутстаффинг запрещен.

9) условия оплаты труда по трудовому договору с работником, направляемым аутстаффинговой компанией должны быть не хуже, чем условия оплаты труда работников принимающей стороны, выполняющих такие же трудовые функции и имеющих такую же квалификацию;

10) в трудовую книжку работника вносится запись, в которой обязательно упоминается организация, являющаяся местом фактического выполнения его трудовых обязанностей.

К положительным сторонам развития аутстаффинга, предопределяемого, в первую очередь, внесенными коррективами в нормативные акты, на территории РБ можно отнести:

1) сокращение случаев нелегальных трудовых отношений в данной сфере, что ведет к повышению собираемости налоговых платежей и взносов в государственные социальные внебюджетные фонды республики;

2) повышение официальной занятости населения;

3) повышение уровня социальной защиты трудовых мигрантов и получение ими всего спектра социальных гарантий, связанных с трудовым законодательством.

Тем не менее, законодательные акты не в полной мере вносят ясность в понимание некоторых аспектов трудовых отношений между аутстафферами и наемными работниками. В частности, в ТК РФ прописано, что аутстаффинговая компания имеет право заключать срочные трудовые договора до девяти месяцев с отдельными категориями работников. Это вызывает неоднозначность трактовки и может привести к заключению многочисленных срочных трудовых договоров между аутстафферами и наемными работниками и будет способствовать росту скрытой безработицы и социальной напряженности в регионе.

К негативным сторонам развития аутстаффинга следует также отнести:

1) отсутствие механизма, позволяющего контролировать договорные отношения субъектов аутстаффинга, что делает его популярным инструментом нелегальной деятельности фирм-аутстафферов на территории региона;

2) потери республиканского бюджета за счет функционирования на рынке аутстаффинга компаний-однодневок, скрывающих свои доходы и не уплачивающих налоги;

3) снижение уровня доходов населения вследствие неполучения или недополучения вознаграждения по «серым» договорам, заключаемым с аутстаффинговыми компаниями;

При этом можно прогнозировать развитие подобной формы трудовых отношений, в большей степени, для низкоквалифицированных рабочих, в связи со следующими ограничениями и рисками социального характера, которые могут выступить значимыми мотивами для трудовых мигрантов при выборе формы трудоустройства:

1) отказ трудоустройства в компанию-посредника в связи с отсутствием доверия к ней (доверие к крупной компании выше, чем к организации-посреднику);

2) риски потери престижа: желание персонала быть трудоустроенными в крупной компании, имеющей историю и репутацию, что влияет на личную трудовую историю и резюме соискателя;

3) карьерные риски: оформление сотрудников (особенно высококвалифицированных) в компанию напрямую дает больше возможностей для карьерного роста в данной компании;

4) риски снижения заработной платы при устройстве через организацию-посредника, так как есть необходимость в ее содержании;

5) риски сокращения дохода из-за потери территориальных льгот и доплат («северные»).

Несмотря на имеющиеся недостатки аутстаффинг может стать одним из действенных механизмов, снижающих объемы трудовой миграции из республики. Для этого следует принять следующие меры на уровне региона:

1) выработать эффективные механизмы контроля за деятельностью участников рынка аутстаффинга, в том числе со стороны Федерации Профсоюзов РБ и Министерства семьи, труда и социальной защиты населения РБ;

2) создать и систематически обновлять единый реестр аутстаффинговых компаний на сайте Министерства труда и соцзащиты РБ, которое позволит потенциальным работникам заключать трудовые договора с официальными аутстаффинговыми компаниями;

3) повышать экономическую и юридическую грамотность населения в плане правильного выбора и выстраивания стратегии поведения с фирмой-аутстаффером при заключении трудового договора с целью работы на территории другого региона.

Таким образом, для эффективной реализации аутстаффинга в регионе как инструмента регулирования трудовой миграции, следует усилить государственный контроль за данным видом деятельности.

Молчанова Н.П.

д.э.н., профессор Департамента общественных финансов Финансового университета

ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ»

Ключевые слова: доступность и качество медицинских услуг; ожидаемая продолжительность жизни; финансирование здравоохранения; региональный уровень управления; программно-целевое планирование.

Каждая страна стремится к повышению доступности и качества медицинских услуг для своих граждан, вне зависимости от места их проживания. Для России, как федеративного государства, именно данный ракурс проблемы формирует одну из наиболее значимых социальных целей развития системы здравоохранения. Оценка уровня развития здравоохранения в среднем по стране, и в том числе в региональном разрезе, играет весомую роль в проводимых социологических опросах оценки респондентами качества жизни населения. Вследствие этого влияние названного индикатора на интегрированную величину комплексного показателя колеблется на уровне 30 процентов.

При оценивании степени воздействия существующей практики оказания медицинских услуг на состояние здоровья населения в целом, либо отдельных поло-возрастных групп следует обращать внимание на некоторые особенности. Так, в странах, где работа медицинских организаций системы здравоохранения финансируется на уровне социальных стандартов, влияние названного фактора будет меньшим по сравнению с теми странами, которые еще не достигли оптимального уровня финансирования и испытывают трудности в обеспечении системы здравоохранения финансовыми ресурсами, то есть имеют резервы роста для улучшения работы в этом направлении (рис. 1). Например, принятие мер по увеличению финансирования и повышению эффективности деятельности системы здравоохранения в России в большей степени повлияет на улучшение здоровья населения, чем проведение аналогичных действий в ряде стран Европейского Союза.

«Доступность медицинских услуг» является многоаспектным понятием. Доступность медицинских услуг понимается как возможность получения пациентом необходимой ему медицинской помощи вне зависимости от социального статуса, уровня благосостояния и места проживания¹. Качество медицинских услуг – это система критериев, которые позволяют определить профессионализм предоставленной медицинской помощи, а также удовлетворенность тех, кто воспользовался медицинскими услугами на разных уровнях (отдельный больной, врач, больница, страна)².

Исходя из представленного определения, можно сделать вывод, что доступность и качество медицинских услуг – это важнейшие условия оказания медицинской помощи населению страны, которые декларируются в Ст.10 «Доступность и качество медицинской помощи» Федерального закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»³.

При проведении исследований в рассматриваемой области необходимо учитывать мнение населения о доступности и качестве медицинского обслуживания. Такой подход возможно реализовать при рассмотрении текущего состояния системы здравоохранения, а также при проведении факторного анализа и оценке результатов происходящих в ней изменений, в том числе и на региональном уровне управления. Подобная статистика может указать на важнейшие проблемы, с которыми сталкиваются граждане нашей страны при обращении в медицинские учреждения. Проводимые в России исследования в основном ограничиваются рассмотрением динамических изменений в общих оценках удовлетворенности населения по ряду базовых показателей, отражающих общее состояние системы здравоохранения, характеризующих качество предоставленной медицинской помощи. Кроме этого, проводятся сравнения по этим показателям различных административно-территориальных образований и медицинских организаций.

¹ Доступность медицинской помощи для населения РФ. – <http://www.privatmed.ru/article/37/238/1969/>

² Куранов В.Г. Понятие качества медицинской услуги: гражданско-правовой аспект // Вестник Пермского университета. 2014. – № 4. – С. 128–135.

³ Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/e63d3344841b2f5636a73710e906a23ebaf9ab82/

Рисунок 1.
Факторы, влияющие на здоровье населения¹

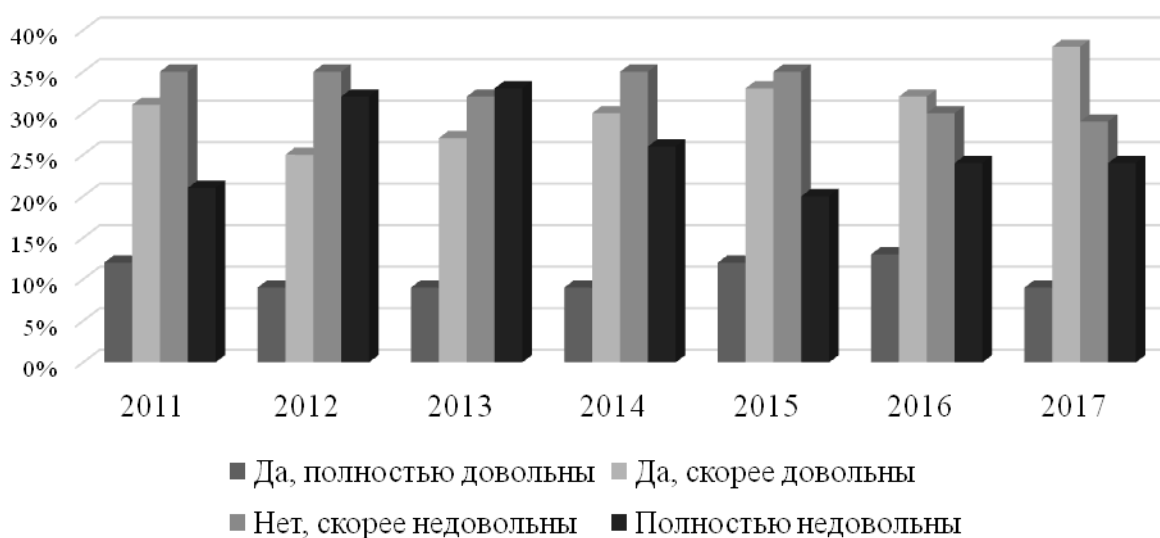

Рисунок 2.
Удовлетворенность населения качеством медицинского обслуживания в России (данные за 2011–2017 гг.)²

На рис. 2 представлены результаты анализа, который был проведен по заданию Правительства Российской Федерации специалистами Финансового университета в крупных и средних городах страны. Акцент в данном исследовании на городские поселения связан с тем, что даже в пределах одного региона доступность и качество медицинских услуг могут существенно различаться.

¹ Здравоохранение России: 2018–2024 гг. – <https://www.vshouz.ru/journal/2018-god/zdravookhranenie-rossii-2018-2024gg/>

² Исследование Финансового университета при Правительстве РФ здравоохранения в России за 2011–2017 гг. – http://www.fa.ru/Documents/news/2017/09/52_Medicine_2017.pdf

Из рис. 2 можно сделать вывод о том, что количество опрошенных, которые полностью или в основном удовлетворены качеством медицинского обслуживания по месту проживания в течение исследуемого периода, в среднем варьирует от 30 до 40 процентов. Также можно видеть, что общий уровень удовлетворенности качеством медицинского обслуживания достаточно стабильный, существенных колебаний по годам не наблюдается.

Однако следует отметить, что общие оценки качества работы учреждений здравоохранения, даваемые респондентами, могут основываться на сообщениях родственников и знакомых, средств массовой информации, в которых представлены суждения, как правило, недостаточно объективны. В этой связи для повышения объективности исследования и получения более точной, адекватной оценки качества медицинского обслуживания была проведена выборка, в ходе которой учитывались не обобщенные суждения, а собственный, личный опыт респондентов в части взаимодействия с лечебно-профилактическими учреждениями (рис. 3).

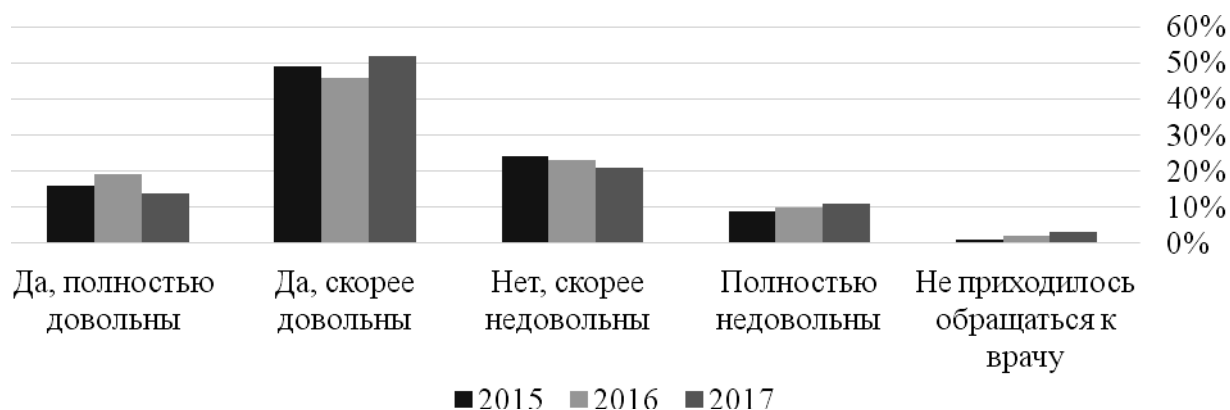

Рисунок 3.

Уровень удовлетворенности качеством медицинского обслуживания, которое получают с ами люди, лично за 2015–2017 гг.¹

На рис. 3 представлен личный опыт респондентов, согласно которому в среднем около 65–67 процентов населения крупных и средних российских городов полностью или в основном удовлетворены качеством медицинского обслуживания, которое они лично получают. Этот показатель значительно выше по сравнению с общими сведениями о состоянии здравоохранения, приведенными на рис. 1.

Если рассматривать средние (на общероссийском уровне) показатели обращения граждан за платной и бесплатной медицинской помощью, то данные статистики свидетельствуют о превалировании доли бесплатных медицинских услуг. Как правило, население крупных и средних городов пользуется услугами учреждений здравоохранения, финансируемых в рамках системы обязательного медицинского страхования и предоставляющих бесплатные медицинские услуги (74 процента). Но при этом возрастает число обращений в платные частные поликлиники и больницы (42 процента). Данный сегмент можно назвать быстро развивающимся: доля потребителей платных медицинских услуг среди населения за период с 2011 по 2017 годы выросла более чем на 30 процентов (табл. 1). Названную тенденцию следует считать объективным проявлением укрепления позиций частной медицины на рынке медицинских услуг. Согласно экспертному мнению, «необходимо обоснованное сочетание государственного регулирования и коммерческих начал в деятельности медицинских организаций при практическом осуществлении ими своих функций по предоставлению населению услуг здравоохранения»².

Одновременно, можно сделать вывод о снижении доли тех, кто самостоятельно оплачивает медицинские услуги в государственных лечебных учреждениях: их удельный вес существенно снизился с 24 процентов в 2012 году до 13 процентов в 2017 году. Сохраняется на стабильно невысоком уровне доля лиц, имеющих полисы добровольного медицинского страхования, приобретенных за собственный счет или предоставленных работодателем: соответственно 3 и 8 процентов в 2017 году. Страхование медицина заслужила высокие оценки качества обслуживания населения: полностью или в основном качеством предоставляемых ею услуг удовлетворены около 85 процентов городского населения, проживающего в разных регионах страны.

¹ Исследование Финансового университета при Правительства РФ здравоохранения в России за 2011–2017 гг. – http://www.fa.ru/Documents/news/2017/09/52_Medicine_2017.pdf

² Молчанов И.Н. Парадигма здравоохранения через призму обязательного медицинского страхования. В сб.: Социально-экономическая эффективность управления общественным здоровьем: философско-методологические основания. Монография. Вторая ежегодная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, 23-24 апреля 2018 г. / под ред. Л.А. Тутова, Е.М. Разумовской, З.Р. Зиганшиной. – М.: ТЕИС, 2018. – С. 45.

Пользование различными медицинскими услугами среди населения (в процентах к итогу)¹

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Услугами государственной поликлиники, клиники или больницы бесплатно	67	61	56	60	70	72	74
Медицинскими услугами по страховке, которую вы приобрели за свой счет	2	3	3	2	3	2	3
Медицинскими услугами по страховке, которую оплачивает ваш работодатель	9	9	7	8	6	7	8
Услугами бесплатной поликлиники/медсанчасти при предприятии	6	6	5	4	4	4	4
Платными медицинскими услугами в частных поликлиниках или больницах	30	37	33	36	35	40	42
Платными медицинскими услугами в государственных поликлиниках или больницах за наличный расчет	20	24	17	18	13	15	13

Структура расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на здравоохранение за период с 2013 по 2020 годы представлена в табл. 2. Для ее заполнения использовался ряд официальных документов. Например, данные за 2013–2015 годы получены из следующих источников: федеральные законы «Об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования» за соответствующие годы. Источниками данных за 2016–2020 годы стали: за 2016 год – проект федерального закона № 190022-7 «Об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования за 2016 год» от 27.09.2017; за 2017 год – «Основные направления бюджетной политики Российской Федерации на 2018–2020 годы» (Постановление Правительства Российской Федерации от 29.09.2017); на 2018–2020 годы – законопроект № 274620-7 «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».

Таблица 2

Структура расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на здравоохранение²

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г. прогноз	2020 г. прогноз
Расходы бюджетов бюджетной системы РФ на здравоохранение								
Расходы бюджетов бюджетной системы РФ на здравоохранение в текущих ценах, млрд. руб.	2318,0	2532,70	2861,0	3124,4	3480,0	3952,0	4047,0	4164,0
Расходы бюджетов бюджетной системы РФ на здравоохранение в постоянных ценах, млрд. руб.	2318,0	2244,0	2207,8	2280,9	2459,2	2681,0	2635,7	2603,4
Расходы бюджетов бюджетной системы РФ на здравоохранение в доле ВВП, %	3,2	3,2	3,4	3,6	3,8	4,1	3,9	3,8
Из них: расходы федерального бюджета на здравоохранение								
Расходы федерального бюджета РФ на здравоохранение в текущих ценах, млрд. руб.	502,0	535,5	516,0	506,3	452,5	460,3	428,5	499,4
Расходы на ВМП за счет средств федерального бюджета и за счет средств ФОМС в текущих ценах, млрд. руб.	55,6	64,0	82,7	94,4	96,7	100,5	100,5	100,5
Расходы на ВМП за счет средств федерального бюджета и за счет средств ФОМС в постоянных ценах, млрд. руб.	55,6	56,7	63,8	68,9	68,3	68,2	65,5	62,8
Расходы федерального бюджета РФ на здравоохранение в текущих ценах без учета расходов на ВМП, млрд. руб.	446,4	470,5	433,3	411,9	452,5	460,3	428,5	499,4
Расходы федерального бюджета РФ на здравоохранение в постоянных ценах без учета расходов на ВМП, млрд. руб.	446,4	416,9	334,4	300,7	319,8	312,3	279,1	312,3
Расходы бюджетов ФОМС³								
Расходы бюджета ФОМС в текущих ценах, млрд. руб.	1048,7	1268,7	1546,7	1495,8	1638,3	1893,6	1960,8	2038,0
Расходы бюджета ФОМС в постоянных ценах, млрд. руб.	1048,7	1124,1	1193,6	1092,0	1157,7	1284,6	1277,0	1274,2
Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение⁴								
Расходы бюджетов субъектов РФ на здравоохранение в текущих ценах, млрд. руб.	767,3	728,5	788,9	1122,3	1292,5	1497,6	1557,2	1526,1

¹ Исследование Финансового университета при Правительстве РФ здравоохранения в России за 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] URL: http://www.fa.ru/Documents/news/2017/09/52_Medicine_2017.pdf

² Бюджет здравоохранения РФ на 2018–2020 гг. – <https://www.vshouz.ru/journal/2017/byudzh-zdravookhraneniya-rf-na-2018-2020-gg/>

³ Данные за 2013–2015 гг.: федеральные законы «Об исполнении бюджета ФОМС» за соответствующий год. Данные за 2016 г.: проект федерального закона № 190022-7 «Об исполнении бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования за 2016 г.» от 27.09.2017. Данные за 2017 г.: основные направления бюджетной политики РФ на 2018–2020 гг. от 29.09.2017, таблица 4.3.3. Данные за 2018–2020 гг.: законопроект № 274620-7 «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг.»

⁴ Рассчитано: за 2013–2014 гг. – расходы бюджетов бюджетной системы минус расходы за счет федерального бюджета с учетом ВМП, минус расходы за счет бюджета ФОМС. За 2015–2020 гг. – расходы бюджетов бюджетной системы минус расходы за счет федерального бюджета без учета ВМП, минус расходы за счет бюджета ФОМС, включая ВМП.

Расходы бюджетов субъектов РФ на здравоохранение в постоянных ценах, млрд. руб.	767,3	645,5	608,8	819,3	913,4	1016,0	1014,2	954,1
Расходы федерального бюджета по видам медицинской помощи ¹								
Всего расходы федерального бюджета	502,0	535,5	516,0	506,3	549,2	560,8	529,0	599,9
Стационарная медицинская помощь	227,0	275,2	227,8	230,7	231,5	239,1	239,4	243,0
Амбулаторная помощь	99,5	112,8	127,4	110,3	136,7	102,7	104,0	104,4
Медицинская помощь во всех стационарах всех типов	0,0	0,0	0,01	0,02	0,06	0,6	0,6	0,6
Скорая медицинская помощь	0,0	0,0	0,4	0,4	3,8	4,2	4,3	1,0
Санаторно-оздоровительная помощь	41,8	38,6	37,5	36,0	37,6	40,1	39,8	37,2
Заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов	6,4	6,8	3,0	3,7	4,2	4,5	4,3	4,3
Санитарно-эпидемиологическое благополучие	14,9	17,5	19,0	18,4	18,6	25,9	25,2	25,1
Прикладные научные исследования в области здравоохранения	24,1	16,8	19,5	18,7	19,8	21,9	22,9	26,6
Другие вопросы в области здравоохранения	88,4	67,7	81,4	88,1	96,9	121,9	88,5	157,6

В 2019 и 2020 годах продолжится рост государственных расходов на здравоохранение. Однако в ценах 2018 года они снижаются соответственно на 2 и 3%. Следовательно, возможны затруднения по финансированию ряда статей расходов: фонд оплаты труда, приобретение лекарственных средств, расходных материалов, жилищно-коммунальные платежи, ремонт основных фондов и информатизация.

Расходы бюджетной системы на здравоохранение, фактически произведенные в 2018 году, оцениваются Министерством финансов Российской Федерации в 3,9 трлн рублей (4,1 процента ВВП). В 2019 году расходы должны увеличиться до 4 трлн рублей, но при этом их доля в ВВП несколько сократится – до 3,9 процента. На 2021 год при дальнейшем стоимостном росте прогнозируемого объема расходов их доля в ВВП составит 3,8 процента ВВП. Несмотря на данную тенденцию, Центр стратегических разработок обосновал предложения по возможному увеличению данного показателя до 4 процентов ВВП к 2024 году².

В экономической литературе обсуждаются возможности применения различного рода инноваций в сфере здравоохранения³. Важным новшеством является расширение практики применения нормативного метода в планировании натуральных и стоимостных показателей при составлении финансовых планов и обосновании необходимого объема ресурсов для обеспечения бесперебойной деятельности лечебно-профилактических учреждений.

Долгосрочное управление и планирование развития здравоохранения осуществляется с применением программно-целевой методологии. Государственная программа по развитию здравоохранения была утверждена в 2017 году постановлением Правительства Российской Федерации № 1640 от 26 декабря 2017 года «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»». Постановлением Правительства Российской Федерации № 380 от 29 марта 2019 года «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения» были утверждены изменения в данный документ, касающиеся корректировки целей, состава соисполнителей и участников, структуры и сроков реализации, а также правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации⁴.

Цели Государственной программы «Развитие здравоохранения» формулируются следующим образом⁵:

- «1) снижение к 2024 году смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. населения;
- 2) снижение к 2024 году смертности от болезней системы кровообращения до 450 случаев на 100 тыс. населения;
- 3) снижение к 2024 году смертности от новообразований, в том числе от злокачественных, до 185 случаев на 100 тыс. населения;
- 4) снижение к 2024 году младенческой смертности до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся живыми».

Всего на выполнение госпрограммы «Развитие здравоохранения» с 2019 по 2021 годы планируется направить 1961,5 млрд. рублей. Из них в 2019 году общий объем выделяемых средств составляет 506,3 млрд. рублей. В 2020 году на реализацию госпрограммы запланирован значительно больший объем вложений – 760,9 млрд. рублей, в 2021 году финансирование составит 694 млрд. рублей⁶.

Основные характеристики бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования за период с 2014 по 2017 годы представлены в табл. 3. Доходы бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования, без учета межбюджетных трансфертов, обусловлены установлением тарифа страховых взносов с 2016 года в размере 5,1 процента (в 2016 году доходы фонда составили 1707,9 млрд. руб.). Применение нового порядка установления тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения обусловило причины повышения доходов Федерального фонда обязательного медицинского страхования в части трансфертов из

¹ Данные за 2013–2016 гг.: отчеты об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов за 2013–2016 гг. (Минфин России, форма по ОКУД 0507021).

² Расходы Федерального бюджета на здравоохранение сократятся в 2019 г. – <https://vademec.ru/news/2018/07/09/raskhody-federalno-go-by-udzheta-na-zdravookhranenie-sokratyatsya-v-2019-godu/>

³ Молчанова Н.П., Чилилов А.М. Инновационный подход к обеспечению финансовой устойчивости системы здравоохранения в регионах России // Управленческие науки в современном мире. 2017. – Т.1. – С. 365-370.

⁴ Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения». – <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/programms/health/info>

⁵ Там же.

⁶ Расходы по Государственной программе «Развитие здравоохранения» в 2019 году ориентировочно составят 506,3 млрд. рублей. – <https://gmpnews.ru/2018/09/raskhody-po-programme-razvitie-zdravookhraneniya-v-2019-godu-sostavyat-5063-mlrd-rublej/>

бюджетов субъектов Российской Федерации. В 2015 году их объем достиг 664,6 млрд. руб., то есть вырос по сравнению с 2014 годом (506,9 млрд. руб.). В 2016 году уровень межбюджетных трансфертов составил 666,2 млрд. руб.

Таблица 3

Основные характеристики бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования¹

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
ФФОМС:				
доходы	1240,1	1453,7	1707,9	1799,1
межбюджетные трансферты	506,9	664,6	666,2	669,4
из федерального бюджета	28,6	23,9	25,4	1,1
из бюджетов РФ	478,3	640,7	640,7	668,3
доходы без учета межбюджетных трансфертов	733,2	789,1	1041,8	1129,7
расходы	1240,1	1453,7	1707,9	1799,1
межбюджетные трансферты				
ФСС				
Федеральному бюджету				
территориальным ФОМС	1174,3	1433,9	1688,1	1779,3
расходы без учета межбюджетных трансфертов	46,7	0,7	0,8	0,8
дефицит/профицит	0,0	0,0	0,0	0,00,0
территориальные ФОМС				
доходы	1174,3	1433,9	1688,1	1779,3
межбюджетные трансферты	1174,3	1433,9	1688,1	1779,3
из ФФОМС	1174,3	1433,9	1688,1	1779,3
доходы без учета межбюджетные трансферты	0,0	0,0	0,0	0,0
расходы	1174,3	1433,9	1688,1	1779,3
дефицит/профицит	0,0	0,0	0,0	0,0

Учет части расходов в условно утвержденных расходах федерального бюджета привел к значительному снижению уровня межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в доходах бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования в 2017 году по сравнению с 2016 годом.

В целом, в динамике государственных расходов наблюдаются положительные тенденции. Около 10 процентов в структуре расходов от общего объема расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на 2016–2017 годы приходится на здравоохранение. В целом, доля расходов на социальные нужды достигает 58 процентов от суммарных расходов бюджетов бюджетной системы России. Это подчеркивает приоритетность данного направления государственных расходов. В то же время следует подчеркнуть, что, например, в 2015 году фактические расходы федерального бюджета на здравоохранение составили около 2510 млрд. руб. при необходимом (нормативно обоснованном) уровне в 3230 млрд. руб. Следовательно, дефицит финансирования составил примерно 30% (720 млрд. руб.). Сложившееся положение в обеспечении бюджетными средствами объяснялось рядом причин: ростом курса рубля более чем на 50%, накопленным в 2014 году дефицитом, дополнительным оказанием помощи новым гражданам в объеме 2 млн. руб. и др. При этом, существует целевой ориентир: Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) установлен минимальный уровень финансирования здравоохранения в размере 5,5–6,0 процентов ВВП.

В связи с изложенным Президентом России были поставлены следующие задачи перед Министерством здравоохранения на 2019–2021 годы²:

1. «До конца 2020 года медицинская помощь должна стать доступной для всех граждан, где бы они ни жили».
2. «За два года должны быть построены еще 1,5 тыс. мобильных амбулаторных пунктов».
3. «Утвердить высокие стандарты бережливых поликлиник и внедрить механизмы, которые мотивируют персонал улучшить качество работы».
4. «К 2021 году перевести на новый стандарт все детские поликлиники».
5. «В течение трех лет отладить электронное взаимодействие между врачами, поликлиниками, аптеками и пациентами».
6. «Снять возрастные ограничения для участников программы «Земский доктор», чтобы специалисты старше 50 лет также могли получить единовременную выплату при переезде в малый город или сельскую местность: врачи – 1 млн. рублей, фельдшеры – 500 тыс. рублей».
7. «Создать программы на стыке медицины и социального обслуживания для тех, кто нуждается в долговременном уходе. Индивидуальные принципы поддержки за четыре года нужно внедрить по всей стране».
8. «Завершить работу над законопроектом о паллиативной помощи в целом».

Финансирование здравоохранения составляет 7,9–8,1% ВВП в экономически развитых странах; в Восточной Европе – 5,4% ВВП; в России – 3,5–3,7% ВВП. Россия находится на 70 месте в мире по финансированию здравоохранения и на 130 месте по его эффективности (согласно оценке ВОЗ) (рис. 4). Из этого следует, что России еще предстоит достигнуть нормативный уровень финансирования здравоохранения, а также обеспечить эффективное использова-

¹ Федеральный закон «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» от 01.12.2014 № 387-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20.04.2015 № 94-ФЗ). URL: <https://www.consultant.ru>

² План развития здравоохранения на 2019–2021 годы. – <https://coko1.ru/blog/news/plan-razvitiya-zdravoohraneniya-na-2019-2021-gody/>

ние имеющегося объема бюджетных средств, который направляется на поддержание и развитие общегосударственной системы здравоохранения.

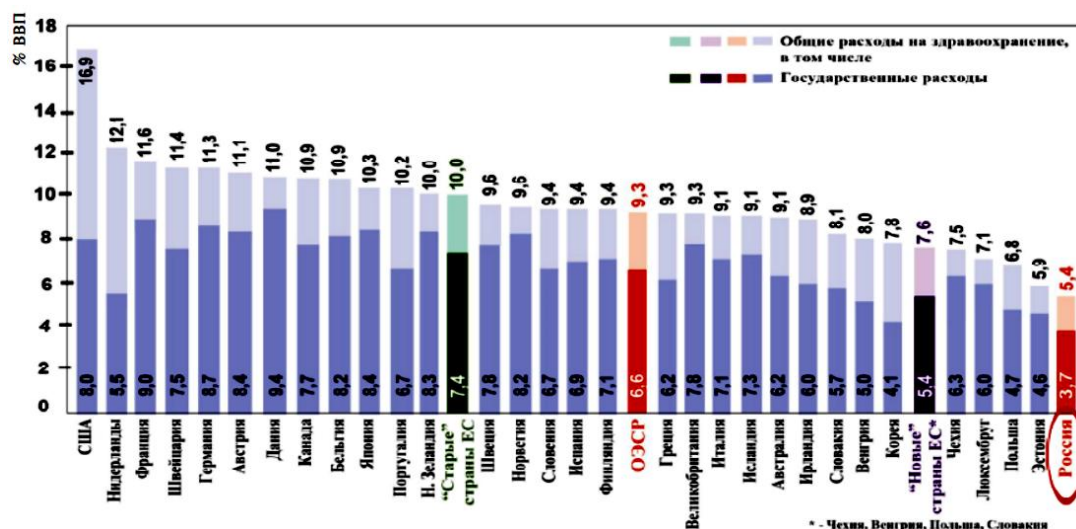

Рисунок 4. Расходы на здравоохранение в странах мира¹

Результаты исследований подтверждают, что между уровнем финансирования системы здравоохранения и ожидаемой продолжительностью жизни существует прямо пропорциональная зависимость. Для подтверждения данного тезиса можно привести результаты российских и зарубежных исследований, которые свидетельствуют о наличии обратно пропорциональной связи между объемами финансовых вложений в охрану здоровья и уровнями показателей заболеваемости и смертности населения².

В развитых странах показатель ожидаемой продолжительности жизни составляет примерно 82 года, а в странах Восточной Европы – 76 лет. В России ожидаемая продолжительность жизни составляет примерно 72–73 года; к 2020 году прогнозируется рост этого показателя до 74 лет. Для достижения данного уровня необходимо увеличить нормативы подушевых государственных расходов в 1,4 раза: с 910 до 1300 международных долларов (по паритету покупательной способности – ППС) (рис. 5).

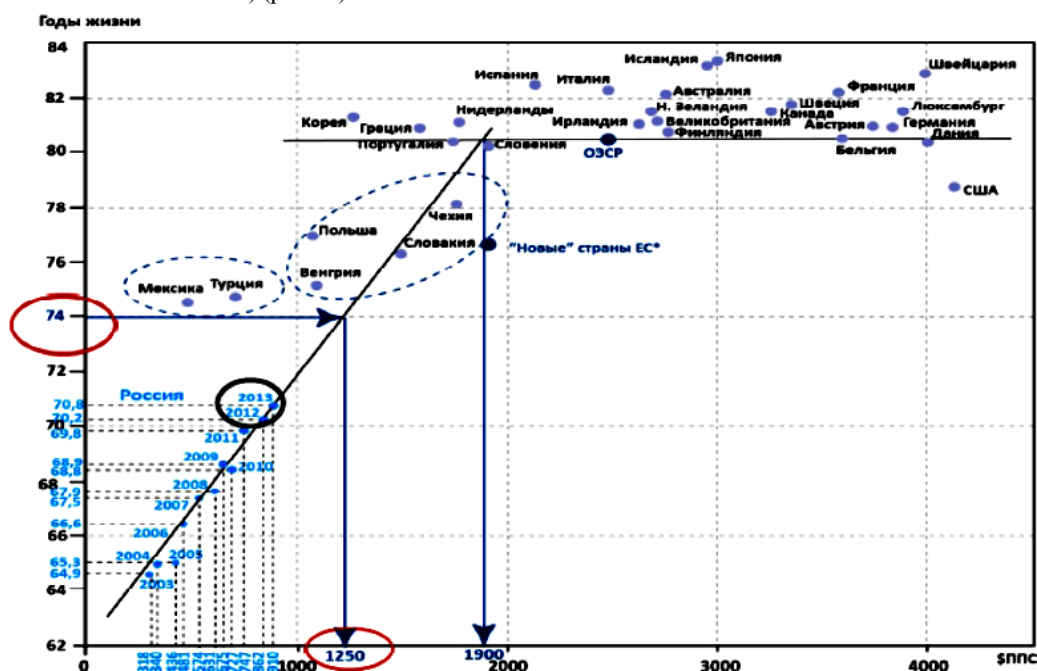

Рисунок 5. Взаимосвязь государственных расходов на здравоохранение и ожидаемой продолжительности жизни в разных странах мира³

¹ Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». Краткая версия. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – С. 30.

² Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Трансформация здравоохранения как социально-экономического института в новых экономических условиях: финансовый аспект // Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации. Сборник научных статей. Т. 1 / Под ред. М.Л. Альпидовской, С.А. Толкачева. Краснодар, 2018. – С. 330.

³ Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Научное обоснование «Стратегии развития здравоохранения РФ до 2020 года». Краткая версия. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. – С. 31.

Заключение. В целях консолидации усилий и финансовых средств для решения неотложных задач развития здравоохранения, реализации инфраструктурных проектов и повышения доступности медицинских услуг рекомендуется экспертами и находит применение в хозяйственной практике механизм государственно-частного партнерства, «В некоммерческих организациях ..., испытывающих недостаток бюджетных средств для развития своей деятельности, многообещающим направлением сотрудничества является привлечение финансовых ресурсов бизнес-сообщества»¹. Данная перспективная форма взаимодействия между государством (со стороны органов управления здравоохранением), самими лечебно-профилактическими учреждениями и предпринимательскими структурами существенно повышает активность финансовых отношений, позволяет более вдумчиво подойти к вопросам удовлетворения потребностей различных социальных групп населения.

Ключевая задача, которая стоит перед системой здравоохранения России на долгосрочную перспективу, состоит в достижении равного доступа к полному спектру медицинских услуг для всех граждан страны. Решение данной проблемы возможно путем принятия комплекса мер. В их числе видное место отводится использованию программно-целевого метода как инструмента, наиболее полно отвечающего целям достижения сбалансированного финансирования государственных программ (федеральных и региональных) и национальных проектов. Программно-целевой подход в совокупности с применением нормативного метода планирования ресурсного обеспечения создает методологические основания для наиболее полного удовлетворения потребностей населения в получении медицинских услуг требуемого уровня и качества.

¹ Теория и практика финансов некоммерческих организаций: коллективная монография / Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н., Чернов А.Ю., Дзусова С.С., Долина О.Н., Гузь Н.А. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. – С 143–146.

Попова Л.А.

д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»

popova@iespn.komisc.ru

Зорина Е.Н.

н.с. ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ¹

Ключевые слова: продолжительность жизни населения, демографическое старение, население старшего возраста, здоровье, Республика Коми.

Keywords: life expectancy, demographic ageing, older population, health, Komi Republic.

Ожидаемая продолжительность жизни населения – важная характеристика прогресса общества. Ее уровень является объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия страны. В 2000-е годы в России достигнуты значительные успехи в росте этого показателя. В 2018 г. уровень продолжительности жизни достиг 72,9 лет, увеличившись по сравнению с 2003 г. на 8,1 года. Мужской показатель составил 67,8 лет, женский – 77,8 лет². Это абсолютные максимумы за всю историю России. Предыдущий локальные максимумы, наблюдавшиеся в стране в 1986–1987 гг., составляли 70,1 года для обоих полов, 64,9 лет для мужчин и 74,6 для женщин³. По женской продолжительности жизни рекорд 1980-х годов был перекрыт еще в 2009 г., по показателю для всего населения – в 2012 г., по мужскому – в 2013 г. (рис. 1).

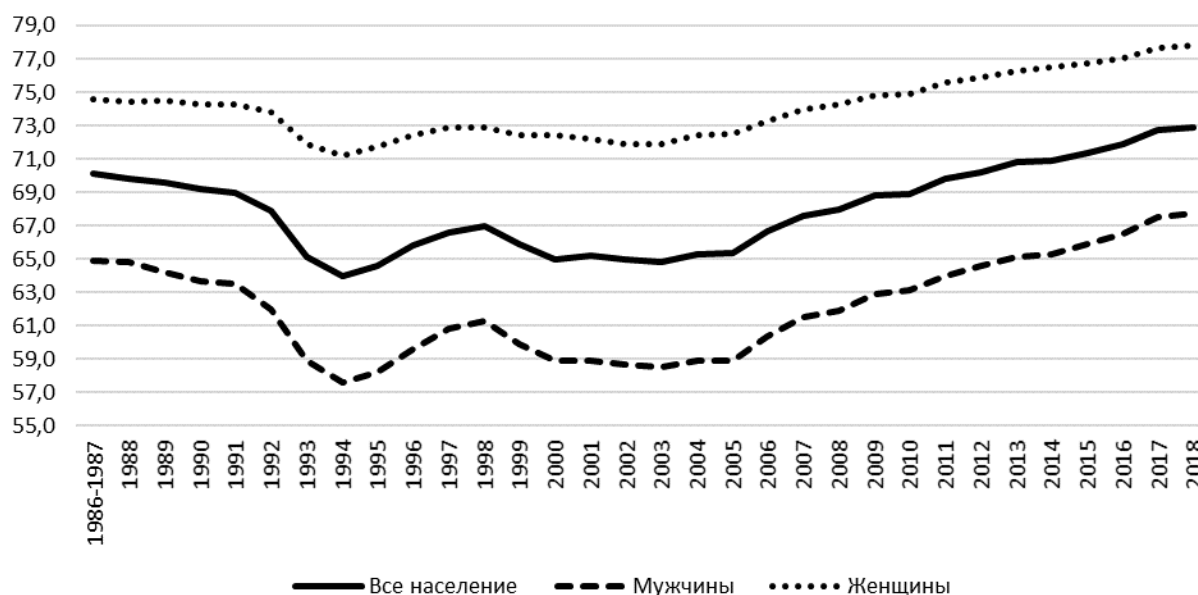

Рисунок 1.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации в 1986–2018 гг., лет

Однако несмотря на достигнутые успехи, отставание России от мировых лидеров по-прежнему составляет свыше 12 лет, по мужской продолжительности жизни 15–16 лет, по женской – более 10⁴. Т.е. в стране имеются огром-

¹ Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН (проект № 18-6-7-24 «Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика») и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс»).

² Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

³ Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / Под ред. Г.Н. Кареловой, Л.Л. Рыбаковского. – М., 2001. – С. 42.

⁴ Попова Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми: резервы продления положительных тенденций // Проблемы развития территории. 2019. – № 3 (101). – С. 64.

ные резервы дальнейшего повышения показателя. В Президентском послании 2018 г. прозвучала амбициозная задача войти к концу 2020-х годов в клуб стран «80 плюс», где продолжительность жизни превышает 80 лет¹. 7 мая 2018 г. был принят Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором в качестве одной из первоочередных национальных целей развития страны названо достижение к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет². Выполнение этой цели потребует максимальной реализации всех резервов роста продолжительности жизни.

В условиях повышения продолжительности жизни российского населения произошло улучшение структуры смертности по причинам, однако доля смертности от внешних причин продолжает представлять заметный резерв дальнейшего роста показателя. Опережающее увеличение мужской продолжительности жизни привело к уменьшению межполовой разницы с 13,4–13,6 лет до 10,0 лет, тем не менее, гендерный резерв роста остается в стране очень значительным. Несмотря на некоторое сокращение отставания сельского показателя от городского (с 2,0 до 1,6 лет), большим резервом является выравнивание межпоселенческих различий. За 2003–2017 гг. произошла региональная конвергенция продолжительности жизни, уплотнение регионов к среднероссийскому уровню за счет более быстрого подтягивания территорий с очень низким и низким уровнем продолжительности жизни и медленного роста показателя в субъектах с ее высокими уровнями. В 2003 г. разница между максимумом и минимумом составляла в России 20,8 лет (75,1 года в Ингушетии и 54,3 лет в Тыве), к 2017 г. минимакс сократился до 15,5 лет (81,6 лет в Ингушетии и 66,1 года в Чукотском АО). Но несмотря на уменьшение, региональная дифференциация является очень существенной. Таким образом, в России имеются значительные структурные, гендерные, поселенческие и региональные резервы повышения продолжительности жизни, связанные с выравниванием различий в уровне и образе жизни населения. В нашей статье мы рассмотрим еще один аспект: возможности увеличения продолжительности жизни, связанные с состоянием здоровья населения старших возрастов.

Безусловно, дальнейший рост продолжительности жизни российского населения во многом определяется снижением преждевременной и предотвратимой смертности, т.е. смертности населения трудоспособного возраста от внешних причин и болезней сердечно-сосудистой системы, связанных, главным образом, с неблагоприятным образом жизни. Но в условиях ускорения постарения населения и приближения России к модели демографического старения, характерной для развитых стран, при которой население в большей мере стареет «сверху», при наблюдающемся с 2005 г. увеличении абсолютной численности населения старше трудоспособного возраста и превышении этой возрастной группой четвертой части населения (рис. 2), все более значительную роль для повышения продолжительности жизни начинает играть сокращение смертности в старших возрастах, определяемое сохранением здоровья.

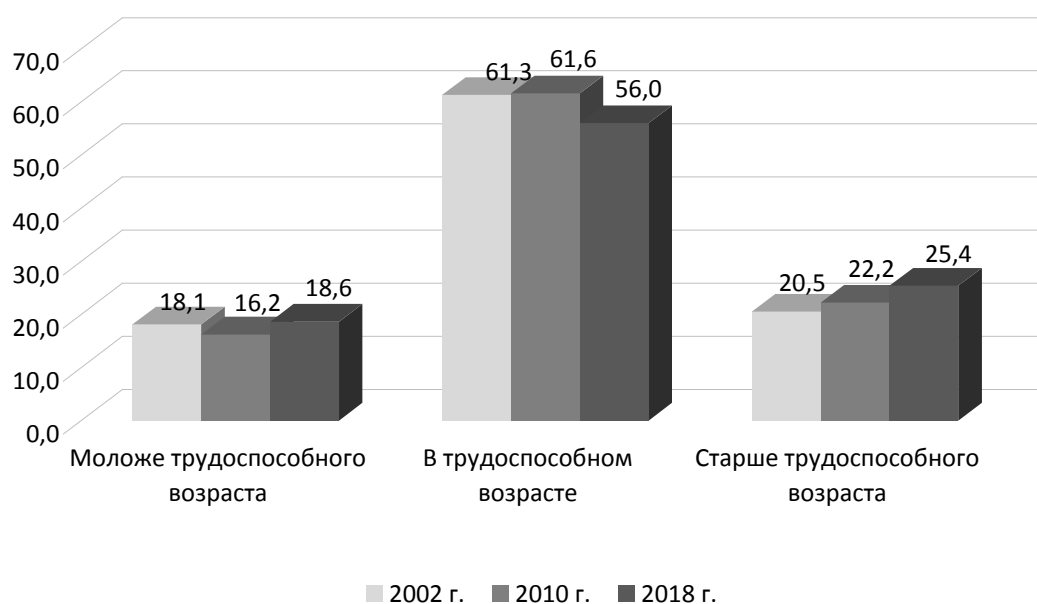

Рисунок 2.
Изменение возрастной структуры населения России в межпереписной период 2002–2010 гг. и оценка на начало 2018 г., %

Анализ состояния здоровья населения старших возрастов будет произведен на основе результатов двух социологических исследований «Проблемы третьего возраста», посвященных исследованию уровня и качества жизни населения старшего возраста, выявлению основных проблем пожилых людей, их здоровья и социального самочувствия, ресурсов и возможностей, которые были проведены авторами на территории Республики Коми в 2013 и 2018 гг. Ре с-

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. – <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz5ANQIWe77>

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

публика Коми традиционно характеризуется продолжительностью жизни населения ниже среднероссийского, повышенным процентом смертей от внешних причин, более значительной гендерной разницей в уровне продолжительности жизни, очень существенным, особенно в последние годы, отставанием сельского показателя¹.

В условиях повышения продолжительности жизни, как правило, происходит сближение республиканского показателя со средним по стране уровнем. За 2003-2017 гг. продолжительность жизни населения региона увеличилась с 61,5 лет до 71,1 года (на 9,6 лет). В целом за период разница с общероссийским уровнем сократилась с 3,3 до 1,6 лет. Но несмотря на то, что в классификации субъектов Российской Федерации по уровню продолжительности жизни населения Республика Коми поднялась из нижней части предпоследней группы регионов с низким уровнем продолжительности жизни в верхнюю часть следующей группы с уровнем существенно ниже среднероссийского², Коми продолжает оставаться регионом со значительными резервами роста продолжительности жизни населения, которые требуют изучения и реализации.

В 2013 г. в рамках социологического обследования «Проблемы третьего возраста» было опрошено 932 человека в возрасте 55 лет и старше. Выборка³ и основные результаты подробно описаны в монографии «Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России». Через 5 лет мы повторили обследование, немного подкорректировав некоторые вопросы в соответствии с результатами первого обследования, а также добавив актуальные для 2018 г. На этот раз был опрошен 1521 человек. При более значительном выборочном массиве основные его характеристики оказались довольно схожими с выборкой 2013 г.

51,8% респондентов обследования 2018 г. относятся к возрасту 55–64 лет, 33,1% – к возрасту 65–74 лет, 12,4% – 75–84 лет и 2,8% – старше 85 лет. Это достаточно близко к возрастной структуре населения старших возрастов генеральной совокупности: по оценке Комистата, на начало 2018 г., соответственно, 56,3%, 26,5, 13,9 и 3,5% населения Республики Коми старше 55 лет относятся к выделенным возрастным группам⁴.

Более трех четвертей опрошенных (75,9%) – женщины, 24,1% – мужчины. Безусловно, это не совсем соответствует половым пропорциям генеральной совокупности: по оценкам на начало 2018 г., женщины в Коми составляют 62,6% населения старше 55 лет, мужчины – 37,4%⁵. Однако учитывая большую трудность получения социологической информации от мужчин, 366 опрошенных – это вполне приемлемый уровень. В 2013 г. соотношение было практически идентичным: 75,2% женщин и 24,8% мужчин.

Как и в 2013 г., в выборке оказалась несколько превышенной доля сельского населения: 72,1% респондентов проживают в городской местности, 27,9% – в сельской. Но превышение не принципиальное: в целом по Республике Коми горожан в составе населения старше 55 лет – 73,7%, сельских жителей – 26,3%⁶. К тому же часть опрошенных в городской местности пенсионеров позиционировали себя в анкетах сельскими жителями, поскольку они прописаны в своих деревенских домах, в которых проводят в основном весенне-летний период, в то время как большую часть года они проживают со взрослыми детьми в условиях городской местности.

По уровню образования респонденты распределились следующим образом: высшим профессиональным образованием характеризуются 30,8% опрошенных, средним специальным (техникум) – у 47,4%, начальным профессиональным (ПТУ) – у 12,7%, у 9,1% опрошенных пожилых людей профессионального образования нет. По переписи населения 2010 г., 28,6% населения старше трудоспособного возраста в Республике Коми имеют высшее и послевузовское образование, 45,7% – среднее профессиональное, 4,8% – начальное профессиональное образование, на все виды общего образования приходится 21,0% лиц пенсионных возрастов⁷. Т.е. выборка оказалась несколько сдвинутой в пользу квалифицированных специалистов всех уровней образования за счет лиц без профессионального образования. Однако с учетом значительного периода времени, прошедшего после последней переписи, и постоянного повышения уровня образования российского населения, в том числе и населения старших возрастов (за счет передвижки возрастов), повышенный уровень образования выборочной совокупности также можно считать не принципиальным.

Подавляющее большинство участников обследования 2018 г. имеют или имели семью: 48,6% опрошенных состоят в браке (зарегистрированном или гражданском) на момент опроса, 30,4% респондентов являются вдовцами (вдовами), 14,8% – разведены, 6,2% никогда не состояли в браке. Соответствующие цифры по населению старше трудоспособного возраста по переписи 2010 г. составляют в республике: 47,9%, 37,3, 10,6 и 4,2%⁸. Т.е. выборка достаточно близка с генеральной совокупностью и по семейной структуре.

Таким образом, как и в 2013 г., выборка обследования 2018 г. в целом оказалась довольно удачной. Сильного рассогласования массива опрошенных с генеральной совокупностью населения республики старше 55 лет нет. При

¹ Попова Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми: резервы продления положительных тенденций // Проблемы развития территории. 2019. – № 3 (101). – С. 62–75.

² Попова Л.А. Региональная дифференциация смертности населения России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика». – М., 2019. – Том 5, № 4. – С. 123–126.

³ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. – Сыктывкар, 2014. – С. 35–38.

⁴ Рассчитано по: Численность населения Республики Коми по полу и возрасту на 1 января 2018 года. Информационно-аналитический бюллетень № 06-57-60/6. – Сыктывкар, 2018. – С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 12–13.

⁷ Состояние в браке, образовании. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Т. 2: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2012.

⁸ Там же.

этом основные характеристики обеих выборочных совокупностей схожи. Поэтому результаты сравнительного анализа обследований можно считать вполне репрезентативными.

В обоих обследованиях, одно из которых было проведено до развертывания в стране широкомасштабной кампании по диспансеризации взрослого населения, второе – после того, как уже практически все население имело возможность хотя бы раз пройти диспансеризацию, были блоки вопросов, посвященных субъективной оценке своего здоровья и качеству получаемой медицинской помощи. В Республике Коми, как и повсеместно по стране, в соответствии с «майскими» указами 2012 г.¹ и данными в их развитие поручениями Правительства Российской Федерации с 2013 г. проводилась последовательная работа по внедрению порядков и стандартов на всех этапах оказания медицинской помощи, развитию медицинских организаций общей лечебной сети, совершенствованию кадровой политики в сфере охраны здоровья, модернизации лекарственного обеспечения, в том числе льготных категорий граждан, развитию медицинской науки, формированию здорового образа жизни и другим основополагающим направлениям. Приказом Министерства здравоохранения Республики Коми от 1 марта 2013 г. № 377-р «О проведении диспансеризации определенных групп взрослого населения и организации проведения мониторинга диспансеризации в Республике Коми»² было положено начало современному этапу регулярного проведения диспансеризации взрослого населения, которая в отличие от предыдущих кампаний по диспансеризации концентрируется на четырех группах заболеваний, которые обуславливают 75% смертей россиян: сердечно-сосудистых и хронических бронхолегочных патологиях, сахарном диабете и онкологии.

В обоих наших обследованиях «Проблемы третьего возраста» опрашиваемым было предложено оценить по 9-балльной шкале свое физическое здоровье. Средневзвешенная оценка в 2013 г. составляла 5,5 балла, в 2018 г. – 5,4. Т.е. были получены совершенно идентичные оценки заметно выше среднего. Как и 5 лет назад, субъективная оценка психологического самочувствия респондентов оказалась выше оценки физического здоровья – в том и другом случае она составляет 6,2 балла. Т.е. люди старшего возраста достаточно оптимистичны, но к оценке своего здоровья относятся более критично, чем к жизни вообще.

При этом к врачам пожилые люди обращаются в основном только, когда болеют (59,2 и 56,1% опрошенных в 2013 и 2018 гг., соответственно). В обоих обследованиях был сформулирован вопрос с оценкой полноты и качества получаемой медицинской помощи. К сожалению, и в 2013, и в 2018 г. наиболее распространенный ответ «Неполная и некачественная» – 49,6% опрошенных в 2013 г. и 42,9% в 2018 г. И хотя процент респондентов, отметивших самый негативный вариант, за 5 лет заметно сократился, уменьшилась и доля выбравших наиболее позитивный вариант «Полная и качественная» – с 18,7% в 2013 г. до 14,6% в 2018 г.

В то же время следует отметить, что к 2018 г. увеличился процент опрошенных пожилых людей, обращающихся в медицинские учреждения не только при болезни, но и с профилактической целью: с 24,7 до 28,7%. Как и то, что в 2018 г. заметно меньший процент опрошенных людей затрудняется с ответами на вопросы о показателях артериального давления, об уровне глюкозы в крови и уровне холестерина. В 2013 г. в этих вопросах, соответственно, 9,7%, 33,8 и 38,3% опрошенных выбрали ответ «Не знаю». В 2018 г. аналогичные цифры составили 8,1%, 23,0 и 24,5%.

С одной стороны, это хорошо, поскольку свидетельствует о наличии результатов диспансеризации – несмотря на отмечаемые из года в год проблемы, связанные с низкой активностью населения, недостаточной заинтересованностью работодателей в проведении диспансеризации работников, дефицитом кадров, а также длительным отсутствием транспортного сообщения с удаленными населенными пунктами региона. А также, возможно, это свидетельствует о повышении ответственности людей старшего возраста за свое здоровье. С другой стороны, только в случае показателей артериального давления разница практически полностью перешла в вариант «В норме». В случае с уровнем глюкозы и холестерина часть разницы перешла в вариант «Выше нормы». В 2013 г. уровень глюкозы в крови выше нормы отметили 16,1% опрошенных, в 2018 г. – 19,2%. В 2013 г. уровень холестерина выше нормы был у 24,1% респондентов, через 5 лет – у 28,3%. Что указывает как на повышение осведомленности пожилых людей о наличии хронических заболеваний, что само по себе неплохо, поскольку «кто предупрежден, тот вооружен», так и на нарастание у населения старшего возраста проблем, связанных с диабетом, повышенным весом и ожирением.

Что подтвердили и ответы на вопрос о весе. В 2013 г. 49,4% опрошенных ответили, что их вес в норме, 39,0% отметили повышенный вес, 3,3% – пониженный, 8,1% респондентов не знали, какой у них должен быть нормальный вес. В 2018 г. аналогичные цифры составили: 46,6%, 43,8, 3,7 и 5,9%. Т.е. процент людей с старше 55 лет, оценивающих свой вес как избыточный, увеличился почти на 5 пунктов.

На вопрос о наличии вредных для здоровья привычек в 2018 г. ответили 64,2% респондентов. При этом почти 40% из них (что составляет 25,6% всех опрошенных) отметили малоподвижный образ жизни. За последние 5 лет люди старшего возраста стали немного активней: в 2013 г. низкую двигательную активность отметили 29,6% респондентов. Но что касается питания, то ситуация, похоже, заметно ухудшилась. В 2018 г. несбалансированное питание: «Избыток в пище мучного, сладкого, соленого, острого, жирного» – отметили более трети ответивших на вопрос о вредных привычках, что составляет 22,1% всех респондентов. Еще 11,3% ответивших на этот вопрос (8,6% выборки) отметили «Переедание». Даже если эти варианты не суммировать (этот вопрос с альтернативными вариантами ответов, поэтому все перепадающие могли также отметить и несбалансированность питания), это все равно больше, чем в 2013 г., когда 15,6% респондентов отметили вариант «Переедание и лишний вес». Хотя надо заметить, что в вопросе о вредных при-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». – <https://base.garant.ru/70170948/>; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». – <https://base.garant.ru/70170932/>

² Официальный сайт Министерства здравоохранения Республики Коми. – <http://minzdrav.rkomi.ru/page/10256/>

вычках в обследованиях были разные варианты подсказов (в обследовании 2013 г. не было варианта о несбалансированности питания, которое вовсе не обязательно связано с его избытком), что, вроде бы, дает основания для другой интерпретации: процент переедающих, наоборот, сократился. Однако, как было показано выше, количество респондентов с избыточным весом увеличилось за 5 лет с 39,0 до 43,8%, что подтверждает версию об ухудшении ситуации с питанием. Курение отметили 20,7% ответивших на этот вопрос, или 15,8% всех участников опроса, что несколько больше, чем в 2013 г. (14,0% респондентов). Любовь к выпивке – 4,9% (3,2% всех опрошенных), что, наоборот, заметно меньше, чем в 2013 г. (6,2% участников)

Среди населения, прошедшего диспансеризацию, ежегодно определяются группы лиц с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний, вносящих существенный вклад в структуру заболеваемости, инвалидности и смертности. В 2017 г. ранговые позиции и частота встречаемости модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний у населения старше трудоспособного возраста в Республике Коми выглядят следующим образом. На первом месте – повышенный уровень артериального давления, частота встречаемости – у 22,7% обследованных в результате диспансеризации. На втором месте – нерациональное питание (20,4%), на третьем – избыточная масса тела (19,9%), на четвертом – высокий и очень высокий суммарный сердечно-сосудистый риск (19,8%), на пятом – низкая физическая активность (17,1%). Далее идут отягощенная наследственность по хроническим неинфекционным заболеваниям (8,5%), гипергликемия (7,1%), курение табака (7,0%), употребление алкоголя (1,8%), употребление наркотиков (0,05%)¹.

Ранговые позиции модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний у населения старше трудоспособного возраста год от года приблизительно одни и те же, по крайней мере, первые. Ежегодно диспансеризация выявляет частую встречаемость болезней эндокринной системы, органов пищеварения и системы кровообращения. С возрастом число лиц, имеющих факторы риска, существенно увеличивается, что определяет необходимость дальнейшей работы по пропаганде здорового образа жизни и профилактике основных модифицируемых факторов риска. Распространенность модифицируемых факторов риска определяет вектор дальнейших усилий в вопросах формирования ответственного отношения граждан к своему здоровью. В целях повышения уровня информированности населения о принципах формирования здорового образа жизни, факторах риска развития хронических неинфекционных заболеваниях, необходимости ответственного отношения к своему здоровью сотрудниками медицинских организаций республики проводится санитарно-просветительская работа по здоровому питанию и обучение пациентов принципам рационального питания при заболеваниях.

В условиях ускорения старения населения возможности дальнейшего увеличения продолжительности жизни все сильнее определяются развитием специализированной медицины. 4 декабря 2018 г. в Республике Коми были утверждены паспорта региональных проектов (программ) национальных проектов «Здравоохранение» и «Демография», разработанных на 2019–2024 гг. во исполнение майского указа Президента². В составе проекта «Здравоохранение» семь региональных программ, **направленных на развитие первичной медико-санитарной помощи, борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, развитие детского здравоохранения, обеспечение медицинских организаций квалифицированными кадрами, создание единой региональной информационно-аналитической системы здравоохранения, а также на развитие экспорта медицинских услуг.** Три из пяти региональных проектов по направлению «Демография»: «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения «Старшее поколение», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» и «Спорт – норма жизни» – также ориентированы на повышение продолжительности жизни населения. Все они в той или иной степени могут быть адресованы населению старшего возраста.

В рамках реализации проекта «Старшее поколение» в 2019 г. в Республике Коми создается гериатрическая служба. Планируется организовать 10 гериатрических кабинетов и 40 гериатрических коек в медицинских организациях региона, а также подготовить врачей-гериатров и медицинских сестер по программе «Сестринское дело в гериатрии». Кроме этого, в региональный проект по укреплению здоровья, увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни заложены наиболее эффективные методы профилактики, которые необходимы для сохранения здоровья людей старшего поколения. Мероприятия направлены на совершенствование деятельности имеющихся тематических школ здоровья на базе медицинских организаций, а также выездных форм профилактической работы. Республиканский Центр медицинской профилактики приступил к реализации проекта «Движение – это жизнь», которым предусмотрено открытие в 2019 г. 26 школ профилактики гиподинамии, одним из базовых направлений которых предполагается внедрение и расширение популярности скандинавской ходьбы во всех городах и районах республики. В планах Министерства здравоохранения региона организация в городах республики работы пяти семейных школ профилактики когнитивных нарушений Проблемы со здоровьем следует выявлять на ранних стадиях – к 2024 г. планируется за счет ежегодной диспансеризации и системы скринингов, в том числе в выездной форме и на дому, обеспечить профилактическими осмотрами 80% людей старше трудоспособного возраста. По факту выявления патологических состояний не менее 90% пожилых людей к этому периоду должны будут состоять на диспансерном наблюдении³.

¹ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Республики Коми в 2017 году». – Сыктывкар, 2018. – С. 23.

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

³ В Коми будет создана гериатрическая служба. – <https://komiinform.ru/news/173674>

Таким образом, в России имеются значительные структурные, гендерные, поселенческие, региональные и другие резервы для продления позитивного тренда повышения продолжительности жизни. В условиях ускорения старения населения все более значительную роль для дальнейшего увеличения продолжительности жизни начинает играть сокращение смертности в старших возрастах, определяемое сохранением здоровья, которое неразрывно связано с развитием здравоохранения, в том числе и специализированной медицины, усилением и совершенствованием работы по пропаганде здорового образа жизни, формированию ответственного отношения граждан всех возрастов к своему здоровью, профилактике основных модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний, а также с продлением продолжительности полноценной, активной жизни населения. Главная задача стареющего общества – мотивация активного долголетия населения, которое в огромной степени содействует возрастанию продолжительности жизни населения, а это одна из главных стоящих перед нашим обществом целей.

Симагин Ю.А.

к.геогр.н., доцент, в.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОНООТРАСЛЕВЫХ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА РОССИИ

Ключевые слова: поселки городского типа России, моноотраслевые населенные пункты, динамика системы расселения.

Keywords: settlements of urban-type of Russia, single-industry settlements, the dynamics of the system baseline.

Поселки городского типа (ПГТ) – особая категория населенных пунктов, которая существует практически только в России и некоторых других государствах на территории бывшего СССР, которая появилась в 1920-е гг. Эта категория появилась в ответ на ситуацию конца первой трети XX века, когда многие населенные пункты были относительно большими по численности населения (в них проживали тысячи жителей), являлись неаграрными по структуре своей экономики, но в то же время не могли быть городами по своему административному статусу и социально-экономическому потенциалу.

Двойственное положение между городами и сельскими населенными пунктами не мешало ПГТ успешно развиваться на протяжении большей части XX века. Количество поселков городского типа, численность и доля населения в них от численности населения России вплоть до начала 1990-х гг. увеличивались – максимальным количеством ПГТ в России было в 1991 году, когда их насчитывалось около 2,2 тыс. Хотя с 1960-х гг. начали сокращаться средняя численность жителей в одном ПГТ и их доля в городском населении страны (табл. 1).

То есть ПГТ росли, но медленнее, чем города, при сокращении численности сельского населения в стране. Можно сказать, что демографических ресурсов сельской местности, которые перераспределялись за счет миграции, хватало для ростов и городов, и ПГТ. При этом, закономерно, естественный прирост в городских населенных пунктах (как городах, так и ПГТ) был меньше, чем в сельской местности, что связано с особенностями городского и сельского образа жизни. При постепенном увеличении доли городских жителей в России (порог в 50% был превышен в 1950-х гг.) это неизбежно должно было привести к сокращению естественного прироста в стране к концу XX века. С условием наличия демографических кризисов (самый острый – годы Великой Отечественной войны) с начала 1990-х годов Россия вступила в период депопуляции, то есть сокращения численности населения.

Таблица 1

Основные характеристики поселков городского типа России по данным всеобщих переписей населения*

Характеристика	1926 г.	1959 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2018 г.
Количество ПГТ, единиц	702	1459	2193	1842	1286	1195
Численность населения в них, тыс. чел.	2557	9447	13 510	10 513	7787	7134
Средняя численность населения в одном ПГТ, тыс. чел.	3,6	6,5	6,2	5,7	6,1	5,9
Доля населения ПГТ от всего населения России, %	2,8	8,0	9,2	7,2	5,5	4,9
Доля населения ПГТ от городского населения России, %	15,4	15,3	12,5	9,9	7,4	6,5

* 2018 год – по данным текущего учета численности населения.

Источники: Население России. 2000 год. – М.: Центр демографии и экологии человека, 2001. – 90 с.; Официальный сайт государственной службы статистики Российской Федерации (Росстата). – <http://www.gks.ru>

После начала радикальных реформ и демографического кризиса в 1990-е гг. система ПГТ стала развиваться совершенно иначе, чем системы городов и сельских населенных пунктов страны. Численность населения ПГТ сильно сократилась – на 47,3% за 1989–2018 гг. (население всей России в сравнимых границах за этот период уменьшилось примерно на 4%), а доля ПГТ в населении страны снизилась с 9,2 до 4,9%. В 2010–2018 гг. численность населения России в целом увеличивалась, но депопуляция в ПГТ не прекращалась. То есть при общих негативных тенденциях динамики численности населения России в последние десятилетия особенно ярко этот процесс проявился именно в ПГТ, которые оказались, таким образом, наиболее «пострадавшей» с начала 1990-х гг. категорией населенных пунктов страны.

При этом примерно 3/4 сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. пришлось на административно-территориальные (в последние годы – муниципально-территориальные) преобразования. Их основная тенденция заключается в преобразование поселков городского типа в сельские населенные пункты. Только за счет этого процесса за 1991–2017 гг. прекратили свое существование более 800 ПГТ с общей численностью населения око-

ло 3 млн человек. Произошла «административная рурализация»¹, затормозившая рост доли городского населения в стране, наблюдавшийся на протяжении почти всего XX века. Особенно массовыми преобразованиями городских населенных пунктов в сельские были в таких субъектах Российской Федерации, как Алтайский край, Ростовская, Оренбургская и Тюменская области, республики Карелия, Калмыкия, Алтай и Удмуртия. В целом можно сказать, что преобразования были более характерными для национальных автономий и южных аграрных регионов России. В некоторых субъектах Российской Федерации не осталось ни одного ПГТ, тогда как в начале 1990-х гг. таких регионов в стране не было. Фактически из системы расселения «пропал» важный элемент, объединявший в единое целое городские и сельские населенные пункты.

Произошедшие преобразования имели как объективные, так и субъективные причины. Среди первых – реально произошедшее сокращение численности населения и неаграрного экономического потенциала во многих ПГТ, что было особенно характерно для периода острого социально-экономического кризиса 1990-х гг. В итоге многие поселки перестали удовлетворять статистическим критериям выделения городских населенных пунктов по численности населения и структуре занятости. Главная субъективная причина – материальная заинтересованность жителей в преобразованиях. Сельское население в России имеет определенные льготы по сравнению с городским – больше возможностей получения земли для ведения личного подсобного хозяйства, меньше тарифы на электроэнергию, существенные надбавки к заработной плате для работников бюджетной сферы. Кроме этого, урбанизация и городской образ жизни не укоренились в культуре и сознании основной массы населения страны, хотя уже с 1950-х гг. большинство жителей считались горожанами. Корень этого – в фактически сельском образе жизни населения небольших городов и ПГТ с их низкой степенью благоустройства, преобладанием усадебного жилья, незначительным количеством центров культуры.

Еще около 300 ПГТ за период 1991–2017 гг. исчезли вследствие присоединения их к соседним городам в рамках проводившейся с 2003 года муниципальной реформы. При этом вся территория страны была разделена на городские округа и на муниципальные районы, а последние – на городские и сельские поселения. ПГТ в рамках этой системы могут существовать только в муниципальных районах в качестве городских поселений. Тогда как в городских округах никаких других городских населенных пунктов кроме главного города быть не может. Присоединение многих ПГТ, реально находившихся непосредственно вблизи городов («пригородных») в этой системе муниципальных образований можно считать оправданным. Но частями городов стали и удаленные ПГТ, особенно в рамках набирающего масштабы в последние годы процесса преобразования муниципальных районов в городские округа. Особенно широкое распространение эта тенденция получила в областях Свердловской, Сахалинской, Московской. При этом бывшие ПГТ становятся удаленными «городскими микрорайонами», теряя местное самоуправление. Вслед за этим начинает сворачиваться сеть учреждений обслуживания жителей – школы, детские сады, поликлиники и др. Поэтому усиливается отток молодежи и трудоспособного населения. Например, после преобразования Шатурского муниципального района Московской области в городской округ бывшие поселки городского типа Радовицкий, Черусти, Мишеронский и другие стали микрорайонами города Шатуры, хотя удалены от него по автодорогам на 20–40 км. Такая ситуация является явной деформацией реально существующей системы расселения и способствует депопуляции бывших ПГТ.

Около 1/4 сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. примерно в равной степени приходится на естественную убыль и отрицательное сальдо миграций, характерные для большинства из сохранившихся поселков городского типа. Эти процессы взаимосвязаны, так как уезжает из ПГТ в основном молодежь и население трудоспособного возраста с детьми. То есть миграционный отток приводит к постарению возрастной структуры оставшегося населения, что, в свою очередь, приводит к усилению или появлению естественной убыли. В итоге за сравнительно короткое время население может сократиться не только до необходимых для формального существования ПГТ 2–3 тыс. постоянных жителей, но и вообще практически исчезнуть. Примеров последнего итога довольно много можно было наблюдать на протяжении последних 25 лет в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Так, по состоянию на начало 2018 года имелось 2 ПГТ без населения в Республике Саха (Якутия), 3 – в Республике Коми, 4 – в Магаданской области.

Таким образом, повышенная естественная убыль в ПГТ связана со старой возрастной структурой населения – более старой, чем в городах (но более молодой, чем в российской сельской местности), а также с низкой «городской» рождаемостью. То есть рождаемость в ПГТ такая же низкая, как в городах, а смертность – почти такая же высокая, как в сельской местности. Миграционное сальдо большинства ПГТ отрицательное, поскольку они не имеют ни свободных рабочих мест и высокого социально-экономического потенциала в целом (как большие города), ни свободного жилья и широких возможностей самообеспечения за счет занятия сельским хозяйством (как сельские населенные пункты).

Миграционный отток молодежи и трудоспособного населения из ПГТ во многих случаях связан также с тем, что большинство из них имеют моноотраслевой характер экономики. При плановой экономике советского типа это способствовало появлению многочисленных ПГТ по мере экономического освоения территорий и формирования новых отраслей промышленности. Но в рыночных условиях зависимость всей жизнедеятельности поселка от стабильного функционирования одного-двух, к тому же сравнительно небольших, как правило, предприятий, может иметь очень негативные последствия. Полифункциональными можно считать лишь ПГТ, являющиеся районными центрами или расположенные около больших городов («пригородные»). Но в сумме поселки этих двух функциональных типов составляют лишь около 1/3 ПГТ России. Остальные 2/3 – это фактически моноотраслевые населенные пункты, большинство из которых являются центрами добывающей или тяжелой обрабатывающей промышленности (табл. 2). Не удивительно, что в случае кризиса или закрытия градообразующих предприятий, что особенно широко было рас-

¹Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. – М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. 1999. – С. 83–94.

пространено в России в 1990-е гг., население таких поселков начинает быстро сокращаться – в некоторых случаях вплоть до полного исчезновения. Из данных табл. 2 видно, что наиболее быстрыми темпами сокращается население именно «остаточных» ПГТ, то есть таких, в которых закрылись все градообразующие предприятия.

Таблица 2

Распределение ПГТ России по функциональным типам

Функциональный тип ПГТ	Доля от количества ПГТ, %	Средняя численность населения, тыс. чел.	Динамика численности в конце XX – начале XXI вв., %*
Районный центр	23,6	7,9	-5,1
Пригородный центр	9,4	7,7	-0,8
Центр тяжелой обрабатывающей промышленности	21,1	5,7	-9,6
Центр легкой или пищевой промышленности	8,2	4,3	-6,1
Центр добывающей промышленности	25,8	4,3	-19,9
Центр строительства	0,8	5,7	+9,1
Транспортный центр	3,0	5,2	-15,6
Военный центр	1,6	7,9	+0,5
Научный центр	0,2	9,4	+6,6
Курортный центр	1,0	3,7	-10,3
«Остаточный» центр	4,3	0,9	-41,9
Тип не определен	1,0	5,5	-12,1
Все ПГТ	100	5,7	-11,7

* Для ПГТ, сохранявших такой статус и в конце XX века, и в начале XXI века.

Источник: Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. – С. 61–70.

Казалось бы, благополучной ситуация выглядит в центрах строительства, военных и научных центрах, где численность населения увеличивалась. Но в сумме такие поселки составляют лишь около 2,5% ПГТ России. Причем большая часть из них – это военные центры, динамика численности населения в которых зависит преимущественно не от естественных демографических процессов, а от необходимости решения тех или иных военно-стратегических задач страны. Так, в закрытом административно-территориальном образовании (ЗАТО) поселке Белушья Губа (городской округ Новая Земля в Архангельской области) за период 2010–2018 гг. численность населения выросла на 23,8%. Данный рост обусловлен в основном увеличением численности военнослужащих в рамках реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации, предполагающей обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации в Арктике¹.

Хотя, как правило, и естественный прирост в поселках-ЗАТО положительный, так как они отличаются молодой возрастной структурой населения (в основном военнослужащие и члены их семей), что обеспечивает высокий уровень рождаемости и низкий уровень смертности населения. Например, в той же Белушья Губе в 2016 году родилось 4 человека, а умер 1 человек, что дало в итоге естественный прирост около 1 промилле. В другом ЗАТО Архангельской области городском округе Мирный в 2016 году естественный прирост составил около 8 промилле. Тогда как в целом по Архангельской области в 2016 году естественный прирост населения был отрицательным².

Научные центры и центры строительства очень малочисленны (1% от всех ПГТ страны) и территориально тяготеют преимущественно к региональным административным центрам или расположены в Московской области. То есть динамика численности в них слабо связана с общими демографическими перспективами поселков городского типа России. Динамика численности населения районных центров и пригородных ПГТ, как правило, коррелирует с соответствующей динамикой регионов и городов.

Таким образом, можно сказать, что в России в последние десятилетия ПГТ совместили недостатки больших городов и сельских населенных пунктов, одновременно не располагая соответствующими достоинствами. С этим во многом связано быстрое сокращение численности населения ПГТ, особенно имеющих моноотраслевой характер экономики. При этом именно ПГТ вместе с малыми городами во многих регионах России образуют каркас городского расселения, разрушение которого приведет не только к значительному ухудшению условий жизни всего населения, но и в перспективе к полному обезлюдению многих территорий. Поэтому для прекращения деградации и возрождения системы самых малых городских населенных пунктов России необходима разработка и реализация специальных программ их развития, осуществляемых органами власти всех уровней, частным бизнесом и общественными организациями.

¹ www.minregion.ru/upload/02_dtp/101001_str.doc

² Официальный сайт государственной службы статистики Российской Федерации (Росстата). – <http://www.gks.ru>

Трофимова Н.В.

к.э.н., с.н.с. Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ), Уфа

Мамлеева Э.Р.

к.э.н., с.н.с. ИСИ РБ

Сазыкина М.Ю.

к.э.н., с.н.с. ИСИ РБ

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: регион, спортивный резерв, развитие системы физкультуры и спорта, финансирование, межмуниципальное взаимодействие, Республика Башкортостан.

В Республике Башкортостан сложилась определенная региональная система учреждений физкультурно-спортивной направленности, имеющих преемственность, позволяющая осуществлять многолетнюю непрерывную подготовку спортивного резерва.

В Республике Башкортостан в ведомственной принадлежности органов управления в сфере физической культуры и спорта функционируют 64 учреждения. Программы спортивной подготовки реализуют в 51 муниципальном учреждении. 5 школ работают по программам дополнительного образования в сфере физической культуры и спорта. Спортивные школы в сельских районах Республики Башкортостан отсутствуют. В сельских районах республики функционируют учреждения дополнительного образования в сфере физической культуры и спорта, которые не относятся к отрасли спорта.

Основой формирования спортивного резерва является население, занимающееся физической культурой и спортом. Согласно, ст. 2 Федерального закона № 329-ФЗ от 04.12.2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»: спортивный резерв – лица, проходящие спортивную подготовку в целях включения их в состав спортивных сборных команд, в том числе спортивных сборных команд Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 04.12.2007 N 329-ФЗ при осуществлении спортивной подготовки ус-танавливаются следующие этапы:

- 1) спортивно-оздоровительный этап;
- 2) этап начальной подготовки;
- 3) тренировочный этап (этап спортивной специализации);
- 4) этап совершенствования спортивного мастерства;
- 5) этап высшего спортивного мастерства.

На 01.01.2019 года в РБ численность занимающихся физической культурой и спортом составила 1 600 988 человек.

Таблица 1

Численность и доля населения, занимающегося физической культурой и спортом в РБ

2016 г.	d ₂₀₁₆	2017 г.	d ₂₀₁₇	2018 г.	d ₂₀₁₈
1 294 034 чел	33,23%	1 376 130 чел.	36,6%	1 600 988чел.	39,4%

В 2018 г. по отношению к 2016 г. прирост численности занимающихся физической культурой и спортом составил 23%, что свидетельствует об увеличении численности населения республики, приверженного здоровому образу жизни.

Общая численность лиц, занимающихся в системе подготовки спортивного резерва, составляет 38 783 человек, из них 37 717 человек являются спортсменами и 1066 человек – тренерами.

Численность лиц, занимающихся на этапах спортивной подготовки, составляет 1 538 спортсменов на спортивно-оздоровительном этапе, 21 002 спортсмена – на этапе начальной подготовки, 14 142 спортсмена – на тренировочном этапе (спортивной специализации), 828 спортсменов – на этапе совершенствования спортивного мастерства, 207 спортсменов – на этапе высшего спортивного мастерства. Из представленных данных следует, что:

– с этапа начальной подготовки на тренировочный этап переходит 67,3% спортсменов, что на 3,9% больше общероссийского показателя;

– с тренировочного этапа (спортивной специализации) на этап совершенствования спортивного мастерства – только 5,9% спортсменов, что на 0,1% больше общероссийского показателя.

В целях совершенствования системы отбора и перевода спортсмена с этапа на этап, исключения случаев применения неадекватных возрасту спортсмена тренировочных и соревновательных нагрузок требуется внедрение еди-

ных методических подходов к осуществлению тренировочного процесса, соответствующее медико-биологическое и научно-методическое сопровождение, обеспечивающее снижение уровня травматизма и смертности, продление спортивного долголетия, сохранение здоровья и уменьшение риска развития хронических заболеваний.

Результаты подготовки спортивного резерва в РБ отражены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей спортивного мастерства (чел.)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Присвоено спортивных званий – всего, в том числе	243	164	188
– мастер спорта	206	146	164
– мастер международного класса и гроссмейстер России	32	12	18
– заслуженный мастер спорта	5	6	6
Присвоено спортивных разрядов, из них:	35 193	29 495	36 604
– кандидатов в мастера спорта	930	1033	1454
– 1 разряд	2037	1459	1308
Присвоено званий – заслуженный тренер России	2	21	1
Присвоено званий – заслуженный работник физической культуры Российской Федерации			6
Присуждены другие почетные звания и награды	18	3	19
Присуждены почетные звания и награды субъекта Российской Федерации	50	18	17

За исследуемый период в 2016 году присвоено наибольшее количество почетных званий и наград, в том числе и субъекта Российской Федерации.

В 2018 году по сравнению с 2017 годом значения практически по всем показателям улучшились, за исключением присвоения званий заслуженный тренер России.

Ключевым вопросом для успешной реализации Концепции является кадровое обеспечение отрасли. Численность штатных тренеров в РБ представлена на рис. 1.

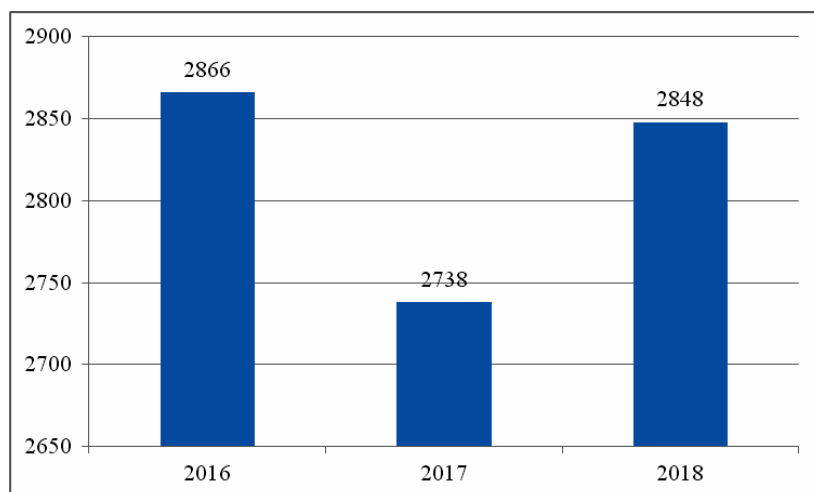

Рисунок 1.

Численность штатных тренеров в РБ (чел.)

За анализируемый период наблюдается нестабильная динамика численности тренеров: в 2017 году по сравнению с 2016 годом снижение составило 5%, однако в 2018 году по сравнению с предыдущим наблюдается незначительный рост – 4%.

В целом кадровое обеспечение физической культуры и спорта характеризуется следующими данными.

Таблица 3

Кадровое обеспечение физической культуры и спорта

Годы	Специалисты, впервые приступившие к работе в области физической культуры и спорта в отчетном периоде (чел.)	С высшим образованием (чел.)	Со средним образованием (чел.)	Имеющие ученую степень (чел.)	Всего (чел.)
2016	353	5172	1540	63	8027
2017	425	5512	1612	66	8026
2018	385	5585	1663	31	8132

За 2016–2018 гг. незначительно возростала численность штатных работников – на 105 человек. При этом численность работников с высшим образованием выросла на 413 человек. Их доля в 2016 году составила 64,4%, в 2018 году возросла до 68,7%. В абсолютном выражении растет численность штатных работников со средним образованием – на 123 человека, при этом удельный вес увеличивается с 19,2% в 2016 году до 20,5% в 2018 году.

В целом по Республике Башкортостан в 2018 году число тренеров с высшим профессиональным образованием в области физической культуры и спорта достигло 85,9% штатной численности тренеров, число тренеров, имеющих

среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта, – 11,6%, 10,4% штатных тренеров не имеют профессионального физкультурного образования.

Возрастной состав кадров физической культуры и спорта представлен в табл. 4.

Таблица 4

Возрастная структура кадров физической культуры и спорта (чел.)

годы	Возраст до 30 лет	31–60 лет	Старше 60 лет	Всего
2016	1979	5525	523	8027
2017	1858	5605	563	8026
2018	1762	5799	571	8132

В исследуемом периоде сокращается доля молодых кадров в возрасте до 30 лет с 24,6 до 21,6%. Одновременно увеличивается удельный вес тренеров в возрасте от 31 до 60 лет с 68,8 до 71,3%. Доля тренеров старше 60 лет существенно не изменилась.

Материально-техническое обеспечение, инфраструктурное развитие является приоритетной задачей спортивной подготовки.

Таблица 5

Количество спортивных сооружений по формам собственности (единиц)

	федеральная	субъектов РФ	муниципальная	другая	всего
2016	235	698	9655	651	11 239
2017	241	687	9710	642	11 280
2018	266	675	9790	660	11 391

За три года количество спортивных сооружений увеличилось на 152 ед. При этом более 95% спортивных объектов находятся в федеральной собственности, собственности субъектов Федерации и муниципальной собственности. Более 85% сооружений от общего числа спортивных сооружений находятся в ведении муниципалитетов. Более половины спортивных сооружений (52,3%) расположены в сельской местности. Отметим, что количество спортивных сооружений, находящихся в аварийном состоянии составило 94 ед., что в 3,6 раза превышает показатель 2017 года (26 ед.).

По состоянию на 1.01.2018 г. из 63 муниципальных образований Республики Башкортостан крытые бассейны 25 метров и более имеют 32 района (45 бассейнов). В 22 районах бассейны отсутствуют, в 8 городах 39 бассейнов (включая 22 бассейна города Уфы). Данные свидетельствуют о неравномерности распределения спортивных бассейнов по территории республики.

По количеству спортивных сооружений лидирует город Уфа (1939 ед.), минимальное количество в 2018 г. было зафиксировано в Бурзянском районе (48). При этом необходимо учитывать численность населения, проживающего на конкретной территории. В этом случае, город Уфа переходит в группу муниципальных образований с низким уровнем обеспеченности спортивными объектами (таблица 6). Среднее значение по РБ – 3,8 ед. на 1000 чел. населения.

Таблица 6

Группировка МО РБ по обеспеченности спортивными сооружениями

№ группы	Количество спортивных сооружений на 1000 чел. населения (ед.)	Количество МО группы (ед.)	Х _р в группе, (ед.)	Состав группы
1	1,2–2,5	3	1,9	Белебеевский, Хайбуллинский, Туймазинский, г.Кумертау, г.Салават, г.Сибай, г.Уфа, Уфимский, г.Стерлитамак, г.Нефтекамск
2	2,5–3,8	4	3,1	Караидельский, Чекмагушевский, Калтасинский, Чишминский, Благоварский, Абзелиловский, Мелеузовский, Янаулский, г.Октябрьский, Кармаскалинский, Белорецкий, Иглинский, Кушнаренковский, Бурзянский, Бирский, Зианчуринский, Баймакский, Благовещенский, Дюртюлинский, Учалинский
3	3,8–5,1	25	4,5	Бураевский, Миякинский, Стерлибашевский, Давлекановский, Мишкинский, Шаранский, Белокатайский, Илишевский, Архангельский, Балтачевский, Краснокамский, Федоровский, Альшеевский, Ермекеевский, Мечетлинский, Бижбулякский, Салаватский, Гафуринский, Аскинский, Дуванский, Зилаирский, Куюргазинский, Кугарчинский, Стерлитамакский, г.Агидель
4	5,1–6,4	20	5,8	Нуримановский, Ишимбайский, Аургазинский, Бакалинский
5	6,4–7,7	10	6,9	Кигинский, Татышлинский, Буздякский

Анализ данных табл. 6 показывает, что в 20 МО РБ обеспеченность спортивными объектами ниже среднего республиканского уровня (3,8 ед. на 1000 чел. среднегодовой численности населения).

Не менее важным является финансовое обеспечение подготовки спортивного резерва. Обеспеченность спортивными объектами по республике в целом и в муниципальных образованиях в частности также зависит от объемов финансирования. В табл. 7 представлено финансирование физической культуры и спорта в РБ.

Финансирование физической культуры и спорта в РБ (тыс. руб.)

	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1. Фактически выделено бюджетных средств			
1.1 Всего	3 626 028,9	3 914 201,1	5 377 939,3
1.2 Из федерального бюджета	69 573,7	151 372,9	42 553,9
1.3 Из консолидированного бюджета субъекта РФ:			
– бюджет субъекта РФ	1 332 031,2	1 122 732,8	3 324 310,4
– бюджет муниципального образования	2 224 424,0	2 640 095,4	2 003 308,2
2. Получено из внебюджетных источников	434 373,8	4 468 763,7	5 018 218,2
3. Всего израсходовано на развитие физической культуры и спорта	4 060 402,7	8 382 964,8	10 395 457,1

За весь период наблюдается стабильная динамика увеличения бюджетных расходов на развитие физической культуры и спорта. В 2018 году по отношению к 2016 году данный показатель увеличился в 1,5 раза. В 2018 году по отношению к 2017 году изменилась структура финансирования спорта: в 2 раза выросла доля финансирования из бюджета субъекта РФ с 28,68% до 61,81%; соответственно сократился удельный вес финансирования физической культуры и спорта из бюджетов муниципальных образований с 67,45% до 37,25%. Объем финансирования из внебюджетных источников за исследуемый период вырос более, чем в 11 раз; при этом в общем объеме финансирования удельный вес средств, получаемых из внебюджетных источников в 2018 году достиг 48%, тогда как в 2016 году он составлял 10,6%. В целом совокупные расходы на финансирование физической культуры и спорта за анализируемый период увеличились в 2,5 раза.

Повышение требований к качеству подготовки спортивного резерва диктует необходимость изменения процесса подготовки специалистов отрасли, формирования новой генерации тренеров, обладающих знаниями особенностей взросления детского организма, соответствующих нагрузок с учетом чувствительных периодов без форсированной подготовки.

Кроме того, необходимо совершенствовать систему дополнительного профессионального образования тренерских кадров с ориентацией на совершенствование их прикладных профессиональных компетенций.

Важным механизмом мотивации специалистов и роста профессионального мастерства тренерских кадров является совершенствование системы оплаты труда на основе единых подходов с учетом необходимости стимулирования тренеров к переходу спортсмена на более высокий этап спортивной подготовки, в том числе в иную организацию, осуществляющую спортивную подготовку. Требуют решения вопросы социальной защиты работников отрасли физической культуры и спорта.

В связи с усилением конкуренции в спорте необходимо постоянное совершенствование качества методического, научно-методического, медико-биологического обеспечения, развитие экспериментальной и инновационной деятельности в системе подготовки спортивного резерва.

В Республике Башкортостан проведены плановые мероприятия по формированию республиканской системы подготовки спортивного резерва, законодательство приводится в соответствие с законодательством Российской Федерации. Таким образом, можно говорить о сформированной в Республике Башкортостан спортивной отрасли как самостоятельной отрасли социальной сферы, имеющей сложившуюся структуру управления, нормативно-правовую базу, финансовое обеспечение по разделу «Физическая культура и спорт» классификации расходов бюджетов, а также отраслевую сеть организаций, осуществляющих спортивную подготовку.

Дальнейшее развитие отраслевой сети организаций, осуществляющих спортивную подготовку, и единая система управления через методический отдел государственного автономного учреждения Центр спортивной подготовки Республики Башкортостан (далее – ГАУ ЦСП РБ) позволят обеспечить новое качество подготовки спортивного резерва с необходимым ресурсным обеспечением на республиканском и муниципальном уровнях.

При этом остается нерешенной проблема недостаточного межведомственного и межуровневого взаимодействия при реализации задач по подготовке спортивного резерва. Как уже отмечалось, в основе подготовки спортивного резерва находится популяризация и создание условий для занятия массовым спортом. В отдаленных от центра республики муниципальных районах доля лиц систематически занимающихся спортом крайне низкая, в частности из-за отсутствия необходимой спортивной инфраструктуры, слабой пропаганды здорового образа жизни, незначительного числа проводимых спортивных мероприятий. Выходом из сложившейся ситуации на наш взгляд, является предлагаемый Межмуниципальный проект «Спортивно-патриотическое воспитание молодежи» на Северо-востоке Республики Башкортостан.

Направления реализации проекта:

- создание Центров спортивно-патриотического воспитания молодежи при районных администрациях муниципалитетов северо-востока республики, Кадетского корпуса в Кигинском районе;
- формирование Межмуниципального организационного комитета по проведению «Сельских спортивных игр» при администрации Дуванского района.

Ядром создаваемой инфраструктуры спортивно-патриотического воспитания молодежи должен стать Кадетский корпус постоянного пребывания, организованный на базе одного из законсервированных школьных помещений в Кигинском районе. В казармах корпуса будут проживать и обучаться подростки, преимущественно, из малообеспеченных и неблагополучных семей северо-восточных районов республики. Кадеты будут получать основы начальной

военной подготовки, осваивать навыки обращения с оружием, изучать ориентирование на местности и многое другое. В настоящее время в средней школе с. Верхние Киги уже функционируют экспериментальные классы кадетского воспитания.

В концепцию спортивно-патриотического воспитания молодежи также укладывается планируемое в рамках geopарка создание международного скаутского летнего лагеря на берегу реки Ай в Салаватском районе. Выездные занятия подростков могут быть организованы на базе создаваемой спортивно-туристической инфраструктуры geopарка «Янган-Тау» (верховая езда, скалолазание, спелеология, стрельба из лука и др.), в частности – в осенне-зимний период «низкого» туристического сезона.

Ожидаемые эффекты проекта:

- снижение уровня социальной незащищенности и девиантного поведения подростков;
- снижение уровня регистрируемых по показателям преступности, алкоголизма, наркомании среди подростков;
- формирование спортивного резерва.

С 1995 года в России проводятся Всероссийские летние сельские спортивные игры, отбор команд в которые осуществляется в три этапа:

- соревнования первого этапа – в муниципальных образованиях РФ;
- соревнования второго этапа – в субъектах РФ;
- в финальных соревнованиях Сельских игр участвуют команды из всех регионов России.

Проект предполагает создание в районах северо-востока республики условий для массового спорта и ведения здорового образа жизни всех слоев населения; формирование сообществ любителей спорта и организацию соревнований в сельских поселениях субрегиона.

На территории северо-восточных районов популярны такие виды спорта, как: волейбол, мини-футбол, лапта, курэш, скандинавская ходьба (особенно среди пожилого населения) и другие. При этом имеются инфраструктурные ограничения – нехватка площадок и общественных пространств в непосредственной близости от места жительства.

Создание межмуниципального организационного комитета «Сельских игр» предполагает:

- организацию тренировок на имеющихся площадках, открытых для жителей окрестных населенных пунктов, в том числе соседних районов;
- организацию работы спортивных залов в зимнее время, в том числе в здании школ, переоборудование и оснащение имеющихся помещений;
- укрепление материально-технической базы общеобразовательных учреждений в части спортивного инвентаря;
- проведение соревнований между командами сельсоветов, молодежи;
- укрепление социальных связей между жителями населенных пунктов, в том числе находящихся в соседних районах.

Таким образом, создание условий для популяризации занятий спортом, в том числе через усиление межмуниципального взаимодействия, позволит увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, и обеспечить пополняемость спортивного резерва региона и страны в целом.

Список литературы

1. Социально-экономическое положение муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан: статистический сборник – Уфа: Башкортостанстат, 2018. – 277 с.

Шапаров А.Е.,
Чувашова Н.И.¹

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Ключевые слова: человеческий капитал, миграция, Арктическая зона Российской Федерации.

Keywords: human capital, migration, Arctic zone of the Russian Federation.

Необходимым условием устойчивого развития стран и регионов, формирования экономики знаний, внедрения инноваций является приращение человеческого капитала. В широком значении под человеческим капиталом принято понимать запас знаний, умений, социальных и личностных качеств людей, в том числе креативности, воплощенный в способности выполнять труд. По мнению авторов словаря экономической теории Макмиллана, сущностью человеческого капитала являются инвестиции в человеческие ресурсы с целью повышения их производительности². Основными компонентами в структуре человеческого капитала являются образование, профессиональные навыки и здоровье. Мы солидарны с точкой зрения неонинституционалиста Д. Асемоглу, согласно которой институты являются фундаментальным детерминантом накопления человеческого капитала и долгосрочного экономического развития³. В условиях России прежде всего государство на федеральном и региональном уровнях инициирует политические и экономические изменения, детерминирующие социальные процессы, что может оказывать влияние на направленность и интенсивность миграционных потоков.

Феномен «утечки умов» хорошо изучен применительно к международной миграции и означает движение человеческого капитала от бедных стран к богатым и развитым⁴. Учеными предлагаются меры, которые должны препятствовать утечке умов⁵. В современной трактовке «утечка умов» уже не носит негативной коннотации: денежные переводы мигрантов, приобретенные навыки увеличивают экономику стран-доноров. В статье мы рассматриваем воздействие межрегиональной миграции на человеческий капитал в регионах российской Арктики. Под носителями человеческого капитала мы понимаем образованных, квалифицированных людей трудоспособного возраста и моложе.

Миграция является важным фактором изменения количества и качества человеческого капитала региона. Фактор миграции в большей мере влияет на демографическую ситуацию в регионе, чем факторы естественного движения населения. Потребность страны в освоении природных богатств Крайнего Севера, в укреплении обороноспособности привела в XX в. к массовым целенаправленным переселениям, инициированным государством. СССР проводил политику индустриального освоения территорий Севера, используя различные виды миграций: от добровольных до принудительных. Сокращение численности населения регионов Российской Арктики началось в конце 1980 гг. После распада СССР процессы возвратной миграции усилились. Эта тенденция не преодолена и в настоящее время.

Таблица 9

Численность населения (тыс. чел.) и миграционный прирост (чел.) в регионах Российской Арктики

	Численность населения				Миграционный прирост		
	1990 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Архангельская область	1576	1240	1183	1122	-5044	-7956	-6266
Ненецкий АО	52	42	42	44	-59	-130	-320
Мурманская область	1191	839	794	757	-5177	-6713	-4343
Республика Карелия	792	697	642	627	138	-1031	-1008
Республика Коми	1249	963	899	850	-7312	-8630	-6932
Ямало-Ненецкий АО	489	517	525	536	-69	-4953	-3491
Красноярский край	3166	2869	2829	2875	-7498	-6224	-4231
Республика Саха (Якутия)	1111	954	968	963	-5084	-7126	-4153
Чукотский АО	162	52	51	50	-379	-853	-516

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

¹ Шапаров Александр Евгеньевич – д.полит. н., доцент, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет E-mail: teledvina@ Rambler.ru

Чувашова Наталья Ивановна – д.полит. н., доцент, профессор кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет/

² Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 223.

³ Acemoglu D., Gallego F., Robinson J. Institutions, Human Capital, and Development // Annual Review of Economics, Annual Reviews. 2014. – Vol. 6 (1). – P. 875–912.

⁴ McKenzie D. Eight questions about brain drain / Policy Research working paper; N WPS 5668. – Washington (D.C.): World Bank, 2011. – <http://documents.worldbank.org/curated/en/653331468339665480/>

⁵ Kupfer L., Jarawan K., McDermott J., Bridbord K. Strategies to discourage brain drain. – Bull World Health Organ. 2004. – Vol. 82. – P. 616–623.

Для характеристики человеческого капитала регионов российской Арктики мы использовали методологию международного Индекса человеческого развития, позволяющего проводить компаративный анализ качества населения исследуемых территорий. Индекс человеческого развития (ИЧР) является наиболее универсальным инструментом для сравнения стран и регионов по уровню и качеству жизни и развитию человеческого капитала. Для анализа регионов России применен старый способ расчета, который использовался до 2010 г. ИЧР рассчитывается как система трех индикаторов: долголетия (рассчитывается на основе средней продолжительности жизни), образования (на основе доли грамотного населения и доли обучающихся) и уровня жизни, через валовой национальный доход (ВНД) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС). Для России общий показатель в 2015 г. по ИЧР составил 0,875. Все регионы России по ИЧР можно разделить на 4 группы¹. Первая группа – высокоразвитые (финансово-экономические центры – лидеры рейтинга – Москва (0,949) и Санкт-Петербург (0,942) и сырьевые экспортно-ориентированные – республика Коми, НАО, ЯНАО, республика Саха-Якутия). Вторая группа – развитые (с опорой на обрабатывающую промышленность – Архангельская область, Красноярский край; с опорой на добывающую промышленность – Мурманская область). Третья группа – среднеразвитые (промышленно-аграрные – республика Карелия). Четвертая группа – менее развитые (Чукотский АО). До 2013 г. НАО и ЯНАО не анализировались в ИЧР как самостоятельные субъекты.

Таблица 10

Позиции арктических субъектов в Индексе человеческого развития (2008–2015 гг.)

	ВНД 2015	Продолж. жизни 2015	Образование 2015	2015 ИЧР	Место 2015	2012 ИЧР	2008 ИЧР
Россия	0,912	0,773	0,939	0,875	-	0,865	0,825
Архангельская область	0,858	0,762	0,938	0,853	40	0,862	0,808
Ненецкий АО	1,000	0,767	0,909	0,892	7	-	-
Мурманская область	0,903	0,754	0,916	0,858	35	0,848	0,797
Республика Карелия	0,852	0,736	0,945	0,844	52	0,836	0,784
Республика Коми	0,950	0,740	0,952	0,880	13	0,880	0,816
Ямало-Ненецкий АО	1,000	0,778	0,898	0,892	6	-	-
Красноярский край	0,948	0,745	0,943	0,878	14	0,862	0,816
Республика Саха (Якутия)	0,969	0,755	0,935	0,886	9	0,864	0,813
Чукотский АО	1,000	0,728	0,935	0,863	28	0,827	0,783

В 2008 г. все арктические регионы имели ВНД ниже общероссийского. В 2012 г. эта тенденция в основном сохранялась (исключение республика Коми, которая превысила общероссийский индекс и республика Саха-Якутия). В 2015 г. большинство арктических регионов имели близкие к среднероссийским показатели по индексам образования (исключение – НАО и ЯНАО) и ВНД (исключения – Архангельская область и республика Карелия). НАО, ЯНАО и Чукотский АО по доходам значительно превышают среднероссийский показатель. Отметим, что по индексу долголетия большинство регионов ниже среднероссийского показателя (исключение – ЯНАО). Все арктические регионы в 2015 г. улучшили свои показатели в ИЧР по сравнению с 2008 г. и большинство по сравнению с 2012 (исключение – Архангельская область).

Значительным недостатком ИЧР является то, что индекс не учитывает потери человеческого капитала регионов вследствие миграции населения. Это утверждение справедливо и для лидеров рейтинга – Москвы и Санкт-Петербурга, имеющих высокие индексы образования и ВНД по причине притока мигрантов из других регионов.

Миграционный отток населения не только ухудшает демографическую ситуацию в северных регионах, но и радикально уменьшает шансы на позитивное развитие субъектов АЗРФ, в частности, снижает их инвестиционную привлекательность. Миграционный отток населения молодых и средних возрастов является фактором разрушения человеческого капитала региона (см. табл. 3). Фактор оттока молодежи усугубляет естественную убыль населения. Это негативно влияет на динамику демографического потенциала регионов АЗРФ, поскольку создает предпосылки для сокращения и старения населения этих регионов.

Таблица 11

Возрастные и образовательные характеристики мигрантов в приарктических регионах в 2017 г.

	Общий миграционный прирост населения			Мигранты по уровню образования		
	всего	моложе трудоспос.	в трудоспос.	высшее	неполн. высшее	средн. специальн.
Арханг. обл.	-7814	-1210	-5412	-2895	-260	-1622
Ненецкий АО	-231	-20	-173	-62	2	-25
Мурманск. обл.	-3503	533	-1607	-1752	-79	-507
Респ. Карелия	-1916	35	-1824	-771	-140	-272
Респ. Коми	-9470	-1312	-6278	-2953	-332	-2451
ЯНАО	-2418	58	-505	-1122	162	-987
Красноярск кр.	929	393	1207	-1144	-56	77
Саха (Якутия)	-4649	-554	-2615	-1595	-170	-1142
Чукотский АО	-656	-33	-421	-294	-51	-248

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / Под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 292 с.

Главным фактором, способствующим оттоку молодежи, является ее низкая востребованность на рынке труда арктических регионов. Фактором притяжения для молодежи выступает существование миграционных аттракторов, притягивающих мигрантов – Москвы и Санкт-Петербурга, которые являются крупнейшими образовательными центрами и рынками труда. Негативными факторами функционирования территориальных рынков труда являются профессионально-квалификационный дисбаланс, кризис системы подготовки профессиональных кадров, проблемы трудоустройства выпускников, неэффективность государственной экономической политики¹.

Для обеспечения потребностей экономики арктических регионов в СССР была создана система учебных заведений высшего и среднего специального образования. Кроме подготовки кадров непосредственно в Арктических регионах, часть трудовых ресурсов привлекалась из других регионов. Система высшего образования модернизируется в целях кадрового обеспечения освоения Севера и Арктики. По оценкам экспертов, доля покрытия потребности экономики АЗРФ в кадрах с высшим образованием за счет выпускников вузов составляет в среднем 65% по макрорегиону². Образовательные программы арктической направленности имеют вузы Москвы, Санкт-Петербурга и ряд региональных вузов.

Мы проанализировали влияние миграции на качество человеческого капитала регионов Российской Арктики, сопоставив количественные данные с возрастными и образовательными характеристиками мигрантов. Как видно из табл. 3, из приарктических субъектов лишь Красноярский край имел положительное миграционное сальдо. Молодежь и трудоспособное население доминировали в структуре миграции в большинстве регионов АЗРФ (исключение – Мурманская область и ЯНАО, в которых доля населения старше трудоспособного возраста превышала остальные).

Анализ качественной характеристики мигрантов трудоспособного возраста – образовательного уровня, показал, что все приарктические субъекты теряли специалистов с высшим и средним специальным образованием. Исключение Красноярский край – там отмечен отток лиц с высшим образованием, но приток лиц со средним образованием. Наибольшие потери лиц с высшим образованием в количественном отношении несли Республика Коми, Архангельская и Мурманская области. Эти же регионы являлись лидерами по оттоку лиц со средним специальным образованием.

Таким образом, миграция оказывает негативное воздействие на количественные и качественные характеристики человеческих ресурсов в большинстве приарктических регионов. Изучение доступной статистики Росстата за десятилетний период (2008–2017) позволяет говорить о негативном влиянии миграции на состояние human resources в большинстве приарктических регионов как об устойчивой тенденции.

Министерством образования и науки РФ в августе 2018 г. был проведен опрос 97 крупных компаний производственного сектора АЗРФ с целью выявления их кадровых потребностей³. Опрос показал, что каждая третья компания, занятая в реальном секторе экономики в регионах Арктики, испытывает дефицит в кадрах, а каждая десятая испытывает «острую нехватку» кадров. Незначительная доля работодателей (2,7%) заявила о переизбытке кадров. Наиболее востребованы в регионах АЗРФ работники со средним специальным образованием. Согласно результатам опроса, в регионах АЗРФ будут востребованы на среднесрочную и долгосрочную перспективу в основном выпускники вузов по техническим специальностям: геолог, маркшейдер, инженер по бурению, программист, мастер по проходке горных выработок, оператор по добыче нефти и газа.

Среди факторов, влияющих на миграционные установки, социологи выделяют качество жизни и социальное самочувствие населения, прежде всего, удовлетворенность качеством сфер образования и здравоохранения. Результаты многочисленных социологических исследований населения приарктических регионов свидетельствуют о том, что главными факторами оттока населения являются социально-экономические: сокращение социальных гарантий, низкая заработная плата, высокая стоимость жизни на Севере. У потенциальных мигрантов наблюдается рост установок на отъезд, причем как у новоселов, так и у местного населения. Основными выталкивающими факторами миграционного поведения являются социально-экономические, природно-климатические и экологические. Мы считаем, что два из трех основных выталкивающих факторов – социально-экономический и экологический – поддаются корректировке посредством изменения императивов государственной политики России в АЗРФ⁴.

Исследователи отмечают, что большинство северян готово примириться с природно-климатическими факторами при более высоком уровне качества жизни. Респонденты указывали на то, что в советское время «северные» льготы компенсировали издержки проживания в суровом климате. На миграционные установки жителей приарктических регионов важное влияние оказывают факторы комфортности и безопасности проживания в регионе. Как показало исследование социологов из Якутии, наиболее удовлетворительным качеством, по мнению молодежи, обладает сфера образования⁵. Социологи В.В. Маркин и А.Н. Силин отмечают, что показатели уровня удовлетворенности северян медицинским обслуживанием оказались хуже общероссийских, ранее выявленных ведущими социологическими центрами⁶. При

¹ Корчак А.Д., Корчак Е.А. Основные характеристики рынка труда северных регионов РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. – № 6 (37). – С. 36–41.

² Сигова С.В., Степуть И.С. Кадровое обеспечение приоритетов развития Арктической зоны России – вклад системы высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2016. – № 5. – С. 20–22.

³ Опрос ведущих компаний-работодателей Арктической зоны России. – <http://arctic.labourmarket.ru/interview/common>

⁴ Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. – № 6. – С. 33–44.

⁵ Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. – № 24. – С. 25.

⁶ Маркин, В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. – Т. 10. – № 6. – С. 82.

низком уровне удовлетворенности населения системой здравоохранения идет сокращение государственных расходов на нее и уменьшение численности лечебных организаций.

Миграционные потери населения вместе с естественной убылью оказывают негативное влияние на качество и воспроизводство человеческого капитала в большинстве арктических регионов России. Европейский Север теряет молодежь и трудоспособное население гораздо быстрее, чем лиц пенсионного возраста. Миграционный отток молодежи и людей трудоспособного возраста усугубляет естественную убыль населения, что формирует устойчивую тенденцию общего сокращения населения большинства регионов российской Арктики. Мы считаем, что приток неадаптированных к условиям Севера мигрантов, не нацеленных на долговременное проживание, снижение доли старожильческого населения, оказывает негативное влияние на качество человеческого капитала регионов Российской Арктики. Внутрироссийская миграция играет доминирующую роль в общем объеме перемещений в регионах АЗРФ. Нефтегазовые регионы в период после распада СССР сохраняли привлекательность для мигрантов, а старые индустриальные регионы теряли трудоспособное и образованное население. Основными выталкивающими факторами для мигрантов являются экономические и социальные: деиндустриализация, дисбаланс на рынке труда, безработица среди молодежи, сокращение больничных учреждений.

По нашему мнению, в субъектах АЗРФ государство и бизнес должны использовать потенциал внутренней миграции, в том числе путем более полного учета специфики региона в заработной плате, затрат на воспроизводство рабочей силы, модернизации системы гарантий и компенсаций. Следует закрепить ответственность работодателей за обеспечение северных гарантий и компенсаций, независимо от формы собственности предприятий и организаций.

Беляков Н.В.

к.п.н., доцент, н.с. ВНИИ фитопатологии
bnv@ugsn.tomsk.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕРГЕНТНОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ¹

Ключевые слова: *конвергентный, компетентностный, деятельностный подходы, система дополнительного профессионального образования.*

Keywords: *convergent, competence, activity approaches, the system of additional professional education.*

Новое поколение российских образовательных стандартов создано на основе базовых принципов Болонского процесса: с ориентацией на результаты обучения, выраженные в формате компетенций, и с учетом трудозатрат в кредитных (зачетных) единицах. Обязательным условием разработки стандартов было участие в этом процессе профессиональных объединений работодателей, а где это возможно – использование новых профессиональных стандартов для формулирования требуемых компетенций специалиста.

Но самым большим новшеством для отечественной образовательной практики стал «рамочный» характер стандартов нового поколения. На протяжении почти всего XX столетия образовательный процесс в СССР велся по так называемым «типовым» учебным планам и программам дисциплин, единым на всем пространстве бывшего Союза.

Различия в учебных планах вузов не превышали 10–12%. В свою очередь, и предшественники ФГОС ВО, ГОС ВПО первого (1997 г.) и второго (2000 г.) поколений в наиболее важном для вузов разделе 4. «Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы» содержали (за отдельными исключениями) жесткий перечень дисциплин, практик и форм отчетности, отступить от которых вуз не имел права. Мало того, ГОС ВПО контролировали объем (выраженный в академических часах) и содержание каждой из дисциплин, закрепленное в перечне указываемых после ее названия «дидактических единиц» – основных разделов учебного курса. И все же доля самостоятельности вуза при создании учебного плана (за счет так называемых «региональных» и «вузовских» компонентов образовательной программы и курсов по выбору студента) в 1990–2000-х гг. постепенно росла и составляла в ГОС ВПО первого поколения 15–20%, второго поколения – около 30%.

В новом поколении стандартов предусмотрено дальнейшее расширение свободы вузов. ФГОС ВО определяет в качестве базовой (обязательной) по набору дисциплин (модулей) лишь половину (50%) образовательной программы бакалавра (для программы магистра так называемая «вариативная часть» составляет более 70%). Мало того, даже в «обязательной» части программы (за исключением нескольких позиций в цикле гуманитарных и социально-экономических дисциплин) на первое место поставлены не жестко закрепленные учебные курсы, а требования к формируемым у студента в результате изучения соответствующего цикла дисциплин компетенциям. Содержательное наполнение второй (вариативной, или профильной) половины образовательной программы становится прерогативой вуза, в помощь которому учебно-методическими объединениями или иными компетентными группами экспертов созданы ориентировочные (рекомендованные) «примерные основные образовательные программы» по конкретным направлениям подготовки.

Предполагается, что подобный принцип построения стандарта позволит образовательным и научным организациям разрабатывать новые образовательные программы в системе дополнительного профессионального образования студентов с учетом потребностей местного (регионального) рынка труда, научных и образовательных традиций, собственных методических наработок («инноваций»). А это, в свою очередь, приведет к разнообразию и даже к конкуренции образовательных программ на территории Российской Федерации. Здесь же заложена и возможность создания программ, совместимых с европейскими.

Однако, подобная «свобода» в формировании собственных образовательных программ для многих российских вузов является новой и непривычной. Необходимость самостоятельного определения 50 и более процентов содержания основной образовательной программы нередко вызывает тревогу и наталкивается на отсутствие в вузах необходимого опыта. Понятны и сомнения руководителей организаций и преподавателей в том, что в новых непростых эко-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Механизмы и условия формирования предпринимательских компетенций, обучающихся при взаимодействии образования, науки и производства» (далее – Проект), при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по результатам конкурсного отбора научных проектов в качестве победителя конкурса А-Конкурс проектов 2018 года, договор № 18-013-00845\18 о предоставлении гранта победителю конкурса и реализации научного проекта.

номических условиях они окажутся способными создавать действительно современные образовательные программы – конкурентоспособные, привлекательные как для работодателей, так и для абитуриентов.

Вот почему одним из ключевых моментов реализации образовательной реформы в России становится обучение учебно-методического персонала и преподавателей российских вузов созданию основанных на компетентностном подходе и представленных в кредитно-модульном формате образовательных программ, учитывающих, с одной стороны, потребности российского и международного рынков труда, а с другой стороны, формирующиеся в настоящее время методические наработки и требования единого европейского образовательного пространства.

Исходя из этого, в рамках Болонского процесса было решено перенести акценты с содержания образования на результаты обучения [1–3].

Результаты обучения предполагается описывать с помощью компетенций, представляющих собой динамичную совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент может продемонстрировать после завершения образовательной программы (или ее части). В отличие от традиционных для российского образования комплексов так называемых «ЗУНов» – знаний, умений и навыков, – которые ранее оценивались (как в совокупности, так и по отдельности) в процессе обучения и по его завершению, компетенции имеют комплексный характер и включают, кроме знаниевой компоненты, поведенческий аспект, то есть систему социальных, нравственных и профессиональных ориентиров, позволяющих выпускнику «правильно» (разумно, продуктивно, приемлемо для окружающих и т.п.) вести себя в различных ситуациях – профессиональных и непрофессиональных [4, с. 9–15].

В ходе обучения компетенции формируются благодаря изучению различных дисциплин, прохождению практик, участию в коллоквиумах и студенческих научных конференциях, работе в коллективных студенческих научно-исследовательских и творческих проектах, в ходе самостоятельной работы студента, при индивидуальной работе студента с преподавателями и научным руководителем выпускной квалификационной работы, прочих видов образовательной деятельности. Следует подчеркнуть, что формирование компетенций редко связано лишь с освоением теоретических курсов, преподносимых студенту в лекционной (аудиторной) форме. Как правило, компетенции вырабатываются благодаря сочетанию различных форм и технологий обучения – когда услышанное на лекции анализируется на семинарских занятиях, проверяется в процессе текущего контроля успеваемости, отрабатывается на практике и т.п. – и могут быть оценены в полной мере лишь после завершения всех видов учебной работы.

Как правило, образовательные программы, нацеленные на формирование компетенций, имеют модульную структуру и представляют собой не просто перечни теоретических дисциплин и практических курсов, но сопоставимые по объему (трудозатратам студентов на их освоение) группы модулей. По определению, данному в ФГОС ВО, профессиональным стандартам, модуль – совокупность частей учебной дисциплины (курса) или учебных дисциплин (курсов), имеющая определенную логическую завершенность по отношению к установленным целям и результатам воспитания, обучения, то есть отвечающая за выработку той или иной компетенции или группы компетенций.

Содержание модулей и сам их набор могут быть различны в аналогичных (ведущих к получению одной и той же квалификации) образовательных программах организаций. Это зависит от существующих традиций обучения, научных школ, региональной и государственной образовательной политики и т.п. Однако если те или иные модули ведут к формированию сопоставимых (тождественных или сходных) компетенций и занимают у студента примерно одинаковый объем трудозатрат, то различие в наполнении модулей перестает быть существенным как для выпускников, так и для работодателей [5]. А потому разные организации после проведения взаимной экспертной оценки программ могут на основе заключенных друг с другом соглашений взаимно перезачитывать своим студентам модули, освоенные в вузе-партнере. Тем самым закладываются основы для академической мобильности обучающегося, которая представляет собой одно из базовых условий создания единого образовательного пространства в Европе.

Образовательные программы характеризуются следующими важнейшими признаками:

а) компетентностным подходом (ориентация на результаты обучения, выраженные в форме компетенций) [6, с. 86–91; 7, с. 59–62];

б) модульным построением;

в) объемом учебной нагрузки, исчисляемым в кредитах ECTS.

Необходимо особо подчеркнуть, что все три характеристики (компетенции–модули–кредиты) тесно связаны между собой, и построить образовательную программу, механически применяя только одну из этих характеристик (например, компетентностный или конвергентный подход) совершенно бессмысленно.

В таком варианте может произойти разрушение прежнего порядка обучения без его замены новым полноценным порядком, что не может не иметь негативных для системы образования последствий.

Наряду с формированием общекультурных компетенций цель высшего образования – дать выпускнику профессиональные компетенции для возможности ведения конкретной профессиональной деятельности. Среди профессиональных компетенций можно выделить «обще профессиональные» компетенции (общие, например, для смежных направлений подготовки или укрупненных групп специальностей) и более узкие профессиональные компетенции, связанные с определенным видом деятельности [8].

Каждая образовательная и научная организация в соответствии с потребностями регионального рынка труда, своими научными школами и материально-технической базой, определяет особенности подготовки внутри общего направления или специальности – профили или специализации. Этим особенностям подготовки соответствует и своя группа компетенций – «профильные» («специализированные»), которые формируются организациями самостоятельно, совместно с социальными партнерами и работодателями.

Таким образом, в наборе компетенций отражается иерархия целей и уровней образования.

При проектировании и реализации ООП организациям необходимо учесть следующее.

Требования к результатам освоения образовательной программы выпускником российского вуза в государственных образовательных стандартах первого и второго поколения регламентировались в терминах «знания», «умения», «навыки» (так называемый ЗУНовский подход).

ЗУНовский подход к формированию учебного процесса структурирует образовательные программы по отдельным слабо интегрированным между собой дисциплинам (предметам). Разделенное же изучение дисциплин ведет к раздельному существованию в сознании осваиваемых ЗУНов. Знания и умения, усваиваемые при изучении отдельных предметов, – это только исходные элементы. С их помощью в практической деятельности можно решать лишь относительно простые задачи. Решение сложных задач требует интеграции частных знаний и умений в сложные психологические образования. Такие интегративные образования и были определены как компетенции. Предметное структурирование содержания образовательных программ противоречит деятельностному определению их целей. Но с другой стороны, уйти от этого принципа разделения содержания образования невозможно, поскольку такое разделение отражает реальную структуру научного знания. Чтобы разрешить противоречие между деятельностным определением целей образования и предметным структурированием его содержания, нужно структурировать образовательные программы одновременно по двум принципам – предметному и деятельностному.

Компетентностный подход предполагает глубокие системные преобразования, затрагивающие преподавание, содержание, образовательные технологии, связи высшего образования с другими уровнями профессионального образования, введение модульной структуры учебных планов, системы зачетных единиц, формированию новой системы оценочных средств с переходом от оценки знаний к оценке компетенций.

Ответ на вопрос о том, какими должны быть структура и содержание программ дополнительного профессионального образования для того, чтобы в их рамках формировались компетенции, обеспечивающие выпускнику возможность быть эффективным и мобильным субъектом трудовой деятельности, требует совместной работы большого коллектива преподавателей. Процесс проектирования ООП обуславливает создание различных групп для решения, возникающих на его этапах задач, связанных с интеграцией блоков дисциплин (модулей), выделением взаимосвязей образовательной и профессиональной подготовки и др. Поэтому для успешной его реализации в создаваемые группы обязательно должны входить специалисты, владеющие общей методологией развития образовательных систем, специалисты в разных областях предметного знания (гуманитарного, естественнонаучного), управленцы.

Список литературы

1. Беляков Н.В. Ориентация старшеклассников на познание как ценность в учебно-исследовательской деятельности: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Оренбургский государственный университет. – Оренбург, 2010.
2. Беляков Н.В. Ориентация старшеклассников на познание как ценность в учебно-исследовательской деятельности: автореферат соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Оренбургский государственный университет. – Оренбург, 2010.
3. Беляков Н.В. Учебно-исследовательская деятельность старшеклассников в образовательном процессе: учебно-методическое пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Оренбургский гос. ун-т». – Оренбург, 2010.
4. Беляков Н.В. Самоориентация школьников на самопознание как ценности в учебно-исследовательской деятельности // Образование и саморазвитие. 2009. – № 4 (14). – С. 9–15.
5. Гедулянов М.Т. Изучение влияния факторов окружающей среды на здоровье человека и качество жизни // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 3(76). – С. 194–199.
6. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе / Под ред. К. Пурсайнена и С.А. Медведева. – М., 2005.
7. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Создание института наставничества в медицинских организациях // Современные образовательные ценности и обновление содержания образования: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 86-91.
8. Гедулянова Н.С. Проблемы правового регулирования проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении практик в вузе // Педагогическое образование и наука. 2015. – № 4. – С. 59–62.
9. Переход российских вузов на уровневую систему подготовки кадров в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами: нормативно-методические аспекты / В.А. Богословский, Е.В. Караваева, Е.Н. Ковтун и др. – М.: Университетская книга. 2010. – 249 с.

Бондарева О.А.

к.п.н., доцент, начальник отдела методологического обеспечения кадровой работы ЦНТЛ ФСИН России
lambrador2@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: *формирование предпринимательских компетенций обучающихся и молодых ученых, технологическое предпринимательство.*

Keywords: *formation of entrepreneurial competencies of students and young scientists, technological entrepreneurship.*

В целях реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – СНТР), утвержденной указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, создания механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, экономической готовности образовательных и научных организаций к ключевым вызовам необходима непрерывная модернизация образовательной среды вуза для успешной социализации выпускников и создания наукоемких бизнес-процессов.

С каждым десятилетием темп исследований все возрастает, неуклонно возрастает роль междисциплинарных исследований. Перестали вызывать удивление коллаборации в науке, в которые входят десятки и даже сотни участников. Даже в теоретических науках все чаще исследования выполняются коллективами авторов [1, с. 207–211; 2, с. 212–216].

Как отметил министр науки и высшего образования Российской Федерации М.М. Котюков, «глубокий потенциал фундаментальной науки, серьезные связи с производителями и вовлеченность региональных властей – это ключевые факторы успеха для развития любого российского научного центра. Сегодня формирование треугольника реального сектора экономики, науки и образования является важным звеном в направлении по определению долгосрочных проектов в налаживании эффективного взаимодействия между производителями и научными коллективами».

Сегодня важно правильно организовать трансфер научных разработок в промышленную практику. Ведь институт, как правило, завершает работу созданием лабораторного образца. Самостоятельно наладить производство в промышленном масштабе научная организация не может, да и не должна. Решить эту задачу без привлечения бизнеса невозможно.

Научными организациями активно и инициативно формируются комплексные программы и планы научных исследований, основной целью которых является решение крупных научных задач.

В результате взаимодействия появляется более совершенный механизм управления всем производственным циклом: от разработки идеи до ее внедрения. В этой схеме государство берет на себя финансирование фундаментальных исследований, в которые бизнес инвестировать никогда не будет. Но при этом у бизнеса появляется понимание, что наука может дать практически важный результат [6, с. 59–62; 7, с. 76–82].

Целью исследования является формирование целостной системы подготовки и профессионального роста в области предпринимательских компетенций обучающихся вузов и молодых ученых научных организаций на основе интеграции образовательных и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики.

Широко распространенными организационными *формами инновационной деятельности* являются технопарки; технополисы; инжиниринговые центры; индустриальные парки; стратегические альянсы; инкубаторы новых технологий; ресурсные центры; научно-образовательные комплексы.

Инжиниринговые центры, технопарки, бизнес-инкубаторы – это возможные формы поддержки предпринимательства и платформа для развития предпринимательских компетенций будущих специалистов и молодых ученых, где обычно присутствует производственная зона/производственные мощности, лаборатории, станочные парки [8, с. 319–323].

Основной путь взаимодействия образовательных, научных организаций и предприятий реального сектора экономики – создание инновационной инфраструктуры в виде оптимальной площадки и структурного подразделения научной организации. Научная организация в рамках совместной программы с образовательными организациями определяет и обеспечивает прием и прикрепление к исследовательским лабораториям (в рамках учебных, дипломных, иных практик) студентов, в наибольшей степени ориентированных на организацию и запуск наукоемкого бизнеса.

Кроме того, для создания инструментов вовлечения студентов, молодых ученых в научную организацию, а затем для запуска наукоемкого бизнеса, возможно создание совместной базовой кафедры с образовательной организацией, открытие в научной организации магистратуры, а также применение механизма целевой контрактной подготовки.

Научная организация обеспечивает привлечение инвестора в проект по технологическому предпринимательству. Доверие между научной организацией, командой и инвестором обеспечивается за счет общей работы, открытости

и участия на различных этапах подготовки бизнес-проекта. Отчисления от продажи проектов могут являться основой для формирования сети венчурных фондов поддержки потенциально коммерчески успешных проектов на базе инициативных исследований.

В заключении отметим, что научная организация формирует новые идеи, развивает предпринимательские компетенции обучающихся, постепенно расширяя сферу подготовки и деятельности по мере наращивания и готовности компетенций студентов к новым форматам взаимодействия с потенциальными федеральными и региональными заказчиками, направляет молодых специалистов для дальнейшей реализации деятельности в инновационные региональные инфраструктуры.

Список литературы

1. Бондарева О.А. Правовая компетентность курсантов ведомственных вузов по основным образовательным программам высшего образования, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 2(75). – С. 207–211.
2. Бондарева О.А. Моделирование процесса формирования правовой компетентности курсантов ведомственных вузов в условиях реализации ФГОС // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 2 (75). – С. 212–216.
3. Гедулянов М.Т. Изучение влияния факторов окружающей среды на здоровье человека и качество жизни // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 3(76). – С. 194–199.
4. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Правовые аспекты в профессиональной деятельности врача-стоматолога // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. – № 1. – С. 169–175.
5. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Создание института наставничества в медицинских организациях // Современные образовательные ценности и обновление содержания образования: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 86–91.
6. Гедулянова Н.С. Проблемы правового регулирования проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении практик в вузе // Педагогическое образование и наука. 2015. – № 4. – С. 59–62.
7. Образцов П.И. Сущность и содержание понятия «технология обучения»: современная интерпретация // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2016. – № 3. – С. 76–82.
8. Мурадова Н.С. НИРС – инвестиции в будущее // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. – № 3(33). – С. 319–323.

**Василенко П.Г.,
Василенко Е.В.¹**

ЭРГОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЗДАНИЯ СРЕДЫ ОБУЧЕНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ УЧЕБНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: *оборудование, проектирование, среда, дизайн, мастерская, живопись, рисунок, мольберт, эргономика, оптимизация.*

Keywords: *equipment, design, environment, design, workshop, painting, drawing, easel, ergonomics, optimization.*

Оптимизация среды обучения студентов, занимающихся изобразительным искусством и дизайном, влияет на повышение качества специальной подготовки. Спроектированное специальное многофункциональное учебное оборудование для творческой мастерской, должно полностью отвечать эргономическим требованиям. Интересен взгляд Паллотта В.И.: «В педагогике высшего дизайн-образования в зависимости от ресурсов учебного заведения, на сегодняшний день применимы как традиционные, так и кардинальные, или частично преобразовательные технологии» [5, с. 12].

Аксиоматичность положения о том, что среда обучения, оптимизированное, эргономичное оборудование существенно влияют на качественные показатели обучения и развития учащихся, подчеркивает актуальность рассматриваемой проблемы. Положительное разрешение ее устранил противоречия между гуманистической направленностью процесса обучения изобразительной деятельности и некомфортной средой обучения; декларируемым тезисом, что мастерская – «храм искусства».

Начиная с эпохи Возрождения, в гениальных творениях и научных трудах Л.Б. Альберти, Л. да Винчи, А. Дюрера, предпринимались попытки создания сначала элементарных, а затем все более усложняющихся инструментов и оборудования для обучения учащихся изобразительной деятельности.

Последующее развитие идей гуманизма в трудах классиков педагогической науки Я.А. Коменского И.Г. Песталотци привело к проявлению большего внимания к материальной, предметной стороне художественного образования как на общеобразовательном, так и на уровне профессионального обучения. Отдельные мысли, суждения и конкретные предложения по этой проблеме мы находим у зарубежных ученых: П. Шмида, братьев А. и Ф. Дюпуи, Гальяра. Особое внимание оборудованию и наглядности в процессе обучения основам рисунка уделил А. Сапожников в своем «Курсе рисования». Вместе с тем до середины XIX столетия практически не рассматривались обозначенные проблемы с точки зрения архитектурной (средовой) целесообразности, а оборудование мастерских не менялось, по сути, в течение столетий.

Теоретиками, впервые коснувшимися проблем предметного творчества, явились французский историк и теоретик архитектуры Э.Виоле ле Дюк и немецкий архитектор Г. Земпер, который впервые выделил совокупность факторов, определяющих выразительность структур, пространственную и пластическую трактовку создаваемых объектов сферы предметного творчества. В конце XIX века началось проникновение эргономических усовершенствований в традиционный мир оборудования, многократно усиливающего возможности человека.

Идею исследования продуктов архитектуры зародившегося тогда дизайна, в 30-е годы XX столетия выдвинул и успешно разработал Ф.Л. Райт, который утверждал, что форма придет в свое время, если вначале будет иметь место разумная, рациональная система конструкций. Иными словами, проблемы архитектурной среды и дизайна едины, и единство заключено во взаимоотношении эргономики и эстетики.

В условиях глобализации учебного процесса можно предположить, что следующий шаг в развитии эргономической науки произойдет в сторону эргономики дизайна системы высшего образования. Изучение отдельных, даже самых животрепещущих, направлений в эргономике сменится комплексным, глобальным исследованием проблем эргономического обеспечения учебной, трудовой и бытовой деятельности человека. К этому ведет логика ее саморазвития, причем в наше время, как считает большинство ученых, дизайнеров, художников, уже сложились условия для такого поворота событий.

Общая тенденция развития современной архитектурно-дизайнерской эргономики в области образования гуманистична и направлена на:

- совершенствование архитектурной среды обитания с точки зрения педагога и учащихся;
- всестороннее улучшение эстетических качеств учебной среды;

¹ Василенко Павел Геннадиевич – доцент кафедры «Дизайн и прикладное искусство» МГУТУ им. К.Г. Разумовского. E-mail: rashavasilenko@mail.ru

Василенко Елена Владимировна – доцент кафедры «Дизайн и прикладное искусство» МГУТУ им. К.Г. Разумовского. E-mail: elenalopasova@mail.ru

– гуманизацию процессов обучения (внедрение интерактивных обучающих технологий, разработка мер по охране труда, создание и оснащение новыми инструментами и оборудованием. Близость задач методики обучения изобразительной деятельности и эргономики проявляется в совершенствовании процессов (способов, приемов, методов) выполнения учебно-творческой работы (обучение, тренинг, адаптации и т.п.); в улучшении характеристик, средств и условий обучения, которые существенно влияют на качество развития будущего дизайнера и художника.

Учебное пространство в художественном проектировании является одной из задач в подготовке студентов к проектированию пространственных систем в архитектонике пространства и основ композиционного проектирования. В программе предприняты методы и условия для создания среды, особенности которой связаны с организацией восприятия пространства и пространственных форм. Программа направлена на развитие пространственного мышления в художественном вузе, на выработку специфических умений, необходимых для решения пространственных задач в процессе работы над проектируемым объектом. Ее цель – подготовить студента к проектированию пространственных систем, ввести в процесс организации восприятия пространства. «Методы развития интереса к визуальной экспрессии во всех областях пластических искусств, – писал В. Гропиус, – должны прежде всего научить студента видеть. Воспринимать расстояние и схватывать человеческий масштаб. Такие дисциплины необходимы для обретения инстинктивной уверенности в организации трехмерного пространства и одновременного постижения его в понятиях структурной эффективности экономии средств и гармоничности внешнего вида».

Программные задания проводятся в реальных условиях, на масштабных моделях и в лабораториях учебного моделирования. Оснащение лаборатории позволяет оперативно воспроизводить различные пространственные ситуации, необходимые для конкретных методических заданий. Оно включает структуру из определенных модулей (кубы, планшеты, экраны, проекционную аппаратуру), соединенные некой системой. Задание на первом этапе способствует развитию пространственного восприятия, умения видеть пространственные отношения элементов и связей композиции с учетом эргономики учебного пространства [8, с. 17]. Сюда входит изучение основ зрительного восприятия, знакомство с различными формами освоения пространства и практический навык оценки линейных характеристик реального пространства.

Представление о качествах пространства формируется при участии всех рецепторов человека. Значительную роль играют в восприятии пространства мышечные ощущения.

И. Сеченов называет мышечное чувство органом восприятия пространственно-временных отношений. Человеку свойственно измерять пространство, организовывать его на основе координат, развивающихся по трем взаимно перпендикулярным осям. Восприятие геометрических свойств пространства, охватывающего зрителя, более сложно, чем восприятие объема. Неоднозначность ошибок глаза при оценке размеров по вертикали и горизонтали приводит к тому, что их воспринимаемые соотношения отличаются от реальных. С наименьшей точностью глаз определяет глубинное изменение пространства. Поэтому выявлению глубинности уделяется особое внимание. Человеческое зрение имеет тенденцию недооценивать реальные размеры воспринимаемых объектов. Характер недооценок, растущих в геометрической прогрессии с увеличением оцениваемых размеров, является общим для всех измерений. Это делает невозможной отработку навыка оценки количественных характеристик крупных пространственных образований в лабораторных условиях [9, с. 80].

Комплексная работа над проектированием учебного пространства предусматривает ряд заданий, вводящих студентов в сферу изучения реального объекта, подбор аналогов из окружающей предметно-пространственной среды по заданным пространственным схемам и визуальных образцов уже существующих проектов. На этом этапе важны накопление конкретного опыта пространственного видения, поиск реальных пространственных ситуаций, соответствующих определенному виду пространства, с последующей фиксацией объекта (фото, перспективные зарисовки), графическое выражение собственных пространственных ощущений, возникающих при непосредственном восприятии образов пространства. При выполнении подобных упражнений решается профессиональная задача – сведение непосредственно воспринимаемых образов пространства в целостное представление о нем. Ведется поиск и отбор различных способов фиксации пространственных ощущений с привлечением опыта смежных видов деятельности (сценаграфия, урбанистика). На этом этапе необходимо выполнить упражнения, в которых студентам требуется изобразить знакомые или незнакомые пространства в виде планов, перспективных рисунков или условных макетов и обозначить их размеры [10, с. 42]. Анализ натуральных зарисовок и условных макетов этих же пространств показывает неизменное преувеличение высоты по сравнению с горизонтальными размерами. Пространственная сетка координат дает возможность наглядно контролировать ошибки глазомера при оценке линейных размеров пространства; ощущения размеров пространства, получаемые при непосредственном его восприятии, соотносятся с системой прямоугольных координат. Целью работы является формирование у студентов навыков видения окружающего их зримого предметно-пространственного мира в линейных категориях, навыков оценки реальных размеров пространства.

Для хранения учебных постановок, проектов, работ учащихся необходимо специальное оборудование. Наиболее приемлемым решением этой задачи является использование шкафа-купе, мобильной и трансформирующейся мебели. Шкафы-купе необходимо оборудовать системами для удобного пользования. Необходимо учесть освещение (потолочное, софиты). Софиты необходимо установить с учетом эргономики и мобильности. Отсеки для хранения работ должны быть снабжены дверями с достаточным количеством отверстий в целях вентиляции, размер учитывается исходя из требований учебных заданий студентов. Оборудование мастерской (аудитории) необходимо разработать с учетом использования не только для обычных учебных занятий, но и как экспозиционное оборудование во время защиты дипломных работ. Кроме того, при необходимости его можно разбирать и хранить в специальном подсобном помещении.

Оборудование, созданное для мастерской (аудитории) с учетом биомеханических возможностей человека, должно полностью отвечать физиологическим особенностям организма. Необходимо обеспечение удобного и устойчивого положения тела человека в рабочем положении. При учете всех эргономических возможностей дизайн-проекта средового пространства учебное время учащихся будет использоваться рациональнее. Разработанные приспособления совокупности оптимизируют организацию учебного процесса. Эргономический аспект создания среды обучения и проектирования учебного оборудования играет большую роль в проектировании учебного пространства [7, с. 17].

Проектируя среду непосредственно для своего обучения, понимая все задачи, учитывая все нюансы в дизайне мастерской-аудитории, студенты глубоко включаются в процесс проектирования. Оценка работы над заданием по проектированию интерьера определяется по определенным параметрам, разработанным педагогом.

Смирнова М.А. отмечает, что «свой материальный и духовный мир человек создает вокруг себя и для себя в формах, приспособленных для восприятия и освоения» [6, с. 252]. Проектирование учебного пространства в художественном проектировании является одной из задач в подготовке студентов к проектированию пространственных систем в архитектуре пространства и основ композиционного проектирования.

Список литературы

1. Василенко П.Г. Авторская методика развития художественно-творческих способностей учащихся системы дополнительного образования // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 10. – С. 134–136.
2. Лопасова Е.В. Формирование эстетического образа городской среды средствами современного монументального искусства // Модернизация гуманитарного и художественного образования: инновационные стратегии развития Материалы Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Под ред.: Гриценко В.П., Алексеевой И.В., Зенгина С.С., Еникеева А.А. 2014. – С. 354–361
3. Лопасова Е.В. Методы и этапы развития композиционного мышления у студентов художественных вузов // Профессиональная компетентность современного педагога: Сборник материалов II Фестиваля педагогического мастерства. 2016. – С. 134–136.
4. Паллотта В.И. Педагогика дизайна высшей школы в условиях современного общества // Костюмология. 2018. – № 3. – <https://kostumologiya.ru/PDF/13IVKL318.pdf>
5. Паллотта В.И. Современный дизайн в условиях становления цивилизации знаний и риска // Вестник института мировых цивилизаций. – М., 2018. – Т. 9, № 3 (20). – С. 66.
6. Смирнова М.А. Формообразование в изобразительном искусстве и дизайне // Педагогическое образование на стыке эпох: инновации и традиции в сфере образовательных технологий. – М., 2017. – С. 252–253.
7. Чайнова Л.Д. Функциональный комфорт как обобщенный критерий оптимизации трудовой деятельности // Техническая эстетика. 1985. – С. 16–17.
8. Шендрик И.Г. Образовательное пространство субъекта и его проектирование. – М., 2003.
9. Шендрик И.Г. Проектирование и инновационные процессы в образовании // Образование и наука. 2000. – С. 74–85.
10. Ясвин В.А., Дорябо С.Д. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М., 1997.

Вахабова Д.Х.

с.н.с. Института прогнозирования и макроэкономических исследований при Министерстве экономики и промышленности Республики Узбекистан
dilfuza.karimova_1980@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: целевые показатели, качество человеческого интеллектуального капитала, интеллектуальный капитал, человеческое развитие, эффективность использования человеческого капитала.

Keywords: target indicators, quality of human intellectual capital, intellectual capital, human development, human capital efficiency.

Развитие образования – это часть социально-экономического развития, что позволяет рассматривать инновационное образование как основной ресурс инновационного развития государства¹.

С расширением урбанизации и инновационной составляющей развития, спрос на высококвалифицированные кадры, а следовательно, и на услуги высших учебных заведений стремительно растет. Однако до 2019–2020 учебного года мощности вузов в Республике Узбекистан позволяли ежегодно принимать до 10% выпускников общеобразовательных учреждений и среднего специального, профессионального образования. При этом охват населения высшим образованием составлял не более 9%, что является одним из самых низких показателей в мире. Более того, примерно 33% всех мест в учебных заведениях или 15 мест на 1000 чел. населения приходится на долю столичного города, тогда как в других регионах эти показатели составляют от 2,4 до 9% или 2,7 мест на 1000 чел. населения в среднем. Такая тенденция тоже имеет негативное влияние на качественные показатели регионов. По прогнозам численность населения, которое является потенциальным бенефициаром услуг учреждений высшего образования, на протяжении всего периода до 2030 г. незначительно сокращается в абсолютных значениях. Более конкретно, если население от 17 лет до 25 лет в 2018 г. составило 4814,0 тыс.чел., то его количество в 2025 г. сократится до 4716,5 тыс.чел. и в 2030 г. 4669,1 тыс.чел. В последние годы в стране отмечался ежегодный прирост числа абитуриентов примерно на 10%. В частности, в 2016 году поступали 663 тысячи человек, в 2017 году – более 729 тысяч абитуриентов. В 2018 году прогнозировалось, что документы для поступления в высшие образовательные учреждения сдадут свыше 810 тысяч абитуриентов. Однако получилось, что число поступающих откатилось практически к показателям 2016 года². Эти показатели связаны со многими социально-экономическими на тот момент проблемами – такими как:

- невысокие реально располагаемые доходы на душу населения для оплаты обучения;
- низкий охват населения высшим образованием;
- неразвитость инфраструктуры вузов в отдаленных регионах республики для подачи документов;
- отсутствие возможности одновременно подавать документы в несколько вузов;
- снижение качества обучения в вузах;
- недостаточная развитость сотрудничества с ведущими зарубежными вузами по приоритетным направлениям высокотехнологичных услуг и промышленности;
- недостаточное использование новых технологий в области образования;
- трудности с трудоустройством после окончания вуза и др.

Наличие названных и других проблем обусловили проведение реформ в высшем образовании. На сегодняшний день правительством Республики Узбекистан приняты и принимаются указы и постановления по решению данных проблем, определены приоритетные направления в сфере высшего образования. Достижение поставленных целевых параметров требует повышения как количественных, так и качественных показателей всей системы высшего образования. Несмотря на разнообразные рычаги управления, которыми располагает государство, эффективность регулирования высшего образования остается невысокой, свидетельством чему является нерешенность проблемы качества высшего образования.

В Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2019–2021 годы предусматривается дальнейшее повышение качества обучения в образовательных учреждениях посредством внедрения новых образовательных программ, современных педагогических и smart-технологий в учебно-воспитательный процесс (формирование электронных модулей и внедрение дистанционного обучения). Согласно 23 пункту Указа Президента от 17 января 2019 года³ начиная с 2019–2020 учебного года вузы республики будут самостоятельно определять квоты приема сту-

¹ Емузова Н.Г. Инновационная деятельность как ресурс развития системы образования региона. – <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-kak-resurs-razvitiya-sistemy-obrazovaniya-regiona>

² <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/uzbekskie-vuzy-namereny-uvelic/>

³ О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в «Год активных инвестиций и социального развития». – <http://uza.uz/ru/documents/ogosudarstvennoy-programme-po-realizatsii-strategii-deystvi-18-01-2019>

дентов с учетом перспективных потребностей экономики и социальной сферы, а также возможностей учреждений по организации качественной подготовки кадров.

Начиная с этого учебного года в соответствии с УП№-5278 от 12.12.2017 появилась возможность подачи документов в вузы абитуриентами из отдаленных регионов республики через единое окно¹.

На 2019–2020 учебный год квоты приема в вузы планируется увеличить на 20%. По предварительным расчетам в результате этого по всем направлениям и видам обучения будет принято примерно 123 тысячи абитуриентов². 17 июня 2019 года принято Постановление Президента № 4359 «О параметрах государственного заказа по приему на высшие образовательные учреждения Республики в 2019/2020 учебном году»³. Данным постановлением утверждены следующие параметры приема на учебу в вузы Республики Узбекистан на основе государственного заказа :

- а) по подготовке бакалавров:
 - по дневной форме обучения – в количестве 80 430 человек;
 - по заочной форме обучения – в количестве 19 985 человек;
 - по вечерней форме обучения – в количестве 1985 человек;
- б) по подготовке магистров – в количестве 7695 человек.

Новые технологии в области образования для сбалансированного устойчивого роста включают набор инновационных решений, отражающих основные тенденции развития данной сферы, интеграцию онлайн и офлайн-методик, развитие технологий адаптивного и мобильного обучения и т.д. Такими решениями являются образовательные онлайн-платформы и массовые открытые онлайн-курсы (МООК).

На сегодняшний день во всем мире созданы более 10 тыс. массовых открытых онлайн-курсов, а число их пользователей превышает более 80 млн. слушателей. Самыми популярными провайдерами МООК являются американские платформы Coursera, edX и Udacity, а также британская FutureLearn. Во многих странах появились национальные онлайн-платформы – XuetangX в Китае, MiriadaX в странах Латинской Америки, France Université Numérique (FUN) во Франции, EduOpen в Италии, SWAYAM в Индии, Национальная платформа открытого образования (НПОО) в России.

В 2014 г. мировой рынок МООК был оценен в 1,13 млрд долл., а к 2019 г. он, как ожидается, вырастет до 7,69 млрд долл. Кроме того, в условиях высокой конкуренции между университетами МООК стали новым инструментом по продвижению образовательного бренда вузов среди потенциальных абитуриентов (в том числе среди иностранных студентов), а также площадкой по продаже сертификатов не только для физических лиц, но и для корпоративных клиентов, которые могут заказать создание серии онлайн-курсов для развития необходимых компетенций у своих сотрудников.

Наряду с международными МООК быстрыми темпами развиваются национальные платформы онлайн-курсов. Стратегия развития национальной системы образования через создание и распространение МООК своих университетов на ведущих платформах может закрепляться на государственном уровне. Например, в Малайзии Министерство высшего образования в 2015 г. разработало стратегию создания и поддержки онлайн-курсов, целью которой является повышение узнаваемости бренда страны в глобальном пространстве. Она рассчитана на десятилетний период, в течение которого должна быть создана инфраструктура, подготовлены кадры и разработаны модели действий, необходимые для успешного выхода на международный рынок онлайн-образования. Согласно данной стратегии на первом этапе определяются ключевые сферы, в которых предполагается создание МООК высокого качества, устанавливаются партнерства с ведущими платформами, определяются свободные ниши и организуется национальный центр по электронному обучению, отвечающий за координацию создания МООК и их продвижение на платформах. МООК создаются на основе имеющегося спроса на рынке труда, поэтому в настоящее время доминируют курсы по информационным технологиям, ведению бизнеса, финансам и т.п. Считается, наиболее перспективные ниши на рынке МООК связаны с математикой, медициной и гуманитарными направлениями. Поэтому целесообразно начать разработку МООК на базе ведущих национальных университетов по следующим направлениям :

- курсы по математике и информационным технологиям;
- курсы по химии, биологии и медицине;
- курсы русского и английского языка;
- курсы по налогообложению;
- курсы по другим приоритетным направлениям развития страны.

Разработка МООК по указанным направлениям поможет молодежи в получении качественного образования иобретении необходимых трудовых навыков. Кроме того, перед правительством стоит задача доведения охвата населения качественным высшим образованием до 25-30% к 2030 г.

¹ О мерах по коренному реформированию национальной системы оказания государственных услуг населению. Приложение № 3, Перечень поэтапно внедряемых в 2018-2020 годах государственных услуг, оказываемых по принципу «одно окно» исключительно через Центры государственных услуг, пункт № 27. – <http://lex.uz/docs/3454458>

² <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/uzbekskie-vuzy-namereny-uvelic/>

³ <http://lex.uz/ru/pdfs/4380360>

Гедулянова Н.С.

д.п.н., профессор, гл.н.с. НИИ ФСИН России
lambrador2@gmail.com

Гедулянов М.Т.

студент Московского государственного медико-стоматологического университета

О РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ¹

Ключевые слова: технология, условия формирования предпринимательских компетенций, производство, технологическое предпринимательство.

Keywords: technology, the formation of entrepreneurial competencies, production, technological entrepreneurship.

В современном обществе перед образовательными организациями стоит важная задача – создание благоприятной образовательной среды для создания эффективных механизмов развития учебной мотивации обучающихся с целью последовательного повышения образовательного и профессионального уровня специалистов (профессиональных предпринимательских компетенций), развития личности и успешной социализации обучающихся образовательных и научных организаций, отвечающих потребностям общества [1, с. 212–223; 2, с. 194–175].

Для овладения обучающимися предпринимательскими компетенциями, необходимо формировать у них стойкий интерес к образовательной деятельности, а также ко всем видам социальных и внутренних мотивов, добиваясь при этом, чтобы они были ясно осознаваемыми, стойкими и смыслообразующими. Развитие внутренней мотивации учения происходит как сдвиг внешнего мотива на цель учения, который зависит не только от характера педагогических воздействий, ресурсов и средств (образовательной среды), но и от того, на какую внутриличностную почву и объективную ситуацию учения они ложатся.

В основе причин образовательной деятельности лежат *потребности* – *нижние* (естественные), и *высшие* (материальные и духовные). Человек – существо общественное, и именно общество влияет на формирование значительной части его потребностей, которые определяют его склонности, мотивационные тенденции, мотивы желаний и поведения. Потребности обучающегося образовательной и научной организации на самом деле не побуждают его к учению, но в определенных условиях, могут влиять на формирование и развитие мотивов учения, создавать предпосылки к эффективной образовательной деятельности и успешной социализации [3, с. 169–175; 4, с. 86–91].

Цель предпринимательского образования – развитие предпринимательского уровня компетенций специалиста. Предпринимательские компетенции в этой статье определяются как знания, навыки и отношения, которые влияют на готовность и способность выполнять предпринимательскую работу по созданию новых ценностей, что может изменяться прямо или косвенно и может быть улучшено путем обучения и развития.

В этом тезисе основное внимание уделяется отсутствию инструментов оценки для сформированности предпринимательских компетенций и неопределенности методологических подходов, над которыми необходимо сосредоточиться в процессе обучения [5, с. 59–62; 10, с. 319–323].

Исследование проведено с помощью таких методов, как индивидуальные интервью, интервью в фокус-группах, анализ вторичных источников и различных областей литературы.

На наш взгляд, реализация Проекта на площадках образовательных и научных организаций может принести интересные результаты с точки зрения как студенческого образования, так и студенческого предприятия, внести значительный вклад в финансовую ценность и создание сотни новых рабочих мест.

Образовательные традиции, влияющие на предпринимательское образование – это конструктивистская парадигма, которая служит теоретической основой для обучения предпринимательству; это способ позиционирования предпринимательского образования на основе прогрессивистского и конструктивистского подхода к образовательной философии.

Традиционный подход к образованию позиционируется как классическая учебная программа, стандартизированные тесты, инертные знания.

Прогрессивный подход к образованию позиционируется как подход, ориентированный на разрешение социальных процессов, на «действенные знания». Общий принцип «действенное знание» – действие/деятельность соединяет эти дуализмы, позволяя обучающимся найти ответ на вопрос «для кого эти знания ценны сегодня?». Возможность

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Механизмы и условия формирования предпринимательских компетенций, обучающихся при взаимодействии образования, науки и производства» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), договор № 18-013-00845\18.

использования приобретенного знания в непосредственном взаимодействии с внешними заинтересованными сторонами повышает уровень мотивации для обучающегося, молодого специалиста, что стимулирует его процесс обучения [11, 12, 16]. Прогрессивный подход к образованию фокусируется на формировании и измерении некогнитивных (поведенческих и аффективных) навыков, которые сложно измерить с помощью стандартизированных тестовых показателей, но которые имеют решающее значение для рынка труда [13, с. 100; 14, с. 116–120].

Рассмотрим механизмы, влияющие на учебную мотивацию обучающихся в образовательном процессе.

Особенность образовательной деятельности в освоении предпринимательских компетенций состоит в том, что:

- ожидаемый продукт состоит в изменении нематериального предмета, а самого обучающегося, который приобретает новые знания, умения, навыки, профессиональные качества (компетенции, социализацию);
- обучающийся не в состоянии самостоятельно регулировать свою деятельность, так как у него ещё не сформированы соответствующие структуры, следовательно, для этого необходимы механизмы: преподаватель (педагог), педагогические условия, ресурсы и средства – образовательная среда, эффективно влияющая на формирование и развитие учебной мотивации и социализацию обучающегося с целью получения высоких профессиональных предпринимательских компетенций.

В организациях на учебную мотивацию обучающегося влияют четыре составляющие: сам обучающийся как субъект обучения (личность обучающегося), педагог, который организует и упорядочивает учебно-воспитательный процесс и непосредственно, социальная среда (ближнее окружение), сам образовательный процесс (внутренняя образовательная среда), которые воздействуют на уровень формирования и развития учебной мотивации, овладения профессиональными компетенциями и успешную социализацию обучающихся.

Первая составляющая (субъект учения) – это обучающийся со своими запросами, интересами, потребностями и целями, с которыми он вступает в образовательный процесс, имеющий соответствующую структуру потребности-мотивационной сферы. Именно характер потребностей и мотивов обучающегося, лежащих в основе его образовательной деятельности и социализации, определяют направление и содержание активности субъекта обучения. Вовлеченность обучающегося в образовательную деятельность, его активность (инициативность) в ней, удовлетворенность собой и своим результатом обеспечивают переживание осмысленности, значимости происходящего и являются основой для его дальнейшего самосовершенствования и самореализации [15, с. 43].

Недостаточно мотивированный студент не будет способствовать развитию своих знаний и профессионализации. Отсутствие учебной мотивации, или утрата её студентом представляет собой серьезное осложнение и препятствие в процессе обучения. В этих случаях студенту трудно сосредоточиться на овладении профессиональными компетенциями (в нашем случае предпринимательскими).

На мотивацию обучающихся к получению предпринимательских компетенций для успешной социализации также **влияет социальная среда**, формирующая высшие социальные и частные мотивы. Высшие социальные мотивы (получить профессиональное образование, профессию, интересную работу, найти своё место в обществе и т.п.) и частные социальные мотивы (взаимоотношения с педагогами, товарищами, родителями, лицами противоположного пола, условия обучения, личная безопасность в группе, получить поощрение, достигнуть определенных результатов, добиться расположения кого-либо и т.п.).

Третьей составляющей механизмов мотивации обучающихся к повышению предпринимательских компетенций для успешной социализации обучающихся является педагог (преподаватель), заинтересованный в эффективности своей деятельности в процессе всего обучения. Учебная активность обучающихся образовательных и научных организаций, их вовлеченность и погруженность в образовательный процесс могут быть усилены благодаря профессионализму преподавательского состава и широкому использованию различных инновационных технологий и методов обучения (педагогических условий).

Четвертой составляющей в механизмах мотивации обучающихся к развитию предпринимательских компетенций с целью успешной социализации **является внутренняя образовательная среда** организации, которая представляет собой совокупность материально-технических, нормативно-правовых, методологических ресурсов и средств [6, с. 76–82; 7, с. 118–126].

Американский социолог Ф.Г. Гиддингс в 1887 году образовательную среду сравнил с «природой, которая подготавливает человеческий материал к социальной жизни». Идея Ф.Г. Гиддингса о конструировании образовательной среды, приемлемой для своего окружения и других индивидов, актуальна и для нашего времени [8, с. 51–58; 9, с. 43–51].

Значимость образовательной среды в воспитании, формировании, социализации и развитии человека подчеркивали Л.Н. Толстой, А.С. Макаренко, Н.И. Ильминский, К.Д. Ушинский, Н.В. Крупенина, С.Т. Шацкий, А.Г. Калашников, Н.И. Пирогов, Л. Нидермейер, Р. Циммер, Б. Бло, Л. Порше, Р. Карр, П. Ферран и другие, которые воплотили свои идеи в практической деятельности школ.

Образовательная среда нами рассматривается как совокупность взаимодействующих и взаимодополняющих ресурсов, средств, условий, факторов (механизмов) и относительно контролируемых процессов развития, саморазвития, становления, изменения интеллектуальных, физических, социальных задатков и духовно-ценностных ориентаций обучающегося.

В современной педагогике образовательная среда признается важнейшим фактором эффективного развития образовательного процесса, развития учебной мотивации, самореализации обучающихся в образовательной деятельности для успешной социализации. «Образовательная среда» представляет собой совокупность личностных, вещественных и предметных элементов (окружения), с которыми субъекты образования (педагог, индивид, класс, группа) тесно взаимодействуют.

Это взаимодействие можно определить формулой «человек – образовательная среда», в которой образовательная среда оказывает влияние на духовные и материальные потребности, ценности, мотивы, интересы, культуру, деятельность и поведение обучающегося.

Обобщая рассмотренные точки зрения на механизмы мотивации обучающихся с целью повышения предпринимательских компетенций и успешной социализации обучающихся, можно выделить следующие компоненты (составляющие):

– **обучающийся** со своими познавательными и профессиональными запросами, интересами, целями, потребностями, смыслом учения, стремлениями, идеалами, волей, мотивационными установками, с которыми он вступает в образовательный процесс;

– **социальная среда**, формирующая высшие социальные и частные мотивы: взаимоотношения с педагогами, товарищами, родителями, лицами противоположного пола, личная безопасность в группе с целью получить профессиональное образование, профессию, интересную работу, найти своё место в обществе, получить поощрение, достигнуть определенных результатов, добиться расположения кого-либо и т.п.;

– **педагог (преподаватель)** заинтересованный в эффективности своей деятельности в процессе всего обучения: его профессиональные, личные и психологические качества, его характерологические и коммуникативные особенности;

– **внутренняя образовательная среда** колледжа, вуза, которая представляет собой совокупность материально-технических, нормативно-правовых, методологических ресурсов и средств: оснащенные приборами, материалами учебные и производственные мастерские, лабораторные кабинеты, наличие взаимовыгодного сетевого и партнерского взаимодействия с работодателями, ресурсного центра и др.

Современное образование является фундаментом социально-экономических и политехнических реформ – движущей силой развития, которое определит будущее нашей страны. Это обстоятельство формирует новые вызовы, ставит перед образовательными организациями новые цели – развитие и подготовка интеллектуальной, профессионально развитой, компетентной и культурной личности выпускника.

Список литературы

1. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Планирование мероприятий («Дорожная карта») по реализации проекта «Развитие предпринимательских компетенций студентов» на площадках Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. – № 1(78). – С. 212–223.
2. Гедулянов М.Т. Изучение влияния факторов окружающей среды на здоровье человека и качество жизни // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 3(76). – С. 194–199.
3. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Правовые аспекты в профессиональной деятельности врача стоматолога // Вестник московского финансово-юридического университета. 2017. – № 1. – С. 169–175.
4. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Создание института наставничества в медицинских организациях // Современные образовательные ценности и обновление содержания образования: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 86–91.
5. Гедулянова Н.С. Проблемы правового регулирования проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении практик в вузе // Педагогическое образование и наука. 2015. – № 4. – С. 59–62.
6. Образцов П.И. Сущность и содержание понятия «технология обучения»: современная интерпретация // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2016. – № 3. – С. 76–82.
7. Печерская Э.П. Компетентностно-ориентированный подход как основа трансформации образовательной модели // Интеграция образования. 2002. – № 4. – С. 118–126.
8. Ревин И.А., Пыбллевская Л.Л. Развитие предпринимательских компетенций у студентов технического вуза // Современные проблемы науки и образования. 2015. – № 2–1. – С. 51–58.
9. Луков В.А. Социализация теории Ф. Гиддинга // Социализация молодежи. Электронная энциклопедия / Под ред. В.А. Лукова. – М., 2015. – С. 43–51.
10. Мурадова Н.С. НИРС – инвестиции в будущее // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. – № 3 (33). – С. 319–323.
11. Мурадова Н.С. Формирование социально-экономической культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Московский педагогический государственный университет. – М., 2007.
12. Мурадова Н.С. Формирование социально-экономической культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования: автореферат диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Московский педагогический государственный университет. – М., 2007.
13. Мурадова Н.С. Семья и школа как факторы, способствующие формированию социально-экономической активности сельских школьников // Образование и общество. 2005. – № 2. – С. 100.
14. Мурадова Н.С. Совершенствование навыков делового общения у студентов высших учебных заведений как условие модернизации российского образования // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2003. – Т. 1, № 3. – С. 116–120.
15. Мурадова Н.С. Предпринимателями не рождаются (проблемы совершенствования экономического образования учащихся общеобразовательных школ) // Педагогика. – М., 2001. – № 2. – С. 43.
16. Мурадова Н.С. Семейный бизнес как фактор формирования предпринимательской активности детей (на материале Республики Дагестан). – Махачкала, 2000.

*Ермаков В.Г.*¹

КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Ключевые слова: противоречия в управлении образовательными процессами, региональное образование, педагогическая коррекция, концепция центра педагогических инноваций.

Предлагаемая в статье концепция Центра нацелена на разрешение одного из наиболее острых противоречий в управлении образовательными процессами. Его суть заключается в том, что быстрые изменения в мире и в системе образования требуют усложнения моделей управления и большей опоры на обратные связи, но движение в этом направлении, само по себе трудное, блокируется сложившимися стереотипными представлениями педагогов и управленцев, то есть существующей парадигмой образования. Неизбежный в современных условиях переход на так называемый динамический тип устойчивости образовательных процессов, предполагающий постоянную, активную и адресную поддержку со стороны педагога, не позволяет надеяться на то, что эти проблемы могут быть заблаговременно разрешены в теории с надлежащей детализацией, доведённой до учёта текущей ситуации в каждом учебном классе. Следовательно, функции педагога больше не смогут быть низведены до роли простого исполнителя разработанной кем-то технологии. Не лучше дело обстоит и с другой стороны – с инновациями педагогов. При том что в их руках находятся ключи от большого пласта резервов в управлении образовательными процессами, в одиночку им трудно противостоять нарастающему деструктивному давлению многих новых факторов и обстоятельств современного образования. Более того, в условиях, когда по объективным причинам напряжённость учебного процесса продолжает расти, произвольные инновации педагогов могут и сами спровоцировать углубление кризисных явлений. Таким образом, несмотря на многочисленные и вполне обоснованные призывы к осуществлению парадигмального сдвига в образовании, у него нет индивидуальных или коллективных акторов с подходящими для этого опытом, мотивацией и силой влияния.

Названные причины порождают развилку: либо из-за разобщённости действий прямых и косвенных участников образовательного процесса, обусловленной наличием труднопреодолимых препятствий, важные резервы управления так и останутся неиспользованными, либо теоретические исследования, совершенствование администрирования в образовании и повседневная практическая работа педагогов в обычных классах хотя бы в отдельные периоды времени начнут нетривиально соединяться, причём не своими завершёнными разработками, а ещё на этапе поиска решений. Для организации такого коллективного поискового взаимодействия, а также для накопления и распространения обретаемого опыта названные Центры и нужны. Типологически они будут напоминать службу скорой медицинской помощи, работа которой максимально конкретна, нацелена на практическое разрешение локальных кризисных ситуаций и при этом иногда ради спасения человека требует привлечения самых передовых достижений медицины. Такие же ситуации часто возникают и в образовательных процессах – по отношению к отдельному учащемуся, или по отношению к группам учащихся. Эти кризисные обострения как раз и могли бы стать основным местом приложения координирующих усилий сотрудников Центра.

Перейдём к обоснованию этих положений. Прежде всего, отметим сам факт и оценим глубину изменений в многовековом фундаменте образования. В одной из наших статей² было показано, что своеобразный симбиоз взаимосвязанного и взаимозависимого развития математического знания и педагогического оснащения его передачи от поколения к поколению, существующий более двух тысяч лет, дошёл до очередного тупика, и теперь требуется осознанное разрешение очередного, но на этот раз крайне острого методологического кризиса. Заметим также, что в высшей школе студентов обучают сами учёные, поэтому найденные ранее инструменты укрепления устойчивости образовательного процесса не утрачены полностью, но при этом они больше не являются достаточными, а сверх этого теряют свою эффективность из-за масштабных новаций в образовании³.

На средней ступени образования разрушение фундамента эффективности образования идёт особенно быстро и по разным причинам. В частности, анализ результатов введения единого государственного экзамена позволил

¹ Ермаков Владимир Григорьевич – д.п.н., к.ф.-м.н., доцент Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. E-mail: vgermakov@gmail.com

² Ермаков В.Г. Проблемы и методы обеспечения вертикальной устойчивости высшего образования // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы XIII Междунар. науч.-метод. конф. (г. Минск, 20 февр. 2018 г.). – В. 3 ч. Ч. 1. – Мн.: РИВШ, 2018. – С. 231–237.

³ Ермаков В.Г. Вредные советы: Как новациями в системе образования заблокировать инновационное развитие страны // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – Вып. 9, ч. 2. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – С. 363–368.

Г.Г. Малинецкому и А.В. Подлазову выявить системные недостатки ЕГЭ, влияющих даже на «уровень национальных интересов и национальной безопасности»¹. Однако предложенные авторами пути их преодоления, в том числе и те, что не требуют отказа от единого экзамена, так и не вызвали широкого резонанса и обсуждения. С одной стороны, это означает, что новации вводятся если и не безоглядно, то с пониженной осторожностью, а, с другой стороны, этот пример демонстрирует, что удовлетворяющие всех компромиссы достигаются всё труднее.

Оказывая на процессы обучения очень сильное деструктивное воздействие, упомянутые факторы помогают понять, что идеал абсолютной устойчивости в области образования уже недостижим. Вместе с тем, они хотя бы в достаточной мере обнажены и конкретны, поэтому их можно исследовать напрямую и искать способы ослабления их негативного влияния. Намного сложнее противостоять новым мощным факторам, описанным в статье², которые действуют неявным образом. Не различая этих источников ухудшения ситуации в образовании, педагоги, каждый на своём месте, продолжают пользоваться прежними моделями управления, а на их основе накопившиеся проблемы решить уже невозможно.

Впрочем, несмотря на хаотизацию внутренних отношений и связей в области образования, порождаемую внешним давлением, некоторая общая направленность вызванных ими последствий на мировоззренческом, идеологическом уровне вырисовывается вполне отчётливо. Увидеть её помогает проанализированное в статье³ завершение периода экономических отношений, основанных на ссудном капитале. В настоящее время его символизируют разворачивающиеся экономические войны даже между недавними союзниками. При этом, по мнению ряда экспертов, они главным образом ведутся за первенство в технологиях. Так, на Гайдаровском форуме-2016 глава Сбербанка Г. Греф заявил: «Мы проиграли конкуренцию... И это технологическое порабощение, я бы сказал, что мы оказались в стане стран, которые проигрывают, в списке стран-дауншифтеров. Страны и люди, которые сумели вовремя адаптироваться и проинвестировать в четвертую революцию, сегодня победители. Страны, которые не успели адаптировать собственные экономики и всю социальную систему, все институты, очень сильно будут проигрывать»⁴.

Заметим, что в условиях дошедшей до предела экономической глобализации проигравшим оказывается также средний класс в развитых странах. Предпосылки к этому указал Ю.А. Сухарев. По его словам, «носителем глобальной культуры является транснациональная группа индивидов, занятых высокоинтеллектуальной творческой профессиональной деятельностью в сфере информационных технологий, науки и образования (...) Выделение данной социальной группы (...) отражает стремительно нарастающую социальную дифференциацию и культурную поляризацию как между странами, так и внутри развитых стран. Основной системообразующий элемент новой культуры – творчество, творческая производственная деятельность»⁵. Отсюда следует, что на острие борьбы за разрешение данного противоречия должна находиться именно система образования. Но здесь возникает ещё одна принципиальная развилка: либо система образования, восприняв всю тяжесть социальных проблем, нацелится на активное понижение растущего конуса социальной стратификации, либо она будет пассивно следовать за противоречивыми изменениями, происходящими в мире.

Как показывают предварительные оценки, представленные в статье автора⁶, в первом случае решение столь сложных задач образования, вообще говоря, достижимо, несмотря даже на то, что для этого понадобится преодолеть ряд трудных методологических проблем.⁷ Однако есть немало признаков того, что в ближайшей перспективе будет осуществляться переход ко второй стратегии развития образования.

Готовность многих теоретиков принять второй подход подкрепляется разрозненными аргументами, включая заботу о преодолении технологического отставания страны, опасения перед серьёзными социальными последствиями иной стратегии развития образования, революционный порыв к коренной перестройке образования и о пределённую наивность в вопросе о сути резервов, с помощью которых можно повысить эффективность управления образовательными процессами.

Так, по мнению Г. Грефа и в полном соответствии с характеристикой носителей глобальной культуры Ю.А. Сухарева, в ближайшее время «будет колоссальный спрос на специалистов высокой квалификации, будет востребована низкоквалифицированная рабочая сила. Эту нишу займут в том числе мигранты, и возникнет трагедия середины – людей, которые не хотят заниматься низкоквалифицированным трудом, но и не готовы заниматься высоко-

¹ Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. ЕГЭ как катализатор кризиса российского образования // Сайт С.П. Курдюмова. – <http://spkurdyumov.ru/education/ege-kak-katalizator-krizisa-rossijskogo-obrazovaniya/>

² Ермаков В.Г. Методологические и социально-культурные аспекты обеспечения устойчивости образовательных процессов // Педагогическая наука и образование. 2017. – № 4 (21). – С. 3–11.

³ Там же.

⁴ Гайдаровский форум-2016. Россия и мир: взгляд в будущее. Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Российская акад. народ. хозяйства и гос. службы при Президенте РФ, Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – С. 503.

⁵ Сухарев Ю.А. Глобализация и культурные трансформации в современном мире (приоритеты, тенденции, противоречия): Автореф. дис ... докт. философ. наук. – М., 2001. – С. 9.

⁶ Ермаков В.Г. Педагогические аспекты безопасности личности, общества и государства в современных условиях // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11, ч. 3. / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – С. 732–736.

⁷ Ермаков В.Г. Противоречие между сбережением человеческого потенциала и научно-технологическим развитием страны как педагогическая задача // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2, ч. 1 / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – С. 486–489.

квалифицированным. Это большая проблема, об этом нужно очень серьезно думать, необходимо решать, что с этим делать»¹.

Закономерно, что ключевую роль в решении этой проблемы Г. Греф тоже отводит образованию, но настаивает при этом на максимально глубокой и быстрой его трансформации: «Должна быть изменена вся модель образования – от детских садов до вузов. (...) Содержание образования будет абсолютно другим, и методы образования будут тоже другими. Необходимо успеть изменить модель образования. Причем это надо делать не когда-то, это нужно было делать вчера, но хотя бы сегодня следует начать. Мы пытаемся воспроизводить старую, советскую, абсолютно непригодную к сегодняшнему дню модель образования: детей загружают огромным объемом знаний»².

Если учесть многовековую историю развития образования и огромное число вовлеченных в него людей – учащихся, педагогов, теоретиков, управленцев, каждый из которых отличается своей сложившейся системой взглядов и наличным уровнем подготовки, достигнутым в течение длительного времени, то реалистичность данного проекта, рассчитанного всего-то на шесть лет, следует подвергнуть сомнению, по меньшей мере, по отношению к массовой системе образования.

Эту коллизию отчасти проясняет выступление Г. Грефа на Петербургском международном экономическом форуме, состоявшееся 22 июня 2012 г. на панельной дискуссии «Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений?». Справедливо отмечая неэффективность существующих моделей управления и тот факт, что все институты – бизнес, государство, международные институты и СМИ – не справляются с растущими запросами и все более сложной окружающей средой, он при этом утверждал: «Когда люди поймут основу своего «Я», самоидентифицируются, то управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда у них есть знания. (...) Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации?»³.

Сопоставляя сказанное, можно предположить, что лидеры бизнеса ратуют за резкий подъём элитарного образования, необходимый для технологического рывка, и одновременно за понижение уровня массового образования, неявно подразумевая, что даже для среднего класса места в той системе экономических отношений, которая формируется на глобальном уровне, не найдётся. Вообще говоря, за счёт масштабного отбора студентов и преподавателей и других организационных мероприятий отдельные вузы можно было бы вывести на передовые рубежи за короткий срок, но, во-первых, эта идея не нова – многие ведущие страны именно так и поступают, что дало основание говорить об инновационном образовании, а, во-вторых, как было показано нами⁴, в отрыве от традиционного образования и накопленного в нём методического потенциала построить сбалансированную теорию инновационного образования крайне затруднительно.

Последнее утверждение проиллюстрируем конкретным примером. Как отмечает Александр Ситников, математическая динамическая модель современного газотурбинного авиационного двигателя состоит более чем из полумиллиона элементов и имеет более трех миллионов степеней свободы. Кроме того, проектировщикам нужно учитывать все взаимосвязи между ними, в том числе наличие гироскопических сил, изменяемую жесткость опор, демпфирование, а также скольжение роторов при работе двухвальной роторной системы⁵. Легко видеть, что в случае предлагаемого реформаторами отказа от знаниевой составляющей образования и снижения уровня математического образования такие научно-технические задачи будут неразрешимыми.

Определённую опасность для системы массового образования представляет также разворачивающаяся цифровизация образования. По этому поводу О. Четверикова пишет: «Вместо традиционной системы оценки вводится электронный индивидуальный «профиль компетенций» обучающегося, который будет содержать всю необходимую о нём информацию и который в будущем заменит диплом и трудовую книжку. Он будет фиксировать все шаги, которые осуществляет обучающийся, все его достижения и недостатки. С помощью таких «профилей компетенций» крупный бизнес будет выявлять таланты, в которые и будут вкладывать деньги»⁶.

Разумеется, для экономики в целом поддержка талантов принципиально важна, но в данном случае речь идёт не о вложениях в человека как такового, а только в тех, кто себя уже проявил, то есть подразумевается элементарный отбор на основе более тщательно собранной информации. Однако эта, на первый взгляд, безупречная стратегия очень далека от идеальной. Например, в неё не вписывается история жизни и деятельности Николая Николаевича Лузина, который в старших классах гимназии отставал по математике, а после помощи репетитора стал создателем московской математической школы, которая, наряду с французской, заняла лидирующее положение во всем математическом мире⁷. Такого рода примеры, коих очень много, позволяют заметить, что важна не пассивная фиксация достижений учащегося, а та остающаяся без особого учёта система активных и резонансных педагогических импульсов, которая поддерживает стабильность индивидуальной образовательной траектории и выводит её на более высокий уровень. В

¹ Гайдаровский форум-2016. Россия и мир: взгляд в будущее... – С. 503.

² Там же, с. 504.

³ ПМЭФ-2012: Сессия Сбербанка России в Санкт-Петербурге. – <https://www.youtube.com/watch?v=RABgXkL3GqE>

⁴ Ермаков В.Г., Нечаев Н.Н. Инновационное образование как объект теории // Вестник МГЛУ. Сер. «Педагогическая антропология». – Вып. 539. – Сб. «Психолого-педагогические аспекты развития образования». – М., 2008. – С. 96–113.

⁵ Ситников А. Битва двигателей: «Кузнецов» против «Мотор Сич». – <http://svpressa.ru/economy/article/151342/>

⁶ Четверикова О. Цифровизация – финальный этап ликвидации российской школы. – <https://regnum.ru/news/polit/2639995.html>

⁷ Тихомиров В. Рождение московской математической школы и Франция: выступление на русско-французском семинаре в МГУ // Семь искусств. 2011. – № 7 (20).

результате цифровизации образования этот невидимый, но важнейший фундамент эффективности системы образования может быть утрачен.

Более существенно то, что при упрощённом подходе не учитывается новое качество современных образовательных процессов, которые не только теряют былую устойчивость, но сверх этого из-за глубокой неоднородности информационного пространства культуры проходят через большое число точек ветвления. В таких точках роль учителя стремительно возрастает¹, но цифровизация образования этого тоже не учитывает и соответственно не создаёт никакой основы для применения Великой дидактики Я.А. Коменского как искусства «учить всех всему». Отказавшись от данного искусства и его гуманистической направленности, отбросили и основной метод Коменского, состоящий в постоянном применении анализа и синтеза. В отсутствие противодействия формальный подход к обучению получил в системе образования широкое распространение, а он, в свою очередь, сделал одарённых учащихся большой редкостью. Парадоксально, но именно на оценках такого конечного результата базируется всё более жёсткая критика и системы Коменского и традиционного образования в целом. Частичный ответ на эту критику, напоминающий о главных идеях Я.А. Коменского, оказавшихся отброшенными, дан в наших статьях².

Столь долгое отступление в сторону от заявленной темы статьи понадобилось для того, чтобы наглядно показать, в каких сложных условиях приходится действовать педагогу при исполнении своей функции посредника между личностью и культурой, между личностью и обществом, перед какими трудноразрешимыми методическими, методологическими, мировоззренческими проблемами и перед каким концептуальным выбором он находится. Очевидно, во многих нестандартных ситуациях он и сам нуждается в помощи. То же самое можно сказать и о теоретиках, и об управленцах. Ясно также, что если система образования будет и дальше без сопротивления, пассивно следовать за нынешними тенденциями развития мировой системы экономических отношений, то массовое образование утратит свою былую роль, и помогать педагогу не понадобится.

Перейдем к анализу перспектив реализации первой из названных стратегий. Здесь сразу возникает вопрос о том, каким образом можно приступить к разрешению столь тугого узла острых проблем и противоречий. Хорошую возможность для этого открывает так называемая асимптотология. Решающее значение в ней имеет поиск резких, отчётливо выраженных несоразмерностей, которые позволяют строить простые локализованные описания, а затем непротиворечиво суммировать частные решения и разработки в единый комплекс с синергетическим усилением каждого элемента. При этом именно острота явно выраженной проблемы облегчает ориентировку в ситуации и позволяет действовать адресно и простыми средствами.

Методологическая основа исследования складывается удачно. С одной стороны, ранее был упомянут тот факт, что понятия высокого уровня абстракции становятся для учащихся серьёзными препятствиями и существенной точкой ветвления индивидуальных образовательных траекторий. Для их безопасного прохождения требуется активная помощь педагога и использование новаций в организации текущего контроля. С другой стороны, идеи асимптотологии помогают понять, что локальными мероприятиями можно добиваться серьёзного повышения качества образования в целом. В итоге получаем хорошую основу для построения локальной теории корректирующего обучения³, наиболее подходящее место для краткосрочного объединения усилий прямых и непрямых участников образовательного процесса, и, как следствие, широкое поле деятельности предлагаемого инновационного научно-практического центра активных методов педагогической коррекции.

Такие Центры должны быть региональными, во-первых, для того, чтобы быть ближе к тем, кто нуждается в помощи, во-вторых, для опоры на наметившуюся тенденцию к регионализации экономики. Ранее нами было показано: именно в отношении регионов, имеющих невысокий уровень экономики, недостаточные финансовые, человеческие и природные ресурсы, главным фактором развития оказывается массовая школа⁴. Пути её модернизации на собственной базе в данной статье уже были намечены, поэтому сейчас основное внимание сосредоточим на одном внутреннем противоречии в управлении образовательными процессами. Его суть описана в работе⁵ и заключается в том, что по мере возрастания напряженности учебного процесса деятельность педагога по его руководству разрывается на два противоположных направления. Одно из них, обычно рассматриваемое как основное, – это движение в сторону содержательных целей обучения, задаваемых стандартами образования, а другое – это актуальное движение фактически

¹ Ермаков В.Г. Психолого-педагогические аспекты применения аксиоматического метода в обучении математике // Н.И. Лобачевский и математическое образование в России: Материалы Междунар. науч. форума по матем. образованию (18–22 октября 2017 г.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т. 1. – С. 13–17.

² Ермаков В.Г., Таланкина М.В. Христианская антропология, «Великая дидактика» Я.А. Коменского и методологические проблемы современного образования // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре. Сборник статей. – Вып. 7. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – С. 144–149; Ермаков В.Г. О методологических аспектах построения и использования здоровьесберегающих технологий образования // Проблемы личности в современном мире: Сборник науч. трудов по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (30 марта 2017 года). – Орёл: изд-во ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени К.С. Тургенева», 2017. – С. 172–176.

³ Ермаков В.Г., Таланкина М.В. О методологии и методике корректирующего обучения // Христианский гуманизм и его традиции в славянской культуре: сборник статей. – Вып. 9. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 97–103.

⁴ Ермаков В.Г. Проблемы, резервы и методология модернизации системы образования на региональном уровне // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Труды Первой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 351–356.

⁵ Ермаков В.Г. Возвратно-поступательные модели управления образовательными процессами и информационные технологии // Современные Web-технологии в цифровом образовании: значение, возможности, реализация: сб. статей участников V Междунар. науч.-практ. конф. (17–18 мая 2019 г.). – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 286–291.

в противоположную сторону, цель которого состоит в мобилизационной и содержательной подготовке учащихся к очередному сложному этапу учебного процесса. Время для спонтанных остановок учебного процесса, а тем более для обращения его вспять не предусматривается, поэтому несмотря на всю их важность для учащихся педагогу трудно нарушить существующие предписания и собственные блоки мышления в данном направлении. Методическая помощь педагогу со стороны работников Центра в первую очередь должна заключаться в снятии этих внешних и внутренних блокировок, подготовке рецептов отклонения от линейно выстроенных моделей управления в том или ином конкретном случае и осуществлении контроля за их реализацией.

Помощь специалистов Центра может быть краткосрочной в силу того, что успехи учащихся обычно активизируют собственный поиск педагога, накопление им позитивного опыта подводит его к построению авторских нелинейных моделей управления, учитывающих конкретные условия и опирающихся на обратные связи, а они, в свою очередь, сделают систему обучения под его руководством развивающей¹. Примеры получения такого рода эффектов в большом количестве описаны в работах автора, на которые были даны ссылки в этой статье.

Такова в общих чертах концепция предлагаемого Центра, а организационные и методические аспекты его работы более детально будут описаны в других статьях.

¹ Ермаков В.Г. Актуальность и методология использования нелинейных моделей управления в системе развивающего образования // Педагогика и психология: проблемы развития мышления: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (25 апр. 2018 г.). – Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнёва, 2018. – С. 31–39.

Искаков И.Ж.

к.ю.н., доцент, ректор Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНСОРЦИУМ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *Евразия, Россия, регионы, развитие, евразийская интеграция, наука, образование, консорциум, модель.*

Keywords: *Eurasia, Russia, regions, development, Eurasian integration, science, education, consortium, model.*

Развитие современного мира демонстрирует наличие как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов в самых разных регионах Земли. Подобные процессы затрагивают различные сферы человеческой жизнедеятельности. Политологи, экономисты, социологи, историки, философы изучают опыт разнообразных интеграционных объединений Евразии, начиная с Европейского союза и заканчивая деятельностью, например, Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Особое их внимание привлекают вновь образованные объединения, носящие и экономический, и иной характер (ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ОДКБ и др.). Евразийская интеграция занимает особое место среди интеграционных процессов регионального характера. Она постепенно становится все более привлекательным международным проектом, хотя в последние годы переживает определённые явления торможения. Одновременно происходит расширение интеграционного евразийского процесса, появляются всё новые и новые направления развития, новые инициативы.

Объединительные тенденции наблюдаются не только в сфере экономики, права, политики, но в социальной и культурной областях. Важнейшим проявлением евразийской интеграции является формирование единого научно-образовательного пространства. По мнению многих исследователей в условиях рыночной экономики усиливается взаимозависимость науки, образования и бизнеса. Проявления подобной взаимозависимости имеют большую значимость, поскольку их можно оценить как соединение духовной и хозяйственной составляющих. Учёные и практические работники характеризуют разные формы, уровни этого взаимодействия, подчёркивая одновременно нарастание его интенсивности. Соединение деятельности представителей науки, образования и бизнеса оказывает воздействие на формирование современного евразийского политико-экономического ландшафта как пространства для возникновения и распространения инноваций.

Инновационные ландшафты Большой Евразии, частью которой являются и регионы России, постепенно приобретают трансграничный характер. В них возникает острая потребность в инновационных акторах, которых следует готовить по особым программам и с особым содержанием образовательной деятельности. Обусловлено это тем, что континент, как и весь мир, переживает такие процессы, как усиление подвижности населения различных регионов, формирование нового рынка труда, расширение межкультурных коммуникаций, непрерывное совершенствование информационных технологий и т.д. Изменения в экономике вызывают и появление многообразных форм обучения и воспитания будущих специалистов в различных сферах хозяйствования. Таким образом, проблема подготовки квалифицированных кадров остаётся насущной перспективой дальнейшего развития евразийской интеграции, теперь в форме Большого евразийского партнёрства. Для того, чтобы эффективно решить эту проблему, необходимо внести требуемые реалиями современной региональной интеграции изменения в содержание образовательной деятельности организаций высшей школы в различных государствах Большой Евразии и применить инновационные формы высших учебных заведений, активно взаимодействующих с учреждениями науки и хозяйствующими объектами. Исследователи особо выделяют возникновение инновационных научно-образовательных проектов, обладающих тенденцией к постоянному расширению взаимодействия науки, образования и бизнеса. Таким проектом можно считать научно-образовательные консорциумы (НОК). Формирование таких консорциумов является одной из инновационных форм реформирования образования в современном евразийском образовательном пространстве.

Теоретические вопросы образования НОК разрабатываются уже много лет. В России и за рубежом имеются также примеры их практического осуществления. В этом процессе партнерами могут стать университеты, негосударственные образовательные организации, коммерческие компании, акционерные общества, научно-исследовательские учреждения. Члены консорциума могут сохранять собственную административную структуру, хотя если объединение функционирует на демократических началах, частично утрачивают автономность; могут входить долями друг к другу. Большинство теоретиков сходятся во мнении о том, что модель консорциума имеет много разновидностей. Часто в консорциум объединяются высшие учебные заведения, а также частные компании, осуществляющие он-лайн доставку информации и учебных курсов, созданных с использованием веб-технологий. Консорциумы могут создаваться как без образования юридического лица, так и с созданием нового юридического лица. Наиболее часто приводятся в качестве примеров консорциумы, функционирующие в различных странах: Государственный технологический университет

(National Technological University) в США, NETTUNO и CUD в Италии, Агентство открытого обучения (Open Learning Agency) и Contact North / Contact Nord в Канаде и др.

Успех или провал в деятельности консорциума во многом зависит от координационных механизмов. Если они функционируют слабо, поставленных целей достичь не удастся. Если же созданы необходимые условия для максимального использования творческого потенциала всех организаций-членов, то можно рассчитывать на большие достижения. Мы рассматриваем научно-образовательный консорциум как способ модернизации профессионального образования в странах Евразии, и прежде всего – в Российской Федерации, как локомотив евразийской интеграции.

Для России задача развития образования тесно связана с реализацией взаимодействия с мировым университетским сообществом. Из государств евразийского пространства именно Россия демонстрирует такую особенность, как высокий уровень науки и образования. Современные образовательные программы профессиональной подготовки в странах мира предполагают тесное взаимодействие с наукой, промышленностью, бизнесом и широкое использование Интернета. Главным направлением повышения образовательного потенциала регионов Евразии (и России, в том числе) должно стать создание и освоение новых подходов и методов в образовании, отвечающих требованиям времени и основанных на использовании новых информационных технологий.

Ранее мы писали, что в России нарабатан опыт создания НОК в форме объединений образовательных учреждений регионов России (Консорциум алтайских образовательных учреждений, Башкирский консорциум образовательных учреждений, Консорциум вятских вузов, Консорциум красноярских образовательных учреждений, Консорциум образовательных учреждений Республики Коми, Консорциум омских вузов и др.); объединений государственных и негосударственных образовательных учреждений на базе крупных и широко известных вузов (Консорциум Кубань-Линк, Консорциум Русский Центр, Консорциум Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, Консорциум МАИ-Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М.Ф. Решетнева, т.д.); межрегиональных объединений образовательных учреждений и производственных компаний (Консорциум XXI век, Консорциум Москва-Волга, Консорциум «ЦентрКадрыУголь» и др.). Развиваются также объединения российских и зарубежных вузов (например, Консорциум Байкал). Такие объединения позволили решать задачи, поставленные Концепцией государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях¹. Но нельзя оставить без внимания, что ЮНЕСКО провозгласило XXI столетие веком образования, обращая особое внимание на неизбежный процесс его интернационализации и интеграции. Такой вывод определяется следующими обстоятельствами.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется возрастающей ролью образования, которое активно влияет на его состояние и определяет основы экономического и социального прогресса как всей человеческой цивилизации, так и отдельных государств и народов. Благополучие и безопасность общества, успехи и результаты его развития практически во всех сферах и направлениях деятельности существенным образом зависят от уровня образованности его членов, причём в ходе научно-технического прогресса эта зависимость усиливается.

В последние годы в образовании сложилась устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции. На этом фоне углубление и диверсификация международных образовательных связей придают взаимозависимости национальных образовательных систем глобальный характер. Созданы предпосылки для построения общего европейского образовательного пространства при сохранении особенностей и достижений национальных образовательных систем. Развитые страны усиливают конкурентную борьбу за лидерство в мировой системе образования, что в современном обществе является одним из наиболее эффективных инструментов влияния на международные события².

В текущей эволюции мировой экономики исследователи отмечают фундаментальные изменения, естественно затрагивающие и систему образования. Всё острее становится потребность учиться друг у друга, невзирая на границы. Глобализационные процессы изменили условия работы для очень многих менеджеров и руководителей малых и крупных организаций, ведущих разного рода хозяйственную деятельность, включая и учреждения образования. Россия, Казахстан и другие евразийские государства также не остались в стороне от мирового прогресса. И сегодня появляется возможность формирования международного образовательного консорциума, в который предполагают войти армянские, белорусские, казахстанские, киргизские, китайские и российские вузы различных форм собственности. Можно сказать, что таким образом в области образования складывается частно-государственное международное образовательное партнёрство. Наша модель научно-образовательного консорциума как раз и ставит целью создание объединения, в которое войдут представители разных стран.

Развитие образования невозможно без постоянного обмена научной информацией, образовательными технологиями и идеями, носителями которых являются представители различных университетских коллективов. Формирование и развитие экономики знаний невозможно без тесного взаимодействия высших учебных заведений различных стран, причём и в научной, и в обучающей сферах деятельности. Особенно важно ввести в состав консорциума исследовательские учреждения, представляющие для включения в содержание профессиональной подготовки достижения фундаментальной и прикладной науки, помогающие сформировать научно-методическое сопровождение учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях, входящих в состав НОК.

Реализации проекта евразийского образовательного консорциума предшествует изучение рынка образовательных услуг в странах-участницах евразийского интеграционного процесса. Для практического воплощения проекта

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (одобрена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 18 октября 2002 года). – <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conception/>

² Там же.

необходимо установление контактов с координирующими и контролирующими органами, с руководителями вузов - участников евразийского консорциума, с правительствами заинтересованных стран и со службами занятости этих стран. Важнейшим направлением деятельности НОК является участие в международных образовательных ассоциациях и научных мероприятиях. Для эффективного же его функционирования обязательным условием является создание Web-сайта для информационной поддержки программ по экспорту и импорту образовательных продуктов и технологий.

Один из эффективных путей функционирования консорциума акторы видят в том, чтобы использовать систему так называемого открытого образования (ОДО), зародившуюся в 1969 году в Великобритании. ОДО представляет собой высокотехнологичный продукт научно-технической революции, широко распространенный во всем мире. Оно органично впитывает в себя компьютерные и Интернет-технологии обучения. Особое значение в последнее время приобрели *интерактивные обучающие программы*. Уже сейчас ведущие школы бизнеса как, например, Школа бизнеса в Дижоне, вкладывают значительные средства в новые технологии, особенно в те, которые облегчают коммуникации и поддерживают профессиональные контакты, облегчают доступ к информации и способствуют развитию обучения с использованием компьютеров и Интернета. ОДО представляет собой качественно новую форму обучения, которая позволяет обеспечить современный рынок труда специалистами, в которых нуждается инновационная экономика.

Проблема недостатка квалифицированных кадров выявилась буквально сразу же после распада СССР, когда стал формироваться новый евразийский рынок труда. В начале своего формирования (на первом этапе реформ) рынок нуждался не столько в управляющих и специалистах, сколько в предпринимателях — людях, которые могут определить суть бизнеса, найти нишу для его развития и собрать вокруг себя группу энтузиастов. Приблизительно в течение 10 лет новые компании вели поиски своих позиций на рынке, в результате чего у них появилась возможность совершить скачок. Но для этого (выработки внутренней технологии функционирования организации) компании, которые закончили стадию развития и перешли к стадии роста, нуждались в опытных управляющих. А их на рынке оказалось очень мало. В связи с этим всё обостряется проблема подготовки инновационных кадров, для решения которой высшие учебные заведения различных регионов России и евразийских государств стали использовать новые способы осуществления образовательной деятельности, в том числе и дистанционное обучение. Российские вузы (например, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики) выработали свою модель, которой предусматривается создание комплексного «виртуального университета».

Отметим, что вузы, предлагающие услуги дистанционного бизнес-образования, используют в своей деятельности самые различные образовательные методики и технологии, отдавая предпочтение печатным пособиям, специально адаптированным для самостоятельной работы. Например, технология Открытого университета Великобритании, представленная в России Международным институтом менеджмента «ЛИНК», основана на изучаемых под руководством тьютора специальных рабочих тетрадях, дополняемых хрестоматиями, сборниками статей, аудио- и видеоматериалами, а также компьютерными программами. Средством контроля качества усвоения материала служат письменные работы и занятия в группах по выходным дням (при этом тьюторы сами выезжают в те города, где концентрируются обучаемые), а также выпускной экзамен, проводимый в письменной форме. Недостатком импорта подобной технологии является некоторая оторванность методических материалов от реальной практики управления. Для преодоления этого недостатка модель евразийского консорциума предполагает включение опыта государственных органов управления в образовательную деятельность вузов.

Необходимо отметить особое значение, которое имеет в образовательной деятельности регионов России портал «Открытое образование», а также огромная работа по созданию электронных учебников, которую сегодня проводят крупнейшие национальные научно-исследовательские университеты.

Образовательная и научная деятельность, осуществляемая организациями высшей школы России, позволяет сделать следующие выводы о реальном положении дел и перспективах инновационного евразийского консорциума, предлагаемого Университетом при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, в который входят и вузы КНР.

Высшие учебные заведения регионов России работают сегодня в условиях жесточайшей конкуренции со стороны как начинающих организаций, так и своих традиционных соперников, которых свела воедино глобализация их рынка, поэтому образовательные центры обращают взор к новаторству и сегментации как путям выживания. Идёт усиленный поиск стратегий преобразования. Наиболее востребованными сегодня являются курсы иностранного языка, школы бизнеса и курсы по подготовке ИТ-специалистов. Евразийский консорциум позволяет готовить специалистов не только в названных сферах деятельности, но и по различным направлениям профессиональной работы: экономической, юридической, туристической, коммуникационной, социокультурной и в иных областях.

Одной из концепций, пользующихся большим вниманием в наши дни, стала сетевая структура образовательных организаций. Сетевая деятельность — не просто метод, это и концептуальный подход, который в различных аспектах может касаться самых разнообразных вопросов и применяться по-разному. Работа сетевых структур подходит для сектора подготовки и повышения квалификации кадров. События в этом секторе развиваются очень быстро, и в нём имеется огромный потенциал для новаторства, оригинальности, экспериментирования с целью подготовки работников не только для регионов России (особенно в приграничных территориях), но и регионов других стран Большой Евразии.

Существующий потенциал сетевой работы значительно усиливается внедрением информационных и телекоммуникационных технологий, которые, в свою очередь, требуют сетевого подхода для того, чтобы быть использованными в полной мере. Системный подход позволяет разрешить кажущееся противоречие между массовостью обучения, необходимой для снижения затрат, и качеством получаемой профессиональной подготовки. Как показали исследования компании Nuclear Electric (UK), дистанционная технология позволяет снизить расходы на внутрифирменное обучение в 2,5 раза при сохранении качества образования на том же уровне.

В евразийских государствах наличествуют благоприятные условия для распространения дистанционного образования. К ним относятся:

- значительное сокращение транспортных расходов и расходов на проживание и возможность обучаться на курсах практически в любой точке евразийского пространства;
- возможность выбрать единственно необходимый курс благодаря модульному принципу построения программ;
- возможность получить образование на рабочем месте;
- возможность широкомасштабной подготовки квалифицированных специалистов;
- способность центров открытого образования быстро адаптировать содержание своих курсов к новым экономическим условиям и к пожеланиям клиентов.

Подобная форма международного взаимодействия науки, образования с тенденцией расширения привлечения бизнеса сама по себе инновационна. Мы предлагаем модель, разрабатываемую специально для евразийского пространства, ставящую целью подготовить нового специалиста с учётом созданного Евразийского экономического союза и перспективой формирования Большого евразийского партнёрства. При соблюдении всех требований формирования НОК по этой модели евразийский научно-образовательный консорциум имеет потенциал стать научно-исследовательским и учебным заведением XXI века. Его работа будет способствовать широкомасштабной подготовке квалифицированных кадров, через которую они могут практически ознакомиться с реалиями экономики, права, политики, социокультурной действительности в различных странах Евразии, а не получить знания, касающиеся только одной, отдельно взятой страны. Разного рода учебные и производственные практики будущие специалисты могут проходить в разных вузах, разных странах, у разных руководителей. Таким образом перед ними открывается перспектива получить практические умения, важные для их последующей профессиональной деятельности в рамках Единого экономического пространства и шире.

Важной чертой евразийского НОК является включение в образовательную деятельность результатов работы научно-исследовательских учреждений, входящих в его состав. Так усиливается актуальность приобретаемых в процессе обучения знаний, стимулируется инновационное творческое мышление, позволяющее включаться в профессиональную деятельность с учетом различия культур, конфессий, способов хозяйствования. Особый эффект может оказать вхождение в НОК представителей бизнес-сообщества, не только как организующих места практик или заказывающих будущих работников, но и как активных акторов текущей образовательной деятельности. Получившие профессиональное образование в евразийском консорциуме способны стать созидателями инновационных евразийских ландшафтов. Подобные инновационные ландшафты должны обладать устойчивостью, чтобы стать важнейшим условием социально-экономического, политического, культурного развития страны, региона, Евразии в целом. В связи с этим необходимо находить и применять новые способы их формирования, развития, расширения. Одну из таких новых форм исследователи видят, в частности, в социальных сетях¹.

Университет при МПА ЕврАзЭС открыт для сотрудничества по всем этим направлениям и готов к осуществлению международных инновационных научно-образовательных, социокультурных, иных проектов на евразийском пространстве, ибо интеграция науки и образования составляет основу эволюции евразийского интеграционного процесса.

Модель международного образовательного консорциума в Евразии как научно-исследовательского и высшего учебного заведения XXI в. показывает один из эффективных путей формирования Большого евразийского партнёрства.

¹ Социальные сети меняют политический ландшафт в мире. – <http://finance.lg.ua/novosti-v-mire/socialnye-seti-menyayut-politicheskij-landshaft-v-mire/>

Коровникова Н.А.¹

«СТОЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»: РЕАЛИИ, ПРОЕКТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: образование, «столичное образование», Государственная программа «Столичное образование», образовательные проекты, человеческий капитал, современная Россия, Москва.

Keywords: education, «capital education», State program «Capital Education», educational projects, human capital, modern Russia, Moscow.

Интенсификация инновационных процессов, технологизация и цифровизация мирового образовательного пространства требуют скорейшего совершенствования системы формирования человеческого капитала, укрепления его интеллектуального потенциала и повышения компетентно-квалификационного уровня. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин «глобальная конкуренция всё больше смещается в область науки, технологий, образования», поэтому «необходимы специалисты, способные работать на передовых производствах, создавать и использовать прорывные технические решения», а «в государственных стандартах и программах важно отразить приоритеты научно-технологического развития страны»².

Образовательный фактор в современных условиях предполагает тесную трехстороннюю взаимозависимость образования, экономического роста и инноваций³ и рассматривается как одна из фундаментальных основ общества знаний⁴, авангардом развития которого являются столичные города-мегаполисы, в частности, Москва.

Передовые позиции московского («столичного»⁵) образования в российском и, отчасти, зарубежном образовательном пространстве (в основном в странах постсоциалистического ареала) объясняются очевидными конкурентными преимуществами сферы образования города Москвы, в их числе⁶: высокий уровень образования и его качества; готовность граждан сотрудничать с образовательными организациями; развитая культурная и инфраструктурная среда; расположение ведущих вузов РФ. Учитывая, что образовательные услуги оцениваются как наиболее востребованный товар, поскольку на современном рынке труда «покупается не сотрудник, а его квалификация, знания и умения»⁷, существенным преимуществом московского образования является «самый развитый в Российской Федерации образовательный рынок, в том числе в секторе частного образования»⁸.

Особенности и тренды современного столичного образования намечены в рамках Московского международного форума «Город образования», на котором будут обсуждаться новейшие методики и образовательные практики, в

¹ Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., с.н.с. Отдела экономики ИНИОН РАН, доцент МИЭПП. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

³ См.: Bouhajib M., Mefteh H., Ben Ammar R. Higher education and economic growth: the importance of innovation // Atlantic Review of Economics. 2018. – Vol. 1, N 2. – <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6525858>; Lafuente-Ruiz-de-Sabando A., Forcada J., Zorrilla P. The university image: a model of overall image and stakeholder perspectives // Cuadernos de Gestión. 2019. – Vol. 19. – N 1. – P. 63–86. – https://www.researchgate.net/publication/326380276_The_university_image_a_model_of_overall_image_and_stakeholder_perspectives

⁴ В современном контексте «общество знаний» подразумевает: а) знание как главное условие производства; б) создание экономической системы на основе знания; в) знание как информацию, имеющую практическую ценность, служащую для получения конкретных результатов; г) новую социальную реальность, которая характеризуется возрастанием роли знания как основания индивидуальных и коллективных действий; д) знание как третий источник создания благосостояния, который, в отличие от труда и капитала, с помощью ИКТ можно сделать неисчерпаемым. Более подробно см.: Муслумова Т.В. «Общество знания» и проблемы развития образования // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. – № 3 (19). – С. 6. – <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-3-1.pdf>

⁵ В выбранном ракурсе термин «столичное образование» относится к Государственной программе города Москвы «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)). – <https://www.mos.ru/donm/documents/state-program-metropolitan-education/>

⁶ Характеристика текущего состояния сферы образования и ее основные проблемы. – С. 23–24. – https://www.mos.ru/upload/documents/files/4412/pl2_pp_m_233_27-03-2018_r18.pdf

⁷ Трохимчук А.В. Влияние образования на экономику в условиях постиндустриального общества. – <http://e-koncept.ru/2017/770663.htm>

⁸ Характеристика текущего состояния сферы образования и ее основные проблемы. – С. 16. – https://www.mos.ru/upload/documents/files/4412/pl2_pp_m_233_27-03-2018_r18.pdf

том числе¹: оценка навыков, знаний и умений в XXI веке; роль педагога в современной образовательной системе; цифровые технологии в образовании; образовательная урбанистика. Особое место в ряду направлений работы Форума занимает тематика *развития талантов* путем обеспечения равенства возможностей, социальной адаптации и социализации одаренных детей². По словам Президента РФ В.В. Путина, «в основе всей нашей системы образования должны лежать фундаментальный принцип: каждый ребёнок одарён», поэтому раскрытие талантов является важнейшей задачей и составляет «успех России»³. В этой связи в Москве для наиболее полного воплощения данного принципа создается высокотехнологичная образовательная среда, система взаимосвязанных образовательных программ на всех уровнях обучения, а также, в соответствии с московскими практиками и Государственной программой «Столичное образование», реализуется целый ряд *проектов*, в том числе *Федеральных*, в частности⁴:

– «*Современная школа*», в рамках которого к 2024 году во всех субъектах РФ должна быть обеспечена возможность всестороннего изучения предметной области «Технология» и других предметных областей на базе высокооснащенных организаций;

– «*Молодые профессионалы*», согласно которому планируется к концу 2023 года внедрение программ профессионального обучения по стандартам Ворлдскиллс (англ. WorldSkills)⁵; к 2024 году проведение государственной итоговой аттестации в виде демонстрационного экзамена для не менее чем 25% обучающихся, а также реализация ежегодного национального чемпионата «Абилимпикс» для людей с инвалидностью;

– «*Успех каждого ребенка*», итогом которого должны стать следующие результаты: к концу 2024 года 80% детей в возрасте от 5 до 18 лет включены в сферу дополнительного образования, создано не менее 100 центров реализующих дополнительные общеобразовательные программы (с охватом не менее 40 тыс. детей ежегодно), не менее 900 тыс. детей обеспечены рекомендациями по построению индивидуального учебного плана в соответствии с выбранными профессиональными компетенциями;

– «*Учитель будущего*», который предполагает внедрение системы аттестации руководителей общеобразовательных организаций с 1 июня 2020 года, а также системы непрерывного и планомерного повышения квалификации педагогических работников к 1 сентября 2024 года во всех субъектах РФ;

– «*Цифровая образовательная среда*», для которого разработана и утверждена целевая модель цифровой образовательной среды, разработаны и внедрены (к концу 2019 года) федеральная информационно-сервисная платформа и набор типовых информационных решений, запланировано к концу 2022 года обновление информационного наполнения и функциональных возможностей официальных сайтов всех образовательных организаций;

– «*Московская электронная школа*» (МЭШ), который обеспечивает информационную базу и высокотехнологичное оборудование для образовательной среды, так в число сервисов МЭШ входят: автоматизированная запись в московские (государственные) образовательные учреждения, электронный журнал и дневник, электронная библиотека, автоматизированные системы прохода и питания, видеонаблюдение, онлайн-сервис самопроверки «Мои достижения», автоматизированная подача заявлений на участие в ГИА, аттестация педагогов на основе электронных систем, автоматизация бухгалтерского и кадрового учета образовательных организаций Москвы;

– «*Интеграция разных уровней образования для достижения высоких образовательных результатов*», цель которого – формирование профессиональных навыков (в том числе для цифровой экономики) на базе объединения интеллектуальных ресурсов города и проведения «предпрофессионального экзамена», оценивающего практические навыки учащихся (в 2018 году успешно сдали более 2 тысяч московских выпускников).

В целом, специалисты высоко оценивают темпы развития московской системы образования, в том числе итоги реализации Государственной программы г. Москвы «Столичное образование». Так согласно отчету «О результатах реализации Государственной программы «Столичное образование» в 2018 году и планах на 2019 год» в Москве: в 2018/2019 учебном году 100% детей старше 2 лет 6 мес. (от количества подавших заявления) обеспечены местами в дошкольных группах образовательных организаций; более 90% семей первоклассников получили возможность выбрать школьное образовательное учреждение в районе проживания; в каждой школе-новостройке создается доступная безбарьерная среда (в 2018 году – 21 новое здание для дошкольников и 9 новых зданий для школьников); 100% детей с ОВЗ и инвалидностью, изъявивших соответствующее желание, инклюзивно обучаются в московских образовательных учреждениях; повсеместно внедряется обучение по стандартам Ворлдскиллс; совершенствуется и наполняется новыми материалами система МЭШ (на 26 февраля 2019 года доступны 348 учебников, 883 электронных учебных пособия, 42 549 интерактивных приложений) и т.п.⁶

Наконец, дальнейшее становление «столичного образования» должно осуществляться в соответствии с основными *целями* российской системы образования, а именно «обеспечение глобальной конкурентоспособности россий-

¹ См.: Сайт Московского международного форума «Город образования». <https://moscowglobalforum.ru>

² Там же.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года. <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>

⁴ См.: Калина И.И. О результатах реализации Государственной программы «Столичное образование» в 2018 году и планах на 2019 год. – <https://www.mos.ru/donm/documents/state-program-metropolitan-education/view/223972220/>

⁵ Более подробно о деятельности и стандартах Союза «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия) см.: <https://worldskills.ru>

⁶ Калина И.И. О результатах реализации Государственной программы «Столичное образование» в 2018 году и планах на 2019 год. – <https://www.mos.ru/donm/documents/state-program-metropolitan-education/view/223972220/>

ского образования» и «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций»¹.

Успешное достижение поставленных целей со стороны Москвы зависит от своевременного решения *приоритетных задач московской системы образования*, а именно: обновление образования в соответствии с перспективными тенденциями рынка труда и цифровой экономики; формирование и развитие современной предпрофессиональной среды; реализация программ и проектов культурного просвещения и интеграции; создание инфраструктуры качественных образовательных услуг; эффективное использование модернизированной материально-технической базы образования; поддержка инициатив всех субъектов образования; расширение предложения образовательных услуг для иностранных специалистов²; дальнейшая реализация столичных мегапроектов; развитие механизмов совершенствования профессионального мастерства учащихся; развитие МЭШ; усиление роли классного руководителя и поддержка педагогов, готовых создавать условия для раскрытия способностей и талантов обучаемых; воспитание в учениках ответственного поведения в социуме, уважительного отношения к отечественной истории и культуре; дальнейшая последовательная реализация направлений, предусмотренных НП «Образование»³.

В свою очередь, достижения «столичного образования» формируют надежную базу для развития, модернизации и адаптации к современным образовательным требованиям локально-образовательной среды всех регионов Российской Федерации⁴, что позволит российскому образованию занять передовые позиции в мировом образовательном пространстве XXI века.

¹ Паспорт национального проекта «Образование» (от 11 февраля 2019 года). – <http://government.ru/projects/selection/741/35566/>

² Характеристика текущего состояния сферы образования и ее основные проблемы. – С. 22–23. – https://www.mos.ru/upload/documents/files/4412/p12_pp_m_233_27-03-2018_r18.pdf

³ Калина И.И. О результатах реализации Государственной программы «Столичное образование» в 2018 году и планах на 2019 год. – <https://www.mos.ru/donm/documents/state-program-metropolitan-education/view/223972220/>

⁴ Определенные успехи уже достигнуты в рамках проекта «Школы городов России – партнеры Москвы», цель которого совместное изучение, разработка и реализация эффективных образовательных практик. См.: <https://mosobr.tv/releases/186>

Меденников В.И.

д.т.н., с.н.с., в.н.с., Вычислительный центр ФИЦ «Информатика и управление» РАН
dommed@mail.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГОТОВНОСТИ ВУЗОВ К ИННОВАЦИОННОМУ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: научно-образовательные ресурсы, информационное Интернет-пространство, методика оценки, типовые сайты, рейтинги вузов, рейтинги регионов, инновационное и технологическое развитие.

Keywords: scientific and educational resources, Internet information space, assessment methodology, standard sites, university rankings, regional ratings, innovative and technological development.

В связи с принятием программы по цифровой экономике (ЦЭ) резко увеличилось количество публикаций и конференций по данной проблематике. Подавляющее большинство авторов и экспертов, в том числе на высшем уровне, заявляют о том, что внедрение во все сферы жизни и в производство цифровых технологий – это главный приоритет и панацея от всех проблем российской экономики. Одновременно с понятием ЦЭ появилось и понятие цифровой платформы (ЦП), являющейся базовым для ЦЭ. В соответствии с программой ставится цель создания не менее 10 цифровых платформ. В научной литературе встречаются десятки определений, исходя из рода деятельности и достигнутых результатов субъектов, дающих собственную трактовку.

Анализируя все многочисленные трактовки ЦП, можно констатировать, что под ними многие в стране понимают некую внешнюю площадку (платформу) для цифрового взаимодействия в сфере бизнес-деятельности, в основном, обеспечивающую работу организаций в сфере новых форм платежей и коммуникаций с потребителями, но никак не новые формы управления и экономические отношения. Поскольку при этом не были четко определены понятия и критерии их формирования, то без такого понятийного аппарата началась широкая трактовка их, что ведет к запутыванию смысла цифровизации экономики и несет большую угрозу достижению целей Программы цифровой экономики. Чего стоят, например, фразы одного из идеологов программы Княгинина В.Н.: «И наконец, компаниям нужно развернуть собственные или адаптировать чужие представленные на рынке цифровые платформы. Платформа – обязательная часть цифрового перехода. Это система интеграции данных и программ, обеспечивающая связь всех активов в режиме реального времени и в масштабе всего производственно-технологического комплекса» [1]. Следуя данному определению, ведущему к позадачному подходу в информатизации, например, в АПК, в ближайшее время только в растениеводстве появится потенциально около 5 млн. цифровых платформ [2, 3]. Этот же принцип закладывается и в соответствующие предложения по ЦЭ АПК, что не способствует интеграции информационных ресурсов (ИР) и информационных систем (ИС) в единое целое, в единую ЦП АПК, что скажется на эффективности всей ЦЭ.

Так, обширное эмпирическое исследование, проведенное компанией Economist Intelligence Unit в 2003 г., позволило сформулировать ряд важных выводов относительно влияния ИКТ, соответственно, цифровизации, на производительность и экономический рост [4].

1. ИКТ действительно способствуют экономическому росту, но только по достижении минимального порога развития инфраструктуры ИКТ. Следовательно, распространенность и использование ИКТ (ЦЭ) должны достичь определенной критической массы, прежде чем они начнут оказывать существенное позитивное воздействие на экономику страны.

2. Существует значительная задержка во времени между инвестициями в ИКТ-сферу и проявлением положительного влияния ИКТ на экономическое развитие и производительность труда. Отсюда следует, что нельзя ожидать быстрой и весомой отдачи от инвестиций в ИКТ. Чтобы получить ощутимый эффект от использования ИКТ требуется тщательно продуманное их внедрение в экономику с привлечением смежных нематериальных активов, без которых положительный эффект инвестиций от ИКТ не возникает.

3. Таким образом, для стран, чей индекс развития ИКТ ниже порогового уровня, экономический эффект ЦЭ либо отсутствует, либо вообще может оказаться отрицательным.

На этом фоне опять начали поднимать голос ученые и практики, продолжающие считать информатизацию не нужной. Так об этом заявил директор института аграрных проблем и информатики Петриков А.В. на конференции «Аграрная экономика в условиях глобализации и интеграции» 24.10.2018. Он утверждает, что исследования и разработки информационных систем не нужны в АПК, соответственно, и ИТ кафедры в сельскохозяйственных вузах необходимо закрыть. При этом он добился закрытия тематики по ЦЭ в собственном институте. Минсельхоз, полагающийся на рыночный подход в области цифровизации АПК, также разделяет эту позицию. В результате – в АПК нет ни одного НИИ, комплексно занимающегося исследованиями в области ЦЭ. Совместными усилиями Минсельхоза и Петрикова А.В. Тимирязевская академия не превратилась в центр компетенций по этому направлению, более того, не стала полигоном, на котором бы отрабатывались самые передовые, перспективные цифровые технологии.

Отчасти такое отношение продиктовано выводом лауреата Нобелевской премии Роберта Солоу, сделанным еще в 1970-х, об отсутствии экономического эффекта при внедрении компьютеров, опровергнутого впоследствии тщательными расчетами многими экономистами и самой жизнью [4].

Анализ ЦП, анонсированных в программе цифровой экономики, указывает на отсутствие, пожалуй, одной из основных – ЦП информационных научно-образовательных ресурсов (ИНОР), поскольку информатика зародилась в недрах самой науки, именно наука испытала наибольшее начальное влияние ее. Информатизация науки заложила основы цифровизации общества. Это видно по роли информатики в ЦЭ.

1. Информационные технологии, прежде всего, на основе Интернет дали науке качественно новые возможности для широкого обмена идеями между учеными и информационными научными ресурсами и их цифрового взаимодействия. Наука – коллективная деятельность, требующая непрерывного обмена информацией между учеными.

2. Информационные технологии способны выполнить функции стимулирования научно-технического прогресса лишь при условии определенного уровня интеллектуального потенциала общества, в формировании которого ключевую роль играет система образования. В процессе трансформации научных знаний в образовательные опять же большую роль играют ИКТ.

3. Информатизация (цифровизация) общества невозможна без науки: разработка научных концепций ЦЭ, ее цифровых платформ, научное сопровождение, мониторинг процесса цифровизации страны, отраслей, предприятий, территориальных образований, общества.

В [3] на основе оригинального определения ЦП путем моделирования цифровых платформ выделены две базовые платформы: производственная, отражающая экономические отношения, и научно-образовательная, отражающая интеграцию информационных научных и научно-образовательных ресурсов в Интернет-пространстве в виде единого информационного Интернет-пространства научно-образовательных ресурсов (ЕИИПНОР). Причем показано, что эти платформы существуют сами по себе, почти не пересекаясь. Цифровизация общества, науки и экономики, стремительно набирающая обороты, почти не влияет на этот расклад, обе платформы, подобно планетам, двигаются по своим орбитам. Это подтверждает и практика. В настоящее время научную общественность больше интересует количество публикаций, рейтинг журналов, в которых публикуются ученые, цитируемость работ. Созданный механизм принуждения заставляет ученых выбирать темы исследований в соответствии с указанными выше критериями, а не потребностями экономики, общества. И информационные технологии (ИТ) активно помогают им в этом. Федеральные власти считают, что данный подход повысит эффективность научных исследований. Это началось не сейчас.

В нашей стране государство, диктующее условия и правила становления ЦЭ, не смогло создать единую систему сбора, хранения и предоставления широкому кругу пользователей научных знаний, произведенных научным сообществом. В настоящее время эти знания размыты в различных БД, никак не связанных между собой. Например, государство тратит значительные ресурсы на разработку и сопровождение БД «Единая государственная информационная система учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР)» и E-library.ru, имеющих довольно узкое целевое назначение, соответственно, специфическую аудиторию. Цель первой БД очевидна из названия. Цель второй – создание национального индекса цитирования (РИНЦ) с перспективой применения, наряду с зарубежными БД, для оценки результатов научной работы какого-либо ученого, либо коллектива. Однако именно эта направленность на оценку результатов научной работы делает базу данных РИНЦ невостребованной для широкого круга, особенно, товаропроизводителей, желающих иметь удобную систему получения знаний.

Вследствие отстранения государством РАН от научного обеспечения процесса цифровизации экономики и общества и в результате проведенных реформ в экономике в настоящее время товаропроизводителю трудно найти разработки, публикации, прочую информацию по проблемам экономики, поскольку старая система распространения и инноваций на бумажных носителях была разрушена, а новая на электронных – не создана. Поэтому в производственных ИС ИНОР почти отсутствуют.

В то же время, в интересах широкого круга потребителей научных знаний в российских ИС, в наибольшей степени ориентированных на поддержку инновационной деятельности, можно найти информацию из следующих источников: eLibrary, БД ФИПС, БД «ЕГИСУ НИОКТР», сайты НИУ, федеральный портал по научной и инновационной деятельности (www.sci-innov.ru), ИС Российского фонда фундаментальных исследований (www.rfbr.ru/rffi/ru), ИС ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014–2020 годы» (www.fcntp.ru), ИС Фонда содействия развитию малых и средних предприятий в научно-технической сфере (<http://fasi.ru>), ИС Центра информационных технологий и систем органов исполнительной власти (www.citis.ru). Все эти источники, как и следовало ожидать, имеют гетерогенные структуры.

К сожалению, ценная и актуальная информация этих БД и ИС практически недоступна для использования в инновационной сфере. Основная причина – неразвитость коммуникативной функции, т.е. отсутствие свободного доступа к их содержимому из сети Интернет, отсутствие их интеграции.

С другой стороны товаропроизводителю необходим значительно больший «ассортимент» научной продукции. Анализ сайтов НИУ, вузов, информационно-консультационных служб АПК позволил выделить семь видов ИНОР, присутствующих в том или ином виде на этих сайтах: разработки, публикации, консультационная деятельность, нормативно-правовая информация, дистанционное обучение, пакеты прикладных программ (ППП), БД. Именно данные виды представления научных знаний наиболее востребованы в экономике АПК [5].

При этом совершенствование Интернет-технологий позволяет осуществить интеграцию их на основе онтологического моделирования в ЕИИПНОР с единых научно-методологических позиций с простой, понятной любому пользователю системой навигации с размещением ИР в облаке под управлением мощной СУБД на основе таких единых

классификаторов, как Государственный рубрикатор научно-технической информации (ГРНТИ) и Общероссийский классификатор продукции (ОКП) [6, 7].

Например, товаропроизводитель, выбрав разработку в виде средства борьбы с какой-либо болезнью, может получить тут же все публикации, всех консультантов, нормативно-правовую информацию, дистанционное обучение на эту тему. Потом в соответствующей БД найти нужного поставщика препарата.

Возможность создания ЕИИПНОР проверена на основе математического моделирования, а также практической реализацией при разработке портала Российской академии сельскохозяйственных наук в 2007–2008 гг. Было заведено: 12 321 публикация, 2541 разработка, 444 консультанта для проведения консультационной деятельности по тематике. В тот период в БД Elibrary было значительно меньше публикаций, а остальных видов ИНОР не было и в данный момент нет [6]. Отсутствие финансовых средств и реформа науки вынудили остановить данные работы.

Требования, предъявляемые к сайтам вузов Минобрнауки, Рособрнадзором России, отраслевыми министерствами для оценки деятельности образовательных учреждений, вынуждают эти сайты становиться все более похожими друг на друга. Недалек тот день, когда вузы должны перейти на типовые сайты. А это уже первый шаг к созданию ЕИИПНОР. При внедрении типовых сайтов в вузах и НИУ и их интеграции с данным пространством ИНОР автоматически попадали бы туда.

Стандартизация представления ИНОР в ЕИИПНОР позволяет, особенно, при переходе организаций к типовым сайтам, разработать независимую, малозатратную, автоматизированную методику оценки деятельности их, в частности, готовности вузов к инновационному и технологическому развитию регионов (будем называть для сокращения места – эффективности ИНОР), единую как для вузов, так и для НИУ, что обусловлено наличием измеримых и сравнимых показателей, находящихся в единой облачной БД.

Рассмотрим в данной работе в качестве примера состояние ИНОР на сайтах сельскохозяйственных вузов и их влияние на развитие регионов на основе разработанной методики, учитывающей как требования, предъявляемые к информационному наполнению сайтов образовательных учреждений Минобрнауки, Рособрнадзором, так и востребованность их в экономике, влияние на качество подготовки квалифицированных специалистов и ученых в образовательных учреждениях, оценку сайтов методами сайтometrics), отражающих имидж и репутацию вуза, а также современные тенденции предоставления информационных услуг вузами в Интернет-пространстве в виде электронных бирж труда и торговых площадок.

Методика оценки эффективности использования ИНОР

Для разработки методики был проведен мониторинг и анализ сайтов вузов, где использовалась разработанная оригинальная анкета с включением показателей из набора требований Минобрнауки, Рособрнадзора, а также не вошедших в этот перечень показателей, отражающих информацию о разработках, публикациях, консультационной деятельности, нормативно-правовой информации, дистанционном обучении, ППП, БД, об электронных биржах труда и торговых площадок; оценку сайтов методами сайтometrics).

В соответствующей анкете отражены 214 показателей деятельности вузов (122 показателя оценивают представительство самого вуза, 40 показателей для факультета, 46 показателей для оценки кафедр и 6 показателей для общей оценки сайта).

В исследованиях при выборе показателей из набора требований Минобрнауки, Рособрнадзора ориентировались на выбор наиболее значимых показателей деятельности вузов, влияющих на достижение целей вузов: подготовку квалификационных специалистов и ученых, производство научной продукции. Показатели, отражающие информацию о разработках, публикациях, консультационной деятельности, нормативно-правовой информации, дистанционном обучении, пакетах прикладных программ, базах данных названы первичными ИНОР.

ИР, отражающие требования Минобрнауки, Рособрнадзора, выбранные на основе экспертного опроса, в наибольшей степени влияющие на достижение целей вузов, названы вторичными информационными образовательными ресурсами. Показатели, отражающие информацию о консультационной деятельности, будут представлены в виде количества консультантов.

ИНОР в соответствии с современными тенденциями в области Интернет-технологий, когда провайдеры начинают предоставлять услуги по хранению контента сайтов в СУБД, могут храниться либо в виде каталога, либо в виде полноформатного представления (форма хранения ИР). С другой стороны, либо в виде неупорядоченного списка, либо в виде упорядоченного представления. Упорядоченное представление предполагает возможность навигации, например, на основе СУБД по тематической рубрикации ГРНТИ, по авторам, организациям, ключевым словам. Неупорядоченное и упорядоченное представление названы уровнем интеграции ИР.

Интегральный критерий оценки эффективности использования ИНОР конкретного образовательного учреждения определен как сумма взвешенных групп, общая сумма весов которых равна 1, следующих частных критериев: оценки видов представления ИНОР, оценки эффективности использования информационных ресурсов методами сайтometrics), оценки эффективности использования информационных ресурсов по состоянию электронной торговой площадки, оценки эффективности использования информационных ресурсов по состоянию электронной биржи труда.

Значение весов показателей критериев оценки эффективности использования информационных ресурсов определены на основе экспертных оценок, полученных путем анализа различных статей специалистов в области образования [8, 9, 10], методик расчета различных рейтингов образовательных учреждений, анкетирования преподавателей РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, а также применением соответствующих статистических методов.

При этом под эффективностью, с точки зрения методов исследования операций, понимается результативность в достижении цели. В нашем случае целями формирования ИНОР являются:

- доступность ИНОР для широкого круга пользователей (абитуриентов, студентов, преподавателей, служащих госорганов, товаропроизводителей, научных работников, управленцев, населения и др.);
- разнообразие форм и качества ИНОР;
- полнота, оперативность и достоверность получаемой информации;
- комфортность и простота получения информации;
- минимизация затрат на проектирование, разработку и сопровождение ИС.

Математическое описание методики

i – код уровня интеграции первичных ИНОР, $i \in I$;

l – код формы хранения первичных ИНОР, $l \in L$;

n – код вида представления первичных ИНОР, $n \in N$;

j – код частного критерия оценки эффективности, $j \in J$;

m – номер образовательного учреждения, $m \in M$;

s – код показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной торговой площадки, $s \in S$;

g – код показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной биржи труда $g \in G$;

h – код показателя вторичных информационных образовательных ресурсов, $h \in H$;

P_j^m – частный критерий оценки эффективности использования информационного ресурса m -го образовательного учреждения по j -му показателю;

P^m – интегральный критерий оценки эффективности использования информационного ресурса m -го образовательного учреждения;

α_i^1 – вес значения показателя уровня интеграции первичных ИНОР;

α_i^2 – вес значения показателя формы хранения первичных ИНОР;

α_n^3 – вес значения показателя n -го вида представления первичных ИНОР;

β_j – вес значения критерия оценки эффективности использования информационного ресурса по j -му показателю;

$v_{i\ln 0}^m$ – объем ИНОР i -го уровня интеграции, l -ой формы хранения, n -го вида представления на уровне m -го вуза;

$vf_{i\ln f}^m$ – объем ИНОР i -го уровня интеграции, l -ой формы хранения, n -го вида представления на уровне f -го факультета m -го вуза;

$vk_{i\ln k}^m$ – объем ИНОР i -го уровня интеграции, l -ой формы хранения, n -го вида представления на уровне k -й кафедры m -го вуза;

$\lambda_{i\ln}^m$ – значение критерия оценки ИНОР i -го уровня интеграции, l -ой формы хранения, n -го вида представления m -го вуза;

$$\lambda_{i\ln}^m = (v_{i\ln 0}^m + \sum_f vf_{i\ln f}^m + \sum_k vk_{i\ln k}^m) / \max_m (v_{i\ln 0}^m + \sum_f vf_{i\ln f}^m + \sum_k vk_{i\ln k}^m)$$

d_{rm}^2 – объем r -го показателя оценки сайта методами сайтотметрии в m -ом вузе, $r \in R$;

q_{rm}^2 – значение r -го показателя критерия оценки сайта методами сайтотметрии в m -ом вузе;

$$q_{rm}^2 = d_{rm}^2 / \max_m d_{rm}^2;$$

ω_r^2 – вес значения r -го показателя критерия оценки сайта методами сайтотметрии;

d_{sm}^3 – значение s -го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной торговой площадки в m -ом вузе;

ω_s^3 – вес значения s -го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной торговой площадки;

d_{gm}^4 – значение g -го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной биржи труда в m -ом вузе;

ω_g^4 – вес значения g -го показателя критерия оценки сайта по состоянию электронной биржи труда;

d_{hm}^5 – объем h -го показателя оценки эффективности использования вторичных ИНОР в m -ом образовательном учреждении;

q_{hm}^5 – значение h -го показателя критерия оценки эффективности использования вторичных ИНОР в m -ом образовательном учреждении;

$$q_{hm}^5 = d_{hm}^5 / \max_m d_{hm}^5;$$

ω_{hm}^5 – вес значения h -го показателя критерия оценки эффективности использования вторичных ИНОР в m -ом образовательном учреждении.

Тогда:

$$P^m = \sum_j \beta_j P_j^m, \text{ где } P_1^m = \sum_{i,l,n} \lambda_{ilm}^m \alpha_i^1 \alpha_l^2 \alpha_n^3, P_2^m = \sum_k \omega_k^2 q_{km}^2, \\ P_3^m = \sum_s \omega_s^3 d_{sm}^3, P_4^m = \sum_g \omega_g^4 d_{gm}^4, P_5^m = \sum_h \omega_h^5 q_{hm}^5.$$

Подробное описание всех параметров методики можно найти в работе [5].

Исследования показали, что в целом полнота сайтов ещё очень далека от оптимальной, в среднем на сайтах присутствует чуть более половины (55,4%) всей необходимой информации. Полнота показателей, отражающих научно-исследовательскую деятельность, составляет всего 18,3%, что подтверждает предположение, что в требованиях, предъявляемых к сайтам вузов Минобрнауки, Рособранзором существует недооценка научной деятельности вузов.

Интегральные оценки (табл. 1) эффективности использования ИНОР (максимально возможная оценка согласно методике равно единице) даже лучших вузов не превышают 40% (Кубанский ГАУ – 39,15%, Орловский ГАУ – 38,23%, РГАУ–МСХА – 32,58%, Красноярский ГАУ – 30,89).

Таблица 1

Интегральные оценки (%) эффективности использования региональных ИНОР и рейтинги сельскохозяйственных вузов

Наименование вуза	Оценка	Рейтинг	Наименование вуза	Оценка	Рейтинг
Кубанский ГАУ	39.15	1	Бурятская ГСХА	22.58	28
Орловский ГАУ	38.23	2	Алтайский ГАУ	22.20	29
РГАУ–МСХА	32.58	3	Ивановская ГСХА	21.30	30
Красноярский ГАУ	30.89	4	Курская ГСХА	21.09	31
Новосибирский ГАУ	30.44	5	Курганская ГСХА	21.01	32
Кемеровский ГАУ	30.34	6	ГУЗ	20.84	33
Брянский ГАУ	29.45	7	Ижевская ГСХА	20.57	34
Белгородский ГАУ	29.44	8	Приморская ГСХА	20.39	35
Казанский ГАУ	28.29	9	Самарская ГСХА	19.75	36
Саратовский ГАУ	27.49	10	Оренбургский ГАУ	19.69	37
Московская ГАВМиБ	26.41	11	Ярославская ГСХА	19.69	38
Пензенская ГСХА	26.30	12	Воронежский ГАУ	19.04	39
Волгоградский ГАУ	26.12	13	Рязанский ГАТУ	19.03	40
Башкирский ГАУ	25.66	14	Дальневосточный ГАУ	18.95	41
Санкт-Петербургский ГАУ	25.06	15	Иркутский ГАУ	18.92	42
Вятский ГАУ	24.63	16	Казанская ГАВМ	18.80	43
Омский ГАУ	24.59	17	Санкт-Петербургская ГАВМ	18.50	44
Вологодская ГМХА	24.39	18	Южно-Уральский ГАУ	18.46	45
Донской ГАУ	24.29	19	Кабардино-Балкарский ГАУ	17.78	46
Мичуринский ГАУ	24.22	20	Якутская ГСХА	17.08	47
Ставропольский ГАУ	24.21	21	Костромская ГСХА	16.86	48
Уральский ГАУ	23.83	22	ГАУ Северного Зауралья	16.69	49
Великолукская ГСХА	23.71	23	Горский ГАУ	15.78	50
Нижегородская ГСХА	23.36	24	Российский ГАЗУ	15.49	51
Чувашская ГСХА	23.29	25	Смоленская ГСХА	15.33	52
Ульяновская ГСХА	23.17	26	Дагестанский ГАУ	12.68	53
Пермская ГСХА	22.89	27	Тверская ГСХА	5.62	54

Рассмотрим взаимосвязь рейтингов вузов с различными региональными рейтингами: социально-экономического развития, субсидирования регионов Минсельхозом, эффективности сельхозпроизводства в регионах, эффективности губернаторов регионов, развития науки в регионах (табл. 2).

Таблица 2

Региональные рейтинги и ссылки их в Интернете

№ п/п	Название регионального рейтинга	Ссылка
1	Рейтинг социально-экономического развития	http://riarating.ru/info/grafika/20150616/610658857.html
2	Рейтинг субсидирования регионов МСХ (2014 год)	http://www.dairynews.ru/dairyfarm/rejting-regionov-subsidii-2014-v-kogo-verit-minsel.html
3	Рейтинг эффективности сельхозпроизводства в регионах	http://cyberleninka.ru/article/n/rejting-regionov-rossii-po-effektivnosti-selskohozyaystvennogo-proizvodstva
4	Рейтинг эффективности губернаторов регионов	http://civilfund.ru/mat/95
5	Рейтинг развития науки в регионах	http://riarating.ru/regions_rankings/20150324/610650317.html

Ниже данные рейтинги будут упоминаться по их номерам (от 1 до 5), рейтингам вузов в таблицах ниже присвоен номер 6. Сводная таблица региональных рейтингов приведена в табл. 3.

Таблица 3

Сводная таблица региональных рейтингов

№ п/п	Регион	Сельскохозяйственный вуз	Рейтинг					
			1	2	3	4	5	6
1	Алтайский край	Алтайский ГАУ	28	6	10	39	29	25
2	Амурская область	Дальневосточный ГАУ	3	36	11	23	23	36
3	Белгородская область	Белгородский ГАУ	10	1	9	1	35	7
4	Брянская область	Брянский ГАУ	35	2	34	17	36	6
5	Волгоградская область	Волгоградский ГАУ	40	20	27	5	26	10
6	Вологодская область	Вологодская ГМХА	42	40	38	27	41	14
7	Воронежская область	Воронежский ГАУ	22	4	5	7	10	34
8	Ивановская область	Ивановская ГСХА	26	44	41	18	32	26
9	Иркутская область	Иркутский ГАУ	14	33	33	42,5	20	37
10	Кабардино-Балкарская Республика	Кабардино-Балкарский ГАУ	33	30	31	30,5	31	39
11	Кемеровская область	Кемеровский ГАУ	1	38	7	3	42	5
12	Кировская область	Вятский ГАУ	46	25	24	36,5	27	12
13	Костромская область	Костромская ГСХА	36	46	44	24	46	41
14	Краснодарский край	Кубанский ГАУ	38	3	4	4	30	1
15	Красноярский край	Красноярский ГАУ	13	24	3	36,5	2	3
16	Курганская область	Курганская ГСХА	41	34	19	39	38	28
17	Курская область	Курская ГСХА	29	5	22	30,5	9	27
18	Нижегородская область	Нижегородская ГСХА	17	26	14	20	1	20
19	Новосибирская область	Новосибирский ГАУ	45	13	6	30,5	13	4
20	Омская область	Омский ГАУ	19	15	21	39	18	13
21	Оренбургская область	Оренбургский ГАУ	44	16	23	12	33	32
22	Орловская область	Орловский ГАУ	8	17	36	33	40	2
23	Пензенская область	Пензенская ГСХА	7	18	30	25,5	8	9
24	Пермский край	Пермская ГСХА	43	32	20	44,5	3	23
25	Приморский край	Приморская ГСХА	21	41	35	10	17	30
26	Псковская область	Великолукская ГСХА	27	19	45	15	44	19
27	Республика Башкортостан	Башкирский ГАУ	6	11	8	8,5	16	11
28	Республика Бурятия	Бурятская ГСХА	16	43	37	21,5	37	24
29	Республика Дагестан	Дагестанский ГАУ	15	28	40	6	45	45
30	Республика Саха (Якутия)	Якутская ГСХА	12	42	18	16	25	40
31	Республика Северная Осетия – Алания	Горский ГАУ	39	45	43	42,5	43	43
32	Ростовская область	Донской ГАУ	31	8	13	11	21	15
33	Рязанская область	Рязанский ГАУ	5	14	2	28	11	35
34	Самарская область	Самарская ГСХА	18	29	29	14	4	31
35	Саратовская область	Саратовский ГАУ	24	12	28	13	22	8
36	Свердловская область	Уральский ГАУ	2	21	25	25,5	6	18
37	Смоленская область	Смоленская ГСХА	25	31	42	34,5	39	44
38	Ставропольский край	Ставропольский ГАУ	37	7	15	21,5	34	17
39	Тамбовская область	Мичуринский ГАУ	23	10	16	30,5	28	16
40	Тверская область	Тверская ГСХА	32	22	46	44,5	14	46
41	Тюменская область	ГАУ Северного Зауралья	30	39	1	2	19	42
42	Удмуртская Республика	Ижевская ГСХА	4	23	17	41	24	29
43	Ульяновская область	Ульяновская ГСХА	34	35	26	34,5	15	22
44	Челябинская область	Южно-Уральский ГАУ	9	9	39	8,5	7	38
45	Чувашская Республика	Чувашская ГСХА	11	37	12	19	12	21
46	Ярославская область	Ярославская ГСХА	20	27	32	46	5	33

Для установления связи между приведёнными выше рейтингами используем два наиболее известных метода. Первый относится к расчету попарных связей между рангами или коэффициентов корреляции Спирмена [11], которые рассчитываются по формуле:

$$\rho = 1 - \frac{6 \cdot \sum d^2}{n(n^2 - 1)}, \text{ где } d \text{ — разность двух рангов, } n \text{ — число пар рангов.}$$

Матрица рассчитанных попарных коэффициентов корреляции Спирмена региональных рейтингов представлена в табл. 4.

Типичная интерпретация полученных коэффициентов корреляции Спирмена такова: от 0,3 и менее – слабая теснота связи; от 0,3 до 0,7 – умеренная теснота связи; свыше 0,7 – высокая теснота связи. Как видно, только для четырех пар значения коэффициентов достаточно велики (умеренная связь) и статистически значимы с вероятностью <5%. Только для пар рейтингов субсидирования регионов и рейтингов вузов, рейтингов эффективности сельхозпроиз-

водства в регионах и рейтингов вузов значения коэффициента корреляции Спирмена указывают на умеренную связь и статистически значимы с вероятностью <1%.

Таблица 4

Матрица коэффициентов корреляции Спирмена

Рейтинги	1	2	3	4	5	6
1	–	<0.001	0,17	0,17	0,25	–0,005
2	–	–	0,35*	0,18	0,19	0,44**
3	–	–	–	0,22	0,36*	0,35*
4	–	–	–	–	0,15	0,17
5	–	–	–	–	–	0,02
6	–	–	–	–	–	–

Второй метод – вычисление т.н. коэффициента конкордации Кендалла. Данный коэффициент характеризует степень близости ранжирований.

Расчитанная величина коэффициента конкордации Кендалла $W = 0.32$ говорит о наличии слабой степени согласованности рейтингов, представленных в списке.

Таким образом, региональные рейтинги слабо (однако статистически значимо на уровне $\alpha = 0.05$) связаны друг с другом. Исключение (весьма условное) составляют пары рейтингов по субсидированию регионов и эффективности сельхозпроизводства с рейтингами сельскохозяйственных вузов. Это, впрочем, следовало ожидать, так как из всех рейтингов только два указанных рейтинга имеют непосредственное отношение к сельскому хозяйству.

Таким образом, переход на платформу ЕИИПНОР страны является одной из актуальных задач в рамках перехода к ЦЭ и позволит существенно (в десятки раз) сократить затраты на разработку, внедрение и сопровождение ИС в науке и образовании.

Предлагаемая ЦП явится мощным инструментом доведения самых эффективных инновационных решений в экономику, позволит при занесении публикаций, разработок и других видов представления знаний на сайтах НИУ и вузов автоматически размещать их в других БД. Эта работа была бы значительно упрощена при переходе всех этих организаций на типовую форму сайта.

Список литературы

1. Княгинин В.Н. Вызовы цифровой экономики. – <https://fingazeta.ru/finance/industry/228985/>
2. Ерешко Ф.И., Кульба В.В., Меденников В.И. Интеграция цифровой платформы АПК с цифровыми платформами смежных отраслей // АПК: экономика, управление. 2018. – № 10. – С. 34–46.
3. Меденников В.И. Математическая модель формирования цифровых платформ управления экономикой страны // Цифровая экономика. 2019. – № 1. – С. 25–35.
4. Акаев А.А., Рудской А.И. Конвергентные ИКТ как ключевой фактор технического прогресса на ближайшие десятилетия и их влияние на мировое экономическое развитие // International Journal of Open Information Technologies. 2017. – Vol. 5, N 1. – С. 1–18.
5. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Модели и методы формирования единого информационного Интернет-пространства аграрных знаний. – М.: Издательство ГУЗ, 2014.
6. Ерешко Ф.И., Меденников В.И., Сальников С.Г. Проектирование единого информационного Интернет-пространства страны // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. – № 6. – С. 184–187.
7. Зацаринный А.А. Цифровая платформа для научных исследований // Материалы Международной научной конференции «Математическое моделирование и информационные технологии в инженерных и бизнес-приложениях». Воронеж, 3–6 сентября 2018. – С. 104–113.
8. Меденников В.И., Муратова Л.Г., Сальников С.Г. Анализ эффективности информационно-консультационной службы (ИКС) // Научные труды ВИАПИ. – М., 2002. – Вып. 7.
9. Сироткин Г.В. Системный анализ факторов качества образования в вузе // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. 2013. – № 2 (22). – С. 109–118.
10. Славин А.В. Практика разработки оценочных средств качества образовательных программ, реализуемых на основе ФГОС. – <http://expert-nica.ru/library/sbornik2013/IV%20part/Slavin%20AB.pdf>
11. Айвазян С.А. Теория вероятностей и прикладная статистика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

Морозов А.В.

д.п.н., профессор, гл.н.с. НИИ ФСИН России

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, преподаватель высшей школы, профессиональное развитие, цифровизация, креативность, подготовка кадров, творческий потенциал, самосозидание.

Keywords: digital educational environment, high school teacher, professional development, digitalization, creativity, training, creative potential, self-creation.

В соответствии со ст. 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с последующими изменениями) «право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее профессиональное или высшее образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам» [14].

Статус научно-педагогических работников раскрывается в ст. 50 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с последующими изменениями) [14].

Требования к квалификации профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения изложены в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26.08.2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» (далее по тексту – ЕКС), в разделе «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [12].

Постоянная и своевременная актуализация ЕКС сегодня не представляется возможной, в силу чего его положения с завидной регулярностью отстают от потребностей развивающегося образовательного социума, в особенности, учитывая ориентацию на цифровизацию.

Бурное развитие цифровизации в нашей стране, обусловленное целями и задачами, изложенными в Национальных проектах «Цифровая экономика» [11] и «Образование» [10] (в рамках которого реализуется отдельный Федеральный проект «Цифровая образовательная среда») на период 2018–2024 гг., невозможно без подготовки соответствующих кадров, имеющих не только высокий уровень общего и специального образования, но и определённый набор личностных качеств, обеспечивающих их успешность в решении поставленных задач и способствующих качественному выполнению этих задач. В процессе проведённого нами исследования были выделены личностные качества современного преподавателя высшей школы, наиболее востребованные, по мнению респондентов, в условиях цифровой экономики, среди которых: креативность, коммуникабельность, адаптируемость, стрессоустойчивость, мобильность и др.

Не претендуя на полное и исчерпывающее рассмотрение всех перечисленных нами приоритетных личностных качеств, которыми должен обладать современный преподаватель высшей школы, чуть ниже мы остановимся более подробно на одном из них – том, которое, по нашему мнению, является одним из самых важных и ключевых в педагогической профессии.

Цифровое образовательное пространство призвано создать условия, благодаря которым как педагогическому корпусу, так и обучающимся – будущим молодым специалистам – то есть абсолютно всем, без исключения, субъектам образовательного процесса должны быть обеспечены весомые преференции, являющиеся основой конкурентных преимуществ, позволяющих овладеть системой опережающих знаний, востребованных «здесь и сейчас», а также в течение всей последующей жизни. Повсеместное внедрение цифровой экономики, как отмечают участники проведённого нами опроса, чревато развитием коллизии, обусловленной, с одной стороны, ростом уровня безработицы, а с другой – растущей потребностью и необходимостью обучения, всё в большей степени трансформирующегося в режим «онлайн».

В условиях формирования цифровой экономики в качестве одного из ключевых аспектов модернизации отечественного образования рассматривается развитие цифровых образовательных технологий [3], предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса, самым непосредственным образом оказывающих влияние на изменение мировоззрения, системы ценностей, установок субъектов образовательного процесса. Цифровые образовательные технологии способствуют эффективному развитию социальной и творческой активности всех субъектов образовательного процесса, независимо от их социального статуса, возраста и пола.

Творческий потенциал, являясь неотъемлемой составляющей, обеспечивающей успешность и эффективность профессиональной педагогической деятельности современного специалиста, работающего в высшей школе, проявляясь в самых неожиданных, порой абсолютно нестандартных ситуациях, выступает в качестве многофакторного и многокомпонентного явления [6]. Будучи весьма специфическим, трудно уловимым и, как правило, неподдающимся какой-либо количественной оценке или банальному математическому подсчёту уникальным сочетанием профессиональных и личностных способностей и качеств, креативность позволяет педагогу творить и создавать объективно и (или) субъективно новое в окружающем мире и, в первую очередь, в процессе своей преподавательской практики [5].

Выступая в роли субъекта творческой педагогической деятельности, современный преподаватель высшей школы, успешно освоивший образовательную программу в самом престижном учебном заведении, имеющий в своём арсенале великолепный набор самых востребованных, престижных и элитных компетенций, вряд ли будет способен достичь истинных высот педагогического мастерства при отсутствии у него креативности.

Проблема формирования креативности, профессиональной компетентности педагога, его профессионального развития, профессионально-личностного саморазвития и др. рассмотрены в целом ряде работ отечественных исследователей [1; 2; 9; 13].

В качестве одной из важнейших задач психологизации образования с учётом процесса цифровизации образовательного пространства, мы видим самоактуализацию преподавателя, являющейся для него реальной осознанной ценностью.

Сегодня уже на этапе подбора педагогических кадров необходимо проводить изучение личностных особенностей, учитывать их согласование/рассогласование с требованиями профессиональной деятельности и возможностями человека в ней участвовать [8]. В условиях цифровизации образовательного пространства важно подчеркнуть особое место профессиональной подготовки молодых специалистов, адаптированных к системе цифровой образовательной среды и способных к её развитию и полноценной интеграции в образовательный процесс [7].

Современные условия развития высшего образования в Российской Федерации характеризуются массовым внедрением различных инновационных образовательных технологий [4].

Среди них, в первую очередь, можно выделить такие как:

- сетевые формы реализации образовательных программ;
- использование дистанционных образовательных технологий и цифрового обучения;
- расширение общественного (общественно-профессионального) участия в оценке деятельности и управлении

ООО и многое другое.

Решать задачи, обусловленные массовым внедрением различных инновационных образовательных технологий, предстоит, в первую очередь, современным преподавателям высшей школы.

Таким образом, возникает необходимость пересмотра сложившейся системы профессиональной подготовки и дальнейшего профессионального развития преподавателя вуза: развитие креативности, как основной педагогической компетенции, становится главной целью на протяжении всего периода подготовки и становления педагога высшей школы.

Список литературы

1. Дергунова Т.А. Формирование профессиональной компетентности будущего педагога // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2009. – № 3. – С. 35–39.
2. Корсаков Ю.В. Профессиональное развитие педагога // Педагогический опыт: теория, методика, практика. 2015. – Т. 1, № 3(4). – С. 33–35.
3. Кудлаев М.С. Процесс цифровизации образования в России // Молодой учёный. 2018. – № 31. – С. 3–7.
4. Морозов А.В. Инновационные образовательные технологии в системе высшего и послевузовского образования // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации: материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск. 2015. – С. 487–493.
5. Морозов А.В. Креативность как детерминанта успешной профессиональной деятельности современного педагога высшей школы // Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации Республики Молдовы: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной дню славянской письменности / Гл. ред. Л.В. Бойкова. – Комрат: КГУ, 2018. – С. 104–109.
6. Морозов А.В. Креативность как основа творческой компетентности современного специалиста // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2011. – № 3. – С. 73–76.
7. Морозов А.В. Творческое мышление в профессиональной деятельности современного педагога высшей школы // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 2: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. проф. Ю.П. Поваренкова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. – С. 140–143.
8. Морозов А.В. Управленческая психология. – М.: Академический Проект, 2003. – 288 с.
9. Морозов А.В. Формирование креативности педагога в условиях непрерывного образования. – М.: ИГУМО, 2003. – 192 с.
10. Национальный проект «Образование» на 2018–2024 гг. – <http://www.econom22.ru/pnp/natsionalnye-proekty-programmy/Образование.pdf>
11. Национальный проект «Цифровая экономика» на 2018–2024 гг. – <https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slu=natsionalnyy-proekt-tsifrova-ekonomika&category=communication>
12. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26.08.2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих». – <https://rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html>
13. Сергеева Н.И. Профессионально-личностное саморазвитие как цель профессионального роста педагога // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–1. – <http://science-education.ru/ru/article/view?id=18933>
14. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». – <https://dokumenty24ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html>

Петросянц Д.В.

к.э.н., доцент Финансового университета
dan-basa@yandex.ru

ОПОРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ РФ: ЕСТЬ ЛИ ПРОГРЕСС ПОСЛЕ ПРИДАНИЯ СТАТУСА?¹

Ключевые слова: статусные университеты, рейтинг вуза, высшая школа, образование, экспертные оценки, наукометрия.

Keywords: status universities, university ranking, higher education, education, expert assessments, scientometrics.

Важным структурным звеном формируемой «кристаллической решетки» российского высшего образования в регионах, наряду с уже развивающимися около десяти лет институтами федеральных и научно-исследовательских университетов, вузами проекта 5/100, стали опорные университеты. Этот проект обрел реальные очертания к началу 2016 г., а в мае 2016 г. Совет по опорным университетам одобрил пятилетние программы их развития. На сегодняшний день таких университетов 33, получивших эти статусы в два «транша» (11 и 22). Опорные вузы – это проект, которому уделяет особое внимание не только руководство МНВО РФ, но и высшее руководство страны, поскольку он напрямую направлен и на развитие высшего и дополнительного образования в стране, и на развитие российских регионов.

МНВО РФ (тогда еще Минобрнауки) спланировало приближение моделей опорных университетов к сложившимся моделям университетов развитых стран. Одновременно реализуется попытка «упорядочивания», форматирования всего пространства высшего образования и науки в привязке к федеральным и региональным программам социально-экономического развития России.

Программа преобразований в опорных университетах охватывает следующие направления деятельности:

- модернизация и системная практико-ориентированность образовательной деятельности;
- модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности;
- развитие кадрового потенциала, с упором на развитие «человеческого потенциала» региона дислокации университета;
- модернизация системы управления университетом (в т.ч. управления изменениями на этапе объединения вузов);
- модернизация материально-технической базы;
- развитие социально-культурной инфраструктуры университета, с распространением своего влияния далеко за пределы университета;
- серьезный пересмотр сложившегося института магистратуры, придание магистерским программам нового импульса, ориентир на подготовку специалистов высокой квалификации для региональной экономики и на развитие научно-исследовательского потенциала, в том числе и научных школ этих университетов;
- развитие местных сообществ, городской и региональной среды, работа университета как центра научно-исследовательской, социализаторской, предпринимательской, культурной и т.п. деятельности в регионе.²

Сравнивать показатели 33 университетов различной специализации и направленности деятельности, имеющих различные и не всегда сопоставимые стартовые условия, непростая задача. Но и регионы страны совершенно разные, развивать университетам необходимо различные аспекты своей многогранной деятельности. Какие вопросы следует рассмотреть в первую очередь?

- В чем сегодня особая роль опорных университетов?
- Что дало вузу придание статуса? (кроме финансирования и дополнительной ответственности)
- Какую роль играет опорный вуз в различных регионах? Например, НГТУ в Новосибирске далеко не единственный научно-исследовательский и образовательный центр, в Омске помимо ОмГТУ есть немало сильных университетов и т.п.
- В чем особенность метрики опорных университетов? Есть ли у сообщества опорных университетов предложения (претензии) к рейтингам по дополнительным исследованиям (расширение критериальной базы, смещение акцентов анализа, «слепости и невидения» новых направлений для исследования и т.п.). Или институт опорных университетов

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

² Мукина И.В., Соколова Л.Ю., Мукин В.А. Корреляционные связи региональной культуры с пространством опорного университета // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. – Т. 8, № 2. – С. 153-172.

не предполагает унификации, а наоборот, требует дополнительного раскрытия исторически сложившихся сильных сторон?¹

В идеале, по задумке Минобрнауки РФ будет реализована модель опорного университета с присущими ему следующими отличительными чертами.

1. *Регионо-ориентированность*. Вуз работает на регион (субъект Федерации, либо на макрорегион в целом – Федеральный округ). Внимание местных властей обеспечивает не только федеральный характер правового устройства вуза, но и загрузка научной, инновационной и предпринимательской составляющих.

2. Одно из основных условий: наряду с программой развития вуза иметь связанную региональную программу развития рынка высококвалифицированного труда. То есть уже на этапе подготовки к конкурсу администрации вузов и региональные правительства должны трудиться в единой синхронной связке.

3. *Многопрофильность*, т.е. свыше 20 направлений подготовки обучающихся.

4. *Масштабность*: от 10 тыс. обучающихся в вузе.

5. *Наукоориентированность*. Приоритет – магистерские и аспирантские программы, исследования по заказам регионального бизнеса, государственных корпораций и т.п.

6. *Социальная среда высокого уровня*, позволяющая обеспечить социальные лифты преимущественно в регионе, начиная от селекции абитуриентов до создания рабочих мест в высокотехнологичных научно-исследовательских и производственных структурах региона.

7. *Достойное финансирование* и соответственно немалый для РФ бюджет вуза (не менее 2 млрд. руб. в год).

В табл. 1 представлены позиции и балльная оценка 33 опорных университетов в сводном рейтинге проекта Национальный рейтинг университетов Интерфакс (НРУ Интерфакс).² С методикой проекта можно ознакомиться на сайте проекта.

Таблица 1

Рэнки и баллы опорных университетов в Национальном рейтинге университетов Интерфакс 2017/2018 (сводная оценка)

Рэнк	Университет	Балл	Рэнк	Университет	Балл
35	НГТУ	524	93=	ВлГУСтолетовы	439
36	ПетрГУ	520	93=	УлГУ	439
42=	АлтГУ	506	114	ЯрГУДемидов	411
49=	СибГМУ	496	115=	МариГУ	410
51=	ОмГТУ	494	126	КалмГУГородовиков	399
66=	ВолгГТУ	477	127	ТольяттиГУ	396
68	ННГТУАлексеев	475	134=	ТулаГУ	389
69=	ДонГТУ	474	134=	СыктГУПитиримСорокин	389
71=	СамГТУ	472	148=	СГТУГагарин	379
73	УГНТУ	471	160	НовГУЯрославМудрый	372
74	ВятГУ	469	168=	ЧереповецГУ	365
75=	БелГТУШухов	468	172=	ОрёлГУТургенев	361
80	КемГУ	458	172=	ПсковГУ	361
81	СибГАУРешетнев	457	223=	КостромаГУ	327
86	ТюмИУ	447	266=	СочиГУ	296
89	ВГТУ	443	269=	МурманскАГУ	293
90	МагГТУНосов	442			

В табл. 2 представлены позиции 33 опорных университетов в параметрическом рейтинге «Бренд» проекта Национальный рейтинг университетов Интерфакс³. В проекте оцениваются на сегодняшний день свыше 300 российских университетов, при этом можно отметить, что бренды опорных университетов, как и сами позиции в рейтинге, совершенно разного масштаба. Особенность рейтинговой методики – масштабируемость. Лучший по параметру среди опорных университетов – бренд НГТУ (17,5% от лидера МГУ им Ломоносова), также вполне «различимы» среди российских университетов бренды еще нескольких университетов: АлтГУ (14,3%), КемГУ (11,8%) и СибГМУ (10,7%).

Экспертное сообщество уделяет внимание различным аспектам развития института опорных университетов в России. Т.Л. Чернышева из НГТУ считает, что «опорный университет содержит много точек сбора данных о производственных предприятиях, административных и общественных организациях региона, анализа их проблем, принятия решений по усовершенствованию их деятельности. Он становится открытой платформой для сборки проектов из компонентов, притянутых как из внутренней среды, так и из региона (проблем, людей, технических и финансовых ресурсов). В нем налажены связи между креативными людьми, актуальными проблемами и задачам и, информационными, техническими, финансовыми ресурсами для решения проблем и задач, и потребителями решений. В таком университете возникшие в каком-либо направлении деятельности трудности быстро оформляются как проблемы, затем перево-

¹ Автор статьи с 2009 г. является экспертом НРУ ИГ Интерфакс (www.academia.interfax.ru).

² Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru. Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию можно посмотреть здесь же.

³ Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru. Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию можно посмотреть здесь же.

дятся в задачи, которые незамедлительно решаются»¹. Нельзя не согласиться с Л. Ильиной из СамГТУ, которая считает, что «как и любая государственная программа, программа «Опорные университеты» требует оценки результатов и мониторинг реализации в целях успешного развития в будущем. На данном этапе модернизации высшего образования не существует единого подхода к оценке эффективности реализации программ развития опорных вузов, мониторинг и оценка проводятся, в первую очередь, на сопоставлении выполнения заявленных программ и «дорожных карт». В оценке эффективности реализации проекта «опорные университеты» первоначально учитывать показатели вклада «опорных» университетов в социально-экономическое развитие регионов»².

Таблица 2

Рэнки и баллы опорных университетов в Национальном рейтинге университетов Интерфакс 2017/2018 (параметрический рейтинг Бренд)

Рэнк	Университет	Балл	Рэнк	Университет	Балл
23	НГТУ	175	114=	ВятГУ	74
35	АлтГУ	143	114=	ВлГУСтолетовы	74
46	КемГУ	118	122	ОмГУ	71
53=	СибГМУ	107	123	СыктГУПитиримСорокин	70
58=	ВолгГТУ	100	129=	МагГТУНосов	67
63	СГТУГагарин	98	133=	УлГУ	65
64=	ПетрГУ	97	133=	БелГТУШухов	65
68=	СамГТУ	95	145=	МариГУ	62
77=	ВГТУ	91	162=	ОрёлГУТургенев	58
85=	ЯрГУДемидов	86	168=	ВоГУ	56
85=	ДонГТУ	86	181=	СибГУНТРешетнев	53
89=	ТулаГУ	85	202=	КалмГУГородовиков	47
95=	НовГУЯрославМудрый	81	224=	ПсковГУ	38
98=	УГНТУ	78	241=	СочиГУ	33
101=	ТюмИУ	77	247=	ЧереповецГУ	32
103=	ННГТУАлексеев	76	276	МурманАрктиГУ	20
103=	ТольяттиГУ	76			

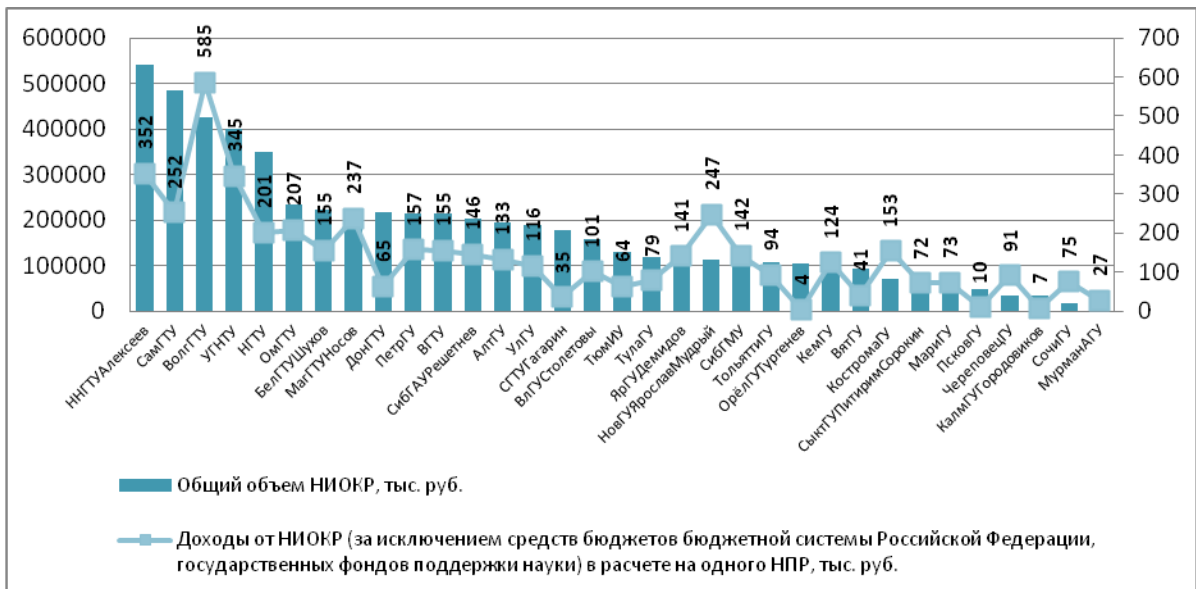
Интересные рассуждения про миссию опорных университетов предлагают Иванов С.А. и Сокол-Номоконов Э.Н., они поднимают вопрос о регионо-ориентированности деятельности опорных университетов. «Как же быть другим исследователям, которые занимаются решением общемировых научных проблем? Переходить на работу из опорных вузов в федеральные или исследовательские? Переориентировать свои научные интересы? Разогнать свои научные школы? Можно ли сузить до региональных рамок исследования в области эффективности работы тепловых установок, если тепловые электростанции или котельные есть в каждом городе и посёлке и почти в каждом селе?»³ Для опорных университетов все же нельзя ограничиваться исследовательским пространством только своего региона (макрорегиона), при этом нет противоречий с установкой регионо-ориентированности и необходимости подготовки кадров именно для региональной экономики. Часть вопросов следует перенести и в плоскость более грамотного использования механизма научных коллабораций, но здесь многое будет зависеть от направленности работ различных научных коллективов, подключения к мировым «научным фронтам» и соответствия мировому уровню проводимых исследований.

На представленных ниже рис. 1–7 демонстрируется широкая палитра разнообразия опорных университетов России. На рис. 1 можно видеть, что объем, направляемый опорными университетами на НИОКР, колеблется от свыше 0,5 млрд. руб., до десятков млн. руб. Доходы от НИОКР в расчете на одного НПР составляют в СамГТУ 585 тыс. руб., а в ОрелГУТургенев – всего 4 тыс. руб.

¹ Чернышева Т.Л. Специфика корпоративной культуры опорного университета // Сервис plus. 2018. – Т. 12, № 1. – С. 102–116.

² Ильина Л.А. Вклад опорных университетов в социально-экономическое положение регионов // Экономика и управление: теория и практика. 2018. – Т. 4, № 1. – С. 37–48.

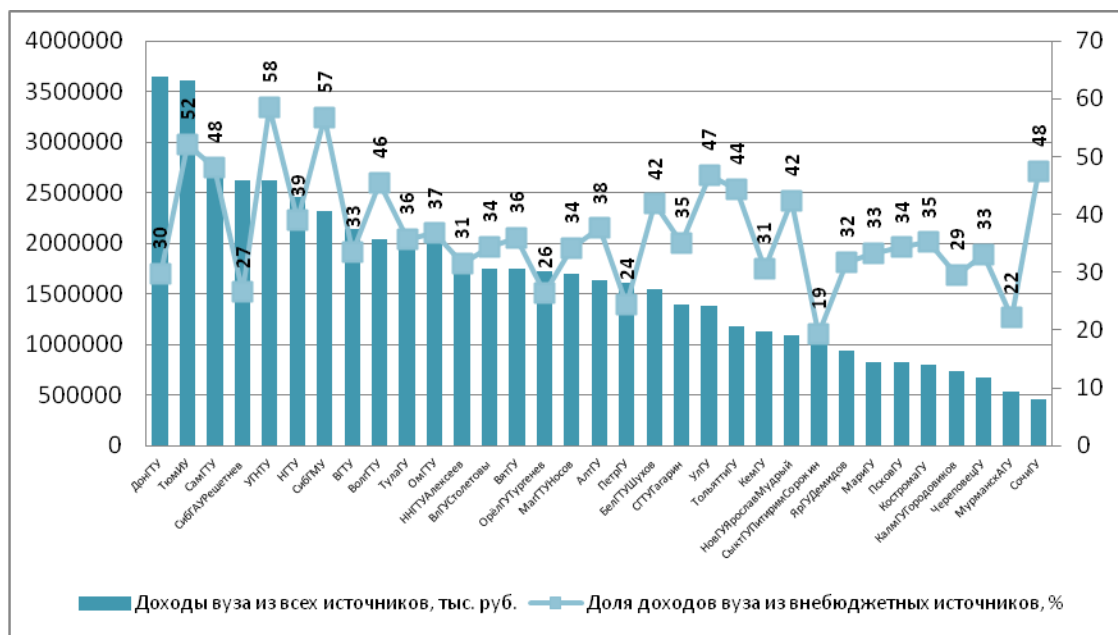
³ Иванов С.А., Сокол-Номоконов Э.Н. Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России // Высшее образование в России. – М., 2018. – Т. 27, № 1. – С. 19–30.

Источник: Мониторинг МНВО¹.

Рисунок 1.
Объем НИОКР опорных университетов и доходы от НИОКР на одного НПР в 2018 г.

На рис. 2 оценивается объем бюджетов опорных университетов, при этом можно заметить существенную стратификацию по этому показателю. Объем бюджета ДонГТУ и ТюмИУ превышает 3,5 млрд. руб., а у СочиГУ, – менее 0,5 млрд. руб. Разнятся в существенном диапазоне и доли доходов опорных университетов из внебюджетных источников в общем объеме бюджета (от 19 до 58%).

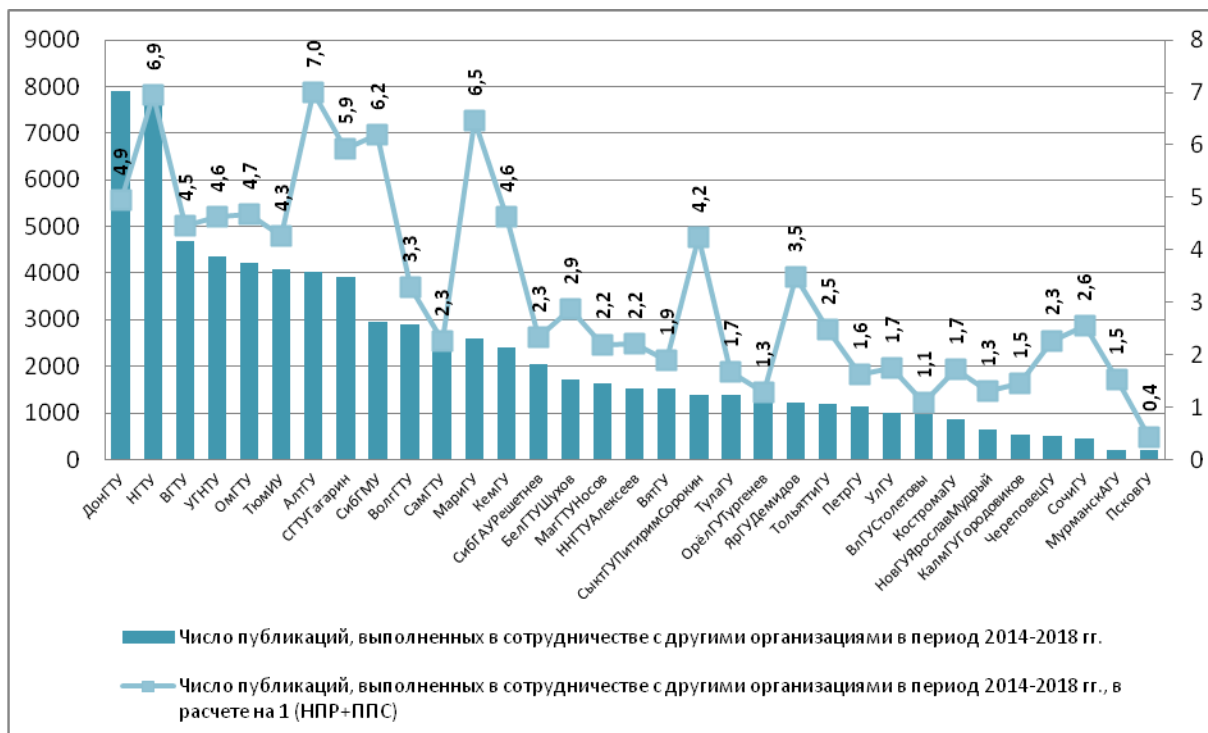

Источник: Мониторинг МНВО.

Рисунок 2.
Доходы опорных университетов из всех источников и доля в них доходов из внебюджетных источников в 2018 г.

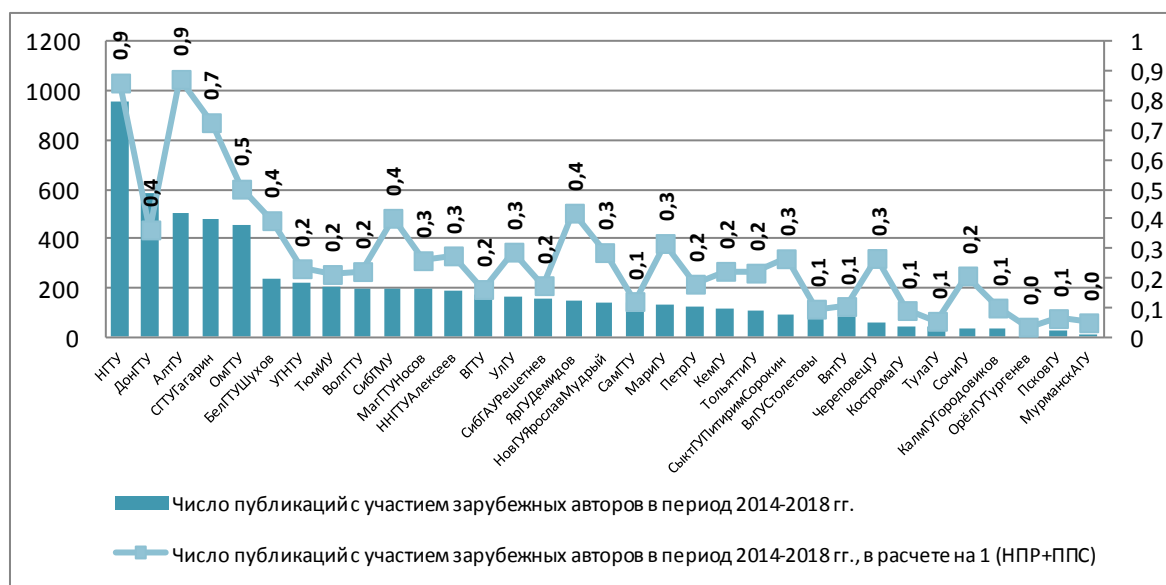
На рис. 3-4 фиксируется на пятилетнем отрезке коллаборационная активность университетов в рамках совместных научных публикаций и совместных научных публикаций только с зарубежными учеными.

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. (МНВО) Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vp0>.

Источник: РИНЦ¹.

Рисунок 3.
Число публикаций сотрудников опорных университетов выполненных в коллаборациях с другими организациями в период 2014–2018 гг.

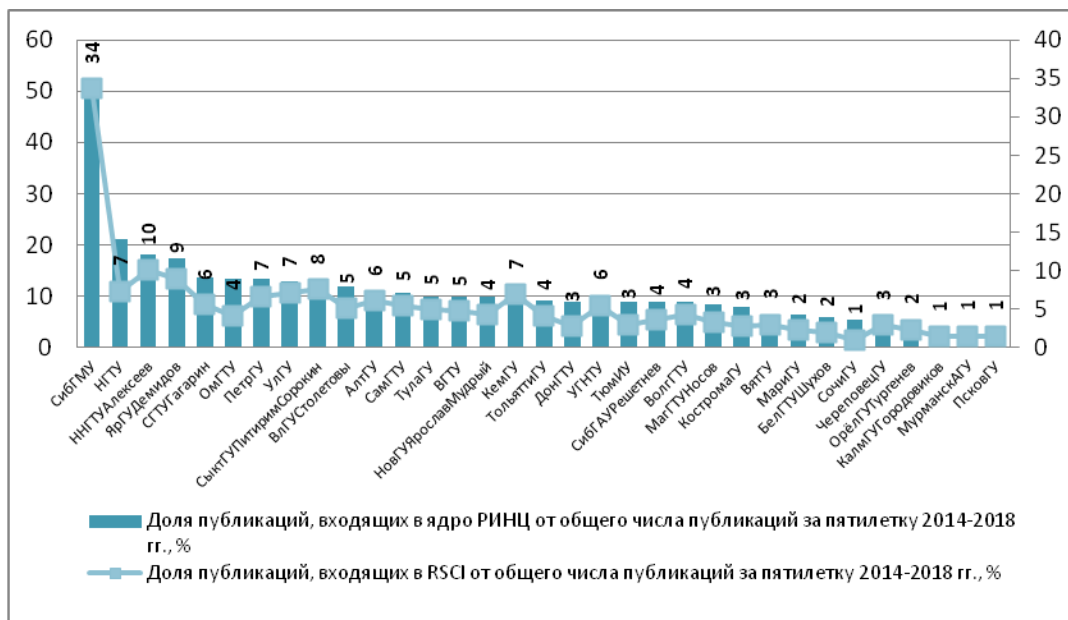

Источник: РИНЦ.

Рисунок 4.
Число публикаций сотрудников опорных университетов выполненных в коллаборациях с зарубежными авторами в период 2014–2018 гг.

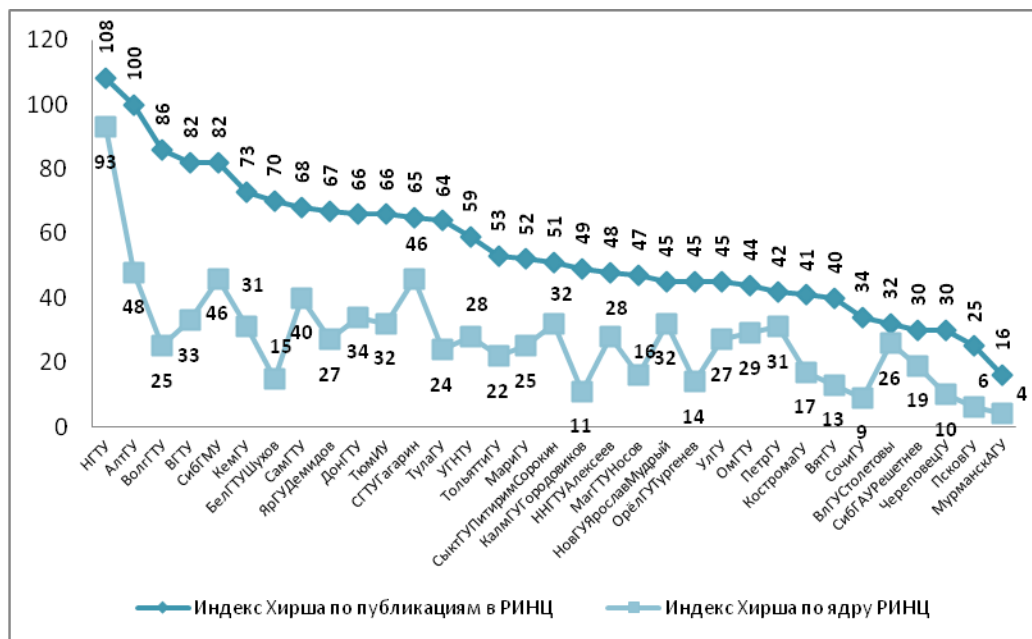
Гонка за наукометрическими показателями приводит к активизации публикационной активности в любых изданиях, в том числе имеющих низкую научную репутацию, и соответственно импакт-фактор. На рис. 5 можно наблюдать долю публикаций авторов, аффилированных с опорными университетами, на пятилетнем отрезке в изданиях из ядра РИНЦ и RSCI. На рис. 6 приведено сравнение индекса Хирша опорных университетов по всем публикациям в РИНЦ, а также по так называемому «ядру».

¹ Российский индекс научного цитирования, март 2019 г. – www.elibrary.ru

Источник: РИНЦ.

Рисунок 5.
Доля публикаций опорных университетов в «статусных» научных изданиях

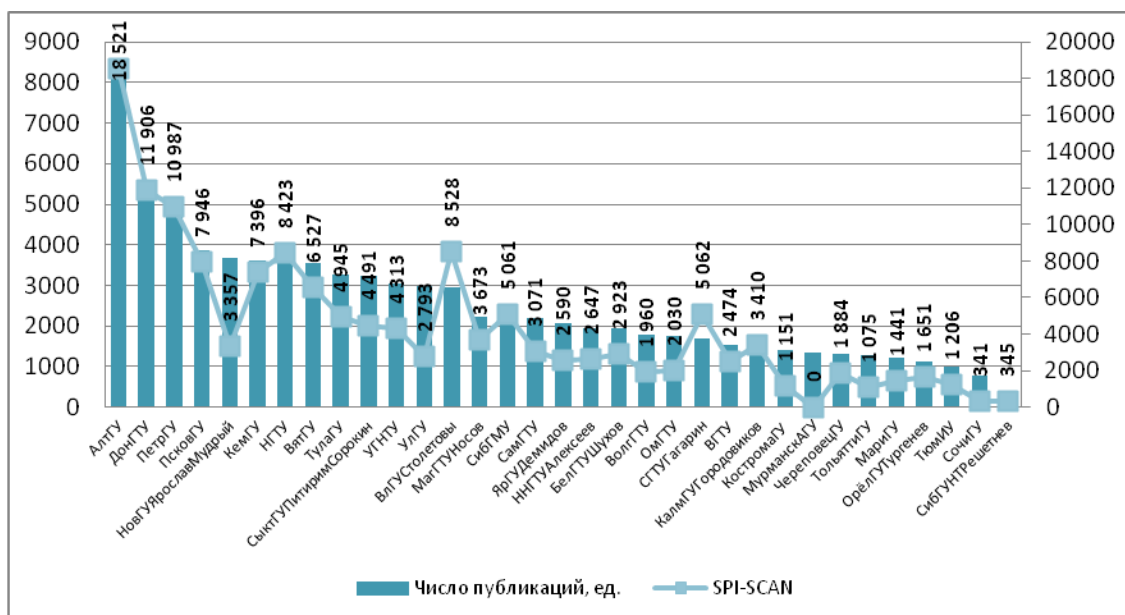
Источник: РИНЦ.

Рисунок 6.
Хирш-индекс опорных университетов

На рис. 7 представлена публикационная активность в СМИ опорных университетов в 2018 г. по данным SCAN-Интерфакс. Показатель SPI призван отсортировать программными методами наиболее значимые публикации, в том числе в соответствии с показателями схожими с импакт-фактором изданий.

Ответ на вопрос: «есть ли прогресс», поставленный в заголовок настоящего доклада, пожалуй, еще не дан, прошло не так много времени. Включение 33 региональных университетов в обиход статусных, несомненно, прибавило ответственности этим университетом, заставило пересмотреть программы развития, приблизиться в части собственных проектов к синхронизации с дорожными картами развития регионов. Развитие внутрирегиональных, межрегиональных и международных коллабораций, сетевого партнерства, должно активизировать включение в актуальную научно-исследовательскую повестку отечественных и мировых научных трендов опорные университеты России.

Работа по поддержке и созданию базовых кафедр поспособствует усилению рефлексии с региональным бизнесом. Форсайт-исследования совместно с региональным руководством и бизнесом на регулярной основе и проведение приоритетных научных исследований в интересах региона, создают институциональные предпосылки для развития и тесного контакта опорных университетов со всей экосистемой инноваций региона в соответствии с triple helix model of innovation.

Источник: SCAN-Интерфакс¹.

Рисунок 7.
Публикационная активность опорных университетов в 2018 г.

Развитие человеческого капитала (потенциала) в регионах страны – это комплексный процесс, требующий согласования интересов как по вектору центр-регион, так и при взаимодействии институтов инновационной рыночной экономики. Для российских регионов актуальна проблема утечки мозгов в Москву и иные крупные города, за пределы страны. Остановить этот процесс можно только благодаря развитию условий в регионах, созданию соответствующей институциональной среды, конкурентоспособной не только по российским, но и мировым меркам. В большинстве регионов страны готовящиеся и выпускаемые специалисты (магистры, бакалавры, постдоки и т.д.) в соответствии с федеральными КЦП, не могут быть трудоустроены в своих регионах в связи с отсутствием достаточного числа высококвалифицированных рабочих мест. Механизм развития готовности студентов к научно-инновационной деятельности в большинстве российских вузов не отлажен. Несмотря на существование ряда программ развития малого и среднего предпринимательства в РФ, число таких структур на сегодняшний день сокращается, вовлеченность в них студентов и прочих обучающихся невелика.

Создание в регионах России условий для формирования и закрепления критической массы специалистов различных отраслей экономики и конкурентоспособных научно-экспертных коллективов, соответствие системы образования самым современным требованиям, выстраивание взаимодействия между ведущими региональными университетами, институтами науки, бизнесом и правительственными структурами, синхронизация целей и задач национальных проектов, в первую очередь, проектов «Образование», «Наука» и программы «Цифровая экономика», отраслевых стратегий развития промышленности, создаваемых национальных образовательных центров, НИИ, международных научных центров мирового уровня и технологических платформ с существующей инфраструктурой и приоритетами развития регионов – комплексная задача, требующая разработки специализированной дорожной карты, важным элементом которой призваны стать опорные университеты.

¹ База российских СМИ SCAN-Интерфакс. – <http://scan-interfax.ru>

Петросянец Д.В.

к.э.н., доцент Финансового университета
dan-basa@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ ИННОВАЦИЙ В РОССИЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ¹

Ключевые слова: рейтинг вуза, высшая школа, образование, экспертные оценки, наукометрия.

Keywords: university ranking, higher education, education, expert assessments, scientometrics.

Современная система хозяйства неизбежно требует и новых технологий. Структура обучения в ведущих российских экономических университетах и тех вузах, где исторически сложилась сильная экономическая школа, должна соответствовать всем вызовам времени. Экономические вузы готовят специалистов в сфере финансов, фондового рынка, бухгалтерского учета, управленцев, профессионалов макроэкономического и микроэкономического анализа, социологов, политологов и т.п. Специфика деятельности существенно меняется, требуется применение все большего числа методов и компетенций при работе в экономической сфере². Дж. Гэлбрейт признавал обучение экономике в высшей школе мощным инструментом для конструирования в стране структуры хозяйства в интересах правящей элиты. «Содействие, которое экономическая теория оказывает осуществлению власти, можно назвать ее инструментальной функцией в том смысле, что она служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе»³.

Сегодня профессионалы-экономисты применяют кибернетическую обработку больших объемов данных и не только цифровых (Big Data), внедрение суперкомпьютинга, искусственного интеллекта, что позволяет создавать синтетические модели, приближающие аналитиков к максимально всестороннему описанию объекта исследования, прокручивать и оптимизировать большое число сценариев развития, учитывая различные риски, включая политические. «Картировав» ситуацию с применением этих методов, можно говорить уже о выстраивании «дорожных карт» социально-экономического развития территорий, конструировании реальных, не оторванных от жизни концепций и программ, призванных реализовывать задачи действующего Правительства. Комплексное развитие образования, науки и высокотехнологичного производства, способно объединить и систематизировать пути решения обозначенных направлений развития⁴.

Но самый заметный сдвиг в системе управления экономикой и финансами способны привнести так называемые технологии финтеха. «Финтех представляет собой сложную систему, объединяющую секторы новых технологий и финансовых услуг, стартапы и соответствующую инфраструктуру. Сектор финансовых услуг все активнее применяет новые технологии и инструменты для выполнения своих функций и реализации принципиально новых решений, в которых заинтересованы потребители услуг»⁵.

Выстраивание эффективной национальной экономики устойчивого развития в условиях современного мира невозможно без создания и использования новых технологий, включая новые методы хозяйствования, финтех, управленческие инновации, которые и являются основой для конкурентоспособного существования социума. Интенсификация этих процессов не просто актуальна, она является насущно необходимой.

Изучение деятельности университета – это исследование и моделирование развития сложной системы. Комплексные оценки деятельности университетов предлагают различные системы рейтингов, и, несмотря на далеко не всеобщее их одобрение, инструмент стал в последние полтора десятка лет вполне востребованным и информативным.

Термин «экосистема», применяемый нами в исследовании, привнесен в экономические и мультидисциплинарные социологические и политические исследования из биологии, где определяется как совокупность элементов природы, живых и неживых организмов, которые взаимодействуя между собой, приобретают целый ряд новых свойств. В свою очередь свойства эмерджентности такой экосистемы инноваций университетов следует рассматривать и с по-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00104 «Системное регулирование развития экосистем инноваций в российских ведущих центральных и региональных университетах».

² Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. – № 5 (35); Петросянец Д. Экосистемы инноваций в региональных российских университетах: информационные основы оценки развития // Проблемы теории и практики управления. – М., 2018. – № 11. – С. 92–103.

³ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1979.

⁴ Симонов К.В., Петросянец Д.В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – М., 2015. – № 4 (20). – С. 6–12.

⁵ Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // Вестник Финансового университета. – М., 2017. – Т. 21, № 2 (98). – С. 6–11.

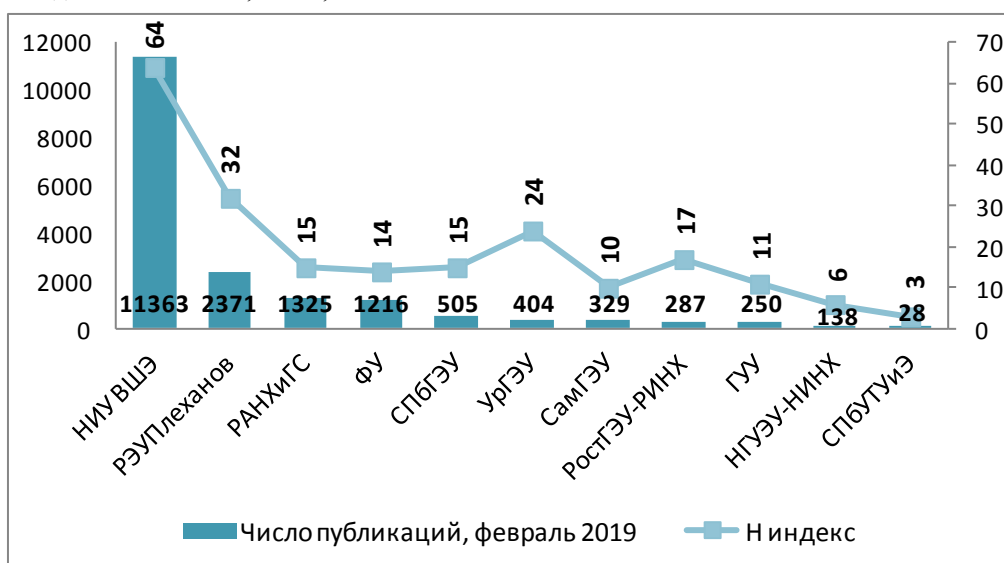
зиций потенциальной синергии и рефлексии её составных элементов. Под инновационной экосистемой экономических университетов в данной работе будем понимать совокупность субъектов, взаимодействующих в российских университетах, и с этими университетами извне, в процессе коммерциализации инноваций и их взаимосвязей, аккумулируя человеческие, финансовые и иные ресурсы для интенсификации, оптимизации и обеспечения эффективности коммерциализации инноваций. Ниже приведены некоторые сравнительные наблюдения развития экосистем инноваций в российских экономических университетах.

Заметный объем показателей в большинстве университетских рейтингов занимает наукометрия. В проекте Национальный рейтинг университетов (НРУ) Интерфакс¹ используются данные российской и зарубежной наукометрии реферативных баз данных (Web of Science, Scopus, РИНЦ). Часть собранных данных используется накопленным итогом (например, индекс Хирша), часть – за последнюю пятилетку (число публикаций, цитирований и т.п.). Также рассчитываются коэффициенты так называемых «значимых» публикаций (RSCI, ядро РИНЦ и т.п.).

Наукометрия используется в нескольких параметрических рейтингах НРУ Интерфакс (блоках исследования). Стремление современных российских университетов к улучшению наукометрических показателей, особенно в международных базах данных, вполне понятно, это и показатели в мониторинге Министерства науки и высшего образования, и улучшение позиций в российских и международных рейтингах университетов. Правда, доведенные до формализма показатели, дают только увеличение валового объема российских научных публикаций в «мусорных» зарубежных журналах.

Собственных журналов, индексируемых в зарубежных базах данных на 2018 год, среди экономических вузов больше всего у НИУ ВШЭ – 13, остальные серьезно отстают (РАНХиГС – 2, УрГЭУ – 1), либо вовсе не имеют таковых². На рис. 1 представлено число публикаций и индекс Хирша российских экономических вузов накопленным итогом в БД Scopus.

На рис. 2 представлены данные РИНЦ за последнюю пятилетку по «значимости» публикаций, стратификация проводилась по попаданию в ядро РИНЦ и в базу RSCI. НИУ ВШЭ демонстрирует публикационную активность в более значимых журналах по сравнению с остальными экономическими вузами, вошедшими в выборку (соответственно 37 и 22%). Статус научного издания имеет большое значение, хотя бы по той причине, что даже целый ряд российских ВАКовских журналов только имитирует процесс экспертного рецензирования статей, а некоторые наши ученые-экономисты умудряются опубликовать за год два-три десятка статей. По мнению профессора университета Северной Каролины и МГУ им М.В. Ломоносова А. Кабанова, «необходимы развитые механизмы научной экспертизы, причем не только экспертизы научных проектов и организаций, но и независимой экспертизы работы отдельных ученых. Кое-где это уже начали делать — в РЭШ, ВШЭ, Сколтехе»³.

Источник: БД Scopus⁴.

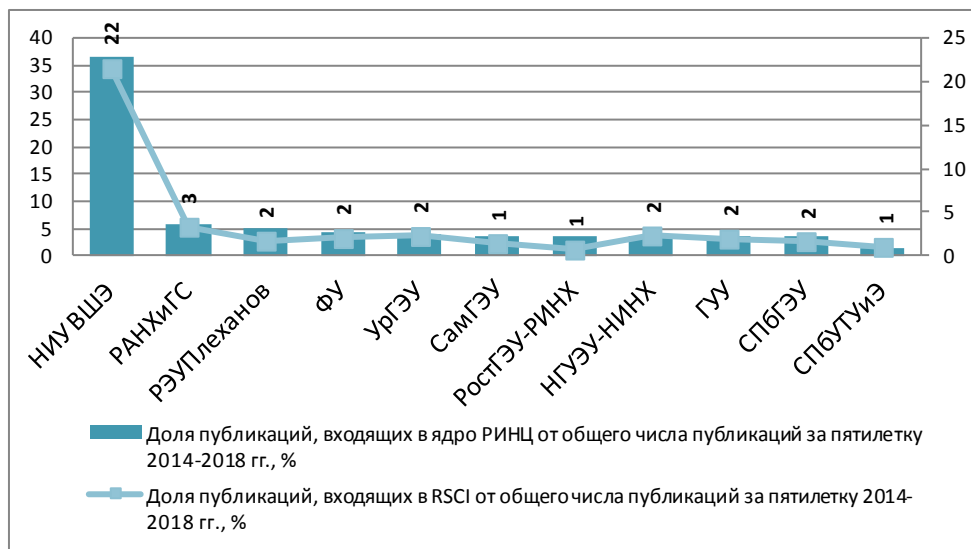
Рисунок 1.
Число публикаций и индекс Хирша российских экономических вузов накопленным итогом, февраль 2019 г.

¹ Автор статьи с 2009 г. является экспертом НРУ ИГ Интерфакс (academia.interfax.ru).

² Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru

³ Кабанов А. Именно репутационные аспекты будут определять будущее научных журналов // Информационно-сервисный портал Индикатор. – <https://indicator.ru/article/2019/04/15/budushee-nauchnyh-zhurnalov>

⁴ Реферативная база данных научных публикаций Scopus. – www.scopus.com

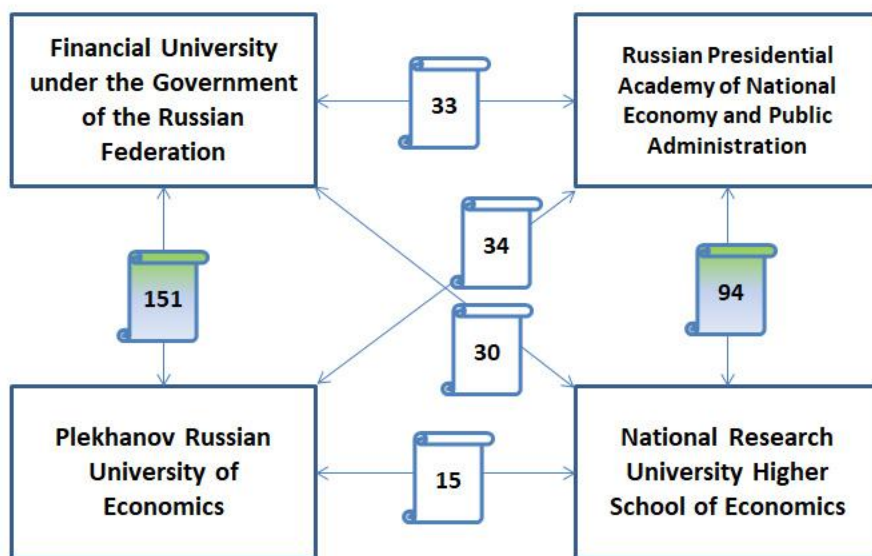

Источник: Мониторинг МНВО¹.

Рисунок 2.

Доля публикаций экономических университетов в «статусных» научных изданиях²

На рис. 3 представлены совместные статьи накопленным итогом в наукометрической базе данных Scopus, демонстрирующие коллаборационные связи ведущих московских экономических университетов. Очевидно, что совместных статей, а значит, и коллаборационных научных коллективов сформировалось большее число у РАНХиГС с НИУ ВШЭ (94) и у Финнниверсите та с РЭУ им. Г.В. Плеханова (151).

Источник: БД Scopus³.

Рисунок 3.

Коллаборации ведущих московских экономических университетов, число совместных статей с накопленным итогом на февраль 2019 г.

В настоящей статье под коллаборациями мы будем понимать все совместные взаимодействия, совершаемые в процессе научно-исследовательской деятельности. Следует ли объединять усилия российским экономическим вузам в схожих научных исследованиях, либо конкурировать в подходах, позициях соперничающих научных школ, – решать ученым экономических вузов, но положительные эффекты от совместной деятельности также несомненны. Приведем в качестве примера характеристики состава рабочих групп, коллективов победителей грантов РФ и РФФИ. Как правило, это один или несколько ученых, имеющих вполне схожие взгляды на проблему, применяющие из года в год од-

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. (МНВО) Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>

² Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию можно посмотреть на сайте проекта Академия Интерфакс Национальный рейтинг университетов.

³ Реферативная база данных научных публикаций Scopus. – www.scopus.com

ни и те же методы при работе над научными задачами. И каждый год многие из них решают одни и те же научные проблемы, или, максимум, ту же задачу, но начинают все с нуля. У многих исследований нет понятия комплексной разработки на уровне квалификационных работ, – кандидатских или докторских. Сможет ли такой коллектив конкурировать с командами ведущих мировых экономических школ?

Существенный вопрос, – как экономический вуз выстраивает свою магистратуру и аспирантуру¹. Важно развить привычку к работе в коллаборациях молодых ученых. Что дает привлечение к коллаборациям магистрантов, аспирантов, студентов старших курсов бакалавриата? Какие есть ограничения для развития? Сформулируем очевидные преимущества:

- формируется экосистема совместного научного творчества. Среди молодых ученых контакты налаживаются намного быстрее и проще;

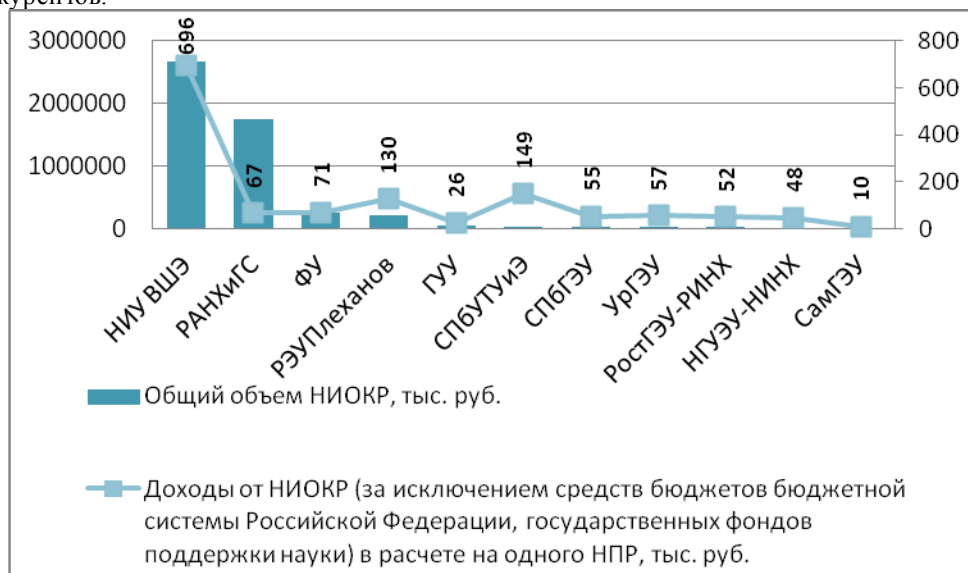
- работа в коллективах ученых в крупных исследовательских проектах BigScience, в том числе удаленное пользование, обеспечивает погружение в современные передовые и перспективные исследования, а не находится в состоянии научной автаркии;

- информационная прозрачность позволяет не открывать заново новую «научную Америку», а использовать наработки на благо всего человечества (идеалистическая картина);

- академическая мобильность магистрантов и аспирантов как противовес инбридингу ученых в университетах-альма-матер;

- создание коллабораций ученых единомышленников способствует налаживанию межрегиональных и межстрановых связей не только в рамках сугубо научных проектов.

Следующий не менее важный и информативный блок показателей – финансово-экономическая результативность университетов. На рис. 4. представлена двухфакторная диаграмма, демонстрирующая объем НИОКР университетов и доходы от НИОКР университетов, полученные из внебюджетных источников. Общий объем НИОКР и доходность НИОКР (приближается к 3 млрд. руб.) в расчете на одного НПР (около 700 тыс. руб.) в НИУ ВШЭ существенно выше, чем у конкурентов.

Источник: Мониторинг МНВО².

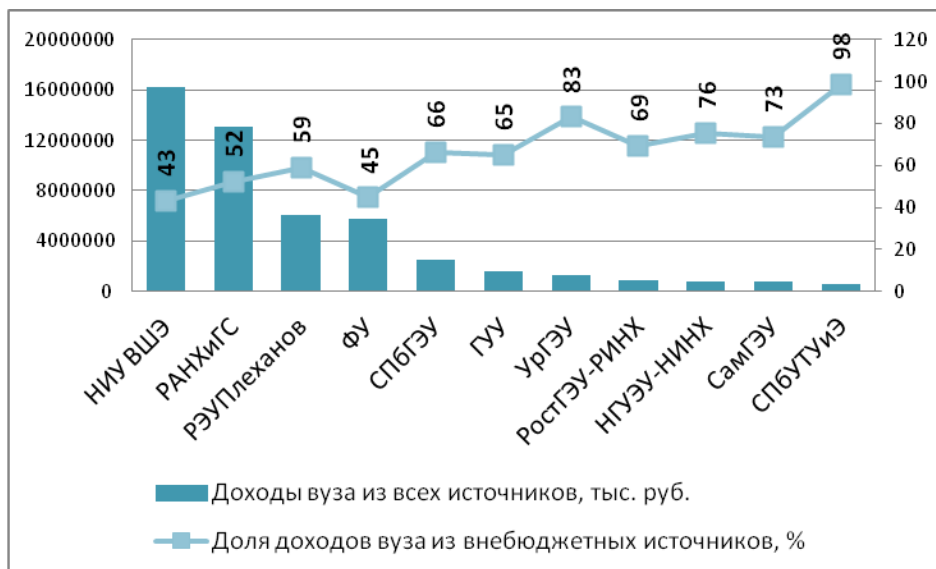
Рисунок 4.

Объем НИОКР экономических университетов и доходы от НИОКР на одного НПР в 2018 г.

На рис. 5 представлены данные о доходах экономических университетов из всех источников и доля в них доходов из внебюджетных источников в 2018 г. Бюджеты четырех ведущих московских экономических университетов (от 6 до 16 млрд. руб. в год) существенно превосходят бюджеты, а соответственно и возможности, других экономических вузов, рассматриваемых нами как конкуренты на рынке образовательных услуг и научной результативности и успешности.

¹ Гусейнова З.А. Сравнительный конкурентный анализ основных образовательных программ магистратуры вуза (на примере РЭУ им. Г.В. Плеханова) // Практический маркетинг. 2019. – № 1 (263). – С. 27–32.

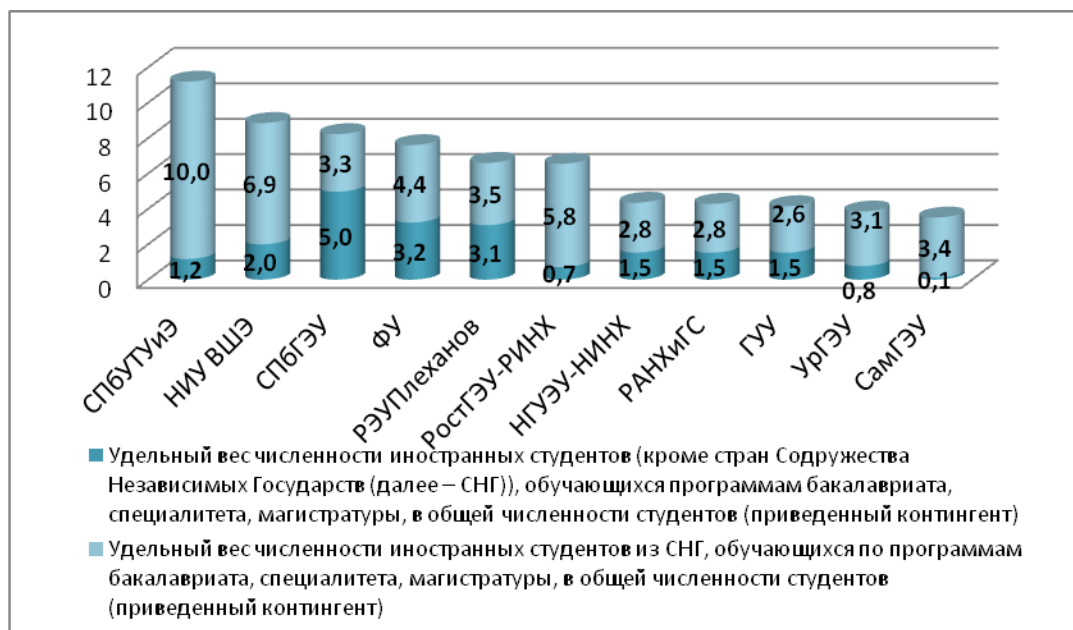
² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. (МНВО) Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vp0>

Источник: Мониторинг МНВО.

Рисунок 5.
Доходы экономических университетов из всех источников и доля в них доходов из внебюджетных источников в 2018 г.

Показателями, характеризующими современный университет, претендующий на международное признание, является в том числе, и академическая мобильность профессоры и студентов. На рис. 6 представлена доля иностранных студентов в приведенном контингенте студентов экономических университетов в 2018 г.

Источник: Мониторинг МНВО.

Рисунок 6.
Доля иностранных студентов в приведенном контингенте студентов экономических университетов в 2018 г.

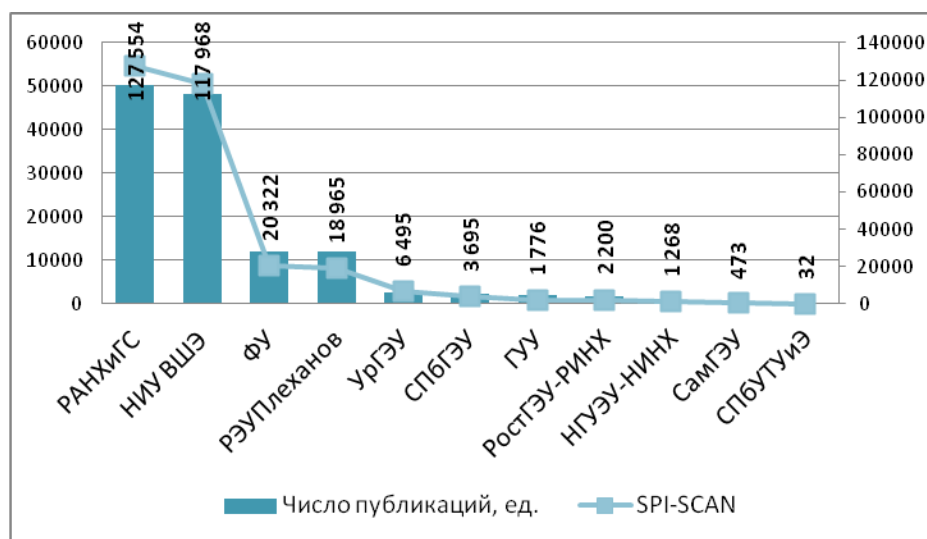
На рис. 7 представлена академическая мобильность в российских экономических университетах.

Источник: Мониторинг МНВО.

Рисунок 7.
Академическая мобильность в 2018 г.

На рис. 8 представлены данные публикационной активности в СМИ российских экономических университетов в 2018 г.¹ Динамика публикаций позволяет отслеживать заметность университета в информационно-коммуникационном пространстве, а индекс SPI – их качество. Если необходимо отследить, как менялось качество публикаций о персоне или компании (университете), либо сравнить их с конкурентами, то SPI для этого – подходящий метрический инструмент. Индекс учитывает не только количество вышедших сообщений, но и вес значимости источника, роль объекта в публикации, ее тональность и многие другие лингвистические параметры².

Источник: SCAN-Интерфакс³.

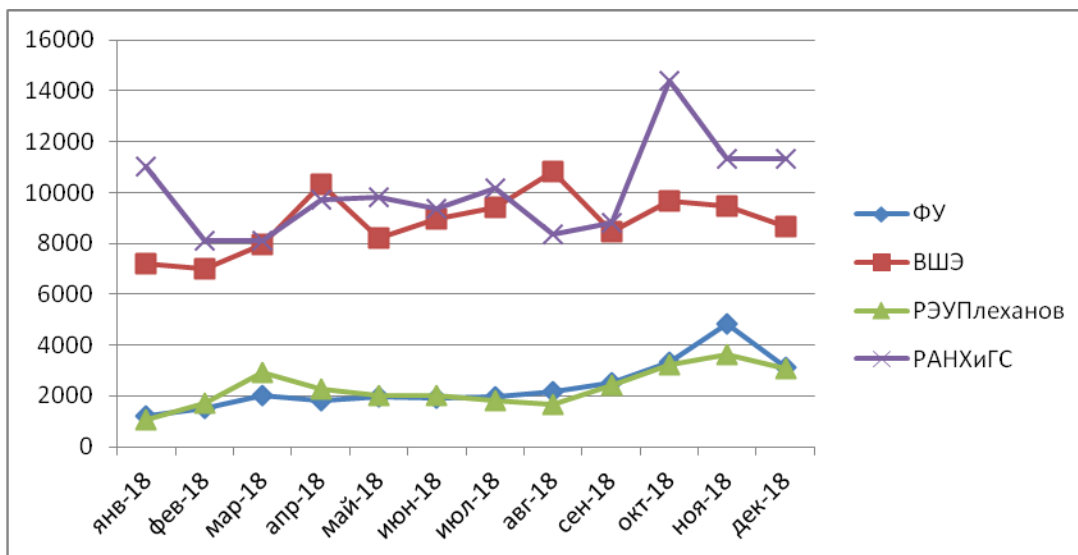
Рисунок 8.
Публикационная активность университетов в СМИ в 2018 г.

На рис. 9 представлено число ежемесячных публикаций ведущих московских экономических университетов. Информационная заметность в СМИ РАНХиГС и НИУ ВШЭ в 2018 году была почти одинаковой, и примерно в 6 раз превышала информационную заметность Финуниверситета и РЭУ им. Г.В. Плеханова.

¹ Петросянц Д.В., Чаплыгин А.Г., Светцова А.С. Развитие информационно-коммуникационной среды современного российского вуза // Проблемы теории и практики управления. – М., 2015. – № 4. – С. 123–133.

² Ваш Интерфакс. 2014. – № 15, [Электронный ресурс]. – http://group.interfax.ru/ftproot/files/Vash_INT_15.pdf

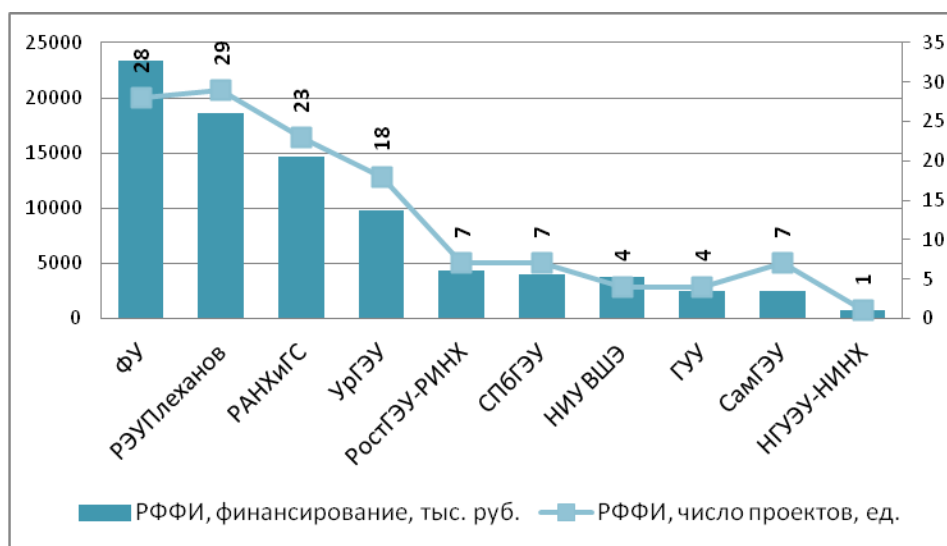
³ База российских СМИ SCAN-Интерфакс. – <http://scan-interfax.ru>

Источник: SCAN-Интерфакс.

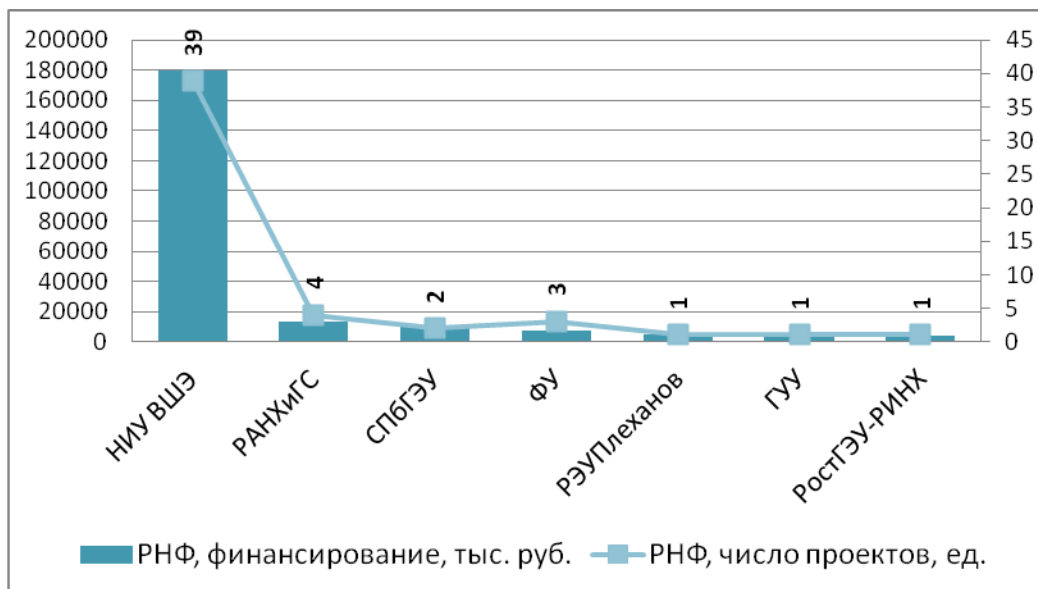
Рисунок 9.
Помесячная публикационная заметность ведущих московских экономических университетов в 2018 г.

На рис. 10 и 11 представлены показатели поддерживаемых РНФ и РФФИ грантовых проектов в российских экономических университетах. Наибольший объем финансирования от РФФИ получает в 2018 г. Финансовый университет (свыше 23 млн. руб.), по проектам РНФ – НИУ ВШЭ (около 180 млн. руб.)

Источник: Национальный рейтинг университетов Интерфакс.

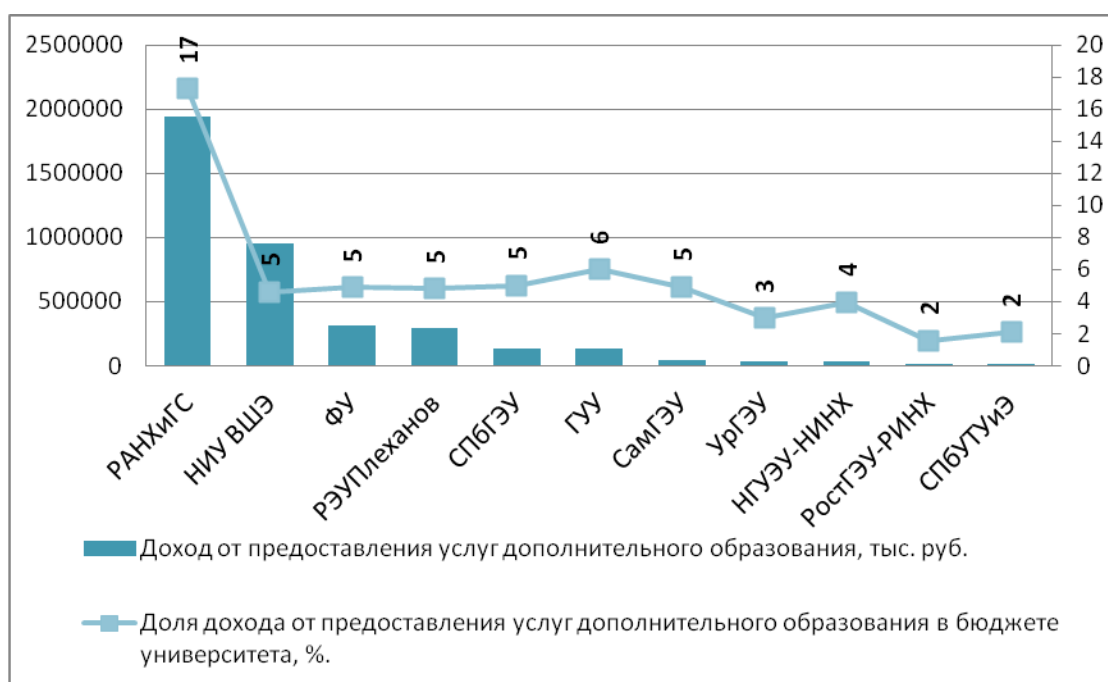
Рисунок 10.
Участие в грантах РФФИ в 2018 г.

Источник: Национальный рейтинг университетов Интерфакс¹.

Рисунок 11.
Участие в грантах РНФ в 2018 г.

На рис. 12 представлена доходность российских экономических университетов от предоставления услуг дополнительного образования в 2018 г. Наибольшую доходность (около 2 млрд. руб.) и долю в доходах бюджета (17%) демонстрирует РАНХиГС.

Источник: Мониторинг МНВО.

Рисунок 12.
Доходность российских экономических университетов от предоставления услуг дополнительного образования в 2018 г.

Развитие базовых кафедр, он-лайн курсов, системы дополнительного образования и корпоративного обучения, юридических клиник, способствует улучшению взаимодействия и синхронизации деятельности университетов и экономики страны, через обратную связь с работодателями, слушателями курсов, пользователями разнообразного спектра услуг и программ, которые способны предлагать российские экономические, управленческие и юридические университеты.

Заключение. При системном анализе сложных систем, к которым относится и современный экономический университет, исследователи используют целый ряд различных метрических показателей комплексно и многогранно

¹ Официальный сайт проекта Академия Интерфакс. – www.academia.interfax.ru

оценивающих большинство направлений их деятельности. Рефлексируя с социально-экономической, культурно-общественной и природно-климатической подсистемами регионального пространства развитые университетские экосистемы инноваций формируют и поддерживают конкурентные преимущества территорий, привлекающие внутренние и внешние резервы человеческого капитала.

Для эффективной и оперативной оценки современного развития инновационной и предпринимательской среды в российских экономических университетах требуется разработка универсальной многокритериальной методики.

Плыкин В.Д.

д.т.н., профессор, Удмуртский государственный университет

ПРИНЦИПЫ ПРИРОДОПОДОБНОГО СИСТЕМОТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНЖЕНЕРОВ НОВОЙ ФОРМАЦИИ В СЕТИ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Ключевые слова: технологический кризис России, инженер новой формации, реформа инженерного образования.

Современная Россия вошла в состояние глубокого технологического кризиса. Существующие технологии жизнеобеспечения достигли своего предельного состояния. Мы взяли из них все, что было возможно. Сегодня мы их только улучшаем, расширяем, углубляем, сокращаем энергопотребление, разрабатываем «новые» атомные реакторы. Мы «шлифуем старые медные котелки, пытаюсь сделать их новыми» – мы топчемся на месте! Принципиальная основа этих технологий не дает нам движения вперед. Нужны новые принципы в науке, нужны природоподобные технологии в материальном производстве, нужна природоподобная энергетика. России нужен технологический прорыв! Но, инженеры, которых мы сегодня готовим в российских технических вузах, не в состоянии совершить этот прорыв, потому что их сознание заполнено формальными «компетенциями», а не глубокими инженерными знаниями. Сегодня мы готовим инженеров – по требителям, но не инженеров – создателей (творцов).

Для технологического прорыва России нужны инженеры новой формации – с новым мировоззрением и новым инженерным мышлением. Российскому обществу нужна высокообразованная высококвалифицированная высококвалифицированная инженерная прослойка, мотивированная и патриотически направленная на технологический прорыв России. Для подготовки инженеров новой формации нужна принципиально новая система российского инженерного образования.

Исходя из результатов нашего анализа инженерной деятельности современного общества, из концепций разработанного нами проекта программируемого завода XXI века, из многолетнего опыта наших коллег – профессоров технических вузов России, система российского инженерного образования и науки XXI века должна базироваться на том, что технологический прорыв России потребует энергетического изобилия в стране, высшей производительности труда в промышленном производстве и принципов создания природоподобных технологий и природоподобной энергетике жизнеобеспечения.

Для технологического прорыва России нужна «армия» инженеров новой формации (российская инженерная элита), для подготовки (воспитания) которой необходима принципиально новая система российского инженерного образования XXI века, концепция которой должна создаваться на следующем принципиальном положении: «Подготовка инженеров новой формации возможна только при паритете фундаментального естественно-научного образования и практико-ориентированного проектного обучения с полным жизненным циклом».

Подготовка инженера новой формации в современном техническом вузе не представляется возможным. Необходимо российское техническое инженерное образование перевести на фундаментальное университетское системное образование, чтобы готовить инженера не узким специалистом (как сейчас), а универсалом (системотехником), способным решать любые задачи, лежащие на стыке естественных, технических и социальных наук. Для этого необходимо создать российскую образовательную сеть из классических университетов, с их фундаментальным естественно-научным образованием, и технических вузов, с их практико-ориентированным проектным обучением.

Для подготовки инженеров новой формации из технических вузов и классических университетов России необходимо создать единую сеть с гибкой динамичной структурой, которая обеспечит высокое качество инженерного образования и инженерной науки по всей России.

Невозможно обеспечить все технические вузы высококлассными специалистами (преподавателями), одинаковым лабораторным оборудованием, учебно-экспериментальными базами, мощными научно-исследовательскими и конструкторско-технологическими коллективами. Поэтому подготовку инженеров новой формации невозможно осуществлять автономно – силами одного технического вуза. Все российские технические вузы и классические университеты должны быть объединены в единую сеть инженерного образования и науки, обеспечивающую возможность межвузовской подготовки бакалавров, создания сетевых межвузовских инженерных магистерских программ, организации межвузовских инженерных научных исследований и разработок.

Такая сеть даст каждому техническому вузу возможность доступа к ресурсам других, близких по профилю вузов.

Такая сеть сгладит различия между столичными и периферийными вузами и поднимет качество подготовки инженеров по всей России на принципиально иной уровень.

Такая сеть даст возможность объединения научно-исследовательских коллективов нескольких вузов для проведения сложных, объемных и трудоемких исследований.

Такая сеть даст возможность объединения конструкторско-технологических коллективов нескольких вузов для совместной разработки технических проектов и рабочей документации сложных изделий и систем.

В такую сеть обязательно должны войти ведущие (по промышленным отраслям) производственные предприятия, на которых необходимо создать базовые отраслевые технологические кафедры для совмещения технологических практик с обучением студентов новейшим технологиям; на таких предприятиях необходимо создать отраслевые научно-исследовательские лаборатории как центры коллективного пользования для совместных научных исследований с участием студентов.

Только такой подход даст положительные результаты по всей России.

Именно сеть реформированных технических вузов должна стать сетью региональных центров обеспечения технологического прорыва России как с точки зрения подготовки кадров, так и с точки зрения исследований и разработок прорывных технологий.

Прорывные природоподобные технологии и природоподобная энергетика – это в принципе научные направления университетской молодежи: магистрантов, аспирантов, молодых ученых, молодых инженеров предприятий, которых правительство России должно уважать, ценить, опекать, поощрять и постоянно поднимать престиж инженера в российском обществе XXI века.

В основе построения российской сети инженерного образования должны лежать следующие концептуальные положения.

1. Реформа системы российского инженерного образования и науки XXI века необходима для инженерного обеспечения качественного превосходства России на мировой арене и должна быть направлена на технологический прорыв России в начале XXI века, поэтому российское инженерное образование XXI века должно быть ориентировано не на количество выпускаемых инженеров (как в настоящее время), а на их высокое качество.

2. Современная система российского образования скопировала элементы западной системы образования, использует западные образовательные стандарты и технологии, западную систему компетенций, обращается за консультациями к западным специалистам. Но, западные страны никогда не передадут России образовательных технологий, которые они используют сами. В 2004 году Генри Киссинджер сформулировал концепцию: «Существование науки в государствах недружественных США рассматривается как стратегическая угроза США». В соответствии с этой концепцией западные страны передают нам (самой недружественной США стране – России) обольняющие образовательные стандарты, разрушающие образовательные технологии, искаженные инструкции, ложную информацию, оценку знаний школьников посредством ЕГЭ. Все это делается с целью подрыва системы образования в России, для ослабления интеллектуального потенциала России, для превращения российского общества в общество ограниченных мелких торговцев, а самой России в сырьевой придаток (углеводородную трубу) мировой экономики и в глобального потребителя продукции западных транснациональных корпораций.

Система российского инженерного образования и науки XXI века (как и вся система российского образования) должна стоять на принципиальной позиции, согласно с которой все «консультации» западных специалистов, все «образовательные» концепции, все «разработки», все образовательные «инновационные» технологии, все «учебники», которые передают в Россию западные страны не направлены на развитие России – они направлены только на разрушение России и деградацию русского народа, как единственного народа, который противостоит установлению американского мирового порядка.

3. В современную российскую систему инженерного образования и науки с помощью американских «консультантов» внедрены рыночные методы организации и управления наукой и образованием, что породило «волчь и законы» взаимоотношений и коррупцию внутри системы, ее деградацию и снижение качества инженерного образования, научных исследований и разработок в России.

Система российского инженерного образования и науки XXI века должна взять за основу высокоэффективные методы организации и управления образованием и наукой, созданные в СССР в 1950-1970-х годах, которые в кратчайшие сроки обеспечили нашей стране научно-технический прорыв и превращение СССР в мировую научно-техническую Империю.

4. В настоящее время на Россию идет «вал» информации: «научные» статьи, «учебники», информация на сайтах и на форумах в Интернете о том, что двадцать первый век – это век цифровых технологий и информационных технологий; что тяжелая промышленность отходит на задний план; что экономической основой развитых стран будет производство информации; что страну, которая вовремя не переориентируется в этой ситуации, ждет крах.

Руководители российского государства и руководители российской системы инженерного образования и науки должны знать, что это промышленно-идеологическая диверсия США против России. Это вброс в информационное пространство России ложного стратегического направления. Это целенаправленная дезинформация и дезориентация российских профессоров и студентов, будущих ученых и инженеров. Это программирование стратегического тупика и проигрыша России в научно-техническом лидерстве на мировой арене. Заказчиками таких «стратегий», «концепций» и «учебников» для технических вузов России являются западные транснациональные корпорации. Руководители этих корпораций знают, что тяжелая промышленность – это экономическая база любой страны, это «становой хребет» любой экономики Мира. Чем он мощнее, тем мощнее и эффективнее экономика. А компьютеры, цифровые и информационные технологии – это надстройка («наросты») на этом «становом хребте». Чем больше таких «наростов», тем комфортнее экономике страны, имеющей мощный «становой хребет» – тяжелую промышленность.

Важнейшая задача западных транснациональных корпораций – не допустить восстановления разрушенной российской тяжелой промышленности – «станового хребта» России.

Важнейшая задача российской системы инженерного образования и науки XXI века – восстановление и приоритетное развитие тяжелой промышленности России за счет создания прорывных природоподобных технологий и природоподобной энергетике, которые выведут тяжелую промышленность России на принципиально иной уровень.

5. В последнее время интенсивно осуществляются вбросы в информационное пространство России, дискредитирующие научное направление использования энергетики Природы (разработки природоподобных источников энергии и технологий). В первую очередь льется «грязь» на Николу Теслу, представляя его «сумасшедшим звездочетом», неадекватным человеком, фокусником, который показывал масштабные фейерверки, но практически ничего не сделавшим (и это о Великом Тесле, создавшем электротехнику, на которой уже более ста лет работает и живет весь Мир!). Российских ученых, последователей Теслы, записали в «лжеученые». На форумах в Интернете идет обильное поливание «помоями» этого направления и ученых, которые занимаются исследованием энергетики Природы. Если вы поинтересуетесь, откуда приходят сообщения на форумы в Интернете, то с удивлением обнаружите, что из-за рубежа, но под русскими именами.

Западные транснациональные корпорации делают все, чтобы дискредитировать это научное направление в энергетике России. Им нельзя допускать развития альтернативной энергетики в России, им нельзя допускать, чтобы российские инженеры создавали прорывные энергетические технологии. Этим должны заниматься только США, потому что только в США должны концентрироваться все лучшие разработки и все лучшие разработчики (созидатели) со всего Мира.

Система российского инженерного образования и науки XXI века должна опираться на принципиальную позицию, согласно с которой уровень образования, глубина инженерных знаний и квалификация российского инженера XXI века должны обеспечивать возможность создания принципиально новой природоподобной энергетики и принципиально новых природоподобных технологий промышленного производства.

6. В работе [1] авторы говорят о будущем человечестве Земли, как об энергетическом человечестве. Они однозначно связывают уровень развития человечества с уровнем развития энергетики, лежащей в основе его жизнедеятельности. И это действительно так. Об этом говорили и Маркс, и Ленин. Базируясь на тезисе Маркса о капитализме, как эпохе пара, Ленин считал, что социализм – это эпоха электричества. Мы сейчас говорим об эпохе использования энергии Природы – вихревой энергии околоземного пространства, открытой более 130 лет назад Николой Теслой и Виктором Шаубергером. Тесла и Шаубергер продемонстрировали всему Миру возможность использования этой энергии, ее колоссальную мощь и ее неисчерпаемость [2–4].

Российское инженерное образование и наука XXI века должны сделать это энергетическое направление магистральным в нашей стране, которое обеспечит России технологический прорыв, планетарное технологическое лидерство и процветание.

7. Советское общество – общество созидателей, после развала СССР, с помощью американских «консультантов» превратили в современное российское общество – общество потребителей. Потребительское сознание российского общества привело к разрушению отечественного промышленного производства и науки. В современном российском школьном и высшем образовании все направлено на восхваление всего западного. Современного российского инженера ориентируют не на созидание («зашивая» в его сознание стереотип – зарубежные изделия всегда лучше российских), а на потребление: покупку, обслуживание и сопровождение зарубежной продукции, изделий и систем в России. Это ведет к вымиранию созидателей (творцов) и к «размножению» потребителей в России. Это привело к деградации науки и инженерного творчества в российском обществе.

Реформа российского инженерного образования и науки XXI века необходима для формирования патриотического созидательного сознания в российском обществе, направленного на развитие инженерного творчества, на формирование в российском обществе прослойки инженеров – созидателей – творцов качественно новой России. Без этой созидательной патриотической инженерной прослойки технологический прорыв России невозможен.

8. Современная система российского инженерного образования направлена не на высшие знания, а на компетенции (информированность) в конкретных дисциплинах, в конкретных технических и технологических направлениях.

Это тупиковое направление в инженерном образовании, потому что в современном мире информация в рамках предусмотренных компетенций устаревает через 3–5 лет и получается, что инженер потратил пять лет на изучение устаревших техники, технологий и информации.

В российской системе инженерного образования XXI века необходимо исключить компетенции, направленные на подготовку инженера-потребителя, а давать фундаментальные знания, направленные на подготовку инженера-созидателя (творца), обладающего фундаментальными знаниями в нескольких смежных областях науки и техники, способного комбинировать эти знания и использовать их для создания принципиально новых изделий, технологий и систем на стыке естественных, технических и социальных наук.

9. Современная российская система инженерного образования направлена на формирование стандартного инженерного мышления, заполняя сознание инженера традиционными стереотипами. Вследствие этого инженер воспринимает реальность не такой, какой она есть, а такой, какой инженера научили ее воспринимать в соответствии с традиционными образовательными стандартами (компетенциями). Такая система инженерного образования не позволит России осуществить качественный технологический скачок – технологический прорыв России.

Для достижения качественного превосходства России на мировой арене система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть принципиально иной – направленной на подготовку инженера как ключевой фигуры в российском обществе, формирующей качественно новую окружающую действительность на основе нестандартного (системного) инженерного мышления; направленной на создание мощной высококвалифицированной высокообразованной и высококвалифицированной инженерной прослойки (инженерной элиты) в российском обществе, мотивированной и патриотически ориентированной на совершение технологического прорыва России в начале XXI века.

10. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть ориентирована на формирование нового мировоззрения инженера, в котором он – не результат эволюции обезьяны, с потребительским сознанием

ем и отношением к Природе, а существо, созданное Вселенной, и все Законы Вселенной сконцентрированы в нем (в человеке). Следовательно, познание Законов Вселенной и использование их в своей созидательной деятельности должно стать основой творчества российского инженера в XXI веке.

11. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть направлена на переформирование грубо материалистического образа мышления инженера, в котором человек «высшее существо во Вселенной», в природный – естественнонаучный образ мышления, в котором человек не «царь» Природы, а Единица Природы, которая живет по Законам Природы, которая использует Законы Природы в социальном устройстве общества, в создании природоподобных технологий жизнеобеспечения, в создании энергетической базы общества, основанной на естественной энергетике нашей Планеты.

12. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна сформировать у инженера философию, которая направлена не на господство человека над Природой, а на обеспечение согласия человека с Природой; философию, которая должна сформировать у инженера XXI века концепцию человека – Единицы Природы, вся творческая деятельность которой направлена на предотвращение экологической катастрофы на Планете и обеспечение совместного процветания Природы и человека на российской земле.

13. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна базироваться на концепции, согласно с которой человек (инженер) может овладеть знанием Законов Природы лишь тогда, когда оно (Знание) станет частью его внутренней сути, т.е. когда человек будет соответствовать этому Знанию. Поэтому процесс подготовки инженера XXI века необходимо преобразовать из традиционного обучения в процесс воспитания инженера, как высоко нравственного высокообразованного и высококвалифицированного профессионала, направленного в своей творческой деятельности на постижение мудрости Природы и ее использование в своей профессиональной деятельности. Для этого необходимо сместить процесс базового образования инженера в сети технических вузов России от обучения к воспитанию, от компетенций к знаниям и ценностям, от формальных технократических решений к этической составляющей деятельности инженера, от узкоспециализированных сведений в конкретных дисциплинах – к целостной научной картине Мира.

14. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть направлена на формирование у инженера новой формации принципиальной позиции, согласно с которой в жизни человека (человечества) разумно все, что согласуется с Природой, что соответствует ее Законам. Все, что не соответствует Природе, все, что противоречит Законам Природы, – неразумно.

15. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть направлена на всеобщее биологическое образование инженеров новой формации и формирование у них знаний по организации и устройству биосистем и организмов от функционального до клеточного уровня для того, чтобы инженер был в состоянии моделировать биосистемы и организмы и использовать их принципиальную основу и их элементы в разработках принципиально новых изделий, природоподобных инженерных систем (сетей) и природоподобных технологий.

16. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна исходить из истинного понимания фундаментального закона естествознания – закона сохранения энергии: «Энергия не возникает из ничего и не исчезает бесследно, она только переходит из одной формы в другую». Таким образом, фундаментальный закон указывает на то, что энергия во Вселенной была изначально, есть и всегда будет, что Вселенная – это энергия в разных формах, проявлениях, в её преобразовании в материю, в различных взаимодействиях материальных объектов и в их пространственном движении.

Поэтому при создании технологий жизнеобеспечения инженерное мышление XXI века должно базироваться на природоподобных технологиях преобразования и материализации вихревой энергии Вселенной.

17. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна опираться на принципиальную позицию, согласно с которой все во Вселенной построено на принципе минимизации расхода энергии – минимизации потребностей. Этот же принцип минимизации расхода энергии (потребностей) лежит в основе жизни планеты Земля и всех форм жизни на ней. Залежи полезных ископаемых и энергетические ресурсы Планеты – это материализованная энергия Вселенной. Их изъятие из Природы и расход должны быть ограничены необходимостью благосостояния человека (человечества). Их изъятие из Природы не может быть направлено на получение прибыли частными лицами, частными компаниями и транснациональными корпорациями, что противоречит всем Законам Вселенной и ведет к экологической и гуманитарной катастрофе на Планете.

Поэтому должна быть разработана система воспитания членов российского общества в детском саду, в школе, в вузе, направленного на сокращение потребностей каждым членом российского общества до уровня разумного благосостояния, и все разработки российских инженеров XXI века должны быть направлены на достижение этой цели.

18. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна быть ориентирована на возрождение массового детского технического творчества, для выявления талантливых, инженерно мыслящих детей, начиная со школы. Во-первых, необходимо возродить кружки технического моделирования (прообраз кружков в советских «Дворцах пионеров»), чтобы школьник мог проявить свои способности, определить техническое направление, отвечающее его интересам, и выбрать соответствующую этим интересам профессию. Во-вторых, необходимо создать современные популярные научно-технические журналы, обеспечив детям возможность публикации их творческих успехов и самых интересных разработок, сделанных ими в кружках технического моделирования. В-третьих, необходимо регулярно проводить олимпиады по различным научно-техническим направлениям на всех уровнях от городского до всероссийского, с целью отбора талантливых детей для подготовки из них ученых, высококвалифицированных инженеров и руководителей больших коллективов, способных руководить разработкой масштабных инженерных проектов.

19. В современном российском школьном образовании сформировано направление специализации общеобразовательных школ: школа – экономический лицей, школа – гуманитарный лицей, школа компьютерный лицей и т.д. В школах резко снизился уровень физико-математической подготовки. Из ЕГЭ математика и физика исключены как обязательные предметы.

Для сохранения интеллектуального потенциала страны, для обеспечения подготовки инженеров XXI века и для совершения технологического прорыва России, необходимо ликвидировать специализацию общеобразовательных школ. Необходимо возродить советскую систему школьного всеобщего физико-математического образования, что позволит в раннем возрасте выявлять детей, имеющих способности к точным наукам и ориентировать их уже в старших классах на научную и творческую инженерную деятельность. Необходимо математику и физику сделать обязательными экзаменами в школе. Необходимо ликвидировать ЕГЭ и возродить эффективную систему школьных выпускных экзаменов, с пятибалльной системой оценки знаний.

20. Традиционная система российского инженерного образования и науки, опираясь на логическо-материалистический образ мышления, расчленила Знание о мироустройстве на части: физику, астрономию, астрофизику, химию, химическую физику, физическую химию, физику газов, физику твердого тела, атомную физику, ядерную физику, квантовую механику и т.д. В каждой части (науке) свои принципы и законы, не согласующиеся с принципами и законами других частей (наук). Это привело к тому, что будущим инженерам и будущим ученым даются разрозненные фрагменты знаний (компетенции), не раскрывающие мироустройства в целом. Такие фрагменты знаний не дадут возможности принципиального технологического скачка и совершения учеными и инженерами технологического прорыва России.

Система российского инженерного образования и науки XXI века для обеспечения технологического прорыва России должна базироваться на фундаментальном законе естествознания – законе сохранения энергии, на «Вихревой резонансной модели Вселенной», непротиворечиво раскрывающей мироустройство в целом и объединяющей все науки в единую систему познания Мира; на концепции движущейся космической вихревой электромагнитной среды Николы Теслы, которая пронизывает все околоземное космическое пространство; на концепции вихревой имплозионной технологии (внутреннего взрыва) Виктора Шаубергера; на реальных разработках альтернативной энергетики и техники талантливых российских изобретателей, на том, что в основе научного поиска и разработок инженера новой формации должен лежать процесс вихревой самоорганизации Вселенной, т.е. вихревой энергетический пространственный резонанс, обеспечивающий преобразование энергии из одного вида в другой, преобразование энергии в материю, обеспечивающий самогенерацию незатахающих вихревых энергетических процессов – являющихся основой жизни Вселенной.

21. Современные технологии жизнеобеспечения направлены на борьбу с Природой. Система российского инженерного образования и науки XXI века должна опираться на концепцию, согласно с которой российская сеть классических и технических университетов должна быть направлена на подготовку инженера, как со-творца с Природой, а не как разрушителя Природы.

22. Российское инженерное образование XXI века должно быть ориентировано на формирование у инженера мышления со-творца с Природой, смещая его с логическо-материалистического (аналитического) мышления на резонансно-интуитивное (синтезирующее) мышление. Интуиция – это состояние резонанса процесса мышления человека с информационным пространством Земли. Только в состоянии резонанса – синтеза (созидания) человек может быть со-творцом с Природой. Российское инженерное образование XXI века должно давать инженеру новой формации способ (метод) формирования и развития резонансно-интуитивного (синтезирующего) мышления.

23. Российское инженерное образование XXI века должно быть направлено на подготовку инженера новой формации не узким специалистом (как в настоящее время), а универсалом (системотехником), который может системно (с различных инженерных точек зрения, учитывая все системные связи) подходить к постановке задачи, к исследованию и разработкам, к организации функционирования и эксплуатации изделий, систем и сетей, находящиеся на пересечении естественных, технических и социальных наук, системно формируя окружающую действительность для созидания новой России – России XXI века.

Список литературы

1. Энергетика и геополитика / Под ред. В.В. Костюка, А.А. Макарова / РАН. – М.: Наука, 2011. – 397 с.
2. Тесла Н. Дневники. – Колорадо-Спрингс; Самара: Изд. дом «Агни», 2008. – 457 с.
3. Тесла Н. Лекции. – Самара: Изд. дом «Агни», 2009. – 310 с.
4. Шаубергер В. Энергия воды. – М.: Эксмо, Яуза. 2008. – 318 с.
5. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию от 23 июня 2014 года. – <http://www.kremlin.ru/news/45962,29>
6. Плыкин В.Д. Вихревая резонансная модель Вселенной. – <http://viamidgard.info/news/video/1523-plykin-vd-novaya-model-vselennoy.html>

Шульга М.А.

д.полит.н., профессор, профессор кафедры государственного управления, Киевский национальный университет
marina_shulga@i.ua

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ, ПРОСВЕЩЕНИЕ ИЛИ ИЗУЧЕНИЕ: НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ НА РАЗВИЛКЕ

Ключевые слова: *популяризация, просвещение, изучение, наука, познание, «человеческая вместимость» (Михаил Петров).*

Keywords: *popularization, education, study, science, cognition, «human capacity» (Mikhail Petrov).*

К тезису о том, что «социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть, чтобы его изучали» [30], можно относиться по-разному. Одно бесспорно – озвученный еще в 1874 году, он не потерял своей актуальности и сегодня в пункте того, что наука требует именно изучения, а следовательно, занятие наукой невозможно без неких элементарных действий (ментальных, физических, психофизических и морально-психологических), суммируемых, в конечном итоге, термином «дисциплина». Помните, у Артура Кларка: «Но тебе все еще не хватает дисциплины и знаний – то и другое ты приобретешь в университете»? [9]. Здесь интересна (и показательно!) игра слов. А именно: занятие научной дисциплиной как самостоятельной отраслью какой-либо науки невозможно без дисциплины, разновидностью которой можно считать и «догматический подход, который неизбежен в первые годы обучения» и в котором «большую роль играет память» [5, с. 438, 439]. Именно этот подход предотвращает непродуктивные (бессмысленные в плане приращения научного знания) сомнения и вопросы «почему?» относительно знаний, имеющих статус своеобразной «таблицы умножения» для той или иной научной дисциплины [21, с. 75]. А если такие вопросы и возникают, то, как подмечает Михаил Петров, в случае, например, объяснения «данности операций над цифрами» «приходится уже вступать с помощью специалистов на тропы “регрессии в бесконечность”» [21, с. 80], что не всегда оправдано, затратно (по времени, усилиям, условиям привлечения специалистов и т.п.) для отвечающего и не всегда действительно востребовано самим вопрошающим.

Но если наука требует изучения, требующего, в свою очередь, по заключению Антонио Грамши, «надлежащих психофизических навыков», связанных с «прилежанием, пунктуальностью, собранностью», «сосредоточением внимания на определенных предметах» [5, с. 446], а также «умственной и моральной дисциплины» [5, с. 455], то нуждается ли она в популяризации? Или же контакт научного знания с «широкими массами населения» предпочтительней все же обозначать термином «просвещение»? Обратимся к значениям слов «популяризация» и «просвещение» в интересующем нас контексте. Под просвещением принято понимать «распространение знаний, образования» [15, с. 570]. Под популяризацией – делание чего-либо (в контексте рассматриваемой проблематики – это наука и научное знание) «доступным, понятным, популярным» в смысле «общедоступным, вполне понятным по простоте, ясности изложения» [15, с. 517]. Заметим, что и в случае просвещения, и в случае популяризации научного знания отсутствует указание на изучение как «постижение учением, усвоение в процессе обучения» [15, с. 226]. Такое «незаметное» и «несущественное», на первый взгляд, упущение делает излишним задачу уяснения и целенаправленного формирования у человека тех элементарно-необходимых «ментальных и физических движений» [21, с. 38], без которых изучение как понимание (а не механическое воспроизведение изученного), как «деятельность по накоплению знания и необходимостью удерживать его в объемах, допускающих передачу новым поколениям или трансляцию» [21, с. 37] попросту невозможно. Но если вхождение человека в «систему машин», как засвидетельствовали в свое время сформулированные Фредериком Тейлором «принципы научного менеджмента» [25], невозможно без некоего набора таких движений, то вхождение в «систему знаний о закономерностях в развитии природы, общества и мышления» [15, с. 361] без подобного рода набора тем более неосуществимо. «Многих людей, – писал А. Грамши, – нужно убеждать в том, что учение тоже своего рода ремесло, и весьма утомительное, что ему сопутствует специальное упражнение – не только умственное, но также мускульно-нервное: это процесс приспособления, приобретения с трудом усваиваемого навыка, что вызывает скуку и даже страдание» [4, с. 451]. И далее: «Вот почему многие люди из народа думают, что в трудностях учения кроется “трюк” в ущерб им (если они не думают, что глупы от природы): они видят, как какой-нибудь господин <...> ловко и с видимой легкостью совершает работу, которая их детям стоит слез и крови, и считают, что здесь какой-то “трюк”» [5, с. 451]. Небольшая ремарка – не производна ли борьба за объективность оценивания, приводящая, в конечном счете, к снижению требовательности, в том числе, и от такого восприятия «учения»? Но без «трудностей учения», а значит, и требовательности с прицелом на «умственную самодисциплину» (А. Грамши), просвещение как распространение знаний своеобразно «повисает в воздухе», а сами знания, не усваиваясь, не могут в полной мере исполнить роль производительной силы общества, ведь единственной такой силой всегда является человек как носитель знания и субъект познавательной деятельности. Дело здесь не столько в личной недоработке тех, кто распространяет знание, поскольку «никакой метод не может быть выведен из представления о паре: учитель плюс ученик, а может быть вы-

веден только из общего представления об организации школы и коллектива» [13, с. 114]. И если эта организация выстраивается в соответствии с «требованием “облегчить трудности”» и «тенденцией к смягчению дисциплины учебы» [5, с. 451], то просвещение, пасуя перед так называемой «житейской мудростью», в конечном итоге сводится к ранней узкой профессиональной специализации, «затачивающей» человека под исполнение определенной производственной функции, исходя из его «естественных способностей» (Ф. Тейлор). Очень похоже на «обучающие ленты» из повести Айзека Азимова «Профессия», которые «учат слишком многому и слишком легко», но делают человека неспособным «учиться дальше» и «придумывать новое» [1]. «А если бы, вместо того, чтобы пичкать человека лентами, его *заставили* (курсив мой – М.А.) с самого начала учиться, так сказать вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно?», – вопрошает главный герой «Профессии» [1]. «Но есть Интернет!», – ответят ему сегодня. Да, есть. Однако, информацию, которая там размещена, нужно не просто считать, но и понять, что без сформированной способности к пониманию, особенно в ситуации «смягчения дисциплины учебы», сделать фактически невозможно независимо от того, к какому носителю информации обращаются – электронному или бумажному. «А еще я хочу, чтобы вы научили меня понимать то, что я читаю», – взывает Монтэг к профессору Фаберу в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» [2]. Но возможно ли это в ситуации попустительства «тенденции облегчать то, что не может быть легким, не перестав быть самим собой» [5, с. 451]? В ситуации, когда навык (способ действий, сформированный путём повторения и доведения до автоматизма) принуждения себя к «усвоению на основе труда и с помощью размышлений» [5, с. 451] не культивируется и, в какой-то мере, считается излишним? «Ребенок, который мучается с *barbara, baralipion* (два модуса первой фигуры силлогизма (умозаключения) в логике (лат.). – прим. перевод), конечно, устает, <...> но верно также и то, что он должен всегда трудиться, чтобы научиться принуждать себя к лишениям и ограничениям в физических движениях, то есть подвергаться психофизическому испытанию» [5, с. 451]. То есть: «Ты можешь выучиться всему, если заставишь себя» [28].

Можно заключить, что «просвещение» без «изучения», без формируемых у человека «ментальных и физических движений», необходимых для того, чтобы «учиться дальше самостоятельно» обречено на «популяризацию», предусматривающую не просто распространение знаний как таковое, но распространение знаний в форме, доступной для понимания широким кругом людей и интересной для них. При этом само понимание молчаливо признается как некий факт, не формируемый за счет опять же требуемых для этого «ментальных и физических движений», но изначально существующий (или не существующий) в качестве врожденной способности. Что же в результате? Первое. Популяризация не может не выходить в плоскость наглядности (картинки, непосредственно воспринимаемой человеком) и примеров. Но: «*Теоретически* (курсив мой – М.А.) возможно засечь и проследить корабль, двигающийся намного быстрее скорости света, хотя чувство не в состоянии представить себе многомерное космическое пространство ...» [28]. Иными словами, как быть с тем, что «наглядно объяснить довольно трудно» [26]? С тем, «что нельзя объяснить словами, но поддается вычислениям» [26]? С тем, что может быть усвоено не в форме представления, созерцания, ощущения, но лишь в виде понимания «непредставимых законов» [28]? Поскольку формирование способности к такому пониманию выведено «за скобки», то реципиент популяризации обречен просто верить (или не верить) в существование и характеристики того, «что нельзя увидеть» (Роберт Хайнлайн). А то, что он видит, может ведь быть проинтерпретировано и по примеру объяснения закона всемирного тяготения, которое было предложено главному герою в романе Р. Хайнлайна «Пасынки Вселенной»: «Перед нами не что иное, как древнее поэтическое изложение закона близости, лежащего в основе чувства любви. Все очень просто. А ты пытался найти какой-то скрытый глубокий смысл там, где его нет» [29].

Второе. Картинки и примеры, как правило, демонстрируют полезность и функциональность популяризуемого знания, его применимость и утилитарность, то есть не его самодостаточность, а инструментальность, «застывшую» в виде техники и технологий. Тем самым формируется убеждение, что научное знание, если оно мгновенно обращается в пользу, не имеет никакой ценности, а фундаментальные исследования, кропотливые и растянутые во времени на никто не знает какой отрезок времени, – пустая (бесполезная) трата времени, сил и средств. Вспоминается диалог из романа Р. Хайнлайна «Время для звезд»:

«– А какая от этого польза?

– Физика совсем не должна иметь какую-либо пользу. Физика просто существует.

– Ну не знаю. Старая физика была полезной. Возьмем, например, этот факел, который двигает наш корабль.

– А, ты про это. Так это же не физика, это же просто техника» [27].

Популяризация научного знания как лишь инструмента, обязательно средства решения проблем в тех или иных конкретных ситуациях не прививает вкус к познавательной деятельности, исследованию, причем в такой мере, что человеку становится не интересно знать, как и почему именно так устроено то, чем он в виде «просто техники» пользуется повсеместно и ежечасно. Например, компьютер, обращение с которым требует «движения одним мизинцем» (А. Кларк [10]), движения, до которого фактически ужимается «человеческая вместимость» в сумме своих ментальных и физических составляющих. Но пользоваться тем, что создано на основе каких-то знаний, и овладеть этими знаниями – это разные вещи. Получаются ситуации, как то: «Не спрашивай у меня теорию, я просто нажимаю кнопки» [26]. Или же: «Он не может объяснить это, потому что сам не знает всего, что ему известно, он просто действует» [28]. И все потому, что само по себе знание функционала (как чем-то пользоваться) без формирования способности к пониманию того, как и почему так что-то устроено и может быть использовано для выполнения определенных функций превращает реципиента популяризации в потребителя, который легко ведется на очередное рекламное «ноу-хау». Более того, – культивирует в нем веру (опять веру – то единственное ментальное движение, на которое обречен тот, кто не понимает) в магическую (необыкновенную по силе воздействия) природу этого «ноу-хау». Например, переводение информации как «обозначения содержания» [4, с. 31] в двоичный код с тем, чтобы увеличить скорость ее передачи и

ускорить доступ к ней, – по признанию Стива Джобса, тут результат «поистине магичен» [6], – начинает рассматриваться и как самодовлеющий, сам по себе осуществляемый способ решения проблем общества, и как процесс, нивелирующий задачу усвоения человеком этого «обозначенного» содержания через его осмысление и понимание. Что же касается использования знания для решения проблем в тех или иных задаваемых ситуациях, то, опять же, возможно ли такое использование без предварительного исследования, изучения этой самой ситуации? Вспомним Михаила Лифшица: «Знать, что именно целесообразно в данной ситуации, заранее нельзя – нужно исследовать природу этой ситуации, нужно знать истину, а не конструировать ее, исходя из принципа пользы» [12, с. 114]. Но исследование как уяснение причинно-следственных связей – это формируемое, а не врожденное человеческое ментальное движение. Поэтому: «Учение – совсем не средство достижения цели, оно само и есть цель» [27]. Или: «Сознание не орудие наше, хотя иногда, как показывает опыт, представляется таковым» [12, с. 112]. Но этот ли девиз заключен в термине «популяризация»? А ведь внимание к терминам очень важно, каждый из них является обозначением понятия, а понятие – «свернутой» логикой соответствующей деятельности. Принимая те или иные термины, оперируя ими, мы фактически формируем социальную реальность в соответствии с той логики, которая этими терминами зафиксирована.

Отсюда – третье. Популяризация нацеливает на облечение знания в доступную, то есть посильную для восприятия людьми форму. Это, во-первых, неизбежно придает популяризируемому знанию оттенок очевидности в значении этого термина, как оно предусмотрено прагматическим аспектом информации. Скажем, Георг Клаус определяет как очевидную ту информацию, истинность которой подтверждается путем «непосредственного наблюдения» [11]. Наглядность, предусмотренная популяризацией, это обеспечивает. Кроме того, информация воспринимается как очевидная в трех случаях [см.: 11, Глава 5]. Назовем их, как они определены Г. Клаусом, а в скобках обозначим, как эти случаи предусмотрены логикой, «свернутой» в словосочетании «популяризация научного знания». Итак: она адекватно отображает наши интеллектуальные способности (то есть учитывает наличные пределы ментальной вместимости); она согласуется с той информацией, в истинности которой мы уже убеждены (то есть не предполагает дополнительных ментальных движений для ее усвоения); ее принятие, обработка и сохранение считаются нами простым делом (она легко воспринимается, легко запоминается, легко, без дополнительного овладения специальными терминами, воспроизводится).

Вот почему известная передача «Очевидное – невероятное» была не столько популяризаторским, сколько просветительским, образовательным проектом, связанным, по словам одного из ее авторов, Льва Николаева, с «обзором научных идей» [18]. Сам Сергей Капица говорил так: «Я всегда рассматривал просветительскую деятельность как одну из функций ученого. Работа на телевидении — это возможность выступать перед аудиторией не из двадцати студентов, а из двадцати миллионов слушателей» [18]. Правда, если в случае с «аудиторией из двадцати студентов» еще можно добиться изучения и понимания ими излагаемого материала, то аудитория «из двадцати миллионов слушателей» диктует иную логику изложения и обратной связи. Но все же преимущественно просветительский характер передачи, на мой взгляд, связан с тем, что «очевидное» в ней нарекалось «невероятным», которое, в свою очередь, требовало объяснения и понимания. Последние постулировались как неотъемлемые от человека ментальные движения, овладеть которыми под силу каждому по мере осмысления того, что «очевидно», и расширения, а не консервирования, существующих де-факто пределов своей ментальной вместимости, умножения осуществляемых самостоятельно элементарных (в смысле необходимых и обязательных) ментальных движений.

«Заигрывание» же с очевидностью в случае распространения научных знаний в форме доступной для понимания не может не приводить к приспособлению этих форм к наличным пределам человеческой вместимости, воспринимаемым как «естественные» и потому «непреодолимые». Более того, если что-то мне не понятно, значит изложено не доступно моему пониманию, не увлекательно для меня и т. д. Тем самым моя «точка зрения», «мое восприятие», мой «моральный и интеллектуальный багаж» (термин Хосе Ортеги-и-Гассета [см.: 17, с. 250]) становятся ключевыми в отношении к популяризируемому знанию. В конечном итоге, все сводится к «нравится – не нравится». Отбрасывается то, что у Р. Брэдбери названо «порами на лице жизни», «текстурой наших знаний», отражающими «живую жизнь, протекающую перед вами в неисчерпаемом своем разнообразии» [2]. «Не нравится» – зачем изучать? Это принято путать с интересом к предмету изучения. Но интерес питается изучением «пор жизни» даже, если они «не нравятся», и возникает, упрочивается по мере изучения предмета. (Что, к слову, прекрасно продемонстрировано в рассказе Артура Порджеса «Саймон Флэгг и дьявол», экранизацией которого стал советский короткометражный фильм «Математик и черт» (1972). «Эта штука захватывает <...> Прямо не оторваться!», восклицает черт, все более и более погружаясь под руководством профессора и на основе усвоенного прежде «тривиума и квадриума», – о чем сам признается, – в дебри математики в попытке ответить на вопрос «верна или не верна великая теорема Ферма?» [8]. И это не спрашивая о ее практической ценности!) В противном случае «неизбежно возникновение ситуации, когда надо что-то всем внятно объяснить – и не получается. Потому что понимать то, что не нравится, их просто отучили», – пишет Виктор Маравховский, называя такую ситуацию «идеальной диктатурой» [14].

И если с естественнонаучным знанием «точка зрения» и «мое восприятие» еще вынуждены считаться, так как, перефразируя А. Грамши, историческая активность природных сил, например, электричества, не изменяет (и не отрицает) их физическую природу [См.: 5, с. 193], то в случае обществознания мы неизбежно соскальзываем в такой себе официально признанный аналог «идеальной диктатуры» – «дискурс постправды». Напомним, что термин «постправда», по версии Оксфордского словаря, «описывает или обозначает обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям» [24]. Это базовое определение конкретизируется такими уточнениями «обстоятельств постправды», как: «игнорирование фактов», «повторение исходных аргументов, несмотря на их опровержение оппонентами», «отстаивание своей позиции», «интерпретация фактов, исходя из своей системы ценностей», «важность выработки своей точки зрения» и

т.д. Но немного внимания, и в этих уточнениях не сложно рассмотреть феномен массового поведения, который под терминами «организованная толпа» и/или «человек-масса» (человека как носителя массового сознания и массового поведения), известен с конца XIX века. Установленные в свое время характеристики этого феномена (отсылаем к трудам Гюстава Лебона, Элиаса Канетти, Вильяма Райха, Сержа Московичи) не столько обобщены в указанном выше толковании термина «постправда», сколько своеобразно им легализованы. А теперь вспомним, что популяризация предполагает распространение знаний в форме доступной, «понятной по простоте, ясности изложения» [15, с. 517], то есть приуроченной к массовому сознанию. Не получается ли так, что популяризация консервирует массовую модель сознания с ее привычкой «думать», не осознавая критически собственных мыслей, бессвязно и случайно» [5, с. 26]?

Принято считать, что «постправда» связана с так называемым «изменением коммуникационной среды». Но вот какую характеристику молодого человека своего времени можно найти у А. Грамши: «Он говорит, оговаривается и сам себе противоречит, а когда его заставляют ясно выразить свою мысль, он уже не в силах произнести ничего путного. Он обращает больше внимания на возражения, чем на истины, предлагает тысячу вопросов, на которые никто не мог бы ответить, но в то же время остается высочайшего о себе мнения и сердится на тех, кто не соглашается с ним» [5, с. 456]. Или вот еще вывод Х. Ортеги-и-Гассета о том, что желание иметь собственное «мнение» вкупе с игнорированием «основных принципов разума» (такой себе аналог элементарных ментальных действий) делает человека «у мственным варваром» [17, с. 234, 235]. Чем не «дискурс постправды»? Выходит так, что «постправда» призвана постулировать очевидность ненужности и бесполезности познания как особого рода деятельности и, в противовес этому, – очевидность важности выработки и отстаивания «своего видения» и «своего отношения». И разве популяризация, вынуждающая к упрощению излагаемого материала и не предполагающая его усвоение (а, иногда, и запоминание) даже в таком виде, в конечном итоге не натывается на «эмоциональный аргумент» как своеобразный предел ментальной человеческой вместимости? Не порождает, тем самым, вопрос, который звучит из уст дяди главного героя «Времени для звезд» Р. Хайнлайна: «С каких это пор в спорах, построенных на эмоциях, побеждают при помощи логики?» [27]. В случае с гуманитарными науками ответ напрашивается сам собой. И, к тому же, чем отличается этот «эмоциональный аргумент» от старого доброго прагматизма? «... единственная цель исследования, – провозглашает Чарльз Пирс, – есть установление мнения. Мы можем воображать, что этого для нас недостаточно и что мы ищем не просто мнения, но истинного мнения. Однако подвергните эту фантазию проверке, и она окажется беспочвенной; ибо как только достигну устойчивое верование, мы будем полностью удовлетворены, вне зависимости от того, будет ли это верование истинным или ложным» [19, с. 245]. И далее: «Если установление мнения есть единственная цель исследования и если верование обладает природой привычки, почему бы нам не стремиться к достижению желаемой цели, принимая в качестве ответа на вопрос все, что мы только можем вообразить, постоянно повторяя его самим себе, задерживаясь на всем, что может способствовать [этому верованию], и научаясь отворачиваться с презрением и ненавистью от всего того, что может колебать его?» [19, с. 247].

Подытожим. Если выбирать между «популяризацией» и «просвещением», то второй термин представляется более предпочтительным, поскольку обращает внимание не на форму распространения знаний, а на сами знания, подлежащие распространению. И, тем самым, вплотную подводит к проблеме пределов ментальной человеческой вместимости как проблеме уяснения тех элементарных, обязательно-необходимых для усвоения знаний и ментальных движений, без которых невозможен процесс познания. Это, если обратиться к размышлениям Владимира Вернадского о научном мировоззрении, должны быть положения типа «Земля вращается вокруг Солнца», с которыми в случае отсутствия их конкретизации вынуждены считаться «даже мистические и магические течения» [3, с. 195]. (Подобный подход описан у Р. Брэдли: «Набивайте людям головы цифрами, начинайте их безобидными фактами, <...> им будет казаться, что они очень образованные. У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперед, хотя на самом деле они стоят на месте» [2]). Или же это будет, перефразируя М. Петрова, своеобразный «алфавит» для познавательной деятельности [см.: 21, с. 38], который позволяет «делать выводы и обобщения» [2] и который «сокращает транслируемое обществом знание до вместимости человека» [22, с. 157] и усвоение которого является условием формирования «научного отношения к окружающему», отличающегося «от каких бы то ни было философских или религиозных мировоззрений» [3, с. 203]. Сам В. Вернадский склоняется к последнему и заключает: «Понятно поэтому, что в истории научного мировоззрения история методов искания, научного отношения к предмету, как в смысле техники ума, так и техники приборов или приемов, занимает видное место по своему значению и должна подлежать самому внимательному изучению» [3, с. 203]. Вычленение же в ходе такого изучения элементарных, то есть необходимых для «научного отношения к предмету» «методов искания» (ментальных движений), подлежащих обязательно усвоению всеми возможно лишь в случае ответа на главный вопрос. А именно: подлежит ли знание, распространяемое в виде популяризации или просвещения, изучению и пониманию теми, на кого эти популяризация и просвещение направлены? Ставится ли задача переведения способности к познавательной деятельности во «всеобщее распределение» (М. Петров), подобно тому, как в него в свое время было переведено письмо [см.: 22, с. 172, 186]? Если да, то важно, учитывая «человека в определенности и ограниченности его ментальных, физических и иных возможностей» [21, с. 40], понимать, до какого объема и как (то есть так, чтобы при этом не был запущен сценарий «Пересказ пересказа» [2]) указанные выше знания и ментальные движения могут быть ужаты в процессе овладения ими, чтобы способность к познанию была сформирована. Ну а если нет, чего ж возмущаться «дискурсом постправды»?

И вместо заключения. Насколько корректно говорить о такой форме популяризации науки, как научно-фантастические произведения, некоторые из которых цитируются и в этой статье? Или же о роли, которую такие произведения играют (играли) в решении задач популяризации науки? [см.: 16; 23]. Позволю себе заметить, что заслуга их авторов заключается не столько в популяризации научных знаний и предвосхищении научных открытий. Скажем,

многие вещи у того же Р. Хайнлайна нельзя понять без специальной подготовки в физике, а, по словам Ивана Ефремова «если писатель в своих фантастических предвидениях в самом деле опережает науку, то он может это сделать, лишь исходя из каких-то определенных познаний» [7]. Сколько, во-первых, в отстаивании важности формирования у человека способности к теоретическому мышлению и познанию как к естественно, то есть с помощью собственной головы, без обращения к техническим вспомогательным средствам, осуществляемой деятельности. Как не вспомнить диалог из «Астронавта Джонса»:

«– Вы помните все таблицы, или только некоторые из них?»

– Я знаю все стандартные таблицы и наставления, которые астронавты называют “инструментарием”.

– Я рад слышать это, сэр. Очень рад, потому что единственный экземпляр этих книг на корабле – в вашей памяти» [26].

Причем важность такого формирования предельно «обнажается» тогда, когда «окончательное решение до лжен был вынести человек», когда «из этих ответов необходимо было выбрать один, но машины не умели думать» [28].

Художественными средствами в этих произведениях фактически воплощена идея М. Петрова о том, что познание всегда привязано к человеческой голове, идея невозможности «оторвать теоретизирование от субъекта, отвлечь процесс теоретического мышления в некую обезличенную, независимую от теоретика область» [20]. А это значит, что при осуществлении познавательной деятельности, равно как и при формировании способности к ней важно учитывать ограничения ментальной вместимости человека, «человекообразность как существенную черту теоретического мышления» [20] в целом. Что, в свою очередь, диктует как необходимость длительного (не формально, а содержательно) и поэтапного обучения (нужно время, чтобы «продумать, усвоить эти знания» [2]), так и некую «оттренированность и закаленность мозга» [28] за счет усвоения базовых (элементарно-необходимых) знаний и ментальных движений, именуемых в «Гражданине галактики» Р. Хайнлайна «древними дисциплинами» [28]. Что же касается поэтапности в обучении, то можно вспомнить диалог из «Профессии» А. Азимова между новианином и главным героем. Первый считает «растянутое во времени» обучение бесполезным и затратным. Второй же указывает на то, что лишь в этом случае человек «сможет учиться дальше» и, главное, «сможет придумывать новое» [1].

И, во-вторых, – в очерчивании проблем морально-психологического взросления человека по мере того, как он, «сознательно усваивая то, что удастся узнать» [28], становится носителем способности к познанию, а значит, и способности «мыслить, изучать, руководить или контролировать того, кто руководит» [5, с. 449]. Это, в частности: понимание, «что практическое обучение и изучение теории в корне разнятся с ситуациями, когда на проверку уже не остается ни минуты» и «ты уже не имеешь права на ошибку» [26]); принятие решений в условиях, когда, возможно, «твое ошибочное решение оказывается твоим последним решением» [27], что, в свою очередь, требует подчас «интуитивного понимания ситуации, выраженной в математических символах» [28]; ответственность, «которую нельзя разделить ни с кем» [26] и потому «я должен сам принимать решение, эту обязанность я не могу переложить ни на кого» [27]; долг как та единственная «вещь», о которой ни один человек не может сказать другому, в чем он состоит, а потому «каждый должен решать для себя сам» [27]; управление коллективом и важность доверия руководителю со стороны подчиненных (рассуждения о корабле, шире, коллективе как о «тонкой политической организации» [26], о трудностях, появляющихся «из-за необходимости включать в цепь людей» [27], о том, что «единственное, что удерживает этих людей вместе – нечто туманное, называемое моралью корабля, вещь, утрата которой ощущается сразу, хотя ее почти и не видно, пока она есть» [27]); умение осознанно подчиняться в интересах общего дела («Быть правым – далеко недостаточно», – делает вывод главный герой «Времени для звезд» [27]); неприятие чиновничества во время поиска технического решения проблемы (великолепный эпизод из «Астронавта Джонса», когда главный герой продолжает «мысленно проводить расчеты за капитана и Саймса, что позволяло ему видеть всю картину целиком: не оскопили ли они с “колеи”, какую коррекцию курса необходимо провести и т.д. [26]). И, тем самым, проблемы сопряженности и неразрывности «умственной дисциплины и моральной самостоятельности» (А. Грамши [5, с. 455]), благодаря которым и получается, что: «Оборудование всегда можно заменить, незаменимы лишь люди и их знания» [9]. Но ни популяризацией, ни просвещением самими по себе, без такой детали как изучение с ее вечной проблемой элементарных ментальных движений, благодаря которым оно (изучение) осуществляется, этого все же не достичь ...

Список литературы

1. Азимов А. Профессия. – http://www.lib.ru/FOUNDATION/professia.txt_with-big-pictures.html
2. Брэдли Р. 451° по Фаренгейту. – http://loveread.ec/read_book.php?id=2039&p=1
3. Вернадский В.И. Научное мировоззрение // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. – М.: Политиздат, 1990. – С. 180–203.
4. Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 200 с.
5. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
6. Джобс С. Интервью журналу Playboy 25 февраля 1985 года. – <http://steven-jobs.ru/intervyu-stiva-dzhobsa-zhurnalul-playboy-25-fevralya-1985-goda>
7. Ефремов И. Наука и научная фантастика. – http://www.fandom.ru/about_fan/efremov_1.htm
8. Зеневич А. Саймон Флэгг и дьявол (Математик и чёрт) – Артур Порджес и Семён Райтбуэрт. – <http://uncle-z.club/2018/08/05/simon-flagg-dev-il-mathematician-heck/>
9. Кларк А. Остров дельфинов. – <http://booksonline.com.ua/view.php?book=84659>
10. Кларк А. Солнечный ветер. – http://www.e-reading.club/bookreader.php/76755/Klark_-_Solnechnyy_veter.html
11. Клаус Г. Сила слова, гносеологический и прагматический анализ языка. – М.: Прогресс, 1967. – 216 с.
12. Лифшиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с.

13. Макаренко А.С. Некоторые выводы из моего педагогического опыта // Макаренко А.С. Избранные произведения: В 3-х т. Изд. 2-е., испр. и доп. Т. 3. – К.: Рад. шк., 1985. – С. 111–129.
14. Мараховский В. Вводится идеальная диктатура: репрессии уже начались. – <https://www.geopolitica.ru/article/vvoditsya-idealnaya-diktatura-repressii-uzhe-nachalis>
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. – 846 с.
16. Орлова Т.Э., Терентьева И.Н. Популяризация науки – актуальная функция научной коммуникации // Электронный научный журнал «Международный студенческий научный вестник». 2018. № 4 (ч. 7). – <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=19068>
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Райгородский Д.Я. (ред.-сост.). – Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. – С. 195–314.
18. «Очевидное – невероятное». – <https://www.vokrug.tv/product/show/ochevidnoe-neveroyatnoe/>
19. Пирс Ч. Избранные философские произведения. Пер. с англ. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
20. Петров М.К. Пентеконтера: в первом классе европейской мысли. – http://www.situation.ru/app/j_art_739.htm
21. Петров М.К. Регион как объект системного исследования / Публикация Г.Д. Петровой / Под ред. В.В. Черноуса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 32. – Ростов н/Д., 2005. – 200 с.
22. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. Изд. 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
23. Покотыло М.В. Художественное творчество как одна из форм популяризации науки // Филологический аспект. Международный научно-практический журнал. 2018. – № 12 (44), декабрь. – <http://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennoe-tvorchestvo-kak-odna-iz-form-populyarizatsii-nauki.html>
24. «Постправда» стала словом года по версии Оксфордского словаря. – <https://www.bbc.com/russian/news-37995176>
25. Тейлор Ф. Принципы научного менеджмента. – <http://chuprina.kz/wp-content/uploads/2013/11/printsipy-nauchnogo-menedzhmenta.pdf>
26. Хайнлайн Р. Астронавт Джонс. – <https://knijky.ru/books/astronavi-dzhons>
27. Хайнлайн Р. Время для звезд. – <https://knijky.ru/books/vremya-dlya-zvezd>
28. Хайнлайн Р. Гражданин Галактики. – <https://knijky.ru/books/grazhdanin-galaktiki>
29. Хайнлайн Р. Пасынки Вселенной. – <https://knijky.ru/books/pasyunki-vselennoy>
30. Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии». http://www.e-reading.club/chapter.php/1041377/168/Marks__Sobranie_sochineniy_Marksa_i_Engelsa_Tom_18.ht

РЕГИОНЫ И ГОРОДА

Агафонова В.В.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

УКРЕПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ КАК ОСНОВА ИХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: регион, устойчивое развитие, человеческий потенциал, продолжительность жизни, материальное благополучие, уровень доходов, образование.

Keywords: region, sustainable development, human potential, life expectancy, material well-being, income level, education.

Главная задача социально-ориентированного государства – обеспечение условий для гармоничного развития человека, включая их материальные и гуманитарные составляющие. Важным проявлением мирового тренда усиления внимания к содержанию жизни людей, повышению ее качества в различных сферах стали многочисленные исследования в области человеческого развития, смещающие приоритеты экономического прогресса с целей по достижению определенного уровня макроэкономических показателей на повышение уровня жизни людей.

Положение РФ в рейтинге по уровню развития человека в постсоветский период сильно менялось. Худшие позиции страна занимала в 2007 г. (табл. 1).

Таблица 1

Изменение положения Российской Федерации в рейтинге стран мира по уровню развития человека¹

Год	1990	1992	2000	2005	2007	2009	2010	2015
Индекс ИРЧП / ИЧР	0,873	0,862	0,781	0,792	0,817	0,755	0,788	0,798
Место в рейтинге ООН	33	37	60	67	71	66	55	50

В сентябре 2018 г. был опубликован очередной доклад ООН, в котором представлены результаты исследований по 189 странам по итогам их развития в 2016 г. Рейтинг вновь возглавила Норвегия. В первую десятку также вошли Швейцария, Австралия, Германия, Ирландия, Исландия, Гонконг, Швеция, Нидерланды и Сингапур. Из стран, вышедших из состава распавшегося СССР, в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития, объединившую 59 государств, вошли Эстония (30-е место), Польша (33-е), Литва (35-е), Латвия (41-е), Белоруссия (53-е), Казахстан (58-е место). Российская Федерация поднялась за год на 1 позицию, заняла 49-е место и впервые вошла в эту группу².

Сопоставление с другими странами показывает, что россияне живут очень мало в сравнении с гражданами других стран этой группы. Даже во многих странах со средним уровнем человеческого развития этот показатель выше, чем в РФ (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в отдельных странах мира (число лет)³

Страна	Год	Все население	Мужчины	Женщины
Россия	2016	71,9	66,5	77,1
	2017	72,7	67,5	77,6
Норвегия	2016	82,5	80,6	84,3
Швейцария	2016	83,3	81,2	85,2
Австралия	2016	82,9	81,0	84,8
Германия	2016	81,0	78,7	83,3
Ирландия	2016	81,5	79,7	83,4
Швеция	2016	82,4	80,6	84,1
Нидерланды	2016	81,6	80,0	83,2

¹ Human Development Report. 2015 / UNDP. – hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015-work-human-development

² Human Development Indices and Indicators 2018. – http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf

³ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 49–50.

Сингапур	2016	82,9	80,8	85,0
США	2016	78,5	76,0	81,0
Эстония	2016	77,8	73,0	82,1
Польша	2016	77,8	73,8	81,6
Литва	2016	75,0	69,7	80,2
Латвия	2016	75,0	70,0	79,6
Беларусь	2017	74,4	69,3	79,2
Казахстан	2017	72,9	68,7	76,9

Хотя, конечно, прогресс очевиден: за 2000–2017 гг. продолжительность жизни россиян увеличилась с 65,34 года до 72,7 года, и только за 2017 г. показатель увеличился на 0,8 года¹. Но в рейтинге стран мира по продолжительности жизни Россия занимает 116-е место, соседствуя с Северной Кореей и государством Белиз. Для сравнения: воюющая Сирия находится на 120-м месте².

Одна из причин этого кроется в структуре причин смерти. Смертность от внешних причин в РФ в 3–4 раза выше, чем в европейских странах, лидирующих по уровню человеческого развития. Показатели смертности от инфекционных и паразитарных болезней, болезней системы кровообращения и органов пищеварения тоже в 2–3 раза больше (табл. 3).

Таблица 3

Смертность населения по причинам смерти в отдельных странах мира (число умерших на 100 000 человек населения)³

СТРАНА	Год	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
РОССИЯ	2016	19,0	113,0	293,0	26,8	40,7	88,2
	2017	18,8	109,1	273,8	22,9	37,6	80,2
Норвегия	2015	7,2	108,1	90,8	33,8	11,2	29,7
Швейцария	2015	4,2	98,9	90,2	20,5	12,6	25,9
Австралия	2015	6,2	107,3	85,6	28,0	12,5	32,9
Германия	2015	8,8	116,2	139,0	28,7	20,3	23,8
Швеция	2016	7,1	101,1	109,0	22,8	12,7	30,6
Нидерланды	2016	7,6	128,6	89,9	28,7	12,0	24,7
США	2016	12,9	107,2	131,8	42,6	19,9	62,1

Не удастся справиться с таким тяжелейшим явлением, как сверхсмертность, за которым стоит ранний, во многих случаях предотвратимый уход из жизни. Только за 2016–2017 гг. такие потери в России составили 838,6 тыс. чел. В основном это мужчины. Главные причины таких трагедий – болезни системы кровообращения и так называемые внешние причины (несчастные случаи, убийства, самоубийства, случайные отравления, утопления, травмы и т.п.)⁴.

Сравнение с европейскими странами ярко характеризует масштаб проблем с избыточной смертностью в России (табл. 4).

Таблица 4

Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий и количество умышленных убийств в отдельных странах мира (тысяч человек)⁵

Страна	Численность погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, тысяч человек, 2016 г.	Количество умышленных убийств на 100 000 человек населения, 2015 г.
РОССИЯ	20,3	7,9
Норвегия	0,1	0,6 (2014 г.)
Швейцария	0,2	0,7
Австралия	1,3	1,0
Германия	3,2	0,9
Ирландия	0,2	0,6
Швеция	0,3	1,2
Нидерланды	0,5	0,6
США	37,5	4,9

По данным известного российского ученого-демографа А. Вишневого, главный источник избыточной смертности мужчин в возрасте до 45 лет – внешние причины смерти (публикация датирована 2012 г.)⁶. Министр здраво-

¹ Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 96.

² Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. – <https://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info>

³ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 51–52.

⁴ Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 32.

⁵ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 145–148.

⁶ Вишневский А. Причины смерти: демографическая диагностика // Демоскоп. – <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535>

охранения РФ В. Скворцова недавно сообщила, что основная причина преждевременных смертей российских мужчин – алкоголизм – заболевание, которое опасно не только само по себе, но и выступает фактором риска для развития многих других болезней¹.

Хотя в уменьшении числа преждевременных смертей от внешних причин достигнут большой прогресс (за 2000–2017 гг. число убийств и покушений на убийство уменьшилось в 3,3 раза², сокращение сверхсмертности остается одним из главных резервов повышения продолжительности жизни в России).

Сильное отставание РФ от стран Европы, входящих в первую десятку стран по уровню человеческого развития, наблюдается и по показателям младенческой, детской и материнской смертности³. Изменение ситуации в этой сфере – еще один резерв улучшения демографической ситуации в стране и повышения продолжительности жизни людей.

Выявляя причины больших различий в показателях заболеваемости и смертности в РФ и большинстве европейских стран, следует обратить внимание на то, что по основным количественным показателям развития здравоохранения РФ не уступает передовым странам (табл. 5). Но огромные различия в величине государственных расходов позволяют предположить наличие технологического отставания отечественной медицины от экономически развитых стран, а также невысокую эффективность системы отечественного здравоохранения. Другая очень вероятная причина – пренебрежительное отношение россиян к своему здоровью (особенно это касается мужчин), что в частности проявляется в отношении к диспансеризации, проводимой лечебными учреждениями с установленной периодичностью. Далеко не все россияне принимают в ней участие, даже будучи оповещены обращениями со стороны страховых компаний.

Таблица 5

Некоторые показатели, характеризующие охрану здоровья населения⁴

Страна	Численность населения на 1 врача, человек 2015 г.	Численность населения на 1 больницу койку, человек 2016 г.	Государственные расходы на здравоохранение (в процентах к ВВП) 2016 г.
Россия	218	123	3,1
Норвегия	228	271	8,5
Германия	239	124	9,4
Швеция	239 (2014 г.)	428	9,2
Нидерланды	287	276	8,6
США	389 (2014 г.)	345 (2013 г.)	8,5

Для исправления ситуации в сфере охраны здоровья россиян, обеспечения доступности всех граждан страны к современной высокотехнологичной медицине, подготовки квалифицированных кадров, обеспечения раннего выявления заболеваний, организации профилактической работы, популяризации здорового образа жизни потребуются увеличить расходы, в том числе государственные, по которым РФ кратко отстает от стран, добившихся больших успехов в гуманитарном развитии.

Уровень жизни россиян пока тоже далек от европейских стандартов. По производству ВВП на душу населения отрыв от лидера рейтинга по уровню человеческого развития – 2,7 раза. Главная причина этого – низкая производительность труда, показатель ВВП в расчете на одного занятого в РФ в 3,3 раза меньше, чем в Ирландии, в 2,4 раза – чем в США, 2,2 раза – чем в Норвегии (табл. 6). Низкая производительность труда в России, в свою очередь, связана с высокой степенью износа основных средств, что требует принятия неотложных мер по стимулированию обновления материально-технической базы производства, а также привлечения инвесторов.

Специалисты высказывают обоснованные опасения по поводу низкого уровня жизни россиян и связанных с этим демографических и экономических проблем, что представляет угрозу экономической безопасности и социальной стабильности⁵.

¹ Скворцова назвала алкоголь главной причиной смертности мужчин в России / Известия. – https://iz.ru/842927/2019-02-07/nazvana-glavnaya-prichina-smernosti-rossiiskikh-muzhchin?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

² Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 251.

³ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 45–48; Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 632.

⁴ Составлено по: Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 126–127; Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 641–642.

⁵ Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Повышение жизненного уровня россиян как важнейшее направление укрепления экономической безопасности страны // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 177–180; Мокрова М.Ю., Липатова Л.Н. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 317–321; Липатова Л.Н. Оценка социально-экономического развития региона через призму качества жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 834–837; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Дифференциация регионов по доходам как угроза экономической безопасности России // Научное обозрение. – Саранск, 2018. – № 4. – С. 12; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2015. – С. 56–61.

Некоторые показатели, характеризующие уровень жизни населения¹

Страна	ВВП на душу населения, 2014 г.		Фактическое конечное потребление домашних хозяйств по паритету покупательной способности на душу населения, 2014 г. (Россия=100)	Валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого (по паритету покупательной способности; долларов США), 2016 г.	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), процентов
	по ППС, долл. США	индекс физического объема ВВП (США=100)			
Россия	25 797	47	100	50 286	41,0
Норвегия	66 018	121	199	111 373	27,5
Швейцария	61 902	113	192	107 743	32,5
Австралия	46 632	85	178	97 259	34,7
Германия	47 092	86	182	92 360	31,7
Ирландия	51 468	94	138	165 968	31,9
Швеция	46 524	85	165	99 244	29,2
Нидерланды	48 612	89	166	96 652	29,3
США	54 651	100	236	121 264	41,5

Согласно официальной статистике, доходы россиян в 2014–2017 гг. неуклонно снижались. Происходило это столь стремительно, что уже в 2016 г. по их реальному содержанию население страны было отброшено к уровню 2010 г. (табл. 7). За 4 года реальные располагаемые доходы уменьшились на 10,5%, реальная начисленная заработная плата – на 4,5%, реальный размер назначенных пенсий – на 6%. Такого продолжительного падения уровня жизни населения в постсоветской России не было. В 2018 г., по предварительным данным Росстата, падение уровня жизни россиян продолжилось – реальные денежные доходы снизились на 0,2%².

Таблица 7

Динамика реальных денежных доходов населения, процентов (1995=100)³

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Реальные располагаемые денежные доходы	215,6	216,6	226,7	235,7	234,1	226,7	213,6	211,1
Реальный размер назначенных пенсий	251,1	254,1	266,6	274,1	276,6	266,1	257,0	257,8
Реальная начисленная заработная плата работников организаций	263,2	270,6	293,3	307,4	311,1	283,1	285,4	293,7

А вот по степени социального расслоения равных нам в Европе нет. Самая низкая в мире подоходная стратификация – в Японии. Именно эта страна, в рейтинге по индексу человеческого развития с учетом неравенства занимает 1-е место. Значение этой модификации индекса в России 0,705 при среднем по миру уровне 0,658, в Японии – 0,948. По индексу развития человека, скорректированного с учетом социально-экономического неравенства, РФ входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития и занимает в ней одно из последних мест (входной порог в группу – 0,7)⁴.

Главная причина, по которой РФ удается занимать столь высокие позиции в мировом рейтинге по индексу развития человека – высокий уровень образованности населения. Степень охвата образованием в России – одна из самых высоких в мире, а по начальному и высшему образованию эти показатели даже выше, чем стране, длительное время лидирующей по уровню развития человека – Норвегии. По численности студентов на 1 000 чел. населения РФ опережает, например, Германию и Швейцарию⁵.

На высокий уровень образования в России указывают и эксперты Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН, ежегодно формирующей рейтинг самых инновационных стран⁶. Однако удельный вес государственных расходов на функционирование этой важнейшей для общества отрасли экономики в РФ ниже, чем в странах, добившихся больших достижений в области человеческого развития, что может повлиять на качество отечественного образования (табл. 8).

¹ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 91, 95, 103–105.

² Росстат: Доходы россиян в 2018 году упали пятый год подряд. / Vestifinance. – <https://www.vestifinance.ru/articles/113732>

³ Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 146.

⁴ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / Под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2018. – С. 158.

⁵ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 132–133.

⁶ Глобальный индекс инноваций. – <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info>

Некоторые показатели, характеризующие уровень образования¹

Страна	Охват населения образованием в 2015/16 учебном году (удельный вес численности обучающихся на определенном уровне образования в процентах от численности населения в возрасте, официально соответствующем данному уровню)			Численность студентов на 1000 человек населения, человек, 2016 г.	Государственные расходы на образование (в процентах к ВВП), 2015 г.
	Начальное образование	Среднее образование	Высшее образование		
РОССИЯ	103	98	84	46	3,5 (2017 г)
Норвегия	100	116	81	...	7,6
Швейцария	104	102	58	35	5,1
Австралия	101	154	122	79	5,3
Германия	102 (2014/15)	102	68	37	4,8
Ирландия	101	117	78	...	3,8
Швеция	123 (2014/15)	145	64	43	7,6
Нидерланды	103	133	80	49	5,4
США	99 (2017/18)	99	89	60	5,0 (2014 г)

Но настораживает то обстоятельство, что численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, в расчете на 1000 чел. населения в России быстро сокращается (в 1,6 раза за 2010–2017 гг.), в то время как в большинстве стран, добившихся высоких показателей по уровню развития человека, этот показатель растет (табл. 9).

Таблица 9

Численность обучающихся по программам третичного (высшего) образования, на 1000 человек населения²

СТРАНА	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
РОССИЯ ¹⁾	65	61	58	54	51	48	46
Норвегия	46	46	47	50	52	52	53
Швейцария	32	32	34	34	35	35	35
Австралия	80	79
Германия	34	36	36	37
Ирландия	43	43	42	43	44	46	47
Швеция	49	49	48	45	45	44	43
Нидерланды	39	47	47	50	49
США	66	67	67	63	62	61	60

¹⁾ 2017 г. – 40 человек.

Возможно, это связано со снижением доступности образования в России, поскольку уровень жизни россиян в последние 5 лет неуклонно снижался.

Итак, согласно методике ООН, Россия относится к странам с очень высоким уровнем человеческого развития. По двум индикаторам из 3 (продолжительность жизни и уровень доходов) наша страна существенно отстает от европейских стран. Резервы повышения продолжительности жизни россиян: преодоление сверхсмертности, сокращение младенческой и материнской смертности. Для существенного повышения жизненного уровня россиян необходимо обеспечить рост производительности труда и разработать более справедливую систему распределения доходов.

Главный фактор, благодаря которому стране удалось выйти на столь высокие позиции в мировом рейтинге по уровню развития человека – высокий уровень образованности населения. Однако резкое сокращение численности и удельного веса в составе населения студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования, может не только ухудшить позиции РФ в мировых рейтингах гуманитарного развития, но и оказать негативное влияние на экономическое развитие. Повысить доступность качественного образования возможно путем преодоления негативной тенденции в уровне жизни россиян, за счет введения льготных образовательных кредитов, а также путем активизации региональных программ по выявлению и содействию образованию одаренных детей.

¹ Россия и страны мира. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 132–133.

² Там же, с. 134–135.

Асефи Т.А.

студент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ключевые слова: экономический потенциал, экономические ресурсы, валовой региональный продукт, производительность труда, инвестиции, инновации, уровень жизни, человеческий потенциал.

Keywords: economic potential, economic resources, gross regional product, labor productivity, investments, innovations, standard of living, human potential.

Мордовия – небольшая республика в составе Приволжского федерального округа с населением 805 тыс. чел. (на 01.01.2018), что составляет 0,55% общей численности населения страны и соответствует 61 месту. Регион занимает площадь 26,1 тыс. км², это 0,15% территории страны и соответствует 68 месту¹.

Природно-ресурсный потенциал Республики Мордовия весьма ограничен. Из полезных ископаемых в республике добываются известняковый порошок, строительные нерудные материалы, природный песок, известняк, доломит, дробленые и прочие известняковые камни, обычно используемые в качестве заполнителей бетона, для дорожных покрытий и других строительных целей. В добывающих отраслях создано всего около 300 рабочих мест². По этому виду деятельности Мордовия занимает последнее место в стране.

Но даже имея такие скудные природные ресурсы, Мордовия достигла неплохих результатов в других видах экономической деятельности: обрабатывающие производства – 0,43% совокупного объема производства (51 место в стране), сельское хозяйство – 1,2% общероссийского показателя (31 место). Из общего объема произведенной растениеводства страны продукции 0,9% приходилось на РМ. Это в несколько раз больше части территории страны, занимаемой республикой, и удельного веса населения России, проживающего в Мордовии. Но особенно преуспел регион в животноводстве – на его долю в 2017 г. приходилось 1,5% произведенной в стране и почти 6% в ПФО животноводческой продукции.

Успешно развивается и строительство. В 2017 г. в Мордовии было введено 330,1 тыс. м² общей площади жилых помещений, что составляет 0,4 % общероссийского показателя и соответствует 52-му месту (табл. 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели в 2017 г.³

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия		
			абсолютное значение	сравнение, %	
			с РФ	с ПФО	
Площадь территории, тыс. км ²	17 125,2	1037,0	26,1	0,15	2,52
Численность населения на 1 января 2018 г., тыс. человек	146 880,4	29 542,7	805,0	0,55	2,72
Валовой региональный продукт в 2016 г., млн. руб.	69 254 134,3	10 375 870,2	198 132,8	0,29	1,91
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	15 966 804	2 412 210	59 916	0,38	2,48
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млн. руб.	194 649 464	27 117 289	628 911	0,32	2,32
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млн. руб.					
добыча полезных ископаемых	13 916 165	1 972 042	773	0,01	0,04
обрабатывающие производства	38 733 173	7 942 292	167 180	0,43	2,10
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	5 379 682	911 282	11 745	0,22	1,29
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1 022 498	209 722	3347	0,33	1,60
Производство сельского хозяйства – всего, млн. руб.	5 119 844	1 192 652,8	59 724,0	1,17	5,01

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 34.

² Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 97.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 18–21, 34–35.

<i>в том числе</i>					
растениеводства	2 610 174	576 538,4	23 274,1	0,89	4,04
животноводства	2 509 670	616 114,4	36 449,9	1,45	5,92
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади жилых помещений	79 223,9	15 640,8	330,1	0,42	2,11
Оборот розничной торговли, млн. руб.	29 813,3 ¹⁾	5 219 930,2	87 397,4	0,29	1,67
Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, млн. руб.	9 036 848	350 468	-62 558	-	-

¹⁾ Млрд. руб.

Хуже обстоит дело с торговлей. В 2017 г. оборот розничной торговли в Мордовии превысил 87 397 млн. руб., но это всего 0,3 % общероссийского оборота. По показателю объема розничного товарооборота в расчете на душу населения республика занимает одно из последних мест в стране (в 2017 г. – 81 место), что является следствием низкого уровня доходов жителей региона¹.

В результате такой экономической деятельности валовой региональный продукт достиг 198 132,8 млн. руб. (2016 г.), что составило 0,3% ВВП стран, что соответствует 62 месту. Материально-техническую базу хозяйственной деятельности обеспечивают основные фонды. В конце 2017 г. их стоимость в РМ составляла 628 911 млн. руб., что составляет 0,3% общероссийского показателя и соответствует 64 месту. Но в ближайшие годы ситуация должна измениться к лучшему, поскольку по объему инвестиций в основной капитал республика занимает 46 место в стране (2017 г.).

Примечательно, что по налоговым поступлениям в бюджет страны Мордовия занимает более высокое место, чем по всем показателям, отражающим экономическую деятельность этого небольшого и небогатого региона в разных сферах, за исключением сельскохозяйственного производства. В 2017 г. по величине поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ в расчете на душу населения регион занимал 47 место, формируя 0,2% федерального бюджета.

В исследовании социально-экономической системы важно знать не только ее состояние, но и динамику показателей. Сравнительный анализ показывает, что ВРП Республики Мордовия в 2016 г. увеличивался быстрее, чем совокупный показатель в ПФО и ВВП страны. Значительнее укрепилась в 2017 г. и материально-техническая база экономики региона – на 9 против 4% в экономике России и уменьшившегося показателя в ПФО. Более быстрыми темпами развивалось и промышленное производство: 11% в Мордовии против 2% в РФ и ПФО (табл. 2).

Таблица 2

Темпы роста (снижения) основных социально-экономических показателей в 2017 г. (стоимостные показатели приведены в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)²

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия		
			процентов	сравнение, + (-) п. п.	
				с РФ	с ПФО
Численность населения на 1 января 2018 г.	100,05	99,7	99,6	-0,45	-0,1
Валовой региональный продукт в постоянных ценах в 2016 г.	100,8	100,0	103,6	2,8	3,6
Инвестиции в основной капитал	104,4	96,1	109,3	4,9	13,2
Промышленное производство	102,1	102,1	110,9	8,8	8,8
Продукция сельского хозяйства – всего	103,1	102,8	102,9	-0,2	0,1
<i>в том числе</i>					
растениеводства	103,5	104,7	100,5	-3,0	-4,2
животноводства	102,6	100,9	104,6	2,0	3,7
Ввод в действие жилых домов	98,7	96,8	100,5	1,8	3,7
Оборот розничной торговли	101,3	102,1	103,9	2,6	1,8
Производительность труда в 2016 г.	99,7	-	104,0	4,3	-

Драйвер экономики региона – сельское хозяйство – в 2017 г. развивалось не столь успешно из-за неблагоприятных климатических условий, что сказалось на урожае. Но это не помешало обеспечить кормовую базу для животно-

¹ Липатова Л.Н., Еремкина Т.В., Градусова В.Н. Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2011. – № 3. – С. 7–20; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Региональные аспекты экономического развития (человеческий потенциал) // Studium. 2014. – № 1–2 (30–31). – С. 3; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Повышение жизненного уровня россиян как важнейшее направление укрепления экономической безопасности страны // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 177–180; Мокрова М.Ю., Липатова Л.Н. Современные тенденции развития человеческого потенциала России // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 317–321; Липатова Л.Н. Оценка социально-экономического развития региона через призму качества жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 1. – С. 834–837; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Дифференциация регионов по доходам как угроза экономической безопасности России // Научное обозрение. – Саранск, 2018. – № 4. – С. 12; Липатова Л.Н., Бирюков И.Г. Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности: Сб. материалов Всерос. научно-практической конференции / Росстат-МЭСИ. – М., 2015. – С. 56–61.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 24–27.

водства, объемы которого в Мордовии возросли в большей степени, чем в РФ и ПФО. Более высокие показатели характеризуют и изменение оборота розничной торговли в Мордовии.

Такая экономическая динамика обеспечила региону высокие показатели занятости (19 место в РФ) и низкую безработицу (16 место в РФ в 2017 г.). И при этом в РМ в 2017 г. был достигнут один из самых высоких в стране и максимальный в ПФО прирост производительности труда, что свидетельствует о повышении и эффективности занятости.

Итак, на общероссийском фоне экономическую ситуацию в Республике Мордовия можно оценить как сравнительно благополучную. Однако сальдированный финансовый результат деятельности предприятий и организаций республики в 2017 г. был отрицательным (см. табл. 1). Низкая эффективность хозяйственной деятельности – была и остается одной из главных проблем региона. Ключевая отрасль экономики – обрабатывающие производства – была убыточной в 2014 и 2015 гг., транспорт и связи – в 2015 и 2016 гг. Не приносит прибыли гостинично-ресторанный бизнес, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг¹.

В 2017 г. в РФ в сфере обрабатывающих производств рентабельность активов составила 4,4%. Убыточным этот вид деятельности был только в 10 регионах, и один из них – Республика Мордовия (–38%). Более низким этот показатель был только в Чувашской Республике и Курганской области. Но в этих регионах прирост производства в этих отраслях был незначительным – 1–2%, а в РМ – одним из самых высоких в стране – почти 13% при среднем уровне в стране 2,5%².

Другая проблема, тормозящая развитие экономики Мордовии, во многом связана с первой, поскольку убытки лишают предпринимателей основного внутреннего источника инвестиций. Речь идет о высокой степени износа основных фондов. В среднем в российской экономике основные фонды изношены на 51%, в Мордовии этот показатель превысил 63% (2017 г.). Более сложная ситуация только в Пермском крае, Чувашской Республике, Республике Марий Эл и, по понятным причинам, в Республике Крым.

В числе важнейших задач, без решения которых социально-экономической системе Мордовии не удастся достичь устойчивости – низкий уровень развития малого предпринимательства. Малый бизнес способствует созданию рабочих мест, росту конкуренции и структурной перестройке экономики. Небольшие предприятия способны быстрее адаптироваться к меняющимся условиям деятельности, реагировать на динамику рыночной конъюнктуры, меняющийся спрос.

Тем самым сектор малой экономики обеспечивает экономической системе гибкость и маневренность, необходимую для функционирования в постоянно меняющихся условиях, позволяет системе сохранять устойчивость и более быстро восстанавливаться после кризисов. Но по числу малых предприятий в расчете на 10 000 чел. населения Республика Мордовия занимает одно из последних мест в стране и последнее в ПФО – 88 ед. против 188 ед. в РФ и 160 ед. в ПФО³.

Еще одна проблема, которая, по признанию Главы Республики Мордовия В.Д. Волкова, сегодня является важнейшей задачей регионального правительства – повышение жизненного уровня населения⁴. Пока среднедушевые денежные доходы жителей Мордовии в 1,7 раза меньше, чем в стране в целом и на 30% меньше, чем в ПФО. По этому показателю республика занимает 80 место.

Таблица 3

Основные индикаторы уровня жизни в Российской Федерации в 2017 г.⁵

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия		
			значение	сравнение, % / + (–) п.п.	
				с РФ	с ПФО
Среднегодовая численность занятых, тыс. человек	71 842,7	13 854,8	387,1	0,54	2,79
Уровень занятости населения в возрасте 15–72 года, процентов	65,5	65,1	66,8	+1,3	+1,7
Уровень безработицы, процентов	5,2	4,7	4,2	–1,0	–0,5
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	31 422	25 870	18 065	57,49	69,82
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	23 806	19 962	12 221	51,34	61,22
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (в месяц), руб.	39 167	29 189	24 327	62,11	83,34
Средний размер назначенных пенсий на 1 января 2018 г. (в месяц), руб.	13 323	12 726	12 030	90,29	94,53
Реальные денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	98,7	97,4	99,6	+0,9	+2,2
Реальные потребительские расходы населения, в процентах к предыдущему году	102,3	102,3	104,0	+1,7	+1,7
Реальная начисленная заработная плата работников организаций, в процентах к предыдущему году	102,9	103,9	102,3	–0,6	–1,6

¹ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – Саранск, 2018. – С. 369.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 594–595.

³ Там же, с. 572–573.

⁴ Волков В.Д. Основная задача руководства республики – повысить уровень жизни и реальных доходов граждан. – <http://www.e-mordovia.ru/glava-rm/novosti/vladimir-volkov-osnovnaya-zadacha-rukovodstva-respubliki-pov/>

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – С. 18–21, 24–27, 34–35, 140–141, 156–157, 206–207.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата занятых в экономике Мордовии в 1,6 раза меньше, чем средний в стране показатель и на 17% меньше, чем в ПФО. По этому показателю республика занимает 75 место. Из-за низкой заработной платы и пенсии в Мордовии тоже небольшие: на 10 и 5,5% меньше, чем в РФ и ПФО соответственно. По этому показателю республика занимает 72 место (табл. 3).

Но самое большое отставание отмечается по потребительским расходам жителей Мордовии: они почти в 2 раза меньше среднего уровня в стране и в 1,6 раза меньше, чем в ПФО – это один из самых низких в стране показателей (80 место).

Низкие денежные доходы сдерживают потребление, что отражается и на показателях развития розничной торговли, и на динамике ВРП. Надежду на улучшение ситуации дает то, что реальные потребительские расходы жителей Мордовии прирастают быстрее, чем в РФ и ПФО, а денежные доходы в реальном исчислении потеряли меньше, чем в среднем в других российских регионах.

Кроме того, по ряду нестоимостных показателей уровня жизни РМ опережает многие более экономически успешные субъекты федерации. Так, по общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, Мордовия занимает 29 место в стране. Обеспеченность основными предметами длительного пользования мало отличается от средних в стране и ПФО показателей (табл. 4).

Таблица 4

**Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах в 2017 г.
(по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года;
на 100 домохозяйств; штук)¹**

Показатель	Российская Федерация	Приволжский федеральный округ	Республика Мордовия
Телевизоры	190	180	165
Видеокамеры, кинокамеры	14	13	16
Персональные компьютеры	124	120	93
Мобильные телефоны	245	244	242
Музыкальные центры	28	31	40
Холодильники, морозильники	133	142	137
Стиральные машины	100	101	99
Электропылесосы	95	90	96
Микроволновые печи	108	110	100
Посудомоечные машины	10	6	0,0
Кондиционеры	23	16	12
Число собственных легковых автомобилей ¹⁾ , на конец года; штук	305,0	305,3	273,7

¹⁾ на 1000 человек населения

Еще большую опасность представляет вызванный низким уровнем оплаты труда отток квалифицированных кадров из региона. Это ослабляет главный стратегический ресурс Мордовии – высокообразованное население. По образованности населения республика – один из лидеров в России, занимает 12 место по численности студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры в расчете на 10 000 чел. населения: в РФ – 289 чел., ПФО – 288, в РМ – 345 чел. (2017–2018 уч. год)².

Но статистика и исследования показывают, что многие молодые люди, требовательные к содержанию, условиям труда и уровню его оплаты, в поисках достойной работы покидают республику и переезжают в столичные регионы и крупные промышленные центры³, что может негативно сказаться на перспективах развития региона уже в ближайшие годы.

Учитывая ограниченность природно-ресурсного потенциала Мордовии, руководство республики одним из главных своих приоритетов считает инновационное развитие экономики. Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г., основной целью определяет повышение конкурентоспособности региона за счет инновационного сектора экономики и улучшения качества жизни его населения⁴.

Возможности инновационного развития экономики опираются на активное участие в созидательных процессах молодых людей со свойственным им креативным неординарным подходом к решению разных задач, склонностью к инициативе и риску. В этой связи первоочередной задачей является создание действенных стимулов для привлечения творческой молодежи в сферу науки и те сектора региональной экономики, которые обеспечивают ее инновационное

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018 – С. 244–247.

² Там же, с. 345–347.

³ Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Абелова Л.А. Демографические факторы формирования трудового потенциала Мордовии // Вестник Мордовского университета. 2010. – № 2. Серия: Социологические науки. – С. 196–202; Липатова Л.Н., Градусова В.Н., Фадеев В.Ю. Развитие народонаселения России в 1990–2000 годы: федеральный и региональный аспекты // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. 2013. – № 2 (26). – С. 7–17; Липатова Л.Н., Лещев Д.М., Градусова В.Н. Влияние миграции на формирование трудового потенциала населения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2014. – № 1. – С. 106–119; Липатова Л.Н., Сивиркина Н.Н. Демографическая динамика как фактор формирования трудового потенциала АПК Республики Мордовия // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. 2014. – № 2. – С. 114–128.

⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. – <http://docs.cntd.ru/document/819073683>

развитие, прежде всего это: энергосберегающая светотехника и силовая преобразовательная техника; кабельное и оптико-волоконное производство; машиностроение, в том числе вагоностроение; информационные технологии.

Следует подчеркнуть, что Республика Мордовия – один из лидеров в области инноваций. Согласно рейтингу ежегодно проводимому НИУ «Высшая школа экономики», регион занимает 8 место в РФ¹, по данным Ассоциации инновационных регионов России, Мордовия относится к группе средне-сильных инноваторов и занимает 14 место в стране².

Однако фактором, ограничивающим возможности инновационного развития этого приволжского региона и страны в целом может стать непривлекательность научной деятельности для молодежи, о чем свидетельствуют статистические данные и результаты исследований авторитетных международных организаций. Так, по данным ЮНИСЕФ, в 2008 г. в составе исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, сотрудников в возрасте до 30 лет было 17,6%, в Мордовии этот показатель составлял 20,1%³. А средний возраст ученых в России превысил 48 лет⁴.

В Мордовии ситуация осложняется тем, что уровень оплаты труда в сфере науки остается в Республике Мордовия одним из самых низких в стране: РФ – 57 179 руб.⁵, РМ – 27 469,5 руб.⁶. Кроме того, следует принять во внимание, что значительная часть научных исследований реализуется в вузовских структурах, а здесь уровень заработной платы еще ниже (средняя заработная плата в сфере образования в РМ в 2017 г. – 19 893,4 руб.⁷).

Итак, оценивая современную экономическую ситуацию в Республике Мордовия как сравнительно благополучную, выделим наиболее острые проблемы, существенно ограничивающие возможности поступательного развития региона: низкий уровень жизни, проблема дефицита управленческих кадров, слабое развитие малого предпринимательства, низкий уровень оплаты труда научных работников и преподавателей вузов.

Первой проблемой и по остроте, и по значимости для будущего Мордовии следует считать низкий уровень жизни, с которой во многом связаны и другие вопросы, требующие неотложного решения. Возможности дотационного региона в решении этой проблемы ограничены. На уровне страны выравнивание осуществляется путем привязки заработной платы низкооплачиваемых категорий к среднему уровню. Так поступили с врачами и учителями. Можно предложить поставить заработную плату руководителей предприятий и организаций в зависимость, например, от заработной платы высококвалифицированных рабочих. Следует установить и соотношение заработной платы государственных служащих и доходов тех граждан, ради которых они работают.

Решению проблемы дефицита управленческих кадров будут способствовать меры, направленные на повышение квалификации руководящих кадров предприятий и организаций республики (на паритетной основе или путем грантового финансирования), кадровые конкурсы и программы, выполняющие роль «социальных лифтов» (например, по образцу успешно реализуемой уже не первый год «Лидеры России») и т.п.

Для поддержки малого бизнеса в республике делается немало, но его развитие ограничивает низкий платежеспособный спрос населения и отсутствие стартового капитала у желающих создать свое дело.

В борьбе с «утечкой умов» из республики без повышения уровня оплаты труда не обойтись. Кроме того, для закрепления лучших выпускников вузов в регионе предлагаем вернуться к практике их планового распределения по предприятиям и организациям республики. Облегчить возможности трудоустройства выпускников учетных заведений позволит изменение отношения и увеличение количества академических часов, отводимых на производственную практику.

Не секрет, что пока она проводится в значительной степени формально. Хотя овладение студентом навыками практической деятельности в избранной сфере позволило бы сократить период их социально-профессиональной адаптации при трудоустройстве. А у работодателя в период производственной практики есть возможность не только использовать дешевую рабочую силу, но и присмотреться к потенциальному работнику.

Для изменения отношения к такому важному этапу образовательного процесса, как производственная практика, считаем необходимым принять на уровне страны нормативные акты, в соответствии с которыми период производственной практики засчитывался бы в трудовой стаж. Это обеспечит выпускнику преимущество при первичном трудоустройстве, поскольку большинство работодателей в числе главных требований выдвигает наличие опыта работы по профессии.

В целях повышения уровня оплаты труда научных работников и стимулирования научных достижений предлагается установить доплаты за персональные результаты научной деятельности, в качестве которых можно принять, например, число патентов, число/индекс публикаций и цитирования, численность подготовленных кандидатов и докторов наук и др.

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2017. – С. 19.

² Рейтинг инновационных регионов России: Версия 2016. / Ассоциация инновационных регионов России. – М., 2017. – С. 12.

³ Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ; Росстат. – М., 2010.

⁴ Путин назвал средний возраст ученых в России. – <http://www.mk.ru/politics/2013/02/08/809939-putin-nazval-sredniy-vozrast-uchenyih-v-rossii-48-let.html>

⁵ Российский статистический ежегодник. 2018. / Росстат. – М., 2018. – С. 147.

⁶ Мордовия: Стат. ежегодник. / Мордовиястат. – С., 2018. – С. 143.

⁷ Там же.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский государственный университет
a.a.belostotskiy@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДОТАЦИОННОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СНИЖЕНИЯ ДОЛГОВОЙ НАГРУЗКИ

Ключевые слова: федеральные дотации, субъекты РФ, бюджетная обеспеченность, регионы-доноры, долговая нагрузка, профицит бюджета, межбюджетное регулирование, бюджетные кредиты.

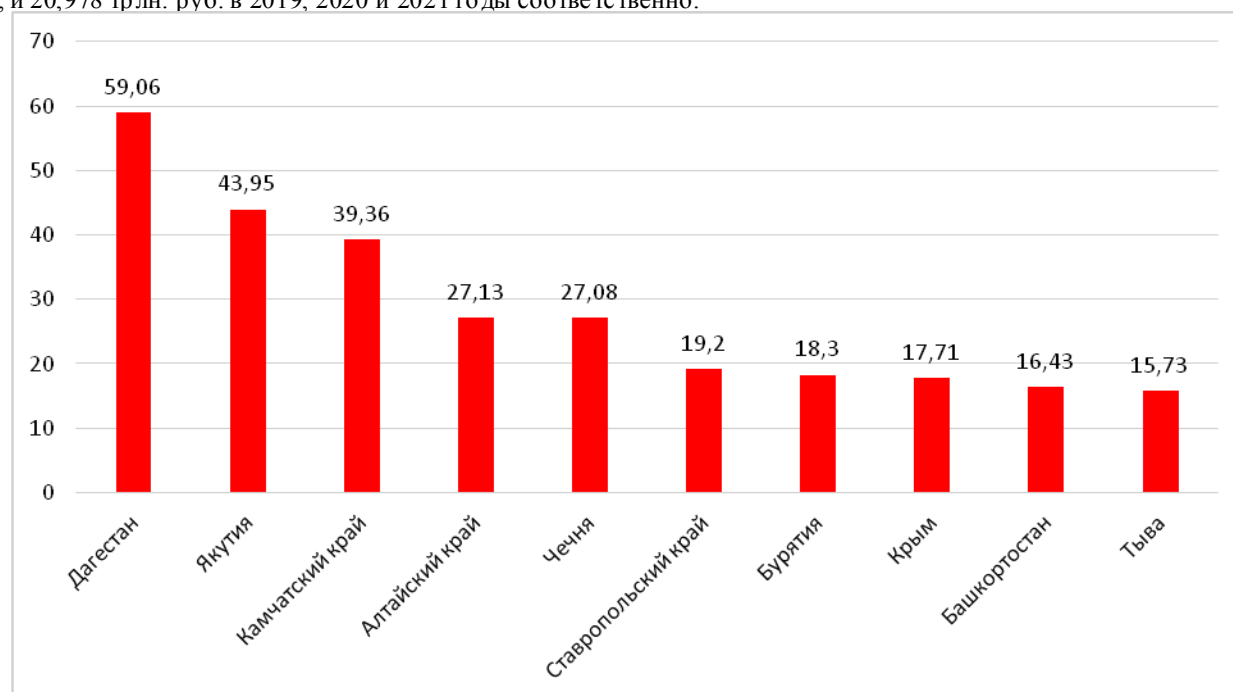
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, образующие Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов Российской Федерации, предусматриваются в составе федерального бюджета в целях выравнивания уровня бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации.

Общий объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации определяется исходя из необходимости достижения минимального уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации.

В 2016 году Министерство финансов РФ сокращает выдачу бюджетных кредитов и увеличивает объем средств на предоставление дотаций. Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности увеличатся в 2018 году на величину прироста того процента налоговой базы по налогу на прибыль, который с 2017 года передан от регионов федерального бюджету и распределяется между нуждающимися в поддержке субъектами (рис. 1)¹.

Профицит федерального бюджета России в 2019 году составит 1,932 трлн. руб. При этом в 2020 году профицит бюджета ожидается на уровне в 1,22 трлн. руб., а в 2021 году – 0,95 трлн. руб.

Расходы федерального бюджета в 2019 году составят 18,037 трлн. руб., в 2020 году – 18,994 трлн. руб., а в 2021 году – 20,026 трлн. руб. Доходы федерального бюджета заложены на уровне в 19,969 трлн. руб., 20,219 трлн. руб., и 20,978 трлн. руб. в 2019, 2020 и 2021 годы соответственно.

Источник: разработка автора.

Рисунок 1.
Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности в 2018 году, %

В законе о бюджете на 2018 год запланирован дефицит на уровне 1,3% ВВП. В ходе весенних поправок закона о бюджете на 2018 год, Минфин скорректировал свою оценку на профицит в 0,5% ВВП. Однако в текущем году бюд-

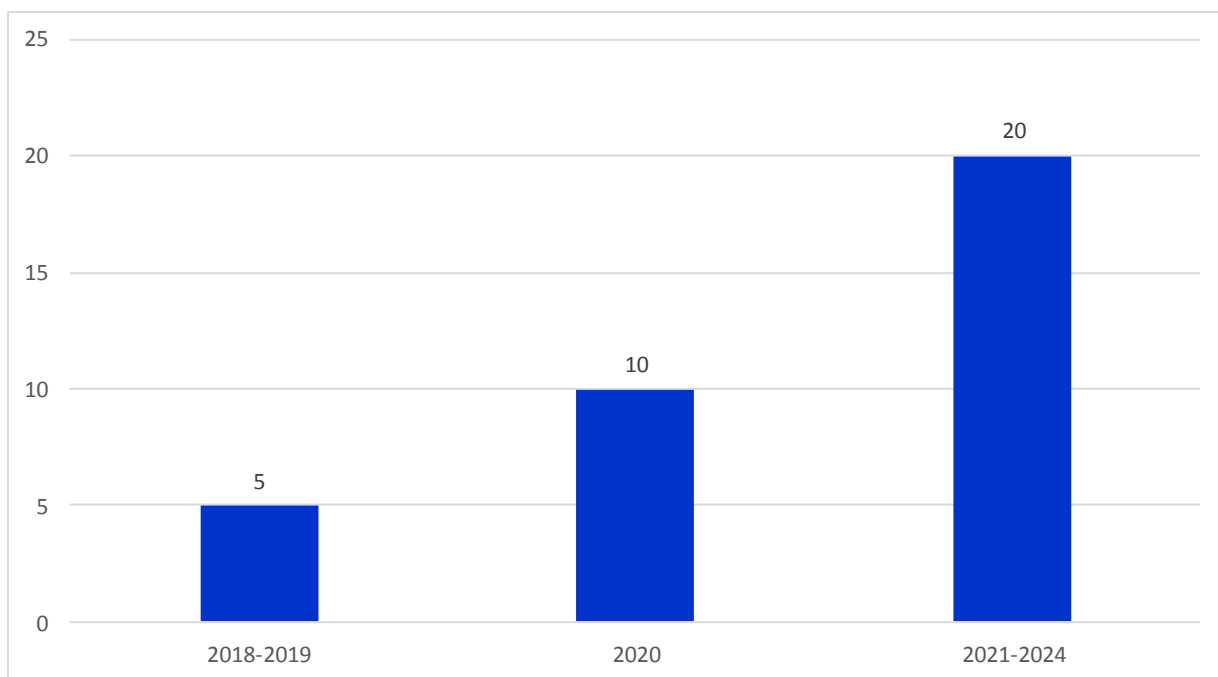
¹ Официальный сайт Министерства финансов РФ: официальный сайт. – <http://minfin.ru/>

жет будет исполнен с профицитом около 2% ВВП и показатель в законе о бюджете может быть скорректирован в сторону увеличения в ходе рассмотрения поправок в бюджет осенью.

Последний раз федеральный бюджет РФ был исполнен с профицитом в 2011 году, когда показатель составил 0,8% ВВП или 442 млрд. руб. Следующий, 2013 год, был исполнен с дефицитом в 0,5% ВВП. Дефицит постоянно рос и достиг максимума в 2016 году – 3,5% ВВП. В 2017 году Минфину удалось сократить дефицит федерального бюджета до 1,5% ВВП¹.

В целях снижения долговой нагрузки бюджетов субъектов Российской Федерации Президент РФ запустил с 2018 года программу реструктуризации задолженности регионов по бюджетным кредитам. Предлагается продлить на 7 лет срок возврата бюджетных кредитов, предоставленных регионам в 2015–2017 годах.

Все регионы после реструктуризации должны будут ежегодно вносить платежи в течение семи лет в погашение накопленной задолженности. Так, в 2018–2019 годах платеж составит 5% от накопленной на 1 января 2018 года задолженности; в 2020 году – 10%; в 2021–2024 годах — 20% (рис. 2).

Источник: разработка автора.

Рисунок 2.
Программа снижения долговой нагрузки бюджетов субъектов РФ, %

В настоящее время, действительно около 55% общего государственного долга составляют бюджетные кредиты, предоставляемые регионам. К числу регионов с наибольшим уровнем долга по отношению к доходам можно отнести республики Хакасия, Дагестан, Смоленскую область, Астраханскую область, республику Марий Эл. При этом проект федерального бюджета на 2018–2020 годы не предусматривает предоставление бюджетных кредитов регионам за исключением тех, кто имеет небольшой уровень долга 1–2 млрд. руб.

К субъектам, где социально-экономические условия далеки от идеальных, можно отнести Республику Хакасию и Костромскую область, где в 2018 году, впервые в России, было введено внешнее финансовое управление. Долг этих двух субъектов по кредитам за счет федерального бюджета превысил 80% доходов, которые они собирают в собственную казну. Всего же, по данным Минфина, на начало 2018 года госдолг российских регионов достиг 2,5 трлн. рублей.

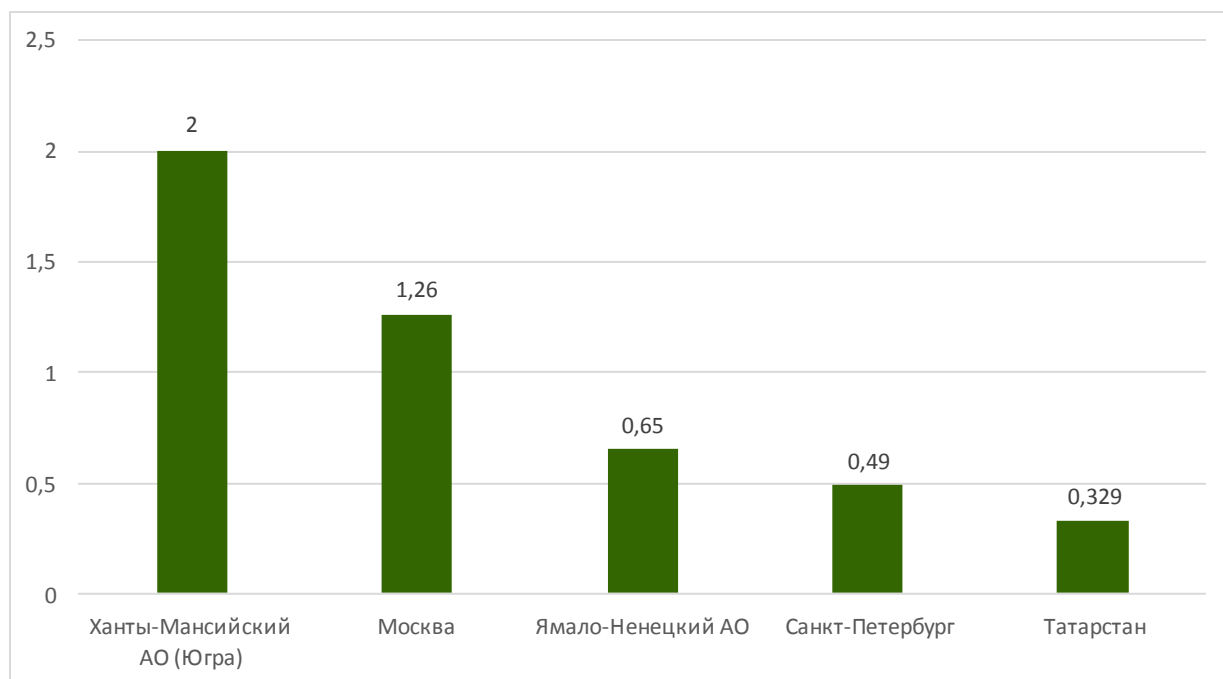
В 2017 году объем федеральных дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности Хакасии составил почти 9 млрд. рублей, а Костромской области – 9,2 млрд. рублей.

В 2017 году сильнее всего снизились налоговые поступления в Республике Тыва (–42%), Сахалинской (–33,2%), Кемеровской областях (–40%). В Архангельской области сократились сборы на 65%. В Забайкальском крае налоги снизились на 96%. Данный субъект РФ ждет реструктуризация долга и внешнее управление².

В настоящее время лидерами по сборам являются Ханты-Мансийский автономный округ (Югра), по итогам 2017 года регион перечислил в федеральный бюджет почти 2 трлн. рублей, что на 37,4% больше показателя 2016 года. Югра обеспечила более 22% поступлений от субъектов Федерации. Затем по собираемости налогов занимает Москва с 1,26 трлн. рублей, далее идет Ямало-Ненецкий АО (652 млрд. рублей). В совокупности эти три региона собрали в казну около 5 трлн., что составило 57,3% всех налогов и сборов. Санкт-Петербург перечислил в федеральный бюджет 492 млрд. рублей, замыкает пятерку лидеров Татарстан с 328,5 млрд. рублей налогов (рис. 3).

¹ <https://tass.ru/ekonomika/5601492/>

² <http://davydov.in/region/spisannye-dolgi-skolko-sekomyat-regiony/aleksej-belostockij/>

Источник: разработка автора.

Рисунок 3.
Регионы-доноры в 2017 году, трлн. рублей

Дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности не получают Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тюменская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Татарстан.

Сложилась такая ситуация, когда регионы оказались завязаны на новых расходных обязательствах, а доходы не увеличивались. Поэтому объем госдолга, который стал нарастать для территорий, оказался непосильной ношей. И поэтому замещение коммерческих кредитов бюджетными в целях освобождения регионов по крайней мере от платежей по процентам, связанным с обслуживанием госдолга, не привело к окончательному решению проблемы. Ситуация с высокой закредитованностью осталась. Стоит признать, что меры, которые были предприняты со стороны федерального центра по отношению к регионам, какими бы жесткими ни казались, оказались действенными. Так, госдолг регионов еще пару лет назад составлял 2,5 триллиона рублей, а по данным на начало декабря 2017 года, он снизился до 2,14 триллиона рублей.

В 2018 году изменилась и методика расчета дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности. Во-первых, Минфин вводит 20-процентное ограничение на прирост дотаций каждому региону год к году. Во-вторых, согласно материалам Минфина, в формулу включается еще один элемент: объем дотации ставится в зависимость от коэффициента долговой нагрузки. Нововведения, предложенные Минфином, дадут ведомству возможность более гибко подходить к расчетам объемов дотаций регионам. По мнению профессора В. Климанова, «это элемент некоего ручного управления. Минфин будет настаивать, что это тоже формула, но жесткая формула может привести к резким всплескам или падениям, ненужным для всей финансовой системы. Для этого введена третья составляющая, которая дает возможность гибче подойти к этой ситуации». Новая методика даст Минфину возможность маневра, чтобы избежать «проседаний» по дотациям из-за простого математического счета¹.

По данным Министерства финансов РФ, суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ по итогам прошлого года снизился на 1,6% и на 1 января 2018 года составил 2,315 триллиона рублей. Что касается структуры регионального госдолга, то по-прежнему большая часть приходится на бюджетные кредиты. На начало 2018 года доля бюджетных кредитов составила 44 против 42% годом ранее. Хотя количество регионов, в структуре которых бюджетные кредиты составляют более 90% от общего уровня задолженности, сократилось до семи.

Наступивший год станет годом реструктуризации бюджетных кредитов, выданных регионам в 2015–2017 годах. В зависимости от динамики доходов консолидированных бюджетов для каждого региона изменится срок их погашения, увеличившись на 7–12 лет. Данная мера позволит регионам высвободить ресурсы для покрытия своих бюджетных расходов без наращивания госдолга и снизить уровень дефицита бюджетов, что должно положительно сказаться и на динамике долговой нагрузки.

В целях дальнейшего совершенствования межбюджетного регулирования на региональном и местном уровнях планируется принятие ряда положений бюджетного законодательства, расширяющих и уточняющих бюджетные полномочия публично-правовых образований в данной сфере, регулирующих вопросы предоставления межбюджетных трансфертов (форм, условий, порядков предоставления), введения ограничений, связанных с предоставлением межбюджетных трансфертов и контролем за их соблюдением.

¹ Официальный сайт АО «Росбизнесконсалтинг». – <http://rbc.ru/>

Галимова Г.А.

к.э.н., зав. кафедрой финансов и налогообложения, доцент, Институт экономики, финансов и бизнеса, БашГУ, г. Уфа

Байгузина Л.З.

к.э.н., доцент, Институт экономики, финансов и бизнеса, БашГУ, г. Уфа
Lyuzab@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Ключевые слова: финансовый потенциал, бюджета Республики Башкортостан, бюджетная политика, налоговая политика.

Keywords: financial potential, budget of the Republic of Bashkortostan, fiscal policy, tax policy.

Сегодня проблема кризиса как явление сугубо экономическое затрагивает все сферы общественной жизни. Последние события в денежно-финансовой сфере позволили взглянуть на данную проблему с другой стороны. Проблема достаточно широкая и в рамках данной статьи рассмотрим основные направления развития финансового потенциала региона на примере Республики Башкортостан [1].

Э.А. Исаев определяет «финансовый потенциал» как «формирование общего механизма регулирования финансовых возможностей, интеграционные экономические и финансовые процессы территорий, их взаимосвязи с федеральным бюджетом» [3]. По его мнению, финансовый потенциал может рассматриваться как :

- 1) особая самостоятельная форма экономического потенциала государства или региона;
- 2) единство финансовых отношений и финансовых ресурсов в их возобновлении и развитии;
- 3) категория, отражаемая посредством финансовой системы и ее звеньев.

С.В. Зенченко определяет экономическую сущность финансового потенциала тремя аспектами [2]: 1) как способность региона производить ресурсную базу для обеспечения производственно-экономической деятельности, выполнения социальных задач и обеспечения устойчивости регионального развития; 2) как совокупность имеющихся на территории финансовых и денежных ресурсов, необходимых для поддержания устойчивой экономической деятельности региона; 3) как результат экономических отношений региона.

Целевую ориентацию мобилизуемых ресурсов подчеркивает и К.М. Менькова [5], утверждая, что финансовый потенциал – это та часть мобилизуемых финансовых ресурсов, которая может быть направлена на развитие региона. В составе этих ресурсов автор выделяет налоговые и неналоговые поступления в бюджет, привлеченные средства, амортизационные отчисления и прибыль хозяйствующих субъектов.

Весьма интересное определение дают финансовому потенциалу А.Л. Коломниец и А.И. Новикова [4]: «финансовый потенциал – это совокупность финансовых ресурсов, мобилизация которых в полном объеме никогда не достижима для целей развития территорий и удовлетворения социально-экономических потребностей граждан».

На наш взгляд, финансовый потенциал региона следует определить как влияние такого фактора как бюджетный на обеспечение стабильного функционирования и развития региональной экономики.

Распределение объемов финансирования по приоритетным направлениям региональной финансовой политики представлено на рис. 1 [6].

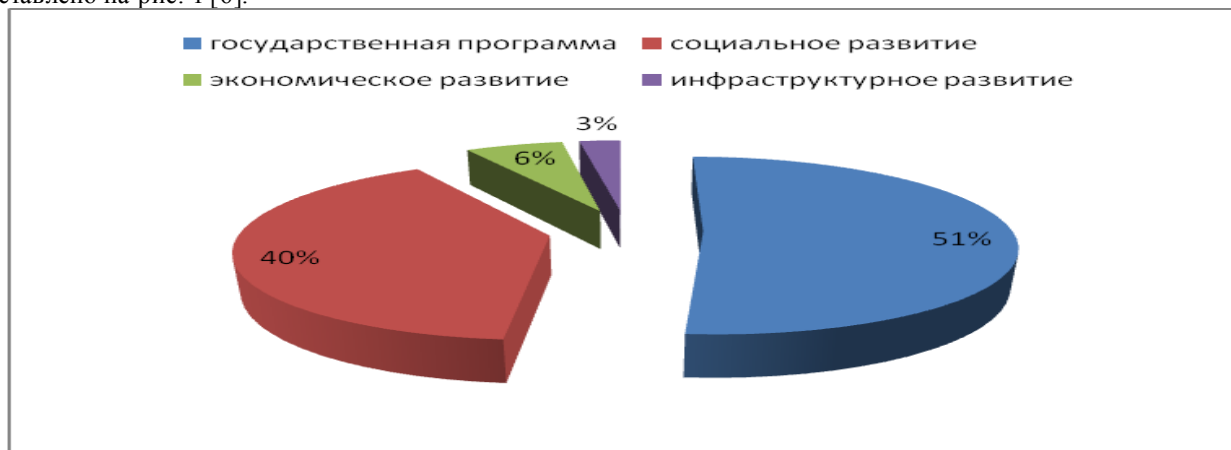

Рисунок 1.
Финансирование государственных программ из бюджета Республики Башкортостан в 2017 г.

Основная доля расходов (119 324,71 млн. руб.) приходится на государственные программы «Управление государственными финансами и государственным долгом Республики Башкортостан» и «Развитие юстиции в Республике Башкортостан», а также на социальное развитие (92 834,66 млн. руб.), где выделены следующие приоритеты:

- содействие занятости населения;
- социальная поддержка граждан;
- развитие физической культуры и спорта;
- развитие молодежной политики;
- развитие образования;
- развитие культуры, искусства и кинематографии;
- развитие архивного дела;
- развитие здравоохранения.

Кроме указанных направлений из бюджета Республики Башкортостан также финансировались 54 республиканские целевые программы на сумму 28,9 млрд. руб. Приоритетными направлениями бюджетной политики Республики Башкортостан в 2015–2017 гг. являются:

- модернизация управления общественными финансами, государственным долгом;
- совершенствование программно-целевого принципа организации деятельности органов исполнительной власти при безусловном обеспечении сбалансированности бюджета;
- повышение эффективности и результативности бюджетных расходов в условиях ограниченных финансовых ресурсов бюджетов всех уровней;
- обеспечение взвешенного и ответственного подхода к управлению бюджетными средствами.

В основе деятельности министерства финансов Республики Башкортостан лежат выработка и реализация единой государственной финансовой политики, необходимой для устойчивого развития экономики и функционирования финансовой системы республики (табл. 1).

Таблица 1

Вклад стратегических целей министерства финансов Республики Башкортостан в достижение региональных целей

Цель	Региональная цель			
	Повышение уровня и качества жизни	Повышение уровня национальной безопасности	Обеспечение устойчивого социально-экономического роста	Формирование условий для социально-экономического роста на долгосрочную перспективу
Увеличить налоговые и неналоговые доходы консолидированного Бюджета Республики Башкортостан до 2018 г. в 1,4 раза к уровню 2013 г.	Определяющий вклад	Существенный вклад	Определяющий вклад	Определяющий вклад
Обеспечить качество управления региональными финансами на уровне не ниже надлежащего (по оценке Минфина России)	Существенный вклад	Относительный вклад	Существенный вклад	Определяющий вклад
Обеспечить уровень долговой нагрузки в пределах 30% доходов бюджета Республики Башкортостан без учета безвозмездных поступлений	Существенный вклад	Относительный вклад	Определяющий вклад	Определяющий вклад

Источник: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности министерства финансов Республики Башкортостан на 2015–2017 годы (предварительный). – https://minfin.bashkortostan.ru/activity/?SECTION_ID=15146

Налоговая политика и уровень налоговых поступлений являются одной из стратегических целей Министерства финансов Республики Башкортостан, так как от стадии экономического развития региона зависит деловая активность предприятий и организаций и определяется тип региональной финансовой политики (сдерживающая или стимулирующая –стабилизационная).

По данным Министерства финансов Республики Башкортостан, за 2017 год исполнение консолидированного бюджета Республики Башкортостан по доходам составило 201 001,2 млн. рублей или 103,0% к уровню 2016 года, из них налоговые и неналоговые доходы составили 165 357,1 млн. рублей или 104,0% к годовому плану, увеличившись по сравнению с поступлениями 2016 года на 5063,2 млн. рублей или на 3,2%. Основными источниками доходов являются: налог на доходы физических лиц – 50 013,2 млн. рублей (30,2% от общей суммы налоговых и неналоговых доходов), налог на прибыль организаций – 45 193,5 млн. рублей (27,3%), акцизы – 20 493,3 млн. рублей (12,4%), налоги на имущество – 19 018,3 млн. рублей (11,5%), налоги на совокупный доход – 7219,4 млн. рублей (4,4%). По сравнению с 2016 годом увеличились поступления: налога на прибыль организаций – на 5718,0 млн. рублей или на 14,5%, налога на доходы физических лиц – на 2213,0 млн. рублей или на 4,6%, налогов на имущество – на 1400,8 млн. рублей или на 8,0%, налогов на совокупный доход – на 623,7 млн. рублей или на 9,5%, акцизов – на 28,3 млн. рублей или на 0,1% [6].

Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности, составили 15 497,7 млн. рублей или 9,4% от общей суммы налоговых и неналоговых доходов.

Безвозмездные поступления составили 35 644,1 млн. рублей или 17,7% от общей суммы доходов, увеличившись по сравнению с уровнем 2016 года на 764,0 млн. рублей или на 2,2%.

Расходы консолидированного бюджета Республики Башкортостан в 2017 году профинансированы в объеме 189 306,9 млн. рублей или на 2,3% выше уровня 2016 года. Выполнение годового плана составило 94,4%. В отраслевой структуре расходов наибольший удельный вес занимает социальная составляющая бюджета – 73,3% всех расходов или 138 652,6 млн. рублей. Субсидии бюджетным, автономным учреждениям и другим организациям в экономической структуре расходов бюджета Республики Башкортостан составили 91 796,0 млн. рублей или 48,5% от общей суммы расходов, социальные трансферты населению (пособия, доплаты к пенсиям, страховые взносы на обязательное медицинское страхование неработающего населения, иные социальные выплаты) – 40 042,1 млн. рублей или 21,2%. На финансирование капитальных вложений и дорожного хозяйства (без учета вышеуказанных расходов) направлено 29 785,9 млн. рублей или 15,7% от общего объема расходов. На вышеуказанные направления расходов приходится 85,4% всех расходов консолидированного бюджета Республики Башкортостан.

Бюджет Республики Башкортостан за 2017 год исполнен по доходам в сумме 167 492,9 млн. рублей (с ростом на 2,8% к уровню 2016 года), по расходам – в сумме 155 944,6 млн. рублей (с ростом на 3,6% к уровню 2016 года).

Доходы местных бюджетов (муниципальных районов, городских округов, сельских и городских поселений) за 2017 год исполнены в сумме 91 709,7 млн. рублей или 104,6% к уровню 2016 года. Налоговые и неналоговые доходы составили 33 543,0 млн. рублей, увеличившись к уровню 2016 года на 3,2%, в том числе в бюджеты муниципальных районов поступило 17 175,1 млн. рублей, в бюджеты городских округов – 16 367,9 млн. рублей, что составляет соответственно 105,9% и 98,4% к плану на год. Расходы местных бюджетов за 2017 год составили 91 563,7 млн. рублей, что на 1,7% выше уровня 2016 года.

Можно отметить, что региональная финансовая политика как составляющая часть государственной финансовой политики должна быть направлена на сбалансированность финансовых ресурсов по всем уровням (звеньям, сферам) финансовой системы для экономического роста.

Список литературы

1. Байгузина Л.З. Формирование финансового потенциала региона с точки зрения синергизма // Молодой ученый. 2015. – № 8 (88). – С. 458–463.
2. Зенченко С.В. Финансовый потенциал региона: методы и модели оценки. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2008.
3. Исаев Э.А. Финансовый потенциал крупного экономического района. – М.: Экономика, 2007. – С.206.
4. Коломниец А.Л., Новикова А.И. О соотношении финансового и налогового потенциалов в региональном разрезе // Налоговый вестник. 2000. – № 3. – С. 4–7.
5. Менькова К.М. Теоретические и методологические подходы к оценке финансового потенциала муниципальных образований в условиях реформирования территориальной организации местного самоуправления // Финансы и кредит. – М., 2008. – № 14. – С. 32–39.
6. Поступления налогов и сборов Республики Башкортостан в консолидированный бюджет Российской Федерации в 2015–2017 гг. – http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/finance/

Гарнов А.П.¹

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МОНОГОРОДАХ

Ключевые слова: моногорода, гибкая занятость, самозанятость, безработица, рынок труда, цифровые технологии, рабочие места.

Современное хозяйственное развитие России во многом зависит от социально-экономической модернизации моногородов, поскольку они играют заметную роль в экономике. Действующий перечень² включает 319 моногородов, где проживает более 13 млн. тыс. человек³ (около 9% населения России).

Как город, образованный градообразующими предприятиями, термин «моногород» был определен в Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 гг.⁴

В 2014 г. министерство регионального развития РФ установило следующие критерии отнесения населенных пунктов к моногородам:

работает одно или несколько однотипных предприятий, имеющих одинаковую отраслевую принадлежность, при этом все остальные хозяйствующие субъекты такого города выпускают продукцию только для нужд его населения.

существует цепочка предприятий, которые имеют между собой технологические связи и работают на один определенный конечный рынок, кроме тех, кто выпускает продукцию для нужд города.

доход местного бюджета в значительной степени зависит от работы одного или нескольких предприятий.

население характеризуется однородным профессиональным составом⁵.

Вышеуказанные предприятия (производственные комплексы) не только обеспечивают население города рабочими местами, но и берут на себя обязательства по поддержке и развитию строительной, энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры, что увеличивает затраты и сказывается на конкурентоспособности продукции⁶.

Моногорода – наиболее уязвимая категория населенных пунктов, которая при наступлении кризисной ситуации в социально-экономическом развитии страны подвергается риску в силу односторонне развитой и преимущественно отсталой экономической базы.

Одним из важнейших факторов, способствующих успешной модернизации моногородов, является занятость его жителей, обеспечивающая достаточный уровень доходов и развитие человеческого потенциала.

Скрытая безработица и неустойчивая занятость являются одними из самых животрепещущих социально-экономических проблем в моногородах.

По определению Международной организации труда (МОТ) к категории безработных относятся лица, не имевшие работы в рассматриваемом периоде, но занимавшиеся ее активным поиском и готовые приступить к выполнению работы⁷.

Согласно российскому законодательству, безработные – это трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработной платы и имеющие регистрацию в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы и готовые приступить к ней⁸.

Большая часть граждан, желающих найти работу, не регистрируется в службе занятости и занимается самостоятельным поиском работы. Это объясняется низким пособием по безработице и небольшими окладами предлагаемых вакансий. Таким образом, регистрируемая безработица не показывает реального положения по безработице в отдельных субъектах Российской Федерации и в стране в целом.

¹ Гарнов Андрей Петрович – д.э.н., профессор, кафедра экономики промышленности РЭУ им. Г.В. Плеханова. E-mail: profgarnov@yandex.ru

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р // Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 31, ст. 4448.

³ Институт комплексных стратегических исследований. – <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov>

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 21 «О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 гг.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 21 февраля 2000. № 8. Ст. 959.

⁵ Распоряжение правительства РФ «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» от 29 июля 2014 № 1398-р. – http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_166540/

⁶ Маслова А.Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. – № 5. – С. 16–28.

⁷ Конвенция МОТ № 2 О безработице. – http://www.conventions.ru/view_base.php?id=198/

⁸ Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 28.12.2016) «О занятости населения в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60

Кроме того, существует скрытая безработица, при которой отсутствует занятость при формальном сохранении трудовых отношений с работодателем.

Скрытая безработица охватывает лиц, занятых формально (работник в штате только числится), а также являющихся занятыми неполную рабочую неделю или находящихся в отпуске вынужденно, без выплаты им заработной платы. Следовательно, скрытая безработица – это чаще всего вынужденное для работника состояние.

В отличие от кризиса 2008–2009 гг., когда официальные показатели безработицы были заметно выше, для нынешней ситуации в большей степени характерна именно такая форма безработицы. Она проявляется в росте показателей неполной занятости и просроченной задолженности по зарплате, в принуждении работников к увольнению по собственному желанию и их вынужденному переходу на условия неформальной занятости.

В условиях кризиса содержать весь штат затратно, просто так уволить сотрудников нельзя, а проводить масштабное сокращение кадров с соответствующей компенсацией дорого. Поэтому многим работодателям приходится идти на различные ухищрения, продолжая поддерживать видимость занятости во избежание социальной напряженности¹.

Неформально занятые и экономически неактивные имеют более высокие шансы попадания в безработицу, чем формально занятые².

По некоторым оценкам, масштабы неформальной занятости в России значительно шире, чем в большинстве развитых стран, и сопоставимы по размерам с теневым рынком труда в развивающихся странах, где его доля составляет от 25 до 45%. При этом 90% из таких работников заняты исключительно в неформальном секторе³.

Неформальная занятость чревата для работников полным бесправием, зависимостью от намерений работодателя, отсутствием гарантий в области занятости, условий оплаты труда, социальных гарантий. Это усиливает социальную напряженность в моногородах. Кроме того, неформальная занятость ведет к недополучению налогов, что ограничивает возможности проведения государственной социальной политики.

Основной причиной распространения неформальной занятости является желание работников получать больший доход и обеспечить себе гибкую занятость, а также желание работодателя снизить издержки на персонал.

Неформальная занятость является одной из форм неустойчивой занятости. Распространение нетипичных (нестандартных) форм занятости, отклоняющихся от сложившегося понятия «полная занятость», было признано резолюцией МОТ в 1993 г., в которой дано определение ненадежной/нестабильной работе с использованием института контртрактных отношений: случайная (работа по устному или письменному контракту, который не предполагает долгосрочных отношений в будущем, а рассчитан на довольно короткий период); сезонная; увольнение без заблаговременного предупреждения или по собственной воле⁴.

Ключевым критерием неустойчивой занятости является вынужденное для работника ограничение социально-трудовых прав и, соответственно, ограничение на использование его трудового потенциала⁵.

По мнению МОТ, сейчас главным вызовом как для российского, так и для мирового рынка труда становится не безработица, а неустойчивая занятость, которая создает риски более низкой оплаты труда, снижения уровня производительности и социальной защиты. По оценкам МОТ, в России около трети всех трудящихся работает вне стандартных трудовых отношений с работодателем: 20% имеют неформальную занятость, 10% – временные контракты⁶.

Привлекательность неустойчивой занятости для работодателя связана с извлечением прибавочной стоимости за счет снижения издержек за час труда при использовании временных работников в сравнении с постоянными работниками. Сохранение или увеличение нормы прибавочной стоимости при использовании временного, сезонного найма или других форм неустойчивой занятости превращается в более привлекательный наем для работодателя, позволяющий перераспределить риски трудовых отношений на наемного работника⁷.

Неформально занятые работники имеют немного более высокую зарплату, чем формально занятые. Но теряют гораздо больше, лишаясь всех или значительной части трудовых и социальных гарантий – охраны труда, отпусков, больничных листов и др. При этом следует учесть, что гибкость занятости не является характеристикой её неустойчивости, и что преимущества гибкости могут быть реализованы при совершенствовании трудового законодательства⁸.

Добровольная работа на гибком рабочем месте не является неустойчивой занятостью. Неустойчивой может быть только вынужденная нестандартная занятость, при которой работнику приходится заниматься не тем, чем бы он хотел при утрате частично или полностью трудовых и социальных прав. При добровольной нестандартной занятости

¹ Широкова О. В., Королькова А. А. Проблема скрытой безработицы на государственном и региональном уровнях // Осенние экономические чтения Материалы Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 31–36.

² Гимпельсон В. Е., Шарунина А. В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2015. – Т. 19, № 3. – С. 313–348.

³ Глинская М. И. Анализ распространения неформальной занятости в России: причины, формы и сферы сосредоточения // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – М., 2018. – № 4 (100). – С. 124–134.

⁴ Resolution concerning the International Classification of Status in Employment // Bulletin of Labour Statistics. 1993. – Vol. 2. – P. XXI–XXIV.

⁵ Одегов Ю. Г., Бабынина Л. С. Неустойчивая занятость как возможный фактор использования трудового потенциала молодежи России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. – № 4 (146). – С. 386–409. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.2

⁶ Нестандартная занятость берет свое // Коммерсантъ. – М., 2017. – 17 октября. – С. 2.

⁷ Бабынина Л. С. Теоретико-методологические основы компенсационной модели оплаты труда: монография / Под науч. ред. Ю. Г. Одегова. – М.: МГИИТ им. Ю. А. Сенкевича, 2014.

⁸ Гимпельсон В. Е., Шарунина А. В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2015. – Т. 19, № 3. – С. 313–348.

работник получит больше выгод, чем утрат. Как правило, это относится к конкурентоспособным работникам. Высокий доход позволяет им оплачивать услуги здравоохранения, регулировать режим труда и отдыха, самим формировать социальные гарантии и т.п.¹

С учетом вышесказанного политика управления занятостью в моногородах должна разрабатываться с учетом существования проблемы неустойчивой, в т.ч. неформальной занятости, и включать меры, направленные на решение данной проблемы.

Напряженность на рынке труда моногородов характеризуют миграционные потоки. Доля трудоспособного населения увеличивается, если по городу наблюдается миграционный прирост, т.е. в населенный пункт прибывает именно трудоспособное население. Устойчивая связь результативного признака с количеством предприятий и организаций подтверждает тот факт, что население привлекает возможность выбора разнообразных объектов приложения труда или имеются благоприятные условия для создания собственной организации².

О кризисном состоянии рынка труда в моногородах свидетельствует повышенный миграционный отток населения, которое вынуждено трудоустроиваться в других регионах. Уезжают наиболее активные и амбициозные люди, и в городе остается только пассивное население, которому свойственно иждивенческое настроение, депрессия, пессимизм, вызванный отсутствием альтернатив. Все это ведет к еще большему снижению перспектив развития предпринимательства и перестройки города на многопрофильность³.

Моногорода имеются в 61 субъекте Российской Федерации. Больше всего моногородов в ПФО и СФО, в т.ч. в Кемеровской – 24 моногорода, Свердловской – 17, Челябинской – 16.

В ПФО и СФО находится почти половина российских моногородов (79 городов в ПФО и 66 – в СФО), в которых проживает более половины от всего населения моногородов. Если в среднем по стране в моногородах проживает 9–10% населения, то в регионах ПФО этот показатель составляет 14%, а в регионах СФО – 16%. Кроме того, на территории этих же регионов находится значительное количество «проблемных» моногородов⁴.

Так, в семи субъектах РФ (Кемеровская, Челябинская, Вологодская, Свердловская, Архангельская области, Республика Хакасия, Республика Татарстан) ситуация с состоянием и развитием моногородов имеет особое значение, поскольку в этих регионах доля населения, проживающего в моногородах, превышает 25%.

30 декабря 2009 г. Правительством были утверждены «Основные направления антикризисных действий Правительства Российской Федерации на 2010 г.», в которых одним из приоритетов была названа поддержка оживления экономики, предусматривающая, в том числе, реструктуризацию экономики моногородов.

В 2010 г. Правительством РФ было принято решение о поддержке моногородов, наиболее пострадавших от экономического кризиса, за счет применения механизмов снижения напряженности на рынке труда, развития малого и среднего предпринимательства, создания инфраструктуры для запуска новых инвестиционных проектов.

Всего в рамках основных направлений антикризисных действий Правительства РФ в 2010–2011 гг. Минфин России предоставил дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ в рамках государственной поддержки реализации мероприятий комплексных инвестиционных планов (КИП) и (или) бюджетные кредиты 31 субъекту Российской Федерации в сумме 17,2 млрд. рублей.

По имеющейся у Минфина информации, с 2010 г. в моногородах, получивших в 2010–2011 гг. государственную поддержку, создано 98074 дополнительных постоянных рабочих места, объем привлеченных внебюджетных инвестиций составил 476,8 млрд. рублей, уровень регистрируемой безработицы снизился с 2,4 до 1,6 процента.

В 2014 г. в целях реализации КИПов, обеспечивающих диверсификацию и развитие экономики моногородов, был создан Фонд развития моногородов. С 2014 года прямая государственная поддержка моногородов осуществляется через данную организацию.

Согласно Правилам предоставления субсидии средства федерального бюджета выделяются Фонду в целях формирования необходимых условий для создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций, для привлечения инвестиций в моногорода и развития городской среды.

В 2014–2017 гг. Фонду из федерального бюджета были предоставлены субсидии в общей сумме 21,2 млрд. руб. Кассовое исполнение расходов составило 11,9 млрд. руб. (56,2%). В связи с отсутствием потребности в субсидии в федеральный бюджет возвращено 3,3 млрд. руб. На 1 января 2018 г. остаток субсидии составлял 6 млрд. руб., из них в январе-августе 2018 г. (по оперативным данным) израсходовано 1,9 млрд. руб. На 2018 г. Фонду предусмотрено еще 3,6 млрд. руб. Однако на 1 сентября 2018 г. соглашение о предоставлении субсидии между Минэкономразвития и Фондом не было заключено, так как отсутствие обоснованного планирования бюджетных ассигнований, выделяемых Фонду на поддержку моногородов в 2014–2016 гг., привело к значительным объемам неиспользованных средств: на 1 января 2016 г. – 5808,8 млн. рублей, на 1 октября 2016 г. – 4068,5 млн. рублей. Объем неиспользованных Фондом субсидий на 1 января 2017 г. составил 1224,1 млн. руб. (19,8% полученных средств).

Согласно отчету Фонда о достижении целевых показателей эффективности использования субсидии на 1 января 2017 года количество созданных рабочих мест в моногородах, получивших поддержку за счет субсидии, составило

¹ Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. – М., 2015. – Т. 19, № 3. – С. 313–348.

² Аксянова А.В., Чехломин С.В. Методы оценки экономической привлекательности моногородов для населения // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. – № 2. DOI 10.21603/2500-3372-2018-2-52-58.

³ Там же.

⁴ Институт комплексных стратегических исследований. – <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov>

2401 единицу, что превышает плановые значения более чем в 9 раз. Объем привлеченных инвестиций составил 16 573 287,2 тыс. руб., что превышало плановые показатели более чем в 33 раза.

В то же время данные контрольного и экспертно-аналитического мероприятий¹ свидетельствуют о том, что значения показателей эффективности использования субсидии Фондом по объему привлеченных инвестиций и созданным новым рабочим местам в моногородах приведены по инвестиционным проектам, не относящимся к категории «новых инвестиционных проектов» и не взаимосвязанным с результатами реализации мероприятий по строительству объектов инфраструктуры в моногородах, и не могут являться индикаторами эффективности вложения средств Фондом.

В 2016 г. был утвержден паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», разработанный рабочей группой по модернизации моногородов при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции, Минэкономразвития России и Фондом.

На её реализацию на 2017–2020 гг. выделялось 25,3 млрд руб., но в 2017 г. расходы были исполнены в сумме 4,4 млрд руб., то есть всего на 39,1% от запланированной суммы на данный год.

Цель Приоритетной программы по созданию рабочих мест была выполнена досрочно. По состоянию на 1 января 2018 года создано 253,4 тыс. рабочих мест при плановом значении 85 тыс. рабочих мест. Однако объективность и достоверность достигнутых показателей вызывает сомнения, поскольку при подсчете созданных рабочих мест включались временные рабочие места, которые создавались и тут же ликвидировались. Кроме того, учитывались и места, созданные независимо от мероприятий программы.

Например, в Кировской области, согласно отчетности, в 11 моногородах было создано 4 186 рабочих мест (147% планового значения 2017 г.). При этом более 40% составляли временные рабочие места для несовершеннолетних граждан. Фактически же в 5 моногородах региона (Белая Холуница, Кирс, Красная Поляна, Луза, Стрижи) уровень безработицы превышает среднероссийский показатель и показатель Кировской области в два и более раза. Численность населения, выбывшего с территории моногородов Кировской области, на 7,2 тыс. человек превышает количество прибывших.

В целях обеспечения социально-экономического развития моногородов за счет привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих организаций, статьей 34 Федерального закона от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» предусмотрен порядок создания ТОСЭР на территориях моногородов.

Резидентам ТОСЭР на территории моногородов предоставляются налоговые льготы, льготные тарифы страховых взносов в негосударственные внебюджетные фонды, облегченный порядок проведения государственного и муниципального контроля.

Согласно Единому перечню мер поддержки моногородов, составленному Минэкономразвития России, действующая система поддержки моногородов предполагала реализацию более 100 мер поддержки финансового и нефинансового характера.

Региональные власти, на чьей территории находятся предприятия и районы, находящиеся в зоне риска, разрабатывают собственные программы сокращения безработицы, основанные на текущей и прогнозируемой ситуации с занятостью. Среди наиболее часто используемых способов: поддержка малого бизнеса, где сможет найти работу до 20–30% незанятого населения, льготные налоговые режимы, выделение господдержки на создание новых рабочих мест и сохранение существующих.

Несмотря на предпринимаемые меры по улучшению социально-экономического положения моногородов, численность населения в них продолжает сокращаться.

По данным ГАС «Управление»², за 2015 г. численность населения моногородов сократилась на 181,5 тыс. человек и составляла 13 507,9 тыс. человек. В 2016 г. за счет естественной убыли и миграционного оттока численность населения моногородов сократилась ещё на 49,9 тыс. человек и составила 13 458,0 тыс. человек, т.е. притока трудовых ресурсов не наблюдается. С 2016 по 2017 год общая численность населения моногородов сократилась на 123,1 тыс. человек и на 1 января 2018 года составила 13 384,4 тыс. человек.

В ряде случаев имеет место значительный отток населения (г. Сатка, Челябинская область, – 5362 человека, г. Новоульяновск, Ульяновская область – 4731 человек, г. Прокопьевск, Кемеровская область – 4505 человек, г. Воркута, Республика Коми – 3613 человек).

При этом в наибольшей степени отток населения осуществляется за счет трудоспособных граждан. Так, численность трудоспособного населения в моногородах на 1 января 2018 года сократилась по сравнению с 1 января 2016 года на 365,6 тыс. человек и составила 7324,2 тыс. человек.

По информации Минтруда России, на начало 2018 года в моногородах на градообразующих предприятиях, среднесписочная численность работников которых составила 1173,5 тыс. человек, к увольнению предполагалось 14,4 тыс. работников.

В течение 2018 года негативная тенденция усилилась. По состоянию на 6 июня 2018 года среднесписочная численность работников градообразующих организаций моногородов составила 1000,9 тыс. человек, что на 172,6 тыс. человек меньше по сравнению с началом года. Численность работников, предполагаемых к увольнению, составила 16,0 тыс. работников.

¹ Счетная палата РФ. – <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten>

² ГАС «Управление». – <http://gasu.gov.ru>

В некоторых городах численность населения заметно выросла. Причины положительного прироста, тем не менее, могут быть различны. Например, в Юрге прирост численности населения произошел за счет притока военнослужащих по контракту¹.

Во многих моногородах уровень безработицы выше, чем в среднем России. По данным Росстата, уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в среднем в РФ в январе 2018 г. составил 5,2%². В моногородах уровень регистрируемой безработицы в январе 2018 г. варьировал от 0,1% до 9,8% при медианном значении 1,2%³. Однако можно предположить, что фактический уровень безработицы гораздо выше.

Среднесписочная численность работников всех организаций по моногородам за 2017 г. равнялась 4,098 млн. человек, что на 4% меньше, чем в 2016г. Как видно из рис. 1, наиболее заметно среднесписочная численность сократилась в ДФО и ПФО⁴.

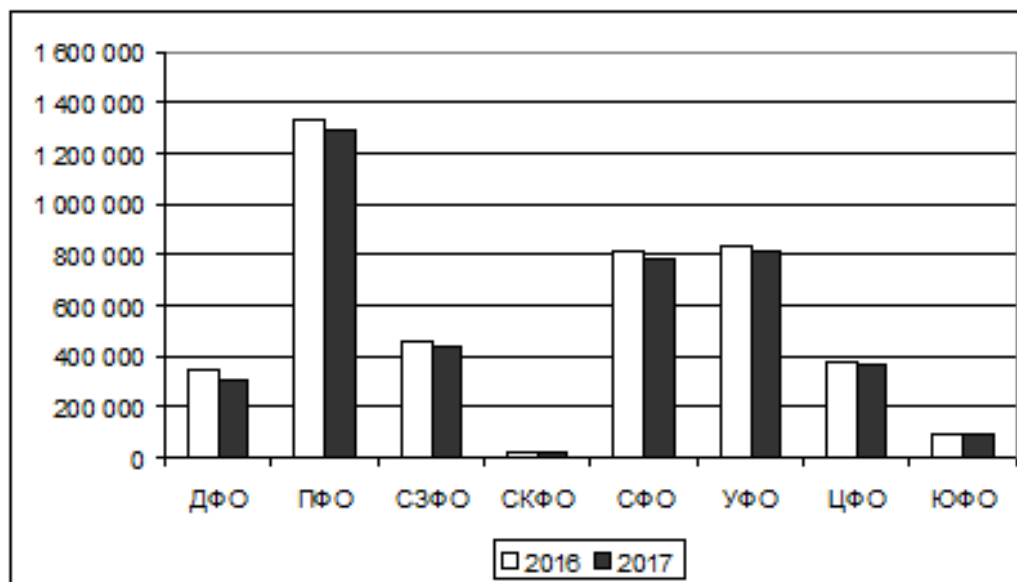

Рисунок 1.

Динамика среднесписочной численности работников всех организаций в моногородах по федеральным округам

С 2014 г. по 2016 г., согласно комплексному наблюдению условий жизни населения, проведенному Росстатом⁵, условия труда в моногородах ухудшились (табл. 1). В моногородах лиц, считающих свою работу очень тяжелой, стало больше. При этом общероссийский показатель почти не изменился.

Таблица 1

Условия труда в моногородах

	2014 г.	2016 г.
Лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике (работающие) оценили свою основную работу		
очень тяжелая работа	3,5	3,4
тяжелая работа	9,3	9,5
работа средней тяжести	50,6	50,2
легкая работа	36,6	35,6
не определено	0	1,3
Лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике (работающие) и проживающие в моногородах оценили свою основную работу		
очень тяжелая работа	3,9	4,5
тяжелая работа	11,5	11,3
работа средней тяжести	52,4	52,0
легкая работа	32,2	31,6
не определено	0	0,6

¹ Добрычева И.В. Влияние статуса ТОСЭР на рынок труда моногородов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2018. – № 2. – С. 128-142. DOI: 10.25513/18123988.2018.2.130-142

² Росстат [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/St_g/d03/36.htm. (Дата обращения: 10.04.2019).

³ Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57943>. (Дата обращения: 10.04.2019).

⁴ Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#. (Дата обращения: 10.04.2019).

⁵ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html. (Дата обращения: 10.04.2019).

Увеличилось количество лиц, которые постоянно испытывают на основном рабочем месте нервное напряжение, стрессы, воздействие вредных производственных факторов, другие неудобства¹.

Тем не менее, жители моногородов реже ищут работу, чем среднестатистический россиянин. При поиске они ориентированы, в основном, на полный график (80% респондентов), хорошую зарплату (53%) и работу по своей специальности (24%). В среднем по России работу с полным графиком ищут 75% респондентов, с хорошей зарплатой – 53% и по своей специальности – 17%. Большинство жителей моногородов (80%) настроены довольно пессимистично и считают, что найти требуемую работу довольно сложно. В среднем по России так считают 78% опрошенных.

Наиболее инициативные, предприимчивые, мобильные люди уезжают в более крупные города как на постоянное место жительства и трудоустройство. Молодёжь предпочитает получать высшее образование в мегаполисах и не возвращается обратно из-за низкого уровня жизни и заработной платы в городе².

Это подтверждается тем, что занятое населения моногородов имеет, в целом, более продолжительный стаж, чем в среднем по России (табл. 2).

Таблица 2

Трудовой стаж занятого населения в возрасте 15 лет и более

Продолжительность стажа	Занятые в экономике всего	Занятые в моногородах	Разность
менее одного года	3,0	2,3	-0,7
от 1 года до 4 лет	8,8	7,9	-0,9
от 5-ти лет до 9 лет	14,1	14,3	0,1
от 10-ти лет до 14 лет	14,8	13,6	-1,2
от 15-ти лет до 19 лет	13,7	13,6	-0,1
от 20-ти лет до 24 лет	13,3	13,8	0,6
от 25-ти лет до 29 лет	10,4	11,5	1,1
от 30-ти лет до 34 лет	10,1	10,4	0,3
от 35-ти лет до 39 лет	7,0	7,8	0,8
40 и более лет	4,8	4,8	0,0

Опрос жителей 60 моногородов, проведенный Счетной палатой, показал, что около 60% населения оценивают уровень безработицы в их муниципальном образовании как «высокий» или «очень высокий» (для сравнения: в рамках социологического опроса ФСО России, проведенного в декабре 2015 г., – 43%). Половина опрошенных (48%) полагает, что найти достойную работу в их городе «невозможно», более 40% – «возможно с трудом» (для сравнения: при опросе ФСО России так считало более трети опрошенных). И только 6,8% жителей моногородов считают, что найти достойную работу «возможно».

Следует отметить, что основной группой респондентов являлось работающее население (77,4%) в возрасте от 19 до 50 лет (80,5% числа опрошенных).

По результатам опроса более 50% населения моногородов готовы обратиться в случае потери работы в службу занятости и более 30% не готовы. Согласно комментариям опрошенных основной причиной отказа обращения в службу занятости является отсутствие предложений квалифицированных и достойно оплачиваемых вакансий.

Таким образом, показатель «Уровень регистрируемой безработицы к экономически активному населению», не отражает реальную картину в решении проблемы безработицы в моногородах.

Сложившаяся тенденция к снижению численности работников и одновременно к увеличению численности пенсионеров приводит к изменениям в структуре населения города. В ней начинает преобладать доля лиц старше трудоспособного возраста³.

Таким образом, несмотря на то, что показатели регистрируемой безработицы в большинстве моногородов демонстрируют отрицательную динамику и сейчас находятся на относительно низком уровне, ситуация на рынке труда остается напряженной. Проблему занятости населения моногородов пока решить не удалось, из них по-прежнему продолжается отток трудоспособного населения, особенно молодежи и высококвалифицированных специалистов. Условия труда в моногородах ухудшаются. На рынках труда моногородов наблюдается диспропорция спроса и предложения. Значительная доля трудовых ресурсов относится к неформально занятым или неофициально безработным. Одной из проблем занятости остается неэффективное использование официально трудоустроенной рабочей силы (скрытая безработица).

Учитывая вышесказанное, необходимо найти новые подходы для решения проблем занятости в моногородах.

В моногородах необходимо сокращать неэффективную «социальную занятость» путем создания высокопроизводительных рабочих мест и перераспределения фонда оплаты труда в пользу креативных работников с одновременным внедрением системы переквалификации высвобождаемых кадров других категорий, преимущественно занятых физическим и рутинным трудом, и развития самозанятости.

Новые возможности для этого предоставляет бурное развитие IT технологий, называемое «цифровой революцией». В современных условиях стремительно исчезают многие профессии и одновременно появляются абсолютно

¹ Федеральная служба государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html

² Николаева Е.Е. Моногорода: социально-экономические проблемы и перспективы (на примере Ивановской области) // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. – № 1. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-137-142

³ Челпанова Д.Д., Гревцова Т.Е. Актуальные проблемы моногорода Гуково Ростовской области: мнения жителей // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. – № 2. DOI:10.21603/2500-3372-2018-2-40-44

новые, связанные с цифровыми технологиями. С одной стороны, эта тенденция негативно влияет на занятость населения, компетенции которого быстро обесцениваются. С другой стороны, благодаря цифровым технологиям проблемы занятости населения моногородов можно решить через формирование инновационной занятости.

Работникам многих направлений теперь необязательно находиться рядом с работодателем (программирование, дизайн, верстка, маркетинг, деловые услуги, инжиниринг и т.д.). Они могут выбрать для себя новую, прогрессивную форму занятости – дистанционную (удаленную) работу.

В настоящее время в России реализуется программа «Цифровая экономика», одним из направлений которой является «Кадры и образование». В числе целей данного направления – совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами.

В ближайшее время в рамках направления «Кадры и образование» начнется внедрение цифровых сертификатов для освоения широкими слоями населения ключевых компетенций цифровой экономики. С 2019 г. в пилотных регионах будет выделено 5000 персональных цифровых сертификатов, оплаченных государством. Персональные цифровые сертификаты – стимулирующие выплаты, которые государство будет выделять на освоение ключевых компетенций цифровой экономики, таких как базовое программирование, основы работы с данными и или коммуникация в современных цифровых средах. До 2024 г. планируется предоставить до миллиона персональных цифровых сертификатов. В 2019 г. будет запущен бесплатный образовательный онлайн-ресурс по развитию цифровой грамотности. На нем будут вестись курсы, позволяющие освоить навыки работы с данными, основы программирования и способы безопасной работы в Интернете. Планируется, что в 2019 г. на данном ресурсе будет не менее десяти миллионов онлайн слушателей.

В результате, у россиян появится возможность формировать индивидуальные траектории развития на основе персональных профилей. Человек с помощью сертификата сможет пройти в онлайн-режиме программу обучения или очно обратиться в соответствующую организацию, предоставляющую образовательные услуги, которые отвечают потребностям экономики нового типа.

С учетом вышесказанного на региональном уровне необходимо разработать программы поддержки дистанционной формы занятости.

Эффективным способом решения проблемы занятости в моногородах может стать развитие гибкой занятости. Гибкие формы занятости – формы трудоустройства рабочей силы, основанные на применении нестандартных организационно-правовых условий занятости работников¹. К основным формам гибкой занятости относятся: работа с гибким графиком рабочего времени, надомный труд, работа по вызовам, вахтово-экспедиционная деятельность, временная занятость, совместительство.

Более широкое использование форм гибкой занятости будет способствовать привлечению на рынок труда рабочей силы из категории социально уязвимых слоев населения, таких как молодежь, женщины, занимающиеся воспитанием детей, пенсионеры, лица с ограниченными возможностями здоровья. Условием для более широкого использования форм гибкой занятости являются создание и развитие нормативно-правовой базы, мер государственной поддержки организаций, принимающих на работу социально уязвимые слои населения.

¹ Оганян К.М., Стрельцов Н.М. Занятость населения и ее регулирование: Уч. пособие. – СПб.: Бизнес-пресс, 2008. – 372 с.

Граница Ю.В.

к.э.н., доцент Института экономики и предпринимательства ННГУ

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОЙКА ДЛЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ НА ФИНАНСОВУЮ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: финансовая неустойчивость, волатильность, регион, экономический индикатор, временной лаг, метод Койка, долгосрочный мультипликатор.

Keywords: financial instability, volatility, region, economic indicator, time lag, Koik method, long-term multiplier.

Прогнозирование состояния экономической системы региона – это основная задача, реализуемая при выборе стратегических приоритетов его инновационного развития.

Исследования в области прогнозирования преимущественно связаны с выбором экономических детерминант, характеризующих положение регионов [1, 2, 3, 4, 5], индикаторов, подающих сигналы о наступлении рецессии [6, 7, 8, 9, 10], показателей в большей степени чем другие подверженных изменениям [11, 12].

Нами была предпринята попытка прогнозировать состояния рецессии в экономической системе региона с помощью коинтеграционной модели Энгла-Гренджера путем построения модели линейной регрессии с использованием моделей бинарного выбора.

Все эти методы, а также вышеуказанные исследования, связанные с оценкой стабильности региона, позволили нам отобрать ряд экономических показателей пригодных, как нам кажется, для прогнозирования региональной устойчивости.

Для оценки взаимосвязи временных рядов параметров, характеризующих различные сферы деятельности региона, нами предложен метод Койка – метод анализа моделей с распределённым лагом, в которых в уравнение регрессии включено как текущее значение объясняющей переменной, так и значения этой переменной в предыдущих периодах.

Уравнение модели с распределёнными лагами определяется по формуле 1.

$$y_t = a + b_0 x_t + b_1 x_{t-1} + b_2 x_{t-2} + \dots \varepsilon_t \quad (1).$$

Модель, сформированная по методу Койка, представлена формулой 2.

$$y_t = a * (1 - \gamma) + b_0 x_t + \gamma y_{t-1} + \varepsilon_t + \dots \gamma \varepsilon_{t-1} \quad (2).$$

Статистические данные для анализа финансового положения регионов были получены на сайтах Министерства Финансов РФ [13] и Государственного комитета статистики РФ [14].

В нашем исследовании ставим перед собой следующие задачи:

1. Выявить показатели, характеризующие экономическую систему региона, между которыми наблюдаются значимые взаимосвязи.

2. Оценить количественные параметры зависимости.

Для реализации поставленных задач мы выделяем на первом этапе лаг для объясняемой переменной, равный единице, и строим модель зависимости среднедушевого дохода от валового регионального продукта на душу населения в Центральном федеральном округе методом наименьших квадратов. Используем для этих целей эконометрический пакет свободного доступа Gretl. Полученная модель описана в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика модели зависимости среднедушевого дохода от валового регионального продукта на душу населения в Центральном федеральном округе

Наименование показателя	Значение коэффициента при показателе	p-значение
const	3707,19	9.61e-06 ***
ВРП на душу населения (регрессор)	0,019	0.0273 **
Среднедушевой доход с лагом один	0,645	0.0004 ***
R-квадрат	0,994	

Оценивая модель, отметим, что остатки в модели распределены по нормальному закону (рис. 1), отсутствует гетероскедастичность и автокорреляция остатков.

Таким образом, можно утверждать что мы получили состоятельные и несмещенные оценки коэффициентов в регрессионной модели.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00716 «Разработка методологии и нетрадиционных методов оценки финансовой нестабильности».

Определим также b_j – коэффициенты при лаговых переменных по формуле 3

$$b_j = b_0 * \gamma^j \quad (3),$$

где

$$b_1 = 0,019 * 0,645 = 0,012$$

$$b_2 = 0,019 * 0,645^2 = 0,008$$

Таким образом, уравнение, полученное путем преобразования, выглядит следующим образом:

$$\text{Среднедушевой доход} = 10\,442,79 + 0,019 * \text{ВРП}_t + 0,012 * \text{ВРП}_{t-1} + 0,008 * \text{ВРП}_{t-2} + \dots + \varepsilon.$$

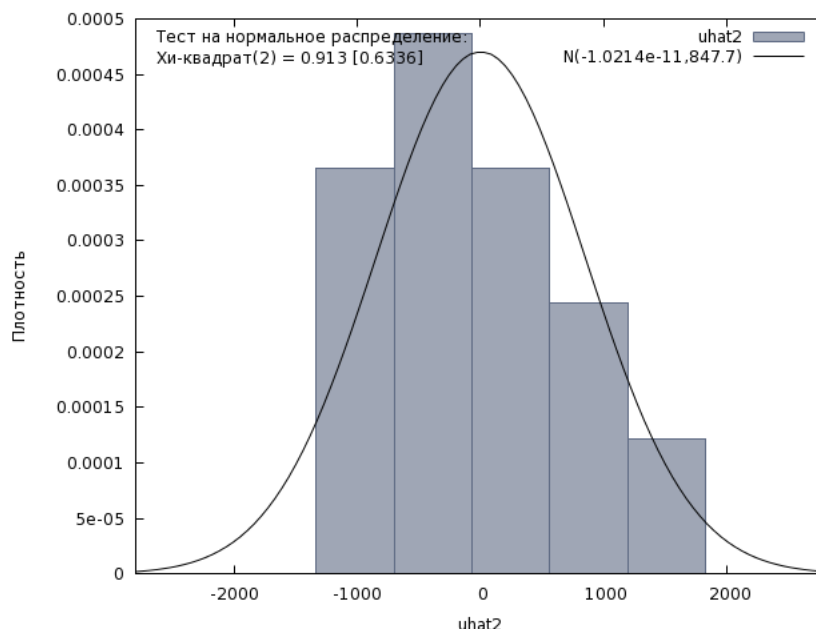

Рисунок 1.
Распределение остатков с модели

На втором этапе вычислим параметры модели Койка (табл. 2).

Таблица 2

Параметры модели, построенной путем преобразований Койка

Показатель	Значение
Коэффициент при лаговой зависимой переменной (λ)	0,645
Константа (a)	3707,19
Коэффициент при регрессоре (b_0)	0,019
Константа в окончательном уравнении (a_0)	10 442,79

Средний лаг модели \bar{T} определяется по формуле 4

$$\bar{T} = \frac{\lambda}{1-\lambda} \quad (4),$$

где

$$\bar{T} = 1,82$$

Построим теперь модели с распределенными лагами, где будет отражена зависимость показателей, представленных в табл. 3, от валового регионального продукта для остальных регионов России, явившихся объектами исследования в данной статье.

При этом будем анализировать только такие модели регрессии, которые содержат значимые коэффициенты и при регрессоре, и при зависимой переменной с лагом равным единице.

Произведем расчет среднего лага для количественной оценки влияния экономических показателей. Результаты отобразим в табл. 3.

В ячейках табл. 3 указан средний временной период, через который осуществляется влияние регрессора на зависимую переменную. Обращаем внимание, что временной лаг отмечен напротив зависимой переменной.

Рассчитанный временной лаг отражает период, через который изменение валового регионального продукта окажет влияние на показатели региона, например, рост валового регионального продукта на душу населения в Центральном округе оказывает влияние на среднедушевой доход через 1 год 10 месяцев.

Очевидно, что целесообразно учитывать средний лаг в пределах полутора лет. Пролонгированное влияние на больший период, по нашему мнению, не является информативным.

Периоды, которые, по нашему мнению, значимы для прогноза финансовой устойчивости региона, отмечены в табл. 3 жирным шрифтом.

Анализ взаимосвязей между региональными экономическими индикаторами

Экономические индикаторы	Центральный федеральный округ	Приволжский федеральный округ	Южный федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный округ	Северо-западный федеральный округ	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Валовой внутренний продукт на душу населения	+	+	+	+	+	+	+
Среднедушевой доход	1 год 10 мес.		1 год 7 мес.	11 мес.			
Государственный долг		1 год 10 мес.	2 года 11 мес.	1 год 3 мес.	4 год 1 мес.	3 года 8 мес.	3 года 10 месяцев
Уровень безработицы							
Инвестиции в основной капитал			1 год		9 мес.		
Сальдированный финансовый результат					7 мес.		
Индекс потребительских цен							
Просроченная кредиторская задолженность по заработной плате		2 года 1 мес.					1 год 1 мес.
Доходы федерального бюджета		1 год 4 мес.				1 год 11 мес.	1 год 4 мес.
Депозитные вклады юридических и физических лиц		1 год 10 мес.	4 года				2 года 11 мес.

Кроме оценки периода влияния, приведем примеры расчета соотношений между значимо зависимыми индикаторами. Обратим внимание, что регрессором во всех случаях является валовой региональный продукт на душу населения (табл. 4).

Таблица 4

Параметры моделей взаимосвязей между экономическими индикаторами

Регион	Зависимая переменная	Константа	Краткосрочный мультипликатор	Долгосрочный мультипликатор
Центральный федеральный округ	Среднедушевой доход	10 439,76	0,0189	0,0533
Дальневосточный федеральный округ	Государственный долг	-1 514 385 553,11	94,41	456
Северо-западный федеральный округ	Сальдированный финансовый результат	-173 040,10	1,679	2,75

Согласно произведенным расчетам, например, при изменении валового регионального продукта на душу населения на 10 000 рублей, среднедушевой доход увеличится на 10 628,76 рублей, а в долгосрочной перспективе при изменении валового регионального продукта на 10 000 рублей среднедушевой доход увеличится на 10 972,76 рублей.

Таким образом, метод Койка для оценки моделей с распределенными лагами позволяет, во-первых, качественно и количественно оценить взаимосвязи региональных экономических данных, во-вторых, установить период времени, когда влияние показателей друг на друга становится значимым.

Продемонстрированные возможности метода (преобразований) Койка делают очевидным его результативное использование в прогнозировании финансовой стабильности регионов.

Список литературы

1. Малкина М.Ю. Нестабильность финансовой доходности региональных экономик и ее детерминанты // *Пространственная экономика*. 2018. – № 3. – С. 88–114. DOI: 10.14530/se.2018.3.088-114
2. Малкина М.Ю. Вклад регионов и отраслей в финансовую нестабильность российской экономики // *Terra economicus*. 2018. – Т. 16, № 3. – С. 118–130. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-118-130
3. Иванова З.Ш., Махашева С.А. Моделирование региональной устойчивости и регионального развития // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2014. – № 5 (61). – С. 118–125.
4. Зоидов К.Х., Янкаускас К.С., Пирогов Н.Л. Моделирование системы финансово-бюджетных отношений России в рамках развития и расширения ЕАЭС в условиях нестабильности. Ч. 2 // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2016. – № 6. – С. 81–100.
5. Зоидов К.Х., Янкаускас К.С., Пирогов Н.Л. Моделирование системы финансово-бюджетных отношений России в рамках развития ЕАЭС в условиях нестабильности. Ч. 3 // *Сегодня и завтра Российской экономики*. 2016. – № 79–80. – С. 91–114.
6. Карепина О.И., Короченцева О.А. Обеспечение сбалансированности региональных бюджетов в контексте сокращения финансовой асимметрии в условиях финансовой нестабильности // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. – № 9 (432). – С. 113–128.
7. Садыков Р.М., Мигунова Ю.В., Гаврикова А.В., Ишмуратова Д.Ф. Ключевые аспекты социального развития региона в условиях экономической нестабильности // *Региональная экономика: теория и практика*. 2017. – Т. 15, № 10. – С. 1906–1919. <https://doi.org/10.24891/re.15.10.1906>
8. Фёдорова Е.А., Фёдоров Ф.Ю., Лазарев М.П. Разработка пороговых критических значений макроэкономических показателей для предсказания кризисных ситуаций // *Финансы и кредит*. 2016. – № 22 (694). – С. 17–26.

9. Фёдорова Е.А., Лукасевич И.Я. Прогнозирование финансовых кризисов с помощью экономических индикаторов в странах СНГ // Проблемы прогнозирования. – М., 2012. – № 2 (131). – С. 112–122.
10. Улюкаев А.В., Трунин П.В. Применение сигнального подхода к разработке индикаторов – предвестников финансовой нестабильности в РФ // Проблемы прогнозирования. – М., 2008. – № 5 (110). – С. 100–108.
11. Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансовая нестабильность региона: методы оценки и инструменты элиминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. – № 6 (36). – С. 183-198. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.14
12. Пестова А.А., Панкова В.А., Ахметов Р.Р., Голощапова И.О. Разработка системы индикаторов финансовой нестабильности на основе высокочастотных данных // Деньги и кредит. 2017. № 6. С. 49–58.
13. https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2010/
14. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

Гребенкин А.В.

д.э.н., в.н.с., Институт экономики УрО РАН, профессор УрФУ

Смирнова О.П.

к.э.н., н.с. ИЭ УрО РАН, доцент УрФУ

ФАКТОРЫ И МОДЕЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: *неопределенность; инновационное развитие; модели институциональной неопределенности; сетевой промышленный комплекс; промышленность Свердловской области.*

Keywords: *uncertainty; innovative development; institutional uncertainty models; network industrial complex; industry of Sverdlovsk region.*

Переход к инновационной экономике немаловажен без построения территориальных инновационных систем, реализующих возможности научно-технологических достижений в региональных бизнес-структурах. В то же время отмечается серьезное отставание инновационной динамики в России от развитых стран. Много слов говорится об инновационном потенциале, но меньше внимания уделяется подходам, моделям и методам его превращения в инновационную реальность. Ключевыми факторами успешности такого перехода служат, по нашему мнению, понимание природы неопределенности в сфере инновационного развития и система методов и форм взаимосвязи, и сопряжения разного рода производств.

Неопределенность как особенность состояния экономических систем вызывает неустойчивый интерес со стороны российских и зарубежных исследователей. Неопределенность – важный атрибут инноваций. И. Адизес отмечает, что «повторение не требует творческой энергии. Оно не сопровождается беспокойством, побочным продуктом неопределенности, которая возникает всякий раз, когда мы делаем что-то новое»². От уровня неопределенности зависит и система институтов, задающих качество развития технологических и социальных систем. Институциональная неопределенность становится, таким образом, как фактором эффективного технологического и социального прогресса, так и тормозом на этом пути (в случае плохих или «спящих» институтов). С феноменом неопределенности связана и задача формирования будущих экономистов. «Очередное поколение учебников..., – пишет Л. Гребнев, – будет основано на представлении об экономике как науке, изучающей затраты людей на продолжение жизни общества в условиях неопределенности»³.

Фактор институциональной неопределенности играет для инновационного процесса решающую роль (в отличие от рутинных процессов). В зависимости от места данного бизнес-процесса в системе сопряженных производств и стадий их развития можно выделить зоны или поля неопределенности, например, поле целевой неопределенности, аналогично – технологической, рыночной, экзогенной и т.д. Так, поле экзогенной неопределенности зависит от изменения политических, экономических и социальных институтов, способствующих (или нет) развитию на инновационной основе соответствующего производства. Поля взаимозависимы, многоуровневые взаимодействия полей неопределенности – сложный процесс, требующий поиска новых моделей построения бизнес-процессов, их представления и организации в виде сетевых сопряженных производственных систем.

Под «сопряженными производствами» мы понимаем производственно-технологическую цепочку взаимосвязанных предприятий различных отраслей и видов экономической деятельности, в которой поэтапно изготавливается продукция того или иного назначения. Итак, в «сопряженных производствах» как базовом типе рыночных взаимоотношений мы предлагаем выделить особый подтип – «сетевой промышленный комплекс» (СПП)⁴. Как относительно новый объект экономического анализа, СПП должны быть представлены в виде множества понятных и вполне реальных сетей, отличающихся главной функцией существования и развития. Эти частные СПП мы называем «функционально-ориентированными производственными сетями» (ФОПС).

Сетевой промышленный комплекс основывается на достаточно высокой степени согласованности интересов и взаимосвязи ее резидентов для коммерциализации единых целей бизнес-структур. Необходимо отметить, что само понятие «сетевая экономика» значительно шире, чем определение «цифровая экономика», так как здесь основной смысл заключается не в технологиях, а в структурных сдвигах.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-01021 «Моделирование неопределенности в развитии сетевых сопряженных производствах в целях обеспечения экономической безопасности».

² Адизес И. Управление жизненным циклом корпорации. – СПб.: Питер, 2007. – 384 с.

³ Гребнев Л. «Философия экономической науки В.А. Канке» и проблемы неопределенности // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 142–152.

⁴ Акбердина В.В., Гребенкин А.В., Смирнова О.П. Комплексный инструментальный оценки экономической безопасности отраслей экономики: региональный аспект // Экономика региона. 2017. – Т. 13, № 4. – С. 1264–1279.

Примером такой сети может быть сеть, связывающая строительный комплекс с обрабатывающей промышленностью и добычей рудного и нерудного сырья. Промышленность обладает наиболее развитой и разветвленной структурой из абсолютно всех секторов экономики. Так, например, зависимость добывающих производств от обрабатывающей промышленности и строительства обратно пропорциональна в связи с тем, что она состоит из многих производств, сильно дифференцирующихся друг от друга. При этом в строительстве зачастую используются импортные строительные и отделочные материалы. В обрабатывающей промышленности стремительный спад производства происходит вследствие невысокого спроса на продукцию и увеличения закупочной стоимости из-за обесценивания рубля. Наблюдается прямая зависимость строительного комплекса от обрабатывающих производств. Однако эта зависимость очень мала ввиду того, что в строительном комплексе зачастую используются импортные материалы и оборудование. Она включает в себя, как правило, множество предприятий, комплексов, различных отраслей, которые обеспечивают добычу и переработку природных ресурсов, производство разнообразной продукции. То есть это вид СПП, главной функцией которых является создание строительных объектов: строительная-ориентированная производственная сеть. В свою очередь, разновидностей этой сети – множество, зависящее от номенклатуры продуктов и услуг, производимых в рамках данной ФОПС.

Вайбер Р.¹, White H.C.², Powell W.³, Brantley P., Burt R.S.⁴, Granovetter M.⁵, Болычев О.Н.⁶, Попов Е.В.⁷ рассматривают сетевой подход, который включает в себя организацию разных секторов экономики, производящих продукцию в ориентации на рост маржинальности данного бизнеса как в рамках всей цепочки в целом, так и условно любого элемента цепочки бизнес-структур, от первоначального сырьевого материала до поступления к конечному потребителю согласно стратегически значимым видам деятельности. С целью эффективной деятельности компаний с сетевыми производствами желательна тесная совместная работа заинтересованных сторон друг с другом, а кроме того научными учреждениями и органами власти.

Предлагаемая нами сетевая модель построения бизнес-процессов с учетом фактора неопределенности инновационного развития предполагает решение методологической проблемы изменения представления о структуре сетевого промышленного комплекса в целом⁸.

Промышленный комплекс Свердловской области обладает серьезным потенциалом формирования сетевого промышленного комплекса, что обусловлено, в т.ч., высоким уровнем кооперационного межотраслевого взаимодействия, развитой инновационной структурой.

По итогам 2018 года можно констатировать, что отмечалась положительная динамика промышленного производства. Свердловская промышленность во многом сумела адаптироваться к новым реалиям экономического развития в условиях изменения мировой конъюнктуры рынка.

Экономика Свердловской области исторически сформировалась как «экономика индустриального типа», в которой существенная часть созданной добавленной стоимости создается в промышленном производстве, около 32% ВРП производится на промышленных предприятиях.

К настоящему времени промышленный комплекс Свердловской области сохраняет свои лидирующие позиции в условиях изменения мировой конъюнктуры рынка, в значительной степени пройдя этап адаптации к новым реалиям экономического развития. Это позволило региону перейти от около нулевых темпов 2013–2015 годов к 7-процентному приросту промышленного производства в 2016 году (индекс промышленного производства в целом по Российской Федерации в 2016 году составил 1,1%). См.: табл. 1.

Таблица 1

Индекс промышленного производства (% к предыдущему году)

Наименование	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
РФ	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	101,1	102,1	102,9
УрФО	101,9	101,6	101,1	100,7	98,1	101,8	103,4	–
Свердловская область	106,2	109,6	102,7	102,1	96,9	107,7	104,3	–

Источник: таблица составлена авторами по данным Росстата.

Особенностью, сложившейся в течение десятилетий и достаточно устойчивой структуры промышленности Свердловской области, является большой удельный вес профилирующих отраслей специализации (металлургии и машиностроения), на долю которых приходится около 70% объема производства промышленной продукции области. Следует отметить, что за последние 15 лет произошли значительные качественные изменения в структуре промышленного комплекса. При сохранении важной роли традиционных базовых отраслей получили развитие инновационные

¹ Вайбер Р. Законы сетевой экономики // Проблемы прогнозирования. – М., 2005. – № 4. – С. 86–91.

² White H. C. Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production. – Princeton, 2002. – 345 p.

³ Powell W., Brantley P. Competitive cooperation in biotechnology: Learning through networks? // Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. – Boston (Mass.): Harvard Business School Press, 1992. – P. 78–94.

⁴ Burt R. S. Structural Holes: The Social Structure of Competition. – Cambridge: Harvard University Press, 1995. – 356 p.

⁵ Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action / Harvard Business School. 1992. – 217 p.

⁶ Болычев О.Н. Понятие сеть в системе базовых понятий региональных экономгеографических исследований // Балтийский регион. 2014. – № 4 (22). – С. 79–93.

⁷ Попов Е.В. Сети. – Екатеринбург: АМБ, 2016. – 168 с.

⁸ Мульти субъектная промышленная политика: кол. моногр. / Под общ. ред. д.э.н., проф. РАН В.В. Акбердиной, д.э.н., проф. О.А. Романовой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 356.

сектора промышленности: фармацевтическая промышленность, медицинское приборостроение, высокотехнологичное железнодорожное машиностроение, формируется региональная nanoиндустрия, тем самым расширяются экспортные возможности области.

Характерными представителями сетевых промышленных комплексов являются агропромышленный комплекс, нефтегазовый комплекс, и строительный комплекс. В Свердловской области имеются предпосылки для развития сетевых промышленных комплексов, к которым следует отнести: металлургический комплекс и горнодобывающий комплекс.

Процесс формирования сетевых структур в промышленности можно отнести к одному из важнейших инструментов пространственной организации экономики страны в контексте определения эффективных специализаций. Кроме того, сетевой подход является едва ли не основным при обосновании эффектов процесса цифровизации промышленности¹.

Таким образом, потенциал формирования и развития регионального сетевого промышленного комплекса, нами рассматривается в контексте совокупности ресурсов, свойств сети и структурных изменений, которые обеспечивают вероятность достижения характеристик стабильного функционирования производственной инфраструктуры и социально-экономической сферы. Следствием формирования сетевых структур является появление синергетических эффектов, они позволяют снижать издержки, и повышать инновационную активность и конкурентоспособность промышленного комплекса как на мезо-, так и на макроуровнях.

¹ Акбердина В.В., Смирнова О.П. Промышленная политика в условиях формирования сетевой промышленности // Мульти-субъектная промышленная политика: кол. моногр. / Под общ. ред. д.э.н., проф. РАН В.В. Акбердиной, д.э.н., проф. О.А. Романовой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. – С. 266–278.

Дмитриев Ю.А.

д.э.н., профессор, Институт экономики и менеджмента Владимирского государственного университета

Чирков М.А.

к.э.н., доцент, МГУ

Чистяков М.С.

соискатель Института экономики и менеджмента Владимирского государственного университета

КЛАСТЕРНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

Ключевые слова: кластер, кластеризация, высокие технологии, промышленный потенциал, возобновляемые источники энергии, энергосбережение, энергораспределение.

Keywords: cluster, clustering, high technologies, industrial potential, renewable energy sources, energy saving, energy distribution.

Современный этап цивилизационного развития в качестве одной из основополагающих форм существования социума предполагает энерго- и ресурсосбережение. Одним из перспективных направлений реализации политики сбережения энергии и ресурсов является зарекомендовавший себя кластерный подход.

Кластерные технологии являются концептуальной платформой синергии инновационных знаний и технологий с привлечением инфраструктурного и природно-географического потенциала¹.

В данном контексте представляется полезным для изучения и последующего внедрения зарубежный опыт. Так, в Финляндии функционирует энергокластер, объединяющий нефте- и газохимические, электроэнергетические, инженеринговые и энергомашиностроительные компании, что позволило повысить энергоэффективность и экологичность энергетики страны². В начале 1990-х гг. в этой стране был проведен системный анализ отраслей национальной экономики, результатом которого стала идентификация в ее структуре 9 кластеров, в число которых попала и энергетика. При этом основными показателями оценки потенциала кластеризации стали индикаторы международной конкурентоспособности различных отраслей, выраженные через превышение доли их продукции на мировом рынке над суммарной долей страны в общей мировой торговле, а также через превышение отраслевого экспорта над импортом. Таким образом, энергетический кластер в Финляндии существовал в скрытой форме еще до его идентификации³.

Отметим определенную характерную особенность практикоприменения нововведений в Суоми, которая позволяет формировать кластерную политику в инновационном направлении. Данный благоприятный фактор обусловлен тесной кооперацией науки, образовательных организаций, бизнес-сообщества и власти. Экспертное мнение сводится к идентификации Финляндии как государства с достаточно высоким уровнем технологического и научно-исследовательского взаимодействия. Определенная направленность прослеживается в междисциплинарном формате исследований, что позволяет достичь высокой степени технологичности подобного рода разработок.

Лидером прорывных исследований и разработок в сфере высокотехнологического развития в РФ является инновационный центр «Сколково», в котором одним из составных элементов инновационной конфигурации стал энергоэффективный кластер, функционально направленный на внедрение технологий, отличающихся прорывными решениями в сфере энергопотребления и энергосбережения.

Кластерные технологии в управлении энергоэффективностью постепенно находят применение и в российских регионах. В 2011 г. в форме некоммерческого партнерства был создан Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий, учредителем которого стали АлГТУ им. И.И. Ползунова, более 30 промышленных предприятий региона, отраслевых организаций, коммерческих банков и др.⁴

Создание энергетических кластеров в регионах будет способствовать решению фундаментальных задач, стоящих перед энергетической сферой народного хозяйства РФ:

- Мониторинг и выявление высокотехнологичных направлений в энергетической сфере с учетом мировых практик;

¹ Абдряшитова А.И., Чистяков М.С. Кластерные технологии в развитии индустрии туризма и рекреации Северных территорий // Сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Человеческий ресурс как фактор развития Арктики и северных территорий (г. Якутск, 29–30 ноября 2018 г.) / [Науч. ред. Н.В. Малышева]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – С. 404.

² Михайлов С.А., Балябина А.А. Региональные энергетические кластеры: проблемы и перспективы // Российское предпринимательство. – М., 2008. – № 10 (1). – С. 21.

³ Садриев А.Р. Инновационные кластеры в электроэнергетике: проблемы формирования и перспективы развития // Региональная экономика: теория и практика. 2011. – № 19 (202). – С. 19.

⁴ Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий. – <http://www.altayenergoklaster.ru/>

- Задействование и эффективное использование синергетического инновационного потенциала региональных структур науки, образования и высоких технологий;
- Внедрение инновационного цикла «фундаментальные научные исследования – практическое применение» реализации технико-технологической составляющей энергосбережения и энергопотребления;
- Консолидированное финансирование НИОКР, направление средств на реализацию прорывных проектов энергоэффективных технологий энергосбережения промышленного производства;
- Создание условий для венчурного бизнеса в инновационной энергетической сфере и энергозависимых отраслях народного хозяйства;
- Применение механизмов ГЧП с целью формирования условий для апробации инновационного оборудования, разработок и высоких технологий;
- Развитие технологий рециклинга ресурсов, технологий использования возобновляемых источников энергии, в т.ч. сетевого электро- и теплоснабжения;
- Внедрение комбинированного подхода использования технологий возобновляемых источников энергии, в т.ч. компенсации неравномерной подачи генерирующими агентами мощностей тепло- и электроэнергетики;
- Развитие и внедрение энергосбережения на основе принципов социального партнерства, экологическое образование и воспитание, гуманный подход к живой природе и природным ресурсам, развитие «зеленой экономики, чистых технологий и чистой энергии»;
- Привлечение в энергетическую сферу народного хозяйства резидентов интеллектуальной собственности.

В качестве примера можно привести опыт Германии, где наблюдается заметный технологический прогресс в энергосфере. В настоящее время эту страну можно охарактеризовать как территорию с развитой инфраструктурой возобновляемых источников энергии.

Скоординированная деятельность более чем 100 компаний и исследовательских структур позволила Германии выйти на ведущие позиции в рейтинге мировых производителей оборудования для ветряных электростанций. Порядка 75% всего объема производимых в кластере ветряных турбин направляется на экспорт¹. Данный опыт необходимо использовать и в России на платформе кластерной концепции генерирования возобновляемой энергии, а также создания производств по выпуску оборудования для данного вида энергокластеров.

Компаративный анализ процесса кластеризации региональных экономик зарубежных стран свидетельствует не только о единых подходах к кластерному строительству, но и об особенностях страновой специфики применения кластерных технологий. Так, природно-ресурсный и научно-технический потенциал, трудовые ресурсы, обусловленность выбора ареала локализации кластерной структуры определяют особенности формирования кластерного конфигурата, направление расстановки приоритетов государственной протекции в различных отраслевых сегментах территориальных экономик. Анализ имеющихся позитивных и негативных факторов хозяйственной деятельности на определенной территории позволяет верифицировать возможные модели формирования будущей кластерной структуры в условиях существующей экономической и политической конъюнктуры на территории России².

Несмотря на позитивный опыт мирового развития энергосбережения в формате использования кластерных технологий в данной сфере, в России данный подход остается на более низком уровне, что в значительной степени обусловлено слабым развитием соответствующей инфраструктуры, незначительным задействованием механизма государственно-частного партнерства (ГЧП). Развитая инфраструктурная конфигурация предполагает привлечение высоких технологий с использованием кластерного подхода в эволюцию кластерно-логистических коридоров, топливно-энергетического сектора, жилищно-коммунального комплекса и пр. Формирование координирующего механизма в направлении развития указанных отраслей будет способствовать верификации подхода кластерного строительства энергетической структуры территории, в т.ч. промышленного потенциала региона, подразумевающей вхождение в ее состав предприятий иных видов деятельности на взаимосвязанной и взаимозависимой платформе.

Отметим, что при планировании кластерной конфигурации энергетического баланса необходимо принимать во внимание достаточно высокую диспропорциональность рассредоточения генерирующих мощностей в совокупности с разноудаленной локализацией ресурсов энергопроизводства. В этой связи представляется целесообразным организация межрегиональных потоков ресурсораспределения и энергообеспечения на основе единой системы управления энергетическим кластерным конфигуратом.

Формируемая подобным образом кластерная энергетическая структура относительно локализованных кластерных резидентов, относящихся к одной или нескольким смежным отраслям, создает потенциал взаимодействия в конвергенции с позитивной динамикой эволюционного развития субъектов данной эмерджентной кооперации, что способствует синергетическому взаимодействию в генерации динамичного развития энергетического благополучия территории. Данный симбиоз способствует технологическому и иному развитию, трансферу знаний и технологий. Релевантным является условие автономности ведения хозяйственной деятельности резидентами кластерной конфигурации в горизонтальной плоскости связей (например, в рамках альянса или консорциума). В данном случае – вертикальное взаимодействие в формате интеграции в холдинг будет сопровождаться эффектом ингибирования определен-

¹ Germanwind: Wild Energy Cluster in Northwest-Germany. Press Release. – <http://www.germanwind.info>

² Чирков М.А., Дмитриев Ю.А., Кащев Б.В., Чистяков М.С. Зарубежный опыт применения кластерных технологий в инновационном территориальном развитии // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2019. – № 1. – С. 152–153.

ных процессов эволюционного развития. Положительные эффекты будут проявляться в опережающем развитии резидентов кластерной структуры по сравнению с тождественными предприятиями вне кластерного конфигурата¹.

Внутренняя взаимосвязь кластерной структуры является предпосылкой для проявления мультипликативного эффекта, проявляющегося как во внутренней структуре кластерной геометрии, так и во внешнем средовом фоне кластера.

Стратегическая миссия энергетического кластера заключается в создании выверенной политики энергообеспечения, представляющей собой систему динамичного развития баланса генерации и энергопотребления, включающей звенья промышленного потенциала и домохозяйств, учреждений и объектов социального назначения. Указанное направление будет способствовать генезису инновационной высокотехнологичной энергетической инфраструктуры, в т.ч. на межтерриториальном уровне. В качестве инструментальной базы достижения стратегического баланса в формировании кластерных форм энергетики отметим необходимость разработки и реализации политики комплексной и всесторонней протекции внедрения технологий энергосбережения в функционал предприятий энергетического кластера, что, в свою очередь, поспособствует росту ресурсной и энергетической составляющей развития промышленного потенциала территории.

России необходимо занять активную позицию в данном процессе в контексте технологической реиндустриализации промышленного потенциала с целью формирования источника иного ресурсного фактора, который позволит в дальнейшем осуществить высокотехнологичное развитие народного хозяйства страны².

Отдельного внимания заслуживает формирование в России комплекса «интеллектуальных сетей» в отраслях экономики, в регионах и городах, что закономерно ведет к созданию нового системно-структурного образования, который можно назвать конвергентным кластером, имеющим централизованные черты, в которых соединяются преимущества компьютерного кластера и системы распределенных вычислений – Smart-Grid. Конвергентность подчеркивается созданием необходимых условий целенаправленного улучшения функционирования системы в целом³, в данном случае – энергетической⁴.

Одним из ключевых факторов эффективной кластерной энергетической политики является региональный аспект устойчивой и самоорганизующейся системы, способствующей энергетической безопасности с учетом специфики территориально-структурной организации на основе сбалансированности производства и потребления топливно-энергетических ресурсов, использования экологически чистых технологий, повышения энергоэффективности и энергосбережения народного хозяйства страны.

Определенным условием развития высокотехнологичной эколого-экономически сбалансированной электроэнергетики России должно стать изменение ее архитектуры на платформе конвергенции высоких технологий, прагматичного ресурсоиспользования и сохранности ноосферы, создания принципиально удобного и упрощенного интерфейса цифрового и технологического взаимодействия субъектов энергогенерации, распределения и потребления, который позволил бы перейти на качественно иной этап сохранности ресурсного баланса биосферы планеты.

Кластеризация рационального энергопотребления, распределения и ресурсосбережения может рассматриваться как механизм качественных изменений в производственной и хозяйственной деятельности социума. Отмечается всевозрастающий интерес в экономической литературе к данной форме генерации и сохранения энергии в качестве универсального подхода формирования энергосбережливости промышленного потенциала, что предопределяет данное направление рационального ресурсосбережения в качестве стратегически значимого вектора эволюции высокотехнологичного промышленного потенциала и экономической системы в целом.

¹ Иванова О.Е. Особенности создания инновационного энергетического кластера в Ивановской области // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. – № 4 (60). – С. 138.

² Чирков М.А., Абдюшитова А.И., Чистяков М.С. Кластерные технологии в рециклинг-индустрии ресурсов как фактор формирования эколого-экономического единства и высокотехнологичного развития России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. – № 3. – С. 74.

³ Райков А.Н. Конвергентное управление и поддержка решений. – М.: ИКАР, 2009. – 244 с.

⁴ Логинов Е. Развитие «интеллектуальных сетей» в электроэнергетике отраслей, регионов, городов России // Управление мегаполисом. 2011. – № 5. – С. 93.

Дорошенко С.В.

д.э.н., доцент, зав. сектором региональной предпринимательской политики Института экономики УрО РАН

Трушкова Е.А.

к.э.н., н.с. Института экономики УрО РАН

Шеломенцев А.Г.

д.э.н., профессор, зав. отделом исследования региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: предпринимательство, модель, экономическая адаптация, население, регион, детерминанты, факторы, формы реализации.

Keywords: entrepreneurship, model, economic adaptation, population, region, determinants, factors, forms of implementation.

Масштабы, глубина и частота социальных, экономических, политических изменений в современном мире актуализируют проблемы адаптации населения. Методология исследования моделей адаптации, как правило, базируется на эволюционном, бихевиористском, социокультурном, экосистемном, деятельностном и аксиологическом подходах. Кроме того, целесообразно изучать адаптацию индивидов или социальных групп с позиции динамического подхода, то есть как процесс, а не только как конечный положительный результат. Интеграция данных подходов позволяет рассмотреть адаптацию населения не только с точки зрения ответной реакции субъектов на воздействие факторов окружающей среды (политических, социальных, культурных, институциональных, экономических и т.п.), но и обратить внимание на эндогенную составляющую принятия решений в процессе адаптации.

Существуют два основных измерения адаптации населения – экономическое и социальное. Последнее может трактоваться достаточно широко и включать в себя различные аспекты: как собственно социальный, так и политический, культурный, демографический. Одновременно экономический тип адаптации является очень сложным процессом, направленным на усвоение новых не только экономических, но и социальных принципов и норм взаимодействия субъектов в экономической сфере. Не случайно многими исследователями экономическая адаптация рассматривается как одно из проявлений социальной адаптации в целом. В рамках данной публикации остановимся на некоторых вопросах экономической адаптации как самостоятельного вида адаптации.

Адаптацию общества, в отличие от природной адаптации, следует считать целенаправленным и сознательным процессом, опирающимся на мотивы, ценности, установки, ориентации, знания и потребности индивида или социальной группы.

Поэтому под экономической адаптацией населения нами понимается совокупность целенаправленных действий индивида или социальной группы, обусловленных включением в систему экономических взаимодействий и направленных не только на текущее погашение средового воздействия, но и на перспективы развития с учетом основных мотивов и поведенческих установок.

Основным мотивом экономической адаптации индивида является не только поддержка, но и повышение своего жизненного уровня. Реализуется эта поведенческая установка по-разному: через поиск более высокооплачиваемой или дополнительной работы, получение нового образования, миграцию, кредиты или сбережения, а также предпринимательскую деятельность.

На базе этого выстраиваются различные модели экономической адаптации – сберегательная, миграционная, предпринимательская и т.д. Выбор и формирование моделей происходит в зависимости от наличия, уровня и комбинации тех или иных ресурсов, причем как индивида или социальной группы, так и среды. Учитываться должны материальные и нематериальные ресурсы. Любая из моделей реализуется через различные формы.

Учитывая значимость повышения предпринимательской активности населения, в своих исследованиях мы остановились на рассмотрении предпринимательской модели экономической адаптации.

На наш взгляд, предпринимательская модель экономической адаптации представляет собой совокупность действий индивида или социальной группы, направленных на реализацию предпринимательского потенциала как собственного, так и в целом экономической системы.

Предпринимательская модель, с одной стороны, детерминруется целями, ценностными ориентирами, установками, мотивами, потребностями, то есть мотивационно-ценностными и когнитивными составляющими, через совокупность которых проявляется личностный феномен. С другой стороны, формирование и реализация предпринимательской

¹ Исследование проводится в рамках плана НИР Института экономики УрО РАН на 2019–2021 гг.

тельской модели экономической адаптации находится под влиянием средовых факторов – экономических, институциональных, социальных, политических, культурных и т.д.

Таким образом, предпринимательская модель адаптации населения формируется в результате сложного взаимодействия личностных характеристик и комплекса внешних факторов. Последние создают предпринимательскую экосистему. Кроме того, отдельно необходимо отметить влияние поселенческого фактора – среды проживания (мегаполис, малый город, сельское поселение), что существенно влияет на процесс принятия решений о занятии предпринимательской деятельностью.

Исключая теневой аспект, мы выделяем прямые и косвенные формы реализации предпринимательской модели адаптации, наиболее характерные для современного человека. К прямым формам относятся создание собственного малого предприятия и участие в семейном бизнесе, к косвенным – самозанятость и интрапренерство.

В целом, в составе предпринимательской модели экономической адаптации населения можно выделить три основных детерминанты, две из которых составляют экзогенные и эндогенные факторы влияния, третья представляет собой формы реализации, которые запускаются через определенные, выбранные индивидом механизмы адаптации с учетом внешних ресурсов среды и внутренних установок.

Остановимся на отмеченных детерминантах несколько подробнее.

В качестве экзогенных факторов или факторов внешней среды, непосредственно провоцирующих адаптацию за счет происходящих изменений и воздействующих на формирование определенной ее модели (в нашем случае, предпринимательской) предлагается учитывать следующие:

- *политический фактор*, поскольку развитие предпринимательской деятельности является неотъемлемой частью современной государственной социально-экономической политики, основные нормативные, стратегические и программные документы, которой отражают позицию власти по отношению к предпринимательскому сообществу. Так, в 2016 году была утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года. Сегодня реализуется ряд государственных программ, затрагивающих сферу предпринимательства, в том числе: «Содействие занятости населения» (в рамках приоритетного направления «Новое качество жизни»), где приведены общие требования по разработке государственных программ субъектами федерации, включая положения по созданию экономических условий для обеспечения занятости населения, развития предпринимательства и самозанятости; «Экономическое развитие и инновационная экономика», включающая подпрограмму «Развитие малого и среднего предпринимательства»; «Воспроизводство и использование природных ресурсов», одной из задач которой является развитие предпринимательской деятельности в сфере охотничьего хозяйства;

- *экономический фактор*, охватывающий различные виды материальных и трудовых ресурсов;

- *инновационный фактор*, отражающий развитие и доступность для предпринимательского сектора новых технологий, развитие инфраструктуры для инновационного бизнеса;

- *финансовый фактор*, включая системы субсидий, налоговых льгот и т.п.;

- *социальный фактор*, отражающий увеличение безработицы, снижение доходов населения, увеличение социального неравенства и т.д.;

- *институциональный фактор*, учитывающий наличие и развитость институтов стимулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства; инфраструктуры его развития;

- *образовательный фактор*, связанный с наличием образовательных программ подготовки в сфере предпринимательства;

- *культурный фактор*, определяющий уровень развития предпринимательской культуры в обществе.

Выделенные средовые факторы во многом коррелируют с экосистемным подходом, в рамках которого предпринимательская экосистема рассматривается как сложное структурное явление, включающее в себя инфраструктурные, финансовые, культурные, политические, социальные, рыночные условия развития предпринимательства.

Однако следует отметить, что эти факторы, в первую очередь, «работают» по отношению к такой форме реализации предпринимательской модели адаптации, как создание собственного малого предприятия, они существенны для семейного бизнеса (но здесь еще добавляется влияние «семейного фактора»), а также влияют на самозанятость. По отношению к интрапренерству в большей степени значимы факторы внутрикорпоративной среды, чем общей деловой среды, но при этом выделенные экзогенные условия можно рассматривать как «оболочку» влияния более высокого уровня.

Вторая группа факторов, влияющих на выбор предпринимательской модели экономической адаптации, – эндогенных – представляет собой совокупность ценностно-мотивационных и когнитивных составляющих: ценности, мотивы, ориентации, установки, потребности, цели, компетенции. В социальных и гуманитарных исследованиях выделенные элементы рассматриваются достаточно подробно с позиции различных подходов, включая социокультурный, аксиологический, поведенческий, в том числе и применительно к предпринимательству. Мы лишь кратко остановимся на отдельных моментах.

Базовой категорией по отношению к большинству остальных являются ценности, состав которых определяет мотивы, установки, ориентации, цели человека. Интересно обобщение И.В. Игнатовой в две группы ценностно-мотивационных установок предпринимательского поведения – альтруистические и эгоистические. По мнению этого исследователя, в основе одной из идеальных моделей предпринимательского поведения лежат альтруистические ценности, предполагающие изменение мира к лучшему, содействие материальному процветанию государства и собственную полезность обществу. Модель предпринимательского поведения, основанная исключительно на эгоистических мотивах, включающих установление своих правил хозяйствования, повышение личного материального состояния, реализацию личных амбиций, предполагает использование любых средств для личного обогащения и самореализацию че-

рез приобретение власти и влияния¹. Во «включении» же личностных (эгоистически) предпринимательских мотивов в достижение общественно значимых результатов важна роль государства.

Многочисленные эмпирические исследования показывают, что наиболее распространенными мотивами принятия решения об открытии собственного дела являются стремление к самореализации; финансовой независимости и улучшению материального благосостояния; мотивы, связанные с социально-экономической ситуацией в стране. В целом, можно говорить о добровольных и вынужденных мотивах выбора предпринимательской модели экономической адаптации. Добровольный выбор осуществляется, прежде всего, исходя из положительной оценки собственных ресурсов и ресурсов среды. Вынужденный выбор базируется, в том числе, и на отсутствии других возможностей экономического обеспечения жизнедеятельности.

В последние годы активно развивается компетентностный подход, что позволяет объединить мотивы, установки, знания и т.п. Применительно к предпринимательству можно говорить о предпринимательских компетенциях, трактуя их, прежде всего с позиций социокультурного, аксиологического и деятельностного подходов, как качества личности, проявляющиеся в совокупности знаний, умений, навыков, способов деятельности и личностных характеристик (в том числе ценностей, мотивов, ориентаций, установок) задаваемых конкурентными отношениями и требованиями социальной среды и экономическими реалиями, необходимые для генерирования, продвижения и внедрения в практику в целях реализации предпринимательской модели адаптации. Именно наличие сформированной предпринимательской компетенции, сочетающей мотивационный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты, во многом определяет успешность предпринимательской деятельности.

Таково краткое отображение двух детерминант, элементы которых определяют факторы формирования предпринимательской модели экономической адаптации населения региона. Третий детерминанта содержит современные формы реализации модели, которые определены нами с учетом признаков не только внешнего, но и внутреннего проявления предпринимательской составляющей адаптации населения.

К первой форме относится создание собственного малого предприятия, зарегистрированного в соответствии с законодательством Российской Федерации. Согласно Закону РФ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к малым предприятиям относятся хозяйствующие субъекты, отвечающие ряду критериев, в том числе средняя численность работающих до 100 человек (до 15 – на микропредприятиях).

В рамках первой формы нами рассматриваются, прежде всего, создание именно малых предприятий, что наиболее ярко отражает сущность предпринимательской модели, поскольку предполагает не только реализацию собственной идеи бизнеса, но и создание достаточно заметного количества рабочих мест, внося вклад в развитие территориального сообщества. В табл. 1 представлены данные Росстата о развитии малого предпринимательства (без микропредприятий) в России за период 2013–2018 гг.

Таблица 1

Основные показатели деятельности малых предприятий в Российской Федерации за 2013–2018 гг.

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество предприятий, единиц	234 537	235 579	242 661	172 916	256 698	238 292
Численность работников (без внешних совместителей) тыс. человек	6452,3	6358,3	6216,1	5050,2	6167,5	5800,6
Оборот, млн руб.	15 680 324,6	16 692 894,5	17 292 858,0	18 738 212,1	2 7586 382,7	29 425 671,8
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	389 457,5	427 702 000	409 267,5	411 554,8	553 804,7	514 390,1

Из данных табл. 1 очевидно, что экономический спад 2014–2015 гг., вызванный известными политическими причинами, негативно отразился и на малом предпринимательстве. Так, в 2016 г. существенно сократилось число малых предприятий, а последующий рост этого показателя в 2018 г. не намного превышает уровень 2014 г. При этом существенное сокращение численности работающих в 2016 г. до 5050 тыс. человек и ее изменение в 2017 г. в сторону повышения, в 2018 г. вновь перешло к снижению до 5800 тыс. человек, что заметно ниже значений периода 2013–2015 гг. Рост оборота в анализируемый период в большей степени определяется общим ростом цен, чем повышением деловой активности. А вот рост инвестиций в основной капитал, на наш взгляд, объясняется не только ростом цен на основные активы, но и государственной поддержкой субъектов малого бизнеса через субсидирование их инвестиционной активности.

Вторая форма предпринимательской модели адаптации – участие в семейном бизнесе, понимаемом, в широком смысле, как разнообразные виды предпринимательской деятельности родственников, членов одной семьи, организуемые на основе их семейного капитала. Это исторически сложившаяся, устойчиво сохраняющая свои позиции форма реализации предпринимательской модели. При этом к семейным предприятиям относят не только микро- и малые предприятия, но средний и крупный бизнес, в собственности и управлении которым участвуют члены одной семьи. В ряде стран приняты отдельные законодательные акты в отношении этого вида предпринимательства. Например, в Законе Республики Узбекистан отмечено, что под семейным предпринимательством понимается «инициативная деятельность, осуществляемая членами семьи, в целях получения дохода (прибыли) на свой риск и под свою имуществ-

¹ Игнатова И.В. Мотивы предпринимательской деятельности и модели поведения предпринимателей // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. – № 8. – С. 105–110.

венную ответственность»¹. Но говоря о реализации предпринимательской модели адаптации населения, нас прежде всего интересует семейное предпринимательство как одна из форм малого предпринимательства с наличием родственных связей между собственниками и работниками.

Сегодня, к сожалению, отсутствует какая-либо статистическая информация, характеризующая долевую структуру семейных предприятий в малом бизнесе, но результаты исследований на рынке семейного предпринимательства показывают, что основная доля, почти 90%, принадлежит односемейным хозяйствам. Доля городского семейного предпринимательства значительно ниже, чем в сельской местности.

Исходя из статистики, условно можно предположить, что к семейному предпринимательству прежде всего относятся юридические лица, попадающие под понятие микропредприятия, и индивидуальные предприниматели (численность до 15 человек и балансовая стоимость активов до 120 млн руб.). В табл. 2 приведены данные Росстата о результатах деятельности микропредприятий за 2013–2018 гг.

Таблица 2

Основные показатели деятельности микропредприятий в Российской Федерации за 2013–2018 гг.

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество предприятий, единиц	1 828 589	1 868 201	1 989 913	2 597 646	2 497 879	2 421 651
Средняя численность работников (без внешних совместителей) тыс. человек	4322,9	4431,1	4197,7	5005,7	4687,2	4919,4
Оборот, млн руб.	9 101 284,6	9 699 324,2	18 586 526,3	20 138 814,8	20 872 795,4	23 888 555,1
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	185 476,2	236 729,5	432 682,5	390 068,4	444692,8	543 013,5

Из данных табл. 2 видно, что существенный рост числа микропредприятий в 2016 г. (что происходило на фоне сокращения числа малых предприятий) сменился в последующие годы его снижением. То же наблюдается по показателю численности работников, но здесь, в отличие от предыдущего показателя, снижение 2017 г. сменилось ростом в 2018 г. Можно предположить, что сокращение происходит за счет именно «семейных» микропредприятий, не использующих наемный труд. Причины роста оборота, особенно в 2015 г., во многом определены не только ростом числа предприятий, но и ростом цен. Относительно устойчиво растет объем инвестиций в основной капитал, за исключением 2016 г.

В табл. 3 приведены данные Росстата о деятельности индивидуальных предпринимателей за период 2013–2018 гг.

Таблица 3

Основные показатели деятельности индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации за 2013–2017 гг.

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Занятые в сфере ИП, человек	5 429 541	5 645 678	4 983 446	5 682 408	5 798 544
Наемные работники, занятые в сфере ИП, человек	2 096 468	2 435 707	2 604 909	2 469 328	2 521 894
Объем выручки от продажи товаров, продукции, работ, услуг, млн. руб.	9 732 908,4	10 447 470,2	7 893 211,6	12 369 153,2	14 071 882,7

Данные табл. 3 отражают тенденцию роста, за исключением 2015 г., числа занятых в сфере ИП. При этом снижение в 2015 г. занятых в сфере ИП сопровождалось увеличением числа наемных работников в этой сфере – до 2 604 909 человек, что было максимальным показателем в анализируемый период. Можно предположить, что сокращение числа ИП на фоне роста числа наемных работников происходило за счет прежде всего «семейных» предприятий, обходящихся без наемного персонала. Но одновременно в этот же 2015 г. произошло существенное сокращение объема выручки от продаж до 7 893 211 млн руб. – наименьшего показателя за период. К слову, это снижение могло стать одной из причин сокращения численности наемных работников в 2016 г., но одновременно наблюдалось заметное увеличение числа занятых в сфере ИП. Опять же, если опустить возможные другие причины – отсутствие официального трудоустройства, рост теневой экономики, можно предположить, что одной из причин стало создание предприятий семейного типа.

В целом, в настоящее время, исходя из экономической ситуации, семейное предпринимательство в России можно рассматривать как важный инструмент решения проблем бедности, роста благосостояния населения, в первую очередь, в сельской местности и небольших городах.

Третья форма реализации предпринимательской модели адаптации – самозанятость. Налоговый кодекс РФ относит к самозанятости любую деятельность, которая приносит доход от реализации товаров, работ и услуг. Зачастую самозанятые граждане и предпринимательство, особенно индивидуальное, отождествляются. Так, в середине 1990-х гг. Т. Заславская в своих работах давала следующие определения: «предприниматели» – собственники преимущественно мелких предприятий и фирм, лично управляющие последними, не совмещающая эту деятельность с какой-либо работой по найму; «самозанятые» – лица, занятые мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие)².

¹ Закон Республики Узбекистан «О семейном предпринимательстве» // Собрание законодательства Республики Узбекистан (в ред. 2017 г., № 1, ст. 1).

² Заславская Т. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 1. – С. 17–32.

Но между предпринимателями и самозанятыми имеются отличия, прежде всего в налоговых режимах. Например, самозанятые лица имеют право работать лишь на патенте, что не может совмещаться с другим режимом налогообложения. Кроме того, самозанятые граждане, в отличие от предпринимателей, не имеют права нанимать работников. К самозанятым прежде всего относятся репетиторы, мастера по ремонту, няни, сиделки, электрики и другие граждане, работающие частным образом, сами на себя, без всякой регистрации и зачастую не уплачивая никакие налоги. Для вывода из тени этой категории граждан с 1 января 2019 г. в четырех регионах России в качестве эксперимента был введен налог на профессиональный доход для самозанятых лиц¹. Применять специальный налоговый режим вправе физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели и получающие доходы от деятельности, при которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников. Законом определен ряд ограничений для применения данного специального режима, в том числе: реализация подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке; добыча и (или) реализация полезных ископаемых; получение доходов, превышающих в текущем календарном году 2,4 миллиона рублей и др.

По данным ФНС России, сегодня в нашей стране около **двух тысяч** самозанятых граждан. Но в действительности число таких людей даже по самым скромным подсчетам экспертов из Минтруда **составляет 15-20 млн человек**. При этом одни совмещают самозанятость с легальным доходом, другие живут только на неофициальные заработки. Сегодня поднимается вопрос о распространении системы поддержки малого предпринимательства на самозанятых граждан. На наш взгляд, поддерживать необходимо не просто самозанятость, а стремление «вырасти» из самозанятого в предпринимателя, пусть и небольшого, поскольку за таким переходом идет создание рабочих мест, привлечение инвестиций и т.п.

Следует отметить, что в упомянутом законе нет термина «фрилансер», который стал популярен в последние годы. Но переводится он как «внештатный», другими словами, свободный работник, предлагающий свои услуги различным компаниям и частным заказчикам. В традиционном понимании это прежде всего дизайнеры, журналисты, программисты, редакторы, юристы, эксперты и прочие лица, оказывающие услуги удаленно. По нашему мнению, фриланс может считаться определенной формой реализации предпринимательской модели экономической адаптации, поскольку предполагает самостоятельную деятельность, в том числе с наличием определенных рисков.

К четвертой форме реализации предпринимательской модели адаптации нами отнесено интрапренерство или внутреннее предпринимательство, одна из инновационных форм организации деятельности внутри компаний. Культуру интрапренерства можно рассматривать как один из нематериальных активов компании. Интрапренерство позволяет предприятию быстро и своевременно реагировать на изменения среды, развивать актуальные и новые направления деятельности посредством образования в структуре компании небольших самостоятельных подразделений – венчурных групп, отделов инноваций и нововведений и т.д., в задачи которых входит выявление на всех уровнях корпоративной иерархии ценных научно-технических идей. Такие подразделения позволяют организовать внутри организации работу по совершенствованию выпускаемой продукции, внедрению инноваций, новых технологий и методов управления.

Безусловно, участие в работе подобных интрапренерских структур внутри компании не предполагает самостоятельного ведения предпринимательской деятельности, поскольку сохраняется наемная занятость. Но, во-первых, оплата труда в таких подразделениях зачастую напрямую увязывается с его результатами (чем не предпринимательский доход?), что предполагает определенный «предпринимательский» формат деятельности сотрудников. А во-вторых, опыт такой работы может оказаться хорошим стимулом и толчком для создания собственного предприятия. Именно поэтому, на наш взгляд, интрапренерство может рассматриваться как косвенная форма реализации предпринимательской модели экономической адаптации.

Таким образом, основываясь на комбинации различных исследовательских подходов, нами выделены экзогенные факторы среды и личностные составляющие индивида, которые могут оказывать существенное влияние на выбор и развитие предпринимательской модели экономической адаптации населения региона, а также обозначены современные прямые и косвенные формы ее реализации (создание собственного предприятия, участие в семейном бизнесе, самозанятость, интрапренерство), позволяющие утверждать, что предпринимательская модель адаптации может воплотиться как через профессиональное предпринимательство, предполагающее использование наемного труда, так отчасти и через самозанятость, а также за счет интрапренерства.

Следует отметить, что ситуация по регионам существенно различается. Часть регионов, например, Москва, Челябинская, Новосибирская области и др. сохраняют на протяжении многих лет лидерство по показателям развития малого предпринимательства и микропредприятий. Одновременно ряд регионов, к примеру, Астраханская область, Республика Алтай и др., сохраняют низкие темпы. Практически во всех регионах развитие индивидуального предпринимательства обгоняет малое предпринимательство, что во многом объясняется преобладающим ростом торговли и сферы услуг в сравнении с реальным производством, а также более простыми финансово-юридическими условиями ведения бизнеса. В целом же, учитывая необходимость увеличения общего вклада малого предпринимательства в экономику, актуальность улучшения условий для реализации предпринимательской модели экономической адаптации населения регионов сохраняется.

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)».

Идзиев Г.И.

к.э.н., в.н.с. Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН
textima@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Ключевые слова: регион, промышленная политика, реструктуризация экономики, индустриализация, сбалансированное развитие.

Keywords: region, industrial policy, economic restructuring, industrialization, balanced development.

В рейтинге регионов страны по основным показателям социально-экономического развития Республика Дагестан продолжает оставаться отстающим устойчиво депрессивным регионом России. Если сравнивать со Ставропольским краем, то при сравнимых показателях численности населения, валовому региональному продукту на душу населения и основным фондам в экономике, по остальным показателям наблюдается существенное отставание, особенно в обрабатывающих производствах (табл. 1).

Таблица 1

Место, занимаемое регионом по основным социально-экономическим показателям среди субъектов РФ в 2017 г.

Регион	РД	Ставр. край	
Численность населения на конец года	12	14	
Валовой региональный продукт на душу населения	76	66	
Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года)	33	31	
Уровень занятости	82	66	
Уровень безработицы	81	37	
Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	25	57	
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	85	59	
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	81	59	
Число зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения	83	61	
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности	добыча полезных ископаемых	55	47
	обрабатывающие производства	69	38
	обеспечение электрической энергией, газом и паром	64	21
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на душу населения	83	66	

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 г.

За период с 2005 по 2016 год структура экономики Дагестана изменилась не в лучшую сторону. Сократилась доля сельского хозяйства, обрабатывающих производств, добычи полезных ископаемых, транспорта. Зато существенно выросла доля торговли, гостиниц и ресторанов, строительства. Это говорит о деиндустриализации экономики республики, развитии сферы услуг, что дает больше возможностей ухода экономики в «тень» (табл. 2).

Таблица 2

Структура ВРП РД в 2005–2016 гг.

Годы	2005	2010	2016
Всего	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	23,5	15,0	16,8
Рыболовство, рыбоводство	0,1	0,1	0,1
Добыча полезных ископаемых	1,9	0,5	0,4
Обрабатывающие производства	5,8	4,3	4,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,1	1,7	2,8
Строительство	12,6	19,4	16,6
Оптовая и розничная торговля	19,8	27,0	27,3
Гостиницы и рестораны	1,6	3,8	4,9
Транспорт и связь	14,2	9,0	6,9
Финансовая деятельность	0,0	0,2	0,0
Операции с недвижимым имуществом,	2,6	2,9	2,9
Гос. управление и социальное обеспечение	4,1	6,1	6,2

Образование	5,7	4,9	4,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,6	3,9	4,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,4	1,2	1,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 г.

Доля промышленности в ВРП республики снизилась с 18,5% в 2000 г. до 7,6% в 2017 г. Это свидетельствует о том, что значимость промышленности для экономики Дагестана существенно снижается [3]. По сравнению со Ставропольским краем наблюдается кратное отставание объемом промышленной продукции по всем видам экономической деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром, водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, а также данных показателей в расчете на душу населения (табл. 3).

Таблица 3

**Объем промышленной продукции по видам экономической деятельности
(в фактически действовавших ценах; миллионов рублей)**

	РД		Ставропольский край		Отношение Став. края к РД, 2017
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	
Добыча полезных ископаемых	3940	4922	9121	10 659	2,2 раз
Обрабатывающие производства	32 456	40 558	274 217	262 211	6,5 раз
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	17 231	19 315	75 149	82 964	4,3 раз
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	2358	2626	9553	10 071	3,8 раз
Добыча полезных ископаемых (на душу населения руб.	1288	1608	3258	3807	2,4 раз
Обрабатывающие производства на душу населения руб.	10 606	13 254	97 935	93 647	7,1 раз
Обеспечение электрической энергией, газом и паром на душу населения руб.	5631	6312	26 839	29 630	4,7 раз
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов на душу населения руб.	771	858	3412	3597	4,2 раз

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 г.

Для достижения регионом (Республика Дагестан) среднероссийского уровня необходимо существенное увеличение темпов роста основных социально-экономических показателей, особенно по промышленным видам деятельности. Решить данную задачу, на наш взгляд, возможно путем реструктуризации экономики региона и проведения действенной промышленной политики с акцентом на высокотехнологичные производства с высокой долей добавленной стоимости [11].

Именно развитие промышленности может стать реальным и надежным источником налоговых поступлений и обеспечения финансовой самостоятельности республиканского бюджета. Необходимо также учитывать активную роль промышленности в повышении общего профессионального и культурного уровня населения [17].

В Республике Дагестан в настоящее время уделяется большое внимание разработке и реализации стратегии социально-экономического развития. 21 марта 2019 года прошла экспертная сессия, посвященная выявлению и раскрытию ключевых проблем и определению долгосрочных направлений и сценариев развития экономической и социальной сферы региона, проходившей в рамках разработки стратегии развития Дагестана до 2035 года. По итогам сессии обозначены следующие проблемы промышленного сектора региона: износ основных фондов; нехватка квалифицированных кадров; отсутствие портфеля заказов для большинства промышленных предприятий; низкий уровень развития малого и среднего бизнеса в отраслях промышленности; отсутствие развитой кредитно-финансовой системы в регионе и доступа к кредитным ресурсам; низкая доля производства законченного промышленного продукта и недостаточный уровень кооперации; институциональные барьеры; недостаточный уровень развития и использования инструмента ГЧП; отсутствие мощностей по хранению и переработке с/х продукции, неразвитость пищевой промышленности. отсутствие логистических центров; нелегализованная легкая промышленность; недостаточно развитые управленческие компетенции на предприятиях.

Для решения данных проблем необходима обоснованная теоретическая и методическая база, дающая возможность осуществить объективный анализ достигнутых результатов и на его основе определить приоритеты дальнейшего развития данной сферы экономики региона, учитывающие реальные возможности и потребности региона, и включающие как первоочередные шаги, так и меры стратегического характера.

На наш взгляд, для развития реального сектора экономики региона необходимо придерживаться концепции реиндустриализации, которая предполагает восстановление эффективной промышленной основы экономики, сделать ее способной к массовому производству высокотехнологичных изделий мирового уровня. Ее переоснащение новой техникой создаст к тому же внутренний спрос на эту технику и на соответствующие технологические инновации в дальнейшем.

Для развития региональной инновационной системы необходимо обеспечить синхронизацию, сбалансированность различных аспектов инновационного развития региона, увеличить объем затрат предпринимательского сектора на исследования и разработки, повысить координацию инновационных проектов с соседними регионами и зарубежными государствами. Здесь нужна «индустриализация с новым содержанием с учетом нового контекста инноватизации в новых условиях современности» [4].

Дальнейшее укрепление инновационного потенциала, развитие инновационной деятельности, использование современных достижений науки и высоких технологий позволит осуществить структурную диверсификацию, перевести экономику региона на инновационную модель развития и в долгосрочной стратегической перспективе обеспечить ее конкурентоспособность на региональном, российском и мировом рынках. Этому должны способствовать меры по модернизации всей научно-образовательной сферы, созданию республиканской инновационной системы, научно-образовательного центра мирового уровня и т.д.

Важным принципом инновационного развития является прозрачность, когда любая деятельность всех участников хозяйства и на всех ее этапах понятна и легко поддается объяснению с точки зрения соответствия установленным правилам. Построение инновационной системы невозможно без создания эффективной институциональной среды, которая стимулирует инновационную деятельность и защищает ее с помощью надежного механизма санкций.

Существует проблема замены произвольного административного вмешательства в экономику, тесно связанного с высоким уровнем коррупции, на государственное регулирование, осуществляемое в строгих правовых рамках. До сих пор основные хозяйственные институты государства представляют собой не столько институты экономического и социального регулирования в целях развития, сколько инструмент фискального обслуживания государственного аппарата.

Существуют институциональные барьеры модернизации, определяемые неэффективной институциональной структурой бизнеса. Произошел значительный рост трансакционных издержек, приведший к значительному перераспределению добавленной стоимости в пользу торгово-посреднического сектора, причем это перераспределение не ограничилось лишь начальным этапом рыночных реформ, когда происходило формирование новой рыночной инфраструктуры.

Существенным шагом в повышении инвестиционной привлекательности и стимулировании социально-экономического развития региона, его инновационного развития может стать реализация кластерного подхода на региональном уровне, например, путем создания интегрированных агропромышленных кластеров. Такое значимое увеличение масштабов объектов, привлекательных с точки зрения инвестирования, позволит качественно улучшить инвестиционный климат региона. Создание кластеров должно опираться на всестороннюю оценку конкурентных преимуществ региона, его природно-климатических условий, сложившуюся структуру производства и специализацию в агропромышленных связях.

Список литературы

1. Абдулаев Ш.С.О., Садыкова А.М. Инновационное развитие субъектов РФ как основа формирования производительных сил // Вопросы структуризации экономики. 2013. – № 4. – С. 51–53.
2. Арсланов Ш.Д. Современные проблемы развития и пути совершенствования инвестиционной сферы России и ее регионов // Вопросы структуризации экономики. 2013. – № 4. – С. 170–171.
3. Ахмедуев А.Ш. Промышленность Дагестана: узловые проблемы и приоритеты развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 8 (46). – С. 64–72.
4. Багомедов М.А. Формирование социально-экономической политики в проблемных регионах в условиях модернизации общественных отношений // Вопросы структуризации экономики. 2014. – № 1. – С. 184–188.
5. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов в России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2016. – № 1. – С. 76–91.
6. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование – институциональная основа перехода к устойчивому развитию российской экономики // Федерализм. – М., 2016. – № 1 (81). – С. 19–30.
7. Валентей С.Д. Проблемы «запуска» инновационной модели развития в Российской Федерации / Доклад, ИЭ РАН. – М., 2010.
8. Гаджиев Н.Г., Эльдаров Э.М. Реальный сектор экономики в приоритетных проектах развития Дагестана // Апробация. 2016. – № 6 (45). – С. 43–48.
9. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 годах: доклад / Аналитический центр при Правительстве РФ. – М., 2014.
10. Дохолян С.В., Петросянц В.З., Садыкова А.М. Современные проблемы инновационного социально-экономического развития региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. – № 3. – С. 43–51.
11. Идзиев Г.И., Рабаданова А.А. Структурные изменения и тренд деиндустриализации экономики региона: сравнительный анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2016. – № 7 (430). – С. 35–48.
12. Климанов В.В., Будаева К.В. Точки роста как элемент стратегического планирования в регионах России // Региональные исследования. 2017. – № 3 (57). – С. 99–106.
13. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Ленанд, 2015. 304 с.
14. Лапин Н.И. Новая индустриализация России: на региональном и муниципальном уровнях социокультурного пространства // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. – № 3. – С. 15.
15. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – М.: Ленанд, 2012. – 1024 с.
16. Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ждан Г.В. Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. – № 1 (49). – <http://eee-region.ru/article/4908/>
17. Сагидов Ю.Н., Дохолян С.В., Кутаев Ш.К. Крупные промышленные предприятия как активизаторы развития отрасли и экономики региона (на примере Республики Дагестан) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. – № 4 (54). – С. 11–18.
18. Селезнев А.З. Инновационная концепция конкурентных преимуществ // Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. – М.: LSP, 2017. – С. 220–230.

19. Спасская Н.В. Возможности индустриализации экономики России в контексте современной региональной политики // Вестник Пермского университета. Сер. Экономика. 2015. – № 2. – С. 89–98.
20. Текутьев И.В. Концептуальный подход к оценке экономической эффективности диверсификации предпринимательской деятельности // Российское предпринимательство. – М., 2014. – № 7. – С. 34–38.
21. Хрусталёв Е.Ю., Хрусталёв О.Е. Методология оценки отраслевых темпов и стабильности инновационного развития наукоемких предприятий и организаций // Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 10 (362). – С. 2–15.
22. Gadziev N.G., Rabadanov M.H., Eldarov E.M., Idziev G.I. Development of industrial enterprises investment policy of Dagestan Republic // Ponte. 2017. – Vol. 73, N 10. – P. 317–325.

Иродова Е.Е.

д.э.н., профессор. Ивановский государственный университет
politeconom@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА С УЧЕТОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: туризм, туристическое обслуживание, индустрия услуг, затраты на туризм, доходы от туризма, туризм как прибыльный вид бизнеса, экономические и социальные эффекты туризма, туристический рынок России, перспективные в плане туризма регионы России.

Keywords: tourism, tourist services, services industry, tourism costs, tourism revenues, tourism as a profitable business, economic and social effects of tourism, the tourism market of Russia, relevant in terms of tourism regions of Russia.

В наиболее развитых странах в индустрии услуг в настоящее время занято уже 70–75% самодеятельного населения. Особое место в этом процессе занимает туризм. Самым развивающимся регионом в 2018 г. стала Азия, которая показала 8% роста по сравнению 2017 г. При этом основным драйвером является Китай, который увеличил выездной турпоток на 12%. Затраты на туризм в мире выросли на 11%. За 2018 г. число международных поездок во всем мире выросло на 6% – до 1,4 миллиарда. При этом прогнозируемый рост составлял всего 4,5%. В 2017 г. этот показатель составил 7%. В 2018 г. наибольший рост международного туризма наблюдался в Европе: туда приехали 713 миллионов человек, что на 6% больше, чем годом ранее. В 2017 г. рост туризма в Европе составил 8%. В 2018 г. больше всего туристов прибывало в Южную Европу и страны Средиземноморья (на 7% больше, чем в 2017 г.), а также в Центральную и Восточную Европу (плюс 6%). Число поездок в страны Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона выросло также на 6% – до 343 миллионов туристов. Северная и Южная Америка показали рост всего на 3% – до 217 миллионов человек. Количество поездок в страны Центральной Америки и Карибского бассейна снизилось на %. Это связывают с ущербом от ураганов в конце 2017 года. В Африке наблюдался рекордный 7% рост международного туризма – до 67 миллионов человек. На Средний Восток (Иран и Турция) прибыли 64 миллиона туристов – на 10% больше, чем в 2017 г. Всемирная туристская организация ожидает, что рост туризма в 2019 г. замедлится на 3–4% «в связи с исторической динамикой роста». В десятке мировых лидеров по затратам на международный туризм и доходам от него США (18% мировых доходов), Испания (6,5%), Франция (6,3%), Италия (5,5%), Великобритания (4,1%), Германия (3,7%), Китай (3,4%), Австрия (2,4%), Канада (2,3%), Греция (1,9%)¹.

Формирование рыночной экономики в России усилило интерес к формам и методам туристического обслуживания населения. Нередко туризм оказывался в разных странах тем рычагом, использование которого позволяло оздоровить всю национальную экономику страны. Он во многом является показателем развития национальных экономик многих стран, методом познания окружающей действительности, способом повышения культурного уровня и восстановления здоровья людей. Во многих странах туризм играет значительную роль в формировании ВВП, создании дополнительных рабочих мест и обеспечении занятости населения, активизации внешнеторгового баланса. Туризм оказывает огромное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство, производство потребительских товаров, т.е. выступает своеобразным катализатором социально-экономического развития. Туризм стал одним из самых прибыльных видов бизнеса в мире. По данным Всемирной туристской организации, он использует примерно 7% мирового капитала, с ним связано каждое 16-е рабочее место, на него приходится 11% мировых потребительских расходов, и он дает 5% всех налоговых поступлений. Эти цифры характеризуют прямой экономический эффект функционирования индустрии туризма. По прогнозам экспертов, туризм как отрасль народного хозяйства, имеет тенденцию к становлению в качестве ведущей экспортной отрасли в мире. Подобная тенденция обусловлена экономическим ростом, повышением культурного и материального уровня населения, совершенствованием транспорта, увеличением свободного времени и т.д. Туристический рынок очень чувствителен к изменениям в экономике. При стабильности цен рост личного потребления на 1% ведет к остановке расходов на туризм. При росте личного потребления на 2,5% затраты на туризм увеличиваются на 4%, а рост личного потребления на 5% увеличивает расходы на туризм на 10%. При росте реального личного потребления менее чем на 1% в туризме наблюдается спад. Аналитическое агентство ТурСтат составило рейтинг стран по въездному туризму в Россию в 2018 году, проанализировав статистику въездного туризма в Россию в 2018 году². Въездной туризм в Россию в 2018 г. вырос во многом за счет туристов из стран ЮВА, США и Евросоюза благодаря Чемпионату мира 2018 по футболу,

¹ Харламова Н.М. Анализ влияния туристического бизнеса на экономику России с использованием статистических данных. – <http://www.science.ru/2013/21/3603>

² Александрова А.Ю. География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы // Наука. Инновации. Технологии. 2017. – № 1. – С. 95–108.

что показывает статистика въездного туризма 2018 г. Лидеры роста въездного туризма в Россию в 2018 г. – это Китай с 1 млн. 413 поездок в 2018 г., что на 14% или 170 тысяч больше, чем в 2017 г. и Южная Корея с 291 тысячами поездок (на 41% или 85 тысяч больше). Индия (71 тыс. поездок, +25%), Вьетнам (43 тыс., +30%) и Таиланд (39 тыс., +18%) также показали высокий рост числа туристских поездок в Россию в 2018 г. По данным ТурСтат, Китай и Южная Корея заняли 1 и 2 место по абсолютному росту числа въездных туристских поездок в Россию в 2018 г. Например, благодаря Чемпионату мира по футболу, прошедшему в России летом 2018 г., выросло число въездных туристских поездок в Россию в 2018 году из стран Европы и стран-участниц ЧМ-2018 – из Германии (546 тыс., +10%), Франции (168 тыс., +13%), Италии (165 тыс., +9%), Испании (103 тыс., +6%), Нидерландов (53 тыс., +10%), Сербии (48 тыс., +14%), Швейцарии (47 тыс., +15%), Австрии (46 тыс., +7%), Швеции (42 тыс., +62%), Бельгии (38 тыс., +27%), Хорватии (26 тыс., +271%), Дании (23 тыс., +53%) и Португалии (17 тыс., +31%). США (300 тыс. поездок, +19%), Великобритания (174 тыс., +14%), Канада (54 тыс., +17%) и Австралия (62 тыс., +48%). Благодаря Чемпионату мира-2018, въездной туризм в Россию из стран Южной и Латинской Америки в 2018г. значительно вырос: Бразилия (64 тысячи поездок, +121%), Мексика (61 тыс., +165%), Аргентина (57 тыс., +185%), Колумбия (37 тыс., +270%), Перу (29 тыс.) и Чили (9 тыс.). Общее число въездных туристских поездок в Россию за 2018 г выросло на 1,4% до 19 млн. 245 тысяч с 18 млн. 972 тысячи за 2017 г.¹

Наиболее существенной тенденцией, проявившейся в развитии российской индустрии гостеприимства, стал процесс ее интеграции в мировую. Либерализации российской экономики способствовала вхождению на российский рынок иностранных гостиничных цепей – Marriott, Radisson Hotels Worldwide, ресторанных сетей – Mc Donalds, Patio pizza и др., туроператорских цепей ТТЛ Group / Thomson Travel Group. Все они привнесли в российскую индустрию гостеприимства отточенную технологию и отработанную глобализационную стратегию.

Однако Россия в туристском аспекте больше тяготеет к группе стран с переходной, а не развитой экономикой, ориентированной в большей степени на выездной, внешний туризм. В 2018 г. выездной туризм вырос более чем на 20% в Турцию, Грузию, ОАЭ, Тунис, Венгрию и на Кубу. Топ-10 зарубежных стран, популярных у российских туристов в 2018 г. по числу выездных туристских поездок из России, составили: Турция (4,907 тысяч поездок), Абхазия (3,621 тыс.), Финляндия (2,498 тыс.), Казахстан (2,310 тыс.), Украина (1,793 тыс.), Китай (1,449 тыс.), Эстония (1,343 тыс.), Грузия (979 тыс.), Германия (950 тыс.) и Италия (849 тыс.). В 2018 г. Турция лидирует по зарубежным поездкам российских туристов. В 2018 г. число поездок россиян в Турцию составило более 4,9 миллионов, что на 24% больше, чем в 2017 г. Самые быстрорастущие туристические направления в 2018 г. Турция (4,907 млн. поездок, +24% по сравнению с 2017 г.), Грузия (979 тыс., +22%), Италия (849 тыс., +19%), ОАЭ (645 тыс., +42%), Тунис (558 тыс., +22%) и Армения (327 тыс., +17%). Число выездных туристских поездок из России в 2018 г. выросло на 6,3% до 32 млн. 910 тысяч с 30 млн. 972 тысяч за 2017 г. Пляжные туристические направления ЮВА – Таиланд (794 тыс., +13%) и Вьетнам (389 тыс., +8%), Карибы – Куба (70 тыс., +32%) также показали высокий рост выездного туризма из России в 2018 г. Выездной туризм из России в 2018 г. вырос на самые популярные европейские экскурсионные, курортные и пляжные направления: Италия (849 тыс., +19%), Испания (808 тыс., +2%), Франция (368 тыс., 0%), Чехия (370 тыс., +3%) и Австрия (184 тыс. +0%). Самые популярные страны ближнего зарубежья и СНГ у российских туристов – это Абхазия (3,621 тысяч турпоездок в 2018 г., +4%), Казахстан (2,310 тыс., +1%) и Украина (1,793 тыс., +5%). Выездной туризм из России в страны Балтии в 2018 году вырос: в Эстонию (1 млн. 343 тысячи поездок, +5%) и Латвию (323 тыс., +7%) и практически не изменился в Литву (498 тыс.).² По официальным оценкам доля туристической отрасли в общем объеме ВВП России в 2018 г. составил 3,47 %, с учетом смежных отраслей – более 7 %. По оценке экспертов Всемирного экономического форума по конкурентоспособности туристического рынка Россия заняла в 2017 г. лишь 43 место в мире среди 136 стран. В числе ключевых проблем в развитии туристической деятельности в РФ международные эксперты обозначили следующие: недостаточно развитая туристская инфраструктура; дефицит готовых инвестиционных площадок; высокие тарифы на пассажирские перевозки; неэффективное продвижение национального турпродукта; дефицит квалифицированных кадров; низкое качество предоставляемых туристических услуг; слабая конкуренция на туристическом рынке России; избыточные административные формальности; отсутствие круизного флота. Согласно ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на 2011–2018 годы» на развитие туризма в России было выделено около 100 млрд. рублей. В результате, количество иностранных туристов, приезжающих в Россию, к 2018 г. выросло более чем в 6 раз – до 23 млн. человек, а отпуск в России будут проводить 45 млн. человек. Соответственно, вырастет и объем рынка туристических услуг – в 4,7 раза, до 417 млрд. рублей. В настоящее время в России ведется строительство современной туристической инфраструктуры в разных регионах страны. В активной фазе находится строительство и обновление инфраструктуры на Кавказе (Сочи, Архыз, Эльбрус, Домбай), «Золотого кольца России», «Серебряного кольца России», во Владивостоке (о. Русский), на Байкале («Иркутская слобода» в Иркутске, бухта Турка), Камчатке (пос. Паратунка), в Пермском крае («Снежинка» в г. Чайковский), на Каспийском море, построены горнолыжные курорты в Челябинской обл. («Евразия» в г. Куса), в Красноярском крае («Бобровый лог»), открыт для посещений на ледоколе национальный парк «Русская Арктика» (северная часть архипелага Новая Земля и 191 остров Земли Франца-Иосифа) и др. Заслуживает внимания анализ наиболее значимых видов туризма, различающихся между собой целью поездок: лечебно-оздоровительный; культурно-познава-

¹ Итоги въездного туризма в России в 2018. 09.12.2018. – <http://turchegi.ru/novosti-turizm/itogi-vezdnogo-turizma-v-rossii-v-2018/>

² Статистика выезда граждан РФ за границу в 2018 году. 04.01.2019. – <https://ekec.ru/statistika-vyiezda-grazhdan-rf-za-granitsu-v-2018-godu/>

тельный; деловой; событийный; ностальгический; гастрономический; научный; спортивный; религиозный (паломнический); образовательный; приключенческий.

Остановимся на характеристике наиболее актуальных типах туристической деятельности в современных условиях.

Лечебно-оздоровительный туризм предполагает перемещение туристов за пределы или в пределах государственных границ сроком не менее двадцати часов и не больше шести месяцев в целях оздоровления, профилактики заболеваний. В России курорты стали появляться в XIX в., в частности, на Северном Кавказе (Ессентуки, Железноводск, Пятигорск), базирующиеся на самом большом в РФ бассейне минеральных вод, а именно, Кавказские Минеральные воды. С середины XIX в. начинают формироваться климатические курорты на побережье Кавказа и Крыма: Сочи, Евпатория и Ялта. Этот вид туризма охватывает множество российских регионов и предлагает весьма эффективное и профессиональное лечение, основанное, в основном, на климатических особенностях местности.

Культурно-познавательный туризм представляет собой путешествия и поездки с познавательными целями. Наибольшее развитие этот вид туризма получил в Центральной России и северо-западном регионе, где сосредоточены основные достопримечательности. Москва – один из красивейших городов мира. Ее облик неотделим от Московского Кремля, сказочных куполов собора Василия Блаженного, восстановленного храма Христа Спасителя, Новодевичьего, Донского, Свято-Данилова монастырей, дворцово-парковых ансамблей в Коломенском, Кусково, Останкино, а также Воробьевых гор и Поклонной горы. В Москве более 70 театров; 100 музеев. В Московской области насчитывается и охраняется около 2,2 тыс. культурных, исторических и природных памятников. Ради них туристы стремятся попасть в старинные подмосковные города Сергиев Посад, Звенигород, Серпухов, Коломну и живописные усадьбы Архангельское, Марфино, Абрамцево и пр. Среди достопримечательностей неповторимые по красоте архитектурные комплексы Троице-Сергиевой лавры, Ново-Иерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей. «Золотым кольцом России» называют кольцо древнерусских городов: Сергиев Посад, Переславль Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Углич, Кострома, Суздаль, Владимир и другие. Шедевры белокаменной архитектуры Владимира и Суздаля – включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Санкт-Петербург – один из самых романтических городов России, который по праву называют Северной Венецией, позволяет познакомиться с многочисленными дворцами, старинными набережными и мостами, прекрасными музеями мирового уровня, в частности, с Эрмитажем, Мариинским театром оперы и балета. Северо-запад страны дарит туристам «Серебряное кольцо России», охватывающее древнерусские города: Новгород, с знаменитый кремлем XIV–XV вв., и Псков с музеем-заповедником «Пушкинские горы». Купола деревянной церкви в Кижах (Карелия) украшены 22 главами. Валаамский монастырь – один из духовных центров России, возникший в XIV веке. Жемчужиной Беломорья и гордостью Русского Севера называют Соловецкие острова. Экскурсионными центрами зарекомендовали себя города севера России: Вологда, Архангельск и Каргополь, а также знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь с ценнейшей коллекцией икон XV–XVIII вв. Поволжские города – Нижний Новгород, Казань, Волгоград, Астрахань – крупнейшие туристские центры. В среднем течении Волги туристов привлекают набережные старинных волжских городов Самары, Саратова, Ульяновска. В нижнем течении Волги центрами внимания туристов становятся Волгоград (Сталинград), известный величественным Мамаевым курганом в честь защитников Сталинграда, и древняя радушная Астрахань. Сибирь славится прежде всего Красноярским краем. Красноярск – уникален множеством оригинальных фонтанов, краеведческим музеем с богатой коллекцией сибирских древностей. Центр Азии – республика Тува – один из немногих центров буддистской культуры в России, где сохранились каменные языческие идолы, которым около двух тысяч лет. Города Краснодарского края (Анапа, Тамань), вызывают интерес у любителей античного прошлого.

Научный туризм. Сегодня научный туризм разделяют на три основных типа:

1. Ознакомительный, когда во время поездок туристов знакомят с природными и антропогенными объектами, а затем море, пляж, диско теки. Это обычный туризм ничего общего не имеющий с научным туризмом.

2. Непосредственная работа в составе научных экспедиций, когда туристы, например, участвуют в археологических раскопках, реставрации древних памятников и сооружений, поиске пропавших экспедиций прошлых эпох, реконструкции древних празднеств, обрядов и танцев, участвуют в наблюдениях за редкими животными в заповедниках, подъеме затонувших кораблей, других полевых работах и научных исследованиях. Это уже реальный Экспедиционный научный туризм.

3. Самостоятельные исследования – когда группы туристов – энтузиастов на свой страх и риск едут в малоизученные районы, посещают заброшенные или дикие места, где почти не ступала нога человека, ищут пещеры, остатки поселений, затонувшие корабли, составляют описания, чтобы затем сообщить об этом широкой общественности. В этой связи актуален Русский Север – древний и одновременно вечно юный край, затерянные памятники деревянного и каменного зодчества, удивительная своей красотой северная природа, доброжелательность и радушие местного населения, все это превращает экспедицию в неповторимый и прекрасный праздник жизни. А недавно открытые экспедициями мегалитические святилища Беломорья, Карелии, Кольского полуострова и Урале позволяют прикоснуться к тайне загадочного народа Гипербореев¹.

Космический туризм – оплачивающиеся из частных средств полёты в космос или на околоземную орбиту в развлекательных или научно-исследовательских целях. В настоящее время единственной используемой целью космического туризма является Международная космическая станция. С 2001 г. организацией полётов туристов занимаются «Роскосмос» в сотрудничестве с американской компанией Space Adventures. Федеральное космическое агентство Роскосмос планирует возобновить космические туристические полеты к Международной космической станции в 2018 г. в

¹ Научный туризм в России. – <http://you2way.ru/tourizm-history/83-istoriya-turizma?start=40>

качестве меры компенсации утерянного контракта по доставке астронавтов NASA. С 2001 по 2009 г. Роскосмос осуществил полет на МКС восьми космических туристов, однако после того, как число официальных членов экипажа станции возросло с трех до шести, стало понятно, что от космического туризма стоит отказаться в пользу увеличения доступных мест для космонавтов и астронавтов других космических агентств.

Религиозный и паломнический туризм – это поездки верующих к религиозным святыням различных религиозных конфессий. В России паломники чаще всего отправляются на Северо-Запад и в Центр, поскольку эта часть страны имеет богатую историю, связанную с возникновением христианства на Руси и его дальнейшим развитием. Многие отправляются в путешествие по Золотому Кольцу, в Курск, в Задонск в Липецкой области, в знаменитый и очень популярное у туристов село Дивеево в Нижегородском регионе. Популярность Золотого кольца обусловлена тем, что большинство городов связано с историей русского православия. Каждый монастырь и каждый храм здесь становится местом паломничества. Среди самых популярных городов можно выделить Сергиев-Посад, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Кострома, Суздаль, Углич и Владимир. Актуально в плане паломничества и Северо-Западное направление: Соловки в Архангельской области, Великий Новгород и Псков, Вологодские земли и, безусловно, Карелия – Киж и Валаам. Множество монастырей и храмов в последние годы было восстановлено на юге страны: в Ростове-на-Дону, Краснодаре и Архызе.

Гастрономический туризм – путешествия с целью изучения местной кулинарии, ее особенностей и традиций, а также знакомство с необычными продуктами и способами их приготовления. В России такой вид туризма пока только формируется, и подобных туров в чистом виде еще нет, поэтому элементы гастрономических туров включают в основные программы. Знакомство с русской кухней происходит во время посещения лучших национальных ресторанов страны, где строго соблюдаются российские традиции употребления, приготовления и сервировки блюд. В некоторых регионах, в частности, в Ярославской области, предлагаются программы типа «Обед в русской избе». Популярны у туристов посещения винодельческих заводов и водочных производств с дегустацией. Экскурсии на винзаводы особенно распространены в Краснодарском крае, где широко выращивается виноград как местных, так и европейских сортов¹. Для России этот вид туризма может стать одним из наиболее перспективных по нескольким причинам. Среднестатистический турист питание вносит в число трех важнейших приоритетов во время поездки. Гастрономический туризм также благоприятно может сказаться на продвижении отечественных производителей, при условии производства экологически чистых продуктов питания, удовлетворяющих все потребности туристов.

Спортивный туризм в России сегодня пользуется довольно большой популярностью. Огромное количество людей предпочитает активный туризм традиционному путешествию в комфортных условиях. Спортивный туризм подразумевает не только вид спорта, включающий соревнования на различных маршрутах, это также и совокупность особых взглядов, и подходов к путешествиям. В числе наиболее актуальных видов спортивного туризма, следует указать: пешеходный (преодоление маршрутов пешком); горный (пешие путешествия по высокогорным районам); водный (сплав по рекам); велосипедный, лыжный и многие другие виды активного отдыха. Например, *география горных походов* очень разнообразна, это Кавказ, Алтай, Саяны, хребты Сибири, Камчатка, Тянь-Шань и Памир. Несложные горные походы можно совершить и в среднегорье: в Хибины, на Урале и в Прибайкалье. *География лыжных походов* также весьма разнообразна. От несложных путешествий по Карелии до суровых лыжных походов в заполярье по Кольскому полуострову, Уралу, Саянам, Алтаю и Памиру – везде, где земля даже ненадолго покрывается снегом².

Деловой туризм является одним из самых высокодоходных и перспективных видов туризма, характеризующихся стабильным ростом и устойчивостью к воздействию экономических, социальных и других факторов. Он имеет весьма обширную клиентуру, обеспечивает крупные денежные потоки и имеет особую организацию продаж, являясь одной из наиболее рентабельных отраслей экономики. В России более 2/3 рынка делового туризма находятся под влиянием целого ряда крупных российских и зарубежных туристических компаний. В их числе: American Express, Zelenski Corporate Travel Solutions, UniFest Travel, HRG, Carlson Wagonlit Travel, BCD Travel, Jenico Travel, «АэроКлуб Тур» и др. Они оказывают практически полный спектр услуг – от индивидуальных деловых путешествий до крупных выездных корпоративных мероприятий. Наибольшее количество международных деловых мероприятий в последние годы было проведено в Москве и Санкт-Петербурге (45% и 40,8% от общего количества проведенных деловых встреч). Самые мощные потоки туристов, въехавших в РФ с деловыми целями, обеспечили в последние годы Финляндия (21%), Китай (8%), Германия (2%), США (2%), Польша (1%), Италия (1%), Франция (1%)³. Однако, существует целый ряд проблем: неразвитость туристской инфраструктуры, неудобный визовый режим, а также несоответствие цены качеству являются главными факторами, которые формируют негативный образ России как страны и сдерживают прибытие иностранных туристов из стран дальнего зарубежья. В этой связи необходимо рассмотреть роль российских центров бизнес-туризма – Москвы и Санкт-Петербурга, на которые приходится около 80% рынка делового туризма. Наиболее ощутимы выгоды от организации и проведения крупных деловых мероприятий для гостиниц, транспортных компаний и государства в целом.

В современных условиях особую популярность приобрел **экотуризм**. Международное общество по эко туризму, которое базируется в Вермонте (США), определило эко туризм как «ответственные путешествия в природные районы, которые сохраняют окружающую среду и поддерживают благосостояние местного населения». Мировой поток экологов возрастает ежегодно на 20% или в 3 раза быстрее, чем туризм в целом. Прогнозируют ускоренное развитие

¹ Гастрономический туризм. – <http://sokolov33.ru/index.php/vid-turizm/65-gastronomicheskij-turizm>

² Там же.

³ Курач Е.В, Иваскин И.С. Особенности и специфика развития делового туризма в России и за рубежом // Научный результат. Серия «Технологии бизнеса и сервиса». 2014. – № 2. – С. 15–26.

«экстремального» экотуризма к высочайшим вершинам, в океанские глубины, наиболее удаленные районы Земли (Антарктида и др.)¹. Растущий спрос на экотуризм ведет к созданию и развитию особо охраняемых природных территорий, в первую очередь заповедников, национальных и природных парков. В последние годы именно эти территории являются основными объектами экотуризма в России. Действующая сегодня в России система особо охраняемых природных территорий играет ключевую роль в сохранении биологического разнообразия страны и развитии регулируемого туризма. В России функционирует более 100 государственных природных заповедников общей площадью 33,5 млн. га (1,6% площади России), 35 национальных природных парков общей площадью около 7 млн. га (0,4%), 68 государственных природных заказников федерального значения общей площадью 12,5 млн. га (0,7%), 2976 заказников регионального значения общей площадью 68 млн. га (4%), 10024 памятника природы (в том числе 27 – федерального значения), общей площадью 2,6 млн. га (0,15%), 31 природный парк регионального значения общей площадью 13,2 млн. га (0,8%). Общая площадь вышеперечисленных особо охраняемых природных территорий составляет 137 млн. га (7,6% площади страны)². Однако отсутствие эффективной государственной политики в сфере туризма привело к тому, что на долю РФ, несмотря на ее высочайший туристский потенциал, приходится лишь 1,5% мирового туристского потока. В Стратегии развития туризма в РФ на период до 2020 года планируется увеличить количество средств размещения до 4000 к 2020 г. Количество иностранных граждан, посетивших РФ, должно вырасти до почти 38,7 млн. в год. Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию подпрограммы составляет 865 206,0 тыс. руб. Из них почти 786 156,8 тыс. руб. пойдет на развитие внутреннего туризма, а 79 049,2 тыс. — на развитие международного туризма. Из федерального бюджета на туризм до 2020 года включительно будет ежегодно выделяться по 106 412,1 тыс. руб. Ожидается, что выполнение программы приведет к появлению в России конкурентоспособного туристско-рекреационного комплекса.

Реализация подпрограммы «Туризм» осуществляется в 3 этапа: 2013–2015 годы; 2016–2018 годы и 2019–2020 годы. На первом этапе (2013–2015 гг.) были сформированы правовые, организационные и методические условия, необходимые для эффективной реализации подпрограммы «Туризм», в том числе проведение работ по изучению и оценке туристского потенциала РФ, совершенствование нормативно-правовой базы в сфере сохранения и развития российской туристической индустрии. Реализация данного этапа осуществлялась в условиях преодоления негативных последствий мирового финансового кризиса и предполагала акцент на повышении эффективности деятельности организаций туризма с учетом реально сложившейся ситуации и ограниченности ресурсного обеспечения. Второй этап (2016–2018 гг.) был ориентирован на внедрение инноваций, обеспечивающих выход на современные стандарты качества туристских услуг и др., будет осуществлена модернизация и развитие туристской инфраструктуры, созданы условия для развития туристско-реакционных кластеров. Будет осуществлена модернизация и развитие необходимой для реализации государственной программы инфраструктуры, созданы условия, обеспечивающие свободный доступ населения ко всему спектру туристических услуг. Также будет активизирована интеграция России в мировой культурный процесс, будет укреплен позитивный образ страны за рубежом. На третьем этапе (2019–2020 гг.) будут продолжены внедрение инноваций и модернизация сферы туризма, в полной мере будет проводиться мониторинг, контроль и оценка их эффективности.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что государство и региональные власти, воспринимая туристическую отрасль как одно из приоритетных направлений экономической политики, должны способствовать развитию деятельности в сфере туризма на уровне регионов и формировать благоприятные условия для ее устойчивого функционирования, содействуя формированию образа России как привлекательной для туризма страны и обеспечивая продвижение региональных турпродуктов на международном уровне, а также оказывать непосредственную защиту и поддержку российских туристов, турагентов и туроператоров.

¹ Топчиев Г., Циншен Ван Устойчивый туризм и экотуризм: тенденции и проблемы развития. – <http://www.ecologylife.ru/turizm-2003/ustoychivyj-turizm-i-ekoturizm.html>

² Там же.

*Казанцев А.К.,
Серова Е.Г.¹*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ: ОЦЕНКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: региональное развитие, транспортно-логистические комплексы, управление логистикой.

Управление логистикой в России переживает ответственный период реорганизации, стремясь создать гибкие, адаптивные, экономически эффективные региональные комплексы, отвечающие мировым требованиям в условиях глобальной конкуренции. Логистический комплекс территории во многом определяет ее конкурентоспособность на фоне других регионов страны или других городов, способных также быть центрами транспортной и логистической активности. Проблема заключается не только в рассмотрении самих логистических комплексов отдельно взятой территориальной единицы, но и в разработке алгоритма оценивания их состояния, предложении эффективной системы показателей и индикаторов, позволяющей ранжировать регионы по степени и динамике развития транспортно-логистических комплексов, разработке методики вычисления регионального индекса логистики (РИЛ). Разработка стратегии развития ТЛК в инновационном продвижении субъектов РФ должна базироваться на единой методике, включающей заданные критерии и учитывать особенности пространственного размещения региона, особенности размещения производительных сил, инновационный потенциал.

Цель и задачи измерения уровня развития РТЛК и влияющих факторов

Цель создания методических основ для измерения уровня развития РТЛК и влияющих факторов оценки состоит в проведении сравнительного анализа региональных транспортно-логистических комплексов на основе международного опыта и стратегий развития отдельных регионов. Результаты и выводы проведения этого анализа позволят выработать рекомендации эффективного управления логистикой регионов в их инновационном развитии.

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- Обобщение и анализ действующей системы показателей развития транспортно-логистических комплексов регионов России.
- Обзор международного опыта в сфере мониторинга логистической инфраструктуры в экономике развитых стран.
- Создание системы количественных индикаторов, отражающих степень развития транспортно-логистических комплексов отдельных регионов страны.
- Сбор и систематизация данных, проведение рейтинговой оценки региональных транспортно-логистических комплексов.

Понятие РТЛК

Региональный транспортно-логистический комплекс (РТЛК) – сложная динамично развивающаяся система, сформированная в границах рассматриваемого региона, обеспечивающая единый процесс транспортного обслуживания материальных, финансовых и информационных потоков, организованных оптимальным образом. Цель создания и функционирования РТЛК – доставка в заданное место и в установленные сроки грузов (материальных и нематериальных) в нужном количестве и ассортименте, при издержках, не превышающих заданный уровень. Достижение названной цели предполагает тесное взаимодействие всех участников доставки грузов. Причем сама доставка означает не только собственно транспортировку, но и предоставление всего комплекса необходимых услуг по их обработке и распределению.

Уровневая и функциональная (по видам процессов и элементам инфраструктуры) структуры РТЛК

В рамках сформулированной цели и решения поставленных задач необходимо проведение аналитического исследования состояния и тенденций развития РТЛК, которые во многом определяются элементным составом структур

¹ Казанцев Анатолий Константинович – д.э.н., профессор, и.о. заведующего кафедрой операционного менеджмента, Высшая школа менеджмента СПбГУ. E-mail: kazantcev@gsom.spb.ru

Серова Елена Геннадьевна – к.э.н., доцент, академический куратор аспирантуры НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. E-mail: egserova@hse.ru

рассматриваемых в работе комплексов. Об этом свидетельствует отечественный и зарубежный опыт разработки индикаторных характеристик развития Региональных транспортно-логистических комплексов. Новизна исследования заключается в анализе содержания каждого из элементов РТЛК, учитывающем исторические и национальные особенности их формирования, включает оценку состояния элементов структуры, а также выявляет тенденции и направления дальнейшего развития. При этом методическая схема анализа предусматривает, по крайней мере, следующие три аспекта аналитической дифференциации объектов исследования:

- уровневую структуру;
- признаки региональной дифференциации;
- дифференциацию по видам экономической деятельности (предметным областям логистики).

Методология исследования включает в себя системный подход, предполагающий анализ сложной иерархической структуры, динамичность рассматриваемых процессов, целостность системы, множественность целей, многофункциональность элементов РТЛК.

Иерархическая структура объектов регионального мониторинга элементного состава РТЛК обосновывает необходимость использования уровневой структуры индикаторов для оценки их состояния и развития. Можно выделить три основных уровня в иерархической структуре индикаторов в соответствии с иерархической структурой объектов оценки: федеральный (национальный), региональный и уровень отдельных организационных единиц (рис. 1).

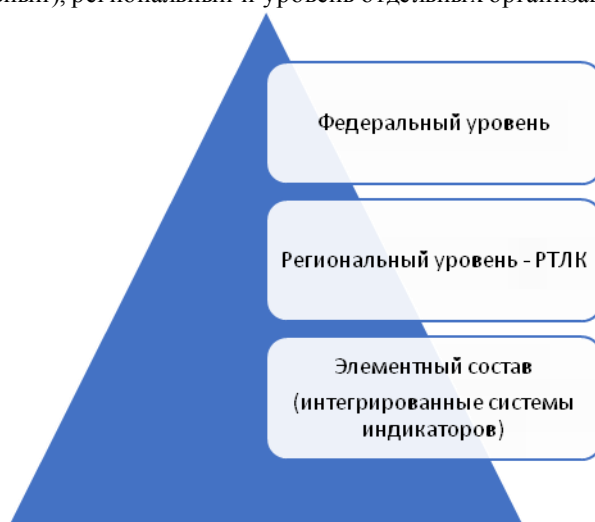

Рисунок 1.
Иерархическая структура индикаторов РТЛК

Федеральный уровень включает в себя совокупность сводных ключевых характеристик, позволяющих оценить национальные транспортно-логистические возможности по отношению к другим странам, оценить сбалансированность развития РТЛК во всех субъектах административной структуры страны (в разрезе регионов, видов деятельности) и разработать предложения по регулированию процесса совершенствования управленческой функциональной логистики России.

Региональные интегрированные системы индикаторов РТЛК позволяют сравнивать, анализировать и оценивать уровни их использования в различных регионах.

Первичные данные о состоянии и развитии РТЛК формируются на нижнем уровне иерархии – уровне отдельных организационных структур. При анализе транспортно-логистических комплексов целесообразна их дифференциация по видам экономической деятельности (предметным областям логистики). По отраслевому признаку данные делятся на статистику отдельных видов транспорта: железнодорожного, автомобильного, городского электрического, дорожного хозяйства, трубопроводного, морского, внутреннего водного, воздушного (рис. 2); по тематическому – на статистику перевозок грузов, пассажиров, статистику количества транспортных средств, их характеристик и использования, путей сообщения, статистику безопасности движения, статистику труда, статистику материальных ресурсов, статистику финансовых результатов, статистику инвестиций.

Факторные характеристики развития РТЛК в контексте пространственного развития (социально-экономические условия, инновационное позиционирование)

При проведении пространственного межрегионального анализа состояния транспортно-логистических комплексов, следует учитывать, что экономическое пространство Российской Федерации неоднородно, дифференцировано, и, кроме того, не стабильно во времени. Дифференциация наблюдается по следующим направлениям: природно-климатическое, природно-ресурсное, статусно-территориальное, социально-экономическое, и, одно из наиболее значимых, – транспортно-инфраструктурное.

Важно выделить две главные особенности дифференциации: она всегда относительна и может характеризоваться множеством разнородных показателей.

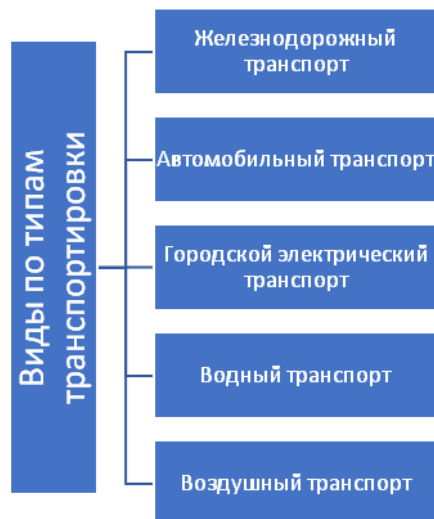

Рисунок 2.
Виды транспорта по типам транспортировки

В качестве признаков, обеспечивающих группировку регионов и типологизацию характеристик РТЛК, могут выступать определенные сходные для отдельных групп регионов финансовые, экономические и социальные условия. В этом случае типизация регионов становится довольно четко выраженной и обеспечивает большую обоснованность отнесения регионов к тому или иному типу в соответствии с выбранными критериями и, как результат, приводит к получению более достоверной и эффективной информации о состоянии сферы РТЛК российской экономики.

При группировке регионов по социально-экономическим условиям, степени развития промышленного сектора и т.д. появляется возможность устанавливать для каждой выделенной группы единые нормативы по количеству, оснащенности и распределению затрат на РТЛК.

Если исходить из общетипологического и наиболее известного признака пространственного разделения регионов на группы, а именно – природно-географического, он может совпадать с созданными федеральными округами или экономическими регионами страны. Внутри каждого из округов при необходимости проведения анализа сферы РТЛК и на основании определенных критериев также может быть использована типизация регионов в соответствии с выбранными критериями или обобщающей их средней величиной.

Таким образом, чтобы оценить региональный уровень состояния и развития РТЛК с учетом признаков региональной дифференциации, необходимо проранжировать регионы и выработать специфичные методические подходы типологизации.

Таких подходов может быть много. Предлагаемый методический подход рассматривается как унифицированный и может быть применен в межрегиональном анализе, когда объектами являются федеральные округа или все субъекты Федерации в составе России¹. В качестве признака типологизации рассматривается социально-экономическое положение в регионе. Выбор объекта будет оказывать влияние не на аппарат оценки, а в основном на состав показателей. Например, если в качестве регионов выступают федеральные округа, т.е. крупномасштабные и менее автономные образования, чем субъекты Федерации, из анализа, без ухудшения его качества, могут быть исключены отдельные показатели.

Для проведения межрегионального анализа социально-экономического положения и инновационного позиционирования, когда в качестве региона выступает субъект Федерации, предлагается исходить из следующих проблемно-содержательных блоков, каждый из которых связан с определенным фактором:

- демографическая ситуация;
- уровень жизни;
- качество жизни;
- финансы предприятий, организаций, населения;
- реформирование экономики;
- экономический потенциал;
- инвестиционная ситуация;
- производственная активность;
- научно-технический потенциал;
- внешнеэкономическая деятельность;
- рынок труда;
- экология.

Если объектом сравнительного анализа являются федеральные округа, то количество факторов при оценке социально-экономического положения регионов сокращается (например, могут быть не задействованы такие блоки, как

¹ Заварзина Е.С., Сивориновский Б.Г., Ладоньчева Г.Ю. Актуальные вопросы межрегиональных сравнений // Вопросы статистики. – М., 2001. – № 6.

экология, бюджетная ситуация, внешнеэкономическая деятельность). Различия могут быть не только в составе факторов, но и в наборе показателей.

В виду указанной ранее большой вариативности регионов России, отличающихся друг от друга по условиям своей жизнедеятельности, для получения комплексной адекватной оценки уровня состояния развития РТЛК на региональном уровне необходимо обеспечение ряда требований, основные из которых сводятся к следующему:

– комплексная оценка должна учитывать региональную дифференциацию по различным направлениям;

– необходимо максимально учитывать существующие типологические характеристики состояния и развития РТЛК, опирающиеся на типологические принципы разделения регионов.

Построение системы показателей и индикаторов оценки состояния и развития РТЛК регионов, необходимо увязывать с определением самого понятия «регион» как объекта исследования и исследования его характеристических свойств, влияющих на развитие процессов информатизации его экономики и социальной сферы. С точки зрения выработки региональной транспортно-логистической политики регион представляет собой сложное, объемное понятие, характеризующее территорию, имеющую общность социально-экономических, политических и географических факторов. Базовым звеном в транспортно-логистической сфере региональных отношений в России является субъект Федерации. Это может быть и республика, и край, и область, и муниципальное образование, например, Москва, Санкт-Петербург. Объединение отдельных субъектов Федерации, обладающих общностью географических, политических и социально-экономических факторов, в одну структуру – Федеральный округ, также рассматривается как регион, только более высокого уровня. Сейчас существуют восемь единиц территориального деления страны – Федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный и Северо-Кавказский.

Алгоритм сравнительного анализа РТЛК

На федеральном и региональном уровнях объектов оценки состояния и развития РТЛК система индикаторов формируется по основным направлениям их использования, которые соответствуют направлениям организации мониторинга: ресурсы, масштаб, технологический уровень (цифровизация).

В рамках направления использования индикаторы систематизируются по предметным областям РТЛК. Предметные области оценки дифференцируются по видам элементов. Следовательно, чтобы оценить состояние и развитие региональных транспортно-логистических комплексов, необходимо их сначала идентифицировать, определив предметные области и виды РТЛК подлежащие наблюдению, исследованию и оценке, в рамках выделенных направлений использования, и затем сформировать систему индикаторов.

Исследование иерархической структуры Регионального индекса логистики (РИЛ) и признаков дифференциации элементов РТЛК позволяет сформулировать следующие требования к системе показателей для оценки и анализа уровня их развития и использования:

1. необходимость учета максимального числа факторов и условий, влияющих на масштабы и динамику изменения элементного состава РЛТК;

2. обеспечение полной совместимости и сопоставимости показателей для разных условий их измерения с учетом признаков дифференциации;

3. сводимость частных показателей и индикаторов в интегральные характеристики, общие для всех объектов;

4. прозрачность исходных данных для расчета индикативных характеристик;

5. доступность для проведения расчетов и получения оценок.

С учетом этих требований может быть представлена модель формирования системы показателей и индикаторов (рис. 3).

Рисунок 3.
Система показателей и индикаторов

Система показателей измерения элементов сравнительного анализа РТЛК:

- блока социально-экономических условий
- транспортно-логистического блока
- инновационного блока.

Общая характеристика состава индикаторов, сформированных по предложенной модели, для расчета комплексного индикатора оценки уровня состояния и развития региональных транспортно-логистических комплексов в регионе, включает следующие составляющие:

Показатели рейтинга региональных транспортно-логистических комплексов (РТЛК) (44 показателя)

1. Социально-экономическая среда РТЛК (16 показателей)
 - 1.1. *Основные макроэкономические показатели региона (3 показателя)*
 - 1.1.1. Объем производства товаров и услуг
 - 1.1.2. Объем доходов консолидированного бюджета;
 - 1.1.3. Численность занятых в экономике
 - 1.2. *Показатели эффективности экономики (3 показателя);*
 - 1.2.1. Объем производства товаров и услуг на одного жителя; (или ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона, тыс. руб.)
 - 1.2.2. Инвестиции в основной капитал на одного жителя (или Коэффициент обновления основных фондов, %)
 - 1.2.3. Доля прибыльных предприятий;
 - 1.3. *Показатели бюджетной сферы (3 показателя)*
 - 1.3.1. Доходы консолидированного бюджета на одного жителя;
 - 1.3.2. Доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов консолидированного бюджета
 - 1.3.3. Дефицит к налоговым и неналоговым доходам консолидированного бюджета
 - 1.4. *Показатели социальной сферы (3 показателя).*
 - 1.4.1. Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг
 - 1.4.2. Уровень безработицы
 - 1.4.3. Удельный вес населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование, в общей численности населения соответствующей возрастной группы, %*
 - 1.5. *Показатели инновационного развития региона (4 показателя)*
 - 1.5.1. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций (по организациям промышленного производства), %*
 - 1.5.2. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (по организациям промышленного производства), %
 - 1.5.3. Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВРП, %* (Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, тыс. руб.)
 - 1.5.4. Удельный вес организаций, имеющих доступ к Интернету с максимальной скоростью передачи данных не менее 256 Кбит/с, в общем числе организаций, %
2. Масштабы деятельности РТЛК (11 показателей)
 - 2.1. *Показатели грузооборота (6 показателей)*
 - 2.1.1. Общий грузооборот транспорта, миллиардов тонно-километров
 - 2.1.2. Грузооборот железнодорожного транспорта, миллиардов тонно-километров
 - 2.1.3. Грузооборот автомобильного транспорта, миллиардов тонно-км
 - 2.1.4. Грузооборот морского транспорта на регулярных рейсах гражданской авиации; миллиардов тонно-километров
 - 2.1.5. Грузооборот воздушного транспорта на регулярных рейсах гражданской авиации, миллиардов тонно-километров
 - 2.1.6. Грузооборот магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, миллиардов тонно-километров.
 - 2.2. *Показатели пассажирооборота (5 показателей)*
 - 2.2.1. Пассажирооборот железнодорожного транспорта, миллиардов пассажиров-километров
 - 2.2.2. Пассажирооборот автомобильного транспорта, миллиардов пассажиров-километров
 - 2.2.3. Пассажирооборот морского транспорта на регулярных рейсах гражданской авиации, миллиардов пассажира-километров
 - 2.2.4. Пассажирооборот воздушного транспорта на регулярных рейсах гражданской авиации, миллиардов пассажира-километров
 - 2.2.5. Объем транспортных услуг на душу населения
3. Ресурсы РТЛК (9 показателей)
 - 3.1. *Материально-технические (3 показателя)*
 - 3.1.1. Основные фонды организаций транспорта
 - 3.1.2. Степень износа основных фондов организаций транспорта
 - 3.1.3. Ввод в действие основных производственных мощностей транспорта (по видам транспорта в %
 - 3.2. *Персонал (3 показателя)*
 - 3.2.1. Удельный вес занятых в отраслях РТЛК в общей численности занятых в экономике региона, %*
 - 3.2.2. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников транспорта
 - 3.2.3. Среднемесячная численность работников транспорта
 - 3.3. *Эффективность использования (3 показателя)*

- 3.3.1. Сальдированный финансовый результат организаций транспорта по видам деятельности
- 3.3.2. Доля прибыльных организаций, %
- 3.3.3. Индексы тарифов на грузовые перевозки (по видам транспорта)
- 4. Технологический уровень РТЛК (8 показателей)
- 4.1. Показатели технологического уровня перевозок (2 показателя)
- 4.1.1. Доля грузов, отправленных пакетами и в крупнотоннажных контейнерах, в общем объеме отправленных грузов, %
- 4.1.2. Доля автотранспортных средств, имеющих возможность использовать природный газ и электроэнергию в качестве моторного топлива в общем количестве зарегистрированных автотранспортных средств
- 4.2. Показатели технологического уровня транспортных путей (3 показателя)
- 4.2.1. Доля электрифицированных участков в общей эксплуатационной длине железнодорожных путей общего пользования, %
- 4.2.2. Доля внутренних водных путей, обслуживаемых обстановкой (со знаками судоходности), в общей протяженности внутренних водных судоходных путей, %
- 4.2.3. Доля автомобильных дорог общего пользования, отвечающих нормативным требованиям, на конец года, %
- 4.3. Транспортная инфраструктура региона (3 показателя) (терминалы, склады, розничные сети, телекоммуникации; инженерные коммуникации, пути (автодороги, железные дороги, порты и аэропорты))
- 4.3.1. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием
- 4.3.2. Эксплуатационная длина железнодорожных путей
- 4.3.3. Протяженность магистральных нефтепроводов и нефтепродуктопроводов.

Методология сравнительного анализа (сглаживание значений показателей, использование индексных характеристик)

Для целей агрегирования исходных показателей применяются индексы и индикаторы. Иерархическая структура системы показателей и индикаторов позволяет детализировать (деагрегировать), или наоборот, свертывать (агрегировать) показатели, характеризующие состояние и развитие различных видов РТЛК.

Индикаторы и индексы позволяют исследовать сложные экономические процессы и могут выполнять роль единиц сжатой информации, на основе которой могут строиться прогнозы развития событий. Можно сказать, что индикаторы и индексы – это внешняя технология, разрабатываемая для понимания внутренних процессов, происходящих в экономических системах.

Индикаторы – доступные наблюдению и измерению характеристики (признаки) изучаемого или управляемого социального объекта. Из ряда индикаторов, характеризующих изучаемый или управляемый объект, должен выбираться тот, который лучше «работает», является более чувствительным, обладает большей разрешающей способностью. Иначе говоря, индикатор имеет смысл меры величины, меры свойства, меры процесса. Индексу придается другой смысл, а именно: индекс – это величина, характеризующая отклонение от уровня, принимаемого за базовый.

Использование индексов позволяет решить проблему свертки и деагрегации (генерализации) информации и снимает ряд трудностей, связанных, прежде всего, с тем, что необходимо обобщать разнесенную в пространстве информацию разной природы, разной размерности, разной точности и т.д.

• Для оценки уровня развития объекта по рассматриваемым показателям рассчитывается индекс показателя – X_{ni} . Индекс всегда относительная величина и рассчитывается путем деления достигнутого значения исходного показателя (X_i) на нормативное/базовое значение (X_{bi}).

$$X_{ni} = \frac{X_i}{X_{bi}} \quad (1).$$

Исходя из целей проводимого аналитического исследования и специфики РТЛК в качестве нормативных значений, т.е. фактически критериев оценки показателей, могут выступать:

- максимально возможное значение показателя (для относительных показателей оно равно единице). Это один из путей нормирования показателя и приведения его к безмерному сопоставимому виду¹;
- среднее значение по совокупности оцениваемых объектов;
- значение лидера или аутсайдера;
- требуемое значение, т.е. целевое или нормативное, задающее необходимый уровень развития. В этом случае речь идет о стандартах развития объекта;
- значение показателя по объекту, пограничному с оцениваемым регионом;
- значение показателя оцениваемого объекта за предыдущие периоды

¹ Существуют и другие способы приведения показателя к безразмерному состоянию: $\frac{a_{ij} - a_{\min j}}{a_{\max j} - a_{\min j}}$, a_{ij} – значение j-го показателя для i-го предприятия; $a_{\max j}$, $a_{\min j}$ – соответственно, максимальное/минимальное значение показателя j для рассматриваемых предприятий.

• Для оценки уровня развития объекта по видам (Z_i), предметным областям (R_i) и по направлению использования (N_i) рассчитываются соответствующие индикаторы. Индикаторы рассчитываются как средняя (средневзвешенная) величина по всем входящим индикаторам оценки.

$$Z_i = \frac{1}{l} \sum_i^l \delta_i * X_{ni} \quad , \quad R_i = \frac{1}{k} \sum_i^k \gamma_i * Z_i \quad , \quad N_i = \frac{1}{n} \sum_i^n \beta_i * R_i \quad (2),$$

где

l, k, n – число показателей в группе,

X_{ni}, z_i, R_i – значения i -го показателя

$\delta_i, \gamma_i, \beta_i$ – значимость (вес) i -го показателя/индикатора

• Рассчитывается интегральный индикатор состояния и динамики развития РТЛК региона. Индикатор позволяет получить комплексную (обобщенную) характеристику уровня развития и использования РТЛК по всем направлениям деятельности объекта – J

$$J = \frac{1}{s} \sum_i^s \lambda_i * N_i \quad (3),$$

где

s – число рассматриваемых направлений использования

N_i – индикатор i -го направления использования

λ_i – значимость (вес) i -го направления использования

Предложенная многоуровневая система индикаторов оценки состояния и развития РТЛК позволяет на разных уровнях детализации сравнивать, анализировать, оценивать уровни использования элементов комплекса и получать сравнительный анализ регионов. Индикаторы позволяют выстраивать рейтинги исследуемых объектов, формировать однородные кластеры, для которых применимы унифицированные методические правила и процедуры организации процесса управления развитием РТЛК.

Интегральная оценка состояния и использования транспортного потенциала региона

Одним из самых важных в методологии оценки уровней состояния и развития РТЛК является вопрос определения интегральной оценки, характеризующей состояние и использование транспортного потенциала региона на основе полученных индикативных показателей по отдельным элементам уровня развития.

Существует несколько методических приемов, позволяющих определить интегральные оценки¹. Наиболее простым методом при построении интегральной оценки является прямое суммирование частных характеристик уровня развития объекта анализа, выраженных в виде индексов или процентного отклонения и рассчитанных по отношению к аналогичным средним величинам. Этот метод позволяет учесть величину вариации конкретных индикативных показателей по элементам уровня развития и величин их отклонения от соответствующих средних значений показателей. Недостаток этого метода заключается в том, что вес участия каждого индикативного показателя по данному элементу в структуре интегрального показателя присущ только данному объекту, что затрудняет получение обобщенной оценки как комплексной характеристики.

При построении интегральной оценки также достаточно часто и эффективно применяется корреляционный анализ. Путем корреляционных расчетов устанавливается теснота взаимосвязи между наиболее важными частными характеристиками уровня регионального развития комплексов и вычисляется оценка величины отклонения их значений от аналогичных средних по стране. Этот метод обеспечивает получение достаточно достоверных сведений о вариации уровня развития объекта исследования (в нашем случае это транспортный потенциал региона). Но следует иметь в виду, что при использовании этого метода усложняется интерпретация полученных результатов.

Еще один вариант методики основан на использовании аппарата регрессионного анализа.

Методика получения интегрального показателя может быть основана на том, что все индикативные показатели по каждому из аспектов элемента уровня развития представляются как интервальные балльные оценки с последующим их суммированием по каждому региону. К положительным сторонам этого метода можно отнести его простоту и высокую интерпретируемость оценочного результата. К отрицательным – то, что он требует экспертного определения конкретных интервалов вариации во взаимосвязи с фиксированным значением балльной оценки. Фактор субъективизма в этом случае является довольно значительным и накладывает отрицательный оттенок на интегральную оценку уровня развития транспортно-логистического комплекса.

Для обеспечения комплексности интегральной оценки состояния и развития транспортного потенциала региона используется получивший широкое распространение метод, сочетающий ранжирование объектов по каждому из индикативных показателей, формализованное преобразование полученных рангов в ранжированные балльные оценки и итоговое суммирование балльных оценок для каждого объекта по всем индикативным показателям. Однако при использовании такого подхода не вычисляется размах вариации индикативных показателей по каждому элементу уровня развития объекта, степень отклонения их от аналогичных средних значений. Применение балльной оценки предпола-

¹ Заварзина Е.С., Сивориновский Б.Г., Ладоньчева Г.Ю. Актуальные вопросы межрегиональных сравнений // Вопросы статистики. – М., 2001. – № 6.

гает использование заранее принимаемых весовых коэффициентов, что также относится к недостаткам этого метода, т.к. отражается на величине присутствия в итоговых результатах субъективных факторов.

В данном исследовании авторами предлагается использовать следующий способ приведения показателя к безразмерному состоянию:

$$\frac{a_{ij} - a_{\min j}}{a_{\max j} - a_{\min j}} \quad (4),$$

где:

a_{ij} – значение j-го показателя для i-го предприятия;

$a_{\max j}$, $a_{\min j}$ – соответственно, максимальное/минимальное значение показателя j.

В качестве показателей рассмотрены следующие:

А. Отправление грузов и пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования (отправлено грузов, млн. т, отправлено пассажиров, тыс. человек)

В. Отправление грузов и пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования (отправлено пассажиров, тыс. человек)

С. Перевозки грузов и грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности (перевозки грузов, млн. т.)

Д. Перевозки грузов и грузооборот автомобильного транспорта организаций всех видов деятельности (грузооборот, млн. т-км)

Е. Перевозки пассажиров и пассажирооборот автобусов общего пользования (перевозки пассажиров, млн. человек)

Ф. Перевозки пассажиров и пассажирооборот автобусов общего пользования (пассажирооборот, млн. пасс-км)

Г. Автомобильные дороги общего пользования (удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования, в процентах)

Н. Автомобильные дороги общего пользования (удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием в протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием общего пользования, в процентах)

И. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на конец года (км путей на 1000 км² территории)

Ж. Число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения (шт.)

Результаты расчетов оценки транспортного потенциала регионов приведены в табл. 1 и на рис. 4.

Таблица 1

Сравнительный анализ состояния и развития транспортного потенциала регионов РФ (2016 год)

№	Округ	Итоговый
1	Дальневосточный федеральный округ	0,4597
2	Приволжский федеральный округ	6,0042
3	Северо-Западный федеральный округ	3,0642
4	Северо-Кавказский федеральный округ	3,2374
5	Сибирский федеральный округ	4,8925
6	Уральский федеральный округ	4,5129
7	Центральный федеральный округ	7,8015
8	Южный федеральный округ	4,8796

Рисунок 4. Транспортная составляющая регионального индекса логистики

Каждый из приведенных в данном разделе методов определения интегральной оценки состояния и использования РТЛК имеет свои преимущества и недостатки. В настоящем исследовании авторы использовали индексные характеристики при оценке состояния региональных транспортно-логистических комплексов. Так, при анализе состояния и развития транспортного потенциала 8 регионов Российской Федерации лидирующее положение занимают Центральный Федеральный округ и Приволжский округа. Близкие по значению оценки имеют Сибирский и Южный федеральные округа. Расчеты также показали, что наименьшую оценку состояния и развития транспортного потенциала имеет Дальневосточный федеральный округ.

Список литературы и источников

1. Нормативно-правовые акты (Программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2001 г. № 848 в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 319; транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 11 июня 2014 года).
2. Приказ от 3 августа 2016 г. № 385 Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере транспорта; распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 N 671-р (ред. от 07.02.2017) «Об утверждении Федерального плана статистических работ» (вместе с «Федеральным планом статистических работ») (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.02.2017)).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Под ред. С.Н. Егоренко; Росстат. – М., 2017. – 1402 с.
4. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.
5. Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. / Под ред. А.Е. Суринова; Росстат. – М., 2017. – 511 с.
6. Транспорт в России. 2018: Стат. сб. / Под ред. М.А. Сабельникова, М.Б. Кузьмичева; Росстат. – М., 2018. – 101 с.
7. Транспорт и связь в России. 2016: Стат. сб. / Под ред. А.Л. Кевеш, М.А. Сабельникова; Росстат. – М., 2016. – 112 с.
8. European Commission (2016) Regional Innovation Scoreboard 2016. – <http://ec.europa.eu/DocsRoom/documents/17824>

Кайбичева Е.И.

к.э.н., старший преподаватель кафедры региональной, муниципальной, экономики и управления, Уральский государственный экономический университет
Catherine.kai@mail.ru

ПЕРИФЕРИЗАЦИЯ И НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: периферизация, новая индустриализация, периферия, центр, типология, регион.
Keywords: peripheralization, new industrialization, periphery, center, typology, region.

Введение

В России процессы новой индустриализации приобретают свою специфику, во многом связанную с качественной неоднородностью ее экономического пространства. Регионы, имеющие сложившуюся промышленную специализацию, крупные и крупнейшие города рассматриваются в качестве центров нового индустриального развития, вся остальная территория страны – как периферия. Зачастую такая характеристика не связывается с уровнем социально-экономического развития территории, ее демографическим и иными параметрами и основана на традиционном понимании понятия «периферия» и связанного с ним понятия «центр».

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основе широкого подхода к исследованию феномена центральных и периферийных территорий разработать типологию регионов России по степени периферизации и состоянию процессов новой индустриализации.

Для этого автором решаются задачи, связанные с раскрытием сущности понятия «периферизация», определением показателей для характеристики экономического, демографического, географического и нового индустриального измерения периферизации.

Обзор существующих исследований

Понятие «периферия» в его традиционном понимании связывается с территорией, которой присущи некие характеристики, заключающиеся в относительно невысоком уровне социально-экономического развития, в высоких транспортных издержках, более низкой квалификации рабочей силы и т.п. Более тщательное исследование феномена периферии показало, что она представляет собой сложное и многоаспектное явление, для изучения которого применимы положения различных подходов, а не только экономического и/или географического. Итогом стало формирование множества трактовок данного понятия, общей чертой которых можно признать их относительный характер, то есть раскрытие содержания через противостоящее по характеристикам понятие «центра».

Существующие разночтения в трактовке понятия и присущие имеющимся его определениям недостатки, связанные с игнорированием динамической составляющей явления, возможности изменения положения территории в системе «центр-периферия», учетом, как правило, одного (реже – двух и более) измерений из всего многообразия существующих (экономического, политического, социального, демографического и др.), побудили современных исследований к использованию понятия «периферизация» (англ. – peripheralization).

Последнее рассматривается как «процесс производства периферии». По мнению ряда зарубежных ученых, «периферизация относится к процессу «превращения» пространств в периферийные»¹.

Иными словами, акцент современных исследований смещается с вопроса о проблемах и путях развития периферии на выявление причин ее появления. В условиях перехода к новому технологическому укладу, возрастания роли промышленного производства развитие территории, в том числе и периферийной, во многом определяется состоянием ее промышленного комплекса и идущими в стране процессами новой индустриализации.

Последняя часто рассматривается в контексте обеспечения экономического роста России², ее экономической

¹ Kühn M., Weck S. Peripherisierung – Prozesse, Probleme und Strategien in Mittelstädten // The Planning Review. 2012. – N 48 (2). – S. 17.

² См., например: Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. – М., 2013. – № 1(35). – С. 19–49; Рязанов В.Т. Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты // Экономическое возрождение России. – М., 2014. – № 2(40). – С. 17–25; Романова О.А. Инновационное развитие промышленного региона в контексте новой индустриализации // Шумпетер овские чтения. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2013. – № 1. – С. 145–149.

безопасности¹. В настоящем исследовании сделана попытка исследования новой индустриализации и периферизации территории в сопряжении друг с другом, что позволит, во-первых, рассмотреть процессы нового индустриального развития как одно из измерений периферизации территории, во-вторых, прояснить взаимосвязь между состоянием промышленного комплекса на территории с ее экономическими, демографическими и транспортными характеристиками.

Методика исследования

Исследование включает в себя следующие этапы.

На первом с помощью индекса периферизации, методика расчета которого предложена J. Eder² и адаптирована автором к российским условиям, оценивается степень периферизации регионов России по трем измерениям – экономическому, географическому и демографическому (табл. 1). Источником данных для расчетов послужила информация Федеральной службы государственной статистики за 2017 год.

Таблица 1

Индикаторы периферизации территории

Измерение (направление) периферизации	Показатель	
	J. Eder ³	Российский аналог
Демографическое	Динамика численности населения в возрасте от 15 до 64 лет	Численность населения в трудоспособном возрасте
	Чистый коэффициент миграции населения в возрасте от 15 до 64 лет	Коэффициент миграционного прироста населения
	Доля населения в возрасте 45–64 лет в общей численности населения в возрасте 15–64 лет	Доля населения в возрасте 50–72 лет в общей численности населения в трудоспособном возрасте
Экономическое	Изменение численности занятых	Численность занятых в экономике
	Чистый пригородный тариф	Индекс тарифов на грузовые перевозки
	Доля занятых на предприятиях с численностью работников свыше 250 человек	Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) крупных предприятий к среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций, %
Географическое	Средняя доступность трансрегиональных центров на частном автотранспорте	Густота транспортной сети.

На втором этапе проводится исследование процессов новой индустриализации по двум направлениям – уровень промышленного и технологического развития территории.

Оценка степени промышленного развития территории осуществляется с помощью расчета уровня относительной индустриализации (индекса индустриализации)⁴:

$$I_i = \frac{P_i}{P} : \frac{N_i}{N} \quad (1),$$

где P_i – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Во снабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» региона i ; P – объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха», «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений» страны; N_i – численность постоянного населения региона i ; N – численность постоянного населения страны.

Интерпретация полученных значений осуществлялась следующим способом. Если $I_i \geq 1$, то регион является индустриально развитым, если меньше 1, то регион не является индустриально развитым.

Для определения уровня технологического развития промышленности использовались данные рейтинга РИА-рейтинг «Уровень развития науки и технологий в регионах России»⁵ за 2017 год.

На третьем этапе осуществлялось сведение всех ранее полученных оценок. Все регионы в зависимости от набранного числа баллов разделены на следующие группы:

1. Центральные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации;
2. Центральные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации;

¹ См., например: Новицкий Н.А. Экономическая безопасность новой индустриализации: критерии и индикаторы // Экономические науки. 2013. – № 5. – С. 7–11. Анимидца Е.Г., Новикова Н.В. Новая индустриализация – важнейший фактор обеспечения экономической безопасности Уральского макрорегиона // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. – С. 65–69.

² Eder J. Peripheralization and knowledge bases in Austria: towards a new regional typology // European planning studies. 2019. – N 27. – P. 42–67.

³ Там же.

⁴ Родионова И.А. Макрогеография промышленности мира. – М.: Московский лицей, 2000. – С. 26.

⁵ Уровень развития науки и технологий в регионах России – рейтинг 2018. – <http://riarating.ru/info/grafika/20181017/630109152.html>

3. Периферийные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации;
4. Периферийные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации;
5. Полупериферийные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации;
6. Полупериферийные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации.

Результаты

Стоит отметить, что число регионов, относящихся к «абсолютным» центрам или «абсолютной» периферии, относительно невелико (6 и 14 соответственно или суммарно 24,1% от общего числа рассматриваемых регионов). Большая часть субъектов РФ по ряду измерений относится к числу центральных, а по оставшимся – к числу периферийных. Это еще раз подтверждает тезис о качественной неоднородности российского экономического пространства в целом, его центра и периферии в частности.

Расчеты свидетельствуют о том, что к числу центральных регионов по всем четырем измерениям (географическому, экономическому, демографическому и новому индустриальному) могут быть отнесены 6 регионов из 83 рассматриваемых: Московская и Самарская области, г. Москва, г. Санкт-Петербург, республики Башкортостан и Татарстан. Указанные субъекты Российской Федерации отличаются высокими значениями показателей социально-экономического развития, относительно благоприятной демографической ситуацией, хорошей транспортной доступностью, наличием значительного научно-технического потенциала за счет концентрации на их территории учреждений Российской академии наук, высших учебных заведений, крупных промышленных компаний, проводящих собственные исследования и разработки.

Если исключить из рассмотрения составляющую нового индустриального развития, то к центральным регионам могут быть отнесены еще 4 субъекта РФ: Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика. Отметим, что на экономическое развитие указанных регионов повлияла величина трансфертов из федерального бюджета (в случае с Краснодарским краем также проведение Зимней Олимпиады 2014 года). Республики Северного Кавказа также отличаются относительно молодой структурой населения.

Иными словами, центральными являются субъекты РФ, имеющие достаточно сильную экономическую базу и, как следствие, соответствующие показатели социально-экономического развития, а также регионы, являющиеся получателями значительного объема помощи из федерального бюджета.

Периферийными регионами по всем четырем измерениям являются Алтайский, Приморский края, Амурская, Вологодская, Кировская, Костромская, Магаданская, Новгородская, Тверская области, Еврейская автономная область, республики Алтай, Карелия, Коми, Марий Эл.

При включении в анализ составляющей нового индустриального развития к периферии относятся Омская, Рязанская, Ульяновская, Ярославская области, Удмуртская республика, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край.

К числу полупериферийных в данном исследовании будут отнесены регионы, которые являются периферийными по одним измерениям и центральными по другим.

В группу полупериферийных регионов с активно идущими процессами новой индустриализации вошел 21 субъект Российской Федерации, со слабо идущими процессами новой индустриализации – 31 территория (табл. 2).

Таблица 2

Типология субъектов РФ по степени периферизации и состоянию процессов новой индустриализации, 2017 год

Группы регионов	Число регионов	Состав группы
Центральные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации	6	Московская область, Самарская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Татарстан
Центральные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации	4	Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика
Периферийные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации	7	Омская область, Рязанская область, Ульяновская область, Ярославская область, Удмуртская республика, Республика Саха (Якутия), Хабаровский край
Периферийные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации	14	Алтайский край, Приморский край, Амурская область, Вологодская область, Кировская область, Костромская область, Магаданская область, Новгородская область, Тверская область, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл
Полупериферийные регионы с активно идущими процессами новой индустриализации	21	Владимирская область, Калужская область, Чувашская Республика, Пензенская область, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Пермский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тюменская область без автономных округов, Новосибирская область, Томская область, Сахалинская область, Ростовская область, Свердловская область, Челябинская область, Красноярский край, Белгородская область, Воронежская область, Тульская область, Республика Мордовия, Нижегородская область

Полупериферийные регионы со слабо идущими процессами новой индустриализации	31	Ленинградская область, Ставропольский край, Республика Тыва, Республика Хакасия, Камчатский край, Архангельская область без автономного округа, Мурманская область, Республика Калмыкия, Астраханская область, Оренбургская область, Курганская область, Забайкальский край, Чукотский автономный округ, Брянская область, Ивановская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Псковская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия–Алания, Калининградская область, Республика Адыгея, Волгоградская область, Саратовская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Кемеровская область
---	----	---

Стоит отметить, что в 34 регионах активно идут процессы новой индустриализации. Помимо уже отмеченных нами центральных и периферийных регионов, это «полупериферия», представленная промышленными субъектами, обладающими значительным научно-техническим потенциалом и рассматривающими новую индустриализацию в качестве ключевого направления развития¹.

Заключение

Российским регионам присуща значительная степень неоднородности развития процессов новой индустриализации, что объясняется, во-первых, историческими особенностями развития той или иной территории и сложившейся экономической специализацией, во-вторых, природно-климатическими характеристиками, в-третьих, эффективностью и результативностью реализуемых в субъекте РФ мер по развитию промышленности, ее обновлению на качественно новой технологической основе.

При этом стоит отметить, что процессы новой индустриализации получили развитие как в центральных регионах, так и в периферийных.

Представленная типология российских регионов по степени периферизации и состоянию процессов новой индустриализации может быть применима для разработки рекомендаций в сфере управления пространственным и промышленным развитием субъектов РФ и страны в целом.

Перспективные исследования по указанной тематике связаны с изучением периферизации в сопряжении с процессами новой индустриализации в динамике, с совершенствованием методики оценки степени периферизации территории в части расширения числа измерений, изучением влияния новой индустриализации на периферизацию территории.

¹ См., например: Об утверждении Стратегии инновационного развития Свердловской области на период до 2020 г.: постановление Правительства Свердловской области от 22 мая 2013 г. № 646-ПП; Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2020 г., утв. постановлением Законодательного собрания Челябинской области от 26 марта 2014 г. № 1949. Об утверждении государственной программы Пермского края «Экономическая политика и инновационное развитие»: постановление Правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. № 1325-п.

Карелин Е.Г.

д.и.н., профессор, Гжельский государственный университет

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОРОДСКИЕ ОКРУГА

Ключевые слова: муниципальная реформа, региональная политика, преобразование муниципальных органов.

Keywords: municipal reform, regional policy, transformation of municipal authorities.

В Российской Федерации в ряде субъектов проводится реформа по преобразованию муниципальных районов в городские округа. Городские округа – особые типы муниципальных образований. Это городские поселения, которые строятся на основе городского населенного пункта и обладают полномочиями муниципального района. В Московской области преобразование районов в городские округа началось ещё в 2005 году. В рамках проведенной муниципальной реформы Химкинский, Балашихинский и Домодедовский районы преобразованы в городские округа Химки, Балашиха и Домодедово. При этом в бывшем Химкинском районе все города, посёлки городского типа и сельские населённые пункты были включены в городскую черту, а в Балашихинском и Домодедовском районе в городскую черту были включены посёлки городского типа, а сельские населённые пункты были подчинены непосредственно администрации городского округа.

Преобразование муниципальных районов в округа – это целенаправленная региональная политика с 2014 года. С точки зрения руководства Московской области, городской округ позволяет мобилизовать кадровые и административные ресурсы, дает существенную экономию средств за счет оптимизации структуры управления и ликвидации дублирующих функций, а также сокращает сроки выработки и реализации управленческих решений. У муниципального образования формируются единый бюджет и единая программа социально-экономического развития территории. Снижение административных барьеров способствует повышению инвестиционной привлекательности, созданию новых рабочих мест и увеличению налогооблагаемой базы. Появляются дополнительные возможности для участия в федеральных и областных программах.

С 2014 года городскими округами уже стали 25 из 36 муниципальных районов, включая Егорьевский, Каширский, Мытищинский, Озёрский, Серебряно-Прудский, Шаховской, Красногорский, Павлово-Посадский, Люберецкий, Рузский, Луховицкий, Зарайский, Истринский, Наро-Фоминский, Талдомский, Шатурский, Ступинский, Можайский, Чеховский, Подольский муниципальные районы. В 2019 году пройдет преобразование Раменского муниципального района и оставшихся муниципальных районов в городские округа.

Преобразование формы организации местного самоуправления в Домодедово и Химках произошло более 10 лет назад. Опыт преобразования Домодедовского муниципального района в городской округ выявил высокую эффективность этой формы местного самоуправления. В Рейтинге устойчивого развития городов РФ (проводило рейтинговое агентство SGM) городской округ Домодедово занял 9 место среди городов с населением менее 250 тыс. чел. по всей РФ – 1 место. Сбалансированность численности населения, темпов экономического развития, развитой городской инфраструктуры позволили Домодедово войти в десятку лучших по развитию городов России и стать лучшим в Московской области.

Существующее на сегодняшний день двухуровневое муниципальное управление – городские и сельские поселения и район – создает довольно много препятствий для осуществления государственной политики: полномочия района и поселений не пересекаются. В соответствии с ФЗ № 131 проводилась муниципальная реформа по распределению полномочий. Новый подход рассматривает это положение как конфликт полномочий. Для государственных органов распределение полномочий поселенческих и территориальных муниципальных органов является проблемой. Преобразование позволяет выстроить понятную органам государственного управления иерархическую форму организации местной власти с четким разделением полномочий и ответственности. В городском округе создается администрация, которая подчиняется главе округа, таким образом, облегчается руководство и строится на началах администрирования. Как показывает практика, на преобразованных территориях вдвое повысилась оперативность выработки и реализации управленческих решений. То есть процесс администрирования становится более эффективным.

В этой логике региональной политики преимуществом округа является единый бюджет и единая программа социально-экономического развития территории. Объединение в городской округ дает возможность сконцентрировать финансовые средства для решения проблем населения: водоснабжения, капитального ремонта многоквартирных домов, дорог, благоустройства территории и т.д. Консолидированный бюджет позволяет эффективнее решать многие социальные вопросы и вести строительство крупных инфраструктурных объектов. Муниципальная собственность не делится между районом и поселениями, а превращается в единую собственность городского округа. С позиции управления и рационального использования это дает преимущества. Но такая централизация полностью отходит от прежнего курса на децентрализацию и развитие самостоятельности.

В результате реформирования появляются дополнительные возможности для участия в федеральных и областных программах финансирования. Этого сейчас не могут позволить себе раздробленные поселения с маленькими бюджетами. В начале 2000-х годов местные бюджеты опустошили изъятием налогов в бюджеты более высоких уровней. Если на Западе у муниципалитета остается порядка 50% собираемых на территории налогов, то в России около 18%. Муниципалитеты при такой политике в большинстве своем дотационные. Например, ремонты дорог являются вопросом местного значения. В то же время дорожные налоги уходят в государственный бюджет, чтобы вернуться в весьма урезанном виде или не вернуться вообще.

Одним из преимуществ местного самоуправления является система представительных органов. Одновременно это является проблемой для региональных органов власти. За последние годы весьма существенно сокращены возможности представительных органов по контролю за исполнением полномочий по решению вопросов местного значения органами местного самоуправления и должностными лицами. Так же как и местное население не в состоянии влиять на муниципальную политику, ведь даже публичные слушания носят ограниченный и формальный характер. Видимо, государство убедилось в сложности и трудности обучения населения самостоятельной ответственности в решении местных вопросов.

В соответствии с ФЗ №131 в населенном пункте с населением от 100000 до 500000 человек и депутатским корпусом в 25 человек освобожденными могут быть только председатель и его заместитель. Например, в Озерском городском округе с 1996 по 2000 годы на постоянной основе работали пять депутатов. Именно тогда и благодаря этому была создана крепкая и самодостаточная нормативно-правовая база муниципального образования, которая на протяжении последующих лет лишь совершенствовалась. Сократив число освобожденных депутатов, реформа по преобразованию в городской округ создает чисто исполнительные территориальные управления. Гораздо хуже то, что данная реформа превращает представительную власть местного населения в послушных проводников политики вышестоящих органов. Эта политика может быть вполне здравая и эффективная, а может быть совершенно безумной (вспомним хотя бы хрущевский «волонтаризм»), но деградировавшая местная представительная система будет не способна отвечать за местные вопросы и находить на местах возможности их решения, она сможет лишь выражать угодливое одобрение любого вышестоящего телодвижения. Проходили – знаем.

Одновременно сокращается количество муниципальных служащих. Если при формировании системы местного самоуправления создавалась и развивалась система муниципальной службы, то целью современной политики является сокращение муниципального аппарата, приближенного к населению. Функции управления централизуются, а небольшая экономия зарплаты муниципальных служащих подается как источник строительства школ, больниц и других социальных проектов. И кто посмеет критиковать борьбу с бюрократизмом? Вместо этого аппарата управления в регионе активно развивается сеть многофункциональных центров, где часть функций переводится в форму услуг и тем самым преобразуется деятельность чиновника. Московская область целиком покрыта сетью МФЦ: на 100% по городским округам и на 99 % по муниципальным районам. Надежда на цифровизацию и информационные технологии сродни ожиданию чуда. Но ведь государственные и муниципальные функции не сводятся к услугам. Ликвидировать 200 муниципальных должностей в Раменском районе несложно, сложно представить способность вышестоящих государственных органов к решению мелких и мельчайших проблем. Если вы желаете быстро решать проблемы и сокращать процедуры (которые сами и придумываете) и демонстрируете мощь централизации, то не забудьте бесславный провал советского бюрократизма.

Для тех, кто считает, что реформа требует жертв со стороны правовой системы, можно признать необходимым то, что упразднение муниципального района действующим федеральным законодательством не предусмотрена, и у субъектов РФ отсутствуют соответствующие полномочия. Изменить статус поселения можно только голосованием населения. Преобразование муниципального района в городской округ не обозначено среди форм преобразований муниципальных образований, предусмотренных статьей 13 Федерального закона № 131-ФЗ. Принимая во внимание, что частями 3.1 и 7 статьи 13 указанного федерального закона среди форм преобразования обозначены как объединение поселений с городским округом, так и изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа, применение данных двух форм преобразования позволяет фактически преобразовать муниципальный район в городской округ. То есть, если нельзя, но очень хочется, то можно.

В настоящее время наибольшую известность получили два варианта преобразования муниципального района в городской округ – преобразование осуществляется в два этапа и преобразование осуществляется в один этап. Преобразование муниципального района в городской округ в два этапа предполагает, во-первых, изменение статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа, во-вторых, объединение иных поселений, входящих в состав муниципального района, с вновь образованным городским округом.

Возможным риском на пути создания городского округа в пределах муниципального района в два этапа является то, что после преобразования городского поселения в городской округ представительный орган городского поселения может и не принять решение об объединении с «проблемными» сельскими поселениями. Не следует исключать и отсутствие со стороны представительных органов предполагаемых к объединению поселений согласия на объединение поселений с городским округом.

При реализации данного варианта создания городского округа в соответствии со статьей 28 Федерального закона № 131-ФЗ на публичные слушания выносятся вопросы изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа, а также вопрос о преобразовании поселений путем объединения с городским округом. Инициаторами проведения данных мероприятий должны выступить представительные органы поселений и муниципального района.

После проведения публичных слушаний по вопросу изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа представительные органы городского поселения и муниципального района принимают решения о назначении даты голосования по вопросу преобразования городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа.

Второй этап создания городского округа в пределах муниципального района предполагает объединение всех входящих в состав муниципального района поселений с городским округом в порядке, предусмотренном частью 3.1 статьи 13 Федерального закона № 131-ФЗ, устанавливающей возможность объединения поселения с городским округом при наличии согласия населения поселения и городского округа, выраженного представительными органами соответствующих поселения и городского округа, а также с учетом мнения населения муниципального района, выраженного представительным органом муниципального района. При этом объединенное с городским округом поселение утрачивает статус муниципального образования.

Отличительной особенностью другого варианта образования городского округа из муниципального района является объединение всех поселений, входящих в состав района, в одно новое муниципальное образование и наделение полученного муниципального образования статусом городского округа.

При реализации рассматриваемого способа началом преобразования муниципального района в городской округ является выдвижение представительным органом городского поселения инициативы о преобразовании входящих в состав муниципального района поселений в городское поселение с наделением его статусом городского округа.

Вопрос о преобразовании поселений, входящих в состав муниципального района, в городское поселение с наделением его статусом городского округа в соответствии со статьёй 28 Федерального закона № 131-ФЗ в обязательном порядке выносится на публичные слушания. Инициаторами проведения данных мероприятий должны выступить представительные органы каждого из поселений. Внесенные изменения позволяют обойтись решением представительных органов. Ну а как справляться с депутатским корпусом показывает существующая практика выкручивания рук и подкупа. Вот и получается, что депутаты подчиняются не избирателям, а государственным органам.

Анализ законодательства Московской области показывает, что требования к территориальной организации местного самоуправления, понятие, виды и порядок преобразований муниципальных образований регулируется федеральным законом, в котором закреплены требования, при выполнении которых городское поселение может быть наделено статусом городского округа [1, ч. 2 ст. 11]. Так же определен закрытый перечень видов преобразований, изменения в который могут вноситься только путем внесения изменения в федеральный закон [1, ст. 13]. В этом перечне отсутствует процедура, позволяющая преобразовать муниципальный район в городской округ, т.к. этим статусом могут быть наделены городские поселения, при наличии у них сложившейся социальной, транспортной и иной инфраструктуры, необходимой для самостоятельного решения органами местного самоуправления городского поселения вопросов местного значения городского округа и осуществления отдельных государственных полномочий, переданных указанным органам федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Кроме того, федеральный закон прямо требует, чтобы в муниципальном районе, из которого выделяется городское поселение, преобразуемое в городской округ, была в наличии сложившаяся социальная, транспортная и иная инфраструктура, необходимая для самостоятельного решения органами местного самоуправления муниципального района вопросов местного значения муниципального района и осуществления ими отдельных государственных полномочий.

Необходимо сказать, что включение муниципального района в городской округ в качестве части его территории, объединение городского округа и муниципального района в новый городской округ законодательством не предусмотрено. Впрочем, если есть приказ, то закон можно изменить. Законность проходящих в Московской области изменений организации местного самоуправления подтверждена судебной практикой, в частности, апелляционным определением Верховного Суда РФ, решением Московского областного суда и другими.

Рассмотрим процесс реформирования на примере формирования городского округа Раменский в границах Раменского муниципального района. 12 ноября 2018 года глава Раменского района Андрей Кулаков выступил с предложением объединить территории городских и сельских поселений района в городской округ, а уже 14 ноября Совет депутатов Раменского района с этой инициативой согласился. Полное упразднение муниципального района планируется к 1-го января 2020 года. Для управления городским округом в структуре будут созданы администрация и Совет депутатов городского округа Раменский. Совет депутатов будет формироваться двумя путями: одна часть депутатов будет избираться по партийным спискам, а другая – по одномандатным избирательным округам, сформированным на территории городского округа Раменский. Предположительно, Совет депутатов будет состоять из 30 человек. Действующий глава прекращает свои полномочия после выборов в Совет депутатов в сентябре 2019 года. Глава городского округа будет «избираться» на основании конкурса и Решения Совета депутатов округа. Учитывая, что в конкурсной комиссии большинство будут иметь представители губернатора Московской области, то это будет фактически назначением. После выборов будут сформированы все органы власти городского округа, в том числе на местах. Вместо администраций сельских и городских поселений будут созданы муниципальные казенные учреждения (МКУ), т.е. территориальные управления. Эти учреждения и будут решать вопросы, переданные на уровень территорий. Прав у них будет мало, но зато действовать они будут на основе гарантированного финансирования.

В настоящее время консолидированный бюджет Раменского района и бюджетов 21 поселения, в том числе и города Раменское составляет 11 миллиардов рублей. Экономика Раменского района основана на главенстве промышленного производства. Поселения района очень неоднородные: наряду с богатыми большинство с очень скромными финансовыми возможностями. Полномочия муниципальных органов с/п Сафоновское или Гжельское, такие как развивать инфраструктуру, заниматься благоустройством, делать уличное освещение, ремонтировать дороги, в настоящих условиях невыполнимы. Переход к единому бюджету позволит перераспределить ресурсы и дать толчок разви-

тию этих территорий. Уравнительный подход на начальном этапе позволит подтянуть и развить отстающие поселения. В этом заключается основная идея перехода к городским округам.

С другой стороны, недопустимо формирование городских округов, включающих в свой состав земли сельскохозяйственного назначения, лесной фонд и другие категории земель, площадь которых не сопоставима с городской территорией, т.е. недопустимо включение сельских населенных пунктов в городскую черту с ликвидацией их административного статуса.

Преобразования в Московской области имеют под собой основу в виде высокой урбанизации и промышленной развитости региона. Другие регионы, вдохновленные таким дурным примером, могут пренебречь существующими условиями. Поэтому требуется строго ограничить бюрократическую составляющую этого реформирования. Для осуществления преобразования в городской округ предлагаются следующие критерии:

- 1) численность постоянно проживающего населения в районе более 50 тысяч человек;
- 2) доля численности населения в городском поселении, являющемся административным центром района, – не менее 50% от общей численности населения района;
- 3) доля отгрузки продукции промышленного производства в общем объеме отгрузки продукции по району – выше 75%.

Данные критерии разработаны исходя из того, что стать городскими округами и успешно функционировать как единое муниципальное образование могут достаточно крупные районы, тяготеющие к городскому укладу, с ярко выраженным административным центром, в котором сосредоточена большая часть населения района и основное промышленное производство.

Подводя итог можно сказать, что вся реформа приведет к тому, что в регионах начнут укрупнять районы и упразднять поселения. Переход к единообразию в системе управления, единообразию в бюджетных отношениях, в муниципальных программах на всей территории округа приводит к построению единой системы местной власти. Выстраивая одноуровневую систему МСУ по всей стране, можно ввести назначение муниципальных глав, отменив прямые выборы. Тем самым местное самоуправление становится частью государственной власти. В кратком промежутке времени региональная власть от этого выигрывает, но это не устраняет фундаментальную потребность в организации местного самоуправления.

Список литературы

1. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Касаев Б.С.

д.э.н., Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, Финансовый университет

Петровская М.В.

к.э.н., доцент, Российский университет дружбы народов

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: маркетинговый паспорт территории, социально-экономическое развитие территории, инвестиционная активность территории, оценка имиджа территории, функциональные зоны территории, интегральная оценка экономической системы территории.

Keywords: marketing passport of the territory, socio-economic development of the territory, investment activity of the territory, assessment of the image of the territory, functional zones of the territory, integrated assessment of the economic system of the territory.

Введение. В рамках проводимых исследований на протяжении примерно последних 12–15 лет авторами данной статьи продолжается апробация элементов инновационной концепции менеджмента территорий, предложенных ранее в рамках эволюции общей теории организационного управления, на конференциях, проводимых под эгидой Института научной информации по общественным наукам РАН 2016, 2017, 2018 гг.

Отмечалось [1], что предпосылкой для этих работ послужила публикация основных концепций менеджмента, приводимая Р. Дафтом в десятом издании книги «Менеджмент» (см. рис. 1). В приведенном эволюционном перечне этих концепций, Р. Дафт показал возможное появление новой концепции, назвав ее «Открытой инновацией».

Мы полагаем, что сейчас накоплен достаточно солидный опыт теории и практики управления предприятиями, организациями и фирмами, который мог бы использоваться для его инновационной трансформации для экономических систем территорий различного класса.

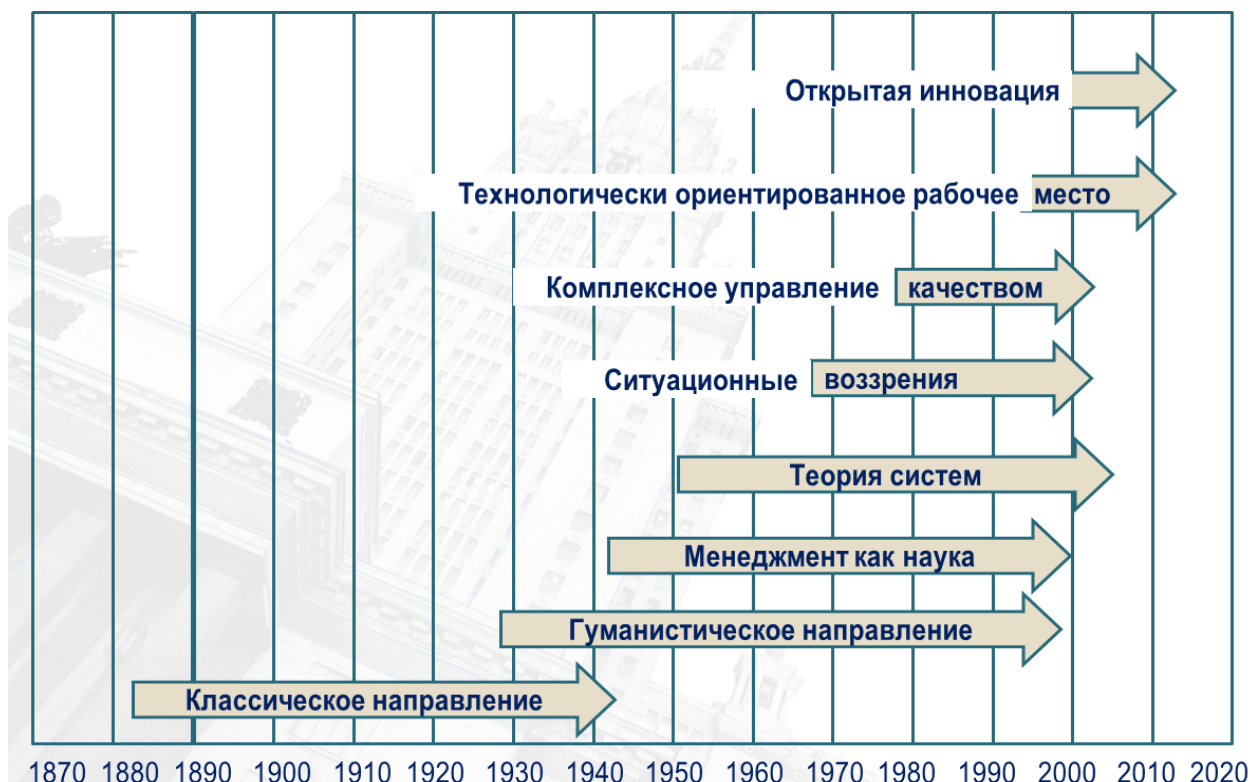

Рисунок 1.
Эволюция основных концепций менеджмента

Такой класс и особенности территориального подхода в самой классификации территорий рассмотрены нами в более ранних работах [2, 3, 4, 5], где в перечне исходной классификации было предложено рассматривать следующие категории территориальных объектов: страны, регионы, муниципальные образования, территории выделенной

структуры: федеральные округа, урбанизированные комплексы, мегаполисы, моногорода, трансграничные территории, объединения стран, Земля в целом.

С этой точки зрения «менеджмент территорий» на наш взгляд как инновационное направление в теории организационного управления может занять достойное место в эволюционной таблице Р. Дафта.

С другой стороны целый ряд потенциальных преимуществ российских территорий несут в себе как трудности в формировании адекватной растущим потребностям жителей экономики, так и очевидные вызовы. Суть в том, что по совокупному природному потенциалу на душу населения Россия опережает США, Германию и Японию, а это обуславливает, на наш взгляд, необходимость актуализации изменений в самой практике менеджмента, маркетинга и логистики экономической системы ее территорий.

Одной из особенностей предлагаемого подхода является признание факта существования *общей схемы* формирования и функционирования экономической системы территории любого класса (рис. 2) из перечисленного перечня. Это дает возможность для выделения и использования одних и тех же показателей из систематически публикуемых источников данных, например для условий России, это ежегодные сборники Регионы России, Российский статистический ежегодник. Второй особенностью является выделение трех *ключевых направлений* (рис. 3.) в стратегии развития территории, такой подход на основе свертки показателей соответствующих направлений позволяет получать обобщенную оценку как мероприятий, так и механизмов их реализации, проводимых инструментами менеджмента, маркетинга и логистики, а также принимать своевременные решения в случае необходимой коррекции по любому элементу, принадлежащему соответствующей функциональной зоны территории.

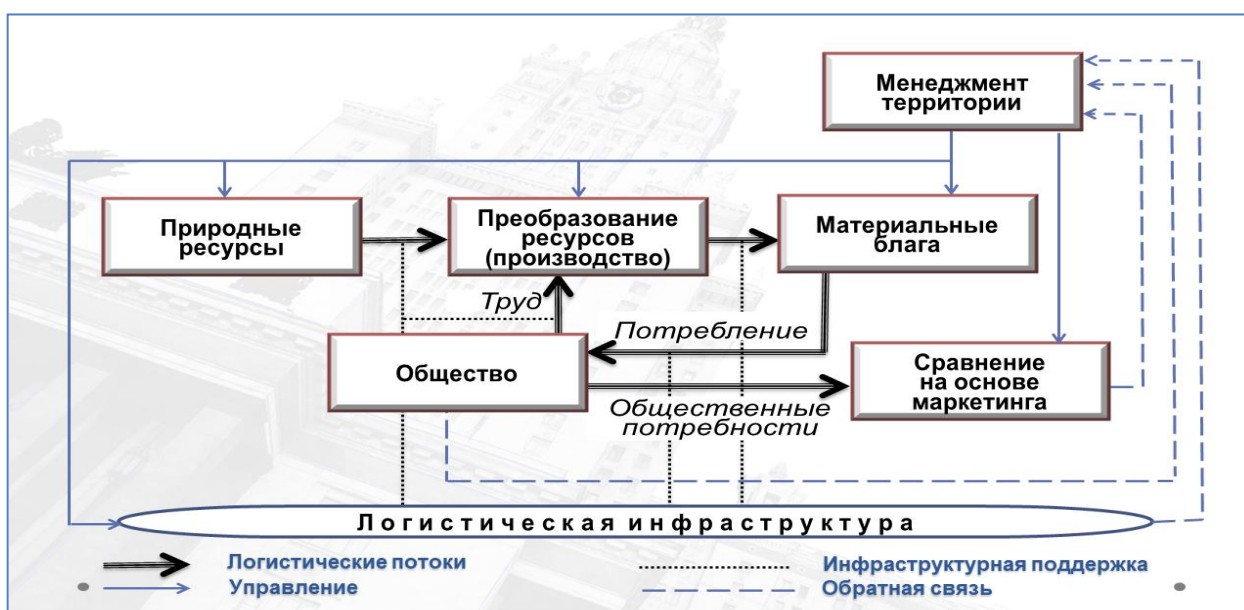

Рисунок 2.
Общая схема функционирования экономической системы территории

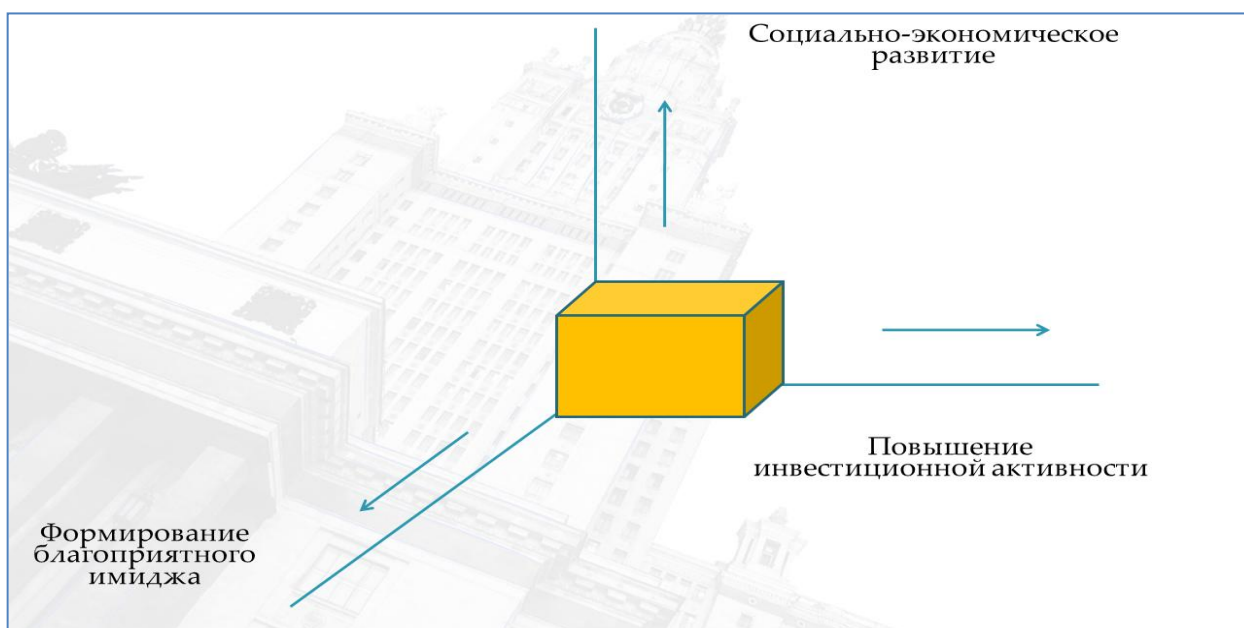

Рисунок 3.
Ключевые направления стратегии развития экономической системы территории

Выделение и рассмотрение процессов формирования и функционирования *функциональных зон территорий* (рис. 4) является *третьей* отличительной особенностью.

Выделение функциональных зон в принципиальной схеме функционирования экономической системы территории позволяет более гибко применять инструментарий маркетинга и логистики, поскольку очевидно, что процессы, протекающие, например, в сельскохозяйственной зоне и зоне жилой застройки, могут требовать различные ресурсы, технологии их осуществления, различных социальных статус и характер их осуществления.

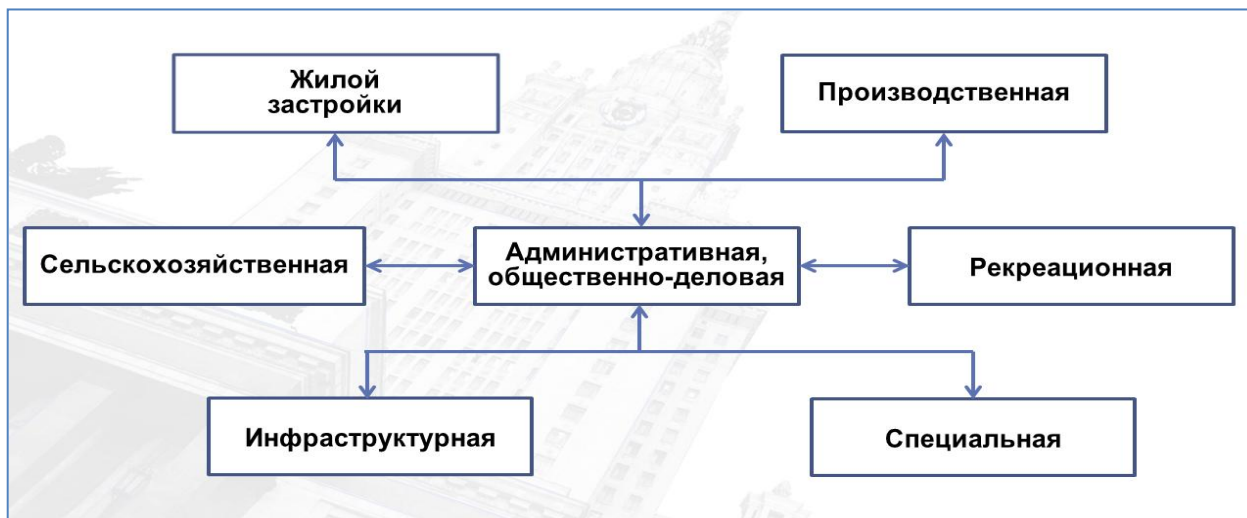

Рисунок 4.

Зонирование пространственной схемы функционирования экономической системы территории

Таблица 1

Маркетинговый паспорт территории: РФ (2017 г.)

Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км	17 098 200		
2	Высота над уровнем моря	метры	600		
3	Годовая сумма осадков	мм	460		
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰	-5,5		
5	Численность населения	человек	146 880 000		
6	Прибыло на территорию	человек	589 033		
7	Выбыло с территории	человек	377 155		
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Территория	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.1/2.1	1 430 532	626 775	0,438
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2/2.1	1 539 200	108 706,5	0,071
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.1	10 242,7	3984,4	0,389
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 22.1/2.1	411 046,8	73 244,1	0,178
5	Отношение численности активного населения к общей численности населения	PP 3.1/2.1	0,66	0,52	0,785
6	Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прож. минимума	PP 4.2/2.1	18,83	3,11	0,165
7	Оборот розничной торговли, на душу насел., руб.	PP 20.1/2.1	314 072	203 029,0	0,646
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.1	4 335 260	1 325 227,8	0,306
9	Коэффициент плотности автодорог (на 1000 кв км)	PP 17.5	600	62	0,103
10	Обеспечение дошкольными образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5.2	100	66,5	0,665
11	Обеспечение дневными общеобразовательными гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.1	0,0005912	0,0002798	0,473
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.13/2.1	0,0624746	0,0013235	0,021
13	Выпуск специалистов государственными средними учебными заведениями, чел.	PP 5.19/2.1	0,0062438	0,0031488	0,504
14	Выпуск специалистов государственными высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.26/2.1	0,0260927	0,0056053	0,215
15	Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.1	0,0334778	0,0270064	0,807
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.1	0,00649	0,0047461	0,731
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.1	0,01273	0,0103840	0,816
18	Добыча полезных ископаемых на душу населения, руб.	PP 13.1/2.1	334256,93	94745,1	0,283

19	Обработывающие производства на душу насел., руб.	PP 13.1/2.1	300000,00	263706,2	0,879
20	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды на душу насел., руб.	PP 13.1/2.1	60000,00	36626,4	0,610
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.1	120000,00	34857,3	0,290
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.28	33,44	25,2	0,754
23	Внутренние затраты на научные исследования и разработки руб. на душу насел.	PP 21.5/2.1	21982,22	6938,7	0,316
24	Объем инновационных товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 21.18/2.1	37930,56	28370,1	0,748
25	Уровень зарегистрированной безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.1	0,006	0,00528	1,136
26	Доля населения с денежными доходами ниже величины прож. минимума (в %)	PP 4.15/2.1	6,6	13,2	0,500
27	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.1	0,01469	0,12	0,123
28	Сброс загрязненных сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.1	4,06	92,52	0,044
29	Число зарегистрированных преступлений к численности населения	PP 8.1/2.1	0,002050	0,01402	0,146

Раздел В

Интегрирующие показатели

№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории		
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,324	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)	0,050	1,408	
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,56	
4	Интегральная оценка территории	V = ИМД_т · ИНА_т · СЭР_т		0,712	

Четвертой особенностью данного подхода является разработка и обоснование *маркетингового паспорта территории (МПТ)* (табл. 1). Структура паспорта представлена разделами *АБВ* содержащими параметры, показатели и интегральную оценку функционирования территории за определенный календарный год. Расчет показателей раздела *В* производится на основе формулы (Ф1).

$$\text{МПТ} = \frac{\sum_{i=1}^{24} \frac{\Pi_i}{\Xi_i} + \sum_{j=1}^5 \frac{\Xi_j}{\Pi_j}}{\sum_{j=1}^5 \frac{\Pi_j}{\Xi_j}} \quad (\text{Ф1})$$

Далее приведем сравнительные результаты расчетов МПТ по центральному федеральному округу (ЦФО) Российской Федерации за период 2012-2017 гг. В целях ограничения возможностей печати полных таблиц приводятся разделы *В* по каждой территории ЦФО.

Центральный федеральный округ

1. Белгородская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,613
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,162
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,06
4	Интегральная оценка территории	V = ИМД_т · ИНА_т · СЭР_т		0,753

2. Брянская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,432
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,584
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,94
4	Интегральная оценка территории	V = ИМД_т · ИНА_т · СЭР_т		0,237

3. Владимирская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,348
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,745
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,93
4	Интегральная оценка территории	V = ИМД_т · ИНА_т · СЭР_т		0,240

4. Воронежская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,453
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,632
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,13
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,838

5. Ивановская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,309
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,345
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,93
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,099

6. Калужская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,415
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,039
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,04
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,447

7. Костромская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,354
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,414
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,92
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,135

8. Курская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		1,180
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,164
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,98
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		1,342

9. Липецкая область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,395
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,572
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,98
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,611

10. Московская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,296
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,177
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,33
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,464

11. Орловская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,355
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,782
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,87
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,243

12. Рязанская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,357
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,735
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,02
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,269

13. Смоленская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,337
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,783
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,06
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,279

14. Тамбовская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,427
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,395
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,00
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,596

15. Тверская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,350
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,004
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		0,91
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,320

16. Тульская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,320
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		1,101
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,08
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,381

17. Ярославская область

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,229
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		0,815
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,02
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		0,191

18. Москва

Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Номера показателей	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	СЭР _т (1-29)		0,929
2	Оценка уровня инвестиционной активности	ИНА _т (2)		2,053
3	Оценка имиджа	ИМД _т (0,1-0,3)		1,51
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		2,883

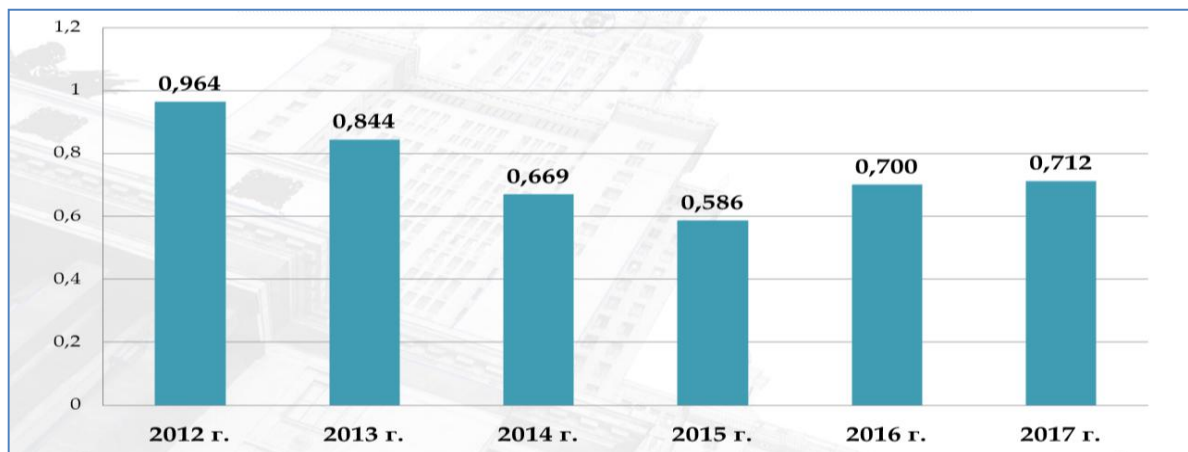

Рисунок 5.

Динамика интегральной оценки качества экономической системы территории РФ

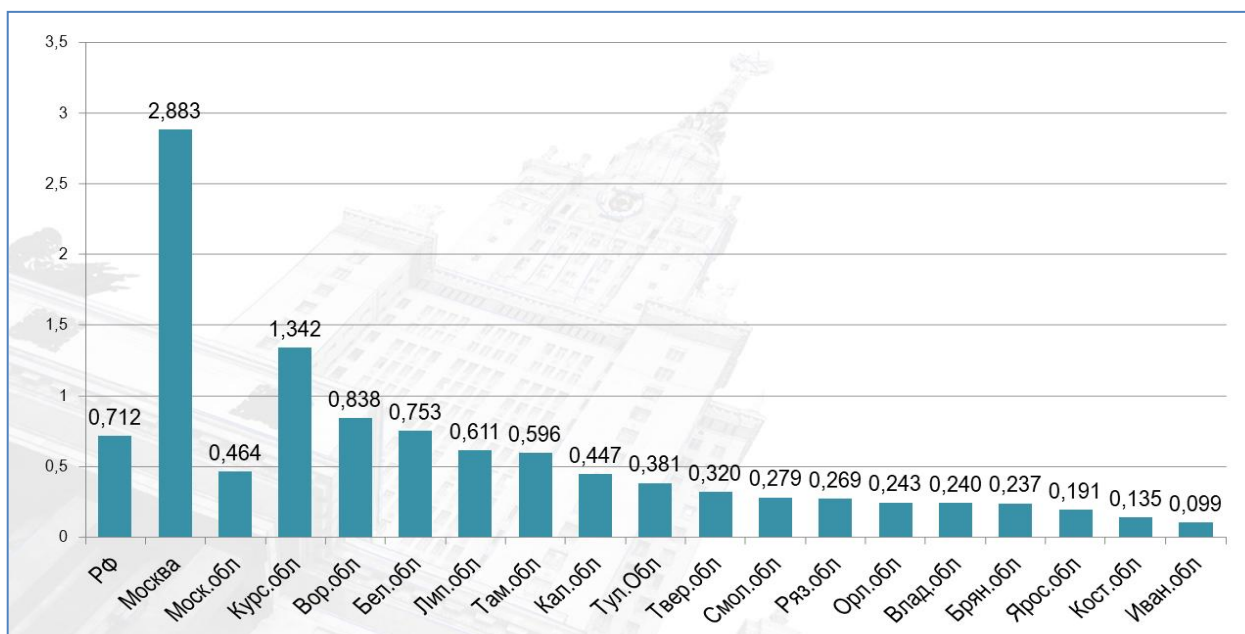

Рисунок 6.

Сравнение интегральной оценки качества функционирования экономической системы территорий РФ за 2017 г.

Выводы. Формирование инновационной концепции менеджмента территорий обуславливает видение следующей концепции развития теории организационного управления, основанного на синтезе знаний с использованием технологии блокчейна. Суть в этом случае состоит в развитии методов обработки категориально-понятийных структур, использующих винеровскую кибернетическую схему процесса, с их последующей разверткой в категориально-понятийную матрицу процессов, дающих возможность синтеза знаний для усиления интеллекта менеджмента в функциональных зонах территории.

Список литературы

1. Дафт Р. Менеджмент. 10-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2016. – 656 с.
2. Карпова С.В., Касаев Б.С., Климов Д.В. Система маркетинговых инструментов и механизмов их реализации в планировании территориального развития. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 216 с.
3. Касаев Б.С. Менеджмент и маркетинг территорий как инновационные факторы развития современных экономических систем // Россия: тенденции и перспективы развития; Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М., 2017. – Вып. 12, ч. 1. – С. 935.
4. Касаев Б.С. Менеджмент территорий как инновационная концепция современной теории управления // Россия: тенденции и перспективы развития; Ежегодник / Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М., 2018. – Вып. 13, ч. 1. – С. 964.
5. Касаев Б.С., Рябов И.В. Основы маркетинга информационной продукции дистанционного зондирования Земли. – М.: Палеотип, 2014. – 212 с.
6. Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. 2-е изд. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2007. – 584 с.
7. Тебекин А.В., Касаев Б.С. Менеджмент организации. – М.: КноРус, 2011. – 434 с.

Кликунов Н.Д.

к.э.н., доцент, Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса
nklikunov@yandex.ru

БЕЛГОРОД И ВОРОНЕЖ КАК НОВЫЕ КРИСТАЛЛЕРОВСКИЕ ЦЕНТРЫ В ЧЕРНОЗЕМНОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: кристаллеровский центр, динамика ВРП, рост населения, региональная статистика.

С момента распада социалистической системы хозяйствования и смены экономической парадигмы прошло уже достаточно большое количество времени. Это позволяет сделать определенные статистические обобщения о развитии того или иного черноземного региона, сопоставить выигрыши/проигрыши отдельно взятых территорий.

В данной статье автор ограничивается анализом базовых социально-экономических показателей шести областей так называемого Черноземного пояса, отличающихся изначально схожими социально-экономическими характеристиками, и сопоставляет их развитие как между собой, так и в общероссийском контексте.

Гипотеза, из которой строился анализ, состояла в том, что на социально-экономическую ситуацию в шести анализируемых областях (Курская, Брянская, Орловская, Липецкая, Воронежская, Белгородская области), да и России в целом, за период с 1990 по 2017 годы повлияли по меньшей мере два ключевых события:

1. Переход от командно-административной экономики с доминированием директивных способов решения экономических проблем к экономике «рыночной» с доминированием денежных способов. Это позволило областям, изначально имевшим значительные сравнительные конкурентные преимущества – географические, климатические, ресурсные, человеческие – нарастить их;

2. Снижение роли Украины в общем объеме экономических операций, совершаемых на территориях областей Черноземного региона.

Под кристаллеровским центром экономическими географами понимается некий крупный город, который притягивает к себе ресурсы из других, соседних городов и регионов [1, 3]. В Черноземье таким центром традиционно считался город Харьков, развитие которого в значительной мере определялось притоком ресурсов из Белгородской, Воронежской, Курской и других черноземных областей.

Распад СССР и последующие события привели к ослаблению экономических связей с Украиной. Результатом этого стало то, что Харьков в последние годы перестал выполнять роль кристаллеровского центра.

Основная задача, которую ставит перед собой автор статьи, состоит в статистическом обосновании положения, что в Черноземье формируется сдвоенный кристаллеровский центр, в котором центром экономического притяжения станут города Воронеж и Белгород.

Исследование проведено на базе данных Росстата за период с 1990 по 2017 годы, там, где цифры недоступны, за исходные принимаются данные начиная с 1995 года.

Источник данных: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm

При переводе номинальных денежных показателей в реальные использовался дефлятор ВВП, показатели которого по годам составили.

Таблица 1

Рост цен в Российской Федерации

	1990 г.	95/90 гг.	2000/95 гг.	2005/95 гг.	2010/95 гг.	2015/95 гг.	2016 г.
Рост цен к 1990 году (разы)	1,0	195,1	921,7	2026,8	3649,5	5649,0	5829,9
Рост цен к 1995 году (разы)	0,0051	1,0	4,7	10,4	18,7	29,0	29,9

Источник данных: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab4.htm

Данные по росту цен с 1990 по 1995 годы взяты с сайта «Инфляционные калькуляторы»: <http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/>

Поправка на деноминацию 1998 года в работе сделана. Реальные показатели, приводимые в исследовании, пересчитаны на цены 2017 года.

Население

Во всех шести областях, включенных базу исследования, кроме Белгородской области, численность населения в 1990-2017 годах снижалась. Данные по динамике численности населения в России, Москве и исследуемых Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областей представлены в табл. 2.

Численность населения в РФ и отдельных субъектах РФ в 1990–2017 год (тыс. чел.)

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Российская Федерация	148 274	148 292	146 304	143 236	142 865	146 545	146 880
Курская область	1329	1325	1267	1178	1126	1120	1115
Брянская область	1458	1467	1408	1327	1275	1266	1211
Орловская область	898	906	877	822	786	760	747
Липецкая область	1234	1246	1228	1194	1172	1156	1150
Воронежская область	2469	2491	2422	2361	2335	2333	2334
Белгородская область	1398	1467	1507	1512	1532	1550	1550

Данные по динамике численности населения свидетельствуют о возрастающей доле Воронежской и Белгородской области. Так если в 1990 году доля населения Воронежской и Белгородской областей составляла 44,0% в населении шести анализируемых областей, то в 2017 году эта доля увеличилась до 47,9%

Занятость

Подобным образом ситуация складывается и на рынках труда анализируемых областей

Таблица 2

Численность занятых в Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях (тыс. чел.)

Численность занятых (среднегодовая)	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	75 324,7	66 409	64 327	66 682,6	67 493,4	72 424,9	72 065,2
Курская область	681,3	557,9	616,6	598,9	573,9	520,3	520,6
Брянская область	739,4	590	593,7	604,1	571,6	547,7	540,6
Орловская область	473,8	403,8	420	407	383,9	335,9	330,2
Липецкая область	626,1	549,4	572,8	548,7	544,9	565,2	565,5
Воронежская область	1218,8	1048,3	1090,9	1055,4	1054,3	1092,5	1094,8
Белгородская область	706,2	648,5	671,3	674,7	693,5	754	756,8

Так, в 1990 году на Воронежскую и Белгородскую области приходилось 43,3% занятых из шести анализируемых областей, то в 2016 году доля занятых увеличилась до 48,6%.

Валовой региональный продукт

Валовой региональный продукт является ключевым показателем экономического развития региона, дефлированные к 2015 году данные по этому показателю представлены в табл. 3.

Таблица 3

Динамика реального ВРП в 1995–2015 годах в Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях (млрд. руб. в ценах 2015 года)

ВРП (в ценах 2015 года, млрд. руб.)	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Российская Федерация	37 280	35 264	50 168	58 336	64 997
Курская область	261	185	243	300	335
Брянская область	205	151	186	617	270
Орловская область	162	136	162	164	206
Липецкая область	383	295	407	385	458
Воронежская область	446	304	379	536	823
Белгородская область	333	258	410	617	686

Доля Воронежской и Белгородской областей в валовом региональном продукте шести областей в 1995 году составляла 43,5%, а в 2015 году она увеличилась до 54,3%.

Следует также отметить, что Воронежская и Белгородская области, наряду с Липецкой областью, являются лидерами по средним заработным платам в анализируемых регионах, что вполне корреспондирует с показателями ВРП.

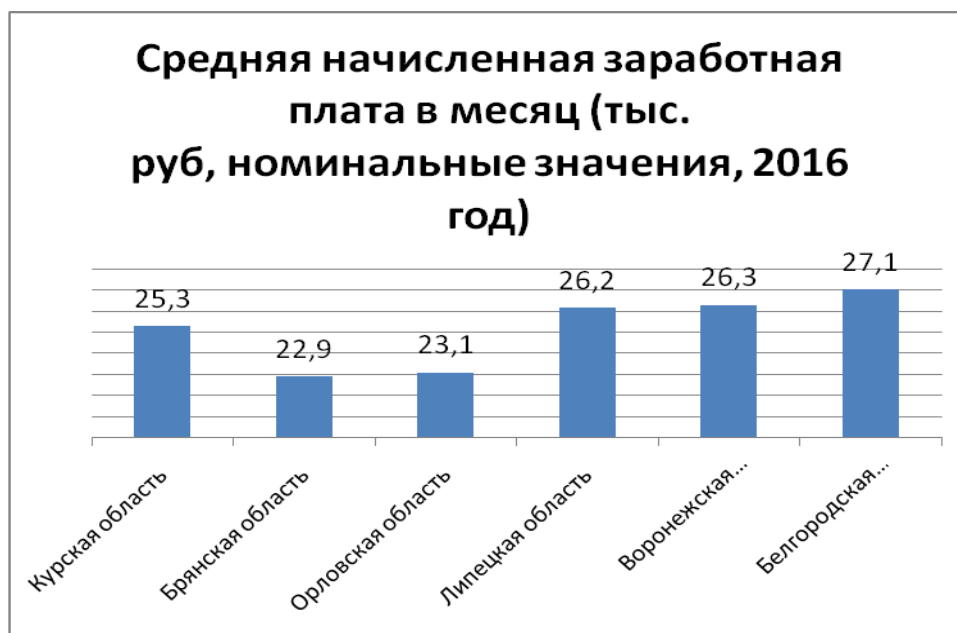

Рисунок 1.
Номинальная средняя заработная плата в Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской и Белгородской областях в 2016 году [4, 5, 6]

Инвестиции

Показатель инвестиций свидетельствует о потенциале той или иной территории. Чем больше инвестируется в той или иной области, тем выше будет ВРП через определенный временной лаг.

Данные табл. 4 дают представление о динамике реальных инвестиций в анализируемых областях.

Таблица 4

Динамика реальных инвестиций в Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях (млрд. руб., в ценах 2016 года)

В ценах 2016 года (млрд. руб.)	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	1451,6	7977,4	7370,4	10 387,0	14 620,0	14 342,3	14 639,8
Курская область	12,2	41,8	33,5	51,4	73,6	76,1	89,7
Брянская область	11,1	35,5	17,8	24,4	67,1	64,2	68,3
Орловская область	9,9	24,1	30,9	27,6	34,3	49,5	47,9
Липецкая область	11,1	57,3	39,6	87,2	162,3	119,9	128,0
Воронежская область	18,7	71,5	52,3	82,4	201,0	273,1	271,0
Белгородская область	15,7	80,0	58,5	100,7	153,9	151,9	143,8

Если в 1990 году суммарная доля Воронежской и Белгородской областей в объеме инвестиций шести анализируемых регионов составляла 43,7, то в 2016 году эта доля увеличилась до 55,4%. Пик относительной инвестиционной активности пришелся на 2015 год, когда доля Воронежской и Белгородской областей составила 57,8%.

Расходы консолидированного бюджета

Важным показателем экономической мощи региона являются его бюджетные возможности. Бюджетные расходы в анализируемых регионах Черноземья за анализируемый период времени росли.

Показатели этих расходов в ценах 2016 года представлены в табл. 5.

Таблица 5

Динамика расходов консолидированных региональных бюджетов в Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской, Белгородской областях (млрд. руб., в ценах 2016 года)

Консолидированные бюджеты: расходы в ценах 2016 года (млрд. руб.)							
	1992 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
РФ в целом (трлн. руб.)	0,1	7,4	6,5	8,5	10,6	9,8	9,9
Курская область	0,7	44,0	27,4	42,4	56,4	53,5	54,9
Брянская область	0,6	46,2	26,3	40,6	54,0	54,5	57,3
Орловская область	0,5	31,6	28,0	28,1	36,7	35,9	35,9
Липецкая область	0,7	57,6	48,1	70,6	63,8	60,8	62,2
Воронежская область	1,2	64,2	40,0	72,2	113,8	101,6	105,6
Белгородская область	0,9	52,1	32,9	74,2	104,0	86,3	85,2

Рисунок 2.

Доля расходов консолидированного бюджета Воронежской и Белгородской областей в суммарных консолидированных бюджетах Курской, Брянской, Орловской, Липецкой, Воронежской и Белгородской областей [4, 5, 6]

Следует отметить, что размер регионального долга к расходам региональных консолидированных бюджетов в анализируемых областях является относительно небольшой величиной (за исключением Орловской области). Так, отношение суммарного дефицита бюджета за 2015–2016 годы к суммарным расходам бюджетов за 2015–2016 годы по анализируемым областям составило: Курская область – 2%, Брянская область – 2%, Орловская область – 9%, Липецкая область – 1%, Воронежская область – 3%, Белгородская область – 4% [4, 5, 6].

Вывод: Проведенный анализ данных по показал наличие растущего разрыва в социально-экономическом развитии экономик Воронежской и Белгородской областей по сравнению с другими регионами Черноземья.

Недостатки и дальнейшие направления исследования

1. Возможно, необходимо включить в анализ Тамбовскую область, так как экономические географы традиционно относят ее к Черноземью.

2. Необходимо провести более детальный экономический анализ самих потенциальных претендентов на новые кристаллеровские центры – городов Воронеж и Белгород [2].

3. Необходимо рассмотреть теоретическое положение о перспективах развития сдвоенного центра и сопоставить его с традиционной кристаллеровской моделью.

4. Необходимо рассмотреть особенности функционирования кластеров с двумя и более центрами в экономиках развитых стран, в частности Германии, Франции, Италии и других.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Периферия // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейва, П. Ньюмена. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 671–680.
2. О’Салливан А. Экономика города. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 706 с.
3. Combes P.Ph., Meyer Th., Thisse J.-Fr. Economic Geography. Integration of regions and Nations. Princeton Univ. Press, 2008. – P. 426.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели – http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm
5. Данные по росту цен в РФ с 1995 года (индексы-дефляторы) – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab4.htm
6. Данные по росту цен в РФ с 1990 по 1995 // Сайт «Инфляционные калькуляторы». – <http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/>

Козай Е.А.

д.филол.н., профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: стратегия, целеполагание, постнеклассическая рациональность, субъективно-ориентированный подход, актуальные проблемы развития, человеческий потенциал, приоритеты, конструктивная футурология, социокультурный контекст.

Keywords: strategy, goal-setting, post-non-classical rationality, subjectively-oriented approach, actual problems of development, human potential, priorities, constructive futurology, socio-cultural context.

Будущее – за системами опережающего (преадаптивного) развития, а не за превентивными, пусть порой по-своему динамичными механизмами поддержания status quo.

А.И. Неклесса

Начнем с того, что новый век называют временем перехода в новый эон (от древнегреческого αἰών – «век, эпоха, вечность», время жизни, поколение) – новый путь жизни, основанный на неравновесности, неустойчивости, нелинейности. Человеческая цивилизация находится в состоянии транзита, и этот транзит распространяется на профессиональные, отраслевые, территориальные и другие формы организованности.

Осуществлению же самих форм организованности соответствует стратегическое целеполагание. Реализация целеполагания в настоящее время должна быть выстроена в соответствии с новой парадигмой, соответствующей постнеклассической рациональности. Данная парадигма ориентирует на целостный охват особенностей ситуации, учет неформализуемого массива факторов, а том числе тех факторов, которые характеризуют этические и культурные составляющие ситуации². Следует отметить, что возможности такого охвата появляются лишь сегодня, в условиях цифровой экономики.

Какие особенности следует отметить в рассмотрении стратегического целеполагания с позиции постнеклассической рациональности? Обозначим их.

Это, прежде всего, *учет ценностных, смысловых оснований*. В данном случае актуализируется проблема смыслов, смыслообразующих начал. Об этом выразительно пишет А.И. Неклесса: «Вместе с кадровыми, творческими, интеллектуальными, моральными активами социокультурный капитал сейчас – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI в.»³. Применительно к стратегическому целеполаганию развития регионов важно вести речь о концептуализации стратегий, о прорисовывании смысловых координат эволюционного движения территориальных общностей.

Далее. Осуществление стратегического целеполагания предполагает наличие модели саморазвивающейся рефлексивно-активной среды, воссоздающей мировоззренческий, концептуальный, технологический уровни и уровень реализации⁴.

При этом онтологию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред задает субъектно-ориентированный подход. Этот подход включает в себя следующие элементы:

- интегрированный индивидуальный, коллективный и социальный опыт;
- комплексная организация разных видов деятельности, реализуемых в управлении социальными системами и их развитии;
- обеспечение в реализации деятельности межсекторного партнерства – взаимодействия представителей администрации, бизнес-структур, общественных организаций и активных граждан;
- формирование элиты развития через создание социальных лифтов для граждан, вносящих весомый вклад в развитие социальной системы;
- контроль над аппаратом управления со стороны общественности;

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

² См.: об этом: Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. – М.: Когито-Центр, 2018. – С. 7.

³ Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Политические исследования. – М., 2015. – № 1. – С. 86.

⁴ См. об этом: Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 204 с.

– создание адекватных платформ для разработки субъектно-ориентированных моделей среды¹.

В качестве компонентов, или этапов стратегического целеполагания следует указать на такие, как: развитие, поддержка, сопровождение, конструирование и внедрение. Последовательное решение обозначенных задач стратегического целеполагания позволяет «обеспечить гармонию субъектов развития, консолидацию администраций, бизнеса и общества на основе проектной идентификации и совершенствования процессов прямой демократии»².

Крайне важным при этом является создание эффективной системы управления, способной удерживать и в полной мере реализовывать стратегическую инициативу. В соответствии с позицией конструктивизма сегодня высказываются предположения о том, что сами государства со временем начнут утрачивать стратегические позиции. Эти позиции будут переходить на уровень корпораций, объединений, самоуправляемых общностей. Насколько это применимо к нашей стране, к ее регионам?

Зададимся также вопросом о том, как обстоит дело с осуществлением стратегического целеполагания на уровне отдельно взятого региона – Курской области. Отметим, что данные вопросы стали предметом как количественных, так и качественных эмпирических исследований. Полевое социологическое исследование (N=550) было проведено в мае–июне 2018 г. на основе методики «Социокультурный портрет региона»³ на территории области, при этом отдельным блоком были выделены две территориальные общности – муниципалитеты Курск и Курчатов. Качественные исследования – серия фокус-групп (N=40) – были проведены в ноябре–декабре 2018 г. с разными целевыми категориями (преподавателями вузов, общественниками, представителями бизнеса, студентами) на предмет видения ими сегодняшнего и завтрашнего дня региона.

Обратимся к аналитической репрезентации ряда позиций проведенных исследований – приоритетов развития региона, актуальных проблем социального характера, видения ближайшего будущего региона, представлений о субъекте стратегирования. Для начала уточним оценку динамики социально-экономических перемен населением региона (рис. 1).

Рисунок 1.

Оценка изменений социально-экономического положения региона

Данные, представленные на рис. 1, показывают, что каждый второй респондент фиксирует статус-кво социально-экономического положения области. Что же касается оценок изменения данного положения, то здесь оценки со знаком минус несколько превышают оценки со знаком плюс. При этом каждый десятый опрошенный практически не задумывается над данным вопросом и, соответственно, затрудняется с выбором конкретного ответа.

Соответственно, представляется важным обращение к вопросу о том, что препятствует поступательному движению развития региона, какие проблемы следует решать в приоритетном порядке (табл. 1).

¹ Стратегическое целеполагание в ситуационных центрах развития / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. – М.: Когито-Центр, 2018. – С. 55.

² Там же, с. 57.

³ См.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: ИФРАН, 2010.

Актуальные проблемы для Курской области, Курска и Курчатова (% от числа опрошенных)*

Варианты ответов	Курская область	Курск	Курчатов
Нехватка рабочих мест для населения, в том числе и для молодежи	65,8	60,8	80,0
Невысокий уровень жизни граждан	60,4	63,7	58,8
Недостаточное развитие промышленного производства	34,4	42,0	31,3
Слабое развитие культурной инфраструктуры	15,5	13,2	15,1
Недостаточное привлечение инвестиций в экономику региона	14,5	14,6	13,8
Нехватка инновационных предприятий	12,5	10,9	20,1
Недостаточное развитие малого и среднего бизнеса	10,7	11,8	10,1
Другое	13,5	4,8	1,3

*Вопрос допускал до трех вариантов ответов.

Прежде всего, обозначим круг актуальных проблем, которые, по мнению жителей региона и рассматриваемых городов, должны рассматриваться как приоритетные. Проблема обеспечения рабочими местами на уровне региона и г. Курчатова стоит на первом месте, причем в г. Курчатове она фиксируется как острая. Отметим, что эта проблема большинства моногородов Российской Федерации. В Курске обозначенная проблема несколько уступает проблеме невысокого уровня жизни, при этом именно здесь значительное количество респондентов указали на недостаточное развитие промышленного производства (42%). Жителями региона указаны также проблемы недостаточного развития культурной инфраструктуры, нехватки инвестиций в экономику региона, недостаточном количестве инновационных предприятий, недостатке развития бизнеса. Как видим, круг вопросов является довольно связанным, он выразительно демонстрирует внутренние детерминанты социально-экономических процессов, препятствующие развитию городов и региона в целом.

Амбивалентной выглядит в ответах респондентов оценка региональной инфраструктуры. С одной стороны, большинством респондентов (более 70% опрошенных в Курске и Курчатове) позитивно оценена работа общественного транспорта. Но при этом жители региона высказали претензии к качеству медицинского обслуживания, состоянию дорожного покрытия, крайне малому количеству промышленных предприятий на территории региона, слабому развитию культурной инфраструктуры.

Перспективы развития региона в значительной мере связаны с развитием инноваций. Соответственно важным вопросом в нашем исследовании стал вопрос о том, насколько жители Курской области готовы к участию в том или ином виде инновационной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Участие жителей муниципалитетов в инновационной деятельности, %

Вид новшества	Вид участия	Курская область	Курск	Курчатов
Новая фирма	Участвовал как организатор	3,1	2,4	8,8
	Участвовал наравне с другими	0,9	0,9	2,5
Новый продукт	Участвовал как организатор	2,0	2,4	3,8
	Участвовал наравне с другими	1,8	2,4	5,0
Новая технология	Участвовал как организатор	1,5	1,4	3,8
	Участвовал наравне с другими	2,2	3,8	2,5
Новая услуга	Участвовал как организатор	2,2	1,4	1,3
	Участвовал наравне с другими	3,6	4,7	2,5

Таблица свидетельствует о том, что жители региона в целом и рассматриваемых городов довольно скромно задействованы в инновационной деятельности, причем жители Курчатова здесь проявляют несколько более высокую степень активности. Вместе с тем практически 80% респондентов-курян и более 70% респондентов – жителей Курчатова никаким образом не были задействованы в практике социальных инноваций.

Схожая картина была проявлена в отношении вовлеченности жителей области в деятельность партий общественных организаций. Менее 10 % опрошенных указали на свою принадлежность к какой-либо партии, общественной организации. Каждый второй опрошенный свой факт неучастия в общественных организациях аргументировал тем, что он «Не видит пользы для себя от такого участия» (рис. 2).

При этом в регионе постоянно фиксируется довольно весомый процент данных, свидетельствующих о латентной протестной активности его жителей. Так, в 2018 году около 41% респондентов (40,9%) высказали готовность выступить в акциях за улучшение качества жизни. Заметим, что до реальных выступлений дело, как правило, не доходит. Правда, 2019 год стал исключением, – в апреле этого года в г. Курчатове состоялась первая в современной истории строительства Курской станции замещения акция протеста, связанная с неудовлетворительным размером заработной платы, а также условий труда и отдыха строителей станции¹.

¹ См. об этом: На Курской АЭС-2 прошла акция протеста строителей. – <https://news2.ru/story/565081/>

Рисунок 2.

Распределение ответов о неучастии жителей региона в деятельности общественных организаций и органах самоуправления

Жители городов проявляют готовность к взаимодействию с органами власти для решения актуальных вопросов. Среди форм взаимодействия они выделяют такие, как личные встречи лидеров органов власти с отдельными представителями разных слоев населения, публичная отчетность представителей органов власти перед гражданами региона, регулярные опросы общественного мнения. Личное общение с представителями власти при этом выходит на первый план.

Одним из ведущих вопросов в нашем исследовании стал вопрос, связанный с оценкой важности развития конкретных компонентов человеческого потенциала в Курской области. Жителям муниципалитетов предлагалось по 5-балльной шкале оценить эти компоненты (табл. 3).

Таблица 3

Оценка важности развития компонентов человеческого потенциала жителями муниципалитетов

Компонент	Курск	Курчатов
Трудовой потенциал	4,1	3,7
Интеллектуальный потенциал	4,1	3,9
Научно-исследовательский потенциал	3,7	3,6
Инвестиционный потенциал	3,6	3,8
Инновационный потенциал	3,8	3,8
Творческий потенциал	3,7	3,8

Обращает на себя внимание тот факт, что в областном центре наибольший вес был придан трудовому и интеллектуальному потенциалу. В Курчатове вес трудового потенциала оказался несколько ниже. Полагаем, это связано с наличием в городе крупного предприятия – АЭС, вокруг которой решаются вопросы трудоустройства значительной части населения города. Обращает на себя внимание также некоторая недооценка в двух муниципалитетах научно-исследовательского потенциала, причем в областном центре эта недооценка более выражена. Данный факт свидетельствует о *недооценке научного знания* в стране в целом, а также в признании многими разрыва между осуществлением научно-исследовательских работ и внедрением их результатов в жизнь.

Жителям рассматриваемых городов были заданы вопросы о субъектах разработки стратегий развития муниципалитетов. Вопрос звучал следующим образом: «Кто, на Ваш взгляд, должен участвовать в разработке стратегии социально-экономического развития Вашего города?». В Курске был выстроен следующий ряд (указаны доминирующие позиции): администрация города – горожане – губернатор – молодежь – специалисты. В Курчатове порядок приоритетов несколько иной: администрация города – горожане – политические партии и организации – специалисты – инициативные, компетентные люди. Как видим, респонденты ключевые позиции закрепили за *представителями органов управления и самими жителями городов*. Однако анализ ответов показал, что в ответах практически не были названы представители бизнес-сообщества.

Тем не менее, ответы указывают на важность постановки вопроса о субъекте стратегического развития, о задаче выстраивания их солидарного взаимодействия и сотрудничества. В качестве приоритетов стратегии муниципалитетов (ответы на открытый вопрос: «Какие вопросы, на Ваш взгляд, должны быть в первую очередь отражены в страте-

гических документах развития Вашего города?») были обозначены такие, как повышение уровня жизни, трудоустройство, создание комфортной среды проживания, развитие дорожной инфраструктуры, повышение качества медицинского обслуживания, развитие среднего и малого бизнеса, создание новых предприятий, вопросы культуры, образования и обеспечения безопасности граждан. Обозначенный спектр вопросов нельзя характеризовать как широкий, вместе с тем он отчетливо проявляет видение ведущих направлений социокультурного развития территориального сообщества его представителями.

Обратимся кратко к аналитической репрезентации результатов проведенных качественных исследований – фокус-групп.

Ключевым блоком в проведенных исследованиях стал вопрос о приоритетах развития региона в соответствии с учётом приоритетных сфер развития страны, заданных указом Президента РФ от 7 мая 2018 года. Здесь на первый план вышли вопросы решения проблем социально-экономического развития Курской области, регулирования роста заработной платы, содействия развитию предприятий малого бизнеса. При этом было отмечено, что для региона представляется важным развитие аграрного сектора.

Представители научно-педагогического сообщества подчеркнули при этом, что Курская область обладает оптимальными условиями для развития человека и жизни в целом. В Стратегии Курской области, принятой на период до 2020 года, рассматривались два сценария развития региона – инерционный и инновационный. Инерционный путь оказался доминирующим. Участниками дискуссии было предложено отказаться от консервативной модели развития региона, обратиться к созданию технопарка, и, по возможности, начать индустриализацию региона.

Активистами-общественниками был предложен широкий спектр задач, среди которых были особо отмечены такие, как увеличение дохода и повышение инвестиционной привлекательности региона, улучшение благоустройства города и городской среды, решение вопроса трудоустройства молодежи и граждан предпенсионного возраста, поддержка малого и среднего бизнеса, налаживание контакта и обратной связи с властными структурами, повышение качества медицинских услуг, поддержка талантливой молодежи, улучшение инфраструктуры и жилищно-коммунальной сферы.

Стратегические ориентиры развития Курской области с позиции предпринимателей выглядели следующим образом: ориентация региона на стратегию роста; обеспечение миграционного притока в регион; создание благоприятного инвестиционного климата; развитие системы трудоустройства молодых специалистов; поддержка местных производителей для реализации их продукции в торговых сетях.

Студенческая молодежь предложила свои приоритеты регионального развития: изменения в кадровом аппарате администрации области в направлениях повышения уровня компетентности и квалификации и постепенного омоложения кадров; решение проблем трудоустройства молодежи; развитие промышленного производства в регионе; развитие сельских территорий; развитие транспортной инфраструктуры в регионе и областном центре; повышение эффективности реализации градостроительной политики в регионе, реставрация зданий-памятников культуры; выстраивание обратной связи между населением региона и администрацией области с целью определения ключевых проблем регионального развития.

Обозначим наиболее острые из проблем социального характера, с которым сегодня приходится наиболее часто сталкиваться жителям Курской области: невысокая эффективность управленческих решений, связанная в большей мере с неосменяемостью власти на протяжении последних 18 лет; сложность трудоустройства на работу по профилю полученного образования у выпускников образовательных организаций профессионального образования, отсутствие у многих из них опыта работы, наличие которого требуют многие работодатели; низкое качество работы служб ЖКХ и безответственное отношение курян к вопросу поддержания чистоты в общественных местах; неразвитость гражданской инициативы и правовой грамотности населения региона.

Представляется важным обратиться к тому, как представляют разные целевые группы ближайшее будущее региона в контексте предлагаемых им преобразований. Были заданы следующие вопросы: «Что именно должно измениться, что мы можем получить в итоге?», «Какими должны стать названные ранее сферы жизни?», «Как обозначенные Вами изменения отразятся на вашей собственной жизни, а также на жизни Ваших близких?». Следует отметить, что участниками фокус-групп была нарисована довольно оптимистическая картина. Это, прежде всего, рост населения в регионе; рост занятости, в первую очередь, молодежи; рост численности представителей среднего класса; рост фермерских хозяйств; возможность за имеющиеся деньги покупать качественные товары; повышение привлекательности аграрного сектора; совершение рывка в отдельных отраслях промышленности. Ключевыми показателями оценивания происходящего были названы такие, как «желание оставаться жить и работать в регионе», а также «жить в регионе без оглядки на соседние регионы и страны».

Участниками дискуссий было также отмечено, что позитивные перемены обязательно найдут отражение и в настроении, и в мышлении людей. «Люди станут добрее и начнут делать больше добрых дел и уделять внимания тем же пенсионерам, ветеранам, животным. Всем станет лучше!», – отметила активистка Анна.

Вопрос о разработке и реализации стратегий развития российских регионов является не праздным. И в этом плане особый интерес представляет, на наш взгляд, вопрос о субъекте стратегирования. Кто должен разрабатывать стратегии, кому следует заниматься их реализацией? Один из блоков фокус-группы касался вовлечения граждан и стейкхолдеров в реализацию планов регионального развития. Участники интервью единодушно заявили о своей готовности оказать необходимую помощь и поддержку руководству региона. Можно опереться на преподавателей, на их студентов, на общественные организации и различные учебные заведения, на специалистов (с существенной оговоркой: «в пределах своей компетенции»). При этом прозвучало предложение активнее обращаться к инициативным людям, новаторам, которые работают в разных сферах деятельности.

В настоящее время в регионе идет активное обсуждение стратегия развития Курской области и развития областного центра. Достаточно интенсивно проходила работа проектных мастерских, где активные горожане по ряду направлений представили свое видение будущего региона. Эмоционально насыщенными оказались общественные слушания по вопросам разработки стратегии развития областного центра.

Вовлеченность в данные процессы, осуществление включенного наблюдения наталкивает на серьезные размышления, которые подкрепляются пониманием синергетических оснований конструктивной футурологии. Воссоздадим несколько этих установок, позволяющих резюмировать написанное выше.

Прежде всего, преодоление *программно-проектного подхода*, ограниченного решением самых насущных вопросов сегодняшнего дня и ближайшей перспективы.

Во-вторых, осуществление в процессе стратегирования постоянного *контрарефлексивного* (видящего свою и чужую реальность в сопоставлении) *преобразования реальности*. Как справедливо замечает С.А. Дацюк, контрарефлексивные реальности «сопротивляются нам в рамках своего стратегического подхода»¹.

В-третьих, *обеспечение долгосрочности стратегии*, в принципе выходящей за пределы жизни своих разработчиков.

В-четвертых... Возможно, эту позицию следовало бы поставить на первое место. Это *преодоление* в стратегировании *аксиологии прошлого века, основанной на системе ценностей Pax Oeconotiscana*. Осуществлять стратегическое целеполагание исключительно в координатах экономики в высшей мере нецелесообразно. Как справедливо отмечает все тот же Неклесса, «жизненное же целеполагание, стимулы действий, резоны практики в постсовременном универсуме все чаще выходят за рамки подобной проблематики»².

Таким образом, стратегическое целеполагание регионального развития важно выстраивать на основе положений постнеклассической рациональности, с максимальной опорой на имеющиеся ресурсы, прежде всего, на человеческий потенциал, а также с учетом широкого социокультурного контекста, включающего как ограничения, так и широкие возможности поступательного движения.

¹ Дацюк С.А. Горизонты конструктивизма. – Киев, 2010. – <http://www.uis.kiev.ua/xyz/hc.htm>

² Неклесса А.И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Политические исследования. – М., 2015. – № 1.

Коданева С.И.¹

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: пространственное развитие России; устойчивое развитие регионов; социально-экономическое развитие регионов; проблемы экологии; региональная экономика.

Keywords: spatial development of Russia; sustainable development of regions; social and economic development of regions; environmental problems; regional economy.

В феврале 2019 года Правительством Российской Федерации была утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации². Принятию этого документа предшествовали достаточно бурные обсуждения, в ходе которых критиковался избранный Министерством экономического развития Российской Федерации подход к формированию данного документа и его содержанию. Так, в рамках Московского финансового форума, состоявшегося в сентябре 2018 года, прошла презентация тогда еще проекта Стратегии, в ходе которой экспертное сообщество достаточно жестко этот проект раскритиковало, особенно в части заложенного в нем агломерационного подхода, предполагающего концентрацию всего населения страны в нескольких крупных агломерациях и создание неких «точек роста». По мнению А. Клепача, заместителя председателя правления Внешэкономбанка, «есть стратегия пространственного развития, а пространства нет»³.

Следует признать, что столь резкая критика не вполне оправдана, поскольку анализ принятой Стратегии показывает, что нацелена она не только на развитие нескольких крупных центров, но и на решение наиболее актуальных проблем для формирования единого пространства Российской Федерации, ее целостности и единства экономического пространства. Так, многие эксперты отмечают, что проблема не в том, чтобы сделать пять или двадцать городов точками роста, а в том, как связать их между собой. Это задача эффективной транспортной инфраструктуры. Самым значимым рычагом для пространственного развития России является его транспортный каркас, транспортная инфраструктура⁴.

И именно этой проблеме уделено самое большое внимание в Стратегии. Так, в качестве основного направления пространственного развития России обозначена ликвидация инфраструктурных ограничений федерального значения и повышение доступности и качества магистральной транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры⁵.

Социально-экономическое развитие крупных и крупнейших городских агломераций призвано обеспечить ускорение экономического роста, научно-технологического и инновационного развития. Вместе с тем, в рамках реализации Стратегии предполагаются разработка и утверждение комплекса мер по привлечению населения на территории со значительным экономическим потенциалом, характеризующиеся неблагоприятной демографической ситуацией. Это относится как к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации, расположенным на Дальнем Востоке, Северном Кавказе и в Арктике, так и к сельским территориям (предполагается разработать государственную программу в сфере комплексного развития сельских территорий).

Однако, представляется, что декларированный принцип дифференцированного подхода к социально-экономическому развитию территорий не подкреплен как в теоретическом, так и в практическом плане. Так, реализация дифференцированного подхода требует глубокого анализа не только по заявленным в Стратегии критериям (демографическая ситуация, особенности системы расселения, динамики развития экономики), но и в отраслевом разрезе (добывающие, промышленные, сельскохозяйственные регионы, финансовые и научные центры), а также проведения комплексного социально-экономического анализа. Именно это позволит решить актуальный вопрос, за счет каких мер

¹ Коданева Светлана Игоревна – к.ю.н., с.н.с. ИНИОН РАН, доцент кафедры инновационных технологий в государственной сфере и бизнесе Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС. E-mail: kodanevas@gmail.com

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 207-р от 13.02.19 г. // Правовая база Консультант-плюс. – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=ED05C0C870C0AA85EA1C99B6CDF6DA4D&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=29703155998066629475&base=LAW&n=318094&rnd=D5EA0308E332E1C22E56029D271F9F82#1ljz595jxs>

³ Маленький А. Почему в стратегии пространственного развития пока нет пространства // Информационное агентство Regnum. – <https://regnum.ru/news/economy/2479614.html>, 11.09.18.

⁴ Там же.

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации № 207-р от 13.02.19 г. // Правовая база Консультант-плюс. – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=ED05C0C870C0AA85EA1C99B6CDF6DA4D&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=1-1&ts=29703155998066629475&base=LAW&n=318094&rnd=D5EA0308E332E1C22E56029D271F9F82#1ljz595jxs>

(инструментов) государственной региональной политики может быть решена задача сбалансированного (по типам поселений) пространственного развития страны¹.

Начнем с анализа социально-экономического положения регионов России. Россия отличается высокой степенью неравномерности экономического развития в территориальном разрезе. Эта неравномерность во многом определяется обеспеченностью природными ресурсами, исторически сложившейся инфраструктурой, природно-климатическими условиями, менталитетом населения и другими факторами объективного характера. Если, например, экспортная ориентированность регионов, добывающих нефть и газ, задана географически и геологически, то промышленная ориентированность нередко определяется особенностями развития страны в период индустриализации 1930-х годов.

В силу вышеназванных факторов имеет место и сложившаяся специализация регионов – одни являются финансовыми центрами, и это задает их вектор развития, другие добывающими, третьи – аграрно-промышленными, четвертые – промышленными. Соответственно, показатели социально-экономического развития регионов, относящихся к разным группам, обусловлены различными факторами.

Так, по данным агентства РИА РЕЙТИНГ в 2018 году значительный экономический рост показали добывающие регионы, что объясняется ростом добычи полезных ископаемых и, в особенности, нефти, в результате снятия ограничений ОПЕК. В то же время сельское хозяйство продемонстрировало отрицательную динамику из-за уменьшения по сравнению с 2017 годом собранного урожая².

Вместе с тем, пятерка лидеров по социально-экономическому развитию остается неизменной и, по прогнозам РИА РЕЙТИНГ, сохранит свои позиции в среднесрочной перспективе.

Это Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Московская область и Республика Татарстан, которые обеспечивают 40% суммарного ВРП³.

Так же неизменным остался состав регионов-аутсайдеров. Последние места в рейтинге, как и по итогам 2017 года, занимают высоко дотационные регионы: Республика Тыва, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Республика Ингушетия и Чукотский автономный округ.

В соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2020 и 2021 годов», предусмотрено увеличение бюджетных ассигнований на предоставление дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации в 2019 году на 27 016,0 млн. рублей, в 2020 году на 25 432,1 млн. рублей, в 2021 году по сравнению с объемами, предусмотренными на 2020 год, на 10 977,5 млн. рублей. Также предусмотрено увеличение объема дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации. На пять самых дотационных регионов (Дагестан (66,3 миллиарда рублей), Якутия (46,9 миллиарда рублей), Камчатский край (37,4 миллиарда рублей), Чеченская республика (30,4 миллиарда рублей) и Алтайский край (28,6 миллиарда рублей) в 2019 году придется 30,8% всех дотаций. На 15% увеличится размер дотаций 13 регионов: Марий Эл, Томская, Кировская, Оренбургская, Псковская, Астраханская, Калининградская, Новгородская и Ярославская области, Ставропольский край, Крым, Чукотка и Кабардино-Балкария⁴.

Предоставление дотаций как инструмент экономического выравнивания регионов уходит своими корнями еще в 1990-е годы. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 года № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» закреплено, что одной из основных целей региональной политики в Российской Федерации является выравнивание условий социально-экономического развития регионов, а задачами такой политики является сокращение чрезмерно глубоких разрывов в уровне социально-экономического развития регионов, поэтапное создание условий для укрепления в них собственной экономической базы повышения благосостояния населения. В последующем проблема экономической дифференциации регионов находила отражение во всех документах, посвященных региональному развитию (в частности, в государственной программе «Региональная политика и федеративные отношения» 2001 года, «Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» 2005 года, «Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации» 2008 года, «Концепции социально-экономического развития до 2020 года» 2008 года, государственной программе «Региональная политика и федеративные отношения» 2013 года и т.д.). При этом подходы к трактовке экономического (социально-экономического) выравнивания субъектов Федерации в этих документах постепенно менялись в зависимости от складывающейся экономической и политической ситуации в стране. Так, если в 2001 году акцент ставился на экономическом выравнивании субъектов как одной из главных задач региональной политики, то в 2013 году речь фактически идет не о сокращении экономической дифференциации регионов, а только о замедлении темпов ее нарастания.

Государственная программа 2016 года «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» и вовсе уходит от вопросов дифференциации регионов, а говорит о количестве субъектов – получателей дотаций из федерального бюджета.

¹ Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты: Научная работа / Отв. Ред. Е.М. Бухвальд. – М.: ИЭ РАН, 2018. – С. 163.

² Рейтинг социально-экономического положения регионов – итоги 2018 // РИА РЕЙТИНГ. – <http://www.riarating.ru/regions/20190604/630126151.html>, 04.06.19.

³ Там же.

⁴ О федеральном бюджете на 2019 год и плановый период 2010 и 2021 годов: Федеральный закон № 459-ФЗ от 29.11.18 г. // Правовая база Консультант-плюс. – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=127491433909025583001054798&cacheid=223BC543847D0CF528FF4D595ED06D55&mode=splus&base=LAW&n=312362&rnd=D5EA0308E332E1C22E56029D271F9F82#zz8t65fa5>

Однако, как справедливо отмечают Щетинина Е.Д. и Кондрашов И.Б., «политика хронических дотаций для депрессивных территорий порождает иждивенчество региональных властей, а тотальная система господдержки в крупных, но неравномерных размерах – поле для коррупции»¹. При этом постоянные федеральные вливания не стимулируют регионы к саморазвитию и самоорганизации.

Это же подтверждает и рейтинг социально-экономического положения регионов, демонстрирующий сохраняющийся крайне высокий разрыв между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами. Отношение максимального интегрального рейтингового балла к минимальному составляет в 2018 году 8,6, а отношение среднего значения интегрального рейтингового балла первой пятерки регионов к последней пятерке рейтинга – 6,1.

Интегрированный рейтинг качества жизни, основанный на 11 показателях, таких как уровень доходов населения, занятость, жилищные условия, безопасность, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры и т.д., подтверждает общую картину.

Первые позиции в рейтинге, как и в прошлом году, занимают Москва, Санкт-Петербург и Московская область, сводный рейтинговый балл у которых превышает значение 70. Эта тройка регионов возглавляет рейтинг уже в течение многих лет, имея высокие рейтинговые баллы, пока недостижимые для других регионов. Скорее всего, в ближайшие годы эта ситуация не изменится. Развитость инфраструктуры, высокий уровень развития экономики, социальной сферы вкупе с высоким потенциалом дальнейшего развития позволяет этим регионам надолго закрепиться в топе рейтинга.

Состав замыкающей рейтинг десятки по сравнению с предыдущим годом также практически не изменился. Последние места занимают Кабардино-Балкарская Республика, Республика Бурятия, Еврейская автономная область, Курганская область, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Забайкальский край, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Тыва.

Вместе с тем, Магаданская, Амурская, Чукотская и Сахалинская области продемонстрировали рост, что может свидетельствовать о результативности федеральной программы развития Дальнего Востока. В последние годы в дальневосточных регионах развернуто активное строительство инфраструктурных и промышленных объектов. В этих регионах снизился уровень безработицы, заболеваемости и смертности, а также доля населения с доходами ниже прожиточного минимума².

Следует также учитывать, что устойчивое развитие как всей страны, так и отдельных ее регионов – это, прежде всего, обеспечение сохранения благоприятной экологической ситуации, поскольку именно экология, природные ресурсы, являются основой как для экономического развития, так и для создания благоприятных условий жизни населения и повышения качества жизни. Если обратиться к экологическому рейтингу «Зеленого патруля»³ и эколого-экономическому индексу⁴, то следует признать, что на самых нижних позициях в обоих случаях оказываются добывающие регионы (Красноярский край, Иркутская, Челябинская и Свердловская области), также на низких позициях находятся регионы, где сконцентрирована перерабатывающая промышленность, особенно металлургическая и химическая.

Так, если взять, для примера, Республику Башкортостан, Челябинскую и Омскую области, где сильно развиты переработка нефти и газа, химическая промышленность и машиностроение, то можно проследить как их невысокие места в экологическом рейтинге (58 у Башкортостана, 73 у Омской области и 84 у Челябинской области), так и показатели продолжительности жизни, которые в этих регионах ниже, чем в среднем по России (они занимают места с 45 (Башкортостан) по 81 (Иркутская область)⁵.

Это свидетельствует о необходимости особого подхода при формировании стратегий устойчивого развития регионов, где сконцентрирована добывающая и перерабатывающая промышленность, направленного, прежде всего, на внедрение самых современных, инновационных технологий в экологической сфере.

Так, например, одной из наиболее актуальных и острых проблем в России является сжигание попутного газа на факелах. По разным оценкам, ежегодно сжигается 20–35 млрд. кубических метров газа, что сопоставимо с энергопотреблением всей Москвы. При этом в стране отсутствует объективная информация о масштабах сжигания, что обусловлено низким уровнем оснащенности месторождений измерительной аппаратурой.

В связи с этим, актуальным является переход к технологиям, позволяющим добывать и использовать попутный газ. Более эффективное использование месторождений суши возможно за счет масштабного развития газохимии. Для этого необходим комплексный подход, позволяющий сформировать условия для реализации таких инвестиционных проектов, как оснащение нефтепромыслов необходимой измерительной аппаратурой, строительство производственных мощностей для переработки, хранения и транспортировки попутного газа.

¹ Щетинина Е.Д., Кондрашов И.Б. Управление конкурентоспособностью региона на основе структурного развития его материальных активов. – Белгород: Изд-во БГГУ, 2017. – 188 с.

² Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 // РИА РЕЙТИНГ. – <http://www.riarating.ru/info/grafika/20190219/630117422.html>, 19.02.19.

³ Национальный экологический рейтинг // Зеленый патруль. – <http://greenpatrol.ru/ru/novosti/ekologicheskij-reyting-vesna-2019,05.06.19>.

⁴ Эколого-экономический индекс регионов РФ. – <http://vid-1.rian.ru/ig/mahimka/environmental/xml/pdf/eei.pdf>

⁵ По данным Росстата // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Что касается промышленных регионов, то основными факторами деградации окружающей среды здесь является преобладание ресурсоемких и загрязняющих окружающую среду отраслей в структуре промышленного производства, высокая степень изношенности основных фондов, относительно низкая степень эффективности использования ресурсов и производства в целом.

Так, согласно отчету Центра стратегических разработок «Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России», средний возраст мощностей в нефтепереработке составляет 19 лет, в металлургии – 17 лет, в химическом производстве – 14 лет¹.

В рамках построения инновационной экономики в России выдвигаются цели создать новую систему экологической безопасности и обеспечить условия для экологизации экономики. Ряд российских компаний пришел к осознанию необходимости учета международных экологических принципов ведения бизнеса, в первую очередь это касается крупных компаний, работающих на мировом рынке, особенно нефтегазовой и металлургической отраслей.

Однако проблемы экологизации промышленного производства различаются по регионам страны. Так, наименее защищенными регионами из-за недостаточности мониторинга, а также из-за структуры экономики являются Сибирь и Дальний Восток, поэтому основное внимание необходимо уделять именно этим регионам, добиваясь модернизации устаревших и экологически грязных нефтеперерабатывающих, химических производств и черной металлургии.

Большой потенциал в этой сфере имеет внедрение технологий «Индустрии 4.0». Так, в нефте- и газодобывающих отраслях цифровые технологии открывают возможности существенного повышения эффективности: например, инструменты трехмерного моделирования месторождений, а в горнодобывающих отраслях – датчики и портативные устройства, помогающие отслеживать состояние и местонахождение техники, рабочих, уровень загазованности шахт, а также оптимизировать работу ремонтных бригад.

Существенный эффект от внедрения цифровых технологий можно получить в обрабатывающей промышленности ввиду ее высокой трудоемкости и технологического отставания России от передовых стран.

Благодаря модернизации российского машиностроения на основе принципов «Индустрии 4.0» можно существенно повысить производительность, сократив при этом потребление ресурсов, а также обеспечить контроль за выбросами загрязняющих веществ. Так, на Магнитогорском металлургическом заводе внедрение цифровых технологий позволило оптимизировать расход ферросплавов и добавочных материалов при производстве стали.

Что касается сельскохозяйственных регионов страны, то они сталкиваются с принципиально иными проблемами, обуславливающими специфику их развития. Так, председатель общественного движения «Федеральный Сельсовет» Василий Мельниченко отмечает, что майские указы 2014 года Президента Российской Федерации В.В. Путина, касающиеся развития сельских территорий, до сих пор выполнены не более чем на 37%. «Как результат, мы наблюдаем прогрессирующую деградацию развития сельских территорий по территории нашей страны»².

При этом сельскохозяйственная отрасль оказывает существенное негативное влияние на экологию. Объем отходов животноводческих предприятий и птицефабрик составляет около 750 млн. м куб. Одним из направлений утилизации таких отходов является использование их в качестве удобрений, однако сегодня соответствующей переработке подвергается только 25% образующихся отходов, что ведет к загрязнению вод и неэффективному использованию сельхозземель³.

Прогрессирующая деградация сельских территорий не является сугубо российской проблемой. Данная тенденция отмечается и многими исследователями в зарубежных странах (не только развивающихся, но и развитых), которые определяют ее понятием «маргинализации», проявляющейся в эмиграции сельского населения, особенно молодежи, что приводит к обезлюдению сельских территорий, более низким доходам сельских жителей, ограниченном доступе к социальным и культурным услугам, усиливающимся разрыве между условиями (качеством) жизни городского и сельского населения⁴.

Соответственно, для сельскохозяйственных территорий наиболее актуальным является повышение качества жизни сельского населения за счет внедрения социальных инноваций, направленных на глубокие и масштабные социальные изменения. Основным объектом подобных инноваций должна быть сама социальная среда, а направлены преобразования должны быть на широкий спектр проблем социального и экономического характера. В частности, к основным социальным инновациям, отвечающим потребностям сельских территорий и способным обеспечить их развитие, относятся: формирование системы доступных, разнообразных и высококачественных социальных услуг в области здравоохранения, образования, оказания социальной помощи (что может быть достигнуто за счет активного внедрения современных цифровых технологий, таких как дистанционное образование, телемедицина и т.д.); организация экологически безопасного сельскохозяйственного производства и местных продовольственных систем; развитие «зеленой энергетики», включая внедрение современных технологий биоэнергетики (переработка продуктов животноводства в биогазовых установках); развитие экосистемного и агротуризма; развитие системы кооперации (в том числе

¹ Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России / Центр стратегических разработок. – https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/01/Doklad_promyshlennye-moshhnosti.pdf

² Нужен единый подход к развитию сельских территорий // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – http://ruskline.ru/news_rl/2018/08/30/nuzhen_edinyj_podhod_k_razvitiyu_selskih_territorij – 30.08.2018.

³ «Зеленая экономика» региона: проблемы и перспективы развития: монография / А.И. Трубилин, В.И. Гайдук, Г.В. Комлацкий, В.Д. Секерин. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – 138 с.

⁴ Юрманова Е.А. Роль социальных инноваций в развитии сельских территорий // Перспективы формирования инновационного потенциала стратегических отраслей промышленности: коллективная монография. – Брянск: БГТУ, 2018. – 250 с.

финансовой кооперации, направленной на повышение доступности финансовых ресурсов для сельхозпроизводителей и т.д.

Наконец, что касается крупных агломераций и мегаполисов, то они также сталкиваются с экологическими проблемами, обусловленными огромным количеством транспорта, высоким потреблением ресурсов и др.

Так, до 90% загрязнения атмосферного воздуха в крупных городах, в частности в Москве, приходится на выбросы от автомобильного транспорта, работающего на бензине устаревших экостандартов.

Экологизация транспортного сектора – это снижение влияния транспорта на окружающую среду, в том числе на среду жизнедеятельности человека, его здоровье, а также повышение уровня безопасности и снижение рисков.

Для решения этих задач необходимо обеспечить переход в процессе эксплуатации автомобильного транспорта на мировые экологические стандарты Евро-5 и Евро-6 и перевод транспорта на новые виды топлива, такие как газомоторное топливо и электромобили, включая нормативное закрепление, с одной стороны, соответствующих требований, а с другой стороны, стимулов к реализации инновационных и инвестиционных проектов создания как самих автомобилей, работающих на альтернативных источниках, так и необходимой для этого инфраструктуры.

Кроме того, огромное значение имеет и то, каким образом организован трафик в самих городах. Так, уже во многих мегаполисах успешно реализуются проекты внедрения интеллектуальных систем организации движения, основанных на использовании технологий больших данных и искусственного интеллекта.

Таким образом, очевидно, что сбалансированное и устойчивое пространственное развитие Российской Федерации требует более комплексного и проработанного подхода к дифференциации региональной политики и выработке государственных программ, который должны базироваться не просто на выделении крупных агломераций, «точек роста» и геополитически важных регионов, но на целенаправленном стимулировании регионов к решению их специфических проблем в социально-экономических и экологических сферах.

Кочетова Г.Г.

к.э.н., доцент Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

Якунина Е.А.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ МЕТОД ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДА МОСКВЫ

Ключевые слова: транспортная стратегия, методы планирования, целевые комплексные программы, транспортная система.

Keywords: transport strategy, planning methods, targeted integrated programs, transport system.

Введение

С середины 60-х годов XX столетия началась регулярная разработка и использование общегосударственных, региональных и отраслевых прогнозов в качестве предплановых научных обоснований государственных решений по развитию экономики. К концу 80-х годов XX в. для решения наиболее важных вопросов стал использоваться метод целевых комплексных программ.

С переходом к рыночной экономике сохранялась острая потребность в методическом подкреплении формирующейся системы государственного прогнозирования, разработке единых для всех исполнителей рекомендаций с обязательным перечнем конкретных показателей и методами их расчета, достаточных для репрезентативной характеристики социальных и экономических процессов не только в стране в целом, но и в регионах¹.

Принципы разработки целевых программ

С 2002 года основным документом формирующейся системы государственного прогнозирования стали «Сценарные условия перспективного социально-экономического развития»².

С этого момента в Москве в качестве инструмента решения узловых вопросов жизнедеятельности города стали широко использоваться среднесрочные и долгосрочные прогнозы, целевые отраслевые и комплексные программы, основными принципами разработки которых стали:

– согласованность целей и задач программы с прогнозами и программами социально-экономического развития города, Генеральным планом развития города Москвы и приоритетными задачами, установленными нормативными актами органов государственной власти города Москвы;

– обоснованность по ресурсам (в том числе источникам финансирования), исполнителям и срокам осуществления комплекса мероприятий, составляющих программу;

– установление сроков достижения намеченных программой результатов;

– взаимозависимость мероприятий программы с мероприятиями других утвержденных городских целевых программ;

– межотраслевой и межведомственный характер решаемых проблем;

– взаимосвязь с прогнозной оценкой источников финансирования (в том числе бюджетными проектировками соответствующих лет).

Однако практика реализации региональных целевых программ на уровне Москвы показывала крайне низкий процент выполнения мероприятий программ в установленные сроки, а также почти полное отсутствие заинтересованности органов исполнительной власти города Москвы в достижении установленных программами задач, в результате чего по ряду проектов представлялись отчеты об освоении бюджетных инвестиций, в которых ничего не говорилось о достигнутых при этом результатах.

В столице с 2011 года разрабатываются и реализуются государственные программы³, представляющие собой систему взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам мероприятий, направленных на достижение

¹ Кочетова Г.Г. Бюджетирование на предприятиях автомобильного транспорта // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта. сб. научных трудов. – М., 2017. – С. 107–110.

² Кочетова Г.Г. Бюджетирование как эффективная управленческая технология // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта. сб. научных трудов / Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет. – М., 2018. – С. 73–79.

³ Постановление Правительства Москвы от 04.03.2011 г. № 56-ПП «Об утверждении Порядка разработки и реализации государственных программ города Москвы»

приоритетных целей социально-экономического развития города. Одной из таких программ является государственная программа «Развитие транспортной системы».

Современное состояние транспортной отрасли Москвы

В настоящее время транспортная система города Москвы включает в себя следующие виды транспорта: Московский метрополитен, Московскую монорельсовую транспортную систему, железнодорожный транспорт, наземный городской пассажирский транспорт и личный транспорт¹.

Современное состояние и проблемы транспортной отрасли города Москвы характеризуются следующими параметрами (табл. 1): плотность населения (107,3 чел/га) превышает аналогичный показатель крупнейших мегаполисов мира; плотность улично-дорожной сети (3,38 км/кв. км) в 2–4 раза ниже аналогичного показателя крупнейших мегаполисов мира, а объем перевозок на метрополитене превышает аналогичный показатель крупнейших мегаполисов мира в 1,5–2 раза.

Таблица 1

Проблемы и перспективы развития транспортной отрасли города Москвы²

Проблемы транспортной отрасли города Москвы	Перспективы развития
<ul style="list-style-type: none"> – фактическая загрузка всех видов транспорта общего пользования в часы пик составляет 1,060 млн. человек и превышает провозную способность (870 тыс. чел.) в среднем на 22%; – загрузка автомобильных дорог превышает их пропускную способность на 42%; – недостаточное развитие наземных видов транспорта общего пользования, низкая плотность маршрутной сети, отсутствие преимуществ для движения транспорта общего пользования в транспортном потоке; – слабая система хордовых связей между радиальными автомобильными дорогами; – отсутствие дублирующих направлений магистральных радиальных автомобильных дорог, их недостаточная пропускная способность и несоответствие параметров автомобильных дорог на границе города Москвы и Московской области планировочным параметрам; – недостаточный уровень технического состояния искусственных сооружений и проезжей части на значительном протяжении автомобильных дорог федерального и регионального значения; – отсутствие транспортных развязок на разных уровнях на пересечениях улично-дорожной сети, в том числе с железными дорогами и реками; – отсутствие эффективной системы управления дорожным движением; – недостаточное взаимодействие перевозчиков, обслуживающих автобусные маршруты, отсутствие скоординированной системы управления перевозками, использующей современные средства глобального позиционирования; – неполная приспособленность транспортной инфраструктуры города к нуждам маломобильных групп населения; – недостаточно эффективная работа перевозчиков различных форм собственности по транспортному обслуживанию пассажиров. 	<ul style="list-style-type: none"> – снижение среднего времени поездки на транспорте общего пользования в часы пик на 18%; – увеличение объема перевозок пассажиров транспортом общего пользования до 14%; – снижение наполняемости подвижного состава наземного городского пассажирского транспорта на 25%, до 3,5 чел/кв. м; – снижение наполняемости подвижного состава метрополитена на 15%, до 4,4 чел/кв. м; – сокращение среднего интервала движения на наземном городском пассажирском транспорте по выделенным полосам для движения маршрутных транспортных средств в часы пик на 15%, до 6,7 минуты; – сдерживание объемов выбросов в атмосферный воздух загрязняющих веществ от автомобильного транспорта; – повышение комфортности поездок на транспорте общего пользования за счет использования подвижного состава новых типов, приспособленных для перевозки маломобильных групп населения, сокращения интервалов движения транспорта; – внедрение интермодальных билетов; – ввод в эксплуатацию свыше 500 тыс. машино-мест для парковки и хранения легковых автомобилей, а также площадок для отстоя большегрузного автомобильного транспорта; – формирование системы платных парковок; – сокращение количества поездок на легковом автомобильном транспорте в центральную часть города; – снижение количества транзитных грузовых перевозок через город Москву на 50% к уровню 2012 года; – уменьшение времени на пересадку пассажиров в крупных транспортно-пересадочных узлах с 15 до 8–10 минут; – ликвидация несанкционированных пунктов отправки между-городных автобусов; – создание системы связующих проездов между сегментами улично-дорожной сети города Москвы.

В результате реализации мероприятий Государственной программы города Москвы «Развитие транспортной системы на 2012-2016 годы и на перспективу до 2020 года» в 2012-2015 годах годовой объем пассажирских перевозок на транспорте общего пользования вырос с 5,03 до 5,33 млрд. пассажиров.

Основная нагрузка по финансовому обеспечению госпрограммы приходится на бюджет города Москвы³. В 2012 году расходы городского бюджета составляют 352 млрд. руб., а к концу 2019 года данный показатель увеличивается до 674 млрд. руб. (рис. 1).

¹ Бадасова К.В., Гахраманова С.Х., Шнурова Л.К. Транспортная система России и анализ ее структуры // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: материалы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов: в 2 частях. 2018. – С. 251–254.

² Жидкова М.А., Шпилькина Т.А. Основные направления финансирования отечественных автопроизводителей в условиях нестабильной экономики // Финансовая стратегия предприятий в условиях нестабильности экономики: материалы II Международной научно-практической конференции. 2018. – С. 57–61.

³ Жидкова М.А. Особенности организации финансирования затрат на воспроизводство парка автомобилей – такси // Авто-транспортное предприятие. 2015. – № 11. – С. 15–18.

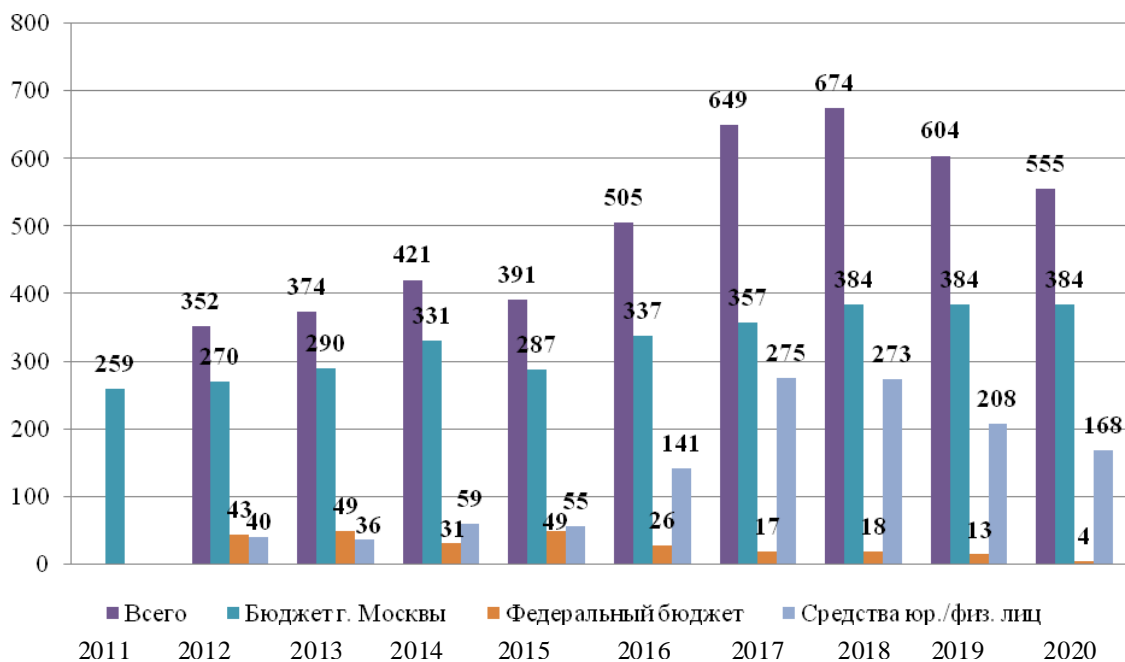

Рисунок 1.

Финансовое обеспечение Государственной программы города Москвы «Развитие транспортной системы» на 2012-2016 г. и на перспективу до 2020 года¹

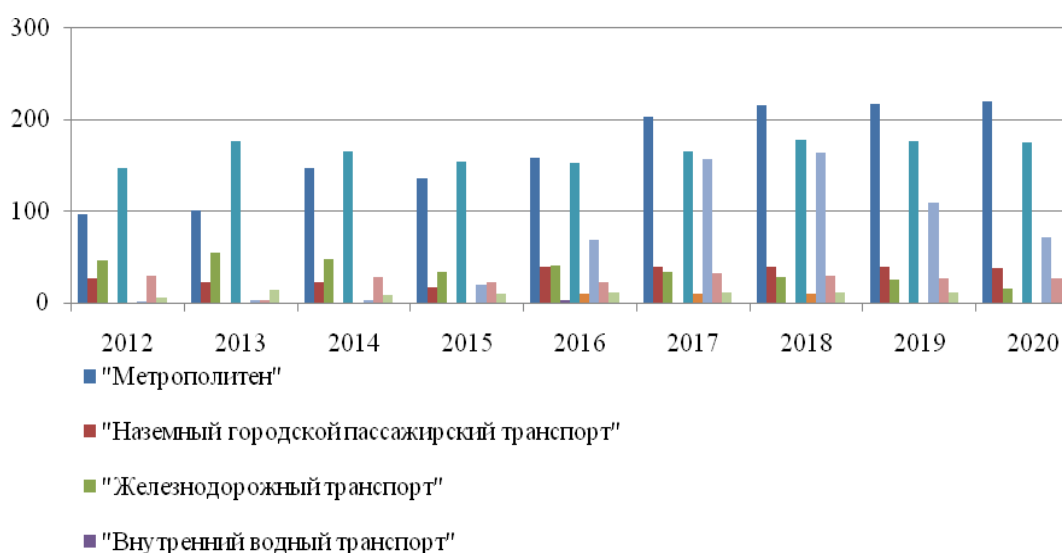

Рисунок 2.

Финансовое обеспечение Государственной программы города Москвы «Развитие транспортной системы» в разрезе подпрограмм²

Значительный удельный вес в финансовом обеспечении госпрограммы, как видно из рис. 2, занимают подпрограммы «Автомобильные дороги и улично-дорожная сеть» (финансовое обеспечение подпрограммы с 2012 по 2020 год вырастет со 147 млрд. руб. до 175 млрд. руб.), «Метрополитен» (финансовое обеспечение подпрограммы с 2012 по 2020 год вырастет с 96 млрд. руб. до 218 млрд. руб.), а также «Автовокзалы и транспортно-пересадочные узлы» (финансовое обеспечение подпрограммы с 2012 по 2020 год вырастет с 1 млрд. руб. до 72 млрд. руб.).

Основная доля финансового обеспечения подпрограммы «Автомобильные дороги и улично-дорожная сеть» приходится также на бюджетные ассигнования города Москвы, причем их доля неуклонно увеличивается со 146 млрд. руб. в 2012 году до 236 млрд. руб. в 2018 году (рис. 3). Основными целями реализации указанной подпрограммы являются: повышение пропускной способности и увеличение плотности улично-дорожной сети, а также улучшение качества ремонта и содержания дорог³.

¹ Официальный сайт Мэра Москвы. – <https://www.mos.ru/>

² Там же.

³ Анастасов М.С., Хулазаров Э.А. Интегральные оценки инновационных проектов создания международных транспортных коридоров // Транспортное дело России. 2011. – № 8. – С. 36–44.

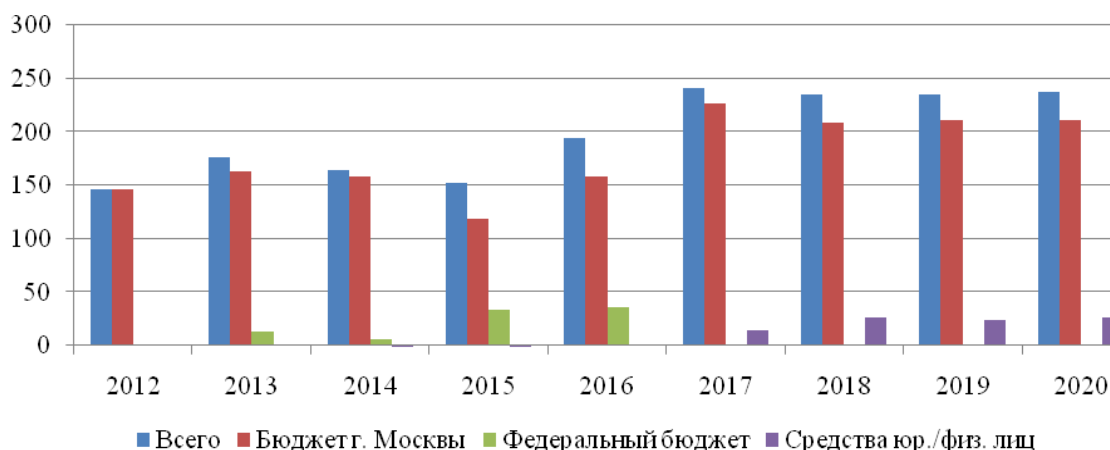

Рисунок 3.

Финансовое обеспечение подпрограммы «Автомобильные дороги и улично-дорожная сеть»¹

Объем исполнения госпрограммы (по состоянию на 14.02.2019 г.) составил 8,5% (52,2 млрд. руб. из 611 млрд. руб.), из них наибольший объем исполнения наблюдается по подпрограмме «Автомобильные дороги и улично-дорожная сеть», которая исполнена на 14% (рис. 4).

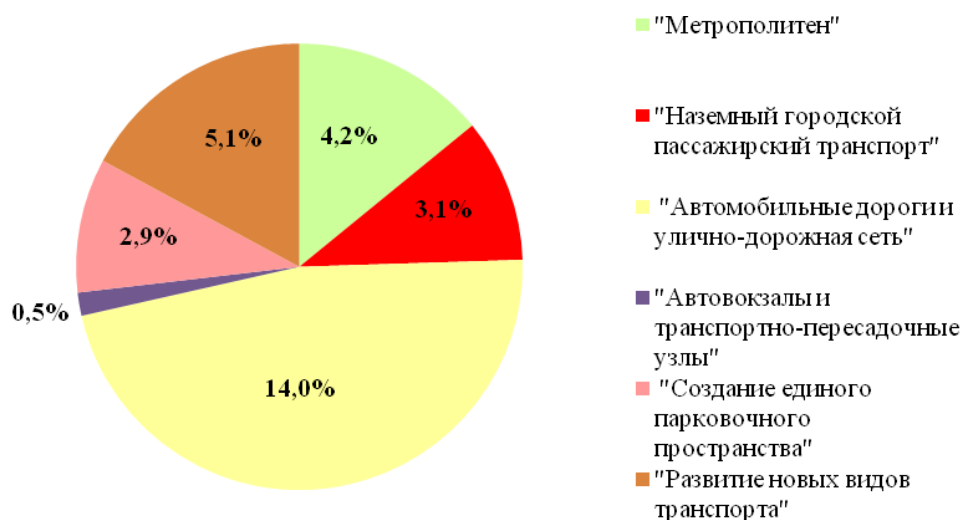

Рисунок 4.

Исполнение государственной программы «Развитие транспортной системы» в разрезе подпрограмм²

За период реализации государственной программы «Развитие транспортной системы» достигнуты существенные положительные изменения транспортной системы города Москвы, которые позволили повысить значимость общественного транспорта для жителей города Москвы, а также улучшить качество предоставляемых транспортных услуг.

В 2018 году объем финансирования за счет средств бюджета города Москвы по отношению к данным за 2012 год увеличился в два раза, или на 273 млрд. руб., за счет средств юридических и физических лиц – на 69 млрд. руб., или в 2,8 раза. Объем финансового обеспечения госпрограммы за счет средств федерального бюджета в период 2012–2018 годов сокращен на 32 млрд. руб., или на 75,7%.

При этом установлены отдельные нарушения порядка формирования госпрограммы и оценки её планируемой эффективности. Не всегда производится в полной мере корректировка программных мероприятий с учетом актуальности и финансовой обеспеченности. Соответственно затрудняется оценка достигнутых количественных и качественных результатов реализации программы³.

¹Официальный сайт Мэра Москвы. – <https://www.mos.ru/>

² Там же.

³ Бочков. С.П. Инвестиционные риски автотранспортных предприятий / С.П. Бочков // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2018. – № 3 (17). – С. 10.

Заключение

По итогам проведенного анализа финансового обеспечения государственной программы «Развитие транспортной системы» представляется целесообразным создание системы мониторинга за расходованием бюджетных средств по государственным программам, а также использования административных инструментов, позволяющих мобилизовать процесс пополнения доходной базы городского бюджета.

Кочуров Б.И.

д.геогр.н., профессор, Институт географии РАН

Ивашкина И.В.

к.геогр.н., зав. сектором НИ и ПИ Генплана Москвы

Ермакова Ю.И.

аспирант Института географии РАН

Фомина Н.В.

аспирант, Московский городской педагогический университет

Ермиенко А.В.

зам. декана, Московский государственный областной университет

ЭКОЛОГО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ БАЛАНС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕГАПОЛИСА МОСКВА КАК ЦЕНТРА КОНВЕРГЕНЦИИ¹

Ключевые слова: мегаполис, эколого-градостроительный баланс, конвергенция, урбоэкодиагностика, Москва.

Keywords: megapolis, ecological and urban balance, convergence, urban environmental diagnostics, Moscow.

Города и урбанизированные территории, где процессы интеграции и синтеза природных и социальных явлений сформировали сложные природно-хозяйственные системы – геоэкосоциосистемы, требуют новых подходов к их изучению [4, 5]. К сожалению, растущая значимость городов в полной мере еще не оценена. Зачастую используемые характеристики городов являются упрощенными и недостаточно достоверными, а многие возникающие проблемы урбанизации было бы справедливо приписать нашей неспособности охватить всю сложность экологических, градостроительных, технологических и социальных аспектов жизни в городе и, особенно, в крупнейших мегаполисах. Всё это свидетельствует о том, что города должны стать объектом пристального изучения специалистов различного профиля и о необходимости появления креативных направлений их изучения.

Разработанная нами урбоэкодиагностика – новое направление в исследовании городов, изучающее признаки состояния городской среды, методы и принципы экодиагноза (рис. 1) [4, 5]. Так как в урбоэкодиагностику входит разработка диагноза территории, то можно считать, что диагноз делится на ранний и поздний, предварительный и окончательный, экспертный и экспериментальный, полевой и лабораторный (рис. 2).

Рисунок 1.
Цели проведения урбоэкодиагностики

¹ Доклад, представленный на Межведомственный круглый стол по проблемам научно-технологического развития Москвы и Московской области. Статья подготовлена по теме Государственного задания № 0148-2019-0007 «Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования».

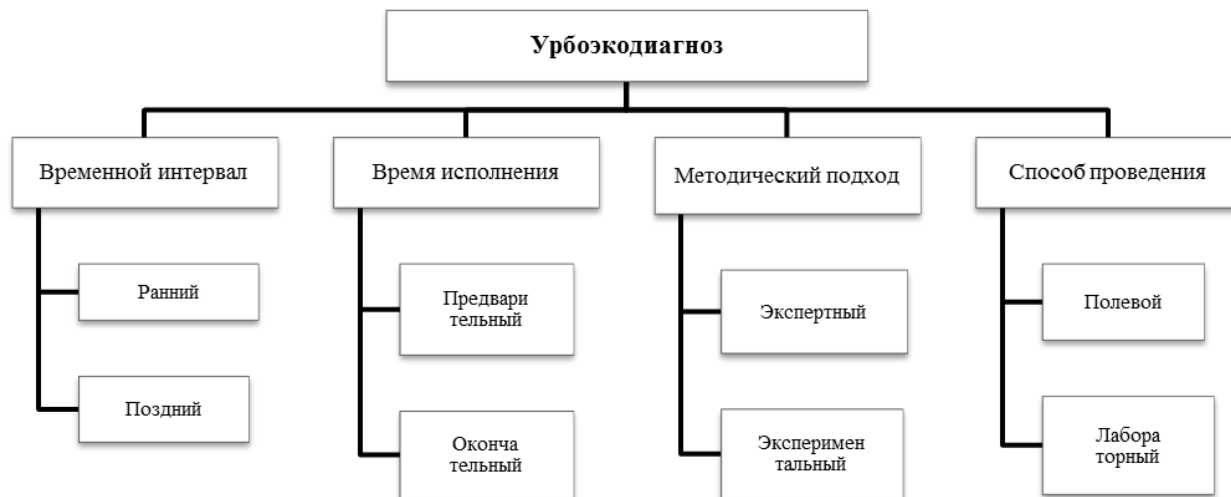

Рисунок 2.
Классификация урбоэкодиагноза

Последовательность действий (алгоритм) в урбоэкодиагностике следующий:

- анализ природных и антропогенных (городских) ландшафтов;
- выделение функциональных зон (виды использования земель);
- анализ состояния компонентов городских ландшафтов;
- выявление и оценка источников загрязнения;
- выявление ареалов проблемных ситуаций;
- комплексная геоэкологическая оценка территории;
- определение геоэкологических, природоохранных, санитарно-эпидемиологических ограничений градостроительного развития территории;
- определение системы геоэкологических требований и мероприятий, направленных на оптимизацию состояния окружающей среды и экологическую компенсацию нарушенных территорий;
- прогнозное состояние городской среды с учетом реализации мероприятий;
- анализ эффективности природоохранных и эколого-градостроительных мероприятий.

Благодаря урбоэкодиагностике на примере города Москвы были определены ареалы с различным качеством окружающей среды. Это позволило выделить соответствующие территории: зоны однородные по функциональному использованию и экологическому качеству, зоны градостроительных и экологических ограничений и подходящих регламентов освоения территории.

Установлено, что методические подходы урбоэкодиагностики зависят от цели исследования. Выделяются три принципиально разные цели проведения урбоэкодиагностики (рис. 1):

- для условий проживания населения;
- состояние и функционирование природных комплексов и экосистем;
- с точки зрения строительства и функционирования городской инфраструктуры.

Набор показателей для проведения урбоэкодиагностики территории для условий проживания населения совершенно иной, чем при оценке территории для условий строительства или функционирования городской инфраструктуры. В первом случае важны критерии качества среды, определяющие комфортность проживания населения, где основными являются показатели состояния атмосферного воздуха, микроклимат, акустический режим, обеспеченность территории зелеными насаждениями и близость природных и рекреационных объектов. Напротив, при оценке территории для условий строительства важны геоэкологические показатели: уровень залегания грунтовых вод, качества грунтов и их литологический состав, условия рельефа, показатели сейсмичности, а также наличие опасных инженерно-геологических процессов (карст, суффозия, эрозионные и оползневые процессы и т.п.) В случае высотного строительства особую актуальность приобретают исследования по аэродинамическим характеристикам среды.

Для условий функционирования природных комплексов и экосистем наиболее значимыми представляются показатели состояния атмосферного воздуха и почв.

Предлагаемые методические подходы урбоэкодиагностики и проведенные исследования сыграли важнейшую роль при подготовке материалов экологического сопровождения документов территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий, а именно при разработке генерального плана Москвы и других городов, правил землепользования и застройки, территориальных и отраслевых схем развития, проектов планировки территории (производственных зон, жилых районов, ООПТ и др.) На основе урбоэкодиагностики формируется дифференцированное отношение к разным типам городских территорий и строится современная эколого-градостроительная политика.

Эколого-градостроительный баланс. Анализ соотношения природно-ландшафтной дифференциации территории города и антропогенной нагрузки составляет основу разработанной концепции эколого-градостроительного баланса (рис. 3).

Рисунок 3.
Эколого-градостроительный баланс (ЭГБ)

Основным признаком поддержания эколого-градостроительного баланса территории является совершенствование планировки территории и создания новых градостроительных структур в соответствии с природно-ландшафтной дифференциацией территории.

Эколого-градостроительный баланс территории (ЭГБ) – сбалансированное соотношение различных видов градостроительной деятельности и интересов различных групп населения на территории с учетом потенциальных и реальных возможностей природной среды, его обеспечивает развивающаяся устойчивость города, то есть его способность осуществлять в полной мере экологические и социально-экономические функции без нанесения ущерба природным и освоенным ландшафтам, градостроительным и инфраструктурным объектам и при этом успешно не только противостоять, но и усиливать (наращивать) свою устойчивость к внутренним и внешним факторам [3].

Методические приемы комплексной экологической оценки, основанные на использовании природных выделов или административных единиц в качестве операционных объектов исследования (муниципальные районы Москвы, административные районы Московской области, речные бассейны), дают приблизительную характеристику экологического состояния территории, а использование бассейнового подхода позволяет получать очень укрупненные результаты оценки [5].

В связи с этим в качестве объекта исследования ЭГБ рассматривалась регулярная сетка (2×2 км). Для каждого квадрата по единой шкале нагрузок определялась степень антропогенной преобразованности земель городского ландшафта с использованием экспертных балльных оценок. Каждый вид земель с учетом его антропогенной трансформации получал соответствующий балл, после чего земли объединялись в однородные группы: от минимальной АП (земли природных комплексов) до максимальной – земли, занятые промышленностью и объектами транспортной инфраструктуры (табл. 1) (рис. 4, 5).

Таблица 1

Классификация городских земель по степени антропогенной преобразованности (АП)

Категория	Степень АП	Вид и категория земель
6	Высшая	Земли промышленных, коммунальных объектов, инженерно-транспортной инфраструктуры
5	Очень высокая	Земли городской застройки
4	Высокая	Коттеджная застройка, земли застройки сельского типа
3	Средняя	Парки, скверы, сады, рекреационные земли, кладбища, пашни, с/х земли, вырубки
2	Низкая	Небольшие по площади лесопарки, луга (площадь менее 5га)
1	Очень низкая	Леса, заказники, ООПТ

Степень антропогенной преобразованности оценивалась относительным коэффициентом антропогенной нагрузки (K_0) на территорию. Он вычисляется как отношение площади земель с высокой АП к площади земель с более низкой АП.

Для условий Московского региона при K_0 равном или близком к 1, напряженность эколого-градостроительного состояния территории сбалансирована по степени антропогенной преобразованности и потенциальной природной устойчивости территории:

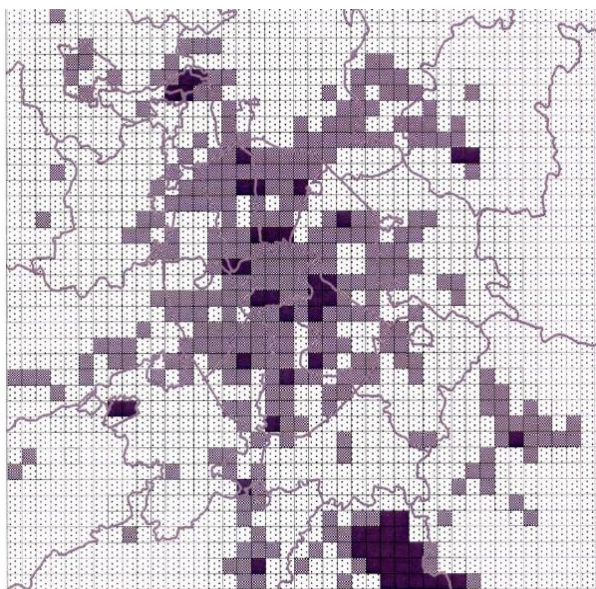
$$K_0 = \frac{АП_4 + АП_5 + АП_6}{АП_1 + АП_2 + АП_3}$$

Каждый квадрат сетки характеризуется своим специфическим соотношением земель, а те в свою очередь имеют различную степень антропогенной преобразованности.

Проведенные расчеты позволили не только оценить ЭГБ города, но и определить степень урбанизации территории. Результаты исследования направлены на совершенствование инструмента регулирования градостроительных процессов, связанных с определением экологически допустимой плотности расселения, рациональным соотношением производственных и жилых территорий с целью сбалансированного и экологически безопасного развития.

Москва стремительно, особенно в последние годы, развивается, образуя мегаполис с населением более 12 млн. человек. Локомотивами развития среди прочих стали: глобализация, потребительский бум, миграционные процессы, смена экономической и технологической парадигмы, ориентация на экологически безопасное «зеленое» развитие, экономика знаний.

Комплексное развитие территории Москвы, осуществляющееся в последние годы, можно представить как мегапроект, состоящий из отдельных беспрецедентных для своего времени по масштабу градостроительных проектов (транспорт, общественные пространства, социальные объекты, «Моя улица», программа реновации и т.п.).

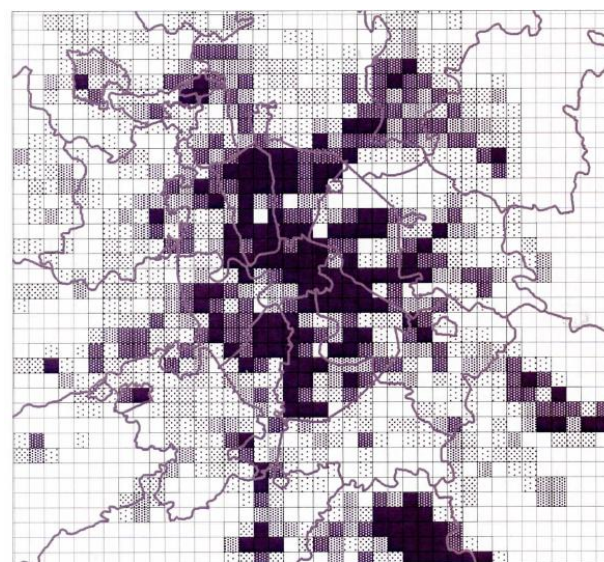

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- средоформирующие (Спр более 1,2)
- нейтральные (Спр 0,9-1,2)
- воздействующие (Спр менее 0,9)

Рисунок 4.

Типология городских функциональных комплексов по средоформирующим и воздействующим показателям

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

□ менее 0,3	■ 1 – 1,5
■ 0,3 – 0,6	■ 1,5 – 2,5
■ 0,6 – 1	■ более 2,5

Рисунок 5

Оценка интегральной антропогенной нагрузки в г. Москве

Мегапроект «Комплексное развитие Москвы» мы рассматриваем как своеобразную конвергенцию – сближение, взаимопроникновение разных форм и видов городской деятельности: градостроительство, архитектура, инновации, технологии, наука, образование и т.п., которые вывели мегаполис Москву на принципиально новый уровень роста, что может быть сравнимо с крупномасштабными планами ГОЭЛРО, формированием территориально-производственных комплексов (Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский, Тимано-Печорский и др. ТПК), которые открыли новую эру в развитии страны [3, 4, 5].

В чем смысл конвергенции мегаполиса Москва? На наш взгляд в комплексном сбалансированном развитии с переходом на природосовместимые технологии (город как урбодгеоэкосоциосистема или эколого-градостроительный комплекс) и с прицелом как ось конвергенции для всей страны.

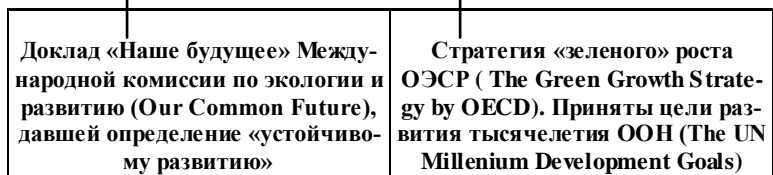
Стало очевидным, что требуется научное осмысление всего того, что было сделано в Москве, особенно за последние 5–7 лет, чтобы определить контуры развития мегаполиса на будущее.

Из истории урбанистики известно немало примеров масштабных градостроительных проектов (Иль-де-Франс, Куртиба, Берлин и др.), направленных на улучшение жилищных условий жизни населения и создания комфортной и открытой городской среды. Москва в этом случае не исключение. Она провозгласила главной целью развития – создание комфортной для проживания людей среды, что сопряжено с обоснованным и ответственным выбором целевых показателей.

Современные города в зависимости от природных, исторических, социально-экономических и других факторов определяют приоритеты своего развития (рис. 6 и 7). Совсем недавно еще приоритетной была концепция индустриального развития города, определяющего экономическое могущество государства. В дальнейшем такой город виделся как конкурентоспособный, экономически активный. Ухудшение экологической ситуации в индустриальных городах привело к концепции формирования «зеленых» городов, которые в условиях появления энергосберегающих, природосовместимых и экологически безопасных технологий и улучшения качества жизни населения стали стремиться к категории «умных» городов, городов для жизни, а также глобальных, устойчивых и туристически привлекательных городов.

В индустриальных городах ухудшение экологической ситуации сопровождалось развитием транспорта, роста мобильности населения, а также нехваткой квалифицированных кадров. Все это потребовало смены приоритетов развития, решения не только острых экологических проблем, но и унификации стандартов жизни и ведение бизнеса, повышение уровня жизни и благосостояния населения. Города начали улучшать свою планировку, доступ к услугам, а также наращивать общественные территории. Постепенно стали появляться «умные» города, где резко возросли инвестиции в новые технологии, что породило формирование стартапов.

Города	Приоритетные направления мегаполисов											
				РТ	СТ	ЖУ						
Туристически привлекательный город				РТ	СТ	ЖУ						
Устойчивый город				РТ	СТ	ЖУ						
Глобальный город				РТ	СТ	ЖУ	ЗТ				КН	
Город для жизни				РТ	СТ	ЖУ				ЗТ	КН	
Умный город				РТ	СТ	ЖУ				КН	ЗТ	
Зеленый город										ЗТ	КН	
Конкурентоспособный город				РТ	СТ	СН				КН	ЗТ	
Индустриальный город	ЭС	ДК	РТ	СТ	ЖУ	СН						
Годы	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2025

Условные обозначения: ЭС – ухудшение экологической ситуации; ДК – дефицит кадров; РТ – развитие транспорта, рост мобильности населения; СТ – унификация стандартов жизни и ведения бизнеса; ЖУ – повышение уровня жизни и благосостояния населения; КН – конкуренция за инвестиции и таланты; ЗТ – развитие «зеленых» технологий; СН – рост социального неравенства.

Рисунок 6.
Приоритетные направления городов (1970–2020 гг.) (по URBAN AGENDA, 2018, источник PwC, с исправлениями и добавлениями авторов)

Условные обозначения: КН – конвергенция науки, технологий, градостроительства, архитектуры, образования; ЭГС – эколого-градостроительные структуры; РР – реконструкция и реновация; ПР – перенос офисов и ТЦ из исторического ядра города; ОП – общественные пространства; ЗЗ – обустройство или создание зеленых зон; ПЗ – пешеходные зоны; КАК – каскадные архитектурные комплексы; РД – реконструкция или создание дорожной сети.

Рисунок 7.
Комплексный сбалансированный подход к развитию застроенных территорий городов

Умный город (Smart City) можно определить как город, в котором информация, полученная с цифровых устройств, используется для улучшения функционирования городской инфраструктуры в режиме реального времени. В данном случае информация носит явно конвергентный характер, так как способствует объединению органов управления, горожан, бизнес-сообщества с целью сотрудничества и развития.

Умный город – это не только автоматическое изменение режима работы светофора в соответствии с транспортными потоками. Это, прежде всего, продвинутые технологии. Например, в Сингапуре транспортные потоки регулируются согласно данным с проездных билетов общественного транспорта.

В Москве в рамках программы по реновации сделали ставку на разработку Smart-стандарта умного дома, что позволит интегрировать построенное жилье в пространство умного города. Предполагается цифровизация коммунальных систем жизнеобеспечения. Инженерные сети и оборудование интегрируются с информационными системами ресурсоснабжающих структур города. По утилизации мусора в проектах новых домов размещаются баки для отдельного сбора мусора и устанавливаются датчики контроля наполненности контейнеров с передачей информации в городской ГИС [1].

Таким образом, перед Москвой, успешно реализующей на протяжении последних лет конвергентность в виде трансформации индустриального города, неизбежно возникает задача: оставаться конкурентоспособным мегаполисом в постоянно меняющемся мире. И конкуренция мегаполиса перемещается в сферу борьбы за умный и счастливый город.

По мнению известного урбаниста Ричарда Флориды [2], современные города постепенно превращаются в пространство (инкубатор) инноваций, что требует привлечения громадных финансовых средств, которые могут быть получены частично за счет инвестиционной и туристической привлекательности городов.

Однако экологическая ситуация в Москве остается сложной и напряженной: это и выбросы автомобильного транспорта, и загрязнение среды противогололедными препаратами, и твердые коммунальные отходы [3, 4, 5]. Мэрией Москвы взят курс на создание экологического города, что потребует использования новых технологий в строительстве и экологически безопасных строительных материалов, развивающейся «зеленой» инфраструктуры, сортировки и утилизации мусора, новых энергетических систем и т.п.

Градостроительные подходы к застроенным территориям в границах Старой Москвы и территориям нового освоения Москвы различаются. В центре города преобладает экореконструкция: создание эколого-градостроительных структур, реконструкция и реновация, перенос офисов и торговых центров (ТЦ) из исторического ядра города, расширение общественных пространств, обустройство или создание зеленых зон, создание пешеходных зон, развитие каскадных архитектурных комплексов, реконструкция или создание дорожной сети.

В Новой Москве акцент делается на строительство новых дорог и их интеграцию общегородскую сеть, жилищное строительство и строительство офисов и ТЦ. Но одновременно надо создавать и обустраивать там, где нет, зеленые пешеходные зоны, общественные пространства и эколого-градостроительные структуры.

На сегодняшний день в мире существует не одна, а несколько концепций развития города, и современный город решает сам проблему выбора той или иной концепции развития. Как правило, проблема выбора – это очень трудная задача. Она должна отвечать, по крайней мере, двум условиям: достаточное обоснование и пройти экспериментальную проверку.

Безусловно, основной сутью конвергенции в Москве является конструирование городских ландшафтов и экосистем, приближенных к природным, где антропогенные процессы действуют по природным законам, и происходит сотворчество человека и природы

Список литературы

1. Мостренков А. Повод для инноваций // Строительная газета. 2018. – № 19 (10497), 18 мая. – С. 11.
2. Флорида Р. Новый кризис городов. – М.: Издательская группа «Точка», 2018. – 368 с.
3. Кочуров Б.И., Ивашкина И.В. Развивающаяся устойчивость: стратегия развития городов и регионов // Хартия Земли – практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию реализации принципов Хартии Земли в Республике Татарстан. 2016. – С. 25–28.
4. Ивашкина И.В., Кочуров Б.И. Урбоэкодиагностика и сбалансированное городское природопользование: перспективные научные направления в географии и геоэкологии // Экология урбанизированных территорий. 2011. – № 3. – С. 6–11.
5. Ивашкина И.В., Кочуров Б.И. Урбоэкодиагностика и сбалансированное развитие Москвы. – М., 2018. – 220 с.

Купрюшин А.П.

к.геогр.н., доцент кафедры региональной экономики и менеджмента, Воронежский институт экономики и социального управления
camerntonmagazin@mail.ru

Луговской А.М.

д.геогр.н., профессор кафедры экономической и социальной географии, Московский государственный областной университет
alug1961@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ¹

Ключевые слова: региональная экономика, территориальные кластеры.

Keywords: regional economy, territorial clusters.

Отечественные разработки взаимосвязанных комплексов отраслей производства на определенной территории получили свое развитие раньше, чем разработка теории кластеров в США в 80 годах XX века. Анализ кластерной политики связан с трудами М. Портера [6], обозначивший кластер как группу территориально связанных и взаимодействующих организаций, характеризующихся общностью деятельности и функционирующих в определенной отрасли. Производственный кластер способствует развитию экономики района, а кластеризация рассматривается как механизм преобразования региональных экономических систем. Характерными чертами кластеров являются:

1. Наличие конкурентоспособных предприятий с высоким уровнем производительности и долей экспорта продукции.
2. Конкурентные преимущества за счет ресурсов, высокого уровня инвестиций входящих в кластер предприятий [4].
3. Доминирование предприятий частного сектора в экономике с высоким уровнем специализации региона.
4. Территориальная близость и концентрация предприятий с их активным взаимодействием.
5. Ориентация на экспорт продукции территориального кластера с повышением его конкурентоспособности.
6. Конкуренция внутри кластера, побуждающая к совершенствованию деятельности, проведению научных исследований и инновационной деятельности.
7. Высокий уровень технической оснащенности и выпуск инновационной продукции.
8. Мобильность структуры и отсутствие барьеров для входа и выхода агентов из кластера.

При проведении кластерной политики обычно ликвидируются барьеры для инноваций, осуществляются инвестиции в человеческий капитал и в инфраструктуру, а также поддерживается географическая концентрация взаимосвязанных фирм с обеспечением налоговых льгот, кредитов и др. Кластеры и кластерная политика в целом становятся все более популярным подходом к развитию экономики, повышению ее конкурентоспособности и стимулированию инновационного развития как за рубежом, так и в РФ. Кластерный подход к организации экономики изначально упоминался в трудах Й. Шумпетера и А. Маршалла. Ими отмечается, что за счёт внутрорегиональных агломераций в кластере снижаются транзакционные издержки (затраты на переговоры и обработки информации, принятия решений и др.) [3, 5]. Кроме того, происходит переход инноваций от одной фирмы к другой, что способствует росту в кластере производительности в целом, а затем и развитию региона, где располагается данный кластер.

Кластерный подход перспективен для России, формирование и развитие территориальных кластеров способствует повышению эффективности региональных экономик и экономики страны в целом. Во многих промышленно развитых регионах России продвижение территориальных кластеров является основой промышленной политики. Например, большим опытом в применении инструментов кластеризации обладают Самарская, Калужская, Пермский край, Томская области, Республика Татарстан и др. [7].

Развитие территориальных кластеров может решить сразу несколько значимых задач в регионе. Во-первых, обеспечиваются новые рабочие места и создаются инновационные продукты. Происходит экономическое развитие района благодаря повышению производительности труда, координации деятельности по использованию факторов производства и доступу к информации. Стоит отметить, что происходит и широкое распространение инноваций.

Зарубежный опыт также демонстрирует преимущества кластерного подхода для решения задач, направленных на развитие и подъем экономики отдельных отраслей и регионов. К примеру, в Скандинавии полностью кластеризир-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00203 «Эффективное импортозамещение и рациональное природопользование как основа экономико-экологической безопасности».

рована промышленность, а в США более половины предприятий работают на основе кластерного подхода производства. Находясь в конкретном регионе, кластеры максимально используют его природные, кадровые и другие ресурсы.

Примерами территориальных кластеров являются:

1. Туристский кластер Северо-Кавказского ФО, включающий Краснодарский край, Дагестан, Ингушетию, Адыгею.

2. Кластер «Cosmetic Valley» во Франции, объединяющий 600 предприятий и являющийся лидером в области производства косметики во всем мире.

3. Кластер «Кремниевая долина» в США, который является родиной всемирно известных компаний Intel, eBay, Apple, Yahoo! и др.

Правительство РФ активно поддерживает развитие кластерной политики на территории России, финансируя из федерального бюджета такие региональные проекты. Например, 6 марта 2013 г. постановлением Правительства РФ были утверждены Правила распределения и предоставления субсидий субъектам РФ на проведение мероприятий и осуществление программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров.

Несмотря на активное развитие кластерной политики в РФ, в ее реализации на практике преобладает формальный подход, а содержание такой политики зачастую недостаточно осмысливается, что может объясняться следующими причинами. Инициаторы проведения кластерной политики в России – это представители власти, которые призваны создать условия для ее реализации на всех уровнях территориального управления. Кроме того, из федерального бюджета выделяются средства конкретной территории или отрасли, при этом не финансируются межрегиональные кластеры, развитие которых весьма актуально.

В условиях России для проведения эффективной кластерной политики требуется более активное участие местных органов. Кроме того, недостаточная развитость малого бизнеса и относительно плохие инфраструктурные и организационные условия во многих регионах страны также влияют на проведение качественной кластерной политики.

Если кластер работает в сфере науки и образования, то это может способствовать улучшению таких показателей, как качество обучения, трудоустройство студентов по специальности, возможность практического применения научных разработок и др. В секторе производства товаров и услуг образование кластеров может обеспечить снижение издержек производства благодаря эффективной реализации инвестиционных проектов и росту уровня квалификации работников. В результате создания кластеров может увеличиться занятость населения, повыситься уровень доходов. Развитие кластеров может способствовать притоку инвестиций в регион и развитию финансовой инфраструктуры.

Кластеризация способствует формированию инфраструктуры территории и развитию общественного согласия посредством формирования экономического и социального взаимодействия. Создание кластеров на территориях, лишенных промышленности и имеющих слабо развитое сельскохозяйственное производство, целесообразно начинать с создания туристско-рекреационных кластеров.

Список литературы

1. Абакшин В.Л., Гохберг Л.М., Шадрин А.Е. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации: доклад. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 108 с.
2. Адамова К.З. Проблемы реализации кластерной политики в России // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. – № 4–1. – С. 32–36.
3. Заушицына Л.Л. Система управления инновационными территориальными кластерами в России // Экономика и предпринимательство. 2014. – № 11–4. – С. 308–310.
4. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации / Отв. за выпуск В.Я. Стрельцов. – М.: Издание Совета Федерации, 2008.
5. Кулакова Л.И. Кластерный подход – основа эффективного развития регионов // Российское предпринимательство. – М., 2013. – № 22 (244). – С. 121–130.
6. Нуреев Р.М. Курс микроэкономики: учебник. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. – 624 с.
7. Шалмина Г.Г. Территориальные кластеры России (История, проблемы, решения) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2008. – № 1. – С. 82–92.
8. Луговской АМ, Межова Л.А. Экономическая оценка потенциала при формировании кластерно-логистической структуры туристско-рекреационной системы // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса / Социально-экономические исследования в туризме в России и за рубежом. 2014. – Т. 8, № 3. – С. 4–8.

Курбанов К.К.

к.э.н., в.н.с. ИСЭИ ДНЦ РАН
kkurbanov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАСТЕРОВ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК

Ключевые слова: кластерный подход, региональный АПК, сбалансированность, кластерные технологии, инвестиционная привлекательность, структура производства, специализация.

Keywords: cluster approach, regional agriculture, balance, cluster technologies, investment attractiveness, production structure, specialization.

В современных условиях хозяйствования инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве недостаточны для интенсификации производства и его динамичного развития. Аграрная сфера характеризуется низкой инвестиционной привлекательностью. Сдерживающими факторами являются долгосрочный характер инвестирования, отсутствие полноценной конкурентной среды, наличие альтернативных вариантов вложений финансовых ресурсов в привлекательные отрасли. Анализ структуры инвестиций в основной капитал свидетельствует, что за последние годы эта структура практически не изменилась: доля инвестиций в сельское хозяйство сравнительно мала и значительно уступает другим отраслям. Изменить ситуацию могут кластерные технологии. Их использование придаст не только положительную динамику АПК, но и импульс развитию всей экономической системы с учетом национальных приоритетов и социальной ответственности [4,5].

Кластеры активизируют предпринимательство, так как высокая степень специализации стимулирует создание новых фирм, ориентированных на определенную рыночную нишу, и за счет преобладания горизонтальных интегрированных связей снижает барьеры «входа» новых участников в кластерные образования. Экономическая устойчивость организаций, входящих в кластер, достигается за счет доступа к ресурсам, трансферта знаний и технологий, партнерских отношений, формирования особой конфигурации прав собственности на различные объекты, обеспечивающей более эффективное их использование. В свою очередь, повышение устойчивости хозяйствующих субъектов регионального АПК создает основу для его общей положительной динамики. Увеличиваются налоговые поступления в бюджеты разных уровней, улучшается материально-техническая база, повышается инвестиционная привлекательность региона. Следует отметить и значение комплексного знания, полученного за счет соединения в кластере фундаментальной науки, НИОКР, производства, сбыта и реализации готовой продукции. При кластерном подходе повышается эффективность взаимодействия технологически связанных организаций, возникают партнерские отношения между бизнесом, государством, торговыми ассоциативными структурами, исследовательскими и образовательными учреждениями [4, 5].

Осознание необходимости инновационного развития АПК, стремление обеспечить сбалансированность региональной экономической системы на основе восстановления производственно-хозяйственных связей, максимизировать использование экономического потенциала территорий активизируют усилия местных властей по формированию разного вида региональных агропромышленных кластеров. В этой связи все более актуальным становятся вопросы региональной специализации и кооперации, поиска конкурентных преимуществ субъектов Федерации.

Рассматривая производство продукции по категориям хозяйств в АПК Республики Дагестан, можно отметить, что большая часть произведенной продукции как в начале 2017 года, так и в конце принадлежит хозяйствам населения (79,3 и 72,5% соответственно), однако прослеживается тенденция стабильного уменьшения производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах в пользу роста производства в сельскохозяйственных организациях (10,2 и 14,1%) и крестьянских фермерских хозяйствах (10,5 и 13,4% соответственно).

В структуре производства основных видов сельхозпродукции незначительно выросло производство зерна в сельхозорганизациях и КФХ (32 и 25% соответственно). Производство картофеля в подавляющем объеме (96–98%) находится в хозяйствах населения, так же как и овощей (95–97%), плодов и ягод (88–98%). Производство винограда приблизительно одинаково в сельхозорганизациях и хозяйствах населения (46–48%). В производстве продуктов животноводства напротив доля хозяйств населения неуклонно падает (с 77,8 до 58,5%), и растет в сельхозорганизациях (почти в 3 раза) и КФХ (с 14 до 19,7%). Производство яиц стабильно и существенно растет в КФХ (в 4 раза) и немного уменьшается в сельхозорганизациях и ЛПХ населения (на 23 и 10% соответственно). В производстве шерсти также уверенно растет доля КФХ (рост в два раза) и незначительно сельхозорганизаций (16%), в то время как в ЛПХ наблюдается стабильный спад (на 40%) [2].

Вся посевная площадь во всех категориях хозяйств в РД за 2017 г. увеличилась на 35% под все виды возделываемых культур, в том числе и кормовые. При этом в 2 раза сократилась площадь чистых паров. В структуре посевных площадей 35% приходится в 2017 г на сельхозорганизации, 52% – на ЛПХ населения, и 13% на КФХ.

Валовые сборы основных сельхозкультур за рассмотренный период стабильно увеличивались и рост с 2010 по 2017 г. составил: зерно на 90%, подсолнечник в 2,5 раза, картофель на 28%, овощи на 49%, плоды и ягоды – на 56%, виноград – на 32%. При этом рост валовых сборов произошел не только из-за расширения посевных площадей, но и в результате повышения урожайности, что наблюдается по всем перечисленным культурам. Показатели валового сбора в разрезе зерновых и зернобобовых культур показывают рост пшеницы, ячменя, проса, риса (в 2,6 раза, 77%, в 2,6 раза соответственно) при росте урожайности за период. По таким культурам как рожь, овес, кукуруза на зерно показатели за период практически оставались на одном уровне.

Поголовье скота во всех категориях хозяйств до 2016 года стабильно увеличивалось, в 2017 году намечилось небольшое уменьшение поголовья КРС и овец и коз (1%). По категориям хозяйств в поголовье КРС ведущая роль принадлежит хозяйствам населения (76%), далее КФХ (13%). Овцы и козы преобладают в КФХ (45%), сельхозорганизациях (30%).

В производстве основных продуктов животноводства наблюдался стабильный рост скота и птицы (на 64%), молоко (на 47%), яйца (на 20%) шерсть (на 13,6%). При этом продуктивность животных также имела стабильный рост [2].

Анализ структуры обрабатывающих производств экономики регионов СКФО позволяет утверждать, что агропромышленный комплекс производит преимущественно продукцию невысоких переделов. В то время как в Российской Федерации суммарный среднедушевой объем производства отраслей переработки сельскохозяйственного сырья превосходит среднедушевой объем производства продукции сельского хозяйства, в среднем по регионам экономические результаты отраслей пищевой и легкой промышленности в расчете на одного жителя с учетом входящей в цену созданной добавленной стоимости отстают от экономических результатов сельского хозяйства.

Самый низкий уровень развития отраслей по переработке сельскохозяйственной продукции отмечается в экономике Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Чеченской Республики. При этом по результатам исследований, данные отрасли промышленности развиваются далеко не всегда на основе переработки местного сырья, что усиливает их технологическую оторванность от сельскохозяйственного производства [8].

Регионы СКФО в силу своих природных и других потенциальных возможностей должны занять свое место в решении продовольственной проблемы по объемным, качественным и ценовым показателям. Республика Дагестан как один из крупнейших регионов Северного Кавказа с развитым сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью занимает особое место в обеспечении продовольственной безопасности страны. В Республике Дагестан разработана модель развития виноградарства и виноделия – создание вино-коньячного кластера, являющегося наиболее эффективной формой экономического управления виноградо-винодельческим подкомплексом АПК с привлечением крупных производителей алкогольной продукции (инвесторов), таких как ОАО «Дербентский коньячный комбинат», ОАО «Дербентский завод игристых вин», ГУП «Кизлярский коньячный завод», ЗАО ВКЗ «Избербашский», ОАО «Махачкалинский винзавод» и др. Разработана «дорожная карта» по определению земель, благоприятных для закладки виноградников в разрезе муниципальных образований Республики Дагестан [4, 5].

Несомненно, кластерные технологии нельзя рассматривать как главное средство в решении обозначенных проблем. Эти проблемы носят глубокий и системный характер. Существенным шагом в повышении инвестиционной привлекательности и стимулировании социально-экономического развития регионов Северо-Кавказского федерального округа, его инновационного развития может стать реализация кластерного подхода на региональном уровне, путем создания интегрированных агропромышленных кластеров. Такое значимое увеличение масштабов объектов, привлекаемых с точки зрения инвестирования, позволит качественно улучшить инвестиционный климат регионов. В то же время необходимо отдавать отчет в том, что развитие регионов путем увеличения масштабов кластерных производств должно происходить с учетом территориальных особенностей. Создание кластеров должно опираться на всестороннюю оценку конкурентных преимуществ региона, его природно-климатических условий, сложившуюся структуру производства и специализацию в агропромышленных связях.

Список литературы

1. Балиянц К.М., Дохолян С.В., Эминова Э.М., Рамазанова С.С. Ресурсный потенциал региона как фактор формирования продуктовых подкомплексов в аграрно-промышленном комплексе Северо-Кавказского федерального округа // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. – Т. 5, № 9. – С. 45–54.
2. Дагестан в цифрах. Краткий статистический сборник ТО ФСГС по Республике Дагестан. 2018.
3. Курбанов К.К. Агропроизводство Республики Дагестан // Экономика сельского хозяйства России. 2010. – № 10. – С. 39.
4. Курбанов К.К. Агропромышленный кластер как эффективный инструмент регионального маркетинга // Вопросы структуризации экономики. 2014. – № 2. – С. 21–22.
5. Курбанов К.К. Кластер как эффективная форма инновационного развития региона // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики: сборник материалов региональной научно-практической конференции. Махачкала, 28 апреля 2014 г. / ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова. 2014. – С. 77–80.
6. Курбанов К.К., Муртилов Н.А. Методические аспекты формирования региональной специализации АПК РД // Вопросы структуризации экономики. 2003. – № 4. – С. 43–49.
7. Липина С.А. Республики Северного Кавказа: приоритеты развития агропромышленного комплекса. – М.: ЛКИ. 2008. – 248 с.
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m_sraMi/26-30-1.htm
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 1326 с.

Ланина Е.Е.

к.филос.н., проректор по учебно-методической работе, Университет при МПА ЕврАзЭС

РЕКЛАМНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ И КОМФОРТНОСТЬ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Ключевые слова: Россия, регионы, город, комфортная среда, рекламная деятельность.

В XXI веке население евразийского континента, в отличие от предыдущих эпох, оседает преимущественно в городах и городских поселениях, уходя из сельских местностей прежнего проживания. Изменение пространственной среды оказывает сильное влияние на формы хозяйствования человека, на его самоощущение, способы жизнедеятельности, развитие данных ему природой способностей. Городская среда различных поселений формируется по-разному и, вследствие этого, оказывает различное по силе воздействие на человеческую личность.

В 2017 году в России стартовал первый проект «ЖКХ и городская среда», по которому планируется сделать города России уютнее, красивее и удобнее. Проект включает три основных направления: 1) качественное содержание города; 2) благоустройство дворов; 3) создание и благоустройство общественных пространств¹. Этому проекту предшествовала программа под названием «Формирование комфортной городской среды», обозначавшая основные направления действий, которые планировалось предпринять в ближайшем будущем². При её осуществлении предполагали добиться высокого уровня вовлечённости городских жителей в процесс выбора проектов улучшения городской среды. Для этого считалось необходимым установить баланс отношений по принципу «треугольника»: городские власти – экспертное сообщество – горожане, включая представителей бизнеса, способных осуществлять реальный вклад в развитие городских структур³. Пока ещё рано говорить о результатах изменений в инфраструктуре российских городов, поскольку осуществление программы только начинается, но есть надежда на положительные результаты подобной деятельности.

Основанием для такой оценки могут являться оптимистические статистические данные, характеризующие зарубежный опыт формирования комфортной городской среды, а также отечественные отчётные данные. Например, в докладе управляющей компании Central Park Conservancy содержится утверждение, что центральный парк Нью-Йорка стал причиной роста рыночной стоимости близлежащей недвижимости на 11,5 млрд. долларов. В дополнение к этому, расположенные в данной общественной зоне коммерческие объекты дали дополнительные налоговые поступления до 400 млн. долларов в год⁴. В реализации приоритетной программы «Формирование комфортной городской среды» отмечены определённые достижения. Так, за 2017 год приведено в порядок более 19 тысяч дворов, 2700 парков, из которых 220 парков – в малых городах. По словам Министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ В.В. Якушева, в 2018 году в рамках данной программы благоустроено 22 тысячи объектов⁵. Имеются основания утверждать, что появление новых общественных пространств даёт не только финансовый результат, но и становится фактором культурного оздоровления городской атмосферы, включая и её декриминализацию. Таким образом, можно сделать вывод, что подобный тренд в государственной политике предполагает серьёзную социальную реформу российских городов.

Для обеспечения экспертной поддержки по вопросам формирования и реализации государственной политики в сфере создания комфортной городской среды Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ создало Экспертный совет по формированию комфортной городской среды. 29 ноября 2017 года состоялось его первое заседание. Этот совет определён как основная экспертная площадка по вопросам формирования городской среды. Его главными задачами названы: участие в разработке нормативных документов, регулирующих вопросы формирования комфортной городской среды; разработка методических рекомендаций по вопросам городского развития; экспертная оценка эффективности предлагаемых решений.

Необходимо отметить, что общественное пространство включает в себя не только детские площадки, парки, скверы и элементы декоративного оформления подобного пространства. Обычно общественные пространства воспринимают как такую часть городской среды, которая постоянно и бесплатно доступна для населения. Чаще всего под общественными понимаются места, где происходит городская общественная жизнь: площади, набережные, улицы, пешеходные зоны, парки. Можно сказать, что общественные пространства формируют единую городскую среду, го-

¹ Проект «Комфортная городская среда». – <http://gorodsreda.ru/gorodskaya-sreda/>

² Формирование комфортной городской среды. – http://gorodsreda.ru/upload/files/1._A.V._CHibis_-_Formirovanie_komfortnoi_gorodskoi_sredy.pdf

³ Костин В. Федеральная программа «Формирование комфортной городской среды»: взгляд проектировщика». – <https://ardexpert.ru/article/9578>

⁴ Там же.

⁵ Мамонов Е. Любимый город может быть красивым. Что даст городам России программа развития комфортной среды. – <https://rg.ru/2019/03/13/chto-dast-gorodam-rossii-programma-razvitiia-komfortnoj-sredy.html>

родской контекст. Городские жители именно здесь реализуют возможности совместного проведения досуга, общения, реализации творческих идей и т.д. Успешные города мира имеют развитую систему общественных пространств¹.

Официальное толкование понятия «общественное пространство» можно найти в законе г. Москвы, где общественные пространства определяются как свободные от транспорта территории общего пользования, в том числе пешеходные зоны, площади, улицы, скверы, бульвары, а также наземные, подземные, надземные части зданий и сооружений (галереи, пассажи, атриумы и другие), специально предназначенные для использования неограниченным кругом лиц в целях досуга, проведения массовых мероприятий, организации пешеходных потоков на территориях объектов массового посещения общественного, делового назначения, объектов пассажирского транспорта². Исходя из такого определения, мы и предлагаем включить рекламные обращения в число характеристик городской среды и её комфортности.

С целью существенного улучшения качества социальной и культурной жизни больших и малых поселений намечены существенные изменения общественной атмосферы российских городов. Как и другие сферы жизнедеятельности человека, современные общественные пространства не могут формироваться без использования новых материалов и технологий. Они способны обеспечить не только актуальную эстетику и комфорт; их применение оказывается рационально с экономической точки зрения. Многие из новых материалов приносят выгоду тем, кто их использует. Так, например, радикально экономичнее по потреблению электроэнергии светодиодное освещение. Более безопасны и долговечны мачты освещения, ограждения, мосты и переходы, мелкие архитектурные формы из композитных материалов, к тому же их легче устанавливать, не надо красить, дешевле обслуживать. И здесь нельзя не привлечь внимание к рекламным обращениям в виде билбордов, афиш, вывесок и т.п. объектов визуальной информации, которые переполнили придорожные территории, улицы городов, стены домов и даже проникают в квартиры.

Потребность в наличии комфортной среды обитания сегодня обострилась, и рекламные обращения, которыми «оформлены» улицы городов не только России, но и других евразийских государств, нельзя не проанализировать. Ведь комфорт создаётся не только физической чистотой и удобствами, уютная городская среда должна быть корректно решена архитектурно, колористически и композиционно, она оказывает воздействие на психику человека и внешним видом, и содержанием рекламных обращений, которые остались вне поля зрения и внимания составителей проектов и федеральных программ.

Рекламное обращение, безусловно, является центральным элементом всего процесса рекламного воздействия на потребителя. Именно рекламное обращение представляет коммуникатора его целевой аудитории (потенциальных потребителей). В рекламном обращении фокусируется большинство элементов рекламной коммуникации, в том числе – идея коммуникации и используемые коды, которые способствуют восприятию этой идеи получателем обращения. Во многих учебных пособиях рекламное обращение определяют как элемент рекламной коммуникации, являющийся непосредственным носителем информационного и эмоционального воздействия, оказываемого коммуникатором на получателя. Такое послание имеет конкретную форму (текстовую, визуальную, символическую и т.д.) и поступает к адресату с помощью конкретного канала коммуникации.

Мы полагаем необходимым обратить внимание на психологическое воздействие городской среды на обитателей городов и городских поселений, поскольку современный человек испытывает потребность не только в физическом, но, прежде всего, в психологическом комфорте и уюте.

Обычно выделяют такие основные уровни психологического воздействия рекламы, как: а) когнитивный (передача информации, сообщения); б) аффективный (эмоциональный аспект, формирование отношения); в) суггестивный (внушение); г) конативный (определение поведения). Исследователи рекламы как социального явления обращают внимание на то, что в психологическом воздействии рекламных посланий следует учитывать использование как осознаваемых психологических элементов, так и элементов бессознательного. Рекламистам известно, что определенная часть рекламного послания может усваиваться адресатом, минуя сферу активного мышления. Результатом внушения может быть убежденность, получаемая без логических доказательств. Необходимо отметить, что внушение возможно, во-первых, в том случае, если оно соответствует потребностям и интересам адресата, и, во-вторых, если в качестве источника информации может быть использован человек, обладающий высоким авторитетом и пользующийся безусловным доверием. Внушение будет иметь больший эффект опять-таки при многократной повторяемости рекламного обращения, в нашем случае, от количества тех же билбордов и афиш в общественном пространстве.

Разработку рекламного обращения, по мнению многих авторов, можно рассматривать как своего рода искусство. Говоря о форме, следует всегда иметь в виду, что в искусстве есть свои законы: например, правила построения композиции, перспективы и т. п. У рекламных продуктов также имеются основные закономерности при выборе формы рекламного обращения. Она должна в максимальной степени способствовать достижению рекламных и маркетинговых целей коммуникатора, т.е. ей надлежит быть наиболее понятной и приемлемой для целевой аудитории, иметь верный тон обращения. Отмечают, что спектр возможных оттенков тона обращения чрезвычайно широк: от жесткого и сухого, когда надо «расторгнуть» получателя, до мягкого и доверительного, когда надо добиться доверия адресата. Часто имеют место обращения приятельского, иногда даже панибратского характера. Тон обращения может быть также шутливым, ироничным, патетичным и т.д. Однако слишком часто имеются рекламные продукты, в которых тон

¹ Общественные пространства. – <http://estp-blog.ru/encyclopedia/13956/>

² Официальная терминология, Общественные пространства. – https://official.academic.ru/14693/Общественные_пространства.
Источник: Закон г. Москвы от 27.04.2005 «О генеральном плане города Москвы (основные направления градостроительного развития города Москвы)» – п. 14.

обращения является высокомерным и даже откровенно хамским. Так, на улицах Петербурга довольно долго висели рекламные доски, в текстовой части которых некая бабушка, мягко говоря, «укорялась» за то, что поставила сковородку на планшет. Подобная реклама не только оскорбляла «бабушек», но и усиливала напряженность в межпоколенных отношениях, что никак не способствовало комфортности городской среды. Чтобы среда становилась уютной и психологически удобной, рекламные обращения должны создавать атмосферу взаимоуважения, искренности, доброты и желательности. Отметим, что именно такие рекламные обращения оказываются наиболее эффективными.

Большое значение в восприятии рекламного обращения имеет его цветовое решение. Цветная реклама привлекает внимание быстрее и надежнее, чем черно-белая. При этом лучше всего воспринимаются черные буквы на желтом фоне, зеленые и красные – на белом. Черные буквы на белом фоне занимают лишь шестое место в данном ранжировании. Рекламисты используют опыт художественной деятельности человека и результаты психологических исследований, которыми установлено, что все цвета подразделяются на теплые и холодные (красный цвет вызывает ощущение тепла; синий и голубой – холода или прохлады). Цветовые сочетания являются причиной возникновения той или иной эмоции у зрителя. Так, сочетание оранжевого и черного цветов лучше и раньше замечается человеком, но вызывает подсознательное чувство тревоги. Голубой и зеленый цвета ассоциируются со спокойствием.

Стремление некоторых рекламистов любыми средствами сделать эффективным воздействие рекламы привело к тому, что в последнее время все более актуальной становится проблема психологической защиты от воздействия рекламы. Причем отдельные рекламные послания представляют опасность не только для нравственного, но и психического здоровья окружающих. В некоторых наиболее экстремальных случаях последствиями воздействия рекламы могут стать такие психические патологии, как психофизиологическая дезадаптация и мета-невроз.

Обратим внимание на мотивы рекламных посланий. Чаще всего психологи оценивают мотив как внутреннее психологическое состояние, движущее личность. Они выделяют три большие группы используемых в рекламных обращениях мотивов: 1) рациональные; 2) эмоциональные; 3) социальные (нравственные). Среди мотивов первой группы преобладает мотив прибыльности (экономический). Эмоциональные мотивы в рекламе «играют» на желании получателей избавиться от отрицательных и добиться положительных эмоций. Отметим, что Международный кодекс рекламной практики серьезно ограничивает использование мотива страха в социальной рекламе. Но зато широко применяется мотив значимости и самореализации, основывающийся на естественном желании человека найти признание в своем окружении, повысить свой социальный статус, создать собственный влиятельный имидж и т. п. Исследователи особо отмечают, что в российской рекламе достаточно редко используется мотив национальной гордости и патриотизма. Зато достаточно часто, но не всегда к месту рекламисты обращаются к мотиву сексуальной привлекательности. Безусловно, здесь определяющую роль играет выгодность рекламирования. В качестве примера чаще всего приводят опыт Келвина Кляйна, который одним из первых понял, что умеренная сексуальная скандальность приносит больше доходов, чем огромные затраты на прямую рекламу. Для подачи информации в оптимистичных тонах применяется мотив радости и юмора. Однако необходимо провести сравнение, в каких пропорциях происходит использование различных мотивов и как это влияет на общественную атмосферу.

Наибольший интерес вызывает мотивация социальной рекламы, в которой нравственные и социальные мотивы эксплуатируют стремление к справедливости и порядочности. Достаточно часто в рекламных обращениях подчеркивается необходимость решения таких острых социальных проблем, как защита окружающей среды, охрана правопорядка и т. п. А эти проблемы также связаны с формированием комфортной городской среды. Особое место в рекламной продукции занимает мотив порядочности, основывающийся на базовых – традиционных моральных ценностях (честность, доброта, чистоплотность и др.). Темой подобного рекламного обращения может стать, например, поддержание чистоты в городе, что входит в обеспечение благоустройства городского пространства.

Напомним, что рекламисты активно используют в процессе разработки рекламных обращений технологию нейролингвистического программирования. Естественно, возникает вопрос, что же программируют рекламные обращения. Главное открытие нейролингвистического программирования заключается в исходном положении: опыт человека состоит из зрительных образов, звуков и ощущений. Тот факт, что 80% людей являются визуалами, т. е. воспринимают и организуют свой опыт и мышление в основном с помощью зрительных образов, определяет важность корректного исполнения рекламной продукции с учетом возможных последствий влияния на потребителей.

Формированию и поддержанию интереса к рекламе способствует эмоциональная комфортность самого сосредоточения внимания. Если сам факт привлечения внимания вызывает положительные эмоции, интерес неизбежно возникает. Поэтому реклама должна способствовать созданию положительных эмоций, должна приносить не только эмоциональное, но и психологическое раскрепощение. Именно с учетом знания этих психологических механизмов строится один из важных постулатов рекламы: не столько предлагать хороший товар, сколько внушать с его помощью хорошее настроение, потому что при положительных эмоциях и при воодушевлении люди легче расстаются с собственными деньгами.

Реклама прошла долгий и сложный путь эволюции. Начав свою историю еще в древнем мире, реклама все время своего существования удовлетворяла специфические потребности человека в общественных коммуникациях. Реклама является постоянным спутником человека, каждодневно и массированно воздействует на него. Следствием этого стала та важнейшая роль, которую играет реклама в жизни постиндустриального информационного общества. Эта роль уже давно не ограничивается рамками коммерческих коммуникаций и даже всей рыночной деятельности. Особенно велико значение рекламы в областях экономики и общественной жизни. Нельзя также не отметить ее значительную образовательную и эстетическую роль.

Трудно переоценить общественное значение рекламы. Рекламные продукты стали частью социальной среды, которая участвует в становлении определенных стандартов мышления и социального поведения различных слоев на-

селения в каждой стране и во всем мире. У. Черчилль сказал по этому поводу следующее: «Реклама... порождает потребности в более высоком уровне жизни. Она ставит перед человеком цель обеспечить себя и свою семью лучшим жилищем, лучшей одеждой, лучшей пищей. Она стимулирует его усердие и производительность. Она объединяет в плодотворный брачный союз такие вещи, которые в других обстоятельствах просто не сошлись бы друг с другом»¹.

В современном обществе инструментарий рекламы все чаще используется для решения острых социальных проблем. Широкое применение в этом плане получила социальная реклама. Она выходит за рамки экономических задач и направлена на достижение более гармоничных отношений в обществе; популяризацию здорового образа жизни; на поддержку незащищенных слоев населения; на борьбу с бедностью, преступностью, загрязнением окружающей среды; на популяризацию многочисленных общественных организаций и фондов и многие другие не менее важные цели.

Нельзя не отметить значительную образовательную роль рекламы. В процессе внедрения новых прогрессивных товаров и технологий она способствует распространению знаний из различных сфер человеческой деятельности, прививает потребителям определенные практические навыки. Из рекламы ее получатели могут извлечь разнообразную информацию. Реклама воздействует на формирование ценностей и образ жизни человека. Своей деятельностью реклама усиливает тенденцию возрастания роли материальных интересов в жизни человека. И именно эти материальные ценности позволяют достичь новых возможностей, иных целей.

В процессе создания комфортной городской среды количество и содержание рекламных посланий нельзя не принимать во внимание. Справедливые нарекания у получателей рекламных обращений вызывают откровенная безвкусица в выборе формы и средств передачи рекламной идеи; в отдельных случаях пренебрежительное отношение ко всей аудитории или к конкретной ее части; не всегда оправданные целями рекламы эротические сцены и т.п. Выполненные на высоком профессиональном и художественном уровне рекламные послания способствуют формированию у аудитории чувства прекрасного, воспитывают у нее хороший вкус. Вследствие воздействия на психологию человека рекламная продукция принимает активное участие в формировании психологических установок человека, системы его оценки окружающей среды, характера реакций на различные раздражители и т.п. В этой связи вполне оправданно выделение психологической роли рекламы. Но подчеркнем, что отрицательное влияние непрофессиональной, некорректной рекламы на вкусы аудитории также велико. Вывод следует сделать такой: всем заинтересованным сторонам необходимо учитывать воздействие рекламных обращений на формирование комфортной городской среды и отвести ей соответствующее место в направлениях различных проектов и программ.

¹ Черчилль У. – <https://economy-ru.info/info/12301/>

Марабаева Л.В.

д.э.н., профессор, Мордовский государственный университет

Горин И.А.

к.э.н., доцент, Мордовский государственный университет

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ¹

Ключевые слова: региональная инновационная инфраструктура, конкурентоспособность, региональная экономика, экономическое развитие.

Keywords: regional innovation infrastructure, competitiveness, regional economy, economic development.

Поиск новых возможностей повышения конкурентоспособности региональных экономик предполагает выявление и активное использование инфраструктурного потенциала их инновационной сферы.

В настоящее время многие регионы Российской Федерации системно развивают свой научно-инновационный и производственный потенциал на основе качественно новых подходов к обеспечению инфраструктурного взаимодействия государственного и частного бизнеса, научно-исследовательских и образовательных учреждений, венчурных и проектных структур, государственных и региональных органов власти. К числу показательных примеров таковой практики, на наш взгляд, относится опыт Республики Мордовия – одного из наиболее инновационно активных российских регионов.

Инновации рассматриваются в Республике Мордовия как ключевой фактор развития большинства представленных в регионе отраслей и, прежде всего, светотехники и систем управления освещением, АПК, транспортного и сельского хозяйственного машиностроения.

В табл. 1 систематизированы факторы инновационного развития Республики Мордовия.

Таблица 1

Факторы, влияющие на инновационное развитие Республики Мордовия

Факторы, способствующие инновационному развитию РМ	Факторы, препятствующие инновационному развитию РМ
1) Благоприятные общие условия развития региональной инновационной системы: высокий уровень развития транспортной инфраструктуры, многоотраслевая структура экономики региона, благоприятные социальные условия в регионе и т.д.	1) Дефицит квалифицированных кадров по отдельным специальностям и профессиям (специалистов в сфере светотехники, сельского хозяйства и т.д.)
2) Наличие предприятий высокотехнологичных секторов (например, светотехнический сектор, электротехника и приборостроение и др.)	2) Низкий уровень интеграции в международном научно-промышленном пространстве
3) Активная политика региональных органов власти по привлечению инвестиций, развитию инновационной деятельности и малого бизнеса	3) Низкий уровень взаимодействия между научно-исследовательскими учреждениями и промышленностью
4) Высокий научно-исследовательский потенциал и относительно высокий уровень образования населения	4) Низкий уровень коммерциализации результатов НИОКР и интеллектуальной собственности
5) Развитая инфраструктура поддержки инновационной деятельности и малого предпринимательства	5) Недостаточная активность малого бизнеса в реализации региональных инновационных проектов

Влияние данных факторов на конкурентоспособность региональной экономики проявляется следующим образом.

Факторы, способствующие инновационному развитию РМ:

1) Благоприятные общие условия развития региональной инновационной системы.

Республика Мордовия обладает развитой сетью железных дорог, ее пересекают несколько федеральных автомобильных дорог. К чемпионату мира по футболу 2018 года были реализованы два дорожных проекта, которые теперь играют важную роль в экономическом развитии региона: строительство объездной магистрали вокруг Саранска, которая вывела за пределы города транзитный транспорт, и строительство автодороги, которая напрямую соединила северо-западный и северо-восточный районы Саранска с путепроводом через железную дорогу и реку Инсар.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 18-410-130007 р а «Исследование влияния инновационной инфраструктуры на повышение конкурентоспособности региональной экономики» (конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с Республикой Мордовия).

В Республике Мордовия развита промышленность: металлообработка, машиностроение, светотехника, химическая и нефтехимическая промышленность, легкая и пищевая промышленность. Также развит агропромышленный комплекс. Ведется сотрудничество с иностранными промышленными компаниями. За последнее время промышленные мощности региона подверглись значительному обновлению, что повысило качество и разнообразие их продукции, позволило снизить издержки и укрепить их конкурентоспособность.

Регион отличается достаточно высоким уровнем социального обеспечения населения, в том числе жильем. За последние годы многие жители Республики Мордовия переехали из аварийного жилья в новые квартиры.

2) Наличие предприятий высокотехнологичных секторов.

В Республике Мордовия расположены малые, средние и крупные предприятия таких высокотехнологичных секторов промышленности как светотехника, электроника, приборостроение, фармацевтика и др. Многие из этих предприятий уже интегрированы или проходят процесс интеграции в кластеры, что позволяет налаживать связи внутри производственных цепочек и повышать эффективность поставок, производства, сбыта. Многие компании высокотехнологичных отраслей стремятся максимально использовать труд выпускников региональных высших учебных заведений.

В инновационный кластер «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением» входят более 10 средних и крупных компаний с годовым оборотом, превышающим 5 млрд. руб. Республика Мордовия становится одним из лидеров российского вагоностроения, что сопровождается модернизацией, сотрудничеством с университетами и научно-исследовательскими организациями и внедрением инноваций. Головная компания группы «Оптикэнерго» – «Саранскабель – Оптика» является российским лидером в производстве волоконно-оптического кабеля, в том числе, кабеля нового поколения [24, с. 52].

3) Активная политика региональных органов власти по привлечению инвестиций, развитию инновационной деятельности и малого бизнеса.

В Республике Мордовия сформирована необходимая нормативно-правовая база для ведения инновационной деятельности и привлечения инвестиций. Государство оказывает инвесторам поддержку в виде налоговых льгот, государственных гарантий, залогового обеспечения, поручительств, субсидирования части процентной ставки и по банковским кредитам и т.д. В регионе функционируют два венчурных фонда.

Во многом благодаря благоприятному инвестиционному климату за последние годы в Республике Мордовия был реализован ряд крупномасштабных проектов, предусматривавших модернизацию производства и освоение новых технологий. В частности, были созданы мощности по производству грузовых вагонов нового поколения в ОАО «Рухимаш», освоено производство волоконно-оптических кабелей связи всех модификаций, было налажено производство энергоэффективных световых приборов нового поколения в компании «Ксенон», был построен экспериментальный комплекс по откорму быков, тепличные комплексы для выращивания роз и т.д. Реализация этих проектов повысила общую деловую активность региона, что отразилось и на конкурентоспособности продукции, производимой в Республике Мордовия. На ближайшие годы запланирована масштабная работа по созданию современных производственных комплексов, обновлению имеющихся мощностей, в том числе на основе развития связей между объектами инновационной инфраструктуры: малыми и крупными предприятиями, вузами, технопарком, кластерами и т.д.

4) Высокий научно-исследовательский потенциал и относительно высокий уровень образования населения.

Республика Мордовия характеризуется достаточно развитой научно-исследовательской, а также образовательной базой. В регионе есть несколько высших учебных заведений, в том числе, Национальный исследовательский университет – Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Также в регионе работают 5 научно-исследовательских институтов: НИИИС имени А.Н. Лодыгина (данном институтом разработано более 90% источников света, которые выпускаются в России); Мордовский научно-исследовательский институт сельского хозяйства; Научно-исследовательский институт гуманитарных наук (НИИГН) при Правительстве Республики Мордовия; НИИ региональной МГУ им. Н.П. Огарева; Мордовский научно-производственный институт инженерных изысканий и проектирования.

5) Развитая инфраструктура поддержки инновационной деятельности и малого предпринимательства.

Инновационная инфраструктура Республики Мордовия уже достаточно развита, и этот процесс продолжается. За последнее время были созданы практически все основные инфраструктурные элементы: технопарк, бизнес-инкубаторы, инновационные кластеры и т.д. Однако взаимодействие этих элементов между собой и с промышленным сектором пока не является оптимальным, поэтому ведется работа по повышению его эффективности.

Факторы, препятствующие инновационному развитию РМ:

1) Дефицит квалифицированных кадров по отдельным специальностям и профессиям (в сфере светотехники, сельского хозяйства и т.д.).

В Республике Мордовия существуют трудности с удержанием персонала, особенно молодых высококвалифицированных специалистов. Например, дефицит профильных квалифицированных и высококвалифицированных кадров наблюдается на предприятиях светотехнического кластера, т.к. специалисты нередко отказываются от предложенных вакансий из-за низкого уровня оплаты труда.

Также для молодых людей некоторые специальности не являются престижными, например, малопривлекательной является работа в агропромышленном комплексе, развитие которого также является одним из инновационных приоритетов региональной экономики, что нашло отражение в создании соответствующего кластера. Для решения данной проблемы местные власти предпринимают усилия по улучшению социальных условий жизни необходимых региону работников.

2) Низкий уровень интеграции в международное научно-промышленное пространство.

Несмотря на то, что Республика Мордовия обладает достаточно высоким научно-инновационным потенциалом, а также ведет сотрудничество с рядом зарубежных компаний, уровень интеграции региона в международное научно-промышленное пространство невысок. Продукция Республики Мордовия, в основном, присутствует лишь на региональном и на российском рынках, также отсутствует развитая научно-техническая кооперация с зарубежными партнерами.

3) Низкий уровень взаимодействия между научно-исследовательскими учреждениями и промышленностью.

Как уже отмечалось, в Республике Мордовия функционирует значительное число объектов инновационной инфраструктуры, многие из которых весьма активны. Однако на практике эффективность взаимодействия пока не очень высока, поскольку некоторые объекты инфраструктуры имеют небольшой опыт работы, а некоторые не всегда готовы к активному взаимодействию – например, предприятия бизнеса с региональными вузами.

4) Низкий уровень коммерциализации результатов НИОКР и интеллектуальной собственности

В настоящее время в регионе наблюдается низкий уровень коммерциализации результатов НИОКР и объектов интеллектуальной собственности. Причины столь низких показателей кроются в слабом взаимодействии между всеми субъектами инновационной деятельности. На наш взгляд, одной из основных причин наличия этой проблемы является недостаточное внимание к инфраструктурному обеспечению процессов коммерциализации инноваций: отсутствуют соответствующие структуры, например, региональный Центр трансферта технологий и т.п. Центр трансферта технологий функционирует в МГУ им. Н.П. Огарева и, соответственно, является внутренним структурным подразделением, работающим только на вузовские потребности. Как следствие, региональные разработчики инноваций вынуждены сами искать партнеров, что, возможно, и не так проблематично для крупных успешных компаний, но многократно повышает инновационные и другие риски малого инновационного бизнеса.

5) Недостаточная активность малого бизнеса в реализации региональных инновационных проектов.

В Мордовии сформирован большой потенциал развития малого предпринимательства, разработана система мер поддержки малого бизнеса. Тем не менее, его субъекты пока не достаточно активно участвуют в реализации региональных научно-инновационных проектов. По оценкам экспертов, в предпринимательском секторе объемы НИОКР намного ниже, чем могли бы быть. Хотя и российский, и зарубежный опыт показывает, что традиционно именно субъекты малого бизнеса наиболее активно обеспечивают рыночную апробацию и адаптацию новых инновационных разработок.

Таким образом, практика инфраструктурного инновационного развития Республики Мордовия и результаты оценки его влияния на конкурентоспособность региональной экономики позволяют сделать вывод о том, что сейчас регион характеризуется определенной неравномерностью развития отдельных организационных и коммуникационных процессов в инновационной сфере. В республике наблюдается ощутимо более слабая позиция по социально-экономическим условиям инновационной деятельности и научно-техническому потенциалу в сравнении с инновационной деятельностью и качеством инновационной политики. По нашему мнению, эта закономерность связана с тем, что социально-экономические условия инновационной деятельности и научно-технический потенциал Республики Мордовия во многом объясняются активностью федеральных органов исполнительной власти (через реализацию федеральных целевых программ, управление государственным имуществом, финансирование научных организаций, деятельность компаний с государственным участием и пр.), в основе политики которых лежит принцип выравнивания условий и возможностей в регионах с акцентом на социальные обязательства государства. В то же время параметры инновационной деятельности предприятий и качество инновационной политики, осуществляемой региональными органами власти, по большей части определяются исходя из ресурсов, приоритетов и управленческих навыков, характерных для Республики Мордовия. Тем не менее, общие тенденции развития региональной инновационной инфраструктуры позволяют позитивно оценить ее стратегические перспективы, поскольку в целом соответствуют и региональным и федеральным приоритетам инфраструктурного обеспечения инновационной деятельности с учетом особенностей регионального хозяйственного комплекса.

Список литературы

1. Biggiero L. Industrial and knowledge relocation strategies under the challenges of globalization and digitalization: The move of small and medium enterprises among territorial systems // *Entrepreneurship and Regional Development*. 2006. – Vol. 18, N 6. – P. 443–471.
2. Cappellin R. Territorial knowledge management: Towards a metrics of the cognitive dimension of agglomeration economies // *International Journal of Technology Management*. 2003. – Vol. 26, N 2–4. – P. 303–325.
3. Cheshire P.C., Malecki E.J. Growth, development, and innovation: A look backward and forward // *Papers in Regional Science*. 2003. – Vol. 83, N 1. – P. 249–267.
4. Cumbers A., Leibovitz J., MacKinnon D. Institutional features, path dependencies and regional industrial change: Comparing mature and embryonic clusters in an old industrial region // *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*. 2007. – Vol. 7, N 2–5. – P. 424–444.
5. Doloreux D. Regional networks of small and medium sized enterprises: Evidence from the metropolitan area of Ottawa in Canada // *European Planning Studies*. 2004. – Vol. 12, N 2. – P. 173–190.
6. Gureva M.A., Lyubimtseva S.V., Tuhkanen T.N., Simonova L.M., Kolpak E.P. Functioning of innovative territorial clusters // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. – Vol. 6, N 8, Special Issue. – P. 115–120.
7. Huber F. Do clusters really matter for innovation practices in information technology? Questioning the significance of technological knowledge spillovers // *Journal of Economic Geography*. 2012. – Vol. 12, N 1. – P. 107–126.
8. Kutsenko E. Pilot innovative territorial clusters in Russia: A sustainable development model // *Foresight Russia*. 2015. – Vol. 9, N 1. – P. 32–55.

9. MacNeill S., Steiner M. Leadership of cluster policy: Lessons from the Austrian province of Styria // *Policy Studies*. 2010. – Vol. 31, N 4. – P. 441–455.
10. Matkovskaya Y.S. Clusters: Sense of market approach to their formation and substantiation of necessity for development of mathematical apparatus for modeling of their development // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2017. – Vol. 12, N 2. – P. 572–582.
11. Molina-Morales F.X., García-Villaverde P.M., Parra-Requena G. Geographical and cognitive proximity effects on innovation performance in SMEs: A way through knowledge acquisition // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2014. – Vol. 10, N 2. – P. 231–251.
12. Montresor S., Marzetti G.V. Innovation clusters in technological systems: A network analysis of 15 OECD countries for the mid-1990s // *Industry and Innovation*. 2008. – 2008. – Vol. 15, N 3. – P. 321–346.
13. Parrilli M.D., Aranguren M.J., Larrea M. The role of interactive learning to close the «innovation gap» in SME-based local economies: A furniture cluster in the Basque country and its key policy implications // *European Planning Studies*. 2010. – Vol. 18, N 3. – P. 351–370.
14. Smith H.L. Universities, innovation, and territorial development: A review of the evidence. // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 2007. – Vol 25, N 1. – P. 98–114.
15. Walter T., Werner R. Regional innovation systems: The territorial dimension of knowledge and innovation (German language) // *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie*. 2001. – Vol. 45, N 3–4. – P. 202–218.

Матанцева О.Ю.

д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта; профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ НА РЫНОК ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО ДОПУСКУ К ПЕРЕВОЗКАМ

Ключевые слова: рынок пассажирских перевозок, допуск к перевозкам, лицензирование, требования к лицензируемым перевозкам, обеспечение безопасности перевозок пассажиров.

Keywords: the market of passenger traffic, admission to transportations, licensing, requirements to the licensed transportations, safety of transportations of passengers.

Рынок транспортных услуг в Российской Федерации характеризуется большим количеством его участников по формам собственности. Уровень организованности рынка связан с системой организации допуска на рынок. Допуск на рынок регламентируется действующими условиями выдачи лицензий и видами деятельности, попадающими под лицензирование.

Первым регулирующим документом в начале 90-х годов было «Положение о лицензировании перевозочной, транспортно-экспедиционной и другой деятельности, связанной с осуществлением транспортного процесса, ремонтом и техническим обслуживанием транспортных средств на автомобильном транспорте в Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 26.02.1992 г. № 118) [2].

В соответствии с этим нормативным актом лицензировались: городские, пригородные, междугородные, межреспубликанские и международные перевозки грузов и пассажиров, в т.ч. для собственных нужд.

Для получения лицензии предприятия, организации, учреждения и предприниматели должны были представлять:

- данные о количестве имеющихся авто транспортных средств;
- данные о других основных фондах, обеспечивающих выполнение указанной в заявлении деятельности;
- копию документа, подтверждающего профессиональную пригодность руководителя предприятия, организации, учреждения, предпринимателя или лиц, уполномоченных ими для руководства лицензируемой деятельностью (диплома об окончании специального учебного заведения или документа, подтверждающего стаж работы по специальности не менее 5 лет).

Таким образом, данный документ обеспечивал соблюдение требований по профессиональной пригодности соискателя лицензии (водителя или оператора), требований к поддержанию транспортных средств в исправном состоянии (наличие соответствующей производственной базы).

Кроме того, косвенно контролировалось наличие активов, что может быть условно признано за требование к оценке финансового состояния организации, однако не устанавливались количественные критерии в виде определенной величины основного капитала и резервов [3].

Приказ Министерства транспорта РФ от 30.03.1994 г. № 15 «Об утверждении требований по обеспечению безопасности дорожного движения, предъявляемые при лицензировании перевозочной деятельности на автомобильном транспорте» утвердил требования к владельцам лицензий при выполнении ими лицензируемой перевозочной деятельности в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий.

Установленные требования заключались в необходимости обеспечения: наличия специалистов, связанных с обеспечением безопасности движения, надежных водителей, соблюдения установленных режимов труда и отдыха водителей, своевременного прохождения водителями медицинского освидетельствования и контроля их состояния перед выездом на линию, содержание транспортных средств в технически исправном состоянии и обеспечение безопасности перевозок пассажиров и грузов.

Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 08.08.2001 г. № 128-ФЗ отменил лицензирование перевозок грузов на автомобилях грузоподъемностью более 3,5 т для собственных нужд и лицензирование перевозок пассажиров автомобильным транспортом, оборудованным для перевозок более 8 человек для собственных нужд.

Федеральный закон от 02 июля 2005 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О лицензировании отдельных видов деятельности”, Федеральный закон “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» еще сократил перечень лицензируемых видов деятельности на автомобильном транспорте.

Исходя из этого Федерального закона, лицензирование перевозок легковыми автомобилями пассажиров и перевозок грузов было отменено полностью (исключение составляли международные перевозки, для осуществления которых выдавался допуск, а также опасные и крупногабаритные и тяжеловесные грузы, перевозка которых осуществля-

лась в соответствии со специальными нормативными документами). Таким образом, требования по обеспечению безопасности движения при перевозках легковыми автомобилями пассажиров и перевозках грузов были снижены.

Это исключило контроль качества предоставляемых услуг по перевозкам грузов и привело к существенному превышению предложения над спросом на рынке автотранспортных услуг и снизило производительность транспортных средств и безопасность перевозок.

В 2011 году вступил в силу Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

В соответствии с этим Федеральным законом лицензированию подлежит деятельность по перевозкам пассажиров автомобильным транспортом, оборудованным для перевозок более 8 человек (за исключением случая, если указанная деятельность осуществляется по заказам либо для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя).

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» установил уведомительную систему допуска перевозчиков на рынок.

В соответствии с этим законом юридические лица, индивидуальные предприниматели обязаны уведомить о начале осуществления деятельности по предоставлению услуг по перевозкам пассажиров и багажа по заказам автомобильным транспортом (за исключением осуществления таких перевозок по маршрутам регулярных перевозок, а также для обеспечения собственных нужд юридических лиц, индивидуальных предпринимателей).

В уведомлении юридическое лицо или индивидуальный предприниматель сообщает о начале осуществления предоставления услуг по перевозкам пассажиров и багажа и подтверждает свои обязательства по соблюдению обязательных требований к этим видам деятельности.

Введение этого нормативно правового акта снизило безопасность перевозок и открыло доступ на рынок перевозчикам, не отвечающим установленным требованиям по безопасности и качеству перевозок [4,5].

На 01.01.2019 на автомобильном транспорте была 27 961 действующая лицензия, что составляет 97,7% от их количества в 2017 году (28 884).

В то же время, в Европейском Союзе действуют достаточно жесткие правила по допуску к деятельности по осуществлению перевозок автомобильным транспортом.

В соответствии с Постановлением ЕС № 1071/2009 Европейского парламента и совета от 21 октября 2009 г. [6] (далее – Постановление) предприятие, занимающееся автомобильными перевозками должно иметь:

- 1) законное и постоянное учреждение в стране-члене Сообщества;
- 2) хорошую репутацию;
- 3) соответствующее установленным требованиям финансовое положение;
- 4) необходимую профессиональную компетентность.

Надлежащее соблюдение и надежный контроль условий, регулирующих доступ к занятию автомобильными перевозками, основаны на действующей регистрации предприятия.

Физические лица (руководители транспортных предприятий) должны иметь необходимую хорошую репутацию и профессиональную компетентность и должны назначаться компетентными органами. Они должны быть лицами, постоянно проживающими в стране-члене Сообщества и эффективно и постоянно руководить транспортной деятельностью автотранспортных предприятий.

Необходимо, чтобы претендент на должность руководителя транспортного предприятия обладал высококачественными профессиональными знаниями.

Для обеспечения честной конкуренции на автомобильном транспорте осуществляется единый контроль странами-членами Сообщества.

Национальные органы, ответственные за контроль над предприятиями и правомерностью их лицензий, могут при необходимости принимать соответствующие меры, особенно в наиболее серьезных случаях, приостанавливая или отзывая лицензии или объявляя неприемлемыми руководителей транспортных предприятий, неоднократно проявляющих халатность или действующих недобросовестно.

С учетом европейской практики и в целях обеспечения безопасности перевозок в октябре 2018 года был осуществлен возврат к требованиям по лицензированию перевозок, существовавшим в начале 90-х годов прошлого века, которые необходимо выполнять для получения допуска на рынок перевозок пассажиров.

В соответствии с Федеральным законом от 30 октября 2018 года № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования лицензирования деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами» лицензированию подлежит деятельность по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами. Данное требование вступило в силу с 01.03.2019 года. Согласно данному законодательному документу ужесточены требования к автобусным перевозкам пассажиров.

Согласно поправкам, вводится лицензирование любых перевозок пассажиров автобусами, даже если они осуществляются по заказам или для собственных нужд

Закон предусматривает переходный период на получение лицензии со дня вступления в силу положения, устанавливающего обязательный порядок лицензирования перевозки пассажиров и иных лиц автобусами. Юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим перевозки пассажиров автобусами, дается 120 дней на получение лицензии. Последний срок – 29 июня. По истечении указанного срока лицензия на пассажирские перевозки должна иметься у всех перевозчиков, осуществляющих деятельность по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами, а перевозка без лицензии будет запрещена.

За пассажирские перевозки без лицензии предусмотрена административная ответственность. Так, осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии влечет наложение административного штрафа на граждан и должностных лиц в размере 50 000 рублей; на индивидуальных предпринимателей – 100 000 рублей; на юридических лиц – 400 000 рублей. За повторное такое нарушение помимо штрафа в повышенном размере предусмотрена конфискация транспортного средства, а также административное приостановление деятельности на срок до 90 суток.

Первого марта 2019 г. опубликовано Положение о лицензировании деятельности по перевозкам пассажиров и иных лиц автобусами, утвержденное постановлением Правительства РФ от 27.02.2019 № 195 (далее – Положение).

В соответствии с Положением, лицензируемая деятельность включает:

– перевозки пассажиров автобусами лицензиата на основании договора перевозки пассажира или договора фрахтования транспортного средства (коммерческие перевозки);

– перевозки автобусами иных лиц лицензиата для его собственных нужд.

Исходя из Положения Соискатель лицензии обязан:

а) назначить ответственным лицом за обеспечение безопасности дорожного движения работника соискателя лицензии, прошедшего в порядке, установленном Министерством транспорта Российской Федерации в соответствии со статьей 20 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», аттестацию на право заниматься соответствующей деятельностью, или в случае, если соискатель лицензии является индивидуальным предпринимателем и намерен осуществлять указанную деятельность без привлечения наемных работников, пройти такую аттестацию;

б) иметь лицензию на медицинскую деятельность в отношении работ по медицинским осмотрам (предрейсовым, послерейсовым) или заключить договор об оказании услуг по проведению таких медицинских осмотров (предрейсовых, послерейсовых) с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, имеющими лицензию на медицинскую деятельность в отношении работ по медицинским осмотрам (предрейсовым, послерейсовым);

в) владеть автобусами соискателя лицензии.

В Положении перечислены лицензионные требования, которые лицензиат обязан выполнять.

Лицензионный контроль за соблюдением требований, предусмотренных Положением, осуществляется лицензирующим органом посредством внеплановых документальных проверок соискателей лицензии.

В целях оценки возможных изменений на рынке перевозок пассажиров в связи с введением лицензирования всех перевозок пассажиров автобусами первоначально были рассмотрены статистические данные о наличии автобусов в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Наличие автобусов, находящихся в собственности у субъектов рынка пассажирских перевозок.

Наличие автобусов	Всего автобусов	В т. ч. автобусов, находящихся в собственности:		
		физических лиц	из них индивидуальных предпринимателей и фермеров	юридических лиц
2016 г.	865 897	430 572	54 167	435 325
2017 г.	895 537	454 885	27 208	440 652
2018 г.	864 389	432 303	22 465	432 086

Как видно из табл. 1 (сформированной по данным ГИБДД о наличии зарегистрированных транспортных средств), после увеличения количества автобусов в 2017 году на 3,4% по сравнению с 2016 годом, в 2018 году произошло снижение общего количества автобусов до уровня более низкого, чем в 2016 году. Особенно существенно, по сравнению с 2016 годом, сократилось количество автобусов у индивидуальных предпринимателей и фермеров, что связано с высоким сроком службы автобусов и невозможностью их использования.

Из общего числа автобусов в 2017 году только 170 000 единиц относилось к транспорту общего пользования.

Введение существенно более строгих требований к перевозчикам обусловлено необходимостью обеспечения безопасности перевозок пассажиров. Это связано с тем, что получив с мая 2011 года возможность осуществлять заказные перевозки пассажиров на основе уведомления, перевозчики, практически в большинстве случаев, перевозили пассажиров по маршрутам регулярных перевозок. При этом игнорировалось требование о необходимости получения лицензии для регулярных перевозок пассажиров в городском и пригородном сообщении, а также в междугородном сообщении, установленное Постановлением Правительства РФ от 02 апреля 2012 г. № 280.

Объем перевозок пассажиров автобусным транспортом общего пользования составил в 2018 году 10572,8 млн. человек. Что составляет 96,75 от объема перевозок 2017 года (10938,7 млн. человек).

При этом часто такие перевозчики устанавливали тарифы на перевозку пассажиров ниже, чем действующие на регулярных перевозках и установленные региональными органами власти. Это обстоятельство снижало объем перевозок пассажиров на регулярных маршрутах и снижало доходы перевозчиков, работающих по лицензиям.

Статистические данные об объемах перевозок пассажиров автобусами, не имеющими лицензию, отсутствуют.

В то же время отсутствие жестких требований по обеспечению безопасности перевозок к перевозчикам, осуществляющим перевозки по уведомлению, не гарантировало пассажиром установленный уровень безопасности перевозки.

Особенно существенно проблема по обеспечению безопасности перевозки пассажиров проявлялась при осуществлении перевозок для собственных нужд, поскольку, имея собственный автобус, и перевозя на нем своих сотрудников, любая организация, не являющаяся автотранспортной, практически со сто процентной вероятностью не проводила технического осмотра автобуса перед выездом и не проводила медицинский осмотр водителя. Это объяснялось отсутствием в организациях профессиональных специалистов, имеющих право проводить эти проверки.

Введение лицензионных требований к организациям, осуществлявшим перевозки для собственных нужд, существенно увеличит себестоимость таких перевозок, будет способствовать их сокращению и росту объема перевозок пассажиров транспортом общего пользования, что увеличит его доходы. Организации, получившие лицензию для перевозок автобусами для собственных нужд, обеспечат надлежащий уровень безопасности перевозок своих сотрудников.

Возврат к требованию по лицензированию всех видов перевозок пассажиров автобусами, действовавших до 08.08.2001 года, приведет к изменению структуры объема перевозок пассажиров и приведет к его увеличению в секторе транспорта общего пользования.

Результаты изменения рынка можно будет оценить только по статистическим данным по объемам перевозок пассажиров за 2019 год, а еще более точно за 2020 год. Это связано с необходимостью дополнительных затрат времени для получения лицензии и организации работы автобусов в соответствии с лицензионными требованиями.

Список литературы

1. Матанцева О.Ю. Тарифная политика в сфере городского общественного транспорта: Пути совершенствования // Транспорт Российской Федерации. 2012. – № 3–4 (40–41). – С. 11–13.
2. Матанцева О.Ю. Правовые аспекты экономической устойчивости автотранспортной организации: монография. – М., 2016. – 248 с.
3. Матанцева О.Ю. Методологические принципы обеспечения финансовой устойчивости на основе оценки стоимости автотранспортного бизнеса: монография / О.Ю. Матанцева; М-во трансп. Рос. Федерации, Федер. гос. унитар. предприятие Науч.-исслед. ин-т автомоб. трансп. (НИИАТ). – М., 2004.
4. Матанцева О.Ю. Экономически устойчивая деятельность субъектов автотранспортного рынка // Право и экономика. 2015. – № 1 (323). – С. 69–73.
5. Матанцева О.Ю. Взаимосвязь уровня безопасности движения с системой допуска на рынок автомобильных перевозок // Автотранспортное предприятие. 2007. – № 11. – С. 16–21.
6. Постановление (ЕС) № 1071/2009 Европейского парламента и Совета от 21 октября 2009 г., устанавливающее общие правила, касающиеся выполнения условий для занятий автомобильными перевозками и отменяющее Директиву Совета 96/26/ЕС.

Махашова С.Г.

магистрант

Ермакова Е.А.

д.э.н., профессор, Саратовский социально-экономический институт (филиал РЭУ)

ОСОБЕННОСТИ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН В РОССИИ: ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Ключевые слова: *особые экономические зоны, льготный режим, государственно-частное партнерство, инвестиции.*

На текущем этапе развития национальная экономика России остро нуждается в значительном рывке. Одним из механизмов, используемых для достижения данной цели, является выделение особых экономических зон.

Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» даёт следующее определение термину «Особая экономическая зона»: часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим ведения коммерческой деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны.

Главная идея создания особых экономических зон (ОЭЗ) в России – формирование «точек роста» на выделенных территориях путем привлечения инвестиций на льготных условиях. Инвесторы получают налоговые, таможенные, административные условия льготного режима землепользования [2], более мягкие требования к защите окружающей среды, большое количество рабочей силы. Такой режим представляет собой типичный пример государственно-частного партнерства и делает ОЭЗ привлекательными для бизнеса [6].

В России с 2005 г. было создано 33 ОЭЗ: 15 туристско-рекреационных, 9 промышленно-производственных, 6 технико-внедренческих и 3 портовых. Однако темпы развития ОЭЗ и эффективность их деятельности не полностью соответствовали целям, поставленным перед ними Правительством РФ. Поэтому реорганизация механизма управления ОЭЗ была продолжена: в 2009 г. ликвидировано Федеральное агентство по управлению ОЭЗ, в 2016 г. прекращена деятельность 8 ОЭЗ.

На сегодняшний день в России функционируют 25 ОЭЗ. Положительную динамику имеют такие экономические показатели их деятельности, как рост числа резидентов, общий объем инвестиций и полученной прибыли. В частности в 2017 году суммарная выручка резидентов составила 156 101 млн. руб., что лучше показателя предыдущего 2016 года на 35% [3]. Динамика изменений данного показателя за период 2012–2017гг представлена на рис. 1.

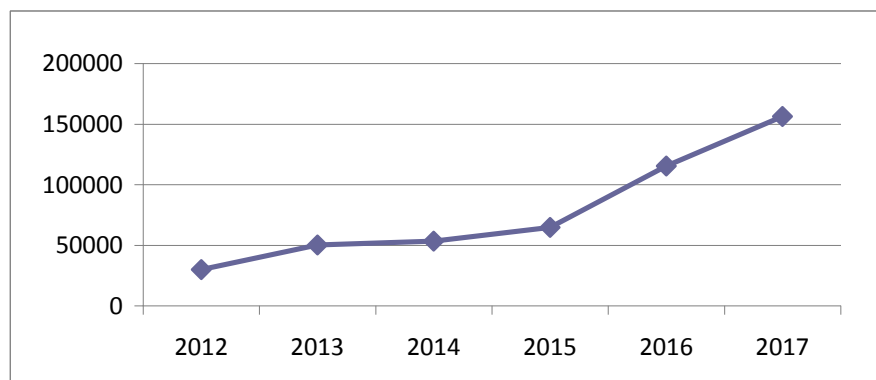

Рисунок 1.
Выручка резидентов ОЭЗ в период 2012–2017гг, млн. руб.

Анализируя структуру результатов функционирования ОЭЗ, отметим, что показатели существенно разнятся по типам ОЭЗ (табл. 1 и 2).

Показатели эффективности функционирования ОЭЗ по типам по итогам 2017 г.

	Количество резидентов ОЭЗ (ед.)	Количество резидентов с участием иностранных инвесторов в составе акционеров (ед.)	Количество рабочих мест (ед.)	Объем инвестиций (в том числе капитальных вложений), осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ (млн. руб.)
ОЭЗ ППТ	197	80	13 315	200 162
ОЭЗ ТВГ	374	39	14 464	88 263
ОЭЗ ТРТ	66	1	587	2 610
ПОЭЗ	19	5	55	1 023

Таблица 2

Показатели эффективности функционирования ОЭЗ по типам по итогам 2017 г.

	Объем капитальных вложений, осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ (млн. руб.)	Объем выручки резидентов ОЭЗ от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг (млн. руб.)	Объем налогов, уплаченных резидентами ОЭЗ (млн. руб.)	Количество построенных и введенных объектов инфраструктуры (ед.)
ОЭЗ ППТ	187 546	386 270	14 159	286
ОЭЗ ТВГ	53 749	136 878	19 671	350
ОЭЗ ТРТ	2 457	742	137	120
ПОЭЗ	871	409	30	5

Согласно официальной статистике, представленной на сайте Минэкономразвития, на сегодняшний день действует несколько ОЭЗ, экономические показатели которых являются поводом для оценки перспективности оставления за регионами статуса ОЭЗ: ОЭЗ ТРТ в Карачаево-Черкесской Республике; ОЭЗ ТРТ в Чеченской Республике; ОЭЗ ППТ в Псковской области; ОЭЗ ТРТ в Тверской области. Интегральный показатель эффективности этих ОЭЗ не превышает 33%.

В числе достижений, которые можно отметить при анализе экономических показателей развития ОЭЗ в нашей стране, – включение в 2017 г. в ежегодный глобальный рейтинг «Свободные экономические зоны – 2017», составляемый международным журналом fDi, (входит в группу Financial Times) четырех российских экономических зон. Это: «Алабуга», «Липецк», «Гольягти», «Титановая долина» [7].

Анализируя историю внедрения и развития в России института ОЭЗ, сложно не согласиться с М. Неучевой в том, что особые экономические зоны в России развиваются со значительными отклонениями от первоначального плана. Более того, и задачи, сформулированные на старте, не оставались статичными, трансформируясь в процессе становления особой экономической зоны и выявления нюансов регионального развития. Неопределенность и непредсказуемость результатов, многовариантность развития, присущи всем инновационным экономическим проектам, отмечает автор. Однако, в случае особых экономических зон в России, вариативность особенно высока. К основным факторам, определяющим коэффициент непредсказуемости, М. Неучева относит сложный механизм взаимодействия особой зоны с окружающей средой – другими регионами страны, органами власти, национальными и зарубежными инвесторами, мировым рынком и так далее [5].

К числу особенностей функционирования особых экономических зон в России можно отнести значительное число обременений, влияющих на экономические показатели деятельности резидентов, и ОЭЗ в целом. В частности, можно отметить обязанность резидентов подписывать соглашение о ведении хозяйственной деятельности. Данный документ содержит четко прописанные виды деятельности резидента, объемы его капитальных вложений, и сроки их осуществления. Даже если отбросить тот факт, что это само по себе ограничение предпринимательской инициативы, так еще и несоблюдение условий соглашения может привести не просто к потере статуса резидента, но и влечёт за собой финансовые обязательства по возврату недоплаченных в бюджет средств, в некоторых случаях ещё и к уплате дополнительного штрафа.

Особенности функционирования особых экономических зон в России являются, в значительной степени, отражением общеэкономических проблем. В частности, такому вопросу как нерациональное распределение полномочий между федеральными и региональными властями уделяли внимание большинство аналитиков на всём протяжении функционирования ОЭЗ в России. Не остаются без последствий и постоянные изменения нормативного регулирования ведения хозяйственной деятельности, самой схемы управления особыми экономическими зонами и другие [8, с 143; 1]. Также на функционирование ОЭЗ оказывает влияние изменение структуры банковского рынка и формирование вертикально интегрированных банков [9].

Список литературы

1. Бакиева М.Ю. Совершенствование методики управления инновационной деятельностью предприятия // Факторы успеха. 2018. – № 1 (10). – С. 5–10.
2. Гуреева О.В. Оценка стоимости земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Саратовский государственный социально-экономический университет. – Саратов, 2010.
3. Министерство экономического развития Российской Федерации. – <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/deposobeczone/2018290632>

4. Неучева М.Ю. Зоны с особыми режимами хозяйствования как механизм социально-экономического развития регионов: монография. – Уфа: РИО БАГСУ, 2013.
5. Неучева М.Ю. Первые успехи российских особых экономических зон на мировом уровне / М.Ю. Неучева, З.Э. Сабирова // Интернет-журнал Науковедение, 2015. – <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-uspehi-rossiyskih-osobyh-ekonomicheskikh-zon-na-mirovom-urovne>
6. Попова М. В. Исследование основных подходов к трактовке и содержанию понятия «особая экономическая зона» / М.В. Попова, Н.М. Рубцов, Д.Б. Попова, Р.В. Каптюхин // Интернет-журнал Науковедение. – <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-osnovnyh-podhodov-k-traktovke-i-soderzhaniyu-ponyatiya-osobaya-ekonomicheskaya-zona>
7. Российские ОЭЗ вошли в рейтинг лучших экономических зон мира. – <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/deposobeczona/201723104>
8. Шевченко Л.М. Трансформация регулирования в области обеспечения устойчивости российской финансовой системы // Вестник СГСЭУ. 2018. – № 3. – С. 142–147.
9. Якунин С.В. Особенности современной структуры банковского рынка России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. – № 4. – С. 71–74.

Мишон Е.В.

д.э.н., профессор, Воронежский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА РЕГИОНА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТНОГО ИММУНИТЕТА ТЕРРИТОРИИ

Ключевые слова: конкурентный иммунитет территории, прогнозирование, технология прогнозирования конкурентных позиций региона, цифровизация туризма, цифровой маркетинг, кастомизация.

Keywords: competitive immunity of the territory, forecasting, technology of forecasting of competitive positions of the region, tourism digitalization, digital marketing, customization.

Главная цель социально-экономической системы любого уровня (федерального, регионального, местного) – это формирование условий для максимального, стабильного роста уровня и качества жизни населения. Очевидно, что поставленная цель не может быть достигнута без обоснованного, полного и рационального использования ресурсов, необходимых для функционирования и качественного роста материального производства и социальной сферы. Не менее очевидна, прямая и тесная связь между степенью рациональности использования ресурсов и экономической эффективностью социально-экономической системы. Традиционно об эффективности распоряжения ресурсами судят по показателю «уровень конкурентоспособности», который фиксирует состояние социально-экономической системы на определенный момент и характеризует эффективность выпуска продукции, производимой по той или иной технологии, субъектами производственно-хозяйственной деятельности, базирующимися на данной территории.

Длительное время применение этого показателя имело научное обоснование и широко использовалась в экономической практике, поскольку позволяло получить необходимую информацию для принятия решения. Однако с обострением конкурентной борьбы между субъектами федерации применение оперативно-тактических мер перестало давать желаемые результаты, поскольку их стало недостаточно для ведения эффективной конкурентной борьбы.

В настоящее время для территории важно не столько завоевание лидерских позиций (что, к слову, является непростой задачей, хотя и достаточно изученной), сколько удержание достигнутого положения, что, в свою очередь, невозможно без знания перспектив, обоснованных с максимально возможной точностью. Требуется ускоренный переход на стратегическое управление, базирующееся на адекватной оценке перспектив развития. Для достоверной оценки необходимо знать, какова способность субъекта победить в конкурентной борьбе, представлять степень влияния изменений среды (внутренней и особенно внешней) на его устойчивость; определить, как быстро и ценой каких усилий (финансовых, ресурсных и т.д.) он адаптируется к незнакомым условиям функционирования, т.е. выявить степень способности территории минимизировать потери имеющихся ресурсов в нестабильных или кризисных ситуациях. Применяемый в настоящее время показатель «уровень конкурентоспособности» по объективным причинам не может помочь при ответах на поставленные вопросы.

С недавнего времени ученые рекомендуют в указанных целях использовать термин «конкурентный иммунитет территории» (КИТ). По нашему мнению, это способность вести борьбу с конкурентами (субъектами федерации, городами, регионами) за обладание ресурсами и их эффективное использование в целях формирования устойчивых производственных, коммерческих и социально-экономических связей, обеспечивающих поступательный стабильный рост территории как в данный момент, так и в перспективе.

Важно представлять различие между конкурентоспособностью, которая отражает реальные результаты функционирования субъекта, и конкурентным иммунитетом территории, который характеризует резервы и потенциальные возможности. Он предполагает наличие внутренних (возможно ранее не используемых или не востребованных до определенного времени) ресурсов и вариантов их использования для обеспечения устойчивости к потенциальным рискам (природным, экономическим, финансовым и т.п.) в будущих периодах.

КИТ зависит от структуры экономики: ее диверсифицированности, рациональности и стратегической направленности, т.е. чем совершеннее структура, тем устойчивее иммунитет.

С методологических позиций необходимо отметить, что уровень конкурентоспособности (даже высокий) не является свидетельством конкурентного иммунитета, т.е. показатель отражает (фиксирует) статус кво, но он не в состоянии дать информацию о степени устойчивости социально-экономической системы при возможных изменениях.

Выработка КИТ предполагает мобильность экономики, требует адаптации к экономическим и социально-политическим изменениям.

Соответственно, КИТ фиксирует:

- предпосылки для дальнейшего развития;
- способность территории выявлять в перспективе конкурентные характеристики или формировать новые;
- механизмы и инструменты обеспечения стабильного социально-экономического развития.

КИТ формируется и укрепляется вследствие самореализации территории в экономическом пространстве в отличие от конкурентоспособности, которая растет в зависимости от уровня и успешности саморазвития.

Основой формирования КИТ являются активы территории. Соответственно, встает вопрос их учета, анализа состояния и перспектив развития.

Для выявления и научного обоснования перспектив развития территории требуются специальные технологии и методики их выявления.

В этих целях можно рекомендовать, во-первых, технологию прогнозирования конкурентных позиций региона, включающую комплекс прогнозных показателей и эконометрические модели, структурно отличающиеся от известных линейной (экстраполяционной) и нелинейной (вероятностной) составляющими, что обеспечивает повышение надежности и обоснованности прогнозных оценок, позволяющих судить об объекте управления (регионе), пребывающего в условиях перманентной неопределенности будущего.

Во-вторых, методику прогнозной оценки состояния и динамики конкурентных преимуществ территории, представляющую вариант адаптации ССП к мезоуровню.

Методика позволяет вести наблюдение за процессом использования активов территории, дает оперативную информацию для анализа ситуации, позволяет разрабатывать и обосновывать рекомендации по совершенствованию протекающих процессов в сфере экономики, экологии, в развитии инфраструктуры. Методика позволяет выявить и сфокусировать внимание на тенденциях развития значимых активов территории и, используя превентивные меры, создать благоприятные условия для формирования конкурентного иммунитета региона.

В целях прогнозирования конкурентных позиций региона целесообразно использовать модели множественной регрессии, статистический анализ временных рядов, экстраполяцию с применением следующих методов: выявление наличия тенденции Фостера-Стюарта, наименьших квадратов и гармонического анализа в нахождении параметров функции зависимости прогнозируемого показателя от времени.

Выделение и прогнозирование состояния значимых территориальных показателей позволяет проводить перспективный компаративный анализ в отличие от используемого ретроспективного анализа, что повышает оперативность регионального управления.

Предложенная последовательность использования инструментов выявления конкурентоспособности региона на этапе организации и проведения анализа применительно к Воронежской области позволила получить следующие результаты.

Установлено, что Воронежская область имеет преимущества по показателям обеспеченности трудовыми ресурсами и уровню их занятости, научного потенциала, состояния основных фондов организаций, безопасности и обеспечения защиты граждан, инфраструктурной обеспеченности. Менее выгодные позиции она занимает по показателям экономической активности населения, эффективности использования ресурсного потенциала, что свидетельствует о низкой эффективности управления, поскольку область обладает хорошим ресурсным потенциалом, в том числе для развития сферы туризма и требует существенных изменений в подходах и реализации активов территории.

С позиций территориального управления значимой является информация о перспективах развития процессов, влияющих на конкурентоспособность. В этих целях считаем целесообразным расширение использования эконометрических моделей прогнозного образа будущего по показателям конкурентоспособности субъекта РФ, включающих линейную (экстраполяционную) и нелинейную (вероятностную) составляющие, что повышает достоверность прогнозов конкурентоспособности региона.

Достоверность обеспечивается построением модели на основе системы статистических показателей, отражающих социально-экономическое развитие территории.

Цель построения модели – получить математическую форму зависимости моделируемых показателей от факторов (уровень экономической активности населения, региональная фондоотдача, средняя заработная плата работников и др.), которая носит линейный характер, а также нелинейную ее составляющую в виде риск-эффекта. Последующие многовариантные расчеты прогнозного образа будущего с выбором наиболее вероятного значения позволяют представить изменения конкурентоспособности региона и дать их графическую интерпретацию. По значению линейной части графика прогнозного образа оценивается общее направление динамики моделируемого показателя, а по значениям аддитивных риск-эффектов (компоненты, содержащие ω_1 и ω_2) – диапазон наиболее вероятных отклонений от этого направления.

На основании рассчитанных значений показателей формируются представления о тенденциях конкурентных позиций территории. Модели прогнозного будущего позволяют предсказать наиболее вероятные значения исследуемых показателей, адекватно отражающих конкурентные позиции территории.

Использование данной модели подтверждает факт, что туристическую сферу можно позиционировать как фактор, оказывающий существенное влияние на формирование и поддержание конкурентного иммунитета. Более полной реализации туристских дестинаций территории служит Стратегия социально-экономического развития Воронежской области в т.ч. раздел «развитие туристической сферы», который ориентирован на формирование эффективного туристского комплекса, соответствующего мировым стандартам и укрепляющего конкурентный иммунитет территории за счет стабильного роста объема туристских услуг.

Следует отметить, что развитие регионального туризма позволяет создать благоприятную социальную среду и увеличить вклад подотрасли в экономику территории за счет роста объемов предоставляемых услуг и увеличения турпотоков. Увеличение вклада подотрасли в территориальную экономику связано с:

– ростом количества рабочих мест в регионе за счет увеличения численности персонала, обслуживающего расширяющуюся региональную инфраструктуру туризма;

- ускорением темпов развития предприятий малого и среднего бизнеса и увеличением самозанятости населения региона (обслуживание малых средств размещения, функционирование народных промыслов, хореки и т.п.);
- благосостоянием населения региона, которое увеличивается в случае роста конкурентного иммунитета территории, способствующего увеличению регионального бюджета и сокращается при его падении;
- повышением морально-этических критериев и воспитанием патриотизма в результате совместных туристических поездок в рамках социального туризма граждан старшего поколения и молодежи;
- расширением межрегиональных и международных связей, способствующих повышению деловой (инвестиционной) привлекательности региона и притоку дополнительных ресурсов в регион;
- формированием условий для самореализации, роста и поддержания социальной активности населения региона, в т.ч. за счет улучшения криминогенной обстановки в связи с перекоммутиацией интересов и расширением возможностей для доступного цивилизованного проведения свободного времени.

Перед органами государственной власти и органами управления в сфере туризма стоит задача – увеличение доходности сферы туризма, т.е. активизация использования туристических ресурсов региона (природных, исторических, социокультурных объектов, расположенных на территории Воронежской области), которые можно отнести к конкурентным преимуществам туристской сферы. Для этого необходима разработка региональной политики в сфере туризма, учитывающей факторы внешней и внутренней среды, потенциальные возможности для развития туризма и закрепляющей приоритет за выбранными направлениями развития.

В современных условиях для быстрой и эффективной реализации региональной политики развития туризма весьма важна цифровизация подотрасли. Мы объясняем это следующими обстоятельствами.

Во-первых, анализ мирового опыта позволяет говорить о тенденции ускоренного развития цифровизации туризма.

Ускоренная цифровизация туризма на государственном уровне отмечается в Израиле, Шри-Ланке, Индонезии, Камбодже, Арабских эмиратах, Франции, Германии, Исландии, Грузии. Так, правительством Шри-Ланки было запланировано в 2018 г. привлечь 2,5 млн. туристов за счет применения цифровых технологий. В Индонезии при поддержке правительства была создана собственная сеть бронирования проживания (база включает около 2 тыс. домовладений, что представляет ощутимую конкуренцию Airbnb). Камбоджийская платформа «Camboticket» позволяет по электронной почте заказать место в автобусе, на пароме, в частных службах такси одновременно в Камбодже, Лаосе, Вьетнаме, Таиланде. Французская платформа «Tripnparty» помогает путешественнику найти в любой стране мира бар, о котором знают только местные жители, что является безусловным достоинством с позиций нишевого гастрономического туризма. Израиль выделил 25% рекламного бюджета на цифровое продвижение туристского продукта, Германия – 90%. Можно выделить такие направления цифровизации, как диджитализация и кастомизация, реализация которых позволяет увеличивать доходность подотрасли.

Относительно целесообразности диджитализации отметим, что согласно опросам¹, только треть европейцев делает покупки у туроператоров, в то время как доля запросов с мобильных увеличилась на 40%. Соответственно, необходима переориентация поставки турпродукта непосредственно к потребителю. В этих целях разрабатываются специальные приложения для смартфонов, позволяющие самостоятельно бронировать места в отелях и т.п.

Кастомизация (от планирования поездки до покупки билетов и бронирования мест проживания) улучшает и ускоряет процесс взаимодействия производителя и потребителя туристских услуг за счет использования технологий блокчейн.

Во-вторых, в пользу цифровизации свидетельствуют такие потребительские тренды, как «уход» потенциальных потребителей туруслуг в Интернет и персонализация путешествия.

Туризм рассматривает цифровизацию как кратчайший и наименее затратный путь к потребителю. Приступая к процессу цифровизации, важно учитывать специфику подотрасли, проявляющуюся в доминирующем влиянии нематериальных факторов на эффективность функционирования, прежде всего такого фактора, как общественное мнение. Его направленность жестко коррелируется с выбором маршрута путешествия, т.е., фактически, обосновывает решение о целесообразности посещения той или иной территории. Общественное мнение весьма чувствительно к атмосфере пребывания, т.е. степени доброжелательности населения и уровню комфортности пребывания, которые являются весомыми факторами принятия решения о выборе места путешествия. Это актуально как для въездного, так и внутреннего туризма. Следовательно, значимым направлением развития регионального туризма является позиционирование региона как современного комфортного туристического центра России, отвечающего требованиям мировых стандартов. Это справедливо в отношении Воронежской области, располагающей значительным количеством туристических дестинаций. Важно при этом реализовать комплекс мероприятий, влияющих на восприятие потребителем туристического продукта территории, в частности, на формирование позитивных представлений как о месте пребывания, так и о доброжелательности (лояльности) населения.

Усилия целесообразно сосредоточить на формировании социокультурного пространства, отвечающего требованиям гостеприимства, с помощью такого инструмента, как цифровой маркетинг туризма.

Отметим его значимые особенности, позволяющие ускорить развитие подотрасли:

- эффективное использование бренд-амбассадоров;
- результативное применение таргетинга;
- отсутствие зависимости от объема имеющегося бюджета;
- возможность применения вирусных публикаций.

¹ www.toupprom.ru

Важный раздел региональной политики развития туристической сферы – определение и работа с целевыми группами потенциальных и реальных потребителей регионального туристического продукта. Это предполагает использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), т.е. ускоренное вхождение сферы туризма в цифровую экономику, что, в свою очередь, требует материальных, управленческих и организационных ресурсов. Бесспорно, цифровизация сферы туризма, как и любой другой отрасли материального производства или сферы деятельности, требует материальных и финансовых ресурсов, однако следует учитывать специфику данной подотрасли, а именно преобладающую потребность в организационно-управленческих действиях, без которых ресурсные вложения могут потерять эффективность.

Подводя итог, отметим, что цифровизация сферы туризма, в т.ч. использование преимуществ цифрового маркетинга, применение коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, повысить эффективность использования туристско-рекреационного потенциала территории, с другой – ускорить формирование благоприятной социальной среды, обеспечивающей не только стабильный рост туристического потока и объемов продаж турпродуктов, но и улучшение социально-экономических показателей (за счет снижения преступности вследствие перекоммутации интересов, полноценного досугового отдыха, изменения потребительских предпочтений и т.д.).

Список источников

1. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года. – <http://economy.gov.ru>
2. Проект Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года. – <http://mosoblduma.ru>
3. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>
4. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. – <http://economy.gov.ru>
5. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан на период до 2030 года. – <http://www.invest.tatar.ru>
6. Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. – <http://economy.gov.ru>

Нурланова Н.К.¹

ЛОКАЛИЗАЦИЯ НАУКОЕМКОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА: ОЦЕНКА УРОВНЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: экономика, регионы, локализация, наукоемкое производство, инновационная продукция.

Keywords: economy, regions, localization, knowledge-intensive production, innovative products.

Опыт многих стран мира свидетельствует, что именно в локализованных «точках роста» на определенной территории создаются наиболее благоприятные условия и предпосылки для повышения инновационной активности действующих производств, развития наукоемких секторов экономики, формирования таких новых структур, как технопарки, технологические инкубаторы, центры трансферта технологий, банки данных по инновациям.

Проанализировав множество подходов, применяемых для оценки возможностей развития наукоемких секторов экономики, можно прийти к выводу, что ни одна из существующих в настоящее время методик не может быть универсальной, так как большинство из них включают чрезмерно большой набор показателей, не всегда отражаемых в официальной статистике.

Путем модификации известных зарубежных подходов оценки профиля территории², а также используя индексный метод, можно представить модифицированный индекс концентрации Кругмана (МИКК), отражающий распределение видов деятельности, в том числе и инновационной на территории страны (формула 1):

$$\text{МИКК} = \text{Vir} / \text{Vic} \quad (1),$$

где Vir – объем произведенной инновационной продукции в регионе; Vic – общий объем произведенной инновационной продукции в стране; МИКК – модифицированный индекс концентрации Кругмана.

Согласно приведенной формуле для оценки уровня и динамики локальной концентрации производства инновационной продукции на территории Казахстана были рассчитаны модифицированные индексы концентрации Кругмана (МИКК) за 2010 г. и 2015–2017 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Уровень и динамика локальной концентрации производства инновационной продукции в регионах Казахстана

Регионы (области и города)	Модифицированный индекс концентрации Кругмана МИКК, %			
	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Республика Казахстан	100,0	100,0	100,0	100,0
Акмолинская	5,02	3,76	4,47	1,86
Актюбинская	7,06	4,52	3,58	4,67
Алматинская	0,37	3,84	2,76	1,49
Атырауская	0,09	2,25	1,63	0,68
Западно-Казахстанская	–	0,19	0,65	2,14
Жамбылская	0,29	8,32	7,53	6,02
Карагандинская	10,74	5,49	7,18	3,79
Костанайская	1,23	10,30	11,66	10,83
Кызылординская	–	2,02	1,40	0,65
Мангистауская	0,17	0,37	0,10	0,03
Южно-Казахстанская	3,50	16,95	11,91	14,82
Павлодарская	52,34	1,14	2,07	21,07
Северо-Казахстанская	2,07	3,35	2,64	1,64
Восточно-Казахстанская	7,98	3,11	11,11	9,53
г. Нур-Султан	0,01	30,96	27,59	17,68
г. Алматы	9,10	7,39	3,68	3,1

Примечания:

1. Рассчитано по данным Комитета по статистике РК³.

2. Южно-Казахстанская область в 2018 г. переименована в Туркестанскую область с выделением из ее состава г. Шымкента, который стал третьим городом республиканского значения в стране.

¹ Нурланова Наиля Капеновна – д.э.н., профессор, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки республики Казахстан, Алматы. E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

² Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1999. – N 99. – P.483–499; Aiginger K., Rossi-Hansberg E. Specialization and Concentration: a Note on Theory and Evidence // Empirica. 2006. – Vol. 33. – P. 255–266; Белов А.В. К вопросу о пространственном размещении факторов производства в современной России // Пространственная экономика. 2012. – № 2. – С. 9–28; Васильев А.Н. О некоторых показателях специализации региона // Вестник ТГУЭУ. 2007. – № 3. – С. 78–84.

³ Регионы Казахстана в 2017 году: статистический ежегодник / МНЭ РК. Комитет по статистике. / Гл. редактор Айдапкелов Н.С. – Астана, 2018. – С. 265.

Из приведенных расчетных индексов можно выделить следующие тренды и особенности локальной концентрации производства инновационной продукции в регионах Казахстана.

Во-первых, в 2010 г. производство инновационной продукции было сосредоточено в основном в Павлодарской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областях (значение индексов МІКК: 52,34%; 10,74 и 7,98% соответственно), т.е. индустриальных регионах Казахстана. В 2016 г. ситуация кардинально изменилась, на первое место по производству инновационной продукции среди регионов Казахстана вышел г. Нур-Султан (значение индекса Кругмана МІКК – 27,59%). Это вполне объяснимо, поскольку в столице Казахстана проведена специализированная выставка масштабного международного характера «ЕХРО-2017», которая явилась одной из первых в мире демонстрационной площадкой инновационной инфраструктуры «Энергия будущего». В 2017 г. на концентрацию производств инновационной продукции на территории страны повлияли разнонаправленные факторы, с одной стороны, положительное влияние оказала активизация инновационных процессов в ряде регионов, с другой, негативное влияние оказало изменение общей макроэкономической ситуации, девальвация тенге и снижение затрат на НИР и инновации. В результате на первое место по уровню локализации инновационной деятельности вышла Павлодарская область (МІКК – 21,07%), второе и третье места заняли столица страны и Южно-Казахстанская область (МІКК – 17,68 и 14,82% соответственно).

Во-вторых, в 2017 г. увеличение уровня локализации производства инновационной продукции коснулось не только Павлодарской области и столичного региона, но и других. Так, относительно высокие значения модифицированных индексов концентрации инновационной продукции Кругмана (МІКК) сложились в Костанайской (10,83%), Южно-Казахстанской (14,82%) и Восточно-Казахстанской областях (9,53%).

В-третьих, согласно результатам проведенного анализа, индексы Кругмана (МІКК), характеризующие концентрацию выпуска инновационной продукции на определенной территории, по регионам страны существенно разнятся. Так, по состоянию на 2017 г. сырьевые регионы Казахстана (Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская области) при неблагоприятном изменении конъюнктуры мирового рынка характеризуются очень низким уровнем концентрации инновационного производства и продолжают сдавать позиции, а на лидерские позиции выдвигаются сервисные и промышленные регионы, ориентированные на выпуск инновационной продукции.

В-четвертых, обращает на себя внимание тот факт, что в результате усиления агломерационных процессов проявляется мультипликативный эффект от концентрации региональных инновационных центров в непосредственной близости к производственно-бытовым цепочкам. Территории, в которых возникает агломерационный эффект, начинают бурно развиваться, растет промышленный центр, развитие деловой активности формирует более совершенный уровень инфраструктуры, налаживаются новые связи, что привлекает больше фирм в регион. Поэтому новыми «точками роста» наукоемкой экономики могут стать наиболее развитые на сегодняшний день регионы – Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области, г. Алматы и г. Нур-Султан.

В-пятых, оценка уровня пространственной концентрации производства инновационной продукции в регионах Казахстана в целом соответствует тенденциям многих стран с развивающейся рыночной экономикой.

Исходя из проведенной оценки уровня локализации наукоемких секторов экономики можно составить несколько иной взгляд на характер экономического развития регионов Казахстана и их потенциальные возможности формирования производств наукоемкого сектора и сделать ряд выводов:

- выявленные тенденции свидетельствуют о неравномерном распределении инновационной деятельности на территории Казахстана, что говорит о появлении новых «точек» инновационного роста при сохранении проблемных регионов с точки зрения развития наукоемких производств;
- высокая межрегиональная дифференциация в области производства инновационной продукции свидетельствует о недостаточности позитивных сдвигов в структуре региональной экономики;
- сохраняющиеся значительные масштабы пространственных диспропорций в экономическом развитии страны являются свидетельством формирования новой градации регионов.

Уровень концентрации наукоемких производств также характеризуют данные о количестве предприятий, производящих инновационную продукцию, и уровень их инновационной активности (табл. 2).

Таблица 2

Данные о предприятиях, производящих инновационную продукцию в 2017 г.

Регионы (области и города)	Количество предприятий, единиц	из них		Уровень активности в области инноваций, в %
		предприятия, имеющие инновации, единиц	доля предприятий, имеющих инновации, %	
Республика Казахстан	30 854	2 974	9,64	9,6
Акмолинская область	1 299	98	7,54	7,5
Актюбинская область	1 149	116	10,10	10,1
Алматинская область	1 797	146	8,12	8,1
Атырауская	1 145	92	8,03	8,0
Западно-Казахстанская область	932	49	5,26	5,3
Жамбылская область	846	96	11,35	11,3
Карагандинская область	2 309	257	11,13	11,1
Костанайская область	1 475	167	11,32	11,3
Кызылординская область	784	89	11,35	11,4
Мангистауская область	1 131	40	3,54	3,5
Южно-Казахстанская область	2 499	162	6,48	6,5

Павлодарская область	1 292	112	8,67	8,7
Северо-Казахстанская область	1 023	115	11,24	11,2
Восточно-Казахстанская область	2 010	303	15,07	15,1
г. Нур-Султан	4 039	582	14,41	14,4
г. Алматы	7 124	550	7,72	7,7

Примечание – Составлено по данным Комитета по статистике РК¹.

Как видно из приведенных данных, наибольшее количество предприятий, имеющих инновации, функционирует в промышленных центрах страны – Карагандинской (257 ед.), Восточно-Казахстанской (303 ед.) областях, регионах аграрно-промышленной специализации – Костанайской (167 ед.), Южно-Казахстанской (162 ед.) областях, и в городах Нур-Султан (582 ед.) и Алматы (550 ед.). Однако по доле предприятий, имеющих инновации, лидируют только Восточно-Казахстанская область (15,07%) и г. Нур-Султан (14,41%), эти же регионы являются лидерами и по уровню активности предприятий в области инноваций. Серединное положение занимают Актюбинская, Жамбылская, Карагандинская, Костанайская, Кызылординская и Северо-Казахстанская области. Аутсайдерами по данному показателю явились сырьедобывающие Западно-Казахстанская и Мангистауская области, что еще раз подтверждает сделанный ранее вывод по градации регионов, что сырьевые регионы – лидеры экономики и инвестиционной активности отстают в отношении концентрации наукоемких производств.

Если рассмотреть динамику изменения анализируемых показателей за 5-ти летний период (2013–2017 гг.), то можно отметить, что наибольший рост количества предприятий, имеющих инновации, наблюдался в Карагандинской области – со 148 до 257 единиц или на 173,6%, Восточно-Казахстанской области – с 99 до 303 единиц или на 306,1%, в г. Нур-Султане – со 179 до 582 единиц или на 325,1%, г. Алматы – с 314 до 550 единиц или на 175,2%. При этом доля этих предприятий в их общей численности в Карагандинской области выросла на 3,8 п.п. (процентных пункта), в Восточно-Казахстанской области – на 9,47 п.п., в г. Нур-Султане – на 3,34 п.п., а в г. Алматы снизилась на – 0,33 п.п.

Из проведенного анализа можно сделать вывод о сохранении значительного пространственного неравенства в сфере научно-технической и инновационно-технологической деятельности. Так, наибольшая доля предприятий, имеющих инновации (29,5% от их общего числа), сосредоточена всего в двух регионах страны – г. Нур-Султане и Восточно-Казахстанской области. При этом разрыв между максимальным (в г. Нур-Султане) и минимальным количеством инновационно-активных предприятий (в Западно-Казахстанской области) достигает 17,6 раз. Всего в 3 регионах Казахстана (гг. Нур-Султан, Алматы и Восточно-Казахстанская область) сконцентрировано 64,3% общей численности занятых научными исследованиями и разработками²

Следует отметить основные причины, по которым предприятия многих регионов не вовлекаются в производство инновационной продукции.

Одной из главных системных причин является малоблагоприятная для инновационного развития экономическая среда. Она характеризуется неразвитостью связей государственного и вузовского сектора науки с промышленностью, недостатком средств для финансирования инноваций, низкой инновационной активностью частного капитала. Несовершенство государственных и рыночных институтов не позволяет ей формировать стимулы для повышения инновационной активности субъектов экономики. У частного сектора на сегодняшний день отсутствуют серьезные мотивации к внедрению новых технологий, поиску новых рынков, раскрутке собственных инноваций.

Изучение результатов статистического обследования 30854 предприятий в 2017 году, показало, что среди основных конкретных причин, сдерживающих вовлечение предприятий регионов Казахстана в инновационную деятельность, 27% предприятий указали недостаток финансовых средств, 24% – отсутствие спроса на инновации. Кроме того, причинами того, что предприятия не ведут инновационную деятельность явились: повышенный уровень требуемых инновационных затрат (4%), неопределенность спроса на инновационные товары или услуги (3%), недостаток финансовых средств из внешних источников финансирования (1%), нехватка компетентного персонала (1%), сложность в поиске партнеров для инноваций (1%), доминирование существующих предприятий на рынке (0,5%), отсутствие информации о технологиях (0,4%), отсутствие информации о рынках (0,3%)³.

Анализ сложившихся тенденций регионального развития и распределения инновационной деятельности по территории Казахстана позволяет выделить сложившиеся и потенциальные зоны (центры) индустриального и инновационного роста.

К сформировавшимся или формирующимся зонам (центрам) роста наукоемкого производства в Казахстане можно отнести несколько регионов:

– крупнейшие агломерации республиканских городов (гг. Нур-Султан, Алматы и Шымкент) с наиболее устойчивым ростом на основе агломерационного эффекта, обеспечивающего приток населения и инвестиций;

¹ Регионы Казахстана в 2017 году: статистический ежегодник / МНЭ РК. Комитет по статистике / Гл. редактор Айдапкелов Н.С. – Астана, 2018. – С. 265.

² Казахстан в 2017 году: статистический сборник / Под ред. Айдапкелова Н.С. – Астана: Комитет по статистике МНЭ РК, 2018. – С. 264–265.

³ Об инновационной деятельности предприятий в Республике Казахстан в 2017 г., Серия 14. Статистика инноваций. Астана, 2018 – 64 с.; Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в Республике Казахстан в 2017 г. Серия 15. Статистика науки. Астана, 2018. – 40 с.

– крупные многофункциональные города – центры регионов (гг. Актюбинск, Караганда, Павлодар, Усть-Каменогорск). Их рост обеспечивается концентрацией индустриальных производств и миграционным потоком населения, но недостаточно поддерживается инвестициями;

– ведущие сырьевые регионы, нефтегазовые и металлургические (Атырауская, Актюбинская, Западно-Казахстанская, Мангистауская, Кызылординская и Карагандинская области), экономический рост которых зависит от конъюнктуры цен на сырье. Развитие этих регионов в значительной степени зависит от стратегий крупных компаний, которые позволяют поддерживать инфраструктуру, человеческий капитал и привлекают миграционные потоки.

К перспективным зонам, в которых рост на основе естественных преимуществ пока замедлен, относятся Юг республики и сельскохозяйственные регионы Севера страны. Они имеют не только большой аграрный потенциал, но и развитую индустрию (Костанайская, Туркестанская области), а южные регионы и лучшую демографическую ситуацию. Проблемы этих регионов во многом обусловлены недостаточно эффективной политикой пространственного развития, которая слабо стимулирует использование имеющихся ресурсов их роста и развитие инфраструктуры. Кроме того, многие из них не смогли привлечь значительных инвестиций.

Только проявив себя в зонах с естественными преимуществами, импульсы индустриального роста и инноваций способны распространяться на окружающие территории. Этот процесс, который в мировой практике называется «диффузия развития», следует направлять с помощью стимулирующих мер региональной политики.

Обобщая результаты проведенного анализа можно сделать следующий *основной вывод: предпосылки развития новых и перспективных отраслей и производств наукоемкого сектора экономики есть практически во всех регионах страны*. Причем следует учитывать, что новые проекты и бизнесы можно развивать не только там, где сосредоточены традиционные центры науки и технологий (города Алматы, Астана, Караганда, Павлодар, Усть-Каменогорск). Достаточно наличия в регионе хотя бы одной опорной организации (НИИ, университет, технологическое предприятие).

Овчаров А.О.

д.э.н., профессор, Нижегородский государственный университет
anton19742006@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Ключевые слова: модернизация, инновация, нестабильность, технологии, региональная экономика.

Keywords: modernization, innovation, instability, technology, regional economy.

Значимость изучения проблем модернизации в условиях инновационного развития связана с необходимостью повышения темпов и эффективности социально-экономических преобразований в стране. Особо это актуально в условиях экономической нестабильности, когда высокая волатильность финансовых рынков, бюджетные и денежные дисбалансы, непредсказуемость многих экономических процессов сдерживают поступательное развитие экономики. Проблема усложняется крайне высокой степенью региональной дифференциации. Разный уровень обеспеченности регионов ресурсами, разная степень их экономической активности и результативности не позволяет добиться равномерных темпов модернизации.

Вместе с тем, курс на модернизацию и инновационное развитие является обязательным для обретения конкурентоспособности отдельных регионов и в целом национальной экономики. Современное состояние российских регионов требует быстрых и качественных перемен, но укладываются ли необходимые для России преобразования в русло инновационной модернизации? Чтобы раскрыть некоторые содержательные аспекты обозначенной проблемы, необходимо установить взаимосвязь таких понятий, как: модернизация, инновационное развитие, инновационная модернизация. В исследованиях эти понятия часто трактуются как синонимы. При этом любое теоретическое исследование нуждается в установлении связей между терминами – это необходимо для объяснения фактов, явлений. Кратко сделаем это в контексте регионального анализа.

Первоначально теория модернизации опиралась на опыт модернизации западных стран, который был обобщен в двух моделях так называемой классической модернизации. В основе классической теории лежит понимание модернизации как перехода от традиционного (аграрного) общества к индустриальному (капиталистическому). Регионы в первой модели выступают своего рода носителем процесса модернизации, который зарождался и протекал естественным путем в эпоху промышленных революций, в ходе преобразований социально-экономических и политических институтов. Эту модернизацию еще называют органической или спонтанной. Одной из наиболее важных составляющих первой модели классической теории модернизации явилось признание зависимости политического развития от социально-экономического роста.

Модернизация «второй волны» («догоняющая» модернизация) происходила в условиях, когда был образец для подражания – в XIX веке сформировался европейско-американский мейнстрим в виде реализовавшегося проекта индустриализации. Здесь не соблюдалась «естественная» логика созревания социально-экономических и политических региональных структур, поэтому модернизацию называют неорганической. Государство берет на себя основную ответственность за приспособление экономической и политической систем к требованиям модернизации. Так, чем ниже исходный для модернизации уровень регионального развития, тем больше проявляется необходимость государственного управления модернизационными процессами.

В XX веке модернизационные процессы охватили другие «глобальные регионы» – страны Азии, Африки, Латинской Америки, которые по своему социально-экономическому и политическому развитию сильно отличались от стран классического типа модернизации. Развитие экономики этих регионов поставило перед теорией модернизации задачу создания такой модели, которая бы обеспечивала их переход в современное качество, т.к. ранние модели, построенные на западном опыте, не отвечали этой задаче. Возникли неклассические модели модернизации, которые развивали идею модернизации трансформирующихся незападных обществ с учетом их национальной и региональной идентичности: особенностей хозяйственного, политического, социального развития, имеющихся традиций и ценностей. Требование рекультивации незападных стран в теории модернизации было пересмотрено, и был сделан вывод о том, что модернизация может успешно проходить в координатах локальных культур.

Очевидно, что в XXI в. недостаточно рассматривать модернизацию лишь как переход от традиционного общества к индустриальному – это лишь исходная стадия модернизации. В условиях глобальной конкуренции осуществляется вторичная стадия модернизации – переход к информационному (постиндустриальному) обществу, к экономике, основанной на знаниях. В исследованиях по модернизации, проводимых китайскими учеными, на которые ссылается Н.И. Лапин, выделяются эти две взаимодействующие стадии модернизации. В развитых и развивающихся странах в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00716.

рамках вторичной модернизации продолжается и первичная, индустриальная модернизация, но на новом ее уровне. Взаимосвязь обеих стадий получила название интегрированной модернизации¹.

В России можно найти признаки такой интегрированной модернизации, в том числе и на региональном уровне. Так, С.Ю. Глазьев говорит о реиндустриализации как о приоритетном развитии материального производства, пришедшего в упадок после либеральных реформ. При этом речь идет о реиндустриализации на новом технологическом уровне, с использованием современных технологий, характерных для постиндустриального общества. Стратегическую цель социально-экономического развития регионов А.И. Колганов и А.В. Бугалин видят не в возрождении четвертого (индустриального) технологического уклада, даже на новом технологическом базисе, а в приоритетном развитии человеческих качеств, в развитии креатосферы как определяющей облик новой современности². Области, которые входят в креатосферу, а это образование, наука, здравоохранение, культура и т.п., развивают творческий потенциал граждан и тем самым создают главный источник экономического прогресса.

Изложенное выше понимание модернизации как перехода от традиционного к индустриальному и постиндустриальному обществу не исчерпывает всего содержания модернизации. Это понимание можно обозначить как внешний, международный аспект модернизации, подготовленный мировым процессом распространения передовых идей, технологий, институтов. Но разворачивается модернизация всегда в рамках конкретной страны или региона. Этот аспект можно назвать локальным или внутренним, позволяющим рассматривать перемены внутри отдельного субъекта. Здесь модернизация является синонимом историчности (изменчивости) общественной жизни, вызванной сложным переплетением внешнего и внутреннего. Так, на уровне отдельного субъекта РФ может осуществляться модернизация производства какого-либо промышленного предприятия, результатом которой будет переход объекта модернизации на более высокий уровень организации и функционирования. В этом аспекте модернизация противоположна стагнации и является синонимом прогресса, совершенствования, поступательного развития. Как способ комплексного решения экономических задач, модернизация, таким образом, может рассматриваться и как процесс трансформации, и в качестве инструмента, позволяющего региону посредством инноваций развивать экономические институты.

Модернизация и инновационное развитие – взаимосвязанные, хотя и не тождественные процессы. Термин «инновация» сопряжен с таким понятием, как нововведение и означает внедрение в производственную или иную деятельность новых продуктов или технологий. В последнее десятилетие инновации приобретают всеобъемлющий характер, распространяются на различные сферы общественной жизни. Одинаково важными в деятельности предприятий становятся и производство новых товаров и услуг, и создание новых технологий, и новые модели управления, и поиск новых сегментов рынка и т.д. Новации обеспечивают лидерство компаний, позволяют противостоять угрозам и рискам.

Ряд исследователей, используя понятия модернизации и инновации для определения целей развития России, тесно сближают их и считают предпочтительнее использовать один термин – инновационное развитие³. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой не всякая модернизация означает переход к инновационному типу развития общества, а лишь та, которую можно охарактеризовать как «креативную». В ней решающим фактором развития становится творческий потенциал человека⁴. Еще одна точка зрения рассматривает инновационное развитие как основное направление модернизации и, в частности, как «сердцевину» модернизации экономики на этапе современности⁵.

Для поддержания конкурентоспособности и устойчивости региональной экономики необходима как модернизация, так и инновационное развитие. Ключевым звеном инновационного процесса является использование новых знаний и технологий, ставших результатом научных исследований и разработок. Если исходить из того, что модернизация представляет собой комплексный процесс совершенствования производства, имеющий своей целью повышение его экономической эффективности, то инновационное развитие, в основе которого широкое использование научно-технических достижений, современных информационных технологий, будет определять основное содержание процесса модернизации. В результате наряду с появлением инновационных проектов по созданию новых продуктов, технологий и т.д., в современной экономике осуществляется технологическая модернизация традиционных производств, на современной технической базе происходит совершенствование производительных сил. Другими словами, посредством инновационной модернизации происходит встраивание предприятий традиционных отраслей в структуру современной экономики. Если первичная индустриальная модернизация для своего воплощения требовала электрификации и культурной революции, то в основе постиндустриальной модернизации XXI века лежат инновационные процессы, обеспечивающие доминирование качественных изменений над количественными.

Поскольку определяющим фактором модернизации всех областей экономики является инновационный процесс, то понятие «инновационная региональная модернизация» следует рассматривать как важнейшую характеристику эко-

¹ Лапин Н.И. Человеческие измерения модернизации России в международном контексте // Инновации. – СПб., 2012. – № 5(163). – С. 20.

² Колганов А.И., Бугалин А.В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс // Социс. – М., 2014. – № 1. – С. 80–94.

³ Галкин А.А. Есть о чем поспорить / Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Полис. – М., 2010. – № 2. – С. 128–145.

⁴ Красин Ю.А. Инновационный тип развития и модернизация / Теория и политика инновационного развития и инновации в политике. Круглый стол журнала «Полис» и Института социологии РАН // Полис. – М., 2010. – № 2. – С. 128–145.

⁵ Луговая Е.С. Инновации как основа модернизации современного общества // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2012. – № 2 (17). – С. 103–108.

номического развития регионов. Это понятие можно трактовать не только как переход региональных экономик на передовой технологический уклад, обеспечение экономического развития за счет инноваций, но и как формирование экономики территорий, способной к инновационному саморазвитию¹. Данное качество экономики может быть достигнуто при условии совершенствования всей системы управления инновационным развитием регионов, создания целостной национальной инновационной системы.

¹ Белякова Г.Я., Батюкова Л.Р. Инновационная модернизация экономики: сущность понятия, его взаимосвязь с понятиями модернизация и модернизация экономики // *Фундаментальные исследования*. 2013. – № 10–11. – С. 2495–2498.

Пахомов Ю.Н.

аспирант, Северо-Западный институт управления РАНХиГС Санкт-Петербург

Липатова Л.Н.

д.соц.н., к.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: экономическая безопасность, экология, угроза, лесовосстановление, атмосфера, водные ресурсы.

Keywords: economic security, ecology, threat, reforestation, atmosphere, water resources.

Различные аспекты единой и сложной проблемы экономической безопасности, обострившиеся в связи с недружескими действиями отдельных стран мира в отношении нашей страны, привлекают пристальное внимание ученых. Проблемы обеспечения социально-экономической стабильности рассматриваются на разных уровнях управления. Заметно активизировались в последние годы и региональные исследования. Различные вопросы обеспечения экономической безопасности небольшого приволжского региона – Республики Мордовия – поднимались и в наших более ранних работах¹. Цель данной статьи – выявить потенциальные угрозы экономической безопасности в сфере экологии.

Диагностику ситуации в сфере экологической безопасности Республики Мордовия проведем на основе данных официальной статистики по охране окружающей среды в регионе.

Важнейший фактор экологического благополучия – наличие лесов, их охрана и восстановление. Площадь лесов Мордовии составляет 726,1 тыс. га, или около 28% всей территории республики. В последнее время лес ежегодно вырубается на площади 4–5 тыс. га, что составляет 0,6–0,7% их общей площади.

Основным способом лесовосстановления является создание лесных культур путем проведения мероприятий по восстановлению лесов на вырубках, пустолях, прогалинах и иных бывших под лесом площадях (посадка, посев леса и содействие естественному возобновлению лесов). Содействие естественному лесовосстановлению осуществляется следующими способами: сохранение возобновившегося под пологом лесных насаждений жизнеспособного поколения основных лесных древесных пород; сохранение при проведении лесных рубок жизнеспособных лесных насаждений; уход за подростом лесных насаждений ценных лесных древесных пород на площадях, не покрытых лесной растительностью; минерализация почвы.

Статистика отмечает значительное сокращение объемов лесовосстановительных работ в Мордовии, что не может не беспокоить. При сокращении общего показателя в 2012–2017 гг. на 11% масштабы искусственного лесовосстановления сократились почти в 2 раза, комбинированного – более, чем в 5 раз. По сути, лесовосстановление в регионе большей частью обеспечивается естественным путем.

На 38% уменьшился и показатель ввода молодняка в категорию ценных лесных насаждений. Стабильной остается только скорость рубки (табл. 1).

Таблица 1

Проведение основных работ в лесном хозяйстве Республики Мордовия²

Показатель	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Лесовосстановление, га	1643	1379	1203	1270	1107	1457
искусственное	1272	1059	937	1047	927	643
естественное	202	256	110	163	127	782
комбинированное	169	64	156	60	53	32
Введено молодняка в категорию ценных лесных насаждений, га	2320	1935	5510	12635	1162	1432
Рубки главного пользования: площадь, тыс. га	5	5	4	5	5	4

¹ Липатова Л.Н., Модин Е.В. Социально-демографические факторы экономической безопасности // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты. – Саранск, 2015. – С. 363–371; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Дифференциация регионов по доходам как угроза экономической безопасности России // Научное обозрение. – Саранск, 2018. – № 4. – С. 12; Пахомов Ю.Н., Липатова Л.Н. Повышение жизненного уровня россиян как важнейшее направление укрепления экономической безопасности страны // Россия: тенденции и перспективы развития: Матер. XVIII Междунар. науч. конф. – М., 2019. – Ч. 1. – С. 177–180.

² Составлено по: Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 45; 2018. – С. 45.

При сильном сокращении общих масштабов лесовосстановления и сохранении объемов вырубki площадь лесов в Мордовии чудесным образом не только не уменьшилась, но даже немного увеличилась (площадь лесов Мордовии в 2012 г. составляла 725,2 тыс. га¹).

Защита лесов от вредителей и болезней осуществляется в основном биологическим способом – за последние 6 лет, за исключением 2013 г., площадь лесных насаждений, обрабатываемых таким образом, почти не изменилась и охватывает 0,4% лесного фонда региона.

Около 110 га лесной площади пострадало от пожаров за последние 6 лет. Это 0,02% общей площади лесов Мордовии (табл. 2).

Таблица 2

Охрана и защита лесов в Республике Мордовия от вредителей и пожаров²

Показатель	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Защита лесов от вредителей и болезней:	2984	6801	3069	3026	3064	2935
биологическим методом, га						
химическим методом, га	13	22	15	53	85	-
Число лесных пожаров	7	3	22	27	3	6
Лесная площадь, пройденная пожарами, га	6	1	9	78	0,1	15,8

Отметим, что наблюдается нестабильность ситуации в этой сфере, что может говорить об отсутствии системы защиты лесов от природных пожаров. В пользу таких предположений говорят и данные статистики о крайне низком уровне оплаты труда работников лесного хозяйства региона. Традиционно средняя заработная плата в этой отрасли – одна из самых низких в РМ: 2012 г. – 77,9% от среднего по экономике региона уровня, 2013 г. – 75,2%, 2014 г. – 77,7%, 2015 г. – 82,7%, 2016 г. – 89,4%, 2017 г. – 94,9% от среднего показателя в РМ)³.

Загрязнение атмосферы считается одной из главных проблем современности, так как данная среда очень подвижна и попадающие в нее загрязняющие вещества могут оказывать быстрое и серьезное влияние на различные процессы, приводя к ухудшению здоровья населения, снижению экономической эффективности функционирования природно-социально-производственных систем, а также отрицательно сказываясь на состоянии различных компонентов окружающей среды.

Чистота атмосферного воздуха в значительной мере определяется уровнем развития производства и совершенством природоохранной деятельности. В настоящее время значительная часть населения Республики Мордовия живет в зоне непосредственного влияния вредных производственных факторов, основным из которых являются выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух.

Результаты анализ выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников в атмосферу в Республике Мордовия за 2002 – 2016 гг. представлены на рис. 1.

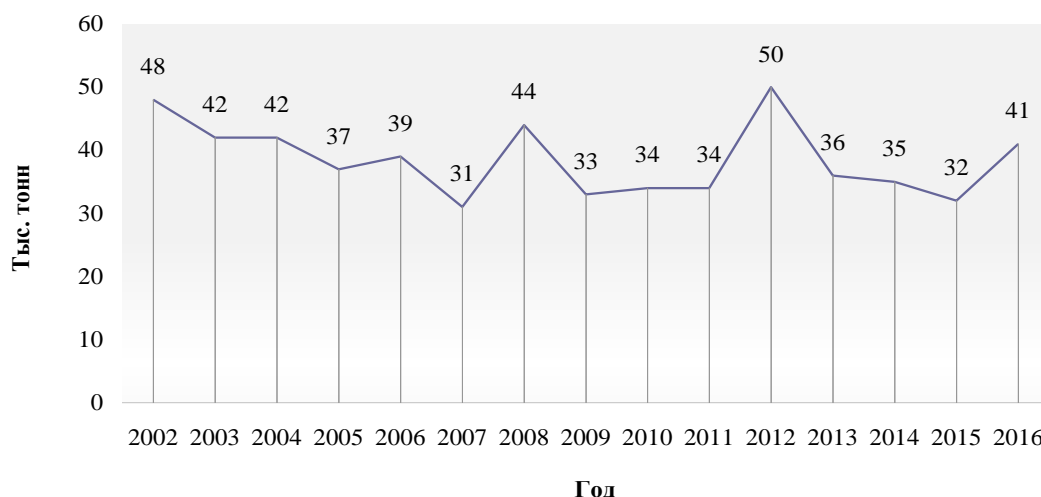

Рисунок 1.

Выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух от стационарных источников Республики Мордовия в 2002–2016 гг. (тыс. тонн)

Анализ полученных результатов показывает, что в регионе нет устойчивой тенденции к снижению вредных выбросов. На рис. 2 изображено, как распределены по территории региона крупные стационарные источники выбросов, загрязняющих атмосферу.

¹ Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2012. – С. 21.

² Составлено по: Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 45; 2018. – С. 45.

³ Там же. – С. 143.

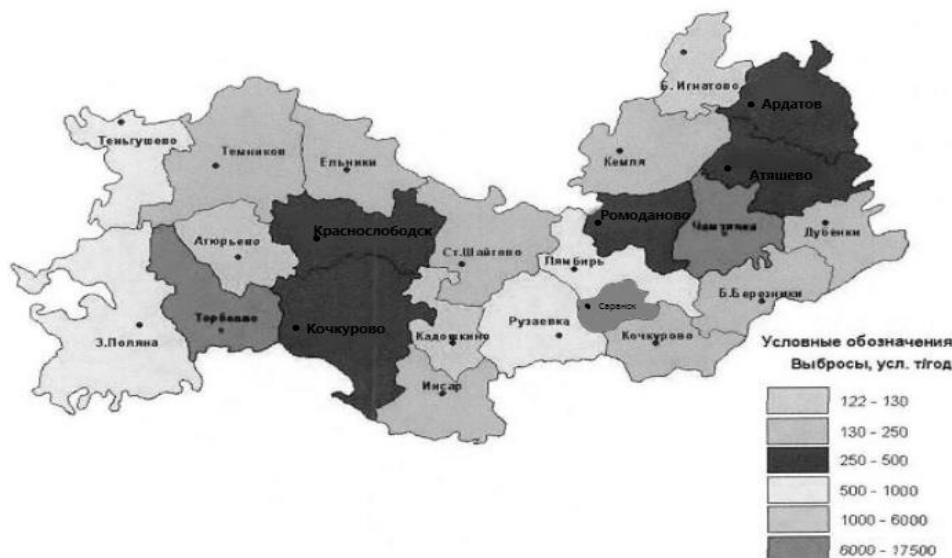

Рисунок 2.
Выбросы в атмосферный воздух от стационарных источников загрязнения на территории Республики Мордовия

Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3, за последние два десятилетия произошло почти 2-кратное уменьшение объема выбросов вредных веществ в атмосферу. Увеличение показателя отмечается только в Торбеевском районе (на 25%).

Таблица 3

Динамика выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в Республике Мордовия

Районы	Площадь района, км ²	Объем выбросов ¹ ,						в расчете на 1 тыс. км ²
		тыс. т / год			% к итогу			
		1993	2001	2014	1993	2001	2014	
Ардатовский	1192,5	1,300	0,520	0,147	1,52	0,93	0,32	0,12
Атюрьевский	826,1	0,135	0,116	0,036	0,16	0,21	0,08	0,04
Атяшевский	1095,8	1,017	0,335	0,245	1,19	0,60	0,54	0,22
Большеберезниковский	957,7	0,618	0,177	0,097	0,72	0,31	0,21	0,10
Большеигнатовский	834,2	0,152	0,131	0,036	0,18	0,23	0,08	0,04
Дубенский	896,9	0,247	0,216	0,084	0,29	0,38	0,19	0,09
Ельниковский	1056	0,501	0,292	0,183	0,58	0,52	0,40	0,17
Зубово-Полянский	2710	3,690	0,919	0,715	4,31	1,63	1,58	0,26
Инсарский	968,6	0,635	0,239	0,163	0,74	0,43	0,36	0,17
Ичалковский	1 265	1,120	0,275	0,301	1,31	0,49	0,66	0,24
Кадошкинский	618,6	0,296	0,243	0,113	0,35	0,43	0,25	0,183
Ковылкинский	2 015,7	3,306	0,796	0,498	3,86	1,42	1,10	0,25
Кочкуровский	816,46	0,381	0,147	0,075	0,44	0,26	0,17	0,09
Краснослободский	1379,4	1,262	0,374	1,047	1,47	0,67	2,31	0,76
Лямбирский	852	0,864	0,779	0,632	1,01	1,39	1,39	0,74
Ромодановский	820,8	1,310	1,170	0,417	1,53	2,08	0,92	0,51
Рузаевский	1089,5	3,403	1,233	1,770	3,97	0,19	3,90	1,62
Старошайговский	1419,4	0,789	0,164	0,159	0,92	0,29	0,35	0,11
Темниковский	1936,8	1,086	0,141	0,064	1,27	0,25	0,14	0,03
Теньгушевский	845,94	0,993	0,509	0,555	1,16	0,91	1,22	0,66
Торбеевский	1128,92	17,804	18,558	22,21	20,79	33,01	48,96	19,67
Чамзинский	1009,5	27,779	21,046	4,517	32,43	37,44	9,95	4,47
г. Саранск	388,27	16,968	7,832	11,29	19,81	19,93	24,89	29,08
Итого	26200	85,656	56,212	45,37	100,0	100,0	100,0	1,73

Существенно изменилось и пространственное распределение загрязняющих атмосферу выбросов по территории региона. В 2,4 раза возросла структурная доля Торбеевского района, на который приходится почти половина всех вредных выбросов в атмосферу.

Еще 1/4 приходится на г. Саранск, удельный вес которого в общем объеме выбросов вредных веществ в атмосферу увеличился в рассматриваемый период на 26%, хотя абсолютный показатель и снизился на 33,5%. При умень-

¹ Метелкина О.Ю. Анализ динамики удельного показателя выбросов загрязняющих веществ в атмосферу Республики Мордовия / О.Ю. Метелкина, Ю.Н. Крайнова, О.А. Козлова // Мир науки и инновации. 2015. – № 2. – С. 64–67.

шении объема вредных выбросов увеличение структурной доли характерно еще для 2 районов республики – Краснослободского (в 1,6 раза) и Лямбирского (в 1,4 раза). С 32 до 10% сократилась структурная доля Чамзинского района, длительные годы сохранявшего печальное лидерство за счет выбросов цементной пыли.

Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха по-прежнему остаются промышленные предприятия, предприятия электроэнергетики, строительных материалов, автомобильный транспорт.

Проанализировав условную нагрузку выбросов на местность, необходимо отметить, что северная часть республики загрязнена в меньшей степени. Область с высокой и средней нагрузкой выбросов (более 0,5 т/км²) простирается с запада Мордовии на восток региона через наиболее промышленно сформированные районы.

По данным, приведенным А.Н. Метелкиной, нами был рассчитан показатель объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, приходящегося на 1 кв. км площади района. Расчеты показали, что при среднем уровне этого показателя 1,73 т/км² в ГО Саранск его значение составляет 29,1 т/км². Самый экологически неблагоприятный сельский район республики – Торбеевский. Выше среднереспубликанского уровня значение этого показателя только в Чамзинском районе.

Наименьшие значения показателя объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, приходящегося на 1 кв. км площади, отмечается в Темниковском, Атюрьевском и Большеигнатовском районах Мордовии.

По расчетам специалистов, численность населения Республики Мордовия, проживающего в условиях воздействия загрязненного атмосферного воздуха, составляет около 340 тыс. чел. или 39% населения региона¹.

Всего на территории такого небольшого региона, как Республики Мордовия (площадь – 26,1 тыс. км²), в начале 2018 г. размещалось 15747 стационарных источника загрязнения воздуха, из них организованных – 9873 единицы². Наиболее крупные источники вредных выбросов в атмосферу с указанием их санкционированных объемов приведены в табл. 4.

Таблица 4

Рейтинг предприятий – основных источников загрязнения атмосферного воздуха в Республике Мордовия

Предприятие	Валовой выброс загрязняющих веществ (по выданным разрешениям), т
Филиал ООО «Газпромтрансгаз Нижний Новгород» – «Починковское ЛПУ МГ»	34 524,5805
Филиал ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород»	72 336,7489
АО «Мордовцемент»	20 518,0035
АО «Территориальная генерирующая компания № 6» Мордовский филиал	13 493,4583
ООО «Чистый город»	1309,1628
АО «СаранскТеплоТранс»	1052,8704
АО «Плайтерра»	714,55189
АО «ВКМ-Сталь»	599,7901
ООО «Мордовторсырье»	510,6908
ГУП РМ «Лисма»	479,9105
ООО «Ромодановосахар»	446,62
АО «Птицефабрика «Чамзинская»	438,3
АО «Рузаевский стекольный завод»	436,3

Анализ динамики показателей, характеризующих выбросы и улавливание вредных веществ, отходящих от промышленных предприятий Республики Мордовия (данные представлены в табл. 5), свидетельствует, что объем выбросов вредных веществ в атмосферу за 2011–2017 гг. увеличился в 1,6 раза, а объем уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ – только на 12%.

Таблица 5

Выбросы и улавливание вредных веществ, отходящих от стационарных промышленных и источников загрязнения атмосферного воздуха, в Республике Мордовия³

Годы	Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. тонн	Уловлено и обезврежено загрязняющих веществ	
		тыс. тонн	в процентах от общего количества загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения
2011	34	452	93
2012	50	585	92
2013	36	707	95
2014	35	737	96
2015	32	381	92
2016	41	361	90
2017	54	506	90

¹ Савельев А. П. Экологическая безопасность Республики Мордовия: монография. – Саранск, 2016. – С. 10.

² <https://knoema.ru/atlas/>

³ Составлено по: Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 46; 2018. – С. 46.

Приведенные данные свидетельствуют о снижении эффективности работы по предотвращению вредных выбросов. Основанием для такого вывода является то, что отходящих загрязняющих окружающую среду веществ стало улавливаться и обезвреживаться меньше – соответствующий показатель уменьшился с 93% в 2011 г. до 90% в 2017 г.

Оценивая ситуацию в этой сфере, следует иметь в виду, что статистические данные формируются только по кругу крупных предприятий – источников загрязнений с нормативом выбросов в год 10 т. и более. Между тем, от 50 до 90% загрязняющих атмосферу веществ производит автотранспорт¹. Учитывая низкий уровень жизни жителей Мордовии, можно предположить, что по дорогам региона перемещается много старых автомобилей, не отвечающих требованиям экологии.

В структуре выбросов преобладают газообразные и жидкие вредные вещества (92% в 2012 г. и 94% в 2017 г.), наибольшую часть которых формируют углеводороды. Заметим, что только за 2017 г. объем последних возрос в 2 раза. В 1,5 раза увеличились выбросы летучих органических соединений. Сохраняются объемы выбросов такого вредного вещества, как окислы углерода. Лучше ситуация с твердыми вредными веществами – их объем уменьшился за рассматриваемый период на 25%. Почти все уловленные очистными установками вредные вещества утилизируются (табл. 6).

Таблица 6

Оборот вредных веществ, отходящих от стационарных источников в Республике Мордовия (тысяч тонн)²

Показатель	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего	50	36	35	32	41	54
<i>в том числе:</i>						
твердые вещества	4	3	3	3	3	3
газообразные и жидкие вещества	46	33	32	29	38	51
<i>из них:</i>						
окислы азота	7	11	7	7	7	6
окислы углерода	6	6	5	6	8	6
углеводороды (без летучих органических соединений)	31	13	16	13	17	34
летучие органические соединения	2	3	3	3	3	3
диоксид серы	-	-	0,2	0,3	1,4	-
Использовано загрязняющих веществ, тыс. тонн	581	704	733	380	360	505
в процентах от общего количества уловленных веществ	99	99	99	99	99	99

Одним из важнейших направлений анализа экологической ситуации является *использование водных ресурсов*. Состояние водных ресурсов страны вызывает большую озабоченность Президента РФ В.В. Путина: «Значительная часть поверхностных вод оценивается сегодня как «грязные» и «экстремально грязные». Семь процентов жителей не обеспечены качественной питьевой водой»³.

Ситуация с качеством воды в водных объектах в России продолжает оставаться неблагоприятной, в первую очередь вследствие сбросов промышленных и бытовых сточных вод, поверхностных стоков вод с сельскохозяйственных угодий. Так, 19% сточных вод сбрасывается в водные объекты без очистки, 70% – недостаточно очищенными и только 11% – очищенными до установленных нормативов допустимых сбросов. Сброс неочищенных и недостаточно очищенных сточных вод является причиной загрязнения поверхностных и подземных вод, накопления в донных отложениях загрязняющих веществ, деградации водных экосистем. Это приводит к тому, что от 30 до 40% населения страны регулярно пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам⁴.

В Республике Мордовия забор воды в 2012–2017 гг. сократился почти на 20% и в основном осуществляется из подземного горизонта. Но объем использованной воды уменьшился в еще большей степени. Это говорит о росте потерь воды (с 7% в 2012 г. до 11% в 2017 г.). В структуре потребления преобладают хозяйственные нужды, хотя объем воды, расходуемой в быту, уменьшился почти в 2 раза. Напротив, потребление воды в производственных целях возросло за рассматриваемый период на 12%.

В части защиты водных ресурсов наблюдается положительная тенденция ежегодного уменьшения объема сброса сточных вод в поверхностные водные объекты без очистки – в 2012–2017 гг. этот показатель уменьшился почти в 8 раз. В результате показатель удельного веса сброса сточных вод без очистки снизился с 7 до 1,2%. Однако оставшийся объем сброса – это недостаточно очищенные воды. Технической возможности очищать воду до установленных нормативов допустимых сбросов ни на одном предприятии Республики Мордовия пока нет (табл. 7).

Однако ситуацию признать благополучной нельзя. Мониторинг загрязнения поверхностных вод, проведенный в 2014 году в 10 створах на реках Мокша, Инсар, Нуя, Исса, Явас, показал, что река Инсар характеризовалась 3 классом разрядом «Б» очень загрязненных вод, реки Нуя и Исса были отнесены к 4 классу разряда «А» грязных вод.

¹ Владимир Путин – о проблеме экологии: На потом откладывать уже невозможно // Комсомольская правда. – <https://www.omsk.kp.ru/daily/26624/3643010/>

² Составлено по: Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 46; 2018. – С. 46.

³ Владимир Путин – о проблеме экологии: На потом откладывать уже невозможно // Комсомольская правда. – <https://www.omsk.kp.ru/daily/26624/3643010/>

⁴ Новикова И. В. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. – № 330. – С. 45.

Основные показатели водопотребления и водоотведения в Республике Мордовия, млн. м³¹

Показатель	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Забор воды из водных объектов	67,67	65,42	62,11	56,86	57,76	54,61
<i>в том числе:</i>						
из поверхностных источников	7,11	7,04	6,93	5,44	5,80	5,93
из подземного горизонта	60,56	58,38	55,18	51,43	51,95	48,68
Использовано воды	63,20	59,91	57,77	52,58	53,39	48,41
<i>из них:</i>						
на хозяйственные нужды	41,72	40,53	36,77	34,96	34,45	22,04
на производственные нужды	16,77	15,25	16,95	14,61	14,37	18,75
Сброс сточных вод в поверхностные водные объекты	38,78	35,29	33,81	29,49	29,43	28,26
<i>из них:</i>						
без очистки	2,74	2,17	1,80	0,88	0,75	0,35
недостаточно очищенные	35,95	32,98	31,98	28,61	28,68	26,10

Другим важнейшим направлением оценки состояния окружающей среды является анализ оборота токсичных отходов производства. В структуре токсичных отходов производства в основном малоопасные и неопасные отходы (4 и 5 классы опасности). Чрезвычайно и высоко опасных отходов экономика региона в 2016 и 2017 гг. не произвела.

Однако опережающий рост объемов наличия, образования и поступления в экономике РМ в 2012–2017 гг. (на 38 %) в сравнении с динамикой показателя использования и обезвреживания токсичных отходов производства (увеличение на 17%) говорит об усилении угрозы их распространения. В 2017 г. использовано и обезврежено было менее 70% токсичных отходов, в то время, как в 2012 г. эта доля приближалась к 82% (табл. 8).

Заметим, что в 2017 г. резко возросли все показатели оборота токсичных отходов. Опережающими темпами увеличивались объемы умеренно опасных отходов производства, вследствие чего их удельный вес в структуре токсичных отходов, образующихся в результате деятельности хозяйствующих субъектов Мордовии, за рассматриваемый период заметно увеличился – с 8% в 2012 г. до 12% в 2017 г.

Таблица 8

Оборот токсичных отходов производства в Республике Мордовия, тыс. т²

Показатель	Год					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Наличие, образование и поступление токсичных отходов	2388	2599	1552	1648	1769	3297
<i>в том числе:</i>						
1–2 класс опасности	2	3	1	1	-	-
3 класс опасности	193	207	236	135	155	404
4–5 класс опасности	2193	2389	1315	1512	1614	2893
Использование и обезвреживание токсичных отходов производства	1957	1103	1236	978	882	2288

Итак, проанализировав открытые данные об экологической ситуации в Республике Мордовия, следует выделить следующие негативные тенденции, которые в дальнейшем могут трансформироваться в угрозы для экономической безопасности данного региона:

- значительное сокращение объемов лесовосстановительных работ;
- снижение эффективности работы по предотвращению выбросов вредных веществ;
- увеличение объемов выбросов в атмосферу вредных газообразных и жидких за счет углеводородов, включая летучие органические соединения;
- отсутствие систем очистки сбрасываемых в водоемы республики вод до установленных нормативов допустимых сбросов;
- накопление токсичных отходов производства.

¹ Составлено по: Мордовия: Статистический ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2017. – С. 47; 2018. – С. 47.

² Там же.

Полулях Ю.Г.

д.э.н., в.н.с., Поволжский НИИ экономики и организации АПК

Ададимова Л.Ю.

к.э.н., в.н.с., Поволжский НИИ экономики и организации АПК

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОГНОЗА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: научно-техническое развитие, инновационные продукты, прогнозирование, оптимизация, прямая и обратная задачи, сельское хозяйство, регион.

Keywords: scientific and technical development, innovative products, forecasting, optimization, direct and return problems, agriculture, region.

Анализ научной литературы по исследуемой тематике [1–3] и собственные разработки авторов в области моделирования [4] позволили выстроить следующую концепцию модели прогнозирования научно-технического развития сельского хозяйства региона. В основу должны быть положены сводные электронные таблицы производственных процессов в растениеводстве и животноводстве сельскохозяйственных организаций, источником информации для которых являются отчетные (фактические) данные, корректируемые с помощью подключённых электронных технологических карт, через которые пропускается информация о конкретных инновационных продуктах (новациях). Поступающие данные проходят первичную оценку по отклонениям от базовых, а полученные на выходе из процессных таблиц результаты передаются в другие отчетные электронные таблицы, в которых фиксируется конечный, в том числе финансовый, результат хозяйственной деятельности организаций. Дается экономическая оценка эффективности инноваций, определяется их влияние на развитие производства. Через модель проходят как отдельные новации, так и их некоторые совокупности, отбираются наиболее приемлемые из них для применения в течение некоторого срока, фиксируются конечные результаты.

Это достаточно общее представление о модели, в задачи пользователя которой входит поиск нужных новаций, сбор максимально полной информации о них, и занесение ее во входной блок технологических карт или непосредственно в расчетные (процессные) матрицы (таблицы) модели, а затем проведение анализа первичных (процессных) и конечных финансовых и экономических результатов. К расчетным схемам должна быть приложена достаточно обширная и разносторонняя база данных, снабженная механизмами первичной обработки информации об инновационных продуктах и их отбора для использования при прогнозировании. Моделирование базируется на разработанном авторами методе полноформатного анализа и прогноза годовых воспроизводственных циклов по данным форм годовой отчетности сельскохозяйственных организаций.

Прежде всего, необходимо оценить имеющиеся в настоящее время и спрогнозировать возможность появления в будущем других инновационных продуктов, получить максимально возможную их характеристику и определить эффективность применения в условиях региона с учетом имеющегося почвенно-климатического разнообразия (рис. 1).

Характеристика каждого инновационного продукта должна быть достаточно полной с тем, чтобы можно было отнести его к одной из категорий (групп) инноваций, повышающих: качество продукции, урожайность культур (продуктивность животных), производительность труда. Ещё более высокие требования следует предъявлять к продуктам, обладающим комплексом полезных свойств, какими могут быть некоторые технические средства и факторы интенсификации, а также к технологиям. Эффективность каждого инновационного продукта первично оценивается следующим образом.

Частные новации, имеющие определённую направленность на достижение какого-либо эффекта от их внедрения в производство:

– *инновации, повышающие качество продукции*. Признак или общее требование эффективности состоит в том, чтобы (формула 1):

$$\Delta V \leq \Delta Pr \quad (1),$$

где ΔV – дополнительные переменные затраты в расчёте на единицу продукции (руб/ц) или прирост константы «V» в связи с введением инновации, направленной на повышение качества продукции, приводящей к росту его цены, приемлемой потребителю (покупателю); ΔPr – ожидаемое (потенциальное) увеличение цены реализации продукта (руб/ц), основанное на более высоких его потребительских свойствах. Эффектом такой новации является увеличение прибыли покрытия, как разницы между приростами цены и переменных затрат в расчёте на единицу продукции;

– *инновации, повышающие урожайность (продуктивность)*. Общее требование (формула 2):

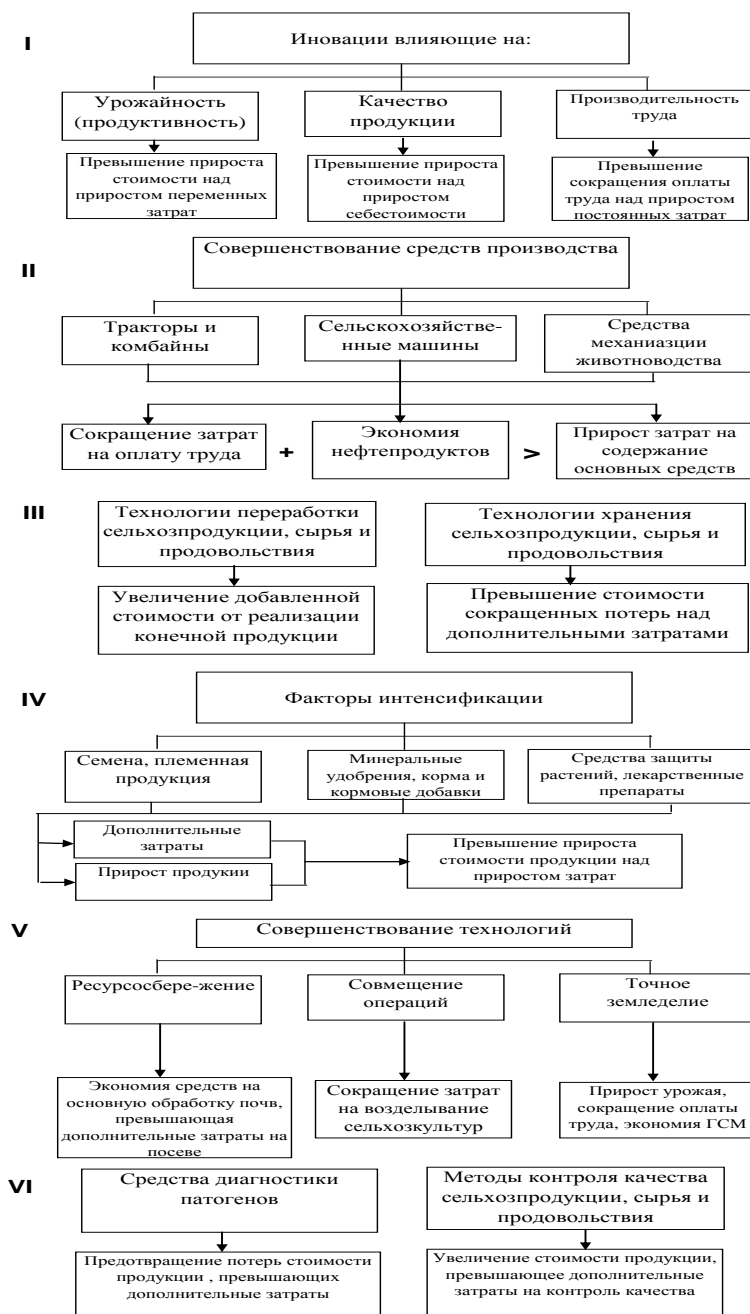
$$\Delta V \leq \Delta U * Pr \quad (2),$$

где: ΔU – прирост урожайности (продуктивности), получаемый от внедрения инновации, ц/га (гол); P_r – устойчивая или прогнозируемая цена реализации продукта, руб/ц;

– инновации, повышающие производительность труда (формула 3):

$$\Delta C \leq |(-\Delta V) * U| \quad (3),$$

где ΔC – увеличение константы постоянных затрат (руб/га (гол)) за счет амортизации и затрат на ремонт основных средств в связи с внедрением более производительной, но и более дорогостоящей техники; $(-\Delta V)$ – сокращение константы переменных затрат (руб/ц) за счёт замещения живого труда овеществленным (прошлым) трудом, содержащемся в новой технике; $|(-\Delta V) * U|$ – абсолютная величина сокращения переменных затрат в расчёте на 1 га (гол).

Примечание: схема разработана авторами

Рисунок 1.

Механизмы воздействия (проявления) инноваций на развитие (состояние) сельского хозяйства

Новшества (инновации), дифференцированные по участию в процессе воспроизводства и влиянию на конечный экономический результат. В частности, если суть новации состоит в замене обычных семян сельскохозяйственных культур на семена известной селекции, повышающие урожайность той или иной культуры, её эффектом является прирост урожая, но он требует некоторых затрат средств на более дорогие семена и уборку дополнительной продукции. Включаться в воспроизводственный процесс «новые семена» должны посредством технологической карты или непосредственно электронной таблицы бухгалтерского отчёта сельскохозяйственной организации (форма № 9-АПК) следующим образом:

корректируются затраты на семена с помощью формулы (4):

$$\sum_{j=1}^J Z_{\text{сем}j\text{НТР}} = \sum_{j=1}^J (Z_{\text{сем}j\text{б}} + K_{Sj} * S_j * (N_{\text{сем}j\text{НТР}} * Pr_{\text{сем}j\text{НТР}} - N_{\text{сем}j\text{б}} * Pr_{\text{сем}j\text{б}})) \quad (4),$$

где, $Z_{\text{сем}}$ – затраты на приобретение семян, тыс.руб.; $C_{\text{сем}}$ – цена 1 ц семян, тыс. руб.; $N_{\text{сем}}$ – норма высева семян, ц/га; S_j – площадь посева j -той культуры, га; K_s – доля площади посева семенами высокоурожайных сортов, ед. Символы «б» и «НТР» – соответственно: базовые (б), т.е. обычно применявшиеся семена (б), семена сортов лучшего качества (НТР). Корректироваться могут затраты по всем (хотя не обязательно) сельскохозяйственным культурам с учетом доли площади, засеваемой семенами лучшего качества (K_s), а также различий по цене и норме высева семян;

определяется рост валового сбора сельскохозяйственных культур по формуле (5):

$$\sum_{j=1}^J Q_{j\text{НТР}} = \sum_{j=1}^J (Q_{j\text{б}} + K_{Sj\text{НТР}} * S_{j\text{б}} * (U_{j\text{НТР}} - U_{j\text{б}})) \quad (5),$$

где: $Q_{j\text{НТР}}$ и $Q_{j\text{б}}$ – валовой сбор j -той сельскохозяйственной культуры, соответственно, при возделывании нового сорта и базового, ц; $U_{j\text{НТР}j}$ – $U_{j\text{б}}$ – урожайность нового сорта (более высокого качества семян) и базового, ц/га.

Аналогичным образом расчёты выполняются по удобрениям и средствам защиты растений – в растениеводстве, а также корма, кормовые добавки, ветеринарные препараты – в животноводстве.

Группа новаций, связанная с технологическими операциями. Речь идёт, в частности, о ресурсосберегающих технологиях и о точном земледелии, которые наиболее продуктивно оценивать непосредственно в технологических картах, сопоставляя результаты расчётов по новым и действующим технологиям.

Для ресурсосберегающих технологий критерий формируется следующим образом:

экономия затрат на оплату труда, нефтепродукты и содержание основных средств, обусловленная сокращением числа технологических операций, должна быть больше возможного недополучения стоимости продукции, если она не компенсируется дополнительным внесением удобрений и применением средств защиты растений (формула 6):

$$|-(\Delta Z_{\text{оп.т}} + \Delta Z_{\text{нп}} + \Delta Z_{\text{сод. осн.с}})| > |-\Delta Q * Pr| \quad (6),$$

где Q – объем производства;

если потеря урожая компенсируется, то при условии, что $U_{\text{нтр}} \geq U_{\text{б}}$ формула принимает вид (7):

$$|-(\Delta Z_{\text{оп.т}} + \Delta Z_{\text{нп}} + \Delta Z_{\text{сод. осн.с}})| > (\Delta Z_{\text{уд}} + \Delta Z_{\text{ср.з.р}}) \quad (7),$$

Вариант, когда при тех же дозах удобрений и средств защиты растений урожайность не только не снижается, но даже возрастает, объясняется случайностью, некорректностью или феноменом, подпадающим под третий закон НТП, когда вытеснение живого труда осуществляется овеществлённым трудом, стоимость которого в силу научно-технического прогресса не возрастает, а снижается. Подтверждением этого являются описанные А.И. Шабеевым и З.М. Азизовым в [5] агротехнические приёмы, при которых можно «на чернозёмных почвах ...не снижая урожайности озимых и яровых культур, в целях ресурсосбережения применять мелкую вспашку, рыхление с предварительным лушением стерни или гребнекулисную безотвальную обработку, во втором звене – разноглубинную вспашку» [5, с. 30]. Понятно, что речь идёт только о не снижении урожайности, хотя, на самом деле, всё не так однозначно. Из приведённой в статье таблицы видно, что только в варианте 3 с разной глубиной обработки почвы под разные культуры получена более высокая урожайность, хотя и не существенно (1,64 т/га против 1,62 т/га – в пределах статистической погрешности) т.е. можно утверждать, что только при такой обработке почв можно «не снижать урожайность», а в трёх остальных вариантах она снижается. Причём в четвёртом варианте так, что затраты труда и стоимость топлива в расчёте на 1 тонну зерна не снижаются, а возрастают, т.е. удельно ресурсы не сберегаются, а напротив используются не эффективно.

Некоторое преобразование приведённой информации, в том числе с допущением для получения более рельефных результатов принятия наихудшего (четвёртого) варианта в качестве базового, (табл. 1) позволило получить коэффициенты (отношения к базовым), с помощью которых результаты исследования [5] можно подключить к более полной оценке экономической эффективности разработанной авторами модели.

Таблица 1

Исходные данные для оценки эффективности различных вариантов основной обработки почвы по результатам исследований НИИСХ Юго-Востока при возделывании зерновых культур

Показатели	Варианты обработки почвы				
	вспашка отвальная на 27–30 см (базовый)	вспашка лемешным лушительником На 14–16 см.	вспашка с дифференцированной по культурам глубиной	плоскорезная обработка на 27-30 см.	лушение с последующим плоскорезным рыхлением
Урожайность (ц/га)	1,62	1,58	1,64	1,43	1,57
отношение к базовой	1,133	1,105	1,147	1,0	1,098
Затраты на 1 га всего, тыс. руб.	2117,34	2037,41	2074,6	1990,85	2081,98
отношение к базовым	1,064	1,023	1,42	1,0	1,046
Затраты труда (на 1 га, чел. час)	6,97	6,54	6,74	6,46	6,74
отношение к базовым	1,079	1,012	1,043	1,0	1,043
Расход топлива на 1 га, кг	57,67	51,98	52,97	51,34	53,072
отношение к базовым	1,123	1,012	1,032	1,0	1,034

Примечание: 1) урожайность по вариантам взята из таблицы [5]; 2) остальные абсолютные затратные значения показателей пересчитаны с одной тонны зерна на 1 га посевной площади; 3) коэффициенты рассчитаны по данным на 1 га.

Для этого отношения значений показателей четырёх вариантов к значениям показателей базового варианта, принимаются за искомые коэффициенты инновационных продуктов и вводятся в модель, в которой выполняются все расчёты до получения конечного результата.

Следующая группа инноваций связана с применяемой техникой. Здесь расчёты могут выполняться как по отдельным технологическим операциям, так и в среднем по всему комплексу работ в условных единицах, как по каждой культуре, так и в целом по всем культурам. При этом, как правило, снижаются затраты на оплату труда, и зачастую – стоимость нефтепродуктов, но возрастают амортизация и затраты на ремонт. Причём возрастать они должны так, чтобы их прирост перекрывался экономией на оплате труда и нефтепродуктах (формула 8):

$$\left| -(\Delta Z_{\text{опт}} + \Delta Z_{\text{ип}}) \right| > \Delta Z_{\text{оср}} \quad (8).$$

Если применение новой техники может привести к росту урожайности, то формула несколько усложнится, а эффект повысится на величину стоимости дополнительной продукции, уменьшенной на размер затрат на её уборку.

Для оценки эффективности и отбора инновационных продуктов используется информация из «Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы». Через оценочный модуль пропускаются сведения о предусмотренных в ней мероприятиях и данные приложений. Более предметно и тщательно такую процедуру проходят «мероприятия» соответствующих региональных программ, в том числе научно-технического развития (НТР), с целью определения влияния на рост и эффективность производства за счёт применения: семян новых отечественных сортов, племенной продукции (материала), высококачественных кормов, кормовых добавок для животных, лекарственных средств для ветеринарного применения, пестицидов и агрохимикатов биологического происхождения и др.

Важнейшим преимуществом модели является то, что отдельные новации или (и) их совокупности проверяются на эффективность путем наложения на работающий механизм всего хозяйственного комплекса сельскохозяйственных организаций.

При этом нужно исходить из того, что в крупном плане целью модели является перевод современного производства на более высокую научно-техническую ступень его развития (НТР) с помощью применения (внедрения) определенного набора инновационных продуктов. Поэтому в процессе прогнозирования нужно решать две задачи – прямую и обратную. В прямую задачу нужно заложить определенный уровень или стадию (ступень) развития на кривой жизненного цикла агропроизводственной системы [7] в виде критериев (индикаторов), которых нужно достичь, и определить, сколько и каких инновационных продуктов, в каких отраслях (подотраслях) нужно внедрить, а также, сколько и каких ресурсов для этого необходимо привлечь, применив те или иные инструменты. В обратной задаче нужно исходить из того, что товаропроизводители имеют (накопили) определенные объёмы ресурсов для внедрения определенного набора инновационных продуктов, и требуется определить: на какой уровень развития может переместиться производство, применив эти ресурсы и продукты.

Для решения обеих задач требуется выбрать необходимые инструменты и применить метод многомерной оптимизации [6] использования ресурсов и применения инновационных продуктов, исходя из следующих основных положений:

1. *Исходные показатели состояния НТР аграрного производства:*

- инновационная активность в сельском хозяйстве;
- доля инновационных товаров (работ, услуг) в объёме отгруженных товаров (работ, услуг);
- уровень рентабельности сельскохозяйственного производства;
- доля собственных средств в инвестициях;

2. *Цель:* оптимальное использование инновационных продуктов, собственных инвестиций и средств федерального бюджета;

3. *Целевая функция:* – максимум рентабельности производства или окупаемости затрат (формула 9):

$$\sum_{P=1}^P \sum_{m=1}^M \sum_{n=1}^N \left(\frac{W_{\Sigma \text{ск}}}{Z_{\Sigma \text{ск}}} - 1 \right) \rightarrow \max \quad (9),$$

где: N – множество сельскохозяйственных культур, видов животных и производимой продукции; P – муниципальные районы в регионе; M – сельскохозяйственные организации в районе; $W_{\Sigma \text{ск}}$ и $Z_{\Sigma \text{ск}}$ – скорректированные в процессе решения задачи, соответственно, выручка от реализации продукции и затраты на её производство, тыс. руб.

4. *Условия оптимизации:*

Необходимые (формулы 10 и 11):

$$\frac{Z_{\text{опск}}}{Z_{\text{опб}}} < \frac{Z_{\text{мск}}}{Z_{\text{мб}}} < \frac{m_{\text{ск}}}{m_{\text{б}}} \quad (10),$$

а также:

$$\frac{Z_{\text{опск}} + m_{\text{ск}}}{Z_{\text{опб}} + m_{\text{б}}} > 1 \quad (11),$$

где: $Z_{\text{оп}}$ – затраты на оплату труда, тыс. руб.; $Z_{\text{м}}$ – материальные затраты, тыс.руб.; m – валовая прибыль, тыс.руб.; «ск» и «б» – соответственно символы скорректированных прогнозных и базовых значений показателей;

достаточное по соответствию «золотому правилу» (формула 12):

$$1,0 < K_{\text{осн.об.ср}t} < K_{Qt} < K_{wt} < K_{\text{прт}} \rightarrow K_{\text{осн.об.ср}(t+1)} \geq K_{\text{осн.об.ср}} \quad (12),$$

где, коэффициенты роста: $K_{\text{осн.об.ср}t}$ – стоимости основных и оборотных средств; K_{Qt} – объемов производства или стоимости продукции; K_{wt} – выручки от реализации продукции; $K_{\text{прт}}$ – валовой прибыли, $K_{\text{осн.об.ср}(t+1)}$ – стоимости основных и оборотных средств в следующем за прогнозным годом; t – конечный год прогнозного периода.

В отличие от общеизвестных методов решения оптимизационных задач в данном исследовании за основу исходной матрицы принимается непосредственно таблица формы № 9-АПК, дополненная расчётами по переводу различных видов продукции в сопоставимый вид (в условные единицы). Кроме того, в расчёты включаются структурные коэффициенты по всем культурам и видам продукции, а также учитываются результаты (коэффициенты) корреляционного анализа влияния факторов на результаты производства. Под факторами в данном случае понимаются элементы (статьи) расходов, используемых при возделывании той или иной сельскохозяйственной культуры. На их основе формируются коэффициенты эффективности факторов по формуле (13):

$$K_{\text{эф}ijt} = K_{\text{стр}ijt} * K_{\text{знач}ijt} * K_{\text{восп}ijt} / K_{\text{восп}ijt} \quad (13),$$

где: $K_{\text{эф}ijt}$ – коэффициент эффективности (i -того) фактора при выращивании j -той культуры в t -том году; $K_{\text{стр}ijt}$ – структурный коэффициент, равный доле i -того фактора (элемента затрат) в их общей сумме, определяемой по формуле (14):

$$K_{\text{стр}ijt} = \frac{Z_{ijt}}{Z_{\Sigmaijt}} \quad (14),$$

где: Z_{ijt} – величина затрат i -того элемента (фактора), использованная при возделывании j -той сельскохозяйственной культуры в t -том году, тыс. руб.; Z_{\Sigmaijt} – сумма всех элементов затрат, использованных при возделывании j -той сельскохозяйственной культуры в t -том году, тыс. руб.;

$K_{\text{знач}ijt}$ – коэффициент значимости фактора, равный коэффициенту корреляции (r_{ij}) между i -тым фактором производства (Z_{ijt}) при возделывании j -той сельскохозяйственной культуры в t -том году (тыс. руб.) и валовым сбором (Q_{jt}) продукции j -той культуры в t -том году, ц (15):

$$K_{\text{знач}ij} = r_{ijn} (Z_{ijn}; Q_{jn}) \quad (15),$$

где: n – число районов региона, возделывающих j -тую сельскохозяйственную культуру в t -том году; $K_{\text{восп}ijt}$ и $K_{\text{восп}ijn}$ – коэффициенты воспроизводства в t -том году значений затрат, соответственно, j -той культуры в целом и только i -того фактора этой же культуры.

Целевой функцией первой итерации может быть признан максимум уровня рентабельности от реализации продукции растениеводства или количества условной продукции с ограничением по уровню себестоимости её единицы.

Поскольку оптимизация проводится до распределения полученной продукции и корректировки объёмов её реализации, необходимые данные для расчёта прибыли можно взять из таблицы отчётного года. Но эта процедура может и не проводиться или проводиться после корректировки распределения продукции растениеводства (форма № 16-АПК «Баланс продукции»). В этом случае после получения результатов оптимизации необходимо повторно выполнить корректировку «Баланса продукции» и «реализации продукции растениеводства». Хотя можно всю дополнительную продукцию, если таковая будет, полностью отнести на увеличение количества реализованной продукции.

Распределение предполагаемых объёмов продукции растениеводства проводится непосредственно в форме № 16-АПК «Баланс продукции». Далее скорректированные объёмы выделяемых для животноводства кормов переходят в форму 13-АПК (животноводство) для её корректировки с дальнейшим сводом затрат растениеводства и животноводства в форме № 8 АПК, и расчёта финансовых результатов в форме № 2 по ОКУД, а затем корректировки стоимости основных средств и запасов (форма № 5) и наконец, расчёта размеров и структуры инвестиций в основной капитал. Это позволит получить конечную формулу оценки рациональности научно-технического развития:

Полученный результат прогноза может иметь сценарные варианты, связанные со степенью освоения (внедрения) отобранных для прогнозирования новаций, например: в худшем варианте отобранные новации внедряются на минимально возможном уровне; во втором – в соответствии с целевыми показателями программ; в третьем – в максимально возможном объеме.

Важным итогом проведённого исследования является формирование представления о научно-техническом развитии сельского хозяйства как о совокупности процессов: создания результатов исследований и разработок в аграрной и других отраслях науки; их продвижение и внедрение в производство; освоение и эффективное использование товаропроизводителями, обеспечивающее переход производственных систем на очередную стадию (ступень) экономического роста по восходящей ветви жизненного цикла.

Предлагаемая модель прогноза научно-технического развития сельского хозяйства региона позволяет аккумулировать объёмные параметры и целевые индикаторы из имеющихся программ развития сельского хозяйства и других отраслей АПК, выделяемые для их достижения средства бюджетов всех уровней и собственные ресурсы сельскохозяйственных организаций. Оптимизация их использования и выбор наиболее эффективных инновационных продуктов обеспечивают получение максимально возможного экономического результата, необходимого для перехода сельского хозяйства региона на новую стадию (ступень) своего развития.

Список литературы

1. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики (учебник. 2-е изд., перераб. и доп.). – М.: Норма, 2008. – 640 с.
2. Пачоли Л., Соколов Я. Трактат о счетах и записях, с примечаниями и дополнениями. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 368 с.
3. Костюченко Т.Н., Сидорова Д.В. Особенности воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве: монография. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2013. – 156 с.
4. Полулях Ю.Г., Ададимова Л.Ю. Модель обеспечения воспроизводства как база научно-технического развития АПК // Научное обозрение: теория и практика. 2018. – № 1. – С. 60–68.
5. Шибяев А.И., Азизов З.М. Ресурсосберегающие приёмы и системы основной обработки почвы в агроценозах Поволжья // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. 2005. – № 3. – С. 28–30.
6. Тимирова А.Н. Свойства модели Марковица при задании параметров средствами теории нечетких множеств. – [http://www.intsys.msu.ru/magazine/archive/v16\(1-4\)/timirova-203-214.pdf](http://www.intsys.msu.ru/magazine/archive/v16(1-4)/timirova-203-214.pdf)
7. Ададимова Л.Ю., Котельников В.И., Ойдуп Т.М., Полулях Ю.Г. Моделирование устойчивого развития сельских территорий с учётом изменения климата в геоинформационных системах // ИнтерКарто/ИнтерГИС – 23. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий в условиях глобальных изменений климата: материалы Международной конференции. Т. 1. (Южно-Сахалинск, 26-28 июня 2017 г.). – М.: Издательство МГУ, 2017. – С. 172–183.

*Поплыко В.И.*¹

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сброс сточных вод, радиоактивное загрязнение, кластерный анализ, «зеленая» экономика.

Keywords: emissions of pollutants into the air, wastewater discharge, radioactive contamination, cluster analysis, green economy.

Введение. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь опирается на систему государственных программ. Региональная политика, экология и охрана окружающей среды относятся к приоритетам правительства. В настоящее время в стране реализуется пятый пятилетний план, учитывающий как региональные, так и экономические особенности страны.

Согласно Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы продолжится политика комплексного развития каждого региона страны с уменьшением межрегиональных различий и созданием благоприятных условий для жизни людей независимо от места проживания. Ключевым отличием проводимой региональной политики станет переход от механизмов равномерного развития районов и небольших поселений к стратегии концентрации государственных и частных инвестиционных ресурсов в центрах экономического роста, имеющих на и более высокие характеристики инвестиционной привлекательности, наилучшие предпосылки для получения значимых экономических эффектов².

Главными целями государственной экологической политики до 2020 года являются создание условий для устойчивого использования природных ресурсов и внедрение в стране механизмов «зеленой» трансформации экономики. Их реализация направлена на повышение потенциала белорусской экономики, региональное развитие, улучшение качества компонентов окружающей среды.

Угроза сокращения природных ресурсов и снижения качества окружающей среды является одним из главных препятствий устойчивого экономического роста. С учетом национальных особенностей и глобальных вызовов государство определяет «зеленую» экономику как стратегический приоритет³.

Нужно отметить, что в условиях глобализации, ведения промышленного и аграрного производства, доминирования городского образа жизни увеличиваются и накапливаются экологические проблемы в нашей стране. Это стабильные выбросы в окружающую среду как твердых, так и газообразных отходов.

Политика Республики Беларусь в области охраны окружающей среды за последние 20 лет позволила уменьшить негативное воздействие хозяйственной деятельности на целостность экологических систем, а также обеспечить улучшение экологической ситуации в стране, повысить эффективность использования возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов в интересах экономического роста и улучшения условий жизни населения⁴. Основная цель Государственной программы – обеспечение охраны окружающей среды, рационального природопользования, экологической безопасности страны и перехода к «зеленой» экономике, а также выполнения международных обязательств Республики Беларусь в области охраны окружающей среды.

На решение проблем защиты окружающей среды белорусское государство ежегодно расходует средства в сумме около 1% ВВП⁵. Возникает насущная необходимость поиска путей комплексного решения экономических, социальных и экологических проблем в условиях глобализации и ставят проблему перехода Беларуси на модель устойчивого социально-экономического развития в разряд наиболее актуальных. При этом главной «ареной» для внедрения принципов и механизмов устойчивого развития на практике являются регионы.

¹ Поплыко Владимир Иванович – к.э.н., доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета. E-mail: v_poplyko@tut.by

² Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. – http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf

³ Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года. – <http://www.government.by/upload/docs/fileb9cfb7e9401807aa.PDF>

⁴ Государственная программа «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2016–2020 годы. – <http://minpriroda.gov.by/ru/gosprog/>

⁵ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2018. – С. 31.

Экология регионов Беларуси

Основные методологические подходы к экологической оценке территории основывается на идеях экономистов-экологов (П. Ойкинс, Х. Хендерсон, Г. Дейли, П. Хокин, Э. Ловинс, Р. Нургард, Л. Браун). Эксперты отмечают ограниченность природных ресурсов и восстановительной способности природы, настаивают на кардинальном пересмотре экономических подходов, на необходимости более полного учета взаимодействия окружающей среды (социальной и природной) и развития хозяйственной сферы.

Оценка влияния экологической составляющей на регион строилась на следующей гипотезе: чем выше загрязнение окружающей среды, тем ниже привлекательность территории для проживания, которая требует больше капиталовложений. Сам процесс анализа учета влияния экономической деятельности на экологию отдельных территорий состоял из нескольких этапов:

Этап 1. Определение состава индикаторов и формирующих их показателей

Отбор показателей, с учетом критериев доступности и значимости. Важно иметь сводную и регулярно обновляемую статистическую информацию по экологии. Результатом отбора из множества показателей явилось формирование 2-х значимых признаков экологической нагрузки территории Беларуси. Их можно разделить на группы:

- выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух – поступление загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников выбросов. Это загрязнения возникают при промышленном производстве и бытовой деятельности населения, они жестко привязаны к локальной территории¹.
- сброс воды – суммарный объем воды, сброшенной в окружающую среду, в том числе в системы коммунальной канализации, техническую, карьерную и дренажную воду, земляные накопители, на поля фильтрации, и воду после рыболовных прудов².
- последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. рассматриваются как глобальный фактор.

Этап 2. Сбор необходимой информации

Расчеты экологического загрязнения регионов базируются на официальных источниках информации. Данные предоставляются статистическими органами в статистическом сборнике «Охрана окружающей среды в Республике Беларусь» по 118 административным районам страны. Периодичность их представления – ежегодно.

Здесь нужно отметить следующий подход. Если в районе расположены несколько городов или городских поселений, их показатели суммируются и зачисляются на «баланс» конкретного территориального административного образования.

Этап 3. Проведение расчетов

Приведенные в табл. 1 данные дают представление о выбросах загрязняющих веществ в воздух и воду за 2015–2017 гг. Согласно официальным данным загрязнение воздушного бассейна за счет стационарных источников снизилось на 5,6 тыс. тонн с 461,6 до 455,5 тыс. тонн. А вот тенденция со сбросом сточных вод противоположная. Наблюдается рост как использования, так и слива воды на 23% с 948,7 до 1168,9 млн. куб метров.

Таблица 1

Отдельные показатели загрязнения окружающей среды Республики Беларусь³

Показатели	2015г.	2016г.	2017г.
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников по областям, городам и районам, тыс. тонн	461,60	456,30	455,50
Сброс вод по областям, городам и районам, миллионов кубических метров	947,80	1152,50	1168,90
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в расчете на один квадратный километр территории, килограммов	2208	2182	2184
Сброс воды на один квадратный километр территории, кубических метров	4595	5589	5671
Справочно			
Территория Республики Беларусь, км ² 206296,89			

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников в расчете на один квадратный километр территории по областям и г. Минску имеют тенденцию к сокращению. Вместе с тем, сброс воды по областям, городам и районам постоянно увеличивается.

Безусловно, существует социально-экономическая неравномерность развития регионов Беларуси, а значит, и экологические различия. С целью оценки загрязнения воздушного и водного бассейнов отдельных территорий проведем следующие расчеты. Во-первых, сведем показатели экологической нагрузки по 118 районам Беларуси за 2015–

¹ Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2018. – 39.

² Там же, с. 98.

³ Источник: Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2018. – С. 11, 60, 129.

2017 годы. Для сбалансированности расчетов брались средние значения за три года. Объемы выбросов загрязняющих веществ в конкретном районе делились на его площадь. Мы получали показатели загрязнения окружающей среды на 1 квадратный километр территории.

Во-вторых, проведем кластерный анализ районов по выбранным признакам для разбиения на группы. Он представляет собой совокупность методов классификации многомерных наблюдений или объектов, основанных на определении расстояния между объектами с последующим выделением из них групп, «сгустков» наблюдений (кластеров, таксонов). Кластерный анализ используется при исследовании структуры совокупностей социально-экономических показателей или объектов: предприятий, регионов, социологических анкет, коллективов и т.д. Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокупность объектов на группы «схожих» объектов, называемых *кластерами*¹.

Данный подход позволит нам проверить гипотезу о существовании групп районов, объединить их по определенным признакам, избежать слепой «интерпретации» полученных результатов чисто эмпирическим и формальным путем. В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System)².

Итоги проведенных расчетов за 2015–2017 годы приведены в табл. 2. В сводке кластерного анализа представлены результаты распределения районов по группам. Количество административных образований, объединенных в группы, колеблется от 1 до 66, их доля, соответственно от 0,85 до 55,93%. Главное заключается в том, что расчеты координат центроидов дают представление о некоей средней величине признаков каждого кластера. Таким образом получить как количественную (число объектов), так и качественную характеристику (по признакам) каждой выделенной группы районов.

Таблица 2

Результаты кластерного анализа³

Кластер	Количество районов	Координаты центроидов		В % к итогу
		Выбросы в атмосферный воздух, кг на км ²	Сброс воды, м ³ на км ²	
1	21	2342	8656	17,8
2	6	4638	26 883	5,08
3	17	2950	1590	14,41
4	66	766	703	55,93
5	2	2112	16 200	1,69
6	5	7618	3970	4,24
7	1	15 294	105 589	0,85
Среднее значение		2219	5282	100

В результате кластерного анализа всех территориально-административных образований по 2 признакам были сформированы следующие группы:

- первая, отличающаяся средними значениями загрязнения воздуха и в полтора раза выше средних значениями сброса нечистой воды. Входящие в данную группу районы имеют показатели близкие к среднереспубликанским;
- вторая, включающая в себя районы, имеющие показатели в 3–4 раза превышающие среднереспубликанские. Эта группа состоит из крупных областных центров и прилегающих территорий;
- третья, объединяющая территории с чистым водными объектами, т.е. самыми низкими показателями сброса сточных вод. Загрязнение воздуха несколько выше среднереспубликанского уровня;
- четвертая, включающая территориальные образования с самыми низкими значениями загрязнения окружающей среды результатами хозяйственной деятельности. Одновременно это самая большая по численности группа – 66 районов;
- пятая, состоящая из районов, имеющих минимальные загрязнения воздуха – Полоцкий и Мозырский районы;
- шестая включает в себя территории с низкими значениями загрязнения водного бассейна, загрязнение воздушного пространства на которых более чем в 3 раза превышает средние значения;
- седьмая, отличающаяся наивысшими значениями загрязнения окружающей среды – Минский район.

Данная группировка районов позволяет условно их разделить на две совокупности. В первую входят экологически наиболее грязные районы 1, 2, 3, 5, 6 и 7 группы, общим количеством 29. Вторая, с низкими значениями экологического загрязнения, включает в себя 4 кластер. Она состоит из 66 районов.

Отдельно необходимо отметить тот факт, что наша страна серьезно пострадала от аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году. На 66% территории Беларуси уровни загрязнения почвы цезием-137 превышали 10 кБк/м². Максимальный уровень загрязнения почвы цезием-137 в ближней зоне ЧАЭС обнаружен в населенном пункте Крюки Брагинского района – 59 200 кБк/м², а в дальней зоне (локальное пятно на расстоянии 250 км от ЧАЭС) – в населенном пункте Чудяны Чериковского района Могилевской области – 59 000 кБк/м².

¹ Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере / Ю.Н. Тюрин, А.А. Макаров // Под ред. В.Э. Фигурнова. – М.: Финансы и статистика, 1995. – С. 66–67.

² STATGRAPHICS Plus For Windows. User Manuals. Manugistics Inc., USA. 1995.

³ Рассчитано автором на основе источников: Беларусь – Самые большие районы по площади территории. – https://tochkanakarte.ru/modules/travel/territories_data.php?sort=desc&par=area&type=16&id=35; Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2018. – С. 60–65, 129–134.

Стронций-90 выпал на Беларусь более локально. Уровни загрязнения почвы этим радионуклидом выше 5,5 кБк/м² (0,15 Ки/км²) обнаружены на 10% территории республики. Максимальные уровни стронция-90 обнаружены в пределах 30-км зоны ЧАЭС и достигали величины 1800 кБк/м² в Хойникском районе Гомельской области. Наиболее высокое содержание стронция-90 в почве в дальней зоне обнаружено на расстоянии 250 км – в Чериковском районе Могилевской области – 29 кБк/м², а также в северной части Гомельской области, в Ветковском районе, – 137 кБк/м².

Около 2% площади страны загрязнены трансураниевыми элементами (плутоний-238, 239, 240 (238, 239, 240Pu)) – с плотностью более 0,37 кБк/м². Преимущественно это касается Брагинского, Наровлянского, Хойникского, Речицкого, Добрушского и Лоевского районов, а также Чериковского района Могилевской области. Загрязнение изотопами плутония с высокой плотностью характерно для тридцатикилометровой зоны ЧАЭС. Наиболее высокие уровни наблюдаются в Хойникском районе – более 111 кБк/м².

Когда распадается плутоний-241, на радиоактивно загрязненных территориях образуется америций-241. По радиотоксичности он близок к изотопам плутония. Через 100 лет после аварии на ЧАЭС, в 2086 году, общая активность почвы на загрязненных территориях Беларуси будет в 2,4 раза выше, чем в начальный послеварийный период. Снижение альфа-активности почвы от америция до уровня 3,7 кБк/м² ожидается только после 2400 года¹.

Согласно карте² радиационной обстановки по состоянию на январь 1990 г. к наиболее загрязненным Цезием-137, Стронцием-90 и Плутонием-239+240 относятся 43 районов Гомельской, Могилевской, Брестской областей. Исходными характеристиками послужили загрязнение конкретной территории радионуклидами:

- минимальные значения радионуклидов Ки/км²;
- максимальные значения радионуклидов Ки/км²;
- территория района загрязнения радионуклидами, в %.

Итоги проведенных расчетов приведены в табл. 3. В сводке кластерного анализа представлены результаты распределения районов по группам. Количество административных образований, объединенных в группы, колеблется от 1 до 16, их доля, соответственно от 2,33 до 37,21%.

Таблица 3

Результаты кластерного анализа³

Кластер	Количество районов	Координаты центроидов			В % к итогу
		цезием-137 (min)	цезием-137 (max)	Загрязненная территория, в % общей площади	
1	16	2,25	8,1	9,8	37,21
2	12	4	12,5	59,2	27,91
3	3	15	40	96,7	6,98
4	11	40	80	95,9	25,58
5	1	15	40	10	2,33
Среднее значение		13,6	30,7	51,6	100

В результате кластерного анализа всех территориально-административных образования по 3-м признакам были сформированы следующие группы:

- первая, которая отличается низкими значениями радиоактивного загрязнения. Входящие в данную группу районы – Березовский, Дрогичинский, Ивановский, Пинский, Жлобинский, Петриковский, Светлогорский, Дятловский, Ивьевский, Кореличский, Борисовский, Вилейский, Воложинский, Логойский, Климовичский, Кличевский;
- вторая, включающая в себя районы с более высокими показателями. Эта группа состоит из Лунинецкого, Столинского, Гомельского, Калинковичского, Речицкого, Рогачевского, Березинского, Бельничского, Быховского, Кричевского, Могилевского, Чаусского районов;
- третья, которая объединяет территории Брагинского, Лельчицкого и Лоевского районов Гомельской области непосредственно граничит с Чернобыльской областью Украины. Высокий уровень загрязнения радионуклидами большей части территории;
- четвертая, включающая территориальные образования с самыми высокими значениями загрязнения радионуклидами. Входящие в данную группу районы – Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Кормянский, Наровлянский, Хойникский, Чечерский, Костюковичский, Краснопольский, Славгородский, Чериковский;
- пятая, которая состоит из Ельского района Гомельской области, имеющего высокие значения загрязнения радионуклидами, но с минимальной площадью поражения.

¹ 33 года назад произошла авария на Чернобыльской АЭС.- <https://news.tut.by/society/635465.html>

² Карта радиационной обстановки на территории БССР по состоянию на январь 1990 г. Составление элементов радиационной обстановки выполнена Белорусским управлением по гидрометеорологии. Москва, Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1990

³ Источник: Рассчитано автором на основе источников: Белоруссия – Самые большие районы по площади территории. – https://tochka-na-karte.ru/modules/travel/territories_data.php?sort=desc&par=area&type=16&id=35; Охрана окружающей среды в Республике Беларусь: статистический сборник. – Минск: Нац. стат. комитет, 2018. – С. 60–65, 129–134.

Заключение

В данной статье рассмотрена систематизация антропогенных загрязнений и ранжирование территорий страны. Изложенные материалы, показывают особую роль экологического фактора в социальных и экономических процессах развития в Беларуси.

Автором собраны и проанализированы основные показатели загрязнения окружающей среды. К ним относятся выбросы в атмосферный воздух. В целом наблюдается положительная тенденция сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников. Вместе с тем остается проблема высокого удельного вклада транспорта в загрязнение атмосферного воздуха (в Беларуси вклад передвижных источников в загрязнение воздуха достигает 70 процентов, тогда как в среднем в мире данный показатель не превышает 20 процентов)¹.

Наиболее актуальным и острым вопросом остается антропогенная нагрузка на поверхностные водные объекты. Отмечается рост загрязняющих веществ в составе сточных вод. Отдельно рассматриваются вопросы оценки последствий загрязнения радионуклидами аварии на Чернобыльской АЭС территории страны.

Методической основой данной статьи являются сравнительные и экономико-статистические методы анализа. В материале предложены некоторые решения, которые возможно использовать при реализации национальной экологической политики в качестве основных стимулов для дальнейшего перехода к зеленой экономике.

Проведенный многомерный анализ дает представление о распределении территорий в зависимости от экологических факторов. Наиболее благоприятной с точки зрения экологии территории для жизни людей являются группа из 42 районов. Она включает Запад Гродненской и Брестской областей, Юг Минской и Север Гродненской и большую часть Витебской области.

Наиболее благоприятными с точки зрения экологии территории для жизни людей, ведения агротуризма являются: Ивановский, Кобринский, Малоритский, Пружанский, Бешенковичский, Браславский, Верхнедвинский, Городокский, Докшицкий, Дубровенский, Лепельский, Лиозненский, Миорский, Россонский, Сенненский, Толочинский, Ушачский, Шарковщинский, Шумилинский, Октябрьский, Петриковский, Вороновский, Зельвенский, Мостовский, Островецкий, Ошмянский, Свислочский, Копыльский, Крупский, Логойский, Мядельский, Стародорожский, Столбцовский, Узденский, Глусский, Горецкий, Дрибинский, Кировский, Кличевский, Круглянский, Мстиславский и Хотимский районы.

Вторая группа районов включает в себя территории с высокими значениями загрязнения воздушного и водного бассейнов. Она состоит из 49 административно-территориальных образований. Это наиболее развитые и крупные промышленные центры с многочисленным населением – Барановичский, Брестский, Ганцевичский, Жабинковский, Ивацевичский, Каменецкий, Ляховичский, Витебский, Глубокский, Оршанский, Полоцкий, Поставский, Чашникский, Житковичский, Мозырский, Берестовицкий, Волковысский, Гродненский, Лидский, Новогрудский, Слонимский, Сморгонский, Щучинский, Дзержинский, Клецкий, Любанский, Минский, Молодечненский, Несвижский, Пуховичский, Слуцкий, Смолевичский, Солигорский, Червенский, Бобруйский, Осиповичский, Березовский, Дрогичинский, Пинский, Жлобинский, Петриковский, Светлогорский, Дятловский, Ивьевский, Кореличский, Борисовский, Вилейский, Воложинский и Климовичский районы.

И, наконец, третья группа включает в себя территории, сильно пострадавшие от радиоактивного загрязнения. Это 27 районов – Лунинецкий, Столинский, Гомельский, Калинковичский, Речицкий, Рогачевский, Березинский, Бельничский, Быховский, Кричевский, Могилевский, Чаусский, Брагинский, Лельчицкий, Лоевский, Буда-Кошелевский, Ветковский, Добрушский, Кормянский, Наровлянский, Хойникский, Чечерский, Костюковичский, Краснопольский, Славгородский, Чериковский и Ельский. Нужно отметить, что выделенные группы с течением времени могут меняться. Например, данные о радиоактивном загрязнении за более чем тридцать лет уточняются. Есть все предпосылки к сокращению территорий с радионуклидами. При реализации государственных программ данным территориально-административным образованиям оказывается максимальная помощь белорусского Правительства.

Изменения состояния окружающей среды под воздействием антропогенных факторов и угроза глобального экологического кризиса способны истощить экономику, замедлить экономический рост и научно-технический прогресс.

Согласно Национального плану действий по развитию "зеленой" экономики в Республике Беларусь до 2020 года предусматривается поддержание и сохранение баланса между использованием ресурсов и выбросами загрязняющих веществ в воздушный и водный бассейны. Будет продолжена работа по повышению эффективности их использования. Предусматривается рачительное использование всех видов ресурсов с целью установления взаимосвязи с потребностями общества и возможным изменением климата. Рассматривается переход к качественному сбалансированному росту экономики путем ее структурно-институциональной трансформации с учетом реализации принципов "зеленой" экономики, приоритетного развития высоко технологичных производств, которые станут основой для повышения конкурентоспособности страны и качества жизни населения.

¹ Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года. – <http://www.government.by/upload/docs/file9cfb7e9401807aa.PDF>

Породина С.В.

к.э.н., старший преподаватель, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

Белов Д.Г.

аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ключевые слова: предприятия народных художественных промыслов, конкурентоспособность региона, инновационный потенциал, инновационное развитие, Нижегородская область.

Keywords: the enterprises of folk art handicrafts, regional competitiveness, innovative potential, innovative development, Nizhny Novgorod region.

Современный мир характеризуют процессы глобализации и интеграции, стирающие границы в экономических, социальных и культурных взаимодействиях, увеличивающие миграцию рабочей силы и капитала, формирующие мировое образовательное пространство и политические объединения. В этих условиях регионы стремятся к обособленности, сохранению и представлению наилучшим образом своих преимуществ, индивидуальных особенностей, которые отличают их от других и обеспечивают возможность их идентификации гражданами других регионов и стран.

Регион в настоящее время выступает как самостоятельный экономический субъект, который, с одной стороны, представляет страну и ее интересы на международной арене, а с другой – обладая свойством конкурентоспособности, отражает потребность в развитии региона, как целостной системы с уникальными характеристиками, обеспечивающими сильные конкурентные позиции.

Нижегородская область, располагаясь на территории Приволжского федерального округа, является одним из наиболее экономически развитых регионов Российской Федерации. Нижегородская область – это крупнейший центр традиционного размещения народных художественных промыслов (НХП), наряду с Московской, Вологодской, Ивановской, Ярославской, Кировской и другими областями. На Нижегородской земле зародились и развивались более двухсот народных промыслов и ремесел. Широкое признание в России и за рубежом получили золотая хохлома, казачковская филигрань, городецкая, семеновская и полховско-майданская росписи и резьба по дереву, городецкая золотая вышивка и другие. В рейтинг Топ-25 НХП России вошли хохломская роспись и городецкая роспись по дереву.

Народные промыслы представляют особую художественную ценность для общества, сохраняют многонациональные самобытные традиции, воплощают в себе многовековой опыт восприятия мира, являясь одновременно отраслью промышленности и областью народного искусства. Народные художественные промыслы были и остаются важной составной частью национальной культуры Нижегородской края и России.

По итогам 2018 года в отрасли НХП Нижегородской области работают 25 предприятий народных промыслов и ряд индивидуальных предпринимателей из Вознесенского, Городецкого и Ковернинского районов Нижегородской области, в числе которых ПАО «Павловский ордена Почета завод художественных металлоизделий им. Кирова», ООО «Фабрика стеклянных елочных украшений «Ариель», АО «Казачковское предприятие художественных изделий», ЗАО «Гипюр» и другие.

Анализ развития организаций народных промыслов Нижегородской области в период с 2014 по 2018 гг. позволил выявить следующие тенденции [2]:

1) объем произведенной продукции НХП остается на протяжении всего анализируемого периода практически на одном уровне (исключение составляют 2014 и 2016 гг.) (рис. 1);

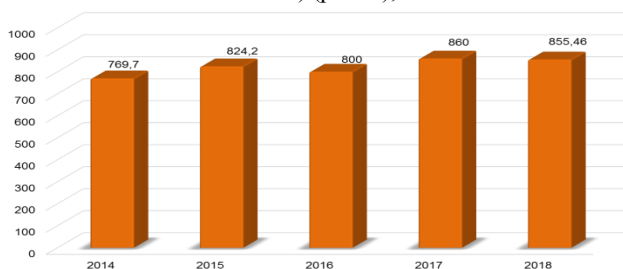

Рисунок 1.
Произведено предприятиями НХП изделий НХП (в млн. руб.)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00932.

2) сокращение доли производства изделий НХП в общем объеме производимой продукции (рис. 2).

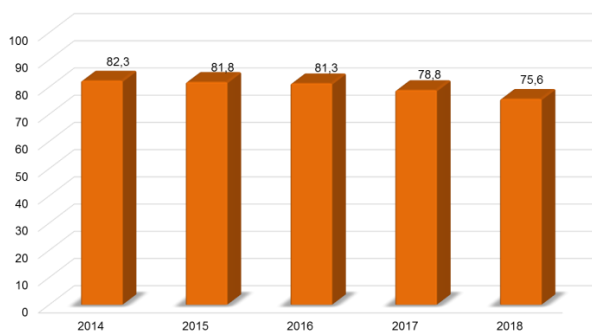

Рисунок 2.
Доля производства изделий НХП в продукции предприятий (в %)

3) значительное снижение объема реализации продукции НХП в 2016 и 2017 гг. по сравнению с 2014 г. на 17% и на 23% соответственно (рис. 3). Небольшое увеличение в 2018 г. обусловлено проводимыми мероприятиями, связанными с Чемпионатом мира по футболу и значительным притоком туристов в летний период 2018 г.

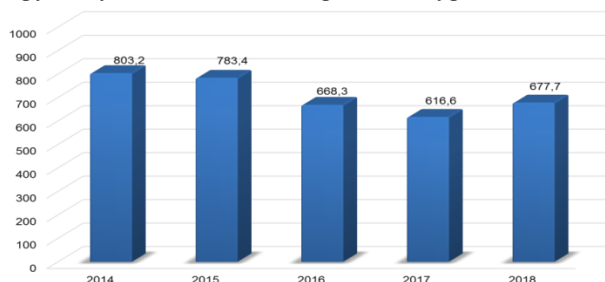

Рисунок 3.
Объем реализации изделий НХП (в млн. руб.)

4) неравномерность развития экспорта изделий народных промыслов в рассматриваемом периоде (рис. 4). Участие в международных выставках, а также активная работа предприятий НХП по продвижению своей продукции в 2018 г. обеспечили увеличение объема экспорта на 29,5% по сравнению с уровнем 2017 года. Основными экспортерами являются ООО «Торговый дом» Семеновская роспись», ООО «Фабрика стеклянных елочных украшений «Ариель», Ордена «Знак Почета» ЗАО «Холмская роспись».

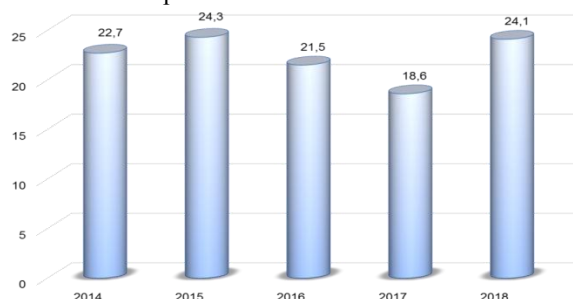

Рисунок 4.
Объем экспорта (всего, в млн. руб.)

5) Объем перечисленных предприятиями НХП налогов и сборов в консолидированный бюджет и внебюджетные фонды в 2018 г. составил более 159,58 млн. рублей, что на 32,4 млн. рублей ниже показателей 2017 года (рис. 5).

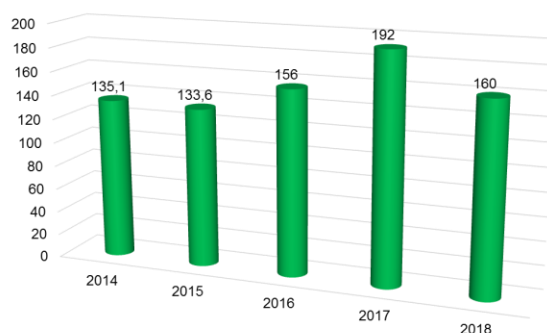

Рисунок 5.
Объем перечисленных предприятиями НХП налогов и сборов в консолидированный бюджет и внебюджетные фонды (в млн. руб.)

б) сохранение негативной тенденции сокращения численности занятых в организациях НХП (рис. 6). (Увеличение численности занятых в народных промыслах в 2017 году не свидетельствует об улучшении положения дел в отрасли в кадровом отношении, так как оно связано с реорганизацией одного из предприятий НХП Нижегородской области).

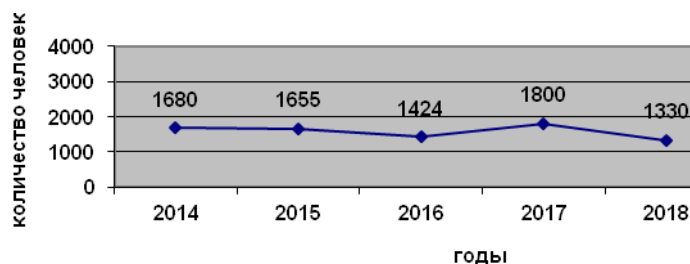

Рисунок 6.

Динамика изменения численности работающих в сфере НХП Нижегородской области (2014–2018 гг.)

Анализ основных показателей сферы народных промыслов в 2014–2018 гг. свидетельствует о тяжелом состоянии отрасли. Основные проблемы сферы народных промыслов остаются на протяжении последних 10-15 лет неизменными, однако, меняется приоритетность их рассмотрения и разрешения:

- 1) отсутствие маркетинговой стратегии предприятий НХП;
- 2) высокая конкуренция со стороны внутренних и иностранных производителей (Китай, Турция, Польша и др.). Большое количество контрафактной продукции и фальсификата среди продукции НХП;
- 3) изношенность основных фондов. Техническая и технологическая отсталость производства;
- 4) уменьшение численности народных мастеров, незначительный приток молодых работников;
- 5) высокий уровень обязательных социальных и налоговых выплат;
- 6) недостаточно развитая система государственного и муниципального заказа на продукцию;
- 7) низкая конкурентоспособность продукции НХП по цене;
- 8) малая рентабельность вложений в НХП по сравнению с другими видами хозяйственной деятельности. Низкая инвестиционная привлекательность организаций НХП [1].

Основные причины ухудшения ситуации в сфере народных художественных промыслов заключаются в падении платежеспособного спроса и снижении рентабельности производств из-за нагрузки по платежам во внебюджетные фонды, которая выросла с 14 до 30% (при условии обязательного применения ручного труда), роста тарифов монопольных компаний и роста как внутреннего, так и импортного контрафакта. В то же время, есть проблемы, которые можно решить только за счет привлечения средств федерального бюджета. К ним относятся, например, необходимость предоставления жилья молодым специалистам в сфере НХП в местах бытования НХП, система грантов на start-up, предусматривающие возрождение ранее бытовавших или утраченных промыслов, развитие системы электронной торговли и обеспечение роста экспорта продукции предприятий НХП.

Важнейшим фактором дальнейшего развития народных художественных промыслов, на наш взгляд, является активизация инновационной деятельности на базе отлаженной системы управления нововведениями [4]. Это направление полностью соответствует Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года, в пункте 3.2.8. которой, в том числе, определены цели, задачи и планируемые проекты по развитию народных художественных промыслов.

Стратегической целью развития народных художественных промыслов Нижегородской области на современном этапе является оформление народных промыслов в «самостоятельную» отрасль, «способную конкурировать на федеральном и международном рынках, несущей культурный код и прославляющей местных мастеров» [2].

К стратегическим задачам развития сферы народных промыслов относятся:

- 1) разработка сбытовой модели продукции местных производителей НХП;
- 2) разработка современной маркетинговой концепции отрасли;
- 3) сокращение доли контрафакта;
- 4) создание условий для развития НХП [2].

Значительное время предприятия НХП не проявляли себя в качестве активных участников проводимой в стране политики инновационного развития экономики. Это связано с особенностями функционирования народных промыслов, выражающихся в традиционности используемых материалов, приемов, технологий, сюжетов, и большой долей ручного творческого труда в процессе изготовления товаров. Именно это обусловило продолжительное отсутствие точек соприкосновения сферы народных художественных промыслов и инновационной деятельности.

Инновациями для народных художественных промыслов могут быть новые или значительно улучшенные изделия с новыми эстетическими и функциональными свойствами; обновленные методы продаж, презентации товаров, представления и продвижения товаров на рынки сбыта; измененные виды рекламы товаров; новые или усовершенствованные производственные процессы, технологии, приемы, методы, а также процессы организации и планирования своей деятельности и управления; измененные в лучшую сторону социальные отношения на предприятии.

Инновационная деятельность предприятий народных промыслов может быть связана с внедрением новой техники и использованием новейших технологий (технологическая инновационная деятельность) и (или) касаться про-

цесса реализации изделий народных мастеров, доведения товара до конкретного потребителя (маркетинговая инновационная деятельность) [3].

Для отдельных видов народных художественных промыслов (металлообрабатывающие промыслы, золотное шитье, резьба по дереву, художественная обработка кожи) возможно осуществление как технологической, так и маркетинговой инновационной деятельности. Технологическая инновационная деятельность на других народных художественных промыслах (например, художественная роспись по дереву, глиняная игрушка, кружевоплетение) ограничена как действием отдельных положений федеральным законом «О народных художественных промыслах», так и особенностями производственного процесса [1].

В отличие от технологических маркетинговые инновации, затрагивающие вопросы управления, сбыта и коммуникации, применимы во всех народных промыслах. Маркетинговый инновационный подход в сфере народных промыслов предусматривает: исследование рынка товаров народных промыслов, изучение спроса на эти изделия, вкусов и привычек покупателей, их требований к данному товару, и, в конечном итоге, ориентацию производства товаров народных художественных промыслов на эти требования; изучение воздействия факторов внешней среды на рынок народных промыслов, формирование потребностей и запросов покупателей; разработка современной маркетинговой концепции отрасли.

Маркетинговая инновационная деятельность более универсальна, и, поэтому более предпочтительна для сферы народных промыслов. Она направлена на комплексное рассмотрение процесса производства и реализации изделий с позиций производителя и потребителя, удовлетворение потребительских предпочтений и обеспечение длительного взаимоотношения продавца и покупателя, а, следовательно, на создание условий для более эффективного функционирования народных промыслов в целом.

Осуществление инновационной деятельности предприятиями НХП Нижегородской области происходит неодинаково. Наиболее успешными и активными в ее реализации являются ООО Завод Складных ножей «САРО» (художественная обработка металла), ООО «Торговый дом Семеновская роспись» (художественная обработка дерева), ООО «Семинские узоры» (художественная обработка дерева). Данные организации занимаются введением в производственный процесс нового оборудования. Основной акцент указанные организации делают на инновационные технологии. Однако, инновации – это не только внедрение и использование новых технологий, производств и оборудования, но и создание нового продукта. Предприятия народных промыслов находятся сейчас на стадии освоения технологических инноваций, и пока они этот этап не пройдут, переход к продуктовым инновациям не состоится [3].

Не внедряя дорогостоящие технологические инновации, часть предприятий НХП (ЗАО «Гипюр», ООО «Варко», ООО «Городецкая золотная вышивка» и др.) обновляет системы современного менеджмента, новые финансовые системы учета и контроля, энерго- и ресурсосберегающие технологии, использует современные методы продвижения и продаж изделий.

Инновационное развитие сферы народных художественных промыслов – это основное условие ее возрождения и сохранения. Обладая значительным инновационным потенциалом организации НХП должны задействовать все возможности, чтобы раскрыть его, в том числе и инструменты государственного и муниципального регулирования. В то же время государство должно быть ориентировано на поддержку сферы НХП.

Обладая огромным потенциалом, народные промыслы в полной мере могут выступить катализатором устойчивого развития региона, способствуя повышению уровня экономической активности населения, самозанятости, улучшению качества жизни и других социально-экономических показателей.

Список литературы

1. Породина С.В., Белов Д.Г. Особенности формирования стратегии инновационного развития предприятий народных художественных промыслов Нижегородской области // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 7. – С. 455–457.
2. Сайт Правительства Нижегородской области. – <https://government-nnov.ru/>
3. Туккель И.Л. Экономика и финансовое обеспечение инновационной деятельности: практикум: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки бакалавров «Инноватика» и специальности «Управление инновациями» / И.Л. Туккель, С.Н. Яшин, Е.В. Кошелев. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2013. – 207 с.
4. Яшин С.Н. Финансирование инноваций и инвестиций предприятий: монография / С.Н. Яшин, Н.И. Яшина, Е.В. Кошелев. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2010. – 244 с.

Рабцевич А.А.¹

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РЕСПУБЛИК БАШКОРТОСТАН И ТАТАРСТАН: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ²

Ключевые слова: экономика труда, региональная экономика, социально-трудовая сфера, трудовые ресурсы, Республика Башкортостан, Республика Татарстан.

Keywords: labor economics, regional economy, social and labor sphere, labor resources, Bashkortostan Republic, Tatarstan Republic.

Выявление тенденций межотраслевого распределения трудовых ресурсов в экономике региона является на современном этапе важной предпосылкой понимания реальных стратегических приоритетов развития регионального хозяйственного механизма. Общепризнанно, что республики Татарстан и Башкортостан на протяжении советского периода существования имели приблизительно одинаковый уровень экономического развития, и во многом сходную структуру народного хозяйства. Доминирование нефтегазового комплекса после открытия крупнейших месторождений углеводородов на долгие десятилетия определило специализацию данных регионов, пропорциональные соотношения их отраслей, что подчеркивается в ряде исследований³.

Стоит отметить, что с 2017 года произошло изменение видов экономической деятельности на ОКВЭД2⁴, и в рамках данной статьи, в целях сопоставимости данных с прошлыми периодами все виды деятельности приведены в соответствие с ОКВЭД1. Рассмотрим изменение структуры занятых Республики Башкортостан по отраслям за фактический период 2008–2018 гг. и прогнозный до 2021 года (табл. 1).

Таблица 1

Межотраслевое распределение трудовых ресурсов Республики Башкортостан (коды ОКВЭД2 объединены по структуре ОКВЭД1)⁵, тыс. чел.

Коды	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
A+T	265,3	278,9	282,1	282,8	272,7	270,2	268,6	223,8	199,9	157,9	137,9	134,7	133,3	132,2
B	40,8	35,9	33,4	31,4	32,0	30,5	32,2	35,3	37,2	34,3	39,1	40,1	41,1	41,5
C	296,8	282,7	289,6	291,0	291,5	290,5	278,0	280,1	272,7	258,8	267,8	269,2	270,9	272,2
D+E	45,0	45,7	47,1	46,5	45,8	46,9	47,1	52,6	54,2	61,0	66,5	67,2	67,7	68,1
F	145,4	146,0	146,8	148,2	160,5	158,1	156,3	157,5	164,1	166,8	167,4	168,4	169,2	169,6
G	319,1	279,0	271,6	264,5	284,5	282,7	287,7	290,5	309,6	305,1	306,2	308,8	311,7	313,5
I	31,3	29,4	23,0	25,8	28,9	29,5	29,9	32,3	36,3	38,7	38,7	39,1	39,5	39,7
H+J	106,4	104,9	101,9	102,8	109,1	108,0	108,7	117,4	115,7	130,3	133,0	133,1	133,2	133,3
K	20,7	20,7	20,2	21,1	22,8	24,2	24,9	26,1	23,5	23,7	25,0	25,0	25,1	25,2
L+M+N	119,0	119,2	120,7	118,9	123,8	120,4	121,1	138,8	138,1	152,9	160,8	162,7	164,4	165,7
O	72,2	73,2	77,0	74,9	74,3	72,6	72,5	75,1	74,8	80,5	73,4	73,3	73,1	73,0
P	197,4	187,4	183,6	181,6	179,9	168,9	165,1	160,3	155,8	149,3	145,0	141,4	137,7	135,4
Q	122,7	121,6	119,7	118,1	117,4	115,1	115,9	114,6	114,3	111,1	110,4	109,3	108,1	107,0
R+S	54,9	57,9	53,6	53,2	54,1	53,0	54,0	55,5	61,6	59,6	60,6	61,3	61,9	62,4
Всего	1836,9	1782,4	1770,6	1760,7	1797,1	1770,4	1761,9	1759,9	1757,5	1730,1	1731,8	1733,5	1737	1738,7

Источник информации: Прогнозирование баланса трудовых ресурсов // Информационный портал занятости населения Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – bashzan.ru

¹ Рабцевич Андрей Александрович – к.э.н., с.н.с. Центра стратегических и междисциплинарных исследований УФИЦ РАН, начальник отдела программ и проектов развития Башкирского государственного университета, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ. E-mail: cruiser333@yandex.ru

² Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ №075-00326-19-00 от 27.12.2018/

³ Минкин М.Р. Становление и развитие системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950-1960-е гг.: автореферат дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. – Казань, 2011. – 28 с.; Кулбахтин Н.М. Задачи изучения индустриального наследия Башкортостана / Н.М. Кулбахтин, С.Н. Кулбахтин // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. – № 1. – С. 88–92; Конторович А.Э. Нефтяная промышленность исторически главных центров Волго-Уральской нефтегазодобывающей провинции, элементы их истории, ближайшие и отдаленные перспективы / А.Э. Конторович, Л.В. Эдер, И.В. Филимонова, М.В. Мишенин, В.Ю. Немов // Геология и геофизика. 2016. – № 12. – С. 2097–2114.

⁴ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 31 января 2014 г. № 14-ст «О принятии и ведении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)» (с изм. и доп.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – docs.cntd.ru

⁵ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) ОК 029-2001 (КДЕС Ред.1) (с Изменениями №2/2011, 3/2011, 4/2014). Принят и введен в действие Постановлением Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 6 ноября 2001 года №454-ст (утратило силу) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – docs.cntd.ru

На современном этапе развития экономики Республики Башкортостан видами деятельности, концентрирующими наибольшее количество работников, являются С – «Обрабатывающие производства» (267,8 тыс. чел.) и G – «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (306,2 тыс. чел.). Отрасль сельского хозяйства за прошедшее десятилетие вдвое сократила контингент работников и уступила по их количеству видам деятельности «Строительство» (167,4 тыс. чел.) и «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (160,8 тыс. чел.). С другой стороны, наименьшими, с точки зрения задействованного контингента работников, видами деятельности в Республике Башкортостан являются В – «Добыча полезных ископаемых» (39,1 тыс. чел.), I – «Гостиницы и рестораны» (38,7 тыс. чел.), К – «Финансовая деятельность» (25,0 тыс. чел.).

В нашем случае интерес представляют количественные изменения баланса трудовых ресурсов, что позволяет понять, какие отрасли концентрируют большее число работников. Кроме того, интересны ожидания органов власти относительно пропорций занятости, которые выявляются через анализ прогнозных значений. Произведем расчет динамики межотраслевой занятости трудовых ресурсов Республики Башкортостан как по фактическим значениям, так и по прогнозным (табл. 2).

Таблица 2

Динамика (Δ) межотраслевой занятости трудовых ресурсов Республики Башкортостан (коды ОКВЭД2 объединены по структуре ОКВЭД1), тыс. чел.

Код	Вид экономической деятельности	Δ 2018 / 2008, %	Δ 2018 / 2008, п.п.	Δ 2021 / 2018, %	Δ 2021 / 2018, п.п.
A+T	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (с учетом деятельности домохозяйств)	-48,0	-6,5	-4,1	-0,4
B	Добыча полезных ископаемых	-4,0	0	+6,1	+0,1
C	Обрабатывающие производства	-9,8	-0,7	+1,6	+0,2
D+E	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	+47,8	+1,4	+2,4	+0,1
F	Строительство	+15,1	+1,8	+1,3	+0,1
G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-4,1	+0,3	+2,4	+0,4
I	Гостиницы и рестораны	+23,9	+0,5	+2,4	0
H+J	Транспорт и связь	+25,0	+1,9	+0,2	0
K	Финансовая деятельность	+20,4	+0,3	+0,9	0
L+M+N	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	+35,1	+2,8	+3,1	+0,2
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	+1,7	+0,3	-0,5	0
P	Образование	-26,6	-2,4	-6,6	-0,6
Q	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	-10,0	-0,3	-3,1	-0,2
R+S	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	+10,4	+0,5	+3,0	+0,1
Всего		-5,7		+0,4	

Источник информации: Расчеты автора; Прогнозирование баланса трудовых ресурсов // Информационный портал занятости населения Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. – bashzan.ru

Данные табл. 2 показывают сокращение общего количества занятых на 5,7%, при этом, несмотря на сложившийся негативный тренд, до 2021 год органы исполнительной власти республики прогнозируют рост данного показателя на 0,4%. Анализ прогнозных ожиданий в разрезе видов деятельности позволяет заключить, что органы власти ожидают наибольший рост занятых в отрасли В – «Добыча полезных ископаемых» (+6,1%), при максимуме сокращения работников в отрасли Р – «Образование» (-6,6%). Это дает основание сделать вывод о понимании органами власти Республики Башкортостан неизбежности усиления сырьевой составляющей регионального народного хозяйства и отказа от инновационно-ориентированного развития экономики.

Представляется также возможным рассмотреть изменение структуры занятых Республики Татарстан по отраслям за фактический период 2008–2018 гг. и прогнозный до 2021 года (табл. 3).

Таблица 3

Межотраслевое распределение трудовых ресурсов Республики Татарстан (коды ОКВЭД2 объединены по структуре ОКВЭД1), тыс. чел.

Коды	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
A+T	159,6	171,7	185,4	183,3	179,2	176,6	173,2	172,9	172,3	156,5	156,5	156,9	157,3	157,3
B	38,2	38,9	38,6	38,5	39,2	38,7	39,1	39,1	39,4	48,2	48,3	48,4	48,5	48,6
C	335,1	323,4	321,8	321,0	318,0	316,2	316,4	314,5	308,4	345,8	349,2	351,9	354,0	355,0
D+E	45,2	47,2	46,9	46,1	45,2	44,7	43,7	43,8	45,6	68,9	68,9	69,0	69,2	69,3
F	179,4	180,2	175,9	192,1	192,7	191,8	179,0	178	173,1	196,2	196,3	196,5	197,0	197,5
G	298,0	295,5	293,5	303,7	310,1	311,4	310,4	309,4	314,2	314,6	318,0	318,7	319,0	320,3
I	44,3	39,7	36,3	37,8	37,2	37,5	37,9	37,6	39,3	44,5	45,4	45,5	45,6	45,6
H+J	128,2	121,8	125,7	125,3	124,8	123,9	125,6	125	127,1	172,6	173,2	173,6	174,0	174,5
K	32,1	31,5	33,3	33,6	35,8	36,7	37,1	35,3	35,0	40,7	40,2	40,3	40,4	40,5
L+M+N	125,9	123,5	132,3	130,6	133,0	142,8	149,9	150,3	153,7	158,1	156,0	154,3	154,7	155,0

О	74,3	78,7	78,3	76,2	77,4	77,6	76,1	77,4	75,4	70,9	70,9	71,0	71,2	71,4
Р	178,4	180,2	177,8	169,0	165,1	160,9	160,9	166,4	160,0	161,7	161,9	162,3	162,3	162,5
Q	106,8	103,1	101,5	101,7	100,7	98,5	102,2	102,2	102,0	100,2	100,3	100,5	100,7	101,0
R+S	68,1	65,1	63,2	61,0	63,4	60,4	60,7	60	61,5	66,2	65,8	66,0	66,2	66,4
Всего	1813,6	1800,5	1810,5	1819,9	1821,8	1817,7	1812,2	1811,9	1807	1945,1	1950,9	1954,9	1960,1	1964,9

Источник информации: Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – tatstat.gks.ru; Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Татарстан // Официальный сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. – mtsz.tatarstan.ru

Здесь видами деятельности, концентрирующими наибольшее количество работников, так же как и в Республике Башкортостан, являются обрабатывающие производства (349,2 тыс. чел.) и отрасль торговли (318,0 тыс. чел.). Существенное различие динамики распределения заключается в отсутствии кратного сокращения занятых в сельскохозяйственной отрасли. Видом деятельности, менее всего концентрирующими работников, так же как и в Башкортостане, являются «Добыча полезных ископаемых» (48,3 тыс. чел.), «Гостиницы и рестораны» (45,4 тыс. чел.) и «Финансовая деятельность» (40,2 тыс. чел.), что говорит, в целом, о схожести структуры народного хозяйства двух регионов.

Расчет динамики межотраслевой занятости трудовых ресурсов Республики Татарстан (табл. 4) позволяет заключить, что за 3 прогнозных года органы власти региона ожидают существенное увеличение количества занятого населения (+0,7%), причем, в первую очередь, их последующее задействование на предприятиях обрабатывающих производств (+1,7%).

Единственная отрасль, в которой прогнозируется заметное сокращение контингента занятых – «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» (–0,6%), в остальные отрасли предполагается равномерное распределение работников. Данные положения позволяют сделать вывод об установках региональных органов государственной власти на сохранение существующей структуры народного хозяйства при усилении отраслей обрабатывающей промышленности, что говорит о более взвешенной политике ориентации на инновационный путь развития экономики региона.

Таблица 4

**Динамика (Δ) межотраслевой занятости трудовых ресурсов Республики Татарстан
(коды ОКВЭД2 объединены по структуре ОКВЭД1), тыс. чел.**

Код	Вид экономической деятельности	Δ 2018 / 2008, %	Δ 2018 / 2008, п.п.	Δ 2021 / 2018, %	Δ 2021 / 2018, п.п.
A+T	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (с учетом деятельности домохозяйств)	–1,9	–0,8	+0,5	0
B	Добыча полезных ископаемых	+26,4	+0,4	+0,6	0
C	Обрабатывающие производства	+4,2	–0,6	+1,7	+0,2
D+E	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	+52,4	+1,0	+0,6	0
F	Строительство	+9,4	+0,2	+0,6	0
G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	+6,7	–0,1	+0,7	0
I	Гостиницы и рестораны	+2,5	–0,1	+0,4	0
H+J	Транспорт и связь	+35,1	+1,8	+0,8	0
K	Финансовая деятельность	+25,2	+0,3	+0,7	0
L+M+N	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	+23,9	+1,1	–0,6	–0,1
O	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	–4,6	–0,5	+0,7	0
P	Образование	–9,2	–1,5	+0,4	0
Q	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	–6,1	–0,7	+0,7	0
R+S	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	–3,4	–0,4	+0,9	0
Всего		+7,6		+0,7	

Источник информации: расчеты автора; Среднегодовая численность занятых в экономике по видам экономической деятельности // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – tatstat.gks.ru; Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Татарстан // Официальный сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. – mtsz.tatarstan.ru

Таким образом, проведенный анализ состояния и тенденций развития межотраслевого распределения трудовых ресурсов двух регионов-субъектов Российской Федерации показал, что у двух республик, в целом, сохраняется схожая структура народного хозяйства. При этом в Республике Татарстан органами власти признается их более устойчивый характер и даны более четкие ориентиры относительно их дальнейшего развития. В отличие от этого, в Республике Башкортостан пока отсутствует устоявшееся понимание дальнейшего развития региональной экономики, не установлены общепризнанные приоритеты развития отраслей, прогнозируемые значения межотраслевой занятости слабо связаны с ретроспективными значениями их фактического развития. Планируемое очередное сокращение работников отрасли образования не отвечает стратегическим ориентирам на инновационное развитие народно-хозяйственного комплекса Республики Башкортостан. Ситуация усугубляется признаваемым региональной администрацией массовым оттоком из республики наиболее перспективных профессионалов и молодых кадров, что подрывает возможность исправления негативных социально-экономических тенденций и корректировки специализации региона.

Рисин И.Е.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления, Воронежский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: *регионы, стратегии, механизм реализации.*

Keywords: *regions, strategies, implementation mechanism.*

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 28 июня 2014 г. №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ субъекты РФ осуществили актуализацию стратегий социально-экономического развития, определив и механизмы их реализации. Для получения их сравнительной характеристики применен авторский методический подход, предусматривающий включение в выборку объектов анализа субъектов Российской Федерации, представляющих разные Федеральные округа; выбор в качестве предмета анализа институциональных форм и инструментов управления, посредством которых органы публичной власти совместно с бизнесом намерены обеспечить реализацию поставленных стратегических целей; использование контент-анализа содержания региональных стратегий, дополняемого методом его компаративного анализа.

Информационную базу анализа составили актуализированные стратегии социально-экономического развития Воронежской², Ростовской³, Самарской⁴ областей, Краснодарского⁵, Красноярского⁶ краев, Санкт-Петербурга⁷, Республик Алтай⁸, Саха (Якутия)⁹, Татарстан¹⁰. Результаты контент-анализа приведены в табл. 1.

Таблица 1

Институциональные формы и инструменты управления, обеспечивающие реализацию стратегий социально-экономического развития регионов

Субъекты РФ	Институциональные формы и инструменты управления
1	2
Воронежская область	кластеры (действующие и новые, в том числе, инновационные), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), промышленные и технологические парки, особая экономическая зона (ОЭЗ); стратегии развития муниципальных районов и городских округов, прогноз научно-технологического развития области до 2030 года, региональная Схема (План) развития и размещения производительных сил, проекты государственно-частного партнерства (ГЧП), контракты «жизненного цикла», специальные инвестиционные контракты, региональный центр инжиниринга, гранты на реализацию проектов в области НИОКР, развития информационных технологий, субсидии на поддержку проектов муниципальных образований в рамках инициативного бюджетирования, налоговые льготы для предприятий, осуществляющих экспортную и импортзамещающую деятельность, субсидии для бизнеса, работающего в наукоемких отраслях, государственные и муниципальные программы, региональный экспортный стандарт, геоинформационная система (ГИС)
Ростовская область	кластеры (действующие и новые, в том числе, инновационные), промышленные и технологические парки, агроиндустриальные парки, аэрополисы, ТОСЭР, ОЭЗ, лизинговый фонд региона, фонд развития промышленности, инвестиционная карта региона, инвестиционные стандарты для полюсов роста, проекты ГЧП, центры коммерциализации технологий при ведущих вузах, центры трансфера технологий, пул организаций-интеграторов экспортной деятельности, субсидии сельскохозяйственным производителям (на модернизацию производства, обновление техники, на строительство инфраструктурных объектов), государственные программы федерального и регионального уровней

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – www.consultant.ru

² Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года. – www.consultant.ru

³ Стратегия социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года. – www.consultant.ru

⁴ Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года». – www.consultant.ru

⁵ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края на период до 2030 года. – www.consultant.ru

⁶ Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года. – www.consultant.ru

⁷ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года. – www.consultant.ru

⁸ Стратегия социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года». – www.consultant.ru

⁹ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. – www.consultant.ru

¹⁰ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан на период до 2030 года. – <http://www.invest.tatar.ru>.

1	2
Самарская область	кластеры (действующие и новые, в том числе, инновационные), ОЭЗ, промышленные и технологические парки, агропромышленный парк, аэрополис, инженерный центр, проекты ГЧП, венчурное финансирование, субсидирование НИОКР, центры подготовки кадров для кластеров, субсидии на подготовку и привлечение специалистов, центр контрактного производства, финансовые инструменты поддержки технологического предпринимательства, пакетное гарантирование займов, выдаваемых субъектам малого и среднего предпринимательства (МСП), ОАО «Корпорация развития Самарской области», государственные программы федерального и регионального уровней
Краснодарский край	кластеры (действующие и новые, в т.ч. инновационные), промышленные и технологические парки, центр координации поддержки экспорта, «дорожные карты» участников Национальной технологической инициативы (НТИ), центры прототипирования, фонд развития промышленности, региональный центр инжиниринга, региональный центр коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, софинансирование пилотных проектов НТИ, венчурные фонды, проекты ГЧП, флагманские проекты, государственные программы федерального и регионального уровней, НАО «Корпорация развития Краснодарского края», Агентство развития Краснодарского края – проектный офис реализации стратегии
Красноярский край	кластеры (действующие и новые, в т.ч. инновационные), промышленные и технологические парки, ТОСЭР, центры коллективного пользования, региональные центры инжиниринга, сертификации и стандартизации, проектное финансирование научно-технологических проектов, венчурные фонды, «дорожная карта» развития инновационной инфраструктуры, стратегии развития муниципальных образований, экспортная стратегия, флагманские проекты, проекты ГЧП, территориальный маркетинг, государственные программы федерального и регионального уровней, коллегиальный орган для осуществления мониторинга и коррекции стратегии
Санкт-Петербург	кластеры (действующие и новые, в т.ч. инновационные), промышленные и технологические парки, инновационно-промышленные парки, ТОСЭР, ОЭЗ, центры трансфера технологий, центры инжиниринга, центры коллективного пользования, межвузовские научные центры для создания и коммерциализации инновационных разработок, ГЧП, представительства ведущих мировых технологических брокеров, международные исследовательские центры, территориальный маркетинг, финансовые и нефинансовые меры поддержки экспортной деятельности, региональный экспортный стандарт
Республика Алтай	кластеры, проекты ГЧП, муниципальные стратегии, приоритетные проекты, государственные и муниципальные программы, софинансирование приоритетных, инфраструктурных и социально значимых проектов, территориальный маркетинг, мониторинг качества жизни населения, состояния трудового, демографического и миграционного балансов
Республика Саха (Якутия)	кластеры, в том числе, инновационные, территории опережающего развития, IT-парк, биотехнологический парк, схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики, схема размещения и развития особо охраняемых территорий, региональный финансовый центр для формирования долгосрочных финансовых ресурсов, агентство развития бизнеса и инноваций, агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта, центр ГЧП, проекты ГЧП, ключевые инвестиционные проекты, территориальный маркетинг, государственные программы федерального и регионального уровней
Республика Татарстан	кластеры (действующие и новые, в том числе, инновационные), промышленные и технологические парки, ОЭЗ технико-внедренческого типа, зоны активного развития, технополис, транспортно-логистический хаб, стратегии развития муниципальных образований, стратегии агломераций, стратегия системы брендинга, проекты ГЧП, институты развития федерального и регионального уровней (инвестиционный, венчурный фонды), государственные бизнес-инкубаторы, частные венчурные фонды и «бизнес-ангелы», центры молодежного инновационного творчества, молодежный инновационный парк, консорциум глобальных вузов, грантовые программы для вузовских инноваций, субсидирование межвузовских исследований, геоинформационная система как инструмент управления пространством, флагманские проекты, государственные и муниципальные программы, бюро анализа реализации стратегии как новое подразделение министерства экономики Республики

Сравнительный анализ информации, приведенной в табл. 1, позволяет сделать ряд выводов.

1. Заметной тенденцией, являющейся сквозной для пространственной экономики России, является обновление механизма реализации стратегии. Появившиеся в последние годы в региональной практике перспективные формы территориальной локализации бизнеса (кластеры, промышленные и технологические парки, территории опережающего развития), проекты государственно-частного партнерства, территориальный маркетинг становятся неотъемлемыми элементами системы управления социально-экономическим развитием субъектов Российской Федерации.

Заметим, что их эффективное использование основывается на взаимовыгодном и долгосрочном взаимодействии органов публичной власти и бизнес-структур.

2. Единичные примеры свидетельствуют как об организационных инновациях (т.е. уже апробированных нововведениях), так и о планируемых нововведениях в практике публичного управления. В их числе:

- прогноз научно-технологического развития региона (Воронежская область);
- Схема комплексного развития производительных сил региона (Воронежская область, Республика Саха (Якутия));
- стратегии развития муниципальных образований (Воронежская область, Красноярский край, Республики Алтай и Татарстан);
- мониторинг качества жизни населения, состояния трудового, демографического и миграционного балансов (Республика Алтай);

– геоинформационная система, как инструмент управления пространственным развитием региона (Воронежская область, Республика Татарстан);

– частные венчурные фонды и «бизнес-ангелы», центры молодежного инновационного творчества, молодежный инновационный парк, консорциум глобальных вузов, субсидирование межвузовских исследований (Республика Татарстан).

Полагаем, что потенциал названных форм и инструментов управления развитием регионов позволяет говорить об их востребованности в пространственной экономике России.

3. Заслуживает внимания позиционирование в стратегиях проектного подхода к организации управления реализацией региональной стратегии, о чем свидетельствуют меры, призванные закрепить функцию мониторинга и коррекции стратегии за определенным структурным звеном в системе публичного управления. В качестве примеров приведем планируемые в регионах действия, связанные с созданием:

– агентства развития региона как проектного офиса реализации стратегии (Краснодарский край)

– коллегиального органа, ответственного за мониторинг и коррекцию стратегии (Красноярский край);

– бюро анализа реализации стратегии как нового подразделения министерства экономики региона (Республика Татарстан).

Полагаем, что выявленные нами в результате анализа примеры эффективных практик выбора механизма реализации региональных стратегий позволяют расширить сферу их применения, сфокусировав действия органов государственной власти и бизнес-структур на разработке мер, обеспечивающих его обновление в широком ряду субъектов Российской Федерации.

Самостроенко Г.М.

д.э.н., профессор, Орловский государственный университет
z47sam@yandex.ru.

СТРАТЕГИИ «УМНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ» РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: развитие регионов, стратегия умной специализации, рыночные возможности, выявление сильных сторон региона.

Keywords: regional development, smart specialization, market opportunities, identifying the strengths of the region.

Будущее России неразрывно связано с осуществлением стратегии модернизации, инновационного и научно-технологического развития и сотрудничества. Использование иных путей развития в XXI веке неизбежно приведет к утрате страной существующих позиций и скатыванию в периферию глобальной мировой экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вместе с тем сегодня невозможно обеспечивать лидирующие позиции даже по основным направлениям научно-технологического развития. Отсюда возникает проблема, связанная с выбором наиболее перспективных для конкретной территории направлений научно-технологического развития. Один из подходов к решению данной проблемы – использование концепции «умной специализации», которая предполагает развитие конкурентных преимуществ и наиболее эффективное использование особенностей каждого из регионов.

Стратегия «умной специализации» заключается в оптимальном сочетании промышленной, инновационной и образовательной политики в регионе, цель которой – выбор приоритетных направлений его развития, позволяющих максимально задействовать имеющиеся сильные стороны и сравнительные преимущества.

В реализации стратегии «умной специализации» в регионах страны важная роль отводится вузовской науке. Не случайно только за последние два года в России на базе вузов и научных организаций было создано почти 80 лабораторий мирового уровня, а всего их уже 236¹. А в рамках нацпроекта «Наука» в стране создается сеть научно-образовательных центров мирового уровня (далее – НОЦ). Так, в текущем году научно-образовательные центры организуются в Белгороде, Кемерово, Нижнем Новгороде, Перми и Тюмени. При этом новые научно-образовательные центры по всей стране будут открываться быстро и без бюрократических проволочек, и уже на первом этапе им гарантировано ритмичное финансирование. В соответствии со стратегией «умной специализации» перед НОЦ ставится задача не только использовать имеющийся потенциал, но и создавать новшества, которые будут внедряться и в других регионах страны.

В частности, в Белгороде уже начал работать НОЦ, базой которого является Белгородский научно-исследовательский университет. Выбор Белгорода в качестве базы для учреждения НОЦ вполне закономерен. По данным Федеральной службы государственной статистики, в Белгородской области в 2018 году на технологические инновации затрачено 20 339 млн руб., что превышает аналогичные вложения регионов ЦФО (за исключением Московской области). НОЦ объединит организации Российской академии наук, вузы и профильные предприятия региона, а также ученых и представителей бизнес-сообщества в направлении развития биотехнологий в «умном» агропромышленном комплексе. К примеру, в планах НОЦ – создание технологии производства треонина – незаменимой в животноводстве аминокислоты, производство наноструктурированного шрота, разработки в области генетики для выведения новой высокопродуктивной породы свиней, а также крупного рогатого скота молочного направления².

До 2024 года к созданным НОЦ присоединятся еще 12 центров, каждый из которых будет специализироваться на развитии технологий в определенном направлении. Вполне ожидаемо, что они будут организованы в регионах, имеющих в своем «активе» наиболее продвинутые университеты. Возникает вопрос: имеются ли возможности реализовать стратегии «умной специализации» в остальных семи десятках российских регионов? По нашему мнению, в каждом регионе имеются такие возможности, и реализовывать их необходимо в инициативном порядке, используя собственные ресурсы.

О целесообразности и перспективности подобных действий свидетельствуют результаты проведенного аналитическим центром журнала «Эксперт» исследования научной продуктивности российских университетов. По данным аналитического центра, на научную ориентацию вузов влияют, как минимум, пять факторов, в том числе:

- территориальная привязка, учитывающая исторически сложившиеся связи с предприятиями, структура региональной промышленности, наличие в регионах потенциальных покупателей разработок;
- экономические факторы, в соответствии с которыми выбор направлений исследований зависит от величины дохода, по лучаемого вузами региона от конкретных отраслей;

¹ Герейханова А. На языке науки // Российская газета. – М., 2019. – № 106, 20 мая. – С. 2.

² Скрипка А. Расшифровывать генотип // Российская газета. – М., 2019. – № 48, 5 марта. – С. 19.

- следование глобальным трендам, предполагающее ориентацию разработок на возможность экспорта научных знаний;
- востребованность конкретных направлений научных исследований у абитуриентов и студентов;
- форсайты, предсказывающие, чего нам следует ждать в среднесрочной и долгосрочной перспективе¹.

С точки зрения выбора направлений научных разработок важно отметить сделанный «Экспертом» вывод: ни один из университетов страны не опирается на все пять факторов, хотя передовые вузы стремятся использовать как можно большее их количество². Данный вывод с высокой степенью вероятности позволяет утверждать, что в каждом регионе есть реальная возможность формировать и реализовать стратегию «умной специализации». По нашему мнению, в любом из регионов, имеющих развитую систему высшего образования, можно опираться, по меньшей мере, на два-три из указанных выше факторов. Так, практически в каждом регионе можно выявить влияние на научно-образовательную политику вузов территориальной привязки, фактора экономики, а также востребованности конкретных направлений научных исследований у абитуриентов и студентов. А это уже хорошая база для разработки адекватной стратегии, учитывая, что ни один из продвинутых вузов не использует в своей научной деятельности все пять факторов.

В качестве примера можно рассмотреть возможности реализации стратегии «умной специализации» в Орловской области. По сравнению с Белгородской в Орловской области на технологические инновации в 2018 году было вложено в 13,2 раза меньше средств³. Вместе с тем функционирующие в области три университета, имея высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, располагая большим контингентом студентов, а также компетенциями по созданию новшеств в разных сферах жизнедеятельности, обладают необходимым потенциалом для разработки стратегии «умной специализации». Каждый из университетов, а также Среднерусский институт управления (филиал РАНХиГС) в организации и планировании своей научной деятельности реально используют как минимум три фактора, включая территориальную привязку, фактор экономики, а также востребованность конкретных направлений научных исследований у абитуриентов и студентов.

Так, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева имеет немалое количество патентов, авторских свидетельств, при этом за последние 5 лет получено 340 российских патентов. Среди основных научных направлений развития вуза есть немало соответствующих приоритетным направлениям научно-технологического развития России: в том числе структурно-аналитическая мезомеханика наноструктурных материалов и технологий, высокоэффективные аналитические комплексы для анализа веществ методами жидкостной хроматографии и спектральной рентгенографии на основе цифровых технологий, теория и принципы конструирования медицинских комплексов и оборудования с оптимальными дозами диагностических и лечебных воздействий на основе новых информационных технологий, системы контроля и обеспечения техногенной безопасности и противодействия терроризму на объектах повышенной опасности (объекты военного назначения, атомной энергетики, химического производства, транспорта и т.п.) и ряд других.

В университете находится официальное представительство Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере⁴. В числе основных задач Фонда: создание и развитие инфраструктуры поддержки, финансовая, информационная и другая помощь, привлечение внебюджетных инвестиций в сферу малого инновационного предпринимательства, поддержка проектов по приоритетным направлениям развития науки и техники. Его деятельность направлена на развитие рынка отечественной высокотехнологичной продукции, коммерциализацию результатов научно-технической деятельности, создание новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе.

Таким образом, даже в лице одного Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, – обладающего, кстати, статусом опорного университета, – в Орловской области имеются необходимые условия для разработки и реализации стратегии «умной специализации». Однако чтобы эти возможности были воплощены в жизнь, необходимо обеспечить ряд достаточных условий.

Во-первых, стратегия «умной специализации» в регионах России, не входящих в число лидеров, должна быть ориентирована на коммерческую востребованность результатов научных исследований. В частности, целесообразно акцентировать внимание ученых не на получении любых патентов, а на изобретения, имеющие коммерческую ценность. При этом следует учитывать сложившуюся в стране ситуацию, которая отличается низким спросом на новации. Поэтому необходимы маркетинговые исследования, направленные на выявление реальных запросов на рынках предприятий, госбюджетных организаций, потребительском рынке. Кроме того, необходима прямая реклама созданных новшеств (если хорошо изучен рынок и определен круг заинтересованных предприятий), или косвенная – если определена отрасль, для которой данное новшество может быть интересно.

Во-вторых, внимание ученых важно также акцентировать не на получении патентов, а на разработке ноу-хау, которые значительно проще продавать в силу их максимальной готовности для практического использования. Возможность такого подхода доказана практикой: известно, что один японский предприниматель сумел заработать немалые деньги, разрабатывая и реализуя конкретным предприятиям готовые технологии производства различных мелочей, полезных для потребителя. При этом идеи он черпал в таких советских журналах, как «Наука и жизнь», «Юный

¹ Вузовская наука: что скрывается за цифрами / Ермак С., Кузнецов П., Чукавина К. // Эксперт. – 2019. – № 20. – С. 76–77.

² Там же.

³ Скрипка А., Антонов А. Не больше, а лучше // Российская газета. – М., 2019. – № 53. 12 марта. – С. 19.

⁴ Фонд содействия инновациям – государственная некоммерческая организация в форме федерального государственного бюджетного учреждения, образованная в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 1994 г. № 65.

техник», «Наука и техника» и прочих, в которых читатели в своих письмах делились способами решения разных житейских проблем. Кстати, эта практика обмена опытом продолжается и в настоящее время, в том числе и в сети Интернет.

В-третьих, к разработке ноу-хау необходимо привлекать студентов. Тем самым достигается несколько полезных результатов. Один из них – максимальное использование и одновременное усиление влияния фактора востребованности научных направлений вуза у абитуриентов и студентов.

Второй результат заключается в том, что система обучения выходит на новый уровень, приобретая прикладной характер использования теоретических знаний и умений, поскольку студенты в своих работах будут трудиться над решением конкретной задачи в интересах потенциального (желательно, конкретного) покупателя. В итоге можно получить идеальный вариант написания студентами квалификационных работ – реальное внедрение предложений и разработок в практику.

Третий результат заключается в появлении возможности создания в рамках вузов творческих коллективов, в состав которых входят студенты разного направления обучения (технического, маркетингового, финансового, управленческого, управления проектами и др.), которые работают конкретными проектами, или создание творческой группы для решения конкретной задачи для конкретного заказчика в лице представителей бизнес-сообщества или органов власти.

Четвертый результат является следствием предыдущего. В частности, появляется возможность максимально реализовать одно из важнейших требований к современному специалисту: умение работать в группах. Формирование указанной компетенции в учебных заведениях, как правило, сводится к проведению групповых занятий в рамках отдельной дисциплины. При всем положительном, что возникает в данном подходе к организации обучения, нельзя не отметить и недостаток: творческие группы в рамках каждой конкретной дисциплины создаются на привычной основе (из числа студентов, знающих друг друга и возможности каждого). В реальной жизни творческие группы создаются по мере возникновения потребности из числа ранее незнакомых специалистов.

В этом плане решение задач конкретного проекта в рамках стратегии «умной специализации» потребует вовлечения или включения в состав групп студентов разных направлений обучения (конструкторов, технологов, юристов, экономистов, маркетологов, логистов и т.д.) Именно такой подход позволяет наиболее эффективно формировать требуемую компетенцию – приобретение навыков работы в творческих группах.

В-четвертых, в числе важнейших достаточных условий обеспечения стратегии «умной специализации», является выполнение требования, чтобы бизнес или органы власти не просто ставили перед вузом конкретные задачи, но и гарантировали внедрение и оплату разработанных по их заказу ноу-хау. В случае успешной реализации ноу-хау появляется возможность распределения получаемого дохода для стимулирования участников.

В рамках стратегии «умной специализации», ориентирующей вузы на фактор территориальной специализации, появляется возможность акцентировать внимание на развитие и восстановление уже существующих производств, что для большинства регионов является в настоящее время актуальной задачей, обеспечивая наиболее эффективное и использование имеющихся ресурсов.

Данный подход не исключает из стратегии «умной специализации» регионов участие в создании новых производств. Однако на успех в таком случае можно рассчитывать в случае включения региона в конкретные проекты создания новых производств, реализуемые в рамках стратегий федерального уровня. При этом появляется реальная возможность формирования межрегионального сотрудничества, цепочек создания добавленной стоимости, оптимизации технологических процессов, сокращения логистических и иных расходов.

Таким образом, разрабатывая и реализуя стратегии «умной специализации», регионы России настраивают производственные отношения на так называемый «предпринимательский поиск», в процессе которого рынок и частный сектор исследуют возможности новой деятельности, а публичная власть поддерживает акторов, способных ее реализовать.

Смагина В.В.

д.э.н., профессор, Тамбовский государственный университет
troveo@mail.ru

Стрекалов Н.В.

ассистент МГТУ
NVStrekalov@outlook.com

ИНДИКАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: социально-экономическая система, оптимизация, минимизация, ресурсный потенциал, регион.

Keywords: socio-economic system, optimization, minimization, resource potential, region.

Индикативная экономика – это наука, изучающая способы и методы стабилизации и повышения потенциала социально-экономических систем на микро- мезо- и макроуровнях, основанных на принципах оптимизации и максимизации ресурсного потенциала социально-экономической системы в соответствии с текущим уровнем его развития, посредством формирования и реализации индикативных планов.

Индикативная экономика в своих решениях задач научно-технологического развития опирается на ключевое понятие оптимальности состояния анализируемой социально-экономической системы, достижение которого возможно либо в рамках коренной форсированной реструктуризации экономики, проводимой в планово-директивном формате при централизованном управлении, либо в поэтапной трансформации и методичном развитии существующей социально-экономической системы государства, основанной на методах индикативного планирования.

В различные периоды развития социально-экономической системы государства возможно использование индикативного и директивного планирования. Критическое состояние социально-экономической системы всегда требует оперативного вмешательства и перехода на директивный способ планирования как единственно возможного метода, способного реанимировать социально-экономическую систему государства и не допустить его распада.

Неустранимыми противоречиями для социально-экономической системы могут считаться критерии, сформированные в труде «Крах II Интернационала» [1], если перефразировать и уточнить данные положения для индикативной экономики, то три условия, которые в комплексе дадут неустранимое противоречие, будут выглядеть следующим образом:

1. Происходит снижение эффективности функционирования управляющего элемента социально-экономической системы – при потере возможности стабилизации общеэкономического состояния управляющий элемент теряет возможность поддерживать собственный статус-кво.

2. Существующие механизмы и правила, регламентирующие перераспределение совокупного продукта, привели к кардинальному ухудшению экономического положения подавляющего большинства представителей данной социально-экономической системы, что в свою очередь привело к обострению противоречий и возникновению совокупной потребности в изменениях.

3. Интенсификация внутреннего конфликта с вовлечением в него всех представителей социально-экономической системы с базовым императивом действия.

Тем не менее, в случае отсутствия неустранимого противоречия, оптимальное состояние социально-экономической системы может быть достигнуто посредством индикативного планирования.

В то же время формирование парадигмы научно-технического развития на основе индикативного планирования в его региональном аспекте основывается на элементах ряда современных экономических теорий.

Одним из важных факторов при формировании долгосрочной стратегии научно-технологического развития, в т.ч. региона, является выбор эффективного инструментария стабилизации и повышения потенциала его социально-экономической системы. Здесь мы можем опираться на данные теорий, отраженные в трудах Н. Кондратьева, Й. Шумпетера и С. Глазьева.

Н. Кондратьев доказал, что решение задач научно-технического развития возможно на основе оптимизации и минимизации ресурсного потенциала социально-экономической системы. Здесь он учитывал и применение экономических законов, и особенности территории и др. Для обеспечения успешного сопровождения научно-технологического развития региона нужны знания и прогноз, которые формируются индикативным планом [2].

Й. Шумпетер утверждал, что деловая активность в научно-технологическом развитии приводит к инновации, внедряемой в экономику. Это в свою очередь способствует уходу с рынка устаревших технологий и неконкурентоспособных организационных структур. Появляются новые жизнеспособные отрасли, и происходит рост экономики и повышение благосостояния населения [3]. В данном контексте научно-технологический процесс является локомотивом развития социально-экономической системы, определяя ее эффективность и рост производительности труда.

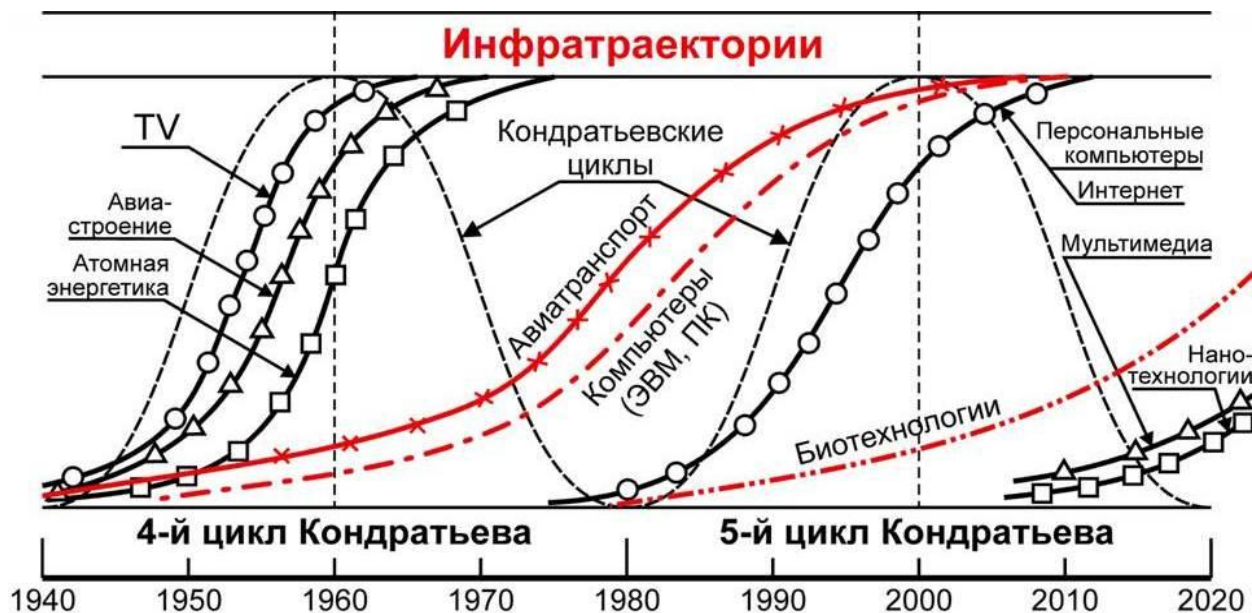

Рисунок 1.

Диффузия инноваций вдоль подъёмов циклов экономической активности Кондратьева

Влияние диффузии инновационных продуктов на развитие региональной социально-экономической системы отражено в исследованиях Э. Мэнсфилда (США) [Мэнсфилд, 1970]. Он доказал, что процесс научно-технологического развития лучше всего описывается логистической функцией (рис. 1). По его утверждению, природа инновационного процесса не линейна. На спаде экономического развития зарождается новый инновационный процесс, благодаря которому диффузия инноваций идет с все возрастающей скоростью. В точке бифуркации формируется замедление скорости диффузии, что приводит социально-экономическую систему к насыщению инновационным продуктом и услугами (y_0 – предельная емкость рынка) [4]. Наличие индикативного плана в этом случае необходимо, т.к. будет понимание нелинейного характера инновационного процесса в пределах конечного отрезка времени, представляющего жизненный цикл нововведения. Японский исследователь Масааки Хироока (Hirooka 2006) установил, что жизненный цикл нововведений постепенно сокращается, начиная со времен первой промышленной революции (XVIII в.) с 90 до 25 лет в настоящее время [5]. Условия развития региональных социально-экономических систем для текущего времени говорит о периоде диффузионной инновации от 25 до 30 лет. Особым условием успешного научно-технологического развития являются благоприятные экономические условия.

Концепция технологического уклада, разработанная С.Ю. Глазьевым, включает в его определение такие элементы, как совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства. В связи с научным и технологическим прогрессом происходит переход от более низких укладов к более высоким, прогрессивным.

В случае совпадения смены технологического уклада (по С. Глазьеву) со сменой инновационных волн (по Й. Шумпетеру) происходит зарождение нового уклада – шестого технологического.

В связи с этим региональная политика научно-технологического развития должна строиться на долгосрочной стратегии. Индикативное планирование включает в свое содержание разработку и правильную расстановку решения задач научно-технологического развития.

С другой стороны, рассмотрение теоретической базы формирования инструментария индикативной экономики более обширно и может быть рассмотрено через призму концепций, сформулированных А. Лернером и формализованных в его модели рыночного социализма, отличной от плановой экономики [6].

Необходимо не только понимать особое положение региона, его протоэкономические связи, но и возможности кооперации с соседними регионами при повышении его роли как региона-корпорации в структуре государства. При данном условии регион может увеличивать долю своего научно-технологического (инновационного) участия в развитии государства, а также для реализации этих программ привлекать дополнительные бюджетные ассигнования и инвестиции, в том числе иностранный капитал. Вложение средств в научно-технологическое развитие в пропорции, определенной после комплексного функционального анализа социально-экономической системы региона, позволит максимизировать потенциал региона и нарастить темпы развития и достижения приоритетных целей и задач, поставленных перед региональным руководством.

Список литературы

1. Ленин В.И. Крах II Интернационала / Полное собрание сочинений. Т. 26. Изд. 5. – М.: Политическая литература, 1969. – С. 209–265.
2. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. 1 изд. – М., 1928. – 287 с.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.

4. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1970. – 238 с.
5. Hirooka M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2006.
6. Глазьев С.Ю. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. – М., 2016. – № 3. – С. 3–21.
7. Борисов Е.Ф. Хрестоматия по экономической теории. – СПб.: Силиус, 2007. – 418 с.

*Ставропольский Ю.В.*¹

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЯПОНИИ

Ключевые слова: Япония, администрация, регион, природоохранный, экология, загрязнение.

Keywords: Japan, administration, region, environmental, ecology, pollution.

В эпоху Мэйдзи в 1868–1912 гг. в Японии началась стремительная модернизация страны. Западные технологии в промышленной сфере встречались с энтузиазмом. Возник лозунг: «Повышай те производительность и популяризируйте промышленность». В тот исторический период проблемы загрязнения окружающей среды начали приобретать особую значимость, прежде всего в угледобывающих регионах Японии. Строительство заводов и фабрик в городах создало угрозу загрязнения воды и атмосферного воздуха. В те времена главное внимание обращалось на повышение производительности и на укрепление японского государства. В отдельных случаях особо сильного экологического загрязнения предпринимались разовые природоохранные меры, но в целом эффективных контрмер было принято совершенно недостаточно.

После Второй мировой войны главной целью стало восстановление японской экономики. Все силы нации напрягались ради упрочения промышленной базы и инфраструктуры. С середины 1950-х годов Япония вступает в эпоху высокого экономического роста. Экономика начинает расти как на дрожжах. Стремительно развивалась химическая промышленность.

Стал очевиден региональный производственный диспаритет. Для решения проблемы регионального диспаритета была предложена региональная диверсификация промышленных предприятий. Региональная диверсификация повела к тому, что загрязнение атмосферного воздуха, воды и почвы распространилось на всю территорию страны. В этот период возникают такие заболевания², которые стали известны под наименованиями болезни Минаматы, болезни итай-итай, астмы Ёккайти. Общественные протесты против загрязнения окружающей среды в различных регионах Японии набирали всё более заметную активность.

Региональные администрации оказались перед необходимостью заниматься решением проблем загрязнения окружающей среды на вверенных им территориях. В 1949 году муниципалитет города Токио принял правовой акт о контроле промышленного загрязнения. Это был первый правовой акт, направленный на обуздание загрязнения окружающей среды, принятый в Японии в послевоенный период. Данный документ предусматривал возложение на промышленные предприятия, располагающиеся на территории муниципалитета города Токио, обязанностей бороться с загрязнением окружающей среды и допускать сотрудников муниципалитета в те производственные помещения, относительно которых возникают обоснованные подозрения в загрязнении экологии.

В 1969 году токийский муниципалитет принимает комплексное постановление о контроле промышленного загрязнения, которым предусматривается осуществление разнообразных природоохранных мероприятий. Аналогичные постановления были приняты также рядом региональных администраций. В 1971 году подобные комплексные постановления существовали во всех без исключения японских префектурах.

Под влиянием общественных протестов по всей Японии прокатилась волна заключения соглашений между местными администрациями и промышленными предприятиями, направленных на охрану окружающей среды. Первое подобное соглашение имело место в 1952 году между администрацией префектуры Симанэ, целлюлозным заводом и прядильной фабрикой. В 1970 году в Японии насчитывались уже 106 местных администраций (27 префектур и 79 муниципалитетов) и 496 компаний, подписавших подобные комплексные природоохранные соглашения³.

В период стремительного экономического роста развивались преимущественно регионы, богатые природными ресурсами. В ответ на ущерб природе, причиняемый промышленным развитием, широкая общественность отстаивала необходимость сохранения окружающей среды. В 1970 году администрацией острова Хоккайдо принимается постановление об охране природы. Аналогичные постановления принимаются и в других японских регионах.

Специализированные организации по борьбе с загрязнением окружающей среды впервые возникают в японских регионах в 1960 году. Количество таких специализированных организаций быстро увеличивается, и к октябрю 1972 года специальное управление либо отдел образованы в каждой без исключения японской префектуре. В четырёх густонаселённых и обеспеченных финансовыми ресурсами японских префектурах действуют самостоятельные природоохранные управления, не подчинённые администрации региона. В дополнение к природоохранным управлениям и отделам сегодня при японских региональных администрациях создаются научно-исследовательские и мониторинго-

¹ Ставропольский Юлий Владимирович – к.соц.н., доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: abcdoc@yandex.ru

² Kirby P.W. *Troubled Natures: Waste, Environment, Japan.* – Honolulu: University of Hawaii press, 2010. – 264 p.

³ Takao Y. *Japan's Environmental Politics and Governance: From Trading Nation to EcoNation.* – New York: Rutledge, 2016. – 354 p.

вые центры. Они проводят исследования, направленные на сохранение природы и на борьбу с экологическим загрязнением.

По сравнению с администрациями префектур, администрации японских муниципалитетов ответственны за сбор и утилизацию отходов и стоков, включая сжигание мусора. В структуре администраций муниципалитетов помимо природоохранного управления на нижестоящем уровне имеются многочисленные отделы, а на более нижестоящем уровне – службы, отвечающие за экологические вопросы.

Не имеет смысла рассуждать об административной структуре японских муниципалитетов обобщённым образом, ибо в Японии между городами существует значительный диспаритет по величине. Однако, городов с природоохранными управлениями в административной структуре муниципалитетов в стране достаточно много. В структуре сельских администраций существуют природоохранные отделы.

С другой стороны, в 89,5% японских городов и сёл с населением менее десяти тысяч человек и в 65,6% японских городов и сёл с населением от десяти до тридцати тысяч человек помимо отдела, отвечающего за утилизацию отходов и стоков, нет никакого отдельного специалиста по вопросам охраны природы. В сложившейся ситуации возникает необходимость заняться решением вопроса об управлении охраной природы в отдельно взятых городах и сёлах. В целом ряде случаев несколько городов и сёл объединили собственные усилия, образовав ассоциации по управлению утилизацией отходов и стоков. В подобных случаях происходит уменьшение численности соответствующего отдела местной администрации. Если происходит передача полномочий от администрации префектуры на уровень городской администрации, то величина городских организационных структур изменяется пропорционально.

Сегодня в ряде японских администраций на местах необходимость принятия природоохранного постановления вызвана стремлением укрепить местную природоохранную административную структуру. Начало административному укреплению положило принятие в 1992 году в Японии базового природоохранного закона. В итоге на первое апреля 2006 года природоохранные постановления приняли 831 местные администрации. По данным японского министерства охраны природы¹, в 2006 году природоохранные постановления действовали во всех без исключения префектурах и в ряде крупных городов, а также в 43,2% прочих городов и сёл.

Природоохранное постановление, принимаемое региональной администрацией в Японии, включает в себя разделы об основных понятиях природоохранного администрирования, об ответственности региональной администрации, производителей и населения, о базовом природоохранном планировании, об административных природоохранных процедурах и системах, о порядке опубликования экологической Белой книги. На основе природоохранных постановлений проводится планирование. Региональный природоохранный план содержит формулировку целей природоохранного планирования, определение приоритетных политических стратегий реализации природоохранного плана, изложение программы природоохранных действий и процедур и т.п.

В процессе своей деятельности, японские региональные администрации выступают потребителями ряда услуг. При этом администрации занимаются продвижением проектов, направленных на охрану окружающей среды. В частности, речь идёт о таких экологических системах менеджмента, как система ISO14001 и т.д. Данная система аккредитована в 97,4% администрациях японских префектур. Во многих регионах данная система действует не только внутри администраций, но также распространена на научно-исследовательские организации, на полигоны по утилизации отходов и т.п. Необходимость выстраивания экологичной системы администрирования признана большинством японских региональных администраций. В частности, в 60% японских региональных администраций практикуется один день в неделю без сверхурочной переработки, когда служащих отпускают домой в установленное время окончания работы администрации всех вместе. Также практикуются приобретение для нужд администрации лишь такой продукции, которая не загрязняет окружающей среды, автомобилей с пониженным выхлопом загрязняющих веществ.

¹ Karan P.P. Japan in the 21st Century: Environment, Economy, and Society. – Lexington, KY: The University press of Kentucky, 2010. – 416 p.

Татарских Б.Я.¹

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: регион, кластер, инновации, технология, машиностроение, эффективность.

Keywords: region, cluster, innovation, technology, engineering, efficiency.

Стабильное развитие экономики страны во многом определяется успехами в системе ведущих отраслей промышленности, где ведущая роль принадлежит машиностроительному комплексу. В последние годы темпы функционирования предприятий этого комплекса остаются низкими.

Данные показывают, что основные технико-экономические показатели машиностроения России (табл. 1) значительно хуже относительно такой же отрасли в США².

Таблица 1

Динамика основных технико-экономических показателей машиностроения России и США*

№ п/п	Показатель	Един. измер.	Россия		США	
			2017 г.	2020 г. оценка	2016 г.	2020 г. оценка
1.	Доля машиностроения в выпуске промышленной продукции	%	19,8–21,1	22,0–23,0	45,2–47,6	47,9–48,4
2.	Численность основных работающих	млн. чел.	3,8–3,9	3,8–3,7	6,8–7,1	6,7–6,96
3.	Обновление производимой продукции (год)	%	5–6	6–7	14–16	15–17
4.	Обновление основного производственного оборудования (год)	%	1,9–2,1	2,2–2,4	13–15	14–16
5.	Автоматизация конструкторско-технологических работ	%	18–22	21–24	79–84	82–88
6.	Использование проката черных металлов (Ким.)	коэф.	0,72–0,73	0,73–0,74	0,84–0,87	0,86–0,90
7.	Заработная плата основного персонала работающих (месяц)	тыс. руб.	31,8–32,6	34,9–37,3	124,1–128,3	129,1–135,4
8.	Коэффициент сменности основного производственного оборудования	коэф.	0,8–0,9	0,83–0,91	1,3–1,5	1,4–1,5
9.	Отгруженная продукция (без предприятий ОПК)	трлн. руб.	35,4	36,3	238,0	249,0
10.	Длительность производственного цикла (в транспортном машиностроении)	дн.	58	56	23	21
11.	Эл. вооруженность труда основных производственных рабочих	тыс. квт-час	14,5	14,8	19,3	19,9
12.	Средний возраст основного оборудования	лет	18	17	8	7

* По материалам научных журналов.

В ведущих машиностроительных регионах России низкими темпами осуществляется кластеризация, значение которой на Западе, в США оценивается высоко. В регионах страны есть значительные агломерации для создания эффективных кластеров³.

Причин здесь несколько. Во-первых, медленно повышается инновационно-технологический потенциал. Во-вторых, низкий уровень технологии управления машиностроительным комплексом. В-третьих, низкие темпы модернизации материально-технической базы. В-четвертых, устаревшие формы материального стимулирования персонала, занятого на машиностроительных предприятиях, что во многом сдерживает рост производительности труда и качество продукции. В-пятых, слабое хозяйственное взаимодействие регионов, в которых предприятия машиностроения имеют особое значение. В-шестых, в России нет стратегии развития базовых отраслей промышленности при низком уровне инвестиционного климата. В-седьмых, отрицательные факторы, связанные с санкциями со стороны многих промышленно развитых стран. При этом учеными глубоко их последствия не исследуются. В числе причин следует назвать и низкий уровень менеджмента на всех «этажах» управленческой иерархии (от мастера до министра). Это проявляется, например, в деятельности, связанной с освоением космоса. В России в системе машиностроительного комплекса медленно осваиваются инновационные технологии, применяемые в ОПК.

¹ Татарских Борис Яковлевич – д.э.н., профессор, кафедра экономики, организации и стратегии развития предприятия, Самарский государственный экономический университет. E-mail: oisrpp@mail.ru

² Вишнякова А.Б., Татарских Б.Я. Инновационно-технологические и экономические вопросы модернизации машиностроения России // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 92. – С.186–188.

³ Хасаев Г.Р., Михеев Ю.В., Уманский М.И. Кластер как современный инструмент повышения конкурентоспособности в регионе. Через партнерство – к будущему. Ч. 2 // Компас промышленной реструктуризации. 2004. – № 1. – С. 68–71.

Необходимо совершенствование управления инновационно-инвестиционным потенциалом на уровне отдельных ведущих регионов России, в которых машиностроительный комплекс имеет особое экономическое значение и существуют реальные условия для создания кластеров в кооперации с другими регионами¹. К таким регионам следует отнести: Нижегородскую область, Татарстан, Новосибирскую область, Башкортостан, Свердловскую область и др. При этом важно учитывать значение межотраслевых факторов, которые при формировании кластеров являются определяющими². Например, это относится к системе «Металлургическая промышленность – машиностроение» в которой, как отмечают специалисты, находятся главные резервы повышения конкурентоспособности машиностроительной продукции³.

В ведущих машиностроительных регионах, имеющих высокую долю наукоемкой продукции, необходимо оптимизировать эффективность государственного сектора в системе НИОКР; разработать организационно-экономические мероприятия по восстановлению на новых научных принципах государственной системы долгосрочного прогнозирования инновационно-технологического прогресса; на федеральном уровне решить вопросы перехода к четкой системе выполнения государственных **заказов** по НИР; совершенствовать механизмы экономического стимулирования реализации региональных научно-технических программ применения новых технологий⁴; более полно использовать технологический потенциал предприятий машиностроительного комплекса⁵.

Подготовка специалистов в области инновационного менеджмента должна финансироваться по приоритетному принципу за счет средств Федерального бюджета в ведущих государственных вузах страны. Это важное условие повышения эффективности НИИ и ОКР в отраслях, создающих наукоемкую продукцию, в том числе и для решения проблем по обеспечению технологической безопасности страны и ее обороноспособности.

Для повышения инновационного потенциала необходимо:

- совершенствование государственного управления научно-технологическим прогрессом в ведущих отраслях путем целевого финансирования НИИ системы РАН и отраслевых научно-исследовательских центров;
- улучшение информационного и кадрового обеспечения в сфере новых технологий; оптимизация численности конструкторов и технологов и совершенствование механизма стимулирования их труда;
- **оптимизация** структуры инвестиций научно-технологического назначения в пользу повышения удельного веса НИОКР и разработок технологического маркетинга на этапе создания научно-технического задела;
- финансирование НИОКР в том числе за счет средств целевых научно-технических программ федерального значения⁶;
- использование резервов развития технологий двойного назначения в отраслях, связанных с оборонно-промышленным комплексом, в том числе за счет использования уникального производственного и лабораторного оборудования;
- совершенствование методов оценки эффективности внедрения наукоемких технологий;
- повышение качества ценообразования применения современных технологий в ОПК и гражданском машиностроении.

Эффективность инноваций связана прежде всего с финансированием развития технологического потенциала. Данные показывают, что в машиностроении пока мало средств выделяется на подготовку кадров (табл. 2)⁷.

Таблица 2

Изменение структуры затрат на основные инновации в отечественном машиностроении (в % к итогу)*

Статья затрат	Годы						
	1995	2000	2005	2010	2015	2020 оценка	2025 прогноз
НИОКР	24	26	28	31	32	33	34–35
Приобретение прав на патенты, лицензии, образцы	1	1	2	2	3	3	3–4
Обучение и подготовка персонала	1	1	1	2	3	3	3–4
Оборудование и другие составляющие основных фондов	46	46	41	40	38	39	39–40
Маркетинговые исследования	1	1	1	2	3	3	4–5
Прочие затраты	25	25	26	23	21	19	21–22

* По материалам научных журналов.

¹ Прокофьев Д.А. Теоретические основы структурно-функционального построения научно-промышленных кластеров // Экономика и управления в машиностроении. 2016. – № 6. – С. 18–20.

² Камынин Д.А. Кластерный подход к формированию инновационной инфраструктуры // Вестник Самарского муниципального института управления. – Самара, 2017. – № 4. – С. 44–45.

³ Якунин А.В. Факторы технологического развития предприятий отечественного машиностроения // Экономические науки. 2018. – № 8. – С. 39–41.

⁴ Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Кузьминых, Россинская Г.М. Методологические основы управления инновационным развитием региона // Вестник СГЭУ. – Самара, 2015. – № 3. – С. 67–69.

⁵ Мельников О.Н., Зайцев А.А. Перспективы перехода предприятий на инновационные концепции управления современным производством // Креативная экономика. 2015. – Т. 9, № 6. – С. 728–731.

⁶ Комков Н.И. Инновационная модернизация экономики: проблемы и возможности их решения // Научные труды / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М., 2016. – Т. 16, № 1. – С. 16–19.

⁷ Вишнякова А.Б., Татарских Б.Я. Инновационно-технологические и экономические вопросы модернизации машиностроения России // Экономика и предпринимательство. 2018. – № 92. – С. 188–192.

Управление инновационно-технологическим потенциалом предполагает решение сложных задач что, возможно при активной поддержке ведущих отраслей экономики страны со стороны государственных органов, исходя из стратегии главных приоритетов России.

Тихомирова В.В.

к.э.н., с.н.с. ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН
tikhomirova@iespn.komisc.ru

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

Ключевые слова: конкуренция, социальная сфера, социальное обслуживание населения, социально-ориентированные некоммерческие организации, финансовая поддержка, государственно-частное партнерство.

Keywords: competition, social sphere, social service of the population, socially oriented non-profit organizations, financial support, public-private partnership.

Конкуренция является объектом правового регулирования. Активное содействие развитию конкуренции в Российской Федерации является приоритетным направлением деятельности Президента Российской Федерации, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления¹.

Определение конкуренции содержится в п. 7 ст. 4 федерального закона от 27.07.2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции»². Конкуренция — это соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Однако в данном определении не отражены конкурентные отношения в социальной сфере, в которой преобладает государственное доминирование. В соответствии с международной хозяйственной классификацией общероссийский классификатор видов экономической деятельности все отрасли народного хозяйства подразделяет на материальное производство и непроизводственную сферу услуг. Отсюда в экономической науке непроизводственную социальную сферу отождествляют со сферой услуг³.

В настоящее время социальная сфера имеет легальное толкование в соответствии со «Стандартом развития конкуренции в субъектах РФ», утвержденным распоряжением Правительства РФ № 1738-р, где социальная значимость отраслей социальной сферы определяется с учетом сформированного перечня приоритетных и социально значимых региональных рынков, направленных на повышение уровня жизни населения⁴.

В связи с этим традиционный понятийный аппарат, методы и подходы к оценке конкурентоспособности региона нуждаются в расширении и дополнении. Возникает необходимость рассмотрения методологии исследования с точки зрения как объективных показателей, основанных на теории и концепции регионального развития, результатах фундаментальных и прикладных исследований отечественных и зарубежных специалистов по проблемам оценки и повышения конкурентоспособности регионов, системного, структурно-функционального и статистического анализа, так и субъективных, к которым относятся результаты аналитических исследований и опросов субъектов предпринимательской деятельности, потребителей товаров и услуг и общественных организаций, результаты мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности, информацию о создании и реализации механизмов общественного контроля за деятельностью субъектов естественных монополий, а также мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках.

Аналізу теоретической базы конкурентоспособности регионов посвящены работы А.В. Асадуллиной, Ф.М. Ашимова, А.С. Барабанова, З.А. Васильевой, Т.А. Витониной, Н.А. Гриневой, Б.М. Гринчеля, С.П. Горисова, В.С. Гусарова, Т.В. Задоровой, Л.Г. Захарченко, И.С. Какушкиной, Н.Я. Каложновой, А.А. Картаузова, О.М. Кузьмина, Е.А. Назаровой, В.Е. Рохина, Ю.В. Савельева, Т.В. Сачук, Д.В. Проскуры, И.А. Шогеновой и др.

Указ Президента РФ «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»⁵ определил цели совершенствования государственной политики по развитию конкуренции: повышение удовлетворенности

¹ Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы»).

² Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ.

³ Райсберг Б.А., Лазовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 3-е изд. – М.: ИНФРА-М. 2001. – С. 318.

⁴ Кицай Ю.А. Конкуренция в социальной сфере как объект правового регулирования // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 83–86. – <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11199/>

⁵ Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (вместе с «Национальным планом развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы»).

потребителей за счет расширения ассортимента товаров, работ, услуг, повышения их качества и снижения цен; повышение экономической эффективности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов; стабильный рост и развитие многоукладной экономики, снижение социальной напряженности в обществе, обеспечение национальной безопасности. основополагающим принципом государственной политики по развитию конкуренции является сокращение доли хозяйствующих субъектов, контролируемых государством, в общем количестве хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на рынках товаров и услуг. Утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы, мероприятия которого направлены на достижение ключевых показателей, одним из которых является увеличение к 2020 году доли закупок, участниками которых являются социально ориентированные некоммерческие организации осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации в сфере государственного и муниципального заказа не менее чем в два раза по сравнению с 2017 годом¹. Для реализации таких проектов необходим механизм фиксации длительных обязательств. Организации, оказывающие общественно полезные услуги надлежащего качества на протяжении одного года и более, приобретают статус исполнителя общественно полезных услуг, с финансовой поддержкой не менее двух лет. Министерство юстиции Российской Федерации ведет реестр некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг². Механизм государственных закупок в этом случае неэффективен, так как с его помощью можно заключить договор максимум на три года. А бизнесу необходимо иметь более долгосрочные гарантии. В этом случае предложено проведение конкурса на заключение соглашения о государственно-частном партнерстве. Таким образом появилась возможность применения концессионного соглашения, при которой вовлечение частного сектора в эффективное управление государственной собственностью или в оказании услуг, обычно оказываемых государством, происходит на взаимовыгодных условиях.

В положении об органах исполнительной власти Республики Коми³ развитие конкуренции также определено в качестве одного из основных приоритетов деятельности. Распоряжением Правительства Республики Коми уполномоченным органом по содействию развитию конкуренции является Министерство экономики⁴. Утвержден перечень приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в регионе с обоснованием их выбора⁵. В него включены социально значимые рынки по содействию развитию конкуренции в Республике Коми: рынок услуг дошкольного образования, детского отдыха и оздоровления, услуг дополнительного образования детей, рынок медицинских услуг, психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями, услуг в сфере культуры, жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли, услуг перевозок пассажиров наземным транспортом, услуг информатизации и связи и рынок услуг в сфере социального обслуживания. Выделены приоритетные рынки: рынок туристических услуг и рынок производства строительных материалов. Развитие конкуренции на данных рынках позволит увеличить долю негосударственных организаций и участников рынка, что предусмотрено в рамках федерального Стандарта развития конкуренции, разработанного Министерством экономического развития Российской Федерации и Агентством стратегических инициатив. С учетом требований к системе оценки конкурентоспособности региона Распоряжением Главы Республики Коми от 19.11.2018 № 297-р выделены 34 ключевых показателя развития конкуренции в Республике Коми на период до 2022 г.⁶

В данной работе в качестве индикатора конкурентоспособности региона мы рассмотрим рынок услуг в сфере социального обслуживания населения, ключевой показатель которого в период 2018–2021 гг. должен составлять не менее 10%⁷. Ответственным исполнителем данного рынка является Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Коми. Оно утвердило перечень видов приоритетных социальных услуг, предоставление которых может осуществляться на территории Республики Коми социально ориентированными некоммерческими организациями⁸. К некоммерческим организациям применяется процедура включения негосударственной организации в реестр поставщиков с целью получения дальнейшей компенсации расходов на оказание услуг из бюджета по утвержденным тарифам. В частности, поставщику следует представить сведения о формах социального обслуживания, перечне предоставляемых социальных услуг, тарифах и своем опыте работы. Каждый регион вправе уточнить или расширить перечень предоставляемой информации.

Государство приняло ряд мер, которые помогут бизнесу включиться в сферу социального обслуживания. Для этого внесены изменения в часть вторую Налогового кодекса, суть которых — в создании для организаций, осуществляющих социальное обслуживание, благоприятного налогового режима. В частности, это обнуление налоговой ставки по налогу на прибыль и освобождение от НДС по тем услугам, которые оказывают частные компании. Также для

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческой организации».

² Постановление Правительства РФ от 26.01.2017 № 89 «О реестре некоммерческих организаций-исполнителей общественно полезных услуг».

³ Закон Республики Коми от 31 октября 1994 г. № 8-РЗ «Об органах исполнительной власти в Республике Коми».

⁴ Распоряжение Правительства Республики Коми от 23 октября 2014 г. № 354-р «Об определении уполномоченного органа по содействию развитию конкуренции в Республике Коми».

⁵ «Об утверждении Перечня приоритетных и социально значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Республике Коми от 14 декабря 2015 года № 360-р» (с изменениями на 17 июля 2018 года).

⁶ О внесении изменений в распоряжение Главы Республики Коми от 30.12.2016 № 433-р «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожной карты”) по содействию развитию конкуренции в Республике Коми».

⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 года.

⁸ Приказ Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Коми №2188 от 23.11.17 г. «Об утверждении перечня приоритетных социальных услуг, предоставление которых может осуществляться на территории Республики Коми социально ориентированными некоммерческими организациями».

компенсации затрат по строительству предусмотрено субсидирование ставки по кредиту, который берет неправительственная организация на строительство учреждения социального обслуживания. Субсидия предусмотрена в размере всей ключевой ставки ЦБ РФ. Существенно упрощены Санитарно-эпидемиологические требования к зданиям организаций социального обслуживания¹. Сняты излишние требования к размещению, проектированию, строительству и эксплуатации вновь строящихся и реконструируемых объектов. Исключены положения о наличии санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии санитарным правилам земельного участка под строительство. Предоставлено право размещать организации во встроенных в жилые дома помещениях, во встроенно-пристроенных помещениях.

В 2017 г. объем средств республиканского бюджета на реализацию мероприятий «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций» составил – 26,5 млн. руб. (100%) (табл. 1).

Таблица 1

Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, в млн. руб.*

Наименование подпрограммы, основные мероприятия	Всего	За счет средств республиканского бюджета	За счет средств федерального бюджета
Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций	26,5	26,5	–
Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций.	25,2	25,2	–
Переподготовка и повышение квалификации работников социально ориентированных некоммерческих организаций	0,01	0,01	–
Организация и проведение республиканских семинаров по лидерским программам, в том числе для представителей педагогических отрядов, молодежных и детских общественных объединений	0,1	0,1	–
Привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций в различных сферах деятельности	1,2	1,2	–

* Источник: расчёты автора.

Финансовая поддержка предоставлена в виде субсидии 38 социально-ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность на территории республики. В установленном законодательством порядке им предоставлено государственное имущество Республики Коми по 50 договорам (безвозмездное пользование и аренда по льготным ставкам), а также содействие деятельности инфраструктуры. На конкурсной основе выданы субсидии организациям, осуществляющим деятельность в области социальной политики, направленную на социальную поддержку и защиту прав ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий, членов семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий. Финансировались гранты на публикацию в средствах массовой информации материалов, направленных на освещение деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций, популяризацию благотворительной деятельности и добровольчества. Проведена переподготовка и повышение квалификации работников социально-ориентированных некоммерческих организаций. Составлен реестр поставщиков услуг в сфере социального обслуживания Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Коми, который содержит в себе информацию о 76 поставщиках социальных услуг, в том числе 15 негосударственных организациях.

Согласно реализации Закона Республики Коми «О некоторых вопросах, связанных с уходом и помощью гражданам пожилого возраста и инвалидам на территории Республики Коми»², была обеспечена возможность получения гражданами пожилого возраста и инвалидами ухода и помощи на дому, действовало 330 договоров об осуществлении ухода и помощи за нетрудоспособными гражданами. По поручению Президента Российской Федерации по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к бюджетным средствам проведён ряд мероприятий по передаче социальных услуг в негосударственный сектор. С 2017 г. социальное обслуживание на дому в полном объеме передано в негосударственный сектор и предоставляется 11 автономными некоммерческими организациями. Около 8,9 тыс. пожилых людей и инвалидов получили уход в привычных условиях по месту своего постоянного проживания с учетом новых требований федерального законодательства о социальном обслуживании. Доля граждан, обеспеченных социальным обслуживанием на дому, в общем числе обратившихся за таким обслуживанием, сохранена на уровне 100 процентов. В 2017 г. удельный вес негосударственного сектора в предоставлении социальных услуг составил 15,7%.

Повышение качества социальных услуг имеет непосредственную связь с развитием конкуренции и созданием системы независимой оценки качества работы социальных учреждений³. Качество услуг, как и товаров, не должно зависеть от того, к какому виду юридического лица относится их поставщик⁴. Механизм государственно-частного партнерства предполагает увеличение качества услуг и исчезновение наиболее слабых участников рынка⁵.

¹ Постановление от 27 мая 2016 года № 69 Об утверждении СП 2.1.2.3358-16 «Санитарно-эпидемиологические требования к размещению, устройству, оборудованию, содержанию, санитарно-гигиеническому и противоэпидемическому режиму работы организаций социального обслуживания».

² Закон Республики Коми от 6 июля 2009 г. № 68-РЗ «О некоторых вопросах, связанных с уходом и помощью гражданам пожилого возраста и инвалидам на территории Республики Коми» (с изменениями и дополнениями).

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 декабря 2016 года.

⁴ Постановление Правительства РФ от 27. 10.2016 № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания».

⁵ Бычков Д. Конкуренция в социальной сфере: на чьей стороне государство // Государственные услуги: планирование, учет, налоги. 2012. – № 6.

В рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации предусмотрено проведение:

- мониторинга административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности;
- мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции;
- мониторинга удовлетворенности субъектов предпринимательской деятельности и потребителей товаров и услуг качеством (уровнем доступности, понятности, удобства получения и достаточности) официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг региона и деятельности по содействию развитию конкуренции в регионе.

Данные мониторинги были проведены и в Республике Коми. Выборка респондентов была осуществлена в соответствии с рекомендациями Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации. Проведение опроса хозяйствующих субъектов в отраслевом разрезе осуществляли органы местного самоуправления. Расчет квот для опроса предпринимателей производился отдельно по каждому муниципальному образованию на основании данных о зарегистрированных хозяйствующих по состоянию на 31.12.2017 (по данным Службы Государственной статистики Республики Коми). Общее требуемое количество респондентов (2500 хозяйствующих субъектов) было распределено по муниципальным образованиям пропорционально, в том числе в соответствии с видом экономической деятельности. Аналогично были рассчитаны квоты по населению. В опросе приняли участие 2644 хозяйствующих субъекта предпринимательской деятельности Республики Коми. Распределение респондентов по видам экономической деятельности бизнеса, который представляли социальные услуги 14 организаций или 0,5% от всех опрошенных.

Мониторинг административных барьеров и оценки состояния конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности

В Республике Коми основными негативными барьерами, препятствующими развитию конкуренции по предоставлению социальных услуг в 2018 году были отмечены: высокие налоги (28,6%); нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность (23,3%); льготы отдельным хозяйствующим субъектам (14,3%); необходимость установления партнерских отношений с органами власти (14,3%); сложность получения доступа к земельным участкам, к производственным или иным помещениям (12,9%); длительность процедуры получения лицензий (7,8%); квотирование рабочих мест (7,1%); коррупция (3,4%). Нет барьеров считает 35,7% данного бизнеса.

За последние три года бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше считают (7,1%), уровень и количество административных барьеров не изменились отметили (21,4%).

Оценка состояния конкуренции и конкурентной среды субъектами предпринимательской деятельности в Республике Коми

Для выстраивания рейтинга уровня развития конкуренции по видам экономической деятельности варианту ответа «очень высокая конкуренция» присвоен балл «5», «высокая конкуренция» – «4», «умеренная конкуренция» – «3», «слабая конкуренция» – «2», «нет конкуренции» – «1». В 2018 году производители социальных услуг рейтинг уровня конкуренции определили как слабый (2,07), по сравнению с 2015 годом он упал на 0,35 пунктов.

Для расчета показателя, характеризующего среднее количество конкурентов по видам экономической деятельности, варианту ответа «большое количество конкурентов» присвоен балл «4», «4 и более конкурентов» – «3», «от 1 до 3 конкурентов» – «2», «нет конкурентов» – «1». Производители социальных услуг (50%) считают что у них от 1 до 3 конкурентов (2,21), в 2015 году этот показатель был выше (2,44) на 0,23 пункта. На вопрос «Как изменилось состояние конкурентной среды за истекший год? (2018)» были получены ответы: не изменилось – 78,6%; улучшилось – 14,3%; ухудшилось – 7,1%.

Представители, предоставляющие социальные услуги (85,7%), считают, что за последние три года состояние конкурентной среды не изменилось. Оценка респондентами удовлетворенности состоянием конкуренции распределилась поровну между «скорее удовлетворительное» (21,4%) и «удовлетворительное» (21,4%).

Удовлетворенность потребителей качеством товаров, услуг и ценовой конкуренцией на рынках Республики Коми

В ходе опроса населения изучалось их мнение относительно 16 рынков товаров и услуг. Респонденты ответили на вопросы о количестве организаций, представляющих товары и услуги, и их динамике; уровне удовлетворенности качеством товаров и услуг на товарных рынках в своем городе (районе) и состоянием ценовой конкуренции; уровне удовлетворенности качеством услуг субъектов естественных монополий и о качестве официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг. Всего опросом было охвачено 11 277 человек (из них 60% – женщины, 40% – мужчины). Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики. В ходе опроса респондентам предложили оценить, насколько широко представлены организации в сфере социальных услуг района (города), в котором они проживают. Большинство респондентов оха-

рактизовали количество данных организаций как достаточное (74,3%). Увеличилось количество респондентов, отметивших рост организаций социального обслуживания населения (28,5%).

На вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилось количество организаций, предоставляющих услуги в сфере социального обслуживания населения в течение последних трех лет?» – 42,7% опрошенных ответили, что не изменилось, 1,3% – снизилось и 33,5% – увеличилось. Качеством данных услуг удовлетворены 89,1% опрошенных. Удовлетворенность уровнем цен отметили 41,1%, 28,2% скорее удовлетворены, скорее не удовлетворены 11,9% и неудовлетворены 7,1%. Большинство опрошенных удовлетворяла возможность выбора услуг в сфере социального обслуживания населения (78,5%).

Удовлетворенность субъектов предпринимательской деятельности качеством официальной информации о состоянии конкурентной среды

Респондентам было предложено оценить качество официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров и услуг Республики Коми и деятельности органов исполнительной власти по содействию развитию конкуренции по четырем критериям: уровню доступности, уровню понятности, удобству получения и достаточности. Респондентам было предложено четыре варианта ответов: 1 – неудовлетворительное, 2 – скорее неудовлетворительное, 3 – скорее удовлетворительное, 4 – удовлетворительное, 0 – затрудняюсь ответить. По всем критериям опрошенные оценили качество информации скорее как удовлетворительное (по критерию уровня доступности средний балл составил 3,36, по критерию уровня понятности – 3,32, по критерию удобства получения – 3,33, по достаточности – 3,31).

Мнение субъектов предпринимательской деятельности относительно того, на что в первую очередь должна быть направлена работа по развитию конкуренции в Республике Коми

Результаты опроса показали, что на вопрос о том, на что в первую очередь должна быть направлена работа по развитию конкуренции социальных услуг в республике наиболее распространенными ответами были: обеспечение того, чтобы конкуренция была добросовестной (42,9%); обеспечение качества продукции (35,7%); контроль работы естественных монополий, таких как водоснабжение, электроснабжение и теплоснабжение, железнодорожного и авиатранспорта (28,6%); контроль над ростом цен (21,4%); создание системы информирования населения о работе различных компаний, защите прав потребителей и состоянии конкуренции (14,3%); обеспечение того, чтобы одна компания не начинала полностью диктовать условия на рынке (14,3%); обеспечение того, чтобы все желающие заняться бизнесом могли получить эту возможность (14,3%); помощь начинающим предпринимателям (14,3%); создание условий для увеличения юридических и физических лиц, продающих товары и услуги (7,1%); юридическая защита предпринимателей (7,1%). Респонденты считают, что органы власти в чем-то помогают, в чем-то мешают бизнесу (21,4%), помогают бизнесу своими действиями (14,3%), органы власти только мешают бизнесу своими действиями (7,1%). Все это должно способствовать обеспечению конкурентоспособности социально-ориентированных некоммерческих организаций на рынке социальных услуг.

Тихонова М.В.

к.э.н., доцент, СПбГЭУ

mvt515@mail.ru

Усатая А.А.

к.э.н., заместитель коммерческого директора, ООО "ИнтерМедиаГруп, Санкт-Петербург

post_for_ann@mail.ru

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ РФ

Ключевые слова: регион, моногород, градообразующее предприятие, стратегическое планирование, развитие промышленности.

Keywords: region, monotown, backbone enterprise, strategic planning, industrial development.

Эффективность хозяйственной деятельности градообразующих предприятий является важным фактором, определяющим характер социально-экономического развития территорий. Их значимость для экономики Российской Федерации очевидна: в моногородах локализуются стратегические виды экономической деятельности, доля градообразующих предприятий в ВВП достигает 40% и около 10% населения страны проживает в моногородах.

Изучение научных публикаций по проблемам стратегического управления, трансформации и реструктуризации градообразующих предприятий промышленного комплекса свидетельствует о том, что существует необходимость разработки собственных стратегий функционирования и развития градообразующих предприятий отличных от мировой практики и учитывающих специфику российской экономики и отраслевого промышленного комплекса.

В современных условиях разработка и реализация стратегии развития промышленного предприятия является важнейшим условием повышения эффективности его деятельности, конкурентоспособности и устойчивости в динамично усложняющейся экономической среде рынка.

Перспективы развития и существующие проблемы промышленных моногородов, которые приобретают все большую актуальность в связи с масштабами их распространения на территории России, активно обсуждаются во всех эшелонах власти. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2014 году была поставлена задача диверсифицировать экономику моногородов, создать все необходимые условия для привлечения российских и зарубежных частных инвестиций, создания рабочих мест и развития бизнеса, что в результате сделает экономику страны более устойчивой и стабильной.

Стоит отметить, что по данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации значительное ухудшение как демографической ситуации, так и ситуации на рынке труда наблюдается в последние годы во многих моногородах страны. Градообразующие предприятия постоянно сталкиваются с множеством важных проблем, среди которых падение объемов производства, банкротство и реструктуризация. Как результат, промышленные моногорода страдают от оттока квалифицированных специалистов, высокого уровня безработицы, постепенно снижается качество жизни людей и происходит деморализация населения.

Основные проблемы и ограничения социально-экономического развития промышленных моногородов изображены на рис. 1.

Нет сомнений в том, что достижение баланса экономической, социальной, экологической составляющих развития данных территорий является основной целью трансформации промышленного сектора моногородов. Следует также выделить следующие факторы, влияющие на развитие кризисной ситуации в моногородах:

1. прекращение градообразующим предприятием хозяйственной деятельности;
2. масштабное сокращение производства из-за неблагоприятной конъюнктуры (низкая рыночная цена продукции или низкая конкурентоспособность из-за технологической отсталости производства) на внутреннем и внешнем рынках;
3. нахождение предприятия в процессе банкротства;
4. низкая загрузка мощностей, в том числе гособоронзаказом.

Для того, чтобы определить стратегию дальнейшего развития промышленных моногородов, необходимо в первую очередь оценить потенциал развития и социально-экономическое состояние данных муниципальных образований и создать единую комплексную систему управления промышленными моногородами и оценки их социально-экономического состояния.

Именно такая система позволит в дальнейшем принимать взвешенные и эффективные управленческие решения в процессе стратегического управления и будет способствовать целесообразному выделению бюджетных средств на развитие моногородов России.

Рисунок 1.

Проблемы и ограничения социально-экономического развития промышленных моногородов

Значительная доля промышленного потенциала сосредоточена на территориях 319 моногородов, в которых на данный момент проживает порядка 14 миллионов человек, при этом в каждом третьем моногороде экономическая ситуация оценивается как критическая.

Одним из таких моногородов является Норильск, самый северный в мире город с постоянным населением более 150 000 жителей, который является также одним из самых экологически загрязнённых городов в мире. Город является «производной» одного из крупнейших в мире горнодобывающего и, одновременно, металлопроизводящего комбината. Аналогов Норильского промышленного района (включая город) нигде в мире больше не имеется.

Градообразующим предприятием данной территории является Заполярный филиал ПАО «ГМК «Норильский никель» (далее – Заполярный филиал), основная продукция предприятия: никель, кобальт, медь, металлы платиновой группы, золото, серебро.

Так как выбор конкретной стратегии существенно зависит от стратегического потенциала объекта экономики и возможностей расширения его ресурсов, следует сформулировать следующие конкурентные преимущества Заполярного филиала:

1. предприятие обладает значительными запасами руды, достаточными для обеспечения стабильной деятельности на Таймыре на период до 2020–2025 гг. В 2025 г. балансовые запасы богатых руд составят более 100 млн. тонн с содержанием никеля более 4 млн. тонн;
2. по стоимости всех металлов, извлекаемых из добываемой руды, при существующей структуре добычи запасы предприятия более чем в 1,5 раза превосходят запасы прямых конкурентов (Inco, Falconbridge, ВНР, Biliton);

3. благодаря высокому содержанию в руде драгоценных металлов предприятие удерживает позицию самого низко затратного производителя никеля в отрасли. Для выяснения перспективности работы в этом направлении был проведен краткий анализ сильных и слабых сторон, а также рыночных возможностей и угроз для данных активов ГМК «Норильский никель». Результаты данного анализа приведены в таблице 1.

Интересы развития г. Норильска могут быть связаны с реализацией других долгосрочных проектов на территории Красноярского края: проекта строительства трубопроводотанкерной, транспортно-технологической системы вывоза сырой нефти и развития транспортной сети от Красноярска до Дудинки.

При этом существует и ряд проблем, для решения которых необходима увязка стратегии развития предприятия и стратегии развития моногорода.

Таблица 1

**Матрица состояния и перспектив обеспечивающих активов Заполярного филиала
ПАО «ГМК «Норильский никель»**

Сильные стороны (+)	Слабые стороны (-)
<ul style="list-style-type: none"> - наличие огромного и зачастую уникального опыта работ в сложных климатических условиях; - возможность инвестиций на начальном этапе со стороны материнской компании (ГМК «Норильский никель»). 	<ul style="list-style-type: none"> - неоптимальная структура компаний; - слабый менеджмент, отсутствие опыта самостоятельной хозяйственной деятельности и работы за пределами НПП; - устаревшая материально-техническая база; - отсутствие стратегического видения собственного развития внутри самих активов.
Возможности (+)	Угрозы (-)
<ul style="list-style-type: none"> - снижение издержек вследствие оптимизации управления и структуры компаний, роста производительности труда за счет внутренних ресурсов; - повышение качества оказываемых услуг в Норильске; - выход на внешние рынки, рост доходов ключевых активов и чистой прибыли; - рост капитализации и ликвидности данных активов, появление у ГМК «Норильский никель» стратегического выбора. 	<ul style="list-style-type: none"> - консервация текущей ситуации, локализация деятельности компаний в пределах Норильска, сохранение неэффективной структуры, низкой производительности труда; - трудности с привлечением квалифицированного персонала в результате сокращения населения Норильска и неконкурентной позиции на рынке труда по сравнению с Заполярным филиалом; - потеря доли рынка после прихода внешних конкурентов в НПП.

Промышленность Норильска в большей степени, чем экономика Красноярского края и России в целом, зависит от уровня производства в обрабатывающей отрасли, состояние которой, в свою очередь, определяется финансовыми результатами металлургической отрасли, объемами добываемой и обрабатываемой продукции, ценами на мировом рынке на металлы и продукцию из них. По этой причине кризисные явления 2008–2009 гг. в динамике промышленного производства обрабатывающих отраслей более очевидны, чем в Красноярском крае, но менее выражены, чем средние по России. Это связано в основном с тем, что спад товарной продукции в денежном выражении зависит, в первую очередь, от конъюнктуры цен.

При разработке стратегии следует учесть то, что Норильский промышленный район относится к старопромышленной группе районов, где уже сформировались свои образовательные центры, научная школа, накоплен человеческий капитал, которые способствуют процессам модернизации в регионе.

Стоит отметить, что стратегия развития градообразующего предприятия в данном случае должна учитывать стратегию развития моногорода, и стратегические программы различных уровней.

Кроме того, при формировании стратегии и дальнейшей программы развития должно быть учтено влияние:

1. Стратегии развития ПАО «ГМК «Норильский никель»;
2. Ведомственных целевых и долгосрочных программ;
3. Программ развития сопряженных территорий (например, Таймырского муниципального района, Эвенкийского муниципального района, Туруханского муниципального района).

Причем в среднесрочном периоде до 2020 г. должны быть учтены государственные программы развития в отношении как города Норильска, так и цветной металлургии, Концепция развития Таймыра, Стратегия развития ПАО «ГМК «Норильский никель», а на втором этапе значительное влияние может оказать реализация стратегических проектов, заложенных в Стратегию развития Сибири до 2030 года, Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2030 года, в том числе в направлении изменения статуса города Норильска, усиления процессов диверсификации социально-экономического комплекса, ослабление транспортной изолированности.

Управление стратегическим развитием требует применения целого комплекса подходов, методов, инструментов, поскольку представляет собой интегрированную область деятельности, которая раскрывается в теории и практике через совокупность функций управления, способов выбора и реализации стратегий, методов тактического управления, подходов к осуществлению инновационного развития. Основные этапы разработки стратегии развития градообразующих предприятий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Этапы разработки стратегии развития градообразующих предприятий

№ п/п	Этап разработки стратегии	Описание этапа разработки стратегии развития градообразующих предприятий
1.	Этап стратегирования и разработки стратегии развития градообразующего предприятия	Выделение потенциальных зон развития, ключевых проектов, производственно-технологических цепочек с высокой добавленной стоимостью, выделение кооперационных связей и их объемов, производится оценка развития инновационной инфраструктуры, оценка потенциала кадрового обеспечения и конкурентоспособности продукции градообразующего предприятия, разрабатываются базовые целевые программы, а также определяется объем необходимых финансовых ресурсов и разрабатываются необходимые меры государственной поддержки предприятия.
2.	Этап реализационного запуска стратегии	Совокупность организационно-технических действий и организационных проектов по приведению в готовность системы управления к реализации стратегии: корректировка/приведение в соответствие нормативно-правовой базы стратегирования; настройка структуры управления реализацией стратегии; процедуры согласования текущего и стратегического управления; тестирование и специальное обучение управляющих звеньев; корректировочный отбор ключевых проектов и их дополнительная проработка; проверка готовности к задействованию необходимых ресурсов; разработка критериев оценки эффективности функционирования градообразующего предприятия.
3.	Этап реализации стратегии	Практическое воплощение стратегических разработок: полномасштабная программно-проектная реализация проектов; оперативное управление реализацией стратегии. Определение пропорций и темпов реализации отдельных проектов; управление проектами; мониторинг и стратегический контроль по показателям развития градообразующего предприятия; процедуры мониторинга хода реализации стратегии; критерии мониторинга реализации проектов; итеративная корректировка заданных ориентиров стратегии.
4.	Этап оценки результатов реализации стратегии и подготовка к следующему стратегическому шагу	Формирование системы экспертных оценок; оценка эффективности реализации стратегии градообразующего предприятия моногорода; процедуры оценки результатов реализации стратегии; критерии итоговой оценки; подготовка к следующему циклу стратегирования — процедуры выстраивания дальнейших стратегических перспектив развития на следующем временном горизонте.

Разработка стратегии развития градообразующих промышленного предприятия всегда тесно связана с тактикой, которая нацелена на реализацию выработанной стратегии. Несмотря на существенные отличия, стратегия и тактика имеют общие черты, которые применимы при управлении стратегическим развитием в моногородах, а именно: заранее определяется цель стратегического развития и способы её достижения; чёткость в формулировании управленческих решений по производственным и инновационным проектам; прослеживается иерархичность управления процессами предприятия; скоординированность действий всех подразделений, участвующих в реализации управленческих решений; существуют контроль и координация реализации стратегических и тактических решений.

Стратегия и тактика развития промышленного предприятия отличаются по формам и методам ведения, но основаны на одинаковых принципах и образуют единый механизм, способствующий развитию предприятия. Сочетание нескольких подходов к исследованию проблемы стратегического развития позволяет наилучшим образом определить его особенности, учесть отдельные аспекты развития и определить приоритеты разработки стратегии.

Возникновение в структуре российской экономики моногородов является специфичным для России способом адаптации размещения производительных сил к особым климатическим и географическим условиям страны. При этом ряд предпосылок такого устройства хозяйственной деятельности сохраняется и даже усиливается в настоящее время в силу повышения экономических барьеров, препятствующих миграции населения из региона в регион. Этот факт приводит к тому, что при формировании стратегии развития градообразующего предприятия руководство должно учитывать интересы не только компании, но и субъектов муниципальной территории.

Исследование условий и специфики деятельности предприятий, расположенных в малых городах и поселках городского типа, позволило установить усиление роли градообразующих предприятий в формировании доходов местных бюджетов и в решении социальных проблем территории. Повышение эффективности, а следовательно, и конкурентоспособности градообразующего предприятия становится важнейшим фактором развития экономики муниципального образования.

Условием успешной деятельности градообразующего предприятия отраслевого промышленного комплекса в рыночной экономике становится хорошо продуманная стратегия развития и управления. Необходимость повышения степени адаптации предприятий к внешним изменениям заставляет совершенствовать стратегический менеджмент, использовать новые типы и методы стратегического планирования.

В настоящее время сложились основные методологические подходы и концепции формирования эффективной системы стратегического управления градообразующими предприятиями в моногородах, предназначенные для различных видов предприятий, отражающие разные состояния и этапы жизненного цикла предприятия и рынка, характеризующие отдельные стадии развития с стратегического процесса.

Монопрофильность усиливает зависимость от стадии жизненного цикла градообразующей отрасли и увеличивает риски функционирования промышленного моногорода и целого региона, развитие которых тесно связано с текущей конъюнктурой в данной отрасли промышленности, поскольку формируется прямая связь между положением дел в отрасли и благополучием населения.

Комплексные преобразования экономики могут послужить импульсом к стратегическому развитию промышленного моногорода, а именно поиск инновационных конкурентоспособных направлений для расширения имеющейся специализации обеспечит выполнение стратегических целей модернизации экономики промышленного моногорода и формирования механизма их реализации.

Структурная перестройка промышленных моногородов как неотъемлемых элементов национальной экономики является необходимым условием для диверсификации существующего производственного потенциала в условиях глобализации мировой экономики.

Список литературы

1. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 358 с.
2. Минцберг Г., Альстранд Б., Лампель Ж. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента: пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 367 с.
3. Глазьев С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С. Глазьев, Г. Фетисов // Экономист. – М., 2013. – № 1. – С. 3–13.
4. Карлик А.Е., Кондратьева А.В., Рохчин В.Е. Стратегическое планирование развития промышленности в пределах федеральных округов России: вопросы теории и методологии: [монография] / М-во образования и науки Рос. Федерации, С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 147 с.
5. Коротаяева Т.В., Жукова Т.Г. Анализ методов оценки конкурентоспособности регионов России // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. – № 5 (24), – сентябрь-октябрь.
6. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. – М.: Полюс, 2005. – 101 с.
7. Мальцева А.В., Махныткина О.В., Шилкина Н.Е. Многомерные классификационные модели в сравнительном анализе социально-структурной специфики регионов России // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. – № 6.
8. Шаламова Н.Г., Шевырёв А.В., Федотова М.А., Михеев В.А. Стратегическая аналитика в неравновесных социальных средах // Материалы Первой всероссийской конференции «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы». – М., 2014. – С. 166–174.

*Худякова Т.С.,
Дорошенко С.В.¹*

КРОСС-ПРОГРАММНЫЕ ЭФФЕКТЫ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *кросс-программные эффекты, государственные программы, малое и среднее предпринимательство, Свердловская область.*

Keywords: *cross-program effects, state programs, small and medium-sized entrepreneurship, Sverdlovsk region.*

Государственные программы, посвящённые различным сферам социально-экономического развития, включая поддержку малого и среднего предпринимательства (МСП), реализуются во всех регионах Российской Федерации. Полученные в той или иной социально-экономической сфере эффекты складываются из результатов реализации не только отдельно взятой государственной программы, но и являются результатом влияний других государственных программ, выполняемых в одном регионе. Такие эффекты авторы предлагают называть кросс-программными эффектами, вопросы выявления и оценки которых практически не изучены. В данной статье делается попытка выявления межпрограммных связей, формирующих кросс-программные эффекты в сфере МСП на примере Свердловской области.

Актуальность выявления межпрограммных связей отмечается в Методических указаниях по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утвержденных приказом Министерства экономического развития России № 582 от 16 сентября 2016 г., в которых говорится о необходимости выявления связей между основными мероприятиями одних государственных программ и целями и задачами иных государственных программ. Кроме того, в сводном годовом докладе Министерства экономического развития Российской Федерации, посвящённом ходу реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации по итогам 2017 года, также отмечается необходимость и намерение министерства проработать вопрос формирования системы оценки кросс-влияния государственных программ.

В научной среде также наблюдаются предпосылки анализа межпрограммных связей. Так, С.Н. Рукина и В.Н. Самодурова справедливо отмечают, что анализ эффективности бюджетных расходов должен учитывать оценку всей совокупности финансовых, административных и иных ресурсов². Такой подход возможен, если оценка эффективности государственных программ проводится с учётом совокупного взаимодействия ресурсов нескольких государственных программ. В исследованиях А.Г. Бреусовой указывается на необходимость корректировки государственных программ по содержанию и исследование возможностей удешевления государственных программ без потери результатов и качества³. Н.С. Шмиголь подчёркивает полезность сопоставления государственных программ между собой и проведения периодической переоценки возложенных на федеральные органы исполнительной власти функций и задач с целью выявления устаревших, дублирующих и неэффективных программ⁴. Более того, первые попытки выявления и оценки кросс-влияний государственных программ были предприняты несколько лет назад научным коллективом Института макроэкономических исследований (г. Москва)⁵. Основываясь на результатах ранее проведённых исследований, авторы придерживаются мнения, что в формировании кросс-программных эффектов участвуют связи между мероприятиями одной государственной программы и целями/задачами другой государственной программы. Наличие связей между государственными программами определяется методом контент-анализа действующих программных документов.

Согласно изложенному выше, для анализа кросс-программных эффектов в сфере развития МСП Свердловской области необходимо выявить связи, существующие между целями и задачами ключевой государственной программы, направленной на развитие МСП, и мероприятиями иных государственных программ, реализуемых в изучаемом субъекте Федерации.

¹ Худякова Татьяна Станиславовна – старший преподаватель кафедры управления качеством, Уральский государственный экономический университет.

Дорошенко Светлана Викторовна – д.э.н., заведующий сектором региональной предпринимательской политики, Институт экономики УрО РАН.

² Рукина С.Н., Самодурова В.Н. Методологические подходы к оценке эффективности бюджетных расходов, направленных на реализацию государственных программ // Учет и статистика. 2017. – № 1 (45). – С. 109–119.

³ Бреусова А. Г. Оценка эффективности государственных программ // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. – № 2. – С. 128–136.

⁴ Шмиголь Н.С. Повышение эффективности программного бюджетирования с учетом лучших зарубежных практик // Экономика. Налоги. Право. 2017. – № 5 – С. 114–125.

⁵ Оценка и определение кросс-влияния основных мероприятий и ведомственных целевых программ подпрограмм одних государственных программ РФ на цели и задачи других государственных программ РФ: прикладное экономическое исследование, ФБНУ «Институт макроэкономических исследований». 2013. – С. 15. – <http://programs.gov.ru/Portal/programs/documents>

Ключевой государственной программой, посвящённой развитию МСП в Свердловской области, является государственная программа «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года», в частности её подпрограмма «Импульс для предпринимательства». С помощью контент-анализа мероприятий всех реализуемых в регионе иных государственных программ были выявлены государственные программы Свердловской области и количество их мероприятий, оказывающих влияние на цели и задачи ключевой государственной программы. Все выявленные мероприятия были классифицированы по следующим группам, создающим эффекты развития МСП:

- 1) *финансовые*, включающие государственную поддержку предпринимателей в виде субсидий, возмещение части процентной ставки по кредитам, привлечение инвестиций;
- 2) *сбытовые*, включающие участие предпринимателей в выполнении работ, в том числе для государственных нужд Свердловской области, а также выставочно-ярмарочные мероприятия;
- 3) *иmuщественные*, включающие развитие материально-технической базы предпринимателей;
- 4) *инновационные*, включающие поддержку внедрения новых продуктов, услуг, процессов и освоения предпринимателями инновационных продукции и производств;
- 5) *инфраструктурные*, включающие создание объектов и сооружений, обеспечивающих условия для деятельности предпринимателей, а также развитие организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП;
- 6) *надзорные*, включающие проверки и ограничения деятельности предпринимателей;
- 7) *информационно-консультационные*, включающие обучающие мероприятия, информационное обеспечение, разработку методических рекомендаций для предпринимателей.

Распределение количества мероприятий государственных программ по перечисленным выше группам кросс-программных эффектов представлено в табл. 1.

Таблица 1

Государственные программы Свердловской области, влияющие на достижение цели и задач подпрограммы «Импульс для предпринимательства» государственной программы «Повышение инвестиционной привлекательности Свердловской области до 2024 года»

Наименование государственной программы (сокращённое)	Группы кросс-программных эффектов							Количество мероприятий государственной программы
	Финансовые	Надзорные	Инфраструктурные	Информационно-консультационные	Сбытовые	Имущественные	Инновационные	
1. Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка	16	3	6	2	1	2	1	31
2. Социальная поддержка и социальное обслуживание населения	12							12
3. Развитие промышленности и науки	5		1		2		3	11
4. Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий		2		1	3			6
5. Развитие жилищно-коммунального хозяйства и повышение энергетической эффективности	2			1				3
6. Осуществление регионального государственного жилищного и строительного надзора		2		1				3
7. Совершенствование механизмов осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд				1	2			3
8. Осуществление государственного регулирования цен (тарифов)		3						3
9. Совершенствование социально-экономической политики			3					3
10. Обеспечение эпизоотического и ветеринарно-санитарного благополучия		1		1				2
11. Содействие занятости населения	1			1				2
12. Охрана, надзор и регулирование использования животного мира		1		1				2
13. Повышение эффективности управления государственной собственностью						1		1
14. Развитие физической культуры, спорта и молодежной политики	1							1
15. Обеспечение рационального и безопасного природопользования						1		1
16. Развитие международных и внешнеэкономических связей					1			1
17. Реализация основных направлений государственной политики в строительном комплексе			1					1
Всего мероприятий:	37	12	11	9	9	4	4	86
%	43	14	13	10	10	5	5	100

Как видно из таблицы, в наибольшей степени по количеству мероприятий, оказывающих влияние на развитие МСП в Свердловской области, представлена группа финансовых кросс-программных эффектов – 43%. На втором месте, но со значительным отставанием от первой группы по количеству мероприятий, влияющих на сферу МСП, находится группа надзорных кросс-программных эффектов – 14%. Далее располагаются группы инфраструктурных (13%), информационно-консультационных (10%), сбытовых (10%), имущественных (5%) и инновационных (5%) кросс-программных эффектов.

Примечательно, что государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области до 2020 года» содержит наибольшее количество мероприятий, влияющих на развитие МСП в Свердловской области (36% мероприятий) и проявляется во всех сформированных группах кросс-программных эффектов. Остальные государственные программы содержат значительно меньше мероприятий, влияющих на достижение цели и задач ключевой государственной программы, и среди них нет ни одной государственной программы, представленной во всех группах кросс-программных эффектов. Вместе с тем, среди остальных государственных программ по количеству мероприятий, способствующих развитию МСП в Свердловской области, выделяются государственные программы «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Свердловской области до 2020 года» (14% мероприятий), «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» (13% мероприятий) и «Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий Свердловской области до 2024 года» (7% мероприятий).

По представленности в группах кросс-программных эффектов также выделяются государственные программы «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» (57% групп), «Развитие транспорта, дорожного хозяйства, связи и информационных технологий Свердловской области до 2024 года» (43% групп), остальные государственные программы охватывают от 14 до 28,5% групп кросс-программных эффектов.

Проведённый анализ показал, что кроме ключевой государственной программы, посвящённой развитию МСП, в формировании эффектов в изучаемой сфере участвуют 17 из 29 государственных программ Свердловской области, что составляет больше половины (59%) всех реализуемых в регионе государственных программ. Эти государственные программы формируют финансовые, надзорные, инфраструктурные, сбытовые, информационно-консультационные, имущественные и инновационные кросс-программные эффекты в сфере МСП Свердловской области. В наибольшей степени выражены финансовые кросс-программные эффекты, которые преимущественно создаются государственными программами по развитию агропромышленного комплекса и социальной поддержке населения. Примечательно, что надзорные кросс-программные эффекты, которые могут оказывать как отрицательное (сдерживающее), так и положительное (воспитательное) влияние на малый и средний бизнес, занимают второе место по выраженности видов кросс-программных эффектов. Исследование также позволило выявить сферы социально-экономического развития Свердловской области, которые посредством государственных программ вносят вклад в развитие МСП региона.

Результаты дальнейших исследований кросс-программных эффектов в сфере МСП будут способствовать повышению эффективности использования бюджетных средств и улучшению механизма стратегического планирования, что в современных условиях является важнейшей задачей для большинства российских регионов.

Шарафуллина Р.Р.

к.э.н., Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, г. Уфа

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Ключевые слова: стратегия развития, сельская территория, управление развитием.

Keywords: development strategy, rural area, development management.

Россия сильна регионами, поэтому благосостояние регионов – важнейший социально-экономический ориентир модернизации, инновационного и научно-технологического развития страны. В этой связи актуален вопрос инновационного и научно-технологического развития в субъектах РФ. Кроме того, модернизация сельских территорий – ключевая задача социально-экономического развития. Рассмотрим законодательное обеспечение развития региональных сельских территорий.

Нормативными документами, определяющими общие принципы и подходы при разработке стратегий развития, являются: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Закон Республики Башкортостан от 27 февраля 2015 г. № 194-З «О стратегическом планировании в Республике Башкортостан».

Приоритеты развития и стратегические инициативы, заложенные в федеральных и республиканских программах документах следующие:

- Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года,
- ФЦП «Социальное развитие села» (2003-2013 годы),
- Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года,
- Среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан,
- Стратегический план развития агропромышленного комплекса Республики Башкортостан на 2016–2020 годы,
- Концепция развития сельскохозяйственной потребительской кооперации в Республике Башкортостан на период 2018–2020 годов,
- Концепция развития туристско-рекреационных кластеров в Республике Башкортостан до 2030 года и ряда других.

Постановлением от 31 мая 2019 г. № 696 утверждена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». Срок реализации – 2020–2025 годы.

Основные цели госпрограммы – сохранение доли сельского населения в общей численности населения России на уровне не менее 25,3%, достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%, повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населённых пунктах до 50%. В Программе планируется использовать проектный подход для учета потребности каждого конкретного населённого пункта. В программу заложены значительные средства – федеральные, внебюджетные средства и средства регионов. Общий объём финансирования госпрограммы комплексного развития сельских территорий в 2020–2025 годах составляет 2,288 трлн. рублей. В том числе из средств федерального бюджета – 1,061 трлн. рублей, внебюджетные источники – 1,053 трлн. рублей, консолидированные бюджеты субъектов – 174 млрд. рублей. При этом на первый год реализации госпрограммы запланировано 228 млрд. рублей финансирования, в том числе средства федерального бюджета – 79,2 млрд. рублей, внебюджетные источники – 132,9 млрд. рублей, консолидированные бюджеты субъектов – 16,4 млрд. рублей. Реализация госпрограммы также будет способствовать увеличению частных инвестиций в основной капитал и повышению до 25% их доли в валовом внутреннем продукте.

Госпрограмма состоит из проектной и процессной частей. В проектную часть госпрограммы включены пять ведомственных проектов: «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений», «Содействие занятости сельского населения», «Развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях», «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях», «Благоустройство сельских территорий».

К процессной части госпрограммы отнесены три ведомственные целевые программы: «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий», «Аналитическая и информационная поддержка комплексного развития сельских территорий», «Современный облик сельских территорий».

В госпрограмму включена информация по опережающему развитию приоритетных территорий – субъектов Федерации, входящих в Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, Республики Крым, Севастополя,

Калининградской области, субъектов Федерации, отдельные территории которых входят в состав Арктической зоны России.

Достижение поставленных целей будет способствовать серьёзному повышению качества жизни на селе. Для этого должны быть решены следующие задачи:

- Снижение уровня сельской бедности. Содействие в повышении уровня занятости сельского населения, гарантирующей повышение доходов, включая альтернативные сельскому хозяйству виды деятельности.
- Создание комфортных и экологически благоприятных условий проживания на сельских территориях.
- Обеспечение транспортной доступности сельских населённых пунктов.
- Доведение до современного уровня инженерной, социальной инфраструктуры сельских территорий.
- Повышение доступности госуслуг.
- Вторичное освоение сельских территорий, в том числе предполагающее создание привлекательных условий для переселения горожан, а также соотечественников из-за рубежа.

Кроме того, решение основных задач возможно при развитии телекоммуникационной инфраструктуры. В этой связи одной из дополнительных целей госпрограммы является доведение уровня доступности сети Интернет до 95% для всех сельских населённых пунктов.

Достижение указанных целей и задач будет реализовываться с учётом основных принципов госпрограммы. Во-первых, местное население является главным выгодоприобретателем программных мероприятий и проектов. Во-вторых, госпрограмма направлена на развитие территорий, где работают предприятия всех сфер экономики, а не только отрасли АПК. В-третьих, наличие рабочих мест, как уже созданных, так и планируемых к созданию, является основным критерием отбора территорий для реализации мероприятий в рамках госпрограммы. И наконец, ещё один главный принцип: полный учёт внешних положительных и отрицательных эффектов от реализуемых проектов. Это означает, что непосредственно в ходе реализации госпрограммы мы будем анализировать эффект проводимых мероприятий, выявлять проблемные вопросы и оперативно принимать меры по их решению.

В первую очередь структура программы предусматривает реализацию ведомственных проектов и ведомственных целевых программ по отдельным направлениям, обеспечивающим комплексное развитие сельских территорий. Первоочередным действием является проведение детального анализа состояния сельских территорий, предусмотренного в рамках ведомственной целевой программы в рамках госпрограммы «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий». Его результаты позволят провести типологизацию территорий, на основе которой будет разработан стандарт качества жизни, определяющий необходимый для комфортного проживания набор инфраструктурных объектов и услуг.

Кроме того, предполагается разработка критериев размещения объектов социальной, и инженерной, транспортной инфраструктуры на сельских территориях, обеспечивающих принцип комплексности развития сельских территорий. Также запланирована актуализация действующих отраслевых стандартов государственных услуг и ведения деятельности на сельских территориях. Работа в данном направлении будет проводиться совместно с профильными министерствами на протяжении всего периода реализации госпрограммы.

Одной из ключевых задач, предусмотренных госпрограммой, является активизация участия сельского населения в вопросах определения направлений развития сельских территорий и принятия соответствующих решений. В целях решения обозначенной задачи предусматривается комплекс мероприятий, включённых в ведомственную целевую программу «Информационно-методическое обеспечение комплексного развития сельских территорий», включающих обучение и информационные мероприятия.

Следующим ключевым направлением госпрограммы является проект «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домохозяйств». Данный проект предполагает реализацию механизма льготной сельской ипотеки на приобретение либо строительство жилья по ставке от 0,1 до 3% годовых. Предполагается, что со стороны федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» будут возмещаться недополученные доходы в размере ключевой ставки Центробанка. Кроме того, предусматривается участие субъектов в софинансировании данного мероприятия, что позволит дополнительно сократить расходы сельских жителей на обслуживание ипотечных кредитов. Однако здесь важно обеспечить эффективное взаимодействие не только с кредитными организациями, но и с Центральным банком России.

Следующий ведомственный проект – «Благоустройство сельских территорий». Он призван решать ключевые вопросы по созданию комфортной среды проживания, в том числе – проекты по созданию и обустройству детских игровых площадок, организации освещения территории, восстановлению природных ландшафтов и историко-культурных памятников и многое другое.

Планируется, что до 2025 года включительно будет реализовано не менее 42 тыс. таких проектов. Этой работой будет охвачено более 30% от общего числа сельских территорий.

Для решения вопроса по содействию занятости населения и привлечению кадров, а также в целях увеличения числа рабочих мест во внебюджетном секторе экономики и в сегменте МСП разработан ещё один ведомственный проект – «Содействие занятости сельского населения». Он предусматривает господдержку будущих специалистов при их целевом обучении по ученическим договорам, а также студентов, проходящих производственную практику. Что немаловажно для создания нового бизнеса, а значит, и новых рабочих мест, в проекте предусмотрено льготное кредитование создания, подключения объектов к инженерной и транспортной инфраструктуре. Данная мера господдержки будет доступна для организаций всех отраслей экономики, ведущих свою деятельность на сельских территориях, и направлена на повышение их инвестиционной активности. В целом реализация данного проекта совместно с про-

граммами развития отдельных отраслей экономики будет способствовать достижению уровня занятости сельского населения трудоспособного возраста до 80%, а также снижению уровня безработицы до 5,7%.

Ведомственный проект «Развитие инженерной и транспортной инфраструктуры на сельских территориях» предусматривает завершение в 2020–2021 годах строительства и ввод в эксплуатацию объектов, реализация которых была начата в рамках ВЦП «Устойчивое развитие сельских территорий». Речь в том числе идёт о следующих мероприятиях: «Развитие газификации в сельской местности», «Развитие водоснабжения в сельской местности», «Реализация проектов комплексного обустройства площадок под компактную жилищную застройку в сельской местности». Кроме того, в рамках данного проекта продолжится реализация мероприятия «Развитие сети автомобильных дорог, ведущих к общественно значимым объектам сельских населённых пунктов, объектам производства и переработки сельскохозяйственной продукции». Согласно комплексному плану модернизации и расширения магистральной инфраструктуры планируется расширить важнейшие транспортные магистрали, сформировать более современную логистическую инфраструктуру, которая обеспечит транзит и экспорт, т.е. морские и воздушные порты, автомобильные и железные дороги, чтобы регионы были связаны единой транспортной сетью. Налаженная транспортная инфраструктура – это ещё и возможности для развития бизнеса и торговли, наращивания межрегиональных связей.

Кроме того, реализация ведомственной целевой программы «Современный облик сельских территорий» предусматривает применение проектного подхода для решения на сельских территориях экономических, социальных и экологических задач. Целесообразность этого подхода обусловлена особенностями территорий и необходимостью выработки локальных инструментов для повышения уровня и качества жизни населения; необходимостью повысить инициативность местного населения и предпринимательского сообщества; высоким уровнем затрат для решения накопившихся проблем села, делающим невозможным их решение без средств господдержки. Принимая во внимание значительную капиталоемкость проектов, программа предусматривает механизм предоставления средств федерального бюджета бюджетам субъектов с привлечением внебюджетных источников. При этом софинансирование со стороны региональных бюджетов пока предлагается установить в размере не более 5%.

Отличительной особенностью госпрограммы комплексного развития сельских территорий является инициативный характер заявляемых проектов, что предполагает активное участие населения, предпринимательского сообщества, а также органов местного самоуправления в определении направлений реализации проектов. В рамках этой работы были проанализированы 133 тыс. сельских населённых пунктов, где проживает более 37 миллионов человек. Исследование велось по основным направлениям, определяющим уровень комфорта жизнедеятельности сельского населения. В первую очередь это доступность социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры, а также оценка состояния жилищных условий. Новая амбициозная цель – увеличить объём экспорта продукции нашего аграрного сектора до 45 млрд. долларов к 2024 году, то есть увеличить его более чем в два раза.

Минсельхоз России разработал методику отбора проектов комплексного развития сельских территорий путём их предварительного рассмотрения на уровне субъектов. Методика исключает возможность дублирования мероприятий, реализуемых различными ФОИВ и органами государственной власти субъектов.

Важно сказать, что проекты развития сельских территорий должны обеспечивать достижение целевых показателей, установленных госпрограммой, ориентироваться на документы стратегического планирования Российской Федерации, а также предусматривать возможность применения инновационных и технологичных решений. Все субъекты Федерации подтвердили готовность участия в мероприятиях госпрограммы и прорабатывают соответствующие региональные программы.

Для достижения поставленной цели в муниципальных образованиях Республики Башкортостан необходимо решить следующие задачи:

- комплексный анализ современного уровня социально-экономического развития и выявление потенциала, внутренних и внешних возможностей, угроз;

- разработка и обоснование приоритетов, конкретных мероприятий и проектов по стратегическим направлениям «Человеческий капитал», «Реальный сектор экономики», «Пространственное развитие» и «Муниципальное управление и финансы»;

- определение направлений, инструментов, механизмов и сроков реализации задач.

I этап предусматривает:

- разработку основных инструментов и механизмов реализации задач;

- интеграцию документов стратегического планирования, формирование программы развития ключевых направлений;

- разработку механизмов межмуниципального взаимодействия северо-восточных районов республики, создание институтов развития территории;

- разработку мастер-планов и бизнес-планов приоритетных проектов развития районов (инвестиционных, социальных, инфраструктурных) и новых инвестиционных проектов;

- привлечение человеческих (профессиональных) и финансовых (бюджетных/частных) ресурсов на территорию;

- начало реализации инвестиционной фазы приоритетных проектов.

II этап реализации предусматривает внедрение разработанных на предыдущем этапе проектов и включает:

- укрепление межмуниципального взаимодействия, направленного в т.ч. на продвижение территориального продукта северо-восточного субрегиона,

- завершение инвестиционной фазы и запуск эксплуатационной фазы приоритетных проектов, отладку и тиражирование технологий;

- наращивание образовательно-компетентностного капитала территории, вовлечение местного населения в социально-экономические процессы района;
- рост производительности труда в приоритетных отраслях экономики;
- повышение конкурентоспособности агропромышленного и лесопромышленного комплекса, туризма;
- укрепление пространственного каркаса района.

III этап реализации предусматривает завершение намеченных в ней экономических и социальных преобразований, переход к инновационному типу экономического роста:

- переход к опережающему росту территории, основанному на принципах «зеленой экономики»;
- развитие человеческого потенциала, улучшение социально-демографических показателей района;
- повышение привлекательности и узнаваемости территории, создание комфортной среды для проживания и ведения бизнеса, активное развитие малых форм хозяйствования;
- достижение целевых ориентиров.

Комплексное управление реализацией Стратегией осуществляет Координационный совет по стратегическому планированию под председательством главы муниципальной администрации (рис. 1).

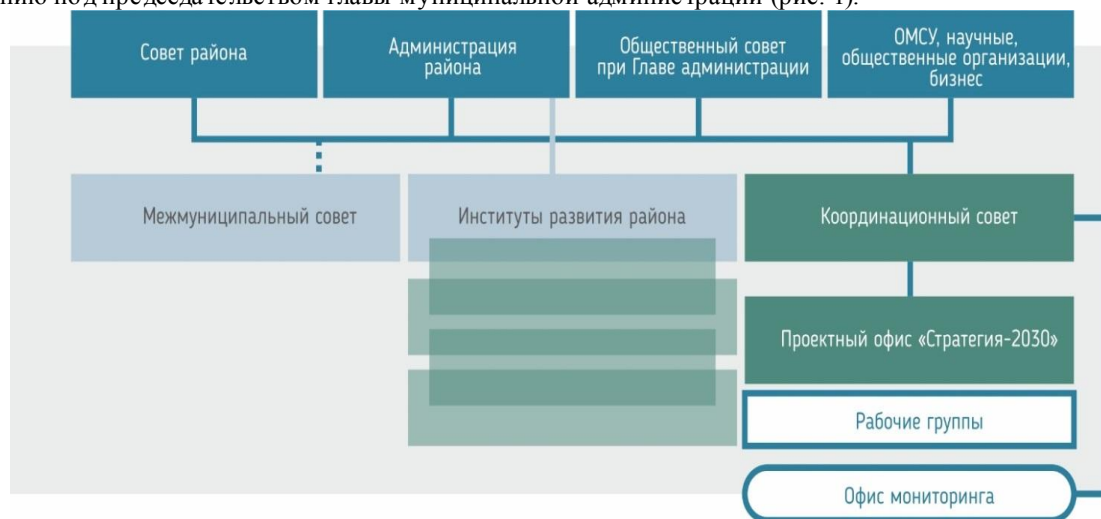

Рисунок 1.
Организационная структура управления реализацией стратегии

В состав координационного совета входят: представители администрации муниципального района; депутаты Совета муниципального района; представители сельских поселений; представители объединений профсоюзов и работодателей; представители общественных, научных, образовательных и иных организаций; руководители наиболее значимых хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на территории муниципального района.

Рассмотрим механизмы реализации.

Программно-целевой метод управления предполагает использование комплекса инструментов и механизмов, ориентированных для достижения определенных стратегическими проектами (портфелями проектов) целей и задач — проектного метода.

Особое место в механизме реализации стратегии занимает применение программно-целевого метода управления. Важнейшим инструментом воздействия на комплексное развитие муниципалитета является разработка и реализация муниципальных программ. В рамках стратегического управления предполагается приведение муниципальных программ в соответствие с приоритетами развития, целями и задачами, обозначенными в Стратегии.

Проектные роли участвующих в управлении Стратегией субъектов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ролей участников в процессе управления реализацией Стратегии

Участник	Роль
Администрация района	Субъект, ответственный за комплексное управление реализацией стратегии.
Совет района	Утверждение стратегического плана.
Координационный совет	Рассмотрение хода реализации стратегических проектов и корректировок в стратегический план, координация участников реализации Стратегии.
Общественный совет	Общественная экспертиза инициатив, общественный контроль реализации стратегии, выработка предложений и рекомендаций в сфере экономической и социальной политики.
Проектный офис	Оперативный штаб: анализ выполнения стратегического плана, разработка предложений и корректировок по реализации стратегических инициатив, участие в реализации стратегических проектов.
Офис мониторинга (Отдел экономики Администрации)	Мониторинг достижения целевых показателей и исполнения мероприятий стратегического плана.
Институты развития	Хозяйствующие субъекты с муниципальным участием: территориальный маркетинг, развитие производственных кластеров, кадровое обеспечение приоритетных отраслей.
Межмуниципальный совет	Стратегический межмуниципальный орган: утверждение межмуниципальных программ, рассмотрение хода реализации межмуниципальных проектов.

Рассмотрим организационно-управленческое обеспечение. Система управления реализацией Стратегии предполагает организационно-ролевую структуру, построенную на принципах проектного менеджмента. Гибкость, возможность адекватно реагировать на изменения среды и, вместе с тем, жесткая целеориентированность – эти принципы определяют основные процессы управления и разграничивают зоны ответственности, границы полномочий.

Унифицированные подходы проектного управления являются основой эффективного взаимодействия на межведомственном и межмуниципальном уровне при реализации локальных стратегических проектов (Постановление Правительства Республики Башкортостан от 14 ноября 2016 г. № 484 «О проектном управлении в Республике Башкортостан»).

Целеориентированность проектного метода управления позволяет привлечь к реализации негосударственный сектор: отраслевые ассоциации, объединения предпринимателей и хозяйствующих субъектов, общественные организации, политические партии, а также население муниципалитета.

В целом, внедрение механизмов проектного управления в практику муниципалитета позволяет повысить качество достигаемых результатов, сокращает сроки реализации, обеспечивает прозрачность, обоснованность и своевременность принимаемых решений.

Нормативно-правовое обеспечение является основным механизмом реализации стратегии, в рамках которого разрабатываются и утверждаются планы мероприятий в соответствии с действующим законодательством, определяются цели и задачи, мероприятия, обеспечивающие достижение стратегических и целевых ориентиров, ответственные исполнители, объемы финансирования, сроки и этапы выполнения мероприятий.

Муниципальные образования Республики Башкортостан должны стать конкурентоспособными, передовыми по уровню социально-экономического развития с высоким качеством жизни людей, проживающих на этих территориях.

Список источников

1. Заседание Правительственной комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий 21 мая 2019. – <http://government.ru/news/36712/#patrushev>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации. – <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf>
3. Утверждена государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» 4 июня 2019. – <http://government.ru/docs/36905/>

Щербакова С.А.

к.геогр.н., доцент, Смоленский государственный университет
sollos@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ И КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТУРИСТСКОГО КЛАСТЕРА СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА¹

Ключевые слова: подготовка кадров, кадровое обеспечение, туризм, туристский кластер, кластерный подход, региональное развитие, Смоленская область.

Keywords: personnel training, staffing, tourism, tourist cluster, cluster approach, regional development, Smolensk region.

Повышенное внимание к туризму в современных условиях, как к стратегически значимой отрасли, со стороны руководства государства стимулирует интерес потенциальных инвесторов, ученых, занимающихся исследованиями феномена туризма, маркетологов, экономистов и других специалистов смежных отраслей. Как следствие – рост популярности туристских направлений подготовки в высшем профессиональном образовании [1, с. 80; 2, с. 30].

Туристский кластер в настоящее время достаточно активно используется в практике как инструмент территориальной организации туризма. Вместе с тем, своеобразная «мода» на кластеры высветила проблему несовершенной системы подготовки квалифицированных кадров для сферы туризма, что в итоге приводит к дополнительным материальным издержкам и недостаточно эффективному использованию туристско-рекреационного потенциала. Более того, в административных структурах регионального уровня остро ощущается дефицит знаний по вопросам грамотного управления туристским кластером, созданным в регионе.

На сегодняшний момент к числу основных проблем, преодолеваемых в рамках развития большинства туристских кластеров в Российской Федерации, следует отнести заметный дефицит квалифицированных кадров, вызванный несоответствием содержания и качества образовательных программ учреждений высшего образования потребностям региональной экономики, а также неразвитостью механизмов непрерывного и дополнительного образования.

По мнению экспертов, в регионах потребности туристско-гостиничного бизнеса обеспечиваются персоналом с высшим образованием только на 55%, и в большей степени это касается именно менеджеров по продажам [4, с. 18]. Если раньше на региональном рынке труда предложение едва ли не превышало спрос, то сейчас, в связи с произошедшими изменениями в структуре трудовой занятости, найти сотрудника для индустрии туризма даже без опыта работы, становится все сложнее. Умные, перспективные молодые специалисты, имея образование в сфере туризма и гостеприимства, идут работать в более высокооплачиваемые отрасли или уезжают в столичный регион.

Возможный выход из сложившейся ситуации – подготовка специалистов силами самого туристского кластера в кооперации с туристским бизнесом. В Методических рекомендациях по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19) указано, что обеспечение формирования благоприятных условий развития кластеров возможно только при повышении эффективности системы профессионального образования через сотрудничество между предприятиями сферы туризма и образовательными организациями [9].

Для решения задачи «Развитие отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов и индустрии туризма, формирующих кадровый потенциал для комплексного решения проблем качества туристских услуг» в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.) и Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» (далее – Концепция) разработан ряд мероприятий, направленных на повышение качества услуг внутреннего и въездного туризма [7, 8] (табл. 1).

Итак, важной составляющей туристского кластера является образовательный блок, предусматривающий комплексную систему подготовки кадров для всех сфер туристской индустрии.

Жизнеспособность туристского кластера находится в непосредственной связи с уровнем интеллекта и способностями человеческого капитала. От профессионализма туристских специалистов зависит качество туристского продукта, рациональная организация менеджмента, эффективность маркетинговых исследований и др. Для решения кадровой проблемы следует осуществить комплекс концептуальных мер, и тогда региональный туризм сможет реализовать свой потенциал.

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-05-00231 «Пространственная организация высшей школы и региональное развитие: из прошлого в будущее».

Сравнительная характеристика направлений и мероприятий по подготовке квалифицированных кадров для сферы туризма, разработанные в основных федеральных документах по развитию туризма и реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации

Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации	Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)»
Совместная реализация кластером и предприятиями сферы туризма* образовательных программ (материально-техническое, технологическое и кадровое обеспечение в части целевой подготовки)	Развитие методического и программного обеспечения отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма, в том числе технологического обеспечения развития туристской отрасли, посредством научно-методического, научно-практического и кадрового обеспечения деятельности по реализации приоритетов развития внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на основе образовательных и научных учреждений отрасли
Совместная разработка кластером и предприятиями сферы туризма* образовательных программ основного и дополнительного профессионального образования, а также реализация специализированных образовательных программ по вопросам разработки и реализации кластерной политики на региональном и муниципальном уровнях	Реализация программ подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма
Общественно-профессиональная аккредитация и оценка качества содержания образовательных программ в интересах развития кластера, в т.ч. туристского*	Реализация комплекса мероприятий в области повышения профессионального мастерства и внедрения стандартов туристско-рекреационного обслуживания
Мониторинг и прогнозирование потребностей участников туристского кластера в специализированных человеческих ресурсах и планирование, участие в разработке государственного задания на подготовку специалистов	Реализация программ повышения квалификации специалистов индустрии туризма, в том числе в контексте адаптации персонала к специальным требованиям по формированию комфортной среды пребывания для туристов с особыми культурными и религиозными потребностями
Организация стажировок и производственной практики на предприятиях кластера, в т.ч. туристского (примечание автора)	Работа по развитию методического и программного обеспечения отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма посредством тьюторского сопровождения квалификации персонала объектов туристской инфраструктуры

Смоленская область традиционно относится к регионам, для которых характерен не достаточно развитый уровень туристского комплекса. В Смоленской области в 2017 г. было принято решения о формировании «Туристского кластера», назначен координатор кластера, разработана и утверждена «Стратегия развития туристского кластера Смоленской области на 2017–2020 годы», а также получена поддержка, в том числе и финансовая, в рамках программы Минэкономразвития РФ по развитию малого и среднего предпринимательства [10].

Стратегическая цель туристского кластера Смоленского региона – создание на основе кластерного подхода на территории Смоленской области конкурентоспособной высокоразвитой туристской индустрии, располагающей значительным потенциалом и способностью удовлетворять разнообразные потребности российских и иностранных граждан в туристских услугах, а также обеспечивающей значительный вклад в социально-экономическое развитие Смоленской области.

Как известно, туристский кластер – это открытая система, институциональная структура, добровольное объединение взаимодействующих местных органов власти, общественных организаций, предпринимательских структур, образовательных и научных учреждений, предприятий и организаций сферы туризма и других отраслей, компактно расположенных на определенной территории, заинтересованных в обслуживании посетителей, производстве услуг и товаров для удовлетворения их потребностей. Синергия взаимодействия участников кластера приводит к повышению эффективности функционирования системы в целом и ее отдельных элементов, способствует укреплению конкурентоспособности территории.

Кластер воплощает в жизнь реальный механизм партнерства, сотрудничества и взаимодействия всех заинтересованных участников в проведении совместной деятельности, организация которой отличается от традиционных производственных отношений.

Классическая структура туристского кластера включает в себя ядро, основу кластера (первый уровень) и периферию кластера (второй уровень) [6, с. 79] (рис. 1).

В ядро кластера входят туроператоры, к основным задачам которых относятся: формирование привлекательных туристских продуктов, соответствующих потребностям разных категорий туристов, а также продвижение и реализация турпродуктов, поддержание качества обслуживания. Именно эти ключевые предприятия туристского кластера реализуют наибольшую долю туристских услуг.

Основа кластера (первый уровень) – предприятия, обеспечивающие туристам транспортное обслуживание, питание, гостиничное обслуживание, отдых, лечение и развлечения. Эти услуги составляют суть туристского продукта и без данных предприятий существование кластера невозможно.

Рисунок 1.
Классическая структура туристского кластера

Выделяются организации, оказывающие сопутствующие услуги, а также поддерживающие (обслуживающие) туристскую индустрию – **периферия кластера (второй уровень)**. К ним относятся: предприятия бытового обслуживания, проката, выставочные комплексы, компании, выпускающие сувениры, страховые организации, финансовые организации, предприятия розничной торговли и др. Особо выделяются услуги *по подготовке и переподготовке кадров индустрии туризма, повышению квалификации работников сферы туризма и гостеприимства*.

По состоянию на 2019 г. в состав туристского кластера Смоленской области вошли 30 участников, из них: туристские компании (6 участников), средства размещения (10 участников), предприятия общественного питания (3 участника), предприятия, предоставляющие специализированные услуги (4 участника), государственные и общественные организации (5 участников), образовательные организации (2 участника).

В настоящее время в Смоленской области подготовка кадров по программам высшего образования для сферы туризма осуществляется в следующих вузах региона:

- ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (программа бакалавриата 43.03.02 «Туризм», магистерская программа 05.04.02 «География», направленность профиль «Страноведение и международный туризм», профессиональная переподготовка по программе «Экскурсионная деятельность»);

- ФГБОУ ВО «Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» (программы бакалаврит 43.03.02 «Туризм» и 49.03.03 «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм» и магистерская программа 43.04.02 «Туризм»);

- ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств» (программа бакалавриата 51.03.04 «Музеология и охрана объектов природного и культурного наследия», направленность (профиль) «Культурный туризм и экскурсионная деятельность»).

Выпускники региональных учебных заведения на сегодняшний момент не покрывают дефицита кадров для туристской индустрии в Смоленской области. Для сферы туризма Смоленской области необходимы профессиональные кадры для работы в туроператорских компаниях, турагентствах, как правило, – это менеджеры, специалисты для разных отделов. Большая потребность на региональном рынке туризма ощущается в квалифицированных экскурсоводах и гидах на иностранных языках. Для гостиничных и ресторанных предприятий нужны узкоспециализированные кадры для отдельных служб. Слабой стороной туристского образования в регионе является недостаточная практическая подготовка выпускников [5, с. 147].

Стоит обратить внимание на отсутствие в регионе программы по подготовке и переподготовке кадров для административных структур по программе государственного и муниципального управления в сфере туризма.

Также необходимо разработать образовательную программу для дополнительного образования по реализации кластерной политики в сфере туризма. Для этого актуально и целесообразно составить типовые программы подготовки и переподготовки по основным направлениям реализации кластерной политики в сфере туризма, целью которых является создание широкомасштабной, единой по своим принципам системы передачи знаний, умений и навыков, необходимых для достижения целей кластерной политики. Эта система позволит в первоочередном порядке подготовить организаторов, экспертов и иных участников проектов по развитию туристского кластера.

Для решения этой задачи в рамках Концепции разработан следующий механизм – за счет средств федерального бюджета будет совершенствоваться база методического и программного обеспечения отраслевой системы подготовки и повышения квалификации специалистов индустрии туризма, формироваться актив тьюторского сопровождения кластеров, а к реализации непосредственно программ повышения квалификации и профессиональной адаптации персонала вне рамок мероприятий Концепции будут привлечены субъекты Российской Федерации и представители туристской индустрии (на принципах организационного участия и софинансирования).

В Смоленской области остаются нерешенными проблемы, связанные с качеством подготовки кадров для сферы туризма:

1. При нехватке квалифицированных кадров для туристской индустрии имеет место невостребованность выпускников смоленских вузов из-за отсутствия у них практических навыков и должных знаний по конкретным направлениям, отмечается чрезмерная академичность профильного высшего образования при недостатке необходимых компетенций;

2. В учебный процесс мало привлекаются наиболее подготовленные работники туристской индустрии к проведению мастер-классов, чтению лекций и проведению семинаров, к участию в научно-практических конференциях, научных исследованиях по проблемам туризма, к руководству различного вида практик на предприятиях туризма [3, с. 18];

3. Возрастает потребность региональных высших учебных заведений в освоении инновационных технологий профессионального образования, внедрении методов и средств дистанционного обучения;

4. Программы переподготовки и повышения квалификации, реализуемые в системе профессионального туристского образования, как правило, не дают слушателям необходимых современных практических профессиональных знаний и навыков, носят формальный характер, в должной степени не связаны с программами корпоративного обучения кадров, существующими на предприятиях туристской индустрии.

Для решения кадровых проблем для туристского кластера Смоленской области предлагаем реализовать следующие меры:

– постоянно проводить курсы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для сферы туризма в зависимости от туристской специализации региона и улучшать качество их организации.

– совершенствовать научно-методическую базу туристского образования, а именно, улучшать качество учебных программ, содержание научно-учебной литературы, использовать опыт мировых лидеров образования в технологиях обучения, внедрять современные методы обучения;

– проводить маркетинговый анализ регионального туристского рынка для выявления потребностей рынка в специалистах;

– внедрять принципы системы сертификации качества туристского образования;

– организовывать стажировки в зарубежных учебных заведениях в мировых туристских центрах, турфирмах и других организациях туристской сферы;

В Программе развития туристского кластера Смоленской области на 2018–2020 гг. выделены 4 раздела, в каждом из которых указаны приоритетные направления развития региональной туристской индустрии (рис. 2):

• Раздел 1: научно-исследовательский;

• Раздел 2: маркетинг;

• Раздел 3: качество;

• Раздел 4: инвестиционные проекты.

Более подробно рассмотрим раздел 3 «Качество», задачей которого является повышение качества и конкурентоспособности туристского продукта Смоленской области на «внутрирегиональном» и внутреннем рынке.

Направления:

– внедрение стандартов;

– оценка качества (аттестация, сертификация и классификация);

– подготовка и повышения квалификации кадров.

Возможные мероприятия:

1. Мероприятия по расширению объемов и повышению качества подготовки специалистов по программам среднего, высшего и дополнительного профессионального образования, региональных учреждениях высшего образования с последующим трудоустройством на предприятиях и организациях-участниках кластера.

2. Мероприятия по развитию системы непрерывного образования, переподготовки и повышению квалификации кадров предприятий и организаций-участников кластера, привлечение коммерческих образовательных организаций, образовательных учреждений-участников кластера.

3. Мероприятия по развитию организационных механизмов кооперации участников кластера в сфере образования, включая создание базовых кафедр в вузах, организация и проведение стажировок и др.

Все мероприятия данного раздела целесообразно сконцентрировать в рамках одного большого проекта «Академия профессионального гостеприимства», в рамках которого предусмотрена организация двух проектно-аналитических площадок:

1. «Лаборатория профессионального гостеприимства», которая нацелена на развитие и повышение качества оказываемых услуг в сфере туристской индустрии региона;

2. «Клуб экскурсоводов и туроператоров», который ставит целью повышение качества и конкурентоспособности туристских продуктов Смоленской области.

Рисунок 2.
Основные разделы и направления мероприятий Программы развития туристского кластера Смоленской области на 2018–2020 гг.

Основные задачи, целевая аудитория и ожидаемые результаты деятельности данных площадок перечислены в табл. 2.

Таблица 2

Проектно-аналитические площадки, организованные в рамках проекта «Академия профессионального гостеприимства»

Площадка	Основные задачи	Целевая аудитория	Результаты
«Лаборатория профессионального гостеприимства»	– оказание образовательной и консультационной помощи предприятиям туристской индустрии; – исследование проблем развития и экономической эффективности предприятий туристской индустрии и разработка рекомендаций по повышению конкурентоспособности отрасли; – создание системы туристских ресурсов региона; – разработка и внедрение региональных стандартов в туристской сфере	Руководители и работники предприятий питания, торговли, транспорта, досуга и развлечений, гостиниц и иные средства размещения, мастера народных промыслов	– повышение уровня сервиса и гостеприимства на предприятиях туристской индустрии региона; – повышение взаимодействия и заинтересованности в развитии въездного туризма участников туристского кластера; – создание профессионального объединения
«Клуб экскурсоводов и туроператоров»	– обучение и дальнейшее развитие профессиональных компетенций целевой аудитории; – экспертиза, коррекция и стандартизация имеющихся маршрутов; – разработка, информационное наполнение и апробация новых турпродуктов; – создание системы и ассортиментной политики турпродуктов региона	Руководители и менеджеры турфирм, гиды и экскурсоводы	– повышение качества и конкурентоспособности туристских продуктов Смоленской области; – создание профессионального объединения «Клуб экскурсоводов и туроператоров Смоленской области»

Проектно-аналитическая деятельность в рамках данных площадок поможет сформировать две целевые группы для проведения образовательных программ и более продуктивно проработать вопросы проектно-аналитического направления по созданию субкластеров и турпродуктов.

Основные виды и тематические направления образовательной и проектно-аналитической деятельности, реализуемые в рамках проекта «Академия профессионального гостеприимства», перечислены в таблице 3.

**Основные виды и направления образовательной деятельности в рамках проекта
«Академия профессионального гостеприимства»**

Вид	Тематические направления
Образовательные программы	«Маркетинг территорий: идеи, инструменты, технологии»
	«Кластерный подход в развитии туристической индустрии»
	«Экскурсионные программы: инновационные подходы и стандарты»
	«Современные технологии маркетинга на предприятиях сферы туризма и развлечений»
	«Перспективные виды туризма: условия для развития, опыт регионов, идеи для бизнеса»
	«Разработка и развитие туристских продуктов: от идеи до бренда»
	«Особенности стратегического менеджмента на предприятиях туристической индустрии»
	«Актуальные проблемы правового регулирования туристско-рекреационной деятельности»
	«Инновационные подходы к региональному туроперейтингу»
Курсы повышения квалификации	«Концепция идеального отеля»
	«Концепция идеального ресторана»
	«Основы профессиональной деятельности экскурсовода»
	«Основы профессиональной деятельности гида-переводчика»
	«Управление деятельностью гостиничных предприятий» (руководитель)
Курсы переподготовки	«Организация деятельности гостиничных предприятий» (администратор)
	«Обслуживание и эксплуатация номерного фонда средств размещения» (горничная)
	«Организатор туризма»
	«Менеджмент организации»
	«Экскурсионная деятельность»

Итак, создание туристских кластеров возможно на принципах государственно-частного партнерства, а успешное функционирование и дальнейшее развитие не возможно без достаточного количества высококвалифицированных кадров разного уровня. В этой связи подготовка профессиональных кадров должна вестись синхронно с созданием объектов туризма и рекреации, отвечающих современным требованиям.

Потребность в удовлетворении кадрового спроса находит отражение в увеличении количества обучающихся, росте числа образовательных программ и курсов, предлагаемых учебными заведениями. Однако далеко не всегда результатом освоения данных программ является успешное решение реальных задач, стоящих перед туристским сектором, и уровень подготовки кадров часто не в состоянии удовлетворить требования рынка труда

Список литературы

1. Джанджугазова Е.А., Агамирова Е.В. Практикоориентированное обучение как ключевой фактор развития образования в сфере сервиса и туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. – № 1. – С. 80–83.
2. Джанджугазова Е.А. Туристское образование в контексте новых требований к формированию современного образовательного продукта высшей школы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2012. – № 3. – С. 30–38.
3. Дусенко С. В. О современных практикоориентированных подходах в организации переподготовки и повышении квалификации кадров в профильном туристском вузе // Туризм: право и экономика. 2013. – № 1. – С. 14–18.
4. Кружалин В.И., Кружалин К.В., Шабалина Н.В. Современное состояние туризма и вопросы кадрового обеспечения туристско-рекреационного комплекса Российской Федерации // Вестник Национальной академии туризма. 2016. – № 4. – С. 17–21.
5. Щербакова С.А. Современные проблемы развития туризма в регионах // Региональные исследования. 2011. – № 4 (34). – С. 146–148.
6. Щербакова С.А. Формирование модели туристского кластера Смоленской области: экономико-географический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2018. – № 1. – С. 77–85.
7. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 – 2018 годы)». – <https://www.russiatourism.ru>
8. Концепция федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883/18eb24005fd062573c142fb7f98769137ce7d974
9. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/
10. Стратегия развития туристского кластера Смоленской области на 2017 – 2020 годы. – <http://docs.cntd.ru/document/450328578>

**РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ежегодник

Выпуск 14

Часть 2

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Подписано к печати 02.09.2019 г. Формат 60×84/8
Усл. печ.л. 121,0 Уч.-изд.л. 101,8

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru